

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

(1859-1917)

*Всем потрудившимся на ниве
отечественной археологии
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

**THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL
COMMISSION
(1859–1917)**

TO THE 150TH ANNIVERSARY OF FOUNDATION

AT THE SOURCE OF THE NATIONAL
ARCHAEOLOGY AND PRESERVATION
OF THE CULTURAL HERITAGE

Edited by Evgeniy N. Nosov and Alexander E. Musin

SAINT-PETERSBURG
2009

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ (1859–1917)

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ

У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
АРХЕОЛОГИИ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ

Научный редактор-составитель А. Е. Мусин
Под общей редакцией члена-корреспондента РАН Е. Н. Носова

SAINT-PETERSBURG

2009

ББК 63.4 (2 Рос)

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин. Под общей ред. Е. Н. Носова. — СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2009

Рецензенты: д. и. н. Л. Б. Вишняцкий, д. и. н. М. Б. Свердлов

Редакционная коллегия: д. и. н. Г. В. Длужневская, д. и. н. А. Е. Мусин (науч. ред.-сост.), чл.-кор. РАН Е. Н. Носов (отв. ред.), к. и. н. И. Л. Тихонов

Глава I — к. и. н. М. В. Медведева, Л. М. Всевиов, д. и. н. А. Е. Мусин, к. и. н. И. Л. Тихонов

Глава II — д. и. н. Ю. А. Виноградов

Глава III — к. и. н. М. В. Вахтина

Глава IV — д. и. н. Ю. А. Виноградов, д. и. н. А. Е. Мусин

Глава V — к. и. н. Р. В. Стоянов

Глава VI — д. и. н. Н. И. Платонова, д. и. н. С. А. Васильев, д. и. н. А. Е. Мусин

Глава VII — д. и. н. Г. В. Длужневская, Н. А. Лазаревская

Глава VIII — к. и. н. О. В. Игнатьева, д. и. н. Н. Б. Крыласова, д. и. н. А. М. Белавин

Глава IX — В. Я. Стеганцева, к. и. н. М. Б. Рысин

Глава X — д. и. н. Г. В. Длужневская, к. и. н. Л. Б. Кирчо

Глава XI — д. и. н. Г. В. Длужневская, к. и. н. М. В. Медведева, д. и. н. Н. И. Платонова,
д. и. н. А. Е. Мусин

Глава XII — к. и. н. Д. Д. Елшин

Глава XIII — к. и. н. М. В. Медведева, д. и. н. А. Е. Мусин

Глава XIV — д. и. н. Н. И. Платонова, д. и. н. А. Е. Мусин

Биографии — к. и. н. И. Л. Тихонов

Перечень архивных материалов — Н. А. Белова

Подготовка иллюстративного материала — Т. А. Ершова

Указатели — д. и. н. А. Е. Мусин

Книга посвящена истории Императорской Археологической Комиссии, первого государственного археологического учреждения в России. Комиссия сыграла главную роль в становлении российской археологии как науки, в сложении теории и практики реставрации объектов культурного наследия и в формировании мер по охране памятников культуры в России XIX–начала XX в. В книге впервые систематически изложена и охарактеризована разносторонняя деятельность ИАК, даны биографии членов и сотрудников Комиссии, опубликован справочный материал по ее исследовательской деятельности. В богато иллюстрированном издании использованы уникальные фотографии из архива ИИМК РАН. Книга предназначена специалистам в области отечественной археологии и истории, историкам искусства и реставраторам, общественным и политическим деятелям, сотрудникам органов охраны памятников, студентам исторических специальностей, всем, интересующимся судьбой памятников культуры.

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

*Исследование и издание осуществлены при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 07–01–512а и № 09–01–16101д)*

ISBN 978–5–86007–606–8

© ИИМК РАН, 2009

© Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2009 г. исполнилось 150 лет со дня основания первого государственного археологического учреждения России — Императорской Археологической Комиссии, создание которой явилось закономерным итогом развития русской истории и культуры. Ни в коей мере не умаляя личных качеств, настойчивости и энтузиазма тех, кто стоял у ее истоков и способствовал ее становлению, гораздо более верно объяснить появление этой организации не чьей-либо индивидуальной прозорливостью, а общими потребностями российского общества в подобном учреждении. Середина и третья четверть XIX в. явились периодом великих реформ в России, которые затронули все население страны. Отсталое состояние экономики страны, военного дела, юридической структуры, общественного устройства по сравнению с ведущими европейскими державами стало особенно очевидно после проигранной Крымской войны. Вопиюще обидно проявилась в глазах нации вся гнилость и несовершенство существовавшей государственной системы и структур управления. Военное поражение заставило всех признать, будь это западники или славянофилы, что России требуется переустройство во всех сферах жизни, в том числе в отношении к человеку как личности и субъекту права, а не как к рабу, что и стало причиной отмены крепостничества. В обществе крепло сознание того, что народ и сама страна являются самобытными субъектами истории, со своим неповторимым прошлым, выдающимися памятниками истории и культуры. Одновременно росло понимание того, что национальные древности являются предметом гордости и требуют сохранения, изучения и бережного к ним отношения. Первоначальное зарождение интереса к российским древностям, разумеется, стало проявляться ранее и выразилось в создании первых археологических музеев, прежде всего на юге страны, образовании обществ любителей старины, но именно в середине столетия отношение к древностям изменилось кардинально. Появилось государственное учреждение, на которое была возложена ответственность за сбережение памятников отечественной истории и культуры, их собирание и пополнение этими древностями отечественных музеев, выдача разрешений на археологические раскопки, разработка принципов их проведения и формирование архивов. Инициатива сохранения старины и ее охрана была поддержана царствующим домом, а присвоение созданной Археологической Комиссии титула «Императорская» придало ей особый статус и авторитет. Чтобы оценить значение Археологической Комиссии в жизни России, нужно вспомнить юбилейный рескрипт императора Николая II по случаю пятидесятилетия учреждения Комиссии в 1909 г., которым открывается эта книга.

Члены Императорской Археологической Комиссии, как и другие исследователи и любители древности, тесно сотрудничавшие с ней, внесли неоценимый вклад в становление отечественной археологии. Их трудами были сохранены уникальные свидетельства о древностях различных племен и народов огромных территорий Российской империи от каменного века вплоть до современной им этнографии: описания, карты, рисунки, фотографии. Это бесценный вклад в сокровищницу многонациональной

культуры не только нашей страны, но и всего мира. Многие из того, что было отмечено и зафиксировано, исчезло в лихолетья XX в., но созданные Археологической Комиссией архивные фонды сами стали неоценимым источником наших знаний.

Издательская деятельность Комиссии также заслуживает самой высокой оценки. Под ее грифом вышли полные публикации материалов отдельных археологических памятников, древностей целых территорий, разнообразные отчеты, сообщения и инструкции. Следует подчеркнуть особую роль в этом процессе одного из патриархов отечественной археологии А. А. Спицына. Необходимо специально отметить чрезвычайно высокий полиграфический уровень изданий. Даже большинство парадных археологических публикации советского времени по своему качеству не идет ни в какое сравнение с ними, не говоря уж о рядовых книгах областных издательств, исполненных на желтеющей бумаге с размытыми невнятными фотографиями.

Императорская Археологическая Комиссия стояла у истоков зарождения системы и структуры охраны древностей в стране, выработки принципов подхода к их сохранению и реставрации. С нее началась практика выдачи Открытых листов, являющихся разрешением на археологические раскопки, и требование сдачи необходимой документации в обязательном порядке в централизованный архив Комиссии. Целесообразность такого подхода, в российских условиях наиболее рационального, была подтверждена в советский период при масштабных археологических работах в зонах новостроек и в удаленных областях страны. Только в самое последнее время, под надуманными предлогами «соблюдения законности», предпринимаются и частично осуществляются попытки децентрализации проверенной десятилетиями археологической практики, что может привести в масштабах огромной страны к разрушению принципов, заложенных деятельностью Императорской Археологической Комиссии, а вслед за этим и к бесконтрольному отношению к древностям со стороны местных администраций, в большинстве случаев не имеющих никакого представления о значении археологии.

После октябрьского переворота судьба Императорской Археологической Комиссии была предрешена. В результате ряда организационных перестроений на ее основе была создана Российская Академия истории материальной культуры (РАИМК). Это было государственное учреждение уже нового типа, с гораздо большим штатом сотрудников и развитой структурой подразделений. Именно в стенах РАИМК, переименованной в 1926 г. в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК), была начата разработка многих важнейших научных направлений, на последующие десятилетия определивших развитие советской археологии. Государственные академии истории материальной культуры положили начало Институту истории материальной культуры АН СССР в Ленинграде и его Отделению в Москве. Сегодня, в начале XXI в., необходимо отметить, что РАИМК и ГАИМК, после ряда реформ, все-таки восприняли важнейшую функцию Императорской Археологической Комиссии — выдачу Открытых листов на право проведения археологически раскопок. В советский период значение этого направления деятельности центрального государственного археологического учреждения многократно возросло. Дело в том, что в связи с ликвидацией частной собственности на землю Открытый лист стал необходимым разрешением не только для бывших казенных земель, но для всех земель, в одночасье ставших государственными.

В 1943 г., после блокадной эвакуации сотрудников Института из Ленинграда в Елабугу, Ташкент, Москву и гибели от голода и на фронте больше половины предвоенного штата ленинградской части института, дирекция ИИМК была переведена в Москву, а в городе

на Неве осталось лишь отделение Института. Однако сейчас важно обратить внимание не столько на эти организационные передвижки, сколько на то, что уже в 1919 г. на основе реформируемой Археологической Комиссии была создана государственная организация академического характера, которая, изменяясь, все же продолжала заложенные Комиссией традиции. Именно на этой базе выросли крупнейшие современные академические центры страны в Ленинграде (Санкт-Петербурге) и в Москве — Институт истории материальной культуры РАН и Институт археологии РАН. Вся история существования Археологической Комиссии и созданных на ее основе институтов неоспоримо доказывает, что охрана древностей, реставрация памятников и серьезные, научные, академические по своему характеру исследования неразрывно связаны и неотделимы друг от друга. Наблюдаемые в наши дни попытки разделить эту триаду или отодвинуть в сторону при решении вопросов охраны древностей академическую археологию ничего, кроме вреда, отечественной культуре и истории принести не могут.

Предлагаемая книга является итогом многолетних изысканий и размышлений большого коллектива исследователей, которые, в большинстве своем, представляют Институт истории материальной культуры РАН. В ней мы попытались осветить важнейшие стороны деятельности Императорской Археологической Комиссии на всем протяжении ее истории. Стараясь придать подаче материала определенную целостность, редакторы тем не менее не стремились унифицировать тексты, а поэтому отдельные разделы полностью сохраняют авторскую манеру изложения и стиль. Особо хочу отметить вклад в работу над этой книгой, энтузиазм и энергию Александра Евгеньевича Мусина, взявшего на себя труд по координации усилий творческого коллектива и непосредственному редактированию издания.

Выход в свет этой книги естественным образом оказался приурочен к научной конференции и юбилейным торжествам, посвященным 150-летию Императорской Археологической Комиссии. В организации этих мероприятий приняли участие Институт археологии РАН (директор чл.-корр. РАН Н. А. Макаров), Государственный Эрмитаж (директор чл.-корр. РАН М. Б. Пиотровский), Федеральная служба по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия (руководитель А. В. Кибовский) и Государственный центр фотографии РОСФОТО (директор З. М. Коловский). Без сотрудничества всех этих учреждений, их руководителей и коллективов было бы невозможно достойно отметить юбилей Императорской Археологической Комиссии.

Следует сказать слова благодарности всем, кто способствовал работе над этой историей, поискам и подбору материалов в фондах архивов и музеев. Первые слова признательности — семье Бобринских, потомкам последнего председателя Императорской Археологической Комиссии, а именно протопресвитеру-профессору Б. А. Бобринскому и Е. Ю. Бобринской, и Я. Н. Мальмберг, которая является наследницей сразу двух членов Комиссии — К. Е. Думберга и В. К. Мальмберга, а также члену-корреспонденту РАН М. Б. Пиотровскому, директору Государственного Эрмитажа, и его сотрудникам, директору Санкт-Петербургского филиала архива Российской Академии наук д. и. н. И. В. Тункиной и сотрудникам ее архива, директору Российского государственного архива социально-политической истории О. В. Наумову и его коллективу, хранителям и сотрудникам Отдела письменных источников Государственного Исторического музея, руководству и сотрудникам Керченского историко-археологического заповедника и Национального заповедника Херсонес Таврический (Крым, Украина), сотрудникам Российского государственного исторического архива и Музея истории Санкт-Петербургского Государственного

университета, прежде всего Н. Н. Жервэ и Я. А. Страховой, а также фонду «Дом наук о человеке» в Париже (Франция), благодаря помощи которого нам удалось познакомиться с обширной литературой по становлению археологии и охране культурного наследия в Европе, дабы сравнить этот процесс с историей отечественной науки. Считаю своим долгом поблагодарить издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» и его сотрудников за предпечатную подготовку и издание этой книги.

Директор Института истории материальной культуры РАН,
член-корреспондент РАН
Е. Н. НОСОВ

Александр II, император Всероссийский (1855–1881)

Императоръ II

На подлинномъ Г. Министромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора писано:

„Высокаго императорскаго“

Въ С.-Петербургѣ.
Февраля 2-го дня 1859
года.

Подписать: *Графъ Ад-
лербергъ.*

ПОЛОЖЕНИЕ

ОБЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

Положеніе общае.

§ 1. ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Комиссія состоитъ отдѣльнымъ учрежденіемъ въ Министерствѣ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора, и имѣеть цѣлю: 1-ю) разискать предметы древности, преимущественно относящихся къ отечественной исторіи и жизни народовъ, обитающихъ нѣкогда на пространствахъ, занимаемыхъ нынѣ Россіею; 2-ю) собраніе сведений о находящихся въ Государствѣ или въ народныхъ, такъ и другихъ помѣстныхъ древности; 3-ю) ученому оцѣнку отрывковъ древностей.

§ 2. Составъ Комисіи опредѣляется прилагаемымъ у оного штатомъ. Она находится подъ ближайшимъ начальствомъ Предсѣдателя, въ вѣдѣніи Министра ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

§ 3. Въ вѣдѣніи Археологической Комисіи состоятъ Керченскій Музей древностей и Ревская Комиссія археологическихъ раскопаній.

§ 4. Комиссія имѣеть Почетныхъ Членовъ и Членовъ-корреспондентовъ, содѣйствующихъ ей на достиженіи ея цѣли.

Дѣятельность Комисіи.

§ 5. Для изысканія древностей Комиссія раскопываетъ древніе курганы и производеть земляныя раскопки на мѣстностяхъ, или замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи, или дающихъ поводъ разсуждать на открытію древностей.

§ 6. Комиссія предоставляетъ сдѣлать за всѣми дѣлющими изъ Государствъ откраткии предметы древности, о которыхъ извѣщаются по такъ и мѣстныя начальства, а если не представляется затрудненія, то перемѣнять вѣдѣнію находившихъ древности на ея разсмотрѣніе.

§ 7. Комиссія, въ мѣру средствъ своихъ, заботится, чтобы въ томъ случаѣ, когда встанетъ надобность уничтожить какой-либо остатокъ древности, какъ-то: памятникъ каменнаго, курганъ и проч., или древности большаго значенія работы изъ камня древняго города, или каменнаго урочища, которая находится на земляхъ казенныхъ, или общественныхъ, приняты были, по возможности, нужныя археологическія мѣры, и если при работѣ этихъ останковъ найдены археологическія откратки, то чтобы къ нимъ могла быть допущена ея комиссія.

§ 8. Комиссія слѣдитъ за земляными работами, предпринимаемыми въ большихъ размѣрахъ, какъ въ размахѣ: при приведеніи линий желѣзныхъ дорогъ, шоссе и проч., дабы, по сколько окажется возможнымъ, воспользоваться этими случаями для археологическихъ откратки.

§ 9. Для достижения целей, изложенных в предыдущих параграфах 5, 6, 7 и 8-м, Председатель Комиссии входить в предварительные сношения и соглашения с теми правительственными местами и лицами, отъ коихъ будетъ извѣстно содѣйствіе.

§ 10. Для вознагражденія за представленіе въ Археологическую Комиссію вкладчиковъ древнихъ вещей, денежное вознагражденіе имъ какъ опредѣляется не только цѣною золота, серебра, или иного вещества, изъ котораго оны сдѣланы, но и археологическимъ достоинствомъ ихъ и рѣдкостью.

§ 11. Заблательнѣйшія изъ вещей, открытыя Комиссіею, или поступающія къ нею, представляются на воззрѣніе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, и, съ дозволенія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, возлагаются въ ИМПЕРАТОРСКІЙ Музей Эрмитажа, или въ другія Высочайше назначенныя мѣста.

§ 12. Древности, представленныя въ Комиссію, но не пріобрѣтенныя ею, возвращаются по принадлежности.

§ 13. Всѣ вещи, открытыя Комиссіею, которыя не получаютъ Высочайшаго назначенія, остаются въ ея закладникахъ, и ей предоставляется отдавать ихъ въ общественныя древне-хранящія, или обихивающія на другіе предметы.

§ 14. По истеченіи каждаго года Председатель Комиссіи доставляетъ Министру ИМПЕРАТОРСКАГО Двора отчетъ о ея дѣйствіяхъ, для вѣдомствѣннаго представленія на Высочайшее благоусмотрѣніе.

§ 15. По Высочайшемъ разсмотрѣніи отчета, извлеченіе изъ него печатается для всеобщаго свѣдѣнія.

§ 16. Вѣдомствѣнныя по Археологической Комиссіи донесенія представляются ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Министромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

Внутреннее устройство Комиссіи.

§ 17. Председатель Комиссіи назначается Высочайшимъ указомъ.

§ 18. Председатель входить отъ своего имени въ сношеніе со всѣми правительственными мѣстами и лицами.

§ 19. Опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ Комиссіи до VI-го класса включительно предоставляется ей Председателю.

§ 20. Распределеніе дѣлъ между лицами, служащими въ Комиссіи, зависитъ отъ усмотрѣнія Председателя. Главнѣйшая обязанность полагаемыхъ по штату Членовъ Комиссіи состоитъ въ производствѣ археологическихъ розысканій и описаній ихъ.

§ 21. Почетные Члены и Члены-корреспонденты Комиссіи избираются Председателемъ и утверждаются въ званіяхъ этихъ Министромъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

§ 22. Председатель Комиссіи представляетъ, установленнымъ порядкомъ, къ награжденію чиновниковъ Комиссіи, заслужившихъ сіе, и представленіе это прилагаетъ къ каждому отчету.

§ 23. Члены-корреспонденты, отличившіеся важными открытіями, и оказавшіе своею дѣятельностію большія услуги Комиссіи, могутъ быть также представляемы къ наградамъ.

§ 24. Денежныя средства Комиссіи, согласно со штатомъ, предоставляются распоряженію Председателя. Денежная отчетность поступаетъ на ревизію Контроля Министерства ИМПЕРАТОРСКАГО Двора.

§ 25. Комиссія имѣетъ печать съ государственнымъ гербомъ и подписью: „печать ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссіи“.

§ 26. Всѣ бумаги и посланія, какъ самой Комиссіи, такъ и Членовъ, адресуемая къ нею на имя Председателя, пересылаются чрезъ почту бесплатно.

§ 27. Члены Комиссіи имѣютъ жандаръ Министерствъ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора. Целси назначаются по уставу о пенсіяхъ по придворному ведомству.

Подписаны: Министръ ИМПЕРАТОРСКАГО Двора *Графъ Адлербергъ.*

На подлинном Г. Министръ Императорскаго Двора писано:
 „Высокой императорской волею.“
 Въ С.-Петербургѣ,
 Февраля 2 дня 1859
 года.
 Подпись: *Графа Адлерберга.*

ШТАТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМ- МИССИИ И КЕРЧЕВСКАГО МУЗЕЯ.

	Число людей.	Годовое содержание.			Разряды.	
		О д и о м у.		Всѣхъ.	По долж-ности.	По муш-дрѣ.
		Жалованья.	Служебныя.			
<i>Комиссія.</i>						
Председателя - - - -	1	"	"	"	"	"
Старшій Членъ - - - -	1	800	400	1,200	VI	VI
Младшій Членовъ - - - -	2	600	400	2,000	VII	VII
Протоколскаго дѣла - - - -	1	500	300	800	VIII	VIII
Журнальскаго дѣла - - - -	1	350	"	350	X	X
Копилоческій чиновникъ - - - -	1	200	"	200	"	"
Художникъ - - - -	1	500	"	500	X	X
На шесть сторока, на письменныя и разномыслныя матеріалы -	"	"	"	550	"	"
Итого - - -	8	"	"	5,000	"	"
<i>Керчевскій Музей.</i>						
Директоръ - - - -	1	600	328	928	VI	VI
Помощникъ его - - - -	1	400	172	572	VII	VII
На содержание сторока при Музее, надсмотрщика при раскопкахъ, на расходы Директора и Помощника и на канцелярскіе расходы Директору - - - -	"	"	"	664	"	"
Итого - - -	2	"	"	2,164	"	"
На дѣйствія Комиссіи по раскопкамъ въ Россіи - - - -	"	"	"	10,000	"	"
Всего - - -	"	"	"	17,764	"	"

Если по нѣкоторымъ статьямъ этого штата назначенная сумма будетъ недостаточна, то она можетъ быть покрываема остатками отъ другихъ статей.

Сумма, остающаяся въ теченіе года за удовлетвореніемъ всѣхъ штатныхъ расходовъ, находится въ распоряженіи Председателя.

Подпись: Министръ Императорскаго Двора *Графа Адлерберга.*

Александр III, император Всероссийский (1881–1894)

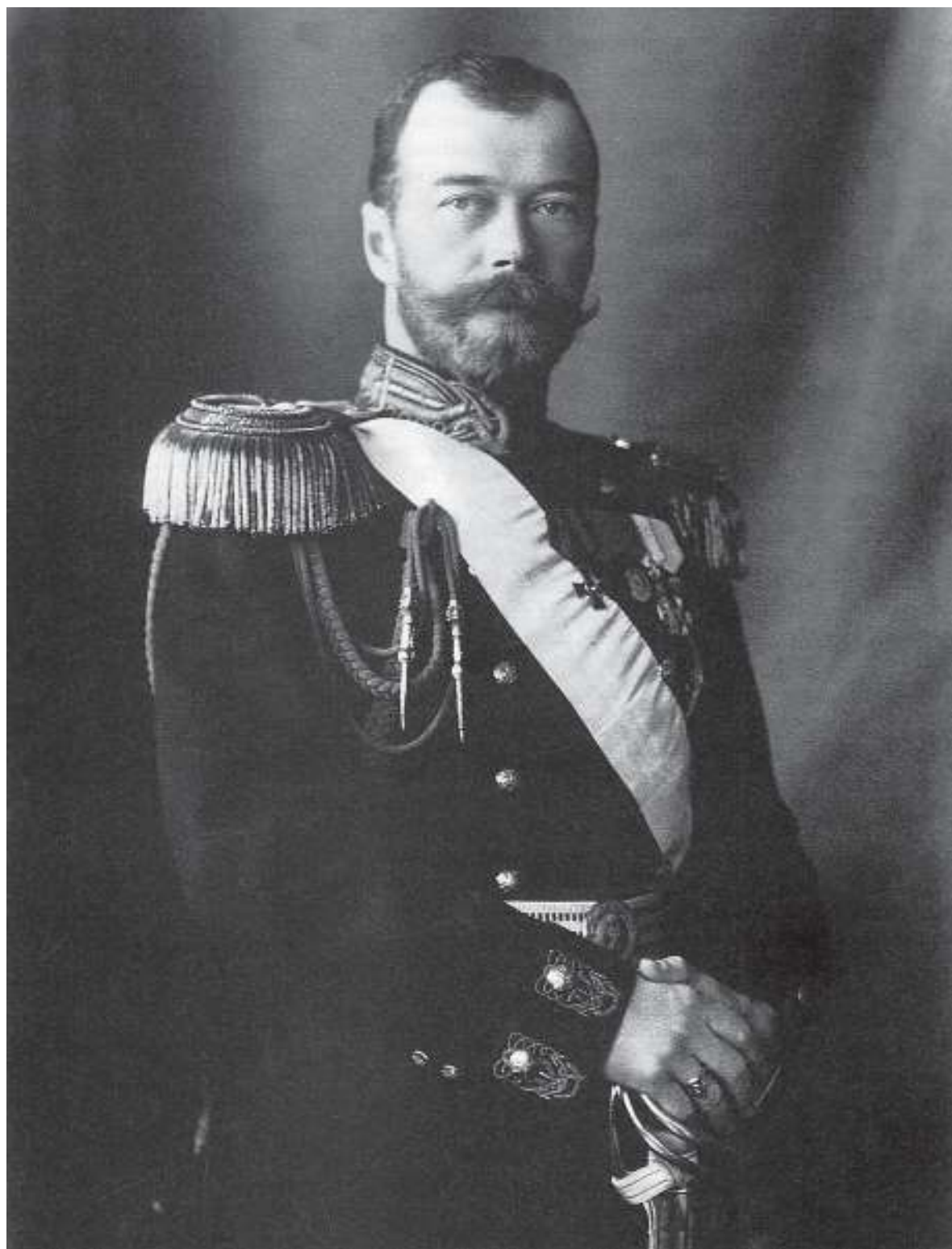
ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ, ПРЕДЛОЖЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ

Министромъ Юстиціи.

552. О предоставленіи Императорской археологической комисіи исключительнаго права производства и разрѣшенія раскопокъ, съ археологическою цѣлью, на земляхъ казенныхъ, принадлежащихъ разнымъ установленіямъ и общественныхъ.

Министръ Императорскаго Двора увѣдомилъ Министра Юстиціи, что Государь Императоръ, 11 марта 1889 года, Высочайше изволилъ повелѣть: 1) исключительное право производства и разрѣшенія, съ археологическою цѣлью, раскопокъ въ Имперіи, на земляхъ казенныхъ, принадлежащихъ разнымъ установленіямъ, и общественныхъ—предоставить Императорской археологической комисіи. Всѣ учрежденія и лица, предполагающія производить подобныя раскопки, обязаны, независимо отъ сношенія съ начальствомъ, въ вѣдѣніи которыхъ состоятъ упомянутыя земли, входить въ предварительное соглашеніе съ Императорскою археологическою комисіею. Открываемые при раскопкахъ цѣнные и особливо важные въ научномъ отношеніи предметы должны быть присылаемы въ Императорскую археологическую комисію, для представленія на Высочайшее воззрѣніе. 2) Реставрацію монументальныхъ памятниковъ древности производить по предварительному соглашенію съ Императорскою археологическою комисіею и по сношенію ея съ Императорскою академіею художествъ.

Высочайшее повеление от 11 марта 1889 г. (1859 г., д. 1, л. 12 об.)

Николай II, император Всероссийский (1894–1917)

Императоръ Пётръ
Великій, въ заботахъ о массаженіи
просвѣщенія въ Россіи, положилъ
основаніе дѣлу собиранія и храненія
находящихся въ землѣ древностей. Въ
Високайшихъ указахъ Правитель-
ствующему Сенату и Сибирско-
му Губернатору о курганнихъ пред-
метахъ, далеко опередивъ свое время
въ оцѣнкѣ значенія памятниковъ
старинны. Они указали надлежащій
путь къ составленію археологиче-
скихъ музеевъ.

Императоръ Александръ
I^й, придавая особо важное значеніе
древнимъ памятникамъ, возложилъ

ведение раскопок в Минерии на Государственного Канцлера Фрица Шуманца, ильчестнаго радн-меля старини.

Традици еллоу, Императоръ Николаи I, даровалъ средства къ широкой организаціи правительственныхъ раскопок на югъ Россіи, въ особенности въ Керчи, каковая ипечность является неистощимую сокровищницею произведеній греческаго искусства. Сложеное дѣло это было поручено сначала Фрицу Петровскому, составившему еллиментранъ Внутреннихъ Дѣлъ, а затѣмъ Фрицу Сергѣю Григорьевичу Енроганову, при которомъ, въ Царствование Днда еллоого, Императора Александра II, учреждена 2 Февраля 1859 года Императорская Археологическая Комиссія, какъ особе устройство еллиментар

ства Императорскаго Двора.

Возникшая въ крайности составъ, съ цѣлью розысканія предметовъ старины и ихъ научной оцѣнки, Археологическая Коммиссія вскорѣ одарила русскую науку самодѣльными предметами и обогатила Императорскій Иммунариумъ выдающимся собраніемъ древностей.

Незадолго до сего Императоръ Александръ III, возложилъ на Коммиссію изслѣдованіе древняго Персонеца и поставилъ ее во главѣ всѣхъ археологическихъ изысканій въ Россіи, даровалъ Коммиссіи въ 1889 году исключительное право на производство раскопокъ въ Имперіи на земляхъ казенныхъ и общественныхъ. Одновременно на Коммиссію, совместно съ Императорскою Академіею

Художествѣ, возможно было и раз-
рѣшеніе вопросовъ о реставраціи
старинныхъ памятниковъ содре-
ства.

Сотрудственно снѣдя съ труда-
ми Археологической Комиссіи, по-
степенно расширяющей кругъ своей
дѣятельности, съ раскопками и
многочисленными ея поданіями,
Ее Им. пріятно въ настоящій день
50-лѣтняго ея существованія под-
твердить, что она оправдала по-
стоянное довѣріе, оказанное ей
Ее Им. Предками и **Ее Им.**

Выразивъ **Ее Им.** благоволеніе
Председателю Археологической
Комиссіи, Сенатору, Гофмейстеру
Графу Побринскому, всему ея со-
ставу, а также лицамъ, особо по-
трудившимся въ дѣлѣ организаціи
работъ по розысканію древностей.

и научной их оценки, Я вполне
уверен, что деятельность Ком -
миссии и впредь будет неизменно
стоять на высоте порученна -
го ей ответственного научного
дела.

Винograd

Удостоверение
2 февраля 1909 г.

ГЛАВА I

ОЧЕРК ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1859–1917 гг.

I

С проведением в Российской империи в середине XIX в. масштабных реформ императора Александра II, направленных на преобразование страны и либерализацию многих сторон жизни российского общества, был поднят вопрос и о государственном сохранении археологических древностей, т. е. национального культурного наследия. Такой шаг был сделан в 1859 г. с созданием Императорской Археологической Комиссии. На протяжении второй половины XIX–начала XX в. ИАК являлась единственным государственным центральным органом археологии в России. Однако история ее создания и деятельности длительное время не становилась предметом пристального исследования. Отсутствуют и монографические работы, посвященные истории этого учреждения. В отличие от Русского и Московского археологических обществ, охотно писавших свои истории (Веселовский 1900; Императорское Московское археологическое общество 1915), ИАК, будучи подразделением Министерства императорского Двора, воздерживалась от подобной саморекламы. Несомненно, руководство Комиссии и ее члены задумывались над осмыслением собственной деятельности, правда, преимущественно в форме отчетов вышестоящему органу (*Бобринской А. А.* Очерк деятельности Комиссии за время царствования императора Александра III. См.: 1900 г., д. 174;¹ *Строганов С. Г.* Записка о деятельности Комиссии от 31 декабря 1881 г. См.: 1859 г., д. 1, л. 22–23, 24–25 об.). Однако несколько заметок в периодике, повествующих в основном о раскопках, организованных Комиссией, что отражало интерес российского общества к ее деятельности (Струве 1867; Яковлев 1888; Миронов 1900), а также информация о деятельности Археологической Комиссии, публикуемая в ее же изданиях, прежде всего в «Известиях ИАК», — это практически все, что появилось в дореволюционной историографии.

К этому можно разве что добавить небольшой очерк о Комиссии, помещенный в обзоре деятельности Министерства императорского Двора (Обзор деятельности 1901: 109–130). В самом начале 1920-х гг. вышли книга С. А. Жебелева по истории и теории археологического знания (Жебелев 1923) и брошюра Б. В. Фармаковского (Фармаковский 1921а), которые содержали краткие сведения об истории организации и деятельности ИАК. История раскопок Археологической Комиссии в Северном Причерноморье освещалась в юбилейных изданиях, посвященных Керченскому и Херсонесскому музеям (Марти 1926; Гриневич 1927), а также в более общих сводках В. П. Бузескула по истории

¹ В настоящем издании редакция посчитала возможным применить следующую систему ссылок на архивные материалы. В ссылках на материалы фонда ИАК, хранящиеся в РА НА ИИМК РАН (ф. 1), дается номер дела и год его начала. В ссылках на материалы из прочих фондов РА НА ИИМК РАН фигурирует указание «РА», номер фонда и описи, год (в случае необходимости) и номер дела. В ссылках на ФА НА ИИМК РАН указывается «ФА» и шифр архивного хранения. Ссылки на материалы прочих архивов даются в соответствии с общепринятыми нормами.

античной археологии (Бузескул 1924; 1927). Последовавшие за ними в начале 1930-х гг. публикации В. И. Равдоникаса (Равдоникас 1930) и М. Г. Худякова (Худяков 1933) давали оценку деятельности Комиссии с позиций бытовавшего тогда «классового подхода», хотя их авторы и не могли не признать немалый вклад, сделанный Комиссией в становление отечественной археологии.

Вообще, в советскую эпоху титул «Императорская» в названии Археологической Комиссии не способствовал вниманию к истории первого в России государственного учреждения, осуществлявшего археологические исследования, собиравшего уникальную историко-культурную информацию, проводившего архитектурно-реставрационные работы и участвовавшего в охране культурного наследия. Авторы статей сборника, посвященного 60-летию Института археологии АН СССР, старательно дистанцировались от учреждения, положившего начало существованию самого института, начиная институциональную историю отечественной археологии с 1919 г. Однако очевидно, что именно деятельность ИАК в конечном счете создала систему регламентации полевых археологических исследований, т. е. ряд мер по контролю за соблюдением установленных норм в этой области в связи с допуском специалистов к полевым работам, а также и методические рекомендации по их осуществлению, которые просуществовали с некоторыми изменениями с конца XIX в. вплоть до настоящего времени. Это в свою очередь способствовало сохранению археологического наследия России (Сорокина 2008: 28, 39).

Первое достаточно подробное исследование об ИАК, основанное на анализе многочисленных архивных документов, появилось только в 1984 г. к ее 125-летию юбилею на страницах журнала «Советская археология» (Пескарева, Рябинин 1984). Некоторые сведения о деятельности Археологической Комиссии привел в своей книге по истории отечественной археологии Г. С. Лебедев (Лебедев 1992: 88–91, 142–145). Характеристику деятельности ИАК в ряде изданий нельзя признать удачной, особенно в связи с открытием и изучением древнерусской живописи, ибо сама деятельность Комиссии подается здесь достаточно тенденциозно, особенно в том случае, если авторы слепо следовали штампам, вышедшим из-под пера членов Московского археологического общества (Вздорнов 1986: 157–163).

Новые обращения исследователей к этой теме относятся уже к последнему десятилетию и касаются как общих сторон деятельности ИАК (Васильева 2000; Носов 2003; Длужневская 2006а; Тихонов 2008а; 2008b), так и отдельных сюжетов, связанных с изучением и охраной памятников архитектуры (Медникова 1995; Медведева 2004; 2005; 2007а), проблемой охраны древностей в целом и роли Археологической Комиссии в этой области (Лапшин 2002), ее взаимоотношениями со Святейшим Синодом и проблемой сохранения и реставрации церковных памятников (Мусин 2006), а также некоторыми полевыми исследованиями, в частности, с раскопками в Киеве в 1908–1914 гг. (Елшин 2007).

Отдельно стоит упомянуть коллективный труд, посвященный истории архитектурной реставрации в России, где значительное место уделено именно деятельности ИАК и ее месту в системе сохранения монументальных памятников прошлого (Памятники архитектуры 2002). Основное внимание было уделено становлению теории и идеологии реставрации, а не ее методике и специфике конкретных технологических решений. Несмотря на «трудную судьбу» этой публикации, пролежавшей в издательстве более десятка лет, нельзя не отметить, что исследователи преимущественно пользовались опубликованными в «Известиях ИАК» отчетами о реставрационных заседаниях Комиссии, лишь изредка привлекая информацию из архивных дел фонда Комиссии. В солидном

издании графика и фотоматериалы ИАК опубликованы без ссылок на шифры архивного хранения, а ссылки на дела фонда ИАК, составляющего важнейшую часть рукописного отдела Научного архива ИИМК РАН, даны так, что становится невозможным непосредственно обратиться к конкретному делу. Здесь отсутствует год начала оформления документации — неотъемлемая часть шифра, которая в существующей системе заменяет номер описи.

Значительным вкладом в исследование истории ИАК стала диссертация М. В. Медведевой, посвященная деятельности Комиссии по изучению и охране археологических и архитектурных памятников Северо-Запада России (Медведева 2007b). К настоящему времени в серии публикаций рассмотрены вопросы, связанные с историей создания ИАК и ее взаимоотношениями с МАО (Тихонов 2006), деятельности в 1859–1882 гг. (Мусин 2007 а), формированием коллекций фотографий и негативов Комиссии, ставших основой фотоархива ИИМК РАН, и деятельности фотографов ИАК (Длужневская 2006b; 2007а). Появились биографические очерки о председателях и сотрудниках Комиссии: С. Г. Строганове, А. А. Бобринском, В. Г. Тизенгаузене, А. А. Спицыне (Гурулева 2005; Бобринский 2003; Тихонов 2003b; 2003c; 2007b; 2008c). Капитальный труд И. А. Сорокиной, посвященный складыванию государственного подхода к археологии и формированию норм современной регламентации археологических исследований, не только выявил основные этапы и события становления этих научно-общественных феноменов, но и подчеркнул роль ИАК в этом процессе. В результате автор приходит к важнейшему выводу о том, что основы современных принципов исследования памятников археологии в России закладывались уже с середины XIX в., а не только в советское время, как было принято думать раньше, а сложение системы государственного учета и контроля в области полевой археологии уже связано с деятельностью ИАК 1860–1880-х гг. (Сорокина 2008: 27, 36).

В связи с подготовкой настоящего труда в рамках проекта, поддержанного РГНФ, участники творческого коллектива не только опубликовали целый ряд научных статей и сборников, но и вынесли на защиту серию квалификационных работ (Васильев 2008; Длужневская 2008; Елшин 2008; Медведева 2007а; 2007b; Мусин 2007а; 2007b; 2007c; Platоnova 2008; Тихонов 2008а; 2008b; Платонова 2008; Стеганцева 2008; История и практика археологических исследований 2008).

К сожалению, в недавнее время появились и поверхностные публикации, с многочисленными ошибками освещающие историю ИАК (Хартанович 2006: 109–127), вызвавшие соответствующие рецензии (Тихонов 2007а), или вообще ставящие под сомнение некоторые стороны и результаты ее деятельности (Медведь 2002; Смирнов 2006). «Особое» место среди них занимает тезисная публикация, вышедшая на Украине, в которой без использования документальных и опубликованных источников автор делает абсолютно необоснованный вывод о том, что «у дослідженнях Пантікапея та малих міст європейського Боспору діяльність Комісії нанесла значної шкоди» (Баукова 2006). Продолжается тиражирование легковесного мнения о том, что в 60–70-е гг. XIX в. деятельность ИАК «была направлена на изучение преимущественно классических древностей. Археологические раскопки и изыскания на территории европейской и азиатской России Археологическая комиссия стала проводить только с 1880-х гг., когда ее председателем был назначен историк и археолог граф А. А. Бобринской» (Николаева 2008: 266).

Сегодня существующую библиографию нельзя назвать ни обширной, ни исчерпывающей. Все это побуждает нас вновь, уже основательно, обратиться к славному прошлому учреждения, которое стояло у истоков археологической науки в России.

II

Создание Императорской Археологической Комиссии в 1859 г. ознаменовало собой завершение длительного процесса организации системы государственного покровительства только начинающей свое становление археологии. Сведения о памятниках археологии (курганах, городищах, кладах, каменных изваяниях и т. д.) встречаются уже в древнерусских летописях, которые писались при монастырях или княжеских дворах. Там же возникали и первые сокровищницы, в которые попадают самыми разными путями старинные вещи. В документах начала XVI в. впервые упоминается Оружейная палата как наиболее раннее отечественное собрание вещественных древностей, выросшее из сокровищницы московских князей (Успенский 1902). В позднее средневековье широко распространяются представления о том, что в земле сокрыто много ценного. Целый пласт русского фольклора посвящен кладам и способам их добычи, с XVII в. этими «сыскными делами» начинают интересоваться и государственные органы (Низовский 2001; Бердинских 2005). Однако, по мнению известного историка XIX в. К. Н. Бестужева-Рюмина, средневековая Русь «не занималась собиранием древностей, как древностей: она хранила старые вещи или как святыни в ризницах, или как драгоценность в царских казнохранилищах; если и обращали внимание на какие-нибудь находки, то с практической целью» (Смолин 1917: 122). Тем не менее именно в XVII в. появляются первые признаки внимания со стороны правительства к вещественным памятникам старины. В грамоте времен царя Алексея Михайловича (1670 г.) говорилось о том, что в Тобольском уезде «русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуду, чего ради велено взять известия: откуда те татары в прежние лета такое золото и серебро получали, или из которого государства оное к ним привезено было» (цит. по: Смолин 1917: 123). К 1679 г. относится эпизод с обнаружением в окрестностях Воронежа костей «волога», о чем воронежский воевода сообщал в Москву. В ответ, от имени царя Федора Алексеевича, была направлена грамота, предписывавшая кости тщательно раскопать и «сделать всему роспись и чертеж».

Осознанный, постепенно возрастающий познавательный интерес к вещественным древностям среди российских правителей мы встречаем только начиная с эпохи Петра I. Время его правления и можно считать началом отечественной археологии. Ряд указов и распоряжений великого реформатора положил начало целенаправленным поискам, коллекционированию и описанию древних вещей и памятников в России. Указ от 13 февраля 1718 г., посвященный в основном «монстрам», в то же время гласил: «... Ежели кто найдет в земле или воде какие старые вещи... также какие старые подписи на каменьях, железе или меди, или какое старое и ныне необыкновенное ружье, посуду и прочее все, что зело старо и необыкновенно, також бы приносили, за что давана будет довольная дача, смотря по вещи, понеже не видав, положить нельзя цены...» (Охрана памятников 1978: 21). Еще ранее в 1714 г. была создана Кунсткамера — первый российский музей, куда и стали поступать подобные находки. В 1715 г. уральский промышленник А. Н. Демидов преподнес по случаю рождения наследника престола цесаревича Петра Петровича коллекцию «бугровых сибирских вещей». Эти находки заинтересовали царя, и он отдал распоряжение сибирскому генерал-губернатору о розыске подобных вещей для Кунсткамеры. В январе 1716 г. губернатор М. П. Гагарин, выполняя это распоряжение, прислал десять золотых вещей, а в декабре того же года 122 предмета, которые составили основу знаменитой Сибирской коллекции Петра I. В 1721 г. последовал указ сибирскому губернатору А. М. Черкасскому о запрещении переплавлять найденные в могилах старинные золотые вещи и о присылке их в Берг-коллегию для доклада

царю. По личной инициативе царя в Сибирь была направлена научная экспедиция под руководством Д. Г. Мессершмидта, в задачи которой в том числе входили и сбор сведений о памятниках старины, и сбор древних вещей. Эта экспедиция провела одни из первых раскопок курганов с научными целями на территории Российской империи. В 1733 г. в Сибирь отправилась экспедиция Петербургской Академии наук, в составе которой были натуралист И. Г. Гмелин и историк Г. Ф. Миллер, продолжившие раскопки курганов, описание и сбор сведений о других памятниках древности и составившие первую инструкцию для археологических исследований. В 1764 г. из-под пера Миллера вышла первая научная публикация на русском языке об археологических памятниках (Элерт 1990; Тихонов 2007с). В 1768–начале 1780-х гг. были предприняты новые экспедиции в Сибирь и Поволжье, на Урал, а с последней четверти XVIII в. особое внимание стали привлекать остатки античной культуры в Северном Причерноморье. Начинаются раскопки курганов и некрополей в окрестностях Керчи, на Тамани и других местах древнегреческих поселений на северных берегах Черного моря. В 1803 г. возникает первое собрание древностей в Николаеве при черноморском депо карт, в 1811 г. открывается музей в Феодосии.

В 1818 г. император Александр I посетил Керчь, где ему были показаны раскопки на горе Митридат, открытые склепы и гробницы, а также коллекции, собранные Полем де Брюксом на собственные средства. Еще ранее в 1804 г. император выделил 2000 руб. из средств своего Кабинета на поездку в Северное Причерноморье хранителя I Отделения Эрмитажа академика Е. Е. Келлера. А в 1822 г. по результатам новой экспедиции Е. Е. Келлера в Крым последовало специальное распоряжение «О средствах к сохранению древних достопамятностей Тавриды» и выделено на эти нужды 10 тысяч руб. Это был первый в России случай выделения значительных государственных средств на охрану и исследование древних памятников (Тункина 2002: 67).

В 1823 г. И. А. Стемпковский представляет новороссийскому генерал-губернатору графу М. С. Воронцову записку «Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае», где предлагается широкая государственная программа по изучению и сохранению археологических памятников на юге России, вскоре частично реализованная. В 1825 г. М. С. Воронцов сообщал министру народного просвещения о том, что докладывал императору «об учреждении систематического и основанного на известных правилах вскрытия и обозрения курганов, развалин или других мест, где могут быть найдены всякого рода древности». По итогам этого доклада на государственные средства в 1825 г. был основан Музей

Петр Великий (1672–1725),
император Всероссийский (ФА, Q. 223/1)

Николай I, император Всероссийский (1825–1855).
Фотография с миниатюры Рокштуля 1850 г.
(ФА, Q. 243/62)

древностей в Одессе и в следующем году в Керчи, а И. П. Бларамберг был назначен специальным чиновником при новороссийском генерал-губернаторе с годовым жалованием в 3000 руб., которому поручалось «отыскание такого рода древностей, раскапывание курганов, в которых они заключаются, соби́рание их в музей и надзор за сими последними» (Охрана памятников 1978: 38).

В 1839 г. в Одессе начинает действовать Одесское общество истории и древностей, которому правительство оказывает финансовую поддержку. Его трудами были созданы первые документы методического характера, непосредственно касающиеся полевой археологии, — «Правила, которые надлежит соблюдать при разрытии курганов и вскрытии в них древностей» и «Наставление, как надлежит приступать при открытии древностей» (Тункина 2002: 634–638). В 1846 г. в Петербурге учреждено Археолого-нумизматическое общество, переименованное в 1851 г. в Русское археологическое общество. В этом же году трудами одного из его членов И. П. Сахарова составлена «Записка для обозрения русских древностей» (Сахаров 1851). По ходатайству министра народного просвещения графа

С. С. Уварова Общество с 1847 г. стало получать ежегодное пособие от казны в 3000 руб. (Веселовский 1900: 50–53, 361).

При Петре I положено начало и расходованию государственных средств на покупку древностей за рубежом. По его распоряжениям в Россию были доставлены первые античные статуи, и среди них такой шедевр, как Венера Таврическая (Мавлеев 1993). Эти традиции собирательства художественных произведений древности продолжены и другими русскими монархами. Соборания Екатерины II положили начало крупнейшему музею России — Эрмитажу, коллекции древностей которого продолжали активно пополняться при ее преемниках.

Определенное внимание вопросам охраны и изучения древних памятников истории и культуры стало уделяться правительством императора Николая I со второй четверти XIX в. В 1826 г. последовал циркуляр всем губернаторам с требованием о доставлении сведений о древних памятниках архитектуры и воспреещении разрушать их. В 1830 г. императору были представлены великолепные находки скифских вещей, открытые в кургане Куль-Оба близ Керчи. Эти сокровища, равных которым не было ни в одном из европейских музеев, настолько заинтересовали царя, что он повелел продолжать раскопки и выделил на их проведение ежегодные денежные средства. Раскопки погребальных памятников на Керченском и Таманском полуостровах стали вести директора Керченского музея И. П. Бларамберг

и А. Б. Ашик, чиновник керченского градоначальства Д. В. Карейша и др. С 19 октября 1835 г. музей ежегодно получает «от казны» 5000 руб., для него строится специальное здание на горе Митридат. Все наиболее интересные находки из этих раскопок поступают в Эрмитаж, и в 1854 г. на средства, выделенные императором из сумм своего Кабинета (почти 30 000 руб.), было осуществлено роскошное трехтомное издание «Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа».

III

Однако до начала 1850-х гг. какая-либо координация правительственных действий в области археологии отсутствовала, здесь пересекались и часто сталкивались интересы различных центральных и местных ведомств: Министерств внутренних дел и императорского Двора, Кабинета его императорского величества, канцелярий генерал-губернатора Новороссийского края М. С. Воронцова и керченского градоначальства. Установить свой контроль над всеми южнорусскими музеями пыталось и Одесское общество истории и древностей. Между тем еще в 1831 г. у президента Академии художеств Алексея Николаевича Оленина возникала мысль о создании правительственного органа, который ведал бы всеми делами, относящимися к археологии (АВ СПбФИБ РАН, ф. 52, оп. 1, д. 11, л. 3.) Продолжал А. Н. Оленин разрабатывать этот проект и в 1835 г., предлагая названия для нового органа: «Археологическая комиссия», «Попечительский комитет» или «Главное управление изыскания древностей». Этот новый орган должен был заняться разведкой и раскопкой древностей в Крыму и на Кавказе, систематизацией и описанием памятников, их изданием, выработкой инструкций, сосредоточением в своих руках всех средств, выделяемых на раскопки, налаживанием руководства и контроля

Оленин Алексей Николаевич

(28.11.1763–17.04.1843) — государственный деятель, историк, писатель, археолог, коллекционер. Образование получил в Страсбургском университете. Участвовал в шведской кампании 1789–1790-х гг. и в действиях против польских конфедератов в 1792 г. При Павле I был обер-прокурором Сената и директором школы титулярных юнкеров, учрежденной для образования юристов. В 1803 г. назначен товарищем министра уделов, в 1811 г. — директором Императорской Публичной библиотеки, в 1817 г. — президентом Императорской Академии художеств. Член Государственного Совета с 1827 г. Почетный член Императорской Академии наук (1852). Принимал участие в составлении славяно-русского словаря. Автор одного из первых сочинений по русской палеографии, исследователь древнерусских и античных памятников. Инициатор издания «Древности Российского государства». Объединял вокруг себя группу любителей и знатоков древностей. Еще в 1835 г. предлагал создать общегосударственный центр археологии — Археологическую Комиссию.

Осн. соч.: Очерк нового библиографического порядка для Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1809; Краткое историческое сведение о состоянии Императорской Академии художеств в 1764–1824 годы. СПб., 1829.

Лит. о нем.: Файбисович В. М. Алексей Николаевич Оленин: Опыт научной биографии. СПб., 2006.

Алексей Николаевич Оленин

за работой исполнителей на местах. Все эти мысли были изложены в письме к министру императорского Двора князю П. М. Волконскому, однако по финансовым соображениям этот проект остался нереализованным (Тункина 2002: 189).

В 1830–1840-е гг. функции контроля за сохранением памятников древности исполняло Министерство внутренних дел, туда же поступала информация об археологических находках. Императорский указ от 3 июня 1837 г. предписывал о всех находимых древностях немедленно сообщать МВД с «надлежащею точностью и подробностью» (Галай 2004: 133). На страницах журнала МВД только за десятилетие 1830-х гг. было опубликовано почти полсотни археологических публикаций (Формозов 1995а: 30). 21 августа 1839 г. положением Комитета министров был окончательно утвержден Устав Керченского музея. Одновременно МВД предпринимались меры для каталогизации памятников отечественной старины (Глаголев 1839, 1841). Соответственно этому положению дел руководство археологическими изысканиями сосредоточилось в руках министра внутренних дел в 1841–1852 гг. графа Льва Алексеевича Перовского (1792–1856), который был известным коллекционером и любителем древностей. В 1843 г. министр по предложению саратовского губернатора начал раскопки в Нижнем Поволжье на месте столицы Золотой Орды города Сарая-Берке, которые до 1851 г. осуществлял чиновник его министерства действительный статский советник А. В. Терещенко. В течение 9 лет эти работы проводились на средства Министерства внутренних дел, а собранные коллекции поступали в Императорский Эрмитаж. В 1851 г. Л. А. Перовский поручил раскопки владимирских курганов ориенталисту П. С. Савельеву и своему племяннику графу А. С. Уварову. Последний даже отказался от карьеры дипломата в ведомстве Министерства иностранных дел и специально перешел на службу в Министерство внутренних дел, чтобы полностью посвятить себя археологии.

Л. А. Перовский пытался создать в рамках Министерства внутренних дел и некий орган в виде Комиссии для изыскания или исследования древностей, но до придания ему официального

Лев Алексеевич Перовский
Копия Ф. Иентцена с портрета работы
Крюгера. Берлин. Середина XIX в.
(ГЭ, ЭРГ-8296)

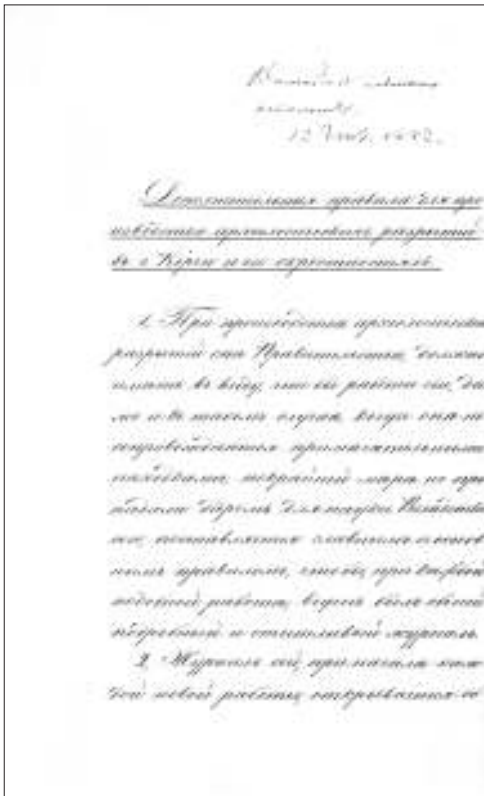
Перовский Лев Алексеевич

(9.09.1792–10.11.1856) — государственный деятель, действ. статский советник, граф. Внебрачный сын графа А. К. Разумовского. Окончив курс в Московском университете, служил колонновожатым в свите его величества, во время войны 1812 г. был ранен; перейдя на гражданскую службу, был членом, потом вице-президентом Департамента уделов, товарищем министра уделов. Член Союза спасения и Союза благоденствия, гофмаршал и сенатор. В 1841 г. назначен министром внутренних дел с сохранением должности товарища министра уделов. В 1852 г. был назначен министром уделов и управляющим Кабинетом его величества с подчинением ему Академии художеств, московских Дворцового архитектурного училища и Художественного училища и Ботанического сада. С 1855 г. генерал от инфантерии, с 1856 г. генерал-адъютант. Ему принадлежит ряд преобразований в управлении и устройстве удельных крестьян. В 1840-е гг. создал Управление (Комиссию) для исследования древностей, положив начало государственной организации археологии в России. Петербургский знакомый А.С. Пушкина.

статуса тогда дело так и не дошло. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие устоявшегося названия данного подразделения: иногда оно именуется «Управлением археологическими разысканиями» (1859 г., д. 2, л. 4). Тем не менее группой сотрудников Л. А. Перовского была разработана программа систематических раскопок на юге России, проводимых на правительственные средства. Сам Л. А. Перовский 27 октября 1851 г. представил императору доклад «О проводимых близ Керчи археологических разысканиях», в котором обращал внимание на то, что эти работы ведутся «без всякого плана, связи и единства, отрывочно и так сказать наугад». В итоге императором были утверждены «Общие правила для предъявления правительству древних вещей, находимых в Керченском градоначальстве и его окрестностях», регламентирующие порядок и процедуру выплат находчикам. Тогда же Л. А. Перовским были разработаны и специальные «Правила производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», высочайше утвержденные 12 января 1852 г. Этот документ, по существу являвшийся первой правительственной инструкцией по проведению раскопок, требовал неукоснительного ведения специального журнала, в который бы заносились все сведения о производимых работах и присутствии на раскопках чиновников, «занимающихся собственно археологической частью». Правила также предписывали доводить раскопки до конца, даже если они не сулили значительных находок, делать рисунки на месте, описывать отношение предметов друг к другу (РА, ф. 6, д. 179, л. 16–19; Тункина 2002: 253, 636, 638). В мае 1852 г. Л. А. Перовский отправился на юг России с инспекционной поездкой. Объезжая Крым и Тамань, министр предписал местной администрации усилить контроль за охраной древностей и добился увеличения ассигнований на раскопки на 1000 руб. По его приказу близ станции Сенной — «в центре всех раскопок на Таманском полуострове» был выстроен специальный дом — своего рода «археологическая база» (Марти 1926: 21; Тункина 2002: 303).

В августе 1852 г. Л. А. Перовский стал главой новообразованного Министерства уделов и управляющим Кабинетом его императорского величества. 28 июня 1853 г. последовало высочайшее повеление «керченский музей, археологическую в Риме комиссию и все археологические работы считать при Кабинете» (200-летие Кабинета 1911: 422). Одинадцать «чиновников по археологической части, состоявшие на сверхштатных должностях при МВД или Кабинете, были все причислены к Кабинету Его Императорского Величества» (РА, ф. 14, д. 1, л. 28). А. С. Уваров, перейдя в штат Кабинета, получил звание камер-юнкера. Сформированный таким образом коллектив «археологов» приступил к реализации намеченной программы. Помимо продолжения раскопок древнерусских курганов во Владимирской губернии, осуществляемых А. С. Уваровым и П. С. Савельевым, были начаты раскопки скифского Александропольского кургана на Украине, порученные первоначально А. В. Терещенко, а затем П. С. Савельеву и А. Е. Люценко. В том же 1853 г. Л. А. Перовский поручил А. С. Уварову провести археологические исследования в Ольвии, Херсонесе и Неаполе Скифском, а князю А. А. Сибирскому — в Феодосии. К этим работам был привлечен и московский профессор П. М. Леонтьев, проводивший исследования в Нижнем Подонье. Всего в 1853 г. была выделена довольно крупная сумма в 56 051 руб. на раскопки в различных губерниях, приобретение древностей, издания и содержание Керченского музея, который тоже перешел в ведение графа Перовского, а его новый директор А. Е. Люценко был причислен к Кабинету его императорского величества.

По результатам раскопок 1853 г. было издано специальное «Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г.» (СПб., 1855) — роскошная книга в тисненном золотом переплете с крупным и редким шрифтом, богато и качественно иллюстрированная. Она состояла из трех разделов. В первом приводились

«Правила производства археологических разрытий в г. Керчи и его окрестностях», высочайше утвержденные 12 января 1852 г. (РА, ф. 6, д. 179, л. 16–19)

сведения о случайных археологических находках по губерниям, в основном монетных или вещественныхкладах. Примерно с одинаковой степенью информативности перечислялись огромный клад, состоящий из более 14 000 золотоордынских серебряных монет XIV в., найденный в Екатеринославской губернии близ села Воскресенска, и находка в Киеве медной византийской монеты (без указания времени), или клад серебряных копеек времени Петра I, не представляющий никакой исторической ценности. Второй раздел содержал сведения о древностях, приобретенных покупкою в Турции, Египте, Крыму. Оба эти раздела представляли собой скорее чиновничий отчет, чем аналитическое описание предметов. Основная — третья часть, именуемая «Местности, на которых проводились археологические розыскания», имела более научный характер, так как содержала описание раскопок и найденных вещей. Например, при описании исследований владимирских курганов, проведенных П. С. Савельевым, приводились рисунки таких столь типичных для этих памятников находок, как наконечники копий и стрел, фибулы, шумящие подвески, височные кольца, шейные гривны, перстни и т. д. Уже в этом издании были выработаны форма и стиль подачи материала, которых в дальнейшем стала придерживаться в своих «Отчетах» ИАК.

Все вышесказанное позволяет, с определенной долей условности, считать 1853 г. началом планомерных раскопок на территории Российской империи, проводимых на государственные средства. Однако дальнейшему развертыванию деятельности комиссии Л. А. Перовского помешала начавшаяся война с Турцией, переросшая в войну с Англией и Францией и приведшая к переносу военных действий на юг России.

IV

В 1856 г. граф Л. А. Перовский умер, а вслед за этим последовала новая министерская реформа. Дабы продолжить начатое им дело государственного контроля за раскопками, 24 ноября 1856 г. последовал указ Александра II министру императорского Двора графу В. Ф. Адлербергу: «Заведование археологическими розысканиями, поступившими ныне в состав Министерства Императорского Двора, возлагаем на члена Государственного Совета, Генерал-Адъютанта, Генерала от кавалерии Графа Строганова 1-го под ведением Вашим» (РА, ф. 14, д. 1, л. 2). В 1857 г. все дела об археологических розысканиях из канцелярии министра уделов и Кабинета были переданы С. Г. Строганову, под его же начало должны были перейти и лица, служащие по этой части в Кабинете, Керченском музее и Римской Археологической комиссии. Последняя была некогда создана в составе Императорской

Академии художеств «для приискания древностей», в служебные обязанности которой входили также оказание содействия и руководство пенсионерами Академии, находящимися в Италии (Сборник 1866: 151).

В ведение С. Г. Строганова также были переданы денежные суммы, отпускаемые ежегодно из Главного казначейства на содержание Керченского музея и раскопки в Южной России — 4128 руб. и из Кабинета — 7500 руб. Большую часть средств, выделяемых Кабинетом, составляло жалование «чиновникам по археологической части» Савельеву и Медведеву 1700 руб., Терещенко и Пискареву 1500 руб., князю Сибирскому и графу Уварову 2400 руб., и только 2000 руб. на проведение раскопок (РА, ф. 14, д. 1, л. 10, 17).

Поручение этого дела Сергею Григорьевичу Строганову не было случайностью, поскольку он являлся одним из крупнейших деятелей русского просвещения XIX в. и пользовался широкой известностью как меценат, любитель искусств и археологии. Более 30 лет (с 1837 г.) он возглавлял Общество истории и древностей российских при Московском университете. Еще в 1825 г. он на свои средства основал в Москве бесплатную школу рисования, вошедшую в историю русского искусства под именем Строгановского училища. Владелец множественных коллекций, в первую очередь нумизматических, С. Г. Строганов в 1841 г. опубликовал небольшое исследование о кладях серебряных украшений, найденных во Владимире и Ярославской губернии, а в 1849 г. — монографию о Дмитриевском соборе во Владимире. В 1839–1853 гг. под его руководством было осуществлено шеститомное издание «Древностей Российского государства» — первая сводка неписанных источников отечественной истории. Являясь с 1835 по 1847 г. попечителем Московского учебного округа, С. Г. Строганов много заботился о пополнении Московского университета молодыми талантливыми преподавателями. «Строгановская эпоха» в истории Московского университета ознаменовалась блестящими именами историков, филологов, искусствоведов Т. Н. Грановского, О. М. Бодянского, Ф. И. Буслаева, С. М. Соловьева и др.

Все биографы С. Г. Строганова отмечали, что его блестящая карьера на посту московского попечителя оборвалась из-за конфликта и все более нарастающих разногласий с министром народного просвещения Сергеем Семеновичем Уваровым, отцом А. С. Уварова (РБС: 530; Гурулева 2005: 164). Непосредственным поводом для отставки стала одобренная Строгановым публикация в «Чтениях в Обществе истории и древностей российских» перевода

Владимир Федорович Адлерберг (1790–1884), министр императорского Двора в 1852–1870 гг. Копия П. Ф. Бореля с оригинальной фотографии Деньера (ГЭ, ЭРГ-1502)

сочинения английского дипломата и путешественника XVI в. Дж. Флетчера, содержащая нелестные отзывы о Московском царстве. Однако истинная причина крылась в несогласии С. Г. Строганова с общим курсом политики С. С. Уварова в области народного просвещения в последнее десятилетие царствования Николая I. В бумагах Н. И. Веселовского, собиравшего в 1909 г. к пятидесятилетию Археологической Комиссии сведения об ее истории и личности ее основателя, содержалось указание на то, что и сам С. С. Уваров лишился министерского поста в 1849 г. вследствие доклада С. Г. Строганова императору обо всех подробностях этой неблагоприятной интриги (РА, ф. 14, д. 145, л. 1). Для нас важно то, что в семействе Уваровых С. Г. Строганов воспринимался в качестве личного врага. В этом контексте становится понятным, почему А. С. Уваров сразу же после назначения С. Г. Строганова переходит в другое ведомство и «в начале зимы 1857 г. переселяется из Петербурга в Москву..., назначенный помощником попечителя Московского учебного округа» (Уварова 2005: 35). Служить под началом врага своего отца, к тому же, по бытовавшему мнению, виновника его отставки, А. С. Уваров никак не желал. Путь в существовавшее в Москве еще с 1804 г. Общество истории и древностей российских для него также был закрыт, поскольку председательствовал в нем все тот же С. Г. Строганов, оставалось только одно — создавать собственное научное общество, что А. С. Уваров блестяще и реализовал в 1864 г. учреждением Московского археологического общества, которое рассматривал в качестве альтернативы Комиссии. Таким образом, вопреки широко распространенному мнению о том, что конфликт между ИАК и МАО разгорелся лишь впоследствии в 1880-е гг., становится очевидным, что это противостояние существовало изначально, и причины его имели личностный характер.

Сергей Григорьевич Строганов. Портрет работы П. Ф. Бореля (ГЭ, ЭРГ-1521)

Строганов Сергей Григорьевич

(8.11.1794–28.03.1882) — граф, государственный деятель, генерал-адъютант, член Государственного Совета, сенатор, коллекционер, меценат, историк искусства, археолог. В 1811 г. закончил Институт корпуса инженеров путей сообщения. Поступил на военную службу. Участвовал в Отечественной войне 1812 г., отличившись в Бородинской битве, а также в заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и Крымской войне 1853–1856 гг. В 1825 г. основал на свои средства в Москве бесплатную школу рисования (ныне МГХПУ им. С. Г. Строганова). С 1835 по 1847 г. попечитель Московского учебного округа. С 1837 по 1874 г. председатель Общества истории и древностей российских при Московском университете. В 1849–1853 гг. руководил изданием шести томов «Древностей российского государства». В 1860 г. был приглашен ко двору в качестве воспитателя наследника цесаревича Николая Александровича. Основатель и председатель Императорской Археологической Комиссии с 1859 по 1882 г.

Осн. соч.: Дмитровский собор во Владимире на Клязьме, стронный с 1194 по 1197 г. СПб., 1849; Русское искусство Е. Виолле ле Дюка и архитектура в России от X по XVIII вв. СПб., 1878.

Лит. о нем: Русский биографический словарь. Т. Смеловский–Суворина. М., 1999. С. 523–530; Гурулева В. В. С. Г. Строганов — первый президент Императорской Археологической комиссии // Хранитель. Исследователь. Учитель: К 85-летию В. М. Потина. СПб., 2005. С. 163–169.

После назначения С. Г. Строганова группа сотрудников Л. А. Перовского «по археологической части» распалась, возможно, по причине отсутствия официального статуса «археологических разысканий», отчасти по соображениям иного характера. Примеру А. С. Уварова последовал князь А. А. Сибирский, вышедший в отставку «по болезни» в декабре 1857 г. Следует учитывать и тот факт, что в России всегда огромную роль играли личные связи с «патроном», так, например, тремя десятилетиями раньше, после смерти канцлера Н. П. Румянцева, сразу же распался существовавший вокруг него кружок исследователей русских древностей. Из прежних сотрудников активно начал помогать С. Г. Строганову, пожалуй, только П. С. Савельев. 24 декабря 1856 г. он писал в Керчь А. Е. Люценко: «Спешу... успокоить Вас насчет будущности археологических разысканий вообще и Керченского музея в особенности. Начальником археологических в России разысканий... назначен граф Сергей Григорьевич Строганов, страстный археолог и владелец одного из богатейших частных музеев. Он хочет усердно приняться за эту часть и устроить ее на прочных основаниях. Тяжкая болезнь его отца до сих пор препятствовала ему приняться за дело; ждем также ассигнования сумм на раскопки на будущий год» (Тункина 2002: 255). Было и еще одно обстоятельство, «препятствующее» С. Г. Строганову активно заняться делом организации археологической службы в столице: до 1860 г. он жил в Москве, а в 1859–1860 гг. был даже московским генерал-губернатором. После воцарения Александра II карьера С. Г. Строганова быстро пошла вверх: с 1856 г. он член Государственного Совета, именно ему царь поручает воспитание и образование наследника престола цесаревича Николая. Не будет преувеличением сказать, что в это время С. Г. Строганов становится одним из самых приближенных лиц к императору и одним из самых высокопоставленных сановников империи. Занятость на государственных постах, конечно, отвлекала графа от занятий археологией.

Фактически С. Г. Строганову пришлось собирать коллектив археологов заново. 30 декабря 1857 г. И. Е. Забелин записал в своем дневнике следующий разговор со С. Г. Строгановым, состоявшийся в Москве: «Государь мне поручил всю археологическую часть, находящуюся в заведовании Перовского, при Кабинете. Я хочу составить Комиссию. Вы не откажетесь? — Помилуйте, Ваше Сиятельство, вы меня осчастливите. — Я думаю пригласить сюда Кене — он, кажется, лучше всех других по западной археологии, Савельева П. С. по нумизматике, русской и восточной археологии и вас по русской. Вы будете получать 1000 руб. в VI классе» (Забелин 2001: 37). Несколькими месяцами ранее С. Г. Строганов написал А. Е. Люценко личное письмо, прося его поделиться своими соображениями о путях развития музея и определения направления дальнейших раскопок. В ответ в ноябре 1857 г. А. Е. Люценко подготовил специальную записку «О продолжении занятий Керченского музея, прерванных событиями минувшей войны», в которой предлагал сосредоточить внимание и силы на изучении памятников Керченского и Таманского полуостровов.

В это же время С. Г. Строганов разрабатывает проект положения о «Главной Археологической комиссии» (РА, ф. 14, д. 1, л. 27–33 об.). Название предполагаемого органа, вероятно, было взято по аналогии с существующей с 1834 г. при Министерстве народного просвещения Археографической комиссии. Впрочем, сам термин «археологическая комиссия», казалось, просто витал в воздухе. Муниципальная археологическая комиссия существовала в Риме. 29 апреля 1855 г. было высочайше утверждено «Положение о Музее древностей и Временной археологической комиссии» в Вильно. Временная комиссия, будучи своеобразным сочетанием археографической комиссии и статистического комитета, была создана для систематического обозрения всех памятников древности в здешнем крае и просуществовала до 1863 г. Затем в связи с изменением культурной политики на западных землях,

во избежание продолжения существования «пантеона литовско-польской старины в крае», на ее основе в начале 1864 г. была создана Комиссия для разбора и издания древних актов, будущая Виленская археологическая комиссия.

Однако создание подобного учреждения может быть поставлено в некоторую связь с возникновением подобных учреждений в Европе конца XVII–середины XIX вв., прежде всего в Италии и во Франции. На основе сравнительного изучения деятельности российских и зарубежных учреждений, связанных с охраной памятников, можно заключить, что организация ИАК отчасти ориентировалась на Францию с ее департаментальными Комиссиями и национальными Генеральной инспекцией исторических памятников/Комитетом исторических памятников (1830/1837), как раз в это время преобразованными в Отдел изящных искусств и исторических памятников при Министерстве императорского Двора и изящных искусств Наполеона III (1852–1870).

Созданные после эпохи наполеоновских войн в ряде французских департаментов Комиссии древностей предшествовали появлению общенациональной структуры, возникшей в 1830-х гг. в системе МВД в эпоху преобразований Франсуа Гизо (1787–1874).

В 1834 г. в русле этой деятельности создается Комитет

Алексей Сергеевич Уваров
(ФА, О.778/24)

Уваров Алексей Сергеевич

(28.02.1825–29.12.1884) — граф, археолог, коллекционер, меценат. Сын министра народного просвещения, президента Академии наук. Выпускник ист.-филол. факультета Петербургского университета, слушал лекции в Берлинском и Гейдельбергском университетах. В 1846 г. выступил одним из учредителей-организаторов Петербургского Археологического нумизматического общества (будущего ИРАО). Почетный член АН (1857), учредитель Уваровских премий. Чиновник «по археологической части» при министре внутренних дел Л. А. Перовском, который приходился ему дядей. Помощник попечителя Московского учебного округа (1857–1859). Создатель и первый председатель (1864–1884) Московского археологического общества. Один из организаторов Исторического музея в Москве (1872). Инициатор и организатор проведения Всероссийских археологических съездов, первый из которых прошел в Москве в 1869 г. Задачу археологии видел в реконструкции быта древнего населения. Производил раскопки в Ольвии, Херсонесе, Неаполе Скифском. Совместно с П. С. Савельевым осуществил раскопки более 7 тысяч курганов во Владимиро-Суздальском ополье (1851–1854). Автор первой обобщающей работы по каменному веку России. На II Археологическом съезде в Петербурге в 1871 г. по его

инициативе был обсужден вопрос «О мерах к сохранению памятников». На III Археологическом съезде в Киеве в 1874 г. он делает сообщение: «Что должна обнимать программа для преподавания русской археологии и в каком систематическом порядке должна быть распределена эта программа?». Будучи уже совершенно больным, А. С. Уваров участвовал в работе VI Археологического съезда в Одессе в 1884 г.

Осн. соч.: Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. М., 1851; Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда. М., 1869; Археология России. Каменный период. М., 1881. Т. 1–2. Символика древнехристианского искусства. М., 1909.

Лит. о нем.: Ардашев Н. Н. Граф А. С. Уваров как теоретик археологии // Древности. М., 1911. Т. 23. вып. 1. С. 29–40; Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в русской археологии // РА. 1993. № 3. С. 228–245.

исторических и научных работ (Charmes 1886). В его задачи входили, прежде всего, изучение, описание и сбор сведений о памятниках с целью составления их классификационного списка в соответствии с их культурной значимостью (Verdier 1935). Это учреждение неоднократно подвергалось реформам и переименованиям, и в 1839 г., как Дирекция гражданских зданий и общественных памятников, оно было передано в ведение Министерства общественного труда. В 1840 г., благодаря его трудам, за государством было признано право отчуждать в свою пользу памятники искусства (Bercé 2000: 24–25).

Декрет 14 февраля 1853 г. окончательно изъял функцию охраны памятников из ведения МВД и передал ее в подчинение Государственного министерства императорского Дома. Здесь было создано Отделение исторических памятников (Léon 1935: 17–52; 1951; Verdier 1935: 53–426). Очевидно, ситуация была весьма схожа с той, что наблюдалась в России, однако французский вариант, в силу некоторого хронологического опережения, мог ее определять. В 1863 г. во Франции создается Служба изящных искусств и исторических памятников уже в ведении Министерства императорского Двора и изящных искусств. Не случайно второй председатель ИАК А. А. Васильчиков, настаивая на необходимости реорганизации Комиссии в 1882 г., будет апеллировать именно к этому прецеденту.

Парадокс российской системы археологических изысканий XIX в. заключался в том, что, будучи отчасти административно скопированной с французского образца, она существенно отличалась от него по целям и месту в создании национальной археологии. Если на всем протяжении своей деятельности ИАК рассматривала полевые исследования как основную форму своей активности, что сыграло основополагающую роль в сложении археологии в России как науки, то во Франции Комитет 1837 г. и наследовавшие ему организмы рассматривали раскопки как вспомогательную для реставрации сферу деятельности. Современная французская археология как государственный институт слагалась на основе развития колониальной археологии, тогда как такие ее сферы как галло-римская и мерovingская археологии (собственно, археология метрополии) были следствием интереса любителей древностей и их объединений (Gran-Aymerich 1998). В целом система археологических исследований во Франции была предельно децентрализована (Les Sociétés savantes 1985: 35–45; Vadelorge 2003: 67–86; Gran-Aymerich 2003: 199–210). К тому же, вопреки выводам формального сравнительного анализа становления системы государственной охраны памятников в двух странах (Николаева 2008: 261–270), ни одно из мероприятий российского правительства до создания ИАК, в том числе и циркуляр МВД от 31 декабря 1826 г. «О доставлении сведений об остатках древних зданий в городах и о воспрещении разрушать оные», не могут рассматриваться как поворотный момент в истории отечественной любви к древностям. Циркуляр не послужил началом создания системы охранных мер и формирования охранных структур в области древних памятников, не говоря уже о составлении их общенационального списка. Восприятие французского опыта в России не было непосредственным и характеризовалось определенным временным запаздыванием.

Существует еще целый ряд моментов, позволяющих рассматривать деятельность Археологической Комиссии в европейском контексте. Представление найденных древностей на «Высочайшее воззрение», практиковавшееся ИАК ежегодно, было отголоском обычного права, которое действует, например, в Великобритании до настоящего времени, а первые упоминания о нем относятся к XIII в. Речь идет о том, что монарх рассматривался как сюзерен и собственник не только подвластной ему земли, но и спрятанных в ней кладов, прежде всего монет и изделий из драгоценных металлов (*la prérogative régaliennne, treasure trove*). В случае с археологическими памятниками действовало расширительное толкование такой

традиции. Естественно, во Франции с ее республиканскими традициями такая практика в XIX в. не могла уже иметь места, хотя кодификация обычая в этой области активно происходила здесь в 1543–1642 гг. (Bercé 2004: 45–46, 52, 64, 153–161; *Archéologie et droit de l'urbanisme* 1995: 42).

Еще одной вполне «монархической», централизованной и государственной структурой, которая могла стать некоторым прообразом ИАК, была система археологических раскопок и охраны древностей, созданная главой Неаполитанского королевства «королем-археологом» Карлом III Бурбоном (1734–1759) и распространенная его сыном Фердинандом IV (1759–1806) на Сицилийское королевство (Jokilehto 2002: 57–59). Издание археологических отчетов об исследованиях Геркуланума (*Le Antichità 1755–1792*), составленных *Accademia Ercolanese*, и исключительные монаршие права как на проведение археологических раскопок, так и на их результаты, характерные и для будущего Королевства обеих Сицилий (1816–1861), вполне сопоставимы с особенностями устройства Комиссии С. Г. Строганова.

Вряд ли за образец для России могли быть взяты соответствующие учреждения Центральной Европы. Только в июне 1875 г. австро-венгерский поверенный в делах Х. Вреде обратился к управляющему Министерством иностранных дел барону Жомини с просьбой предоставить ему информацию об Императорской Археологической Комиссии и имеющихся постановлениях и распоряжениях по охране памятников в России. Это было сделано в связи с созданием в Вене Императорско-Королевской центральной комиссии для изучения и сохранения исторических памятников (*La Commission centrale Impériale et Royale pour l'étude et la conservation des monuments historiques*) и в связи с подготовкой соответствующего законодательства в Австро-Венгерской империи (1875 г., д. 10, л. 26–29 об.). Впоследствии австрийская комиссия неоднократно сверяла свою деятельность с практикой российских коллег. 4 июня 1891 г. через своего посла графа Волкенштейна Австрия вновь просила прислать ей правила об охране древностей, изданные после 1875 г., подобный запрос повторялся и в 1895 г. 25 ноября 1891 г. похожие документы были вручены и итальянскому уполномоченному графу Баттара-Коста (1891 г., д. 93, л. 1–3). 7 декабря 1910 г. итальянское правительство, в связи с намерением создать при Главной директории изящных искусств особую юридическую библиотеку по вопросам охраны древностей, также через структуры российского Министерства иностранных дел обращалось за консультативной помощью в ИАК, прося предоставить тексты всех действующих в России постановлений; с подобным запросом обращалась и Нидерландская миссия при российском императорском Дворе (1903 г., д. 50, л. 109, 111).

Вообще же, необходимо признать, что французская система охраны памятников весьма сильно повлияла на подобные структуры и процессы в Европе. Так, созданный лидерами *Comité historique des Arts et Monuments* Луи Вите и Шарлем Ленорманом «Вопросник» 1838 г., посвященный картированию и описанию исторических памятников по эпохам, определил структуру подобного документа в Испании 1844 г. (Trujillo, без года). Есть основания полагать, что он повлиял и на появление в недрах РАО «Записки для обозрения русских древностей» 1851 г. В единой Европе не исключалось и обратное. 15 марта 1914 г., очевидно, в связи с принятием соответствующего закона, в российское Министерство иностранных дел обратилось посольство Французской Республики с просьбой сообщить сведения о существующих в России правилах относительно археологических раскопок и охраны древностей, найденных в процессе исследований (1887 г., д. 69, л. 592). Как раз в это время, после серии скандалов с вывозом национальных древностей, добытых в процессе археологических раскопок, за рубеж, во Франции был принят закон об охране исторических памятников

от 31 декабря 1913 г. /4 января 1914 г., который не вводил обязательного государственного разрешения на осуществление раскопок, однако обязывал префектуры наблюдать за делающимися открытиями (Journal Officiel 1914; Recambert 1996: 15–21, 245–255; Audac 2003: 173–198; Le nouveau droit 2004).

Таким образом, появление ИАК, которое было связано со становлением органов охраны памятников в Европе, отчасти могло определяться их тогдашними особенностями, отчасти — влиять на формирование их деятельности. Слово «Главная» в названии проектируемой С.Г. Строгановым Комиссии должно было подчеркнуть общегосударственный характер нового учреждения. Очень важно отметить, что в этом проекте С.Г. Строганов стремится придать Комиссии статус центрального государственного органа, главной задачей которого является «разыскание древностей посредством земляных раскопок». Этим Комиссия изначально отличалась бы от археологических обществ, которые трактовали археологию очень широко, как изучение любых памятников старины, в том числе и невещественных. Первый параграф проекта гласил: «Главной Археологической комиссии подлежит заведование всеми археологическими раскопками в России и местными музеями древностей». Восьмой параграф указывал, что «раскопки на землях казенных и общественных производятся не иначе, как с разрешения председателя комиссии» (РА, ф. 14, д. 1, л. 19–23). Очевидно, что те вопросы, которые через 30 лет стали камнем преткновения в дискуссии с некоторыми археологическими обществами, С.Г. Строгановым изначально закладывались в проект устава Комиссии.

С.Г. Строганов также выдвинул предложение о создании архива Комиссии, в котором бы сосредоточивались все дела об археологических разысканиях в России и соответствующие им планы, рисунки, модели. А на будущее ставилась задача «с течением времени собрать и все прежде производимые по этому дела, дабы в ней сосредоточены были все сведения о древних достопамятностях государства» (Пескарева, Рябинин 1984: 301; Длужневская 2006 б: 271). Штат Комиссии предполагался в составе председателя, трех членов, производителя дел и журналиста, а годовой бюджет определялся в 11 628 руб., т. е. увеличения расходов не предполагалось, поскольку эта сумма и ранее тратилась на нужды археологии из Государственного казначейства и средств Кабинета его величества. Правда, в другом варианте проекта бюджета предусматривалась сумма на «расход по археологической части» почти вдвое большая — 22 764 руб. (РА, ф. 14, д. 1, л. 75).

В 1858 г. граф С.Г. Строганов подает на имя министра императорского Двора графа В.Ф. Адлерберга «Записку о современном положении археологических разысканий и предлагаемых в них изменениях», содержащую очерк археологической деятельности правительственных учреждений и ставящую вопрос о создании государственного археологического органа с четко регламентированным финансированием и постоянным штатом сотрудников (Там же, л. 19–23). При обсуждении этих документов в министерстве проект претерпевает немалые изменения. В декабре 1858 г. В.Ф. Адлерберг предлагает создать «Археологическую комиссию Министерства императорского Двора», указывая, что с 1831 по 1852 г. раскопки на юге России финансировались и велись под эгидой именно этого министерства и только в 1852 г. были переданы в Министерство внутренних дел. Похоже, что министр осознанно путает последовательность событий и соответствующие ведомства, дабы подчеркнуть неизбежность проведения археологических раскопок именно его министерством: в действительности, Министерство Двора никогда не занималось организацией полевых разысканий, поскольку до 1852 г. контроль над ними принадлежал МВД, а с 1852 г. — Министерству уделов, выделенному из Министерства Двора, и Кабинету его величества, инкорпорированному в новое министерство. Граф,

только что возглавивший новое объединение ведомств Двора и уделов в 1856 г., был заинтересован в расширении своего влияния.

В результате речь пошла не о центральном государственном, а ведомственном учреждении, так как министр вполне справедливо указывал, что если иметь в виду главное археологическое учреждение в государстве, то это дело должно рассматриваться Государственным Советом. В процессе обсуждения проекта в названии вместо слова «Главная» появляется вписанное чьей-то рукой слово «Императорская» (РА, ф. 14, д. 1, л. 35, 88–91). «Императорскими» в России именовались многие университеты, научные и культурные учреждения и общества. Этот титул, указывающий на то, что учреждение или общество находятся под покровительством высочайшей власти, был весьма почетным, и его всячески добивались. Представляется, что титул внес С. Г. Строганов, который, сам являясь членом Государственного Совета, хорошо понимал, что вынесение этого вопроса на его рассмотрение может затянуть реализацию всего проекта на неопределенно долгий срок. Поэтому он был вынужден согласиться на половинчатые и неопределенные полномочия создаваемой Комиссии, а «императорская» в названии понадобилось для поднятия статуса учреждения и для указания на то, что оно находится «в ведении» Министерства императорского Двора. Следует заметить, что данное министерство занимало в российской системе государственного управления особенное место ввиду того, что министр Двора непосредственно подчинялся только императору и ни одно из учреждений не могло делать ему никаких предписаний, а равно и требовать от него каких-либо отчетов.

V

В окончательном виде проект Положения об Императорской Археологической Комиссии в виде опыта на 3 года был утвержден Александром II по докладу министра Двора 2 февраля 1859 г. В первом параграфе Положения определялись цели Комиссии: «1) розыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией; 2) собрание сведений о находящихся в государстве как народных, так и других памятниках древности; 3) ученую оценку открываемых древностей». В разделе «Действия Комиссии» определялся круг ее задач и способы достижения поставленных целей: «§ 5. Для изыскания древностей Комиссия раскапывает древние курганы и производит земляные раскопки на местах, или замечательных в историческом отношении, или дающих повод рассчитывать на открытие древностей. § 6. Комиссии предоставляется следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности... § 7. Комиссия, в меру средств своих, заботится, чтобы в том случае, когда настает надобность уничтожить какой-либо остаток древности, как-то: памятник зодчества, курган и проч., или произвести большие земляные работы на месте древнего города или замечательного урочища, которые находятся на землях казенных или общественных, приняты были, по возможности, нужные археологические меры и если при работах этих ожидаются важные археологические открытия, то чтобы к ним мог быть допущен ее чиновник» (1859 г., д. 1, л. 3–6). Восьмой параграф был логическим продолжением предыдущего: «Комиссия следит за земляными работами, предпринимаемыми в больших размерах, как, например: при проведении линий железных дорог, шоссе и проч., дабы, насколько окажется возможным, воспользоваться этими случаями для археологических открытий». Как видим, в утвержденном Положении уже не было пункта о разрешении раскопок на казенных и общественных землях, а формулировки были довольно расплывчаты и неопределенны, никаких конкретных рычагов воздействия для осуществления своих полномочий Комиссия не получала.

Параграф 10 для поощрения к предъявлению случайных находок в Археологическую Комиссию устанавливал денежное вознаграждение находчикам древних вещей «не только ценою золота, серебра или иного вещества, из которого они сделаны, но и археологическим достоинством их и редкостью». Следующие параграфы 11–13 определяли порядок, при котором «замечательнейшие из вещей, открываемых Комиссией или поступивших в нее, представляются на воззрение государя императора и, с соизволения его императорского величества, помещаются в императорский музей Эрмитаж или в другие высочайше назначенные места». Вещи из раскопок самой Комиссии, не получившие «высочайшего назначения», остаются в ее распоряжении, и она может передавать их по своему усмотрению в другие музеи и «древнехранилища». Все почтовые отправления самой Комиссии и ее членов, адресуемые на имя председателя, подлежали бесплатной пересылке.

Исследователи отмечают, что параграфы Положения в окончательной редакции приобрели более неопределенное звучание, нежели пункты проекта С.Г. Строганова. Так, параграф 6 проекта четко регламентировал функции новой Комиссии: «Как разыскания древностей представляются Комиссии, поэтому никакие земляные работы, предпринимаемые с этой целью, не могут быть допущены на землях казенных и общественных без предварительного сношения с ее председателем, который для всех подобных работ выдает пояснительные инструкции, как для более успешного производства их, так и для того, чтоб они не лишались того значения, которые они имеют для науки». Параграф 13 проекта предполагал создание всероссийского археологического архива: «Археологическая комиссия хранит у себя все дела об археологических разысканиях и открытиях, равно как и принадлежащие к ним рисунки, планы и модели. Не прибегая к усиленным мерам, она должна с течением времени собрать и все прежде производимые по этому дела, дабы в ней сосредоточены были все сведения о древних достопамятностях государства». Эти пункты не нашли отражения в уставе ИАК, что в конце концов предопределило сложность ее взаимоотношений с учеными обществами (Пескарева, Рябинин 1984: 301).

Тот факт, что ИАК, согласно пунктам 1 и 2 Положения, «находилась в ведении» Министерства императорского Двора и состояла в нем «отдельным учреждением», заставляет нас обратиться к истории этого министерства. Оно было образовано 22 августа 1826 г. как Министерство императорского Двора и уделов, объединив в себе различные ведомства, связанные преимущественно с обеспечением российской императорской фамилии, которые, однако, могли выполнять и общественно-правовые функции. Такая двойственность министерства и его принципиальное отличие от подобных учреждений в Европе неоднократно подчеркивались исследователями его истории и юридического статуса (Ивановский 1895–1896: 407–422). В разное время в него вошли Кабинет его императорского величества, Департамент уделов, Канцелярия, Капитул российских императорских орденов, Придворная конюшенная контора, Егермейстерская и Гофинтендантская конторы, Придворное духовенство, Придворная певческая капелла, Великокняжеские дворы, Дворцовые управления, Контроль Министерства императорского Двора, Эрмитаж, Императорская Академия художеств, Дирекция императорских санкт-петербургских театров, Управление императорских фарфоровых и стекольных заводов, Петергофская гранильная фабрика, Санкт-Петербургский ботанический сад... Ведомство обладало достаточно внушительным штатом: в 1878 г. здесь служил 1151 чиновник, а в 1914 — 1157 штатных и 124 внештатных чиновника. 30 августа 1852 г. Министерство императорского Двора и уделов было разделено на собственно Министерство императорского Двора и Министерство уделов; во главе последнего и встал бывший министр внутренних дел Л. А. Перовский. Однако уже 24 ноября 1856 г., после его кончины, Министерство императорского Двора и уделов восстановлено в прежнем составе. Именно в ведение реформированного

министерства и вошла ИАК. Это ведомство подверглось существенной реформе по «Учреждению Министерства императорского Двора» от 16 апреля 1893 г., что отчасти затронуло, как мы увидим, и саму Комиссию.

Первым министром Двора был П. М. Волконский (1826–1852), а начальный период деятельности ИАК пришелся на время заведования министерством В. Ф. Адлербергом (1852–1870) и А. В. Адлербергом (1870–1881). Таким образом, «эпоха Строганова» в ИАК (1859–1882) совпала с «эпохой двух Адлербергов». Следующими министрами были И. И. Воронцов-Дашков (1881–1897) и В. Б. Фредерикс (1897–28 февраля 1917).

Первоначальный штат Археологической Комиссии состоял из председателя, назначаемого высочайшим повелением, которому никакого жалования не предусматривалось; одного старшего члена с 1200 руб. жалования в год; двух младших членов по 1000 руб., производителя дел (800 руб.); журналиста (350 руб.); канцелярского чиновника (200 руб.) и художника (500 руб.). В штат Комиссии были включены директор Керченского музея (928 руб.) и его помощник (572 руб.). На раскопки выделялось 10 000 руб. ежегодно. Таким образом, общий годовой бюджет Археологической Комиссии первоначально составлял 17 764 руб. Разместилась Комиссия в двух небольших комнатках, выделенных для нее С. Г. Строгановым в собственном дворце на углу Невского проспекта и Мойки (Невский проспект, 17). В скором времени, 1 ноября 1859 г., он был вынужден ходатайствовать о предоставлении другого помещения, так как в его доме весьма тесно, но на это предложение уже 5 ноября последовал отказ министерства и до 1882 г., до переезда в Эрмитаж, Комиссия не имела своего помещения, ютясь в Строгановском дворце, что, по собственному высказыванию графа, делало ее существование «крайне стеснительным» (1859 г., д. 1, л. 7–15).

То, что Комиссия была учреждением Министерства императорского Двора, позволяло ее служащим носить мундир министерства (параграф 27 Положения об ИАК). В отставку они также выходили с «правом ношения мундира». Он был из темно-зеленого сукна с алым суконным воротником и обшлагами с золотым шитьем. В начале деятельности Комиссии его носили согласно «Описанию формы одежды чинам гражданского ведомства и правилам ношения сей формы» от 2 июня 1855 г. и «Описанию изменениям в форме одежды чинов гражданского ведомства» от 8 марта 1856 г. Впоследствии форменная одежда была упрощена и ей была придана большая практичность. Изменился фасон мундира, превратившийся в полукафтан за счет уменьшения длины фалд. Следующий «Свод правил о ношении форменной одежды» появился 6 мая 1894 г. Наконец, в результате реформы 1 июля 1904 г. была установлена новая форма, просуществовавшая до 1917 г., основными элементами которой кроме известного полукафтана становились сюртук и тужурка (Шепелев 1999: 233–256, 394–398; 2005: 266–276, 294–295, 346–350).

С. Г. Строганову пришлось не только создавать коллектив профессиональных исследователей, но и искать людей, способных обеспечить их деятельность, а также контролировать процесс археологических исследований и обнаружения случайных находок на территории России. Одним из первых сотрудников нового учреждения стал Павел Степанович Савельев, выпускник Петербургского университета, специалист по восточным языкам и нумизматике, который из канцелярии Комитета правления Академии наук был еще в январе 1853 г. причислен к Кабинету. В мае того же года вместе с А. С. Уваровым он отправился на раскопки владимирских курганов (Уваров 1871). П. С. Савельев умер 19 мая 1859 г., вскоре после назначения в ИАК (1860 г., д. 35). Стоит отметить, что его научное наследие, а именно материалы раскопок во Владимиро-Суздальском ополье, так и не было востребовано ИАК, и в 1861 г. его попыталось использовать РАО. 14 марта 1861 г. Общество обратилось к С. Г. Строганову

Александр Владимирович Адлерберг (1818–1888), министр императорского Двора в 1870–1881 гг.

Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1916), министр императорского Двора в 1881–1897 гг.

Владимир Борисович Фредерикс (1838–1927), министр императорского Двора в 1897–1917 гг.

с вопросом, «не найдется ли препятствий к изданию» полевых дневников П. С. Савельева с планами и рисунками 1853–1854 гг. и нет ли других материалов по этому поводу в архиве ИАК. Материалов не было, препятствий не встретилось (1861 г., д. 13. л. 3).

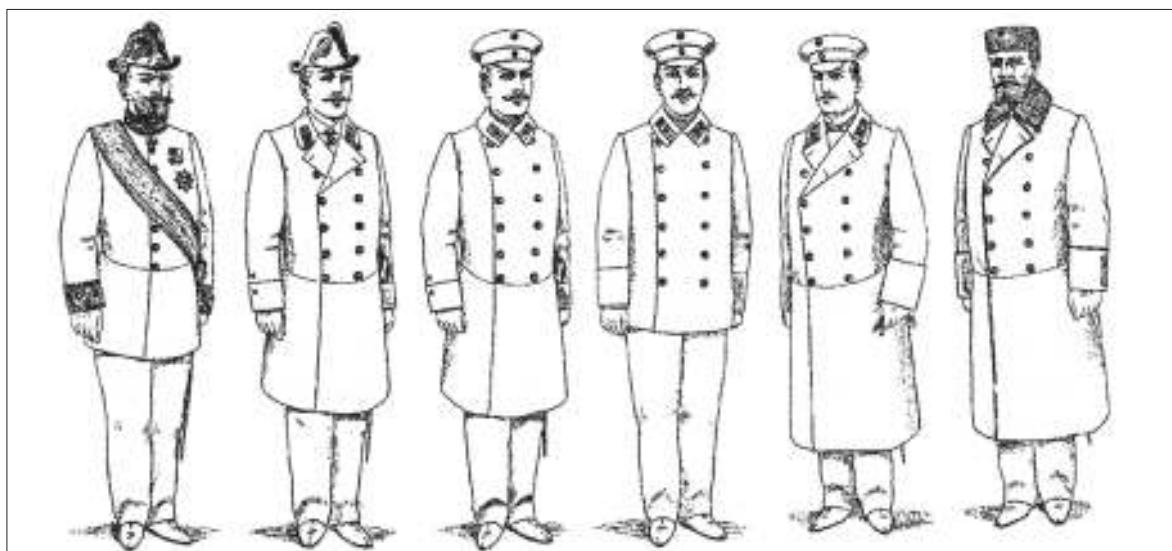
Младшим членом Комиссии был назначен Иван Егорович Забелин (Формозов 1984), предварительный разговор С. Г. Строганова с которым состоялся еще в конце 1857 г., что явствует как из дневников самого И. Е. Забелина, так и из официальной переписки. Сам граф, будучи назначенным на должность председателя Комиссии в Петербурге 9 февраля 1859 г., но продолжавший проводить значительную часть времени в Москве, уже 6 марта сделал официальное предложение И. Е. Забелину перейти на работу в Комиссию (1859 г., д. 5). 29 марта 1859 г. Министерство императорского Двора разрешает ему перейти в ИАК по завершении дел архивариуса в Московской Дворцовой палате. Однако 8 июня 1859 г. С. Г. Строганов просит ускорить перевод И. Е. Забелина в Комиссию в связи с тем, что он предполагает командировать его на раскопки в Екатеринославскую губернию (Там же, л. 12), в результате чего 3 июля 1859 г. И. Е. Забелин был задним числом, с 9 июня, переведен в Комиссию на должность младшего члена.

Строгановский дворец, Невский проспект, 17 – первое помещение Императорской Археологической Комиссии (ФА, II 2548)

Мундир чиновников императорского Двора, 1855–1856 гг. (Шепелев 2005)

Покрой форменной одежды чиновников по законам 1903–1904 гг. (Шепелев 2005: 294)

Известно, что труды И.Е. Забелина в Комиссии в значительной степени способствовали созданию фонда археологических источников по археологии Северного Причерноморья. Однако его подлинный интерес всегда был связан с древностями русского быта, и, несмотря на необходимость исполнять служебные обязанности, И.Е. Забелин всегда искал возможность трудиться в раз и навсегда избранной им области. Об этом, в частности, свидетельствует переписка председателя ИАК С.Г. Строганова с руководителями государственных архивов на предмет допуска И.Е. Забелина к фондам этих собраний. 21 апреля 1860 г. С.Г. Строганов просил канцлера А.М. Горчакова (1860 г., д. 12, л. 1) разрешить И.Е. Забелину ознакомиться с делами приказа Тайных дел, хранившимися в Государственном архиве МИД, с целью исследования домашнего быта русских царей, что после доклада императору ему было разрешено с условием, что выписки не могут быть опубликованы без предварительного рассмотрения их председателем ИАК С.Г. Строгановым. Другое письмо в мае было отправлено министру Двора В.Ф. Адлербергу с просьбой разрешить И.Е. Забелину, исследующему «русские древности», доступ в архивы

Павел Степанович Савельев
(СПбФА РАН, Р.Х, оп.1-С, д. 319, л.1)

величества для археологических работ. С 1853 г. производил раскопки во Владимирской, Ярославской и Екатеринославской губерниях. Изучал Спасо-Преображенский собор, соборную площадь и прилегающие к ней валы Переславля-Залесского, культурный слой городища Александрова гора под Переславлем, Сарское городище под Ростовом.

Осн. соч.: Обзорные географические открытий и путешествий, совершенных в средней части Азии с древнейших времен до наших. СПб., 1848; Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де-Ланноа в 1412–1414 гг. // Географические известия. СПб., 1850; Введение и примечания к запискам о Коканском ханстве хорунжого Потанина // Вестник Императорского географического общества. 1856.

Лит. о нем: Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева. СПб., 1861.

Савельев Павел Степанович

(23.06.1814–19.05.1859) — археолог, востоковед-арабист, нумизмат. Совершил целый ряд открытий в области золотоордынской нумизматики и топографии монетных кладов в России, популяризатор нумизматическо-археологических сведений о Востоке. Сын купца, воспитанник Санкт-Петербургского университета (занимался арабским и турецким языками) и Института восточных языков при Министерстве иностранных дел. С 1837 по 1841 г. работал помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения». Более 10 лет служил в Комитете иностранной цензуры. В 1846 г. им написана «Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. I. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII–XI веков в России и прибалтийских странах», удостоенная Демидовской премии. Был членом Парижского Азиатского общества (1837); членом и основателем Русского археологического общества (1846), секретарем и редактором его «Записок», «Трудов» и «Известий». Всего в изданиях общества П. С. Савельев напечатал до 70 статей, из которых большая часть относится к нумизматике и археологии Средней и Передней Азии. С 1847 г. — член Санкт-Петербургского географического общества, позже входит в его совет. В 1853 г. переведен в Министерство уделов и причислен к Кабинету его

Московской дворцовой конторы и Оружейной палаты. 18 мая 1863 г. подобное письмо направляется министру юстиции с просьбой допустить в московский архив министерства (Там же, л. 3–5). Эти документы свидетельствуют об определенном противоречии между задачами, которые И. Е. Забелин ставил сам себе, и задачами, которые перед ним ставила служба в ИАК.

Не без оснований предполагаем, что уход И. Е. Забелина из Комиссии в 1876 г. в значительной степени мотивировался драматической ситуацией, когда он был вынужден заниматься не тем, что его интересовало и чем он продолжал заниматься на самом деле, — русскими средневековыми древностями. Сам И. Е. Забелин записал в 1866 г. в своем дневнике: «Я сделался чиновником для раскопок, в то время, как ваше сиятельство, при определении меня назначали, словом, быть членом для „русских древностей“. Держите нас весьма умеренной степени вознаграждения за отличие» (Забелин 2001: 89).

Забелин Иван Егорович

(17.09.1820–31.12.1908) — историк, археолог, коллекционер, музеевед. Уроженец Твери. Образование получил в Преображенском сиротском училище. По окончании училища в 1837 г. зачислен канцелярским служащим в Оружейную палату. В 1840 г. написал первую работу, затем последовали другие сочинения. В 1848 г. был назначен помощником архивариуса, в 1855 г. — архивариусом Московской дворцовой конторы. В 1850 г. член-сотрудник, затем в 1888 г. действительный и в 1892 г. почетный член РАО. Действительный (1864) и почетный (1894) член МАО. С 1859 г. — младший, затем старший, с 1886 г. почетный член ИАК. До 1873 г. проводил раскопки скифских курганов на юге России в Поднепровье и на Таманском полуострове. Результаты раскопок описаны в «Древностях Геродотовой Скифии» (1866, 1873) и в «Отчетах» Археологической Комиссии. В 1871 г. получил степень почетного доктора русской истории в университете св. Владимира, в 1884 г. — в Московском университете, в 1885 г. — в Петербургском университете. В 1879 г. избран председателем Общества истории и древностей российских. С 1884 г. член-корреспондент, а с 1892 г. — почетный член Академии наук. С 1872 г. входил в комиссию по постройке здания Исторического музея. В 1884 г. был назначен товарищем председателя музея. В 1880 г. назначен руководителем группы по написанию истории Москвы. Им была собрана огромная коллекция — рукописи, карты, иконы, эстампы, нумизматические знаки, обширная библиотека. По завещанию передана в Исторический музей. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Осн. соч.: Домашний быт русских царей в XVI–XVII веках. М., 1862 (переизд.: М., 1990); Домашний быт русских цариц в XVI–XVII веках. М., 1869; Историческое описание московского Донского монастыря. М., 1865; Кунцево и древний Сетунский стан. М., 1873; Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки. М., 1887; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. М., 1891–1894.

Лит. о нем: Анучин Д. Н. И. Е. Забелин как археолог. М., 1909; Кузьминский К. С. И. Е. Забелин и его печатные труды. М., 1912; Арциховский А. В. Забелин-археолог // Историко-археологический сборник. М., 1948; Формозов А. А. Историк Москвы И. Е. Забелин. М., 1984; И. Е. Забелин. Библиографический указатель / Сост. О. Ф. Бойкова. М., 1988.

Иван Егорович Забелин.
Портрет работы И.Е. Репина. 1877 г.

И. Е. Забелин был в момент перехода в Комиссию в расцвете творческих сил — ему исполнилось 39 лет. По мнению А. А. Формозова, наиболее вдумчивого биографа Ивана Егоровича, неожиданное решение кардинально изменить свою жизнь, принять должность в ИАК и вплотную заняться археологическими раскопками на юге России было продиктовано стремлением открыть новый путь изучения русской истории, всегда его интересовавшей (Формозов, 1984: 98–99). По выражению рано умершего друга И. Е. Забелина В. В. Пассека, раскопки курганов и городищ открыли бы новую летопись, «не обезображенную переписчиками, неопровержимую для наших кабинетных скептиков» (цит. по: Формозов 1984: 98). «Эти идеи, несомненно, были близки Забелину, — пишет А. А. Формозов. — Взявшись за раскопки, он надеялся получить принципиально новый обширный материал о быте Древней Руси в первые века ее истории...» (Там же: 99). Однако в годы службы в ИАК эти интересы не реализовывались в его полевой деятельности: от И. Е. Забелина «требовали новых и новых золотых вещей для пополнения Эрмитажа, а ему хотелось спокойно искать следы древнего домашнего быта. Его перекидывали с Днепра на Тамань, оттуда на Буг и не давали приблизиться к более северным коренным русским краям» (Там же: 110–111).

После ухода И. Е. Забелина младшим членом Комиссии с 1 июня 1876 г. становится Н. П. Кондаков, профессор Новороссийского университета (с 1877 г.), «отец иконографического метода», специалист по византийскому и древнерусскому христианскому искусству, автор понятия об иконографическом типе (Лазарев 1925). Очевидно, не без связи с готовящейся отставкой И. Е. Забелина известный знаток русских древностей и заведующий коллекцией Оружейной палаты Г. Д. Филимонов 24 апреля 1876 г. обратился к председателю ИАК С. Г. Строганову с просьбой о переводе его в состав Комиссии. В прошении говорилось: «Осмелюсь просить Ваше Сиятельство оказать мне высокую милость, переводом меня из безысходной моей службы в Оружейной Палате под непосредственное начало Ваше» (1876 г., д. 6, л. 8). 26 апреля последовал ответ С. Г. Строганова, который не мог исполнить просьбы: на вакантное место уже был приглашен Н. П. Кондаков.

Назначение Н. П. Кондакова в штат ИАК должно объясняться его изначальным вниманием к античному искусству, проявившимся в магистерской диссертации 1873 г. и археологических поездках по северному Причерноморью. Впоследствии Н. П. Кондаков как младший член ИАК занимался исключительно археологическими исследованиями в Керчи (1876, 1878, 1882, 1883, 1885 гг.), на Таманском полуострове и Кубани (1877, 1878, 1880 гг.), под Евпаторией (1887 г.), в Феодосии (1887 г.) и Херсонесе (1888, 1889, 1890) (Никодим Павлович Кондаков 2001). Однако к моменту назначения он уже в полной мере заявил о себе как о крупном специалисте не по античному, а по христианскому искусству. Уход Н. П. Кондакова из Комиссии в 1891 г. помимо причин личного характера, очевидно, был продиктован и непреодолимыми противоречиями между основными научными интересами исследователя и его служебными обязанностями как члена ИАК.

Не исключено, что подобное отношение к славяно-русским и средневековым древностям со стороны ИАК диктовалось воззрениями ее председателя. С. Г. Строганов был достойнейшим человеком, храбрым генералом, любителем и знатоком искусств, имевшим, по словам того же И. Е. Забелина, «редкий талант... охранять людей науки от антинаучных напастей и невзгод» (Забелин 1893: 5). При этом граф всю жизнь оставался крайним и ярким «западником», убежденным в том, что «никакого русского искусства до реформы Петра не могло существовать, что если и есть какие-либо достойные памятники, то все они воспроизведены иностранными мастерами...» (цит. по: Формозов 1984: 39). Отсюда его интерес к Димитриевскому собору

во Владимире, в резьбе которого он почувствовал Францию задолго до того, как это было доказано научно (Строганов 1849; Иоаннисян 2007: 277–315).

Формирование штата Комиссии при С. Г. Строганове продолжалось весьма активно, но место старшего члена продолжало оставаться не занятым. В конце декабря 1877 г. к С. Г. Строганову обратился помощник хранителя древностей Эрмитажа ганноверский подданный, член-корреспондент Археологического института в Риме Иван Давыдович Дель (1832–1879) с просьбой принять его на службу в ИАК, с оставлением, однако, при прежней должности (1878 г., д. 35). Поскольку со стороны Эрмитажа возражений не встретилось, то он стал младшим членом Комиссии 1 января 1878 г., однако заметного следа в ее деятельности не оставил. Уже в мае он был уволен в отпуск по стоянию здоровья, в сентябре 1879 г. был командирован министром Двора за границу для изучения методов составления коллекционных каталогов, где 24 октября и скончался (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 57).

Определенную роль в организации деятельности Комиссии сыграл Александр Станиславович Линевиц. 24 февраля 1859 г. он обратился к С. Г. Строганову с просьбой принять его в Комиссию в должности производителя дел, на следующий день последовала

Кондаков Никодим Павлович

(1.11.1844–17.02.1925) — историк византийского и древнерусского искусства, археолог. Образование получил на историко-филологическом факультете Московского университета. С 1870 г. преподавал в Новороссийском университете в Одессе. В 1877 г. получил звание профессора, защитил докторскую диссертацию «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей». Удостоен за нее золотой медали ИРАО. В 1870–1890-е гг. совершил несколько экспедиций по странам Востока и Европы с целью сбора научного материала. С 1876 г. — младший член Императорской Археологической Комиссии, с февраля 1891 г. уволен согласно прошению. Вел раскопки в Крыму, проводил исследования монастырей на Кавказе. Обследовал памятники Синая, Сирии, Палестины, Афона, Македонии. Работал в крупнейших музеях Европы, изучал памятники Константинополя, древности русских городов. С 1888 по 1897 г. — профессор кафедры истории искусств Санкт-Петербургского университета, преподавал также на петербургских Высших Женских курсах. В 1888–1893 гг. — старший хранитель Отделения искусства средних веков и эпохи Возрождения Эрмитажа. Действительный (1886) и почетный (1896) член, помощник председателя (1916–1918) и председатель (1918–1922) ИРАО. В 1898 г. избран членом Императорской Академии наук. В 1901 г. организовал Комитет попечительства о русской иконописи, а затем руководил им. С 1919 г. в эмиграции. Жил в Софии, с 1922 г. — в Праге. Преподавал в Карловом университете, где объединил вокруг себя кружок молодых ученых, известный под названием *Seminarium Kondakovianum*, который в 1931 г. преобразован в Археологический институт им. Кондакова.
Осн. соч.: Путешествие на Синай. Древности Синайского монастыря. Одесса, 1882; Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1887; Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1898. Т. 1; Иконография Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. СПб., 1905; Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909; Иконография Богоматери. СПб., 1914; Пг., 1915. Т. 1–2; Русская икона. Прага, 1928–1933. Т. 1–4.
Лит. о нем: Редин Е. К. Никодим Павлович Кондаков. СПб., 1897; Лазарев В. Н. Н. П. Кондаков. 1844–1925, М., 1925; Никодим Павлович Кондаков 1844–1925. Личность, научное наследие, архив. СПб., 2001.

Никодим Павлович Кондаков

положительная резолюция председателя, а еще через день — просьба графа о переводе про- сителя из Кабинета его императорского величества в Комиссию (1859 г., д. 2, л. 3, 4). Однако 23 ноября 1861 г. он скончался «после тяжелой болезни», и уже 24 ноября С. Г. Строганов в письме просил И. Е. Забелина приехать в Петербург как можно скорее, чтобы принять дела ИАК (1861 г., д. 28, л. 1, 3).

Новым делопроизводителем Комиссии с 23 декабря 1861 г. стал Владимир Густавович Тизенгаузен, член-корреспондент Императорского Русского археологического общества, секретарь его восточного отделения и хранитель отделения музея. Его роль в истории Комиссии значительна, выходит за рамки первоначально занимаемой им должности и требует отдельного рассмотрения. Да и сам В. Г. Тизенгаузен, обращаясь 27 ноября 1861 г. к С. Г. Строганову, не будучи лично с ним знакомым, вряд ли предполагал, что он придет в ИАК в качестве делопроизводителя. В заявлении он писал: «Занимаясь исследованиями по части истории и древностей Востока и желая принять участие в археологических разысканиях, производимых в России по распоряжению императорского Двора, я счел бы за особую честь поступить в состав находящейся под ведением Вашего Сиятельства Императорской Археологической комиссии» (1861 г., д. 30, л. 1). При этом он ссылаясь на свои работы об арабских монетах и сообщал о намерении представить в ИАК записку о важности раскопок в Булгаре, а также собрать материалы письменных источников о Золотой Орде.

Очевидно, кончина А. С. Линевича ускорила появление этого письма, однако сам Тизенгаузен явно предполагал заниматься в составе Комиссии научной деятельностью. 15 декабря С. Г. Строганов наложил на письме резолюцию об определении В. Г. Тизенгаузена на место скончавшегося делопроизводителя. С 1857 г. он состоял на службе в Строительной конторе Министерства императорского Двора. Через три года после назначения в Комиссию 31 марта 1864 г. В. Г. Тизенгаузена перевели на должность младшего члена с сохранением обязанностей производителя, которые он выполнял до 1873 г., и прибавкой 1000 руб. жалования в год (1863 г., д. 11, л. 10), с 1 июля 1876 г. он стал старшим членом, с 1886 г. начал «исправлять должность» председателя ИАК в случае его отъездов. В декабре 1894 г. именно для В. Г. Тизенгаузена была введена не предусмотренная Положением об ИАК экстраординарная должность товарища председателя Императорской Археологической Комиссии.

В. Г. Тизенгаузен, ученик академика Х. Д. Френа, был близок с людьми, чья деятельность также была связана с ИАК, — П. С. Савельевым и П. И. Лерхом, благодаря которому последний и пришел в ИАК в качестве делопроизводителя в 1873 г. (Розен 1906: 231–236; Веселовский 1887: СХIV–СХХ; Тихонов 2007b: 220–244). В 1868 г. В. Г. Тизенгаузен был избран членом-корреспондентом Нормандского общества антиквариев. Если его уход из Русского археологического общества не находит убедительных объяснений, кроме чрезвычайной занятости делами ИАК, то в 1889 г. он осознанно сложил с себя полученное в феврале 1865 г. звание члена Московского археологического общества из-за возникших разногласий между Археологической Комиссией и МАО.

С именем В. Г. Тизенгаузена связано развитие «восточного направления» в деятельности ИАК, а его раскопки 1860-х гг. положили начало изучению «меотских» памятников. В мае

Линевич Александр Станиславович (ок. 1830–23.11.1861), — действительный статский советник, из мещан. Окончил курс в Московском университете по юридическому факультету в 1852 г. Определен на службу чиновником при Керченском музее в 1853 г. Уволен в 1855 г. по состоянию здоровья. Зачислен на службу в ИАК в качестве производителя дел в 1859 г.
Источник: 1859 г., д. 2; 1861 г., д. 28.

1863 г. ему было выделено 600 руб. из бюджета Комиссии, чтобы он мог познакомиться с раскопками, проводимыми ИАК на юге России. Первый опыт В.Г. Тизенгаузен получил под руководством старшего члена ИАК И.Е. Забелина на завершающем этапе раскопок Чертомлыцкого кургана. С 1867 г. он вел раскопки на Тамани, а в 1875 г. руководил исследованием Семибратних курганов, на что была выделена весьма солидная сумма, составившая 5850 руб., почти половина годового бюджета Комиссии в то время (1875 г., д. 3, л. 10).

Однако его подлинным научным интересом всегда оставалась восточная археология и древности Золотой Орды. С деятельностью этого члена ИАК связано издание и исследование письменных сведений восточных авторов о Золотой Орде. Этот проект, рассчитанный на четыре тома, был предпринят В.Г. Тизенгаузеном на личные средства его непосредственного «патрона» по Археологической Комиссии графа С.Г. Строганова (Сборник материалов 1884). Вторым том увидел свет лишь много лет спустя. Ради этого предприятия В.Г. Тизенгаузен не только представил пояснительную записку к изданию (1880 г., д. 5, л. 5–6), но и собирался совершить ученое 6-месячное путешествие по Европе и посетить Берлин, Лейпциг, Бонн, Мюнхен, Вену, Лейден, Париж и Лондон. С.Г. Строганов в январе 1880 г. обратился к министру народного просвещения Д.А. Толстому за материальной поддержкой этого предприятия, прося

Тизенгаузен Владимир Густавович
(Эрнст Вольдемар) фон

(21.02.1825–2.02.1902) — востоковед-арабист, нумизмат, археолог. Родился в Нарве. В 1848 г. окончил курс в Санкт-Петербургском университете по отделению восточной словесности. После окончания служил письмоводителем, а затем столоначальником в разных учреждениях. В 1861 г. поступил в Археологическую Комиссию, в которой прослужил почти до самой смерти. Занимал должности: производитель дел (1861–1864), младший (1864–1876), старший (1876–1894) член, товарищ председателя (1894–1900) и редактор «Отчетов ИАК» (1861–1897). В 1864–1884 гг. по заданию Археологической Комиссии провел многочисленные раскопки курганов и городищ на Нижнем Дону, в Поволжье, на Таманском полуострове, в Ольвии. Главные его труды посвящены восточной нумизматике, также им проделан огромный труд по собиранию восточных сведений (арабских, персидских и турецких источников) о Золотой Орде. Член-корреспондент (1854), действительный член (1866), почетный (1891), первый официальный хранитель музея (1861–1866) РАО. Действительный член МАО (1865–1889), Германского восточного общества (1848), ООИД (1882), ТУАК (1889), общества антикваров Нормандии. Член-корреспондент по разряду восточной словесности ИАН (1893), почетный член РАИК (1896).

Осн. соч.: О саманидских монетах. СПб., 1855; Монеты восточного халифата. СПб., 1873; Обзор совершенных в России трудов по восточной нумизматике. СПб., 1876; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечение из арабских источников. СПб., 1884. Т. 1; Материалы для библиографии мусульманской археологии. Из бумаг В.Г. Тизенгаузена // Записки Восточного отделения ИРАО. Вып. 1. 1906. Т. 16; С. 79–145; Вып. 3. С. 213–416.

Лит. о нем: Барон В.Г. Тизенгаузен: Некролог; Библиографический список трудов В.Г. Тизенгаузена // Известия ИАК. 1902. Вып. 2. С. 112–126; Розен В. Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена // Записки восточного отделения ИРАО. 1904. Т. 16, вып. 2–3; Тихонов И.Л. Русский востоковед, нумизмат, археолог В.Г. Тизенгаузен // ЕΥΧΑΡΙΣΤΗΡΙΟΝ: Антиковедческо-историографический сборник памяти Я.В. Доманского. СПб., 2007. С. 220–244.

Владимир Густавович Тизенгаузен
(СПбФА РАН, Р.Х, оп. 1-Т, д. 3, л. 1)

на все расходы даровать 2000 руб. и указывая, что накануне 500-летнего юбилея Куликовской битвы подобное издание пришлось бы весьма кстати. Министр во вспомоществовании отказал, однако переслал подписанный Д. А. Дорном, В. Р. Розеном и А. А. Куником положительный отзыв на проект издания конференции Академии наук (Там же, л. 2–3). В марте 1880 г. средства на поездку все же были получены от министра императорского Двора.

Вообще, именно В. Г. Тизенгаузену во многом принадлежала едва ли не центральная роль в организации деятельности ИАК в первые три десятилетия существования. Особенно эта роль возросла после отставки графа С. Г. Строганова в 1882 г., когда новый председатель Комиссии А. А. Васильчиков, одновременно бывший директором Императорского Эрмитажа, не мог уделять много времени делам Комиссии. Именно в это время В. Г. Тизенгаузен практически в одиночку ведет огромную переписку с исследователями на местах, в 1882–1886 гг. работает над проектами нового Положения и штатов Комиссии, защищает ИАК от попыток ее реорганизации или просто вытеснения из общественного пространства Империи. Немало труда он потратил на приведение в порядок библиотеки Комиссии, каталоги которой часто вел собственноручно. По 1897 г. он редактировал и готовил к изданию «Отчеты» Комиссии и переписывался с авторами раскопок. Интересно, что в 1880–1890 гг. В. Г. Тизенгаузен предлагал Комиссии сосредоточиться на «разыскании предметов древности, относящихся к отечественной истории», что очевидно было связано с началом осуществления национально ориентированной культурной политики Александра III.

Отмечая заслуги В. Г. Тизенгаузена в организации работы Комиссии, необходимо указать, что непосредственным создателем делопроизводства ИАК стал Илья Алексеевич Суслов, принятый на должность журналиста Комиссии 1 января 1866 г. (1865 г., д. 24). Он имел музыкальное образование и происходил из солдатских детей лейб-гвардии Семеновского полка. Он достаточно быстро сделал чиновную карьеру в ИАК, куда пришел коллежским регистратором: в 1871 г. он губернский секретарь, в 1875 г. титулярный советник, в 1878 г. коллежский асессор, в 1882 г. произведен в надворные советники за «отлично-усердную службу», в 1888 г. он становится коллежским советником. 1 декабря 1902 г. И. А. Суслов был уволен на пенсию по болезни с сохранением права ношения мундира (1865 г., д. 24, л. 265–265 об.). Будучи журналистом ИАК, он начинает с 3 февраля 1877 г. исполнять обязанности делопроизводителя в связи с болезнью П. И. Лерха, а с 1 января 1878 г. И. А. Суслов утвержден в этой должности. Интересно, что в конце 1900-х гг. И. А. Суслов, имея в виду получить для себя новые льготы и выплаты, настаивал на 49 с половиной годах государственной службы, тогда как А. А. Бобринской везде указывал 36 лет и 10 месяцев службы в Комиссии. Несколько слов о причине такого «несопадения в счете» будет сказано далее. Необходимо отметить, что именно с деятельностью И. А. Суслова связана унификация многих форм отчетной и корреспондентской документации ИАК в 1870–1890-х гг., о чем подробнее еще будет сказано. При нем в 1899 г. в делопроизводство вводится печатная машинка.

Человеком, которого И. А. Суслов непосредственно сменил на посту делопроизводителя Комиссии, был Петр Иванович Лерх, который пришел в ИАК, очевидно, не без совета В. Г. Тизенгаузена, чьи «восточные интересы» он также разделял. 12 марта 1873 г. П. И. Лерх,

Сулов Илья Алексеевич (20.06.1836–1918?) — происходил из солдатских детей лейб-гвардии Семеновского полка, имел музыкальное образование. С 1866 г. журналист, с 1878 по 1902 г. — делопроизводитель ИАК, много сделал для налаживания делопроизводства и унификации отчетности Комиссии. С 1888 г. коллежский советник. 1 декабря 1902 г. вышел в отставку из-за конфликта с членами Комиссии Н. И. Веселовским и А. А. Спицыным.

Источник: 1865 г., д. 24.

будучи помощником библиотекаря Петербургского университета, пишет прошение о занятии открывающейся вакансии производителя дел. Именно у В. Г. Тизенгаузена он и воспринял эту должность. Специалист по восточным языкам, П. И. Лерх посещал в 1850-х гг. Рославль, где изучал жизнь пленных курдов, а в 1857 г. с научными целями ездил в Хиву и Бухару.

Кроме изучения восточной культуры необходимо отметить вклад П. И. Лерха в изучение древностей каменного и бронзового веков, особенно на Северо-Западе России (Формозов 1986: 187) (подробнее смотри главу VI). Уже в 1865 г., будучи членом ИРАО, П. И. Лерх командировался ИАК для обозрения древностей в Вологодской, Олонецкой и Вятской губерниях и выявления «следов доисторических переселений» (1865 г., д. 15, л. 4 об.; ОИАК за 1865 г. 1866: XII–XV). Он продолжал свои научные занятия в области первобытных древностей и в рамках ИАК. С 15 июля по 15 августа 1874 г. П. И. Лерх принимал участие в Стокгольмском съезде археологов. Он уже участвовал в подобной встрече в 1869 г. в Копенгагене, будучи командирован туда Министерством народного просвещения. ИАК обратилась к министру Двора с обоснованием такой поездки и необходимости ее финансирования. В письме, в частности, говорилось об успешном развитии в Европе доисторической археологии. Восприятие зарубежного опыта в России представлялось крайне важным для осмысления и обработки «случайно добытого материала» и современной «подъемки».

Лерх Петр Иванович

(1828–4.09.1884) — востоковед и археолог, один из первых исследователей каменного века в России. В 1850 г. окончил курс в Петербургском университете по отделению восточной словесности. С 1861 г. библиотекарь РАО, с 1862 г. секретарь отделения западной и классической археологии. В 1873–1877 гг. секретарь Археологической Комиссии, в 1877 г. получил место библиотекаря Петербургского университета. Изучал язык, историю и быт курдских племен. В 1858 г. сопровождал в Хиву и Бухару посольство полковника Н. П. Игнатъева. Летом 1865 г. по заданию ИАК совершил поездку по Олонецкой, Вологодской и Вятской губерниям с целью обзора местных древностей; обзор собранных им материалов помещен в «Отчете Археологической Комиссии» за 1865 г. и изложен в реферате, который он прочел в 1869 г. на антропологическом и историческом Международном съезде в Копенгагене. В начале 1870-х гг. занялся пехлевийским, зендским, согдийским языками и дешифровал надписи на монетах, чеканенных в Бухаре в VII–VIII вв. Об этом открытии был сделан доклад на третьем Международном конгрессе ориенталистов в Петербурге в 1876 г., в подготовке которого он принимал активное участие. Готовил обширное исследование «Монеты бухар-худатов», приблизительно половина исследования была напечатана. Скончался в Гамбурге.

Осн. соч.: Исследования об иранских курдах и их предках, северных халдеях. СПб., 1856–1858. Т. 1–3; Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. СПб., 1870; Орудия каменного и бронзового веков в Европе // Известия ИРАО. 1863. Т. 4, вып. 1–6.

Лит. о нем: Тизенгаузен В. Г., Веселовский Н. И. Петр Иванович Лерх (некролог) // ЖМНП. 1884. № 11. Отд. 4, ноябрь. Ч. 236. С. 57–66; Памяти П. И. Лерха (1827–1884) // Записки ИРАО. 1884. Т. I. С. 104–114; Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 34–37.

Петр Иванович Лерх.
Портрет работы К. К. Кастелли.
Ок. 1878 г. (ГЭ, ЭРГ-28836)

Одновременно в Стокгольме П. И. Лерх имел бы возможность ознакомиться с доисторическими древностями в Национальном музее Швеции.

Однако карьера П. И. Лерха, потрясаяще работоспособного исследователя («он душою и телом предавался делу: можно сказать, ночей недосыпал, обеда не доедал, обращался ко всем и каждому, от кого можно было ожидать доставки интересных предметов»), в Комиссии продлилась не долго. После большого труда по подготовке выставки к Международному съезду ориенталистов в Петербурге в 1876 г. в феврале 1877 г. его разбил паралич: «к хлопотам по выставке, к занятиям в Университете и в Археологической Комиссии присоединились и нравственные потрясения, вызванные болезнями отца и умиравшего дяди». Он просит об увольнении со службы по причине расстроенного здоровья с 1 января 1878 г. Архивное дело сохранило его личную подпись под этим заявлением, сделанную нетвердой рукой. Впоследствии он выезжает в Германию, где в Гамбурге его и настигает кончина (1873 г., д. 10, л. 1, 7, 19–20, 31, 35) (Тизенгаузен, Веселовский 1884: 57–66).

Не реализовалось желание старшего чиновника канцелярии Императорского Эрмитажа, коллежского секретаря Константина Александровича Фельдта (1844–?), ранее служившего в Императорской Публичной библиотеке, который 6 декабря 1879 г. обращается к С. Г. Строганову с просьбой о зачислении его на должность журналиста Комиссии с оставлением при должности в Эрмитаже. Директор «Музеума» А. А. Васильчиков в ответ на запрос председателя ИАК не возражал против такого «совместительства», однако 18 декабря С. Г. Строганов пишет просителю, что «вследствие изменившихся обстоятельств определение состояться не может» (1879 г., д. 36, л. 1, 10). Предположительно, функции журналиста продолжал выполнять И. А. Суслов, получая за это дополнительное вознаграждение.

Александр Ефимович Люценко

и Ярославля // Труды Ярославского Статистического Комитета. 1869. Вып. 5; Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища. СПб., 1880.

Лит. о нем: Житков С. Биографии инженеров путей сообщения. СПб., 1893. Вып. 2. С. 75–76; ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М., 1915. Т. 2. С. 212; Марти Ю. Сто лет Керченского музея: Исторический очерк. Керчь, 1926; Лазенкова Л. М. Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003.

Люценко Александр Ефимович

(31.07.1807–28.01.1884) — инженер путей сообщений, археолог, коллекционер монет. Член-корреспондент ИМАО (1869). Сын писателя Е. П. Люценко. Закончил Военно-строительное училище путей сообщения (1823) и Институт корпуса инженеров путей сообщения (1825). В 1825–1837 гг. служил в корпусе инженеров в различных округах путей сообщения. С 1838 по 1852 г. — преподаватель училища гражданских инженеров. В 1853 г. — чиновник Кабинета его императорского величества. В 1853 г. занял место директора Керченского музея. С 1859 г. в штате ИАК. Производил раскопки в окрестностях Феодосии, Керчи, на Таманском полуострове, доследовал Александропольский курган. Раскопки стали производить по определенному плану и в строгой последовательности. Впервые ввел в практику съемку планов разыскиваемых курганов, его научные отчеты отличались большой обстоятельностью. В 1878 г. вышел в отставку. Умер в Петербурге.

Осн. соч.: О древних княжеских монетах Ростова, Углича

Художником Комиссии уже в 1859 г. стал губернский секретарь Иван Никитич Медведев (1828–1886). Он окончил Дворцовое архитектурное училище, служил в Санкт-Петербургском губернском правлении, а с 1852 г. был прикомандирован к А. С. Уварову, работал с ним в Херсонесе и поступил на службу в Министерство уделов, откуда впоследствии перешел в Министерство Двора и ИАК. 1 апреля 1861 г. на вакансию канцелярского служителя Комиссии был определен воспитанник Гатчинского сиротского института Николай Данилович Иванов, однако 31 декабря 1864 г. он подал прошение об отставке по здоровью и ввиду домашних обстоятельств (1861 г., д. 8; 1864 г., д. 30).

В архиве ИАК сохранились имена нескольких сторожей Комиссии, в основном из отставных унтер-офицеров. Одним из первых здесь служил Афанасий Афанасьев, который с 1854 г. был швейцаром в Академии художеств, а в ИАК оказался не ранее осени 1861 г. Новым сторожем стал П. С. Клекин, отставной унтер-офицер лейб-гвардии Преображенского полка, думавший служить в таможне в должности швейцара, но определенный в ИАК. С 1867 г. сторожем был Устин Михайлов (1864 г., д. 23, л. 1, 8; 1884 г., д. 14, л. 1, 8).

Достаточно быстро сформировался штат «южного фланга» Комиссии — Керченского музея древностей. Должность директора унаследовал Александр Ефимович Люценко, возглавлявший музей с марта 1853 г. Он был уволен в 1878 г. согласно прошению в связи с «расстроеным здоровьем». Его помощником стал Кирилл Родионович Бегичев, отставной штабс-капитан, занимавший эту должность с 1853 г. После его кончины в 1862 г. «условно допущенным к исправлению должности» помощника директора с испытательным сроком 22 апреля стал учитель рисования, черчения и чистописания при керченском Кушниковском училище живописец и фотограф Федор Иванович Гросс (1862 г., д. 9).

6 апреля 1873 г. А. Е. Люценко подает в ИАК рапорт с просьбой утвердить Ф. И. Гросса в занимаемой должности с 1 сентября 1862 г., что и было сделано. Однако в № 116 «Правительственного вестника» ошибочно сообщалось, что Ф. И. Гросс утвержден именно «директором» музея, что заставило честолюбивого А. Е. Люценко писать тревожные письма в Петербург, а С. Г. Строганова в ответном письме указать на ошибку официального издания (1873 г., д. 29, л. 1–3, 13).

Интересно, что Ф. И. Гросс был не единственным кандидатом на должность помощника. О подобном назначении для себя ходатайствовал уже 13 марта 1862 г. Андрей Максимович Стефанский, учитель рисования Керченского уездного училища. Изначально ответственность за выбор помощника С. Г. Строганов возложил на самого директора, однако тот предпочел переложить этот долг на председателя, предложив ему лично отвечать А. М. Стефанскому, но присовокупив, однако, что Совет Академии художеств дал «невыгодный отзыв» на его работы (1862 г., д. 9, л. 4, 6).

Стоит отметить, что за год до этого, 17 января 1862 г., керч-еникальский градоначальник контр-адмирал А. П. Спицын ходатайствовал о причислении в качестве фотографа к Керченскому

Бегичев Кирилл Родионович (1819–7.03.1862). Поступил в дворянский полк в 1835 г. В 1837 г. прикомандирован к учебному карабинерскому полку для испытания по службе. С 1843 г. служит в Виленском егерском полку. В 1845 г. уволен по прошению штабс-капитаном. С 1853 по 1862 г. помощник директора Керченского музея. Известны его карандашные, акварельные и гравированные рисунки. Некоторые гравированные рисунки украсили роскошное издание: Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.

Источник: 1859 г., д. 3; 1861 г., д. 3; 1861 г., д. 6; 1862 г., д. 9.

Лит. о нем: Лазенкова Л. М. Керченский Музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003; Тункина В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–середина XIX в.). СПб., 2002. С. 298–299.

музею местного купца Маркуса Эдельштейна и пересылал в качестве доказательства профессионализма последние сделанные им снимки пьедесталов и надгробной плиты. А.Е. Люценко, будучи вопрошен председателем о целесообразности такого шага, в ответном рапорте 26 мая 1861 г. написал, что находит такое причисление «не удобным» (1861 г., д. 24).

В начале 1870-х гг. здоровье директора пошатнулось, что оказалось сопряжено по времени с материальным затруднением в его жизни. В феврале 1869 г. А.Е. Люценко попросил С.Г. Строганова о своей отставке, а также о выделении ему под Феодосией участка земли, дабы он смог прокормить себя. При этом он предлагал назначить директором вместо себя исследователя местных дреностей П.И. Хицунова, а сам предполагал получить звание члена-корреспондента ИАК. С.Г. Строганов принял иное решение: не увольнять директора, а дать ему отпуск с годовым содержанием 928 руб. На время отпуска исполняющим обязанности директора был назначен В.Г. Тизенгаузен, и в том же году Керченский музей переехал из дома Померанцева на съемную квартиру в доме Кулисича (1869 г., д. 7, л. 2, 3, 5, 7, 14).

Новым директором музея в конце концов стал не П.И. Хицунов, а статский советник Степан Иванович Веребрюсов (1878 г., д. 21, л. 1–2). Еще в конце 1877 г. он сообщил С.Г. Строганову о пошатнувшемся здоровье А.Е. Люценко и о его желании уйти в отставку, намекая

Федор Иванович Гросс

Гросс Федор Иванович (Фридрих Иоганн)

(1822?–12.11.1897) — художник, археолог. Родился в Симферополе, получил домашнее воспитание, живописи учился у своего отца Иоганна Людвиг Гросса. В 1854–1855 гг. занимался живописью и литографией в Одессе. С 1857 г. — учитель рисования, черчения и чистописания при керченском Кушниковском девичьем училище. Исправлял должность помощника директора Керченского музея с 1.04.1862 по 1883 г. С 8.03.1884 по 1891 г. — директор Керченского музея. В 1888 г. назначен членом ИАК с возложением обязанностей директора музея. В 1864 г. организует четыре большие выставки своих картин под общим названием «Виды Крыма». В 1867 г. пожалован золотым перстнем с алмазными камнями за альбом с крымскими видами, поднесенный государю императору. Создал прекрасный альбом рисунков керченских ваз. В 1871 г. за исполнение обширного и сложного труда по снятию снимков с фресок катакомбы, открытой в Керчи, получил благодарность от ИАК и денежное вознаграждение. Его рисунки — замечательная иллюстрация деятельности археологов на Керченском полуострове. 1 мая 1891 г. по состоянию здоровья был уволен со службы

согласно прошению. В настоящее время место захоронения на городском кладбище в Керчи утеряно. *Осн. соч.:* Коллекция живописных видов Крыма. Литография Брауна. Одесса, 1846; Альбом с 15-ю видами Одессы с картин Гросса. Литографическая мастерская П. Францева и Л. Нитче. Одесса, 1854–1855.

Лит. о нем: Мальгина М. Художественная литография XIX в. и загадка Ф. Гросса // Известия Крымского республиканского краеведческого музея. Симферополь, 1996. № 13; Фабрика Л. Печатная графика XIX в. в коллекции Одесской государственной научной библиотеки. Федор Гросс // Причерноморский регион. 1998. № 1; Лазенкова Л. М. Керченский Музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003. Источник: 1862 г., д. 9; 1871 г., д. 1; 1873 г., д. 29; 1879 г., д. 37; 1881 г., д. 5; 1882 г., д. 12; 1883 г., д. 8; 1884 г., д. 11; 1884 г., д. 48; 1891 г., д. 2; 1891 г., д. 28.

на свою кандидатуру на замещение освободившегося места. 9 января 1878 г. ему было предложено подать соответствующее прошение в ИАК, которое было написано 30 января. С.И. Веребрюсов, купеческого происхождения, бывший инспектор Таганрогской гимназии родом из Феодосии, где он владел 600 десятинами земли, был председателем Феодосийского уездного училищного совета и директором Феодосийского музея древностей, который с 1851 г. состоял в ведении Императорского Одесского общества истории и древностей. Один из резонов к занятию новой должности С.И. Веребрюсов видел в том, что должностные члены общества, как и директор музея, окладов не получали, тогда как должность директора Керченского музея состояла «в известном классе, иначе являлась штатной» (1878 г., д. 21, л. 4). При этом он просил о назначении на должность с сохранением пенсии положенного по штату жалования 600 руб., но с выдачей «столовых денег» 328 руб. в год. Официально С.И. Веребрюсов был назначен на эту должность 1 апреля 1878 г., и все же вместо пенсии ему было назначено жалование (Там же, л. 17). Судя по всему, новый директор не торопился прибыть в Керчь, где А.Е. Люценко тяготился создавшимся положением, уже прочитав о своей отставке в прессе, хотя новое назначение так еще и не было официально произведено. Только 12 мая С.И. Веребрюсов принял музей и уже 22 февраля 1883 г. был представлен к получению чина действительного статского советника.

Однако в ночь с 6 на 7 марта 1884 г. С.И. Веребрюсов скончался, и в должности директора с 8 марта был утвержден Ф.И. Гросс, который принял музей 14 марта (1884 г., д. 11, л. 4, 5, 7–8, 9–9 об.). На сей раз тоже не обошлось без интриги. На следующий день после кончины директора, 8 марта, статский советник Илья Степанович Бескровный, член-корреспондент ООИД, бывший (до 1864 г.) заведующий Феодосийским музеем древностей и нынешний заведующий гробницей при Мелек-Чесменском кургане, просил керч-еникальского градоначальника контр-адмирал Николая Карловича Вейса исходатайствовать ему освободившуюся должность. 14 марта градоначальник изложил председателю ИАК А.А. Васильчикову эту просьбу, присовокупив, что ему «ни мало неизвестно», насколько И.С. Бескровный может исполнять эту должность, но то, что тот постоянно избирается в почетные мировые судьи, говорит о многом. 26 марта И.С. Бескровный сам пишет в Петербург, однако Ф.И. Гросс еще в своем рапорте от 13 марта выражает беспокойство совершающейся интригой (1884 г., д. 11, л. 3, 11, 14–14 об.). Параллельно развивалась еще одна интрига: 28 марта титулярный советник Василий Христофорович Кондараки из Ялты тоже просит назначить его на должность

Веребрюсов Степан Иванович

(1819?–7.03.1884) — статский советник. Из купеческих детей, закончил курс Харьковского университета в звании кандидата. Служил в канцелярии новоросийского генерал-губернатора. В 1842 г. определен ст. учителем русской словесности в Екатеринославскую губернию. В 1858 г. переведен инспектором в Таганрогскую комиссию по 1865 г. Директор Феодосийского музея древностей, в 1878–1884 гг. — директор Керченского музея.

Источник: 1878 г., д. 30; 1883 г., д. 8.

Степан Иванович Веребрюсов

директора Керченского музея, ссылаясь при этом на свои связи с ООИД (Там же, л. 16–16 об.). История деятельности ИАК на юге России всегда была в значительной степени связана с личностным фактором...

Еще одним подразделением ИАК была «Римская комиссия археологических розысканий», о деятельности которой сохранились весьма немногочисленные свидетельства. Существует мнение, что ее создание связано с тем, что 1846 г. русское правительство приобрело участок земли на Палатинском холме в Риме. На следующий год итальянский археолог Анджело Весковали (1826–1895) начал производить здесь раскопки, и Римская комиссия должна была наблюдать за этими изысканиями (Охрана памятников 1978: 334, примеч. 16). Однако, официально созданная еще в середине 1840-х гг., она практически начала действовать лишь с назначением 10 декабря 1850 г. князя Григория Петровича Волконского на должность «заведующего комиссией» и «попечителя над находящимися в Риме пенсионерами Академии художеств». В его служебные обязанности входило оказание содействия и руководство этими художниками. Помощником заведующего тогда же был назначен Степан Александрович Гедеонов (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 49–51), который позднее, с 4 апреля 1861 г., стал руководителем комиссии. С 27 мая 1853 г. к комиссии был причислен князь Александр Христофорович Ливен. Секретарем при попечителе — заведующем комиссией состоял с 1 января 1858 г. титулярный советник Лерхе (1859 г., д. 25, л. 110; Сборник 1866: 151). Однако, когда в 1863 г. С. А. Гедеонов был назначен первым директором Императорского Эрмитажа, Римская Археологическая комиссия «тихо умерла», поскольку ее функции взял на себя сам «Императорский Музеум». В 1869–1870-е гг. С. А. Гедеонов, чередуясь с Л. Э. Стефани, бывшим в это время членом-корреспондентом ИАК (об этом смотри ниже), исполнял

Степан Александрович Гедеонов

Гедеонов Степан Александрович

(1815–15.09.1878) — гофмейстер, тайный советник, историк, археолог-искусствовед, театральный деятель. Из старинного смоленского шляхетского рода. В 1832 г. поступил на службу в московскую Дворцовую контору. В 1835 г. окончил Санкт-Петербургский университет, историко-филологический факультет, и был определен секретарем при президенте Академии наук. С 1849 г. — чиновник по особым поручениям при Министерстве народного образования. В 1850 г. назначен помощником заведующего, а в 1861 г. заведующим Римской Археологической комиссией. В 1863 г. назначен директором Эрмитажа. Приобрел для музея ряд шедевров мирового искусства. Автор каталога древней скульптуры. В 1867–1875 гг. одновременно руководил Императорскими театрами. В 1874 г. временно назначен заведующим делами ИАК. Был удостоен Уваровской премии за труд «Варяги и Русь» (1870-е гг.). Почетный член Императорской Академии наук (1863). Действительный член Общества любителей российской словесности (1863), Императорского Московского археологического общества (1864), императорского Общества истории и древностей (1875).

Осн. соч.: Варяги и Русь. СПб., 1876; Галерея древней скульптуры. СПб., 1866.

Лит. о нем: Русский биографический словарь. Т. Гааг-Гербель. СПб., 1914; Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004.

обязанности председателя Комиссии во время отпусков и отъездов С. Г. Строганова (1874 г., д. 7, л. 3, 7).

Почти с самого начала существования Комиссии ей была поручена миссия, которая до реформы ИАК в результате высочайшего указа 11 марта 1889 г. не только не стала приоритетом ее деятельности, но в силу ряда причин, в том числе правовых и организационных, практически не могла быть ею исполнена. 20 декабря 1859 г. последовало «особое Высочайшее повеление» № 5823, возлагающее на Комиссию обязанность «отыскивания и возобновления древней стеной иконной живописи в старинных православных церквях» (1882 г., д. 53, л. 7 об.). Следствием этого повеления стало причисление к Комиссии членов Императорской Академии художеств Федора Григорьевича Солнцева и Ивана Петровича Вольского. Судя по имеющимся документам, это повеление было инспирировано самим Ф. Г. Солнцевым, который летом 1859 г. осматривал памятники древнерусской архитектуры во Владимире и в декабре докладывал императору об их печальном состоянии. Граф Строганов расценивал подобную миссию как совершенно чуждую введенной ему Комиссии и всячески пытался сложить ее с себя. Во всяком случае, вплоть до 1880-х гг. Комиссия практически не занималась проблемами охраны памятников

Солнцев Федор Григорьевич

(1801–1892) — художник, археолог. Родился в крестьянской семье в Ярославской губернии. Окончил Императорскую Академию художеств. Под руководством А. Н. Оленина изучал русские древности. В 1830 г. был командирован по России для срисовывания старинных предметов, утвари, одежды, оружия. Часть этих рисунков вошла в издания «Памятники Московской древности» (1842–1845) и «Древности Российского государства» (1849–1853). В 1836 г. получил звание академика за картину «Свидание князя Святослава с Иоанном Цимисхием». С 1841 г. работал по заказу Святейшего Синода. Участвовал в реставрации Софийского собора в Киеве, открыл древнюю живопись и мозаику, сделал рисунки и прорисовки с древних изображений. В 1876 г. удостоен звания профессора. Действительный член ИМАО с 1875 г. В декабре 1859 г. был причислен к ИАК для «отыскивания и возобновления древней стеной иконной живописи в старинных православных церквях».

Осн. соч.: Русские святые — предстатели перед Богом за Царя и Святую Русь. СПб., 1880; Святой Благоверный Князь Александр Невский. СПб., 1884; Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. 1876. Т. 15; Рязанские древности или известие о старинных и богатых великокняжеских или царских убранствах, найденных в 1822 году близ с. Старая Рязань. СПб., 1834 (в соавторстве с А. Н. Олениным).

Лит. о нем.: Андреев А. Н. Живопись и живописцы главнейших европейских школ. СПб., 1857; Булгаков Ф. И. Наши художники. СПб., 1890. Т. 2; Собко Н. П. Ф. Г. Солнцев и его художественно-археологическая деятельность // Вестник изящных искусств. СПб., 1883. Т. 1, вып. 3; Белозерская Н. А. Федор Григорьевич Солнцев, профессор археологической живописи // Русская старина. 1887. Апрель — июнь; Федор Григорьевич Солнцев — художник-археолог/Сост. Я. Д. Верховец. СПб., 1899; Ракова М. М. Русская историческая живопись середины XIX века. М., 1979; Маслов К. И. Академик Ф. Г. Солнцев. Художник-археолог, реставратор // Мир истории. 2001. № 7.

Федор Григорьевич Солнцев.
Портрет работы И. П. Пожалостина
(ГЭ, ЭРГ — 15747)

церковной старины Вместе с тем необходимо отметить, что уже с 1860-х гг. Комиссия была вовлечена в процесс охраны и ремонта памятников гражданского и военного зодчества в Туле, Гдове, Каменце-Подольском, Ревеле, которые тогда активно приводились в порядок или же подвергались угрозе разборки и разрушения (подробнее смотри главу XIII).

В результате повеления «причисленные к Комиссии» академики Ф.Г. Солнцев и И.П. Вольский исправно получали денежное вознаграждение — первый от Кабинета 857 руб. 14 коп., второй из Казначейства — 500 руб. в год, и если И.П. Вольский еще участвовал в деятельности ИАК, сопровождая В.Г. Тизенгаузена в его ученых путешествиях по южным губерниям России, то Ф.Г. Солнцев, похоже, расценил получаемые деньги как заслуженный пансион. Пожалуй, единственный раз, когда его участие в делах ИАК оказалось зафиксировано в архивном деле, был связан с его миссией по копированию надгробных надписей в музее Университета св. Владимира в Киеве. 15 мая 1867 г. С.Г. Строганов, узнав, что по поручению РАО Ф.Г. Солнцев отправляется на лето в Киев, попросил того сфотографировать или сделать «бумажные оттиски» с хранившихся там надгробий, а также выяснить их происхождение (1867 г., д. 13, л. 1–3). В 1868 г. вместо И.П. Вольского, скончавшегося 9 сентября, к ИАК был причислен академик живописи барон Михаил Петрович Клодт фон Юргенбург (1868 г., д. 27, л. 4, 5, 8; 1872 г., д. 38, л. 3–3 об.). Он был уверен, что И.П. Вольский был «художником» Комиссии, и 13 сентября просил определить его в ИАК именно на эту должность. Однако такое «причисление» носило весьма непродолжительный характер: по семейным обстоятельствам он просит уволить его с мая 1873 г.

Кадровый вопрос всегда был одним из самых острых в деятельности ИАК. С 1872 г. сведения о составе Комиссии стали регулярно публиковаться в адрес-календаре Министерства императорского Двора, который издавался Департаментом герольдии (1872 г., д. 38). Согласно пунктам 4, 21 и 23 Положения об ИАК, она могла иметь почетных членов и членов-корреспондентов, содействующих в достижении Комиссией ее целей и даже имеющих право быть представленными к наградам за важные открытия и оказанные большие услуги. Привлечение членов-корреспондентов в ИАК могло бы решить некоторые проблемы ее научной активности, однако только один раз С.Г. Строганов прибегнул к такой возможности: 2 марта 1860 г. хранитель Эрмитажа академик Лудольф Эдуардович Стефани был избран в члены-корреспонденты (1860 г., д. 7, л. 3). Труды Л.Э. Стефани по обработке и публикации материалов из раскопок Комиссии были щедро вознаграждены. В 1876 г. председатель Археологической Комиссии ходатайствовал об установлении академику на 12 лет «ежегодной аренды» по 1200 руб. В итоге рассмотрения этого дела в вышестоящих инстанциях аренда была заменена выплатой из средств Государственного казначейства, для чего потребовался специальный указ императора (1874 г., д. 32, л. 3). Вплоть до 1886 г. новых избраний не производилось. Таким образом, Л.Э. Стефани в течение долгих лет был практически единственным «внештатным сотрудником» Комиссии.

Вольский Иван Петрович

(1817–9.09.1868) — титулярный советник. Получил воспитание в Академии художеств, в 1839 г. выпущен в звании художника, ученик М.Н. Воробьева. В 1840 г. причислен к Оружейной палате. В 1844 г. послан в Московскую губернию для снятия копий с Воскресенского собора в Ново-Иерусалимском и Савино-Сторожевском монастырях. Причислен к ИАК с 1859 по 1868 г. Преподавал рисование в Мариинском институте (1867). Кисти Вольского принадлежат акварели с изображением парадных интерьеров дворцов, хранящиеся в коллекции Эрмитажа.
Источник: 1859 г., д. 29, л. 7–10; 1864 г., д. 11.

ИАК привлекала также к своей деятельности лиц, не связанных с ней организационно. В апреле 1864 г. заслуженный профессор Филипп К. Брун из Ришельевского лицея в Одессе, по его инициативе, был командирован Комиссией в Бессарабский и Новороссийский края для сравнения современных географических условий с информацией из произведений античных авторов о Геродотовой Скифии. На таковые «проверку и сличение» ему было выдано 600 руб. В октябре 1865 г. он представил в Комиссию «Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях» как введение к готовившемуся изданию о скифских древностях (1864 г., д. 13, л. 1, 3, 5, 6).

VI

Одной из первых задач ИАК стало создание административного делопроизводства, связанного с проведением археологических исследований на территории Российской империи и согласованного с существующим законодательством. Необходимо было найти форму документа, обеспечивающего контроль государства над раскопками и находками на казенных и общественных землях. Открытый лист, документ, который сегодня является одним из главных регуляторов деятельности археологического сообщества и дает право на проведение археологических исследований, изначально присутствовал в деятельности ИАК.

Стефани Лудольф Эдуардович

(17.03.1816–30.05.1887) — археолог и филолог, академик. В 1841 г. окончил Лейпцигский университет со степенью доктора филологии. В 1842–1843 г. посетил Афины, Смирну, Константинополь, Северную Грецию, Рим. С 1846 г. профессор археологии на кафедре классической филологии Дерптского университета. По поручению Академии наук издавал труды академика Е.Е. Келлера. В 1850 г. был избран членом Императорской Академии наук и переселился в Петербург. В 1852 г. назначен директором Нумизматического и Египетского музеев при Академии наук. В 1851–1887 гг. был хранителем греческих и римских древностей при I Отделении Эрмитажа. С 1860 г. член-корреспондент ИАК, с 1859 по 1883 г. принимал непосредственное участие в подготовке «Отчетов» ИАК. В 1886 г. получил звание почетного члена ИАК. Состоял членом многих ученых обществ.

Осн. соч.: Der Kampf zwischen Theseur und Minotauros (Лейпциг, 1842); Titulorum graecorum partes I–V (Дерпт, 1848–1850); Reise durch einige Gegenden des nordlichen Griechenland (Лейпциг, 1843); Antiquites du Bosphore Simerien (Санкт-Петербург, 1854); Apollon Voedromios (Санкт-Петербург, 1860; на рус. яз.: Записки Академии наук. 1863. № 1; Comptes-Rendus de la Commission Imperiale archéologique pour les années (Санкт-Петербург, 1860–1883); Die Vasensammlung der Kaiserlichen Ermitage (Санкт-Петербург, 1869); Die Silbervase von Nikopol (Санкт-Петербург, 1873).

Лит. о нем: Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб., 1901. Т. 62; Русский биографический словарь. Т. Смеловский–Суворина. СПб., 1909; Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004; Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–середина XIX века). СПб., 2002.

Лудольф Эдуардович Стефани
(СПбФА РАН, Р.Х, оп.1-С, д. 26, л. 1)

Датой начала выдачи Открытых листов, подтверждающих право их владельцев на производство археологических исследований, надлежит считать 1859 г., поскольку в 1889 г., как будет показано, такая практика получила лишь окончательную кодификацию в общем законодательстве и в силу этого — беспрекословное признание со стороны членов археологического сообщества (ср.: Сорокина 2008: 28, 29, 37, 38).

Само явление пришло в науку из бюрократической процедуры и до определенного времени обозначало лишь пропуск (*laissez passer*) как разрешение на свободный проезд по определенной территории по служебной надобности, содержащее обращение к местным властям о содействии в исполнении возложенной на чиновника миссии. Существовало и другое значение: Открытый лист позволял физическому лицу беспрепятственное следование через государственную границу и предоставлял право на свободный и беспошлинный провоз находящегося при нем багажа через таможенную той страны, властями которой он выдан. В таком виде Открытый лист до сих пор сохраняется в дипломатическом обиходе. Академик А. Н. Крылов в своих воспоминаниях красочно описывает, как он в 1913 г. получал Открытые листы «на 15 мест вещей» и командировочный паспорт в Министерстве иностранных дел для испытания новых судовых устройств в северной Атлантике: 5 руб., вовремя данные курьеру и делопроизводителю, избавили его от хождения по замкнутому кругу от начальника канцелярии к руководителям департаментов (Крылов 2003: 195).

В России Открытые листы выдавались конкретными ведомствами, командировавшими своих чиновников и служащих для исполнения соответствующих миссий на территории Империи и за ее пределами. Один из первых листов от имени ИАК был выдан 29 июня 1859 г. делопроизводителю ИАК А. С. Линевичу для поездки в ряд южных губерний Астраханской области для определения перспективности продолжения раскопок на Царевском городище и стратегии исследований кубанских памятников (1859 г., д. 17, л. 8). Этот лист, как и последующие, был выдан С. Г. Строгановым и содержал следующую фразу: «Предъявителю сего... командируемому в разные губернии Российской империи для археологических разысканий, благоволят местные начальства оказывать законное с их стороны содействие к беспрепятственному и успешному исполнению возложенного на него поручения. Дан сей лист за подписанием моим и приложением герба моего печати» (1861 г., д. 22, л. 3).

Однако подобные документы до определенного времени могли дублироваться на местах. Одновременно с этим документом А. С. Линевич пользовался в поездке «открытыми предписаниями» астраханского губернатора от 21 августа и «исправляющего должность наказного атамана» Войска Донского от 28 августа, а также Открытым листом екатеринославского губернатора (1859 г., д. 17, л. 9, 10, 11) и даже «открытым приказом» главного атамана Войска Донского (1861 г., д. 22, л. 4). Все документы подтверждали полномочия археолога перед лицом местного начальства и обязывали последнее оказывать ему всяческое содействие. Появление подобных документов было результатом личного обращения председателя ИАК к губернаторской власти (1859 г., д. 6, л. 14). Однако они сравнимы с современной практикой регистрации Открытого листа в органах местной власти и охраны памятников.

Текст Открытых листов варьировался в зависимости от исполняемой миссии. Так, Я. М. Лазаревскому, отправлявшемуся на Белое озеро, были выданы листы на «археологическое исследование древних насыпей» (1860 г., д. 15, л. 38) и подорожная грамота, а самый первый лист на «архитектурно-археологические исследования» был выписан 31 мая 1860 г. А. С. Линевичу для осмотра древних церквей г. Владимира в преддверие их возможной реставрации (1860 г., д. 9, л. 29). 10 июня 1888 г. Открытый лист был выдан И. И. Толстому, который собирался посетить с «инспекторской целью» раскопки на Старорязанском городище,

Открытый листъ.

8

Предъявителью сего произво-
димою фирму Императорской Археологической Комиссии Министерства Императорскаго Двора Господину Ливену командированному въ разныя губернии Россійской Имперіи для археологическихъ разысканий благоволить имѣющимъ начальства сказывать законное съ ихъ стороны содѣйствіе къ безпрепятственному и успешному исполненію возложеннаго на него порученія.

Данъ сей листъ за подписаніемъ моимъ и приложеніемъ герба моего печати. Москва. 29 числа 29го снз 1859 года.

Его Императорскаго Величества
Великоименнѣйшаго Государя
шюлю Генералъ-Адъютантъ,
Генералъ отъ Кавалеріи, Членъ
Государственнаго Ровнта,
Сенаторъ, Председатель Импе-
раторской Археологической
Комиссии, Московскаго Военнаго
Генералъ-Губернаторъ, разныя
Россійскія и иностранныя
орденныя кавалеръ

В разныя губернии и провинціи

Изначальная форма Открытого листа
(1859 г., д. 17, л. 8)

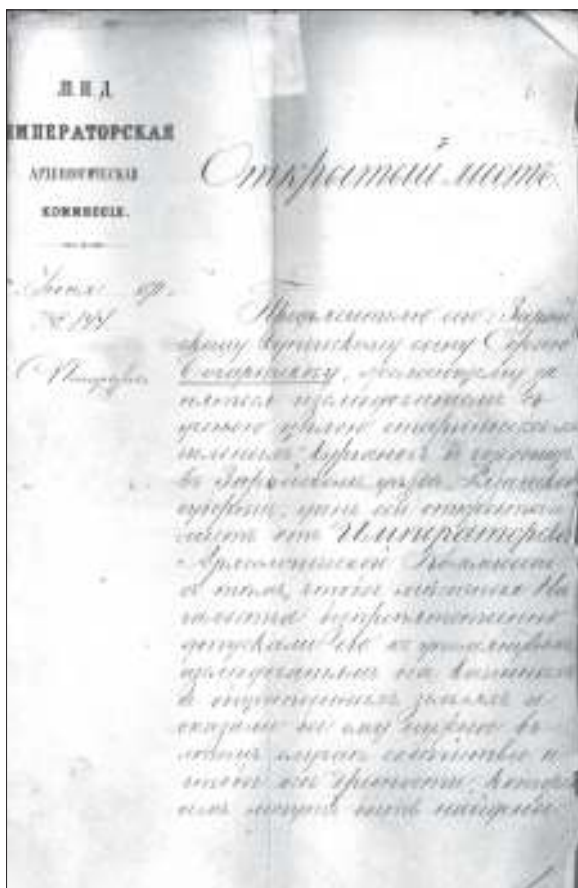
на «осмотр и исследование всех остатков древности». Интересно, что это один из немногих документов Комиссии, где право такого осмотра и исследования распространяется на «казенные, церковные и общественные земли», что, как будет показано далее, отражало определенный этап в борьбе ИАК за свои полномочия по охране и исследованию российской старины (1886 г., д. 45, л. 9). Листы могли выдаваться «на раскопки развалин древней церкви», как это было сделано 27 апреля 1887 г. для Н. Е. Бранденбурга и его работ в Старой Ладоге, «на изучение мест древних сражений» или на «осмотр древней фресковой живописи в связи с возможным изданием». Такой лист на посещение Преображенского собора Мирожского монастыря во Пскове 17 марта 1893 г. получил В. В. Суслов (1886 г., д. 63 б, л. 9).

В апреле 1865 г. в связи с административными реформами в Империи ИАК была вынуждена запрашивать бланки Открытых листов в Министерстве внутренних дел: в департаменте исполнительной полиции и в департаменте общих дел с обязательством сообщать, кому эти листы выданы (1865 г., д. 14, л. 2, 4, 6). Однако известия о таком порядке выдачи листов относятся лишь к одному году. В 1891 г. в связи с введением единой формы открытых листов 1889 г. была заведена книга их выдачи.

Мнение о том, что Открытый лист был своего рода «подорожной» и давал право беспрепятственно пользоваться в дороге государственными лошадьми, оказывается несостоятельным. Подорожные запрашивались отдельно в Управлении военного генерал-губернатора Санкт-Петербурга. Их использование было регламентировано и подлежало строгой отчетности перед выдавшей их организацией: ИАК сообщало генерал-губернатору, кто и для каких целей воспользовался выданными документами. Так, в феврале 1860 г. ИАК запросила

Подорожный бланк Я. М. Лазаревскому для поездки на Белоозеро (1860 г., д. 15 л. 37)

Открытый лист С. Бочарникова (1871 г., д. 15, л. 6–6 об.)

5 подорожных, в мае того же года — еще 5 (1860 г., д. 3, л. 1, 4). С 1867 г. подорожные выдавало Распорядительное отделение Канцелярии санкт-петербургского губернатора, а с 1869 г. существовала особая форма «Отчета о приходе и расходе подорожных бланков по казенной надобности» (1865 г., д. 14, л. 26–27).

Примечательно, что Открытые листы изначально выдавались лишь сотрудникам ИАК или лицам, которых ИАК отправляла на места с официальной миссией. Так, в 1867 г. судье Кикину, запросившему разрешение на исследования курганов в Коломенском уезде «на землях частных и государственных крестьян», ИАК просто ответила, что с ее стороны «не встречается препятствий к дозволению» (1867 г., д. 32, л. 3). П. А. Шишкину, заявившему в 1869 г. о желании исследовать курганы в Псковской губернии на земле крестьян государственных имуществ, 25 февраля было выдано «Свидетельство» «в том, что Императорская Археологическая Комиссия на основании Высочайше утвержденного 2 февраля 1859 г. устава ее разрешает ему производить под личным его наблюдением и за его собственный счет на казенной земле... в течение летнего времени текущего 1869 г.» раскопки. На будущий год свидетельство было возобновлено (1869 г., д. 5, л. 2–2 об.). В июне 1871 г. был выдан Открытый лист купеческому сыну Сергею Бочарникову на исследование за свой счет городищ и курганов без указания формы собственности на землю (1871 г., д. 15, л. 6). Вероятно, процедура выдачи разрешений на раскопки

к началу 1870-х гг. начала стандартизироваться, однако, похоже, что такой документ как Открытый лист распространялся лишь на подведомственные Комиссии казенные земли.

Для зарубежных миссий существовал иной официальный набор документов. В 1880 г. В. Г. Тизенгаузену, который был командирован в Европу, по запросу С.Г. Строганова Министерство иностранных дел выдало Открытый лист и паспорт на поездку за границу (1880 г., д. 5, л. 12, 13–13 а). П.И. Лерх для поездки в Швецию в 1874 г. получил подорожную грамоту.

Не меньше сложностей в деятельность ИАК вносила и финансовая отчетность. 26 декабря 1863 г. при Министерстве Двора была открыта «единая касса» и введены новые кассовые ведомости, в частности «требовательная ведомость содержания» чиновников и служащих и форма «счета в употреблении аванса». ИАК в своей деятельности руководствовалась «Правилами бухгалтерского счетоводства в распорядительных управлениях» и «Правил о поступлении государственных доходов и производстве государственных расходов». В 1866 г. вышли новые временные правила по проверке материальной отчетности (1864 г., д. 1, л. 3, 142–150 об.). В соответствии с подобными правилами Комиссия должна была представлять «Отчет о приходах, расходах и остатке сумм, припасов и материалов по ИАК и Керченскому музею» в виде огромных «простыней» (1864 г., д. 2, л. 8–9). Так, отчет за 1863 г. не был доставлен вовремя, и Контроль Министерства Двора должен был напомнить об этом председателю ИАК в феврале 1864 г. Сегодня может показаться странным как то, что С. Г. Строганов объяснял причины возникновения неизрасходованной суммы «некомплект чинов Комиссии», так и то, что при общем расходе за 1863 г. в 22 881 руб. 21 с четвертью коп., остаток неиспользованной суммы на расходы и оборудование в размере 12 582 руб. 73 с половиной коп. обратно в кассы министерства не изымался, а продолжал оставаться в распоряжении председателя.

Открытый лист В. Г. Тизенгаузена на поездку за границу в 1880 г. (1880 г., д. 5, л. 12)

VII

В первый же год своего существования Комиссия провела раскопки на юге России: в Керчи, на Таманском полуострове и «в стране герров», в поисках погребений царей скифов-сколотов, описанных Геродотом (Миронов 1900: 240). Помимо степей Нижнего Поднепровья на долгие годы основным районом раскопок Археологической Комиссии стала

Заграничный паспорт В. Г. Тизенгаузена (1880 г., д. 5, л. 13–13а)

№	Содержание	Сумма	Подпись
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10

Бланк счета в употреблении аванса Императорской Археологической Комиссии (1886 г., д. 45)

территория, некогда входившая в Боспорское царство, — Керченский и Таманский полуострова. Автор одного из первых сводов по истории отечественной археологии С. А. Жебелев высказывался по поводу полевой деятельности Археологической Комиссии в первую четверть века ее существования очень категорично: «Пополнение Эрмитажа стояло, несомненно, на первом плане деятельности Комиссии. Так как наибольшую и наиболее богатую поживу в получении вещественных памятников могли обещать места погребений как греческих колонистов, так и скифских царей и вельмож, то раскопки сосредотачивались, преимущественно, на расследовании некрополей» (Жебелев 1923: 112). Сам С. Г. Строганов, воспитанный на традициях античного искусства, полагал главной целью Археологической Комиссии поиск его ярких произведений.

В отношении качества археологических изысканий ИАК стоит отметить, что сотрудники Комиссии проводили свои полевые работы в то время, когда существовали несколько другие, отличные от современных, представления о целях и задачах исследований. Можно вспомнить и критическое отношение к деятельности членов ИАК, высказанное М. И. Ростовцевым, кстати, бывшим, ее сверхштатным членом, который писал по поводу исследования керченских памятников, что присылаемые из Петербурга археологи действовали как «хорошие чиновники, уделяя основное внимание поиску предметов из драгоценных металлов в ущерб их антуражу», т. е. археологическому контексту. Он указывал на отсутствие системы в исследованиях и неудовлетворительное состояние полевой отчетности, связанное с недостаточным уровнем фиксации найденных артефактов на планах и картах (Ростовцев 1914а: 3–4). Этим объясняется и преимущественное внимание к погребальным памятникам, где, конечно, шансов найти что-нибудь эффектное было намного больше, чем в слоях поселений. Раскопки, не увенчавшиеся подобными открытиями, расценивались как неудачные, и, например, щепетильный барон В. Г. Тизенгаузен нередко сетовал по поводу впустую потраченных казенных денег (Тихонов 2007b: 237).

Однако было бы явной натяжкой утверждать, что археологические исследования членов Комиссии сводились к «добыче вещей». В связи с этим следует вспомнить неоднозначную характеристику полевых работ ИАК, которую дал М. И. Артамонов еще в 1932 г.: «Выполняя поручения Комиссии по раскопкам курганов и древних городищ, И. Е. Забелин воспринял тот опыт полевой археологической работы, который выработался к его времени, и был, в сущности, совершенно неподготовлен к самостоятельной оценке тех памятников, которые ему предстояло исследовать. Специалист по московской старине, он совершенно не знал античного искусства, с предметами которого ему приходилось в работах на юге постоянно сталкиваться. Незнание же скифских памятников было общим. Естественно, что роль Забелина свелась к добыванию вещей. Обработка же полученных материалов производилась ученым хранителем Эрмитажа и членом-корреспондентом ИАК Л. Э. Стефани. Ясно, что такой разрыв между полевой и кабинетной работой не мог привести к выработке самостоятельного и вполне сознательного отношения И. Е. Забелина к задачам полевого исследования. Поэтому и приемы его раскопок не отличаются от принятых в его время и, с нашей точки зрения, представляются в высшей степени неудовлетворительными. Экономя время и деньги и имея целью отыскать поскорее главное богатое погребение, громадные скифские курганы раскапывались траншеями, оставляя значительную часть их вовсе не исследованными. Когда убеждались в бедности содержимого, в сомнительности желаемых результатов, бросали начатый курган и переходили к новому... В погоне за вещами почти не обращали внимания на устройство кургана и самих могил, на расположение вещей. Чертежи если и делались, то приблизительные, иногда по памяти. Дневник, как правило, не велся. Все, не представляющие интереса для Музея, выбрасывалось. Так, например, костные остатки и керамика оставались без внимания» (РА, ф. 74, д. 88, л. 64–65).

Тем не менее М. И. Артамонов в итоге приходил к выводу, что «как ни плохи раскопки И. Е. Забелина, все же они во многих отношениях лучше произведенных в ту же эпоху другими археологами». С точки зрения сегодняшнего развития археологической науки можно утверждать, что И. Е. Забелин проводил раскопки Чертомлыка на довольно высоком для своего времени уровне, отметив и зафиксировав на чертеже ряд конструктивных особенностей насыпи; понимал практически не осуществимую в то время желательность полного сноса курганной насыпи, сделал важную догадку о возможности датировки памятника по найденным в нем греческим амфорным клеймам (Алексеев 2003: 41–45).

К сожалению, полевые работы В. Г. Тизенгаузена отличались более низким уровнем фиксации, поскольку в его отчетах редко встречались чертежи, рисунки, размеры могильных ям, зарисовки расположения вещей в погребениях (Тихонов 2007b: 237–238). О главной цели раскопок — поиске ярких, эффектных вещей свидетельствуют и воспоминания о работах А. Е. Люценко: «Иногда А. Е. показывался из могильника весь сияющий и преобразившийся, тогда мы уже знали, что ни скифы, ни генуэзцы не успели побывать в кургане раньше нас» (Лазенкова 2003: 26). И. В. Тункина приводит сведения о том, что отчеты А. Е. Люценко отличались подробностью и обстоятельностью и были снабжены многочисленными рисунками и планами, но здесь же упоминаются последующие упреки М. И. Ростовцева о небрежном отношении директора Керченского музея к уже открытым памятникам (Тункина 2002: 304).

У читателя может сложиться впечатление, что члены Археологической Комиссии в это время полагали свои функции законченными после завершения раскопок и доставления находок в Петербург и практически не занимались научной обработкой добытого материала, за исключением подготовки небольших текстов о самих раскопках к ежегодно публикуемому «Отчету Императорской Археологической Комиссии». Так, например, в огромном списке научных трудов В. Г. Тизенгаузена по различным вопросам восточной нумизматики и общеисторическим проблемам ориенталистики, кроме весьма кратких текстов отчетов, есть всего две небольшие заметки, посвященные археологии, да и то не связанные с его собственными раскопками. Соответственно, «объяснением», т. е. обработкой и публикацией почти всего добытого на юге России материала в основном занимался академик Л. Э. Стефани, с 1851 г. являвшийся хранителем Отделения классических древностей Императорского Эрмитажа.

До 1881 г. публикуемый ежегодно «Отчет Археологической Комиссии» состоял из двух частей: в первой давалась информация о проводимых Комиссией раскопках — «систематические разыскания», а во второй, не уступающей, а чаще и превосходящей первую по объему — описание кладов и поступлений — «случайные находки», выполненные Л. Э. Стефани. Е. Е. Люценко (брат директора Керченского музея А. Е. Люценко) иронизировал по его поводу в своей «Археологической оде»:

Он учредил свой главный штаб
В археологическом отчете
И, пичкая из год в год
Отчет тот длинными статьями,
Бранится на казенный счет
С берлинскими профессорами,
Сбивая им киченья рог.
Он туп при всей своей гордыне,
Понеже изучить не мог
Язык российский и поныне.

(Маркевич 1910: 76–77)

Надо заметить, что подобная ирония имела под собой некоторые основания, поскольку очень часто помещаемые в «Отчетах» Комиссии тексты Л. Э. Стефани представляли собой не столько описания конкретных найденных вещей, сколько общие пространственные рассуждения об античном искусстве и его сюжетах (ОИАК за 1880 г. 1880: 6–219).

Поскольку в 1862 г. истекал трехлетний опытный срок деятельности ИАК, утвержденный в феврале 1859 г., С. Г. Строганов 17 января ходатайствовал перед министром Двора о продолжении работы Комиссии (1859 г., д. 1, л. 16–16 об.). 7 февраля 1862 г. Александр II подписал указ «О продолжении существования Императорской Археологической Комиссии и Керченского музея древностей», который гласил, что «поскольку в положении и штатах не встретилось в течение данного времени никаких существенных затруднений... оставить оба учреждения на будущее время на прежнем основании» (Смолин 1917: 143).

Оценивая деятельность Императорской Археологической Комиссии, С. А. Жебелев писал: «...Комиссия по традиции вела регулярные исследования лишь на юге России...; исследования же в остальных пунктах территории России, как бы важны ни были их результаты, носили бессистемный характер... Упрекать за это Археологическую Комиссию, однако же, вряд ли было бы справедливо. Создавшееся положение вещей оправдывалось естественными причинами: для исследования классических и «скифских» древностей существовала уже довольно прочная научная база, при исследовании же всякого рода иных древностей такой базы не было, и приходилось лишь нащупывать почву» (Жебелев 1923:111). Однако в историографии существует и иное мнение. Говоря о деятельности ИАК, М. И. Ростовцев писал: «Создание Археологической Комиссии в 1859 г. обеспечило делу добывания, публикации и изучения материала необходимую последовательность и преемственность. Не довольствуясь продолжением раскопок в некрополях Пантикапея и соседних городов крымского побережья Керченского пролива и развитием раскопок на Тамани, Археологическая Комиссия последовательно расширяла круг своей деятельности, включив в него прежде всего курганные погребения степного Приднепровья, затем курганные погребения и городища Среднего Приднепровья, наконец, курганные некрополи Кубани и Придонья. Во всех этих местах курганные раскопки велись систематически, из года в год, и давали ежегодно богатый научный материал... Важно отметить еще, что Археологическая Комиссия пыталась связать исследование Северного Причерноморья с изучением Кавказа, Закавказья и Туркестана с одной стороны, и изучением праистории Средней России, Приволжья, Прикамья и Приуралья» (цит. по: Тункина 1993: 25).

Естественно, что диспропорция между вниманием Комиссии к скифским и античным памятникам и к прочим древностям очевидна. Однако утверждение, что ИАК не занималась изучением и собиранием древностей других регионов России, представляется в принципе неверным. Помимо исследования памятников Восточного Крыма и Тамани уже в «эпоху Строганова» в деятельности Комиссии можно наблюдать тенденции к расширению сферы научных интересов, географических своих исследований и налаживанию учета и контроля за археологическими исследованиями, проводимыми на частный счет на частных землях. Прежде всего, это справедливо для сибирских древностей и средневековых памятников Восточной Европы. Уже в 1864 г. в поле зрения Комиссии попал Ананьинский могильник, а 1865 г. — Большой Катандинский курган с уникальными по сохранности предметами искусства, одежды и утвари древних алтайских племен. Исследования В. В. Радлова в Сибири, выполненные им по поручению ИАК еще при С. Г. Строганове, были опубликованы лишь позднее, в «эпоху Бобринского» (Радлов 1888; 1891: 41–80; 1894: 81–132; 1902). В «эпоху Строганова» в Средней Азии на р. Сырдарье начал

свои работы Н. Н. Пантусов (Пантусов 1887), а в 1867 г. поездку в Туркестанский край для обследования развалин древнего Джаникента в устье Сырдарьи совершил будущий делопроизводитель Комиссии П. И. Лерх (ОИАК за 1867 г. 1868: XXII–XXXII; Лерх 1870). Это объяснялось «успехами военных действий... в Средней Азии» (ОИАК за 1868 г. 1870: XXI). Отметим и уже упоминавшееся «восточное направление», связанное с золотоордынскими древностями, как и интерес некоторых членов Комиссии к первобытным, в том числе и «курганным», древностям (1865 г., д. 15, л. 4 об.).

Помимо накопления информационной базы в отношении определенных эпох, культур и территорий, изучение отношений ИАК с краеведами на местах способно пролить свет на становление общественных представлений историко-археологического характера. Уже в 1859 г. штабс-капитан Ефим Шумаков сообщал в ИАК о своей коллекции окаменелостей из Курской губернии и прислал их опись, связывая их с окрестными курганами и городищами (1859 г., д. 24, л. 9–12 об.), а К. Д. Неврядовский из г. Тельш Ковенской губернии писал о виденных им здесь каменных курганах, которые, по его мнению, являлись славянскими могилами и изучение которых могло иметь важное «политическое значение» (Там же, л. 19–20).

В связи с предстоящим празднованием 1000-летия России в 1862 г. Комиссия поддержала инициативу по обследованию памятников «эпохи призвания варягов» на Белом озере (ОИАК за 1860 г. 1862: XII; 1860 г., д. 15, л. 1), а в 1863 г. — раскопки курганов и монастырища во Владимирской губернии (ОИАК за 1863 г. 1864: XVI–XVIII). Позднее в Комиссию стала поступать информация и об археологических раскопках и разведках славяно-русских памятников. Характерно, что в основном она касалась южно- и западно-русских губерний, что было связано с уровнем общественного самосознания местной интеллигенции (*подробнее смотри главу XI*). Курьезный случай, который свидетельствует, на наш взгляд, как о недостаточной степени готовности ИАК быть информационным центром российской археологии, так и о плохом понимании обществом разницы между Археологической Комиссией и археологическими обществами, произошел с Алексеем Гатцуком. В 1863 г. он раскопал несколько курганов в окрестностях Москвы и отправил отчет о «частных археологических разысканиях» в ИАК для опубликования, сообщив при этом, что вещи и черепа из раскопанных курганов хранятся у него и будут впоследствии переданы в Румянцевский музей. 4 декабря С. Г. Строганов и В. Г. Тизенгаузен благодарят адресанта за интересные результаты раскопок, но указывают на невозможность опубликования их от имени Комиссии, ибо Комиссия «издает отчеты лишь о своих собственных изысканиях». Председатель ИАК предложил передать отчет в РАО для опубликования в «Известиях», и тут же выяснилось, что А. Гатцук, по его собственным словам, совершил «грубую ошибку»: он предполагал, что отправил отчет именно в то общество, которое издает «Известия». В результате отчет был передан в РАО редактору его издания В. В. Стасову (1863 г., д. 21, л. 1, 3).

Не менее курьезный случай произошел и с киевлянами. В октябре 1866 г. граф Строганов, узнав из газеты «Киевлянин» о раскопках курганов в Васильковском уезде и продаже найденных вещей неким Д. Х., пишет Александру Павловичу Безаку (1800–1868), генерал-губернатору Юго-Западного края, командующему войсками Киевского военного округа и соученику А. С. Пушкина по Царскосельскому лицезу, дабы уточнить владельческий статус земель и в случае, если эти земли окажутся казенными, выяснить, имел ли раскопщик соответствующие разрешения. Если закон был нарушен, то вещи должны быть отобраны и доставлены в ИАК. Очевидно, к этому времени сложилась определенная практика:

отслеживая в газетах сведения о раскопках, Комиссия не вмешивалась в раскопки на частных землях, но строго следила за нарушением своего права на казенные земли.

Генерал-губернатор переправил это письмо Киевскому губернскому правлению, где, в ходе дознания, проведенного уездным исправником, выяснилось, что Д. Х. — это мещанин Хмелевский, который собирал «подъемный материал» на поле в с. Дулицком на землях графа Браницкого, но без дозволения местного начальства. В результате «монеты и древности в двух тюках» были сначала доставлены в губернское правление, а затем отправлены в... «Императорскую Московскую археологическую комиссию», почему в 1868 г. и попали в МАО (1866 г., д. 26, л. 1–1 об., 5–6, 7).

Стоит обратить внимание на попытки расширить географию исследований Комиссии в Северном Причерноморье. Прежде всего речь идет об интересе, проявленном С. Г. Строгановым к раскопкам 1860–1861 гг. на территории Херсонесского городища, которые предшествовали постройке собора св. князя Владимира. Несмотря на готовность председателя получить подробную информацию о раскопках и даже выделить определенное финансирование, переписка с настоятелем монастыря игуменом Евгением (Отмарштейном), начавшаяся по инициативе министра Двора, закончилась безрезультатно (Государственный архив г. Севастополя, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 4–5; 1860 г., д. 33, л. 1–6; Шаманаев, Мусин 2009). Известно также, что в 1872 г. Д. И. Струков, свершавший ученые путешествия по Крыму и даже проводивший здесь раскопки, в 1868 и 1871 гг. предложил Министерству императорского Двора издать свои рисунки (73 листа) и описания Инкермана, Тепе-Кермен, Чуфут-Кале, Феодосии, Судака и других памятников, испрашивая на издание 6000 руб. (1872 г., д. 35, л. 3–30). Его письмо было переправлено министром в ИАК, и в январе 1873 г. С. Г. Строганов предложил обратиться с подобным в одно из ученых обществ, однако посчитал возможным выдать художнику вознаграждение из казны. Оливия также неизменно привлекала внимание руководства ИАК уже начиная с середины 1860-х гг. (*подробнее смотри главу IV*), в чем сказывалось преемство деятельности Комиссии с научными мероприятиями.

Накопление археологических знаний в Комиссии происходило и в области «иудейских древностей», и истории еврейской диаспоры в Северном Причерноморье. Так, А. Е. Люценко обнаружил и зафиксировал 60 целых и фрагментированных надгробных плит с изображением семисвечников (Люценко 1876: 577–580; табл. III–VI). Впоследствии И. Е. Забелиным и В. Г. Тизенгаузеном были обнаружены еще 60 аналогичных надгробий, в частности у городища Фанагория в районе станицы Сенная (Хвольсон 1884). Находки были перевезены в Петербург, в Строгановский дворец, однако их тепершнее местонахождение неизвестно, за исключением плиты, переданной в Азиатский музей Императорской Академии наук и потом в Эрмитаж (Носоновский 2002: 161). Впоследствии изучение иудейских древностей продолжилось (Шкорпил 1914: 20–21, 92–114; ср.: КБН 1965: 417, 425, 428, 443), а архив ИИМК РАН до сих пор хранит исключительную информацию о такого типа надгробиях, которая сегодня оказалась востребованной (1892 г., д. 39, л. 77; 1893 г., д. 140, л. 124; Кашаев, Кашовская 2006а: 312; 2006б: 55–60; 2004: 14–15; 2009: 55–77).

Еще одним из основных направлений деятельности Комиссии стала работа с поступавшими в Петербург кладами и определение их дальнейшей судьбы. В основном клады были представлены русскими монетами XVII–XVIII вв. В соответствии с их нумизматической и археологической ценностью они поступали либо в музеи, либо на Монетный двор на переплавку. Уже в 1859 г. в Комиссию поступило 10 кладов из Полтавской, Витебской, Могилевской, Архангельской, Екатеринославской, Астраханской и Новгородской губерний (1859 г., д. 4, 4 а, 6, 9, 13, 14, 15, 17, 20, 23), в 1860 г. ИАК было заведено 39 дел, так или иначе связанных

с монетными кладами, в 1873 г. ИАК приняла 11 кладов, а в 1885 г. — 50. В среднем, в начальный период деятельности ИАК не менее 30 % дел были так или иначе связаны с этой категорией древностей. Для их фиксации существовала специальная книга, имеющая заглавие «Клады, присылаемые в Императорскую Археологическую Комиссию» и охватывающая значительный период: с 23 октября 1873 г. по 22 июля 1882 г., что можно связать с появлением в Комиссии своего производителя дел П.И. Лерха. С 1875 г. в книге велась более тщательная фиксация присылаемых находок, которую, очевидно, осуществлял журналист Комиссии И. А. Суслов (1873 г., д. 36, л. 7 об.).

Первым исследователем «ежегодно присылаемых в большом количестве монетных кладов» был Юлий Богданович Иверсен (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 68–69, где, к сожалению, ничего не сообщается о его деятельности в ИАК), который безвозмездно рассматривал и определял их содержание и нумизматическое значение (1860 г., д. 7, л. 4 об.). Монеты и клады, представлявшие научную ценность, после определения и описания поступали в Императорский Эрмитаж, составив впоследствии значительную часть его коллекции. Монеты, не имеющие вовсе нумизматического интереса («нумизматического характера») и не содержащие драгоценных металлов, возвращались владельцу (1877 г., д. 15, л. 2, 3, 5, 7).

Серебросодержащие клады из ИАК поступали в Особую канцелярию по кредитной части Министерства финансов и далее на Санкт-Петербургский Монетный двор в переплавку. Стоимость драгоценного металла, определяемая на основе «Расчета о серебре, полученном по сплавке древних серебряных монет», переправлялась в Комиссию. Так, 14 мая 1878 г. Монетный двор переслал в ИАК 60 руб. 75 коп. чеком и 68 руб. 25 коп. разменной монетой, которые причитались за 4 клада. Из этих денег выплачивалось вознаграждение находчикам, которое представляло собой сумму «металлической ценности» самого клада и 30 % этой стоимости в целях поощрения (Там же, л. 9–12).

С начала 1880-х гг. передача кладов из ИАК на Монетный двор происходила уже через Департамент Государственного казначейства. В то же время в делопроизводстве Комиссии появился ряд специальных типографских бланков, разработчиком которых мог быть И. А. Суслов. Это были бланки ответа об отсутствии нумизматической ценности монетного клада, передаче клада в Департамент для переплавки на Монетном дворе и последующем возвращении денег в Комиссию, а также сообщение находчику клада о вознаграждении за находку (1880 г., д. 12, л. 3, 12).

К моменту прихода в Комиссию графа И. И. Толстого, занявшегося в свою очередь разбором кладов, такая практика уже вызвала существенные нарекания со стороны общественности. К тому же объем поступающих в ИАК кладов продолжал оставаться не соизмеримым с научными возможностями по их обработке. Именно этим и была вызвана докладная записка И. И. Толстого в ИАК от 8 июня 1886 г., посвященная доставляемым в Комиссию монетным сокровищам (1886 г., д. 36, л. 1–4 об.).

Ее автор, после разбора нескольких кладов, задавался вопросом: насколько полностью используется содержащаяся в них историческая и нумизматическая информация? Так, описывая один из кладов, состоящий из 7500 монет, он отметил среди ценных лишь несколько десятков, указав, что остальные не имеют археологической ценности. При этом он указал на субъективность собственной оценки, имеющей «лишь относительную цену»: «на основании одного моего приговора относительно научного значения монет клада они будут уничтожены». К тому же он не мог быть специалистом в различных областях нумизматики одновременно. Кроме того, изучение кладов требует

усидчивой работы, дабы не навлечь обвинений в поспешности: так, на клад в 7500 монет нужно было потратить 120 часов.

При этом он охарактеризовал весь комплекс информации, получаемой при разборе кладов: выделение наиболее крупных монетных серий, их количественная оценка, типология. Любой клад был способен предоставить информацию двоякого рода: о новых разновидностях монет (собственно нумизматическую), входящих в состав клада, и по истории денежного обращения, включавшую в себя выводы историко-этнографического характера, связанные с топографией, составом и временем депозиции клада.

Возражение графа вызвала и дальнейшая судьба кладов, которая преследовала две цели: выплата вознаграждения находчику и передача клада в компетентные руки. Переплавка кладов на Монетном дворе расценивалась специалистами как «уничтожение нумизматических сокровищ» и отказ от нее позволил бы избежать обвинений в вандализме, которые были неоднократно слышаны самим И. И. Толстым.

Он предлагал следующий алгоритм. Тотчас по доставлении клада в ИАК находчику высылается минимальное вознаграждение. После разборки и описания клада в самой Комиссии и осуществление Эрмитажем приоритетного права отбора монет для своей коллекции должна была быть устроена публичная выставка. Целью такой выставки является как можно широкое обозрение клада наибольшим числом специалистов для оценки оставшихся монет и их распределения по российским музеям. Это позволило бы по-настоящему оценить клад, что доставило бы находчику более справедливое вознаграждение, а обзор специалистов избавил бы ИАК от промахов при нумизматической оценке сокровища. Единственное возражение против такого «бригадного подхода» связано с тем, что клад как единый комплекс оказался бы раздроблен. Необходимо отметить, что И. И. Толстой не отказывался

Юлий Богданович Иверсен.
Портрет работы К. К. Кастелли.
Ок. 1878 г. (ГЭ, ЭРГ-28817)

Иверсен Готлиб (Юлий Богданович)

(5.04.1823–13.04.1900) — исследователь нумизматики и русских медалей. Учился в Дерптском университете с 1842 по 1846 г. С 1851 по 1855 г. работал преподавателем древних языков в Англиканской и Реформистской церковных школах в Петербурге. С 1855 по 1880 г. преподавал греческий и латинский языки в St. Petri-Schule. С 1859 г. взял на себя труд разбора монетных кладов, присланных в ИАК. В 1877 г. зачислен в Эрмитаж сверх штата. В 1879 г. назначен помощником хранителя, а с 1884 г. — хранитель по Отделению монет и медалей. За свои исследования был удостоен серебряной (1873) и золотой медалей (1884) ИРАО. В 1886 г. получил звание члена-корреспондента ИАК. Член ИРАО, ИМАО, ООИД и др.

Осн. соч.: Медали на деяния Петра Великого. СПб., 1872; Словарь медальеров и других лиц, имена которых встречаются на русских медалях. СПб., 1874; Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1877–1896. Т. 1–3; Медали, выбитые в царствование императора Александра II. СПб., 1880.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004; *Спасский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. 1764–

1964 // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8.

от обозрения кладов, но лишь считал себя ограниченным специалистом.

Не менее сложной была работа по осмыслению вещевых кладов, представленных ювелирными изделиями. По сути дела, именно сбор информации о кладах домонгольского периода в ИАК, контроль за их поступлением в Эрмитаж и первые аналитические публикации найденных сокровищ заложили основы современной науки о прикладном искусстве Древней Руси. Одной из первых публикаций явился труд библиотекаря Императорской Публичной библиотеки В.В. Стасова по изданию и описанию клада 1865 г. из Владимира. Впоследствии комплексное исследование доставленных в Эрмитаж через ИАК кладов древнерусского времени было поручено младшему члену Комиссии Н.П. Кондакову распоряжением министра Двора от 3 мая 1885 г., о чем в Комиссию сообщил главный контролер министерства Н.С. Петров (1885 г., д. 59, л. 64–64 об.). Однако это предприятие было по неизвестным причинам приостановлено в августе и получило новый импульс лишь в декабре, в связи с инициативой А.В. Прахова продолжить издание «Древностей Российского государства» (смотри подробнее далее).

Однако одной из серьезнейших проблем были не только охранение случайно открытых кладов от расхищения и их научное описание, но и вопрос собственности на них и выплаты соответственного вознаграждения. В 1880 г. в Киеве на Большой Житомирской улице крестьянином Трофимом Поповым был найден клад древнерусских украшений и серебряных денежных гривен «киевского типа». По оценке С.Г. Строганова, он включал в себя убранство великокняжеского облачения X–XI вв. и из всех собственно русских кладов являлся одним из самых интересных и примечательных. Граф предполагал выплатить находчику 2000 руб. Однако уже 25 января 1881 г. киевский губернатор оповещал ИАК о попытке киевского городского головы получить клад в ведение Киевского городского общественного управления, так как по смыслу 120-й ст. Городового положения все улицы составляют городскую собственность, и, следовательно, в силу 430-й ст. Свода законов гражданских клад принадлежит владельцу земли. В результате вопрос об адресате денежного вознаграждения должен был решиться на основе судебного разбирательства. 12 февраля в ответном письме С.Г. Строганов писал, что по смыслу закона Т. Попов имеет право на половину суммы вознаграждения, и предложил Правлению отказать в пользу находчика и от второй тысячи, однако 7 апреля правление 24 голосами против 3 отклонило это предложение. В конце концов Т. Попову

Форма ответа Императорской Археологической Комиссии об отсутствии нумизматической ценности монетного клада (1882 г., д. 12, л. 3)

была выдана 1000 руб., а вторая осталась дожидаться своей участи в казначействе до решения вопроса о праве города на эти деньги (1880 г., д. 12, л. 54, 55–56, 64–64 об., 67).

31 июля 1882 г. Киевский окружной суд присудил городу вторую половину вознаграждения, что вызвало продолжительную переписку между тогдашним председателем ИАК графом А. А. Васильчиковым и министром внутренних дел графом Д. А. Толстым. А. А. Васильчиков приводит целый ряд законодательных актов (430-я ст. 1-й части 10-го т. Свода гражданских законов, где указывается, что клад как сокрытые в земле сокровища принадлежит владельцу земли, за исключением Черниговской и Полтавской губерний, где половина клада принадлежит находчику; 3-й пункт приложения к 539-й статье, согласно которому цена древности, найденной в местностях, подведомственных станковым правлениям, выдается находчику клада; статья 414 ч. 1 т. 10. Свода законов, где говорится, что городские земли являются общественными и посему подлежат контролю ИАК) и, в видах уточнения ситуации на будущее, в связи с грядущим пересмотром Устава Гражданских законов, спрашивает министра: признает ли тот за городами право собственности на исторические древности государственного характера? В ответ на это министр выражает полное согласие с решением окружного суда, поскольку на основе городского положения 1870 г. земли городов составляют именно городскую, а не казенную собственность. При этом он указывает, что 539-я статья Свода гражданских законов говорит лишь о предметах, найденных на поверхности, тогда как все найденное в недрах несомненно принадлежит владельцу земли, на что рука В. Г. Тизенгаузена делает на письме карандашную помету: «смотри статью 424» (Там же, л. 71, 79–84 об.).

Комиссии приходилось отстаивать права культуры не только перед лицом городского самоуправления, но и перед чиновниками и простыми гражданами. Весьма анекдотичный случай, непосредственно связанный со спорами о праве владения археологическими находками, в которых пришлось участвовать ИАК, произошел в 1886–1887 гг., когда крестьянин Капитон Филлипов на казенной земле в д. Ковшич Зверовической волости Краснинского уезда Смоленской губернии нашел знаменитую «смоленскую гривну» (Толстой 1888: 382. № 13; Николаева, Чернецов 1991: 59, 98. № 14. Табл. V: 2. ГЭ № 2032/1) — золотой «змеевик» с образом Божией Матери Одигитрия весом 12 зол. 60 дол. (1886 г., д. 38, л. 2). Узнав о находке, ИАК вознамерилась приобрести ее за 65 руб. через Смоленский статистический комитет, однако к этому времени крестьянин уже успел продать ее уездному казначею Петру Юницкому за 69 руб. Одновременно выяснилось, что иконка приобреталась служащими местного казначейства в складчину для поднесения в дар своему непосредственному начальнику — управляющему Смоленской казенной палатой Владимиру Тилену и была передана на хранение губернскому казначею Джунковскому, ближайший родственник которого, как выяснилось, также служил по этому ведомству в Краснинском уезде.

26 сентября 1886 А. А. Бобринской обращается к губернатору В. И. Сосновскому с просьбой выслать змеевик в Петербург, выделив 69 руб. в качестве компенсации. Однако ушлые чиновники уже направили губернатору записку с просьбой передать это дело на высочайшее рассмотрение (Там же, л. 11–12), о чем губернатор известил графа. В записке говорилось, что если государю императору будет угодно, то они «как дети» готовы отдать эту икону безвозмездно, однако здесь же сквозит надежда, что государь повелит возвратить ее им. Утверждая, что у них есть сведения, будто эта «святая икона на золотой медали не составляет собой археологической редкости», бухгалтеры писали: «Много есть святынь, хранящихся в семействах, и мы не можем думать, чтобы Археологическая Комиссия ради археологии могла их вытребовать и за них вознаграждать, а посему мы хотим эту святую икону оставить

«Смоленская гривна» (1886 г., д.38, л. 2)

в нашем служебном семействе». 10 декабря 1886 г. А. А. Бобринской был вынужден «конфиденциально» писать губернатору «о неосновательности и надуманности такого заявления» и предложил негласно «возвратить это прошение» адресантам и объяснить им, что дело идет о незаконно приобретенной гривне, вопреки существующей процедуре представления находок на высочайшее воззрение. В любом случае Комиссия не посягает на «семейные святыни господ чиновников». В ответном письме 21 января 1887 г. разумный губернатор подтвердил свое полное согласие с предложением председателя ИАК, и конфликт был улажен (Там же, л. 10, 15–15 об.).

Кроме работы с кладами и случайными находками проводилась работа и с кладоискателями. Так, в марте 1865 г. в РАО обратился отставной надворный советник П. П. Дронштруб из Переславля Полтавской губернии, отец которого был некогда управляющим в имении генерал-лейтенанта Голенищева-Кутузова в Кидомле Тверской губернии Бежецкого уезда. Согласно местной легенде, во время войны 1812 г. на железных цепях под мост через местную речку было опущено 40 засмоленных дубовых бочек с драгоценностями, после чего сама река вместе с мостом была засыпана землей и «сровнена с общей местностью». Доказательством этому является то, что во время пахоты на этом месте попадают разные вещи. Естественно, этот клад предлагалось найти. В ответе на это обращение В. Г. Тизенгаузен писал, что «отыскание подобных сказочных кладов не входит в круг занятий» ИАК (1859 г., д. 24, л. 6–7 об., 8–8 об.).

Показательно, что российские власти весьма плохо представляли разницу между археологическими исследованиями и кладоискательством. Когда в сентябре 1866 г. коллежский

1862
4 Nov 1862
73
12

Императорскому Государю,
 Графу Сергѣю Григорьевичу,
 Сочинено, для Вашего Высочайшаго
 повелѣнія, въразрѣшенію въ писаніи имени
 фамиліи своея имя не Стрѣгоновъ,
 а имя Стрѣгоновъ въ Вашемъ, Императорскому
 Государю, ходатайствѣ о разрѣшеніи
 курганнаго разгрома, върѣшеніи по Архиву
 съперстава Императорскаго Дѣла, отъ
 Ф. С. А. Курганнаго, А. С. В. Д., о сдѣланіи
 губернаторскихъ и Областныхъ Статскихъ
 Комитетовъ въ Москвѣ, состоящей надъ Вашими
 Высочайшими повелѣніями, Археологическаго
 Комитета и уполномоченнаго Вашего
 Высочайшаго Государя въ
 Императорскому.

Автограф председателя Императорской Археологической Комиссии С.Г. Строганова о правописании собственной фамилии: «Строганов, а не Стрѣгонов» (1862 г., д. 27, л. 12)

регистратор из Владимира Егоров обратился в МВД за разрешением отыскивать ему клады в Петушках Владимирской губернии, то местный губернатор Струков, «принимая во внимание важность могущих быть открытий», ходатайствовал перед ИАК о таком разрешении. Естественно, С. Г. Строганов отписал отказ, мотивируя это тем, что поиск предпринимается не в научных целях, а в корыстных видах (1866 г., д. 27, л. 4–5). Однако когда мировой судья Кикин запросил МВД о предоставлении ему права «разрывать курганы» в Коломенском уезде, с тем, чтобы вещи были переданы в Московский этнографический музей, чиновники внутренних дел восприняли это как еще одну попытку кладоискательства (1867 г., д. 32, л. 3).

Председатель ИАК использовал подобные запросы как повод к обращению в МВД о запрете кладоискательства вообще. Осенью 1866 г. С. Г. Строганов обратился к министру с предложением: предписать начальникам губерний, согласно статье 430 т. 10 ч. 1 Свода гражданских законов и статьям 40 и 181 Устава строительного, «ни под каким видом не допускать кладоискательства и неизбежного от того разрушения памятников древности». Такой циркуляр на имя губернаторов за подписью статс-секретаря МВД Валуева был разослан 4 ноября

1866 г. и впоследствии возобновлялся 4 ноября 1882 г. (№ 26), 31 июня 1884 г. (№ 11) и 31 мая 1886 г. (№ 251) (1866 г., д. 27, л. 7). В нем говорилось: «По сведениям, дошедшим до Императорской Археологической Комиссии, оказывается, что некоторые лица, получая от местных начальств дозволения отыскивать клады, под этим предлогом раскапывают курганы и городища и таким образом портят и уничтожают достойные внимания памятники древности. Вследствие сего Председатель упомянутой Комиссии, генерал-адъютант граф Строгонов (*sic!*), просит меня сообщить губернаторам, чтобы они, согласно статье 430 т. 10 ч. 1 Свода законов гражданских и статей 40 и 181 Устава строительного ни под каким видом не допускали кладоискательства и неизбежного от того разрушения памятников древности. Имею честь уведомить о вышеизложенном Ваше превосходительство для руководства, присовокупляя, что, на основании статьи 1311 т. 1 ч. 2 Свода законов по продолжению 1863 г., сведения о древних зданиях и вообще о находимых древностях должны быть доставляемы в Министерство внутренних дел, по Департаменту общих дел» (Охрана памятников 1978: 85). Впрочем, циркуляр требовал сведения о находимых древностях доставлять не в Археологическую Комиссию, а в МВД. Кроме МВД вопрос о производстве археологических изысканий частными лицами интересовал и Министерство Двора, от имени которого 24 января 1875 г. в ИАК был сделан запрос о том, какие правила для ограничения подобной деятельности здесь установлены, по поводу чего была составлена докладная записка (1875 г., д. 10, л. 2, 3). Следующий этап борьбы с кладоискательством приходится уже на «эпоху Бобринского».

С. Г. Строганов приложил немало усилий, дабы информация о Комиссии и ее деятельности распространялась как можно шире. Так, отчет о деятельности ИАК за первый год работы Комиссии был отправлен не только в Керченский музей и Императорскую Академию наук, но 23 экземпляра 24 мая 1861 г. были соответственно отправлены секретарю Академии наук в Стокгольме, в Академии наук в Упсале, Копенгагене, Лондоне, Эдинбурге и Дублине, в Философское общество в Кембридже, в Бодлеанскую библиотеку в Оксфорд, в Академии Берлина, Мюнхена, Геттингена, Лейпцига, Вены, Амстердама, Брюсселя, Парижа, Дижона, Лиона, Турин, в Институт археологической корреспонденции в Риме, в Папскую Академию археологии и в Академию Геркуланума в Неаполе (1861 г., д. 18, л. 1–11). По просьбе председателя Комиссии в адрес-календаре Императорской Академии наук за 1864 г. были опубликованы извлечения из Положения об ИАК, а также список ее членов (1863 г., д. 10, л. 1).

VIII

Несмотря на изначально ограниченные возможности Комиссии и на определенную специфику понимания председателем ИАК функций археологической науки, С. Г. Строганов предпринял целый ряд мер как для выполнения зафиксированных в уставе обязанностей Комиссии, так и для создания единого «административно-общественного фронта» по защите памятников отечественной старины. Первыми контрагентами ИАК стали Управление путей сообщений и губернские Статистические комитеты.

19 ноября 1862 г. С. Г. Строганов отправляет письма Петру Петровичу Мельникову в Главное управление путей сообщений и публичных зданий и Эдуарду Ивановичу Тотлебену в Инженерный департамент (1862 г., д. 26, л. 1–2, 3–4). Указывая, что на основании пунктов 7 и 8 Положения ИАК обязана следить за производимыми в империи земляными работами, он просит сделать необходимые распоряжения о доставлении в ИАК сведений о направлении проводимых дорог, производстве работ и сделанных находках. Дабы стимулировать находчиков, упоминалось, что им на основании 11-го и 12-го пунктов Положения об ИАК будет выдаваться денежное вознаграждение. При этом предлагалось принимать в расчет

не только стоимость вещи, но и ее археологические достоинства и редкость. С.Г. Строганов также писал, что с его стороны будут приняты все меры, чтобы действия Комиссии не замедляли строительных работ. Соответствующие ведомственные предписания последовали в том же ноябре 1862 г.

Однако сам С.Г. Строганов понимал необходимость контакта между ИАК и сотрудниками инженерных ведомств на местах. 6 апреля 1866 г. он обращается в Управление путей сообщений и просит разрешить непосредственные сношения с дистанционными офицерами, распоряжающимися производством работ. После получения необходимого разрешения и соответствующего списка офицерам Московско-Курской дороги 11 мая была отправлено 21 письмо, отпечатанное типографским способом (Там же, л. 8, 10–10 об., 11–12).

Председатель ИАК объективно оценивал возможности своего ведомства по надзору за подобными работами и не стремился его монополизировать. Он сознательно привлекал для этих целей местные ученые общества. Так, в марте 1863 г., во время строительства дороги Одесса–Парканы, он вступил в переговоры с Н.Н. Мурзакевичем, в результате чего была достигнута договоренность, что именно Одесское общество истории и древностей будет наблюдать за прокладкой путей (Там же, л. 6). Вместе с тем он отстаивал приоритетное положение Комиссии в деле собирания информации о найденных кладках. Так, 1 июня 1866 г. он писал киевскому генерал-губернатору А.П. Безаку о необходимости пересылать находки не в университет св. Владимира в Киеве, а непосредственно в ИАК, особенно те из них, которые были найдены в процессе работ по строительству железных дорог (Там же, л. 15).

Отсутствие устоявшейся процедуры в этой области ощущалось весьма сильно. Так, 7 февраля 1867 г. председатель ИАК обратился в Департамент общих дел МВД о повсеместном нарушении в связи со строительными работами примечания 2 ст. 39 ч. 1 т. 5 Свода гражданских законов «о доставлении кладов местному начальству и отсылке их по принадлежности», т. е. в ИАК (Там же, л. 18–18 об.). Призыв к сотрудничеству между строителями и Комиссией был сразу же напечатан в «Северной почте» по поручению МВД, однако само министерство не преминуло взять с ИАК деньги за такое объявление. Объявление было услышано на местах. В марте 1867 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор обязал командиров рабочих бригад объявлять начальству о всех сделанных находках. Приглашение к сотрудничеству было продублировано в 1868 г., а 21 января 1869 г. ИАК вновь подтвердила свое намерение непосредственно входить в контакт со строителями и правительственными инспекторами на местах. С 1871 г. активность ИАК в ее контактах с железнодорожным ведомством несколько снижается, чтобы обрести второе дыхание в середине 1880-х гг. Однако стоит отметить, что за 10 лет активной прокладки дорог деятельность Комиссии так или иначе охватила все крупные мероприятия того времени: Рязско-Моршанскую, Московско-Смоленскую, Курско-Харьковскую, Харьковско-Азовскую, Петербургско-Гельсингфорсскую, Кременчугско-Харьковскую, Тирасполь-Кишиневскую, Киево-Балтскую, Балтийскую, Рыбинско-Бологовскую Ярославско-Сергиевскую, Тамбовско-Кирсановскую, Елецко-Орловскую, Орловско-Грязинскую, Лозовско-Севастопольскую и другие дороги. Активное строительство транспортных дорог в России уничтожило такой характерный документ раннего периода деятельности ИАК, как «подорожные».

Другим научным партнером ИАК в деле изучения отечественных древностей и собирания информации о них стали губернские и областные Статистические комитеты, созданные еще в 1834 г. Отправной точкой стал уже известный нам ноябрь 1862 г. Очевидно, к этому времени ИАК сумела организовать свою деятельность в области изучения причерноморских древностей и их предоставление на «Высочайшее воззрение», что освободило

дополнительные возможности для выполнения иных, предписанных Положением, функций. Так, в частности, в Керчи в 1865 г. Археологическая Комиссия провела первые работы по «музеефикации» археологических объектов, на ее средства был расчищен от наносов и обвалов склеп Царского кургана в Керчи, склеп и дромос частично отреставрированы и укреплены, при кургане построено караульное помещение для сторожа. В 1871 г. аналогичные меры были предприняты для спасения Мелек-Чесменского кургана.

Отношения со Статистическими комитетами развивались следующим образом. 29 ноября 1862 г. С.Г. Строганов обращается в центральный Статистический комитет МВД (1862 г., д. 27, л. 1–2). Подчеркивая «незначительность» состава ИАК, члены которой главным образом заняты «производством археологических раскопок и описанием открываемых вещей», и «крайнее равнодушие общества к археологическим исследованиям и памятникам... древности», он пишет, что «собрание обстоятельных и правильных сведений» о старине «становится крайне затруднительно и почти невозможно без содействия других правительственных учреждений». Статистические комитеты, по кругу своих обязанностей и территориальному расположению, по мнению председателя, могли бы внести существенный вклад в это дело.

Действительно, согласно «Положению о статистических комитетах» в их задачи входило не только «собрание точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселении и производительных силах» (п. 2), но и «забота о составлении, по мере возможностей... подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно почему-либо замечательных в губернии или области местностей в отношении... историческом... и издании трудов своих в свет» (п. 3).

На первом этапе предполагалось собирание материалов для археологической статистики и составление археологических карт — «нанесение на карты пунктов, замечательных в археологических отношениях», второй этап предполагал привлечение к исследованию памятников лиц, знакомых с местными древностями, и осуществление контроля за состоянием старины. Характерно, что, судя по сохранившимся в архиве ИАК карандашным заметкам В.Г. Тизенгаузена на полях «Положения о статистических комитетах», руководство Комиссии предполагало возможность командирования членов этих комитетов для осмотра памятников и материальной поддержки создаваемых ими экспедиций, что соответствовало пунктам 14 и 15 упомянутого Положения.

Главной задачей становилось «обратить внимание общества на памятники нашей старины» и со временем, как в других государствах, образовать местные археологические комиссии. Последнее замечание представляется нам указанием на определенную связь с практикой подобных учреждений во Франции 1820–1850-х гг. В заключение С. Г. Строганов спрашивал, «не встретится ли со стороны Центрального статистического комитета» каких-либо препятствий к такому сотрудничеству.

Уже 12 декабря 1862 г. товарищ министра А. Г. Тройницкий отвечал, что здесь «не только не может встретиться каких-либо затруднений, но что МВД с особенной готовностью употребит зависящие от него меры к осуществлению предположений комиссии». При этом он предложил Комиссии установить единство действий и сообщить ЦСК программу предполагаемых изысканий для рассылки в губернии от имени министерства (1862 г., д. 27, л. 7–8). 18 января 1863 г. ИАК препроводила в министерство 200 экземпляров «Программы археологических исследований, по которым ожидается содействие Статистических комитетов» (Там же, л. 9–10, 14–14 об.). 27 апреля 1863 г. циркуляр за подписью А. Г. Тройницкого был разослан в губернии. Повторяя преамбулу письма С. Г. Строганова, министерство «признавало полезным, чтобы Губернские и Областные статистические комитеты приняли участие

«Программа археологических исследований, по которым ожидается содействие Статистических комитетов» (1862 г., д. 27, л. 14–14 об.)

в сборании сведений об отечественных древностях, разумеется, в такой мере, чтобы труды эти не отвлекали комитеты от главных служебных занятий». На места была отправлена не только программа, но и «Записка для обозрения русских древностей» И. П. Сахарова. Сама программа из 6 пунктов делала упор на уездных сотрудников комитетов, которые должны были доставлять сведения в ИАК. Она предполагала «приведение в известность наличных памятников древности», под чем понимались статистические сведения о памятниках старины в самом обширном смысле от городищ вплоть до местных преданий, а также составление карт по каждому разряду памятников на основе уже известной записки 1851 г. Четвертый пункт гласил, что «в случае, когда будет настоять надобность уничтожить какой-нибудь остаток древности... как, например, при проведении железных дорог, шоссе... Комиссия просит сообщать ей о том ближайшие сведения, дабы она имела возможность воспользоваться этим для археологических открытий». Предполагалось, что Статистические комитеты будут привлекать к своей деятельности местных любителей и знатоков старины, собирать сведения о случайных находках, а также активно сотрудничать с художниками и чертежниками, которым предполагалась выплата вознаграждения за «графическую фиксацию».

В течение лета 1863 г. Вологодский, Воронежский, Тверской, Ковенский и Костромской комитеты откликнулись на этот циркуляр непосредственно в ИАК просьбой о доставлении дополнительных экземпляров «Записки для обозрения русских древностей». Лишь Киевский комитет в письме упомянул, что в губернии существует Комиссия для разбора

древних актов, в круг занятий которой входят и «археологические исследования», и посоветовал ИАК обратиться туда. 23 декабря 1863 г. С.Г. Строганов был вынужден непосредственно просить Киевский комитет о содействии ИАК (1862 г., д. 27, л. 20–20 об.).

Отношения ИАК с самой киевской Временной комиссией для разбора древних актов складывались менее продуктивно. 23 декабря 1863 г. С.Г. Строганов обратился туда с предложением о совместном исследовании Екатеринославских курганов скифского времени, после замечательных открытий, сделанных в 1855–1856 гг. Однако Временная комиссия не проявила к этому никакого интереса, предложив 5 марта вместо этого исследовать фрески церкви Спаса на Берестове, недавно открытые протоиереем П. Лебединцевым. В том же письме сообщалось, что она против открытия археографической комиссии в Вильно, поскольку, при отсутствии «вполне способных к тому русских деятелей», ее организация повлечет за собой большие расходы. 30 апреля 1864 г. председатель ИАК просил прислать снимки фресок, которые, похоже, так и не были высланы (1863 г., д. 22, л. 5, 6).

Характерно, что при общем согласии содействовать ИАК практически все Статистические комитеты переадресовали программу приходскому духовенству (1862 г., д. 27, л. 17, 18) под видом вовлечения священнослужителей в деятельность по охране памятников отечественной старины. Так, Казанский комитет на заседании 16 августа 1863 г. постановил, что «действительные члены комитета, большей частью состоящие на службе, не могут принести существенно важной пользы в настоящем случае», и пригласил к занятиям археологией настоятелей монастырей, городских и сельских священников, вследствие чего было принято обращение к архиепископу Афанасию (Соколову), а также учителей (Там же, л. 26–27). Одновременно комитет обратился в Казанский университет с просьбой профессорам П.П. Буличу, В.И. Григоровичу, Н.И. Ильминскому и Н.А. Толмачеву «почтить участием статистический комитет в его археологических исследованиях» с принятием званий действительных членов комитета.

Подобным образом 11 сентября 1863 г. поступил Иркутский статистический комитет, который решил опубликовать циркуляр и программу в «Губернских ведомостях», а также просить епископа Парфения (Попова, на кафедре 1860–1873) «о поставлении в обязанность» благочинным и приходским священникам сотрудничества с комитетом в области археологии. Такое же обращение было принято к уездным исправникам и действительным членам в округах — доставить в Комитет сведения, нет ли на местах памятников, замечательных в археологическом отношении. 5 августа 1863 г. Смоленский комитет также возложил ответственность за сбор археологической информации на уездных исправников, станových приставов и духовное ведомство (1864 г., д. 8, л. 16). 21 марта 1864 г. к своему правящему архиерею обратился и Архангельский комитет (Там же, л. 1–2 об.).

В мае 1866 г. ИАК вновь разослала письмо во все Статистические комитеты, упомянув о предшествующем циркуляре МВД от 27 апреля 1863 г. по поводу участия комитетов в собирании сведений о местных древностях (1866 г., д. 8, л. 1). В письме сообщалось, что двухлетнее сотрудничество уже успело принести некоторую пользу, в результате чего в Археологическую Комиссию были доставлены сведения о местных древностях, а несколько случайных археологических находок были сохранены от истребления. Для закрепления сложившихся контактов ИАК разослала по губернским комитетам некоторые археологические издания: Известия РАО, труды МАО, а также Отчет о деятельности Комиссии за 1864 г.

Определенный итог этому сотрудничеству подвел В.Г. Тизенгаузен в своей Записке о деятельности Археологической Комиссии от 7 мая 1886 г. (1886 г., д. 73, л. 1–2 об.): «Комиссия пыталась привлечь к ее деятельности основные провинциальные научные силы — членов Статистических комитетов. Но это была слабая поддержка, и от научного комитета

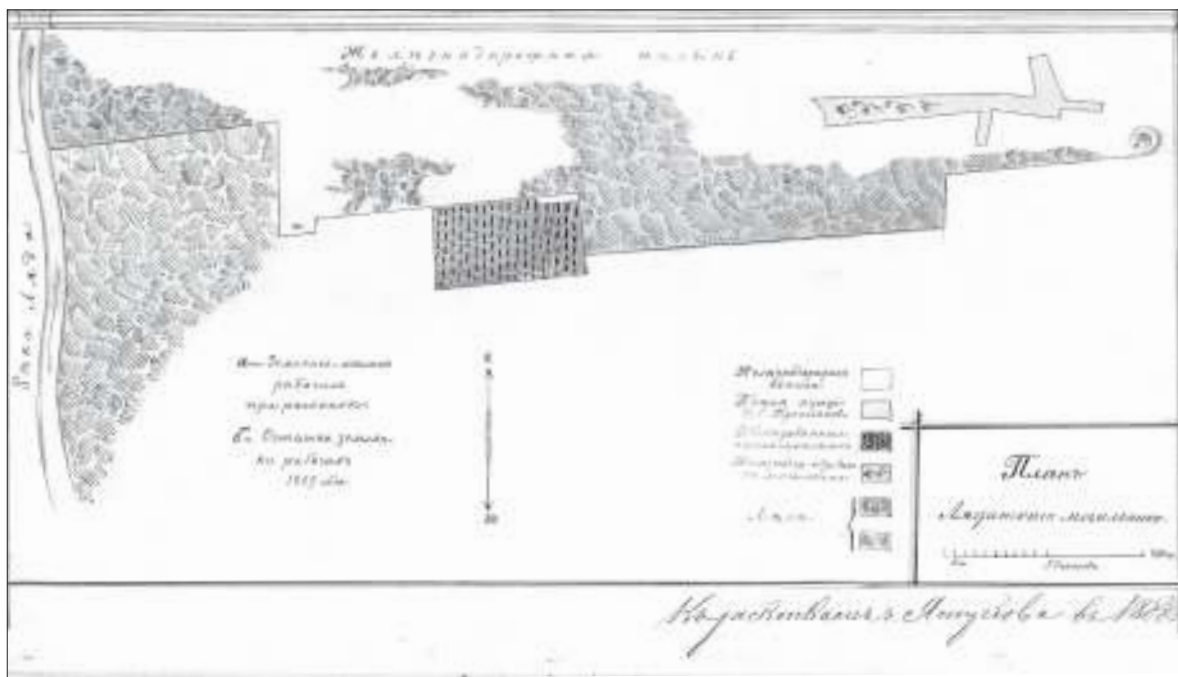
ожидать нечего, даже если бы он оплачивался из казны». К этому мнению восходит и отзыв 1898 г. нового председателя Комиссии А. А. Бобринского о том, что привлечение к делу охраны памятников Статистических комитетов «не оправдало тех надежд, которые Археологическая Комиссия возлагала на них» (Охрана памятников 1978: 146). В марте того же года он представил министру внутренних дел проект создания отделений по составлению Свода памятников старины и их охране при губернских Статистических комитетах (1887 г., д. 69, л. 362–365; Охрана памятников 1978: 145–150; Лапшин 2002: 83), но эта попытка также не увенчалась успехом. В целом нужно признать, что с 1866 г. отношения ИАК с комитетами практически прекратились, несмотря на то что в предшествующее время в Петербург были присланы некоторые местные древности, краеведческие описания и местные издания историко-археологического характера, а также губернские памятные книжки.

Так, Калужский комитет переслал в ИАК рукопись о монетах удельных князей на территории Калужской земли и опубликованные описания нескольких монастырей: Боровского, Тихоновского Козельского и Козельской Введенской пустыни, попросив, впрочем, возвратить книги по «минованию» в них надобности (1862 г., д. 27, л. 22). Курский комитет сообщал о находке клада 874 серебряных монет XVII в. при строительстве дома (1864 г., д. 8, л. 3), а Витебский переслал в ИАК каменный молоток и бронзовые пряжки из курганов, в том числе и из «Рогнединского кургана» у истоков р. Дрисса, раскопанных на землях Блясинского сельского общества мировым посредником Полоцкого уезда А. Р. Гернгроссом и членом комитета В. О. Дуве. В результате вещи были отправлены в Московский музей (1865 г., д. 5, л. 2). Самостоятельный интерес представляет присланная из Донского войскового комитета в 1868 г. записка его члена Х. И. Попова с описанием курганов и городищ в Усть-Медведицком и Хоперском округах (1866 г., д. 8, л. 22–44).

При поверхностном взгляде на деятельность ИАК в 1860–1870-е гг. может показаться, что ее сотрудничество со Статистическими комитетами и строителями не принесло существенных результатов. Однако именно в это время складывалась система взаимоотношений ИАК с учеными коллективами на местах: Одесское общество в 1863 г. и Киевский статистический комитет в 1866 г. выполняли надзорные функции при прокладке железных дорог в соответствующих губерниях (Там же, л. 4). Кроме того, вовремя замеченные членами ИАК газетные сообщения о находках археологических предметов при строительстве путей сообщения позволяли не только спасти их для последующего музейного хранения, но превратить впоследствии найденные комплексы в эталонные памятники при изучении археологии Восточной Европы. Просмотр газет на предмет сообщений о находках кладов, случайных вещей и несанкционированных раскопках и последующие меры стали одной из важных форм деятельности ИАК по сохранению культурного наследия.

Так, в ноябре 1867 г. ИАК «случайно узнала», что при устройстве Орловско-Витебской железной дороги были найдены серебряные древние предметы и куфические монеты, о чем был сделан запрос в МВД. В ответ, однако, было сообщено, что на территории Пореческого уезда в Смоленской губернии при проведении соответствующих работ действительно были обнаружены глиняные горшки, черепа (очевидно, строительством был затронут курганный могильник), а также «шведские и ливонские монеты», которые заведующий дистанцией инженер поручик Рипас передал в Смоленск (1867 г., д. 14, л. 1, 2). Впрочем, ни о серебряных изделиях, ни о куфических монетах не сообщалось, в силу чего непонятно, шла ли речь об одной и той же находке.

Равным образом, обратив внимание на газетную информацию об обнаружении при строительстве Тамбовско-Саратовской железной дороги близ Кирсанова древних предметов,

План Лядинского могильника, Тамбовская губерния (1869 г., д. 20, л. 194)

в июне 1869 г. С. Г. Строганов оправляет запрос инспектору А. И. Бедряге (1869 г., д. 20, л. 1). В результате выяснилось, что в процессе земляных работ было найдено не менее 5 погребений, план которых и наиболее репрезентативные бронзовые серебряные и железные вещи (оружие, стремена, удила, украшения) инспектор переслал в ИАК (Там же, л. 7, 10, 18–25). В 1884 г. вещи были частично переданы в Российский исторический музей. Однако позднее, уже в «эпоху Бобринского», из 15-го выпуска «Известий Тамбовской Архивной комиссии» за 1887 г. Комиссии стало известно, что часть вещей из этого комплекса член Архивной комиссии В. Вышеславцев пожертвовал в местный музей. Это вновь пробудило интерес к найденным древностям. В декабре 1887 г. ИАК обращается к владельцам земли Сазоновым и их арендатору купцу Третьякову о необходимости доследования участка, на что было получено согласие безо всяких предварительных условий и «без возмещения убытков» (Там же, л. 38). В феврале 1888 г. появляется памятная записка Н. Е. Бранденбурга «Тамбовский могильник и его археологическое значение» (Там же, л. 40–59 об.), а 20 июня Владимиру Николаевичу Ястребову, преподавателю Елисаветградского реального училища, был выдан Открытый лист на раскопки в этой местности, для чего было выделено 400 руб. (Там же, л. 68). В результате предоставленного отчета (Там же, л. 85–195) и более чем 20-летней истории увидела свет публикация Лядинского могильника — классического памятника мордвы X–XI вв. на территории Древней Руси (Ястребов 1893).

Если отношения ИАК и ИРАО в Санкт-Петербурге складывались достаточно органично, то созданное А. С. Уваровым в 1864 г. Московское археологическое общество с самого начала рассматривало себя в качестве альтернативы ИАК. Как было показано выше, в основе такого противостояния лежал личный конфликт А. С. Уварова с С. Г. Строгановым, который впоследствии дополнился соперничеством столиц и дискуссией научных школ. Археологическая Комиссия отнеслась весьма прохладно к подготовке и проведению «Уваровских»

съездов. 26 февраля 1866 г. МАО прислало приглашение к участию в предварительном комитете I Археологического съезда на адрес «Санкт-Петербургской Императорской Археологической Комиссии», будто подчеркивая тем самым равенство своего положения с ней по региональному признаку (1866 г., д. 4, л. 1). 10 марта С.Г. Строганов отвечал в том духе, что Комиссия «вполне сочувствует предложенной обществом мысли о съезде и со своей стороны считает долгом принять живейшее участие в этом деле». В предварительный комитет съезда был назначен И.Е. Забелин. 27 апреля 1868 г. было получено разрешение на съезд от министра народного просвещения, в ведении которого находилось МАО. С.Г. Строганову было отправлено персональное приглашение, однако не как председателю ИАК, а как председателю ОИДР. Несмотря на то что типографский формуляр содержал позицию для подписи самого А.С. Уварова, оно было подписано лишь секретарем общества К. Герцом. В результате на приглашении появилась эмоциональная резолюция Строганова; «Не намерен принимать участия ни в каких делах Комитета, ни съезда гг. археологов» (Там же, л. 6).

Многие положения предстоящего съезда вызвали его пометы в виде вопросительных знаков и язвительных замечаний. Вопросительные знаки появились у 1-го параграфа положения о съезде, где к числу «главных вопросов, которые будут подвергнуты обсуждению», были отнесены состояние русской археологии и ее развитие, сохранение и приведение в известность памятников как языческой так и христианской древности в России, точнейшее определение методов и приемов в исследовании памятников, составление подробной инструкции археологических изысканий, картирование и т.д. Напротив 2-го пункта о том, что «съезд будет продолжаться не более трех недель», приписано: «И одного часа много». Особенное возмущение С.Г. Строганова вызвало, судя по пометам, намерение А.С. Уварова «допустить» «к участию в съезде» депутатов от всех ученых обществ, «предметы занятия которых соприкасаются с русской археологией, а также всех ученых, заявивших себя археологическими трудами или выразивших председателю съезда желание участвовать в занятиях его и им к такому участию допущенных». Рядом с «допустить» С.Г. Строганов дописал альтернативное «пригласить».

6 марта 1869 г. ИАК приняла решение не назначать со стороны Комиссии особого депутата, кроме В.Г. Тизенгаузена, который уже был членом предварительного комитета. На II Археологический съезд также был отправлен В.Г. Тизенгаузен. В.Г. Тизенгаузен же представлял ИАК и на съезде 1881 г., хотя по болезни в заседаниях предварительного комитета и не участвовал (1879 г., д. 35, л. 2, 3). Сам Строганов не участвовал ни в одном съезде, так же как и сменивший его в 1882 г. А.А. Васильчиков. Археологическая Комиссия не послала официальных делегатов на IV, VIII, XI, XII, XIII и XVI Археологические съезды.

Необходимо отметить, что не только проведение съездов, но и многие интересные инициативы, поступавшие в Комиссию, оставались без соответствующего внимания, несмотря на то что потенциальные возможности ИАК, несомненно, расширились. Ее деятельность начинала становиться известной. Так, российский консул в г. Кандии Лаговской, через Азиатский департамент Министерства иностранных дел, информировал С.Г. Строганова о находке 2 античных статуй у г. Аптера на южном берегу Судского залива близ Канеи (1875 г., д. 10, л. 14–15). Одно из самых интересных предложений пришло в ИАК в июле 1871 г. от известного византиниста и коллекционера А.Д. Мордтманна (A. D. Mordtmann, 1811–1879) через российское посольство в Стамбуле. Он предложил приобрести у него 600 византийских свинцовых печатей, в том числе и из Херсонеса, сопроводив их подробным указателем. 20 августа ИАК попросила его указать возможную стоимость коллекции и прислать ее каталог. Это и было сделано 14 октября 1871 г., причем все фотографии были переданы старшему хранителю монетного отделения Эрмитажа М.И. Броссе (1802–1880) (Сотрудники

Храм св. Софии, обращенный в мечеть. София, Болгария. 1878 г. (1878 г., д. 22, л. 4)

Императорского Эрмитажа 2004: 25–27), который в ответном письме указывал, что, несмотря на интерес коллекции, приобретена она быть не может «по неимению в настоящее время свободных сумм» (1871 г., д. 28, л. 3–4). Формирование коллекции моливдовулов Эрмитажа отодвинулось на несколько десятилетий.

Это были не единственные предложения, поступившие Комиссии из-за рубежа. 15 июля 1878 г. от военного губернатора болгарской Софии Алабина поступило предложение собственными силами с привлечением лишь отчасти средств Комиссии раскопать уникальный многослойный памятник позднеантичной и византийской эпохи — Софийский собор в Сердике-Софии, пользуясь русским временным военным присутствием в Болгарии. Ситуация упрощалась тем, что по предложению Алабина раскопкам должен был быть подвергнут лишь алтарь, апсида которого, при превращении храма в мечеть, была разобрана, а проем заложен. Полукружие фундамента апсиды хорошо читалось на местности, и именно здесь и предполагалось сосредоточить исследования. Однако отвечавший за отсутствием председателя на вопрос академик Л. Э. Стефани указал, что все специалисты Археологической Комиссии командированы на раскопки в Крым, и сама Комиссия не располагает дополнительными денежными средствами (1878 г., д. 22, л. 1–2, 4). Отметим, что впоследствии во время Первой мировой войны по занятии русским войсками Трапезунда экспедицией Ф. И. Успенского в 1916–1917 гг. здесь были проведены архитектурно-археологические работы в трех храмах византийской эпохи (Беляев 1998: 210–211).

Архитектурно-археологические работы вообще первоначально не входили в число приоритетов Комиссии. Точно так же С.Г. Строганов не посчитал нужным поддержать инициативу президента Академии художеств князя Г.Г. Гагарина в 1860 г. о привлечении общественного внимания к бедственному состоянию Богоявленского собора в Костроме (1860 г., д. 5, л. 1–21 об.) и способствовал снятию ответственности с ИАК за реставрационные работы на памятниках владими́ро-суздальского зодчества (1860 г., д. 9). Не заинтересовало его и исследование собора на Протоке в Смоленске М. Н. Полесским-Щепило в 1867–1868 гг. (1867 г., д. 7). Впрочем, в мае 1871 г. в ИАК узнали из газет об открытии в Феодосии древнего христианского храма и поручили барону Клодту фон Юргенбургу, причисленному к Комиссии после И.П. Вольского, сделать его рисунки, о чем направили соответствующее письмо и в Феодосийский музей древностей. Однако о судьбе этого предприятия нам ничего не известно (1871 г., д. 23). Похоже, что такая позиция председателя ИАК в деле охраны и изучения архитектурных памятников была учтена А.С. Уваровым, который добился от Св. Синода в 1879 г. запрета на самовольные переделки в древних храмах без предварительных консультаций духовенства с существующими археологическими обществами, в перечень которых ИАК не входила (*подробнее смотри главу XIII*). Такая ситуация могла стать общим фоном скорой отставки С.Г. Строганова.

IX

Председателю Археологической Комиссии С.Г. Строганову еще в 1874 г. исполнилось 80 лет, и ему, занимавшему и другие важные государственные должности, было уже трудно уделять много внимания и отстаивать prerogatives Археологической Комиссии. С мая по декабрь 1877 г. С.Г. Строганов отсутствовал в Петербурге, поскольку с разрешения министра отбыл в отпуск на лечение в деревню, его обязанности исправлял С. А. Геденов (1877 г., д. 11, л. 1–3 об.). К концу 1881 г. С.Г. Строганов в своих рапортах признает, что уменьшился штат Комиссии и сократилось количество проводимых ею раскопок. Как явствует из пояснительной записки 24 апреля 1882 г., составленной А.А. Васильчиковым на имя министра Двора И.И. Воронцова-Дашкова, с конца 1870-х гг. С.Г. Строганов возвращал до 50 % бюджетных ассигнований на деятельность Комиссии в ведомство Контроля Министерства императорского Двора (1882 г., д. 31, л. 5 об.–6). Такой неоправданный отказ от активизации деятельности Комиссии требует своего объяснения, что не может быть связано лишь с болезнью 87-летнего С.Г. Строганова и нездоровьем В.Г. Тизенгаузена, а объясняется и сложным положением самой Комиссии.

Как человек, обладающий трезвым государственным умом, он, видимо, хорошо понимал это и подыскивал себе замену. В феврале 1881 г. он подает первое прошение о своей отставке, мотивируя ее «болезненным состоянием и летами», что не позволяет ему более заниматься делами. При этом он предлагает передать дела, в соответствии с хорошо отработанной практикой предшествующего времени, директору Императорского Эрмитажа А.А. Васильчикову. В архиве сохранилось два варианта прошения — окончательный вариант датирован 31 декабря 1881 г. (1882 г., д. 13, л. 1, 2). В первом случае С.Г. Строганов лишь просит на время сохранить личный состав Комиссии, в частности В.Г. Тизенгаузена и И. А. Суслова, во втором — рекомендует поступить именно так, дабы сохранить «многолетние ученые предания и опытность» (Васильева 2000: 177–187). Очевидно, он в некоторой степени опасался за судьбу Комиссии, предвидя, что со сменой руководства сменится и личный состав ИАК.

Это было время определенного подведения итогов деятельности Комиссии в «эпоху «Строганова». Весьма вероятно, что именно В.Г. Тизенгаузенот от имени С.Г. Строганова

были составлены записки от 14 января 1880 г. и 31 декабря 1882 г. министру Двора с краткой характеристикой деятельности ИАК (1859 г., д. 1, л. 22, 24–25 об.). Именно здесь говорилось, что до сих пор ИАК «обращала главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье». Из числа исследованных памятников упоминались Керчь, Чертомлык в Екатеринославской губернии, Большая Близница и Семибратние курганы на Кубани и Артюховский курган близ станции Сенной. За 23 года работы ИАК издала 19 томов отчетов и два выпуска «Древностей Геродотовой Скифии». Другой важной обязанностью Комиссии было наблюдение за случайными археологическими находками. Ежегодно ИАК получала 17 764 руб. из Казначейства, на издание отчетов 6000 руб. и 3700 руб. из Кабинета его императорского величества, всего 27 464 руб. В последние годы, вследствие сокращения личного состава Комиссии (очевидно, имелся в виду уход из ИАК старшего члена И. Е. Забелина в 1876 г. и кончина младшего члена И. Деля в 1879 г.) и уменьшения объема раскопок, в среднем ИАК использовалось 22 500 руб., при этом на содержание личного состава всего 4800 руб. (1882 г., д. 13, л. 3–4 об.).

Год в истории России, последовавший за трагическими событиями 1 марта 1881 г., выдался сложным. Именно этим, а также болезнью самого С. Г. Строганова, и должен объясняться временной разрыв между первым и вторым прошениями. Указ императора Александра III об увольнении С. Г. Строганова последовал только 7 марта 1882 г., в котором говорилось лишь о «расстроенном здоровье» председателя ИАК. 13 марта датировано личное письмо императора графу с благодарностями за службу России, и тем же числом датировано назначение А. А. Васильчикова председателем Комиссии с оставлением его в должности директора Эрмитажа (Там же, л. 5, 6–7, 8). Известно, что А. А. Васильчиков был родственником С. Г. Строганова. Существуют документы, свидетельствующие об обсуждении ими «преемства власти» в ИАК. Еще в начале января 1882 г. А. А. Васильчиков собственноручно заготовил рапорт о вступлении в должность, однако болезнь С. Г. Строганова заставила отложить его до личного общения с графом, которое состоялось не позднее 16 января (1884 г., д. 53, л. 18).

Подобное совмещение должностей в системе Министерства императорского Двора было нередким, так, например, предшественник А. А. Васильчикова на посту директора Эрмитажа — С. А. Геденов в 1867–1875 гг. одновременно руководил Императорскими театрами, а сменивший А. А. Васильчикова в 1888 г. на посту директора Эрмитажа И. А. Всеволожский также исполнял эту должность.

Александр Алексеевич Васильчиков (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 34–36) был сыном сенатора Алексея Васильевича Васильчикова (княжеского титула эта ветвь рода Васильчиковых не имела). В 1855 г. он закончил юридический факультет Московского университета и более 10 лет служил при российских дипломатических миссиях в Риме и Карлсруэ, а в 1866 г. был назначен церемониймейстером Двора, в служебные функции которого входила организация различных придворных церемоний и соблюдение сложных правил придворного этикета, которым в период царствования Александра II уделялось очень большое внимание (Шепелев 1999: 405). Наряду со служебными обязанностями он занимался коллекционированием, преимущественно гравюр и портретов, весьма успешно изучал русскую иконографию, издав в 1870-е гг. книги «О портретах Петра Великого» и «Словарь русских портретов», а в 1880-е гг. генеалогию рода Разумовских. За свои труды он был избран членом Русского археологического общества и Одесского общества истории и древностей, членом-корреспондентом Московского археологического общества. В 1879 г. А. А. Васильчиков получил более высокий придворный чин гофмейстера (III класс по Табели о рангах) и был назначен директором Императорского Эрмитажа. Являясь скорее искусствоведом

Получено 16 Марта 1882 г.

57

66

Генерал Свѣтлейшій Г. Г. Стрѣковскій. Спасаю
въ прошлаго вамшу, оспуражденному
болонженскому составлению и предло-
женным логотамъ. Я съ истребленными
составленными Вселенствительными
указомъ вѣсь отъ одержанной Труд-
суданна Императорской Алекс-
андровской Комиссией. Будучи ос-
новани 2го Октября 1859 года, Ком-
иссия, съ самаго начала своего су-
ществования, состояла подъ вашимъ
прямостоящимъ руководствомъ, ад-
раною шавное вниманіе на иже-
сканіе дѣлности, относительна
въ периоду провозвѣтания иже-
воніи на руководителю Германовскому
предметамъ и въ враніи обитанія

Копия письма Александра III в связи с отставкой С. Г. Стрѣганова, 13 марта 1882 г. (1865 г., д. 24, л. 66-67)

Новороссійскаго графа Стрешневскаго гвард.
инвалида. Произведенное въ высшій
23^{ей} степени раскормки въ отнѣс. инвентар.
отнѣс. справкамъ въ отнѣс. отъ отъ
наго комитета и вѣдомствъ и вѣдомствъ
наименованіемъ древности и одареніемъ
Императорскій Императорскій урядомъ
рабочихъ заморскихъ рабочихъ и рабочихъ
и рабочихъ производимъ древности
мира. Сверхъ сего, сверхъ за сущимъ
или археологическимъ изобрѣтеніемъ
сохраненіемъ для науки заботами Ко-
митетъ много заморскихъ рабочихъ сущ-
ность древности, историческимъ от-
ношеніемъ въ Императорскій, отнѣс. въ
друге отнѣс. отнѣс. сущности. Сущ-
ность труда по ивъ отнѣс. сущ-

искусствъ и наукъ, и въ особенности въ
науку, съ самымъ тщательнымъ учетомъ
тѣмъ, какоюю будетъ навсегда сохра-
нено въ благоговѣйной памяти
вашей. Принимаю съ собою
ваше. Я постараюсь настоятельно
сказать, чтобы уважили вашу
МНОЖИТЕЛЬСКОЕ ПРИЗНАНИЕ.

Примая въ себя Император-
скую милость Императора
всегда благоговѣйный.

и искренно уважающий и
любящий Васъ

Александръ

Гамбургъ

18. Марта 1822.

и историком, серьезного опыта по части археологии Васильчиков не имел, но выбор Строганова, вероятно, определялся его высоким положением при Дворе и тесными связями Комиссии и Эрмитажа. Сразу же следует заметить, что в определенном смысле надежды Строганова оправдались, и новый председатель Археологической Комиссии активно включился в борьбу за ее права и привилегии.

Естественно, что назначение директора Эрмитажа председателем Археологической Комиссии не могло не сказаться на еще большем упрочении связей Комиссии с Эрмитажем. Именно с этого времени Комиссия переезжает из тесных помещений Строгановского дворца в здание Эрмитажа. 21 июня 1882 г. А. А. Васильчиков подает рапорт министру императорского Двора графу И. И. Воронцову-Дашкову, в котором просит выделить 800 руб. на переезд Комиссии, обустройство новых помещений и заказ мебели для нее. 20 июля министерство предложило председателю ИАК составить проект предполагаемого переезда. Относительно конкретного места размещения Комиссии рапорт содержит следующие сведения: «Канцелярия Комиссии будет помещаться вверху Эрмитажа, в одном из отделений недоступного для публики, так называемого фарфорового павильона, а архив ее в отведенном по моему приказанию отделении картинной кладовой, внизу здания, под галереей скульптуры» (1882 г., д. 13, л. 16). По всей вероятности, под «фарфоровым павильоном» подразумевались помещения третьего этажа здания Нового Эрмитажа на углу Зимней канавки и Миллионной улицы. Об этом, в частности, косвенно свидетельствуют сведения о том, что в 1881 г. А. А. Васильчиков намеревался разместить экспозицию фарфора в конце Рафаэлевой галереи на углу Миллионной и Зимней канавки (Казакевич 2003: 11), а «Галереей скульптуры» на плане, приложенном к путеводителю Ф. А. Жилия (Жиль 1861), именовался зал XI в. центральной части здания, позднее он назывался «шестой залой скульптуры», что отражено на плане, приложенном к путеводителю Н. Е. Макаренко (Макаренко 1916). Работы по подготовке переезда начались в середине сентября, и к 14 октября 1882 г. он в основном завершился, однако 27 декабря А. А. Васильчиков просил министерство выделить дополнительные средства на обустройство Комиссии в новых помещениях (1882 г., д. 13, л. 14, 15, 19, 21–22, 28).

За время руководства Эрмитажем А. А. Васильчикова значительно пополнились собрания древностей музея.

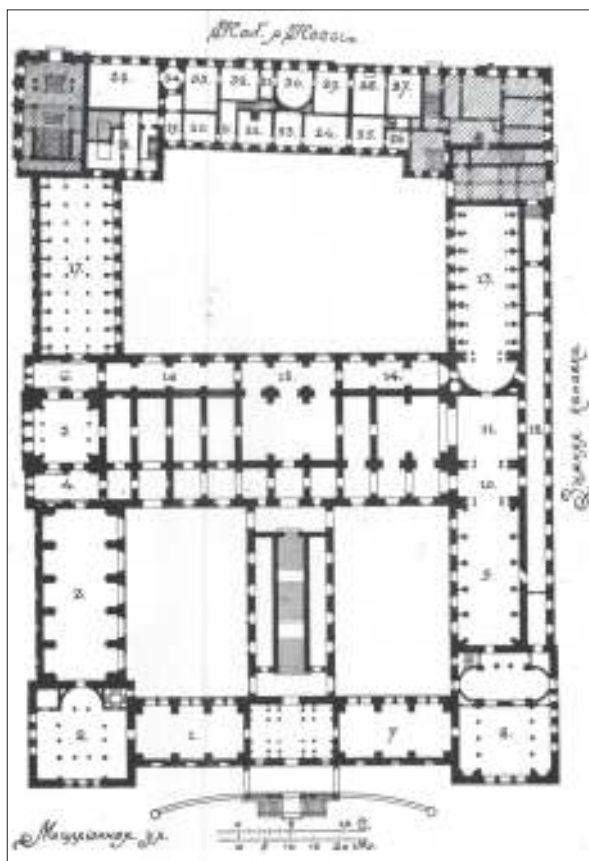
Васильчиков Александр Алексеевич

(30.9.1832–11.5.1890) — гофмейстер, дипломат, историк искусства, коллекционер. Окончил Московский университет (1855), служил в дипломатических миссиях в Риме и Карлсруэ. Дружил с П. Виардо и И. С. Тургеневым. С 1879 по 1888 г. — директор Императорского Эрмитажа, при нем музей пополнился многочисленными коллекциями произведений древнего и нового искусства, была введена новая структура с разделением на пять частей, привлечены многие новые сотрудники. Изучал русскую иконографию, а также генеалогию и историю рода Разумовских. В 1882–1886 гг. был председателем ИАК. *Осн. соч.:* О портретах Петра Великого. М., 1872; Словарь русских портретов. М., 1875; Семейство Разумовских. СПб., 1880–1887.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917. Биобиблиографический справочник. СПб. 2004.

Александр Алексеевич Васильчиков
Портрет работы К. К. Кастелли
(ГЭ, ЭРГ-28809)

План Нового Эрмитажа. Помещения Императорской Археологической Комиссии после переезда 1882 г. располагались на углу Зимней канавки и Миллионной улицы

Помимо материалов из раскопок, организуемых Археологической Комиссией, туда поступили великолепные частные собрания антиков князей Ф. А. и М. А. Голицыных, А. Д. Блудова, И. Лебедева, И. И. Константинова, Е. Р. Запорожского, Е. М. Кирьякова и, конечно же, коллекция танагрских терракот П. А. Сабурова (Неверов 1990: 176). При А. А. Васильчикове была принята новая структура музея с разделением на пять отделений, из которых первое было посвящено классической археологии. Васильчиков привлек для работы в музее египтолога В. С. Голенищева, младшего члена Археологической Комиссии Н. П. Кондакова, антиковеда Г. Е. Кизерицкого. Обращаясь в ноябре 1879 г. к министру народного просвещения Д. А. Толстому, в ведомстве которого служил Г. Е. Кизерицкий, с просьбой о переводе его в Эрмитаж в качестве помощника престарелого Л. Э. Стефани, А. А. Васильчиков особо отмечал, что «помощник этот должен быть, с одной стороны, научно подготовлен, а с другой — должен всецело посвятить себя как Эрмитажу, так и Археологической Комиссии, неустанно пополняющей коллекции наши» (Половцов 1904: 11). Продолжая практику, введенную еще С. Г. Строгановым, А. А. Васильчиков, отправляясь в отпуск, передавал заведова-

ние Археологической Комиссией хранителю медалей и монет Эрмитажа Александру Ивановичу Гримму (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 55–56). Все это свидетельствует, что А. А. Васильчиков рассматривал Археологическую Комиссию если не как часть подведомственного ему Эрмитажа, то, по крайней мере, как учреждение, теснейшим образом с ним связанное. Интересно отметить, что подобного же мнения придерживались и другие, так Д. Н. Анучин в статье «Россия в археологическом отношении», написанной для Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, прямо утверждал, что Императорская Археологическая комиссия была основана при Эрмитаже (Анучин 1899: 424). Подобного же рода заблуждения о том, что Археологическая Комиссия «была при Эрмитаже», встречаются и в современной литературе (Гаврилов 2007: 196). Некоторые современные авторы излишне категорично утверждают, что деятельность А. А. Васильчикова в Археологической Комиссии была менее плодотворна, чем в Эрмитаже, и административное значение Комиссии упало после смерти графа С. Г. Строганова (Комарова 2007), а другие вообще не числят его среди председателей (Хартанович 2006: 113). Несколько иную оценку деятельности А. А. Васильчикова по руководству Императорской Археологической Комиссией способно дать серьезное обращение к материалам ее архива.

В действительности, А. А. Васильчиков активно участвовал в делах Комиссии. Летом 1882 г. он намеревался посетить Керчь, Анапу, Таманский полуостров для ознакомления на месте с археологическими раскопками, проводимыми там Комиссией и Керченским музеем. Однако из-за несвоевременно отпущенных средств на эту командировку она не состоялась. В 1883 г. Васильчикову пришлось рассматривать запрос Генриха Шлимана о разрешении ему раскопок на Черноморском побережье Кавказа. Председатель Археологической Комиссии, отмечая, что средств и сил ее недостаточно для организации раскопок в этом регионе, сочувственно отнесся к просьбе именитого археолога-любителя и поддержал его ходатайство перед министром императорского Двора (1883 г., д. 2, л. 2–3). Само письмо Г. Шлимана не сохранилось, но 18 января 1883 г. А. А. Васильчиков сообщил министру Двора о том, что Г. Шлиман обратился к нему с просьбой дозволить производить археологические раскопки в Закавказье по Черноморскому побережью на свой счет с предоставлением всех находок в Эрмитаж, «однако причины политического и гражданского свойства не позволяют ему вернуться в Россию без высочайшего разрешения и всемилостивейшего помилования». Характеризуя раскопки, проведенные Г. Шлиманом в Гисарлыке (1871–1873, 1878–1879, 1882), в Микенах (1874–1876), на Итаке (1878) и в Орхоменосе (1881), он говорит об их «блистательных результатах». По мнению председателя Комиссии, для Эрмитажа и ИАК, при относительной ограниченности средств последней, согласие на эти исследования «весьма выгодно» и «не следовало бы отклонять прибыльное... предложение». Ответ министра в деле не сохранился, впрочем, известно, что Г. Шлиман в Колхиде не копал, ибо в 1884–1885 гг. он работал в Тиринфе.

Относительно сложностей его приезда в Россию известно, что их причиной мог быть его скандальный развод с петербургской женой Екатериной Лыжиной. Покинув Россию после 1864 г., Г. Шлиман разводился через суд в США и венчался вторым церковным браком с Софией Вимпос, племянницей архиепископа Греческого и всея Эллады, имея официально

Гримм Александр Иванович

(1819–2.01.1884) — нумизмат, хранитель Императорского Эрмитажа. В 1842 г. окончил Дерптский университет и поступил переводчиком в Министерство иностранных дел. С 1860 г. стал служить хранителем западноевропейских монет и медалей в Эрмитаже. В рукописи сохранились его сочинения: «Древние монеты: греческие и римские», «План каталога греческих и римских монет Императорского Эрмитажа». С 1876 г. заведовал собственными его императорского величества библиотеками и арсеналами. Член-корреспондент ИРАО.

Осн. соч.: О сочинении академика И. Горностаева под заглавием «История искусства и костюма у народов древнего мира» // Тридцать первое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 25 мая 1862 года. СПб., 1862. С. 91–101; Реферат о Петербургской нумизматической коллекции и в особенности о находящихся в ней Боспорских монетах // Труды II Археологического съезда в Петербурге. СПб., 1881. Вып. 2. С. 30–31.

Лит. о нем: Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004; Спасский И. Г. Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. 1764–1964 // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8

Александр Иванович Гримм.
Портрет работы К. К. Кастелли
(ГЭ, ЭРГ-28815)

не расторгнутым первый брак (Клейн 1998: 9, 14).² Очевидно, это и имел в виду А. А. Васильчиков, когда говорил о причинах «гражданского свойства», не позволяющих ему вернуться в Россию. Остается непонятным, совпадало ли в данном случае «гражданское» и «политическое».

А. А. Васильчиков как минимум трижды обращался с проектом реформы ИАК к министру императорского Двора (20 октября 1882 г., 22 декабря 1882 г., 26 ноября 1883 г.), в котором помимо существенного расширения полномочий Комиссии просит об увеличении штатов Комиссии до двух старших и четырех младших членов и удвоении жалования ее сотрудников, а также о том, чтобы сверхштатные суммы, отпускаемые в предшествующие годы (они доходили до 27 664 руб.), были включены в ежегодный бюджет Комиссии, который мог бы возрасти до 43 000 руб., из которых 20 000 руб. выделялись бы на раскопки против прежних 10 000 руб. (1882 г., д. 31, л. 1–11, 50–65). Сложно ответить на вопрос об авторстве записок, были ли они составлены самим председателем или многоопытным бароном В. Г. Тизенгаузенем. Известно, что в начале 1880-х гг. именно В. Г. Тизенгаузен ведет обширную переписку Комиссии с корреспондентами на местах и нередко заменяет часто отсутствующего А. А. Васильчикова (Тихонов 2007b: 241).

При обращении к деятельности ИАК в первой половине 1880-х гг. заметно, что после ухода С. Г. Строганова в работе Комиссии наступает заметный спад. Об этом впрямую писал в небольшой записке о А. А. Васильчикове хорошо осведомленный через Н. П. Кондакова о положении дел в Комиссии Я. И. Смирнов: «Менее плодотворна была деятельность его в Императорской Археологической Комиссии, не выпустившей за время его председательства ни одного тома отчетов, столь аккуратно выходявших ранее, и значительно потерявшей свое административное значение со смертью графа Строганова и научный авторитет со смертью Л. Стефани» (РА, ф. 11, д. 355, л. 2). Действительно, во время председательства А. А. Васильчикова ежегодные издания отчетов ИАК прекратились: суммарное издание отчетов за 1882–1888 гг. состоялось лишь в 1891 г. Сложно сказать, чем это было вызвано, поскольку в 1883 г. А. А. Васильчиков обращался с рапортом к министру Двора с просьбой об издании отчета за 1882 г., к которому был приложен и сам рукописный текст отчета на русском и французском языках. В ответ последовало и разрешение министра на это издание с сообщением о выделении 6000 руб., предусмотренных в ежегодном бюджете Комиссии на эти цели. Но следующий документ в этом деле датируется только январем 1887 г. и подписан уже новым председателем Комиссии А. А. Бобринским (1883 г., д. 24). Возможно, это было связано с тем, что престарелый Л. Э. Стефани не смог подготовить свою часть с описанием ранее найденных предметов, которая, как выше уже упоминалось, составляла большую по объему часть отчета.

Однако именно в «эпоху Васильчикова» вызревают необходимые предпосылки к развитию нового этапа в деятельности Комиссии, возникает понимание необходимости обобщения и издания не только классических и скифских древностей, но и славяно-русских («русско-византийских» в терминологии ИАК), складываются информационные и общественные предпосылки публикации сибирских древностей и древностей Западного края: продолжалось освоение Сибири, так и замирение лишь недавно отбунтовавшейся литовско-польско-белорусской области, где требовалось найти древнерусские и, несомненно, православные

² Собственно, утверждение, что Г. Шлиман не сможет въехать в Россию без «высочайшего на то соизволения и великодушного помилования», находится не в «ответе» министра Двора И. И. Воронцова-Дашкова на предложение А. А. Васильчикова, который в деле не сохранился, а в записке самого председателя ИАК, предупреждающего своего шефа о существующих проблемах и трудностях (ср.: Клейн 1998: 13).

истоки местной культуры. Именно в это время складываются основные направления и главные принципы деятельности ИАК на ближайшие 30 лет. Не менее значимы были и непрестанные усилия руководства и страших членов Комиссии не только по увеличению штата ИАК, но и по приданию ей нового статуса, для чего и был выработан проект нового Положения об ИАК, включающий передачу ей функций охранения древностей (1882 г., д. 31, л. 31–39). Характерен разительный аргумент в пользу организации в России службы охраны памятников. Говоря о том, что такая практика существует во всех европейских государствах, А. А. Васильчиков пишет: «Даже в Турции есть нечто подобное». Знакомство с материалами архива Комиссии позволяет предположить, что человеком, являвшимся автором и исполнителем многих идей, знаменующих собой «эпоху Васильчикова», был не кто иной, как старший член ИАК В. Г. Тизенгаузен. Он обладал как длительным опытом работы в этом учреждении Министерства Двора, так и непосредственными возможностями в период 1882–1886 гг. разрабатывать тактику и стратегию деятельности Комиссии, которую и проводил в жизнь А. А. Васильчиков, более занятый делами Эрмитажа. Таким образом, непосредственно В. Г. Тизенгаузену и А. А. Васильчикову принадлежит честь начала борьбы за новые штаты и новые полномочия Комиссии.

В связи с реформой министерства (отметим, что комиссия по реорганизации Министерства императорского Двора была создана только 21 июля 1882 г.) еще 27 июня 1882 г. граф предоставил соображения по поводу нового состава ИАК (1882 г., д. 31, л. 1, 4–18). 20 октября им было сделано новое представление с пояснительной запиской (Там же, л. 20–30 об.). Директор Эрмитажа не мог обойти особой роли Министерства Двора, которое *de facto* являлось «министерством изящных искусств» (*Ministère des Beaux Arts*), аналогов которому нигде в Европе не существует, что было верно лишь отчасти, ибо во Франции в эпоху Второй империи таковое как раз существовало. Именно такая функция министерства позволила ему предложить системный взгляд на место и роль ИАК в деятельности самого ведомства и в жизни страны.

В связи с этим А. А. Васильчиков, напротив, предлагал расширить функции ИАК и закрепить это законодательно в Положении о ней. Основные меры сводились к следующему: верховное наблюдение за сохранением всех памятников старины со стороны Комиссии, вне зависимости от форм собственности, их каталогизация, графическая фиксация, активное вовлечение в работу Комиссии почетных и членов-корреспондентов, контроль за «распоряжением памятниками церковной старины», числящимися по духовному ведомству, исключительное право ИАК на выдачу разрешений на раскопки. Как мы увидим, все эти принципы воплотились в деятельности ИАК «эпохи Бобринского».

В результате А. А. Васильчиков предложил проект нового Положения о Комиссии (1882 г., д. 31, л. 31–39), в котором «разыскание предметов древности» — основная функция ИАК с 1859 г. — отчасти отодвигалось на задний план. При этом в Положении активно использовались нормы, выработанные «Комиссией А. Б. Лобанова-Ростовского» к весне 1877 г. для правил иной комиссии — «Императорской комиссии о сохранении исторических памятников» (об этой Комиссии смотри далее). Так, первая часть параграфа 1 «положения Васильчикова», заимствованная из параграфа 2 «правил Лобанова-Ростовского», гласила, что ИАК вменяется в обязанность «главное наблюдение за сохранением от разрушений и несоответствующих изменений и исправлений всех памятников в России, имеющих историческое, художественное или археологическое значение и составляющих правительственную, церковную или общественную собственность». При этом в понятие «памятники» входили «курганы, могилы, городища, валы и другие древние земляные сооружения, древние

каменные и деревянные здания, развалины древних замков, стен крепостей, башен, старинные храмы, колокольни, звонницы, монастырские стены, башни и здания, часовни, каменные и другие изваяния, иконы, фрески, надписи, древняя церковная и домашняя утварь, монеты — все остатки старины, заслуживающие сохранения по их историческому, художественному или археологическому значению», что также было заимствовано из «правил Лобанова-Ростовского». Только вторая часть касалась разыскания предметов древности. Третья часть дополнительно включала в себя «составление подробных списков» и собирание сведений о памятниках, что было заимствовано из пункта 10 «правил Лобанова-Ростовского». В примечании подчеркивалась не только важность, но и трудоемкость такого мероприятия: Франция лишь после 52-летней деятельности добилась в каталогизации существенных успехов (Там же, л. 32).

Третий параграф исключал давно упраздненную Римскую археологическую комиссию из ведения ИАК. Согласно 4-му параграфу, почетные члены и члены-корреспонденты Комиссии теперь уже не просто «содействовали достижению целей» ИАК вообще, но и «охранению памятников древности» в особенности. Для этого Комиссия снабжает их необходимыми на этот счет инструкциями и указаниями. Параграф 6 не просто предоставлял Комиссии право «следить» за делающимися в государстве открытиями, но «обязывал» ее это делать. Вводился параграф 7, гласивший, что «для обсуждения важнейших вопросов, относящихся до сохранения исторических памятников, Комиссии предоставляется, кроме представителей тех ведомств, в ведении которых находится памятник, сохранение которого подлежит рассмотрению, приглашать еще на совещание представителей тех археологических, исторических и других ученых и художественных обществ, которые изъявят согласие принять участие в трудах Комиссии по охранению памятников, равно и тех ученых специалистов, содействие которых будет признано Комиссией полезным и необходимым». Параграф 8 был заимствован из 25-го параграфа «правил Лобанова-Ростовского»: «Духовному ведомству, а равно всем прочим правительственным и общественным учреждениям вменяется в обязанность прежде какого-либо отчуждения предметов, имеющих историческое значение, или работе по исправлению и переделке памятников, входить в сношение с ИАК и без ведома и разрешения ее не приступать ни к каким изменениям и подновлениям памятника».

Параграф 9 соответствовал пункту Ж параграфа 10 «правил Лобанова-Ростовского»: «В случаях, не терпящих отлагательства, Археологической Комиссии предоставляется право требовать от подлежащего ведомства немедленной приостановки как работ по сломке или перестройке зданий, так и распоряжения по отчуждению и переделке предметов, признанных Комиссией достойными сохранения». Принципиально важным был параграф 10, определявший порядок финансирования Комиссии и реставрационных работ: «На отпуск сумм, которые могут понадобиться на поддержание или рациональное исправление того или другого памятника, одобренное Археологической Комиссией и требующее особенного ассигнования, то ведомство, которому принадлежит памятник, надлежащий поддержанию и исправлению, обязано каждый раз испрашивать высочайшее разрешение. Оно обязано вслед за тем приводить в исполнение работы по программе, утвержденной Археологической Комиссией, причем последняя имеет право для наблюдения за правильностью работ назначить от себя при работах представителя». Параграф 11, бывший 7-м в «Положении» 1859 г., касался графической фиксации памятников, однако слова о «надобности уничтожить остаток древности» были заменены на «полную невозможность сохранить от уничтожения». Совершенно новым был параграф 12: «Без разрешения Археологической Комиссии никому

не дозволяется проводить раскопки на землях казенных и общественных», поскольку рядом было приписано «и церковных» (1882 г., д. 31, л. 35).

13-й параграф соответствовал 8-му пункту старых правил и касался наблюдения за земляными работами, 14-й соответствовал 9-му, однако уточнялось, что Комиссия не просто входит в «предварительные сношения и соглашения» с правительственными местами и лицами, но «требует» содействия тех, от кого зависит охрана памятников, 15-й повторял 10-й и касался поощрения находчикам древних вещей, 16-й соответствовал 11-му (представление замечательнейших находок на воззрение государя императора), 17-й 12-му (возвращение не приобретенных древностей по принадлежности), 18-й 13-му (судьба вещей, не получивших высочайшего назначения), 19-й 14-му (предоставлении отчета на высочайшее благоусмотрение), 20-й 15-му (печатание отчетов), 21-й 16-му (предоставление доклада через министра Двора, а не непосредственно). Внутреннее устройство Комиссии практически не менялось (пункты 17–27 старого Положения), однако 25-й (бывший 20-й) содержал добавления, касающиеся обязанности всех членов Археологической Комиссии заботиться об охране исторических памятников, а 26-й (бывший 21-й) предлагал ввести понятие «провинциальный член-сотрудник». 27-й пункт был новым: на почетных членов и членов-корреспондентов возлагалось составление каталога памятников в местности проживания, наблюдение за их состоянием и доставление в Комиссию сведений о всех тех памятниках, которым угрожала опасность, а также контроль за точным исполнением на местах мер, предложенных Комиссией. 29-й параграф предполагал, что награды почетным членам и членам-корреспондентам ИАК полагаются не только за важные открытия и за особенные услуги, но и за рвение в деле охраны памятников. Всего в проекте нового Положения было 33 параграфа.

Ответа на этот проект не последовало, и 26 ноября 1883 г. А. А. Васильчиков вновь пишет министру, повторяя рапорт и подчеркивая заслуги Комиссии в деле открытия древностей (1882 г., д. 31, л. 50, 69), демонстрируя при этом, впрочем, достаточно наивные представления о культурном слое: благодаря трудам Археологической Комиссии «верхний слой земли» и отчасти даже «материк» истощены, а новые клады находятся на еще большей глубине (Там же, л. 62). Этим А. А. Васильчиков и мотивирует необходимость введения новых штатов и окладов ИАК, которые он предложил в следующем виде. В ИАК должно быть 2 старших члена с денежным содержанием 3500 руб., 4 младших члена — 2300 руб., делопроизводитель — 2000 руб., журналист — 900 руб., канцелярский чиновник — 600 руб., сторож — 360 руб. При этом на расходные материалы планировалось выделить 400 руб., на приобретение книг — 200 руб., на издание отчетов — 6000 руб., на исследование и путевые расходы — 25 000 руб. Для Керченского музея предполагалось следующее: директор должен был получать 2500 руб., помощник директора — 750 руб., старший надсмотрщик — 350 руб., младший надсмотрщик — 300 руб., писец — 180 руб., сторож музея — 225 руб., сторож кургана — 150 руб. Временные расходы на художника составляли 700 руб. На расходные материалы планировалось выделить 200 руб., наем помещений для музея и их отопление — 800 руб. Общий бюджет ИАК и Музея составлял бы 58 115 руб., причем остаток суммы должен был находиться в распоряжении председателя (1886 г., д. 71, л. 12–13). Однако борьба за новый штат пришла уже на «эпоху Бобринского».

На активность А. А. Васильчикова могло повлиять еще одно событие, практически не известное в истории охраны памятников древности на территории Империи. 19 февраля 1883 г., с согласия земских чинов Финляндии, состоялось высочайшее постановление об охране и сбережении памятников древности на территории княжества (Сборник

постановлений Великого княжества Финляндского. № 16. 1883). 2-й пункт говорил о создании «Археологической комиссии из сведущих лиц, назначаемой Хозяйственным департаментом Финляндского Сената, для заведования памятниками древности в крае». В ее функции входило составление каталога памятников, а также принятие решений об изменении или сносе недвижимых памятников древности. Пункт 4 вообще предоставлял Археологической комиссии право делать все распоряжения об исправлении, фиксации или исследовании «посредством раскопки или же иным образом» недвижимых остатков древности с условием, чтобы об этом было предварительно объявлено владельцу или держателю земли и с последующей выдачей вознаграждения в случае причинения ему через подобные исследования убытка или издержек. Постановление предполагало и рекультивацию объекта: по окончании изысканий остаток древности должен быть, по мере возможности, восстановлен в своем прежнем наружном виде. Если иное, не связанное с комиссией лицо, пожелает исследовать с научной целью какой-либо известный древний памятник, то оно обязано просить на то разрешения Археологической комиссии, которая принимает окончательное решение. Пункт 5 гласил, что в случае открытия памятника при строительных работах его чертеж и описание должны быть доставлены в Археологическую комиссию. 7-й пункт вводил ответственность за повреждение древности: всякий, кто разрушит, повредит, переместит или снесет памятник, должен был уплатить штраф в размере от 10 до 200 марок. В случае если виновник знал или должен был знать об исторической ценности разрушенного, то он был обязан восстановить памятник, а если он отказывался совершить это, то восстановление осуществлялось государством за его счет. Церкви также были подчинены ведению Археологической комиссии: их нельзя перестраивать без ее разрешения и продавать храмовые предметы. Постановление, которое должно было быть объявлено в церквях, вступало в силу с 1 июля 1883 г.

19 июня 1884 г. состоялось высочайшее объявление об учреждении Археологической комиссии для заведования памятниками древности в Финляндии (Сборник постановлений Великого княжества Финляндского. № 12. 1884: 5–7). Она состояла из 7 членов со статусом статс-археологом во главе, которые избирались на три года от местных ученых обществ: Финского общества наук, Александровского университета, Финского литературного общества, Финского общества древностей и Финского исторического общества. Статс-археолог назначался императором, инструкция для его деятельности составлялась Сенатом. Бюджет комиссии составлял 15 500 марок, при этом статс-археолог получал 7500, сторож — 200, на канцелярские расходы выделялось 400, на разного рода вознаграждения — 1400, на научные исследования и фотофиксацию — 6000. В 1892 г. согласно петиции Сената для исследования и хранения научной коллекции были дополнительно кооптированы 2 интенданта и 1 консерватор «со степенью кандидата философии по историко-филологическому отделению». 17 августа 1893 г. надзору комиссии были подчинены коллекции Александровского университета в Гельсингфорсе. Представляется весьма вероятным, что на форму, в которую было облечено первое ведомство охраны памятников Финляндии, повлияло существование ИАК, тогда как некоторые положения проекта А. А. Васильчикова, в частности подчинение духовного ведомства контролю комиссии, оказались современны постановлению 1883 г.

Среди заслуг А. А. Васильчикова стоит особо отметить его борьбу за сохранение Комиссии как единого государственного учреждения и ее полномочий в деле сбережения, изучения, описания и издания памятников отечественной старины от посягательств самого различного рода, подчас неожиданных и курьезных. Известно, что еще в 1869 г. МАО выступило с проектом положения об охране памятников древности, игнорирующим сам факт существования Археологической Комиссии. После одобрения на I Археологическом съезде проект

с некоторыми незначительными изменениями, принятыми комиссией из членов МАО и РАО, был утвержден на II Археологическом съезде в 1871 г. в Санкт-Петербурге по случаю 25-летнего юбилея Русского археологического общества (1887 г., д. 69 а, л. 1 об.). Территорию России предполагалось разделить на 5 археологических округов: Петербургский, Московский, Киевский, Казанский и Одесский. Составление описи древностей доверялось местным археологическим обществам, которые избирали в каждую губернию «блюстителя». Московское археологическое общество, в связи с тем, что «блюстителем» предстояли большие расходы на осмотр памятников, предложило дать им статус государственных служащих МВД (Охрана памятников 1978: 86–91). Окончательный список памятников, подлежащих охране, планировалось рассмотреть в заседаниях Особой комиссии, созданной из представителей обществ, Академий наук и художеств, университетов, Министерства внутренних дел, высших учреждений духовных ведомств. Комиссия должна была распределить древности на две категории по степеням их исторического значения и соответствующих мер по их сохранению (1887 г., д. 69а, л. 2).

После II Археологического съезда граф А. С. Уваров обратился к министру народного просвещения Д. А. Толстому с предложением поддержать законопроект об охране памятников. Министерство по этому поводу направило запросы в ведущие научные учреждения России, пытаясь выявить их мнение. В заключении «по проекту наиболее действенных мер для охранения отечественных памятников» от Академии художеств от 14 февраля 1874 г., подписанном великим князем Владимиром Александровичем, утверждалось, что неудача предшествующих мер связана с тем, что они возлагались на лиц, «которые очень мало, а иногда и вовсе не были подготовлены к занятиям такого рода». Автор заключения указывал на недостаточность ассигнований, выступал против дублирования функций ИАК и предлагал рассмотреть проект в специальной комиссии, на «которую возложить пересмотр всех уставов Археологических императорских и частных обществ, с тем, чтобы изыскать путь к соединению их деятельности в одном общем месте с одним Уставом и с одною кассою» (1874 г., д. 216, л. 1–2).

В том же духе был выдержан отзыв от Академии наук, составленный 15 ноября 1875 г. ее «конференцией» в лице Л. Э. Стефани, А. А. Шифера и А. А. Куника, которые, поддерживая цели проекта, обратили особое внимание на отсутствие в нем упоминания об Императорской Археологической Комиссии и указали на недопустимость замалчивания ее деятельности, «тогда как эта деятельность, блестящая по результатам, уже давно признана по всей Европе достойной подражания», «заслужила полное доверие внутри государства у любителей древности и у правительственных учреждений и служит посредником между любителями древностей, открывателями археологических предметов и проч.». Академики указывали на «необходимость обсуждения» мер по охране старины в многосторонней комиссии, где «особо почетное место должно принадлежать председателю ИАК, на которой в настоящее время лежат заботы о сохранении памятников древности» (Там же, л. 3–4). К этому можно добавить, что в 1881 г. список заграничных ученых учреждений, которым ИАК посылала свои издания, насчитывал 104 названия, и в него входили практически все крупнейшие европейские Академии, Археологические общества, университеты, библиотеки (1881 г., д. 6, л. 17–18).

В итоге 26 мая 1876 г. по докладу министра народного просвещения Д. А. Толстого императору Александру II при Министерстве народного просвещения под председательством товарища министра князя А. Б. Лобанова-Ростовского была создана «Комиссия для обсуждения мер к охранению памятников древности» (1882 г., д. 52, л. 4 об., 5). Депутатом

от Археологической Комиссии стал ее делопроизводитель П. И. Лерх. Через год в апреле 1877 г. «комиссией Лобанова-Ростовского» был подготовлен «Проект правил о сохранении исторических памятников» (Охрана памятников 1978: 101–106), который хотя и был подписан П. И. Лерхом, но опять-таки игнорировал существование Археологической Комиссии. Например, в предполагаемом Санкт-Петербургском археологическом округе среди ученых учреждений назывались университет, Русское археологическое общество и Санкт-Петербургское общество архитекторов (Там же: 108). Полномочия предлагаемого органа практически полностью перекрывали основные направления деятельности Комиссии. Проект бюджета нового государственного учреждения охраны памятников «Императорской комиссии о сохранении исторических памятников» предусматривал ежегодно 36 900 руб., что было значительно больше бюджета Археологической Комиссии. Одновременно 20 апреля 1877 г. А. Б. Лобанов-Ростовский направил в Министерство народного просвещения отношение с обзором мер по охране памятников в Европе и в России.

Сотрудникам Комиссии так или иначе пришлось включиться и в полемику по поводу разработанного «комиссией Лобанова-Ростовского» проекта. В своих рапортах они доказывали нецелесообразность создания нового бюрократического органа, особо отмечая, что «обе Российские Академии долгом сочли указать графу Толстому, что в России, у самого подножия престола, существует уже учреждение, призванное охранять и разыскивать остатки древности и которому по праву должна принадлежать полнейшая опека над отечественными памятниками. Учреждение это Императорская Археологическая Комиссия» (1882 г., д. 52, л. 5). Проект нового положения о Комиссии, разработанный под руководством А. А. Васильчикова, тоже явился своеобразным ответом на попытку узурпации прав ИАК. Здесь он указывал на нецелесообразность создания нового органа: «Сумма, требуемая Министерством народного просвещения из Государственного казначейства на содержание новой Комиссии, решила участь всего дела. Министр финансов отношением... от 30 июля 1877 г. ... сообщил: „что при настоящих обстоятельствах он не может изъявить согласия на производство из сумм Государственного казначейства нового расхода, и потому полагал учреждение новой Комиссии отложить до более благоприятных времен”». А. А. Васильчиков полагал, что вместо 36 900 руб., требуемых для новой комиссии, ИАК могла бы удовлетвориться лишь небольшим дополнением в 6000 руб. к уже имеющемуся бюджету. Увеличение бюрократического аппарата также вряд ли способствовало бы успеху дела: известно, «что без департаментов, без лишних чиновников и штатов Пруссия, Австрия, Франция, Италия умеют... обогащать свои художественные собрания, развивать эстетические потребности в народных массах, сохранять свои исторические памятники...» (Там же, л. 3 об., 8 об.) После ясно выраженного мнения министра финансов вопрос о создании новой комиссии отпал сам собой (Охрана памятников 1978: 110).

Однако попытки ограничить влияние Археологической Комиссии не прекратились. В 1884 г. Министерство народного просвещения выступило с новым проектом наделения Исторического музея в Москве всеми полномочиями по контролю за раскопками и охране памятников древности. Этот проект был разработан Московским археологическим обществом под руководством А. С. Уварова, который добился в 1872 г. учреждения, а в 1883 г. открытия в специально построенном здании на Красной площади Императорского Российского Исторического музея. Еще в 1875 г. в ИАК поступило предложение о включении ее члена в конкурсную комиссию для проекта здания «Музея имени Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича», в название которого на печатном

бланке А. С. Уваров собственноручно вписывает слово «исторического». В конкурсную комиссию был направлен И. Е. Забелин (1875 г., д. 10, л. 8, 9–10, 11). Однако строительство, начатое в 1872 г. и к 1878 г. оказавшееся в кризисной ситуации, так и не завершилось, и 29 мая 1881 г. было принято решение о его окончании и о переименовании музея в «Императорский». В декабре 1882 г. поступило предложение пересмотреть устав нового музея, для чего при Министерстве народного просвещения была создана комиссия, в которую входили А. Ф. Бычков, В. В. Майков, Е. Е. Замысловский, В. Г. Васильевский, И. В. Помяловский и А. В. Прахов. Уже при первых обсуждениях А. А. Бунге отметил, что на музей возлагаются те же обязанности, что и на ИАК, и что его устав должен быть согласован с высочайшим повелением 1859 г. (1884 г., д. 53, л. 43–44 об.).

Однако в результате за основу «нового» проекта устава в 1884 г. все-таки были взяты «старые» положения 1877 г., поскольку предлагалось разделить всю территорию Российской империи на 17 археологических округов, в которых действовали бы местные комиссии, подчиненные музею. Реализация такого проекта требовала бы 130 850 руб. в год, что было в два раза больше, чем отпускалось на содержание Публичной библиотеки в Петербурге и Румянцевского музея в Москве вместе взятых. 31 октября 1884 г. министром народного просвещения Иваном Давидовичем Деляновым (1818–1897) устав и штаты нового «музея», которые еще в конце 1882 г. были рассмотрены Министерством финансов, были направлены непосредственно в Министерство Двора.

Здесь, в частности предполагалось, что, согласно параграфу 17, «местные археологические комиссии» будут сами решать вопросы создания экспедиций и выдавать разрешения на производство археологических исследований. Параграф 26 предусматривал образование пресловутых «археологических округов» для исследования «древних памятников на местах их нахождения». Согласно параграфу 28 для заведования округами создавались местные комиссии в составе председателя и двух членов из представителей местных археологических обществ, известных успехами в археологии. Все они должны были утверждаться председателем музея (параграф 29). Из числа местных жителей должны были избираться «блюстители» древностей (параграф 33) (1884 г., д. 53, л. 8–8 об.). В дискуссиях, развернувшихся вокруг проекта, даже ставился вопрос о возможном слиянии ИАК с Историческим музеем, которая должна была пополнять его фонды.

Естественно, что подобные предложения вызвали резкие возражения со стороны Археологической Комиссии. В. Г. Тизенгаузен дважды, 9 ноября и 12 ноября 1884 г., писал, что осуществление проекта «потребует упразднение самой Археологической Комиссии»,

Здание Российского Исторического музея в Москве (ФА, О. 517/35)

Иван Давидович Делянов
(СПбФА РАН, Р.Х, оп. 1-Д, д. 21, л. 1)

а учреждение округов будет самообманом, поскольку в провинциях не найдется достаточного числа квалифицированных специалистов для местных комиссий (Там же, л. 14–15). Он также замечал, что если государю императору благоугодно будет признать нужным продолжение действия ИАК, «славного учреждения императора Николая I-го», которая 50 лет всюду отыскивает памятники старины (по сути дела, В. Г. Тизенгаузен ведет отчет деятельности Комиссии с 1835 г., включая в ее историю и исследования «чиновников по археологической части», трудившихся в МВД и при Кабинете его императорского величества!) и заслужила одобрение всех компетентных лиц в России и за границей, то проект московского музея должен быть пересмотрен. В заключение автор полагал передать дело о разрешении вопроса об охране древностей «первенствующему ученому сословию в России», т. е. Академии наук, благорасположение которой к ИАК было хорошо известно. А. А. Васильчиков в своей записке дополнительно отмечал, что подобных столь широких полномочий не имеет ни один музей в мире, и они далеко выходят за рамки основного предназначения музеев. ИАК рекомендовала министру Двора ходатайствовать о непредоставлении музею права ведения археологических

исследований («бездумное повальное разрытие курганов», которые оказывались бы в результате «не раскопаны, а уничтожены для науки») и открытия памятников древности («насильственное собирание памятников»). При этом предлагалось вообще принять особое правило о разрешении археологическим обществам производить раскопки лишь при согласии с ИАК. В отношении самого проекта предусматривалось исключение ряда пунктов и соответственное сокращение бюджета (Там же, л. 25–31).

В письме министра императорского Двора И. И. Воронцова-Дашкова министру народного просвещения в феврале 1885 г. уже содержалось встречное предложение: «Было бы желательно, чтобы особым постановлением состоялось правило, которым бы разрешалось как Музею, так и Археологическим обществам производить археологические исследования древностей не иначе, как при согласии с Императорской Археологической Комиссией, которая в таком случае и являлась бы прямою охранительницей памятников при таковых исследованиях» (Там же, л. 32–33). В результате министр народного просвещения 26 декабря 1885 г. посчитал нужным передать окончательное решение по этому вопросу на усмотрение Государственного Совета.

Государственный Совет, в соединенных заседаниях Департаментов государственной экономики и законов, прислушавшись к мнению Эрмитажа и Археологической Комиссии, 8 мая 1886 г. отклонил проект наделения Исторического музея такими широкими полномочиями. В решении говорилось, что Департаменты «не могли не остановиться прежде всего на том обстоятельстве, что разыскание древних памятников, принятие мер к их охранению, а равно и наблюдение за раскопками составляет задачу специального учрежденного для сей цели правительственного установления, а именно ИАК, которой предоставлены определенные в сем отношении права». Совет посчитал, что «включение в программу деятельности Исторического музея тех широких задач, которые указаны в проекте его устава, едва ли может быть признано целесообразным и необходимым», а «одновременное существование ИАК и управления музея, т. е. двух независимых друг от друга учреждений с теми же правами и обязанностями, могло бы повести к такой двойственности мероприятий и распоряжений в деле исследования и охранения древних памятников, которая создала бы весьма серьезные затруднения и для местных властей, и для тех учреждений и лиц, в ведении коих состоят означенные памятники». К тому же Совет посчитал, что научная оценка памятников в музее будет затруднена «по неимению в Москве тех ученых сил, которыми располагают в Петербурге Императорская Академия наук и Факультет восточных языков», оказывающие постоянное содействие ИАК.

Одновременно отмечалось, что желательный успех в деле охраны памятников старины до сих пор так и не был достигнут, что «объясняется, с одной стороны, трудностью и сложностью самого дела, которое мало подвигается даже в наиболее просвещенных европейских государствах, а с другой стороны, неблагоприятной обстановкой, при которой приходится действовать у нас археологическим учреждениям». Неблагоприятная обстановка была связана со «сравнительной неразвитостью массы населения», «слабым сочувствием к археологии», отсутствием общественной поддержки и шаткостью материального положения ученых учреждений. Исправить положение могли лишь время и просвещение (Там же, л. 64–67).

Х

Это была не единственная попытка подменить Комиссию новым учреждением или посягнуть на часть ее полномочий. 2 декабря 1885 г. Адриан Викторович Прахов написал министру Двора И. И. Воронцову-Дашкову о необходимости продолжения издания «Древностей Российского государства» (Снегирев 1849–1853), в письме выражалась надежда, что министр будет «возобновителем» и «вторым основателем» этого издания (1885 г., д. 59, л. 4–7 об.). После краткого обзора издания автор записки указывает, что при Александре II вышли тома, посвященные древним знаменам и фрескам и архитектуре Софийского собора в Киеве, однако впоследствии издание прекратилась из-за распыления материалов и средств и из-за одновременного возникновения нескольких археологических обществ. Однако с той поры ИАК, следя за находками кладов, собрала их в значительном количестве. А. В. Прахов упоминает Рязанский клад 1822 г., Владимирский клад 1865 г., Орловский клад 1878 г., Киевский клад 1881 г., Черниговский клад 1883 г., Полтавский клад 1885 г. и Киевский клад 1885 г. В связи с этим он предложил издать весь комплекс памятников в одном томе по образцу изданных ранее «Древностей Босфора Киммерийского».

В то же время он обращал внимание министра, что наука древнерусского искусства за последнее время обогатилась открытием образцов монументальной стеной живописи XII в. (церковь Спаса на Нередице 1885 г.; Кирилловская церковь и Михайловский

монастырь в Киеве 1880–1885 гг.), что доказывает, что это было время самостоятельного русского творчества, а не копирования у греков. Все эти памятники он предлагает издать в двух томах, намереваясь предоставить для подготовки книг имеющийся у него коллектив «рисовальщиков», и пишет, что «был бы счастлив», если бы ему «суждено было приложить свои силы» к этому изданию.

В ответе на запрос министра А. А. Васильчиков почти дословно повторил текст записки А. В. Прахова (1885 г., д. 59, л. 8–9 об.). Этому есть объяснение, поскольку И. А. Суслов на копии ответа приписал, что записка приготовлена «рукою Прахова» (Там же, л. 8). А. А. Васильчиков лишь несколько переставил акценты, предлагая первым томом издать древнерусское зодчество и стенопись, причем первый выпуск должен был быть посвящен Киеву, а второй Нередицкому храму (тираж 1000 экземпляров, стоимость 19 000 руб.), а вторым томом — клады. В том же письме он предлагал привлечь в число членов ИАК самого А. В. Прахова, а его вознаграждение предоставить на усмотрение министра.

Адриан Викторович Прахов
Портрет работы И. Е. Репина 1866 г.

Прахов Адриан Викторович

(4.03.1846–1.05.1916) — историк искусства, востоковед, археолог, художник. Действительный член ИМАО с 1874 г. Член Общества ревнителей русского и исторического просвещения. В 1867 г. окончил Санкт-Петербургский университет по историко-филологическому факультету. Работал хранителем Музея изящных искусств и древностей при Петербургском университете. С 1869 г. по 1873 г. в научной командировке за границей. Работал во многих музеях Германии, Франции, Англии и Италии, исследуя преимущественно памятники античного искусства. В 1873 г. защитил диссертацию «Исследования по истории греческого искусства», получив степень магистра. С 1873 г. доцент, затем профессор Петербургского университета по кафедре теории и истории искусств. В 1879 г. по защите диссертации «Зодчество Древнего Египта» получил степень доктора. В 1887 г. А. В. Прахову было поручено руководство внутренней отделкой строящегося Владимирского собора в Киеве, в течение десяти лет занимал кафедру истории искусств в Киевском университете. В 1875–1878 гг. редактировал иллюстрированный журнал «Пчела». С 1875 по 1887 г. преподавал историю и теорию изящных искусств в Императорской Академии художеств. Также изучал историю древнерусского искусства и обследовал древнерусские храмы и соборы в Киеве и памятники на Волыни. Ему принадлежит открытие

фресок Кирилловской церкви XII в. в Киеве.

Осн. соч.: Критические исследования по истории греческого искусства. Описание древних памятников из Ксанфа, в Ликии. СПб., 1872; Критические наблюдения над памятниками древнего искусства. Зодчество древнего Египта. СПб., 1879; Киевское искусство X, XI и XII веков: Каталог выставки копий с памятников искусства в Киеве X, XI и XII веков, исполненных А. В. Праховым. СПб., 1883; Открытие фресок Киево-Кирилловской церкви XII века. СПб., 1883; Археологическая поездка профессора А. В. Прахова по Волыни летом 1886 года. СПб., 1887.

Лит. о нем: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1896. Т. 2. С. 123; А. В. Прахов. Некролог // Зодчий. 1916. № 20. С. 195–196; Коростовцев М. А., Ходжаиш С. И. Адриан Викторович Прахов (1846–1916) // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1960. Вып. 3. С. 111–118.

Похоже А. А. Васильчиков сочувствовал праховской идее, если привлек его к составлению ответа министерству. Это тем более парадоксально, что весной того же года исследование кладов и подготовка соответствующей публикации были поручены распоряжением министра 3 мая 1885 г. члену ИАК Н. П. Кондакову. Очевидно, в связи с возникшей перепиской, порожденной предложением А. В. Прахова, А. А. Васильчиков 3 декабря 1885 г. просит Н. П. Кондакова сообщить, что именно у него готово к планируемому изданию. Сам же А. В. Прахов, уже находившийся в это время в конфликте с Академией художеств и проживавший то в Москве (Малая Дмитровка), то в Киеве (Алексеевская улица), рассматривал, очевидно, это издание как возможность остаться в Петербурге. 12 января 1886 г. государь «соизволил сосредоточить издание древностей» в ИАК и поручить это дело А. В. Прахову. Одновременно сам Н. П. Кондаков 16 января пишет в Комиссию рапорт, что, несмотря на «частное извещение» В. Г. Тизенгаузена от 19 августа 1885 г., предложившего ему, по неизвестным причинам, приостановить работы над древнерусскими кладами, он все-таки не прекратил своих трудов по изучению кладов. Исследователь был готов издать этот труд в каком бы то ни было «археологическом сборнике», и теперь, получив «словесное распоряжение», намеревался продолжить работу. Из воспоминаний М. В. Нестерова известно, что Н. П. Кондаков, не любивший А. В. Прахова, говаривал, что его докторская диссертация «Зодчество Древнего Египта» «была так талантлива, что он, ложась спать, клал ее себе под подушку».

Вдохновленный достигнутым успехом А. В. Прахов 25 февраля 1886 г. пишет новый рапорт в министерство, в котором содержится критика ИАК и утверждение о неспособности Комиссии к издательской деятельности. По его мнению, ИАК преследует лишь задачу добычи и приобретения вещей и игнорирует собственно русскую историю: «Комиссия с такой последовательностью сосредоточила свою задачу на изыскании классических и скифских древностей, что, когда г. Забелин в конце 60-х годов предложил заняться раскопками в русских городах, возникновение которых относится до XI века, с целью выяснить вопрос о расселении славянских племен», — его предложение было отклонено «как не входящее в задачу деятельности Комиссии». В целом Комиссия представлялась ему учреждением, которое «доставляет для обнародования известную часть археологического материала наряду со многими другими археологическими учреждениями и лицами», и памятником ее деятельности является лишь «длинный ряд отчетов». В связи с этим интересы Комиссии лишь частично пересекаются с задачами исследования «Древностей Государства Российского». Для восполнения существующего разрыва А. В. Прахов не только предлагает существенно переориентировать деятельность ИАК, но и создать для издательских целей «специальную организацию».

В связи с этим он разработал проект Устава «Императорской редакции для издания „Древностей государства Российского“», которая должна быть учреждена «при Императорской археологической комиссии, однако находится под начальством министра», из 19 параграфов, а также проект штата редакции, куда бы вошли редактор, ученый секретарь, действительный член, делопроизводитель и канцелярский чиновник. Бюджет редакции предусматривал 9500 руб. на оклады и 28 000 руб. на издательскую деятельность. Претенциозный проект остался без ответа, Н. П. Кондаков продолжил свою работу над изданием «русско-византийских древностей», завершившимся публикацией в 1896 г., а новый председатель Комиссии в мае 1886 г. предложил А. В. Прахову «взять на себя труд» лишь по описанию Киевского клада 1885 г. (1885 г., д. 59, л. 20–26). Поскольку это не соответствовало амбициям последнего, то на этом его попытки потеснить ИАК в культурном пространстве России на время

приостановились. К тому же в том же году А. В. Прахов вступил в конфликт с ИАК из-за самовольных раскопок Мстиславова Успенского храма XII в. и урочища Федоровщина во Владимире-Волынском (1886 г., д. 65а).

А. В. Прахов вернулся к своему проекту в 1887 г. 21 ноября в заседании ИАК он публично изложил свой план продолжения издания «Древностей», подчеркивая, что высочайшее повеление, поручившее это издание Комиссии под руководством самого А. В. Прахова, было сообщено А. А. Васильчикову еще 12 января 1886 г. Сведения об этом содержатся в рапорте от 30 ноября 1886 г. члена ИАК И. И. Толстого, который присутствовал на заседании. Оппоненты А. В. Прахова отмечали, что некоторые стороны предполагаемого мероприятия «несомненно должны нанести вред казенному интересу» и «научному достоинству труда», которым занимается ИАК. Прежде всего, речь шла о нереальном объеме издания, расходы на которое не поддаются определению. Сам план издания произволен и вызывает возражение. Результатом его осуществления видится напрасная трата казенных денег и подрыв доверия к «правительственному учреждению» со «славным прошлым» — ИАК. В данном случае было необходимо прояснить смысл «повеления» и указать, на ком конкретно лежит ответственность за публикацию, поскольку обилие действующих лиц расплывает эту ответственность. В итоге констатируется, что «Комиссия могла бы в этом деле играть лишь пассивную роль исполнительницы единомышленных решений» А. В. Прахова, «неся на себе, однако, всю ответственность как денежную, так и по исполнению издания». Также было непонятно, как разрешать возможные пререкания между Комиссией, «г. руководителем» и авторами. Вставал и вопрос о «замещении проф. Прахова в случае его смерти или отказа от руководства делом». И. И. Толстой предлагал единственный, по его мнению, возможный выход: доложить министру о недоразумениях и в конце концов поручить дело издания либо самому А. В. Прахову, либо Комиссии. В результате в декабре 1887–январе 1888 г. было принято решение, что издание с абстрактным названием «Сборник русско-византийских древностей» будет поручено ИАК (1885 г., д. 59, л. 96–100, 105). Очевидно, кроме собственно тома «Кладов», изданного Н. П. Кондаковым, это начинание воплотилось в дальнейшем в совместном издании И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, которое завершилось уже после их выхода из самой Комиссии (Толстой, Кондаков 1889–1899).

Гораздо более курьезное предложение поступило министру императорского Двора от лекционера древностей Т. В. Кибальчича. Он был представлен министру еще в начале февраля 1886 г. и 22 февраля подал на его имя записку, которая метила в ИАК (1886 г., д. 1 а, л. 2–5). Здесь утверждалось, что из-за развития кладоискательства «русские древности на юге России не обеспечены в своем сохранении»: «случайные археологические находки, делаемые в разных местах, попадают в руки жидов, затем в руки агентов западноевропейских музеев». В этой связи он задается вопросом: в какой мере агенты ИАК могли бы противостоять иностранной агентуре? Естественно, было бы разумно послать сотрудников ИАК туда, где действует «вражеская агентура», однако этому препятствуют сложности с самой Комиссией. Она до сих пор не определила планы своих действий и те отделы русской археологии, которые подлежат ее ведению; не определен правовой статус находок, провинциальных научных учреждений и самой ИАК. При этом Комиссия «не всегда с должным вниманием и снисходительностью относилась к трудам тех лиц и учреждений, которые посвятили себя русской археологии». Поэтому агентура «противодействия» должна состоять из частных лиц, независимых от ИАК. В своей записке Т. В. Кибальчич выражает сомнение в полезности ИАК вообще и предлагает ее полную реорганизацию. В ведение Комиссии должны входить «древности государства Российского и доисторические древности, находящиеся в пределах России». Новая Комиссия

должна состоять из новых лиц, и автор записки изъявлял готовность быть одним из таковых. Впоследствии Т. В. Кибальчич «одумался» и решил сотрудничать с ИАК в ее тогдашнем виде: 15 мая 1887 г., «желая быть полезным», он обратился в ИАК в надежде стать ее корреспондентом и продать ей свою археологическую коллекцию. В вежливом ответе А. А. Бобринской старательно обошел тему занятия адресатом конкретной должности, подчеркивая, что Комиссия обращалась и обращается ко всем с просьбой содействовать ей в охране древностей, однако указал, что на приобретение собрания у нее нет денег (1887 г., д. 4, л. 78–79 об.).

Дальнейшую борьбу за превращение Археологической Комиссии в центральный государственный орган археологии и охраны памятников старины пришлось вести уже следующему председателю А. А. Бобринскому. Так, в ответ на запрос министра 10 марта 1886 г. он признает установленные факты продажи древностей за границу: «Сбыт русских древностей за пределы империи достиг в последнее время обширных размеров». Он указал на Кавказ, где «русские археологи и любители старины» занимаются раскопками «по заданию» извне и печатают свои научные сообщения в иностранных археологических изданиях. При этом уже в рапорте А. А. Васильчикову от 23 декабря 1885 г. сообщалось, что это происходит при содействии некоторых русских правительственных учреждений (1886 г., д. 1 а, л. 6–11 об.).

Однако в этот момент реорганизация ИАК представлялась новому председателю излишней, поскольку ее законодательно закрепленные полномочия, как он считал, были вполне достаточны. Тогда он полагал, что никаких изменений законоположений не требуется. А. А. Бобринской указывал, что в качестве сотрудников на местах закон позволяет Комиссии иметь своих членов-корреспондентов, и сама Комиссия имеет возможность привлекать в свою среду лиц, могущих быть ей полезными. Если ИАК начнет тесные сношения с археологическими обществами и будет следить за исследованиями, то это нейтрализует деятельность иностранцев. По сути дела, А. А. Бобринской предлагал создание «сетевой организации» в рамках существующего положения с привлечением местных археологов. В качестве дополнительных мер он рекомендовал запретить высочайшим повелением вывоз древностей за рубеж, в чем был поддержан князем А. М. Дондуковым-Корсаковым (1820–1893), начальником Кавказа. Также было сделано предложение подчинить ИАК археологический отдел Кавказского музея в Тифлисе и создать здесь особое археологическое учреждение, подчинив его напрямую Комиссии. Не исключено, что февральские записки 1886 г., созданные А. В. Праховым и Т. В. Кибальчицем, как раз рассчитывали на определенную сумятицу в министерстве в связи с назначением 1 февраля нового председателя вместо А. А. Васильчикова, «эпоха» которого должна быть оценена как время небывалой активности Археологической Комиссии по сохранению своего статуса и выработки новых направлений и методов собственной деятельности.

XI

Именно с «эпохой Бобринского» и был связан заметный подъем деятельности ИАК, который произошел во второй половине 1880-х гг. Это отмечали практически все современные исследователи ее истории (Пескарева, Рябинин 1984: 302; Васильева 2000: 180–181; Длужневская 2006а: 112; 2006б: 273; Тихонов 2003б: 103–107; 2006: 368; Мусин 2006: 49; Медведева 2007 а, б, с). Исследователи отмечали, что если в плане создания системы регламентации археологической деятельности и государственного контроля и учета в области полевой археологии в период 1860–1880-х гг. ИАК лишь еще активно предпринимала шаги в этом направлении, ориентированные на привлечение внимания к проблемам сохранения археологического наследия со стороны различных государственных ведомств, то начиная со второй половины

1880-х гг. происходит становление самой системы (Сорокина 2008: 36). Граф Алексей Александрович Бобринской,³ возглавивший Археологическую Комиссию с 1 февраля 1886 г., в отличие от двух предшественников на этом посту, имел опыт археологических раскопок, которые проводил начиная с конца 1870-х гг. в Киевской губернии на территории собственного огромного имения Смела. В 1882 г. он был избран действительным членом Русского археологического общества, неоднократно выступал на его заседаниях с докладами о раскопках. В апреле 1884 г. Русское археологическое общество избрало А. А. Бобринского представителем на VI Археологический съезд, состоявшийся в Одессе, где он прочитал доклад о своих раскопках. В 1885 г. он был избран действительным членом Одесского общества истории и древностей и Общества любителей древней письменности, а в Русском археологическом обществе — управляющим Отделением славяно-русской археологии. Последнюю должность он занимал до 1894 г. К моменту назначения на пост председателя Археологической Комиссии А. А. Бобринской был уже достаточно известным археологом. Свою более чем тридцатилетнюю деятельность по руководству Комиссией ему приходилось сочетать с разнообразными общественными и государственными должностями. В разные годы он являлся губернским предводителем санкт-петербургского дворянства, сенатором, членом Государственного Совета, депутатом Государственной Думы, председателем Санкт-Петербургской городской Думы, вице-президентом Академии художеств, товарищем министра внутренних дел, министром земледелия, председателем Совета Русско-английского банка. Этот самый краткий и неполный перечень его постов и должностей показывает, какое высокое положение А. А. Бобринской занимал в обществе и чиновничьей бюрократии Российской империи конца XIX–начала XX в. (Тихонов 2002; 2003b). Приход в Комиссию энергичного тридцати-четырёхлетнего графа Бобринского, человека близкого царской семье, не мог не сказаться на упрочении ее положения. Это осознавали и современники, так, старший член Комиссии В. Г. Тизенгаузен в апреле 1886 г. писал Д. Я. Самоквасову: «С новым председателем Комиссии, по-видимому, дела ее будут поведены несколько энергичнее, чем при его предшественнике» (Археология... 2007: 362).

Прежде всего, А. А. Бобринскому пришлось включиться во все более накаляющуюся борьбу вокруг прав Археологической Комиссии на выдачу разрешений на раскопки, а по сути дела, борьбу за превращение Комиссии из «придворной конторы по добыванию древностей для Эрмитажа» в действительно центральное учреждение российской археологии. Ему пришлось принять эстафету «эпохи Васильчикова» в борьбе против фактического упразднения ИАК, что предусматривалось разными «прожектми». Одним из последних свидетельств этой борьбы является, очевидно, составленная 7 мая 1886 г. по просьбе нового председателя информационная записка В. Г. Тизенгаузена о деятельности Археологической Комиссии, которая включала 9 пунктов.

В записке говорилось, что деятельность ИАК никогда не ограничивалась археологическими разысканиями, но включала в себя охрану и наблюдение за состоянием монументальных памятников. МВД неоднократно обращалось в Комиссию по вопросам поддержания и сохранения старинных построек. Согласие на слом давалось лишь в случае, если памятник находился в руинированном состоянии, если он или его боковые компартименты не представляли научного интереса, или же если казна отказывала в выделении средств на его поддержание. В случае слома памятника каждый раз проводилась его графическая фиксация. Также

³ До 1917 г. его фамилия всегда приводилась только в таком написании. Впоследствии в отечественной историографии распространилась форма «Бобринский». Возвращаясь к исторической традиции, мы даем ее в изначальном варианте.

Комиссия организовала на свои средства охрану Царского кургана в Керчи, наняв сторожа и построив караульное помещение, и принимала определенное участие в возобновлении древнего Успенского собора во Владимире и спасении замка князей Острожских на Волыни.

ИАК неоднократно обращалась к общественности и местным властям с призывами к спасению открываемых древностей и установила вознаграждение за находку кладов из собственных средств. Найденные древности передавались в музеи: Эрмитаж, Московский публичный и исторический, а также в Нижегородский, Сартовский, Псковский и др.

Ведя контроль над археологическими разысканиями в России, ИАК не всегда «имела возможности противодействовать... бесшабашному и какому-то ожесточенному раскапыванию, прикрываемому некоторыми археологическими обществами». Обвинение ИАК в погоне за одними лишь драгоценными по металлу древностями свидетельствует о полном незнакомстве обвинителей ни с деятельностью Комиссии, ни даже с изданиями ее. Если внимание Комиссии и было приковано к памятникам юга России, то лишь потому, что тамошние курганы, вследствие ценности находимых предметов, были более всего подвержены тайным раскопкам. Таким образом, говоря современным языком, ИАК практиковала «превентивные археологические исследования», направленные на защиту памятников от грабителей. При этом выделялись средства и на исследования иных памятников: на работы Я. М. Лазаревского на Белом озере, В. В. Радлова в Сибири, П. И. Лерха в Вологодской, Олонецкой и Вятской губерниях, Д. Я. Самоквасова на Днепре, Н. Н. Пантусова на Сырдарье, П. И. Хицунова на Дону, Н. И. Веселовского в Туркестанском крае. Так, несмотря на явные приоритеты ИАК,

Бобринской Алексей Александрович

(19.05.1852–2.09.1927) — граф, общественный и политический деятель, археолог. Получил домашнее образование под руководством В. Я. Стоюнина, учился в частном пансионе в г. Вэвэ, Швейцария, в 1870–1872 гг. на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Сенатор (с 1896 г.), обер-гофмейстер (1916), член Гос. Совета (1912), председатель ИАК (1886–1918), вице-президент Академии художеств (декабрь 1889–декабрь 1890), товарищ министра внутренних дел (март–июнь 1916), министр земледелия (июль–ноябрь 1916), депутат III Гос. Думы (1907), председатель Совета объединенного дворянства (1906–1912), с 1919 г. в эмиграции. Внес большой вклад в создание системы гос. контроля за археологическими раскопками и охраной памятников старины, провел раскопки более 500 курганов.

Осн. соч.: Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1887–1901. Т. 1–3; Херсонес Таврический: Исторический очерк. СПб., 1905; Филарет Никитич. Историческая драма в 5-ти действиях. СПб., 1913.

Лит. о нем: Бобринский А. А. Граф Алексей Александрович Бобринский (1852–1927). Сын об отце / Подгот. к публ., предисл. и примеч. И. Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003.

Вып. 4. С. 479–532; Тихонов И. Л. 1) Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринской // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию А. А. Формозова. СПб., 2003. С. 95–117; 2) Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог, граф А. А. Бобринской // Знаменитые универсанты. Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. СПб., 2002. Т. 1. С. 72–88.

Алексей Александрович Бобринской.
1890-е гг. (ФА, О. 614/2)

связанные с добыванием и изучением памятников античной культуры, к 1886 г. были сформированы зачатки основных направлений будущей деятельности Комиссии «эпохи Бобринского» — Северо-Западная Россия с ее славяно-русскими и финно-угорскими древностями, Сибирь, Средняя Азия...

В целях «приведения в известность вещественных памятников древности в России» ИАК уже на I Археологическом съезде предложила издавать сборник археологической библиографии, но, к сожалению, ни одно из археологических обществ не отозвалось на это предложение. Более того, вместо поддержки со стороны ученых обществ, получающих казенные субсидии, ИАК сталкивалась с их противодействием, ибо производимые ими раскопки совершались на казенных и общественных землях без ее разрешения. К тому же некоторые общества перекупали случайные находки и клады, которые по закону должны были поступить в казну. Комиссия пыталась привлечь к своей деятельности и основные провинциальные научные силы — членов Статистических комитетов, хотя это и была весьма слабая поддержка.

Упомянув проект по наделению Российского Исторического музея полномочиями и средствами, В. Г. Тизенгаузен справедливо отмечал, что при таких средствах ИАК могла бы сама гораздо шире развернуть свою деятельность. В связи с этим он задавался вопросом: для чего стоит уничтожать старое, хорошо поставленное дело и передавать его в другие, неподготовленные руки? В заключение отмечалось, что во всех европейских государствах центральная археологическая комиссия всегда находится в главной столице, где сосредоточиваются основные силы и средства (1886 г., д. 73, л. 1–2 об.). Аргументы этой записки, активно использовавшиеся новым председателем в своей деятельности, надолго положили предел наступлению на права ИАК.

Как человек, учившийся на юридическом факультете Петербургского университета, А. А. Бобринской не мог не понимать, что, прежде всего, нужно было создать юридическую базу для дальнейшего упрочения роли Комиссии в России. Такая база предполагала подтверждение и уточнение прав и прерогатив ИАК. Борьба с кладоискательством и несанкционированными вторжениями в археологические памятники под видом научных изысканий с самого начала стала одним из приоритетов деятельности нового председателя. Первый этап пришелся на осень 1886 г. 12 сентября из газет ИАК стало известно о раскопках А. В. Прахова в Мстилавовом Успенском храме во Владимире-Волынском, и А. А. Бобринской высказал свою озабоченность как министру внутренних дел, так и обер-прокурору Святейшего Синода. В письме говорилось, что по закону Комиссия должна следить за всеми осуществляемыми в России раскопками на государственных и общественных землях, но без сочувствия местной администрации сама ИАК оказывается здесь бессильна. В письме на имя К. П. Победоносцева председатель Комиссии просил «не отказать в просвещенном содействии, дабы высшие духовные лица не давали дозволения на производство раскопок на церковных землях, хотя бы и с научной целью («Вестник Европы» сообщал, что раскопки на Воляни производились с разрешения местного епископа. — *Ред.*), без особого разрешения ИАК». Дополнительно сообщалось, что «Комиссия никогда не преминет принять все зависящие от нее меры к производству изысканий и раскопок в таких местах, которые будут указаны духовенством, но Комиссия не может не обратить внимания на крайнюю опасность предоставления права раскопок на церковных землях таким лицам, которые не снабжены на это надлежащим уполномочием» (1886 г., д. 50, л. 1, 4–5 об.).

Уже 26 ноября 1886 г. появляется циркуляр № 25 Министерства внутренних дел гражданским губернаторам «О безусловном воспрещении всякого рода раскопок, кладоискательства и о мерах к сохранению памятников древности», где говорилось о «воспрещении кому бы

то ни было предпринимать какие-либо археологические раскопки на казенных, церковных или общественных землях без специального разрешения на то Императорской Археологической комиссии» (Охрана памятников 1978: 118). Здесь говорилось о «неизбежности требований закона и пользе археологии», а также делались ссылки на приложение к статье 539 части 1 тома 10 Свода гражданских законов и 6-й пункт приложения к статье 2318 части 2 тома 1 Учреждения министерства.

5 ноября ответил и К. П. Победоносцев. Он заметил, что волынский епископ никаких разрешений на раскопки не давал, поскольку речь шла лишь о реставрации храма, которая производилась официально созданной губернатором комиссией, а раскопки, предпринятые профессором А. В. Праховым рядом с городом, действительно проводились без разрешения. При этом он присовокуплял, что поскольку 5/26 июля 1884 г. он уже циркулярно предписал епархиальным архиереям входить в сношения с Комиссией по делам реставрации древних храмов, то в данном случае он не считает нужным издавать новое распоряжение (1886 г., д. 50, л. 9–10).

Однако еще ранее, 26 сентября 1886 г., председатель ИАК разослал правящим архиереям Российской церкви письмо «о содействии духовных властей в противодействии кладоискательству на церковных землях» и о «сохранении отечественных древностей от уничтожения» (Там же, л. 21–23). В понятие клада он сознательно включил не только собственно монеты и драгоценные предметы, но и случайные археологические находки: железные, медные и каменные орудия. При этом он напоминал, что находчикам из числа крестьян предполагается выдавать денежное вознаграждение от ИАК. Основная сложность состояла в том, что до сих пор это происходило через местных полицейских чиновников, с которыми сами крестьяне зачастую не желали иметь дела. Далее А. А. Бобринской писал: «Борясь с уничтожением древности, ИАК пришла к заключению, что единственным орудием, посредством которого можно было бы несколько противодействовать злу, является содействие в этом деле духовенства, которое тесно обещается с крестьянством». Председатель Комиссии был убежден, что «сельские священники не откажут ИАК в посредничестве между ею и крестьянами в деле сохранения памятников старины», и приходское духовенство могло бы взять на себя отправку вещей в Петербург и получение наградных денег. Некоторые епископы непосредственно откликнулись на обращение председателя: Волынская епархия в лице епископа Палладия (Ганкевича, 1885–1889) согласилась с идеей доставки предметов в ИАК через приходских священников, епископ Туркестанский и Ташкентский Александр (Кульчитский, 1878–1883) просто проинформировал подведомственное ему духовенство, а епископ Рязанский и Зарайский Феохист (Попов, 1882–1894) объявил приходскому духовенству о просьбе Комиссии через благочинных и обязал их сообщать епархиальному начальству о всех кладах и предметах древности, найденных на церковной земле (Там же, л. 24–25 об.). Подобное послание 1 декабря 1886 г. было отправлено А. А. Бобринским и епископату Римско-Католической церкви на территории России (Там же, л. 36), отклики представителей которого в ИАК были гораздо пространнее.

Второй этап можно датировать 21 января 1887 г. В этот день А. А. Бобринской направляет письмо, подписанное всеми членами ИАК, министру Двора графу И. И. Воронцову-Дашкову и президенту Императорской Академии художеств, — великому князю Владимиру Александровичу. В письме обрисовывалось нынешнее положение дел в области археологических раскопок, мода на которые охватила дилетантов в провинции, и учета открываемых древностей. В конце письма предлагались конкретные меры, воплощенные в «трех пунктах», об исполнении которых следовало бы ходатайствовать перед государем: наделить Комиссию

исключительном правом разрешения на производство раскопок, предоставить ей совместно с Академией художеств право на реставрацию монументальных памятников древности, а также ужесточить контроль за поступлением в музеи вновь найденных предметов, обязав их сообщать в Комиссию о всех новых приобретениях (1887 г., д. 69, л. 6–9 об; Охрана памятников 1978: 121).

Со своей стороны ученые общества, и прежде всего МАО, использовали начальствующее над ними Министерство народного просвещения для гарантии собственной независимости от ИАК в области сохранения памятников старины. 8 марта 1887 г. И. Д. Делянов отправил в Комитет министров записку «По вопросу о мерах к охранению памятников старины от истребления, порчи и самовольных переделок», очевидно, инспирированную П. С. Уваровой (1887 г., д. 69, л. 12 об.). Поводом для ее составления стало искажение фресок в церкви Усекновения главы св. Иоанна Предтечи, что в Дьякове под Москвой, засвидетельствованное еще в 1882 г. В итоге в записке звучало ходатайство о высочайшем повелении о «неуклонном соблюдении ст. 206 и 209 т. 12 ч. 1 Устава строительного, по продолжению 1876 г., воспреещающих без высочайшего разрешения приступать к каким-либо обновлениям в древних церквях и во всех подобных памятниках и предписать всем правительственным местам и лицам... сохранять внешний и внутренний вид и не допускать переделок без разрешения высшего начальства», а также предложение создать «Императорскую комиссию» по охране древностей, предложенную еще «проектом Лобанова-Ростовского».

27 ноября 1887 г. Археологическая Комиссия в лице своего председателя А. А. Бобринского обратилась с письмом к министру народного просвещения И. Д. Делянову о сотрудничестве с учеными обществами и установлении большего порядка в деле изучения и собирания древностей, ибо «правительство смотрит на отечественные древности как на государственное достояние». А. А. Бобринской просил министра довести до сведения ученых обществ, как подведомственных министерству учреждений, правила проведения раскопок на казенных общественных и церковных землях, ссылаясь на существующие законодательные акты, прежде всего на Положение об ИАК 1859 г. В письме также содержался протест против приобретения обществами случайных находок и кладов и осуждалась «развившаяся в последние годы страсть к разрытию курганов». Здесь же отводились обвинения в том, что Комиссия якобы пытается подчинить деятельность обществ своему контролю. В письме говорилось, что выполнение соответствующих узаконений в России и деятельность самой ИАК «затруднена действиями некоторых наших частных ученых обществ (археологических, архивных, географических, антропологических, этнографических и др.), из которых иные, несмотря на то что существуют только на счет правительственных субсидий, не считают, однако, нужным содействовать правительству в упорядочении означенного дела, а напротив того, прямо нарушают вышеприведенные узаконения, отчасти скупая древности для своих коллекций, помимо Археологической Комиссии, отчасти производя раскопки на казенных и общественных землях» без предварительного соглашения с ней. При этом зачастую раскопки поручаются лицам неподготовленным. Отсутствует и продуманный план изучения древностей.

В связи с этим А. А. Бобринской просил министра «в видах установления необходимого порядка в деле изучения, собирания и охранения государственных древностей подтвердить подведомственным обществам необходимость соблюдения узаконений». Проводимые ими научные раскопки будут приветствоваться при соблюдении двух условий: при предоставлении ИАК отчета о научной стороне произведенных раскопок с приложением необходимых чертежей и планов и при доставке всех найденных при раскопках вещей и их описи для представления замечательнейших из них на воззрения государя и для

высочайшего указания об их дальнейшей судьбе. При этом результаты раскопок могут быть опубликованы в любом издании по выбору самих обществ. ИАК предоставляла всем заинтересованным сторонам право пользования хранящимися у нее архивными материалами и археологическими предметами, которые находятся в помещении Комиссии в научном порядке и всегда доступны для ознакомления. Таким образом, предложения А. А. Бобринского продолжали традиции первого председателя ИАК С. Г. Строганова, который предполагал создание общероссийского археологического архива уже в своем проекте «Главной археологической комиссии» 1857–1858 гг. Известно, что 22 февраля 1888 г. Комиссия вновь обращалась в Министерства народного просвещения и внутренних дел со своими предложениями по наведению порядка в деле археологических раскопок и охраны древностей, ссылаясь на опыт Пруссии и Баварии (1887 г., д. 69, л. 42–43; Рукопись: 8, 9, 10), однако именно письмо от 27 ноября послужило отправной точкой нового конфликта МАО с Комиссией и травли последней в российской прессе, организованной «частными учеными обществами» (Там же, л. 28–33).

Министр народного просвещения передал отношение Археологической Комиссии на рассмотрение археологических обществ. 24 июня 1888 г. была окончательно составлена записка, выработанная в Особом совещании при министерстве по вопросу, возбужденному ИАК и рассмотренному в ученых обществах. Ее текст был подписан А. Ф. Бычковым и И. В. Помяловским. Здесь говорилось, что массовый грабеж курганов, зафиксированный в России, заставляет отнестись с сочувствием к предложению ИАК, наделив ее соответствующими прерогативами, однако в Положении 1859 г. на этот счет не содержится никаких четких указаний. Сама же Комиссия предполагает расширительное толкование пункта 6 Положения, где говорится, что ей «предоставляется следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности». Именно такое толкование правовых норм и составляет спорность предложения Комиссии. В целом, при данном положении вещей, ИАК не сможет помочь общему делу и своим вмешательством лишь затруднит ученую деятельность обществ. Однако представляется безусловно необходимым действительно установить единый порядок в деле изучения и собирания отечественных древностей при содействии правительства и решить вопрос относительно пользы образования правительственного центра, в настоящее время не существующего, который мог установить научные и практические связи для успешного ведения общего дела. При этом было бы желательно установить взаимные права и обязанности, как это уже было отчасти сделано между ИАК и РАО. Пока же такого центра нет, и нельзя не признать затруднительным для Министерства народного просвещения предписать ученым обществам исполнять требования Комиссии. Впрочем, еще в 1876 г., во время работы «комиссии Лобанова-Ростовского», было признано правильным изменить положение об ИАК в сторону расширения ее прав. Ныне же представляется полезным возбудить вопрос об установлении для государственной пользы необходимого порядка в деле нахождения, собирания, охранения и исследования и с высочайшего разрешения разработать в среде ИАК при участии представителей ученых обществ по общему соглашению проект изменений и дополнений в ныне действующее законодательство (Там же, л. 46–51 об.; Рукопись: 15).

Этому предшествовали отзывы самих археологических обществ, зачастую гораздо более жесткие. 19 марта 1888 г. появился отзыв РАО, выдержанный в спокойных и конструктивных тонах, тем более что он был подписан уже упоминавшимся А. Ф. Бычковым и членом ИАК, секретарем общества И. И. Толстым. Общество было готово признать в ИАК тот правительственный орган, который может установить связь не формальную, а ученую с частными обществами на основе взаимных прав и обязанностей, впрочем, при условии, что

само Положение об ИАК будет пересмотрено в сторону расширения и уточнения ее прав. Однако авторы ссылались при этом на пункт 4 своего Устава, который предоставлял обществу право самостоятельно производить раскопки. В целом же РАО было готово сообщать ИАК о начале исследований, нести ответственность за лиц, которым оно исходатайствует Открытые листы, и предоставлять в ИАК отчет, опись предметов древности и полевые дневники при сохранении за обществом приоритета в изучении находок и свободном пользовании архивом Комиссии в научных целях (1887 г., д. 69, л. 54–58 об.; 1886 г., д. 71, л. 74–79; Рукопись: 13).

Однако появилось и анонимное «Особое мнение некоторых из членов ИРАО», где ИАК инкриминировалось огульное обвинение ученых обществ в незаконной деятельности и необоснованные домогательства на руководство российской археологией, ради которых обществам, стоящим по объему сил намного выше самой Комиссии, не стоило жертвовать «Высочайше дарованным правом» (1886 г., д. 71, л. 1–24 об.; 1887 г., д. 69, л. 59–69 об.). Одним из авторов анонимного «мнения» определенно был Н. Е. Бранденбург, что подтверждается архивными документами (РА, ф. 3, оп. 1, д. 181, л. 2–5; Маковская 2001: 14). Он был тесно связан с МАО, в силу чего высказанные здесь мысли были близки соответствующему документу П. С. Уваровой, хотя стоит отметить, что именно в это время он получал финансовую поддержку от ИАК для проведения своих археологических исследований.

Московское археологическое общество 2 марта 1888 г. (1887 г., д. 69, л. 70–81 об.) и поддержавшее его Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете 4 мая 1888 г. (Там же, л. 82–85 об.; стоит отметить, что обсуждение этого вопроса в этом обществе было инициировано именно МАО) ответили, что, по их мнению, пункты Положения об ИАК 1859 г. не дают ей никаких особых прав по контролю за деятельностью обществ, претензии Комиссии совершенно безосновательны и являются посягательством на научную деятельность обществ, будучи способны вообще устранить их из археологической практики. П. С. Уварова и секретарь В. К. Трутовский прибегли к демагогии риторических вопросов, подчеркивающих собственную значимость, а также указали, что в Положении об ИАК учреждения, состоящие в ее ведении, прямо поименованы — это Керченский музей и давно не существовавшая к тому времени Римская археологическая комиссия, а другие общества в зависимости от нее не состоят. Они упомянули и якобы имевший место отказ ИАК от соглашения с обществами на Археологическом съезде в Ярославле и тут же выдвинули министру длинный лист предложений и требований финансового и организационного характера по обеспечению собственной деятельности.

Эта полемика выплеснулась и на страницы газет, которые в 1887–1888 гг. поместили целую серию статей по этому вопросу, причем «Новое время», как правило, озвучивало позицию Археологической Комиссии, а «Русские ведомости» и «Московские ведомости» отстаивали взгляды Московского археологического общества. «Московское время» 17 сентября 1888 г. писало, что ИАК, сама индифферентно относящаяся к историческим отечественным памятникам, «запретила самостоятельные раскопки» другим обществам. В этой газетной «дискуссии» приняли непосредственное участие кроме журналистов и анонимных авторов также и сотрудники Археологической Комиссии — барон В. Г. Тизенгаузен и граф И. И. Толстой (Рукопись: 16–37).

Ситуация сознательно нагнеталась, и ее разрешение могло ожидаться только новым «Высочайшим повелением». Сегодня можно утверждать, что в подготовке закона от 11 марта 1889 г., подтвердившего для ИАК «исключительное право производства и разрешения раскопок» на любых землях, не являющихся частными, значительная роль принадлежала статс-секретарю Министерства императорского Двора Николаю Степановичу Петрову. 31 октября 1888 г.,

исполняя должность председателя Комиссии, В. Г. Тизенгаузен обращается к нему с письмом, в котором, ввиду обвинений, бросаемых ИАК со стороны обществ, он призывает положить конец нынешнему «двусмысленному положению». При этом он упоминает о докладе, который он, вместе с И. И. Толстым, сделал Н. С. Петрову в конце июня–начале июля 1888 г. («лето», «месяца четыре тому назад»), подчеркивая внимание статс-секретаря к этому делу. Из текста письма выясняется, что уже тогда статс-секретарю был предложен проект записки, которую предполагалось подать министру Двора. В. Г. Тизенгаузен ходатайствовал о продвижении этой записки и предлагал новую встречу для обсуждения деталей (1887 г., д. 69, л. 88–89).

Несколько позднее была написана еще одна докладная записка Н. С. Петрову, более подробно раскрывающая истоки нынешней ситуации и предлагающая пути ее разрешения. В качестве точки отсчета здесь упоминается 21 января 1887 г., когда члены ИАК обратилась к министру Двора «о мерах по текущему моменту по вверенному Комиссии делу», т. е. контролю над археологическими изысканиями (1886 г., д. 71, л. 69–73). Текст не датирован, но упоминание мнения Особого совещания Министерства народного просвещения от 24 июня 1888 г. и текстуальная близость к записке на имя министра Двора И. И. Воронцова-Дашкова от 17 ноября 1888 г. (Там же, л. 68–73; Медведева 2007а: 69) очевидно позволяют датировать ее первой половиной–серединой ноября 1888 г.

Записка министру признавала знаменательным, что в процессе газетной полемики, несмотря на неприличный во многих случаях тон статей, никто из авторов не посмел отрицать необходимость регулирования дела сохранения и исследования древностей и что некоторые даже упрекали Комиссию в бездействии в тех случаях, на которые власть ее, по действующему положению, не распространяется. Конкуренция между обществами, субсидируемыми правительством, в деле приобретения кладов способствовала «росту цен» и наносила прямой убыток казне. Напрямую ссылаясь на предложенный в 1882 г. «проект Васильчикова», что подчеркивает преемство в деятельности председателей ИАК, и отвергая подозрение в пренебрежении мнением частных ученых обществ, А. А. Бобринский ходатайствовал перед министром «испросить Высочайшего утверждения Государя Императора» на закреплении трех пунктов, касающихся производства раскопок, реставрации и представления находок на высочайшее воззрение, которые и составили основу будущего повеления 11 марта 1889 г.

Тем временем инициированный А. А. Бобринским циркуляр МВД от 27 ноября 1886 г., практически запрещавший любые раскопки без разрешения Комиссии, начал действовать. Так, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Казанском университете обратилось в Министерство народного просвещения, дабы то ходатайствовало перед ИАК о получении для него такого разрешения. 9 декабря 1888 г. председатель ИАК извещает И. Д. Делянова о том, что подобные раскопки только приветствуются, и намеревается самостоятельно уведомлять начальников губерний о предстоящих исследованиях ученых обществ (1887 г., д. 69, л. 99–100). Одновременно он ищет возможности опереться на исторический прецедент и 3 февраля 1889 г. направляет в МВД запрос о высылке документов о подчинении всех археологических раскопок «начальству графа Перовского» от 30 августа 1852 г., а также циркуляры начальникам губерний, предписывающие последним входить с представлениями по всем спорным вопросам, касающимся древностей, именно к министру Уделов (Там же, л. 101).

Очевидно, решение императора утвердить предложенные И. И. Воронцовым-Дашковым и А. А. Бобринским правила состоялось много раньше его опубликования, а именно в январе 1889 г. 6 февраля председатель ИАК ходатайствует перед министром Двора об официальном утверждении «трех дополнительных пунктов и об обнародовании их для всеобщего сведения», поскольку об этом высочайшем повелении ИАК пока еще не сообщено (Там же,

л. 103). К тому же А. А. Бобринскому стало известно, что И. Д. Делянов публично сообщил о намерении разослать циркуляр археологическим обществам об урегулировании вопроса о раскопках на казенных землях. 14 февраля председатель ИАК отправляет Н. С. Петрову частное письмо, где спрашивает адресата, не признает ли тот возможным уведомить министра народного просвещения «о сущности состоявшегося по настоящему вопросу высочайшего повеления», о котором Н. С. Петров сообщил А. А. Бобринскому «на словах еще в прошлом месяце», «для правильного направления дела и во избежание несогласия между Министерством народного просвещения и Министерством императорского Двора» (Там же, л. 104–104 об.).

Результатом вышеизложенной комбинации и явилось высочайшее повеление 11 марта 1889 г., определившее правовой статус ИАК до конца ее существования и создавшее соответствующую научную и юридическую практику. Стоит сравнить текст нового постановления с «тремя дополнительными пунктами», которые были сформулированы А. А. Бобринским 21 января 1887 г. и 17 ноября 1888 г.:

«Три пункта» записки от 21 января 1887 г. президенту ИАХ и министру Двора (1887 г., д. 69, л. 8–9 об.)	«Три пункта» записки от 17 ноября 1888 г. министру и статс-секретарю Министерства Двора (1887 г., д. 69, л. 94 об.–95; 1886 г., д. 71, 72 об.–73)	Высочайшее повеление, предложенное Правительствующему Сенату министром юстиции, № 352 от 11 марта 1889 г.
1. Право производства и разрешения раскопок принадлежит исключительно Императорской Археологической Комиссии, и помимо предварительного с нею соглашения, никакое общество и частное лицо не вправе предпринимать раскопок на казенных, общественных, городских и церковных землях.	1. Императорской Археологической Комиссии предоставляется исключительное право производства раскопок и их разрешения на казенных общественных и церковных землях в Империи, а посему все лица и учреждения, желающие производить раскопки на этих землях, входят с Комиссией в предварительное соглашение.	1. Исключительное право производства и разрешения с археологической целью раскопок в Империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям, и общественных — предоставить Императорской Археологической Комиссии. Все учреждения и лица, предполагающие производить подобные раскопки, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которых состоят упомянутые земли, входить в предварительное соглашение с Императорской Археологической Комиссией. Открываемые при раскопках ценные и особенно важные в научном отношении предметы должны быть присылаемы на Высочайшее воззрение.
2. Дело сохранения и возобновления монументальных памятников древности в России вручается Императорской Археологической Комиссии совместно с Императорской Академией художеств и без разрешения и руководства этих правительственных учреждений никакая реставрация не может быть производима.	2. Реставрация монументальных памятников древности не может быть производима без предварительного соглашения с Императорской Археологической Комиссией совместно с Императорской Академией художеств.	2. Реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительному соглашению с Императорской Археологической Комиссией и по сношению ее с Императорской Академией художеств.
3. Все как существующие так и возникающие городские и общественные музеи обязываются по требованию Комиссии доставлять ей сведения о всех поступающих в эти собрания предметах.	3. В случае открытия ценных или особенно важных в научном отношении предметов таковые присылаются в Императорскую Археологическую Комиссию для представления их на Высочайшее Государя Императора воззрение.	

Интересно отметить, как «три дополнительных пункта» эволюционировали на протяжении 1887–1889 гг. и приобретали более лаконичные, законченные и юридически грамотные формулировки. Именно «пункты 1888 г.» стали основой постановления 11 марта: они вошли в его текст с некоторыми изменениями и стилистической правкой, при этом 1-й и 3-й пункты были объединены. Самая главная поправка касалась владельческого статуса земель, исследования на которых контролировала ИАК. Если в проекте упоминались «казенные, общественные и церковные земли», что восходило к «проекту Васильчикова» 1882 г., то в самом постановлении перечислялись «земли казенные, принадлежащие разным установлениям и общественные». При кажущейся расплывчатости формулировки она могла обнимать собой земли церковные и городские. Таким образом, не затрагивая демонстративно интересы духовного ведомства, повеление 11 марта, при грамотном правовом подходе, не сужало, а существенно расширяло сферу деятельности Комиссии. По оценке современников, «указом 1889 г. в руки Императорской Археологической Комиссии передавалось руководящее начало в области археологических исследований на русской почве, а также и заботы об охране памятников старины в смысле осмотрительной реставрации этих памятников» (Смолин 1912: 144).

Вместе с тем неопределенность некоторых правовых положений высочайшего повеления 1889 г. не замедлила отразиться на деятельности Комиссии. Так, в запросе земского отдела МВД от 31 мая 1896 г., в ответ на отношение ИАК от 13 сентября 1894 г., где была истребована информация о том, как выполняется «указ 1889 г.», спрашивалось: разумел ли этот указ под «общественными землями» земли «крестьянских сельских обществ», так как согласно действующему праву последние существовали двух типов. К первому типу принадлежали усадебные земли в потомственном семейном пользовании на неполном праве личной собственности, а ко второму — мирские усадебные земли в распоряжении общества (1886 г., д. 71, л. 226–227). Примерно в то же время, 16 ноября 1894 г., председатель Комиссии спрашивал Кабинет его императорского величества, являются ли крестьянские усадьбы частной собственностью или общественной, на что последовал ответ в том духе, что если «усадебные земли в собственности общества» можно отнести к общественным землям, то усадьбы в введении товарищества или конкретного лица таковыми уже не являются (1887 г., д. 69, л. 275, 280–283 об.).

Эта проблема была прояснена много позднее. 4 февраля 1909 г. на заседании Государственной Думы прозвучало предложение А. А. Бобринского о необходимости сделать следующее дополнение к пункту 11 III отдела указа от 9 ноября 1906 г., касающегося устройства крестьянской жизни: «Курганы, городища и другие памятники старины, впредь до издания особых по сему предмету узаконений, остаются собственностью обществ. Раскопка их производится с соблюдением правил, установленных Высочайшим повелением 11 марта 1889 г. Это касается только недр земли и нисколько не мешает собственникам эксплуатировать наружную поверхность курганов для своих нужд». В развитие этого предложения 14 июня 1910 г. был принят закон «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском владении», 21-я статья 1-й главы которого гласила: «Раскопки курганов, городищ и других памятников старины, находящихся в укрепленных в личную собственность участках, производятся с соблюдением правил, установленных пунктов I-го Высочайшего повеления 11 марта 1889 г.» (Тютрюмов 1911: 686).

ХII

Сразу же после обнародования высочайшего повеления, 16 марта А. А. Бобринской предложено созвать с 17 по 24 апреля 1889 г. совещание из представителей 13 ученых обществ для доведения до их сведения нового указа и для совместного обсуждения главнейших вопросов по упорядочению дел открытия и сохранения памятников древности в России (1887 г., д. 69,

л. 107–107 об.). Повестка дня состояла из 15 пунктов: форма соглашения общества и ИАК относительно раскопок, район деятельности каждого из обществ, возможность проведения обществом раскопок в своем районе без мотивированного запроса в ИАК, ответственность общества за лицо, ведущее исследования, форма Открытых листов, форма отчета в архив Комиссии, процедура отбора вещей на высочайшее воззрение, расходы на изготовление рисунков и фотографий, формирование архива Комиссии и право его использования, возможность предоставления обществами информации о раскопках на частных землях и о случайных находках, вопрос об авторском праве на пользование научной собственностью, отраженной в отчетах, меры против незаконных раскопок, возможность контроля со стороны обществ за состоянием памятников на определенных территориях, возможность для ИАК иметь на местах своих агентов, возможность командирования представителей ИАК на раскопки обществ и приглашение членов обществ на раскопки Комиссии, а также «какого рода реставрация» могла рассматриваться ИАК совместно с Академией художеств, а какая подлежала ведению общества (Там же, л. 110–111 об.).

П. С. Уварова тогда же, 23 марта, обратилась к министру Двора, сетуя на то, что к идее совещания «нельзя не отнестись с сочувствием», однако срок для него выбран «не вполне удобный»: осталось мало времени на подготовку к собранию, у многих делегатов в этот момент могут быть экзамены в университетах, отсутствует программа совещания. В силу этого его созыв «едва ли может принести пользу делу». В заключение она выражала надежду, что министр не откажется перенести время встречи. Но уже 13 апреля П. С. Уварова была избрана делегатом МАО для поездки в Петербург (Там же, л. 120–122).

Совещание было справедливо названо некоторыми участниками «археологической конференцией». Первое заседание открылось в Петербурге в помещении ИАК под председательством ее главы графа А. А. Бобринского 18 апреля 1889 г. Две другие сессии состоялись 19 и 22 апреля (Протоколы соглашения 1889). Секретарем был член Комиссии граф И. И. Толстой. На совещании присутствовали — от Императорской Академии художеств П. Ф. Исаев, от Археологического института И. Е. Андреевский, от Эстонского ученого общества К. Е. Думберг, от Общества истории и древностей Прибалтийских губерний, поименованного «Рижским историческим обществом», Ю. Б. Иверсен, от Общества любителей духовного просвещения И. В. Помяловский, от Русского археологического общества В. Р. Розен, от Московского археологического общества П. С. Уварова, от Общества истории и древностей российских Ю. Д. Филимонов, от ИАК — М. П. Боткин, Н. П. Кондаков и В. Г. Тизенгаузен. Чуть позднее к ним присоединился представитель Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском императорском университете Н. Л. Гондатти. Из числа приглашенных лишь Одесское общество истории и древностей, киевское Общество Нестора Летописца и Русское географическое общество не сочли нужным прислать на совещание своих делегатов.

Уже в первый день разгорелся спор между И. Е. Андреевским и П. Ф. Исаевым о правовом содержании указа от 11 марта. В отличие от представителя института, представитель Академии справедливо считал, что в данном случае имело место не просто «Высочайшее повеление», не уничтожающее прав и преимуществ других лиц и учреждений, основанных на предшествующих актах, а повеление, изданное в административном порядке, которое заменяет собою все прежние распоряжения (Протоколы соглашения 1889: 4).

Следующим серьезным вопросом были форма Открытых листов, к тому времени уже прочно ассоциировавшихся с разрешением на проведение археологических раскопок, и способ их выдачи. Интересно, что И. И. Толстой предлагал сохранить за ИАК лишь «верховную санкцию»

на выдачу этих документов, предлагая обществам просто выдавать листы от имени Комиссии. Он предполагал рассылать каждый год в эти организации некоторое количество чистых бланков этих разрешительных документов, которые должны были быть заполняемы на месте в соответствии с потребностями обществ при условии предоставления ИАК научного отчета и ископанных вещей. Это предложение было поддержано П. С. Уваровой, которая указывала на возможные случаи «безотлагательной надобности» в производстве раскопок: обращение в Петербург за разрешением могло, по ее мнению, существенно осложнить дело. Им резонно возражал И. В. Помяловский, который считал, что подобный отказ ИАК от своих законных прав нежелателен и что за каждым листом общества должны обращаться в Комиссию, представляя соответствующую мотивацию.

После утверждения формы листов 19 апреля за норму было принято обращение обществ в Комиссию за потребным количеством разрешений. Впрочем, дальнейшая практика показала, что общества могли поступать двояко: ходатайствовать перед ИАК о получении определенного количества разрешений или обращаться с мотивированными запросами в каждом отдельном случае. Конкретные исследователи могли обращаться в Комиссию за Открытыми листами и в обход обществ.

Во время дискуссии ее участниками был поднят вопрос, каким образом возможно избежать злоупотреблений с выдачей подобных разрешений в случае, если общество отказывало

Уварова Прасковья Сергеевна

(09.04.1840–30.06.1924) — графиня, археолог, коллекционер. Супруга А. С. Уварова, брак состоялся в 1859 г. Урожденная Щербатова. Прообраз Кити Щербацкой в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Ученица Ф. И. Буслаева. Почетный член Петербургской Академии наук (1894), профессор Дерптского, Харьковского, Казанского, Московского университетов и Петербургского археологического института. Принимала деятельное участие в создании ИМАО, с 1885 г., после кончины графа А. С. Уварова — постоянный президент Общества; занималась подготовкой археологических съездов, редактировала «Труды» Общества. Во время ее президентства были созданы Славянская и Восточная (в Тифлисе) комиссии. С 1890 г. возглавляла Комиссию МАО по сохранению древних памятников. П. С. Уварова проводила самостоятельные археологические раскопки, совершила девять путешествий на Кавказ; опубликовала более 170 работ; участвовала в разработке законодательства по охране культурного наследия, в том числе мер, запрещавших вывоз из страны исторических памятников и произведений искусства. Систематизировала коллекцию А. С. Уварова («Порецкий музей»), составила ее описание и в 1910-х гг. передала все рукописи и коллекции в РИМ. После Октября 1917 г. покинула Россию и скончалась в Югославии.

Осн. соч.: Кавказ. Путевые заметки. М., 1887–1904, Т. 1–3; Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ / Ред. Н. Б. Стрижова. М., 2005.

Лит. о ней: Полякова М. А., Фролов А. И. Уварова П. С., 1840–1924 // Краеведы Москвы (Истории и знатоки Москвы). М., 1995; Стрижова Н. Б. Архив А. С. и П. С. Уваровых в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С. 85–103.

Прасковья Сергеевна Уварова

в листе конкретному лицу, а лицо, обратившись непосредственно в ИАК, рассчитывало на его получение. Получив Открытый лист от ИАК, исследователи должны были представлять в Комиссию краткий фактический отчет и опись находок. Комиссия в ряде случаев гарантировала изготовление рисунков и фото за свой счет. Общества соглашались нести нравственную ответственность за лицо, которому они спрашивали Открытый лист. В связи с формированием при ИАК археологического архива доступ к его материалам был признан свободным, однако был введен 5-летний срок «авторского права», связанный с приоритетом в изучении и публикации результатов полевых исследований (Протоколы соглашения 1889: 11). Краткие справки архивного характера, касающиеся исследований, выдавались ИАК безвозмездно. Было рекомендовано передавать антропологические материалы в соответствующее Общество при Московском университете.

Общества единогласно высказались против ограничения их исследований и деятельности конкретными географическими зонами, однако признали такой принцип разумным в отношении охраны памятников древности. Было предложено ввести понятия «общей» и «частной» реставрации, которые были связаны, судя по контексту, с масштабом вторжения в памятник: большими ремонтными работами ведала ИАК, тогда как починку отдельных элементов здания могли контролировать местные общества. 22 апреля стороны пришли к мнению, что до соглашения между ИАК и ИАХ вопросы о реставрации передаются на рассмотрение этих двух учреждений. Также было решено ходатайствовать перед Правительством об ограничении вывоза отечественных древностей за границу.

Характерно активное и заинтересованное участие прибалтийских ученых организаций в обсуждении. 22 апреля К. Е. Думберг огласил предложения профессора Юрьевского университета Г. Лешке, переведенные им с немецкого. Профессор полагал, что отсылка археологических предметов в столицу технически неисполнима, а в научном отношении нежелательна, поскольку им может быть нанесен урон при перевозке. Он предлагал взять в качестве примера Италию, где существовали археологические округа, что соответствовало проекту «комиссии Лобанова-Ростовского» 1877 г., согласно которому ИАК могла бы исполнять роль центральной комиссии. Хранение предметов древности должно было осуществляться именно в округах, что помогало бы изучению местной истории. При этом не исключалось образование центрального государственного археологического музея. Сама же ИАК должна заняться подготовкой квалифицированных хранителей археологических коллекций и взять на себя функцию публикации отчетов обо всех исследованиях на территории страны (1887 г., д. 69, л. 149–167). Стоит отметить отсутствие на встрече представителей Археологической комиссии для заведования памятниками древности в Финляндии. Очевидно, это было связано с особым статусом Великого княжества Финляндского в составе Российской империи, которое отличалось от юридического положения Прибалтийского края, хотя восприятие опыта и правовых норм этого учреждения вполне могло бы обогатить отечественную археологическую практику.

И само повеление 11 марта, и состоявшееся обсуждение серьезно повлияли на унификацию делопроизводства Комиссии. Помимо стандартной формы Открытого листа и сопровождающего его письма местному губернатору в обиходе Комиссии появляются типовые описи поступающих в Комиссию кладов и археологических коллекций, передаточные ведомости, а также формы отказа в выдаче разрешения на раскопки в связи с непрофессионализмом просителя. Для археологических исследований погребений печатаются полевые дневники и выпускаются соответствующие инструкции для производства раскопок и разведок (Спицын 1908; 1910; 1895). При этом активно использовался предшествующий полевой

опыт, и не только самой Комиссии. Известно, что А. А. Спицын при составлении своих инструкций консультировался с Д. Я. Самоквасовым. Так, 22 сентября 1894 г. он просит его прислать схемы раскопки низких и больших курганов частыми неширокими открытыми минами, поскольку ИАК «занята составлением инструкции для производства раскопок». Последний уже в 1891 г. был сверхштатным членом ИАК, и вряд ли в этом обращении стоит видеть какое-либо лукавство (Археология... 2007: 338–339, 344).

Появлению таких инструкций предшествовала интенсивная работа членов Комиссии по выработке правил разрешения производства раскопок. В архиве ИАК сохранились черновые записки по этому поводу Н. И. Веселовского (1893 г., д. 200, л. 1–2), В. Г. Дружинина (Там же, л. 3–3 об.) и А. А. Спицына (Там же, л. 4–11). В целом, работа свелась к кодификации существовавшей тогда практики. А. А. Спицын предложил положение из 12 пунктов. Согласно тексту, в заявлении на получение разрешения на раскопки должны быть представлены следующие сведения: местность исследования, его цели, средства и учреждение, берущее на себя ответственность за раскопки, а также соображения, в чем могло бы состоять содействие ИАК предпринимаемым археологическим исследованиям. В положении назначался крайний срок сдачи отчетов — декабрь текущего года. Археологические предметы, добытые частными обществами и публичными музеями, должны были быть доступны исследователям. Предполагалось, что ученые архивные комиссии будут получать Открытые листы на общих основаниях. Особое обсуждение вызвал вопрос о доставлении археологических коллекций в ИАК и о последующей передаче их в музей. Н. И. Веселовский предполагал, что громоздкие предметы или же вещи, не имеющие «археологического значения», должны сразу передаваться в провинциальный музей, а в ИАК могут доставляться лишь фотографии. В. Г. Дружинин предполагал, что лица, которые производят раскопки за свой счет, могут указывать музей, куда ИАК следует передать предметы. Все члены ИАК были согласны в том, что для получения Открытого листа в первый раз соискатель должен предоставить сведения о своей научной деятельности, печатные работы, а также рекомендации опытных археологов.

28 апреля 1889 г. было отпечатано 200 протоколов только что состоявшегося совещания для рассылки заинтересованным лицам и учреждениям. Соглашение имело вид открытого договора, к которому могли присоединиться любые общества (ОИАК за 1889 г. 1892). Несколько позже 756 бланков новой формы Открытого листа на право производства археологических работ было отправлено всем начальникам губерний с просьбой «сделать распоряжение о рассылке их для сведения гг. уездным исправникам с тем, чтобы лица, не имеющие этих листов, не были допускаемы к археологическим раскопкам на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных» (1887 г., д. 69, л. 183 об.). Характерно, что МАО тут же нарушило достигнутые договоренности. Уже 20 мая П. С. Уварова обратилась к могилевскому губернатору с просьбой содействовать Е. Р. Романову в проведении археологических раскопок на территории вверенной ему губернии. 21 мая дисциплинированный губернатор, которому были известны как циркуляр от 27 ноября 1886 г. о запрещении раскопок без согласования с Комиссией, так и состоявшееся высочайшее повеление 11 марта, запрашивал Комиссию, как ему надлежит поступить в данном случае. Естественно, выяснилось, что по состоянию на 9 июня МАО за Открытыми листами в ИАК не обращалось (Там же, л. 181–182).

15 декабря 1889 г. в ИАК прошло своеобразное «музейное совещание» с временно заведующим Императорского Эрмитажа, Сергеем Никитичем Трубецким (1829–1899) (Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004: 151–152) и хранителем Исторического музея

ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

Всеподданнейшему
Генерал-Адмиралу
Великого Князя
Сергея Александровича
Морского

Иркутск 1 / 38 188 55

Смещение мрамора

Смещение мрамора 1896

Всеподданнейшему

Генерал-Адмиралу. Прошу Вас
Комиссию на шате мрамора
археологическую комиссию
№ 18 1896 на шате мрамора
мрамора мрамора и мрамора
мрамора мрамора мрамора
и мрамора

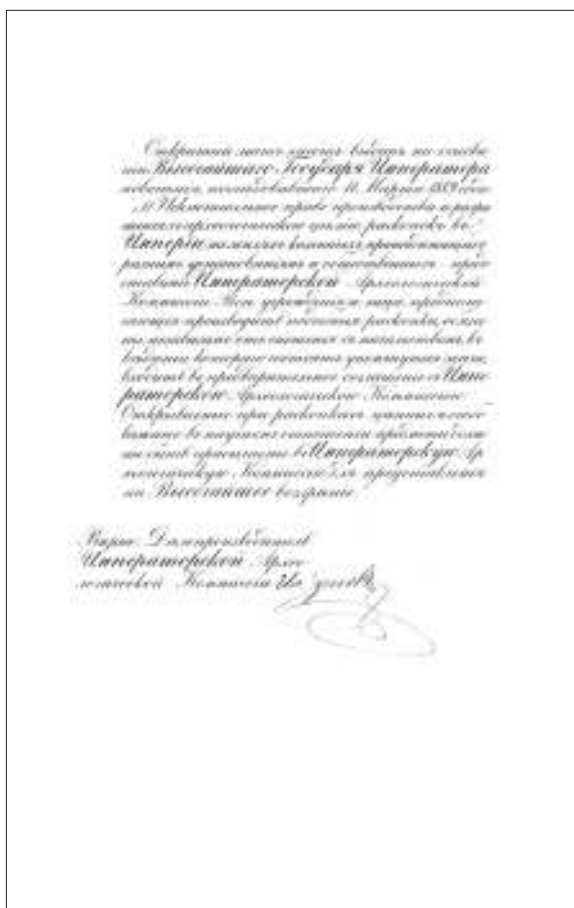
и мрамора мрамора мрамора
Комиссия мрамора мрамора
и мрамора мрамора мрамора
и мрамора мрамора мрамора
и мрамора мрамора мрамора
и мрамора мрамора мрамора
и мрамора мрамора мрамора
и мрамора мрамора мрамора

Иркутск 1 / 38 188 55

Генерал-Адмирал

Смещение мрамора мрамора мрамора
мрамора мрамора мрамора
и мрамора мрамора мрамора

Один из первых Открытых листов по новой форме 1889 г.,
выданный в нетипографском исполнении (1886 г., д. 45, л. 56–56 об.)

А. В. Орешниковым. Здесь была предпринята попытка согласовать принципы распределения археологических находок между двумя главными имперскими музеями (Там же, л. 205–209). Соглашение предусматривало приоритет Эрмитажа в получении предметов, имеющих художественное значение, в том числе памятников отечественной древности, важных для истории искусства. Из числа предметов, поступающих в Эрмитаж, совершенно исключались предметы «каменного периода». При обсуждении судьбы одинаковых или похожих предметов оба музея должны были предоставить веские обоснования для их получения. Эрмитажу также отводился месячный срок на выбор монетных кладов для своих коллекций, с чем впоследствии совершенно не согласился Исторический музей. Во избежание конкуренции в приобретении коллекций и «набивания» цены со стороны продавца предполагалось, что определение стоимости вещей поручается ИАК. Право на издание находок в течение пяти лет сохранялось за исследователем, и если кто-либо желал опубликовать вещи ранее этого срока, он должен был обращаться в Комиссию. На совещании прозвучало предложение об увеличении средств ИАК, выделяемых на приобретение кладов и археологических находок. Однако 28 февраля 1891 г. в Комиссию было отправлено письмо И. Е. Забелина, выступавшего против «разбазаривания» курганных

5 об. 1896 г.

15

1896 г.

ДНЕВНИКЪ РАСКОПОКЪ
произведенныхъ *Д. М. Фокинымъ*

Указатель къ дневнику.

Место раскопокъ: <i>губерія, уездъ, именно, селеніе.</i>	Стр.
<i>Земля гр. Лерома, владѣніе Гусакотельскаго кургана.</i>	

Нѣкоторыя указанія для пользующихся дневникомъ.

1. Сохранившіеся кости скелета отмѣчаются на рисункѣ помощью палочки.
2. Иное положеніе конечностей костяка обозначается соответственной перерисовкой.
3. На костикѣ зарисовывается положеніе найденныхъ при немъ вещей. Детали зарисовываются отдѣльно.
4. Стѣчатая слѣжа выкачивается для нанесенія на нее профиля кургана (а также и миски), кругъ — для зарисовки погребенія по горизонтальному разсѣду кургана.
5. Удобѣе въ каждой новой группѣ кургановъ и въ каждой новой мискильницкѣ вести отдѣльную нумерацію погребеній.
6. На свободной страницѣ между рисунками костяковъ описывается величій видъ кургана, его внутреннее устройство, особенности погребенія; здѣсь-же помещаются дополнителныя рисунки.
7. На приложенныхъ въ концѣ дневника страницѣхъ наносится: планъ мѣстности и планъ мискильницкы, а также всякаго рода дополнителныя свидѣнія, рисунки и чертежи. Здѣсь-же помещаются свидѣнія о древностяхъ, собранныхъ попутно во время раскопокъ и пр.

4

Мѣсто нахождения кости для кургана: *в 7 верстахъ отъ гр. Лерома, между с. Гусакотельскаго и Леромскаго кургановъ*

Высота кургана . . .	6 м. 6 д.
Диаметръ кургана . . .	29
Объемъ кургана . . .	276
По ширинѣ кургана . . .	108
Длина кости . . .	
Ширина кости . . .	
Глубина кости . . .	
Длина кости . . .	
Направленіе кости . . .	
Костный остатокъ . . .	0

100 г. 100 см.

Форма дневника раскопок некрополя (1896 г., д. 62, л. 15, 15 об., 17 об.)

Удостоверение на бланке с печатью
Императорской Археологической Комиссии
(1865 г., д. 24, л. 212)

Бланк обращения ИАК
в Императорскую Академию художеств
(1901 г., д. 102, л. 10)

коллекций, претендовавшего на приоритетное право в получении Историческим музеем предметов русской старины и выступавшего против некоторых эрмитажных привилегий (Там же, л. 235). В результате в связи с позицией Исторического музея соглашение никогда не было утверждено, а «единая общероссийская ФЗК» так и не была создана (Там же, л. 243 об.).

XIII

Определенные изменения происходили и в деле реставрации памятников монументального зодчества. 31 октября 1890 г. министром Двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым были утверждены «Правила о порядке рассмотрения Археологической Комиссией и Академией художеств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников», которые всю работу по сбору заявок, рассмотрению проектов реставрации и ремонтов памятников архитектуры возлагали на Комиссию, оставив представителям Академии художеств только права экспертов. Похоже, что такое «разделение труда» стало возможным потому, что председатель Комиссии граф А. А. Бобринской одновременно с 10 декабря 1889 г. по 20 декабря 1890 г. являлся вице-президентом Академии художеств. Рапорт

об утверждении «порядка рассмотрения реставрационных дел в виде служебной инструкции в связи с постановлением 1 марта 1889 г.» А. А. Бобринской подает в министерство еще 30 октября. Правила включали в себя всего 6 пунктов:

1. Каждый раз, когда в Археологическую Комиссию поступит ходатайство о восстановлении древнего монументального памятника или о капитальном ремонте его, сопряженном с изменением внешних и внутренних частей его, Комиссия прежде всего озабочивается представлением ей со стороны ведомства, вносящего такое предложение, тщательно выработанного проекта реставрации и капитального ремонта с необходимыми при этом рисунками и соображениями.

2. По получении проекта Археологическая Комиссия обращается в Совет Императорской Академии художеств с просьбой командировать от себя специалистов для обсуждения проекта совместно с Археологической Комиссией и с делегатом того ведомства, которое ходатайствует о реставрации.

3. По усмотрению Археологической Комиссии в заседания, в которых будет обсуждаться проект, могут быть приглашаемы и другие компетентные лица.

4. По окончательном рассмотрении и утверждении проекта реставрации он препровождается к выполнению в надлежащее ведомство, которое уже и принимает на себя составление сметы, приискание денежных средств и обязанность следить за точным выполнением работ согласно утвержденному проекту.

5. Для осмотра произведенных работ может быть командировано особое специальное лицо со стороны Археологической Комиссии или Императорской Академии художеств.

6. Все чертежи и рисунки по выполненной реставрации сдаются в архив Археологической Комиссии (1882 г., д. 31, л. 170–173).

Появлению этих правил до определенной степени способствовали организационные проблемы реставрации Спасского собора Мирожского монастыря во Пскове и Преображенского собора в Переславле, начавшиеся еще в 1886 г. и выявившие необходимость четкой процедуры рассмотрения реставрационных вопросов и распределения полномочий и ответственности среди участников дела (*подробнее смотри главу XIII*).

В дальнейшем можно отметить неоднократные попытки оспорить заведенный порядок обсуждения реставрационных проектов. Так, в рапорте А. А. Бобринского в Министерство Двора от 22 ноября 1894 г. было отмечено, что, несмотря на уже утвержденные правила рассмотрения дел по реставрации, Собрание Академии художеств вознамерилось изменить «означенный прочно установившийся и вполне рациональный порядок» со ссылкой на свой временный устав 1893 г., расширивший права Собрания, и пожелало «принять реставрационное дело в свое собственное ведение». Собрание Академии посчитало, что установленный порядок не учитывает мнения всех ее членов, что приводит к ущемлению академических прав. В частности, было предложено составить особую Комиссию из числа членов Собрания Академии, куда члены ИАК будут приглашаться с правом голоса (Там же, л. 224–225 об.). Впрочем, академическая инициатива не получила развития.

Организация порядка и процедуры рассмотрения дел о ремонте и реставрации древних памятников монументального зодчества была новой обязанностью для ИАК и отнимала много времени и сил председателя Комиссии. С учетом борьбы за научный контроль и соблюдение законодательства об археологических исследованиях это была настоящая «война на два фронта». Одной из главных проблем было отсутствие в ИАК собственного специалиста-архитектора, должность которого не была предусмотрена ее штатным расписанием. «Высочайшее повеление» 11 марта 1889 г. лишь на несколько лет опередило

кончину Ф. Г. Солнцева в 1892 г., который в течение 30 лет исправно получал жалование по линии Кабинета его императорского величества, совершенно не участвуя в деятельности ИАК. В начале 1893 г. граф А. А. Бобринской обращается в министерство, ходатайствуя о передаче денежного содержания Ф. Г. Солнцева иному специалисту, который бы отвечал в Комиссии за реставрационную деятельность. Однако содержание Ф. Г. Солнцева из сумм Кабинета носило персональный и исключительный характер, вследствие чего оно и не могло быть передано другому лицу. 29 мая 1893 г. председатель Комиссии просит назначить нового члена ИАК — архитектора, но 9 июня ему было сообщено, что министр не признал возможным причислять к Комиссии особого специалиста по рассмотрению проектов реставрации (1893 г., д. 81, л. 1–5).

10 марта 1894 г. Бобринской вновь обращается с рапортом в Министерство Двора (1882 г., д. 31, л. 203–207). Указывая на увеличение обязанностей Комиссии после 11 марта 1889 г., особенно в такой новой для нее области, как реставрация, он указывает на недостаточность ее нынешнего кадрового состава. Далее он описывает сложившуюся к тому времени ситуацию. В силу нового закона Комиссия превратилась в «центральное учреждение, в руках которого сосредоточилось наблюдение за сохранением отечественных древностей и обязанность добывать их для наших государственных и общественных музеев». Это способствовало превращению Комиссии в административный и научный центр, где бы можно было получить информацию обо всех древностях, что в свою очередь потребовало обогащения библиотеки и архива рисунков, карт и фотографий. Вменение в обязанности ИАК вопросов реставрации было подтверждено и новым временным уставом Императорской Академии художеств 1893 г. 11 апреля 1893 г. вторично состоялось выражение высочайшей воли в виде резолюции императора Александра III, сообщенной ИАК министром Двора.

Однако, по мнению А. А. Бобринского, члены Комиссии, подавленные количеством бумаг, оказались не в силах не то что исполнять научную миссию, но даже выполнять требуемое правилами Контроля министерства ведение материальной отчетности. По этому поводу председатель предлагал следующие меры: не вводить в штат ИАК двух новых членов, поскольку в это время планировалось сокращение штатов учреждений Министерства Двора, а лишь прикомандировать их к Комиссии с правами государственной службы и окладом 1200 руб. в год для текущих ученых работ, но в связи с увеличением организационных обязанностей Комиссии учредить должность ученого секретаря для текущей переписки научного характера, а на долю делопроизводителя оставить лишь административно-хозяйственные вопросы. При этом предполагалось увеличить сумму на найм писцов. Для решения реставрационных вопросов А. А. Бобринской предлагал прикомандировать к ИАК члена Академии художеств без дополнительных ассигнований, поскольку предложение о прикомандировании к Комиссии особого архитектора для заключений по проектам с назначением ему бывшего оклада Ф. Г. Солнцева было в свое время отклонено. Осуществление этих проектов могло оказаться реальным с финансовой точки зрения, ибо с утверждением 21 апреля 1894 г. нового положения о Совете при Министерстве императорского Двора стало возможным выплачивать разного рода пособия по этому ведомству. Этот рапорт был оставлен министром без ответа.

Изначально предусмотренная коллегиальность обсуждения реставраций находила свое выражение в процедуре «временных» комиссий по рассмотрению проектов отдельных храмов, высочайше порученных ИАК и Академии художеств. Так, 18 апреля 1888 г. была создана межведомственная «Комиссия по реставрации Георгиевского собора в городе Юрьеве-Польском, Спасского собора в Мирожском монастыре в городе Пскове и двух часовен

близ города Переславля-Залесского». Несмотря на то что инициатива ее создания принадлежала именно А. А. Бобринскому, начиная с 1889 г. дело реставрации этих памятников окончательно перешло к Академии художеств, что зачастую ставило ИАК в сложное положение в ее отношениях с местными властями и общественностью (*подробнее смотри главу XIII*).

Однако уже к середине 1890-х гг. практика «временных комиссий» полностью исчерпала себя, продемонстрировав свою несостоятельность. Необходимо было создать более стабильный орган для обсуждения проектов. Начиная с 1894 г. в Археологической Комиссии на специальных заседаниях началось «рассмотрение ходатайств о восстановлении, ремонте, сохранении и упразднении древних церквей». Состав реставрационных заседаний не ограничивался приглашенными специалистами: архитекторами и инженерами, на всех заседаниях непременно присутствовали археологи — члены ИАК. В первые годы работы реставрационных заседаний в протоколах Комиссии чаще всего в составе участников собраний фигурируют имена А. А. Бобринского, В. Г. Тизенгаузена, Н. И. Веселовского, В. Г. Дружинина (1888 г., д. 71).

В 1894 г. в Комиссию поступило 12 проектов (ОИАК за 1894 г. 1896: 51–76). Первыми, кто обратился в ИАК с просьбой согласовать реставрацию храма, были черниговский архиепрей, пожелавший произвести ремонт своей домово́й церкви, и причт Преображенского собора в Переяславле (1889 г., д. 68; д. 73). Если первый случай был продиктован исполнительностью местной консистории, то второй, впрочем, был вызван затянувшимся конфликтом местного духовенства с МАО. В 1895 г. таких проектов было уже 15, в 1896 г. — 17 (ОИАК за 1896 г. 1898: 144–145), в 1897 г. было 24 ходатайства (ОИАК за 1897 г. 1900: 85–86). С этого времени их число стабилизировалось, но в 1903 г. резко подскочило до 39 (ОИАК за 1903 г. 1906: 181–183). В 1905 г. ИАК рассматривала уже 48 проектов (ОИАК за 1905 г. 1908). Если в 1898 г. дела ИАК, связанные с вопросами церковной старины, занимали чуть более 4 %, то в 1916 г. это количество поднялось до 30 % (*подробнее смотри главу XIII*). Основные категории дел, приходящих в ИАК, касались создания нового иконостаса, разборки ветхого храма, присылки архитекторов для составления сметы и проекта на ремонт церкви. Корреспонденция приходила в основном на бланках духовных консисторий, в редких случаях в Комиссию обращался церковный причт, еще реже — при необходимости ускорить дело — сам епархиальный архиепрей.

Изначально академиком архитектуры, которому в конце 1880–начале 1890-х гг. ИАК охотно поручала от своего имени вести дела по реставрации древних памятников, был Владимир Васильевич Суслов (Сулова 1959: 191–219; Лисовский 1971; Сулова, Славина 1978; Сулова 1993: 208–215; Бонитенко 2000: 146–163). В 1892 г. он был избран делегатом от Императорской Археологической Комиссии на первый Съезд русских зодчих (1888, д. 71, л. 123 об.), который состоялся 9–16 декабря 1892 г., где предложил «примкнуть к задачам Парижского конгресса по охранению древних памятников искусства; чтобы реставрация древних русских памятников зодчества предоставлялась, с разрешения известных археологических обществ, архитекторам; составлять краткую историю русского искусства» с последующим включением такого курса в образовательную программу учебных заведений» (1892 г., д. 181, л. 8 об.).

Впрочем, сотрудничество ИАК с В. В. Суловым не было ни долгим, ни продуктивным, что связано с его неоднозначной ролью в исследовании и реставрации Спасского собора Мирожского монастыря во Пскове (1889–1890), собора в Переславле-Залесском (1892–1893) и Софийского собора в Новгороде (1893–1900). Известно, что после завершения X Археологического съезда в Риге в 1896 г. Совет съезда через МАО направил в ИАК ряд предложений (1893 г.,

д. 199, л. 10–10 об.). В частности, Комиссии предлагалось принять меры «против варварства» при реставрации Новгородского Софийского собора. Поводом для этого стало прозвучавшее на съезде сообщение В. В. Сулова о том, что «важные памятники древности частью пострадали, частью совершенно уничтожены».

27 января 1897 г. на имя графини П. С. Уваровой последовал ответ А. А. Бобринского, где граф писал: «Что касается до некоторых „важных“ памятников древности в Новгородском Софийском соборе, которые, по мнению Рижского археологического съезда, пострадали и уничтожены, то Археологическая Комиссия полагала бы желательным выяснить, какие именно важные памятники имелись в виду. Если же дело касается некоторых, выцарапанных на стене надписей, покрытых штукатуркой при работах академика Сулова, то этот вопрос может вполне выясниться лишь при ближайшей обработке найденных надписей, труд, который взял на себя доцент С. Петербургского университета И. А. Шляпкин. Тогда выяснится также, должна ли Комиссия сожалеть о том, что лица, которым она доверила

Владимир Васильевич Сулов
(Вздорнов 1989: Ил. 29)

Сулов Владимир Васильевич

(1857–1921) — архитектор-реставратор, археолог, исследователь и пропагандист древней русской архитектуры, один из инициаторов охраны памятников истории и культуры в России. Родился в Москве в семье иконописца. В 1878 г. окончил курс в Московском училище живописи, ваяния и зодчества с малой серебряной медалью и поступил в Академию художеств. В 1883 г. был выпущен со званием классного художника 1 ст. По поручению Академии художеств исследовал памятники древнерусской архитектуры. Посетил побережья Белого моря, Мурманский берег, Северную Двину, Онегу, Сухону и другие более населенные места Архангельской, Олонецкой и Вологодской губерний, а также Швецию. Изучая памятники каменного зодчества ежегодно предпринимал поездки по России и за границу: Германию, Францию и Италию. В 1886 г. удостоен звания академика. Занимался сбором древних церковных предметов, внес вклад в церковную археологию. Собранный обширный материал о древнерусской архитектуре, состоящий из чертежей и рисунков, ежегодно представлялся на Академических выставках, на заседаниях разных ученых и технических обществ, на архитектурных и археологических. В 1889–1891 гг. реставрировал

Преображенский собор (XII в.) и часовню Иоанна Грозного в Переяславле-Залесском и собор Мирожского монастыря во Пскове, в 1893–1900 гг. — новгородский Софийский собор. В конце 1880-х–начале 1890-х гг. сотрудничал с ИАК по вопросам реставрации архитектурных памятников.

Осн. соч.: Путевые заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888; Материалы к истории древней новгородско-псковской архитектуры. СПб., 1888; Очерки по истории древнерусского зодчества. СПб., 1889; Памятники древнего русского зодчества. СПб., 1895–1901. Вып. 1–7.

Лит. о нем: Академик архитектуры Владимир Васильевич Сулов (1857–1921). Чертежи, акварели, проекты реставрации... Акт осмотра московских памятников искусства и старины. Ноябрь 1917 г. // Известия ИАК. СПб., 1918; (Академик архитектуры Владимир Васильевич Сулов (1857–1921). Чертежи, акварели, проекты реставрации, архитектурные фантазии: Каталог выставки. Л., 1971; Сулова А. В., Славина Т. А. Владимир Сулов. Л., 1978; Лисовский В. Г. Владимир Васильевич Сулов (каталог выставки). Л., 1971.

дело, не оправдали ее доверия» (Там же, л. 12). Впрочем, как будет показано ниже, не все члены Комиссии были согласны с такой оценкой его работы.

Как следует из воспоминаний В. В. Сулова, он надеялся впоследствии стать штатным архитектором Комиссии (Бонитенко 2000: 153). Однако упоминавшиеся проблемы привели к тому, что при формировании нового штата ИАК в 1902 г. Комиссия сделала ставку на привлечение к своим работам более молодого поколения исследователей и назначила на это место архитектора П. П. Покрышкина (об этом ниже). Видимо, В. В. Сулов был глубоко обижен этим обстоятельством, и с 1902 г. период его активного сотрудничества с ИАК практически завершился.

Все это время А. А. Бобринской постоянно искал возможности усилить «реставрационный потенциал» Комиссии. Так, в рапорте от 17 апреля 1898 г. на имя министра Двора (1882 г., д. 31, л. 236–236 об.), в связи с созданием при Кабинете его императорского величества особого Техническо-строительного комитета, председатель ИАК предлагал вменить в обязанность его членам помощь Комиссии в обсуждении проектов реставрации и капитального ремонта памятников и об осмотре памятников на месте. Он обещал, что о заседаниях по обсуждениям проектов члены комитета будут оповещаться заблаговременно. Похоже, что это начинание также не получило развития.

Здесь же А. А. Бобринской отмечал, что в свое время министерство ограничилось назначением в распоряжение Комиссии 500 руб. на командировки частных лиц по вопросам реставрации. Поскольку ходатайство о назначении еще одного штатного члена ИАК не было поддержано, то с разрешения министра к этому времени в члены-корреспонденты Комиссии были назначены член Техническо-строительного комитета МВД профессор Института гражданских инженеров Иероним Севастианович Китнер и член совета Академии художеств Григорий Иванович Котов, а также в качестве сверхштатного члена — директор Института гражданских инженеров Николай Владимирович Султанов

Китнер Иероним Севастианович

(1839–1929) — архитектор. Образование получил в Санкт-Петербургском строительном училище. Представлял рационалистическое направление в русской архитектуре второй половины XIX в., использовал выразительные возможности «ковровой» кирпичной кладки. Автор ряда выдающихся зданий с применением металлических конструкций в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Участвовал в создании дворца великого князя Владимира Александровича на Дворцовой набережной. Автор проектов зданий ряда учебных заведений, в том числе Института гражданских инженеров. Академик архитектуры (1868). С того же года преподаватель Института гражданских инженеров. С января 1895 г. — член-корреспондент ИАК. Звание получил за сотрудничество при рассмотрении проектов реставрации древних зданий. В 1909–1917 гг. — председатель Петербургского общества архитекторов. Скончался в Германии, в Лейпциге.

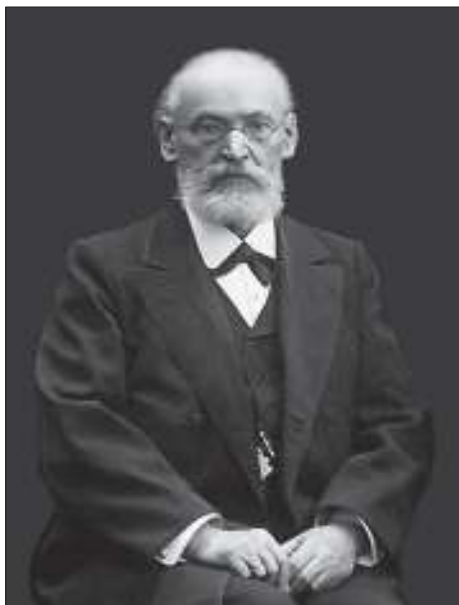
Лит. о нем: Барановский Г. В. Юбилейный сборник сведений о деятельности бывших воспитанников Института гражданских инженеров (Строительного училища). 1842–1892. СПб., 1893. С. 149–153; Китнер Ю. И. Архитектор И. С. Китнер // Архитектурное наследство. 1976. Вып. 25.

Иероним Севастианович Китнер

с безвозмездным исполнением обязанностей (Памяти Н. В. Султанова, 1909: 1–4; Савельев 2003а: 194–212; 2003б: 37). Последний, впрочем, уже с середины 1880-х гг., параллельно с В. В. Суловым, по поручению Комиссии участвовал в натурных осмотрах памятников и составлении и экспертизе проектов реставрации, в частности дворца царевича Димитрия в Угличе, Мирожского собора во Пскове, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и др. В 1899 г. Н. В. Султанов представлял интересы ИАК на III Съезде русских зодчих (1899 г., д. 199, л. 5). В своем выступлении он обратил внимание на несовершенство законодательства по охране памятников старины и призвал к его пересмотру. Н. В. Султанов один из первых понял значимость систематизации и обобщения научного материала, который накапливался в процессе обсуждения вопросов ремонта и восстановления архитектурных памятников на реставрационных заседаниях ИАК, по его инициативе в значительной степени началось издание печатных протоколов заседаний в специальной серии «Известий» Императорской Археологической Комиссии.

Только с утверждением новых штатов Комиссии 6 декабря 1902 г. стало возможным привлечение к ее работе специалиста-архитектора на постоянной основе. Им стал сверхштатный лектор по начертательной геометрии при Высшем Художественном училище Петр Петрович Покрышкин. Очевидно, между ним и А. А. Бобринским имели место ранее состоявшиеся договоренности: в связи с утверждением новых штатов ИАК напоминала П. П. Покрышкину, что ему следует до 16 декабря 1902 г. подать рапорт о зачислении на службу (1902 г., д. 271, л. 2). Действительно, начиная с 1895 г. П. П. Покрышкин принимал участие в экспедициях, организованных Императорской Археологической Комиссией и другими учреждениями, и проводил самостоятельные обследования архитектурных памятников в различных городах Российской империи и за рубежом. В 1895–1896 гг. и в 1898–1900 гг. он участвовал в работах специальной историко-архитектурной экспедиции под руководством Н. И. Веселовского, занимавшейся обследованием, архитектурными обмерами и фотофиксацией мечетей и мавзолеев в Средней Азии.

Григорий Иванович Котов

Котов Григорий Иванович

(23.07.1859–10.03.1942) — архитектор, реставратор. Образование получил в Московском училище живописи, ваяния и зодчества и в Академии художеств. Академик архитектуры (1887). Профессор Академии художеств, директор Петербургского училища технического рисования барона Штиглица. С января 1895 г. — член-корреспондент ИАК, с сентября 1918 г. — член Совета РГАК. Член-корреспондент ИМАО с 1902 г. Главные работы: русская церковь в Вене, реставрация собора во Владимире-Волыньском, военно-морской павильон на Нижегородской выставке, здание Московской городской думы (совместно с М. Т. Преображенским). Член Ученого комитета по техническому и профессиональному образованию при Министерстве народного просвещения, ряда других комитетов и комиссий, в том числе комиссии по исследованию Новгородского Софийского собора. Реставрировал церковь Спаса на Берестове.

Осн. соч.: Очертание арок во Владимиро-Суздальском зодчестве XII века // Сообщения ГАИМК. 1929. Т. 2. С. 450–474.

Лит. о нем: ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М., 1915. Т. 2. С. 12.

Со второй половины 1900-х гг. к осмотру, исследованиям и реставрации памятников церковного зодчества, по инициативе П. П. Покрышкина, Комиссия стала привлекать Константина Константиновича Романова, избранного в 1910 г. членом-корреспондентом ИАК (Медведева 2005: 291–301). Еще ранее, 1 октября 1909 г., в связи с архитектурными раскопками на усадьбе Десятинной церкви в Киеве и предстоящими реставрационными работами в Ипатьевском монастыре в Костроме на должность канцелярского чиновником XII класса в ИАК был назначен архитектор художник Дмитрий Васильевич Милеев (1909 г., д. 203). В то же время сложилась процедура «больших» и «малых» реставрационных заседаний. Первые предусматривали расширенный состав присутствовавших за счет представителей Академии художеств, Синода, МВД и соответствующих ведомств. Однако такие встречи были возможны только во внеканцелярское время, и поэтому до трети реставрационных вопросов рассматривалось на «малых заседаниях», где были преимущественно представлены лишь члены ИАК.

Одной из главных проблем ИАК в области контроля над реставрацией и ремонтом памятников древнего зодчества было выстраивание правильных отношений со Святейшим Синодом, епархиальными архиереями и духовными консисториями. Для А. А. Бобринского охрана памятников церковной старины и взаимоотношения с «ведомством православного исповедания» с самого начала стали приоритетом в его деятельности по спасению

Султанов Николай Владимирович

(9.02.1850–15.09.1908) — архитектор, историк архитектуры, реставратор. В 1873 г. окончил Строительное училище со званием гражданского инженера. Служил в Технико-строительном комитете МВД (с 1903 г. его председатель). С 1873 г. одновременно преподавал историю архитектуры в Институте гражданских инженеров (с 1896 г. профессор этого института, а с 1895 по 1903 г. его директор) и Технологическом институте, историю искусств — в Петербургском Археологическом институте. Академик архитектуры (1905), почетный член Археологического института (1882), действительный член (1893) и член совета Академии художеств. С 1897 г. сверхштатный член ИАК. Автор трудов по истории русского зодчества, архитектуры Древнего мира, теории архитектурных форм. Много ездил по древним русским городам, изучал и реставрировал памятники русского зодчества (Москва и Подмосковье, Нижний Новгород, Владимир, Углич, Ростов Великий, Мариенбад). Главное творение — придворный Петропавловский собор в Петергофе. Умер и похоронен в Висбадене (Германия).

Осн. соч.: История архитектуры. Курс лекций с атласами чертежей: В 2 т. СПб., 1879; Образцы древнерусского зодчества в миниатюрных изображениях. СПб., 1881; Изразцы в древнерусском искусстве. СПб., 1885; Памятники зодчества у народов древнего и нового мира. СПб., 1895; История архитектурных форм. СПб., 1902.

Лит. о нем: Красовский М. Памяти Николая Владимировича Султанова // Зодчий. 1908. № 37. С. 343–346; Шереметев С. Николай Владимирович Султанов. М., 1908; Нащокина М. В. Николай Султанов (1850–1980) // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 1. СПб., 1993. С. 119–127; Савельев Ю. Р. 1) Петербургский и московский зодчий Н. В. Султанов // Петербургские чтения–97. СПб., 1997. С. 327–331; 2) Николай Султанов (Архитекторы Санкт-Петербурга). СПб., 2003.

Николай Владимирович Султанов

российской культуры. Впоследствии один из его сыновей вспоминал: «Часто отец ездил в другие места России, где были старинные храмы и монастыри. Приходилось иметь дело с духовенством, разные епископы и архиереи иногда не допускали археологов в ризницы своих церквей и противились реставрации икон и самих зданий, в каком бы плохом виде ни находились эти здания. Мой отец нашел выход из затруднений этого порядка, испрашивая благословения епископа на создание при его епархии „Архивных комиссий”, причем сам епископ становился покровителем и почетным председателем. Таких „ученых архивных комиссий” мой отец создавал много в разных городах. Ученой архивной комиссии было трудно отказать в просмотре старинных Евангелий и других древностей, находившихся в ведении данного епископа...» (Бобринский 2003: 491). Воспоминания, написанные не ранее конца 1950-х гг., явно смешивают архивные комиссии и церковно-археологические общества. Стоит отметить, что к созданию как тех, так и других председатель Комиссии непосредственного отношения не имел. Однако строки воспоминаний хорошо описывают непростую ситуацию взаимоотношений церкви и культуры в конце XIX в., которая мало чем отличается от ситуации начала XXI в.

Петр Петрович Покрышкин
(ФА, О. 1638/24)

Покрышкин Петр Петрович

(22.07.1870–18.02.1922) — архитектор, историк древнерусского зодчества и живописи, реставратор, активный деятель охраны памятников. Выпускник Академии художеств (1895), позднее — ее преподаватель, академик архитектуры. Член ИАК (1902), зав. отделом монументального зодчества РГАК (1918–1919). Заведующий Археологическим подотделом Совета коллегии по делам музеев в Петрограде (1918). Член РАИМК (1919–1921). В 1919 г. вступил в резкий конфликт с московскими искусствоведами школы И. Э. Грабаря, стремившимися в ходе реставрации выявить, в первую очередь, древнейшие формы памятников искусства Древней Руси, пренебрегая позднейшими наслоениями. По его предложению в Петрограде создана лаборатория по разработке новых, щадящих методов реставрации иконописи. В самой РАИМК широкие планы П. П. Покрышкина не получили поддержки. В результате обозначился конфликт с коллегами, не сочувствовавшими его стремлению сделать Археологический подотдел Коллегии по делам музеев самостоятельным органом, ответственным за охрану и реставрацию памятников. В июле 1920 г. получил отпуск по болезни. В январе 1921 г. прислал письменный отказ от званий члена РАИМК

и академика архитектуры. Принял священный сан и в феврале 1922 г. скончался в сани протоиерея Тихонова монастыря г. Лукоянова Нижегородской губернии, заразившись при посещении больных в сыпнотифозных бараках.

Осн. соч.: Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 16. С. 120–123; Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903–1904 гг. СПб., 1906; Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства // Известия ИАК. Пг., 1915. Вып. 57. С. 178–190.

Лит. о нем: Сычев Н. П. Некролог П. П. Покрышкина // РА ИИМК РАН, ф. 21, д. 1616; Медникова Е. Ю. Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской археологической комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН // АВ. 1995. № 4. С. 302–311; Медведева М. В. Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников: (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. 2004. № 11. С. 379–387.

Определение Синода 10 октября–16 ноября 1890 г. лишь подтверждало Указ № 2236 от 20 декабря 1878/9–января 1879 г. о необходимости санкции Синода и согласия одного из археологических обществ на реставрацию памятников старины. Прошло более года со времени повеления 11 марта 1889 г., но о нем ни словом не упоминается в синодальном определении. Это представляется тем более странным, что еще в «эпоху Васильчикова» циркуляр обер-прокурора Синода 5/26 июля 1884 г. за № 3192 предписывал епархиальным пресвященным входить в сношения с ИАК по вопросам реставрации памятников старины. 4 ноября 1893 г. граф А. А. Бобринской был вынужден писать в Синод, дабы тот издал распоряжение по духовному ведомству об исполнении этого высочайшего повеления и об обязательности обращения в ИАК. Синод оправдывал свою медлительность тем, что ему, в отличие от Сената, это повеление так и не было доложено.

Наконец в 1897 г. Синод все же был вынужден напомнить духовному ведомству распоряжение обер-прокурора о представлении в ИАК проектов реставрации храмов, что надлежало делать до конца января наступавшего года. Но уже 20 января 1898 г. А. А. Бобринской пишет в Министерство Двора рапорт о постоянном нарушении императорского указа от 11 марта 1889 г. духовным ведомством, особенно в Москве. При этом граф упоминает имевшее место

Романов Константин Константинович

(28.09.1882–1942) — архитектор, историк древнерусского зодчества, археолог, реставратор. Основные архитектурно-археологические работы посвящены изучению Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и памятниками Псковской земли. Выпускник Академии художеств (1909), слушатель Петербургского Археологического института (1904–1905). Член-корреспондент ИАК с декабря 1910 г. Действительный член РАО (1910). Профессор и декан (1918–1921) Петроградского Археологического института. С 1910 г. участвует в работе Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В 1911–1921 гг. хранитель этнографического отдела Русского музея. В 1911–1918 гг. преподавал в училище Штигилица, был его директором (1917–1918). В 1918–1919 гг. член Коллегии по делам музеев при Наркомпросе, один из организаторов преобразования РГАК в РАИМК. Член РАИМК/ГАИМК, активный деятель охраны памятников. В середине 1930-х гг. отошел от научной работы, читал лекции в ряде вузов Ленинграда — по основам проектирования, по истории архитектуры и т. п. Умер в блокаду. *Осн. соч.:* Остатки каменных стен XVII в. в Тихвинском Богородицко-Успенском монастыре Новгородской губернии // Известия ИАК. СПб., 1909. Вып. 32. С. 141–162; Георгиевский собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке) // Известия ИАК. СПб., 1910. Вып. 36. С. 70–93; Мелетово как источник истории Псковской земли // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 9–10. С. 143–215; Развалины храма римского типа в Баш-Гарни // Известия ГАИМК. Л., 1934. Вып. 100. С. 635–654. *Лит. о нем:* Кузьменко М. А. К. К. Романов об охране памятников г. Пскова и о состоянии Псковского музея в 1934 г. // Псковские хроники. История края в документах и исследованиях. Псков, 2002. Вып. 2. С. 141–143; Медведева М. В. Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания научного архива ИИМК РАН // АВ. 2005. № 12. С. 291–301.

Константин Константинович Романов
(Вздорнов 2006: 28)

изъятие из ведения Императорской Комиссии проектов по реставрации Мирожского монастыря во Пскове и Софийского собора в Новгороде самим обер-прокурором Константином Победоносцевым в 1895 г. (1882 г., д. 31, л. 233) *(подробнее смотри главу XIII)*.

Начинаются бюрократическая чехарда и юридическая неразбериха. Принятый в 1900 г. Строительный устав оказывается исполненным внутренних противоречий. Если статья 78 предписывала проводить реставрацию «монументальных памятников древности» по предварительному соглашению с ИАК и Академией художеств в полном соответствии с указом 11 марта 1889 г., то статья 95, касающаяся поновления древних памятников, основывалась на синодальном распоряжении 1879 г. и предполагала лишь участие археологических обществ. 2 декабря 1901 г. издается новое распоряжение обер-прокурора о точном исполнении повеления 11 марта 1889 г. и Определения Синода. При этом отмечалось, что некоторые консистории, вопреки распоряжению, продолжают согласовывать свои действия с археологическими обществами, что, как это ни парадоксально, соответствовало новому строительному уставу.

20 февраля 1896 г. А. А. Бобринской циркулярно разослал письмо епископату Православной церкви, где спрашивал, не найдут ли те возможным оказать зависящее от них «содействие к присылке в Императорскую Археологическую Комиссию уже изданных описаний церквей и монастырей епархии, а равным образом к доставлению в Комиссию подобных изданий и статей местных епархиальных ведомостей на будущее время по появлению их в свет». Эту присылку изданий он мотивировал необходимостью иметь

Дмитрий Васильевич Милеев

Милеев Дмитрий Васильевич

(22.08.1878–19.07.1914) родился в имении «Хвостиха» Симбирской губернии. В 1898 г. поступил в высшее Художественное училище на архитектурное отделение. Еще учеником был командирован Академией художеств на север для изучения, обмеров и осмотра памятников древнего церковного зодчества. В 1906 г. закончил курс архитектурного отделения, поступил в Петербургский Археологический институт. По окончании института в 1908 г. получил от ИАК поручение произвести археологические раскопки в Киеве сначала в сотрудничестве с Б. В. Фармаковским. Выработал метод вертикальных сечений почвы, предварительного изучения насыпей, зарисовывания, обмеров и фотографирования каждого слоя земли, что стало в дальнейшем нормой полевой методики. По результатам раскопок был сделан блестящий доклад в Императорском Обществе архитекторов-художников. Следующими работами были реставрация Троицкого собора в Ипатьевском Костромском монастыре, деревянной церкви в Чалмужах Олонецкой губернии Повенецкого уезда, здания Костромского Дворянского собрания в стиле ерпиге. Преподавал в школе

Общества поощрения художеств и на Архитектурных курсах Г. Богаевой. Его деятельность была связана и с архитектурной фотографией: он оставил около 6000 негативов большого размера — результаты его поездок по России и цикла его работ.

Осн. соч.: Древние полы в Киевском соборе Святой Софии. СПб., 1911.

Лит. о нем.: Архитектурно-художественный еженедельник. СПб., 1915. № 17; *Елишин Д. Д.* Раскопки Императорской Археологической комиссии в Киеве 1908–1914 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. СПб., 2007. Вып. 4.

исторические справки при рассмотрении проектов реставрации церквей. В результате библиотека ИАК пополнилась рядом брошюр, а архив — несколькими неизданными историческими справками о российских храмах, хотя в нескольких случаях епархиальные преосвященные отправили в Петербург не сами издания, а лишь ссылки на них (1896 г., д. 27, л. 1).

Дополнительная сложность в построении внятных правовых норм церковной реставрации была связана с деятельностью МАО. На основании статьи 4 своего высочайше утвержденного Устава 1864 г. общество имело право профессионального осмотра церквей, что дополнительно подтверждалось синодальным указом 1879 г. (РА, ф. 4, д. 110, л. 182 об.). Оспаривая полномочия ИАК, МАО 3 мая 1894 г. ходатайствовало перед Синодом о подтверждении прежнего порядка ремонта древних храмов. Еще в 1879 г. в рамках общества была создана «Комиссия для осмотра древних церквей». В 1882–1883 гг. она стала именоваться «Комиссией по сохранению древних памятников», в нее входили К. Быковский, И. Забелин, А. Мартынов, Н. Никитин, А. Попов, В. Румянцев и др. 23 апреля 1890 г. для этой Комиссии были утверждены специальные правила. Уже их первый пункт грубо противоречил законным полномочиям ИАК, предоставляя МАО право рассматривать проекты о пристройках, перестройках, возобновлении и разборке памятников архитектуры на предмет предупреждения возможного ущерба произведениям, имеющим археологическое значение. Здесь не было ни слова о региональном характере деятельности москвичей, о чем А. А. Бобринской договаривался с обществами, в том числе и с МАО, еще в апреле 1889 г. С 1891 г. протоколы Комиссии по сохранению древних памятников стали публиковаться в виде отдельного тома «Древностей» — официального издания МАО. Комиссия действительно вела работу огромного масштаба, о которой ИАК со своим ограниченным штатом и финансовыми возможностями не приходилось и мечтать. В 1909 г. на Комиссии рассматривалось 323 дела, посвященных вопросам архитектурных работ, в 1911 г. — 331, в 1912 г. — 477, в 1913 г. — 325, в 1914 г. — 360.

25 ноября 1898 г. А. А. Бобринской подает рапорт министру Двора по поводу вмешательства МАО в реставрацию собора Василия Блаженного в Москве. При этом граф свидетельствует, что нисколько не желает устранения общества от обсуждения и подготовки реставрационных проектов и что общественное содействие весьма желательно и полезно, однако при обязательном соблюдении закона (1882 г., д. 31, л. 233–234 об., 237–238). В результате в дополнение к указу 1889 г. император, как сообщил министр, «соизволил повелеть» «сломку, капитальный ремонт и реставрацию монументальных памятников древности производить по предварительном соглашении с Императорской Археологической Комиссией и по сношению ее с Императорской Академией художеств». Постановления Комиссии по этим вопросам имеют обязательную силу. Новое уточнение существенно расширило права ИАК (Там же, л. 235).

На укрепление позиций ИАК графиня П. С. Уварова вновь отреагировала письмом к императору от 14 декабря 1901 г., содержащим просьбу даровать МАО особые полномочия по реставрации памятников церковной старины, «по крайней мере», в районе Московского учебного округа, поскольку эти вопросы требуют «ближайшего надзора и быстрого рассмотрения дел». 4 января 1902 г. государь ответил обществу через Синод. Суть ответа сводилась к тому, что повеление 11 марта остается в силе, но не служит к ограничению деятельности общества, так как на местах консистории могут запрашивать мнение и отзывы МАО, а в исключительных случаях на заседания ИАК приглашаются и члены общества. Графиня П. С. Уварова поняла ответ государя по-своему и вновь написала

в Синод письмо с просьбой разослать циркуляр о том, что синодальное распоряжение от 2 декабря 1901 г. о правах ИАК не служит к уничтожению силы Указа 1879 г. о правах МАО (Древности 1904: 174).

В феврале 1905 г. последовало очередное распоряжение обер-прокурора о соблюдении указа 11 марта, причиной чему стали безграмотные ремонты в Кирилловском монастыре и в церкви свв. Козьмы и Дамиана во Пскове. Однако 30 октября 1908 г. Московская консистория вновь предписала благочинным производить ремонт древних храмов только с согласия МАО. Борьба московской общественности с петербургской государственностью была неравной. 24 июня 1908 г. МАО обратилось в ИАК с предложением содействия в решении вопросов о ремонте и реставрации. Граф А. А. Бобринской ответил 2 декабря в достаточно уклончивой манере. Комиссия «не преминет просить предварительного заключения» МАО в тех случаях, когда сочтет специалистов общества более компетентными.

24 января 1908 г. ИАК разослала в епархии новый циркуляр по вопросам реставрации памятников старины. Этот шаг был связан, как следует полагать, с инициированным Синодом обсуждением проекта преобразования Комиссии по разбору и описанию Синодального архива в Архивно-археологическую комиссию, состоявшимся 6 марта 1908 г. Проект предполагал, что сама Комиссия и церковно-археологические общества на местах, подконтрольные епископату, будут самоуправно решать вопросы «охранения, описания и реставрирования памятников старины, находящихся в ведении Св. Синода, в чем бы эти памятники ни заключались» (пункт 2.1), вне контроля со стороны ИАК и археологических обществ. Это обеспокоило МАО, и П. С. Уварова в апреле 1908 г. написала озабоченное письмо в ИАК. В ответном письме 13 апреля А. А. Бобринской успокоил графиню тем, что право ведомственного надзора за реставрацией из проекта Устава уже изъято. Действительно, в правилах Комиссии, утвержденных Синодом в мае 1909 г., ее археологический отдел (пункты 9 и 12) решал частные вопросы, связанные с «охранением, описанием и поддержанием» предметов старины, находящихся в духовном ведомстве, а также способствовал изысканию мер и средств к распространению интереса к старине. Правила Архивно-археологической комиссии при Святейшем Синоде и Положение о Церковно-археологических комитетах на местах были приняты 25 апреля–5 мая 1909 г. Синодом, однако так и не были отправлены на высочайшее утверждение и, соответственно, никогда не были введены в действие, а сама центральная комиссия так и не была создана. В результате был издан синодальный Указ 30 ноября 1909 г. по Определению Синода от 28 сентября–2 ноября 1909 г. за № 7788, вновь запрещающий перестраивать и реставрировать древние церкви без согласования с Археологической Комиссией (1903 г., д. 50, л. 347–347 об.). До 1915 г. эти нормы в целом продолжали исполняться, пока Св. Синод, воспользовавшись общим кризисом Российского государства и общества, вызванным Первой мировой войной, не приступил к их ревизии.

XIV

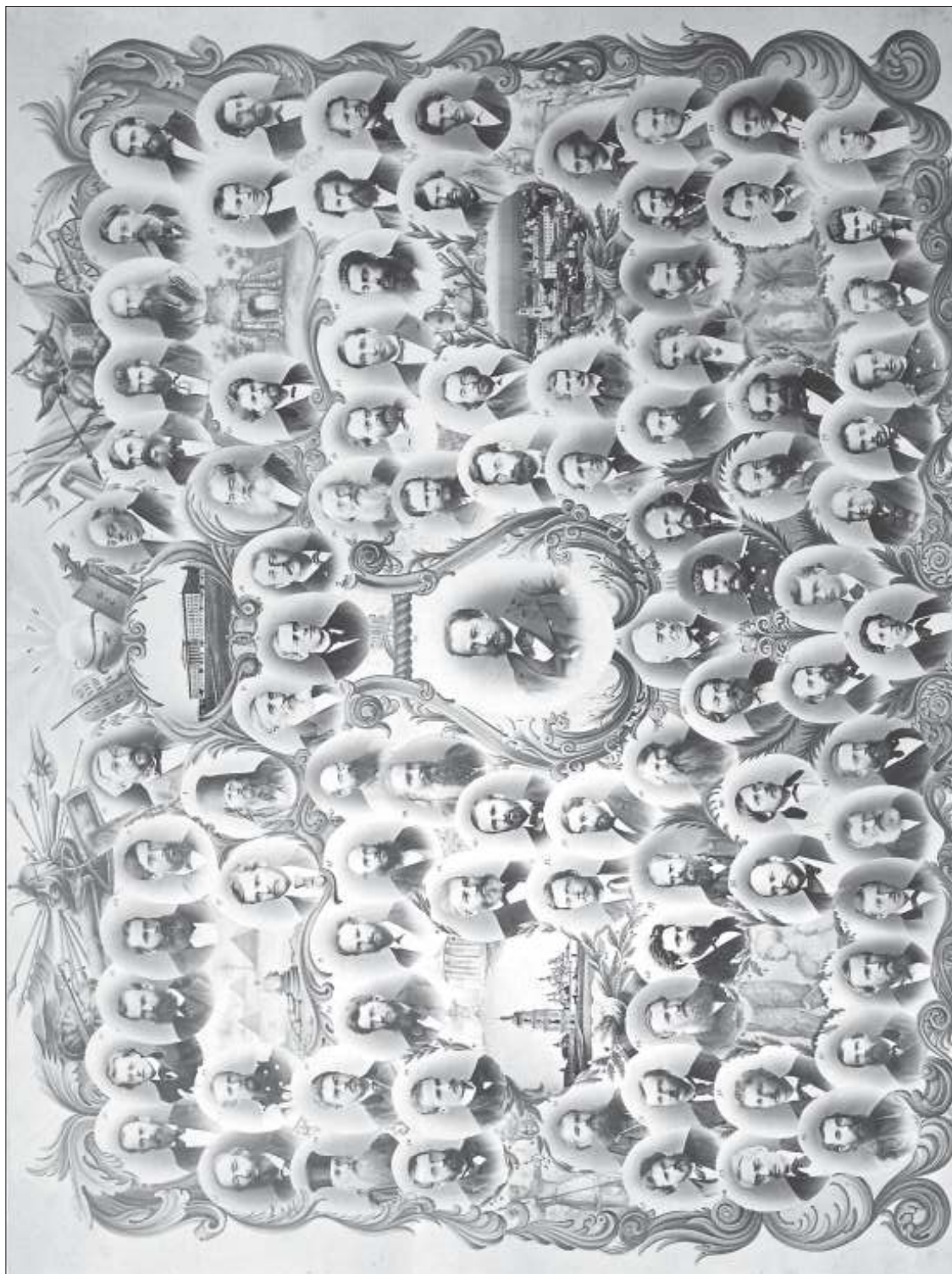
Описанные выше меры положили начало формированию единой централизованной системы археологических исследований, реставрационных работ и охраны памятников в Российской империи, где ключевые позиции принадлежали ИАК, стремившейся координировать такого рода деятельность и прилагавшей усилия для создания единой процедуры. К сожалению, не все крупные деятели отечественной археологии того времени понимали своевременность и необходимость подобных мер. Здесь сказывались личностные и ведомственные амбиции, конкуренция между различными организациями в борьбе за лидерство. Так графиня П. С. Уварова, возглавившая после смерти мужа Московское археологическое

общество, на страницах своих мемуаров представляла дело следующим образом: «Петербург заволновался, всполошился и стал хлопотать, чтобы дело сохранения было распространено и на Археологическую комиссию, чего Петербург и достиг... общерусский интерес уступил петербургским проискам и притязаниям» (Уварова 2005: 194–195). Несмотря на ясный смысл повеления 1889 г., МАО, постоянно получая субсидия как непосредственно от государя, так и от Правительства, спекулируя этим фактом, продолжало вести археологические исследования, игнорируя Комиссию. 8 января 1894 г. А. А. Бобринской был вынужден писать министру Двора и ходатайствовать о подтверждении необходимости обращения в Комиссию. 25 августа министр предписал Кабинету его императорского величества, что тот должен напоминать обществам при получении субсидий, что исследования все равно могут проводиться только по разрешению ИАК. Впрочем, 16 февраля 1895 г. председатель ИАК вновь жалуется в Канцелярию министерства на МАО, игнорирующее права ИАК под предлогом производства раскопок за счет «Высочайше дарованных средств» (1887 г., д. 69, л. 286).

Отношение к Археологическим съездам со стороны ИАК в «эпоху Бобринского» практически не изменилось, хотя, похоже, в начале своего председательства А. А. Бобринской рассчитывал установить рабочие отношения с этим научным форумом. 24 апреля 1887 г. ИАК намеревалась отправить депутатами на VII Археологический съезд — первый в «эпоху Бобринского» — самого председателя Комиссии, Н. П. Кондакова и И. И. Толстого. Такая представительная компания собиралась посетить детище МАО впервые, ибо еще в 1885 г. А. А. Васильчиков предполагал обойтись лишь одним Н. П. Кондаковым (1885 г., д. 61, л. 7, 8). На открытие VIII Съезда в Москве в январе 1890 г. А. А. Бобринской также отправился лично (1887 г., д. 66, л. 3).

После посещения XI Археологического съезда в 1899 г. в Киеве он оставил следующие записи: «Впечатления, вынесенные мною из съезда, были самые неудовлетворительные. Научное отношение к делу было вытеснено дилетантизмом, популярничанием, дешевым блеском поверхностных знаний, что, впрочем, и неудивительно, если принять во внимание состав съезда. Членом съезда имеет право быть всякое лицо, уплатившее 4 руб. за билет. В результате — на несколько сот членов съезда можно было насчитать не более двух десятков археологов — все остальные случайные любители и любительницы. Понятно, что от подобных собраний нельзя ожидать серьезных постановлений. Отношение же к делу председательницы съезда, графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, сводилось в большинстве случаев к вопросам личного свойства. На первом плане личное самолюбие, желание, чтобы все решалось председательствуемым ею Московским археологическим обществом, и нетерпимость к какому бы то ни было иному археологическому учреждению. К Археологической же Комиссии графиня Уварова относится прямо враждебно, протестуя против ее прав и законов, установленных к упорядочиванию дела раскопок и реставраций» (РА, ф. 25, д. 47, л. 8). Далее А. А. Бобринской обрисовывал ситуацию, когда в вопросах о сохранении и реставрации памятников зодчества в противовес друг другу действуют три силы: Археологическая Комиссия, Духовное ведомство, Московское археологическое общество.

7 октября 1899 г. МВД запросило заключение ИАК по вопросу об открытии XII Археологического съезда в Харькове. 9 ноября А. А. Бобринской высказывает свое мнение по поводу регламента работы подобных мероприятий. Он предлагает сократить количество лиц, принимающих участие в постановлениях Съезда, поскольку это право предоставляется всем, кто заплатил 4 руб. вступительного взноса. В итоге постановления и ходатайства съездов превращаются в изъявление пожеланий случайно съехавшихся лиц, большинство из которых слабо знакомо с археологией. По его мнению, правом голоса на съездах должны обладать

Участники XI Археологического съезда в Киеве, 1899 г. (СПбФА РАН, Р.Х, оп.2, д.5, л.1)

лишь члены научных учреждений, следует усилить влияние Министерства народного просвещения и его представителей на ход работы съездов, а также ограничить сроки их проведения и принципиально сократить предлагаемую программу вопросов (1899 г., д. 221, л. 1–3). Необходимо отметить, что ИАК старалась как можно более полно отражать на страницах своих изданий весь ход подготовки и проведения Археологических съездов (Харьковская губерния 1902: 66–67; [Заседание...] 1903: 22–23; Перечень 1903: 97–98).

Впоследствии в связи с укреплением позиций ИАК в культурной и научной жизни мнение П. С. Уваровой по поводу приглашения представителей Комиссии к участию в Археологических съездах серьезно изменилось. Так, в связи с началом подготовки XV Археологического съезда в Новгороде в 1911 г. 23 января 1908 г. МАО не просто приглашает членов Комиссии к участию в предварительном комитете, но напрямую просит помочь ИАК в организации этого мероприятия, в частности, путем проведения археологических исследований (1908 г., д. 36, л. 1), однако, согласно резолюции А. А. Бобринского, Комиссия не имела в это время возможности предпринять крупные раскопки в Северной России. 20 марта со стороны МАО возникает альтернативное предложение: провести съезд в Севастополе, так как многие члены общества настаивают на его проведении именно там в целях ознакомиться с результатами исследований Херсонеса. Однако, по мнению графини, «это может состояться только при условии содействия ИАК». Несмотря на полное согласие и сочувствие этой идее со стороны А. А. Бобринского, съезд был все же назначен в Новгороде.

П. С. Уварова и МАО были не одиноки в своих претензиях к ИАК. 27 апреля 1891 г. А. А. Бобринской был вынужден писать попечителю Виленского учебного округа о том, что инспектор Витебской дирекции народных училищ Евдоким Романович Романов (1855–1922), член МАО, выступая 6 января 1891 г. на заседании предварительного съезда в Вильно, заявил, что в западные губернии приезжают заграничные ученые и дилетанты для производства раскопок, что не вызывает противодействия ИАК, а также о том, что закон 1889 г. «превратился в средство для стеснения деятельности людей... науки, поставив их под контроль урядников и волостных писарей». Вкратце излагая историю археологических исследований Северо-Западного края и контроль над ними со стороны ИАК, А. А. Бобринской упомянул выдачу Комиссией Открытых листов самому Е. Р. Романову на исследования Люцина и Могилева, Э. А. Вольтеру, В. З. Завитневичу и Н. П. Авенариусу на исследования в Гродненской, Виленской и Минской губерниях, а также генералу Иохеру и помещику Шукевичу на раскопки курганов в Витебской губернии. В заключение он выражал недоумение, высказывал ли Е. Р. Романов свое личное мнение, или он был уполномочен на это учебным округом. С самого Е. Р. Романова попечителем учебного округа были потребованы объяснения, где именно происходят «безобразия по археологической части», на что тот не смог ответить ничего вразумительного, несмотря на предоставление 10 августа 1892 г. пространной объяснительной записки (1890 г., д. 207, л. 3, 38–41 об.).

Определенное непонимание содержания и значения высочайшего повеления 1889 г. демонстрировало не только научное сообщество, но и российская бюрократия. В мае 1892 г. в газетах появилось сообщение о том, что член РАО Дмитрий Иванович Эварницкий (1850–1940) будет назначен туркестанским генералом-губернатором чиновником для особых поручений с заведованием археологическими раскопками. Уже 16 мая А. А. Бобринской предупреждает губернатора, что археологические работы могут проводиться исключительно с разрешения ИАК при условии представления мотивированной программы исследования и научных отчетов. 23 июня он получает губернаторский ответ в том духе, что чиновнику пока поручено лишь изучение края в топографическом

отношении, знакомство с местами обнаружения старины и обзор соответствующей литературы. Генерал, не совсем, очевидно, понимая, о чем идет речь, выразил согласие, чтобы его подчиненный занимался археологическими раскопками, в том числе «и по поручению ИАК», и попросил выдать Д. И. Эварницкому такое же разрешение, что 4 августа 1889 г. было выдано Евгению Федоровичу Калю (1861–1891) (Историография 1974; 1887 г., д. 69, л. 255–257). В мае 1894 г. степной генерал-губернатор Таубе утвердил «Положение об Археологической комиссии при Западносибирском отделе Русского географического общества», наделив ее «правом на раскопки» безо всякого упоминания ИАК, по поводу чего председателю Комиссии пришлось вновь обращаться в МВД (1887 г., д. 69, л. 270–271). 10 ноября 1894 г. по инициативе А. А. Бобринского российским губернаторам было циркулярно разослано подтверждение, что все случайные археологические и нумизматические находки должны доставляться в ИАК (Там же, л. 277).

30 ноября 1895 г. А. А. Бобринской, обратившись к министру юстиции Н. В. Муравьеву, предложил ввести в Уложение о наказаниях статьи за самовольные раскопки, разрушение древних памятников в корыстных или строительных целях и об ответственности руководства строительством железных и шоссейных дорог в случае, если оно осуществлялось без ведома Комиссии и вело к разрушению памятников древности. Нарушение повеления 1889 г. на то время могло лишь наказываться мировыми судьями в соответствии с 29-й статьей Уложения в размере 15 руб. «за неисполнение законных распоряжений, требований, или постановлений... властей». 550-я статья того же Уложения, которая могла применяться к лицам, производившим самовольные раскопки, сталкивалась со сложностью экспертной оценки казенного убытка. Предложение было передано в Особое совещание при Министерстве юстиции, о чем в Комиссию было сообщено только в январе 1897 г. (Там же, л. 321–322; 344–345; 1900 г., д. 174, л. 44–45).

10 апреля 1896 г. А. А. Бобринской предложил внести в инструкцию урядников две специальные статьи, направленные на привлечение низших полицейских чинов к надзору за производившимися на казенных землях работами и за найденными на них вещами. Статьи предусматривали обязанность урядников следить за тем, чтобы раскопки велись только при наличии разрешения Императорской Археологической Комиссии и чтобы случайно обнаруженные древности напрямую доставлялись в Комиссию в сохранном виде (1887 г., д. 69, л. 337–338; 1900 г., д. 174, л. 46–46 об.). В просьбе А. А. Бобринскому было отказано по причине того, что должности урядников были учреждены не во всех местностях Российской империи, в связи с чем Министерство внутренних дел посчитало, что «включение в инструкцию полицейским урядникам обязанности по охране предметов древности едва ли будет способствовать целям Археологической Комиссии» (1887 г., д. 69, л. 339 об.). Таким образом, инициатива Императорской Археологической Комиссии по реформированию существующего законодательства с внесением дополнительных статей, направленных на привлечение к охране древностей полицейских чинов и на ужесточение наказания за разграбление и уничтожение памятников старины, не нашла поддержки в структурах, от которых зависело их утверждение.

4 марта 1898 г. А. А. Бобринской вновь обращается к министру внутренних дел А. Д. Оболенскому с предложением образовать особую министерскую Комиссию по изучению и сохранению старины с функциями составления списка памятников или хотя бы соответствующие отделения при Губернских статистических комитетах, поскольку это не повлечет за собой особых расходов (Там же, л. 362–365). Напомним, что именно Департамент общих дел МВД, в соответствии с пунктом 10 ст. 372 т. 1 ч. 2 Свода законов, должен

был собирать сведения о памятниках древности. Однако эта инициатива тоже не получила продолжения. После отклонения проекта А. А. Бобринского 1898 г. Министерство внутренних дел попыталось разрешить проблему составления перечня древностей, подлежащих охране, путем издания циркуляра от 6 сентября 1901 г. «губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам о представлении списков памятников старины» (Там же, л. 436; Охрана памятников 1978: 153–154), находящихся на подведомственной им территории. Циркуляр предписывал доставить в Министерство внутренних дел в течение полугода точный список памятников с приложением рисунков, чертежей, фотографий, подробного описания, исторической справки, оценки их состояния с указанием сумм, требующихся на их поддержание или восстановление. При этом в постановлении совершенно не указывалось, каким образом и кем должна быть организована процедура сбора этих сведений. Специалистов, способных осуществить заданную программу и дать всестороннюю научную оценку памятника, на местах было недостаточно. Требуемые сведения поступили в министерство только к 1905 г., однако они зачастую не соответствовали целям сохранения культурного наследия (1887 г., д. 69, л. 436; Охрана памятников 1978: 153–154, 338). Поэтому данное распоряжение также не принесло ощутимых результатов и не улучшило состояние дела охраны памятников.

24 февраля 1904 г. А. А. Бобринской обратил внимание МВД на крайне неудачную, по его мнению, реставрацию романского собора в Плоцке, и уже 30 апреля министерство разослало предложение Духовным установлениям иностранных исповеданий о необходимости соблюдении 2-го пункта повеления 1889 г., касающегося реставрации памятников монументального зодчества. Такие предложение были направлены Эчмиадзинскому армяно-григорианскому синоду, Римско-Католической духовной коллегии, Евангелическо-Лютеранской генеральной консистории, Варшавской Евангелическо-Аугсбургской консистории, Варшавской Евангелическо-Реформатской консистории и Виленской Евангелическо-Реформатской коллегии (1887 г., д. 69, 462–464 об.).

ИАК пыталась урегулировать отношения и с зарубежными исследователями, рассчитывавшими проводить археологические раскопки на территории России. 19 января 1898 г. П. С. Уварова обратилась к наместнику на Кавказе великому князю Михаилу Николаевичу с «мольбой о спасении древностей Кавказа» прежде всего от иностранных исследователей, проводящих раскопки на частных землях и вывозящих находки за границу. Письмо было переправлено в ИАК, и 19 февраля А. А. Бобринской отвечал наместнику, что вверенная ему Комиссия по мере сил пытается воспрепятствовать продаже отечественных древностей за границу, однако не имеет правовых оснований воспретить раскопки на частных землях и контролировать судьбу найденных здесь археологических предметов, заметив при этом, что само МАО зачастую не исполняет существующих законов (Там же, л. 356–360 об.).

В начале XX в. участились попытки реформирования законодательства в области охраны памятников. В 1902 г. Государственный Совет признал «крайнюю недостаточность и отрывочный характер содержащихся в действующем Строительном уставе (1900 г.) постановлений, касающихся древних памятников и зданий» (1903 г., д. 50, л. 17). В 1903 г. при Техническо-строительном комитете Министерства внутренних дел была образована особая Комиссия для рассмотрения проекта нового Строительного устава. Предполагалось включить в него отдельную главу, посвященную правилам по «сохранению и исправлению древних зданий и общественных памятников». Так как Археологическая Комиссия с 1889 г. регулировала вопросы реставрации и ремонта древних монументальных памятников и намеченные изменения в Строительном уставе напрямую касались ее деятельности

в этой сфере, 14 марта 1903 г. Техническо-строительный комитет направил А. А. Бобринскому первоначальный проект с просьбой сделать свои замечания и принять участие в заседании по его обсуждению (Там же, л. 1–2).

Основные положения проекта практически целиком повторяли статьи уже утвержденного в 1900 г. Устава, только в усовершенствованном виде. В нем фиксировались ответственность городских властей за сохранность древних зданий церковной и крепостной архитектуры и скульптурных памятников, обязательность предварительного соглашения о реставрации монументальных памятников с Императорской Археологической Комиссией и Академией художеств. Нововведение заключалось только в идее составления единого списка всех памятников старины, которое возлагалось на губернские строительные отделения, с последующим разделением их на две категории (общественного и общегосударственного значения) для обозначения степени их защиты.

Видимо, по причине незаконченности и отрывочности положений проекта участники особой Комиссии отклонили его принятие на заседании 20 марта 1903 г. Работа над Уставом продолжилась, и уже в конце апреля в Археологическую Комиссию для составления письменного заключения поступил еще один проект (Там же, л. 7–10). В нем был расширен список древних памятников, попадающих под действие новых правил. Существенным дополнением стали статьи, затрагивающие право частной собственности. Они предполагали возможность отчуждения памятника старины, находящегося на частной земле, в государственную собственность в случае признания его особого исторического или художественного значения. При любом планирующемся ремонте или изменении такого объекта требовалось получение согласия Археологической Комиссии, обязательное предварительное исследование путем осмотра, фотографирования, снятия чертежей, составления подробного описания при участии специалиста, производство работ должно было сопровождаться наблюдением сотрудника Комиссии. Во всех означенных случаях предусматривалась денежная компенсация владельцу. Проект также предлагал ввести наказание за «перемещение, снесение или разрушение памятников старины без надлежащего разрешения», вплоть до заключения виновного в тюрьму сроком от двух до четырех месяцев. Археологическая Комиссия внесла небольшие поправки и в своем письменном заключении, в целом, одобрила проект новых правил «об охране древних памятников и зданий» Строительного устава. Несомненно, законодательное утверждение проекта внесло бы значительные изменения в состояние дела охраны древностей в России, но оно так и не состоялось.

В декабре 1904 г. вновь по предложению Государственно Совета, вызванному на сей раз безграмотной реставрацией храма в Муроме, была создана Особая комиссия при МВД по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий, которую возглавил член Совета МВД С. П. Суходольский. В ее состав вошли сотрудники Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения, Военного министерства, Министерства императорского Двора. В Особую комиссию входили также председатель ИАК А. А. Бобринской и два ее члена Н. В. Покровский и Н. В. Султанов, и бывший член Комиссии Н. П. Кондаков от Академии художеств. Основные положения, выработанные комиссией в заседаниях 22 февраля, 7, 14 и 28 марта и 14 апреля 1905 г., сводились к следующему. Речь шла о памятниках и их археологическом значении, но не о памятниках археологии вообще. Ведению нового положения подлежали движимые и недвижимые памятники, вплоть до памятников письменности. Предполагалось, что будет составлен общий каталог памятников, которые должны быть разделены на две группы. Первые, наиболее значимые, подлежали особой заботе правительства. Сама охрана должна была осуществляться

«центральный охранительным органом» и сетью местных учреждений, которые обладали бы наблюдательными и исполнительными функциями. Наблюдательные функции таких органов должны были распространяться на памятники, находящиеся в пользовании ведомств и учреждений, реставрация и ремонт которых должны были осуществляться на ведомственные средства. Исполнительная функция касалась памятников, которые не находились в ведомственном использовании. В данном случае охранительные органы имели обязанностью непосредственно производить ремонт приходящих в ветхость памятников старины за казенный счет. Само понятие «древности» было связано со 150-летним периодом жизни памятника.

Дополнительно Департамент общих дел МВД вновь предложил проект разделения Империи на соответствующие округа во главе с местными археологическими обществами. Таких округов было 15: Санкт-Петербургский, Псковский, Виленский с входившими в него Ковенской и Гродненской губерниями, Прибалтийский (Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии), Московский, Казанский, Харьковский, Киевский, обнимавший также Минскую, Могилевскую, Волынскую и Подольскую губернии, Варшавский, включавший в себя губернии Привислинского края, Одесский, Кавказский, Оренбургский, Сибирский, Минусинский и Туркестанский. ИАК никак не упоминалась в числе ответственных учреждений. К числу неразрешенных вопросов были отнесены статус памятников, находящихся в частной собственности, степень вмешательства охранительных органов в их охрану, возможность отчуждения подобных памятников. Рассматривалась и роль архивных комиссий в охране местных древностей, а также возможность инвентаризации памятников раз в три года.

После всестороннего обсуждения Положений и сбора мнений всех компетентных организаций предполагалось создать специальную Комиссию в составе Министерства императорского Двора для «высшего наблюдения за сохранением памятников древности», которая должна была стать координирующим «охранительным» центром, доработать окончательный вариант Положений по охране древностей и представить его на утверждение в законодательные органы. На Комиссию возлагались бы утверждение и издание свода памятников, подлежащих государственной охране; решение всех спорных вопросов; составление смет расходов и поиск финансового обеспечения охранительных мероприятий, осуществление контроля за деятельностью местных органов охраны памятников и разработка инструкций для них (Охрана памятников 1978: 163–164). Согласно проекту, она наделялась широким спектром прав.

Комиссия составлялась из представителей от министерств: императорского Двора, Военного, Внутренних дел, Народного просвещения, Финансов; от Государственного контроля и Духовного ведомства. В ее состав также должны были обязательно войти главы основных научных организаций и государственных ведомств, в ведении которых находились памятники: вице-президенты Академии наук и Академии художеств, председатель Археологической Комиссии, председатели Техническо-строительных комитетов при Св. Синоде и при Министерстве внутренних дел, директор Археологического института (1903 г., д. 50, л. 18 об., 19). Таким образом, центральный орган охраны памятников объединил бы и компетентных ученых, наиболее близко знакомых с проблемами, и чиновников государственных ведомств, которые обладали исполнительной властью. Подобный союз мог бы вполне привести к успешному осуществлению выработанной программы мер по улучшению состояния дела сохранения национального наследия России. Но и этот проект не состоялся.

Особая комиссия МВД, чьи занятия были прерваны в июне 1905 г. болезнью С. П. Суходольского и общественной нестабильностью в России 1905–1907 гг., возобновила свою работу только 11 мая 1908 г. Председателем комиссии был назначен Н. В. Султанов, его заместителем — член Совета МВД И. Я. Гурлянд. Еще одной причиной промедления в ее работе стало «крайне медленное поступление от учреждений и обществ отзывов на труды Комиссии» (Охрана памятников 1978: 181).

Археологическая Комиссия тоже не спешила представить свое заключение. Запросы от Министерства внутренних дел поступали в течение 1905 г. и 1906 г. несколько раз. Сохранился проект ответа ИАК, составленный в 1906 г. В нем Комиссия уведомляла, что «реальная охрана памятников древности путем широкого развития специальных органов или же путем назначения огромного количества надсмотрщиков физически невычислима и, сверх того, разорительна для государства» (1903 г., д. 50, л. 30). Со своей стороны Комиссия считала, что для «действительной охраны памятников старины необходимо: 1) чтобы специальным государственным актом памятники древности были признаны собственностью государства, за исключением находящихся на частных землях, 2) чтобы право разрешения исследования памятников древности, соединенного с их порчей или уничтожением, предоставлено было органам правительства, 3) чтобы за нарушения права собственности на памятники древности и права на их исследование назначены были соответствующие наказания по мировому и уголовному уставам» (Там же, л. 30, 30 об.). Но, видимо, этот документ так и не был отправлен в министерство.

Перед работой нового Совещания Н. В. Султанов летом 1908 г. был командирован министром внутренних дел на XIV Археологический съезд, где он обратился к Ученому комитету Съезда с просьбой обсудить те меры, которые необходимо принять для сохранения памятников старины, чтобы представить их Правительству в виде пожеланий Съезда. По возвращении Н. В. Султанов сделал доклад, в котором обозначил 13 главных положений, выработанных XIV Съездом (Там же, л. 70).

Основные пункты вновь касались наиболее острых, но неразрешенных проблем в деле охраны памятников: вывоз за границу, формирование правовой системы с введением в законодательном порядке наказания за разрушение памятников старины, возможность их отчуждения Правительством из частных рук, увеличение ассигнования ежегодных сумм на цели охраны, разделение государства на археологические округа. Каждый округ возглавлялся бы Ученым археологическим или Историческим обществом, на них возлагались регистрация памятников и попечение об их сохранении. Для руководства и координации всех действий предлагалось создать в Санкт-Петербурге междудеPARTMENTовенное Правительственное учреждение с представителями министерств, Духовного ведомства и научных организаций (Материалы... 1911: 57–58).

В 1909 г. «комиссия Султанова» была преобразована в МеждудеPARTMENTовенную комиссию, уже под председательством самого И. Я. Гурлянда, возглавившего эту структуру после кончины Н. В. Султанова. В работе этой комиссии также принимали участие председатель ИАК и ее члены: Б. И. Ханенко, Н. В. Покровский, Н. И. Веселовский и бывший член Комиссии, в то время член Археологической Комиссии В. Г. Дружинин (Охрана памятников 1978: 340–343). Министерство внутренних дел повторило свой запрос в научные учреждения, в том числе и в Археологическую Комиссию, о предоставлении подробного разбора проекта, составленного в 1905 г. В ответ Комиссия уведомила министерство, что она не составила своего отзыва «вследствие невероятной легкомысленности проекта» и в силу того, что все ученые общества (в том числе Русское и Московское археологические общества) уже дали

отрицательные отзывы (1903 г., д. 50, л. 57). И так как уже намечался созыв нового совещания для выработки законодательства по охране памятников, Археологическая Комиссия не видела смысла в разборе проекта 1905 г. еще раз, а предлагала обсудить эти проблемы в предстоящих заседаниях на новом уровне.

В задачи новой Комиссии теперь входила «выработка основных положений нового закона об охране не только древних памятников и зданий, но и вообще — об охране памятников старины в самом широком смысле этого слова» (Там же, л. 73), в список охраняемых объектов предполагалось внести и все памятники искусства, а также письменные документы. Заседания возобновились в январе 1909 г. Состав Комиссии был более представительный и расширенный, чем в предыдущий раз. Она включила как чиновников из различных министерств, так и компетентных специалистов из правительственных научных организаций (Охрана памятников 1978: 341–343).

Главными предметами обсуждения межведомственной Комиссии стали «вопросы материального права охраны» и порядок «организации охраняющих учреждений». Наилучшим способом для юридического обоснования к признанию предмета древним и поэтому требующим постановки его на государственную охрану Комиссия сочла повсеместную регистрацию памятников, которая подразумевала «изучение их на месте, классифицирование и занесение в особые реестры в точном порядке, имеющем значение юридического акта» (1903 г., д. 50, л. 105). Все памятники делились на две категории: находящиеся в использовании и распоряжении разных ведомств и учреждений и принадлежащие частным собственникам. Охрана первой группы регулировалась общеустановленными правилами. Во втором случае предусматривалось право Правительства на преимущественную покупку древностей, найденных в частных владениях; ограничение вывоза их за границу; в исключительных ситуациях возможность отчуждения памятников выдающегося исторического, археологического или художественного значения в пользу государства. До окончания составления полного перечня памятников охране должны были подлежать все памятники, датирующиеся до 1725 г. (Там же, л. 156).

Организационную структуру учреждений, занимавшихся охраной памятников, по проекту предполагалось создать следующим образом. Для работы на местах использовать «существующие археологические силы», объединенные под руководством и наблюдением высшего охраняющего учреждения» в Санкт-Петербурге «в составе Министерства внутренних дел, с наименованием „Комитета по охране древностей”». В его состав должны были войти представители от различных министерств, обладающие исполнительной властью, и деятели культуры и науки. Комитет наделялся широкими правами, в том числе ему отдавались главные полномочия в регистрации памятников и в утверждении их списков, в координации действий местных организаций, в распределении государственного финансирования на реализацию охранных мероприятий и деятельность органов охраны древностей и многие другие (Охрана памятников 1978: 254–260). Согласно положениям проекта право разрешения всех дел по реставрации древних памятников также принадлежало Комитету. Таким образом, Археологическая Комиссия при условии утверждения проекта потеряла бы часть своих функций.

Археологическая деятельность в России оставалась в компетенции Императорской Археологической Комиссии, причем ее полномочия были расширены, ей предоставлялось исключительное право производства раскопок не только на казенных и общественных, но и на частных землях по соглашению с владельцем (1903 г., д. 50, д. 221 об.). В проект был введен пункт, согласно которому для проведения раскопок частными

лицами на принадлежащих им землях требовалось получение обязательного разрешения от ИАК.

Ограничения права вывоза предметов древности за границу также фиксировались статьями проекта. Древности, находящиеся во владении частных лиц, могли «быть вывозимы за границу лишь после того, как со стороны Комитета по охране древностей последует удостоверение, что Правительство отказывается приобрести их» (Там же, л. 270 об.).

В заседаниях межведомственной Комиссии были также выработаны и внесены в проект положения о правовой ответственности виновных в нарушении закона об охране памятников, которая выражалась в зависимости от нанесенного ущерба в значительных денежных штрафах либо в тюремном заключении. За наиболее тяжкие нарушения было определено наказание в виде лишения свободы на срок в 1 год и 4 месяца (Там же, л. 105). Денежные средства, получаемые от наказаний в виде штрафов, должны были перечисляться на нужды центрального комитета охраны памятников. В совместном совещании с представителями Министерства финансов и Государственного контроля были определены суммы ежегодного финансирования деятельности по охране древностей в России как на проведение мероприятий по поддержанию сохранности памятников, так и на работы охранительных организаций.

29 октября 1911 г. министр внутренних дел А. А. Макаров внес проект «Положения об охране древностей», разработанный «комиссией Гурлянда», в Государственную Думу для утверждения. В Думе для предварительного редактирования проекта образовалась Комиссия под председательством Е. П. Ковалевского. В 1912 г. он послал в Археологическую Комиссию как в компетентную в вопросах исследования и сохранения памятников старины организацию приглашение к участию в обсуждении законопроекта с просьбой высказать мнение на заседании организованной при Государственной Думе особой Комиссии. В результате представителями ИАК были назначены А. А. Бобринской и Н. И. Веселовский (Там же, л. 286–287).

В мае 1912 г. Е. П. Ковалевский представил отредактированную версию законопроекта в Думе. В процессе рассмотрения в Думской Комиссии он претерпел существенные изменения. Все правила, касающиеся частной собственности, подверглись обработке. Из положений были исключены как нецелесообразные постановления о преимущественной покупке Правительством предметов древности, находящихся в частном владении, и о запрещении вывоза их за границу, отказано также было и в расширении полномочий Археологической Комиссии на производство раскопок на частновладельческих землях и на контроль над ними. По вопросу о вывозе исторических памятников за границу Думская Комиссия внесла поправку, в которой говорилось об обязанности Комитета принять меры для охраны древностей и защиты их от вывоза из России, однако без нарушения чьих-либо прав. Поэтому исполнение этого требования становилось совсем проблематичным. В целом, в представленном проекте пожелания ученых практически не учитывались. Главным образом, он был направлен на создание единой централизованной государственной системы охраны памятников, однако сфера ее деятельности оставалась бы весьма ограниченной. В случае принятия законопроекта в таком варианте вновь утвержденная организационная структура не способна была регулировать состояние сохранности всех объектов старины в России, так как статьи, позволявшие контролировать вопросы охраны древностей, находящихся в частном владении, и проблемы их вывоза за границу, были изъяты (Там же, л. 259–282).

Критика проекта прозвучала со стороны Академии художеств, Московского археологического общества, Общества архитекторов-художников и Общества защиты и сохранения

в России памятников искусства и старины, Императорской Археологической Комиссии (Охрана памятников 1978: 285–305). Мнение Императорской Археологической Комиссии по поводу законопроекта по охране памятников 1912 г. в редакции комиссии Государственной Думы выразилось в отзыве П. П. Покрышкина, составленном осенью 1913 г. по просьбе А. А. Бобринского (Там же, л. 123–135).

П. П. Покрышкин подробно рассмотрел положения проекта, особенно в пунктах, касающихся охраны архитектурных памятников, внес свои поправки и высказал соображения, каким образом возможно улучшить состояние дела охраны памятников монументального зодчества. Основным недостаток он видел в способе формирования и составе предполагавшегося руководящего органа охраны. П. П. Покрышкин считал неоправданной передачу всех реставрационных дел в ведение «учреждения, которое совершенно порывает связь с архитектурной археологией, ибо среди 12 его членов только один архитектор — представитель Императорской Академии художеств» (Там же, л. 123). Он указал на то, что реставрационные заседания Археологической Комиссии составлялись из наиболее компетентных лиц и достигли большого опыта в деле «решения судьбы памятников зодчества». Поэтому своими поправками он предложил ограничить функции Центрального Комитета и оставить за реставрационными заседаниями ИАК роль неперменного совещательного органа при рассмотрении всех вопросов, связанных с ремонтом архитектурных памятников.

П. П. Покрышкин указывал, что регистрация памятников древности потребует долгие годы из-за отсутствия нужного количества специалистов, а предполагаемая в проекте быстрая регистрация местными силами повлечет за собой составление «дилетантских списков», которые «послужат» причиной «уничтожения множества памятников древности» (Там же, л. 123 об.). Он также предлагал предоставить реставрационным заседаниям ИАК право утверждения реестра древностей, подлежащих охране, при этом до окончания составления такого реестра охрана должна была распространяться на все здания, построенные до 1825 г. (в проекте до 1725 г.). По его мнению, следовало увеличить суммы кредитов на ремонт и реставрацию памятников древности и усилить состав Центрального Комитета еще пятью специалистами по архитектуре: три от Императорской Археологической Комиссии и два от Техническо-строительных комитетов при Св. Синоде и при МВД. В связи с тем, что он предусматривал предоставление широких полномочий в этой области реставрационным заседаниям Императорской Археологической Комиссии, в заключение рапорта он предложил проект преобразования их в специальный архитектурный отдел, где обозначил основные положения деятельности отдела, составил смету на его организацию, включил в состав ИАК еще пять архитекторов (Там же, л. 129). Необходимость создания нового отдела он обосновал статистикой, красноречиво свидетельствующей об активной и плодотворной деятельности реставрационных заседаний ИАК в течение предыдущего десятилетия, и невозможностью справиться с огромным наплывом дел в прежнем составе (Там же, л. 130–135).

Все научные и художественные организации, высказавшие свое мнение, признали правительственный проект совершенно не жизненным и не соответствующим давно назревшей потребности в принятии серьезных и безотлагательных мер к ограждению от разрушений и порчи имеющихся в России памятников древности. По причине негативной реакции ученой общественности на проект Дума направила его на доработку. До 1917 г. было еще несколько попыток пересмотреть его положения.

В 1913 г. следующий вариант законопроекта по охране памятников был внесен на рассмотрение Думы (Охрана памятников 1978: 14). Он содержал ряд незначительных поправок, но опять не решал проблемы с частной собственностью и вывозом

древностей за границу. В конце 1913 г. А. А. Бобринской получил уведомление о предстоящем пленарном заседании Государственной Думы по вопросу обсуждения законопроекта по охране древностей и о том, что его планируют пригласить в качестве представителя от Министерства императорского Двора (РА, ф. 68, д. 50, л. 292), Но начало Первой мировой войны приостановило рассмотрение проекта.

Обстоятельства военного времени значительно ухудшили состояние дела охраны отечественных древностей в России. Гибель исторических и художественных памятников в зоне боевых действий, участвовавшие случаи расхищения и неконтролируемого вывоза национальных ценностей за границу требовали принятия срочных мер для их сохранения. В печати неоднократно появлялись сообщения о непрекращающейся продаже частным лицам старинных икон. В обществе складывалось мнение, что они скупались пленными и интернированными германцами и австрийцами и впоследствии вывозились за пределы России, на Северо-Западе через Финляндию и Архангельск (РА, ф. 68, д. 58, л. 1–2). 18 февраля 1916 г. графиня П. С. Уварова написала по этому поводу министру внутренних дел. Одновременно подобную озабоченность высказал и ряд членов Государственного Совета, которые обратили внимание министра на необходимость принятия полноценного закона об охране древностей. 19 апреля председатель Государственной Думы М. В. Родзянко официально возвратил министру внутренних дел Б. В. Штюрмеру этот документ (Охрана памятников 1978: 309–319).

16 апреля 1916 г. директор Департамента общих дел МВД П. П. Стремоухов направил председателю ИАК А. А. Бобринскому отношение о необходимости создания совещания для переработки положения об охране древностей (Там же: 315–318). Речь шла не только о разработке нового закона, но и об исполнении Положения об эвакуации культурных ценностей, о недопущении их контрабанды, о судьбе Остробрамской иконы Божией Матери и др. Отношение включало в себя предложение по составу и процедуре работы будущего совещания. 13 сентября 1916 г. министр внутренних дел А. А. Хвостов в своем докладе Николаю II сообщил о необходимости образования Особого совещания для пересмотра законопроекта об охране памятников древности. Во главе Совещания он предложил поставить лицо, «занимающее высокое служебное положение» и «пользующееся известностью в области археологии». В наибольшей степени этим критериям отвечал лишь председатель ИАК А. А. Бобринской, который в это время был не только сенатором, обер-гофмейстером высочайшего Двора и членом Государственного Совета, но и министром земледелия. 15 сентября в Ставке император наложил резолюцию: «С», что означало «Согласен» (Там же: 325–327). В работе Совещания должны были принять участие представители правительственных учреждений и члены различных ученых, художественных и исторических обществ. Благодаря двум упомянутым критериям А. А. Бобринской обладал доверием с обеих сторон, что, возможно, ускорило бы принятие обоюдного решения по спорным вопросам. К сожалению, изменившаяся политическая ситуация в России не позволила развернуть работу Совещания. Однако представляется очевидным, что логика исторического развития России впервые поставила ИАК во главе разработки всеобъемлющего закона об охране культурного наследия страны, что свидетельствовало о высоком авторитете, которым заручилась Комиссия за полвека своего существования.

XV

В организации повседневной деятельности ИАК А. А. Бобринской в полной мере воспользовался теми направлениями и связями, которые сложились еще в «эпоху Строганова». Прежде всего, это касается «новостроечной археологии» XIX в. — контроля над обнаружением памятников древности во время прокладки и строительства железных дорог. Традиция этих

мероприятий поддерживалась и при А. А. Васильчикове. 22 мая 1885 г. от имени ИАК офицерам, ответственным за строительство дороги от Самары на Уфу и Златоуст, были разосланы напоминания о том, что «во избежание утайки и уничтожения рабочими древностей» им необходимо объявить о вознаграждении за такие находки. Позднее, в октябре 1886 г. и в мае 1888 г., ИАК предприняла меры по контролю над работами на Керченско-Еникальском канале и при прорытии Перекопского перешейка, также на Джанкойско-Феодосийской железной дороге (1862 г., д. 26, л. 91, 92, 95).

18 мая 1891 г., по инициативе ИАК, стас-секретарь и министр путей сообщения Адольф Яковлевич Гюббенет (1830–1901) издал приказ «учреждениям и должностным лицам Ведомства путей сообщения оказывать всевозможное содействие в деле разыскания и охранения памятников отечественной старины, для чего заблаговременно сообщать в Археологическую комиссию сведения о направлениях проводимых дорог и о производстве таких земляных работ, которые подают повод рассчитывать на открытие древностей..., а также в контракты на подряды по земляным работам включать непременно условие о сохранении и доставлении в Археологическую комиссию всех остатков древности, которые могут быть найдены при таких работах» (Там же, л. 108). В результате в Комиссию стали поступать карты прокладки новых путей, в частности из Общества Юго-Западной железной дороги. В марте 1893 г. в Комиссию поступили планы прокладки дороги от Челябинска до Иркутска. Как сообщал начальник работ по постройке Западно-Сибирской железной дороги, «при производстве земляных работ на вверенной мне дороге никаких археологических находок не оказалось» (Там же, л. 111, 121, 123, 126). Впрочем, в июне 1892 г. от председателя комиссии по устройству коммерческих портов в ИАК поступила монета Тиверия Юлия Евпатора 162 г. чеканки, найденная при работах в Феодосии (Там же, л. 115).

В 1895–1897 гг. ИАК оказалась вовлечена в скандал, связанный с разрушением каменных «мар» — курганов при прокладке Рязанско-Уральской железной дороги в районе станицы Круглозерной. Строители XIX в., почти как их современные коллеги, утверждали 1 декабря 1895 г. от имени министерства, что «полоса отчуждения Покровско-Уральской железной дороги» не захватила ни одного кургана, хотя впоследствии выяснилось, что на 336-й версте рабочими были выкопаны «скелеты и наконечники», а также несколько бронзовых «поделок» (Там же, л. 127–132 об., 138, 144, 147 об.). В конце концов, бронзовый наконечник стрелы и бронзовая пряжка в 1897 г. все-таки были доставлены в ИАК и переданы в Российский исторический музей (Там же, л. 151–152). В январе 1902 г., в связи со скандалом о расхищении вещей из курганов на линии Новоскольники–Витебск, Общество Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги утверждало, что никаких древних могил и ничего заслуживающего внимания, кроме монет Сигизмунда III, во время работ встречено не было (Там же, л. 151–156). Комиссия реагировала и на «сигналы с мест»: в мае 1912 г. Ставропольская архивная комиссия обратила внимание ИАК на разрушение Азовского городища при строительстве зданий Обществом Владикавказской железной дороги (1862 г., д. 26, л. 161), а в апреле 1914 г., в связи с прокладкой подъездных путей к Педжикенту через Афросиаб, ИАК обращалась к производителю работ с просьбой «содействия беспрепятственному допущению» ее представителей для производства археологических наблюдений (Там же, л. 180, 181).

«Новостроечные наблюдения» не ограничивались только железнодорожным строительством и контактами с офицерами-путейцами. Как и ранее, ИАК стремилась привлечь к надзору за строительными работами в исторических городах местную интеллигенцию. Так, 8 мая 1912 г. недавно образованному Киевскому обществу охраны памятников старины и искусства был выдан Открытый лист на «раскопки в Киеве и его окрестностях в случае

115

Къ рапорту 28 мая № 334

Золотая монета, найденная 1/1го
марта с. г. при производствѣ выемки на
Карантинной горки въ гор. Феодосии. —

Начальникъ работъ

Инженеръ Коммунальн. Службы. М. М. М.

Золотая монета восточнаго царя Свѣтислава изъ
эллиническаго времени царя Артемиды и Лукиды Вера
457 г. по римской эре и 163 христіанской эре
Этого года изъ Мелит. эре. именованъ Деянисъ царь.
Ген. Инж. Колюбакинъ

Монета с Карантинной горки Феодосии, найденная при строительстве порта.
Боспорское царство, 163 г. (1862 г., д. 26, л. 115)

«Наконечник» из каменных «мар», разрушенных при строительстве
Рязано-Уральской железной дороги (1862 г., д. 26, л. 152)

открытия остатков старины при прокладке водопроводных и канализационных труб, постройки домов, устройстве трамвайного сообщения, электрического освещения, мостовых и т.п.» (1912 г., д. 142, л. 4). При строительстве епархиального дома на месте консистории в Новгородском кремле летом 1911 г. наблюдения были поручены членам Новгородского общества любителей древностей (1911 г., д. 83, л. 2, 11, 14).

В «эпоху Бобринского» продолжалось и сотрудничество с губернской общественностью в лице Статистических комитетов. Однако в деле сохранения и изучения отечественных древностей у ИАК появились новые контрагенты — Губернские ученые архивные комиссии, созданные указом 13 апреля 1884 г. по предложению Н. В. Калачова (1819–1885), а также Археологические институты в Петербурге (1878) и в Москве (1907) (Покровский 1909а: 27–48). Появление в прессе материалов о плодотворной работе архивных комиссий, в частности, в № 140 «Правительственного вестника» за 1886 г., заставило ИАК обратиться к сотрудничеству с ними (1886 г., д. 43, л. 1). В целях ознакомления с деятельностью комиссий на местах летом 1886 г. А. А. Бобринской рассылает серию писем в Кострому, Рязань, Тамбов и Тулу с почтительной просьбой доставить ему сведения об их археологической деятельности в виде присылки изданных трудов и отчетов (Там же, л. 3, 5, 7). Получение просимых сведений породило новые вопросы. 30 сентября 1887 г. ИАК обратилась в Рязанскую комиссию с просьбой о присылке рисунков и фотографий памятников, открытых в Касимове, о чем было упомянуто в трудах комиссии (Там же, л. 30). Особенные отношения сложились у ИАК с Таврической архивной комиссией, об организации которой таврический губернатор уведомил А. А. Бобринского лично 17 февраля 1887 г. (Там же, л. 28). Это становится понятным, если учесть, что к тому времени основные научные интересы ИАК сосредоточивались в этом крае. 30 сентября 1887 г. председатель ИАК сам писал в Таврическую архивную комиссию, указывая, что вверенная ему организация считает своим долгом всячески содействовать ее деятельности (Там же, л. 59–60). ИАК предоставила в распоряжение Симферопольского

музея древности из Судака и Старого Крыма, а также передало ему в декабре того же года 80 дублетных предметов из подведомственного ей Креченского музея (Там же, л. 46, 47, 48–49 об.). В то же время ИАК ходатайствовала перед П. С. Уваровой и Д. А. Хвольсоном, дабы те передали плиты с надписями, выпиленные на Мангупе и Чуфут-Кале, или хотя бы снимки с них в Симферопольский губернский музей древностей.

Развивались отношения ИАК и с петербургским Археологическим институтом, выступавшим «своеобразным куратором» архивных комиссий и готовившим для них ученые кадры. 12 июля 1886 г. А. А. Бобринской адресовал в Археологический институт письмо о необходимости сотрудничества с ИАК и о доставлении ей сведений о деятельности архивных комиссий. Он мотивировал это тем, что ИАК «желала бы мало-помалу достигнуть между различными археологическими учреждениями и обществами в России того дружеского единства, без которого немислимо правильное ведение дел» (Там же, л. 10–11 об.). 17 декабря он вновь обращался в институт по поводу распоряжения Тамбовской архивной комиссии о передаче ей найденных в губернии предметов древности и их определении в местный музей, отмечая, что подобное противоречит высочайше утвержденному положению об ИАК. В письме содержалась просьба передать губернскими комиссиям соответствующие указания (Там же, л. 12–13). В результате 11 января 1887 г. Археологический институт разослал в комиссии циркуляр № 1 о том, что со случайными находками надлежит поступать в соответствии с упомянутым положением, т. е. отправлять их в ИАК для последующего представления на высочайшее воззрение (Там же, л. 15–16).

Еще одним камнем преткновения в деле отношения с архивными комиссиями и Археологическим институтом был вопрос о древностях, принадлежавших частным лицам и выставляемых на торги. 16 июня 1886 г. Департамент общих дел МВД, по ходатайству директора Археологического института И. Е. Андреевского, разослал губернаторам циркуляр о том, что при продаже частного имущества вещи, имеющие археологическое значение, должны вноситься в описи и предоставляться на рассмотрение в архивные комиссии. Подобные описи должны были составляться судебными приставами, и, следовательно, председатели судебных мест сами должны были озаботиться описанием и оценкой предметов древности (Там же, л. 2–2 об.). 25 января 1887 г. МВД отправило этот проект на экспертизу в ИАК, предлагая его дополнить. 4 марта от имени ИАК в Департамент общих дел был отправлен ответ, где говорилось, что, несмотря на благое намерение Археологического института, предложенная им мера вряд ли применима. Составление описей потребует финансовых расходов и повлечет за собой задержку и ограничение прав собственности лиц, заинтересованных в скорейшей и более выгодной продаже частных древностей. При этом отмечалась и неопределенность инструкций, предлагаемых И. Андреевским, где речь шла об абстрактных вещах, которые могут «представлять интерес». К тому же первый пункт правил утверждал, что Археологический институт либо сам приобретает эти предметы, либо предлагает это сделать ИАК. В связи с этим А. А. Бобринской писал, что в круг деятельности Комиссии «входит разыскивание и приобретение не всяких древностей вообще, а только таких, которые открыты в почве России и относятся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространствах, занимаемых ныне Россией» (Там же, л. 17–21, 23–24 об.).

Несмотря на отрицательное мнение ИАК по поводу институтской инициативы, 5 июля 1887 г. МВД вторично разослало губернаторам циркуляр о необходимости производить опись предметов древности, уходящих с торгов, хотя имя самой Комиссии здесь уже не фигурировало (Там же, л. 67–68 об.). Это не избавило ИАК от необходимости получать подобные описи и рассматривать их. Уже 19 ноября того же года Воронежский статистический

комитет прислал в Петербург опись монетам и медалям умершего коллежского советника К. Попова (Там же, л. 69–72 об.).

В отношениях с Археологическим институтом было важно определить и процедуру археологических исследований. В мае 1886 г. в газетах было заявлено о предстоящей поездке Н. В. Покровского и Д. И. Прозоровского со слушателями институтов на раскопки курганов в Лужский и Псковский уезды, а также для осмотра памятников в Новгороде и Пскове. А. А. Бобринской, прочитавший эту заметку, 12 мая порекомендовал экскурсии института отправиться в Ладугу, где в это время раскопки проводил Н. Е. Бранденбург, а сам Н. В. Покровский намеревался осматривать церкви и фрески. При этом он подчеркивал, что на основе Положения об ИАК Комиссия обязана следить за археологическими раскопками, и просил сообщить, где именно институт намерен проводить исследования. 20 мая директор института И. Е. Андреевский в ответ поблагодарил за приглашение посетить раскопки в Ладуге и указал, что собственные исследования предполагается производить на станции Белой: «если эти раскопки, предпринимаемые в педагогических видах, дадут удовлетворительные результаты, то о них в начале сентября текущего года будет сделано в институте сообщение, которое, может быть, гг. члены Археологической комиссии пожелают украсить своим присутствием» (1886 г., д. 17, л. 20). За этими словами скрывалось полное непонимание прав и полномочий ИАК — ситуация, которая могла быть разрешена лишь уже известным нам высочайшим повелением 11 марта 1889 г. Все эти временные недоразумения, однако, не помешали сверхштатному члену ИАК Н. В. Покровскому в свое время возглавить Археологический институт в Петербурге.

Несмотря на в целом продуктивное сотрудничество ИАК и губернских комиссий, в Петербурге о них сложилось свое собственное мнение. Так, в связи с рассмотрением проекта архивной реформы в России Министерство императорского Двора 25 июля 1903 г. прислало в Комиссию соответствующие материалы, попросив дать по ним заключение. В исторической справке сообщалось, что в настоящее время рассматриваются два варианта реформы: централизованная архивная система, предполагающая создание центрального органа архивного управления и архивов трех уровней, предложения по которой были сформулированы на Археологическом съезде 1899 г., в частности, П. С. Уваровой и Д. Я. Самоквасовым, и децентрализованная система, делающая упор на губернские ученые архивные комиссии. 23 ноября 1903 г. А. А. Бобринской отправил свои замечания на проект реформы, составленные на основе мнения Н. И. Веселовского. Отдавая, в целом, предпочтение губернским архивным комиссиям, он писал, что архивные комиссии должны действительно стать архивными и делать архивное дело, заключающееся в разборе, описи и хранении дел и актов, главной своей задачей. Только на этой основе они могут рассчитывать на государственную поддержку. Ныне же губернские комиссии пытаются подражать «столичным ученым обществам»: собираются в заседаниях для заслушивания рефератов, издают труды, производят раскопки, совершают экскурсии и т. д. По мнению председателя ИАК, подобная «ученая деятельность» вряд ли заслуживает поддержки государства (1903 г., д. 178, л. 1, 6–6 об.).

При этом ИАК достаточно активно сотрудничала с непосредственным детищем архивных комиссий — областными археологическими съездами. Возможно, члены ИАК видели здесь некоторую альтернативу съездам всероссийским. Именно на этих форумах были озвучены некоторые из новых идей А. А. Спицына и А. А. Бобринского, касающиеся славянского расселения и первобытной культуры (РА, ф. 25, д. 57). Впервые подобное мероприятие, носившее тогда официальное название «съезда исследователей истории и древности Ростово-Суздальской области», состоялось в Ярославле 10–14 августа 1901 г. по инициативе профессора

Петербургского Императорского университета Э. Н. Берендтса, поддержанной ярославским губернатором Б. В. Штюмером. Содержанием этой инициативы изначально был «съезд деятелей губернских ученых Архивных комиссий определенного региона». Закрытие каждого съезда сопровождалось принятием решения о времени и месте проведения следующего подобного собрания. Съезд в Твери состоялся 10–20 августа 1903 г. (1902 г., д. 221). Третий и четвертый съезды, уже официально именовавшиеся «областными историко-археологическими», прошли соответственно во Владимире 20–26 июня 1906 г. и Костроме 21–29 июня 1909 г. (1907 г., д. 100, л. 1). Пятый съезд, намеченный на сентябрь 1911 г. в Нижнем Новгороде, не состоялся, в частности, из-за проведения в том же году 22 июля–6 августа XV Археологического съезда в Великом Новгороде.

Идея организации подобного форума в Тамбове в виде созыва «археологического съезда ученых Архивных комиссий средней полосы России», предложенная еще в мае 1901 г. председателем Тамбовской архивной комиссии А. Нариовым, не получила своего развития как из-за организационных сложностей, так и из-за слишком широко и общо сформулированных задач. ИАК предложила комиссии выработать программу более определенную и более связанную с местным краем. А. А. Спицын в своем отзыве писал, что «следует воздержаться от одобрения фантастически-широкого и совершенно невыполнимого проекта», а Н. И. Веселовский назвал программу «сумбурной, для одного съезда не осуществимой» (1902 г., д. 62, л. 2–2 об., 15 об.). Попытка организовать пятое подобное мероприятие в Крыму не состоялась из-за мировой войны. В 1914 г. Таврическая архивная комиссия обратилась в МВД с просьбой разрешить ей проведение областного съезда в Симферополе или Севастополе 16–23 августа 1915 г., выслав туда программу предполагаемого мероприятия. Министерство запросило у ИАК «заключение по существу ходатайства», и 14 августа 1914 г. ИАК отписала в МВД об отсутствии у нее возражений, при условии, чтобы по отношению к намечаемым перед съездом раскопкам был соблюден существующий порядок, т. е. предварительное сношение с Комиссией и получение Открытого листа. Действительно, прилагаемое при запросе положение о местном археологическом съезде в Крыму своим 12-м пунктом указывало, что «съезд организует производство археологических раскопок», непосредственный труд которых лежит на распорядительном комитете — права Комиссии здесь не упоминались (1914 г., д. 213, л. 1).

В целом же Комиссия никогда не отказывалась от участия в разного рода общественно-профессиональных форумах. Привлечение культурной и научной общественности к сотрудничеству было одним из принципов ее деятельности. В декабре 1899 г. Санкт-Петербургское общество архитекторов пригласило Комиссию принять участие в III Съезде русских зодчих — нерегулярном форуме, созываемом с целью сближения русских архитекторов и совместного обсуждения общих и специальных вопросов. Тогда на съезд от ИАК были отправлены Н. В. Султанов и Г. И. Котов. IV Съезд состоялся в январе 1911 г. Комиссию здесь представляли Н. И. Веселовский, П. П. Покрышкин и К. К. Романов. На V Съезде 15–22 декабря 1913 г. присутствовали К. К. Романов, Г. И. Котов и П. П. Покрышкин (1899 г., д. 199, л. 1, 6, 8).

С 1890-х гг. ИАК привлекалась для экспертизы проектов реформ, уставов и положений ученых обществ и мероприятий. Так, Ковенский статистический комитет 22 сентября 1887 г. попросил у Комиссии замечания на проект Ковенского губернского естественно-исторического и промышленного музея, что не вызвало никаких возражений (1887 г., д. 4, л. 114). Однако, когда 25 января 1896 г. в ИАК на экспертное заключение поступил проект правил МАО об устройстве местных отделений этого общества, некоторые его положения вызвали недоумение

Комиссии. Здесь говорилось, что иногородние отделения под руководством МАО производят археологические исследования и раскопки. 20 февраля 1896 г. А. А. Бобринской выразил свое согласие на устройство подобных отделений, но посчитал нужным упомянуть в тексте устава, что раскопки производятся с разрешения ИАК. П. С. Уварова пыталась объяснить МВД, что фразы о производстве раскопок «на основании существующих законов Империи» было бы совершенно достаточно, и вновь отправила на заключение в министерство слегка переработанный документ. 25 сентября 1897 г. ИАК продолжала настаивать на своей формулировке, приложив при этом докладную записку о порядке производства археологических раскопок на казенных и общественных землях. В письме говорилось, что высочайшее повеление 11 марта 1889 г. еще не внесено в Свод законов и недостаточно известно, чем и пытается воспользоваться МАО (1896 г., д. 40, л. 5, 8–17). Подобная история произошла и в феврале 1899 г., когда МВД препроводило в ИАК для заключения проект устава общества любителей изучения Полтавской губернии. А. А. Бобринской, заинтересованный в соблюдении повеления 11 марта 1889 г., предложил включить в устав упоминание о нем в качестве примечания (1899 г., д. 42, л. 1–4 об.).

5 октября 1901 г. на рассмотрение в ИАК попало положение о музее Виленского городского общественного управления, один из пунктов которого упоминал «археологическую коллекцию», в которую вошли бы «разные древние и старинные предметы, могущие быть найденными в городе при раскопках и при постройках зданий, и вообще предметы, представляющие собою следы цивилизации города Вильны в истекшее время». Комиссия предложила в этом пункте сделать оговорку, что при составлении археологических коллекций следует руководствоваться повелением 11 марта 1889 г., т. е. раскопки производить с разрешения ИАК, а найденные предметы предоставлять на высочайшее воззрение (1901 г., д. 224, л. 1, 4, 6–7 об.). Утверждение устава Бессарабского церковного историко-археологического общества и Кишиневского епархиального древлехранилища, по поводу которых МВД запросило мнение ИАК 4 августа 1902 г., никаких препятствий не встретило: археологические исследования в уставе не упоминались, так как целью общества было абстрактное изучение местных церковных древностей в связи с грядущим в 1913 г. столетием епархии (1902 г., д. 193). Точно так же ранее не встретило возражений одобрение проекта устава Астраханского Петровского музея 16 июня 1895 г. (1895 г., д. 160, л. 6).

XVI

С деятельностью А. А. Бобринского связаны не только труды по превращению ИАК в координирующее археологическое учреждение Империи, совмещающее в себе научно-исследовательские и охранно-реставрационные функции, но и значительное увеличение штата Комиссии. Это было неизбежно в связи с тематико-географическим расширением сферы ее академической и практической активности. В «эпоху Васильчикова» весь ее коллектив состоял из 5 человек: старшего члена В. Г. Тизенгаузена, младшего члена Н. П. Кондакова, производителя дел И. А. Сулова, художника И. Н. Медведева и сторожа У. Михайлова (1886 г., д. 71, л. 10–11 об.). Согласно штатному расписанию председатель трудился бесплатно, один старший член получал 3000 руб., три младших члена — 1800 руб., делопроизводитель-бухгалтер — 1900 руб., журналист-канцелярский чиновник — 900 руб., сторож — 360 руб. На расходные материалы предполагалось тратить 400 руб., покупку книг для библиотеки — 200 руб., на издание отчетов на русском и французском языках — 6000 руб. Археологические раскопки и путевые издержки предусматривали 20 000 руб., включая 3700 руб., выделяемые ежегодно из Кабинета его императорского величества на Керченский музей. В самом музее

директор получал 1800 руб., его помощник — 572 руб., старший надсмотрщик — 350 руб., младший надсмотрщик — 300 руб., писец — 180 руб., сторож музея — 225 руб., сторож кургана — 150 руб. На расходные материалы выделялось 200 руб., на наем помещений и отопление — 800 руб. Временно состоявший при Комиссии художник получал 500 руб. Всего ИАК полагалось из казны 43 037 руб.

17 мая 1886 г. А. А. Бобринской подает проект нового штата и сметы Комиссии (1886 г., д. 71, л. 4–5). Помимо председателя здесь должен был быть один старший член (3000 руб.), 4 младших члена с окладом в 2500 руб., делопроизводитель, он же бухгалтер (2000 руб.), журналист (900 руб.) и сторож (360 руб.). Археологические изыскания и дорожные расходы претерпели значительное сокращение — теперь на них отпускалось 12 000 руб., на издание отчетов — 6000 руб., на расходные материалы и приобретение книг — 800 руб. В Керченском музее директор должен был получать 1200 руб., должность помощника ликвидировалась, музейный сторож получал бы 225 руб., сторож курганов — 180 руб., на наем помещений выделялось 800 руб., на наем писца и художника — 350 руб. Общий бюджет Комиссии составлял 35 815 руб. Дополнительные выплаты распределялись бы следующим образом: 500 руб., которые некогда выплачивались И. П. Вольскому согласно предложению Министерства Двора от 20 декабря 1859 г., 700 руб. на наем помещения для директора Керченского музея по распоряжению министра Двора от 1864 г., 2000 руб. на сверхштатные путевые расходы председателя ИАК и разного рода вознаграждения, с 1882 г. включенные в сумму общих расходов Комиссии, 6000 руб. на издания, которые до 1883 г. также отпускались сверхштатно. При этом А. А. Бобринской обращал внимание управляющего делами министерства на устарелость штатов 1859 г., инфляцию и требования науки. В основе его предложений лежало уравнение содержания служащих Комиссии с должностными лицами Императорского Эрмитажа, а также сверхштатное выделение крупных сумм вознаграждений, выплачиваемых ИАК, за которыми председатель Комиссии каждый раз входит с особым ходатайством к министру. Помимо этого он планировал включить сторожей в штат Комиссии (1886 г., д. 71, л. 1–3).

14 января 1887 г. последовал ответ контролера Двора Н. С. Петрова, где говорилось, что новые штаты рассмотрят одновременно с изменением штатов министерства в недалеком времени, а ныне надлежит руководствоваться существующим положением (Там же, л. 76). Тем не менее А. А. Бобринской посылает новые обращения министру, в одном из которых, 17 января 1887 г., пишет: «Надоедаю Вам одним письмом за другим по одному и тому же вопросу. Но я ходатайствую не за себя». В том же письме сообщалось о том, что председатель уже готов принять на службу новых сотрудников, в частности учителя классической гимназии во Владикавказе В. Долбежева, но этому мешает отсутствие средств и штатов, и о жалобах В. Г. Тизенгаузена на низкий оклад и его заявлении, что при прежнем положении вещей он не сможет продолжать службу в Комиссии. А. А. Бобринской писал, что лишиться В. Г. Тизенгаузена для Комиссии было бы «незаслуженным и тяжелым ударом». К тому же канцелярия Комиссии существует только благодаря переводам денег из одной статьи сметы в другую. Председатель предложил одномоментно повысить оклады старшему члену до 3000 руб., младшему члену до 2500 руб. и делопроизводителю до 2000 руб.

3 марта 1887 г. вновь А. А. Бобринской обращался в Министерство Двора с просьбой выдать В. Г. Тизенгаузену и И. А. Суслову новое штатное содержание ввиду их крайне стесненного положения, и уже 4 апреля вплоть до утверждения новых штатов было принято решение выплачивать им соответственно 1900 и 1200 руб. добавочного содержания из кредита министерства на непредвиденные расходы (1865 г., д. 24, л. 104, 107; 1882 г., д. 31, л. 71–81).

24 апреля 1888 г. министром Двора И. И. Воронцовым-Дашковым был утвержден новый штат Археологической Комиссии. Он выглядел следующим образом (1886 г., д. 71, л. 9–9 об.). Председатель традиционно не получал оклада, один старший член получал 3500 руб., 3 младших члена — 2000 руб., однако, поскольку одним из младших членов стал директор Керченского музея, реально количество младших членов сократилось до двух, делопроизводитель — 1800 руб., регистратор — 700 руб. При сохранении прежнего количества сотрудников стоит отметить увеличение денежного содержания. При этом Министерство Двора имело право назначать сверхштатных членов Комиссии без содержания, но с соответствующими полномочиями. Помимо увеличения окладов на один ранг увеличивался класс должностей, что было немаловажно в иерархической структуре Российской империи, так должность старшего члена ИАК приравнивалась к V, а членов — к VI классу по «Табели о рангах». Это соответствовало денежному содержанию и классу должностей старшего хранителя и хранителей Императорского Эрмитажа (Обзор деятельности 1901: 374, 696). Однако уже 14 мая 1888 г. А. А. Бобринской вновь входит в министерство с просьбой срочной выплаты квартирных денег членам Комиссии (1886 г., д. 71, л. 96).

Через некоторое время, 26 ноября 1893 г., министр Двора вновь предложил пересмотреть министерские штаты в связи с превышением расходов и необходимостью «сбережения в личном составе» (1882 г., д. 31, л. 196). 29 января 1894 г. руководителям учреждений было рекомендовано не увеличивать окладов и не повышать классность должностей. 4 марта 1894 г. барон В. Б. Фредерикс, тогда еще товарищ министра, просит А. А. Бобринского предоставить соображения о новых штатах, которые должны быть сокращены (Там же, л. 202). Это привело к тому, что 26 июля 1894 г. В. Г. Тизенгаузен написал прошение об отставке. 4 октября 1894 г. тогдашний председатель Комиссии граф А. А. Бобринской подал министру Двора рапорт, где просил сохранения для В. Г. Тизенгаузена «в виде монаршей милости» 3500 руб., поскольку тот и «по выходу в отставку» намеревался не отказываться от участия в некоторых работах ИАК. При этом он испрашивал «присвоение Тизенгаузену со дня его увольнения в виде личного для него исключения звания товарища председателя ИАК» с сохранением 900 руб. квартирных денег. 29 декабря 1894 г. последовало решение императора — учредить должность товарища председателя ИАК «по V классу», на которую и определить самого В. Г. Тизенгаузена и назначить, во внимание к свыше сорокалетней деятельности его и особых трудов», 4400 руб. содержания в год (1861 г., д. 30, л. 53, 54–55, 57).

Впрочем, новая реформа министра не удалась, и в том же году А. А. Бобринской вновь ходатайствовал об увеличении штатов Комиссии, по крайней мере на еще двух членов, ученого секретаря и архитектора, указывая, что после 1889 г. ее функции значительно расширились и перед ней ставится задача создания общедоступного центра научной информации по отечественным древностям. Последнее должно было быть достигнуто за счет доступности дел для исследователей и расширения библиотеки, на пополнение которой стали выделяться специальные средства (1882 г., д. 31, л. 203–206).

После отставки В. Г. Тизенгаузена в 1900 г. А. А. Бобринской 27 апреля ходатайствовал о назначении члена совета Министерства народного просвещения академика Императорской Академии наук действительного статского советника В. В. Латышева новым товарищем председателя, что и произошло 29 июня того же года (1900 г., д. 90, л. 21; д. 91). Однако в сентябре выяснилось, что должность эта была учреждена без содержания, а В. Г. Тизенгаузен получал лично сохраненный за ним оклад. В. В. Латышеву же, как сохранившему должность при министерстве, положено было лишь 1750 руб. без столовых и квартирных, что было меньше, чем зарплаты остальных членов ИАК (1900 г., д. 91, л. 38–39 об.). 24 октября

А. А. Бобринской пишет пространнейший рапорт, объясняя ненормальность создавшегося положения, и 15 декабря товарищу председателя был присвоен должностной оклад, включивший в себя помимо 1750 руб. еще 900 руб. квартирных денег и 1750 руб. столовых, причем, в случае «совместительства», квартирные не выплачивались (Там же, л. 40–45, 46).

26 сентября 1901 г. в связи с новым пересмотром штатов министр императорского Двора предложил всем руководителям подразделений представить свои соображения о желательных изменениях в штатном расписании, отмечая, что увеличение служащих может быть допущено лишь при условии доказанной целесообразности (1902 г., д. 262, л. 1–2 об.). 30 октября 1901 г. председатель ИАК представил свои предложения и новую штатную сетку, которая уже предполагала, что должность председателя Комиссии соответствовала IV классу. Согласно проекту один старший член должен был получать 3500 руб. (оклад товарища председателя был утвержден ранее), четыре члена, в число которых должен быть включен заведующий раскопками в Херсонесе, — по 2500 руб., вводилась новая должность архитектора Комиссии VI класса (2000 руб.), столько же должен был получать делопроизводитель, оклад регистратора составлял бы 1000 руб., а два канцелярских чиновника и два служителя получали бы по 600 и 300 руб. соответственно (Там же. 3–6 об.). Однако 13 августа 1902 г. управляющий Кабинетом предложил ввести иное штатное расписание, которое и было утверждено 6 декабря. Согласно этому штату товарищ председателя получал 4000 руб., старший член

Василий Васильевич Латышев
(Басаргина 2008а)

Латышев Василий Васильевич

(29.06.1855–2.05.1921) — филолог-классик, эпитафист, историк античности, специалист по византийской агиографии. Учился в Гродненской гимназии (1865–1872), выпускник Петербургского университета (1876). В 1876–1880 гг. преподаватель древних языков в Виленской гимназии. Магистр (1883) и доктор (1887) греческой словесности. Действительный член ИМАО с 1886 г. Член-сотрудник (1883), действительный член (1886), секретарь Классического отделения (1886–1891) и член редакционного комитета ИРАО. Действительный член Германского археологического общества с 1885 г. Член Императорской Академии наук (1893). Состоял членом совета министра народного просвещения, был директором историко-филологического института. Председатель Российского Палестинского общества (1918–1921). Член-корреспондент ИАК с июля 1892 г., с июня 1900 г. — штатный член, товарищ председателя; редактор «Известий Археологической Комиссии». По поручению РАО совершил поездки по югу России для копирования и сличения античных надписей (1882, 1883, 1894, 1900, 1902). Неоднократно командировался за границу с научными целями.

Осн. соч.: О некоторых эолических и дорических календарях. СПб., 1883; Исследования об истории и государственном устройстве Ольвии. СПб., 1887; Свод античных надписей, найденных в Северном Причерноморье. СПб., 1885–1901. Т. 1–2, 4; Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1906. Т. 1–2, вып. 1–5;

Лит. о нем: Памяти В. В. Латышева // С. А. М., 1958. Т. 28; Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 233–242; Тункина И. В. В. В. Латышев: жизнь и ученые труды (по материалам рукописного отдела) // Рукописное наследие русских византистов в архивах Санкт-Петербурга / Ред. И. П. Медведев. СПб., 1999. С. 172–288.

столько же, три «старых» члена по 2700 руб., тогда как должности «новоучрежденных» членов получали по 2200 руб.; делопроизводитель здесь получал 1800 руб., а регистратор — 900 руб. В штат вводилась новая должность — два чиновника XII класса с канцелярскими функциями получали 750 и 600 руб. (Там же, л. 9, 17–18; РА, ф. 25, д. 68).

Еще в 1888 г. А. А. Бобринской добивается увеличения финансирования полевой и издательской деятельности Комиссии. В смету также была введена новая статья расходов — «сверхсметные кредиты», которая значительно расширяла возможности по приобретению древностей у частных лиц. При этом Комиссия передавала древности, выкупленные по собственной инициативе за бюджетные деньги, в российские музеи на безвозмездной основе. Так, в период 1881–1894 гг. ИАК передала в Императорский Эрмитаж 453 клада и отдельных находки, в Исторический музей — 270, в другие музеи — 435 (1900 г., д. 175, л. 14).

Вообще же, во второй половине 1880-х–1890-е гг. штатный состав Комиссии значительно изменился. 1 сентября 1886 г., после длительных переговоров с А. А. Бобринским, младшим членом ИАК становится граф И. И. Толстой, с продолжением службы в МВД (Ананьич 2007; Гайдуков 2008а: 203–206, 2008b: 159–166). 19 декабря 1889 г. по ходатайству А. А. Бобринского он был назначен конференц-секретарем Академии художеств, а 1 апреля 1890 г. — гофмейстером Двора. Сам А. А. Бобринской, ходатайствуя о присвоении И. И. Толстому придворного звания, указывал, что тот «составил себе имя русской археологией и нумизматикой», однако впоследствии их отношения приобрели конфликтный характер. 15 января 1891 г. И. И. Толстой был уволен согласно собственному прошению, мотивируя это тем, что не имеет «возможности по недостатку к тому времени посещать ИАК» (1886 г., д. 48, л. 43 об., 48). Почти одновременно с И. И. Толстым 1 февраля из Комиссии уходит и близкий ему Н. П. Кондаков.

Похоже, что находящиеся между собой в дружеских отношениях граф И. И. Толстой и Н. П. Кондаков просто «не сработались» с новым председателем. Более того, граф И. И. Толстой начал активно интриговать против А. А. Бобринского и в самой Комиссии, и в Академии художеств. Отголоски этого конфликта можно найти и на страницах дневника тестя А. А. Бобринского — государственного секретаря А. А. Половцова, и в дневниковых записях Н. П. Кондакова осенью 1890 г. «Толстой в схватке с Бобринским... помочь в деле укрощения графа Толстого и примирения с Бобринским» (СПб ФА РАН, ф. 115, оп. 3, д. 11, л. 558 об., 460 об.). Определенно об этом писал киевский профессор Ю. А. Кулаковский, посетивший Археологическую Комиссию в январе 1891 г.: «В Комиссии теперь такие хлопоты и внутренние нестроения и даже разложения, что трудно что-нибудь закончить и даже столковаться. Толстой, вытеснивший Бобринского из Академии художеств, вышел неделю тому назад в отставку из Комиссии и заменен Дружининым, числившимся до того сверхштатным ее членом. Теперь подал в отставку и Кондаков — так что Комиссия сконцентрирована в Тизенгаузене, который видимо постарел, но все же один там стоит крепким столпом. Занят он, как и председатель, выставкой, которую они устраивают после трехлетнего перерыва... Насчет будущего в Комиссии очень много планов и соображений, но все это или тормозится заботами о настоящем, или оказывается очень проблематичным» (Пучков 2004: 99–100). В этом конфликте В. Г. Тизенгаузен счел своим долгом встать на сторону председателя, с которым до определенного времени сохранял вполне дружественные отношения.

В связи с расширением полномочий Комиссии и увеличением трудов по ученой переписке 2 мая 1889 г. А. А. Бобринской ходатайствовал о назначении Василия Григорьевича Дружинина членом ИАК без содержания, в расчете усилить состав Комиссии «ученым

Ш Т А Т Ъ

ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссии.

НАИМНОВАНИЕ ДОЛЖНОСТЕЙ.	Число лицъ.	Содержаніе въ годъ.		Классъ должно- сти и разрядъ по мун- диру.
		Одному.	Всѣмъ.	
		Р у б л и .		
Товарищъ Предсѣдателя.....	I	4.000	4.000	V
Члены.....	I	4.000	4.000	VI
	3	2.700	8.100	
	2	2.250	4.500	
Дѣлопроизводитель.....	I	1.800	1.800	VII
Регистраторъ.....	I	900	900	IX
Чиновники XII класса.....	I	750	750	XII
	I	800	800	
Итого.....	II	-----	24.650	---

Роспись штата Императорской Археологической Комиссии, 1902 г. (1902 г., д. 262, л. 9)

секретарем» (1889 г., д. 36, л. 1–1 об.). Это был первый опыт введения в ИАК сверхштатного члена, что стало возможным в связи с утверждением новых штатов Комиссии 1888 г. Коллежский секретарь В. Г. Дружинин состоял при МВД чиновником IX класса и уже был ученым секретарем одного из отделений РАО. Он был кавалером самого экзотического ордена среди членов ИАК — ордена Аннамского дракона, полученного им от императора Аннама, будущего Вьетнама, Тхань Тхай за труды по организации IV Международного тюремного конгресса по линии МВД (Там же, л. 28).

В результате В. Г. Дружинин был назначен 16 июля, но не членом, а «исправляющим обязанности» члена, поскольку должность самого члена соответствовала VI классу (Там же, л. 8, 16–16 об., 19). В Комиссии В. Г. Дружинин занимался библиотекой и фотоделом, командируясь время от времени для проведения исследований на восток и на юг Империи (Там же, л. 29). Судя по всему, полевые исследования не очень привлекали магистра русской истории, во всяком случае он стремился ограничиться весьма кратковременными и локальными работами, не используя даже большей части финансовых средств, выделенных на их проведение. Как известно, еще в 1894 г. А. А. Бобринской вновь ходатайствовал перед министерством о введении в штат Комиссии должности ученого секретаря. Как только в 1896 г. выдалась возможность перейти на работу в Археографическую Комиссию и заняться более традиционным для историка делом, В. Г. Дружинин

Толстой Иван Иванович

(31.12.1858–20.05.1916) — граф (1866), гофмейстер (1898), нумизмат и археолог, почетный член Академии наук (1897) и Академии художеств (1905). Сын министра почт и телеграфов И. М. Толстого, отец антиковеда академика И. И. Толстого. В 1880 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1881 г. служил по ведомству внутренних дел. В 1889 г. назначен конференц-секретарем Императорской Академии художеств, а в 1893 г. — ее вице-президентом. Принимал деятельное участие в составлении нового устава Академии и ее преобразовании. Способствовал основанию и устройству Русского музея в Петербурге. С 1885 по 1890 г. — секретарь, с 1899 г. — помощник председателя ИРАО. Младший член (1886), член (1888–1891) ИАК, разбирал и описывал все монетные клады, поступавшие в комиссию. С 1900 г. состоял председателем Русского общества печатного дела. С 1905 г. по 1906 г. — министр народного просвещения, в 1913–1916 гг. — городской голова Санкт-Петербурга. Автор многочисленных работ по нумизматике и археологии.

Осн. соч.: Древнейшие русские монеты вел. княжества Киевского. СПб., 1882; Русская допетровская нумизматика. Вып. 1 (Монеты великого Новгорода). СПб., 1884; Вып. 2 (Монеты Псковские). СПб., 1886; Зная первых наших христианских великих князей // Труды VI Археологического съезда в Одессе в 1884 г. Одесса, 1887. Т. 1; О русских амулетах, называемых змевиками // Там же. СПб., 1888. Т. 3; Три клада русских денег XV-го и начала XVI в. // Записки ИРАО. СПб., 1890. Т. 4.

Лит. о нем: Жебелев С. А. Граф Иван Иванович Толстой. 1858–1916. Пг., 1916; Сухорукова А. С. Иван Иванович Толстой (1858–1916) — министр, общественный деятель, нумизмат // Из глубины времен: Альманах. СПб., 1997. Вып. 9. С. 46–58; Толстой И. И. Дневник 1906–1916 / Публ. Л. И. Толстой. СПб., 1997; Ананьич Б. В. И. И. Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007.

Иван Иванович Толстой
(СПбФА РАН, Р.Х, оп.1-Т, д. 21, л. 1)

не преминул ею воспользоваться. Он был уволен 22 декабря 1896 г. согласно собственному прошению (Там же, л. 25 об.).

1 февраля 1892 г. младшим членом ИАК стал коллежский ассессор, преподаватель Вятской Мариинской женской гимназии Александр Андреевич Спицын, с чьи именем связано развитие славяно-русской археологии и археологии эпохи бронзы и железа в рамках деятельности Комиссии. Вопреки расхожему мнению о роли С. Ф. Платонова и Н. И. Веселовского в приглашении А. А. Спицына в Археологическую Комиссию, именно В. Г. Дружинин сыграл здесь решающую роль. Он входил в число немногих близких друзей А. А. Спицына. Их знакомство началось в студенческие годы на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. В его квартире (В. Г. Дружинин был сыном богатого купца-старообрядца, владельца Кыштымских заводов на Урале) собиралась дружеская компания студентов этого факультета, на основе которой позднее возник «кружок русских историков». Постоянными посетителями обедов у Дружинина бывали С. Ф. Платонов, И. А. Шляпкин, К. А. Иванов, часто там бывал и А. А. Спицын (Бухерт 2000: 130). Дружеские связи между участниками этих собраний в дальнейшем поддерживались на протяжении почти всей жизни. В Музее истории СПбГУ хранится серебряный ковшичек-братина, преподнесенный С. Ф. Платонову сотоварищами со студенческих лет по поводу 25-летия его научной деятельности. На дне выгравирована надпись: «С. Ф. Платонову старые друзья 1883 I/III 1908 В. Г. Д+К. А. И.+А. А. С.+И. А. Ш.».

В переписке В. Г. Дружинина и А. А. Спицына уже с лета 1889 г. обсуждался вопрос о сотрудничестве последнего с Комиссией. Сразу же после назначения В. Г. Дружинина сотрудником Комиссии А. А. Спицын пишет ему из Вятки: «Всего лучше было бы для меня пристроиться не в гимназии, а где-нибудь при архиве и вообще при каких-нибудь

Василий Григорьевич Дружинин
(СПбФА РАН, Р.Х, оп. 2, д. 91, л. 1)

Дружинин Василий Григорьевич

(1859–1936) — историк церковного раскола, археограф, палеограф, коллекционер, член-корреспондент Российской Академии наук (1920). Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1889 г. получил степень магистра русской истории за диссертацию «Раскол на Дону в конце XVII в.». С 1888 г. секретарь отделения славяно-русской археологии РАО, а с 1890 по 1906 г. секретарь общества. С 1889 по 1896 г. член ИАК, стал ее первым фотографом. В 1896 г. перешел в Археографическую Комиссию, с 1921 г. заместитель ее председателя. Член Комитета попечительства о русской иконописи (1903–1918). В 1929 г. исключен из Академии наук и арестован в 1930 г. Сослан в Ростов Великий. Собрал коллекции русского медного литья, старообрядческих рукописей XVII–XX вв.

Осн. соч.: Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889; Священноиерей Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним. СПб., 1908; Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911; Поморский торжественник // Сборник в честь профессора Платонова. СПб., 1911.

Лит. о нем: Память: Исторический сборник. М., 1976.

Вып.1. С.383–384; Берестецкая Т.В. В.Г. Дружинин: новые материалы к биографии// Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Исследования по русской истории. М., 1994. Вып. 2. С. 214–227.

кабинетных ученых трудах. Всего было бы лучше, если бы нашлось подходящее место в Археологической Комиссии. Давно меня разбирает охота заняться общерусской археологией, и если бы мое желание совпало с желанием Комиссии, то я с удовольствием принял бы участие в ее трудах (конечно, важно, чтобы содержание соответствовало гимназическому — увы! Этот вопрос имеет капитальное значение). Вы ведь знакомы с гр. Толстым, так не можно ли Вас попросить перекинуться с ним об этом словечком-другим? Я знаю, что Комиссия уже давно занята вопросом об общем описании русских древностей, но не знаю, как идет это дело и кто его делает: есть ли у них для него особое лицо или эту работу разобрали члены Комиссии. Вам это нетрудно узнать» (РГАЛИ, ф. 167, оп. 1, д. 465, л. 37). Сообщая о своих занятиях историей и археологией Вятского края, Спицын писал Дружинину в декабре 1889 г.: «Ну, значит, теперь в Археологической Комиссии у меня рука. Я очень пробирался к архиву Комиссии, где, я знаю, найдется немало для меня интересного, да как доберешься до Питера? Это не в лавочку сходить за вареньем. Не сообщите ли Вы мне, в порядке архив или нет? Можно ли найти в нем все, что относится, например, к древностям вятским? Или все существенное помещается в Отчетах?» (Там же, л. 41). В другом письме, датированном февралем 1890 г., сообщалось: «Еще раз спасибо Вам, голубчик, за заботы

Спицын Александр Андреевич

(14.08.1858–17.09.1931) — археолог, историк, член-корреспондент АН СССР (1927 г.). Крупнейший специалист по средневековым русским древностям. Занимался изучением, систематизацией, каталогизацией древностей России (бронзовый век, скифо-сарматские, волжско-камские, славянские древности), датировал многие важнейшие археологические памятники. В 1878–1882 гг. учился на историко-филологическом факультете Петербургского университета. По окончании преподавал в Вятской женской гимназии, изучал историю и древности Вятского края. В 1892 г. переехал в Петербург, где стал членом ИАК. Принимал активное участие в работе ИРАО, с 1907 г. хранитель его музея. Провел ряд экспедиций по исследованию древних памятников Вятской губернии. С 1909 г. читал лекции по археологии в Петербургском университете, с 1914 г. в Петербургском Археологическом институте, а также в Новгородской мужской учительской семинарии. Был избран почетным членом Новгородского общества любителей древности. С 1918 г. член ГАИМК. Заведовал разрядом русских, финских и литовских древностей. Организовал две комиссии: по изучению русской нумизматики и русской миниатюры. Похоронен на Смоленском кладбище.

Осн. соч.: Археологические разыскания о древних обитателях Вятского края. СПб., 1893; Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СПб., 1899; Удлиненные и длинные русские курганы. СПб., 1903; Археологические раскопки. СПб., 1910; Русская историческая география: учебный курс. Пг., 1917.

Лит. о нем: Жебелёв С. А. Археолог-энтузиаст. (Памяти Спицына) // СА. 1948. № 10; Бич О. И. Архив А. А. Спицына // Там же; Пассек Т. С., Латынин Б. А. К столетию со дня рождения А. А. Спицына (1858–1958) // СА. 1958. № 3. С. 3–6; Равдоникас В. И. Памяти А. А. Спицына (1858–1931) // Сообщение ГАИМК. 1931. № 9/10; История и практика археологических исследований: Мат-лы междунауч. конф., посв. 150-летию со дня рождения А. А. Спицына. СПб., 2008; Тихонов И. Л. Деятельность А. А. Спицына в Санкт-Петербурге (1892–1931) // РА. 2009. № 3. С. 145–154.

Александр Андреевич Спицын
(ФА, О. 778/65)

о привлечении меня в Комиссию, но я, право, боюсь оказаться неблагодарным. Дело в том, что гр. Уварова меня приласкала, снискала своими милостями, и, хотя я, может быть, щедро заплатил ей за внимание, но все же перебежать при этих условиях в чужой лагерь претит совесть. Я не из перелетов. Однако от души желаю успеха Археологической Комиссии, которая могла бы стать во главе нашей археологии, если бы хотела, и не отказываюсь от мысли со временем принять участие в ее работах. Я медлил своим ответом Вам потому, что у меня было явилась мысль некая — проситься в члены Комиссии с жалованьем (до 1200 р.), чтоб заняться вплотную археологией, оставив гимназию, но думаю, что это невозможно, главное, потому, что я еще не зарекомендовал себя, по крайней мере, в настоящее время. Посмотрим — увидим (членом-наблюдателем от Комиссии в губернии я, конечно, готов быть с большим удовольствием)» (Там же, л. 46). В январе 1891 г. Спицын вновь писал Дружинину о своих археологических работах и планах, делился сомнениями, полагая, что сначала должен зарекомендовать себя большой работой по археологии: «В тайне я рассчитываю стать со временем усердным работником для Комиссии, так как, конечно, только она может дать средства для таких предприятий, какие я задумываю, но мне надо, чтобы расставанье с М. А. О. произошло без боли. Так и потрудитесь пока сказать г. Тизенгаузену: рано или поздно я непременно примкну к Комиссии и надеюсь стать одним из деятельнейших ее сотрудников... Еще раз спасибо за участие. В конце концов, Вы приведете же меня в Комиссию, и я надеюсь, что Вы дадите ей если не хорошего, то порядочного работника» (Там же, л. 54).

Окончательное предложение принять должность члена ИАК, инициированное В. Г. Дружининым, поступило А. А. Спицыну непосредственно от А. А. Бобринского, как явствует из докладной записки самого А. А. Спицына от 31 декабря 1891 г., где он выражает свое совершенное согласие на сделанное предложение (1891 г., д. 199, л. 1).

1 января 1895 г. на должность старшего члена Комиссии был принят Николай Иванович Веселовский, бывший до этого некоторое время членом-корреспондентом ИАК. 1 декабря 1896 г. членом ИАК становится лектор Императорского Петербургского университета Федор Александрович Браун (1896 г., д. 227, л. 14), однако 14 апреля 1900 г. подает рапорт об увольнении, мотивируя это своим назначением экстраординарным профессором Петербургского университета (Там же, л. 16). В конце того же года А. А. Бобринской все же ходатайствует о назначении его сверхштатным членом Комиссии.

27 ноября 1896 г. А. А. Бобринской утвердил «Положение о распределении обязанностей служащих Археологической Комиссии» на основании 20-го пункта Положения об ИАК, где этот вопрос был поставлен в зависимость «от усмотрения председателя». Проект нового Положения принадлежал В. Г. Тизенгаузену. Постоянное расширение деятельности Комиссии привело А. А. Бобринского к убеждению о пользе распределить служебные обязанности и ответственность всех служащих в Комиссии лиц. Каждый из трех штатных членов должен был заведовать отдельным районом. К его миссии относилось ведение археологическими делами и производство разысканий, собирание сведений о памятниках древности, принятие мер к сохранению случайных находок, их ученая оценка и издание, вопросы реставрации монументальных памятников, приготовление итоговых отчетов об исследованиях для последующей публикации, организация хранения, каталогизации и выставок поступивших в Комиссию древностей для высочайшего воззрения, а также их распределение по музеям. Первый район включал в себя северную часть Европейской России и Сибирь примерно до 55-й широты, второй — от 55-й широты до Черного моря, Северного Кавказа и Каспия, третий — Северный Кавказ, Закавказье и Среднеазиатские владения России. Четвертый член в должности

директора Керченского музея должен был вести делами своего музея на месте, но вопросы научного характера входили в компетенцию второго члена Комиссии. Каждый из уполномоченных отчитывался по своему району на заседаниях Комиссии. Ведение общих вопросов и издание отчетов входят в обязанности товарища председателя Комиссии, которому были подчинены также библиотека и проведение выставок. Все входящие в ИАК бумаги должны были поступать на рассмотрение председателя (РА, ф. 25, д. 241, л. 1–2). За второй регион до 1900 г. отвечала Ф. А. Браун: так, в конце 1890-х гг. ему было поручено А. А. Бобринским докладывать на заседаниях Комиссии о текущей реставрации Бахчисарайского дворца, крепости в Алуште и осматривать Херсонесские раскопки

Веселовский Николай Иванович

(11.1848–30.03.1918) — археолог, востоковед, специалист по истории Крыма, Кавказа, Золотой Орды, Средней Азии, Персии, Китая. Родился в г. Вологде в семье разночинцев. В 1867 г. окончил Вологодскую гимназию. В 1869–1873 гг. обучался в Петербургском университете на факультете восточных языков. В 1877 г. защитил магистерскую диссертацию. С 1884 г. профессор, ординарный профессор (1890), заслуженный ординарный профессор (1903) кафедры истории Востока Петербургского университета. С 1892 по 1918 г. профессор первобытной археологии в Петербургском Археологическом институте. В 1886 г. за исследование Туркестанского края получил звание члена-корреспондента ИАК. С 1895 г. состоял старшим членом ИАК. Действительный член (1889), управляющий Восточным отделением (1908–1918) РАО. Действительный член МАО с 1887 г., ТУАК — с 1889 г. Председатель разряда археологии и археографии Военно-исторического общества (1908–1918). Член Географического общества по отделу этнографии и редактор его записок. В 1884 г. командирован Археологической Комиссией в Туркестанский край, где предпринял раскопки древних городов Средней Азии, в том числе первые раскопки на городище Афрасиаб. Результатом раскопок стало открытие эллинистического искусства домусульманского периода в Туркестане. Приобрел в Самарканде для Археологической Комиссии значительные коллекции древностей. Принимал активное участие в научной фиксации, охране и проектах реставрации всемирно известных памятников зодчества мусульманского периода в Туркестане. С 1889 по 1917 г. ежегодно проводил археологические раскопки на городищах и могильниках юга России (Таврическая и Ставропольская губернии, Кубанская и Донская области). Раскопал сотни курганов, среди них такие известные памятники как: Огуз (1891–1894), Деев (1897), Чмырев, Майкопский (1897), Костромской, Ульский, Келермесские, Солоха (1912–1913) и др. Исследовал городища: Недвиговское, Елизаветовское и др. Находки из раскопок явились значительным вкладом в коллекции Эрмитажа, в том числе в сокровищницу «Золотой кладовой». Список печатных трудов насчитывает около 200 работ.

Осн. соч.: Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890–1898. Т. 1–3; Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе // Труды XII Археологического съезда в Харькове. М., 1905. Т. 1; Лекции по истории Востока. СПб., 1910; Из находок в кургане Солоха // ИАК. 1913. Вып. 52. Приб. С. 192–195.

Лит. о нем.: ЗВОРАО. Пг., 1921. Т. 25; Лунин Б. В. Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979; Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 88–92.

Николай Иванович Веселовский
(СПбФА РАН, Р.Х, оп.2, д.60)

(1894 г., д. 19, л. 137; 1899 г., д. 197, л. 7), за северные широты — А. А. Спицын, третьим регионом ведал Н. И. Веселовский.

В 1891 г. поменялось руководство Керченского музея. 3 февраля Ф. И. Гросс подал рапорт об отставке, ссылаясь на ослабленную нервную систему и ревматизм, а также на чрезмерные служебные обязанности, ибо все это время он исполнял должность собственного помощника (1891 г., д. 28, л. 3). 2 апреля А. А. Бобринской ходатайствовал о его увольнении с 31 марта, прося до прибытия нового директора продолжать заведование музеем. Однако уже 28 февраля 1891 г. Карл Евгеньевич Думберг, преподаватель истории и географии Ревельской гимназии императора Николая I и член Ученого эстонского общества, заранее узнав от В. Г. Тизенгаузена об открывающейся вакансии, обратился к председателю ИАК с рапортом о назначении его директором Керченского музея (1891 г., д. 37, л. 1). А. А. Бобринской предполагал изначально сделать его лишь исполняющим должность без утверждения членом Комиссии, однако 31 марта К. Е. Думберг был утвержден министром Двора в официальной должности. 1 июля 1891 г. он принимает дела музея и снимает для него новое помещение в доме Парфиевской.

С именем К. Е. Думберга связаны существенные изменения в деятельности Керченского музея, его переезд в новое здание и формирование собственной библиотеки (*смотри*

Федор Александрович Браун
(СПбФА РАН, Р.Х, оп.1-Б, д. 406, л. 1)

Браун Федор Александрович (Фридрих фон)

(20.07.1862–1942) — филолог-германист и романист, историк, этнолог. Магистр истории всеобщей литературы (1900), почетный доктор философии Лейпцигского университета (1921). Действительный член РАО с 1892 г. Член-корреспондент АН СССР (1927), иностранный член-корреспондент Шведской королевской академии литературы, истории и древностей (1926). В 1885 г. окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1888 г. читал там лекции по истории западноевропейских литератур и германской филологии. В 1900 г., по защите магистерской диссертации, назначен экстраординарным профессором по кафедре истории западноевропейских литератур, с 1905 г. — ординарный профессор и декан историко-филологического факультета, а с 1906 по 1908 г. — проректор. Член учебного комитета Министерства торговли и промышленности. С декабря 1896 г. по апрель 1900 г. — член ИАК, затем сверхштатный член; с сентября 1918 г. — член Совета РГАК. Провел раскопки на городище Мангуп в Крыму, искал следы готы в Приазовье. Научная деятельность — изучение культурных взаимоотношений германского и славянского миров; работал над варяжским вопросом, владея в одинаковой степени скандинавским и русским материалом. Эмигрировал в Германию, где и скончался.

Осн. соч.: *Die letzten Schicksale der Krimgoten*. СПб., 1890; *Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V в. Первый период: готы на Висле* // Сборник II отд. Императорской Академии наук. Т. 64; *Шведская руническая надпись, найденная на острове Березани* // Известия ИАК. 1907. Вып. 23.

Лит. о нем: Тункина И. В. Н. Я. Март и Ф. А. Браун: история взаимоотношений (1920–1925 гг.) // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 384–392; *Тихонов И. Л. Неоднократный декан историко-филологического факультета Ф. А. Браун* // *Мат-лы XXXI Всероссийской научно-метод. конференции преподавателей и аспирантов*. Вып. 10. Секция истории филологического факультета. СПб., 2002. С. 8–13.

главу II). В целях придания своим сотрудникам большего общественного веса и успеха борьбы с грабительскими раскопками он 16 декабря 1891 г. предлагает сделать специальные нагрудные бляхи для надсмотрщиков музея и сторожей. 26 мая 1892 г. специальный знак из латуни с надписью «Надсмотрщик Керченского музея» по рисунку архитектора Г. Солтыковича был утвержден министром Двора, и одновременно приказом по Кабинету его императорского величества было объявлено, что в случае незаконных раскопок необходимо немедленно уведомить местную полицию и составить соответствующий акт в присутствии надсмотрщика (1891 г., д. 37, л. 47, 94, 94 об.). 30 октября 1899 г. вновь для поддержания авторитета служащих музея он уже ходатайствует о введении особой формы для сторожей и надсмотрщиков Керченского музея по образцу сторожей ИАК. Стоит отметить, что штат музея в это время состоял из писаря Михаила Чернышева (с 1862 г.), сторожа Антона Основского (с 1894 г.), старшего надсмотрщика Семена Зяблова (с 1876 г.), второго надсмотрщика Емельяна Митрова (с 1899 г.) и сторожа при Царском кургане Василия Мазка (с 1895 г.) (Там же, л. 225, 227).

Несмотря на это, отношения директора музея и председателя ИАК складывались не просто. 27 ноября 1895 г. К. Е. Думберг подал в ИАК рапорт о награждении серебряными медалями на «Станиславовой» ленте музейных надсмотрщиков Семена Зяблова и Павла Ворсаблюка, однако сам А. А. Бобринской 9 декабря в то же время просил у министра за Ивана Маленко и Дмитрия Евфимова, которые работали на раскопках с Н. И. Веселовским,

Думберг Карл Евгеньевич (Карл Теодор Роберт Георг)

(12.10.1862–02.05.1931) — надворный советник, сын кандидата агрономии Дерптского университета. Окончил курс в Дерптском университете по ист.-филол. факультету в звании учителя исторических наук в гимназиях. Преподавал историю и географию. В 1889 г. избран членом Ученого эстонского общества, где был хранителем Нумизматического кабинета и членом-корреспондентом общества для исследования о. Эзель. В 1891 г. назначен на должность заведующего Керченским музеем и исправляющим должность члена ИАК. Проводил раскопки в Керчи, в 1896–1899 гг. первые крупномасштабные раскопки Пантикапея на северном склоне горы Митридат. В 1894 г. избран действ. членом ИООИД, в 1899 г. — членом Таврической ученой комиссии в Симферополе. Член-корреспондент Императорского РАО с 1900 г. В 1901 г. уволен от службы, согласно прошению по состоянию здоровья. В дальнейшем работал в Статистическом комитете в Керчи, в археологию так и не вернулся. С 1915 г. — старший преподаватель и инспектор частной гимназии, позднее — ассистент минералогического кабинета университета в Дерпте.

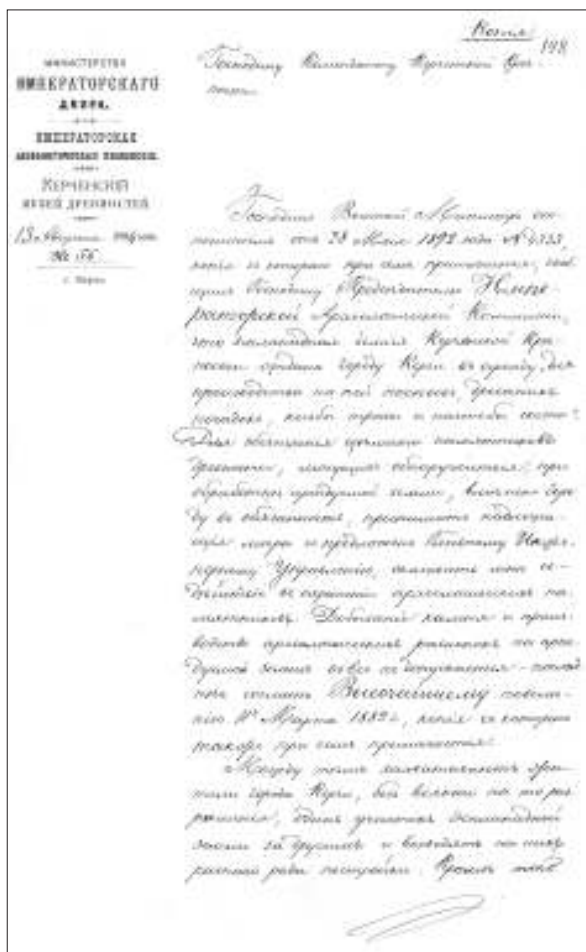
Осн. соч.: Извлечение из отчета о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1899 г. // Известия ИАК.

1901. Вып. 1. С. 80–93; Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. // Известия ИАК. 1902. Т. 2. С. 40–60.

Лит. о нем: Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерк истории столицы Боспора. М., 1964; *Непомнящий* А. Карл Думберг — археолог, краевед, подвижник музейной справи в Крыму // Праці Центру пам'яткознавства / НАН України. Київ, 2006. Вип. 9. С. 94–102.

Карл Евгеньевич Думберг
(Частный архив)

Бланк Керченского музея древностей
(1891 г., д. 37, л. 148)

и ходатайствовал об их награждении перед керченским градоначальником Митрофаном Егоровичем Колтовским (1895 г., д. 281, л. 1–2 об., 3–4). Уже 30 декабря 1895 г. М. Е. Колтовский направляет секретный запрос К. Е. Думбергу, не состоят ли выше означенные Маленко и Евфимов в «счастливых» и не занимаются ли кладоискательством, нанося тем вред, а не пользу археологии. 1 января 1896 г. К. Е. Думберг, оговариваясь, что прямых доказательств у него нет, свидетельствует о своей убежденности в этом и 2 января пишет по данному поводу самому А. А. Бобринскому (Там же, л. 5–5 об., 6 об.). 15 января 1896 г. председателю ИАК отправил письмо и керченский градоначальник: И. Маленко и Д. Евфимов, «закоренелые счастливики и опытные воры», «несмотря на службу при археологии, есть самые отчаянные враги ее, непрерывно занимаясь тайным кладоискательством и сбывая все найденные древности не представителям археологии, а частным лицам». Они заслуживают «не награду, а изгнания и устранения от всякого соучастия в археологии» (Там же, л. 25–26). Инициированное графом награждение не состоялось.

Почти 10-летний период руководства К. Е. Думберга Керченским музеем закончился драматично. 7 марта 1900 г. он подает в Комиссию рапорт о том, что с 1 июля исте-

кает срок аренды дома Парфиевской, в котором располагался музей, и что хозяйка требует увеличения аренды до 1100 руб. в год. 18 марта А. А. Бобринской ходатайствует перед министром о дополнительных средствах, однако уже 12 апреля К. Е. Думберг подает первый рапорт об увольнении. Председатель Комиссии просит его сначала произвести порученные ему работы на Ольвийском некрополе, но 18 апреля появляется новый рапорт, где К. Е. Думберг, со ссылкой на свою ревматическую болезнь, отказывается от этих раскопок и вновь просит об увольнении. Следующий рапорт датируется 28 апреля, где он вновь подчеркивает свои заслуги и мотивирует необходимость отставки своим болезненным состоянием (1891 г., д. 37, л. 231, 235, 241, 250, 258–261). Только начатый им переезд музея заставил его еще на один год задержаться в Комиссии.

Именно в это время К. Е. Думберг терпит еще одно поражение в своей борьбе за сохранение керченских древностей, которую он вел с 1897 г. Он боролся за передачу горы Митридат непосредственно в ведение ИАК для окончательного археологического расследования. 14 января 1898 г. Главное инженерное управление Военного министерства, в ответ на письмо А. А. Бобринского от 12 мая 1897 г., вроде бы отклонило ходатайство МВД о передаче этого

участка Керченскому городскому правлению и даже предлагало сдать гору в аренду городу с тем неременным условием, чтобы «участки, потребные ИАК для изысканий с научной целью, могли быть выделяемы из аренды во всякое время по первому требованию военного ведомства без всякого за то вознаграждения городу». Однако в 1901 г. вопрос о Митридатовой горе был решен совершенно без участия Комиссии: военные просто произвели обмен этого участка на иную городскую землю (1891 г., д. 37, л. 187, 196–197). 3 мая 1901 г. следует новый рапорт о попытке захвата эспланады горы Митридат Керченским городским правлением, что сопровождалось напоминанием об уже поданной просьбе об увольнении. 12 мая 1901 г. хранителю Мелек-Чесменского кургана преподавателю Керченской Александровской гимназии Владиславу Вячеславовичу Шкорпилу, который уже временно заведовал музеем в мае 1897 г., поступило предложение А. А. Бобринского принять у К. Е. Думберга дела, что и было сделано 6 июля. 15 июля 1901 г. прежний директор был отправлен в отставку.

Невозможно не обратить внимания на практически одновременную отставку В. Г. Тизенгаузена, Ф. А. Брауна, К. Е. Думберга и И. А. Суслова (1900–1902 гг.). В действительности это не было случайностью, все четверо ушли из Комиссии в результате серьезного конфликта, который имел под собой личностные, административные и научные причины. Несмотря на то что одна из сторон конфликта относит его начало к 1892 г., т. е. ко времени прихода А. А. Спицына в Комиссию, вплоть до лета 1899 г. ничто не предвещало серьезных потрясений в этом учреждении. К. Е. Думберг не собирался в отставку: 15 марта 1898 г. он просит представить его к следующему чину, а также ходатайствует о выделении денежного пособия. Более того, он намеревался расширить свою полевую деятельность: 14 июля он запрашивает Открытый лист на раскопки Кобанского могильника в «Сунженском отделе Терской области» (ОПИ ГИМ, ф. 163, д. 2, л. 87, 122). Возможно, именно здесь, на Северном Кавказе, и столкнулись впервые его научные интересы с планами Н. И. Веселовского, который за год до этого раскопал знаменитый Майкопский курган.

Одновременно назревал конфликт и в Петербурге между «старой гвардией» и «новобранцами». 27 июня 1899 г. исполнялось 50 лет государственной службы В. Г. Тизенгаузена и 45 лет службы И. А. Суслова. По этому поводу последний, «за свой счет», организовал торжественный молебен с придворным духовенством, после чего состоялся скромный праздничный обед. В адрес юбиляров поступило несколько поздравительных телеграмм. Однако ни Н. И. Веселовский, ни А. А. Спицын, ни И. С. Сутолло никак не поздравили В. Г. Тизенгаузена: если первый просто отсутствовал в Петербурге, то остальные, пребывая в помещениях

Нагрудный знак надсмотрщика Керченского музея, утвержденный 26 мая 1892 г. по рисунку архитектора Г. Солтыковича. Эскиз (1891 г., д. 37, л. 94)

Комиссии, демонстративно проигнорировали праздничные мероприятия. С возмущением описывая происшедшее на «непризнанном юбилее» в своем письме к А. А. Бобринскому, И. А. Сулов не только дает выход эмоциям, но и указывает на существующие, по его мнению, фундаментальные причины нестроений в Комиссии. Отношение новых членов ИАК к себе и В. Г. Тизенгаузену он объясняет «силой зависти, беспредельной ненавистью, беззубой злобой»: «Мыслимо ли было видеть всю эту мерзость до начала 1892 года!». Заявляя, что эти сотрудники «губят Комиссию», он характеризует их как «псевдоученых» и «изобретателей прикладной археологии». По его мнению, их целью стала «обработка чужого труда», его «скомпоновка и напечатание под своим флагом, но за счет Комиссии». Непосредственно А. А. Спицын обвиняется в «издании приятельских коллекций». Сравнивая стоимость издания «Древностей камской чуди» и «Русских кладов», он пишет, что «ловко проведенный вопрос об изготовлении для Теплоухова таблиц обошелся ИАК дороже» одного «тома Кондакова» (ОПИ ГИМ, ф. 163, д. 9, л. 20–23; Древности камской чуди 1902; Кондаков 1896).

Именно тогда в Комиссии возникло новое напряжение. 2 июня и 18 июня 1899 г. начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского войска генерал-лейтенант Малама сообщал в ИАК из Екатеринодара о разграбление курганов на Зубовских хуторах, которые якобы находятся на частной земле, а также об открытии древних погребений у селения

Владислав Вячеславович Шкорпил
(ФА, Q 308/19)

Шкорпил Владислав Вячеславович

(1853–27.12.1918) — археолог, эпитафист. Действительный член ООИД (1894), ТУАК (1903), Германского археологического института, Общества чешских филологов, Варненского археологического общества. По национальности чех, в 1893 г. принял подданство России. Образование получил в Пражском университете и Русском филологическом семинаре при Лейпцигском университете в 1878 г. По окончании получил назначение в Таврическую губернию — в Ялтинскую Александровскую гимназию преподавателем древних языков. Затем переведен в Керченскую гимназию (1886–1903), где заинтересовался памятниками Боспора. В 1894 г. назначен хранителем Мелек-Чесменского кургана в г. Керчи. С 1901 по 1918 г. — член ИАК и директор Керченского музея древностей (с оставлением преподавателем). В честь 50-летия ИАК (1909) выражена благодарность за удачные раскопки, найденные ценные древности и за труды по искоренению кладоискательства, которое значительно сократилось. Опубликовано около 100 работ. В декабре 1918 г. убит грабителями курганов.

Осн. соч.: Вновь открытая христианская катакомба // ЗООИД. 1895. Т. 18. С. 185–198; Из архива Керченского

музея древностей: Ашик и Карейша // Известия ТУАК. Симферополь, 1907. № 40; Боспорские надписи, найденные в Керчи в 1910 году // Известия ИАК. СПб., 1914. Вып. 40.

Лит. о нем: Марти Ю. Ю. Памяти В. В. Шкорпила // ИТУАК. 1919. № 56. С. 144–147; Шестаков С. А. Жизнь и деятельность Владислава Шкорпила // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Владислава Шкорпила. 1993. Керчь. 1993; Лазенкова Л. М. Керченский музей древностей: Исследователи: В. В. Шкорпил // Боспор Киммерийский: Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002. С. 145–152; Гриненко Л. О. «Керченский коллега» (Роль В. В. Шкорпила в становлении Херсонесского музея) // Боспорские исследования. Симферополь; Керчь, 2005. Вып. 9.

Гатлукай. Ф. А. Браун, заведовавший в это время делами ИАК, командировал Н. И. Веселовского, который тогда вел раскопки недалеко от Майкопа, для осмотра открытых памятников и для принятия мер против их разграбления. Однако в письме 7 июля Н. И. Веселовский, ссылаясь на трудности путешествия, практически отказывается от поручения: «Может быть, надумавши, и заеду... Скучно ездить по административным указаниям» (ОПИ ГИМ, ф. 163, д. 9, л. 3–4 об.). Судя по последующим письмам, Ф. А. Браун был глубоко задет таким ответом.

Почти одновременно, с июня 1899 г., в Комиссию стала поступать информация о том, что Н. И. Веселовский не присутствует на раскопках, а оставленный им в качестве руководителя керченский надсмотрщик И. Маленко торгует находками и ведет разгульный образ жизни. Сведения об этом в письмах на имя И. А. Суслова сообщал книготорговец из Ростова-на-Дону Ф. С. Романович (Там же, д. 8, л. 21–21 об.). Действительно, по запросу ИАК, околоточный надзиратель Майкопа Федриков сообщал о кутежах и распутстве И. Маленко, который «уже несколько лет по поручению профессора Веселовского самостоятельно производил раскопки курганов, а профессор приезжал только для того, чтобы забрать то, что найдет Маленко» (Там же, д. 9, л. 7–10).

К. Е. Думбергу, который и ранее не доверял И. Маленко, было поручено провести расследование инцидента, в результате чего все факты подтвердились, а дополнительно выяснилось, что сам Н. И. Веселовский в это время находился на даче в Анапе (Там же, д. 8, л. 137–140). В связи со скандалом в Майкопе он вновь напомнил руководству Комиссии уже известное нам донесение керчь-еникальского градоначальника о керченских надсмотрщиках Евфимове и Маленко как «закоренелых счастливицах», недостойных государственной награды (Там же, д. 9, л. 2–2 об.). Поступившее в 1900 г. поручение А. А. Бобринского произвести раскопки в Ольвии было расценено К. Е. Думбергом как ссылка и наказание, своеобразный «карт-бланш» на действия Н. И. Веселовского на Тамани и в Керчи. Очевидно, именно тогда у него сложилось окончательное решение покинуть ИАК — первое прошение об отставке, как мы уже знаем, было подано 12 апреля 1900 г. В. Г. Тизенгаузен и Ф. А. Браун отнеслись к происшедшему схожим образом и заявили о дальнейшей невозможности работать в Комиссии: первый уходит в отставку 27 мая, второй — 14 апреля.

Сам К. Е. Думберг продержался в ИАК дольше всех, что было связано, как мы уже знаем, с переездом музея в новое здание. 23 ноября 1900 г. в своем письме И. А. Суслову, с которым поддерживал весьма близкие отношения, он, жалуясь на ревматизм, пишет: «Граф думает, что я специально затягиваю с переездом музея» (Там же, д. 8, л. 161–162 об.). Еще ранее, 14 сентября, он сожалел в одном из писем, что никак не может «избавиться от музея». Здесь же он оценивает, по счастью ошибочно, будущее ИАК: «Что касается судьбы Комиссии, то я более чем убежден, что она рассыплется даже без нас благодаря одной только глупости графа», и предрекает, что «московская Х, наверное, скоро начнет войну», имея в виду, судя по всему, П. С. Уварову (Там же, л. 137–140).

Судьбы Комиссии обсуждались и в Петербурге. А. А. Бобринской весьма переживал случившееся. В своем письме И. А. Суслову от 20 июня 1900 г. он несколько приоткрывает суть происшедшего конфликта и пишет, что именно на нем «лежит «грех» по последним приключениям в Комиссии»: «Грешен я в том, что моим чересчур добрым и любезным отношением, к сожалению, довел до кризиса... Грешен, что не мог ожидать, что люди, как, например, К. Е. Думберг, предпочтут подчиниться капризу, поставят на первый план мелкие личные интересы и пожертвуют судьбой Комиссии и науки». В заключение он утверждает:

«Вся трагикомедия, которая разыгралась весной в Комиссии, является делом не разумным и относительно меня — очень не благодарным» (Там же, л. 74–74 об.).

Именно в этих условиях произошла отставка В. Г. Тизенгаузена и начались переговоры о назначении в Комиссию В. В. Латышева, чему сопротивлялся И. А. Суслов. 24 апреля 1900 г. А. А. Бобринской просит делопроизводителя ИАК «дать ход рапорту министру о назначении Латышева». Он также пытается успокоить И. А. Суслова: «На чем основаны Ваши опасения — не понимаю и надеюсь, что спокойно обдумав дело — Вы убедитесь, что Ваше положение в Комиссии не будет поколеблено» (Там же, л. 32). Однако 27 апреля И. А. Суслов предпринял еще одну попытку отстоять свои позиции. В письме А. А. Бобринскому он утверждает, что «непредвиденная отставка» В. Г. Тизенгаузена, К. Е. Думберга и Ф. А. Брауна, которая тогда еще только намечалась, но о которой он пишет как о свершившемся факте, поставила председателя ИАК в безвыходное положение. Упоминая, что должность «товарища председателя» была создана исключительно для Тизенгаузена, он нелестно характеризует В. В. Латышева и, указывая, что тот является близким другом Н. И. Веселовского, утверждает, что вся «компания будет стремиться лишь к тому, чтобы ослабить власть председателя». Письмо он заканчивает намеком на свой возможный переход в другое учреждение Министерства Двора (Там же, д. 9, л. 18–19).

Отношения между И. А. Сусловым и Н. И. Веселовским продолжали портиться. Летом 1901 г. делопроизводитель Комиссии отправил летнее жалование Н. И. Веселовскому по почте в Анапу, где тот пребывал на своей даче. Однако 18 июля 1901 г. Н. И. Веселовский прислал в ИАК безадресную записку, где выказывал свое возмущение как самим фактом перевода, так и произведенными копеечными вычетами на почтовые расходы (Там же, л. 43–43 об.). В ответ И. А. Суслов 1 августа пишет Н. И. Веселовскому письмо, где перечисляет все старые обиды. Прежде всего, он упрекает Н. И. Веселовского в узурпации власти в ИАК: после увольнения В. Г. Тизенгаузена, К. Е. Думберга и Ф. А. Брауна «по причине хорошо Вам известной, Вы приняли на себя роль владыки и вершителя судеб Комиссии». Были и причины личного характера: в вину профессору ставились «высокомерие, юпитерский взгляд и холодный тон». Похоже, что Н. И. Веселовский общался с делопроизводителем через близкого ему регистратора И. С. Сутулло. И. А. Суслов упрекал Н. И. Веселовского в том, что тот вторгнулся в сферу его служебных обязанностей, что непосредственно выразилось в самостоятельном заказе ящиков для перевозки археологических коллекций. Это в свою очередь породило проблемы с Контролем Министерства Двора. Пожалуй, самым серьезным обвинением являлось манкирование служебными обязанностями и непрофессионализм. И. А. Суслов писал, что ему пришлось много работать за самого Н. И. Веселовского. В частности, речь шла о «разработке» привезенных Н. И. Веселовским в 1896 г. в огромном количестве древностей, к составлению описи и журнала раскопок которых, по требованию В. Г. Тизенгаузена, он приступил только в апреле 1898 г. И. А. Суслов утверждает, что и то и другое ему пришлось переделывать вместе с В. Г. Тизенгаузеном и И. Ф. Чистяковым летом в течение 4 месяцев по 12 часов ежедневно, поскольку самим Н. И. Веселовским все было составлено так, что «журнал не сходился с описью, опись с вещами, а нумерация вещей ни с тем, ни с другим» (Там же, л. 26–29).

Одновременно развернулся новый виток конфликта вокруг личности В. В. Суслова и его трудов по реставрации Софийского собора в Новгороде. В конце 1900 г. тот обратился с прошением на высочайшее имя о назначении ему пожизненной пенсии. Начальник Канцелярии прошений барон Александр Андреевич Будберг (1853–1914) направил соответствующий запрос в ИАК. 29 декабря А. А. Бобринской дал отрицательный отзыв, упоминая проблемы

при реставрации собора, который оказался «раскрашен посредственной живописью». Такое же письмо было отправлено К. П. Победоносцеву (Там же, л. 37–37 об., 38–39 об.).

В. Г. Тизенгаузен, находившийся в это время в отставке, вместе с тем был в курсе происходящих вокруг ИАК событий. 14 января 1901 г. он адресует А. А. Будбергу свою версию происшедшего, утверждая, что А. А. Бобринской «оклеветал» В. В. Сулова, в частности, упрекая того в небрежности работ в Софийском соборе и преднамеренной утайке некоторых граффити. В неудаче реставрации, по мнению В. Г. Тизенгаузена, виноваты Н. М. Сафонов, М. П. Боткин и, отчасти, ИАК: «В несвоевременном описании, обследовании и сохранении надписей... кругом виновата сама Археологическая Комиссия, в чем я откровенно должен сознаться, потому что доля этой вины падает на меня». Согласно его точке зрения, В. В. Сулов сразу же уведомил Комиссию о возникших проблемах. Поэтому возлагать всю вину на В. В. Сулова недопустимо, что, по его словам, готов подтвердить и И. И. Толстой, который, как мы помним, также находился в конфликте с Комиссией (Там же, л. 53–54).

Судя по всему, В. Г. Тизенгаузен тяжело переживал свой уход из Комиссии, где прослужил 38 лет. Спустя год после выхода в отставку, 27 мая 1901 г., он пишет И. А. Сулову письмо, в котором сквозь радость «избавления от служебных смут и дряг» чувствуется своеобразное переживание за судьбу ИАК. «Мирное, скромное и честное Строгановское учреждение» превратилось, по его мнению, в «разгульный приют тех ловких карьеристов», которые «к добру и злу постыдно равнодушны»: «Строганов, думается, и на порог Комиссии не пустил бы такого человека». Упрек в таком положении дел бросается новому председателю: «И это делает начальник ученого учреждения, родовой дворянин, сенатор, блюститель права и закона». Новые сотрудники характеризуются им как «самонадеянные невежды, беззащитные тунеядцы и казнокрады». Так же он оценивает и их научные заслуги: «Читаю теперь последнее произведение Спицына и не могу надивиться его бестолковщине». Стоит отметить, что научная полемика между В. Г. Тизенгаузеном и А. А. Спицыным этим не ограничивалась. Известна рецензия первого на весьма слабую и неудачную статью А. А. Спицына «О степени достоверности записки Ибн-Фадлана» (ЗРАО. Т. 11. Вып. 1–2. СПб., 1899: 161–166). Рецензия с характерным названием «В защиту Ибн-Фадлана» указывала на то, что сочинение арабского географа тогда еще не было известно в полном объеме, и на поверхностный и дилетантский характер «вторжения» А. А. Спицына, даже не знающего некоторой литературы по этой теме, в данную область (Тизенгаузен 1900: 024–032).

В архиве В. Г. Тизенгаузена сохранилось письмо А. А. Спицына от 11 декабря 1900 г., представляющее собой ответ оппоненту: «Я уже ознакомился с Вашей защитой Ибн-Фадлана, и очень жалею, что Вы здесь приняли слишком пренебрежительный тон. Поднятый мною вопрос серьезнее, чем думается на первый взгляд, и не так-то легко одним взмахом пера сбить меня с моей позиции. Моя постановка вопроса уже потому вполне серьезна, что она единственно научная, так как сочинение Ибн-Фадлана до сих пор имеет только панегиристов и комментаторов и не имеет критиков. Спорить с Вами много и долго я не буду, потому что не имею на это времени и расположения; я спокоен за свою мысль, зная, что всякий новый взгляд усваивается только со временем. Смело говорю это, хотя хорошо знаю, что Вы по поводу такого заявления скажете. Искренне благодарный за Ваше доброе отношение ко мне, А. Спицын» (СПбФ ИВ РАН, ф. 52, оп. 2, д. 11, л. 1 об.). Довольно резкий тон письма к пожилому, заслуженному ученому объясняется и долгой предысторией конфликта, и тем, что к этому времени бывший товарищ председателя Комиссии уже вышел в отставку.

В заключение своего письма И. А. Сулову от 27 мая В. Г. Тизенгаузен пишет: «Не теряю надежды повидать вас вскоре у меня на даче» (ОПИ ГИМ, ф. 163, д. 8, л. 38–39 об.).

Дача В. Г. Тизенгаузена находилась в Меррекюле, курортном местечке на берегу Финского залива, недалеко от Нарвы. Очевидно, И. А. Суслов побывал там в июле того же года, о чем свидетельствует фотография, посланная В. Г. Тизенгаузенем в Петербург 27 июля.

Вместе с тем факты, связанные с жизнью Комиссии, которые вызывали неудовольствие И. А. Сулова, продолжали множиться. Так, благодаря запросу рыбинскому уездному исправнику от 14 декабря 1901 г. ему удалось выяснить, что вместо раскопок в Киевском уезде А. А. Спицын с 15 мая по 15 августа проживал под Рыбинском в имении общих знакомых (Там же, д. 9, л. 52, 62), хотя им были получены командировочные на раскопки в с. Колодистое Звенигородского уезда Киевской губернии, которые он должен был провести совместно со студентом В. Н. Доманицким. Впрочем, из текста отчета действительно следует, что В. Н. Доманицкий какое-то время работал один (ОИАК за 1900 г. 1902: 81–85). А. И. Суслов так и остался непонятым председателем ИАК. Все это привело к отставке. Летом 1902 г. этот «служака николаевского закала», как он сам себя характеризует, делает последнюю попытку объясниться с А. А. Бобринским. 13 июня он сетует в своем письме, что отношение к нему председателя Комиссии «изменилось с осени 1900 г. без малейшего повода» с его стороны «в результате интриг известных... лиц» (ОПИ ГИМ, ф. 163, д. 8, л. 110–111 об.). 1 декабря 1902 г. он выходит в отставку.

Его отставка вызвала шок в археологическом сообществе России. 14 января 1903 г. П. С. Уварова отправляет ему трогательное письмо от имени МАО, где говорится, что общество, «узнав об оставлении вами ИАК почти накануне 50-летия» службы, «не может не высказать своего искреннего и глубокого сожаления по этому поводу». Благодаря И. А. Сулова за сотрудничество, она пишет, что МАО «неизменно встречало с Вашей стороны самое просвещенное... отношение ко всем его неудачам и занятиям... научного характера». Еще ранее, узнав о готовящейся отставке, К. К. Косцюшко-Валюжинич прислал в Комиссию телеграмму, где, обращаясь к И. А. Сулову, писал: «Вы уходите из Комиссии, но не из моего сердца» (Там же, д. 9, л. 60, 63–63 об.). Свои сожаления по поводу отставки прислали П. Зубов, А. В. Орешников и архимандрит Хачик (Дадян), а Н. П. Лихачев, узнав об этом, даже приехал к И. А. Сулову на квартиру и в оставленной записке выражал уверенность, что тот «пострадал за неослабное соблюдение служебного долга», и сожалел, что «кривда победила правду» (Там же, д. 858, л. 59–59 об., 68, 80–82 об.).

Для того чтобы оценить всю сложность и неоднозначность отношений председателя ИАК и ее делопроизводителя, стоит вспомнить, что по ходатайству А. А. Бобринского в 1886 г. И. А. Сулову была предоставлена казенная квартира и удвоено жалование. Даже после выхода И. А. Сулова в отставку А. А. Бобринской продолжал ходатайствовать об оставлении ему квартиры, увеличении пенсии и постоянных денежных пособиях на воспитание и лечение детей (1865 г., д. 24, л. 242, 262, 266, 268). Сын И. А. Сулова, Николай Ильич Сулов, с 25 апреля 1895 г. состоял вольнонаемным при ИАК для различных занятий, с 26 апреля 1898 г. был канцелярским служителем Комиссии, а 1 января 1903 г. стал здесь же канцелярским чиновником XII класса, занимаясь описанием библиотеки (1902 г., д. 238, л. 40 об.).

Обида И. А. Сулова на ИАК и ее председателя так и не утихла. 23 июня 1914 г., в день 60-летия своей службы, он напоминает А. А. Бобринскому о своем юбилее, отправляя ему телеграмму со следующими словами: «Желаю вам достичь такового же дня, сохранив общее нелицемерное к вам уважение». Подпись — «бывший ветеран ИАК Илья Сулов» (ОПИ ГИМ, ф. 163, д. 9, л. 64). Интересно, что И. А. Сулов не просто сохранил в своем личном архиве подборку документов по истории конфликта в ИАК 1899–1902 гг.,

В.Г. Тизенгаузен и И.А. Суслов на даче в Меррекуле под Нарвой, июль 1901 г. (ОПИ ГИМ, ф. 163, д. 8, л. 53)

но и своеобразно ею распорядился. В марте–апреле 1917 г. он целенаправленно отправляет А.В. Орешникову в РИМ эти материалы, дабы «сохранить память о деяниях некоторых членов ИАК»: «Я скорблю..., что многое, не лишнее интереса для будущего историка Археологической Комиссии, уйдет со мной в могилу». А.В. Орешников уже был в курсе этого конфликта из письма, которое И.А. Суслов направил ему 8 декабря 1900 г. (ОПИ ГИМ, ф. 136, оп. 1, д. 43, л. 212–214). Теперь бывший делопроизводитель подводит итог деятельности Комиссии, резко прочерчивая грань между эпохами Строганова и Бобринского. Прежде в ИАК служили люди, не набравшие себе в сотрудники легион «недоучек-молодцов для массового уничтожения курганов и городищ, высокоценных для будущих ученых исследователей». Из новых приобретений Комиссии он выделяет только Б.В. Фармаковского. Здесь же он пишет о «захвате власти обольщенного председателя», лжи, практикуемой «дельцами Комиссии в изданиях ее и при ежегодных обозрениях выставок древностей», якобы имевших место финансовых злоупотреблениях и перерасходе средств на издания (ОПИ ГИМ, ф. 163, д. 9, л. 65–67 об.). К сожалению, среди документов не сохранилась копия его письма министру Двора графу В.Б. Фредериксу от 23 февраля 1913 г., о котором упоминается в ряде других документов.

Летом 1917 г. И.А. Суслов перебрался в Ярославль. Здесь он сохранял хорошие отношения с В.В. Сусловым, последняя открытка от которого, сообщающая о новостях в Комиссии,

датирована 18 января 1918 г. (Там же, д. 8, л. 114). Очевидно, И. А. Суслов скончался в том же году, а его архив, в частности переписка 1874–1902 гг., также был отправлен его наследниками в РИМ.

Должность И. А. Суслова с 1 января 1903 г. занял Александр Сергеевич Раевский, младший помощник начальника Архива Министерства народного просвещения, занимаемая им до 1 декабря 1910 г., когда согласно прошению он был уволен и тут же принят на внеклассную должность библиотекаря ИАК (1902 г., д. 238, л. 12, 78). Стоит отметить, что 30 апреля 1909 г. на должность библиотекаря Комиссии претендовал преподаватель 6-й гимназии член Археологического института Федор Виноградов (Там же, л. 72). С именем А. С. Раевского связана организация настоящего библиотечного дела ИАК, которое началось с проведенной им «фактической ревизии». 28 января 1911 г. он подал рапорт на имя А. А. Бобринского, будучи обеспокоенным тем, что в библиотеке начали пропадать книги (Там же, л. 84). Он предложил ряд мер, связанных с порядком пользования библиотекой, вполне европейского типа. В случае выноса книги из библиотеки он просил оставлять на ее месте «фантом»-заместитель с личной подписью, помимо традиционных расписок за уносимые на дом издания. Также он рекомендовал запретить самостоятельное, без библиотекаря, посещение библиотеки лицами, не служащими в Комиссии. В результате А. А. Бобринский обязал всех, «не принадлежащих к служебному персоналу Комиссии», «с просьбами о выдаче книг НЕПРЕМЕННО обращаться к библиотекарю и не брать

их из шкафов без его ведома» (Там же, л. 85). Зимой 1917/18 г. А. С. Раевский, который был к тому же гласным Городской Думы, тяжело болел и смог выйти на службу лишь во второй декаде апреля (Там же, л. 88 об.).

18 июля 1888 г. регистратором Комиссии с 1 мая 1888 г. был утвержден Илья Семенович Сутулло (1888 г., д. 32), однако он уже сотрудничал с Комиссией «по вольному найму» на канцелярской должности с 11 февраля 1883 г. (1883 г., д. 4). 1 января 1910 г.

Иван Федорович Чистяков. 1914 г.
(ФА, О 112.71)

Чистяков Иван Федорович

(1865–7.12.1935) — запасной унтер-офицер 45-го пехотного Новороссийского полка, сторож ИАК (1890) и одновременно бессменный фотограф ИАК/РГАК/РАИМК/ГАИМК (1896–1934). Сотрудник фотографического отдела РАИМК (1919). Его фотографии и негативы отличались высоким качеством. С 1896 г. он вел понегативную запись и нумерацию всех своих снимков. В 1918 г. передал РГАК свою коллекцию из 20 315 аннотированных негативов, положившую начало организации специализированного хранилища — фотоархива ИИМК РАН.

Раевский Александр Сергеевич

(1871–?) с января 1902 г. — делопроизводитель ИАК, с января 1910 г. библиотекарь, осуществил реформу библиотеки ИАК. С 1910 г. гласный Городской думы в Петербурге, с 1911 г. председатель «Комиссии для подробного ознакомления с предметами старины, оставшимися от различных городских сооружений и памятников» Городского общественного управления Санкт-Петербурга, в ноябре 1918 г. назначен помощником библиотекаря РГАК по архиву.

он был назначен делопроизводителем Комиссии. Освободившуюся таким образом должность регистратора занял Н.В. Суходольский. Леонид Александрович Филиппов попал в ИАК 13 января 1910 г., когда попросил предоставить ему «письменные занятия по вольному найму», а с 1 мая 1910 г. был принят сюда же на должность канцелярского чиновника XII класса. Однако в сентябре 1914 г. он был призван в действующую армию на Галицийский фронт и вернулся к службе в Комиссии лишь 17 мая 1918 г. (1910 г., д. 17, л. 41). На его должность с 1 ноября 1914 г. был взят Константин Иванович Высотин.

Стоит добавить, что в 1890–1900-х гг. в Комиссии было уже два сторожа — отставной жандармский фельдфебель Матфей Викторов, пришедший сюда 8 января 1892 г. по вольному найму, и старший унтер-офицер 45-го Новороссийского пехотного полка Иван Чистяков, исполнявший эту должность с 1 сентября 1890 г. (1894 г., д. 12, л. 1, 10 об., 19 об.). 1 января 1901 г. в Комиссию пришел новый сторож Дмитрий Павлов (1902 г., д. 262, л. 16). С 1896 г. И. Ф. Чистяков, изучивший фотодело под руководством В. Г. Дружинина, стал дополнительно выполнять обязанности фотографа Комиссии (Длужневская 2007а: 254).

Малеин Александр Иустинович

(25.08.1869–26.10.1938) — филолог-классик, историк античности. Из семьи чиновника, выпускник тверской гимназии (1888). Окончил курс Петербургского историко-филологического института (1892). Профессор того же института, позднее профессор ЛГУ. Член-корреспондент Императорской Академии наук (1916). С февраля 1917 г.— член-корреспондент ИАК, с сентября 1918 г. член Совета РГАК. Редактор и редактор-издатель журналов «Филологическое обозрение», «Библиограф», «Гимназия», ЖМНП, «Гермес». С 1925 г. в штате Государственной Публичной библиотеки, действительный член Института книговедения, создатель и заведующий Кабинета инкунабулов БАН АН СССР. С 1931 г. старший ученый хранитель Института книги документа и письма АН СССР, президент Русского библиографического общества. Автор переводов «Записок Сигизмунда Герберштейна» (СПб., 1908), «Дневника путешествия в Московию Корба Иоанна Георга» (СПб., 1906).

Осн. соч.: Библиографический указатель книг и статей по римской истории на русском языке. СПб., б/г.; Латинский церковный язык. Сергиев Посад., 1907; Рукописное предание загадок Альгельма. СПб., 1905.

Лит. о нем: Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пг., 1922; *Тонкова Р., Новосадский А.* Александр Иустинович Малеин (1869–1938) // Славянский и Балканский фольклор. 1940. № 1 (18); История Библиотеки АН СССР, 1714–1964. М.; Л., 1964; Архив А. И. Малеина (1869–1938) // Славянский и Балканский фольклор. 1987. № 3.

Александр Иустинович Малеин
(СПбФА РАН, ф.1908, оп.1, д.50)

Сутулло Илья Семенович

(16.06.1859–?) — надворный советник. Из солдатских детей. Окончил полный курс наук в Московской военно-фельдшерской школе. По окончании утвержден младшим медицинским фельдшером. С 1876 по 1882 г. служил в кавалергардском полку сначала младшим медицинским фельдшером, а с 1879 г. старшим аптечным фельдшером. Сотрудничал с Комиссией «по вольному найму» на канцелярской должности с 1883 г. В 1888 г. поступил в ИАК регистратором, затем получил должность делопроизводителя (1910).

Источник: 1888 г., д. 32.

Заслуги И. Ф. Чистякова в деле основания археологической фотографии были отмечены председателем ИАК А. А. Бобринским. По его представлению И. Ф. Чистяков был награжден в 1899 г. «золотой медалью для ношения на шее на Станиславской ленте» за исполнение по поручению ИАК фотофиксации древних самаркандских памятников зодчества, в 1904 г. «золотой медалью для ношения на шее на Анненской ленте» за исполнение снимков с фресковых росписей церкви Спаса на Нередице близ Новгорода (1894 г., д. 12, л. 48). Высокая квалификация фотографа И. Ф. Чистякова была подтверждена и профессиональными фотографическими организациями. В 1898 г. Совет Императорского Русского технического общества утвердил постановление Комиссии экспертов Пятой фотографической выставки о награждении И. Ф. Чистякова бронзовой медалью Министерства финансов «за точное исполнение снимков с древних предметов». В 1903 г. эксперты Международной фотографической выставки, состоявшейся в Санкт-Петербурге, наградили Чистякова малой серебряной медалью Министерства земледелия и государственных имуществ также за прекрасное изготовление фотоснимков древностей (Там же, л. 47 об.). Фотографии и негативы, сделанные И. Ф. Чистяковым, всегда отличались высоким качеством и точностью фиксации.

Борис Владимирович Фармаковский
(ФА, О.1638.58)

Фармаковский Борис Владимирович

(31.01.1870–29.07.1928) — историк античного искусства, археолог, создатель школы полевых исследований античных памятников в России. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета (Одесса) в 1892 г. Ученик Э. Р. фон-Штерна и Н. П. Кондакова. Стажировался в Италии, Греции, Франции, Англии, Австро-Венгрии и т. д. (1894–1897). В 1898 г. назначен ученым секретарем РАИК. Член ИАК с марта 1901 г. Продолжил широкомасштабные раскопки в Ольвии. Раскопки прервались в 1915 г. и возобновились в 1924 г. (до 1926 г.) Член-корреспондент Императорской Академии наук (1914). С 1906 до 1919 г. ученый секретарь РАО. Член РАИМК/ГАИМК, принял активное участие в преобразовании РГАК в Академию. С 1921 г. — бессменный ученый секретарь РАИМК/ГАИМК. В 1924 г. избран хранителем Государственного Эрмитажа. Член многих археологических и искусствоведческих институтов и обществ. В 1905 г. избран приват-доцентом Петербургского университета, в 1910 г. — профессором Петербургских Высших женских курсов, в 1917 г. — доцентом Петроградского университета, в 1919 г. — профессором Петроградского университета, профессором Педагогического института и Института истории искусств.

Осн. соч.: Стенная живопись Микенской эпохи // Записки

РАО. 1897. Т. 9, вып. 3–4; Второй Международный конгресс классической археологии в Каире. СПб., 1910; Архаический период в России. Пг., 1914; Ольвия. М., 1915; К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры Пг., 1921; Розкопування Ольвії в р.1926. Одесса, 1929.

Лит. о нем: Б. В. Фармаковский. Некролог (Читан академиком С. А. Жебелевым) // Известия АН СССР. 1928 г. Л., 1929. С. 275–278; Карасев А. Н. Борис Владимирович Фармаковский // КСИИМК. Л., 1948. Вып. 22. С. 5–47; Фармаковская Т. И. Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988; Басаргина Е. Ю. Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999. С. 92–97; Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: Историографические очерки. СПб., 2003. С. 70–73.

А. А. Бобринской намеревался наладить обзор научной литературы в ИАК. 13 июня 1887 г. он писал Н. С. Петрову как управляющему делами министерства о том, что Комиссия обязана собирать информацию о памятниках старины, которая в настоящее время недостаточно известна. Для этого было необходимо создать библиографический указатель, идея и «образчик» которого были представлены ИАК еще в 1869 г. на Археологическом съезде в Москве. Председатель предполагал ассигновать для этих целей сумму в 600–700 руб. на наем лица, которому можно было поручить такую работу. Сам А. А. Бобринской предполагал привлечь к составлению библиографии библиотекаря Публичной библиотеки Боннеля, «испытанное усердие и добросовестность» которого были хорошо известны. Министерство выделило Комиссии для этих целей 700 руб. за счет сбережений от кредитов, выделенных на содержание ИАК, и в дальнейшем обзор научной периодики, прежде всего статей из «Чтений в Обществе истории и древностей российских», производил Эдуард Александрович Вольтер (1856–1940) (1887 г., д. 37, л. 1–2, 4). С 1902 г. обзор повременных изданий, выходящих в России, производил профессор Императорского Историко-филологического института Александр Иустинович Малеин, удостоенный за этот звания члена-корреспондента ИАК 8 февраля 1917 г.

В связи с расширением исследовательской программы ИАК в Причерноморье «южный фронт» Комиссии существенно укрепился. В 1901 г. членом ИАК, которому были поручены раскопки в Ольвии, стал Борис Владимирович Фармаковский. В 1908 г. штатным членом Комиссии был назначен Роман Христианович (Роберт Георг Христиан) Лепер (Лёпер), возглавивший раскопки в Херсонесе после смерти Карла Казимировича Косцюшко-Валюжинича. Последний возглавил в 1888 г. раскопки ИАК на Херсонесском городище, однако был лишь членом-корреспондентом ИАК, да и то с 1898 г. (*подробнее смотри главу V*).

Назначение Р. Х. Лепера оказалось сопряжено с рядом научных и церковных интриг. А. А. Бобринской первоначально рассчитывал назначить в Херсонес Федора Ивановича Шмидта (1877–1937), специалиста по позднеантичным и византийским мозаикам, одного из секретарей Русского археологического института в Константинополе и преподавателя Петергофской гимназии императора Александра III, о чем свидетельствует письмо

Косцюшко-Валюжинич Карл Казимирович

(20.04.1847–14.12.1907) — инженер, археолог, потомственный дворянин. Образование получил в Горном корпусе. Закончил старший класс в 1867 г. В 1868–1888 гг. служил на разных должностях на Динабургско-Витебской железной дороге. Выйдя в отставку, поселился в Крыму. Принял деятельное участие в организации кружка любителей истории и древностей Крыма с музеем и библиотекой. С 1885 по 1890 г. товарищ директора Севастопольского городского банка. В 1888 г. начал производство работ по исследованию Херсонеса по поручению ИАК, зав. раскопками. Избран член-корреспондентом ИАК в 1898 г. Создатель Музея древностей Херсонеса (1892). Состоял членом следующих общества: ИООИД; Московского нумизматического общества; Рязанской ученой архивной комиссии; ИРАО; Ростовского музея церковных древностей; Уральского общества любителей естествознания; Симбирской ученой архивной комиссии.

Лит о нем: Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич. [Некролог основателя Херсонесского музея древностей и раскопок] // Крымский вестник. 1907. 16 декабря. С.1, 3; Антонова И. А. Основатель Херсонесского музея // Крымский архив. 1997. № 3. С. 57–67.

Карл Казимирович
Косцюшко-Валюжинич

графа от 9 февраля 1908 г. Однако уже 14 февраля 1908 г. газета «Слово» (№ 380) опубликовала информацию о том, что назначение Ф.И. Шмидта заведующим раскопок Херсонеса вызывает озабоченность археологического сообщества: «Указанное лицо никогда такими раскопками не занималось и вообще мало знакомо с самой техникой раскопок». При этом в числе лиц, заинтересованных в назначении в Херсонес правильного человека, упоминалась и председатель МАО П.С. Уварова. Действительно, в своей переписке с графом А.А. Бобринским по поводу организации XV Археологического съезда графиня П.С. Уварова несомненно демонстрировала корпоративную заинтересованность в исходе дела с назначением нового археолога. В своем письме 20 марта 1908 г. она даже предлагает перенести место проведения съезда из Новгорода в Севастополь, открыто свидетельствуя, что в этом случае «немаловажное значение будет иметь для будущего съезда выбор лица, которое будет призвано заменить в Херсонесе покойного Косцюшко-Валюжинича» (1908 г., д. 36, л. 3 об.).

Однако для кандидата существовала проблема и гражданского характера: уход Ф.И. Шмидта от преподавательской деятельности неминуемо бы повлек за собой его призыв на военную службу. В связи с этим А.А. Бобринский обратился к министру просвещения А.Н. Шварцу о предоставлении будущему заведующему учительской вакансии в Севастополе. Министр отвечал в том духе, что подобное назначение зависит от попечителя Одесского учебного округа, куда непосредственно и рекомендовал графу обратиться. Официальное письмо ИАК из министерства все же было переправлено в Одессу, откуда 29 марта сообщили, что такая вакансия для Ф.И. Шмидта имеется. Однако сам Ф.И. Шмидт, не дожидаясь ответа, 27 марта отказывается от работы в Херсонесе, ссылаясь на то, что А.А. Бобринский начал процесс его назначения без подачи официального прошения со стороны самого Ф.И. Шмидта (1908 г., д. 22, л. 10).

В то же время появляется и письмо обер-прокурора Синода Петра Петровича Извольского (1863–1928) А.А. Бобринскому. Новый таврический епископ Алексей (Молчанов)

Роман Христианович Лепер

Лепер Роман Христианович (Роберт Георг Христиан)

(23.04.1865–14.10.1918) — филолог-классик, археолог, эпиграфист. Член-сотрудник РАО с 1894 г. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета. По окончании командирован в Грецию и Италию (1890–1894). С 1897 по 1901 г. преподавал в петербургской гимназии. Ученый секретарь Русского Археологического института в Константинополе (РАИК) в 1901–1908 гг. По заданию РАИК провел археологические исследования в Малой Азии. Начал изучение топографии Константинополя. Привел в порядок нумизматическую коллекцию института. Член ИАК с 1908 г. В 1908–1914 гг. возглавлял раскопки в Херсонесе. В 1912 г. провел археологические исследования на Мангупе. Выйдя в отставку, преподавал в Севастополе, затем в Петербурге.

Осн. соч.: Архаическая надпись на Аттики. СПб., 1895; Древний город Афины. СПб., 1911; Херсонские надписи // Известия ИАК. СПб., 1912. Вып. 45.

Лит. о нем: Басаргина Е. Ю. 1) Слово С. А. Жебелёва, посвященное памяти Р. Х. Лёпера // Деятели русской науки XIX–XX вв. СПб., 2000. Вып. 1. С. 324–332; Вып. 7. С. 249, 253, 264, 272, 327, 432, 437; 2) К биографии Р. Х. Лёпера // История и практика археологических исследований. Мат-лы междунар. науч. конф., посв. 150-летию со дня рождения А. А. Спицына. СПб., 2008.

Стасов Владимир Васильевич

(2.01.1824–10.10.1906) — музыкальный и художественный критик, искусствовед. Окончил Училище правоведения. Служил в межевом департаменте Сената, потом в департаменте герольдии и при Министерстве юстиции. В 1851 г. вышел в отставку и до 1854 г. жил во Флоренции и Риме. В 1856 г. поступил на службу в Комитет по собиранию материалов о жизни и царствовании Николая I. С 1856 г. принимал участие во всех работах по художественному отделу Императорской Публичной библиотеки. С 1872 г. занял место библиотекаря и заведовал этим отделом. В начале 1860-х гг. был редактором «Известий» ИРАО, секретарем этногр. Отдела музея, устроенного в сотрудничестве с В.А. Прохоровым. В 1866 г. избран действительным членом ИМАО. Изучал настенную живопись керченских катакомб. В 1886 г. избран членом-корреспондентом ИАК. С 1900 г. почетный член АН. Один из организаторов и идеологов объединения композиторов «Могучая кучка» и художников «Товарищество передвижных выставок».

Осн. соч.: Заметки о древнерусской одежде и вооружении. 1882; Трон хивинских ханов. 1886; Армянские рукописи и их орнаменты. 1886; Собр. соч., СПб., 1894–1906. Т. 1–4; Избр. соч., М., 1952. Т. 1–3; Письма к родным. М., 1953–1962. Т. 1–3.

Лит. о нем.: В.В. Стасов. Сб. статей и воспоминаний, Сост. Е.Д. Стасова. М.; Л., 1949; К изучению наследия В.В. Стасова // Советская музыка. 1974. №7; Лебедев А. К., Солодовников А. В. В.В. Стасов. Жизнь и творчество. М., 1976.

Владимир Васильевич Стасов

Самоквасов Дмитрий Яковлевич

(27.05.1843–16.08.1911) — историк-правовед, археолог, архивист. В 1868 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Был профессором истории русского права в Варшавском (1873–1892) и Московском (1894–1911) университетах. Читал открытые лекции по археологии и истории. В 1892–1911 гг. — директор Московского архива Министерства юстиции. Занимался археологическими раскопками в разных частях России. Исследовал курган Черная Могила в Чернигове. С 1883 г. проводил раскопки курганов в Приднепровье по поручению ИАК, с 1886 г. — ее член-корреспондент. Интересовался вопросами этногенеза славян, формирования государства и права Древней Руси, возникновения и развития древнерусских городов. Большое внимание уделял изучению истории и современного состояния архивного дела в России и за рубежом. Автор свыше 200 печатных трудов.

Осн. соч.: Древние города России. СПб., 1873; Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава, 1878; История русского права. Варшава, 1878–1884. Вып. 1–2; Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892; Государственные архивы Западной Европы и реформа архивов в России. М., 1900; Архивное дело в России. М., 1902. Т. 1–2; Могилы русской земли. М., 1908; Происхождение русского народа. М., 1908; Крестьяне древней России по новооткрытым документам. М., 1909.

Лит. о нем: Памяти Димитрия Яковлевича Самоквасова. М., 1912; Перечень археологических исследований Д. Я. Самоквасова // Археология и история юго-востока Руси. Курск, 1991; Щавелёв С. П. Историк русской земли: Жизнь Д. Я. Самоквасова. Курск, 1998.

Дмитрий Яковлевич Самоквасов

уже проинформировал обер-прокурора о грядущих переменах. Письмо преследовало цель избежать возможных конфликтов между ИАК и монастырем, причину которых прокурор и епископ видели следующим образом: покойный К.К. Косцюшко-Валюжинич, будучи поляком и католиком, «нередко игнорировал в своих действиях справедливые заявления администрации... монастыря и вообще относился к этой обители без достаточного внимания и уважения», из-за чего и возникали частые недоразумения. При этом адресат указывал, что «личность заведующего раскопками имеет большое значение для монастыря», ибо «раскопки производятся не только в научных целях, но и в целях возвышения той обители, которая располагается на городище»: для этого был нужен «не просто ученый археолог, но и православный верующий человек». Сам таврический епископ просил содействия Синода именно такому назначению (1908 г., д. 36, л. 18–18 об.). В проекте ответного письма А. А. Бобринской писал, несколько лукавя, что впервые слышит от П. Извольского о каких бы то ни было конфликтах: «монастырь никогда не жаловался мне на покойного» (Там же, л. 19–20 об.)

Василий Васильевич Радлов
(СПбФА РАН, Р.Х, оп.1-Р, д.39, л.1)

Радлов Василий Васильевич

(5.01.1837–12.05.1918) — востоковед, этнограф, археолог и педагог, один из пионеров сравнительно-исторического изучения тюркских языков и народов. Родился в Берлине, в 1858 г. приехал в Петербург для занятий при Азиатском музее. Для изучения тюркских языков занял учительское место в Барнауле. Он объездил Алтай, восточные киргизские степи, часть губерний Енисейской и Тобольской, Ташкент, Ходжент, Джизак, Самарканд, Монголию. С 1862 по 1866 г. производил для ИАК раскопки в Приалтайском крае. В 1871 г. поселился в Казани, где до 1884 г. занимал должность окружного инспектора магометанских школ, изучая тюркские говоры (приволжские и башкирские), чувашский и черемисский языки. В 1884 г. назначен директором Азиатского музея в Петербурге (по 1890 г.) и избран ординарным академиком Императорской Академии наук. В 1886 г. совершил поездку в Крым для изучения языка крымских татар, а в 1887 г. — в Литву и Волынь для исследования караимского диалекта. В 1886 г. получил звание члена-корреспондента ИАК. В 1891 г. возглавил экспедицию от ИАН для исследования древних памятников долины р. Орхон в Монголии. В 1894 г. избран

директором МАЭ. В 1898 г. организовал Турфанскую экспедицию (Центральная Азия) во главе с Д. А. Клеменцом. Один из организаторов Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. С 1903 по 1918 г. его председатель.

Осн. соч.: Observations sur les Kirghis (Заметки о киргизах). Париж, 1864; Proben der Volkslitteratur der turkischen Stamme Südsibirien (Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи). СПб., 1866–1896. 7 т.; Vergleichende Grammatik der nordlichen Türkisprachen. Th. 1. Phonetik (Сравнительная грамматика северных тюркских языков. Т. 1. Фонетика). Лейпциг, 1882–1883; Wörterbuch der Kinai-Sprache (Словарь кинайского языка). СПб., 1874; Die alttürkischen Inschriften der Mongolei (Древнетюркские надписи Монголии. Вып. 1 и 2). СПб., 1894, 1899; Мифология и мирозерцание жителей Алтая // Восточное обозрение. 1882. № 7, 8; 1883., № 8; Atlas der Altertumer der Mongolei (Атлас монгольских древностей). СПб., 1892.

Лит. о нем: Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов, М., 1974; Демин М. А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989; Решетов А. М. Академик В. В. Радлов, востоковед и музейевед (Основные этапы деятельности) // Радловские чтения-2002. Материалы годичной научной сессии. СПб., 2002. С.95–101.

В результате такой сложной комбинации в Херсонес и был назначен Р. Х. Лепер «реформатского исповедания», бывший в то время ученым секретарем РАИК. Его прошение на службу в ИАК, в котором говорилось о желании вернуться в Россию, было датировано 22 марта и согласовано с директором института Ф. И. Успенским и Ф. И. Шмидтом. Он был назначен членом ИАК с 1 апреля. Однако на этом история с преподавательской вакансией для члена ИАК не закончилась: 31 июля 1908 г. Министерство народного просвещения официально уведомяло А. А. Бобринского, что с 1 августа Ф. И. Шмидт назначен на место сверхштатного преподавателя Севастопольской мужской гимназии. В результате в октябре месяце учебные часы были переданы самому Р. Х. Леперу (Там же, л. 33, 51).

Осуществляя свою кадровую политику, А. А. Бобринской начал активно пользоваться возможностями параграфа 4 «Положения об Императорской Археологической Комиссии» 1859 г., который гласил, что «Комиссия имеет почетных членов, членов-корреспондентов, содействующих ей в достижении ее целей». До 1886 г. только Л. Э. Стефани являлся единственным членом-корреспондентом АК. 16 мая 1886 г. В. Г. Тизенгаузен, вероятно по поручению А. А. Бобринского, была составлена докладная записка о кандидатурах на звание почетных членов и членов-корреспондентов (1860 г., д. 7, л. 4–5). Членами-корреспондентами стали 31 мая 1886 г. старший библиотекарь Публичной библиотеки Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) за описание клада, найденного в 1865 г. во Владимире, издание Скифского сборника и исследованной в Керчи катакомбы с фресковой живописью, директор Азиатского музея АН академик Василий Васильевич Радлов, производивший в 1862–1866 гг. раскопки в Приалтайском крае и составивший сборник «Сибирских древностей», и старший хранитель Эрмитажа Ю. Б. Иверсен, «безвозмездно рассматривавший и определявший содержание и нумизматическое значение ежегодно присылаемых в большом количестве монетных кладов». В почетные члены были выдвинуты и «ветераны Археологической Комиссии» Л. Э. Стефани и И. Е. Забелин, утвержденные в этом звании 22 августа 1886 г., первый за исследования в области древностей Черноморского края,

Лопатин Иннокентий Александрович

(21.01.1839–15.11.1909) — инженер, археолог, коллекционер. В 1852–1860 гг. учился в Институте корпуса горных инженеров. Внес большой вклад в дело естественно-географического изучения Сибири и Дальнего Востока. 1868–1869 гг. посвятил исследовательской работе в Приморье, результатом которой явилась статья о древних урочищах Амурской страны. В 1870 г. был избран действительным членом Русского минералогического общества, в этом же году вышел в отставку по состоянию здоровья. После 1870 г. занялся сбором археологических материалов, на собственные средства производил раскопки. Основные интересы в области археологии относились к бронзовому веку Южной Сибири, преимущественно ее приенисейской части. В течение 15 лет собрал богатую коллекцию, положенную в основу исследований В. В. Радлова, опубликованную в МАР в 1888–1902 гг. (Сибирские древности, СПб. Т. 1–2. (Материалы по археологии России, издаваемые ИАК № 3, 5, 15, 27). С 1888 г. член-корреспондент ИАК. Нумизматическая коллекция передана Томскому университету, археологическая коллекция согласно завещанию была передана в Московский исторический музей.

Лит. о нем.: Клеонов И. Л. И. А. Лопатин. Очерк жизни и научной деятельности. Иркутск, 1964.

Иннокентий Александрович
Лопатин

второй — за блестящие археологические открытия на Днепре и Таманском полуострове. Тогда же членом-корреспондентом Комиссии стал профессор Варшавского университета Дмитрий Яковлевич Самоквасов, за раскопки курганов в Приднепровье в 1883 г., а 28 ноября того же года — профессор Петербургского университета Н.И. Веселовский⁴ (1860 г., д. 7, л. 7–8). 15 февраля 1888 г. в этом звании был утвержден горный инженер Иннокентий Александрович Лопатин, собравший и передавший Комиссии большую коллекцию древностей бронзового века в Южной Сибири, в особенности в Минусинском крае. 28 июля 1892 г. членом-корреспондентом Комиссии стал академик В.В. Латышев за издание памятников греческой и латинской эпиграфики из раскопок ИАК 1889–1891 гг. (МАР № 9), 26 мая 1893 г. — генерал-майор Александр Львович Бертъе-Делагард за публикацию исследований Херсонеса (МАР № 12) и академик Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский за раскопки кургана Карагодеуашх, 23 мая 1894 г. — профессор Киевского университета Юлиан Андреевич Кулаковский за раскопки на юге России и публикацию Керченской катакомбы 1890 г. (МАР № 6) и чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской

⁴ Напротив фамилии Н.И. Веселовского в майском «списке Тизенгаузена» стоит помета «рано», возможно, принадлежавшая самому А.А. Бобринскому. К осени это мнение уже было забыто. 20 сентября председатель ИАК писал в Министерство Двора о необходимости утвердить Н.И. Веселовского в звании члена-корреспондента за его археологические исследования и публикации.

Александр Львович
Бертъе-Делагард (ФА, О. 1226.53)

Бертъе-Делагард Александр Львович

(1842–1920) — военный инженер, строитель, археолог, нумизмат, библиофил, коллекционер древностей. Из семьи обрусевших французских эмигрантов-роялистов, сын морского офицера. Учился в Брест-Литовском кадетском корпусе, Константиновском военном училище в Петербурге и Инженерной академии (выпуск 1864 г.). Служил инженером на юге России и работал по строительству портов в Одессе, Ялте, Феодосии и Ростове. По болезни вышел в отставку в чине генерал-майора (1887) и поселился в Ялте. С 1887 г. руководил строительством торговых портов, водопроводов и ж/д в Одессе, Ялте, Феодосии, Ростове-на-Дону. Член-корреспондент (1886), действ. член (1906) ИМАО и ИРАО (1890), член-корреспондент ИАК (1893), действ. член (1880) и вице-президент (1899–1919) ООИД. Собирал книги, карты и изобразительные материалы о Северном Причерноморье, этнографические, археологические и нумизматические коллекции, связанные с Новороссийским краем. Автор трудов по исторической топографии Крыма, по истории и древностям Херсонеса, по античной нумизматике. Провел раскопки некрополя Феодосии, исследовал святилище римского времени близ Ялты и раннесредневековый могильник Суук-су в Крыму. Осуществлял обследование Инкерманской крепости, составлял план Херсонского городища. В последние годы занимался изучением Тмутараканского камня. Остались незаконченными исследования о Судак и памятниках горного Крыма.

Осн. соч.: Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. 14; О положении трех Тавро-Скифских крепостей // ИТУАК. Симферополь. 1889. Вып. 7; Раскопки Херсонеса // МАР. № 12. Древности Южной России. СПб., 1893. Т. 5.

Лит. о нем: ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) Под ред. П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2. С. 9–10; Избаш Т.А. Два патриарха // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А.А. Формозова. СПб., 2004. С.166–175.

области Николай Николаевич Пантусов за многолетние труды по исследованию несторианских кладбищ близ Пишпека и Токмака и другие исследования в Семиреченской области. 6 января 1895 г. в звании членов-корреспондентов были утверждены профессор факультета восточных языков Петербургского университета Валентин Алексеевич Жуковский за исследования Закаспийского края и описание Старого Мерва, академики архитектуры И. С. Китнер за сотрудничество при рассмотрении проектов реставрации древних зданий и Г. И. Котов за исполнение поручений ИАК по осмотру памятников зодчества и участие в реставрационных заседаниях. 20 февраля 1895 г. это звание получил и. о. ординарного профессора Юрьевского университета Владимир Константинович Мальмберг за исследование памятников прикладного искусства из кургана Карагодеуашх (МАР № 13). Руководитель раскопок в Херсонесе Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич был удостоен этого звания 7 марта 1898 г., а профессор Петербургского университета Сергей Александрович Жебелев — 18 января 1902 г. за труд, посвященный изучению пантикапейских ниобид. 18 февраля 1903 г. звание члена-корреспондента получил преподаватель Тифлисского кадетского корпуса Э. А. Реслер за раскопки в Закавказье. Старший хранитель Эрмитажа Алексей Константинович Марков и Николай Яковлевич Марр получили это звание 12 апреля 1907 г. Архитектор К. К. Романов, исследовавший Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, стал членом-корреспондентом ИАК 14 декабря 1910 г. 25 ноября 1913 г. в качестве члена-корреспондента ИАК был утвержден Мстислав Владимирович Фармаковский за художественные копии фресок погребальных склепов на юге России и научное исследование ювелирных изделий Полтавского клада 1912 г. Последним этого звания в 1917 г. был удостоен уже упоминавшийся нами А. И. Малеин.

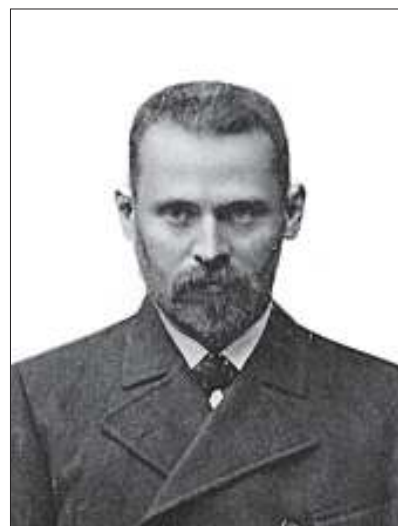
В 1890-е гг. появляется и новая категория лиц, сотрудничающих с Археологической Комиссией, — ее сверхштатные члены, которые не получали жалования, но могли

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич

(15.01.1863–7.02.1919) — историк, археограф, археолог. Из дворян Екатеринославской губернии. Родился в имении Удачное Верхнеднепровского уезда Среднее образование получил в Симферопольской гимназии, которую окончил в 1882 г. с золотой медалью. Выпускник Петербургского университета. Магистерская диссертация: «Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты и до эпохи преобразований» (СПб., 1896). Крупнейший специалист по методологии истории и источниковедения, член Академии наук (1899). Профессор Петербургского Археологического института (1891–1899); приват-доцент, председатель кружка историков при Петербургском университете. Действительный член РАО (1889). Принимал участие в Археологических съездах и международных конгрессах. С мая 1893 г. — член-корреспондент ИАК, с сентября 1918 г. член Совета РГАК.

Осн. соч.: Скифские древности. СПб., 1887; Вопрос о делении первобытной культуры на периоды // Историческое обозрение. 1892; Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III ст. до Р.Х. // Материалы по археологии России. СПб., 1893. № 13.

Лит. о нем.: Тихонов И. Л. Деятельность академика А. С. Лаппо-Данилевского в археологии // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2. С.154–165; Малинов А., Погодин С. А. С. Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2000.

Александр Сергеевич
Лаппо-Данилевский (СПбФА
РАН, Р.Х, оп. 1 — Л, д. 5, л. 1)

присутствовать на ее заседаниях с правом голоса. Одним из первых таким членом стал академик живописи, директор Музея Общества поощрения художеств, известный коллекционер Михаил Петрович Боткин (1888 г., д. 58, л. 1–2). 7 декабря 1888 г. А. А. Бобринской подал соответствующий рапорт о назначении его сверхштатным членом без содержания, но со служебными правами должности VI класса, на которую он и был назначен 8 декабря. 6 декабря 1902 г. в соответствии с новыми штатами он был переутвержден. Впрочем, кроме «исправного посещения заседаний» Комиссии, его деятельность здесь никаким реальным и полезным вкладом не была отмечена. Про него ходили типичные рассказы, как, например, этот: «Приходит приезжая дама в Археологическую к<омис>сию, приносит крест, который оценивает в 1000 р<ублей>; Боткин от к<омис>сии предлагает ей 100, и она, отказавшись, уходит; Боткин нагоняет ее на набережной и, жалеючи ее, от себя лично предлагает 175; дама тоже отказывается. „Куда же вы теперь понесете крест? Кто же купит? — Пойду к Ханенко в Киев, он мне давал приличную цену. — Богдан Иванович? Неужели не знаете... Царство ему небесное (крестится)! Он убит на войне”, и начинает оплакивать его и соболезновать даме, которая, не зная куда сунуться, уступает ему крест. Это была, конечно, смехотворная цена, а Ханенко был жив и здоров» (Вейнер 2008: 110). О способах, которыми М. П. Боткин пополнял свою коллекцию, свидетельствует и такой факт: в Эрмитаже среди сасанидских

Пантусов Николай Николаевич

(1849–1909) — востоковед, статский советник, окончил Петербургский университет по факультету восточных языков с ученой степенью кандидата. В 1872 г. был направлен в Туркестан, с 1883 г. служил чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области. С 1884 по 1903 г. осуществил ряд поездок и археологических раскопок, собирал и отсылал древности в музей Петербурга. С 1886 г. член-сотрудник РАО. В 1894 г. был избран членом-корреспондентом ИАК. С 1903 г. член-корреспондент РКИСВА. В 1886–1892 гг. осуществил археологические исследования несторианских христианских средневековых могильников в Пишпекке и Токмаке в Семиреченской области, башни Бурана, а в 1892 г. вместе с А. М. Фетисовым — обследования в Верненском уезде Семиреченской области. В 1898–1899 гг. совершил поездку по Семиреченской области и прислал в ИАК свои фотографии мавзолеев в Кульдже, снимки могил Чокана Валиханова близ Кунякузской станции Копальского уезда и Танека Дюсегова близ г. Копала, ряда других сооружений и наскальных изображений.

Осн. соч.: Фергана по запискам султана Бабура. СПб., 1884; Христианские памятники в Семиреченской области. СПб., 1886 (совместно с Д. Д. Хвольсоном); Древности Средней Азии. Казань, 1897–1902. Вып. 1–4; Материалы по изучению казахско-киргизского наречия. Казань, 1900–1903. Вып. 1–6; Тамгалы-Тас Урочище Капчай Копальского уезда Балгалинской вол. СПб., 1898.

Источник: 1860 г., д. 7, л. 55–85; Центральный государственный архив научно-технической документации Комитета информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан, ф. И-882, 28 ед. хр., 1881–1909 гг.

Эмиль Александрович Реслер

(?–?) — статский советник, немецкий педагог, исследователь древностей Закавказья и Азербайджана, основоположник археологии Нагорного Карабаха. В 1893–1898 гг. преподавал в Шушинском реальном училище. Впоследствии преподавал в Тифлисском кадетском корпусе. Производил раскопки по поручению ИАК. Среди находок наибольший интерес представляет агатовая бусинка (II тыс. до н. э.) с ассирийскими надписями, обнаруженная в 1895 г. Некоторые материалы из его раскопок оказались в Германии у известного антрополога Рудольфа Вирхова (1821–1902). С 1903 г. член-корреспондент ИАК. В октябре 1906 г. уезжает в Германию.

Источник: 1903 г., д. 34.

Лит. о нем: Тер-Аветисян С. Памятники древности Карабаха и скифская проблема. Тифлис, 1934.

серебряных блюд из коллекции Строганова была обнаружена гальванокопия, а подлинник «нашелся» у М. П. Боткина, который объяснил это тем, что, получив от владельца разрешение на изготовление копии, «по ошибке» вернул ее вместо оригинала (Там же: 111).

Впоследствии сверхштатными членами ИАК являлись профессор Варшавского университета, а затем директор Московского архива Министерства юстиции Д. Я. Самоквасов, ставший таковым непосредственно из членов-корреспондентов, с 11 февраля 1891 г., и профессор Киевского университета Владимир Бонифатьевич Антонович — с 10 декабря 1891 г., одновременно с Н. И. Веселовским. Оба были утверждены приказом от 1 февраля 1892 г. (1891 г., д. 180, л. 20–21). Эти деятели уже ранее проявили себя как полевые археологи и знатоки скифо-сарматских и славяно-русских древностей.

Однако назначение 11 декабря 1892 г. сверхштатным членом Комиссии профессора Петербургской Духовной академии и впоследствии директора Петербургского археологического института (с 1898 г.), а тогда его секретаря, Николая Васильевича Покровского (1892 г., д. 197. л. 21, 23–23 об.), представляется деянием совершенно иного порядка, которое может быть по достоинству оценено лишь в свете сложных отношений между ИАК, Синодом и епархиальными архиереями. Н. В. Покровского вполне можно назвать «отцом церковной археологии» в России. Закончив Духовную академию в Петербурге, он в 1880 г. защищает магистерскую диссертацию о происхождении древнехристианской базилики, а в 1892 г. — докторскую диссертацию «Евангелие в памятниках иконографии», где через историко-критическое исследование произведений искусства проводит мысль о церковной культуре как воплощенном Священном Предании. По сути дела, им впервые применяется

Кулаковский Юлиан Андреевич

(25.07.1855–21.02.1919) — историк Древнего Рима и Византии, профессор университета св. Владимира в Киеве, ст. советник, член-корреспондент Императорской Академии наук. Сын настоятеля церкви в г. Поневеж. В 1876 г. закончил историко-филологический факультет Московского университета со степенью кандидата по отделению классической филологии. В 1876–1878 гг. — тьютор (помощник старшего тьютора) в Лицее цесаревича Николая. В 1878–1880 гг. — в научной командировке от Министерства народного просвещения за границей: Бонн, Тюбинген, Берлин. С 1880 г. приват-доцент, с 1884 г. профессор университета св. Владимира в Киеве, председатель Исторического общества Нестора Летописца при университете св. Владимира (в 1905, 1908–1919 гг.) С мая 1894 г. утвержден в звании члена-корреспондента ИАК за производство археологических раскопок на юге России, составление научного исследования христианской катакомбы, найденной в 1890 г. в Керчи, и открытие там же в 1891 г. катакомбы с фресками. С февраля 1911 г. — сверхштатный член ИАК, с сентября 1918 г. — член Совета РГАК.

Осн. соч.: Керченская христианская катакомба 491 года // МАР. № 6. Древности Южной России. СПб., 1891. Т. 1; Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк. Киев, 1906; История Византии: В 3 т. Киев, 1910–1915 (переиздания: СПб., 2003–2004, исправ. и доп.).

Лит. о нем: Соболевский А. И. Ю. А. Кулаковский: Некролог // Известия Российской академии наук. Пг., 1919. Сер. 6. Т. 13. № 12–18. С. 567–568; Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историко-географические очерки. СПб., 1999; Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время. Из истории антиковедения и византистики в России. СПб., 2004.

Юлиан Андреевич Кулаковский
(СПбФА РАН,
Р.Х, оп.1 — К, д.11, л.1)

типологический метод в церковной археологии, где церковный канон предстает как иконографический тип. Знарок русских церковных древностей и памятников христианской археологии вообще, человек, пользовавшийся уважением в Синоде и в Церкви, был чрезвычайно важен для А. А. Бобринского в его стремлении влиять на ситуацию с охраной и реставрацией памятников церковной старины.

Директор Института гражданских инженеров Н. В. Султанов (1897 г., д. 38, л. 2), ставший 20 октября 1903 г. председателем Техническо-строительного комитета МВД, еще 20 марта 1897 г. был кооптирован А. А. Бобринским в Комиссию в качестве сверхштатного члена в связи с возлагаемыми на него ИАК «поручениями по осмотру и исследованию древних памятников зодчества» и «постоянным участием в заседаниях по рассмотрению поступающих в ИАК проектов реставрации храмов и других древних зданий». Помимо этого в число

Валентин Алексеевич Жуковский

Жуковский Валентин Алексеевич

(24.04.1858–4.01.1918) — ориенталист, специалист в области иранского языкознания, литературы, фольклора, этнографии и археологии. Член-корреспондент Императорской Академии наук (1899). Родился в Воронеже. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета, по арабо-персидско-турецко-татарскому разряду в 1880 г. В 1883 г. — магистр персидской словесности Петербургского университета. В 1883–1886 гг. находился в научной командировке в Иране (Тегеран, Исфахан, Шираз), изучал персидский язык, его диалекты и литературу. По возвращении в Петербург (1886) был утвержден в должности приват-доцента с исполнением обязанностей руководителя кафедры персидской словесности и стал читать лекции на факультете восточных языков университета, где и работал до конца жизни. В 1888 г. получает степень доктора, с 1889 г. — профессор. С 1892 по 1902 г. — секретарь, с 1902 по 1911 г. — декан факультета восточных языков. В 1890 г. был командирован Императорской Археологической Комиссией в Закаспийский край для изучения древнего Мерва. В 1895 г. полу-

чил звание члена-корреспондента ИАК за археологическое исследование Закаспийского края и составление научного описания развалин Старого Мерва, что было первой попыткой описания истории среднеазиатского города в широкой и исчерпывающей форме с привлечением мусульманских источников. Путешествовал по Туркменистану и Ирану в 1896 и 1899 гг. Зав. учебным отделом восточных языков при МИД России (1905). Значительным вкладом в науку явились работы по персидской литературе, в особенности суфийской.

Осн. соч.: Материалы для изучения персидских наречий. СПб., 1880–1922. Ч. 1–3 (Persische Grammatik mit Literatur, Chrestomathie und Glossar. 4 Aufl. Leipzig., 1947); Али-Аухадэддин Энвери. Материалы для его биографии и характеристики. СПб., 1883; Жизнь и речи старца Абу Саида Мейхенейского. Персидский текст. СПб, 1889; Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва // Материалы по археологии России. ИАК. № 16. СПб., 1894; Человек и познание у персидских мистиков. СПб., 1895.

Лит. о нем: Бартольд В. В. Памяти В. А. Жуковского //ЗВОРАО. 1921. Т. 25 (библ.); Ромаскевич А. А. В. А. Жуковский и персидская народная поэзия // Там же; Валентин Алексеевич Жуковский. 1858–1918. Попытка характеристики деятельности ученого. (Читано академиком С. Ф. Ольденбургом в заседании Отделения ист. наук и филологии 17 янв. 1918) // Известия РАН. 1918. Серия 6. № 12. Т. 3. С. 2039–2068; Ольденбург С. Ф. Валентин Алексеевич Жуковский, 1858–1918, Пг, 1919; Бушев П. П. Жизнь и деятельность В. А. Жуковского // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1959. Сб. 4.

членов ИАК без содержания были введены бывший хранитель московской Оружейной палаты шталмейстер Двора, граф Алексей Егорович Камаровский, управляющий Двором принца Александра Петровича Ольденбургского (2 февраля 1898 г.),⁵ известный коллекционер, председатель Киевского общества истории и древностей Богдан Иванович Ханенко (10 июня 1905 г.), член ООИД, профессор Новороссийского, а затем Галльского университета Эрнст Романович фон Штерн (20 апреля 1909 г.), профессор Киевского университета Юлиан Андреевич Кулаковский (7 марта 1911 г.), профессор Петербургского университета Михаил Иванович Ростовцев и князь Алексей Александрович Ширинский-Шихматов (7 апреля 1912 г.). (1898 г., д. 298; 1913 г., д. 415, л. 1–5).

Стоит отметить назначение сверхштатным членом ИАК члена Государственного Совета Николая Ивановича Булычева 22 марта 1903 г. Еще 5 февраля А. А. Бобринской подает рапорт министру Двора о том, что ИАК нужен сотрудник для разбора монетных кладов и «ближайшего заведования делами», связанными с находками монет и распределением их по музеям, для чего необходим археолог, хорошо знакомый с отечественной нумизматикой. Таким археологом и стал Н. И. Булычев, сохранивший свой пост при МВД (1903 г., д. 21, л. 5).

Два последних назначения говорят о А. А. Бобринском как стратеге, готовом обеспечить деятельность своей Комиссии на высоком государственном и общественном уровне с помощью связанных с ИАК известных государственных деятелей. Назначение А. А. Ширинского-Шихматова, который не только, подобно Н. И. Булычеву, был членом Госсовета, но и членом Сената и гофмейстером Двора, а с 1903 г. еще и тверским губернатором, нужно рассматривать

⁵ Алексей Егорович Камаровский скончался 14 августа 1898 г. (1898 г., д. 42, л. 1, 6).

Мальмберг Владимир Константинович

(1860–1921) — выпускник историко-филологического факультета Казанского университета (1884), оставлен для приготовления к профессорской должности. В 1887 г. перевелся в Дерпт. Неоднократно путешествовал по Греции, Италии, Англии, Германии, Франции, Дании, Швеции для изучения древних памятников. Приват-доцент Казанского университета (1888–1890), экстраординарный профессор Юрьевского университета (1890–1907), с 1907 г. его ординарный профессор, директор Музея изобразительных искусств имп. Александра III в Москве (1913–1921). Главные труды посвящены исследованию памятников греческой декоративной скульптуры. Действительный член (1897) РАО. Член-корреспондент ИАК с 1895 г., с сентября 1918 г. — член Совета РГАК, затем член РАИМК (Московская секция). Число научных трудов, напечатанных при жизни, достигает 50, неизданных работ — 20.

Осн. соч.: Метопы древнегреческих храмов. Исследование в области декоративной скульптуры. Дерпт, 1892; Успехи современной археологии. Юрьев, 1896; Древнегреческие фронтонные композиции. СПб., 1904; Этюды по древнегреческой вазовой живописи. СПб., 1906–1909. Вып. 1–6; Античные мраморы и бронзы. Юрьев, 1911 (совместно с А. Б. Тураевым); Памятники Музея изящных искусств имени императора Александра III в Москве. М., 1912–13; Курган Карагодеуаш // МАР. № 13. Древности Южной России. Т. 6. СПб., 1894 (совместно с А. С. Лаппо-Данилевским).

Лит. о нем.: Щербаков Н. А. Неопубликованное научное наследие проф. В. А. Мальмберга // Труды секции искусствознания РАНИОН. 2. М. 1928. С. 71–76.

Владимир Константинович
Мальмберг

как создание мощной поддержки деятельности ИАК на уровне принятия общеимперских решений. К тому же это назначение было важным и в отношениях с Синодом и епархиальными архиереями: новый сверхштатный член долгое время начиная с 1890 г. был юрисконсультом Святейшего Синода, с в 1911 г. стал председателем комиссии по реставрации Большого Успенского московского собора. Нельзя сказать, что он был далек от археологии: под его руководством в 1903 г. в его имени Федово Тверской губернии был раскопан древнерусский грунтовой могильник (Ширинский-Шахматов 1906). Несмотря на то что в интерпретации автора исследований этот памятник был отнесен к «языческим древностям», сегодня его материалы занимают ключевое место в научных представлениях о христианизации Древней Руси вообще и сложении древнерусской погребальной культуры в частности. Пласт грунтовых могильников XI–XII вв. при сопках Федово, Деревяницы, Михаил-Архангел, Нередица (Спицын 1905а; Конецкий 1982; Носов 1982), которые зачастую являются организующим центром некрополя и определяют ориентацию погребенных, позволяет увидеть динамику сложения новой обрядности в конкретных социоисторических параметрах, связанных с боярской патронимией. Однако стоит признать, что его фраза, написанная им в благодарственном письме А.А. Бобринскому в ответ на извещение об избрании сверхштатным членом ИАК: «В меру скромных моих познаний и слабых сил готов принять деятельное участие в трудах Комиссии, насколько это окажется возможным без ущерба для прямых

Сергей Александрович Жебелев в театре Диониса в Афинах. 1905 г. (ФА, I 650490)

Жебелев Сергей Александрович

(10.09.1867–28.12.1941) — историк, филолог-классик, археолог-антиковед, историк археологии. Член-корреспондент Императорской Академии наук (1914), действ. член АН СССР (1927). Окончил ист.-филол. факультет Петербургского университета в 1890 г. Преподавал и служил в университете на различных должностях. Секретарь классического отделения РАО (1894–1919). С января 1902 г. — член-корреспондент ИАК. С сентября 1918 г. — член Совета РГАН. С 1919 г. — член РАИМК/ГАИМК, зав. разрядом Эллады и Рима, товарищ председателя (1923–1928). В ноябре 1941 г. назначен главой ряда академических институтов, оставшихся в блокадном Ленинграде без руководства. *Осн. соч.* Введение в археологию. Пг., 1923; Северное Причерноморье: Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М. Л., 1953.

Лит. о нем: Фролов Э.Д. Сергей Александрович Жебелев // Портреты историков. Т. 2: Всеобщая история. Москва; Иерусалим, 2000. С. 16–27.

моих служебных обязанностей», — должна рассматриваться не просто как проявление подобающей скромности (1912 г., д. 225).

Кадровая полтика А. А. Бобринского вообще отличалась продуманностью и логикой. Так, он практиковал перевод членов-корреспондентов ИАК в сверхштатные члены Комиссии, а последних в действительные, как это имело место с Н. И. Веселовским, занявшим 12 января 1895 г. место старшего члена ИАК, ранее принадлежавшее В. Г. Тизангаузену, ставшему в тот же день товарищем председателя (1891 г., д. 186, л. 13, 30–30 об.). Мероприятия А. А. Бобринского по созданию коллектива членов-корреспондентов и сверхштатных членов ИАК свидетельствуют не только о попытке решить кадровые проблемы самой Комиссии, но и о дипломатическом таланте ее председателя, умело формировавшего общественное мнение и вербовавшего надежных союзников своему ведомству. В своем письме от 6 сентября 1886 г. Д. Я. Самоквасову, сразу после назначения того членом-корреспондентом Комиссии, А. А. Бобринской выражает надежду, что профессор и впредь не будет отказывать Комиссии в ее просьбах (Археология... 2007: 271). 10 марта 1890 г. председатель ИАК обращается к Д. Я. Самоквасову по вопросам классификации курганов в Черкассах (Там же: 85–86), а 14 января 1893 г. запрашивает его мнение о проекте новых правил для археологических раскопок (Там же: 88; 1887 г., д. 69, л. 261). В своем письме от 9 июля 1906 г. граф вновь просит «не оставлять» его указаниями: «Ежели Вы, опытные исследователи, не станете отказывать в совете и помощи, то можно будет мало-помалу прийти к лучшему положению вещей и сплотить археологические силы России в одно системное целое» (Археология... 2007: 88). Таким образом, мы видим, что А. А. Бобринской сумел привлечь к работе в Археологической

Марков Алексей Константинович

(1858–1920) — крупный русский археолог и нумизмат. Получил образование в Париже (Ecole Nationale Spéciale des Langues Orientales Vivantes) и в Петербургском Археологическом институте. С 1888 г. работал в Отделе нумизматики Эрмитажа, а с 1900 г. — его руководитель. В 1907 г. избран членом-корреспондентом ИАК за постоянное содействие в течение 20 лет по вопросам восточной и классической нумизматики. Читал курс лекций по античной и русской нумизматике в Археологическом институте. Им издан ряд работ по нумизматике эллинистического Востока, а также по античной и византийской нумизматике. Наиболее близкой областью были восточные монеты. Составленный каталог восточных монет Эрмитажа, топография находок кладов восточных монет до сих пор не потеряли своего первостепенного научного значения.

Осн. соч.: Библиография классической археологии за 1884–1886 г. СПб., 1886; Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896; Монеты джучидов: Золотая Орда, татарские ханства. Казань, 2008; Русская нумизматика. Конспект лекций А. К. Маркова, читанных в СПб. Археологическом институте. СПб., 1905; О чистке древних монет. СПб., 1908; Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

Лит. о нем: Словарь нумизмата / Пер. с нем. М., 1993; *Спасский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики. 1764–1964 // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8; Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004; *Калинин В. А., Лепехина Е. В.* Хранители Эрмитажа: А. К. Марков и А. А. Ильин // Нумизматика. 2008. № 19 (ноябрь). С. 54–55.

Алексей Константинович Марков.
Рисунок Э. К. Липгарта 1911 г.

Комиссии значительное число выдающихся исследователей древности и лиц, обладающих значительным общественным весом в России. Необходимо отметить, что именно в «эпоху Бобринского» произошло объективное совпадение персональных научных интересов членов Комиссии и выполняемых ею административных и исследовательских задач. Именно с этого времени можно говорить о вкладе сотрудников ИАК в развитие науки и охраны древностей, как и вкладе самого учреждения.

А. А. Бобринской заботился об охране престижа сотрудников и служащих ИАК на местах. Так, 31 сентября 1895 г. он обратился к министру Двора с просьбой учредить особый нагрудный знак «Надсмотрщик Императорской Археологической Комиссии» для успешной организации работ, по образцу нагрудного знака надсмотрщика Керченского музея, утвержденного 26 мая 1892 г. Разрешение последовало 20 ноября 1895 г., где особо оговаривалось, что представители ИАК имеют право ношения такого знака при отправлении ими своих служебных обязанностей (1887 г., д. 69, л. 316–317, 319). Еще ранее, 4 декабря 1894 г., председатель заказал портному мастеру Ивану Вагину форменное обмундирование сторожам Комиссии по образцу присяжных Петербургского дворцового управления, на что было потрачено, после нудных переговоров с министерством, 183 руб. (1896 г., д. 245, л. 1–1 об.).

Здесь же стоит добавить, что во время реставрационно-археологических работ в храме Спаса на Берестове в Киеве 23 сентября 1911 г. П. П. Покрышкин ходатайствовал о назначении своего помощника Л. И. Кириллова сверхштатным членом Комиссии с правом ношения мундира и знака прилагаемого образца, который, к сожалению, не сохранился. Это должно было наглядно свидетельствовать о правах и функциях археолога во время исполнения им своих обязанностей. 11 января 1912 г. А. А. Бобринской ходатайствует об этом перед

Николай Яковлевич Марр
(ФА, О 1067/5)

Марр Николай Яковлевич

(25.12.1864–20.12.1934) — востоковед, филолог, археолог, историк Кавказа, лингвист. Окончил факультет восточных языков Петербургского университета (1888). С 1891 г. — приват-доцент, с 1900 г. — профессор, с 1907 г. член-корреспондент ИАК, в 1911–1919 гг. — декан того же факультета. Академик с 1912 г. С 1892 г. по поручению ИАК проводил масштабные раскопки средневековой столицы Армении — городища Ани, на месте раскопок создал музей. В 1917 г. основал Историко-археологический институт РАН в Тифлисе. Член РГАК с мая 1918 г. С октября того же года — председатель РГАК. С 1919 г. — председатель РАИМК/ГАИМК. Создатель (1921) и директор Яфетического института АН СССР. Директор ГПБ в Ленинграде (1924–1931). С 1930 г. — вице-президент АН СССР. Внес большой вклад в отечественное кавказоведение, в первую очередь как филолог и археолог. Выдающийся организатор, приложил все силы к спасению научных кадров и инфраструктуры отечественной науки после Октябрьского

переворота. Автор «нового учения о языке», объявленного «лингвистическим отделом марксизма». Нервные потрясения рубежа 1910–1920-х гг. стали причиной психического заболевания, постепенно прогрессирующего в 1920-х–начале 1930-х гг.

Осн. соч.: Избранные работы. М.; Л., 1933–1937. Т. 1–5; Яфетидология. М., 2002.

Лит. о нем: Николай Яковлевич Марр и советская археология. Л., 1950; Алпатов В. М. История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991; Голубева О. Д. Н. Я. Марр. СПб., 2002; Платонова Н. И. Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ. СПб., 1998. № 5. С. 371–382.

министром Двора, но, судя по всему, проект остался нереализованным (1911 г., д. 322, л. 1, 3).

Вообще, председатель Комиссии всегда вникал в нужды своих сотрудников. В связи с этим не очень понятно, что имеют в виду современные авторы, пишущие, например, что он «держал в черном теле в Комиссии» А. А. Спицына (Формозов 2004: 29), который для него был «чем-то вроде второго сорта» (Бердинских 2003: 421). Сам же А. А. Спицын подчеркивал, что пользовался полной свободой действий в Археологической Комиссии, занимался тем и публиковал то, что сам хотел (Спицын 1928: 332). Также нужно заметить, что А. А. Спицын за годы своей службы под началом А. А. Бобринского регулярно получал новые чины и награды. В декабре 1915 г. А. А. Бобринский подал рапорт министру Двора, в котором просил в обход существующих правил производства в новые чины (А. А. Спицын занимал должность VI класса и не прослужил 35 лет): «Не признаете ли Вы возможным обратить особое благосклонное внимание на этого труженика и в награду за его неустанную работу на пользу Археологической Комиссии исходатайствовать ему, в виде исключения, чин Действительного Статского Советника (IV класс, «Ваше превосходительство». — *Ред.*)» (1891 г., д. 199, л. 60). В итоге 10 апреля 1916 г. А. А. Спицын получил этот чин. Он также участвовал во всех мероприятиях, определяемых придворным статусом Комиссии, в частности, в представлении новых находок лично императору. Однажды, возвратившись с такого представления, А. А. Спицын рассказывал домочадцам, что даже спорил с императором Николаем II по поводу некоторых вещей и перемигивался с великими князьями (Тихонов 2003 с: 107). Нелишним будет и упомянуть, что в 1918 г. после смерти Н. И. Веселовского А. А. Спицын был избран старшим членом Комиссии по предложению А. А. Бобринского, и именно на него председатель возложил свои обязанности, покидая Петроград летом того же года.

Совсем иное отношение к А. А. Спицыну было у И. И. Толстого, оставившего следующие записи в своем дневнике: «Спицын докладывал о китайском влиянии на татаро-монгольские и русские произведения вплоть до XIV–XV вв. Менее научного и более слабо

Фармаковский Мстислав Владимирович

(16.09.1873–29.03.1946) — специалист по истории древних технологий и научной реставрации, художник. Один из основоположников новой дисциплины — археологической технологии. Окончил Новороссийский университет (1895), Академию художеств в Дюссельдорфе (1902). В 1892–1906 гг. — сотрудник Музея Общества истории и древностей в Одессе. Занимался химией и техникой прикладного искусства в Сорбонне (1906–1908). С 1913 г. — член-корреспондент ИАК. С 1918 г. — сотрудник и хранитель Русского музея. В 1919–1930 гг. — ученый секретарь Института археологической технологии РАИМК/ГАИМК, один из главных организаторов этого начинания. Уволен из ГАИМК «по категории», в результате «чистки» кадров (1930), сослан в Ярославль. В 1934 г. вернулся в Ленинград. Работал в ГАИМК, где заведовал кафедрой реставрации и консервации (до 1937) и Русском музее.

Осн. соч.: Блюда епископа Патерна // Известия ИАК. СПб., 1913. Вып. 49; Горит из кургана Солохи // Известия РАИМК. Пг., 1922. Т. 2; Консервация и реставрация музейных коллекций. М., 1947; Акварель. Ее техника, реставрация и консервация. М., 2000.

Лит. о нем: Иессен А. А. Мстислав Владимирович Фармаковский // КСИИМК. Л., 1947. Вып. 16. С. 165–167.

Мстислав Владимирович
Фармаковский

обоснованного фактически доклада мне редко приходилось слышать в жизни! Голословность и отсутствие умения обращаться с научными методами исследования сделали то, что интересный сам по себе вопрос не был продвинут ни на йоту к разрешению. Бедный Спицын — несомненно, замечательно туп и не ему заниматься наукой!.. Докладчиком был Спицын, причем его изложение было образцом ненаучного отношения к предмету (древности Галиции). Трудно себе представить большего нагромождения фантастических выводов и субъективных решений самых разнообразных вопросов археологии... После завтрака я ездил в Археологическую комиссию, а затем к Кондакову. В Комиссии мне показали поразительные находки нынешнего года. Члены, к сожалению, ничего в них не понимают (говорю о Николае Веселовском и Спицине, которых застал в Комиссии), и они с открытыми ртами слушали мои объяснения (например, о серебряном блюде...)» (Толстой 1997: 259, 261, 588). На страницах этого же дневника содержатся и довольно резкие характеристики политической деятельности А. А. Бобринского (Там же: 166, 292, 314, 395). Бывшие сотрудники Археологической Комиссии граф И. И. Толстой и Н. П. Кондаков продолжали оставаться в жесткой оппозиции председателю

Михаил Петрович Боткин

Боткин Михаил Петрович

(7.08.1839–22.01.1914) — художник, гравёр, академик исторической живописи и выдающийся коллекционер. Родился в Москве, в семье известного чаеоторговца П. К. Боткина. В 1856 г. поступил в Императорскую Академию художеств. После окончания несколько лет провёл в Германии, Франции и Италии. Здесь сблизился со многими русскими художниками, в особенности с А. Ивановым, в 1880 г. издал книгу «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка». За картины «Вакханка с тамбурином» и «Плач на реках Вавилонских» в 1863 г. получил звание академика. Член совета Академии художеств (с 1879 г.), сверхштатный член ИАК (1888), член Общества поощрения художеств, директор Музея Императорского Общества поощрения художеств (с 1896 г.), Председатель правления Первого российского страхового общества, член совета Петербургского международного коммерческого банка и др. Постоянно участвовал в делах Общества поощрения художеств, и комиссиях, учреждаемых для организации художественных начинаний, — распорядитель художественными отделами на Всероссийской промышленной выставке в Москве 1882 г., участвовал в устройстве русского отдела на Международной промышленной выставке в Копенгагене 1888 г. Один из виднейших коллекционеров и меценатов. Из итальянских путешествий 1858–1863 гг. привёз ценные памятники ренессансного и античного искусства. Особенно выдающееся собрание ваз и этрусских терракотовых масок происходило из раскопок 1875–1876 гг. в Тарквиниях. Владел уникальной коллекцией произведений прикладного искусства: античного, византийского, древнерусского, готического и ренессансного (выделялись византийские эмали на золоте, французские и немецкие эмали, бронзы романской эпохи и итальянские майолики эпохи Возрождения). В 1920 г. художественные собрания поступили в Государственный Эрмитаж.

Лит. о нем.: Собрание М. П. Боткина. СПб., 1911; Некролог М. П. Боткина // Известия Императорской Археологической комиссии. Приб. к № 46 (Хроника и библиография, № 26). СПб., 1914. С. 160–161; Барышников М. Н. Деловой мир России: Историко-биографический справочник. СПб., 1998. С. 70–72, 183, 283, 286; Неверов О. Я. Боткин // Санкт-Петербург и античность. СПб., 1993.

Археологической Комиссии, а по существу и всему возглавляемому им учреждению. Впрочем, о частом необоснованном злословии последнего писали многие мемуаристы. Так, например, сын Н. О. Лосского вспоминал, что «в его разговорах русские археологи следующего за ним поколения были в большинстве „архиолухами”, а о Б. В. Фармаковском он говорил: „сорок лет молчал, а потом такое сказал, что лучше бы и совсем рта не открывал”» (Лосский 1993: 154–155).

Предпринимались меры и для «повышения квалификации» сотрудников Археологической Комиссии, связанные с их служебными командировками за границу, а также для формирования полноценного представления о деятельности ИАК в европейской науке. Так, 23 января 1897 г. через Ф. И. Успенского в ИАК поступило приглашение на Археологический съезд в Афинах, который должен был открыться 26 апреля в связи с 50-летием Французской археологической школы в этом городе (1897 г., д. 18, л. 1).

ИАК осознавала необходимость профессионального роста своих сотрудников, повышения их квалификации. В 1904 г. планировалась поездка по археологическим памятникам Греции, в связи с чем 29 мая 1903 г. В. В. Шкорпилу было направлено письмо (1903 г., д. 74, л. 1). В нем писалось: «Императорская Археологическая Комиссия, сознавая всю важность ознакомления своих сочленов, ведущих практически дело раскопок, с результатами грандиозных археологических раскопок на почве собственно Греции и с применяемым при производстве их методом, предполагала командировать Вас в Грецию и с этой целью входила

Антонович Владимир Бонифатьевич

(30.01.1834–21.03.1908) — историк, археолог, археограф, фольклорист, общественный деятель, один из основоположников украинской национальной историографии, глава киевской школы украинских историков. Магистр (1868), доктор (1878) русской истории, действительный член МАО (1874), РАО (1894), профессор Киевского университета с 1878 г., декан историко-филологического факультета 1880–1883 гг. Основатель и председатель Исторического общества Нестора-летописца (1881–1883). Принадлежал к шляхте, но разделял демократические идеи. Основные труды посвящены истории Правобережной Украины и Великого княжества Литовского, археологии Украины. Издал 9 томов материалов «Архива Юго-Западной России», из которых 4 посвящены казачеству. Исследовал курганы Киевской, Волынской, Черниговской, Подольской, Полтавской губерний, стремясь установить отличительные черты и пределы расселения отдельных племен. Являлся неперенным участником всех Археологических съездов. Много трудов положил на организацию археологического музея Киевского университета и нумизматического кабинета. В начале XX в. вышел на пенсию по болезни и подолгу жил в Италии.

Осн. соч.: Археологическая карта Волынской губернии // Труды XI Археологического съезда в Киеве 1899 г. 1901. Т. 1. С. 1–333; Археологическая карта Киевской губ. М., 1895; Раскопки в стране древлян. СПб., 1893; Бакотский скальный монастырь. Киев, 1880; Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее университета Св. Владимира. Киев, 1896–1904. Вып. 1–3.

Лит. о нем: Памяти члена-учредителя исторического общества Нестора-Летописца, заслуженного ординарного проф. В. Б. Антоновича. Киев, 1904; *Болсуновский К. В.* В. Б. Антонович как нумизмат. СПб., 1912; *Ульяновский В., Короткий В.* Володимир Антонович: образ на тлі епохи. Київ, 1997.

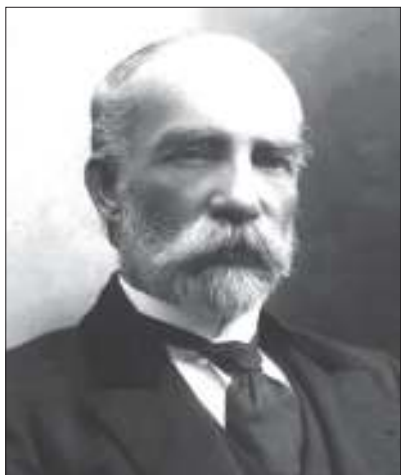

Владимир Бонифатьевич
Антонович (СПбФА РАН,
Р.Х, оп.1-А, д.13, л.1)

с ходатайством к управляющему Афинским отделением Немецкого археологического института профессору В. Дерпфельду о допущении Вас к участию в имеющих состояться в апреле и мае нового стиля 1904 года под его руководством археологических поездках Германского археологического института по Греции.

Получив ныне согласие профессора Дерпфельда на принятие Вас в число членов указанных поездок, Императорская Археологическая Комиссия имеет честь уведомить Вас об этом и при сем присовокупляет, что проф. Дерпфельдом Вам будет прислана программа поездок, по получению коей Вы имеете войти в Комиссию с представлением о снабжении Вас нужными на поездку средствами, заграничным паспортом и соответствующими инструкциями, — если, конечно, командировке не воспрепятствуют Ваши служебные обязанности в Керченской гимназии».

Кроме В. В. Шкорпила отправиться в поездку по Греции предлагалось также К. К. Косцюшко-Валюжиничу, при этом все расходы (500 руб.) брала на себя Археологическая Комиссия. Однако по причине большой занятости, планировавшегося высочайшего приезда в Херсонес и проч. Косцюшко-Валюжинич отказался от лестного предложения (1903 г., д. 74, л. 5). Директор Керченского музея нашел для этого время и под руководством В. Дерпфельда осмотрел памятники Древней Греции, путешествовал по Пелопоннесу (17 дней), по островам (13 дней), посетил Афины (25 дней), а также Трою и Константинополь.

Николай Васильевич Покровский
(Частный архив)

Покровский Николай Васильевич

(20.10.1848–8.03.1917) — историк, археолог, искусствовед, творец иконографического метода, «отец церковной археологии» в России. Родился в семье священника в Костромской губернии. Окончил курс в СПбДА со степенью кандидата богословия в 1874 г. В 1876 и 1888 гг. изучал византийские памятники за границей. С 1874 г. — приват-доцент, с 1880 г. — доцент, с 1883 г. — экстраординарный профессор, с 1894 г. — ординарный профессор, с 1899 г. — заслуженный ординарный профессор, с 1905 по 1917 г. — сверхштатный заслуженный ординарный профессор по кафедре церковной археологии и литургики; основатель и заведующий церковно-археологическим музеем (1879) Санкт-Петербургской Духовной академии. Магистр богословия (1880), доктор церковной истории (1892). Действительный (1880) и почетный член (1910), секретарь Русского отделения (1885–1888) ИРАО. Действительный член ИМАО (1887). Сверхштатный член ИАК с 1892 г. Почетный член Общества антиквариев в Лондоне (1896). Член Совета Общества распространения религиозно-нравственного просвещения, заведующий педагогическими курсами учителей и учительниц церковно-приходских школ (1897–1898). С 1878 г. профессор кафедры церковных древностей и с 1898 г. директор Петербургского Археологического института. Исследовал историю христианского искусства от его истоков вплоть до XVII в. Ввел в научный оборот значительный массив памятников восточнохристианского искусства.

Осн. соч.: Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. СПб., 1892; Очерки памятников христианской иконографии и искусства. СПб., 1900; Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916.

Лит. о нем.: Мусин А. Е. 150 лет со дня рождения Н. В. Покровского // Новгородский исторический сборник. СПб. 1999. № 7(17). С.262–266; Пивоварова Н. В. Н. В. Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004. С.41–118.

Несколько раз ездил за границу для участия в археологических конгрессах и осмотра археологических музеев и А. А. Спицын; так, в частности, в 1912 г. он был на археологическом конгрессе в Стокгольме (1912 г., д. 83). К сожалению, на общей фотографии участников конгресса А. А. Спицына не оказалось (Svedin 2007: fig. 1), однако здесь запечатлен другой член Комиссии Ф. А. Браун. Участвовал в этой встрече и ученик А. А. Спицына А. В. Тищенко.

15 марта 1908 г. в ИАК через Министерство иностранных дел было передано приглашение на Международный археологический конгресс в Каире, куда был отправлен Б. В. Фармаковский (1908 г., д. 93). Интересно, что эта поездка имела своим следствием попытку организации Отдела древностей Антиохийского патриархата при одном из русских музеев, в которую была вовлечена и ИАК. Во время конгресса его участники посетили Дамаск, где встречались с недавно избранным патриархом Григорием, который и предложил русскому консулу и Б. В. Фармаковскому вывезти коллекцию христианских древностей Ближнего Востока, «ныне расхищаемых иезуитами и попираемых мусульманами», в Россию. Параллельно с устным предложением записка подобного содержания была отправлена в Петербург по дипломатическим каналам. Из рапорта самого Б. В. Фармаковского от 22 мая 1909 г. выяснилось, что во время личной беседы с патриархом дело обстояло несколько иначе, чем было изложено в записке: никакой готовой коллекции в патриархате не существовало. В результате Комиссия в своем отзыве увязала «желательность» такого мероприятия с качеством и составом предлагаемых вещей, однако сама возможность организации музея антиохийских древностей в России была признана затруднительной, так как в Турции существовал запрет на вывоз древностей за рубеж (1909 г., д. 66). Интересно, что за поступившим в Россию

Ханенко Богдан Иванович

(3.01.1848–26.05.1917) — промышленник, коллекционер, меценат. В 1871 г. окончил Московский университет со степенью кандидата права. Занимал пост мирового судьи в Петербурге. В 1876–1882 гг. — член Варшавского окружного суда. Выйдя в отставку, путешествовал по Западной Европе. С конца 1880-х гг. поселился в Киеве. С 1892 г. — директор-распорядитель, а затем — председатель правления Южно-Русского общества содействия земледелию («Земледельческий синдикат»). С 1896 г. — директор-распорядитель и глава правления Товарищества свеклосахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко. В начале 1890-х гг. — член Всероссийского товарищества сахарозаводчиков, Киевского Биржевого товарищества, глава Киевского комитета торговли и мануфактуры. В 1906–1912 гг. — выборный член Государственного Совета от промышленников. Член партии октябристов. Почетный член Академии художеств, председатель Киевского общества древностей и искусства, сверхштатный член ИАК, член-корреспондент ИМАО с 1899 г. Собрал большую коллекцию произведений искусства и библиотеку. Сыграл главную роль в основании Киевского художественно-промышленного и научного музея (официально открыт в 1904 г.), основу экспозиции которого составила археологическая коллекция Ханенко (3145 предметов). По дарственной его супруги В.Н. Ханенко коллекция была передана в Государственный музей западного и восточного искусства в Киеве.

Осн. соч.: Древности Приднепровья. 1899–1907; Вып. 1–6. Русские христианские древности. 1899; Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899–1900. Вып. 1–2; (в соавт. с Ханенко В.Н.).

Лит. о нем.: Крачковская В. А. Мусульманское искусство в собрании Ханенко. Л., 1926.

Богдан Иванович Ханенко
(СПбФА РАН, Р.Х, оп.2, д.60)

предложением, в обсуждение которого была вовлечена ИАК, могли стоять и вполне конкретные церковные причины геополитического характера: избрание антиохийским патриархом этнического араба Григория в 1906 г. не было признано греческими патриархатами, и для национальной арабской церкви в Сирии реализация «музейного проекта» стала бы средством прорыва «дипломатической блокады».

3–9 апреля 1913 г. в Лондоне состоялся Международный конгресс исторических наук (International congress of Historical studies), Оргкомитет которого направил соответствующее приглашение в ИАК (The Imperial Russian Archeological commission) с предложением организовать особую секцию русских древностей. 30 января 1913 г. А. А. Бобринской подал в Министерство Двора рапорт о том, что «участие в занятиях международных съездов вверенной мне Комиссии представляется весьма желательным». В Лондон были отправлены сам председатель ИАК и Б. В. Фармаковский (Доклады 1914). Интересно, что следующий IV конгресс должен был состояться в 1918 г. в Петербурге, и Академия наук приняла на себя устройство предварительного совещания 18–20 декабря 1913 г., куда от Комиссии был направлен Н. И. Веселовский (1913 г., д. 29, л. 1–1 об., 2, 11).

Еще одно важное направление деятельности А. А. Бобринского на посту председателя Археологической Комиссии — это заметная активизация раскопок и расширение их географии в пределах Российской империи, что нашло отражение и в издательской политике

Эрнест Романович фон Штерн

Штерн, фон, Эрнест Романович (Эрнст-Вальффрид)

(1859–1924) — историк, филолог-классик, археолог, эпиграфист. Действительный член МАО (1896), сверхштатный член ИАК (1909). Учился в Дерптском и Лейпцигском (1877–1880) университетах. Ученик Ю.-Г. Липсиуса и Г. Лешке. В 1884 г. приглашен преподавать классическую филологию в Новороссийском университете. Приват-доцент, экстраординарный (1896), а затем ординарный профессор (1898). Был деканом историко-филологического факультета и директором Высших женских курсов. Педагогическая деятельность Штерна явилась важным этапом в развитии антиковедения в Одессе. Член ИООИД (1891), хранитель музея древностей Общества (1896–1911). Систематизировал обширные музейные коллекции. Вел широкие полевые исследования на очень высоком методическом уровне, воспитал целое поколение археологов-антиковедов. В 1911 г. переехал в Галле (Германия), где и прожил до смерти. Избирался деканом и ректором местного университета. В сентябре 1918 г. заочно избран членом Совета РГАК.

Осн. соч.: Полный список трудов помещен в т. 30 ЗООИД; Але-

бастр Псиакса и Гилина. Исследования в области греческой керамики. Одесса, 1894; Античная глазированная посуда с юга России. Одесса, 1899; Две хранящиеся в Одесском музее античные вазы строгого краснофигурного стиля. Одесса, 1900; К вопросу об эллинской керамике. Одесса, 1910; О местоположении древнего Херсонеса. Одесса, 1908; Отчет о раскопках на острове Березани летом 1913 года. Одесса, 1915; Феодосия и ее керамика. Одесса, 1906.

Лит. о нем.: Жибелев С. А. Отзыв о трудах Э.Р.фон Штерна. Одесса, 1901; Проводы профессора Э.Р.фон Штерна. Одесса, 1911; Хойслер А. Эрст фон Штерн, археолог в Одессе и Галле // Традиции российской археологии. СПб., 1996; Шеглов А.Н. Э.Р. Штерн в России (несколько поправок и заметок к тезисам А. Хойслера) // Там же; Фролов Э.Д. Немецкий профессор в русском университете: Эрнест Романович фон Штерн (1859–1924) // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. СПб., 2001. Вып. 3.

Комиссии. Иногда такая стратегия ИАК вступала в противоречие с планами расширения международной научной деятельности прочих российских организаций. В таких случаях А. А. Бобринской достаточно жестко защищал как свои намерения, так и иерархическую позицию Комиссии в системе отечественной науки.

25 октября 1893 г. министр народного просвещения вошел в Государственный Совет с предложением создать в Стамбуле Русский археологический институт. Предполагалось, что он будет императорским. Такая инициатива была выдвинута еще послом России в Турции А. И. Нелидовым в 1888 г. Институт мыслился как учреждение по изучению христианского Востока и «разработке» его истории, быта, искусства и науки. Византийская культура рассматривалась здесь как «источник гражданственности», а сам институт оказался бы базой для научных командировок. Реализация проекта предлагалась и в целях упрочения влияния России на православное население Востока. В 1888–1889 гг. идея получила поддержку Святейшего Синода и Министерства иностранных дел, однако необходимые для ее осуществления 12 000 руб. золотом вызвали недоумение в Министерстве финансов.

Предлагаемый Министерством народного просвещения проект создания РАИК был составлен Н. П. Кондаковым, Ф. И. Успенским и А. И. Кирпичниковым. В уставе будущего учреждения предполагалось, что в задачи института будет входить: 1) организация

Ростовцев Михаил Иванович

(29.10.1870–20.10.1952) — историк античности и археолог. Образование получил в Киевском и Петербургском университетах. С 1895 по 1898 г. находился в заграничной командировке: Константинополь, Афины, Рим, Вена, Лондон, Париж, Испания, Малая Азия. В 1899 г. защитил магистерскую диссертацию, а в 1903 г. — докторскую. Член-корреспондент (1908), член Академии наук, член многих ученых, исторических и археологических обществ. С 1898 г. приват-доцент, в 1901–1918 гг. профессор Петербургского университета. С октября 1912 г. — сверхштатный член ИАК, с сентября 1918 г. — член Совета РГАК. Принял участие в разработке проекта создания на базе ИАК/РГАК — Академии археологических знаний (1917–1918). Занимался изучением Помпей, памятниками и искусством Египта и Востока. В 1918 г. эмигрировал. В 1920–1925 гг. профессор в Мадисоне (штат Висконсин, США), в 1925–1944 гг. профессор Йельского университета в Нью-Хейвене. В 1928–1937 гг. возглавлял раскопки Дура-Европос. Развернул широкие полевые исследования древней культуры и письменности на Ближнем Востоке, создал в США научную школу папирологии. В 1929 г. принял американское гражданство. Президент Американской исторической ассоциации (1935). Исследовал преимущественно проблемы социально-экономической истории эллинизма и Римской империи, а также древнюю историю юга России, им было выявлено сложное взаимодействие греческой, иранской и местных культур.

Осн. соч.: Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914; Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж. СПб., 1908; Скифия и Боспор. Л., 1925; Рождение римской империи. Пг., 1918; Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. Berlin; Leipzig, 1910; Mystic Italy. New York, [1927]; Dura-Europos and its art. Oxford, 1938; The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926; A history of the ancient world. Oxford, 1926–27. v. 1–2; ; The social and economic history of the hellenistic world. Oxford, 1941. v. 1–3.

Лит. о нем.: Бороздин И. Ученые заслуги М. И. Ростовцева. [М., 1915]; Скифский роман. М., 1997; Парфянский выстрел. М., 2003.

Михаил Иванович Ростовцев.
Рим. Пьяццо Сенаторе.
1905 г. (ФА, Q. 548/50)

и направление «на месте научные занятия русских ученых древностями и историей Греции, Византийской империи и Передней Азии», 2) «изучение монументальных памятников, географии, топографии, быта и права, эпиграфики и искусства», 3) организация «раскопок по соглашению посла с правительствами Турции и Греции». Предполагалось, что институт будет контролировать перемещения художников и ученых, которые будут обязаны являться к директору с отчетами. Отдельно предполагались стажировки в институте для кандидатов и магистрантов духовных академий (РА, ф. 25, д. 32, л. 17–25).

4 декабря 1893 г. Государственный Совет заслушал это предложение и обратился к российским министерствам и ведомствам с просьбой высказаться по данному вопросу. Свое мнение, с учетом пожеланий и предложений членов Комиссии, в письме на имя министра Двора высказал и А. А. Бобринской. Прежде всего, он обратил внимание на то, что в проекте никак не упоминалась ИАК, занимавшая «первенствующее место среди археологических учреждений России». Председатель ИАК высказал сомнения в перспективности такого начинания и привел в качестве примера судьбу Римской Археологической комиссии, вскорости изжившей себя. Он считал, что проще всего было бы не учреждать дорогостоящего института, а если у правительства есть лишние деньги, то предоставить их в распоряжение ИАК на специальную цель изучения византийских древностей: «Для сего особых штатных должностей и содержания не потребуется». Не без иронии он писал, что «если в этом деле контроль ИАК и Министерства Двора представляется чем-то страшным для составителей проекта (вспомним недавний конфликт ИАК с Н. П. Кондаковым. — *Ред.*), то испрашиваемые деньги могли бы с несравненно большей пользой быть переданы Одесскому обществу». Записка А. А. Бобринского предполагала возможность устройства института византийских древностей на юге России, дабы изучать многочисленные находящиеся здесь памятники.

В заключение граф писал: «Что же касается упрочения чувства уважения и доверия местного общества к России, то едва ли турецкое общество возгорится особым уважением к учреждению, в коем при штатной сумме в 12000 руб. только 3000 руб. предназначено на научные цели (издание и раскопки), а остальные 9000 руб. будут расходоваться на жалование служащих лиц и на их удобства» (Там же, л. 1–4). Впрочем, очевидно, что в этом

Алексей Александрович
Ширинский-Шихматов

Ширинский-Шихматов Алексей Александрович

(1862–1930) — князь, государственный, общественно-политический и церковный деятель, публицист. Служил по ведомству Министерства внутренних дел. Помощник юрисконсульта при обер-прокуроре Святейшего Синода (1890), прокурор Московской Синодальной конторы (1894). С 1903 г. — тверской губернатор. С октября 1903 г. — гофмейстер. В мае — товарищ обер-прокурора Синода (1905), обер-прокурор, член Государственного Совета (1906). Вице-председатель православного Палестинского общества. В 1915 г. основал Общество возрождения художественной Руси. После Октябрьского переворота участвовал в деятельности подпольных монархических организаций. Эмигрировал. На съезде правых монархистов (1921 г., Рейхенгаль, Германия) был избран одним из трех членов Высшего монархического совета. Умер во Франции.

Лит. о нем.: Политические партии России. Конец XIX–первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 700–701.

пункте граф, как человек европейской культуры, ошибался. Его мнение и легло в основу соответствующего письма министра Двора по поводу учреждения РАИК. И. И. Воронцов-Дашков указывал, что едва ли можно ожидать, что учреждением в Константинополе Археологического института в том виде, в каком он представлен в проекте устава, будут достигнуты плодотворные результаты. Будущие директор и секретарь не могут обладать необходимыми разнообразными знаниями, чтобы читать в стенах института все курсы, а сложная система разновидностей членства в институте затрудняет руководство этим учреждением. Отмечалась чрезмерная «цензорская роль» директора по отношению к лицам, посещающим институт. Предполагаемые для организации института средства министр предлагал передать ИАН или ООИД (Там же, л. 8–9). Как известно, средства на Институт в Константинополе нашлись, и он был создан в 1894 г. (Басаргина 1999).

XVII

В «эпоху Бобринского» значительно расширился ареал научных интересов Археологической Комиссии, лишь намеченных при С. Г. Строганове. Еще в начале 1880-х гг. В. Г. Тизенгаузен писал, что задачи археологических раскопок на юге (Пантикапей, Фанагория, Ольвия, Танаис) в основном выполнены и нужно сосредоточиться на «разыскании предметов древности, относящихся к отечественной истории», и указывал на необходимость изучения Киева и его окрестностей, а также Пермской и Вятской губерний (АВ СПб ФИВ РАН, ф. 52, оп. 1, д. 17, л. 1–2). Позднее С. А. Жебелев писал: «С 80-х гг., когда во главе Комиссии стал А. А. Бобринской, Комиссия постепенно стала производить раскопки и археологические разыскания почти по всей европейской, а отчасти и азиатской России, хотя и тогда основным центром деятельности Комиссии продолжал оставаться юг России» (Жебелев 1923: 108). Изменение стратегии Комиссии хорошо видно и из текста «Очерка деятельности ИАК в царствование в Бозе почивающего Императора Александра III (1 марта 1881 г. по 20 октября 1894 г.)», распоряжение о составлении которого последовало 11 марта 1900 г. (1900 г., д. 174, л. 2–23 об.). К 1899 г. годовой бюджет Комиссии значительно возрос и достиг 57 915 руб., из которых выделялось 6000 руб. на раскопки в Херсонесе и 4000 руб. — в Керчи, 12 000 на остальные раскопки, 3240 — на приобретение древностей, 7000 — на издания (РА,

Бульчев Николай Иванович

(1852–1919?) — выпускник Петербургского университета. Камергер двора его императорского величества, предводитель дворянства Калужской губернии, член Гос. Совета, сверхштатный член ИАК с марта 1903 г., краевед, археолог. Много лет исследовал курганы в Верхнем Поднепровье и Поочье. Проводил раскопки в Калужской и Смоленской губерниях в 1886–1892 гг., в Уфимской губернии (1902), в Пензенской губ. (1897). С 1900 г. — член-корреспондент ИМАО, в том же году избран действительным членом общества. При баллотировке в РГАК 24 сентября 1918 г. не был переизбран и выбыл из ее состава. Во время революционных событий Бульчев находился в Петрограде.

Осн. соч.: Раскопки по берегам Оки. М., 1902; Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913; Древности из Восточной России М., 1902. *Лит. о нем:* ИМАО в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.) Под ред. П. С. Уваровой и И. Н. Бороздина. М., 1915. Т. 2. С. 9–10.

Николай Иванович Бульчев

ф. 25, д. 47, л. 11). Всего только за период с 1881 по 1894 г. на деятельность Комиссии было истрачено почти полмиллиона рублей казенных средств (Обзор деятельности 1901: 125). Для сравнения, в 1886 г. на содержание личного состава ИАК и хозяйственно-операционные расходы было выделено 21 600 руб., на Керченский музей 6564 руб. и на путевые издержки и раскопки 2000 и 6300 руб. соответственно (1886 г., д. 1, л. 2–6 об.).

В 1888 г., после высочайшего повеления 12 июня 1887 г., начались раскопки в Херсонесе, порученные ИАК К. К. Косцюшко-Валюжиничу (*подробнее смотри главу V*). 10 мая 1893 г. городище посетил император Александр III, который одобрил происходящее своей знаменитой фразой «Теперь виден порядок», о чем лично сказал А. А. Бобринскому пятью днями позже (1900 г., д. 174, л. 11 об., 63 об.). Еще более масштабные и систематические раскопки в 1901 г. были начаты в Ольвии под руководством Б. В. Фармаковского, после того как А. А. Бобринской добился выделения на них специальных средств в сумме 4000 руб. в год (*подробнее смотри главу IV*). Однако даже в местностях традиционного интереса ИАК ее исследовательская политика изменилась. Так, в 1886 г. В. Д. Смирнову было выделено 150 руб. для разведок и раскопок курганов и погребений в Старом Крыму. 30 марта 1887 г. он представил в Комиссию отчет, в котором фигурировали и христианские по облику некрополи, в частности, упоминался медный крест из могилы у церкви с. Бия (1886 г., д. 25, л. 3–29 об., 36).

Новый этап наступил и в изучении Сибири. В мае 1886 г. Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894), идеолог «сибирского областничества», отправляясь в поездку по Сибири, предложил ИАК свои услуги по собиранию сведений о коллекциях и раскопах как в Западной, так и в Восточной области за последние 25 лет. Это предложение заинтересовало А. А. Бобринского, которому, судя по его письму, мало что было известно об этом регионе, за исключением исследований В. В. Радлова, которые велись здесь под наблюдением Комиссии. Одновременно ИАК поручила Н. М. Ядринцеву сбор сведений обо всех остатках древности, включая пещеры, курганы, изваяния и др. По своем возвращении 23 мая 1887 г. он представил в ИАК детальный отчет с предложением конкретных людей на местах, на которых Комиссия может опереться как на своих региональных сотрудников. География отчета охватывала Тюмень, Тобольск, Ишим, Томск, Красноярск, Минусинск, Иркутск и Сургут. К нему прилагалась составленная Д. Клеменсом археологическая карта Минусинского округа (1886 г., д. 26, л. 2 об., 8–10, 15).

В это время Кавказ также надежно вошел в научное поле зрения ИАК, однако первый опыт изучения Комиссией местных христианских древностей имел последствия, далеко выходящие за рамки собственно академических целей. 26 мая 1889 г. член ИАК Н. П. Кондаков подал в Министерство Двора записку о вопиющих фактах продажи и расхищения христианских древностей в храмах и монастырях Кавказа. В 1882–1885 гг. разбойники ограбили три монастыря Джумаши и Шемокмеди в Гурии и Мартвили в Мингрелии. Н. П. Кондаков сообщал, что местная спекуляция и поиски иностранных агентов приведут к опустошению богатых ризниц. Так, тифлисский дворянин Сабинус, по разрешению Синодальной конторы, собрал из ризниц церквей и монастырей старое серебро, забрал дорогие эмали на золоте (иконы XI в., эмали XI–XII вв., Евангелие 1300 г. на пергаменте), «отблагодарив» монастыри новыми иконами в ремесленных окладах. По мнению Н. П. Кондакова, для сохранения остатков церковных древностей следует собрать их в Гелатском монастыре и в Сионском соборе в Тифлисе.

28 июня по докладу министра состоялось высочайшее повеление о поручении Н. П. Кондакову составить описи угрожаемых древностей, а ИАК — произвести их научную оценку (1889 г., д. 69, л. 1, 47). Летом того же года Н. П. Кондаков совместно с товарищем председателя

Кавказского археологического общества Д. З. Бакарадзе совершил научную поездку по Кавказу, от которой сохранились уникальные кальки с изображениями изучаемых предметов. Исследователи посетили 14 монастырей Грузии, Имеретии, Мингрелии и Гурии. В августе министр велел опубликовать составленную зимой 1889/90 г. опись, а на изготовление фотографий Э. Гоппе в марте 1890 г. выделены 1800 руб. (Кондаков 1890). Н. П. Кондаковым же была инициирована поездка по Крыму и Кавказу тогда еще студента Петербургского университета Я. И. Смирнова. Основным поручением Я. И. Смирнову от ИАК было составление описи древностей Тифлисского музея, что им и было выполнено летом 1889 г. (1889 г., д. 44).

Прошло 14 лет, и «Правительственный вестник» сообщил, что 19 июля 1904 г. был ограблен Гелатский монастырь и похищены «археологические драгоценности». 20 августа А. А. Бобринской запросил из общего архива дело об описании Н. П. Кондаковым кавказских древностей и тогда же написал Экзарху Грузии с просьбой прислать в Комиссию полный список похищенных вещей. 16 сентября Экзарх пересылает в Петербург список, составленный епископом Имеретинским, в котором из 7 украденных предметов два были учтены в издании 1890 г. — потир (№ 29) и перстень царя Давида (№ 34). 25 января 1905 г. А. А. Бобринской обратился в Министерство иностранных дел с просьбой передать в главнейшие музеи мира список похищенных вещей ради предостережения иностранных коллекционеров от покупки ворованных древностей. Уже в марте через российского посла в Англии подобное предостережение поступило в Британский музей (1889 г., д. 69, л. 35, 42, 43, 44). Действия А. А. Бобринского по сути дела предвосхищали современную практику профилактики преступлений против культуры.

Именно в «эпоху Бобринского» исследования Кавказа и Средней Азии, не став приоритетами деятельности ИАК, приобрели более систематический характер. В 1891–1893 гг. и с 1904 по 1917 г. Н. Я. Марр вел археологические исследования средневекового армянского города Ани в Карсской области (*подробнее смотри главу IX*). В Азии на смену Н. Н. Пантусову, трудившемуся здесь с 1867 до 1892 г., пришел Н. И. Веселовский, который был в 1884–1885 гг. отправлен ИАК на городище Той-Тюбе Кураминского уезда и Чорлен-тепе близ кишлака Намданак в 40 км от Ташкента. Он также осмотрел памятники Ахсыкета, Касана и Узгена и даже приступил к раскопкам гордища Афрасиаб под Самаркандом, В 1897–1899 гг. Н. И. Веселовский снова был в Средней Азии. В 1898 г. Н. И. Веселовский вместе с сотрудниками экспедиции побывал в Шахрисябзе для обследования дворца Ак-Сарай. Исследование среднеазиатских городов трудами ИАК связано с деятельностью ираниста В. А. Жуковского. В 1890 и 1896 гг. на средства ИАК он совершил поездки в Туркестан: здесь в 1890 г. осматривал Мешхед и Тусу в Мерве и Хорасане, а в Закаспийской области в 1896 г. произвел раскопки на городище Анау (Жуковский 1894) (*подробнее смотри главу X*). Отметим, что А. А. Бобринской в целом поддержал и идею составления карты археологических памятников Кубанской области, предложенную Е. Д. Фелицыным, с условием, что из издания будут удалены собственноручно этнографические сведения (1886 г., д. 16). Это отражало новый этап в исследовании этого традиционного для Комиссии региона.

Однако одним из самых приоритетных направлений в «эпоху Бобринского» стала славяно-русская археология, что было связано не только с приходом в ИАК А. А. Спицына, но и с ростом общественного интереса к национальным древностям (*подробнее смотри главы XI и XIII*). В 1886–1887 гг. Императорская Археологическая Комиссия начала финансирование раскопок в Старой Ладогe и в Старой Рязани, причем в последнем случае материальная поддержка исследований продолжалась вплоть до 1904 г. Напомним, что на подобное предложение, поступившее в Комиссию в 1860 г., С. Г. Строганов ответил отказом. В 1886–1887 гг.

в недрах ИАК при участии В. Б. Антоновича и В. З. Завитневича сложилась программа систематических исследований славянских древностей Восточной Европы, преимущественно в Юго-Западном и Северо-Западном краях, на территории современных Белоруссии, Восточной Польши и Литвы. Позднее к активным археологическим исследованиям славяно-русских древностей подключился член ИАК А. А. Спицын. Первые его труды в качестве члена ИАК, ставшие классическими и не утратившие своего научного значения до сих пор, были связаны с систематизацией и исследованием погребального инвентаря из раскопок на Ижорском плато и в Причудье. С древностями славяно-русскими неразрывно оказались связаны балтские и финно-угорские средневековые памятники. Труды А. А. Спицына по картированию археологических памятников по губерниям и соответствующие обзоры опирались на традиции, заложенные ИАК еще в «эпоху Бобринского». Параллельно в его публикациях происходило обобщение и осмысление средневековых древностей (Список 1948: 14–19). Эти работы печатались зачастую в изданиях РАО, что отражает активный уровень взаимодействия Комиссии и Археологического общества.

С деятельностью ИАК связано и начало изучения русской эпитафики и храмовых граффити. Комиссия поддержала исследование приднестровского пещерного монастыря XIV в. в Бакотах Подольской губернии. В 1894 г. А. А. Бобринской обратился к И. А. Шляпкину с предложением заняться изучением «настенных надписей» Новгородского Софийского собора за счет Комиссии. В результате этот проект должен был включить в себя не только граффити, но и вещевую палеографию и надгробия XI–XVI вв., но, к сожалению, он так и не осуществился. Зато вышел том Н. П. Кондакова, обобщив поступившие в Комиссию клады древнерусского времени (*подробнее смотри главу XI*).

Интересно отметить, что именно в 1886 г. начинается ряд важных дел, связанных с реставрацией и исследованием, в том числе и археологическим, целой серии замечательных памятников древнерусского зодчества — Успенского Мстиславова храма XII в. во Владимире-Волынском, чтимых часовен близ Переславля-Залесского, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и Преображенского собора и его росписей XII в. в Мирожском монастыре во Пскове (*подробнее смотри главу XIII*).

Деятельность Комиссии не была чужда и применению естественнонаучных анализов в археологических изысканиях. Так, 22 декабря 1896 г. А. А. Бобринской, упоминая предшествующее сотрудничество и договоренности, остающиеся нам в настоящее время неизвестными, обращается к Дмитрию Алексеевичу Сабанееву с просьбой провести для ИАК исследование химического состава древних бронз, на что тот отвечает согласием. Через некоторое время ему направляются 2 археологических предмета, найденных на Кубани, 4 — из Минусинского края и 1 из Елисаветополя. Результатом исследования становится присланная в Комиссию таблица процентного состава химических элементов бронзовых изделий (1896 г., д. 186). С тем же процессом расширения сферы исследовательских интересов и превращения ИАК в координирующее археологическое учреждение России, заботящееся о должном, а следовательно, и методически верном научном поиске, связаны «инспекционные поездки» как членов Комиссии, так и персонально привлекаемых специалистов. Уже в 1887 г. для осмотра раскопок Старо-Рязанского городища, проводимых Рязанской архивной комиссией, был командирован И. И. Толстой (1886 г., д. 45, л. 4, 9). Летом 1892 г. подобную миссию в отношении раскопок неолитического поселения Коломцы под Новгородом, произведенных В. С. Передольским, взял на себя А. А. Иностранцев. В его обязанности входила не только «ближайшая проверка» осуществленных исследований и знакомство с приемами раскопок В. С. Передольского с точки зрения их системности и полноты,

но и «определить, какое место среди других известных древностей северного края» занимают сделанные находки (1892 г., д. 67, л. 1–1 об.). Точно так же в 1905 г. Н. Е. Макаренко, получив 450 руб. аванса, отправился в Воронежскую губернию, в частности, в слободу Верхняя Салты, где местный учитель В. А. Бабенко производил многолетние раскопки Салтовского могильника, эталонного памятника салтово-маяцкой культуры. Целью поездки было знакомство и критическая оценка применяемых местным археологом методик раскопок (1905 г., д. 70).

Финансирование Комиссией инициатив отдельных исследователей и обществ в области археологических исследований конкретных памятников должно расцениваться как выражение научного интереса к данной области и тематике. Важно отметить, что в первые три десятилетия своего существования Археологическая Комиссия финансировала, за редким исключением, раскопки, в основном, своих сотрудников, лишь изредка выделяя деньги на работы других исследователей. Так, в 1884 г. Д. Я. Самоквасову было выделено 3000 руб. на археологические исследования в Екатеринославской губернии с условием последующего представления финансового и научного отчетов, полевой документации и всех найденных вещей. Помимо этой суммы еще 500 руб. выделялось в безотчетное распоряжение на «путевые издержки» (Археология... 2007: 264). Впрочем, из «Книги выдачи открытых листов и авансов за 1891–1897 гг.» можно узнать, что регулярно крупные суммы по несколько тысяч рублей получали только члены Комиссии К. К. Косцюшко-Валюжинич, К. Е. Думберг, Н. И. Веселовский и Н. Я. Марр в 1891–1892 гг. на раскопки Ани. Остальные исследователи, как сотрудники Комиссии, так и другие, как правило, получали на раскопки денежные суммы в размерах от 50 до 500 руб. Например, в 1890 г. А. А. Спицыну (тогда еще учителю Вятской женской гимназии) было ассигновано 400 руб. на исследования в Вятской губернии. В 1892 г., когда Спицын уже стал сотрудником Археологической Комиссии, эта сумма возросла до 900 руб. (1888 г., д. 71, л. 58, 115), но в дальнейшем он чаще получал по 100 руб. в год на свои раскопки.

После знаменитой «археологической конференции» 1889 г. и установления единой печатной формы Открытого листа с 1891 по 1918 г. в Комиссии велись «Книги записей на выданные разрешения на раскопки», в которых отмечался факт выдачи Открытого листа конкретному обществу или исследователю, сумма аванса, результат исследований в виде предоставления научного и финансового отчетов (1891 г., д. 200; 1898 г., д. 295; 1910 г., д. 321). Изначально в книгах существовала графа, указывающая, что раскопки производились «по поручению Комиссии», однако с исчезновением такой графы связь ИАК с организацией полевых

Отчет об исследовании химического состава древних бронз с Кубани и из Минусинска, выполненном для Императорской Археологической Комиссии Д. А. Сабаневым (1896 г., д. 186, л. 8)

исследований надежно фиксируется выдачей аванса на раскопки. На основании анализа этих книг полевая активность Комиссии, не связанная с исполнением высочайших повелений на археологические исследования и с проведением раскопок членами ИАК, выглядит следующим образом:

Год	Количество поддержанных экспедиций	География экспедиций — губернии и области
1891	13	Таврическая, Херсонская, Тобольская, Томская, Витебская, Киевская, Тифлисская, Казанская, Саратовская, Симбирская, Екатеринославская, Екатеринбургская, Семиреченская, Донская, Терская
1892	23	Терская, Кубанская, Северо-Западный край, Херсонская, Таврическая, Эриванская, Новгородская, Семиреченская, Рязанская, Могилевская, Подольская, Пермская, Нижегородская, Тамбовская, Пензенская, Виленская, Курляндская, Оренбургская
1893	17	Пермская, Астраханская, Рязанская, Могилевская, Витебская, Северо-Западный край, Русская Армения, Архангельская, Черниговская, Казанская, Таврическая, Симбирская, Херсонская, Сырдарьинская, Кубанская
1894	25	Рязанская, Смоленская, Енисейская, Имеретинская, Томская, Херсонская, Екатеринославская, Семиреченская, Елисаветопольская, Вятская, Таврическая, Кубанская, Архангельская, Курляндская, Акмолинская, Харьковская, Пермская, Воронежская, Черниговская, Новгородская, Нижегородская, Енисейская
1895	21	Архангельская, Эриванская, Елисаветопольская, Семиреченская, Херсонская, Енисейская, Акмолинская, Пермская, Вятская, Томская, Ярославская, Саратовская, Таврическая, Полтавская
1896	25	Киевская, Новгородская, Волынская, Архангельская, Херсонская, Кутаисская, Тифлисская, Рязанская, Московская, Томская, Ярославская, Смоленская, Орловская, Енисейская, Эриванская
1897	21	Терская, Таврическая, Томская, Казанская, Пермская, Харьковская, Екатеринославская, Елисаветопольская, Семиреченская, Енисейская, Амурская, Забайкалье, Приморье
1898	14	Кубанская, Семипалатинская, Терская, Енисейская, Екатеринославская, Елисаветопольская, Уфимская, Вятская, Казанская, Таврическая, Варшавская, Смоленская, Новгородская
1899	19	Таврическая, Бессарабская, Ярославская, Енисейская, Черниговская, Ставропольская, Смоленская, Елисаветопольская, Воронежская, Закавказье, Херсонская, Семипалатинская, Семиреченская, Кубанская
1900	19	Забайкальская, Кубанская, Карсская, Семипалатинская, Терская, Эриванская, Пермская, Смоленская, Киевская, Таврическая, Новгородская, Елисаветопольская, Архангельская, Херсонская, Черноморская
1901	15	Таврическая, Пермская, Елисаветопольская, Пермская, Киевская, Смоленская, Харьковская, Семиреченская, Терская, Кубанская, Акмолинская
1902	13	Черниговская, Таврическая, Войско Донское, Тифлисская, Елисаветопольская, Терская, Витебская, Тамбовская, Рижская, Тверская, Кубанская, Пермская, Енисейская, Волынская
1903	16	Таврическая, Елисаветопольская, Енисейская, Новгородская, Тверская, Петербургская, Смоленская, Волынская, Кубанская, Тифлисская, Пермская, Томская, Енисейская, Ярославская
1904	10	Таврическая, Витебская, Херсонская, Батумская, Карсская, Кутаисская и Черноморская губернии, Вятская, Уральская, Херсонская, Петербургская, Эриванская
1905	14	Минская, Херсонская, Елисаветопольская, Тифлисская, Карсская, Пермская, Харьковская, Витебская, Волынская, Тамбовская, Черноморская, Херсонская, Вятская, Воронежская, Киевская, Таврическая
1906	20	Елисаветопольская, Войско Донское, Карсская, Херсонская, Харьковская, Ставропольская, Киевская, Тамбовская, Воронежская, Полтавская
1907	16	Черниговская, Черноморская, Таврическая, Калужская, Ставропольская, Виленская, Архангельская, Воронежская, Карсская, Эриванская, Вятская, Херсонская, Киевская

Год	Количество поддержанных экспедиций	География экспедиций — губернии и области
1908	13	Таврическая, Одесская, Кубанская, Екатеринославская, Херсонская, Нижегородская, Воронежская, Виленская, Котромская, Вятская, Киевская
1909	9	Виленская, Семиреченская, Кубанская, Ковенская, Херсонская, Новгородская, Эстляндская, Оренбургская, Киевская, Воронежская, Тамбовская, Одесская, Подольская, Саратовская, Петербургская
1910	10	Ставропольская, Пермская, Владимирская, Киевская, Подольская, Новгородская, Тамбовская, Курская, Ковенская, Войско Донское, Херсонская, Люблинская
1911	14	Енисейская, Пермская, Петербургская, Киевская, Вологодская, Ставропольская, Черноморская, Херсонская, Волынская, Подольская, Гродненская, Новгородская, Калужская
1912	12	Саратовская, Уфимская, Курская, Таврическая, Воронежская, Подольская, Войско Донское, Киевская, Черноморская, Одесская, Херсонская, Екатеринославская
1913	12	Кубанская, Таврическая, Екатеринославская, Киевская, Петербургская, Новгородская, Архангельская, Черноморская, Тобольская, Курская, Херсонская
1914	13	Пермская, Войско Донское, Кубанская, Таврическая, Гродненская, Саратовская, Самарская, Петербургская, Волынская, Херсонская, Черноморская, Акмолинская, Киевская
1915	3	Таврическая, Херсонская, Владимирская
1916	4	Таврическая, Курская, Оренбургская, Новгородская
1917	6	Киевская, Терская, Кубанская, Подольская, Новгородская, Херсонская, Таврическая
1918	1	Новгородская

И количество поддержанных экспедиций, и их география хорошо соответствуют расширению научных интересов и административных полномочий ИАК. Характерно принципиальное различие подходов «эпохи Строганова» и «эпохи Бобринского» к этому вопросу и с точки зрения имевшихся приоритетов, и с точки зрения перспективных планов исследований. 29 апреля 1877 г. А. С. Уваров обратился к С. Г. Строганову с предложением выделить его обществу сумму на снаряжение ученой экспедиции в Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии. Ответ от 3 августа того же года был предельно ясен: «Не желая отвлекать средств, дарованных ИАК, от прямой их цели — от раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове, я не считаю возможным принять деятельное участие в предполагаемых МАО изысканиях» (1877 г., д. 4, л. 6–6 об., 7). Стоит предположить, что резкость отказа была непосредственно связана с личностью просителя, однако за этим стояла настоящая тактика и стратегия Комиссии. В новую эпоху ИАК неоднократно приходилось подчеркивать, что в предшествующее время она занималась изучением отнюдь не одних памятников античной культуры на территории России.

Главным принципом, которым Комиссия руководствовалась при решении вопроса о выдаче Открытого листа и денежных средств на раскопки, было научное имя заявителя и известность его Комиссии. Никогда не получали отказа уже зарекомендовавшие себя научными работами исследователи. Большие шансы получить Открытый лист, дающий право на раскопки памятников, находящихся на казенных, церковных и общественных землях, имели представители провинциальной интеллигенции: учителя, врачи, чиновники и т. д. Но и в этом случае, если заявитель впервые обращался за листом, Комиссия, как правило, требовала рекомендаций уже известных ей исследователей. Так, например, в ответ на ходатайство урядника Новочеркасской станицы Федора Акулиничева было постановлено «разрешить раскопки только в том случае, если он укажет лицо, под наблюдением которого будут раскопки, и это лицо будет Комиссией признано сведущим». Сотнику Нестерову были разрешены раскопки только 2–3 курганов в Кубанской области вместо 60, о которых он просил,

и то под руководством Е. Д. Фелицына. В другом случае, получив ходатайство от врача К. П. Палинова, Комиссия решила запросить об этом мнение того же Е. Д. Фелицына. Постоянные отказы получали крестьяне, обращавшиеся за разрешением на раскопки с явно кладоискательскими целями (1888 г., д. 71, л. 7 об., 14 об., 85 об.).

Правда, иногда и в этой системе выдачи Открытых листов происходили сбои и серьезные недоразумения. Наиболее крупный скандал разразился в 1904 г., когда выяснилось, что горный техник Д. Г. Шульц, копавший скифские курганы у станицы Келермесской на Кубани по Открытому листу, полученному от Археологической Комиссии, присвоил и продал часть найденных золотых вещей. Комиссия, опасаясь за свою репутацию в случае широкой огласки этого дела, не стала доводить его до судебных инстанций (Галанина 1997: 16–24).

Помимо раскопок Комиссия имела средства на приобретение древностей у частных лиц, так в период 1885–1894 гг. на эти цели было отпущено 29 тысяч руб. С 1880-х гг. все чаще в Археологическую Комиссию пересылались клады и отдельные находки, за которые находчикам выплачивалось вознаграждение. Например, только в 1892 г. через Вятский статистический комитет поступило 15 крупных находок, сделанных на территории Вятской губернии, среди них были клад серебряных монет XVI в., серебряная чаша VIII–X вв., за которую находчику было выслано 100 руб. А за огромный клад серебряных слитков, найденный крестьянином В. П. Зуевым в Малмыжском уезде Вятской губернии, Археологическая Комиссия выплатила 975 руб. 36 коп. (Бердинских 2005: 155, 165).

И. Г. Спасский в своем очерке по истории нумизматического собрания Эрмитажа особо отмечал, что «во второй половине столетия пополнение нумизматической коллекции Эрмитажа приобрело небывалый размах в связи с успешно развивающейся деятельностью Археологической Комиссии, взявшей после 1859 г. в свои руки учет монетных находок в стране. Каждая монета и каждый клад, доставленные в Комиссию, предлагались Эрмитажу» (Спасский 1970: 160). При этом Комиссия неоднократно подчеркивала, что передавала в музеи безвозмездно клады и находки, приобретенные за счет ее бюджета. Одним из самых крупных приобретений была покупка коллекции кавказских древностей полковника Ольшевского, из которой в Эрмитаж передано 453 предмета, в Исторический музей — 270 и в другие музеи 435 предметов.

Из среды специалистов-археологов нередко раздавалась критика в адрес такой практики распределения находок между музеями, при которой происходило разделение вещей из единых комплексов по принципу их художественной ценности. Но, как писал Н. Е. Макаренко в письме к главному критику — Д. Я. Самоквасову: «Одно могу сказать об Археологической Комиссии, что она здесь менее всех виновата, так как Эрмитажу предоставлено право заниматься выборкой вещей для своих коллекций из вещей, ежегодно доставляемых из различных раскопок в Комиссию» (Археология... 2007: 224). Об этой же проблеме тому же адресату писал и сам А. А. Бобринской в письме от 9 июля 1906 г., когда на вопрос Д. Я. Самоквасова о том, где находятся найденные им в 1883 г. предметы византийского искусства из курганов Александровского уезда Екатеринославской губернии, председатель Комиссии вынужден был ответить: «...Вероятно, в Эрмитаже, но где именно? При этом позвольте заметить, что я не назначен директором Эрмитажа, но только председателем Археологической Комиссии, посему бессилен по отношению к золотым предметам, остающимся в кладовых Эрмитажа. Могу только обещать одно, что на будущее время, при распределении добытых раскопками или случайно найденных вещей между музеями России — буду осторожен, постараюсь не разъединять находок одной и той же местности и (между нами) направлять не в Эрмитаж

все то, что рискует попасть в кладовые... За последние годы моя Комиссия de facto обратилась как бы в поставщика Эрмитажа. По положению же своему ей эта роль не предписана. По закону, государь указывает предметы, которые должны поступить в Эрмитаж. Остальные распределяются между музеями России» (Там же: 89).

XVIII

А. А. Бобринскому удалось добиться и перевода Археологической Комиссии в новые, более подходящие для ее занятий помещения. 26 января 1887 г. и вторично 10 февраля 1888 г. он подает рапорт о том, что в занимаемое Комиссией помещение в верхнем этаже одного из павильонов здания Эрмитажа (100 ступеней по узкой винтовой лестнице) невозможно доставлять тяжелые и громоздкие предметы, и просит предоставить другое, тем более что, по утверждению заведующего Главным дворцовым управлением, к весне 1887 г. прежнее должно было быть освобождено для ремонта. В качестве варианта рассматривался бывший Иезуитский дом на углу Итальянской улицы и Екатерининского канала, где некогда находились помещения Экспедиции церемониальных дел (1888 г., д. 72, л. 1–2). А. А. Бобринской был согласен даже на наем частной квартиры вместе с помещением для склада изданий Комиссии и квартирой для сторожа в пределах 3000 руб. Лишь в декабре 1889 г., без малого через три года, Комиссия начинает переезжать в новые помещения на первом этаже здания Старого Эрмитажа на углу Дворцовой набережной и Зимней канавки, освободившиеся в 1885 г. после переезда Государственного Совета и Комитета министров. Эти помещения были в несколько раз больше прежних, так как металлической антресолю были разделены на два уровня и составляли как бы два этажа, а находящиеся под ними подвальные помещения тоже были впоследствии переданы Комиссии. 14 декабря 1889 г. А. А. Бобринской обращается к Константину Карловичу Гернету с просьбой сохранить электрическое освещение в новом помещении Комиссии и выделить необходимую для ее деятельности мебель (1882 г., д. 31, л. 100–100 об.). Ему же адресована просьба от 18 декабря произвести ремонт в новом помещении в связи с тем, что в скором времени нужно будет представлять археологические находки на высочайшее воззрение (Там же, л. 102). 13 января 1890 г. А. А. Бобринской пишет министру о необходимости изготовления специальной мебели, пересылая ее чертежи, для чего просит выделить специалиста из Технического отдела Кабинета его императорского величества (Там же, л. 103), однако в результате в помещения Комиссии поступила старая мебель из Таврического дворца. На этот переезд 6 марта 1890 г. было выделено первоначально 500 руб. на «обустройство» и электрическое освещение, а в июне 1890 г. еще 2000 руб. из сумм Кабинета на изготовление шкафов (Там же, л. 79, 110, 158–159). Основные труды по переезду были совершены нижними чинами лейб-гвардии Преображенского полка с 19 июня по 7 августа 1890 г., на что было потрачено 18 руб. 80 копеек, однако перенесение отдельных вещей продолжалось вплоть до 18 октября. 22 декабря министерство выплатило 65 руб. 30 коп. Герману Корнфельду за изготовление бронзовой вывески и 4 каучуковых штемпелей. Ремонтные работы продолжались до конца февраля 1891 г. Определенную проблему вызвало перемещение библиотеки Комиссии в комнаты второго этажа, и лишь 15 марта 1890 г. Главное дворцовое управление сообщило, что эти антресоли сооружены на железных балках, что позволяет разместить здесь тяжелые шкафы с книгами (Там же, л. 157). 27 апреля 1890 г. граф А. А. Бобринской подал рапорт о том, что ИАК заняла отведенные ей помещения, однако сообщал о недостатке мебели (Там же, л. 160). Подвальный этаж был передан Комиссии лишь 14 мая (Там же, л. 163). Для входа в Комиссию, по особому разрешению Кабинета от 24 апреля, был открыт подъезд бывшего Комитета министров

Помещения Императорской Археологической Комиссии в Эрмитаже после переезда 1889 г.
(ФА, О 2442/13, Q 517/2, Q 517/3, Q 517/9, Q 517/29, Q 646/1)

с Дворцовой набережной, куда был поставлен особый швейцар, в соответствии с просьбой самого А. А. Бобринского от 6 апреля 1890 г. (Там же, л. 159). На этом процесс обустройства ИАК на новом месте не закончился: 29 мая 1893 г. ее председатель ходатайствовал об устройстве здесь отдельного писсуара и ремонте форточек. Сохранились списки посетителей ИАК в ее новом помещении за 1909–1913 гг. (Пиотровский 2000: 267–269). В апреле 1897 г. на помещения Археологической Комиссии стало претендовать Управление гофмейстерской части Министерства императорского Двора в связи с переустройством Эрмитажного театра. Возникает идея о переводе Археологической Комиссии в Таврический дворец. На это последовал ответ А. А. Бобринского о крайней нежелательности подобного перемещения, так как между Комиссией и Эрмитажем существуют очень тесные связи.

С самого начала своей деятельности Комиссия часто устраивала выставки наиболее значимых в научном отношении, ярких и эффектных находок. Естественно, для этого были нужны соответствующие помещения и площади. Такие высочайшие посещения стали особенно регулярными при А. А. Бобринском, чему немало способствовало получение ИАК новой резиденции. Эти посещения были своего рода «отчетом» (помимо печатного) о том, на что Комиссия расходовала государственные средства. Кроме того, по Положению 1859 г., требовалось представлять находки на «воззрение» императора. Первоначально выставки устраивались в залах Эрмитажа, а начиная с 1890-х гг. в собственных помещениях Комиссии. Информация о таких «Высочайших посещениях» публиковалась в «Правительственном вестнике», изданиях Археологической Комиссии и столичных газетах. Так, «Известия Археологической Комиссии» за 1904 г. сообщали: «9 апреля в 2 ч. 50 м. Их Величества Государь

Император и Государыня Императрица Александра Федоровна прибыли в помещение Императорской Археологической Комиссии, где были встречены председателем Комиссии, гофмейстером, графом А. А. Бобринским, товарищем председателя академиком В. В. Латышевым и членами Комиссии: Н. И. Веселовским, А. А. Спицыным, Б. В. Фармаковским и П. П. Покрышкиным» (Высочайшее посещение 1904: 1). Поздоровавшись со встречавшими лицами, монарх с супругой прошли в первую комнату, где смотрели предметы, добытые раскопками В. И. Каменского на неолитических стоянках близ Балахны на р. Оке, а также коллекции каменного века с верховьев Волги и оз. Бологое. В других комнатах царственные супруги осмотрели материалы курганных раскопок А. А. Бобринского и Н. И. Веселовского в Среднем Поднепровье и на Кубани, их особое внимание привлекли вещи из раскопок Херсонеса и Керчи. В последней четвертой комнате монаршие особы осмотрели древнерусские материалы из раскопок В. Н. Глазова и Н. И. Репникова, а фотограф Комиссии преподнес царю фотоальбом с изображением фресок Спасо-Нередицкой церкви. Осмотр выставки занял более часа. Важно отметить, что на выставке показывались не только высокохудожественные вещи, но и рядовой археологический материал, т. е. тем самым давалось адекватное представление о деятельности археологов как ученых, исследующих древнейшее прошлое, а не «раскопщиков-кладоискателей», добывающих ценные экспонаты для музеев.

В феврале 1913 г. Николай II посетил Археологическую Комиссию с дочерьми и другими родственниками. Особый интерес царя вызвали древности Ольвии, Полтавский клад, находки из скифского царского кургана Солоха. С замечательных произведений искусства, найденных при раскопках Солохи, художником М. В. Фармаковским были изготовлены рисунки, предназначавшиеся в подарок от русского императора германскому кайзеру Вильгельму II, слывшему знатоком и любителем археологии (Высочайшие посещения 1914: 1). Посетителями выставок, устраиваемых Археологической Комиссией, были не только высокопоставленные особы, но и студенты, гимназисты, слушательницы Высших женских курсов (Археология... 2007: 241–242).

Несколько раз императоры посещали раскопки Археологической Комиссии в Херсонесе. Известно, что в мае 1893 г. Александр III с семьей осмотрел раскопки и «склад древностей», о чем К. К. Косцюшко-Валюжинич составил специальный рапорт председателю Комиссии, в котором сообщал, что «ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР не оставил Своим высоким вниманием ни одной интересной находки, удивился большому количеству глиняных лампочек, рассматривал железный якорь, каменные ядра, огромные пифосы и даже о собрании амфорных ручек с именами астимонов (так в тексте, правильно — астиномов. — *Ред.*), — милостиво выслушав мое объяснение о значении их для истории Херсониса, — изволил заметить, обращаясь к ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ Генерал-Адмиралу, что это очень интересный вопрос» (1900 г., д. 4, л. 63).

В августе 1913 г. А. А. Бобринскому удалось организовать визит Николая II в Херсонес, о котором граф сообщал в письме к Б. В. Фармаковскому от 16 августа 1913 г.: «В Херсонесе посещение Государя состоялось, благодаря моей настойчивости. Телеграммами и письмами я неустанно напоминал о лично высказанном нам — помните? — в Царском Селе желании посетить раскопки, и до того я всем надоел, что пробил брешь в свитском равнодушии (чтобы не сказать более) к археологии, и посещение состоялось... Показали мы Государю: могилу мучеников, башню, музей, город с башнями, мозаичные полы храмов и т. д. Для первого номера (могила мучеников) выписал я из Кореиза (по его желанию) М. И. Ростовцева. Конституционист-либерал-профессор приехал в соломенной шляпе и пиджаке, для чего сделал (с 5-ти часов утра) 80 верст в автомобиле. Усерднейше показывал, доказывал, объяснял,

предлагал таблицы будущего издания и стоял под зноем без шляпы до того, что Государь двукратно просил его покрыться... За пиджак Ростовцева я извинился перед Государем, предполагая, „что Вашему Величеству важнее были знания М<ихаила> И<вановича>, чем его мундир” — „Конечно, конечно!” (хотя комендант крепости смотрел кисло). Этот визит удался вполне...» (Зуев 1997: 67). Главным результатом этой встречи, продлившейся несколько часов, стало распоряжение царя о выделении специальных средств на публикацию фундаментального труда М. И. Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России», который вскоре вышел в свет.

Подобные визиты, которые широко освещались прессой, способствовали росту авторитета Археологической Комиссии и археологической науки в целом в обществе, придворных кругах и, что особенно важно, в глазах административно-чиновничьего аппарата. О том, что это было необходимо, свидетельствует, например, зафиксированный мемуаристами некий скепсис среди определенных влиятельных кругов по отношению к Историческому музею в Москве: «Для чего музей, говорили иные, собирать какие-то черепки? На что?» (Шереметев 2001: 332). Соответственно формирование подобного имиджа археологии в качестве социально значимой и полезной науки могло облегчать деятельность археологов, в частности, неизбежные контакты с местным начальством и требовать от такового содействия их полевым работам. Не случайно член Археологической Комиссии А. А. Спицын в своих руководствах по практической деятельности археологов рекомендовал им появляться в местах раскопок в форменном мундире или, по крайней мере, фуражке, которые в глазах местного капитана-исправника или сельского старосты были куда более серьезным аргументом, чем любые малопонятные им научные доводы...

XIX

Издательская деятельность Комиссии заслуживает отдельного очерка. Значительный масштаб работ и обилие получаемого материала диктовали необходимость введения этого материала в научный оборот. Результаты исследований начали публиковаться в ежегодных отчетах, всего с 1859 по 1881 г. был издан 21 том «Отчетов Императорской Археологической Комиссии». Все они сопровождалось отдельно прекрасно изданными атласами большого формата. Последний изданный таким образом «Отчет» был сводным за 1882–1888 гг. с альбомом к нему. До 1903 г. «Отчеты» издавались параллельно на русском и французском языках, что делало их доступными для европейского читателя. С 1904 г. «Отчеты» публиковались только по-русски.

Публикацией в 1866 г. «Древностей Геродотовой Скифии» было положено начало создания серии «Материалы по археологии России». Всего по 1918 г. было издано 37 томов. В годы председательства А. А. Бобринского заметно активизировалась издательская деятельность Археологической Комиссии. В серии «Материалы по археологии России» с 1888 по 1916 г. были выпущены 35 из всех 37 изданий этой серии, которые представляли собой монографические публикации и исследования.

Все выпуски «Материалов» готовились к печати очень тщательно, проводилась большая работа не только авторами, но самим руководством Археологической Комиссии. Весьма показательным в этом отношении издание «Сибирских древностей» В. В. Радлова (1883 г., д. 46). Для полноты исследования и последующей публикации необходимо было просмотреть материалы экспедиции в Сибирь академика Г. Ф. Миллера, хранящиеся в различных архивах и учреждениях. Разыскания этих материалов Комиссия поручила своему старшему члену барону В. Г. Тизенгаузену. В архиве ИАК сохранилась часть бюрократической

переписки председателя Комиссии графа А. А. Бобринского по этому вопросу. Характерна его переписка с директором Московского Главного архива Министерства иностранных дел бароном Ф. А. Бюлером. Почтительно было испрошено разрешение барону В. Г. Тизенгаузену на работу в архиве для выявления нужных рукописей. Барон исправно трудился и обнаружил там «рисунок сибирской каменной бабы с рунической надписью и 16 рисунков... с так называемых писаниц». Копии с этих рисунков было решено поместить в III выпуске «Сибирских древностей». Граф А. А. Бобринский попросил разрешения переправить эти рисунки в Санкт-Петербургский архив этого же министерства на предмет их фотографирования. Как явствует из официального рапорта председателя Императорской Археологической Комиссии на имя министра императорского Двора, барон Ф. А. Бюлер отказал в просьбе и предложил сделать всё в Москве, причем оценил работу в 100 руб. Возмущенный граф вынужден был написать официальную жалобу, причем подписался не как председатель Комиссии, а как гофмейстер Двора его величества, не преминув заодно сообщить о нехватке денежных средств и возможности сделать фотографии в Петербурге бесплатно, к тому же мельком заметил о праве Археологической комиссии пользоваться материалам московского архива в Петербурге с приложением копий соответствующих документов. После всех перипетий поступило высочайшее соизволение уже прямо в Министерство иностранных дел и нужные документы были получены. Нелишне будет заметить, что переписка длилась с 20 октября 1889 г. по 30 апреля 1893 г.

Гораздо более продуктивно было сотрудничество с Академией наук и ее Библиотекой, просьбы и. о. председателя барона В. Г. Тизенгаузена, хотя и не без проволочек, достаточно быстро исполнялись. Так, на пожелание барона в письме к Г. Н. Потанину получить в свое распоряжение подробную опись «коллекции древних металлических вещей», хранящихся в музее Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества, и рисунки наиболее замечательных предметов был дан самый положительный ответ, в свою очередь музей просил прислать 100 экземпляров оттисков таблиц, если таковые будут сделаны. Все тома «Материалов» издавались не только на высочайшем, для того времени, научном уровне, но и полиграфическая культура исполнения также заслуживает всяческих похвал. До сего времени «Материалы по археологии России» служат образцом серийного издания и пользуются большой популярностью у современных исследователей, достаточно сказать, что в Библиотеке ИИМК РАН в Санкт-Петербурге «МАРы» являются одними из наиболее запрашиваемых читателями.

5 октября 1894 г. А. А. Спицын подал председателю Археологической Комиссии «Представление», где, отмечая важность и полезность для археологической науки издаваемых ИАК «Отчетов» и «Материалов по археологии России», выразил мнение, что эти издания не отражают всю полноту археологических изысканий, производимых Комиссией (1894 г., д. 199). Он спрашивал, не признает ли Комиссия «желательным предпринять, наряду с дорогим изданием „Материалы по археологии России“, еще издание „Сборника материалов по археологии России“, в который полностью входили бы все отчеты и описания, не нашедшие места в „Материалах“ и которые издавались бы возможно дешевым способом». В этом случае ежегодные издания приняли бы следующую стройную систему, состоящую из: «Отчета» о действиях Комиссии за истекший год, в который войдет резюме всех представленных в Комиссию поданных отчетов и краткое описание полученных древностей, томов «Сборников материалов по археологии России», в которые войдут отчеты о раскопках второстепенного значения и достаточно подробное описание поступивших в Комиссию случайных предметов древностей, а также одного или двух выпусков «Материалов», заключающих

в себе какую-либо монографию. «Отчеты» и «Сборники» должны были выходить в малом формате, «Материалы» — в большом.

«Представление» поступило в Комиссию 24 октября 1894 г. и было заслушано, однако дальнейшая судьба этого документа не прослеживается. Только несколько лет спустя этому проекту был дан ход. В июне 1901 г. в типографию Главного Управления уделов из Археологической Комиссии за подписью товарища председателя В. В. Латышева было направлено письмо, в котором сообщалось, что издаваемые Комиссией «Известия» должны быть напечатаны в количестве 875 экземпляров на простой и 25 экземпляров на веленовой бумаге, всего 900 экземпляров (1901 г., д. 49). Уже в августе того же года типографию просили приступить к набору статьи К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе. Эта статья вместе с другими присланными позже и составит первый выпуск. В ноябре того же 1901 г. 1-й выпуск «Известий» был представлен министру императорского Двора «для всеподданнейшего поднесения Их Императорским Величеством Государю Императору и Государыне Императрице Александре Федоровне».

Всего же с 1901 по 1918 г. вышло в свет 66 выпусков этого издания. «Известия» стали подлинно научным журналом, с присущими подобным изданиям стилем публикаций и структурой, охватывающей обзоры отдельных групп памятников, хронику деятельности археологических обществ и музеев, библиографию. В последнем разделе в первых выпусках обзор литературы и журналов на французском и немецком языках велся лично самим председателем Комиссии. В предисловии к первому выпуску «Известий» редакция, сообщая о выходе нового повременного издания, практически повторяла доводы А. А. Спицына, изложенные в его «Представлении».

Структура «Известий» была весьма своеобразна. Некоторые выпуски дополнялись отдельными «Прибавлениями» и имели собственный подзаголовок «Хроника и библиография», всего таких прибавлений насчитывается 32 тома. В собственно «Известиях» печатались отчеты о проводимых Комиссией работах, статьи об отдельных памятниках и предметах, найденных в результате раскопок. В «Хрониках» же освещалась деятельность научных учреждений и ученых обществ, музеев. Здесь же давались «сведения о раскопках, памятниках древности, кладях и находках и разные известия», о состоянии памятников на местах и их охране или небрежении по отношению к ним. Все сведения, попадавшие на страницы «Хроник», брались из сообщений газет как столичных, так и губернских.

В этих томах имелся, в отличие от других повременных изданий, раздел «Библиография», где помещались сведения о некоторых, наиболее важных, с точки зрения редакции, вышедших в предшествующем году монографиях и сборниках. Очень важными были два раздела: «Обзор повременных изданий, выходящих в России и за рубежом» и «Новые книги историко-археологического содержания, вышедшие в России». Круг расписываемых журналов был чрезвычайно широк, от крупных и солидных до мелких провинциальных изданий. Например, в «Хрониках» за 1908 г. было расписано 41 повременное издание, а в не самом лучшем для России 1917 г. — 69 изданий. Очень жаль, что современный читатель, продвинутый пользователь Интернета, редко обращается к содержанию этих разделов, а между тем именно там можно почерпнуть самую любопытную и порой неожиданную информацию. Кроме того, в отдельных томах давалась «экспресс-информация» о самых важных и сенсационных на данный момент археологических событиях. Так, в «Прибавлениях» к 50-му выпуску ИАК была перепечатана заметка о находке знаменитого гребня из кургана Солоха из газеты «Новое время» от 19 июля 1913 г. с поправками автора — графа А. А. Бобринского.

Поскольку в работе Археологической Комиссии большое значение придавалось проблемам сохранения и реставрации памятников архитектуры, то именно этой проблематике посвящалась в рамках ИАКов подсерия «Вопросы реставрации», всего их насчитывалось 19 номеров. В «Вопросах» печатались протоколы реставрационных заседаний Комиссии, сведения о сохранности памятников деревянного и каменного зодчества. Текст всегда сопровождался огромным количеством иллюстраций прекрасного качества. Эти выпуски содержат значительное количество фотографий архитектурных объектов, ныне исчезнувших в силу тех или иных обстоятельств с лица земли, и поэтому очень важны для современных исследователей.

Широко разбросанные на территории Империи археологические раскопки и явно ощущаемая нехватка квалифицированных специалистов-археологов заставили Комиссию обратить внимание на разработку методических пособий. Эту миссию взял на себя выдающийся русский археолог А. А. Спицын. С 1895 по 1910 г. им было опубликовано под грифом Императорской Археологической Комиссии три работы по методике производства археологических раскопок и разведок. Найденные во время раскопок вещи представлялись на воззрение государя, а затем и на обозрение общественности. Однако только в «эпоху Бобринского» выставки стали сопровождаться нерегулярным изданием каталогов (1891–1897 гг.).

Помимо серийных и повременных изданий Археологическая Комиссия предпринимала издания монографического плана. Для осуществления подобных начинаний производились подчас огромные затраты сил и средств. Ряд работ имел не только научное, но и политическое значение. Именно таковым было гигантское начинание по описанию и изданию мечетей эпохи Тамерлана в Самарканде, части сравнительно недавно присоединенного к Империи Туркестанского края.

В 1895 г. была организована археологическая экспедиция в Самарканд под руководством старшего члена Археологической Комиссии профессора Н. И. Веселовского, работы планировалось закончить через три-четыре года. Исследование велось помимо руководителя двумя художниками, двумя архитекторами и фотографом (1895 г., д. 69). Организация подобных работ за пределами исконной России подтверждала включение этих земель в Империю и необходимость изучения памятников старины края как памятников именно всероссийского, а далеко не регионального значения. Осенью 1895 г. Самарканд посетил председатель Комиссии граф А. А. Бобринский. Убедившись в высокой степени организации исследований и придавая «национальное значение по своей важности и по лежащей на России обязанности относительно столь исключительных памятников старины», он просит у министра финансов С. Ю. Витте на окончание работ еще 12 000 руб. (Там же, л. 82). Уже в ноябре 1898 г. председатель Комиссии сообщил С. Ю. Витте об окончании большей части работ и «возможности приступить к первому выпуску издания Самаркандских мечетей, в коем предлагается описать мавзоль Тамерлана» (Там же, л. 244). Комиссия в лице А. А. Бобринского и Н. И. Веселовского готова представить С. Ю. Витте планы, изображения фасадов и архитектурных деталей и прорисовки надписей. Издание предполагалось осуществить в достойном полиграфическом исполнении. В письме министру финансов от 25 января 1899 г. граф А. А. Бобринский определил смету приблизительно в 13 000 руб., ибо издание это «должно быть образцовым, в европейском смысле, как с технической стороны, так и художественной» (Там же, д. 69 а, л. 1, 2), и поэтому работы должны производиться в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Текст предполагалось печатать на лучшей бумаге (тряпичной), и поскольку подобная бумага в России, как дипломатично пишет граф, «изготавливается не столь изящно», то он просит закупить ее за границей и освободить от таможенных пошлин. Подобное издание

можно будет поднести высочайшим особам, а для казны гораздо выгоднее: одна таблица вместо 4590 руб. обойдется в 4451 руб. Дело двигалось достаточно быстро, и 5 февраля 1899 г. по всеподданнейшему докладу министра финансов «последовало Высочайшее соизволение на отпуск из Государственного Казначейства 13 000 руб. на покрытие расходов по изданию Императорской Археологической Комиссией „Описания Самаркандских мечетей”» (Там же, л. 11). После утверждения сметы на испрошенную сумму Экспедиция сообщила Комиссии о посылке ей трех образцов тряпичной бумаги и просила сообщить о сделанном выборе

Сразу же по получении кредита 3 марта 1899 г. было созвано Собрание по изданию самаркандских древностей. На заседании присутствовали не только члены Археологической Комиссии, но и приглашенные представители Академии наук и Академии художеств. Председатель Комиссии сообщил об окончании подготовительных работ, об отпуске нужной суммы и о том, что собравшиеся ученые-востоковеды, архитекторы, художники должны всесторонне обсудить план Н. И. Веселовского по изданию I выпуска, посвященного описанию мечети Гур-Эмир. Н. И. Веселовский доложил, что в I выпуске предполагается поместить 11 таблиц, а весь текст заключить в четыре главы: 1. Вступление; 2. Архитектурное описание; 3. Публикация надписей с переводом; 4. Исторические сведения, причем вторая глава уже написана П. П. Покрышкиным и А. В. Щусевым. В результате обсуждения было предложено произвести анализ цемента постройки, изложить технику изготовления всех типов изразцов, их позолоты и окраски. Собрание рекомендовало издать только том исследований Гур-Эмира, изложив общие положения о такого рода постройках во вступительной части. Было решено просить Управление Экспедицией заготовления государственных бумаг о возможности печатать рисунки, слабо сделанные карандашом, техникой гелиографии, надписи же фототипическим способом. Тираж выпуска был определен в 1000–1500 экземпляров, текст было признано желательным поместить параллельно на русском и французском языках, перевод надписей с арабского на французский сделать с подлинников. Собрание выразило желание оказывать всестороннюю помощь в дальнейшей работе.

Подобное начинание тут же вызвало понятный интерес, и читающая публика была информирована «Петербургской газетой» в № 55 от 25 февраля 1899 г. и «Московскими ведомостями» в № 58 от 27 февраля того же года и о подготовке издания и об отпуске на него денежных средств. Книгу предполагалось выставить на Всемирной Парижской выставке 1900 г., однако выпуск задержался, и только 27 апреля председатель Археологической Комиссии был уведомлен, что его ходатайство о посвящении издаваемого тома императрице Александре Федоровне удовлетворено, 21 апреля 1905 г. 2 экземпляра первого выпуска и, увы, последнего — «Описание Самаркандских мечетей» были препровождены для вручения императору и императрице.

Вообще же, Императорская Археологическая Комиссия достаточно ревниво охраняла добытую ею интеллектуальную собственность. Так, 19 марта 1903 г. А. А. Бобринский писал временно управляющему делами Министерства императорского Двора Константину Николаевичу Рыздзевскому для доклада государю о дошедшей до сведения Комиссии информации, что МАО собирается приступить к полному описанию всех археологических памятников Херсонеса. Поскольку для самого общества такое издание было бы финансово непосильно, П. С. Уварова рассчитывала получить деньги от императора.

С точки зрения самого А. А. Бобринского, идея была бы весьма здравой, если бы речь шла об общем своде древностей, но пока такой свод делать было преждевременно, поскольку новые раскопки неминуемо сделают его неполным. Издание же частных томов нарушило бы весь план исследования Херсонеса. При этом председатель ИАК выгодно подчеркивал

заслуги Комиссии в уже состоявшихся изданиях трудов В. К. Мальберга и А. В. Орешникова (1891 г.), В. В. Латышева (1892, 1895, 1899 гг.), А. Л. Бертье-Делагарда (1893 г.), А. А. Павловского (1903 г.), которые были посвящены херсонесским древностям При этом он писал, что Археологическая Комиссия «дорожит правом издавать то, что ее трудами извлечено из земли и сохранено для науки» и в какое бы «затруднительное положение она была бы поставлена, если бы графиней Уваровой удалось исходатайствовать Высочайшее разрешение на издание древностей Херсонеса на Высочайше дарованные средства без всякого участия Комиссии». В итоге он предполагал, что руководство возможным изданием должно было быть вверено ИАК (1902 г., д. 2 а, л. 105–108). Свообразным ответом на эту попытку со стороны ИАК была публикация А. А. Бобринским очерка по истории Херсонеса (Бобринский 1905 с).

Стоит отметить, что МАО все же сумело издать серию работ по археологии Херсонеса, в частности, труд Д. В. Айналлова о местных христианских храмах (Айналлов 1905). Рецензия на этот труд, написанная близким к ИАК Я. И. Смирновым, но так и оставшаяся неопубликованной, считает изданные Д. В. Айналовым планы храмов не заслуживающими доверия как непрофессиональные и не имеющие органической связи с описанием памятников. Автор отмечал: «Появление книги не снимает с Археологической Комиссии обязанности издания, наконец, в надлежащем, отредактированном специалистом-архитектором виде всех развалин, всех многочисленных церквей, которые раскопки, производимые вот уже около 15 лет под [оставлен пробел] Комиссии, вывели из земли на свет божий и... на быстрое разрушение природой и человеком» (РА, ф. 11, д. 75, л. 7, 9, 26, 27). Интересно, что одно из своих первых исследований древностей Херсонеса, в частности, описание и идентификация фрагментов мраморных храмовых деталей, в 1890 г. Д. В. Айналлов выполнил на средства и по поручению ИАК, на что ему было выделены немалые деньги — 300 руб. (1890 г., д. 61, л. 2, 12–16).

В заключение надо отметить высокую степень востребованности изданий Археологической Комиссии и в наше время. Сегодня ее издательская деятельность оценивается следующим образом: «В конце XIX века издания Императорской Археологической Комиссии с прекрасными фотографиями древних вещей и архитектурных памятников задали высочайший стандарт археологических публикаций. Мы стараемся следовать этой традиции, ведь археологические издания должны давать исчерпывающее представление об облике древних вещей. Многие книги по археологии, изданные в последние годы, приятно взять в руки, и можно надеяться, что у них будет такая же долгая жизнь, как и у изданий Императорской Археологической Комиссии» (Родина. 2008. № 4: 36).

XX

Празднование 50-летнего юбилея ИАК, состоявшееся 5 февраля 1909 г., стало важной вехой в истории Комиссии. Более детальное знакомство с его обстоятельствами позволяет не только показать ее достижения и выявить насущные проблемы деятельности, но и вскрыть внутренний мир этого археологического учреждения Российского государства. Еще 25 мая 1908 г. граф Бобринской подал соответствующий рапорт о предстоящем праздновании на имя министра Двора (1908 г., д. 78, л. 1–2). Здесь предлагалось «ознаменовать юбилей» рядом ценных публикаций «экстренного характера», восстановить право ИАК на бесплатную пересылку изданий и корреспонденции, подобно тому, которое было закреплено за Академией наук и Русским географическим обществом, а также гарантировать ИАК беспопышное приобретение необходимых материалов для научных изданий — право, которым уже пользовалась Академия художеств. В связи с этим председатель спрашивал министра, не признает ли тот «справедливым исходатайствовать» о выделении на «юбилейные

№	Имя, званіе, чинъ и ордена, если есть.	Съ числа орденовъ.				Видъ награды.	Дата награды.	Наименованіе награды.	Къ какому учрежденію.
		1-й	2-й	3-й	4-й				
	<p>Генералъ-адъютантъ Императорскаго Высочайшаго Двора Александръ Ивановичъ Сидоркинъ Командиръ 1-го батальона 1-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Александръ Ивановичъ Сидоркинъ Командиръ 1-го батальона 1-го Сибирскаго стрѣлковаго полка</p> <p>Имя: Александръ Ивановичъ Сидоркинъ Чинъ: Генералъ-адъютантъ</p>	Орденъ Св. Анны 1-й ст.	Орденъ Св. Анны 2-й ст.	Орденъ Св. Анны 3-й ст.	Орденъ Св. Анны 4-й ст.	1887 г. 1888 г. 1889 г. 1890 г.	Императорская Археологическая Комиссія	Императорское Дворцовое Управленіе	

Подъ предѣлительн. Комиссіею въ Императорской
 Археологической
 Комиссіи
 Александръ Ивановичъ Сидоркинъ

Списки наград, испрашиваемых по Императорской Археологической Комиссии Министерства императорского Двора (1908 г., д. 22, л. 80 об.-81)

издания» 25 000 руб. Отдельной строкой А. А. Бобринской просил поощрить деятельность сотрудников ИАК юбилейными подарками.

17 сентября 1908 г. министр в ответном письме определил параметры будущего празднования. Возможность восстановления льгот при пересылке изданий представлялась сомнительной, поскольку закон от 16 июня 1905 г. предполагал сокращение количества бесплатных отправок, а разрешение на беспроцентное приобретение материалов для издательской деятельности зависело не от Министерства Двора, а от Государственной Думы (Там же, л. 5–6). Требуемые на издания деньги были выделены двумя траншами после 1 ноября 1908 г. (Там же, л. 7). Однако министерство категорически отвергло идею раздачи наград к юбилею (Там же, л. 3–3 об.), ибо по существующим законам (примечание к ст. 665 Устава о гражданской службе, т. 3, 1896 г.) «празднование юбилеев не должно служить поводом к представлению о наградах». Одновременно барон Б. В. Фредерикс выразил готовность ходатайствовать об изготовлении особого жетона к юбилею ИАК, если ее председатель возбудит этот вопрос перед министерством.

При этом предполагалось строго определить правила награждения жетоном и способ его ношения (1908 г., д. 78, л. 8 об.). 17 января 1909 г. был одобрен эскиз «высочайше утвержденного юбилейного жетона ИАК», а 10 марта — правила о его ношении на груди. Однако вскоре правила были изменены, так как по закону 1900 г. было признано нежелательным учреждение различными обществами жетонов для ношения на груди: они могли носиться на цепочке от часов. Такова была, очевидно, и практика ношения юбилейного жетона Комиссии. Всего из бюджета министерства на изготовление жетонов 31 января 1909 г. было выделено 1600 руб. ювелирной фирмой «Эдуард» в Петербурге было изготовлено в общей сложности 15 золотых и 15 серебряных жетонов. Предполагалось, что стоимость золотого жетона, который предназначался председателю, его товарищу и членам Комиссии, составит 75–85 руб., а серебряного — 20–25 руб. Серебряный жетон предназначался для служащих по канцелярии, при этом специально оговаривалось, что жетон мог предназначаться и сотрудникам, хоть и не состоявшим во время вручения на действительной службе, но трудившимся в ИАК до юбилея.⁶ К сожалению, и образцы подобных жетонов, и их эскизы или описания остаются доселе неизвестны.

Так, золотой жетон должны были получить сам А. А. Бобринской, В. В. Латышев, Н. И. Веселовский, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский, П. П. Покрышкин, Р. Х. Лепер, В. В. Шкорпил, Б. И. Ханенко, М. П. Боткин, Н. И. Булычев, Д. Я. Самоквасов, Н. В. Покровский, М. И. Ростовцев, а также Ф. А. Браун, который, впрочем, оставался «под вопросом». В числе получателей серебряного жетона значились: А. С. Раевский, И. С. Сугулло, Н. В. Суходольский, И. А. Суслов, Е. Б. Барсукова, Н. Е. Макаренко, М. И. Скубетов и Н. И. Репников (1908 г., д. 78, л. 38).

Основным юбилейным изданием Комиссии стал атлас «Восточное серебро», вышедший в свет в 1908 г. Это издание имело долгую предысторию и было замыслено еще в начале 1890-х гг. под названием «Приуральские древности». В 1893 г. И. И. Толстой отказался от этой работы, и тогда Н. П. Кондаков рекомендовал своего ученика, 24-летнего выпускника

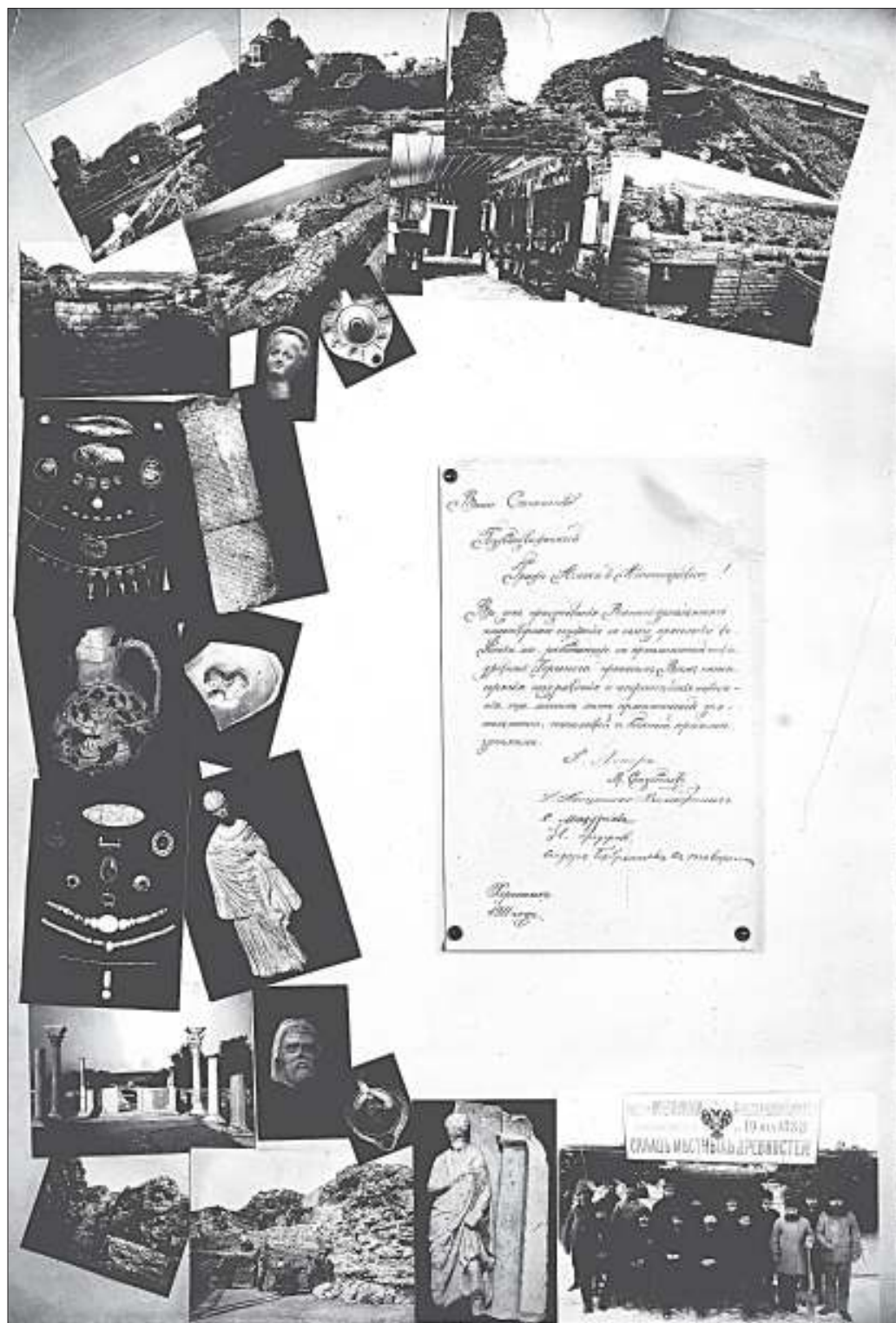
⁶ Похоже, что приведенное уточнение имело отношение лишь к одному человеку, бывшему делопроизводителю Комиссии И. А. Суслову. Однако, судя по всему, памятный жетон до адресата не дошел. Об этом свидетельствуют обиженные письма И. А. Сулова от 26 января и 12 марта 1912 г., которые, видимо остались без ответа (1908 г., д. 78, л. 36–37). В этих письмах, обращенных к председателю ИАК, адресант патетически вопрошал: «Вы ли не признали нужным включить меня, ветерана Комиссии» в наградной список. И. А. Сулову прислали в подарок лишь изданное Я. И. Смирновым к юбилею ИАК «Восточное серебро», он благодарит, но дополнительно требует прислать ему некогда заказанные им оригинальные фотографии к этому изданию. Мы знаем, что такая реакция И. А. Сулова была связана с конфликтом в Комиссии 1899–1902 гг.

Петербургского университета Я. И. Смирнова, который предложил новую программу издания, предусматривающую также включение всех находок с территории России, попавших в европейские собрания. Изучение этих вещей было одной из важнейших целей научных командировок магистранта Я. И. Смирнова за границу в 1894–1897 гг. Он собрал огромный материал, но подготовить его к изданию, прежде всего из-за своей тщательной скрупулезности, смог только по истечении весьма длительного времени (Беленицкий, Зеймаль 1985: 11).

К самому дню юбилея ИАК был объявлен высочайший рескрипт «Нашей Археологической комиссии», где император Николай II писал, что ИАК «оправдала постоянное доверие, проявленное предками Нашими и Нами» (1908 г., д. 78. л. 13–14, 39–41. В то же время министр объявил 2 февраля благодарность чинам канцелярии (Там же, л. 15), в частности А. С. Раевскому, И. С. Сутулло и Н. В. Суходольскому.

Около этого времени естественный спад научной активности ИАК, связанный с русско-японской войной и общественной нестабильностью в России 1904–1908 гг., сопровождался, судя по всему, усиленной аналитической работой самого А. А. Бобринского и его сотрудников, которая была направлена на формирование будущей стратегии деятельности Комиссии. Похоже, что к концу 1900-х гг. у А. А. Бобринского возникли некоторые идеи, по поводу дальнейшего реформирования деятельности ИАК, которые он, в частности, обсуждал с Д. Я. Самоквасовым. Последний в своем письме от 7 декабря 1908 г. сообщал А. А. Бобринскому будущие «Основные положения устава Киевского музея русских древностей». Музей должен был состоять в ведомстве непоименованного министерства, а его деятельность — подчиняться направлению и контролю ИАК. Все приобретаемые им коллекции должны поступать на предварительное рассмотрение ИАК, имеющей право их публикации. Коллекции принимаются в музей также с разрешения ИАК. При этом задача музея состоит в изыскании, собирании, хранении, издании и научной обработке древностей губерний области (бассейна) Днестра и его верхних и средних притоков (до порогов). Музей должен был посылать в ИАК копии отчетов своих полевых исследований. Интересно, что при музее планировалось создать лабораторию для анализа состава древних металлических изделий. Можно предположить, что дело шло к созданию сети региональных научных учреждений с Комиссией во главе (1908 г., д. 162, л. 25–26 об.). Очевидно, подобные идеи обсуждались и с Б. Н. Ханенко, который уже с 1905 г. был членом ИАК.

Несколько ранее, в 1906 г., в переписке с тем же Д. Я. Самоквасовым А. А. Бобринской также «проговаривается» о начале нового этапа своей деятельности как в организационном, так и в тематическом плане. Признавая справедливой критику разделения археологических коллекций между двумя главными музеями Империи, он пишет: «С будущего года думаю уже вступить в том отношении на несколько иную дорогу. К тому же я лично так пристрастился к камню и бронзе, что могу только опасаться, не придаю ли слишком много значения тому, что, может быть, до сих пор считалось... хламом». Далее, говоря о трудностях, которые могут возникнуть в связи с поручением одному из членов Комиссии заняться изучением и публикацией древностей центра России («скифо-славянской эпохи»), А. А. Бобринской высказывает новые мысли в отношении организации отечественной науки и периодизации отечественной археологии: «Ежели на предстоящем съезде (XIV Археологический съезд в Чернигове в 1908 г. — *Ред.*) удалось бы выработать нечто в виде соглашения между нашими разными археологическими обществами и учреждениями, то можно было бы в принципе решить, где сосредоточить собирание сведений и исследование Центральной России, и возложить издание этих материалов хотя бы на Археологическую Комиссию, открыв широко

Поздравление А.А. Бобринскому из Херсонеса в связи с 25-летием его службы в Императорской Археологической Комиссии (РА, ф.25, д.87, л.15)

Поздравительные телеграммы В. В. Шкорпила, С. А. Жебелева и Н. В. Покровского А. А. Бобринскому в связи с 25-летием его служения в Императорской Археологической Комиссии (РА, ф. 25, д. 87, л. 28, 29, 30)

двери всем заинтересованным в деле и желающим сотрудничать в нем. Следовало бы поставить „рамки”, „а то скифы-сарматы-славяне простираются чуть не от Кавказских гор до Финского залива”. Также он полагал, что издание материалов проведенных им раскопок Смелы в виде приложений к отчетам ИАК будет первым шагом к новому направлению в трудах Комиссии (Археология... 2007: 88–90). Тогда же А. А. Спицын составляет и публикует новые инструкции к производству археологических раскопок и разведок (Спицын 1908; 1910)

Определенным этапом в жизни ИАК было празднование 25-летнего юбилея служения самого А. А. Бобринского в Комиссии в феврале 1911 г. Помимо «Сборника», выпущенного в его честь, материалы архива хранят много интересных документов, связанных с этим празднованием. В предисловии к «Сборнику» сотрудники ИАК писали: «Вы, Граф, обладаете редчайшей способностью привлекать к себе симпатии всех, кому выпадает на долю вступить в близкое общение с Вами, и неотразимо действовать на них обаянием Вашей личности. Для всех Ваших сотрудников по Комиссии работа в ней под Вашим благожелательным руководством представляет собою не тяжкий обязательный труд, а истинное наслаждение» (Сборник 1911: 1). Сохранилась и рассадка приглашенных на праздничном обеде — всего 34 человека.

Впрочем, «Сборником» и юбилеем были довольны не все. По поводу «Сборника» Н. П. Кондаков, продолжавший крайне негативно относиться к А. А. Бобринскому, отзывался «особенно сурово и жестоко издевался над его сотрудниками по Комиссии не постыдившимися посвятить целый сборник статей этакому убожеству. Отчего не посвятили сборника швейцару Комиссии? Тот, во всяком случае, был умнее» (СПбФА РАН, ф. 115, оп. 3, д. 91, л. 56–57; Варнеке 2002: 99). Думается, что подобное высказывание, оскорбительное не только для самого А. А. Бобринского, но и для его коллег по Комиссии, многие из которых были учеными с мировым именем, следует оставить на совести самого Н. П. Кондакова. Его

Председателю Императорской
Археологической Комиссии почр-
тнейше просить сообщить ему место
отобранья у него в Понегрлинск
2го Февраля в 7^{1/2} часов вечера.

Приглашение на обед в честь 25-летия службы А.А. Бобринского
в Императорской Археологической Комиссии, 2 февраля 1911 г. (ОПИ ГИМ, ф.163, д.8, л.117)

Рассадка на обеде в честь 25-летия службы А.А. Бобринского в Императорской Археологической Комиссии, автограф А.А. Бобринского: «Петя (Петр Алексеевич Долгорукий (1883?), муж Софии, дочери А.А. Бобринского. — Ред.), Милеев, Мизи (? — Ред.), Суслов И., Жебелев, Ростовцев, Б. Софья (Софья Андреевна Бобринская (1829–1912), мать А.А. Бобринского. — Ред.), Булычев, Самоквасов, Латышев, Ханенко, Сабанеев (Е.А. Сабанеев. — Ред.), Преображенский (М.Т. Преображенский. — Ред.), Веселовский, М. Софья (Софья Алексеевна Бобринская (1882–1936), дочь А.А. Бобринского. — Ред.), Браун, Фармаковский, Макаренко, Раевский, Митя (Димитрий Александрович Шереметев (1885?), муж Домны, дочери А.А. Бобринского. — Ред.), Покрышкин, Котов, Померанцев (А.Н. Померанцев. — Ред.), Домна (Домна Алексеевна Бобринская, дочь А.А. Бобринского. — Ред.), Боткин, Масолов, я, Оболенский (Димитрий Александрович Оболенской (1882 — ?), муж Елены Андреевны, дочери Андрея Александровича Бобринского, брата А.А. Бобринского. — Ред.), Покровский, Суслов В., Марр, Спицын, Смирнов, Репников» (РА, ф.25, д.87, л. 4)

обида могла усугубляться тем, что предложенный им проект изучения Десятинной церкви в Киеве был в конце концов поручен императором Археологической Комиссии.

Время конца 1900–начала 1910-х гг. было связано со многими новыми начинаниями в области исследования древностей Восточной Европы. Почти одновременно с началом исследования Десятинной церкви (1906 г.) и Старокиевского городища в 1908 г. ИАК в 1909 г. приступила к реставрации и раскопкам храма Спаса на Берестове в Киеве XI в. (1903 г., д. 275) (*подробнее смотри главу XIII*). Одними из ярких эпизодов деятельности ИАК в 1910-е гг. были не только раскопки выдающихся памятников, таких как курган Солоха, за исследование которого Н. И. Веселовский был представлен к ордену св. Анны 1-й степени, который и получил 6 апреля 1914 г. (1891 г., л. 186, л. 2, 65 об.), но и участие в собирании и исследовании «Перещепинского клада» — погребения хана Кубрата (Залесская, Львова и др. 1997). Уже 12 июня 1912 г. по распоряжению ИАК Н. Е. Макаренко был отправлен на Полтавщину скупать оставшиеся вещи и произвести дополнительные раскопки (1912 г., д. 174, л. 7).

Поток новой информации привел к такому явлению, которое А. А. Спицын описывал в своем лекционном курсе за 1909 г.: «Открытия идут за открытиями. Не успеешь освоиться с одним новым разделом древностей, как на смену его выступает другой. Мы, члены ИАК, под потоком новостей чувствуем себя так, словно стоишь в теплый, тихий зимний день под хлопьями мягкого, пушистого снега, непрерывно и равномерно падающего. Уже наслаждался, насмотрелся, а снег все валится и валится. И домой ушел, а он продолжает все так же лететь, и нет ему конца», выражая при этом надежду на благодетельную специализацию, школу, привычку к системе, метод... (*Спицын А. А. Курс археологии. 1909. Л. 8, 9*). Однако, несмотря на то что сами члены ИАК считали себя не справляющимися с этой «снежной лавиной» информации, она не превратилась в «прошлогодний снег», а надежно осела в архиве и публикациях Комиссии. К тому же необходимо отметить, что деятельность ИАК пришлась на эпоху становления археологической науки в России в целом, оформления ее теоретической основы и методологического арсенала, поэтому противоречия в ее деятельности были неизбежны. Помимо практического накопления и систематизации знания надо отметить и теоретические разработки таких членов ИАК, как И. Е. Забелин, Н. П. Кондаков, Н. В. Покровский, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Спицын, в определенной мере повлиявшие на деятельность их коллег по Комиссии и самого учреждения (см.: Лаппо-Данилевский 1923). Таким разработкам способствовала активная профессорско-преподавательская, лекционная и педагогическая деятельность членов и членов-корреспондентов ИАК, читающих в Петербургском университете Петра Великого, Археологическом институте, Санкт-Петербургской Духовной академии, на провинциальных курсах. Так, дважды, 29 мая–8 июня 1904 г. и 28 мая–8 июня 1912 г. в Твери проходили церковно-археологические курсы при участии крупнейших российских историков и археологов, в том числе и членов ИАК (Мусин 1993: 145–156; 1999: 262–266; 2004: 83–86).

В связи с увеличением объема задач Комиссии, после соответствующего рапорта А. А. Бобринского и доклада министра Двора императору, 5 марта 1914 г. на Комиссию было возложено составление проекта новых штатов, который был закончен 15 мая. В его основу были положены предложения Б. В. Фармаковского и П. П. Покрышкина. Согласно проекту, товарищ председателя ИАК должен был получать 5500 руб., а один старший член — 4000 руб., тогда как число членов Комиссии с окладом в 2700 руб. должно было быть увеличено до 7 человек. При этом четверо должны были служить в Петербурге, а остальные трое — в Киеве, Херсонесе и Керчи.

Наиболее существенное реформирование должно было коснуться реставрационных сил ИАК. Известно, что в 1910-е гг. в рассмотрении вопросов реставрации памятников монументальной архитектуры Археологическая Комиссия тесно сотрудничала с Обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В апреле 1912 г. великий князь Николай Михайлович, председатель Общества, послал письмо А. А. Бобринскому с просьбой об оказании содействия и поддержке со стороны Комиссии «в вопросах принятия всех законных мер, отвечающих назначению Общества для более успешного осуществления дела защиты и охранения художественных, бытовых и исторических памятников от разрушения и искажения» (РА, ф. 68, д. 4, л. 1). В своем ответе председатель ИАК писал, что «Императорская Археологическая Комиссия, глубоко сочувствуя задачам Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, готова содействовать Обществу, поскольку это зависит от нее, и в этом отношении Комиссия предлагает Обществу командировать своего делегата-архитектора для участия в реставрационных заседаниях с правом совещательного голоса» (Там же, л. 2). Впоследствии ИАК заранее присылала приглашения с программой докладов перед каждым реставрационным заседанием, и представитель Общества мог полноправно принимать участие в обсуждении и решении вопросов ремонта и реставрации памятников древнего зодчества в России. Таким представителем от Общества был избран архитектор А. В. Щусев, но затем в связи с переездом в Москву его заменил молодой архитектор Н. Е. Лансере. С 1912 г. он являлся постоянным участником реставрационных совещаний ИАК (РА, ф. 21, д. 11, д. 4).

К 1914 г. в помощь заведующему реставрационным делом так или иначе были приданы 4 человека: один архитектор, получавший зарплату как канцелярский чиновник XII класса, один помощник, который трудился в Киеве, получая вознаграждения из личных средств соответствующего члена ИАК, еще один сотрудник привлекался к разным работам без определенного вознаграждения и, наконец, последний трудился при реставрации Бахчисарайского дворца, получая содержание от МВД. Вместо такой нестабильной структуры в штат ИАК предлагалось ввести троих помощников членов Комиссии по архитектурной части с окладом в 1500 руб.

По новому расписанию делопроизводитель должен был получать 1800 руб., регистратор — 900, двое чиновников XII класса — соответственно 750 и 600, чиновник для поручений для Ольвии — 600, специальный фотограф, ибо «совмещение обязанностей сторожа и фотографа доставляло неудобство», — 1200. Два сторожа должны были получать по 300 руб.,

Обложка издания
«Личный состав Императорской Археологической
Комиссии». 1913 г. (1913 г., д. 415)

и еще два сторожа дополнительно вводились в штат для охраны раскопок и древностей Ольвии. В штате появлялась и совершенно новая должность — хранитель древностей с окладом в 1500 руб., так как в помещении Комиссии ежегодно скапливались десятки тысяч предметов, и лишь в 1913 г. стоимость хранимых здесь золотых вещей достигала 500 000 руб. Однако 11 августа в свете военных событий процесс принятия новых штатов был остановлен впрямь до особого распоряжения (1914 г., д. 52, л. 2–3, 16–18 об., 30 об.–32).

Тогда же, 11 августа 1914 г., дворцовый комендант Свиты его величества «срочно и секретно» «по встретившейся надобности» просит председателя ИАК сообщить ему список германских и австрийских подданных, служащих в его учреждении, и отметить, с какого времени осуществляется эта служба (1902 г., д. 262, л. 140). Таковых в Комиссии не было, однако происшедший примерно в это время конфликт между Р.Х. Лепером и Севастопольским жандармским управлением, связанный с высылкой его сына из «крепостного района», привел к тому, что осторожный А. А. Бобринской решил просить В. В. Шкорпила 11 сентября принять заведование херсонесскими раскопками и музеем, а самого Р.Х. Лепера 13 сентября — подать прошение об отставке, которое и было написано, где, впрочем, отставка была мотивирована болезнью и усталостью (1908 г., д. 22, л. 82–82 об., 84 об., 90, 92).

Из рапорта начальника Севастопольского жандармского управления от 4 августа известно, что конфликт произошел в канцелярии сыскной части, где на стене висел большой портрет государя императора. Сын археолога, Роман, остался в фуражке. О том, что происходило дальше, жандармское донесение повествовало следующее: «На обращенную просьбу

Лаврентий Алексеевич Моисеев
Фото 1914 г.
(Арх. НЗХТ, д. 1519, л. 4)

Моисеев Лаврентий Алексеевич

(1882–1946) — археолог и гидролог. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета в 1909 г., в 1905–1912 гг. участвовал в раскопках Ольвии под руководством Б.В. Фармаковского. Стажировался в Гейдельбергском университете. Вернувшись из-за границы в начале Первой мировой войны, принял предложение ИАК стать заведующим раскопками в Херсонесе (1915–1924). Член ИАК с декабря 1915 г. В трудных условиях сумел подготовить к эвакуации херсонесские коллекции и архив и отправить их в Харьков. С ноября 1920 г. — заведующий Севастопольским комитетом по делам музеев, директор Херсонесского музея. Производил разведки неолитических памятников в Крыму. В 1924 г. арестован, пробыл в заключении 5 месяцев. До начала 1930-х гг. работал в Севастопольском отделении Общества по изучению Крыма, увлекся проблемами ирригации и сейсмологии. Позднее работал на Ялтинской оползневой станции.

Осн. соч.: Фрагменты аттических ваз строго стиля. СПб., 1912; В защиту римского Геркулеса. СПб., 1916; Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего

Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1926. Симферополь, 1927. Т. 9. С. 115–122; Дары Аскления. Севастополь, 1928; Иранские системы водоснабжения в Крыму // III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.; Л., 1939. С. 135–137.

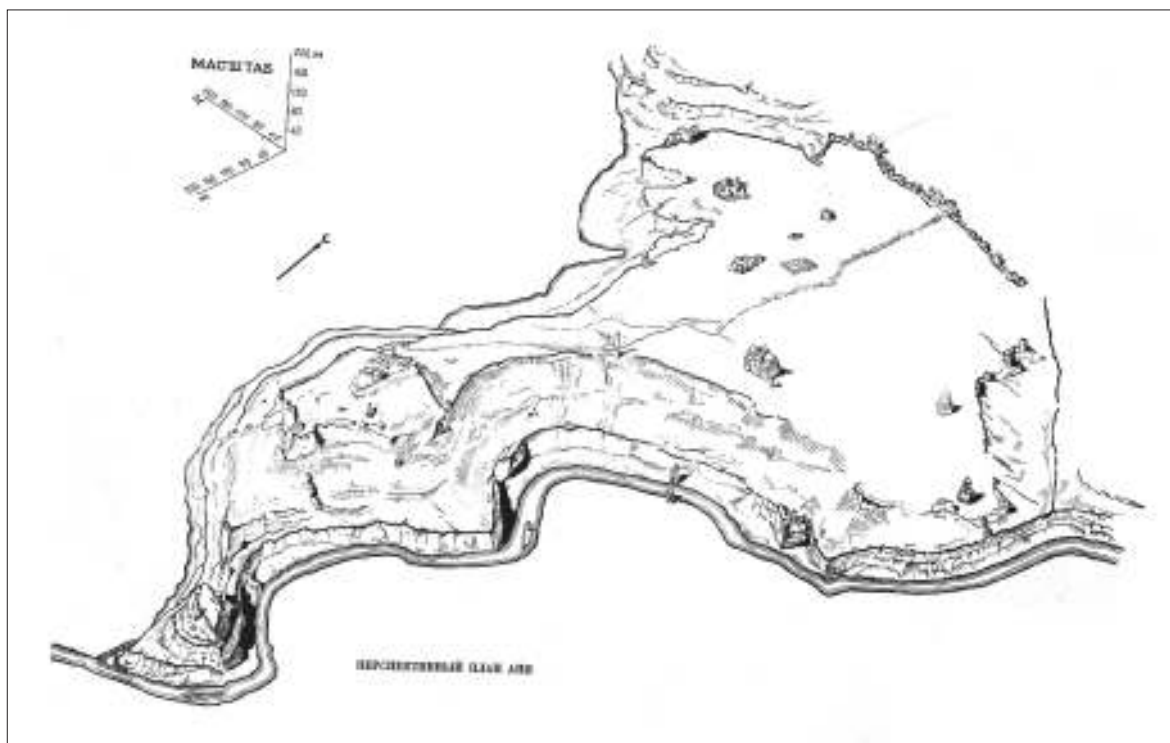
Лит. о нем.: Антонова И. А. Херсонесский музей за годы советской власти // Херсонесский сборник. Симферополь. Вып. 5. С. 3–12; Гриненко Л. О. Из истории Херсонесского музея (1914–1924 гг.) // Древности 1997–1998. Харьков, 2000. С. 187–198; Жуков Ю. И. Операция «Эрмитаж». М., 1993.

к студенту пристава сыскной части во вполне корректной форме снять фуражку отец студента статский советник Лепер стал упрекать пристава в том, что он обращается с его сыном не по-человечески, требуя от него невозможного, при чем выразился так: „перед портретом никто не обязан снимать фуражку, портрет носят и по улице, что ж и там прикажете снимать фуражку, это произвол”». За отсутствием состава преступления дело против Р.Х. Лепера севастопольской прокуратурой было прекращено, однако, по мнению жандармского управления, «публичное выражение неудовольствия на законное требование полиции» «вырисовывало» его, Р.Х. Лепера, «взгляды и степень преданности и уважения Верховной власти». В результате сношений с Комиссией Управление то ли «потребовало», то ли «признало необходимым» удаление заведующего раскопками из Севастополя, что явствует из письма А. А. Бобринского от 15 сентября. В реальности этот инцидент, скорее всего, был типичным проявлением ксенофобии по отношению к людям с немецкими именами и фамилиями, которая широко развернулась в первые месяцы начавшейся мировой войны, тем более, что Херсонес находился почти на территории главной военно-морской базы на Черном море. Р.Х. Лепер вернулся в Петроград, где учительствовал в средней школе до самой своей кончины в 1918 г. (Басаргина 1996: 96–104; 2008b: 228–231).

На место Р.Х. Лепера был назначен Лаврентий Алексеевич Моисеев, имевший опыт работы в Ольвии с Б.В. Фармаковским с 1905 по 1912 г. и в сентябре 1914 г. срочно командированный в Херсонес в качестве временно заведующего раскопками. Он еще 17 февраля 1915 г. просил об окончательном назначении на эту должность, однако как военнообязанный он мог быть в любой момент мобилизован. 12 мая А. А. Бобринской отправил военному министру В. А. Сухомлинову письмо с просьбой рассмотреть вопрос об освобождении Л. А. Моисеева от воинской повинности. Главный штаб не возражал против такого исхода дела, однако желал бы, чтобы оно свершилось не в порядке ст. 79 Устава о воинской повинности 20 мая 1915 г., предполагавшей льготы для педагогов, а на иных основаниях (1903 г., д. 275, л. 8–9, 10–10 об.). Вопрос не был решен в скором времени, и 19 августа 1915 г. МВД объявило Л. А. Моисеева «злостным уклонистом» еще с 1913 г. — именно тогда он ушел с преподавательской службы и отправился в ученую командировку — и было готово принять меры к его безотлагательному призыву на воинскую службу (Там же, л. 14–14 об.). 4 сентября Л. А. Моисеев уже был призван, 9 сентября председатель ИАК ходатайствовал перед главкомом Черноморского флота о возможности оставления его на службе в Севастополе, однако 9 октября Астраханским уездным военным присутствием тот окончательно признан «совершенно неспособным к военной службе» и «воинской повинности не подлежащим» (Там же, л. 23). В результате Л. А. Моисеев был утвержден членом ИАК лишь с 1 сентября 1915 г.

Трудности с назначением нового члена не остановили активности «крымского направления» в деятельности ИАК. 19 января 1916 г. М.И. Ростовцев предложил провести раскопки в Ласпинской бухте, на что было выдано 600 руб. (1916 г., д. 128, л. 1–2), а 9 сентября А. А. Бобринской, по предложению Л. А. Моисеева, М.И. Ростовцева и Б.В. Фармаковского, подал в министерство рапорт о необходимости проведения археологических исследований в Евпатории-Киркениде на месте строительства грязелечебницы, которые и начались 1 ноября 1916 г. Здесь вновь не обошлось без П.С. Уваровой, которая 26 октября рекомендовала министру возложить эти исследования на М.И. Ростовцева (Там же, л. 18–19 об., 24–24 об., 39).

Еще одна сторона деятельности А. А. Бобринского в это время — это постоянная борьба за сохранение памятников старины. Очень показателен в этом отношении эпизод, когда ему понадобилось добиться личной аудиенции у императора Николая II, чтобы предотвратить

Ани, перспективный план (ФА, III 14682)

возможное разрушение знаменитой церкви Спаса-Нередицы близ Новгорода из-за проекта прокладки там железной дороги. Граф пытался прекратить использование важнейшего памятника греческой культуры в Причерноморье — острова Березань в качестве стрельбища для кораблей Черноморского флота. Но спорить с Военно-Морским ведомством оказалось значительно сложнее, чем с Министерством путей сообщения (Бобринский 2003: 516–517).

Формой охраны старины в деятельности ИАК стала передача памятников и исторических мест в ведение и в собственность Комиссии. 5 мая 1900 г. Департамент государственных земельных имуществ сообщил в ИАК о разрушении местными арендаторами памятников Ани и Беш-Килисса, обратившись при этом с просьбой осмотреть памятники, оценить их историческое значение и принять меры к их охране. В свою очередь 20 мая ИАК предлагает Департаменту каждый раз включать особый пункт об охране древностей в контракты с арендаторами, однако 27 ноября 1901 г. МВД просит ИАК принять эти памятники старины, находящиеся на казенных участках, «в свое ведение». При тогдашней смете ИАК не имела возможностей на наем сторожей и затруднялась назвать, кому конкретно могло бы быть поручено наблюдение за этими древностями на месте (1900 г., д. 98, л. 1–1 об., 2–3, 4–5, 6–7), но по мере раскопок в Ани этот исторический участок перешел в непосредственное ведение Комиссии.

В то же время 19 января 1901 г. Департамент государственных земельных имуществ предложил принять в ведение Комиссии развалины Бодзентинского замка Келецкой губернии. Епископский замок, построенный в XIV в. и затем существенно перестроенный в XVII в. по проекту итальянских архитекторов Иоанна Бальцера и Якова Фонтаны, был заброшен уже в первой половине XVIII в. (Guerquin 1974: 94–95 Рус.46, 48). Определенно к 1911 г.

Развалины замка в Бодзентине близ Кельце (Польша),
фото П.П. Покрышкина 1907 г. (ФА, О. 661/22)

Развалины замка в Бодзентине близ Кельце (Польша),
фото П.П. Покрышкина 1907 г. (ФА, О. 585/40)

этот памятник находился в собственности Комиссии, поскольку 1 апреля 1914 г. в Келецком окружном суде слушалось дело по иску ИАК к крестьянам Войцеху Аниолеку и другим о восстановлении нарушенного владения. В результате было выяснено, что участок Замчиско в посаде Бодзентин Келецкого уезда является собственностью Комиссии, а появившиеся здесь постройки возведены незаконно. Суд принял решение захватчиков выселить, постройки снести, а участок вернуть законному владельцу. Однако подробности этой передачи, связанные со временем, обстоятельствами и условием получения ИАК этого участка земли и его строений в собственность, остаются не ясными, поскольку из-за упомянутого выше процесса 30 октября 1911 г. ИАК препроводила в прокуратуру Царства Польского все касающиеся замка архивные документы (1901 г., д. 20).

В некоторых случаях инициатива могла принадлежать самой Комиссии. Так, 28 октября 1915 г. ИАК поставила вопрос об отчуждении в ведение Комиссии участка земли близ колонии Шабо Аккерманского уезда Бессарабской губернии для исследования находящегося на нем кургана. Ввиду ликвидации немецких колоний в губернии появилась опасность, что курган может попасть в частные руки и сделается недоступным для правительственных исследований или же будет испорчен неумелой раскопкой. Однако в результате выяснилось, что земля, на которой находился курган, принадлежала Покровской церкви и согласно правилам от 2 февраля 1915 г. не подлежала отчуждению (1915 г., д. 217, л. 2).

В связи с охраной памятников Комиссии пришлось принять участие в подготовке Всероссийского съезда деятелей музеев. Предложение созывать подобный форум было выдвинуто на XV Археологическом съезде в Новгороде в 1911 г., предварительный съезд был созван в конце 1912 г. при Историческом музее, а сам съезд был запланирован на 2–7 января 1913 г. 9 сентября 1913 г. Министерство народного просвещения попросило Министерство императорского Двора дать экспертное заключение на программу предстоящего съезда, 3 октября 1913 г. министр отправил в ИАК на отзыв полученную им программу. В ответном письме А. А. Бобринской предлагал исключить из будущей программы ряд пунктов как не имеющих прямого отношения к музейному делу, в частности, речь шла о следующих пунктах: «25. Необходимость скорейшего издания закона о мерах охраны памятников старины; 26. Способ охраны памятников старины и участие в этом деле учреждений духовных, светских, земских и городских; 27. Пересмотр действующего законоположения о производстве раскопок и установление правил раскопок на частновладельческих землях». Также он обращал внимание на то, что в программе отсутствует важнейший вопрос о научной системе регистрации (классификации) музейных коллекций (1913 г., д. 264, л. 3–8).

Музейное движение в это время вообще переживало значительный подъем. В том же году в Государственной Думе и в Комитете министров решался вопрос об учреждении в России национального музея в ознаменование 300-летия царствования Романовых. По предложению думцев, этот музей должен был стать хранилищем русских исторических памятников. Предложение было одобрено 15 марта 1913 г., однако оно должно было быть реализовано таким образом, дабы не нанести «ущерба для интересов других музеев». 1 августа было получено высочайшее соизволение на учреждение под председательством великого князя Георгия Михайловича Особого совещания для выработки главных оснований законопроекта о всероссийском национальном в память 300-летия царствования дома Романовых музее или Романовской палате церковных древностей с бюджетом в 60 000 руб. в год. В обсуждении проекта, который так и не состоялся из-за разразившейся Первой мировой войны, от имени Комиссии участвовал Б. В. Фармаковский (1913 г., д. 335, л. 1–2, 16–17).

В первой половине 1910-х гг. отношения ИАК с учреждениями Ведомства православного исповедания и изучение христианских древностей стали одним из приоритетов ее деятельности. Помимо крупных реставраций церковных и монастырских комплексов, таких как Ипатьевский монастырь, церковь Спаса на Нередице, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, церковная тема преобладала и в «реставрационных заседаниях» в виде обсуждения проектов сноса и переустройства рядовых приходских церквей православного мира. Сведения об этих храмах приходилось собирать по крупицам. Еще в 1896 г. А. А. Бобринской обращался к епархиальным архиереям с просьбой содействовать отправке в ИАК описаний местных церквей и монастырей. К концу 1900-х гг. Комиссия, благодаря отложившимся в архиве материалам, оказалась способна начать масштабный проект по изданию кратких описаний, фотографий и планов памятников архитектуры российских губерний, прежде всего храмов и часовен. Накануне великих потрясений, когда многие из описанных объектов оказались утрачены, эта инициатива выглядит провидчески, а результаты ее реализации становятся надежным историческим источником.

В 1909 г. собственными силами ИАК были изданы храмы Костромской епархии (Церкви Костромской епархии 1909), что до определенной степени было связано с интересами сверхштатного члена Комиссии Н. В. Покровского — выходца из Костромской губернии. Следующей губернией стала Архангельская (Описание памятников русской архитектуры 1911 а: 102–162; 1911b: 78–222). В первой части были изданы городские храмы Архангельска, Архангельского и Кемского уездов, во второй — Кольский, Онежский, Пинежский, Холмогорский и Шенкурский уезды. Описание было составлено по материалам, собранным П. П. Покрышкиным и хранящимся в архиве Комиссии, характерно активное использование данных храмовых метрик 1887 г., переданных из ИАХ в ИАК в 1890 г., а также местных епархиальных и краеведческих изданий. При публикации использовались фотографии В. В. Суслова, В. А. Плотникова, Д. В. Милеева, И. Я. Билибина. К сожалению, П. П. Покрышкину не удалось найти описание архангельских церквей, созданное епископом Макарием (Миролюбовым, 1817–1894).

Следующий этап издания памятников сопровождался активным сотрудничеством между местными епархиями и Комиссией. 26 октября 1911 г. из ИАК в Вятскую духовную консисторию поступило предложение издать храмы губернии по образцу Архангельской и Костромской епархий. После решения вопроса о том, на чьи средства будут отнесены расходы по пересылке снимков, в Комиссии были собраны 101 фотография местных храмов и их древностей (1911 г., д. 311, л. 3). Издание начало осуществляться на следующий год (Описание памятников русской архитектуры 1912: 95–142).

24 апреля 1913 г., в связи с изданием изображений и описаний церквей Олонецкой епархии, ИАК обратилась в местную духовную консисторию с просьбой о присылке клировых ведомостей. В течение последующего года на их основе был составлен список храмов, которые должны войти в публикацию (1913 г., д. 219, л. 1). 4 октября 1914 г., по поводу описания церквей Полтавской епархии, в полтавскую консисторию была направлена просьба о присылке фотографических снимков церквей, иконостасов, предметов старины и искусства для их издания в «Известиях» ИАК. 29 ноября в ИАК были доставлены три альбома бумаг из Полтавского епархиального древлехранилища (1914 г., д. 283, л. 1). При попытке издания описания церквей Вологодской епархии 8 февраля 1914 г. Комиссия вновь запросила консисторию о присылке клировых ведомостей, а также материалов, опубликованных в «Епархиальных ведомостях», и о доставлении фотографий церквей и их древностей при согласии и желании клира. Дополнительно ИАК пришлось 17 марта обращаться в Этнографический

отдел Русского музея, Совет которого через год, 9 апреля 1915 г., разрешил Комиссии пользоваться своими фотоматериалами (1914 г., д. 81, л. 1–4). Последним нереализованным проектом было издание описания храмов Тверской епархии, куда ИАК обратилась 4 ноября 1915 г. с просьбой о присылке клировых ведомостей и храмовых фотографий. 16 ноября консистория пересылает в ИАК «Статический епархиальный сборник», изданный И. Добровольским, и сообщает, что препятствий к выдаче распоряжений клиру церквей об отсылке в Петроград фотоснимков не встречается (1915 г., д. 202, л. 1).

К этому времени Комиссией в лице П. П. Покрышкина были разработаны и основные положения по реставрации и сохранению древних зданий, которые он представил в нескольких статьях, вышедших в серии реставрационных выпусков «Известий ИАК». В 1905 г. П. П. Покрышкин, обобщив свой накопленный опыт, издал «Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях» (Покрышкин 1905: 120–123), где сформулировал несколько важных практических рекомендаций технического характера. В 1910 г. была опубликована статья П. П. Покрышкина «Проветривание зданий», где он обратил внимание на важность поддержания влажностного микроклимата в древних памятниках архитектуры для наилучшего сохранения фресковых росписей, деревянных конструктивных элементов, старинных документов (Покрышкин 1910: 85–87). Он вывел несколько правил проветривания зданий в зависимости от времени года, погодных условий, указал на необходимость следить за разницей наружной и внутренней температур. Инструкция предназначалась для лиц, заведовавших памятниками. Автор был убежден, что выполнение этих несложных мер значительно способствовало бы более длительному сохранению древних сооружений, прежде всего православных храмов.

К 1910 г. П. П. Покрышкин разработал свой проект опросных листов для специалистов из комитета по охране памятников по описанию древних церквей и зданий (РА, ф. 21, д. 6, л. 4, 20–33). За основу он взял составленную Академией художеств форму метрик для получения сведений о древних храмах, зданиях и художественных предметах (*подробнее смотри главу XIII*), которую он переработал и дополнил. В опросных листах, составленных П. П. Покрышкиным, первым же пунктом указано на необходимость фотографирования зданий, иконостасов и утвари с 4 сторон: «Многие из ответов на вопросы могли бы быть заменены отчетливыми фотографическими снимками» (Там же, л. 32 об.). При подаче проектов ремонта, реставрации или расширения древних зданий в ИАК он советовал обращать внимание на наличие в них кроме чертежей здания, снимков как фасадов и «частей здания, назначенных к переделке или реставрации, так и находящихся в нем отдельных памятников старины (иконостасов, икон, паникадил, колоколов и т. п.)» (Там же, л. 16).

По поручению ИАК в 1915 г. П. П. Покрышкин составил статью «Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства» (Покрышкин, 1915b: 178–190). Археологическая Комиссия посчитала необходимым ознакомить с инструкцией П. П. Покрышкина всех лиц, причастных к реставрации древних зданий и надзору за их состоянием, особенно техников и составителей проектной документации по ремонту памятников архитектуры, прежде всего православное духовенство. Статья была направлена в 1916 г. в Святейший Синод с просьбой опубликовать ее в «Церковных ведомостях» (1903 г., д. 50, л. 296). 54 экземпляра ИАК послала всем архиереям для издания в епархиальных ведомостях (Там же, л. 302–304). Первыми просьбу Комиссии поддержали Архангельская, Псковская и Смоленская епархии. Глава Смоленской епархии даже отметил, что он настоятельно предложил местному духовенству «внимательно прочитать эту статью, дабы не допускать непоправимых ошибок при ремонте церквей и особенно старинных церквей и иконостасов и избежать

обвинения в порче памятников старины неумелыми исправлениями их» (Там же, л. 314). Впрочем, случались и проблемные ситуации. 5 августа 1914 г. А. А. Бобринской с сожалением писал в Тульскую духовную консисторию о ее нежелании представлять в ИАК нужные сведения, что делает ее «печальным исключением из других епархий» (Там же, л. 298–299). Главой епархии в это время был архиепископ Парфений (Левицкий).

В 1916 г. текст «Краткие советы...» П. П. Покрышкина был разослан в количестве 59 экземпляров губернаторам и начальникам областей, московскому и петроградскому градоначальникам, ученым обществам с просьбой напечатать целиком в местных изданиях «с целью распространить возможно шире знания, добытые многолетним опытом, и тем самым облегчить задачу лицам, трудящимся над составлением проектов ремонта», поступающих на рассмотрение Комиссии (Там же, л. 306). Правда, некоторые чиновники сообщили о невозможности опубликовать бесплатно текст статьи в местных ведомостях. Например, петроградский градоначальник сослался на то, что в ведомостях нет раздела неофициальной информации, а изданию в официальной части содержание статьи не отвечает. И все же большинство одобрило подобную инициативу. Псковский губернатор в 1916 г. написал в Комиссию, что он не только опубликовал статью П. П. Покрышкина в местной центральной газете, но и «отпечатал 100 отдельных экземпляров», которые были разосланы для «руководства учреждениям, техникам и лицам», отвечавшим за составление проектов ремонта и реставрации памятников старины и искусства (Там же, л. 336).

В 1916 г. П. П. Покрышкин поместил в «Вопросах реставрации» заметку «Указания для перенесения деревянных церквей» (Известия ИАК. Вып. 61. 1916: 191), где дал четкие рекомендации, как поэтапно произвести разборку конструкции и какие правила при этом нужно соблюдать. Он указал на обязательную необходимость производства точных измерений и чертежей до начала работ, подробного документирования процесса и фиксации всех конструктивных элементов, особенно первоначальных. Публикация П. П. Покрышкина сама по себе свидетельствовала, что перенос или переборка деревянных зданий больше не составляла проблем для исследователей и «санкционировала подобного рода работы» (Памятники архитектуры... 2002: 482).

Однако именно в это время осложнились отношения ИАК со Святейшим Синодом по вопросу о реставрации памятников церковной старины (*подробнее смотри главу XIII*). Воспользовавшись общим кризисом российской государственности и общественной нестабильностью военного времени, 20 июля 1915 г. Синод издал указ о порядке разрешения споров между духовными консисториями и ИАК по вопросу о реставрации древних храмов, где в случае возникновения конфликтных ситуаций последнее слово оставалось за «синодалами» (1903 г., д. 50, л. 298–299; Охрана памятников 1978: 305–309). Все попытки А. А. Бобринского вернуть процесс в законное русло и восстановить предшествующую практику, как об этом свидетельствует отношение канцелярии Синода в ИАК от 16 августа 1916 г., не увенчались успехом (Охрана памятников 1978: 319–325). Отношения с церковной властью наследникам Комиссии пришлось строить заново уже в совершенно иных социально-политических условиях...

Необходимо отметить, что ситуация в Российской церкви середины 1910-х гг. вызвала озабоченность не только Императорской Археологической Комиссии. Одновременно, в 1916 г. при Министерстве юстиции образовалось Особое совещание для выработки законоположения об охране памятников древнерусской иконописи. В состав его участников вошли представители Министерства юстиции, Академии художеств (Н. П. Кондаков), Комитета попечительства о русской иконописи (К. К. Романов), Техническо-строительного

комитета при Министерстве внутренних дел (А. Н. Померанцев), Русского музея (П. Н. Шеффер, П. И. Нерадовский), Эрмитажа (Д. И. Толстой), Ведомства православного исповедания (Н. В. Покровский), Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (А. А. Половцов), Публичной библиотеки (Н. П. Лихачев) (РА, ф. 68, д. 60, л. 6). Возглавил работу Сопровождающий товарищ министра юстиции А. Н. Веревкин. Председатель Императорской Археологической Комиссии попросил включить в состав участников совещания своего сотрудника. Получив полное согласие, он назначил представителями от ИАК П. П. Покрышкина и А. А. Спицына (1903 г., д. 50, л. 338).

Поводом к созыву Совещания для разработки дополнений к законодательству, касающихся обеспечения сохранности памятников древнерусской иконописи, послужил факт судебного разбирательства о «растрате икон» из сельской церкви в Тверском уезде. По делу обвинялись священник церкви, сельский староста и московский иконописец-реставратор. Первые двое тайно продали иконописцу 15 икон, заменив их копиями. Он отреставрировал иконы и перепродал их в частные руки в несколько раз дороже. Одна из икон «Лицевое Евангелие», самая ценная по художественному значению, оказалась приобретена Русским музеем. Данное дело вызвало широкую общественную реакцию по причине того, что в нем были затронуты интересы Императорского музея, это и обусловило его рассмотрение на министерском уровне. Самым спорным являлось решение проблемы, как распорядиться дальнейшей судьбой иконы «Лицевое Евангелие» — вернуть в церковную собственность или оставить ее в правительственном музейном собрании. Ко времени созыва Совещания дело тянулось уже несколько лет.

Основными темами для обсуждения стали вопросы: 1) достаточны ли существующие правила об охране предметов церковной старины вообще и памятников древней иконописи в частности, изложенные в уставе духовных консисторий; 2) «если эти правила недостаточны, то в чем они подлежали бы дополнению, притом какие из намечаемых... мер возможно было бы осуществить в порядке административном (распоряжением Св. Синода), а какие представлялось бы необходимым установить в порядке законодательном. В частности, не следовало ли бы установить, что памятники церковной старины, находящиеся в церквях, часовнях, ризницах, не могут быть никому отчуждаемы без особого каждый раз разрешения епархиального начальства»; 3) требовалось ли издание особого законодательного постановления о праве музеев на все приобретаемые ими и внесенные в инвентарь предметы, уступающего «неотчуждаемость всех попавших в музей тем или иным путем памятников древнего искусства»; 4) частный вопрос о «правах Русского музея на оставление за собою иконы „Лицевое Евангелие“ по окончании уголовного дела, возникшего по поводу похищения ее из церкви в Тверском уезде» (РА, ф. 68, д. 60, л. 6).

В течение весны и осени 1916 г. состоялось несколько заседаний нового Особого совещания. Участники заседаний подробно рассмотрели все распоряжения Святейшего Синода, направленные на охрану памятников церковной старины, и признали, что формально они в достаточной мере обеспечивали охрану памятников древней иконописи «как предметов, входящих в состав церковного имущества и подлежащих в вышеозначенном порядке бдительному надзору со стороны духовных властей. Вместе с тем, однако, Совещание заметило, что, как свидетельствует опыт, помянутые постановления закона, к сожалению, не соблюдаются в полном их объеме» (Там же, л. 6).

На практике предметами повышенного внимания и должного ухода являлись лишь особо чтимые или же чудотворные иконы, тогда как сохранность всех остальных находилась под угрозой, условия хранения не отвечали необходимым требованиям. Особенно это касалось

обветшавших икон, среди которых часто оказывались экземпляры высокой художественной и исторической ценности. Участники Совещания также положительно оценили деятельность Святейшего Синода по составлению подробных описаний предметов исторического, археологического и художественного значения в храмах, монастырях, ризницах, книгохранилищах. Вместе с тем они обратили внимание на то, что «среди представителей местной духовной власти только в виде крайне редких исключений встречаются лица, обладающие познаниями в области церковной старины или же даже хотя бы просто способные составить надлежащую и правильную опись подобных предметов. Кроме того, поддержание памятников церковной старины, и в частности икон, в соответствующем их ценности виде само по себе требует наличности необходимых денежных средств, каковыми средствами епархиальные власти отнюдь не всегда располагают. При недостаточности же таких средств церковные власти зачастую и видят себя вынужденными прибегать к распродаже этих памятников, притом даже без всякого преступного умысла» (Там же).

Поэтому Совещание признало меры по охране памятников церковной старины не вполне достаточными и требующими дальнейшего развития. При этом наиболее целесообразным участникам Совещания казалось усовершенствование системы охраны не путем введения новых законодательных положений, а методом усиления контроля за выполнением административных распоряжений Святейшего Синода с объяснением епархиальным архиереям «значения для отечественного искусства старинных икон и прочих предметов церковной старины и с увещанием о вящем наблюдении за их сохранностью во вверенных им епархиях и принятии для сего соответственных мер». Совещание предложило также «установить, в административном порядке, воспрещение отчуждения без разрешения высшей духовной власти всех без исключения предметов церковной древности», даже если они не внесены в церковные описи (Там же).

Вопрос о неотчуждаемости предметов, приобретенных в государственные музейные хранилища, затрагивал право частной собственности и вызвал бурные прения среди собравшихся. В итоге они разработали проект статьи в законодательство России, согласно которому «имеющие научно-историческую или художественную ценность предметы, возмездно приобретенные музеями, хранилищами..., состоящими в ведении правительственных, общественных и научно-просветительных учреждений, оставались бы в их собственности, хотя бы впоследствии судебным решением было признано, что они были похищены у прежнего их собственника». При этом проект все же сохранял для собственника возможность возвращения «ему означенных предметов по возмещении уплаченной за них цены и произведенных на них необходимых и полезных издержек» (1916 г., д. 175, л. 8).

В обстановке военного времени и в связи с политическими изменениями, происходившими в России в тот момент, ни один из законопроектов так и не был утвержден. Тем не менее нельзя недооценивать значение активной деятельности научного сообщества России во второй половине XIX–начале XX в. по разработке законодательства по охране национального исторического наследия. Благодаря неоднократному обсуждению этой проблемы, были выработаны основные организационные подходы к созданию системы правовой охраны памятников, к формированию структуры исполнительных охранных органов, признана важность осуществления государственной программы по составлению единого свода древностей, определены критерии их отбора для постановки под охрану. Многие из положений позже легли в основу современного российского законодательства по охране исторических памятников.

Совершенно очевидно, Императорская Археологическая Комиссия с момента образования была вовлечена в процесс борьбы за сохранение древностей. Ее представители

принимали активное участие в работе всех комиссий и совещаний по разработке Положения об охране исторических памятников в России. Более того, планировавшуюся к созданию в 1916 г. Комиссию для окончательного утверждения законопроекта, не состоявшуюся в силу изменения политической ситуации в России, должен был возглавить председатель ИАК А. А. Бобринской.

XXI

Наступал 1917 год. Императорская Ахеологическая Комиссия шла навстречу переменам в своем бытии. Значение ее деятельности для науки как хранителя археологической информации, организующего центра ее «добычи» и органа, регламентирующего процедуру полевых и камеральных исследований, не подлежит сомнению. Именно в процессе деятельности Комиссии сформировался основополагающий принцип подхода к сохранению археологических памятников и реставрации памятников архитектуры. Стало очевидно, что охрана культурного наследия должна быть не только неразрывно связана с научным изучением, но и подчинена исследовательским задачам. Однако сумела ли Комиссия переломить своей активностью общественную инерцию и равнодушие русского человека к своему культурному наследию?

Дабы подвести некоторый итог влиянию Комиссии на общественную жизнь и сознание к началу 1917 г., обратимся к трем эпизодам этого времени. 21 апреля 1916 г. петербуржец Эрих Васильевич Диль был приглашен инженером В. А. Васильевым, начальником работ по изысканиям и составлению проектов орошения в бассейне р. Чу, «произвести археологические обследования местности производства». Похоже, ни тот ни другой никогда ранее не были связаны с ИАК, однако непосредственно перед выездом в Азию Э. В. Диль просит у Комиссии Открытый лист на раскопки в Семиреченской и Сырдарьинской областях и подтверждения своих полномочий для фотографической фиксации памятников (1916 г., д. 80, л. 1–2). Помимо отчетов об археологической разведке Чуйской долины, снабженной подробными картами, он составляет «Инструкцию хранителю древностей» Управления по орошению, а в августе 1916 г., отправляясь в Петроград, предлагает на эту должность архитектора Н. А. Черепанова. Уже первый пункт этой инструкции предполагает глубокий профессионализм и исторический такт: «Все вещи одинаково важны, неважных вещей нет» (Там же, л. 50–52). Оказавшись затем в революционном Петрограде, он, будучи по долгу службы в Ораниенбауме, 25 мая 1917 г. препровождает в ИАК, по собственной инициативе, подробный отчет о разрушениях дворца, совершенных погромщиками за несколько дней до этого. Он не только дает социальную характеристику нападавших, но и детально фиксирует произведенные разрушения, вплоть до расстрела из ружей бронзовых фигур вокруг дворца (Там же, л. 54–59).

Точно так же один корнет после посещения Петрозаводска представил в ИАК 2 октября 1916 г. записку о 5 старинных русских пушках и солнечных часах екатерининского времени, хранящихся во дворе Александровского завода. На всех орудиях были указаны заряд пробного выстрела, вес и общие размеры. На одной из пушек была надпись «Olonez 1717», а на другой — свидетельство, что она была отлита в присутствии Александра I. О находке было сообщено в Артиллерийский музей, и его начальник, поблагодарив Комиссию за сообщение, обещал ходатайствовать о передаче орудий в его фонды. Правда, стоит уточнить, что звали этого корнета Алексей Алексеевич Бобринской (1893–1971), и он был сыном председателя ИАК (1916 г., д. 105, л. 1, 2, 4).

Еще один пример также связан с обстоятельствами военного времени. 20 марта 1964 г. из архива Института археологии в Москве в фонд ИАК, хранившийся в ЛОИА, был передан

Список 1. Пушки, 1810
1813. Акты

2

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА О 5-ТИ ПУШКАХЪ

находящихся на Александровскомъ, бывшемъ пушечномъ,
нынѣ снарядномъ, заводѣ въ гор. ПЕТРОЗАВОДСКѢ.

На дворѣ Александровскаго сталелитейнаго завода въ
Петрозаводскѣ лежатъ, подъ навѣсомъ, 5 пушекъ, безъ лафетовъ.
Изъ нихъ одна имѣетъ надпись: "Аполл" - 1717. 4 остальныхъ
пушки Александровскихъ времени. Всѣ изъ нихъ имѣютъ до-
вольно любопытныя надписи, въ которыхъ указывается зарядъ
пробнаго выстрѣла для данного орудія, вѣсъ его, общіе раз-
мѣры и проч. На одномъ изъ орудій имѣется надпись, глася-
щая о томъ что пушка эта была отлита въ присутствіи ИМПЕ-
РАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, и на ней имѣется собственнор-
учная отиѣтка Царя. Кромѣ того въ видѣ узора выгравиро-
вана надпись: "Pacificator Europae" и поставлена годъ от-
ливки.

Кромѣ означенныхъ пушекъ, на дворѣ завода заслужи-
вать вниманія, отлитыя во времена Екатерины, датированныя,
солнечныя часы. Сдѣланы эти часы изъ чугуна. Остріе, нахо-
дящееся на дискѣ, и показывающее время, - сломано. Поставлены
эти часы среди кучъ мусора и обломковъ, оставшихся отъ
производства, никто ими не интересуется и часы, очевидно,
обречены на гибель.

Что касается пушекъ, то администрація завода полага-
етъ, что лучше было-бы увезти ихъ въ болѣе подходящее мѣс-
то, но пока ничего въ этомъ направленіи не предпринимается
и пушки хранятся крайне небрежно: на нихъ сваливаютъ дрова,
и мѣсто, гдѣ онѣ лежатъ никогда не подметается, поэтому все
кругомъ нихъ обросло мохомъ и травой.

Въ гор. Петрозаводскѣ я былъ въ первой четверти
Апрѣля мѣсяца сего года.

Корнетъ Ф. Бобринской

Петроградъ, 2 Октября 1916г.

Записка корнета А.А. Бобринского о пушках и солнечных часах
Александровского завода. Петрозаводск (1916 г., д.105, л.1)

анонимный археологический отчет о раскопках двух курганных могильников, проведенных 21–30 мая 1916 г. группой солдат около д. Калечье-Поле тогдашней Виленской губернии недалеко от дороги Полоцк–Молодечно, где располагалась группа озер Сшо, Пеуя, Долгое, Бобровское, Кривое и Белое (1916 г., д. 176; РА, дело фонда № 1, ч. 1, л. 42–43). В московский институт документ поступил от А. В. Арциховского, которому этот отчет в конце 1940-х гг. передал его сосед Э. К. Фиккрет. По словам последнего, автором раскопок был Федор Евгеньевич Щитников, его пасынок, к тому времени скончавшийся. А. В. Арциховский идентифицировал автора отчета со студентом Археологического института Ф. Е. Щитниковым, раскопавшим в 1912 г. 37 курганов в Лужском уезде (Щитников 1913). Сличение публикации и рукописного отчета позволяет отождествить «исследовательские почерки» и манеру описания и рисунков. И здесь и там мы сталкиваемся с описанием погребений древнерусского облика с точными обмерами, хорошими рисунками и качественными фотографиями, правда, преимущественно «группового» характера. Интересно, что раскопки 1912 г. также были проведены армейскими силами на территории артиллерийского полигона. Однако отчет составлен на хорошем профессиональном уровне в соответствии с требованиями самой Комиссии. Уникальная археологическая информация, которая согласно букве закона и здравому смыслу предназначалась для архива Императорской Археологической Комиссии, попала в это хранилище через полвека, пережив и самого автора раскопок, и почтенное учреждение императорской России. Похоже, что одним из главных итогов деятельности Комиссии в российском обществе, помимо очевидных достижений научного, методического и практического характера, связанных с изучением вещественных древностей и охраной памятников старины, стал дисциплинирующий момент, заставляющий граждан страны считаться с фактом существования такого учреждения.

Февраль 1917 г., вначале более сказавшийся на названии Императорской Археологической Комиссии, нежели на ее деятельности, положил начало реорганизации этого учреждения, превратившей ее из организующего центра российской археологии в ведущую научную силу страны...

М. В. Медведева, Л. М. Всевиов, А. Е. Мусин, И. Л. Тихонов

ГЛАВА II

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Античная археология в России начала формироваться много ранее создания Императорской Археологической Комиссии и к середине XIX в. уже достигла немалых успехов (см.: Виноградов 2000: 102–103; Тункина 2002). Однако новое учреждение сыграло очень важную роль в развитии античной археологии в России. Это нововведение сразу стало рассматриваться как одно из проявлений нового мироощущения, характерного для времени Великих Реформ, призванных примирить идеи, выработанные западной наукой и западным опытом, с идеями чисто русскими, глубоко лежащими в истории нашего Отечества (Данилов 1886: 3; ср.: Фармаковский 1921а: 1–7; Лебедев 1992: 89–91).

Создание ИАК в этом отношении можно признать закономерным итогом и развитием наметившихся тенденций. В «Положении» об ее организации, естественно, приоритетные задачи изучения памятников античности специально не оговаривались. Однако первый председатель Комиссии С. Г. Строганов считал, что археологические изыскания в Керчи являются самыми важными в России (1859 г., д. 7, л. 14). Широко известна фраза из подписанного им исторического очерка деятельности Комиссии, датированного 31 декабря 1881 г.: «Археологическая Комиссия с самого начала своего существования обратила главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами. Раскопки в этих местностях, произведенные ею с этою целью в течение 23-х лет, привели к открытию огромного количества любопытнейших памятников древности и обогатили Императорский Эрмитаж целым рядом замечательнейших, изящных и ценных художественных произведений древнего мира» (1859 г., д. 1, л. 24). Эти же самые слова были повторены в письме, направленном С. Г. Строганову императором Александром III 13 марта 1882 г., в котором была выражена монаршая милость и благосклонность, а также благодарность председателю Археологической Комиссии за проделанную работу (1882 г., д. 13, л. 5–6). С самого начала в структуре ИАК был включен Керченский музей древностей, созданный еще в 1826 г. Все это позволило впоследствии утверждать, что Археологическая Комиссия занималась, главным образом, изучением античной культуры Северного Причерноморья (Формозов 1986: 154). Несмотря на то что архивы ИАК свидетельствуют, что это было отнюдь не так, нельзя не согласиться с тем, что данное направление являлось одним из основных в работе Комиссии и вызывало широкий общественный резонанс.

I

Попытаемся проанализировать деятельность Императорской Археологической Комиссии в области изучения древностей Боспора Киммерийского в первый год ее истории. Прежде всего, необходимо отметить, что для осуществления исследований не хватало квалифицированных

специалистов. Хотя система государственных археологических раскопок находилась в процессе становления, подготовка кадров для научной деятельности по этой отрасли знания в России просто отсутствовала. В Керченском музее к тому времени трудились всего два археолога: директор А. Е. Люценко, занимавший эту должность с 30 марта 1853 г. (1877 г., д. 9, л. 24; об ученом см.: Лазенкова 2001а; 2003: 23 сл.; Зуев 2007), и его помощник К. Р. Бегичев (о нем см.: Лазенкова 2003: 28–29). Естественно, первыми проблемами, требующими разрешения, стали кадровые и организационные.

Между Археологической Комиссией в Петербурге и подчиненным ей структурным подразделением, Керченским музеем, очень быстро обозначилось определенное непонимание и недовольство новым положением со стороны сотрудников музея. К. Р. Бегичев в письме от 27 апреля 1859 г. к С. Г. Строганову писал, что в связи с происшедшими переменами он ожидал улучшения своего материального положения, но его надежды оказались напрасными. Чтобы лучше понять суть начавшегося было конфликта, приведем текст письма (1859 г., д. 7, л. 11–12):

«Простите за смелость, с которой я обращаюсь к Вашему Сиятельству. Меня вынуждает к тому крайность, о которой Ваше Сиятельство, конечно, не извещены, но которая ставит меня в положение, близкое к отчаянию. Находясь при Керченском музее 15 лет в качестве рисовальщика, скульптора и разыскателя древностей, я получал постоянно одно и то же жалованье 572 рубля. Недостаток этого содержания был для меня всегда чувствителен и требовал особенных усилий и трудов с моей стороны для поддержания себя. Окончив дела по службе, я принимался за частную работу, *не зная почти никогда, что такое свободное время и покой* (выделенное здесь и далее подчеркнуто в документе. — *Ред.*). Таким образом, прошли 15 лет, я трудился, жил и надеялся — мне казалось неестественным, чтобы судьба моя наконец не изменилась и чтобы хоть на старости лет мне не дали содержания, которое обеспечило бы мое существование без всяких посторонних трудов, для которых здоровье мое не может больше служить мне.

Полученные здесь на днях новые штаты лишили меня этой надежды — новыми штатами мне определены все те же 572 рубля, тогда как в Керчи по ее исключительному положению относительно цен на все жизненные потребности нужно *по крайней мере втрое больше*.

При таком положении дел мне остается или искать другое место, или просить об улучшении моей участи. Я предпочитаю последнее, потому что я свыкся здесь с моею обязанностью и могу быть здесь полезен более, чем где-нибудь.

По положению новой Императорской Археологической Комиссии от Вашего Сиятельства все зависит, и я всепокорнейше прошу Вас дать мне другое назначение, какое бы то ни было; я надеюсь оправдать себя, *но* (подчеркнуто двумя чертами. — *Ред.*) с высшим содержанием или же, если это окажется невозможным, дозволить мне просить у Вашего Сиятельства отпуска в С.-Петербург с сохранением содержания для приискания какого-либо места по другому ведомству».

Директор музея А. Е. Люценко в письме, направленном С. Г. Строганову 5 мая (1859 г., д. 7, л. 10), полностью поддержал своего помощника. Он подчеркнул, что считает просьбу К. Р. Бегичева «уважительной и положение его заслуживающим участия». Более того, А. Е. Люценко назвал и свое собственное денежное содержание крайне недостаточным. Он напомнил С. Г. Строганову, что при министре уделов Л. А. Перовском сотрудникам музея периодически выплачивались пособия, без которых в Керчи прожить невозможно. По этой причине директор Керченского музея просил председателя Археологической Комиссии оказать ему материальную поддержку или же уволить со службы по расстройству здоровья. В переписке по этому поводу одновременно приводятся важные сведения об организации археологических работ. А. Е. Люценко в письме к С. Г. Строганову через две недели после первого, 18 мая того же года, сообщал (1859 г., д. 7, л. 7–8):

«Успехи археологических разысканий в окрестностях Керчи и Тамани... вполне зависят от успешного за ними надзора. Окрестности Керчи представляют на пространстве около 140 квадратных верст бесчисленное множество разрытых и полуразрытых курганов, но чем далее они находятся от города и чем они громаднее, тем менее оказываются раскопанными и тем более подают надежды на открытие в них нетронутых гробниц. Таковы, например, курганы Куль-Оба, Золотой и лежащие на каменных краях, направляющихся от Павловской батареи к западу и от Еникале к северо-западу. Очевидно, что прежние разыскатели затруднялись в раскопках их по недостатку средств к учреждению за ними необходимого надзора и караула. Заметив это, покойный граф Л. А. Перовский предоставил Керченскому музею милость в своем распоряжении постоянно 3-х конных надсмотрщиков с жалованием по 100 руб. в год и на продовольствие собственных их верховых лошадей по 80 руб. каждому, причем в обязанности их включалось не только присматривать за работами и за открываемыми гробницами, но и наблюдать непрерывно, чтобы никто из жителей не смел производить в пределах Керченского градоначальства тайных раскопок, следствием которых было появление за границей многих драгоценных вещей, добытых из керченских гробниц. Кроме того, общий надзор за раскопками, производящимися от казны, был усилен назначением в помощь директору трех чиновников: Линевича, Лазаревского и Мазилова, из коих первый уволен в 1855 г., а последние оставили службу в 1856 и 1857 годах».

О введенном новом штате А. Е. Люценко писал, что в музее остался всего один надсмотрщик: «Такое ограничение надзора, если оно касается раскопок, лишает нас возможности следить за ними во всех случаях. Я убежден по опыту, что без настоятельных и благонадежных надсмотрщиков, которых в Керчи чрезвычайно трудно найти, нельзя производить раскопки с желаемым успехом в местах, удаленных от города на несколько верст».

В конце письма директор Керченского музея обратился к С. Г. Строганову с просьбами: позволить ему оставить при музее хотя бы двух конных надсмотрщиков, получающих жалование 60 руб., что не превышало обычной стоимости простого чернорабочего без лошади — 50 коп. в день, и разрешить на прежних основаниях выделять деньги на фураж для верховых лошадей по 107 руб. в год, определить жалование сторожу музея и писарю в размере 100 руб., выделить на письменные и чертежные принадлежности 100 руб. и, наконец, на квартиры для сотрудников музея — 250 руб.

Докладную К. Р. Бегичева председатель Археологической Комиссии оставил без ответа, точнее, ответом на все три керченских корреспонденции стало его письмо А. Е. Люценко, датированное 4 июня 1859 г. (1859 г., д. 7, л. 14–15). В нем граф выразил надежду, что А. Е. Люценко, несмотря на высказанные недовольства, продолжит службу на посту директора Музея, а его старания, естественно, не останутся без вознаграждения. Он также указал директору, что главная обязанность его помощника состоит в подготовке нужных рисунков и, по усмотрению директора, в оказании помощи руководству музея. В отношении самого К. Р. Бегичева председатель Археологической Комиссии писал:

«Что касается до докладной госп. Бегичева, то, имея полное уважение к Вашему ходатайству, я не могу перевести его на другое высшее место с высшим содержанием по неимению для него мест ни в Археологической Комиссии, ни в Римской. Если же, как он излагает в своей докладной записке, для его потребности на этом месте нужно ему получать по крайней мере втрое больше теперешнего его содержания и он полагает искать себе место в другом ведомстве, то я не нахожу к последнему никаких препятствий, но не разрешаю ему для этого отпуску с содержанием в Петербург, особенно в настоящее время, когда для Вас должен быть нужен помощник. В том случае, когда он останется при своих желаниях или будет уклоняться от ис-

полнения своих обязанностей, покорнейше прошу Вас от моего имени предложить ему подать просьбу об отставке».

Новый штат Керченского музея С. Г. Строганов считал оптимальным, представляющим для директора «особые удобства»:

«Одно уже это обстоятельство, что окрестности Керчи представляют на пространстве 140 кв. верст бесчисленное множество курганов, свидетельствует о недопустимости меры иметь для надзора за ними 3-х конных надсмотрщиков, почему они и исключены из штата. Полагаемые же надсмотрщики по новому штату определяются исключительно для надзора во время археологических разысканий и отсюда видно, что назначать лошадей для таких служителей было бы неуместно».

В результате К. Р. Бегичев до конца своих дней довольствовался содержанием в 572 руб., правда, в январе 1861 г. он получил звание надворного советника (1861 г., д. 3). В марте того же года, когда у К. Р. Бегичева стала быстро прогрессировать чахотка, А. Е. Люценко выхлопотал ему 200 руб. материальной помощи (1861 г., д. 6, л. 1, 7), но этих средств могло хватить разве что на оплату квартиры за год (1861 г., д. 6, л. 2), а для достойного лечения их явно не доставало. В марте 1862 г. болезнь свела К. Р. Бегичева в могилу, и на его место был принят Ф. И. Гросс.

А. Е. Люценко тоже напрасно рассчитывал на прибавку к жалованию и увеличение штата музея. Конные надсмотрщики, которые могли бы оградить керченские древности от грабительских раскопок, новому археологическому начальству показались ненужными. Позиция С. Г. Строганова, исключившего их из штата, в общем, непонятна. Действительно, если иметь трех надсмотрщиков по причине обширности района и насыщенности его археологическими памятниками «недопустимо», то почему бы не увеличить их число на несколько человек? К тому же А. Е. Люценко, знавший положение на месте явно лучше С. Г. Строганова, считал, что в крайнем случае для этого хватило бы двух служащих. Справедливости ради следует отметить, что организация охраны памятников древности непосредственным образом не вменялась в обязанности Археологической Комиссии (Охрана памятников 1978: 10, 63–68), и С. Г. Строганов поначалу имел право не особенно утруждать себя этой проблемой.

Для А. Е. Люценко такое положение все же представлялось недопустимым, и в письме от 22 сентября 1859 г. он вновь обратил внимание С. Г. Строганова на необходимость должной охраны памятников (1859 г., д. 12, л. 71–72):

«В тех же случаях, когда гробница открывается в кургане, значительно удаленном от города и всяких жилых мест и караульному ей представляется опасение оставаться в поле одному в ночное время, надсмотрщики соглашаются на это с трудом и требуют обыкновенно найма к ним в товарищи кого-нибудь из посторонних или из самих рабочих на курганах. Как в том, так и в другом случае, мера эта не может почитаться верною и удовлетворительною. А потому мне было бы весьма желательно получить приказание Вашего Сиятельства относительно охранения гробниц вообще, открываемых при вышеупомянутых обстоятельствах, и в особенности таких гробниц, которые по важности предполагаемого в них открытия потребуют караула из вооруженной силы для устранения всякого покушения со стороны людей злоумышленных, противу которых одного надсмотрщика, даже при нескольких обыкновенных караульных, окажется недостаточно».

С. Г. Строганов остался непреклонен (1859 г., д. 12, л. 64):

«Меры для охранения открываемых гробниц, которых расследование по разным причинам должно быть продолжительно, вообще зависят от Вашего усмотрения. Вы можете также к штатным надсмотрщикам нанимать и временных караульных, а в случае экстренном обратиться за содействием к местному начальству для принятия с его стороны полицейских мер к охранению вверенных Вам казенных интересов. Если на присланных от него сторожей или

Раскопки курганов Юз-Обы (РА, Р-I, № 691, л. 1)

Раскопки курганов Юз-Обы (РА, Р-I, № 691, л. 2)

Раскопки курганов Юз-Обы (РА, Р-І, № 691, л. 3)

часовых нужно будет сделать какие-либо расходы от музея, то они не могут быть для него (музея. — *Ред.*) обременительны, так как в содержании большого вооруженного караула при нынешнем мирном положении Керченского градоначальства не может быть надобности».

В общем, начальство требовало принять все меры «к еще большему усилению осмотрительности при разысканиях», но дополнительных средств на это выделить не желало или скорей не имело возможности. Такое положение, естественно, наносило немалый вред делу охраны памятников Боспора Киммерийского. Тем не менее археологические раскопки 1859 г. в районе Керчи начались 21 апреля, они проходили достаточно успешно и завершились 20 декабря 1859 г. В кратком отчете о проделанных работах А. Е. Люценко отметил, что в этом сезоне раскопки курганов проводились в семи местах. Выбор пунктов для производства работ определялся не задачами изучения какого-то могильника или микрорайона, а сохранностью курганов, «меньшей степенью их разрытия». В общей сложности было изучено 58 грунтовых и каменных гробниц, некоторые из которых оказались непо потревоженными (1859 г., д. 12, л. 73–74; ОИАК за 1859 г. 1862: VIII). За этими сухими, хотя и весьма впечатляющими цифрами кроется ряд очень важных археологических открытий.

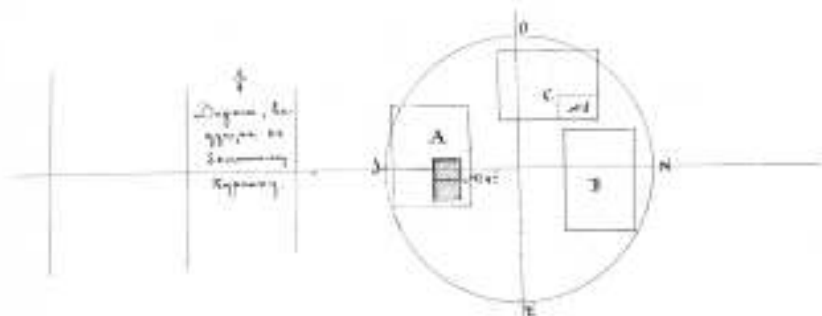
Здесь и далее по ходу изложения нет смысла давать последовательную характеристику всем раскопанным объектам, тем более, что информация об этом содержится в томах «Отчетов Императорской Археологической Комиссии». Важнее обозначить общее направление хода работ, понять логику исследователей и, используя документы архива ИАК, хранящегося в ИИМК РАН, по возможности предоставить слово самим археологам позапрошлого века. Что касается раскопок 1859 г., то прежде всего следует отметить, что большое внимание было уделено изучению курганов на хребте Юз-Оба (Сто холмов) под Керчью. В одном

Период раскопок кургана № 1, расположен на территории
 юго-восточной части Митридатского, или Митридатского кургана, на полуострове
 Керченском, вблизи от Золотых Курганов, на расстоянии 200 м.
 от центра или юго-восточной оконечности Митридатского кургана.
 1859 г.

Разрез кургана по линии S-N (S-N-Nord).

План кургана:

Продольный разрез кургана № 1:

Обозначения кургана:

- A. С. Разрез кургана.
- № 1. Кургана.
- B. С. Разрез № 1 кургана.
- C. С. Разрез № 2 кургана.
- a. Высота кургана.
- b. Ширина кургана.
- c. Толщина кургана.
- № 1. Высота кургана.

Примечание: Курган № 1 кургана
 расположен на территории Митридатского
 кургана вблизи от Золотых Курганов.

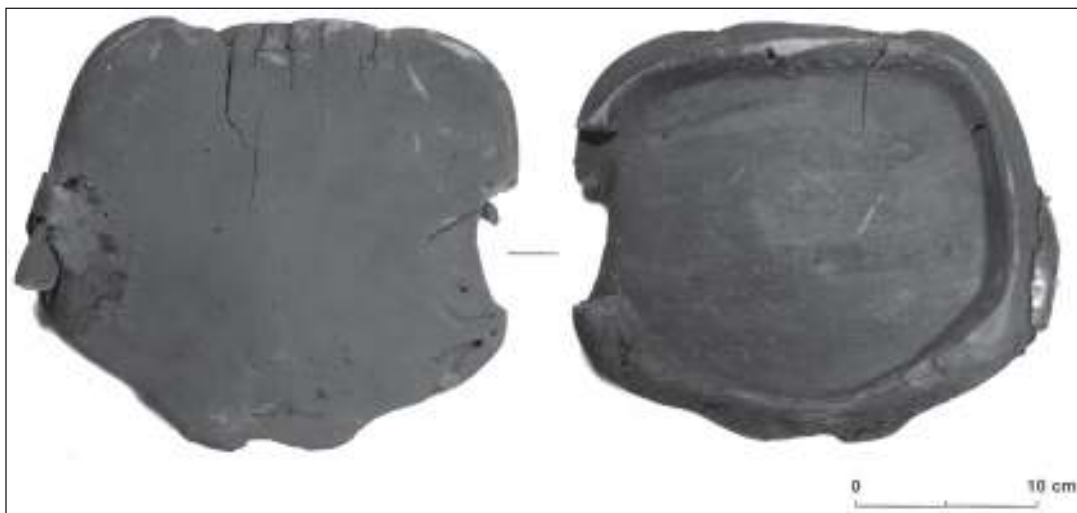
1 м разрез - длина кургана 10 м 10 см

1 м разрез - ширина кургана 10 м 10 см

Керченский курган 1859 г., в котором была найдена деревянная основа седла (1859 г., д. 12, л. 83)

Деревянная основа седла из кургана 1859 г. (ГЭ, Отдел культуры античного мира; П., 1859,1)

Курган Кара-Оба до раскопок, вид с севера (РА, Р-1, № 691, л. 7)

из курганов, который в отчетах значится как Большой каменный, был открыт неразграбленный каменный склеп «египетской конструкции» (1859 г., д. 12, л. 41; ОИАК за 1859 г. 1862: IX–X). Тогда так называли склепы с уступчатым перекрытием погребальной камеры. Здесь был обнаружен деревянный саркофаг, а среди сопровождающего инвентаря найдены две замечательные краснофигурные вазы, бронзовое зеркало, золотые украшения и пр. Юз-Оба все более представляла перед исследователями как некрополь боспорской знати IV в. до н. э. (Виноградов 2005а: 272–273).

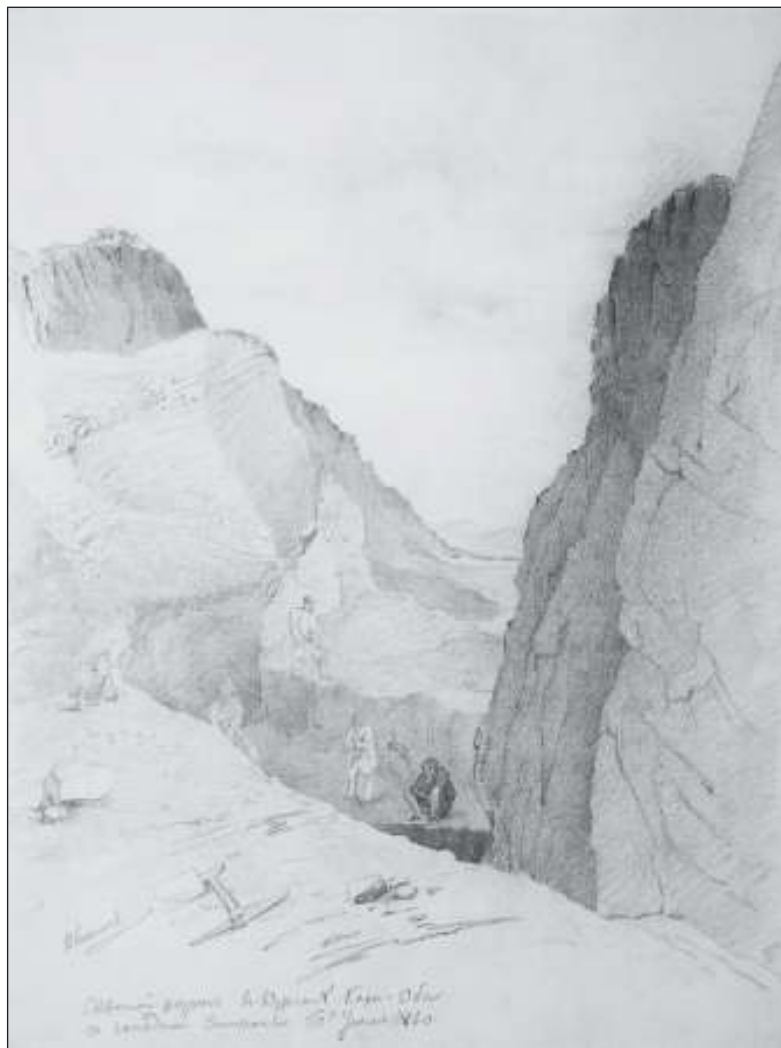

Курган Кара-Оба, раскопки 1860 г. (РА, Р-I, № 691, л. 16)

Среди других важных открытий следует назвать гробницу второй половины IV в. до н. э., обнаруженную в небольшом кургане на северном склоне горы Митридат, в которой наряду с прочим инвентарем была найдена любопытная деревянная пластина (1859 г., д. 12, л. 1–2, 11–12, 122–123). Она почти не привлекла внимания ученых, а между тем эту находку можно трактовать как основу седла (Сокольский 1971: 227, 286, табл. XXXIV. 2; Виноградов, Никоноров 2007). В таком случае деревянная пластина из керченского кургана, раскопанного в 1859 г., имеет принципиальное значение для понимания ранних стадий генезиса так называемых твердых седел в степях Евразии.

В этом же сезоне А. Е. Люценко начал раскопки Кара-Обы (1859 г., д. 12, л. 5, 41; ОИАК за 1859 г. 1862: XI), самого крупного среди курганов в окрестностях Керчи (*смотри также главу III*). Его высота достигала 25, 6 м, а диаметр насыпи — около 120 м; масштабность памятника еще более усиливалась от того, что курган был насыпан на одной из вершин холмистой гряды, ведущей от Керчи в открытую степь. Курган раскапывался А. Е. Люценко еще два года (ОИАК за 1860 г. 1862: VI; ОИАК за 1861 г. 1863: V), ему удалось выяснить одну любопытную особенность конструкции памятника — наличие здесь двух мощных крепид.

Исследования, проводившиеся здесь в 60-х гг. XX в. под руководством П. Н. Шульца, привели к открытию еще одной любопытнейшей особенности — курган, скорее всего, имел форму ступенчатого конуса (Шульц 1968: 143; 1971: 59–60). Сделанные при раскопках находки позволяют предполагать, что Кара-Оба была сооружена во II в. до н. э., может быть, даже во второй его половине (Шульц 1971: 62). Обычно считается, что в кургане кроется захоронение одного из боспорских царей, но такое предположение не очень убедительно. Более логичной представляется точка зрения А. Н. Щеглова, полагавшего, что грандиозная уступчатая насыпь была насыпана над могилой воинов понтийского царя Митрида-

Курган Кара-Оба, сквозной разрез насыпи (РА, Р-I, № 691, л. 17)

та VI Евпатора, погибших в боях за покорение Боспора в конце II в. до н. э. (см.: Виноградов 2004а: 152–154).

Помимо членов ИАК в 1859 г. раскопками на юге России, точнее, на Таманском полуострове, изъявил желание заняться доцент Московского университета К. К. Герц (о нем см.: Малеин 1912). С. Г. Строганов воспринял такое желание с полным пониманием, отметив, что археологические исследования здесь «могут привести к открытию замечательных памятников древности и вместе с тем послужить для объяснения истории этого края» (1859 г., д. 11, л. 4). Начинающему археологу тогда было предложено на время проведения работ поселиться в станице Сенной в казенном доме, принадлежавшем Императорской Археологической Комиссии. Ему были даны указания по поводу мест раскопок, а также инструкция о правилах их проведения. Главным объектом археологического изучения должна была стать Фанагория, где в 1853 г. была найдена каменная плита с посвящением Афродите Урании (КБН 972). Подобные находки привлекали очень большое научное внимание, и, соответственно, раскопки

были ориентированы на поиски новых эпиграфических документов. Наиболее перспективным для изучения местом городища была признана прибрежная часть, где находился древний порт и мол. Помимо того, К. К. Герцу рекомендовалось, если представится возможность, провести исследования в других местах, в числе которых названы (1859 г., д. 11, л. 4–5):

1. Большой курган у с. Фонтана, на котором уже велись раскопки, но гробница не была выявлена.
2. Местность на берегу Ахтанизовского лимана, где в 1818 г. была найдена надпись, посвященная Артемиде Агротере (КБН 1014).
3. Оконечность мыса, известного под названием Дубового Рынка, где видны остатки древних поселений.

Инструкция к проведению раскопок, написанная С. Г. Строгановым, настолько интересна, что ее следует привести полностью. Она состояла из восьми очень важных пунктов (1859 г., д. 11, л. 5–6):

- «1. При производстве раскопок не оставлять работы без надзора во время Вашего отсутствия для того, чтобы открываемые вещи не подвергались расхищению.
2. Археологическим раскопкам вести подневный журнал, в котором бы виден был весь ход их со всею подробностью. Так, при расследовании, напр., кургана должно быть сначала описано топографическое его положение, наружный вид и величина. Затем свойство насыпи его, в каких ее слоях какие попадались вещи, наконец, при открытии в нем гробницы, устройство ее, положение в ней погребенного и расположение около него вещей. Таким образом, чтобы в случае надобности можно было бы реставрировать гробницу в том виде, в каком она была открыта, перенести ее в музей.
3. К журналу должен быть присоединен план с рисунками, которые могли бы служить для наглядного объяснения замечательнейших в нем мест.
4. В том случае, когда при разысканиях на месте древнего поселения открыты будут остатки древнего сооружения или даже покажутся сначала одни архитектурные фрагменты, то не сдвигать их с места до тех пор, пока не объяснится относительное положение их друг к другу, чтобы оно могло быть описано и срисовано.
5. В случае открытия замечательных гробниц, до прикосновения к находящимся в них древностям, снимать с них точные рисунки. Также снимать рисунки с тех вещей, которые, будучи вынуты из земли на свежий воздух, приходят в быстрое разрушение.
6. На всех находимых вещах должны находиться номера, по которым все сведения о них можно было бы отыскать в журнале. Без номеров могут оставаться:
 - a). Монеты совершенно ясные и уже известные, которые могут быть описаны в журнале, и
 - b). Вещи, утерявшие совершенно свою форму.

Что же касается до монет окисленных, то они в особенности не должны быть смешиваемы между собой, так как по очистке они послужат весьма важным указателем времени.

7. Черепа человеческие должны быть сохранены, так же как и самые вещи, для определения по ним племени, к которому принадлежали погребенные. Если скелет найден в гробнице, особенно важной в архитектурном отношении, то он должен быть сохранен в целости, а чтобы кости сохранить от разрушения, напивать их раствором из простого клея.
8. О ходе работ и открытиях доносить мне, предоставляя и самые найденные вещи.

Об оказании Вам содействия со стороны местного начальства по возложенному на Вас поручению я отнесся к г. наказному атаману Черноморского войска, а также предписал директору Керченского музея древностей оказывать Вам со своей стороны содействие».

Положения инструкции вполне логичны и понятны, они созвучны с идеями, высказанными к тому времени П. С. Савельевым (Савельев 1859) и, в общем, понятны современному археологу. Обращает на себя внимание также, что председатель Археологической Комиссии настаивал на строгой фиксации всех открываемых объектов, нацеливал полевых исследователей на сохранение древних гробниц для размещения их в музеях, проявлял заботу о сохранении антропологического материала и т. д. Несколько смущает, правда, его отношение к древним монетам хорошей сохранности, которым можно было не давать инвентарных номеров, что закономерно должно было приводить к их перемешиванию. Странно, но такого перемешивания не допускалось для окислившихся экземпляров, которые необходимо было подвергать очистке.

На проведение раскопок К. К. Герцу было выделено 3400 руб. На эти деньги в Керчи были набраны рабочие, число которых сначала было небольшим (7 человек), а потом достигало 40 и даже 50. Раскопки проводились непосредственно на городище Фанагория в районе так называемого центрального вала. К. К. Герц довел свои исследования до материка, обнаружив строительные остатки каких-то сооружений (Герц 1870: 77–79; Кобылина 1956: 6–7). Важным результатом этих раскопок стало открытие эпитафических документов: посвящение царице Динамии (КБН 979) и надпись царя Реметалка (КБН 976). Одновременно велись работы на курганах, точнее, на 35 из них.

Надо признать, что во время исследований К. К. Герц пытался следовать данной ему инструкции: он снимал планы местности, вел журнал археологических изысканий, в котором давал краткие описания исследуемых объектов и зарисовки некоторых вещей (1859 г., д. 11, л. 49–139). Записи эти, к сожалению, составлены таким небрежным почерком, что прочтение их если и возможно, то требует огромных усилий. Составление отчета о раскопках, естественно, требовало очень большой работы, ведь одних курганов было раскопано больше трех десятков. Г. С. Строганов всячески торопил К. К. Герца, просил его как можно скорее прислать информацию для публикации в «Отчете Императорской Археологической Комиссии», но время проходило, а необходимый отчет не поступал. К. К. Герц в письме С. Г. Строганову от 13 февраля 1862 г. (почти через три года после проведения раскопок!) жаловался, что не успевает подготовить отчет по причине большого количества и сложности добытого материала (см.: Малеин 1912: 85–86). Так уж получилось, что подробное описание полевых работ в Фанагории 1859 г. в ОИАК вообще не было опубликовано, там можно найти лишь краткую информацию, составленную на основании рапортов исследователя (ОИАК за 1859 г. 1862: XII–XIV), а полный отчет увидел свет лишь в магистерской диссертации К. К. Герца — «Археологической топографии Таманского полуострова» (Герц 1870: 76–87, 88–98), защищенной в 1870 г. (Малеин 1912: 110). Одного полевого сезона хватило, чтобы московский археолог охладел к раскопкам на Таманском полуострове, во всяком случае, в мае 1864 г. он говорил И. Е. Забелину, что тамошняя почва слишком бедна древностями и что надо обладать особым везением, чтобы рассчитывать на успех (1864 г., д. 14, л. 8).

Документация о раскопках под Керчью была составлена на достаточно хорошем для своего времени уровне. В связи с общим подходом археологов к фиксации раскапываемых объектов, прежде всего курганов, немалый интерес представляет рапорт К. Р. Бегичева, поданный на имя А. Е. Люценко 10 декабря 1859 г., а затем переправленный С. Г. Строганову (1859 г., д. 12, л. 106–107). Выше было сказано, что К. Р. Бегичеву, как помощнику директора музея, вменялось в обязанности составление всякого рода рисунков; в 1859 г. в ИАК было направлено семь его рисунков с изображениями керченских курганов. По этому поводу исследователь писал, что главное требование к зарисовкам курганов заключается в том,

«чтобы впоследствии с рисунком в руках можно было отыскать требуемый курган на месте». Для этого, естественно, необходимо самое подробное и точное изображение всех деталей. К. Р. Бегичев специально отметил, что «все керченские курганы в сущности имеют одну и ту же форму: более или менее плоскую, более или менее острую, но всегда коническую, и различаются только по величине. Притом нет почти ни одного кургана, который бы сохранил свою первобытную форму. На каждом из них заметны более или менее глубокие следы древней или новой раскопки, обезображивающие иногда совершенно форму кургана». Иногда насыпи обезображены до такой степени, что представляют собой «неправильные груды земли, разбросанной по разным направлениям». В связи с этим археолог поставил перед начальством два вопроса:

1. «Следует ли изображать курган, предназначенный для раскопки, до начала его раскопки и в таком только виде, в каком он представляется в натуре, или же представить такой курган по окончании его раскопок».
2. «Нужно ли изображать каждый курган, подвергнутый расследованию, какой бы он формы и величины ни был и где бы ни находился, или же срисовывать только те курганы, которые по наружному их виду, величине и особому положению интересны сами по себе или по сделанным в них открытиям».

Ответ на такие вопросы, казалось бы, должен быть один: зарисовок необходимо делать как можно больше, при этом с различных направлений. Однако руководство ИАК в те годы рассуждало иначе. С. Г. Строганов в письме директору Керченского музея от 26 февраля 1860 г. (1859 г., д. 12, л. 81) отметил, что рисунки К. Р. Бегичева «найлены совершенно удовлетворительными». По поводу поставленных вопросов он заключил, что «на будущее время вид с кургана (рисунок самого кургана. — *Ред.*) должен быть снимаем вообще один раз, именно до раскопки; после же ее, вторично его следует снимать только в тех случаях, когда в них будет обнаружена замечательная постройка или сделаны важные открытия». Зарисовки курганов, не отличающихся своеобразием формы (а такие под Керчью, как писал К. Р. Бегичев, составляют абсолютное большинство) и ничем не замечательных, по мнению председателя Археологической Комиссии, делать вообще не следовало.

Первый год работы ИАК, 1859 г., не был простым: давали о себе знать трудности с финансированием, формированием штата научных сотрудников, фактически возник конфликт руководства Комиссии с сотрудниками Керченского музея древностей. В этих условиях решения Г. С. Строганова, к сожалению, не всегда отвечали должным задачам изучения и сохранения археологических памятников Боспора. Все это так..., но первый, очень нелегкий шаг Археологической Комиссией был сделан, и в этом заключается главный итог 1859 г. в становлении отечественной археологии.

II

Деятельность российских археологов XIX в., изучавших курганы Восточного Крыма и Таманского полуострова, в современной научной литературе обычно оценивается двояко. С одной стороны, признается, что ими был добыт огромный фактический материал, обогативший науку ценнейшими данными о культуре Боспора, но, с другой стороны, признается и то, что несовершенство методики раскопок, отсутствие должной полевой документации, пренебрежение рядовыми находками и т. д. снижали значение сделанных тогда открытий (см., к примеру: Масленников 1981: 7). С такой оценкой, конечно, невозможно поспорить, но для истории археологической науки в высшей степени важно знать, как же сами ученые

того времени оценивали результаты своих исследований, какие ставили задачи, какой видели перспективу изучения боспорских древностей.

Все эти вопросы нашли отражение в материалах, сохранившихся в архиве Императорской Археологической Комиссии. Одним из таких документов является рапорт А. Е. Люценко «О причинах перевода раскопок, производимых около Керчи, с одной местности на другую», направленный С. Г. Строганову в феврале 1860 г. (1860 г., д. 6, л. 3 сл.). Рапорт был ответом на требование председателя ИАК о том, что раскопки «не должны быть производимы в одно и то же время в местах, разделенных друг от друга значительным пространством, а всегда сосредотачиваемы в одной какой-либо местности и только по окончательному и непременно систематическому расследованию ее переводимы на другую» (1860 г., д. 6, л. 3). Сейчас это требование можно признать разумным, но тогда директор Керченского музея был с ним не вполне согласен, и прежде всего в рапорте он обрисовал, так сказать, общую картину изученности боспорских курганных памятников, какой она представлялась на тот момент. Эта картина в высшей степени любопытна и заслуживает подробной характеристики.

«Классическая почва Керченского градоначальства, — по мнению А. Е. Люценко, — есть почва могильная». Далее он писал: «Верхний слой ее (почвы. — *Ред.*), за некоторыми исключениями, состоит из *сплошных насыпей* (здесь и далее выделено авт. — *Ред.*), хотя нередко и смежных с курганами, но занимающих гораздо более пространства и менее возвышенных..., почему и нельзя считать их курганами; скорее же можно назвать их кладбищами беднейшего и потому самого многочисленного народонаселения древней Пантикапеи. В глубине их заключаются, большею частию, так называемые земляные, черепичные и жженные гробницы с костями покойников, при которых находятся самые обыкновенные вещи... Кладбища эти раскопаны весьма поверхностно, и там, где они тронуты более, груды земли, выброшенной из ям, покрывают нераскопанные места. К числу их можно отнести значительные *присыпки*, лежащие у подножья скалистых холмов, но здесь встречаются уже каменные гробницы довольно замечательной постройки» (1860 г., д. 6, л. 3–4).

В этой части рапорта описание керченских памятников и их интерпретация представляются вполне понятными. Затем А. Е. Люценко описал другие памятники:

«Нельзя также считать курганами *валообразные насыпи с коническими и сферическими вершинами*, прилегающие к поверхности горы Митридат на всем ее протяжении, особенно же с западной стороны. Они состоят из бесчисленного множества черепков битой посуды, смешанных с землею, угольями, золою и морскими ракушками, между коими попадаются амфорные ручки, обломки мрамора и черепицы, весовые глиняные гири пирамидальной формы, кости различных животных и медные монеты, относящиеся к различным временам существования Боспорского царства. Глубина сих насыпей в некоторых местах изумительна. Железный бур длиною около 3-х сажений (6,40 м. — *Ред.*) не достигает материка, на котором они лежат. Никто не решался копать их, опасаясь чрезмерных издержек, сопряженных с подобными предприятиями, и потому о них вовсе не упоминается в прежних раскопках. Англичане пытались в 1855 году углубиться в них минами, направленными от подошвы к центру, но безуспешно. Вероятно, в основании этих насыпей, известных под название *пепелищ*, находятся фундаменты разрушенных стен Пантикапеи» (1860 г., д. 6, л. 4).

Почти нет сомнения, что А. Е. Люценко описал здесь памятники, которые современные археологи именуют зольниками. Боспорские зольники — одно из любопытнейших явлений материальной и, вероятно, духовной культуры местного греко-варварского населения. В научной литературе часто дискутируются вопросы интерпретации зольников Китея,

Мирмекия или Илурата (см.: Гайдукевич 1965; 1987: 65 сл.; Виноградов 1992: 110–113; Молева 1995; 2002: 16–23; Бутягин 2005; Бутягин, Чистов 2007), а вот о близких им «пепелищах» Пантикапеи почти не упоминается (см.: Айбабин, Ачкинази, Голофаст 2003; Власов 2003).

Наконец, А. Е. Люценко перешел к главному:

«Затем следуют *курганы* разной величины, рассеянные на поверхности означенной почвы по всевозможным направлениям, лежащие рядами на хребтах окрестных гор, группирующиеся в равнинах и стоящие, подобно Царскому, отдельно от прочих. Величественные эти памятники, имеющие постоянно коническую форму и заключающие в себе роды гробниц, могли бы одни удовлетворить вышеизложенной цели разысканий,¹ если бы они были не тронуты. К сожалению, ни один из них не уцелел совершенно. Находящиеся на поверхности их старинные впадины, приписываемые генуэзцам, и глубокие завалившиеся ямы, сделанные в наше время, положительно свидетельствуют о неоднократном раскрытии их. Но, не говоря о старинных раскопках — когда, кем, в какой мере и с какими результатами произведена была большая часть относящихся к нашему времени — остается загадкой, потому что в описаниях многочисленных раскопок Ашика, Карейши и преемников их невозможно приурочить из всего числа курганов, раскопанных около Керчи, *даже одной десятой доли*. Так не ясно определяли они положение разрываемых ими курганов, величину их и размеры своих разысканий.² Кроме того, производя раскопки в курганах большею частию на перевал, без отвозки земли в сторону, они загромождали ею не только расследованные части их, но и те, которые остались нетронутыми. А как в прежнее время, кажется, вовсе не думали об окончательном их расследовании, то городские жители и мещане, имевшие надобность в камне, глине и песке для своих построек, стали добывать их из упомянутых курганов, чем обезобразили сии последние еще больше; при добывании же тех материалов нередко находили уцелевшие гробницы, которые и расхищали. Таким образом, на замечательных могильных насыпях и курганах, дурно раскопанных вблизи от Керчи, устроились из означенных материалов целые слободки, оградившие себя каменными стенками и рвами.

Что же касается *колоссальных курганов*, занимающих вдали от города отдельные пункты и лежащих в разных местах группами, то многие из них дурно разрыты, быть может, по недостатку средств и терпения у прежних разыскателей, или вследствие тогдашнего обилия нетронутых курганов, побуждавшего их переходить с одной местности на другую, но, как бы они ни были разрыты, одно то, что громадные эти насыпи уже тронуты неизвестно кем и с какими шансами в отношении к открытиям, заставляет колебаться в приступе к систематическому их расследованию» (1860 г., д. 6, л. 5–6).

Задача археологов по исследованию курганов, сконцентрированных в какой-либо местности, по мнению А. Е. Люценко, заключалась в следующем:

1. Очистить в ней все нерасследованные части от огромного количества земли, набросанной из полуразрытых курганов, особенно там, где они группируются; в случае же надобности снести некоторые избы и ветряные мельницы, препятствующие производству разысканий. Меры эти необходимы тем более, что к подошвам *многих курганов* прилегают *плоские насыпи*, заключающие в себе гробницы.
2. Подвергнуть *сплошному расследованию* все находящиеся в той местности курганы и плоские насыпи, не исключая значительно раскопанных, ибо, судя по одним завалившимся в них ямам и впадинам, заросшим травой или бурьяном, нельзя ручаться, что прежние разыска-

¹ Имеется в виду указание С. Г. Строганова на то, что «археологические разыскания имеют цель объяснение быта и вообще истории древних народов по сохранившимся от них памятникам» (1860 г., д. 6, л. 3).

² К этому месту А. Е. Люценко сделал примечание: «В этом упрекнуть меня, кажется, нельзя».

тели всегда доводили раскопки свои до поверхности материка, в глубине коего могут быть гробницы и другие памятники, ускользнувшие от их внимания. Старые артельщики говорят, что в прежнее время нередко смешивали плотно улежавшуюся насыпь с материком» (1860 г., д. 6, л. 6).

Поставив эти задачи, А. Е. Люценко добавляет:

«Хотя научная польза подобных расследований (сплошных раскопок курганных групп. — *Ред.*) не подлежит никакому сомнению, однако же, принимая в соображение обширность могильных местностей, лежащих около Керчи (некоторые из них простираются в длину от 3-х до 4-х верст и более), нельзя не согласиться, что каждое из них (расследований. — *Ред.*) может достигнуть циклопических размеров и потребовать для окончания его слишком много времени, чрезвычайных издержек и соразмерного с ними числа рабочих, в которых ощущается здесь крайний недостаток. Притом успех сплошного расследования местностей в отношении к открытиям зависит от шансов совершенно гадательных. Сколько раз, окончив разрытие двух или трех надежных курганов,³ лежащих в одной какой-либо местности, я приступал к дорогостоящей раскопке прочих, находящихся в той же местности, и приходил к открытию уже разоренных или обысканных гробниц, которого по теории вероятностей и следовало ожидать в курганах с глубокими впадинами. Такие печальные результаты едва ли могут служить к объяснению быта и истории древних народов» (1860 г., д. 6, л. 7).

Наконец, А. Е. Люценко делает заключение:

«Вот почему, заботясь о сколь возможно полезном употреблении вверенной мне археологической суммы и соображаясь с числом находящихся у меня рабочих, я переводил раскопки с одной местности на другую, предоставляющую более надежды к открытию в ней нетронутой гробницы, или производил их на двух и трех местностях (одновременно. — *Ред.*). Одним словом, в лабиринте курганов, раскопанных более или менее около Керчи, я выбирал надежнейшие и старался разрывать их систематически, не позволяя себе спешных расследований, которые могли бы завести меня в область мечтательных поисков и вовлечь в напрасные издержки. Если сделанный мною выбор курганов редко был удачен, то я утешаю себя, по крайней мере, тем, что хотя бы в одном из них открыта была гробница, достойная внимания...⁴ Наконец, я должен упомянуть, что к числу причин, побуждающих меня переводить раскопки с одной местности на другую, относится наступление холодного осеннего времени, когда рабочие не соглашались продолжать их там, где нет никакого жилья, чтобы укрыться от непогоды и ночевать» (1860 г., д. 6, л. 7–8).

Ознакомившись с этим любопытнейшим документом, нетрудно понять, какая сложная ситуация сложилась в области изучения боспорских курганов ко времени начала работы ИАК. Большинство курганов тогда так или иначе неизвестно кем и когда уже было раскопано. Археологи были вынуждены буквально метаться среди этих насыпей, обезображенных старыми отвалами, в поисках более или менее «надежных» памятников. Научная методика требовала от них сплошного исследования курганных могильников, но такие масштабные работы могли привести к весьма плачевным результатам, каковыми они понимались в то время. Нетрудно представить ситуацию, что, раскопав все курганы в какой-то местности, исследователь не обнаружил в них ни одной неограбленной гробницы.

Показательно, что в ответе А. Е. Люценко председатель Археологической Комиссии отозвался о содержании рапорта одобрительно, но настаивал, чтобы раскопки не проводились

³ Надежными курганами А. Е. Люценко называл те, которые казались неограбленными.

⁴ Имеется в виду гробница, открытая в кургане на Павловской батарее в 1858 г.

в различных местностях одновременно. При исследованиях сплошных могильных насыпей, как ему представлялось, не могло быть правильного надзора. С. Г. Строганов подчеркивал, что более важные результаты обещают дать раскопки больших курганов (1860 г., д. 6, л. 21). В Петербурге явно ждали открытий новых произведений античного искусства, и обозначенное противоречие между чистотой научной методики и реалиями археологических раскопок, нацеленных на подобный практический результат, по большому счету, никогда не было преодолено. Да, в 60-х гг. XIX в. отечественным археологам действительно казалось, что одни неограбленные курганы (и только они одни!) могут дать материал для «объяснения быта и вообще истории древних народов». Для осознания недостаточности такого подхода, естественно, требовалось время.

III

В интересующее нас время раскопки курганов проводились тремя возможными способами. Во-первых, с помощью колодцев, которые закладывались приблизительно посередине насыпи; во-вторых, с помощью траншей, которые могли быть сквозными, т. е. пересекающими всю насыпь, или глухими, т. е. доведенными до середины кургана или даже того меньше; в-третьих, путем заложения мин или галерей (тоннелей), которые чаще всего шли от траншей. Все три способа, естественно, не приводили к полному изучению кургана (Самоковцов 1908: 157), но, в общем, позволяли обнаружить главную гробницу. Чаще всего археологи закладывали траншею, и если она не достигала гробницы, то от нее в разных направлениях делались «минные галереи», серия более узких траншей. В боспорских курганах с их помощью можно было выйти на каменные стены склепов или хотя бы на скопления каменных «отесков», которые справедливо рассматривались как важный указатель на близость сооруженной здесь каменной гробницы. К месту, где фиксировались скопления «отесков», немедленно закладывалась очередная более или менее широкая траншея. Все траншеи и мины фиксировались на плане, по этой причине планы крупных курганов, подвергавшихся многолетним раскопкам (Кара-Оба, Большая и Малая Близницы и др.), выглядят нагромождениями прямоугольников, овалов и пунктирных линий.

К примеру, мина была заложена А. Е. Люценко во время раскопок Мелек-Чесменского кургана, насыпь которого состояла из плотного грунта. По признанию археологов, с ее помощью удалось сократить время на исследование, а также «сохранить кургану его вид». Заложённая мина была оценена как «образец современного искусства в обыскивании насыпей» (ОИАК за 1859 г. 1862: 23). С ее помощью действительно достаточно быстро удалось выйти на каменную стену погребальной конструкции. Из стены были извлечены две плиты, через образовавшееся отверстие раскопщики вошли в дромос, соединенный со склепом.

В случае обнаружения гробницы снимался ее план, давались необходимые разрезы, в особых случаях производился рисунок, а с конца XIX в. фотографирование погребальной камеры. Часто, но совсем не во всех случаях, на плане гробницы обозначалось положение погребенного, расположение сопровождающего инвентаря и т. д. Отдельные находки, происходившие из погребений и тризн, зарисовывались, при этом порой делались рисунки, казалось, бы совсем непримечательных керамических сосудов (лекифов и пр.), терракотовых статуэток, обломков расписных ваз и пр. Эти рисунки, сделанные К. Р. Бегичевым и Ф. И. Гроссом и сохранившиеся в архиве ИАК, стали неоценимым подспорьем для современных исследователей, поскольку большинство боспорских курганов до сих пор не изучено и материалы, происходящие из них, полностью не опубликованы.

Раскопки, производившиеся с помощью траншей и минных галерей, были трудоемкими, дорогостоящими и опасными, к тому же они не гарантировали открытия неогрбленных гробниц. Выходом из этой ситуации А. Е. Люценко считал проведение предварительных разведок на курганах, после которых принималось бы решение о начале раскопок. С. Г. Строганов не возражал против их проведения. Разъясняя свою позицию, А. Е. Люценко в письме, датированном 9 августа 1860 г., писал председателю Археологической комиссии (РА, ф. 17, д. 2, л. 38–39):

«Разрешение делать предварительно разведки в керченских курганах до приступления к систематическому их расследованию будет принято мною к неременному руководству на будущее время, и я надеюсь, что оно принесет значительную пользу разысканиям, представляя возможность сосредоточить раскопки только в тех курганах, которые окажутся разрытыми поверхностно или в виде одних попыток. Осмелюсь пояснить эту пользу примером. Положим, что в каком-нибудь кургане М находятся две видные или завалившиеся ямы а и в. С помощью разведок с и d я постараюсь предварительно удостовериться, доведены ли означенные ямы до поверхности материка. Если, судя по слоям насыпи, они не доведены до материка или достигли его, не приведя к открытию гробницы, то очевидно, что курган М можно считать вполне надежным для расследования. В противном случае лучше перейти к другому кургану, чем останавливаться на этом. В сем случае, для убеждения, что в нем не заключается боковых гробниц, достаточно сделать вокруг него ров шириною не более одной сажени (2,13 м — Ред.). Ров этот непременно перережет где-нибудь слой отесков, ведущих к боковой гробнице, если она находится в кургане М».

Приведенные соображения керченского археолога представляются вполне разумными, применение их на практике действительно могло сократить время на поиск «надежных» курганов (порой их даже называли «благонадежными») и, соответственно, сберечь выделенные на раскопки денежные средства. Более того, следует отметить, что подобные приемы

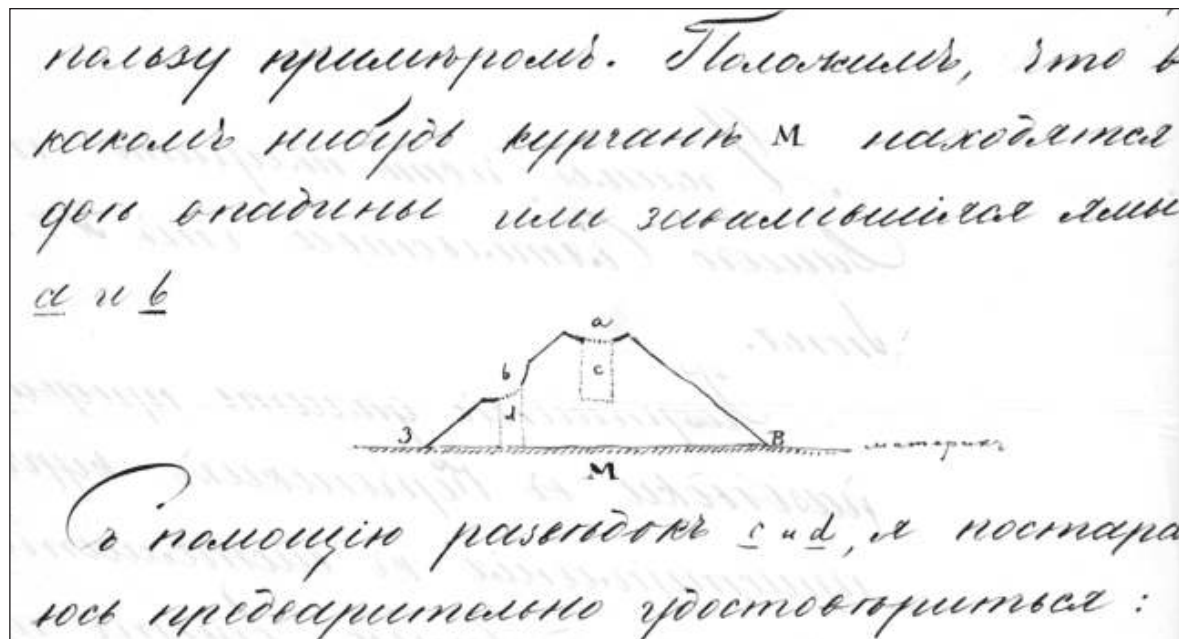

Иллюстрация А. Е. Люценко к записке о раскопках курганов (РА, ф. 17, д. 2, л. 38)

изучения курганных насыпей, связанные с выявлением в них грабительских раскопов или зондажей более раннего времени и пр., являются неотъемлемой частью современной методики исследований таких памятников. А. Е. Люценко понимал значение данного правила не совсем так, как это обычно делалось позднее, но винить его за это, конечно, недопустимо.

IV

После раскопок Павловского кургана в 1858 г. и сделанных здесь прекрасных находок (о нем см.: ОИАК за 1859 г. 1862: 5–15; Ростовцев 1914а: 107; 1925: 193–195; Шкорпил 1918; Артамонов 1966: 67; Уильямс, Огден 1995: 166–167), С. Г. Строганов настоятельно рекомендовал А. Е. Люценко продолжить изучение курганов на Павловском мысу (1860 г., д. 6, л. 22). Однако сделать это было не просто, поскольку здесь возводились укрепления, предназначенные для защиты Керчи в случае военного конфликта на Черном море. События Крымской войны продемонстрировали насущную необходимость такого строительства. Руководитель работ на мысу инженер-полковник А. А. Нат обычно с пониманием относился к просьбам керченских археологов, но в данном случае вынужден был дать отказ, поскольку курганы оказались внутри крепости, а их насыпи использовались в качестве деталей новой фортификационной системы (1860 г., д. 6, л. 39, 47). А. Е. Люценко продолжил раскопки в других местах, при этом, несмотря на требование секретаря Археологической Комиссии, часто в нескольких пунктах одновременно. Тем не менее, как уже упоминалось выше, основное внимание начиная с 1858 г. он уделял исследованиям на гряде Юз-Оба (ОИАК за 1859 г. 1862: IX–X; ОИАК за 1860 г. 1862: III–VI; ОИАК за 1861 г. 1863: VI; ОИАК за 1862 г. 1863: V; ОИАК за 1863 г. 1864: X; ОИАК за 1864 г. 1865: XVIII).

Директор Керченского музея оставил следующее описание этого курганного некрополя (1860 г., д. 6, л. 40–41):

«Холмы с остроконечными насыпями тянутся непрерывною цепью от Павловского и Ак-Бурунского мысов на северо-запад, группируясь в 3-х верстах от батареи на хребте горы Юз-Оба и простираясь дальше. Вероятно, они служили некрополисом важнейших сановников Пантикапеи, живших до Р. Х., ибо в гробницах, открываемых в насыпях, лежащих на этих холмах, не случалось находить стеклянной посуды. К сожалению, все они тронуты более или менее, и расследование их, особенно систематическое, сопряжено с большими затруднениями по причине скал».

Последнее обстоятельство постепенно вынудило А. Е. Люценко прекратить исследования на Юз-Обе и «заняться отысканием других мест, более благоприятных для разумного употребления суммы, ассигнуемой на производство раскопок около Керчи» (1862 г., д. 13, л. 9). В рапорте, датированном 6 июля 1862 г., керченский археолог сообщил еще ряд важных сведений: «Из числа 15-ти больших курганов, расследованных на горе Юз-Оба,⁵ только в 6-ти оказались нетронутые гробницы..., в остальных девяти курганах найдены гробницы, уже расхищенные в прежнее время; притом каждый из них заключал не более одной гробницы в виде склепа или сожженного костра, в которых *никогда не попадались стеклянные вещи* (подчеркнуто в тексте. — *Ред.*), — обстоятельство весьма замечательное и особенно характеризующее эту местность».

Исследователь не случайно акцентировал внимание на отсутствии в погребениях стеклянных сосудов, поскольку для археологов к тому времени стало вполне очевидным, что они принадлежат римскому времени (Муральт 1850: 306–307; Виноградов 2000: 104). Более

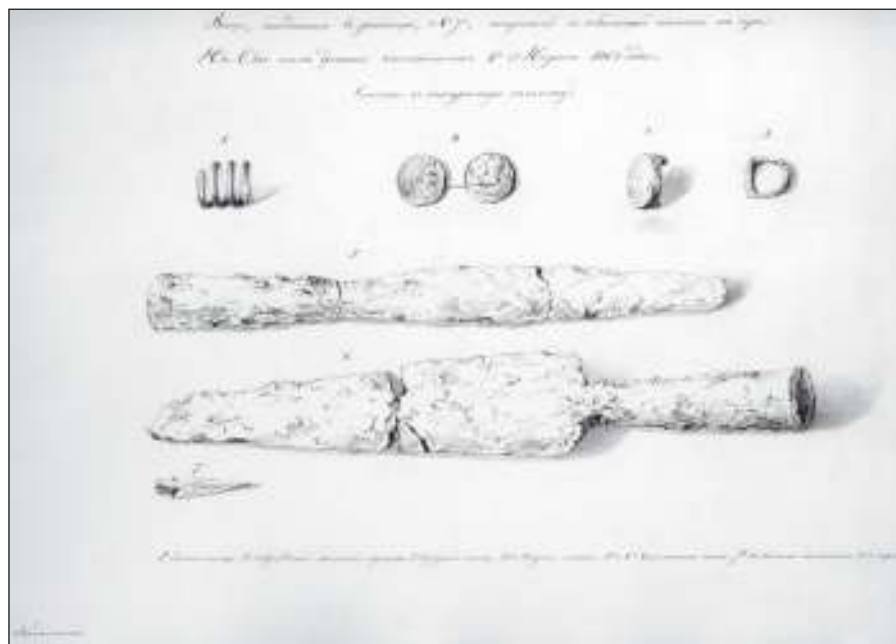
⁵ На самом деле в журнале раскопок А. Е. Люценко имеются описания, касающиеся исследований не 15, а 17 курганов Юз-Обы (1862 г., д. 13, л. 16).

Юз-Оба, гробница № 47 (РА, Р-И, № 691, л. 21)

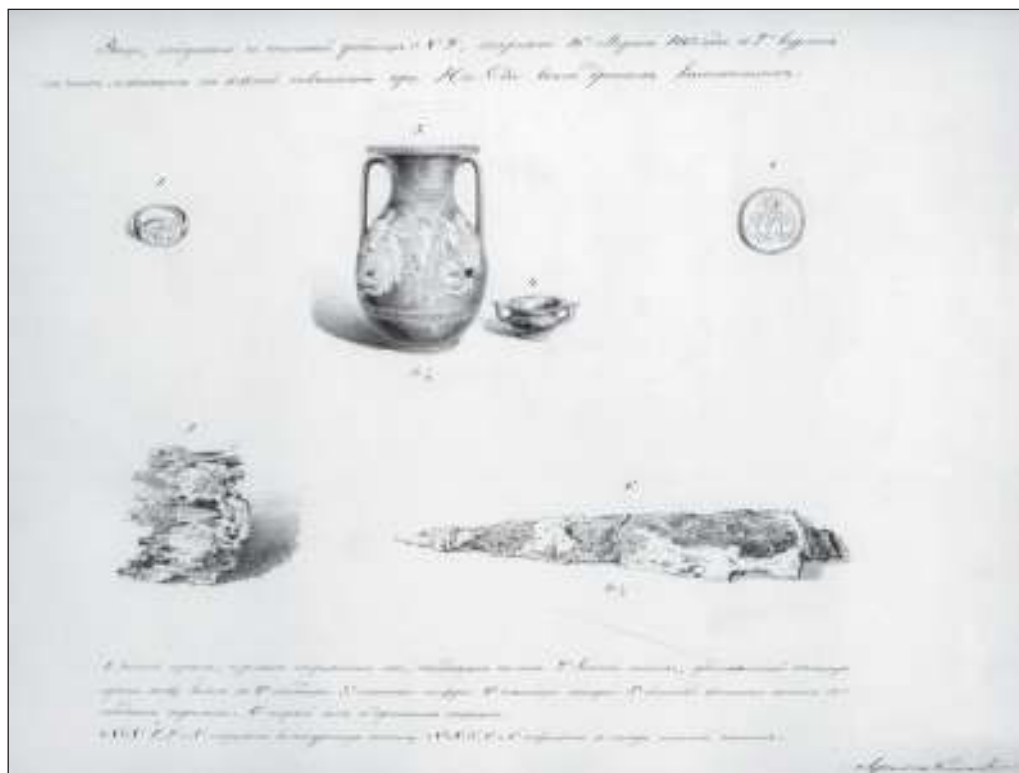
Юз-Оба, гробница № 48 (РА, Р-И, № 691, л. 22)

Юз-Оба, вещи из гробницы № 7, открытой в 1863 г. (РА, Р-И, № 564, л. 2 об.)

Юз-Оба, гробница № 9 (РА, Р-I, № 564, л. 5)

Юз-Оба, вещи из гробницы № 9 (РА, Р-I, № 564, л. 6)

того, наблюдения А. Е. Люценко позднее подтвердились: Юз-Оба действительно оказался некрополем боспорской знати, принадлежащим доримской эпохе, вероятнее всего, IV в. до н. э. (Ростовцев 1914а: 99 сл.; 1925: 188–189, 192, 194, 217; Гриневиц 1952; Виноградов 2005а: 271–273).

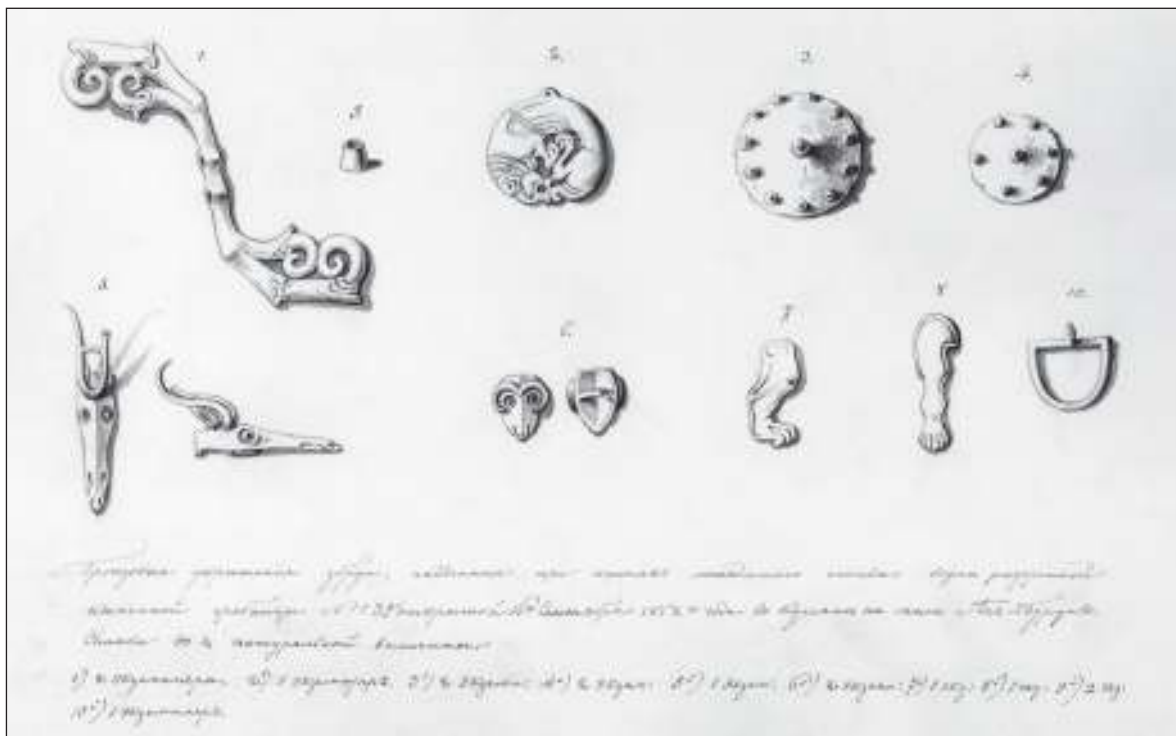
Из всех курганов, изученных на Юз-Обе, А. Е. Люценко выделял Острый, даже считал его загадочным по причине отсутствия в нем каменной гробницы (1862 г., д. 13, л. 9; ОИАК за 1861 г. 1863: VI). Тем не менее гробница в этом кургане была обнаружена, но она представляла нетипичную для Восточного Крыма катакомбу. По этому поводу директор Керченского музея заметил: «Катакомбы, устроенные в глубине скалистых оснований курганов с помощью спусков или галерей, пробитых у подошвы их, принадлежат к числу редких открытий в Керчи» (1861 г., д. 16, л. 69; ОИАК за 1861 г. 1863: VII; см. также: Толстой, Кондаков 1889а: 23). Казалось бы, такое редкое открытие должно было привлечь особое внимание современных исследователей, однако лишь Г. А. Цветаева впоследствии заметила, что эта гробница может служить прототипом для боспорских катакомб первых веков новой эры (Цветаева 1957: 242, примеч. 80). Такая интерпретация представляется очень спорной, правильнее, на мой взгляд, усматривать здесь связь со скифскими катакомбами (Виноградов 2005а: 273).

В 1862 г. А. Е. Люценко обратился к раскопкам курганов, лежащих на мысу *Ак-Бурун*, т. е. на южной оконечности Керченской бухты (см.: Виноградов 2001; Стародубцев 2005). Впрочем, двумя годами ранее он увидел, что Военное ведомство разрывает здесь до основания один большой курган. Исследователь опасался, что в результате работ без ведома чиновников музея будет открыта гробница, но его просьбы, обращенные к военным властям, естественно, не были для них обязательными (1860 г., д. 6, л. 46). Тем не менее археологов сюда все-таки допустили, и А. Е. Люценко описал это место (1860 г., д. 6, л. 40–41):

«Будучи увенчан рядом огромных курганов, он (мыс Ак-Бурун. — *Ред.*) входит в проект береговых укреплений Павловской батареи. *Первый курган* (здесь и далее выделено авт. — *Ред.*) этого мыса в западном его направлении совершенно снесен с места по распоряжению строителя укреплений.⁶ Инженеры нашли в нем каменный склеп, оказавшийся уже разоренным прежде. *Второй курган*, особенно громадной величины, заключает в себе небольшой склеп с цилиндрическим сводом, открытый французами и англичанами посредством минной галереи, направленной к центру насыпи с северо-восточной стороны. Впрочем, они нашли его, кажется, также разоренным в прежнее время. *В третьем кургане* средней величины открыта, быть может, ими же посредством минной галереи, боковая каменная гробница с плоской крышкой. *В четвертом* находился большой склеп, служивший нам в 1855 г. пороховым погребом, который был взорван. Что же касается до *пятого*, т. е. последнего кургана, лежащего на самой оконечности мыса, то, хотя он значительно раскопан вокруг подошвы, однако же никому не известно, была ли в нем когда-либо открыта гробница».

Особый интерес археолога вызвали второй и пятый курганы. Военно-инженерное ведомство пошло ему навстречу, позволив исследовать насыпи без их удаления, т. е. с помощью минных галерей. Изучение второго кургана не дало результатов, в пятом же в его центральной части были открыты плитовая гробница с плоским перекрытием, оказавшаяся полностью разграбленной, и скелеты двух лошадей, на одном из которых находился богатый убор, исполненный в зверином стиле (1862 г., д. 13, л. 34–35; ОИАК за 1862 г. 1863: XIV). Этот набор в высшей степени интересен; он датируется не позднее середины V в. до н. э. (Яковенко 1970: 59; 1974: 105) и позволяет считать, что в кургане № 5 на мысе Ак-Бурун был погребен представитель местной племенной знати (Виноградов 2005а: 249).

⁶ Вероятно, это тот курган, о котором А. Е. Люценко писал в 1860 г. (1860 г., д. 6, л. 46).

Ак-Бурун, 1862 г. Находки из конского захоронения (РА, Р-I, № 691, л. 39 об.)

Несмотря на очевидные успехи в изучении керченских курганов, А. Е. Люценко все более казалось, что «замечательные открытия» сделать здесь очень трудно, поскольку самые крупные курганные насыпи уже не раз подвергались раскопкам. В июле 1863 г. он писал, что в большей степени можно надеяться на исследования небольших курганов или сплошных насыпей и предлагал перенести работы с Юз-Обы в район Глиница, Арестантских казарм и Карантинной слободки (1863 г., д. 5, л. 12). Раскопки в этих местах, а также в сплошных могильных насыпях горы Митридат, были продолжены весьма активно и, можно сказать, традиционно, пусть со скромным, но постоянным успехом.

Новая страница в изучении боспорских курганов была открыта старшим членом ИАК И. Е. Забелиным (о нем см.: Фомозов 1984; Алексеев 2004), который обратился к раскопкам памятников Таманского полуострова. И. Е. Забелин в донесении в Археологическую Комиссию отмечал особое значение по величине на Таманском полуострове двух курганов, «именуемых Близницами или Двумя Братьями» (иногда их именовали также Стеблеевскими Близницами). Он писал:

«Уже одно их местоположение на высоком хребте, с которого открываются далекие виды от северной стороны на Керчь-Еникальский берег Крыма, а с южной на широкий разлив Кубани, Кавказский горный берег и Черное море, давало несомненное удостоверение, что эти насыпи в сравнении с другими должны иметь исключительно важное значение, ибо могли принадлежать лицам царственного происхождения» (1864 г., д. 14, л. 4).

И. Е. Забелину ввострил директор Керченского музея древностей, который, глядя на Близницы с другой стороны пролива, заметил, что эти курганы «столь огромны, что в ясную погоду видны из Керчи» (1864 г., д. 14, л. 35).

Раскопки 1864 г., по выражению И. Е. Забелина, были счастливыми (1864 г., д. 14, л. 4). Он раскопал несколько курганов около Фанагории, но главный успех ждал его на *Большой Близнице*. Прежде всего, ему удалось обнаружить крупное кострище, а в 8,5 м от него — каменный склеп (№ 1), оказавшийся совершенно не потревоженным. В нем находилось погребение знатной женщины, одежда которой была расшита золотыми бляшками, а голову украшали золотая стленгида и золотой калаф с изображением битвы варваров с грифонами. Любопытной особенностью этого погребального комплекса является наличие четырех конских уборов, в состав которых входили колокольчики, лунницы, бронзовые бляхи (фалары) и пр. (см.: ОИАК за 1864 г. 1865: IV сл.; Ростовцев 1914а: 10–12; Артамонов 1966: 68–70; Уильямс, Огден 1995: 184–195).

В конце лета и осенью того же года раскопки Большой Близницы продолжил А. Е. Люценко. Ему повезло меньше, чем И. Е. Забелину, открытый им склеп (№ 2) оказался полностью разграбленным, но именно это сооружение сохранило великолепную роспись (ОИАК за 1864 г. 1865: VIII сл.; Ростовцев 1914а: 15 сл.; Гайдукевич 1949: 286; Ернштедт 1955: 254–255; Артамонов 1966: 73, рис. XVI). Особенно замечательна верхняя плита сооружения, «на внутренней стороне которой изображена яркими красками, — по словам автора раскопок, — *прямолично* (так в тексте отчета. — *Ред.*) женская голова колоссальных размеров с частью рук, поднятых кверху; волосы ее убраны цветами, шея — ожерельем, а левое ухо — серьгою; в правой руке у нея находится букет из цветов, в левой — конец повязки или ленты, спускающейся с головы» (1864 г., д. 14, л. 39). А. Е. Люценко датировал это сооружение IV в. до н. э., что, в целом, верно. Ему также принадлежит очень важное наблюдение, что Большая Близница состоит из нескольких отдельных курганных насыпей, объединенных в единую по причине сделанных к ним присыпок (1864 г., д. 14, л. 38).

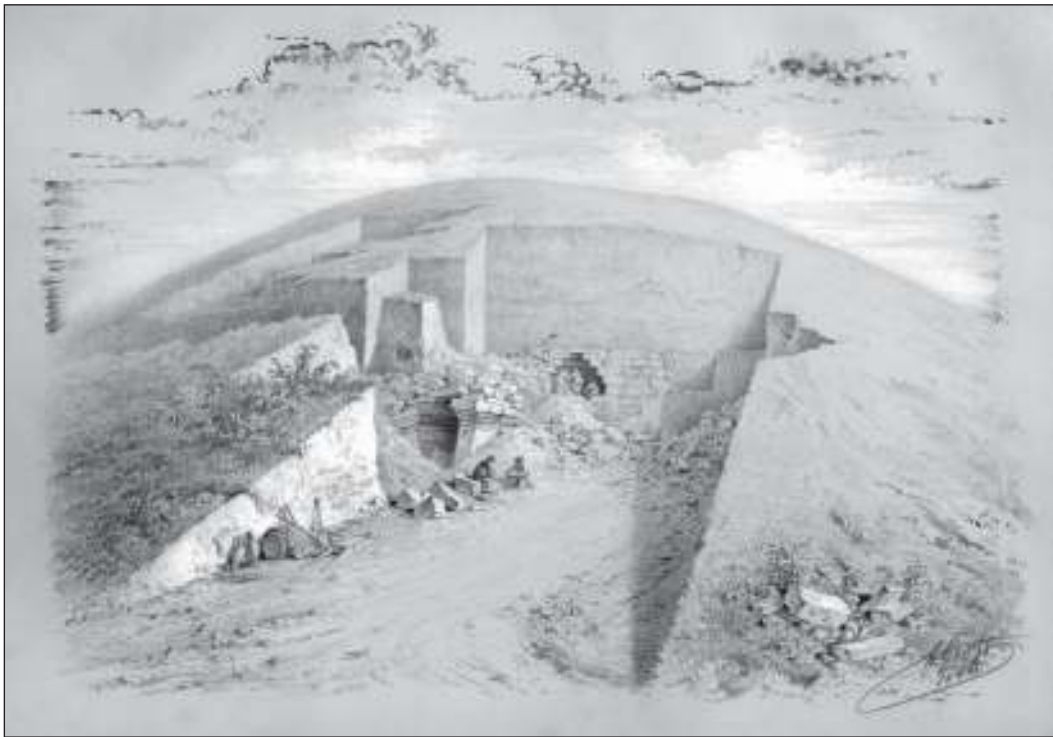
Летом 1865 г. раскопки Большой Близницы были возобновлены под руководством А. Е. Люценко. Тогда в насыпи кургана был обнаружен еще один каменный склеп (№ 3), с деревянным саркофагом, в котором находились мужской остов, семь копий, железный меч и кинжал, несколько кусков бронзового панциря и поножей, а также разломанный на две части бронзовый шлем «особой формы в виде фригийской шапки с заметными следами позолоты» (1865 г., д. 9, л. 6). В погребении было найдено большое количество (почти сотня) золотых штампованных бляшек, украшавших одежду, и другие ценные предметы (см.: ОИАК за 1865 г. 1866: IV сл.; ОИАК за 1866 г. 1868: 5 сл., 67 сл.; Ростовцев 1914а: 13–14; Артамонов 1966: 73).

В 1868 г. исследования были продолжены, в ходе их был открыт еще один каменный склеп (№ 4), возведенный не на материке, а в насыпи кургана (1868 г., д. 41, л. 24–25; ОИАК за 1868 г. 1869: V–VII; Тизенгаузен 1869: 42 сл.; Ростовцев 1914а: 14; Артамонов 1966: 71–72). Он содержал женское захоронение, очень сходное с захоронением в склепе № 1. Погребенная имела золотую стленгиду и золотой калаф, пектораль с изображениями животных и другие украшения. Очень большое научное значение имеет происходящий из погребения набор терракотовых статуэток; он состоит из трех десятков предметов, некоторые из которых стали хрестоматийно известными.

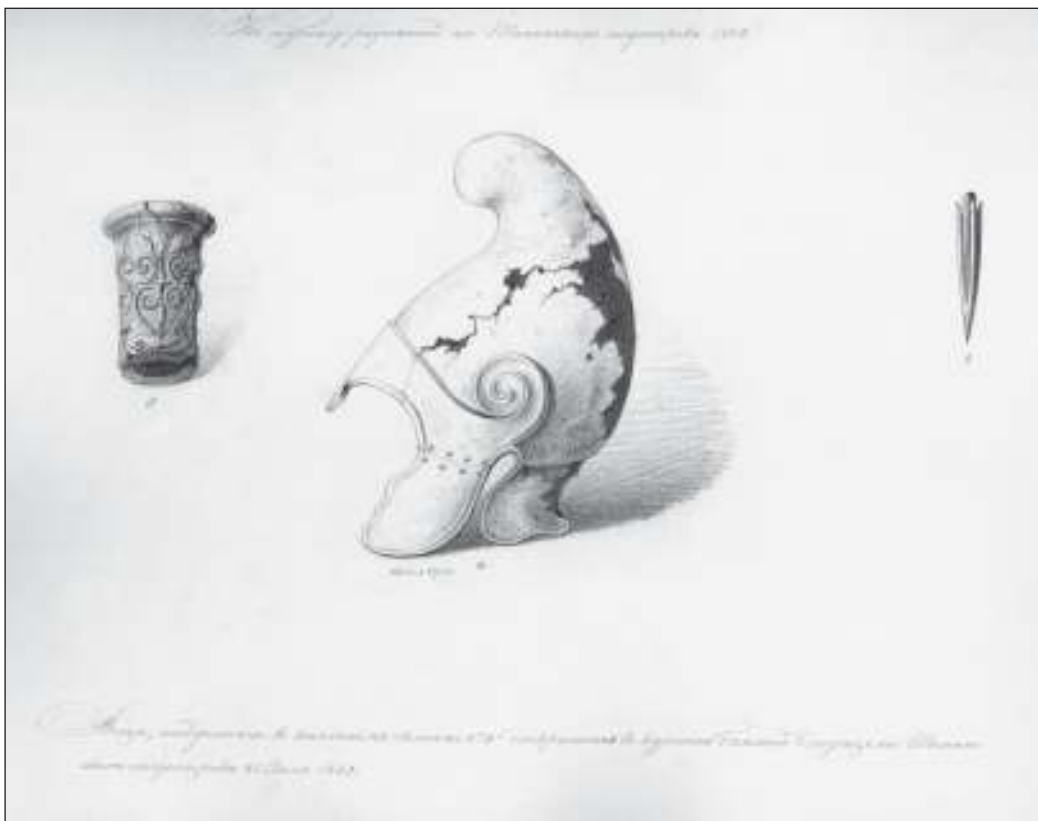
В 1883 г. директор музея С. И. Вереврюсов в юго-восточной части кургана открыл гробницу (склеп № 5), сложенную из каменных плит и перекрытую деревом (1883 г., д. 3, л. 4–6, 20–25, 46 сл.; о ней см.: Ростовцев 1914а: 14; Артамонов 1966: 72–73; Уильямс, Огден 1995: 180–183). Внутри нее находился деревянный саркофаг, содержащий женское погребение (третье по счету). В этом погребении помимо различных керамических сосудов были найдены ряд

Большая Близница, раскопки 1864 г. (РА, Р-I, № 564, л. 21)

Большая Близница, раскопки 1865 г. (РА, Р-I, № 692, л. 3)

Большая Близница, находки из склепа № 3 (РА, Р-I, № 692, л. 6)

ювелирных изделий, семь любопытных терракотовых статуэток и пр. С. И. Веребрюсов признавал при этом, что обнаруженный им комплекс не является главной, «центральной» гробницей кургана (1883 г., д. 3, л. 25), т. е. исследования здесь следовало продолжать.

Открытие комплексов Большой Близницы, безусловно, стало важнейшей вехой в изучении курганов Боспора Киммерийского. Практически нет сомнений, что здесь совершались захоронения представителей знатного боспорского рода, занимавших видное положение в религиозной жизни государства. Погребенные женщины, как представляется, выполняли весьма ответственные жреческие функции (Передольская 1962: 46; Артамонов 1966: 68–74; Gajdukevič 1971: 297 ff.). Единой трактовки этих выдающихся по научной значимости комплексов пока не существует (см.: Шауб 1987: 27 сл.; 2007: 370–385), но местные особенности культа, связанные с почитанием Великого женского божества, проявляются здесь весьма отчетливо. Относительная хронология комплексов Большой Близницы пока еще четко не разработана, но, вероятнее всего, они были сооружены в пределах довольно узкого отрезка времени. В. И. Пругло полагает, что наиболее поздним среди них является склеп № 4, который она датирует концом IV или концом IV—началом III в. до н. э. (Пругло 1974: 77). Выводы А. Шварцмайер, проделавшей специальное изучение всех погребений, в принципе не противоречат этой точке зрения. Она считает, что самым ранним комплексом Большой Близницы является так называемое погребение жрицы Деметры (№ 1), совершенное около 330 г. до н. э., все остальные погребения были произведены позднее, вероятно, в начале III в. до н. э. (Schwarzmaier 1996: 137; ср.: Pfrommer 1990: 270–274).

После успешных раскопок Большой Близницы 3 сентября 1864 г. И. Е. Забелин направил С. Г. Строганову обширное послание, в котором обобщил свои наблюдения о состоянии древностей Таманского полуострова, а также очертил круг насущных задач их изучения в будущем. Этот документ настолько интересен, что будет уместно привести его почти полностью (1864 г., д. 14, л. 8–11):

«Вследствие раскопок, произведенных там (на Таманском полуострове. — *Ред.*) в давние времена гг. Ашиком, Карейшей и другими, не представивших особенно счастливых открытий, составилось постепенно мнение, что таманская археологическая почва слишком бедна и что необходимо обладать особенным счастьем, чтобы сделать какое-либо достойное трудов и расходов открытие. Такие отзывы мне приходилось слышать не один раз; в этом же уверял меня К. К. Герц, когда в мае месяце я отправился туда на разыскания. Действительно, значительная часть таманских курганов раскопана или археологами, или же в незапамятные времена искателями кладов. Но ближайшее знакомство с делом обнаруживает, что положительно никак нельзя сказать, чтобы те и другие совсем уже истощили почву любопытных и важных открытий. Напротив, археологическое богатство полуострова, даже на поверхностный взгляд, так еще велико и так еще мало обследовано, что подает несравненно больше надежд, чем доказательств о бесплодности новых разысканий. Даже и раскопанные и, видимо, обысканные курганы не следует оставлять без внимания, ибо после искателей кладов, производивших раскопы неправильно и торопливо с одною целью поскорей обобрать золото, всегда можно надеяться открыть очень примечательные памятники... Раскопки же, произведенные с археологическою целью, сделаны большею частью еще в то время, когда полагали, что гробницы находятся собственно в насыпи, а не в материке, поэтому у многих курганов, раскопанных археологами, как выражаются местные жители, побиты только головы, т. е. раскопы произведены только в вершинах, воронкообразно, с выкидом земли по сторонам. Очевидно, что таким способом изыскания исследователи не могли составить себе отчетливого понятия о том, что находится в материке и даже на материке, ибо они редко достигали материка, так что необходимо некоторые из подобных курганов снова переисследовать. К тому же большая часть раскопанных курганов находится вблизи предполагаемого древнего городища Фанагории, т. е. вблизи станции Сенной и хуторов гг. Семеняки и Чижевского. Чем больше удаляемся от этого пункта в разных направлениях, тем больше встречается курганов, которые подают сравнительно больше надежд для счастливых открытий. Особенное же внимание обращают курганы, расположенные на высоких горах и вообще по возвышенностям полуострова. К числу таких принадлежат и Близницы, из которых одна доставила нынешнее открытие. Другая также, судя по всем признакам, должна хранить не менее интересную гробницу. Верстах в трех от этих Близниц к северо-западу — курган на Круглой или Васюринской высокой горе, по тем же признакам заслуживает неотлагательного расследования. Затем возвышенности, идущие от Близниц далее к западу до Тамани, к востоку до урочища Дубовый Рынок и к северу вблизи селения Ахтанизовки, также изобилуют примечательными курганами и ожидают исследователя. Если бы даже подобные курганы, которыми так богат полуостров, были уже обысканы, то все-таки нельзя покидать их без археологического расследования, ибо в их полах могут быть открыты богатые жженные гробницы, почти всегда по своему местоположению ускользавшие от грабительских поисков.

Но на полуострове не одни курганы важны для исследователя. Там много древних городищ, расследование которых представляет общеисторический интерес. Относясь к эпохе киммерийских мраков истории, эти городища тем самым возбуждают еще большее любопытство

в исследователе. Время от времени и большею частью случайно, помимо археологических розысков, в их насыпях открывали очень замечательные надписи, уяснившие несколько любопытных исторических фактов. Между тем ученое расследование их еще и не начиналось.

Главная причина, которая отвлекала внимание изыскателей от подобных насыпей и вообще от расследования исторических местностей, заключается в том, что археологи, вследствие разных обстоятельств, направляли свою *исследовательность* (так в источнике. — *Ред.*) исключительно на одни гробницы, а в гробницах на одно золото, сделавшееся чуть ли не единственной целью раскопок и без которого открытия всегда представляли очень мало интереса. Археологические поиски устремлялись только на одни роскошные и изящные памятники древнего искусства, оставляя почти с пренебрежением все то, что по своему характеру и значению мало приближалось к искомым предметам.

Столько же существенный и важный вопрос, именно вопрос об определении исторического значения местности, о раскрытии характера цивилизации и культуры угасшего населения посредством раскрытия и объяснения разнородных, хотя бы и ничтожных на взгляд, памятников древней гражданской жизни, — этот всегда оставался в стороне, как дело совершенно постороннее и мало пригодное для главной цели.

Очень понятно, что при таком взгляде на цель разысканий эти разыскания ни в каком случае не могли быть ведены систематически, с целями в точном смысле научными. Они зависели от случайных указаний, от случайных соображений об археологическом значении той или другой группы курганов, той или другой местности. Оттого, несмотря на неоднократные раскопки, произведенные на полуострове, мы все-таки до сих пор не имеем ясного, сколько-нибудь определенного понятия об этой Киммерийской стране, о ее замечательных местностях, когда-то густо населенных, теперь пустынных и загадочных; мы с точностью не можем указать даже местность знаменитой Фанагории.

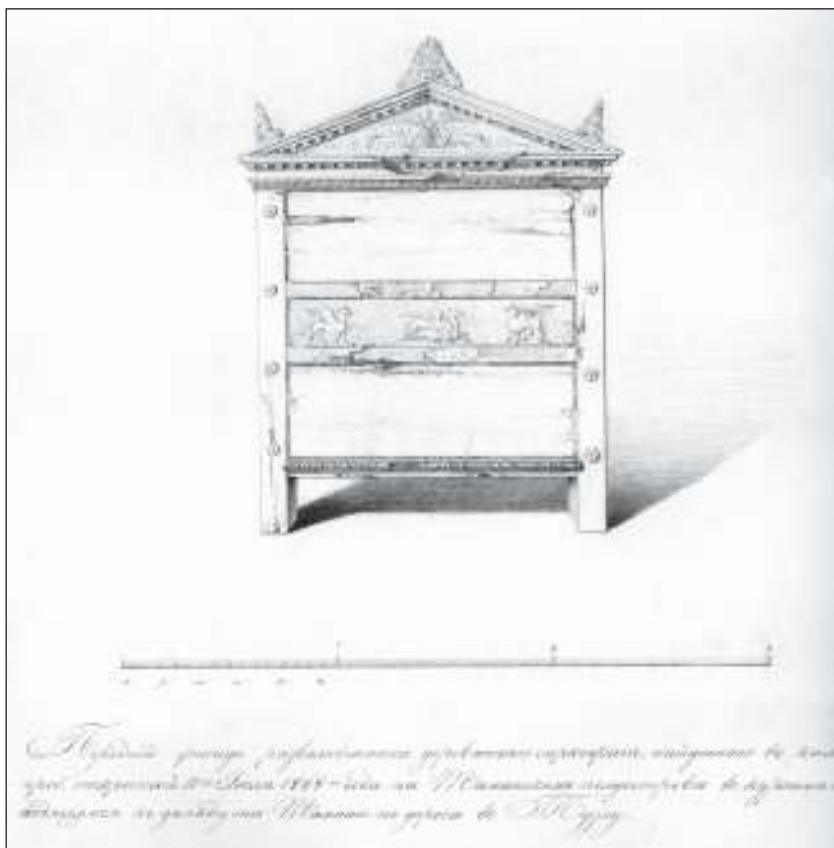
Таким образом, если иметь в виду не одни только роскошные и художественные памятники, какие доставляют иногда древние греческие гробницы, но вместе с тем и следовать за задачами истории и археологии в более обширном и прямо ученом смысле, то Таманский полуостров, вопреки составленному мнению, представляет в этом отношении такое археологическое богатство, которое трудно будет истощить в целые десятилетия. Необходимо только руководиться при раскопках каким-либо общим планом, необходимо идти в разысканиях последовательно, шаг за шагом, не смущаясь относительною бедностью находок и кажущейся бесплодностью исследований местности до тех пор, пока не составится полное и отчетливое понятие о ее археологическом и историческом значении; а для этого было бы необходимо прежде всего составить подробную карту всех археологических местностей полуострова, действительно существующих, а не воображаемых, в замене тех именно карт, которые выработаны не по указаниям самой местности, а на основании одних лишь книжных справок. Такая карта в значительной степени облегчила бы труд исследователя и должна способствовать устранению излишних расходов на раскопки, так как при помощи ее указаний всегда можно было бы избирать для расследования местности наиболее примечательные».

Записка И. Е. Забелина примечательна во многих отношениях. Конечно, не он первым обратился к описанию курганов Таманского полуострова (см.: Лазаревский 1861), но внимательный взгляд ученого выделил здесь, так сказать, главные объекты будущих полевых исследований. И. Е. Забелин также обратил внимание на важность изучения древних городищ и, наконец, отметил насущную необходимость составления точных археологических карт. Неудивительно, что дальнейшие исследования курганов осуществлялись почти точно по намеченному И. Е. Забелиным плану: Малая Близница, курганы Васюринской горы, Ах-

таназовский курган. Изучение Малой Близницы, правда, началось в один год с Большой, но оно производилось очень долго, тяжело и, можно сказать, мучительно: 1865, 1868, 1881–1883, 1907 и 1915 гг. (см.: Виноградов 2004б). Основным погребением кургана, скорее всего, следует считать кремацию с богатым набором инвентаря, обнаруженную в 1882 г. Долгое время этот комплекс считали относительно поздним. Так, Н. П. Кондаков полагал, что погребение следует относить к III в. до н. э. (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: 74), а М. И. Ростовцев посчитал даже, что в нем нет вещей, которые можно было бы датировать ранее конца III в. до н. э. (Ростовцев 1925: 375; Rostowzew 1931: 333). Имеющийся материал, однако, позволяет поспорить с этой хронологической атрибуцией и предложить другую — первая половина IV в. до н. э. (Виноградов 2004: 102).

V

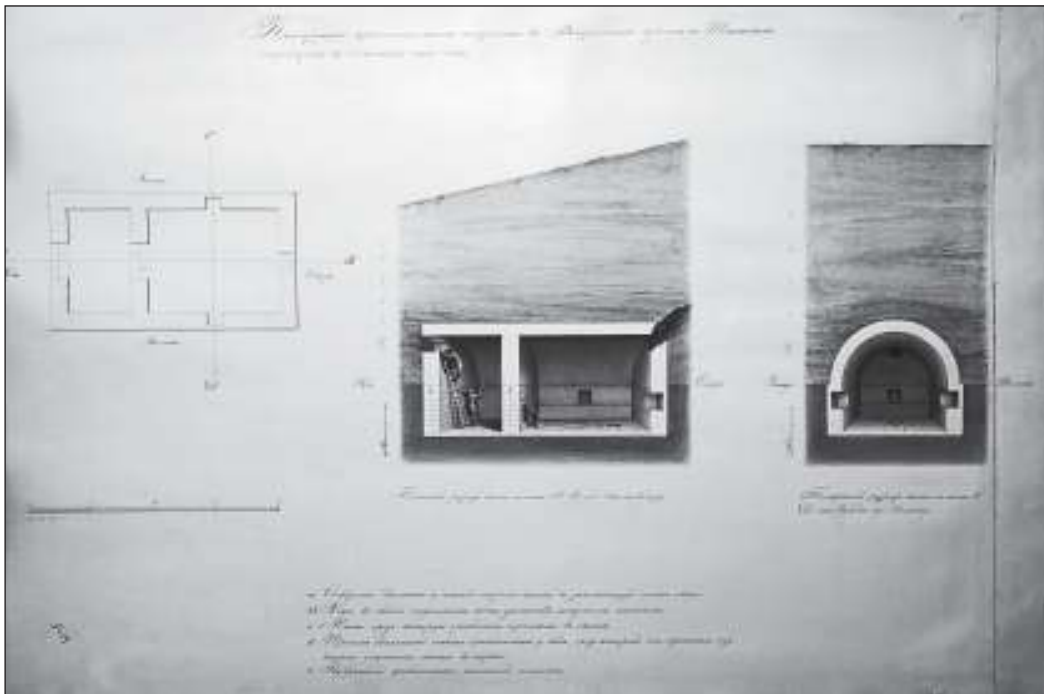
С появлением И. Е. Забелина приоритет в исследованиях был отдан курганам Таманского полуострова. В 1868 г. в изучение классических древностей полуострова активно включился также еще один член Комиссии — барон В. Г. Тизенгаузен. Тогда он провел раскопки городища Гермонасса, исследовал курган, расположенный недалеко от Тамани, в котором был обнаружен каменный склеп, содержащий великолепно украшенный деревянный саркофаг. В нем находилось женское захоронение с весьма богатым набором сопровождающего инвентаря, о котором автор раскопок оставил довольно подробное (в стиле А. Е. Люценко)

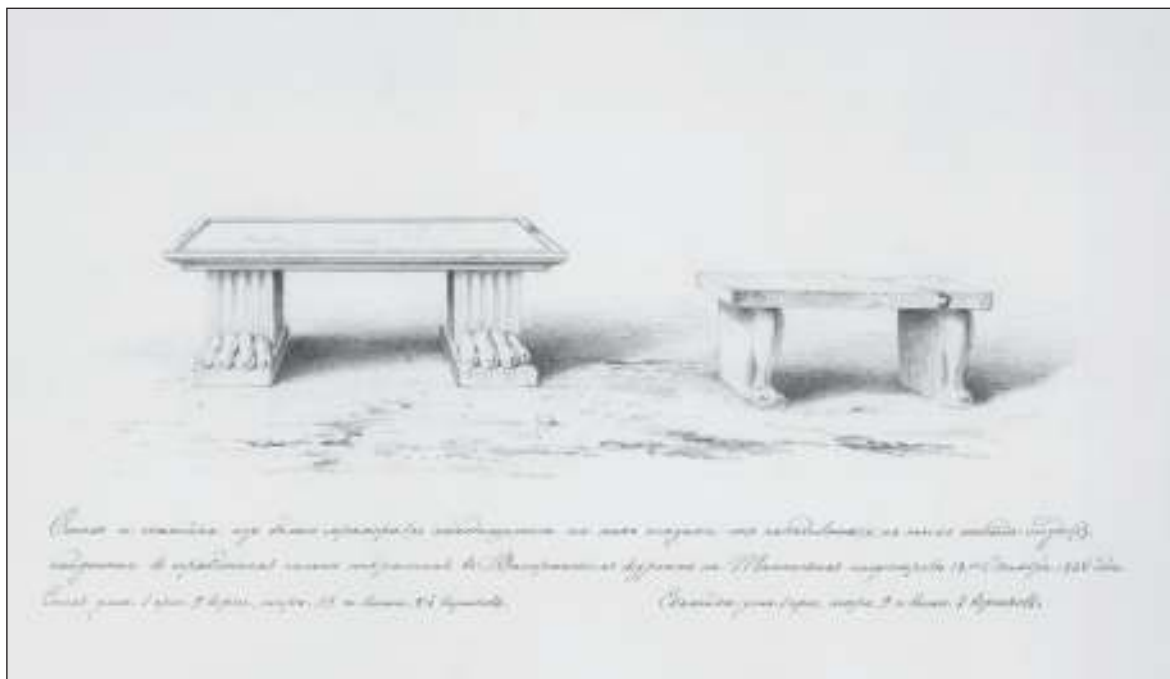
Таманский деревянный саркофаг (РА, Р-I, № 565, л. 6)

Васюринская гора, вид с востока (РА, Р-І, № 693, л. 17)

Ограбленный склеп Васюринской горы (РА, Р-І, № 565, л. 8)

Стол и скамья из белого мрамора (РА, Р-I, № 565, л. 10)

Курган средней величины на Васюринской горе, раскопки 1871 г. (РА, Р-I, № 693, л. 14 об.)

Курган средней величины на Васюринской горе (РА, Р-I, № 693, л. 14)

описание (1868 г., д. 40, л. 4–5; ОИАК за 1868 г. 1869: X–XI; Тизенгаузен 1869: 40–42; о саркофаге см.: Сокольский 1969: 22–24, № 12). После этого открытия археолог провел раскопки четырех курганов на западном берегу Цукурского лимана (ОИАК за 1868 г. 1869: XIII), но они оказались очень неудачными, что побудило В. Г. Тизенгаузена перенести работы на *Васюринскую гору* (1868 г., д. 40, л. 6; ОИАК за 1868 г. 1869: XIII–XIV).

Он приступил к раскопкам самого большого из пяти расположенных здесь курганов, но в 1868 г. до конца их не довел и попросил продолжить исследования А. Е. Люценко. Директору Керченского музея удалось открыть в этом кургане каменный склеп с так называемым полуциркульным сводом, стены и потолок которого были украшены росписью (Ростовцев 1914а: 30 сл.; Власова 2004: 159–164). Сооружение оказалось ограбленным, из крупных предметов в нем сохранились стол и скамья, изготовленные из белого мрамора. Склеп был соединен с дромосом, в который сверху вела каменная лестница. К верхней части лестницы примыкали каменные ящики, в которых находились конские захоронения с богатыми украшениями сбруи. М. И. Ростовцев считал, что их было четыре. Эти захоронения исследованы В. Г. Тизенгаузеном в 1869 г., но, к сожалению, никаких отчетов об этом открытии не сохранилось и, надо полагать, что они вовсе не были составлены, имеется лишь опись сделанных тогда находок (1869 г., д. 4, л. 84).

В 1871 г. в другом, среднем по размерам, кургане Васюринской горы был открыт каменный склеп, очень схожий по устройству с описанным выше, но без росписи (1871 г., д. 16, л. 11–13, 33–36; ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XXXIV–XXXVII; Ростовцев 1914а: 43 сл.; Власова 2004: 165–168). Он тоже был полностью ограблен, найти удалось лишь три мраморные

ножки от стола, обломки мраморной доски и фрагменты желобчатой глиняной вазы. В склеп опять же вела лестница, по сторонам которой находились захоронения лошадей. Два из них, устроенные в каменных гробницах, оказались разграбленными, в третьей, вырытой в земле, вместе с конскими костяками были обнаружены обломки железной колесницы, украшенной бронзовыми пластинами с изображением цветов, женскими статуэтками и пр.

До начала раскопок в южной части этого кургана местные жители обнаружили и разграбили плитовую гробницу с большим количеством золотых вещей. По крайней мере часть из этих предметов была выкуплена и поступила в Эрмитаж (ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XVII–XVIII; Ростовцев 1914а: 42–43; Власова 2004: 168–169). М. И. Ростовцев датировал этот комплекс первыми десятилетиями III в. до н. э. (Rostowzew 1931: 331), но М. И. Максимова, указывая на близость некоторых находок к вещам из Артюховского кургана, допускала возможность более поздней атрибуции (Максимова 1962: 130, примеч. 5). Любопытно, что в описи найденных тогда вещей упомянута монета с изображением головы Пана на одной стороне и передней части грифона на другой (1870 г., д. 23, л. 9). Об этой находке исследователи кургана почему-то почти не вспоминают, а она очень важна для хронологической атрибуции комплекса. В. А. Анохин датирует такие монеты в пределах 314–310 гг. до н. э. (Анохин 1986: 140, № 111, 112).

Второй курган средней величины на Васюринской горе раскапывался А. Е. Люценко в 1871–1872 гг. В нем была обнаружена разоренная гробница и расположенная рядом с ней тризна, в которой среди углей и золы было найдено большое количество предметов из листового золота, обломки железных мечей и копий, более 60 фрагментов от «массивной кольчуги или брони» и т. д. (1872 г., д. 30, л. 53; ОИАК за 1872 г. 1875: IX–X). В западной части насыпи был найден большой бронзовый котел с четырьмя массивными ручками.

Хронология погребальных комплексов Васюринской горы, к сожалению, до сих пор остается неясной. М. И. Ростовцев датировал курган, исследованный в 1868–1869 гг., по чернолаковой пиксиде и прочим находкам не позднее середины III в. до н. э. (Ростовцев 1914а: 40; Rostowzew 1931: 332). Курган, раскопанный в 1871 г., он относил приблизительно к тому же самому времени на основании стилистических особенностей украшений колесницы (Ростовцев 1914а: 53 сл.). Эта атрибуция была принята рядом исследователей без всяких поправок (Гайдукевич 1949: 293 сл.; Масленников 1981: 79; Gajdukevič 1971: 301; Pfrommer 1987: 101, 184, 261; ср.: Mordvinceva 2001: 73). Однако сам М. И. Ростовцев сомневался в ее бесспорности, в связи с чем высказывал предположение о разновременности данных комплексов. Он обратил внимание, что в конских захоронениях кургана 1869 г. представлены сравнительно поздние вещи (фалары со стеклянными вставками и пр.), близкие находкам из причерноморских степных памятников конца II в. до н. э. (Ростовцев 1925: 373). Как уже говорилось, М. И. Максимова «омолодила» дату плитовой гробницы, открытой в 1870 г. (Максимова 1962: 130, примеч. 5), и эта тенденция находит продолжение в трудах современных исследователей (см.: Полин 1992: 63–64). Е. В. Власова, изучившая все материалы, происходящие с Васюринской горы, пришла к заключению, что она использовалась как место для неоднократных захоронений, по крайней мере в III–II вв. до н. э. (Власова 2004: 172), и с этим выводом, в целом, следует согласиться.

В 1870 г. И. Е. Забелин продолжил раскопки на холмистой гряде, идущей от Фанагории в глубь Таманского полуострова, к западу от Большой и Малой Близиц. Здесь он провел исследования крупного кургана, вошедшего в научную литературу как *Буерова могила*. Его высота достигала 12,8 м, а окружность основания — более 275 м (ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: IX–XII). В южной части кургана было открыто конское захоронение с богатым уздечным набором, состоящим из бронзовых, покрытых серебром и позолотой блях, наносника и пр.

Ручка литой бронзы из насыпи второго кургана средней величины на Васюринской горе, 1871 г. (РА, Р-I, № 693, л. 16)

К северо-западу от захоронения лошади была обнаружена гробница, сложенная из тесанных известняковых плит. Костяк лежал у северной стены головой на восток, на черепе находился золотой лавровый венок с круглой пластинкой, украшенной изображением Гелиоса на колеснице. В углу лежали еще два таких венка, справа от костяка у стены находились пять мечей, ножны и рукояти которых были украшены золотом. Серебряные и бронзовые сосуды были сложены возле ног; по всей длине южной стены лежали обломки панциря, состоящие из кованых железных продольных пластин, такие же пластины, вероятно, от щита, обломки бронзового шлема с наушниками, 6 копий и куча железных наконечников стрел.

В 1871 г. изучение кургана было продолжено (ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XXXI–XXXIII). Тогда выяснилось, что вся насыпь кургана, как и в Большой Близице, сверху состояла из поздних присыпок, под которыми было скрыто раннее сооружение. В поле кургана с западной стороны обнаружен большой «жженный точек», с юга и севера от которого находились две гробницы, заглубленные в материк всего на 0,35 м. Это были кремации, содержавшие пережженные человеческие кости, обломки керамических сосудов, в том числе от расписных ваз, бронзовые наконечники стрел и т. д. В центре кургана открыта большая каменная

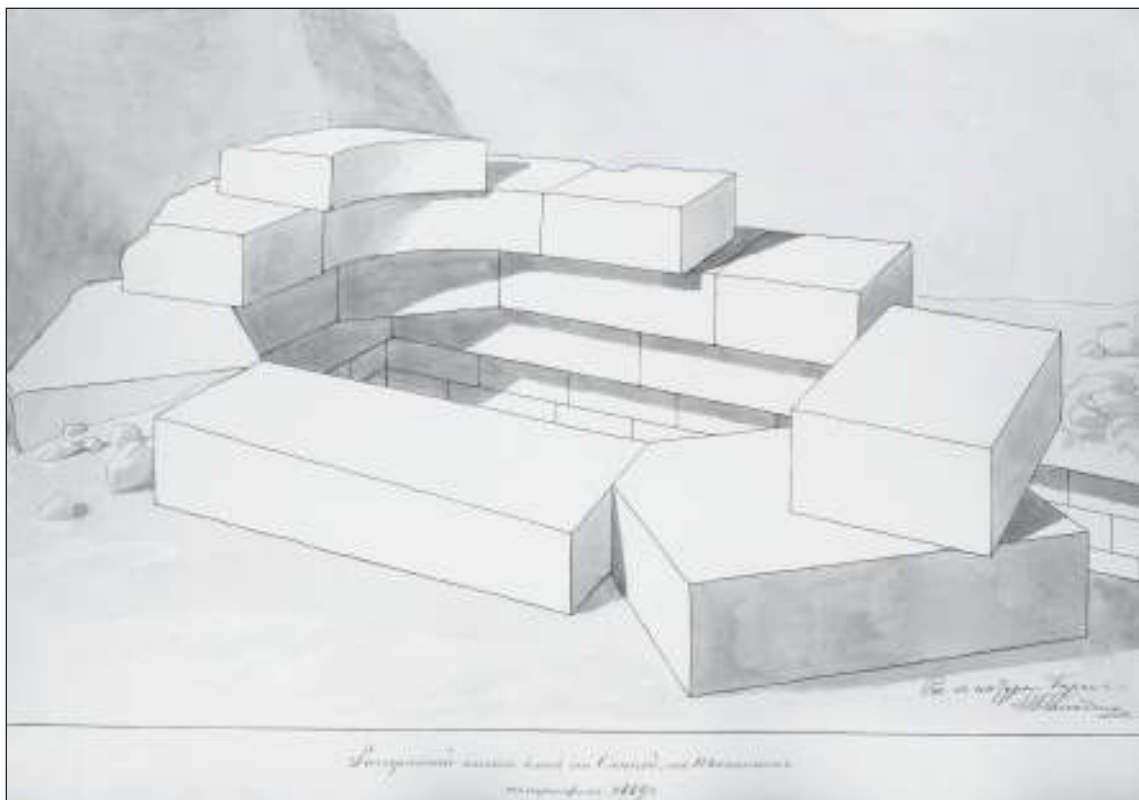
гробница, имевшая, вероятно, ложный свод; И. Е. Забелин назвал его «призматическим». К сожалению, погребение в ней было полностью разграблено, и на полу камеры, покрытом широкими каменными плитами, археологи обнаружили лишь обломки деревянного саркофага, бронзовые и железные гвозди, фрагменты алабастра и т. д.

Бурова могила, безусловно, имеет очень большое значение для изучения истории и культуры Боспора. Вполне очевидно, что основной здесь была ограбленная гробница, обнаруженная в 1871 г., вероятнее всего, принадлежащая IV в. или началу III в. до н. э. Гораздо больший научный интерес, однако, представляет неограбленная гробница 1870 г. Этот комплекс вслед за М. И. Ростовцевым обычно датируют III–II вв. до н. э. (Ростовцев 1925: 550). Более точная его хронологическая атрибуция в настоящее время почти невозможна, поскольку богатейший инвентарь этой гробницы, за исключением отдельных предметов, еще не опубликован (Ростовцев 1918а: табл. II, 5, 7, 8; III, 4; Максимова 1969: 58, рис. 18).

Наряду с раскопками этих крупных курганов весьма интенсивно продолжалось изучение курганного некрополя Фанагории (о нем см.: Ростовцев 1925: 264–272; Паромов 2004а). В 1869 г., к примеру, были проведены работы на 21 кургане, в них было открыто 14 жженных гробниц (т. е. кремаций), 5 земляных и 4 каменные гробницы, но все они были разорены почти дотла (1869 г., д. 4, л. 9). По этому поводу И. Е. Забелин писал 12 августа 1869 г., что «многочисленные курганы древнефанагорийского городища, как уже обысканные в древнее время, не могут доставить особенно счастливых открытий, однако прежние мои находки, сделанные в тех же курганах в 1864 г., не отнимают надежды, что при других, более счастливых изысканиях возможно еще открывать и здесь, даже в обысканных уже гробницах, памятники высокого достоинства» (Там же, л. 9–10). И, надо признать, он вновь оказался прав: в том же году около Фанагории В. Г. Тизенгаузен был обнаружена земляная гробница, содержащая фигурные сосуды (в том числе сосуды в виде сфинкса, Афродиты, рождающейся из моря, и т. д.) и другие художественные изделия (об этих находках см.: ОИАК за 1869 г. 1870: V–VII; ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: 5 сл.; Фармаковский 1921b; Передольская 1936; Паромов 2004б; Виноградов, Шауб 2007). К сожалению, в архиве ИИМК отсутствует документация об этих раскопках, имеется лишь опись найденных тогда вещей (1869 г., д. 4, л. 84–85). Это печальное обстоятельство стало причиной серьезных обвинений по адресу В. Г. Тизенгаузена, высказанных Б. В. Фармаковским. Последний посчитал, что В. Г. Тизенгаузен в момент открытия вообще отсутствовал на объекте, вероятно, поручив раскопки могил кому-нибудь из своих десятников (Фармаковский 1921b: 10). Если это действительно было так, то необходимо признать, что по вине археолога оказалась утерянной ценнейшая информация об одном из выдающихся памятников боспорских древностей.⁷ Исследователи, писавшие об открытии 1869 г., почти не обратили внимания на то, что после В. Г. Тизенгаузена этот курган исследовал А. Е. Люценко. В его насыпи тогда были найдены обломки расписного кратера, а в южной стороне кургана — две женские гробницы, в которых находился весьма любопытный инвентарь: «обломки от крышки небольшого глиняного сосуда с рельефным изображением двух женских фигур и две карикатурные глиняные статуэтки» (1870 г., д. 23, л. 23, 35).

В ряду открытий, сделанных В. Г. Тизенгаузенем под Сенной в 1869 г., не замеченным специалистами остался один склеп. Его описание не сохранилось, но на рисунке, сделанном самим исследователем, можно видеть любопытную особенность конструкции. В плане этот

⁷ Казалось бы, такая ситуация должна вызвать соответствующую реакцию Императорской Археологической Комиссии. И реакция была, но совсем другого рода: барону Тизенгаузену была пожалована денежная награда в размере 400 руб. (1870 г., д. 7).

Разоренный склеп, открытый В. Г. Тизенгаузенем около ст. Сенной (РА, Р-I, № 693, л. 4)

склеп имел четырехугольную форму, а его свод, вероятнее всего, был круглым. Во всяком случае, именно об этом могут свидетельствовать заметные в углах диагональные выступы, которые можно сопоставить с пандативами Царского кургана (ср.: Гайдукевич 1949: 248–251, рис. 41). Совсем недавно при исследованиях некрополя Фанагории был обнаружен круглый склеп с уступчатым перекрытием свода, аналогичный Золотому кургану под Керчью, но, конечно, значительно скромнее его по размерам (Кузнецов 2004; 2007: 10; Виноградов 2007: 14). Есть основания полагать, что и знаменитый Царский курган имел в Фанагории свою уменьшенную копию. Именно ее и открыл В. Г. Тизенгаузен 140 лет назад.

В 1871 г. А. Е. Люценко продолжил изучение фанагорийских курганов. Наряду с прочими насыпями ему вновь пришлось доследовать большой курган, который был частично раскопан В. Г. Тизенгаузенем в 1870 г. А. Е. Люценко, как и его предшественнику, не удалось обнаружить здесь признаков каменной гробницы, на основании чего археолог сделал осторожное предположение, «что он (курган. — *Ред.*) чисто скифского происхождения и что под насыпью его в глубине материка находится земляная катакомба с ведущим в него спуском или ходом» (1871 г., д. 16, л. 10, 30). Большой полевой опыт исследователя, разумеется, давал основание для такого заключения. В 1872 г. В. Г. Тизенгаузен провел очередной сезон раскопок фанагорийских курганов, но отчетов о них мы вновь не имеем. В архиве сохранилась опись сделанных тогда находок, где кратко указывается, откуда они происходят. Иногда эти указания довольно точны: «в земляной гробнице песчаного кургана близ почтовой станции», а иногда вопиюще небрежны: «в другой земляной гробнице другого кургана» (1872 г.,

д. 15, л. 12). Следует согласиться с И. Л. Тихоновым, что археология для барона Тизенгаузена не была настоящей наукой, она сводилась лишь к раскопкам и доставлению находок в Археологическую Комиссию (Тихонов 2007b: 240).

О районах дальнейших полевых исследований В. Г. Тизенгаузена можно узнать из рапорта, направленного им С. Г. Строганову 6 августа 1874 г. В нем, в частности, говорится (1874 г., д. 11, л. 2):

«Неоднократные неудачные попытки мои по части расследования курганов и городищ Таманского полуострова в таких местностях, которые значительно удалены от Сенной станицы, как напр. у Цукурского лимана и на так называемом Фонтане, побудили меня в нынешнем году приняться опять за раскопку курганов в ближайших окрестностях этой станции, где, по крайней мере, можно было надеяться, что среди бесчисленного множества ограбленных и разоренных может отыщутся, как это случалось в прежние годы, хоть одна или две нетронутые гробницы, обыкновенно вознаграждающие исследователя за остальные неудачи» (ср.: ОИАК за 1874 г. 1877: XVI–XVII).

Эти надежды, однако, не оправдались, что заставило исследователя сделать следующее заключение (1874 г., д. 11, л. 4; ср.: ОИАК за 1874 г. 1877: XXI):

«Нельзя, конечно, утверждать положительно, что дальнейшие раскопки около Сенной станицы не могут больше повести к каким-либо интересным открытиям: по всей вероятности, кое-где еще случайно уцелела гробница, в которой заключаются замечательные вещи, но, во всяком случае, опыт позволяет догадываться, что таких гробниц чрезвычайно мало и что шансы на удачный результат раскопок в этих местах всегда будут весьма сомнительными».

Далее в рапорте В. Г. Тизенгаузен писал о необходимости исследования курганной группы Семь Братьев, расположенной около станицы Варениковской, и важности проведения археологических разведок около Анапы, Новороссийска и вообще по восточному побережью Черного моря (1874 г., д. 11, л. 5).

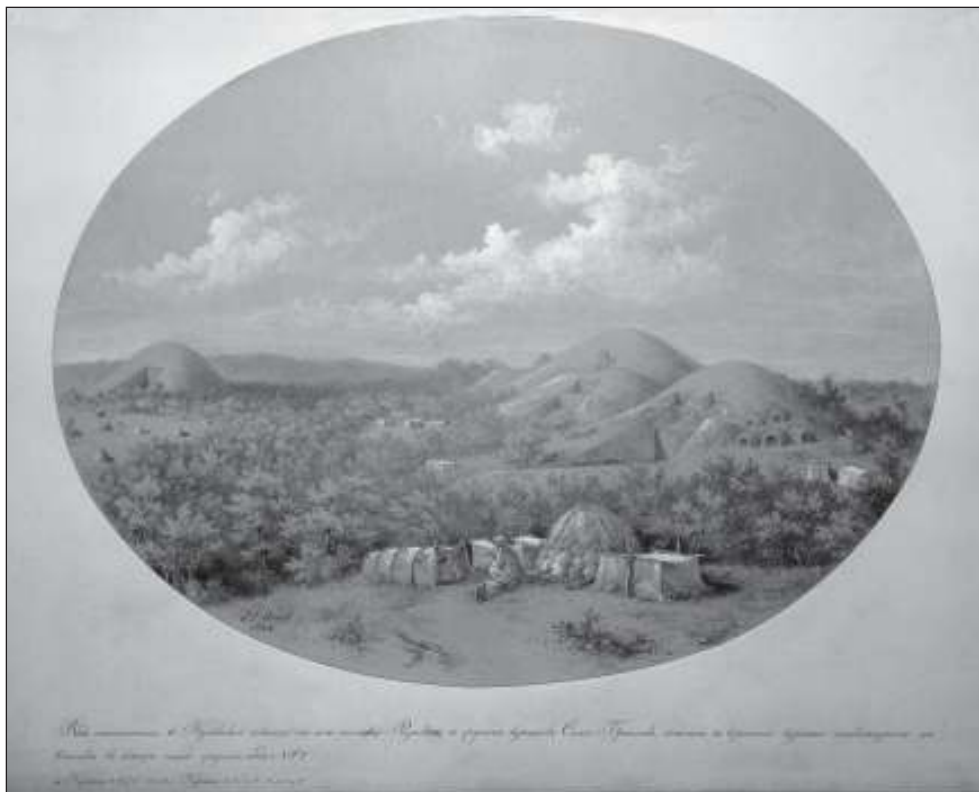
Раскопки Семибратних курганов были начаты в 1875 г. Первоначально предполагалось, что ими будет руководить И. Е. Забелин, но, поскольку он заболел, проведение работ поручили В. Г. Тизенгаузену (1875 г., д. 3, л. 9–10). В первый же год он провел исследования на всех семи насыпях (ОИАК за 1875 г. 1878: IV сл.) и, закончив сезон, рапортовал в Археологическую Комиссию об открытии двух неограбленных мужских гробниц с замечательными вещами полугреческого-полуварварского облика (1875 г., д. 3, л. 19). Семибратние курганы изучались В. Г. Тизенгаузенем также в 1876 и 1878 гг. (ОИАК за 1876 г. 1879: III сл.; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: III сл.). В результате этих исследований археологическая наука обогатилась выдающимися памятниками, которые большинство ученых считает погребениями царей Синдики (см.: Ростовцев 1925: 351 сл.; Коровина 1957; Артамонов 1966: 36–39; Анфимов 1987: 92 сл.; Уильямс, Огден 1995: 128–131; Виноградов 2005а: 252–254; Власова 2005). В целом, эти курганы можно датировать серединой V—первой четвертью IV в. до н. э. (Силантьева 1967; Бутягин 1996; Виноградов 2005а: 254).

Курганный некрополь Гермонассы отличается весьма солидными размерами, хотя и уступает в этом отношении фанагорийскому (Ростовцев 1925: 280–290; Паромов 2002а: 192–193). В 1868 г. раскопки на нем были проведены В. Г. Тизенгаузенем, о чем частично говорилось выше. В 1869 г. к западу от Тамани провел раскопки П. И. Хицунов, но исследовавшиеся им курганы оказались разграбленными (1869 г., д. 4, л. 24–25; ОИАК за 1869 г. 1870: IX–X).

Первый период изучения курганного некрополя Кеп приходится на 1870–1880 гг., он был увенчан открытием выдающегося памятника позднеэллинистического времени — *Артюховского кургана* (Паромов 2002b: 274). На первый и самый большой курган, расположенный

Раскопки Семибратних курганов (РА, Р-I, № 567, л. 19)

Раскопки Семибратних курганов (РА, Р-I, № 567, л. 20)

в группе у хутора сотника Артюхова, первым обратил внимание Н. П. Кондаков в 1878 г. (1878 г., д. 11, л. 9–10; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XI). В 1879 г. раскопки здесь провел В. Г. Тизенгаузен, обнаруживший две гробницы с замечательными вещами (ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XLIV–XLVIII). Нелестную характеристику его работ на кургане оставил Д. Я. Самоквасов (Самоквасов 1908: 158), М. И. Максимова обвинила последнего в ряде неточностей (Максимова 1979: 5–6), но, в общем, ее замечания не меняют главного: В. Г. Тизенгаузен провел раскопки весьма небрежно.

С. И. Веребрюсов, продолживший изучение кургана, составил подробное описание работ и сделанных находок, прежде всего, выявленной им здесь еще одной неограбленной гробницы (1879 г., д. 6, л. 40–44; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XLVIII–LI). М. И. Ростовцев очень высоко оценил значение сделанных тогда открытий для изучения культуры Боспора в эпоху эллинизма (Ростовцев 1925: 272–280). Изучив все материалы, добытые исследователями Артюховского кургана, М. И. Максимова отнесла его к середине II в. до н. э. и с полным на то основанием назвала самым показательным и ярким памятником культуры местной знати Таманского полуострова накануне восстания Савмака (Максимова 1979: 22–23).

После Артюховского кургана В. Г. Тизенгаузен приступил к изучению Анапских курганов (о них см.: Ростовцев 1925: 296–299), масштабные раскопки которых были проведены в 1881 г. (1881 г., д. 8, л. 8–14). Некоторые из курганов оказались разграбленными, но археологическое счастье не оставило В. Г. Тизенгаузена и здесь — в подошве одного из курганов ему удалось открыть кремацию, содержащую очень богатый набор погребального инвентаря: серебряную флягу с круглым дном, серебряный алабастр, золотую стлениду в виде волнистых, расчесанных на две стороны волос, золотой венчик, золотой браслет и т. д. (1881 г., д. 8, л. 10; ОИАК за 1881 г. 1883: VI сл.; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: 31 сл., табл. I; Ростовцев 1925: 297–298). К сожалению, археолог не сообщал о керамических находках из этого комплекса, а они, вероятнее всего, здесь были.

В том же году на Таманском полуострове много работал С. И. Веребрюсов. Тогда он провел новые исследования на Большой и Малой Близницах, которые не дали никаких результатов. В связи с этим необходимо отметить, что новый директор Керченского музея обратил внимание на курганные некрополи, расположенные около станиц Титоровская и Стеблиевская. Под Титоровкой С. И. Веребрюсов даже провел раскопки, полученные материалы дали ему возможность признать местные курганы скифскими (1881 г., д. 7, л. 15, 34 сл., 37; ОИАК за 1881 г. 1883: XVIII). Основанием для такой этнической атрибуции стала, в частности, бедность этих погребальных комплексов, наличие в них лишь грубой посуды, а также морской травы, необработанных камней и т. д. Сейчас все эти признаки, конечно, не считаются скифскими, они скорее указывают на принадлежность курганов эпохе бронзы.

VI

Исследования на Керченском полуострове в это время находились как бы в тени выдающихся открытий на территории азиатского Боспора. Тем не менее и здесь ежегодно проводились исследования сплошных могильных насыпей на склонах горы Митридат (о них см.: Ростовцев 1925: 160, 176–250; Цветаева 1951; 1957; Fless, Lorenz 2005). В июне 1872 г. работа велась особенно интенсивно, поскольку ожидался приезд в Керчь императора Александра II, и предполагалось, что одна из гробниц будет вскрыта в присутствии императрицы. Стремясь не ударить в грязь лицом, археологи обнаружили тогда в общей сложности 48 гробниц, но лишь две из них представлялись достойными для лицезрения августейшей особой (1872 г.,

Раскопки сплошной могильной насыпи на горе Митридат, 1862 г. (РА, Р-I, № 691, л. 35)

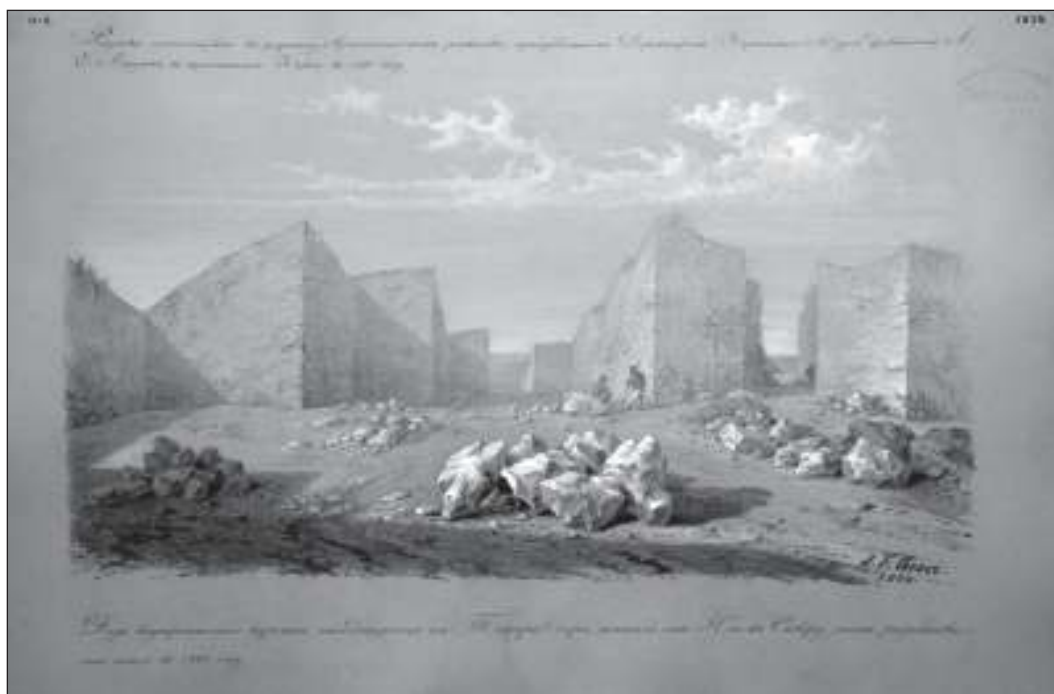
д. 30, л. 20). Императорский пароход прибыл в Керчь лишь в августе, к тому времени все старания керченских археологов были сведены на нет дождями, да и императрица отказалась сходить на берег (1872 г., д. 30, л. 1). Именно в этом году была открыта гробница, в которой находилась прекрасная аттическая ваза с изображением спора Афины и Посейдона (1872 г., д. 30, л. 3–9; о ней см.: Толстой, Кондаков 1889а: 73–76; Блаватский 1953: 268, 270; Соколов 1973: 52–53, № 37). В следующем году раскопки здесь были продолжены с не меньшей интенсивностью, но уже по другой причине. Дело в том, что значительная часть археологического памятника от часовни Стемпковского до еврейского кладбища была передана в распоряжение Инженерного ведомства для предполагавшегося сооружения здесь укреплений, установки артиллерийских батарей и пр. (1873 г., д. 34, л. 1). А. Е. Люценко очень опасался, что эта территория будет засыпана грунтом и станет недоступной для археологов. Его опасения, к счастью, оказались напрасными.

В 1877 г. на склоне горы Митридат был открыт ограбленный склеп, на стенах которого сохранились в высшей степени любопытные росписи (ОИАК за 1877 г. 1880: XIV–XV). По имеющейся там надписи памятник вошел в науку как склеп Анфестерия (Кулаковский 1896: 8; Ростовцев 1914а: 170 сл.; Гайдукевич 1949: 400–404; Иванова 1953: 152–153).

Необходимо особо отметить, что именно тогда были проведены раскопки на Темир-горе (подробнее смотри главу III). В 1869 г. П. И. Хицунов открыл здесь любопытную кремацию

Темир-гора, вид с юга (РА, Р-І, № 693, л. 7 об.)

Темир-гора. Курган, исследованный в 1870 г. (РА, Р-І, № 693, л. 7)

Золотой шлем из кургана на мысе Ак-Бурун,
1875 г. (авторская редакция; Толстой,
Кондаков 1889а: 46, ил. 56)

нейших памятников для изучения скифской архаики Северного Причерноморья (Ростовцев 1925: 395–396; Артамонов 1966: 25; Яковенко 1972; Ильинская, Тереножкин 1983: 107; Мурзин 1984: 19; Вахтина 1991; 2002; Кузнецова 2002: 88–89; Алексеев 2003: 116).

В 1875 г. А. Е. Люценко провел дополнительные раскопки на знаменитой Куль-Обе (1874 г., д. 10, л. 94–95; ОИАК за 1875 г. 1878: XXXI–XXXII). Он расчистил склеп, от перекрытия которого к тому времени ничего не осталось, стены сохранились лишь на половину высоты, каменная вымостка пола была полностью разрушена. Во время раскопок никаких сокровищ обнаружено не было, нашли лишь два бронзовых наконечника стрел и три штампованные золотые бляшки, аналогичные уже опубликованным (ДБК: табл. XX, 12; XXI, 10; XXII, 5). В том же году Ф. И. Гроссом было сделано очень важное открытие на мысе Ак-Бурун. Здесь, как и ранее (см. выше), проводились работы по возведению Керченской крепости, в результате которых в одном из курганов было обнаружено и, не по вине археологов, весьма небрежно раскопано погребение воина со знаменитым золотым «шлемом» (об этих раскопках см.: Виноградов 2001; Стародубцев 2005). Это погребение является одним из важнейших памятников времени начавшихся варварских передвижений в степях Причерноморья и связанного с этим крушения Великой Скифии (Виноградов 1993; 2005а: 292–294).

Внимание археологов, конечно, постоянно привлекали Нимфейские курганы, но организация раскопок на них была связана с весьма большими сложностями, поскольку некрополь находился на частных землях, принадлежавших помещикам Гурьевым. Переговоры с ними шли очень непросто. В 1868 г. соглашение с владельцами было достигнуто, но не археологами, а частными лицами. Они обнаружили здесь два любопытных погребальных комплекса, в одном из которых находилась крупная бронзовая бляха в виде головы лося. А. Е. Люценко посчитал, что обнаруженные тогда предметы не заключают в себе «ничего

с немалым количеством золотых изделий (1869 г., д. 4, л. 29; ОИАК за 1869 г. 1870: XII–XIII). Э. В. Яковенко интерпретировала этот комплекс как погребение скифской царицы, датировав его концом V в. до н. э. (Яковенко 1977; Кузнецова 2002).⁸ В следующем году раскопки на Темир-горе предпринял А. Е. Люценко, оценивший их результаты как не совсем удачные, хотя и выделил среди обнаруженных им гробниц одну, в которой находился «глиняный кувшин с замечательным рисунком в архаическом стиле» (1870 г., д. 23, л. 22, 29–30; ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XX). С современной точки зрения результат был просто великолепен, поскольку этот кувшин является ойнохоей, относящейся к 40-м гг. VII в. до н. э. (Копейкина 1972: 156) или 640–630 гг. до н. э. (Cook, Dupont 1998: 36), а сама гробница стала одним из важ-

⁸ Э. В. Яковенко назвала эту кремацию погребением № 83, что не соответствует имеющейся полевой документации. Дело в том, что П. И. Хицунов вообще не дал номера открытому им погребению. В 1870 г. Е. А. Люценко обнаружил здесь два «жженных точка», т. е. тризны, одной из которых он дал № 83 и связывал с кремацией знатной женщины (1870 г., д. 23, л. 30), но, в общем, это разные комплексы.

нового или изящного» (А. Л. 1869: 55), но торговцы древностями придерживались другого мнения, и вещи из этих и некоторых других Нимфейских курганов попали в Англию и хранятся сейчас в Оксфорде (Черненко 1970; Gardner 1884; Vickers 1979; 2002: 5–55). Долгая история с переговорами о раскопках Нимфейских курганов закончилась лишь в 1875 г. (Силантьева 1959: 9–11; Древний город Нимфей 1999: 14); право на раскопки удалось получить за 1000 руб. серебром (1874 г., д. 10, л. 72 сл.). В 1876 г. исследования здесь начал А. Е. Люценко, которому почти сразу удалось открыть три нетронутые гробницы с золотыми вещами и замечательной импортной посудой (1876 г., д. 20, л. 4). Всего же за один год он изучил здесь 36 курганов различной величины и несколько сплошных могильных насыпей (1876 г., д. 20, л. 59; см. ОИАК за 1876 г. 1879: IX сл.). На протяжении одного месяца Нимфейские курганы изучал также младший член Императорской Археологической Комиссии Н. П. Кондаков (1876 г., д. 20, л. 14–23; ОИАК за 1876 г. 1879: XXIII сл.), но, по словам А. Е. Люценко, за свое кратковременное пребывание он раскопал лишь несколько отдаленных от городища курганов, в которых «оказались уцелевшими только одни большие каменные какого-то неизвестного народа гробницы и при том чрезвычайно бедные; греческие же, открытые им гробницы, были почти все расхищены в давнее время» (1876 г., д. 20, л. 59). После 1876 г. ограниченные раскопки курганов проводились С. И. Веребрюсовым в 1878–1880 гг. (1878 г., д. 16, л. 15 сл.; 1879 г., д. 6, л. 25 сл.; 1880 г., д. 19, л. 35 сл.; ОИАК за 1878–1879 г. 1881: XXXVII, LXII–LXV).

После исследований 1880 г. С. И. Веребрюсов обратил внимание, что в Нимфейских курганах нет боковых гробниц, т. е., по его мнению, они не являлись семейными усыпальницами, что характерно для курганов под Пантикапеем или Фанагорией. Нимфейские насыпи сооружались преимущественно «над одинокими гробницами храбрых воинов, предводителей и вожаков, павших в битвах с ордами диких кочевников, наступавших на греческие поселения» (1880 г., д. 19, л. 38–39). Мнение исследователя по поводу данных памятников чрезвычайно любопытно, и, в общем, уместно будет привести цитату из его отчета:

«Раскопками прошедших годов открыты в центральных гробницах тех же курганов преимущественно и даже исключительно мужские остовы, при которых находимы были обломки мечей, копий, шлемов, панцирей, наконечников стрел, тут же расположены были боковые гробницы лошадей, одной или нескольких, или остовы оруженосцев с остатками длинного или короткого меча, стрел и т. п. Замечательно, что на всем этом огромном кладбище чрезвычайно редко случалось открывать женские гробницы. Не приводит ли это к тому заключению, что на местности, которую принято считать за древний Нимфеон, располагались преимущественно войска босфорских властителей, их военный стан на возвышенной площади у выдающегося в море скалистого мыса (Кара-Бурун), окруженный высокою насыпью и глубокими рвами, по крайней мере в ту пору их владычества, когда древний город афинян (если он только здесь именно находился) уже не существовал, и обширная бухта его занесена была песком».

Хотя заключение С. И. Веребрюсова не нашло поддержки у современных исследователей, его наблюдения об особенностях курганов Нимфея, отсутствия в них боковых гробниц и т. п. заслуживают самого серьезного внимания. По подсчетам Л. Ф. Силантьевой, за время работ на курганном некрополе Нимфея было раскопано 55 курганов, содержащих 66 погребений, а также 111 погребений были открыты в сплошных могильных насыпях (Силантьева 1959: 12). Особую научную значимость в их ряду имеют элитные варварские захоронения, свидетельствующие о тесных связях Нимфея с местными племенами во второй половине V в. до н. э. (см.: Ростовцев 1925: 389 сл.; Силантьева 1959; Артамонов 1966: 34–35; Уильямс,

Царский курган, сентябрь 1863 г. (РА, Р-І, № 564, л. 11)

Царский курган после реставрации 1865–1866 гг. (РА, Р-І, № 692, л. 14)

Отден 1995: 132–135; Виноградов 2005а: 249). Этим важным археологическим открытием завершается характеризующий период изучения курганов Керченского полуострова.

Охрана открываемых памятников древности, как уже частично говорилось, в это время археологическое начальство занимала не очень сильно. Местные жители брали глину из курганных насыпей для хозяйственных нужд, каменные склепы без должного надзора постепенно разрушались и т. д. Противостоять этому печальному явлению без должной организации и специального финансирования было невозможно. Тем не менее и допустить разрушение некоторых из боспорских памятников, уже ставших известными во всем мире, конечно, тоже было нельзя. В качестве примера заботы ИАК о сохранности таких объектов можно привести реставрацию Царского кургана в 1865–1866 гг.

VII

Интерес к руинам древних городов Боспора Киммерийского, как известно, пробудился довольно рано, и многие ученые и путешественники пытались так или иначе реконструировать историческую карту региона. Однако к раскопкам городищ археологи обратились довольно поздно. Что касается исследований столицы азиатского Боспора, Фанагории, то после раскопок К. К. Герца в 1859 г. они были стимулированы очередной случайной находкой еще одного эпиграфического документа, в котором упомянут боспорский царь Спарток, сын Евмела (1866 г., д. 1, л. 12–13; КБН 974). Пытаясь найти «древние мраморы», И. Е. Забелин в 1866 г. заложил раскопы на фанагорийских пепелищах между хуторами Семеняки и Боровика, но ничего не обнаружил (1866 г., д. 1, л. 32, 36, 40; ОИАК за 1866 г. 1868: XII сл.). В 1868 г. близ хутора Боровика удалось открыть колодец квадратной формы, обложенный крупными необработанными камнями. Глубина его составляла более 3 м. Эта постройка лежала на глубине более 6 м от современной поверхности, в перекрывающих ее слоях было найдено 90 амфорных ручек с клеймами, 20 медных монет и пр. (1868 г., д. 41, л. 27; ОИАК за 1868 г. 1869: IX).

В 1869 г. И. Е. Забелин продолжил исследования Фанагории (о них см.: ОИАК за 1869 г. 1870: V; Кобылина 1956: 7), при этом его особенно интересовал «акрополис города». Под так называемой средней горой тогда было заложено несколько пробных траншей шириной и глубиной в одну сажень (2,13 м). Свои впечатления от раскопок исследователь выразил следующим образом (1869 г., д. 4, л. 10):

«Местами в пробитых канавах открывались остатки фундаментов от самых простых, быть может, позднейших построек; но оснований городских зданий не оказалось. Хотя преждевременно делать какие-либо решительные заключения, но, видимо, основания древнего городища в первобытном его виде уже не существует. Оно едва ли не дочиста разорено, перекопано и пересыпано последующими обитателями здешней местности, начиная с хазар и оканчивая турками».

Несмотря на столь пессимистический вывод, на следующий год И. Е. Забелин был вынужден провести здесь своего рода спасательные работы, поскольку западная часть городища перешла в частное владение и стала использоваться под огороды (1870 г., д. 19, л. 2; ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: III–V, XXXIII–XXXIV). Особенно масштабными были его раскопки в 1872 г., сосредоточенные в северо-восточном секторе центральной части городища. В ходе раскопок были открыты основания стен древних построек, и И. Е. Забелин даже рапортовал С. Г. Строганову, что ему наконец удалось «впервые открыть действительно древнейший фундамент какого-то здания» (1872 г., д. 15, л. 3; ОИАК за 1872 г. 1875: III–VI). Исследователю представлялось, что этот фундамент принадлежал храму. Почти одновременно с И. Е. Забелиным в 1874 г. в северной и северо-западной частях городища пробовал

копать В. Г. Тизенгаузен (Кобылина 1956: 7), но в его отчетах содержится мало информации (см.: ОИАК за 1874 г. 1877: XVI, XX). В 1879 г. В. Г. Тизенгаузен вновь вернулся на Фанагорию и произвел исследования в южной части, выходявшей на почтовую дорогу (ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XLII–XLIV).

В результате проведенных бессистемных работ к 1880 г. городище было почти сплошь изрыто всякого рода траншеями. С. И. Верebrюсов, появившийся на памятнике как раз в этом году, выразил свои впечатления следующим образом (1880 г., д 19, л. 33):

«Обширные насыпи и пепелища между усадьбами Семеняки и Шапырева (быв. Боровика) были предметом изысканий многих археологов, истощавших все возможные усилия для открытия памятников древней Фанагории. Глубокие траншеи у подошвы возвышения, где находился акрополь, обширные раскопы на его северных окраинах и у морского берега надолго останутся видимым указанием трудов известнейших наших исследователей. В настоящее время только случайные открытия и особенно важные находки могут послужить поводом к подобным обширным работам. Я полагаю, однако, что при возобновляемых каждый год раскопках на Таманских берегах могут быть допускаемы расследования хотя (бы) некоторых почему-либо выдающихся частей акрополя и насыпей прибрежной полосы, если по ходу прочих работ близ станции Сенной представляется это удобным».

Тем не менее сам С. И. Верebrюсов именно в 1880 г. заложил раскоп (приблизительно 12,8 × 6,4 м, глубина — около 3,2 м) на площади акрополя, окруженной глубокими траншеями (над самой усадьбой Шапырева). Описывая характер культурных напластований, исследователь отметил, что под земляной насыпью, смешанной с пеплом, залегал слой, содержащий значительное количество обломков керамики различных форм, частей архитектурных деталей и пр. Этот слой подстилался земляным грунтом с примесью золы. Стен древних построек, как можно полагать, открыто не было. Образовавшийся глубокий раскоп, естественно, представлял опасность для домашних животных, принадлежавших местным жителям, и С. И. Верebrюсов решил засыпать его грунтом, как не представляющий «никаких особенных показаний» (1880 г., д. 19, л. 33–34; ОИАК за 1880 г. 1882: XI–XII).

М. И. Ростовцев, оценивая результаты всех этих работ на городище Фанагория, отметил, что они не дали и не могли дать научных результатов, поскольку исследователи не ставили перед собой определенных вопросов, на которые раскопки могли бы дать ответ. Не были установлены границы города, не найдена его оборонительная система, обнаруженные находки не связывались с конкретными культурными слоями и т. д. По его мнению, эти раскопки «были скорее вредны, чем полезны» (Ростовцев 1925: 263). Их единственным ценным результатом можно считать находку нескольких важных для понимания истории Боспора эпиграфических памятников.

На городище Гермонасса, расположенном на месте Тамани, раскопки были предприняты в 1868 г., руководил ими В. Г. Тизенгаузен. Об этих исследованиях мы знаем очень немного (1868 г., д. 40, л. 3; ОИАК за 1868 г. 1869: IX), но больше, чем о раскопках Тизенгаузена в Фанагории. Из краткого отчета известно, что он заложил «широкий и глубокий разрез» в прибрежной части городища. Как ему представлялось, исследования были доведены до материка, при этом в нижних горизонтах культурных напластований были обнаружены скопление дикарного камня, обломки мрамора и фрагменты различных керамических сосудов, среди которых встретился один фрагмент «с черными фигурами этрусского стиля», головка от терракотовой статуэтки, несколько медных монет и т. д. В одном из «колодцеобразных углублений, проходящих через всю насыпь и через лежащий под нею материк и служивших, кажется, сточными трубами», была обнаружена амфора с клеймом на горле и фрагментиро-

ванный краснофигурный кратер. Кроме того, В. Г. Тизенгаузен подверг раскопкам часть насыпи возле двух старинных колодцев, но никакой ясной картины здесь не получил.

В. Г. Тизенгаузен, говоря о планах работ на 1876 г., отметил, что было бы интересно исследовать некоторые части городища, лежащего неподалеку от курганов группы Семь Братьев (1875 г., д. 3, л. 19), но раскопки здесь были проведены лишь в 1878 г. Городище изучалось «пробными канавами», в результате чего было выяснено, что поселение окружала толстая стена, высота которой достигала 4,5 аршинов (3,2 м). Стена была сложена из огромных, тесанных, хорошо пригнанных друг к другу камней, лишь с северной стороны она состояла из мелкого плитняка. Раскопки внутри стен привели к открытию «слоев мусора и земли», среди которых встречались фундаменты каменных построек. В одном из раскопов в южной части городища на глубине около 2 м было найдено «большое четырехугольное помещение, сооруженное из огромных тесанных плит, выведенное в три ряда уступами, может быть, основание жертвенника» (1875 г., д. 3, л. 84; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: VIII–IX).

Существуют данные об исследовании других городищ Таманского полуострова. В 1872 г. в 3 верстах к востоку от Тамани близ Соленого озера и кирпичного завода А. Е. Люценко провел небольшие раскопки какого-то «пепелища». Здесь были обнаружены обломки керамики, окислившиеся медные монеты и пр. (1872 г., д. 30, л. 54). В. В. Соколов считал, что это городище находится за валом Фанагорийской крепости, к востоку от нее (Соколов 1919а: 46).

Несколько ранее В. Г. Тизенгаузен предпринял раскопки двух городищ, расположенных около начала косы Чушка. На одном из них (площадь — 0,35–0,4 га, мощность напластований — около 3 м), которое исследователь посчитал известным из письменных источников Ахиллием, было открыто каменное основание насыпи или обводной стены поселения, при возведении которого было использовано немалое число более ранних надгробий. Остатков жилых или хозяйственных построек В. Г. Тизенгаузен здесь не открыл, но обнаружил пифосы, кувшины, жернова, фрагменты терракотовых статуэток, боспорские монеты II–III вв. н. э. На втором, меньшем по площади городище остатков построек тоже открыто не было, да и состав находок был приблизительно идентичен с первым памятником (ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XIII–XIV).

Уже говорилось, что в 1881 г. В. И. Верebrюсов провел весьма масштабные раскопки на Таманском полуострове. В основном, его интересовали курганы (см. выше), но ученый обратил внимание также на городище, расположенное около станицы Титоровской, точнее, у северной подошвы горы, известной как Дубовый рынок (1881 г., д. 7, л. 35; ОИАК за 1881 г. 1883: XVII). В этих «пепелищах» было заложено несколько разведочных раскопов, которые практически не документированы. Правда, на основании своих наблюдений автор сделал заключение, что «жилища здешних обитателей возводились не из камня, а из земляного кирпича» (1881 г., д. 7, л. 36).

Первая попытка изучения Пантикапея была предпринята А. Е. Люценко через четыре года после раскопок К. К. Герца в Фанагории. Осенью 1863 г. проведены раскопки на Биржевой площади, возле Таманской пристани. Они были вызваны тем, что несколько лет назад здесь на глубине порядка 2 м были обнаружены мраморные фрагменты архитектурных деталей и постаменты от статуй с греческими надписями. На Биржевой площади был заложен раскоп (приблизительно 12,1 × 3,2 м), на котором достигнута глубина 2,5 м от современной поверхности, после чего здесь стала выступать грунтовая вода и работы остановились. Несмотря на очевидную неудачу исследований, на раскопе был обнаружен карниз из белого мрамора (1863 г., д. 6, л. 29).

В 1864 г. директор Керченского музея провел раскопки на террасах горы Митридат около памятника Стемповскому (ОИАК за 1864 г. 1865: XIV; Блаватский 1951: 17, 26), к чему его побуждали просьбы С. Г. Строганова найти здесь «какие-либо фрагменты из мрамора, замечательные по сохранившимся на них надписям или по художественной их работе» (1864 г., д. 9, л. 3). Как видим, перед исследователем ставилась задача вполне «кладоискательская», да и раскопки он проводил по методике, практиковавшейся в то время при раскопках курганов: от подошвы насыпей к их центру закладывались траншеи, от которых делались ответвления в виде минных галерей.

Небольшие фрагменты мраморных скульптур тогда действительно были найдены, обнаружили даже золотую цепочку, и А. Л. Люценко выразил надежду, что раскопки на Митридате приведут «к какому-нибудь замечательному открытию». Однако работать приходилось на пепелищах древнего города, заключавших в себе могилы, которые интерпретировались как генуэзские. В основании этих насыпей были выявлены нижние части стен, небрежно сложенных из дикарного известняка, но археологическая методика того времени никак не позволяла связать полученную информацию в сколь-либо ясную картину. Никаких планов раскопов или рисунков стен не делалось, не предпринимались и попытки их датирования. Единственный объект, который был интерпретирован более или менее надежно, — цистерна, «вырубленная в скале и покрытая внутри чрезвычайно крепким цементом». Ее глубина составляла 2 сажени (4,26 м), а поперечник — не более 1 сажени (2,13 м). Эта цистерна имела желоб, направленный от нее в глубину террасы (ОИАК за 1864 г. 1865: XV).

Обломки мраморных скульптур, найденных во дворе И. Калькани в 1865 г. (РА, Р-I, № 692, л. 13)

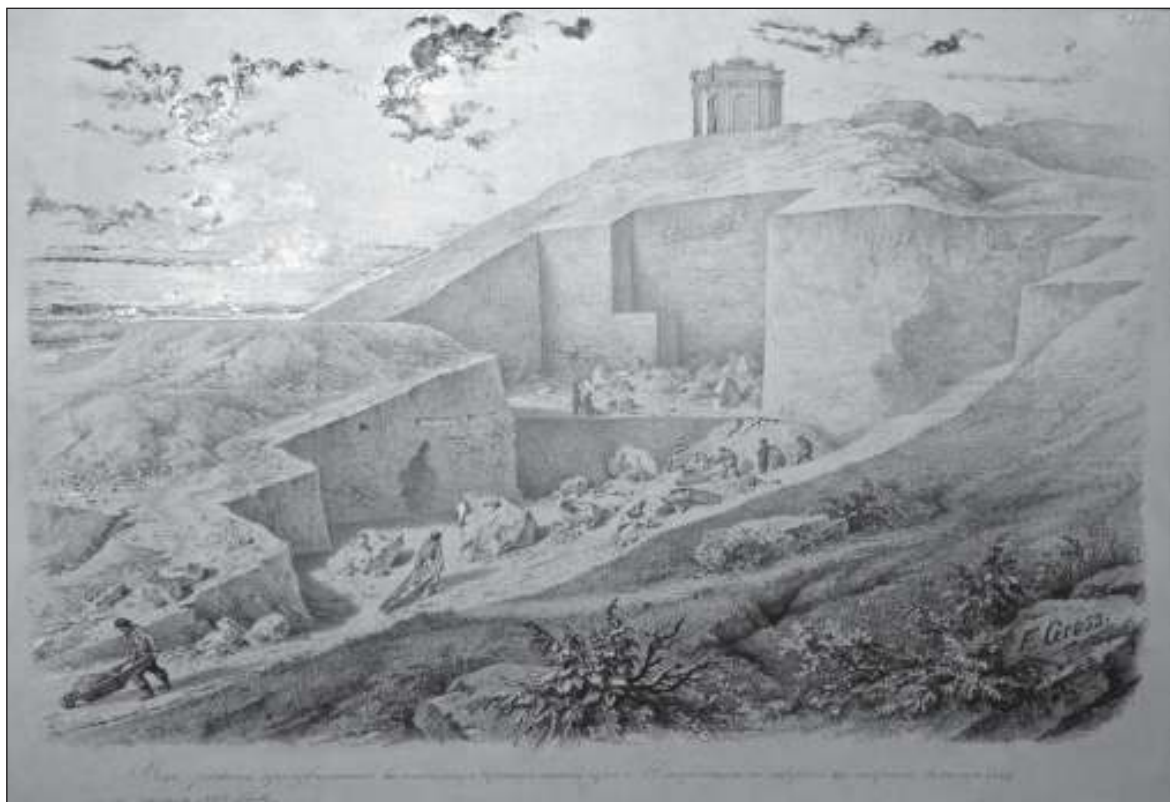
В золистых насыпях, естественно, было найдено множество обломков античной керамики, десятки амфорных ручек с клеймами, немало медных монет и т. д. Среди обнаруженных надписей имеются чрезвычайно любопытные (1864 г., д. 9, л. 15–17): проксения Перисада пирейцу (КБН 1), посвящение Деметре при архонте Левконе (КБН 8), посвящение Маниса Гераклу (КБН 16) и часть списка имен, начинающегося с Кефисодота (КБН 110).

В 1865 г. в раскопках на территории Керчи произошли некоторые изменения. Дело в том, что итальянец Иосиф Калькани, проживавший на Босфорской улице, во время хозяйственных работ во дворе своего дома обнаружил весьма ценные скульптурные находки: торс большой статуи Диониса, голову в венке из виноградных гроздьев, часть правой ноги и правой руки, небольшой торс тигра и пр. (1865 г., д. 9, л. 31–32). Когда А. Е. Люценко узнал об этих открытиях, то во дворе Калькани и, вероятно, в соседнем с ним дворе Войтенко были проведены раскопки, в результате которых были обнаружены головки от мраморных статуй, часть плеча скульптуры, обломок лапы тигра или барса и пр. (1865 г., д. 9, л. 32; ОИАК за 1865 г. 1866: VIII–IX). Перечисленные находки можно рассматривать как свидетельство того, что в районе дворов Калькани и Войтенко в древности находилось святилище или даже храм, посвященный Дионису (ср.: Блаватский 1951: 20; 1964: 88), но полностью он раскрыт не был, да и археологи как будто к этому совсем не стремились, будучи удовлетворены находками обломков мраморных статуй.

В самом конце 1865 г. керченский мещанин Дм. Иванов сделал еще одну любопытную находку. Он добывал камень у памятника Стемпковскому и обнаружил здесь часть мраморной скульптуры, изображающей женщину (Нереиду), сидящую на дельфине. Сделанные находки заставили А. Е. Люценко запланировать раскопки насыпей, в которых добывался камень (1865 г., д. 9, л. 39; ОИАК за 1866 г. 1868: III). Обстоятельства находки позволяют в полной мере осознать, что для керченских обывателей руины Пантикапея служили своего рода каменоломней, и городское начальство никак этому не препятствовало.

Раскопки на Митридате были продолжены в 1867 и 1868 гг. (1867 г., д. 11, л. 7, 58, 59; 1868 г., д. 41, л. 54–55, 58; ОИАК за 1867 г. 1868: III; ОИАК за 1868 г. 1869: III–IV). А. Е. Люценко признавал важность изучения городища, по этому поводу он даже писал (1867 г., д. 11, л. 59): «Вообще, разрытие древних пепелищ, столь многочисленных в окрестностях Керчи и Тамани, представляет большой интерес, но оно обходится слишком дорого и по недостатку места для помещения земли, вынимаемой из раскопов, сопряжено с большими неудобствами, ибо сваливать ее на места, еще не расследованные, не совсем разумно». Наряду с прочим данное замечание может служить свидетельством, что директор Керченского музея вполне осознал необходимость удаления отвалов с поверхности городищ.

Весной 1868 г. раскопки А. Е. Люценко привели к серьезному конфликту между археологами и керчь-еникальским градоначальником А. А. Спицыным-Первым. В рапорте С. Г. Строганову директор музея сообщил, что градоначальник Спицын, находя раскопки «уродующими гору Митридат и отнимающими у нее благообразный вид со стороны города и моря», 26 апреля официально потребовал прекратить их, что и было исполнено 4 мая 1868 г. А. Е. Люценко приложил к рапорту переписку, возникшую по этому поводу между ним и градоначальником, прося графа предложить градоначальнику не стеснять его в дальнейшем проведении раскопок (1868 г., д. 41, л. 12). Копии прилагаемых к рапорту документов, на мой взгляд, очень любопытны и выразительны. Среди них — копия отношения керчь-еникальского градоначальника к директору музея, направленного 26 апреля, в котором он «покорнейше просит» археолога безотлагательно прекратить раскопки на горе. Причины, по которым было принято такое решение, столь ярко обозначены, что необходимо привести длинную цитату:

Раскопки «пепелища» с северной стороны горы Митридат в 1868 г. (РА, Р-I, № 565, л. 1)

«Проводимые Вашим Превосходительством археологические разыскания на горе Митридат не только уродуют эту гору, отнимая у нее благообразный вид с города и моря, но даже выкопанною землею закопана большая часть дороги, ведущей по склону горы к Александровской церкви, засыпается каменная лестница, стоящая огромных денег городу, и кроме того, что гораздо важнее, раскопки Ваши до того подкопали на горе каменную скалу, что она грозит падением, влекущим за собою неминуемо большие несчастья» (1868 г., д. 41, л. 14).

В ответ на эту бумагу А. Е. Люценко 13 мая направил свою, в которой сообщил о прекращении раскопок, но счел должным заявить следующее (1868 г., д. 41, л. 17–18):

1. Археологические изыскания на горе Митридат предприняты по желанию ИМПЕРАТОРСКОЙ археологической комиссии с целью открытия „древних мраморов”. Раскопки проводились по специально составленному плану „на перевал”, то есть по такой системе, когда ранее сделанные раскопы засыпались отвалом из других, более поздних. Эта система засыпки со временем возвратила бы горе ее прежний вид, но раскопы, остановленные на полпути и стоившие значительных издержек, такого результата дать не могут.
2. Благообразный вид горы уродуется не столько от деятельности археологов, сколько от раскопок местных жителей, которым позволено на Митридате добывать камень с уплатой десятины откупщику городских каменоломен. Со стороны этого откупщика, однако, за деятельностью добытчиков камня нет никакого присмотра.

3. На дорогу, ведущую по склону к Александровской церкви, археологи не вывезли ни единой тачки земли. Отвал уложен аккуратно выше дороги, и если при дожде часть его обвалится, то все будет немедленно очищено.
4. Таким же образом археологи не повинны в засыпке каменной лестницы, ведущей на гору, поскольку та вообще значительно удалена от заложенного раскопа. Лестница эта, при которой нет сторожа, засыпана мальчишками, которые ищут по ее сторонам древние монеты, а земля от их деятельности попадает на ступени.
5. Наконец, никакие скалы, „которые грозили бы падением, влекущим за собою неминуемо большие несчастья”, археологи не подкапывали. Что касается огромной скалы, которая возвышается с правой стороны от раскопа, то она находится в этом положении „с незапамятных времен”».

Из объяснений А. Е. Люценко, как видим, следует, что неэстетичный вид горы Митридат был связан, прежде всего, с непродуманными действиями властей, сделавшими из древних руин настоящую каменоломню, а также с деятельностью керченских мальчишек, на которых любой власти очень трудно найти управу. Вообще же, по мнению директора музея, «вершина горы Митридат уже давно обезображена раскопками, произведенными на ней искателями кладов» (1868 г., д. 41, л. 16).

На это послание градоначальник отреагировал письмом от 17 мая, при этом уже значительно смягчив свою позицию. Происшедшую метаморфозу, вероятнее всего, следует объяснять тем обстоятельством, что Спицын-Первый, возможно, впервые в жизни узнал, что раскопки производятся не просто по прихоти чудаков-ученых, а по решению Императорской Археологической Комиссии, а, значит, сам Государь император совсем не считает археологию наукой пустой и бесполезной для общества. Ясно, что керчь-еникальский градоначальник в этом отношении неожиданно для себя попал в весьма неловкое положение. В общем, он уже не имел претензий по поводу дальнейшего производства раскопок на Митридате при условии, что все углубления будут засыпаны землей (почему-то чиновник упорно называл раскопы углублениями). Вместе с тем в его послании появилось новое, чрезвычайно важное обстоятельство, которое могло бы подкрепить занятую им ранее непримиримую позицию, — раскопки могли быть продолжены только при том условии, если Инженерное ведомство не выразит к этому претензий. Дело в том, что, как следовало из его слов, местность на горе была отведена этому ведомству для строительства укреплений. В заключение директору музея еще раз указывалось: «Независимо от изложенного, имею честь покорнейше просить теперь же распоряжения Вашего Превосходительства о засыпке всех углублений и раскопок, сделанных Вами в разных направлениях горы Митридат» (1868 г., д. 41, л. 15).

На послание градоначальника с новыми указаниями и предостережениями А. Е. Люценко ответил 21 мая. В своем очередном письме он заявил, что по случаю дороговизны рабочей силы и своего отъезда на Таманский полуостров для проведения раскопок не может приступить к засыпке раскопов, но обещает, что постепенно к концу этого года или к началу следующего, когда археологические изыскания на Митридате возобновятся, это будет выполнено. Что же касается приказа о засыпке «всех углублений и раскопок», то по этому поводу Спицыну-Первому было рекомендовано обратиться непосредственно в Императорскую Археологическую Комиссию, ибо директор музея сам по себе не может провести столь масштабные работы, требующие огромных издержек. В отношении Инженерного ведомства в ответе А. Е. Люценко было отмечено, что оттуда в музей еще не поступало никаких требований о прекращении раскопок на горе Митридат. По его мнению, этого вообще было

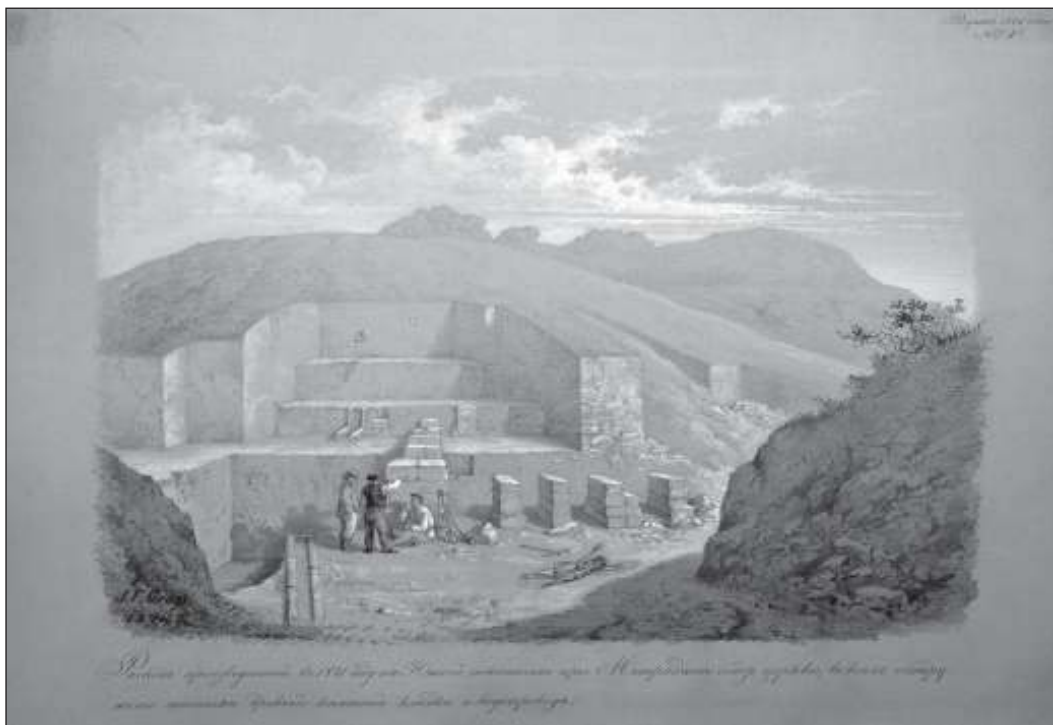
трудно ожидать, поскольку масштабы археологических раскопок слишком незначительны в сравнении с работами, обычно проводимыми этим ведомством (1868 г., д. 41, л. 16).

Из приведенной переписки нетрудно понять, что директор Керченского музея древностей в конфликте с керчь-еникальским градоначальником чувствовал себя достаточно уверенно, по существу не уступив ему ни по одной из позиций. За своей спиной он явно чувствовал серьезную поддержку, и эта поддержка заключалась в существовании ИАК. 30 сентября 1868 г. С. Г. Строганов направил два письма: одно — А. Е. Люценко, другое — градоначальнику Спицыну. В первом он порекомендовал археологу при проведении раскопок «стараться засыпать, насколько возможно, слишком большие углубления». С. Г. Строганов просил также А. Е. Люценко связаться с местным Инженерным ведомством и выяснить, на каком именно месте горы Митридат предполагается строить укрепления, и не будет ли со стороны этого ведомства препятствий «в предварительном расследовании этой части в археологическом отношении» (1868 г., д. 41, л. 34), т. е., выражаясь современным языком, в проведении спасательных работ.

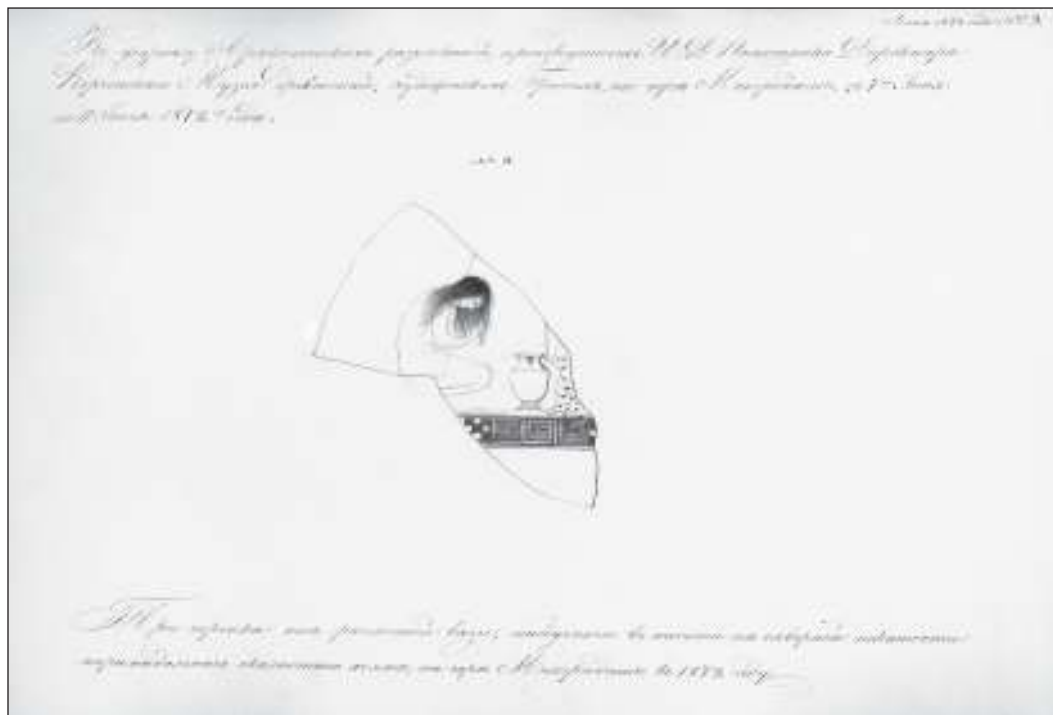
Письмо к керчь-еникальскому градоначальнику выдержано несколько в ином тоне. Граф сообщил Спицыну-Первому, что проинформирован о его распоряжении прекратить раскопки на горе Митридат и причинах, которыми такое решение было вызвано. Все они признаны несущественными. В конце послания в словах высокопоставленного чиновника явно чувствуются металлические нотки. С. Г. Строганов посчитал своим долгом просить градоначальника «допустить г. Люценко к продолжению этих раскопок, обещающих доставить еще много разных интересных археологических памятников» (1868 г., д. 41, л. 33). На такую просьбу, разумеется, было очень трудно дать отрицательный ответ. В общем, раскопки «пепелищ» на горе Митридат были продолжены (1869 г., д. 4, л. 46; 1870 г., д. 23, л. 25, 38; 1874 г., д. 10, л. 84, 104–105; 1876 г., д. 20, л. 28; 1878 г., д. 16, л. 32; см.: Блаватский 1951: 17, 19).

В 1871 г. в «пепелище» около церкви св. кн. Александра Невского был открыт водосток, связанный с цистерной глубиной более 2 м. На вершине горы Митридат в том же году были обнаружены остатки стен, сложенных небрежно из кусков камня, но они были столь фрагментарны, что восстановить план постройки не представилось возможным. А. Е. Люценко по этому поводу лишь заметил: «Можно только с некоторой вероятностью отнести их к тому периоду времени (535 г. по Р. Х.), когда император Юстиниан приказал возобновить стены Пантикапея (Воспора), разрушенные гуннами» (1871 г., д. 16, л. 8, 28). Надо признать, что во время этих раскопок археологи находили немалое количество весьма любопытных предметов, к примеру, фрагмент краснофигурного кратера с изображением женщины, моющей волосы.

В 1876 г. изучение «пепелищ» горы Митридат было продолжено (ОИАК за 1876 г. 1879: XXX–XXXI; Блаватский 1951: 17). В декабре этого года после продолжительных дождей произошел обвал насыпи у церкви св. кн. Александра Невского. В образовавшемся разрезе Ф. И. Гросс увидел фрагменты разноцветной мозаики и обломки архитектурных деталей, которые, возможно, были сброшены сюда с вершины горы Митридат. В 1877 г. здесь были проведены археологические исследования (1877 г., д. 8, л. 3, 4, 6; ОИАК за 1877 г. 1880: XII–XIII; Блаватский 1951: 18, 20, 26), которые, в частности, привели к открытию надписи с посвящением Афродите Урании, владычице Апатура, за архонта и царя Перисада, царицу Камасарию и за Аргота (КБН 75). Вскоре после этого, 26 мая 1877 г., раскопки в Керчи вообще были прекращены, а керчь-еникальский градоначальник даже потребовал от А. Е. Люценко подготовить музей к возможной эвакуации в Тамань. Причина такого решения кроется в том, что тогда началась очередная Русско-Турецкая война (1877–1878 гг.) и нападение противника

Раскопки на южной покатости горы Митридат в 1871 г. (РА, Р-І, № 693, л. 13 об.)

Фрагмент краснофигурной вазы, найденной на северном склоне горы Митридат в 1872 г. (РА, Р-І, № 693, л. 19 об.)

на Крым казалось по крайней мере вероятным. Угроза такого нападения, однако, оказалась сильно преувеличенной, и раскопки были возобновлены 5 сентября 1877 г.

В 1878 г. в изучение пантикапейских «пепелищ» включился Н. П. Кондаков (1878 г., д. 11, л. 7; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XVIII–XIX). Он провел раскопки на северной покатости горы Митридат, в результате чего обнаружил, что мощность их напластований здесь достигает 8 аршин (почти 5,7 м).

Вскоре Военное инженерное ведомство вновь заявило о намерении открыть обширные работы на горе с 1880 г. «для устройства эспланады и возведения крепостных верков» (1879 г., д. 6, л. 3).⁹ Проведение этих работ, естественно, очень обеспокоило директора музея С. И. Вербрюсова. В 1880 г. на северной покатости Митридата вновь были проведены раскопки, на сей раз имевшие большую нацеленность на конкретный археологический результат. Это связано с тем, что в 1879 г. здесь были обнаружены терракотовые статуэтки, дававшие возможность предполагать, что где-то поблизости находилась мастерская по их изготовлению или лавочка по продаже (1880 г., д. 19, л. 10). Раскопки на площади 3 × 3 сажени (6,4 × 6,4 м) были доведены до глубины 3,2 м, где обнаружена стена, сложенная из необработанных камней. С этой стеной каким-то образом связана находка дикарного камня с круглым углублением (около 22 см в диаметре и до 18 см в глубину). Оно было заполнено массой, полученной от растирания керамических фрагментов (шамотом); площадь около камня также покрыта слоем такого же шамота. С. И. Вербрюсов предположил, что именно из этой массы изготавливались терракотовые статуэтки (1879 г., д. 6, л. 9–10).

Археологические исследования боспорского городка Мирмекий, лежавшего на северной оконечности Керченской бухты, были затруднены тем обстоятельством, что на его руинах в 1827 г. размещен Новый карантин. Однако в 1863 г. А. Е. Люценко попытался раскопать две обширные насыпи, лежавшие за восточной оградой карантина. Первая из них имела форму конуса, а вторая тянулась по берегу пролива, упираясь в подошву скалистого холма у самого обрыва. Обе насыпи состояли из «наносов глины, смешанной с золою, черепками битой посуды и морскими ракушками». В первой из насыпей было открыто сооружение, интерпретированное исследователем как кладовые для хранения зерна (1863 г., д. 6, л. 30; ОИАК за 1863 г. 1864: XV). В. Ф. Гайдукевич отказался от такого понимания, справедливо усмотрев в постройке остатки первой мирмекийской винодельни (Гайдукевич 1941а: 101; 1959: 10–11). Во второй насыпи, тянувшейся к обрыву берега моря, А. Е. Люценко не обнаружил никаких строительных остатков. На материке здесь лежали лишь беспорядочно расположенные камни; всю насыпь исследователь трактовал как террасу, ведущую к холму на обрыве берега (1863 г., д. 1, л. 30–31).

В. Ф. Гайдукевич по поводу этой насыпи не высказал никаких соображений (Гайдукевич 1941а: 102), тем не менее результаты раскопок А. Е. Люценко наводят на некоторые размышления. Дело в том, что сейчас весьма сложным представляется вопрос о восточном секторе фортификации Мирмекия. Все старинные планы выводят ее южный конец к небольшому мысу, за которым в море находятся живописные скалы (см.: Гайдукевич 1941а: 98–99; 1959: 5; Тункина 2002: рис. 47), но восточная стена городища Мирмекий, открытая раскопками В. Ф. Гайдукевича, находится почти в 50 м к западу от него (Чистов 2006: 196). Что же представляют собой линии «валов», отмеченные на всех этих планах, и как восточный «вал» соотносится с более западными городскими укреплениями, пока остается непонятным.

⁹ Эспланада (от *фр.* esplanade) — незастроенное пространство между крепостными стенами и ближайшими городскими постройками, облегчающее оборону в случае нападения противника. Верки (от *нем.* Werk) — различные укрепления в крепостях (брустверы, форты и пр.).

Первая мирмекийская винодельня, открытая А. Е. Люценко в 1863 г. (РА, Р-I, № 564, л. 10)

Совсем не исключено, что этот восточный «вал» является еще одним мирмекийским зольником, во всяком случае, структура его напластований такому предположению не противоречит. Вполне возможно, что жители Мирмекия стали ссыпать здесь золу, сообразуясь с линией укреплений, в результате чего образовался вал, к оборонительной функции не имеющий никакого отношения. Подобные зольные насыпи, к примеру, расположены около городища Илурат, вдоль его северо-восточной и северо-западной оборонительных стен, при этом мощность их напластований достигает 5,2 м (Гайдукевич 1958а: 136–137).

Первые раскопки, которые можно связывать с площадью городища Нимфей, были проведены в 1876 г. Н. П. Кондаковым (ОИАК за 1876 г. 1879: XXIX–XXX). Исследователи Нимфея нового времени о них упоминают очень кратко (Худяк 1962: 6; Древний город Нимфей 1999: 14–15), но в отчете о своих работах этого года под Эльтигеном Н. П. Кондаков неоднократно упоминает об акрополе. Исследователь даже раскапывал здесь какие-то валообразные насыпи, из которых происходили некоторые находки: обломки керамики, светильники «грубой глины» и окислившиеся медные монеты. Н. П. Кондаков сопоставил эти валообразные насыпи с «намеренно насыпанными укреплениями» Ольвийского и Фанагорийского городищ (1876 г., д. 20, л. 21–22).

После него в 1878 и 1879 гг. на Нимфее провел раскопки С. И. Веребрюсов (ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XXXIV–XXXV, XLVI–XLVII). В 1878 г. им было заложено пять раскопов, причем почти во всех были обнаружены фундаменты древних построек, а в одном (№ 4) — зерновая яма, стенки которой были обложены камнем и оштукатурены (1878 г., д. 16, л. 19). Летом 1879 г. работы проводились на возвышенной части, которая, как считали исследователи, составляла древний акрополь. На глубине до 2 м открыты остатки древних построек. Под каменным завалом обнаружен колодец, стенки которого сложены из хорошо отесанных плит.

Сверху колодец был закрыт каменной плитой, так что на глубину около 4,25 м он оказался совершенно пустым. В этом же году раскапывалось «пепелище», в котором найдено большое количество черепков битой посуды и пр.; материк под ним залегал на глубине не менее 4,8 м (1879 г., д. 6, л. 31–32).

Исследования памятника Темир-гора были начаты П. И. Хицуновым в 1869 г., при этом он обратил внимание не только на тамошние курганы, но и на остатки древнего поселения, которое археолог считал «однородным» с пантикапейским. Он начал раскопки «пепелища» на южной покатости горы (ОИАК за 1869 г. 1870: XI), ставя перед собой четкую задачу — «открыть фундаменты древних зданий или мраморы с надписями» (1869 г., д. 4, л. 28). Важность надписей для изучения древней истории Боспора была понятна, так сказать, изначально, но значение древних фундаментов все еще расценивалось весьма туманно. Однако П. И. Хицунов не открыл там даже фундаментов, ему попадались лишь одни обломки битой посуды. Более удачливым на следующий год оказался А. Е. Люценко, обнаруживший к западу от кургана остатки «обширных укреплений», стены которых сложены из необработанных камней, а также цистерну довольно хорошей сохранности (1870 г., д. 23, л. 22, 31; ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XXI–XXII). В. Ф. Гайдукевич, изучивший все материалы этих раскопок, пришел к заключению, что на вершине Темир-горы находилась укрепленная сельская усадьба (*villa rustica*), в структуру которой входила винодельня. Усадьба существовала в первые века н. э., но возникла, вероятно, раньше, еще в эллинистическое время (Гайдукевич 1941b: 59; Кузнецова 2002: 81).

В 1878 г. на Темир-горе провел раскопки С. И. Верebrюсов, исследовавший «пепелище», расположенное с северо-восточной стороны от раскопанного прежде кургана (см. выше). Кроме того, тогда было заложено пять раскопов на южной покатости горы, в результате чего вскрыто подобное «пепелище», состоявшее из глины и пепла с включениями морских раковин.

Винодельня, открытая на Темир-горе в 1870 г. (РА, Р-I, № 693, л. 8)

В них обнаружено большое количество керамических фрагментов, в том числе с рельефным орнаментом в виде виноградной кисти (1878 г., д. 16, л. 26–27; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XXXI).

Археологические работы на крупнейшем городище восточной части Скифии — Елизаветовском городище на Дону были предприняты П. И. Хицуновым в 1870 г. Он предполагал там найти древний Танаис (ОИАК за 1870–1871 гг. 1874: XXV). Заложенные им шурфы имели небольшую площадь (от 4,5 до 20,5 кв. м), но результаты этих работ весьма любопытны (Марченко, Житников, Копылов 2000: 16–18). Чрезвычайно показательно, что в одном из них была обнаружена часть каменного фундамента, сложенного из дикарных камней. Со всем не исключено, что П. И. Хицунову удалось обнаружить остатки построек боспорской колонии, выведенной сюда после прекращения жизни на варварском городище приблизительно на рубеже IV–III вв. до н. э.; это поселение было застроено наземными домами со стенами, возведенными на каменных цоколях (Марченко, Житников, Копылов 2000: 252 сл.).

Кратко резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что создание ИАК и первые 20 лет ее работы по изучению древностей Боспора Киммерийского не были связаны с какими-то революционными преобразованиями в этой области. По-прежнему основное внимание уделялось раскопкам курганов, обещавших находки новых произведений древнегреческого искусства. На большинстве боспорских городищ исследования проводились эпизодически, но даже в тех случаях, когда они отличались большей продолжительностью, масштабностью и определенной последовательностью (Пантикапей, Фанагория), все равно работы археологов нацеливались на открытие «древних мраморов», т. е. древнегреческих статуй или лапидарных надписей, в лучшем случае — на поиск руин храмов или жилищ древних обитателей. До осознания значимости массового археологического материала, разработки методов датировки открываемых объектов и т. д. было еще далеко. Как правильно заметил С. И. Веребрюсов в 1881 г., на местах древнегреческих поселений «археологии еще предстоит довольно занятий в будущем» (1881 г., д. 7, л. 5).

Надо признать, что руководство действиями керченских археологов со стороны Археологической Комиссии имело безусловное позитивное значение. Столь же оправданно стремление С. Г. Строганова упорядочить систему полевой отчетности, сделать документацию о раскопках более подробной, насыщенной информацией. К сожалению, на практике получалось так, что его требованиями порой пренебрегали сами члены Комиссии, прежде всего барон В. Г. Тизенгаузен.

К концу 70-х гг. постепенно стали уходить люди, олицетворявшие собой боспорскую археологию этого периода; 9 января 1878 г. А. Е. Люценко направил письмо С. Г. Строганову, в котором просил председателя Императорской Археологической Комиссии об увольнении на пенсию, и его просьба была исполнена. Должность директора Керченского музея древностей А. Е. Люценко занимал 25 лет, и его научная деятельность для боспорской археологии, безусловно, составила целый пласт, насыщенный самыми выдающимися открытиями (1877 г., д. 9). На его место с 1 апреля 1878 г. был назначен С. И. Веребрюсов (1878 г., д. 30), который ранее возглавлял Феодосийский музей (Петрова 2000: 22; Лазенкова 2003: 29 сл.). Однако А. Е. Люценко, пока еще оставались силы, продолжал заниматься любимым делом. Уже после ухода на пенсию он составил «Записку» о планах археологических работ на 1879 г.,¹⁰ предполагая провести раскопки на Юз-Обе, на продолжении северной покатости горы Митридат до Золотого кургана, в окрестностях Еникале и Темир-горы, под Эльтигеном, на Большой и Малой Близнацах, Васюринской горе, Буеровой могиле, Ахтанизовке и т. д. (1879 г.,

¹⁰ В 1880 г. А. Е. Люценко получил «Открытый лист» на право проведения раскопок (1880 г., д. 10).

д. 6, л. 3). Этот документ действительно можно рассматривать как завещание керченского археолога своим преемникам (Зуев 2007: 10).

Новый директор Керченского музея высоко ценил заслуги А. Е. Люценко (но ср.: Самоквасов 1908: 56), и в своих раскопках он стремился следовать правилам, заложенным ранее. Полевые исследования начинались еще зимой и проводились в основном на склонах горы Митридат; по мере наступления весны археологи переходили на памятники, расположенные все дальше от Керчи, затем перебирались на Таманский полуостров; осенью раскопки вновь сосредоточивались на Митридате.

В своем рапорте, направленном С. Г. Строганову 16 января 1879 г., С. И. Веребрюсов, естественно, обратил внимание на ряд первоочередных задач, стоявших перед музеем и вообще перед исследователями древностей Боспора Киммерийского. Прежде всего, он выразил озабоченность в связи с сохранностью памятников древности и заявил о необходимости возведения нового здания музея, в котором можно было бы разместить все находки, добытые к тому времени по обеим сторонам пролива и часто хранившиеся под открытым небом (1879 г., д. 6, л. 1). Исследователь писал петербургскому начальству о важности пополнения музейной библиотеки новейшими научными изданиями, как отечественными, так и зарубежными, а также на подготовку издания каталога собрания Керченского музея (1879 г., д. 6, л. 2–3). Среди археологических памятников Восточного Крыма, на которых было необходимо провести раскопки, С. И. Веребрюсов назвал кроме Пантикапея и Нимфея: Акру, Китей, Киммерик, Казеку на берегу Черного моря и Чокрак, Куль-Тепе и другие на берегу Азова. Наконец, он, как представляется, первым среди керченских археологов обратил внимание властей на необходимость приобретения палаток, поскольку продолжительность полевого сезона и случавшиеся дожди или осенние холода требовали этого с полной очевидностью. С. И. Веребрюсов просил разрешения на приобретение двух палаток для рабочих и одной для чиновников музея.

Заключение на этот рапорт было подготовлено В. Г. Тизенгаузенем, который признал, что как ни желательно соединение в одном помещении древностей, открытых на Керченском и Таманском полуостровах, но сделать это невозможно ввиду значительности денежных расходов. Приобретение необходимой музею археологической литературы следовало отнести на счет сумм, оставшихся от ассигнований прошлого года. Тот же источник должен был быть употреблен на публикацию каталога древностей Керченского музея, но предварительно его следовало представить в Петербург.¹¹ Даже на приобретение трех палаток у Комиссии не

¹¹ О каталоге древностей, хранящихся в Керченском музее, вернее, о его злоключениях, следует сказать особо. Он был направлен в Археологическую Комиссию 15 июля 1882 г., при этом предполагалось, что будет опубликовано 100 экземпляров книги на средства, оставшиеся неизрасходованными во время археологических раскопок предыдущего года (1882 г., д. 28, л. 1). Каталог представлял собой не очень объемный том, в котором все древности были распределены по отделам (I–XII), исходя из материала их изготовления: золото, серебро, бронза, железо, глина и т. д. По существу это была обычная опись хранящихся вещей, при этом несколько одинаковых предметов (к примеру, краснофигурных сосудов или железных мечей) записывалось под одним номером. К сожалению, почти весь этот весьма многочисленный материал был депортирован, и лишь в редких случаях указывалось, что та или иная находка происходит из Куль-Обы, Большой Близицы, Темир-горы и т. д. На лицевой странице каталога имеется карандашная надпись «не печатать — В. Т.», поставленная, конечно, В. Г. Тизенгаузенем. Что же стало причиной такого решения? Комиссия посчитала, что каталог не соответствует «практической цели ознакомления обыкновенных посетителей с музеем». Надо было расписать, какой предмет где хранится: в каком шкафу, на какой полке или этажерке, при этом составителям рекомендовалось за образец взять «Древности Боспора Киммерийского» (Там же, л. 94). Сокращенный вариант каталога, составленный в порядке размещения вещей в музейной экспозиции, т. е. буквально «разложенными по полочкам», был послан в Комиссию через 6 лет, 4 марта 1888 г. На рапорте о высылке этого варианта имеется пометка К. Е. Думберга о том, что он получен из ИАК 12 июня 1891 г., т. е. возвращен в Керченский музей за ненадобностью.

нашлось свободных средств (1879 г., д. 6, л. 9–10). Ситуация, как видим, развивалась таким образом, что многое из задуманного С. И. Верebrюсовым не удалось воплотить в реальные дела: новое здание музея не было построено, каталог собрания Керченского музея не был опубликован, раскопки на обозначенных памятниках не были проведены и т. д. Да и самому директору Керченского музея древностей судьба отвела не слишком много времени для реализации намеченных планов, он скончался 6 марта 1884 г.

К тому времени С. Г. Строганов уже ушел в отставку с поста председателя Императорской Археологической Комиссии (1882 г., д. 13, л. 1, 2, 55). Можно признать, что с этим событием в истории отечественной археологии закончилось время, которое олицетворяли реформы императора Александра II или, по крайней мере, на котором лежал отблеск Великих Реформ и связанных с ними надежд.

VIII

12 марта 1882 г. Императорскую Археологическую Комиссию возглавил А. А. Васильчиков. Его недолгое руководство (1882–1886 гг.) не внесло заметных позитивных перемен в изучение боспорских древностей. Тем не менее новый председатель Комиссии сразу выразил свою обеспокоенность в связи с планами Военно-инженерного ведомства построить на горе Митридат крепостные сооружения. Из этого ведомства его заверили, однако, что в ближайшее время никакого строительства здесь начато не будет (1882 г., д. 7, л. 4). Что касается планов изучения древностей Боспора Киммерийского, то уже 26 января 1882 г. А. А. Васильчиков направил директору Керченского музея, С. И. Верebrюсову, официальное письмо, в котором предлагал, во-первых, подготовить обзор сделанных к тому времени важнейших археологических открытий с приложением топографического плана, а во-вторых, разработать «мотивированную программу» раскопок под Керчью, близ Феодосии и на Таманском полуострове (Там же, л. 2). Несколько позднее А. А. Васильчиков с аналогичной просьбой обратился к Н. П. Кондакову, которому предлагалось (1882 г., д. 19, л. 1): во-первых, сделать «общий вывод относительно местностей, в которых найдены главным образом того или другого рода гробничные сооружения, древнейшие и позднейшие (склепы, катакомбы, каменные гробницы, черепичные и земляные могилы, остатки сожжения трупов и т. д.), и того или другого рода древности (мраморы, терракоты, расписные сосуды, резные камни, металлические вещи и проч.)»; во-вторых, предложить «мотивированную программу дальнейших раскопок близ Керчи, которые могут обещать какие-нибудь открытия».

Н. П. Кондаков провел соответствующие разведки вокруг Керчи и 20 октября 1882 г. написал в Комиссию, что собранные наблюдения убедили его в следующем (1882 г., д. 19, л. 26): во-первых, «в относительной бесполезности поисков с целью находок на горе Митридат и ее продолжении и необходимости, напротив, систематических или сплошных исследований по северному склону этой горы, где находятся все линии катакомб, ввиду того, что именно эти местности застраиваются с каждым годом более и более, а открытие одной катакомбы с фресками могло бы вознаградить все неудачи»; во-вторых, «в необходимости исследования всех больших курганов в наиболее отдаленных местностях Керчь-Еникальского градоначальства, так как именно в этих больших курганах, благодаря каменным их насыпям, добытым из ближайших каменоломен и затруднявшим не только расхищение, но и самые раскопки, могли еще сохраниться древности важного исторического и художественного значения».

С. И. Веребрюсов в свою очередь отвечал председателю ИАК, что для подготовки топографического плана в его распоряжении нет специалистов соответствующего профиля,¹² а вот к созданию «мотивированной программы» археологических работ он подошел с предельной серьезностью и основательностью. Подготовленное им послание в Петербург было названо весьма пространно: «Общий вывод относительно местностей в пределах Керчь-Еникальского градоначальства, в которых производились археологические изыскания, и программа дальнейших раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и близ Феодосии» (1882 г., д. 7, л. 18–23).

Этот документ для истории отечественной античной археологии настолько ценен, что его следует опубликовать полностью:

«Замечательную в высшей степени местность близ Керчи, где наиболее производились археологические раскопки, представляет гора Митридат. Самая высшая часть ее примыкает к морскому берегу на востоке, а продолжение хребта тянется к западу, соединяясь с возвышенностью под названием Долгой скалы и далее до Золотого кургана и знаменитой в летописях археологии горы Куль-Оба. Обращенная к морю сторона Митридатовой горы до городского кладбища и несколько далее к западу покрыта обширными *пепелищами*, оставшимися от поселения древней Пантикапеи. Далее, на продолжении к западу, скаты ее, как северный, так и южный, состоят из сплошных *могильных насыпей*. Кроме того, на северной покатости, против татарской слободки, в глубине материка, под сплошными каменными пластами, находится бесчисленное множество *катакомб*, расположенных частью рядами в виде аллей, а еще более устроенных вразброс по северному скату до параллели так называемой Институтской улицы. Таким образом, вся поверхность горы Митридат с давних пор представляла обширное поле для археологических изысканий.

Обширные пепелища этой горы, особенно в соседстве с городским кладбищем, до настоящего времени не могли быть окончательно расследованы, во-первых, по своей громадности, во-вторых, по ограниченности сумм Музея. В последние годы инженерное ведомство Керченской крепости приняло было в свое распоряжение значительную часть верхней плоскости Митридатовой горы, от памятника Стемпковского до Еврейского кладбища, в предположении производить планировку этой местности для возведения новой батареи и укреплений. Производство такой планировки могло бы, с одной стороны, привести к новым открытиям древностей, подобно тому, как было при крепостных работах на Павловской батарее, с другой — многие местности этой обширной поверхности могли быть засыпаны и сделаться недоступными для археологических изысканий. Но с тех пор минуло около трех лет, все слухи о предположенных работах прекратились. Вообще, следует сказать, разрытие пепелищ как в окрестностях Керчи, так и на Таманском полуострове, представляет большой интерес, но требует значительных затрат.

Сплошные могильные насыпи, покрывающие северный и южный скаты горы Митридат, по всему ее протяжению от востока к западу до Золотого кургана, усердно разрабатывались еще с двадцатых годов, преимущественно в осеннее время, иногда зимою при хорошей погоде и с наступлением весны, т. е. в тот период, когда рабочие не могли еще отдаляться от города и своего местожительства. Бесчисленные гробничные сооружения, сокрытые в этих насыпях, разнообразных видов и устройства, относящиеся к различным эпохам и поколениям

¹² Директор Керченского музея был не вполне прав, поскольку в его распоряжении находилась карта Керчь-Еникальского градоначальства, составленная в 1853 г. по указанию Л. А. Перовского (1889 г., д. 19, д. 4, 10). Вопрос о снятии нового плана с обозначением всех керченских курганов вновь возник при А. А. Бобринском в 1889 г. (1889 г., д. 19).

ям, расследованные в течение столь продолжительного времени, доставили огромное количество предметов, составивших обширный материал для изучения древнего быта жителей и истории Пантикапеи, но вследствие столь продолжительных изысканий открытие древностей на Митридатовой горе становится с каждым годом беднее. Так, изыскания, производившиеся в отчетном году ранней весной и летом, были вообще малоуспешными, не сопровождались удачными открытиями и, казалось, могли бы вызвать слишком поспешное убеждение, что если вновь добываемые вещи представляют лишь повторение давно известных предметов, если и самые предметы, имеющие какой-либо научный интерес, встречаются здесь весьма редко, то не время ли отказаться от дальнейших раскопок этих насыпей?

Несмотря на то, на обширных склонах горы Митридат еще остаются пространства или мало расследованные, или и совсем нетронутые, и нельзя решительно утверждать, чтобы при продолжении изысканий не были здесь открыты новые, в археологическом отношении любопытные предметы, и, принимая во внимание, что эта местность наиболее доступна почти во всякое время года, что здесь преимущественно находимы были мраморы и надгробные камни с надписями (открытие надписей представляет ныне особенную редкость), монеты, черепки, украшенные рисунками, архитектурные обломки и множество мелких изящной работы вещей, что в пепелищах скрыты еще памятники древностей, необходимо прийти к заключению, что археологические изыскания на почве древней Пантикапеи следует продолжать с неменьшею энергиею, как они производились до сих пор, придав им более системы и не только включая результаты открытий в журналы работ, но и отмечая на топографическом плане постепенную этих работ последовательность.

Значительное число земляных катакомб, устроенных в глинистом грунте под скалистыми пластами северных скатов горы Митридат от городского кладбища до Золотого кургана и открытых в разное время, привело к убеждению, что едва ли не все они давно уже посещены прежними искателями золота. Вазы с акварельными рисунками преимущественно в них были находимы. К сожалению, оригинальные рисунки эти мгновенно бледнеют и почти исчезают, как только вазы выносятся на воздух. Составляя подражание формам эллинских ваз, сосуды эти, судя по цвету и качеству глины, приготовлялись, по-видимому, на месте, а украшающие их акварели не имеют почти никакого сходства с живописью античных ваз, а потому заслуживают особенного сохранения и изучения вместе с фресковою живописью для исторических выводов о племенах, вошедших в состав населения Пантикапеи. Катакомбы, украшенные фресковою живописью на стенах, имеют также большой интерес, но их открытие всегда считалось чрезвычайною редкостью.

Земляные катакомбы рассеяны также в большом количестве по полям, прилегающим — на севере к Глиницу, на западе — к равнине вдоль ручья Мелек-Чесме. Весною после таяния снегов от проникающей в них воды их своды обрушаются, и тогда катакомбы обыкновенно расследуются: находки здесь достойных внимания вещей случаются очень редко.

От мыса Ак-Бурун и Керченской крепости в направлении к западу расположена по хребту длинная цепь курганов, от которых и самый хребет получил у татар название Юз-Оба, „Сто могил”. Курганы эти, признаваемые археологами гробницами архонтов древнейшей Пантикапеи, были основательно расследованы преимущественно между 1859–62 годами. Но из 15-ти больших курганов только в шести оказались в центрах уцелевшие каменные склепы с галереями, египетской конструкции, построенные из правильно отесанных массивных камней, добытых на месте самой постройки; в остальных гробницы расхищены в давнее время. Так называемые курганы Острый и Песчаный, несмотря на тщательное расследование, остались неразгаданными: в них не оказалось каменных построек. При всем том открытия, сделанные в нескольких центровых гробницах, доставили много значительных предметов древности,

обогативших Эрмитаж. Но в нерасследованных еще полáх этих курганов, по всей вероятности, остаются еще боковые гробницы, которые обещают новые находки, чему убедительным примером служит открытие в текущем году каменного склепа в разбитом по-видимому кургане за селением Баксы. Опытом дознано, что иногда боковые гробницы в полах курганов оказываются важнее цетровых.

Сверх того, с южной стороны горы Юз-Оба, вблизи древних каменоломен находится несколько могильных насыпей, имеющих продолговатые основания и плоские вершины. Прежде принимали их за возвышения, образовавшиеся от накопления щебня при разработке каменоломен, но потом дознано, что некоторые из них заключают в себе гробницы, вырубленные в мягких слоях скалы, и потому в 1863 году подробному расследованию подвергнуты были такие насыпи в 12-ти местах по скатам горы, но результаты этих раскопок оказались маловажны. Впрочем, этими 12-ю местами не ограничиваются гробничные насыпи на южном склоне хребта Юз-Оба, они залегают и далее в направлении к востоку, к крепостным укреплениям.

Курганные возвышения на горе Митридат, а также внутри города и на ближайших его окраинах по течению реки Мелек-Чесме, у здания арестантского отделения, вдоль шоссеиной дороги к карантину и за обширным предместьем города — Глинищем — представляются ныне или совершенно разрушенными, или разрытыми до такой степени, что дальнейшее расследование их не обещает успеха, при том большею частию эти курганы поступили в собственность городских обывателей, окружены постройками, садами и огородами, а потому недоступны для свободных раскопок. Сами же владельцы таких местностей не занимаются раскопками, а в случае обнаружения признаков древних гробниц охотнее сообщают о том Музею в надежде получить вознаграждение. Притом местное Городское Управление при отводе земли в частное владение подтверждает в данных записях особое, изданное для Керчи постановление, на основании которого все владельцы обязаны немедленно заявить начальству города или директору Музея о всех случайных находках и открытиях на их участках.

Кроме сплошных могильных насыпей Митридатовой горы обширные древние народные кладбища находятся и в других местах керченских окрестностей. Таковы насыпи, покрывающие обширную часть города — Глинище, или расположенные вблизи городских приселков — Катерлес, Булганак, Джарджава, близ Нового карантина, в окрестностях Ени-кале. В большей части этих насыпей в разное время производились разыскания и разведки, но, говоря сравнительно, более успешными оказались расследования по обеим сторонам шоссеиной дороги, идущей к карантину, и близ казармы арестантского отделения. Но и эти места следует ныне признать значительно истощенными и производить на них новые раскопки можно только разве на удачу или, по местному выражению, «на счастье». Менее всего подвергались разысканиям насыпи в окрестностях Ени-кале и селения Баксы по отдаленности этих мест (12 верст от Керчи), а также у селений Катерлес и Джарджава. В настоящее время необходимо прийти к убеждению, что классическая почва окрестностей Керчи после непрерывных поисков в течение нескольких десятков лет значительно истощилась, и если в последние годы изыскания оказывались большею частью малоуспешными, то главною причиною тому следует признать недостаток нетронутых еще могильных насыпей вообще, хотя и нельзя отрицать, что и в тех, которые уже известны, по временам попадаются вещи, заслуживающие полного внимания археологов.

Немаловажное препятствие к свободному во всякое время выбору в окрестностях Керчи мест для производства расследований явилось в последние годы распоряжение городского управления, по которому вся пригородная земля градоначальства распределена на мелкие участки в пользование жителей.

Но взамен того, тотчас же за пределами градоначальства на землях частных владельцев по берегам Черного и Азовского морей, даже в глубине Керченского полуострова, встречаются многочисленные курганные насыпи и пепелища на местах древних греческих поселений, валы, развалины урочищ. Эти места ждут еще своих исследователей. Большая часть курганов на землях частных владельцев или никем не копаны, или разрыты весьма поверхностно. До сих пор только немногие местности подвергались правильному расследованию, в смысле археологическом. Таковы были изыскания в окрестностях селения Эльтиген, в 16 верстах от Керчи, производившиеся с 1876 по 1881 годы в течение пяти лет от Керченского музея, изыскания, записанные в журнале работ, следственно, составившие материал для археологии края. Такого же рода, хотя и безуспешны, были раскопки близ азовского берега при деревне Копрома и на кургане Кара-Оба у селения Тюркмен, недалеко от Керчи.

Главное препятствие к свободному расследованию подобных мест вне градоначальства состоит в том, что частные владельцы требуют иногда несоразмерно высокой платы за предоставление права производить на их земле раскопки, успех которых быть может еще сомнителен. Впрочем, некоторые землевладельцы (г. Абазали — дер. Тюркмен, г. Айваз-оглу — дер. Кармыш-келечи, верстах в 45 от Керчи по Феодосийской дороге, весьма интересная местность) изъявляют готовность предоставить это право и на том лишь основании, если за вещи, открываемые на их земле, вознаграждение будет им определяемо по усмотрению самой Археологической Комиссии.

Из числа местностей, замечательных в археологическом отношении, можно назвать, например, земли разных владельцев на продолжении береговой полосы Черного моря к югу от Керчи: за селением Эльтиген, где еще уцелели курганные возвышения (владельцы — гг. Гурьевы, барон Рот, наслед. Митрова, Симонов), далее у мыса Такиль (г. Антонович), где видны следы греческого поселения Акра, затем на восточном и западном склонах горы Опук, куда приурочивают древние города Киммерион и Китею; далее на юго-западе близ кордона и мыса Таш-Качик заметны следы греческой колонии Казека, лежавшей (судя по остаткам фундаментов на краях берега, обрушенного прибоем волн, по вырубленным в скалистых пластах гробницам) в углублении залива насупротив города Феодосии, расположенной у южной его окраины.

Основанная, как известно, переселенцами Милета за 600 лет до Р. Х. и впоследствии завоеванная босфорским царем Левконом I, Феодосия пользовалась большим значением между босфорскими городами в продолжение правления династии Спартокидов. Почва этого города скрывает в себе памятники своей древней истории. Раскопки князя Сибирского в 1852 году обнаружили замечательные находки с признаками изящного аттического стиля; г-ном Айвазовским по поручению графа Л. А. Перовского в 1853 году найдены в одном кургане превосходные золотые вещи. Затем следовали раскопки директора Керченского музея А. Е. Люценко в конце 1856 года. Вследствие распоряжений графа Льва Алексеевича, г. директор в ноябре 1854 года, в обратный проезд свой в Керчь, осматривал курганы, расположенные на гребне гор, окружающих город Феодосию и его бухту в виде амфитеатра от часовни св. Илии до Лысой горы, и несколько второстепенных курганов и насыпей, занимающих отдаленные пункты на скатах, и определил число самых замечательных до 50, большею частью поверхностно раскопанных, особенно состоящих из каменистых насыпей. Самые же работы были им предприняты только по окончании Крымской войны, в конце 1856 года, и производились лишь один месяц, с 8 октября по 9 ноября, при обстоятельствах неблагоприятных, к числу которых следует отнести недостаток рабочего инструмента и опытных землекопов, которых пришлось заменить гарнизонными солдатами, не говоря уже о бурной и ненастной погоде столь позднего времени. При

всем том было расследовано 17 курганов или, лучше сказать, насыпей, имевших вышины лишь от одного до трех аршин. Результат этих раскопок был весьма ограниченный (золотая застежка, такой же перстень, поврежденные огнем, бронзовая урна, электрическая застежка, серебряное кольцо, черепки ваз). Более основательные расследования предположено было возобновить в другое время. С тех пор, однако, раскопки в окрестностях Феодосии не возобновлялись, если не придавать какого-либо значения случайным нападениям разных искателей кладов (турок, греков местных и анатолийских), которым, к сожалению, городская управа разрешает, бывало, делать поиски. Тем настоятельнее задача — заняться основательным расследованием древних насыпей и курганов, рассеянных по нагорным возвышенностям вокруг Феодосии, что с этим находится в связи разрешение некоторых археологических вопросов (место древней колонии, *παλαίος λιμήν* и пр.) и вероятность новых открытий.

Обширное поле для исследований археологических представляет Таманский полуостров, эта важнейшая часть Босфорского царства, где в отдаленной древности возникли значительные греческие города. Раскопки здесь начались еще в конце прошедшего столетия и, продолжаясь до настоящего времени, еще не истощили богатой почвы этой страны, замечательной в отношении к ее истории, географии и геологии. Но что особенно важно: все производившиеся там расследования до сих пор не привели к положительным заключениям относительно распределения древних урочищ и городов, имена которых упоминаются у древних писателей. Одно это последнее обстоятельство, эта неразрешенная задача, не говоря о многих открытиях, о замечательных находках, повторяющихся из года в год, представляет достаточное основание, чтобы археологические исследования на Таманском полуострове продолжались с неослабной ревностью и не оставляли бы ни одного выдающегося памятника в неизвестности, включая не только находимые вещи, но и курганы, насыпи, валы и другие сооружения, оставшиеся от древности и требующие подробного описания.

В 1873 году составлена была опись городищ, батарей, курганов и сплошных насыпей, рассеянных на полуострове и подлежащих расследованию, вместе с теми более замечательными урочищами и курганами сняты на план. Ведомость урочищ представлена в Императорскую Археологическую Комиссию при донесении директора музея от 5 декабря 1873 года за № 95.

Принимая в основание изложенное выше краткое обозрение современного состояния древних пепелищ, курганов и насыпей на обоих берегах Керченского пролива и на продолжении берега Черного моря до Феодосии, сохраняя притом за Керчью преимущества образовавшегося здесь центра археологических изысканий на юге России, можно предположить следующую программу дальнейших раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и близ Феодосии.

А. В окрестностях Керчи:

1. Расследование пепелищ на поверхности горы Митридат от вершины ее на востоке и далее к западу, особенно в соседстве с городским кладбищем, для чего потребуются, однако, более многочисленные средства, нежели те, какими обыкновенно располагает музей.
2. В остающихся нерасследованными могильных насыпях, покрывающих северную и южную покатости той же горы, на продолжении оной к западу от городского кладбища, причем пройденные пространства и краткое указание результатов работ следовало бы означать на топографическом плане, намечая постепенно на том же плане результаты раскопок прежнего времени по сохранившимся в журналах описаниям.
3. Расследование катакомб на северной покатости горы Митридат с целью открытия фресок.

4. В боковых нерасследованных полах курганов, расположенных цепью на хребте Юз-Оба от Керченской крепости к западу до границы, отделяющей городскую землю от дачи Багера.
5. В сплошных могильных насыпях, расположенных поблизости селений Катерлес, Джарджава, Баксы.
6. В курганах и насыпях в окрестности Ени-кале и близ Маяка (древний Парфенион или Порфмион).
7. Вступая в соглашение с владельцами этих мест вне градоначальства, которые подают надежду на успех археологических изысканий, постепенно проследовать (исследовать. — *Ред.*) все замечательные древние урочища в Крыму.

Б. На Таманском полуострове:

1. Расследование центральной части, а также боковых — северной и северо-восточной — значительного кургана Большая Близница, лежащего на горном хребте в 10 верстах от станции Сенной и в 5-ти от станции Стеблеевки. Замечательные открытия, сделанные в 1864–1866 годах в юго-западной и южной полах этого громадного кургана, сопровождались превосходными золотыми и другими находками. Тогда же для более успешного хода исследований верхняя часть этого кургана была снята почти до половины его высоты и свезена по сторонам, но затем раскопки были прекращены. Ныне этот курган имеет вид усеченного конуса высотой до 3-х и не более 3,5 сажен от материка, а потому исследование его в центре и остальных полах значительно облегчено.
2. Расследование соседнего с предыдущим кургана Малой Близницы в текущем году привело к открытию центральной жженой гробницы, в полах произведены основательные разведки. Но по внимательном обсуждении результата всех раскопок прежних и текущего года, следовало бы произвести еще одну разведку с южной стороны кургана в направлении к разоренной каменной гробницы близ центра, следы которой открыты были еще в 1866 году.
3. В боковых частях курганов, расположенных от Близниц к западу, на продолжении хребта, разделенного глубокими долами, по возвышенностям, носящим названия Васюриной горы, Маркитантской, Карабетовой и др.
4. В городищах, в так называемых батарейках и курганах, находящихся при разных урочищах между Таманью, Цукурским лиманом и Бугазом под разными названиями: хутора — Фрия, Капустина (городище и земляной вал), Паливоды и др. Для основательного определения этих мест необходим предварительный, подробный их осмотр.
5. В боковых частях курганов вокруг станции Сенной и по берегу Таманского залива.
6. В курганах, рассеянных в окрестности станций Старо-Титорской, Стеблеевской и Ахтанизовской.
7. В селении Фонтан и его окрестностях.

В. В окрестностях Феодосии:

1. В пепелищах, расположенных к югу от верхней дороги в Карантин.
2. В курганах и насыпях на гребне гор, окружающих город и бухту от восточной старой стены Карантина до рыбного завода, до часовни св. Илии и далее по хребту до Лысой горы.
3. В других местностях по ближайшем осмотре».

Краткая записка, подготовленная Н. П. Кондаковым, и пространный документ, составленный С. И. Вереврюсовым, как нетрудно заметить, в чем-то согласуются друг с другом,

а в чем-то серьезно расходятся. Прежде всего, внимание Н. П. Кондакова было сосредоточено исключительно на курганах, расположенных в отдаленных от Керчи местностях, а также на поисках расписных катакомб. С. И. Веребрюсов тоже считал их изучение чрезвычайно важным, но он к тому же признавал значение таких археологических памятников, как древние поселения, батарейки и урочища, а также валы Керченского и Таманского полуостровов. Как бывший директор Феодосийского музея он дал довольно основательное описание археологических памятников окрестностей Феодосии, чего до него никто не делал, и предложил программу их изучения.

IX

Для того чтобы понять, насколько эти предложения нашли свое воплощение в деятельности ИАК, стоит обратиться к конкретным фактам, связанным с изучением памятников Боспора Киммерийского в 1882–1886 гг. С. И. Веребрюсов, как частично говорилось выше, продолжал раскопки курганов, следуя правилам А. Е. Люценко. Он начинал их ранней весной на сплошных могильных насыпях склонов горы Митридат, затем переносил на более отдаленные от Керчи территории, на Таманский полуостров и, наконец, поздней осенью возвращался, так сказать, к исходной точке. О сколько-нибудь серьезных попытках реализации предложенной им программы археологического изучения памятников Боспора говорить вряд ли возможно. Как уже было сказано, исследователь скончался в ночь с 6 на 7 марта 1884 г., и на его место был назначен Ф. И. Гросс (1884 г., д. 11), занимавший эту должность до 1889 г. С его деятельностью связано некоторое усиление интереса к изучению боспорских городищ и грунтовых некрополей, в чем, возможно, следует видеть влияние С. И. Веребрюсова, но в плане раскопок курганов он придерживался устоявшейся, вполне оправдавшей себя системы.

Н. П. Кондаков, согласно сформулированной им задаче, активнейшим образом принялся за исследование и доследование больших боспорских курганов. Он безрезультатно копал Песчаный курган у селения Капканы (1883 г., д. 23, л. 7), затем Острый курган на хребте Юз-Оба и не нашел здесь даже признаков гробницы (1885 г., д. 23, л. 8–9). Более успешными были его работы на Змеином кургане в западной части Юз-Обы, который в свое время раскапывал А. Б. Ашик (Ашик 1848: 40; см. также: ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XXXI–XXXII, LXXXIII; ОИАК за 1889 г. 1892: 11 сл.). В основании насыпи Н. П. Кондаков обнаружил «два скелета, лежавшие поперек один другого, по-видимому, двух рабов», рядом с которыми были найдены чашечка из грубой глины и обломки железного ножа (1883 г., д. 1, л. 8). От этого места по материке фиксировался сплошной слой амфорных черепков, затем костер от тризны с большим количеством бычьих и рыбьих костей. В особо вырытых ямках были обнаружены аттические чернолаковые и краснофигурные сосуды, а отдельно от них, между поставленными на ребро камнями, стояли краснофигурная ойнохоя и лекиф с рельефным орнаментом, изображающим сцену охоты. В отношении ее Н. П. Кондаков заметил, что эта орнаментация «является настолько близкой по теме и самой композиции к знаменитой вазе Ксенофанта Афинянина эрмитажного собрания, как повторение или заимствование». Надо признать, что исследователь не ошибся, и расчистка этого лекифа обнаружила здесь подпись мастера Ксенофанта (Передольская 1945: 54; см.: Виноградов 2007б: 8). Раскопки 1885 г. не дали никаких результатов, и Н. П. Кондаков посчитал исследование Змеиного кургана законченным (1885 г., д. 23, л. 8).

Наиболее яркое открытие в Восточном Крыму было сделано Н. П. Кондаковым при раскопках кургана около села Баксы (совр. Глазовка) в 1882 и 1883 гг. (1882 г., д. 19, л. 13–19; 1883 г.,

д 23, л. 6; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: IV–VIII, XXX–XXXI). Насыпь этого кургана была сооружена из камня и с северной стороны укреплена шестью последовательно построенными стенами, так что склеп здесь находился почти как в «матрешке». Высота насыпи составляла почти 11 м, окружность основания — 190 м. Большая гробница (4,3 × 3,6 м, высота — 5,3 м) имела уступчатое перекрытие; в ней находился упавший деревянный саркофаг с резными украшениями, янтарными и костяными вставками. Любопытно, что внутри него костей остова не сохранилось, но были обнаружены: железный меч в ножнах с золотой обкладкой, бронзовый стригиль и два деревянных «посоха», один из которых украшен головой лошади. В склепе находились также захоронения трех коней с довольно простой уздой. Вообще, погребальный инвентарь не отличается особенной роскошью, из золотых вещей (помимо украшений меча) здесь найдено всего несколько бляшек. Тем не менее в насыпи кургана были обнаружены обломки большого краснофигурного кратера, а в самом склепе — прекрасная краснофигурная пелика. Отсутствие единого стиля в украшениях и других предметах сопровождающего инвентаря, найденных в склепе, а также потревоженность праха погребенного (суставы пальцев обнаружены в дромосе) дали автору раскопок возможность считать, что в склепе были совершены два одновременных захоронения (см. также: ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: VII; Rostowzew 1931: 348–349; Gajdukevič 1971: 277; Виноградов 2005а: 249–250, 268). К более раннему, как считается, относятся краснофигурная пелика, которая датируется концом V в. до н. э. (Горбунова, Передольская 1961: 107, рис. 52; Передольская 1971: 54), а также обнаруженный в насыпи разбитый краснофигурный кратер, относящийся к концу V в. до н. э. или чуть более позднему времени (Shefton 1982: 149).

По мнению Н. П. Кондакова, второе погребение было совершено на четыре или пять столетий позднее (1882 г., д. 19, л. 15), что представляется крайне маловероятным. Внимательное рассмотрение материалов раскопок позволяет усомниться в обоснованности точки зрения о двух захоронениях в кургане Баксы (ср.: Ростовцев 1925: 395). Разнотильность вещей вообще является характерной чертой, в особенности для греко-варварских погребальных комплексов, по этой причине можно предположить, что в кургане у села Баксы был погребен кто-нибудь из самых высокопоставленных лиц Боспорского государства первой половины IV в. до н. э. (Там же). Курганы этого времени не очень богаты драгоценными предметами, во всяком случае, по этому показателю они значительно скромней комплексов второй половины столетия. К тому же склеп подвергался ремонту (разобран дромос, специальной кладкой обложена западная стена), во время которого часть самых дорогих вещей из него могли просто вынести. На мой взгляд, есть возможность предполагать, что в склепе Баксинского кургана был погребен Сатир I (умер в 389/88 г. до н. э.). При таком понимании, учитывая явные варварские черты погребального обряда, придется считать, что вопрос о варварском (фракийском) происхождении Спартокидов вполне доказан, но такое ответственное заключение, конечно, нуждается в дополнительной аргументации.

Важным начинанием в деле изучения боспорских древностей стали работы Ф. И. Гросса на некрополе Мирмекия. В 1885 г. он провел раскопки на обширном грунтовом могильнике, лежащем в полуверсте к северо-востоку от городища, около дороги на Еникале, а также на двух расположенных там курганах (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: IX–X). В общей сложности здесь было выявлено 36 гробниц, которые, по выражению исследователя, заключали останки людей «бедного класса». Тем не менее некоторые из обнаруженных там вещей относятся, по выражению автора, «ко времени процветания греческого искусства». Исследования под Мирмекием представлялись Ф. И. Гроссу вполне перспективными, по этому

поводу он специально отметил: «Гробницы же богатых лиц, как следует полагать, находились тут в курганах, которые, однако же, все разрыты, но, несмотря на это, в них могут быть еще уцелевшие гробницы» (1885 г., д. 10, л. 9).

Что касается раскопок на Таманском полуострове, то в 1883 г., как уже было сказано, С. И. Веребрюсов провел исследования Большой Близницы и открыл здесь неразграбленную гробницу № 5 (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XXXVIII–XXXIX). В 1884 г., после его смерти, эти раскопки были продолжены новым директором Керченского музея Ф. И. Гроссом в единственной оставшейся нерасследованной северо-западной части насыпи, но никаких погребений здесь обнаружить не удалось (1884 г., д. 47, л. 9, 25). Раскопки 1885 г. тоже не привели к открытиям новых погребальных памятников, что позволило исследователю сделать заключение, что Большая Близница уже полностью изучена (1885 г., д. 10, л. 7 сл.).

В 1883 г. в азиатской части Боспора продолжил исследования В. Г. Тизенгаузен. Тогда он закончил изучение курганов под Анапой, а также провел раскопки около станиц Гостогаевской и Николаевской (1883 г., д. 22). Что касается курганов на землях станицы Николаевской, то в расположенной здесь курганной группе были раскопаны три самых больших кургана, вошедшие в науку под названием Тарасовских. В каждом из них был открыт прекрасно сложенный каменный склеп, но все они были «дочиста ограблены» (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XXIX–XXX). М. И. Ростовцев по этому поводу, правда, с горечью заметил, что сомнительно, чтобы «ни в одном из трех сооружений не сохранилось ни одного черепка» (Ростовцев 1914а: 109). Более успешны оказались раскопки около станицы Благовещенской, где был исследован курган, в котором открыт склеп с полуцилиндрическим сводом, и в нем находилось довольно богатое захоронение женщины; среди хорошо датированных находок — золотая монета царя Лисимаха (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XIX–XXII). М. И. Ростовцев относил этот комплекс ко времени не ранее первой половины III в. до н. э. (Ростовцев 1914а: 111).

Большой научный интерес представляет также исследованный В. Г. Тизенгаузеном курган Султан-Гора под Гостогаевской, достигавший в высоту 10 м при окружности основания около 213 м. Здесь был открыт каменный склеп, состоящий из двух погребальных камер с уступчатым перекрытием, а также еще одной камеры с плитовым перекрытием, в которой, вероятнее всего, находились захоронения коней (1883 г., д. 22, л. 8–9; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XXVII–XXIX). М. И. Ростовцев полагал, что сохранившееся описание не позволяет судить об этом склепе сколь-либо серьезно (Ростовцев 1914а: 111). Тем не менее можно предпологать, что курган относится к IV в. до н. э. и, в общем, дает важную дополнительную информацию о культуре местной племенной знати в составе Боспорского государства.

Раскопки В. И. Тизенгаузена были закончены под Анапой в местности, носившей название «Под акациями». Здесь он провел исследования в полах некоторых из курганов, после чего переправился в Керчь и 26 октября 1883 г. сдал весь свой археологический инвентарь в Музей древностей (1883 г., д. 22, л. 11). После этого никаких раскопок на берегах Керченского пролива ученый больше не проводил.

С. И. Веребрюсов считал необходимым исследование курганов, расположенных на Таманском полуострове около станиц Титоровской и Стеблиевской (1883 г., д. 3, л. 55), и, как говорилось выше, эти раскопки в небольших объемах здесь были проведены. Ф. И. Гросс продолжил исследования на обозначенной территории (1884 г., д. 47, л. 26–27). Он также провел раскопки курганов, лежащих на возвышенности в 4 верстах к востоку от Тамани, а кроме того — по дороге на Тузлу (1885 г., д. 10, л. 6, 31–32). Его общий вывод по этому поводу сводится к тому, что «курганы, находящиеся на востоке от станицы (Тамань. — Ред.)

по направлению к Цукурскому лиману и Бугазу, большей частью скифские,¹³ эллинские же на западе от Тамани, из них многие еще не раскопаны».

В 1885 г. раскопки под Старотиторовской были проведены Н. П. Кондаковым, работы которого сосредоточились в трех пунктах: холмистой возвышенности, идущей вдоль Ахтанизовского лимана; на таком же хребте, идущем от Цукурского лимана к горе Нефтяной; в долине между этими возвышенностями, к западу от Титоровки (1885 г., д. 23, л. 6; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: LXXXI–LXXXII). Сам автор признал эти работы крайне неудачными, поскольку в первой группе курганы уже были разрыты, как он посчитал, в 40-х гг. XIX в., а во второй были обнаружены костяки, окрашенные красной краской, не представлявшие для него никакого интереса. После этого Н. П. Кондаков перешел на Буерову могилу, раскопанную в свое время И. Е. Забелиным, где предполагал обнаружить захоронения в полах этого огромного кургана. Смелые надежды исследователя, однако, оказались напрасными (1885 г., д. 23, л. 7; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: LXXXII).

После смерти С. И. Веребрюсова (1884 г.) директором Керченского музея, как уже было сказано, стал его заместитель Ф. И. Гросс (о нем см.: Лазенкова 2003: 33 сл.). Он вскоре направил в С.-Петербург краткую, но весьма любопытную для истории боспорской археологии записку. Ф. И. Гросс назвал ее «Программа раскопок в окрестностях Керчи и на Таманском полуострове в 1885 году» (1885 г., д. 10, л. 3–4). Приведем этот документ полностью:

«Желая при производстве Археологических (так в источнике. — *Ред.*) разысканий открыть также памятники палеографические, пластического и строительного искусства, дополняющих историю Босфорского царства, я намерен, независимо от раскопок курганов и сплошных могильных мест, произвести также раскопки в пепелищах на горе Митридат, в которых уже много было открыто замечательных памятников древности. И мною также в 1876 году была открыта плита с замечательно эллинскою надписью, повествующей о босфорском царе Перисаде III,¹⁴ о котором до открытия этой плиты в истории Босфора еще не было известно, то по всему этому можно предположить, что в этих еще очень мало расследованных пепелищах все еще кроются интересные памятники для науки. Затем, кроме упомянутых пепелищ, найдутся еще во многих местах в окрестностях Керчи пепелища еще очень мало расследованные, и большинство оных еще совершенно не тронуты разысканиями.

Вот перечень оных:

1. Пепелище древнего Мирмекиона находится за Керченским карантинном у берега моря, в котором мною давно замечена древняя кладка, занесенная морским песком и подходящая под пепелище, вышиною более двух саженой. В остатках этой каменной кладки могут быть заложены (как это неоднократно встречалось) плиты с надписями или другие фрагменты, употребленные в числе прочего строевого камня.
2. В двух верстах далее к востоку по направлению к Ени-кале, на скалистом мысу Змеиного Городка, где в настоящее время находится кордон береговой стражи, также находится пепелище еще совершенно нетронутое.
3. Далее у самого Ени-кале и находящегося вблизи татарского аула Ян-Кой находятся тоже древние пепелища, в которых часто татары того аула находят монеты.
4. Пепелище древнего Ахиллеона у Еникальского маяка, при селении Маяки.

¹³ Скифскими Ф. И. Гросс, скорее всего, считал курганы, относящиеся к эпохе бронзы. Выше уже говорилось, что основанием для такой атрибуции послужила их бедность, наличие в могилах лишь грубой керамической посуды, подстилок из морской травы и пр.

¹⁴ Имеется в виду посвящение Афродите Урании за архонта и царя Перисада, царицу Камасарию и за Аргота (КБН 75). Перисад III правил приблизительно в 180–170 гг. до н. э. (Vinogradov 1993: 223).

5. Пепелище на Темир-горе.
6. Пепелище вокруг скалистого холма к западу, за селением Катерлес.
7. Пепелище на гребне горы при Золотом кургане.

Раскопки в сплошных могильных насыпях, равно и в пепелищах, я намерен произвести весной и осенью. На летний же сезон я намерен отправиться с артелями в Тамань для расследования там курганов, находящихся в отдаленных от Тамани окрестностях, по направлению к мысу Панагия и Бугазу, где разыскателями еще раскопки не производились».

Простим Ф. И. Гроссу, что древний Ахиллий он размещал на европейской стороне Боспора, рядом с Маяком, хотя Страбон свидетельствует, что тот находился на азиатской, напротив Мирмекия и Парфения (Strab. XI. 2. 6). Автор видел немало остатков древних поселений, которые представлялись ему достойными для проведения археологических раскопок. Другое дело, что цель этих раскопок он видел, в основном, в добывании каменных плит с надписями.

Х

При А. А. Васильчикове продолжалось изучение Боспорских городищ. В декабре 1882 г. керченский мещанин Савелий Борзых на горе Митридат за городским кладбищем случайно нашел обломок верхней части женской мраморной статуи (высотой 0,9 м), голова которой была украшена венком. Несмотря на сильные морозы, раскопки на этом участке начались немедленно, в результате чего была вскрыта площадь почти 110 кв. м, в центре которой открыт каменный фундамент какой-то постройки. Рядом с фундаментом обнаружены куски мрамора, каменные плиты с архитектурным декором и пр. (1882 г., д. 7, л. 24; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XXXIII–XXXIV). Сразу было высказано предположение, что здесь находился древний храм, и, по рекомендации председателя Археологической Комиссии, исследования на участке были продолжены весной 1883 г. Раскоп был расширен до 400 кв. саженей (1820 кв. м!), слой вскрыт на глубину до 1,40 м. В результате этих работ открыты остатки фундаментов, по поводу которых С. И. Веребрюсов писал, что они «по плохой конструкции при незначительном протяжении не могли принадлежать каким-либо солидным постройкам, а разнообразие в их направлении показывает, что здесь в течение времени одни постройки возводились на месте других, более отдаленного времени, так что следы древнейших сооружений постепенно сглаживались». Однако находки архитектурных деталей и обломков мрамора, по мнению исследователя, «могли быть отнесены ко времени существования здесь Страбоновой Пантикапеи» (1883 г., д. 3, л. 14). Раскопки «пепелищ» Пантикапея были продолжены Ф. И. Гроссом в 1885 г. (1885 г., д. 10, л. 29, 35; Блаватский 1951: 22).

Новую попытку заняться изучением Мирмекия сделал Ф. И. Гросс в 1885 г. (1885 г., д. 10, л. 9, 31; см.: ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: LXXXVIII сл.; Гайдукевич 1941а: 102–103; 1959: 11 сл.). Он провел раскопки в прибрежной юго-восточной части городища и обнаружил каменную стену шириной более метра, которая была признана «набережной». Это открытие могло бы иметь очень большое значение для изучения характера застройки Мирмекия, но никаких оснований для датировки стены у нас, к сожалению, нет. В связи с этим следует признать, что раскопки А. Е. Люценко и Ф. И. Гросса, проведенные на городище, для понимания культуры боспорского города, основных этапов его истории и т. д. не дали практически ничего.

Выше говорилось, что при изучении курганов азиатского Боспора археологи время от времени обращали внимание на поселения, расположенные сравнительно далеко от руин крупных древнегреческих городов, к примеру, на берегу Соленого озера или около

Титоровки. Эта практика была продолжена, и в 1885 г. Ф. И. Гросс, раскапывавший курганы на возвышенности в 4 верстах к востоку от Тамани, провел исследование на лежащем рядом с ними древнем поселении. Там был заложен раскоп площадью более 36 кв. м, но среди сделанных находок отмечены всего две амфорные ручки с клеймами (1885 г., д. 10, л. 31).

Таким образом, деятельность Археологической Комиссии при А. А. Васильчикове с формальной стороны развивалась в старых традициях. Приоритет в изучении классических древностей по-прежнему отдавался боспорским курганам, хотя яркие открытия здесь становились все реже, но тем не менее они были (Баксы, Анапский курган). В начале 1883 г. в С.-Петербурге состоялась выставка археологических открытий за последние два года, 12 февраля ее посетил император Александр III. Было признано, что на этой выставке особенно выделяется «собрание превосходных произведений классического искусства, добытых при раскопках древних пепелищ и курганов в окрестностях Анапы, Керчи и на Таманском полуострове» (1883 г., д. 8, л. 1). В связи с таким успехом некоторые сотрудники Археологической Комиссии получили награды: С. И. Веребрюсов — орден св. Анны 2-й степени, Ф. И. Гросс — орден св. Станислава 2-й степени, И. А. Суслов — орден св. Владимира 4-й степени, В. Г. Тизенгаузен — годовой оклад в размере 800 руб. (1883 г., д. 8, л. 10).

Признавая важность некоторых археологических открытий этого периода и заслуженность полученных археологами наград, приходится признать и то, что, несмотря на стремление С. И. Веребрюсова и Ф. И. Гросса более активно включиться в изучение городищ и селищ Боспора, в плане практическом в этом направлении почти все осталось на прежних позициях. Правда, особенно огорчаться не приходится, поскольку методика исследований поселенческих памятников тогда была весьма примитивной, раскопки нацелены на получение лапидарных надписей или произведений искусства (скульптуры, рельефы и т. д.); об изучении истории, социальной структуры или экономики боспорских поселений тогда никто серьезно не задумывался. К тому же эти раскопки почти не документировались.

Хорошо известно, что при А. А. Васильчикове не было опубликовано ни единого выпуска «Отчетов Императорской Археологической Комиссии», объединенный отчет за 1882–1888 гг. увидел свет лишь в 1891 г. Критической оценки заслуживает и обозначившаяся в это время тенденция оформления археологической документации. Дело в том, что ранее каждый погребальный комплекс, даже сравнительно бедный, пусть очень кратко, но описывался отдельно, давалась характеристика сделанных в нем находок и т. д. Теперь же описания почему-то стали даваться обобщенными, сразу по целому участку раскопок. Эта тенденция, как представляется, впервые проявилась в отчете о раскопках 1884 г. близ Арестантских казарм в Керчи. Отчет сводится к информации о том, что на участке были обнаружены 22 земляные и 1 каменная гробницы, в которых было найдено столько-то горшков, зеркал, серег, бусин и т. д. (1884 г., д. 47, л. 28; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: XLIII–XLIV). После этого археологические отчеты все больше стали превращаться в собрания финансовых документов, справок о высылаемых в Петербург находках и т. д., а вот настоящая полевая работа находила в них весьма скромное отражение. Все это, в конце концов, сделало значимость археологических отчетов минимальной. Трудно сказать, что было причиной столь вопиющего пренебрежения элементарными правилами фиксации раскапываемых объектов, но вряд ли это связано исключительно с нерадением полевых археологов. Если бы это было только так, то петербургское руководство вполне могло бы указать им, так сказать, на неполное служебное соответствие, однако такого не произошло. Возможно, в ИАК полагали, что такие отчеты все же соответствуют современным требованиям, а излишне подробные описания никому не нужны. Такая позиция по существу превращала археологические раскопки боспорских могильников в отрасль кладоискательства.

Новые веяния определенно почувствовались при графе А. А. Бобринском, который был назначен председателем ИАК 1 февраля 1886 г. и исполнял эти обязанности более 30 лет. А. А. Бобринской не стал требовать от директора Керченского музея Ф. И. Гросса изложения его взглядов относительно итогов и перспектив боспорской археологии, что, как помним, сделал А. А. Васильчиков. Новый председатель 25 сентября 1886 г. сам отбыл в командировку на юг России для обозрения Керченского музея и производящихся на Боспоре археологических раскопок, передав свои дела в столице В. Г. Тизенгаузену (1886 г., д. 8, л. 13, 15). Эта командировка продолжалась почти два месяца, и, надо признать, подобные поездки совершались А. А. Бобринским и в будущем с достаточной регулярностью. Более того, он первым из руководителей ИАК лично проводил раскопки, в том числе под Керчью.

Г. С. Лебедев справедливо писал, что классическая археология Северного Причерноморья в России к началу 1890-х гг. «в организационном, методическом и фактографическом отношении... представляла собой наиболее развитый и прочный компонент структуры археологической науки» (Лебедев 1992: 233). Нет смысла говорить, насколько сложным было это время в истории России. Сложности, естественно, не обошли стороной и Археологическую Комиссию. Именно в это время она впервые сталкивается с острой критикой по своему адресу со стороны, так сказать, исследователей на местах, которые упрекали ее в отсутствии должной заботы об охране памятников и в излишнем увлечении классическими древностями (1886 г., д. 71, л. 16–24). В печати эти взгляды были выражены Д. Я. Самоквасовым, который утверждал, что Императорская Археологическая Комиссия была учреждена специально для изыскания «образцов классического искусства в курганах южной России», а совсем не для изучения памятников быта народов, населявших этот регион. Роскошно изданные «Отчеты Императорской Археологической Комиссии», по его мнению, не отличались особым вниманием к изложению результатов раскопок. Если сравнивать их с донесениями А. Б. Ашика, то необходимо признать, что эти донесения имеют «более общее и важное значение для русской археологии, нежели специальные объяснения академика Стефани» (Самоквасов 1908: 150). В чем-то признавая правоту Д. Я. Самоквасова, все-таки необходимо обратить внимание на некорректность его сравнения публикаций А. Б. Ашика и Л. Э. Стефани. Последний не имел отношения к полевой археологии и в «Отчетах» давал лишь профессиональные, глубочайшие по содержанию оценки некоторых обнаруженных на юге России произведений античного искусства. Донесения А. Б. Ашика правильнее сравнивать не с этими комментариями, а с отчетами о раскопках других керченских археологов, к примеру А. Е. Люценко. В таком случае вообще не приходится говорить об их большей важности для российской археологии, а, возможно, даже наоборот.

Известно, что в середине 1880-х гг. Императорской Археологической Комиссии приходилось не только оправдывать, но и защищать свое существование. Известно, что в 1886 г. В. Г. Тизенгаузен составил специальную записку, где особое внимание к изучению южных древностей объяснялось тем, что они не только более всех других подвергаются грабительским раскопкам, но и дают великолепные результаты, которыми российская наука может заслуженно гордиться. К тому же имело место и распределение «археологического труда»: Комиссия сосредоточила свои основные силы на этом предмете еще и потому, «что исследованию древностей других местностей посвящали себя разные археологические общества наши» (1886 г., д. 73, л. 1–2).

В начале XX в. обозначилось также напряжение во взаимоотношениях ИАК с местными музеями, в частности с Кубанским войсковым этнографическим и естественноисторическим музеем (г. Екатеринодар). Его руководство сетовало, что в Петербург или в Керчь забираются лучшие археологические находки, происходящие из Прикубанья. Такая практика, естественно, создавала большие проблемы для формирования полноценной музейной экспозиции, усложняла взаимоотношения со спонсорами («жертвователями», как тогда говорили) и т. д. Складывалась по-настоящему парадоксальная ситуация, когда все самые ценные находки, сделанные в крае, вывозились скупщиками древностей или же забирались Археологической Комиссией. В письме, направленном А. А. Бобринскому из Екатеринодара в декабре 1912 г., по этому поводу говорится (1912, д. 4, л. 160–161): «...если Комиссия будет отбирать вещи из музея, а от кладоискателей или скупщиков приобретать вещи покупкою, то дело хищнических раскопок и тайной купли и продажи не прекратится, так как к тому же и наказания, налагаемые на виновных по суду — 2–3 суток под арест — слишком незначительны. Кубанский музей будет обречен на жалкое существование и может со временем потерять и то пособие, которое из сочувствия и совершенно добровольно приняло на себя войско, несмотря на плохое состояние войсковых сумм». Надо признать, что в письме обозначены весьма болезненные точки состояния отечественной археологии того времени (ср.: Гладкий 1916: 4–5). Для исправления ситуации необходимо было принять весьма серьезные меры на законодательном уровне...

Непонимание могло возникать и внутри самой Археологической Комиссии; ее деятельность порой не находила должного понимания даже в среде людей, связанных с ней многолетней работой. Об этом, в частности, свидетельствует эпизод, имевший место во время увольнения на пенсию директора Керченского музея Ф. И. Гросса. В своем заявлении в ИАК, датированном 3 февраля 1891 г., 69-летний археолог писал: «По совершенно расстроенному здоровью моему не могу продолжить службы, вся моя нервная система ослаблена, страдаю застарелым ревматизмом ног, астмою, часто весьма мучительною. Все эти недуги произошли от многолетних занятий по службе при раскопках во всякую погоду, во время работ в сырых могилах, при убийственном, спертном, сыром воздухе в катакомбах для составления копий с фресковой живописи, что тем более стало для меня трудным за последние 7 лет» (1891 г., д. 28, л. 3).

Однако будущий директор музея К. Е. Думберг в своем письме к А. А. Бобринскому от 5 марта 1890 г. писал, что В. Г. Тизенгаузен информировал его о вакансии на эту должность, открывающейся в 1889/90 г. (1890 г., д. 189, л. 1). Складывается впечатление, что для руководства Комиссии увольнение Ф. И. Гросса было делом решенным или, по крайней мере, желательным еще до появления официального заявления. Поводом к его написанию, возможно, стало известие о переговорах с К. Е. Думбергом; столь же вероятно, что Ф. И. Гросс был как-то информирован о нелестном отзыве Ю. А. Кулаковского по поводу качества рисунков, которые он снимал с росписей керченских катакомб. По мнению Ю. А. Кулаковского, в этих рисунках имеется «очень много неточностей и погрешностей, как в общем их характере, так и в деталях» (1890 г., д. 31, л. 101). По этому поводу или независимо от него заявление об уходе было написано, и ИАК принялась хлопотать за назначение заслуженному археологу «усиленной пенсии». Со службы он был уволен 31 марта 1891 г., но вынужден был продолжать свою работу, поскольку к тому времени должность заместителя директора Керченского музея в связи с новым штатным расписанием была отменена (1886 г., д. 71, л. 4, 10), и Ф. И. Гроссу было просто некому передать дела. Двусмысленность такого положения, надо

думать, оскорбляла и раздражала больного человека, результатом чего стало резкое письмо, направленное в Археологическую Комиссию. В архиве это письмо отсутствует, но имеется ответ на него, составленный В. Г. Тизенгаузенем, из которого суть вопроса, несмотря на односторонность трактовок, становится абсолютно ясной. В нем говорится (1891 г., д. 28, л. 32–33):

«На полученное мною сегодня письмо Ваше от 3-го октября спешу ответить Вам по пунктам следующее:

1. О рисунках, заказанных Вам гр. Бобринским, я не имею ни малейшего понятия, а его самого до сих пор нет в Петербурге.
2. Предположение Ваше, что Археологическая Комиссия не выслала Вам денег на раскопки и покупку древностей „из опасения, что Ф. И. из нескольких десятков казенных рублей построит себе Альгамбру”, равно как желание Ваше „предупредить неприличную мысль, что Вы при покупке вещей (у г. Бартоломео) можете иметь какую-либо выгоду” — более чем странно и легкомысленно. Если бы Комиссия когда-либо считала Вас за человека, способного покушаться на чужие деньги, то она не только никогда не приняла Вас на службу к себе, но и не удостоила бы Вас чести включить Вас в число своих членов. Признаюсь, я никогда не ожидал от Вас, что за оказанное Вам доверие Вы способны заподозрить своих товарищей по службе в таких гнусных помышлениях.
3. Не имея под рукой казенных денег, чтобы купить разные древности, которые были принесены в Музей (терракотовые барельефы, вазы и золотой браслет), всякий другой на Вашем месте немедленно телеграфировал бы о том в Комиссию, которая не замедлила бы выслать Вам деньги на покупку их. Не могу не заметить при этом, что благодаря подобному бездействию со стороны Музея, такая прекрасная вещь, как „гнилая сковорода”, могла попасть в руки Ермолая.¹⁵
4. Решительно не могу понять, почему Вы не нашли нужным немедленно донести Арх. Комиссии о том, что в первых числах февраля по дороге в Аджимушкой оказалась провалившаяся катакомба, требующая исследования, а предпочли спокойно ожидать времени, когда „сирота разбогатеет”. Своеобразное у Вас понятие о служебных обязанностях.
5. Столь же непонятно для меня, почему золотые вещи, найденные в саду г. Бартоломео, не были тотчас же отправлены Вами в Археологическую Комиссию, которая немедленно выслала бы за них деньги, и, следовательно, никак не заслуживает Вашего упрека в несвоевременной уплате вознаграждения, следовавшего г. Бартоломео. Конечно, всегда гораздо удобнее собственную вину свалить на других.
6. Показание Ваше, что первое медицинское свидетельство Ваше было возвращено Вам только тогда, когда Вы получили извещение Комиссии об увольнении Вас от службы, — несогласно с истиной. Оно было возвращено Вам И. А. Суловым вслед за получением здесь (11 февр. 1891 г.) Вашего прошения об отставке. Так как Вы обвиняете других в нерадении к Вашим интересам, то я должен обратить Ваше внимание на то, что главным виновником проволочки в назначении Вам пенсии оказываетесь Вы сами. Стоило Вам либо самим заглянуть в Свод Законов, либо посоветоваться с толковым человеком, чтобы узнать, что на основании свидетельства, выданного Вам г. Сегелем, без утверждения Врачебной Управы, Министер-

¹⁵ Имеется в виду Ермолай Романович Запорожский, один из активных торговцев керченскими древностями в конце XIX–начале XX в. (Боровкова 1999: 120–124). Об одном эпизоде его деятельности, связанным с приобретением в Эрмитаж серебряного блюда, см.: 1891 г., д. 21.

ство двора не вправе ходатайствовать о назначении Вам усиленной пенсии. Затем И. А. Суслов телеграммой от 16-го марта уведомил Вас, что Комиссия с нетерпением ожидает от Вас медицинского свидетельства (нового). Получив от Вас таковое 7-го мая, она на следующий же день отправила это свидетельство в Министерство двора. Что последнее до сих пор не сделало всех необходимых распоряжений по этой части и этим поставило Вас в затруднительное положение, об этом нам, т. е. Вашим сослуживцам, приходится очень сожалеть, но *силою* заставить Министерство ускорить назначение Вам пенсии Комиссия при всем своем желании никогда не в состоянии, точно так же, как, уволив Вас от службы 31 марта, она не имела ни малейшего права ходатайствовать (как Вы желали) об отмене состоявшегося уже о Вас приказа, т. е. о том, чтобы Вас считали уволенным с 1-го мая и об оставлении невозвращенными полученных уже Вами за апрель содержания и институтской пенсии. Стоило Вам опять поговорить об этом с человеком мало-мальски знакомым со служебными порядками, и он прямо сказал бы Вам, что выполнить такое наивное желание Ваше невозможно. Зачем же Вы опять последствия Вашей собственной оплошности взваливаете на плечи несколько не виновной в том Комиссии? Сколько мне известно (частным образом), ходатайство гр. Бобринского о назначении Вам усиленной пенсии в количестве 1333 р. 33 к. Министерством двора уважено. Пенсия эта будет уплачиваться Вам с 1 апреля, т. е. со дня официального Вашего увольнения. Но так как Вы по просьбе гр. Бобринского исправляли прежнюю должность Вашу до 1 июля, то Комиссия считает справедливым выдать Вам за эти 3 месяца такое дополнительное вознаграждение, которое вместе с Вашей пенсией будет равняться Вашему прежнему 3-х месячному содержанию. Вознаграждение это будет Вам выслано, как только Комиссия получит от Министерства официальное уведомление о назначении Вам упомянутой пенсии.

7. В том, что Вы лишились возможности поехать весной лечиться на воды, Вы должны опять винить только самого себя. Если бы Вы последовали моему доброму совету просить об увольнении Вас от службы тотчас по получении моего прошлогоднего письма по этому предмету, Вы весной были бы уже совершенно свободны и могли бы уехать куда угодно.

Не посетуйте на меня за непривычный тон, в котором я отвечаю Вам на Ваше письмо. Вы сами вызвали его, признав себя „вынужденным выйти из пределов свойственной Вам скромности“. Охотно верю, что неполучение причитающегося Вам содержания и, может быть, болезненное Ваше состояние расстроили Ваши нервы. Но почему же и по какому праву Вы „на прощание с Комиссией“ вымещаете Вашу злобу на мне, всегда оказывавшим Вам самое дружеское расположение? Ваше письмо глубоко оскорбило-опечалило меня. Ваш покорнейший В. Тизенгаузен».

Можно согласиться с В. Г. Тизенгаузенем, что Ф. И. Гросс не имел формального повода направлять в ИАК столь резкое послание, хотя всякого рода слухи, неопределенность положения бывшего директора, неясности в его материальном положении и пр. для нас должны многое объяснять в его поступке. Ф. И. Гросс скончался через пять лет после этого 12 ноября 1896 г.¹⁶ К. Е. Думберг был назначен «исправляющим должность» директора Керченского музея древностей с 31 марта 1891 г. (1891 г., д. 37, л. 7, 19), но, по понятным причинам, дела сумел принять значительно позднее, лишь 1 июля этого года (о нем см.: Лазенкова 2001b; 2002a; 2003: 38 сл.).

¹⁶ Его вдове была назначена пенсия в размере 666 руб. 66 коп., т. е. половины от пенсии покойного супруга. (Интересно, правда, какая умная голова додумалась до необходимости назначения пенсии, состоящей именно из таких, несколько жутковатых цифр?)

В то время К. Е. Думбергу было всего 28 лет. С археологической практикой он был знаком очень слабо, с ней можно в какой-то мере связывать лишь его деятельность на посту хранителя Нумизматического отдела Музея Ученого Эстляндского Общества при Дерптском (Тартуском) университете в 1882–1889 гг. (1891 г., д. 37, л. 2–3). В Керчи К. Е. Думберг ранее не бывал (Лазенкова 2003: 39), тем не менее он активно взялся за непривычное для себя дело и прежде всего попытался найти более подходящее место для музея, располагавшего тогда всего тремя маленькими комнатами. Новый директор нашел для него помещения в доме А. А. Липко-Парафиевской (1891 г., д. 37, л. 25, 26). Его деятельная натура, однако, явно не хотела ограничиваться лишь этой переменной.¹⁷

12 июня 1891 г. В. Г. Тизенгаузен, покровительствовавший К. Е. Думбергу, направил ему письмо с просьбой к концу года представить в ИАК свои соображения о «главных пунктах», на которых тот признает нужным обратить внимание при проведении раскопок, а также о тех мерах, которые необходимо предпринять для устранения грабительских раскопок и перехода случайных находок древностей в частные руки, установления бдительного надзора за добычей камня и земляными работами, «которые могут привести к открытию гробниц и катакомб», и т. п. (1891 г., д. 37, л. 22). К просьбе петербургского начальства

Карл Евгеньевич Думберг (ФА, I 7530)

¹⁷ По поводу перемен, происшедших в руководстве Керченским музеем, хочется обратить внимание на один факт. В мае 1921 г. К. Э. Гриневич направил в РАИМК отчет о деятельности музея в 1918–1921 гг. В нем он, в частности, писал, что нашел «полный хаос в делах регистрации археологических памятников: с 1890 г. не велся инвентарный каталог древностей» (РА, ф. 2, 1921, д. 70, л. 16). Если эта информация верна, то составление систематических описей керченских древностей было прервано с приходом К. Е. Думберга.

К. Е. Думберг отнесся в высшей степени серьезно, в результате чего в ИАК были направлены три достаточно объемных рапорта, рисующих весьма любопытную картину состояния босфорской археологии к началу 90-х гг. XIX в.

Первый из рапортов, составленный 11 ноября 1891 г., касается весьма фундаментальных вопросов, связанных с пониманием роли археологии в современном обществе, судьбы Керченского музея древностей и пр. Приведу этот документ почти полностью при незначительной стилистической правке (1891 г., д. 37, л. 39–44):

«По своему богатству и разнообразию историко-археологических памятников, с одной стороны, и по своей принадлежности к культуре эллинского мира, с другой стороны, бывшее Босфорское царство занимает бесспорно первое место в России. В некотором смысле оно играет даже подобную роль, как Египет и Греция, Троя и Помпея. Коллекция Эрмитажа и издания Императорской Археологической Комиссии, не говоря о собраниях и сочинениях частных лиц, доказывают выдающуюся важность этой страны. Невольно нужно предположить, что такая местность, как, напр., Керчь-Еникальское градоначальство, *должна возбуждать в образованном обществе живой интерес* (здесь и далее подчеркнуто в документе. — Ред.) и сочувствие археологическим исследованиям и вытекающим отсюда научным результатам. Многочисленные следы прежнего блеска, оживленной политической и бытовой жизни, вообще воспоминания о минувших славных временах способствуют обыкновенно развитию местного историко-археологического патриотизма.

В Керчи, однако, ничего подобного не встречается; вместо интереса и патриотизма господствуют апатия и *отсутствие всякого исторического духа*. Почти вся, так сказать, образованная публика не имеет ни малейшего понятия о судьбе своей родины, о высокой культуре древнего Босфорского царства и о том, что последнее представляет в нынешнее время, чем оно обогатило и обогащает беспрестанно нашу отечественную археологию. Что же касается до низших слоев здешнего общества, то оно очень интересуется древностями, но, понятно, с точки зрения археологического барышничества. Каждый керченский мещанин, мужик, не говоря уже о т. н. счастливицах, думает извлекать из археологических находок только наживу для себя. Во главе здешних кладоискателей стоят торговцы вроде Букзиля, Тульмана, Ермолая Запорожского, и хотя таким промышленникам мы обязаны сохранением многих важных памятников древности, но, однако, нельзя упустить из виду, что вред, наносимый „счастливицами” и их покровителями, далеко превосходит приносимую ими пользу, так как смело можно сказать, что „нахождение” большинства древних вещей связано с *разорением* гробниц. Кроме того, попадают многие вещи *в руки путешественников или вывозятся за границу*. Хорошо, если один или другой предмет поступит в Эрмитаж или в известную частную коллекцию, (но), как бы то ни было, восстановить раз прерванную историческую связь будет почти всегда невозможно. В Керчи, кроме того, имеется несколько собирателей из интеллигентного класса, но в моих глазах их род занятий сильно шокируется. Не собирая предметы ради барыша (??) и удовлетворяя лишь простую страсть, они тем самым скорее как бы сочувствуют расхищениям „счастливицов”, чем мероприятиям самого правительства.

Требовать от здешней публики, чтобы она с живым интересом сочувствовала и содействовала археологии, разумеется, невысказанно. Не только наше керченское общество (смотрит) на археологию как на довольно странное, в сущности бесполезное (занятие), но вместе с тем приятное развлечение. Ко всем наукам без осязаемой пользы почти везде публика относится точно так же; она любит тему или другим открытием, радуется той или другой вещи, посещает выставки и музеи, но благородное пробуждение тем и кончается. Причины подобных

отношений надо искать не в самой публике, а в людях, посвящающих свои силы науке, в данном случае археологии. Если публика нам не помогает и не сочувствует, то мы сами виноваты. Мы должны сообщить ей толчок и учить, почему мы копаем и собираем, мы обязаны ей внушить интерес и патриотизм. Публика — это ребенок, с которым следует говорить просто, наглядно, убедительно и часто без всяких высоких фраз и выражений; нужно думать, что она изменит свое поведение и будет оказывать нам свою посильную помощь. Конечно, все это в теории хорошо и похвально, но на самом деле не всегда выполнимо. Посмотрим, каким путем и какими средствами можно будет здесь в Керчи добиться желанной цели.

Главным пособием, несомненно, должен служить Керченский музей древностей, но только не в таком виде, в каком он теперь находится. Это не музей, а скорее кладовая для разной древней рухляди, разбросанной без всякой системы и наглядности. Музей состоит из дубликатов или из вещей, негодных для вывоза в С.-Петербург. Почему же эти *дубликаты* встречаются здесь в громадном количестве, так, напр., однообразные стеклянные слезницы и глиняные кувшины, хранящиеся целыми столетиями, валяются в сараях! Многие из наших общественных коллекций и учебных заведений были бы очень благодарны, если бы им прислали несколько таких вещиц. Пестроте этого археологического магазина соответствуют *неуклюжие шкафы и витрины*, в которых трудно что-нибудь усмотреть, и каталоги, в которых потеряешься. Относительно количества хранящихся в музее вещей нужно заметить, что они дают крайне неудовлетворительное представление о богатстве и важности здешней страны. *Музей нуждается главным образом* в приятной для глаза обстановке и в систематическом подборе. Публику привлекает, прежде всего, наружность, кладущая на зрителя приятное впечатление. К тому же понятно, что ученое учреждение должно иметь достойный и солидный вид.

Что же касается до систематического упорядочения музея, то здесь имеется весьма благоприятное и широкое поле для археолога. Большинство музеев страдает одним неизбежным, крупным недостатком; они, несмотря на все старания и средства, не могут сосредоточить в себе археологию одной страны или одного известного периода и поэтому представляют более или менее пестрый вид. Даже возможная полнота почти никогда не достигается. В этом отношении Керчь гораздо счастливее. Музей имеет преимущественно древнеклассический характер, в его состав входят вещи, находимые в довольно определенных границах и принадлежащие известному времени. Необыкновенное богатство и разнообразие исторических памятников дает возможность довольно подробно проследить былую культуру этой страны. Влияние Греции на ее отдаленных соплеменников, самостоятельная работа древних колонистов и их соотношения с соседними варварскими народами, процветание, распространение и упадок в политической и бытовой жизни — все это может найти свое выражение в музее.

Согласно своим правилам, Императорская Археологическая Комиссия представляет замечательнейшие из находимых вещей на воззрение Государя Императора, которые затем в большинстве случаев помещаются в Эрмитаж. Вещи, не получившие Высочайшего назначения, остаются в заведовании Комиссии, располагающей ими по своему усмотрению. Очень понятно, что драгоценные и интересные предметы хранятся в Петербурге, в (этом) центре искусств и наук. Но почему здесь (т. е. в Керчи. — *Ред.*) не оставлено ни планов, ни рисунков, ни фотографий, ни слепков с этих вещей? Почему наконец многие из более интересных находок представляются петербургской публике в десятках экземпляров, между тем как Керчь ничего не имеет? [Ввиду этих обстоятельств, древности и дела Керченского музея лишают

меня на каждом шагу (возможности) основательнее ознакомиться с ходом и результатами местных раскопок.] Если бы не было вышеизложенных недостатков, то публика при новом порядке дел могла бы получить, во-первых, понятие о том, что здесь было и что здесь сделано, а, во-вторых, *керченский гражданин стал бы гордиться своим музеем и хранящимися в нем ценностями.*

С систематическим упорядочением музея тесно связано издание *хорошего каталога*. Такой каталог должен быть короток и основателен, понятен и не скучен, одним словом, он должен соединять в себе все качества хорошего конспекта-учебника. Почти все каталоги состоят из сухих перечислений, битком набиты непонятными выражениями и написаны скорее для ученого, чем для простой публики, почему никогда и не читаются. При составлении каталога необходимо иметь в виду самый низкий уровень познаний посетителя, ничего от него не требовать и (вместе с тем) дать ему все поучения и наставления. К этому желательно бы присоединить один или два раза в год *публичные лекции с благотворительной целью*. В них можно поднять вопрос о стремлениях археологии, говорить о работах прошедшего года и т. п. Ученики и ученицы должны быть приглашаемы на такие лекции и вводимы в музей для восприятия любви и уважения к памятникам древности. Такой образ действия не замедлит дать благотворные результаты. Возражение, что хорошо устроенный музей в Керчи, по своему невыгодному географическому положению и по отдаленности от центров цивилизации, будет приносить науке только сомнительную пользу, не совсем основательно. По всей вероятности, археологи будут работать в этих местах еще многие и многие десятки лет. Каждому же ученому, несомненно, приятно найти в Керченском музее и его библиотеке необходимые для археологических исследований материалы. Пока будут заниматься историей и археологией южной России, до тех пор и Керчь будет сохранять свой интерес.

Все вышеизложенное было *oratio pro domo audiatur et altera pars*.¹⁸ Преобразование Керченского музея древностей стоит, несомненно, много денег. Придется заказать новые удобные шкафы, витрины, столы, чтобы всему дать необходимый приличный и привлекательный вид, и завести мало-мальски порядочную библиотеку для научных занятий. В раму музея войдут все археологические предметы, связанные с нашей страной, — амфоры и монеты, саркофаги и надгробные камни — и все это должно быть соединено в одном помещении. Нельзя допустить, чтобы одна часть находилась в музее, другая — в Царском кургане, третья — в сарае, а четвертая — на улице. Реорганизация здешнего музея неизбежно обуславливает *постройку нового и целесообразного здания для хранения древностей*. Хорошо устроенный музей не может вести кочующий образ жизни, сегодня находиться в хорошем помещении, а через год — в крайне тесном и неудобном. Такое здание стоит 30 000 рублей, если не больше, его содержание, ремонты, сторож и т. д. требуют также известных сумм. Спрашивается, откуда взять эти деньги? Было бы крайне несправедливым требовать, чтобы Императорская Археологическая Комиссия взяла все на свой счет, между тем как город (Керчь) будет бездействовать. Дальше спрашивается, имеются ли силы и умение удовлетворять ожиданиям Комиссии? Предположения и надежды могут остаться без видных результатов, быть может, проглядывает и идеализм. Положим, однако, что надежды исполнятся. Публика интересуется, сочувствует и гордится, ученые посещают наш музей и пользуются его материалами, но все это не даст, кроме издержек, ни одного гроша. В денежных делах можно рассчитывать только на себя, а не на помощь массы, которая, коль скоро дело дойдет (до) кошелька, отступит, если не может ожидать осязаемой пользы, т. е. хороших процентов и т. п. ...

¹⁸ Это латинское изречение следует понимать следующим образом: «Все вышеизложенное было речью в защиту дома, но необходимо выслушать и другую сторону».

Керченский музей древностей не мог и не может принести никакой пользы в настоящем его виде; он стоит только траты денег.¹⁹ Дальше неммыслимо, чтобы Императорская Археологическая Комиссия держала в Керчи одного из своих членов с обязанностью раскапывать по несколько курганов и катакомб в год, а в остальное время бездействовать. Комиссия может требовать от своего члена гораздо больше. Керченское градоначальство, Таманский полуостров и прилегающие к ним земли еще могут обогатить археологию в неожиданно широких размерах. Насколько можно было убедиться, здесь очень много раскопано и очень немного расследовано. Нетрудно доказать, что большинство т. н. расследованных курганов не расследовано, что везде во всех разрытых местах можно наткнуться на новые находки...

Музей древностей, не играющий в таком случае никакой роли, может быть отдан городу или одному из здешних учебных заведений с тем только условием, чтобы все вещи были возвращены, если в Керчи или в одном из российских городов будет учрежден музей для южнорусских древностей. *Для хранения более крупных памятников придется непременно построить большой сарай у Царского кургана.* Если Императорская Археологическая Комиссия не примет энергичных мер для защиты находящихся там вещей, то они подвергнутся неизбежному разорению. Находимые при будущих разысканиях памятники могут быть распределяемы следующим порядком: одна часть поступает в Эрмитаж, другая — в то заведение, которому будет отдан Керченский музей, а третья, именно крупные памятники, — *в хранилище при Царском кургане*, откуда они во всякое время могут быть вывозимы по мере надобности.

Вопрос о сдаче здешнего музея был, кажется, уже несколько раз предметом серьезных обсуждений Императорской Археологической Комиссии. Если он будет окончательно разрешен, то я приступлю к составлению подробных и точных описей и к очистке музея от всех лишних и стеснительных дубликатов, которые могут быть распределены по разным музеям и учебным заведениям, между тем как все остальное, за исключением крупных и трудно помещаемых памятников, перейдет через один или два года в руки города или одного из здешних учебных заведений. В заведовании Императорской Археологической Комиссии останутся Царский курган, библиотека, все дела, планы, рисунки, фотографии и весь рабочий инструмент. Керченский член Комиссии, не связанный музеем, получит таким образом большую подвижность и не будет заботиться при своих разъездах о судьбе музея, вверенного сомнительному попечению сторожа».

К. Е. Думберг заверял А. А. Бобринского в своей решимости посвятить все силы раскопкам и исследованиям по предварительно разработанному плану. Он намеревался также снимать планы, карты и т. д. Веря в полезность и реальность проекта преобразования Керченского музея, он подчеркивал, что в случае его отклонения намерен точно исполнять все предписания, которые будут поступать из Петербурга.

Рапорт К. Е. Думберга был заслушан на заседании Комиссии в январе 1892 г. Вероятнее всего, на собравшихся он произвел довольно странное впечатление, поскольку, по сути дела, человек, совсем недавно назначенный на пост главы Керченского музея, предлагал исключить это учреждение из структуры ИАК. Спору нет, в рапорте, помимо этого предложения, содержалось немало верных наблюдений и здравых суждений. Необходимость кардинальных перемен музейной жизни, создание новой экспозиции, расширение библиотеки и т. д., как представляется, назрела уже давно, но вот предложение о переподчинении

¹⁹ К. Е. Думберг писал в ИАК, что Керчь имеет четверть миллиона рублей годового дохода, но для охраны памятников древности решительно ничего не делает (1891 г., д. 37, л. 76). С таким положением он попытался покончить, предложив передать на баланс городского бюджета весь Керченский музей древностей.

музея, исключении его из ведомства Императорской Археологической Комиссии вряд ли можно назвать хорошо продуманным и обоснованным. Керченская городская управа не могла взять на себя такую обузу, она попросту не располагала специалистами в этой сфере. В городе, как явствует из рапорта К. Е. Думберга, даже не существовало общества или кружка любителей боспорских древностей. Возможность передачи музея какому-нибудь керченскому учебному учреждению также была весьма проблематичной. Автор проекта даже не попытался назвать местные учебные заведения, которые, так сказать, были достойны такой чести. Из сказанного можно сделать вывод, что на том этапе Керченский музей древностей мог более или менее нормально существовать и развиваться только в рамках ИАК.

Второй рапорт К. Е. Думберга был направлен в Петербург 19 декабря 1891 г., он посвящен важнейшему вопросу охраны древностей Боспора Киммерийского. Опять же приведу его почти полностью (1891 г., д. 37, л. 45–48):

«Несмотря на все старания Императорской Археологической Комиссии и предписания г. министра Внутренних дел, продолжают грабительские раскопки в Керчь-Еникальском градоначальстве с неуменьшеною силою. В сравнении с прежними временами они, по-видимому, даже значительно усилились. Главная причина этого зла заключается в человеческой наклонности к кладоискательству, свойственной, так сказать, всем народам. Здесь в Керчи под влиянием богатых находок и под нравственным давлением разных торговцев, собирателей и туристов эта страсть должна была развиваться в особенно широких размерах. Высокие цены и вознаграждения, получаемые время от времени находчиками от торговцев или от правительства, и мало-помалу распространяющееся между простолюдием понимание значения и ценности находимых вещей сильно способствовали развитию кладоискательства. К этому примыкает другая причина — жалкое экономическое положение большей части здешнего населения. Умеренный климат, плодородность страны, сравнительная дешевизна съестных припасов вызывают в низшем классе наклонность к праздной, бездельной жизни и к пьянству. В других городах пролетариат занимается отчасти воровством и нищенством, (а) здесь (в Керчи), кроме того, еще кладоискательством. Вред, наносимый этими промышленниками, состоит преимущественно в разорении гробниц и в перерыве исторической связи между памятниками древности и местом их нахождения; почти везде это лишает нас возможность получить приблизительно верную археолого-топографическую картину данной местности.

Искоренение этого зла, кажется, недостижимо. Не только у нас процветает кладоискательство, оно распространено везде — в Греции, Италии, Египте, и все законы, все запрещения не имеют вполне удовлетворительного успеха. Керченским административным и полицейским властям предписывается запретить всякого рода кладоискательство и следить за точнейшим исполнением в этом роде законов, но все приказания дали до сих пор очень микронические (так в документе. — *Ред.*) результаты. Городовые, напр., а их в Керчи 60 человек, скорее, сочувствуют „счастливчикам”, чем заведующему Музеем; (да) и чего можно ожидать от урядника, находящегося в самом близком родстве с Ермолаем Запорожским и даже живущего у последнего? Чем занимается большинство (из) этих 60 городских, мне не известно; на Глинище, в Татарской Слободке и на Митридите я, по крайней мере, видел городских только во время пребывания в Керчи Его Императорского Высочества, Великого Князя Александра Михайловича. На мои представления полицмейстер ответил мне, что он не может ничего сделать, так как, хотя, с одной стороны, кладоискательство строго запрещено, с другой стороны, разным субъектам позволяется предпринимать раскопки „на счастье”. Из дел Керченского музея видно, что правление Музея заключало в этом отношении с частными лицами даже формальные контракты,

и, по дошедшим до меня сведениям, частные лица в прежние времена были неоднократно допускаемы к раскопкам „на счастье” на землях казенных и общественных.²⁰ Не позволяя себе рассуждать о том, насколько такой образ действия целесообразен, я могу лишь заметить, что уже в силу существующих законов безусловное запрещение всех частных раскопок в том роде, в каком они раньше практиковались, на землях казенных, общественных и церковных, в Керчи по крайней мере, должно быть, во всяком случае, строго соблюдается.

Что же дальше касается до судебных властей, то они до сих пор заведующему Керченским музеем никакой помощи не оказали, извиняясь неполнотою закона, запрещающего раскопки, но не определяющего никаких наказаний за его нарушение. Ожидать поддержки со стороны Городской управы тоже напрасно; (Городская) Дума боится всяких экстренных издержек и нисколько не заботится о сохранении памятников. Так, напр., камень для построек, по постановлениям Думы, должен быть добываем из городских скал. Несмотря на то, жители Татарской Слободки добывают камень преимущественно из сплошных насыпей на горе Митридат и (при этом) не только на земле городской, но и на казенной. Благодаря усердию каменоломщиков, пропадают и уничтожаются многие предметы древности. Есть здесь надсмотрщики, которые обязаны следить за добыванием камня, но один из них, насколько мне известно, принадлежит к числу самых прилежных „счастливчиков”. Казенные земли подведомственны командиру Керченской крепости. Я обратился к нему с просьбой о более энергичном преследовании копателей на казенной части горы Митридат, и он посоветовал мне войти с ходатайством в Министерство военных дел.

Итак, ни от полиции, ни от мировых судей, ни от города нельзя ожидать осязаемой поддержки. Быть может, что через год, по преобразовании мировых судов и городских дум, это состояние изменится к лучшему, но на первое время Императорской Археологической Комиссии придется надеяться только на свои собственные силы и средства.

Выше было сказано, что окончательное искоренение кладоискательства недостижимо. Его можно только ограничить, но и то не сразу, а мало-помалу. Установлению порядка, несомненно, способствовало бы издание более точных и строгих законов о раскопках, продаже и вывозе памятников древности, по образцу существующих за границей постановлений. Но, так как эти законы еще долго будут принадлежать к числу археологических „*ria desideria*”, то я позволю себе представить на благоусмотрение Вашего Сиятельства следующие, более конкретные предложения:

- I. Средства, которыми Керченский музей располагает для надзора над предприятиями частных копателей, оказываются крайне неудовлетворительными. Надсмотрщик Семен Зяблов при всем желании далеко не в состоянии следить хоть за одною частью обширной территории, подвергаемой нападению „счастливчиков”. Кроме того, он уже старик, заслуживающий снисхождения. Во время командировок заведующего музеем „счастливчиком” выпадает полная свобода. Надзор над рабочими при казенных раскопках тоже неудовлетворителен; на основании дошедших до меня сведений является очень вероятным, что рабочие обманывают и обкрадывают казну. Усиленный надзор необходим, и поэтому я честь имею настоятельно *просить Ваше Сиятельство о восстановлении должности второго надсмотрщика при Керченском музее древностей, с годовым окладом в триста рублей*. Жалованье меньше 300 рублей вело бы семейного человека в разные искушения. Кандидатом на место надсмотрщика представляю Павла Варсаблюка, отличающегося честностью и добросовестностью.

²⁰ Это действительно так, и, к примеру, А. Е. Люценко позволял частным лицам раскапывать курганы „на счастье”, т. е. на свой счет. Музей при этом имел право выкупа наиболее ценных вещей.

- II. В связи с предыдущим предложением покорнейше прошу Ваше Сиятельство исходатайствовать где следует для надсмотрщиков и сторожей Керченского музея *видимый знак исправляемой ими должности*, а именно *бляху с императорским орлом и круговую надпись — „надсмотрщик” или „сторож Керченского музея древностей”*. Лица, снабженные бляхой, получают таким образом официальный характер, они будут *приведены к присяге*, могут составлять акты и будут пользоваться большим авторитетом при исполнении своих обязанностей, чем до сих пор ведется.
- III. Во время моего пребывания в Керчи я убедился, что надзор над „счастливчиками” всегда останется недостаточным, если заведующий Музеем сам не будет постоянно контролировать действия своих подчиненных. ...Я не могу ежедневно обходить хоть одну часть близлежащих окрестностей города, не говоря о более отдаленных местах. Частое употребление извозчиков делается тоже невозможным вследствие высокой таксы и разных других неудобств. Поэтому я покорнейше прошу Ваше Сиятельство (т. е. А. А. Бобринского) *о восстановлении прежних развездных денег в размере 400 рублей в год, с прибавлением 200 рублей на будущий год для покупки лошади, рессорных дрог и других принадлежностей*. Вместе с тем прошу покорнейше разрешения Вашего Сиятельства на покрытие путевых издержек по командировкам иездам вне Керченского градоначальства из сумм, назначенных на археологические разыскания.
- IV. Профессор Ю. А. Кулаковский ходатайствовал летом т. г. перед Керченскою городскою думою об устройстве на счет города закрытых входов в некоторые из здешних катакомб, как это делается в Италии. Ключи от дверей г. Кулаковский советует вручить владельцам усадеб; от посещения этих памятников туристами могли бы извлекать доход как хранители входных ключей, так и извозчики. Ходатайство было отклонено думою за неимением свободных средств. Исполнение предложения г. Кулаковского немало способствовало бы возбуждению интереса к сохранению древних памятников между простолюдием, но без энергичной инициативы Императорской Археологической Комиссии со стороны города ничего не будет сделано. Принимая в соображение и всю научную важность этого проекта, покорнейше прошу Ваше Сиятельство разрешить мне:
1. Снести с Германским археологическим институтом в Риме для получения точных планов и сведений об устройстве входов в итальянских катакомбах.
 2. Устроить из денег, которые будут назначены на археологические разыскания в 1892 году, сперва вход в христианскую катакомбу, открытую г. Кулаковским в 1890 г.
 3. Заключить с владельцами катакомб контракты для точного определения их отношений к Императорской Археологической Комиссии, посещения катакомб и платы за вход.
 4. Принять все меры, чтобы здешнюю публику и туристов поощрять к посещению катакомб, и условиться с извозчиками о приличной таксе.
 5. Напечатать краткое описание катакомб, которые будут продаваться владельцами за 5 или 10 коп.
 6. По возможности привлечь город к участию в издержках Императорской Археологической Комиссии».

Вслед за этим рапортом 31 декабря 1891 г. в Санкт-Петербург был направлен еще один, третий по счету (1891 г., д. 37, л. 49–52):

«При попытке ознакомиться с археологической топографией моего района оказалось, что достижению этой цели противостоят значительные затруднения. Главным пособием для изучения археологической топографии служат подлинные журналы прежних директоров Керченского музея и отчеты Императорской Археологической Комиссии о разысканиях лиц, откомандированных сюда для производства раскопок. К сожалению, журналы и отчеты страдают одним крупным недостатком, а именно — отсутствием подробных карт, планов, рисунков и т. п. Отыскивание и определение одного раскопанного места на основании более или менее точного описания без всяких вспомогательных средств часто очень трудно, иногда даже невозможно. Большие курганы и характеристические местности, носящие сверх того особые названия, еще довольно легко отыскиваются. Если же в журнале сказано, (что) „расследовано 50 гробниц возле Нового карантинa” или „открыта одна катакомба на северной покатости горы Митридат”, то эти слова дают для определения места крайне шаткое основание.

Город Керчь и его ближайшие окрестности представляют в настоящее время такой вид, что положительно невозможно хотя бы приблизительно ориентироваться в прежних казенных раскопках. Археолог, приезжающий сюда на два или три месяца, не в состоянии получить ясное представление об исследованиях своих предшественников. Изучить топографию по материалам, хранящимся в Петербурге и в Керчи, немисливо; это требовало бы слишком много времени и, в конце концов, имело бы только скромные результаты. Археолог, недостаточно знакомый с топографией, вечно будет колебаться при выборе новых мест, и с ним очень легко может случиться, особенно если ему технические приемы не хорошо известны, что он попадает на старые раскопки и т. п.²¹ Везде спрашивается, кто здесь копал и когда, что там было найдено, и очень часто приходится прибегнуть к неудовлетворительным указаниям необразованных надсмотрщиков, которые иногда сами ничего не знают. Понятно, что вследствие помянутых неудобств страдает все дело. С ними приходилось бы несравненно меньше бороться, если бы каждому представлялась возможность пользоваться надежным путеводителем, т. е. хорошо археолого-топографической картою, удовлетворяющею всем практическим потребностям.

Нельзя сомневаться, что археологическая карта, если она будет целесообразно составлена, могла бы и науке оказать некоторые услуги. В историческом развитии человечества нет ничего случайного, везде существует тесная причинная связь, и главная обязанность исследователя состоит в соединении отдельных исторических данных по их взаимному отношению к месту и времени, причем все факты, входящие в раму какой бы то ни было науки, должны быть рассматриваемы с одинаковым вниманием. К тому (же) необходимо, чтобы при каждом научном исследовании было обращено серьезное внимание на систематическое упорядочение и группирование материала.

Обширный керченский некрополь, напр., представляет целый ряд типических явлений от громадных курганов и пепелищ до самых скромных земляных гробниц. Все эти памятники можно различить по известным признакам, и все части одной характеристической группы показывают более или менее замечательную связь как между собой, так и между частями других групп. Из последовательного же исторического развития каждой группы отдельно и всех групп в совокупности составляется история керченского некрополя. Чтобы получить представление об этой истории, следовало бы весь некрополь, насколько это возможно, подвергнуть

²¹ Такого рода неприятности грозят особенно в местностях, исследованных правительством до основания Имп. Арх. Комиссии. Керченский музей имеет об этих разысканиях отчасти самые скудные сведения (*примеч.* К. Е. Думберга).

тщательному и систематическому исследованию. К сожалению, нужно признать, что ни одна часть керченского некрополя, по-видимому, окончательно не исследована и что раскопки отчасти имеют довольно непоследовательный и случайный характер. Причины недостаточных разысканий объясняются крупными денежными издержками, связанными с обширными раскопками, историческим развитием научных взглядов на археологические исследования вообще и очень понятным стремлением многих копателей находить побольше ценных вещей, т. е. золотых и серебряных. Курганы на Юз-Обе и катакомбы на Митридате неоднократно разрывались, но нельзя сказать, чтобы были исследованы. Богатые находки отсюда не должны быть, конечно, целью археологических разысканий. Не только на богатые гробницы должны быть направляемы силы археологов-копателей; каждый курган, каждая катакомба имеет свою историю, требующую всестороннего объяснения. Чем тщательнее и добросовестней будут производиться раскопки, служа науке и не стремясь к богатству, тем более можно будет рассчитывать на удовлетворительные научные результаты.

Поправить все упущения прежних времен очень трудно и дорого. К тому (же) нужно заметить, что одна часть керченского некрополя будет недоступна научным исследованиям на бесконечное время. Город движется вперед, и поэтому следовало бы всеми силами спасти то, что до сих пор еще не подверглось разрушению.

Было бы, однако, неуместным сейчас приступить к этим работам и возобновить раскопки в больших размерах. Вышесказанные предположения и соображения, основанные на наблюдениях одного только полугодия, быть может, окажутся несправедливыми и опрометчивыми. Во избежание всяких упреков нужно будет привести доказательства, т. е. сперва точно определить, что до сих пор было сделано, потом же возможно будет с твердостью указать на то, что следует еще сделать. И того, и другого можно будет добиться при настоящем состоянии дел только на основании хорошей археологической карты, состоящей из двух частей — из самой карты и из принадлежащего к ней комментария.

Сообразно с практическими и научными потребностями необходимо будет, чтобы карта исполняла следующие условия. Она должна быть надежной, ясною и наглядною, так чтобы возможно было по ней получить представление об археологическом характере всей страны и вместе с тем приблизительно ориентироваться в каждой данной местности. Для более легкого достижения этих двух целей нужно будет составить карту в большом масштабе, так как на маленькой карте нельзя ничего найти.²² Чтобы формат карты не переступал известных размеров и все последующие археологи были бы в состоянии нанести на той же самой карте результаты своих исследований, придется, особенно же в более раскопанных странах, ограничиться узкими пределами. В менее известных странах было бы зато желательно обратить внимание не только на самый предмет исследования, но и позаботиться об археологической топографии окрестности, пользуясь при этом, напр., картою Генерального штаба.

Однако и при ограниченных пределах и большом масштабе нельзя будет удовлетворять всем справедливым требованиям. Уже по техническим причинам может, напр., генеральная карта Керчь-Еникальского градоначальства только в общих чертах обнаружить археологический характер всей страны, место и размеры раскопок. Подробностей нельзя от нее ожидать,

²² Так, напр., карта Кубанской области, составленная Фелициным, не может принести никакой пользы. Одну карту Таманского полуострова следовало бы составить по крайней мере в 4 раза больше всей карты Кубанской области (*примеч. К. Е. Думберга*).

Карта Е. Д. Фелицына была издана Императорским Московским археологическим обществом в 1882 г. Она сыграла большую положительную роль в деле изучения прикубанских древностей (Сысоев 1904: III) (*об этом смотри главу IX*).

это задача специальных карт и планов, составляющих необходимое дополнение к генеральной карте. Специальных карт заслуживают, главным образом, замечательные местности, как то гора Митридат или станция Сенная, но и во всех остальных случаях составление таковых было бы весьма желательно. Относительно отдельных исследований и раскопок само собою разумеется, что и здесь должно быть обращено серьезное внимание на топографический материал: чем больше карт, планов, рисунков и фотографий, тем лучше.

Последние из упомянутых требований и условий связаны с объяснительным комментарием, без которого и самая лучшая карта будет оказывать неудовлетворительные услуги. Комментарий должен содержать в систематическом порядке все сведения, относящиеся к топографии не только всей области, но и всех мелких местечек, раскопок и находок. При составлении комментария могли бы сочинения К. Герца о топографии Таманского полуострова в некотором отношении служить образцом. Избегая всех лишних подробностей и рассуждений, комментарий должен состоять из кратких объяснений и указаний на источники, дающие материалы для дальнейших ученых работ, одним словом, он будет иметь вид археолого-топографического словаря. На систематический и органический порядок словаря, облегчающий его употребление, должно быть обращено самое тщательное внимание.

Итак, от археологической карты и ее комментария можно ожидать, кроме упомянутых, еще следующие выгоды:

1. Получится более или менее наглядное представление о размерах, последовательности и основательности сделанных до сих пор исследований.
2. Выяснится, в каких местах нужно будет возобновить раскопки.
3. Выбор места меньше будет зависеть от усмотрения каждого копателя.
4. Императорская Археологическая Комиссия получит возможность точно указать на места, требующие расследования, и вместе с тем контролировать деятельность своего уполномоченного.
5. Археолог-копатель познакомится поскорее со всеми интересующими его материалами, не потеряет времени и выучит основательные технические приемы.

Осуществление этого проекта связано с большими затруднениями, и, несмотря на все старания, будут в конце концов везде обнаруживаться чувствительные недостатки и пробелы. Предприятие такого рода требует тщательного приготовления, много времени, денег и, главным образом, живейшего содействия Императорской Археологической Комиссии. Все карты, планы и рисунки, принадлежащие к отчетам бывших директоров Керченского музея, равно как и все бумаги, касающиеся керченских и таманских раскопок и хранящиеся в архиве Императорской Археологической Комиссии, должны быть для пользования постепенно высылаемы в Керчь. Относительно необходимых книг придется также просить помощи Императорской Археологической Комиссии и разных ученых учреждений, так как библиотека Керченского музея отличается крайней бедностью.

Позволяя себе надеяться, что Вашему Сиятельству благоугодно будет обратить внимание на мои почтительнейшие представления, считаю долгом еще раз вкратце привести главные пункты, которые в следующем году с разрешения Вашего Сиятельства могли бы составить кругозор моей деятельности:

1. Привести Музей в надлежащий порядок и очистить его от всего лишнего балласта.
2. Устроить усиленный надзор над „счастливыми” и позаботиться о сохранении памятников древности.
3. Пополнить библиотеку Музея древностей.

4. Построить сарай у Царского кургана.
5. Основательнее познакомиться с археологической топографией Керченского градоначальства, начав предварительные и подготовительные работы для составления археологической карты, причем обратить главное внимание на гору Митридат.

В конце следующего года надеюсь представить Вашему Сиятельству в виде образца маленькую часть археологической карты с комментарием и вместе с тем подробную записку о продолжении или же о прекращении всего предприятия. Для археологических разысканий, покупки древностей и разных других предприятий потребовалось бы на следующий год 3000 рублей».

Два последних рапорта К. Е. Думберга были рассмотрены Археологической Комиссией 11 января 1892 г., и в ответе на эти послания отмечена поддержка некоторых из имеющихся в них предложений (1891 г., д. 37, л. 53–54). Прежде всего это касается мер в отношении усиления полицейского надзора за незаконными раскопками. Комиссия вскоре обратилась к министру внутренних дел с просьбой «об устранении кладоискательства в Керчи». Неудивительно, что в январе 1894 г. керчь-еникальский градоначальник направил в ИАК послание, в котором отметил, что дело борьбы с незаконными раскопками при К. Е. Думберге поднялось на новый уровень. Полицейские стали привлекать грабителей к ответственности, так что многие из них переключились на другие, вполне законные сферы деятельности. Вместе с тем высокопоставленный чиновник с солдатской прямоотой попенял, что кара, постигающая грабителей древних могил, слишком незначительна. Он предлагал принять закон, по которому виновные лица подвергались бы тюремному заключению: в первый раз — на месяц, во второй — на три месяца, в третий — на год с высылкой осужденного из пределов Керчь-Еникальского градоначальства. «Только при таких карательных мерах, — по его мнению, — можно с уверенностью сказать, что памятники старины будут охранены от рук людей, для которых предметы эти дороги как средство наживы» (1891 г., д. 37, л. 140–141).

Кроме того, в ответе из Археологической Комиссии К. Е. Думбергу предлагалось составить опись всех древностей, хранящихся в музее, с указанием в ней тех предметов, которые могли быть переданы в другие музеи. В виде эксперимента было разрешено нанять второго надсмотрщика, но жалование ему следовало выплачивать из сумм, которые отпускались музею для археологических исследований (1891 г., д. 37, л. 61). Покупку новых шкафов и витрин было решено отложить до приобретения для музея постоянного помещения. Комиссия признавала также, что необходимо изыскать удобный способ сохранения катакомб, но на связанные с этим финансовые затраты она опять же не была готова. К. Е. Думбергу было разрешено «заниматься исподволь» составлением археологической карты окрестностей Керчи и т. д. Кроме того, ему предлагалось прислать в Комиссию список книг, необходимых для библиотеки музея, и смету постройки сарая при Царском музее. Надо признать, что музейная библиотека в то время действительно находилась в весьма жалком состоянии: в ней насчитывалось всего 135 наименований книг и периодических изданий (1891 г., д. 37, л. 69). Вскоре сюда начали поступать посылки с книгами из различных научных учреждений России, и библиотека стала постепенно пополняться. Это положительное явление, безусловно, следует связывать с деятельностью К. Е. Думберга.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что три приведенных выше рапорта были написаны человеком, в общем, очень мало знакомым с боспорской археологией и вообще реалиями керченской жизни. Напомню, что во втором из них, от 19 декабря 1891 г., К. Е. Думберг писал о безусловном запрете частных раскопок на казенных, общественных и церковных землях.

Вскоре, однако, он сам предложил отказаться от абсолютности этого принципа. Дело в том, что в это время Керчь, прежде всего гора Митридат, быстро застраивалась частными лицами, при этом даже в случае уплаты полагающейся суммы земля не становилась частной, так сказать, автоматически, а оставалась в ведении города до составления купчей крепости, т. е. иногда на достаточно долгое время. Оценив эту ситуацию, К. Е. Думберг 30 января 1893 г. направил письмо А. А. Бобринскому (1891, д. 37, л. 104–105). В нем говорится, что поскольку археологический надзор за всеми керченскими дворами решительно невозможен, то директор музея стал иногда разрешать раскопки во дворах домовладений, деньги за которые не были выплачены или же еще не составлена купчая крепость. Работы эти, однако, осуществлялись под надзором надсмотрщиков музея, а в исключительных случаях — самого директора. За найденные вещи раскопщикам выплачивались деньги; в случае неудачи кладоискатели оставались без всякого вознаграждения (как написал К. Е. Думберг, «без возмездия»). По мысли исследователя, такие раскопки имели еще и ту пользу, что отвлекали «счастливчиков» от работ в более отдаленных местностях, контроль за которыми был очень затруднен.

Допуская частные раскопки, К. Е. Думберг вместе с тем подчеркивал, что было бы весьма желательно, чтобы получение разрешения на такую деятельность было сопряжено с большими затруднениями. Он просил А. А. Бобринского выдать ему официальное предписание следующего содержания:

- «1. Все хозяева земельных участков, за которыми полное право собственности еще не утверждено, желающие получить разрешение на производство археологических раскопок в своих дворах, должны мне подавать формальное прошение с двумя гербовыми марками по 80 коп.
2. Раскопки производятся на известных условиях, составленных в форме законной подписки, подаваемой мне хозяином и его рабочими.
3. Отступление от этого предписания предоставляется моему усмотрению (если, напр., мне самому будет интересно производить раскопку у того или другого хозяина)».

Ответ ИАК, подготовленный В. Г. Тизенгаузеном, не заставил себя долго ждать, но прямого ответа на предложения К. Е. Думберга он не давал (1891 г., д. 37, л. 106):

«...Археологическая Комиссия вполне одобряет такое распоряжение Ваше, (но) опасается, что испрашиваемое Вами предписание, осложняя дело формальностями и требуя от людей бедных денежных расходов на подачу прошения и составление формальных подписок, поведет скорее к большей утайке частных раскопок, чем к упрощению контроля над ними. Вследствие этого Комиссия поручила мне войти с Вами предварительно в ближайшее обсуждение этого дела и выяснить подробнее те причины, которые побуждают Вас ходатайствовать о вышеозначенном предписании. Кроме того, Комиссии желательно было бы получить от Вас выработанный на основании закона и местных условий проект правил вообще об охране керченских древностей (при содействии местной полиции и городской думы), круг действий заведующего Керченским музеем древностей, обязанности надсмотрщиков и т. п.».

К. Е. Думберг продолжал активно трудиться в области изучения древностей Боспора Киммерийского и совершенствования работы Керченского музея, однако весной 1900 г. в результате возникшего в недрах ИАК конфликта и местных нестроений подал в отставку. Просьбу об отставке он мотивировал ухудшением состояния здоровья, точнее, обострившимся ревматизмом (1891 г., д. 37, л. 235). В том, что директор музея был серьезно болен, и в том, что болезнь эта в немалой степени объяснялась профессиональной деятельностью, не может быть ни малейших сомнений. Впрочем, стоит отметить еще один аспект: К. Е. Думберг мечтал о переводе в Петербург, планируя передать раскопки на Боспоре другому лицу, оставив за собой «главное руководство и контроль» (Там же, л. 259). Он считал, что петербургский

климат, без сомнения, благотворно повлияет на его здоровье (Там же, л. 258), что, надо признать, сейчас звучит достаточно странно. Вся эта история закончилась тем, что 15 июля 1901 г. К. Е. Думберг, которому тогда не было и 39 лет, был уволен со службы с мизерной пенсией в 333 руб. 33 коп. в год в чине надворного советника. В дальнейшем К. Е. Думберг работал в Статистическом комитете в Керчи, но в археологию так и не вернулся (Там же, л. 278, 307–308; Лазенкова 2003: 46–47). Дела от него принял преподаватель керченской Александровской гимназии, хранитель Мелек-Чесменского кургана статский советник В. В. Шкорпил.

ХII

В последние десятилетия XIX в. ИАК вела активные раскопки курганных и грунтовых некрополей, в том числе и на европейской стороне Боспора. Ф. И. Гросс продолжал проводить свои исследования согласно издавна заведенным правилам. В 1886 г. он вновь предпринял раскопки около Мирмекия, в результате чего был исследован курган, находившийся за оградой Нового карантин (высота — 2,5 м, окружность основания — около 130 м). Основная гробница в этом кургане была разграблена, но рядом с ней, возможно, в грабительском выкиде была найдена любопытнейшая группа терракотовых статуэток (12 экз.): мальчик с гусем и петухом; Агтис, поражающий быка; всадник, преследующий зайца; Афродита с дельфином и др. (1886 г., д. 7, л. 32; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: СII). В насыпи этого кургана к тому же были обнаружены впускные поздние погребения, костяки в которых лежали головами на запад. Ф. И. Гросс посчитал их генуэзскими (1886 г., д. 7, л. 32), и в этом он, безусловно, был прав: здесь действительно существовал некрополь XIII–XIV вв., который можно связывать с небольшим генуэзским укрепленным поселением Пондико, построенным на руинах древнего Мирмекия (Бутягин 2003; Бутягин, Виноградов 2006: 49–51). В 1887 г. директор Музея продолжил изучение двух курганов за оградой Керченского карантин, насыпей в конце Карантинной слободки и у дачи Павловича, но они оказались безрезультатными (1887 г., д. 21, л. 27; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: CLXXI). В 1889 г. при изучении некрополя Мирмекия были открыты три неразграбленные гробницы, в которых были найдены три лекифа с пальметками и «этрuscoский флакон с пальметкой» (1889 г., д. 30, л. 18; ОИАК за 1889 г. 1892: 9–10). Эти предметы, во всяком случае последний из них, следует считать довольно ранними, относящимися к времени поздней архаики. Еще один «этрuscoский флакон» с изображением женской фигуры был обнаружен здесь Ф. И. Гроссом позднее (1889 г., д. 30, л. 19).

В 1890 г. Археологическая Комиссия обратилась к Ю. А. Кулаковскому с просьбой принять на себя руководство раскопками керченских гробниц, обещая ему помощь со стороны хорошего специалиста — Ф. И. Гросса (1890 г., д. 31, л. 56), и это приглашение было принято. С 1888 г. в Керчи стал проводить работы председатель Археологической Комиссии, который поначалу имел намерение предпринять исследования на Юз-Обе. В таких условиях самостоятельные работы директора Керченского музея, по понятным причинам, были сильно затруднены; в 1889 г. Ф. И. Гросс был вынужден вообще прекратить раскопки и всех своих землекопов направить в распоряжение А. А. Бобринского (1889 г., д. 30, л. 7, 16).

Об исследованиях председателя Археологической Комиссии в Керчи можно кратко сказать следующее. В 1887 г. город Керчь приобрел земли Багера, на которых лежали самые западные курганы цепи Юз-Оба. Сразу же возник вопрос о необходимости их раскопок, но переговоры с арендаторами земли затянулись (1887 г., д. 21, л. 4–8).²³ В конце концов, один

²³ Надо признать, что и ранее А. Е. Люценко вел долгие переговоры с Багером по поводу исследования курганов Юз-Обы, лежащих на его землях. Из-за непомерных денежных запросов владельца земли эти переговоры не дали положительного результата.

курган здесь был исследован Ф. И. Гроссом летом 1888 г., второй, самый крайний в цепи Юз-Обы на западе, раскапывался А. А. Бобринским в 1888–1889 гг. В 1891 г. председатель Археологической Комиссии, проводя масштабные исследования одного из пантикапейских «пепелищ», обнаружил ранний курганный некрополь этого города, что, разумеется, имеет очень большое значение.

С 1891 г. к изучению боспорских древностей приступил новый заведующий Керченским музеем К. Е. Думберг (ОИАК за 1891 г. 1893: 67–68). Еще раз можно обратить внимание, что поначалу он не имел никакого опыта проведения археологических работ. Вероятно, в какой-то степени этим следует объяснять его доверчивость к рассказам местных жителей о якобы известных тем местах, где татарами или другими лицами были зарыты клады. К. Е. Думберг в этих местах, естественно, ничего не нашел и только зря потратил время (1891 г., д. 84, л. 2–7; д. 165).

Первые опыты самостоятельных серьезных раскопок нового заведующего музеем тоже не очень впечатляют, хотя, как представляется, он пытался следовать методике своего выдающегося предшественника — А. Е. Люценко. Нет сомнения, что раскопки велись под наблюдением опытного надсмотрщика Семена Зяблова, который, вероятно, ошибок не допускал,²⁴ а вот интерпретация результатов этих работ всецело принадлежит К. Е. Думбергу. В 1891 г. он открыл ограбленную катакомбу на северном склоне горы Митридат (1891 г., д. 84, л. 27), затем доследовал гробницу во дворе Семена Белого,²⁵ ход раскопок и обнаруженные здесь предметы неплохо описаны в отчете (Там же, л. 28). Наконец, К. Е. Думберг обратился к исследованию большого кургана, лежавшего по Аджимушкайской дороге, который, вероятно, в свое время раскапывал А. Е. Люценко. Эти работы опять же сравнительно неплохо документированы (1891 г., д. 84, л. 28 сл.), хотя рассуждения автора о последовательности возведения обнаруженных под насыпью погребальных сооружений вызывают очень большие сомнения. Ясно, что основным погребальным комплексом здесь был каменный склеп с «египетским» (уступчатым) сводом. Этот склеп был ограблен, но с ним, возможно, следует связывать обломок краснофигурного кратера с изображением амазонки, сражающейся с грифоном, обнаруженный в насыпи кургана. К. Е. Думберг посчитал, что эта находка относится ко II в. до н. э. (Там же, л. 31), что выдает его полное незнание древнегреческой расписной керамики. Почти нет сомнения, что А. Е. Люценко или Ф. И. Гросс датировали бы этот фрагмент IV в. до н. э.

В 1892 г. К. Е. Думберг, в принципе, продолжил действовать в русле работ предшествующего года: надсмотрщики музея докладывали ему, что в той или другой части Керчи «счастливики» обнаружили или пытаются обнаружить гробницу, что в том или ином керченском дворе или огороде владельцы нашли что-нибудь интересное и т. п. Директор музея принимал необходимые меры, спасая памятники древности, и в ряде случаев ему удалось открыть действительно очень показательные, информативные археологические комплексы (1892 г., д. 39, л. 8 сл.). Например, во дворе мыловаренного завода Зидорфа по Аджимушкайской улице он открыл могилу, в которой погребенный был уложен на толстом слое морской травы, головой на юго-запад; при нем находились черепки грубого горшка из черной глины

²⁴ 9 апреля 1900 г. за усердие в деле сохранения и изучения боспорских древностей Семен Зяблов был награжден серебряной медалью для ношения на шее на станиславской ленте (1899 г., д. 17). С 1 октября 1901 г. ему было назначено пособие из средств ИАК в размере 360 руб. в год (1902 г., д. 122, л. 9). После смерти заслуженного археолога, 24 октября 1909 г., пособие в размере 180 руб. стало выплачиваться его вдове (Там же, л. 20).

²⁵ Эту гробницу начал раскапывать сын хозяина дома. По настоянию К. Е. Думберга за свои противоправные действия он получил пять суток ареста (1891 г., д. 84, л. 28).

Обломок краснофигурного кратера из кургана на Аджимушкайской дороге, 1891 г. (1891 г., д. 84, л. 28)

(лепного?) и поврежденный лекиф с черным украшением, вероятно, чернофигурный (Там же, л. 22). Еще более интересна каменная гробница, исследованная К. Е. Думбергом около так называемого Собачьего кургана (Там же, л. 23 сл.; ОИАК за 1892 г. 1894: 29–31). В ней в составе погребального инвентаря наряду с прочим находились пять ваз: две леканы, желобчатая чернолаковая пелика, украшенная изображением золоченого венка на горле, краснофигурная амфора с весьма небрежным изображением борьбы двух амазонок с грифоном и сильно потертая амфора с росписью (бой греческого воина с двумя амазонками), нанесенной водяными красками.

Сочетание поздних краснофигурных vaz с «акварельным» сосудом позволило исследователю датировать эту гробницу II в. до н. э., что сейчас представляется абсолютно неверным. Тем не менее идея о поздней датировке краснофигурной керамики на Боспоре очень увлекла К. Е. Думберга; по этому поводу он писал: «Вазовая живопись прекращается в боспорских городах позднее, чем в самой Греции, и ее произведения, по всей видимости, гораздо моложе, чем обычно полагают» (1892 г., д. 39, л. 26). Действительно, «акварельные» вазы, скорее всего, стали производиться на Боспоре после прекращения массового ввоза художественной керамики из Афин, точнее, после прекращения ее производства там. Однако поздние краснофигурные вазы вряд ли могли «дожить» до II в. до н. э.

«Акварельная» ваза из гробницы 1892 г. (1892 г., д. 39, л. 23)

К. Е. Думберг был во многом прав, когда писал: «Хронология составляет одну из очень слабых сторон южнорусской археологии, и это объясняется главным образом тем, что гробничные находки очень часто рассматриваются не в совокупности и не в связи с другим, находящимся более в стороне материалом» (1892 г., д. 39, л. 26). Действительно, разработка корреляции находок, происходящих из погребальных комплексов, в целях наиболее достоверной их датировки имеет огромное значение для археологической науки. Это направление исследований, в принципе, могло дать положительный результат уже в конце XIX в., но лишь при условии опоры на хорошо установленные, проверенные опытом хронологические атрибуции. Директор Керченского музея, по всей видимости, считал надежно установленной датировку «акварельных» пелик, а не аттической расписной посуды.

В подтверждение поздней датировки могилы 1892 г. автор раскопок привлек происходящие из нее монеты, на одной из которых изображена голова быка с надписью ПАН, на другой — протома грифона с аналогичной надписью. Эти находки сейчас можно датировать совсем не II в. до н. э., а началом III в. до н. э. (Анохин 1986: № 119, 120–122), что дает основание относить к этому времени весь интереснейший керамический комплекс, открытый К. Е. Думбергом.

Деятельность директора музея в Керчи в 1893 г. не вполне ясна (ОИАК за 1893 г. 1895: 6–7). Во всяком случае «Дело ИАК о раскопках господина заведующего Керченским музеем древностей» за этот год (1893 г., д. 135) состоит всего из одного документа — письма В. Г. Тизенгаузена с просьбой расследовать под Керчью некоторые особенно перспективные, по его мнению, места: участок мещанки А. Волченко, расположенный около Карантинного шоссе,

и три некрополя за Казенным садом. Раскопки следующего, 1894 г., убеждают нас в том, что К. Е. Думберг твердо придерживался тактики «пожарной команды», идя вслед за «счастливицами» и даже поддерживая тесные контакты с торговцами древностями, к примеру, с Б. Букзелем и Е. Запорожским. В рапорте А. А. Бобринскому он объяснял свои действия тем, что с такими людьми необходимо поддерживать «дружеские» отношения, поскольку открытая вражда может привести к полнейшему укрывательству любой информации о действиях «счастливиц» (1894 г., д. 47, л. 16). Что касается участка мещанки А. Волченко, то раскопки здесь провел Н. И. Веселовский, приехавший в Керчь на несколько дней и пожелавший произвести здесь «маленькую археологическую раскопку». Надежды на хорошие открытия, однако, оказались напрасными; Н. И. Веселовский обнаружил всего 3 или 4 нетронутые гробницы, все остальное свидетельствовало о давнем разграблении (Там же, л. 51–52).

В том же 1894 г. в Керчи было сделано одно в высшей степени любопытное археологическое открытие. Группа «счастливиц» начала раскапывать курган на землях подполковника Волошкевича, т. е. в районе современного железнодорожного вокзала, и почти сразу нашла большую мраморную скульптуру, изображающую льва (ОИАК за 1894 г. 1896: 5, рис. 1; Ростовцев 1914а: 255–257; Марти 1926: 38; Максимова, Наливкина 1955: 305, 307, рис. 16; Соколов 1973: 131, № 138; Кобылина 1984: 293, табл. СIII, 2). Подобные находки на Боспоре, как известно, представляют собой явление чрезвычайно редкое; до этого скульптуры хорошей сохранности были обнаружены лишь в 1850 г. (см.: Бич 1958: 87–90; Кобылина 1984: 214, 296, табл. CVI, 2; Тункина 2002: 301–302). Неудивительно, что это открытие привлекло очень большое внимание, а сам курган вскоре стал называться Львиным (Цветаева 1957: 244–247,

Мраморный лев в момент открытия (1894 г., д. 158, л. 149)

Мраморный лев (1894 г., д. 158, л. 123)

рис. 5–6). К. Е. Думберг провел работы на этом памятнике в течение двух сезонов 1894–1895 гг., в результате чего вся насыпь была снята полностью (см.: 1894 г., д. 158, л. 32 сл., 157 сл.; ОИАК за 1894 г. 1896: 5–6, рис. 1; ОИАК за 1895 г. 1897: 20–22). Под ней были выявлены остатки разграбленного и почти полностью разрушенного каменного склепа (10,7 × 4,25 м) с дромосом длиной более 21 м. Склеп, скорее всего, имел полуцилиндрический свод; он был оштукатурен и, вероятно, расписан (1894 г., д. 158, л. 158). На его полу была обнаружена каменная плита с надписью, свидетельствующей о том, что «этот памятник» построил некий Алким и его жена Филопатра в 311 г. боспорской эры (КБН 335), т. е. в 14 г. н. э. «Памятник», т. е. прежде всего склеп, если судить по найденным архитектурным деталям, был богато украшен; важной деталью его внешнего убранства, несомненно, была мраморная скульптура льва. Несмотря на редчайшую для боспорских памятников точность датировки, многие вопросы, связанные с изучением Львиного кургана, остаются неясными. Прежде всего, до сих пор непонятно, когда склеп был разрушен и почему столь крупная скульптура была зарыта (спрятана) в сравнительно небольшой яме, наконец, неясным остается и вопрос о том, был ли курган сооружен одновременно или же включил в себя и более ранние насыпи. В современной науке как будто преобладает первая точка зрения (Цветаева 1957: 244), но она далеко не бесспорна.

После раскопок 1895 г. К. Е. Думберг сделал заключение, что весь этот курган был построен сразу (1894 г., д. 158, л. 196), т. е. он представлял единовременный памятник, относящийся к 14 г. н. э. Однако годом раньше он писал совсем другое: «Разрезанная курганная насыпь показывает, что этот курган был не сразу насыпан, а мало-помалу, и состоит из нескольких

маленьких курганов, соединенных потом в один большой» (Там же, л. 29; ср.: ОИАК за 1894 г. 1896: 6). Приведенное противоречие во взглядах исследователя имеет принципиальное значение для понимания памятника в целом. Дело в том, что помимо остатков каменного склепа в нем было открыто несколько «жженных точек» (тризн) и остатков кремаций. Из этих контекстов, как следует из отчета о раскопках, происходили обломки краснофигурных кратеров и других ваз, фрагменты чернолаковой посуды с штампованным орнаментом на дне, амфорные клейма и т. д. Все это дает вполне надежное основание относить обозначенные комплексы к IV в. до н. э. и, соответственно, признавать более вероятным первоначальное предположение К. Е. Думберга о разновременности возведения Львиного кургана.

Автор раскопок, однако, усмотрел в этих фактах подтверждение своей точки зрения об относительно поздней датировке краснофигурной керамики на Боспоре, что предполагалось им после открытия гробницы 1892 г. Исследователь считал, что в Львином кургане не было найдено ни единой вещи, выходящей за хронологические рамки I в. н. э., хотя и признавал, что обозначенная посуда по тонкости и качеству лака не отличается от более древней. По этому поводу он заключил: «Употребление такого рода посуды в начале христианской эры дает чрезвычайно важный и интересный критерий для хронологического определения подобных находок. Причисляются же ее обыкновенно более древним временам. Но Львиный курган сообщает еще больше и доказывает, что хронология, принятая относительно керченских расписных ваз, совершенно ошибочная» (1894 г., д. 158, л. 198). В соответствии со своими взглядами на хронологию К. Е. Думберг считал, что, к примеру, склеп Васюринского кургана был выстроен в I в. н. э., и, вообще, все склепы с полуцилиндрическими сводами принадлежат римской эпохе (Там же, л. 204). Он резко возражал Л. Стефани, относившему Артюховский курган к II в. до н. э. (ОИАК за 1880 г. 1882: 26–27), полагая, что этот памятник следует датировать II в. н. э. или даже III в. н. э. (1894 г., д. 158, л. 209). Исследователь все более убеждался в мысли, что «греческая и римская хронологии не всегда применимы к Боспору» (Там же, л. 208). Он информировал ИАК о своем стремлении получить все боспорские материалы для основательной их обработки «с точки зрения сравнительной хронологии и археологии». К. Е. Думберг писал: «С удовольствием я посвятил бы ей (т. е. созданию новой хронологии. — *Ред.*) всю свою жизнь» (Там же, л. 210).

В связи с изложенным допустимо высказать удивление, насколько ложные идеи могут захватить человека, более того — стать целью всей его жизни. В Императорской Археологической Комиссии такие взгляды, разумеется, не могли найти поддержки.

Для изучения расписных катакомб Керчи очень важным стал 1896 г., когда на землях мещанки Зайцевой был открыт склеп Деметры (1896 г., д. 38; д. 58, л. 151 сл.; ОИАК за 1896 г. 1898: 65–66), быстро ставший общеизвестным, можно сказать, хрестоматийным памятником боспорской декоративной живописи (Ростовцев 1914а: 199–226; Гайдукевич 1949: 405–408; Иванова 1953: 146–150; Ернштедт 1955: 263–265; Соколов 1973: 106–108, № 103–112; Зинько 1994). К. Е. Думберг датировал этот памятник не ранее II в. н. э. и, понимая его важность, предполагал подготовить публикацию в одном из выпусков «Материалов по археологии России» (1896 г., д. 58, л. 155), но сделать это ему не удалось. В сентябре 1899 г. археологическое общество было обрадовано находкой «стасовского» склепа с его замечательными батальными росписями (Ростовцев 1914а: 293–345; Гайдукевич 1949: 415–419; Ернштедт 1955: 275 сл.), т. е. памятника, открытого В. В. Стасовым в 1872 г. и считавшегося погибшим (1899 г., д. 18, л. 26). До археологов в склепе, как часто случалось, побывали «счастливчики», разрушившие здесь все лежанки (Там же, л. 167–168). Другое выдающееся открытие подобного рода было сделано 31 января 1900 г., когда на участке между бойней и тюрьмой был найден

каменный саркофаг, внутри украшенный росписями (1900 г., д. 5, л. 6, 41, 185). Каждая из длинных стен была разделена на три части изображенными здесь колоннами. В пяти частях были представлены музыканты, воины, обычные погребальные сцены, на шестом поле изображен художник-живописец за работой. Роспись этого саркофага считается одним из важнейших памятников боспорской художественной культуры (Ростовцев 1914а: 376–389; Гайдукевич 1949: 397–401, рис. 70; Иванова 1953: 153–154; Ернштедт 1955: 269 сл.; Блаватский 1964: 174–175; Соколов 1973: 109–111, № 113–115).

В 1897 г., несмотря на свою большую загруженность,²⁶ К. Е. Думберг провел раскопки на северном склоне горы Митридат, к востоку от того места, где А. А. Бобринской в 1891 г. обнаружил курганы раннего некрополя Пантикапея. Под насыпью, достигавшей 8,5 м в глубину, заведующий музеем открыл две грунтовые могилы, которые, судя по сопровождающему материалу (амфориск «финикийского» стекла, чернофигурный лекиф, украшенный пальметками, и пр.), следует относить к времени поздней архаики, хотя сам исследователь датировал их концом V в. до н. э. (1897 г., д. 51, л. 86–87; ОИАК за 1897 г. 1900: 36). На следующий год К. Е. Думберг открыл здесь еще несколько любопытных гробниц, в том числе погребение, содержавшее остродонную амфору, амфориск «финикийского» стекла, короткий железный меч, нож и каменный оселок (1898 г., д. 30, л. 153–154; ОИАК за 1898 г. 1901: 16 сл.). Полученные материалы позволили предложить более обоснованную хронологическую атрибуцию некрополя — V в. до н. э. Продолжение раскопок на этом участке в 1899 г. не дало желаемого результата, археологи открыли скудные остатки стен. К. Е. Думберг в связи с этим предположил, что местность рядом с некрополем была застроена какими-то сооружениями в том же V в. до н. э. (1899 г., д. 18, л. 154; ОИАК за 1899 г. 1902: 17). В 1900 г. исследователь работал уже на Карантинном шоссе и в других районах, где была изучена почти сотня различного типа гробниц (1900 г., д. 5, л. 139 сл., 185 сл.).

Одно из отрядных веяний нового времени заключается в росте технической оснащенности керческих археологов. К концу XIX в. они уже отказались от допотопных тачек и приобрели вагонетки, рельсы для прокладывания необходимых путей и т. д. Работы, безусловно, пошли значительно быстрее и эффективнее. Весной 1901 г., несмотря на грядущее увольнение со службы, К. Е. Думберг ничуть не ослабил своей привычной работы по изучению погребальных памятников Пантикапея. В это время им было открыто 13 катакомб, из которых одна имела роспись, исполненную в грубом, варварском стиле (1901 г., д. 12, л. 11, 19).

Надо признать, что памятникам азиатской стороны Боспора в рассматриваемое время археологи стали уделять заметно меньше внимания, чем ранее. Ф. И. Гросс провел здесь исследования в 1886 г., они были сосредоточены на Тузле (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: СIII–СIV). В результате этих работ было вскрыто сразу 11 насыпей. Исследователь по этому поводу даже заметил, что «теперь можно положительно сказать, что все курганы в этом месте тщательно расследованы» (1886 г., д. 7, л. 32). Таким образом, нерасследованными, по его мнению, оставались лишь курганные памятники около Цукурского лимана и на Бугазе, Ф. И. Гросс допускал при этом, что в них могут находиться не только «скифские», но и греческие гробницы. Ответ на этот вопрос могли дать только будущие раскопки.

К. Е. Думберг провел серьезные работы на азиатском Боспоре в 1893 г. В. Г. Тизенгаузен писал ему 16 августа, что около станции Стеблеевской обнаружили древний могильник, на котором найдено несколько надгробных камней с надписями; заведующему музею для раскопок этого могильника был выдан открытый лист и выделено 400 руб. (1893 г., д. 140, л. 1).

²⁶ В 1897 г. К. Е. Думберг провел крупные исследования в Поднепровье, в Верхних и Нижних Серогозах (1897 г., д. 51).

О раскопках под Стеблеевской в архиве Археологической Комиссии материалы отсутствуют, но имеется информация об исследованиях в немецкой колонии Михаэльсфельд (Джигинка). В 1892 г. здесь в обрыве древнего русла Кубани при случайных обстоятельствах была найдена византийская золотая цепь (см.: 1892 г., д. 39), К. Е. Думберг в 1893 г. заложил на обрыве несколько траншей, в результате чего было найдено некоторое количество золотых и прочих предметов (серьги, подвески, вставки и пр.). Общий контекст находок, к сожалению, остался неясным (1893 г., д. 140, л. 10 сл.; ОИАК за 1893 г. 1895: 8). В одной версте от этого места тогда же был раскопан один небольшой курган, но надежда археолога обнаружить здесь «что-нибудь для определения археологического характера ближайшей окрестности, однако, не осуществилась, и пришлось констатировать самое полное разорение» (1893 г., д. 140, л. 13).

Осмотрев окрестности станции Сенной, К. Е. Думберг решил раскопать один полуразрушенный курган на берегу Таманского залива. По его словам, здесь он попытался поближе познакомиться с техническими приемами проведения археологических работ на курганах, а также доказать, что «самые раскопанные» курганы еще далеко не исследованы (Там же, л. 128). Эти раскопки примечательны отнюдь не сделанными находками, К. Е. Думберг открыл в кургане лишь «жженный точек», т. е. место тризны, и обычную гробницу, перекрытую досками. Любопытно другое: исследователь действительно показал, что курганы нуждаются в исследовании, что, как он выражался, «почти каждый раскопанный курган на Таманском полуострове представляет собою знак вопросительный». И еще одно в высшей степени важное обстоятельство: именно К. Е. Думберг одним из первых среди боспорских археологов пришел к выводу о необходимости полного сноса курганных насыпей, он писал, что «курганы в странах с преобладающе греческою культурою должны быть совсем снесены, что стоит довольно дорого, не допускает, однако, впоследствии никаких сомнений» (Там же, л. 130; ср.: ОИАК за 1893 г. 1895: 9).

Следующий раз К. Е. Думберг появился на азиатском Боспоре лишь через семь лет, и связано это было с тем, что 7 августа 1900 г. около станицы Ахтанизовской был обнаружен знаменитый Ахтанизовский клад (1900 г., д. 5, л. 197–200; о нем см.: ОИАК за 1900 г. 1902: 46 сл.; Спицын 1909а: 19 сл.; Ростовцев 1925: 557; Максимова 1969: 55 сл.; Pfrommer 1987: 70; 1993: 9; Mordvinceva 2001: 72–73). Двое местных жителей, Яков Лупиков и его сын Касьян, случайно обнаружили каменную гробницу, сложенную из пяти плит. Ее размеры — 2,15 × 0,7, глубина — 1,4 м, ориентация по линии восток-запад. По словам раскопщиков, костяка в могиле не было, а золотые и серебряные вещи находились вне ее, за северной стенкой, где они были сложены «в одну кучу». К моменту приезда К. Е. Думберга некоторые вещи из клада были куплены врачом А. Терлецким. Директор музея проявил свойственную ему напористость и, в конце концов, получил (выкупил), вероятно, почти все, что тогда было найдено. После этого он приступил к раскопкам. Сначала была тщательно исследована площадь самой гробницы, а затем начались раскопки на более отдаленных территориях. Пробными ямами и траншеями была раскопана огромная площадь, а с помощью бура проведены крупные разведочные изыскания. Однако результат всех этих усилий был печален: лишь 10 весьма скромных гробниц (Думберг 1902: 58–60). Оценивая проведенные работы, К. Е. Думберг с горечью заметил: «Не может быть, чтобы гробница Лупиковых была единственной богатой» (1900 г., д. 5, л. 199), но другой подобной он в этой местности, к сожалению, не обнаружил. Тем не менее именно ему принадлежит заслуга спасения для науки Ахтанизовского клада, который по-своему является уникальным. Ученые оценивают этот комплекс по-разному; совсем не исключено, что его можно трактовать как погребение воина времени Митридата VI Евпатора (Виноградов 2004: 174–175).

Одновременно с Ахтанизовкой К. Е. Думберг проводил исследования еще в двух местах Таманского полуострова: в станции Сенной и на Южном кордоне, который к тому времени был построен в 12 верстах от Тамани на Тузлинском мысу. О работах на кордоне мы ничего не знаем, а вот о Сенной можно сказать, что раскопки здесь были достаточно масштабными и проводились они в нескольких местах (1900 г., д. 5, л. 199, 200 сл.; ОИАК за 1900 г. 1902: 47; Думберг 1902: 60). Однако, несмотря на все старания, эти исследования не увенчались успехом: в курганах и на ровной местности тогда было открыто 30 гробниц, но лишь 6 оказались «более или менее целыми». К. Е. Думберг по этому поводу даже отметил: «Нигде я не встретил такого страшного разорения, как на станции Сенной». Несмотря на такую неудачу, исследователь продолжал считать, что Фанагория еще может дать много важных находок, но раскопки здесь «должны быть предпринимаемы с большими средствами и продолжаться непрерывно месяцев шесть» (1900 г., д. 5, л. 199).

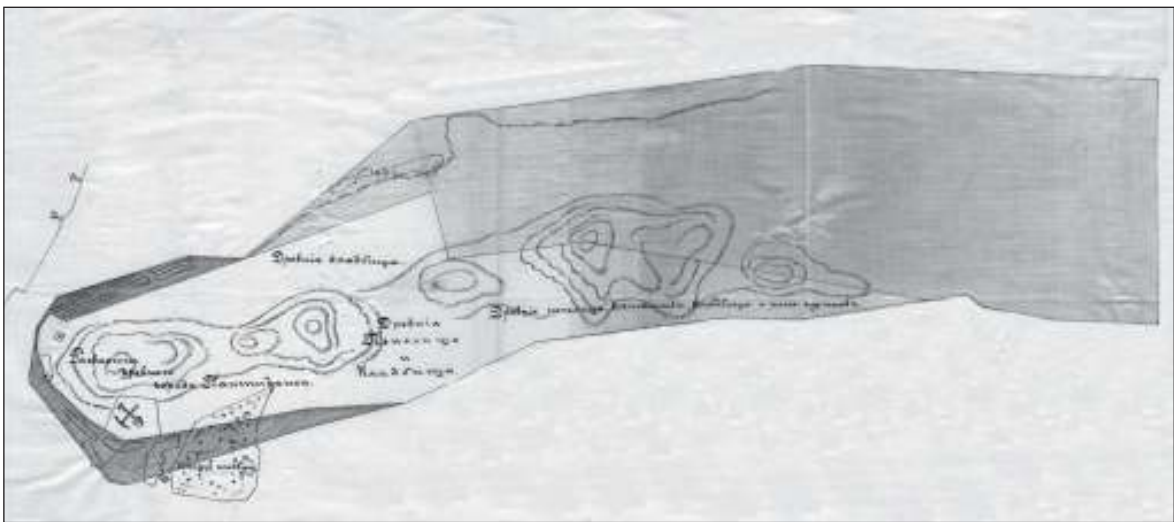
В декабре 1900 г. Археологическая Комиссия вновь направила К. Е. Думберга на Тамань. Около хутора Фонтан необходимо было осмотреть склеп, открытый местными казаками в небольшом кургане. Склеп, по заключению археолога, был ограблен еще в древности; ничего особенного, кроме древесного угля, он здесь не заметил (Там же, л. 202–203).

Продолжались работы по изучению городищ. В 1886 г. на вершине горы Митридат, к западу от так называемого кресла Митридата, в дождевых размывах были замечены отески мрамора, и сразу возникло предположение, что здесь производилась обработка мраморных изделий (1886 г., д. 7, л. 31). На этом участке был заложен раскоп площадью более 280 кв. м, культурный слой вскрыт на глубину от 1,5 до 3,5 м. В результате проведенных работ обнаружена большая яма, вырубленная в скале и оштукатуренная, которую Ф. И. Гросс посчитал зернохранилищем. Яма была перекрыта каменной плитой; ее глубина составляла 4,25 м, при этом диаметр в верхней части равнялся 1,25 м, далее стенки расширялись, и диаметр дна достигал 2,15 м. Мастерской по обработке мрамора здесь, как видим, открыть не удалось, но тем не менее на дня ямы найдена часть головы от женской мраморной скульптуры. В культурном слое этого участка найдено множество обломков расписных ваз в так называемом «этрuscoм стиле» (так тогда обычно называли аттические чернофигурные сосуды), которые, по заключению исследователя, «свидетельствуют о былом величии боспорской столицы» (1886 г., д. 7, л. 31; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: ХСІХ–С; Блаватский 1951: 13).²⁷

Поблизости от этого участка был сделан еще один раскоп площадью более 190 кв. м, в результате чего был зачищен северный фас скального массива горы, у основания которого открыта другая яма схожей конструкции, но меньших размеров. К ней вели водостоки, сделанные из камня, что позволяет считать ее цистерной для сбора дождевой воды (1886 г., д. 7, л. 31; ОИАК за 1882–1888 г. 1891: С–СІ). В. П. Толстиков считает, что при зачистке скального массива Ф. И. Гросс обнаружил ступенчатые подтесы под облицовку скалы квадратной кладкой (Толстиков 1992: 52). В 1891 г. раскопки на пантикапейских «пепелищах» провел А. А. Бобринской.

В начале 1892 г. стало известно, что военные власти передали сооруженную к тому времени на горе Митридат крепостную эспланаду городу Керчь и что там, вероятно, начнется добыча камня (1891 г., д. 37, л. 76). К. Е. Думберг сразу же начал активную борьбу против такой перспективы, настаивая на том, чтобы эти земли (порядка 180 десятин) были доступны для археологических исследований. Военное ведомство оправдывалось тем, что на этих землях

²⁷ В 1900 г. Э. Р. Штерн, как известно, написал, что иногда и «презренный черепок» может послужить «исходным пунктом для важной исторической комбинации» (Штерн 1900: 20). В плане практическом, как видим, у него были предшественники.

Эспланада на горе Митридат, план (1891 г., д. 37, л. 268)

предполагается высадить кусты или другие растения, устроить пастбища и т. д., но никак не превращать их в каменоломни. Местные жители, однако, сразу начали там строительство, и К. Е. Думберг требовал от Городской управы запрещения этого самоуправства (1891 г., д. 37, л. 148). Защищая права археологов, он в 1897 г. писал: «Здесь стоял в древности замок боспорских царей, была расположена древнейшая часть города Пантикапея, находились самые интересные кладбища его жителей. ...Митридатская эспланада еще далеко не исследована, и в ее недрах покоится, несомненно, много ценных сокровищ» (Там же, л. 188). Результатом этого противостояния стало решение Военного ведомства, принятое в январе 1898 г., о том, что эспланада все-таки передается в аренду керченским городским властям, но с тем условием, «чтобы участки, потребные Археологической Комиссии для изысканий с научной целью, могли быть выделяемы из аренды во всякие времена по первому требованию Военного ведомства, без всякого за то вознаграждения городу» (Там же, л. 196).

Главным объектом внимания К. Е. Думберга, конечно, всегда являлся Пантикапей, при этом не только некрополь, но и городище. В 1896 г. он по этому поводу писал в Археологическую Комиссию (1896 г., д. 58, л. 165–166):

«Для выяснения бытовой жизни, численности населения и множества других весьма интересных вопросов самое лучшее средство — расследование „пепелищ“. Последние (представляют собой), так сказать, живой и верный отпечаток культуры. Городские постройки подвергались частым изменениям, и находимые в пределах городских стен предметы не могут поэтому служить надежным хронологическим путеводителем. „Пепелища“ же остаются в большинстве случаев нетронутыми. Они образуются постепенно, один слой за другим, и при внимательном расследовании из них можно извлечь самые ценные факты. Известно же, например, какой яркий свет бросила раскопка т. н. Persersschutt в Афинах на греческое искусство до Персидских войн.²⁸

Громадные пепелища на горе Митридат, к счастью, еще более или менее целы. Можно быть вполне уверенным, что дальнейшие систематические раскопки откроют (здесь) целый

²⁸ Имеется в виду «персидский мусор», т. е. культурный слой, образовавшийся в Афинах в результате разрушения города персами в 480 г. до н. э.

ряд разных наслоений, обязанных своим происхождением отдельным периодам городской жизни. Тщательное расследование „пепелищ“ является единственным надежным способом для установления более точной хронологии произведений искусства, в особенности гончарного, и дает возможность определить типичные формы посуды каждой эпохи. Точная хронология гончарных изделий поможет в свою очередь устранить и предотвратить множество ошибок, господствующих в области курганной хронологии, основанной преимущественно на весьма шатких стилевых данных, представляемых вещами, находимыми в гробницах и склепах. Слишком часто выпускается из виду то обстоятельство, что в жизни народов ничто так долго и упорно не держится и (не) сохраняет свою древнюю форму, как предметы, связанные с религиозными обрядами и загробными культами. Стиль может до известной степени определить время происхождения того или другого предмета, найденного в курганном склепе, время же сооружения самого кургана показывает одна только тризна, остатки которой дают неопровержимое свидетельство о свойственной данному периоду посуде. Таким образом, получается теснейшая связь между курганами и „пепелищами“, и остается только надеяться, что Археологическая Комиссия обратит серьезное внимание на научное исследование последних».

Через два года исследователь высказался еще категоричней: «Чтение отчетов директоров Керченского музея и разного рода наблюдения возбудили во мне предположение, что под громадными насыпями восточной половины горы Митридат непременно должны находиться значительные остатки древнего Пантикапея» (1898 г., д. 30, л. 35). Далее он продолжил (1898 г., д. 30, л. 159–160):

«Гора Митридат подвергалась в течение более 60 лет постоянным разысканиям со стороны профессиональных археологов и непрошенных кладоискателей-счастливчиков. Казенные и частные копатели обращали внимание преимущественно на западную половину горы с ее бесчисленными древними кладбищами; раскопки же восточных насыпей Митридата, под которыми непременно должны находиться остатки акрополя и города Пантикапея, редко предпринимались. Роскошные вазы, золотая и серебряная посуда, ожерелья, перстни и т. п. здесь не могли обнаружиться, расследование же громадных насыпей ради решения чисто научных, исторических и топографических вопросов не имело ничего привлекательного и стоило очень много денег, времени и терпения. А между тем представляют эти насыпи не меньше интереса, чем курганы, катакомбы, склепы. Мы знаем, как пантикапейцы своих покойников хоронили, как они украшали жилища мертвых драгоценными предметами и фресковою живописью, но где и как они сами жили, какой вид имели их дома — об этом мы почти никакого понятия не имеем. До сих пор даже неизвестно, имели ли, например, находямая при покойниках глиняная посуда и терракоты исключительно погребальный характер или же служили они также в домах живых. Все такие и массу других вопросов, касающихся внутренней и бытовой жизни пантикапейцев, положения, устройства и вида их города, могут разрешить только систематические и продолжительные раскопки именно этих восточных насыпей Митридатовой горы.

Что в этой местности в древности находился акрополь или часть города, не могло подлежать ни малейшему сомнению и подтверждалось находимыми при раскопках фундаментами, цистернами и т. д. К какому, однако, периоду относились эти остатки, осталось неизвестным».

Надо признать, что к тому времени К. Е. Думберг имел все основания для этого заключения. Еще осенью 1896 г. на восточном склоне Митридата были проведены крупные работы, в результате чего вскрыта площадь почти 640 кв. м при мощности напластований до материка от 4 до 7 м. В одном из раскопов на материке открыты остатки двух домов, при этом

в обоих находились куски прекрасной цветной штукатурки. Еще более впечатляющие архитектурные остатки были выявлены во втором раскопе, а именно — часть крупного дома, стены которого сложены из хорошо отесанных камней и покрыты цветной штукатуркой. Здесь же находились барабаны колонн и детали карниза хорошей отделки. К. Е. Думберг датировал это здание I в. до или после новой эры и не без гордости писал: «Во всяком случае, можно уже теперь сказать, что на Митридатовой горе найдены остатки самого древнего жилого дома, открытого до сих пор в пределах России» (1896 г., д. 58, л. 168; ОИАК за 1896 г. 1898: 66 сл.).

В 1898 г. К. Е. Думберг продолжил раскопки на этом участке и постепенно выявил остатки крупной постройки, которую он интерпретировал как термы, построенные в I или II в. н. э. (1898 г., д. 30, л. 85 сл.; ОИАК за 1898 г. 1901: 13 сл.). В своем отчете исследователь с увлечением рассказывает об открытых им остатках бассейнов, очаге, в котором нагревался воздух, подававшийся в помывочные залы: фригидарий, тепидарий и кальдиарий (прохладное, теплое и горячее отделения). Он был настолько увлечен идеей о «глубоком влиянии римской культуры на обычаи и нравы обывателей древней греческой колонии» (1898 г., д. 30, л. 90), что не придавал значения сравнительно небольшим размерам пантикапейских «терм», которые никак не соответствовали параметрам общественного здания. К тому же в них не нашлось места для раздевалки, под полом не было обнаружено и неизменных во всех термах приспособлений для подачи нагретого воздуха (гипокаустов), зато в некоторых помещениях были устроены абсолютно неуместные в бане крупные зерновые ямы. Правильность реконструкции К. Е. Думберга, как видим, вызывает определенные сомнения.²⁹ Специалисты, однако, признают ее вполне верной (Ростовцев 1914а: 113–114; Крыжицкий 1993: 185–186). Не настаивая на окончательности вывода, рискну высказать догадку, что в результате раскопок 1896 и 1898 гг. директор Керченского музея открыл крупный дом богатого пантикапейца, одно из помещений которого действительно могло служить ванной.

К сожалению, исследователь почти не обратил внимания на другое свое открытие. В северо-западном углу раскопа были обнаружены остатки «черепичного завода», точнее, боковые стены большой обжигательной печи. В ней находилось значительное количество полуобожженной черепицы и грузила (отчасти со штемпелями). Любопытно и другое заключение К. Е. Думберга, что «завод», как и «термы», был брошен, вероятно, при нападении неприятеля (1898 г., д. 30, л. 90). Относительно оправданности вывода К. Е. Думберга об открытии «черепичного завода» возражал В. Ф. Гайдукевич, отрицавший, что директор Керченского музея обнаружил тогда гончарную печь (Гайдукевич 1934: 221; но ср.: Блаватский 1951: 28). Однако даже если сомнения В. Ф. Гайдукевича относительно открытия печи верны, то присутствие «полуобожженных черепиц» однозначно свидетельствует о наличии здесь керамической мастерской.

В 1899 г. успешные раскопки Пантикапея были продолжены. Результаты их действительно впечатляли, 5 октября в лондонской «Times» о них даже появилась маленькая заметка (1899 г., д. 18, л. 36): «Раскопки эти обещают обогатить Россию новыми Помпеями, так как исследователи уже успели обнаружить фундаменты здания, представляющего, по-видимому, храм

²⁹ О методе реконструкций в научном исследовании К. Е. Думберг тем не менее рассуждал вполне здраво. Он писал: «Посредством осторожной реконструкции несомненно возможно будет восстановить — разумеется, на бумаге — ту или другую часть столицы Боспорского царства, сделать ее более понятной, наглядной, доступной». Археолог сетовал, что в России смотрят на это с подозрением, как на некую «фантазию». Любое историческое исследование, однако, есть именно реконструкция, а «люди и бумага скорее врут, чем камни и черепица» (1898 г., д. 30, л. 36).

«Храм Геркулеса» (1899 г., д. 18, л. 204)

Геркулеса. Открыты термы, а также некоторое число фресок, и вновь открыта известная ставоская катакомба, считавшаяся погибшей 30 лет».

О термах и ставоской катакомбе уже было сказано выше. Что касается прочих открытий на городище в 1899 г., то действительно тогда К. Е. Думберг обнаружил остатки большой постройки, в планировке которой он выделил пять крупных частей или блоков, каждый из которых был разделен на несколько помещений. В одной из таких небольших комнат был найден бюст Диониса и герма Геракла. Последняя находка позволила исследователю предположительно называть открытую им постройку храмом Геркулеса (1899 г., д. 18, л. 158–160; ОИАК за 1899 г. 1902: 19 сл.).³⁰ Сразу можно признать, что на античный храм эта постройка совсем не похожа, хотя общественное ее назначение весьма вероятно; более того, по масштабам и богатству отделки комплекс, открытый К. Е. Думбергом, вполне можно признать дворцом, одно из помещений в котором служило домашним святилищем. М. И. Ростовцев относил эту постройку к эпохе эллинизма (Ростовцев 1914а: 115–116; ср.: Блаватский 1951: 15, 22; 1964: 118; Крыжицкий 1993: 128). На участке раскопа был обнаружен также мощный двор, на котором находился глубокий колодец; в этом колодце были обнаружены шесть человеческих скелетов. Исследователь обоснованно связал такую необычную находку с какой-то «страшной катастрофой» (1899 г., д. 18, л. 170–171), но, к сожалению, имеющиеся материалы не дают оснований для ее точной датировки.

Сравнительно недалеко от «храма» был обнаружен и частично исследован «дом штукатурки», как его определил К. Е. Думберг. Свое необычное название этот комплекс получил по большому количеству найденных в нем обломков рельефной гипсовой штукатурки (1899 г.,

³⁰ У К. Е. Думберга в то время появилось заметное стремление несколько поэтизировать открываемые им объекты. Даже для раскопов он подбирал необычные, запоминающиеся названия: Графский, участок Артемиды и т. д.

«Дом штукатур» (1899 г., д. 18, л. 206)

д. 18, л. 164–165; ОИАК за 1899 г. 1902: 23). По причине незначительности раскрытого участка судить о времени и назначении постройки не представляется возможным (Ростовцев 1914а: 117–118).

В 1900 г. раскопки Пантикапея были сосредоточены на площади между «храмом Геркулеса» и двором с колодцем. Об их результатах К. Е. Думберг писал, что тогда были выявлены «остатки стен, имеющие более или менее неопределенный характер» (1900 г., д. 5, л. 184). Из такой характеристики, разумеется, ничего понять невозможно. Вместе с тем в этом же самом году директор Керченского музея выступил с очередной инициативой, которая на сей раз была нацелена на решение проблемы отвалов, накопившихся на поверхности городища. Он предлагал вывозить их в море на конских подводах, при этом в целях экономии средств делать это лучше всего зимой (Там же, л. 1). Данное предложение было принято, и отвалы из раскопа на горе Митридат стали свозить на городские пристани (Там же, л. 184).

О работах на других городищах европейского Боспора мы имеем слишком скудную информацию. О раскопках Ф. И. Гросса на «пепелище» за Керченским карантинном (т. е. около Мирмекия) в 1889 г., вероятно, приблизительно там, где в 1863 г. проводил исследования А. Е. Люценко, известно лишь то, что там были найдены три амфорные ручки с клеймами (1889 г., д. 30, л. 19).

К. Е. Думберг, проводивший исследования на *азиатской стороне Боспора* в 1893 г., сделал несколько любопытных наблюдений. В отношении многочисленных древних «пепелищ», т. е. рядовых поселений, расположенных на Таманском полуострове и сопредельных территориях, он заметил, что производить здесь раскопки рискованно, так как такие памятники, «кроме простых черепков, ничего в себе не заключают» (1893 г., д. 140, л. 12, примеч. 2). Осмотр руин Фанагории и ее окрестностей, напротив, произвел на него весьма сильное впечатление, по этому поводу он написал (Там же, л. 15):

«Один только взгляд на карту должен нас убеждать, что греки при таких блестящих условиях едва ли могли себе выбрать более выгодное во всех отношениях место торгового города, как то, где они построили Фанагорию. Можно смело сказать, что Фанагория, не будь сообщения между Ахтанизовским лиманом и Таманским заливом, навсегда осталась бы незначительным местом и никогда не выдвинулась бы в ряду греческих колоний. Значение, процветание и падение Фанагории тесно связаны с судьбою древнего рукава Кубани. Следовало бы обратить самое серьезное внимание на эту местность, которая еще далеко не исследована и от которой можно будет ожидать еще множества самого интересного исторического материала. Разъяснение судеб Фанагории и древнего рукава Кубани может сразу пролить яркий свет на в высшей степени туманную древнюю топографию всего Таманского полуострова».

Раскопки Фанагории возобновились в 1896 г. (ОИАК за 1896 г. 1898: 64–65), и на сей раз они были стимулированы открытием новых эпитафических памятников. Произошло это около хутора П. П. Семеняки, где при случайных обстоятельствах были обнаружены две интересные надписи: постамент статуи, посвященной царицей Динамией супруге императора Августа Ливии (КБН 978), и посвящение Афродите Урании, сделанное при Перисаде I (КБН 971). Кроме того, здесь же была найдена часть известняковой статуи, изображающей молодого воина в панцире, плаще, остроконечной шапке, с мечом, луком и горитом (1896 г., д. 58, л. 7–8, 160–161). Исследования было решено провести во владениях Семеняки, а также на местности, расположенной правее дороги, ведущей из Тамани в Сенную. К. Е. Думберг при этом отметил (Там же, л. 8):

Часть скульптуры,
найденной в 1896 г.
(1896 г., д. 58, л. 21)

«Выбор плоской и открытой береговой полосы для основания города в стране дикой и варварской противоречит всему, что мы знаем об основании греческих городов вообще. Первое поселение лежало непременно на более возвышенном и менее доступном месте, и только впоследствии, по мере утверждения греческого господства среди туземцев, город мог спускаться в долину и занимать береговую полосу. Греческий мало-мальски порядочный город без акрополя немислим, а последний придется в данном случае искать на одном из холмов, господствующих над всею местностью. Там же должны были находиться все главные храмы и святилища».

Раскопки 1896 г. были весьма масштабными: К. Е. Думберг заложил два больших раскопа и 86 пробных траншей, в общей сложности было вскрыто около 3000 квадратных сажен (более 13 500 кв. м). Однако надежды открыть акрополь древней Фанагории или, по крайней мере, фундамент храма Афродиты оказались напрасными (1896 г., д. 58, л. 161–162). Археологи находили обломки обычной керамической посуды, разрозненные мелкие камни и т. д., что К. Е. Думберг интерпретировал как указание на то, что в римское время здесь находились дачи фанагорийцев. В западной части раскопа было найдено 12 могил, но они, по мнению исследователя, не содержали ничего интересного (Там же, л. 162).

Во владениях Семеняки были проведены серьезные разведки. К востоку от хутора тянулось возвышение (500 × 150 шагов),

заканчивающееся огромным курганом, который, как считалось, был раскопан В. Г. Тизенгаузенем. К. Е. Думберг предположил, что на этой возвышенности в древности находилось какое-нибудь строение, но заложенные им в разных пунктах «пробные ямы» ничего не дали (Там же, л. 165).

Одно любопытнейшее археологическое открытие было сделано в 1898 г. в окрестностях Новороссийска, точнее в 14 км от него, за именем Мысхако (1898 г., д. 250). Ф. И. Романович информировал ИАК, что на земле И. П. Кулешевича, на месте, где хозяин предполагал посадить виноградник, была обнаружена каменная стена, рядом с ней много незначительных вещей, но среди них найден «бронзовый погрудный бюст... чудной древней работы, вполне античной, в фригийской остроконечной шапке» (Там же, л. 1). Ф. И. Романович находил этот бюст сходным с изображением Париса, но, после специального исследования М. И. Ростовцева (Ростовцев 1916), данный замечательный памятник единодушно признают изображением знаменитой боспорской царицы Динамии (см.: Гайдукевич 1949: 221; 1955: 128; Соколов 1973: 116–117, № 120; Горончаровский 2003: 153).

На этом участке был открыт также древний некрополь, могилы в котором перекрыты каменными плитами. Рядом с некрополем находилась постройка, состоящая из трех помещений, из которых лишь одно имело выход наружу. Стены постройки имели толщину до одной сажени (т. е. более 2 м!). М. И. Ростовцев высказал предположение, что в имени И. П. Кулешевича, которое сам владелец называл Широкой Балкой, были открыты остатки небольшого храма (Ростовцев 1916: 2). Однако логичней видеть здесь одну из построек, которые в современной научной литературе получили название укрепленных зданий или домов-башен. Они строились на Боспоре, в основном, в митридатовское и постмитридатовское время (Сапрыкин 1996: 275–276; Паромов 2001), в том числе и в районе современного Новороссийска (Онайко, Дмитриев 1981; 1982). Сделанные во время случайных раскопок находки светлоглиняных амфор с двуствольными ручками (1898 г., д. 250, л. 8, 9) позволяют считать, что дом-крепость в Широкой Балке принадлежит к концу I в. до н. э. или к началу I в. н. э. Укрепленные пункты возводились тогда по решению центральной власти Боспора, и появление здесь бюста внучки Митридата вполне закономерно и показательны.

Для завершения характеристики деятельности К. Е. Думберга по изучению боспорских древностей необходимо хотя бы кратко сказать о проводившихся им «новостроечных» работах. В 1896 г. началась борьба за земли, расположенные за Новым Карантином, которые Керченской городской управой были переданы для строительства Металлического (Брянского) завода (1891 г., д. 37, л. 149–150). В конце концов было достигнуто соглашение, что строители будут докладывать в музей обо всех открываемых ими древних объектах, не станут самостоятельно производить их раскопки, а древности будут признаваться собственностью ИАК (Там же, л. 157–158). Нетрудно догадаться, что правление строительством не уделяло особого внимания спасению археологических объектов, а таковые здесь,

Бронзовый бюст царицы Динамии (1898 г., д. 250, л. 4)

Амфора, найденная вместе
с бюстом Динамии
(1898 г., д. 250, л. 9)

безусловно, встречались. В 1898 г. на данном участке были обнаружены два крупных клада. Один из них в количестве 263 монет был найден в присутствии надсмотрщика и попал в музей. Второй оказался разграбленным, а по словам рабочих, там была «целая шапка денег» (1898 г., д. 7, л. 4; ОИАК за 1898 г. 1901: 19), большая часть древних монет была куплена Букзелем. К. Е. Думберг сумел конфисковать у рабочих лишь 68 монет, а у Букзеля — 187 экземпляров; полиция у рабочих отобрала еще 16 монет. В общем, из второго клада удалось спасти 271 монету, что можно признать лишь незначительной частью первоначального состава клада (1898 г., д. 7, л. 5).

Скандал, разразившийся по этому поводу, был использован К. Е. Думбергом в самом выгодном для себя направлении. По его собственным словам, он тогда на всех «нагнал порядочного страху» (Там же). Правление завода во избежание повторения таких случаев стало выделять 600 руб. в год на наем археологического надсмотрщика при земляных работах. На эту должность был назначен Федор Зяблов, сын старшего надсмотрщика музея Семена Зяблова (1898 г., д. 30, л. 163). Под его руководством в 1898 г. здесь было открыто 14 древних погребений, на следующий год — еще несколько (1899 г., д. 17, л. 174).

Раскопки на участке Брянского металлического завода были продолжены в 1899 г. (Шкорпил 1901: 80 сл.), но весной того же года начались активные земляные работы по сооружению Керченской железной дороги. К. Е. Думберг обратился к ее строителю, инженеру Ветринскому, с просьбой о предоставлении ему всех древних предметов, которые при этом будут обнаружены. Он особо настаивал, чтобы древние могилы вскрывались строителями только в присутствии директора музея или его надсмотрщиков. Такое разрешение было получено, и первые 5 месяцев за работами на дороге наблюдал Леонтий Демиденко, при котором было обнаружено около полусотни древних могил (1899 г., д. 18, л. 177–178; 1901 г., д. 12, л. 5; Шкорпил 1902: 82 сл.).

В отношении «новостроечных» раскопок К. Е. Думберга следует обратить внимание еще на одно в высшей степени важное для современной науки обстоятельство. В начале марта 1901 г., когда заведующий Керченским музеем уже ожидал увольнения со службы, он продолжал свою обычную деятельность по изучению боспорских древностей, в частности, наблюдая за строительством Керченской железной дороги недалеко от современного вокзала. Вот что он тогда заметил: «В том месте, где полотно пересекает древний вал, рабочие наткнулись на очень солидные фундаменты из тесаного камня. Работы не были доведены до конца, но из всего виденного мною явствует, что ров за древним валом был обложен камнем. Было бы интересно сделать разведочные раскопки для разъяснения структуры вала» (1901 г., д. 12, л. 19). Не может быть сомнений, что речь в данном случае идет о так называемом Тиритакском вале. Долгое время это сооружение не подвергалось археологическому изучению и являлось предметом всякого рода априорных соображений, связанных с пониманием боспорской истории времени правления Археанактидов (см.: Шмидт 1941: 268 сл.; Гриневиц

1946: 160 сл.; Гайдукевич 1949: 189; Сокольский 1957: 92 сл.; Толстиков 1984: 25; Шелов-Коведяев 1985: 76–77). Раскопки по линии вала были проведены экспедицией А. А. Масленникова, в результате чего было сделано заключение, что в данном месте имеется несколько разновременных сооружений, но с временем Археанактидов ни одно из них связывать нельзя (Масленников 2003: 250). Любопытно, однако, что современные археологи не открыли здесь ничего подобного виденному К. Е. Думбергом, а это означает, что изучение Тиритакского вала необходимо продолжить и, вероятно, прежде всего в том месте, где его линию пересекает железная дорога.

О раскопках в Феодосии и ее окрестностях, как говорилось, предполагал С. И. Веребрюсов, однако на практике это осуществить было очень нелегко. В 1894–1895 гг. в Феодосии проводились крупные работы по строительству порта, которые по понятным причинам затронули площадь древнего городища. В таких условиях А. Л. Бертъе-Делагард попытался спасти кое-что для археологии (см.: Петрова 2000: 24–26). По его словам, работы проводились на месте древнего акрополя — цитадели генуэзцев и турок. Здесь исследователь проводил сборы оказавшихся на поверхности древних предметов, а также покупал их у жителей города. О своей деятельности он проинформировал Археологическую Комиссию, от которой получил полное одобрение. Собранная им коллекция была распределена по трем музеям: Московский исторический, Одесский археологический и, естественно, Феодосийский (1894 г., д. 157, л. 11).

В 1895 г. А. Л. Бертъе-Делагард на собственный счет провел раскопки некрополя Феодосии, располагавшегося к западу и юго-западу от города. Этот некрополь, в основном, состоял из небольших курганов; среди них 20–30 насыпей, по словам археолога, были разрыты в 50-х гг. князем Сибирским и живописцем Айвазовским. А. Л. Бертъе-Делагард «попытал счастья» в полах курганов, в результате чего открыл 14 могил, которые были «до такой степени перерыты и расхищены, что не представлялось никакой возможности определить не только весь порядок погребения, но даже и самую могилу; можно лишь сказать, что все они имели стеночки из камня и были покрыты каменными плитами, заключая внутри себя, кроме скелетов, обычные предметы древнегреческого погребения, разные золотые и бронзовые украшения, чернолаковую посуду, терракоты и т. п.; обо всем этом можно было судить только по случайным находкам в просеиваемой земле и мусоре черепков и кое-каких вещей» (1894 г., д. 157, л. 14). Исследователь признал сходство этих погребальных комплексов с керченскими, а также их относительную простоту и бедность. На этом основании он сделал вывод, что в будущем «едва ли стоит предпринимать здесь крупные, многолетние, систематичные разыскания и раскопки» (Там же, л. 15).

Председатель ИАК А. А. Бобринской начал свои раскопки на Боспоре в 1888 г., т. е. через два года после вступления в должность (см.: Боровкова 1999: 103–106). Надо думать, что в глубине души ему хотелось открыть здесь что-нибудь подобное Куль-Обе или Большой Близице, т. е. необходимо было раскопать один из крупных курганов, но на казенных землях в окрестностях Керчи их как будто уже не было. В 1888 г. стало известно, что городом Керчью были выкуплены земли Багера, на которых, в частности, находились два последних на западе больших кургана некрополя Юз-Оба. А. А. Бобринской узнал об этом во время командировки, 23 сентября он направил в ИАК телеграмму следующего содержания (1888 г., д. 64, л. 8): «Сообщите, пожалуйста, произведены ли в Керчи раскопки курганов, предложенных городом. Предполагаю ехать в Крым, могу приняться за эти курганы, ежели дело еще не сделано».

Ответ В. Г. Тизенгаузена гласил: «Один курган раскопан, ничего не нашли» (Там же). Этот курган был раскопан Ф. И. Гроссом еще летом 1888 г., А. А. Бобринской провел исследования

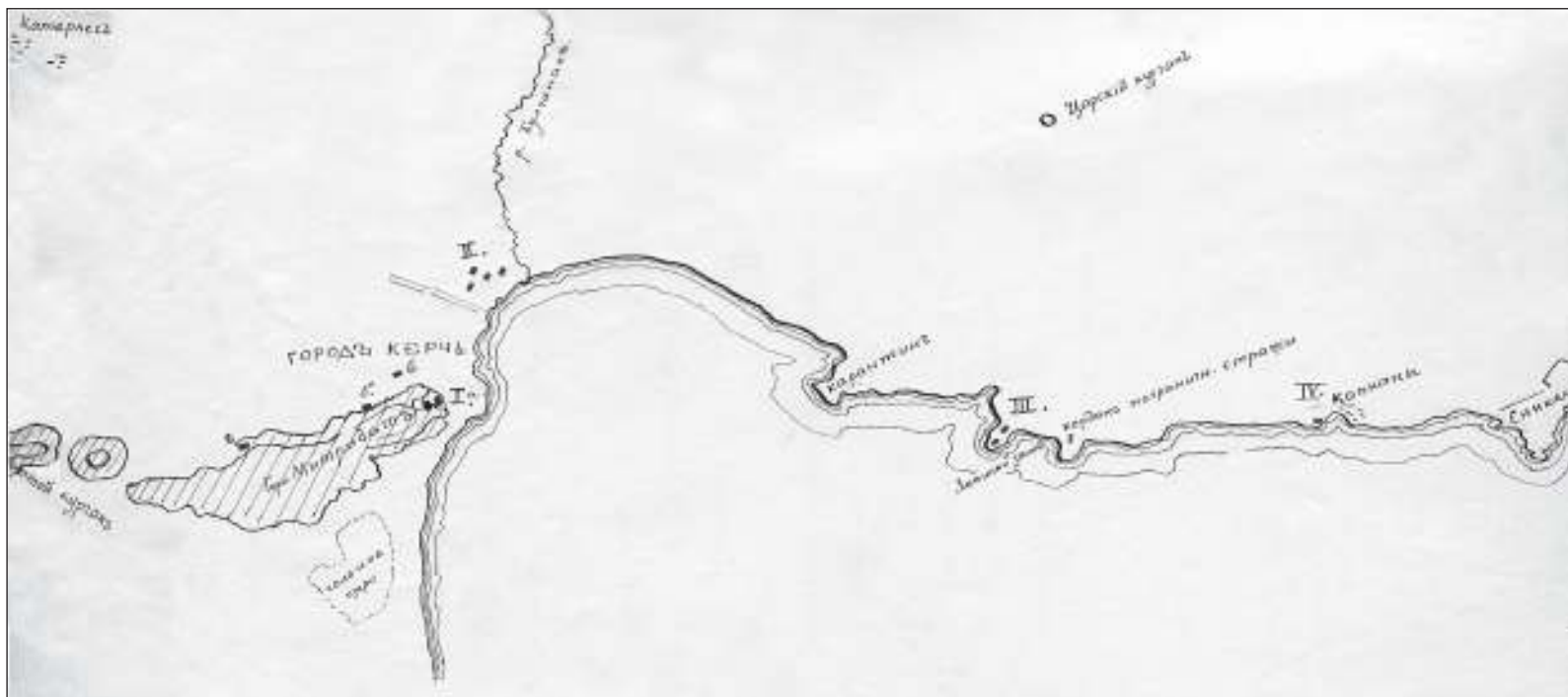
Кратер, найденный А. А. Бобринским
при раскопках на Юз-Обе
(1888 г., д. 64, л. 37)

второго, самого последнего на западе в цепи курганов Юз-Обы (1888 г., д. 64, л. 11–12, 32–35; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: ССХIII–ССIV; ОИАК за 1889 г. 1892: 11–13). Его насыпь имела форму усеченного конуса и действительно отличалась достаточно крупными размерами: длина окружности основания насыпи — 320 м, высота — 11,5 м. Работы осенью 1888 г. не дали почти никакого результата, была открыта лишь мощная каменная крепида высотой около 1,5 м, опоясывавшая основание кургана. Каменную гробницу с уступчатым перекрытием удалось обнаружить на следующий год в южной части кургана: ее размеры — 5 × 3,5 м, высота склепа — немногим более 4 м. Погребение оказалось ограбленным; на полу гробницы были обнаружены остатки роскошного деревянного саркофага, 25 бронзовых наконечников стрел, 10 железных наконечников копий, обломки большого широкого меча со следами деревянных ножен и

пр. Сверху над входом в гробницу были найдены фрагменты большого кратера, украшенного «живописью весьма грубой работы», т. е. относящийся к поздним сосудам краснофигурного стиля. Эта находка позволяет считать курган, исследованный А. А. Бобринским, одним из самых поздних в некрополе Юз-Обы, возможно, относящимся к началу III в. до н. э.

Необходимо подчеркнуть, что в 1888 г., кроме раскопок кургана, А. А. Бобринской провел исследования на грунтовом некрополе за Карантином, т. е. около Мирмекия. Здесь им было вскрыто всего четыре могилы, не давшие практически никаких находок (1888 г., д. 64, л. 13). Несмотря на неудачу, местность к востоку от Керчи, вероятнее всего, представлялась А. А. Бобринскому весьма перспективной для проведения раскопок, во всяком случае, позднее он именно здесь предпринял весьма масштабные изыскания (Змеиный залив, Капканы). Надо думать, что исследования председателя ИАК в Керчи должны были стать своего рода образцовыми как по размаху работ, так и по методике исследований, составлению полевой документации и т. д. И, в общем, следует признать, что документация о раскопках А. А. Бобринского действительно отличается тщательностью и подробностью описаний (в особенности: 1891 г., д. 53, л. 10 сл.).

В 1891 г. А. А. Бобринской провел исследования в четырех местах: на северном склоне горы Митридат, на Аджимушкайской улице, около так называемого Змеиного залива и в деревне Капканы. На северном склоне Митридата он начал масштабные работы на одном из «пепелищ», при этом, как представляется, именно этот археолог первым из всех исследователей Боспора обратил внимание на характер наслоений, в данном случае отличавшихся правильностью, отсутствием поздних перекопов. Раскопки, правда, велись вполне традиционно: с помощью широкой траншеи, от которой в разных направлениях закладывались мины. Сделанные находки (многочисленные фрагменты керамики, рыболовные грузила, терракотовые статуэтки, медные монеты, части мраморных фигур, цветные мраморные плитки и пр.) позволили А. А. Бобринскому обоснованно заключить, что «пепелище» принадлежит к доримской эпохе. Более того, в культурном слое он обнаружил фрагменты как

План окрестностей Керчи с обозначением мест (I-IV), где проводил раскопки А. А. Бобринской (1891 г., д. 53, л. 77)

Изображение Гермеса
на краснофигурной гидрии
(1891 г., д. 53, л. 366)

минимум четырех панафинейских амфор. На всех с одной стороны была изображена стоящая фигура богини Афины, а с другой — бегущие атлеты. По мысли автора раскопок, эти сосуды были получены спортсменами из Пантикапея на Панафинейских играх за победы в состязаниях по бегу. Он даже посчитал, что «в этом упражнении жители Пантикаея были, по-видимому, сильны» (1891 г., д. 53, л. 60; ср.: ОИАК за 1891 г. 1893: 23–24).

Еще одно «пепелище» раскапывалось А. А. Бобринским на северном склоне Митридата западнее первого, ближе к Золотому кургану (1891 г., д. 53, л. 63 сл.; ОИАК за 1891 г. 1893: 26–29). Мощность напластований здесь достигала целых 7 м. Под ней в материке были обнаружены более ранние курганы, высота которых достигала 2,5 м. Один из этих курганов был исследован, в его основании на материке находи-

лась обожженная площадка для сжигания трупа, на которой сохранились куски древесного угля, сплавившиеся железные и бронзовые предметы, обломки большого железного меча и пр. В центре площадки находилась урна с прахом покойного; она представляла собой краснофигурную гидрию с изображением фигуры бегущего Гермеса (Блаватский 1951: 19, 29). А. А. Бобринской отметил при этом, что изображение Гермеса на погребальной урне вполне объяснимо, так как этот бог, по представлениям древних греков, сопровождал души умерших в царство мертвых; вазу он датировал V–IV вв. до н. э. (1891 г., д. 53, л. 68).

В районе дороги, ведущей в Аджимушкой, в черте города Керчь, А. А. Бобринской исследовал ряд погребений и сделал заключение, что в древности здесь находился обширный некрополь (1891 г., д. 53, л. 69; ОИАК за 1891 г. 1893: 30 сл.).

Более интересные, на мой взгляд, результаты были получены при раскопках у так называемого «Змеиногорного кордона» пограничной стражи, т. е. к востоку от городища Мирмекий. Об этой до сих пор малоизвестной в археологическом отношении местности А. А. Бобринской писал (1891 г., д. 53, л. 88): «Здесь выступает в море высокий скалистый мыс, верхняя часть которого состоит из насыпного грунта (т. е. представляет собой культурный слой. — *Ред.*)³¹ Не доезжая до этого скалистого мыса, есть другой такой же выдающийся мыс со скалами меньших размеров; последний отделен от большого мыса небольшим заливом, называемым „Змеиным“. Здесь также над скалистым грунтом лежит порядочное количество насыпной земли, а, кроме того, у начала мыса возвышается небольшой курганчик».

Председатель Археологической Комиссии раскопал этот курганчик и под его насыпью обнаружил 21 могилу, погребения в которых были совершены по сходному обряду ингумации и содержали довольно многочисленный и разнообразный сопровождающий инвентарь. А. А. Бобринской вполне обоснованно датировал этот своеобразный могильник I в. н. э. (ОИАК за 1891 г. 1893: 43 сл., 150–154).

Затем раскопки были перенесены на небольшой мыс с «бугром» на берегу Змеиногорного залива, где, по словам рабочих, какие-то исследования были проведены А. Е. Люценко,

³¹ Нет сомнения, что в данном случае имеется в виду современный Змеиный мыс.

но погребений он там не нашел. А. А. Бобринской на этом «бугре» также не открыл никаких погребений, но, как ему представлялось, обнаружил «место, где, очевидно, произведено было сожжение трупа, кости которого затем были убраны» (1891 г., д. 53, л. 97; ОИАК за 1891 г. 1893: 47). Исследователь отметил также, что «на этом жженом месте осталось много разбитой вдребезги посуды хорошего стиля с черной поливой (т. е. чернолаковой. — *Ред.*), но без фигур; также сожженные разбитые в большом количестве алабастриты хорошей работы; скипевшие бронзовые стрелы тщательной выделки; астрагалы и т. д.». С северной стороны насыпь была укреплена хорошей стеной, сложенной из больших отесанных блоков. В северо-восточной части стена образовывала правильный угол. А. А. Бобринской предполагал, что могила здесь находилась где-нибудь поблизости, в скалах, образующих утес над морем (1891 г., д. 53, л. 97). С таким выводом, однако, вполне можно поспорить и предположить, что на небольшом мысу находилась совсем не площадка для сжигания трупа, а монументальный алтарь, во всяком случае, хорошее качество каменной кладки и ее, безусловно, четырехугольная форма скорее свидетельствуют именно об этом.

В деревне Капканы, расположенной восточнее Змеиного мыса, на берегу пролива А. А. Бобринской раскопал еще один невысокий курган (1891 г., д. 53, л. 104 сл.; ОИАК за 1891 г. 1893: 47 сл.). На сей раз под насыпью было обнаружено 36 погребений. По монетам Митридата VIII, обнаруженным в могилах, они датированы исследователем I в. н. э. (1891 г., д. 53, л. 124), точнее, очевидно, надо говорить о середине–второй его половине. Еще раз можно отметить хорошие описания всех этих погребальных комплексов; исследователь даже дал подробную характеристику грунта, заполнявшего могилы, которое само по себе представляет немалый научный интерес (Там же, л. 121–122):

«Во всех почти могильных ямах встречаются мелкие черепки глиняной посуды, обломки сожженных костей, а иногда и уголь, наводящий на мысль, что в могилу посыпана зола (в документе — «земля») домашнего очага. Кроме того, покойники обсыпаны большим или меньшим слоем морских раковин и песку. У многих могил, и, как кажется, у самых богатых, над плитами (перекрытия. — *Ред.*) встречается слой морской травы (камки)».

Раскопки А. А. Бобринского в Керчи и ее окрестностях представляют весьма любопытный и показательный эпизод в истории боспорской археологии. После его работ на Юз-Обе стало очевидным, что боспорские курганы, в принципе, исчерпали себя. Безусловно, все они нуждались в исследовании, но грандиозных сокровищ в них, скорее всего, уже не оставалось. Кроме того, председатель ИАК не только с большим вниманием, чем его предшественники, подошел к изучению керченских «пепелищ», но и открыл под одним из них часть раннего курганного некрополя Пантикапея. Наконец, около Змеиного залива и в Капканах он изучил очень компактные могильники I в. н. э. Низкая насыпь «курганчиков» в обоих случаях, возможно, образовалась из-за слияния индивидуальных насыпей, первоначально сооруженных над каждой из могил. Очень жаль, что исследователи более позднего времени не проявили к этим материалам должного внимания, хороший уровень археологической документации вполне позволяет это сделать и сейчас.

На Боспоре трудился и Ю. А. Кулаковский. В мае 1890 г. два керченских жителя при добывании камня на северной покатости горы Митридат случайно обнаружили ограбленную катакомбу, на стенах которой сохранилась роспись, по определению Ф. И. Гросса, «грубого стиля». Он зарисовал эти изображения, а затем вход в катакомбу был заложен камнем и засыпан землей (1890 г., д. 31, л. 52). Вскоре после этого Археологическая Комиссия обратилась к профессору Киевского университета св. Владимира Ю. А. Кулаковскому с предложением принять на себя руководство дальнейшим вскрытием подобных гробниц и наблюдение за

точным снятием копий с росписей (1890 г., д. 31, л. 56; ОИАК за 1890 г. 1893: 22). Ю. А. Кулаковский согласился на это предложение, и летом 1890 г. прибыл в Керчь.³² Он подробно описал катакомбу, открытую здесь в мае (1890 г., д. 31, л. 77 сл.), а затем приступил к археологическим раскопкам, в результате чего открыл несколько гробниц, в том числе христианскую катакомбу с фресками и надписями, датированную 401 г. (ОИАК за 1890 г. 18901: 27–28; Кулаковский 1896: 16 сл.).

Кроме раскопок на северном склоне горы Митридат киевский археолог провел работы на Глинище, где, в частности, обнаружил каменный склеп с деревянным саркофагом хорошей сохранности (ОИАК за 1890 г. 1893: 23–27). Свои впечатления от первого сезона раскопок Ю. А. Кулаковский выразил следующим образом (1890 г., д. 31, л. 97):

«Хотя в Керчи раскопки проводятся уже около 50 лет, но ведь не будет несправедливым сказать, что историю этого места мы знаем только по монетам. Один систематически раскопанный некрополь мог бы оказаться с исторической точки зрения гораздо важнее, нежели многие богатые случайные находки, которые, правда, могут украсить и обогатить музей, но мало или ничего не говорят историку. А по отношению к нашему Крыму история более чем где-нибудь нуждается в помощи археологии, которая тогда только будет в состоянии оказать эту помощь, если ее материал будет разыскиваться систематически и в системе (же) классифицироваться».

На следующий год Ю. А. Кулаковский продолжил свои исследования. Будучи недоволен качеством копий, которые снимал с росписей Ф. И. Гросс, он пригласил двух новых рисовальщиков — Аиналова и Васильеву, которые, в особенности последняя, вполне оправдали его надежды (1891 г., д. 40, л. 24, 39; 1892 г., д. 62, л. 10; ОИАК за 1891 г. 1893: 58). Однако совсем не изучение керченских катакомб археолог считал своей основной задачей, хотя их тогда было открыто немало: 9 гробниц, в том числе одна расписная (1891 г., д. 40, л. 27 сл.; ОИАК за 1891 г. 1893: 59; Кулаковский 1896: 34 сл.). Раскопки на Митридате, по его мнению, носили разведочный характер, а систематическими они были на Глинище (1891 г., д. 40, л. 32 сл.; ОИАК за 1891 г. 1893: 63 сл.). Почти все открытые здесь гробницы, как оказалось, были ограблены в древности; лишь три римских захоронения содержали хороший, разнообразный инвентарь. Еще 13 гробниц были раскопаны киевским профессором в углу сада Чернявского (1891 г., д. 40, л. 34 сл.), но и они, за исключением, возможно, лишь склепа с парным захоронением, так сказать, почти ничего не могли поведать историку.

В 1892–1893 гг. Ю. А. Кулаковский не смог провести исследований в Керчи (ОИАК за 1893 г. 1895: 6), но в 1894 г. он активно включился в работы. Тогда на склоне Митридата было обнаружено 15 катакомб, но все они оказались ограбленными, при этом стенки в них были пробиты, образуя проходы из одной камеры в другую. Кроме грубого рисунка корабля, нанесенного на стенке одной из катакомб красной краской, других росписей здесь не найдено (1894 г., д. 81, л. 27–28). В том же году Ю. А. Кулаковский провел исследования около Городского сада, где находился сплошной некрополь, о котором писали К. Е. Думберг и В. Г. Тизенгаузен (ОИАК за 1892 г. 1894: 32). Здесь он заложил большой раскоп (43 × 32 м), в результате чего открыл 25 гробниц, расположенных весьма упорядоченно: двумя полосами с юга на север, каждая из которых состояла из рядов (по 2–3 гробницы в ряду). Почти во всех могилах были открыты костяки, ориентированные головами на юго-восток. Сходство обряда погребения позволило исследователю предположить, что здесь находилось семейное кладбище, которое, если судить по монетным находкам, относится ко второй половине III в. н. э. (1894 г.,

³² О деятельности Ю. А. Кулаковского см.: Непомнящий 2003; Пучков, 2004.

д. 81, л. 30). Несмотря на относительную бедность инвентаря, Ю. А. Кулаковский придавал данному некрополю немалое значение, считая, что «его интерес заключается в том, что при возможности точной хронологической датировки найденные в нем предметы могут получить значение образцов для сравнения с не имеющими хронологии археологическими материалами». Несмотря на некоторую корявость изложения, мысль Ю. А. Кулаковского вполне ясна и, в общем, абсолютно верна. Вот только погребальный инвентарь из всех 25 погребений он описал суммарно (серебряные, бронзовые, железные, керамические предметы и т. д.), без разбивки по комплексам, но тенденция к этому, как уже говорилось, в боспорской археологии обозначилась ранее.

В 1894 г. Ю. А. Кулаковский осмотрел памятники крымского Приазовья, куда был приглашен владельцем тамошних земель А. А. Дириным (о нем см.: Боровкова 1999: 58–51), предложившим археологу провести здесь раскопки (1894 г., д. 81, л. 33; ОИАК за 1894 г. 1896: 8; Дирин 1896: 122–123). Исследователь отметил, что жители селения Мама́ при постройке домов неоднократно наткнулись на древние могилы. В частности, А. А. Дириным была открыта гробница, обложенная каменными плитами, в которой находились пять костяков, уложенных головами на восток. Здесь были обнаружены бронзовые браслеты, бронзовые пряжки, стеклянные бусы, три железных меча, массивный наконечник копья и пр.; в головах покойных были найдены листочки от золотого венка и золотая индикация монеты императора Константина Великого (1894 г., д. 81, л. 33). Ю. А. Кулаковский тогда же составил любопытное описание мыса Зюк с находящимися на нем руинами древнего поселения (Там же, л. 33 сл., 48–49):

«При ближайшем осмотре местности мыса Зюк я мог констатировать, что его крутая скалистая оконечность была когда-то отделена широким рвом от остальной части полуострова; осыпавшийся вал, возвышающийся над этим рвом, позволяет истолковать себя как остатки стены. Приблизительная длина рва от одного обрыва к морю и до другого — 30 саж. На этом тесном, отделенном от остальной поверхности мыса пространстве поднимаются два скалистых возвышения, которые издали могут быть приняты за развалины большого здания. На карте, приложенной к известному путешествию Dubois de Montpereux, показаны на мысе „развалины“ /ruines/. Но так как автор в своем тексте не сказал ни слова об этой местности, то весьма вероятно, что он сделал свою отметку, приняв за развалины те два скалистые возвышения. Дальнейшая часть мыса в сторону материка представляет каменистое возвышение, покрытое растительной почвой. Широкий горб этого холма в самом высоком своем пункте значительно выше, нежели скалистая оконечность мыса, приблизительно сажен на 10. Предпринятые мною в разных местах пробные раскопки обнаружили в одном месте остатки каменной кладки, но чаще попадались лежавшие в беспорядке камни, принадлежавшие каким-то постройкам. В почве повсюду оказывались во множестве обломки глиняной посуды древнего производства, а именно: лакированной, украшенной изящными рельефами в форме овов, листьев аканта и т. д. ...В изобилии оказывались также кусочки античной штукатурки с гладкой и блестящей поверхностью, выкрашенной в темнокрасный цвет того тона, который так преобладает в росписи помпейских домов и имел, вероятно, повсюду такую же распространенность.

Восточный склон холма осыпается к морю и представляет в разрезе широкий пласт в 1 саж. и более, состоящий из культурных остатков. Повсюду — обломки амфор, мелкие куски камня и известки, а также и черепки лакированной посуды. Этот слой образовался, очевидно, вследствие того, что вешние воды смывали с верхней части холма остатки древнего поселения.

Существование этого „пепелища“ и его расположение заставляет предполагать, что древнее поселение, современное Боспорскому царству, занимало всю вершину холма, а не только обращенную на восток скалистую оконечность, которая в неизвестное нам время была отделена от остальной части холма ровом и стеной.

Некрополь этого поселения лежал у подошвы холма, там, где теперь раскинулось рыбацкое поселение Мамá. Поблизости от того места, где была открыта г. Дириным большая гробница IV в. по Р. Х., сделано было мною несколько раскопок. Грунт оказался очень твердым, и на глубине аршина обнаруживался слой перегнивших растений, вероятно, морских порослей. В этих раскопках найдены были только две гробницы, расположенные рядом и имеющие общее плитовое покрытие. В одной из них найдены были при совершенно истлевшем костяке следующие вещи: две серебряные серьги, две бронзовые фибулы, бронзовое зеркало и в головах — небольшой глиняный кувшин (4 в. вышины). В соседней гробнице не найдено было никаких вещей, кроме маленького глиняного кувшинчика (2 в. выш.).

Ныне остается еще прибавить, что несколько недель спустя после моего пребывания на мысе Зюк найден был людьми, ломавшими камень в скалистой его части, фрагмент мраморной плиты с надписью, который г. Дирин препроводил в Керченский музей. Форма букв позволяет отнести его ко II или III в. по Р. Х. Надпись заключает список граждан (*catalogus civium*) или членов какого-нибудь общества, так как уцелевший фрагмент ее состоит из имен (имя и имя отца).³³ Образцы таких списков есть у нас из нескольких городов (Пантикапея, Танаиса, Горгиппии)...

Совокупность изложенных данных позволяет утверждать, что на холме мыса, носящего в настоящее время имя Зюк, существовало поселение с характером, по всему вероятно, города. Черепки лакированной посуды свидетельствуют, что этот город существовал за несколько веков до Р. Х. Монеты Боспорских царей с I по IV вв. нашей эры удостоверяют непрерывное существование его за этот период времени. ...Природные условия места делают его очень удобным для поселения мореходов. Широкие бухты с плоскими берегами могут служить удобной стоянкой для кораблей, а высокий холм мыса дает возможность, смотря по направлению ветра, укрываться с одной или другой стороны».

Основываясь на тексте Птолемея, перечислявшего поселения Восточного Крыма в следующем порядке: Парфений, Зенонов Херсонес, Гераклий (IV. 4), Ю. А. Кулаковский пришел к заключению, что, поскольку от Еникале, где локализуется Парфений, до мыса Зюк «не обнаружено нигде пепелища или иных следов, то констатированные ныне остатки города и могут быть приурочены к Зенонову Херсонесу Боспорского царства» (Там же, л. 48). Вывод Ю. А. Кулаковского о расположении на Зюке боспорского города Зенонов Херсонес является сейчас общепринятым (ОИАК за 1894 г. 1896: 9; Масленников 1992).

В 1895 г. А. А. Дириным предприняты собственные раскопки по соседству от «пепелища», в Культепе и Сююрташе (Дириным 1896: 123 сл.). По замечанию Ю. А. Кулаковского, здесь были открыты погребальные сооружения обычных керченских типов — катакомбы и земляные могилы, накрытые каменными плитами. В Сююрташе в присутствии киевского профессора, однако, были раскопаны могилы совсем другого типа, но их описание не вполне вразумительно: «На поверхности холма гробницы устроены в виде ящиков, высеченных в природной скале, которая составляет здесь материк на глубине $1/2$ аршина (приблизительно 1 м. — *Ред.*). А ниже устроены катакомбы в виде отдельных погребальных камер, каждая с входом, обращенным на южный скат холма» (1895 г., д. 90, л. 13).

³³ Эта надпись (КБН 898) действительно является частью списка имен; по характеру письма ее датируют III в. н. э.

Кроме памятников Керченского полуострова Ю. А. Кулаковский обратил внимание и на азиатский Боспор. В частности, он заметил, что в работе В. В. Латышева по боспорской эпиграфике совсем не представлено надгробий из-под Анапы, из чего был сделан вывод, что некрополь Горгиппии все еще оставался неоткрытым (1891 г., д. 40, л. 9). Сделать это открытие в 1891 г. ему помешала нехватка времени и денег (Там же, л. 38). Зато под Сенной на землях Артюхова Ю. А. Кулаковский провел раскопки небольшого кургана, в котором обнаружил лишь разграбленную сырцовую гробницу (Там же).

В 1894 г. исследователь также обратил внимание на неизвестный ранее некрополь у станции Раевской, состоявший из большого числа сравнительно невысоких курганов, насыпи которых не достигали 1 м. Здесь он раскопал один курган и одну так называемую впускную гробницу. Курган оказался явно средневековым, он содержал парное погребение и захоронение коня. В гробнице были найдены две железные кольчуги, кривая сабля и пр., а на коне находилось седло со стремянами (1894 г., д. 81, л. 52). «Впускной» Ю. А. Кулаковский посчитал могилу, расположенную рядом с курганом. Она была сооружена в виде грубо сложенного каменного ящика и содержала остатки четырех костяков. Совсем не исключено, что в данном случае Ю. А. Кулаковский первым из исследователей Боспора открыл каменный ящик, характерный для погребений рядового синдского населения (см.: Масленников 1981: 44–45).

Подводя итог своим исследованиям этого года, Ю. А. Кулаковский отметил, что крупным недостатком боспорской археологии является «отсутствие наблюдений этнографического характера и хронологических определений по отношению к отдельным могильникам и типам вещей, в них находимых». Трудно поверить, как он писал, чтобы в Крыму ни разу не были открыты могильники готские, гуннские, аланские или хазарские. С элементом горечи Ю. А. Кулаковский констатировал: «Не столько отсутствие данных, сколько равнодушные к этой стороне дела было тому причиной». Распределение типов вещей на конкретных территориях, как ему казалось, поможет уяснить «древнейшую историю южных пределов нашего отечества» (1894 г., д. 81, л. 55), но создание такого распределения требовало огромной аналитической работы. Вероятно, стремясь накопить побольше «наблюдений этнографического характера», Ю. А. Кулаковский с 1896 г. обратился к изучению археологических памятников внутреннего Крыма.

Вместе с этим исследователь очень большое внимание уделил составлению археологической карты района (ОИАК за 1894 г. 1896: 7; ОИАК за 1896 г. 1898: 69). В 1890 г. по его просьбе был снят подробный план горы Митридат, на котором он хотел обозначить все имеющиеся раскопы. Несмотря на все сделанные дополнения, план оказался практически пустым (1891 г., д. 40, л. 36–37). В Керченском музее материалов для исправления такого положения почти не было, и Ю. А. Кулаковский надеялся, что более надежные результаты даст работа в архиве ИАК в Петербурге. Он настаивал на необходимости создания археологической карты, которая бы включала местности, куда археологи еще практически не проникали, к примеру, внутренние районы Крыма и крымское Приазовье. Ю. А. Кулаковский предлагал лично осмотреть названные районы (1894 г., д. 81, л. 55). В этой работе ему обещал помочь К. Е. Думберг, но лишь для территории Керчи и местностей к востоку от города (1895 г., д. 90, л. 13). В сбор материалов по внутренним районам Крыма активно включился правитель дел Таврической ученой архивной комиссии А. И. Маркевич. Для составления такой карты нужна была хорошая топооснова, за которой А. А. Бобринской обратился в Военно-Топографический отдел Генерального штаба (1895 г., д. 12, л. 1). Военные специалисты предложили археологам трехверстную карту Крыма на 17 листах. Такой масштаб для обозначения археологических

объектов, естественно, был слишком мелким, но в конце концов была получена одноверстка (одна верста в одном дюйме). На составление археологической карты Крыма было выделено 300 руб., и работы в этом направлении были начаты. Завершения их, конечно, нельзя было ожидать через год-два, они требовали немало времени и значительных усилий. Можно предполагать, что А. И. Маркевич сделал для составления карты достаточно много, но 22 сентября 1989 г. он направил в ИАК письмо, в котором информировал Комиссию, что семейные обстоятельства не позволяют ему закончить сбор материала для составления археологической карты (Там же, л. 17). Как видим, этим замыслом Ю. А. Кулаковского не суждено было сбыться.

В 1906 г. Императорская Археологическая Комиссия приняла самое живое участие в публикации «Очерка истории Крыма от древнейших времен до исхода христиан в 1779 г.», подготовленного Ю. А. Кулаковским (см.: 1906 г., д. 10). Этот очерк вышел из печати под названием «Прошлое Тавриды» и выдержал два издания (Кулаковский 1906). Книга вызвала очень большой интерес как в кругу специалистов, так и среди широкой публики,³⁴ второе ее издание увидело свет в 1914 г.

ХIII

Новому заведующему Керченского музея В. В. Шкорпилу в 1901 г. было 48 лет, т. е. он был почти на 10 лет старше К. Е. Думберга и имел звание статского советника и несколько орденов (о нем см.: Лазенкова 2002б; 2003: 47 сл.). Казалось бы, кандидатура удовлетворяла всем необходимым требованиям (1900 г., д. 116, л. 1). Однако для ИАК этот керченский преподаватель все-таки был человеком новым, незнакомым. Любопытно, что в официальных документах даже его имя и фамилия поначалу писались неправильно — С. В. Шкорпило (1901 г., д. 116, л. 1, 3). И. А. Суслов к тому же полагал, что рекомендации К. Е. Думберга недостаточно, и для определения В. В. Шкорпила в должность необходимо еще получить аттестации от А. В. Новикова и других известных собирателей боспорских древностей (Там же, л. 5).³⁵ Несмотря на некоторые сложности, 5 января 1902 г. В. В. Шкорпил стал членом ИАК, и на него официально были возложены обязанности заведующего Керченским музеем древностей (Там же, л. 22). В то время под его руководством состоял штат из шести человек: старший надсмотрщик, надсмотрщик, писарь и три сторожа (Там же, л. 26).

Все ранее вступавшие в должность заведующего Керченским музеем древностей непременно представляли в Археологическую Комиссию некий документ, в котором излагали свой взгляд на состояние боспорской археологии и перспективы ее дальнейшего развития. Этот документ мог быть составлен в виде весьма краткой «Программы раскопок» Ф. И. Гросса, более пространного «Общего вывода» С. И. Верebrюсова и, наконец, в виде трех рапортов К. Е. Думберга, которые скорей следует именовать трактатами. В. В. Шкорпил ничего подобного не писал. После своего назначения он лишь информировал А. А. Бобринского о том, что после осмотра горы Митридат выбрал место для раскопок 1901 г. на участке к северо-востоку от раскопа 1891 г., где исследования вел сам секретарь Археологической Комиссии,

³⁴ Часть тиража распространялась через Керченский музей, где «Прошлое Тавриды» находило постоянный спрос. Последний раз, уже в 1917 г., заказ на книгу для музея был оформлен в количестве 100 экземпляров. В связи с этим В. В. Шкорпил писал в ИАК 5 декабря 1917 г., что им получено 98 экземпляров, а «две книги, по-видимому, в дороге пропали» (1906 г., д. 10, л. 112). Этот эпизод можно рассматривать как свидетельство по-настоящему большой популярности книги Ю. А. Кулаковского.

³⁵ Об А. В. Новикове и его деятельности см.: Боровкова 1999: 74–79; Неверов 1999.

что оплату рабочим будет выдавать не по кубам вынудой земли, как это до сих пор практиковалось в Керчи и вело к ненужной спешке, а по дням (1 день — 1 человек — 1 рубль), как это делалось при раскопках Ольвии и Херсонеса (1901 г., д. 12, л. 54). В таком же духе он писал А. А. Бобринскому в 1902 г., что намерен провести раскопки на северном склоне горы Митридат, поскольку там чаще, чем на южном склоне, встречаются обломки крупной древней посуды с рисунками (1902 г., д. 32, л. 65). Как видим, В. В. Шкорпил делился с петербургским начальством лишь своими соображениями, касающимися вопросов сугубо рабочего характера; каких-либо идей по перестройке работы музея или грандиозного проекта пересмотра боспорской хронологии и т. п. он не предлагал. Вероятно, такая деятельность ему казалась просто неинтересной.

Еще до официального вступления в должность В. В. Шкорпил стал подыскивать новое место для музея, поскольку квартира, где это учреждение тогда располагалось, не отвечала необходимым требованиям. Более подходящим ему казался верхний этаж дома Женского Благотворительного общества, в котором, как представлялось, можно было легко устроить все нужные приспособления для размещения музейной экспозиции и пр. (1901 г., д. 116, л. 44). Такая деятельность нового заведующего представляется вполне логичной, естественной.

Однако помимо этого у В. В. Шкорпила появляются новые заботы, так сказать, соответствующие новым временам, и прежде всего они были связаны с быстрым ростом масштаба грабительских раскопок. Еще К. Е. Думберг отмечал, что с 1900 г. в Керчи возобновилось движение «счастливчиков» (1900 г., д. 5, л. 184). Н. И. Веселовский в письме от 25 июня 1902 г. информировал А. А. Бобринского (1902 г., д. 157, л. 4): «В Керчи погоня за древностями достигла больших размеров, и цены сделались прямо сумасшедшими. Работа в Керчи теперь в очень хороших руках, и, надо надеяться, дело пойдет успешно».³⁶

Археологические исследования действительно находились в хороших руках В. В. Шкорпила, но работать ему приходилось в условиях очень непростых и даже опасных. Показательно, что в письме от 29 октября 1901 г. он обратился к А. А. Бобринскому с просьбой весьма необычного содержания (1901 г., д. 116, л. 14): «Желая возможно лучше организовать надзор над здешними кладоискателями, прошу распоряжения Вашего Сиятельства о высылке вверенному мне музею двух легких биноклей в футлярах и на ремешках, а также двух револьверов с соответствующим числом патронов». На письме имеется резолюция — «повременить».

Так начиналась деятельность В. В. Шкорпила на посту заведующего Керченским музеем. Можно сказать, что так боспорская археология вступала в XX в., когда нормальная жизнь и работа без револьвера казалась почти невозможной.³⁷ Нет смысла говорить, насколько сложным было это время в истории России. Новый век требовал от Императорской Археологической Комиссии новых подходов к решению стоящих перед ней вопросов и, разумеется, совершенствования ее структуры. Не вдаваясь в подробности, необходимо признать, что на этом этапе звезда Боспора Киммерийского, столь ярко сиявшая на российском архе-

³⁶ Археологу в чем-то вторил торговец керченскими древностями Е. Р. Запорожский, писавший А. А. Бобринскому в декабре 1903 г.: «Смею Вас уверить, Ваше Сиятельство, что древностей скоро в Керчи не будет, ибо все почти перекопано; и (поскольку. — *Ред.*) по весне в Керчи начнется устройство порта, то цены на древности поднимутся по-прежнему» (1903 г., д. 277, л. 4). Этот человек, конечно, прекрасно знал то, о чем писал.

³⁷ Ранее В. В. Шкорпила, 21 июля 1898 г., с аналогичной просьбой в ИАК обращался К. Е. Думберг. Он считал, что револьвер необходимо выдать сторожу Царского кургана, чтобы тот мог защититься от хулиганствующих строителей Брянского металлургического завода. Револьвер тогда сторожу не выдали, но около входа в галерею кургана были построены ворота, так что туда могли войти лишь «интеллигентные лица» (1898 г., д. 30, л. 56).

ологическом небосклоне ранее, начала постепенно бледнеть. Появились две новые звезды античной археологии — Херсонес Таврический и Ольвия. К тому же весьма бурно стали развиваться и другие отрасли знаний о древностях России. Боспор на их фоне мог показаться слишком старомодным, пропахшим нафталином порождением пусть очень эффективной, но все-таки уже уходящей эпохи. Изучение боспорских древностей, как отмечал М. И. Ростовцев, оставалось областью «частью случайного, частью quasi-научного использования некрополей и курганов с целью добывания музейных вещей» (Ростовцев 1925: 260–261).

В 1902 г. рассматривался вопрос о расширении штата ИАК, но наступившие перемены не особенно отразились на научной жизни музея, исследования велись приблизительно по тем же самым направлениям и с теми же самыми задачами, что и на предыдущем этапе.

Однако в начале XX в. в ИАК пришли новые люди, чьи интересы были связаны с античными и причерноморскими древностями. Так, извещая М. И. Ростовцева 30 октября 1912 г. о назначении его сверхштатным членом ИАК, А. А. Бобринской писал (1912 г., д. 226, л. 4):

«Ваши обширные и глубокие знания в области культуры античного мира, Ваши высокоценные научные труды, посвященные многообразным вопросам классической археологии, и Ваше постоянное деятельное участие в ученой оценке и разработке материалов, добытых раскопками Императорской Археологической Комиссии, побудили меня выразить Вам особое уважение и признательность, и я, с разрешения министра Императорского Двора, назначил Вас сверхштатным членом вверенной мне Императорской Археологической Комиссии с 1 сентября сего года. Извещая Вас об этом, льщу себя надеждою, что Вы и на будущее время не откажете Комиссии в участии в ее занятиях своими учеными трудами и авторитетными указаниями».

Принимая приглашение председателя Археологической Комиссии, М. И. Ростовцев писал, что в деятельности Комиссии его более всего интересуют не вопросы реставрации памятников старины, «а текущая жизнь ее как органа, ведущего раскопки, издающего их результаты и наблюдающего за ходом археологической жизни в России» (Там же, л. 5).

В. В. Шкорпил поддерживал с этими учеными самые тесные, деловые контакты. Увлекающаяся греческой эпиграфикой, он несколько раз в год направлял в ИАК скрупулезно подготовленные им сводки новых находок древних надписей, обнаруженных под Керчью и на Тамани. Директор Керченского музея, как и его предшественники, уделял постоянное внимание сбору боспорских надгробий.

Новый заведующий Керченским музеем смог приступить к раскопкам лишь во второй половине 1901 г., к тому, кроме общей неопределенности ситуации, привели и некоторые проблемы с финансированием. В Археологической Комиссии не были уверены в том, что В. В. Шкорпил вообще сумеет провести полевые исследования в этом году, но на заседании 1 мая 1901 г. все-таки решили, что 2000 руб. надо «иметь в виду на случай раскопок в Керчи» (1900 г., д. 277, л. 33, № 7). В Петербурге очень опасались, что территория бывшей крепостной эспланады, отошедшая к городу Керчи, начнет застраиваться, а это серьезно затруднит проведение здесь археологических исследований (ОИАК за 1901 г. 1903: 51). Раскопки этого года были проведены и, в общем, в достаточно традиционном для Боспора русле, когда археологи, в основном, шли вслед за «счастливыми» (1901 г., д. 12, л. 114 сл.; Шкорпил 1903: 74 сл.).

Талант В. В. Шкорпила как специалиста, способного проводить масштабные полевые исследования, в полной мере раскрылся в 1902 г., когда в различных частях Керчи и ее окрестностей было раскопано огромное количество погребальных комплексов (ОИАК за

Надгробие с изображением воина
(1908 г., д. 13, л. 13а)

Надгробие с изображением воина
(1908 г., д. 13, л. 46)

1902 г. 1904: 47 сл.; Шкорпил 1904). Прежде всего, любопытнейший некрополь V–III вв. до н. э. был открыт под так называемым Вторым креслом Митридата на южном склоне горы Митридат, где было изучено 178 гробниц, при этом все они достаточно полно описаны (1902 г., д. 32, л. 362–386). Столь же неплохо документированы 337 гробниц, исследованных на Глинище (Там же, л. 387–439). Весьма любопытное открытие было сделано в могиле, в которой находились два разновременных ограбленных погребения; с более ранним связывается набор гипсовых украшений саркофага, состоящий из 14 фигурок Ниобид (Там же, л. 146, 431; ОИАК за 1902 г. 1904: 50–51; Шкорпил 1904: 163–164). После раскопок этого года на Глинище было сделано следующее заключение: «Судя по находкам, сделанным здесь, почти все Глинище представляет громадный некрополь главным образом первых веков христианской эры. Более древние памятники попадались здесь чрезвычайно редко» (ОИАК за 1902 г. 1904: 47).

Среди открытий этого года следует выделить также склеп, исследованный на первой версте Брянской ветки Керченской железной дороги. Он оказался ограбленным, но на стенках сохранились остатки росписи, особенно выразительно изображение медузы Горгоны на оштукатуренной плите, закрывающей вход в камеру. Внутри склепа в разное время были

поставлены четыре каменных саркофага. Два относительно ранних саркофага имели роспись в виде побегов виноградной лозы. Среди находок, происходящих из этого склепа, представлена бронзовая монета царя Котиса II (1902 г., д. 32, л. 111–113, 421–422; о склепе см.: Шкорпил 1904: табл. X–XI; Ростовцев 1914а: 272–276; Ернштедт 1955: 275–276).

Около Шлагбаумской улицы была обнаружена ограбленная катакомба, в которой находился искусственно деформированный человеческий череп. В смежной катакомбе В. В. Шкорпил обнаружил надпись на стене, нанесенную красной краской. Это было число 582, исследователь увидел здесь дату, т. е. 285 г. н. э., и заключил, что «обычай искусственного изменения формы головы существовал на Боспоре в третьем столетии по Р. Хр.» (1902 г., д. 32, л. 18, 386).

В том же году заведующему Керченским музеем пришлось позаботиться об изучении территории, прилегающей к Керченскому порту. Дело в том, что в это время развернулись крупные работы по его расширению, углублению акватории и т. д. Предполагалось срыть крутой берег, возвести новые постройки и произвести мощение территории. За работами было организовано археологическое наблюдение, что дало возможность исследовать еще несколько погребений (Там же, л. 139; ОИАК за 1902 г. 1904: 47). В дальнейшем, когда Керченская городская управа начала перестройку части Карантинного шоссе, прилегающего к порту, археологические исследования были перенесены и туда (1903 г., д. 19, л. 73).

В 1903 г. В. В. Шкорпил исследовал почти четыре сотни погребений (Там же, л. 391; ОИАК за 1903 г. 1906: 43 сл.), при этом раскопки проводились приблизительно в тех же самых районах Керчи, что и ранее. Среди открытых тогда погребений имеются весьма любопытные, в том числе обнаруженная на горе Митридат гробница «убитого в сражении воина» (1903 г., д. 19, л. 152, 345, № 108). В грунтовой яме, перекрытой досками, лежал прекрасно сохранившийся костяк головой на восток. В его ногах находилась амфора, в левой руке — коринфский расписной сосудик. Рядом с ним лежал еще один сосуд, расписанный красной краской. В лобовой части черепа имелась пробоина, что и позволило исследователю сделать заключение, что здесь был погребен убитый воин. Судя по описанию находок, этот комплекс принадлежит времени поздней архаики и, в общем, входит в круг памятников, которые характеризуют сложную военно-политическую обстановку, сложившуюся на Боспоре в начале V в. до н. э. (см. Виноградов 2005а: 238–245, 258–262).

Подобные открытия имели место и позднее. В 1907 г. В. В. Шкорпил открыл могилу, перекрытую досками, в которой костяк лежал головой на северо-восток, левая его рука оказалась отрубленной по локоть. Возле левого колена находился пучок бронзовых наконечников стрел; около левого бока лежал короткий меч (длина — 0,53 м), рукоять которого на конце была украшена «двумя неподвижными кольцами»; под мечом находился обломанный каменный точильный брусок с отверстием для подвешивания (1907 г., д. 6, л. 36, 340, № 17). Датировать этот комплекс очень трудно, но, судя по описанию меча, он, вероятнее всего, имел так называемое антенное навершие, что позволяет относить его к V в. до н. э.

Некрополь под Вторым креслом Митридата, к которому относятся два описанных выше воинских захоронения, раскапывался в 1902, 1903, 1905 и 1907 гг. Подводя итог своим исследованиям, В. В. Шкорпил писал (1907 г., д. 6, л. 334): «Так как в расследованной части южного склона Митридатовой горы ни разу не встречались гробницы с „мегарскими“ чашками или краснолаковой посудой (*terra sigillata*) или со стеклом и фибулами, то, кажется, правилен будет вывод, что на рассматриваемом месте с V по III век до Р. Хр. существовало пантикапейское кладбище, но что приблизительно во II веке до Р. Хр. здесь была построена новая часть Пантикапея».

В июне 1904 г. «счастливицами» были открыты и разграблены два склепа на Госпитальной улице с прекрасными находками в «готском» стиле (1904 г., д. 6, л. 44, 54, 102–103). Все вещи оказались у торговца древностями И. А. Терлецкого,³⁸ и В. В. Шкорпил начал свою настоящему героическую борьбу за спасение этих памятников для науки. В ходе этой борьбы ему пришлось столкнуться не только с ненавистью кладоискателей и торговцев древностями, но и с продажностью керченской полиции. На сей раз старания В. В. Шкорпила оказались не напрасными: И. А. Терлецкому были возвращены те деньги, которые он заплатил «счастливицам», а наука обогатилась прекрасным комплексом времени поздней античности.³⁹ Один из раздосадованных грабителей обещал расправиться с В. В. Шкорпилом, в связи с чем тот в декабре 1904 г. обратился к керчь-еникальскому градоначальнику с просьбой положить конец этим угрозам, и, надо признать, необходимые меры были приняты: выделена охрана, на местах раскопок установлены временные полицейские посты и т. д. (Боровкова 1999: 87, 141).

Вся эта история, конечно, буквально взбудоражила Керчь, многими жителями, как писал В. В. Шкорпил, «овладело страстное желание найти подобные катакомбы»⁴⁰. Поскольку бороться с «лихорадочной деятельностью кладоискателей» было невозможно, то он решил полностью сосредоточиться на исследовании Госпитальной улицы и прилегающей к ней местности (1904 г., д. 6, л. 116; ОИАК за 1904 г. 1907: 78–83; Шкорпил 1907: 32 сл.; 1911а: 79 сл.; 1913а: 16 сл.; 1913b: 56; 1914с: 11). И это решение, конечно, было абсолютно верным. В 1904 г. исследователь установил, что полоса катакомб, которые он датировал III–IV вв. н. э., тянется от Госпитальной улицы вплоть до вала, спускающегося с Золотого кургана к полотну железной дороги (1904 г., д. 6а, л. 1–2). Работы здесь были продолжены в 1905 г. (1905 г., д. 4, л. 19, 121 сл.) и в последующие годы (Шкорпил 1910: 31 сл.). Датировка катакомб, предложенная В. В. Шкорпилом, вскоре была исправлена на IV–V вв. н. э. (Спицын 1905b: 115). В результате всех этих исследований археологическая наука обогатилась комплексами Госпитальной улицы, имеющими принципиальное значение для изучения культуры Боспора в период поздней античности (см.: Засецкая 1979; 1990).

В 1908 г. на горе Митридат, совсем недалеко от того места, где в 1891 г. проводил раскопки А. А. Бобринской, был найден замечательный расписной склеп (см.: ОИАК за 1908 г. 1912: 109, 110; Шкорпил 1911а: 65; Ростовцев 1914а: 70–82; Ернштедт 1955: 250; Блаватский 1964: 75–77). Погребальная камера была украшена горизонтальными декоративными полосами, окрашенными в различные цвета. На верхнем выступе, по форме напоминающем карниз, были изображены различные предметы (алабастры, аски, гирлянды и пр.), как бы висящие на гвоздях. В. В. Шкорпил по этому поводу заметил: «Вся суть и изящество декоративной живописи склепа заключается в этой верхней полосе» (1908 г., д. 13, л. 32, 308). В высшей степени ценно, что данный погребальный комплекс сохранился в непотревоженном состоянии, в нем находилось пять костяков с весьма показательным инвентарем (краснофигурные пелики, чернолаковый

³⁸ О деятельности И. А. Терлецкого, врача лазарета Особого Керченского отделения корпуса пограничной стражи, по собиранию боспорских древностей см.: Боровкова 1999: 39–40, 83–94.

³⁹ Станным образом из-за денег, выданных И. А. Терлецкому, в марте 1918 г. В. В. Шкорпилу был предъявлен иск со стороны Революционного Трибунала (1904 г., д. 6, л. 133). Благодаря активному участию Археологической Комиссии, обвинения с него были сняты (Боровкова 1999: 143).

⁴⁰ В 1905 г. к В. В. Шкорпилу обратилась керченская мещанка У. Шаманская, предлагая ему провести раскопки на ее участке. Причиной такого поступка стало то, что бедная женщина не имела покоя ни днем, ни ночью, поскольку под землей постоянно слышался стук кладоискателей, пробивавшихся к Госпитальной улице (1905 г., д. 4, л. 63). Раскопки на участке У. Шаманской были проведены и дали свой результат (Там же, л. 125).

килик, арибаллические лекифы, украшенные пальметками, сетчатые арибаллические лекифы и т. д.). Исследователь обоснованно признал этот склеп семейным и посчитал, что он использовался во второй половине IV–первой половине III в. до н. э. (Там же, л. 310, но ср.: л. 34, 303). Описание материала, однако, позволяет предполагать, что он вряд ли заходил в III в., поскольку основное количество находок явно принадлежит IV в. до н. э. Вполне возможно, что склеп был построен во второй половине IV в. до н. э. (Ернштедт 1955: 250).

В конце 1910 г. на северном склоне Митридата (против Первой Подгорной улицы) было обнаружено весьма любопытное погребение, содержащее человеческий костяк, во внутренней стенке позвонка которого застрял наконечник стрелы. Положение этого наконечника позволило предполагать, что погибший от стрелы пантикапеец был убит врагом, стоявшим под горою или под оборонительными стенами Пантикапея (1910 г., д. 4, л. 165). К сожалению, погребение было безынвентарным, и датировать его невозможно.

В 1911 г. во время раскопок на северном склоне Митридата (Третий Кладбищенский переулок) была открыта целая серия любопытных погребальных комплексов, в общей сложности 24 гробницы (Шкорпил 1914с: 3 сл.). Благодаря находкам аттической чернофигурной керамики, В. В. Шкорпил полагал, что этот некрополь является весьма ранним, представляя собой «одно из первых мест погребения древних пантикапейцев, основавших новый город» (1911 г., д. 7, л. 185). Раскопки 1912 г., когда здесь было обнаружено еще 43 погребения, в полной мере подтвердили этот вывод, В. В. Шкорпил даже сделал заключение, что они, в основном, относятся к VI в. до н. э. (1912 г., д. 4, л. 187). Среди исследованных гробниц особый интерес привлекает одна кремация (гробница № 15). На месте сожжения было вырыто четырехугольное углубление (1,65 × 0,67 м, глубина — 0,56 м), в котором помещена урна с человеческим прахом. В качестве урны использована псевдопанафинейская амфора с изображением флейтиста, играющего на двойной флейте в окружении судей, опирающихся на посохи (1911 г., д. 7, л. 46–47, 193–194; ОИАК за 1911 г. 1914: 25–26; Шкорпил 1914с: 7–8; Радлов 1912: 76 сл.). О находке этой замечательной вазы в ИАК было сообщено специальной телеграммой (1911 г., д. 7, л. 48), но наше внимание должна привлекать не только она, но и другие сделанные здесь находки. Исследователь сообщал, что вместе с сосудом находились три железных наконечника копий, стянутые снизу бронзовыми кольцами. Два из них имели длину 0,3 м, а третий, практически полностью разрушенный ржавчиной, был в два раза их больше, т. е. имел длину 0,6 м. Столь длинный наконечник — большая редкость в Древней Греции, и, в принципе, его можно сопоставить только с наконечником македонской сариссы.⁴¹

Несмотря на то что большая часть могильника была вскрыта в 1911 г., В. В. Шкорпил продолжил на нем исследования в 1913 г. Сделанные находки позволили ему вновь подтвердить вывод, что «здесь был один из древнейших пантикапейских некрополей, относящийся к концу VI в. до Р. Хр.» (1914 г., д. 4, л. 169; см.: Блаватский 1951: 15–16, 18).

В 1914 г. были продолжены раскопки так называемого «пепелища», расположенного между Вторым креслом Митридата и Круглой скалой. По наблюдениям исследователя, там под глубокой насыпью и в самой насыпи встречались гробницы, относящиеся к различным эпохам начиная «с VI в. до Р. Хр. и кончая временем, когда в Пантикапее были в ходу изделия готского стиля» (1914 г., д. 4, л. 173). Описаний этих погребений в отчете не содержится, дается простое перечисление сделанных находок по категориям: керамика, стекло, золото, серебро, железо,

⁴¹ Хорошо известно, что во время раскопок некрополя в Вергине (древняя Македония) был найден наконечник сариссы, достигающий в длину 0,51 м, а обычный наконечник копья, обнаруженный там же, имеет длину всего 0,27 м (Markle 1977: 323 ff.; Конноли 2000: 77–79). Керченская находка, однако, явно относится к более раннему времени.

гипс и т. д. Нечто подобное уже наблюдалось в практике составления археологических отчетов того времени, когда во главе Императорской Комиссии стоял А. А. Васильчиков. Трудно сказать, чем следует объяснять возвращение этой порочной практики, но любопытно, что среди имеющихся документов архива ИАК нет таких, которые бы требовали покончить с ней. Одновременно с работами на «пепелище» производились раскопки по трассе Карантинного шоссе. Это объясняется тем, что полосу шоссе было решено сузить, в результате этих работ по обочинам новой трассы были открыты гробницы I–II вв. н. э. (Там же, л. 174).

Можно признать, что методика раскопок пантикапейского некрополя, правила фиксации открытых объектов и пр. в 1859–1914 гг. имели свои недостатки. Тем не менее благодаря целенаправленной политике Археологической Комиссии и упорству керченских археологов древние могильники Пантикапея были изучены столь полно и подробно, как ни один из некрополей других античных городов Северного Причерноморья (Ростовцев 1925: 179).

В марте 1904 г. В. В. Шкорпил информировал Археологическую Комиссию (1904 г., д. 6, л. 23): «Между Керченским металлургическим заводом и Новым карантинном приблизительно десять лет тому назад открыто кладоискателями древнее кладбище гор. Мирмекия с чернолаковой посудой и финикийским стеклом. Почти все разноцветные сосудики, появившиеся тогда в большом количестве у керченских торговцев древностями, были найдены за Новым карантинном. Так как в последнее время случаи разграбления этого некрополя стали повторяться, то я, за трудностью преследования грабителей на таком расстоянии от Керчи, решил раскопать это кладбище и спасти то, что еще уцелело от рук грабителей».

На самом деле археологические исследования на территории между Новым карантинном и Металлургическим заводом были начаты годом раньше. В. В. Шкорпил надеялся с помощью этих работ «внести какую-нибудь новую черту в историю давно погибшего города» (1903 г., д. 19, л. 324). Результатом своих раскопок на этом объекте исследователь остался недоволен, «новых черт» истории Мирмекия ему выявить не удалось. Тем не менее на некрополе было раскопано 46 могил, в двух из которых находились погребения с копьями (Там же, л. 385 сл., № 369 и 370; ОИАК за 1903 г. 1906: 52 сл.; Шкорпил 1905: 70 сл.).

В 1906 г. самое большое внимание было уделено территории, лежащей между Карантинной слободкой и Новым карантинном (ОИАК за 1906 г. 1909: 83–84; Шкорпил 1909b: 52–53, 78–79). После этих исследований В. В. Шкорпил заключил, что западная часть Мирмекия никогда не доходила до этого «пустопорожного места, отделяющего слободку от карантина», здесь располагался сплошной некрополь. За один сезон на обозначенной территории были раскопаны 73 гробницы. Свои наблюдения археолог выразил следующим образом (1906 г., д. 4, л. 163):

«Более древняя часть некрополя тянется над берегом, вправо от Карантинного шоссе, некрополь же римского времени простирается на месте, перерезанным этим шоссе, и влево от него. В гробницах первого некрополя, устроенных, по большей части, в скале, встречаются по преимуществу низкие лекифы с красными пальметками или с темными сетками, усыпанными множеством белых точек; встречались также сосуды, покрытые густым, ярко блестящим лаком, пелики позднего прекрасного стиля, пелики местного производства, известные под неверным названием „акварельных“ ваз, и „мегарские“ чашки. Сосудики из „финикийского“ стекла не встречались вовсе, между тем как в той части некрополя возле Нового карантина, который я раскапывал в 1903 г., попадались весьма изящные алабастры и ойнохои этого рода».

Ранний некрополь В. В. Шкорпил датировал IV–II вв. до н. э., а поздний относил к римскому времени. В отношении последнего своим лучшим достижением он признавал открытие

здесь трех подземных склепов, весьма похожих на катакомбы горы Митридат и крымских берегов Азовского моря (Там же, л. 164).

Весной 1909 г. керченские кладоискатели, неустанно преследуемые В. В. Шкорпилом, перешли от ближайших окрестностей Керчи за Metallургический завод, на территорию, лежащую слева от дороги на Еникале, приблизительно в 10 верстах от города. Следует отметить, что поблизости от того места в деревне Капканы в 1891 г. проводил исследования А. А. Бобринской. Директор Керченского музея информировал ИАК, что здесь кладоискатели «стали раскапывать древний некрополь со стеклом и краснолаковой посудой I в. по Р. Хр.» (1909 г., д. 10, л. 104). Археолог обратил внимание на важность исследования данного могильника и провел здесь раскопки. В общей сложности им были исследованы 23 гробницы, судя по монетным находкам, относящиеся к I–II вв. н. э. (Шкорпил 1913а: 3, 31).

В мае 1914 г. В. В. Шкорпил обратился в ИАК с просьбой выделить ему средства (2–3 тыс. руб.) на раскопки «огромного некрополя, расположенного между Аджимушкаем и Темир-горой». На этом некрополе им уже были проведены разведочные работы в апреле месяце, в результате чего были обнаружены краснолаковые сосуды и «весьма интересное стекло» (1914 г., д. 4, л. 51). Деньги были получены, и летом 1914 г. археолог сосредоточил основное внимание на этом могильнике, занимавшем почти всю равнину между деревней Аджимушкой и Темир-горой (Там же, л. 173–174). По сделанным находкам исследователь заключил, что он относится к I–III вв. н. э. Еще раз с сожалением приходится признать, что качество археологических отчетов в 1914 г. очень упало, и об открытых тогда погребальных комплексах мы не знаем ничего, кроме простого перечисления сделанных в них находок. Судя по всему, эти комплексы, как и многие другие, раскопанные в это время, следует считать потерянными для науки.

На азиатской стороне Боспора Императорская Археологическая Комиссия поначалу раскопок грунтовых некрополей в это время почти не проводила, хотя грабеж древних могильников здесь достиг очень крупных масштабов. В. В. Шкорпил в мае 1907 г. писал в Петербург: «В окрестностях Тамани, между Лысой горой и морем, в особенности же возле Южного кордона, построенного на Тузлинском мысу, происходит археологический грабеж, достигший ужасающих размеров» (1907 г., д. 6, л. 68). На Тузле директор Керченского музея повсюду увидел ямы, в которых виднелись остатки разоренных гробниц. Местные пастухи рассказали ему, что грабители находили здесь разнообразную глиняную посуду и даже золото, при этом расписная керамика с изображениями животных была куплена вездесущим Терлецким. У торговцев древностями В. В. Шкорпил видел происходящие отсюда коринфские сосудики, аттическую чернофигурную посуду, «финикийское» стекло. В связи с таким положением он сокрушался, что «решительно вся Тамань знает об этих раскопках», но «никто из лиц, ведающих это дело, не принимал и не принимает никаких мер, чтобы остановить это варварское хищение». Более того, по Тамани распространялся слух, что в газете «Кубанские ведомости» было напечатано распоряжение, по которому ввиду неурожая, постигшего этот край, «разрешено выкапывать древности всякому, кто захочет заняться этим делом». В. В. Шкорпил настаивал, чтобы местные власти приняли срочные меры к прекращению грабежей и разъяснили всю нелепость распространявшихся слухов, однако самым действенным способом спасения Тузлинского некрополя он считал проведение на нем нормальных археологических раскопок.

Исследования здесь были предприняты лишь в 1911 г. Собственно, тогда были проведены раскопки на двух древних некрополях: на мысе Тузла и на берегу пролива около хутора Кротенко (между Тузлой и Панагией). На Тузле за один год было раскопано 137 погребений (1911 г., д. 7, л. 280 сл.; ОИАК за 1911 г. 1914: 37; Шкорпил 1914с: 21 сл.), многие из которых относятся к позднеархаическому времени, но здесь имеются и погребения IV в. до

н. э., и эллинистические, и римские. Около хутора Алексея Кротенко было исследовано еще 42 погребальных комплекса, наиболее показательные из которых относятся опять же к времени поздней архаики (1911 г., д. 7, л. 258 сл.; Шкорпил 1914с: 71 сл.). В обоих некрополях было обнаружено немало погребений с оружием, что ярко характеризует своеобразие культуры Боспора в конце VI–первой половине V в. до н. э. В. В. Шкорпил полагал, что эти памятники следует связывать с греческой колонией, существовавшей на месте Тамани (1911 г., д. 7, л. 187–188), т. е. с Гермонассой.

О некоторых обстоятельствах своих раскопок директор Керченского музея писал в ИАК: «По перенесении моих разысканий в 1911 г. от мыса Тузла к хутору Кротенко, на самом близком расстоянии от Тузлянской грязелечебницы, где почти ежедневно бывали таманский атаман (Самойленко) и пристав (Толстопят), среди белого дня закипела такая деятельная работа таманских кладоискателей, что мне в скором времени пришлось вернуться обратно к Тузле» (1913 г., д. 4, л. 257). О широком распространении грабительских раскопок на Таманском полуострове, ставших настоящим археологическим бедствием, будет сказано далее.

В самой станице *Тамань* раскопки проводились в 1912 г. Они были вызваны тем, что там началось разграбление древнего некрополя около Свято-Покровской церкви, обнаруженного местными жителями в результате выборки глины. Здесь было исследовано всего пять гробниц, относящихся к IV и III вв. до н. э. (1912 г., д. 4, л. 188, 218–220; ОИАК за 1912 г. 1916: 50).

Важность изучения древностей Боспора Киммерийского, конечно, осознавалась всеми специалистами, но их значимость уже никому из них не представлялась первостепенной. Раскопки Ольвии и Херсонеса в Археологической Комиссии тогда уже представлялись явно более отвечающими задачам современной науки. Такое положение нашло отражение даже в нумерации дел Архива ИАК: первое место в нем каждый год традиционно занимали финансовые документы; отчеты о раскопках в Керчи начиная с 1905 г., как правило, имеют № 4; № 2 и 3 — отчеты о работах в Ольвии и Херсонесе.

Раскопки боспорских городищ в начале XX в. практически не проводились, основное внимание уделялось исследованиям грунтовых некрополей и курганов. Тем не менее Императорская Комиссия принимала все зависящие от нее меры по сохранению древних памятников, пресечению их вывоза за границу. В связи с этим можно привести один показательный пример. В марте 1914 г. стало известно, что К. В. Робертс, начальник станции Индо-Европейской телеграфной компании в Керчи, планирует отправить в Британский музей два надгробия, найденные в 1913 г. на территории этой станции, в том числе стихотворную эпитафию Стратоника, сына Зенона (КБН 145; вторая надпись — КБН 652). А. А. Бобринской по этому поводу немедленно обратился в Министерство иностранных дел с просьбой воспрепятствовать этому и повлиять на К. В. Робертса, чтобы тот передал находки в Керченский музей или, по крайней мере, оставил их в Керчи в ведении компании (1914 г., д. 4, л. 45). Соответствующий департамент МИД в апреле поручил российскому посольству в Лондоне обратиться к правительству Великобритании с ходатайством о принятии мер по недопущению ввоза этих эпиграфических памятников в Англию (Там же, л. 47). Необходимые меры были приняты, и в мае 1914 г. К. В. Робертс передал оба надгробия в музей (Там же, л. 44). Проблема, как видим, была решена, при этом, надо признать, очень быстро — всего за три месяца.

Весьма примечательным представляется и то, что в 1914 г. был решен вопрос о приобретении в собственность ИАК участка мещанина Тимофея Лопатина, находящегося на горе Митридат (Там же, л. 132, 137, 145). Этот участок был важен тем, что здесь находилась двойная расписная катакомба, открытая в 1873 г. (ОИАК за 1873 г. 1876 г.: X; ОИАК за 1874 г. 1877: 112 сл.; Ростовцев 1914а: 227–243; Иванова 1953: 155–156; Ернштедт 1955: 265–266). Такой замечательный памятник, конечно, необходимо было уберечь от всякого рода случайностей.

Первая русская революция (1905–1907 гг.), наложившая свою печать на всю жизнь страны, сказалась и на археологических исследованиях. Императорская Комиссия, разумеется, не принимала никаких постановлений по этому поводу, но практическое проведение работ в Керчи в это время явно осложнилось. В феврале 1906 г. В. В. Шкорпил информировал ИАК, что, «пользуясь теперешним тревожным временем», жители Керчи стали строить свои хижины позади Эспланадной улицы, и власти против этого ничего не предпринимают. Эту часть горы Митридат, соответственно, необходимо было подвергнуть «последнему тщательному расследованию» (1906, г., д. 4, л. 6). В ноябре 1907 г. в рапорте на имя А. А. Бобринского он писал о необходимости скорейшего доследования некрополя на южном склоне горы Митридат, поскольку «охрана его при большом расстоянии от города является крайне затруднительной и весьма опасной, *особенно в теперешнее тревожное время* (выделено нами. — *Ред.*)» (1907 г., д. 6, л. 141).

В 1913 г. по случаю празднования 300-летия Дома Романовых все сотрудники Керченского музея древностей были пожалованы специальными бронзовыми медалями. В их числе: В. Шкорпил — директор, В. Прыгунов — писарь, А. Основский — сторож музея, Ф. Зяблов — первый надсмотрщик, И. Анищенко — второй надсмотрщик, В. Мазка — дневной сторож на горе Митридат, П. Воловенко — ночной сторож на горе Митридат, С. Кузнецов — сторож при склепе Деметры (1913 г., д. 4, л. 53).

Однако специалистов для проведения масштабных работ на Боспоре явно не хватало. Желая улучшить ситуацию, В. В. Шкорпил пытался найти преданных делу людей, так сказать, на месте, в связи с чем писал в ИАК 28 января 1914 г. (1914 г., д. 4, л. 192):

«Уроженец и житель Таманской станицы, отставной подъяесаул Василий Васильевич Соколов, оказавший мне в течение последних трех лет деятельное содействие в производстве таманских раскопок и изучивший под моим руководством техническую сторону археологических расследований, обратился в конце прошлого года ко мне с заявлением и просьбой следующего содержания:

„Каждый год, с прекращением археологических раскопок в окрестностях Тамани, с осени и до весны следующего года, так называемые «счастливыцы» разграбляют окружающие Тамань древние курганы и кладбища, а найденные перепродают, довольно часто за границу. Станичная администрация, как Вам известно, не проявляет особенной энергии в борьбе с кладоискателями, и кадры их с каждым годом увеличиваются. Ввиду этого я просил бы Вас исходатайствовать мне у Императорской Археологической Комиссии разрешение на право раскопок в окрестностях Тамани, с условием, что я буду вести подробные записи находок, а также измерения и описания найденных гробниц. Кроме того, все найденные вещи будут представляться Вам и только... не взятые Вами для Императорской Археологической Комиссии поступят частью в мою коллекцию, а частью в Екатеринодарский музей”. Соколов намерен производить раскопки на свой счет. Заявляя, что Соколов мне известен около 20-ти лет как человек в высшей степени честный и порядочный, я просил бы Императорскую Археологическую Комиссию разрешить ему производство раскопок на Таманском полуострове в то время, когда зимою пролив будет покрываться льдом или когда я буду занят в другом месте и мне невозможно будет ездить в Тамань, но с тем неперемennым условием, чтобы он, во-первых, каждый раз или по телеграфу, или письмом извещал меня о местах и начале раскопок и, во-вторых, чтобы он производил раскопки не на свои средства, но в счет сумм, которые мне будут отпускаться на археологические расследования, причем я беру всю ответственность на себя. Все находимые вещи должны быть представляемы в Императорскую Археологическую Комиссию, которая, по своему усмотрению, будет выделять часть этих древностей и препроводять их в Екатеринодарский музей».

В. В. Соколов действительно стал деятельным помощником директора Керченского музея древностей на Таманском полуострове, порой являясь его представителем в самых непростых ситуациях, к примеру, во время обнаружения мраморного таманского саркофага в 1916 г. Ситуация, однако, настоятельно требовала большего числа специалистов в области античной археологии.

В начале мая 1914 г. планировалась поездка в Керчь императора Николая II, который как будто намеревался посетить керченскую крепость, но в связи с этим вполне мог осмотреть и некоторые археологические достопримечательности города. Информация об этом поступила в ИАК в марте от В. В. Шкорпила, который в свою очередь узнал о намерении императора от возвратившегося из Петербурга керченского градоначальника. В связи с возможностью приезда Николая II археолог просил ИАК выделить ему финансовые средства, необходимые для ремонта здания, которое Керченская городская дума выделила для устройства эпиграфического отделения Музея древностей. Такой возможностью получить дополнительное финансирование директор музея, разумеется, не мог не воспользоваться, при этом он торопил петербургское руководство с высылкой денег, поскольку ремонт необходимо было завершить к началу мая (1914 г., д. 4, л. 31–32). Информация о планировавшейся поездке подтвердилась, и А. А. Бобринской обратился к В. Н. Воейкову с просьбой о своем присутствии в Керчи во время поездки августейшей особы, в связи с чем «возможно было бы произвести в Высочайшем присутствии раскопку нескольких могил, которых здесь большое количество, и, хотя за удачный исход раскопки поручиться, конечно, невозможно, все же самая процедура вскрытия гробниц, несомненно, заинтересовала бы Его Величество и отняла лишь весьма непродолжительное время» (Там же, л. 36). Неудивительно, что деньги (446 руб.) на ремонт здания для эпиграфических находок В. В. Шкорпила были выделены.

Однако поездка Николая II в Керчь в мае 1914 г. не состоялась, возможно, она была отложена по причине других, более важных, государственных дел. Позднее она уже вряд ли была возможна — в начале лета международная обстановка сильно накалилась, а 19 июля 1914 г., как известно, началась Первая мировая война. Археологические проблемы в связи с этими событиями стали казаться совсем ничтожными, финансирование экспедиций, естественно, сильно сократилось и раскопки стали производиться в скромных масштабах. Директор Керченского музея писал по этому поводу: «В Керчи в 1915 году не проводилось обычных исследований сплошных некрополей» (Там же, л. 186). Не стоит думать, однако, что раскопок не было вовсе. Нет, они пусть в небольших масштабах проводились, к примеру, на Малой Близнице или на Лысой горе под Таманью, и дали весьма ценные материалы.

Блестящий период изучения курганов Боспора Киммерийского, безусловно, был в прошлом, но вообще отказаться от их раскопок археологи все-таки не могли. В ноябре 1905 г. В. В. Шкорпил писал в ИАК, что, убедившись в плохом качестве раскопок керченских курганов, он решил «ради опыта» провести дополнительные исследования нескольких небольших курганов. Центральные части насыпей этих памятников были разрыты в неизвестное время, поэтому археолог обращал внимание на их полы. В одном случае проведенные исследования позволили выявить остатки любопытной тризны и отдельные впускные гробницы IV в. до н. э. (1905 г, д. 4, л. 82–83, 143).

В 1906 г. Керченская городская управа «продала ряд курганов, находящихся в степи по правую сторону от дороги, ведущей к Царскому кургану» (1906 г., д. 4, л. 39). Курганы были проданы Управлению Керченского порта для получения грунта, необходимого для засыпки моря и устройства набережной. В. В. Шкорпил вынужден был организовать археологическое наблюдение за этими работами. В апреле 1914 г. были проведены спасательные раскопки кургана,

Юз-Оба, курган 1909 г., вид с севера (1909 г., д. 106, л. 11)

Юз-Оба, раскопки кургана в 1909 г. (1909 г., д. 106, л. 8)

сохранилась провал пайовина
буквы М.

8) Два горла простыя ам-
форы съ выгнутыми вглубь
надписями:

а) ΔΙΟΝΥ ΞΙΟΚΕ	а) ΔΙΟΥ- ΣΙΟΥ, ΚΡΑΥΤΟΥ
б) ΙΒΑΤΙ ΟΥΟ	б) [Σ]ΑΒΙ- [Χ]ΡΟΥΤΙ.

9) Два басовидная ручки съ над-
писями: X

а) ΛΕΩΤ ΘΑΣΙ ΚΛΕΑ	а) Λεωτρευθι. Θασισου. κλειου ρουθι
б) ΑΡΧΙΜΕΝΟΥ ΣΟΦΙΣΤΟΥ ΙΣΤΑΓΟ	б) Αρχειμενου. [Θ]ασισου. [Α]ρσταρουθι.

10) Басовой пестыдный гвоздь съ
загнутыми концами и обломки
пест. нонна.

11) Почти на поверхности кур-
гана найдено горло краснолако-
вого сосуда съ одной ручкой (terra

Описание клейм, найденных в кургане в 1909 г. (1909 г., д. 10, л. 450)

расположенного в Керченском городском саду, возле северных ворот. Этот курган раскапывался в XIX в., но его северная пола осталась нерасследованной (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 85). Необходимость дополнительных работ на кургане объяснялась тем, что из насыпи стали брать грунт для сооружения шоссе, ведущего к вокзалу. В. В. Шкорпил предпринял раскопки северной полы и обнаружил здесь остатки тризны с большим количеством керамических фрагментов. Из них удалось реставрировать девять чернолаковых и краснофигурных сосудов (1914 г., д. 4, л. 111–112).

Летом 1909 г. В. В. Шкорпил решил провести раскопки на некрополе хребта Юз-Оба. Для своих исследований он избрал курган, возвышавшийся слева от Чурубашской дороги. За два года археолог предполагал полностью снести насыпь этого кургана (1909 г., д. 10, л. 105, 446 сл.). Но второй сезон оказался ненужным, поскольку надежды на яркие открытия не сбылись (Шкорпил 1913а: 37–40). В. В. Шкорпил хорошо изучил характер насыпи (высота — 3,3 м), нижний горизонт которой (1,6 м) состоял из утрамбованной земли, а верхний (1,7 м) — из сплошной

каменной засыпки. Он обнаружил также каменную крепиду, окружавшую курган, открыл остатки тризны в его восточной части, но центральный склеп оказался полностью разграбленным и даже разобранным. Следует отметить, однако, что исследователь довольно подробно охарактеризовал все керамические находки, обнаруженные им в насыпи, и в отчете даже дал прорисовки амфорных клейм.

Директора Керченского музея глубоко волновало состояние хрестоматийно известных боспорских памятников. Он просил Императорскую Комиссию дать разрешение на закрытие входа в один из курганов Юз-Обы, раскопанного в 1860 г. Склеп этого кургана через 50 лет после раскопок представлял, по выражению археолога, «мерзость запустения». Работы местных каменоломен разрушили свод гробницы, пробили ее свод. «Варварство этих босяков дошло до того, что ими были срезаны... почти все острые углы камней, из которых сложен свод усыпальницы» (1909 г., д. 10, л. 105). Чтобы спасти склеп от окончательного разрушения, вход в него, конечно, следовало закрыть (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 118).

Конечно, все эти древние монументы нуждались в охране и сбережении, но В. В. Шкорпил замечал также и то, что общеизвестные памятники на страницах публикаций воспроизведены не совсем верно. В частности, это касалось крепиды Золотого кургана, изображение которой в «Древностях Боспора Киммерийского», по его мнению, не дает точного представления об этой монументальной конструкции. Для исправления положения необходимо было произвести фотографическую съемку сохранившихся частей крепиды (1906 г., д. 4, л. 218).

При всей важности изучения керченских курганов памятники Тамани тоже имели очень большое значение. В 1906 г., 30 июля, в ИАК обратился М. И. Ростовцев. Он просил, чтобы В. В. Шкорпил произвел раскопку двух курганов с расписными склепами на Таманском полуострове (Там же, л. 70). Скорее всего, профессор Петербургского университета имел в виду Большую Близницу и Васюринскую гору. На следующий год, однако, В. В. Шкорпил просил ИАК разрешить ему провести исследование Малой Близницы и расчистить расписной склеп на Васюринской горе (1907 г., д. 6, л. 53). Несмотря на серьезное противодействие, оказанное археологам владельцем земли, на которой находились Васюринские курганы, Н. В. Черковым, летом 1907 г. склеп был вскрыт и сфотографирован. Пробоина в передней части потолка камеры была закрыта бревнами и толстыми досками, а яма, образовавшаяся над ней в насыпи кургана, была засыпана землей.⁴² Что касается Малой Близницы, раскопки которой начались более 40 лет назад, то В. В. Шкорпил в 1907 г. открыл здесь пять лошадиных костяков с любопытными уздечными наборами (ОИАК за 1907 г. 1910: 84–85, 89; Шкорпил 1910: 46–47). Эти наборы до сих пор не опубликованы, но традиционно считаются довольно поздними (Ростовцев 1925: 375; ср.: Виноградов 2004b: 103–104).⁴³ Последний раскопочный сезон на Малой Близнице пришелся на 1915 г., когда В. В. Шкорпил недалеко от захоронения лошадей обнаружил

⁴² Обломки керамической посуды, найденные в 1907 г. в васюринском склепе с фресками, были по просьбе М. И. Ростовцева направлены в ИАК летом 1911 г. (1911 г., д. 7, л. 63), тогда же были высланы 14 фрагментов лепки, найденных в 1868 г. (Там же, л. 64).

⁴³ В Рукописном архиве ИИМК РАН имеется письмо В. В. Шкорпила, направленное 23 апреля 1908 г. Б. В. Фармаковскому. В нем содержится следующее описание конской узды из Малой Близницы: «На головах лошадей найдены удила и головная сбруя, украшенная бронзовыми и серебряными бляхами и пластинками в виде голов Медуз и пр., но все эти металлические вещи были до такой степени испорчены окисью металла, что ничего нельзя было разобрать; только на 2–3 бляхах с трудом можно заметить человеческие лица. Сохранились только бусы, найденные на головах двух лошадей: бусы одной лошади (60 штук) сделаны из синего „финикийского“ стекла с белыми глазками, бусы же другой — из кости» (1908 г., д. 13, л. 56). Такое описание, в принципе, вполне позволяет отнести конские захоронения к IV в. до н. э., т. е. считать их синхронными основной гробнице кургана (см.: Виноградов 2004b: 96–101).

Расписной склеп на Васюринской горе, левый угол (1907 г., д. 6, л. 38)

остатки тризны (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 146 сл.). Эти находки не добавили ничего нового в наше понимание данного интереснейшего памятника.

В 1910 г. в станице Тамань В. В. Шкорпил доследовал курган, в котором местные казаки обнаружили «жженую гробницу» с золотыми вещами и статером Александра Македонского. Археологу досталось совсем немного: золотая розетка и золотые бусы, бусы из белой пасты, бронзовый наконечник стрелы, черепки чернолаковых сосудов (1909 г., д. 10, л. 26–27; ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 118).

В январе 1911 г. В. В. Шкорпил обратился в ИАК с рапортом (1911 г., д. 7, л. 8–9), в котором предлагал «ввиду прежних замечательных открытий на Таманском полуострове, а также вследствие тайного кладоискательства, усиливающегося с каждым годом среди населения Кубанской области», провести раскопки на следующих курганах:

1. Нетронутые небольшие курганы около станицы Тамань.
2. Курган, известный как «Карabetова гора».⁴⁴
3. Маленькие курганы, расположенные у подошвы хребта, на котором находятся Малая и Большая Близицы, влево от дороги, ведущей в Стеблеевскую станицу.
4. Наконец, предлагалось провести раскопки на самой Большой Близице, точнее, на ее неисследованных частях.

⁴⁴ Раскопки на Карabetовой горе были проведены в июле 1912 г. Эта изрытая таманскими кладоискателями гора оказалась природным холмом, получившим форму кургана «благодаря действию вулканических сил» (1912 г., д. 4, л. 74).

Планируя раскопки таманских курганов в 1911 г., В. В. Шкорпил просил руководство ИАК обратиться к атаману Кубанского войска с официальной бумагой, чтобы тот в свою очередь приказал атаманам Таманской и Вышестеблиевской станиц оказывать археологам всякое содействие. По этому поводу он, в частности, заметил (1911 г., д. 7, л. 20–21):

«Эту свою просьбу я основываю, во-первых, на замеченном мною недоверии и сомнении станичных атаманов относительно того, имеет ли заведующий Керченским музеем древностей право заниматься археологическими раскопками на общественных землях казачьего войска, а, во-вторых, на враждебном отношении ко мне тех жителей Тамани и Стеблиевки, которые в последнее время стали производить тайные археологические раскопки. Враждебное отношение последних я постараюсь до некоторой степени смягчить тем, что приму самых главных из них в свою рабочую артель, но для меня было бы в высшей степени важно и желательно и то, чтобы начальствующие лица в упомянутых двух станицах относились ко мне с полным доверием и оказывали мне содействие всякий раз, как это окажется для меня необходимым».

Следует сразу отметить, что нужная бумага на имя атамана Кубанского казачьего войска из Петербурга была направлена незамедлительно (Там же, л. 22), и он издал соответствующие приказы,⁴⁵ а вот реализовать намеченную программу В. В. Шкорпилу не удалось. Как было сказано, основные работы 1911 г. были сосредоточены на некрополях Тузлы и у хутора Кротенко. На Тузле, конечно, имелись курганы (Соколов 1919а: 51), но этот некрополь вряд ли следует считать исключительно курганным. Во всяком случае, исследователь ни разу не охарактеризовал какой-либо раскопанной им курганной насыпи; во всех случаях говорилось лишь о глубине погребений от современной поверхности.

Проведенные В. В. Шкорпилем в 1911 г. раскопки «Колодьковой могилы» и двух других небольших курганов, расположенных в степи к юго-востоку от Тамани, привели к открытию погребений со скорченными костяками (Там же, л. 273–278; ОИАК за 1911 г. 1914: 38; Шкорпил 1914с: 71–72), как мы сейчас знаем, относящихся к бронзовому веку. В одном из них был даже обнаружен деревянный сруб, практически во всех погребениях зафиксированы следы окрашенности, куски красной краски и пр. Погребальный инвентарь был очень беден, исследователи нашли лишь пару горшков, сделанных из грубой глины, которую таманские казаки называли «ржаным хлебом», сам В. В. Шкорпил условно именовал такие сосуды «скифскими» (1911 г., д. 7, л. 273, 278).

В январе 1912 г. директор Керченского музея информировал Археологическую Комиссию (1912 г., д. 4, л. 36–37):

«Главное внимание я принужден обратить на продолжение таманских раскопок, где в течение последних осени и зимы деятельность кладоискателей достигла своего апогея. Сейчас, после моего отъезда из Тамани, несмотря на циркулярное запрещение наказного атамана Кубанского войска разрывать древние гробницы, по всем окрестностям станицы Таманской начались незаконные раскопки казаков, причем расхищались не только сплошные некрополи на равных (т. е. равнинных. — *Ред.*) местах, как прежде, но и курганы. Особенно находка золотого венка весом почти в два фунта... усилила деятельность таманских грабителей. О развитии кладоискательства на Таманском полуострове дает самое ясное понятие тот факт, что на днях приедет из Темрюка в Тамань специально вызванный судья, которому предстоит пересмотр

⁴⁵ В циркулярном распоряжении от 20 марта 1912 г. атаман обратился к таманцам с требованием искоренить кладоискательство, обещая строго наказывать за это всех: и казаков, и местное начальство. В июле 1913 г. был отдан приказ проводить неожиданные обыски в домах подозреваемых в разрытии древних могил (Гладкий 1916: 20). Все эти приказы, однако, не привели к улучшению ситуации.

осмидесяти протоколов, составленных в течение последних месяцев о расхищении древних гробниц. Я дважды телеграфировал по поводу хищнических раскопок в Тамани заведующему Екатеринодарским музеем г. Гладкому, по докладу которого наказной атаман два раза делал распоряжения о принятии самых энергичных мер к прекращению хищнических раскопок в Тамани и ее окрестностях. В последнее время казаки перестали разрывать холмы в окрестностях станицы, но я уверен, что в конце лета и осенью по окончании полевых работ кладоискательство возобновится с прежней силой».

В ноябре–декабре того самого 1911 г., когда директор Керченского музея исследовал малоинтересные для него курганы бронзового века, «счастливики» открыли под Таманью замечательный погребальный комплекс. Они начали разрывать насыпь Зеленского кургана и наткнулись на «жженный точек», а затем, вероятно, на гробницу с кремацией, в которой обнаружили очень ценные находки, в том числе часть упомянутого в письме В. В. Шкорпила золотого венка, а также золотой статер Александра Македонского. Для изъятия этих ценностей у кладоискателей были приняты необходимые меры, хотя они к тому времени уже попали в Керчь, в руки торговца древностями И. А. Терлецкого (1911 г., д. 7, л. 135–137),⁴⁶ после чего необходимо было приступить к исследованию кургана.

Надо признать, что Зеленской курган не отличался грандиозностью размеров (диаметр насыпи составлял 53,3 м, длина окружности основания — 192,8 м, высота насыпи — всего 4,5 м), тем не менее Археологическая Комиссия приняла решение исследовать его (ОИАК за 1912 г. 1916: 48–49). В. В. Шкорпил приступил к раскопкам 31 мая 1912 г., а 21 июня он уже послал в Петербург телеграмму следующего содержания (1912 г., д. 4, л. 65): «Приехал (в) Керчь (на) один день, (чтобы) отправить найденные золотые вещи. Нет физической возможности составить счет, когда обилие обнаруженных (в) кургане гробниц требует моего присутствия. Буду продолжать раскопки (на) личные средства (в) пределах ассигнованной суммы».⁴⁷

Первая обнаруженная В. В. Шкорпилем гробница была устроена в юго-восточной части насыпи на высоте около 0,9 м от материка. Она была сложена из плит известняка в виде ящика; три плиты перекрывали эту конструкцию. Костяк в этом ящике лежал на плитах пола головой на восток; на голове находился золотой венок с геракловым узлом в центре, поблизости от которого были расположены разнообразные подвески. В ногах стояла чернотерракотовая пелика с каннелированным туловом, украшенная на горле позолоченной гирляндой из накладной глины. Рядом с погребенным лежали копье, 5–6 дротиков и, вероятно, горит с луком и стрелами. Автор раскопок связывал с горитом находку зооморфного крючка, положенного около левой ноги (1912 г., д. 4, л. 211, примеч.). Около правой руки погребенного лежал железный стригиль, на груди находились янтарные и лигнитовые бусы, золотая круглая фибула, украшенная гранатом с вырезанным на нем изображением головы сатира. Против юго-западного угла этой гробницы было открыто захоронение лошади, которая, судя по остаткам краски, имела розовую попону.

К востоку от гробницы воина был обнаружен каменный ящик, на одну треть вкопанный в материк. Сверху на нем лежали обломки гладкой медной пластины, которую В. В. Шкорпил предположительно определил как обивку круглого щита. В самом ящике было обнаружено

⁴⁶ В 1914 г. В. В. Шкорпил информировал ИАК, что доктор И. А. Терлецкий захватил в свои руки всю торговлю боспорскими древностями (1914 г., д. 4, л. 130). Правда, когда началась война, он был направлен в действующую армию (Там же, л. 91).

⁴⁷ Для исследования Зеленского кургана В. В. Шкорпилу из ИАК было немедленно переведено 2385 руб. (1912 г., д. 4, л. 68).

Раскопки Зеленского кургана (1912 г., д. 4, л. 657)

Каменная гробница Зеленского кургана (1912 г., д. 4, л. 656)

342 железных наконечника стрел, железный нож, 93 экземпляра круглых золотых бус, множество узких полосок листового золота и пр. Рядом с этим сооружением с юга и востока лежали костяки двух лошадей, при которых не было никаких вещей (Там же, л. 213–214).

В нескольких шагах к северо-западу от ящика находился земляной склеп с дромосом, впущенный в материк почти на 1,6 м (Там же, л. 214–217). Сверху вся конструкция была перекрыта толстыми бревнами. Около западной стены склепа стояла чернолаковая гидрия, украшенная на горле двумя позолоченными ветками из накладной глины. Она была почти доверху наполнена золой и пережженными костями. Среди праха были найдены: железный перстень, обтянутый золотым листом, части золотого венка, золотые бусы, золотая фигурка сирены, золотой статер Александра Македонского и пр. Кроме погребальной урны в склепе было найдено большое количество металлической посуды, особый интерес в ее составе привлекает набор серебряных сосудов (Гайдукевич 1949: 132, 134–135. Рис. 21–22; Максимова 1979: 72–76. Рис. 23А).

В северной поле кургана было обнаружено место тризны с большим количеством разбитой керамической посуды, в том числе чернолаковых тарелок, киликов и асков. Среди этих обломков находились части большой панафинейской амфоры с надписью, которую В. В. Шкорпил реконструировал как [NEA]XMO[Σ], т. е. относил архонту Неайхму — 320/19 г. до н. э. (1912 г., д. 4, л. 93, 217; Bentz 1998: 179, 226, Кат. 4, 119). М. И. Максимова считала такую интерпретацию возможной, но допускала и иные реконструкции (Демоген, Демоклид), последние относятся, соответственно, к 317/16 или 316/15 гг. до н. э. (Максимова 1961: 17; Уильямс, Огден 1995: 178). Здесь же, под северной поллой, было открыто место, где в кучу были сброшены обломки остродонных амфор и боспорских черепиц, некоторые из которых имели клейма (1912 г., д. 4, л. 217). По поводу этих находок В. В. Шкорпил писал В. В. Латышеву (Там же, л. 93): «При раскопках на Зеленой горе найдено мною в этом году, между прочим, куча разбитых амфор с клеймами и надписями. Эти керамические надписи интересны тем, что их можем точно датировать на основании других находок, известных из кургана».

Материалы керамической эпиграфики, безусловно, имеют принципиальное значение для датировки кургана, не случайно автор раскопок посвятил им специальное исследование (Шкорпил 1914а: 121 сл.). И. Б. Брашинский относил амфорные клейма этого комплекса к концу IV–началу III в. до н. э. (Брашинский 1984: 140; см. также: Монахов 1999: 484). Точная датировка всех комплексов Зеленого кургана, однако, пока еще не установлена, но ясно одно — В. В. Шкорпилу посчастливилось открыть один из важнейших археологических памятников (см.: ОИАК за 1912 г. 1916: 48–49; Шкорпил 1916: 22 сл.; Ростовцев 1925: 290 сл.; Полин 1992: 58–60; Уильямс, Огден 1995: 178–179; Pfrommer 1990: 286), который можно отнести к началу того периода боспорской истории, который следует сразу за падением Великой Скифии (Виноградов 2005а: 291).

Результаты раскопок Зеленого кургана произвели большое впечатление не только на научный мир, но и на таманских казаков, которые в связи с этим провели сход и приняли на нем специальное решение. Казаки намеревались включиться в раскопки, так сказать, на законных основаниях. Раскопками должны были руководить лица, избранные казаками из своей среды, под наблюдением директора Керченского музея. Ослепленные блеском недавно открытых сокровищ, станичники предлагали работать бесплатно, надеясь получить лишь 50 % от стоимости вещей, которые они обнаружат в древних гробницах. Оценку вещей должны были производить в ИАК. В. В. Шкорпил от этого энтузиазма не ожидал ничего хорошего, свою позицию он разъяснил в письме в ИАК (1913 г., д. 4, л. 257–258):

«В приговоре таманского станичного сбора я вижу простую увертку, придуманную бывшим атаманом Самойленко или его вдохновителем приставом Толстопятом с тем, чтобы оправдать себя в глазах наказного атамана, искренно заинтересованного в прекращении таманского кладоискательства и знающего хорошо о расхищении древних гробниц по письмам, отправляемым заведующему Кубанским музеем мною и членом Кубанского музея В. В. Соловьевым.

Что же касается самого предложения станичного сбора и просьбы о разрешении казакам производить раскопки под наблюдением директора Керченского музея и уполномоченных от общества, то такое ходатайство, на мой взгляд, следует решительно отклонить, потому что во всей станице не найдется ни одного казака или „иногороднего”, который согласился бы работать на своих харчах только на основании одного обещания, что он получит часть половинной суммы, присужденной Императорской Археологической Комиссией за найденные вещи. Кроме того, я считаю для себя унижительным наблюдать за такого рода раскопками в обществе и под контролем грубых и невежественных лиц, которые будут избраны станичным сбором станицы Таманской».

В 1913 г. В. В. Шкорпил очень много внимания уделил находке, сделанной таманским казак Ф. Бурло, который летом этого года работал в его археологической артели. Речь идет об одном из важнейших комплексов времени архаики на Таманском полуострове — погребении у Цукур-Лимана, содержащем бронзовый топорик, бронзовые наконечники стрел, бронзовую бляху, исполненную в зверином стиле, греческую ойнохою и пр. (1913 г., д. 4, л. 47; ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 145–146). Директор Керченского музея даже просил казацкого офицера В. В. Соколова, проживавшего в Тамани, проверить правильность информации Ф. Бурло. Тот отвечал, что раскопщику «можно доверять, по крайней мере, рассказ его производит впечатление полного правдоподобия, да и парень он, насколько я знаю, правдивый» (1913 г., д. 4, л. 52). В. В. Соколов, основываясь на информации из рассказа Ф. Бурло, даже составил схему раскопанного там погребения с обозначением расположения костяка и сопровождающего инвентаря. Достоверность этого памятника ни у кого не вызывает сомнения (Прушевская 1917: 31 сл.; Ростовцев 1925: 345–349); М. Ю. Вахтина датирует этот любопытнейший комплекс второй четвертью–серединой VI в. до н. э. (Вахтина 1993: 56).

В 1916 г. было сделано еще одно важное открытие, оно связано с находкой таманского мраморного саркофага. В связи с этим 2 февраля 1916 г. В. В. Шкорпил послал в Археологическую Комиссию телеграмму (1916 г., д. 4, л. 32): «Казаками открыт (на) Лысой горе мраморный саркофаг (с) акротериями, розетками, надписью. Произвожу раскопки. Перевезу саркофаг (в) ограду Покровской церкви. (В) скором будущем пошлю описание, фотографии».

На самом деле надписей на саркофаге не было, но само по себе данное открытие от этого не стало менее интересным и важным. Лысая гора, на которой был насыпан курган, расположена приблизительно в километре от Тамани. Местные казаки во главе с А. Деревенцем производили здесь грабительские раскопки и 1 февраля обнаружили большую каменную гробницу (4,22 × 2,3 м), перекрытую крупными каменными плитами, внутри которой стоял мраморный саркофаг. Этот саркофаг, украшенный акротериями, золочеными розетками и т. д., стал хрестоматийно известным памятником классической древности района Керченского пролива (Гайдукевич 1949: 284; Пятышева 1949; Соколов 1973: 72–73). Описывать его еще раз не имеет смысла, важнее обратить внимание на особенности данного погребального комплекса и некоторые сделанные здесь находки. В. В. Шкорпил по этому поводу писал (1916 г., д. 4, л. 37):

«При последнем вскрытии саркофага найдены кости двух костяков разбросанными по всему дну. Среди костей остались: костяная рукоять ножа, украшенная на лицевой стороне

План погребения у Цукур-Лимана, составленный В. В. Соловьевым (1913 г., д. 4, л. 52)

18 кружочками, глиняный шарик со следами позолоты и золотая подвеска в виде кисточки, принадлежавшая, по-видимому, к золотым вещам, похищенным таманскими грабителями. На почти ровной крышке саркофага, судя по обильным следам сукровицы и по костям, найденным под длинными сторонами саркофага, лежали другие два костяка».

Из этого описания ясно, что, по мысли исследователя, в гробнице на Лысой горе были похоронены четыре человека, при этом два из них, составляющие более раннее захоронение, находились в саркофаге, а два других были положены на его крышку позднее (см. также: ИАК. Вып. 65. 1918: 16–171; Гладкий 1916; Соколов 1919b; Гриневич 1952; Пятышева 1949). Не ясно, правда, почему В. В. Шкорпил написал, что кости последних были найдены «под длинными сторонами саркофага». Вероятно, в данном случае это выражение означает, что кости лежали около его основания, в противном случае опытный археолог, конечно, отметил бы факт перекрывания костей саркофагом и в связи с этим дал бы совсем другое заключение.

С данной гробницей связаны две пелики. Одна из них чернолаковая с каннелированным туловом и орнаментом в виде двух гирлянд на горле, сделанных из накладной глины и позолоченных; другая — акварельная с изображением двух фантастических существ около треножника. Обе были приобретены у грабителей торговцем древностями Е. Запорожским и впоследствии выкуплены у него В. В. Шкорпилом. Тем не менее сомнений в том, что обе пелики происходят из данного комплекса, нет, поскольку несколько фрагментов именно этой чернолаковой пелики были найдены при расчистке гробницы археологами (1916 г., д. 4, л. 40). В. В. Шкорпил связывал чернолаковый сосуд с более ранним погребальным комплексом гробницы, а акварельную пелику — с поздним. Основываясь на этих находках, он датировал гробницу временем Александра Македонского или началом III в. до н. э. Последняя датировка представляется сейчас явно более предпочтительной.

Однако кроме пелик в Археологическую Комиссию В. В. Шкорпил направил еще два предмета: звездочку из тонкого золота, найденную в мраморном саркофаге, и бронзовую монету с изображением головы Посейдона на лицевой стороне и проры корабля на оборотной, обнаруженную в насыпи кургана недалеко от гробницы (1916 г., д. 4, л. 55). Выпуск таких монет в Пантикапее, по заключению Д. Б. Шелова, приходится на третью четверть III в. до н. э. (Шелов 1956: 217, табл. VI. 75), В. А. Анохин относит их к еще более позднему времени — 220–210 гг. до н. э. (Анохин 1986: 142, № 144). Последняя хронологическая атрибуция заставляет считать, что монета, обнаруженная в насыпи кургана, попала сюда случайно. Датировка Д. Б. Шелова, напротив, вполне позволяет связать эту находку с гробницей и предполагать, что она относится к поздним захоронениям, сделанным на крышке саркофага. Оценивая весь происходящий из кургана вещевой материал, можно даже предположить, что погребения здесь начали совершаться в первой четверти III в. до н. э., а закончили в начале третьей четверти этого столетия.

Главным объектом археологических раскопок среди всех городищ Боспора, конечно, оставался Пантикапей. После раскопок К. Е. Думберга, связанных с открытием «пантикапейских терм» или «храма Геркулеса», которые произвели большое впечатление на научную общественность, требовалось продолжение поисков в обозначенном направлении. Неудивительно, что В. В. Шкорпил предпринял исследования на «пепелище» северного склона горы Митридат. Здесь был заложен раскоп площадью более 150 кв. м, мощность культурных напластований достигала 8,5 м; от этого раскопа в северо-западном направлении было сделано несколько мин (1901 г., д. 12, л. 111; ОИАК за 1901 г. 1903: 51). Исследователь дал весьма подробную характеристику всех находок, происходящих из слоя, подсчитав количество обнаруженных амфорных клейм,⁴⁸ монет и т. д. В отношении монет он отметил, что их найдено 455 экземпляров, но лишь 94 удалось определить, при этом в верхних горизонтах «пепелища» фиксировались монеты боспорских царей первых веков н. э., а на глубине 2 м и более те, которые принадлежат «первым временам Пантикапея» (1901 г., д. 12, л. 111–112). В основании этой насыпи археолог обнаружил лишь два ряда каменных кладок, образующих подобие узкого тротуара (Там же, л. 113).

В 1902 г. раскопки «пепелища» были продолжены, но задача изучения руин Пантикапея специально уже никак не была выделена. Более того, по причине несчастного случая (падение одного из посетителей городища в яму) было решено засыпать «особенно опасные места среди развалин, открытых К. Е. Думбергом» (1902 г., д. 32, л. 30–31).

⁴⁸ Амфорным клеймам из раскопок этого года было посвящено специальное исследование (Шкорпил 1902: 122 сл.).

Информируя ИАК о планах работ 1903 г., В. В. Шкорпил считал возможным возобновить систематические разыскания в верхней части северного склона Митридатовой горы. При этом он писал: «Я не буду делать сплошного раскопа, как в 1901 году, но буду копать в глубокой насыпи колодцы и из них проводить мины во все стороны» (1903 г., д. 19, л. 127). Подобная методика археологических исследований, особенно на фоне масштабных, хорошо организованных и целенаправленных раскопок в Ольвии и Херсонесе, конечно, кажется каким-то жутким анахронизмом.

Вместе с тем, целенаправленно и систематически изучая некрополь Пантикапея, В. В. Шкорпил делал наблюдения относительно расширения границ города. Так, при раскопках могильника V–III вв. до н. э. под Вторым креслом Митридата (см. выше), он заметил, что городские постройки стали распространяться сюда не ранее II в. до н. э. (1907 г., д. 6, л. 334; см.: Блаватский 1951: 24). Археолог продолжал с необходимым вниманием относиться к снятию напластований пантикапейского «пепелища», закладывая здесь огромный раскоп (69,07 × 11 м) с целью обнаружения перекрытого им некрополя. В. В. Шкорпил разделил эту насыпь на два крупных пласта, из которых верхний относился к первым векам н. э., а нижний — к более ранним временам (1908 г., д. 13, л. 303–304; Шкорпил 1911а: 63).

Археологу не давала покоя и другая мысль, он стал постоянно присматриваться к склонам горы Митридат, стараясь угадать место, на котором мог находиться древний театр. Сомнений в существовании пантикапейского театра у В. В. Шкорпила не было — в том его убеждали как размеры и величие столицы Боспора, так и свидетельство Полиэна о поездке сюда полководца Мемнона и кифареда Аристоника (Strateg. V. 44. 1). О своих поисках в этом направлении исследователь сообщил следующее (1909 г., д. 10, л. 28–29):

Раскопки пантикапейского «пепелища» в 1908 г. (1908 г., д. 13, л. 58)

«Самым подходящим местом (для поисков театра. — *Ред.*) оказалась мне впадина на юго-восточном склоне горы, отстоящая приблизительно на 200 шагов от здания бывшего музея в юго-восточном направлении. Впадина эта начинается за теперешней Александро-Невской церковью и, постепенно расширяясь, доходит почти до половины склона горы, до того места, где находится дорога, устроенная когда-то попечением градоначальника Херхеулидзе. Впадина обращена к Ю.-В., подобно театру Диониса в Афинах; отсюда открывается роскошный вид на бухту, пролив и на противоположный берег Таманского полуострова. Нижняя часть впадины застроена негодными лачужками, верхняя засыпана землей, разбросанной при устройстве вышеупомянутой дороги, поэтому пришлось производить разведки между лачугами и дорогой. В разных пунктах этого пустопорожнего места сделано пять четырехугольных ям, чтобы расследовать насыпь и убедиться, на какой глубине находится материк и не сохранились ли на нем следы каменных скамеек, так как здесь, по моему расчету, должны были находиться места для зрителей. К сожалению, на материке, находящемся на глубине 1,95–2,1 м, не найдено не только каменных сидений, но даже никаких вырезов или вообще следов, которые бы указывали на существование какой-нибудь постройки. Если даже допустить, что в пантикапейском театре были деревянные сидения, как то видим, напр., в Оропе, то и тогда в материке должны были сохраниться хоть какие-нибудь следы. Впрочем, такое предположение едва ли допустимо в Пантикапее, который славился и славится, с одной стороны, необычайным изобилием хорошего известняка, а с другой — недостатком строевого и вообще всякого леса».

Поиски пантикапейского театра, как видим, завершились полной неудачей, и директор Керченского музея, по всей видимости, несколько охладел к изучению этого городища. По долгу службы он, естественно, осуществлял наблюдение за строительными работами в городе, во время которых порой открывались весьма любопытные объекты. Так, в 1911 г. при разборке старых домов была обнаружена огромная стела с рельефными изображениями.

Последний эпизод деятельности ИАК, в котором проявился научный интерес к руинам Пантикапея, связан с тем, что в 1915 г. М. И. Ростовцев обратился к В. В. Шкорпилу с поручением составить план Керчи «с нанесением на него остатков старых стен» (1915 г., д. 4, л. 21). Эта очень нужная работа, естественно, требовала привлечения специалистов и немалых средств; в 1918 г. директор Керченского музея телеграфировал в Петроград, что для составления плана необходимо 600 руб. (1918 г., д. 1, л. 5, 13). Вряд ли стоит много говорить о том, что в условиях разгорающейся Гражданской войны найти такие деньги и переправить их в Керчь было делом абсолютно безнадежным.

В 1911 г. В. В. Шкорпил обратился в ИАК с предложением провести раскопки на городище Мирмекий. На месте Керченского Нового карантина он планировал начать исследования еще в 1910 г., но не смог этого сделать по причине обрушившейся на город эпидемии холеры; в карантине были устроены холерные бараки. Свое намерение керченский археолог мотивировал следующим образом: «В этом месте, где находился древний Мирмекий, нужно непременно произвести обширные археологические расследования, потому что ввиду упразднения карантина в Керчи, Керченская городская дума намерена хлопотать перед правительством о передаче ей всего этого места для того, чтобы тут устроить дачное место и купание» (1911 г., д. 7, л. 9). Раскопки в Мирмекии не были начаты, и, надо думать, главной причиной тому стало то, что разрешение на устройство здесь «дачного места» получено не было.

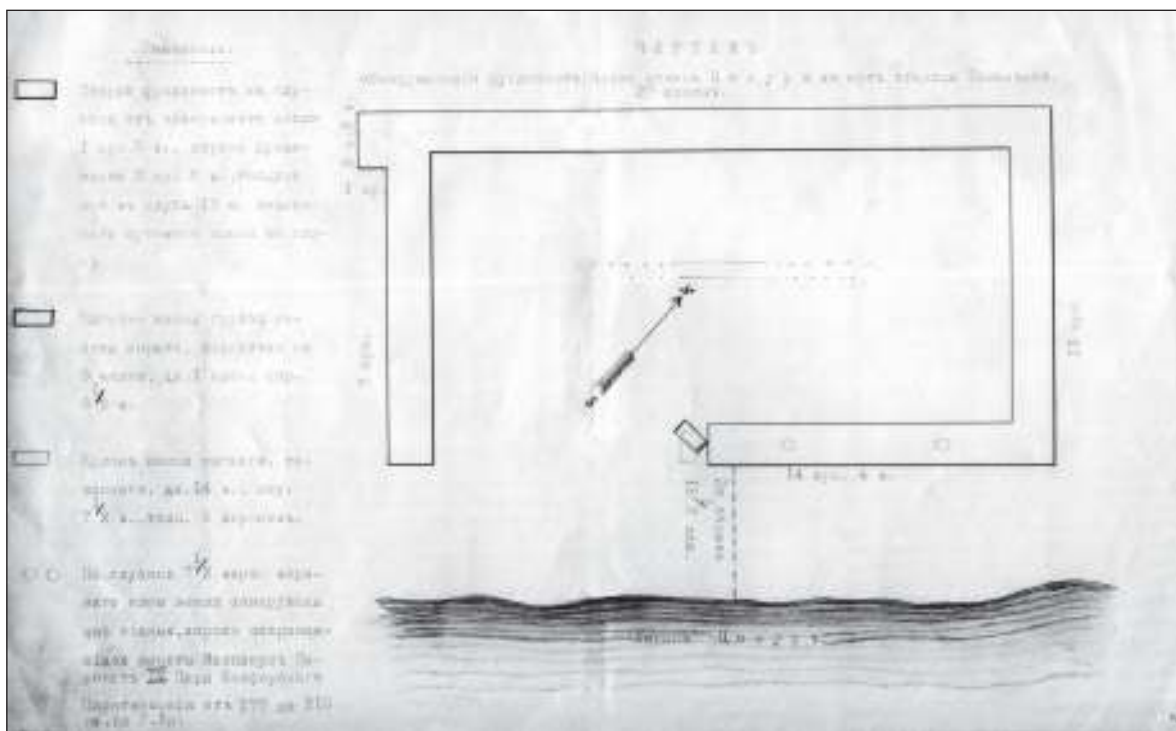
На Таманском полуострове целенаправленного изучения городищ или селищ в это время не проводилось. Тем не менее время от времени местные жители открывали остатки древних построек, и тогда Археологическая Комиссия направляла туда В. В. Шкорпила. В 1902 г. на

Стела, обнаруженная в Керчи в 1911 г. (1911 г., д. 7, л. 235)

северном берегу лимана Цокур было обнаружено основание какого-то здания и даже снят его план (1902 г., д. 45). Директор Керченского музея констатировал, что план снят правильно, и провел там небольшие раскопки, обнаружив слой сильного пожара, в котором находились «черепки простых амфор, обломки желобчатых сосудов коричневого цвета и пр.». На основании этой скупой информации постройку можно было бы датировать временем эллинизма, но найденные здесь две монеты Савромата II свидетельствуют, что она принадлежит римскому времени. Относительно назначения этого сооружения археолог заключил, что оно не могло быть ни укреплением, ни святилищем, ни зданием «монументального значения». В. В. Шкорпил полагал, что «обнаруженный фундамент представляет остатки какого-то частного здания, построенного на берегу лимана или рыбаками, которые здесь занимались рыболовством, или мореходами, которые, направляясь в бурное время из Черного моря в Корокондаму или в Фанагорию, предпочитали этот кратчайший путь продолжительному или затруднительному плаванью через пролив» (Там же, л. 2–3).

Проводя исследования некрополя на Тузлинском мысу, В. В. Шкорпил задался вопросом, к какому древнегреческому городу его следует относить. Он отметил, что на всем протяжении

План постройки, обнаруженный на берегу Цокур-лимана (1902 г., д. 45, л. 8)

побережья от Тамани до Тузлы и от Тузлы до Бугаза нет ни единого удобного места, к которому древнее поселение можно было бы отнести; на крутом берегу были расположены лишь отдельные хутора и рыбные заводи. Исследователь обратил внимание, что за 30 лет в этом месте море поглотило полосу берега в 20 сажень шириной, и, в принципе, вполне можно было допускать, что какое-то поселение попросту исчезло (1911 г., д. 7, л. 186–187). Далее он писал:

«Кое-где, напр., возле Тузлинской грязелечебницы и возле хутора Кротенко замечаются площадки с остатками древних жилищ, но они слишком незначительны, чтобы свидетельствовать о существовании на них деревень, не говоря уже о городах, какими были Корокондама, Кепы и др. Не отрицая возможность, что частые волнения этой открытой части Керченского пролива вместе с влиянием дождей, постоянных ветров, морозов и солнца могли совершенно смыть территорию целого города, мы, однако, оставляя пока в стороне сбивчивые известия древних писателей, предпочитаем мнение, что оба некрополя 1911 г. (Тузла и у хутора Кротенко. — *Ред.*) принадлежали колонии, занимавшей место теперешней Тамани. Разумеется, при наличном материале мы не в состоянии еще решить вопроса, называлась ли эта колония Корокондамой или Кепами, или иначе. Расстояние некрополя от колонии не будет противоречить нашему предположению, если мы примем в расчет отдаленность, напр., Золотого или Куль-Обинского курганов от Пантикапеи и проч.» (1911 г., д. 7, л. 187–188).

Вопрос о принадлежности Тузлинского некрополя тому или иному боспорскому городу до сих пор окончательно не решен. М. И. Ростовцев был согласен с В. В. Шкорпиллом и полагал, что он был связан с поселением на месте Тамани, т. е. с Гермонассой (Ростовцев 1925: 351). Н. П. Сорокина считала, что данный некрополь принадлежал Корокондаме (Сорокина 1957: 50), хотя последняя, на мой взгляд, вполне могла входить в состав полиса Гермонасса.

В 1908 г. Археологическая Комиссия поручила А. А. Миллеру провести разведки на Нижнем Дону, в районе *Елизаветовского городища*, а в 1909 г. здесь были предприняты довольно значительные раскопки (Миллер 1910: 86 сл.). В основном, они были связаны с исследованием курганного некрополя, но два раскопа были заложены и на площади городища (Там же: 120 сл.). А. А. Миллер не выявил здесь никаких строительных остатков, но обнаруженный им вещевой материал, состоящий из импортной греческой и лепной варварской керамики, очень показателен для данного памятника. Исследователь отождествил его с Танаисом (Там же: 124), что, как было установлено позднее, не соответствовало истине (Марченко, Житников, Копылов 2000: 18).

XIV

Кратко резюмирую все сказанное о деятельности Императорской Археологической Комиссии по изучению древностей Боспора Киммерийского в 1886–1916 гг., когда во главе ее стоял А. А. Бобринской, следует признать, что, несмотря на потрясения Первой русской революции и даже начавшейся Первой мировой войны, она, в целом, развивалась достаточно позитивно. Успехи этого времени, прежде всего, следует связывать с изучением грунтовых некрополей Пантикапея, Мирмекия, на мысе Тузла и у хутора Кротенко. Очень интересные открытия были сделаны также в некоторых курганах: комплексы Зеленского кургана, склеп с мраморным саркофагом в Тамани и некоторые другие.

В изучении боспорских городищ, к сожалению, никакого прогресса за 30 лет не обозначилось. «Термы» и «храм Геркулеса», раскопанные К. Е. Думбергом в Пантикапее, свидетельствуют не о выдающихся археологических открытиях, а скорей о слабости методики исследований и почти детской наивности интерпретаций. Неудача поисков пантикапейского театра, предпринятых В. В. Шкорпилом, в этом отношении тоже достаточно показательна. К концу деятельности Императорской Комиссии городище Пантикапей все еще оставалось малоизученным (Блаватский 1964: 8). Явный застой в этой области весьма рельефно выступает на фоне масштабных раскопок, предпринятых Археологической Комиссией в Херсонесе Таврическом (с 1888 г.) и в Ольвии (с 1901 г.).

Позитивный сдвиг произошел в сфере публикации отчетов о раскопках, которые стали осуществляться с 1901 г. в рамках «Известий Императорской Археологической Комиссии» (Ростовцев 1925: 178). Первыми были опубликованы краткие заметки К. Е. Думберга (Думберг 1901; 1902), а затем более обстоятельные отчеты В. В. Шкорпила. Материалы некрополей стали даваться последовательно, с описанием всех открытых погребений, что делает их вполне пригодными для современных исследователей (Шкорпил 1903; 1904; 1905; 1907; 1909а; 1909б; 1910; 1911а; 1914с). Явный прогресс замечен также в сфере изучения боспорских древностей. В «Известиях» ИАК стали появляться отдельные исследовательские статьи (Шкорпил 1902; 1914а; 1914б; Беньковский 1904; Ростовцев 1904; 1914б; 1916; Фармаковский 1904; Спицын 1909а; Радлов 1912; Руднева 1912; Энман 1912; Алексеевская 1915; Прушевская 1917). В серии «Материалов по археологии России» стали публиковаться работы более крупного формата. Среди них — работа Ю. А. Кулаковского о боспорских расписных катакомбах (Кулаковский 1891; 1896), исследование С. А. Жебелева, посвященное одной категории фигурных украшений боспорских деревянных саркофагов (Жебелев 1901), работа С. С. Лукьянова и Ю. П. Гриневича, посвященная поздним краснофигурным вазам (Лукьянов, Гриневич 1915). Огромное значение имел выход в свет крупной монографии М. И. Ростовцева о боспорских расписных склепах (Ростовцев 1914а), которая до сих пор остается в своем роде непревзойденным, эталонным изданием.

Российские археологи стали все более активно включаться в мировой научно-исследовательский процесс, о чем отчасти говорилось выше. В начале XX в. стали собираться Международные конгрессы историков (Лебедев 1992: 259), первый из них прошел в Афинах в 1905 г., второй — в Каире (1909 г.) и третий — в Лондоне (1913 г.). Доклады российской делегации на последнем из них были изданы в 34-м томе «Материалов по археологии России», три из них имеют немалое значение для изучения античных древностей Северного Причерноморья (Ростовцев 1914с; Придик 1914; Фармаковский 1914).

Если февраль 1917 г. изначально практически не затронул находящуюся в Петрограде Археологическую Комиссию, то «на местах» ситуация для археологов была значительно сложнее. Смута в стране нарастала, что самым непосредственным образом стало сказываться на состоянии охраны памятников, борьбы с их разграблением и т. д. В конце апреля 1917 г. В. В. Шкорпил писал в Археологическую Комиссию, «что на Таманском полуострове *под влиянием последних событий* (выделено нами. — *Ред.*) началось повсеместное раскапывание древних гробниц, с которым я, лишившись поддержки со стороны станичного атамана, не имею возможности бороться. Теперь я принужден ограничиваться лишь зорким наблюдением за доставкой древних вещей из Тамани в Керчь и покупкою более ценных предметов, которые бы иначе попали в заграничные музеи» (1917 г., д. 4, л. 4–5).

Несмотря на непростую и продолжающую усложняться ситуацию, В. В. Шкорпил не падал духом и даже старался проводить раскопки на некоторых памятниках. В частности, весной 1917 г. в степи под Керчью, между вокзальным шоссе и садом Езерского, был случайно открыт древний некрополь. По этому поводу директор музея информировал Археологическую Комиссию (Там же, л. 11–12): «Опасаясь, что оставшиеся в Керчи „счастливыцы“, *при теперешнем бездействии властей* (выделено нами. — *Ред.*), начнут расхищать это древнее кладбище римского времени, имею честь просить Археологическую Комиссию отпустить мне тысячу рублей на расследование упомянутого некрополя и на разведки, которые я намерен произвести летом этого года в некоторых местах на южном склоне Митридатовой горы». Деньги на раскопки и разведки в количестве 1200 руб. археологу были выделены.

Для понимания ситуации, в которой оказалась боспорская археология, весьма показательны события, разыгравшиеся тогда в Тамани вокруг знаменитого мраморного саркофага. В марте 1917 г. казаки Таманской станицы, участвовавшие в грабительских раскопках на Лысой горе, написали письмо самому председателю Государственной Думы М. В. Родзянко (1916 г., д. 4, л. 81). В нем они объясняли гражданину председателю, что добывали в кургане камень и гробницу с мраморным саркофагом обнаружили случайно. Никаких драгоценностей при этом не было найдено, но тем не менее губернатор Кубанской области Бабиц привлек их к ответственности.⁴⁹ Казаки просили затребовать саркофаг, представляющий большую редкость, в Археологическую Комиссию и выдать им вознаграждение по цене, которая будет ею установлена. В заключение казаки просили, чтобы им были разрешены раскопки вблизи места, где был обнаружен саркофаг, поскольку там должен находиться ящик с драгоценностями, относящимися к погребению.

Это обращение было переправлено в Археологическую Комиссию, из нее в свою очередь в Керчь В. В. Шкорпилу. К нему была сделана важная приписка, имеющая уникальный для археологической документации гриф «секретно». Приведем эту приписку полностью (1916 г., д. 4, л. 83):

⁴⁹ Наказание на таманских казаков действительно было наложено весьма серьезное. Станичный атаман Сурма получил строгое дисциплинарное взыскание. Казаки были лишены званий, которые некоторые из них имели (урядник, приказной), и привлечены к уголовной ответственности (Гладкий 1916: 20–22).

«Такое обращение вышеперечисленных лиц встревожило Императорскую Археологическую Комиссию, которая стала опасаться и за возможность благополучного вывоза его (саркофага. — *Ред.*) из Таманской станицы. Поэтому Комиссия просит Вас сообщить, нельзя ли теперь же вывезти саркофаг в Керчь, чтобы обезопасить его от всяких насильственных случайностей, и если перевозка возможна, то куда именно вывозить саркофаг: прямо ли в Керчь (в Музей) или, быть может, удобнее в Керченской крепости? Археологическая Комиссия будет Вам весьма признательна за возможно скорое сообщение ей Ваших соображений по настоящему делу».

В. В. Шкорпил с ответом не затянул и в начале мая 1917 г. писал в Петроград (1916 г., д. 4, л. 85–86):

«В ответ на запрос Археологической Комиссии от 27 апреля 1917 г. № 366 имею честь сообщить, что, по крайней мере, в настоящее время нет оснований тревожиться за целостность саркофага. Прежнее волнение возникло среди казаков, на мой взгляд, потому, что заведующий Кубанским музеем (И. Гладкий. — *Ред.*) сообщил в частном письме своему агенту В. Соколову, будто Археологическая Комиссия разрешила увезти саркофаг в Екатеринодар, и просил высказать свои соображения относительно способа и мер, какими было бы удобнее доставить мраморный памятник в Кубанский музей. Этого и не хотят допустить находчики саркофага, не забывая наказания, наложенного на них по распоряжению Бабича, и зная, что в случае отправки саркофага в Екатеринодар не получат никакого вознаграждения.

Приблизительно через месяц после отправки прошения на имя Председателя Государственной Думы произошел в Тамани случай, сильно встревоживший меня и заставивший выехать в Тамань. 18-го апреля я получил от В. Соколова письмо, в котором он просит у меня разрешения открыть саркофаг для обозрения публики, так как опасность от морозов миновала, и ходят слухи, что его думают открыть другие. Когда я на другой день по получении этого письма прибыл в Тамань, я застал уже две стенки ящика-навеса снятыми, но саркофаг я нашел невредимым, в том виде, в каком он был поставлен на теперешнем его месте, и крышку, остальные две стороны навеса и проволочную ограду нетронутыми. Сторож Вознесенской церкви, на которого возложена также охрана саркофага, стоящего перед окном сторожки, заявил, что в ограду церкви явилась толпа, которая при содействии милиции отвинтила доски, составляющие две стенки ящика, для того, чтобы публика имела возможность осматривать саркофаг. Вскрывши ящик и передавши все доски сторожу, толпа мирно разошлась.

Для того чтобы предупредить на будущее время порчу саркофага, необходимо, на мой взгляд, обещать гражданам станицы Таманской, подавшим прошение Председателю Государственной Думы, выдать вознаграждение за находку саркофага по доставлении его в Петроград, как предполагают сами просители, но при непременно условии, чтобы они взяли на себя полную ответственность за целостность саркофага, пока он будет находиться в Тамани, и чтобы они участвовали, конечно, за особую плату, в доставке саркофага в Керчь. (Упаковка и отправка саркофага будет происходить под моим личным наблюдением и при содействии техника, который будет руководить поднятием и установкой тяжелых ящиков, в которых будут упакованы отдельно нижняя часть саркофага и крышка его.) Я уверен, что такое обещание Комиссии и надежда казаков на получение вознаграждения вполне обеспечат целостность саркофага до тех пор, когда окончательно выяснится вопрос о будущем месте саркофага в Эрмитаже, когда прекратится неурядица на железных дорогах и явится первая возможность предоставить в мое распоряжение особый вагон для отправки столь изящного и ценного памятника в Петроград.

В заключение имею честь просить Археологическую Комиссию не разрешать таманским казакам производства раскопок на Лысой горе возле Тамани без надзора с моей стороны, а также

вести всю переписку и переговоры с находчиками саркофага через меня, ввиду недоверия и даже враждебного отношения, с каким казаки относятся к наказному атаману».

Дело, связанное с таманским саркофагом, на этом не завершилось, и 14 июня В. В. Шкорпил вынужден был вновь обратиться по этому вопросу в Археологическую Комиссию (1916 г., д. 4, л. 88):

«Имею честь уведомить Археологическую Комиссию, что 9-го сего июня ко мне явились, по моей просьбе, три депутата от имени 13 граждан станицы Таманской, подавших прошение Председателю Государственной Думы относительно вознаграждения за находку каменной гробницы в Лысой горе, и заявили, что они согласны заботиться о сохранности мраморного саркофага, пока он будет находиться в Тамани, и принять участие в перевозке его в Керчь, когда это окажется возможным. Представители находчиков Андрей Деревенец, Михаил Корецкий и Андрей Моцира сообщили мне, что они и раньше наблюдали за целостью саркофага и что они позволили себе раскрыть ящик над ним лишь потому, что желали показать свою находку товарищам, приезжавшим с фронта, но что они просят снова закрыть ящик на зиму, чтобы саркофаг не пострадал от морозов. В заключение депутация заявила, что лица, подавшие прошение, не думают теперь производить раскопки на Лысой горе, потому что им почти всем, по-видимому, придется в скором времени уехать в армию и что они по окончании войны беспрекословно подчинятся распоряжению Археологической Комиссии и будут копать на Лысой горе под моим надзором и руководством».

Недостаток средств приводил не только к ограничению масштабов археологических раскопок в Керчи и на Тамани, но и к проблемам с штатом сотрудников музея древностей. В связи с этим В. В. Шкорпил писал в Петроград в начале апреля 1917 г. (1917 г., д. 4, л. 22):

«Сообщаю пока для сведения, что мне удалось уговорить сторожа Ивана Сикоева остаться на месте до выяснения вопроса об увеличении жалованья и что я временно, до разыскания мужчины, назначил сторожем Музея Керченского мещанку Елизавету Литвинову. Афанасий Миколаевский оставил свое место и поступил в городскую милицию, где он будет получать 75 рублей в месяц. Когда найду подходящее лицо для замещения должности сторожа Музея, отправлю рапорт об этом на имя председателя Комиссии».

XV

Несмотря на серьезность происшедших в стране политических перемен, работа Российской Государственной Археологической Комиссии продолжалась, прежде всего в области античных древностей и реставрации архитектурных памятников. На одном из заседаний Археологической Комиссии весной 1918 г. М. И. Ростовцев заявил, что она «в настоящее время является едва ли не единственным археологическим учреждением, продолжающим работу издания археологических трудов, и нуждается в усилении средств на это дело ввиду чрезвычайного повышения типографских расценок. Между прочим, было бы желательно организовать при Комиссии постоянный технический персонал служащих, в виде рисовальщиков и чертежников» (1918 г., д. 1, л. 1). В июне 1918 г. он навсегда покинул Россию (см.: Зуев 1997: 75; Тункина 1997: 93; Бонгард-Левин 1997: 124). Публиковать археологическую литературу становилось все более и более трудно; последний том «Отчета Археологической Комиссии» с информацией о раскопках 1913–1915 гг. вышел в 1918 г. В том же году увидел свет и последний, 66-й выпуск «Известий Археологической Комиссии».

Необходимо отметить, что в рамках преобразования РГАК в РАИМК в ее составе был создан Отдел древностей античных и древнехристианских, который состоял из Секции искусства в древнегреческих городах, Секции древностей Скифии, Секции эпиграфики и Секции

древностей эпохи переселения народов и Византии. В декабре 1918 г. на должность заведующего Отделом был избран Б. В. Фармаковский (1918 г., д. 20, л. 113–114).

На первом официальном собрании Отдела, состоявшемся 20 ноября 1918 г., Б. В. Фармаковский поблагодарил сотрудников за самоотверженный труд, поскольку те часто даже не получали жалования и работали «единственно из любви к делу и сознания его важности». Он также выразил надежду, что все сотрудники продолжат свою энергичную работу по выполнению программы, выработанной в связи с проектом сметы (1918 г., д. 36, л. 1). Характерно, что в дальнейшем перед Отделом была поставлена задача подготовки и издания краткого исторического очерка деятельности Археологической Комиссии с 1859 по 1915 гг. (Там же, л. 3). Большое внимание было уделено также чтению популярных лекций, для чего предполагалось выделить один из залов Дворца Искусств (так тогда назывался Эрмитаж). Лекции, как считалось, следовало начать с января 1919 г. Б. В. Фармаковский должен был рассказать об Ольвии, Н. А. Энман — о Березани. Темы лекций С. А. Жебелева были определены следующим образом: «Археология и ее задачи» и «Археологические учреждения». В последнем случае предполагалось ознакомить слушателей «с постановкой дела археологии в заграничных образцовых учреждениях» (Там же, л. 5). Кроме популярных лекций предполагалось также устройство выставок научных материалов.

На заседании 18 декабря 1918 г. был поставлен вопрос о замещении должности члена Комиссии по Секции древностей Скифии. На эту должность намечался М. И. Ростовцев, но он «по обстоятельствам времени» не мог «вернуться в Петроград скоро». Ситуация была опасной по той причине, что в руководящих сферах могло сложиться впечатление, что эта должность создана для конкретного человека, что она не является необходимой, а значит, может быть сокращена. С. А. Жебелев предложил вынести этот вопрос на обсуждение Совета Комиссии (Там же, л. 5–6).⁵⁰

Еще раз имя М. И. Ростовцева всплыло на заседании Отдела 19 февраля 1919 г. На этом заседании А. К. Марков сделал доклад о состоянии работы по подготовке первого тома «Сборника античных монет Южной России», над которым он трудился совместно с М. И. Ростовцевым. По предложению последнего в первую очередь был подготовлен к печати раздел о монетах Боспора Киммерийского, для которого уже были изготовлены 42 фотографические таблицы. Дело издания, однако, остановилось в связи с национализацией типографии. А. К. Марков признал дальнейшую работу над «Сборником» в отсутствие М. И. Ростовцева невозможной. Античный отдел выразил докладчику благодарность за проделанную работу, а также постановил приостановить печатание данной книги до возвращения соавтора (1919 г., д. 96, л. 5). М. И. Ростовцев, как известно, в Россию не вернулся, и, соответственно, очень ценное нумизматическое исследование так и не было опубликовано.

Для издания третьего тома надписей Понта предлагалось избрать ассистентом Е. М. Придика (1918 г., д. 36, л. 6). Обсуждая список книг, которые необходимо было издать в недалекой перспективе, С. А. Жебелев указал, что «желательно, прежде всего, издание самостоятельных трудов русских ученых, во избежание наводнения книжного рынка переводной литературой». В. В. Латышев обратил внимание на необходимость создания общего руководства по археологии и истории искусств. Оценивая все приведенные факты, можно признать, что по условиям военного времени деятельность Отдела древностей античных осуществлялась вполне удовлетворительно.

⁵⁰ 27 февраля 1919 г. на должность члена Комиссии по Секции древностей Скифии был избран С. С. Лукьянов (1919 г., д. 3, л. 6).

А вот ситуация в Керчи к тому времени стала чрезвычайно сложной. Выше говорилось, что в марте 1918 г. В. В. Шкорпилу со стороны Керченского Революционного Трибунала был предъявлен иск, который мотивировался некими финансовыми нарушениями во время открытия склепов на Госпитальной улице в 1904 г., когда торговцу древностями И. А. Терлецкому была выплачена немалая сумма (1904 г., д. 6, л. 133). Странно, но Трибунал интересовало, сколько именно денег получил И. А. Терлецкий. Иск, конечно, был подан «счастливыми», не забывшими «обид», нанесенных им В. В. Шкорпилу во время открытия склепов на Госпитальной улице, а также и в других подобных ситуациях (Боровкова 1999: 143). Документы, направленные в Керчь из Археологической Комиссии, надо думать, рассеяли все подозрения, и В. В. Шкорпил сумел защитить свое честное имя от необоснованных обвинений.

В октябре 1918 г. В. В. Латышев докладывал Совету Комиссии о критическом положении, в котором оказался В. В. Шкорпил. Керченский археолог получал тогда всего 259 руб. 20 коп. в месяц, а выдача суточных прекратилась с 1 августа. В протоколе заседания Совета имеются некоторые цитаты из письма В. В. Шкорпила, которые стоит привести полностью (1918 г., д. 1, л. 15): «Я лично не имею права передать Музей Крымскому Краевому правительству и хлопотать перед ним об улучшении моей судьбы и моего положения. Поэтому прошу уладить этот вопрос, если это возможно»; «Боюсь, что Крымское правительство прекратит выдачу жалования, по крайней мере, мои бумаги, отправленные по этому поводу в Симферополь, не удостоились до сих пор ответа»; «Музей цел и невредим: и советская власть, и немцы относились до сих пор благосклонно к коллекциям Музея и к памятникам старины, находящимся в ведении Музея».

Директор Керченского музея В. В. Шкорпил погиб от рук грабителя 14/27 декабря 1918 г. (Марти 1919: 144; 1926: 43). Он стоял во главе этого учреждения 17 лет и сделал для боспорской археологии очень и очень многое. Гибель этого замечательного археолога связана с мезью «счастливых», с которыми он вел непримиримую борьбу (Боровкова 1999: 143; Лазенкова 2002б: 150; 2003: 52–53).⁵¹

На период с 1 июля 1918 г. по 1 января 1919 г. все Отделы Российской Государственной Археологической Комиссии должны были составить сметы планируемых финансовых расходов, снабдив их записками о научной деятельности подразделений, а также о задачах на будущее. Относительно работы Отдела древностей античных соответствующую записку составил Б. В. Фармаковский (1918 г., д. 20, л. 62–64). В ней говорилось:

«В почве России сохранилось чрезвычайно много остатков культуры древнегреческой, римской и эпохи от начала нашей эры до появления славян. Многие из этих остатков представляют первоклассные произведения искусства. Многие являются весьма ценными по составу своего материала (многочисленные предметы из золота). В России находятся чрезвычайно живописные руины имевших большое значение городов и поселений. Крайне интересны и сохранившиеся древние монументальные гробницы, которые своей архитектурой поражают всех наблюдателей. Россия представляет единственный в мире ансамбль древних античных расписных склепов (в Керчи). Произведения античной художественной промышленности украшают

⁵¹ В отчете о деятельности Керченского музея в 1918–1921 гг., направленном в РАИМК, К. Э. Гриневич писал: «Мне пришлось натолкнуться на факты противозаконного кладоискательства, причем привлеченные мною к ответственности „счастливые“ угрожали расправиться со мною, как с моим предшественником» (РО НА ИИМК РАН, ф. 2, 1921 г., д. 70, л. 16). К своему машинописному отчету он даже сделал приписку: «Очень остро стоит вопрос с вооружением. По характеру службы карманное огнестрельное оружие обязаны иметь сторожа Музея, надсмотрщики и заведующий» (Там же, л. 17). Об оружии для археологов, как уже было сказано, первыми стали просить К. Е. Думберг и В. В. Шкорпил.

в громадной массе витрины наших важнейших музеев. Все это добыто было в древних могилах. Какой высокий художественный и научный интерес представляют античные памятники, извлеченные из гробниц, обнаруженных в почве России, наглядно показывают и объемистые томы... вышедших в свет изданий Археологической Комиссии, снискавших себе известность в ученом мире. Не менее важны найденные в России в огромном количестве древнегреческие и латинские надписи, которые с поразительной наглядностью рисуют нам всю культурную и социальную жизнь в древних городах, находившихся на почве России. Найденные в России античные монеты также преисполнены глубокого интереса. Многие из них высокой художественной работы, и все они дают ценный материал для истории нашей страны в древнейшие времена.

Сказанного достаточно, чтобы видеть, как действительно нужна надлежащая постановка дела археологического исследования античных памятников в России и каких важных результатов от нее можно ожидать. Задачи огромны, а выполнить их, можно сказать, до сих пор только более или менее намечалось. Отдел древностей античных, конечно, прежде всего должен нести (так в документе. — *Ред.*) археологические раскопки (здесь и далее выделено в тексте. — *Ред.*), которые ведутся уже с 1859 года. По обстоятельствам времени, однако, теперь приходится пока ограничиться мерами *охраны открытых раскопками Комиссии развалин древних городов в Керчи, Херсонесе и Ольвии*. В названных местах необходимо сохранить имеющийся штат служащих, занятых охраной древних городов, древних гробниц, а также инвентаря и музеев...

В настоящее время, пока невозможны археологические исследования на местах (из-за обстоятельств времени), важно сосредоточить все внимание на издательской деятельности. Предположено в ближайшее же время приступить к *подготовке издания атласа южно-русских древностей*... Древностям Скифии посвящают две публикации (*древности из окрестностей Оренбурга* и из *Келермеса*...). Древним античным монетам посвящается труд М. И. Ростовцева... *Ряд мелких работ по древностям Скифии, Боспора и Ольвии* будет напечатан в очередных выпусках „Известий Российской Государственной Археологической Комиссии“. Начатый печатанием труд М. И. Ростовцева „*Исследования по истории Скифии и Боспора*“... преследует идею популяризации знаний по древностям нашего юга.

С целью популяризации знаний отдел предполагает в текущем году организовать практические занятия по предметам древности, находящимся в Археологической Комиссии, с интересующимися молодыми учеными и любителями древности».

Надо признать, что записка Б. В. Фармаковского не отличается особой грандиозностью замыслов. Значительно более масштабные сочинения были предложены в плане развития изучения древностей Востока. Новым властям эти перспективы как будто представлялись более важными. Вместе с тем приведенный документ оставляет немало недоуменных вопросов. Ясно, что в сложившейся тогда политической ситуации Б. В. Фармаковский вполне осознавал невозможность проведения раскопок на юге России, но просил средства на возобновление исследований в Ольвии и Херсонесе. В тексте записки упоминается Керчь и Керченский музей, но в нем не обозначено даже скромных намерений в отношении продолжения археологических исследований в этом районе.

1919 год в истории Археологической Комиссии прошел под знаком грядущей реорганизации, а также в попытках восстановления связи с учреждениями в Керчи и Севастополе. На заседании 27 февраля было решено направить в Крым В. В. Шкорпила-младшего (1919 г., д. 3, л. 7, § 9), сына погибшего директора Керченского музея (см. Лазенкова 2002: 151, примеч. 9).

В архиве Комиссии сохранился ряд любопытных документов, проливающих свет на организацию запланированной поездки. Прежде всего, это письмо Г. Е. Зиновьеву, председателю Комитета рабоче-крестьянской обороны и Исполнительного комитета Союза коммун Северной области (1918 г., д. 4, л. 2), в котором сообщалось, что РГАК «с ведома и согласия народного комиссара по просвещению командирует гр. Владимира Владиславовича Шкорпил в Херсонес (близ Севастополя) и Керчь, Таврической об. по срочному делу, имеющему целью сохранение ценного имущества Республики. Ввиду ответственного поручения государственного значения, Р. Г. А. Комиссия просит Вас выдать на имя гр. В. В. Шкорпил удостоверение за личной Вашей подписью с предложением учреждениям, организациям и отдельным ответственным работникам оказывать В. Шкорпил всяческое содействие как по пути следования в Керчь, так и к обратному беспрепятственному въезду его в Петроград».

Проект мандата за подписью Н. Я. Марра для В. В. Шкорпила был подготовлен 18 февраля 1919 г., т. е. еще до заседания Совета Археологической Комиссии 27 февраля, на котором было принято решение о поездке (1918 г., д. 4, л. 7): «Предъявитель сего, гражданин инженер Владимир Владимирович⁵² Шкорпил, командируетя Российской Государственной Археологической Комиссией в Севастополь и Керчь, Таврической губернии, для установления контакта с ее учреждениями (музеями) и состоящими при них служащими в Керчи и Херсонесе (близ Севастополя), о которых уже около года Археологическая Комиссия не имеет никаких сведений. Ввиду крайней необходимости для Археологической Комиссии настоящей командировки, Российская Государственная Археологическая Комиссия обращается ко всем учреждениям и лицам, к которым гражданину В. В. Шкорпилу представилась бы надобность обратиться с соответствующими просьбами, не отказать ему в должном содействии по выполнению возложенного на него ею поручения».

Имеется и письмо комиссару народного просвещения, датированное 29 мая 1919 г. (1918 г., д. 4, л. 3), в котором говорилось:

«В непосредственном ведении Российской Государственной Археологической Комиссии состоят раскопки и музеи древностей в Херсонесе и Керчи. В этих двух городах при музеях хранится и большое количество имущества, состоящего, м. проч., из инвентаря раскопок (инструментов, вагонеток, рельс, палаток, фотографических аппаратов и т. п.).

В силу обстоятельств переживаемого времени Комиссия не имела возможности сношения с названными своими учреждениями в Крыму в течение более полутора лет. Восстановление сношений с Крымом ныне возлагает на Комиссию долг принять меры к охране ее ценного имущества в Херсонесе и Керчи, для чего представляется необходимым теперь же командировать в Крым лицо, которое, ознакомившись на местах с положением дел, могло бы немедленно приступить к осуществлению неотложных мер по охране раскопок, музеев и имуществ в названных местах.

Предполагая командировать в Крым для указанной цели инженера Владимира Владиславовича Шкорпила, Российская Государственная Археологическая Комиссия имеет честь обратиться к Вам, гражданин комиссар, с покорнейшей просьбой не отказать в исходатайствовании для командированного В. В. Шкорпила ввиду исключительности обстоятельств переживаемого времени, для более успешного выполнения возлагаемого на него поручения особого удостоверения за подписью председателя Комитета Рабоче-Крестьянского Совета товарища Зиновьева».

⁵² Отчество Владимирович указано ошибочно; в другом, приведенном ниже документе оно приведено верно — Владиславович.

Еще раньше, 5 марта 1919 г., А. В. Луначарский обратился с письмом к комиссару по иностранным делам (1918 г., д. 4, л. 4):

«Российская Государственная Археологическая Комиссия командирует гражданина инженера Владимира Владиславовича Шкорпил в Севастополь и Керчь, Таврической губернии, для установления связи с ее учреждениями (музеями) и состоящими при них служащими в Керчи и в Херсонесе (близ Севастополя), о которых уже около года Археологическая Комиссия не имеет никаких сведений, для сообщения им устава и штата реорганизованной Комиссии, а также плана ее научных предприятий (раскопок и археологических разведок, фотографирования, зарисовывания и описания памятников древности и издания ученых трудов) в текущем году. Ввиду крайней необходимости для Археологической Комиссии настоящей командировки прошу не отказать в распоряжении о беспрепятственном пропуске В. В. Шкорпил к выезду в Таврическую губ. и к обратному выезду в Петроград».

В архиве сохранилась даже справка о запланированных расходах на поездку (1918 г., д. 4, л. 7): «Назначенная инженеру В. В. Шкорпилу под отчет авансовая сумма в 3000 рублей складывается из 1500 рублей суточных (по 50 р. в сутки в течение одного месяца) и 1500 рублей на расходы по поездке из Петрограда в Крым, по разъездам в Крыму и по исполнению поручения Археологической Комиссии по установлению связей ее с ее учреждениями в Керчи и Херсонесе».

Приведенные документы дают основание утверждать, что руководители Российской Археологической Комиссии признавали чрезвычайно важным, не терпящим отлагательства делом восстановление связей с археологическими учреждениями в Керчи и Севастополе. Более того, в первой половине 1919 г. эта акция рассматривалась ими как вполне возможная. Столь же очевидно, что в Крым направляли именно сына покойного директора Керченского музея древностей В. В. Шкорпила. Неясным остается одно: состоялась ли эта поездка или нет.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что без понимания взаимоотношений между Археологической Комиссией и Керченским музеем нельзя составить правильного представления о развитии античной археологии в России. Заложенные десятилетиями традиции оказались очень прочными. Уже после создания РАИМК, в феврале 1922 г., К. Э. Гриневич направил руководству Академии письмо следующего содержания (РА, ф. 2, 1922 г., д. 59, л. 1):

«С момента своего учреждения в 1859 г. и до самого периода Гражданской войны 1918 г. Археологическая комиссия в Петрограде имела в своем ведении основанный в 1823 г. Керченский музей древностей,⁵³ как важную в научном отношении местную археологическую станцию (см. Устав И. Археол. Комм.). По декрету Сов. Нар. Ком. об учреждении Р. Академии Ист. М. К. к ней перешли все дела и *все учреждения* (выделенное здесь и далее подчеркнуто в документе. — *Ред.*) б. Археологической комиссии (цитирую текстуально). Казалось бы, должен был перейти и Керченский музей древностей, однако на деле Музей всецело и исключительно подчинен местному Отделу народного образования. Это отражается на судьбе этого *научного* учреждения: местный Наробраз вмешивается, согласно сообщения директора музея Ю. Марти, во внутреннюю жизнь учреждения и снял с пайка всех надсмотрщиков археологического района, всех сторожей музея и служащих канцелярии, за исключением одного заведующего. Целый ряд полученных от них писем дышат отчаянием и мольбой о помощи. Сторож музея Антон Основский, прослуживший 28 лет, *умер от голода*, надсмотрщики Ив. Анищенко и Леонтий Демиденко, сторож древностей на горе Митридат Савелий Маслинов *опухли от голода* и ждут своей судьбы. Не лучше положение и остальных.

⁵³ К. Э. Гриневич указал неверную дату основания Керченского музея древностей: он был открыт в 1826 г.

Академия истории матер. культуры, как преемница, согласно декрета Совнаркома, Археолог. Комиссии, не может и не должна оставаться пассивной к судьбе важного в научном отношении учреждения, связанного прямым образом с Академией. Настоящим прошу Академию поднять в центре вопрос о положении Керченского музея, выяснить все значение этого учреждения (ведь он не только «Музей») и обеспечить, вернее, спасти служащих этого музея. Необходимо сделать все то в срочном порядке.

Пишу эти строки по просьбе заведующего и служащих Керч. Музея, помнящих свою связь с б. Археологической комиссией, преемницей которой является Академия».

В июне 1922 г. в РАИМК обратился директор Керченского музея Ю. Ю. Марти. В своем письме он информировал руководство Академии, что до мая музей получал 8 пайков на 11 человек, в результате чего четверо сотрудников умерли с голода, а еще четверо пухнут с голода. После мая положение еще больше ухудшилось, поскольку музею выделено всего 5 пайков. Приведем несколько цитат из этого письма (РА, ф. 2, 1922 г., д. 59, л. 3):

«Обращаюсь, минуя все инстанции, непосредственно в Академию матер. Культ. Прошу немедленной помощи. Положение вверенного мне музея древностей и всех его отделений катастрофическое. Если не будет оказано в самом непродолжительном времени самая широкая материальная помощь сотрудникам музея, то гибель всего археологического дела в Керчи неизбежна, и я слагаю с себя ответственность за могущие произойти последствия... Если люди вымрут, я новых сторожей на их место не найду. ...Во избежание вымирания наших сторожей (археологов-практиков, специалистов своего дела) прошу ходатайствовать о выдаче Охр. Ис-у полного числа паев и аккуратной выплаты жалования».

Академия истории материальной культуры в этой ситуации проявила себя как подлинная наследница Археологической Комиссии, она не осталась пассивной к положению керченских коллег, в руководящие инстанции страны были направлены письма с просьбой о помощи. Можно лишь надеяться, что эти просьбы не остались неуслышанными.

Две революции 1917 г. и Гражданская война в России привели к огромным переменам в стране. Эти перемены самым непосредственным образом затронули и Императорскую Археологическую Комиссию. Ликвидация Российской Государственной Археологической Комиссии и создание Российской Академии истории материальной культуры являлись уже не простой «сменой вывесок». Вся система изучения памятников древности изменялась, создавались новые структурные подразделения, определялись новые направления исследований и т. д. Российская археологическая наука вступала в новую эпоху, и положение Боспора в ней поначалу как-то затерялось, стало почти незаметным. Правда, вскоре время внесло в эту ситуацию свои важные коррективы...

Ю. А. Виноградов

ГЛАВА III

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И СКИФСКИЕ ДРЕВНОСТИ ЮГА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Изучение скифских древностей занимало особое место в трудах Императорской Археологической Комиссии не только в начальный период ее существования. И впоследствии это научное направление осталось одним из ее приоритетов, что стоит расценивать как одну из фундаментальных особенностей деятельности Комиссии. Другой особенностью было то, что исследование этих древностей Северного Причерноморья и южных губерний Российской империи все время шло «рука об руку» с исследованием древностей классических.

По-видимому, такой подход являлся спецификой русской историко-археологической науки в целом. Эта особенность вполне закономерна и объяснима не только с точки зрения развития самой науки и господствовавших тогда эстетических предпочтений и ученых концепций. Здесь, на северном берегу Черного моря, греческие переселенцы вступили в контакты с различными местными племенами, в том числе и со скифами, доминировавшими в степной зоне с VII по конец IV вв. до н. э. и создавшими на этих землях могущественную кочевую империю. Одним из результатов такого взаимодействия многие ученые считают и «феномен Боспорского царства» — государства, созданного греческими колонистами на берегах Боспора Киммерийского и просуществовавшего более 1000 лет.

Этот подход к изучению причерноморских древностей нашел свое отражение и в трудах М. И. Ростовцева, ставшего в 1912 г. сверхштатным членом ИАК, в частности, в монументальном исследовании «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических», которое подвело своеобразный итог деятельности Комиссии в этой научной сфере (Ростовцев 1925). В другой, менее известной работе «Классические и скифские древности юга России», написанной ранее, М. И. Ростовцев описал зарождение в России интереса к антиковедению и скифологии следующим образом: «Со времени присоединения Черного моря и Крыма к составу русского государства изучение классических и скифских древностей причерноморских степей сделалось одной из главных задач русской археологической науки, выросшей и воспитавшейся в значительной степени на этом изучении. С тех пор в течение более чем 100 лет русские ученые с большим напряжением сил и знаний работают над этой задачей и достигли в области разрешения ее серьезных и положительных результатов. Усилия русской науки направлены были, прежде всего, на добывание материала и одновременно на приведение его в систему и на разрешение связанных с ним научных проблем» (цит. по: Тункина 1993: 23). Он отмечал, что еще до образования ИАК, сразу после присоединения Крыма, были проведены «собрание материала, находившегося на поверхности, установление местонахождения развалин древних городов, съемка этих руин и картографическая их фиксация как рядом иностранных путешественников, так и лицами, состоявшими на русской службе и действовавшими частью по поручению русских государственных деятелей». Тогда же начались и систематические раскопки курганов, которые,

по меткому наблюдению исследователя, «даже проведенные кустарно, подчас давали в руки раскапывателей высоко ценный научный и художественный материал, не требуя больших затрат» (Там же: 25).

Своеобразной «точкой отсчета» для истории скифской археологии можно считать раскопки Литого кургана в верховьях Ингульца, недалеко от Elizavetograda (совр. Кировоград), проведенные в 1763 г. генералом А. П. Мельгуновым по поручению Екатерины Великой. По имени исследователя этот курган также называют Мельгуновским (Придик 1911). находки из этого кургана, подлинные произведения искусства, были переданы в петербургскую Кунсткамеру, которая к тому времени уже располагала собранием скифских древностей. Эти вещи, происходящие из скифских курганов Сибири, были поднесены в дар императору Петру Великому в 1715–1716 гг. известным уральским промышленником Никитой Демидовым и генерал-губернатором Тобольска Матвеем Гагариным. Древности эти впоследствии получили название «Сибирской коллекции Петра Великого». Впоследствии все находки из скифских курганов, хранящихся в Кунсткамере, были переданы в Эрмитаж, где они находятся и в наши дни.

Еще в феврале 1859 г. Комиссия инициировала передачу этих коллекций, в том числе «золотых вещей из южносибирских курганов и греческих древностей из кургана, раскопанного ген. Мельгуновым», древностей «из Нумизматического кабинета Императорской Академии наук в Императорский музей» (1859 г., д. 4, л. 2–3). Одновременно граф С. Г. Строганов обратился к президенту Академии наук Д. Н. Блудову с просьбой предоставить сведения о скифо-сибирских древностях, хранящихся в Кунсткамере, в связи со стихийно начавшимися раскопками Александропольского кургана в Екатеринославской губернии (1859 г., д. 4, л. 7). В своем ответе от 6 апреля 1859 г. Д. Н. Блудов сообщал, что он поручил ординарному академику Л. Э. Стефани составить подробное донесение о древностях, хранящихся в мюнц-кабинете Императорской Академии наук. В течение апреля это донесение было представлено историко-филологическому отделению Академии (Там же, л. 9–14). К донесению прилагалась опись «старинных золотых и прочих вещей, переданных в Кунсткамеру 22 декабря 1727 г.», в которой в числе прочего значатся «2 плаща лошадиных, 2 плаща с бирюзами, 2 плаща звериные, чашка двойная при ней чашка маленькая, 2 блюда с ушками, ожерелье, круг разъемный... Всего вышеописанным золотым вещам весу семьдесят четыре фунта пятьдесят три золотника, опроче чашки Его (очевидно, Петра Великого) — *Ред. чайной*». 19 ноября 1859 г. председатель ИАК обратился к министру Императорского Двора В. Ф. Адлербергу с просьбой об окончательном решении вопроса о передаче собрания древностей Академии наук в Эрмитаж (Там же, л. 17–18). Вскоре после этого в Комиссию поступило уведомление канцелярии министерства о разрешении императора Александра II выставить Сибирские древности в одном из залов музея.

За учетом и систематизацией музейных собраний последовали конкретные полевые исследования. В 1859 г. деятельность Императорской Археологической Комиссии, как писал в своем отчете С. Г. Строганов, «заключалась преимущественно в раскопках, произведенных в Екатеринославском уезде (предполагаемой стране Герров), в окрестностях Керчи (древней Пантикапеи) и на Таманском полуострове, близ станицы Сенной (на месте древнего города Фанагории)» (ОИАК за 1859 г. 1862: I). Далее, говоря о результатах работ в Екатеринославском уезде (в районе современного г. Никополя), граф Строганов отмечал, что особый интерес к этим разысканиям был вызван предшествующей историографической традицией: «вопрос о скифах Геродота... древних обитателей южной России, постоянно рассматривав-

шийся как в отечественной, так и в иностранной литературе, подал повод к многочисленным историческим исследованиям». Следует сказать, что упомянутые регионы и в дальнейшем будут составлять «основные направления», на которых сосредоточивались усилия исследователей ИАК.

Действительно, яркий рассказ о племенах кочевых скифов, содержащийся в IV книге знаменитой «Истории» Геродота, до сих пор продолжает привлекать пристальное внимание ученых. Один из самых красочных эпизодов этого повествования — описание похорон верховных скифских владык, проходящие с необычайной пышностью (IV, 71–73). По Геродоту, скифских царей предавали земле, насыпая над их могилами огромные курганы в области Герр, «в том месте, до которого Борисфен судоходен», т. е. в районе степного течения Днепра. Огромные курганные насыпи днепровских степей издавна привлекали внимание крестьян, одним из курганов, подвергшимся в 50-х гг. стихийным раскопкам, был курган Луговая Могила у с. Александрополь, в 50 верстах от правого берега Днепра. Исследования Луговой Могилы (или, как его чаще называют, Александропольского кургана) начались еще до создания Комиссии. Раскопкам огромной, обложенной большими камнями насыпи этого кургана (высота его достигала 10 сажень, а окружность — 150) предшествовали случайные находки в его насыпи, сделанные в 1851 г. местными крестьянами, добывавшими здесь камень. В числе этих первых находок — известная бляха с изображением «крылатой Артемиды», изготовленная из золота, бронзы и железа (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 260). В 1855 г. к исследованию кургана был привлечен А. Е. Люценко (Извлечение... 1855: 49–50; Толстой, Кондаков 1889: 91–100). Вещи, случайно попавшие в руки крестьян, были выкуплены Комиссией. Примечательно, что М. И. Ростовцев, весьма критически подходивший к оценке качества раскопок отечественных скифологов, впоследствии отметил высокий уровень исследования этого кургана (Ростовцев 1925: 428).¹

Члены ИАК, да и широкая общественность были убеждены в том, что здесь захоронен один из скифских царей, «роскошное погребение которых подробно описал Геродот» (ОИАК за 1859 г. 1862: IV). Вещи из Луговой Могилы «по Высочайшему повелению» в начале 1860 г. передаются в Музей Императорского Эрмитажа, где «они наполняют теперь шесть витрин» (Там же: V). Эти раскопки не могли не стимулировать дальнейшие изыскания в Поднепровье: «Из всего этого видно, — писал председатель Комиссии С. Г. Строганов, что Императорская Археологическая Комиссия должна была обратить внимание на скифские курганы Екатеринославской губернии» (ИОАК за 1859 г. 1862: VI).

Работы в этой местности были поручены младшему члену Комиссии И. Е. Забелину и проведены на землях помещика М. П. Миклашевского. Граф С. Г. Строганов письмом от 27 июня уведомил И. Е. Забелина, который до этого времени никакого опыта по части археологических раскопок не имел, о возложенном на него поручении (1859 г., д. 6, л. 6–9). Письмо содержит достаточно подробные инструкции, касающиеся стратегии, тактики и методики будущих исследований и одновременно свидетельствующие о понимании председателем Комиссии специфики памятника археологии как исторического источника и объекта раскопок. В нем, в частности, говорилось:

¹ Вот как писал о методике раскопок этого памятника академик Ростовцев: «Александропольский курган — единственный расследованный так, как должны были быть расследованы все курганы, т. е. путем снятия всей насыпи, — расследован был так образцово, несомненно, благодаря директивам, данным Терещенко и затем Люценко графом Л. А. Перовским, который и здесь... указал настоящий, единственно правильный путь, по которому, однако, последующие поколения не пошли» (Ростовцев 1925: 248. Примеч. 2). Эти слова написаны в 20-х гг. XX в., когда было раскопано значительное число «царских» скифских гробниц.

«В Екатеринославском уезде близ казенного селения Александрополя раскопан был курган, носивший название Луговой Могилы, в насыпи которого и катакомбах найдены были разные древние вещи. По географическому его положению и характеру вещей можно заключить, что он относится к числу тех могильных насыпей, которые, по свидетельству Геродота, находились в стране Герров и принадлежали гробницам скифских царей. Археологическое исследование окрестных с ним курганов представляет поэтому интерес особой ученой важности... Но как рядом с скифскими курганами могут находиться другие позднейшего происхождения, в настоящее же время предполагается обратить внимание, по преимуществу, на скифские, то для отличия их по внешним признакам, вероятно, может отчасти служить форма Луговой Могилы. Курган этот, имея конусообразный вид, был в основании обложен дикарными камнями и окружен сначала рвом, а потом валом, в котором с западной и восточной стороны было по одному промежутку. Высота его была около 10, а окружность основания около 110 сажен. К числу скифских курганов, вероятно, принадлежит курган близ хутора Гермесия на дачах новомосковского предводителя дворянства Миклашевского, в котором уже были сделаны некоторые археологические открытия. Средина его до сего времени остается нетронутою, а так как г. Миклашевский в письме своем ко мне предоставил Археологической Комиссии право разрывать принадлежащие ему курганы, то Вы и можете приступить к его раскопке.

По поручению покойного графа Л. А. Перовского кол. сов. Пискарев производил раскопку кургана Острой Могилы, которая не была доведена им до конца, почему курган этот предстоит также доследовать. Не вменяя Вам, однако же, в обязанность раскапывать именно эти два кургана, предоставляю выбор курганов для раскопок, как зависящий от местных обстоятельств, Вашему личному усмотрению.

При производстве же разысканий Вы должны соблюдать следующие правила:

1. При раскопках не оставлять работы без надзора во время Вашего отсутствия для того, чтобы открываемые вещи не подверглись расхищению.
2. Для того, чтобы был виден весь ход археологических работ, вести им поденный журнал с возможной подробностью. В этом журнале непременно должно заключаться описание топографического положения кургана, наружного его вида и величины, затем свойства насыпи его, в каких ее слоях какие попадались вещи, наконец, при открытии в нем гробницы устройство ее, размеры, положение в ней погребенного и расположение около сего последнего вещей.
3. Для наглядного объяснения замечательнейших описаний в журнале прилагать к ним точные планы.
4. В насыпи кургана могут быть открыты вещи:
 - а) древнее самого кургана, попавшие в него в то время, когда он насыпался, находясь случайно в земле, которая употреблена была для его насыпки;
 - в) вещи, засыпанные в нем, когда он воздвигался, не случайно, а вследствие народных обычаев, как, например, при совершении на нем жертвоприношений;
 - с) вещи, засыпанные в нем в то время, когда часть его была уже воздвигнута, также не случайно, а, например, при отправлении годовщины в память в нем погребенного и
 - д) вещи, попавшие в него впоследствии случайно, например, простые клады...
5. Для определения, какого племени были погребенные, сохранять их черепа точно таким же порядком, как и самые вещи...

Вместе с тем Вы также должны иметь в виду, что гробница может заключаться не в насыпи кургана, а под ней, в глубине материка, и состоя из нескольких подземных катакомб, соединя-

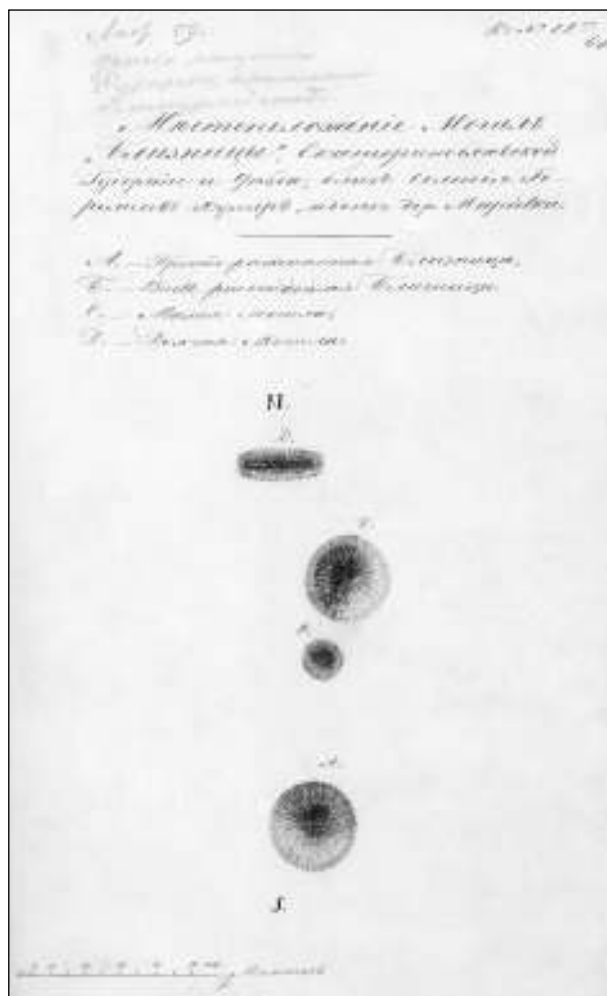
ющихся между собою подземными же коридорами, иметь весьма небольшой вход, а поэтому, когда при раскопках будет дойдено до материка, осматривать его с особенной внимательностью, чтобы подобный ход не укрылся от разысканий. О ходе работ и открытиях Вы будете доносить мне, представляя и самые найденные вещи...».

Даже поверхностное знакомство с инструкциями, полученными И. Е. Забелиным, на наш взгляд, показывают, что расхожее мнение о том, что основная задача в исследовании скифских (равно как и классических) древностей на протяжении начального периода деятельности Археологической Комиссии сводилась к добыванию ценных художественных изделий для пополнения музейных коллекций и организации эффектных выставок, слишком упрощает реальное положение вещей. Комиссия с самого начала ставила перед раскопщиками целый круг задач исследовательского порядка; другой вопрос, в какой степени были готовы к их решению сами исследователи (*смотри главы I и IX*).

Прибыв в Екатеринославскую губернию, на место будущих раскопок, И. Е. Забелин столкнулся с целым рядом трудностей, описанных в его донесении в Комиссию 9 июля 1859 г. (1859 г., д. 6, л. 15–16). Основные проблемы, как это часто происходило, были связаны с правом собственности на землю. Скифские курганы, которые планировалось исследовать в 1859 г., не только находились на частной земле, что было известно и ранее, но, как выяснилось, из-за недавнего ее раздела помещик Миклашевский не являлся более единоличным владельцем, так как «такие курганы преимущественно находятся теперь, по разделе ими своего имения, в землях его братьев». Кроме того, владельцами земли были предъявлены новые требования к проведению раскопок. Об этих условиях И. Е. Забелин также ставит в известность С. Г. Строганова. Последний принимает активное участие в обсуждениях и подписании соглашения между ИАК и землевладельцами. Наконец 20 июля он сообщает И. Е. Забелину, что ему разрешается начать раскопки в имении Миклашевского, приняв условия, «вследствие которых 1) все находимые в курганах этих вещи, имеющие археологическое значение, должны поступать в Археологическую Комиссию без всякого с его стороны требования за них вознаграждения, кроме золотых, за которые ему должна быть уплачиваемая третья часть их стоимости..., 2) все находимые вещи, не имеющие археологического характера, должны остаться в его, г. Миклашевского, пользу. Вместе с сим разрешаю Вам и на будущее время заключать на таких основаниях условия с другими владельцами курганов» (Там же, л. 15–16).

На раскопки было выделено 2500 руб., но из-за проблем с наймом рабочих удалось исследовать только четыре насыпи, потратив всего 819 руб. . Не имея возможности сразу же приступить к раскопкам, вынужденный вести переписку с ИАК по поводу урегулирования взаимоотношений с землевладельцами, И. Е. Забелин, очевидно, собирал сведения обо всех находимых древностях. Так, он пишет С. Г. Строганову: «Вместе с сим не излишним почитаю довести до сведения Вашего Сиятельства, что в ноябре прошлого года, в Днепре, у Вовнигского порога, найдены были крестьянами две пушки желтой меди, ...причем по их отзыву в реке оставался еще необыкновенной величины якорь» (Там же, л. 15–16). Пушки эти хранились в Екатеринославе, в доме губернатора.

Приступить к исследованию группы курганов «у хутора Гермесова», находящихся в 50 верстах к юго-востоку от Александропольского кургана и в 10 верстах от берега Днепра, И. Е. Забелину удастся лишь в конце лета 1859 г. Группа состояла из двух больших курганов, известных под названием «Близниц», и нескольких малых. Названия «Близница» и «Близницы», равно как и «Толстая Могила», часто давались степным курганам. «Толстыми» курганами назывались в то время насыпи характерной полусферической формы, присущей

Местоположение могил Близницы. План группы курганов у Гермесова хутора.
Раскопки И. Е. Забелина (1859 г., д. 6, л. 60)

памятникам раннего железного века. Расположение этих курганов показано на схематическом плане, составленном И. Е. Забелиным (1859 г., д. 6, л. 60). О своих действиях он регулярно сообщает в Комиссию. Первое его донесение датировано 25 августа. Тогда он счел необходимым обследовать сначала один из больших курганов, оказавшихся раскопанным сравнительно недавно: «Раскопанная могила вместе с другой могилой, такой же величины и формы, лежащую от первой к северу в 50 саженьях», была «раскопана грабарем² и dokonчена людьми Миклашевского» траншеей, «на глубину в материке 2 и $\frac{1}{2}$ сажени... Разрытие шло неправильно и, по-видимому, с одной целью — отыскать клад. Поэтому, из находимых предметов, как рассказывают, обращено было внимание только на золотые вещицы, все остальное, и тем более расположение вещей в гробнице и положение самого остова, не заслужило исследования... я остановился на галерее с целью узнать точное ее направление и досле-

² Грабарями или конноподводными рабочими именовались работники, имевшие подводы с лошадьми и занимавшиеся на заработки.

довать, нет ли в ней катакомб или даже гробниц» (там же, л. 20). Доследовав раскопанную могилу, И. Е. Забелин сообщает о своих планах приступить к раскопкам других насыпей — курганов Острая и Долгая Могилы.

Донесение И. Е. Забелина от 1 октября 1859 г. представляет собой отчет о проведенных исследованиях. Он начинается с подробного описания раскопок кургана «Близницы» (Там же, л. 22). И. Е. Забелин упоминает в этом описании и о предпринятой им попытке расспросить Миклашевского о проведенных ранее раскопках. Однако раскопщики сообщили лишь о том, что «кроме северной катакомбы найден был еще колодец в западной части, снова потом засыпанный. Таким образом могила потеряла весь интерес для науки, ибо первоначальное ее устройство разрушено, причем не составлено плана и не оставлено даже памятной записки, что было в ней найдено. В этом разрушении я удостоверился собственными раскопками... Я остановился на северной подземной галерее». Там же были выявлены еще одна галерея, ведущая на запад, и центральный вход (?), в двух саженях от которого найдены были несколько золотых вещей, «лежавших в кучке, без всякого следа тех предметов, для которых они служили украшением». Стало ясно, что могила была ограблена еще в древности.

«Нераскопанная Близница» возбуждала особенное внимание исследователя «расположением близ нее двух небольших курганов, одного Долгого, 24 саж. длины, с СЗ (северо-запада — *Ред.*), и другого круглого, который был смежен с могилою у юго-западной ее пологости». И. Е. Забелин отмечает, что «такую же конструкцию» имеет еще один значительный курган — Чертомлык (Там же, л. 23). Далее следует описание раскопок второй «Близницы» (Там же, л. 23–26). «Почти одновременно разрыты были близлежавшая Долгая могила и малая круглая у юго-западной его покатости» (Там же, л. 25). Таким образом, исследование этой «Близницы» показало, что под ее насыпью находилось целое кладбище, без сомнения, имевшее отношение к другой прежде раскопанной Близнице, устройство которой и сделанные в ней находки свидетельствуют о ее «особенном, может быть царственном, назначении» там же, л. 26).

К отчету И. Е. Забелина была приложена «Опись вещей, найденных в Могиле Близнице, близ Гермесова хутора» (памятник этот более известен как Гермесов курган), насчитывающая всего 11 предметов (Там же, л. 28). В их числе — «круглая бляшка с изображением львицы, кормящей львенка», «четырёхугольная бляха с изображением двух воинов, одного конного и другого пешего» (см. Толстой, Кондаков 1889: 90. рис. 102), «небольшая чашечка от какого-то убора» и некоторые другие вещи.

Последнее донесение И. Е. Забелина о раскопках у Гермесова хутора датировано 12 ноября 1859 г. (1859 г., д. 6, л. 30–32). Оно предваряет дневники о раскопках, представленные в Комиссию. Затратив много времени и усилий на организацию летних работ, сожалея, «что принужден был ограничиваться только исследованием Близницы», И. Е. Забелин, планируя будущие раскопки в Екатеринославской губернии, пишет о необходимости предварительной и тщательной их подготовки, контролем над количеством и качеством работников. Он сообщает, что лучшие рабочие «в тех местах суть так называемые грабари, которые почти все приезжают в степи с весны из Киевской губернии и поступают на работы по заранее сделанным договорам и условиям, почему или наем их, или приглашение их на наши работы должно быть объявлено им также заблаговременно, в феврале или, по крайней мере, в марте. В таком только случае можно верно рассчитывать на то именно количество конно-подводных работников, какое будет требоваться, ибо, по их отзыву, из города Черкасс, который по преимуществу ими и населен, каждую весну выезжает на работу в разные губернии до 1500 подвод» (Там же, л. 31). В донесении много говорится о планах будущих раскопок

в Екатеринославской губернии, по сути, в течение сезона 1859 г. И. Е. Забелиным были обследованы курганы Приднепровья в районе Никополя, намечена программа их изучения: «Особенно важно было бы разрытие огромнейшей Толстой Могилы, называемой Чертомлыком, в дачах господина Зейферта и почти столько же огромных двух Толстых Могил в дачах господина Нечаева» (Там же, л. 31–32).

И. Е. Забелин оставил достаточно подробный дневник раскопок 1859 г. (Там же, л. 33–58). Записи велись, как правило, ежедневно, указано, сколько рабочих было привлечено, на сколько саженей продвинулись работы и пр. Дневник состоит из четырех разделов: I. Близница поврежденная — «начата 21 июля, закончена 5 сентября» (Там же, л. 33–39); II. Близница вновь раскопанная — «начата 31 июля, закончена 10 сентября» (Там же, л. 40–54); III. Долгая Могила у вновь раскопанной Близницы, работы шли с 27 августа по 3 сентября (Там же, л. 54–57); IV. Небольшая могила у юго-западного склона вновь раскопанной Близницы, была раскопана за 11–12 сентября (Там же, л. 57–58). Раскопки этих курганов не дали ярких находок, однако позволили И. Е. Забелину проследить и выявить сложные планировки гробниц, зафиксированных им на планах (Там же, л. 60–61).

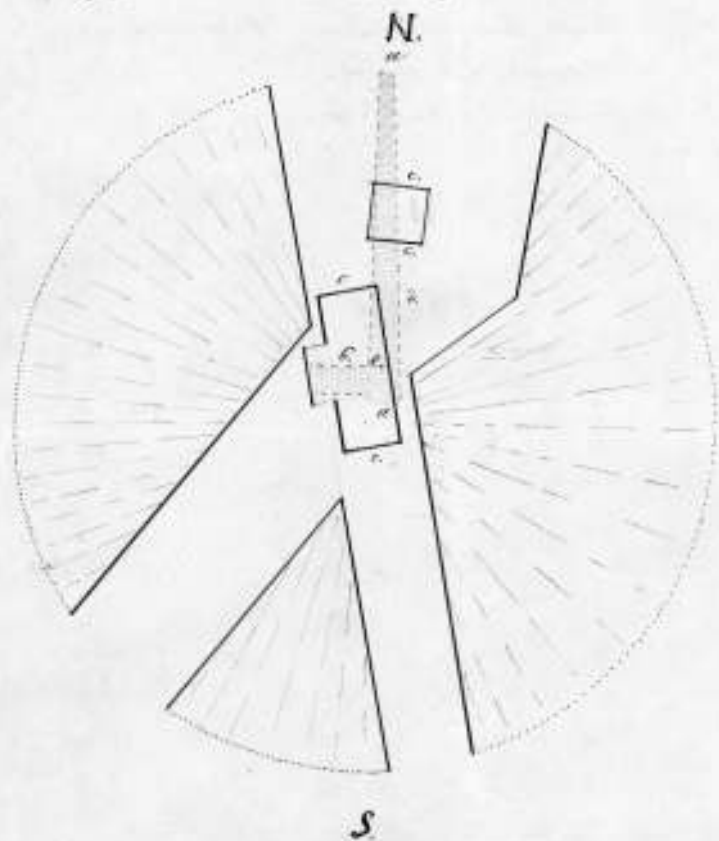
В следующем, 1860 г. И. Е. Забелин исследует «Толстую Могилу» близ Краснокутской станции, по дороге из Екатеринославля в Никополь (Краснокутский курган) (1860 г., д. 13; Толстой, Кондаков 1889: 103–104). Этот курган, расположенный в 20 верстах от Александропольского и имевший более скромные размеры (4 сажени в высоту и 90 в окружности), содержал богатое погребение «царя», остатки колесницы, конские погребения, предметы греческого импорта (в том числе 8 амфор) (Мелюкова 1981). В 1861 г. И. Е. Забелин раскапывает в Екатеринославском уезде еще три кургана — Острую Могилу у с. Томаковка, Каменную могилу к северо-западу от Томаковки и Слоновскую Близницу (ОИАК за 1861 г. 1863: IX–XI). При несомненных успехах раскопок курганов в Приднепровье ведущим направлением в деятельности Комиссии по-прежнему остается «античное». Если, согласно «Всеподданейшему докладу о действиях Императорской Археологической Комиссии за 1861 год», раскопки в Керчи велись с 20 февраля по 24 декабря, т. е. почти весь год, то в Екатеринославском уезде — чуть более месяца, с 14 июня по 25 июля (ОИАК за 1861 г. 1863: I).

В следующем, 1862 г. в 20 верстах к северо-западу от «местечка Никополь» начались раскопки знаменитого кургана Чертомлык или, как его тогда называли, «Толстой Чертомлыцкой могилы». Руководивший раскопками И. Е. Забелин к тому времени был уже старшим членом Комиссии и надворным советником. Совершенствуется и методика раскопок. Согласно Отчету, курган начали копать с вершины сплошным раскопом, как мы сейчас бы сказали, «на снос», фиксация велась «по саженям». Однако, начиная с 4-й сажени, «во избежание лишних расходов, которых потребовало бы снесение всей насыпи, дальнейшая раскопка кургана проведена широким разрезом, направленным с востока на запад, через центр насыпи... Денежные средства Комиссии не позволили ей продолжать раскопку далее 7-й сажени от вершины кургана, так что до материка осталось еще около 3-х саженей» (ОИАК за 1862 г. 1863: XIX). Раскопки, таким образом, были прерваны на год, хотя их результаты были высоко оценены. Сохранились и дневники И. Е. Забелина, отражающие результаты его раскопок, их зарисовки и черновые материалы (1862 г., д. 2), Государственном Эрмитаже, а также в архиве Государственного Исторического музея в Москве.

На уровне материка исследователь зафиксировал ряд ям, представлявших собой остатки центральной и боковых гробниц. Хотя этот курган, как почти все известные нам «царские» скифские курганы, был ограблен еще в древности, его насыпь, а также «тайники» гробниц содержали множество изделий, в числе которых были и всемирно известные

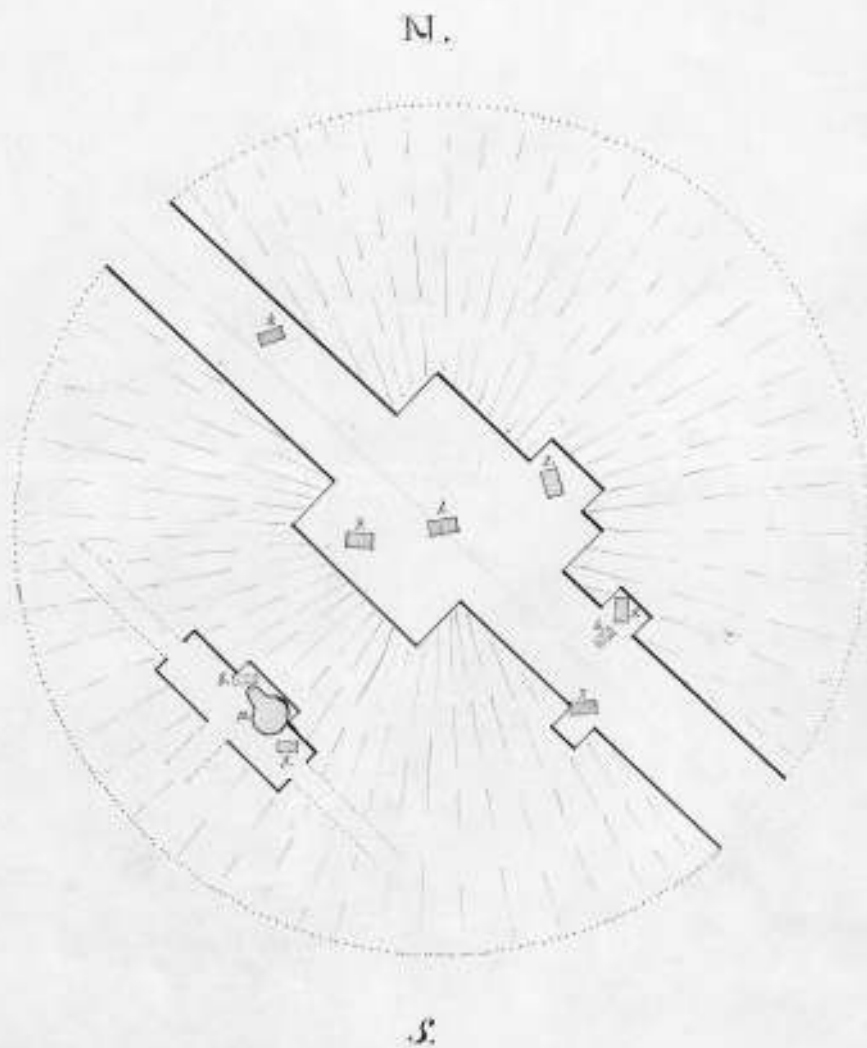
Планъ прежде раскопанной Близницы.

*а. а. Предыдущая галерея, б. Катушка срубной
повышенной галереи. с. с. с. Я. ии. Выходящая для
восточной галереи. д. Катушка для пильного станка
или станка для катушки. е. Каток для пильного станка
внизу повышенной галереи.*

План «преждераскопанной Близницы». Раскопки И. Е. Забелина (1859 г., д. 6, л. 60 об.)

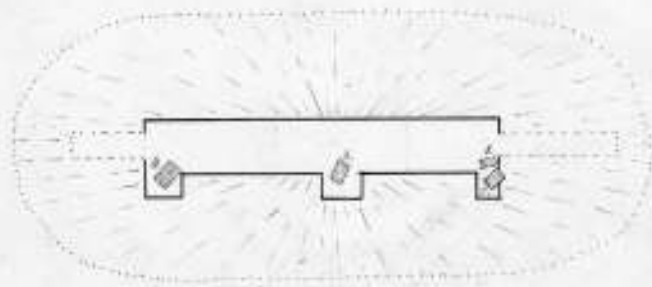
План вновь раскопанной Близицы.

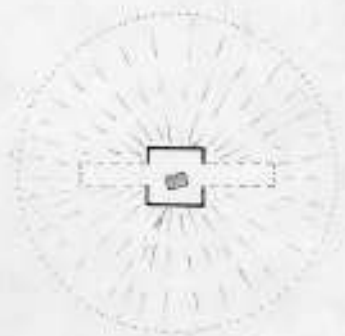
План «вновь раскопанной Близицы». Раскопки И. Е. Забелина (1859 г., д. 6, л. 61)

Математическое описание

N.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

Ж.

Математическое описание

План «Могил долгой и малой» (1859 г., д. 6, л. 61)

Серебряная амфора из кургана Чертомлык.
Раскопки И. Е. Забелина.
(ФА, Q 708-73 / II 32808)

шедевры греко-скифской ювелирной техники. Среди множества золотых, серебряных и бронзовых изделий, найденных в Чертомлыцком кургане, особенно известны серебряные блюдо и амфора (Толстой, Кондаков 1889: рис. 110–111, 114–116; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 265–268), а также золотые и серебряные нашивные бляшки разных типов.

Раскопки Чертомлыка принесли И. Е. Забелину известность как археологу. Возможно, именно они подтолкнули его к размышлениям о задачах и смысле археологической науки, которые нашли отражение в его реферате «В чем заключаются задачи археологии как самостоятельной науки?» на III Археологическом съезде в 1874 г. в Киеве (Забелин 1878: 1–17). Впоследствии он был награжден орденом святого Станислава II степени (Литовиченко 1991: 277). Описание раскопок Чертомлыцкого кургана было опубликовано им в 1866 г. в издании Московского Археологического общества, а также в «Древностях Геродотовой Скифии», составивших второй том «Материалов по археологии России» (1872). Чертомлыцкий курган, гробницы которого были сооружены в 340–320 гг. до н. э. (Алексеев 1981; 1992: 156–157), исследован в 1979–1986 гг. совместными усилиями российских, украинских и немецких археологов; результаты их ра-

боты отражены в монографии А. Ю. Алексеева, В. Ю. Мурзина и Р. Ролле (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991).

В 1865 г. И. Е. Забелин копает курганы Мелитопольского уезда Таврической губернии у сел. Нижние Серогозы и Рогачик (1865 г., д. 11). В донесении в Комиссию от 20 августа он сообщает о том, «что на протяжении ста верст от Чертомлыцкого кургана, по прямой линии на юг и уже на левом берегу Днепра (в Таврической губернии) встречаются, одна за другою, три весьма значительные могилы. Первая верстах в 20 от Днепра и верстах в 10 от с. Большой Знаменки, вторая у с. Новоалександровка, верстах в 40 от первой, и третья, самая значительная, называемая Агуз (курган Огуз. — *Ред.*), близ с. Большие Серогозы. Приступить... к исследованию этой последней, величиною мало уступающей Чертомлыцкой могиле, было невозможно, потому что степь около могилы, а отчасти даже и самая насыпь вспахана и засеяна хлебом и земля вокруг могилы находится в душевом крестьянском наделе. Я принужден был начать раскопку Новоалександровской могилы, которая меньше Агуза и зовется поселянами Козел...» (Там же, л. 4). Далее следует подробное описание раскопок кургана Козел, который был раскопан траншеей:

«Почти в центре вершины, на глубине 1 аршин от поверхности, найден человеческий остов в полусидячем положении, лицом к востоку. Подле его черепа, слева, лежал череп коня, с небольшими железными удилами в челюсти... Расположение слоев насыпи было очень интересно. Видно было, что курган насыпался постепенно, в разное время, в несколько приемов. Особен-

ное старание и, без сомнения, много трудов было употреблено для того, чтобы придать насыпи наивозможно остроконечную форму... Наконец на материке подле южной стены, а отчасти и под стеною сделанного разреза обозначилась большая яма главной гробницы, почти квадратная в 6 аршин длиною по направлению от В на З и 5 аршин 12 вершков ширины. Далее на 8 аршин к западу находилась гробница коней, длиною параллельно ширины главной гробницы, на 11 саж. От С к Ю; шириною около 4 аршинов. Подле этой конской гробницы, у ее середины, с восточной стороны, след. Между ею и главною гробницею находилась небольшая могила длиною с В на З на 3 аршина. С северо-западного угла конской гробницы находилась другая такая же могила. Легко было догадаться, что это могилы конюших. Таким образом расположение упомянутых гробниц почти полностью соответствовало расположению гробниц в Чертомлыцкой Могиле... Сделав в южной стене неизбежную вырезку, я приступил к вскрытию найденных гробниц. Конская гробница, подобно Чертомлыцкой, имела три особые ямы, отделенные друг от друга материковыми перегородками. В боковых ямах открыто по 4 коня, а в средней 3, всего 11 коней. ...В южной яме два коня имели серебряный уздечный набор, а два — бронзовый. На трех конях, больших, были седла с золотыми пластинами, совершенно подобными найденным в гробницах Чертомлыцкой Могилы. При одном коне, лежавшем подле южной стенки, головою против обыкновенного порядка, к западу, найден бронзовый шейный убор, состоявший из блях и колокольчиков, связанных железною цепочкою, а при седле колчан бронзовых больших стрелок. В средней яме на всех конях был бронзовый уздечный убор и сверх того, на одном, лежащем в середине, шейный бронзовый же убор, подобный описанному... В последней северной яме все четыре коня имели серебряный уздечный убор и были, по-видимому, в простых седлах, от которых оставались еще частицы совершенно истлевшего дерева и найдены четырехугольные железные пряжки от подпруг. Кони первоначально не были засыпаны землею, а были покрыты, вдоль всей гробницы, тремя деревянными брусьями... При конюших найдены только железные ножи и колчаны бронзовых стрелок... Очевидно было, что гробница опустошена. ...В северо-восточном углу подземный грот был почти цел; обрушились только входная часть и стенки. С большой опасностью мы, однако же, успели его осмотреть. Он имел длины 6 S аршинов, ширины 3 аршина 5 вершков, вышины 2 аршина. На полу земля была перерыта... Мы нашли одну золотую бляшку с изображением Геркулеса и две малых пуговицы. Все это отнимало всякую охоту вести дальнейшие исследования в опасных подземельях... Руководствуясь этими соображениями, я окончил раскопку кургана» (Там же, л. 4–8).

Опись вещей, найденных «при расследовании Могилы Козел у сел. Новоалександровки Таврической губ. Мелитопольского уезда» (Там же. 11, л. 9–13), с карандашными рисунками И. Е. Забелина поверх текста содержит подробное описание «наборов» каждого из коней в отдельности. Отдельно (№ 159–165) описаны вещи, найденные в главной гробнице, и вещи, найденные «в насыпи, в разных местах» (№ 166–170). Сложный комплекс материалов из гробницы кургана Козел лишь сравнительно недавно стал осмысляться и вводиться в научный оборот (Переводчикова, Фирсов 2004).

В 1866–1868 гг. И. Е. Забелин продолжает исследования в Новороссийском крае. В его «Донесениях» за этот период (1866 г., д. 6) периодически появляются сообщения о трудностях, вызванных нехваткой квалифицированных рабочих. Вот, например, отрывок из письма, адресованного С. Г. Строганову и написанного в «местечке Никополь» 12 июня 1866 г.:

«Имею честь донести Вашему Сиятельству, что нынешним летом я намеревался начать расследование большой скифской могилы Цимбалки, лежащей в верстах сорока отсюда, к востоку от Днепра, близ селения Большой Белозерки. Проживши здесь почти три недели и при помощи

факторов и рассыльных, употребивши все хлопоты и средства для приискания грабарей-землекопов, я, однако ж, не мог найти из них ни одного человека. Почти все они работают на железной дороге. Малыми партиями они работают в некоторых здешних экономах по условиям, заранее сделанным, так что и за высокую плату найти на нашу работу не могут. Вместо 2 руб. с кубической сажени, как я платил прошлым летом, я назначал 3 руб. 50 коп, но никто не отозвался и на эту цену. Попав в такое безвыходное положение, я поставил на эту работу косарей и плотовщиков, которые, прогнав вниз по Днепру плоты, возвращались домой. Все они соглашались встать на работу только при одном условии, чтобы плата была не с куба, а помесечно и чтобы харчевое содержание было мое. Такое условие было очень невыгодно и неудобно, особенно в моих руках... Я убедился теперь вполне, что опытные и бывалые рабочие, с которыми я вел свои расследования в течение семи лет, вовсе не так дороги, как всегда мне казалось, и что с их помощью я делал в течение одного лета то, что с косарями должно сделать в три или в четыре лета при расходах впятеро больших. Впрочем, убедительное тому доказательство Комиссия уже имеет в первоначальной раскопке Луговой Могилы, которая продолжалась не одно лето при великом множестве рабочего народа и все-таки окончена была со славою единственно только при помощи опытных грабарей... Испытав такую тяжелую неудачу, мы отправляемся теперь к Бериславу и дальше к Херсону, все еще питая, хотя и малую, надежду встретить где-либо в степи грабарей и начать раскопку какой-либо другой значительной могилы по близости тамошних мест.

Если же и там наши поиски будут безуспешны и окажется совсем невозможным приступить нынешним летом к расследованию какой-либо значительной могилы, то я почитаю необходимым предпринять обзор древних могил по западной стороне Днепра и по течению Буга, в местности, которая мне вовсе неизвестна и в которой должны встретиться непременно скифские же большие курганы» (Там же, л. 4–5).

Помогать И. Е. Забелину улаживать вопросы с наймом рабочих приходилось С. Г. Строганову и В. Г. Тизенгаузену непосредственно из Петербурга. Вот лишь небольшой эпизод, о котором нам известно из оживленной переписки по вопросам организации работ. По сообщению Забелина, «...государственный крестьянин Курской губернии Максим Анахин» обязался «поставить к 1 июня ... 1867 года в село Петровское (Графа Строганова) близ города Александровска, Екатеринославской губернии, опытных конных грабарей-землекопов... не менее 25 человек для раскопки курганов...» с обязательством непременно «окончить начатые в кургане работы» (Там же, л. 12). Это соглашение, несомненно, способствовало успешному исследованию курганов в с. Петровском, где были раскопаны курган Долгая могила и два других кургана. Однако отношения с подрядчиком Анахиным складывались сложно — он настаивал на повышении расценок при дальнейших работах. В телеграмме, присланной им из Курска 19 декабря 1867 г. И. Е. Забелину сообщалось: «Старой цене матерую сажень пять рублей вторая 10, третья 15. Отвечайте. Ответ уплачен. Анахин». Сохранился и ответ И. Е. Забелина, написанный 28 декабря: «Предлагаемые цены слишком высоки сами по себе и особенно на рабочих, не отличающихся потребными ответственностью и благонадежностью в отношении выполнения работы», далее следуют предложенные им расценки (Там же, л. 20). Отношения с неуступчивым подрядчиком были расторгнуты, и 3 февраля 1868 г. И. Е. Забелин сообщал С. Г. Строганову: «Для окончания раскопки, начатой в прошлом году, в большом кургане близ селения Большой Белозерки (Таврической губернии Мелитопольского уезда) приглашен мною прежний, более опытный рядчик земляных работ черкасский мещанин Макар Марков Сухарев — производивший раскопку Чертомлыцкого кургана, который соглашается производить работы с оплатою, по случаю дороговизны жиз-

ненных припасов, по 2 руб. 50 коп. за кубическую сажень, как получал в прошлом году и рядчик Анахин» (Там же, л. 27).

Сотрудничество со знакомым подрядчиком оказалось более удачным и весьма облегчило исследование кургана Цимбалова могила близ с. Большая Белозерка Таврической губернии Мелитопольского уезда, где были открыты большая и малая могилы, подробно описанные в «Донесении» от 12 августа 1868 г. (там же, л. 34–45). Самой, пожалуй, известной находкой из этого кургана является золотой конский налобник с изображением женского божества (Толстой, Кондаков 1889: Рис. 99; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 144), семантика которого не раз становилась предметом исследования (Бессонова 1983: 93 сл. ; Мачинский 1978). Согласно описанию И. Е. Забелина, он найден в четырехугольной, ориентированной по линии север-юг могиле, где были захоронены 6 коней. Из них 5 положены головами на восток и один — на запад. На четырех из них были надеты бронзовые уздечные наборы и серебряные налобники, а на двух — золотые. Рядом лежали нащечники в виде пары дельфинов. На втором золотом налобнике были изображены пара грифонов и растительный орнамент (1866 г., д. 6, л. 34–35; см. также Толстой, Кондаков, 1889: 115–116. Рис. 99–101). В «Описи вещей», найденных в кургане, впрочем, уточняется, что золотой налобник с женским изображением «лежал особо, между 5 и 6 конями» (1866 г., д. 6, л. 41). Согласно периодизации скифских «царских» курганов Приднепровья, разработанной А. Ю. Алексеевым, курган был сооружен в 360/350 — 330/320 гг. до н. э. (Алексеев 1982; 1992: 149–150, 163).

Наследие И. Е. Забелина, его научная судьба заслуженно привлекают внимание исследователей.³ Как отмечал А. Ю. Алексеев, «яркая самобытность личности И. Е. Забелина осветила столь многочисленные стороны российской исторической науки и культуры, что историографы поныне все еще весьма далеки от полноценной и достойной ее оценки... За годы своей службы в Археологической Комиссии И. Е. Забелин раскопал большое количество археологических памятников, и не только степных скифских. Но именно скифские курганы принесли ему славу и известность археолога» (Алексеев 2004: 37–39).⁴ Автор приходит к выводу о том, что И. Е. Забелин «был очень любознательным и наблюдательным исследователем. В некоторых случаях дальновидность и внимательность Забелина к деталям удивляет, оставляя лишь чувство сожаления, что его ближайшие наследники по исследованию скифских курганов так и не сумели или не смогли воспользоваться его наблюдениями» (Там же: 42–43). Далее, полемизируя с А. А. Формозовым, упрекавшим И. Е. Забелина в несовершенстве его раскопок (Формозов 1986: 5), А. Ю. Алексеев пишет: «Упрек в недостаточно высоком качестве раскопок нельзя, разумеется, считать совершенно необоснованным, поскольку в действительности практически все курганы до конца докопаны И. Е. Забелиным не были. Но знакомство и с архивными, и с опубликованными материалами совершенно ясно свидетельствует, что и в полевой работе его подход к памятнику был неординарным» (Алексеев 2004: 43). В 1876 г. И. Е. Забелин уходит из штата ИАК, окончательно посвятив свои труды изучению русских древностей позднего средневековья, однако с его именем связаны одни из самых ярких открытий скифских древностей, сделанных Комиссией.

³ См. Формозов 1983; 1984; 1986; 1993; 2001: 569–772; библиографию трудов, посвященных деятельности И. Е. Забелина, см. Алексеев 2004.

⁴ В работе А. Ю. Алексеева, посвященной неизданной статье М. И. Артамонова о И. Е. Забелине, написанной в 1932 г. (РА, ф. 74, 1932 г., д. 241), рассмотрен целый ряд вопросов, связанных деятельностью Забелина-скифолога: даются анализ и оценка методики проводимых им раскопок, результаты его работ сравниваются с результатами раскопок его младшего современника Н. И. Веселовского и пр.

С начальным этапом работы Комиссии в области скифских древностей связана и деятельность барона В. Г. Тизенгаузена. Не имея определенного опыта полевых исследований, он сначала совершает ряд ознакомительных поездок, а в 1864 г. начинает самостоятельные раскопки (Тихонов 2007: 229 сл.). Совместно с художником И. П. Вольским он отправился в путешествие по Волге для осмотра памятников золотоордынского времени; по пути оказалось, что сразу попасть в Астрахань невозможно и запланированный маршрут пришлось изменить. Так В. Г. Тизенгаузен и его спутник оказались в Ростове-на-Дону (1864 г., д. 15, л. 7).

Исследование древностей раннего железного века на территории Дона шло менее интенсивно, чем в Приднепровье, наиболее яркие открытия часто были результатом случайного стечения обстоятельств. Такова, например, история находок, сделанных в 1864 г. в кургане Хохлач на Нижнем Дону, близ Новочеркасска, относящемся к сарматскому времени. Курган был частично разрушен земляными работами, в результате которых были обнаружены первые древности. Лишь по счастливой случайности В. Г. Тизенгаузен оказался в это время вблизи Новочеркасска, и счел своим долгом собрать сведения об этом открытии, а также провести раскопки. Он описал обстоятельства ранее сделанных находок и свои раскопки в рапорте на имя С. Г. Строганова следующим образом:

«...мы... возвратились в Царицын и оттуда сухим путем отправились в землю Войска Донского, с тем, чтобы пробраться в Керчь, а оттуда — на Таманский полуостров, где мне захотелось ознакомиться с топографией тамошних курганов. Еще не доезжая до Новочеркасска, мы узнали о различных древностях, случайно найденных в июне месяце в одном из тамошних курганов. Это, конечно, побудило нас остановиться в Новочеркасске и, осмотрев найденные вещи, собрать сведения об обстоятельствах, которыми сопровождалась находка. Открытые древности, с которых я велел снять фотографические снимки, вырыты из небольшого кургана Хохлач, при устройстве в нем запасного резервуара для строящегося в Новочеркасске водопровода, и заключаются: 1) в головном уборе из листового золота, украшенном разноцветными камнями, мелким жемчугом, резным женским бюстиком из аметиста, изображением оленей, птиц и деревьев и различными привесками из золота, 2) массивным золотым ожерельем с разноцветными камнями, 3) двух золотых браслетах; 4) трех золотых складных коробочках, 5) золотом флаконе на золотой цепочке, 6) продолговатом агатовом цилиндре, который с одного конца украшен переднею, а с другого — заднею частью какого-то животного из чеканного золота, 7) золотой статуэтке Эрота, играющего на свирели, 8) двух золотых кубках, 9) двух серебряных кувшинах, 10) трех бронзовых сосудах, 11) множестве золотых украшений, служивших, вероятно, нашивками на одежде, 12) остатках золотых нитей, 14)⁵ обломках терракотовой статуэтки и 15) нескольких лошадиных костях. Все эти вещи, по отзыву производителя работ, лежали в 4 кучках в курганной насыпи над материком, в слое насыпной глины... Отсутствие при означенных вещах углей, золы и перегоревших человеческих костей не позволило думать, что схороненное в этом кургане лицо было сожжено, а заставляло предполагать, что настоящая гробница, находящаяся обыкновенно в материке, не была вскрыта. Вследствие сего я, с разрешения г. наказного атамана, занялся дальнейшим раскапыванием кургана и, действительно, на дне вырытого в нем бассейна, открыл вырытую в материковой глине котлообразную яму в 1 саж. глубиною и 4 аршин 12 вершков в поперечнике. Она была плотно завалена черноземом, в слоях которого найдены обломки бронзового сосуда, черепки простого глиняного сосуда, несколько перетлевших человеческих костей, небольшой обломок какой-то железной вещицы, обломанный просверленный валеk из черного камня, два украшения из листового золота и несколько тонких золотых нитей. Могила, очевидно, находилась не в первоначальном своем

⁵ Номер 13 в тексте письма пропущен — то ли по ошибке, то ли из суеверных соображений

виде и, по всей вероятности, уже в отдаленном времени была разграблена корыстными искателями кладов, добычею которых сделалась столь значительная часть курганных сокровищ южной России» (Там же, л. 9–11).

Желая ближе ознакомиться с археологическим содержанием той же местности, В. Г. Тизенгаузен в том же году раскопал курган, находившийся в 150 сажнях к западу от Хохлача, содержащий погребения разного времени (Там же, л. 11–12), в частности, три каменные стелы, три погребения эпохи средней бронзы и два погребения железного века. Затем В. Г. Тизенгаузен отправился в Керчь, а после — «сухим путем в Екатеринослав через Арабатскую стрелку и города Геничesk, Мелитополь и Никополь. На проселочном пути между этими двумя последними городами мною осмотрены два замечательных кургана Таврической губернии: один близ казенного села “Большие Серогозы”, имеющий у подошвы в окружности около 500, а по крутому юго-западному склону около 60 шагов, и другой между казенными селениями “Верхний Рогачик” и “Большая Знаменка”, имеющий в окружности по подошве до 320 шагов, а в высоту по юго-восточному скату около 50 аршин и окруженный со всех

Стелы из кургана близ Хохлача (ФА, Q 464/27, III 9835)

сторон невысоким валом» (Там же, л. 14–15). Как известно, в том же 1864 г. курганы в этой местности были осмотрены И. Е. Забелиным (1864 г., д. 14, л. 25), что, по-видимому, является отражением преимущественного внимания Комиссии и ее членов к традиционному району «скифского Герроса».

Однако наибольшую известность принесли В. Г. Тизенгаузену раскопки на Тамани и в Прикубанье. В их числе — раскопки группы Семибратних курганов. В 1875 г. В. Г. Тизенгаузен начал раскопки группы курганов «Семь братьев» в Темрюкском уезде Кубанской области (1875 г., д. 3). Как отмечалось в Отчете Комиссии за этот год, «результаты, которыми сопровождалась... раскопки в этой местности, не исследованной доселе с археологической целью, должны быть отнесены к наиболее успешным, как по количеству найденных предметов, так по их оригинальности и разнообразию» (ОИАК за 1875 г. 1878: III). Семибратние курганы находились на левом берегу р. Кубань, в 25 верстах к северо-востоку от Анапы, в двух верстах к югу от кубанского лимана Разнокол. Шесть из них расположены были цепочкой с востока на запад почти по прямой линии, седьмой же, самый высокий, отстоял на 118 саженой к югу от самого западного из курганов. С него и были начаты раскопки. К сожалению, твердость грунта не позволила вести работы, вскрывая всю насыпь кургана, и вскоре В. Г. Тизенгаузен перешел к раскопкам траншеями; гробница, оказавшаяся почти целиком разграбленной, вскрывалась через «вход», проделанный из грабительской ямы на вершине кургана. (Там же: IV–V). По словам исследователя, «неудачу при раскопке этого кургана вполне вознаградило расследование ближайшего к нему кургана (№ 2), лежащего к северу от предыдущего», содержавшего нетронутую центральную могилу, конструкцию которой удалось проследить. В результате выяснилось, что «более трех четвертей могилы занимали лежавшие рядом конские остовы; около голов их найдено множество частью железных, частью бронзовых удил и уздечных украшений, из которых большая часть имеет форму различных фантастических животных. В северо-восточном углу гробницы, на особом помосте, оказался почти совершенно истлевший человеческий остов, лежавший головою на восток, ногами на запад», на полу гробницы были найдены «до трехсот пластинок разной величины с изображением сов, сфинксов, львов, козлов, быков, собак, петухов, оленей, крылатых кабанов, Медузиных, бараньих и бычачьих голов, розеток, припавшей на колено мужской фигуры и голов Пана, Сатиры и воина в шлеме, украшенного львиной пастью». В области шеи погребенного лежала золотая гривна, а ниже — большая серебряная позолоченная пластина в «зверином стиле». В могиле были найдены серебряные обкладки ритуальных сосудов, бронзовые черпаки и другие предметы (Там же: VI–VIII). Следующий курган (№ 3) оказался полностью ограбленным (Там же: VIII); зато раскопки остальных, также потревоженных грабителями, содержали и нетронутые гробницы (например, женскую и конскую могилы в кургане № 7) и дали целый ряд ценнейших находок (Там же: VIII–XV; НА, ФА, отп. О. 1611/2, 3, 11–15, 21–23, О. 1668/15, 17, 20–32, 53, О. 1525/20–21, Q 661/6–9, нег. III 13350–13355, III 13324–13325, III 7998–7999; II 37969–37975, 26864–26865, 26890–26891; I 20745–20746). В 1876 г. В. Г. Тизенгаузен продолжил раскопки «Семи братьев» — исследовались курганы № 1–4 и 6 (ОИАК за 1876 г. 1879: III–VIII), а в 1878 г. начал раскопки курганов в двух курганных группах (западной и восточной), расположенных к западу и востоку от Семибратних курганов, где им были вскрыты 15 курганов (ОИАК за 1878 г. 1881: III сл.).

Среди предметов греческого импорта из Семибратних курганов происходят несколько ритонов и серия серебряных аттических киликов с гравированными изображениями, датирующимися в пределах 80–30-х гг. V в. (Горбунова 1971: 19 сл.). Самый ранний из киликов, украшенный изображением крылатой Ники в медальоне дна (Там же: 20), происходит

Ритоны из Семибратних курганов. Раскопки В. Г. Тизенгаузена (ФА, 01611-16 / II 37979)

из 4-го Семибратнего кургана, вероятно, наиболее раннего в группе, и относится ко времени около 470 г. до н. э. Е. В. Власова, обратившаяся недавно к вещевым комплексам этих памятников, полагает, что Семибратние курганы были сооружены в V-первой четверти IV в. до н. э. и принадлежали членам правящей династии синдов (Власова 2005: 70–74).

Художественные изделия из Семибратних курганов сразу же были высоко оценены учеными. Вскоре в Отчетах ИАК появляются статьи Л. Э. Стефани, посвященные полученным материалам. Современного издания вещевых комплексов Семибратних курганов до сих пор не существует, хотя исследователи постоянно обращаются к этим интересным и своеобразным находкам (см., напр., Коровина 1957; Силантьева 1967; Горбунова 1971; Черненко 1973; Грач 1984; Переводчикова 1987; Там же 1992; Власова 2005). Приходится признать, что изучение этих комплексов во многом затрудняет качество полевой документации В. Г. Тизенгаузена.

В 1878 г. Н. П. Кондаков предпринял раскопки курганов, расположенных между хутором Артюхова и горой Цимбалы, недалеко от ст. Сенная, в курганной цепи, протянувшейся с запада на восток, не давшие ярких находок (ОИАК за 1878–1879 гг. 1881: XI). В следующем, 1879 г. В. Г. Тизенгаузен производил раскопки в этом районе около Абинской станицы, не принесшие сначала значительных результатов. 25 августа он сообщал в своем рапорте в Петербург: «Так как дальнейшие раскопки не обещали более ценных открытий по отношению к цели, которую я имел в виду, т. е. к разысканию предметов древнего искусства в Прикубанском крае, то я решился перенести работы на станцию Сенную, рассчитывая при этом, что находка хотя одной мало-мальски замечательной гробницы на почве древней Фанагории вознаграждает меня за Абинские неудачи. Первая из этих местностей блистательно оправдала мои ожидания: в один и тот же день, в одном и том же кургане, лежащем на участке сотника Артюхова, близ ветряной мельницы его, мне удалось открыть две совершенно нетронутые могилы, заключающие в себе множество чрезвычайно замечательных древностей» (Там же:

XLIV; 1879 г., д. 4, л. 9–12). Известно, что под насыпью кургана, вошедшего в литературу под названием Артюховского, был открыт комплекс «богатых» захоронений конца III–II в. до н. э., вероятно, принадлежавших эллинизированной местной аристократии (ОИАК за 1878–1879 г. 1881: XLIV– LI; 1879 г., д. 4, л. 9–12). К столетию открытия этого замечательного памятника была издана посвященная ему монография М. И. Максимовой (Максимова 1979). В кургане были открыты гробницы, сложенные из тесаных плит, оштукатуренные и побеленные внутри. В каждой из них находились два костяка — мужской и женский, с золотыми венцами на головах, со множеством украшений из золота, серебра и бронзы, расписными и рельефными сосудами, бронзовыми и железными предметами. В кургане были открыты еще два ограбленных погребения в склепах. Все находки впоследствии были переданы в Московский Исторический музей (1879 г., д. 4., л. 24–26). Окончание раскопок было возложено на директора Керченского музея С. И. Веребрюсова. Он обнаружил в кургане еще два погребения, одно из которых было ограблено, а второе, нетронутое, содержало женский костяк с большим количеством украшений и вещей, аналогичных вышеописанным двум погребениям (Там же, л. 6).

Сам В. Г. Тизенгаузен продолжил раскопки у ст. Сенной, в чем ему много способствовал один из надсмотрщиков Керченского музея. 21 августа 1879 г. ИАК обратилась к директору музея со следующим письмом: «Вследствие засвидетельствованной старшим членом Археологической Комиссии статским советником Тизенгаузенем отличной распорядительности состоящего при его археологических раследованиях надсмотрщика Павла Вербсолюка, удачными действиями которого он много обязан успеху работ в нынешнем году у станции Сенной — Археологическая Комиссия... просит... объявить Вербсолюку благодарность и выдать ему 25 рублей» (1897 г., д. 4, л. 6). 20 сентября С. И. Веребрюсов сообщал, что деньги выданы, приложив к письму соответствующую расписку (Там же, л. 7–8).

Впоследствии встал вопрос и о вознаграждении собственнику земли хорунжему Артюхову, который обратился по этому поводу в Министерство Императорского Двора. ИАК ответила, что «две гробницы, обнаруженные в кургане, представляют одну из замечательных находок, сделанных Археологической Комиссией за последние годы, и заключающихся... в большом количестве изящных и ценных золотых женских украшений греческой работы IV–III вв. до Р. Х... и золотые, прекрасно сохранившиеся монеты боспорского царя Перисада II и фракийского царя Лизимаха, из которых первая оценивается любителями рублей в 500–600. Вследствие этого и ввиду того, что директор Керченского музея С. И. Веребрюсов нашел в том же кургане третью гробницу с таким же обилием золотых вещей, Археологическая Комиссия полагает, что г. Артюхову за все эти вещи может быть выдано 1500–2000 рублей, тем более, что раскопкою означенных курганов были засыпаны его земли...» (Там же, л. 36–49). Артюхов получил деньги, но вплоть до 1885 г. он и его жена писали прошения с просьбами о вознаграждении за третью гробницу, однако им всякий раз отказывали ввиду того, что деньги были выплачены сразу за три гробницы.

Важную роль в планировании и осуществлении работ по исследованию скифских курганов на территории Причерноморья играл Керченский музей древностей и его директора. Так, в 1879 г. А. Е. Люценко направил в Петербург «Предположение о производстве археологических раскопок в окрестностях Керчи, на Таманском полуострове и в селении Эльтиген (Феодосийского уезда) в 1879 и следующих годах» (1879 г., д. 6, л. 1–8). Как следует из текста «Предположения», особое внимание здесь уделялось проблеме противодействия грабителям курганов: «Многочисленные курганы, повсеместно рассыпанные в пределах Керченского градоначальства и на Таманском полуострове, оказываются ныне если не вполне

разрытыми, то непременно все без изъятия более или менее тронутыми и уже обысканными, как в давнее, так и в новейшее время. Еще около 30-и лет тому назад неутомимые раскопщики их господ Ашик и Карейша жаловались на постепенное истощение классической почвы Керченского и Таманского полуостровов. С того времени хотя и сделано было много замечательных открытий, но некоторые из них принадлежат исключительно крепостным или случайным работам, предпринятым с иной целью». Далее А. Е. Люценко прилагал список памятников и, по существу, предлагал долговременную программу археологических исследований музея. Он считал необходимым «в 1879 и следующих годах попытаться произвести раскопки в следующих местностях». Далее следовало перечисление памятников, которые предполагается исследовать в трех основных районах: «А. В окрестностях Керчи», «Б. На Таманском полуострове» и «С. В селениях Эльтиген и Чуробаш, принадлежащих землевладельцу Гурьеву» (Там же, л. 6–8). Среди работ, которые надлежало провести в окрестностях Керчи, А. Е. Люценко на первое место ставит раскопки «в боковых и нетронутых частях длинной цепи курганов, направляющихся по гребню горы Юз-Оба (сто могил) от Керченской крепости к западу». На Тамани первостепенное внимание, по его мнению, нужно уделить курганам Большая и Малая Близницы; в селениях Эльтиген и Чуробаш следует провести раскопки «в боковых нетронутых частях некоторых курганов», «в сплошных могильных насыпях по берегу моря... в обширных и глубоких пепелищах, приписываемых древней Нимфее, и в двух больших курганах, требующих окончательного расследования».

Одним из памятников, в исследовании которого музей и сам А. Е. Люценко принимали непосредственное участие, был курган Темир-Гора, который располагался примерно в 6 км к северо-востоку от Керчи, на скалистой цепи холмов, протянувшихся с запада на восток по северной окраине Керченского полуострова. Раскопки кургана были проведены в два приема (ОИАК за 1869 г. 1870: XII; ОИАК за 1870–1871 г. 1874: XX сл. ; Ростовцев 1925: 395–396). Осенью 1869 г. его исследование было начато надворным советником П. И. Хицуновым, в «Журнале археологических разысканий» которого приведены данные о топографии кургана, дано его подробное описание начальный период исследований (1869 г., д. 4, л. 28–30). П. И. Хицунов, исследовав впускные погребения эллинистического времени, названные им «жжеными точками» (они содержали погребения с сожжением), высказал предположение о том, что центральное погребение кургана было разрушено еще в древности. Одно из открытых им погребений отличалось богатым инвентарем (Там же, л. 29); в нем были найдены украшения из золота, золотые нашивные бляшки и другие изделия, говорящие о высокой степени эллинизации культуры, к которой принадлежала погребенная в нем женщина. Э. В. Яковенко датировала его V в. до н. э. (Яковенко 1977: 140), хотя, на наш взгляд, датировка эта несколько занижена.

На этом раскопки были приостановлены, так как деньги, отпущенные на них, подошли к концу. Кроме того, П. И. Хицунову предстояло покинуть Керчь,⁶ и потому он согласился с А. Е. Люценко, выразившим желание завершить раскопки. В деле 1869 г. содержится несколько страниц примечаний к «Журналу археологических разысканий»

П. И. Хицунова, написанных А. Е. Люценко. В последнем примечании (№ 7) он написал: «Я изъявил не желание продолжать этот раскоп и доследовать открытый в нем жженный чек, а опасение, чтобы обнаруженная уже часть жженой гробницы не подверглась расхищению во время отсутствия г. Хицунова... За исключением этих маловажных неясностей,

⁶ Из записи в отчете П. И. Хицунова следует, что он собирался выехать в Таганрог (1869 г., д. 23, л. 30). Вероятно, эта поездка была связана с возобновлением П. И. Хицуновым раскопок на городище и некрополе у с. Недвиговского (древнего Танаиса) в 1870 г. (Книпович 1949: 19 сл.).

журнал г. Хицунова составлен довольно отчетливо. Что же касается до самих раскопок его, то из подробного их описания видно, что они произведены добросовестно и с достаточным пониманием дела (Там же, л. 34–35).

Весною следующего года курган был доследован А. Е. Люценко. Раскопки, подробно описанные в «Журнале археологических изысканий» (1870 г., д. 23, л. 29–33), шли с 30 марта по 31 мая. А. Е. Люценко было вскрыто знаменитое основное погребение кургана Темир-Гора, содержащее расписную милетскую ойнохою 40–30-х гг. VII в. до н. э. (Копейкина 1972: 156; Cook, Dupont 1998: 36, f'g.8.5), костяные украшения в «зверином стиле» и остатки колчанного набора (Яковенко 1972; Вахтина 1991). Центральное погребение Темир-Горы является одним из относительно немногочисленных надежно датированных древнейших скифских погребений степной зоны Северного Причерноморья. Всего курган содержал 8 разновременных захоронений. Несмотря на то обстоятельство, что памятник этот важен и интересен во многих аспектах, в литературе существует лишь одна статья, в которой он рассмотрен как единый комплекс (Яковенко 1972).

Судя по рисунку Ф. И. Гросса, поступившему в ИАК, на котором изображен «вид внутренностей кургана, находившегося на Темир-Горе, снятый с юга на север, после расследования оною, в 1870 году», исследователи пересекли курганную насыпь несколькими траншеями, проходившими через его центр, а затем сняли центральную часть насыпи до материка. И П. И. Хицунов, и А. Е. Люценко в своих «Журналах» дают описание и размеры курганной насыпи. Указанные ими размеры не совпадают между собой. По Хицунову, высота кургана достигала 8,5 м, диаметр насыпи — 28,5 м. По Люценко, наибольшая высота насыпи — 5,3 м, диаметр около 16 м (1869 г., д. 4, л. 29). К сожалению, невозможно сейчас проверить данные обмеров, выполненные раскопщиками кургана. Э. В. Яковенко, например,

Вид внутренности кургана Темир-Гора. Раскопки П. И. Хицунова и А. Е. Люценко.
Рисунок Ф. И. Гросса (РА, РІ, № 693, л. 7, рис. 2)

принимает размеры, приведенные П. И. Хицуновым (Яковенко 1972: 235). Однако, вероятнее всего, наиболее близкими к реальным размерам кургана следует признать данные, приведенные А. Е. Люценко. Во-первых, он дольше, чем П. И. Хицунов, работал на памятнике и вскрыл большую часть погребений кургана, в том числе и основное. Во-вторых, А. Е. Люценко были обмерены и раскопаны и другие курганы в окрестностях Керчи, в том числе и курган Кара-Оба, располагавшийся неподалеку. Значительно позже, в 1967–1969 гг., П. Н. Шульц, докапывая курган Кара-Обу, проверил размеры, некогда указанные А. Е. Люценко (Шульц 1971: 56 сл.). Оказалось, что А. Е. Люценко очень точно определил высоту кургана, а незначительную «ошибку», сделанную им в определении насыпи, можно вполне объяснить теми изменениями, которые она претерпела за столетие. На рисунке Ф. И. Гросса видны «бровки» кургана, по которым можно заключить, что высота его, скорее всего, не превышала 6 м. Отметим и то обстоятельство, что сам А. Е. Люценко резко критиковал своего предшественника за неправильные замеры. Он писал, что «курган на Темир-Горе имеет в окружности по подошве не 42 сажени, а 60 и даже более — до 75 сажень; самая же большая его высота не 4 сажени, а только 2 и $\frac{2}{3}$ сажени. Извинительно ошибиться в размере какого-нибудь холма..., но не суметь, с саженью в руках, вымерить такого небольшого кургана — это непонятно» (1869 г., д. 4, л. 27). Позже А. Е. Люценко продолжал раскопки скифских курганов в окрестностях Керчи и на Тамани, в его отчетах, присылаемых в АК, можно найти много интересных наблюдений о конструкции, погребальном обряде и инвентаре этих памятников (1883 г., д. 3).

В 1866 г. начинается исследование скифских древностей Подонья. Первые раскопки на территории Войска Донского были осуществлены В. Г. Тизенгаузеном, раскопавшим Круглый курган недалеко от Ростова-на-Дону (см. главу IX). И, хотя результаты этих раскопок были довольно скромны: во впускном ограбленном погребении были обнаружены «две гладкие бронзовые вазы, 2 довольно изящной работы львиные головки (очевидно, представляющие собой фрагменты декора ручек ваз. — *Ред.*), несколько более или менее искусно сделанные сосудов из обожженной глины и какое-то железное орудие» (ОИАК за 1866 г. 1868: XIV–XVI), — они положили начало систематическому археологическому изучению древностей раннего железного века в этом районе. Кроме того, «во время разъездов по Земле Войска Донского г. Тизенгаузену удалось собрать сведения о некоторых древностях, найденных в этом крае частными лицами. Благодаря содействию войскового начальства, древности эти поступили в распоряжение Археологической Комиссии». В числе вещей, приобретенных Комиссией у частных владельцев, «бронзовая ваза о двух ручках», бронзовые наконечники стрел, бусы (Там же: XVI).

Большую роль в изучении древностей Дона сыграло основание в конце 80-х гг. Донского музея в Новочеркасске (ныне — Музей истории донского казачества). Активное участие в формировании коллекций музея принимала Археологическая Комиссия, которая затребовала на рассмотрение древности, принадлежавшие новоучреждаемому музею (1886 г., д. 65). 12 декабря 1886 г. наказной атаман войска Донского направил в ИАК письмо, где сообщалось: «Препровождая при сем различные находки... имею честь покорнейше просить Археологическую комиссию оценить значение этих находок и о результатах определения не оставить уведомить меня с возвращением посылки, так как все посылаемые предметы предназначены для будущего Донского музея и ни один из них не может получить другого назначения» (Там же, л. 1). Далее следовала опись вещей, присланных для определения в Петербург, происходивших из случайных раскопок, среди которых — наконечники скифских стрел (в том числе ранних типов), «ваза красной меди, найдена в кургане станицы Камышовской» (карандашный рисунок его можно видеть на л. 4, это — скифский котел), а также «горлышко

кувшина, найденного в обвале близ р. Цуцкан Хоперского округа» — фрагмент известного греческого фигурного сосуда в виде головы быка, позже изданного Т. Н. Книпович (Книпович 1934). В описи часто указываются обстоятельства находки вещей, происходящих из различных станиц — Верхнее-Курмоярской 2-го Донского округа, Усть-Медведицкой, Мелеховской, Слащевской, Кумылжинской и др. Она была составлена неким В. Часовщиковым и содержала пометки, сделанные его рукой. Так, в конце описи фигурирует «металлическое зеркало с изображением двух сфинксов и надписью, содержание которой интересно было бы знать. Найдено в песчаном кладбище в Слащевской станице Хоперского округа... Вещь эту прошу не отсылать в Новочеркасск, а передать мне лично для вручения ее хозяину» и отметка «обратно получено 9 января. В. Часовщиков». Также в Петербург была прислана опись «Археологических находок в станице Романовской Первого Донского округа», составленная действительным членом Донской областной статистической комиссии Х. И. Поповым (1886 г., д. 65, л. 7–8), автором подготовленного в начале XX в. первого каталога коллекций Новочеркасского музея.

В 1888 г. в Прикубанье был раскопан один из знаменитейших курганов этого региона — курган Карагодеуашх близ станицы Крымская (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: ССXVI–ССXX). Это выдающееся открытие принадлежит Е. Д. Фелицыну, есаулу Кубанского казачьего войска.⁷ Позже А. С. Лаппо-Данилевский и В. К. Мальмберг обобщили данные раскопок Е. Д. Фелицына и опубликовали весь комплекс этого замечательного и яркого памятника в монографическом издании «Древности кургана Карагодеуашх как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р. Х.» (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894).

Курган копался с 27 апреля по 14 мая. Под его насыпью находилась каменная гробница, состоящая из трех погребальных камер, расположенных по линии запад-восток, и галереи (1886 г., д. 16, л. 212–215; Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 7–8). Полы во всех камерах находились на одинаковом уровне, что, очевидно, свидетельствует о единовременном сооружении всей усыпальницы. Она помещалась в западной части насыпи, крайнее западное положение занимала погребальная камера, содержащая захоронение женщины с богатым погребальным инвентарем. Эта камера меньших размеров, чем остальные. Вход в нее, имевший арочное завершение, был оформлен несколько иначе по сравнению с входами в другие помещения (в остальных случаях входные отверстия имели прямоугольную форму). В камере вдоль левой стены, головой на восток, находился «остов молодой женщины»; около ее черепа были найдены золотая треугольная пластина, золотые серьги, рядом лежали 16 золотых бляшек в виде фигурок птиц и 50 круглых бляшек с горгонеями, принадлежавших, по всей вероятности, к украшениям головного убора или же покрывала (Лаппо-Данилевский, Мальмберг. 1894: 8–9). В области шеи костяка была найдена золотая шейная гривна и бусы с амфоровидными подвесками и головкой быка (букранием) посередине; рядом находились золотая цепочка с львиными головками на концах и

⁷ На кроме одного из писем, присланных Е. Д. Фелицыным в Археологическую Комиссию 28 мая 1886 г. (1886 г., д. 16, л. 15) и написанного на специальной бумаге, можно прочесть напечатанный типографским способом длинный список, характеризующий область занятий и круг интересов этого человека: «Евгений Дмитриевич Фелицын, есаул Кубанского казачьего войска, действительный Член Кубанского областного статистического комитета, редактор Кубанских областных ведомостей и секретарь Екатеринодарского женского благотворительного общества, член-корреспондент: Императорского Московского археологического общества, Императорского общества испытателей природы и Императорского общества любителей древней письменности, член-сотрудник: Кавказского отдела Русского географического общества и Императорского русского археологического общества; Действительный член Императорского Одесского общества истории и древностей и Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии и почетный член Ставропольского Губернского статистического комитета».

Золотая пластина из женской гробницы кургана Карагодеуашх раскопки
Д. Е. Фелицына (ФА, 0 1525-38)

второе ожерелье, более скромного облика. На запястьях погребенной были браслеты, завершающиеся на концах изображениями гиппокампов; на одном из пальцев правой руки был надет перстень с изображением на щитке женщины, играющей на лире. В области костяка были также обнаружены серебряная и золотые бляшки (Там же: 156–161). Согласно описи вещей, в том числе найденных в обломках и не переданных в Археологическую Комиссию, в состав вещевого комплекса этого захоронения входили бронзовое зеркало (почти полностью разложившееся) и светильник (1886 г., д. 16, № 16, л. 216; № 48, л. 79). В центральной части камеры найдены остатки колесницы и кости двух или трех лошадей с удилами. В двух соседних камерах также были предметы, относящиеся к инвентарю аристократических погребений, вероятно, мужских, в их числе — известные фрагментированные серебряные ритоны (см. Виноградов 1993), украшения, греческая импортная посуда и другие вещи. Однако наиболее известным предметом из Карагодеуашха остается золотая треугольная пластина, принадлежавшая головному убору погребенной женщины и украшенная изображениями в горизонтальных фризах, постоянно привлекающая внимание исследователей (Бессонова 1983: 106 сл. ; Савостина 1995; о гипотезах, посвященных их трактовке, см. Шауб 2007: 84–85; 100–101).

В научной литературе не существует работ, специально посвященных проблеме датировки кургана Карагодеуашх. А. А. Лаппо-Данилевский и В. К. Мальмберг датировали его широко в пределах IV– III вв. до н. э. (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 176). М. И. Артамонов считал этот памятник в целом синхронным Александропольскому кургану и относил его к концу IV в. до н. э. (Артамонов 1966: 74–75; 77). В настоящее время его, как правило, помещают в круг памятников, связанных с финальным периодом скифской истории и относят отдельные вещи комплекса ко второй половине IV в. до н. э. (Gold der Scythen 1991: kat. n. 67, s. 136; n. 68, s. 138–139) или даже концу этого столетия (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 232, 254). Иногда вещи из женского погребения Карагодеуашха датируют в пределах всего IV в. (Jacobson 1995: 94, 135). Анализ вещевого комплекса гробниц, в том числе находок античной керамики, свидетельствует о том, что курган Карагодеуашх сопоставим в хронологическом плане с такими скифскими гробницами, как Чертомлык и Куль-Оба (Вахтина 1999: 205–207). Согласно хронологической схеме, разработанной А. Ю. Алексеевым, погребения в Чертомлыке и Куль-Обе принадлежат к одной хронологической группе и относятся к 340–320 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 156–157; 2003: 267–268).

Следует сказать, что к моменту раскопок кургана Карагодеуашх отношения, сложившиеся между Е. Д. Фелицыным и Археологической Комиссией, вполне можно охарактеризовать как сложные. Они начались примерно за два года до этого знаменательного для отечественной археологии открытия. Поблагодарив А. А. Бобринского в письме, направленном в Петербург из Екатеринодара 6 марта 1886 г. (1886 г., д. 16, л. 1–2), Е. Д. Фелицын писал: «Весною этого года, в первых числах апреля, я бы мог предпринять раскопку курганов обнаруженных интересных древних кладбищ в Закубанском крае и займусь исследованием древностей Черноморского побережья, если Комиссия не затруднится выдать мне необходимые средства, то я охотно осуществил бы свое намерение». Предложение это было принято А. А. Бобринским, написавшим в ответном письме от 15 марта: «Согласно письменному заявлению Вашему относительно готовности Вашей принять на себя археологическое исследование некоторых намеченных Вами курганов в Кубанской области, имею честь сообщить Вам, что на производство этих работ под ближайшим наблюдением Вашим... будет ассигнована авансом сумма, размер которой может быть определен только при получении от Вас соображений по этому предмету» (Там же, л. 3). Е. Д. Фелицын готов приступить к делу; судя по телеграмме, сохранившейся в архивном деле, он буквально рвался в бой: «Делам службы ездил Тифлис сегодня возвратился если возможно изволите исходатайствовать мне на археологические раскопки шестьсот о командировании меня уведоьте начальников кубанской области и Черноморского округа карту и письмо посылаю почтой» ().

В архиве ИАК содержатся документы, свидетельствующие о выдаче энтузиасту Открытого листа, аванса в 400 руб. и отправлении официальных писем-извещений начальникам Кубанской области и Черноморского округа (Там же, л. 5–9). Однако сразу же выясняется крайняя неприязнь Е. Д. Фелицына к составлению каких-либо документов, о чем он и сообщает А. А. Бобринскому, выражая при этом целый ряд пожеланий практического свойства: «Составление сметы расходов сильно меня затрудняет, точно так же, как и денежная отчетность... Ввиду предоставленной Вами широкой свободы в выборе исследования местных археологических памятников, я решил работать для Комиссии постоянно, из года в год, при всяком удобном случае. Чтобы вести дело как следует, необходимо запастись инструкциями и хорошим фотографическим аппаратом, так как верное изображение предмета есть одно из существенных условий для ясного уразумения, оценки... археологических памятников. Если затраты на такие приобретения допускаются, я просил бы разрешения Вашего

Сиятельства приобрести на отпущенные мне суммы небольшой запас хороших лопат, кирок и фотографический аппарат несколько большего размера чем тот, который у меня имеется в настоящее время и который во многих отношениях оказывается крайне неудобным и неудовлетворительным»⁸ (Там же, л. 10–11). На первых порах Е. Д. Фелицын подробно информирует Комиссию о предпринимаемых действиях, например: «Осмотрел юго-западную оконечность Новороссийской бухты с целью открытия следов Босфорского города Гаты, упоминаемого Страбоном», правда, тут же просит выслать ему оставшиеся деньги. Он посылает в Петербург сделанные им фотографии и кости животных, прося прислать определение последних.⁹ Отправляются в Петербург и ящики с находками, которые примут участие в очередной организованной Комиссией выставке.

Однако с документацией раскопок, составлением письменных документов дело обстояло гораздо хуже. Об этом свидетельствует телеграмма, посланная Е. Д. Фелицыну в начале следующего, 1887 г.: «Археологическая Комиссия просит поспешить высылкой описи и журнала раскопок. Ответ оплачен» (Там же, л. 22). Ответная телеграмма сообщала: «Журнал раскопок представлю первых числах марта» (Там же, л. 23). Получив в ответ на очередное аналогичное напоминание еще одну телеграмму: «Вышлю в самом непродолжительном времени» (Там же, л. 24), не дождавшись никаких документов, Комиссия пытается действовать, обратившись уже в следующем, 1888 г., к непосредственному начальству Е. Д. Фелицына. 21 апреля 1888 г. из Петербурга было отправлено следующее письмо: «Господину начальнику Кубанской области. В 1886 г. Императорская Археологическая Комиссия поручила члену Кубанского Статистического комитета есаулу Кубанского казачьего войска Е. Д. Фелицыну производство археологических раскопок в Кубанской области, отпустив ему на этот предмет 600 рублей. Не получив по сие время от него, вопреки неоднократным упоминаниям и запросам, ни дневника о проделанных работах, ни отчета в израсходованных на оные деньгах, Комиссия считает долгом обратиться к Вашему Превосходительству с покорнейшею просьбою востребовать от него тот и другой, препроводив таковые в Комиссию» (Там же, л. 26).

Вместо долгожданных отчета и финансовых документов в том же месяце Е. Д. Фелицын шлет в Комиссию телеграмму (Там же, л. 27): «Близ Крымской станицы большой курган случайно открыт каменное сооружение состоящее из коридорного хода и центральной усыпальницы своды которой обрушились середине по распоряжению начальника области мною исследован коридорный ход найдено три глиняных урны изломанный серебряный светильник много бус некоторые с изображениями кости лошади с уздечкой и некоторые другие вещицы скифской боспорского типа центральная усыпальница очевидно не тронута можно предполагать интересные находки дальнейшей раскопки требуется не менее 250 рабочих полагая по рублю каждому если угодно готов продолжать исследование но необходимо немедленное ассигнование денег на раскопки жду ответа курган охраняют часовые».

Положение безвыходное, отказать Е. Д. Фелицыну, по инициативе которого предотвращены грабительские раскопки и курган взят под стражу, было невозможно. Совершенно ясно, что, как только часовые покинут свой пост, курган будет тут же разграблен. Комиссия сообщает телеграммой о согласии выслать 250 руб. и просит приступить к работе (Там же, л. 28).

⁸ Следует сказать, что фотоаппарат, приобретенный вскоре Е. Д. Фелицыным на средства ИАК, впоследствии будет затребован Комиссией обратно. Несмотря на настойчивые просьбы о возвращении, Е. Д. Фелицын все же оставит его в своем распоряжении.

⁹ Отвечая на это письмо и посылая определение костей, А. А. Бобринской пишет: «При этом благоволите высылать только цельные кости, а не обломки» (1886 г., д. 16, л. 18).

Следующие телеграммы Е. Д. Фелицына, присланные в Петербург, сообщают подробнейшим образом о ходе работ: «При исследовании кургана нашел женский костяк и при нем изящное золотое ожерелье с привесками серьги кольцо и много золотых пластинок с изображениями толстый шейный золотой обруч браслеты грубой работы истлевшие серебряные сосуды и некоторые другие мелкие вещи»; «Исследование окончил последнем отделении гробницы оказался остов мужчины полагаю скифского вождя на шею обручем на концах которого изображены львы терзающие вепрей около костяка найдены кусочки короткого скифского меча золотой рукояткой остатки колчана превосходными изображениями человеческих фигур много медных стрел куски железных копий четыре полуистлевших серебряных ритона один золотым ободком и наконечником бараньей головы несколько серебряных медных и глиняных сосудов и более тридцати тонких золотых пластинок с изображениями общий вес золота один фунт сорок золотников гробница и находка много напоминают знаменитую кульобскую гробницу весьма огорчен вашим отзывом начальнику области» (Там же, л. 31–32). И наконец, телеграмма от 28 мая сообщает: «Почтой отправил Вам золотые курганные находки. Фелицын» (Там же, л. 33). Правда, никакого отчета, «журнала раскопок» и финансовых документов Комиссия так и не получила.

Примерно через год после завершения раскопок кургана Карагодеуашх А. А. Бобринской 12 мая 1889 г. был вынужден вновь обратиться к Е. Д. Филицыну (Там же, л. 95–96). В письме, в частности говорилось:

«Телеграммой от 7 марта сего года Вы изволили сообщить Археологической Комиссии, что 12 числа упомянутого месяца “высылаете краткое описание раскопки крымского кургана”. Ввиду представления Комиссию всеподданнейшего отчета о деятельности ее за 1888 год она с нетерпением ожидала от Вас обещанного. Прошло два месяца со дня последнего Вашего обещания, а ожидания Комиссии остаются не оправдавшимися.

Благодаря заметке, перепечатанной “Правительственным вестником” из газеты “Кавказ”, Комиссия составила понятие о результатах Ваших работ и медленность с Вашей стороны в присылке более подробного сообщения о раскопках, так сказать, несколько сгладилась на некоторое время, но недоставление Вами авансового счета в израсходованных Вами отпущенных Вам Кассою Министерства Императорского Двора в 1886 году 600 руб., а в прошлом году 450 руб. ставит Вашего покорнейшего слугу как делопроизводителя Археологической Комиссии в крайне критическое положение... Между тем с Вашей стороны не доставлен денежный отчет не только в израсходовании аванса за 1888 г., но даже за 1886 год! Медлительность эта, разумеется, случайная, вызвала страшную бурю со стороны Кабинета Его Величества, результатом которой была просьба Комиссии к начальнику Кубанской области о побуждении Вас к скорейшему доставлению Вами как денежных отчетов, так и высылке дневников раскопок Ваших...

В заключение настоящего письма считаю долгом сообщить Вам, что в заседаниях Комиссии совместно с представителями других ученых обществ... Графиня П. С. У. (Уварова. — *Ред.*) подтвердила сообщение свое относительно продажи Вами плит с фресковыми изображениями, о чем Комиссия просила у Вас разъяснения от 8 декабря 1888 г. за № 824. Не признаете ли Вы нужным опровергнуть возводимое на Вас обвинение». Однако никаких опровержений от Е. Д. Фелицына не поступило.

Летом 1889 г. в ИАК наконец присылаются долгожданные финансовые документы о деньгах, потраченных на раскопки в 1886 и 1888 гг. (Там же, л. 97–102). Но дневники раскопок по-прежнему отсутствуют. Комиссия вынуждена вновь обратиться к исследователю:

«Приступив к изданию древностей, найденных Вами в прошлом году в кургане близ Крымской станции, Императорская Археологическая Комиссия крайне нуждается в подробных планах

и рисунках открытых там каменных склепов и фресок, равно как в подробном отчете и дневнике о произведенной Вами раскопке и поэтому с нетерпением будет ожидать от Вас высылки всех этих дневников.

Вместе с тем Комиссия вновь убедительнейшее просит Вас поспешить доставлением ей как отчета в израсходовании денег, которые были отпущены Вам в 1887 году на производство археологических исследований, так и отчета о раскопках и исследованиях, произведенных Вами на эти деньги» (Там же, л. 103).

Лишь после этого в ИАК начинают поступать отчеты о раскопках, в том числе — и отчет о раскопках кургана Карагодеуашх (Там же, л. 142–146).¹⁰ Этот текст был использован А. А. Лаппо-Данилевским и В. К. Мальмбергом в своей книге, хотя, конечно, в нее вошли не все данные из отчета Е. Д. Фелицына.

Стоит привести некоторые отрывки из этого отчета. Вот как он описал местоположение кургана:

«В двух верстах к юго-востоку от станицы Крымской и в таком же, приблизительно, расстоянии к северу от Крымской станции Тихорецко-Новороссийской ветви железной дороги возвышается громадный курган, господствующий над всею окружающею местностью. Но со стороны железной дороги видна только вершина кургана, потому что остальная часть его замаскирована молодым лесом, покрывающим собою пространства, находящиеся за полотном железной дороги. Высота кургана по отвесной линии простирается до 5-и сажень, а окружность у подошвы до 280 шагов; на верху имеется довольно просторная площадка, откуда открывается вид на далекое расстояние во все стороны. До покорения русскими Западного Кавказа речка Адагум, около которой находится Крымская станица, служила пограничною чертою между владениями двух многочисленных и воинственных племен горцев катухайцев и шапсугов. Курган стоял на земле шапсугов и был известен у них под именем Карагодеуашх (Карагоде — собственное имя, уашх — курган, вершина). На вершине его происходили обыкновенно сборища представителей этих племен и решались все наиболее важные вопросы. Импозантный вид кургана Карагодеуашх давно уже привлекал внимание хищников кладоискателей, успевших безнаказанно истребить многие тысячи памятников древности, бесследно исчезнувших для науки. Такая же, вероятно, печальная участь постигла бы и этот курган, если бы начатая кладоискателями тайная раскопка не была своевременно замечена местным станичным атаманом и приставом, не замедлившими телеграфировать об этом начальнику Кубанской области и Наказному атаману Кубанского казачьего войска генерал-лейтенанту Г. А. Леонову, по распоряжению которого были приняты меры к охране кургана от дальнейших хищнических покушений кладоискателей». (Там же, л. 142)».

Очень много внимания уделено конструкции гробницы, составлены подробные планы камер (Там же, л. 35), опубликованные в издании 1894 г. Выясняется, что стены одной из них сохранили следы росписи. «Последняя комната — выше всех прочих. (3, 5 аршина) и сделана из очень больших массивных плит... Плиты тщательно прилажены друг к другу и с наружной стороны очень гладко отесаны; все стены, как это можно было заключить по оставшимся кое-где кускам штукатурки, были покрыты фресками, но о содержании их нельзя было составить никакого понятия; из того немногого, что сохранилось на камнях, я мог отделить лишь несколько кусков штукатурки со следами цветных орнаментов и полос» (Там же, л. 145). Гораздо менее внимания уделено положению вещей в гробницах, собственно вещевым комплексам. В приложенной описи (1886 г., д. 16, л. 148–150) они располагаются хаотично, их принадлежность к тому или иному захоронению или же части гробницы, похоже,

¹⁰ Отчет о раскопках кургана написан не самим Е. Д. Фелицыным, обладавшим мелким, неразборчивым почерком, однако текст содержит правки, сделанные его рукою. Вероятно, отчет писался под диктовку.

часто выяснялась «задним числом». ¹¹ Наконец, после завершения работы над изданием, находки из кургана Карагодеуашх осенью 1893 г. были переданы в Эрмитаж. 8 ноября они были приняты по описи старшим хранителем Г. Кизерицким (1886 г., д. 16, л. 224–227).

Отдавая должное работам Е. Д. Фелицына на Кубани, современники не могли не выражать недовольства некоторыми аспектами его деятельности и, вероятно, сложного характера. Это двойственное отношение отражено и в неоднократно упоминавшейся книге членов Комиссии А. А. Лаппо-Данилевского и В. К. Мальмберга, до наших дней остающейся основным научным трудом, посвященным кургану Карагодеуашх. Так, например, книга открывается небольшим разделом, который называется «Место, занимаемое раскопками г. Фелицына, в ряду археологических разысканий, доселе произведенных на Кавказском перешейке», где перечислены все его достижения в деле изучения памятников этого региона (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894: 1–5). Самого Е. Д. Фелицына авторы именуют «известным знатоком местных древностей». Однако в первой же главе «Описание раскопок, произведенных в кургане Карагодеуашх в 1888 году» не могут удержаться, чтобы не отметить: «При составлении настоящего описания мы пользуемся отрывком из дневника раскопок, составленного г. Фелицыным, и несколькими пояснительными заметками, какие он прислал в ответ на присланные нами запросы. Не малую услугу в восстановлении хода раскопок могла бы оказать нумерация предметов древности, найденных в кургане Карагодеуашх, если бы эта нумерация велась по мере нахождения самих предметов. К сожалению, и этого нет: предметы нумерованы г. Фелицыным, очевидно, после того, как закончились работы, и искусственно разбиты на группы по материалу, из которого сделаны. ...К сожалению, г. Фелицын в присланных им заметках описывает лишь устройство насыпи и архитектурные особенности гробницы; о расположении вещей в различных ее помещениях мы узнаем из сообщений, помещенных в газете “Кавказ” за 1888 год в № 183... Те же известия перепечатаны были в “Правительственном вестнике” за 1888 год, в № 181-м, в статье неизвестного автора, написанной по поводу «Путеводителя по Кавказу» Е. Вейденбаума (Тифлис. 1888 г.)» (Там же: 6–7, примеч. 3).

Мы, к сожалению, немного знаем о Е. Д. Фелицыне. Судя по документам и отзывам других исследователей, он предстает перед нами несомненным «энтузиастом», человеком деятельным, активным, упрямым, настойчивым, умеющим добиваться своего, способным принимать быстрые решения и, по-видимому, достаточно честолюбивым. Так или иначе, его имя вошло в историю отечественной археологии, прежде всего, благодаря открытиям, сделанным в гробнице кургана Карагодеуашх и, возможно, спасенной им от разграбления и уничтожения.

По мнению Г. С. Лебедева, посвятившего отдельное исследование становлению археологии в России, первый, начальный период исследования древностей завершился в самом начале 80-х гг. XIX в. Рубежом, отделяющим его от следующего периода, послужил, по мнению этого исследователя, V Археологический съезд, прошедший в 1887 г. в Тифлисе. Вовсе не стремясь оспорить это наблюдение, хочется отметить, что в деле изучения скифских древностей Северного Причерноморья этот хронологический репер не столь очевиден. Важнейшим изданием Археологической Комиссии, как бы поводящим итог раскопок первого периода ее существования, становится издание «Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний раскопок и находок в черноморских степях» с Атласами, содержащими прекрас-

¹¹ При подготовке материалов к изданию Е. Д. Фелицыну был прислан специальный «вопросник»: он должен был дать по возможности точные ответы на ряд конкретных вопросов, уточняющих размеры конструкций, положение вещей в могилах и пр.

но выполненные иллюстрации находок. Первый выпуск «Древностей» увидел свет в 1866 г., второй — в 1872 г.

В конце XIX и начале XX в. происходит археологическое обследование новых областей, открываются и исследуются новые памятники, накапливаются археологические материалы. Однако, несмотря на явное начало нового этапа в истории науки, мы не можем говорить ни о каких существенных изменениях ни в подходе к исследованиям, ни в их методах. Правда, именно в этот период начинается широкое и планомерное исследование скифских памятников Приднепровской лесостепи. Интересы исследователей начинают привлекать не только курганы, но и поселения. Стоит признать, что несмотря на важные открытия, сделанные членами Императорской Археологической Комиссии или же по ее поручению и на средства, археология скифских древностей активно развивалась и благодаря раскопкам прочих ученых обществ и учреждений или же отдельных исследователей, не связанных напрямую с ИАК. Необходимо отметить, что Комиссия внимательно следила за подобными археологическими работами, а их результаты откладывались в ее архиве, который становился собранием научной информации первостепенной важности.

В 1888 г. Готфрид Оссовский (1835–1897) по поручению Краковской Академии наук провел раскопки кургана (так называемого Большого Рыжановского кургана, или № 4) в группе, состоявшей из 21 кургана, расположенной у с. Рыжановска Звенигородского уезда Киевской губернии. Им были открыты четыре «богатых» погребения, относящиеся к IV в. до н. э. Эти раскопки были продолжением небольших исследований, предпринятых еще в 1887 г. в связи со случайными находками, сделанными местными крестьянами (Blomborgowa 1993: 80–83).

Археологическая Комиссия не была поставлена в известность об этих работах; сведения о раскопках появились в газетах и постепенно дошли до Петербурга и Москвы. Известия о замечательных находках побудили Археологическую Комиссию послать запрос в губернии, где предполагались эти несанкционированные ИАК работы. Газетные сведения не всегда точны, и первоначально запрос от 27 января 1888 г., подписанный А. А. Бобринским, был ошибочно направлен в г. Житомир Волынской губернии, губернатору фон Валу. В частности, губернатора просили «сообщить... некоторые сведения об этой находке. У г. Оссовского, быть может, находятся рисунки с найденных им вещей. В таком случае Комиссия была бы ему признательна за высылку таковых на ее рассмотрение» (1888 г., д. 11, л. 1). В ответе волынского губернатора, присланном в Комиссию в феврале, сообщалось: «...имею честь уведомить Императорскую Археологическую Комиссию, что случай открытия Оссовским клада, как об этом сообщает польская газета “Варшавский курьер” в № 18 за сей год, имел место в Звенигородском уезде Киевской губернии». Однако колеса бюрократической машины начинают вращаться: вероятно, волынский губернатор все же распорядился предоставить ему более подробную информацию о раскопках курганов. Вскоре из Житомира пришло еще одно письмо, в котором сообщалось, что «в дополнение к отношению моему от 20-го сего февраля за № 1235, имею честь уведомить Императорскую Археологическую Комиссию, что житомирский уездный исправник донес мне 26-го сего февраля, что по заявлению проживающего в г. Житомире присяжного поверенного Фавстина Мошинского клад разных драгоценных вещей был действительно найден в прошлом году в Звенигородском уезде Киевской губернии археологом Годфридом Оссовским и что золотые вещи, составлявшие предметы женских украшений, отправлены Оссовским в Краковскую Академию наук, на средства которой производились им раскопки в Звенигородском уезде» (Там же, л. 3).

Получив эту информацию, А. А. Бобринской направил аналогичный запрос в Киев. В апреле в Петербург пришел ответ киевского губернатора, несколько проясняющий обстоятельства

дела. В нем говорилось, что «проживающий в г. Звенигородке вольнопрактикующий врач Юлиан Гринцевич, назад тому около 4 лет, на Рыжановских полях, принадлежащих его родственникам Гринцевич и Тышковской, начал было раскопку кургана, но тогда им ничего не найдено, а через некоторое время крестьянин Андрей Маслюк на месте начатой раскопки нашел глиняную вазу, бронзовые чашу и шпиль, которые Гринцевич приобрел от Маслюка и подарил геологу Готфриду Оссовскому. Этот последний в прошлом году с согласия владельцев произвел раскопку означенного кургана, где нашел еще несколько кусков разбитой старинной глиняной посуды и все найденные вещи отправил в Краковскую Академию» (Там же, л. 5).

Известие о том, что находки из Рыжановского кургана отправлены в Польшу, вызвало обеспокоенность председателя А. А. Бобринского и побудило его написать конфиденциальное письмо губернатору Киевской губернии. В письме говорится, что, находясь в Смеле, А. А. Бобринский лично встречался с доктором Гринцевичем, «производившим раскопки вместе с Оссовским и приехавшим в Смелу со специальной целью познакомить меня с подробностями дела и с результатом раскопок. Из рассказа Ю. Гринцевича оказывается, что раскопки произведены в прошлом, 1887 году, у с. Рыжановка Звенигородского уезда, на земле частного лица, которого имя Гринцевич мне не сообщил. Раскопка кургана увенчалась очень редким в наших местностях успехом. Добыты весьма замечательные серебряные греческие вазы, множество золотых украшений, как то колец, серег и пр. ...Г. Оссовский, известный польский археолог, производил раскопки в Звенигородском уезде на средства и по поручению Краковской Академии наук. Начаты же раскопки в данной местности потому, что местные крестьяне случайно напали на часть помещений богатой могилы и начали продавать мелкие золотые вещицы.

Таков рассказ Ю. Гринцевича, который как врач интересовался антропологической стороной вопроса и как бывший товарищ, кажется, Оссовского пригласил его сюда. Гринцевич принес мне фотографические снимки с найденных предметов, сделанные в Варшаве.¹² Вещи будут изданы на польском языке Краковскою Академиею. Сообщая конфиденциально о всем вышеизложенном Вашему Превосходительству, я вполне понимаю, что юристически Оссовский и Гринцевич, быть может, и вполне правы. Частный собственник, вероятно, (исправлено, в первоначальном варианте «конечно». — *Ред.*) вправе раскопать курганы на своей земле и раздавать, хотя бы в Краков, добытые предметы. Но я убежден, что найдется возможность как-нибудь ограничить поползновения Краковской Академии обогащать свое собрание за счет древностей, находимых в пределах России. Точно ли мне указывал Гринцевич, что курганы близ Рыжановки расположены на частной, а не на крестьянской земле? Здесь оказывается целая группа курганов, из коих до сих пор исследован только один. Наконец, хотя Гринцевич и обещал мне в случае новых раскопок немедленно мне сообщить, но не знаю, исполнит ли он обещание? Из слов его заключаю, что Оссовский намеревается нынче осенью вновь посетить Рыжановку и произвести там новые раскопки. В заключение позволю себе покорнейше просить Ваше превосходительство сохранить мое письмо между нами. Мне очень важно не нарушить случайно установившихся отношений между Гринцевичем и мною; по крайней мере, через него можно будет всегда разведать о дальнейших раскопках и получить хотя бы фотографические снимки с находок» (Там же, л. 6–7).

¹² Вероятно, к их числу принадлежали несколько фотографий, хранящихся в фотоархиве ИИМК РАН (F128 / 28), на которых представлены курганная группа, план погребения и амфора типа Солоха-I. Под ними подпись польски: «Находки из раскопок Ю. Гринцевича и Г. Оссовского 1887 г.».

Позиция А. А. Бобринского, заинтересованного в пополнении коллекций древностей в собраниях российских музеев, прежде всего Эрмитажа, вполне понятна. Важнейшим вопросом в этой драматической истории, конечно, был вопрос о том, в чьей собственности находилась земля, на которой расположены курганы (недаром этому вопросу в письме уделяется большое внимание); случаи, когда земля находилась в частной собственности, были самыми сложными — законодательство было на стороне владельцев. Однако и тогда на ситуацию можно было пытаться воздействовать. Чиновники, подчиненные киевскому губернатору, очевидно, получили соответствующие инструкции, и в январе следующего, 1889 г., в Комиссию поступает письмо звенигородского уездного исправника Юрова:

«В 1887 году проживающий в г. Звенигородке вольнопрактикующий врач Гринцевич, совместно с жителем г. Житомира Осовским, на землях м. Рыжановки, в кургане, принадлежащем малолетнему Андрею Гринцевичу, откопали драгоценные предметы древности. Прошлым летом г. Гринцевич, как заявляет, имел честь изложить устно Вашему Сиятельству подробности об этой раскопке и о предметах, найденных в этом кургане, и преподнести большие фотографические снимки всех предметов, как приобретенных у крестьян, так и найденных, вместе с текстом описания раскопок. Так как вещи эти должны принадлежать малолетнему Андрею Гринцевичу, то растрате таковых возбуждено уголовное преследование против Юлиана Гринцевича и Осовского, а также необходимо предъявить против них иск для вознаграждения малолетнего. Для этого необходимо иметь сведения о ценности этих предметов.

Имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство не отказать сообщить, во сколько, по мнению Вашему, хотя приблизительно, можно оценить найденные в раскопанном кургане эти древности, снимки с которых представлены Вашему Сиятельству Ю. Гринцевичем. Так как двухлетний срок давности к уголовному преследованию может скоро истечь, то я позволю себе убедительнейшее просить Ваше Сиятельство ускорить ответом» (Там же, л. 9).

Ответом на это письмо была телеграмма, подписанная А. А. Бобринским, сообщающая о том, что находки из Рыжановских курганов «могут быть приблизительно оценены в семь тысяч рублей»¹³ (Там же, л. 10), сумму, весьма значительную для того времени. Неясно, удалось ли возбудить «уголовное преследование» Юлиана Гринцевича, скорее всего, дело было решено полюбовно.

Материалы из Большого Рыжановского кургана действительно были изданы в Кракове Г. Осовским (Ossowski 1888), не только раскопавшим погребения Большого Рыжановского кургана, но и обследовавшим всю группу в целом и снявшим планы курганов. Очевидно, история раскопок Рыжановского кургана наделала шума и привлекла внимание широкой научной общественности. Об этом свидетельствует заметка, помещенная в «Московских ведомостях» 11 ноября 1889 г., подписанная инициалами «В. П.» и рассказывающая о содержании одного из заседаний МАО. «Согласно желанию председателя Общества гр. П. С. Уварова, г. Осовским доставлен был в Общество доклад о произведенных им раскопках курганов в Киевской губернии, причем представлены были и фотографические снимки с предметов, найденных в курганах. Из доклада, прочитанного секретарем Общества, видно, что раскопки курганов, обративших на себя внимание г. Осовского и расположенных в местечке Рыжановке Киевской губернии Звенигородского уезда и на границе Уманского уезда, еще в 1884 году занялись местные крестьяне. Но, благодаря случайностям, расхищение курганов было приостановлено на довольно длительное время. Г. Осовский раскопки возобновил в прошлом году. Им разрыт был самый большой из 21 Рыжановского кургана...».

¹³ В черновике первоначально была указана сумма в 8 тысяч руб.

Далее приведено описание работ и находок и в виде заключительного аккорда следующая сентенция: «Богатая по содержанию коллекция вещей, найденная г. Оссовским, передана на хранение — в Краков (!). Крайне желательно, чтоб оставшиеся не разрытыми Рыжановецкие курганы обратили на себя внимание Археологической Комиссии и чтоб их не постигла участь одинаковая с только что описанным курганом, предварительно расхищенным местными крестьянами, и чтобы содержимое в курганах не переправлено было в заграничные музеи».

В следующем, 1890 г. для дальнейшего исследования Рыжановских курганов Археологическая Комиссия пригласила Д. Я. Самоквасова, бывшего в то время профессором Варшавского университета. Очевидно, в сложившейся несколько щекотливой ситуации Д. Я. Самоквасов оказался наиболее подходящей фигурой. О возможных сложностях, с которыми он мог бы столкнуться по прибытии на место раскопок, вскользь говорится в письме, поученном им незадолго до начала работ. «Если бы владелец земли, — говорится в этом письме, — на которой находятся означенные курганы, не согласился допустить Вас к раскопке их, то Археологическая Комиссия не встречает препятствия к предложенной Вами раскопке других курганов в Звенигородском уезде, в пределах Петринковской волости, на производство раскопок в Киевской губернии, при сем прилагается Открытый лист и удостоверение на получение из Варшавского казначейства 800 руб. назначенных Вам авансом...» (1890 г., д. 65, л. 4). Владелец земли, по-видимому, не имел возражений. Д. Я. Самоквасов предоставил в ИАК подробный отчет о раскопках Рыжановских курганов (1890 г., д. 65, л. 5–29; ОИАК за 1890 г., 1893: 51 сл.). Материалы этого отчета, а также данные, полученные Г. Оссовским, изданы в известной монографии Д. Я. Самоквасова «Могилы русской земли»¹⁴ (Самоквасов 1908: 70–94; см. также Бобринский 1901: 58 сл. ; Ильинская 1975: 37–38; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 312–313). В 1993–1998 гг. Большой Рыжановский курган был успешно доследован совместной экспедицией Института археологии Краковского университета и Института археологии НАН Украины, получены новые интересные результаты (Chochorowski, Skoryj 2004; здесь же см. библиографию). Идеи научного сотрудничества и преемственности, лежавшие в основе этого проекта, на наш взгляд, остаются в числе наиболее перспективных концепций, способных помочь в решении самых сложных вопросов.

Возвращаясь к деятельности Археологической Комиссии, связанной с исследованием Рыжановских курганов, небезынтересно еще раз обратиться к самому началу этой истории, к письму, ошибочно посланному в г. Житомир волынскому губернатору. Письмо, содержащее разъяснения положения о деятельности Императорской Археологической Комиссии, очевидно, произвело впечатление в губернской канцелярии, так как результатом его стала активная деятельность чиновников по выявлению находимых в земле древностей, в основном монетных кладов позднего средневековья и нового времени, и изъятию их у местного населения. Результаты этой деятельности отчетливо прослеживаются в письмах и рапортах, начавших поступать в Петербург после истории с Рыжановскими курганами с завидной регулярностью (1890 г., д. 65, л. 27, 41, 42, 49, 55, 56).

Однако самым ярким эпизодом, отражающим деятельность губернских чиновников, стремящихся исполнить полученные инструкции, не допустить расхищения исторических ценностей и, по возможности, привлечь внимание и заслужить поощрение высокого начальства, может служить история пресечения вывоза в Польшу церковных облачений. Эта

¹⁴ «Некоторую ретушь в чертежах Оссовского после доследования Самоквасова можно считать установленной, — позже писал М. И. Ростовцев, — но общий характер структуры кургана и его погребений несомненно правильно переданы на чертежах Оссовского» (Ростовцев 1925: 433, примеч. 1).

история, несомненно, является следствием письма А. А. Бобринского, вызвавшего соответствующую реакцию уже знакомого нам волынского губернатора фон Валя, давшего соответствующие указания своим подчиненным.

Вот как об этом рассказывается в его письме в Комиссию, написанном 3 марта 1889 г. (Там же, л. 12): «Ковельский уездный исправник телеграммою, поданною 3 сего марта, донес мне, что настоятель Каменно-Каширского костела продал петраковским евреям древние ризы с изображением Божьей Матери, шитым серебром, за 1500 руб., которые задержаны им. Предписав помянутому исправнику сохранить отобранные им ризы, впредь до особого распоряжения и принимая во внимание, что если евреями уплачено за оные 1500 руб., то, по всей вероятности, они представляют собой археологическую редкость, имею честь уведомить об изложенном Императорскую Археологическую Комиссию. Свиты Его Величества генерал-майор фон Валь». В ответе, подписанном В. Г. Тизенгаузеном, сообщается, что «Археологическая Комиссия имеет честь покорнейше просить Вас о высылке на рассмотрение ее старинных священнослужительских облачений, отобранных г. ковельским уездным исправником от петраковских евреев». К следующему письму, направленному в Археологическую Комиссию волынским губернатором, приложены два рапорта уездного исправника «с кратким описанием проданных настоятелем Каменно-Каширского Римско-католического костела ксендзом Ольшевским петраковским евреям риз, присовокупляя при том, что так как г. Ковель и Каменно-Каширское имение в XV веке принадлежали князьям Сангушко, то следует предполагать, что помянутые ризы пожертвованы кем-либо из рода князей Сангушко» (Там же, л. 14). История обрастает подробностями, которые сообщает урядник, непосредственный участник событий. «Получив от известного мне лица секретное заявление, что два еврея Петраковской губернии отправились в м. Каменно-Каширск к тамошнему настоятелю Римско-католического прихода ксендзу Ольшевскому за покупкою старинных риз для какого-то заграничного музея,¹⁵ я принял все меры к недопущению увезти евреям купленные ризы, и когда 2-го сего марта означенные евреи, закупив ризы за 1500 руб., прибыли в город Ковель и остановились в Еврейской гостинице в ожидании поезда, то я лично отправился к означенным евреям и отобрал от них ризы, которые теперь находятся на сбережении в моей квартире. Означенные ризы по удостоверению многих лиц принадлежат к XII–XIII столетиям и весьма высокой цены, но какой именно, определить трудно, но предполагать можно, что стоимость их была 50 000 рублей». Цена эта, конечно, фантастична, но, вероятно, всем исполнителям очень хотелось сознавать, что они причастны к большому государственному делу, хорошо исправляют службу и участвуют в огромной важности событиях. В деле имеются несколько описаний изъятых облачений, одно из них составлено ковельским исправником полковником Емельяновым. Согласно описаниям, в Комиссию были присланы три ризы: две — для диакона и иподиакона (стихари), одна — для священника (с изображением Матери Божьей и Спасителя), а также «занавеса предпрестольная малинового шелкового бархата, на ней из литого серебра изображение Божьей Матери в сиянии и двух ангелов по бокам, и еще двадцать два звездообразные украшения. И еще одна подобная, но немного поврежденная» (Там же, л. 20–21).

В Житомире и его округе, очевидно, широко обсуждались все перипетии этого происшествия, пока в дело решительно не вмешались представители католической церкви, которой, собственно, и принадлежали облачения. В письме в Комиссию от 15 июня 1888 г. (Там же, л. 22), управляющий государственными имуществами Волынской губернии сообщает:

¹⁵ Из дальнейших документов становится очевидным, что ризы были приобретены для музея в Кракове.

«...Как же ныне епископ Луцко-Житомирский римско-католической Епархии просит о возврате ему означенных риз, составляющих собственность костела, то вследствие сего имею честь покорнейше просить Императорскую Археологическую Комиссию не будет ли признано возможным, по миновании надобности в этих ризах, сделать распоряжение к удовлетворению просьбы епископа и вместе с тем не благоволит ли Комиссия возвратить 13 рублей 70 копеек в возмещение израсходованных ковельским исправником на отсылку в оную упомянутых риз». Конечно, 13 руб. 70 коп. исправнику были выплачены, о чем в деле имеется расписка (Там же, л. 25), а ризы, изготовленные, как показала экспертиза, в XVI в., высланы обратно. Таков «побочный сюжет», связанный с делом об исследовании Рыжановских курганов, вызвавшем всплеск интереса к древностям всякого рода в одной из западных губерний.

В 1890–1991 и 1893–1898 гг. значительные исследования курганов лесостепного Приднепровья в Киевской и Полтавской губерниях были проведены создателем и директором Артиллерийского музея в Петербурге, генерал-майором Н. Е. Бранденбургом, в том числе и на средства и по поручению ИАК (ОИАК за 1891 г. 1893: 89–92). После смерти исследователя дневники его раскопок были изданы Н. Печенкиным (Печенкин 1908); полностью же материалы его раскопок, хранящиеся в Эрмитаже, были введены в научный оборот Л. К. Галаниной (Галанина 1977).

В конце XIX в. в лесостепном Поросье работал Е. А. Зноско-Боровский, исследовавший здесь в 90-е гг. XIX в. 102 кургана, 74 из которых содержали захоронения скифской эпохи (Ковпаненко 1981: 5; Ковпаненко, Бессонова Скорый 1989: 7). К сожалению, опубликовать собранные им материалы он не успел. «Указатель» его обширной коллекции, вышедший в 1897 г., содержит лишь данные о вещах, обнаруженных в 50 комплексах (1897); позже данные о результате его раскопок вошли в труды других исследователей, в том числе и членов ИАК (Бобринский 1901: 92–114; Ханенко Б. Н. и В. И 1900; 1902), где были изданы данные дневников и отдельные вещи.

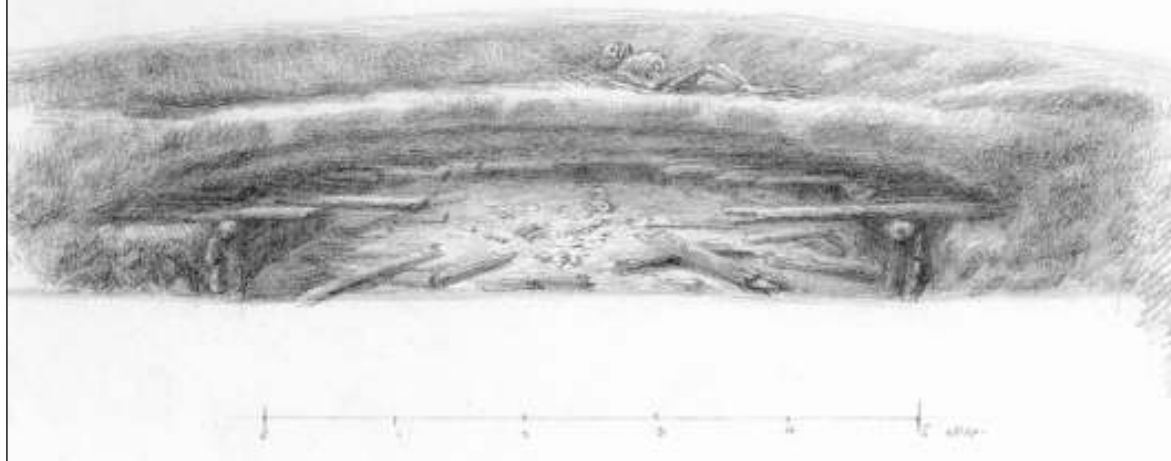
Необходимо отметить, что большая роль в исследовании скифских памятников лесостепного Приднепровья принадлежит киевскому исследователю В. В. Хвойко, отношения которого с Комиссией складывались непросто (*смотри главы VI и XII*). Результаты своих наблюдений он изложил в известной книге «Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам)» (Хвойко 1913), переизданной в 2008 г. (Хвойко 2008) и дополненной рисунками, фотографиями, планами раскрытых объектов и т. д. (см.: Колеснікова 2007).

Несмотря на то что ИАК поддержала отнюдь не все начинания В. В. Хвойко, он присылал в Петербург подробные отчеты о своих раскопках на территории лесостепного Приднепровья за 1897–1900 гг., которые сопровождались альбомами иллюстраций (1899 г., д. 53, л. 17–20; ра, ф. 2, оп. 2, Р-І, № 775). Здесь представлены в том числе рисунки, иллюстрирующие раскопки скифских городищ (Мотронинского и Пастырского) и курганов. В отчете, в частности, содержатся подробные описания курганов, раскопанных В. В. Хвойко между селами Райгородом и Пруссами (Михайловкой), достаточно суммарно представленные в «Древностях Приднепровья» Б. И. и В. Н. Ханенко (Ханенко Б. И. и В. Н. 1900: 9–11) и кратком варианте опубликованного отчета В. В. Хвойко (Хвойко 1900: 8–9; см. также Ильинская 1975: 18–21; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 156).

Всего к северу и северо-востоку от Райгорода, «на экономических полях с. Прусы», и у с. Ярового, было раскопано 19 курганов, из которых один не был закончен, все погребения оказались ограбленными. В уцелевших курганах были находимы в большинстве случаев

№ 1.

Внутренній видъ кургана при с. Пруссы, Черкасск. у. Кіевск. Г.

Внутренний вид курганов у с. Пруссы. Рисунки В. В. Хвойко (РА, ф. 2, оп. 2, РІ, № 775, л. 41)

№ 2.

№№ 2, 3.

Внутренній видъ кургановъ при м. Райгородъ, Чигир. у. Кіевск. Губ.

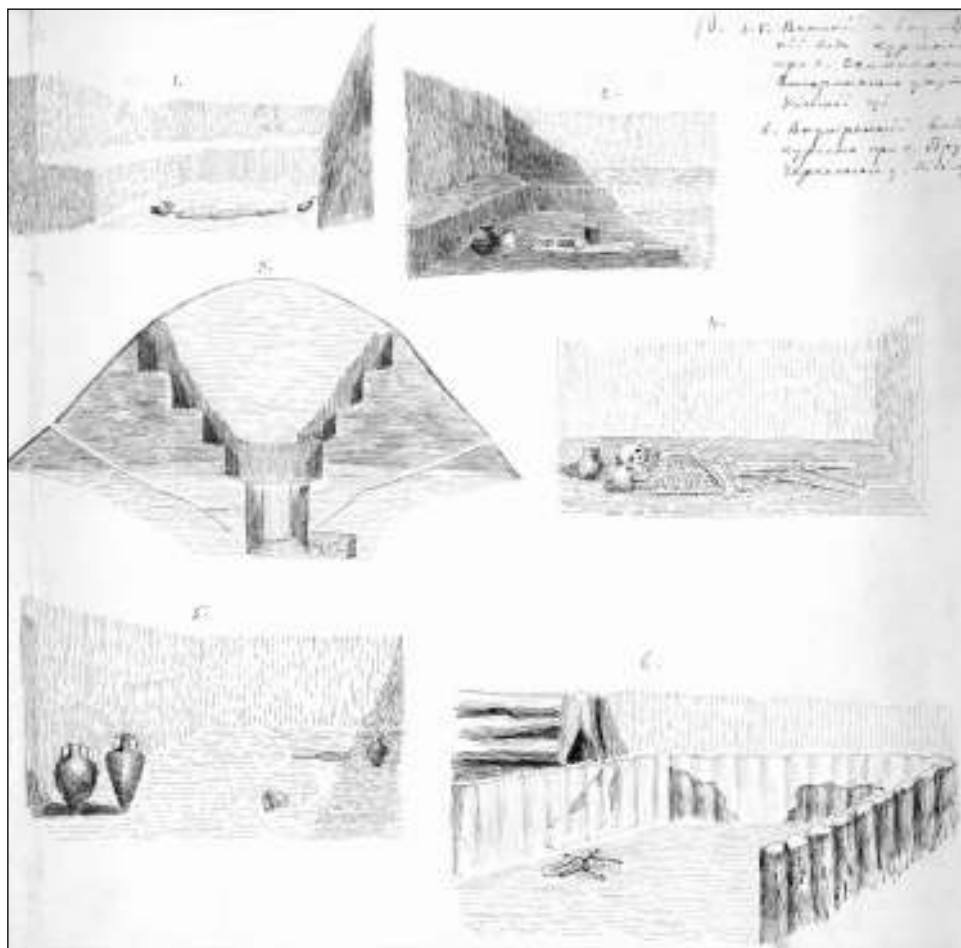
№ 3.

Внутренний вид курганов у с. Райгород. Рисунки В. В. Хвойко (РА, ф. 2, оп. 2, РІ, № 775, л. 41)

скорченные скелеты в ямах, обложенных деревом, верхние части черепов и костей их были окрашены красной краской; а также несколько погребений с сожжением. В. В. Хвойко дает описание размеров насыпей, комплексов и инвентаря курганов (№ 1–8). Затем в отчете, с сохранением сплошной нумерации, охарактеризованы «курганы при с. Прусы Черкасского уезда (№ 9–19), и отдельно описаны раскопки 3 курганов (№ 1–3) у с. Яровое, причем последний из них, «самый большой из всех в означенной местности, был раскопан только отчасти до половины насыпи, и не окончен вследствие наступления холодов». К сожалению, высота кургана не указана, однако представление о грандиозности кургана № 3 можно вынести, сопоставив его с курганом № 1, той же группы, высота которого, по данным отчета В. В. Хвойко, достигала 9, 8 м.

Результаты раскопок 4 курганов у с. Пастырское в 1898 г. достаточно полно отражены в публикации (Ханенко Б. Н. и В. И. 1899: 9–10). Сохранились альбом иллюстраций, где приведен план городища (1899 г., д. 53, л. 25), изданный в «Древностях Приднепровья» (Ханенко Б. Н. и В. И. 1899: 8), и рисунок, показывающий расположение курганов к югу от поселения (1899 г., д. 53, л. 26). Изображены и «внутренние виды» раскопанных курганов (Так же, л. 27 и 28), очевидно, № 2 и 3.

Внутренний вид курганов у с. Оситняжка. Рисунки В. В. Хвойко (1900 г., л. 29, л. 84)

Реконструкция головного убора из одного из раскопанных курганов.
Рисунок В. В. Хвойко (1900 г., л. 29, л. 89)

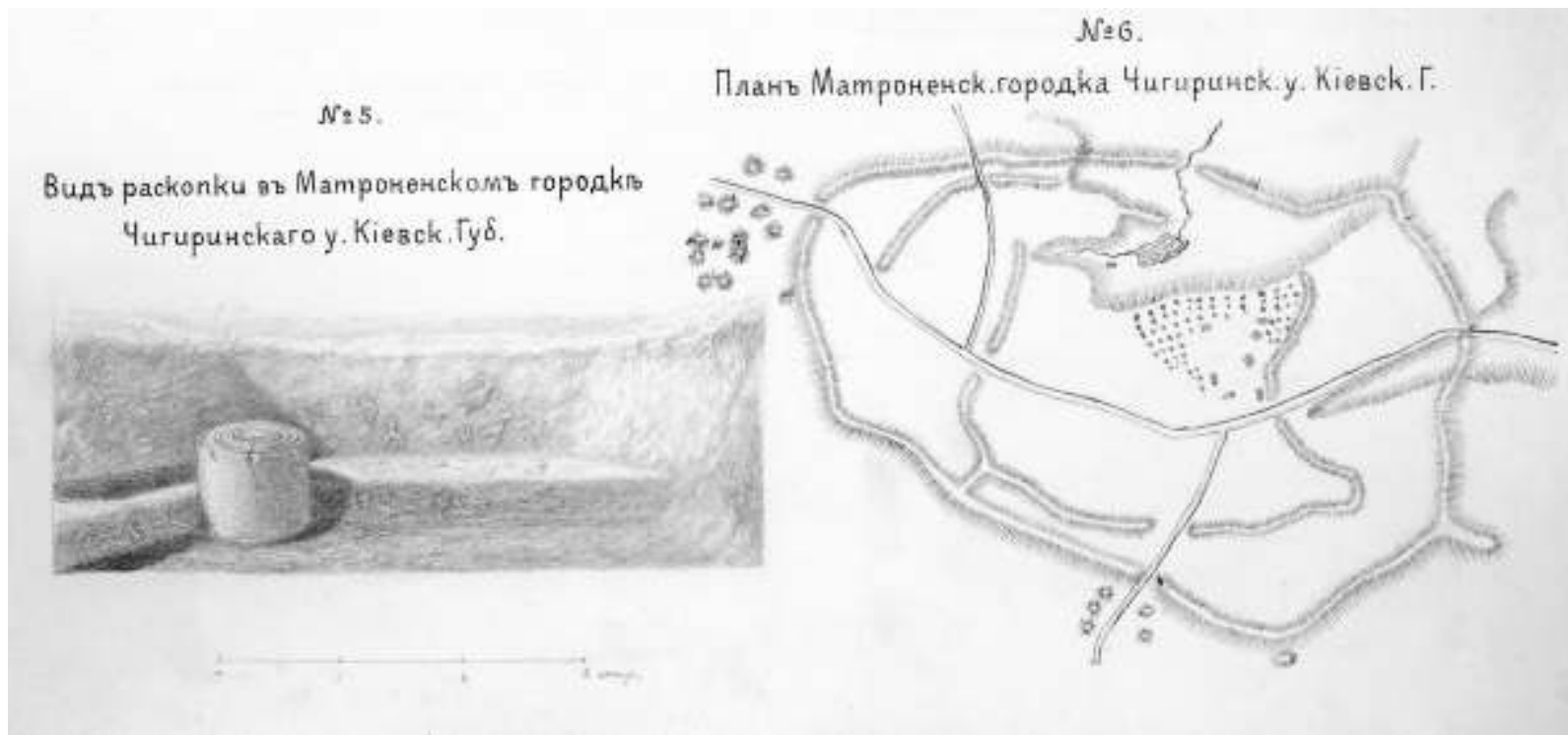
В своем отчете за 1886–1900 гг. В. В. Хвойко приводил подробные описания курганов (1899 г., д. 53, л. 71–72), раскопанных у с. Оситняжка (см. также Хвойко 1904; Ильинская 1975: 34–36; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 155–156), что позволяет уточнить обстоятельства раскопок и положение вещей в могиле. Особенно интересны данные, освещающие исследования кургана № 9, где были обнаружены золотые пластины, по-видимому, представляющие собой остатки парадного головного убора (Ханенко Б. Н. и В. И. 1902: Табл. V, № 563а; Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 104. Рис. 32, 14). Здесь сообщается, что «под насыпью, имевшей в высоту около 2 м, оказался обрушившийся склеп 4 м в длину, 3 м в ширину и 2,5 м в глубину, часть которого была обрушена подкопом грабителей». В могиле были найдены «золотой убор, бронзовое зеркало», у северо-западной стены стояли 2 амфоры, в юго-западном углу — пластины золотого головного убора, а также «металлический вызолоченный сосуд», золотые бусины, золотая бляшка в форме розетки, «алабастр» (1900 г., д. 29, л. 71–72). Ойнохоя была издана в «Древностях Приднепровья» (Ханенко Б. Н. и В. И. 1902: VI. Табл. II, № 423) как найденная в кургане при с. Оситняжке Чигиринского у., Киевской губ, однако, номер кургана, где она была найдена, указан не был (Там же: 11). В материалах отчета сохранился и небольшой рисунок, озаглавленный «Погребение с сожжением из раскопок при с. Оситняжке Чигир. у. (скифский курган)». Очевидно, иллюстрация относится к погребению в кургане

№ 8, данные о раскопках которого также содержатся в отчете (1900 г., д. 29, л. 71): «На глубине 55 см на площадке из обожженной глины лежали в некотором разобщении друг от друга обгоревшие кости двух скорченных скелетов, между которыми стояли шесть глиняных сосудов, а в головах — еще четыре мелких же сосуда, некоторые с высокими ручками. Здесь же находилось множество угля и куски горелой обмазки с отпечатками прутьев» (см. также Хвойко 1904: 9; Ильинская 1975: 36).

В отчетах В. В. Хвойко, рассказывающих о раскопках скифских курганов на территории лесостепного правобережного Приднепровья, можно было надеяться найти новые данные о комплексе кургана № 2 у с. Жаботин, где были обнаружены знаменитые костяные пластины, украшенные гравированными изображениями хищных птиц и копытных животных (Ханенко Б. Н. и В. И. 1899: Табл. 14, 277, 278). Комплекс кургана № 2 у с. Жаботин, давшего название периоду раннескифской культуры (Ильинская, Тереножкин 1983: 230), был реконструирован В. А. Ильинской на основе тщательного изучения древностей, хранящихся в Киевском историческом музее, и сопоставления этих материалов с данными раскопок (Ильинская 1975: 19–20; Ильинская, Тереножкин 1983: 234). Отчет В. В. Хвойко (1900 г., д. 29, л. 70) начинается с раздела, посвященного раскопкам этих курганов, которые исследователь производил на средства вице-председателя Киевского Общества древностей и искусства Б. И. Ханенко: «Подвергшиеся раскопкам курганы находятся на расстоянии до 5 верст друг от друга. Вблизи них встречаются особые сооружения в виде подковообразных иногда разветвляющихся валов... Высота валов доходит до 4–6 м, а вся поверхность сооружений средним числом занимает поверхность до 1600 м. При раскопке валов и внутреннего их пространства не встречалось ничего, кроме комков обожженной глины и черепков глиняных сосудов грубой выделки и без орнамента... При м. Жаботин раскопано шесть курганов подобной же формы (что и при Флеровке, т. е. куполообразной. — *Ред.*)... В кургане № 2 найдены разнообразные пластинки, бронзовые бляшки и привески от набора конской узды, орнаментированные железные псалии и две пары бронзовых удил». Конечно, можно допустить, что знаменитые жаботинские пластины, украшенные резными изображениями, названы в описании «разнообразными пластинками».

Однакостораживает отсутствие подробного описания этих неординарных находок. Более того, ни в описи находок из раскопок В. В. Хвойко (Там же, л. 75–83), ни в описи вещей, присланных в Археологическую Комиссию в Петербурге (Там же, л. 59–60), ни в общей, чрезвычайно подробной описи коллекции этого выдающегося исследователя (Там же, л. 2–19)¹⁶ резные пластины невозможно выделить из общей массы находок. Правда, в этой последней описи под № 2154–2158 значатся «костяные пластины, орнаментированные меандром» (Там же, л. 6), однако вряд ли это описание можно соотнести с жаботинскими пластинами. Это не может не вызывать недоумения, так как нельзя не признать того, что такой внимательный исследователь и знаток древностей, каким был В. В. Хвойко, обратил бы особое внимание на такие яркие находки, как скифские пластины с гравированными изображениями. Например, в том же деле хранятся тщательно выполненные рисунки и фотографии орнаментированной оконечности бивня, принадлежащего к эпохе палеолита (Там же, л. 51, 53, 56 и 58). При этом, однако, никаких упоминаний о жаботинских пластинах обнаружить не удастся. Это обстоятельство, на наш взгляд, оставляет у современных исследователей возможность

¹⁶ В описи вещей коллекции Хвойко все древности были сгруппированы в хронологические разделы: Отдел 1. Каменный век; Отдел 2. Эпоха бронзы; Отдел 3. Скифская эпоха; Отдел 4. Эпоха великого переселения народов и т. п. и имели «сквозные» инвентарные номера. Примечательные особенности предметов древности, в том числе наличие орнамента, отмечены в примечаниях на полях описи.

Вид раскопки в Мотронинском городке Чигиринского уезда и план Мотронинского городка.
Рисунок В. В. Хвойко (РА, ф. 2, оп. 2, ПІ, № 775, л. 41)

сомневаться в принадлежности знаменитых памятников архаического скифского искусства к комплексу кургана № 2 у с. Жаботин.

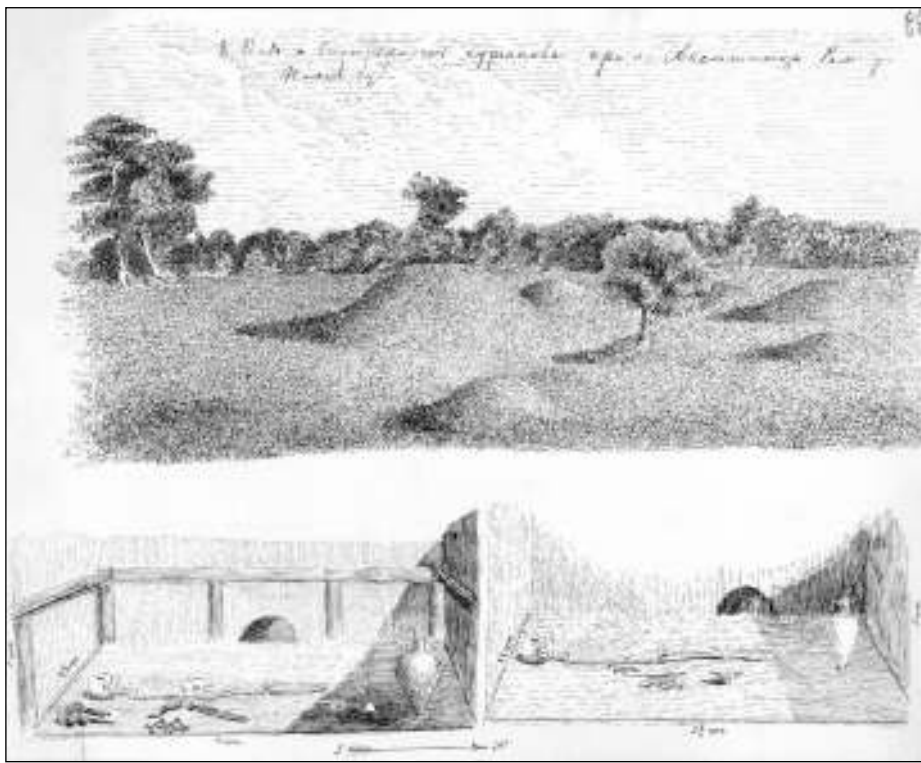
В отчете В. В. Хвойко за 1899 г. есть данные и о начале исследований Мотронинского городища (1899 г., д. 53, л. 17–18). В конце XX в. этот памятник успешно исследовался экспедицией Института археологии НАН Украины (Бессонова, Скорый 2001). Данные В. В. Хвойко приведены в статье Э. В. Яковенко, опубликовавшей также описание находки глиняного жертвенника и его рисунок, выполненный В. В. Хвойко (Яковенко; 1966: 182–183. Рис. 4, РА, ф. Р-I, № 775, л. 41, рис. 5), где есть и сделанный карандашом план Мотронинского городища; акварельный рисунок этого плана, хранящийся в архиве Института археологии НАН Украины, недавно издан В. А. Колесниковой (Колеснікова 2008). Рисунок же В. В. Хвойко, на котором показана верхняя часть жертвенника, был издан Е. В. Покровской (Покровская 1962: 79. Рис. 6) и включен в статью С. С. Бессоновой, посвященной этим памятникам раннескифского времени (Бессонова 1966: 31. Рис. 5, 1).

Отчет В. В. Хвойко за 1899 г. содержит описание раскопок на левом берегу Днепра, на территории Золотоношского уезда Полтавской губернии, где В. В. Хвойко были раскопаны 7 курганов у с. Веремиевки, «над Днепром» (1899 г., д. 53, л. 18–20). «Местность представляет собой возвышенность, прорезанную несколькими оврагами, на которой разбросано множество курганов, на дальнем своем протяжении уходящих в степь. Многие из этих курганов раскопаны еще в древности. Уцелевшие имеют по большей части расплюснутую куполообразную форму; величина их различна, от малых до очень больших. Всего из них раскопано мною 7 курганов, относящихся к скифскому типу или содержащих скорченные скелеты, что иногда совмещалось в одном и том же кургане» (Там же, л. 18–19). Далее следуют описания комплексов раскопанных курганов, а в альбоме приведены рисунки, отражающие «внутреннее содержание курганов при м. Веремиевка» (Там же, л. 40, № 775). В. В. Хвойко описывает курган № 3 следующим образом: «Окружность 54 м, высота насыпи 90 см. Под насыпью оказался деревянный склеп длиной 4 м 20 см, шириной 3 м, 75 см и глубиной 2 м 30 см, наполненный черноземом и большим количеством полусгнивших бревен. Западная часть склепа ограблена и уничтожена кладоискателями, у которых местной полицией отнята часть похищенных предметов и отослана в Императорскую Археологическую Комиссию. В остальной части склепа у восточной стенки на дне его найден чешуйчатый железный панцирь, который удалось подобрать полностью, 5 костяных псалий со звериным орнаментом, 5 железных удил и кожаный колчан с 86 бронзовыми стрелами, украшенный двумя тонкими серебряными бляшками, распавшимися от прикосновения. В SW углу стоял небольшой сосуд скифского типа. В NW углу найдены черепки таких же сосудов и пробуравленный зуб медведя, кости барана и зубы лошади. Других предметов не оказалось» (Там же, л. 19).

На левом берегу лесостепного течения Днепра В. В. Хвойко были исследованы несколько погребений в курганах у с. Аксютинцы,¹⁷ очевидно, активно раскапывавшихся местными крестьянами (1900 г., д. 29, л. 74). В. В. Хвойко был «осмотрен известный по многочисленным раскопкам скифский могильник, где я нашел погребения в деревянных склепах или просто в земле, а также погребения с сожжением, произведенным на месте; остатки покойников были обставлены сосудами. Погребения эти, встреченные мною в значительном количестве, были с едва заметными насыпями или даже погребения без всякой насыпи». К отчету приложены рисунки участка могильника у с. Аксютинцы и двух раскопанных погребений.

Как уже упоминалось, за годы раскопок В. В. Хвойко собрал значительную коллекцию древностей. Большой интерес представляют подробные описи предметов, входивших в эту

¹⁷ Эти исследования велись на собственные средства В. В. Хвойко.

Участок могильника у с. Аксютинцы и планы погребений. Рисунок В. В. Хвойко (1900 г., л. 29, л.86)

коллекцию. В одной из них «Скифская эпоха», содержится описание вещей, найденных при раскопках скифских курганов и поселений, случайных находок. Об одной из таких находок В. В. Хвойко сообщает в письме А. А. Бобринскому, намереваясь переслать свое собрание в Комиссию для представления на Высочайшее воззрение (1896 г., д. 199, л. 1). Присылая в ИАК описание и рисунок, он пишет, что «предмет, о котором идет речь и набросок которого прилагаю в настоящем письме, сделан из бронзы высотой 36, а шириной 37 см. Найден в Екатеринославской губ. и у. село Лысая Гора. Как приблизительно видно из моего рисунка (не вполне законченного), состоит он из конусообразной с 4-мя дырками основы над которой заканчивает вверху человеческая фигура с орлом на голове. От середины указанного основания идут 4 ветви, заканчивающиеся вверху каждая орлами, вдоль каждой ветви имеется по 4 изображения зверей. От орлов (их 5) спускаются цепочки с привесками, заканчивающиеся везде колокольчиками. Смотря на самый предмет, можно предполагать, что он изображал собой скифское знамя». Речь здесь идет о знаменитом навершии с изображением «скифского Папая» (Артамонов 1961: 75; Онайко 1976: 170. Рис. 4).

В ответном письме А. А. Бобринской предложил «доставить предметы, найденные при раскопках, а также дневники и чертежи в Петербург». В. В. Хвойко принимает предложение и тщательно готовит коллекцию к пересылке.

«Получив письмо от Императорской Археологической Комиссии... — пишет он 28 октября 1896 г., — имею честь сообщить, что, находясь в настоящее время при киевском Окружном суде в числе присяжных заседателей, покорнейше прошу Императорскую Археологическую Комиссию извинения, если упаковка и отправка предметов, входящих в мое собрание, последует несколькими

Скифские вещи из коллекции В. В. Хвойко
(в центре — бронзовое навершие с изображением «Папая») (1896 г., д. 199, л. 100)

днями позже как могло быть это мною исполнено при других условиях, причем имею честь до-
бавить, что приложу все мои старания, дабы как высылка коих предметов, а также объясняющих
их документов была мною совершена не позже как 10-го ноября с. г.» (1896 г., д. 199, л. 5). Одна-
ко отправить коллекцию в Петербург удастся только в ноябре; к ней прилагается еще одна тща-
тельно составленная опись. Соглашаясь на предложение Комиссии о приобретении коллекции,
В. В. Хвойко оценил ее в 8 тыс. руб. (Там же, л. 8). Для приобретения коллекции с целью передачи
ее в Музей древности и искусства в Киеве, который предполагалось вскоре открыть, А. А. Бобрин-
ской в письме от 27 января 1897 г. просит содействия у графа А. П. Игнатьева:

«...г. Хвойко доставил в Комиссию коллекцию, заключающую свыше 3 тыс. номеров. Собра-
ние это состоит главным образом из древностей, найденных в г. Киеве и его окрестностях и
представляет наглядную картину развития цивилизации в южной России, от первобытных
человеческих изделий до изящных поделок более позднего времени.

Императорская Археологическая Комиссия, ознакомившаяся с этими вещами, признала весь-
ма желательным приобрести это собрание для помещения в какое-либо древнехранилище и
полагала вполне целесообразным, чтобы коллекция г. Хвойко поступила целиком в строящий-
ся ныне в Киеве Музей древностей и искусства.

Намереваясь возбудить через министра Императорского Двора ходатайство о приобрете-
нии собрания г. Хвойко, я предварительно обращаюсь к Вашему Сиятельству, столь заботливо от-
носящемуся к делу сооружения Киевского музея, с покорнейшею просьбою поддержать со
своей стороны мое ходатайство перед министром Имп. Двора.

При этом долгом считаю присовокупить, что г. Хвойко оценивает свое собрание в 8000 тыс.
руб. серебром и что в моем ходатайстве я полагаю просить о приобретении собрания за эту
цену, которая будет определена при надлежащей оценке вещей в Археологической Комис-
сии...» (1896 г., д. 199, л.).

Однако получить означенную сумму не удастся, и Бобринской предлагает Хвойко вдвое
меньшее вознаграждение. Узнав, куда будут направлены собранные им древности, В. В. Хвой-
ко немедленно дает свое согласие:

«Получив для меня весьма лестное письмо Вашего Сиятельства от 7 с. м. и руководствуясь со-
ветом Вашего Сиятельства относительно уступки моей коллекции Правительству для буду-
щего Киевского музея, я со своей стороны, несмотря на мои весьма ограниченные средства,
которыми я располагаю, и чувствительную для меня в материальном отношении потерю, со-
гласен уступить правительству все высланные мною на рассмотрение Императорской Архео-
логической Комиссии предметы за предлагаемую мне Вашим Сиятельством цену 4000 рублей,
будучи нравственно удовлетворен тем, что моя заветная мечта, при содействии Вашего Си-
ятельства, будет, к моей полной радости и удовлетворению, — исполнена, и добытые мною
многими годами труда предметы достанутся дорогому для меня и всегда любимому мною —
городу Киеву» (1896 г., д. 199, л.).

До окончания строительства музея в Киеве коллекция Хвойко хранилась в Киевском
университете, ответственным за ее хранение был назначен профессор В. Б. Антонович, за-
ведовавший мюнц-кабинетом университета. О своем согласии он сообщил телеграммой,
присланной в АК: «Университет согласен хранить коллекцию подробности письмом. Анто-
нович» (1896 г., 199, л. 27).

9 июля 1897 г. коллекция Хвойко была доставлена в университет «в девяти опечатанных
казенною печатью ящиках» и отдана на хранение Антоновичу. 15 ноября 1899 г. в Киевское
Общество древностей и искусств были переданы 6 карандашных и 10 акварельных рисун-
ков, выполненных В. В. Хвойко, и одна фотография (л. 31). Это собрание в настоящее время
хранится в Историческом музее Киева.

К числу несомненных заслуг В. В. Хвойко относятся и его исследования скифских поселений лесостепного Приднепровья; исследователь прекрасно осознавал важность изучения памятников этого типа (Хвойко 1905). Раскопкам памятников оседлого населения, по вполне понятным причинам, долгое время уделялось гораздо меньшее внимание, чем раскопкам курганов. Методика раскопок погребальных памятников, при всем своем несовершенстве, была все же более понятной и лучше разработанной. Значительную роль играло и то обстоятельство, что внимание грабителей в первую очередь привлекали (и привлекают до сих пор) раскопки и расхищение гробниц. Скифские курганные древности казались также более перспективными в плане возможностей исторической интерпретации. Одним из первых исследователей, оценивших возможности раскопок скифских городищ и селищ лесостепного Приднепровья, был А. А. Бобринской. «Подобные громадные земляные сооружения ожидают еще исследователей, готовых применить к делу труды и терпение, — писал он во втором томе Смелы. — Очевидно, что когда удастся получить положительные сведения о местонахождении в наших степях стоянок, городов и поселений древних скифов и последовавших за ними народов, то этим оказана будет важная услуга истории южной России. Нет сомнения также, что необходимые терпеливые исследователи найдутся» (Бобринский 1894: VII). Б. И. первым обследовал Мотронинское городище на правом берегу Днепра, определил его принадлежность к скифской эпохе, провел разведки на городище и его окрестностях; им были изданы план городища, описание местности, валов и рвов, сведения о курганном могильнике, расположенном неподалеку (Бобринский 1894: 53 сл. ; Бессонова, Скорый. 2001: 3–6). Первые же раскопки этого памятника были начаты В. В. Хвойко совместно с Б. И. Ханенко в 1889–1901 гг. Известно, что А. А. Бобринской проводил исследования и на Пастырском городище.

В 1895 г. А. А. Бобринской проводит разведки поселений в Полтавской губернии и на границе Харьковской и Полтавской губерний и дает их ученое описание (ОИАК за 1895 г. 1897: 125–128). Вслед за ним к исследованию этих памятников подключились и другие ученые. В 1903 г. член МАО В. А. Городцов провел разведки в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии (Городцов 1907: 286–365). Он был первым исследователем, проведшим раскопки на крупнейшем городище левобережной лесостепи — Бельском на р. Ворскла (Шрамко 1985: 7–13). В 1906 г. им были раскопаны участки оборонительных сооружений Большого Бельского городища и исследованы 22 кургана в районе Бельска (Городцов 1911: 93–161).

В 1909 г. С. С. Гамченко, который уже сотрудничал с ИАК в деле изучения славянских древностей (*смотри главу XI*), осуществляет первые раскопки на Немировском городище в Побужье на территории современной Винницкой области, открыв там поселение трипольской культуры (1909 г., д. 85 а-с), однако в собранном им подъемном материале были и находки раннескифского времени (Смирнова 1998: 117. Рис. 29).

В 1910 г. раскопки на акрополе Немировского городища проводит член ИАК А. А. Спицын. Он заложил здесь три параллельные траншеи в центральной части зольника и несколько раскопов за его пределами (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913; РА, ф. 5, д. 308/1910; Артамонов 1998; Смирнова 1998: 77–81). Однако внимание А. А. Спицына было сосредоточено преимущественно на курганных древностях — им был раскопан ряд курганов в лесостепном Приднепровье (Спицын 1901; 1906). Его исследования скифских памятников нашли отражение в известной статье «Скифы и гальштат», вошедшей в сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в честь 25-летнего юбилея его деятельности на посту председателя Императорской Археологической Комиссии (Спицын 1911: 155–168). Еще одна работа А. А. Спицына «Курганы скифов-пахарей», вышедшая в 1918 г., явилась результатом огромной обобщающей работы, где были систематизированы данные об известных в то вре-

мя памятниках скифской культуры, а также предложены их систематизация и хронология (Спицын 1918). Перспективы исследования поселений скифского времени были оценены в полном объеме значительно позже, в XX в. Тогда же и начались широкомасштабные раскопки памятников этого типа, была разработана и усовершенствована методика исследований.

В конце XIX–первых десятилетиях XX в. при непосредственном участии ИАК и ее членов продолжаются раскопки скифских курганов степного Приднепровья, в Прикубанье, в Крыму. В 1892 г. Н. И. Веселовским, который в этом году стал полноправным членом ИАК, был раскопан курган у с. Пастака в имении Кара-Киат под Симферополем (ОИАК за 1892 г. 1894: 7 сл.). Им было открыто основное погребение в яме под насыпью кургана, содержащее захоронение воина в чешуйчатом железном панцире, в числе погребального инвентаря находились 5 греческих амфор. На голове погребенного, очевидно, был парадный убор. «К сожалению, — как писал позже М. И. Ростовцев, — ни расположение накладок, ни форма шапки не были ни зарисованы, ни описаны» (Ростовцев 1925: 402).

В 1897 г. Д. И. Эварницкий, по просьбе владельца земли действительного статского советника генерала А. Н. Синельникова, доследовал потревоженные грабителями курганы Бабы и Раскопана Могила в Херсонской губернии, у с. Михайлово-Апостолово. Проводивший исследования Д. И. Эварницкий, член МАО, скорее любитель, чем археолог-профессионал, читал лекции по русской истории в Московском университете. Во время раскопок генерал Синельников, владелец огромного поместья, насчитывающего 14 тыс. десятин земли, находился за границей. «Извлечение из отчета Д. И. Эварницкого» было издано в ОИАК за 1897 г. (1900) (1897 г., д. 221, л. 6–22; ФА, Q 385). Предваряя описание раскопок, Д. И. Эварницкий сообщал, что у с. Михайлово-Апостолово «имеется около 50 курганов различной величины и все они могут быть подведены под три господствующих типа: тип курганов круглых, построенных послойно из земли и камней и имеющих плоскую вершину; тип курганов продолговатых, состоящих исключительно из земляной насыпи и известных у местных крестьян под названием “хвостатых”; тип курганов плоских и очень низких, едва на несколько аршин (3–4) возвышающихся от поверхности степи. Для того, чтобы определить время и культуру сооруженных могильных памятников, решено было взять из каждого типа по одному кургану и из всех трех прежде всего остановиться на курганах третьего типа» (1897 г., д. 221, л. 6). Окончив исследования, Эварницкий констатировал: «В виде заключения скажу, что у владельца Михайлово-Апостолова А. Н. Синельникова имеется еще около десятка таких же по внешнему виду курганов, как разрытые могилы Бабы и Раскопана» (Там же, л. 21). Кроме описания раскопок отчет содержит схематический рисунок-план могильного пятна, обнаруженного под насыпью кургана Бабы, рисунки вещей (Там же, л. 22–23); к отчету приложена подробная опись находок из обоих курганов (Там же, л. 31–31а).

Из описания Д. И. Эварницкого можно составить представление о методах его работы: «Исследование велось путем послойной выемки всей средней части кургана на 21 м в ширину по направлению от с на ю, с четырьмя выходами по всем углам для вывоза земли» (ОИАК 1987 г. 1900: 133). В кургане Бабы были исследованы впускное безынвентарное погребение и скифское погребение в деревянной гробнице, обнаруженное при расчистке черного пятна. К сожалению, план погребения отсутствует, однако некоторое представление о ходе раскопок можно получить, рассматривая фотографии процесса раскопок. На них представлен «общий вид кургана Бабы», вид этого кургана перед началом работ, где на одном из снимков в числе рабочих можно увидеть и грабарей с повозкой, «открытие схода в черном пятне». При раскопках гробницы кургана с тремя нишами-тайниками в ее углах были найдены золотые бляшки, на одной из них, самой крупной, изображены головы диких кабанов, фрагменты

План могильного пятна в кургане Бабы. Раскопки Д. И. Эварницкого (1897, д. 221, л. 22)

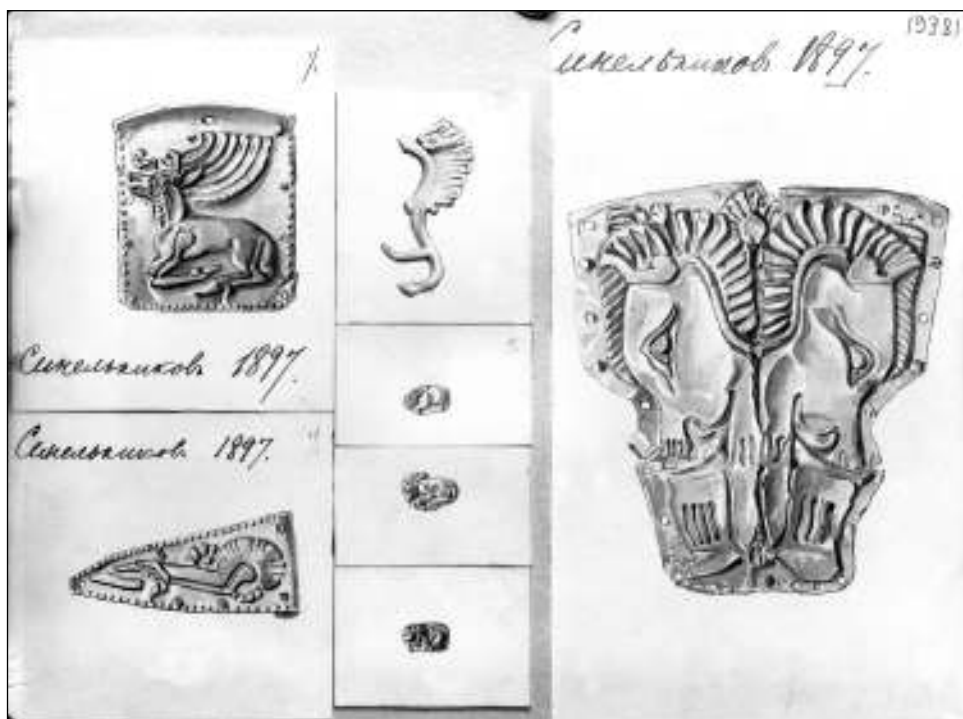
Общий вид кургана Бабы до начала раскопок. Раскопки Д. И. Эварницкого (ФА Q 385.1)

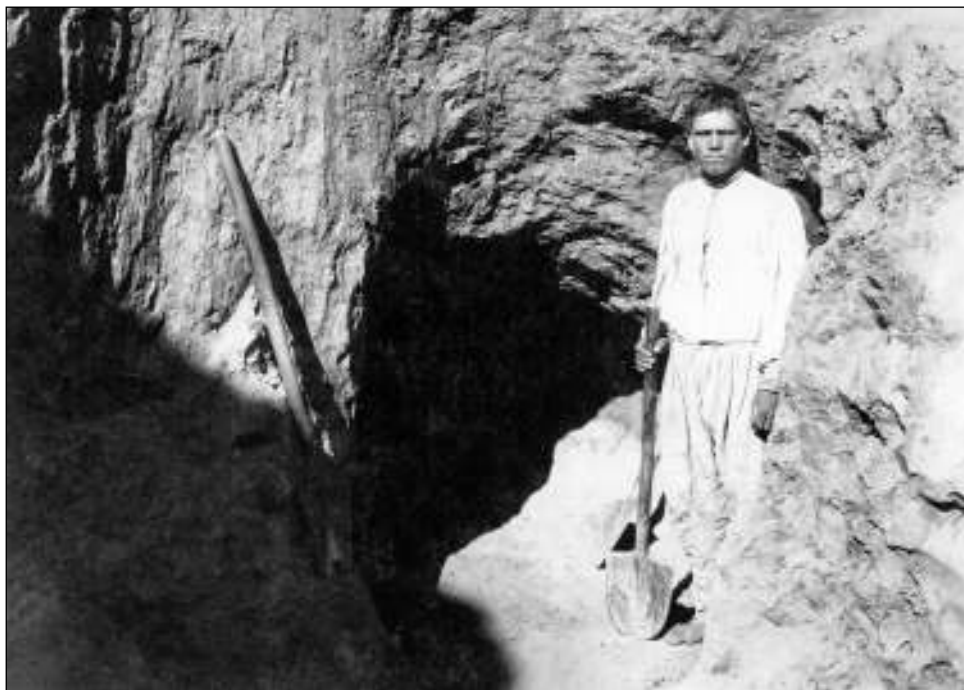
Рабочие на кургане Бабы перед началом раскопок. Раскопки Д. И. Эварницкого (ФА Q 385.2)

Курган Бабы. «Открытие схода в черном пятне, правое (большее) отверстие сделали при сооружении кургана». Раскопки Д. И. Эварницкого (ФА Q 385.6)

Золотые бляшки из кургана Бабы. Раскопки Д. И. Эварницкого (РА III 13423)

Курган Раскопана Могила. Расчистка «черного пятна». Раскопки Д. И. Эварницкого (ФА Q 385.10)

краснофигурного скифоса, бронзовый четырехрожковый светильник, фрагменты бронзовой греческой гидрии, раздавленной землей (Там же: 133–135). Судя по рисунку, представляющему курган Бабы после завершения работ, древнейшее его погребение относилось к эпохе бронзы.

Курган Раскопана Могила находился в 2 верстах от кургана Бабы, «по дороге из немецкой колонии в с. Михайлово-Апостолово», открытая в нем гробница «имела сходное устройство» (Там же: 136–137). Гробница так же располагалась под насыпью по центру кургана и имела по углам ниши-тайники. Расчистка черного пятна, в процессе которого была открыта могила, можно увидеть на фотографии. Самые интересные находки были обнаружены в нише, расположенной в юго-восточном углу гробницы. Там находились бронзовый котел,¹⁸ украшенный тремя поясами изображений (Там же: рис. 270; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 161), железный нож с костяной рукояткой, греческая амфора, «медное блюдо». В бронзовом котле найдены кости ног быка и фрагменты бронзового сосуда. На одной из фотографий можно увидеть находки образцов античной посуды из курганов Бабы и Раскопана Могила, имеющие важное значение для датировки комплексов этих курганов; все вещи, кроме лежащей справа ножки менейской (?) амфоры, происходящей из Раскопанной могилы, найдены в кургане Бабы. На другой фотографии можно видеть «медное блюдо» из Раскопанной Могилы и бронзовый котел, по-видимому, происходящий из кургана Бабы. Образцы античной посуды, найденные в кургане Бабы, позволили отнести основное погребение в этом кургане к концу второй четверти — середине V в. до н. э. (Алексеев 1992: 145). Курган Раскопана Могила был сооружен примерно на столетие позже (Алексеев 1987: 28–31).

Вернувшись в Москву, Д. И. Эварницкий получил от А. А. Бобринского письмо, содержащее просьбу приехать в Петербург, чтобы «повидаться и переговорить о Ваших раскопках», а также представить найденные вещи для зимней выставки ИАК (1897 г., д. 221, л. 4). Однако найденные при раскопках предметы являлись собственностью владельца земли, предоставившего средства на исследования курганов, А. Н. Синельникова, от имени которого вещи из курганов Бабы и Раскопана Могила и были представлены Александру III. Генерала Синельникова, а не непосредственного исследователя, и благодарит А. А. Бобринский в официальном письме, написанном 28 марта 1898 г.: «Согласно желанию Вашего Превосходительства я имел счастье представить 16-го сего марта Его Величеству Государю Императору добытые в имении Вашем предметы старины. Государь Император Всемилостивийше соизволил на принятие Вашего верноподданнического подношения и повелел мне выразить Вашему превосходительству Высочайшую Его Величества благодарность» (Так же, л. 34).

Из переписки выяснилось, что Д. И. Эварницкий передал Синельникову свои дневниковые записи, а также фотографии находок. А. А. Бобринский просил Д. И. Эварницкого прислать в Петербург для публикации отчет о раскопках. Отчет был прислан в 2 экземплярах и опубликован в 1900 г. (ОИАК за 1897 г. 1900: 133–137).¹⁹ 14 августа 1901 г. вещи, найденные в курганах Бабы и Раскопана Могила, поступили в Эрмитаж (1897 г., д. 221, л. 32), а в конце ноября 1902 г. Комиссия выплатила Д. И. Эварницкому 50 руб. за публикацию отчета (оплата производилась постранично). Признательный исследователь написал А. А. Бобринскому

¹⁸ На обороте картонного листа, на котором помещена фотография, написано: «Отчет — 10 чертежей». К сожалению, судьба этих чертежей неизвестна.

¹⁹ Позже М. И. Ростовцев, ставя в вину Д. И. Эварницкому неполное снятие курганной насыпи, писал: «Это особенно досадно, так как боковые, найденные погребения существование которых по многочисленным аналогиям необходимо предположить, могли оказаться нетронутыми и дали бы более полный и типичный набор вещей, чем тот, который был брошен грабителями центральных погребений» (Ростовцев 1925: 412).

Бронзовый котел из кургана Раскопана Могила. Раскопки Д. И. Эварницкого (ФА F 127. 61)

Находки из курганов Бабы и Раскопана Могила. Раскопки Д. И. Эварницкого (ФА Q 385.8)

Бронзовый котел из кургана Раскопана Могила. Раскопки Д. И. Эварницкого (ФА F 127. 61)

теплое письмо, добавив в конце, что он «был бы крайне Вам благодарен, если бы Вы исполнили и другое Ваше обещание, данное мне лично в Киеве, прислали бы ту, весьма интересную и умную речь о значении археологии, которую Вы читали на одном из археологических заседаний» (Там же, л. 38).

В том же 1897 г. А. А. Спицыным был раскопан скифский курган у с. Башмачки (1897, д. 22; 1897 г., д. 37). Раскопкам предшествовало донесение губернатора Екатеринославской губернии от 5 февраля 1897 г., направленное в ИАК, в котором сообщалось, что крестьяне с. Башмачки берут камень из кургана, находящегося на их земле, для строящейся в селе школы. «Сообщая о вышеизложенном, — говорилось в донесении, — имею честь покорнейше просить Археологическую Комиссию уведомить меня, возможно ли разрешить крестьянам продолжать вывозку камня из кургана или же со стороны Комиссии последуют какие-либо другие по этому предмету распоряжения» (Там же, л. 1). В ответ была послана телеграмма, в которой Комиссия благодарит информатора за сообщение и «покорнейше просит приостановить работы» (Там же, л. 2). В апреле в с. Башмачки был командирован А. А. Спицын. В 3 верстах от села, близ почтовой дороги в с. Знаменка им был раскопан самый большой курган в группе из 7 курганов, имевший 7,1 м в высоту. В северной части насыпи он открыл погребальную камеру и «нишу», ограбленные в древности (ОИАК за 1897 г.; 1900: 40–42; Спицын 1901), содержавшие кости мужского, женского и детского скелетов, лежащие беспорядочно, бусы, пряслице, бляшку с изображением химеры, круглые бляшки с изображением Афины, бляшка с изображением зайца.²⁰ В кургане было также найдено конское

²⁰ На обороте одной из фотографий вещей, приложенных к делу (1897 г., д. 22, л. 16), — надпись, очевидно сделанная А. А. Спицыным: «Для III тома “Древностей Геродотовой Скифии”». К сожалению, III том этого замечательного издания так и не увидел свет.

погребение с удилами и бронзовыми украшениями. Всего опись находок из этого кургана насчитывает 55 предметов (1897 г., д. 22, л. 17), которые (кроме человеческого черепа, значившегося под № 14) в 1902 г. были переданы в Эрмитаж (Там же, л. 21–22). А. Ю. Алексеев датировал погребение в этом кургане временем ок. 360/350–330/320 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 156–157). А. А. Спицыным были раскопаны еще 3 кургана той же группы, не давшие ярких находок (ОИАК за 1897 г. 1900: 42).

Однако, несмотря на внимание Комиссии ко всякого рода «сигналам», приходившим из южных губерний, не все подвергшиеся разграблению курганы удавалось исследовать. Так, например, случилось с курганом Червоная могила. Весной 1897 г. в Комиссию поступило письмо губернатора Харьковской губернии, в котором сообщалось, что «мещанин г. Харькова Дмитрий Семенов Чернушенко обратился ко мне с прошением, в коем указывает, что на границах Харьковской и Курской губерний, на землях крестьян сл. Казачьей Лопани находится курган, называемый местным населением “Червоной могилой”... По некоторым признакам Чернушенко предполагает нахождение в этом кургане вещей, ценных в археологическом отношении, ввиду сего он ходатайствует о выдаче ему разрешения на производство раскопок в этом кургане на собственный счет» (1897, д. 37, л. 1). На первый взгляд кажется, что благонадежный, просвещенный и любознательный горожанин обращается за разрешением на раскопки, которые готов вести на собственные средства, и отказывать ему нет оснований. Однако проведенное по распоряжению губернатора «расследование» выявило совсем другую картину. «Курган, называемый местными крестьянами “Червоной могилой”, вероятно, получил свое название потому, что насыпан из красной глины; около этого кургана, вершина которого около 4 саж. и ширина его по разъезду около 10 саж., находятся еще четыре кургана... В августе месяце 1896 г. неизвестные крестьяне Харьковского уезда, во главе которых, вероятно, был Чернушенко, приступили к раскопке этого кургана, каковую производили преимущественно ночью, прорыто было в длину 5 саж. и в ширину 2 1/2 саж., но дальнейшая раскопка была приостановлена местною сельскою властью, поиски крестьян не увенчались успехом и вообще нахождение в кургане “Червоная могила” предметов, имеющих археологическое значение, является весьма сомнительным». В ответном письме А. А. Бобринской благодарит «за извещение о раскопке кургана» и просит «сделать распоряжение о принятии средств к недопущению дальнейших хищнических раскопок» (Там же, л. 2). В Казачью Лопань по поручению Комиссии был командирован А. А. Спицын, осмотревший курган в апреле 1897 г. Отчет А. А. Спицына содержит подробное описание кургана и грабительского раскопа, однако исследование кургана он счел не целесообразным. «Ввиду плохого состояния насыпи, необходимо купить участок прилегающего поля в случае раскопки и в виду того, что дальнейшее расхищение кургана уже остановили местные власти, я полагаю бы удобным исследование “Червоной могилы” отложить до другого времени», — писал он (Там же, л. 5). Мы так никогда и не узнаем, был ли харьковский мещанин Чернушенко археологом-энтузиастом, помощь которого Комиссия отвергла из-за незаслуженных подозрений, или же предводителем грабителей.

Следует сказать, что в исследование скифских курганов юга России любители археологии, несомненно, внесли свой вклад. Можно, конечно, спорить о том, насколько этот вклад был весом, ставить многим из них в вину несовершенство методов раскопок, стремление к созданию собственных коллекций и прочие грехи. Однако многие из них, часто ведя раскопки на собственные средства, сотрудничали с Комиссией, стремились довести до широкой общественности результаты своих работ и, что немаловажно, были бескорыстно преданы своему делу. «В России немало скромных и неизвестных ревнителей археологии, которых не испу-

гают трудные стороны дела, — писал А. А. Бобринской, — которых не испугают трудные стороны дела, различные неудобства, непогода, неудачи, сознание бесполезно истраченного времени и денег и, наконец, насмешки. Все это обыденные условия, с которыми археологу приходится уживаться. Стремление к распознаванию человеческого прошлого для многих исследователей является своего рода страстью, и неудивительно, что именно в России популяризируется эта страсть, так как ни в какой другой стране не встречается такого громадного изобилия памятников старины всякого рода, и нигде эти памятники старины так мало не исследованы» (Бобринский 1894: VII). К числу археологов-любителей, например, принадлежали помещик Т. В. Кибальчич, в 70-х гг. XIX в. копавший курганы в днепровской лесостепи (в Поросье и Посулье) (Бобринский 1901: 90–91) и др.

Примером сотрудничества энтузиастов-любителей с ИАК может служить деятельность другого помещика, С. А. Мазараки, занимавшегося в 1880-х гг. раскопками курганов в Посулье, на территории лесостепного течения Днепра. В сотрудничестве с Комиссией в 1886 г. им были раскопаны курганы у сел. Великие Будки, Волковцы и Аксютинцы (ОИАК за 1882–1888 гг. 1889: CXLVI–CXLIX; 1888 г., д. 26). Ходатайствуя перед Комиссией о выделении средств на раскопки курганов, С. А. Мазараки присылает в Петербург план своих будущих исследований, между ним и А. А. Бобринским начинается регулярная переписка. «В ответ на последнее письмо Ваше, — писал председатель Комиссии 8 мая 1886 г., — и в дополнение к предложению моему от 29 апреля сего года имею честь Вас уведомить, что я вполне одобряю начертанный Вами план раскопок. При этом прошу Вас в случае необходимости раскопать какой-либо очень большой курган, представляющий особый интерес, благоволите немедленно уведомить меня об этом телеграммой или письмом. Я со своей стороны не замедлю поставить Вас в известность, позволяют ли средства Комиссии лишние, сверх уже отпущенных денег на эту экстренную раскопку» (1888 г., д. 26, л. 8). В ответ на это, естественно, от Мазараки из Ромен поступают телеграммы и письма с просьбами увеличить ассигнования на раскопки (Там же, л. 9–11). Следует сказать, что С. А. Мазараки вел раскопки и на собственные средства. Предметом его гордости была собранная за многие годы коллекция древностей. Вот как описано его собрание в заметке, опубликованной в одной из местных газет в 1885 г., где Мазараки назван «горячим любителем археологической науки» (Там же, л. 13): «Одна из комнат деревенского его дома вся уставлена витринами и шкапами с вырытыми им редкостями и представляет собой целый маленький музей. Всех предметов более тысячи двухсот штук. Между ними обращают на себя внимание множество урн в виде крыночек и макорт со следами глазури, амфоры до 1 аршина высоты, со следами желтой и красной краски, чашки из терракоты с узорами, бронзовая ваза, имеющая до 1 пуда весу; всевозможное вооружение... Различные золотые предметы, как то: меч с золотой рукояткой, золотая доска от колчана с изображением лежащего оленя... Коллекция отличается замечательной полнотой и имеет тем большее значение, что вещи, ее составляющие, добывались с соблюдением всех научных требований: при разрытии каждого кургана велся подробный протокол, описывалось устройство могилы, положение в ней вещей и проч.». В газете «Нива» (№ 84 за 1886 г.) была напечатана еще одна заметка о деятельности С. А. Мазараки, украшенная рисунками вещей из его коллекции.

Работая в 1886 г. по поручению ИАК и на ее средства, исследователь предоставил подробный дневник раскопок (1888 г., д. 26, л. 17–23), снабженный «планом раскопок для ИАК 1896 г.» (Там же, л. 16), «Каталогом коллекции курганных вещей, собранных для ИАК 1886 г.» (Там же, л. 24–28) и прекрасными акварельными рисунками самих вещей, выполненными К. Ионнисиани (Там же, л. 45–61). Коллекция вещей из раскопок С. А. Мазараки у сел Великие

Будки, Волковцы и Аксютинцы 7 октября 1888 г. была передана в Российский исторический музей в Москве, на письме, подтверждающем ее получение, стоит подпись И. Е. Забелина (Там же, л. 39). С. А. Мазараки и в дальнейшем занимался раскопками курганов в Роменском уезде Полтавской губернии. К числу раскопанных им аристократических скифских погребений принадлежит курган у хут. Шумейко. Этот курган, высота которого достигала 19,2 м, был раскопан в 1899 г. Он содержал погребение, сопровождавшееся богатым инвентарем. В числе находок был парадный бронзовый меч с золотой ручкой и в золотых ножнах (Онайко 1966а: № 248; 1966 б). Комплекс датируется концом VI в. до н. э. или рубежом VI–V вв. до н. э.

Часть находок, составляющих знаменитую коллекцию С. А. Мазараки, была издана в «Древностях Приднепровья» Б. И. и В. Н. Ханенко. Дневники С. А. Мазараки о раскопках 1886 г., и таблицы, а также данные о раскопках 1897–1898 гг., были изданы А. А. Бобринским (Бобринский 1901: 61 сл.). Позже исследованные им курганы и комплексы находок были рассмотрены в известной книге В. А. Ильинской, посвященной скифской культуре Посулья (Ильинская 1968). Отдавая должное деятельности С. А. Мазараки, приходится признать, что информация о его раскопках и добытых им древностях не всегда содержала четкие и однозначные сведения, а найденные им вещи часто учитывались «суммарно», не по комплексам находок, а по категориям материала. Впрочем, этим нередко грешили и исследователи, считавшие себя профессионалами. Однако, без всякого сомнения, в деле становления отечественной скифологии нельзя не признать заслуги просвещенных любителей.

С последним десятилетием XIX в. связана активная деятельность члена ИАК Ф. А. Брауна. В 1890 г. он, в то время приват-доцент Петербургского университета, совершает археологическую экскурсию по Мариупольской обл. и Крыму, проводит первые самостоятельные раскопки (1890 г., д. 40, л. 2–3). Более всего его интересовала «судьба крымских готов». Признавая, что «масса вопросов остается пока открытой», Ф. А. Браун высказал предположение о том, что область Дори находилась в древности между Херсоном и Судаком. В 1890 г. Ф. А. Браун вел раскопки в цитадели Мангупа, где исследовал остатки церкви, план которой приложен к его отчету (Там же, л. 17–31; план на л. 34).

В 1898 г. Комиссия поручает Ф. А. Брауну исследование курганов на юге России, в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях (1898 г., д. 76). Одной из причин, вероятно, являлось уведомление, поступившее в ИАК от санкт-петербургского градоначальника 28 января 1898 г. (1898 г., д. 76, л. 1). Приведем его почти полностью, так как в нем, очевидно, отражена достаточно распространенная ситуация. «Проживающий около 27-и лет в селе Большой Белозерке, Мелитопольского уезда мещанин г. Дмитриева, Курской губернии Дмитрий Владимиров Моргунов, прибыв ныне в Петербург, пожелал послать Государю Императору телеграмму, в коей просил принять его лично для сообщения весьма важного дела. Спрошенный во вверенном управлении по обстоятельствам этого дела Моргунов объяснил, что близ села Большой Белозерки имеется курган, в котором, по преданию, находятся драгоценные предметы. Жители этого селения предприняли в недавнее время предварительные изыскания данного кургана, причем натолкнулись на каменный свод и поэтому, не решаясь делать дальнейшие раскопки, не имея на то надлежащего разрешения, уполномочили Моргунова отправиться в Санкт-Петербург за получением на то разрешения.

В предположении, что в означенном выше кургане могут находиться предметы интересные в археологическом отношении, я об изложенном считаю долгом сообщить Вашему Сиятельству, присовокупляя, что мещанин Моргунов остановился здесь по 2-й Рождественской улице, в доме № 12, кв. 9». В ответ на это сообщение из Комиссии направлено предписание

мещанину Моргунову явиться в ИАК «в помещение ее... в среду, 4 февраля, к 1 часу дня» (Там же, л. 2). Вероятно, явившийся в назначенные день и час Моргунов предоставил подробные сведения о разграблении кургана, что и вызвало соответствующую реакцию Комиссии.

Выехавший на место Ф. А. Браун раскопал и осмотрел ряд курганов, о чем представил в ИАК подробный отчет, к которому приложены схемы и фотографии (Там же, л. 59–78). В числе исследованных насыпей был скифский курган Чмырева Могила, основные погребения в котором были разрушены и ограблены, зато захоронения лошадей в парадной упряжи сохранились нетронутыми в двух гробницах. В первой находились 4 коня, во второй — еще 6. К отчету Ф. А. Брауна приложена опись найденных при раскопках предметов, причем «конские уборы» зафиксированы точно, указано, к которому из коней относятся конкретные детали упряжи (Там же, л. 104–105). На основании этих находок, а также сопоставления конструкций погребальных сооружений кургана Чмырева Могила с конструкциями других курганов скифского времени его погребения можно датировать 340–320 гг. до н. э. (Алексеев 1985; 1992: 156–157).

Всего в 1898 г. Ф. А. Брауном было раскопано 5 курганов у с. Знаменка, 3 кургана близ дороги из с. Нижние Серогозы в Верхние, осмотрены курганы в Екатеринославской и Херсонской губернии, в их числе — Царева Могила, Рябая Могила и др. (Браун 1906: 114–156). Он произвел фотофиксацию кургана Чмырева Могила до начала раскопок, в процессе работ, находки из кургана, в числе которых — конские нащечники, золотые бляшки с изображениями Геракла, Медузы и личин (1898 г., д. 76, л. 27, 28, 36), а также изображения, связанные с раскопками других курганов. Результаты раскопок 1898 г. были опубликованы позже, уже в начале следующего столетия (ОИАК за 1898 г. 1901: 23; Браун 1906: 81–114). Профессор Ф. А. Браун и в дальнейшем продолжал раскопки в Екатеринославской губернии, в районе Днепровских порогов (см., напр.: 1912 г., д. 165).

Говорить о сколько-нибудь масштабных работах в области археологического изучения раннего железного века Подонья, в том числе скифских древностей этого региона, можно лишь с начала XX в. В 1908–1909 гг. начинаются раскопки А. А. Миллера скифских курганов у ст. Елизаветовская на Нижнем Дону (1909 г., д. 40; ОИАК за 1908 г., 1912: 129–132; ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 152–171). Из раскопок этих курганов происходят знаменитые золотые обкладки ножен мечей. Одновременно А. А. Миллер закладывает траншеи и на скифском Елизаветовском городище.²¹ Отношения его с местными казаками не всегда благоприятны, о чем свидетельствует жалоба войскового атамана, направленная в Археологическую Комиссию. А. А. Миллер вынужден писать пространное объяснение в АК, чтобы отклонить претензии материального характера. Из его письма 9 февраля 1909 г. (1909 г., д. 40, л. 31–32), следует, что «станичный собор Елисаветовской станицы Ростовского округа, Донской области возбудил ходатайство перед войсковым наказным атаманом о засыпке на средства Императорской Археологической Комиссии ям, оставшихся на юртовой земле станицы после моих раскопок 1908 и 1909 гг. Ходатайство это мотивировано было тем, что выгоняемый во время весеннего половодья скот падает в ямы и гибнет». А. А. Миллер писал, что все могильные ямы своевременно засыпались до такой степени, чтобы не оставалось «вертикальных обрывов». Что касается опасности этих ям для скота, исследователь не мог понять, «каким образом возможно во время половодья держать скот на курганах, которые представляют собой в это время маленькие островки на залитом водой лугу...». Он обещал, что при раскопках 1910 г. все могильные ямы будут безусловно засыпаться до степени их полной безопасности.

²¹ Скифское поселение у ст. Елизаветовская и его могильник будут широко исследоваться в советское послевоенное время. См. Марченко, Житников, Копылов 2000; Брашинский 1976.

Реконструкция узды лошадей из кургана Чмырева могила.
Раскопки Ф.А. Брауна, 1898 г. Художник М. Шваб (ФА, III 7182, III 7183)

Курган Чмырева Могила с юго-востока до начала работ (1898, д. 76, л. 43)

Курган Чмырева Могила, раскоп А (вид с северо-запада) (1898, д. 76, л. 50)

Золотые конские нащечники из Чмыревой Могилы. Раскопки Ф. А. Брауна (1898, д. 76, л. 29)

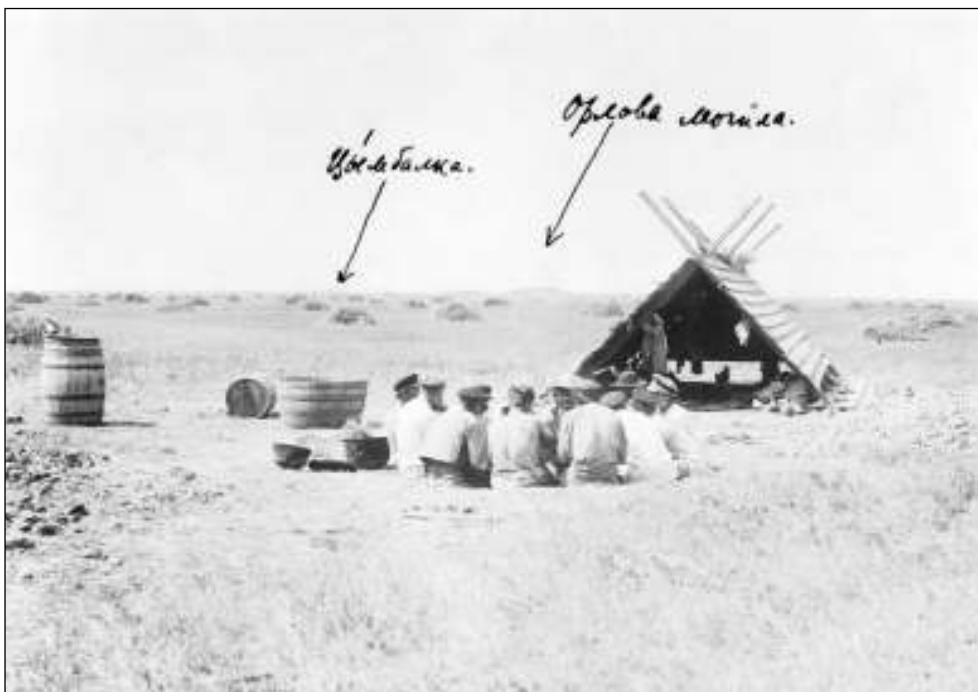
Золотые бляшки из Чмыревой могилы. Раскопки Ф.А. Брауна (1898, д. 76, л. 27)

Золотые бляшки из Чмыревой могилы. Раскопки Ф.А. Брауна (1898, д. 76, л. 27)

Курган 5 у с. Большая Белозерка. Окончание работ. Раскопки Ф. А. Брауна (1898, д. 76, л. 57)

Раскопки курганов у с. Знаменка. Рабочие за обедом (1898, д. 76, л. 41)

Золотые обкладки ножен меча из кургана у с. Елизаветовская
(раскопки А. А. Миллера 1909 и 1910 гг.). (ФА, Q 645-14 / III 11472)

Далее А. А. Миллер охарактеризовал «отношение казачьего населения к раскопкам вообще», отмечая при этом «некоторое недоверие», которое ему неоднократно высказывалось во время работ: «атаман станицы сделал заявление о предоставлении ему списка найденных предметов и т. п.». По его мнению, это было связано с тем, что «некоторые казаки намереваются, с наступлением теплых дней, приступить к раскопкам, несмотря на уже сделанное однажды предупреждение».

В 1909 г. Н. И. Веселовский вел раскопки курганов у хут. Недвиговского, в районе Та-наиса, вскрыв около 50 могил. Согласно сохранившемуся отчету (1909 г., д. 41, л. 105–119), внимание Комиссии к этому месту привлекла информация о том, что во время ломки камня весной 1908 г. казаком Алексеем Смычковым была обнаружена богатая гробница, вещи из которой поступили в Донской музей.²² В начале XX в. начинаются и систематические исследования скифских памятников Среднего Дона, на территории Воронежской губернии. В 1905–1906 гг. А. А. Спицыным были раскопаны два кургана курганного могильника у с. Мастюгино (ОИАК за 1905 г. 1908). В 1908 г. Н. Е. Макаренко исследовал в этой группе еще пять курганов с богатыми вещевыми комплексами (Макаренко 1911: 58–59).

В 1910–1912 и 1915 гг. Воронежской учетной архивной комиссией, созданной в 1900 г., велись раскопки группы «Частые курганы» (Замятнин 1946: 9–50). (Попытки исследования этих курганов были предприняты еще в 1909 г. А. И. Мартыновичем и С. Е. Зверевым,²³ однако,

²² В примечании 1 на той же странице сообщается о том, что «Впоследствии обнаружилось, что Смычков еще за год перед тем, весной 1907 года, ломая тут же камень, нашел богатое женское погребение и продал вещи... в Ростове-на-Дону за 600 рублей».

²³ С. Е. Зверев был священником, о чем стыдливо молчали советские издания. Его и других участников раскопок курганов можно видеть на фотографиях, хранящихся в альбоме фотоархива ИИМК (F 144).

Частые курганы. Раскопки священника С. Е. Зверева (ФА, F 144, л.8)

начатые осенью, первые раскопки закончились неудачно — сначала работу затрудняла нехватка рабочих, потом курганы засеяли. В 1910 г. необходимое количество раскопщиков было найдено, и исследования были продолжены (1909 г., д. 38, л. 82–113). Среди вещей, найденных в этом аристократическом скифском могильнике, существовавшем в VI–III вв. до н. э. (Либеров 1965), особенное внимание ученых сразу же привлек знаменитый круглодонный серебряный сосуд со сценами в стиле «этнографического реализма», найденный в 1911 г. в кургане № 3 (Мартынович 1912; Ростовцев 1914; Замятнин 1946: 27. Рис. 13; Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 171–173). В 1912 г. из-за недовольства Комиссии работами А. И. Мартыновича (1912 г., д. 145) открытый лист на право проведения раскопок был выдан Н. Е. Макаренко, еще ранее принимавшему в них участие (Макаренко 1911).

Исследования скифских курганов, памятников, где можно было обнаружить вещи, представлявшие большую материальную ценность, привлекали внимание не только ученых. Печально известна история раскопок знаменитых Келермесских курганов, расположенных у станицы Келермесской (современный Гиагинский район Адыгейской автономной области Краснодарского края), связанная с именем Д. Г. Шульца (*подробнее смотри главу IX*). Однако, как бы то ни было, исследование этих погребений, при активной и принципиальной позиции ИАК, смогло обогатить отечественную науку.

В 1903 г. Д. Г. Шульц получил Открытый лист на раскопки в пределах Кубанской и Терской областей и начал раскопки курганов близ станицы Келермесской. Здесь у хутора Церковного в декабре 1903 г. он начал исследовать группу из шести крупных курганов (1903, д. 88). В первом кургане высотой 6 м и диаметром 64 м грабителями был прокопан шурф, но, поскольку погребение было смещено от его центра, часть могилы сохранилась непотревоженной. Д. Г. Шульц раскопал в центральной могиле этого кургана погребение скифского вождя. В погребении из Келермесского кургана №1 были найдены парадное оружие, золотые диадемы, парадные и ритуальные сосуды, украшения, предметы конского убора и другие вещи (Галанина 1997: 222–226, № 1–31). В их числе — знаменитая золотая бляха в виде пантеры, украшающая Эрмитажную коллекцию скифского золота (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 17; Галанина 1997: № 13, табл. 3, 15; Кисель 1998; 2003: 126, кат. № 13). В 1904 г. Д. Г. Шульц продолжил раскопки курганов (1904, д. 9). Из кургана № 3, раскопанного в 1904 г. (Галанина 1997: 230, кат. № 52), происходит знаменитое серебряное зеркало, покрытое электрообкладкой, оборотная сторона которой украшена сложной системой изображений. Келермесское зеркало и украшающие его изображения привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей (назовем лишь некоторые работы: Максимова 1954; Кисель 1993; 2003: 85 сл. ; Мачинский 1998а; 1998б; Вахтина 2004). Известно, что история с раскопками Келермесских курганов закончилась скандалом, поскольку Д. Г. Шульц был уличен в продаже и расхищении древностей.

Долгое время не удавалось установить, сколько всего курганов было раскопано им у ст. Келермесской. В ИАК Д. Г. Шульц присылал лишь небрежно написанные отчеты и чертежи, выполненные позже по настоянию Комиссии, содержавшие большое количество противоречивых данных. Позже Л. К. Галаниной в результате огромной кропотливой работы удалось выделить археологические комплексы погребений (Галанина 1997). В 1904–1908 гг. раскопки Келермесских курганов были продолжены Н. И. Веселовским (1904, д. 85, л. 95–98). Им были раскопаны два кургана скифской эпохи и шесть, относящихся к бронзовому веку. Как и Д. Г. Шульц, Н. И. Веселовский копал курганы траншеями. Инвентарь открытых им скифских погребений был далеко не таким ярким, как находки его предшественника. Среди обнаруженных вещей — бронзовое дисковидное зеркало с ручкой-петелькой, украшенной

Серебряный сосуд из кургана № 3 могильника «Частые курганы» под Воронежем.
Раскопки священника С. Е. Зверева (ФА, Q 603, 31-42 п. 12; III 12188)

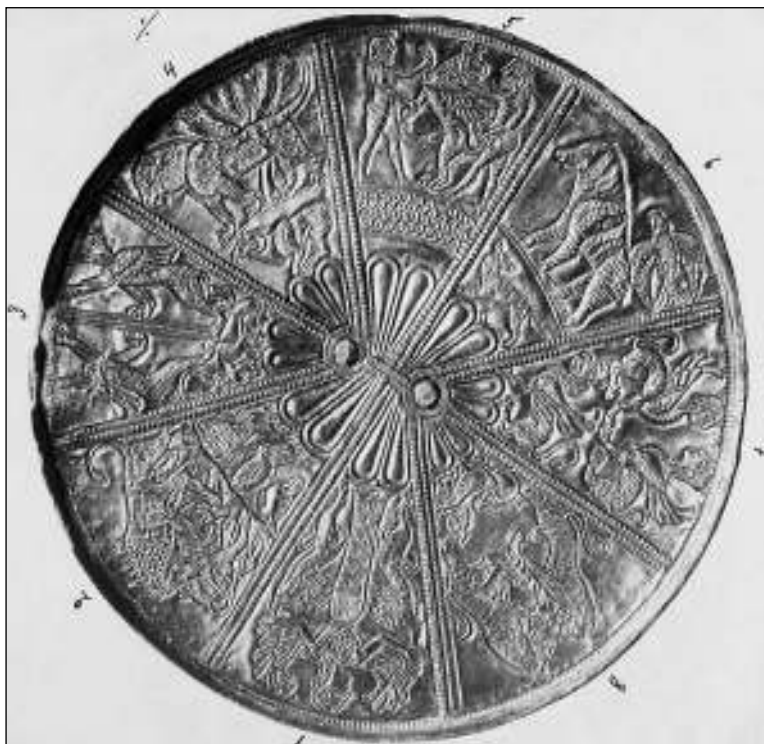

Золотая бляха в виде пантеры из Келермесских курганов. Раскопки Д. Г. Шульца) (ФА, Q 420. 1)

бляшкой в виде фигурки свернувшейся пантеры, бронзовые украшения конской упряжи, бронзовые навершия, оканчивающиеся изображениями голов копытных и грифонов (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986: 57–60), бронзовый шлем. Отчет Н. И. Веселовского о раскопках курганов близ ст. Келермесской был официально издан (ОИАК за 1904 г. 1907: 85–97).

Для доследования курганов у ст. Келермесская, уточнения плана курганного некрополя, определения общего количества раскопанных объектов и планомерного исследования могильника в 1980 г. была создана экспедиция Государственного Эрмитажа работавшая до конца 80-х гг. XX в. (Галанина 1997: 26–27; 40 сл.). Исследования последних десятилетий позволили существенно уточнить хронологию вещевых комплексов Келермесских курганов, принадлежащих к древнейшему пласту скифских древностей юга Восточной Европы. Нижний рубеж маркируют датировки импортных художественных изделий, таких, как уже упоминавшееся серебряное зеркало, изготовленное в 650–620 гг. до н. э. или же несколько ранее (Кисель 1993; 2003: 99), фрагментированный серебряный ритон с золотыми накладками, относящийся ко времени не ранее второй трети VII в. до н. э. (Кисель 2003: 80). Верхняя граница комплексов этой курганной группы определяется рубежом VII–VI вв. до н. э. (Галанина 1997: 172 сл.).

Новый период, выделенный в истории российской археологии 1890-х гг. и связанный со сменой поколений исследователей, был недаром назван Г. С. Лебедевым «поколением Веселовского-Анучина» (Лебедев 1992: 240). Старшему члену Археологической Комиссии профессору Н. И. Веселовскому, несомненно, принадлежит важное место в исследовании курганных древностей юга России. С его именем связаны раскопки целого ряд знаменитых «богатых» погребений скифской эпохи. Помимо уже упоминавшихся в данном очерке необходимо упомянуть, что в 1889 г. Н. И. Веселовский исследовал курган Шульговка у Мелитополя (ОИАК за 1889 г. 1892: 14 сл.), в 1891–1894 гг. им был раскопан огромный курган Огуз

Серебряное зеркало из Келермеса. Раскопки Д. Г. Шульца (ФА, Q 420. 11)

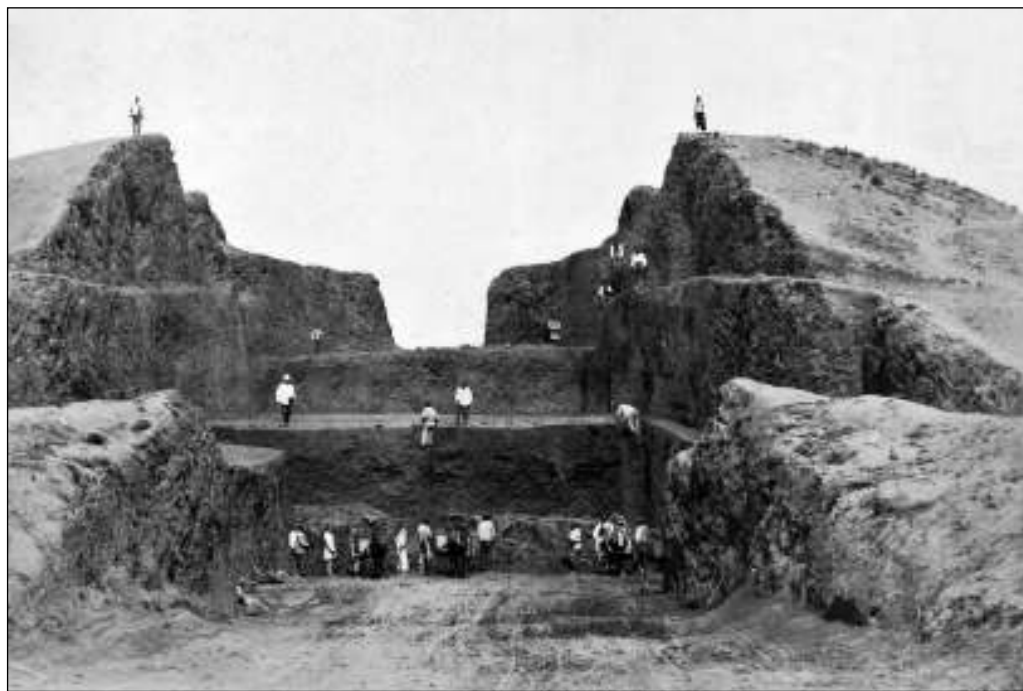

Бронзовый шлем из Келермеса. Раскопки Н. И. Веселовского (ФА Q 420. 32)

в Приднепровье, в 1908–1910 гг. — курганы Ульского аула на Кавказе и Чмырева Могила в Приднепровье, в 1912–1917 гг. — курганы у ст. Елизаветинской на Кубани и Солоха на Днепре, в 1911, 1914 и 1916 гг. — ряд серогозских курганов, в том числе Лемешов курган, курганы у сел Верхний Рогачик и Малая Лепетиха (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 136 сл. ; Спицын 1906: 157– 174).

То обстоятельство, что курганы копались колодцами, траншеями, выборками в центральной части насыпи, иногда достигавшими значительных размеров, часто приводило к весьма наглядным негативным последствиям. Не только до раскопок учеными, но часто и после таких раскопок незамеченные погребения, различного рода «тайники» жестоко расхищались грабителями, а вещи попадали к собирателям древностей. Примером подобных печальных случаев могут служить многие аристократические скифские гробницы. Часть комплексов большого кургана Огуз, раскопанного Н. И. Веселовским, была разграблена, некоторые материалы были приобретены впоследствии Комиссией.

Насыпь этого грандиозного кургана вскрывалась в течение 4 сезонов (1891–1894 гг.). Ход раскопок был опубликован в «Отчетах» Комиссии (ОИАК за 1891 г. 1893: 72; ОИАК за 1892 г. 1894: 2; ОИАК за 1893 г. 1895: 7; ОИАК за 1894 г. 1896: 10; см. также: Спицын 1906: 157 сл.). Из отчета за 1893 г. мы узнаем, что в первый год Н. И. Веселовский, заложив траншею, проработал 2 месяца и дошел до материка. Затем, «для сокращения расходов», он провел из своей траншеи две «мины», чтобы обнаружить впускные погребения. Так как после того исследователь должен был ехать в Евпаторийский уезд инспектировать раскопки частных лиц и завершить исследование курганов в Симферопольском уезде, работы были отложены до следующего года (ОИАК за 1893 г. 1895: 75). В отчете за следующий год сообщалось: «В 1894 г. окончена раскопка огромного кургана “Огуз”, находящегося близ с. Нижние Серогозы Мелитопольского

Раскопки кургана Огуз Н. И. Веселовским в 1894 г. (ФА, Q 404-22)

Вещи из грабительских раскопок кургана Огуз (1897 г.) (ФА, III 7988)

уезда, начатая старшим членом Археологической Комиссии проф. Н. И. Веселовским в 1891 г. и непрерывно продолжаемая им в течение последующих лет. Результаты работы далеко не оправдали вложенной в них энергии: курган оказался начисто разграбленным в древности» (ОИАК за 1894 г. 1896: 9). Однако недокопанный курган продолжал привлекать внимание окрестных крестьян и, как пишет А. А. Спицын, «в 1902 году, восемь лет спустя по окончании раскопок, здесь было собрано множество золотых вещей, большую часть доставленных местным начальством в Комиссию, отчасти же разошедшихся по рукам и попавших в частные коллекции (например, П. А. Маврогородато и Б. И. Ханенко)» (Спицын 1906: 158). Некоторые вещи из грабительских раскопок 1897 г. были приобретены Археологической Комиссией. К вещам, поступившим в Комиссию из Огуза в 1902 г., относятся и материалы, очевидно, принадлежавшие к впускному погребению коня.

Как справедливо отметил М. И. Ростовцев, говоря о раскопках Огуза: «Погребение это плохо исследовано, и монументальное сооружение в центре кургана вряд ли может быть подвергнуто дополнительному изучению, так как каменная центральная камера кургана

Случайные находки 1902 г. из кургана Огуз (ФА, Q 667-5)

Серебряный нащечник из кургана Огуз. Приобретен ИАК в 1902 г. (ФА, II 27903)

Серебряная фиала из Деева кургана. Раскопки К. Е. Думберга (ФА, II 26866)

в настоящее время несомненно разрушена» (Ростовцев 1925: 433–434). Малый курган близ Огуза, раскопанный крестьянами, был доследован в 1897 г. К. Е. Думбергом (Спицын 1906: 167–168). В 1981 г. успешные исследования Огуза были проведены экспедицией Института археологии АН УССР (Болтрик 1981: 233–234), ведется изучение вещевого комплекса кургана (Фиалко 1981; Фиалко, Болтрик 1986; Болтрик, Фиалко 2009). Курган Огуз принадлежит к группе наиболее поздних курганов классической скифской культуры, относящихся к 330–300 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 156–157).

Не менее показательна и история раскопок Деева кургана, названного так по фамилии крестьянина, владевшего земельным наделом, на котором располагался курган. В 1891 г. Н. И. Веселовский исследовал эту насыпь (ОИАК за 1891 г. 1893: 73; 1897, д. 51).

Похоже ни о какой рекультивации и засыпке раскопов речь не шла: пять лет спустя, зимою 1896 г., два крестьянина с. Нижних Серогоз, случайно спустившись в разрытую камеру, проникли в нее и нашли там нетронутое впускное погребение со значительным количеством золотых и иных вещей, которые, благодаря распорядительности местного урядника, были доставлены в ИАК. Летом следующего года вновь «открытое погребение доследовано было по поручению ИАК К. Е. Думбергом, решившим снять весь курган без остатка» (Спицын 1906: 168), что также дало несколько находок. Комплекс впускного погребения Деева кургана относится к тому же хронологическому горизонту, что и погребения в кургане Огуз (Алексеев 1992: 156–157).

В 1912–1913 гг. Н. И. Веселовским был раскопан грандиозный скифский курган Солоха у с. Большая Знаменка Мелитопольского уезда Таврической губернии (1913 г., д. 232), ставший апогеем его деятельности и «лебединой песней» (определение Б. В. Фармаковского) (см., в частности: Шильц 2003: 68–71). Из-за того, что часть документации, относящаяся к 1912 г., была утрачена в 1918 г., существует ряд неясностей, касающихся положения вещей в погребальных комплексах этого кургана; нет единого мнения и о количестве самих комплексов. Коллекции вещей из этого памятника посвящена монография А. П. Манцевич (Манцевич 1987). В первый год исследований Н. И. Веселовским были раскопаны северная погребальная камера,

А. А. Бобринский на раскопках кургана Солоха в 1912 г. (ФА, Q 426-6)

Солоха. А. А. Бобринский и Н. И. Веселовский в лагере экспедиции (1912 г.) (ФА, I-118476)

Раскопки кургана Солоха. Бронзовая тележка-жаровня in situ
(раскопки Н. И. Веселовского в 1912 г.) (ФА, Q 428. 8)

Бронзовая тележка-жаровня из кургана Солоха после реставрации (ФА, Q428-24)

очевидно, являвшаяся основной, и южная камера, служившая «кладовой» погребения кургана Солоха (1912, д. 73; Манцевич 1987: 12–15), а в следующем, 1913 г. — нетронутое боковое погребальное сооружение (1913, д. 232, л. 159–167; Манцевич 1987: 15–27). Тогда же экспедицию посетил А. А. Бобринской, его визит запечатлен на серии фотографий. А. А. Бобринскому принадлежат карандашные рисунки конских погребений, сделанные на 5 листах бумаги небольшого формата, хранящиеся в архиве (1913 г., д. 232, рисунки не пронумерованы). К отчету приложены рисунки, выполненные С. А. Половцовой (1913 г., д. 232, л. 168–171; см. также Половцова 1914), а также рукопись А. А. Бобринского (на французском языке), значительная часть которой (1913 г., л. 180–183) посвящена находкам из кургана Солоха.²⁴ Вещи из этого памятника, многие из которых являются настоящими шедеврами торевтики, пользуются заслуженной известностью. В их числе — знаменитый золотой гребень со сценой сражения, серебряная чаша, украшенная сценами охоты конных скифов на львов, и др.

Обращаясь к материалам кургана Солоха, М. И. Ростовцев неоднократно и достаточно критически высказывавшийся по поводу раскопок Н. И. Веселовского, писал: «Курган этот... хорошо расследован, хотя опять-таки не докопан до конца» (Ростовцев 1925: 416). О методах исследования кургана можно судить по приведенной фотографии (Рис. 32), показывающей, что большая часть насыпи все же была раскопана «на снос».

Нельзя не согласиться с А. П. Манцевич, назвавшей комплекс кургана Солоха «документом огромной важности» (Манцевич 1987: 7). Остается только удивляться тому количеству неточностей, небрежностей и расхождений разного рода, которые были допущены при составлении полевой документации о раскопках этого замечательного памятника. Все они довольно подробно рассмотрены в книге А. П. Манцевич, проделавшей огромную работу не только с вещевыми комплексами кургана, но и с документами. Сверив чертежи, сделанные учеником А. А. Спицына В. В. Сахнеевым (они вместе посетили место раскопок Солохи в 1913 г.), исследовательница констатировала, что размеры, приведенные на этих чертежах, «или вовсе отсутствуют в отчетах Н. И. Веселовского, или не совпадают с ними» (Там же: 5). А. П. Манцевич привела отрывок из письма Н. Е. Макаренко к Л. А. Мацулевичу, написанного 12 апреля 1933 г.: «В 1914 году... я два раза был на руинах Солохи, представляющей печальное зрелище. Был в самой могиле, проходил по коридорам, облазил все “мины”, проложенные Н. В. в толще насыпи. Установил то, что было не замечено, или, точнее, не отмечено в отчете Н. В. ...Категорически уверяю, что ни коридор, ни могила (камера) не соответствуют приложенным к отчетам рисункам. Последние сделаны, очевидно, на глаз, причем этот глаз не схватил ни форм, ни пропорций. Говорю это не потому, что хочу очернить память покойного, а исключительно имею в виду восстановить истину» (цит. по: Там же: 6). Работа, проделанная А. П. Манцевич, во многом способствовала уточнению датировки комплексов кургана. А. Ю. Алексеев полагает, что основное погребение Солохи можно датировать концом V–первой половиной IV в. до н. э., а более позднее — 400–370 гг. до н. э. (Алексеев 1992: 146–148; 156–157).

Н. И. Веселовский активно работал и в Кубанской области. В 1911–1912 гг. им исследовались курганы у ст. Роговской, в последующие года — у ст. Марьевской и Елизаветинской (1913, д. 232, л. 2–12; ОИАК за 1913–1915 г. 1918: 148 сл.). На наш взгляд, раскопки именно этих курганов стоило назвать настоящей «лебединой песней» ученого. Отчеты Н. И. Веселовского, повествующие об этих раскопках, в отличие о прочих, представляются достаточно точными и подробными. В 1913 г. Н. И. Веселовским был раскопан курган к юго-востоку от ст. Елизаветинской, входивший в группу из двух насыпей. Более высокий, южный курган

²⁴ В первой части рукописи А. А. Бобринского речь идет о Перещепинском кладе.

15353,

Золотой гребень из кургана Солоха (ФА, II 34459)

Серебряная чаша из кургана Солоха (ФА, III 34460)

Курган Солоха после раскопок в 1914 г. (ФА, Q 426-35)

содержал каменный склеп, находящийся в яме, врезанной в материк (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 149–151, рис. 229–231). Склеп был ограблен, однако раскопки дали много интересных находок. Здесь была найдена известная панафинейская амфора (Там же: 150, рис. 234 а и 234 б). Вот как описаны обстоятельства находки фрагментов этого сосуда: «Вдоль южной стенки склепа с внешней стороны, вследствие обвала деревянного потолка и находившейся на нем земли, остались от грабителя некоторые предметы, найденные ныне на своих местах. Из них наиболее интересна Панафинейская амфора». На одной стороне этого сосуда — традиционное изображение Афины, на другой — сцена кулачного боя. Сосуд датируется концом IV — началом III в. до н. э. (Галанина 1962: 5 сл.). В 1914 г. Н. И. Веселовский раскопал и второй, меньший курган, конструкция которого оказалась сходной с конструкцией первого (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 153 сл.).

Из третьего кургана у ст. Елизаветинской, раскопанного в 1914–1915 гг., происходит бронзовый нагрудник в виде Медузы архаического типа, найденный в грабительской яме (Виноградов 2005). Статья Н. И. Веселовского об этой находке (Веселовский 1918: 1 сл. Табл. I) открывает 19-й выпуск Известий Археологической Комиссии, посвященный памяти ученого. Свой последний полевой сезон 1917 г. Н. И. Веселовский провел на раскопках Елизаветинского могильника. Бронзовый нагрудник в виде Медузы из кургана № 3 и «обломки к нему в двух коробочках» были переданы в Эрмитаж в апреле 1919 г. уже после его смерти (1913, д. 232, л. 151).

Важный вклад в изучение скифских древностей лесостепного Приднепровья принадлежит А. А. Бобринскому, совмещавшему успешные полевые исследования с выполнением миссии председателя Императорской Археологической Комиссии. За 35 лет полевой деятельности

Фрагмент бронзового панциря с нагрудником в виде Медузы из Елизаветинского кургана. Раскопки Н.И. Веселовского, 1914 г. (ФА, III 13101)

А. А. Бобринским было раскопано свыше 500 курганов, значительная часть которых содержала погребения скифской эпохи. Открытые им материалы своевременно публиковались и тем самым постоянно вводились в научный оборот. Результаты исследований, проведенных в период с 1879 по 1900 г., были обобщены в известном трехтомном труде «Курганы и случайные находки близ местечка Смелы» (Бобринский 1887–1901), своего родового имения. Результаты раскопок, проведенных А. А. Бобринским в начале XX в., нашли отражение в подробных публикациях в Отчетах Комиссии (ОИАК за 1904 г. 1907; ОИАК за 1908 г. 1912) и Известиях ИАК (Бобринский 1902; 1905а; 1905в; 1906; 1907; 1910а; 1910в; 1911; 1916). Как отмечают некоторые специалисты-скифологи, «если в области методики раскопок А. А. Бобринской шел в ногу со временем, то в изучении полученных результатов (историческая интерпретация, антропологические, остеологические, металлографические определения) он, несомненно, опережал современников» (Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989: 6; см. также Ильинская 1975).

Следует сказать, что археологическая деятельность А. А. Бобринского не ограничивалась работами в Приднепровье. Сохранились отчеты «О раскопках Председателя, графа А. А. Бобринского на Кавказе и в окрестностях Керчи» (1888 г., д. 64) и «О раскопках Председателя Комиссии в Таврической Губернии, земле Войска Донского, Кубанской и Терской областях» (1891 г., д. 53). В 1891 г. А. А. Бобринской успешно провел исследования курганов на окраине Керчи и в ее окрестностях (ОИАК за 1891 г. 1893: 31 сл.). Им были раскопаны курган на Хаджимушкайской улице (ведущей из Керчи в пос. Хаджимушкай, современный Аджимушкай), а также ряд курганов в районе Хаджимушкайской дороги. По дороге из Керчи в Еникале у «Змеиного кордона»²⁵ он раскопал курган, содержащий 21 погребение, вел раскопки курганов в д. Капканы.

Отчеты А. А. Бобринского сопровождались подробными дневниками, написанными мелким, четким почерком, выполненными им, часто «поверх» текста, карандашными рисунками (планы погребений, находки), фотографиями, на которых можно увидеть сделанные его рукой пометки. К отчетам приложены финансовые документы, среди которых, помимо общих счетов на «форменных бланках», «счетов в употреблении аванса» и пр., тщательно подшиты расписки в получении денег, выплаченных рабочим (обычно подписанные их представителем — руководителем конкретных работ или подрядчиком). Так, например, дело «О раскопках председателя Комиссии графа А. А. Бобринского в Киевской губернии» (1905 г., д. 79) содержит целый ряд подобных расписок (Там же, л. 9, 10 сл.), из которых можно узнать, сколько стоил рабочий день, когда производились выплаты (обычно — еженедельно). Сохранилась расписка от 23 августа, согласно которой представитель крестьянской общины «от графа А. А. Бобринского за право раскопки курганов на общественной земле крестьян с. Турья, считая по 6 рублей за курган, получил задатка двадцать пять (25) рублей». Всего за право раскопок 12 курганов крестьянам этого села следовало получить в 1905 г. 72 руб., которые они и получили полностью, о чем свидетельствуют другие документы. События 1905 г., достаточно сложного в истории России, когда по югу прокатилась волна крестьянских волнений, по-видимому, никак не отразились на проведении запланированных раскопок и на взаимоотношениях с крестьянами. В архиве сохранился научный отчет А. А. Бобринского о раскопках в Чигиринском уезде в 1905 г. курганов у сел Кошарка (Юзефовка), Турья и Вербовка, позже изданный в Известиях ИАК (Бобринский 1906: 1–16). Вещи из раскопок поступили в Киевский городской музей (1905 г., д. 79, л. 48). Отчеты А. А. Бобринского, четкие, ясные, высоко профессиональные были, именно такими, какими и должны были быть отчеты исследователя-археолога, занимающего должность председателя Археологической

²⁵ Т. е. у карантина на мысе Змеиный, близ древнего греческого города Мирмекий.

Поденно работіе
 при отъ Крѣпости Могилы
 отъ 12го Сентября 1905го года
 Работы № 8.

№	Имя и фамилия	Д.	В.	С.	Ч.	Т.	С.	В.	К.	В.	С.	Р.	А.
1	Самсонъ Колосниковъ	1	1	1	1							3	25
2	Моисей Плотниковъ	1	1	1	1							3	25
3	Александръ Чилинко	1	1	1	1							3	25
4	Петро Параненко	1	1	1	1							3	25
5	Георгій Сараненко	1	1	1	1							3	25
6	Абрамъ Пурьяк	1	1		1	1						2	60
7	Геннадъ Пурьяк	1	1		1	1						2	60
8	Василь Барышевъ	1			1	1						2	60
9	Антонъ Касаткино	1			1	1						2	60
10	Андрей Воронинъ	1			1	1						2	60
11	Аковъ Сургановъ	1	1		1							1	25
12	Дмитрій Шевченко	1	1		1	1						2	60
13	Михаиль Слободяникъ	1	1		1	1						2	60
14	Фокса Кольбас	1	1		1	1						2	60
15	Евгень Треневъ	1	1		1	1						2	60
16	Навита Паламаренко	1	1		1	1						2	60
17	Мамбай Паламаренко	1	1		1	1						2	60
18	Вася Басинко	1			1	1						1	25
19	Андрей Шевченко	1	1		1	1						2	60
20	Петро Слободяникъ	1	1		1	1						2	60
21	Астафій Орловъ	1	1		1	1						2	60
22	Карло Слободяникъ	1	1		1	1						2	60
23	Андрей Шевченко	1	1		1	1						2	60
24	Евгень Слободяникъ	1	1		1	1						2	60
25	Петръ Куряченко	1	1		1	1						2	60
Получилъ Самсонъ Колосниковъ за расчѣтомъ поденно работіе Могилы												66	95

Фрагмент отчета А. А. Бобринского. 1905 г. (1905 г., д. 79, л. 15)

14

ГЕДЕШАЯ
МАРКА
5 КОП.

ГОРСКОЙ
ПОСЛАННОЙ КОММУНИКАЦИИ.

Постиска № 7.

За право покупки и за-
счета 12^{ти} Курмановъ
на земельн. с. Шуровъ,
считая по 6^{ти} рублей
за Курманъ, складываетъ
всего 72 рубля; изъ нихъ
получено впередъ 25 р.
остается доплатить
47 рублей (сорок семь
рублей).

Складуемымъ на сей разномъ
Сарова семь рублей полу-
чено 21 Сентября 1905 г.
Яковъ Житковъ

Фрагмент отчета А. А. Бобринского. 1905 г. (1905 г., д. 79, л. 14)

Комиссии и отвечающего за своевременную присылку в это учреждение отчетов о полевых исследованиях и относящихся к ним финансовых документов.

Таким образом, к периоду, предшествовавшему началу Первой мировой войны и последовавших вскоре после этого социальных потрясений в России, усилиями ИАК был собран огромный вещественный материал, относящийся к скифской эпохе и позволяющий охарактеризовать все ее этапы. Вышли и обобщающие труды, посвященные публикации отдельных памятников и осмыслению находок. Достижения скифологии того времени, трудности, стоявшие на пути исследователей, были кратко оценены академиком М. И. Ростовцевым в небольшой книге «Боспорское царство и южнорусские курганы» (Ростовцев 1912). Впрочем, в этой области, как и во многих других, существовало две основные проблемы: некоторое отставание осмысления материала от темпов его накопления и разграбление памятников. В частности об этом М. И. Ростовцев писал следующее:

«И сейчас еще, когда наука раскрыла уже тайну курганов, смела с их верхушек и недр дымку легенды и заклатья, тянутся к ним жадные руки и богатых владельцев земли, и жалких профессионалов-счастливчиков в погоне за золотом, которое схоронено под тяжелой землей кургана. Уже более ста лет назад за дело исследования курганов взялась русская историческая наука. Задача, поставленная местным агентам того учреждения (конечно же, имеется в виду Археологическая Комиссия. — *Ред.*), на которое государство возложило обязанность расследования курганов и других некрополей нашего юга — в России дело началось с инициативы государства — была сразу и бесповоротно поставлена, как задача не кладоискательства и обогащения музеев, а научного исторического исследования, тщательного и всестороннего изучения каждого кургана, каждого погребения. И хотя исполнители далеко не всегда были на высоте своего положения, были по большей части не учеными, а чиновниками, план действий был начертан столь простой и ясный, руководитель археологической жизни России требовал такого точного исполнения своего плана, что расследования могил и описания раскопок этого раннего периода можно считать по тому времени образцовым. К сожалению, эта традиция шестидесятых и семидесятых годов прервалась, и работы этого времени, ведшиеся петербургскими и московскими учеными, далеко не стоят на прежней высоте по детальности расследования и точности определения найденного. Только в самое последнее время возобновленная старая традиция в руках крупных специалистов опять нагоняет так блестяще и далеко ушедшее вперед развитие техники археологического исследования Западной Европы. Гораздо печальнее обстоит дело с научным использованием научно добытого материала...» (Там же: 2–3).

На наш взгляд, близок к этой оценке и А. Ю. Алексеев, сравнивший методы исследований И. Е. Забелина, деятельность которого, посвященная раскопкам скифских курганов, была связана с ранним, начальным периодом работы, с методами раскопок, применявшимися как его современниками, так и исследователями, работавшими после него (Алексеев 2004: 41 сл.). Однако все же полагаем, что упреки в снижении уровня исследований, вызванные, прежде всего, небрежностью работ, которую иногда демонстрируют раскопки, проведенные, например, Н. И. Веселовским, не всегда справедливы. Несомненно, в предреволюционное время отечественной скифологией был накоплен большой опыт, который нельзя недооценивать. Остается только сожалеть, что «старая традиция» первого периода работы ИАК, в начале века оказавшаяся «в руках крупных специалистов», хотя и не была полностью прервана, но встретила значительные трудности на пути своего развития. Необходимо отметить, что одной из особенностей изучения скифских древностей было сотрудничество ИАК не столько с учеными обществами, чем отмечена ее деятельность в области исследования других памятников Восточной Европы и Сибири, сколько с отдельными специалистами и частными

лицами. Комиссия могла как финансировать их непосредственную полевую деятельность, так и оплачивать аналитическую работу по составлению отчетов для их последующей публикации в изданиях ИАК.

Одновременно в недрах ИАК было подготовлено и аналитическое обобщение «научно добытого материала». На основе находок из открытых к тому времени памятников М. И. Ростовцев дал краткую характеристику основных этапов скифской культуры в «Эллинизме и иранстве на юге России» (Ростовцев 1918: 45 сл.). Подробный обзор и анализ этих материалов содержится во второй части монументального труда «Скифия и Боспор» (Ростовцев 1925), над которым ученый трудился до своего отъезда из России в 1918 г. Здесь же, оценивая роль ИАК в становлении археологии скифских древностей, этот выдающийся исследователь отмечал, что Комиссия «первая начала систематическую публикацию отчетов о производимых раскопках и открытых вещах, равно как и информацию о приобретении вещей, найденных случайно и доставленных в Комиссию путем конфискации или покупки, а с 1901 г. начала издавать и “Известия”, где помещаются отчеты о раскопках в более полном виде, публикации нового материала, ряда научных статей о нем и хорошая библиография».

Действительно, издания Императорской Археологической Комиссии достаточно полно характеризуют эту деятельность. Следует отметить, что в «Отчетах» ИАК публиковались не только собственно сведения о сделанных находках или результаты работ экспедиций, но и труды, посвященные анализу этих древностей уже на раннем этапе существования Комиссии (см., напр., ОИАК за 1863 г. 1864; ОИАК за 1865 г. 1866; ОИАК за 1878–1879 гг. 1881). Однако в фонде ИАК, хранящемся ныне в Научном архиве ИИМК РАН, можно найти чрезвычайно выразительные и яркие документы, характеризующие деятельность Комиссии в области скифских древностей. Лишь некоторая часть из них введена в научный оборот в фундаментальном исследовании И. В. Тункиной «Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–середина XIX в.)» (Тункина 2002).

Необходимо подчеркнуть, что с середины 50-х гг. XIX в. до начала XX столетия трудами ИАК было раскрыто около 50 больших «царских» курганов, содержащих богатые захоронения и огромное количество аристократических и рядовых погребений. Материалы этих комплексов активно изучаются и в наше время. В конце XX–начале XXI в. характерной чертой развития отечественной археологической науки стало повторное обращение к анализу находок из знаменитых «царских» скифских курганов Приднепровья и Прикубанья и даже к проведению дополнительных полевых исследований раскопанных во второй половине XIX–начале XX в. памятников. В итоге появились подробные публикации вещевых комплексов целого ряда курганов, открытых в результате деятельности ИАК. Назовем лишь некоторые из них: курган Солоха (Манцевич 1987), Артюховский курган (Максимова 1979), Курджипский курган (Галанина 1980), Краснокутский курган (Мелюкова 1981), курган Чертомлык (Алексеев, Мурзин, Ролле 1991), Келермесские курганы (Галанина 1997). Коллекции скифских древностей Эрмитажа посвящены замечательная книга М. И. Артамонова (1966), где отдается должное и деятельности Комиссии, а также вышедшее позже издание, подготовленное известными учеными и хранителями этой коллекции (Piotrovsky, Galanina, Grach 1986). Таким образом, результаты исследований ИАК и сохраненные ею архивные материалы составляют в полном смысле этого слова «золотую кладовую» скифской археологии Восточной Европы и являются основой современных знаний об истории и культуре этой эпохи.

ГЛАВА IV

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНЕЙ ОЛЬВИИ

Ольвия — один из важнейших центров греческой колонизации на северном берегу Черного моря. Большое городище и обширный некрополь, начало которых восходит к VI в. до н. э., просуществовали вплоть до IV в. н. э. в низовьях Бугского лимана, на западном его берегу около современного с. Парутино. В XIX в. здесь располагались два села — Парутино и Ильинское. Интерес к памятникам Ольвии проявился сразу после присоединения земель Северного Причерноморья к России (см. Латышев 1887: 29–33; Фармаковский 1915: 1–7; Карасев 1956; Славин 1960: 47–49; Леви 1985: 6–8; Крыжицкий 1985: 17–22; Крыжицкий, Лейпунская и др. 1999: 9–15; Виноградов 1989: 7–8; Тункина 2002: 423 сл.). Известно, что в 1853 г. руководитель первых государственных археологических раскопок в России граф Л. А. Перовский поручил А. С. Уварову обследовать Ольвию (Тункина 2002: 450).

Однако состояние, в котором находились местные древности, вызывало озабоченность российской общественности. Заслуженный профессор Ришельевского лицея в Одессе Ф. К. Брун, посетивший Ольвию, описал картину разрушения ее памятников, особенно некрополя (Брун 1863: 989):

«Пожалел я, видя каким повреждениям подверглись могильные курганы, еще прежде открытые. Некоторые из этих памятников, не уступающих керченским величиною и изящною постройкою, снова засыпаны или сами обрушились, потому что большие каменные плиты, из которых в них слагались склепы без цемента, были разбираемы поселянами на разные постройки».

О сохранности этих памятников «жалел» не только Ф. К. Брун, но и другие просвещенные люди России. Впервые с инициативой проведения систематических раскопок в Ольвии в Императорскую Археологическую Комиссию обратился член Одесского общества истории и древностей Феодор Струве. В июне 1866 г. в своем обращении к С. Г. Строганову он, в частности, писал (1866 г., д. 14, л. 1 об.):

«Она (т. е. раскопка Ольвии. — *Ред.*) оживляла бы занятия греческими древностями в нашем крае, она способствовала бы возбуждению любви к греческой филологии, этой важной стихии образования молодого поколения».

В том же году Н. А. Мурзакевич представил С. Г. Строганову некоего Ивана Ираклиевича Куриса. Некоторое время спустя И. И. Курис в письме к С. Г. Строганову предложил себя в качестве сотрудника Комиссии, подчеркивая, что причитающееся ему жалование готов употребить на раскопки (Там же, л. 2). Как явствует из письма В. Г. Тизенгаузена самому И. И. Курису от 26 января 1867 г., тому было предложено быть сотрудником Ф. А. Струве на раскопках в Ольвии. Однако адресат продолжал настаивать на своем членстве в Комиссии и на независимости от Ф. А. Струве в осуществлении ольвийских исследований, обещая изыскать на эти раскопки 1000 руб. в дополнение к средствам ИАК (Там же, л. 4). В феврале

Ольвия. Левая часть пьедестала серого мрамора с сохранившейся частью рельефного венка и надписи — дар управляющего Парутинской экономии С. С. Тарногурского в 1901 г. Хранится в Эрмитаже

тербурге, но, скорее всего, нет, поскольку деньги на раскопки Ольвии в 1871 г. были выделены. Руководство работами было возложено на П. И. Хицунова, хорошо зарекомендовавшего себя исследованиями памятников древности под Керчью и на Тамани. Тот прибыл в Одессу в середине августа, получил там деньги, направленные сюда из Комиссии, а затем пароходом отправился в Николаев. О своих дальнейших действиях П. И. Хицунов писал следующим образом (1869 г., д. 10, л. 64):

«В два мои посещения местности Ольвии я удостоверился, насколько интересно было бы произвести там археологические разыскания во множестве курганов, высоких буграх и насыпях, которые хотя и сильно перерыты в давнее и новое время, но еще могут содержать богатую добычу для археологии, особенно в курганах надела крестьянского, несколько далее от берегов моря расположенных группами. Но по случаю смерти означенных владельцев с. Парутино, неопределенности тогдашнего положения... и не вполне состоявшегося выкупа крестьянами своего надела я не мог приступить там и в соседних имениях к раскопкам на древней почве, хотя и было обещано мне содействие нынешнего глав<ного> командира Черноморского флота г. вице-адмирала Аракаса,¹ которого имение лежит в ближайшем соседстве с сел. Парутино.

Таким образом, я ограничился лишь осмотром древней местности по всей правой стороне Бугского лимана, начиная от земель г. Николаева, успел приобрести там несколько мелких монет и других вещиц, клейменных ручек древ<ней> посуды, расписных черепков и т. под., и в начале сентября выехал из Одессы... в Таганрог».

После этих событий в 1872 г. С. Г. Строганов попытался выяснить, кто унаследовал земли сел Ильинское и Парутино, на которых располагался античный памятник (1866 г., д. 14, л. 8–9). Земли эти, как выяснилось, унаследовал шурин усопшего граф А. И. Мусин-Пушкин, точнее, его супруга Л. А. Мусина-Пушкина, урожденная Кушелева-Безбородко. Интересы

¹ Правильное имя вице-адмирала — Н. Аркас. В 1870 г. он совместно с Ф. К. Бруном провел небольшие раскопки на территории нижнего города Ольвии (Аркас, Брун 1872).

супруги, естественно, представлял А.И. Мусин-Пушкин, который решил продать херсонское имение покойного шурина, за исключением 65 S десятин в устье реки Буг, на которых и находились руины древней Ольвии. Эти земли он посчитал возможным оставить себе «с мыслью делать там раскопки, для чего предполагая составить компанию» (Там же, л. 12 об.). А. И. Мусин-Пушкин был готов составить такую «компанию» с Императорской Археологической Комиссией.

Подробности этой истории интересны тем, что показывают все сложности договорного процесса при проведении археологических работ в Российской империи на частных землях. С. Г. Строганов предполагал осуществить раскопки Ольвии на следующих условиях: из числа массового археологического материала, представленного типологически близкими («одинаковыми») вещами, третья часть предоставляется в пользу владельца земли, а за драгоценные вещи исключительного характера, которые будут найдены в одном экземпляре или не могут быть разделены, следовало производить традиционную выплату, которая была установлена Археологической Комиссией в общении с находчиками кладов, т. е. $\frac{1}{3}$ стоимости материала.

А. И. Мусин-Пушкин 24 марта 1873 г. ответил выдвижением своих условий. Он оговаривал предварительные сроки работ, а также обязанности владельца земли по охране исследуемого памятника, по несению расходов на раскопки, перевозке найденных предметов в Петербург и т. д. Найденные древности он предполагал справедливым делить пополам между своей супругой и ИАК, причем оценка этих вещей принадлежала Комиссии. Расчет стоимости предметов должен был делаться на основании их общего количества, полученного в течение всего срока работ. Сторона, получившая вещей на большую сумму, должна была выплачивать разницу наличными. При совпадении интересов сторон в намерении получить конкретный предмет необходимо было бросать жребий (Там же, л. 12–13).

С. Г. Строганов в письме от 2 апреля 1873 г. заверил владельца земли, что Археологическая Комиссия намерена провести раскопки в Ольвии с целью получения материалов, на основании которых можно было бы составить «понятие о быте этой древнегреческой колонии и со временем образовать в Императорском Эрмитаже особый отдел Ольвийских древностей, наподобие Керченского» (Там же, л. 14). По этой причине нельзя было допустить, чтобы вещи из одного комплекса попадали бы к разным владельцам. Со своей стороны С. Г. Строганов направил готовый проект условий из 6 пунктов. Работы должны были проводиться за счет Императорской Комиссии в течение 5 лет начиная с 1 мая 1873 г. Вещи, найденные в нескольких экземплярах, как предполагалось, должны были делиться поровну, а уникальные вещи и не подлежащие разделению — поступать в казну. Выплата вознаграждения за них могла

Находки из Ольвии.
Изделия доставлены херсонским губернатором при отношении от 15 июня 1896 г., за № 214

производиться при обоюдном соглашении. Вещи, не имеющие археологического значения, как-то: необработанные камни и слитки драгметаллов решено было оставлять у землевладельца. Предполагалось составление описи всем найденным вещам, а также присутствие при раскопках доверенного лица землевладельца, которое, однако, не имело права вмешиваться в производство раскопок. Расходы на перевозку предметов несла ИАК, а охрана местности раскопок оставалась за владельцем земли, который по истечении срока обязывался не допускать к раскопкам других лиц. В случае перехода имени в другие руки это условие не теряло своей силы до истечения 5-летнего срока, тогда как новые раскопки зависели от соглашения Комиссии с новым владельцем (Там же, л. 15).

А. И. Мусин-Пушкин согласился с этими условиями 14 апреля, его супруга собственноручно подписала их 3 мая. Графиня Л. А. Мусина-Пушкина отвела для раскопок 65 принадлежащих ей десятин земли (1873 г., д. 16, л. 21), и С. Г. Строганов просил допустить к раскопкам в Ольвии И. Е. Забелина. Распространенное в историографии мнение, что ИАК не пришла к соглашению с владельцем земли по поводу раскопок, оказывается неверным. Такое соглашение было подписано, называлось оно «Условия по расследованию курганов, насыпей и пепелищ, находящихся при устье реки Буга» (1866 г., д. 14, л. 20–21). Очевидно, что исследованиям помешало не отсутствие договоренностей, а их нарушение или же иные причины, возможно, неудовлетворенность самой Комиссии «невыразительными» результатами первых исследований Ольвии, что заставило членов ИАК в дальнейшем ограничить свои усилия изучением керченских и таманских древностей. Впрочем, графиня Л. А. Мусина-Пушкина много лет спустя после раскопок вспоминала о каких-то недоразумениях, возникших во время их проведения, а также по поводу раздела находок (1899 г., д. 99, л. 33).

Первые исследования Ольвии, как известно, были проведены в 1873 г. Раскопки на городище, в основном, проводились под руководством И. Е. Забелина, работами на некрополе заведовал В. Г. Тизенгаузен; оба получили на это дело по 2800 руб. В помощь им из Керчи для надзора за рабочими был командирован Семен Зяблов (1873 г., д. 16, л. 47), человек очень опытный и надежный, много лет проработавший с директором Керченского музея А. Е. Люценко.

Методика раскопок, которую использовали археологи в Ольвии, не отличалась особой изобретательностью и тщательностью. Они заложили здесь большое количество траншей, которые сами называли «канавами» (ОИАК за 1873 г. 1876: XVII–XXXI). Необходимо подчеркнуть, что в том году Комиссия имела возможность привлечь к земляным работам многочисленных рабочих за весьма умеренную плату. По этому поводу И. Е. Забелин информировал петербургское начальство (1873 г., д. 16, л. 6):

«По случаю засухи и неурожая в окрестных местах рабочих собралось множество, так что вместо 50 человек, пришедших вначале, я мог потом ставить на эти канавы более 200 человек разом. В Николаеве рабочие за кубическую сажень с нашим инструментом объявили было цену 5 руб., потом 4 и не захотели идти меньше 3 руб. 50 коп. На месте же я мог уговориться сначала за 2 руб. 50 коп. с их инструментом, и мог даже потом уменьшить эту цену до 1 руб. 70 коп. за кубик».

Отчет о раскопках, опубликованный Комиссией, почти дословно совпадает с рукописным вариантом (ср.: 1873 г., д. 16, л. 4–12, 21–26; ОИАК за 1873 г. 1876: XVII–XXXI). Что касается результатов проведенных исследований, то их можно суммировать следующим образом. Первым на городище прибыл И. Е. Забелин; общий вид памятника напомнил ему древнюю топографию Москвы с Кремлем и Китай-городом. В прибрежной части он предположил наличие городской площади, а также гавани и пристани; с южной стороны, возле самого ак-

Ольвия. Крепида Зевсова кургана. Вид юго-восточной части. Фото 1900-х гг.

рополя, исследователь заметил «остатки каменного мола, защищавшего от речного волнения приставшие к Ольвии корабли» (ОИАК за 1873 г. 1876: XIX). Почти вся поверхность городища была изрыта ямами, поскольку местные жители активно добывали здесь камень для своих построек. Важными указаниями для определения места работ И. Е. Забелина являются акрополь (римская цитадель, как его сейчас называют) и «средней величины курган», который в то время ошибочно считали остатками храма Зевса, а в наше время по традиции именуют Зевсовым курганом.

Напротив этого кургана в нижней части города перпендикулярно линии берега было заложено 9 траншей, в которых были открыты лишь «разоренные» каменные фундаменты и «одинокие камни».² Затем вдоль берега была заложена еще одна «канавка», где обнаружили часть мраморной статуи. Ближе к воде были открыты остатки фундамента, «сложного ступенями и идущего вдоль набережной»; рядом с ним найден обломок «весьма твердой мозаики» (ОИАК за 1873 г. 1876: XXI). Дальше к югу от этого места на берегу И. Е. Забелин заложил еще 15 раскопов и местами открыл древние фундаменты. Кроме обычных амфорных материалов здесь был найден терракотовый рельеф с изображением павлина, цветов и плодов. В одном раскопе он обнаружил детскую могилу, перекрытую плитой песчаника; в двух других — по человеческому черепу.

В нижней части был сделан раскоп под самым курганом, где вновь были открыты остатки неидентифицируемой постройки. К северо-западу от него на склоне обрыва исследователь обнаружили цистерну, стенки которой были тщательно оштукатурены. Наконец, были проведены исследования самого кургана, для чего в его насыпи землекопы сделали неболь-

² Впоследствии Б. В. Фармаковский установил, что траншеи И. Е. Забелина не были доведены до материка (ОИАК за 1907 г. 1910: 2–3). В некоторых местах, где мощность слоя составляла 6,10 м, раскопы этого исследователя достигали в глубину всего 1,50 м (ОИАК за 1905 г. 1908: 31).

шие «вырезы» по 4 и 5 саженей в ширину. С помощью таких «вырезов» были обнаружены остатки стен, сложенных из хорошо отесанных камней. Нетрудно догадаться, что И. Е. Забелин открыл тогда стены крепиды, но понял их совсем иначе и посчитал, «что курган в действительности насыпан над какою-либо постройкою» (ОИАК за 1873 г. 1876: XXII).

Рядом с курганом в верхней части Ольвии были заложены еще три пробные «канавы». Далее, у южного спуска от кургана удалось обнаружить три каменных постаamenta для установки памятников. Неудивительно, что здесь была найдена часть мраморной плиты с карнизом и надписью. И. Е. Забелин обратил внимание, что все пьедесталы ориентированы по линии, направленной к воротам акрополя, предположив, что здесь проходила городская улица (Там же: XXIV).

Затем «канавы» была продолжена к югу, до самой балки. За этой балкой, как заметил исследователь, возвышались какие-то небольшие укрепления, которые он посчитал преддверием «к самому акрополю или крепости». Здесь И. Е. Забелин сделал несколько пробных раскопов и открыл две четырехугольные цистерны с желобами и расположенным поблизости каменным помостом. С северной стороны возле каждой цистерны находилось по большому пифосу (Там же, XXIV–XXV). Описание данной конструкции позволяет считать, что И. Е. Забелин открыл винодельню.³

Пробные раскопы были заложены в нескольких местах акрополя. В крайнем из них, расположенном у реки, удалось открыть часть крепостного фундамента, сложенного из необработанных камней. В северо-западной части акрополя нередко попадались обломки мраморных плит с древнегреческими надписями (Там же: XXVI).

В. Г. Тизенгаузен приехал в Ольвию после завершения раскопок И. Е. Забелина. Ознакомившись с ситуацией, он счел нужным обратиться к раскопкам некрополя, точнее, небольших курганов и сплошных насыпей, лежащих к западу от городища. На основании проведенных работ он выделил четыре типа ольвийских гробниц:

1. Гробницы, обложенные и перекрытые каменными плитами.
2. Обычные грунтовые (земляные) четырехугольные ямы.
3. Катакомбы, т. е. вырубленные в материке «пещеры», в которые ведет колодцеобразный спуск.
4. «Жженые» гробницы, т. е. кремации (Там же: XXVIII).

Сколько гробниц каждого типа было открыто В. Г. Тизенгаузеном, мы не знаем. Исследователь, однако, обратил внимание, что все могилы, обложенные камнем, были ограблены, и, по его мнению, в них совершались погребения зажиточных граждан Ольвии. Катакомбы, некоторые из которых были устроены весьма глубоко, по большей части тоже были ограблены. Земляные гробницы, как правило, сохранились непо потревоженными, но содержали довольно скромный инвентарь, а многочисленные кремации состояли лишь из пережженных костей с углями и золой. При раскопках насыпи были обнаружены поврежденные свинцовые изображения: двуконная колесница, два воина, всадник, бычья голова, виноградная лоза и пр. (Там же: XXX).

Результаты раскопок некрополя показали В. Г. Тизенгаузену неудачными, и он обратился к городищу, где в его северной части были видны возвышения, позволявшие предполагать наличие древних зданий. Раскопки на этом месте показали, что здесь находились не здания, а мусорные отложения, в которых лишь иногда встречались остатки построек, сложенных частью из дикарных, частью из отесанных камней. После этого исследователь пред-

³ Первой эти строительные остатки интерпретировала таким образом Е. И. Леви (Леви 1958).

принял раскопки в южной части городища, сильно изрытой местными жителями. Здесь ему удалось найти некоторые любопытные предметы: часть статуи в виде головы воина в шлеме, две мраморные плиты с надписями, посвященными Аполлону Простату, и пр. (Там же, XXXI).

Нетрудно догадаться, что раскопки в Ольвии впечатлили В. Г. Тизенгаузена не очень сильно, во всяком случае, 9 октября 1873 г. он писал по этому поводу председателю Археологической Комиссии (1873 г., д. 16, л. 26):

«Считаю нелишним представить Вашему Сиятельству свои соображения о дальнейших раскопках в Ольвии. На вопрос о том, стоит ли вообще еще продолжать раскопки эти, я с своей стороны могу ответить только утвердительно, но полагаю, что дальнейшие работы можно вести не в таких обширных размерах, как в настоящем году, т.е. что достаточно было бы командировать туда только одного из членов Комиссии и затем преимущественно продолжать исследование южной части городища и большого холма, заключающего в себе отчасти уже обнаруженный г. Забелиным правильно сложенный из тесанных камней фундамент большого круглого здания, по-видимому древнего храма, в центре которого, пока еще не вскрытом, могут оказаться любопытные памятники вроде статуй, обетных надписей и других храмовых принадлежностей. Примыкающие к городищу могильные насыпи едва ли заслуживают дальнейшего обширного разрытия, но любопытно было бы разрыть некоторые из больших курганов, лежащих дальше в степи, но уже за чертою того пространства, на котором графиня Мусина-Пушкина дозволила Комиссии производить раскопки, так что на раскопку этих курганов (с соблюдением прежних условий) придется предварительно получить согласие владелицы.

К производству работ необходимо будет приступить весною, не позднее апреля, так как в это время можно будет нанять местных крестьян за умеренную плату. С наступлением же времени сенокоса и жатвы, и осенью, в случае урожая, легко может статься, что или вовсе нельзя будет добыть рабочих, или нужно будет платить огромные деньги».

И. Е. Забелин в чем-то вторил В. Г. Тизенгаузену. В донесении, направленном С. Г. Строганову 2 февраля 1874 г., он писал (Там же, л. 33):

«Имею честь донести Вашему Сиятельству, что, если благоугодно будет назначить и на нынешний год продолжение раскопок в Ольвийском городище, то, сообразуясь с местными обстоятельствами, относительно более выгодного найма рабочих, необходимо приступить к работам в апреле месяце, вскоре после Святой недели, так как в это время тамошние поселене свободны от сельских работ».

Вполне закономерно, на наш взгляд, что в Петербурге раскопки Ольвии 1873 г. были признаны как «весьма обширные, но весьма безуспешные» (ОИАК за 1882–1888 гг. 1889: СІХ). В 1874 г. продолжать их не стали, не произошло этого и на следующий год. О памятнике как будто забыли, и лишь в 1886 г. кишиневский помещик И. К. Суручан обратился в Археологическую Комиссию с просьбой о возобновлении исследований Ольвии (chetrau, Râileanu 2001).⁴ Как известно, многие инициативы, определившие впоследствии направления деятельности Комиссии, были выдвинуты именно в это время, что совпало с появлением в ИАК нового председателя — графа А. А. Бобринского, а возможно, были даже порождены этим назначением и связанными с ним надеждами.

Письмо И. К. Суручана датировано 25 марта 1886 г. (1886 г. д. 22, л. 1–3), в нем, в частности, говорится:

⁴ Известно, что И. К. Суручан собрал коллекцию ольвийских древностей, которая была распродана после его смерти (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 48).

«Вся местность древней Ольвии в настоящее время представляет весьма печальную картину: все перерыто и перевернуто, вынимаются фундаменты древних домов, храмов, городских стен; уничтожаются даже каменные гробницы в курганах, и встречающиеся нередко мраморные плиты разбиваются на куски; камни добываются без всякой системы, где попало и как попало, одним словом, вандализм ужасный» (Там же, л. 2).

Во время И. Е. Забелина памятник, по мнению автора письма, еще не находился в столь печальном состоянии, «и при более серьезном отношении к делу его раскопки могли бы дать блестящие результаты» (Там же, л. 2–2 об.).⁵ И. К. Суручан настаивал, что раскопки Ольвии необходимо возобновить немедленно, в противном случае будет уже поздно, и памятник пропадет для науки. В отношении практической стороны дела он писал:

«Наиболее интересными в этом отношении представляются нетронутая еще *часть городской площади*, известная тем, что на ней найдено было большинство важнейших эпиграфических памятников Ольвии..., *несколько нераскопанных еще близких к городу курганов и определение направления городской стены*» (Там же, л. 2 об.-3).

И. К. Суручан обещал А. А. Бобринскому получить «богатые результаты для науки» и просил на это дело всего одну тысячу рублей. Свое мнение по поводу процитированного послания высказал В. Г. Тизенгаузен, который в специальной записке, составленной 10 апреля 1886 г., прежде всего ответил на содержащийся в нем упрек по адресу И. Е. Забелина. По его словам, этот упрек «принадлежит к числу тех неблагоприятных инсинуаций, которые обыкновенно приходится выслушивать специалистам со стороны легкомысленных дилетантов, высказывающих громкие фразы о “вандализме” и храбро судящих о таковых вещах, о которых не имеют никакого понятия» (1886 г., д. 22, л. 4). Далее он указал на сложность раскопок городища, «единственно рациональный способ» исследования которого есть «постепенное обнажение последнего до материка от одного конца в другой, с тем, чтобы ни одна часть его не осталась не раскрытою» (Там же, л. 4 об.). Такие раскопки, естественно, будут очень трудоемкими и потребуют десятков, если не сотен тысяч рублей. По этой причине приходится ограничиваться более или менее широкими разведочными траншеями. В этом отношении исследования, проведенные в Ольвии в 1873 г., по его мнению, были безупречными, но, в общем, неудачными, более того — от повторных неудач никто не гарантирован. В заключение своей записки В. Г. Тизенгаузен отметил, что «производство в больших размерах раскопок новичком в деле городищенских исследований более чем рискованно» (Там же, л. 5 об.).

А. А. Бобринской не вполне согласился со своим сотрудником и счел возможным позвать И. К. Суручану проведение раскопок в Ольвии. Ему был выдан Открытый лист и выделено 1000 руб. на два года работ. О согласии на проведение раскопок графиню Л. А. Мусину-Пушкину по каким-то причинам спросить забыли, из-за чего начавшиеся было исследования продолжались всего 12 дней, а затем были ею запрещены (Там же, л. 23; ОИАК за 1882–1888 гг. 1889: СІХ–СХІV). И. К. Суручан после этого направил в ИАК опись найденных вещей, состоящую всего из 18 номеров (1886 г., д. 22, л. 26), а также журнал раскопок. Из этого журнала понятно, что небольшие исследования были проведены «в городке» (т. е. на городище), где рабочие «изрыли берег» возле древнего источника в надежде найти надписи (Там же, л. 30 об.). Более масштабные работы были предприняты на курганах, расположенных на двух участках — к северу от Парутина и к западу от него, по дороге в Очаков (Там же, л. 28 сл.; 31 сл.). Раскопки курганов явно не отличались особой осторожностью. Все откры-

⁵ В письме эта фраз подчеркнута двумя чертами, а рядом с нею на полях красным карандашом поставлен восклицательный знак. Обвинения по адресу сотрудников ИАК, естественно, заслуживали особого внимания.

тые погребения оказались ограбленными; в одном из них, правда, исследователь нашел 10 человеческих черепов, что дало ему возможность предположить, что «грабители перенесли сюда покойников из ближайших гробниц этих курганов и здесь на просторе обирали их» (Там же, л. 33).

После раскопок 1886 г., которые, как необходимо признать, вновь не дали ожидаемых результатов, в исследованиях Ольвии наступил очередной перерыв, охвативший 8 лет. В 1893 г. в Вильно проходил IX Археологический съезд, на котором профессор Киевского университета св. Владимира Ю. А. Кулаковский сделал доклад «О керченских катакомбах с фресками». В нем он охарактеризовал эти замечательные памятники классической древности, в исследовании которых принимал самое непосредственное участие (*смотри главу II*). Ю. А. Кулаковский в своем выступлении, однако, не ограничился одним Боспором, но и высказался по поводу других античных памятников. В частности, он сказал: «Если в Керчи и не идет теперь непрерывная и живая работа по исследованию древностей, как то было раньше, то тем не менее эта территория находится под охраной подлежащей власти и продолжает давать время от времени важные и ценные находки. Но есть и другое место на побережье Черного моря, место забытое и заброшенное, по разным условиям недоступное для научного исследования, это — Ольвия. ... В Ольвии идут раскопки, но тайные и хищнические. Добываемые таким путем вещи или бесследно исчезают, или в редких случаях, попадая иной раз в руки ученых специалистов и в ученые учреждения, они поучают нас гораздо меньше, чем как то могло быть при иных условиях находки. Территория Ольвии находится в частном владении. Не оказалось ли бы поэтому возможным обратиться от имени Съезда к собственнице, графине Мусиной-Пушкиной, с просьбой открыть доступ в эти пределы людям ученого интереса» (Протоколы 1897: 111–112). Эти слова нашли живой отклик у собравшихся, и графиня П.С. Уварова предложила Съезду обратиться к Л. А. Мусиной-Пушкиной с ходатайством разрешить Одесскому обществу истории и древностей произвести раскопки на ее землях. Такое обращение было принято (Там же: 112), но, вероятнее всего, оно не возымело никакого действия на адресата.

В том же 1893 г. активность вновь проявил И. К. Суручан; неудачная попытка раскопок в Ольвии как будто его не очень расстроила или, скорей всего, расстроила не надолго. В июне месяце он писал А. А. Бобринскому, что готов продолжить исследования Ольвийского некрополя. В том же письме он отмечал, что если проводить работы на крестьянских землях, то разрешение Л. А. Мусиной-Пушкиной не потребуется. По его словам, «самые раскопки должны вестись крайне систематически, т. е. должно взять от главной древней дороги линию на протяжении 75–100 сажень длины и глубиной в 4 аршина (так как покойники в Ольвии встречаются и на этой глубине), и этой сплошной линией вести раскопки по направлению к древнему городу, т. е. до того места, где начинается земля, принадлежащая графине Мусиной-Пушкиной» (1894 г., д. 32, л. 14 об.-15).⁶ На раскопки гробниц «всех времен ольвиополитов», как представлялось И. К. Суручану, потребуется 1000 руб. Однако в ответном письме в апреле 1894 г. А. А. Бобринской сообщил, что право раскопок в Ольвии уже предоставлено специальному сотруднику ИАК по исследованиям в Херсонской губернии В. Н. Ястребову; граф лишь просил И. К. Суручана помочь ему в выборе мест для раскопок (Там же, л. 12), но не более этого.

В. Н. Ястребов был преподавателем Елисаветградского (совр. Кировоградского) реального училища. Официальное предложение провести раскопки на землях парутинских

⁶ Грандиозность замыслов И. К. Суручана не может не вызывать удивления, ведь он хотел вести раскопки траншеей, достигающей в ширину 213 м, а в глубину — 8,50 м.

крестьян было направлено ему из ИАК в марте 1894 г., т. е. через 9 месяцев после письма И. К. Суручана, и средства на раскопки были предложены больше, чем просил И. К. Суручан, — 1500 руб. (Там же, л. 1). Кандидатура последнего для руководства Археологической Комиссии, как видим, в это время была явно неприемлемой. С радостью согласившись на предложение А. А. Бобринского, В. Н. Ястребов писал ему 30 марта 1894 г.:

«В частности, можно бы обследовать правый берег Бугского лимана выше и ниже Парутино, где также есть городища и курганы: в Богдановке (имение Аркаса, который сообщил мне сведения о раскопке одного местного кургана и рисунок открытых в нем древностей), в Аджиголе, в Очакове или — далее — в Коблеве (Одесса), либо перенести раскопки на нижнее течение Ингульца или Днепра: там тоже много курганов, и больших, а на Днестре и ряд городищ с остатками греческой культуры» (Там же, л. 4).

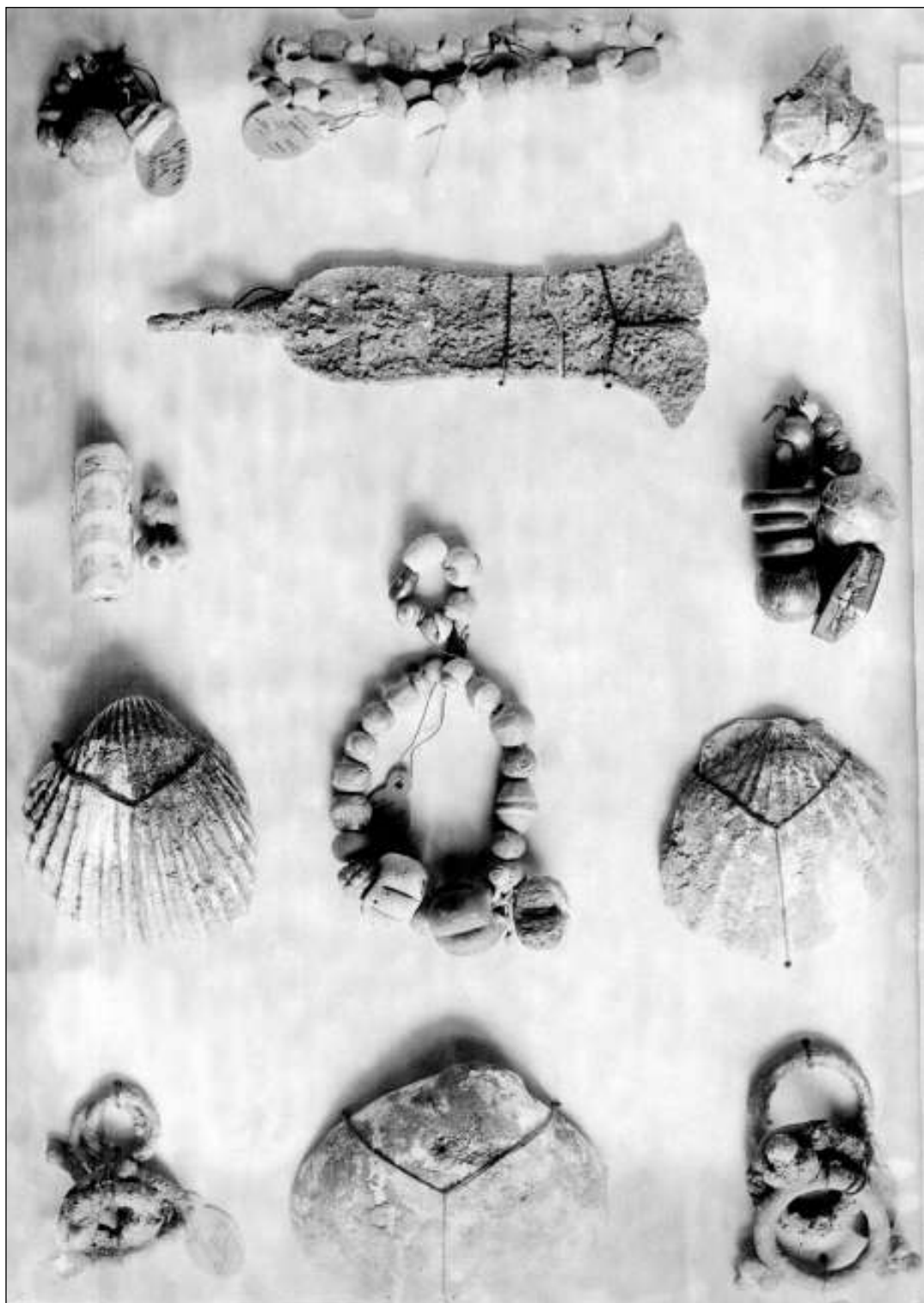
В Ольвии В. Н. Ястребов хотел копать «всей душой», и свое желание он вполне удовлетворил. Из отчета о раскопках, направленного в ИАК (Там же, л. 50–55; ОИАК за 1894 г. 1896: 11–12, 98–103), можно понять, что археолог проводил раскопки курганов, а также «продолговатых сплошных насыпей». В общей сложности он исследовал 28 гробниц, многие из которых были полностью разграблены. Особый интерес в их ряду привлекает гробница № 23, представляющая собой катакомбу с обрушившимся сводом. На ее дне были найдены железные гвозди, медный предмет, который, как представлялось исследователю, мог служить украшением гроба, глиняный предмет в виде скобки, оловянная дужка, железный кинжал с остатками деревянных ножен, остатки проржавевшей железной пики и такого же копья, пучок железных трехгранных наконечников стрел, покрытых ржавчиной, а также медная монета (ОИАК за 1894 г. 1896: 102). В этом воинском захоронении особое внимание можно обратить на медный предмет, поскольку в других погребениях ничего подобного не отмечено. Дело в том, что на фотографии некоторых находок, происходящих из раскопок В. Н. Ястребова, представлен конский налобник/наносник так называемого позднескифского типа (1894 г., д. 32, л. 23). Очень может быть, что этот налобник/наносник происходит именно из гробницы № 23. Она интересна по той причине, что имеет важное значение для изучения характера взаимоотношений Ольвии с варварским миром во время эллинизма (Симоненко 1982; Канторович 2007).

В январе 1896 г. А. А. Бобринской попросил В. Н. Ястребова прислать в ИАК чертежи открытых им катакомб, а также сообщить о планах дальнейших археологических исследований (1894 г., д. 32, л. 57). В ответном письме В. Н. Ястребов сообщил, что чертежей не имеет, а обещания провести раскопки дать не может по причине ухудшившегося здоровья. Несмотря на это, он счел нужным заметить: «В Ольвии же необходимо продолжать раскопки безостановочно, в противном случае все будет застроено или расхищено» (Там же, л. 60).

В том же году раскопки Ольвийского некрополя были поручены магистранту Императорского Новороссийского университета Б. В. Фармаковскому, которому тогда было всего 26 лет⁷. Он информировал Археологическую Комиссию относительно некоторых деталей организации работ (1896 г., д. 79, л. 28 об.):

«В нынешнем году возможно было копать только на общественных землях Парутина. На частных наделах крестьян, в их огородах и дворах без заключения предварительных условий с ними копать невозможно. Да и заключать такие условия с тамошними крестьянами нелегко и не всегда даже возможно. Во всяком случае, заключать условия надо заблаговременно. В окрестностях Парутина (кроме Березани) копать без заключения предварительных условий с владельцами земель также нельзя».

⁷ Об этом ученом, его роли в изучении Ольвии и вообще отечественной античной археологии см.: Жебелев 1929; Марр 1929; Карасев 1948; Фармаковская 1988.

Конский налобник/наносник так называемого позднескифского типа
из раскопок В. Н. Ястребова 1894 г. (1894 г., д. 32, л. 23)

Б. В. Фармаковский в Ольвии

Б. В. Фармаковский провел исследования некрополя на площадях к западу от раскопов В. Н. Ястребова и обнаружил здесь 44 гробницы (ОИАК за 1896 г. 1898: 78–81, 200–212). Археологу тогда представлялось возможным классифицировать древние погребения по глубине их залегания или по слоям. Первый слой находился на глубине 2,14 м, второй — 2,15–4,25 м, третий — 4,26 м и более. Два первых слоя в некрополе Ольвии были представлены обычными грунтовыми и подбойными могилами, третий состоял исключительно из склепов с дромосами (ОИАК за 1896 г. 1898: 79).

Дело с охраной Ольвии и ее некрополя между тем не улучшалось. В «Отчете Императорской Археологической Комиссии» за 1900 г. по этому поводу говорилось:

«Местные жители и сами власти свидетельствовали, что в неурожайном 1899 году все население села Парутино занималось раскопками, усматривая в древностях единственный ресурс пропитания» (ОИАК за 1900 г. 1902: 3). Ю. А. Кулаковский сообщал А. А. Бобринскому, что хищническими раскопками этого года порой одновременно занимались по 300 человек (1899 г., д. 99а, л. 37 об.)

В том же 1899 г. председатель Археологической Комиссии А. А. Бобринской совершил поездку в Керчь и Севастополь, где еще раз ознакомился с состоянием расположенных там памятников классической древности. Состояние этих памятников, в общем, удовлетворило его. Свои наблюдения он выразил в рапорте, направленном в ноябре этого года министру Императорского Двора. В отношении Ольвии А. А. Бобринской, имея в виду плодотворные исследования Керчи и Херсонеса, заметил:

«Ревнителю отечественной старины надеются, что в царствование ныне благополучно царствующего Государя Императора положено будет такое же начало ко спасению древностей Ольвии» (1899 г., д. 99, л. 9). По поводу этого памятника он писал далее:

«В числе древних греческих колоний, расположенных к северу от Черного моря, самые замечательные были: Пантикапея (Керчь), Херсонес (у Севастополя) и Ольвия. Последняя расположена на Южном Буге, недалеко от городов Николаева и Очакова, где ныне село Парутино. Ольвия давно уже обратила на себя внимание археологов, но правильных раскопок на ее пепелище произведено мало. Это произошло, главным образом, от того, что местонахождение части ольвийского городища расположено на земле графини Любови Александровны Мусиной-Пушкиной, которая до сих пор не соглашалась дать разрешение на производство археологических раскопок на ее земле. Но запрет владелицы коснулся лишь научных учреждений (Археологической Комиссии и Одесского общества), просивших об этом; на самом деле тайное кладоискательство процветает на земле графини. Такому же расхищению подвергается и та часть ольвийского некрополя, которая располагается на крестьянской земле. Добывание древностей в Ольвии оказалось очень выгодным делом и дало возможность

установиться в Николаеве и Очакове известной еврейской фирме братьев Гохманов, к которым крестьяне приносят добытые вещи. Гохманы и другие евреи скупают древности на наличные деньги и затем перепродают их любителям и музеям за большие суммы. Многие из предметов Эрмитажа, Исторического музея и Одесского музея добыты таким путем. Многие вещи попали и в частные собрания (Суручана, Лемме и др.). Много древностей продано и за границу. Кроме продажи древностей Гохманы успешно занимаются и фальсификацией. Из их мастерской происходит и известная скифская тиара, наделавшая столько шума и приобретенная Луврским музеем за двести тысяч франков.

Нынешний год особенно богат тайными находками ценных предметов старины в Ольвии, благодаря неурожаю, побудившему крестьян искать счастья в раскопках. На описываемое печальное положение вещей давно уже обращено внимание археологов, и на бывшем в Киеве в августе месяце сего года Археологическом съезде поднят вопрос о сохранении ольвийской старины. Но поручить эту охрану нашим археологическим общества не приведет к цели. Дело упорядочения ольвийских древностей должно быть предпринято и доведено до конца правительством; органом же правительства в данном случае служит Императорская Археологическая Комиссия. Главная к тому причина — необходимость вести дело в строгом порядке, со строгою отчетностью и под постоянным контролем, а этим условиям в настоящее время удовлетворяет только Археологическая Комиссия» (Там же).

А. А. Боринской в этом рапорте упомянул и об Археологическом съезде в Киеве 1899 г., от которого у него остались весьма неприятные впечатления. Дело в том, что руководившая работой съезда П. С. Уварова обрушилась на Археологическую Комиссию с резкой критикой (*смотри главу I*), упомянув, в частности, и Ольвию. По этому поводу граф отметил:

«Графиня Уварова заявила на публичном заседании киевского съезда, что Московское Археологическое общество уже несколько лет назад могло получить от графини Мусиной-Пушкиной разрешение производить раскопки на ее землях в Ольвии, но общество, за невозможностью найти необходимые средства и людей, предпочло предоставить Ольвию расхищению кладоискателей, чем уступить дело Археологической Комиссии. Нельзя не пожалеть о подобном отношении ученого общества к ольвийской старине» (Там же, л. 11).⁸

Противостояние Археологической Комиссии и Московского Археологического общества — особая страница в истории отечественной науки. А. А. Бобринской, конечно, не мог признать критику П. С. Уваровой справедливой, тем более — смириться с ней. Необходимо было действовать, и план действий был предложен. Это был план археологического изучения Ольвии, который состоял из пяти пунктов (Там же):

- «1) Императорская Археологическая Комиссия организует в Ольвии постоянные раскопки, наподобие раскопок в Херсонесе.
- 2) Разведками заведует особый уполномоченный Комиссии, имеющий жительство в Парутино или в ближайшем городе Николаев или Очаков.
- 3) В руководстве за направлением раскопок принимает участие, по приглашению Комиссии, Одесское общество истории и древностей.
- 4) Все добытые при раскопках вещи распределяются Комиссией между Императорским Эрмитажем, музеем Одесского общества истории и древностей, Российским Историческим музеем и другими музеями.

⁸ В речи П. С. Уваровой действительно были критические замечания по адресу ИАК (Уварова 1902: 50–51), но об Ольвии в ней ничего не сказано. В решениях съезда, правда, записано: «Ввиду хищений, которым подвергается за последнее время Ольвия, ходатайствовать перед правительством о выдаче должных средств для производства в Ольвии правильных и систематических раскопок» (Заседание Совета 1902: 164).

5) На раскопки, приобретение древностей у крестьян и содержание в Ольвии особого уполномоченного ассигнуется ежегодно 4000 рублей, которые вносятся Министерством особым кредитом в смету Императорской Археологической Комиссии».

Рапорт А. А. Бобринского в этой его части явно писался в состоянии большого эмоционального напряжения. Только этим, на наш взгляд, можно объяснить отсутствие в документе некоторых важнейших организационных моментов. К примеру, ничего не сказано о позиции по этому вопросу владелицы земли графини Л. А. Мусиной-Пушкиной. Возникают и другие вопросы. Кто из жителей с. Парутино мог бы стать уполномоченным ИАК и где найти квалифицированного специалиста, который смог бы возглавить столь ответственные раскопки?

А. А. Бобринской, однако, был полон решимости довести задуманное до конца. В марте 1900 г. он сообщал в Кабинет его императорского величества, что графиня Л. А. Мусина-Пушкина передала принадлежащее ей имение сыну Александру Алексеевичу, «который любезно выразил свое согласие на производство в оном раскопок Императорской Археологической Комиссии». Для выяснения условий на месте, «составления плана постоянных раскопок и вообще организации всего дела» в Ольвию было решено послать директора Керченского музея К. Е. Думберга» (Там же, л. 27).

Время для такой инициативы, как оказалось, было выбрано очень неудачно. Нестроения в самой ИАК весной 1900 г., прошение К. Е. Думберга об отставке, уход из Комиссии В. Г. Тизенгаузена и Ф. А. Брауна (*подробнее смотри главу I*) поставили сам проект под угрозу. Прежде всего, это вызвало недоумение у владельца земли графа А. А. Мусина-Пушкина, который вообще решил отказаться от задуманных раскопок, что удивило и А. А. Бобринского, и Ф. А. Брауна (ОПИ ГИМ, ф. 163, д. 8, л. 72, 74–74 об.). Предположительно причиной такого отказа была личность Ю.А. Кулаковского, которому Комиссия предполагала поручить раскопки.

Мнение А. А. Пучкова, что почин новому этапу исследований Ольвии положил Ю. А. Кулаковский в 1900 г. (Пучков 2004: 118), представляется не вполне верным. До Ю. А. Кулаковского в качестве руководителя ольвийских раскопок рассматривалась еще одна кандидатура — польского археолога Иосифа С. Новальского (Josef Nowalski, 1857–1928). А. А. Бобринской направил ему письмо, в котором, в частности, говорилось (1900 г., д. 99, л. 28):

«Относительно же того археолога, коему возможно было бы вверить ведение постоянных раскопок в Ольвии, Комиссия с благодарностью приняла заявление М. И. Ростовцева, указавшего ей на Вас, как на лицо сведущее в деле археологических изысканий. Посему позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою сообщить мне в возможно непродолжительное время Ваш отзыв по этому вопросу. В случае, если бы Вы признали возможным в принципе согласиться на мое предложение, то не откажите уведомить, не можете ли Вы в течение предстоящего лета поехать в Ольвию во время пребывания там К. Е. Думберга и войти с ним в ближайшее сношение о правильной установке этого, столь важного для археологии нашего отечества дела».

И. С. Новальский с ответом затянул, поскольку был занят делами в Вене, его письмо было направлено в Петербург лишь в феврале 1901 г. (1899 г., д. 99, л. 45–46).⁹ Время уходило, и раскопки в Ольвии становились все более и более проблематичными. В таких условиях 17 апреля председатель Комиссии был вынужден вновь обратиться к К. Е. Думбергу со следующим письмом (1900 г., д. 99, л. 30):

⁹ Польский археолог отвечал согласием на проведение исследований в Ольвии, но в 1901 г. оно уже, как представляется, мало интересовало А. А. Бобринского. Археологическая Комиссия избрала для раскопок на этом памятнике другую кандидатуру — Б. В. Фармаковского.

«Милостивый Государь Карл Евгеньевич!

Вследствие рапорта Вашего от 12 апреля об увольнении Вас от службы и после личных переговоров я питаю полную надежду на то, что причины, побуждающие Вас оставить Императорскую Археологическую Комиссию, видоизменятся и что мне удастся на долгие годы сохранить на пользу Комиссии столь трудолюбивого и просвещенного ея деятеля. Во всяком случае, считаю долгом уведомить, что рапорту Вашему может быть дан ход лишь после исполнения возложенного мною на Вас поручения по исследованию Ольвийского некрополя. К этому делу я покорнейше прошу Вас приступить с начала предстоящего лета, согласно подробно выясненному и неоднократно обсуждавшемуся в Комиссии плану действий. Условия, на коих граф Мусин-Пушкин согласился разрешить Комиссии произвести раскопки на принадлежащих ему землях, Вам известны. На Ваши же разыскания в Ольвии назначены Вам из Археологической Комиссии 1000 рублей, кои будут Вам отпущены обычным порядком. Относительно выдачи Вам Открытого листа и уведомления местных властей об оказании Вам нужного содействия мною вместе с сим сделано надлежащее распоряжение.

О результатах Ваших исследований соблаговолите представить в Археологическую Комиссию отчет по обыкновению.

Примите уверения в совершенном моем почтении и преданности. Гр. А. А. Бобринской».

К. Е. Думберг, однако, был непреклонен. Что касается условий, на которых А. А. Мусин-Пушкин согласился разрешить раскопки на своих землях, то переписка по этому вопросу началась еще в марте 1900 г. Переговоры опять же уперлись в самый сложный вопрос «дележки» находок. А. А. Бобринской настаивал на своих условиях (Там же, л. 29):

«...из вещей совершенно одинакового характера — третья часть предоставляется Археологической Комиссией в Ваше распоряжение. При этом от Вас будет зависеть получить или самые предметы, или стоимость их по оценке Комиссии, или по обоюдному соглашению. За такие же предметы, которые найдены будут в одном лишь экземпляре и к разделению которых, следовательно, не представляется возможности, Комиссия уплачивает Вам половину их стоимости, оценивая эти древности по стоимости металла, из которого они сделаны, с надбавкою еще $\frac{1}{3}$ той же стоимости предмета; относительно же неметаллических предметов ценность их определяется путем научной экспертизы в Комиссии или по взаимному с Вашим Сиятельством соглашению».

А. А. Мусина-Пушкина эти условия удовлетворяли отнюдь не вполне, во всяком случае, письменное соглашение с Комиссией составлено не было. Что же касается будущих раскопок, то после неудач с И. С. Новальским и К. Е. Думбергом ИАК была вынуждена обратиться к Ю. А. Кулаковскому и просить его провести исследования в Ольвии. Трудно сказать, в какой степени на это решение повлияло упомянутое выше выступление киевского археолога на Съезде в Вильно. Председатель Археологической Комиссии уверял Ю. А. Кулаковского, что А. А. Мусин-Пушкин эти раскопки «обязательно разрешил», но К. Е. Думберг, которому исследования были изначально поручены, не может этого исполнить «по состоянию здоровья» (1899 г., д. 99а, л. 1 об.). Последнее, надо признать, было правдой лишь отчасти. Ю. А. Кулаковский откликнулся на предложение без особой охоты, но, в конце концов, все-таки выразил свое «категорическое согласие». Организация раскопок, однако, вновь натолкнулась на противодействие владельца земли, по этому поводу археолог писал в ИАК И. А. Суслову 9 июня 1900 г. (1899 г., д. 99а, л. 4; ср. 37 об.):

«Спешу уведомить Вас, что я получил... письмо от графа Мусина-Пушкина, которым он сообщает, что своего согласия на условия, предложенные ему Комиссией, он еще не давал и считает какие-либо работы на принадлежащих ему землях в этом году преждевременными.

А одновременно с этим... я получил письмо от графа Бобринского из Франции, в котором он с уверенностью говорит о согласии, данном ему Мусиным-Пушкиным. Как бы то ни было, дело отлагается, а поэтому не спешите ни переводить деньги в Николаев (если это еще не сделано), ни писать обо мне херсонскому губернатору».

Узнав о таком повороте дел, А. А. Бобринской телеграфировал из Франции 19 июня (Там же, л. 5): «Передайте профессору Кулаковскому настоятельную просьбу не отказаться от посещения Ольвии в этом году и начать исследования у крестьян». Киевский профессор прибыл на место раскопок и свое впечатление от увиденного выразил следующими словами (Там же, л. 37 об.):

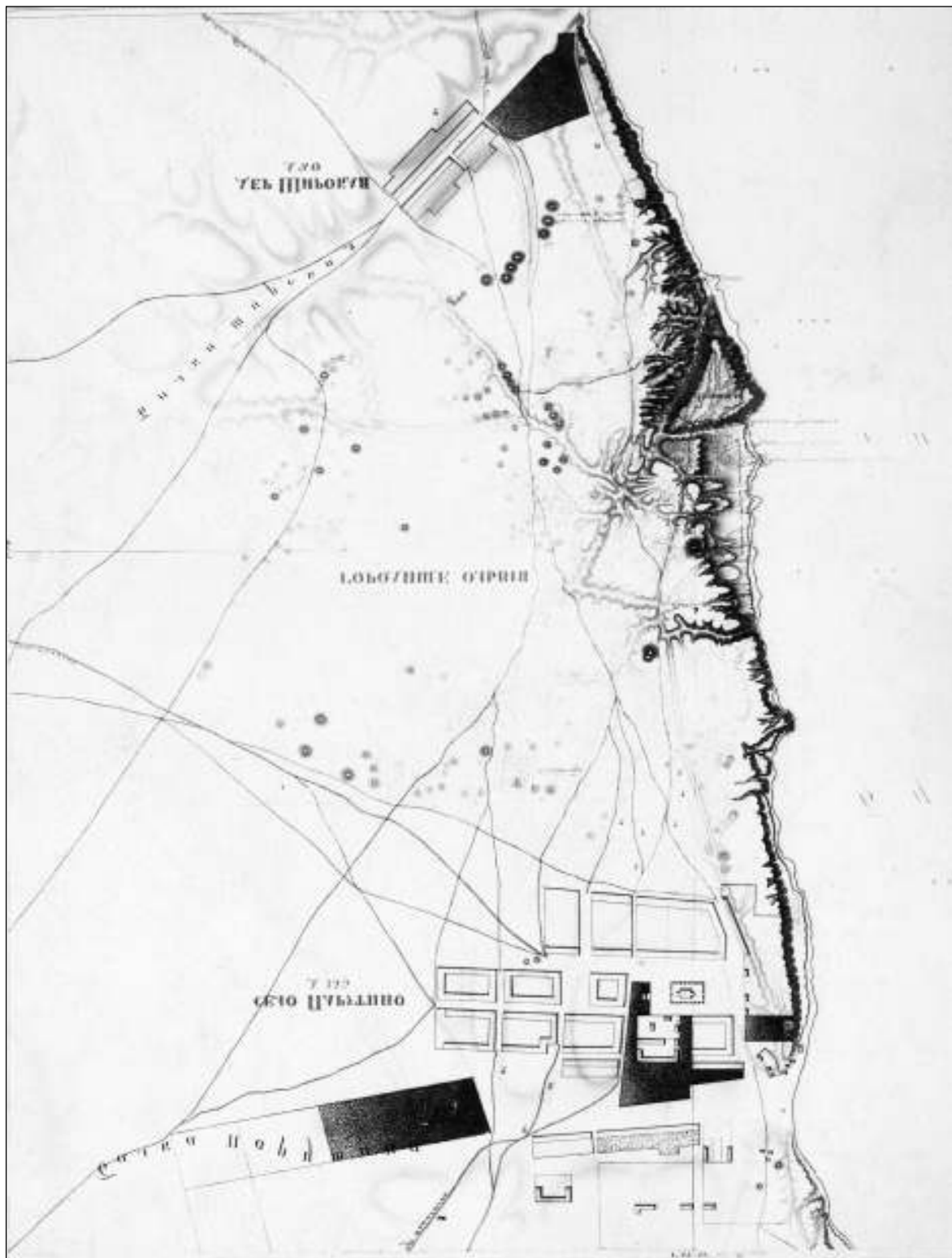
«Вид засыпанных и полузасыпанных ям на всех пустырях со стороны лимана, на всех почти усадьбах и даже на улицах, изрытый по всей своей площади большой курган в конце деревни с поврежденным великолепным склепом, который был недавно открыт и обыскан в тайных раскопках, — все это произвело на меня весьма тягостное впечатление. И чем больше я жил в Парутино, тем больше выяснялось для меня печальное положение дела».

Ю. А. Кулаковский предпринял исследования древних могил прямо на улицах с. Парутино (ОИАК за 1900 г. 1902: 3–12; о них см. также: Пучков 2004: 117–120). Он обнаружил здесь почти сотню погребальных комплексов: 76 могил обычного типа и 22 земляных склепа. Исследователь обратил внимание, что в погребениях отсутствовали стеклянные сосуды и самыми поздними находками были «мегарские» чаши (рис. 7). Тем не менее этот полевой сезон в Ольвии, судя по всему, ему представлялся неудачным. В своей переписке с И. А. Сусловым К. Е. Думберг сообщал, что он получает «от пана Кулаковского... печальные письма» и предупреждал: «Великий Юлиан нашел в Ольвии много хлама. Часть прислал сюда для склейки. Имейте в виду, что многие вещи им куплены в Ольвии. Он, наверное, скажет, что их нашел» (ОПИ ГИМ, ф. 163, д. 8, л. 111–111 об., 139). Впрочем, эти оценки можно связать и с личным отношением К. Е. Думберга к происходящим событиям. Вообще же после раскопок Ю. А. Кулаковского стало ясно, что вся южная часть села перекрывает древний могильник V–II вв. до н. э. (ОИАК за 1900 г. 1902: 10; Фармаковский 1903: 2).

Несмотря на не самые приятные впечатления от проведенных раскопок, Ю. А. Кулаковский в конце своего отчета, направленного в ИАК, высказал некоторые предложения по поводу будущих исследований в Ольвии. Он писал (1899 г., д. 99а, л. 42 об.–43 об.):

«В заключение позволю себе высказать несколько предложений относительно плана действий в Ольвии в будущем году, на случай, что будут устранены затруднения, которые создал в этом году граф Мусин-Пушкин. Наиболее важной и трудной задачей являются раскопки городища. Работы, которые были произведены в 1873 году, не дали никаких результатов, и всякий, кому приходилось посещать Ольвию, вероятно, так же, как и я, недоумевал, зачем было рыть эти огромные каналы в разных частях городища. Общий план древнего города ясен и без всяких раскопок. Если же питать надежду, что под мощным пластом насыпи можно еще найти древние улицы, остатки домов и памятники, то путь к тому один: постепенно мелкими участками расчищать до древнего уровня почвы. Я бы думал, что такого рода работу удобнее и легче начать на нижнем городе, причем землю можно было бы свозить в реку. Те остатки укреплений со стороны реки, которые видели некогда Кеппен и Уваров, в настоящее время разобраны, и камень свезен в экономию. Но самые места еще ясны, и от них-то можно начинать расчистку насыпи.

Само собою разумеется, что предварительно необходимо сделать точный план всего городища. Имеющиеся старые планы Кеппена и Уварова, как я мог в том убедиться, не точны, к тому же и овраги, ограничивающие городище и проходящие через него, успели с тех пор

План с. Парутина и городища Ольвии

Ольвийская керамика из раскопок Ю. А. Кулаковского 1900 г.

значительно разрастись. Помимо этой сложной и трудной, а к тому же и мало обещающей работы, следовало также заняться раскопкой некоторых, по-видимому, еще целых курганов, расположенных на земле графа Мусина-Пушкина к западу от городища. Граф Уваров, принявшийся за ольвийские курганы, не имел успеха и признал их разоренными. Мало успешны были и раскопки гг. Суручана и Ястребова. Но местные крестьяне добывали кое-что из курганов и в самое недавнее время и докапывались до больших склепов. В одном из них была найдена нетронутая гробница, содержимое которой доставило находчикам 450 рублей. В числе предметов были вазы и деревянный саркофаг. Последний был задержан благодаря уряднику и должен находиться в Херсонском музее. (В бытность свою в Херсоне в августе я, впрочем, его там не видел.)

Наконец, следовало бы начать розыски сплошных некрополей на западе и на юге от городища. Общий вид места к западу таков, что трудно сомневаться в присутствии там могильника. Местные «счастливы» не пробовали еще там искать гробницы. Что же касается площади к югу от городища, то в прежнее время, когда экономия не возбраняла раскопок, там были раскопки, о чем свидетельствуют виднеющиеся кое-где ямы, бывали и находки, но какие — о том мне не удалось добиться каких-либо сведений. Так как вся эта территория находится под выгоном, то раскопки на ней могли бы производиться в любую пору. Летом при системе розыска гробниц шупами <они> не причинили бы никакого ущерба владельцу земли, который и после раскопок продолжал бы извлекать из своей собственности тот же доход, какой получается теперь от выпаса крестьянского скота на этом выгоне».

Б. В. Фармаковский, вернувшись из Константинополя, где по приглашению Русского Археологического института пробыл три года (1898–1901), 1 марта 1901 г. был назначен членом Императорской Археологической Комиссии (1900 г., д. 248, л. 16), и раскопки в Ольвии были поручены именно ему (Карасев 1976: 13). Дело о подписании договора с владельцем земли

к тому времени, однако, вновь зашло в тупик. А. А. Мусин-Пушкин по этому поводу писал А. А. Бобринскому 13 октября 1900 г. (1899 г., д. 99, л. 33–34):

«При нашей встрече в Парутино я обещал написать Вам, любезный граф, на каких условиях я согласен разрешить раскопки в Ольвии.

Я бы давно исполнил это обещание, если бы не случившийся со мною несчастный случай.¹⁰

Из разговоров с матерью моей, которая хорошо помнит о бывших сношениях отца моего с Археологическим обществом (*sic!* — *Ред.*), о постоянно возникавших недоразумениях по поводу проводившихся одно время на нашей земле раскопок и раздела добытых в Ольвии предметов, и из всестороннего рассмотрения этого вопроса летом на месте, я пришел к убеждению, что единственный и самый верный способ избежать этих нежелательных недоразумений в будущем и тем раз и навсегда разрубить трудный гордиев узел — это предложить Императорской Археологической Комиссии, находящейся под просвещенным Вашим председательством, *купить у меня право за известную сумму* производить раскопки на всей территории Ольвии или только на части ея. Если Вы найдете, любезный граф, этот проект выполнимым, покорнейше прошу Вас, обсудив его, сообщить мне, на какие условия Вы нашли бы возможным согласиться, и в таком случае мы могли бы вести дальше наши переговоры».

Археологическая Комиссия была готова взять городище в аренду с уплатой за все 60 десятин 400 руб. в год, что превышало выплаты графу со стороны крестьян, пользовавшихся этой землей. А. А. Бобринской уверял А. А. Мусина-Пушкина, что под раскопки ежегодно будет занята небольшая часть памятника, остальную же владелец мог сдавать крестьянам под выпас скота:

«При этом Комиссия предлагает Вам заключить с нею условие на пять лет, причем Комиссия уплачивает Вам вперед, при заключении условия, 2000 рублей, или же заключить с ней условие на 10 лет; в таком случае Комиссия предлагает Вашему Сиятельству уплатить вперед всю сумму в размере всего 3000 рублей» (1899 г., д. 99, л. 37).

Предложенная сумма владельцу земли показалась ничтожно малой, он был готов продать право раскопок за 100 000 руб. В конце своего письма А. А. Бобринскому он не без ехидства заметил (Там же, л. 38):

«Если таковое предложение не подходит Комиссии, то покорнейше прошу Ваше Сиятельство меня об этом уведомить, так как я в таком случае сочту себя вправе принять другие предлагаемые мне предложения или на собственные средства производить раскопки. О замене же крестьян-арендаторов Археологическою Комиссиею я никогда не думал».

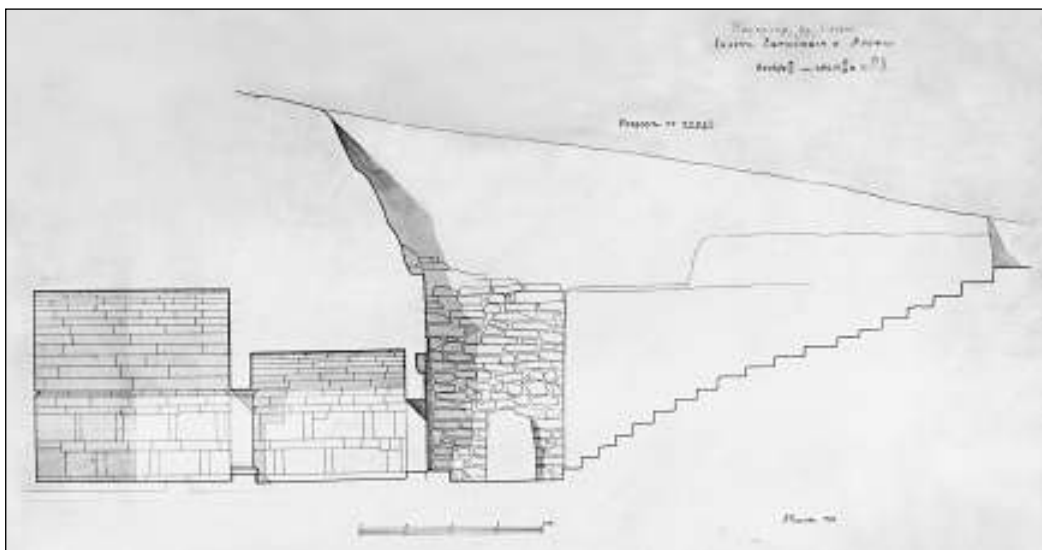
В ответ на это послание графу было направлено письмо 3 ноября 1900 г., в котором сообщалось, что у ИАК нет таких больших денег. Предложенная ранее сумма соответствует доходу, получаемому «с арендования площади городища под крестьянские пастбища», даже значительно превышает ее. В очередной раз владельца земли хотели убедить в том, что «Комиссия не имеет надежды отыскать в Ольвии каких-либо сокровищ, Комиссию, главным образом, интересуют фундаменты древних зданий и храмов; греческие надписи, обломки статуй. Все это имеет высокую научную ценность, но не материальную». А. А. Мусину-Пушкину вновь предлагалось взять дубликаты вещей, которые будут найдены при раскопках в Ольвии (Там же, л. 39), но все эти доводы оказались напрасными.

Таким образом, раскопки на графских землях в 1901 г. в очередной раз оказались невозможными, и Б. В. Фармаковский был вынужден продолжить изучение некрополя, лежавшего

¹⁰ А. А. Мусин-Пушкин тогда сломал ногу и порвал связки.

Ольвия. Вход в склеп Евросивия и Ареты (конец II–начало III в. по Р. Х.). Фото 1901 г

Ольвия. Склеп Евросивия и Ареты (конец II–начало III в. по Р. Х.). Чертеж К. К. Романова 1908 г.

на крестьянских землях. За один сезон исследователь обнаружил более 100 гробниц, которые относились к трем основным типам: 23 грунтовые могилы, 32 подбойные и 56 склепов с дромосами (Фармаковский 1903: 9). В этом году ему удалось открыть большой каменный склеп Еврисивия и Ареты. По поводу этого склепа исследователь написал: «Этим памятником античного искусства, открытого в недрах России, должно гордиться наше отечество как живым свидетельством той интенсивной культурной жизни, которая была ключом еще в II–III вв. по Р. Хр. на берегах нашего Черного моря» (Фармаковский 1902: 20).

Несмотря на очевидный успех работ этого года, Б. В. Фармаковский считал, что «новая эра» в изучении Ольвии была открыта лишь в следующем, 1902 г. (Фармаковский 1906: 1). Надо признать, что ученый имел на это полное право, поскольку именно тогда, после 30-летнего перерыва, удалось провести раскопки на Ольвийском городище. Граф А. А. Мусин-Пушкин проявил, как писал Б. В. Фармаковский, «просвещенное внимание к нуждам русской науки» и позволил археологам вести работы на площади в 60 десятин (Там же).

Переговоры о подписании договора с владельцем земли, как следует полагать, активно вел Б. В. Фармаковский во время своих раскопок на Ольвийском некрополе. А. А. Бобринской писал по этому поводу А. А. Мусину-Пушкину 18 декабря 1901 г. (1899 г., д. 99, л. 48–49):

«Член Императорской Археологической Комиссии Б. В. Фармаковский сообщил мне, что он имел случай беседовать с Вами по вопросу о раскопках на принадлежащей Вам территории древней Ольвии, близ села Парутина Херсонской губернии. На крайнюю важность для отечественной археологии систематических раскопок в Ольвии указывается уже очень давно как в русской, так и в иностранной литературе. Вашему Сиятельству эта сторона вопроса хорошо известна, поэтому о ней я распространяться не буду. Однако, ввиду того, что находящиеся в Ольвии древности иногда представляют известную материальную ценность, а в задачи Императорской Археологической Комиссии, преследующей в своей деятельности исключительно научные цели, никоим образом не может входить извлечение при этой деятельности каких-либо материальных выгод или лишения Вас того, что по закону составляет Вашу собственность, Комиссия считает необходимым выработать точные условия, на которых раскопки на Ваших землях могли бы производиться ею. Признавая желательность, чтобы не только Ваши интересы никоим образом не страдали от производства археологических изысканий на Ваших землях, а, напротив, чтобы Вы могли иметь в этом случае даже выгоду, Комиссия могла бы предложить Вам следующие условия:

- 1) Комиссия имеет право производить раскопки на территории древней Ольвии, занимающей 60 десятин принадлежащей Вам земли, в течение 10 лет.¹¹
- 2) Все расходы по ведению работ и по пересылке открытых при них древностей в С-Петербург Комиссия принимает на себя.
- 3) Половина всех совершенно одинаковых из найденных вещей поступает в Ваше полное распоряжение; она может быть приобретена и Императорскою Археологическою Комиссиею по ее оценке, в случае, если Вы не пожелали бы удержать ее у себя или продать в другие руки. Вещи, найденные в единственном экземпляре, оцениваются особой Комиссиею в С-Петербурге и Вам уплачивается половина определенной ею цены, самые же вещи поступают в собственность правительства для помещения в государственных музеях.
- 4) Члены упомянутой особой Комиссии для оценки найденных вещей назначаются по приглашению Императорской Археологической Комиссии с Вашим Сиятельством.

¹¹ Так как Комиссия предполагает систематически исследовать все городище, переходя мало-помалу от одного участка к другому, то пользование земель, покосами или иначе, насколько это прямо не препятствует работам Комиссии, остается в полном Вашем распоряжении. Гр. А. Бобринской.

Ольвия. Археологический домик. Фото Б. В. Фармаковского 1912 г.

Группа участников работ 1906 г. на некрополе. Второй слева Б. В. Фармаковский. Фото 1906 г.

Группа участников работ 1907 г. Стоят слева направо: Л. А. Моисеев, С. Н. Грищенко, Г. М. Данилов, Б. В. Фармаковский. Сидит – К. К. Романов. Фото 1907 г.

- 5) Разбор вещей, определение дубликатов и раздел их согласно п. 3 происходит в помещении Императорской Археологической Комиссии в С-Петербурге, куда все вещи доставляются по окончании раскопок каждого года при описях, засвидетельствованных подписями лица, производившего раскопки, и Вашего уполномоченного на раскопках. До производства раздела Вам передается копия указанных описей за подписью тех же лиц.
- 6) Императорская Археологическая Комиссия принимает на себя, когда потребуется, содержание сторожей по охране Ольвийского городища от хищнических раскопок.
- 7) Извлеченный при раскопках камень, не принадлежащий к древним строениям и годный для употребления в какое-либо дело (напр., для строительных надобностей, для мощения улиц и пр.), поступает в Вашу собственность, но фундаменты или части древних строений, которые могут быть открыты при раскопках, должны оставаться неприкосновенными или, по крайней мере, не могут быть разбираемы и употребляемы без разрешения Комиссии.

Представляя эти условия на благоусмотрение Вашего Сиятельства, Императорская Археологическая Комиссия позволяет себе надеяться, что Вы не откажете ей в любезной готовности войти с нею в соглашение по вопросу, столь важному и столь давно уже ожидающему разрешению. Вы оказали бы незабвенную услугу науке, приняв указанные выше условия, и Ваше имя осталось бы навеки памятником в истории отечественного просвещения».

А. А. Мусин-Пушкин внес в проект договора лишь незначительные поправки, и столь нужный документ наконец был подписан.¹² Об этом событии А. А. Бобринской докладывал в Министерство Императорского Двора 8 января 1902 г. В нем он напомнил, что в 1901 г. от раскопок на землях графа А. А. Мусина-Пушкина пришлось отказаться из-за неисполнимости предложенных им условий. Наконец с владельцем земли подписано особое соглашение, и проведению раскопок в Ольвии больше ничто не мешает. Председатель Археологической Комиссии просил довести обстоятельства дела до сведения императора и отметил также:

«Из личного моего посещения Ольвии я вынес то убеждение, что систематические раскопки в этом городище неминуемо увенчаются блестящими научными открытиями. Конечно, как бы не были счастливы раскопки г. Фармаковского в этом году, нельзя немедленно ожидать дальнейших крупных находок, но я приемлю смелость утверждать, что со временем ольвийские раскопки вполне оправдают потраченные на них средства и усилия» (1899 г., д. 99, л. 54).

Архитектор К. К. Романов
на раскопках в Ольвии.
Фото Б. В. Фармаковского 1909 г.

¹² В 1912 г. договор между Императорской Археологической Комиссией и А. А. Мусиным-Пушкиным был продлен на следующие 10 лет, т. е. до 1922 г. (1899 г., д. 99, л. 59–60).

Несмотря на достигнутую договоренность с владельцем земли о проведении раскопок, его взаимоотношения с Археологической Комиссией вряд ли можно признать бескорыстными. Впоследствии сын А.А. Бобринского писал о раскопках в Ольвии следующее:

«Все, что там находили, а находили очень много предметов, делилось пополам, и граф Мусин-Пушкин каждый год приезжал на выставку находок, которую мой отец устраивал в Археологической Комиссии, и выбирал себе добрую половину вещей. Только вторую половину мой отец “спасал” для какого-нибудь музея или даже для самого Эрмитажа. Приходилось приходиться к соглашению с собственником земли, на которой такие находки происходили. Граф Мусин-Пушкин был очень культурный человек, но отец мой иногда кусал себе губы, когда Мусин-Пушкин себе забирал какую-нибудь мраморную статую пятого века до Рождества Христова» (Бобринский 2003: 502).

Городище в то время представляло собой «огромный пустырь, изрытый кладоискательскими ямами и траншеями 1873 г.» (Фармаковский 1906: 2). Б. В. Фармаковский для начала поставил задачу установить границы города и его некрополя и приступить к изучению городской застройки. Почти сразу было установлено, что Ольвия существовала вплоть до IV в. н. э. (Там же: 6). Исследователь скрупулезнейшим образом изучал систему напластований городища и вскоре пришел к заключению, что здесь можно выделить шесть крупных слоев, последний из которых (шестой) относится к времени архаики (ОИАК за 1908 г. 1912: 7).

Важной задачей исследований городища в 1902 г. стало изучение так называемого Зевсова кургана, который И. Е. Забелин признавал остатками храма Зевса. Большой каменный склеп здесь был обнаружен в 1903 г. К сожалению, он оказался полностью ограбленным, но после этого открытия для всех стало ясно, что курган является погребальным памятником (Фармаковский 1906: 7–9), относящимся к II в. н. э. (Карасев 1976: 14–15). Зевсов курган, как было установлено раскопками, был сооружен на руинах более ранних зданий, что дало возможность предполагать, что в первых веках нашей эры, после гетского разгрома Ольвии, площадь города сильно сократилась.

Другой важной задачей раскопок городища стали поиски оборонительных сооружений. Исследователей, конечно, очень волновали рассказы Геродота, описавшего стены и башни Ольвии V в. до н. э. (Herod. IV. 78), но выявить их оказалось очень нелегко. В 1904 г. Б. В. Фармаковский заложил большой раскоп на восточном склоне Заячьей балки и обнаружил городскую стену на протяжении 50 м, датировав ее IV в. до н. э. (ОИАК за 1904 г. 1907: 1–41; Карасев 1976: 16–17). С наружной стороны стены тогда же были открыты остатки крупной башни, которую исследователь отнес к II–III вв. н. э. (ОИАК за 1904 г. 1907: 23).

Ольвийская ваза (III в. до Р. Х.)
из раскопок Б. В. Фармаковского 1901 г.

Ольвия. Общий вид на башню и стены римской цитадели. Раскопки Б. В. Фармаковского 1904 г.

Ольвия. Общий вид на южную часть городской стены. Раскопки Б. В. Фармаковского 1904 г.

В 1905–1906 гг. были проведены масштабные работы на так называемой римской цитадели (ОИАК за 1905 г. 1908: 1–35; ОИАК за 1906 г. 1909: 1–50). В результате их было доказано, что в первые века нашей эры здесь действительно находилась компактная крепость, своего рода цитадель. Тогда же были проведены исследования примыкающей к ней городской застройки. В 1906 г. была открыта часть улицы, ведущей к цитадели. Некоторые обнаруженные тогда находки дали основание исследователю полагать, что на позднем этапе истории культура Ольвии имела «значительный налет культуры восточной, близкой к культуре сасанидского Ирана» (ОИАК за 1906 г. 1909: 44).

В 1907 г. Б. В. Фармаковский сосредоточил усилия на поиске оборонительных сооружений Ольвии вдоль Северной балки. Ему удалось обнаружить часть рва глубиной до 6 м, защищавшего город с севера (ОИАК за 1907 г. 1910: 7, 13). В этом же году были открыты очень плотные субструкции шириной 5 м, которые археолог посчитал основанием оборонительных стен. По его мнению, ров представлял собой часть самых древних укреплений Ольвии, которые были заменены новыми стенами после середины IV в. до н. э. (Там же: 59). Впоследствии, правда, в заполнении рва были обнаружены фрагменты краснофигурных ваз позднего стиля, которые Б. В. Фармаковский датировал первой половиной III в. до н. э. и посчитал, что они дают *terminus post quem* для более поздних укреплений (ОИАК за 1908 г. 1912: 47). С общим заключением исследователя вполне можно согласиться, а вот предложенные им даты явно нуждаются в корректировке, поскольку, по существующим сейчас представлениям, самые поздние образцы аттической краснофигурной посуды не переживают конца IV в. до н. э.

В 1909–1910 гг. были проведены крупные раскопки на площади так называемого нижнего города, прилегающего к Южному Бугу, где уже в первом сезоне было выявлено семь различных уровней или слоев (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 6); в дальнейшем был выделен и восьмой (ОИАК за 1912 г. 1916: 2). Б. В. Фармаковский обратил внимание на открывавшиеся во время раскопок следы пожаров и разрушений и пришел к заключению, что город неоднократно переживал разгромы (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 7). Под напластованиями первых веков нашей эры на участке были раскрыты остатки здания с алтарем III–II вв. до н. э., отличающиеся очень хорошей сохранностью (Карасев 1976: 18–19). В дальнейшем раскопки были перемещены на площадь к югу от раскопа 1909–1910 гг. (ОИАК за 1911 г. 1914: 1–14; ОИАК за 1912 г. 1916: 1–30). В 1913 г. раскоп был расширен в северном направлении, но начавшаяся на следующий год Первая мировая война помешала Б. В. Фармаковскому исполнить задуманные планы. В 1915 г. раскопки на городище уже не проводились, поскольку набрать рабочих для этого было невозможно (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 1–2).

Раскопки некрополя Ольвии, как известно, проводились Б. В. Фармаковским параллельно с изучением городища. Каждый год открывались десятки погребальных комплексов, накапливался интереснейший археологический материал. Последний сезон на некрополе был проведен в 1915 г., когда было открыто 190 гробниц обычных для Ольвии типов, подавляющее число которых принадлежало времени архаики (Там же: 26). Любопытно, что в закладе одного из земляных склепов (№ 21) был обнаружен камень с «оригинальной отделкой» в виде рельефной рамки по краю и рельефного круга (диаметр — 14 см) в центре (Там же: 32–33). Б. В. Фармаковский отметил, что первоначальное назначение этого камня непонятно, однако на фотографии этого комплекса камень прекрасно виден. Бросается в глаза его сходство с так называемыми тарапанами, т. е. основаниями приспособлений для выжимки виноградного сока, использовавшимися в виноделии, в частности, на Боспоре (Гайдукевич 1958: 386, рис. 29). Совсем не исключено, что вышедший из употребления ольвийский тарапан был использован для сооружения заклада в одном из погребальных комплексов.

Ольвия. Вид раскопок курагана близ Археологического домика.
Раскопки Б. В. Фармаковского 1907 г.

Ольвия. Курган со склепом № 10 на участке А. А. Мусина-Пушкина. Фото Б. В. Фармаковского 1907 г.

Раскопки Б. В. Фармаковского в Ольвии в 1901–1915 гг. для отечественного антиковедения имеют очень большое значение. В это время был постепенно выработан послойно-квадратный метод изучения античных городищ, который до сих пор используется археологами (Карасев 1976: 19). Методика, разработанная в Ольвии, применялась и на памятниках других археологических эпох, в частности для изучения древнерусского города и его храмовой архитектуры. Известно, что в 1908 г. Б. В. Фармаковский, параллельно с раскопками в Ольвии, возглавил работы по изучению Десятинной церкви в Киеве (*подробнее смотри главу XII*). В результате многолетних систематических раскопок ольвийских памятников был получен богатейший вещевой материал, без которого невозможно представить настоящее и будущее нашей античной археологии (см.: Козуб 1974; Парович-Пешикан 1974; Крыжицкий 1985; Крыжицкий, Лейпунская 1997; Крыжицкий, Лейпунская и др. 1999; Леви 1985; Скуднова 1988; Виноградов 1989; Крапивина 1993; Папанова 1993; 2006; Виноградов 2006; Waşowicz 1975).

Ольвия. Могила № 30 — общий вид с погребальным инвентарем. Раскопки Б. В. Фармаковского 1913 г.

Ольвия. Антропоморфное изваяние, найденное в закладе подбойной могилы. Фото Б. В. Фармаковского 1906 г.

После Февральской революции в России Императорскую Археологическую Комиссию постигла череда преобразований, однако изучение античных древностей вообще и ольвийских в частности продолжало оставаться в числе ее приоритетов. Необходимо отметить, что именно в структуре РГАК был создан Отдел древностей античных и древнехристианских, во главе которого встал Б. В. Фармаковский. На период с 1 июля 1918 г. по 1 января 1919 г. все Отделы Комиссии должны были составить сметы планируемых финансовых расходов, снабдив их записками о научной деятельности подразделений, а также о задачах на будущее. Относительно работы Отдела древностей античных соответствующую записку составил Б. В. Фармаковский. Основной упор в ней сделан, естественно, на изучении Ольвии. Стоит подробно ознакомиться с этим документом (1918 г., д. 20, л. 62–64). Исследователь писал:

«В почве России сохранилось чрезвычайно много остатков культуры древнегреческой, римской и эпохи от начала нашей эры до появления славян. Многие из этих остатков представляют первоклассные произведения искусства. Многие являются весьма ценными по составу своего материала (многочисленные предметы из золота). В России находятся чрезвычайно живописные руины имевших большое значение городов и поселений. Крайне интересны

Ольвия. Раскопки у Заячьей балки. Раскопки Б. В. Фармаковского 1904 г.

Ольвия. Вид на раскопы I, II, IV и V во время работ. Вид с юго-запада.
Фото Б. В. Фармаковского 1908 г.

Ольвия. Мозаичная половая вымостка IV слоя — угол с пальметкой.
Раскопки Б. В. Фармаковского 1902 г.

Ольвия. Выставка находок, найденных в 1905 г. Фото 1905 г.

Ольвия. Раскоп IV. Вид на обломки ваз, светильников и прочих изделий из глины, найденных в процессе раскопок. Фото 1907 г.

Ольвия. Мраморная плита с хвалебным декретом в честь гражданина Каллисфена Дадова. Раскопки Б. В. Фармаковского, 1904 г.

и сохранившиеся древние монументальные гробницы, которые своей архитектурой поражают всех наблюдателей. Россия представляет единственный в мире ансамбль древних античных расписных склепов (в Керчи). Произведения античной художественной промышленности украшают в громадной массе витрины наших важнейших музеев. Все это добыто было в древних могилах. Какой высокий художественный и научный интерес представляют античные памятники, извлеченные из гробниц, обнаруженных в почве России, наглядно показывают и объемистые томы... вышедших в свет изданий Археологической Комиссии, снискавших себе известность в ученом мире. Не менее важны найденные в России в огромном количестве древнегреческие и латинские надписи, которые с поразительной наглядностью рисуют нам всю культурную и социальную жизнь в древних городах, находившихся

Ольвия. Терракотовая статуэтка Кибелы.
Раскопки Б. В. Фармаковского 1910 г.

Ольвия. Терракотовая статуэтка Кибелы.
Раскопки Б. В. Фармаковского 1910 г.

на почве России. Найденные в России античные монеты также преисполнены глубокого интереса. Многие из них высокой художественной работы, и все они дают ценный материал для истории нашей страны в древнейшие времена.

Сказанного достаточно, чтобы видеть, как настоятельно нужна надлежащая постановка дела археологического исследования античных памятников в России и каких важных результатов от нее можно ожидать. Задачи огромны, а выполнить их, можно сказать, до сих пор только более или менее намечалось. Отдел древностей античных, конечно, прежде всего, должен

нести (sic! — Ред.) археологические раскопки, которые ведутся уже с 1859 года. По обстоятельствам времени, однако, теперь приходится пока ограничиться мерами охраны открытых раскопками Комиссии развалин древних городов в Керчи, Херсонесе и Ольвии. В названных местах необходимо сохранить имеющийся штат служащих, занятых охраной древних городов, древних гробниц, а также инвентаря и музеев. Состав и ставки по Керченскому музею древностей определяются в представляемой смете по нормам, установленным Комиссариатом Имуществ России (§ 3, ст. 4, лит. А).

В сумму, испрашиваемую на раскопки Херсонеса (12 630 руб.), входит содержание личного состава (10 230 руб.) по ставкам, установленным Комиссариатом Имуществ Республики, и на необходимые хозяйственные расходы по неотложным раскопкам, ремонтам построек, инвентаря и т. п., по расчету по 200 рублей в месяц (§ 3, ст. 4, лит. Б). Сумма на раскопки в Ольвии (§ 3, ст. 4, лит. Б) в 5 820 р. складывается из содержания личного состава (4620 р.), установленного Комиссариатом Имуществ Республики, и неотложных расходов по 100 руб. в месяц.

Многочисленные рассеянные на большом пространстве памятники античной культуры до сих пор не были даже зарегистрированы. Для науки крайне важно провести сохранившиеся памятники в известность и составить их описание, сфотографировать, зачертить и зарисовать. Необходимо зарегистрировать и развалины античных поселений (городищ) и древние могилы (курганы), рассыпанные по степям. Прежде всего, в ближайшее же время желательно было бы составить подробную карту всех имеющихся курганов. На эту работу надо было бы 3000 рублей. Далее желательно произвести съемку скифских городищ, что потребует 5000 р. Подготовка Сборника с описанием курганов, которые необходимо сделать в дополнение к карте курганов, потребует 3000 рублей. Необходима съемка с руин мелких греческих поселений. На все надо было бы 5000 руб.

Раскопками, производившимися долгие годы, к настоящему времени собран уже колоссальный материал, властно призывающий исследователей к его обработке. Настоятельно необходимы работы по подготовке к изданию материала, добытого раскопками 1901–1915 года в Ольвии; весь материал в настоящее время находится в Петрограде, в помещении Археологической Комиссии. Необходимость издания этого материала очевидна.

До сих пор работы по подготовке издания древностей Ольвии шли очень медленно, так как Комиссия могла приглашать для ведения регистрационных работ лиц по вольному найму с очень скромным вознаграждением по 35 рублей в месяц. Научная обработка материала до сих пор лежала только на члене Комиссии Б. В. Фармаковском. ...Теперь настоятельно необходимо издание общего сводного труда по Ольвии, без чего многолетние исследования, на которые были сделаны большие затраты, остались бы незавершенными, а сделанные ранее расходы непроизводительными.

Число предметов, добытых раскопками в Ольвии, доходит до 40 000. С большей части этих предметов должны быть даны рисунки и чертежи, так как эти предметы представляют новый материал для науки.

На чертежи и рисунки по подготовке издания древностей Ольвии надо положить до 10 000 рублей.

В настоящее время, пока невозможны археологические исследования на местах (из-за обстоятельств времени), важно сосредоточить все внимание на издательской деятельности. Предположено в ближайшее же время приступить к подготовке издания атласа южно-русских древностей... Древностям Скифии посвящают две публикации (древности из окрестностей Оренбурга и из Келермеса ...). Древним античным монетам посвящается труд

М. И. Ростовцева... *Ряд мелких работ по древностям Скифии, Боспора и Ольвии* будет напечатано в очередных выпусках “Известий Российской Государственной Археологической Комиссии”.

Начатый печатанием *труд М. И. Ростовцева “Исследования по истории Скифии и Боспора”*... преследует идею популяризации знаний по древностям нашего юга. С целью популяризации знаний отдел предполагает в текущем году организовать практические занятия по предметам древности, находящимся в Археологической Комиссии, с интересующимися молодыми учеными и любителями древности».

Надо признать, что записка Б. В. Фармаковского не отличается особой грандиозностью замыслов. Значительно более масштабные сочинения были предложены в области изучения древностей Востока. Новым властям эти перспективы как будто представлялись более важными. Вместе с тем приведенный документ оставляет немало недоуменных вопросов. Ясно, что в сложившейся тогда политической ситуации Б. В. Фармаковский вполне осознавал невозможность проведения раскопок на юге России, но, несмотря на это, просил средства на возобновление исследований в Ольвии и Херсонесе. Непонятно также, как можно было провести работы по составлению карты курганов или съемке планов городищ, поскольку в условиях Гражданской войны любая из противостоящих сторон приняла бы ученых за шпионов со всеми вытекающими из этого последствиями. Продолжение раскопок в Ольвии можно было реально планировать только после стабилизации общественно-политической ситуации. В 1919 г. война еще вовсю продолжалась.

В этом же году Археологическая Комиссия прекратила свое существование. На созданном ею фундаменте была организована Российская Академия истории материальной культуры — учреждение, перед которым ставились более широкие научные задачи. Ольвийская экспедиция РАИМК под руководством Б. В. Фармаковского смогла продолжить изучение памятника только в 1924 г. (Фармаковский 1926; Карасев 1976: 19–20). Подводя итог сказанному, необходимо признать, что Императорская Археологическая комиссия сыграла важную роль в изучении Ольвии. Первые раскопки памятника (1873, 1886, 1894, 1896 гг.), правда, носили эпизодический и несистемный характер, но к рубежу веков всем уже стало ясно, что Ольвия имеет принципиальное значение для исследования классической культуры на северном берегу Черного моря. Этот поворот в умонастроениях ученого сообщества вполне отчетливо проявился в 1990 г., когда, несмотря на целый комплекс непростых проблем, под руководством А. Ю. Кулаковского были проведены раскопки ольвийского некрополя. С 1901 г. работы в Ольвии возглавил один из выдающихся отечественных антиковедов — Б. В. Фармаковский. С 1902 г., наконец, было начато комплексное изучение памятника, т. е. не только ольвийского некрополя, но и городища. Ученые постепенно стали раскрывать материальную культуру древнегреческого государства, просуществовавшего в Северном Причерноморье целое тысячелетие. Важно еще раз подчеркнуть, что тогда же была разработана методика послойно-квадратного изучения культурных напластований при широком вскрытии площадей. Все эти достижения заложили фундамент для последующего развития античной археологии в нашей стране, более того — составили ее гордость.

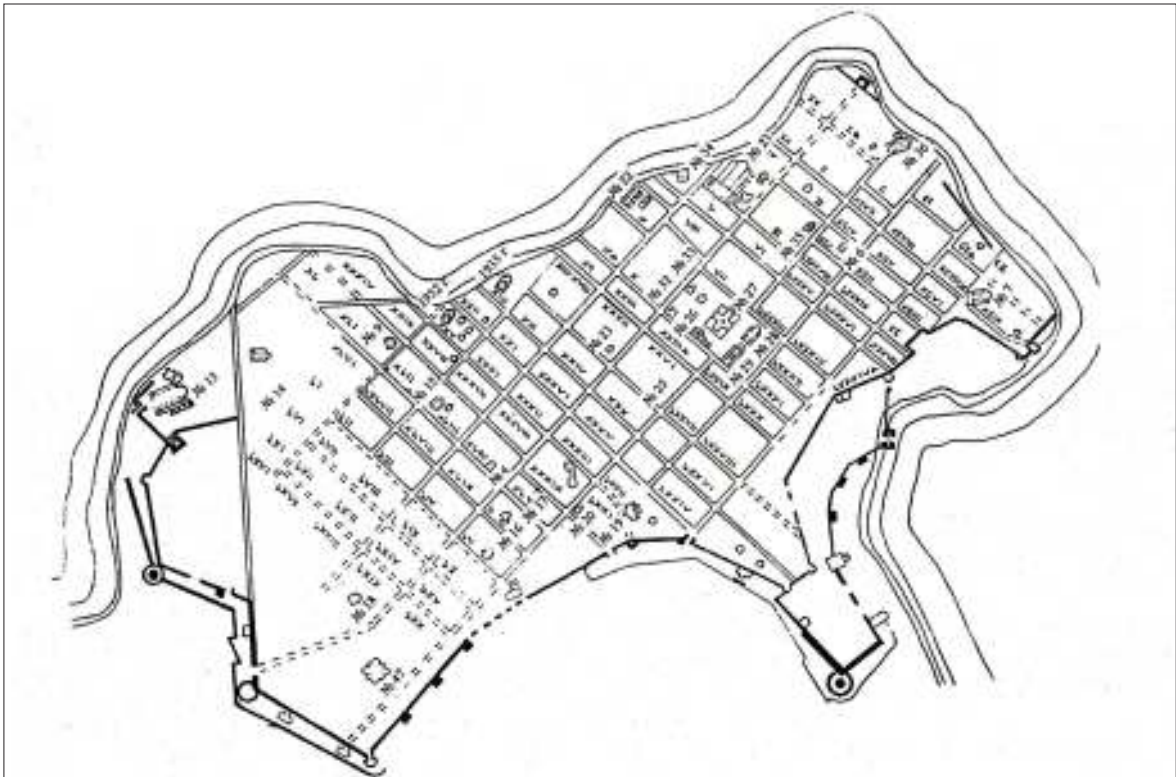
Ю. А. Виноградов, А. Е. Мусин

Глава V

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

С 1888 г. Императорская Археологическая Комиссия начала проводить систематические исследования Херсонеса Таврического и его окружи. До того времени, по точному замечанию министра народного просвещения И. Д. Делянова, «в Херсонесе, месте знаменательном в истории нашего отечества и в летописях русской православной церкви, уже в продолжение почти столетия производились раскопки каждым, кто только хотел этим заниматься» (1887 г., д. 22, л. 11). Исследованиям Херсонеса конца XVIII–середины XIX в. посвящена обширная литература (Бертье-Делагард 1893; Иванов 1912: 168–178; Гриневич 1927: 9–23; Белов 1948: 9–12; Романчук 2000: 11–21; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 16–26; Тункина 2002: 479–536).

Первые документированные раскопки Херсонесского городища были проведены по поручению вице-адмирала А. С. Грейга в 1827 г. плантером Черноморского департамента Корпуса

План кварталов и культовых построек Херсонеса (Романчук 2000: рис. 17)

корабельных инженеров подпоручиком К. Крузе. Под его руководством был раскопан крестообразный храм (№ 27), над которым впоследствии возвели собор св. Владимира, храм к юго-востоку от него (№ 17) и базилика (№ 7) в юго-восточной части городища, именовавшаяся, после выхода в свет монографии Е. И. Иванова, «базиликой Крузе» (Айналов 1905: 46–70; Иванов 1912: 238–244; Золотарев, Коробков, Ушаков, Пилингер, Пюльц 2003: 229–233). Упомянутые здесь и далее номера культовых построек соответствуют плану расположения храмов Херсонеса (Романчук 2000: рис. 17), восходящему к плану городища Херсонеса Таврического, опубликованному в работе Д. В. Айналова (Айналов 1905: рис. 1), который в свою очередь, взял за основу нумерацию, сложившуюся в период работы ИАК в Херсонесе. Через несколько лет большая часть открытых древностей была разворована солдатами, кордоны которых располагались на месте раскопок во время эпидемии чумы в Севастополе в 1829–1830 гг.

В 1830 г. под руководством начальника Севастопольской и Перекопской временных карантинных линий князя З. С. Хершелудзева на городище солдаты раскопали «курган». В рапорте сообщалось о фундаментах какой-то постройки без упоминания находок. В 1842 г. под руководством Д. В. Карейши на территории Херсонеса проводилось разрытие двух холмов с целью поиска древних гробниц. Поскольку следов богатых захоронений не обнаружилось, эти работы приостановили. В 1846–1847 гг. Карейша вновь возвращается в Херсонес. Где под его руководством были открыты несколько подземных склепов, относящихся к юго-восточному району некрополя, и два «кургана» на городище. Один из них оказался задернованным фундаментом общественного здания византийского периода, принадлежность второго осталась невыясненной, известно только, что в нем нашли «небольшую статуйку» и два бронзовых креста (Карейша 1846: 309–310; Тункина 2002: 511–522).

В 1850 г. на территории городища архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов) основал киновию, получившую в 1861 г. статус Херсонесского монастыря (Анфим 1877: 427–430). Настоятель киновии иеромонах Василий (Юдин) получил разрешение на сооружение известковой печи, в которой пережигались камни, разбросанные по территории городища. В 1851 г. лейтенант Шемякин на собственные средства провел раскопки и обнаружил южную стену византийского храма, ставшего впоследствии известным под именем Уваровской базилики. Эти работы были остановлены по требованию Одесского общества истории и древностей. В 1853 г. по приказу министра уделов и управляющего Кабинетом его величества Л. А. Перовского и с одобрения архиепископа Иннокентия (Борисова) раскопки на территории Херсонеса производил камер-юнкер, граф А. С. Уваров. В результате этих работ были открыты 40 гробниц в юго-восточной части Херсонесского некрополя, а также частично раскопана самая большая из известных на городище базилик, вошедшая в историю под именем Уваровской (№ 23) (Уваров 1855: 159–171). К. Э. Гриневиц отмечал эти раскопки Херсонеса как первые, целью которых были не только поиск древностей, но и исследование памятника (Гриневиц 1927: 18).

Предложение начать общенародный сбор средств на возведение в Севастополе храма на месте предполагаемого крещения князя Владимира вице-адмирал Грейг представил Александру I еще в 1825 г. С 1825 по 1851 г. с небольшим перерывом проводился сбор пожертвований на строительство собора, закладка которого состоялась в июле 1854 г. (Арх. НЗХТ, д. 206, л. 3–6). В 1850 г. архиепископ Иннокентий обратился в Святейший Синод с просьбой разрешить ему учредить на месте древнего городища иноческие пустынножителства. Позднее, в 1852–1853 гг., на территории городища по распоряжению архиепископа Иннокентия начались раскопки под руководством иеромонаха Василия. В результате этих работ была частично открыта так называемая базилика на Центральной площади (№ 28). Наблюдавшие

за работами члены Одесского общества З. А. Аркас и Н. Н. Мурзакевич высказали предположение, что эти остатки принадлежали церкви Богородицы, в которой крестился князь Владимир, и дворцу, в котором жила княгиня Анна, и предложили восстановить храм. Эту идею поддержали игумен Василий и архиепископ Иннокентий (Шаманаев 2004: 251). Проект храма, составленный в 1852 г., получил одобрение Святейшего Синода и императора Николая I. В 1858 г. высочайшим указом было повелено построить на развалинах Херсонеса храм в честь св. Владимира. В 1861 г. Херсонесский монастырь св. Владимира возвели в первоклассный. 23 августа император Александр II и члены августейшей фамилии приняли участие в торжественной закладке фундамента херсонесского собора. В этом же году настоятель монастыря св. Владимира игумен Евгений (Отмарштейн) производил раскопки на месте строительства собора, где среди прочих сооружений были открыты базилика (№ 26), а также несколько храмов (№ 29, 32, 33). Общий план раскопок на площади будущего собора был опубликован Н. Н. Мурзакевичем в записках Одесского общества. План и краткое описание этих раскопок были присланы игуменом Евгением в Императорскую Археологическую Комиссию в 1860 г. вместе с просьбой о финансировании, однако тогда, вследствие задержки с ответом на встречный запрос С. Г. Строганова о раскопках, сотрудничество монастыря и ИАК не состоялась (1860 г., д. 33, л. 1–6; ГАГС, ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 4–5; Шаманаев, Мусин 2009). Часть вещей, найденных в результате этих работ, была отправлена в 1867 г. в Москву на Политехническую выставку; большинство из них было впоследствии подарено или продано частным лицам. После многих проволочек строительные работы по возведению собора св. Владимира начались в 1861 г. и продолжались до 1891 г. (Мурзакевич 1863: 996–997; Айналов 1905: 58. Рис. 43; Антонова, Филлипенко 1997: 138–142; Тункина 2002: 525–534).

В 1875 г. бывший министр народного просвещения обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой посетил Херсонесский монастырь и, заметив на строительной площадке храма св. Владимира многочисленные обломки древних архитектурных деталей, предложил Одесскому обществу возглавить охрану и исследование древностей Херсонеса. Общество приняло предложение и организовало раскопчный Комитет, представивший Толстому перечень мер, направленных на сохранение и исследование херсонесских древностей вместе с прошением о выделении средств на их реализацию. Комитет возглавил Н. Н. Мурзакевич, который был одним из основателей, а впоследствии секретарем (1839–1874) и вице-президентом (1875–1883) Одесского общества. После его смерти надзор за раскопками осуществлял В. Н. Юргевич, действительный член Одесского общества с 1859 г., секретарь (1874–1883) и вице-президент в 1883–1898 гг. На территории Херсонеса планировалось организовать систематические раскопки и реставрационные работы. Предлагалось даже построить контрфорсы для укрепления разрушающейся береговой линии с участками культурного слоя. «Христианские древности», найденные на городище, должны были храниться в музее при монастыре, а «языческие древности» передаваться в Одессу в музей Общества (Гриневиц 1927: 19; Шаманаев 2004: 252–254).

С 1876 по 1881 г. Святейший Синод ежегодно ассигновал Одесскому обществу на эти цели по одной тысяче рублей, а с 1881 по 1884 г. такую же сумму выплачивало Министерство народного просвещения. Для того времени это были немалые средства.

Раскопки Одесским обществом проводились в северо-восточном и центральном районах Херсонеса. В работах были задействованы нижние чины саперных рот Севастопольской крепости, а с 1884 г. — вольнонаемные рабочие. В результате раскопок 1876–1877 гг., проходивших под наблюдением игумена Анфима (Казимилова) и члена Одесского общества,

военного инженера полковника К. Е. Геммельмана, были открыты часовни и помещения, относящиеся к ХСVI кварталу, частично раскопана Восточная базилика (№ 36) и четыре часовни возле нее, а также храм-усыпальница (№ 34). Работы 1878–1879 гг. увенчались открытием Северной базилики (№ 22) и находкой известного декрета в честь Диофанта (IRE, II, 352). Приводимые здесь и далее номера кварталов соответствуют плану расположения храмов Херсонеса (Романчук 2000: рис. 17) и основываются на общепринятой нумерации кварталов городища, восходящей к Генеральному плану Херсонесского городища (Гриневич 1930: Генеральный план северо-восточной части Херсонесского городища, чертил Н. М. Янышев). В 1880–1881 гг. была расчищена главная улица, открыта часовня над подземным храмом (№ 35) и обнаружены части городского водопровода в III квартале; в 1882–1883 гг. раскопана часть помещений III квартала и частично открыт подземный раннехристианский храм-мавзолей (Гриневич 1927: 20–22; Золотарев, Ушаков 1997: 30–31; Шаманаев 2005: 384–397). С 1884 г. в связи с отсутствием средств Одесское общество перепоручило ведение раскопок на городище монастырю св. Владимира, оставив за собой научный и финансовый контроль.

Таким образом, под руководством Одесского общества были продолжены попытки ведения регулярных археологических раскопок городища. К сожалению, работы проводились на довольно низком, даже по меркам того времени, методическом уровне: найденные объекты исследовались не полностью, отсутствовала системная фиксация находок. Музей христианских древностей, организация которого входила в планы Одесского общества, так и не был создан.

Ситуация, сложившаяся в Херсонесе, привлекала особое внимание Императорской Археологической Комиссии, прежде всего в связи с серией критических публикаций в прессе, касающихся раскопок (1887 г., д. 22, л. 20 сл.).

В 1884 г. в Севастополе был создан Кружок любителей истории и археологии Крыма. Одной из основных задач этой организации была охрана от разорения и расхищения памятников древнего Херсонеса и препятствие их вывозу за границу. На страницах газеты «Севастопольский листок» регулярно публиковались статьи, содержавшие замечания по поводу методики ведения раскопок Херсонеса, проводившихся под общим руководством Одесского общества, а также предлагались проекты реорганизации исследований с целью сделать их более научными и эффективными. В одной из заметок вице-президент Одесского общества В. Н. Юргевич публично признавал не только низкий уровень ведения археологических исследований на территории Херсонесского городища, но и многократные случаи хищения и продажи древностей любителями, которым было поручено руководство раскопками (Там же, л. 18; Шаманаев 2007: 113 сл.).

В 1885–1886 гг. при сооружении Военным инженерным ведомством на городище линии батарей, проходившим под руководством военного инженера А. Л. Бертъе-Делагарда (подробнее о нем см.: Тункина 2002: 48), были сделаны многочисленные находки, которые передали в Одесское общество. Часть из них, как, например, статуэтки Афины Паллады и Артемиды, найденные в Херсонесе в 1885 г., поступила непосредственно в Комиссию 1 апреля 1887 г. (1887 г., д. 22, л.1–2). В то же время А. Л. Бертъе-Делагард изъявил готовность взять на себя надзор над археологическими раскопками на территории городища. Эту инициативу поддержал председатель Археологической Комиссии граф А. А. Бобринской. 22 апреля 1887 г. А. Л. Бертъе-Делагарду было поручено проведение археологических работ, а соответствующее письмо содержало подробнейшие инструкции и методические рекомендации относительно раскопок, паспортизации и хранения находок. На проведение работ Комиссия выделяла средства в размере 2500 руб. В мае того же года Н. П. Кондаков планировал приехать в Херсонес, чтобы определиться с планом работ, которые

фактически должен был начать А. Л. Бертье-Делагард с двумя студентами Новороссийского университета, однако «по независящим от Комиссии причинам» раскопки произведены не были, (Там же, л. 6–9). В последующие годы А. Л. Бертье-Делагард, ссылаясь на занятость, не принимал непосредственного участия в проведении раскопок Херсонеса, но всегда проявлял живейший интерес к этим исследованиям и постоянно находился в курсе всех проводившихся там работ.

Возможно, намерение ИАК серьезно заняться изучением Херсонеса оставалось бы еще долго нереализованным, если бы не «счастливая случайность». 21 апреля 1887 г. председатель Московского архитектурного общества Н. В. Никитин, ссылаясь на действительного члена общества М. Ф. Беттихера, сообщил в МАО о бедственном положении древностей на территории Херсонесского Свято-Владимирского монастыря и ходатайствовал об усилении их изучения и охраны. В частности, со ссылкой на рассказ одного инока из братии монастыря Никитин написал, что колонны вдоль дороги предполагается распилить и использовать для пола в новых храмах. Сами же колонны из мест их обнаружения стаскивались к дороге, из чего следовало, что раскопки и сама охрана древних памятников находятся в руках некомпетентных людей (РА, ф. 4, д. 110, л. 439–439 об.).

5 июня 1887 г. председатель МАО графиня П. С. Уварова, опираясь на информацию Н. В. Никитина, направила письмо Александру II с описанием ситуации, сложившейся в Херсонесе, с предложениями путей сохранения и необходимости исследования этого памятника. При этом подчеркивались непосредственные заслуги графа А. С. Уварова в изучении Херсонеса. Во время войны 1854–1856 гг. результаты его раскопок были законсервированы. Далее графиня писала: «То, что судьба спасла от иноземцев, не должно погибнуть от руки тех, которые более других должны были дорожить первыми христианскими древностями народа русского». От имени МАО графиня сообщала о неоднократных продажах архимандритом Евгением херсонесских древностей, полученных вследствие бесконтрольных грабительских раскопок, которые производили монахи на городище. В послании перечислялись меры, которые, по мнению Общества, необходимо было предпринять в сложившемся положении. Археологическое изучение Херсонеса графиня не без тайного расчета предлагала возложить на «одно из ученых обществ» с организацией на месте археологической станции. При этом предполагалось сократить монастырь, а новых хозяев обязать содержать священнослужителя для постоянного служения в местной церкви. Обеспечение раскопок предполагалось осуществить за счет передачи Обществу земли в Мелитопольском и Бердянском уездах, а также монастырских земель вокруг Херсонеса, и их эксплуатации. Письмо заканчивалось призывом: «Повели, Государь, и древний Херсонес станет Русскою Помпеею, заинтересует всю благомыслящую Россию, привлечет к изучению своих древностей не только русских ученых, но и путешественников из Западной Европы» (1887 г., д. 22, л. 23; 1894 г., д. 250, л. 1–3; Кац 1988: 58–60).

Реакция императора последовала практически мгновенно, о ней красноречиво свидетельствует пометка для министра просвещения И. Д. Делянова, сделанная на подлиннике письма: «Это необходимо сделать, чтобы не прослыть за варваров. Поговорите об этом деле с кем следует и представьте мне заключение и как можно скорей, чтобы спасти все, что можно спасти» (1887 г., д. 22, л. 16). Уже 14 июня И. Д. Делянов сообщил П. С. Уваровой о высочайшем повелении, в котором говорится, что производство самовольных раскопок на местности древнего Херсонеса строго воспрещается и будет преследоваться; ежегодные раскопки необходимо возложить на ИАК и Одесское общество; для сохранения находок организуется музей под руководством опытного специалиста-археолога, для чего назначаются ежегодные

суммы не более 3–5 тысяч руб.; объявляется запрет монашествующим производить раскопки и продавать вещи. Одновременно ИАК предлагалось сделать заключение о мерах к охране открытой базилики (РА, ф. 4, д. 110, л. 446–447). 19 июня 1887 г. министр просвещения дополнительно написал Уваровой, что 1 июня, очевидно, когда Александр III читал ее записку, против места, где было написано, что «вера же и любовь Государя к старине земли русской позволяет обратиться с просьбой спасти древний Херсонес», император написал «очень сим благодарен» (1887 г., д. 22, л. 26 сл.).

Переписка по этому вопросу продолжалась до конца года. 29 ноября 1887 г. И. Д. Делянов сообщил П. С. Уваровой об отзыве обер-прокурора Синода на запрещение государя монашествующим производить раскопки и продавать вещи. Воля государя была доведена до монашествующих, и «в настоящее время нет никаких слухов о продаже предметов древностей настоятелем монастыря» (РА, ф. 4, д. 110, л. 455–455 об.). Одновременно Министерство Двора предложило ИАК высказать свои соображения по поводу охраны и изучения Херсонеса. Как указывалось выше, это предложение не застало Комиссию врасплох: ее намерение изучать древности Херсонесского городища уже вполне сложилось к весне 1887 г., причем безо всякого вмешательства извне.

В рапорте министру императорского Двора от 27 июля 1887 г. старший член Археологической Комиссии барон В. Г. Тизенгаузен сообщал об основных проектах, которые планировалось реализовать в Херсонесе. Среди перечисленных задач значилось следующее:

- организация на городище сторожевого поста для предотвращения несанкционированных раскопок и расхищения древностей, для чего планировалось построить караульный домик и сарай, который использовался бы в качестве складского помещения для хранения найденных в процессе раскопок вещей, с последующим строительством музея;
- ежегодное производство систематических археологических раскопок, направленных на исследование городища и некрополя, составление топографического плана древнего Херсонеса;
- реконструкция на древнем фундаменте одной из древних базилик с использованием сохранившихся колонн и капителей, что имело бы «значение и для науки и для христианской церкви в России»;
- направление в Военное ведомство просьбы о своевременном информировании Археологической Комиссии о проведении каких-либо строительных работ на территории городища для того, чтобы последняя могла своевременно принять необходимые меры по обеспечению научного сопровождения таких работ (1887 г., д. 22, л. 34–36). По сути дела, ИАК переносила на Херсонес уже отработанную ею в восточном Крыму «керченскую модель». Предполагалось также передать все уже собранные древности от монастыря в ИАК и издать их в особом сборнике.

Руководство раскопками в Херсонесе планировалось поручить проф. Н. П. Кондакову, а сами работы осуществлять с привлечением специалистов Одесского общества и Императорской Академии художеств. Председатель Археологической Комиссии совместно с членами Одесского общества посещал Херсонес для уточнения планов предстоящих исследований, о чем известно из рапортов от 9 августа 1887 г. и 28 января 1888 г. (Там же, л. 44). Начало работ ИАК в Херсонесе и пребывание здесь председателя Комиссии не обошлось без курьезов. 5 августа 1887 г. граф А. А. Бобринской был задержан в Херсонесе унтер-офицером 49-го пехотного полка 13-й пехотной дивизии в то время, когда он делал наброски сохранившихся руин. За бдительное несение службы унтер-офицеру была объявлена благодарность. Однако в тексте приказа утверждалось, что граф «снял план батареи». Более того, приказ

попал в одесскую прессу, в результате чего «Новое время» в № 4165 переопубликовало этот приказ с комментариями, подписанными «Петербуржец», где сам приказ был назван «весьма дельным». А. А. Бобринской, который, естественно, был удивлен тем, что его действия на городище были квалифицированы как «снятие плана батареи», был вынужден обратиться с жалобой к одесскому генерал-губернатору. Генерал-губернатор назвал появление внутреннего приказа в печати «бестактным поступком» и сообщил о проведенном служебном расследовании (РА, ф. 25, д. 10, л. 6).

Уже в 1888 г. начались работы по «научной реконструкции» одной из открытых в Херсонесе базилик. 4 апреля В. В. Суслову поручили ознакомиться на месте с архитектурными элементами, добытыми в Херсонесе, которые возможно было использовать для восстановления храма. Годом раньше В. Г. Тизенгаузен обратился к председателю Комиссии по строительству Владимирского собора в Херсонесе с предложением создать при храме музей древностей, а также с сообщением о предполагаемой реставрации одной из базилик, конструктивные и декоративные элементы которой сохранились «в достаточном обилии» и могли послужить исходным материалом. При этом подчеркивалось, что «восстановление должно быть безусловно полным и верным исторической науке». Выбор В. В. Суслова в качестве эксперта был связан с тем, что он ранее уже активно сотрудничал с ИАК в деле реставрации архитектурных памятников и одновременно являлся членом Строительной комиссии. 27 июня 1888 г. он подал в ИАК рапорт, где обоснованно утверждал, что для правильного хода работ необходим проект реставрации базилики и обмеры всех архитектурных украшений. В качестве

Здание «Склада древностей» Херсонесского городища и реконструкция базилики, осуществленная по инициативе ИАК (Арх. НЗХТ, нег. № 61; Херсонес. Взгляд из прошлого 1996: 105)

помещения для музея он предложил использовать нижнюю паперть в новом храме, однако так и не остановился ни на одной из раскопанных базилик как основе для реконструкции, в то время как Н. П. Кондаков 13 мая сообщил, что Комиссия по постройке собора уже отобрала для своих целей лучшие из сохранившихся архитектурных элементов (1887 г., д. 22, л. 57, 58–59 об., 60–61 об., 63–66 об.).

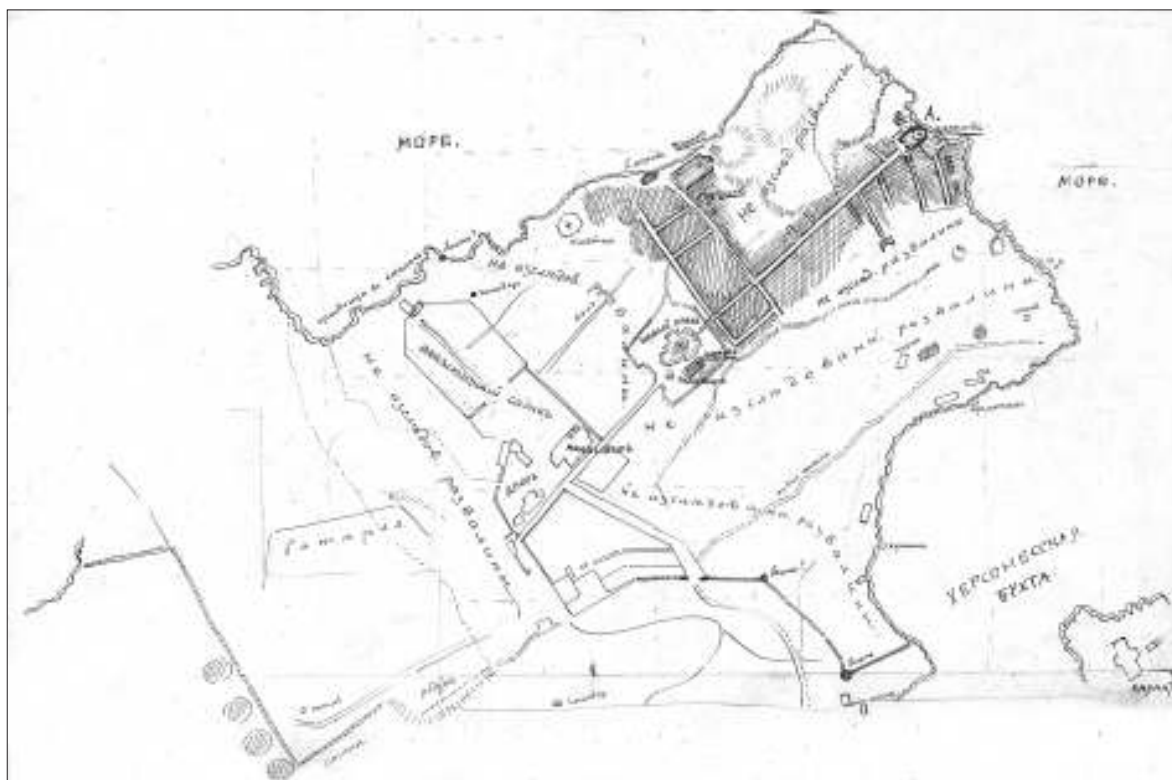
24 февраля 1888 г. Главный штаб передал в ИАК фотокопию плана городища, необходимого для начала работ (Там же, л. 47). Непосредственным исследованиям предшествовала переписка между А. А. Бобринским и Н. П. Кондаковым, не торопившимся приступать к раскопкам. В телеграмме от 14 мая 1888 г., направленной в Ялту Кондакову, граф А. А. Бобринской настаивал на немедленной организации раскопок городища под общим руководством А. Л. Бертье-Делагарда и при участии члена Одесского общества К. К. Косцюшко-Валюжинича и готовности выделить на эти работы 1000 руб. Н. П. Кондаков ответил, что А. Л. Бертье-Делагард приступить к руководству работами не сможет, проведение их возможно только при

поручении общего руководства и непосредственного надзора за ними К. К. Косцюшко-Валюжиничу. Это в конечном счете и было сделано (Там же, л. 67–69). Любопытно отметить, что 4 февраля 1888 г. услуги в качестве руководителя полевых работ в Херсонесе предлагал художник Д. И. Струков, приславший в ИАК свой полный послужной список (Там же, л. 49). В 1872 г. он уже сотрудничал с ИАК в собирании крымских древностей. Одновременно он предложил Комиссии издать сделанные им рисунки и описания ряда местных памятников.

В распоряжении К. К. Косцюшко-Валюжинича была артель копателей во главе со специально вызванным из Керчи П. Варсаблюком, имевшим 30-летний опыт раскопок. В первый год раскопки проводились в центральном и северо-восточном районах городища, а также возле Западной базилики (№ 13). Наиболее интересным открытием стало раскопанное рядом с Восточной базиликой помещение, в котором обнаружили формы для изготовления терракот, а также целые фигурки (подробнее см.: Мальмберг 1892: 4–31). В ходе этих работ было впервые установлено, что под византийскими слоями находятся остатки античного города. В телеграмме от 25 июня 1888 г. Н. П. Кондаков сообщал, что в Херсонесе была открыта мастерская коропласта. К. К. Косцюшко-Валюжинич направил в Археологическую Комиссию подробные отчеты о проведенных исследованиях, а также выслал в Санкт-Петербург отдельные находки, которые позднее передали в Императорский Эрмитаж (Там же, л. 78, 88, 138). Археологическая Комиссия выделила на продолжение исследований еще 1000 руб. и ходатайствовала о временном предоставлении в помещении монастыря двух

Заведующий раскопками Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжинич (Арх. НЗХТ, д. 52 (I))

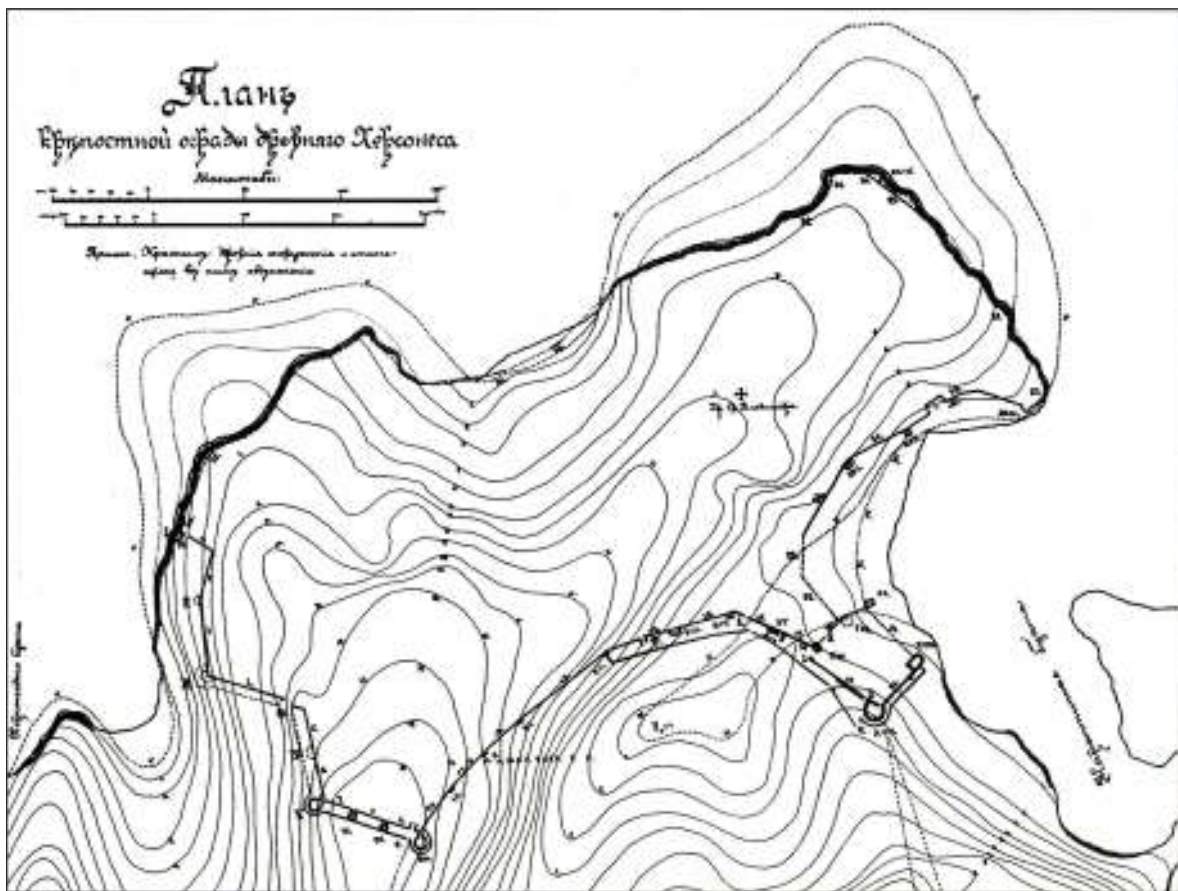

План первых раскопок в Херсонесе (1887 г., д. 22, л. 80)

комнат для своих сотрудников. Так было положено начало систематическим раскопкам Херсонеса, продолжавшимся ежегодно под общим руководством Археологической Комиссии вплоть до начала 1919 г.

В 1889 г. проводились раскопки городских кварталов центральной и западной частей городища (XLIII, L). Здесь был открыт комплекс из двух разновременных базилик с прекрасно сохранившимися мозаичными полами, получивший наименование «базилика в базилике» (№ 15), и часовни (15а), а также базилика (№ 17) и часовня (№ 16), расположенная рядом с ней. Для сохранения открытых мозаичных полов предлагалось возвести вокруг них стены и крышу и приставить к этому объекту сторожа (1889 г., д. 52; Производство археологических раскопок в Херсонесе 1892: 13–15). В годы заведования К. К. Косцюшко-Валюжинича финансирование раскопок Херсонеса постоянно увеличивалось. В письме от 24 марта 1890 г. А. А. Бобринской сообщал о выделении на исследования суммы уже в 4500 руб. (1890 г., д. 26, л. 5, 179).

В связи со строительством собора раскопки проводились в 1890 г. в центральной части городища. Здесь была доследована базилика (№ 28), открытая в 1853 г. Исследования этого памятника продолжались в 1891–1892 и 1896 гг. Как отмечалось в отчете, место, на котором возводился собор, было все застроено храмами, остатки которых к моменту раскопок сохранились только в двух местах с южной стороны, «и притом в самом жалком виде» (Производство археологических раскопок в Херсонесе 1893: 31). Возле Уваровской базилики обнаружили часовню, возможно, входившую в единый с ней комплекс (Айналов 1905: 130). В квартале XXVI был раскопан трехапсидный храм (№ 25), в западной части городища

План крепостной ограды древнего Херсонеса (Бертье-Делагард 1907: табл. II)

возле «базилики в базилике» — еще одна часовня (№ 156). Тогда же, в 1890 году были раскопаны так называемая базилика на холме (№ 14) и южный загородный храм, расположенный за пределами городских стен, а также начаты систематические раскопки городского некрополя у южных городских стен (подробнее о раскопках городского некрополя см.: Зубар 1978; Стоянов 2000: 129–136; 2003: 165–187). Кроме этого, за пределами городища производились раскопки кургана, располагавшегося в верховьях Стрелецкой бухты на земле полковника Шверина, развалин храма на островке в верховьях Казачьей бухты и, по указанию Бертье-Делагарда, начались раскопки укрепленного поселения на перешейке Маячного полуострова (1890 г., д. 26; ОИАК за 1892 г. 1893: 31–40; Щеглов 1994: 12).

В 1891 г. раскопки проводились в разных частях Херсонеса. Среди открытий этого года следует упомянуть найденную в центральной части городища к западу от собора стелу с Присягой граждан Херсонеса (IPE, I², 401). В северо-восточном и центральном районах производились раскопки открытых ранее объектов, а также было начато исследование Северной базилики (№ 22). Раскопки базилики продолжались в 1892–1893 и 1896 гг. В квартале ХСI был раскопан трехапсидный крестово-купольный храм (№ 6). Еще один крестово-купольный храм (№ 9) с подземным этажом-усыпальницей открыли в квартале ХLI. В северной части городища раскопали три часовни (Ia, CIa, № 1, 8, 10). Еще одна часовня (№ 5) была открыта в квартале LXXXIX. В западном районе были раскопаны крестообразная пристройка к зданию Западной

базилики (№ 13) и часовня возле базилики № 15. Доследования этого комплекса впоследствии проводились в 1892, 1895 и 1901 гг. Кроме этого, был исследован участок некрополя напротив 12–13-й куртин южной оборонительной стены. Нумерация куртин и башен соответствует общепринятой сегодня номенклатуре А. Л. Бертье-Делагарда, впервые опубликованной в издании ИАК (Бертье-Делагард 1907: табл. II) (Арх. НЗХТ. 1893 г., д. 3; 1891 г., д. 20; ОИАК за 1892г. 1893: 2–20).

Регулярный и масштабный характер этих исследований не мог не привлечь внимания специалистов. Приват-доцент Казанского университета Д. В. Айналов (подробнее о нем см.: Жебелев 1940: 133–135; Брунов 1940: 66–67) после посещения Херсонеса в 1890 г. направил в Археологическую Комиссию письмо с замечаниями, касающимися методики ведения раскопок. Среди основных нареканий — бессистемность работ и отсутствие определенного плана исследований. Он указывал, что выбор места раскопок в подавляющем большинстве случаев определялся исключительно наличием древних руин, сохранившихся на поверхности. Д. В. Айналов обоснованно предлагал сконцентрировать основные исследования не в центральной, а в прибрежной части городища, подвергающейся наибольшему разрушению. В письме указывалось на необходимость проведения систематических консервационных и реставрационных работ для сохранения многочисленных разрушающихся памятников — тех, что были видны на поверхности городища, и вновь открытых. В ответе на это письмо К. К. Косцюшко-Валюжинич сообщил, что в первые два года раскопок нужно было «собрать возможно больше интересных находок», чтобы Археологическая Комиссия не прекратила финансирование исследований (Гриневиц 1927: 24–27). Такая задача вполне объясняла темпы и масштаб раскопок, но отсутствие надлежащей фиксации находок и консервации открытых объектов, действительно неизбежно приводили к безвозвратным потерям.

В 1892 г. продолжались исследования объектов, ранее открытых в западном и центральном районах городища. В квартале ХСІХ была раскопана часовня (№ 37). Кроме этого, не прерывались раскопки городского некрополя возле южных оборонительных стен (1892 г., д. 214; 1892 г., д.10; Производство археологических раскопок в Херсонесе 1894: 13–27). Раскопки 1893 г. проходили в юго-восточном районе городища, где впоследствии был размещен Склад местных древностей. Здесь были открыты помещения, относящиеся к городской квартальной застройке. Раскопки в северном районе проводились в связи с намерением монастыря обнести стеной располагавшееся здесь монастырское кладбище и желанием Косцюшко-Валюжинича объединить площади раскопов 1889 и 1891–1892 гг. Здесь были доследованы храм-усыпальница (№ 34) и Северная базилика (№ 22), рядом с которой обнаружили часовню. В юго-западном районе при возведении Военным инженерным ведомством батарей были открыты части городской стены и обнаружены примыкавшие к ней каналы городского водопровода (ОИАК за 1893 г. 1895: 51–75).

10 мая 1893 г. Севастополь посетил Александр III, который отметил значительные успехи в работе Комиссии. Николай II 22 августа 1898 г. после посещения раскопок увеличил финансирование работ с ежегодных 4 до 6 тыс. рублей. Следующий визит императора в Херсонес состоялся в сентябре 1902 г. В статье по этому поводу Косцюшко-Валюжинич подробно описал длившуюся около двух часов экскурсию по городищу и музею. Во время осмотра император «выказывал живейший интерес» к находкам и задавал вопросы, касающиеся не только прошлого Херсонеса, но и хода ведения раскопок, особенностей взаимоотношений с монастырем, а также условий хранения найденных на городище древностей (1894 г., д. 250, л. 9, 62–67). В 1902 г. размер ассигнований, ежегодно выделявшихся Археологической Комиссией на исследования и охрану Херсонеса, составил 7840 руб. Для сравнения

Посещение Херсонеса императором Николаем II 18 сентября 1902 г. Император осматривает юго-восточный участок оборонительных стен Херсонеса в сопровождении императрицы Александры Федоровны, заведующего раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича и свиты (1894 г., д. 250, л. 60)

следует указать, что общая сумма, выделяемая на раскопки, проводимые по всей территории России, включая Сибирь (без Ольвии и Керчи), составила в тот год 11 600 руб.

В 1894 г. в юго-восточной части городища были открыты часть оборонительной стены (куртины 22–23) и комплекс прилегающих к ней построек, а также продолжено исследование участка некрополя вдоль южной стены и возле башни VIII (ОИАК за 1894 г. 1896: 51–76). В результате раскопок 1895 г. были расчищены участки оборонительных стен и прилегающие к ним постройки в юго-восточном (куртины 24–25), северо-восточном (куртины 29–30, 31) и северо-западном (куртина 1) районах городища. Кроме этого, исследовался некрополь в периболе возле башни XIII (1895 г., д. 6; ОИАК за 1894 г. 1897: 87–116). В 1896 г. в юго-восточной и центральной частях городища были открыты фрагменты квартальной застройки, продолжались раскопки южного участка оборонительных стен и некрополя вдоль южного склона Карантинной балки, ниже 14-й куртины, (1896 г., д. 4; ОИАК за 1896 г. 1898: 165–199). Исследования юго-восточной линии оборонительных стен, прилегающих к ней построек и некрополя продолжались в 1897–1898 гг. Тут были открыты системы водостоков, термы римского времени, а также частично расчищена башня XVII (так называемая башня Зенона). В 1897 г. к северу от XIII башни рядом с монастырской гостиницей обнаружили крестообразный храм («храм с ковчегом») (№ 19), в алтарной части которого нашли серебряный ковчег с мощами. Южную часть храма уничтожили в 1860-е гг.

при строительстве здания монастырской гостиницы (1897 г., д. 2; ОИАК за 1897 г. 1900: 91–132).

В 1899 г. раскопали южные городские ворота, уникальный склеп № 1012, расположенный с наружной стороны 16-й куртины, и приставные склепы римского времени (№ 1013–1014) (Гриневиц 1926: 7–40; Белов 1927: 105–146; Стоянов 2005: 324–332). В портовом районе была открыта часовня «Е» (№ 28) (1899 г., д. 4, 4а; Арх. НЗХТ. 1899 г., д. 9(2); ОИАК за 1899 г. 1902: 3–16; ОИАК за 1898 г. 1901: 1–55). Раскопки 1900 г. проводились в юго-восточном углу городища в районе 19-й куртины, где открыли башню XVI и продолжили расчистку башни Зенона. В периболе напротив куртины 18 были открыты гончарные мастерские и участок некрополя (1900 г., д. 2; Арх. НЗХТ. 1900 г., д. 9(1); ОИАК за 1901 г. 1902: 13–25; ИАК. Вып. 2. 1902: 1–39). В 1901 г. проводились исследования Западной и Уваровской базилик, а также раскопки некрополя у Карантинной бухты, являвшиеся продолжением работ 1896–1897 гг. (1901 г., д. 5; ОИАК за 1901 г. 1902: 22–50; ОИАК. Вып. 4. 1902: 51–119). Продолжение раскопок некрополя к югу вдоль Карантинной бухты в 1902 г. позволило открыть Загородный (южный) крестообразный храм. В этом же году возле Уваровской базилики была раскопана трехапсидная базилика «А» (1901 г., д. 49; ОИАК за 1902 г. 1904: 1–62; ОИАК. Вып. 16 1905: 111–113; ИАК. Вып. 20 1906: 96–100).

В 1902 г. графиня Уварова обратилась с письмом о Херсонесе на этот раз к Николаю II. Она с обидой писала, что «правильные» научные раскопки Херсонеса были инициированы ходатайством Московского общества. Однако вследствие передачи руководства исследованиями в ведение Археологической Комиссии все это время «общество держалось в стороне от производимых исследований и по возможности избегало даже частных посещений Херсонеса» (1894 г., д. 250, л. 37). Главное несчастье Херсонеса, по мнению графини, заключалось в существовании на его развалинах монастыря, братия которого состояла «по обыкновению из породы грубых, неграмотных, ничего не делающих и ни к чему не приспособленных людей» (Там же). Она выдвинула целый ряд обвинений и замечаний в адрес Археологической Комиссии и заведующего раскопками. Уварова писала, что Комиссия относится «с обычным ей равнодушием» к постройке на территории городища монастырской гостиницы и возведению монастырской стены, делающей невозможными проведение исследований на акрополе древнего города, а также к продолжающимся несанкционированным раскопкам и расхищениям древностей, производимым монахами.

Вследствие такого критического положения она предлагала кардинальные меры: расчистить братию по соседним монастырям, передать служение при главном храме белому духовенству, объединить монастырский музей и Склад древностей, передать главное жилое помещение монастыря под музей (избежав таким образом необходимости траты денег на постройку отдельного здания), уничтожить все стены и оставшиеся здания монастыря и в особенности гостиницу, стоящую на древней стене, по возможности ограничить Военное ведомство в проведении работ на территории городища. Графиня подчеркивала, что всю территорию городища необходимо передать в полное распоряжение того учреждения, которому будет поручено заведование раскопками и охранными работами, и обязать это учреждение не оставлять без пристального внимания ведение раскопок, для того, чтобы они приобрели более систематический порядок, чем существующие. Она также указывала на необходимость консервации и реставрации уже открытых памятников, «чтобы они давали более полное понятие о том, что эти памятники представляли в древности и, таким образом, служили бы к развитию у посетителей понимания и любви родной старины». Вокруг городища и раскопок Уварова предлагала построить ограждения и ввести

в штат смотрителей, ответственных за соблюдение порядка и не пропускавших посторонних к раскопкам, и наконец, — привести в порядок коллекции находок, хранящиеся на Складе местных древностей.

По поводу этого письма председателю Археологической Комиссии был направлен запрос от имени министра императорского Двора барона В. Б. Фредерикса. В ответе А. А. Бобринского содержались подробные разъяснения для доклада императору, в которых, среди прочего, указывалось, что, благодаря усилиям Археологической Комиссии, за последнее десятилетие «многострадальный Херсонес», как называет его в своем письме графиня П. С. Уварова, пережил блестящую эру, а постоянное внимание царствующих особ к этому памятнику и их оценка проделанных за эти годы работ воочию указывают, что «страданиям» Херсонеса положен конец (1894 г., д. 250, л. 46). Признавая, что в предложениях графини содержится много разумного и полезного, председатель тем не менее отметил, что члены Московского общества вовсе не воздерживались от посещений городища и раскопок. Многие из них регулярно сотрудничали с Археологической Комиссией при издании материалов о находках, чего нельзя было сказать о графине П. С. Уваровой, которая «на раскопках не бывала и в течение многих лет судьбой Херсонеса не интересовалась». А. А. Бобринский отмечал, что о проблемах, возникавших в отношениях с монастырем, неоднократно указывалось в рапортах Археологической Комиссии. Соглашаясь с неоспоримым фактом, что постройки монастыря действительно делают невозможным проведение раскопок в одной из самых интересных частей городища, председатель отмечал, что упразднение монастыря и передача собора белому духовенству является вопросом, требующим тщательного обсуждения, в том числе и с точки зрения интересов православного народа. В письме было подчеркнуто, что планы проведения всех раскопок ежегодно разрабатываются К. К. Косцюшко-Валюжиничем совместно с Археологической Комиссией, многие члены которой за эти годы посещали раскопки, а сам он бывал в Херсонесе не реже, чем раз в два года, а в целом претензии П. С. Уваровой «являются только отголоском зависти к чужому успеху». Однако среди мер, перечисленных графиней, А. А. Бобринский признал необходимыми:

- уничтожить монастырскую стену и передать в ведение Археологической Комиссии всю территорию городища (при этом председатель не касался вопроса о целесообразности упразднения монастыря);

- запретить монахам ведение любых раскопок на городище и обязать их передавать Комиссии все найденные на городище древности, упразднить монастырский музей и передать все хранящиеся там предметы в Археологическую Комиссию;

- просить Военное ведомство своевременно информировать Комиссию о проведении строительных работ на территории городища и приглашать заведующего раскопками для предварительного исследования местности, предполагаемой к застройке.

А. А. Бобринский особо подчеркивал, что «всякие посторонние указания относительно упорядочения способа ведения раскопок и музея считал бы нежелательными, так как они явились бы незаслуженным укором тем лицам, которые достигли таких успешных результатов, которых, вероятно, не станет отрицать даже графиня Уварова». Довольно резкий тон письма А. А. Бобринского свидетельствует не только о характере личных взаимоотношений председателя Комиссии с П. С. Уваровой, но и о своеобразной конкуренции возглавляемых ими организаций. Упомянутое же в письме Уваровой Военное ведомство на протяжении всего периода заведования раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича не только информировало его о предполагаемых строительных работах на городище, но

Херсонес 1891 г. Наружный вид временного музея.
Первый слева К. К. Косцюшко-Валюжинич (ФА, II 90259)

и учитывало его пожелания относительно места размещения новых и необходимости переноса уже построенных объектов (1894 г., д. 250, л. 90).

В связи с замечаниями графини Уваровой, касавшимися хранения древностей, следет указать, что организация местного музея была заветной мечтой Косцюшко-Валюжинича. В 1892 г. на территории городища был открыт «Склад местных древностей Императорской Археологической Комиссии», куда стали поступать найденные на городище и в процессе раскопок вещи, не предназначенные для отправки в Петербург. К сожалению, Археологическая Комиссия не ставила перед заведующим раскопками задач по созданию экспозиции или формированию коллекций. Склад считался временным хранилищем, не заменяющим музея. Создание же местного музея, планировавшееся в рапорте Тизенгаузена в 1887 г. (см. выше), скоро стало насущной необходимостью, поскольку число находок стремительно возрастало и их нужно было не только надлежаще хранить, но и систематизировать. М. Горький в очерке, составленном после посещения Херсонеса в 1897 г., писал: «Музей древностей Херсонеса, находящийся сейчас же за оградой монастыря, не только внутри битком набит вещами, но и снаружи завален ими. Чего тут нет! Громадные мраморные колонны с ажурными капителями, мраморный лев с городских ворот Херсонеса, гробницы, урны семейные, памятники, громадные глиняные сосуды для хранения вина, обломки барельефов, целые полы из мозаики и на всем этом лежит отпечаток недостижимого изящества эллинской культуры» (Горький 1938: 45). Херсонесские древности, найденные на городище или происходившие из ранних раскопок, также хранилась и на складе при монастыре.

1

2

3

Склад местных древностей Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе: 1 — одно из помещений Склада (ФА, I 75849); 2, 3 — древности в «экспозиции» Склада (ФА, О. 274.7; ФА, О. 273.9)

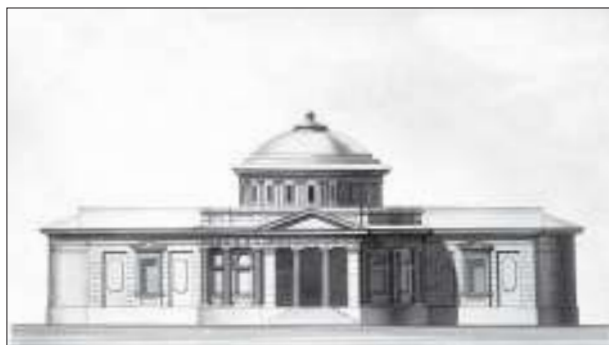
Виды двора Склада местных древностей Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе.
(ФА, Q 479.4; Арх. НЗХТ, д. 58а (I), нег. 671)

1

2

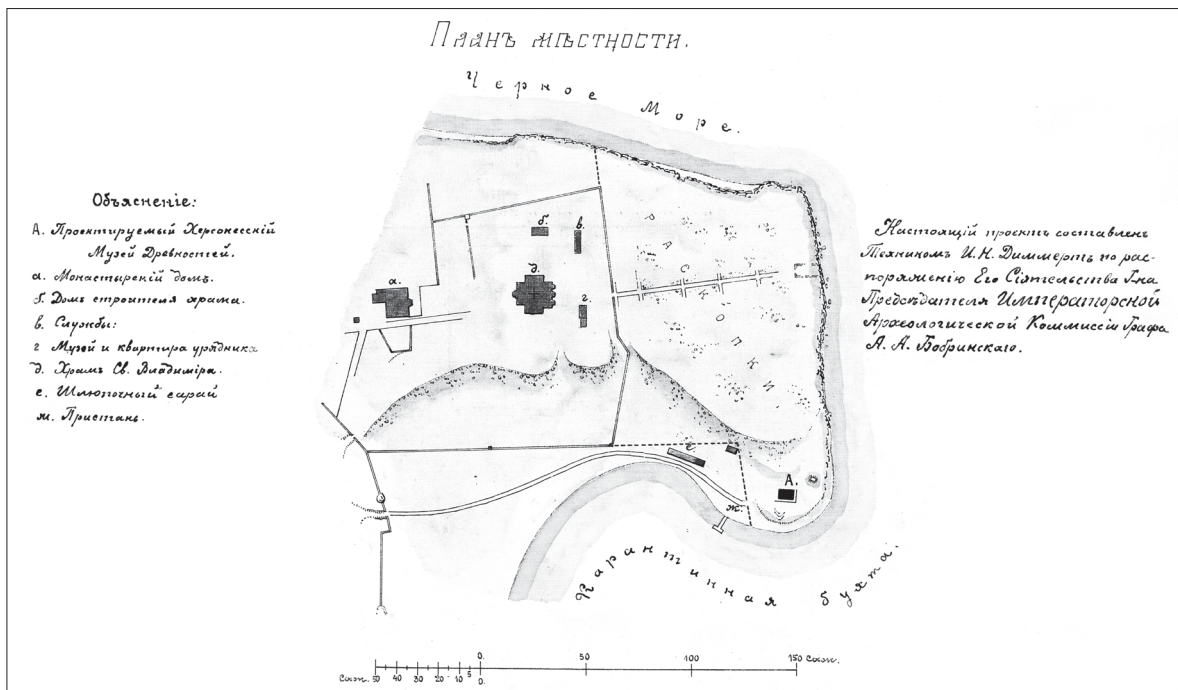

3

4

Проекты здания Херсонесского музея:
1 — 1902 г., д. 2а., л. 7; 2 — ФА, III 8395; 3 — ФА, III 8391; 4 — ФА, III 8483

План местности, где предполагалось построить музей (1892 г., д. 2, л. 5)

Решение о строительстве здания для местного музея окончательно приняли в Археологической Комиссии в 1903 г. В том же Косцюшко-Валюжиничу было направлено письмо о присылке сведений, необходимых для разработки проекта музея. После ответа заведующего были составлены проекты здания. На постройку музея планировалось выделить 40 тысяч руб., но до строительства дело не дошло в связи с началом русско-японской войны. (1892 г., д. 2; 1902 г., д. 2а, л. 2–15, 110; Гриневиц 1927: 30–31).

Объяснения по поводу письма графини П. С. Уваровой содержались также в письме К. К. Косцюшко-Валюжинича министру В. Б. Фредериксу. Высказывания исследователя по отношению к монастырю были не столь категоричны, многие из предложенных им мер отличались сдержанностью и имели компромиссный характер. Он писал, что, хотя отдельные монахи продавали древности, братия никогда не производила тайных раскопок или хищений находок. Относительно территории монастыря в письме отмечалось, что «занимая возможно меньшую площадь <...>, окруженный не садами и огородами, но руинами столь дорогого нам Херсонеса, он производил бы на каждого христианина глубокое религиозное впечатление <...>, монастырь должен существовать для Херсонеса, а не Херсонес для монастыря!» (1894 г., д. 250, л. 58–59).

В связи с этим необходимо указать, что с самого начала раскопок К. К. Косцюшко-Валюжиничу пришлось столкнуться с противодействием монастыря, привыкшего быть полновластным хозяином городища и бывшим в свое время (1878–1886) даже участником раскопок и их распорядителем. Теперь же настоятель не был приглашен в «раскопчный комитет». В результате монастырское руководство демонстративно отстранилось и даже препятствовало проведению работ.

Археологическая Комиссия регулярно высказывала монастырю замечания, касавшиеся самовольной застройки территории городища или использования ее под огороды

Монастырь св. равноап. кн. Владимира, вид с юго-запада (около 1902–1904 гг.) (Арх. НЗХТ, д. 58а (I), нег. 22675)

и виноградники (ОИАК за 1891 г. 1893: 3; ОИАК за 1893 г. 1895: 53; ОИАК за 1895 г. 1897: 87–88). В 1891 г. ИАК отмечала тот прискорбный факт, что громадное пространство городища без настоящей надобности застраивается различными монастырскими службами (ОИАК за 1891 г. 1893 г.: 3). В 1893 г. Комиссия предложила монастырю и флоту провести раскопки в тех местах, которые могут быть застроены в ближайшем будущем (ОИАК за 1893 г. 1895: 53), однако в 1895 г. монастырь безо всякого согласования провел земляные работы для устройства виноградника (ОИАК за 1895 г. 1897: 2–3, 87–88). С точки зрения развития археологии предложение ИАК было революционно: по сути, формировалась практика «превентивной» археологии или «спасательных», «новостроечных» раскопок.

Ответной реакцией стали жалобы монастыря на действия представителя заведующего раскопками. Похоже, конфликт с самого начала имел и экономическую подоплеку. 17 января 1889 г. А. А. Бобринскому было переправлено отношение обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева министру народного просвещения. Речь шла о жалобе настоятеля, в которой сообщалось, что в процессе раскопок добывается и обычный камень, употребляемый для местных построек. При этом подрядчик Ветцель начал забирать камень, не только добытый при раскопках, но и с поверхности земли, ссылаясь на договор с К. К. Косцюшко-Валюжиничем. По словам архимандрита Иннокентия, никакого договора не существовало, и сколько камня продано в 1888 г., не объяснили ни подрядчик, ни археолог. Согласно подсчетам монастырского руководства, речь могла идти о 150 кв. сажней, куда включался и камень, добытый монастырем и ему принадлежащий, так как в процессе раскопок в 1888 г. могло быть добыто лишь 15–20 сажней. В отношении обер-прокурора подчеркивалось, что духовное

ведомство позволило ИАК добывать предметы древности, а не эксплуатировать в свою пользу строительные материалы, составляющие собственность монастыря.

Действительно, в свое время К. К. Косцюшко-Валюжинич отправил в Петербург телеграмму следующего содержания: «Покорно прошу разрешить продажу камня. Есть спрос. Монастырь продал зимой более 100 пудов, рабочим выстроил барак, мне помещения не дали». А. А. Бобринской дал на это разрешение. Еще 7 июня 1888 г. он обратился к К. П. Победоносцеву с просьбой выделить в монастыре две комнаты для сотрудников ИАК, чего так и не произошло. 20 января 1889 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич написал объяснительную записку. По его словам выходило, что в 1888 г. он вывез только 31,5 сажень, поскольку затем последовал запрет архимандрита. При этом он подчеркивал, что запас камня, добытого при раскопках, принадлежит правительству и что вырученные им 300 руб. были израсходованы на полевые работы, о чем 14 февраля 1889 г. председатель Комиссии и послал соответствующий рапорт в министерство (1887 г., д. 22, л. 70, 74–75, 110–111 об., 112–112 об., 114–115 об.; 1890 г., д. 26, л. 109–117).

В последующие годы монастырь не оставил попыток вмешаться в ход археологических исследований. Пик конфликта монастырской братии с ИАК пришелся на 1896–1897 гг., когда в Синод посыпались доносы на «католичество» главного археолога и его якобы равнодушные к погребениям похороненных в Херсонесе «православных христиан». Противостояние не утихло даже тогда, когда в 1897 г. был открыт «храм с ковчегом», южная часть которого была уничтожена еще в 1860-е гг. при строительстве монастырской гостиницы. На месте престола в серебряном ковчежце константинопольской работы были обнаружены завернутые в истлевшую ткань частицы мощей. Приглашенный К. Косцюшко-Валюжиничем на место раскопок архимандрит Александр открыл ковчег в присутствии духовенства и рабочих и торжественно перенес его в новый храм (ОИАК за 1897 г. 1900: 103–105).

12 августа 1899 г. В. К. Саблер, исполнявший тогда обязанности обер-прокурора Святейшего Синода, сообщил в Министерство императорского Двора о ходатайстве епископа Таврического Николая (Зиорова) об учреждении при монастыре церковно-археологического древлехранилища (1899 г., д. 197, л. 2–3). Он извещал министра, что Синод на заседании 16–30 июля признал осуществление этого желательным, но, поскольку археологические раскопки находятся в ведении ИАК, необходимо сделать соответствующее распоряжение по Комиссии, чтобы священные предметы, находимые при раскопках, не пересылались за пределы Епархии, а оставались для хранения в учреждаемом в монастыре древлехранилище.

Постановление Синода основывалось на письме епископа Николая от 26 июня. Он сообщал, что в процессе раскопок на городище было найдено 37 храмов и многочисленные христианские древности, но многие святыни по личному «усмотрению» К. К. Косцюшко-Валюжинича отправляются в Императорский Эрмитаж, в Москву и в другие места. Иногда вещи берутся разрозненно; например, серебряный ковчег, найденный в 1896 г., был отослан в Эрмитаж, а мощи переданы в монастырь. Епископ писал, что «подобное отношение к делу не может быть названо вполне научным», и просил создать особое хранилище для откапываемых святынь, которые ни под каким видом нельзя отдавать в разного рода музеи. При этом он предлагал обойтись без помощи ИАК, приглашая в Херсонес специалистов по церковной археологии, в частности Н. В. Покровского, очевидно, не зная, что тот с 1892 г. числился сверхштатным членом Комиссии. Газета «Крым» (№ 157 за 1899 г.) также приводила слова епископа Николая об «ученом расхищении» херсонесских древностей и небрежных раскопках.

Прежде чем ответить министру, А. А. Бобринской запросил мнение самого К. К. Косцюшко-Валюжинича. Тот, оставляя в стороне выдвигаемые против него обвинения, в целом приветствовал идею организации церковного музея в нижнем этаже храма св. Владимира и даже предложил проект положения о нем из 11 пунктов. При этом он выступал за научные правила экспонирования, а не случайное нагромождение отдельных вещей. Отбор вещей должен был производиться непосредственно ИАК, причем настоятель мог ходатайствовать о передаче ему тех или иных вещей, а все предметы, находимые монастырем при производстве хозяйственных работ, предавались бы начальнику Склада древностей (1899 г., д.197, л.5–6 об.).

2 ноября 1899 г. председатель ИАК направил письмо в канцелярию министерства. Он указал на неточности, допущенные епископом в послании в Синод, чтобы, очевидно, произвести нужный эффект. Председатель указал, что ИАК, упомянутая в письме, как «некое общество» была учреждена согласно высочайшему повелению от 12 июня 1887 г., поэтому работы в Херсонесе производились правительственным учреждением. А. А. Бобринской отмечал, что в повелении содержалось и распоряжение о том, чтобы добываемые в процессе раскопок древности были бы максимально доступны для обозрения публикой, что возможно лишь в центральных музеях, а монастырское древлехранилище неудобно для этого. При этом монастырь не располагал научными кадрами. Таким образом наличие монастырского древлехранилища привело бы к еще более сильному распылению коллекции и вошло в противоречие со смыслом высочайшего соизволения. ИАК была согласна на создание склада христианских древностей в качестве отделения при общем Складе, которые бы находились под единым руководством (1894 г., д. 250, л. 19–22).

Одновременно епископ Николай отправил в ИАК свое обращение. В нем он писал, что глубоко возмущен и оскорблен статьей журналиста Хазарского «Русская Троя» (Московские ведомости. 1899. № 257), написанной со слов К. К. Косцюшко-Валюжинича, в которой указывалось на противодействие раскопкам со стороны монастыря. В этом же письме сообщалось, что исследователь, раскапывая погребальные памятники, регулярно выбрасывал кости (среди которых, возможно, были и кости христиан) прямо в мусор, что является недопустимым.

К. К. Косцюшко-Валюжинич отвечал в Археологическую Комиссию, что фельетон Хазарского не содержал ничего оскорбительного лично для епископа Николая. При этом продажа херсонесских древностей монахами является документально установленным фактом. Даже скамейки у монастырской гостиницы покрыты мраморными плитами, взятыми монахами с территории городища, о чем исследователь посылал рапорты в Археологическую Комиссию. К. К. Косцюшко-Валюжинич указывал, что он не может производить раскопки на территории монастыря, поскольку категорическим требованием епископа являлась передача всех найденных христианских древностей церкви, что в свою очередь шло вразрез с указаниями Археологической Комиссии. Кроме того, территория внутри монастыря ежегодно активно застраивается и засаживается деревьями — это делает совершенно невозможным проведение здесь не только раскопок, но даже археологических разведок. И наконец, — последняя жалоба епископа, касающаяся обращения с костными останками, находимыми при исследованиях, как писал Косцюшко-Валюжинича, «поразила меня, как удар грома в тихий ясный день», поскольку части скелетов, найденные при раскопках некрополя, в обязательном порядке перезахоранивались (1894 г., д. 250, л. 42–43).

Только в 1902 г., когда Херсонес совместно посетили император Николай II и епископ Таврический Николай (Зиоров), конфликт несколько пошел на убыль. Впрочем, это понравилось не всем. Уже 6 октября 1902 г. П. С. Уварова пишет письмо министру Двора барону

В. Б. Фредериксу, о котором речь выше, где определенно намекает, что МАО гораздо лучше, чем ИАК, справилось бы с раскопками Херсонеса (Мусин 2006: 75–78).

В 1903 г. Археологическая Комиссия представила в Министерство императорского Двора проект ведения раскопок в Херсонесе на землях, занятых монастырем. Этот проект был доставлен в Канцелярию Синода 12 мая. Согласно этому документу, монастырю вменялось в обязанность заблаговременно извещать заведующего раскопками о любых земляных и строительных работах на городище. Представителю Археологической Комиссии должна была быть предоставлена возможность вести раскопки на неисследованных участках внутри ограды, при условии непричинения вреда монастырским постройкам. Все древности, находимые внутри монастырской ограды, должны были передаваться заведующему, монастырю категорически запрещалась их продажа. Предметы, находившиеся в монастырском Складе древностей, должны были быть переданы по описи для хранения в музее Комиссии. Кроме этого, монастырю запрещалось устраивать на городище пастбища для скота и свалки мусора и вменялось в обязанность вести надзор за нищими, приходящими за трапезой и ночлегом, и не разрешать им раскапывать городище. На этот документ последовала незамедлительная реакция. В Отзыве обер-прокурора Святейшего Синода Победоносцева от 16 октября, составленном на основе мнения таврического епископа, указывалось, что в проекте учитывались только интересы заведующего раскопками, лица неправославного и «даже не русской национальности». Для устранения имевшихся разногласий предлагалось учредить специальную комиссию из епархиального архиерея, настоятеля монастыря, заведующего раскопками, уполномоченного от Археологической Комиссии и члена Симферопольской архивной Комиссии (1902 г., д. 2а, л. 95–105). К 15 марта 1904 г. ИАК представила новое положение о раскопках, так, впрочем, никогда обоюдно и не утвержденное (Там же, 97–99 об., 100–100 об., 103–104 об.).

Вместе с тем отношения между заведующим раскопками и монастырем не исключали определенного сотрудничества. Находки из раскопок первых лет хранились в монастырской гостинице в специально выделенном для этого помещении. Настоятель монастыря архимандрит Иннокентий консультировался с К. К. Косцюшко-Валюжиничем относительно мер предосторожности, которые необходимо было соблюдать во время проведения земляных работ при строительстве храма во избежание нарушений предписаний Археологической Комиссии (1890 г., д. 26, л. 8). Несмотря на это, общая оценка личности заведующего раскопками со стороны церковных властей была негативной. В письме председателю Археологической Комиссии, направленном после смерти заведующего, обер-прокурор Святейшего Синода указывал, что К. К. Косцюшко-Валюжинич «нередко игнорировал в своих действиях справедливые заявления администрации названного монастыря и вообще относился к этой обители без достаточного внимания и уважения, вследствие чего возникали частые недоразумения между монастырем и покойным археологом» (1888 г., д. 22, л. 18).

В 1903–1905 гг. раскопки производились в центральной, южной и юго-восточной частях городища. Здесь были открыты разновременные помещения, относящиеся к квартальной застройке этих районов, и обнаружена система водостоков. В южной части городища были раскопаны так называемый «монетный двор», часовня в XLIV квартале, башня XIII и прилегающие к ней куртины (№ 14–15), а также исследован участок некрополя в периболе, возле монастырских ворот и Загородного (южного) крестообразного храма (1903 г., д. 12; 1904 г., д. 2, л. 287–410; Арх. НЗХТ. 1905 г., д. 14(7); ОИАК за 1903 г. 1906: 20–43; ИАК. Вып. 16. 1905: 37–110; ОИАК за 1904 г. 1907: 49–69; ИАК. Вып. 20. 1906: 17–95; ОИАК за 1905 г. 1908: 38–57; ИАК. Вып. 25. 1907: 67–171). Раскопки некрополя возле этого храма

продолжались в 1906–1907 гг. Кроме этого, следует упомянуть раскопки некрополей римского времени в северной части Севастополя и на р. Бельбек, производившиеся штабс-капитаном Н. М. Печенкиным по поручению Археологической Комиссии летом 1903–1905 гг. (1903 г., д. 109; 1904 г., д. 161; 1905 г., д. 145).

Во время продолжения раскопок южной и юго-восточной частей городища в 1906–1907 гг. были раскопаны часть городской стены в районе 16-й и 21-й куртин, храм и часовня на территории Цитадели, а также продолжены исследования некрополя возле Загородного (южного) храма. В западном районе к югу от «базилики в базилике» были открыты пятиапсидный храм и тетраконхальный храм (№ 47), сильно разрушенный в ходе строительных работ, производившихся Военным инженерным ведомством в 1894 г. (1906 г., д. 2, л. 28–42; ОИАК за 1906 г. 1909: 58–83; Лепер 1911: 92–107; ИАК. Вып. 32. 1911: 1–91).

В связи с деятельностью К. К. Косцюшко-Валюжинича нельзя оставить без внимания его помощников, принимавших активное участие в археологических исследованиях.

К сожалению, эти люди, много сделавшие для изучения херсонесских древностей, с течением времени оказались практически забытыми. Бессменным топографом и чертежником в годы заведования К. К. Косцюшко-Валюжинича был М. И. Скубетов. Еще одним помощником был И. И. Махов (Кац 2007: 67–71). В 1899 г. М. И. Скубетов составил первый сводный план Херсонесского городища с обозначением открытых площадей и отдельных археологических объектов. В последующие годы им были составлены еще два плана Херсонеса (Арх. НЗХТ. № 161/1940; Щеглов 1997: 393). Кроме этого, после смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича он закончил обработку и подготовил к изданию отчет о раскопках некрополя в 1907 г. В 1915 г. М. И. Скубетову было выдано свидетельство о том, что во время пребывания на раскопках, проводимых Императорской Археологической Комиссией, в качестве топографа и чертежника он выполнял свою работу с неизменной точностью и старанием, принося таким образом большую пользу исследованию Херсонеса (Арх. НЗХТ, д. 175, л. 58).

Немалую помощь в исследовании Херсонеса оказывал и другой энтузиаст — зять К. К. Косцюшко-Валюжинича, штабс-капитан Севастопольского крепостного батальона В. Н. Рот, который исполнял обязанности фотографа. После смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича В. Н. Рот временно заведовал Складом местных древностей Императорской Археологической Комиссии, а также занимался административными и финансовыми вопросами. Судя по переписке, В. Н. Рот был человеком грамотным, исполнительным и чрезвычайно увлеченным херсонесскими древностями. К сожалению, сотрудничество

И. И. Махов и М. И. Скубетов (справа) в Херсонесе.
Фото 17 февраля 1912 г. (Арх. НЗХТ, д. 52 (I))

Штабс-капитан Севастопольского крепостного батальона В. Н. Рот (Арх. НЗХТ, д. 52 (1))

с Археологической Комиссией оказалось для него несовместимым с исполнением основных служебных обязанностей, вследствие чего он в 1908 г. вынужден был оставить работу в Херсонесе.

Подводя итоги первого десятилетия исследований Херсонеса под руководством Археологической Комиссии, нельзя не отметить, что оно оказалось чрезвычайно результативным. Одним из главных результатов исследований, полученных благодаря проведению раскопок до материка, стало открытие античного городища. В процессе интенсивных и широкомасштабных работ было раскопано подавляющее большинство известных к настоящему времени христианских храмов и часовен в разных частях городища, раскрыты значительные площади разновременных городских кварталов, а также исследованы большие участки древней оборонительной стены городища. С 1891 г. систематически проводились раскопки городского некрополя, в результате которых было раскопано 2427 погребальных комплексов разных типов и периодов. Наиболее ценные находки регулярно высылались в Археологическую Комиссию, откуда

поступали в собрания Императорского Эрмитажа и Исторического музея. Прочие предметы, найденные на территории городища, хранились в Складе местных древностей. Эстампажи и фотографии эпиграфических источников, найденных в Херсонесе, регулярно высылались для обработки и публикации В. В. Латышеву. Неоценимый вклад внес К. К. Косцюшко-Валюжинич в исследования по керамической эпиграфике Херсонеса (Кац 2007: 59–75).

Исследования тех лет могли бы стать образцовыми для своего времени, если бы фиксация и консервация открытых памятников, а также паспортизация и каталогизация находок соответствовали темпам раскопок. Ощутимым недостатком в работе Косцюшко-Валюжинича, приведшим в конечном счете к обесцениванию существенной части результатов его археологических исследований, стало отсутствие единой системы паспортизации, при помощи которой можно было бы определить место обнаружения вещи и время ее поступления в коллекцию. К сожалению, Археологическая Комиссия непозволительно долго оставляла этот факт без должного внимания. Указания на отсутствие паспортизации и плохое хранение находок высказывались не только в приведенном выше письме П. С. Уваровой, но и в письмах таких авторитетных исследователей, как Н. И. Веселовский и А. А. Спицын, направленных в Археологическую Комиссию в 1904 г. (Гриневич 1927: 31, примеч. 1). Осознание ошибки, вероятно, возникло у К. К. Косцюшко-Валюжинича довольно поздно, а внезапно наступившая смерть помешала ее исправить. Бытующая оценка этого исследователя как талантливой и трудолюбивого дилетанта (Гриневич 1927: 23–24; Белов 1948: 15), который, по замечанию

А. И. Романчук, «расчищает путь для других, не пользуясь плодами своего тяжелого труда» (Романчук 1991: 94), верна лишь отчасти. К. К. Косцюшко-Валюжинич не имел специального образования, и его научное наследство состоит из полевых отчетов, нескольких брошюр и газетных заметок, но за время раскопок Херсонеса он стал не только признанным знатоком его истории, но и одним из наиболее авторитетных полевых исследователей своего времени (Кац 2007: 61; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 31–32).

В первые месяцы после смерти К. К. Косцюшко-Валюжинича хлопоты по разбору его архива и надзору за городищем и Складом древностей добровольно взял на себя В. Н. Рот. В письмах, направленных им в Археологическую Комиссию, содержатся настоятельные просьбы о присылке нового заведующего. Требовалось решить вопросы, связанные с консервацией участков раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича, а также с выплатой жалования сторожам и рабочим. Кроме этого, Военное ведомство начало проведение строительных работ в северо-восточной и юго-восточной частях городища, которые приводили к неизбежному разрушению культурных напластований. В отчаянии В. Н. Рот писал А. А. Бобринскому о настоятельной необходимости принятия немедленных мер по спасению городища. Этой же проблеме был посвящен рапорт на имя председателя Комиссии от заведующего Керченским музеем древностей В. В. Шкорпила, в котором указывалось на необходимость немедленного исследования участков, на которых ведутся строительные работы (1908 г., д. 5, л. 31–33, 40–45, 54–55).

В январе 1908 г. в Севастополь прибыл делопроизводитель Археологической Комиссии А. С. Раевский, который встретился с В. Н. Ротом и М. И. Скубетовым, проинспектировал Склад местных древностей и, выплатив жалование раскопочным рабочим, уведомил их о прекращении раскопок до назначения нового заведующего (1907 г., д. 4, л. 68–71). В феврале Археологическая Комиссия сообщила В. Н. Роту, что до прибытия нового заведующего руководство раскопками на городище будет поручено Н. И. Репникову, который приедет в апреле. До этого времени на имя В. Н. Рота регулярно высылались средства на повседневные административные нужды, связанные с содержанием сторожей и фиксацией открытых объектов, а также оплатой труда рабочих, нанятых Н. И. Репниковым. Несмотря на опыт и высокую оценку, данную В. В. Шкорпиллом, Комиссия не сочла возможным поручить В. Н. Роту ведение археологических раскопок на городище. Более того, начало подобных исследований по собственной инициативе В. Н. Рота вызвало резкий протест со стороны Комиссии. В письме, направленном в Севастополь товарищем председателя ИАК В. В. Латышевым, указывалось, что повторение подобных действий может

Могила К. К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе (фотография Р. В. Стоянова, 2004 г.)

привести к тому, что Комиссия будет вынуждена отказаться от его услуг (Арх. НЗХТ. 1908 г., д. 137, л. 30).

В то же время А. А. Бобринской направил от имени Археологической Комиссии письмо военному министру А. Ф. Редигеру, в котором, ссылаясь на доклады Н. И. Репникова, ходатайствовал о прекращении всяческих строительных работ в районе Уваровской базилики и прилегающих к ней участков городища. Эти меры, безусловно, повлияли на ситуацию в Херсонесе. Севастопольское Крепостное инженерное управление выслало официальное заверение в том, что Н. И. Репникову будет оказано всяческое содействие при проведении археологических работ на территории городища, а также уведомило, что Инженерное ведомство не планирует в ближайшем будущем возведение каких-либо новых построек на городище (1908 г., д. 5, л. 74, 119–120). В письме от 10 сентября 1908 г. военный министр по Главному инженерному управлению А. Ф. Редигер уверил А. А. Бобринского, что все работы на городище производятся под непосредственным наблюдением представителей Археологической Комиссии, которым предоставляются все сделанные при этом находки (Арх. НЗХТ. 1908 г., д. 137, л. 134).

Раскопки на территории городского некрополя, расположенного к юго-западу от башни XVII напротив 20-й куртины юго-восточной линии городских оборонительных стен, были начаты под руководством Н. И. Репникова 7 марта 1908 г. Краткая информация о проведенных исследованиях и иллюстрации отдельных находок содержатся в отчете исследователя (1908 г., д. 5; ОИАК за 1908 г. 1912: 93–108). Все находки из погребений были объединены в фототаблицы, не вошедшие в издание. Текст полевого дневника был впоследствии издан под редакцией К. Э. Гриневича (Репников 1927: 149–181).

Первоначально на место заведующего раскопками Херсонеса предполагалось назначить преподавателя древних языков Петергофской Александра II гимназии Ф. И. Шмидта. (1908 г., д. 22. л. 6–7). Вместе с тем сам Ф. И. Шмидт от назначения отказывался, ввиду чего возникла кандидатура ученого секретаря РАИК Р. Х. Лепера. Последний и был назначен на должность заведующего раскопками (Там же, л. 9–10) (*подобрнее смотри главу I*).

В письме от 18 июня 1908 г. Р. Х. Лепер уведомлял Археологическую Комиссию о своем прибытии в Херсонес и просил выслать официальные документы, подтверждающие его полномочия, необходимые для принятия дел и имущества. Кроме этого, Р. Х. Лепер просил отставить Н. И. Репникова на некоторое время в качестве своего заместителя, ссылаясь на его опыт и профессиональные качества (1908 г., д. 5, л. 188–189). В последнем ему было категорически отказано в связи с тем, что Археологическая Комиссия не сочла возможным иметь двух руководителей раскопками городища в связи с сокращением ассигнований на исследования (Арх. НЗХТ. 1908 г., д. 137, л. 93). 31 июля Р. Х. Лепер уведомил Комиссию, что принял у Рота финансовый отчет, а также Склад древностей и имущество Археологической Комиссии в Херсонесе.

Под руководством Р. Х. Лепера в 1908–1909 гг. в юго-западном районе были открыты части квартальной застройки возле пятиапсидного храма, раскопаны участки древнейшей западной оборонительной стены, доследовался тетраконхальный храм (№ 47). В северо-восточной части Херсонеса проводились раскопки городских кварталов (открыты часовни в кварталах I–II), а также был доследован так называемый храм в цитадели (Арх. НЗХТ. 1911 г., д. 76; 1911 г., д. 80; Лепер 1911: 92–107). В 1908 г. под руководством Н. М. Печенкина производились раскопки Шверинского кургана, а осенью 1910 г. были проведены разведки укрепленного поселения на Маячном полуострове (Печенкин 1911: 108–126; 1914: 186–194). Кроме этого, в 1909–1913 гг. были продолжены масштабные раскопки некрополя

Р. Х. Лепер с детьми на главной улице Херсонеса. Фотография 1911 г. (Арх. НЗХТ, д. 52 (I))

у Карантинной бухты и по северо-восточному склону Девичьей горы (Арх. НЗХТ. 1911 г., д. 78; 1911 г., д. 79; 1911 г., д. 85; 1911 г., д. 86; 1913 г., д. 88; 1913 г., д. 89; 1911 г., д. 119; 1913 г., д. 194).

Раскопки 1911–1912 гг. проводились в районе городских кварталов в северной части городища, возле Уваровской базилики, а также в южной части — в районе монастырских ворот. При исследовании XVII–XVIII кварталов в 1911–1912 гг. был открыт участок древнейшего некрополя (Арх. НЗХТ. 1912 г., д. 87), так называемого «некрополя на северном берегу». В историографии открытие этого участка некрополя ошибочно приписывается Г. Д. Белову, под руководством которого в 1935–1965 гг. проводились широкомасштабные раскопки северной части городища. В 1913–14 гг. раскапывался участок некрополя у западных стен, а также городские кварталы и некрополь в районе южных оборонительных стен. В этом же году в шурфе, заложенном возле монастырских оранжерей (центральная часть городища, возле дома настоятеля), были открыты часть городской оборонительной стены и погребения, относящиеся к раннему некрополю (1913, д. 2; Арх. НЗХТ. 1913 г., д. 89а; 1914 г., д. 97; 1914 г., д. 98).

Отношения Р. Х. Лепера, как и его предшественника, с монастырем св. Владимира были сложными. При проведении раскопок на территориях, принадлежавших монастырю, заведующий постоянно сталкивался со скрытым или явным противодействием. «С монастырскими властями постоянно приходится спорить и торговаться...», — жаловался он в одном из своих писем в Археологическую Комиссию (1913 г., д. 2, л. 9).

В 1912 г. Р. Х. Лепер начал проводить раскопки на Мангупе, употребив на это часть средств, отпущенных на исследование Херсонеса. Вследствие этого А. А. Бобринской вынужден был настоятельно указать, что кредит, отпущенный на раскопки Херсонеса, не может быть употреблен на исследование других памятников. На протяжении всего срока заведования раскопками и Складом местных древностей Р. Х. Леперу неоднократно высказывались

Северо-восточная часть Херсонеса. Раскопки 1908–1909 гг. (ФА, II. 75046)

Раскопки участка оборонительной стены в западной части Херсонеса (Моисеев 1919: рис. 93)

нарекания, касавшиеся исполнения им административных обязанностей и организации раскопок. Председатель регулярно обращал внимание Р. Х. Лепера на то, что с 1908 г., несмотря на неоднократные напоминания, в Комиссию не было направлено ни одного научного отчета о проделанных работах (Арх. НЗХТ. 1911 г., д. 140, л. 52; 1913 г., д. 142, л. 83). Это, по мнению А. А. Бобринского, требовало принятия экстренных мер, если отчеты за 1908–1913 гг. не будут предоставлены в ближайшее время (1913 г., д. 2, л. 185). В письме от 21 января 1912 г. указывалось, что в случае неприсылки отчета, хотя бы за 1908 г., Комиссия вынуждена будет прибегнуть к экстренным мерам по «обеспечению правильного ведения раскопок в Херсонесе и своевременного представления результатов их в Комиссию» (Арх. НЗХТ. 1912 г., д. 141, л. 58).

Отчетов о проделанной работе Комиссия от Р. Х. Лепера так и не дождалась. Единственной публикацией, посвященной археологическим исследованиям, проводившимся

в годы его заведования в Херсонесе, так и осталась заметка «Из раскопок в Херсонесе 1906–1909 гг.» (Лепер 1911: 92–107). Кроме этого, исследователь опубликовал несколько новых херсонесских надписей и предварительное сообщение о раскопках, проведенных в 1912 г. на Мангупе (Лепер 1912: 23–70; 1913: 23–70). Дневники раскопок, проходивших под руководством Р. Х. Лепера, содержат отрывочные, порой совершенно неразборчивые и часто бессистемные карандашные описания, иногда сопровождавшиеся схематическими планами могил и зарисовками находок, выполненными рабочими. Сам исследователь, изредка производивший записи, обычно ограничивался только проставлением чернилами инвентарных номеров отдельных находок, принцип отбора которых, в целом остающийся неясным, вероятно, зависел от сохранности вещи, субъективных представлений о ее ценности и наличия того или иного предмета у рабочих во время появления заведующего на участке. Можно только догадываться о том, какое количество находок было безвозвратно утеряно при подобном ведении работ. Тексты дневников раскопок некрополя 1908–1914 гг. и городища 1908–1914 гг., проводившихся под руководством Р. Х. Лепера, были впоследствии изданы под редакцией К. Э. Гриневича (Лепер 1927: 189–256; Гриневич 1930: 3–215).

Последнее посещение раскопок императором Николаем II состоялось летом 1913 г. Этот визит был организован по настоянию графа А. А. Бобринского. В экскурсии по городищу августейшее семейство сопровождали заведующий раскопками Р. Х. Лепер и М. И. Ростовцев. Результатом этой встречи стало распоряжение Николая II выделить средства для публикации труда Ростовцева «Античная декоративная живопись на юге России». Между тем недовольство Археологической Комиссии ведением дел

Фрагменты керамики из раскопок Р. Х. Лепера
(ФА, II. 36192)

в Херсонесе росло. В 1914 г. в Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины поступила жалоба профессора А. Брандта о разрушении древних сооружений, производимом рабочими во время раскопок на городище в отсутствие заведующего (1913 г., д. 2, л. 1).

В связи с военным положением в августе 1914 г. командование Севастопольской крепости запретило проводить раскопки на территории городища, о чем уведомило заведующего, которому были даны пять дней, чтобы завершить работы и эвакуировать музей. Все лица, принимавшие участие в раскопках, среди которых был и сын Лепера Роман, должны были покинуть территорию крепости как считающиеся, ввиду военного положения, «неблагонадежными» (Арх. НЗХТ. 1914 г., д. 143, л. 77, 82). В августе 1914 г. на имя председателя Археологической Комиссии поступило уведомление начальника Севастопольского жандармского управления о выдворении сына Лепера из Севастопольской крепости и жалоба на сопровождавшего его отца, поддержавшего сына, который отказался снять головной убор перед портретом государя императора (1908 г., д. 22, л. 82). В результате происшедшего Р. Х. Лепер оказался высланным за пределы Севастопольской крепости, а граф А. А. Бобринской приказал ему сдать все имущество Херсонесского музея В. В. Шкорпилу, а также подать прошение об увольнении его от службы (*подробнее смотри главу I*). Для оказания В. В. Шкорпилу помощи в этой работе А. А. Бобринской просил выехать в Херсонес Л. А. Моисеева, на которого были возложены обязанности секретаря (Арх. НЗХТ. 1914 г., д. 143, л. 87–88). Все случившееся, вероятно, было воспринято Р. Х. Лепером как личная трагедия. В прошении об отставке от 26 сентября он писал, что сильно расстроен и утомлен. В некрологе, прочитанном С. А. Жебелевым в 1919 г. на заседании Классического отдела Русского археологического общества, была дана предельно корректная и точная характеристика деятельности этого исследователя: «Не сумев устроить свою жизнь так, как он на это имел, по своим дарованиям, право, Роман Христианович не умел устраивать и своих дел, и иногда они запутывались настолько, что, казалось, должен был наступить крах деятельности Романа Христиановича. Но он всегда был полон бодрости, не унывал, и это его, главным образом, и выручало из пучин моря житейского» (цит. по: Басаргина 1996: 99).

В сентябре 1914 г. временно заведующим раскопками в Херсонесе от Археологической Комиссии был назначен Л. А. Моисеев, которому было поручено привести в порядок дела и составить отчет о работах, проводившихся в Херсонесе с 1908 г. (1915 г., д. 207, л. 3–26). В этом же году кредит, выдаваемый на раскопки Херсонеса, был сокращен на 6000 руб., вследствие чего многие рабочие, а также чертежник и фотограф были вынуждены уволиться. В рапорте Археологической Комиссии Л. А. Моисеев указывал на невозможность продолжения исследований городища на надлежащем научном уровне без достаточного финансирования. Кроме этого, все постройки, принадлежавшие Комиссии на территории городища, требовали срочного ремонта. В такой ситуации основные усилия временного заведующего оказались направленными на охрану открытых в предыдущие годы объектов, а также каталогизацию находок и изучение материалов раскопок (1915 г., д. 2, л. 248–254). В феврале 1915 г. Моисеев подал прошение о зачислении в члены Археологической Комиссии, которое было удовлетворено в сентябре того же года, о чем А. А. Бобринской официально сообщил исследователю (1915 г., д. 207, л. 1; Арх. НЗХТ. 1915 г., д. 144, л. 177).

В этот период были проведены раскопки в западной части городища и в районе западных городских стен, а также продолжены раскопки некрополя у Карантинной бухты. Под руководством Л. А. Моисеева были начаты исследования в Евпатории (1915 г., д. 2; Арх. НЗХТ. 1916 г.,

Оборонительная стена и башни Евпатории; раскоп 27, 1916 г. (1916 г., д. 128, л. 206)

д. 93). составил обзорный отчет об исследованиях Херсонеса, проводившихся в 1913–1915 гг., который был опубликован в 1918 г. (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 51–72).

Время заведования Л. А. Моисеева совпало с переломными моментами в истории России: революциями, войнами, крушением Империи и установлением Советской Республики. В декабре 1916 г. администрации раскопок, в связи с военным положением, было приказано покинуть территорию Херсонесского городища. Л. А. Моисеев направляет письмо командиру Черноморским флотом, а также ставит в известность о случившемся председателя Археологической Комиссии. А. А. Бобринской незамедлительно направляет телеграмму на имя начальника Штаба командующего Черноморским флотом, в которой указывалось, что Археологическая Комиссия состоит в ведении императорского Двора, а раскопки Херсонеса находятся под особым вниманием государя императора. Поэтому удаление с территории городища заведующего раскопками и его сотрудников явилось бы крайне нежелательным для сохранения целостности этого памятника. Эта телеграмма возымела действие, Л. А. Моисееву было разрешено не только остаться на территории городища, но и производить осмотр всех земляных работ, которые проводились на территории крепости (Арх. НЗХТ. 1916 г., д. 145, л. 149, 204–205, 213).

В 1918 г. Археологическая Комиссия, как и прежде, высылала средства на проведение археологических исследований в Херсонесе и Евпатории, а также на содержание музея и городища. К сожалению, эти средства поступали весьма нерегулярно. Кроме этого, несмотря

Афиша лекции Л. А. Моисеева
о раскопках в Евпатории (1915 г., д. 207, л. 80)

на указания о прекращении работ в Евпатории за недостатком средств, Л. А. Моисеев продолжал выделять часть поступавших из Петрограда денег, отпускавшихся на содержание Херсонеса, на чрезвычайно его увлекавшие исследования Керкинитиды. В переписке музея за 1918–1919 гг. содержатся многочисленные письма к заведующему раскопками от сотрудников музея, в которых содержатся настоятельные требования выплаты заработной платы. Чтобы погасить задолженность, Л. А. Моисеев готов был продать часть имущества, принадлежавшего Археологической Комиссии. В телеграмме от ноября 1917 г. он сообщал в Петроград о том, что не имеет средств на выплату жалования служащим и сам не получает зарплаты уже более трех месяцев (Арх. НЗХТ. 1916 г., д. 145, л. 194). В ответных посланиях товарища председателя Археологической Комиссии акад. В. В. Латышева содержались справедливые упреки в том, что присылаемые средства расходуются не по назначению, а резкий тон выражений, сохранившихся в рапортах, присылаемых заведующим в Комиссию, непозволителен по отношению к этому учреждению. Кроме этого, указывалось, что продажа имущества

Комиссии без специального разрешения повлечет за собой уголовную ответственность. Латышев от имени Комиссии предупреждал Моисеева: «...если Вами не будет изменено отношение к возложенному на Вас делу на более серьезное и внимательное, она вынуждена будет принять более решительные меры к упорядочиванию постановки дела в Херсонесе и Евпатории и к защите своего достоинства».

В связи с немецкой оккупацией Севастополя весной 1918 г. финансирование раскопок было прекращено. Все попытки Комиссии переслать средства на содержание музея и памятника оказывались тщетными. В августе 1918 г. Л. А. Моисеев, в связи с безвыходным положением, обращается с просьбами о помощи к Германскому Оккупационному Командованию, которое оказало посильную помощь и поддержку Херсонесу (Арх. НЗХТ. 1916 г., д. 145, л. 63). В рапорте командующему Вооруженными силами юга России генералу Деникину Моисеев сообщает, что после кончины заведующего Керченским музеем Шкорпила он является единственным полномочным представителем Государственной Археологической Комиссии в Крыму. Поскольку связь с руководящим органом была потеряна, исследователь на основании общего Устава о службе гражданской и внутреннего распорядка службы в Археологической Комиссии вступил в исполнение обязанностей председателя Комиссии на месте (Арх. НЗХТ. 1919 г., д. 148, л. 77). К чести исследователя следует отметить, что, несмотря на все катаклизмы, он неизменно продолжал трудиться в Херсонесе, коллекции и памятники

которого во многом удалось спасти благодаря его усилиям. В 1919 г., когда возобновилась возможность сообщения с Петроградом, Л. А. Моисеев сообщал в сменившую Комиссию РАИМК о том, что памятники Херсонеса в целом сохранить удалось (Там же, л. 34). Много усилий было положено исследователем в этот период на административное управление музеем, одним из наиболее важных результатов которого стало сохранение открытых памятников и препятствие вывозу находок.

Таким образом, вместе с ликвидацией Императорской Археологической Комиссии закончились и исследования Херсонеса, проводившиеся под руководством этой организации чуть более 30 лет. Не будет преувеличением сказать, что археологическое изучение и сохранение этого памятника приобрело в те годы поистине государственное значение. В этот период была проделана колоссальная исследовательская и административная работа, в результате которой Херсонес до настоящего времени остается наиболее полно исследованным античным центром на территории Северного Причерноморья, а Херсонесский музей (с 1994 г. — Национальный заповедник «Херсонес Таврический») стал одной из наиболее крупных музейных и научно-исследовательских организацией на постсоветском пространстве.

Под руководством Археологической Комиссии были открыты и исследованы комплексы и постройки, относящиеся к классическому и эллинистическому периодам, о существовании которых до этого не было известно, открыты многочисленные христианские древности и памятники средневекового времени. В результате систематических раскопок были получены представления о границах и квартальной планировке города в различные периоды его истории, исследованы многочисленные погребальные комплексы городского некрополя, начаты работы по изучению ближней и дальней хоры. Кроме этого, под непосредственным руководством Комиссии была впервые разработана и применена система мер по охране открытых памятников и сохранению древностей, найденных на территории городища и полученных в процессе раскопок. Хотя для раскопок того времени были характерны серьезные методические просчеты, тем не менее общая система исследований, охраны и публикации материалов раскопок была организована грамотно и профессионально не только благодаря постоянному и стабильному финансированию, но и огромной, напряженной и систематической работе Археологической Комиссии в Херсонесе.

Р. В. Стоянов

Глава VI

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ПЕРВОБЫТНЫЕ ДРЕВНОСТИ

Общеизвестно, что изучение первобытных памятников не входило в сферу первоочередных интересов ИАК в начале ее функционирования. Лишь для «эпохи Бобринского» и «спицынского периода» деятельности Комиссии, когда из печати вышли «Обозрения» губерний в археологическом отношении, стало возможным говорить о ее вкладе в дело систематизации и научного обобщения данных о памятниках археологии каменного века. Применительно же к первым десятилетиям существования ИАК постановка проблемы роли Комиссии в сложении дифференцированного подхода к исследованию памятников различных хронологических периодов эпох камня и бронзы является в некотором смысле модернизацией.

В 1860–1870-х гг. в общественном сознании России «доисторическая археология» была достаточно синкретическим явлением. Практическое освоение, разведка и классификация, в том числе и хронологическая, отечественных древностей тогда только начинались. Среди ученых не существовало узких специализаций, хотя тенденция к выделению исследований по каменному веку в отдельную отрасль науки отчетливо проявилась уже в 1870-х гг. в трудах И. С. Полякова. Впрочем, и в этом случае изучение памятников палеолита и неолита воспринималось как единая область исследований. Столь же ясно прослеживалась иная тенденция — к объединению на одном научном поле материалов эпохи камня, бронзы и раннего железа (К. М. Бэр, Л. Ф. Радлов, В. В. Радлов, П. И. Лерх).

Так или иначе, для указанного периода правомерно говорить о «первобытной» или «доисторической» археологии в самом широком смысле слова. Поначалу сюда включались все категории древностей, бытовавших на территории Российской империи в дописьменную эпоху. Причем каменный век мог парадоксальным для современного ученого образом объединяться с русскими курганными древностями — тоже очень «первобытными» в глазах наших соотечественников XIX в. Курган как таковой прочно связывался для них с язычеством. Первые раскопки, как правило, относили средневековые курганные могильники XII–XIV вв. к периоду до крещения Руси, а то и к более отдаленным эпохам.

Выше уже говорилось: ИАК не рассматривала археологическое изучение первобытности как свою первоочередную задачу. Тем не менее нельзя утверждать, что Комиссия вовсе не предпринимала никаких попыток в этом направлении. Такие попытки были — причем уже на раннем этапе ее деятельности.

Стоит напомнить, что основоположником научного подхода к доисторическим древностям России был академик Карл Максимович (Карл Эрнест) Бэр (1792–1876) — основатель антропологического собрания музея ИАН, один из основателей ИРГО, председатель его этнографического отдела. Великий ученый-биолог, признанный мировой наукой «отцом

эмбриологии», К. М. Бэр уже на склоне лет с головой ушел в дела по обследованию окраин Российской империи. Задачи географии он понимал широко, считая, вслед за А. Гумбольдтом и К. Риттером, что «на лице земли написаны не только законы распространения организмов, но отчасти и судьбы народов» (Райков 1950: 12–13, 15, 34). Не будучи непосредственно связанным с ИАК, он до некоторой степени определил ее подходы к первобытной древности, «де-легировав» в состав Комиссии своих единомышленников.

В 1860-х гг. академик опубликовал серию статей о первобытном человеке и степени изученности данной проблемы в Европе. Эти публикации, по сути, положили начало накоплению материалов по первобытной археологии в центральных музеях (Бэр, Шифнер 1862; Бэр 1863; 1864). Его последователь П. И. Лерх (впоследствии сотрудник ИАК) говорил на II Археологическом съезде: «Коллекция (неолитических орудий. — *Ред.*) Бутенева стала известною в Санкт-Петербурге в то время, когда в среде Академии наук и Российского Географического общества голос многоуважаемого К. М. Бэра требовал для подобного рода памятников быта древнейших обитателей нашего отечества места в наших музеях. Я имел удовольствие видеть, что при моем посредничестве упомянутая коллекция была приобретена Академией наук для ее Этнографического музея...» (Лерх 1881: 10).

Характерное для К. М. Бэра отрицание принципа естественного отбора как ключа к пониманию процесса «очеловечивания» не означало для него отрицания идеи эволюции в культуре. Но главным толчком в данном направлении стали для него собственные этнографические наблюдения, подкрепленные сопоставлением с новейшими по тем временам достижениями скандинавской археологической мысли. В связи с этим К. М. Бэр, обращая внимание на сравнительный анализ «остатков», сохранившихся «от доисторического состояния» и находимых «на поверхности и в глубине земной», был одним из первых, кто ввел в русскую науку периодизацию трех веков — каменного, бронзового и железного (Бэр 1864: 27–28). В рассуждениях К. М. Бэра постоянно увязываются между собой два фактора — эволюционно-временной и географический. Круг основных проблем, намечавшихся академиком в этой связи, ясно обрисован им в статье «Записка о снаряжении археолого-этнографических экспедиций в пределах Российского государства», опубликованной на немецком языке в Бюллетене ИАН в том же 1864 г. Полагая, что «колыбель нашей народной жизни, все то, что предшествовало письменности, представляет еще сырой неразработанный материал» и отмечая важность человеческих миграций, прежде всего

Карл Максимович (Карл-Эрнест) Бэр
(СПбФА РАН, Р.Х., оп. 1-Б, д. 25, л. 1)

с восточного направления, он считал, что «если Россия не займется изучением своей древнейшей старины, то она не исполнит своей задачи как образованного государства» (русский перевод П. И. Лерха, цит. по: 1865 г., д. 15, л. 4 об.–6).

Именно К. М. Бэр сформулировал план, по которому следовало организовать изучение «доисторических переселений и быта древних обитателей» на ее территории (Там же, л. 6). Для этого, по его мнению, было необходимо снарядить экспедиции в различных направлениях на три года. От их руководителей требовалось «полное знакомство с результатами западноевропейских исследований о доисторическом быте человечества», а также с опубликованными сведениями о раскопанных в России памятниках. Первая экспедиция должна была обследовать курганы в пределах области распространения «чудских могил» и раскрыть некоторые из них — самые разнородные, параллельно наводя справки об уже имевших место раскопках. Вместе с тем, по мнению К. М. Бэра, следовало бы провести поиск следов древних поселений или иных остатков деятельности человека — «по краям озер».

После этих обследований К. М. Бэр планировал более специальные экспедиции: 1) в низменность на юге Урала; 2) к екатеринбургской впадине Уральского хребта; 3) в Крым через Тамань и в Понтийско-Каспийскую степь. По его мнению, эти три пути могли оказаться «главными воротами переселения». По всем указанным направлениям следовало, с его точки зрения, вскрывать курганы и известные «плоские могилы», а затем осуществить широкое сравнение всех сделанных находок (Там же, л. 6 об.–7).

То, что важнейшая роль в историческом процессе априорно отводилась многими учеными XIX в. — в том числе К. М. Бэром — миграциям и заимствованиям с востока, представляется вполне закономерным. Во-первых, и то и другое представляло собой феномены, хорошо известные по письменным источникам. Во-вторых, что особенно важно — факты древних переселений логично вытекали из исследований лингвистов, результаты которых не вызывали у ученых-историков и археологов никаких сомнений. П. И. Лерх отмечал: «Результаты, добытые с помощью лингвистики, превосходят все надежды самого пылко го воображения археологов до применения сравнительного метода к изучению языков...» (Лерх 1863–1865, I: 150). Казалось, необходимо лишь детализировать эти результаты, уточнить, откуда, как и когда осуществлялись миграции.

Подход, намеченный К. М. Бэром, предполагал опору именно на данные лингвистики и намечал пути проверки исходной гипотезы с помощью раскопок. Полученные в ходе раскопок предметы должны были систематизироваться и использоваться в дальнейшем как *документы*, подлежащие в свою очередь сравнительному исследованию и музейному хранению. Характерно, что даже в сжатом, почти тезисном изложении К. М. Бэр находит место для постановки проблемы выработки «номенклатуры и классификации древностей». Эту последнюю, с его точки зрения, следовало осуществить на базе самого современного зарубежного опыта. Тут, безусловно, сказался подход строгого естествоиспытателя, хорошо понимающего, что без разработанной номенклатуры и классификации нет науки.

Сам порядок археологического обследования России явно виделся К. М. Бэру по образцу и подобию лингвистических экспедиций М. А. Кастрена или его собственных комплексных географических экспедиций 1830–1850-х гг. Возможно, встань он сам во главе такого проекта, его авторитета хватило бы, чтобы настоять на осуществлении этих планов, хотя бы частичном — силами Императорской Академии наук. Но ранее материалы этих экспедиций лишь до некоторой степени дополнялись сведениями из области археологии и этнографии. Их главной целью был сбор естественнонаучных или лингвистических

данных. Теперь же ставилась совершенно иная, непривычная цель — специальное археологическое изучение целых регионов Империи, включая обширные раскопки. В ту пору, когда М. А. Кастрен, К. М. Бэр, Л. Шренк и другие проводили свои комплексные экспедиции на Урал, в Прикаспий, на Амур и т. д., в России еще не существовало специального государственного учреждения, ведающего раскопками. Но в 1859 г. таковое наконец появилось — в лице ИАК. При этом ни бюджет Комиссии, ни ее оснащенность кадрами исследователей на указанном этапе не шли ни в какое сравнение с возможностями ИАН. Это была новая реальность, с которой пришлось считаться, в частности, сотрудникам Академии наук, находившимся в 1850-х–начале 1860-х гг. в непосредственном контакте с К. М. Бэром и обратившимся, под его влиянием, к изучению первобытной археологии. Характерно, что память об этих экспедиционных планах академика сохранилась именно в архиве ИАК, благодаря археологическим и переводческим трудам его учеников.

В орбите К. М. Бэра в начале 1860-х гг. находилось двое вполне зрелых исследователей, каждый из которых соединял в себе профессионального филолога-лингвиста, этнографа и археолога. Первым из них был хранитель Этнографического музея ИАН Леопольд Федорович Радлов (1819–1865) — специалист по нескольким языкам Северо-Восточной Азии и Русской Америки (в том числе тлинкитскому). В 1850-х гг. Л. Ф. Радлов начал сравнительное изучение коллекций «доисторических древностей» Швеции, Дании, Германии и Швейцарии. Вероятно, все это было напрямую связано с планами К. М. Бэра сделать этнографический и антропологический музей ИАН еще и археологическим и обосновать необходимость приобретения им коллекций каменных, костяных, бронзовых и иных орудий первобытной эпохи. «Для ближайшего ознакомления» с такими музейными собраниями Л. Ф. Радлов непосредственно посетил Стокгольм, Лунд, Копенгаген, Шверин, Швейцарию и пр. (Лерх 1866: 205–206).

Знание не только немецкого и английского, но датского и шведского языков позволило ему детально разобраться в литературе по указанному разделу археологии. Л. Ф. Радлов перевел на русский язык «Северные древности» Й. Ворсо, вскоре опубликованные ИАН, а также целый ряд статей других скандинавских исследователей, которые еще при жизни предоставил в распоряжение своего младшего коллеги П. И. Лерха. К сожалению, ранняя смерть (Радлов умер в 46 лет) помешала ему довести до конца собственные разработки на базе освоенного археологического материала. Эти данные были в полной мере обобщены Петром Ивановичем Лерхом (1828–1884), который не только соединил музейные штудии с полевыми работами и классификацией отечественных материалов, но и в определенной степени привнес это направление в деятельность ИАК.

П. И. Лерха коллеги называли «скромнейшим из русских ученых», который «по богатству сведений своих и обширной эрудиции мог бы с честью занимать кафедру в университете» (Тизенгаузен, Веселовский 1884: 57). Но стесненное материальное положение и, видимо, полное отсутствие честолюбия привели к тому, что всю жизнь он довольствовался положением мелкого чиновника-канцеляриста, вынужденного вдобавок служить сразу в нескольких местах для заработка. Однако к этому скромному титулярному советнику, случалось, обращались за консультациями университетские профессора (Тихонов 2003а: 36–37).

П. И. Лерх окончил Санкт-Петербургский университет в 1850 г. — кандидатом по разряду восточной словесности (1873 г., д.10, л. 8 об.). По основной специальности он был востоковедом-курдологом, а заодно — блестящим знатоком восточной нумизматики. Интенсивная деятельность его в области первобытной археологии началась в 1860-х гг. Как и Л. Ф. Радлов, П. И. Лерх был очень образованным лингвистом, переводчиком и публикатором первого

русского издания книги А. Шлейхера «Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индогерманских языков» (1865). Но одновременно его по праву считают первым в России археологом-первобытником европейского уровня (Формозов 1983b: 39; Тихонов 2003a: 34–37).

Написать и защитить диссертацию П. И. Лерх так и не собрался. В разное время он служил протоколистом в Академии наук, помощником библиотекаря и библиотекарем в Санкт-Петербургском университете, делопроизводителем в Археологической Комиссии. Параллельно в 1861 г. он исполнял обязанности библиотекаря, а с 1862 г. — секретаря Отделения западной и классической археологии РАО. В 1863 г. П. И. Лерх начал публиковать в «Известиях» РАО свой обширный очерк первобытной археологии Европы (Лерх, 1863–1865, I–III). По объему это скорее небольшая книжка. В ней кратко, но со знанием дела излагались основы «доисторической» археологии и перечислялись важнейшие открытия в области неолита и бронзы Северной и Западной Европы. Этот труд нельзя назвать компиляцией: из-под пера П. И. Лерха вышел не пересказ, а аналитический обзор, сопровождавшийся вдобавок подробным описанием категорий находок эпохи неолита и бронзы. Как вдумчивый ученый автор критически сопоставил взгляды Й. Ворсо, Г. Ф. Лиша, Дж. Леббока, Ф. Келлера и других на проблемы происхождения бронзового века в Европе, взаимоотношения разных «стилей», связей северных европейцев с Ближним Востоком и Югом и т. д. Подобно К. М. Бэру и А. С. Уварову, П. И. Лерх подчеркивал, что развитие интереса к отечественным древностям и подъем национального самосознания в Европе — это, в сущности, две стороны одной медали. В «нашем обширном отечестве» перед учеными стоят те же задачи:

«...народ, уважающий себя и свою самостоятельность, не останавливается на созерцании одного настоящего, с любовью обращает взоры и к отдаленному периоду своего начала, старается определить степень своего родства с другими народами; узнать время и условия занятия той страны, в которой он основал себе отчизну; одним словом, желает узнать: каким образом он стал тем, чем есть теперь.

...Кто посещал за границу собрания... отечественных древностей в Германии, Швейцарии, Италии, Франции, Англии, Ирландии, Швеции и Дании, и познакомился притом с исследованиями тамошних археологов, тот знает, с какой ревностью и успехом в упомянутых странах, кроме так называемых классических древностей, собирают и изучают еще и древности народные, относящиеся частью к периодам, о которых, по отсутствию в них письменности, мы принуждены почерпнуть сведения из скрывающихся в земле следов человеческого быта.

У нас также начинают сознавать необходимость мер к сохранению и разведке древностей, встречающихся в нашем обширном отечестве. ...Но они останутся недостаточными для успехов археологии, ...коль скоро в образованной части народа интересы науки археологической не будут встречать живого сочувствия...» (Лерх 1863–1865, I: 146–147).

Из высказываний П. И. Лерха с несомненностью следует, что внимание к «народным древностям», стремление по ним познать свое далекое прошлое служило для него не только показателем общего уровня культуры в стране, но и важнейшей предпосылкой дальнейшего развития «научной» археологии. Необходимо отметить и другое: в своих конкретных разработках ученый весьма взвешенно подходил к проблеме генетического родства тех или иных «доисторических» племен с конкретными современными народами. И уж, тем более, П. И. Лерх не ставил этническую принадлежность во главу угла при определении исторической ценности памятников. Не случайно выступление его на II Археологическом

съезде (1871 г.) заканчивалось словами о том, что в России все «этнографические выводы относительно принадлежности каменных орудий» являются преждевременными: «Различные народы, при одинаковых условиях жизни, могут дать орудия одной формы... Нет оснований заключать, что они принадлежат одному народу...» (Лерх 1881: 14).

Подчеркнутое внимание было уделено автором открытиям скандинавских и швейцарских археологов 1840–1850-х гг. Его собственные представления об археологии явно сформировались под влиянием «скандинавского подхода», что неудивительно, если учесть, что исследования ученых «скандинавского севера» считали образцовыми К. М. Бэр и Л. Ф. Радлов. При этом П. И. Лерх подчеркивал преемственность своих взглядов на археологию с воззрениями К. М. Бэра. В его статьях часто встречаются уважительные ссылки на мнения последнего. Им же был опубликован каталог европейских древностей, переданных в дар Московскому публичному музею (Лерх 1865b).

В 1865 г. «состоящий при канцелярии комитета правления Императорской Академии наук» титулярный советник П. И. Лерх подает в ИАК свои «Соображения об археологической поездке в северо-восточные губернии» (1865 г., д. 15, л. 1–14). Данный очерк представляет немалый интерес. Он не только содержит изложение научных позиций самого П. И. Лерха, вкупе с характеристикой плана археологического обследования Российской империи, предложенного К. М. Бэром. Он бросает свет на взаимоотношения П. И. Лерха с ИАК и на политику самой Комиссии в отношении исследования первобытных древностей России в 1860-х гг. Одной из основных, в русле идей К. М. Бэра, становилась тема эволюции местной культуры вообще и становления обработки металлов и производящего хозяйства, в частности. Настоятельная необходимость привлечения вещественных древностей мотивировалась недостатком письменных сведений о древних периодах культуры. В записке отмечалось, что начало подобным исследованиям было положено в 1862–1863 гг. В. В. Радловым по непосредственному поручению ИАК (*Подробнее смотри главу VII*). Характерно, что, упоминая о собрании каменных орудий начальника горного ведомства Олонецкой губернии А. Ф. Бутенева, впоследствии приобретенном ИАН, П. И. Лерх вполне в этнографическом ключе называл их «громовыми стрелками».

П. И. Лерх очерчивает в своей записке проблему изучения финских народностей в историко-археологическом плане. Отметив, что «языки финские, благодаря трудам Шегрена, Кастрена, Видемана, Савваитова, Рогова, Альквиста и других, изучены в научном отношении», он указывает, что история этих племен «разъяснена» лишь для периода, когда она оказалась тесно связана с историей Российского государства. Древнейшая их история совершенно не изучена (Там же, л. 1а об.). «Были ли финские племена самые древние обитатели европейского севера и на какой степени развития они находились до сближения с германскими и славянскими племенами?» — задает вопрос автор. Для ответа на него он предлагает начать исследование «рассеянных по северу Европейской России, равно, как и за Уралом до Даурии памятников древности, в особенности, ... могил и городищ...». Необходимо «получить ясное понятие об образе их сооружения и о сохранившихся в них остатках человека и его древнего быта...» (Там же, л. 2, 3).

«В нашей историко-археологической литературе часто была речь об этнографическом тождестве Чуди и Скифов, — пишет далее П. И. Лерх. — Рассмотрение этого вопроса останется преждевременным, пока не будет систематическим образом исполнено обозрение Европейской России и Западной Сибири в археологическом отношении...» (Там же, л. 4). Подробно обрисовав в связи с этой задачей предложения К. М. Бэра, опубликованные за год до того, автор излагает свою собственную точку зрения:

«...нельзя не сочувствовать мысли знаменитого ученого. Но нам кажется, что трехгодичный срок для археологических экспедиций, как их понимает Бэр, может только тогда оказаться достаточным, если в этих экспедициях будет одновременно участвовать значительное число ученых и художников. Кроме того, не следует забыть, что часть начертанной Бэром программы уже исполняется... Археологической Комиссией и что со временем ею и будет, как можно надеяться, исполнена вся программа.

Имея честь изъявить Императорской Археологической Комиссии готовность свою посвятить предстоящее лето объезду губерний Олонецкой, Вологодской и Вятской, для обозрения сохранившихся в Олонецком крае, далее около Белоозера, по рекам Ваге, Сыsole, Яренге, Вычегде, Вятке и в низовьях Камы могил и городищ, приписываемых Чуди, считаю себя обязанным представить указания на те местности, в которых мне известны могилы и городища...» (Там же, л. 7–7 об.).

Подробная записка П. И. Лерха с планом исследования северных губерний была встречена в ИАК очень благожелательно. На основании этого предложения 19 апреля 1865 г. старший член Комиссии И. Е. Забелин обратился в Академию наук с вопросом, не встретятся ли возражений против предполагаемых П. И. Лерхом археологических разысканий в губерниях Вологодской, Вятской и Архангельской. Естественно, возражений не встретилось. Одной из особенностей этой экспедиции была правовая чересполосица земель, на которых предполагалось проводить исследования. ИАК пришлось обращаться и в Горный департамент, в Департамент уделов, и к губернскому начальству, и в Министерство государственных имуществ, в ведение которого после реформы 1861 г. перешли выделенные крестьянские наделы (1865 г., д. 15, л. 17, 18). В конце мая 1865 г. П. И. Лерх получил ответ из ИАК:

«Вполне разделяя изложенные Вами в особой записке соображения о важности исследований доисторических древностей северо-восточной России, Археологическая Комиссия с искренней благодарностью принимает ... изъясненную Вами готовность заняться в течение предстоящего лета осмотром и разведкою так называемых Чудских могил и городищ... Выбор местностей для Ваших исследований Комиссия предоставляет Вашему собственному усмотрению. На производство раскопок и приобретение древностей Вам будет отпущено авансом 597 рублей, о которых Комиссия Вас просит доставить отчет по окончании командировки. На путевые издержки Вы получите 550 рублей. Сверх того, Вам будет выдана казенная подорожная и Открытый лист. О допущении вас к раскопкам на казенных ... землях в означенных губерниях сделано сношение с Канцелярией Министерства государственных имуществ, Удельным департаментом и Горным ведомством. Вместе с тем Комиссия отнеслась к начальникам всех трех губерний с просьбою об оказании Вам, в случае надобности, содействия в успешном исполнении возложенного на Вас поручения. На частных землях Комиссия просит Вас производить раскопки не иначе, как с предварительного письменного согласия владельцев... Подписал за председателя Императорской Археологической Комиссии старший член И. Е. Забелин...» (Там же, л. 23–23 об., 24).

В результате 31 мая 1865 г. П. И. Лерх получил в ИАК 1147 руб. на свои летние работы.

Означенная сумма представляла собой в 1865 г. целое состояние. Она почти вдвое превышала собственное годовое жалованье П. И. Лерха в указанный период. Хотя эта выплата была произведена в отсутствие председателя Комиссии графа С. Г. Строганова, маловероятно, что столь ответственное решение могли принять без его предварительной санкции. Очевидно, причин для такого решения было две. Во-первых, произведенные В. В. Радловым (под эгидой ИАК) раскопки сибирских курганов (1862–1863 гг.) уже показали, что «чудские могилы» могут оказаться весьма богаты. Во-вторых, научное обоснование предстоящих

Каменный инвентарь, собранный П. И. Лерхом в 1865 г. в Петрозаводском, Повенецком и Каргопольском уездах Олонецкой губернии (1865 г., д. 15, л. 35)

экспедиционных работ, произведенное П. И. Лерхом на редкость исчерпывающе, вызывало уважение у всех, кто с ним сталкивался.

П. И. Лерх добросовестно выполнил свои обязательства. Он побывал на Соловках, Койхевице, на Выг-озере. объехал Заонежье (Кижскую и Шунгскую волости), собрал там коллекцию каменных орудий и убедился на месте в неосновательности слухов о наличии свайных поселений. Затем через Вытегру и Каргополь отправился в Вятку и произвел раскопки Подчуршинского городища при впадении р. Тоймы в Каму. Результатом поездки стали несколько публикаций П. И. Лерха (ОИАК за 1865 г. 1866: XII–XIII; Лерх 1865а: 196–197), а на II Археологическом съезде он прочел доклад о каменных орудиях на Северо-Западе России (Лерх 1881: 9–14, 33–61). Эти наблюдения впоследствии были доложены П. И. Лерхом на антропологическом и историческом съезде в Копенгагене (1869 г.). Позднее их использовал И. С. Поляков в ходе своих обследований Русского Севера (Поляков 1882).

Необходимо отметить, что в ходе этой поездки им были проведены археологические исследования Ананьинского могильника на берегу Камы у с. Ананьина (близ г. Елабуги Вятской губ.), который дал название ананьинской археологической культуре VIII–III вв. до н. э. Первые исследования могильника в 1858 г. связаны с именем П. В. Алабина. Уже после кончины П. И. Лерха, в 1887 г., из Географического общества в ИАК поступила (как собственность Комиссии) коллекция каменных орудий, собранных им во время поездки 1865 г. в Петрозаводском, Повенецком и Каргопольском уездах. На следующий год эта коллекция была передана в собрание РИМ (1865 г., д. 15, л. 43).

Главным предварительным выводом П. И. Лерха стало то, что все обследованные регионы «имели свой каменный век», причем, вероятно, «от употребления камня перешли прямо к обработке железа» (Лерх 1865а: 197). Собранные материалы по археологии неолита Русского Севера и Северо-Востока ученый постарался, по мере возможности, включить в общий контекст европейского каменного века (Лерх 1881: 9–14, 33–61).

Работа П. И. Лерха, представленная им в качестве доклада на II Археологический съезд, представляла собой первую попытку научной классификации и одновременно — функционального истолкования восточноевропейских неолитических находок. Автор выделил группу охотничьих и боевых орудий, а также тех, что употреблялись, по его мнению, для обработки дерева. Кроме того, он продемонстрировал участникам съезда найденный им на Подчуршинском городище обломок изогнутого костяного орудия с вкладышами и интерпретировал этот предмет, как «скорняжный инструмент», в контексте собранных этнографических аналогий и находок из зарубежных музеев. Точно так же, на этнографическом материале, им был описан порядок крепления каменных топоров к рукоятям. Отдельно П. И. Лерх охарактеризовал материал, из которого изготавливались орудия, подчеркнув одновременность бытования кремневых оббитых и сланцевых шлифованных предметов.

Труды П. И. Лерха помогают ясно понять следующее: гуманитарный подход в археологии середины–третьей четверти XIX в. отнюдь не предполагал пренебрежения к данным естествознания. Его особенностями скорее надо считать ясное осознание «исторического характера» археологии и предпочтение ретроспективного пути от известного (т. е. более позднего, этнографически и лингвистически исследованного) к неизвестному — более древнему, представленному лишь «вещественными памятниками». Этот путь предполагал опору в первую очередь на данные лингвистики. Основными понятиями в ходе исследования выступали «народ», «племя» и т. д. — этнографические единицы, историю которых предполагалось проследить от современности в глубь веков. В ходе анализа собственно археологических памятников («доисторических древностей») очень большое

внимание отводилось комплексу методов естественных наук как вспомогательных средств исторического исследования. В этой связи стоит указать, что П. И. Лерхом предлагалось провести химические анализы древних бронз и рудных месторождений нижнего Поволжья — с целью проверки предположений о том, что разработка древних копей «относится ко временам, более ранним, нежели время хазарское» (Лерх 1868d: 105–106; 1868e).

Как уже говорилось, в методологическом плане П. И. Лерх ориентировался на разработки скандинавских ученых, ставших первопроходцами в области типологии и хронологии находок эпохи неолита и бронзы. Материалы, полученные в ходе разведок и раскопок, осмыслились им в отчетливо эволюционистском ключе. В частности, ученый подчеркивал вероятность параллельного, независимого развития сходных форм каменных орудий на разных территориях и указывал на «преждевременность этнографических выводов» об их принадлежности одному народу. Вместе с тем идея эволюции в культуре вполне уживалась у него с другой — априорно отводившей важную роль в историческом процессе миграциям и заимствованиям.

К сожалению, отсутствие в 1865 г. ярких, впечатляющих находок, видимо, сказалось на дальнейших планах ИАК в отношении работ на Русском Севере. Впрочем, с П.И. Лерхом Комиссия охотно сотрудничала и потом, давая ему иные поручения. Результатом такого сотрудничества стала его книжка об археологической поездке в Туркестан, с описанием раскопок Джонкента и обследования низовьев р. Сырдарья (Лерх 1870).

Впоследствии, уже став сотрудником (делопроизводителем) ИАК, П. И. Лерх был командирован ею на Стокгольмский съезд археологов (1874 г.). Главной целью этой месячной командировки являлось непосредственное знакомство с достижениями в области доисторической археологии в Европе и с первобытными древностями из собрания Национального музея Швеции. Можно предполагать, что за освоением П. И. Лерхом широкого круга музейных коллекций, полевыми работами и систематизацией их результатов должен был последовать серийный анализ отдельных категорий вещей. Однако ученый не успел осуществить его.

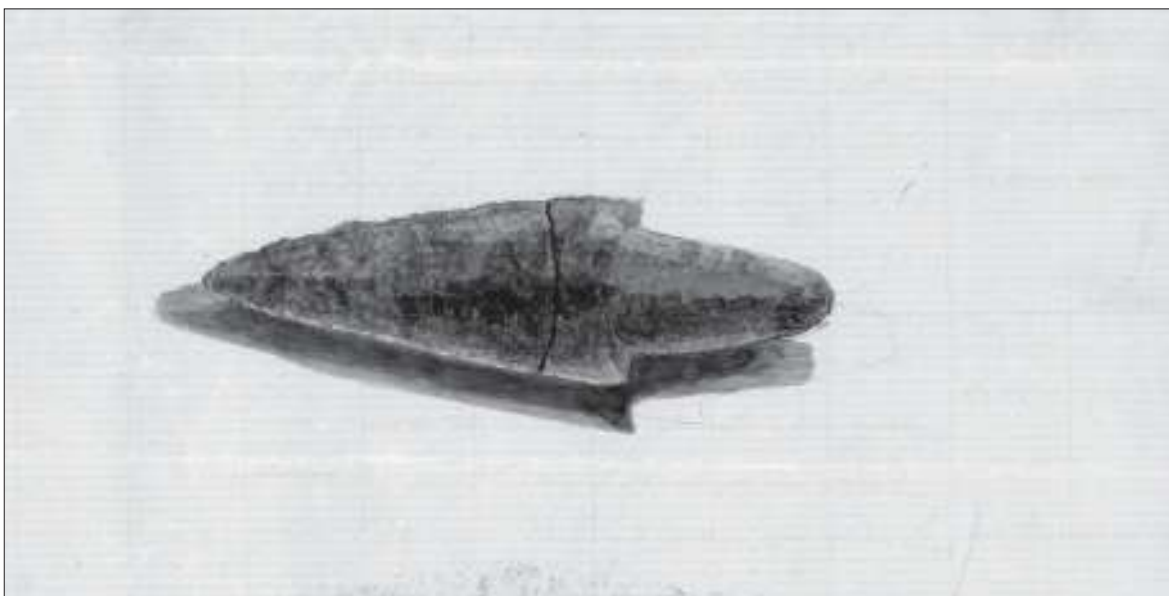
К сожалению, карьера П. И. Лерха в Комиссии продлилась недолго. С его кончиной в русской археологии оборвалось непосредственное развитие «бэровской традиции», характеризующейся органичным сочетанием гуманитарных и естественнонаучных методов в рамках историко-археологического исследования и профессиональной увязкой полученных результатов с данными сравнительной лингвистики. После его ухода из ИАК в 1878 г., в связи с тяжелой болезнью, изучение первобытных древностей методом комплексных экспедиций на некоторое время перестало быть интересным ее руководству. Такую неоднозначность отношения ИАК к первобытным древностям понимали и современники. Так, около 1886 г. Н. П. Авенариус, сообщая Д. Я. Самоквасову о своих находках в Дрогичине и процедуру их отправки в ИАК, написал: «Нашел я и мамонтовые кости, но оставил их у себя, так как Комиссии они не нужны» (Археология... 2007: 46). В определенной степени в формировании такой позиции сказывался «винкельмановский» подход к археологии с его эстетическими приоритетами и близость ИАК к Императорскому Эрмитажу. 15 декабря 1889 г. в помещении Комиссии прошло своеобразное «музейное совещание» с представителями Эрмитажа и Исторического музея. Несмотря на то что его результаты не были оформлены юридически, здесь были выработаны определенные правила распределения археологических находок между двумя главными имперскими музеями: так из числа предметов, поступающих в Эрмитаж, совершенно исключались предметы «так называемого каменного периода» (1887 г., д. 69, л. 206 об.).

Впрочем, в «эпоху Бобринского» ситуация начала существенно меняться. Интерес к доисторическим древностям ощущался в обществе повсеместно, что требовало пересмотра структуры отечественной археологии. В частности, Т. В. Кибальчич в своей записке Министру императорского Двора от 22 февраля 1886 г., предлагая реорганизовать ИАК, считал, что в ее задачи должно входить изучение не только древностей государства Российского, но и доисторические древности, находящиеся в пределах России (1886 г., д. 1а, л. 4). ИАК постепенно становилась тем научным центром России, который в результате своей деятельности, иногда достаточно спонтанной, оказался своеобразным «банком данных», в том числе и по археологии камня. Количество и качество указанной информации не стоит преувеличивать, однако при определенном подходе, связанном с учетом хронологии и географической привязки поступавших в Петербург данных, они способны стать дополнительным источником для изучения первобытных древностей России.

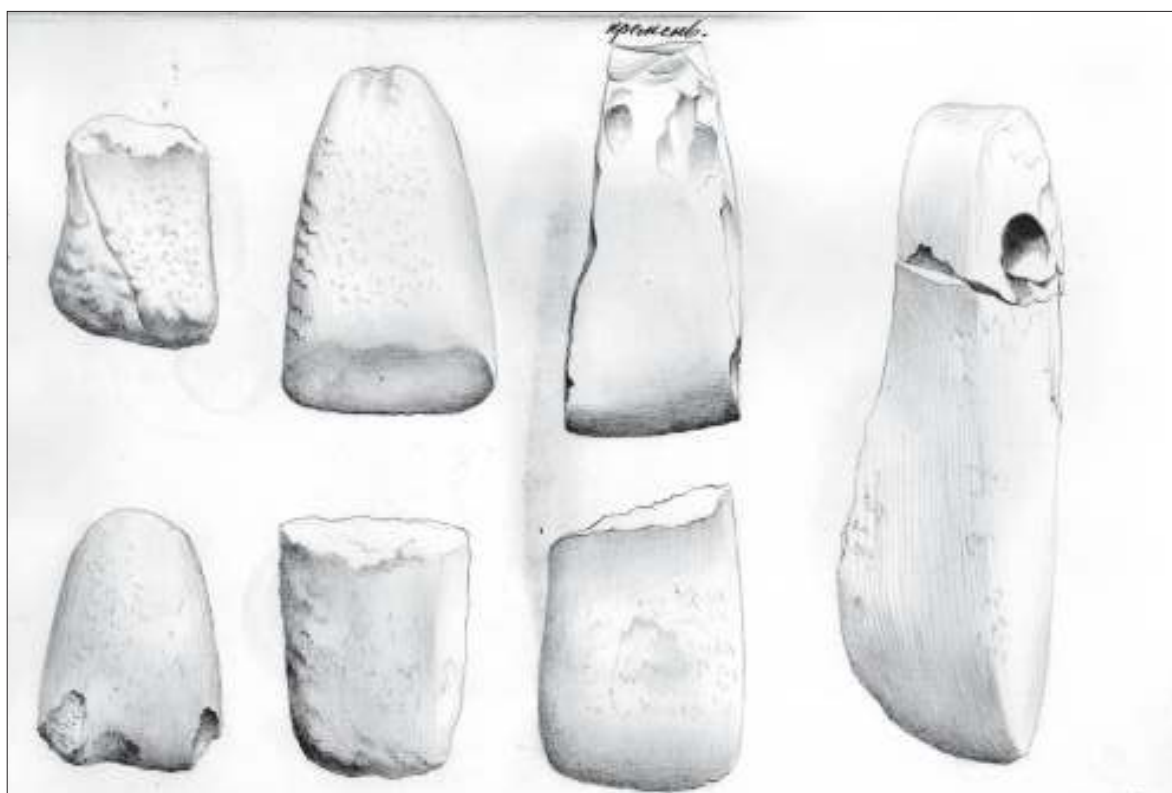
Известно, что ИАК участвовала в сборе сведений об археологических находках. В этой связи стоит обратить внимание на присылку в Петербург информации из уездов о находках костей первобытных животных и каменных орудий. Эпизодический характер подобных сведений до середины 1880-х гг. контрастирует с последующим периодом, когда поток предметов такого рода значительно возрос. Последнее отражало не только просыпающийся общественный интерес к первобытным древностям, но и более сочувственное отношение членов самой Комиссии к изучению эпохи камня.

Уже в первый год деятельности комиссии штабс-капитан Ефим Шумаков сообщает в Петербург о своей «коллекции окаменелостей» (которые он, правда, связывал с курганами и городищами) и отправляет в ИАК свою «опись» Курской губернии (1859 г., д. 24, л. 9–12). В соответствии с инструкциями, рассылаемыми Министерством внутренних дел, местные власти занимались выявлением и присылкой в Петербург находимых на подведомственной территории древностей, в том числе и каменного века. Разумеется, в абсолютном большинстве случаев речь шла о наиболее легко опознаваемых неспециалистами формах каменных орудий, часто не имеющих отношения к эпохе камня, шлифованных и сверленных топорах, наконечниках стрел и копий. Находчики (в основном урядники, крестьяне, учителя, просвещенные священнослужители) получали небольшое вознаграждение, а находки описывались, зарисовывались (с 1892 г. в делах начинают встречаться фотографии) и в дальнейшем отсылались в Российский Исторический музей, Академию наук, Петербургский университет, Русское археологическое общество, местные музеи или научные общества. Всего за период с 1865 по 1915 г., по данным архива ИИМК, зафиксировано около 20 таких случаев, а география находок простирается от Литвы и Западной Украины до Урала и Енисея.

Примечательно участие сельского духовенства в сборе такой информации. Так, в 1871 г. в ИАК поступил рисунок неолитического наконечника от священника с. Череватово Ардатовского уезда Нижегородской губернии Василия Владимирского. Примечательно, что сельский батюшка сам попытался идентифицировать и описать находку, посмотрел статью К. М. Бэра в «Академическом календаре», а также доступную ему публикацию о свайных постройках в Швейцарии — очевидно, переводной французский труд К. Риттера (Бэр 1864: 25–65; Риттер 1859: 76–82) (1871 г., д. 21 л. 1, 2). Двадцать лет спустя, 11 января 1891 г. священник с. Глумичи Волынской губернии Елисей Сильвестрович Симонович, выпускник Волынской Духовной семинарии 1879 г., отправил в Петербург «каменные предметы на усмотрение Комиссии», которые были переданы в РИМ с выражением благодарности отправителю (1891 г., д. 12. л. 4).

Изображение кремневого наконечника, найденного священником Василием Владимирским, с. Череватово, Ардатовский уезд, Нижегородская губерния (1871 г., д. 21, л. 2)

Неолитические находки из с. Глумичи Волынской губернии переданные в ИАК священником Елисеем Симоновичем (1891 г., д. 12, л. 4)

Каменные орудия и человеческий череп, найденные при строительстве Сясьского канала в 1878 г. (1878 г., д. 27, л. 7)

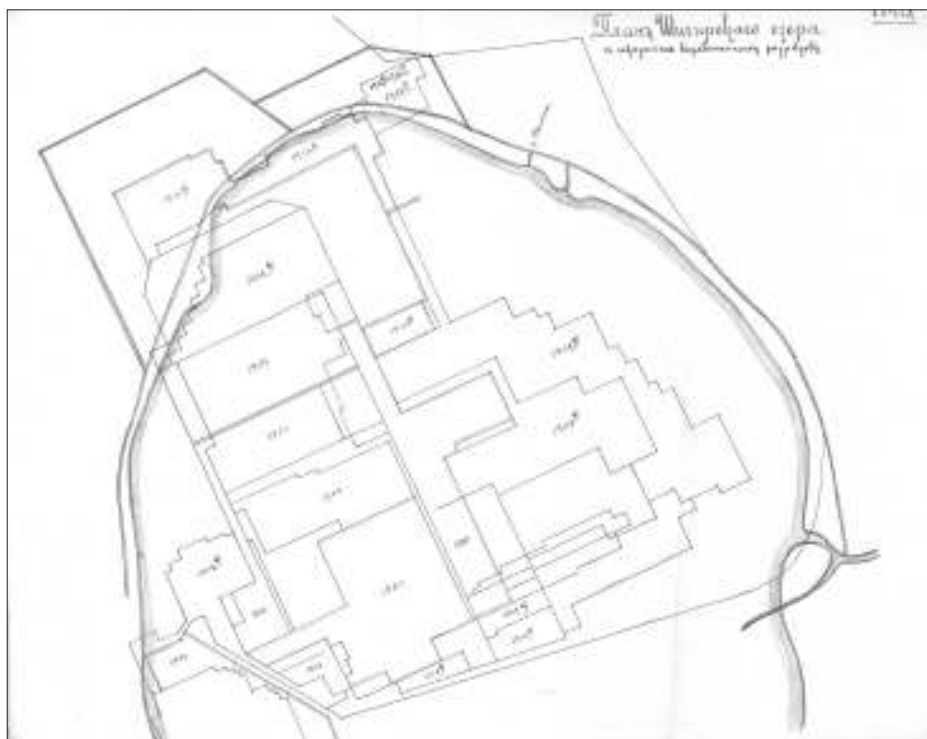

Каменный и керамический неолитический инвентарь, собранный в Енисейской губернии (1896 г., д. 85, л. 7)

Подобная информация, поступившая в ИАК, послужила толчком к началу основополагающих исследований XIX в. по неолиту побережья Ладожского озера (Иностранцев 1882). 18 сентября 1878 г. Департамент шоссейных и водных сообщений Министерства путей сообщения сообщил в Комиссию, что при прорытии Сясьского канала на шестой версте от Волхова было найдено два каменных предмета, а в декабре поступило сообщение еще о семи орудиях из камня и кости. Все предметы были переданы в Санкт-Петербургский университет для «геологического», на самом деле — палеонтологического кабинета, о чем в ИАК поступило уведомление от Александра Александровича Иностранцева, впоследствии занявшегося их изучением (1878 г., д. 27, л. 1–3). Точно так же в 1896 г. енисейский губернатор сообщил в ИАК о поступивших в местных музей каменных предметах и прислал их в Петербург для фотографирования (1896 г., д. 85). Начиная с 1890-х гг. ИАК периодически вела переговоры о приобретении крупных коллекций каменных орудий. Так 4 октября 1891 г. Е. Р. Романов предложил Комиссии продать ей свою коллекцию «не ниже 1000 рублей», однако получил отказ из-за высокой стоимости (1891 г., д. 151). В 1918 г. РГАК приобретала у Н. И. Репникова коллекцию каменных орудий, происходящих из д. Волосово Петроградской губернии (1918 г., д. 26). Именно в процессе приобретения коллекций в распоряжение ИАК поступил уникальный материал, характеризующий мезолит Среднего Урала (ср.: Раушенбах 1956; Мезолит СССР 1989: 130). В 1906 г. Комиссия начала

Шигирский торфяник, Екатеринбургский уезд, Пермская губерния.
Фото В. Я. Толмачева, 1911 г. (ФА, III. 13829)

План выработок. Шигирский торфяник, Екатеринбургский уезд, Пермская губерния.
(1906 г., д. 149, л. 64)

Костяной инвентарь. Шигирский торфяник, Екатеринбургский уезд, Пермская губерния. Коллекция Д. Е. Зелютина (1906 г., д. 149, л. 86)

переговоры о приобретении у Д. Е. Зелютина за 200 руб. коллекции костяных орудий, найденных в Шигирском торфянике Екатеринбургского уезда Пермской губернии. Торфяник принадлежал Верх-Исетским заводам, и первая шигирская коллекция уже в 1887–1889 гг. была передана музею Уральского общества любителей естествознания графом А. А. Стенбок-Фермором. После 1906 г. в ИАК поступила опись вещей, с которых были сделаны фотографии (1906 г., д. 149, л. 1–8), а сама коллекция была передана в РИМ. Впоследствии Комиссия продолжала сотрудничать в деле приобретения вещей с В. Плюсниным и В. Я. Толмачевым. Сотрудничество было поставлено на серьезную методическую основу: в 1914 г. находчикам отправили подробный вопросник о стратиграфическом контексте находок и их возможном распределении по комплексам (1906 г., д. 149, л. 9–11).

Кроме того, в ИАК обращались находчики костей и зубов «допотопных животных», чаще всего мамонта, реже шерстистого носорога. Как правило, присылаемые кости направлялись специалистам из Академии

Деревянные изделия и морда лося, Шигирский торфяник, Екатеринбургский уезд, Пермская губерния. Сборы В. Я. Толмачева, 1911–1914 гг. (ФА, II. 42280)

наук, а местным властям разъяснялось, что ИАК имеет дело только с творениями рук человека. В 1867 г. от вятского губернатора в МВД поступило сообщение об обнаружении в Котельничском уезде костей мамонта, которые были сданы в местный музей, с подробным описанием местности и даже стратиграфии находки. Одновременно ставился вопрос о возможности и необходимости дальнейших исследований. По получении этой информации в ИАК Комиссия ответила, что вопрос о дальнейшем исследовании подлежит ведению Императорской Академии наук (1867 г., д. 31, л. 3, 6). Не обошлось и без курьезов: так, в июне 1873 г. Калужский губернский статистический комитет прислал в Комиссию «зуб мамонта», который, по мнению специалистов, оказался фрагментом окаменелого «дуба» (1873 г., д. 5, л. 10, 11). Кости мамонта, поступившие в ИАК летом 1875 г. от киевского губернатора, заставили руководство Комиссии определенно высказать свое отношение к таким находкам: 23 июля 1875 г. датируется письмо, где говорится, что «кости как произведения природы, хотя и относящиеся к минувшему периоду истории земной коры, не составляют предметов, относящихся к кругу деятельности Археологической Комиссии». В связи с этим они должны переправляться в одно из ученых учреждений, занимающихся естественными науками (1875 г., д. 21, л. 3–4).

Однако находки продолжали поступать. В 1888 г. «зуб допотопного животного» был прислан в Комиссию от чернского уездного исправника Тульской губернии (1888 г., д. 10). В июле 1889 г. в д. Алкужи Моршанского уезда Тамбовской губернии были найдены «кости мамонта», отправленные в Петербург (1890 г., д. 49). Известна находка «зуба доисторического животного» из д. Миснево Нерехтского уезда Костромской губернии (1890 г., д. 11, л. 1). Кости «допотопных животных», клык и зуб, поступили в ИАК из Ольшанки Курской губернии (1893 г., д. 155, л. 4), откуда были переправлены в Академию наук. Обнаружение

Василий Степанович Передольский

(1833–1907) — археолог, антрополог, историк. Родился в семье священника. Учился в Новгородской духовной семинарии и новгородской гимназии. После окончания юридического факультета Петербургского университета продолжил обучение за границей (1862–1863 гг.). По возвращении в Россию занимался частной адвокатской практикой. Еще в ученические годы проявлял интерес к новгородской старине. Начав с собирания предметов древности, в 1888 г. перешел к самостоятельным археологическим исследованиям. За 10 лет было собрано свыше 60 тыс. предметов. В 1889 г. стал почетным членом Петербургского Археологического института, затем его членом-сотрудником. Антропологическая коллекция признавалась современниками уникальной. В 1894 г. по его инициативе было создано Новгородское общество любителей древности. После смерти В. С. Передольского большая часть археологической коллекции была передана в Новгородский музей, антропологическая — в 1920-е гг. в Кунсткамеру.

Василий Степанович Передольский

Осн. соч.: Бытовые останки насельников Ильменско-Волховского державства каменного века, СПб., 1893; Новгородские древности. Записки для местных изысканий. Новгород, 1898.

Лит. о нем: Жервэ Н. Н. Археологическая деятельность В. С. Передольского // История и археология Новгородской земли: Тезисы научно-практической конференции. Новгород, 1987; Передольская А. В. Другая история Дома Передольских. Великий Новгород, 2004.

костяка мамонта в Новограде-Волынском вызвало целую переписку с местным губернским статистическим комитетом. Выяснилось, что командир Вологодского полка полковник А. Ф. Рагоза хочет на свои средства докопать скелет животного, чтобы впоследствии эта находка оказалась в его собственности. ИАК предложила сообщить о находке в ИАН, откуда и следовало ждать распоряжений (1902 г., д. 165).

Единственная четко связанная с палеолитом находка ископаемой фауны — обнаружение в 1893 г. В. Б. Антоновичем костей мамонта — «допотопного животного», в сопровождении каменных орудий на Кирилловской улице в Киеве на усадьбе В. Зивала. Сообщение об этом поступило в ИАК от киевского губернатора, который запрашивал Петербург, следует ли ему прислать находки в ИАК. Решение этого вопроса было поручено самому В. Б. Антоновичу как представителю Комиссии на месте, и в 1895 г. остеологический материал поступил в Университет св. Владимира, а археологический — в ИАК (1893 г., д. 183, л. 5). Отметим также, что в 1916 г. в ИАК обратился симферопольский землемер мещанин С. И. Забнин (Зябнин). Еще в 1914 г., обследуя пещеры Крыма в ходе геологической съемки, в частности, знаменитую Красную пещеру, он обнаружил каменные орудия и запросил ИАК о выдаче разрешения на раскопки. Однако приступить к изучению местного палеолита ему удалось лишь в 1920-х гг.

Надо отметить, что ИАК вполне осознавала необходимость контроля со своей стороны за научным качеством раскопок, в том числе и на памятниках каменного века. Особенно актуальным это становилось в тех случаях, когда существовали определенные сомнения в компетентности исследователя. Еще в 1888 г. новгородский краевед и собиратель Василий

Александр Александрович
Иностранцев (СПбФА РАН, Р.Х,
оп. 1-И, д. 11, л. 1

Иностранцев Александр Александрович (12.07.1843–31.12.1919) — геолог, естествоиспытатель, археолог, окончил в 1867 г. физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, исправлял обязанности хранителя минералогического кабинета. В 1868 г. переходит хранителем в геологический кабинет. В 1869 г. приват-доцент, в 1873 г. после защиты докторской диссертации избран экстраординарным, а в 1880 г. — ординарным профессором Петербургского университета. Создал уникальное собрание геологического музея Петербургского университета в результате ежегодных научных поездок: в 1872–1875 гг. на север России и в Олонецкую губ., в 1875 г. — в Крым, в 1878 г. — в Донецкий каменноугольный бассейн, в 1881 г. — в Орловскую и Гродненскую губ., в 1890, 1891 и 1893 гг. — на Кавказ и в 1892 г. — на Урал. Член Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей, с 1888 г. — председатель Русского антропологического общества, член-корреспондент Филадельфийской Академии наук.

Осн. соч.: Петрографический очерк острова Валамо. СПб., 1868; Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882; Геология: Обзорный курс лекций. Т. 1–2. СПб., 1885–1887, (5-е изд. 1914); Через Главный Кавказский хребет. СПб., 1897; Воспоминания (Автобиография) / Подготовка текста, вступ. ст. и ком. В. А. Прозоровского и И. Л. Тихонова. СПб., 1998.

Лит. о нем: Кузнецов С. С. Александр Александрович Иностранцев. Л., 1969; Соколов В. А. Александр Александрович Иностранцев, 1843–1919. М., 1981; Прозоровский В. А., Тихонов И. Л. Профессор А. А. Иностранцев // Вестник СПбУ. 1995. Сер. геол., геогр. Вып. 3. С. 3–9.

Неолитический шурф в Коломцах, Новгородский уезд, раскопки В. С. Передольского, инспекция А. А. Иностранцева (экспликация рисунка: растительный слой, красноватая песчаная глина, культурный слой, раковинная прослойка, глинистый песок и ниже сизая глина) (1892 г., д. 67. л. 20)

Степанович Передольский, проводивший раскопки в Приильменье и в самом Новгороде, открыл неолитическую стоянку в урочище Коломцы. Он уже обладал определенными познаниями в области древностей «новокаменного века» и, в частности, отметил, что янтарь «такого же цвета» найден в нижнем течении Енисея. Сам В. С. Передольский получал Открытые листы через Археологический институт в Петербурге, однако отчеты, как и положено, сдавал в ИАК. Их качество оставляло желать лучшего: так, 21 марта 1892 г. Комиссия указывает ему на отсутствие подробных отчетов и планов раскопок (1890 г., д. 46, л. 5–6, 18, 23). Изначально предполагалось, что А. А. Спицын отправится в Новгород с соответствующей инспекцией.

В конечном счете ИАК обратилась к А. А. Иностранцеву с просьбой ознакомиться с приемами раскопок, произведенных В. С. Передольским, узнать, имеют ли они характер системы и полноты, а также определить, какое место занимают находки, сделанные эти краеведом, в контексте других известных древностей северного края. Для «ближайшей проверки» работ В. С. Передольского петербургскому профессору было выделено 200 руб. Среди задач, поставленных Комиссией исследователю, стоит отметить следующее: «Путем личного осмотра определить, какой интерес для археологии представляет исток Волхова и прилегающая к нему часть озера и, в случае надобности, составить план систематических раскопок в той местности». 2 мая 1892 г. А. А. Иностранцев подтвердил свою готовность

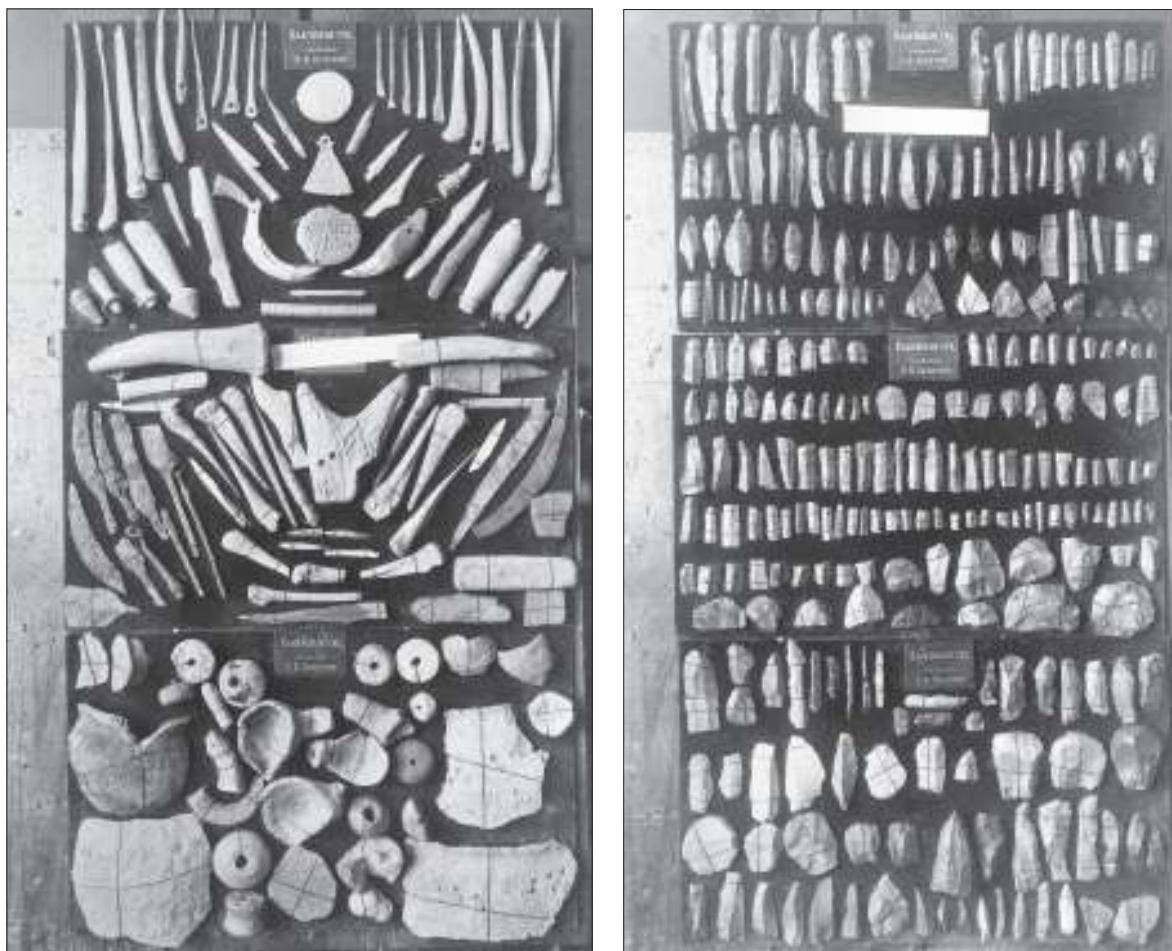
произвести для ИАК «некоторые археологические разыскания» и ознакомиться с результатами работ В. С. Передольского (1890 г., д. 46, л. 28; 1892, д. 67 л. 1–1 об.).

12 февраля 1893 г. А. А. Иностранцев представил отчет о поездках в местность Коломцы близ Новгорода. Из отчета следовало, что обнаруженные предметы доисторического человека из камня, кости и глины в коллекции В. С. Передольского находятся в полном порядке. При этом отмечалось, что видное место в слое и в комплексе занимают раковины пресноводных моллюсков — *Unio lateralis*. Площадь стоянки была оценена в 70 кв. сажен, а сама стоянка — как «коренное место нахождения человека каменного века». А. А. Иностранцев обратился в ИАК с предложением выбрать сухое время для исследования памятника (1892, д. 67, л. 5–20). К отчету был приложен стратиграфический чертеж археологического шурфа с необходимой экспликацией (см. также: Жервэ 1994: 59–60).

Таким образом, ИАК принимала непосредственное участие в исследовании Мстинской неолитической культуры с ее ямочно-гребенчатой керамикой, своеобразным кремневым инвентарем и шлифованными сланцевыми орудиями (рубеж IV–III–середина III тыс. до н. э.). Стоянка Коломцы как раз относится к первому этапу этой культуры (Неолит... 1996: 195), хотя сам В. С. Передольский, видный приверженец автохтонизма, полагал, что ведет изыскания о «начале новгородских Славяно-Руссов» (Передольский 1893; 1898). Вообще это была эпоха, когда изучение неолита на территории Новгородской губернии проходило свою активную фазу: именно тогда были открыты Бологовская стоянка и памятники озера Пирос (Путятин 1884a; 1884b; 1886; Рерих 1903; 1905: 160–171; Ефименко 1916).

Возможность систематических раскопок памятников первобытной археологии рассматривалась Комиссией и раньше, однако их изучение традиционно вписывалось в комплексное историко-археологическое исследование конкретного региона. Еще в 1886 г. В. Б. Антонович согласился произвести археологические исследования в юго-западных губерниях России «от имени Императорской Археологической Комиссии» (1887 г., д. 13, л. 1–1 об.). При этом из разговора с Н. П. Кондаковым, который выразил ему свое частное мнение по поводу «доисторической славянской древности» (очевидно, крайне негативное), киевский профессор сделал вывод, что ради сотрудничества с ИАК ему придется «оставить первобытную археологию» и «расстаться с каменным веком». Из его писем известно, что он предполагал включить в исследование так называемые «ванны княгини Ольги» — выемки скальных пород, в которых он видел «ателье» каменного века (Там же, л. 5).

Тот факт, что имело место взаимное недопонимание, ясно из ответа А. А. Бобринского, направленного в Киев 2 марта 1887 г. Граф написал, что «относительно взглядов ИАК на раскопки... произошло недоразумение: Комиссия никогда не думала устанавливать для раскопок в Киевской области тех рамок, о которых вы говорите (славянская историческая археология)». И далее: «Я всегда буду придавать существенное значение первобытной археологии. Исследование каменного века составляет точно так же, как и всякая другая область археологии, прямую задачу и обязанность Археологической Комиссии. Поэтому я прошу вас не расставаться с каменным веком, а, наоборот, освещать эти отдаленные страницы прошлого вашими трудами... Изучение славянства на Киевщине составляет лишь часть программы Комиссии, нас вообще интересует археология края, а будут ли найдены древности славянские или раньше славян — это совершенно безразлично. Главное — научное исследование, научное определение и оценка древностей». В своем письме А. А. Бобринский выразил намерение издать всю «открытую первобытность» в трудах Комиссии, а заключительные фразы звучали как пламенный призыв к новой археологии: «Пора настала,

Каменный и керамический инвентарь, раскопки Н. И. Булычева, Калужская губерния
(1898 г., д. 86, л. 13, 14)

когда каменному молоту и кремневой стрелке будут отведены почетные места наравне с золотым ожерельем и серебряной серьгой» (Там же, л. 8–9 об.). Впоследствии (в 1893 г.) председатель Комиссии подготовил выступление «О значении первобытной археологии» (РА, ф. 25, д. 26, л. 1–3 об.), где он решительно выступил против определения археологии как «науки о битых горшках» («C'est la science des petits pots cassés»), указав на первобытные древности как основу, на которой произошло становление древнерусского искусства.

В результате этой переписки В. Б. Антонович включил в программу изучения края «точное описание стоянок, фабрик, гробниц, мегалитических сооружений (буде окажутся), чашечных камней, подробный перечень предметов каменного века, найденных в данной местности, и бытовых останков, сопровождающих их», которые должны быть приложены к описанию мест их нахождения (1887 г., д. 13, л. 14 об.). Этот подход воплотился в трудах профессора, вышедших в 1890–1900-х гг., уже после периода его активного сотрудничества с ИАК (Антонович 1901с: 141–147).

В начальный период «эпохи Бобринского» археология камня поддерживалась ИАК и в других регионах. Основное внимание было сосредоточено вокруг изучения неолита лесной зоны, в частности балахнинской культуры, первые сведения о которой были собраны

Каменный инвентарь из раскопок
К. Рево, Ненокский посад, Архангельская
губерния (1892 г., д. 167, л. 2)

В. В. Докучаевым в 1880-х гг. Ныне эта культура датируется различными исследователями в пределах середины IV–середины II тыс. н.э. (Неолит... 1996: 187). В 1888 г. Рязанская архивная комиссия обратилась в ИАК с просьбой разрешить А. В. Селиванову раскопки в с. Дубровичи Рязанского уезда, где были найдены каменные орудия, на что 3 августа был выдан не только Открытый лист, но и 390 руб. Часть этих средств должна была пойти именно на исследование древностей «каменного периода». Однако работы в том году проводились лишь в д. Рубцово и на Старом Ольговом городке, о чем был представлен дневник. В Дубровичах же вознамерился копать В. А. Городцов за свой счет. Рязанская комиссия своевременно 28 мая ходатайствовала об этом в Петербург (1886 г., д. 45, л. 37, 40–41, 55).

Несмотря на то что неолит бассейна Оки изучался, прежде всего, трудами В. А. Городцова (Городцов 1897а; 1897б; 1905; 1909), Балахнинская стоянка, открытая в 1900 г., была опубликована

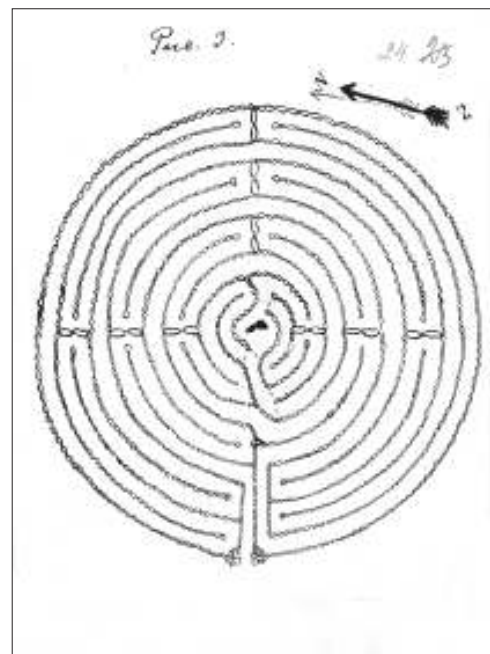

Рисунок неолитической стоянки, исследованной К. Рево, Ненокский посад, Архангельская губерния
(1892 г., д. 167, л. 36)

ее раскопщиком при непосредственном участии ИАК (Спицын, Каменский 1905: 1–72). Исследования «новокаменного века» в этом регионе проводил и Н. И. Булычев, ставший в 1903 г. сверхштатным членом Комиссии (Булычев 1899). В 1898 г. он запрашивает в ИАК Открытый лист на раскопки в Лихвинском и Перемышльском уездах Калужской губернии и по результатам исследований присылает в Петербург отчет, опись вещей и саму коллекцию (1898 г., д. 86, л. 5, 8–10, 13, 14). Примечательно, что неолитические находки из раскопок В. И. Каменского близ Балахны, а также коллекции П. А. Путятина с верховьев Волги и оз. Бологое были представлены Комиссией на «Высочайшее воззрение» во время ежегодной выставки в 1904 г.: Комиссия не только рассматривала открытие неолита как собственное достижение, но и по праву гордилась этим открытием (Высочайшее посещение... 1904: 1).

Исследования на Русском Севере, начатые еще П. И. Лерхом, были продолжены на средства ИАК учителем Ненокского приходского училища Константином Павловичем Рево. В сентябре 1892 г.

Каменный лабиринт, исследованный К. Рево, с. Поной, Александровский уезд, Архангельская губерния (1900 г., д. 162, л. 24, 26)

архангельский губернатор переслал в Комиссию каменные вещи из Ненокского посада, которые были впоследствии переданы в Архангельский губернский статистический комитет. Губернатор также обратился к А. А. Бобринскому с просьбой выдать К. П. Рево разрешение на раскопки и поддержать его в этом начинании. В ноябре 1892 г. ИАК выделила на эти цели 50 руб. и в конце 1893 г. получила в свое распоряжение отчет и коллекцию, поступившую затем в РИМ (1892 г., д. 167, л. 2, 10, 19–37). Подобные исследования он проводил на средства ИАК и в 1896 г. в Холмогорском и Архангельском уездах, а полученные в результате исследований коллекции древностей были переданы в Архангельский городской публичный музей (1896 г., д. 84, л. 39). В 1900 г. К. П. Рево на средства ИАК (39 руб. 20 коп.) предпринял исследования каменных лабиринтов на Терском берегу, близ с. Поной Александровского уезда Архангельской губернии (1900 г., д. 162, л. 14–23, 26, 27). Задача такого рода в отечественной археологии неолита была поставлена впервые, а сами лабиринты именовались «вавилонами». В 1907 г. К. П. Рево обратился в Комиссию за Открытым листом и поддержкой исследования каменных лабиринтов близ Кеми. Петербург выделил ему 20 руб. на исследования, которые хорошо отражены в дневнике раскопок 12–13 сентября 1907 г. (1907 г., д. 55, л. 17–18). Памятники эпохи неолита раскапывались на средства ИАК и на территории Томска: в 1897 г. Комиссия выделила 50 руб. прозектору Томского университета С. М. Чугунову, который при участии профессора того же университета Н. Ф. Кащенко открыл памятники этой эпохи в урочище Городок при впадении р. Малой Киргизки в р. Томь (1897 г., д. 133, л. 7–7об.; 1895 г. д. 80). За год до этого Н. Ф. Кащенко открыл палеолитическую стоянку с костями мамонта на территории г. Томска и произвел ее фотофиксацию. Этот памятник был раскопан им «широкой площадью».

Комиссии не всегда удавалось получить от исследователей материалы произведенных ими раскопок памятников каменного и раннего железного века. Так, 12 августа 1912 г. ИАК выдала Открытый лист полковнику С. С. Гамченко на исследования в пределах Ольгопольского и Балтского уездов Подольской губернии по его запросу. С. С. Гамченко провел раскопки у с. Ялонец и предоставил краткий отчет, считая, что исследовал памятники эпохи неолита, энеолита и раннего железа (латена), упоминая при этом и о находках каменных орудий. Комиссия запросила у исследователя опись найденных вещей, однако к 1915 г. они так и не были сданы (1912 г., д. 298, л. 3, 7–10, 13).

Ряд сведений о памятниках и сами древности поступали в Комиссию в результате ее взаимоотношений с контрагентами на местах. Так в 1865 г. Витебский статистический комитет препроводил в ИАК «каменный молоток из кургана» (1865 г., д. 5, л. 2), очевидно, не имеющий отношения к собственно эпохе камня. Присылки подобного рода ясно характеризуют нечеткость представлений российского общества о «каменном веке». В 1908 г. при рытье карьера у Бронницкого холма Новгородской губернии были найдены 3 каменных «молотка» и фрагменты черепов из разрушенного могильника эпохи бронзы первой половины II тыс. до н. э. (Еремеев, Дзюба, Лисицына 2007: 224–225). Характерно, что на требование ИАК немедленно прекратить работы вице-губернатор С. Н. Дирин сначала ответил отказом, указывая на то, что «выемка песка имеет характер промышленный», и ИАК, которой поручены лишь научные изыскания, не должна вмешиваться в хозяйственную деятельность (1908 г., д. 126, л. 6). Лишь после вторичного обращения 3 сентября 1908 г. работы были прекращены, но только в феврале следующего года. Тогда же ИАК выдала Открытый лист Новгородскому обществу любителей древности на исследование Бронницы, но раскопки так и не были проведены. Шлифованные топоры фатьяновской культуры и в дальнейшем неоднократно доставлялись в Комиссию, в частности, из Калужской

визначили (зміни цієї зарос. в зарос. у розривах 1/2-2 арш., при му-
-диль - до 10 метрів ліса), а на одній до магістраль
має багатовікову розриваний димітурний лісовий
абразив, що поглинає солончаки з краєм лісової
поверхні внаслідок вивітлення, сразу далі від
лісової (рис. 3) в отриманій спе-

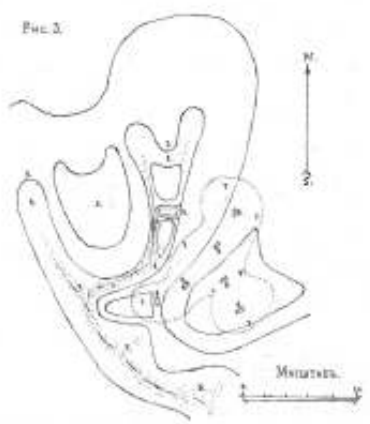

Рис. 3. 1 - Південна частина, 2 - Західна частина, 3 - С. Р. м. п., 4 - Північ-
на частина, 5 - Ділянка вказана, 6 - Південна, 7 - Північна частина, 8 - Майдан

ціальної силі. Висхідний
абразив сипучий, гравітаци-
онний, розривний і м'який ма-
-лого продуктивний (всередній
кількісний вміст гумусу, що
присутній у сучасній лісовій
ліній незначимо помітний
є тільки). Всіх цих в тому
археологічній (рис. 4) ліній
в лісі. Відзначити по-

Висхідні: 1) кераміка (глиняні посуд, шпатель,
копалка, амуниція, зброя з м. п.); 2) кераміка зривована
під впливом (глиняні урви, амуниція з м. п.); 3) скляні посуд-
ини зривовані (посуда, посуд бляхаво
з м. п.) зривовані зривовані посуд
(посуда зривовані зривовані); 4) скляні
посудини зривовані (шпатель, копалка, зброя,
судина з м. п.) зривовані зривовані;
5) скляні посудини зривовані зривовані
зривовані, а також скляні посудини зривовані,
посудини зривовані зривовані з м. п.); 6) о-

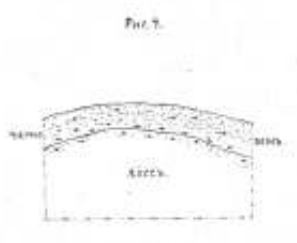

Рис. 7. 1 - Археологія, 2 - Сучасна поверхня

висхідні керамічні посуд (глиняні посуд,
копалка, шпатель, амуниція зривовані зривовані); 7) посуд зривовані (посуда зривовані, амуниція зривовані зривовані); 8) посуд зривовані (посуда зривовані, амуниція зривовані зривовані); 9) посуд зривовані (посуда зривовані, амуниція зривовані зривовані); 10) посуд зривовані (посуда зривовані, амуниція зривовані зривовані).

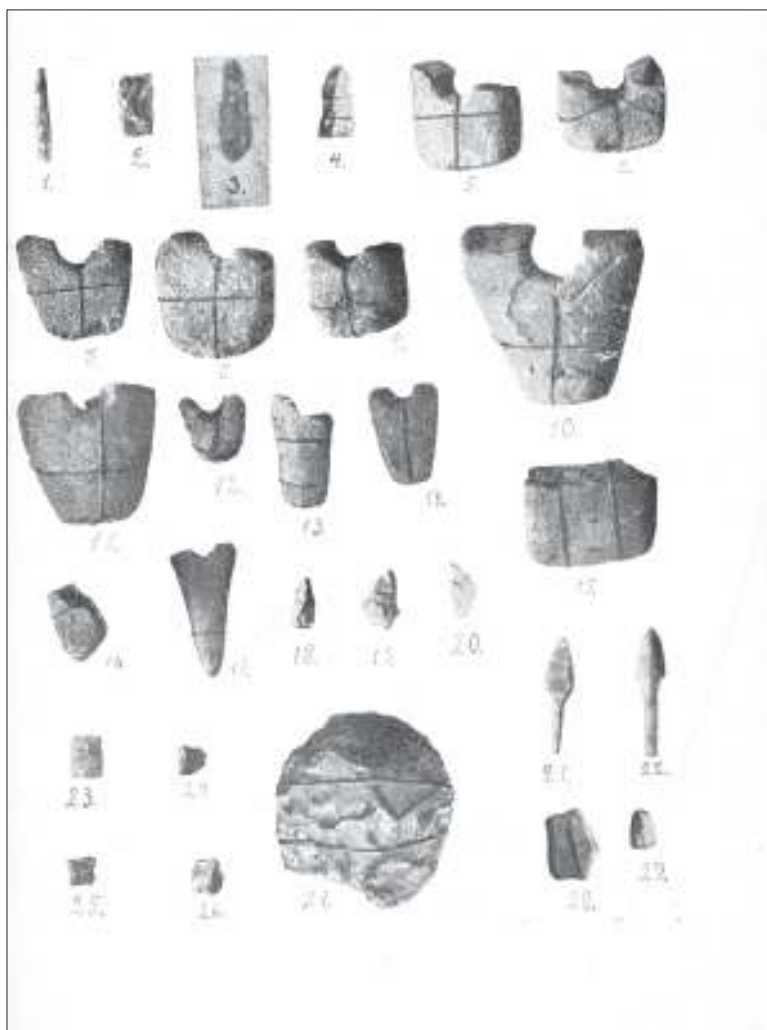
Каменный инвентарь, стоянка Черная гора,
Рязанская губерния (1902 г., д. 221, л. 13)

и Могилевской губерний (1910 г., д. 286; 1911 г., д. 271; 1911 г., д. 229).

25 октября 1902 г. ИАК направила запрос в Ярославскую ученую архивную комиссию по поводу вещей из произведенных на территории губернии раскопок Великосельского могильника, который может быть отнесен к культуре финно-угорских племен древнерусского времени. 20 ноября в Петербург поступил ответ, что губернской комиссии об этом ничего не известно. Впрочем, отдельной посылкой в столицу было отправлено несколько каменных предметов, случайно найденных на Черной горе на р. Пра (ныне Клепиковский район Рязанской области), среди них 3 молота, 3 кремневых топора (тесла), 3 кремневых ножа (1902 г., д. 221, л. 8, 12–12 об., 13). 12 апреля 1903 г. вещи были отправлены обратно; 2 мая из Ярославля был получен ответ, подтверждавший факт присылки. Однако при этом сообщалось, что вещи дошли «не в желательной сохранности» вследствие несоответствующей упаковки: топор оказался разбит, а у тесла отбито лезвие. От имени Комиссии было предложено реставрировать эти вещи в Эрмитаже, но уже в конце мая ярославцам удалось склеить поврежденные предметы «домашними средствами» (Там же, л. 20, 22, 24, 28).

Сегодня неолитические слои Черной горы относятся ко второму этапу рязанской культуры (первая половина III тыс. до н. э.). Памятник является одним из ключевых для этого хронологического периода (Цветкова 1970: 97–153; Грехова, Попова, Раушенбах, Цветкова 1970: 240–241). При этом культурная принадлежность ряда погребений многослойного памятника Черная гора является предметом дискуссии: некоторыми исследователями они относятся к неолиту (Цветкова 1959: 114–122; 1969: 284–292; 1985: 80–99; Уткин, Костылева 1994: 76–79). В историографической литературе традиционно указывается, что исследования памятников рязанской культуры связаны с работами В. А. Городцова 1895–1898 гг., материалы которых хранятся в фондах ГИМ. Первые систематические раскопки Черной горы вообще относятся к 1963–1966 гг. Однако из приведенных выше сведений ясно, что ранние этапы изучения памятника все-таки нашли отражение и в деятельности ИАК.

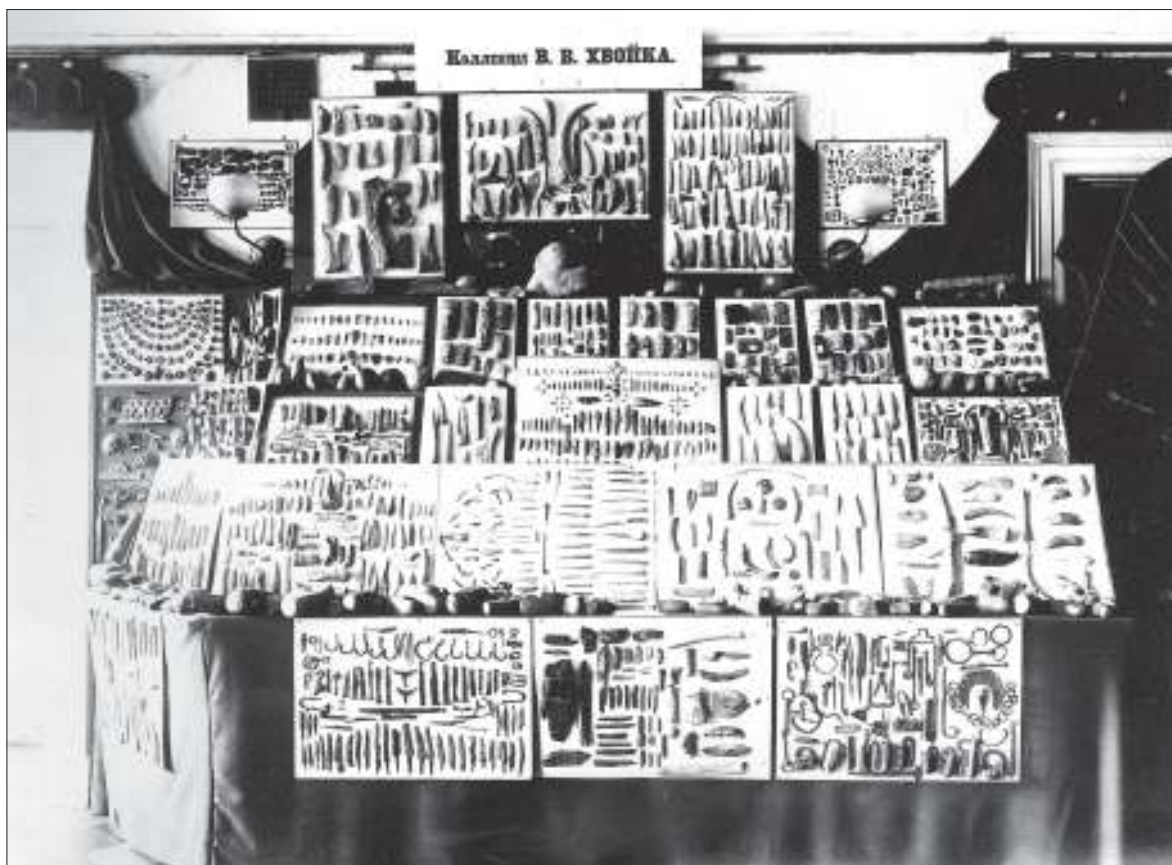
Исследования Комиссии существенно стимулировали изучение различных типов местных древностей. Так именно благодаря раскопкам ИАК в Херсонесе впервые удалось обобщить неолитические материалы, обнаруженные на Гераклеяском полуострове в Крыму

Неолитическая коллекция Херсонеса из раскопок ИАК 1888–1905 гг. (Данилевич 1911: 249)

(Данилевич 1913: 235–249; Бороздин 1912: 171–172). По инициативе К. К. Косцюшко-Валюжинича, который «постоянно указывал на необходимость систематизировать и описать неолитические находки на территории Херсонеса», приват-доцент Киевского университета В. Е. Данилевич в 1905 г. собрал, проанализировал, а впоследствии опубликовал коллекцию каменных орудий с городища из раскопок 1888–1905 гг.

Эти материалы отражали местную культуру «позднего неолита» и хранились в фондах Склада древностей ИАК. Основные находки были сосредоточены в восточной и центральной частях городища, в частности у скалистой подошвы на берегу моря недалеко от Уваровской базилики, а также на территории некрополя, раскопанного в 1891 г. Всего в коллекцию вошло 36 орудий и 9 каменных артефактов, связанных с неолитическим производством. В публикации подчеркивалось, что материалы «новокаменного века» с территории Херсонеса имеют сходство с инвентарем других неолитических стоянок Крыма. До этого единственная попытка проанализировать неолит Херсонеса была связана с именем профессора Казанского университета Н. Ф. Высоцкого, опубликовавшего в 1897 г.

Коллекция В. В. Хвойко, приобретенная ИАК (1896 г., д. 199, л. 103)

заметку «Следы каменного века в Херсонесе» в «Крымском вестнике». Впоследствии сведения о находках каменного века в пещерах Крыма поступили в ИАК от Таврической ученой архивной комиссии (1915 г., д. 225).

Интерес Комиссии и ее председателя к первобытной археологии и каменному веку нашел свое отражение и в общественной деятельности. 26 сентября 1886 г. граф А. А. Бобринской разослал правящим православным архиереям обращение, где духовные власти как близко стоящие в народу призывались к противодействию кладоискательству на церковных землях, дабы сохранить отечественные древности от уничтожения. К этим древностям, помимо кладов, монет и драгоценностей, были отнесены железные, медные и каменные орудия (1886 г., д. 50, л. 21–23), что в целом соответствовало симпатиям и интересу православного духовенства к первобытной археологии (Формозов 1986: 192–194).

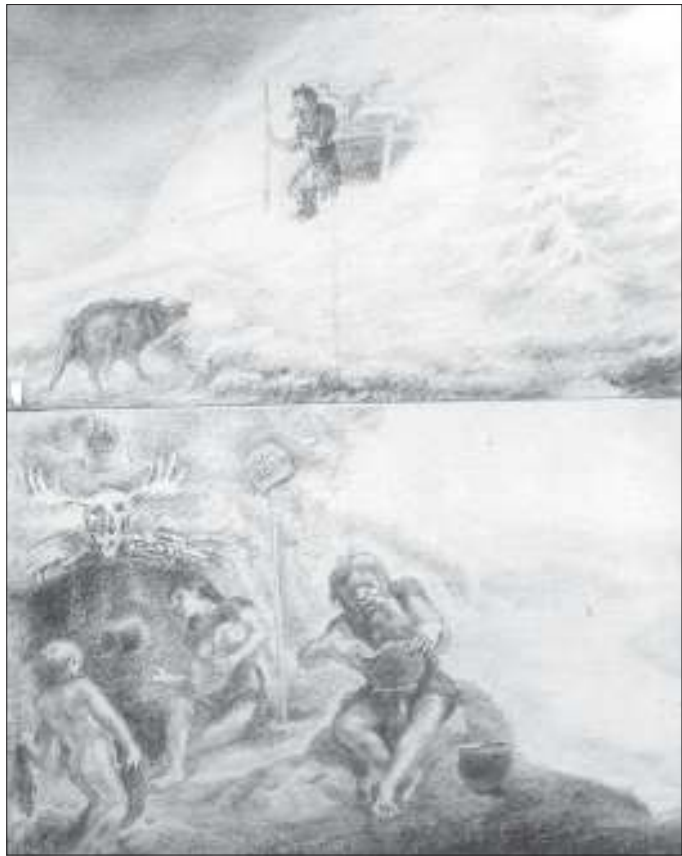
Начальные этапы деятельности ИАК совпадают по времени с открытием первых следов палеолитического человека на территории Российской империи (1870-е–первая половина 1880-х гг.) (Васильев 2008: 9–20). В 1871 И. Д. Черский, А. Л. Чекановский и В. А. Бельцов обнаруживают в Иркутске каменные орудия, а также изделия из бивня мамонта и обожженной глины — в сопровождении остатков плейстоценовой фауны. В 1873 г. Ф. И. Каминский и Г. С. Кирьяков открывают стоянку Гонцы на Полтавщине, позднее исследованную В. А. Городцовым. Через четыре года А. С. Уваров исследует Карачаровскую палеолитическую стоянку в своем имении на Оке. Почти одновременно, в 1879 г., И. С. Поляков

открывает палеолит в Костенках, а К. С. Мережковский проводит первое обследование пещер Крыма, обнаружив там как поздний палеолит, так и памятник эпохи мустье. В 1883–1884 гг. И. Т. Савенков открывает стоянки на Афонтовой горе в Красноярске, а В. Б. Антонович — палеолит на Днестре (Там же).

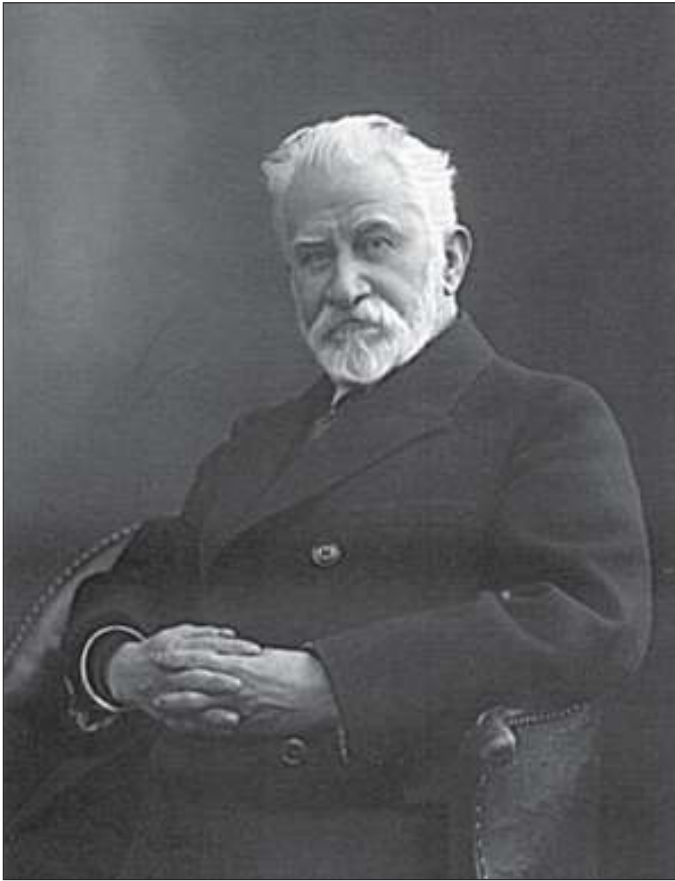
В последующие десятилетия интенсивность исследований и открытий в области палеолита в России заметно ослабевает. Тем не менее они не прекращаются полностью. В 1894–1900 гг. В. В. Хвойко исследует Кирилловскую стоянку на киевском Подоле. В 1908 г. Ф. К. Волков открывает Мезинскую стоянку, которую исследуют в дальнейшем его ученики. Этот неизбежно неполный перечень имен и событий призван показать поступательное развитие науки о палеолите в России этого времени, что естественно сопровождалось становлением методов полевых исследований разных типов памятников, созданием классификаций найденных артефактов и реконструкции культуры первобытного общества, в частности облика стоянок.

Характерно, что большинство этих открытий не нашло отражения ни в деятельности, ни в архивах Археологической Комиссии. Их исследователи даже не запрашивали обязательных в этих случаях Открытых листов, что может иметь двойное объяснение. Здесь могло сказаться принципиальное различие подходов к исторической и доисторической археологии, существовавших в науке того времени. Значительная часть ученых второй половины XIX–начала XX в. признавала каменный век сферой компетенции естествоведов, а не археологов. Впрочем, некоторые из исследователей могли иметь Открытые листы, выданные им местными археологическими обществами от имени Комиссии. Вообще, отношения ИАК и первооткрывателей российского палеолита складывались по-разному. Член МАО И. Т. Савенков в 1908 и 1914 гг. и лично, и через директора Музея антропологии и этнографии В. В. Радлова запрашивал в ИАК Открытый лист на раскопки в Ачинском, Красноярском и Минусинском уездах (1908 г., д. 85, л. 1; 1914 г., д. 322, л. 1). Однако полевых отчетов первооткрыватель Афонтовой горы в Комиссию так и не представил. Аналогичная история имела место и ранее, в 1893 г. (1893 г., д. 96).

Зато исследователь Кирилловской палеолитической стоянки на киевском Подоле В. В. Хвойко активно сотрудничал с ИАК именно в деле собирания сведений и изучения «древнекаменной эпохи». Еще летом 1896 г., будучи в Киеве, А. А. Бобринской предложил

Быт человека палеолитического периода каменного века, реконструкция В. В. Хвойко (1896 г., д. 199, л. 93)

Дмитрий Николаевич Анучин
(СПбФА РАН, р. X, оп. 1а, д. 21, л. 1)

Хвойко представить свою коллекцию в Петербург для научного осмотра и Высочайшего воззрения. 28 октября 1896 г. из Киева было отправлено 5 ящиков. При этом он присовокупил к отправлению «записку о произведенных раскопках» 1893–1896 гг., по сути дела, полевой отчет, а также серию рисунков, иллюстрировавших представления автора о жизни пещерного человека, в надежде, что все это «понадобится» ИАК (1896 г., д. 199, л. 14). Записка включала авторскую периодизацию раскопанного материала: «Человек палеолитического периода каменного века», быт которого был исследован на усадьбе В. Зивала на Кирилловской улице, 59, в Киеве; «Неолит. Человек, живущий в пещерах и землянках»; «Конец неолита» (Там же, л.36–116). А. А. Бобринской обратился к графу А. П. Игнатьеву с предложением приобрести всю коллекцию, включавшую и древнерусские, и античные, и трипольские материалы, в пользу государства за 8000 руб., однако в результате переговоров В. В. Хвойко уступил свое собрание правительству

«для будущего Киевского музея» за 4000 руб., что свершилось «к полной радости и удовлетворению» автора. 24 апреля 1897 г. кредит был выделен, а сама коллекция передана в Киеве В. Б. Антоновичу как члену Комиссии.

В целом, оценивая деятельность ИАК в области изучения первобытных древностей, нельзя не отметить отсутствие систематического и целенаправленного изучения памятников эпохи камня, прежде всего — палеолита. Попытки П. И. Лерха и В. Б. Антоновича не получили серьезного продолжения, а определенно выраженные интересы А. А. Бобринского не нашли своего воплощения на практике. Представляется, что объяснение этому феномену можно найти, если обратиться к оценке характера формирования археологии камня в России, которая существенно отличалась от истории становления других ветвей археологической науки.

Действительно, на начальном этапе исследований каменного века в России ведущую роль играли не Археологические общества или ИАК, а Императорское Русское географическое общество, Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Императорская Академия наук, позднее Русское антропологическое общество при Санкт-Петербургском университете (подробнее см.: Формозов 1983b; Васильев 2001/2002: 21–170; 2008).

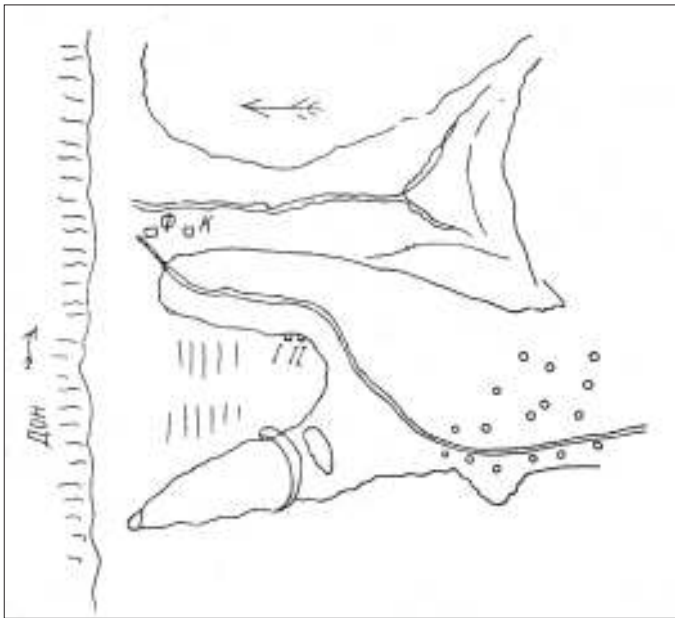
При этом тон здесь задавали отнюдь не идеи К. М. Бэра, близкие членам ИАК, а связанное с французской школой палеоэтнологическое направление, у истоков которого в России стоял Дмитрий Николаевич Анучин (1843–1923). Он рассматривал доисторическую археологию (или палеоэтнологию) как составную часть антропологии в широком смысле слова, охватывающую также физическую антропологию и этнографию. При этом для Д. Н. Анучина антропология являлась частью естествознания, применением принципов естественной истории к изучению человека. Эти представления, соответствующие современному пониманию общей антропологии в американской системе деления наук, разделяли многие видные исследователи каменного века в России 1860–1880-х гг. (И. С. Поляков, К. С. Мережковский). Подобная направленность заметно расходилась с более распространенной в России точкой зрения, подчёркивавшей исторический характер археологии и единство всех ее областей, начиная с древнейшего раздела, что проявилось, в частности, в работах П. И. Лерха и А. С. Уварова, ориентированных на традиции изучения «национальных древностей» Скандинавии и Германии.

Разумеется, реальная ситуация была далека от простого прямолинейного противостояния. Так, сам Д. Н. Анучин активно взаимодействовал с МАО, регулярно начиная с 1881 г. участвовал в работе Археологических съездов и даже был редактором журнала «Археологические известия и заметки». По-иному складывалась обстановка в Петербурге, где вернувшийся из эмиграции в 1906 г. Федор Кондратьевич Волков (1847–1918) решительно дистанцировался от ИАК. Он трактовал палеоэтнологию (или доисторическую антропологию) как отрасль антропологической науки. В 1913 г. Волков резко выступил против «археологов» (явно подразумевая под ними сотрудников ИАК!), которые никак не могут смириться со статусом палеоэтнологии как естественной, а не гуманитарной науки (Волков 1913: 1–8). Превращение же ее в «археологию» означало для него утрату научного характера дисциплины, выраженного Г. де Мортилье в термине «палеоэтнология» (Волков 1915: 99–107).

Из всех членов ИАК только А. А. Спицын, в силу широты своих научных интересов, методической и преподавательской деятельности, сталкивался с проблемой изучения палеолита. Что касается методики полевых исследований, то он лишь кратко

Феодор Кондратьевич Волков

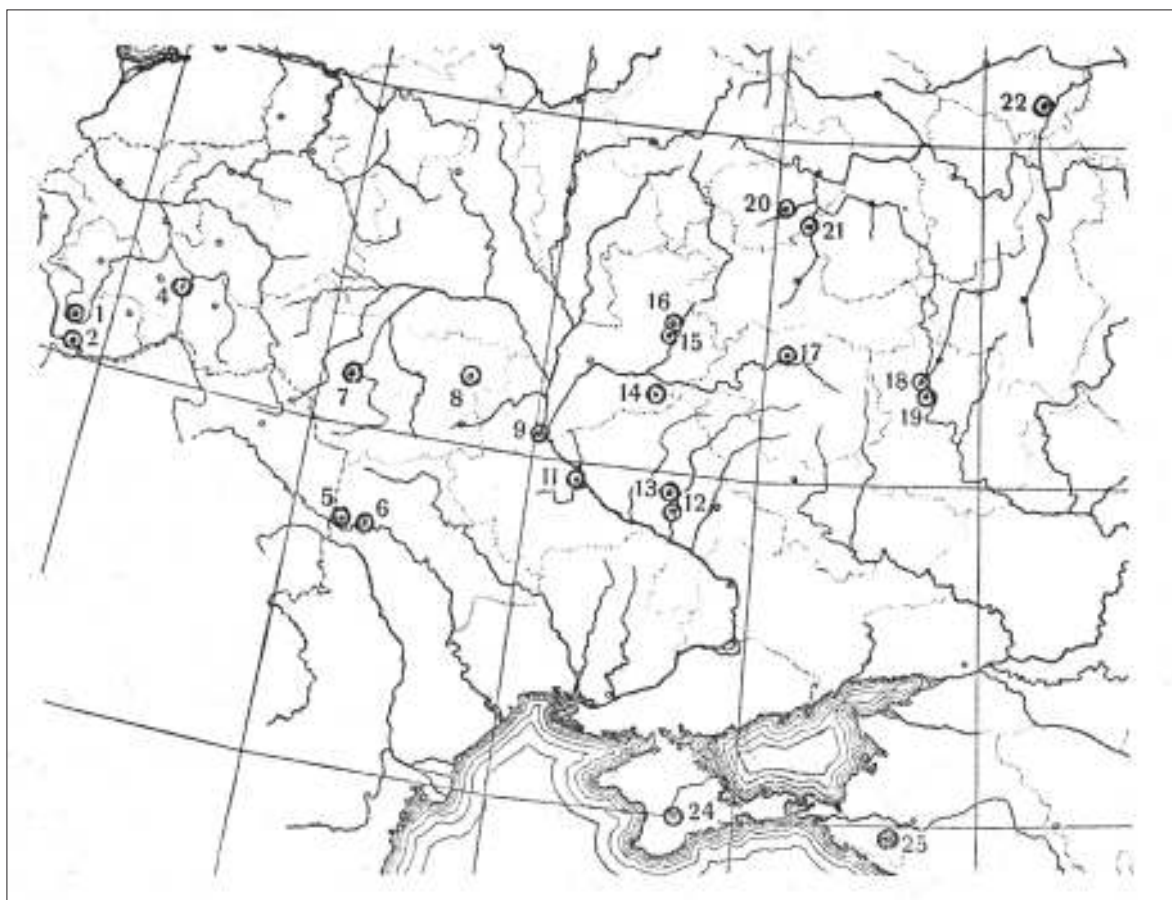
Местоположение стоянки Боршево 1. Полевая зарисовка А. А. Спицына. Ф — изба Фролова, К — изба Кузнецова, I и II — славянские городища (по: Векилова 1953: рис. 2; РА, ф. 5, д. 90, л. 4)

А. А. Спицын обнаружил у подножия его кости мамонта. В поставленной здесь пробной траншее на глубине около 0,7 м показались несущие признаки обработки человеком осколки кремня, признанные археологом палеолитическими (РА, ф. 5, д. 90; Исследования Спицына... 1908: 82–84). О своем открытии А. А. Спицын проинформировал В. А. Городцова, в ту пору — преподавателя Московского археологического института, надеясь, что тот продолжит изучение памятника. МАО поддержало заявку (см.: Древности 1909: 124), но В. А. Городцов так и не начал исследования. В итоге «боршевский эпизод» остался без продолжения вплоть до 1920-х гг. (Векилова 1953: 111–136).

Столь же случайным было открытие и Искоростеньской стоянки, в котором ИАК принимала организационное участие. 2 июля 1911 г. киевский генерал-губернатор В. Трепов обратился к А. А. Бобринскому со следующим предложением: «По дороге от ст. Коростынь до г. Овруч имеются несколько древних курганов, раскопки которых могли бы быть посещены Его Императорским Величеством при проезде в августе текущего года в г. Овруч ввиду особого интереса, проявляемого Государем Императором к памятникам старины». В связи с этим он просил оказать содействие в командировании кого-либо из лиц хорошо осведомленных в этом деле для обследования курганов (1911 г., д. 149, л. 8). Речь шла о нескольких курганных группах, относимых к погребениям древлян, часть из которых уже исследовалась В. Б. Антоновичем. 10 июля А. А. Бобринской пишет в Петербург с предложением командировать для раскопок в Овруч от ИАК Н. И. Репникова или Н. Е. Макаренко, причем последний даже изъявил свое согласие. Однако в результате совместной поездки В. Трепова и А. А. Бобринского выяснилось, что первый уже пригласил для проведения раскопок В. В. Хвойко, которому председатель ИАК и предписал выдать

останавливался на вопросах изучения памятников каменного века. В принадлежащем его перу руководстве по производству раскопок упомянуты только дюнные стоянки и пещеры. Стоит отметить: говоря о последних, А. А. Спицын говорил о таких приемах изучения, как вычерчивание плана пещерной полости, послойные раскопки с регистрацией находок (Спицын 1895: 64–68). В пособии по методике разведочных работ он перечислил основные виды памятников, особо останавливаясь на характере стоянок открытого типа в речных долинах (Спицын 1908 : 46–52).

Единственным научно значимым фактом участия ИАК в изучении памятников палеолита было случайное открытие А. А. Спицыным в 1905 г. стоянки в с. Боршево близ Костенок (Воронежская губерния). Проводя изучение Боршевского городища,

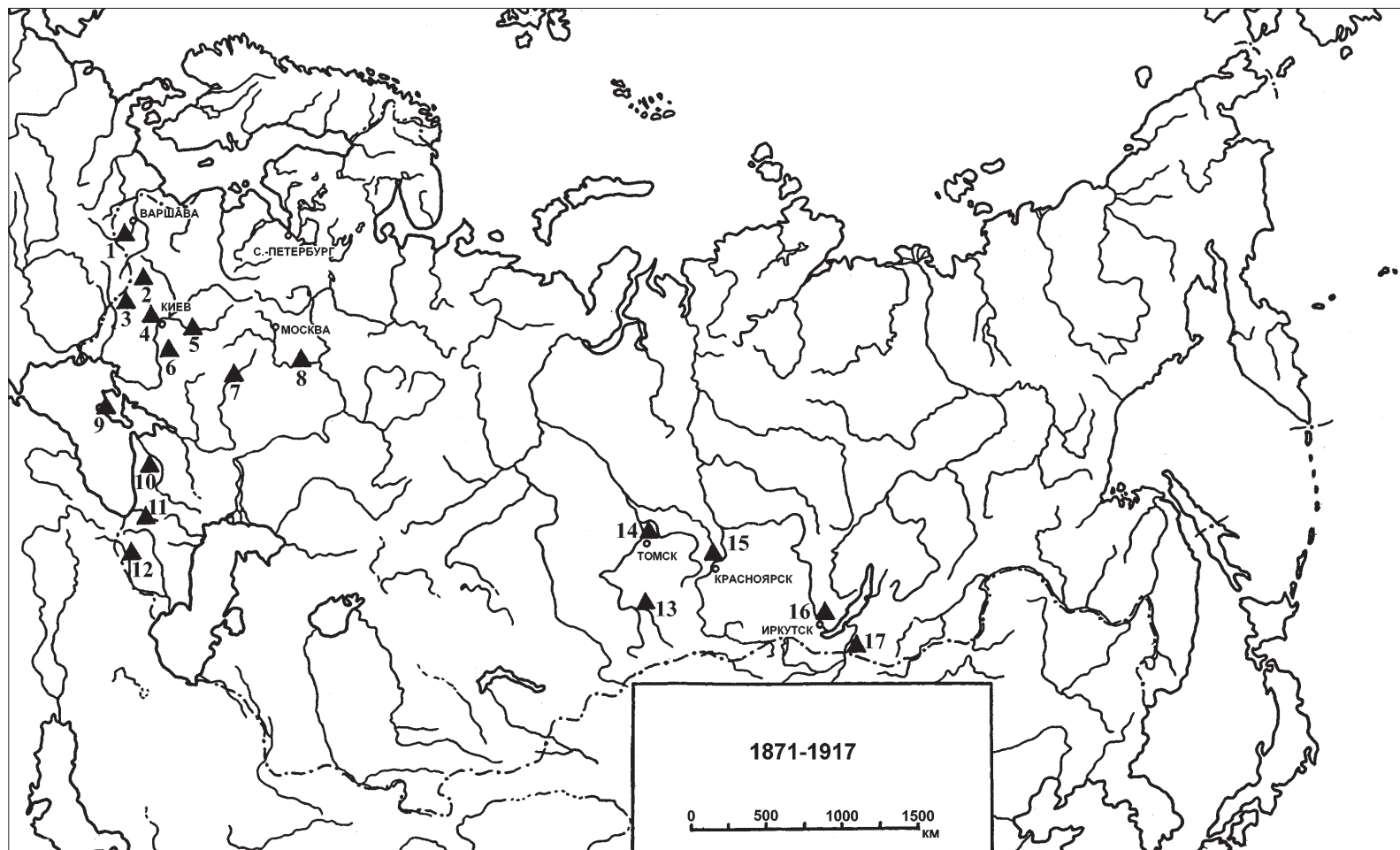

Карта палеолитических памятников Европейской России (по: Спицын 1915)

1 – Скаржице, 2 – Мамонтова пещера, 4 – Новая Александрия, 5 – Каменец-Подольск, 6 – Студеница,
 7 – Городок, 8 – Искорость, 9 – Киев, 11 – Селище, 12 – Вязовка, 13 – Гонцы, 14 – Шаповаловка,
 15 – Мезин, 16 – Дехтярево, 17 – Умрихино, 18 – Костенки, 19 – Боршево, 20 – Стенина, 21 – Мелтинова,
 22 – Карачарово, 24 – Мазанка, 25 – Ильская

Открытый лист на Овручский уезд. Раскопки были осуществлены В. В. Хвойко совместно с полковником С. Н. Крейтоном. Полевой отчет был предоставлен в ИАК 1 декабря 1911 г., однако уже 7 августа адъютант киевского губернатора сообщал в Комиссию о раскопках трех групп курганов, причем насыпь одного из «крупных курганов», находящегося у церкви на террасе левого берегу р. Уж, изобиловала «громадным количеством кремневых орудий и осколков древнейших типов». В основании кургана были обнаружены кости и кремневый инвентарь. В 1940 г. местонахождение было исследовано экспедицией Коростынского музея. Коллекция Искоростеньской стоянки хранится в Национальном музее истории Украины в Киеве и может быть отнесена к свидерской культуре и сменявшей ее эпохе мезолита (1911 г., д. 149, л. 2, 3, 4, 16–17 об., 28–30 об., 35, 61) (Колеснікова 2007: 44; Левицький 1950: 156–162).

В 1915 г. А. А. Спицын в обширной статье «Русский палеолит», представлявшей собой его университетский курс, обобщает имеющиеся сведения по древнекаменному веку, фактически подводя итог всему дореволюционному этапу развития доистории в России.

Карта основных центров изучения палеолита и стоянок, открытых в России до 1917 г. 1 — Окенник, Машицкая, Мамонтова, Гора Пулавская; 2 — Студеница I, Вороновица I, Врублевцы и др.; 3 — Городок I, II; 4 — Кирилловская, Протасов Яр; 5 — Мезин; 6 — Гонцы; 7 — Костенки I, Боршево I; 8 — Карачарово; 9 — Волчий грот, Качинский навес, Сюрень I, II; 10 — Ильская; 11 — Сакажиа, Пещера Уварова, Пещера Бараташвили, Гварджилас-Клде; 12 — Арагац; 13 — Фоминское; 14 — Томская; 15 — Афонтова гора I-IV, Ладейки, Переселенческий Пункт, Бируса I; 16 — Верхоленская гора I, Военный Госпиталь; 17 — Кяхта, Усть-Кяхта, Зарубино и др.

Изложение материала предваряет небольшое теоретическое введение, в котором автор формулирует свой взгляд на специфику археологии палеолита. По его мнению, «палеолит есть особая специальная область археологии, столь близкая к естественным наукам, что еще долгое время она должна находиться в главном ведении натуралистов. Археологу доступно лишь изучение культурных остатков палеолитического периода, особенно изделий из кремня, но восстановление физических условий жизни этого времени, а также понимание геологических наслоений, в которых такие остатки встречены, находится вне его компетенции... Чем шире и глубже исследователь войдет в вопросы геологии, тем далее уйдет он от археологии. Чем успешнее подвинется он в археологии, тем более удалится от геологии. Дилемма палеолита решится в тот момент, к которому возмужают, идя параллельно в развитии, обе науки» (Спицын 1915: 133).

В целом А. А. Спицын рассматривал изучение палеолита как подразделение археологии, хотя и близкое естественным наукам, и сочетающее в себе черты геологии и археологии. В этом плане он стоял на тех же позициях, что и П. И. Лерх, А. С. Уваров и В. А. Городцов. Конечно, сегодня рассуждения о «дилемме палеолита» и вероятном ее решении в будущем многим представляются наивными. Но, безусловно, исследователь был прав, предвидя все большее углубление специализации в области палеолитоведения.

При этом ученый подчеркивал особую сложность изучения палеолита. «Каждый археолог, вошедший в изучение палеолита деловым образом, убеждается, что имеющийся здесь материал требует продолжительных усилий для усвоения, а обработка его и добывание нового материала требует самого изысканного и специального внимания» (Там же: 134). Фраза звучит весьма актуально, ибо сколько мы знаем любителей из числа археологов, занимающихся поздними периодами, смело толковать о палеолите и не взявших на себя труда изучить предмет «деловым образом».

Перейдем к фактическому материалу. На прилагаемой к статье карте распространения памятников отмечено всего 25 пунктов (в тексте описано 29, включая сибирские и закавказские памятники), но лишь 16 местонахождений являются достаточно обследованными, а некоторые из отмеченных пунктов оказываются достаточно сомнительными. Описание памятников сопровождается графическими планами и разрезами, фотографиями, но таблиц находок нет. А. А. Спицын описывал палеолитические местонахождения, последовательно продвигаясь с запада на восток. Первыми следуют памятники Польши (пещера Скаржице, ныне известная как Окенник, Пекарская, Мамонтова пещеры, Новая Александрия или Гура Пулавска). Затем указаны пункты на Украине (Каменец-Подольский, Студеница, Городок, Искорость, Киево-Кирилловская стоянка, Протасов Яр в Киеве, Селище, Вязовка, Гонцы, Шаповаловка, Мезин, Дехтярево, Умрихино). Интересно, что Мезин по какой-то причине отнесен к стоянкам с переотложенными на склоне культурными остатками. На ошибочность такой трактовки справедливо указывал Н. М. Могиланский.

Далее следует описание палеолита в Костенках — этой, по образному выражению А. А. Спицына, «жемчужины русского палеолита», Боршевской стоянки, обнаруженной самим автором, а также местонахождений Стенино, Мелтиново, Карачарово. Предположительно палеолитические пункты в Волго-Уральском регионе оцениваются как сомнительные. Упомянуты мустьерские находки в Крыму (Волчий Грот) и на Кавказе (Ильская), а также сборы Ж. де Моргана в Армении.

Что касается сибирской части, то, помимо находок в Томске и Иркутске, А. А. Спицын останавливается на материалах Афонтовой горы. Примечательно, что вызывавшее много

споров наличие в инвентаре этой стоянки массивных изделий нижнепалеолитического облика — скребел и чопперов (А. А. Спицын описывает их как шелльские формы орудий) связывалось исследователем с характером сырья, а не с хронологическим фактором. Автор отмечает наличие сходных типов среди находок из Батеней и горы Изых.

Описывая палеолитические стоянки, А. А. Спицын предложил своего рода типологию очагов, выделив среди стоянок долго- и кратковременные. Отметим, что под «очагами» исследователи того времени понимали не только собственно очажные пятна и конструкции, но и скопления насыщенного находками и окрашенного углем культурного слоя. Так, А. А. Спицын выделяет огромные по площади «очаги с костями» (нижний слой Киево-Кирилловской стоянки и, возможно, Костенки), малые очаги (Кирилловская), очаги из дерева (имеются в виду остатки палеогеновой растительности из Кирилловской стоянки, ошибочно принятые в то время за одновременные палеолитическому поселению) и «места пиршеств» древних охотников (Томская стоянка). Интересна его гипотеза о роли скопленных костей мамонта как запасов топлива, своего рода «кокса палеолита». Работа с таким названием так и не была опубликована, однако сохранилась в его архиве. Эту гипотезу исследователь попытался подкрепить результатами собственных экспериментов по сжиганию кости (РА, ф. 5, д. 15).

Описывая изделия из камня, А. А. Спицын применял смешанную и еще не вполне сложившуюся русскую терминологию. Наряду с общепринятыми терминами (нуклеусы, ножи, скребки, резцы, проколки) мы встречаем «пилы», «ланцеты», «заострения» (вместо острий).

Безусловно, основная типологическая работа в отечественной археологии палеолита была еще впереди, но уже здесь мы находим стремление к выделению типов орудий, специфических для материалов России. По мнению А. А. Спицына: «Поделки из камня в русском палеолите в общем не уклоняются от форм общеевропейских, да и не могут уклоняться, так как техника держится везде на одном материале и орудия имеют везде одно и то же назначение. Но, во всяком случае, у нас должны быть и свои разновидности, и свои типы; особенно разность должна выразиться в изделиях из кости и их орнаменте. В Карачарове и Костенках встретились особые широкие клинья из кремня; орнамент мезинский своеобразен. Совпадая типологически с западным палеолитом, русский едва ли совпадает с ним хронологически и, во всяком случае, может не совпадать. Свой палеолит мы должны изучать самостоятельно, прибегая к западному лишь для сравнения» (Спицын 1915: 172).

Что касается периодизации отечественного палеолита, то А. А. Спицын высказывался по этому поводу с особой осторожностью: «Простой здравый смысл подсказывает, что русский палеолит не может быть простым повторением французского. Если с одной стороны несомненно, что схема Мортилье может выдержать какое угодно испытание и что она, по своей всеобщности, должна иметь применение и в России, то с другой стороны столь же очевидно, что схема эта неполна, так как она не прослеживает начала и конца культуры и, кроме того, между древним и новым периодом ее ощущается огромный пробел. В отдаленной России, а может быть особенно в Сибири, могут оказаться и искомые промежуточные формы. Во всяком случае здесь должны быть предполагаемы иные условия жизни, не может быть одного и того же на Роне и на Амуре» (Там же: 134).

А. А. Спицын отмечал мадленские типы в инвентаре верхнего слоя Кирилловской стоянки и сочетание мадленских изделий с солютрейскими остриями с боковой выемкой и ориньякскими формами в Мезине. Следует отметить, что Костенковскую стоянку исследователь отделял от основной массы мадленских памятников, отнеся ее к более древнему периоду в пределах верхнего палеолита — возможно, более раннему, чем солютре.

Публикация А. А. Спицына была расценена палеоэтнологами как дерзкое вторжение «чужого» на свою территорию. Это вызвало незамедлительную реакцию со стороны одного из учеников Ф. К. Волкова — Н. М. Могилянского (Могилянский 1916: 328–336). Рассмотрение А. А. Спицыным геологических и археологических сторон палеолита отдельно было подвергнуто особенно жесткой критике. Адепты палеоэтнологического направления считали, что изучение палеолита обречено оставаться в русле антропологии как неотъемлемой части естествознания. Эта область исследования, по мнению Н. М. Могилянского, должна навсегда остаться за натуралистами.

Что касается других аспектов критики, то с современной точки зрения она кажется чрезмерной и местами явно несправедливой. Хотя А. А. Спицын и не был «палеолитчиком» в полном смысле слова, его обзор, за исключением мелких неточностей, содержит вполне квалифицированную характеристику основных известных памятников палеолита на научном уровне того времени. Что касается расположения материала по географическому, а не хронологическому принципу (этот момент был подвергнут критике со стороны рецензента), то подобная манера представления была, по сути, единственно возможной на том этапе изученности. На этом строились все основные дореволюционные обобщающие труды по древнекаменному веку России (от А. С. Уварова до Ф. К. Волкова). Напомним, что первые опыты построения собственной периодизации русского палеолита относятся к более позднему времени (труды В. А. Городцова и П. П. Ефименко 1920-х гг.). Несмотря на прогресс в деле первичной аккумуляции фактических данных, русская археология первых десятилетий XX в. еще не вышла на уровень создания собственных схем периодизации палеолита.

Работа А. А. Спицына не претендовала на обобщение, она подвела определенный итог полевым работам по палеолиту в дореволюционной России. По выражению С. Н. Замятина, то был «сигнал о бедственном состоянии этой отрасли археологического знания» (Замятин 1946: 13; Палеолит... 1984: 12–13), однако это утверждение надо оценивать с необходимой поправкой на эпоху, в которую оно прозвучало.

Действительно, доисторическая проблематика в русской дореволюционной археологии занимала более чем скромное место по сравнению с изучением классических и славяно-русских древностей. В этом плане Россия отставала и по количеству известных местонахождений, и по степени их осмысления, не только от Франции — основной «палеолитической державы» того времени, но и от Испании и Германии. Вполне возможно, что приоритетное развитие науки о палеолите палеоэтнологическим направлением в рамках естественнонаучных учреждений и обществ отчасти способствовало тому, что Комиссия «отказалась» от конкуренции в этой области.

Стоит отметить и другое. В отечественной науке уже с рубежа 1870–1880-х гг. довольно активно применяются термины «неолит» / «неолитическая эпоха» и «палеолит» / «палеолитическая эпоха» (Уваров 1881). Но характерно: сотрудники Комиссии (даже А. А. Спицын) еще в 1900-х гг. продолжают употреблять обобщающий термин «каменный век», переходя к дифференцированной терминологии несколько позднее. Представляется, что за этим стоит определенное концептуальное запаздывание. Лишь в проекте реорганизации Археологической Комиссии в Академию материальной культуры в 1918–1919 гг., ввиду расширения научных интересов этой организации, притока в нее новых членов, а также общепризнанных успехов палеоэтнологии в изучении археологии камня, эта проблематика получает свое законное место в структуре нового учреждения. Так, согласно проекту, в этнологическом отделении РАИМК значатся разряд палеолита и разряд неолита и медного

века (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 97). Еще ранее, летом–осенью 1918 г., планируя будущую научную деятельность РГАК, в частности, ее доисторического отдела, А. А. Спицын предполагал уделить приоритетное внимание изучению мадлена и Сибирских стоянок этого периода, а также исследованию неолита «северного озерного района», включая классификацию керамики (1918 г., д. 20, л. 51).

Подводя итог развитию науки о древнекаменном веке, А. А. Спицын писал: «Материал по палеолиту в России должен быть по крайней мере немалый. Старый пример Костенок и новый Мезина показывают, что русский палеолит в действительности может принять внушительные размеры. Уже теперь могут быть поставлены ясные задачи для исследований. Если бы можно было надеяться найти должные суммы на раскопки и преданных делу исследователей, то еще на наших глазах палеолит России, надо надеяться, занял бы в науке далеко не последнее место» (Спицын 1915: 134). Этот прогноз А. А. Спицына оправдывается впоследствии, уже после революционных бурь и трансформации ИАК в ведущее учреждение археологической науки на пространстве бывшей Российской империи.

Подводя итоги, можно констатировать: вышеприведенный обзор, насыщенный громкими начинаниями, колоритными сюжетами и амбициозными планами, способен поколебать расхожее мнение об исключительном интересе ИАК к античным и скифским памятникам Северного Причерноморья. В сущности, на всех этапах своей истории Комиссия рассматривала первобытные древности как подлежащие ее ведению. При этом она должна была соизмеряться с силами своего незначительного кадрового состава и соблюдать определенные приоритеты, налагавшиеся на нее как на учреждение Министерства Двора, в задачи которого входило пополнять коллекции Императорского Эрмитажа. В эту эпоху, по крайней мере для Археологической Комиссии, речь шла исключительно о накоплении археологического материала, которое не носило целенаправленного характера, но не о систематизации этого материала. Но, так или иначе, ИАК принимала участие и в изучении отдельных памятников каменного века, и в формировании источниковой базы, ставшей основой дальнейших широкомасштабных исследований отечественных археологов в XX в.

Н. И. Платонова, С. А. Васильев, А. Е. Мусин

ГЛАВА VII

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ СИБИРИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Обширную территорию Сибири, простирающуюся от Уральских гор до Приморского края и вобравшую в себя многочисленные древности различных эпох, народов и культур, целесообразно рассматривать по условно выделенным регионам — Западная, Восточная и Южная Сибирь и Забайкалье. В административном отношении во второй половине XIX—начале XX в. эта территория подразделялась на 4 губернии и 4 области: Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, Забайкальская, Якутская, Амурская и Приморская области. Отделенный хребтами Западных и Восточных Саян Урянхайский край (ныне Республика Тыва) является северо-западной окраиной Центральной Азии.

Исследование древностей Сибири, находящейся за тысячи километров от культурных и научных центров европейской части России, происходило по другой «схеме», нежели изучение памятников на юге России или в Средней Азии, где работы проводили либо сами члены Археологической Комиссии, либо направленные ею специалисты — историки, востоковеды или просто энтузиасты. В Сибири ИАК вступала в контакты с местными краеведами, преимущественно чиновниками, офицерами, учителями и политическими ссыльными, но также и художниками, писателями, крупными учеными и простыми крестьянами, отчасти направляя и контролируя их работу и выдавая разрешение на исследования, сохраняя полученную ими историко-археологическую информацию в своем архиве, а иногда и финансируя их полевую деятельность и печатные труды.

В археологическом отношении в середине XIX в. территория Сибири, несмотря на отдельные раскопки и приобретение случайно найденных древностей, начатые еще в петровскую эпоху, являлась в полном смысле *terra incognita* (Радлов 1888: Приложения). Однако уже в 1860-х—начале 1870-х гг. в архив ИАК начали поступать материалы раскопок стоянок, курганов, могил и обследований иных видов памятников в разных уголках Сибири. В период с 1872 по 1881 г. в исследовании местных древностей наступает заметный спад — Открытые листы на раскопки в Сибири не запрашивались и не выдавались. В 1880-е гг. и вплоть до Гражданской войны в Южной Сибири наиболее активно работали А. В. Адрианов (1883–1904 гг.); Д. А. Клеменц (1888–1890 гг., 1898 г.); И. Т. Савенков (1884–1901 гг., 1912 г.) и И. П. Кузнецов-Красноярский (1907–1911 гг.). Раскопки в Западной Сибири осуществляли С. К. Кузнецов (1887, 1889, 1891 гг.); А. О. Гейкель (1893–1894 гг.); С. М. Чугунов (1895–1897 гг., 1899 г.); Г. О. Оссовский (1895–1896 гг.), а также Н. Ф. Кашенко (1896 г.) и П. С. Проскуряков (1897 г.). Ю. Д. Талько-Грынцевич (1897, 1899, 1900 гг.) и Б. Э. Петри (1913 г.) производили исследования в Забайкалье; С. Р. Минцлов (1914 г.) и А. В. Адрианов (1915–1916 гг.) — в Урянхайском крае.

Первым и наиболее значимым исследователем, которому ИАК поручила исследование сибирских древностей, был преподаватель Барнаульского горного окружного училища

Василий Васильевич Радлов. С именем этого ученого, впоследствии крупнейшего языковеда, фольклориста, этнографа, археолога, связаны развитие отечественной и мировой тюркологии второй половины XIX—начала XX в., начало научного подхода к археологическим материалам и использование их в качестве исторического источника. Известно, что В. В. Радлов (Фридрих Вильгельм Радлов) родился в Берлине и получил историко-филологическое образование в местном университете (смотри главу I). В 1858 г., вскоре после окончания учебы, он защитил докторскую диссертацию по теме «О влиянии религии на народы Азии» и в том же году приехал в Петербург для занятий при Азиатском музее.

В его научной деятельности в России, прежде всего, следует выделить алтайский период (1859–1871 гг.), когда он служил учителем в Барнауле, занимался собиранием лингвистического, фольклорного и этнографического материала и начал сотрудничать с Императорской Археологической Комиссией.

В. В. Радлова к археологическим исследованиям подтолкнуло полное отсутствие письменных источников в области истории изучавшихся им народов. В начале 1862 г. он сообщил в ИАК о своем намерении заняться раскопками курганов в Киргизской степи. В ответ он получил письмо, подписанное С. Г. Строгановым: «Вполне одобряя Вашу мысль, так как результаты разрытия этих курганов, кроме других данных, послужат, может быть, к ближайшему указанию путей переселения финских племен из Азии в Европу, я готов содействовать Вам в выполнении Вашего намерения небольшими денежными средствами вверенной мне комиссии. На первый раз я полагаю бы назначить Вам на этот предмет, т. е. на раскопки и разъезды Ваши, всего около 300 руб. Если Вы согласны на это предложение, то я прошу Вас сообщить мне дальнейшие соображения Ваши о раскопках курганов в Киргизской степи: т. е. где именно полагаете производить раскопки, когда Вам можно будет приступить к делу, не потребуется ли Вам содействия со стороны местного начальства и т. п. Инструкция для производства Ваших изысканий будет мною доставлена Вам по получении означенных соображений» (1862 г., д. 4, л. 7–7 об.).

В 1860-е гг. он работал на обширной территории — от Енисея на востоке до Илийской долины на западе, в Енисейской и Тобольской губерниях, Монголии и Западном (Русском) Туркестане, хотя первоначально Кабинетом его величества, управлявшимся покровительством В. В. Радлову бароном П. К. Мейендорфом, В. В. Радлову было поручено проводить исследование Алтайского округа в естественно-историческом и этнографическом отношениях и совершать поездки в свободное от служебных занятий время, для чего ему было выделено ежегодное денежное пособие (до 700 руб. серебром). Средства вносились в Алтайские заводские сметы в течение 5 лет, затем финансирование было продлено еще на пять лет (Артюх 2003: 20).

Научные задачи, которые В. В. Радлов определил для себя, заключались в изучении языков тюркоязычного населения, собирании образцов фольклора и материалов по этнографии,

Василий Васильевич Радлов.
Фото 1900-х гг. (ФА, I 124637)

что должно было сопровождаться особым вниманием к памятникам материальной культуры регионов исследования. К исполнению своего плана он приступил летом 1860 г., совершив поездку в Бийский округ, по долинам рек Чуя и Катунь, а весной 1861 г. — на Западный Алтай, к Телецкому оз. и в Урянхайский край, в район оз. Кара-Холь. В сентябре 1861 г. В. В. Радлов присутствовал при раскопках нескольких курганов близ Барнаула, проводившихся французской экспедицией доктора Г. Менье и барона Л. де Эйхталя (Там же). По их окончании В. В. Радлов отослал в ИАК краткий очерк об исследованиях с рисунками найденных вещей. Именно тогда он убедился в необходимости «соединить археологические исследования с этнографическими и лингвистическими...», так как «единственными источниками для истории передвижения древних народов по Южной Сибири должны служить остатки самих этих народов, остатки и людей, и вещей, хранящиеся в курганах...» (цит. по: Там же), т. е. в необходимости изучения во взаимосвязи истории тюркских народов, этнографии, археологии и лингвистики. Таким образом, В. В. Радлов первым начал внедрять комплексный метод исследования на Алтае.

В контакте с Археологической Комиссией В. В. Радлов работал с 1862 г. По ее поручению в первый год он исследовал два средневековых кургана в Кулундинской степи у с. Боровой Форпост, курган на левом берегу Иртыша, два кургана близ Терсакапского пикета, один — в долине р. Каркары. Все они носили «следы прежних раскопок» и были ограблены. В небольших курганах близ Барнаула были найдены бронзовая пряжка, медное украшение, остатки пояса, кожи, обломок железного ножа, полуистлевший кусок резного дерева. Из 22 курганов, исследованных в окрестностях Копала, только один оказался «неразоренным», во всех остальных лежали разрозненные кости человеческих скелетов. В детской могиле была найдена золотая бляшка в виде четвероногого животного, являвшаяся украшением одежды. Раскопки 14 курганов близ Сергиополя показали, что они также не уцелели от прежних расхищений. Только в двух были найдены фрагменты грубо сделанных глиняных сосудов. Результаты своих исследований В. В. Радлов признал неудачными, объясняя это ограбленностью погребений (1862 г., д. 4; ОИАК за 1862 г. 1863: XIX–XXII; Радлов 1989: 452, 454). В 1863 г. по поручению российского Правительства и на средства Горного управления он отправился на Восточный Алтай изучать быт «нерусского» населения. Тогда же Археологическая Комиссия выделила ему средства на исследования в бассейне Абакана в Минусинских степях и у г. Красноярска, где В. В. Радлов раскопал около семидесяти археологических объектов, в том числе курганы эпохи бронзы и железного века (1863 г., д. 8, л. 1, 7–9; Радлов 1989: 454; Вадецкая 1973: 108–110).

Необходимо отметить, что совместные исследования В. В. Радлова и ИАК предвосхитили идеи К. М. Бэра и П. И. Лерха, причем последнему удалось заинтересовать Комиссию своим проектом и получить финансовую поддержку для своих исследований в Олонецкой, Вологодской и Пермской губерниях (*подробнее смотри главу VI*). Стоит напомнить, что в 1864 г. К. М. Бэр, придававший большое значение роли миграций в истории, в своей статье «Записка о снаряжении археолого-этнографических экспедиций в пределах Российского государства» указал на важность исследования археологических памятников Сибири для уточнения этой роли (Бэр 1864). Годом позже, еще не будучи сотрудником Комиссии, П. И. Лерх подает в ИАК свои «Соображения об археологической поездке на северо-восточные губернии» (1865 г., д. 15, л. 1–14), предполагая начать исследование «рассеянных по северу Европейской России, равно как и за Уралом до Даурии, памятников древности, в особенности, ...могил и городищ...». Ссылаясь на распространенную тогда гипотезу о «тождестве Чуди и Скифов», он отмечал, что «рассмотрение этого вопроса останется преждевременным, пока не будет систематическим

образом исполнено обозрение Европейской России и Западной Сибири в археологическом отношении». Таким образом, параллельную деятельность В. В. Радлова и П. И. Лерха стоит рассматривать как двуединый замысел комплексного изучения первобытных древностей России и Сибири, который хоть и не получил официального выражения в документах Археологической Комиссии, но несомненно был присущ деятельности ИАК «эпохи Строганова».

В 1865 г. В. В. Радлов произвел раскопки на р. Урсуле при Ангодайской (совр. Онгудайской), в Чуйской и Берельской степях, на берегах р. Катанды. На р. Урсуле он исследовал 7 курганов: два были ограблены ранее; в одном находилось погребение человека, у головы которого был помещен глиняный остроконечный сосуд; четыре оказались поминальными сооружениями, не содержащими могил. Из 8 курганов на р. Тобажок четыре содержали могилы, в которых только при одном погребенном был положен железный ножичек; во втором находился скелет лошади с удилами во рту; остальные три, по-видимому, «были насыпаны с иной целью» и не заключали в себе могил (1865 г., д. 4, л. 15–17).

Около Катандинской деревни он обследовал четыре кладбища. В первом в качестве наиболее примечательных им были отмечены захоронение коня, под которым лежали завернутые в шубу брюки из грубой ткани и чулки из тонкого войлока; погребение женщины в истлевшем головном уборе с медными украшениями, серьгами, серебряным кольцом, каменным кружком от веретена и брусом. В одном из мужских погребений были обнаружены железные и костяные наконечники стрел, нож, копье и обломки лука. На втором кладбище в 9 маленьких курганах В. В. Радловым было открыто четыре нетронутые могилы. В одной были зафиксированы кости лошади, железные витые удила с кольцами, пара стремян и пряжка. Ниже лежали останки человека, при котором находился прямой меч и 17 трехгранных железных и костяных стрел, в изголовье стоял серебряный сосуд с ручкой. Во второй могиле ниже костяка лошади был найден скелет человека с кресалом и несколькими железными стрелами. Еще две могилы имели такое же устройство, но с совершенно истлевшими скелетами. При одном находились обломки какого-то костяного предмета, 7 железных стрел, железный заступ, костяная пряжка от пояса; при другом только 5 железных стрел. Судя по устройству могильных ям и обнаруженным изделиям, это погребения древних тюрок, датируемые, вероятно, VIII–IX вв. (1865 г., д. 8, л. 17–18 об.)

В Берельской степи В. В. Радлов исследовал 7 курганов. Главный курган имел диаметр 28 м и высоту 5 м. Под каменным наземным сооружением находилась огромная яма, заваленная мерзлой землей, песком и крупными камнями, на дне которой был установлен деревянный сруб, покрытый с одной стороны тщательно отесанными досками, с другой — берестой, где по четыре в каждом ряду лежало 16 лошадей. На них находились деревянные и берестяные украшения и тонкие золотые узорчатые пластинки. С южной стороны оказалась прикрытая берестой колода, по четырем углам которой находилось по одной вылитой из меди птицы — с поднятыми и опущенными крыльями. За срубом шла простая яма, заполненная глиной и галькой; на самом дне ее лежали кости ног, рук и несколько ребер человека, около них — тонкие золотые украшения.

При раскопках трех курганов, расположенных поблизости от большого, были найдены погребения, аналогичные описанным выше древнетюркским; в одном были захоронены три лошади, с серебряными и костяными уздечными украшениями, при человеке найдены железный меч, два ножа, остатки панциря, следы серебряных пластинок, костяная пряжка и др.

В 2 км севернее В. В. Радлов исследовал еще несколько памятников — под одним было 3, под другим 5 скелетов лошадей, головы последних были украшены тонкими золотыми и серебряными пластинками, просверленными кабаньими клыками. Посредине ямы находились

раздавленная глиняная посуда, половина скелета человека, золотые пластинки от украшения одежды, железные ножичек и кинжал, рукоятки которых обложены тонким листовым золотом (Там же, л. 21–26 об.).

Для В. В. Радлова, производившего раскопки большого количества памятников, 1865 год ознаменовался открытием Большого Катандинского кургана, с вечной мерзлотой и уникальными по сохранности предметами искусства, одежды и утвари древних алтайских племен (Там же, л. 65; ОИАК за 1865 г. 1866: XV–XIX; Радлов 1989: 442–451).

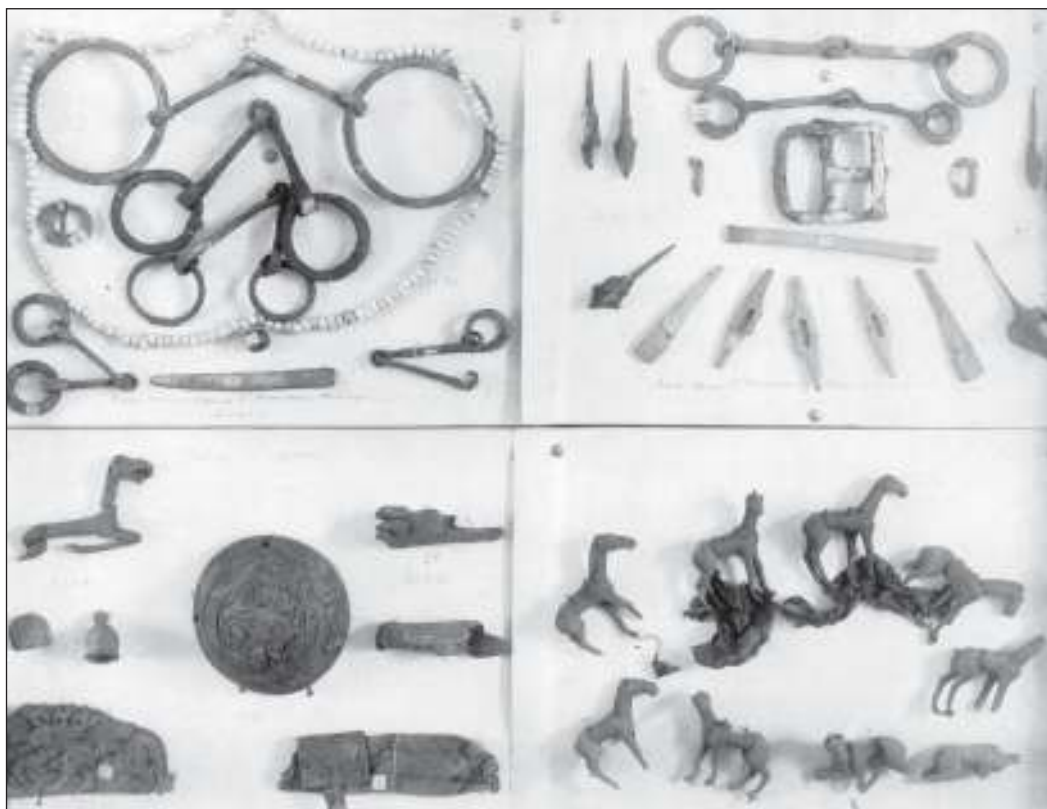
В 1866 г. В. В. Радлов продолжил археологические исследования курганов в Барабинской степи, к северу от г. Каинска на правом берегу р. Оми; в Киргизской степи на правом берегу Иртыша, в Семипалатинске и в Кокбектинском крае, около Аблайкитских развалин и г. Кокбекты. Многие курганы были ограблены. У с. Идююль из 6 «бугров» 3 оказались нетронутыми: погребенные лежали в ямах, на спине, и были прикрыты двумя-тремя слоями бересты. При них найдены остатки лука, железные и костяные наконечники стрел, медная пряжка, вырезанные из кости украшения, в ногах находились раздавленные глиняные сосуды. В курганы у д. Кызыр было помещено больше сопроводительного инвентаря — железные заступы, железные и медные мечи и наконечники стрел, у мужчин — остатки медных поясных украшений, у женщин вокруг головы бисер, а на груди медные пряжки и бляхи. Около двух мужских скелетов — следы конских уздечек и стремян, но сохранность металла такова, что взять предметы из земли не представлялось возможным. Курганы относились к разным историческим периодам, но большинство из них являлось средневековыми.

Большой Катандинский курган. Остатки халатов. Раскопки В. В. Радлова 1865 г. (ФА, Q 441/38)

Фрагмент ткани. Большой Катандинский курган. Раскопки В. В. Радлова 1865 г. (ФА, Q 441/57)

Планшеты с находками из курганов древнетюркского времени, XVII–XVIII вв. и пазырыкских. Катандинский могильник. Раскопки В. В. Радлова 1865 г. (ФА, Q 441/39)

На правом берегу р. Оми В. В. Радлов обнаружил огромное кладбище, раскопки 20 маленьких и двух больших курганов не принесли особенных результатов, курганы были и граблеными, и изначально «малоимущими». На самом берегу Оми исследователь увидел местность, которую местные жители называли «крепостью». Заложив траншею, по всей длине ее он выявил обломки глиняных горшков с разными украшениями, формочки для отливки, множество древесного угля, жженые кирпичи и т. п. Скорее всего, это было городище, но по столь скудным данным определить его датировку В. В. Радлов не решился. В районе г. Павлодара и в Семипалатинске он раскопал ряд небольших «бугров». В курганах близ Павлодара умершие были похоронены с лошадьми с инвентарем из железа. В одном из погребений в Семипалатинске обнаружен скелет человека, лежавшего на спине, головой на запад, с яшмовыми бусами на шее и медным зеркалом на груди, по краям которого нанесена китайская иероглифическая надпись. В ногах был железный котел с носиком. Датировка данного погребения не выходит за рамки эпохи средневековья.

Радлов побывал на Аблайкитских развалинах в 50 км от Усть-Каменогорска и исследовал остатки главного строения. Аблайкитские палаты, возведенные в эпоху средневековья из гранитных, довольно тщательно отесанных плит, стояли на земляном возвышении, обрамленном стеной из неотделанного плитняка, скрепленного цементом. Полы внутри были сделаны из утрамбованной земли (1865 г., д. 8, л. 53–54 об.; ОИАК за 1866 г. 1868: XVI–XXV). В архиве Археологической Комиссии не сохранилось фотографий Аблайкитских развалин, исполненных В. В. Радловым, но их общий вид зафиксирован на снимке 1876 г., сделанном фотографом Л. К. Полторацкой. Фотофиксация раскопок курганов в 1866 г. не производилась.

Развалины Аблайкитских палат. Фото Л. К. Полторацкой 1876 г. (ФА, Q 171/22)

Тем не менее В. В. Радлову удалось собрать коллекцию рисунков и зарисовок металлических изделий из памятников Западной Сибири, исследованных в 1865–1870 гг. (1865 г., д. 8, л. 56–59 об., 65), которые были опубликованы в одном из томов издаваемых ИАК «Сибирских древностей» (Радлов 1894).

На основе собственных исследований В. В. Радлов создал первую периодизацию археологических памятников, которая могла быть применена для обширной территории. Он подразделил их на четыре периода: к медному и бронзовому отнесены курганы с бронзовыми изделиями, без каких бы то ни было следов железа. Сюда были включены открытые им в долине Абакана погребения эпохи бронзы, относимые сегодня к афанасьевской и карасукской культурам, а также некоторые писаницы — наскальные изображения — и горные выработки. К древнему железному периоду — курганы с бронзовыми и железными орудиями и оружием. К этому периоду он отнес впервые раскопанные им курганы пазырыкского типа; к новому железному веку — те из курганов, которые местное население считало «кыргызскими», хотя к историческим кыргызам эти памятники не имели непосредственного отношения. Он также выделил памятники позднейшего железного периода, охватывавшие курганы вплоть до этнографической современности.

В целом, раскопки В. В. Радлова, которые он осуществил при поддержке Комиссии, были проведены на уровне, в ряде случаев превосходившем методику многих археологов тех лет. Как видно из его отчетов, присланных в ИАК, он старался раскапывать курганы, полностью снимая наземное сооружение и целиком расчищая могилу; для фиксации материала составлял схематические чертежи, показывающие конструкцию кургана и положение погребенных. Однако исследователь не всегда строго придерживался принятой им методики. Большой Катандинский курган, например, был раскопан при помощи траншеи, что привело к тому, что конское захоронение, доисследованное почти 100 лет спустя А. А. Гавриловой, осталось им не замеченным (ЦХАФ АК, ф. 2, оп. 1, д. 2785, л. 22–22 об.; Вайнштейн, Кляшторный 1972: 27–29).

Помимо значительных достижений В. В. Радлова в археологии результатом его ежегодных путешествий был постоянно накапливавшийся этнографический и лингвистический материал. Барнаульский музей, пополнявшийся находками экспедиций В. В. Радлова, принял участие в Общероссийской антропологической выставке, организованной в 1869 г. Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. За коллекцию древностей из Сибири, состоявшую из «чудских вещей, костюмов, орудий, инструментов и разной утвари азиатских народов», Барнаульский музей получил серебряную медаль; часть предметов коллекции была оставлена в Москве (ЦХАФ АК, ф. 66, оп. 1, св. 8, д. 34, л. 30–68).

Научные результаты своих путешествий В. В. Радлов начал публиковать в годы пребывания на Алтае в виде как отдельных статей, так и отчетов, присланных им в Императорскую Академию наук. Исследования наречий тюркских племен были оценены в Академии наук «как совершенно необходимые» и «достойными напечатания». По инициативе Академии с 1866 г. началось издание его фундаментального сочинения «Образцы народной литературы тюркских племен», продолжавшееся до 1907 г. (СПб., 1866–1907). Не меньшее значение для науки имеют другие крупные работы В. В. Радлова, написанные по материалам алтайского периода, — «Из Сибири» (Radloff 1884; Радлов 1989) и «Опыт словаря тюркских наречий» (Радлов 1888–1911) (Кононов 1972: 10). Лингвистическая работа В. В. Радлова — это один из первых опытов сравнительно-исторического исследования тюркских народов и введение в научный оборот нового фактического материала. В алтайский период своей

деятельности В. В. Радлов сформировался как основатель комплексного метода исследований, в сферу интересов которого вошли история, археология, этнография, лингвистика и другие науки. В этот же период были проведены практически все его самостоятельные археологические работы.

Позднее, в казанский период (1871–1884 гг.), он занимал должность окружного инспектора магометанских школ, изучая приволжские и башкирские тюркские говоры, чувашский и черемисский языки. Петербургско-петроградский период деятельности длился с 1884 г. до кончины ученого в 1918 г. В это время В. В. Радлов стал не только организатором и председателем РКИСВА, начавшим изучение древностей Восточного (китайского) Туркестана, но и председателем правления Общества изучения Сибири и улучшения быта ее народов, руководителем многих научных археологических, этнографических и лингвистических экспедиций и поездок. В 1891 г. В. В. Радлов организовал экспедицию Императорской Академии наук для исследования древних памятников долины р. Орхон в Монголии, в 1898 г. — Турфанскую во главе с Д. А. Клеменцем. Сам он раскопкой деятельностью более не занимался. Одновременно с В. Томсеном, расшифровавшим древнее руническое письмо, Радлов работал над переводами Орхонских надписей (Ко дню 70-летия В. В. Радлова 1907; Известия ИАК 1909: 114–115; Ольденбург 1918: 1233–1236; Щербак 1972: 54–63).

Несмотря на то что со временем интенсивность контактов В. В. Радлова с ИАК существенно снизилась, в 1886 г. он был утвержден членом-корреспондентом Комиссии, а в 1888 г. Комиссия издала первый выпуск его труда «Сибирские древности». Следующие выпуски «Материалов по археологии России», посвященные Сибири, были изданы в 1891, 1894 и 1902 гг. (Радлов 1888; 1891; 1894; 1902). Необходимо отметить, что сибирские древности стали первыми археологическими материалами, изданными ИАК после 15-летнего перерыва. Первые два выпуска МАР были посвящены Геродотовой Скифии и опубликованы в 1866 и 1872 гг. соответственно. Это свидетельствовало о существовании определенных приоритетов в издательской деятельности Комиссии в это время. Инициатива публикации принадлежала самому В. В. Радлову, и уже 17 октября 1883 г. ИАК выслала ему необходимые для издания материалы его раскопок 1862, 1865–1866 и 1870 гг., а также коллекцию древностей краеведа из Красноярска Александрова, собранную на правом берегу Енисея. Позднее, в 1886 г., ИАК обращалась в РИМ с просьбой предоставить для тех же целей коллекцию сибирских древностей И. А. Лопатина (1883 г., д. 46, л. 1–1 об., л. 6–7) (*подробнее смотри главу I*).

Издание «Сибирских древностей» в середине 1880-х гг. ознаменовало начало новой исследовательской политики ИАК в отношении истории и культуры Сибири, что было связано с приходом в Комиссию нового председателя — графа А. А. Бобринского. Как и в случае со славяно-русскими древностями, памятниками Западного Кавказа и Прикубанья (*смотри главы I, IX, XI*), для Сибири была намечена комплексная программа исследований края по отдельным регионам, которая, как и некоторые другие проекты Комиссии, так и осталась до конца не осуществленной. Известно, что ИАК активно поддерживала инициативу исследователей на местах. Так было и в случае с изучением Сибири.

В 1886 г. Николай Михайлович Ядринцев (1842–1894), член-сотрудник Императорского Русского археологического общества, решил предпринять путешествие по Сибири и предложил А. А. Бобринскому «свои услуги по части собрания сведений об всех археологических коллекциях и работах в Западной и Восточной Сибири, а также различных древностях, памятниках и сохранившихся архивах» (1886 г., д. 28, л. 1). А. А. Бобринский ответил ему письмом от 12 мая, где было написано следующее:

«ИАК очень благодарна Вам за готовность Вашу оказать ей содействие при предстоящей Вам ныне поездке в Сибирь. ...ИАК покорнейше просит Вас главным образом собрать возможно подробные сведения об археологических исследованиях, произведенных в последние 25 лет в Западной и Восточной Сибири как частными лицами, так и равными правительственными учреждениями (за исключением раскопок В. В. Радлова, которые велись под ближайшим руководством самой Комиссии), равно как и о случайных археологических находках и об общественных и частных коллекциях местных древностей, которые имеются в разных сибирских городах, например: собрания в Тобольске (Знаменского), Омске (Западно-Сибирского Отдела Имп. Географического общества), Тюмени (Словцовская), Томске (Адриановская и Университетская), Минусинске (Мартьяновская), Красноярске (Александровская и Савенковская), Иркутске (Восточно-Сибирского Отдела Географического общества) и другие.

Затем Археологическая Комиссия была бы Вам, конечно, очень признательна за сообщение ей указаний хотя на главнейшие остатки древности (курганы, городища, пещеры, изваяния, надписи и пр.), которые Вы будете иметь случай или сами видеть при Ваших поездках или занести в Ваши дневники по указаниям других лиц» (1886 г., д. 28, л. 2, 2 об.).

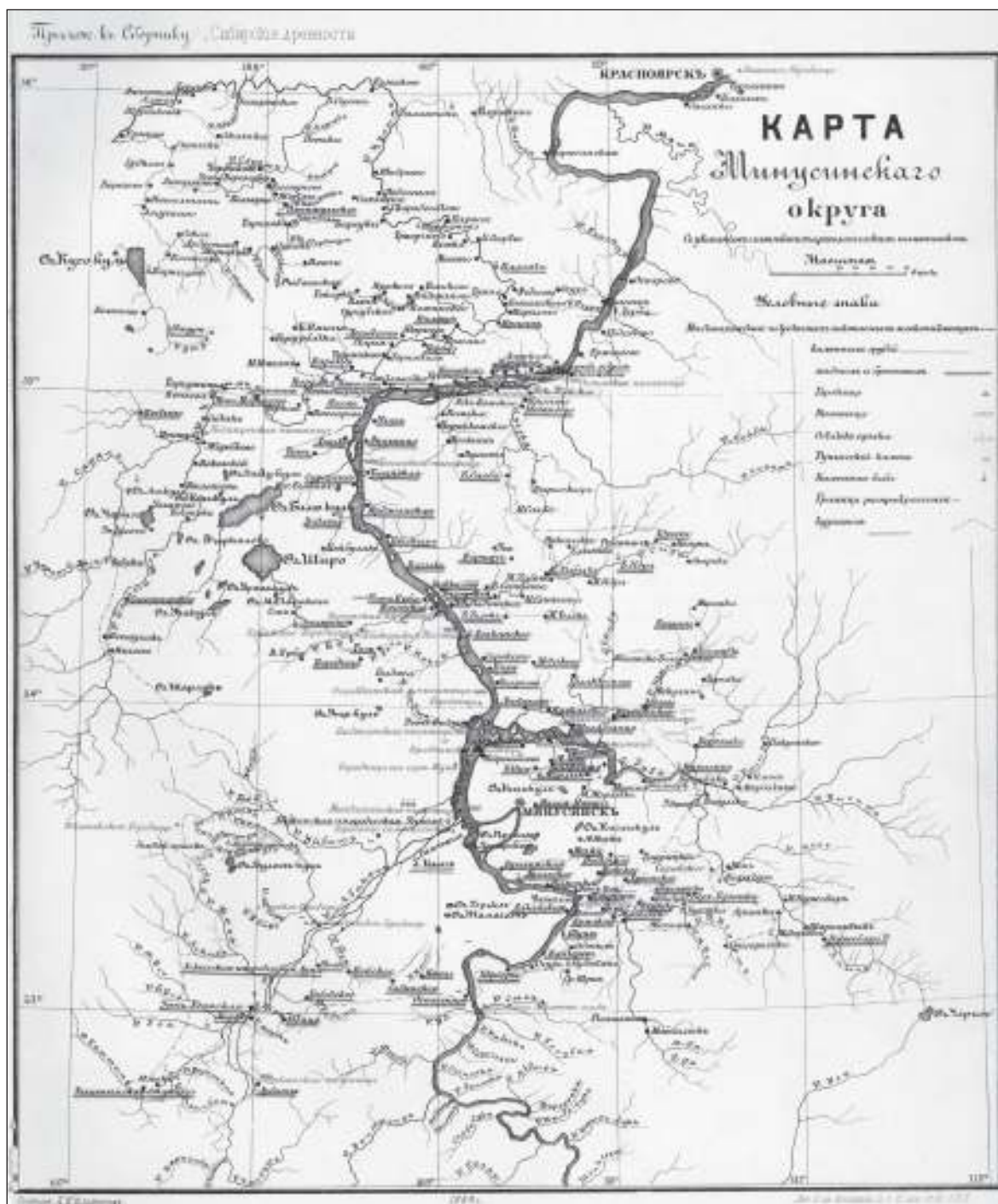
Часть памятников в Минусинской степи Н. М. Ядринцеву показал Д. А. Клеменц. Пораженный их количеством Н. М. Ядринцев отметил, что «ничего подобного он нигде не видел» (1888 г., д. 23, л. 113).

В ноябре 1886 г. ИАК искренне благодарила Н. М. Ядринцева за приобретение в Сибири некоторых предметов и возместила их стоимость в размере 25 руб. (1886 г., д. 28, л. 7). Приобретенные в с. Абаканском Минусинского округа бронзовые топорик и кинжал были переданы в Эрмитаж; приобретенные в Тобольской губернии у татар серебряные подвеска и ажурной работы браслет — в Этнографический музей Императорской Академии наук (Там же, л. 13–14). Кроме того, Н. М. Ядринцев представил в ИАК от имени Д. А. Клеменца составленную последним археологическую карту Минусинского округа. ИАК предполагала издать ее в сборнике минусинских древностей, а ее составителю отправила в Томск 120 руб. «назначенных Комиссией за означенный труд» и просила в дальнейшем сообщать обо всех древностях, которые представляют научную ценность (Там же, л. 15–16).

В 1889 г. под руководством Н. М. Ядринцева состоялась первая Орхонская экспедиция, организованная Восточно-Сибирским отделом ИРГО. Одна из целей экспедиции заключалась в точном определении местоположения Каракорума — столицы первых Чингисидов. В долине р. Орхон было осмотрено городище Карабалгасун и обнаружены остатки значительных погребальных сооружений с мраморными статуями людей и животных. Самым сенсационным открытием стала находка каменных стел с руническими и китайскими надписями. Экспедиция Н. М. Ядринцева скопировала только небольшую часть текстов. Однако в архив ИАК поступили снимки прорисовок тюркских и древнемонгольских надписей из Карабалгасуна и Кошо-Цайдама.

Через два года в Монголии развернулись работы Орхонской академической экспедиции под руководством В. В. Радлова. Экспедиция провела археологическое обследование всего комплекса орхонских памятников и сделала копии надписей. Результаты работ были опубликованы в четырех выпусках «Атласа древностей Монголии» (Т. I–IV. СПб., 1892–1899). Естественно, ИАК была информирована об этих работах, тем более, что участниками экспедиции были и ее представитель в Сибири В. В. Радлов, и Н. М. Ядринцев, и Д. А. Клеменц.

Как было отмечено, одним из «проводников» Н. М. Ядринцева по сибирским древностям был Д. А. Клеменц, который также сотрудничал с ИАК, и выполнял в Сибири различные

Археологическая карта Минусинского округа,
составленная Д. А. Клеменцем и доставленная в ИАК Н. М. Ядринцевым (1886 г., д. 28)

Прорисовки древнетюркских и древнемонгольских надписей из разных мест.
Экспедиция на Орхон в 1889 г. под руководством Н. М. Ядринцева. Фото 1890 г. (ФА, Q 441/52)

научные поручения. Сосланный сюда в 1881 г. за свою политическую деятельность, он почти 15 лет провел в Минусинске, Томске и Иркутске. Уже в 1883 г. он начал обследовать археологические памятники в верховьях рек Томь и Абакан, а в 1886 г. выпустил книгу «Древности Минусинского музея». С 1888 г. Д. А. Клеменц получал от Комиссии Открытые листы на право раскопок и средства на археологические исследования. В частности, в течение мая–июня 1888 г. он раскопал в Ачинском округе 6 курганов, три из которых были с насыпями, а три представляли собой каменные круги. Все оказались с могилами бронзового века, в инвентаре которых не было встречено железных орудий. В сентябре 1888 г. Д.А. Клеменц писал в ИАК В. Г. Тизенгаузену, что в данное время не может прислать полный отчет о произведенных раскопках, но находит необходимым в общих чертах уведомить ИАК о ходе своих занятий. Задержку с отправкой находок в Петербург он объяснял плохим состоянием сибирских дорог весной, что вынуждало его ждать становления зимнего пути, с одной стороны, и отсутствием упаковочного материала — с другой. Он также сообщал, что хотел бы отправить в Москву антропологу Д. Н. Анучину для определения полученный во время раскопок костный материал. Относительно приобретения вещей для Комиссии он писал, что «покупка древностей, благодаря обилию местных любителей, подвигается туго. Вещи, купленные до сих пор, крайне банальны. Ни одной интересной новинки приобрести не удалось» (1888 г., д. 23, л. 4–5).

В конце сентября 1888 г. Д. А. Клеменц собирался посетить Чулым, где один из крестьян обещал указать ему необычные для Сибири и в особенности для Ачинского округа курганы. Он предполагал немедленно приняться за раскопки, если только снега и морозы не помешают.

Д. А. Клеменц и алтайский краевед Н. С. Гуляев (1851–1918). 1913 г. (ФА, О 2511/1)

«В случае неблагоприятных условий для работы я не стану портить курганы: из мерзлой земли крайне трудно будет добывать мелкие вещи, многое и ускользнет от внимания» (Там же, л. 5). В своей переписке с ИАК Д. А. Клеменц поднимает ряд вопросов, в том числе и касающихся ограниченности знаний сибирских археологов вследствие немногочисленности раскопанных памятников, единичности имеющих фактов и, следовательно, отсутствия материалов для сравнения, определения периодизации памятников и т. п.

Клеменц Дмитрий Александрович

(15.12.1848–8.01.1914) — народник, этнограф, археолог. В 1867—1871 гг. учился в Казанском, а затем Петербургском университетах. Один из инициаторов «хождения в народ», член «Земли и воли». С конца 1878—начала 1879 г. редактор журнала «Земля и воля». В 1879 г. арестован, в 1881 г. выслан в Восточную Сибирь. В Минусинске начал научную деятельность. Экспедиции Клеменца в Кузнецкий Алатау, Саяны, Урянхайский край, Монголию, Турфан внесли вклад в изучение географии, геологии, этнографии и археологии этих областей. В 1887 г. избирается членом-корреспондентом Московского географического общества, а позднее — действительным членом Общества любителей естествознания. В ходе экспедиций открыл развалины крепости Пор-Бажын на острове посреди озера Тере-Холь в Туве. Участвовал в создании и деятельности Минусинского и Иркутского музеев. В середине 1890-х гг. вернулся в Петербург, работал в Музее антропологии и этнографии АН (до 1900 г.), затем организовал этнографический отдел Русского музея и руководил им до 1910 г.

Осн. соч.: Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Томск, 1886; Местные музеи и их значение в провинциальной жизни // Сибирский сборник. Иркутск, 1892. Вып. 2; Путь из Минусинска на Бирюсу // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1890. Т. 21, № 1.

Лит. о нем.: Д. А. Клеменц как археолог // СА. 1963. № 4; Пигмалион музейного дела в России: К 150-летию со дня рождения Д.А. Клеменца. СПб., 1998.

Бронзовые изделия, с. Назаровское. Минусинский округ Енисейской губ.
Раскопки Д. А. Клеменца 1886 г. (ФА, F 123/52)

Некоторые материалы (медные сосудики, различные украшения, железные стрелы и др.), добытые Д. А. Клеменцем в 1888–1889 гг. при исследованиях тагарских курганов, оград и таштыкского склепа на Тагарском острове в Ачинском округе и Минусинской котловине, были переданы в Эрмитаж (ФА, II 25742–25743; ОИАК за 1888 г. 1890: СССР–СССХIV); а кинжалы, чеканы, ножи, бляхи «с ушками» — в Исторический музей (1888 г., д. 23, л. 8–35, 80–87, 226–253; ФА, III 6936–6939, F 123/52–55).

На раскопки кургана в 1890 г. в Джатасском могильнике в Минусинском округе, понимая важность этих исследований, ИАК выделила аванс в 400 руб. (1888 г., д. 23, л. 117; 1890 г., д. 68; ОИАК за 1890 г. 1893: 70–72); в 1898 г. на р. Чулым в с. Назарово Ачинского округа он исследовал большие тагарские курганы. Кроме того, Д. А. Клеменц описал пещеры, средневековые крепости и наскальные изображения, обследованные им в ходе работ 1889–1890 гг. (1888 г., д. 23, л. 227–255; ОИАК за 1889 г. 1892: 80–83; Вадецкая 1981: 31–35).

Д. А. Клеменц, как и практически все исследователи сибирских древностей конца XIX—начала XX в., не был археологом, но в одном из своих отчетов он писал, что «слишком любит археологию, чтобы отказаться от любимого дела» (1888 г., д. 23, л. 108 об.). ИАК и, в первую очередь, А. А. Бобринской и В. Г. Тизенгаузен высоко оценивали его работы, хотя и указывали на чрезмерную «длинноту» отчета. Чертежи раскопанных им курганов сделаны профессионально

совершил отдельное путешествие из Орхона в Минусинск. Также по поручению В. В. Радлова он за 5 лет проехал по Монголии до 15 тысяч верст. И, наконец, в 1898 г. состоялась экспедиция в Турфан, имевшая огромное значение как толчок для постановки интернациональной задачи изучения Азии в археологическом отношении (Там же, л. 196–196 об.). ИАК немедленно откликнулась:

«ИАК со своей стороны считает долгом отметить полезную ученую деятельность Дмитрия Александровича в области археологии.

ИАК неоднократно обращалась к Д. А. Клеменцу с просьбой произвести в Сибири археологические раскопки, и всякий раз он с полной готовностью и редким бескорытием отзывался на ее поручения. Более или менее крупные раскопки, возложенные на Д. А. Клеменца ИАК, исполнены им в 1888–1890 гг. в Енисейской губернии, причем все отчеты его отличаются подробным изложением и носят вполне научный характер.

ИАК, ценя ученую деятельность Д. А. Клеменца, признает вполне справедливым, чтобы было возбуждено ходатайство об обеспечении его средствами для безбедного существования» (Там же, л. 197–197 об.).

Уйдя в отставку, Д. А. Клеменц поселился в Москве и печатал свои воспоминания в газете «Русские ведомости». Скончался он в самом начале 1914 г.

В 1887–1889 гг. в Сибири работала экспедиция Финского археологического общества под руководством профессора Гельсингфорсского университета, историка, археолога и востоковеда Иоганна Рейнгольда Аспелина при участии археолога Отто Хельмана Апеельгрена-Кивало.

Адрианов Александр Васильевич

(7.11.1854–7.03.1920) — сибирский просветитель, этнограф, археолог, публицист. Родился в семье священника. В 1874 г. окончил Тобольскую гимназию. Учился в Петербургской медико-хирургической академии и Петербургском университете на физико-математическом факультете. Член ИРГО с 1879 г. В 1880-х гг. по поручению Общества совершил два путешествия в Кузнецкий Алатау, Восточный Алтай и за Саяны, собрав обширные коллекции по этнографии и археологии, затем на Васюган в Нарымском крае. В 1890-х гг. работал над изучением Минусинского края в археологическом отношении. Издал описание погребального ритуала у ранних обитателей Минусинского края, составленное на основании его собственных изысканий и раскопок, а также лучшее естественно-историческое и географическое описание Енисейской губы. С 1883 г. Адрианов — редактор «Сибирской газеты», а с 1884 по 1887 г. — и ее издатель. В 1887–1888 гг. секретарь Томского губернского статистического комитета. В марте 1917 г. становится редактором «Сибирской жизни». В декабре 1919 г. арестован и в марте 1920 г. по приговору томской ЧК расстрелян.

Осн. соч.: Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым // Зап. Императорского Русского географического общества по общей географии. СПб., 1888. Т. 11; Курганография Сибири. Томск, 1884; Томская старина. Город Томск. Томск, 1912; Об искусстве в Томске. Город Томск. Томск, 1912.

Лит. о нем.: Крюков В. М. Мир рушился: из дневника А. В. Адрианова, 1919 г. // Сибирская старина. 1994. № 6; Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов: (к 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004.

Александр Васильевич Адрианов.
Фото В. Л. Лебова 1909 г.
(ФА, О. 2515/127)

И. Р. Аспелину было также предоставлено право раскопать с научной целью и на собственный его счет несколько курганов (1887 г., д. 10). В течение двух месяцев 1887 г. они обследовали разновременные памятники у улусов Орак, Ошколь, Подкамень, Большого и Малого озер, деревень Соленоозерная, Таргасуль, Сухая Ерба, с. Знаменское, Абакано-Перевозное, в округе с. Потрошилово, Аскыза, долины Камышты, в окрестностях Минусинска и другие, а также Сулекскую писаницу и гору Оглахты; произвели незначительные раскопочные работы (1889 г., д. 39, л. 15–26), копирование и фотосъемку писаниц. В 1888–1889 гг. были изучены и скопированы 32 рунические надписи в бассейне Енисея, в том числе сделаны эстампажи стел в Урянхайском крае. Однако, после того как датский лингвист В. Томсен в 1893 г. расшифровал орхонские письма и установил, что это руническая письменность древних тюрков, а не древних финнов, как считал И. Р. Аспелин, он потерял интерес к исследованиям в Сибири и больше не возвращался к изучению памятников в бассейне Енисея (История востоковедения 1997: 382–383; Кызласов 1969: 8–9; Матющенко 2001: 56–57).

Еще одним исследователем, с которым ИАК сотрудничала в Сибири в эти и последующие годы, был публицист, археолог и этнограф А. В. Адрианов, который внес огромный вклад в изучение древностей Южной и Западной Сибири и Урянхайского края. Его исследовательская деятельность продолжалась около 35 лет. В 1883 г. он раскопал 6 курганов: на Тагарском острове близ Минусинска и на р. Немире. В насыпи одного из курганов на Тагарском острове в деревянной погребальной камере он обнаружил многочисленные кучки пепла, 6 полных скелетов, разрозненные кости и 86 черепов, на некоторых сохранились таштыкские погребальные маски. Эти находки стали первыми археологическими коллекциями Минусинского музея, полученными из раскопок (ФА, О. 698/42; Вадецкая 1981: 39–42).

Глиняные маски, улус Саргов. Минусинский уезд Енисейской губернии
Раскопки А. В. Адрианова 1903 г. (ФА, Q 680/23)

Музей в Минусинске был создан в 1877 г. С музеем и его директором Н. М. Мартьяновым были тесно связаны А. В. Адрианов, Д. А. Клеменц, И. Т. Савенков, а также И. П. Кузнецов-Красноярский, И. С. Боголюбский и И. А. Лопатин — все они были археологами-любителями, но именно им принадлежит заслуга начала систематического исследования Минусинских котловин и проведения разведочных маршрутов для составления археологической карты региона. Н. М. Мартьянов сам раскопок не производил и как директор музея, получив от ИАК право на их осуществление, предложил провести исследования Д. А. Клеменцу и И. П. Кузнецову-Красноярскому.

В 1887 и 1889 гг. на берегу р. Томь близ Томска А. В. Адрианов открыл Томский могильник. Еще до раскопок были обнаружены остатки скелетов людей, шлифованный каменный топор, фрагменты керамических сосудов и целые сосуды. В результате двухлетних работ, проводившихся с разрешения ИАК, но на собственные средства, он вскрыл около 430 кв. м площади и получил богатый археологический материал начиная с эпохи неолита до раннего железного века. В этом же году А. В. Адрианова избрали членом Московского археологического общества. При последующих исследованиях Томского могильника А. В. Адрианов и член Восточного комитета МАО, археолог, профессор С. К. Кузнецов нашли орудия из камня и кремня, изделия из металла и кости. Присланные в ИАК находки были сфотографированы — ножи, зеркала, чеканы, украшения, керамические сосуды и каменные орудия (1887 г., д. 26; ФА, О 693, О 698; ОИАК за 1887 г. 1889: CLXXVII–CLXXX; ОИАК за 1889 г. 1892: 83–87). Начиная с 1890 и до 1903 г. А. В. Адрианов производил раскопки на средства ИАК и, соответственно, посылал отчеты в Петербург (дневник раскопок, фотографии и рисунки находок). Найденные сосуды оставались в Минусинском музее, а остальные вещи поступали по решению автора раскопок в МАО (1890 г., д. 68).

Во время исследования курганов в 1894 г. в Минусинском округе — на Тагарском острове и по долине р. Туба — А. В. Адрианов обнаружил и раскопал более 40 комплексов, в том числе карасукской культуры эпохи бронзы и тагарской скифского времени, в которых были найдены ножи, наконечники стрел, зеркала, бронзовые украшения, глиняные сосуды, отправленные затем в Исторический музей (1894 г., д. 34; ФА, III 6688–6694; ОИАК за 1894 г. 1896: 104–138). На следующий год в курганах близ с. Думная гора и на Тагарском оз. в могильниках тагарской культуры он обнаружил глиняные сосуды, костяные наконечники стрел, бронзовые фигурные пластины, поясные пряжки, ножи, кинжалы, украшения (бляхи в виде оленей, «коники» и др.); происходящие из средневековых могил орудия и оружие, конское снаряжение, золотые украшения, наконечники стрел переданы

Деревянные изделия из могилы 7 и 2, улус Саргов. Минусинский уезд Енисейской губернии. Раскопки А. В. Адрианова 1903 г. (ФА, Q 680/32)

на хранение в Эрмитаж (ФА, Q 680/1–5; ОИАК за 1895 г. 1897: 141–151). У оз. Кызыл-Куль в Абаканской степи и в долине р. Уйбат он нашел тагарские костяные и медные орудия и оружие. В архив ИАК поступили отчет о раскопках, описи и фотографии находок, в том числе и изображений на плитах, а также план расположения курганов Чаатас по р. Ташебе (1895 г., д. 72; ФА, II 25957–25969).

Материалы из раскопок А. В. Адрианова в 1896 г. в Абаканской степи у горы Самохвал, близ д. Малая Иня и в долине р. Туба — орудия и оружие, медные фигурные бляхи и проч. были отправлены в Исторический музей (1896 г., д. 64; ОИАК за 1896 г. 1898: 104), так же как и обнаруженные при раскопках большого кургана тесинского этапа тагарской культуры в котловине оз. Кызыл-Куль в Абаканской степи золотая бляшка с зернью, костяная пластинка в виде конской головы, бронзовые и железные орудия, серебряные и золотые пластины, костяные поделки, фрагменты глиняных сосудов (1897 г., д. 43; ФА, III 7159, II 25997–26003; ОИАК за 1897 г. 1900: 54–56).

В 1898 г. он осуществил раскопки 23 курганов, хронологически относимых к подгорновскому этапу тагарской культуры, и несколько могил таштыкской культуры у Абаканской управы, по р. Абакан, у горы Самохвал и Чаатаса за р. Ташебой. При раскопках были найдены сосуды, орудия, оружие, зеркала и проч. (1898 г., д. 74; ФА, III 7955–7959; ОИАК за 1898 г. 1901: 60–62). В следующем году он исследовал курганы за Абаканской управой. Зеркала, ножи, наконечники стрел, костяные поделки, гипсовые погребальные маски из раскопок отправлены в Исторический музей (1899 г., д. 85; 1898 г., д. 74; ФА, III 7947–7949; ОИАК за 1899 г. 1902: 103–105). С этого года он параллельно с раскопками занимался изготовлением копий изображений на плитах, стоявших на курганах, и доставил ряд изваяний в Минусинский музей. В последующие годы А. В. Адрианов работал в г. Иркутске. Вернувшись в Красноярск в должности ревизора Управления акцизными сборами, он возобновил связи с Археологической Комиссией, но теперь его больше интересовало изучение писаниц — их поиск, копирование и фотографирование.

При раскопках двух курганов с коллективными погребениями у с. Частоостровское Красноярского уезда в 1902 г. А. В. Адрианов нашел разнообразные орудия труда, оружие, зеркала, костяные и медные изделия (1902 г., д. 33; ФА, III 8768–8770; ОИАК за 1902 г. 1904: 117; Дэвлет 2004: 35–36). Раскопки близ улуса Саргова и Оглахты Минусинского округа А. В. Адрианов провел в 1903 г., из вскрытых могил 5 возможно отнести к афанасьевской энеолитической культуре, 10 — к подгорновскому этапу тагарской культуры, три кургана и две могилы — к сарагашенскому этапу той же культуры, три — к таштыкской культуре. На горе Оглахты им были открыты «гробницы» с остатками мумифицированных трупов в одежде и куклами из травы и кожи, изображавшими умерших. На лицах кукол и мумий находились гипсовые маски, аналогичные открытым ранее на Тагарском острове. Найденные деревянные и глиняные сосуды, ложки, иглы, фигурки «идолов», бронзовое оружие, орудия, зеркала, фигурные бляхи и пластины, глиняная маска, чучело из травы, кожи и ткани, часть костяка с сохранившимися кожей и мягкими тканями ныне хранятся в Историческом музее (1903 г., д. 33, л. 20–23; ФА, III 9098–9116, 9388–9391, Q 680; ОИАК за 1903 г. 1906: 128–131; Дэвлет 2004: рис. 9–11).

В 1902 г. по поручению ИАК А. В. Адрианов обследовал и зарисовал писаницы на утесах по течению р. Мана. В середине 1900-х гг. начинается новый этап в изучении памятников Сибири и Средней Азии: главную роль стал играть РКИСВА, и в 1904, 1907 и 1909 гг. А. В. Адрианов уже работает на средства Комитета. Им были осмотрены все известные к этому времени писаницы и найдены новые памятники на берегах Енисея, рек Белый и Черный

Боярская писаница близ с. Копены с изображением древнего поселения (ФА, Q 680/37)

Июс. Он копировал все изображения, считая своей целью тщательнейший сбор массового материала. Сделанные им эстампы ныне хранятся в МАЭ в Санкт-Петербурге, оставшаяся неизданной рукопись «Писаницы» — в Научном архиве ИИМК РАН (РА, ф. 2, оп. 2). Материалы обследования Боярской писаницы близ с. Копены, в частности, фотопанорама с изображением древнего поселения — отложилась в фонде Г. П. Сосновского (ФА, Q 680/37; Дэвлет 2004: 19).

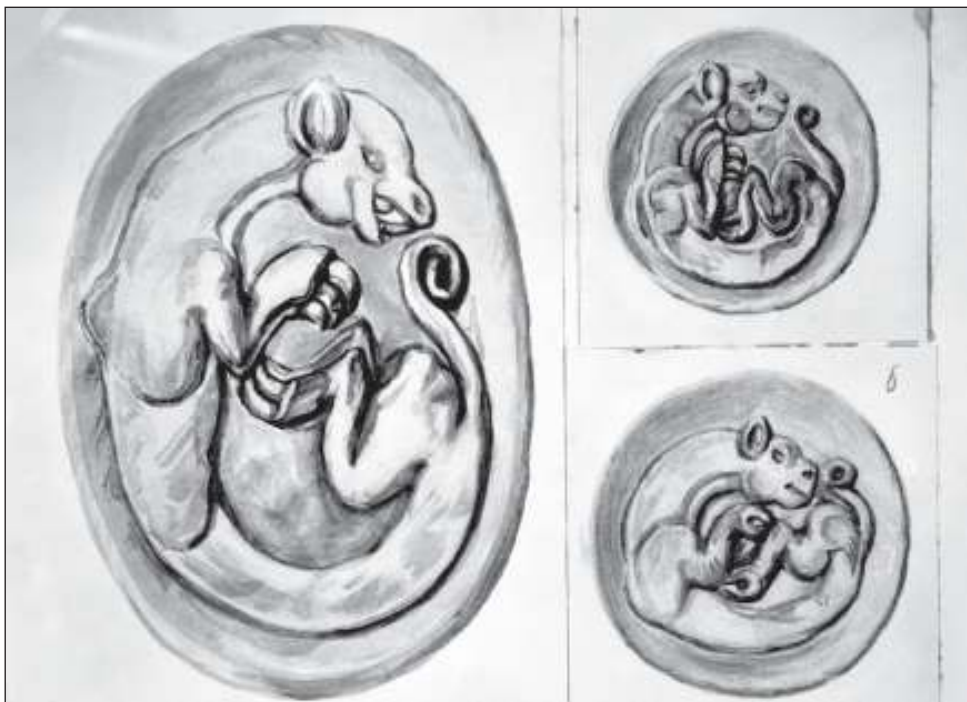
В 1905 г. Академией наук А. В. Адрианову было поручено собирание и изготовление снимков с надписей в Восточной Сибири. В связи с этим он предполагал исследовать острова на Ангаре в пределах Иркутской губернии.

В 1911 г. на средства РКИСВА А. В. Адрианов осуществил раскопки курганов в Западном Алтае, однако исправно представлял отчеты и материалы исследований в Археологическую Комиссию. Им было исследовано 14 ограбленных курганов в пяти различных местах, судя по всему — скифского времени, и поминальные оградки древних тюрок. Находки из разных курганов включали в себя бронзовые зеркала, нож, точила, костяные трубочки и пластинки, бусы; в захоронении коня — бронзовые уздечные украшения, удила с остатками ремней, две пряжки; бронзовые и костяные наконечники стрел, фигурное зеркало, остатки костяного гребня. Исследователем были сфотографированы только золотые пластинки от конской упряжи, возможно, составлявшие «клад». По рекам Майэмир, Солонечной и Бухтарме он раскопал восемь кольцеобразных сооружений из 7–9 камней и три каменные насыпи. Эти сооружения не являлись надмогильными и, как пишет А. В. Адрианов, «имели какое-то иное назначение, но какое именно, выяснить мне не удалось» (1911 г., д. 157; Адрианов 1912: 107; 1916). В 1915–1916 гг. по заданию ИАК он работал в Урянхайском крае. Его дневники ныне полностью опубликованы (Адрианов 2008).

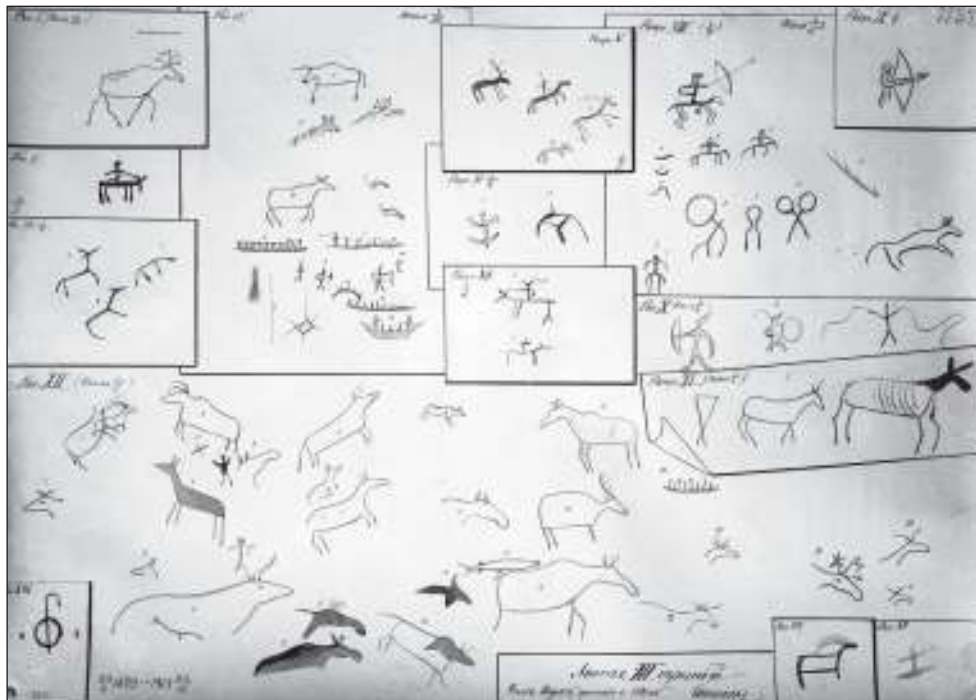
В целом, А. В. Адрианов исследовал около 150 курганов и множество отдельных могил, из которых происходит богатая вещевая коллекция. Несмотря на то что он копал шурфами, добытые данные весьма ценны, так как представлены не только словесные описания могильников, но и их планы, подробнейшим образом отмечено все встреченное при раскопках, указано положение скелетов, длина костей и иные мелкие детали. Он видел свою задачу в добросовестном накоплении материала «для тех хорошо вооруженных знаниями археологов, которые используют этот материал. Зная твердо, что раскопкой я уничтожаю навсегда памятник древности, я старался вести подробный дневник и не упускать никакой мелочи, которая могла бы пригодиться в качестве материала» (Адрианов 1916).

В 1893 г. директор Красноярской учительской семинарии краевед И. Т. Савенков, который в 1884–1886 гг. в Енисейской губернии провел раскопки ряда погребений неолитического могильника Базаиха, где были найдены орудия из камня, фигурки животных и изделия из кости (ФА, Q 393/1–4), получил Открытый лист от ИАК на раскопки в Минусинском и Красноярском округах Енисейской губернии (1893 г., д. 96, л. 6).

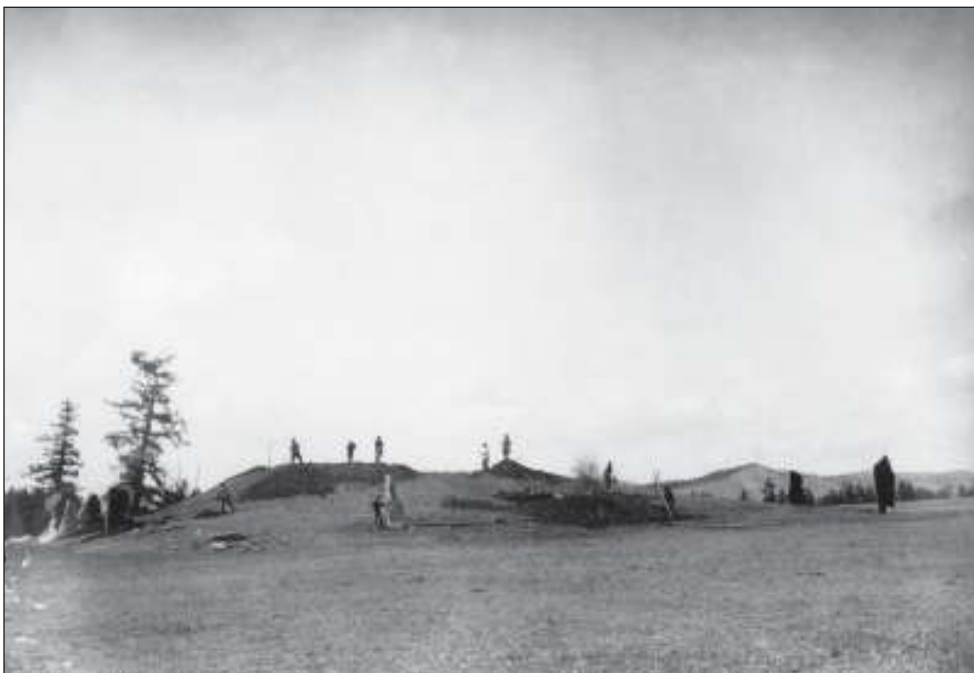
Несколько ранее, в 1889–1901 гг., И. Т. Савенков начал копировать петроглифы на скалах у деревень Оглахты, Копены, Трифоново, Абаканской заставы на р. Туба — изображения животных, людей, всадников, в том числе с луками, «шаманов» с бубнами, отдельно бубнов, кыргызских тамг. Он попытался предварительно разделить их на хронологические периоды, следуя технике исполнения (Савенков 1886; 1910). В 1910–1911 гг. И. Т. Савенков исследовал тагарский курган у р. Бири. Фотограф Федоров зафиксировал виды кургана и процесс раскопок (ФА, O. 983/26–28); негативы этих фотографий хранятся в Минусинском музее им. Н. М. Мартынова. Следует отметить, что И. Т. Савенков был первым исследователем, серьезно занимавшимся памятниками каменного века, придавал огромное значение антропологическому

Золотые пластинки от конской упряжи, р. Майэмира. Западный Алтай.
Раскопки А. В. Адрианова 1911 г. (ФА, О. 2212/5)

Прорисовка петроглифов на скалах у деревень Оглахты,
Копены, Трифиново, Абаканская застава и др. (ФА, III 8092)

Вид кургана № 1 в процессе раскопок.
Хакасия, р. Биря. Раскопки И. Т. Савенкова 1912 г. Фото Федорова 1912 г. (ФА, О. 983/26)

и остеологическому материалу и считал, что для составления археологической карты необходима более точная и обоснованная классификация курганов с точки зрения наземных сооружений, а в предложенных классификациях выделено недостаточное количество типов, характеристики их неопределенные, расплывчатые. Он, так же как и Д. А. Клеменц, составлял археологическую карту, которую выслал для публикации П. С. Уваровой в МАО. Через некоторое время он попросил вернуть ее для уточнения и думал вернуть ее вместе со всеми остальными документами — дневниками, отчетами, чертежами, но все эти материалы исчезли (Вадецкая 1981: 46). Занимаясь изваяниями, он «увлекался» их интерпретацией.

Материалы о древностях Сибири поступали в Комиссию и от наставника Красноярской учительской семинарии, позже — консерватора Красноярского краевого музея П. С. Проскурякова, который в 1895 г. провел раскопки курганов у деревень Карымской, Татарской и с. Ладейского Енисейской губернии и нашел бронзовые ножи, кинжалы, кельты и бляхи тагарской культуры скифского времени. На работы в 1896 г. в пределах Красноярского округа Енисейской губернии ИАК выделила ему 100 руб. 49 коп. (1896 г., д. 75, л. 8–9). Согласно требованиям ИАК П. С. Проскуряков представил отчет о работах, опись и фотографии находок, а также рисунки раскопок (1894 г., д. 140, л. 8–10, 26–28, 32–39; 1896 г., д. 75, л. 6, 6 а, 11–13; ФА, Q 643/17–18; ОИАК за 1895 г. 1897: 152–157). В 1897 г. он работал в Айдашинской пещере, где обнаружил медные, железные и костяные наконечники стрел и копий, фигурные пластины и прорезные бляхи (1897 г., д. 187; 1899 г., д. 43; ФА, III 7064–7067; ОИАК за 1897 г., 1900: 52–54; ОИАК за 1899 г. 1902: 105). В 1905 г. П. С. Проскуряков получил Открытый лист на раскопки в Змеиногорском уезде Томской губернии, но сведений о результатах работ в архиве Комиссии не сохранилось (1905 г., д. 112).

Член-сотрудник Петербургского Археологического института, этнограф В. И. Анучин в 1902 г. произвел раскопки в окрестностях Минусинска и Красноярска. По завершении работ он представил в ИАК отчет о поездке в Красноярский округ, рисунки, фотографии и описание находок (1902 г., д. 116; 1903 г., д. 94). В 1903 г. он исследовал памятники у с. Сухобузимское Красноярского уезда. Обстоятельства находки материалов позволяют предположить, что здесь находилось поселение, хотя исследователь не составил об этом определенного мнения. Кроме того, В. И. Анучин раскопал курган с коллективным погребением (до 200 скелетов). Умершие были похоронены в разных позах, у некоторых имелись круглые отверстия в черепках. В яме находилось множество миниатюрных бронзовых поделок: секиры, ножички, разнообразные зеркальца и т. п. Добытые материалы: ножи, кинжалы, наконечники, зеркала были присланы в ИАК, где их сфотографировали, после чего они были отправлены в Исторический музей (1902 г., д. 116; 1903 г., д. 94; ФА, III 9168–9170; ОИАК за 1902 г. 1904: 147, 157).

Получив Открытый лист на раскопки в Колыванском уезде Томской губернии в окрестностях железнодорожного моста через р. Обь, В. И. Анучин ограничился осмотром местности. Раскопки в 1904 г. не производились «по причине полного отсутствия рабочих рук — вся трудоспособная часть населения Енисейской губернии призвана в ряды действующей армии» (1904 г., д. 101, л. 3–3 об., 5). Еще любопытнее замечание относительно «раскопок» 1908 г. В деле сохранилось письмо енисейского губернатора, из которого следует, что Анучину «иркутским генерал-губернатором воспрещено жительство в пределах Генерал-Губернаторства на все время военного положения, и поэтому появление его в пределы вверенной мне губернии в интересах охранения государственного порядка и общественного спокойствия я нахожу недопустимым» (1908 г., д. 25, л. 3–3 об., 5).

В 1884 г. историк, археолог, член ВСОИРГО И. П. Кузнецов-Красноярский раскопал для Минусинского музея с разрешения ИАК 17 древних могил у с. Аскыз, в верховьях рек Немира и Узунжул. Раскопки отличались высоким качеством исполнения: землю из заполнения могил снимали послойно и дополнительно просеивали. В 1896 г. он получил Открытый лист на раскопки в Минусинском округе Енисейской губернии, но исследования не производил в связи с поздним получением листа (1890 г., д. 37, л. 2, 3; 1896 г., д. 16).

Впоследствии в 1907–1911 и 1913 гг. по Открытым листам, выданным ему ИАК на производство раскопок в Минусинском и Ачинском уездах Енисейской губернии, исследователь провел работы в этих местностях и представил отчеты о раскопках, описи и фотографии находок и местностей, планы местности и погребения. К отчету прилагались также фотографии каменных баб и камней с рисунками, планы могильников близ с. Аскыз. Во время раскопок 1907 г. курганов у с. Синявино им было исследовано 6 карасукских могил и тагарская ограда на западном берегу оз. Шира. В 1908–1914 гг. он провел раскопки в Минусинском округе в долинах рек Аскыз, Черный Июс и Ниня и сфотографировал виды местностей, курганов, плиточных могил, писаницы, каменную бабу и находки (1907 г., д. 14; д. 24; ФА, О. 744/1–76, Q 475/3–13; ОИАК за 1908 г. 1912: 189). Кроме того, сохранился снимок рисунка И. П. Кузнецова-Красноярского каменного изваяния с р. Немира (1890, д. 37; ФА, О. 744/46)

И. П. Кузнецов-Красноярский одним из первых откликнулся на призыв Д. А. Клеменца собирать материал для археологической карты, так как ввиду значительного числа памятников в Минусинской котловине задача создания подобной карты не под силу одному исследователю. Д. А. Клеменц предложил заинтересованным лицам съехаться в Минусинске или списаться для того, чтобы каждый исследователь мог выбрать район исследований или определенную категорию памятников (Дэвлет 1963: 6). Тем не менее такая карта была составлена

Каменное изваяние на р. Немире. Рисунок И. П. Кузнецова-Красноярского (ФА, О. 744/46)

самим Д. А. Клеменцем, передана через Н. М. Ядринцева в ИАК и опубликована в томе «Сибирских древностей» (Радлов 1888). И. П. Кузнецов-Красноярский предложил свою классификацию памятников (Кузнецов-Красноярский 1889), часть рассмотренных им сооружений совпадает с типами, выделенными Д. А. Клеменцем, среди других отмечено значительно больше разновидностей и даны их точные описания. Кроме того, И. П. Кузнецов — один из наиболее крупных сибирских коллекционеров древностей, который начиная с 1876 г. отсылал в Петербург предметы из личного собрания (1890 г., д. 37, л. 4–6, 9–16).

Характерно внимание к сибирским древностям исследователей из Великого княжества Финляндского, которое неизменно поддерживалось ИАК. Очевидно, такое внимание было связано с поисками

«финно-угорской прародины» за Уралом, что в условиях становления национального самосознания в Финляндии представляется вполне закономерным. В 1889 г. член Финского археологического общества, доцент Гельсингфорского университета А. О. Гейкель получил от ИАК Открытый лист для проведения раскопок в Томской и Енисейской губерниях. По итогам исследований он представил в Комиссию отчет и опись фотографических снимков, сделанных им с коллекций Минусинского музея (1889 г., д. 39). В 1893 и 1894 гг. А. О. Гейкель произвел небольшие раскопки в Тобольской губернии у Ялutorовска и Кургана. Кроме того, он посетил ряд музеев, где фотографировал древности: в музее Восточно-Сибирского отдела РГО в г. Омске; в Екатеринбургском — изделия, найденные на Чортовом городище на оз. Исеть; в Тобольском — археологический и этнографический материал, происходящий из Тобольской губернии; в Тюменском — бронзовые предметы вооружения и украшения. Фотографии сибирских древностей, находящихся в Томском, Минусинском и Гельсингфорском музеях, были им присланы в ИАК в 1890 г. А. О. Гейкель также переснял рисунки из «Атласа М. С. Знаменского»: виды и планы городков в Сибири и сибирские древности, в том числе из раскопок М. С. Знаменского и А. И. Дмитриева-Мамонова в 1880-х гг. у мыса Чуваш (ФА, О. 698/21–44; Q 452).

В 1895 г. по непосредственному поручению ИАК и на средства Комиссии состоялись раскопки антрополога, прозектора Императорского Томского университета С. М. Чугунова и члена Томского общества естествоиспытателей и врачей Г. О. Оссовского. С. М. Чугуновым в курганах в Томской губернии (с. Спасское, Тоянов городок и Усть-Тартасский могильник) обнаружены орудия, костяные наконечники стрел, бронзовые украшения и др. (1895 г., д. 80; 1896 г., д. 71; ФА, Q 643/15, Q 642/8; ОИАК за 1895 г. 1897: 41–43, 138–140) (смотри также главу VI).

С ИАК в деле изучения местных древностей сотрудничал и Г. О. Оссовский. Им исследованы курганы близ с. Тисуль и Б. Барандат в Томской губернии; из курганов скифского времени на р. Убиенке происходят бронзовый чекан, котелок, пластина в виде оленя; приобретенные там

Минусинский уезд Енисейской губернии
Усть-Есинская каменная баба.
Фото Долинина 1892 г. (1890 г., д. 37, л. 28)

изображение летящего журавля и ажурная пластина ныне хранятся в ГИМ (о других исследованиях Г. О. Оссовским скифских древностей смотри главу III). Эти исследования позволили ему установить культурную близость данных памятников к минусинским «коллективным могилам». В 1894 г. он получил на раскопки 300 руб., и ИАК просила его ограничиться работами на одном памятнике, для чего он избрал курганы на левом берегу Оби, вдоль русла р. Шагарки и ее притоков. Помимо отчета в архив ИАК поступила его научная статья о раскопанных им Михайловских курганах. В 1896 г. он получил Открытый лист и финансирование от ИАК на раскопки в Томской губернии и после завершения исследований прислал в Комиссию предварительный отчет и опись находок, которые затем были переданы в Исторический музей (1894 г., д. 41, л. 3–5, 11–12, 29–37, 40–48; 1895 г., д. 80, д. 89; 1896 г., д. 43; ФА, Q 643/11–13; ОИАК за 1895 г. 1897: 43–44).

Исследования местных древностей библиотекарем Томского университета С. К. Кузнецовым также были непосредственно поддержаны Археологической Комиссией. Еще в 1884 г. он изучал курганы близ с. Асанского в долине р. Абакан и представил в ИАК описание раскопок, план расположения могильника, рисунки находок. В 1892 г. он получил от ИАК для производства раскопок разновременных курганов на р. Яя 200 руб., где было найдено медное оружие, а также бляхи с зооморфным орнаментом (1892 г., д. 132, л. 5, 7, 9, 15–27). Получив Открытый лист на продолжение работ на р. Яя, он не смог продолжить раскопки, но сообщил в Комиссию о своей экскурсии и прислал статьи «К вопросу об охране древностей от истребления» и «Хищники древностей» (1894 г., д. 45; 1892 г., д. 132, л. 33–39). Только в 1896 г. он вновь приступил к исследованию курганов близ Томска, для раскопок которых ему было выдано 400 руб. В телеграмме в ИАК он сообщает, что раскапывает «могильник конца бронзовой эпохи». Однако были изучены и средневековые погребения, вероятно, VIII–IX вв. (1896 г., д. 53, л. 34–39, 41). Кроме железных изделий им найдено «до сотни бронзовых, две чаши, шесть поясных фигурных блях, идол, ножи, ножницы, булавки, бусы, пряжки, большой диск, оригинальные подвески. Хотя курганы тронуты хищниками, но находки сохранились в тайниках» (Там же, л. 14). Находки из погребений: бронзовая бляха с тремя медвежьими головами, фигурные и стреловидные пластины с отверстиями были отправлены в Исторический музей (1892 г., д. 132, л. 10; 1889 г., д. 62; 1896 г., д. 53, л. 6, 45–48 а; ОИАК за 1892 г. 1894: 71–73; ФА, IV 186–195, Q 440/7).

Кроме того, в 1891, 1895 и 1896 гг. он открыл близ г. Томска шаманские погребения: первое — на Тояновом городке относится к XVII в. и содержало остатки бубна, подвески, бусину из каменного угля; второе — в кургане на р. Басандайка с остатками бубна с колотушками; в третьем он обнаружил два древних шаманских погребения VIII в. с крылатыми идолами и другими предметами. С. К. Кузнецов также сообщил о кладоискательских работах томича Е. Е. Белоусова, в 1901 г. служившего на Забайкальской железной дороге, и приобретенных у него предметах, составлявших шаманское облачение с множеством подвесок, бусин, раковин каури, остатков бубна и меча в истлевших деревянных ножнах (Известия ИАК 1904: 22–23).

В окрестностях Томска и в Каинском округе на средства ИАК проводил исследования директор Императорского Томского университета С. М. Чугунов (смотри главу VI). В 1896 г. он произвел раскопки средневековых курганов, где в составе погребального инвентаря были найдены зеркало, поясной набор и глиняный сосуд. В архив Комиссии он прислал планы и разрезы Усть-Тартасского могильника, план местности с указанием курганов, опись и фотографии находок, дневник раскопок (ОИАК за 1896 г. 1898: 219–225; 1896 г., д. 71; ФА, Q 643/14, 16). Раскопки производились траншейным методом. В последующие годы он продолжил раскопки в с. Спасское и Тояновом городке, в том числе и стоянок каменного века,

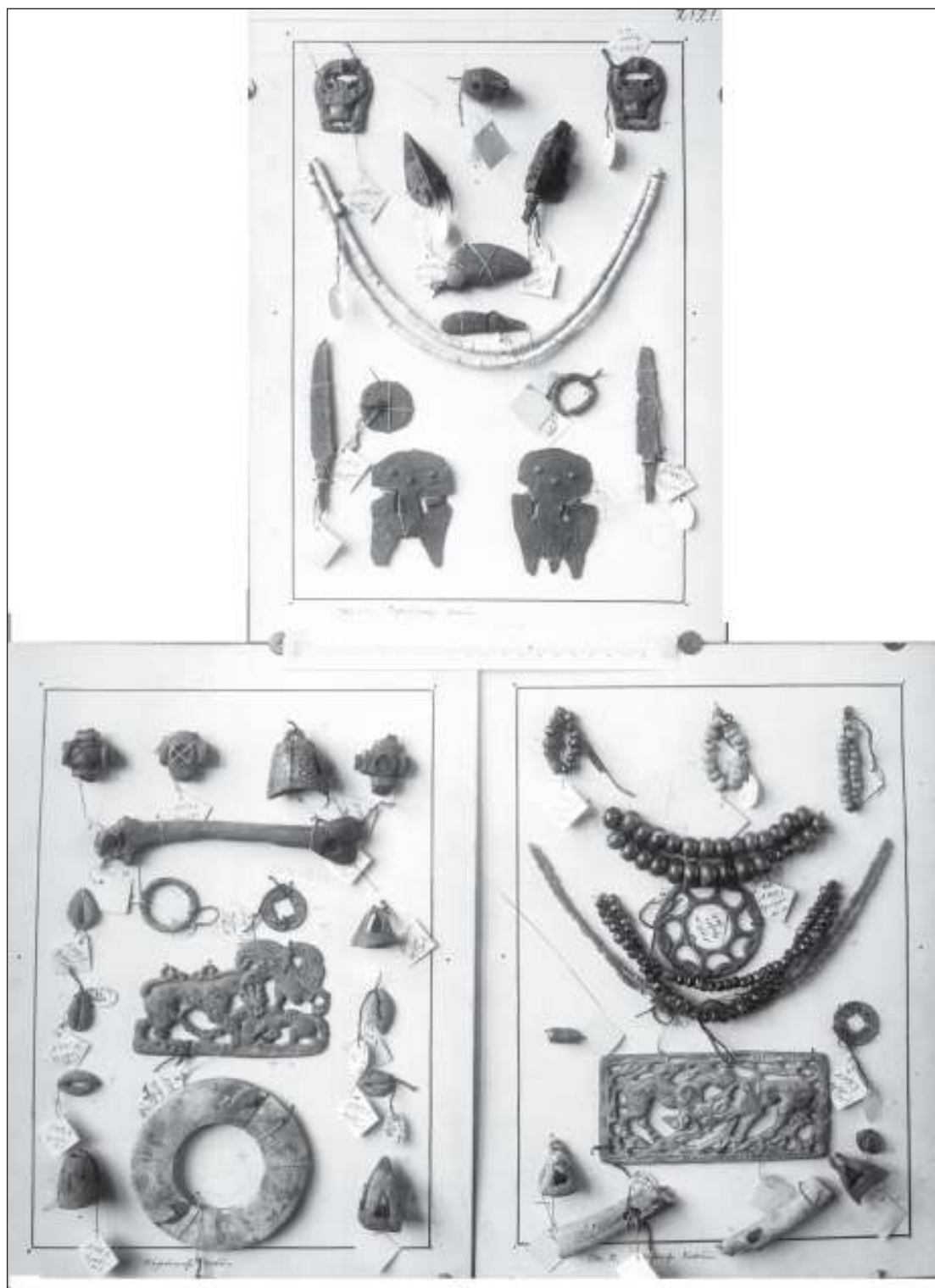
Находки из курганов, с. Спасское. Томская губерния.
Раскопки С. М. Чугунова 1896 г. (ФА, Q 643/16)

откуда происходят кремневые и костяные наконечники стрел и копий (1896 г., д. 71; 1897 г., д. 133; 1898 г., д. 85; ФА, III 7184, 6934, 6935, 7092; Q 647/28; ОИАК за 1896 г. 1898: 100–103; ОИАК за 1897 г. 1900: 51–52). В 1899 г. вместе с штатным смотрителем училищ Каинского и Барнаульского округов А. А. Аргуновым он провел исследования древнетюркских курганов у с. Убинского в Томской губернии. В составе погребального инвентаря были обнаружены поясные украшения, железные стремена и др. (1896 г., д. 63; 1899 г., д. 39; д. 70, л. 7–9, 13; ФА, II 26235–26236; ОИАК за 1896 г. 1898: 98–100; ОИАК за 1899 г. 1902: 143).

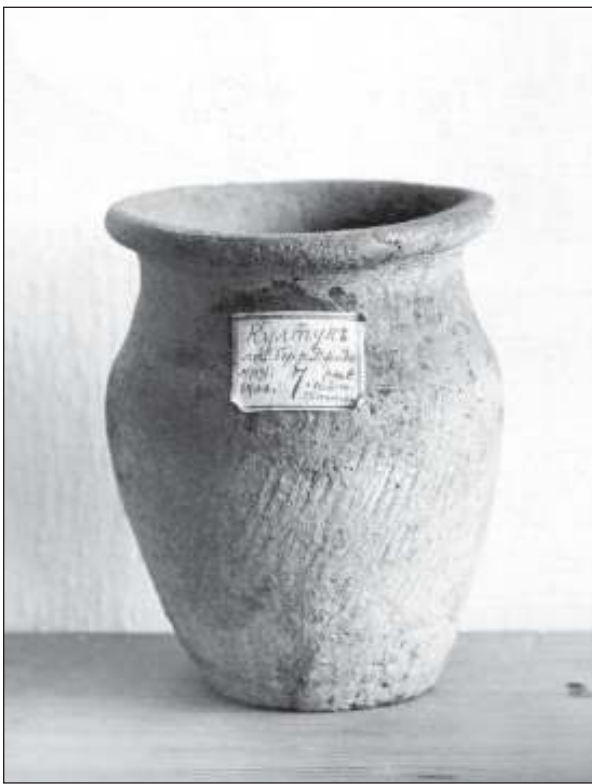
Позднее памятники каменного века в Сибири изучал этнограф и археолог, сотрудник МАЭ, а позже профессор этнологии Иркутского университета Б. Э. Петри, на что Археологическая Комиссия обратила свое внимание: информация об этих работах была опубликована в ее «Известиях». Материалы раскопок многослойной стоянки Улан-Хада в бухте Мухорского залива оз. Байкал — фрагменты керамики и каменные орудия, которые Б. Э. Петри произвел в 1913 г., ныне хранятся в МАЭ РАН. Исследователь провел раскопки на высоком для того времени методическом уровне и датировал стоянку эпохой неолита. Он вскрыл 11 слоев,

Находки из курганов. Суджуйский могильник. Троицкий округ, Забайкальская обл.
Раскопки Ю. Д. Талько-Грынцевича 1897 г. (ФА, Q 643/3)

Находки из курганов. Могильник Култук, близ Кяхты. Забайкальская обл.
Раскопки Ю. Д. Талько-Грынцевича 1900 г. (ФА, Q 643/42)

Глиняный сосуд. Могильник Култук,
близ Кяхты. Забайкальская обл.
Раскопки Ю. Д. Талько-Грынцевича 1900 г.
(ФА, О. 248/16)

в каждом из которых были найдены изделия, свидетельствующие о пребывании здесь древних людей. Чем выше он «поднимался» по археологическим слоям, тем изделия становились все более совершенными по форме и исполнению. В первую очередь это относится к фрагментам керамических сосудов. Б. Э. Петри предположил постепенное развитие культуры обитавших здесь некогда людей и смену одного поколения другим (Известия ИАК. Вып. 53. 1914: 139; Петри 1914; Свинин 1992: 111–133).

В исследовании древностей Забайкалья Археологическая Комиссия сотрудничала с кяхтинским врачом, антропологом и краеведом, правителем дел Кяхтинского музея Ю. Д. Талько-Грынцевичем, который обнаружил многочисленные могильники в долине р. Селенги и на ее притоках, часть которых он определил как памятники азиатских гуннов. В 1897 г. он исследовал Суджинский могильник в Троицкосавском округе Забайкальской области и нашел костяные и бронзовые изделия гуннской эпохи (1897 г., д. 31; ФА, III 7139–7141, ОИАК за 1897 г. 1900: 84;

Талько-Грынцевич 1928). В 1898–1900 гг. Ю. Д. Талько-Грынцевич изучал гуннские памятники в Верхнеудинском, Новоселенгинском и Троицкосавском округах, в которых были найдены глиняные сосуды, изделия из кости, бронзы и железа, железные наконечники стрел и копий, ножи, фрагмент зеркала, монеты, бляхи с львиными головами и с грифоном, нападающим на зверя, прорезные бляхи со звериным орнаментом и др. (1898 г., д. 97; 1899 г., д. 34, л. 12 а, 14–59 а; 1900 г., д. 53, л. 6–8; ФА, III 7888–7889, 7711–7712; ОИАК за 1898 г. 1901: 93; ОИАК 1899 г. 1902: 141; ОИАК за 1900 г. 1902: 118; Талько-Грынцевич 1928).

Захоронения в Кяхтинском районе, в пади Царам были обнаружены Ю. Д. Талько-Грынцевичем в июне 1899 г. Он зафиксировал не менее 20 могил, «рассеянных по лесу». В 1900 и 1902 гг. Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества запросило в ИАК Открытые листы на раскопки в ряде округов Забайкальской области. Работы производил именно Ю. Д. Талько-Грынцевич. В 1902 г. он раскопал курганы в могильниках на Цараме подле поселения Наушинского, в пади Аршан-Хундуй Троицкосавского уезда, в Шаманской пади подле с. Тамира Верхнеудинского уезда Забайкальской области (1900 г., д. 249; 1902 г., д. 257).

Пять курганов в пади Царам в июне 1903 г. Ю. Д. Талько-Грынцевич исследовал вместе с Я. С. Смолевым. Все могилы были ограблены, полученные находки оказались немногочисленными: железное шило с кольцеобразным навершием, фрагменты бронзовой накладки и нескольких сосудов. Тем не менее по особенностям внутримогильных конструкций

исследователь отнес их к выделенному им типу «захоронений в срубках», интуитивно отождествленных с погребениями азиатских гуннов (ОИАК за 1903 г. 1906: 177; 1903 г., д. 257; Талько-Гринцевич 1999: 93, 117–118). В 1904 г. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, который вплотную занялся исследованиями края, запросил Открытый лист для Ю. Д. Талько-Гринцевича, но предполагавшиеся в Забайкальской области раскопки не производились (1904 г., д. 66).

Отдельного очерка заслуживает изучение памятников в Урянхайском крае, которое началось в 1880-е гг. Первоначально оно носило характер этнографических и географических экспедиций, ИАК не принимала в этом непосредственного участия. Одним из первых в Туве в качестве исследователя побывал А. В. Адрианов в составе экспедиции Г. Н. Потанина, организованной в 1879 г. Русским географическим обществом. Путешественники вышли к р. Улуг-Хем — такое название носит Енисей в пределах Тувы — у священной горы Хайыракан и направились долиной Улуг-Хема вверх по его течению. В 1881 и 1883 гг. А. В. Адрианов совершил путешествия на Алтай и за Саяны по заданию того же ИРГО. В 1881 г. средства на поездку были выделены ИРГО, редакцией «Сибирской газеты» и минусинским купцом Г. П. Сафьяновым, который предложил взять на себя расходы для разъездов экспедиции «за Саянами» и возвращения ее в Минусинск. А. В. Адрианов спустился в долину р. Хемчик, где срисовал петроглифы и надписи на скалах Бижикиг-Хая и обследовал каменное изваяние, известное под названием «Чингисхан». В скале Бижикиг-Хая он осмотрел и описал буддийскую нишу: в естественной нише оказалось искусно нарисованное кистью изображение Будды, сидящего в окружении облаков, дракона и птиц, датированное имевшейся иероглифической надписью 1358 г. (Грач 1955: 31). Он также осмотрел и описал буддийскую нишу Чурумал-Бурхангыг на берегу р. Чаа-Холь:

«В отвесной скале... на высоте около 3 сажен от земли сделана ниша, имеющая в высоту около 1,5 аршин, а в ширину и глубину до одного аршина (высота — 1 м, ширина — 60 и глубина — 86 см). В глубине этой ниши на задней ее стенке рельефно высечены три божества; среднее изображено в весьма обыкновенной позе бурхана с поджатыми под себя ногами и напоминает распространенное изображение Шигемуни (Шакьямуни), а два боковых в стоячем положении. Снаружи перед входом в нишу по сторонам ее поставлены две статуэтки около аршина высотой, весьма хорошо и отчетливо отделанные; статуи парные и изображают воинов. ...Группа эта пользуется большим почитанием лам и народа, ...на стенках ниши расклеены бумажные маленькие рисунки, изображающие корзины с плодами, букеты цветов, различных животных и проч.; а на дне валялись лоскутки бумаги также с рисунками, медные коробочки и т. д. На земле перед скалой протянуты на кольях бечевки, увешанные тысячами лент, по большей части бумажных, а также и матерчатых; целые вороха этого добра навязаны на бечевки и при малейшем дуновении ветра поднимают странный шум и шелест среди немых мест» (Адрианов 1888: 400–401).

На правом берегу Улуг-Хема на пути к р. Чинге А. В. Адрианов отметил на утесе около ручья Биделик изображения животных и какие-то загадочные знаки. Это было первое сообщение о петроглифах в данном районе (Дэвлет 2004). Кроме того, он открыл и описал ряд крупных местонахождений петроглифов и руноподобных надписей (скала Хая-Бажы на р. Хемчик, Баянкольчик на правом берегу Улуг-Хема близ совр. г. Кызыла). А. В. Адрианов оценил значение петроглифов как исторического источника, в котором нашла отражение жизнь давно ушедших поколений людей. Как и в других случаях, он не ставил перед собой задачи исторического анализа, видя свою миссию в сборе полевого материала, и отметил, что «много, много подобного материала разбросано по разным местам Алтая, Монголии

Буддийская ниша в горе Сюме (Чурумал-Бурханниг-Хая). Фото С. Р. Минцлова 1914 г. (ФА, Q 635/6)

и цепи Саян, нужно только собрать его и тогда, несомненно, историческое прошлое народа будет для нас яснее» (Адрианов 1888: 405).

А. В. Адрианов обратил особое внимание на почитание местным населением древних каменных изваяний, которые представляют «святыню и предмет поклонения. ...все они одухотворяются в глазах язычника, который твердо верует в их силу и уверяет, что они могут принести ему пользу или вред» (Там же: 381). «До тех пор, пока туземцы будут считать их своею святынею, эти памятники будут охранены самым надежным образом от истребления и расхищения, но как только цивилизация проникнет в эти страны, начнет производить постройки, сооружения, обработку земли, она уничтожит значительную часть памятников, постарается и из них извлечь пользу при постройках, как это было, например, в южной России» (Там же: 382).

В 1887–1889 гг. в Туве побывали экспедиции, занимавшиеся изучением сибирских древностей вообще: в частности, экспедиция Финского археологического общества под руководством И. Р. Аспелина при участии О. Х. Апеельгрена-Кивало, а также А. О. Гейкеля (*смотри выше*). В 1891 г. некоторые тувинские стелы копировали Д. А. Клеменц и краевед В. А. Ошурков, направленный в 1892 г. от ВСОИРГО обследовать известные памятники и разыскивать новые. Он сделал эстампажи ряда памятников и вывез один на плоту по Енисею в Минусинский музей; также в Минусинский музей этнографом П. Е. Островских в 1897 г. была доставлена еще одна стела (Кызласов 1969: 7–9).

В 1902–1903 гг. Минусинский музей организовал экспедицию в Туву, которую возглавил Ф. Я. Кон. Как и большинство исследователей, посещавших Туву до него, он был у буддийской ниши в горе Сюме и сфотографировал ее. Фотография хранится в музее в Иркутске.

В 1906–1907 гг. финский географ И. Г. Гранэ побывал в Уюкской котловине, на р. Элегест и в районе Чаа-Холя, также сфотографировал стелы с надписями и одну из них вывез в Национальный музей в Хельсинки.

В 1907–1910 гг. инженер В. М. Родевич, занимаясь геодезическими работами в начальной части Саянского каньона, отметил Чингисханову дорогу, которую он увидел, сплаваясь по Улуг-Хему. Он писал: «Чингисханова дорога — старинное шоссе через Кемчикские (Хемчикские) горы и степь, длиной верст 100, от Джакуля (Чаа-Холя) на Кемчик». В каньоне она прослеживается от входа реки в Саянские горы до устья Хемчика. В. М. Родевич приводит предание, согласно которому она «сооружена кочевавшим на рубеже XII–XIII вв. Чингисханом, чтобы ездить ему на поклонение великой реке Кему с малой реки Кемчика, где он стоял». Интересно его замечание о наличии древних оросительных систем, т. е. остатков старых арыков (по-местному мочагов), подпорных стенок, высеченных в скале лотков по р. Иликему (Эйлиг-Хему) и Темир-Суку (Темир-Сугу). Недалеко от Джакуля (Чаа-Холя) он отметил в горах левого берега полутемную пещеру с изображением Будды (Родевич 1912: 145–146). Кроме того, он видел на некоторых могильных плитах и кое-где на скалах знаки и надписи, язык которых преимущественно «древнекиргизский» (Там же: 46).

В 1913 г. по поручению Общества естествоиспытателей при Казанском университете экспедицию в Туву возглавил биолог С. А. Теплоухов. Экспедиция имела задачу обследовать регион в антропологическом, археологическом и этнографическом отношениях. Упомянем данную экспедицию в связи с тем, что, успешно проработав два месяца, ее сотрудники отправились вниз по Енисею на плоту через Саянский каньон. Эта поездка внесла решительные изменения в судьбу С. А. Теплоухова: буквально за 10 лет он стал крупным археологом-сибиреведом, а созданная им для культур Минусинской котловины периодизация справедлива, в целом, и для Тувы.

В 1914 г. для ревизии деятельности заведующего устройством русского населения В. К. Габеева в Туву был направлен чиновник Главного управления земледелия и землеустройства С. Р. Минцлов. Будучи в Урянхайском крае, он произвел совершенно неквалифицированные раскопки курганов: копал их шурфами, без какой-либо графической фиксации и дневниковых записей. Судя по всему, это были курганы скифского времени: умершие лежали на боку, около черепов располагались предметы домашнего обихода. Покойные были окружены срубом из лиственницы, который «при сгнивании обрушивался вниз», раздавливая скелеты. Многочисленные предметы из археологических раскопок составили вес свыше 24 пудов (!)

Оригинальна цель его изысканий — точное выяснение родины так называемой чуди. Предыдущие исследователи предполагали родину этого народа в Минусинском крае, но раскопки Минцлова «устанавливают родину чуди в Урянхайском крае, подтверждением чего служат многочисленные памятники их культуры». Затем «чудь ушла за Саяны в Минусинский уезд и оттуда в Русь; чудь жила в Урянхае только в бронзовом веке, следов перехода к железнному — не найдено, они видны уже в Минусинском крае» (Известия. Вып. 58. ИАК 1915: 57–58). Вторая заметка совсем короткая, но содержит те же измышления: «Из Григорьевки сообщают, что археолог Минцлов, производя обследование Урянхайского края, нашел у подножия хребта Таннуолу (Танну-Ола) чудские рудники, плавильные печи — остатки поселений бронзового века. В курганах найдены длинноголовые черепа, предметы, тождественные с минусинскими, устанавливающие передвижение Чудского племени в Россию из Центральной Азии» (Там же: 55).

Фотографии каменных изваяний, наскальных рисунков, буддийской ниши Чурумал-Бурхан-ныг, каменных курганов с установленными рядом с ними каменными стелами, земляных

Вид кладбища с могилами, окаймленными вертикально поставленными плитами.
Урочище Саадак-Терек в степи на правом берегу р. Хемчик. Урянхайский край.
Фото С. Р. Минцлова 1914 г. (ФА, Q 635/25)

Каменное изваяние. Долина р. Хемчик. Урянхайский край.
Фото С. Р. Минцлова 1914 г. (ФА, Q 635/21)

курганов и другого, исполненные Минцовым, сохранились в Научном архиве ИИМК РАН (ФА, Q 635).

В том же 1914 г. англичанин Д. Каррутерс, побывавший в Урянхайском крае в 1910–1911 гг., писал, что между Джакульской (Чаа-Хольской) долиной и р. Хемчик он нашел «хорошо сооруженную большую дорогу шириной в шесть ярдов, поднятую над уровнем окружающей ее степи, с канавами по обеим ее сторонам. Полотно этой дороги было так же ровно и так же хорошо укатано, как и на любой английской большой дороге, на поверхности ее нет никаких следов. ... Назначение этой дороги остается для нас необъяснимым» (Каррутерс 1914: 120–121).

В 1914 г. Южнорусская земская переселенческая организация отправила в Урянхай еще одну экспедицию — под руководством О. Б. Згерского-Струмило, в состав которой входило семь человек, кроме проводников и рабочих. Цель экспедиции — всестороннее исследование края. Страна будет исследована в геологическом, археологическом и этнографическом отношениях (Известия ИАК. Вып. 58. 1915: 54–55), однако о результатах ее неизвестно.

А. В. Адрианов смог вернуться к исследованиям в Туве только в 1915–1916 гг. По Открытому листу, выданному ИАК, он раскопал более 60 курганов разных исторических периодов. Собственно говоря, это были первые серьезные археологические исследования на территории Тувы. Проведя зиму в Туве, он осуществил разведки от долины р. Хемчик до Бий-Хема, открыл и сфотографировал ряд памятников. Коллекция материалов из раскопок хранится в Томске, в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета (кол. 6041), а отдельные фотографии раскопок, добытого материала и копий наскальных изображений попали в архив ИАК (РА, ф. 42, д. 259; 1915 г., д. 120, 240, 242; ФА, О. 1775).

Таким образом, из древних памятников путешественники и исследователи, посещавшие Туву, в первую очередь описывали буддийскую нишу в горе Сюме на левом берегу р. Чаа-Холь, отмечали монументальную кладку из плитняка вдоль левого берега Улуг-Хема на участке Саянского каньона выше устья р. Хемчик, дорогу Чингисхана, как образно назвал ее Г. Е. Грумм-Гржимайло — «несокрушенное временем шоссе», и, конечно, средневековые памятники рунической письменности и каменные изваяния людей и животных. Можно прийти к заключению, что к активно развернувшимся в это время исследованиям тувинских древностей ИАК практически не имела отношения. Лишь в 1915–1916 гг. по заданию ИАК здесь работал А. В. Адрианов — собственно, это были первые научные раскопки на территории Тувы.

Результаты исследований в Сибири в период деятельности ИАК следует считать весьма значимыми. В первую очередь это обуславливалось тем, что здесь было раскопано значительное количество разновременных и разнотипных погребальных памятников, разработаны первые классификации курганных объектов, отразившие разнообразие сооружений и достаточно точное разделение их на памятники эпохи бронзы и железа. Постепенно совершенствовалась методика раскопок, которыми были охвачены районы Западной Сибири, Южной Сибири, Забайкалье. Археологические коллекции, представленные материалами из раскопок и случайными находками, пополнили фонды столичных и местных музеев. Результаты ряда исследований были опубликованы в «Отчетах» ИАК и отдельными изданиями. В фотографических материалах основную массу составляют снимки находок, поступавших «на обозрение» в ИАК и далее распределявшихся по музеям. Если право «первенства» на некоторые категории древностей и принадлежало Императорскому Эрмитажу и Историческому музею в Москве, то все же стоит отметить, что многие находки сразу оставались

в местных музеях, при этом предпочтение отдавалось музеям при университетах. Роль ИАК в формировании этих фондов очевидна: несмотря на отсутствие в тогдашней музейной и археологической практике принципа «единства и неделимости» коллекций, Комиссия, существующая в столице, прекрасно осознавала не только практическую невозможность доставки всех открытых древностей в Петербург, но и необходимость формирования собраний древностей в провинции.

К началу XX в. в Сибири было создано около полутора десятков музеев. Самым первым в 1840-х гг. при Главном управлении Восточной Сибири организован Иркутский музей, где в конце XIX в. работали И. Д. Черский, М. П. Овчинников, Н. И. Витковский, Б. Э. Петри и др. Тобольский музей, с археологической деятельностью которого были связаны краевед М. С. Знаменский и историк И. Я. Словцов, открылся в 1870 г. С Омским музеем, основанным в 1877 г., сотрудничали Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, М. В. Певцов и др. Один из самых известных — Минусинский музей также существует с 1877 г. До конца своей жизни его возглавлял Н. М. Мартянов. Томский университетский музей (этнолого-археологический) открыт в 1882 г. Возглавлял его В. М. Флоринский. В тесной связи с музеем работали сотрудники университета С. К. Кузнецов, Н. Ф. Кащенко, а также А. В. Адрианов, Г. Н. Потанин, И. П. Кузнецов, антрополог С. М. Чугунов. Инициаторами создания музея Приенисейского края в Красноярске, открывшегося в 1889 г., были И. А. и Ю. П. Матвеевы, директором в течение 20 лет — зоолог, орнитолог А. Я. Тугаринов. Сотрудниками являлись А. П. Ермолаев, И. Т. Савенков. Музей в Якутске открылся в 1891 г., основание музеев в Нерчинске и Чите связано с именем А. К. Кузнецова (1845–1928), члена Восточносибирского отдела РГО. Музеи в Барнауле, Тюмени и Владивостоке открылись в один и тот же 1892 г., в Енисейске — в 1893 г., в Забайкальске — в 1895 г. Позже других были организованы музеи в Троицкосавске и Хабаровске — 1902 г.

Тогда же был основан Кяхтинский музей, с которым сотрудничали Ю. Д. Талько-Грынцевич, учитель А. П. Мостиц, местный житель, кожевник Н. Н. Агапитов, а также этнограф и священник И. А. Подгорбунский. П. С. Михно — самый активный участник создания Троицкосавского музея, подарил музею свои первые естественно-исторические коллекции. В годы советской власти он 15 лет возглавлял этот музей, обследовал археологические памятники юго-западного Забайкалья и Северной Монголии, Агинскую степь Восточного Забайкалья.

Исследовательская и просветительская деятельность музеев, часто единственных культурных центров в провинциальных городах, была чрезвычайно важна. Музеи организовывали и проводили экспедиции, нередко далеко за пределами своего региона. За разрешением на раскопки музеи обращались в ИАК. Директора музеев, например, минусинского Н. М. Мартянов, томского университетского В. М. Флоринский, сами раскопки не производили, поручая их сотрудникам, известным своим интересом к археологии. Музеи, постоянно пополнявшиеся новыми материалами, в том числе и через ИАК, занимались созданием постоянных экспозиций и временных выставок, накоплением и сбором коллекций по разным направлениям науки — археологические, этнографические, антропологические и т. п. Сотрудники музеев проводили научные исследования коллекций, их публикацию, введение в научный оборот. Издательская деятельность велась совместно с соответствующими отделами РГО. Основные итоги исследований по разным направлениям публиковались в ежегодниках, записках, докладах, но также и в изданиях ИАК (Матющенко 2001: 30–34).

Известно, что ИАК уделяла особое внимание «сохранению случайных находок древностей». Для поощрения к предоставлению в Археологическую Комиссию находимых древних вещей выдается денежное вознаграждение, определяемое не только ценой золота, серебра или

иного вещества, из которого они сделаны, но и археологическим достоинством их и редкостью. В «Положении» ИАК было отмечено, что древности, представленные в Комиссию, приобретенные ею, возвращаются по принадлежности (§ 12) (1859 г., д. 1, л. 4 об.–5). Поэтому археологические материалы из Сибири хранятся не только в Эрмитаже, Историческом или Румянцевском музеях, но и в Томском, Красноярском, Минусинском и др.

Случайные находки в Сибири, как и в других регионах, были сделаны в основном во второй половине XIX—начале XX в., хотя, конечно, их открывали и раньше. В какой-то мере это было связано с активной сельскохозяйственной колонизацией края, а «приведение их в известность» можно объяснить деятельностью ИАК, хотя, как уже было отмечено, не все находки представлялись в Петербург — многие оседали в руках коллекционеров, другие изначально предназначались для передачи в определенный музей.

Известия о случайных находках в Сибири поступали в ИАК начиная с 1860 г. Так, из Красноярского уезда Енисейской губернии сообщили о находке железного кинжала (1860 г., д. 23). В 1877 г. для Императорского Эрмитажа у коллекционера Дзероминского приобрели древние серебряные вещи, найденные на Иртыше (1877 г., д. 24). Средневековые китайские зеркала, орудия, оружие, украшения сбруи и седла; железная ажурная пластина от седла с изображением драконов были доставлены в ИАК Н. И. Булычевым, который в 1903 г. стал сверхштатным членом Комиссии (ФА, III 7708–7710). В разные годы у крестьянина С. С. Усова куплены разновременные древности из Тарского округа: каменные клинья, медные кельты, украшения, глиняные пряслица и грузила, поясная орнаментированная бляха, прорезная бляха в виде единорога и др. (ФА, III 11477–11478). В 1883 г. в ИАК поступило сообщение о монетах, найденных в г. Томске (1883 г., д. 18), а через два года — о находке «пайдзе» в Енисейской губернии (1885 г., д. 15) и некоем бронзовом предмете, присланном в Комиссию на рассмотрение Ружинским из Тобольска (1885 г., д. 46). В 1888 г. в Томской губернии случайно были найдены бронзовые сосуды (1888 г., д. 53), а в следующем году в Комиссию сообщили о древностях, которые были добыты крестьянами из кургана близ г. Красноярска (1889 г., д. 78). В 1891 г. в ИАК сообщили о древностях, приобретенных в г. Тобольске (1891 г., д. 146), и медной пластинке с орнаментом и китайскими надписями, принесенной в дар Комиссии И. А. Лопатыным, который уже в 1888 г. был избран членом-корреспондентом ИАК именно за передачу в Петербург большой коллекции древностей бронзового века из Южной Сибири, в особенности из Минусинского края (1891 г., д. 157). Он прислал Описание древностей, доставленных им к этому времени в ИАК (1891 г., д. 201; 1892 г., д. 216; 1894 г., д. 253). В ИАК часто сообщали о находках монет — в Томской и Тобольской губерниях (1892 г., д. 66, д. 195; 1895 г., д. 48, д. 163; 1896 г., д. 146, д. 213), в Забайкалье (1895 г., д. 236).

Комиссия приобретала как отдельные вещи, так и целые коллекции, а в случае невозможности приобретения производила их фотофиксацию для собственного архива. В Енисейской губернии были найдены железный шишак и кольчуга (1892 г., д. 82). Золотой спиральный браслет, обнаруженный в долине р. Хемчик в Урянхайском крае, был приобретен Комиссией в 1894 г. (ФА, О. 687/6). Каменные орудия, средневековые железные плоские и трехлопастные с отверстиями в лопастях наконечники стрел, тагарские бронзовые ножи, кельты, железные наременные наконечники и двусоставные удила были собраны в 1900 г. этнографом П. Е. Островских, в 1894–1907 гг. служившим податным инспектором Туруханского края. Они были найдены на Афонтовой горе, в с. Ладейском, близ Красноярска и в других местах Енисейской губернии (ФА, III 7795–7797). В том же году была приобретена собранная по р. Ангаре коллекция, включавшая ножи, кинжалы, кельты, топоры, подвесные чернильницы (ФА, III 7798). Древности из разных мест Енисейской губернии: ножи, кинжал, бронзовые кельты, удила,

псалии, костяные фигурки животных и человека, в основном изделия тагарского периода, — составили коллекцию И. Т. Савенкова. После фотографирования в ИАК предметы были возвращены владельцу (1892 г., д. 156; ФА, IV 1562, III 8284; ОИАК за 1892 г. 1894: 93).

Помимо разновременных случайных находок из Сибири происходит значительное количество изделий из серебра, многие из которых опубликованы специально занимавшимся этим вопросом Я. И. Смирновым «Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи» (СПб., 1908).

В Тобольской губернии обнаружены серебряный позолоченный кувшин на поддоне с гравированным фризом с бегом зверей, отдельными изображениями в медальонах и арабской надписью по краю, который был изготовлен в Северном Иране в XI в. (Смирнов 1908: № 316), и серебряный ковш с длинной ручкой (Там же: № 163). Из клада, найденного у р. Иртыш, происходят серебряный с позолотой поясной ковш с орнаментом в клеймах (Золотая Орда, XIII в.), серебряный кубок с орнаментом вокруг борта и изображением птицы в клейме (Смирнов 1908: № 198) и браслет; из с. Истяцкие Юрты — серебряное рельефное поясное изображение женщины; с. Пашкины Юрты — серебряное блюдо с изображением змеи (Смирнов 1908: № 167) (ФА, III 7692, IV 290). В с. Мужы Березовского уезда приобретена плоская серебряная чаша, с позолотой и чернью, и с изображением на дне всадника, стреляющего из лука, датируемая XII—началом XIII в. и, возможно, изготовленная в Волжской Болгарии (Смирнов 1908: № 155); у остяков — серебряный с чернью четырехугольный поднос с куфической надписью, вероятно, принадлежавший Исмаилу Алтунташу, правившему в Хорезме до 1041 г. (Там же: № 150), и бляха с изображением всадника с птицей в руке (Там же: рис. 24). Серебряная бутылка с восточным орнаментом и куфическими надписями, найденная в Березовском округе, датирована XI в. и происходит из Тохаристана (Там же: № 147).

В д. Терехово Тарского округа в 1893 г. был найден клад, в состав которого входили золотоордынский (XIII в.) серебряный поясной ковш с ручкой в виде фантастического зверя и изображением лисицы на дне (Там же: № 238); две серебряные чаши, одна — с ручкой в виде головки грифона с кольцом и орнаментом по бортику (Там же: № 240) и вторая — с растительным орнаментом по борту (Там же: № 239), а также 20 золотоордынских монет 1313–1362 гг. (1893 г., д. 192; ФА, Q 476/71–74, Q 663/21). Все предметы хранятся в Эрмитаже, куда были переданы через ИАК.

Кроме того, в атласе «Восточное серебро» опубликованы: фрагмент серебряного сосуда — дно с рельефным изображением двух грифонов, найденный в начале XIX в. в Барнаульском округе (Смирнов 1908: рис. 4); серебряная чаша на ножке, с рельефным пояском на стенках — в Гурьевском заводе (Там же: № 202).

Два предмета, обнаруженные в XVIII в. в Сибири, сохранились только в рисунках. Это серебряный сосудик с крышкой на цепочке (Там же: № 33) и серебряная чашка с ручкой, украшенная каннелюрами (Там же: № 115) (ФА, О. 755/8). Кроме них найдены серебряные статуэтки крылатых коней (Там же: рис. 9 и 10), фигурка женщины с покрывалом в руках (Там же: рис. 3), пластина в виде рыбы (Там же: рис. 18), серебряный «дуршлаг» (Там же: № 165).

На р. Большой Анзас в Минусинском округе найдена серебряная чашка (Там же: № 319); в с. Ньюское Верхнеудинского округа Забайкальской области — серебряные сосуд с узким горлом (Там же: № 173); два блюда, одно из них гладкое, во фрагментах (Там же: № 174, 175) и четыре гладкие чаши (Там же: № 177, 178, 179, 180). Три серебряных гладких кубка были обнаружены в д. Карымской Красноярского округа Енисейской губернии (Там же: № 207–209) (1894 г., д. 198). Четыре случайно найденных средневековых серебряных сосуда были

приобретены ИАК через П. С. Проскурякова для Исторического музея за 60 руб. (1894 г., д. 140, л. 8–10, 43, 44).

Происхождение и местонахождение золотого подвесного флакончика с крышечкой, украшенной розеткой (Смирнов 1908: № 33), и двух золотых кубков с орнаментом вокруг борта (Там же: № 195, 196) неизвестно.

Таким образом, Императорская Археологическая Комиссия почти с самого начала ее создания работала в контакте с сибирскими исследователями — краеведами, историками, художниками, инженерами и представителями других специальностей — любителями археологии. Контакты, в основном, были «заочными»: ИАК высылала инструкции, оказывала административную и финансовую помощь, требовала своевременного представления отчетов, рисунков вещей, описей и другой документации по раскопкам. Качество работ было разным, поскольку методика раскопок еще не была разработана.

Характер взаимоотношений ИАК с местными научными силами в Сибири хорошо виден из текста специальной «Инструкции», в которой изложены основные положения полевых исследований. Подобные инструкции регулярно выдавались в 1890–1910-е гг., когда в условиях действия высочайшего повеления 1889 г. Археологическая Комиссия не только пришла к соглашению с учеными обществами, но и выработала единую практику регламентации полевых исследований и связанной с ними отчетности. Основные требования и положения этого документа выдержали «испытание временем» и остаются неизменными и в наши дни. Так, в 1903 г. Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отделения Русского географического общества намеревалось произвести раскопки в Забайкальской области и запросило в Петербурге Открытый лист (1902 г., д. 257, л. 2–4). Одновременно с выдачей Открытого листа на производство раскопок ИАК уведомила об этом местное начальство «для оказания законного содействия лицу, получившему такой лист». В сопровождающей лист инструкции были оговорены правила предоставления отчета и его содержание. По окончании раскопок и по приведении в порядок добытых коллекций исследователь должен был доставить в ИАК подробное описание памятников древности с точными указаниями на положение всех обнаруженных находок. Описание каждого погребения было необходимо сопроводить чертежами, представляющими устройство могил и могильных сооружений, а также расположение в могилах костяков и предметов: «доставление таких чертежей обязательно, равно как и доставление (хотя бы глазомерного) плана местности и могильника».

Важным пособием при ведении журнала работ и при составлении отчета служил прилагаемый образец дневника с графическими изображениями скелета, на которых сохранившиеся части костяка должны были отмечаться с помощью затушевки, а их особенное положение — фиксироваться посредством соответствующей перерисовки. Приведенная в дневнике сетчатая схема была предназначена для нанесения профиля курганов и могил, круг — для зарисовки погребений и каменной кладки горизонтального разреза кургана. На круге должны были отмечаться части кургана, оставшиеся нераскопанными.

Сделанные находки вместе с журналом раскопок должны были быть доставлены не позже конца года для представления на высочайшее воззрение, после чего, по указанию автора раскопок или лица, давшего средства на их производство, находки передавались в один из правительственных или общественных музеев; отдельные предметы, имеющие выдающееся научное значение, по усмотрению ИАК, могли быть отданы для помещения в Императорском Эрмитаже или Императорском Российском историческом музее. Вещи должны были пересылаться в Комиссию «с перечневой описью и с нумерами на прикрепленных к вещам

ярлычках». Громоздкие и ломкие предметы, с согласия Комиссии, могли не доставляться в Петербург.

Комиссия также обращалась к лицам, производящим раскопки, «не отказать в доставлении ей общих сведений о состоянии местных памятников древности, предположений о мерах к их охранению, указаний на применение при раскопках новых приемов, сведений о хищнических раскопках, о случайных находках, о местных археологических коллекциях и т. д.».

Заканчивая наш обзор, стоит подвести краткие итоги. Первые раскопки были проведены В. В. Радловым в 1860-е гг. Затем более 10 лет сибиряки не обращались в ИАК за листами. Новый виток изучения древних памятников начался в 1880-е гг. Он характеризуется значительным накоплением материала, созданием первых типологий памятников, первыми попытками их периодизации, однако никаких конкретных названий культурам не было присвоено — все это произойдет уже вне рамок деятельности ИАК.

Первые попытки классификации памятников были сделаны В. В. Радловым, Д. А. Клеменцем, И. П. Кузнецовым-Красноярским, активно сотрудничавшими с Комиссией. Некоторые из сибиряков стали членами-корреспондентами ИАК. В начале XX в. экспедиции проводятся реже, что обусловлено, конечно, общим положением России, сокращением финансирования археологических работ, трудностями с наймом рабочих и т. п. Тем не менее работы понемногу продолжались до конца существования ИАК.

Большая роль в сотрудничестве с ИАК принадлежала сибирским музеям, которые активно включились в сбор материала, направляли его после экспедиций в Комиссию для обозрения и оценки, при этом обычно сопровождали посылки письмом с просьбой вернуть его обратно: для экспозиции и дальнейшей научной обработки. Естественно, материалы, назначенные ИАК к хранению в Эрмитаже и Историческом музее, передавались им — это были, в основном, предметы восточного серебра и оригинальные вещи, не имеющие аналогов или найденные в одном экземпляре. Из монетных кладов несколько экземпляров оставляли в Эрмитаже, другие отсылали в другие музеи, в том числе в Московский и Петербургский университеты.

То, что было сделано в период деятельности Императорской Археологической Комиссии, получило дальнейшее развитие при ее преемниках — археологических учреждений СССР и современной России.

Г. В. Длужневская, Н. А. Лазаревская

ГЛАВА VIII

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И АРХЕОЛОГИЯ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Изучение «чудских древностей» занимало в деятельности Императорской Археологической Комиссии особое место по целому ряду причин. Эти древности, представленные интереснейшей металлопластикой «пермского звериного стиля» культового характера, разнообразными бронзовыми украшениями, в том числе шумящими подвесками, поясными наборами, кресалами с фигурными бронзовыми рукоятями и т. п., в целом датируются сегодня I–началом II тыс. н. э. и охватывают территории современных Пермского края, Свердловской и Челябинской областей, Республик Удмуртия, Коми и, частично, Республики Башкирия и Кировской области. Современная наука выделяет здесь разнообразные археологические культуры эпохи средневековья (бакальская, неволинская, юдинская, ломоватовская, полонская, кушнаренковская и пр.), связанные с финно-угорскими племенами, в определенной степени являющимися историческими предками коми, удмуртов, хантов, манси и венгров. Они попали в поле зрения исследователей как в результате целенаправленных археологических раскопок, так и в составе частных коллекций, возникших на основе приобретения случайных находок и кладоискательства еще с XVIII–XIX вв. К тому же собирание и изучение этих коллекций связано с ключевыми именами в истории Императорской Археологической Комиссии — С. Г. Строганова и А. А. Спицына.

Пермская губерния, образованная в 1781 г. по повелению Екатерины II, представляла собой огромный край, вобравший в себя почти весь Средний Урал. Границы ее западной области практически совпадают с современным Пермским краем (Предуралье, Западный Урал), восточная часть находилась на территории современных Свердловской и, частично, Челябинской областей (Центральный Урал и Зауралье).

Древнейшие известия об археологических памятниках Предуралья относятся к XVII в. Не случайно царь Алексей Михайлович в 1669 г. интересовался тем, что на р. Каме и р. Белой «русские люди в татарских могилах или кладбищах выкапывают золотые и серебряные всякие вещи и посуды...». Сведения о «чудских городках» Верхней Камы встречаются уже в писцовых книгах И. Яхонтова, М. Кайсарова (Оттиск Соликамских писцовых книг 1872; Оттиск писцовых Чердынских книг 1878) и в других документах XVI–XVII вв. Начало сбора научной информации об археологии Пермского Предуралья следует отнести к первой половине XVIII в. Наиболее ранней публикацией археологических материалов Прикамья была книга шведского путешественника Ф. И. Страленберга «Историко-географическое описание Северной и Восточной части Европы и Азии», вышедшая в 1730 г. в Стокгольме на немецком языке, которая содержала описание уникального памятника — Камня Писаного, скалы на р. Вишера, покрытой изображениями людей, животных и абстрактных фигур (всего более 200) в эпоху неолита, бронзового и раннего железного веков (Strahlenbergs 1730). Ряд средневековых камских городищ в Чердынском и Соликамском уездах осмотрел

и описал в своих дневниках, опубликованных в 1770-х гг., русский путешественник капитан Н. П. Рычков, сын известного ученого, члена-корреспондента Петербургской Академии наук П. И. Рычкова (Рычков 1772). В 1819 г. на городищах Искор, Пянтежском и поселении Урол В. Н. Берхом, чиновником Пермской казенной палаты, впоследствии известным историком русского военного флота, были проведены первые археологические раскопки в Прикамье (Берх 1821).

К 40-м гг. первой половины XIX столетия относится попытка проведения комплексного исследования для сбора сведений о «чудских урочищах» на территории Пермской губернии с целью «сделать историческое, по возможности, разыскание о народе Чуди», предпринятая под руководством директора Пермских училищ И. Ф. Грацинского (ГАПО, ф. 672, д. 262). Своим предписанием от 3 марта 1847 г. он предложил учителю истории и географии Пермского уездного училища Петрову составить план будущего сочинения «Описание чудских урочищ Пермской губернии, находящихся в уездах: Пермском, Соликамском, Чердынском и Оханском», который был представлен последним в марте 1848 г. Научное руководство воплощением этого плана взял на себя известный русский историк, профессор Казанского университета Н. А. Иванов. Отзыв Н. А. Иванова послужил своего рода методическим руководством в проведении сбора сведений о древней чуди. План Петрова был назван в нем «слишком обширным», а задача написания в ближайшее время цельной истории древнего населения Прикамья — преждевременной. Вместо этого Н. А. Иванов предложил заняться «только описанием урочищ, городищ, курганов, насыпей и могил, равно и тех предметов, которые в них будут найдены». Он также считал, что «дело пойдет успешнее, если подобная работа будет возложена на несколько лиц».

Федот Алексеевич Волегов —
управляющий именем Строгановых

7 августа 1848 г. план вместе с рекомендациями профессора Н. А. Иванова был размножен и циркулярами направлен всем штатным смотрителям уездных училищ. Ответная информация поступила лишь от троих. Штатный смотритель Чердынского уезда сообщил о находке в Ныробе старинных грамот; от штатного смотрителя Верхотурских училищ (уроженца с. Рождественское Соликамского уезда) были получены сведения о находящемся вблизи села чудском городище и от штатного смотрителя Ирбитских училищ Н. Тихонова было получено описание Ирбитского городища со сведениями о находках на нем серебряных монет и «костяных копий», а также значительного количества человеческих костей и целого скелета.

Осенью того же 1848 г. И. Ф. Грацинским были посланы письма управляющим частновладельческих имений с просьбой сообщить о имеющихся на их землях чудских урочищах и находках древних вещей. Оказалось, что один из них — управляющий графов Строгановых В. А. Волегов уже давно, по поручению своего хозяина, занимается собиранием чудских

«Туйский (Пермский) всадник» из клада, найденного в 1840–1841 гг.
у д. Ковино Пермского уезда Пермской губернии (Шмидт 1925: 557)

древностей и составил значительную коллекцию. Описание и рисунки вещей из коллекции Волегова были посланы в Казань, где заинтересовали Н. А. Иванова, предложившего их опубликовать. В. А. Волегов ответил отказом на это предложение, так как коллекция была еще не описана и требовала большого внимания.

Эта коллекция стала формироваться в 1830-х гг., она была одной из самых известных в до-революционной России археологических коллекций, положившей начало как Эрмитажной коллекции графов Строгановых, так и знаменитой Пермской коллекции А. Е. и Ф. А. Теплоуховых. Первыми собирателями этой коллекции стали представители крепостной интеллигенции братья Волеговы — Федот (1790–1856) и Василий Алексеевичи (1807–1864).

Первоначально коллекцию археологических предметов в с. Ильинском¹ собирал В. А. Волегов, выпускник Строгановской школы, бывший с 1845 по 1864 г. главным управляющим Пермского нераздельного имения фамилии Строгановых, один из выдающихся представителей которых, С. Г. Строганов, возглавлял ИАК в 1859–1882 гг. В Ильинском находилось Главное управление Строгановским имением. В архивных документах семейного фонда Волеговых имеется указание, что уже к концу 1840-х гг. у В. А. Волегова образовалась интересная коллекция древностей (ГАПО, ф. 672). На это же указывает и А. А. Спицын в предисловии к изданию «Древностей камской чуди по коллекции Теплоухова» со ссылкой на информацию П. И. Мельникова: «...даже в 1845 г. Мельников насчитал в коллекции Волегова

¹ С. Ильинское, центр современного Ильинского района Пермского края. В селе сохранились контора главного управления, дом Теплоуховых и другие памятники старины.

55 вещей, и сообщает, что они собраны между 1830–1839 гг. ...» (Спицын 1902: 9). С 1845 г. все ценные вещи В.А. Волегов отсылал в Петербург графу С. Г. Строганову, однако перед этим значительная часть коллекции была зарисована. Согласно А. А. Спицыну, В.А. Волегов пригласил для этого художника Г. К. Козьминых из крепостных Строгановых, альбом рисунков которого «прекрасно заменял сами вещи». Именно эти отосланные в Петербург вещи стали основой для Эрмитажной коллекции Строгановых. Начало регулярным отсылкам новых находок в столицу было положено после распоряжения С. Г. Строганова собирать найденные старинные вещи силами сельских приказчиков, передавать их в с. Ильинское, а оттуда самые интересные и редкие из них переправлять в Петербург. Поводом к такому распоряжению послужила находка Туйского (Ковинского) клада Сасанидских вещей 1840–1841 гг. со знаменитым «Пермским всадником» (Шмидт 1925: 410–434; Голдина 1985). В 1851 г. распоряжение о сборе и отсылке археологических находок в Петербург было подтверждено письмом С. Г. Строганова В. А. Волегову, что произошло после поступления в коллекцию Строгановых «Таманского» клада² серебряных вещей. Копия этого письма сохранилась в фонде А. А. Спицына в Научном архиве ИИМК РАН:

«Присланные Вами к батюшке моему графу Григорию Александровичу 36 старинных вещей, 9 камней и 1 медный наконечник — переданы им мне. Поэтому я посылаю к Вам при сем двадцать пять рублей серебром, для выдачи крестьянину Михайлу Шукину за находку этих вещей.

Так как батюшка мой совсем не занимается археологией и потому не имеет в таких вещах никакой нужды, а я же страстный до них охотник, то прошу Вас на будущее время извещать прямо меня о подобных находках, и не только о серебряных, но и о медных вещах, в особенности с изображениями чудских богов: ибо и медные вещи, смотря по значению их, могут быть много ценны не ниже серебряных.

Также прошу Вас уведомлять о нахождении старинных вещей и присылать рисунки оных даже в тех случаях, если такие вещи будут открыты не в имении батюшки, а в других соседственных местах, и посторонними людьми, от коих я мог бы оныя приобретать» (РА, ф. 5, д. 258, № 1640).

По точному замечанию А. А. Спицына, граф С. Г. Строганов, даже будучи председателем ИАК, вплоть до самой кончины признавал в российских древностях достойными внимания «лишь классические, пермские и хазарские». Эрмитажная коллекция Строгановых, по сути, стала первым регулярным археологическим собранием Эрмитажа и положила начало современному Отделу археологии Восточной Европы и Сибири ГЭ. Кроме того, можно утверждать, что еще до формирования ИАК ее первый председатель оказал существенное влияние на зарождение научной археологии на Урале. Поступление наиболее

Александр Ефимович Теплоухов —
главный управляющий
нераздельным имением
Строгановых в 1864–1875 гг.

² Таман (по-другому Туман) — село на р. Кама ниже г. Усолье в пределах имения Строгановых. Рядом с селом известно два средневековых городища, с одного из которых и происходит указанный клад.

интересных вещей из Пермского имения в коллекцию Императорского Эрмитажа продолжалось вплоть до смерти С. Г. Строганова в 1882 г., т. е. как раз в то время, когда именно он возглавлял Комиссию.

Александр Ефимович Теплоухов (1811–1885), став после смерти В. А. Волегова (1864 г.) главным управляющим и унаследовав вместе с должностью коллекцию и альбом, оказался единственным в то время человеком, перед которым во всей полноте открылась картина древнего прошлого Предуралья. В дальнейшем деятельность Александра Ефимовича и его сына и наследника должности, коллекции и археологических исследований Федора Александровича развивалась в русле становления российской археологии и велась в тесном контакте с ИАК. В личном фонде семьи Теплоуховых, хранящемся в Государственном архиве Пермской области (ГАПО, ф. 613), отложилось полтора десятка писем — переписка с ИАК, С. Г. Строгановым и А. А. Спицыным.

Так, 10 октября 1868 г. С. Г. Строганов пишет А. Е. Теплоухову из Петербурга:

«В настоящее время я в особенности занимаюсь исследованиями в происхождении Скифов, одноплеменных с Чудами или финнами, переселившимися с равнин Ср. Азии в первых веках после Рож. И. Х.

На юге раскопки курганов открыли науке важные данные, но недостаточно много, чтобы определить, где поблизости Волги или Камы [произошло] разделение племени, часть которого потянулась на юг, а другая пошла на север и населила север России и берега Балтийского моря!

В последнем случае все находки в старинной Биармии могут быть очень важны для науки, а потому, Александр Ефимович, я обращаюсь к Вам, не из-за одной прихоти, а от имени науки я прошу способствовать мне... к отысканию археологических памятников означенной эпохи и радушно и щедро расплачивать моими средствами. Граф Сергей Строганов» (ГАПО, ф. 613, оп. 1, д. 192).

После ухода С. Г. Строганова с поста председателя и его кончины интерес ИАК к древностям Пермского края несколько угасает и возрождается вновь лишь в 1892 г. в связи с переездом в Санкт-Петербург для работы в Комиссии А. А. Спицына, чья деятельность по исследованию финно-угорских древностей Предуралья оказалась принципиально важной для уральской археологии. Она началась еще в 1886–1887 гг. в Вятской губернии, где он, в то время учитель местной гимназии, составил сводное описание всех известных в то время памятников этой губернии, исследовал Еманаевское и Пижемское городища в Вятской губернии. А. А. Спицын вновь вернулся к их изучению, уже будучи членом Комиссии в 1893–1894 гг.

А. А. Спицын с матерью
Дарьей Семеновной, 1891 г.
Архив музея истории Санкт-Петербургского
государственного университета

С приходом А. А. Спицына в ИАК археология России, частью которой были и пермские древности, стала занимать в ее деятельности надлежащее место (Жебелев 1948: 9–11). Безусловно, роль А. А. Спицына как археолога-систематизатора имела важное значение для провинциальной археологической общественности России, для тех археологов, которые в конце XIX–начале XX в. стали активно собирать древности в губерниях, организовывать охрану и изучение археологических памятников. Так же весьма важна роль А. А. Спицына и как археолога-профессионала, яркого и активного представителя ИАК, грамотно владеющего методикой раскопок и обладающего талантом организатора. Невозможно представить себе развитие археологии на Урале, и в Пермской губернии в частности, без сотрудничества А. А. Спицына с самыми яркими представителями археологического сообщества Урала того времени — Н. Н. Новокрещенных, Ф. А. Теплоуховым, С. И. Сергеевым, В. Л. Борисовым, Д. А. Удинцевым и др.

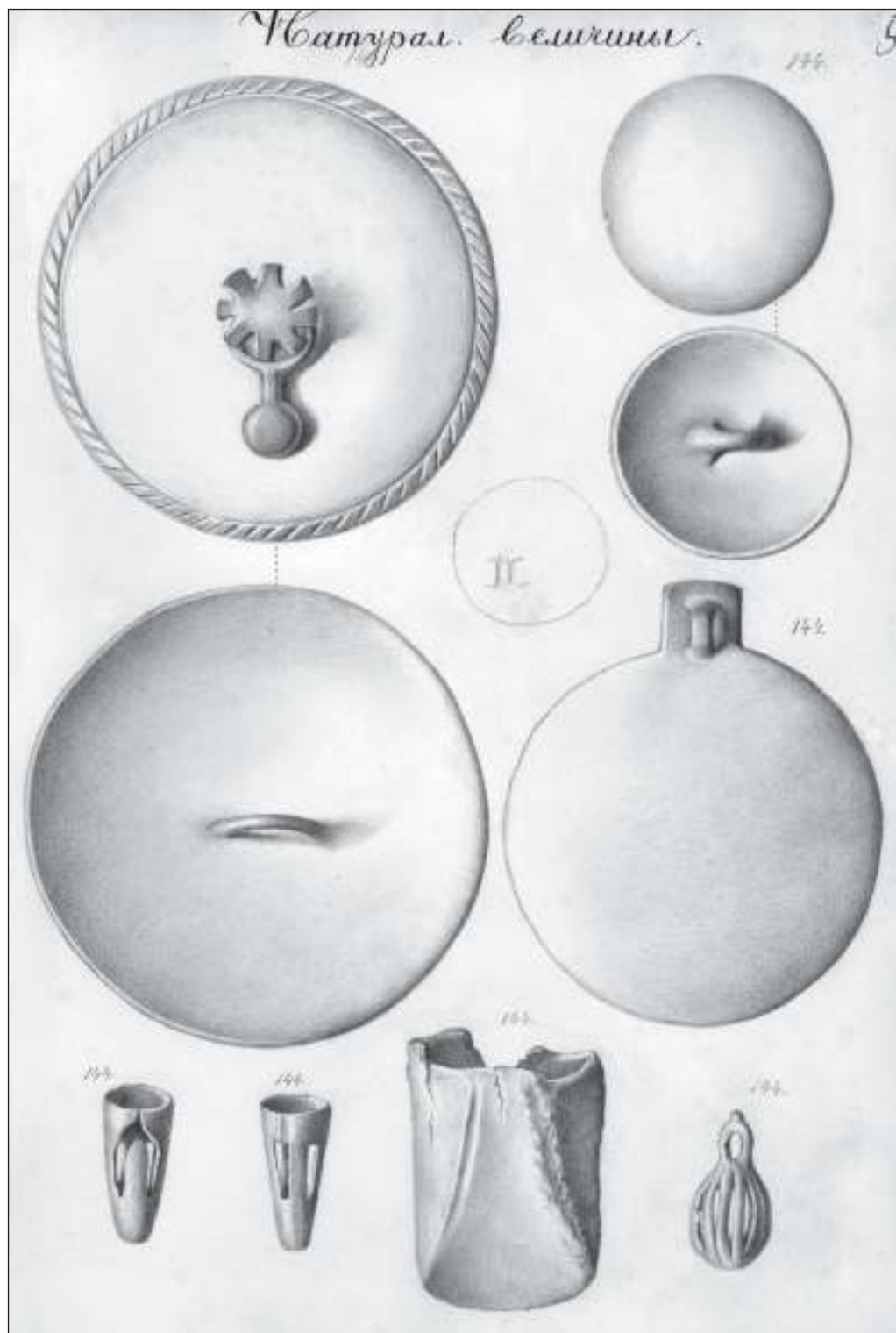
Начало работы А. А. Спицына в Комиссии и активизация деятельности Пермской Ученой архивной комиссии и Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания способствовали пробуждению нового интереса к «чуждым древностям» со стороны ИАК. Впрочем, первые археологические раскопки, связанные с ИАК в Пермском крае, можно отнести к 1861 г. Тогда крестьянин А. Н. Зырянов, член-сотрудник ИРГО и РАО, передал в Комиссию статью с чертежами курганов, расположенных между деревнями Коротковой и Максимовой, и курганной группы близ с. Замораевского Шадринского уезда Пермской губернии. Последний из некрополей он раскапывал по поручению ИАК в 1866–1867 и 1871 гг. (1864 г., д. 24).

В 1893 г. ИАК приступила к осуществлению своего давнишнего намерения — произвести исследования в районе «камской чуди». Отмечалось, что, несмотря на имеющиеся коллекции древностей, входящие в них предметы не датированы и назначение многих из них остается неясным, так как все существующие коллекции составлены путем покупки случайных находок. В связи с этим особые надежды были возложены на организацию раскопок на местах могильников Камского края Пермской губернии. Поручение организовать этот процесс от имени ИАК было дано профессору Казанского университета Ивану Николаевичу Смирнову; одна из целей начатых работ — поиск угорских корней «камской чуди» и доказательств родства ее с вогулами и остяками; в качестве первого опыта профессор И. Н. Смирнов предпринимает обследование низовой р. Чусовой, где «уже издавна указываются чудские могильники и, кроме того, была надежда найти следы вогульских поселений XV–XVI вв., а может быть, и самые могильники вогулов...» (ОИАК за 1893 г. 1895: 21).

Следует указать, что план И. Н. Смирнова потерпел неудачу: проверенные им урочища под названиям «могильники» не дали никаких результатов, что приводит его к заключению о бедности данной территории на археологические памятники. Однако с этими выводами не было согласно местное археологическое сообщество.

Комиссия привлекала И. Н. Смирнова и для оперативной экспертизы пермских древностей на местах, финансируя эти мероприятия. В 1892 г. из Вятского губернского статистического комитета поступило сообщение о находке археологических предметов близ д. Каркакулин на р. Каме. 21 августа В. Г. Тизенгаузен, полагая, что здесь был открыт могильник бронзовой поры, обращается к нему с предложением, «если есть время и остатки ассигновки, покорнейше просим вас произвести пробные раскопки» (1892 г., д. 144, л. 1, 6).

В июне 1894 г. в Перми в здании Общественного собрания по инициативе председателя ПУАК Николая Никифоровича Новокрещенных (1842–1902), при активном участии Федора Александровича Теплоухова (1845–1905) и других энтузиастов из числа членов ПУАК была устроена археологическая выставка материалов коллекции Теплоуховых, или, как она именуется с 1885 г., «Собрание пермских древностей наследников А. Е. Теплоухова». Выставка,

Археологические находки у д. Каркаулин на р. Каме. Вятская губерния.
Исследования профессора Казанского университета И. Н. Смирнова (1892 г., д. 144, л. 5)

Николай Никифорович Новокрещенных —
горный инженер

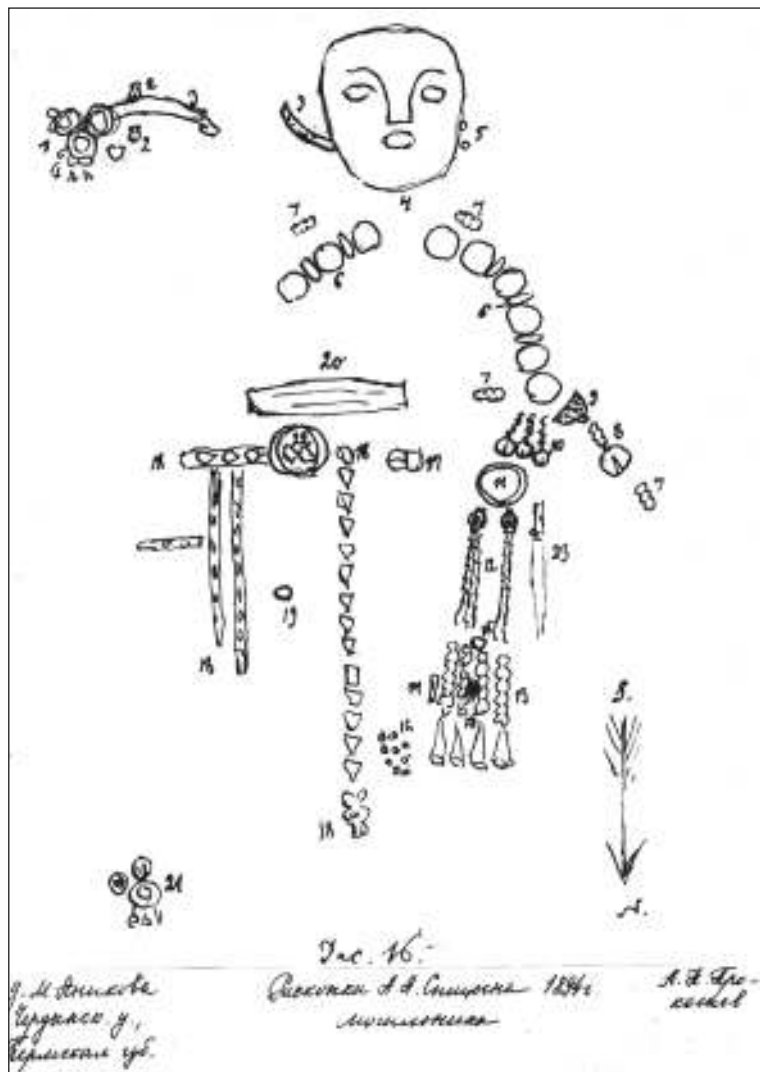
Федор Александрович Теплоухов —
главный лесничий Пермского нераздельного
имения Строгановых с 1875 г.

призванная показать научной и культурной общественности России археологические богатства края, стала важным событием в жизни города (Верхоланцев 1913: 124). За две недели работы выставки ее посетили 6 тысяч человек, что составило $\frac{1}{6}$ часть населения города. Благодаря выставке были не только заложены основы будущего музея. Были налажены связи с ИАК, впервые получены Открытые листы на производство раскопок, которые и начались в том же году на остатки от пожертвованных на выставку средств. С точки зрения организации археологической науки главным стало прибытие в Пермскую губернию после настоятельных просьб Пермских комиссий УОЛЕ и ПУАК А. А. Спицына для производства полевых исследований. В 1894 г. он проводит исследования на камских городищах и на могильниках X в. у д. Малая Аникова Чердынского уезда. В своем кратком отчете А. А. Спицын отмечает, что все могильники изрыты с грабительскими целями, исследовать удалось только одну целую могилу с захоронением девочки, костяк лежал головой на юг, на лицевой части черепа находилась небольшая серебряная погребальная маска, при костяке разные вещи (два серебряных браслета на одной руке — один круглый проволочный, другой пластинчатый: см. дневник Теплоуховых: РА, ф. 48, д. 2, л. 630), в том числе в могильнике найдено 5 дирхемов первой половины X в. (ОИАК за 1894 г. 1896: 29). Сохранился рисунок погребения девочки из отчета А. А. Спицына (Длужневская 2007b: 121). В археологическом дневнике Теплоуховых указано «...в д. Малая Аникова в ноябре 1894 г. Спицыным на могильнике вырыты еще 2 маски» и приводится их изображение и изображение маски из упомянутого погребения девочки (РА, ф. 48, д. 2, л. 631).

В этом же году А. А. Спицын предпринял экскурсию в низовья р. Колвы, обследовав при этом еще ряд средневековых памятников. По заключению А. А. Спицына, эта местность была настолько богата памятниками, что почти в каждом селении ему удалось приобрести древние вещи. Почти одновременно с ним Соликамский и Чердынский уезды и течение р. Колвы на средства ИАК посетили член ПУАК С. И. Сергеев и фотограф А. А. Якунин. Кроме

небольших по площади раскопок они оставили ценный фотографический материал, запечатлевший местный ландшафт и памятники деревянного зодчества (1895 г., д. 64).

В ходе этих исследований А. А. Спицыным фактически впервые были изучены средневековые прикамские могильники и заложены основы научного полевого изучения пермских средневековых древностей. Раскопки Мало-Аниковского могильника, начатые А. А. Спицыным, были продолжены в 1900 г. Н. Н. Новокрещенных и председателем земской управы Д. А. Удинцевым по Открытому листу, выданному ИАК на имя Удинцева.³ Находки из этих, а возможно, и из раскопок, проведенных самим А. А. Спицыным: бусы, орудия труда, оружие,

Погребение у д. Малая Аникова Чердынского уезда Пермской губернии.
 Раскопки А. А. Спицына 1894 г. (ФА, О. 1488/59)

³ Впоследствии на основании письма пермского губернатора, в котором освещалась антиправительственная позиция Д. А. Удинцева в 1905 г., его участие в растрате земских денег на политические цели, он был признан неблагонадежным («...лицо в нравственном и политическом отношении неблагонадежное...») и в выдаче Открытых листов ему было отказано (1904 г., д. 154, л. 25).

Место раскопок С. И. Сергеева на левом берегу р. Колвы у д. Подбобька.
Фото А. А. Якунина 16 июля 1895 г. (1895 г., д. 64, л. 12; ФА, О. 698/2)

бронзовые украшения, прорезные бляхи в пермском зверином стиле, монеты — до сих пор хранятся в Чердынском музее (ОИАК за 1899 г. 1902: 143; ОИАК за 1900 г. 1902: 129; ОИАК за 1901 г. 1903: 151; 1899 г., д. 2; 1900 г., д. 44; 1901 г., д. 79; ФА, II 26430, III 7713–7715).

В 1909 г. близ деревень Большая Аникова и Малая Аникова был найден известный клад серебряных вещей, включавший два серебряных слитка, блюдо с изображением осады башни, чашу с изображением сирены и надписью на ножке «принадлежит Хамар Теги-ну Эль-дара», кружку с куфической благопожелательной надписью и три шейные гривны глазовского типа (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 227–228. Рис. 268–271). Данный «клад», как и большинство ему подобных находок, маркирует древнее угорское святилище. Подобные находки, а также общий облик «чудских» древностей Пермской губернии заставили А. А. Спицына впоследствии оценивать этническую принадлежность «камской чуди» как угорскую (РА, ф. 5, д. 48, л. 1–9). К сожалению, в настоящее время могильник и святилище у деревень Аниковских, частично разрушенные при строительстве автомобильной дороги, продолжают активно раскапываться, но уже грабителями — «черными археологами».

В 1895 г. по рекомендации А. А. Спицына Открытый лист на раскопки могильников в Пермской губернии был получен С. И. Сергеевым. Им были произведены «значительные раскопки могильников в Чурдынском уезде близ сел Искор и Верх-Боровского и у деревень Ратеговой — Мало-Аниковской. Им вскрыто 200 могил, причем не найдено ни одного целого погребения, и пришлось удовольствоваться немногими находками» (ОИАК за 1895 г. 1897: 36). Эти немногие находки, однако, ярко характеризовали весьма развитую материальную и духовную культуру «камской чуди» раннего средневековья: круглая серебряная бляха, украшенная тонким орнаментом из скани и зерни, поясные наборы из «белой» бронзы с прямоугольными и сердцевидными накладками, бубенчики, трубочки, кольца, разнообразные пронизки и подвески; шедевром

Древности, обнаруженные Пермской ученой архивной комиссией в 1895 г. Гаинская волость. Чердынский уезд Пермской губернии. Фото А. А. Якунина (ФА, О. 703/8)

«древнего искусства» может быть признана серебряная ажурная позолоченная «пряжка» (накладка?) из Мало-Аниковского могильника с изображением двух человеческих фигур и зверей (Там же: Рис. 69–75). «Чудской могильник» у с. Верх-Боровского на поверку оказался, как сообщал С. И. Сергеев, поселением, а «чудские ямы» оказались не могилами, а жилищами (Сергеев 1896: 34–36). В том же году С. И. Сергеевым был обследован камень «Светик» около д. Подбобыка у с. Ныроб на р. Колве, где собраны вещи VI–X вв., в том числе предметы пермского звериного стиля (ОИАК за 1894 г. 1896: 39; ОИАК за 1895 г. 1897: 36–37; 1894 г., д. 95; 1895 г., д. 64; ФА, О. 698/1–7).

В 1896–1897 гг. Н. Н. Новокрещенных и С. И. Сергеевым были проведены раскопки на Гляденовском костыще.⁴ Всего за 1896–1897 гг. на костыще была вскрыта площадь в 170 кв. сажен (771 кв. м) и получен огромный материал. В ходе раскопок было обнаружено около 20 тысяч находок, из которых 1000 бронзовых изображений, в том числе: 456 — изображения зверей, 267 — изображения птиц, более 100 — изображения человека, 90 — изображения пчел и

⁴ Гляденовское костыще — святилище, или, по выражению Ф. А. Теплоухова, «жертвище», один из опорных памятников гляденовской археологической культуры IV в. до н.э.–III в. н. э., находится на средней площадке одноименного городища на левом берегу р. Нижней Мулянки, левого притока Камы в окрестностях г. Перми. Раскопки проводились в 1897–1898 гг. С. И. Сергеевым и Н. Н. Новокрещенных, в 1981–1984 гг. — А. Д. Вечтомовым, в 1991 г. — А. Ф. Мельничуком, в 1995–1997 гг. — А. Н. Лепихиным.

Раскопки Н. Н. Новокрещенных на Гляденовском костыще 1896–1899 гг. Пермская губерния.
Фото К. Ф. Чайковского (ФА, F 125/37)

мух, 56 — змей (ОИАК за 1896 г. 1898: 143; 1896 г., д. 28; ФА, Q 460/1–23; ОИАК за 1897 г. 1900: 49–51; 1897 г., д. 90; 1898 г., д. 29; ФА, О. 125/1–41). На эти исследования Комиссия выделила 200 руб. и, несмотря на присылку весьма краткого отчета, 6 февраля 1898 г. выразила раскопщикам свою благодарность (1897 г., д. 90, л. 11–15 об.).

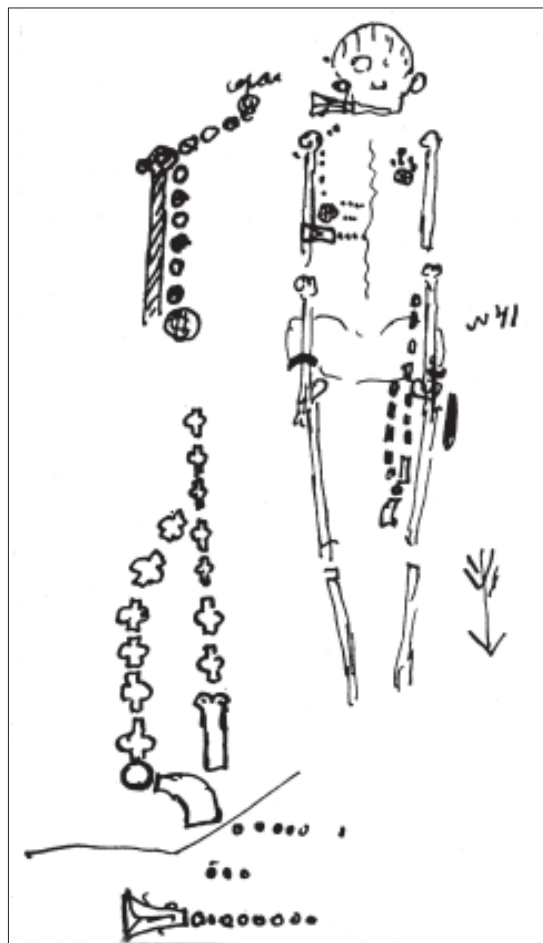
Материалы этих раскопок, прежде всего — предметы звериного стиля, были оперативно описаны и опубликованы А. А. Спицыным (Спицын 1901b). В результате коллекции были переданы в РИМ. Отчет автора раскопок Н. Н. Новокрещенных опубликован посмертно с примечаниями Ф. А. Теплоухова (Новокрещенных 1914). Кроме того, по рекомендации А. А. Спицына, Н. Н. Новокрещенных осмотрел еще два небольших костыща — Топосихинское на р. Н. Мулянка и Пьянковское в нынешнем Осинском районе Пермской области (Новокрещенных 1901: 123, 132). Раскопки на этих памятниках не проводились, место хранения материала неизвестно.

В 1898 г. А. А. Спицын совершил большую поездку по Волге и Каме, во время которой, в частности, провел небольшие раскопки Бродовского могильника в Кунгурском уезде Пермской губернии (Бадер 1950: 27), в 1899 г. эти работы продолжил Н. Н. Новокрещенных. В архив Комиссии поступили многочисленные фотографические снимки орудий, оружия, железных стремян, удила, псалиев, бронзовых бляшек, подвесок, крестиков, лунниц, глиняных сосудов и выполненные А. А. Спицыным рисунки погребений (ОИАК за 1898 г. 1901: 46–49; ОИАК за 1899 г. 1902: 143; 1898 г., д. 63; 1899 г., д. 2). В 1899 г. А. А. Спицын производит раскопки могильника Горбунята в Кунгурском уезде Пермской губернии и Зуевского могильника в Сарапульском уезде Вятской губернии (ОИАК за 1898 г. 1901: 41–46; 1898 г., д. 63; ФА, О. 1488/60, 61, Q 444/1–8, 24–37, Q 220/44–45, О. 298; Q 709/20).

Последний раз А. А. Спицын был на Верхней Каме в 1901 г. За период конца XIX–начала XX в. он обследовал могильник VI–VII вв. у д. Грудята на р. Ломоватовке, осмотрел местонахождения у деревень Зобачева и Маркова, раскопал 47 погребений на Деменковском могильнике VII–IX вв., вскрыл Селянинский могильник (20 погребений) в Кунгурском уезде и Шибановский могильник (40 погребений) в Пермском уезде, произвел раскопки Чикманского могильника (которые не дали ничего, кроме отдельных вещей), совместно с Н. Н. Новокрещенных исследовал Бродовский могильник, где костяки всех 10 вскрытых погребений «лежат на плитках всего на глубине 0,22–0,3 м» (ОИАК за 1901 г. 1903: 114–115; Талицкий 1951: 34). Шибановский могильник у с. Ильинского представлял собой залесенный склон холма «усеянный рядами могильных ям» (ОИАК за 1901 г. 1903: 114), это по сию пору один из немногих изученных в Пермском крае позднесредневековых могильников XIII–XIV вв. Практически все исследованные в Пермской губернии могильники оказались ограбленными еще в древности, а также демонстрировали следы культа огня.

По рекомендации А. А. Спицына в Чердынском уезде Пермской губернии начал раскопки памятников древности аспирант Казанского университета, а позже инспектор народных училищ этого уезда В. Л. Борисов. В течение 1900–1901 гг. им были проведены исследования на Харинском, Агафоновском, Бурдаковском, Пыштайном, Бельковском курганных могильниках V–VI вв., где было раскопано в общей сложности 68 насыпей с 86 погребениями (ОИАК за 1900 г. 1902: 87–89; ОИАК за 1901 г. 1903: 115; 1900 г., д. 110; 1901 г., д. 98; ФА, II 26464, III 7776–7783). В 1902 г. он получил лист на раскопки в Чердынском и Соликамском уездах Пермской губернии и произвел раскопки Бельковского и Харинского могильников (1902 г., д. 113). Таким образом, была решена задача по изучению могильников Предуралья, поставленная ИАК в 1893 г., было изучено несколько сотен погребений. В 1901 г. в своем докладе в Русском археологическом обществе А. А. Спицын подвел итоги предшествующих исследований в Восточной Европе и попытался выделить отдельные культуры (Бадер 1950: 27).

Еще во время приезда в Пермскую губернию в 1898 г. А. А. Спицыным была начата подготовка к изданию коллекции Теплоуховых, которая послужила основой для создания атласа «Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых», вышедшего с предисловием и систематизацией А. А. Спицына в 1902 г. как 26-й выпуск «Материалов по археологии России». Это была, по сути, первая научная систематизация прикамских древностей, проведенная на

Погребения у д. Броды близ Кунгура.
Пермская губерния. Раскопки А. А. Спицына
1898 г. (ФА, О. 1488/63)

обширном материале. Как отмечал автор в предисловии к изданию, «когда содержание коллекции в общих чертах определилось, приложено было старание определить те могильники и клады вещей, в которых наиболее характерно и чисто отразился каждый период... Затем в каждом периоде определились элементы более старые и более новые, и наконец, для тех и других отыскивались аналогии в других русских древностях, более или менее точно датированных, и так выяснялась их дата. Так определена была главная масса вещей... Предметов, упорно не поддающихся определению, в коллекции оказалось сравнительно небольшое количество» (Спицын 1902: 18). Так старшим членом ИАК А. А. Спицыным в рамках основной научной деятельности Комиссии впервые была предложена периодизация прикамской археологии, которая легла в основу существующей в настоящее время периодизации. Как отмечал О. Н. Бадер, А. А. Спицын, по сути, установил для Прикамья эпохи железа ананьинско-пьяноборскую, гляденовскую и ломоватовскую культуры, а также культурные типы X–XV вв. (Бадер 1950: 28). Важнейшим вкладом А. А. Спицына в развитие прикамской археологии стало определение хронологии многочисленных категорий вещей. Как отмечал сам автор, «точнее всего определены вещи IX, X, XI и XIII–XIV вв., менее точно — предметы из кости и вещи XII в. Вещей VII в. не отмечено вовсе, хотя возможно, что они в собрании имеются» (Спицын 1902: 19).

Для эпохи средневековья А. А. Спицын выделил несколько периодов начиная с V в. и заканчивая XIV в. Знакомство с карточками, подготовленными им к этому выпуску «Материалов по археологии России», которые хранятся в «фонде Спицына» в Научном архиве ИИМК РАН, позволяет понять его подход к выделению хронологических этапов в развитии древних вещей (РА, ф. 5, д. 48). Опираясь на ряд монетных находок V–VII вв. (Зарядятский, Плесинский и другие могильники), А. А. Спицын разрабатывает хронологию, разбивая вещи на

«Шаманские изображения» из раскопок Н. Н. Новокрещенных на Гляденовском костыще 1896–1899 гг. Пермская губерния. Фото К. Ф. Чайковского (ФА, F 125/2)

«Шаманские изображения» из раскопок Н. Н. Новокрещенных на Гляденовском костыце 1896–1899 гг. Пермская губерния. Фото К. Ф. Чайковского (ФА, F 125/17, 25)

типы и датируя их по развитию от простого к сложному, что ему в то время представлялось справедливым. Так, все браслеты почему-то им отнесены к X в., биконьковые подвески — к IX–XIII вв., биякорьковые подвески — к X–XII вв. В качестве датированных аналогий он привлекает находки гривен, лунниц и накладок из числа находок в Болгарах и на Руси.

Хронология прикамских средневековых древностей А. А. Спицына на протяжении долгого времени являлась определяющей для пермских археологов, несмотря на то что еще в предисловии к изданию коллекции Теплоуховых А. А. Спицын сделал следующее замечание: «...она еще далека от совершенства. Каждое хронологическое определение должно быть принято как первая попытка установить дату того или другого предмета и с оговоркою, что оно установлено лишь приблизительно» (Спицын 1902: 18). Впоследствии в 1933 г. от его имени будут опубликованы такие строки: «Данная мною в 1902 г. (МАР № 26) хронология основана на печальном недоразумении и есть одно из моих неприятнейших воспоминаний» (Древности Камы 1933: 4). Однако для начала XX столетия хронология и периодизация, предложенные А. А. Спицыным для средневекового Прикамья, были единственными и послужили основой для дальнейшей систематизации средневековых древностей. В определенном смысле они сформировали современные представления о хронологии и периодизации средневековых археологических культур не только Пермского, но в целом всего Предуралья. Именно такая зависимость от этой, во многом ошибочной, хронологии и периодизации Спицына является, на наш взгляд, причиной многих хронологических лакун, нестыковок и споров в современной археологии Прикамья. Несмотря на это, последующие исследователи высоко оценили вклад А. А. Спицына в определение хронологии прикамского материала. К примеру, М. В. Талицкий отмечал, что, несмотря на отдельные неточности, «в целом вещи X–XIV вв. им определены были, безусловно, верно» (Талицкий 1951: 33).

Спицын неоднократно давал научные консультации и советы Ф. А. Теплоухову и другим пермским археологам, это наглядно видно из его переписки с Ф. А. Теплоуховым, сохранившейся в Пермском областном архиве. Его оценки деятельности пермских коллег были высоки. Так, после ознакомления с коллекцией Теплоуховых и методами ее сбора он отмечал особенно качественное ведение авторами коллекции «Археологического дневника», который, по его оценке, является ключом к археологической коллекции Теплоуховых, и без него она не имеет «и трети своего значения». Необходимо отметить, что Ф. А. Теплоухов в своей деятельности руководствовался программой С. В. Ешевского, которая предполагала не только приобретение и собирание древностей, а также сбор сведений об археологических памятниках Пермского края, как опубликованных, так и неопубликованных, и о частных коллекциях, но и группировку предметов по «характеристическим особенностям», по сути дела, их типологию, с последующим изданием (Ешевский 1859: 138). «Дневник» Теплоухова (Археологический дневник А. Е. Теплоухова — РА, ф. 48, д. 1; Археологический дневник Ф. А. Теплоухова — РА, ф. 48, д. 2) хранится не в Перми и, особенно в наше время, в силу экономических обстоятельств мало доступен пермским музейщикам, хранящим саму коллекцию.

В 1903 г. И. Н. Смирновым для «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона была написана статья о пермском зверином стиле на основе анализа предметов Гляденовского костыща и коллекции Ф. А. Теплоухова. Автор увидел в предметах пермского звериного стиля детали шаманского костюма и отражение тотемических представлений «чуди» (Смирнов 1903: 20–23).

Продолжая «чудскую программу» ИАК, А. А. Спицын предпринимает научную систематизацию описанных И. Н. Смирновым предметов пермского звериного стиля. На основе работы с «коллекцией Теплоухова» А. А. Спицын составляет подробный каталог всех известных

ему изделий пермского звериного стиля, который насчитывал 496 позиций (Спицын 1906с). Ему принадлежит и обоснование связи этих предметов с шаманскими представлениями финно-угорских народов и их эволюцией во времени, воплотившейся в примитивизации композиций и деградации техники исполнения, что было характерно для обширного региона бассейнов рек Оби, Иртыша, Камы с прилегающими частями бассейнов Вычегды и Печоры. Исследуя пермский звериный стиль, А. А. Спицын считал районом распространения культового литья бассейн р. Оби с Иртышом и бассейн Камы с прилегающими частями бассейнов Вычегды и Печоры. А. А. Спицын перечислил все известные в то время музейные коллекции «шаманских» изображений: Императорский Эрмитаж, собрание Теплоуховых, коллекция графов Строгановых, Томский и Тобольский музеи, коллекция М. Н. Зеликмана, музей П. И. Щукина, а также Пермский, Екатеринбургский, Румянцевский музеи.

Лучшие изображения пермского звериного стиля, своеобразный «золотой век», по мнению А. А. Спицына, относятся к VIII–IX вв. (Очерки... 2002: 176). Именно он сформулировал причину особенностей этого художественного стиля, связав ее с тем, что «возник он в очень своеобразной стране, сочетавшей тонкую роскошь сасанидского серебра с первобытной грубостью диких охотников». А. А. Спицын считал, что возникновение пермского звериного стиля могло быть связано с влиянием на местные народы иранских верований и искусства: «Из того же источника должны были выйти разнообразные металлические поделки религиозного значения, вызвавшие обильные местные подражания, причем в культ могли войти и изображения прямо художественного замысла, но почему-либо совпавшие с религиозными представлениями местного населения» (Спицын 1906с: 4–5).

Впоследствии А. А. Спицын неоднократно обращался к пермским материалам для поиска аналогий и сравнения. Систематизаторская и полевая деятельность А. А. Спицына в Пермской губернии имела решающее значение для превращения губернской археологии из любительской в научную. На основании Открытых листов в этой части Пермской губернии полевыми изысканиями занимались секретарь пермской комиссии УОЛЕ С. И. Сергеев, Н. В. Сорокин, В. Л. Борисов, Д. А. Удинцев и другие исследователи.

Если в изучении западной (Прикамской) части Пермской губернии активно участвовал член ИАК А. А. Спицын, то в ее восточной части работал член ИАК В. Г. Дружинин. В 1891–1895 гг. он произвел раскопки городища Большая Нанюга близ Кыштымского завода в Екатеринбургском уезде Пермской губернии (ОИАК за 1891 г. 1893: 106–117, 130; ОИАК за 1892 г. 1894: 70–71; ОИАК за 1893 г. 1895: 22; ОИАК за 1894 г. 1896: 28–29; 1891 г., д. 88; 1892 г., д. 89; 1893 г., д. 63; 1894 г., д. 80; ФА, II 13129–13131, 25759–25763, II 25746–25758, IV 178–183, Q 377/2, 4). В Пермской губернии В. Г. Дружинин также изучал курганы в г. Верхотурье и близ д. Муслюмово: сохранились редкие для того времени снимки видов курганов и процесса раскопок (1895 г., д. 149; ФА, Q 395/16–25, Q 400/18, 19). В. Г. Дружинин был членом Уральского общества любителей естествознания, Каслинского общественного собрания и одним из совладельцев Кыштымского завода и производил раскопки археологических памятников на заводской территории, совмещая их с инспекторскими поездками.

В деле изучения местных древностей активно сотрудничали с Комиссией Н. Е. Макаренко, а также В. В. Гольмстен, Д. Н. Эдинг, С. И. Руденко и другие специалисты. Так, исследование Чортова городища и могильника при нем близ д. Александровка Белебеевского уезда было осуществлено В. В. Гольмстен и Д. Н. Эдингом в 1910–1912 гг. (ОИАК за 1912 г. 1916: 75; 1912 г., д. 114; ФА, III 11840–11843, 12207–12209, 12588–12590).

ИАК активно содействовала развитию местной археологии и в этой части Урала. Из наиболее активных исследователей, работавших на основании Открытых листов ИАК, следует

Раскопки В. Г. Дружинина в д. Муслюмово. Пермская губерния.
Фото В. Г. Дружинина 1891–1895 гг. (ФА, Q 395/16)

отметить преподавателя екатеринбургской гимназии, ученого секретаря Уральского общества любителей естествознания О. Е. Клера, которому принадлежит честь открывателя свайных построек на Горбуновском торфянике. Помост из сосновых бревен держался на настиле из продольных бревен, опиравшихся на крепкие колья. На одном конце помоста находился домик с двускатной крышей, внутри которого были найдены горшок из глины и каменные орудия.

Необходимо упомянуть и других исследователей. В 1906 г. чиновник особых поручений при переселенческом Управлении, член Уральского общества любителей естествознания Н. К. Минко исследовал курган близ г. Челябинска, а в 1907–1909 гг. — курганы в пос. Смолино, Сосновский и Исаково близ г. Челябинска (ОИАК за 1907 г. 1910: 127; 1904 г., д. 219; 1907 г., д. 219; ФА, Q 679/1–55). А в 1914 г. археолог, действительный член Императорского Археологического института В. Я. Толмачев исследовал Бакланский могильник на р. Миасс в Уфимской губернии. При раскопках был обнаружен фрагментированный глиняный сосуд с врезанным орнаментом. Большое количество снимков В. Я. Толмачева, сделанных им в 1911–1914 гг. к работе «Древности Восточного Урала», нашло свое место в фонде А. А. Спицына (Прошлое Урала 1993).

Исследования ИАК, осуществляемые как специалистами-членами Комиссии, так и местными исследователями, получавшими в ИАК Открытые листы, проводились в Уральском регионе вплоть до ликвидации всех учреждений императорской России в 1917 г., при этом постоянно совершенствовалась методика изучения разнотипных и разновременных памятников. Эти изменения находили свое отражение в отчетах исследователей, качество которых контролировалось ИАК, что дополнительно подчеркивало ее роль как научно-методического археологического центра России.

Кроме организации и проведения научных археологических изысканий в обязанности ИАК входило «разыскание» предметов древности, их фотографирование и передача на хранение в музеи. Прежде всего, это различные предметы восточной, преимущественно Сасанидской, торевтики, найденные в различных местах Пермской и Уфимской губерний, а также различные другие древние изделия. Часть из этих находок после фотографирования возвращалась на места, однако большая их часть составила коллекции в Императорском Эрмитаже (Длужневская 2007: 128). Кроме того, ИАК занималась перераспределением между различными музеями предметов, которые поступали в Комиссию от разных частных находчиков из уральских губерний.

Помимо учета и распределения древностей, их определения и проведения полевых исследований в разных частях Урала ИАК зачастую решала и иные проблемы, связанные со становлением провинциальной научной археологии. Так, ИАК противостояла ограблению археологических памятников местными жителями, не только крестьянами, но и представителями иных сословий, тем более, что в России конца XIX–начала XX в. это явление приобрело практически такой же катастрофический характер, как и современное развитие грабительской «черной» археологии. В июне 1874 г. А. Е. Теплоухов записывает в «Дневнике», что купец П. А. Степанов из с. Ильинского специально ездит в с. Рождественское, дабы скупать старые вещи из серебра и золота. А. Е. Теплоухов дал интересное пояснение судьбе предметов, скупаемых купцами: «Находимые в Пермской губернии серебряные вещи привозили в Вятку, где, как сказал И. Кривощек, братья Агафоновы в иной год перерабатывали до 30 пудов серебра и 20 пудов золота на разные образки и прочие вещи. По их словам, серебряные вещи, находимые в земле, из хорошего серебра, лучше, чем наше, оно лучше плавится и меньше чернеет на воздухе. Поэтому находчики серебряных вещей и перекупщики везут его в Вятку» (РА, ф. 48, д. 1–2, тетр. V, л. 194). В своем отчете об исследованиях Рождественского городища и могильника Н. Н. Новокрещенных сообщал следующие сведения: «Наследники Хатинского — теперь Полежаева — жида, поселившиеся в Рождественском селе в виде управляющих смотрителей, скупают „найдушки“ и отправляют для продажи в Нижний. Один из этих жидов говорил мне, что купил „найдушек“ на 25 копеек, а передал в Нижний за 3 рубля» (1889 г., д. 29, л. 13).

В фонде ИАК в Научном архиве ИИМК имеется копия письма, которое 16 февраля 1898 г. за подписью председателя ИАК А. А. Бобринского было направлено на имя пермского губернатора. В письме по просьбе Н. Н. Новокрещенных, председателя Пермской комиссии УОЛЕ и Пермской губернской ученой архивной комиссии, выражалась благодарность полицейскому уряднику Лавру Егоровичу Короваеву, проживающему в с. Рождественское, за ревностную охрану им местных городищ от незаконных раскопок (1898 г., д. 90,

Иван Яковлевич Кривощек (1854–1916)
(Вишневский 1961)

Медведь. Бронза. Находка близ с. Екатериновка Осиновского уезда Пермской губернии (1900 г., д. 85, л. 59)

Сосуды, найденные у д. Кошелевка Пермской губернии (1900 г., д. 85, л. 63, 67)

л. 18). Таким образом, ИАК вносила свою лепту и в решение проблемы охраны культурного наследия Урала.

Н. Н. Новокрещенных в конце 1890–1900-х гг. вообще стал одним из главных агентов ИАК в Пермской губернии. Археологическая Комиссия неоднократно прибегала к его помощи для приобретения найденных в Пермском крае древностей, проверки сведений об этих находках и выяснения их археологического контекста. В марте 1900 г. земский начальник 4-го участка Уинской волости Осиновского уезда Пермской губернии Левшинов сообщил в РАО о древних вещах, найденных близ с. Екатериновка при распашке земли. Записка поступила в ИАК, и 13 мая Комиссия обратилась к нему с просьбой предохранить этот участок земли от раскопок. 20 мая из Петербурга было отправлено письмо к Н. Н. Новокрещенных. Адресата спрашивали, не найдет ли он возможным принять на себя труд разыскать место находки и исследовать его. Для этих целей ему выделялось 150 руб. при условии, что предметы, которые могут быть найдены, должны быть отправлены в Комиссию. 31 мая, полагая, что речь идет об открытии еще одного «костища», он дает свое согласие и уже 19 июня присылает в ИАК краткий отчет о поездке (1900 г., д. 85, л. 1, 4, 5, 16–17 об.). Однако тогда же возникли проблемы с самим Левшиновым, который приобретал найденные вещи за свой счет, потратив на это 35 руб., и искренне считал, что это его собственность, которую он жертвует государству. ИАК, объяснив, что найденные на крестьянской земле вещи составляют государственную собственность, все же сочла возможным вознаградить земского начальника.

К «просвещенному и неоднократно испытанному содействию» Н. Н. Новокрещенных Комиссия вновь обратилась 14 октября того же года в связи с приобретением серебряных сосудов, найденных у д. Кошелевка и хранящихся у владельца Суксунского завода И. Г. Каменского. В 1901 г. они были получены ИАК в обмен на фарфоровые изделия Императорской фабрики (1900 г., д. 85, л. 31–31 об., 33–33 об.).

Благодаря активным действиям ИАК и местных археологических обществ совместными усилиями к началу «советского» периода истории археологической науки на территории Среднего Урала были выявлены и подвергнуты изучению несколько десятков поселений, могильников, святилищ эпохи железа и средневековья, выявлены писаницы, изучены первые поселения каменной эпохи. Были систематизированы многие коллекции «чудских» вещей, в том числе коллекции звериного стиля, находки художественного восточного серебра. Были заложены научные основы систематизации и охраны памятников археологии. В настоящее время, когда на территории Урала известно несколько тысяч археологических объектов, те десятки памятников, исследованных еще сотрудниками ИАК или местными археологами по заданию Комиссии, представляют собой классические опорные памятники разных археологических эпох и культур.

О. В. Игнатьева, Н. Б. Крыласова, А. М. Белавин

ГЛАВА IX

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КАВКАЗА И ПРЕДКАВКАЗЬЯ

Кавказ лежит на скрещении путей, связывающих древние культуры Востока и Запада, Азии и Европы. Этот регион насыщен множеством разнообразных археологических памятников, хранящих следы истории и культуры местных племен и их взаимодействия с народами сопредельных регионов. Памятники Кавказа являются ценнейшими объектами культурного наследия и неисчерпаемым источником исторической информации.

Кавказ всегда был регионом столкновения интересов крупных держав, и это, как и процесс его включения в состав Российской империи, в значительной степени определило ход и хронологию историко-археологического изучения края. Изучение древностей Кавказа неразрывно связано с историей России. Подобно тому, как внимание к античным памятникам впервые проявилось после присоединения Крыма и Северного Причерноморья и начала их освоения русскими переселенцами, так и древняя история Кавказа в качестве темы для российской науки появилась с приходом России к предгорьям Кавказа. Несмотря на различие политических судеб самого Кавказа и Предкавказья, культурно-историческое прошлое, пронизанность общими культурными импульсами и логика развития российской археологии позволяют рассмотреть историю деятельности ИАК в этом регионе в рамках единого очерка. Интеграция Кавказа в Российскую империю в середине–третьей четверти XIX в. способствовала не только распространению исследовательских интересов Комиссии за Кавказский хребет, но интенсификации археологических разысканий на Северном Кавказе и Предкавказье, а также на Кубани и Таманском полуострове.

Россияне обратили внимание на древности Кавказа и Предкавказья еще при реализации «Петровского проекта» по выходу России к побережьям Черного, Азовского и Каспийского морей. Ко времени персидского похода Петра на Каспий относится упоминание средневековых стен Дербента, перекрывавших проход от горных отрогов до моря. Наибольшим вниманием путешественников на Северном Кавказе пользовались развалины средневекового города Маджары вблизи современного г. Буденновска в Ставропольском крае. В 1734 г. Маджары осмотрела экспедиция, направленная для исследования Северного Кавказа астраханским губернатором Татищевым (Прозрителев 1906: 3; Колесникова 1996: 50) (*смотри главу XI*). О десятке древних каменных христианских церквей в осетинских селениях, для части из которых «известны названия, а в некоторых сохранились святые иконы», впервые упоминается в донесении протоиерея Иоанна Болгарского Святейшему Синоду в 1780 г. (Каменский 1887: 142).

Начало научному исследованию Кавказа было положено экспедициями Академии наук в XVIII в. Императрица Екатерина Великая пыталась реализовать «Греческий проект» на южном направлении российской политики. Развернулась борьба за «византийское наследство», и Кавказ с христианскими грузинскими и армянскими царствами и княжествами был

вовлечен в орбиту этой борьбы. Во второй половине XVIII в. на Кавказе работали академические экспедиции: И. А. Гюльденштедта в 1769–1773 гг., С. Г. Гмелина в 1771–1773 гг., П. С. Палласа в 1793–1794 гг. (Колесникова 1996: 48–49). Сведения об археологических памятниках Кавказа и о христианских храмах оставили ученые и путешественники, посетившие регион в конце XVIII–первой половине XIX в., — Я. Рейгс, И. О. Потоцкий, Т. Мариньи, Г. Ю. Клапрот, Д. Монпере, Н. А. Муравьев (Там же: 49–50).

В это время Россия воевала за Кавказ с Ираном и Турцией. Еще в XVIII в. на берегах Кубани и Терека сформировалась Кавказская пограничная линия — южный рубеж России. При Екатерине II кавказский театр военных действий служил лишь для того, чтобы оттянуть часть турецких войск от основного направления — причерноморского. Борьба с Османской империей в 1774 г. завершилась Кучук-Кайнарджийским договором и аннексией Россией Крымского ханства с его кубанской частью. Георгиевский трактат 1783 г. предотвратил включение Картли-Кахетинского царства в состав Ирана и установил российский протекторат над Восточной Грузией. В 1801 г. Картли-Кахетинское царство вошло в состав России в качестве Грузинской губернии. В 1804–1810 гг. были присоединены княжества Западной Грузии и Абхазии. По Гюлистанскому мирному договору 1813 г. персидский шах навечно признал за Россией право на Дагестан, Грузию, ханства Бакинское, Ганжинское, Дербентское, Карабахское, Кубинское, Шекинское, Ширванское и Талышское. В 1828 г. по Туркманчайскому мирному договору с Ираном Восточная Армения также была присоединена к Российской империи. Адрианопольский мир с Турцией 1829 г. передавал под владычество российского императора Черноморское побережье Кавказа южнее Кубани.

Формально с этого времени весь Кавказ вошел в состав Российской империи, однако горские племена Северного Кавказа воспринимали продвижение русских войск как посягательство на их независимость. Активная фаза кавказской войны для Российской империи началась в XIX в., когда Закавказье вошло в состав России. Тогда была проложена Военно-Грузинская дорога, и горские общины Северного Кавказа оказались в тылу русских войск. Изначально боевыми действиями российских войск руководил генерал А. П. Ермолов. Окончание войны было связано с назначением на пост главнокомандующего князя А. И. Барятинского, который начал планомерную работу по строительству крепостей, прорубанию просек и переселению казаков для освоения подконтрольных территорий. Для поощрения горцев, решивших перейти на службу «белому царю», А. И. Барятинский получил значительные суммы из казны и создал особую систему управления с привлечением местной знати (Олейников 2004).

Восточная часть Северного Кавказа была замирена пленением Шамиля в ауле Гуниб в год основания Императорской Археологической Комиссии, но боевые действия в его западной части продолжались еще пять лет до капитуляции убыхов в урочище Кбаада (современная Красная Поляна, Краснодарский край) в 1864 г. Последовавшая массовая депортация адыгских, абазинских и абхазских обществ с Западного Кавказа была обусловлена продолжающимся противостоянием с Турцией. Заселяя освободившиеся местности казаками и гражданскими переселенцами, Россия стремилась ликвидировать плацдарм возможной интервенции на Северо-Западный Кавказ, в тыл русскому Закавказью. В мае 1877–1878 гг. ситуация повторилась: часть абхазского населения, принимавшая участие в восстании на Западном Кавказе в ходе русско-турецкой войны, ушла вместе с отступавшими турецкими войсками. В результате лишь оставшиеся верными России абхазы удержали частную собственность на землю, закрепленную за ними по положению 1870 г., хотя отдельные очаги восстания горцев на Кавказе сохранялись и после официального окончания войны, вплоть до 1884 г.

Интеграция Кавказа в состав России сопровождалась мероприятиями культурного характера, связанными с изучением и реставрацией христианских и аланских памятников. Первые описания архитектурных и археологических памятников в XIX в. были сделаны офицерами русской армии, военными топографами и путешественниками, служившими на Кавказе. Майор Потемкин в 1802 г. посетил Нижне-Архызское городище и описал в путевом дневнике существующие здесь христианские храмы (Кузнецов 1973: 6). Начальник Кавказской линии и Черноморья генерал от кавалерии Г. А. Эммануэль в 1829 г., получив сообщение о старинных храмах близ аулов Сенты и Шоан, отправил на Теберду и Кубань архитектора И. Бернардацци в сопровождении 50 казаков и двух горских князей. И. Бернардацци обследовал аланские святилища и скопировал надписи на расположенных рядом кладбищах. Результатом поездки явилась статья в «Журнале Министерства внутренних дел». Г. А. Эммануэль вознамерился отреставрировать церкви, возобновить в них службу и крестить проживавших здесь абазинцев и другие черкесские и карачаевские племена. Проект создания форпоста христианства одобрил Николай I, но в Карачае опять вспыхнула война, а Г. А. Эммануэля сменил генерал А. А. Вельяминов, предпочитавший «жесткий», силовой подход во взаимоотношениях с горскими племенами. Упоминания о древних христианских храмах в предгорьях Северного Кавказа оставили, например, члены Русского археологического общества Нарышкины (Отчет гг. Нарышкиных 1876: 363). Храмы и развалины Хумаринской крепости осматривал также миссионер А. Фиркович (Фиркович 1857). С именем последнего связано первое исследование археологического памятника на Северном Кавказе — раскопки кургана у сел. Псыгансу в Кабарде в 1849 г. (Иессен 1941: 9).

Многолетняя кавказская война, длившаяся почти полвека, вызвала и поддерживала интерес русского общества к Кавказу, к его природе, истории, к нравам и обычаям его разнплеменного населения. Российское общество волею судеб познакомилось с Кавказом и благодаря побывавшим на театре военных действий писателям и поэтам: А. Полежаеву, А. А. Бестужеву-Марлинскому, М. Ю. Лермонтову, Л. Н. Толстому. Интерес к прошлому России и к истории вновь присоединенного Кавказа возрос необычайно именно в период социально-политических преобразований всех сторон жизни русского общества во второй половине 50-х–70-е гг. XIX в. В год основания Императорской Археологической Комиссии А. И. Бярятинский инициировал организацию Общества восстановления христианства на Кавказе, которое занималось просвещением и образованием среди горцев Кавказа, распространяя свою деятельность преимущественно на районы, где население исторически исповедовало христианство. К изучению археологических памятников Кавказа приступили местные археологические общества. Со второй половины 80-х гг. XIX в. все шире распространяется практика этнографических и статистических описаний управляемых территорий, что продолжает традицию военно-разведывательного описания племен и местностей Кавказа.

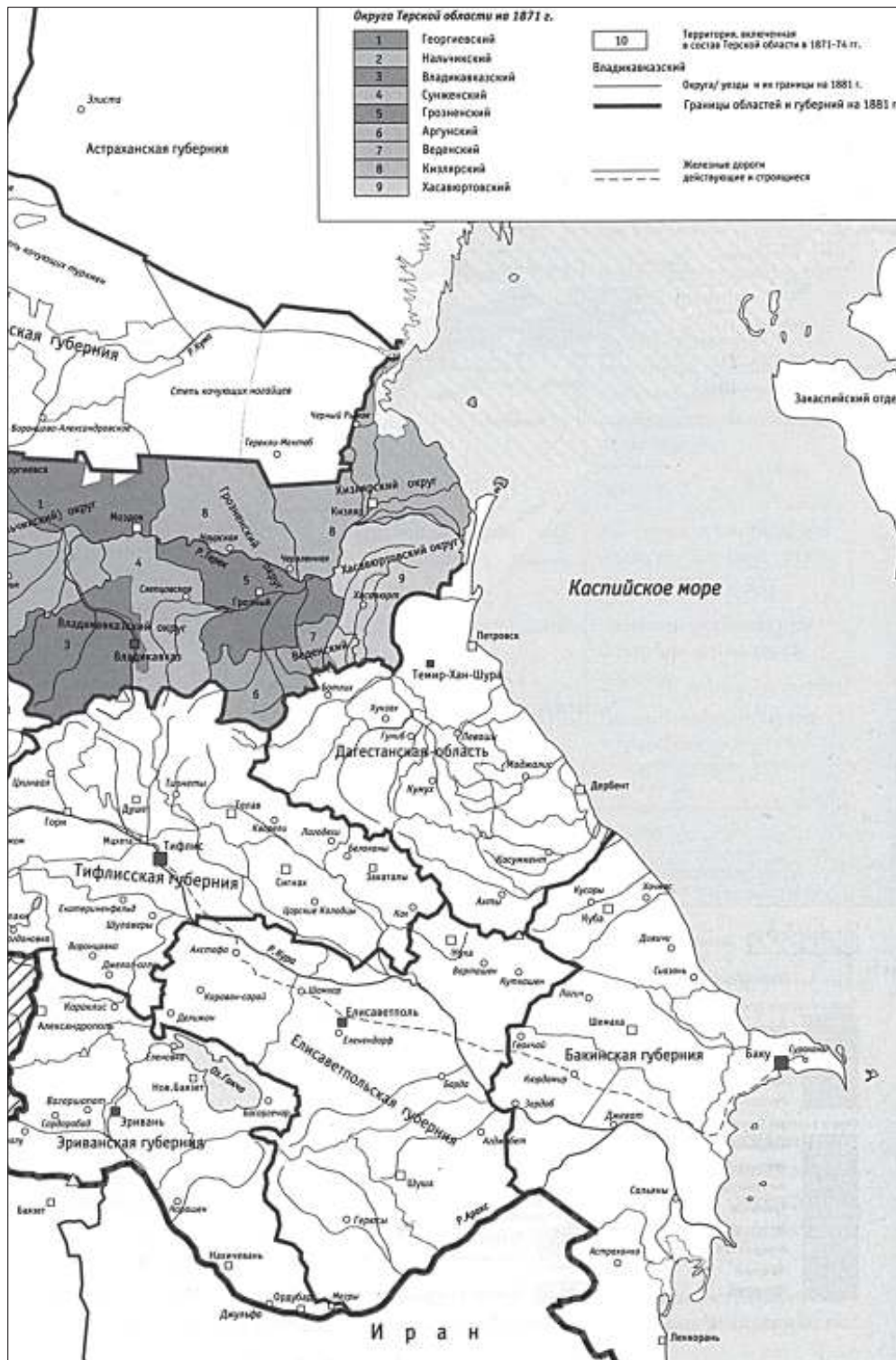
Создание Императорской Археологической Комиссии в 1859 г. совпало с рядом внешне- и внутривнутриполитических событий, так или иначе влиявших на положение на Кавказе и способствовавших его изучению. 1860–1870-е гг. с их либеральными реформами Александра II и установлением «гласности» характеризовались политическим курсом на сближение этого региона с остальной Россией. Александр III упразднил институт наместничества, приступив к созданию административно «однородной» национально ориентированной Империи.

Административно-территориальное деление в Закавказье в 1880-е гг. включало в себя Бакинскую, Елисаветпольскую, Кутаисскую, Тифлисскую, Эриванскую губернии, Карскую область и Черноморский округ, а на Северном Кавказе — Кубанскую, Терскую, Дагестанскую

Округа Терской области на 1871 г.

1	Георгиевский
2	Нальчикский
3	Владикавказский
4	Сунженский
5	Грозненский
6	Аргунский
7	Веденский
8	Кизлярский
9	Хасавюртовский

- 10 Территории, включенные в состав Терской области в 1871-74 гг.
- Владикавказский
- Округа/уезды и их границы на 1881 г.
- Границы областей и губерний на 1881 г.
- Железные дороги действующие и строящиеся

Мцхети. Церковь Джвари Сакдари: рельеф на розовом квадратном камне с изображением ангела с крестом в руке. Фото Н. Я. Марра, 1907 г. (ФА, Q 470/10)

Из клада вещей, приобретенного Г. Д. Филимоновым в ауле Казбек в Осетии: бронзовые изделия. Тифлисский музей. Фото Д. И. Ермакова. 1890-е гг. (ФА, Q. 506/7)

область и Ставропольскую губернию (Щуцьев 2006: 29–30). Территориально-административное деление Кавказа важно учитывать, поскольку оно напрямую связано с исследовательской деятельностью ИАК, а позднее научных центров Советского Союза и Содружества Независимых Государств. Последующие полтора века археологические изучения Кавказа основывались на искусственно установленных административных и политических границах, не имеющих ничего общего с ареалами древних археологических культур, границами исторических государств, территориями проживания местных народов. В «русле» процесса унификации Российской империи можно рассматривать и Высочайшее повеление 1889 г. об исключительном праве ИАК выдавать разрешения на раскопки и о контроле с ее стороны над всеми археологическими исследованиями в стране.

Завершение кавказской войны выдвигало на первое место устройство путей сообщения — сухопутных, речных, морских. В 1858 г. А. И. Барятинский инспектирует строительство Военно-Имеретинской дороги, в 1859 г. он проехал по строящейся Военно-Грузинской дороге, а позднее по долине Ардона, где предполагалось построить Военно-Осетинскую дорогу. Мечтой наместника было строительство закавказской железной дороги от Тифлиса до Баку, а затем от Тифлиса до Поти. Вместе с путями сообщения строились города, порты и укрепления (порт Поти, порт Баку, гавань в Петровске, укрепление Гагры и др.). Массовое строительство и связанные с этим земляные работы не могли не привести к обнаружению археологических памятников в регионе, буквально насыщенном ими, что положило начало новому этапу изучения местных древностей.

Когда при прокладке шоссе в местности Самтавро в 1871 г. возле древней столицы Картли Мцхета были разрушены древние погребения, по рекомендации и при содействии ИАК наместник великий князь Михаил Николаевич отправил для проведения раскопок Фридриха Самуиловича Байерна (1817–1886), который с 1851 по 1863 г. заведовал Музеем при Кавказском отделе ИРГО (1872 г., д. 32; Bayern 1885; Абрамишвили 1957; Гобеджишвили 1971; Ломтатидзе 1974; Лордкипанидзе 1989; Пицхелаури 1979; ФА, Q 461/4–6). Исследованные в Самтавро погребения позднее были датированы эпохой поздней бронзы–раннего железа, а на их материалах выделена самтаврская или восточногрузинская культура, синхронная колхидо-кобанской. В том же 1871 г. Александр Давидович Ерицов (Ерицян) (1840–1902) у сел. Ворнак в ущелье р. Дебед раскопал обширный могильник, также аналогичный Самтаврскому (материалы раскопок были опубликованы в газете «Кавказ», № 103 за сентябрь 1871 г.; Записки КОГО 1871). В связи с возросшим интересом к памятникам древней истории Закавказья в Тифлисе в октябре 1871 г. был организован Кавказский археологический комитет, в 1873 г. реорганизованный в Тифлисское Общество любителей кавказской археологии. В ноябре 1872 г. вышел первый выпуск журнала «Кавказская старина», издаваемый А. Д. Ерицовым.

Первым археологическим открытием в Армении было обнаружение могильника «Редкин лагерь» Ф. Байерном в 1879 г. при строительстве дороги в 6 км от г. Дилижана (Bayern 1885: 1–26; Протоколы 1882: 60–62; 1889 г., д. 44; ФА, Q 505/5, 17, 30, 31, 56, 57). Позднее, в 1891 г., председатель ИАК граф А. А. Бобринской осмотрел местность Мец-Чал в ущелье Дилижана, на правом берегу р. Акстафа (Елизаветпольская губерния), и исследовал там 12 погребений в каменных ящиках (1891 г., д. 53, л. 39, 211–213). Только одно из них оказалось нетронутым грабителями, в нем были найдены бронзовые браслеты, височные кольца, медальоны, лунница, сурьмяные подвески и «пуговицы», сердоликовые бусы и большое количество глиняных сосудов. Находки датируются II тыс. до н.э. Необходимо отметить, что материалы этого могильника важны для понимания ситуации поздней бронзы–начала железного века

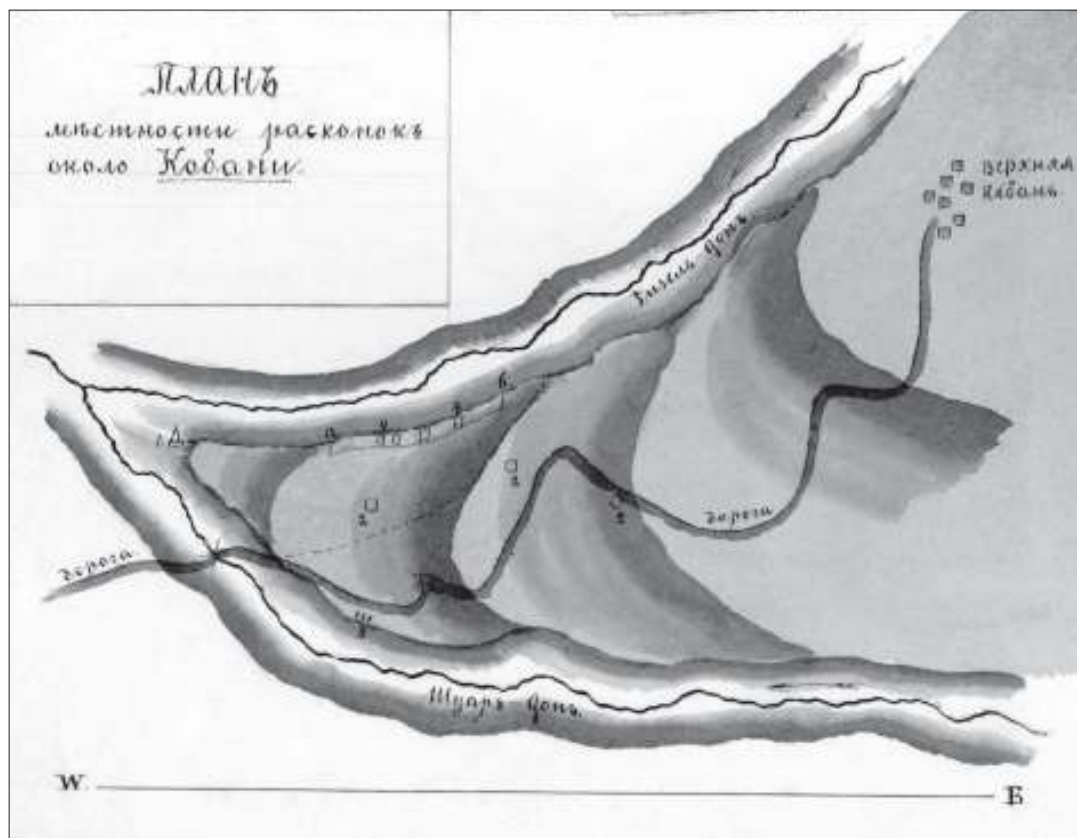
в Закавказье. Обнаруженные погребения относятся к периодам поздней бронзы–раннему железу, а находки сходны с материалами Самтаврского могильника (Мартиросян 1964).

Необходимо отметить, что в эти годы активное участие в изучении кавказских памятников принимало Московское археологическое общество и его руководители А. С. Уваров и П. С. Уварова. Еще на II Археологическом съезде в Санкт-Петербурге председатель Кавказского археологического комитета Адольф Петрович Берже (1828–1886) огласил «Записку об археологии Кавказа», где представил обзор всех известных памятников. В обзоре на первом месте стояли развалины храмов, монастырей и крепостей, руины древнегреческих, римских и генуэзских поселений, эпиграфические и палеографические памятники. Согласно А. П. Берже, всякое исследование и охрана древностей в России может организовываться только с участием Правительства и ИАК, при участии которых уже был организован Археологический комитет в Тифлисе для оценки древностей и их изучения (Берже 1876). Около этого времени Археологическая Комиссия осуществляла археологическое наблюдение и при прокладке Северокавказской железной дороги (1863 г., д. 21, л. 167).

Особую роль в истории изучения Кавказа и всей российской археологии сыграл V Археологический съезд в Тифлисе 8–21 сентября 1881 г. Были разработаны инструкции для исследователей, предприняты экспедиции и проведены раскопки памятников в различных местностях Кавказа. А. С. Уваров лично руководил полевыми работами в 1879–1881 гг. в Осетии, Дагестане, в долине Аракса, в Армавире, в Абаранском и Дилижанском ущельях и изучал Эчмиадзинскую библиотеку. Раскопки памятников предпринимали В. Б. Антонович, Н. С. Поляков, А. Д. Ерицов, К. И. Ольшевский, Н. О. Цилосани (Протоколы 1879: 456–473), Д. З. Бакрадзе, И. Т. Беленький, В. Л. Беренштам (Там же: 297–321). А. А. Русов раскопал курган в Дагестане (Там же: 503–621, Табл. XVI), в районе Дербента, Дешлагара, Чиркаты работали А. В. Комаров, Фр. Байерн и С. В. Штейн (Мунчаев 1961). ИАК, вообще прохладно относившаяся к проведению съездов, переживала в это время закат «эпохи Строганова», что сводило к минимуму ее участие в подготовке мероприятия.

Съезд открыл новую страницу в исследовании Кавказа для представителей российской науки. Как сказал Д. И. Иловайский в выступлении на V Археологическом съезде в Тифлисе 11 сентября 1881 г.: «По стопам совершивших свое славное дело русских военных людей приходят мирные труженики науки, чтобы на месте изучать и удивляться историческим памятникам Кавказа» (Труды 1887: XVI). Тогда же была разработана программа исследования Кавказа. В программу вошли такие разделы как: памятники первобытные; памятники языческие и классические; памятники христианские; памятники мусульманские; памятники искусств и художеств; памятники письма и языка; лингвистика; исторические география и этнография.

Впоследствии Императорская Археологическая Комиссия и ее новый председатель граф А. А. Бобринской естественным образом присоединились к осуществлению этой программы. Комиссия приступила к планомерному археологическому обследованию Кавказа. Активизация деятельности ИАК закономерно совпала с периодом возвращения Кавказа к мирной жизни после 1884 г., с более тесной интеграцией кавказских народов в Российскую империю, с развернувшимся в регионе строительством, с переселенческим движением и возникновением первых курортов в Предкавказье, а позднее и на Черноморском побережье. С конца 1880-х гг. археологические раскопки и исследование памятников Кавказа многие годы вели члены ИАК Н. И. Веселовский, Н. П. Кондаков, Н. Я. Марр, Э. А. Реслер, а также лица, с которыми Комиссия активно сотрудничала: В. Р. Апухтин, В. И. Долбежев, А. А. Миллер.

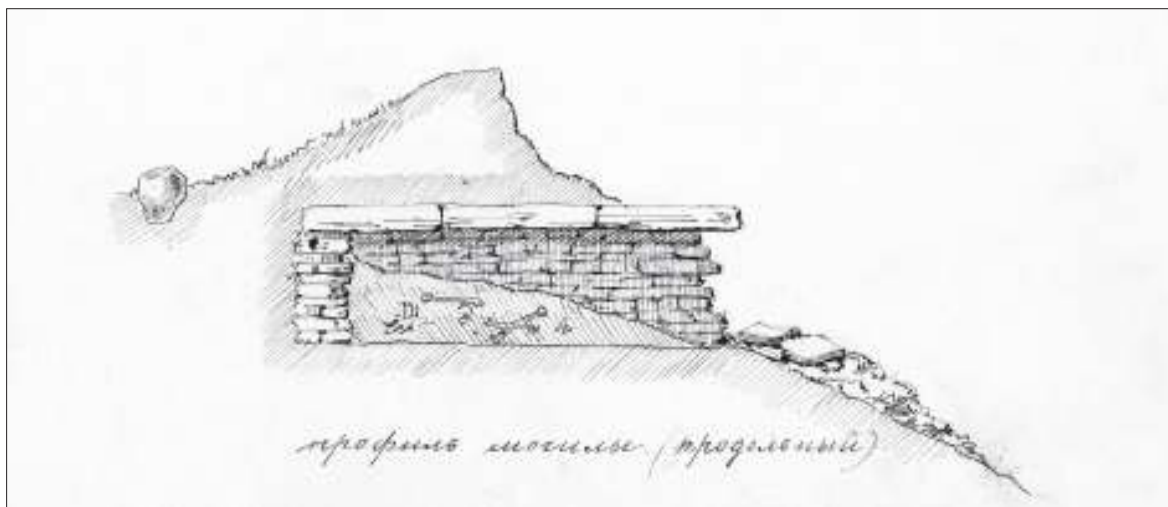
Глазомерный план окрестностей сел. Верхний Кобан. Исследования В.Б. Антоновича (1887 г., д. 68, л. 91)

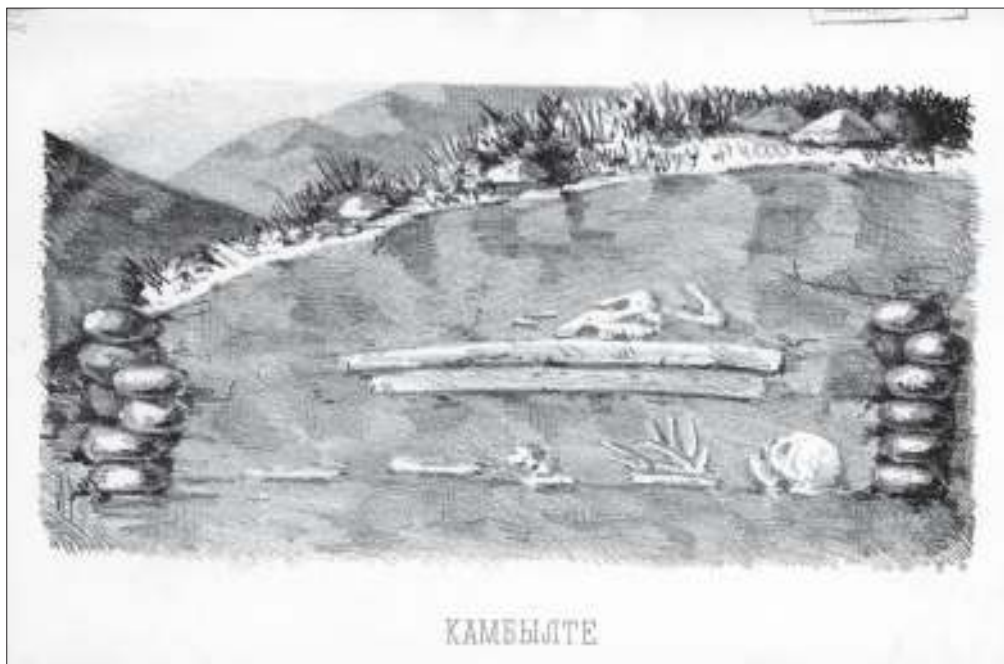
Могильник у сел. Лизгор в местности под названием Нарты-Нахас. Исследования Д.Я. Самоквасова (1887 г., д. 68, л. 98)

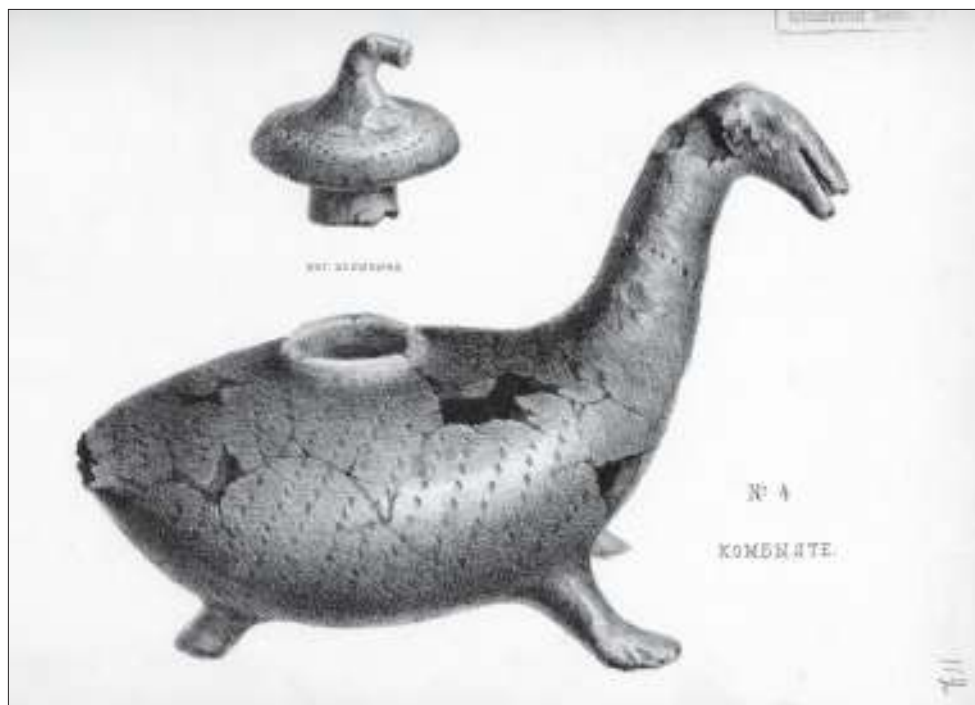
Могильник у сел. Лизгор. Погребение 2 в каменном ящике (1887 г., д. 68, л. 102)

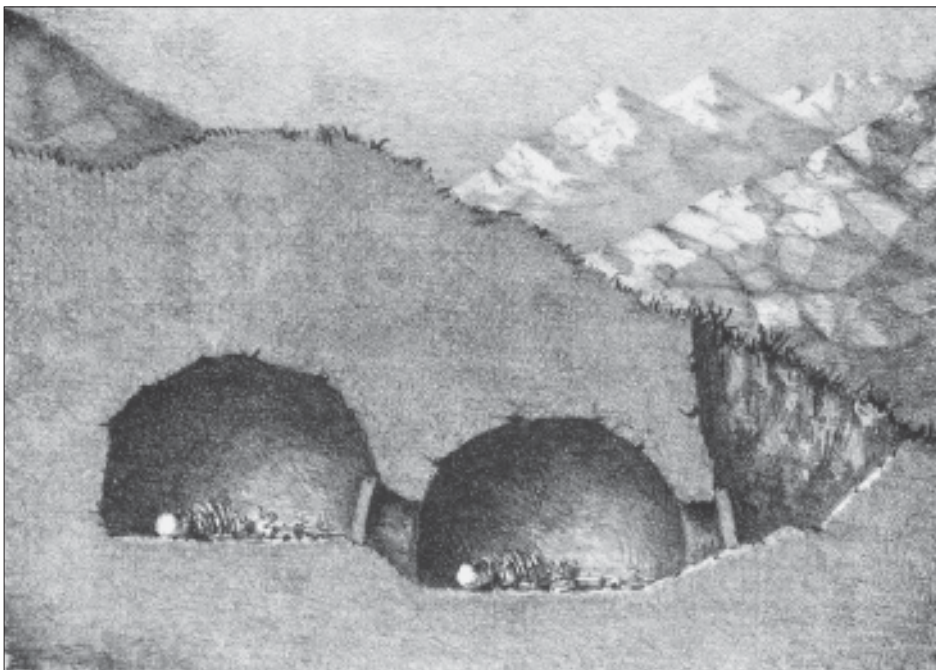
Разрушенный курган у сел. Кумбулта (1887 г., д. 68, л. 105)

Могильник у сел. Кумбулта. Погребение 3.
(1887 г., д. 68, л. 110)

Могильник у сел. Кумбулта. Погребение 3. Сосуд глиняный в виде утки
(1887 г., д. 68, л. 112)

Могильник в местности Саургом у сел. Чми. Катакомбное погребение. Продольный разрез (1887 г., д. 68, л. 92)

Результаты хищнических раскопок Камунтского могильника местными жителями. Рисунок В. Б. Антоновича. 1879 г. (ФА, Q 396/63)

Отдельные экспедиции в те же десятилетия организовали А. А. Бобринской, И. А. Орбели, И. А. Владимиров, Я. И. Смирнов, А. А. Спицын, Д. М. Струков, В. М. Сысоев и др.

Однако деятельность Комиссии внесла важные коррективы в представления о развитии культур Кавказа, которые были высказаны на съезде в Тифлисе. Прежде всего это касалось хронологии местных памятников. Из археологических докладов, прочитанных на съезде, стоит отметить сообщение А. С. Уварова «К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе». Автор относит кобанские бронзы к началу железного века и сопоставляет их с европейскими находками из Гальштата, Виллановы и др. По мнению А. С. Уварова, кобанские бронзы демонстрируют своеобразие, свидетельствующее об их местном кавказском происхождении (Труды 1887: 1–9). Особое значение для периодизации культур Северного Кавказа представлял и доклад профессора Д. Я. Самоквасова «Могильные древности Пятигорского округа» (Самоквасов 1887b). Д. Я. Самоквасов по Высочайшему повелению получал финансовые средства на проведение раскопок начиная с 1875 г. В 1886 г. Д. Я. Самоквасов получил звание члена-корреспондента, а в 1891 г. стал внештатным членом ИАК. В 1882 г. Д. Я. Самоквасов произвел раскопки могильников эпохи раннего железа у сел. Чми, Кумбулта, Лац и Зивгис (1887 г., д. 67, л. 89–120). У сел. Чми, в урочище Саургом («Воровская балка») Д. Я. Самоквасов, прокопав пять траншей, обнаружил 36 катакомбных могил (дальнейшие раскопки были прерваны из-за его болезни). Могилы были датированы Д. Я. Самоквасовым по находкам монет VII–VIII вв. н. э., хотя, по справедливому замечанию П. С. Уваровой, в них встречаются и вещи, сходные с кобанскими (Уварова 1900). Д. Я. Самоквасов по собственной оригинальной методике в 1881–1882 гг. при финансировании со стороны Комиссии раскопал несколько десятков могильников (всего около двух сотен погребений) в районе Пятигорья: — у колоний Константиновской, Николаевской, в урочище «Берег» и в других местностях (1882 г., д. 20; Самоквасов 1881). Д. Я. Самоквасов разделил исследованные им могилы по особенностям обряда и инвентаря на три группы. Первая группа (наиболее поздняя) относится к железному веку — «старые кабардинские могилы», вторая группа синхронизируется с кобанскими древностями начала железного века, третья, наиболее древняя группа погребений не содержала изделий из железа, но включала в состав инвентаря каменные орудия. Эта группа могил отнесена Д. Я. Самоквасовым к эпохе бронзы (Труды 1887). Позднее Д. Я. Самоквасов подготовил каталог к выставке собранных им древностей в Варшаве (Самоквасов 1892) и написал монографию «Могилы Русской земли» (Самоквасов 1908), в которой проанализировал погребальный обряд и предпринял попытку «хронологической классификации» древних погребений. В результате Д. Я. Самоквасов предложил первую научно обоснованную классификацию могильных древностей Пятигорья, опирающуюся на стратиграфические и типологические наблюдения. Через несколько лет А. В. Городцов, учитывая разработки Д. Я. Самоквасова, А. А. Спицына и других, разработает свою периодизацию культур Причерноморья.

Надежную абсолютную хронологическую позицию кавказских древностей эпохи бронзы обосновать было достаточно сложно. Самыми древними здесь считались киммерийские и урартские памятники. Полагали, что эпоха бронзы на Кавказе была не особенно древней и продлилась вплоть до V в. до н. э., когда аборигенов познакомили с обработкой железа греческие колонисты. В конце XIX в. знаменитые «царские» погребения Больших кубанских курганов традиционно сопоставили с ассирийскими древностями Ближнего Востока и с изделиями греческих мастеров в могилах скифских «царей». Позднее, уже в XX в., Большие кубанские курганы сопоставляли с хеттскими древностями, а М. А. Артамонов даже обосновывал их скифскую принадлежность (Артамонов 1974). Поэтому Д. Я. Самоквасов,

в согласии с графом А. С. Уваровым, относил открытые им в Пятигорье окрашенные костяки ранней ступени — к киммерийской эпохе — VII в. до н. э. (Самоквасов 1892; 1908).

В ходе дискуссии, развернувшейся по итогам тифлисского съезда, было высказано мнение о незначительности бронзовой эпохи на Кавказе. Так, Л. Майков прямо утверждал, что Кавказ являлся «захолустьем, лежавшим вдали от культурных центров» (Протоколы 1882). Крупный европейский специалист по первобытным культурам Р. Вирхов, также присутствовавший среди гостей на съезде в Тифлисе, полагал, что на Кавказе не сложилось предпосылок к развитию культур эпохи бронзы, и развитие региона полностью зависело от событий на Востоке. Своеобразие кавказских культур проявилось довольно поздно, уже в исторический период (Virchow 1883). Иной точки зрения придерживался только Жак де Морган, инженер Алавердских рудников, который провел раскопки в 1888 г. на р. Дебед и в Талыше (Иранский Азербайджан), где раскопал 976 погребений конца эпохи бронзы и раннего железа. В Ахтале, у Алаверды и в Мусиери им были исследованы десятки воинских погребений в каменных ящиках. Скелеты в могилах лежали скорченно, на левом боку, головой на север. Инвентарь гробниц был буквально «насыщен» металлическими изделиями из бронзы и железа. Это были в основном предметы вооружения: наконечники копий, стрел, кинжалы, мечи и топоры-секиры. Сравнив находки в могилах Талыша с изделиями соседнего Ирана и Месопотамии, Жак де Морган пришел к выводу о большей древности бронзовой культуры в Закавказье и о тесных (генетических?) связях с культурами Центральной Азии (Morgan 1889).

Б. А. Куфтин в работе «К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии» (Куфтин 1940: 5–7) привел объяснение проблем датировки кавказских древностей, во многом не потерявшее актуальность и сегодня. Он отметил, что в свое время территория Переднего Востока, примыкавшая к Кавказу с юга, была слабо изучена. Поэтому для хронологической периодизации культур Закавказья чаще обращались к Северному Кавказу, Причерноморью и даже к Западной Европе. К тому же, из-за ошибочного понимания направления исторических путей, появилось впечатление об обратной зависимости Кавказа от Причерноморья и Западной Европы, что занизило датировку. Наконец, исторически сложилось преувеличенное внимание к роли письменных памятников ванской эпохи, из-за чего даже неолитические памятники Закавказья пытались «стянуть» к ванскому (урартскому) времени.

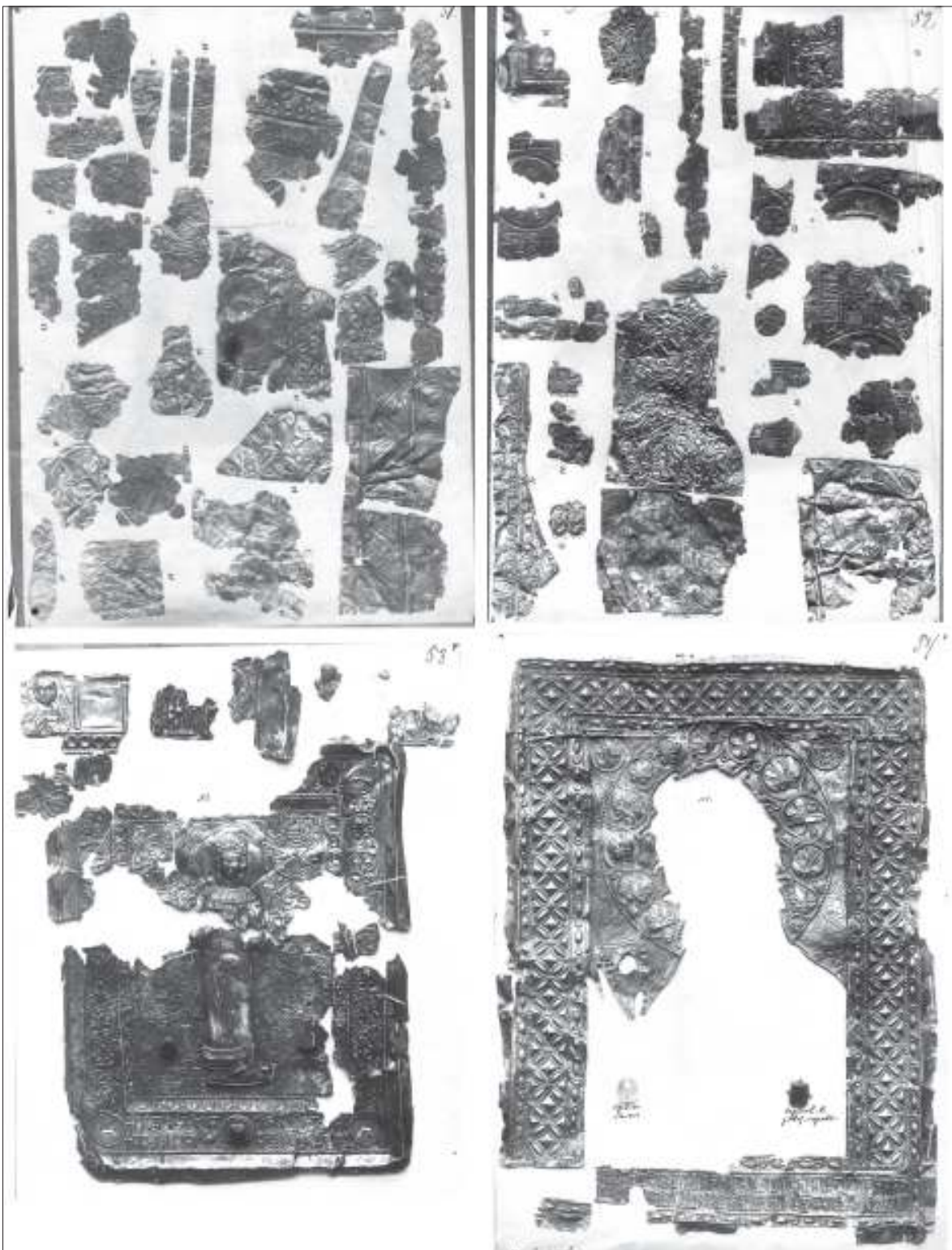
Поэтому ближайшей задачей закавказской археологии являлось выяснение хронологических и стадияльных предшественников кобанской и синхронной ей закавказской бронзы. Отметим, что в XIX и в начале XX в. территория Северного Кавказа была так же слабо изучена, как и Закавказье. Здесь, на Северном Кавказе, А. А. Спицын впервые, опираясь на раскопки Д. Я. Самоквасова и других археологов, предположил существование более древней культуры эпохи бронзы на Кавказе и выделил (на основании характерного погребального обряда) два района погребений с окрашенными костяками — Кубанский и Терский. По мнению А. А. Спицына, культуру бронзы на Кавказ могли принести пришельцы из Малой Азии или из Ассирии (Спицын 1899с).

Именно благодаря работам сотрудников Комиссии была уточнена абсолютная и относительная периодизация кавказских памятников. Выяснилось, в частности, безусловно местное кавказское происхождение феномена кобанских художественных бронз. Исследователи смогли также установить, что Кавказ не был в древности «труднодоступным захолустьем», но являлся ярким культурным центром, тесно связанным с цивилизациями Передней Азии и «жившим с нею одною культурной жизнью» (Гордцов 1910).

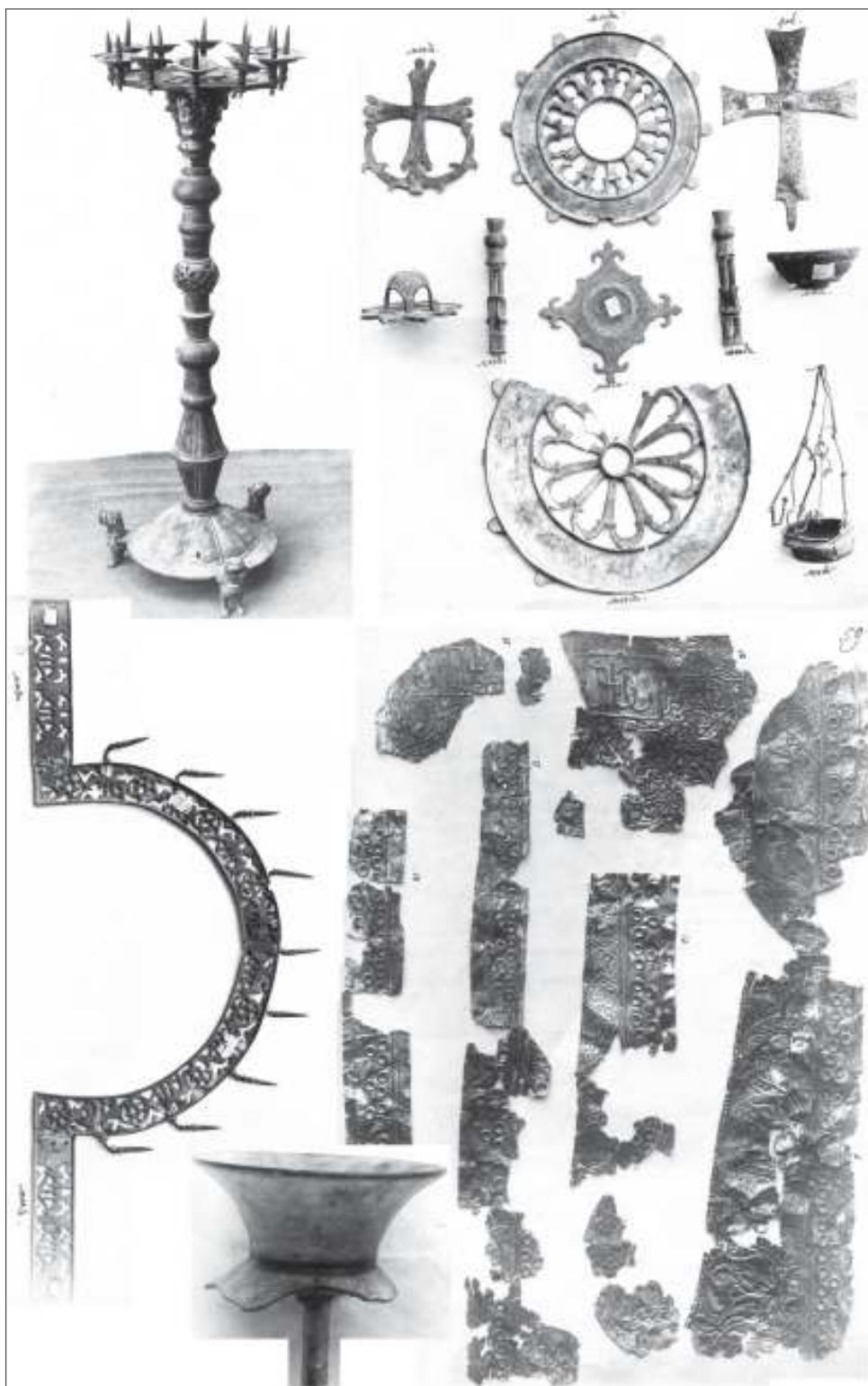
Необходимо отметить, что на начальном этапе деятельности Императорской Археологической Комиссии в этом регионе археологические раскопки велись только на Тамани, в Приазовье и на Нижнем Дону и были связаны преимущественно с изучением древностей Боспора Киммерийского (*подробнее смотри главу II*). Однако уже тогда началось изучение памятников кобанской культуры, некоторые из этих работ были поддержаны ИАК.

В 1875 г. во время строительных работ в крепости Александрополя (Ленинакан) Г.Д. Филимоновым было исследовано погребение воина начала железного века с мечом, кинжалом и наконечниками стрел. Это погребение, судя по сопровождающему инвентарю, синхронно кобанским памятникам. В 1877 г. Г.Д. Филимонов раскопал погребения в могильнике у сел. Кобань (Протоколы 1882). В том же году при дорожных работах у станции Казбек рабочие нашли древние предметы. Комиссия послала обследовать местность Г.Д. Филимонова. Здесь в нескольких металлических сосудах им был найден знаменитый комплекс художественных бронзовых изделий — так называемый «Казбекский клад» (Филимонов 1900; Уварова 1900: 139; Tallgren 1930; ФА, Q 506/7–20). В.Б. Антонович в 1879 г. проводил раскопки могильников в Терской области у сел. Кобань, Камунта, Казбек, Галиат, Зивгис, Эльхотово и Христианское (Протоколы 1879: 216–270), а также составил глазомерный план местности с могильниками у сел. Кобань (1887 г., д. 68, л. 91; Рис. 6 ж). В 1881 г. при подготовке к V Археологическому съезду он раскопал могильники у сел. Кобань в Северной Осетии (Протоколы 1882: 242). Тогда же, в 1882 г. Д.Н. Анучин раскопал несколько погребений и святилище скифского периода в Дагестане у сел. Темир-Хан-Шура (современный г. Буйнакск; Анучин 1884).

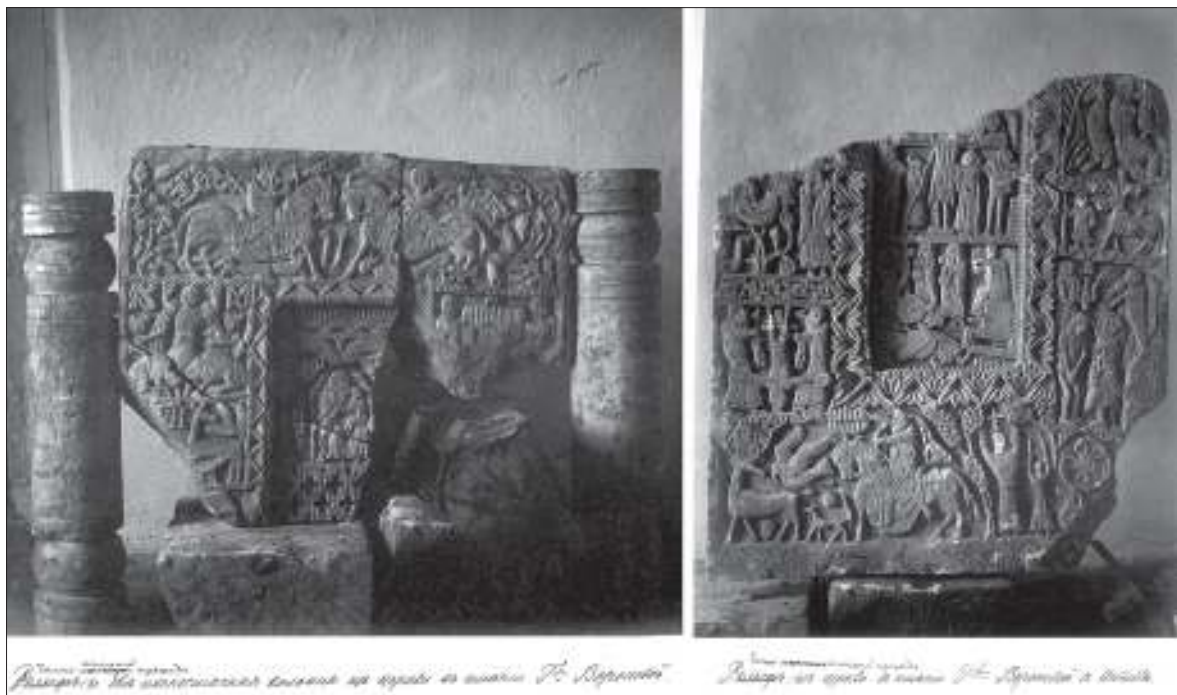
Новый этап в изучении и охране памятников Кавказа и Закавказья, как уже было отмечено, начался в середине 1880-х гг. Он, в частности, характеризовался установлением тесных взаимоотношений между новым председателем Комиссии А.А. Бобринским и товарищем председателя Кавказского археологического общества действительным статским советником Дмитрием Захариевичем Бакрадзе. Как всегда, ИАК пристально следила за сообщениями прессы о случайных находках. 5 февраля 1886 г. «Правительственный вестник» сообщил об открытии церкви в сел. Полтавском возле г. Сухуми на р. Западная Махарка. Уже 13 февраля А.А. Бобринской пишет письмо князю Александру Михайловичу Дондукову-Корсакову (1886 г., д. 6 а, л. 2–2 об.) с просьбой командировать на место обнаружения древнего храма археологов. Князь А.М. Дондуков-Корсаков командировал в сел. Полтавское известного знатока кавказских древностей, действительного статского советника Д.З. Бакрадзе. Часть вещей из церкви уже была перевезена в Окружное управление по распоряжению начальника Сухумского округа полковника Введенского: серебряные и золоченые ризы от икон, к сожалению, разорванные на мелкие куски, из которых удалось восстановить лики св. Екатерины и св. Иоанна Крестителя, с несколькими мелкими медальонами; медные детали колонны и резной арки с припаянным к ней крестом; кадило, дискос со звездицей, две чаши, четыре грифона, два блюда; железные кресты, какие встречаются и в других церквях Грузии, и стеклянная лампа оригинальной формы. По палеографии надписей на ризах икон и каменной плите Д.З. Бакрадзе датировал находки XI в. Небольшая церковь (длиной 10 аршин), сложенная из рваного камня, к моменту обнаружения была полностью разрушена. Внутри церкви Д.З. Бакрадзе нашел две известняковые плиты с орнаментом и надписями, позволившими ему определить, что церковь была освящена во имя св. Феодора. В имении Воронова в 1,5 верстах к юго-западу от сел. Ольгинское находились развалины еще одной церкви. Воронов, приступив к постройке нового дома, задумал воспользоваться камнями из этой церкви и, откапывая их, нашел две известняковые плиты, покрытые скульптурными

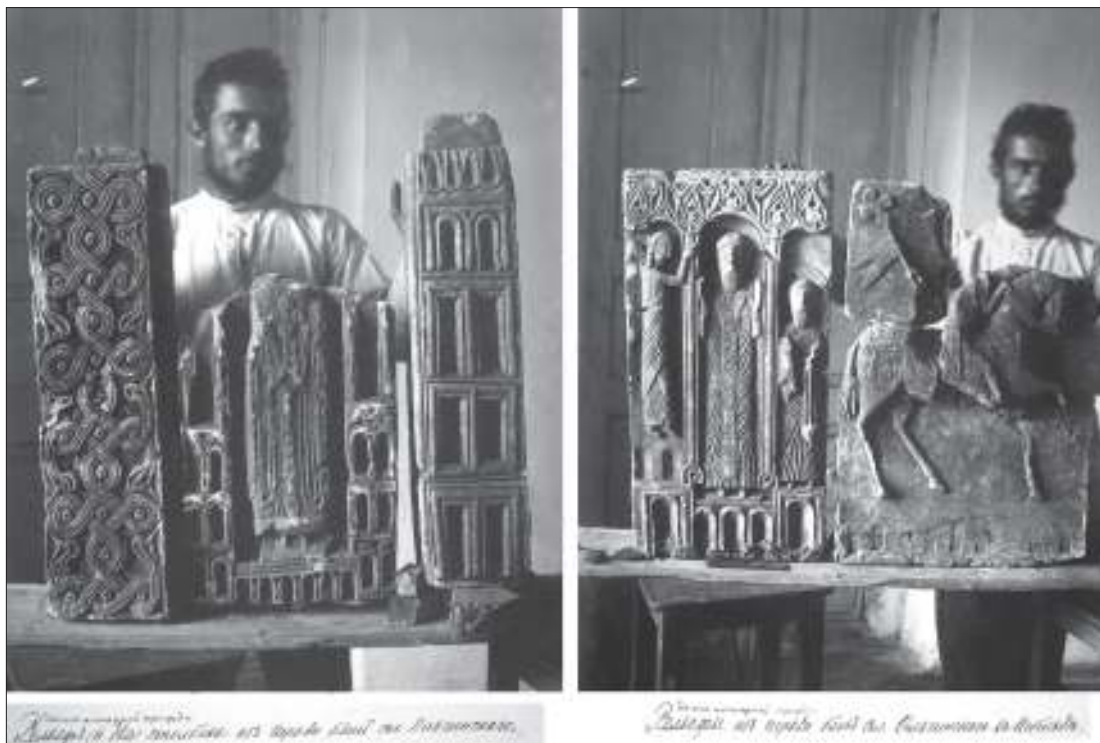
Серебряные оклады икон из церквей, открытых в Цебельде (1886 г., д. 6 а, л. 51-54)

Медные вещи и стеклянная лампа из церквей, открытых в Цебельде (1886 г., д. 6 а, л. 55–59)

Резные каменные плиты — части алтарной преграды церкви, открытой в имени Воронова (1886, д. 6 а, л. 90, 94)

Рельефы церкви, открытой в сел. Ольгинском в Цебельде (1886 г., д. 6 а, л. 96, 97)

Базы от колонн иконостаса из церкви св.св. Платона и Евдокии

Базы от колонн иконостаса из церкви св.св. Платона и Евдокии

Базы от колонн иконостаса церкви, открытой в сел. Полтавском в Цебельде (1886 г., д. 6 а, л. 88, 91)

изображениями святых. Фигуры, по отзыву Д. З. Бакрадзе, были тщательно проработаны, за исключением ликов. Сюжет был связан с евангельскими сценами.

Третья церковь находилась на площадке в 6 верстах от имени Воронова. Участок был расчищен греками, живущими в соседнем сел. Ольгинское. Греки три раза в году приходили сюда со своим священником служить молебн. Стены церкви, обложенные изнутри тщательно отесанными камнями, сохранились в высоту на одну сажень. Внутри уцелел престол в алтаре, состоящий из цельной плиты на четырехугольной каменной ножке. Длина церкви была 13 аршин, ширина 8 аршин. Д. З. Бакрадзе нашел здесь резные каменные плиты, в том числе с рельефным изображением благословляющего святителя и фигурой диакона с кадиллом в руке. На другой плите был изображен всадник. Среди находок отмечен обломок медного блюда. Вещи были отправлены в Тифлис, в Кавказское археологическое общество. 16 июля 1886 г. Д. З. Бакрадзе отправил в ИАК отчет о находках при храме у сел. Полтавское, а также о находках христианских древностей из других мест (1886 г., д. 6 а, л. 9–16 об). Так, в поле зрения ИАК впервые попали знаменитая плита из Цебельды, колокол из Келасури с латинской надписью, фрагменты басманных окладов икон и др.

В результате 15 июня 1887 г. ИАК обратилась к Д. З. Бакрадзе с предложением провести комплексное исследование территории по всему культурно-хронологическому спектру существовавших памятников. 17 августа 1887 г. тот представил текст, озаглавленный «Сухумский округ в его древностях и проект программы их исследований». В его основе лежало порайонное описание монументальных памятников разных эпох, в том числе и древних пещер в процессе их посещения экспедициями. Д. З. Бакрадзе предполагал проведение раскопок в Питиунте близ соборного храма, а также в Николпии, Сухуми и Гвалдзе. Для его проекта было вообще характерно внимание к памятникам христианства. В отношении развалин древних сельских храмов он намеревался снять верхние слои земли на этих памятниках и произвести их натурные осмотры с необходимыми обмерами и фотофиксацией, подчеркивая при этом, что часть уникальных предметов как раз и была открыта случайно в развалинах церквей близ Сухуми. Он собирался уделить внимание и поиску сохранившихся фресок. Интересны его предложения картировать разные пласты местной топонимики, а также посвятить отдельные усилия «археологии путей». Он предполагал издавать отдельные отчеты своих экспедиций под эгидой ИАК, а часть найденных предметов передавать в тифлисский музей (1887 г., д. 74; 1886 г., д. 64, л. 67–85 об.).

Необходимо отметить, что именно в сотрудничестве с Д. З. Бакрадзе Н. П. Кондаков по Высочайшему повелению описал и издал в 1889–1890 гг. христианские древности некоторых храмов и монастырей Грузии (*смотри главу I*). В 1890 г. ИАК планировала осуществить при участии Д. З. Бакрадзе, серию полевых исследований в сухумском округе, о чем свидетельствует ходатайство Н. П. Кондакова о выдаче грузинскому исследователю Открытого листа на раскопки от 11 августа 1889 г. Внезапная кончина Д. З. Бакрадзе в феврале 1890 г. не позволила осуществиться планам Комиссии (1889 г., д. 88).

Другой ревнитель кавказской старины и издатель грузинских церковных грамот (гуджаров), кахетинский помещик, тайный советник Дмитрий Петрович Пурцеладзе в 1886 г., по поручению ИАК посетил и описал развалины древних городов в Тифлисской губернии: Колы (в 14 верстах от Телави), Некреси и Греми или Накалакеви (в 42 и 23 верстах от Телави), Череми (в 52 верстах от г. Сигнахи), языческого кладбища в сел. Кварели на левом берегу р. Алазани, древних гробниц в с. Веджики Сигнахского уезда и пещеры в Шоропанском уезде Кутаисской губернии (1886 г., д. 24). Д. П. Пурцеладзе планировал произвести масштабные раскопки по всему востоку Грузии. По его словам, ему было необходимо для раскопок курганов

8–10 человек рабочих на пять месяцев — с 1 мая по 1 октября. Он делился с ИАК своими планами: «Платить рабочим надо по 1 рублю в день (меньше не наймешь рабочего). Еще мне необходим „присмотрщик“, чтобы присматривать за находками, а то в прошлом году вещи все разворовали местные жители прямо из раскопа. Присмотрщика надо непременно из русских. Платить ему надо 20 рублей в месяц (меньше 20 рублей нельзя найти). Необходимы также две верховые лошади — для меня и для присмотрщика» (Там же, л. 5). Комиссия выслала Д. П. Пурцеладзе 600 руб., предложив ограничить планируемые работы и перенести часть раскопок на будущий сезон. Д. П. Пурцеладзе в своем отчете описал находки, но в Комиссию они не поступили, поскольку на полях рукой рецензента приписаны слова: «А где же вещи?». Выборочные раскопки могильников были произведены Д. П. Пурцеладзе в нескольких местах. Так, около развалин Колы были вскрыты две грунтовые могилы, размываемые рекой. В одной из них оказались черепки глазурованной посуды, кусочек стекла и уголь. В Некреси уцелела древняя церковь с фресками византийского стиля. В Греми, бывшем некогда столицей Кахети и богатым торговым городом, сохранились развалины многих церквей. В алтаре церкви архистратига Михаила он отметил резное деревянное епископское кресло, а на стенах остатки фресок и изображение царя Леона (XVI в.). Рядом с церковью он указывает на существование развалин дворца и следы сводчатого хода из города к реке.

В Череди Д. П. Пурцеладзе описывает развалины городских башен, соборного храма, царского дворца и нескольких церквей, часовен и кладбищ. Особенное внимание исследователя обратили на себя два языческих кладбища, с мегалитическими памятниками, называемыми здесь «акельдамы». Это большие гробницы, сложенные из 4 громадных плит (длиной 7 футов, шириной 4–6 футов и высотой 4 фута), перекрытые более крупной плитой. Эти гробницы ориентированы длинной стороной с востока на запад и заполнены землей. Д. П. Пурцеладзе нашел в гробницах от 4 до 8 покойников, погребенных в сидячем положении в западной части гробниц. Из вещей при погребенных были найдены женские украшения: различные булавки бронзовые и железные с головками из стекла и сердолика, бронзовый и стеклянные браслеты. Кроме того, во всех гробницах найдено по небольшому куску обсидиана.

В его отчете упомянуты и другие осмотренные и исследованные им памятники. В с. Кварели на левом берегу р. Алазань сохранились развалины древнего укрепления с могильником. Здесь каменные гробницы «акельдамы» заросли лесом и были смыты водой. Д. П. Пурцеладзе вскрыл 16 могил. Все гробницы были ориентированы с севера на юг и содержали по одному скелету, обращенному головой на юг. В могилах находились угли, куски железа, железный наконечник стрелы, обломки глиняных сосудов. В одной гробнице скелет женщины сопровождался бронзовыми серьгами, браслетом, стеклянным медальоном и железными гвоздями. В сел. Веджини около развалин Троицкой церкви вскрыты 5 гробниц из каменных плит, в которых обнаружено по 3–4 покойника, похороненных, как и в Череди, в сидячем положении. Все покойники были ориентированы с востока на запад, только в одной гробнице скелеты были обращены лицом к востоку, ногами на запад. Поперек них лежали два других скелета головою к северу, а лицом вниз к земле. У ног скелетов, лежавших с востока на запад, валялась в беспорядке целая куча человеческих костей, но без черепов. По мнению Д. П. Пурцеладзе, это были кости врагов, убитых на войне, так как по обычаю тела таких покойников зарывали в одной могиле, а головы отделяли. Впрочем, это могли быть остатки обычного христианского кимитирия, где представлен характерный для этого региона обряд посмертной эксгумации.

Одновременно сбор сведений об археологических древностях на Кавказе был поручен «академисту» Федору Густавовичу Беренштаму. 25 апреля 1887 г. он известил ИАК о своей

Карта из отчета Ф. Г. Беренштама 1887 г. (1887 г., д. 27, л. 4)

Раскопки Е. С. Такайшвили могил в Самтавро в окрестностях Мцхета Тифлисской губернии в 1902 г. Изделия из бронзы: перстни, фибулы, серьги, головные булавки, бляхи. Фото И. Ф. Чистякова. 1903 г. (ФА, III 8499)

предполагаемой поездке в этот район, чем руководство Комиссии и воспользовалось, одобрив программу «Собирание сведений об остатках древности». Программа предполагала зарисовку архитектурных памятников и сбор информации о случайных находках, на что путешественнику было выделено 450 руб., а также выдано удостоверение и Открытый лист. В результате поездки в ИАК был представлен отчет, содержащий картографические материалы (1887 г., д. 16, л. 1–1 об., 2, 3, 4).

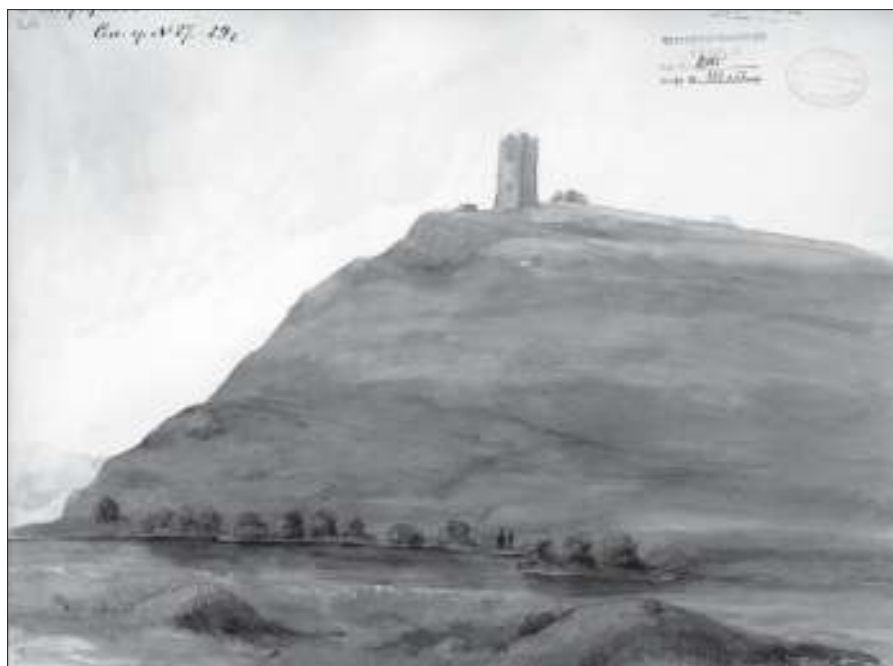
Заведующий Дворянской школой в Тифлисе Евфимий Семенович Такайшвили (1863–1953) активно сотрудничал как с ИАК, так и с Кавказским отделением МАО. Впервые в 1889 г. под его руководством были произведены раскопки античного здания в Багинети на территории древней Мцхеты (Гамкрелидзе 1977). Вторично раскопки Мцхета Е. С. Такайшвили произвел в 1902 г. Здесь им было раскопано более 50 погребений и остатки построек I тыс. н.э. (1902 г., д. 74). Украшения из могильника: бронзовые булавки, фибулы, подвески, кольца, бляхи и бусы были переданы на хранение в Исторический музей (ФА, II 26897, III 8497–8501; О. 1611/37, 38).

В 1894 г. по поручению ИАК Е. С. Такайшвили провел раскопки Ворнакского могильника (современный Акнер). Более 40 погребений принадлежали к позднебронзовой и урартской эпохам. Оружие в могилах нижнего слоя оказалось близко к находкам из Мцхетского могильника Самтавро. Е. С. Такайшвили справедливо указал на социально-имущественную дифференциацию в позднем бронзовом веке, определив особо богатое погребение с бронзовым панцирем как могилу вождя. В том же году по поручению Комиссии он проводил раскопки в Западной Грузии: в Хуцубани, Саджавани и в Вани. В Саджавани он открыл первый памятник ремесленного производства в Грузии — остатки античной гончарной мастерской. На городище Вани вскрыты остатки церкви и винохранилища, собраны золотые и бронзовые предметы, монеты и свинцовые разновесы. Опираясь на находки из Вани, Е. С. Такайшвили предположил, что здесь находился значительный центр античной Грузии, а также указал на существование местных очагов художественного ремесла (1894 г., д. 17). В 1896 г. Такайшвили провел раскопки недалеко от Гори, в Триалети и обследовал Цалкинское плоскогорье, где обратил внимание на месторождения обсидиана и многочисленные циклопические крепости железного века (1896 г., д. 57; Такайшвили 1913: 14–15, 36–37, 50). В 1902 г. в имеретинском сел. Бори возле крепости Шорапани — Сарапанис были случайно обнаружены богатые погребения. Большую часть находок приобрел Эрмитаж. Е. С. Такайшвили обследовал местность и дал предварительную характеристику важнейшей находки — серебряной чаши с изображением коня перед алтарем с неизвестной надписью арамейским шрифтом. Он дал интерпретацию богатого погребального инвентаря. Погребенные принадлежали к местной знати, использовавшей также греко-римские изделия (1902 г., д. 74). В 1903 г. по проекту Н. Я. Марра Е. С. Такайшвили собирает и проверяет армянские и грузинские надписи на древних памятниках (1903 г., д. 84).

В 1908 г. Е. С. Такайшвили спасает большую часть инвентаря «Ахалгорийского клада» — инвентаря богатого погребения ахеменидского времени, который уже начали распродавать перекупщики (Смирнов 1934; Цитландадзе 1976). В этом же году, осмотрев находки металла в окрестностях Ахалкалаки, он выделил «кельтообразные» колхидо-кобанского типа топоры и впервые пришел к выводу о производстве их в местных мастерских. Спустя три года гипотеза Е. С. Такайшвили нашла подтверждение при обнаружении В. А. Городцовым бронзолитейной мастерской в с. Цагвери. В 1909 г. в основанный Е. С. Такайшвили Музей Грузинского общества истории и этнографии поступило несколько медных топоров из Сачхере (Имеретия). Е. С. Такайшвили доследовал ограбленный курган в Сачхери и, собрав коллекцию

Нижний Архыз. Общий вид местности древнего города (Магас) с храмами от восточной стороны, р. Большой Зеленчук (правый берег). Акварель Д. М. Струкова (РА, Р-И, № 339, л. 9)

Вид курганов на берегу р. Малый Зеленчук в 50 верстах от г. Баталпашинска; на другом берегу на горе вид старинной башни на Адиюхском городище. Акварель Д. М. Струкова (РА, Р-И, № 339, л. 56)

металлических изделий и керамики, датировал курган «медным веком Кавказа», который мог предшествовать кобанской культуре. Предположение Е. С. Такайшвили подтвердилось, когда Б. А. Куфтин выделил ранние этапы медно-бронзовой индустрии Закавказья, опираясь в том числе и на его находки из могильника Сачхере (Куфтин 1940: 7–8). В 1910 г. в экспедиции по Западной Грузии Е. С. Такайшвили фиксирует случайные археологические находки, хранившиеся в церквях. Эти находки позволили ему отметить сходство культуры бронзового века Сванетии с кобанской (Гамкрелидзе 1977).

В середине 1880-х гг. ИАК поддерживала инициативы исследований Кавказа разного рода, в том числе и с целью художественной фиксации его памятников. В 1886 г. по заданию ИАК ущелье Большого Зеленчука посетил художник и археолог Д. М. Струков, сопровождавший епископа Ставропольского Владимира (Петрова, 1886–1889 гг.) в его поездке на место будущего Зеленчукского монастыря. Д. М. Струковым был собран очень ценный материал, представленный в виде рукописи «Сообщение о поездке 1888 г. на Кавказ для осмотра храмов на реке Большой Зеленчук близ Кабарды», таблиц и рисунков (1889 г., д. 87). Ценность графических материалов Д. М. Струкова состоит в том, что почти все им зафиксированное позже было уничтожено или сильно разрушено. Позднее художник А. П. Эйснер в 1898 и 1900 гг. получил Открытый лист для снятия копий со стенной церковной живописи в грузинских монастырях в Сенакском, Зугдидском, Озургетском и Шаропанском уездах Кутаисской губернии. Впоследствии ИАК вела переговоры о приобретении этих рисунков для своего архива (1898 г., д. 93; 1900 г., д. 156).

Еще одним исследователем Кавказа, сотрудничавшим с ИАК, был А. А. Миллер — хранитель Этнографического отделения Русского музея, штабс-капитан запаса, военный инженер. В 1907 г. А. А. Миллер был командирован Комиссией в Сухумский округ и Черноморскую губернию для осмотра и исследования памятников (1907 г., д. 27). Комиссия выплатила ему 300 руб. командировочных, и в результате этой поездки был предоставлен подробный отчет о командировке (1907 г., д. 27, л. 51–60). По словам А. А. Миллера, в Сухуми, на месте древней Диоскурии-Себастополиса, земляные работы открывают кладку на цементе, монеты греческие и римские, античные сосуды в большом количестве. Возможно, город располагается под водой, затопленный наступающим морем. Местный старожил В. И. Чернявский видел якобы под водой стены, башни и храмы. Раньше после сильных волнений на берег выбрасывало монеты и другие памятники древности. Собирать монеты на берегу было одно время даже промыслом, за что городу платилась известная сумма. В других местах города найдены камень с латинской надписью, фундамент мола времени правления императора Адриана. У здания музыкального общества земляными работами открыта древняя кладка, связанная с фундаментом старой крепости. Здесь же в саду Сочино Иоселиани открыт фундамент маленькой церкви, и в ней на месте алтаря камень с изображением креста. В саду дома г. Фроленко, при рытье колодца, на глубине 3 м открыт водопровод из глиняных трубок (1907 г., д. 27, л. 62–63). В основании стен старой турецкой крепости видны древние фундаменты из крупных тесаных камней (Там же, л. 63 об.).

А. А. Миллер отметил, что между реками Келасури и Ингури Цебельдинскую долину перегораживают древние стены с башнями, сложенные из булыжника на цементе. Общая протяженность древних стен более 168 верст (Там же, л. 64). В 30 верстах от Сухуми в долине Цебельды на горе Адаго обнаружен «укрепленный городок» (несколько рядов стен с башнями), а внутри стен развалины двух небольших одноапсидных храмов. В одном из них после разборки мусора на алтарной стене стали видны сохранившиеся фрески по штукатурке. При расчистке храма были найдены каменная резная капитель с гроздьями винограда,

медный крест, кадилница с цепью, черепки поливных сосудов и осколки стеклянных сосудов с росписью. Храм был, видимо, крыт черепицей, обломки которой видны среди развалин. Местное армянское население сразу же стало почитать развалины храма: зажигать свечи и приносить жертвоприношения в виде петухов и куриных яиц. На кусты молящиеся вешали амулеты в виде лент и тряпок грубой материи (Там же, л. 66). Здесь же под завалами земли видны фундаменты домов, яма с оцементированной цистерной для вина. У входа в крепость возвышается сторожевая башня с окном, в котором видна вся долина р. Кодори до моря на 35 верст (Там же, л. 67). Вершина предгорья окружена стенами (видимо, здесь располагалась цитадель). На вершине еще один храм, развалины дома и подземный ход к реке (Там же).

Он отмечал, что в 20 верстах от г. Гудауты, у сел. Ачандара находится священная гора Дудрипш. Название общины «ачандара» происходит от слова «ацан» — карлик. Так, по преданию, назывались предшественники абхазов на Западном Кавказе, которым приписывали сооружение дольменов и циклопических оград из крупных камней — «ацангуаров» — «ограды карликов». На вершине горы Дудрипш находилась гробница святого. Там же был зафиксирован камень с изображением Богоматери. Перед этим камнем приносили в жертву быков. Жертвенное место — холм с группой высоких грабов был связан со священной рощей. Почитание деревьев на побережье оказывалось очень древним явлением. Воспоминание об этом обычае, писал А. А. Миллер, сохранилось лишь в Ачандарской общине, где до сих пор в священной роще на горе Дудрипш приносят жертвы, молятся и присягают. На одном из деревьев можно видеть остатки старых жертвоприношений: секиру с золотой насечкой, шлем и другие металлические предметы. На вершине горы фиксировались развалины древнего христианского храма. Народное предание говорит о том, что здесь известна и икона Богоматери, вросшая в дерево или в камень. Само название «святилища»: «Ан-ипс-ныха Дудрипш» в переводе значит — Богоматерь, что на Дудрипше. Очень вероятно, что древний храм на горе был освящен во имя Богородицы (1908 г., д. 34, л. 3).

Археологические работы были осуществлены А. А. Миллером и в г. Гагры и окрестностях. При проведении водопровода здесь обнаружено женское погребение с золотой диадемой и монетами. Находчики передали вещи в городскую климатическую станцию. В сел. Пиленково им были обнаружены развалины храма. В другом сел., Веселое, крестьянин Лизунов нашел и передал властям железный меч и серебряную крестообразную фибулу с камнем в золотой оправе. А. А. Спицын относил фибулу к V в. н. э (Спицын 1907). В шурфе, заложенном в этом селе А. А. Миллером, не было найдено человеческих костей, но одни только лежащие в беспорядке вещи: наконечник копья, нож, наконечник стрелы, серебряная пряжка, серебряная прорезная бляшка. Здесь же, в сел. Веселом, на поляне в сторону моря был зафиксирован большой холм с развалинами храма. На поверхности холма встречались обломки кирпичей и черепицы (1907 г., д. 27, л. 72–72 об.).

Возле г. Туапсе был найден дольмен, перекопанный местными жителями в поисках денег. Между щебнем и плитами фиксировались выброшенные грабителями человеческие кости. Перед дольменом лежала каменная пробка (Там же, л. 73). Дольмены располагались по рекам Аше, Шахе, близ сел. Лазаревское, в Красноалександровском ауле как на вершинах холмов, так и в долинах, у берегов рек. Большинство построек было составлено из каменных плит и перекрыто каменной плитой. Также были обнаружены дольмены, высеченные в скале и сверху накрытые плитой. Дольмен на р. Куоте, в 40 верстах от Туапсе, был высечен в скале, и лишь часть скалы была обработана. Наконец, дольмен в ущелье р. Годлик целиком сделан в скале. Круглое отверстие вело в камеру овальной формы. Большинство дольменов

Евгений Дмитриевич Фелицын (1848–1903)

к моменту исследования А. А. Миллера оказалось разбито, а погребения уничтожены. Исследователь также сообщает об оригинальном способе использования дольменов, о котором другими наблюдателями не упоминалось. По его словам, во времена черкесского владычества на побережье дольмены часто использовались как *тюрьмы*, судя по нередким случаям находок в них кандалов и колодок. Уцелевшими дольменами, по словам А. А. Миллера, пользуются охотники для ночлега.

В 9 верстах от г. Туапсе в урочище Холодная балка исследователь зафиксировал остатки черкесского аула, выше которого располагались могильники из небольших курганов с каменными набросками. Многие курганы были уже разрушены. А. А. Миллер раскопал курган высотой 0,5 м и диаметром 4 м. Вокруг могилы было сооружено кольцо из камней (Там же, л. 74). В кургане открыли кости ребенка. Однако работу пришлось приостановить, поскольку глинистая почва была необыкновенно твердой. Исследования проводились А. А. Миллером и в других местах. В 4 верстах от станицы Ново-Михайловской, в имении

В. М. Бескровной, при планировании местности было найдено множество предметов старины, например, обломок мраморной плиты с ранней византийской посвятительной надписью. Найдены также серебряный браслет и серебряные флакончики для духов с изображением женской фигуры с кувшином. На даче Бескровной были открыты также черкесские могилы с кувшинами, саблями и наконечниками стрел. На мысу над морем находились развалины древних построек. Мыс по бокам был окружен стенами из тесаных камней. В обрыв к морю выходит подземный ход. Местность эта называлась у черкесов Дузу-Кале. Несомненно, название только приурочено к крепости гораздо более древней, видимо, еще ранневизантийской поры. Одновременно на даче аптекаря Фронберга были открыты погребения, в которых найдены оружие, утварь, скелеты лошадей с уздой и стременами. Для этих могильников характерны длинные сабли и крупные наконечники копий с выступами по краям у основания пера.

А. А. Миллер проверял и иную поступавшую к нему информацию. У сел. Карповка (долина р. Агой) в 12 верстах от г. Туапсе и в 5 верстах от моря местные жители стали находить древние вещи и продавать их в Туапсе. Большинство находок сделано при рытье канавы вдоль улицы: украшения, бронзовые браслеты, сабли, сосуды. В окрестностях селения были зафиксированы небольшие каменные курганы, давшие находки сабель, трубок, кресал. Выбрав место с более благоприятной почвой, А. А. Миллер раскопал в могильнике 24 погребения. Ямы глубиной 45–80 см. Скелеты лежали на спине головой на юго-восток. Могильник был грунтовым, а поскольку оградок из камней не существовало, пришлось раскапывать большую площадь, чтобы обнаружить могилы. В погребениях оказалось много

оружия: ножи, кинжалы с боковыми выступами, копья легкие и тяжелые, особой формы удила, стрелы железные с тремя выступами, браслеты бронзовые, серебряная фибула, серебряный наборный пояс с орнаментом, янтарные бусы и бусы из раковин (Там же, л. 83–84). В облике инвентаря прослеживаются связи с населением, оставившем этот могильник, с Закавказьем — с Лазикой.

В нескольких верстах от г. Сочи, на берегу моря находилось древнее укрепление, известное у русских поселенцев под названием «Город Мамай». Стены крепости находилась под углом к круглой башне, а у моря оба конца стен оканчивались бастионами (Там же, л. 90 об.). Это укрепление повторяло в деталях крепость близ р. Годлик. К отчету А. А. Миллера прилагается альбом с рисунками, чертежами и фотографиями (Там же, л. 91–93). Часть рисунков и фотографий была обнаружена в архиве М. И. Артамонова, после смерти последнего, и вшита в дело. Однако глазомерный план Мамайской крепости, упомянутый в описи иллюстраций к делу А. А. Миллера, так и не был возвращен в архив, хотя он опубликован Ю. Н. Вороновым (Воронов 1979: 80, рис. 42, 7).

В 1908 г. Миллер получил Открытый лист на раскопки памятников в области Войска Донского, Таврической губернии и Черноморской губернии (1908 г., д. 34), предоставив впоследствии в ИАК отчет «о командировке на Черноморское побережье Кавказа для ознакомления с памятниками старины, особенно с могилами, известными Комиссии по случайным находкам» (Там же, л. 1–8). Здесь А. А. Миллер отмечает, что побережье четко делится на северную и южную части как в климатическом, так и в историческом, археологическом и этнографическом отношениях. Границей можно считать середину расстояния между городами Адлер и Сочи. Южная часть характеризуется остатками капитальных построек: церквей, башен, крепостей и почти полным отсутствием древних погребений. По мнению А. А. Миллера, это связано с распространенным у абхазов с древности обычаем не предавать покойников земле, а выставлять их на помостах или на деревьях (Там же, л. 1). Северная часть побережья (древняя Зихия) отличается большим количеством могильников, многочисленными дольменами и почти полным отсутствием монументальных сооружений. Примечательно, что севернее Адлера проходила в VIII–X вв. граница Абхазского царства (Воронов 1979: 102). Еще и сегодня абхазы называют черкесов зуху.

А. А. Миллер разделил черкесские погребения на несколько основных типов. Он считал наиболее древними могилы без каменных конструкций и без насыпей (грунтовый могильник в сел. Карповка). Позднее были совершены погребения без насыпей, с каменными конструкциями (погребения в имени Дузу и на даче Фронберга). Подкурганые черкесские могилы А. А. Миллер датировал XVII–XVIII вв. По его словам, курганные погребения практиковались даже после распространения ислама, поскольку возле некоторых курганов вкопаны вертикальные каменные столбы с изображением чалмы наверху. Кроме того, в курганах нередко находят предметы огнестрельного оружия (1908 г., д. 34, л. 5). В 1909 г. А. А. Миллер по поручению ИАК доследовал 4 кургана в разрушающемся могильнике в окрестностях пос. Солнцедар (современный г. Геленджик) в Черноморской губернии. Коллекция поступила в Русский музей (1909 г., д. 40). В 1912 г. А. А. Миллер вновь получил Открытый лист и 500 руб. на исследования территории Войска Донского и Черноморской губернии (1912 г., д. 158). В конце 1912 г. ИАК запросила у исследователя отчет для публикации, однако тот смог представить отчет о раскопках городища в станции Елизаветовской только 24 августа 1915 г.

Одним из постоянных сотрудников ИАК на Северном Кавказе был секретарь Статистического комитета Кубанской обл. Е. Д. Фелицын (смотри также главу III), который главным

Дольмен в долине реки Тузундурт.

Дольмен в долине реки Пундурт
Самый большой дольмен на Кавказе. Длина боковых камней 24 сантиметра, высота 10 см.

Фотографии дольменов из отчета Е. Д. Фелицына с личными подписями автора
(1886, д. 16, л. 231-232)

делом своей жизни считал изучение древностей Кавказа и их сохранение. Е. Д. Фелицын много лет собирал материалы для археологической карты Северо-Западного Кавказа. Составив опросные листы и распространив их по станицам, он обязал приставов и старшин присылать сведения о памятниках археологии и о случайных находках древностей. Его собственные разведки и раскопки помогли пополнить информацию о памятниках археологии на Западном Кавказе. Особое внимание Е. Д. Фелицын уделял мало известным общественности мегалитическим памятникам Кавказа — дольменам. Фелицын нанес на карту, описал, обследовал и сфотографировал сотни дольменов с 1878 по 1886 г. Им предложено типологическое подразделение этих памятников.

Опираясь на результаты собственных раскопок памятников, давших находки железных предметов и античную монету — «Боспорского царя Рискупориса», что неудивительно, если учесть, что дольмены много веков использовались для совершения впускных погребений, — Е. Д. Фелицын посчитал возможным датировать дольмены периодом «первых веков по Рождестве Христовом». Монография Е. Д. Фелицына о кавказских дольменах была опубликована уже после его кончины в 1904 г. в IX томе Материалов по археологии Кавказа, издаваемых Московским археологическим обществом (Фелицын 1904). Несколько раньше мегалитические памятники мира были описаны и проанализированы в статье графа А. С. Уварова (Уваров 1876; 1887).

Сотрудничество ИАК с Е. Д. Фелицыным началось в 1886 г., когда он направил в Комиссию письмо с предложением издать карту древностей «Черкесии», включающей местность от Эльбруса до Черноморья, ограниченную левым берегом Кубани, «в том виде, в котором она была до покорения русскими» (1886 г., д. 16, л. 1–2, 10–11) (*смотри главу II*). Кроме древностей на карту были нанесены названия рек, гор, урочищ, собранные у горцев. «Карта моя, — писал Е. Д. Фелицын, — должна представить собой наглядную историю края. Издание ее... важно в том отношении, что собранные мною сведения могут навсегда и бесследно погибнуть для науки без всякой надежды на восстановление их когда-либо, потому собственно, что главный и наиболее ценный источник этих сведений — горцы — исчезнут с лица земли с поразительной быстротой, и в скором времени от этого народа не останется никакого воспоминания, а между тем в их языке, преданиях и названиях местностей и урочищ кроется масса любопытнейших фактов для истории нашего края. То, что сделал я, никто другой сделать уже не сможет, вот почему мне бы и хотелось издать свой труд под личным моим наблюдением, так как никто другой не в состоянии будет располагать таким запасом сведений, каким удалось запастись мне для этого приятного и кропотливого труда». Автор выдвинул Комиссии три условия: 1) посвятить издаваемый труд имени С. А. Шереметева; 2) издавать «под личным наблюдением (автора) и притом в Тифлисе, где имеются готовые камни (типографские матрицы) с основными контурами местности, и где я уже заручился согласием на отравирование новых камней и печатание карты по самой уменьшенной цене»; 3) чтобы в распоряжение автора было предоставлено 100 экземпляров.

Требования автора в пунктах 2–3 оказались Комиссии чрезмерными, и ИАК отказала в субсидировании издания карты, сославшись на нехватку денежных средств и на то, что в карте был приведен слишком разнородный этнографический материал. Комиссия обещала снова рассмотреть этот вопрос, если в карте останется только археологический материал: курганы, городища, дольмены и т. д. (1886, д. 16, л. 17). В итоге карта Е. Д. Фелицына была издана в Москве в переработанном виде гораздо позже. Однако сотрудничество исследователя с Петербургом не прекратилось. В 80-е гг. XIX в. Е. Д. Фелицын производил раскопки меотских могильников в нижнем течении Кубани. В 1888 г. на средства ИАК он раскопал

Звартноц. Вид развалин. Раскопки архимандрита Хачика (Дадяна). 1900 г. (ФА, О. 468/19)

у станции Крымской известный курган Карагодеуашх (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894) (*подробнее смотри главу III*). Масштаб деятельности Е. Д. Фелицына поразил столичных ученых, организаторов Московской антропологической выставки (1879 г.): они были удивлены, узнав, что все коллекции раздела по археологии Кубани собраны и подготовлены одним человеком — Е. Д. Фелицыным. Материалы его коллекций легли в основу собрания основанного им Кубанского музея.

Иначе складывалось изучение древностей Армении трудами ИАК. Доцент Петербургского университета Н. Я. Марр, ставший в 1907 г. членом-корреспондентом ИАК, проводил археологические исследования в Карской, Кутаисской, Черноморской и Эриванской губерниях в 1887, 1889, 1892, 1893, 1899–1917 гг. В 1889 г. ИАК поручила Н. Я. Марру провести разведочные раскопки для поиска древних городов Арташата или Двина, расположенных, по данным армянских летописей, севернее Аракса в Эчмиадзинском и Эриванском уездах. Н. Я. Марр заложил раскопы у сел. Арташат на холме с цитаделью (Вышгородом) и в районе стен нижней крепости. Своими раскопками Н. Я. Марр привлек внимание верховного архимандрита Эчмиадзинского монастыря Хачика (Дадяна), которому в 1907 г. удалось установить, что развалины у сел. Арташат являются остатками средневековой столицы Армении — Двина.

Хачик (Дадян) в 1900 г. произвел раскопки в монастырском имении монастыря, предоставив рукописный отчет о раскопках церкви св. Григория, Звартноц и описания Эчмиадзинского монастыря (1900 г., д. 81). В 1901 и в 1903 гг. архимандрит продолжил раскопки на землях Эчмиадзинского монастыря (1901 г., д. 81), собрал большое количество надписей

и описания храмов IV–X вв. Он обратился к Н. Я. Марру с просьбой о переводе эпиграфических памятников («Если Марр переведет эти надписи, я буду считать себя самым счастливым человеком»; 1903 г., д. 73, л. 4). Его трудами был выявлен первый византийский храм на Южном Кавказе. Впоследствии Хачик (Дадян) просил Комиссию прислать ему специалиста-археолога для консультаций по методике раскопок и для перевода текстов древних надписей. Архимандрит занимался трудоемкой и кропотливой расчисткой древних храмов и составлял проекты их реставрации. В частности, им был представлен план реставрации круглого храма с гробницей св. Григория. В 1903 г. в присутствии Н. Я. Марра в центре храма был открыт баптистерий и крипта под алтарем. В отчете представлена фотокопия чертежа круглого храма (Там же, л. 8). Хачик (Дадян) сетует, что не смог завершить очистку храма от мусора, поскольку рабочие боялись выходить из домов: «... наш край был на военном положении, ... любого могли арестовать» (Там же, л. 9). Здесь речь идет, видимо, о волнениях 1903–1905 гг. в Закавказье. Впоследствии он действительно был интернирован во внутренние губернии России.

В 1904 г. архимандрит Хачик (Дадян) раскапывал могилы в местности Вагаршапата, в Двине и Ани, в Эриванской и Карской губерниях. В письме в ИАК (Там же, л. 20) Хачик (Дадян) сообщает, что из-за отсутствия средств не может прибыть в Санкт-Петербург: «Бог даст, расчищу мусор в окрестностях круглого храма, составлю реставрацию храма и построек, а потом приеду, взяв с собою все материалы, указания мест раскопок, фотографические снимки реставрации, прочту Комиссии свои результаты». Далее он пишет: «Для дополнения реставрации храма намерен произвести розыск в развалинах Двинских и Анийских храмов и могилы св. Григория. Храм св. Григория в Ани построен по образцу раскопанного храма — таких же размеров и архитектуры. Если Комиссия окажет помощь, то она окажет большие услуги для истории архитектуры 7 столетия». В 1907 г. Хачик (Дадян) получил Открытый лист для раскопок развалин средневековых построек в Армавире, Вагаршапате, Двине и Гарни в Эчмиадзинском и Эриванском уездах Эриванской губернии. Однако в Архиве Комиссии, к сожалению, нет никаких материалов этих исследований (1907 г., д. 40).

Все же главная заслуга в изучении памятников Армении в рамках деятельности ИАК принадлежит Н. Я. Марру. В 1893 г. Н. Я. Марр, тогда приват-доцент Санкт-Петербургского университета, обследовал древние могильники и циклопические крепости на горе Арагац, где открыл погребения ранней бронзы, а в могильнике у сел. Кафтарлу обнаружил расписные сосуды эпохи средней бронзы. В том же году Н. Я. Марр подготовил свой «План археологических изысканий», а также раскопал множество каменных ящиков в Ворнакском могильнике (современное название Акнер). В могилах V–IV вв. до н. э. были найдены мечи, кинжалы, копья, скифская стрела, булавки, керамика, украшения (1893 г., д. 61).

Основными объектами деятельности Н. Я. Марра являлись древние и средневековые города, крепости, храмы и монастыри (Ани, Армавир, Двин и др.). В 1899 г. Н. Я. Марр получил Открытый лист на раскопки в Эриванском уезде, предоставив в Комиссию отчет под заглавием «Поездка Марра в 1899 г. в г. Двин для разведочных раскопок и Дневник», а также план «крепости» развалин древнего армянского города, по предположению Двина или Ардашара, опись и фотографии находок (1899 г., д. 119). Раскопки древней армянской столицы Ани начаты Н. Я. Марром в 1892 г. и продолжались в 1893 и в 1904–1917 гг. В 1892 г. работы в Ани длились месяц. В 1892 г. Н. Я. Марр провел также разведочные раскопки в Армавире и обследовал древние могильники и циклопические крепости на горе Арагац (1893 г., д. 61).

Именно исследование Ани стало главным предприятием ИАК на Кавказе. Средневековая столица Армении располагалась на правом берегу р. Ахурян (сегодня Турция, вилайет Карс).

Последний курган на Юз-Оба (1893 г.)

Ворнакский курган. Вид с юго-запада.

Н. Я. Марр на раскопках кургана Юз-Оба
(ФА, Q 396/41)

Инвентарь погребений. Ворнакский
могильник. Эриванская губ.
Раскопки Н. Я. Марра 1893 г.
Фото И. Ф. Чистякова 1897 г. (ФА, Q 328/33)

Инвентарь погребений. Ворнакский могильник. Эриванская губ.
Раскопки Н. Я. Марра 1893 г. (Q 396/12; 39; 62)

Ани был известен как средневековый город в V–XVI вв. В 961–1045 гг. он являлся столицей царства династии Багратидов. Город имел крепостную часть — Вышгород и нижнюю часть. Торговая часть состояла из нескольких специализированных кварталов купцов и ремесленников. По преданию, в Ани была 1001 церковь. Архитектурными доминантами Ани являлись три храма: 4-столпный крестово-купольный собор Богоматери (989–1001 гг.), круглая в плане церковь св. Григория (1001–1020 гг.) и церковь свв. апостолов (начало XI в.). Дворцы и монументальные постройки украшали город. Был построен водопровод, доставлявший воду из чистых источников. Посад был окружен двойным рядом каменных стен, в которых было 80 башен, 11 ворот и 3 калитки. Общая площадь города превышала 150 га.

После разрушительного землетрясения 1319 г. город постепенно пришел в упадок и в XVI в. упоминается в летописях уже только как деревня. На развалинах Ани побывало множество путешественников. Во время похода графа В. А. Зубова в Закавказье (1796 г.) Ани посетил художник М. М. Иванов: альбом с запечатленным им видом Ани хранится в Государственном Эрмитаже. В 1846 г. в Ани побывал Н. Я. Муравьев, описавший развалины древнего города в книге «Грузия и Армения» (Муравьев 1848): «Армянская пальмира красовалась вдали сонмом своих храмов и мечетей, минаретов и бойниц, как будто люди еще не покинули ее на жертву времени...».

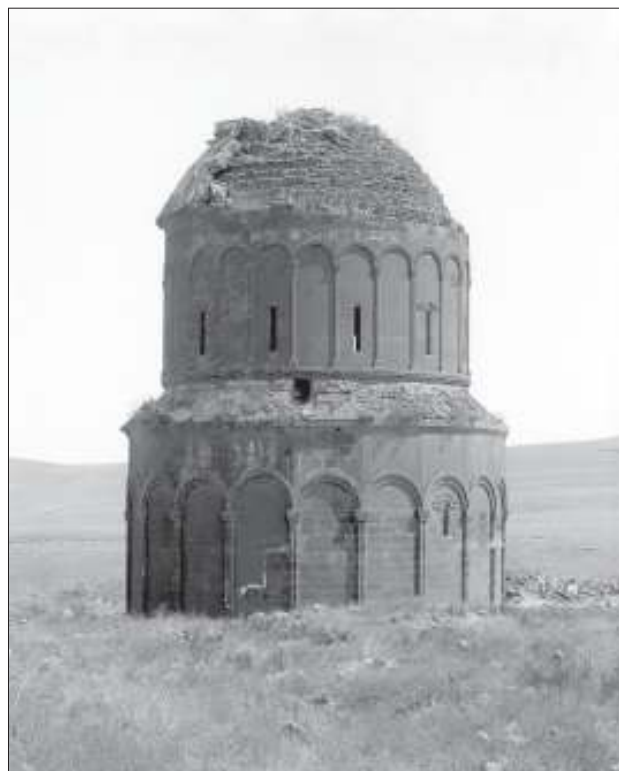
Раскопки Ани были начаты по инициативе и на средства ИАК, а затем субсидировались также армянскими общественными организациями. Работы 1893 г. длились месяц. Раскопки были проведены в трех местах: около церкви Спасителя, у восточной стены Анийского собора, у церкви св. Стефана. Были обнаружены также квартал бедных домов и общественные бани (1899, д. 119). Наряду с работами в Ани Н. Я. Марр предпринял экскурсии для ознакомления с окрестностями. В том же году он обнаружил древнейшую стену и более точно определил границы древней части города. Был обнаружен фундамент церкви — упрощенной базилики. Исследователь пришел к выводу, что древнейший тип армянских церквей имел форму креста без пристроек по углам. Был предпринят осмотр памятников в Карской области и Тифлисской губернии, обнаружены развалины множества церквей и монастырей, с заметными чертами слияния грузинского и армянского стилей. Н. Я. Марр вывез из поездки до 160 фотоснимков. Раскопки были прерваны, поскольку Н. Я. Марр считал нежелательным вывоз из города археологических находок. Лишь в 1904 г., когда были получены средства для приспособления под музей мечети Мануче, работы продолжились (1904 г., д. 79, л. 262).

В 1904 г. в Ани были открыты линии крепостных стен X в., сооруженных царем Ашотом III Милостивым. В 1905–1906 гг. здесь были раскопаны остатки круглой в плане церкви св. Григория, или Гагикова храма, сооруженного зодчим Трдатом по повелению царя Гагика. Верность реконструкции храма, проведенной архитектором Торосом Торамоняном (1904 г., д. 79), подтверждается найденной в развалинах каменной моделью храма. Здесь была обнаружена также двухметровая каменная статуя царя Гагика, который держит в руках модель храма.

В 1907–1908 гг. основные работы велись в Вышгороде, где раскапывался дворец. На стенах дворца сохранилась штукатурка с фресковой живописью и следы деревянных панелей. Во дворце располагалась баня, куда по глиняным и железным трубам подавалась горячая и холодная вода. Возле церкви свв. апостолов обнаружена гостиница (караван-сарай) XII–XIII вв. В 1909 г. исследовалась церковь свв. апостолов. Были раскопаны древние улицы в Вышгороде. В 1910–1911 гг. раскопки проводились в новом городе — между Ашотовыми и Смбаатовыми стенами. Была исследована главная улица, ведущая от Ашотовых

Вид развалин Ани. Акварель художника М. М. Иванова. Фото И. Ф. Чистякова. 1910-е гг.
(ФА, I 26203)

Ани. Церковь Спасителя после ремонта (ФА, II 43004)

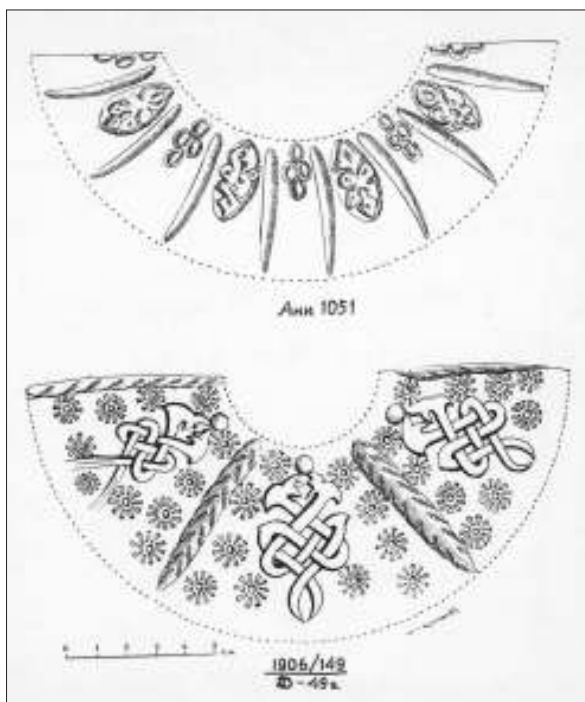
Крестный камень близ Ани — с двумя фигурами с копьями вверху и армянской (?) надписью по низу. Фото Я. И. Смирнова 1911 г. (ФА, Q 470/28)

Ани. Статуя царя Гагика I (990–1021 гг.) в Анийском музее. Фото Н. Я. Марра 1906 г. (ФА, Q 473/16)

Ани. Вышгород. Раскопки во дворце. Фото Н. Я. Марра. 1900-е гг. (ФА, I 26226)

Орнаментированные сосуды из Ани и Двина.
Прорисовка орнамента. (ФА, II 65870)

стен до Главных ворот (на которых высечен армянский перевод текста ярлыка монгольского хана о предоставлении городу автономных прав во внутренних делах). В этих сезонах были найдены остатки городского водопровода, частных домов, мастерских и множество надписей. Интересна церковь свт. Григория Просветителя, построенная по заказу купца Тиграна Оненца в 1215 г. и украшенная скульптурными изображениями зверей на фоне растительного орнамента. На куполе церкви сохранились фрески со сценами из жития свт. Григория.

Уникальным по своим масштабам являлся так называемый подземный город с вырубленными в скалах жилыми пещерами, церквами и усыпальницами. В 1911–1917 гг. Анийская экспедиция исследовала различные части города. Были открыты развалины церквей, мечетей, двorcов, караван-сараяв, улицы, древние кладбища и др. При раскопках Ани был получен огромный археологический материал: керамическая, фарфоровая, стеклянная посуда, изделия из металла, в том числе лампы,

кресты, мощехранилища. Здесь представлены каменные гири и ремесленные инструменты.

Однако судьба материалов Анийской экспедиции оказалась драматичной. Во время Первой мировой войны, из-за угрозы захвата Ани турками, наиболее ценные вещи были вывезены в Петроград, а в 1917 г. их решили перевезти в Тифлис. По пути, на Северном Кавказе, вагоны с находками бесследно исчезли, и о судьбе их ничего не известно. Незначительную часть вещей, спрятанную сотрудниками музея в горах, позже удалось перевезти в Ереван. Музей же в Ани вместе с оставшимися коллекциями был уничтожен при захвате города турками.

Огромная заслуга в исследовании Ани принадлежала непосредственно руководителю экспедиции Н. Я. Марру. Исследования проводились на высоком для своего времени научном уровне. Здесь трудились Я. И. Смирнов, В. В. Бартольд, Т. Тораманян. В Анийской экспедиции Н. Я. Марра студентами начинали научную деятельность И. А. Орбели, А. А. Калантар, Г. А. Капанцян, Д. А. Кипшидзе, Н. А. Токарский и др. На базе экспедиции вырос Анийский археологический институт — первое научно-исследовательское учреждение на территории Армении, сыгравшее важную роль в развитии кавказоведения. Впоследствии он послужил основой для появления в Тифлисе Кавказского историко-археологического института (1917 г.), от которого ведут свое происхождение все ныне действующие научные учреждения Закавказья.

Интересы Н. Я. Марра и представляемой им Комиссии на Кавказе не ограничились этими памятниками. В 1911 г. Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов предприняли поездку в Гегамские горы и обследовали в нескольких местностях (Аждага-юрт, Тохмахан-Гель, Имирзех) каменные

Армения. Поездка Н. Я. Марра и Я. И. Смирнова на Гегамские горы в 1911 г.
Вид вишапа после расчистки. Стоит Н. Я. Марр.
Фото Я. И. Смирнова 1911 г. (ФА, Q 560/45) (вишапы — менгировидные стелы с гравировками)

Ван. Турция. Халдская надпись на скале. Фото А. М. Вруйра, 1916 г. (ФА, Q 469/25)

Ван. Турция. Вид цитадели и раскопок на склоне Ванской скалы с северо-запада.
Фото И. А. Орбели 1916 г. (ФА, Q 470/33)

изваяния-вишапы в форме рыб или четырехгранных стел. На стелах были вырезаны изображения шкур буйволов с головой и ногами (символические жертвоприношения). По мнению исследователей, вишапы связаны с культом воды и плодородия. А в 1913 г. в Баш Шурагале Н. Я. Марр раскопал катакомбные погребения, которые позднее станут хорошо известными по работам Т. С. Хачатряна в Арктиском могильнике.

Менее значителен вклад ИАК в изучение Урарту. Клинописные надписи из Закавказья были впервые опубликованы известным русским ассириологом М. В. Никольским, членом Московского археологического общества, в 1862 г. В 1893 г. М. В. Никольский посетил Армению вместе А. А. Ивановским. Исследователи впервые обратили внимание на холм Арин-берд около Еревана, где позднее была открыта крепость Эребуни, давшая название современной столице Армении. Исследования Ванского царства (Урарту) были признаны важной задачей российской востоковедческой науки. Впоследствии значимую роль в этих исследованиях сыграло РАО. В 1911–1912 гг. по поручению Восточного отделения РАО Ван посетил И. А. Орбели и осмотрел урартские клинописные надписи.

В 1914 г. на заседании Восточного отделения РАО вновь обсуждался вопрос об исследованиях урартской культуры, в частности о необходимости проведения раскопок на Топрахале. Первая мировая война приостановила эти планы. Только в 1915–1917 гг., когда русские войска заняли некоторые районы Западной Армении, Н. Я. Марр совместно с И. А. Орбели осуществили давно задуманные ими раскопки урартских памятников в Ване. В состав экспедиции входили Н. Я. Марр, И. А. Орбели, архитектор П. Е. Кнегницкий и фотограф

Ван. Турция. Вид западной ниши со стелой Сардура II. Около стелы стоит Н. Я. Марр.
Фото И. А. Орбели 1916 г. (ФА, Q 471/4)

Гарни. Праздник, устроенный Н. Я. Марром для рабочих, участвовавших в раскопках: канатоходец.
Фото Н. Я. Марра 1910 г. (ФА, Q 470/23)

А. М. Вруйр. Н. Я. Марр производил раскопки на Топрах-кале, где в 1898 г. работала германская экспедиция под руководством австрийского историка Леманн-Гаупта (Lehmann-Haupt 1910). Было подтверждено предположение немецких исследователей, что крепость Топрах-кале погибла в результате пожара. Памятник был сильно разрушен, поскольку после немецких раскопок его «оккупировали» кладоискатели и полностью перекопали весь холм.

И. А. Орбели обследовал Ванскую скалу с цитаделью. Здесь он расчистил две каменные ниши, «Дверь сокровищницы», за которыми, по преданию, находилось помещение, наполненное золотом и драгоценными камнями. В первой нише Орбели обнаружил стелу с истинным «сокровищем» — клинописной надписью, которая оказалась летописью урартского царя Сардура, сына Аргишти. Во второй нише были установлены стелы с победными надписями урартских царей (Марр, Орбели 1922). Кроме РАО и ИАК в их изучении принимала участие и Академия наук. Зимой 1915/16 гг. по поручению Академии в Западную Армению для регистрации и охраны памятников приехали хранители Кавказского музея С. В. Тер-Аветисян и А. Н. Казаков, собравшие и доставившие в Кавказский музей 20 урартских клинообразных надписей и множество эстампажей и фотографий надписей.

Археологическая Комиссия была связана и с изучением Гарни. Первые археологические работы в Гарни были проведены в 1907–1908 гг., когда по поручению ИАК уже упоминавшийся архимандрит Хачик Дамян произвел расчистку ворот крепости и фиксацию лежащих на поверхности камней (1907 г., д. 40). В 1909 г. к исследованиям ИАК в Гарни присоединилось РАО. Руководил экспедицией Н. Я. Марр, в работе принимали

Гарни. Архитектурные фрагменты, среди них орнаментированная плита антаблемента.
Фото Н. Я. Марра 1910 г. (ФА, Q 470/20)

участие Я. И. Смирнов, К. К. Романов и фотограф Н. Н. Тихонов. В 1909–1911 гг. здесь были расчищены развалины храма, проведена топографическая съемка местности и классификация архитектурных остатков. В 1911 г. за недостатком средств раскопки пришлось прервать. В то же время на заседаниях РАО и ИАК поднимались вопросы о необходимости охраны этого памятника. Было выдвинуто предложение о включении территории города в число казенных земель и о постройке ограды вокруг развалин. Записка была передана заместителю Кавказа. Для охраны памятника Комиссией был нанят сторож. Предварительные итоги работы экспедиции Н. Я. Марра были подведены в 1911 г. в «Известиях ИАК», однако материалы обмеров и чертежи были опубликованы только в 1933 г. Н. Буниятовым (Буниятов 1933).

Еще одним исследователем Армении, труды которого были поддержаны ИАК, был Эмиль Александрович Реслер, член-корреспондент ИАК, который производил раскопки в Елизаветпольской губернии в 1891–1907 гг. В Нагорном Карабахе Э. А. Реслер работал в 1891–1897 гг. В 1891 г. Реслер раскапывал могильник в окрестностях г. Шуша (1890 г., д. 130). В 1892 г. он так и не использовал взятый им Открытый лист на раскопки близ г. Шуша из-за эпидемии холеры (Там же). Затем Э. А. Реслер регулярно с 1893 по 1898 г. раскапывал курганные могильники в Шушинском, Джеванджирском и Джебрайильском уездах Елизаветпольской губернии (1894 г., д. 54.; 1895 г., д. 60; 1896 г., д. 36; 1898 г., д. 64).

Раскопки Э. А. Реслера курганов в м. Ходжалы Шушинского уезда Елизаветпольской губернии: бронзовая подвеска в виде птички и короткий «цилиндрик» с отверстиями. Хранятся в Эрмитаже. Фото И. Ф. Чистякова. 1897 г. (ФА, II 25737)

Раскопки Э. А. Реслера курганов в м. Ходжалы Шушинского уезда Елизаветпольской губернии: светильник. Хранится в Эрмитаже. Фото И. Ф. Чистякова 1897 г. (ФА, I 20515)

Раскопки Э. А. Реслера курганов в м. Ходжалы Шушинского уезда Елизаветпольской губернии: агатовая печать с клинописной надписью. Хранится в Эрмитаже. Фото И. Ф. Чистякова 1897 г. (ФА, I 20516)

Им были обследованы, в частности, могильники эпохи бронзы и железного века в Арчадзоре, Ходжалах, Хаченагете, Шуше. Наиболее интересные находки происходят из Ходжалинского могильника. Так, в 1894 г. здесь была найдена бронзовая орнаментированная поясная пластина. В 1895 г. в Ходжалах обнаружены фигурка птички, бляхи, пронизки, светильник, глиняные сосуды и агатовая цилиндрическая печать с клинописной надписью ассирийского правителя Ададнирари. Подобные печати использовались при заключении договоров и при опечатывании товаров для торговых сделок. находка ассирийской печати в захоронении позднего бронзового века подтверждает предположение о разнообразных и тесных связях населения Кавказа с древневосточными цивилизациями. Поскольку возраст печати старше

самого погребения, где она была найдена, можно предположить, что сама печать являлась реликвией, долгое время хранившейся у членов какого-то рода и только потом попавшей в могилу (Мещанинов 1926).

В 1897 г. Э. А. Реслер выполнил небольшие по площади раскопки на кургане Кала-тепе на р. Карка-чай в Мильской степи (1895 г., д. 293). В 1898 г. на средства ИАК он производил раскопки близ сел. Гюляфлю Шушинского уезда и кургана «Ярма» близ г. Шуша. В 1898 г. им были осуществлены раскопки кургана «Кетти-тепе» близ сел. Дыг Зангезурского уезда Елизаветпольской губернии (1898 г., д. 64), а в 1899 г. раскопки на месте древнего г. Гянджа Елизаветпольской губернии (1899 г., д. 244). В 1900 г. Э. А. Реслер получил Открытый лист на раскопки участков Зарушад Карской области и близ Александрополя по течению р. Арпачай Эриванской губернии (1899 г., д. 244, 244 а). В 1901 г. Э. А. Реслер раскапывает погребение с «бревенчатым накатом» близ колонии Еленендорф (1901 г., д. 37 а, 37 б). В 1902 г. он исследовал древние города Ани и Александрополь в Елизаветпольской губернии. Годом позже, в 1903 г., Э. А. Реслер работал в Тифлисском уезде, в результате чего в Комиссию были предоставлены записки «Поездки в Баку и в Эриванскую губернию и раскопки курганов у сел. Куши-Дамарчи на р. Араксе», «Раскопки у сел. Глдани Тифлисского уезда», «Поездка в монастырь св. Георгия у сел. Мамкоди и раскопки на площади Маркателлы Тифлисского уезда» и «Поездка в дер. Голицыно Елисаветпольской губернии и произведенные там раскопки». По всем экспедициям Э. А. Реслер готовил рукописные отчеты на немецком языке, которые сопровождалась рисунками местности и погребений, планами курганов, зарисовками вещей и описями находок. За рукописным текстом на немецком языке, снабженным рисунками на полях, следовал машинописный текст «выдержек» из отчета на русском языке. В 1903 г. Э. А. Реслер отчитался также за предпринятую по поручению ИАК поездку в г. Баку и Эриванскую губернию, «для присутствия при вскрытии пещеры, содержащей, по уверению персидского подданного муллы Мирза Ахмед-Ага Магомед-Оглы, драгоценности» (1903 г., д. 124).

В 1904 г. Э. А. Реслер вновь раскапывал могильники в Эриванской губернии (1904 г., д. 122). В 1905 г. он проводил раскопки в Елизаветпольской и Тифлисской губерниях (1905 г., д. 34). Основные находки Э. А. Реслера в 1904 и в 1905 гг. были связаны с подкурганными погребениями эпохи бронзы и раннего железа. Чтобы лучше представить деятельность Э. А. Реслера и обстановку, в которой ему приходилось работать, стоит подробнее остановиться на полевых сезонах 1897 и 1898 гг., что нашло отражение в отчетах и переписке Э. А. Реслера с ИАК (1897 г., д. 48). Дело озаглавлено «О находке каменного молоточка в сел. Горадис Джабраильского уезда Елизаветпольской губернии и о раскопках там г. Э. А. Реслера». Оно открывается перепиской Э. А. Реслера с Комиссией «по поводу находки при строительстве дома каменного шлифованного молотка с проушиной». Местный пристав, получив от рабочих находку, не польстился на предлагаемые за молоточек деньги и передал его Э. А. Реслеру. Исследователь отметил, что это первая находка неолитической эпохи на Восточном Кавказе и просил Комиссию поблагодарить пристава (Там же, л. 1–3). К отчету приложен рисунок молоточка. Одновременно в письме от 22 марта 1897 г. Э. А. Реслер просил выслать ему Открытый лист и аванс на проведение раскопок, а также сообщал, что А. А. Ивановский, член МАО, раскапывал курганы у сел. Карабулак и обнаружил в могилах остатки деревянных конструкций. Местные жители просили у Э. А. Реслера разрешения забрать дерево из курганов на дрова, что неудивительно, если учесть, что и сегодня деревья в Мильской степи большая редкость. Э. А. Реслер обратился за соответствующей санкцией в Комиссию. А. А. Бобринской выразил благодарность приставу Ванского участка за передачу в Петербург каменного молотка

(Там же, л. 10) и сообщил, что «не возражает» против использования местными жителями дерева из курганов (Там же, л. 6).

Одновременно Комиссия выслала Э. А. Реслеру Открытый лист на работы в 1897 г. и аванс в размере 200 руб. Э. А. Реслер намеревался поехать раскапывать курган Кала-тепе на берегу р. Каркар-чай в Мильской степи, в 40 верстах от почтовой станции Агдам, на пасхальных каникулах. По его словам, летом работать там было невозможно из-за нестерпимой жары и бесчисленного множества ядовитых змей. Здесь, посреди Мильской степи, находились три гигантские насыпи: Уч-тепе, Ян-тепе и Кала-тепе. Э. А. Реслер начал раскопки кургана Кала-тепе (крепостной холм), высотой 100 футов, с плоской вершиной диаметром 145–160 шагов. Однако он понимал, что для раскопок такой огромной насыпи нужны «многие сотни рублей и десятки землекопов» (Там же, л. 16). В результате Э. А. Реслер был вынужден свернуть начатые работы, поскольку в его распоряжение был прислан всего... один землекоп.

Он перебрался в сел. Ходжалы, чтобы продолжить раскопки здешнего могильника, и послал 28 мая 1897 г. письмо в Комиссию, разъясняя экстраординарную ситуацию, сложившуюся в Мильской степи (Там же, л. 12–12 об.). Оказывается, путешествие в эту глухую, безлюдную местность было сопряжено с опасностью для жизни и имущества, поскольку требовался конвой из казаков, а местные жители были совершенно ненадежны. Администрация и полиция полностью устранились от местных дел. Жители казенных поселений взбунтовались и разбежались, скрываясь от работы. Кроме того, ни дня не проходит без грабежа, убийства, угона скота и т. д. В этой местности «царит полное кулачное право». Сам Э. А. Реслер только волею случая избежал ограбления. Рабочие вообще боялись удалиться от своих селений на несколько верст (Там же, л. 12–13).

В ответном письме В. Г. Тизенгаузен спрашивал Э. А. Реслера, чем Комиссия может помочь в деле обеспечения безопасности при раскопках кургана Кала-тепе (Там же, л. 14). Поскольку Э. А. Реслер собирался в Джеванширский уезд, где участились случаи нападений и убийств, ИАК обратилась к губернатору с просьбой принять меры к назначению охранного конвоя для археолога (Там же, л. 15). 9 июля Э. А. Реслер написал, что вернулся из сел. Ходжалы, и просил аванс для продолжения работ. Из Петербурга ему было выслано 200 руб. (Там же, л. 16). Отправляя в Комиссию отчет, Э. А. Реслер просил передать вещи в Исторический музей. Одновременно он вновь ходатайствовал о конвое из 10 казаков, чтобы иметь возможность спокойно путешествовать. Местные власти согласны дать двух человек, однако потребовали сразу же отослать их обратно, по прибытии в Джебраильский уезд. Далее Э. А. Реслер сообщал, что пристав из Ханкенди отказал ему в содействии: «При таких обстоятельствах пускаться в дорогу, ведущую через громадный густой лес, в котором уже много лет скрывается известный разбойник Дали-Али со своей шайкой (если ему наскучит относительно спокойная жизнь в его доме близ железнодорожной станции Евлах), было бы в высшей степени легкомысленно с моей стороны. Поэтому я копаю Ходжалинские курганы» (Там же, л. 23).

Одновременно он спрашивал у Комиссии: нужно ли ему набирать рабочих только в казенных селах и следует ли им платить за работу или только давать на «чай», как он делал ранее, а также сколько следует платить за работу крестьянам из неказенных селений? В ответе Комиссии было сказано, что расчет с рабочими должен производиться по устной взаимной договоренности, а единой нормы оплаты землекопам за день работ не существует (Там же, л. 24). Впоследствии, представляя в ИАК финансовый отчет, исследователь просил возместить ему «перерасход» в размере 89 руб. 74 коп., которые он заплатил из собственных «весьма скудных» сбережений.

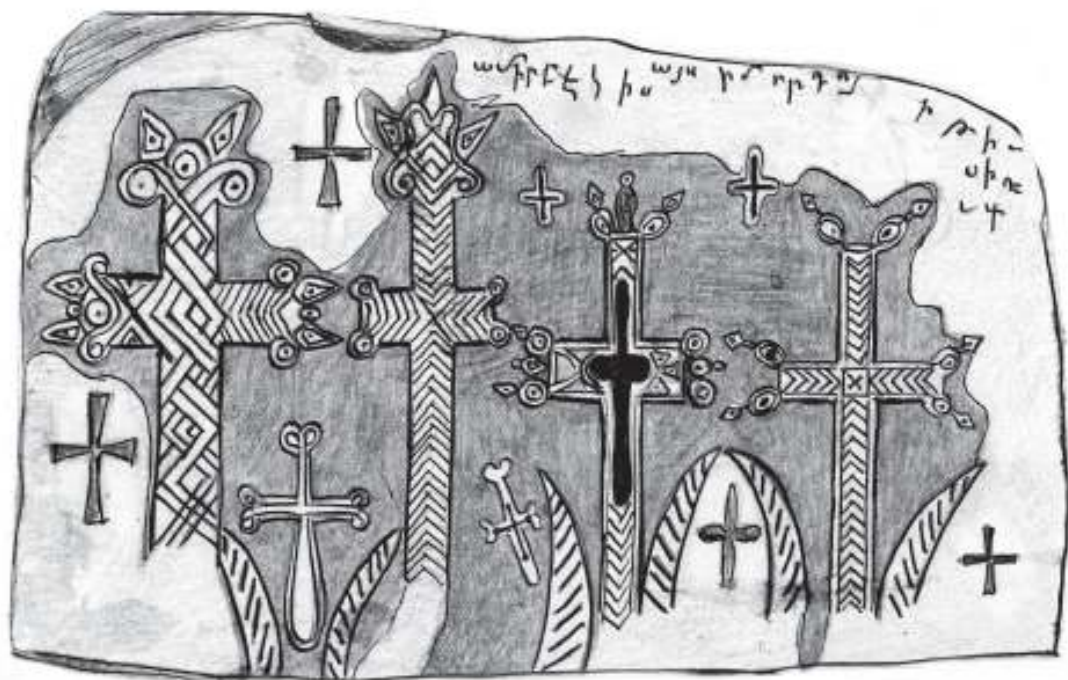
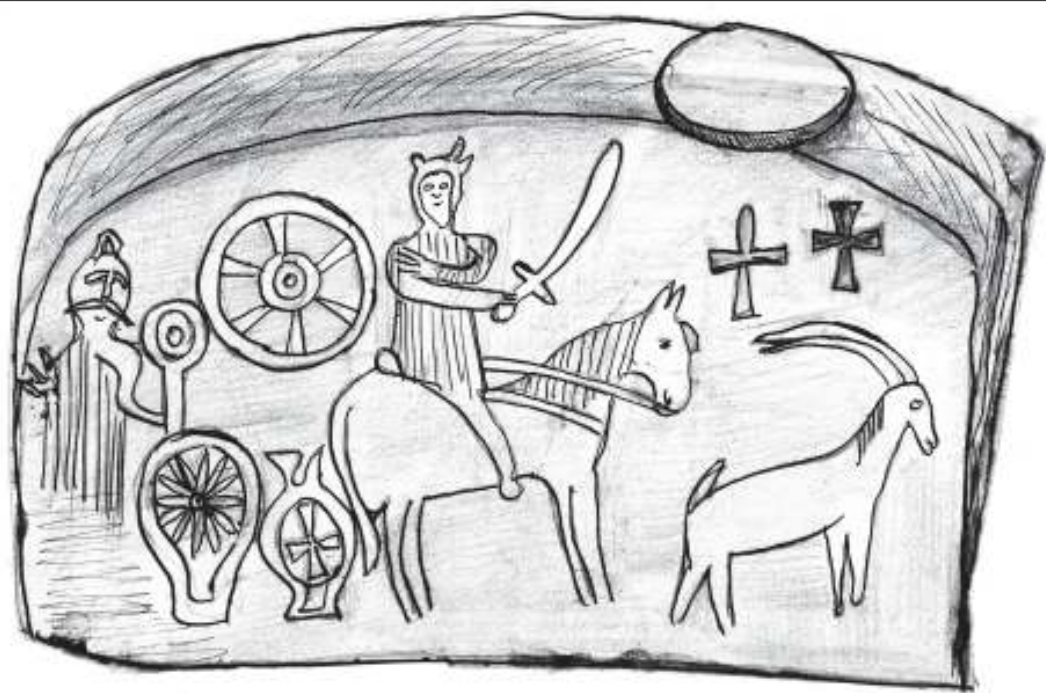
Тогда же он выслал в Комиссию опись находок в Елизаветпольской губернии, а сами находки переправил через транспортную компанию «Надежда» 12 января 1898 года (Там же, л. 40). В описи перечислялись вещи из могильников возле Шуши, Мехтикенда, Ходжалы, Арчадзора, Ахмахи, Ченахчи, Зерты и кургана Кала-тепе в Мильской степи. В ее тексте имеется приписка, сделанная ИАК: все вещи переданы в Исторический музей, только медная лампа из кургана № 1 у сел. Зерты поступила в Императорский Эрмитаж (Там же, л. 48). 23 марта 1898 г. А. А. Бобринской просил Казначейство перечислить Э. А. Реслеру 165 руб. 9 коп., которые и были посланы 10 апреля 1898 г. (Там же, л. 55).

Новый Открытый лист на 1898 год и аванс в 300 руб. были посланы Э. А. Реслеру 16 июня 1898 г. (Там же, л. 56). В отчете за этот год на одном из рисунков (Там же, л. 70) изображен курган Кала-тепе, на плоской вершине которого для масштаба помещены фигурки человечков и пасущихся лошадей. Э. А. Реслер замечает, что курган не случайно назван «крепостным холмом», поскольку его вершину использовали в целях фортификации, однако, вероятно, здесь было все же городище на естественном холме, а не курган. В результате исследований были обнаружены остатки сырцовых построек, погребения в кувшинах и множество «поливной» керамики. На некоторых черепках есть надписи. По мнению Э. А. Реслера, расшифровка надписей позволила бы датировать остатки укреплений на вершине кургана, хотя его возведение происходило намного раньше. Еще один рисунок Э. А. Реслера (Там же, л. 70 об.) весьма реалистично передает «колонию змей в Мильской степи».

Договорившись с командой вольнонаемных землекопов, Э. А. Реслер попытался исследовать соседний курган Уч-тепе. Копать он начал узким «колодцем в центре вершины». В отчете приведен рисунок кургана Уч-тепе с заложенным здесь шурфом. В ходе раскопок выяснилось, что, как и в большинстве исследованных им ранее курганов, сердцевина насыпи сложена из крупной речной гальки. Эти камни вываливались из стенок шурфа-колодца, что сильно затрудняло работу. В конце концов, Э. А. Реслер был вынужден остановить раскопки, не прокопав курган до конца (Там же, л. 81–90).

У сел. Дыг в том же году Э. А. Реслер раскопал 9 курганов. Поскольку пристав из Шуши не предоставил ему обещанных рабочих и не отвечал на вежливые напоминания археолога, а позднее при личной встрече вообще отказался принимать какое-либо участие в делах исследования древностей, часть сезона была потеряна. В результате Э. А. Реслер был вынужден продолжить раскопки могильника у сел. Ходжалы и исследовал могильник в каменных ящиках у сел. Дашалти (Там же, л. 148–248; 249–285). Представляют интерес погребения с оружием раннежелезного века, среди которых стоит отметить наконечники копий, стрел, мечи с набалдашниками на рукояти, бронзовые орнаментированные пояса. На вершине скалы над рекой у сел. Ченахчи обнаружен могильник, называемый местными жителями «княжеским». Погребения были совершены в каменных ящиках, а вещей в могилах не обнаружено. Над могилами устанавливались гранитные плиты с вырезанными изображениями. Два погребения с надгробными плитами были раскопаны (Там же, л. 239–240). Размеры каменных надгробий составляли 166 см × 101 см × 31 см и 199 см × 117 см × 30 см. На одной плите были изображены всадник, музыкант, олень и т. п. На другой стороне этой же плиты были вырезаны кресты «древнеармянской» формы. Судя по всему, погребения совершены в средневековое время. Увидев на многих надмогильных камнях изображения всадников, оленей и горных козлов, Э. А. Реслер предположил, что погребенные в могилах при жизни увлекались охотой.

Помимо вполне профессиональных исследований Э. А. Реслера в этом крае ИАК поручала проведение раскопок и явным любителям. Так, ротмистр пограничной стражи Н. В. Федоров,

Раскопки Э. А. Реслера. Могильник у сел. Ченахчи, надгробная плита с гравировкой. Лицевая и обратная стороны (1897 г., д. 48, л. 239 об., л. 240)

купивший вещи из грабительских раскопок могильника у армянского монастыря Кизыл-Ванк у г. Нахичевань на р. Аракс у местных жителей, впоследствии получил Открытый лист на раскопки могильника (1896 г., д. 19). Этот могильник он раскапывал в 1896 г. ИАК переслала ему аванс на исследования 100 руб. В своей инструкции граф А. А. Бобринской попросил Н. В. Федорова обратить внимание на возможные при исследованиях древние надписи, в том числе клинописные. В 1897 г. раскопки продолжились. В том же году Н. В. Федоров выяснил, что могильник раскапывается настоятелем расположенного поблизости монастыря, и сообщил об этом в ИАК. В результате незаконные раскопки были прекращены по непосредственному указанию Католикоса всех армян.

Найденные при исследованиях уникальные для Кавказа полихромные сосуды поступили в ИАК (Спицын 1909b). 3 ноября 1896 г. датирована телеграмма об отправке этих вещей из Комиссии в Исторический музей. При этом было выражено сожаление, что часть вещей оказалась поломана. В архиве ИАК сохранились фотографии планшетов с вещами из погребений и глиняных расписных сосудов с указанием масштаба. Хотя из-за плохой документации нельзя было разделить находки по комплексам, здесь можно отметить материалы разновременных погребений. Выделяются расписные полихромные сосуды с геометрическим орнаментом, изображениями людей, птиц, змей, глиняные статуэтки, бронзовые черенковые кинжалы, очковидная подвеска, бронзовые булавки. Позднее находки Н. В. Федорова дали основание для выделения кизылванской (кармирванской) культуры средней бронзы. В 1898 г. Н. В. Федоров переслал остальные находки в Петербург. По его словам, сохранность костей в могилах была очень плохая. Поверхность горшков покрыта известковой коркой, однако после ее очистки открывается многоцветная роспись. Н. В. Федоров также сообщал, что выше могильника, у стен монастыря располагалось «капище», где была найдена глиняная антропоморфная фигурка — идол.

С изучением памятников Кавказа был связан и Керченский музей древностей. В 1894 г. его заведующий К. Е. Думберг получил Открытый лист на раскопки кургана в сел. Ашнак Эчмиадзинского уезда Эриванской губернии. Одновременно им велась переписка о создании музея в Эчмиадзине. Во время исследований была открыта армянская церковь, позднее превращенная пристройками в крепость, и часовня. В окрестных селениях исследователь осмотрел развалины других церквей и огромный холм Шреш-блур, предположительно скрывавший развалины древнего города Армавира. В ИАК был предоставлен отчет о раскопках и обследовании близлежащих памятников, рисунки рельефов, орнамента, украшавших часовню и церковь, планы часовни, опись находок, фотографии приобретенных вещей, перечень эстампажей, снятых с надписей на камнях, а также историческая справка о сел. Ашнак (1893 г., д. 207, л. 80; 1894 г., д. 47). В 1895 г. К. Е. Думберг вновь получил лист на раскопки в Эриванской губернии. Помимо раскопок он также составил план церкви в сел. Ашнак и прислал в Петербург фотографии надписей на камнях вместе с перечнем памятников Эриванской губернии, опись приобретенных монет (1893 г., д. 207). К отчету был приложен рапорт о мерах к сохранению археологических памятников в Закавказье с заключением Н. Я. Марра.

Интуиция не подвела К. Е. Думберга. В 1909 г. в газетах были опубликованы заметки о случайной находке золотых украшений и серебряных монет римского периода, сделанных жителями сел. Ашнак Эриванской губернии. ИАК поручила Я. И. Смирнову ознакомиться с находками и обратилась к эриванскому губернатору с просьбой переслать вещи в Петербург. В сентябре 1909 г. эти предметы были переданы Археологической Комиссии, а в 1913 г. переданы в Эрмитаж, где уже хранились предметы из Ашнака, найденные ранее

Раскопки П. В. Чарковского в Тазакенде Эриванской губернии: медные кинжалы, кольца, бляхи, сердоликовые бусы. Хранятся в Тифлисском музее. Фото И. Ф. Чистякова 1899 г. (ФА, II 26021)

Раскопки П. В. Чарковского в Тазакенде Эриванской губернии: глиняные сосуды. Фото И. Ф. Чистякова 1899 г. (ФА, III 7029)

К. Е. Думбергом. Ашнакские находки, датируемые II в. н. э., были опубликованы Р. В. Кинжаловым только в 1961 г. (Кинжалов 1961: 51–63).

Еще один краевед Кавказа, Е. А. Лалаян, преподаватель Нерсесовской семинарии и редактор-издатель «Этнографического сборника», в 1903 и 1904 гг. получал Открытый лист для собирания надписей на древних памятниках (1903 г., д. 84). Впоследствии он также сотрудничал с МАО, по поручению которого в 1905, 1906 и 1908 гг. раскопал более 500 курганных погребений у озера Севан. Правда, материалы из этих «раскопок» просто собирались «в кучу» без разбивки по комплексам и какой-либо документации. Даже по меркам того времени раскопки Е. А. Лалаяна скорее были разрушением курганов, чем исследовательской работой (Мартirosян 1964). В 1904 г. Е. А. Лалаян раскапывал могилы у Кизыл-Ванка на р. Аракс. Им же были предприняты первые раскопки поселений культуры ранней бронзы, позднее получившей название куро-араксской: в 1904 г. он произвел раскопки на телле Кюль-тепе около Нахичевани на р. Аракс, а в 1913 г. — поселения Шреш-блур у Эчмиадзина (Лалаян 1905: 48).

ИАК была связана и с исследованием Тазакендского могильника, который весьма интересен из-за находок в погребениях расписной керамики, редкой для Южного Кавказа, но традиционной для Переднего Востока. Могильник, насчитывавший несколько сотен погребений, расположен в 12 км к северу от Еревана на берегу р. Раздан, у сел. Тазакенд. Его пересекают руины крепости Кармир-берд, поэтому выделенная позднее на материалах этого могильника культура среднего бронзового века получила название кармирбердской.

Первым начал исследование могильника служивший на Кавказе полковник П. В. Чарковский. В письме в Комиссию в 1896 г. он просит снабдить его свидетельством на право «иногда производить раскопки при военно-служебных поездках». П. В. Чарковский также попросил прислать ему список археологической литературы, касающейся района долины р. Аракс, «который интересен ему в его археологическом и историческом значении». Он запрашивал личных указаний графа А. А. Бобринского относительно археологических исследований (1896 г., д. 140, л. 1–2). Граф оставил адресованную В. Г. Тизенгаузену резолюцию на письме полковника: «... это умный и энергичный человек; не знаю, каков его научный потенциал, но это тот самый, которого коллекция приобретена через мое посредничество для музея Штиглица. Думаю, нам полезно иметь там сотрудника, но надо поставить наши условия категорично, со всеми точками над i» (Там же, л. 1). ИАК отправила П. В. Чарковскому Открытый лист, перечислив требования, предъявляемые Комиссией к проведению археологических раскопок (Там же, л. 3). Высланы были также бланк дневника раскопок, руководство по их производству и список публикаций об исследованиях в Эриванской губернии. В 1896 г. П. В. Чарковский раскопал 22 погребения и, прислав дневник, отчета так и не представил (Там же, л. 7–44). Дневник содержал план окрестностей Тазакенда, чертежи могил, их описание и опись находок. Здесь были найдены медные ножи и кинжалы, украшения, керамика гладкая и орнаментированная черной росписью по красной обмазке (Спицын 1909b: 1–2, рис. 5, 9, 22). Дневник завершает «перечневая опись предметов древности из раскопок П. В. Чарковского» (1896 г., д. 140, л. 54–55). На фотографических снимках в дневнике представлены таблицы с находками: сосуды, браслеты, кинжалы с ажурными рукоятками, бусы, височные кольца (Там же, л. 48–51).

А. А. Бобринской в письмах к П. В. Чарковскому (октябрь 1897 г.; январь 1898 г.) просил его указать музей, в который могут быть переданы находки из тазакендского могильника (1896 г., д. 140, л. 46, 47). Тот предложил Комиссии поступить с его находками по собственному усмотрению (Там же, л. 53). Письмо отправлено уже не с Кавказа, а из Белостока, куда,

видимо, привела П. В. Чарковского его офицерская служба. Материалы раскопок Комиссия отправила в Тифлисский музей, сегодня Государственный музей Грузии в Тбилиси. Другая часть находок (около 350 предметов) осталась у П. В. Чарковского и впоследствии была выкуплена музеем Грузии. Б. А. Куфтин также передал в музей Грузии приобретенную им личную коллекцию П. В. Чарковского, состоящую из сосудов и бронзовых изделий из Эриванской губернии. Часть расписных сосудов, вероятно, происходит из того же Тазакендского могильника. Погребения могильника относятся к эпохам средней и поздней бронзы.

ИАК осуществляла на Кавказе и контроль за научным качеством проведенных исследований, в том числе и в связи с изучением Тазакендского могильника. В 1903 г. МАО поручило своему члену епископу Месропу (Смбатянцу) провести раскопки в районе крепости Кармир-берд. Архиерей перепоручил проведение раскопок Мкртичу Захарьянцу — дилетанту, вовсе не разбиравшемуся в методике археологических работ. Тот раскопал 17 могил, однако прислал в МАО только несколько находок, а большую их часть продал Археологической Комиссии как случайный находчик.

Отчет М. Захарьянца в ИАК был составлен им по памяти и свидетельствовал о низком уровне проведенных им работ. С целью проверки на месте раскопок М. Захарьянца и для исследования интересного памятника Комиссия в 1904 г. направила в Кармир-берд Э. А. Реслера. Э. А. Реслер сообщил, что к моменту его приезда почти все могилы (несколько сотен погребений!) оказались разграбленными. Ему удалось раскопать лишь 28 оставшихся могил, вещи из которых переданы ИАК в МАЭ (1904 г, д. 122, л. 46–59).

Позднее по примеру Хачика Дадяна другой архимандрит Эчмиадзинского монастыря Месроп Тер-Мовсесян, который был и заведующим Музеем древностей, в 1905 г. также получил лист на раскопки на землях Эчмиадзинского монастыря (1903 г., д. 73). В его дневнике (Там же, л. 25–39, 39 об.) представлено описание разведок в окрестностях Тазакенда и Тазакендского грунтового могильника, устройства могил, план погребения с расположением вещей: мечей, украшений и сосудов. Много лет спустя, в 1934 г., место раскопок обследовал Б. Б. Пиотровский, которому удалось установить идентичность могильника, раскапывавшегося П. В. Чарковским и М. Захарьянцем, а также зафиксировать хронологическую связь материалов могильников и кладки циклопической крепости. Наконец, изучив архивные данные и музейные коллекции из Армении, Грузии, Москвы и Санкт-Петербурга, К. Х. Кушнарера сумела реконструировать яркую кармирбердскую культуру среднего бронзового века Южного Кавказа с расписной керамикой (Кушнарера 1960). Раскопки могильника продолжили А. А. Мартиросян в 1962 г. и С. А. Есаян в 1965–1967 гг. На этом памятнике были также обнаружены погребения эпохи поздней бронзы с сосудами, кинжалами, браслетами, подвесками в виде фигурок птиц и т. д.

По примеру П. В. Чарковского интерес к занятиям археологией проявляли и другие служившие на Кавказе офицеры. Армейская дисциплина и элементарная порядочность заставляли их обращаться за разрешением в ИАК. Так, прапорщик 261-го запасного пехотного Шемахинского полка Владимир Адамович Скиндер запросил в 1905 г. Открытый лист на раскопки в Елизаветпольской губернии (1905 г., д. 67). Комиссия выслала ему правила проведения раскопок и предоставления отчетов по ним. В. А. Скиндер сообщил в ответном письме, что изучил электрохимию и собирался провести археологические раскопки за границей: в Египте и в Персии. Однако началась русско-японская война и его призвали в армию. Вернувшись в расположение полка, в Елизаветпольскую губернию, он обнаружил следы деятельности доисторического человека и вознамерился их исследовать. На присланных им фотографических снимках видны курганные могильники.

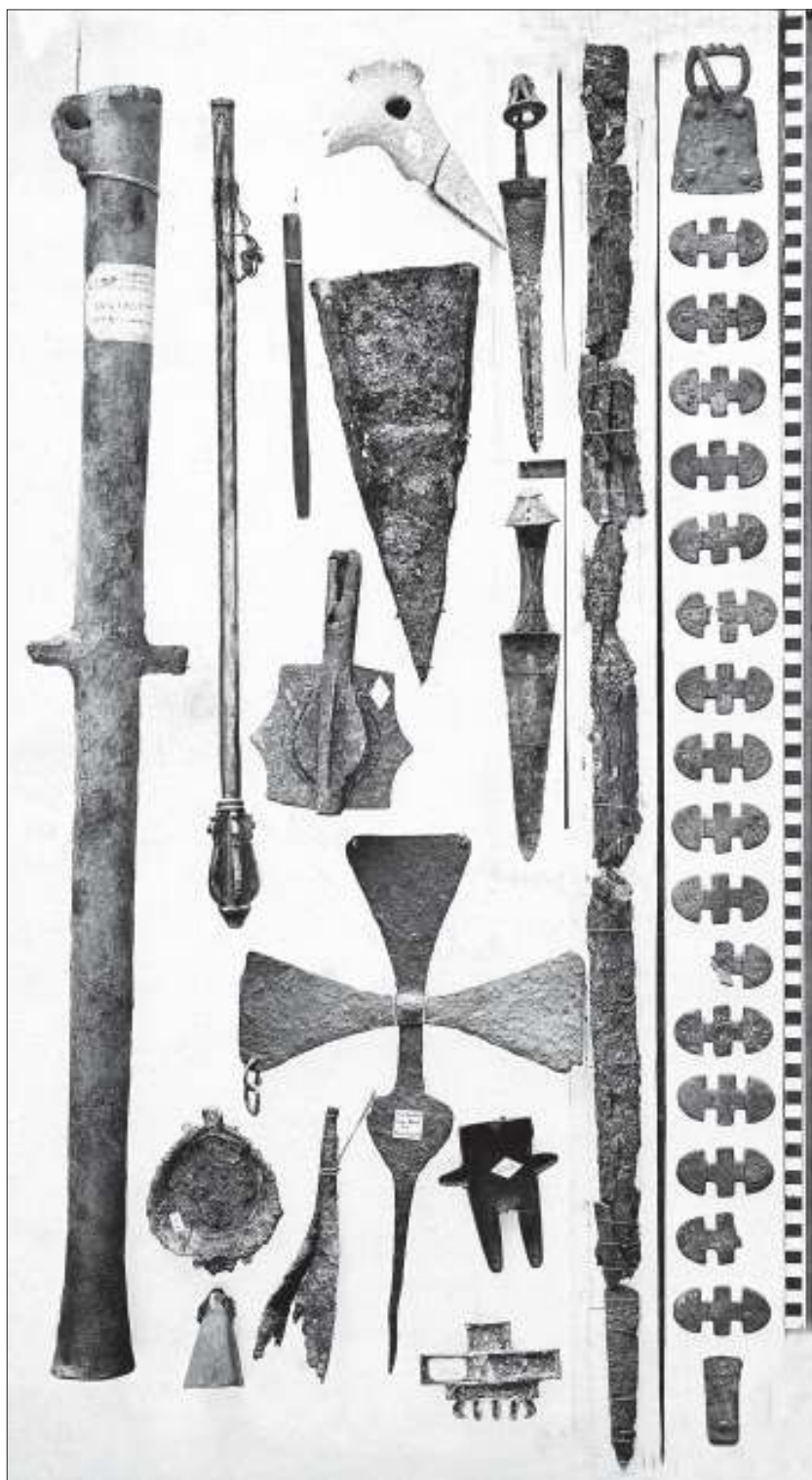
В. А. Скиндер просил выслать Открытый лист как можно раньше, поскольку «позже здесь рабочие руки дороги и трудно получаемы». После окончания работ исследователь прислал печатный отчет, который был заслушан Комиссией, однако в архиве так и не сохранился, и сопроводительное письмо. В письме он сообщал, что в имениях Араплы и Топаласанглы работать ему пришлось в чрезвычайно тяжелой обстановке: «Во время работы я дважды едва не был убит разбойниками» (Там же, л. 10). Одновременно он писал, что «впервые в России применил общий метод исследования». К сожалению, из письма не понятно, о каком «общем методе» идет речь. Тогда же В. А. Скиндер обратился к Комиссию с просьбой выслать ему 300 руб. для раскопок в Терской и Дагестанской областях и в Бакинской губернии в 1906 г. Другая его просьба не касалась напрямую ИАК: он хотел «за бескорыстную деятельность» быть принятым в члены-сотрудники Петербургского археологического института.

Открытый лист на 1905 г. В. А. Скиндер не использовал, поскольку копал курганы на частных землях. Перечень находок этого сезона он привел в печатном отчете, а сами вещи обещал привезти в Петербург лично. Интересно, что В. А. Скиндер хотел произвести «электролитические анализы» бронзовых изделий из раскопок и просил Комиссию выслать ему 80–100 руб. для приобретения «необходимой для производства анализов платиновой посуды». ИАК выслала В. А. Скиндеру Открытый лист на 1906 г., но на просьбу прислать «денег на платиновую посуду» из Петербурга резонно заметили, что «такого поручения Скиндеру Комиссия не давала» (Там же, л. 11). В 1907 г. В. А. Скиндер возвратил Открытый лист на 1906 г. и просил передать найденные вещи в дар Археологическому институту. В результате ИАК передала 13 глиняных сосудов и камень из раскопок В. А. Скиндера в институтский музей. Отчет В. А. Скиндера с описаниями раскопанных им погребений так и не сохранился, но известны несколько фотографий находок. Здесь действительно представлены сосуды, но вместо камня — бронзовые браслеты и обломок булавки (Там же, л. 23–26).

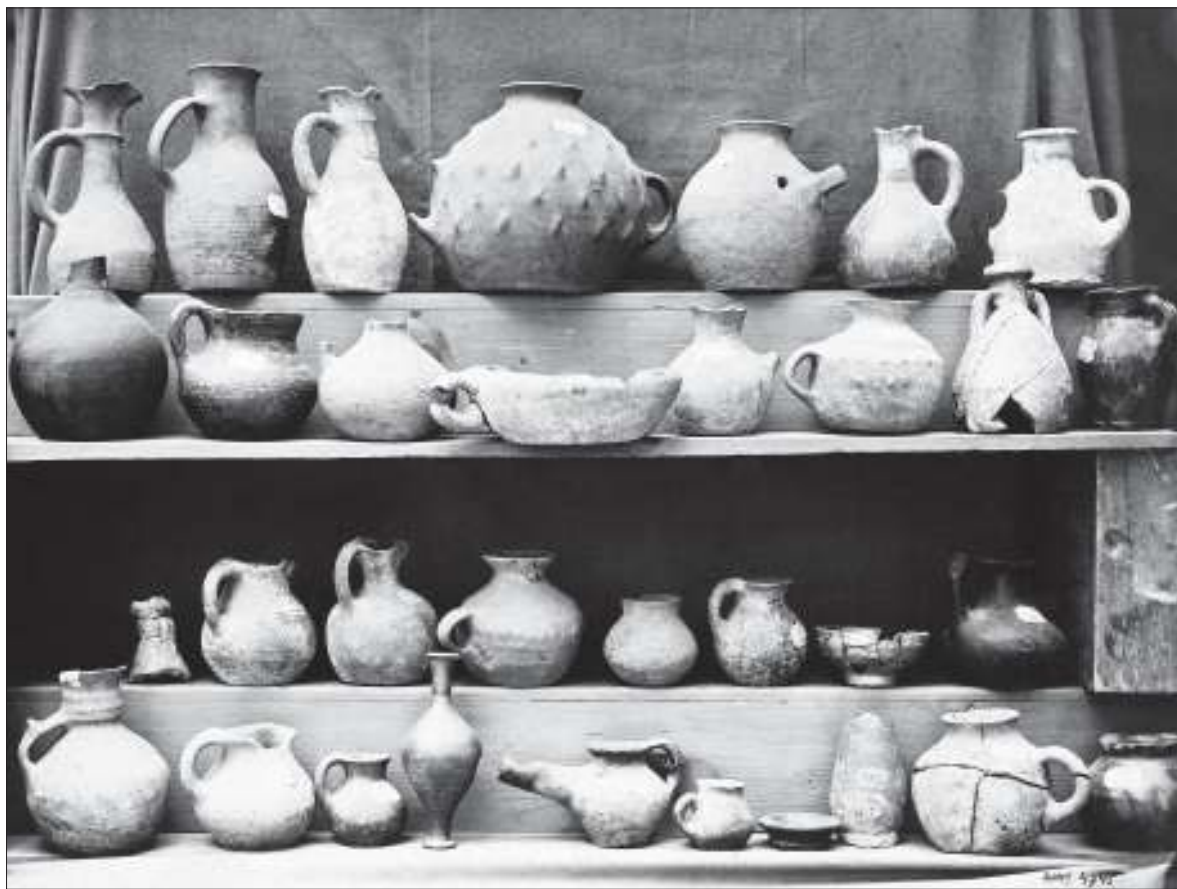
Два полевых сезона раскопки в Армении производил доцент Б. М. Халатьянц: в 1908 г. получил Открытый лист на исследования в местности Арташат близ сел. Багаран Карской области и в сел. Кулиджан Александропольского уезда Эриванской губернии. Своей краткий отчет, присланный в ИАК, он озаглавил «Археологическая поездка в Двин-Хор-Вирав-Кулиджан Эриванской губернии» (1908 г., д. 117). В 1909 г. он снова раскапывал могильники в Александропольском уезде Эриванской губернии (Там же). Изучением письменных памятников Закавказья занимался и Федор Густавович Беренштам — библиотекарь Академии художеств, который, получив согласие ИАК, фотографировал армянские и грузинские рукописи и вещественные памятники (1906 г., д. 84).

Многочисленные случайные находки различных древностей, сделанные в Терской области и поступившие в Археологическую Комиссию отрывочные сведения о раскопках курганов и древних могил в окрестностях городов Владикавказа и Грозного побудили председателя Комиссии А. А. Бобринского посетить лично эти места с целью точнее определить характер надгробных памятников и погребальные обряды народов, обитавших здесь в древности.

В марте–апреле 1888 г. граф А. А. Бобринской раскопал несколько курганов в ближайших окрестностях Владикавказа. Недалеко от почтовой станции Балты на Военно-Грузинской дороге он исследовал могильник в урочище Херх. Грунтовый могильник протянулся вдоль высокого берега р. Терек на полверсты. Погребения совершались в каменных ящиках, покрытых шиферными плитами. Разыскивание древних могил при помощи железных щупов составляло одно из любимых занятий жителей соседнего сел. Чми. А. А. Бобринской смог насчитать более сотни разрытых могил. Часть золотых вещей и стеклянных сосудов из этого

Раскопки в Самтавро, Менглиссе и Редкине Лагере. Предметы из погребений.
Фото Д. И. Ермакова. 1890-е гг. (ФА, Q 505/5)

Раскопки в Самтавро, Менглиссе и Редкине Лагере. Предметы из погребений.
Фото Д. И. Ермакова. 1890-е гг. (ФА, Q 505/17)

могильника попали в коллекцию Ольшевского. В раскопанных погребениях А. А. Бобринской обнаружил железные ножи, бронзовые зеркала, стеклянные и бронзовые браслеты, бусы из серебра, бронзы и пасты. При посредничестве В. И. Долбежева, сопровождавшего его в поездке, А. А. Бобринской купил у местных жителей добытые из могильника бронзовые бляхи, зеркала и глиняные сосуды (1888 г., д. 64, л. 89–103).

В другом могильнике у той же деревни, между станциями Балта и Ларс, в местности Беахни-Куп погребения в грунтовых ямах оказались разрушены при частых оползнях. Здесь А. А. Бобринской обратил внимание на сильно удлиненные в результате искусственной деформации черепа погребенных. Много украшений, происходящих из этого могильника, попало в руки местных жителей (Там же, л. 104–115). В соседнем могильнике, в долине р. Су-Аргом, были исследованы погребения в склепах-катакомбах, в каждой из которых было найдено от одного до трех скелетов. Инвентарь катакомб — железный наконечник копья, нож, серебряное кольцо, стеклянные бусы, пряслице, глиняные сосуды (Там же, л. 115–125).

Затем граф А. А. Бобринской посетил аул Кобан и известный Кобанский могильник. Возле сел. Нижний Кобан в священной роще находилась боевая башня и святое место «дзуар», представлявшее древнюю часовню. Родовое кладбище состояло из наземных каменных склепов (Там же, л. 126–131). В сел. Верхний Кобан была расположена еще одна боевая

Предметы из погребений. Раскопки в Самтавро близ Мцхета на правом берегу р. Арагви Душетского уезда Тифлисской губернии. Хранятся в Кавказском музее.
Фото Д. И. Ермакова. 1890-е гг. (ФА, Q 506/58)

Навершия в виде бараньих головок, фибулы и другие изделия из бронзы. Могильник Кобан. Осетия-Тагаурия. Фото Д. И. Ермакова. 1890-е гг. (ФА, Q 506/30)

башня, а над высоким берегом р. Кобань — знаменитый грунтовый могильник, занимающий склоны и вершину большого холма. Холм уже был ископан со всех сторон. Здесь были добыты все те замечательные бронзы, которые поставили кобанский могильник в один ряд с важнейшими памятниками бронзового века. Бронзы эти находятся в музее Сен-Жермен-ан-Ле под Парижем, в Лионе, Вене, Берлине, в Историческом музее в Москве, в собрании графа А. С. Уварова, в Тифлисском музее, в собрании Ольшевского и т. д. Могильник оказался расположен на земле, принадлежащей Хабошу Канукову. Во время визита А. А. Бобринского Х. Кануков был занят вторичной раскопкой уже обследованного им пространства. По его словам, во время первых раскопок он «искал исключительно предметы больших размеров и отбрасывал все мелкие вещи, считая их ненужными». При новых раскопках было обнаружено множество более мелких изделий. Кроме уже известных и описанных типов было зафиксировано несколько оригинальных вещей, в том числе две орнаментированные большие булавки в виде гладких топоришков с привесками и головками козлов. А. А. Бобринский приобрел для своей коллекции собрание Х. Канукова (ФА, Q 506/24–44).

Х. Кануков разрешил А. А. Бобринскому провести раскопки на холме и подарил найденные при исследованиях вещи. На склоне холма была заложена траншея 22 на 10,5 м, глубиной 2 м до материка. Были обнаружены 10 скелетов в различных положениях и с разной

ориентацией и добыто большое количество бронзовых предметов. К редким находкам А. А. Бобринской отнес золотой браслет со змеиными головками на концах, серебряную колесообразную бляшку с железной кнопкой наверху и кремневое острие (1888 г., д. 64, л. 132–140). Другой приобретенной при посредничестве В. И. Долбежева в этом месте коллекцией были вещи из Галиатского могильника, расположенного в 60 верстах к юго-западу от Владикавказа около сел. Галиат, из которого происходили древности, приобретенные у местных жителей: пять булавок с ажурными головками, два колесообразных украшения, 5 колец, браслеты, поясная бляшка, пастовые бусы, обломки бронзовых гривен и поясов (Там же, л. 141–141 об.).

Из Кобани А. А. Бобринской перебрался в окрестности Грозного, где исследовал некоторые курганы, а также произвел обширные раскопки в курганном могильнике, окружающем аул Алды. По словам А. А. Бобринского, вдоль берега р. Сунжи до гор тянутся ряды крупных курганов и могильники из небольших насыпей. Крупные курганы имеют высоту 4–7 м. Встречаются и более высокие. В результате шоссе Владикавказ — Грозный на протяжении 100 верст проходит как бы сквозь сплошное поле курганов (Там же, л. 148 об.). В Алхан-Юртском могильнике в 12 верстах от Грозного у сел. Алхан-Юрт насыпи вплотную примыкают друг к другу. А. А. Бобринской насчитал здесь до 5 тысяч курганов, но, по его словам, их было гораздо больше. Три четверти курганов больших размеров имеют правильную куполообразную форму. Многие насыпи имеют более пологий склон с юга и круче к северу, что должно рассматриваться как признак древних насыпей, поскольку за тысячи лет курганы размываются при таянии снега с юга сильнее, чем с севера. Здесь встречаются и средневековые городища, окруженные валами и рвами, например, у сел. Закан-Юрт и у сел. Алхан-Юрт. А. А. Бобринской раскопал четыре больших кургана колодцем, диаметром 7 м, обнаружив под насыпями ограбленные в древности склепы-катакомбы. В могилах были найдены человеческие кости, железные ножи, железная пряжка, бронзовые и пастовые бусы (Там же, л. 150–159). Ранее в этом могильнике местным жителям удалось найти неограбленные склепы. В Комиссию поступили вещи изящной работы: цепи, серьги, фибулы, привески, золотые перегородчатые украшения со вставками из темно-красных гранатов и стекла времени переселения народов.

А. А. Бобринской посетил окрестные аулы и на правом берегу р. Сунжи: Урус-Мартан и Куляры, где также исследовал некоторые курганы. В одном из них были найдены глиняный сосуд, тарелочка, человеческие кости, 30 железных наконечников и один медный наконечник стрелы (Там же, л. 169). Между прочим, был исследован и тот курган, в котором местные жители, незадолго до того, нашли погребение с золотыми спиральными серьгами, бронзовым зеркалом, янтарными и серебряными бусами и золотой диадемой, которую разбили на три части. Помощник начальника округа Г. К. Чураковский провел следствие, отыскал все части диадемы и отправил ее графине П. С. Уваровой вместе с некоторыми другими предметами. У местных жителей А. А. Бобринским были куплены золотая серьга, 7 бляшек, большая бляшка «меровингского типа», пряжки, кольца, бусы, железные удила (Там же, л. 204).

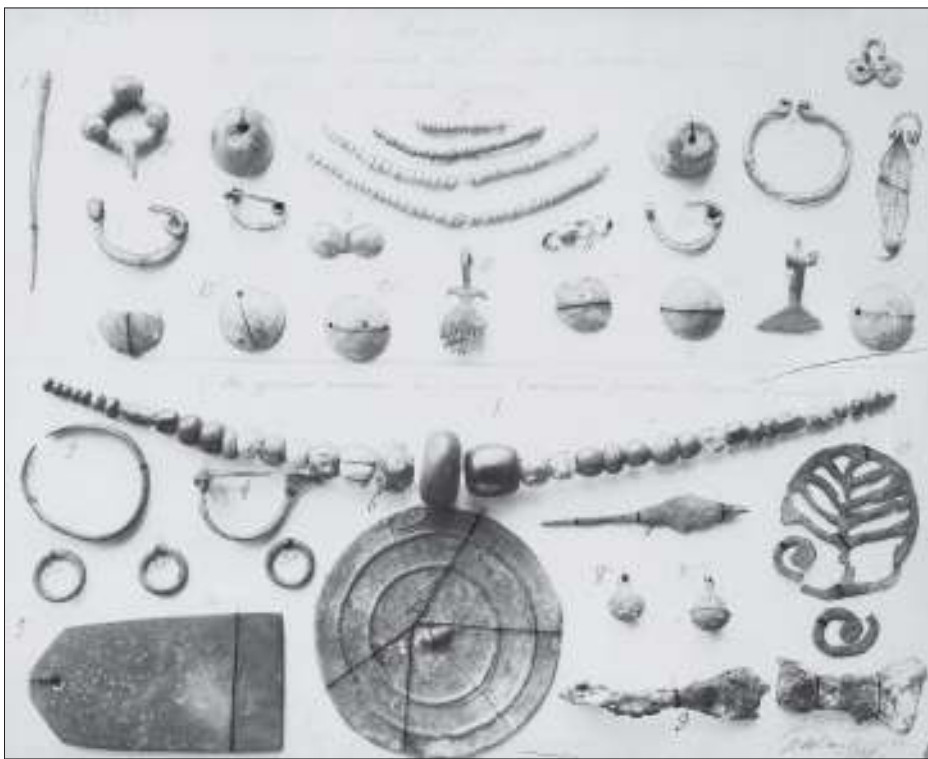
Во время этой поездки А. А. Бобринской осмотрел вещи, добытые коллежским асессором г. Семеновым при раскопках возле укрепления Ведено, и сам раскопал несколько могил в двух аулах Веденского округа. Здесь погребения совершались в каменных ящиках. Ящики были расположены близко к поверхности, иногда перекрытие лежало на земле. В каждом погребении было по несколько скелетов, при которых постоянно встречались изделия из железа. Частыми находками в могилах были железные сабли и серебряные серьги. А. А. Бобринской в ходе своей разведки сделал вывод о пространственном распределении разных типов могил:

в горах обычными являются каменные ящики, часто склепы, а на равнине чаще встречаются подкурганые погребения в склепах-катакомбах (Там же, л. 207).

Отправившись в Тифлисскую губернию, А. А. Бобринской остановился на станции Казбек Военно-Грузинской дороги на правом берегу р. Терек в ауле Стефан Цминда («цминде» — святое место). Здесь на высоте 7400 футов над уровнем моря располагалась усадьба семейства Казбек, которые дали разрешение на исследование могильника на принадлежащей им земле. Однако А. А. Бобринской в заложенных траншеях не нашел следов погребений и человеческих костей, но только кости животных, серебряную римскую монету, бронзовый перстень, резные камни от перстней, бронзовые фибулы, железный наконечник копья, части удила и 140 бусин (Там же, л. 212–216). Им были осмотрены и окрестные памятники. В небольшой каменной церкви, освященной во имя св. архангела Михаила в 1809 г., хранился реликварий-мощевик — серебряная фигурка барана. Фигурка украшена медальонами с изображениями Богородицы, св. Георгия и образами «нерукотворенных» ликов Спасителя. По мнению видевшего этот памятник А. А. Бобринского, фигура барана была древней византийской работы (Там же, л. 217 об.).

В окрестностях аула А. А. Бобринской видел и описал каменную башню и разрушенную каменную часовню, возведенную на вершине отколовшегося от скалы крупного обломка. В стену часовни, сложенной из тесаных камней на известковом растворе, был вставлен каменный крест. Известно, что обычно в стену церкви замуровывали крест, стоявший над могилой, которую пришлось разрушить при строительстве или при совершении нового погребения. С западной стороны в стене часовни имеется выступ из черного шифера — своеобразный жертвенник, на который охотники приносили черепа или рога добытых ими туров. Жители из окрестных селений собирались здесь для совместного празднования дня Пасхи. Под часовней был зафиксирован подземный склеп-катакомба с костными останками, подобный катакомбам из могильника Херхе византийской эпохи. К северу от аула Стефан Цминда расположен могильник с каменными набросками. Однако раскопки были затруднены как неблагоприятным климатом и высотой местности над уровнем моря, так и «невыразимой бестолковостью туземцев-рабочих, которые не в силах производить какую-либо несколько порядочную или терпеливую работу» (Там же, л. 218–224). Вместе с отчетом А. А. Бобринской предоставил в архив Комиссии многочисленные таблицы с находками из раскопок этого года и приобретенных им коллекций, сопровождавшиеся подробным описанием (Там же, л. 225–249).

А. А. Бобринской проводил археологические исследования и разведки и в сложные для России 1914 и 1917 гг. (1914 г., д. 247; 1917 г., д. 35). 17 апреля 1917 г. ему был выдан Открытый лист от Археологической Комиссии, теперь носящей название Российской, дающий «право производства археологических раскопок в течение 1917 года на землях казенных, общественных и принадлежащих разным установлениям, в пределах Терской области...» (1917 г., д. 35, л. 3). Вероятно, организация раскопок на Украине, где он обычно раскапывал курганы в своем имении Смелы, была затруднена, и поэтому исследователь проводит свой последний полевой сезон в Предкавказье. А. А. Бобринской предоставил счет за «сметный период 1917 года» (Там же, л. 5), согласно которому «в передержке» оказывается сумма в 49 руб. 10 коп.: всего же на раскопки было отпущено 500 руб., и финансовый отчет от 3 апреля 1918 г. Итогом работ явился «Отчет о раскопках кургана близ г. Кисловодска в 1917 году», включавший дневник, написанный в обычной, тщательной и аккуратной манере, с карандашными рисунками и схемами 5 погребений кургана эпохи бронзы (Там же, л. 17–25). Курган располагался в 1 версте от товарной станции Кисловодска. Окружность кургана 15,5 м. Вершина

Кобанский могильник. Раскопки В. И. Долбежева. 1889–1890 гг. (F 128/29, 31)

Изделия из железа в погребениях Кобанского могильника. Раскопки В. И. Долбежева 1889–1890 гг. (1886 г., д. 20; F 128/52)

срезана, в центре западина, заполненная камнем, вокруг насыпи — кромлех из крупных камней. А. А. Бобринской сетует, что из-за дороговизны рабочей силы он был вынужден ограничиться траншеей шириной 5 м через насыпь с юга на север. В кургане обнаружено 5 погребений в каменных ящиках. Все они были ограблены в древности. Удалось найти только один фрагмент стенки сосуда «скифского типа», переданный в Исторический музей (Там же, л. 18).

К наиболее активным исследователям памятников Центрального Кавказа, тесно сотрудничавшим с ИАК, без сомнения, относится В. И. Долбежев. В. И. Долбежев — статский советник, преподаватель Владикавказского реального училища — работал в Терской области, Кабарде, Грозненском округе, Северной и Южной Осетии, Дигории, Тифлисской губернии в 1886–1894 и в 1897–1904 гг. Исследованные им могилы принадлежали, в основном, к периодам от финала бронзового века до эпохи средневековья. Его интенсивную и продолжительную полевую деятельность можно сопоставлять разве что с раскопками Н. И. Веселовского на Кубани. Хотя на Центральном Кавказе не встречено блестящих «царских» усыпальниц, подобных Келермесским и Майкопским, но здесь найдены сотни погребений со знаменитыми кобанскими художественными бронзами. Еще в 1886 г. В. И. Долбежев обратился к графу А. А. Бобринскому с просьбой содействовать охране древностей в Терской области, где памятники «гибнут в результате торговли, заведенной К. И. Ольшевским и московскими профессорами». Его инициатива была поддержана ИАК. В 1886 г. граф А. А. Бобринской советовал Х. Канукову во избежание разграбления памятников производить раскопки могильника у сел. Верхний Кобан совместно с В. И. Долбежевым. Последний в этом году предпринял по Открытому листу ИАК раскопки во Владикавказском округе Терской области, в Джейраховском ущелье (1886 г., д. 20). Им были раскопаны курганы, грунтовые могильники и древние кладбища и собраны местные предания. В Джейраховском ущелье могилы представляли собой углубленные в материк каменные ящики. Скелеты одного, реже двух покойников были

уложены на спине головой на запад, ногами на восток. В могилах были найдены железные и бронзовые кольца, перстни, браслеты, бронзовое зеркало, бронзовые булавки, бусы серебряные и стеклянные и небольшой глиняный кувшин с волнообразным орнаментом. В верховьях Джейраховского ущелья был открыт могильник из наземных каменных склепов с окошками для вноса покойников. Погребенные были уложены на каменные плиты вдоль стен склепа. Здесь фиксировался средневековый материал: истлевший деревянный лук, железные наконечники стрел, железные ножи и кресало.

У сел. Беслан В. И. Долбежев раскопал курган высотой 6 аршин и свыше 71 сажени окружности. Здесь найдены древние захоронения с глиняными сосудами и каменным отбойником. В другом погребении вместе с покойником были положены наконечники копий, железные наконечники стрел, кремневое орудие и сердоликовые бусы. Вблизи сел. Донифарс найдена могила воина с металлическим оружием: саблей со следами деревянных ножен, шестопером, наконечниками дротиков, стрел, а также кольцом, браслетом и глиняным сосудиком. Погребение совершено в каменном ящике, перекрытом тяжелыми плитами. Костяк лежал на спине головой на север. Хорошая сохранность железных изделий свидетельствует о незначительной древности погребения.

Близ сел. Лезгур В. И. Долбежев исследовал могильник из каменных ящиков, перекрытых огромными плитами и каменными глыбами. В стенке ящика, обращенной вниз по склону, устроено отверстие, через которое вносились покойники. В одном ящике найдено до ста черепов, в других ящиках находились останки 10–12, иногда 3–4 погребенных. Положение скелетов — вытянутое на спине, ногами к югу, востоку и юго-востоку. В процессе раскопок встречен череп с искусственной деформацией. Инвентарь могил составляли золотые серьги, золотая фибула с камнями, золотая подвеска и бусина, обломки серебряного сосуда. Найдены ряд бронзовых изделий: 8 блях, 20 браслетов, 5 шейных гривен, 11 зеркал, одна булавка, 11 колец, один колокольчик, 37 подвесок, 86 пряжек, 15 фибул, а также серьги, погремушки, ложечки, щипцы, пряслица. Здесь же были найдены и различные литые украшения: фигурки животных, изображающие оленей, козла и баранов, круглые и крестообразные орнаментированные бляхи. Есть изделия из железа: пластины от панциря, наконечник копья и наконечники стрел, удила, пряжка, подкова. Кроме того, были найдены 3 точильных камня, стеклянные серьги, свыше 300 стеклянных бус и до 16 кувшинов и сосудов из необожженной глины с орнаментацией. Особый интерес представляют оригинальный сосуд с пятью горлышками и остродонный кувшинчик, найденный возле детского скелета.

По мнению В. И. Долбежева, могильник у сел. Лезгур датировался позднее, чем кладбища у сел. Камунта и Галиат. К юго-западу от развалин замка рода Багайта им был открыт еще один грунтовый могильник, где скелеты в грунтовых ямах лежали головой к северу. Здесь были найдены: точильный камень; 100 бус разного рода, среди которых много янтарных; бронзовые шестопер, человеческая фигурка, пряжки, застежки, 41 фибула, 3 гривны, 17 подвесок, 6 зеркал. Среди находок присутствуют изделия из железа: топоры, кинжал, ножи, наконечники стрел, удила и ножницы для стрижки овец. Найдены были также 10 глиняных сосудов и две чашки. Среди черепов 32 несут следы искусственной деформации. В окрестностях сел. Галиат и Камунта могильники оказались разграблены. Доследовав эти могилы, В. И. Долбежев все же нашел множество украшений из стекла, янтаря и бронзы: бусы, браслеты, серьги, пряжки, фибулы, зеркало и т. п. Изделия из этих могильников весьма напоминали кобанские бронзы.

В поисках следов передвижения исторического населения с южного склона Кавказского хребта на его северный склон В. И. Долбежев решил перейти через главный хребет Кавказской

цепи. Узнав о древностях, происходящих из окрестностей сел. Эдисси, он направился в Горийский уезд Тифлисской губернии. Здесь у сел. Эдисси обнаружен каменный прямоугольный «дзуар» — христианская часовня. Внутри часовни вдоль стен устроены каменные скамьи, с восточной стороны в стене имелось небольшое отверстие — окно. Внутри и снаружи возле стен часовни найдены железные наконечники стрел, бронзовые подвески, обломки бронзовых и стеклянных браслетов, серебряный перстень с камнем, кремневый наконечник стрелы и глиняный кувшинчик. Христианское население до сих пор приходило туда на поклонение, а в прежние времена оставляло разные приношения. К югу от сел. Эдисси на холме у недавно построенной церкви В. И. Долбежев обнаружил могильник и вскрыл 30 могил на склоне холма. Погребенные были уложены в ямах, перекрытых шиферными плитами, в деревянных гробах, в вытянутом положении, на спине или на боку, головой на запад, лицом к северу. С погребенными обычно полагались в могилу железный нож, браслет, серебряный перстень с камнем, бронзовые браслеты, фибулы, перстни и бусы. У подножия «церковного бугра» и на вершине соседнего холма исследователь зафиксировал развалины каменных построек. По местному преданию, это были остатки древнего города Эдисси, основанного царицей Тамарой. Вернувшись на северный склон хребта, В. И. Долбежев обследовал окрестности сел. Зекари в верховьях р. Лиахвы. Наконец, ему удалось приобрести значительное количество, преимущественно бронзовых, древностей из раскопок алдара Х. Канукова у селений Лац и Верхний Кобан. В сел. Лац раскопками В. И. Долбежева был вскрыт могильник с узкими каменными ящиками из плитняка. Скелеты лежали на спине, головой на запад. При них найдено 80 различных бус, 7 бронзовых подвесок, перстень, зеркала, кольца, пряжки, булавки, браслеты, а также изделия из железа — наконечники стрел, кольца и ножи. В Кобанском могильнике на этот раз также были найдены железные предметы, такие же, как бронзовые изделия в самых древних погребениях этого могильника у ручья. В погребении воина были найдены бронзовая пряжка с железным язычком, железные боевой топор, наконечник копья и кинжал. В другой могиле найдена железная фибула из витой ребристой проволоки. Также найдены кусок железного серпа и мелкие железные обломки (ФА, F 128/23–29).

В 1887 г. В. И. Долбежевым были произведены раскопки во Владикавказском округе Терской области, у сел. Чми, Санибай, Камунта, Галиат и Лезгур. В 4 верстах по р. Терек выше сел. Чми он нашел разрытый катакомбный могильник. Здесь ему удалось отыскать лишь одну неограбленную катакомбу. Входной коридор был засыпан песком и гравием и перекрыт каменной плитой. В камере на слое древесного угля лежали два скелета взрослых субъектов. Скелеты лежали на правом и левом боках, головой на юго-запад. В катакомбе были найдены различные украшения (браслеты, пряжки, бусы). К северу от сел. Чми В. И. Долбежев нашел могильник на склоне осыпи в местности Беахни-Куп. Здесь были найдены бронзовые и железные украшения, наконечники копий, ножи, бронзовый топор, железные удила, кольца и пряжки, а также грубая глиняная посуда. На могильнике Херх, у въезда в Джейраховское ущелье, им были обнаружены погребения в каменных ящиках и в купольных склепах со сводчатым потолком. В раскопанных В. И. Долбежевым каменных ящиках оказались изящные бронзовые украшения, в том числе и покрытые тонким листовым золотом 4 бронзовые бляхи с рельефными изображениями грифонов и разных зверей, а также стеклянный стакан с голубыми разводами. Здесь встречались и подвески-лунницы. Покойников вносили внутрь камеры через отодвигаемый приставной камень у короткой стенки каменного ящика. С востока видна приставная плита, закрывавшая вход в склеп. Катакомбная гробница уже была разграблена местным населением задолго до приезда В. И. Долбежева.

Могильники близ сел. Камунта и Галиат, в верховьях Уруха в дигорской Осетии, у речки Улла Комб, некогда исследованные В.Б. Антоновичем, В.И. Долбежев нашел до того перерытыми и разграбленными, что с трудом разыскал здесь нетронутые могилы. В процессе исследований им были найдены различные бронзовые изделия: топоры, браслеты, кинжалы, булавки, ложки, колокольчики, бляхи, зеркала, пуговицы; несколько золотых застежек, пуговиц и серег; железные ножи, топоры, долота и пряжки. Раскопы у сел. Лезгур принесли несколько бронзовых пряжек, застежек, фибул, привесок, булавок, колокольчик и круглое зеркало (1887 г., д. 18).

В 1888 г. В.И. Долбежев произвел раскопки в Терской области, в Кабарде и в Дигории. В Терской области им снова обследованы могильники Беахни-Куп и Херх у сел. Чми. В могильнике Беахни-Куп не удалось проследить устройство могил, но бронзовые вещи были близки к находкам в Кобани. На древнем кладбище Херх В.И. Долбежев, продолжая раскопки, начатые А.А. Бобринским в предшествующем сезоне, вскрыл 43 погребения в каменных ящиках. Только один ящик содержал кости нескольких покойников, в трех были погребены один взрослый и один ребенок, а в остальных 39 могилах были одиночные захоронения. Ящик-склеп на восточной стене обычно имел отверстие для внесения покойников. Внутри он был разделен каменной перегородкой на две неравные части. Вероятно, в южной части погребались мужчины, а в северной — женщины. В «мужской» половине ящика-склепа были найдены точильные камни, железный нож с костяной ручкой, кабаньи клыки, а в «женской» — различные украшения (бусы, пуговицы, подвески, серьги и пряжка с камнем). В Кабарде было раскопано пять курганов и грунтовый могильник с перемещенными из-за оползня погребениями напротив аула Атажукина I на правом берегу р. Баксан. На противоположном берегу р. Баксан был исследован могильник, состоящий из каменных ящиков. В Дигории В.И. Долбежев раскопал погребения у сел. Галиат в местности Фасс-Кау, где ему не удалось определить тип могильного устройства, и провел разведки в окрестностях сел. Галиат и Кумбулта. В районе сел. Кумбулта в разрушенных могильниках было найдено множество бронзовых изделий: булавок, украшенных звериными головками; фибул; серег; колец; изображений оленя, медведя, козла, барана, собаки; браслетов; погремушек; шейных гривен; зеркал; топоришков; наконечников стрел и копий. Отсюда же происходит и множество бус из камня, стекла и пасты, а также железный шестопер и несколько глиняных сосудов (1888 г., д. 12).

В 1889 г. археологическими исследованиями на Кавказе занимался только В.И. Долбежев. По поручению ИАК он производил раскопки древних могильников Рутха и Хор-Гон в верховьях Уруха, могильника Кумбулта близ одноименного селения и в Джейраховском ущелье р. Терек. Рутха и Хор-Гон относятся к одной эпохе по строению могил — каменных ящиков и погребального инвентаря, состоящего из прекрасных бронзовых вещей: булавок, браслетов, колокольчиков, фибул, керамики (1889 г., д. 16). В 1890 и 1891 гг. В.И. Долбежев принял первые раскопки могильников в Юго-Осетии у селений Тли, Стырфаз и Дыргджын. В 1890 г. на раскопках В.И. Долбежева в Северной Осетии присутствовал секретарь Венского антропологического общества, сотрудник Венского дворцового музея Франц Хегер, о чем было сообщено письменно в ИАК (1890 г., д. 39). В 1891 г. В.И. Долбежев продолжил исследования могильника близ сел. Большой Кобан, раскопал курган у станицы Нестеровской на р. Ассе в Малой Чечне, могильники у сел. Нар на берегу Уруха в Дигории. На могильнике Хор-Гон В.И. Долбежеву удалось раскопать нетронутую грабителями могилу. Вблизи сел. Хвце вверх по течению р. Лиахвы Горийского уезда Тифлисской губернии им была исследована еще одна могила.

На следующий, 1892 г., В. И. Долбежев совершил поездки в сел. Корца (Северная Осетия) и в Малую Кабарду для предотвращения хищнических раскопок. В этом же году в ущелье Фиаг-Дон, у сел. Корца он обнаружил два могильника и раскопал несколько погребений. В Карталинском ущелье у сел. Зивгис им был выявлен могильник с погребениями в каменных ящиках, а у сел. Лац осмотрен круг из камней, по преданию называющийся «судилице нартов».

В журнале о раскопках в Кабарде в 1893 г. В. И. Долбежев упоминает о том, что у ущелья Уруха им были раскопаны два Анзоровских кургана между сел. Кайсын и Хату. В своем отчете он приводит копии фресок на стенах осмотренного им христианского храма (1893 г., д. 74). По поручению ИАК он пытался найти в Кабарде плиты с греческими надписями, описанные почти 100 лет назад академиком Гильденштедтом, но нашел только арабские надмогильные плиты. В ущелье Чегема им были обнаружены развалины маленькой церкви с грубыми фресками на стенах.

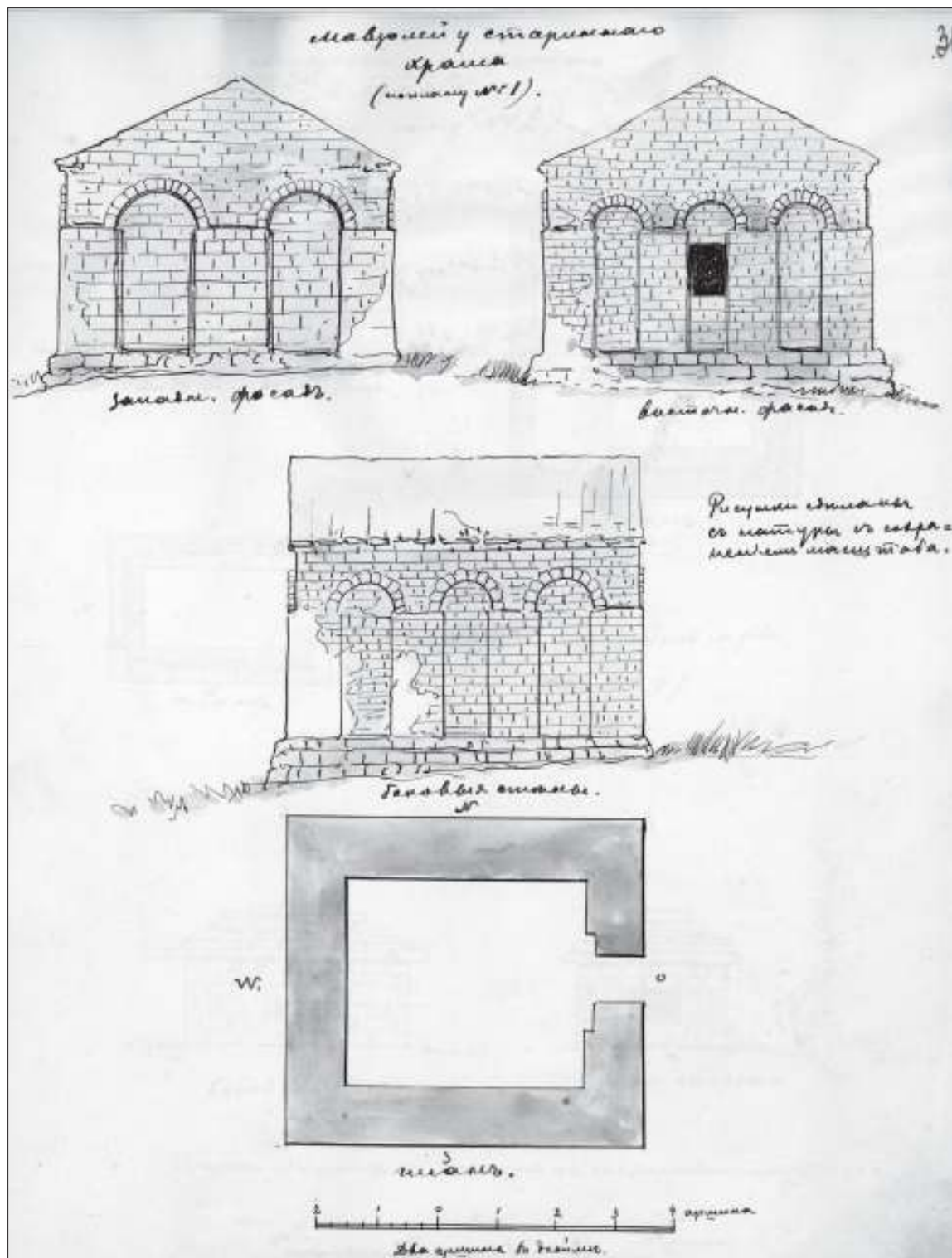
После небольшого перерыва в 1897 г. В. И. Долбежев раскапывал могильники в сел. Чми Владикавказского округа Терской губернии и у почтовой станции Балта по Военно-Грузинской дороге (1897 г., д. 137). В 1898 г. при прокладке железнодорожного полотна строящейся Дербентской ветки Владикавказской железной дороги этот исследователь по поручению ИАК раскапывал древний могильник возле сел. Каякент. Этот некрополь стал эпонимным памятником для каякентско-хорочоевской культуры эпохи поздней бронзы (1898 г., д. 45). Позднее, в 1901 г., он исследовал могильник на р. Малка у станицы Прохладная. В 1902 г. по поручению ИАК В. И. Долбежев производил раскопки в Грозненском округе Терской области (1901 г., д. 36), а в 1904 г. вел раскопки во Владикавказском округе Терской области (1904 г., д. 72). Позднее В. И. Долбежев по неизвестным причинам покинул Кавказ, однако сохранил связи с ИАК, в архиве которой хранится дело о его раскопках в Алтайском крае (1907 г., д. 13).

За время работы на Кавказе у В. И. Долбежева сложились творческие и доброжелательные отношения с Петербургом. В 1887 г. А. А. Бобринской в связи с попытками составить новое штатное расписание для ИАК предполагал включить учителя Владикавказской гимназии в члены Комиссии. Очевидно, именно в силу того, что новые штаты так и не были учреждены, этого не произошло. Однако, когда в 1896 г. В. И. Долбежев обратился к руководству ИАК с просьбой помочь финансировать обучение своей дочери Евгении в консерватории Императорского музыкального общества, председатель Комиссии сделал все от него зависящее, чтобы это обучение состоялось. Свидетельством уважения к деятельности В. И. Долбежева служит обращение А. А. Бобринского к министру императорского Двора с просьбой начислить Евгении Долбежевой стипендию в 200 руб. в год. Деньги по тем временам были немалые. Так, к примеру, на организацию экспедиции на Кавказе на полевой сезон ИАК обычно выделял сотрудицам по 300 руб.

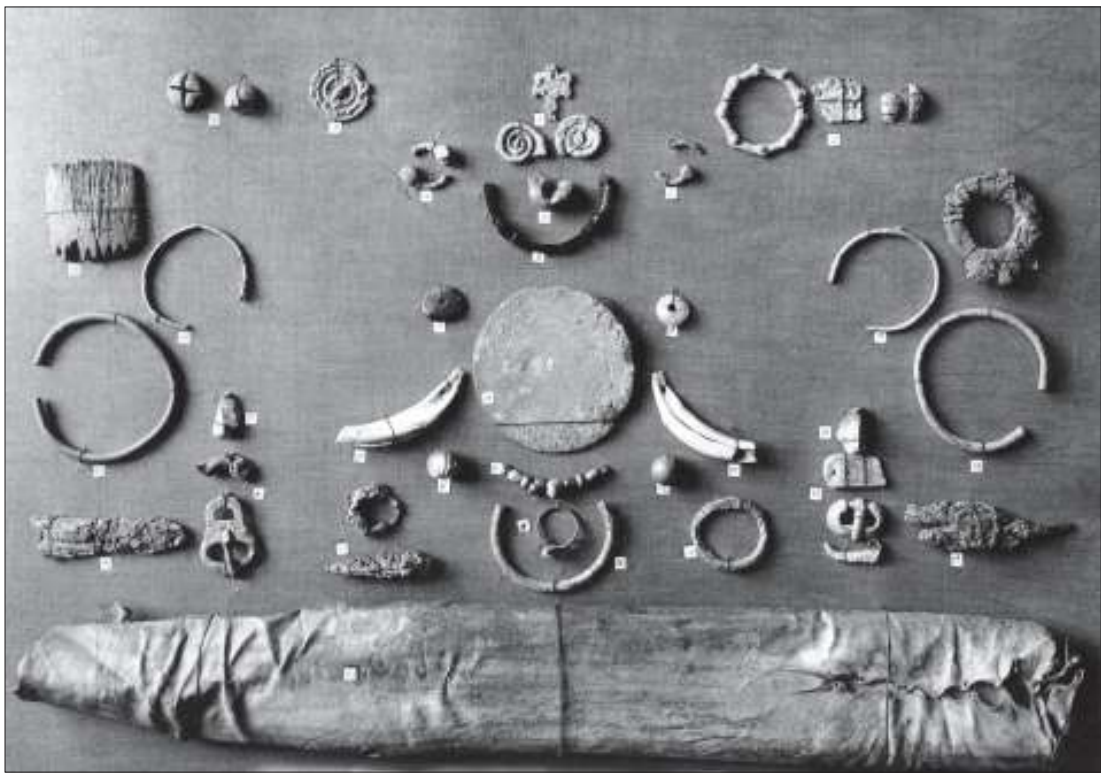
В течение нескольких лет раскопки на Центральном Кавказе при поддержке ИАК производил художник И. А. Владимиров. Он исследовал в 1896–1907 гг. памятники в Ставропольской губернии, в Нальчикском округе Терской области. В основном, его раскопки были связаны с погребениями — от кобанских могил эпохи поздней бронзы до средневековых захоронений. В 1896 г. И. А. Владимиров прислал в ИАК описание раскопок и рисунки вещей из раскопанных им погребений. К отчету прилагались два плана исследованных курганов, 2 планшета с бронзовыми изделиями из раскопок в Нальчикском округе и 5 фотографий коллекций древностей, собранных начальником Нальчикского округа полковником Д. А. Вырубовым. Позднее по рекомендации И. А. Владимирова ИАК приобрела собранную Д. А. Вырубовым в Терской области коллекцию (1897 г., д. 252).

Могильник на склоне горы, на левом берегу р. Теберды. Типы средневековых погребений.
Исследования И. А. Владимирова (1899 г., д. 102, л. 34)

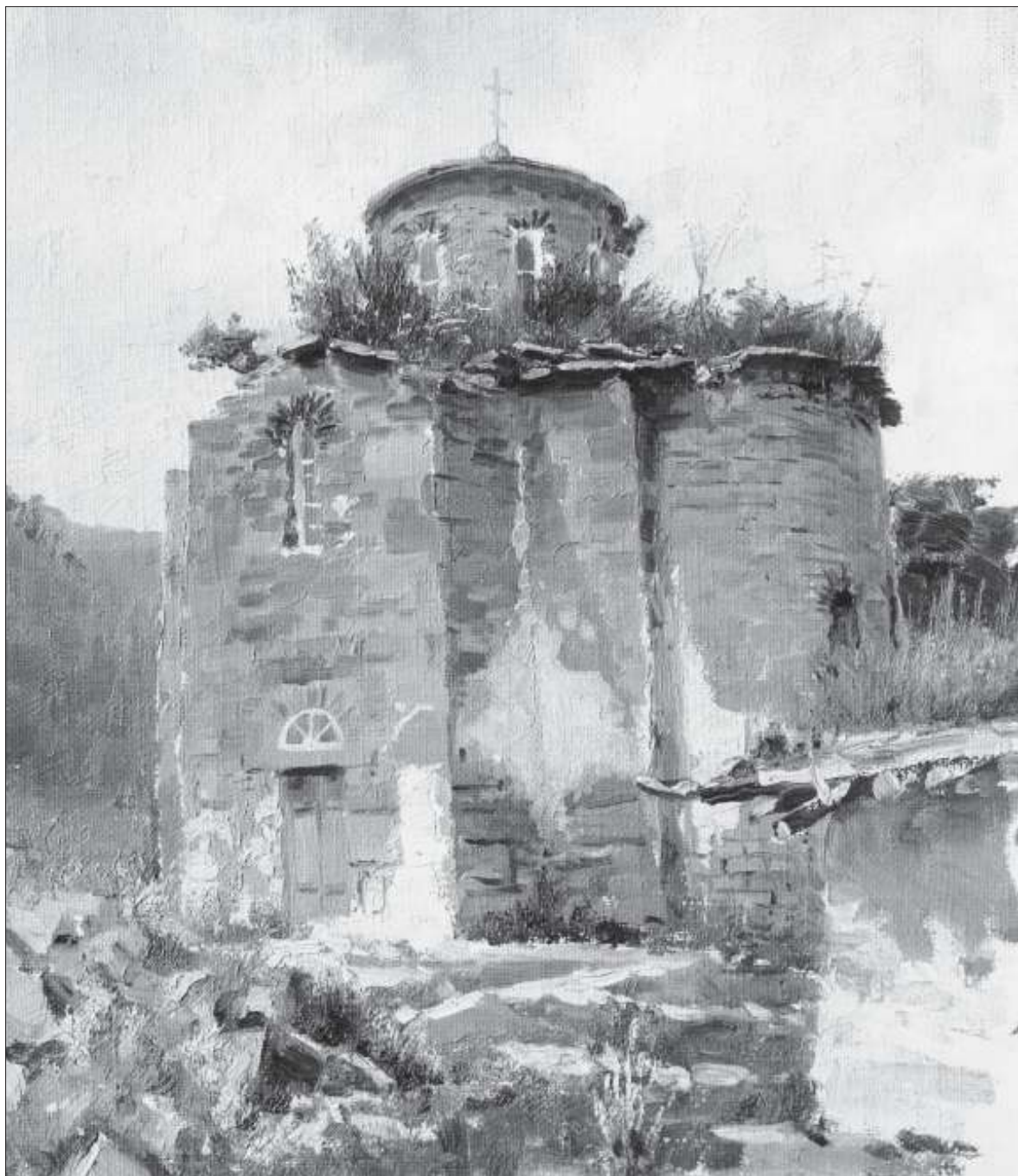
Мавзолей правителя Алании (X в.) у Сентинского храма Исследования И. А. Владимирова (1899 г., д. 102, л. 332)

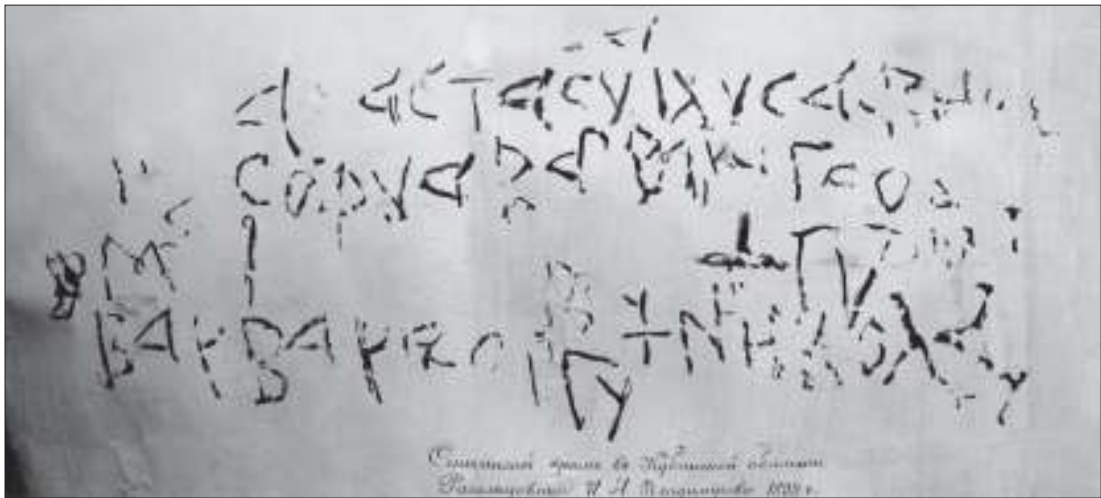
Вещи из раскопок И. А. Владимиров 1899 г. (1899 г., д. 102, л. 332)

В 1897 г. И. А. Владимиров получил Открытый лист и раскопал курган на землях горца Бахарокова из Чегемского общества. В письме И. А. Владимиров в ИАК от 13 ноября 1897 г. содержатся перечневая опись находок, дневник с чертежами и разрезами курганов и могил и рисунки вещей, найденных в погребениях. Им был предоставлен авансовый отчет о расходовании полученной от ИАК суммы в 100 руб., который сопровождался просьбой вернуть ему перерасход в сумме 33 руб. 50 коп., затраченных из собственных средств. Резолюция представителя ИАК на письме гласила: вещи направить в Исторический музей.

Отчеты И. А. Владимиров отличает в лучшую сторону от отчетов большинства исследователей его времени присутствие профессионально составленных глазомерных планов местности с расположением древних памятников. На планах имеются масштаб и горизонтали. Планы и разрезы курганов отличаются детальностью и точностью (1895 г., д. 293; 1896 г, д. 215; 1898 г., д. 40). Его руке принадлежат планы долин рек Баксан и Кисанта. Здесь И. А. Владимировым раскопаны курганы, грунтовый могильник и зарисованы развалины средневековой каменной церкви. Среди находок встречаются бронзовые пряжки, удила, серьги, подвески, бляшки, браслеты, фигурки животных, зеркала, бусы. Найденны также изделия из железа: наконечники копий и стрел, колокольчик. Серебряные изделия включают украшения и нательный крест. К эпохе средней бронзы можно отнести подвески с шариком на конце. К финалу средней бронзы, наименее изученному на сегодняшний день, так называемому предкобанскому периоду, относятся бронзовые булавки с веерообразной ажурной головкой.

Вид Сентинского храма с юго-восточной стороны площадки. Аул Сенты. Кубанская область.
Исследования И. А. Владимирова 1899 г. (1899 г., д. 102, л. 104)

Сентинский храм. Копия фрески южной стены южной ветви креста храма. Преображение Господне, Воскрешение Лазаря. Ктиторская надпись на северной стене алтарной апсиды. Аул Сенты. Кубанская область Исследования И. А. Владимирова 1899 г. (1899 г., д. 102, л. 23, 99)

У сел. Гунделен им были найдены и зарисованы наземные средневековые склепы. Здесь же И. А. Владимиров раскопал средневековый грунтовый могильник с погребениями в каменных ящиках и деревянных колодах. На выполненных художником рисунках представлены планы и разрезы могил, скелеты погребенных. На рисунках и фотографиях можно видеть железные наконечники стрел, фибулы, серьги, пряжки, браслеты, бусы, глиняные горшки с пролощенным орнаментом, остатки шелковых и шерстяных тканей от одежды, череп с преднамеренной деформацией. На планшетах закреплены железная сабля, ножи, наконечники стрел, пояса. Все вещи тщательно зарисованы, указано их расположение в могилах, что позволяет получить наиболее полную информацию для научных исследований. Вещи из раскопок И. А. Владимирова 1897 г. ИАК переслала в Исторический музей только 30 августа 1902 г. 17 марта 1903 г. Исторический музей получил через Комиссию еще 5 глиняных сосудов из его раскопок в Нальчикском округе.

Особый интерес представляют работы И. А. Владимирова в 1899 г. по обследованию христианского храма и могильников у Сентинского аула на р. Теберде, в Баталпашинском отделе Кубанской области (сегодня Карачаевский район Карачаево-Черкесской Республики). Около этого времени член Кубанского областного статистического комитета В. М. Сысоев прислал в ИАК докладную записку о намерении настоятельницы женского монастыря произвести ремонт Сентинского храма с фресками XI в. (1899 г., д. 16). Одновременно и наказной атаман Кубанского казачьего войска, опасаясь повреждения фресок при ремонте, обратился в ИАК 11 января 1899 г. с просьбой скопировать фрески, а игуменью монастыря просил подождать с ремонтом. ИАК послала в Сентинский аул И. А. Владимирова для осмотра храма и снятия копий с фресок, выделив ему 300 руб. на командировку. Только благодаря чертежам и зарисовкам И. А. Владимирова в наши дни у сотрудников Карачаево-Черкесского краеведческого музея-заповедника появилась возможность законсервировать и сохранить от разрушения этот один из древнейших на территории России христианских храмов и составить представление об имевшейся в нем фресковой живописи, сегодня почти совсем утраченной. Отчет И. А. Владимирова включает схему окрестностей храма, планы и рисунки мавзолея, рисунки типов могильных сооружений, опись находок, рисунки фасадов Сентинского храма, фотографии остатков живописи храма и находок (1899 г., д. 16; 1899 г., д. 102). В 2004–2005 гг. исследователям удалось обнаружить на стене Сентинского храма остатки надписи, которая позволяет установить точную дату официального освящения церкви в честь Богородицы — 965 г. н. э. Таким образом, эта постройка является единственным сохранившимся до наших дней точно датированным христианским храмом в бывшей Аланской епархии Византийской церкви (Белецкий, Виноградов, 2004: 175–176; 2005: 130–142).

В начале XX в. активные полевые работы вел на Центральном Кавказе еще один исследователь, активно сотрудничавший с Комиссией, — поручик Всеволод Ростиславович Апухтин. Будучи членом Археологического института, он исследовал могильники в Пятигорском отделе Терской области, в Нальчикском округе и в Александровском уезде Ставропольской губернии в 1902, 1903, 1906, 1908 гг. Наиболее ранние из найденных им погребений эпохи бронзы В. Р. Апухтин датировал киммерийским периодом — VII в. до н. э.

Археологией В. Р. Апухтин увлекся в юности и прослушал курс в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте. С 1902 г. в письмах в ИАК он представлялся «членом-сотрудником Археологического института». В. Р. Апухтин проводил раскопки курганов и городищ в Орловской губернии, в том числе и поблизости от своего имения Бильдино. Археологией Северного Кавказа он занялся достаточно случайно. В 1902 г., будучи на лечении в Пятигорске, он обратился в ИАК со следующим письмом: «Интересуюсь

археологией, осмотрел курганы, пещеры и мегалитические памятники, которые сегодня или разграбляются по ночам, а вещи стекаются через агентов за границу, или разрушаются, и даже готовый тесаный камень идет на постройки... Поэтому, покорно прошу ИАК о высылке мне Открытого листа на проведение раскопок. ...В дни перерыва грязелечения я мог бы исследовать несколько курганчиков и пещер» (1902 г., д. 110, л. 6). На письме сохранилась резолюция графа А. А. Бобринского: «Лист выслали 10 июля 1902 г. и дневник и бланки для занесения находок».

В. Р. Апухтин, получив Открытый лист, активно взялся за работу и раскопал несколько десятков курганов: между станицей Горячеводской и колонией Константиновской на берегу р. Подкумок (39 курганов), в окрестностях станицы Ессентукской (2 кургана), у аула Канглы на р. Сорокаул Ставропольской губернии (6 курганов), у аула Бабукова на р. Баксан в Кабарде (1 курган). Совместно с Кавказским Горным обществом им был осмотрен грунтовый могильник у горы Бештау.

Первые курганы с каменной насыпью были раскопаны В. Р. Апухтиным у станицы Горячеводской. Один из курганов, высотой 4,5 сажень, как раз содержал окрашенный костяк. Инвентарь погребения включал бронзовую булавку с орнаментом из валиков и шишечек, «алебастровый» «столбик» (возможно, акролитическая статуэтка, подобная найденной в Ульском ауле), еще одну булавку зеленого цвета (может быть, окислы бронзы) в костяном футляре, обломок бронзового сосудика (бронзовой полусферической бляшки?), глиняный сосуд с орнаментом и три сосудика один в одном — светильники. В других курганах были найдены средневековые погребения. В одном лежали огниво и кресало, в другом — железные ножницы для стрижки овец, в третьем — железная сабля. Краткое описание раскопок на почтовой карточке В. Р. Апухтин отправил в Комиссию 23 июля 1902 г. (Там же, л. 289).

26 июля им послан в ИАК рукописный журнал раскопок с рисунками погребений и вещей. К сожалению, рисунки выполнены достаточно небрежно, отсутствуют масштаб и размеры. В дневнике за 1902 г. на каждой странице поверх типографского рисунка скелетов погребенных археолог изображал сопроводительный инвентарь и погребальное сооружение, например, обкладку стенок ямы камнями (Там же, л. 11–16). В. Р. Апухтин сообщил, что послал находки, в том числе и костные останки, в Харьков на выставку XII Археологического съезда, и что рабочая сила, используемая на раскопках на Кавказе, весьма дорогостоящая — 1 руб.–1 руб. 20 коп. на одного человека в день.

14 августа 1902 г. В. Р. Апухтин послал в ИАК новую докладную записку. Он сообщал, что в тот же день, когда он доставил материалы своих раскопок в Харьков, сюда прибыла из своего имения графиня П. С. Уварова, бывшая председателем Московского предварительного комитета. Далее завязалась интрига: «Сначала мне было отказано в помещении вещей на выставку, из-за отсутствия места и позднего прибытия, но благодаря любезности профессора Д. И. Багалея, мне отведено было место на открытых полках между двумя окнами. Теперь, когда выставка открыта, неудобство этих полок очевидно, во-первых, находясь в простенке, они совсем не освещены, а во-вторых, зрители трогают вещи руками, причем 2 предмета совсем пропали, а один сломан». Описав далее работу съезда, В. Р. Апухтин просил выслать ему Открытый лист для раскопок в Орловской губернии (Там же, л. 14–19). Однако в этом просителю было отказано, поскольку ему «уже выдан лист по Терской области». Комиссия попросила В. Р. Апухтина предоставить ей «обстоятельный отчет об исполненных уже... раскопках... лишь в таком случае Комиссия могла бы выдать... Открытый лист на производство раскопок в указанных... местностях средней России и Кавказа».

В 1906–1908 гг. В. Р. Апухтин по указанию Д. Я. Самоквасова раскапывал в Пятигорье курганы с окрашенными костяками, где погребения зачастую безынвентарны (1906 г., д. 107). В 1908 г. им были раскопаны 3 кургана у городов Кисловодск и Ессентуки. Здесь были открыты погребения в каменных ящиках и с обкладкой могил камнями. Покойники в могилах были уложены на спине. Из могил эпохи бронзы, которые В. Р. Апухтин, вслед за А. А. Спицыным, отнес к киммерийскому времени, происходили каменная булава, каменный молоток, два бронзовых ножа (по В. Р. Апухтину — наконечники копий), бронзовые привески и глиняные сосуды с орнаментом. Д. Я. Самоквасов сфотографировал таблицы с находками и выслал фотографии в ИАК. В. Р. Апухтин же, вместо подробных отчетов о раскопках, посылал в Петербург схематичное, «телеграфное» описание могильников на одном-двух тетрадных листах. На рисунках отмечены разрезы курганов, планы погребений и отдельные находки (1908 г., д. 162, л. 27–28).

20 ноября 1908 г. В. Р. Апухтин сообщал в ИАК, что занят разборкой предметов из раскопок на Северном Кавказе, и в скором времени обещал привезти эти древности и дневники в Санкт-Петербург. Также он сообщал, что с финансированием раскопок ему помог Д. Я. Самоквасов. Позднее, в 1909 г., В. Р. Апухтин вновь посылал новые запросы на Открытый лист для раскопок памятников в Пятигорском отделе. В качестве «оправдательных документов» он приводил фотографии, переданные в ИАК с Д. Я. Самоквасовым, серию открыток и популярную книжку о раскопках на Кавказе (1908 г., д. 134). На выпущенных В. Р. Апухтиным открытках изображены характерные типы погребальных памятников Пятигорья: киммерийского периода (эпоха бронзы), скифо-сарматских и средневековых (ФА, О. 746/27–36).

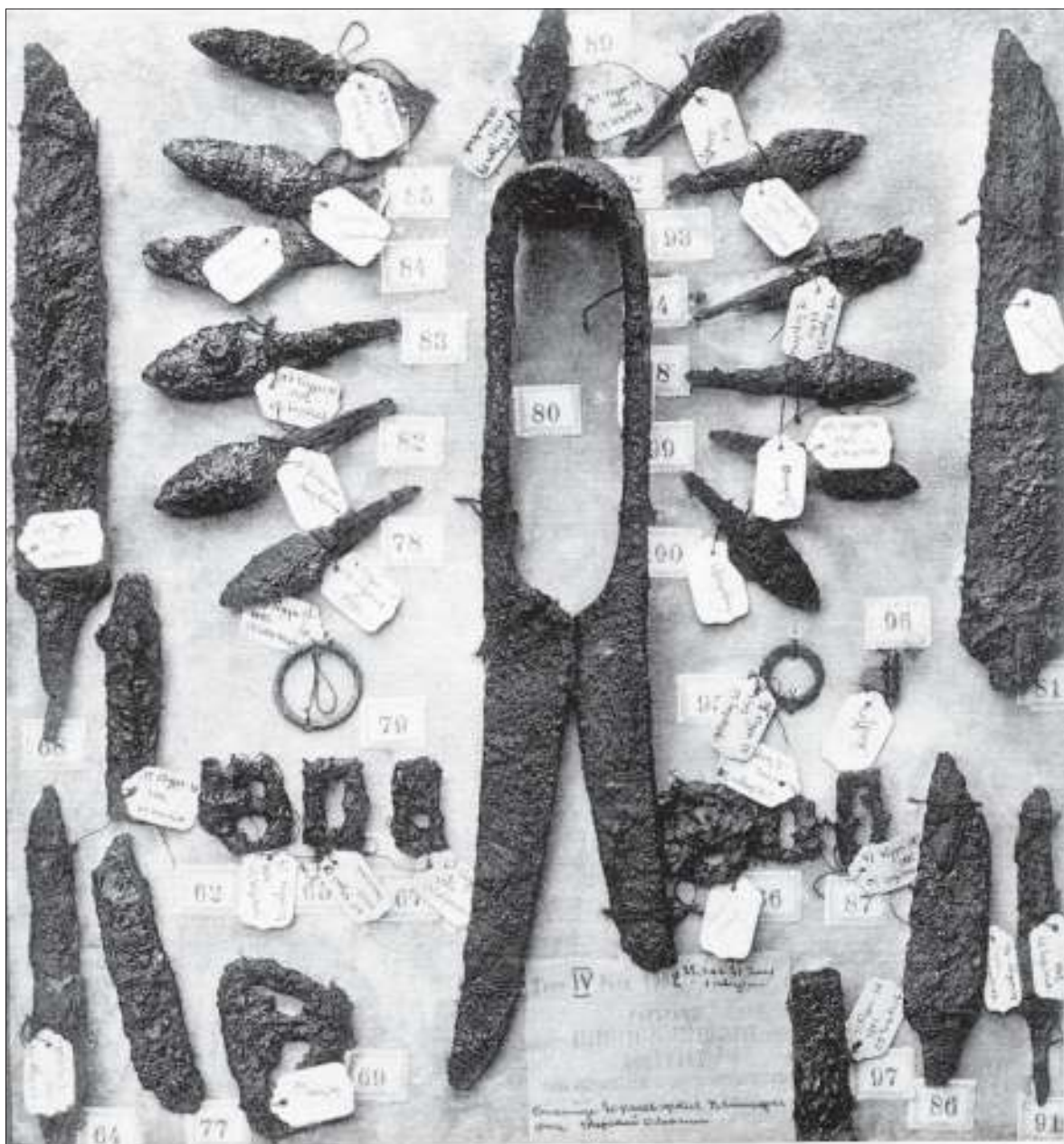
Однако исполнявший тогда обязанности председателя В. В. Латышев в своей резолюции справедливо указал, что «не возвращен прошлогодний лист, отчет не доставлен, а равно и вещи». Последнее могло быть связано с тем, что В. Р. Апухтин собирался вместе с Д. Я. Самоквасовым открыть в Пятигорске музей и просил оставить находки для будущего музея. 20 июля 1909 г. Комиссия затребовала необходимые материалы от поручика, подключив к решению этого вопроса и самого Д. Я. Самоквасова. Непростую ситуацию хорошо отражает переписка В. Р. Апухтина и Д. Я. Самоквасова, хотя письма Апухтина достаточно подробно описывают открытые погребения, и становится непонятным, что, собственно, мешало ему предоставить необходимую полевую документацию в Комиссию (Археология... 2007: 64–75). Участие Д. Я. Самоквасова в этом деле осложнялось еще и тем недоразумением, которое возникло между ним и А. А. Спицыным в связи с предполагаемым изданием ИАК Гочевских древностей (*подробнее смотри главу XI*). В результате В. Р. Апухтин только в январе 1910 г. смог выехать в Петербург. Однако отчет в ИАК так и не появился, поскольку в ответ на новую просьбу о выдаче Открытого листа Комиссия 20 июля 1911 г. вновь предлагает В. Р. Апухтину предъявить отчет за предыдущие годы. На этом переписка с ИАК прерывается.

Всего за 7 лет работ на Кавказе В. Р. Апухтин собрал коллекцию из 3000 предметов, еще более 200 предметов были отобраны им у расхитителей могил. Эта коллекция должна была составить ядро будущего музея, который В. Р. Апухтин предполагал создать на свои средства в Пятигорье. Одновременно В. Р. Апухтин проводил архивные изыскания о связях Кабарды с Россией в XVI–XIX вв. В 1911 г. он принимал участие в XV Археологическом съезде в Новгороде. Судьба В. Р. Апухтина с середины 1920-х гг. неизвестна.

Другие исследователи, чьи отчеты поступали в ИАК, работали на Кавказе обычно по два-три сезона. Так, Грен Алексей Николаевич — приват-доцент Университета св. Владимира

Раскопки В. Р. Апухтиным «курганов старокабардинского типа XII–XIV вв. половецко-татарской эпохи» в Терской области в 1902 г.
(ФА, О. 746/31)

Образец инвентаря (старо-кабардинских) кургановъ
 Половецко-татарский эпохи.

Раскопки В. Р. Апухтина в Терской области в 1902 г. Вещи из «курганов старокабардинского типа XII-XIV вв. половецко-татарской эпохи» (ФА, О. 746/36)

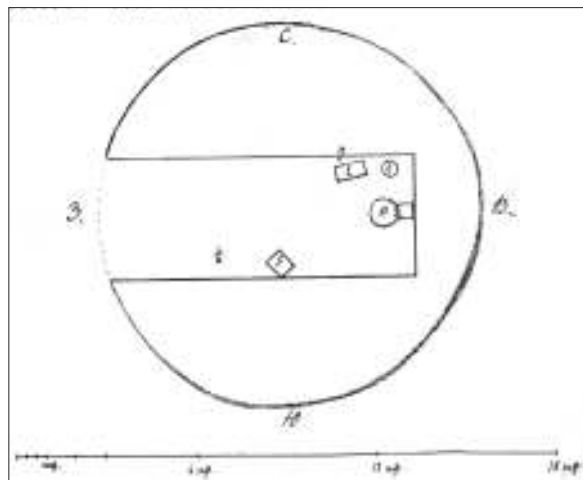
в Киеве производил раскопки могильников в 1902 г. близ колонии Николаевской Терской области (1902 г., д. 160). В 1903 г. он раскапывал могилы у станицы Кисловодской, близ оз. Николаевского у сел. Каррас (1903 г., д. 85). В 1904 г. А. Н. Грен произвел раскопки в Хасав-Юртовском округе Терской области (1904 г., д. 48). Ранее три сезона производил разведки и раскопки на Кавказе и А. А. Спицын, в частности в Кубанской области и Черноморском округе в 1891, 1892, 1897 гг. А. А. Спицын уделил особое внимание могилам с окрашенными костяками, которые из-за бедности сопровождающего инвентаря обычно не привлекали исследователей. В результате, им были намечены типологические особенности инвентаря и характерные черты обряда этих погребений, отнесенных позднее к эпохам энеолита-бронзы (Спицын 1899с; 1907; 1909b).

Активное заселение Черноморского побережья Кавказа и Ставропольского края и развитие здесь курортов в первые десятилетия XX в. привели к обнаружению на побережье памятников античного времени и средневековых. Комиссия направляла своих эмиссаров на Западный Кавказ, чтобы описать и попытаться спасти здешние древности от разрушения.

Другие исследования, организованные Комиссией, также могли быть связаны со средневековыми памятниками этого края. В 1912 г. в Черноморской губернии на Тонком мысу возле Солнцедара (Геленджика), у Рыбачьей бухты студент Петербургского университета В. В. Саханев производил раскопки в Черноморском отделе. По поручению ИАК он раскопал 135 погребений разрушающегося могильника и несколько курганов. Раскопанные могилы были средневековыми и принадлежали летописным зихам (1911 г., д. 89; 1912 г., д. 146). В 1913–1914 гг. В. В. Саханев, уже окончивший курс университета, продолжил раскопки могильника близ Геленджика. Тогда им было раскопано 74 погребения (1913 г., д. 339; 1914 г., д. 299).

В 1860-е гг. исследования памятников северной части кавказского региона проводили член Археологической Комиссии В. Г. Тизенгаузен, а позднее П. И. Хицунов, В. Н. Ястребов, Н. Е. Бранденбург, Н. И. Веселовский и А. А. Миллер. Естественно, что основное внимание здесь уделялось скифским древностям (*подробнее смотри главу III*), однако эти исследования заложили основу изучения археологических культур эпохи бронзы и средневековья. Так, в 1864 г. в области Войска Донского В. Г. Тизенгаузен не только доисследовал курган Хохлач близ Новочеркасска, но и раскопал соседний курган, обнаружив в нем три каменные стелы, три погребения эпохи средней бронзы и два погребения железного века. В своем отчете о раскопках он писал:

«По середине насыпи, почти параллельно верхнему склону, тянулся тонкий слой похожей на золу плесени, по-видимому, от перетлевшего камыша или перегнивших растений. На 0,5 аршина глубины от верхней площадки кургана оказались обломки трех развалившихся „каменных баб“ из известкового камня. Одна из них, наиболее сохранившаяся, изображает усатого воина в остроконечной шапке или шлеме, с серьгами в ушах и чем-то вроде лат на груди...

Лист из отчета В. Г. Тизенгаузена об исследовании кургана к западу от «Хохлача» (1864 г., д. 15, л. 11 об.)

Находки из кургана, исследованного к западу от кургана «Хохлач» (1864, д. 20, л. 23–24)

По срытию курганной насыпи, в юго-западной части разреза, в материковом черноземе, найден человеческий остов, лежавший в небольшом углублении в кучке, так что погребенный, вероятно, был брошен в могилу изрубленным на части (погребение А). Все кости его были покрыты ярко-красным цветом, даже земля, проникшая в череп, имела такой же цвет.¹ У северо-восточной стены разреза, под самым материком, найден небольшой глиняный сосуд грубой работы. Костей при нем не оказалось (погребение В). По снятии черноземного материка, оказались 4 углубления, вырытые в материковой глине и засыпанные землею. Сперва вскрыта была круглая яма, в северо-восточном углу разреза (погребение С) в диаметре 2 арш., глубиною от поверхности материка 1,5 арш. В ней лежал человеческий остов по направлению от юга к северу, голова скелета была обращена на восток. В изголовье его находился простой глиняный сосуд, раздавленный землею, и на нем толстая раковина с просверленною дырочкою и три костяные пронизки, составлявшие, вероятно, ожерелье покойного. К югу от этой ямы было продолговатое углубление, идущее от востока к западу (погребение D), длиною в 4 арш. 9 верш., шириною: с восточной стороны, с которой оно имело четырехугольную форму, в 1,5 арш., а с западной, где оно оканчивалось круглой ямой, — в 1 саж. в поперечнике, и в 2,5 арш. глубины. Дно этой могилы шло уступом; верхняя или 4-угольная часть его была отделена от нижней или круглой рядом камней, между которыми находились следы перегнившего дерева. В круглом углублении лежали: у северо-западной стенки конский, а у юго-западной — человеческий, сильно перетлевший остов, в изголовье которого найдены глиняный узорчатый сосуд, с остатками перегоревшего проса и двумя скелетами небольших животных из породы грызунов. При человеческом остове открыты еще бронзовый нож и бронзовое шило.

К западу от этого углубления находилась четырехугольная яма, глубиною в 1 саж., длиною также в 1 саж. и шириною в 1 арш. 11 вершков (погребение E). У северной ее стенки

¹ Скорее всего, это было расчлененное «упакованное» погребение катакомбной культуры.

оказался на 1 арш. от поверхности конский череп, а на самом дне, в углу, также на северной стороне, небольшая ниша, в которой стоял простой глиняный сосуд. Наконец, четвертое четырехугольное углубление у южной стенки разреза (погребение F), длиною и шириною в 2 арш. 12 вершк. и глубиною в 2 арш. 14 вершк., весьма плотно забитое землею, заключало в себе только несколько обломков простого сосуда из красноватой глины» (ОИАК за 1864 г. 1865: XXI–XXII; 1864 г., д. 15, л. 16–18; 23–24).

В эти же годы В.Г. Тизенгаузенем были исследованы курганы Гиреева могила, Круглый, Клиновыи и пять небольших курганов вблизи Гиреевой могилы. Все они дали материалы от раннего и среднего бронзового века до средневековых погребений.

Методика раскопок того времени не предполагала полного снятия насыпи, поскольку все землекопные работы проводились вручную. Курганы раскапывали несколькими методами: сплошной траншеей, глухой траншеей, котлованом, заложенным по центру насыпи. В.Г. Тизенгаузен обычно копал двумя крестообразно расположенными траншеями, пересечение которых приходилось на центр кургана. Даже при этой несовершенной методике внимательный исследователь обращал внимание на строение насыпи, делал стратиграфические наблюдения и на основании этих наблюдений — выводы об относительной хронологии погребений. Так, в отношении Круглого кургана близ Ростова, содержащего разновременные погребения (*смотри также главу III*), исследователь писал, что курган «состоял так сказать из трех ярусов и заключал в себе могилы, несомненно, относящиеся к трем различным эпохам: каменной, бронзовой и железной. На это явно указывают и различное устройство гробниц и различного типа вещи, найденные при остовах. К древнейшей каменной эпохе должна быть отнесена вырытая в материке неглубокая могила, в которой находились два человеческих остова, с длинным необделанным кремневым ножом, костяными бусами и раковинами. К этому же периоду, вероятно, относятся и две другие могилы, вырытые в материке на одном уровне с предыдущею, и заключавшие в себе, при человеческих остовах, необожженные глиняные горшки очень грубой работы. Могила второй эпохи очевидно, как это доказывали слои насыпи, устроена была в материке уже тогда, когда над первыми был насыпан курган. Находившийся в ней остов лежал на глубине 2-х сажен от поверхности материка, в небольшой катакомбе, для устройства которой прорыт был через курганную насыпь спуск в виде колодезя, сажен в пять глубины. При покойнике, лежавшем на истлевшей соломе, находились глиняный сосуд, также довольно грубой работы, но уже с различными выпуклыми украшениями,² и длинный бронзовый наконечник копья, от древка которого сохранились едва заметные следы. Наконец, к третьей, железной эпохе следует отнести могилу, устроенную в самой насыпи кургана. Тут при человеческом остове найдены две гладкие бронзовые вазы, две довольно изящной работы бронзовые львиные головки, несколько более или менее искусно сделанных сосудов из обожженной глины и какое-то железное орудие» (ОИАК за 1866 г. 1868: XV).

Автор разделил полученный материал на основе стратиграфических наблюдений по вполне современной, применяемой и теперь методике и продатировал выявленные группы захоронений, следуя принятому в то время хронологическому делению. Однако его подвели отсутствие четких критериев для культурной стратификации региона и наивная условность тогдашних датировок. В результате он отнес явное погребение с кремневым ножом к каменному веку. До серьезного изучения бронзового века на этой территории оставалось еще более 30 лет.

² Реповидный сосуд, украшенный валиком с пальцевыми вдавлениями

К сожалению, фиксация материалов осуществлялась на далеко не надлежащем уровне и достаточно выборочно. Так, после раскопок 1864 г. почти все находки из кургана, раскопанного рядом с курганом «Хохлач», были зарисованы в цвете (1864 г., д. 15, л. 23–24). В 1866 г. были зарисованы только две наиболее выразительные находки: курильница и реповидный сосуд, а в 1865 г. ни одна находка не была зарисована.

Следует отметить, что захоронения, где в погребальном обряде использовалась охра, кусками и в виде порошка, произвели впечатление на археологов. В результате С. Г. Строганов 30 ноября 1866 г. обратился с письмом к Константину Степановичу Веселовскому (1819–1901), секретарю Императорской Академии наук, где, в частности, писал:

«При человеческих остовах, отрываемых в курганах южной России, нередко найдется ярко-красная краска, которая по большей части лежит небольшими кусочками возле самого скелета, иногда же в простых глиняных сосудах, встречающихся рядом с покойником, а в одной из гробниц, исследованных на правом берегу Дона, близ Гниловской станицы, покрывала два скелета с головы до ног. Препровождая при сем образчик этой краски, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство предложить ее на рассмотрение гг. членов физико-математического отделения Императорской Академии наук и о мнении их по этому предмету почтить меня уведомлением...» (1866 г., д. 10, л. 3).

7 февраля 1867 г. в ответном письме К. С. Веселовский сообщил:

«... согласно желанию Вашего Сиятельства, я счел долгом представить Конференции Императорской Академии наук образчик краски, приложенной при Вашем, милостивый государь, отношении. Рассмотрение сего образца конференция поручала академику Фрицину,³ который, произведя химическое исследование оного, нашел, что означенная краска состоит из глины, окрашенной окисью железа, и, следовательно, принадлежит к роду красок, известных под названием болюсов или мумий» (Там же, л. 4).

На этом дело остановилось. В дальнейшем при раскопках на Таманском полуострове исследователям иногда встречались в курганах погребения, где костяки лежали на подстилке из «перетлевшего камыша», на «выбеленном полу», в скорченном положении, с грубой керамикой. Их называли «скифскими», «киммерийскими», и к их исследованию относились недостаточно внимательно. Более того, наличие скорченных или окрашенных костяков в кургане определенно указывало на то, что насыпь была создана задолго до того, как появились погребения скифской или эллинистической эпохи с богатым и ценным в художественном отношении инвентарем.

В 1872 г. В. Г. Тизенгуазен в одном из курганов Таманского полуострова, на возвышении северо-западного берега Ахтанизовского лимана, напротив хутора Панабака, открыл «большую каменную гробницу, сложенную из огромных плит, между которыми швы были замазаны каким-то смолистым веществом и покрыты сверху красною краскою». Устройство гробницы и обширные размеры позволяли рассчитывать на открытие здесь погребения с богатым инвентарем: «К сожалению, ожидания эти не оправдались: на каменном помосте гробницы лежал на правом боку, без признаков гроба, человеческий остов; возле головы его справа — другой человеческий череп...; слева в изголовье самый простой горшок из черной глины с глиняным кружком, составляющим, кажется, дно другого такого же

³ Юлий Федорович Фрицин (Фритцше) — химик и натуралист, уроженец Дрездена (1808–1871), в 1834 г. переселился в Россию, в 1838 г. был избран адъюнктом С.-Петербургской Академии наук, в 1844 г. стал экстраординарным, а в 1852 г. ординарным академиком. Ему принадлежат свыше 60 работ, он состоял членом комиссии при Министерстве внутренних дел для исследования и устройства Кавказских Минеральных Вод.

Надгробная плита Джакомо Корнаро
(1890 г., д. 9, л. 6)

ниями, браслета». Археологическая Комиссия поручила ему также осмотреть Новочеркасский музей и сообщить в Петербург о наиболее выдающихся предметах древности в его коллекции. Еще В. Н. Ястребову предписывалось при разъездах по территории Войска Донского собирать сведения о местных городищах, о наиболее важных группах курганов, которые будут встречаться на пути, о случайных археологических находках, сделанных в тех местностях, о частных коллекциях древностей и т.п. Эти наблюдения должны были носить систематический характер и иметь перспективу развития: на основании собранных материалов В. Н. Ястребову предлагалось составить «в общих чертах» план дальнейших археологических раскопок в юго-восточной части «Войсковой Земли» (1890, д. 9 а, л. 3).

В течение полутора летних месяцев 1890 г. В. Н. Ястребов провел разведки и раскопки в Области Войска Донского. Вблизи Новочеркасска он раскопал 4, а у хутора Мостовского близ станицы Голубинской — 10 разновременных и по большей части ограбленных курганов. В Азове им были уточнены обстоятельства находки надгробной плиты венецианского консула и посла Джакомо Корнаро (Там же, л. 21–27). Заложив траншеи между местом обнаружения этой плиты и открытого тогда же еще одного надгробного памятника — плиты с орнаментом, В. Н. Ястребов обнаружил несколько новых могил и остатки стен здания, которое он интерпретировал как церковь.

В результате он коротко описал курганные группы и городища, встретившиеся ему на пути из станицы Голубинской в Новочеркасск и Азов, ознакомился с древностями Новочеркасского музея и некоторых частных коллекций и охарактеризовал увиденные собрания, сделав вывод, что среди коллекций донских древностей преобладают средневековые

горшка, бронзовое шило, бронзовый наконечник копья⁴ и мелкие обломки от какой-то бронзовой вещи» (ОИАК за 1872 г. 1875: XIV–XV). К сожалению, планы гробницы и рисунки вещей в архиве ИАК отсутствуют.

В. Г. Тизенгаузен не был единственным представителем ИАК, изучавшим этот хронологический пласт древностей в регионе. В 1890 г. Комиссия обратилась к преподавателю Елисаветградского реального земского училища В. Н. Ястребову с предложением заняться исследованием «местности в старой Азовской крепости, где в октябре минувшего года найдена мраморная надгробная плита с латинской надписью 1362 года», раскопками «двух или трех курганов в Новочеркасске, в окрестностях того кургана, в котором в 1864 году найдены были известные Вам древности, хранящиеся в Императорском Эрмитаже» и «нескольких курганов в юрте станицы Голубинской..., близ местности, в которой в августе минувшего года найдены два золотых, украшенных кам-

⁴ Скорее всего, бронзовый нож.

материалы. Главной задачей предстоящих исследований В. Н. Ястребов определил поиск классических древностей и предложил заняться раскопками курганов в станицах Батайской и Романовской, а затем в Мариинской и Цимлянской, «где можно ожидать в курганах остатков культуры, современной расхищенному в настоящее время городищу», а также у станиц Нижнее-Кундрюченской, Бессергеновской, Мелиховской, Раздорской, Кумшацкой и в окрестностях Таганрога (Там же, л. 35 об.). Остается добавить, что во второй половине XX в. в указанных исследователем пунктах было раскопано множество курганов, давших богатый материал, характеризующий все археологические культуры, представленные на Нижнем Дону.

Еще одним исследователем, посетившим по заданию ИАК Область Войска Донского, был Н. Е. Бранденбург, с которым у Комиссии были достаточно сложные отношения (смотри главу I). В 1891 г. он предпринял поездку для разыскания курганов с каменными бабами и произвел раскопки некоторых из них. Он объехал местность между Новочеркасском, Ростовом, Ейском, Кагальником и станицами Егорлыкская и Мечетинская. По дороге Н. Е. Бранденбург насчитал более 600 курганов и раскопал насыпь у сел. Царедар. Он обнаружил здесь погребения с белым гленом и охрой, которые можно отнести к ямной и катакомбной культурам, впервые, по сути дела, обратив внимание на характерные черты погребального обряда бронзовой эпохи, в частности на особенности архитектуры ранней катакомбы на Дону у сел. Царедар. Н. Е. Бранденбург писал, что в кургане «высотой не более 2 сажень» были встречены впускное вытянутое погребение и две могильные ямы в материке «несравненно более глубокой древности». Первая найдена на южной стороне. На уровне материка здесь прежде всего была встречена покрытая белым налетом полоса, занимавшая около квадратной сажени, на которой местами замечены остатки дерева, а под ними обнаружена впущенная в материк могила (1,45 × 1,12 м), расположенная с В на З. В могиле, на глубине 1,5 м, лежал совершенно истлевший костяк, в скорченном положении, и, по-видимому, на левом боку. Дно могилы покрыто тем же белым налетом, в ногах и головах скелета найдены ясные следы красной краски, а в ногах черепки от простого глиняного сосуда. На северной стороне обнаружена в материке другая яма, почти квадратной формы (2,15 × 1,92 м), имеющая глубину 4,5 арш. и оказавшаяся спуском в погребальную камеру. На более длинных стенках ямы (с С на Ю) оказалось по три узких уступа (так что ко дну ширина ямы уменьшалась до 1,4 арш), на других по одному. Дно шло скатом на Ю, где был открыт низкий вход в погребальную камеру, расположенную с В на З и имеющую в высоту 1 арш. 6 верш., в прочих же направлениях 3 арш. 6 верш. и 2 арш. 3 верш. Потолок и стены покрыты глиняной смазкой и вся камера набелена. Скелет лежал головой на В, конечности вытянуты. Из вещей при нем найдено лишь серебряное колечко, в виде спирали с плоскими концами». В результате было получено представление об архитектуре раннего пласта катакомбных погребений.

В поездке на р. Донец, вблизи станицы Константиновская, исследователь осмотрел курганы Баба и Казак с каменными стелами. Здесь были найдены три погребения эпохи средней бронзы с теми же чертами погребального обряда: белым налетом на дне и стенах могил, с употреблением охры. Одно из погребений было совершено в катакомбе. На костяках были обнаружены бронзовые украшения и нож и костяные острия. «В результате поездки г. Бранденбурга получилось большое количество сведений по курганогрфии края и вообще заключение, что исследование курганов с каменными бабами потребует много времени и больших издержек, но обещает быть интересным» (ОИАК за 1891 г. 1893: 79–82).

Особый вклад в дело исследования памятников Северного Кавказа принадлежит Н. И. Веселовскому, с 1886 г. члену-корреспонденту Комиссии, с 1892 г. — ее сверхштатному

члену, и наконец, в 1895 г. старшему члену ИАК (1891 г., д. 186). Действительный статский советник и профессор Петербургского университета с 1887 г. четверть века планомерно исследовал курганные погребения на Северном Кавказе и в Предкавказье. До 1894 г. он занимался раскопками курганов в Таврической губернии, по заданиям ИАК выезжая в Область Войска Донского и в Кубанскую область. Первыми работами Н. И. Веселовского в Предкавказье можно считать осмотр и небольшие пробные раскопки городища Саркел вблизи станицы Цимлянской в 1887 г. (1887 г., д. 15).

5 марта 1887 г. в газете «Новое время» появилась заметка об открытии в станице на глубине 3 аршин капитальных зданий из качественного кирпича, мраморных колонн и других находок, причем отмечалось, что местные жители разбирают кирпич для своих нужд. ИАК телеграммой обратилась к наказному атаману Цимлянской станицы с просьбой принять меры против расхищений и дальнейших раскопок и выслать найденные древности и сведения о них (Там же, л. 1). Затем последовали письма в канцелярию наказного атамана Войска Донского с просьбами о допущении Н. И. Веселовского к раскопкам в станице Цимлянской и о прикомандировании к нему опытного землемера для снятия плана городища.

По прибытии в станицу Н. И. Веселовский выяснил, что в течение двух предыдущих сезонов на городище проводил раскопки сотрудник МАО В. И. Сизов и что у Х. И. Попова, правителя канцелярии Войска Донского, имеется готовый план городища. Н. И. Веселовский, судя по всему, не заинтересовался городищем Саркел и ограничился его осмотром и небольшими пробными раскопками. Результатом поездки стало его краткое описание, как и отчет о посещении второго городища у станицы Цимлянской.

В том же году Н. И. Веселовский по заданию ИАК обследовал курганы близ с. Обиточное Бердянского уезда и раскопал несколько из них. Он выявил здесь четыре хронологических горизонта, к самому древнему из которых отнес ямные погребения. Н. И. Веселовский подробно описал форму погребального сооружения, позы погребенных, инвентарь, наличие красной краски и белого тлена, при этом ошибочно полагая, что красный цвет костям придали якобы лежавшие рядом изделия из железа (Там же, л. 29–30) (Веселовский 1888: VI–IX). По его просьбе был проведен химический анализ найденных в погребениях фрагментов красной краски. Аналитическая записка сообщала, что «проведенный анализ буро-красной краски из кургана показал, что она состоит из следующих частей:

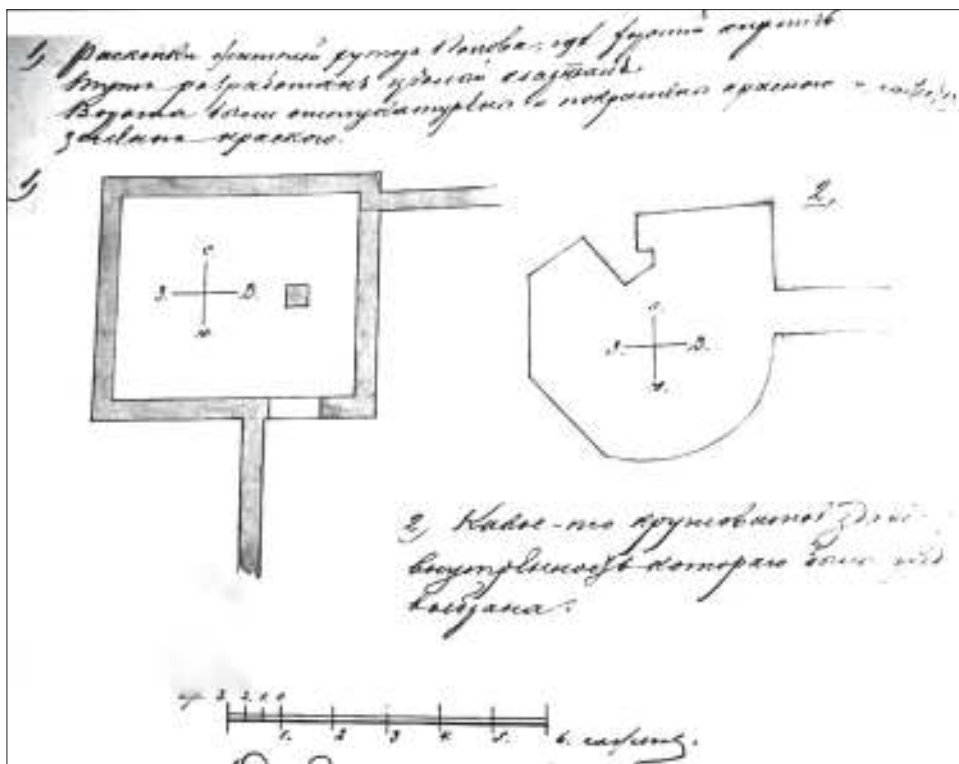
Водной окиси железа, $\text{Fe}_2\text{O}_3 + \text{H}_2\text{O} = 82,11\%$

Глина (каолин) = $\frac{17,0\%}{99,11\%}$

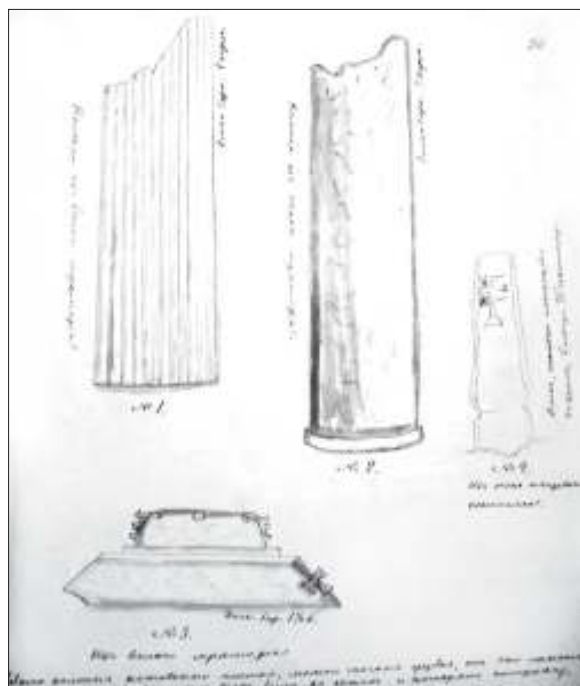
Несмотря на огромное количество окиси железа, нельзя с уверенностью сказать, чтобы краска была искусственно изготовлена, т. к. и в природе встречаются подобные смеси железной (?) охры и глины» (1887 г., д. 15, л. 47).

Позднее его исследования были связаны с памятниками эпохи средневековья и бронзового века (*по поводу исследования Н. И. Веселовским скифских древностей смотри главу III*). В 1894 г. у станицы Раевской, в окрестностях Анапы, между Новороссийском и Мысхако, Н. И. Веселовский раскопал несколько небольших курганов, содержащих каменные ящики с вытянутыми костяками с железными саблями, наконечниками копий и стрел. По аналогии с вещами, найденными В. Г. Тизенгаузеном в 1879 г. в курганах у станицы Абинской, погребения были датированы XIII–XIV вв. (ОИАК за 1894 г. 1896: 12–13).

Тогда же, в середине 1890-х гг., ИАК, обеспокоенная усиливающимися хищническими раскопками местных кладоискателей, направляет его в Кубанскую область, где Н. И. Веселовскому было поручено организовать систематические раскопки. Он работал здесь более

Планы из отчета Н. И. Веселовского об осмотре Цымылянского городища (1887 г., д. 15, л. 18 об.)

Страница из отчета Н. И. Веселовского с зарисовками архитектурных деталей, найденных на городище Саркел (1887 г., д. 15, л. 26)

20 лет, с 1895 по 1917 г., проводя раскопки на территории всей области. Его полевые сезоны продолжались по 2–3 месяца. За это время им было раскопано более 480 курганов, а также более 50 грунтовых погребений. Таким образом, ИАК положила начало многолетним полевым исследованиям Н. И. Веселовского в долине р. Кубань, позволившим осуществить настоящий «прорыв» в изучении древностей Северо-Западного Кавказа.

Обычно Н. И. Веселовский работал на Кубани с двумя надсмотрщиками Керченского музея — Иваном Маленко⁵ и Дмитрием Ефимовым. Известны отрицательные характеристики этих личностей как «врагов археологии» и «закоренелых счастливиц», данные керченским и майкопским начальством и некоторыми членами ИАК (*подробнее смотри главу I*). Впрочем, именно они снабжали исследователя постоянной бригадой опытных рабочих-землекопов,⁶ что позволяло ему не зависеть от сезонных колебаний в наличии рабочей силы,⁷ чем и должно объясняться благосклонное и покровительственное отношение Н. И. Веселовского к И. Маленко и Д. Ефимову. В финансовых отчетах Н. И. Веселовского указывались расходы на доставку рабочих из Анапы в Екатеринодар и далее в Майкоп, на приобретение парусины, изготовление палаток и их упаковку, на доставку рабочим воды и т. д.

Как правило, начало работ Н. И. Веселовского предварялось письменными обращениями ИАК к начальству области. Необходимо отметить, что ему удавалось проводить работы не только на общих и казенных землях, но и на частных. Иногда землевладельцы действовали бескорыстно,⁸ иногда желая получить вознаграждение. Последнее не всегда оправдывало надежды.

В 1899 г. урядник Кубанского войска И. П. Харин разрешил Комиссии раскопать курган на своем участке близ Хатажукаевского аула, что и было поручено Н. И. Веселовскому. В письме от 16 октября 1899 г. ИАК выразила ему благодарность и сообщила, что «добытые из Вашего кургана вещи будут представлены на Высочайшее воззрение их Императорских Величеств весною 1900 года» (1899 г., д. 96, л. 9). 6 декабря И. П. Харину было направлено письмо о том, что «рассмотрев вещи, добытые из кургана на принадлежащем Вам участке близ Хатажукаевского аула, Комиссия оценивает их в 97 с половиною рублей, по нижеследующему расчету: золотых мелких украшений 9 золотников, считая каждый золотник

⁵ В ноябре 1899 г. И. Ф. Маленко был командирован ИАК в Майкопский отдел «для подробного осмотра курганов». В «Предложении» ИАК было сказано: «Поручается собрать и сообщить Комиссии самые подробные сведения, осмотреть на месте курганы, находящиеся в лесных и горных местах Майкопского отдела, по рекам Белой, Курджипсу и другим. Для этого следует обратиться к содействию сведущих людей из бывших рабочих. В описании должно быть точно обозначено место кургана, чтобы его легко было найти. Описать надо величину кургана, его форму, то есть острый курган или расплывшийся, есть ли у него ров или ограда, есть ли признаки камня. Нет ли на кургане ям, какие они: старые или новые. Раскопан ли курган, или грабители до могилы не дошли. На какие курганы следовало бы прежде всего обратить внимание для раскопок... Если бы оказалось что-либо особенно интересное, или обнаружили бы у жителей какие-нибудь находки, об этом следует немедленно уведомить Комиссию. Описание курганов должно быть представлено в Комиссию по окончании поручения...» (1899 г., д. 96, л. 12–13).

⁶ Эта бригада приезжала из Керчи, надсмотрщики также служили в Керченском музее древностей. В 1897 г. один из рабочих, Иван Кольга, казак Полтавской губернии, получив перелом ноги при обвале стены раскопа одного из курганов в юрте станицы Ярославской, обратился в ИАК с прошением о помощи на лечение. Адрес его проживания был керченский и деньги для него, 25 руб., были переведены директору Керченского музея древностей К. Е. Думбергу (1896 г., д. 204, л. 99–104).

⁷ Обычная плата рабочему-землекопу составляла 1, 25 руб. в день, но в страду на сельскохозяйственных работах платили больше.

⁸ В 1895 г. Н. И. Веселовский раскопал несколько курганов в частных владениях в Крыму. ИАК направила благодарственные письма А. И. Постаку, С. А. Крыму, Д. Р. Румило, Э. Б. Блобовичу, С. Е. Черкесу и Татарскому обществу деревни Такил (1895 г., д. 93, л. 3–6).

в полтора раза против номинальной стоимости, т.е. по 7 руб. 50 коп., итого 67 руб. 50 коп.; а все прочие предметы вместе с медным котлом 30 руб. Из этой суммы Вам на основании личных переговоров с профессором Н. И. Веселовским следует получить третью часть, что составит 32 руб. 50 коп., которые при сем высылаются, с просьбою прислать расписку в получении этих денег» (Там же, л. 24).

Обычно средства, выделяемые Н. И. Веселовскому для проведения раскопок, составляли от 3500 до 4000 руб. Приблизительно 2500 руб. выплачивались непосредственно за земляные работы: деньги получали надсмотрщики по распискам. 500 руб. составляли личные расходы Н. И. Веселовского (проезд до места работ, разъезды и пребывание), остальные деньги тратились на проезд рабочих, приобретение необходимых инструментов, закупку парусины и других материалов для изготовления палатки, доставку воды, фотоработы и т. п.

Во время своего пребывания на Северном Кавказе Н. И. Веселовский зачастую выступал как полномочный представитель ИАК. Когда в 1895 г. выяснилось, что сотник Нестеров, которому ИАК разрешила раскопать три кургана под присмотром Е. Д. Фелицына, раскопал сверх этого еще курган у станицы Крымской и золотые украшения из него сначала оставил себе, а потом заложил часть из них крымскому купцу Калианиди за 400 руб., то Н. И. Веселовскому пришлось выкупать их (1891 г., д. 46).⁹

В 1895 г. Н. И. Веселовским были проведены раскопки 2 курганов у станицы Крымской, 2 курганов у станицы Ярославской, 29 курганов у Бесленевской, 5 курганов в окрестностях Анапы и 9 курганов у станицы Псебайской. В последнем случае 8 из этих курганов оказались средневековыми, а в одном находилось погребение ранней бронзы с медными топором, теслом, ножом, вилообразным орудием, булавкой и сердоликовыми и золотыми бусами (1895 г., д. 93; ОИАК за 1895 г. 1897: 30).

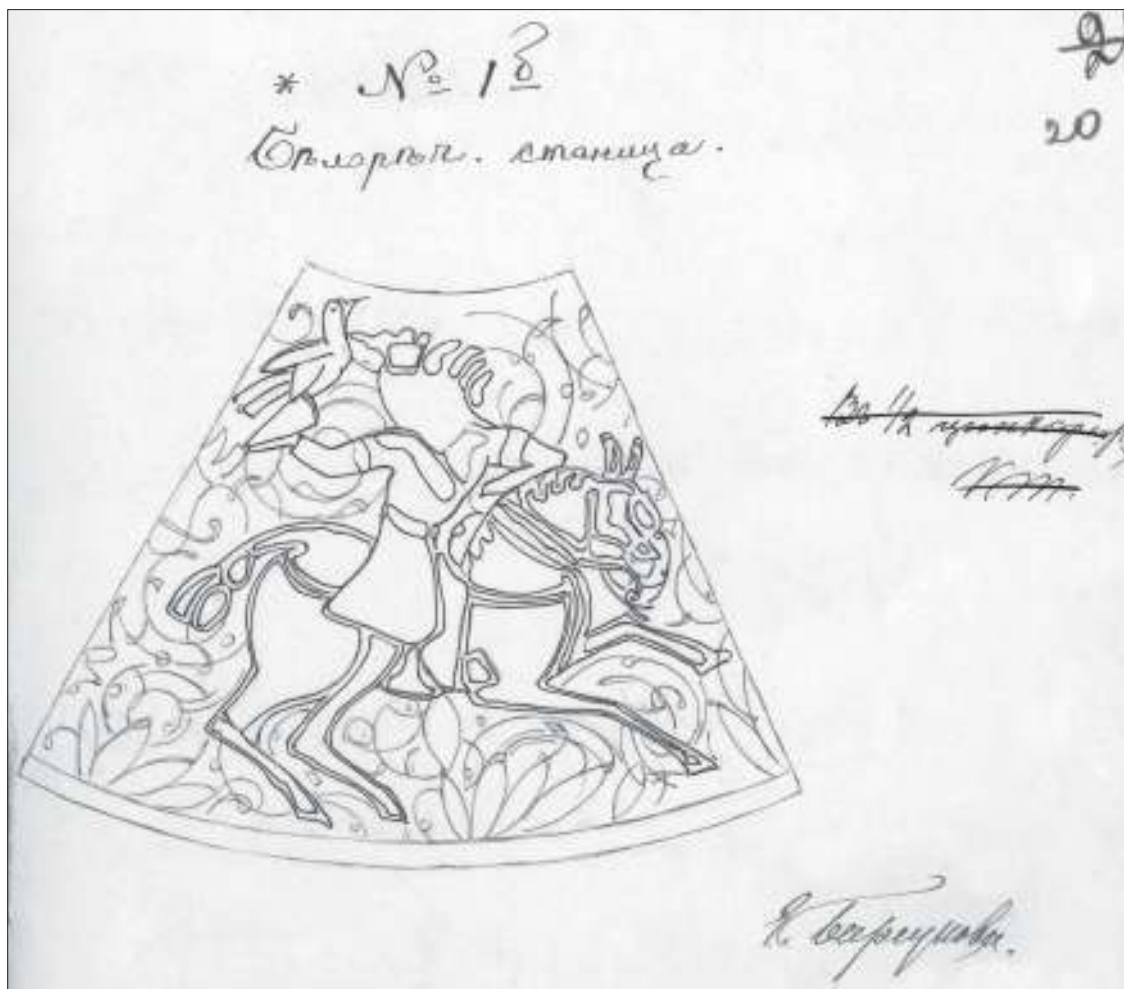
К заслугам Н. И. Веселовского как полевого исследователя относится открытие подкурганых могил золотоордынского времени в устье р. Белой. У станицы Белореченская в 1896 г. им были раскопаны 53 кургана, а в 1897 г. здесь же он исследовал еще несколько курганов. Погребения были совершены под невысокой насыпью в яме с каменными обкладками. Покойники лежали в могиле на спине в вытянутом положении. Погребальный инвентарь состоял из железной сабли, положенной у пояса, украшенного серебряными накладками. К поясу же была подвешена серебряная чашечка или ковшик с растительным орнаментом. Эта яркая группа памятников позднее получила название белореченской культуры (1896 г., д. 52).

Среди памятников иной культурной принадлежности в 1896 г. Н. И. Веселовским было раскопано 14 курганов у станицы Андрюковской, 2 больших кургана у станицы Ярославской и 12 курганов у станицы Костромской (1896 г., д. 52; ОИАК за 1896 г. 1898: 3–61), заключавших в себе яркие погребения эпохи бронзы, а также скифского и сарматского времени.

В 1897 г. он продолжил систематические исследования курганов в Кубанской области. Им было раскопано 46 курганов в районе станиц Костромской, Белореченской, Андрюковской, Губской, Царской, Тульской и 2 кургана близ Анапы (ОИАК за 1897 г. 1900: 2–23). Именно в этом году был открыт эпонимный курган с уникальным погребением в Майкопе.

Еще в октябре 1896 г. ИАК направила майкопскому городскому голове извещение о том, что она предполагает провести раскопки «кургана, находящегося в 1-м участке города Майкопа на перекрестке двух улиц». Однако выяснилось, что курган частично находится в частном

⁹ Н. И. Веселовский выдал купцу сначала 200 руб., а потом еще 100 руб. с тем, что оставшиеся 100 руб. были бы взысканы с Нестерова. Но обращения ИАК к кубанскому и донскому атаманам не дали результата: сотник Нестеров отбыл в неизвестном направлении.

Страница из отчета Н. И. Веселовского о раскопках Белореченских курганов (1896 г., д. 52, л. 20)

владении, ввиду чего Комиссия просила уточнить условия такого пользования (1896 г., д. 204, л. 1).¹⁰ Майкопский голова сообщал, что два склона кургана находятся в собственности двух городских мещан, которым они были отведены под дворовые постройки. Склоны эти уже были нарушены жителями, добывающими глину. Через полицию дальнейшие раскопки были запрещены (Там же, л. 2).

В апреле 1897 г. майкопский голова сообщил, что «мещане города Майкопа, добывая для мощения тротуаров камень... из курганов, разбросанных вблизи города, натолкнулись в одном из курганов на дольмен». Узнав об этом, он распорядился в тот же день поставить около кургана караул, а затем под личным своим наблюдением приказал «обнажить» этот дольмен, сняв вокруг него часть земли, причем во время работ на глубине 1 аршина в разных местах начали встречаться кости черепа и других частей человеческого скелета. Поскольку, с точки зрения местного начальства, «другого интереса для науки в смысле археологической редкости не обнаружено», работы были остановлены до приезда Н. И. Веселовского. Однако городской голова не преминул «просить

¹⁰ Черновик написан рукой Н. И. Веселовского.

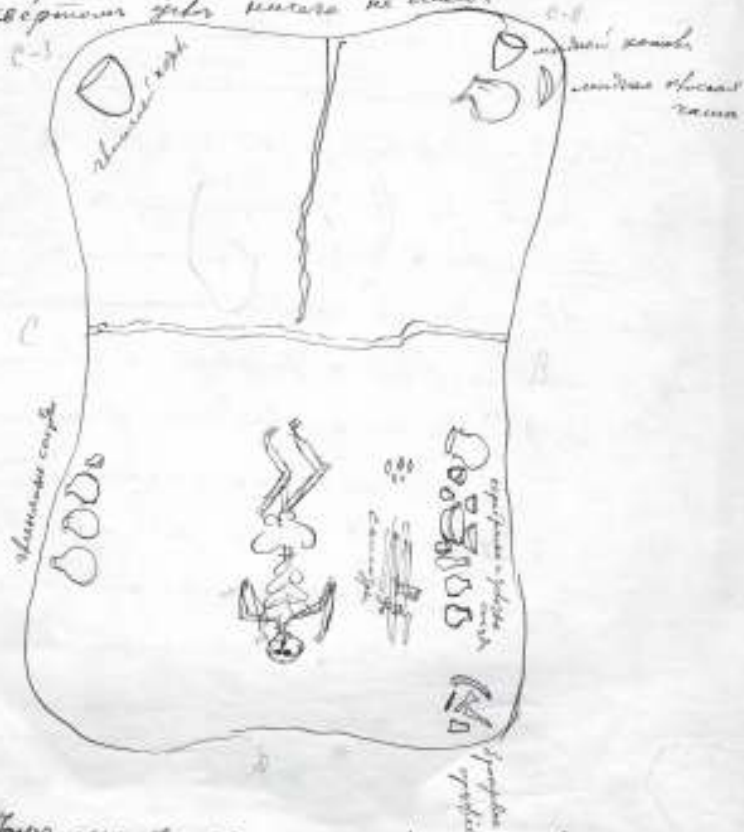

Страница из отчета Н. И. Веселовского о раскопках Белореченских курганов (1896 г., д. 52, л. 44 об.)

Страница из отчета Н. И. Веселовского о раскопках Белореченских курганов (1896 г., д. 52, л. 45)

а в центре улу синала болшоу мидеби селде
 а суг. Динара Кемевак мидеби номинат
 сз ~~мидеби~~ ^{шапа} ~~фрагмент~~ динара (№48). (Вр. селдепозеи
 улу синала болшоу динараи селде сз мидеби
 динара (№49). Промана селдепозеи
 селде, у селдепозеи синала болшоу динара
 селде кубеиша фелии, орасан и улуи динара
 сз мидеби динара, динара 7 (№50-51)
~~Вр. промана динараи улу синала болшоу динараи~~
~~Вр. селдепозеи улу мидеби динараи~~
~~мидеби динараи селде синала болшоу динараи~~
~~мидеби динараи селде мидеби динараи~~ (№52). Вр.

Вр. промана динараи, улу кавадолок ~~фрагмент~~ ^{мидеби} ~~фрагмент~~
 и мидеби динара, динараи мидеби динараи мидеби динараи,
 мидеби динараи мидеби динараи мидеби динараи мидеби динараи,
 мидеби динараи мидеби динараи мидеби динараи мидеби динараи.
 Этой мидеби динараи мидеби динараи мидеби динараи мидеби динараи.

разрешения об извлечении из кургана пяти камней, составляющих дольмен, для постановки их в Городском саду» (Там же, л. 8).¹¹

В этом же году Майкопский курган (Ошад) высотой свыше 10 м был исследован. Этот памятник дал сегодня название блестящей культуре эпохи ранней бронзы Северного Кавказа. В кургане Ошад был погребен представитель родоплеменной знати: вождь-жрец. Инвентарь этого захоронения сегодня по праву открывает коллекцию Золотой кладовой Государственного Эрмитажа. По сложному погребальному сооружению, обилию украшений и сосудов из драгоценных металлов, а также по присутствию сопровождающих захоронений майкопское погребение не случайно сопоставлялось с захоронениями скифских царей. Оно отражает сложность социальной структуры раннебронзовых племен Северного Кавказа. Инвентарь погребения кургана Ошад позволил реконструировать высокоразвитую металлообработку и гончарство у носителей майкопской культуры. В инвентаре майкопского погребения присутствуют ювелирные украшения и серебряные сосуды с гравированными изображениями, находящие параллели в памятниках урукского периода на Переднем Востоке. Учитывая типологические параллели в урукских памятниках массовой керамической посуде майкопской культуры, исследователи справедливо полагают наличие различных связей северокавказского и передневосточного населения и, возможно, даже миграцию на Кавказ из районов Сирии и Восточной Анатолии (Мунчаев 1994). К сожалению, в материалах, относящихся к полевым работам Н. И. Веселовского, сведений о собственно раскопках содержится не больше, чем в опубликованных отчетах ИАК. Дневники отсутствуют, вместо чертежей имеются, и то не всегда, кроки или беглые наброски. 15 марта 1901 г. комплекс находок из Майкопского кургана был передан в Эрмитаж (1896 г., д. 204, л. 118).

Помимо исследования Майкопского кургана большой удачей Н. И. Веселовского в Предкавказье было обнаружение и исследование «царских» погребений скифского времени в Келермесских, Костромских, Ульских и Разменных курганах (*подробнее смотри главу III*). Характерно, что к тому же скифскому периоду (VII–V вв. до н. э.) были им отнесены «царские» захоронения, открытые в «Больших кубанских курганах» в Майкопе и в станице Царской (Новосвободной) (ОИАК за 1897 г. 1900: 2–11; ОИАК за 1898 г. 1901: 33–38). Такое сопоставление древностей, датируемых сегодня периодом ранней бронзы (конец IV–начало III тыс. до н. э.), со скифскими было вызвано, в первую очередь, социоархеологическими параллелями, такими как богатством сопровождающего инвентаря, сопоставимое с материальной культурой элиты скифского общества, и присутствие в комплексе изделий восточных ремесленников, как и в погребениях скифской военной аристократии, вернувшейся из малоазийского похода, например, в Келермесских курганах.

Приступая к раскопкам больших курганов в Закубанье, Н. И. Веселовский, видимо, ожидал найти в них новые захоронения скифских вождей. Однако большинство исследованных им насыпей (курганы у станиц Новолабинской, Андрюковской, Кавказской Тифлисской и Ульского аула) сооружалось в эпоху бронзы (Мунчаев 1994; Марковин 1994). Н. И. Веселовскому удалось собрать значительную коллекцию металлических изделий бронзового века, как считали тогда, — «киммерийского» периода или периода «окрашенных костяков». Последнее название возникло благодаря обычаю посыпать останки погребенных порошком минерального красителя — «охрой».

Принято считать, что Н. И. Веселовский интересовался в основном памятниками античного периода, однако именно ему принадлежит заслуга первой научно обоснованной

¹¹ На документе имеется пометка: «На заседании 27 апреля 1897 г. Комиссия постановила: поручить дальнейшее ведение этого дела Н. И. Веселовскому при личном его посещении Майкопа...».

датировки древностей Кавказа бронзовой эпохи методом типологических параллелей. Сопоставив найденные в погребении Ульского аула алебастровые антропоморфные статуэтки с эгейскими идолами, Н. И. Веселовский датировал кубанские погребения крито-микенской эпохой — 1500–1200 до н. э. (Веселовский 1910: 7–9).

В отличие от масштабных и планомерных исследований в Причерноморье и на Северо-Западном Кавказе, менее известны полевые работы Н. И. Веселовского в верхнем течении р. Кубань. Здесь, в месте выхода Кубани к предгорьям Кавказа, Н. И. Веселовского привлекли курганные насыпи, расположенные к югу от г. Баталпашинска (современный Черкесск), города, который уникальным образом сохранил имя Батал-паши — предводителя турецкого войска, разгромленного русскими. Н. И. Веселовский, предполагая, видимо, повторить или даже превзойти успех раскопок «царских» скифских курганов на Кубани, поскольку здешние насыпи действительно превосходили все прочие и размерами, и числом, попытался раскопать самый крупный из известных сегодня кавказских курганов — Сангаруау-тепе у станицы Усть-Джегутинской в долине р. Кубань (ныне г. Усть-Джегутинск, Карачаево-Черкесия). Высота этой горы земли достигает 16 м, а ее диаметр превышает 140 м.¹² Н. И. Веселовский надеялся открыть здесь погребение могущественного скифского царя. Раскопки «глухой» траншеей с юга на север продолжались два сезона: в 1901 и 1902 гг. (1901 г., д. 103; ОИАК за 1901 г. 1903: 86–89).

Однако надеждам, возлагавшимся на этот памятник, не суждено было сбыться. Раскопки Сангаруау-тепе стали, наверное, самым большим разочарованием в блестящей полевой археологической деятельности Н. И. Веселовского. Результатом двух сезонов работ стало обнаружение разграбленной каменной гробницы, к которой через насыпь вел грабительский ход, с фрагментами красной и черной «лаковой» посуды и разрозненными человеческими костями, окрашенными охрой (ОИАК за 1901 г. 1903: 86–88). Можно предположить, исходя из конструкции насыпи, которая характеризуется плоской вершиной, галечным панцирем и кромлехом из крупных камней, деталей могильного сооружения (гробница из каменных плит, перекрытие из бревен, каменная наброска над погребением), окраски костей охрой и наличия в погребальном комплексе прочной красной и черной посуды, что это погребение, как и Большие кубанские курганы, относилось к «новосвободненским» захоронениям вождей в каменных гробницах (Мунчаев 1994; Резепкин 1991).

Н. И. Веселовский был настолько потрясен неудачей или, скорее, несоответствием полученного результата своим завышенным ожиданиям, что рассчитал рабочих и, забросив раскопки, уехал. Поспешный отъезд исследователя из Усть-Джегутинской станицы породил местную легенду, передаваемую казаками устно и услышанную одним из автором очерка во время разведки памятников в Усть-Джегутинском районе, спустя почти 100 лет, в 1994 г. По версии казаков, столичный профессор, обнаружив гробницу с богатым захоронением «царя», рассчитал и отослал землекопов, а сам, загрузив вьюки драгоценностями, спешно отбыл в Санкт-Петербург. Поскольку ценностей с тех пор никто не видел, а в музей они не попали, значит, профессор был «нечист на руку», заключили местные жители.

Н. И. Веселовский более не возвращался в верховья Кубани, даже не попытавшись раскопать гигантские десятиметровые насыпи, до сих пор возвышающиеся на ровной террасе Кубани возле г. Усть-Джегута, продолжив исследование причерноморских скифских курганов и античных городов в других регионах. Известно, что в Ставропольской губернии

¹² Очевидно, именно курган Сангаруау-тепе изображен на акварели Д. М. Струкова, хотя на подписи в альбоме ошибочно указано направление не к югу, а к северу от г. Баталпашинска (1889 г., д. 87, л. 59).

Н. И. Веселовский предпринял исследования курганов в ауле Кулики, у с. Александрия Благодарненского уезда, у сел Орехов, Высоцкого и Старо-Марьевского (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 158–160).

В 1908 г. Н. И. Веселовский продолжил раскопки Шатохина кургана в юрте станицы Кужорской Майкопского отдела. Все погребения относились к бронзовому веку, они содержали скорченные костяки, окрашенные охрой, в составе инвентаря присутствовали бронзовые ножи и шилья, медные полусферические бляхи и костяные булавки (ОИАК за 1908 г. 1912: 116–118). Курган в юрте станицы Келермесской содержал погребения того же времени. В Ульском ауле им было раскопано три ограбленных кургана скифского времени. В юрте станицы Некрасовская на р. Зеленчук курган содержал три скорченных погребения с охрой. Пять курганов у станицы Тифлисской были ограблены в древности. Курган в юрте Анапской станицы содержал в себе каменный погребальный склеп, дважды ограбленный (Там же: 118–122).

В этом же году Н. И. Веселовским были предприняты исследования грунтового могильника Танаиса в хуторе Недвиговском. Могилы были выдолблены в скальном грунте, содержали трупосождения и трупоположения, но все были ограблены в древности (Там же: 122–129). В следующем году раскопки были продолжены в меньшем масштабе, но также не дали ожидаемых результатов.

Позднее, в 1911 г., Н. И. Веселовский вновь раскопал курганы бронзового века у станиц Брюховецкая, Переяславская, Ново-Джерелиевская и Роговская (ОИАК за 1911 г. 1914: 43–46). Костяки, окрашенные охрой в сопровождении традиционных грубых сосудов, бронзовых ножей и шильев и костяных булавок были коротко и сухо описаны автором раскопок. В 1912 г. в Кубанской области Н. И. Веселовский исследовал еще один курган бронзового века у станицы Роговская, а также курганы скифского времени у станиц Марьевская и Елизаветинская (ОИАК за 1912 г. 1916: 50–59). В 1913–1914 гг. им же были раскопаны еще два скифских кургана у станицы Елизаветинской, большой курган, оставленный недокопанным, у селения Вольного близ Армавира, курган скифского времени на Лысой горе между Майкопом и Туапсе и несколько средневековых курганов у станицы Гурийской (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 148–159).

Знакомство с археологическими отчетами Н. И. Веселовского оставляет противоречивое впечатление (*по этому поводу смотри также главу I*). Признанный востоковед, профессор Санкт-Петербургского университета, отдавший раскопкам более половины своей жизни, совершивший уникальные открытия, он не всегда был внимателен к деталям, копал быстро, интересовался только ценными находками, пренебрегая керамической частью погребального инвентаря даже уникальных скифских комплексов. По странной прихоти судьбы возможность величайших открытий комплексов Майкопского кургана и курганов у станиц Новосвободной (Царской), Костромской и Келермесской досталась человеку, который не считал необходимым сделать полевые чертежи, оставив после себя лишь наброски. Однако хорошо известно, что в это время многие археологи, зачастую даже не имеющие специального образования, гораздо более ответственно относились к полевой фиксации, составляя тщательные дневники и полевые чертежи с масштабами.¹³ В настоящее время, отдавая Н. И. Веселовскому честь как первооткрывателю уникальных археологических комплексов, нельзя не признать, что все они оказались обесценены низким уровнем полевой фиксации и небрежным отношением к артефактам бытового уровня.

¹³ Вспомним, что ИАК составила инструкцию, в которой содержались требования к ведению дневников и полевых чертежей, и рассылала ее авторам раскопок. Почему же эти требования не коснулись Н. И. Веселовского?

Интересно, что в начале своей деятельности Н. И. Веселовский, впервые столкнувшись с погребениями бронзового века в раскапываемых курганах под г. Бердянском и у с. Обиточного, был гораздо более внимателен к вопросам полевой фиксации и микроисследований. Здесь он раскопал все погребения, выявил хронологические горизонты, отправил взятые образцы охры на анализ и даже получил ответ специалиста-химика (смотри выше; 1887 г., д. 15, л. 47). В дальнейшем в отчетах Н. И. Веселовского появилась печально известная формулировка: «Так как присутствие краски уже обнаружило характер погребения в этом кургане, то работы здесь были прекращены и курган остался недокопанным до материка», как это было при исследовании кургана у станицы Казанской (ОИАК за 1901 г. 1903: 68). Иногда она слегка варьировала, как это было в отчете об исследованиях у пос. Праздничного: «Можно полагать, что таких могил в кургане было несколько; но дальнейшее исследование его не было произведено» (ОИАК за 1901 г. 1903: 77). В отношении кургана № 12, исследованного в юрте станицы Петропавловская, Н. И. Веселовский писал: «Вверху кургана, под центром, обнаружилась впускная могила, отмеченная по углам деревянными столбами, сильно сгнившими; по длине было 6 столбов, по ширине 3... направление с В на З. Костяк, почти совершенно истлевший, лежал головою на В, в скорченном положении, никаких погребальных предметов при нем не оказалось. На дне могилы в разных местах находилась темно-бурая охра. Ввиду того, что характер кургана определен, дальнейшая раскопка была прекращена» (ОИАК за 1907 г. 1910: 88–90).

Стоит отметить, что исследование кубанских курганов, которое взяла на себя Комиссия, столкнулось с неожиданной проблемой — правомочностью снятия с насыпей тригонометрических знаков. Областная чертежная организация обратилась к атаману Майкопского отдела с отношением по поводу тригонометрического знака, уничтоженного раскопками кургана в даче станицы Белореченской (1896 г., д. 204, л. 12–21, 109, 112). Н. И. Веселовскому пришлось писать объяснительную записку, в которой он сообщил, что его надсмотрщик И. Маленко, в самом начале работ в Белореченской, в отсутствие самого члена ИАК, обратился к станичному атаману уряднику Бобрикову, и последний сам снял знак и отвез в станицу, заявив, что восстановит его впоследствии: «Таким образом, знак был снят не Императорскою Археологическою Комиссиею, хотя и для ее надобностей». Н. И. Веселовский заверил местные власти, что ему известно значение тригонометрических знаков, что если бы он знал о снятии знака, то обратился бы в Межевое управление, поскольку он уже сталкивался с необходимостью снять такой знак в связи с работами в станице Костромской. «Не могу умолчать также и о том, — писал Н. И. Веселовский, — что во время разъездов по Кубанской области мне не раз приходилось видеть выброшенные с курганов местными хищниками тригонометрические знаки, и об одном из них в Бенокском поселке я словесно сообщал атаману Майкопского отдела Савицкому в прошлом 1896 году» (Там же, л. 18–19). В результате 5 марта 1898 г. был обнародован циркуляр № 8658 начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска станичным и хуторским атаманам, волостным и сельским старшинам Кубанской области о недопущении сноса тригонометрических знаков, при этом в качестве примера приводился именно случай сноса знака с кургана в даче станицы Белореченской.

Вместе с этим письмом ИАК направила в Межевое управление Кубанской области и атаману Майкопского отдела отношение, в котором сообщила, что Н. И. Веселовскому поручено летом будущего года при начале археологических работ войти в непосредственное сношение с Областной чертежной организацией относительно принятия на будущее время мер к восстановлению тригонометрических знаков, причем Комиссия считает своим долгом заявить, что расход по установлению снятых знаков она примет на свой счет (Там же, л. 20, 21).

19 ноября 1898 г. ИАК направила отношение и в Главное управление Казачьих войск с вопросом «к кому именно она должна обращаться за содействием по снятию тригонометрических знаков на время раскопки курганов, когда таковое оказывается совершенно необходимым при производстве археологических работ». В письме говорилось, что со своей стороны ИАК изъявляет полную готовность содействовать своими рабочими восстановлению знаков на кургане по окончании раскопки (Там же, л. 109). В ответе из Главного управления сообщалось, что триангуляционная сеть состоит из пунктов четырех классов, из которых пункты 1-го класса установлены чинами военно-топографического отдела Кавказского военного округа, и решение о снятии этих пунктов зависит от начальника военно-топографического отдела Главного штаба. Знаки топографических пунктов 2–4-го классов могут быть временно сняты по разрешению управления казачьих войск и Кубанского областного начальства, причем только если снятие и восстановление их будет производиться за счет Археологической Комиссии (Там же, л. 112–113).

Необходимо отметить, что целью программы исследований на Кавказе и Предкавказье у ИАК не было, за исключением отдельных памятников и их историко-археологического контекста, связанных с деятельностью Н. Я. Марра. В остальных случаях первоначальные намерения А. А. Бобринского о систематическом регионоведении Кавказа так и не реализовались из-за огромного объема текущих исследований, работы с поступающими кладами и случайными находками, а также с возрастанием объема реставрационных работ, которые контролировала Комиссия. Вместе с тем ИАК всегда поддерживала инициативу «снизу», особенно, если это было связано со спасением памятников от разрушения или разграбления. Именно благодаря такой активности Комиссии для науки и культуры оказались спасены многие шедевры кавказского искусства и археологии, помогающие понять прошлое этого края. Коллекционная и «музейная» деятельность ИАК, равно как и спасение ею культурного наследия Кавказа, заслуживают отдельного очерка.

* * *

Кроме постоянно работавших на Кавказе экспедиций, «новостроечных раскопок» и исследования разрушенных или ограбленных могильников деятельность ИАК заключалась в приобретении случайных находок, их изучении и передаче на хранение в Эрмитаж, Исторический музей и другие музеи. Еще в 1859 г. в Эрмитаж была доставлена коллекция древностей, случайно найденных курдами в Персии у пограничного поста Алишар и происходивших из разрушенного погребения. Бронзовые предметы были переданы в столицу ереванским военным губернатором генерал-майором Н. П. Колюбакиным и городничим Нахичевани Н. Н. Квартано. В сопроводительном письме был приведен рисунок пещеры и описана высеченная в скале двухкамерная гробница. В 1860 г. алишарские находки были включены в каталог Эрмитажа при консультации нумизмата генерала И. А. Бартоломея и описаны как сасанидские. Хранителю Эрмитажа не с чем было сравнить древности, доставленные из Еревана. Только через 94 года на одном из алишарских бронзовых колокольчиков под слоем патины открыли урартскую клинописную надпись, содержащую имя урартского царя Аргишти I. Так, почти через 100 лет после обнаружения, погребение из Алишара было отнесено к урартской цивилизации и надежно датировано (Есаян 1977: 6–7). Известно, что только в 1860-е гг. были открыты урартские надписи в различных местах: на берегу р. Арпачай, у озера Севан, в Эларе, в Абовяне, а в Армавире найдены надписи урартских царей Аргишти I и Русы II (Там же: 8).

При А. А. Бобринском на покупки коллекций и отдельных «древностей» у частных лиц было получено дополнительное финансирование — так называемые сверхсметные кредиты. Резиденция наместника Кавказа находилась в Тифлисе, поэтому находки, до отмены наместничества в 1881 г., сначала поступали в Тифлисский Кавказский музей, а потом часть из них, прежде всего изделия из золота, серебра, монеты, надписи и произведения античного искусства, передавались в Петербург. В 1889 г. Я. И. Смирнов, в то время еще студент, был командирован по поручению ИАК на Кавказ для описания древностей Тифлисского музея (1889 г., д. 44). Среди находок преобладали монетные клады и инвентарь из разрушенных погребений, реже встречались клады орудий труда, оружия и украшений. ИАК систематически приобретала целые коллекции, например, коллекцию кобанских бронз, купленных у крестьян-раскопщиков К. И. Ольшевским, а также коллекции древностей, собранные Д. А. Вырубовым, И. Урусбиевым, А. Л. Млокосевич и генералом Неверовским. В 1909 г. Я. И. Смирнов, уже став профессором Петербургского университета, получил Открытый лист на раскопки в Шаропанском уезде Кутаисской губернии и Эриванском уезде Эриванской губернии. Именно тогда он приобрел близ сел. Бори Шаропанского уезда Кутаисской губернии коллекцию местных археологических находок (1902 г., д. 35).

Среди коллекций кавказских древностей, спасенных усилиями Комиссии и приобретенных для отечественных музеев, наибольшую известность получило собрание К. И. Ольшевского, не в последнюю очередь из-за скандальной истории ее приобретения. Казимир Иванович Ольшевский производил раскопки могильников во Владикавказском отделе Терской области. Так, в 1880 г. он копал у сел. Каллахта и Хамаз; в 1882 г. — близ сел. Лизгор, Камбулта и Камунта; в 1883 г. около сел. Зигвис и Лац (1887 г., д. 68). В результате своих раскопок и покупок древностей у местных жителей-«бугровщиков» К. И. Ольшевский собрал коллекцию из 3000 предметов (ФА, Q 503/2–21, 44–49).

Скупая находки из разрушенных могил у местного населения, К. И. Ольшевский тем самым поощрял горцев к грабежу могильников. Докладная записка В. И. Долбежева по этому поводу в ИАК была озаглавлена предупреждающе: «О торговле древностями, заведенной К. И. Ольшевским на Кавказе (1886 г., д. 20). Правда, в торговле древностями, в первую очередь «кобанскими бронзами», К. И. Ольшевский был вовсе не одинок. Европейские профессора, в частности Р. Вирхов, Е. Шантр, К. Ане, приезжали на Кавказ или посылали своих агентов за ставшими модными кобанскими раритетами, столь близкими к гальштатским бронзам, но еще более ценными, поскольку были обнаружены вдали от европейских памятников.

В связи с приобретением ИАК коллекции К. И. Ольшевского для Эрмитажа в 1889 г. (1887 г., д. 68) возникла обширная переписка, отражающая связанные с ней перипетии. В свое время в Комиссию поступило письмо от местного краеведа и одного из будущих основателей Владикавказского отделения Русского горного общества К. А. Проскуры по поводу этой коллекции. К. А. Проскура сообщал графу А. А. Бобринскому, что «полковник К. И. Ольшевский» решил продать собранную им коллекцию и сделал предложение Венскому музею, но потерпел неудачу. Поэтому он предлагал не выпускать эти древности из России и приобрести их у К. И. Ольшевского. В. И. Долбежев также сообщил в ИАК о коллекции К. И. Ольшевского и о возможности ее приобретения. Благодаря содействию последнего рисунки предметов из этой коллекции были переданы в ИАК еще в 1887 г. Почти два года длилась переписка ИАК с К. И. Ольшевским, завершившаяся приобретением коллекции и передачей ее в Императорский Эрмитаж.

В апреле 1888 г. А. А. Бобринской попросил выслать коллекцию в ИАК для ее оценки. 15 апреля 1888 г. К. И. Ольшевский выслал коллекцию, оценив ее в 15 000 руб. Позднее граф

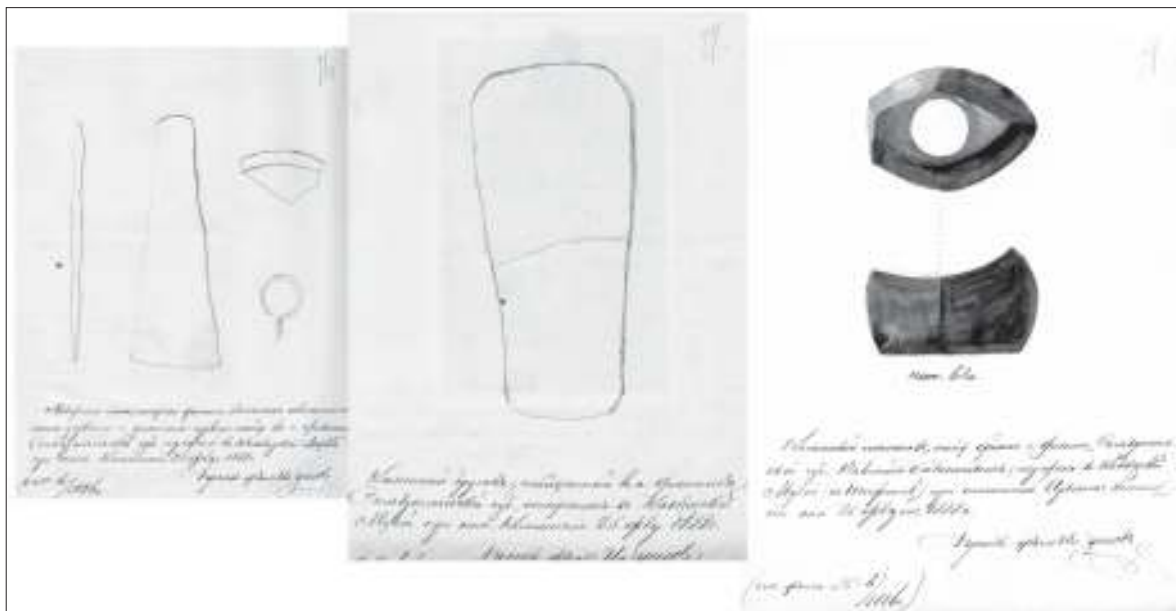
А. А. Бобринской сообщил ему, что «22 мая собрание кавказских древностей было представлено Его Императорскому Величеству». При этом он упомянул, что Комиссии «немалых хлопот стоило привести... собрание в подобающий вид, так как упаковка предметов оказалась не прочной. До половины вещей, нашитых на каждую из таблиц, выпали. Многие вещи разбиты и переломаны. Как Эрмитаж, так и спрошенные ученые археологи полагают, что более десяти тысяч рублей собрание не стоит...». Далее он писал: «Смею посоветовать Вам, многоуважаемый Казимир Игнатьевич, принять предложение. Оценка Вашего собрания произведена беспристрастно; ... наконец, Вы будете иметь приятное сознание, что добытые Вашими многолетними стараниями и трудами предметы остаются в пределах России и служат украшением отечественного музея, а не сделались достоянием какого-либо заграничного учреждения».

К. И. Ольшевский отвечал графу А. А. Бобринскому следующее:

«Позвольте принести Вам мою искреннюю признательность за хлопоты, причиненные Вашему Сиятельству моей коллекцией, благодаря которым она была повергнута на благоусмотрение Его Императорского Величества Государа Императора. Глубоко сожалею, что коллекция моя дошла до Петербурга в таком плачевном виде, в каком Вы ее описываете, и причинила Комиссии столько забот и труда по приведению ее в порядок. Меня немало беспокоит мысль, что я вынужден причинить Вашему Сиятельству еще несколько хлопот моей покорнейшей просьбой выслать мне обратно мою коллекцию. Мне очень прискорбно лишиться поистине приятного сознания оставить мою коллекцию в пределах Отечества и быть вынужденным уступить ее там, где мне без всякого торга дадут 15 000 руб.».

Всю осень и зиму 1888 г. длилась переписка В. Г. Тизенгаузена с управляющим Кабинетом его императорского величества Н. С. Петровым. В результате 22 ноября 1888 г. граф А. А. Бобринской вновь был вынужден сообщить К. И. Ольшевскому, что за его коллекцию государство готово предложить 10 000 руб., в противном случае ее отправят назад, во Владикавказ. Только 19 февраля 1889 г. К. И. Ольшевский дает согласие на продажу коллекции за предложенную сумму.

Однако в финале драматической истории приобретения коллекции прозвучали комические ноты: выяснилось, что К. И. Ольшевский не может получить свои деньги! В. Г. Тизенгаузен в письме от 30 марта 1889 г. пояснял Кабинету министров, что ИАК в сношениях своих с министром Императорского Двора ошибочно именовала Ольшевского полковником, как он сам представлял себя Комиссии, тогда как он в действительности был только коллежским советником. Поэтому ИАК просит Хозяйственный отдел сделать распоряжение о беспрепятственной выдаче денег К. И. Ольшевскому уже как коллежскому советнику за поступившую в 1889 г. в Эрмитаж коллекцию древностей. Позднее, в 1890 г., ИАК приобрела коллекцию фотографических снимков кавказских памятников у Д. И. Ермакова (1890 г., д. 8, л. 8–17). Кроме упомянутых собраний можно назвать коллекции, приобретенные у Г. К. Козлова и Н. Новикова в Майкопе, у Д. А. Вырубова и Ш. Агжигитова в Нальчике, у Ф. С. Романовича в Ростове-на-Дону, у М. М. Тебенькова в Тифлисе. Комиссия также приобрела для Эрмитажа ценную коллекцию бронзовых изделий (главным образом оружия начала I тыс. до н. э.), собранных А. Л. Млокосевич в горном Дагестане (Мунчаев 1961). Еще больше отдельных вещей, также приобретенных Комиссией в качестве случайных находок на Кавказе. Большинство из этих артефактов происходит, конечно, из грабительских раскопок крестьян и казаков, продавших находки приезжим археологам либо сначала скупщикам и коллекционерам древностей, а затем уже в виде «собраний» приобретенных сотрудниками ИАК.

Случайные находки из с. Дивное Ставропольской губернии (1886 г., д. 6, л. 76–78)

Благодаря многолетнему археологическому надзору Комиссии местные чиновники и частные лица присылали в ИАК находки, сделанные при различных обстоятельствах. Некоторые находчики желали вознаграждения, иные уступали их безвозмездно. В последнем случае, как правило, за отдельные вещи, следовало небольшое вознаграждение в размере 3–5 руб. Так, в 1887 г. крестьянин с. Дивное Ставропольской губернии Павел Бабынин нашел в кургане два истлевших человеческих скелета. Возле костяков были обнаружены котел красной меди с кольцами в ушках, обломки серебряной позолоченной чашки, гранитный брусок, «мраморный молоток»,¹⁴ «медные долото (клинок)»,¹⁵ серьга и игла, небольшой обломок бронзового зеркала и остатки булавы. Крестьянин «заявил желание уступить» вещи ИАК «за вознаграждение». В итоге находчик получил 10 руб. Вещи были направлены 25 февраля 1888 г. в Кавказский музей и приняты в его археологическое отделение (1886 г., д. 6, л. 71–80). Впрочем, из дела непонятно, была ли эта находка сделана при земляных работах или курган был разрушен сознательно. Ранее крестьянин Иван Андриенков при распашке земли в степи у с. Круглолесского Ставропольской губернии нашел «древнее медное орудие в виде топора»¹⁶ и «изъявил согласие уступить казне эту находку без всякого вознаграждения». 16 декабря 1886 г. ИАК просила местное начальство объявить крестьянину «благодарность за готовность его уступить казне находку свою, ... и вместе с тем выдать ему препровождаемые при сем три рубля...» (Там же, л. 71–80, 98–103).

Вещи, не имевшие археологической ценности, возвращали владельцам. Достаточно регулярно в Комиссию сообщали о находках древностей. Работа по собиранию древностей спасала от уничтожения и вывоза за границу многочисленные произведения искусства и ремесла. Большинство поступлений в ИАК с Кавказа все же было монетными кладками.

¹⁴ Каменный топор-молот кабардинского типа.

¹⁵ Тесло привольненского типа.

¹⁶ Бронзовый вислобушный топор.

Кадило. Палестина.

Собрание при арх. Копт. Муз. Унив. Франц. в. на Каппад
за № 2917, найденная в с. Казмалар, Закавказья
стар. 6-7 вв.

И. Зинков

Кадило. Палестина. VI-VII вв. Найдено у с. Казмалар (1887 г., д. 14, л. 44)

Дела о поступлении в Комиссию случайных находок и кладов в два-три раза превышают количество дел о раскопках в той же местности. Это относится как к Терской области, так и к Тифлисской, Елизаветпольской и Бакинской губерниям. Так, у сел. Сандатовского Ставропольской губернии в 1891 г. был найден клад 54 серебряных монет, собранных местной администрацией. Из них 42 относились к чеканке хана Менгли-Гирея и 1 являлась генуэзско-крымской последней четверти XV в. (Пахомов 1957: 67). Летом 1904 г. в сел. Эндери на территории Дагестана найдена бургундская монета XV в. (Пахомов 1949: 70). В 1909 г. у станицы Петровская (бывшая Кубанская область, Краснодарский край) найден клад монет, зарытый не позднее середины XV в. В 1911 г. клад передан в Эрмитаж. В его составе было 23 686 монет: династии Гиреев (Хаджи-Гирея, Нур-Девлета и Менгли-Гирея) — 20 078 экз.; Османидов — 2385 экз. (1444–1481 гг.); генуэзско-татарских — 1107 экз.; астраханских ханов — 113 экз.; русских и литовских — 3 (великих князей Владимира Ольгердовича, Ивана III и Ивана IV) (Виноградов, Дешпуева 1987: 79). В 1907 г. близ городища Маджары в числе монет, собранных Г. Н. Прозрителевым, была найдена медная денга хана Джанибека с надчеканкой начала XV в. — Псков (Прокопенко 1996).

Канцелярия Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе, согласно существующим положениям, регулярно отправляла в ИАК монетные клады и случайные находки. Так, 30 апреля 1887 г. начальником Закатальского округа был отправлен в Петербург «сосуд медный, имеющий вид кадьльницы или лампадки», найденный близ сел. Казмалар жителем с. Алибегло Теймуразом Мурадошвили. 22 ноября в Эрмитаж поступило одно из шести, близких по оформлению, кадил сирийской работы первой половины VII в. (1887 г., д. 14, л. 40–41, 51) (Синай. Византия. Русь 2000: 68–69; Billod 1987: 39–56).

Деятельность ИАК со дня ее основания была направлена не только на собирание, но и на сохранение памятников истории и культуры на Кавказе и на противодействие грабителям могил. Императорская Археологическая комиссия вплоть до 1917 г. осуществляла надзор за раскопками в России. Вообще, кавказские народы относились к древним могилам с почтением: горцы даже отказывались принимать участие в их раскопках. Все же есть известия о разграблении могил кавказцами еще до появления «моды» на «кобанские древности». Так, адыгеец на службе России Султан Крым-Гирей сообщает, что черкесы в XIX в. на побережье разрывали могилы и находили огромные костяки людей, лошадей, большие мечи, кувшины, бокалы и даже золотые предметы. Эти кости Султан Крым-Гирей связывал с эпическими нартами (Каменецкий 1988: 128, 130). Горцы предполагали, что в курганах сокрыты несметные богатства. Есть и свидетельства иного рода времен кавказской войны. В 1846 г. на берегу Кубани произошла стычка казаков-пластунов с черкесами. Среди вещей в захваченной у черкесов сумке оказалась «бронзовая монета времени древней Пантикапеи» (Щербина 1913: 493).

Вскоре после открытия на Центральном Кавказе «кобанских бронз» — бронзовых украшений, оружия, доспехов и конской упряжи неизвестной ранее культуры — эти изделия были высоко оценены европейскими учеными и коллекционерами. Кавказские художественные бронзы стали заполнять собрания музеев Вены, Берлина, Парижа, а также частные коллекции. Как уже говорилось, знаменитый Кобанский могильник был открыт случайно в 1869 г., когда возле сел. Верхний Кобан в размытой р. Гизель-дон береговой террасе обнажились каменные ящики. Житель сел. Верхний Кобан Х. Кануков собрал изделия из бронзы из погребений и отвез в Кавказский музей в Тифлисе (1869 г., д. 6).

Между тем внезапно распространившаяся «мода» на кавказские бронзы привела в горы многих «искателей сокровищ» и агентов-скупщиков. Чтобы оценить ситуацию с сохранением

древностей Кавказа и отношением к ним общества во второй половине 1890-х гг., приведем пространную цитату из периодической печати того времени. Вот что писал владикавказский корреспондент газеты «Русские ведомости» в № 84 за 26 марта 1889 г. (1889 г., д. 16):

«У дигорцев северо-западной Осетии и ингушей, засевших по склонам Дарьяльского и Джераховского ущелий, недавно появился новый промысел — торговля археологическими редкостями, извлекаемыми из древних могильников. В настоящее время по Владикавказу бродят ингуши и осетины с древними изделиями из кремня, бронзы, железа, золота и серебра, относящимися к разным периодам культуры.

Вещи эти большей частью продаются за бесценок и охотно приобретаются состоятельными жителями для украшения кабинетов и других надобностей; золотые же и серебряные вещи, в том числе и монеты, разбираются на сплав ювелирами. Одному из здешних инженеров посчастливилось купить у дигорцев за 200 руб. довольно большую коллекцию, состоящую из золотых и серебряных вещей, монет и римских, греческих, арабских и персидских печаток, большей частью сделанных из сердолика и опала. Местные молоканские девушки украшают себя бусами, которые когда-то принадлежали первобытным обитателям Северного Кавказа, а многие состоятельные дамы заменили современные золотые и серебряные браслеты древними. Два-три дигорца распродали имущество, навсегда переселились во Владикавказ, приобрели здесь дома и открыли склады археологических древностей, приобретаемых ими дешевою покупкой, а отчасти и самостоятельными раскопками.

Один из таких „археологических складов“, в котором имеется несколько тысяч предметов, осенью прошлого года осматривала председательница ИМАО графиня Уварова, недавно известившая письмом владельца этих редкостей о желании московского Исторического музея приобрести всю эту коллекцию. Но осетины неохотно продают вещи ученым обществам, потому что последние приобретают их оптом и притом по дешевой цене, выгоднее продавать редкости частным лицам небольшими коллекциями. Иностранцы и жители Кавказских Минеральных Вод охотно покупают различные вещи и дают за них нередко хорошие деньги. Ввиду того многие осетины сняли в арендное содержание несколько пахотных и покосных участков земли по склонам гор мало доступной дикой Осетии, где обыкновенно и находятся могильники древних обитателей северного Кавказа.

Самое большое число вещей было извлечено частными лицами из могильников Фаскау, между рр. Сонгути-доном и Галиат-доном. В могилах Фаскау были найдены исключительно изделия из бронзы; железо и золото отсутствовали. Тут обнаружены топоры, ножи, копья, дротики, фибулы, браслеты, гигантские булавки, шлемы и др. Попадает много острых кремневых стрел и каменных топоров, но эти вещи бросают как никуда не годные. С осени минувшего года в этих горах идет деятельная работа: лопата, кирка и топор извлекают из глубины земли драгоценные для науки остатки первобытной культуры. Но это, к сожалению, работа не опытного археолога и просвещенного техника, а темных, невежественных горцев. Раньше суеверный страх сдерживал их от прикосновения к могилам предков; но теперь этот страх ступшевался пред жаждою к скорой и легкой наживе».

Наиболее известным среди местных «бугровщиков» был житель сел. Верхний Кобан Хабош Кануков, раскопавший более 600 могил. Дошли до нас также имена гробокопателей из Осетии Бегизара Дзелихова и кабардинского князя Измаила Урусбиева.

Спецификой северокавказского региона была произошедшая в XIX в. смена населения в наиболее обильной различными памятниками предгорной части и на Черноморском побережье. Черкесское население целыми племенами переселялось в Турцию, Сирию, Иорданию и на Балканы. Освободившиеся земли заселялись казаками и иногородними. Здесь

возникли немецкие колонии, польские, греческие, армянские поселения. Правительство содействовало колонизации кавказских земель для их скорейшего хозяйственного освоения поселенцами. Вновь прибывшие, в отличие от прежних насельников-горцев, не были знакомы с историей края, не слышали преданий и легенд о местных памятниках. Древние могильники и руины, которые горцы почитали и считали могилами своих предков, для переселенцев были просто кучами земли и камней, их разбирали при распаивании полей, камни употребляли на возведение жилья, дорог и овечьих загонов. Так, знаменитые еще по запискам путешественников XVII–XVIII вв. развалины древнего города Маджары в конце XIX в. были уже разграблены, а кирпич средневековых и древних зданий употреблен на постройки. Как с болью сообщает автор статьи о «необходимости охранить памятники прошлого» (Известия ИАК 1906: 56): «не пощажена даже церковь...».

Когда же стали обнаруживать в могилах изделия из бронзы, серебра и золота, участь могильников была решена: их стали разрушать и грабить регулярно и массово, собираясь целыми артелями «бугровщиков». Грабили могилы не только простые крестьяне и казаки. Не гнушались такими «раскопками» и «просвещенные» дворяне, владельцы усадеб и угодий, где были расположены памятники древности. В Керчи и других городах юга России иностранные агенты скупали вещи из грабительских раскопок и вывозили за границу для продажи в европейские музеи и частные коллекции.

Уже самые первые шаги ИАК на Кавказе сопровождалась ощущением ответственности за сохранение древностей. Особенно острой была проблема охраны памятников, расположенных на частных землях. В 1868 г. на земле помещицы Гурьевой механик Биллер начал раскопки кургана. Директор Керченского музея А. Е. Люценко сообщил об этом в ИАК и в начале 1869 г. получил ответ:

«Как ни прискорбен этот факт, но к устранению его не представляется возможности, так как земля, на которой производятся раскопки, составляет частную собственность. Остается только, насколько возможно, воспользоваться тем, что работы производятся не тайно, т. е. обратиться к Биллеру с просьбою, чтобы он и впредь предъявлял Вам найденные вещи и просить его приглашать Вас или помощника Вашего присутствовать при самом вскрытии гробницы. О всем... прошу вести подробный журнал, а из всех находимых вещей наиболее интересные и новые типы приобрести у Биллера по возможно сходным в подобных случаях ценам...» (1869 г., д. 4, л. 1).

Тема расхищения археологического наследия Кавказа звучала и во взаимоотношениях ИАК и МАО, которые, как известно, всегда были достаточно напряженными. К сожалению, иногда подобные обвинения использовались даже в деле научной конкуренции. В 1896 г. Э. А. Реслер обратил внимание Комиссии на действия члена Московского антропологического общества А. А. Ивановского (1895 г., д. 60, л. 87), который предпринял раскопки возле исследуемых им памятников в Елисаветпольской губернии, хотя «поле деятельности огромно и можно было не мешать друг другу». Возмутило Э. А. Реслера и то, что А. А. Ивановский раскритиковал его методику раскопок курганов, утверждая, что тот, не являясь членом ученого общества, будто бы не имел права раскапывать курганы. Однако самое тяжелое обвинение было припасено напоследок: Э. А. Реслер обвинялся в том, что он якобы работает по протекции Р. Вирхова, чтобы передавать добытые археологические ценности за границу. Э. А. Реслер справедливо оценил такого рода обвинения: «Подобное мнение, основанное на зависти к моим занятиям, приводит к тому, что вовсе не хочется продолжать раскопки».

Действительно, будучи этническим немцем и являясь членом Венского антропологического общества, Э. А. Реслер часть своих научных отчетов писал на немецком языке, что

позволяло своевременно знакомить европейскую научную общественность с археологическими памятниками, открытыми на Кавказе. Как уже отмечалось, его отчеты были выполнены на уровне методических требований своего времени и явно превосходили по скрупулезности и вниманию к отдельным находкам труды многих археологов того времени.

Обвинения со стороны А. А. Ивановского были поддержаны и председателем МАО графиней П. С. Уваровой. Эта переписка с претензиями к Э. А. Реслеру продолжалась более 12 лет. В архиве графини сохранилась целая папка бумаг, имеющая название «Пререкания с Археологической Комиссией» (Формозов 1993: 242). Стоит предположить, что в основе «столкновений» лежит не только борьба руководства МАО за право выдачи Открытых листов, якобы узурпированное ИАК, но и стремление сохранить свой приоритет в научном исследовании Кавказа. П. С. Уварова писала в Петербург следующее: «Из издания Вирхова (публикация находок кобанских поясов с Кавказа) я узнала, что немец Э. А. Реслер (учитель) расхищает древности и посылает вещи Вирхову. Я просила Попечителя учебных заведений (начальника Э. А. Реслера) Яновского пресечь расхищения памятников Э. А. Реслером» (1895 г., д. 60, л. 121–121 об.). Известно, что руководство ИАК не согласилось с этими обвинениями. В частности, А. А. Спицын свидетельствовал, что Э. А. Реслер систематически высылает все находки в Петербург.

Скептически относясь к этой позиции, П. С. Уварова выразила желание увидеть «воочию» бронзовые пояса, найденные Э. А. Реслером и описанные в книге Р. Вирхова. Граф А. А. Бобринской указал ей, что в этой книге есть ссылка на рисунок Э. А. Реслера, где представлены два обломка от бронзовых поясов, которые ныне хранятся в Эрмитаже, куда графине и было предложено обратиться. К тому же Р. Вирхов в своей книге также категорически заявлял, что Э. А. Реслер не посылал ему вещи, найденные при раскопках, но лишь копии отчетов, причем это делалось с разрешения ИАК (Virchow 1896). А. А. Бобринской выразил в связи с этой перепиской сожаление, «что председатель ИМАО поспешила обратиться к Попечителю учебных заведений Кавказского округа с жалобой на Э. А. Реслера, чем могла вызвать неприятности по отношению к неповинному и добросовестному археологу...».

А. А. Бобринской предположил, что П. С. Уварова увидела пояса у Р. Вирхова в Берлине, не зная, что Э. А. Реслером найдены только фрагменты от поясов, вследствие чего и обвинила исследователя в вывозе вещей за границу. Найденные же Э. А. Реслером обломки от бронзовых поясов, которые в публикации Р. Вирхова значились под номерами XVII и XVIII, в действительности находятся на хранении в Эрмитаже. Копию ответа в ИМАО граф А. А. Бобринской отправил попечителю округа Кириллу Петровичу Яновскому. В конце письма А. А. Бобринской выражал надежду, что «председатель МАО признает справедливым загладить последствия возведенного на Э. А. Реслера поспешного обвинения».

Однако надежды А. А. Бобринского не оправдались. Графиню П. С. Уварову не убедили доводы председателя ИАК, и в новом послании она настаивает на своем обвинении: «Из 60 кавказских поясов, опубликованных Вирховым, только два обломка в России, а остальные находятся в Берлине». Виновным в передаче поясов за границу снова был «назначен» Э. А. Реслер. Между тем Э. А. Реслеру стало известно о происхождении берлинской коллекции кавказских бронзовых поясов, о чем графиня тут же была проинформирована. Как пояса, так и множество других бронзовых изделий добыл и отправил в Берлин В. Бельк, электрик и химик с медеплавильного завода в г. Кедабеге Елисаветпольской губернии (Республика Азербайджан). К сожалению, у ИАК не было возможности остановить хищнические раскопки В. Белька, поскольку последний проводил их на частных землях Вернера фон

Портрет Давида Готлибовича Шульца
(1899 г., д. 62, л. 31)

Зименса. Всего в 1888–1890 гг. В Бельком было разграблено более 300 могил, из которых Р. Вирхову был передан ряд целых бронзовых поясов. В свою сводку поясов Р. Вирхов включил и обломки из могильника Ходжалы, о которых ему стало известно из отчета Э. А. Реслера (1895 г., д. 60, л. 141–142).

В 1901 г. из очередного письма П. С. Уваровой А. А. Бобринскому становятся известны истоки обвинений против Э. А. Реслера. Оказывается, о том, что пояса в коллекции Р. Вирхова в Берлине якобы происходили из раскопок Э. А. Реслера, графине, по ее словам, сообщил французский исследователь барон де Бай. В связи с этим П. С. Уварова обвинила ИАК чуть ли не в предательстве национальных интересов: Комиссия якобы «отстаивает монополию на охрану памятников перед русскими учеными обществами, но отказывается проверять слухи о хищениях и вывозе древностей». Так, она сообщила, что недавно немцы-туристы беспрепятственно скололи клинописную надпись у Эривана и увезли ее в Берлин (Там же, л. 148).

А. А. Бобринской тут же написал письмо де Баю в надежде проверить эту информацию: в архиве Комиссии сохранились не только копии писем А. А. Бобринского во Францию, но и ответ де Бая на французском языке. Информация П. С. Уваровой не подтвердилась. Де Бай на запрос Комиссии уведомил, что он давно не был в Берлине и, естественно, не мог никому сообщить о якобы доставленных туда Э. А. Реслером древностях. Учитывая ответ де Бая, А. А. Бобринской справедливо посчитал, что ИАК не находит нужным давать ход заявлению Московского общества о якобы имевшем место хищениях древностей Э. А. Реслером, поскольку выдвинутые против него обвинения голословны (Там же, л. 153).

Э. А. Реслеру удалось встретиться с графиней П. С. Уваровой в Тифлисе в 1901 г. Он сообщал об этом А. А. Бобринскому следующим образом: «Я просил Уварову взять назад свои обвинения». По его словам, П. С. Уварова не только согласилась, но и высказала намерение установить более доверительные отношения между МАО и ИАК: «Ради общего русского дела следует забыть мелкие обиды, мелкие расчеты и личные интересы, чтобы вместе препятствовать вывозу древностей за границу». В конце визита П. С. Уварова, по словам самого Э. А. Реслера, сказала ему: «Мы расстаемся друзьями!», на что он ответил: «Прошу распоряжаться мною, так как я во всякое время к Вашим услугам» (Там же, л. 154–155).

История, однако, имела неожиданное продолжение. П. С. Уварова, описывая в одной из работ древности из Тифлисского музея, в том числе находки из Ходжалинского могильника, раскопанного Э. А. Реслером, указывала, что в Берлинском музее имеются кавказские бронзовые пояса, «происходящие из той же местности» (Уварова 1902: 97). Познакомившись

с этой работой значительно позднее и ее выхода в свет, и личной встречи с графиней, Э. А. Реслер вновь увидел здесь намек на свои раскопки в Ходжалах и расценил его как косвенное обвинение в краже древностей и передаче их в Берлин. Поэтому он решил опубликовать опровержение в газете «Кавказ» (1903. № 23). Наряду с этим он делится с читателями своими опасениями о судьбе памятников культуры в крае вообще. По мнению Э. А. Реслера, прогресс деятельности по обустройству экономической жизни приводит лишь к ускорению разрушения памятников. В заключение Э. А. Реслер писал: «Наш чудный край, где можно было копать круглый год, похож на предоставленную хищникам обильную ниву, ждущую освобождающую руку жнеца» (1895 г., д. 60, л. 158). «Пострадал» от МАО не один Э. А. Реслер. Против В. И. Долбежева также было выдвинуто обвинение, но иного рода. Ему было приписано, что он якобы выдавал за собственные находки вещи, купленные им у грабителей могил (1894 г., д. 135).

Э. А. Реслеру приходилось защищать себя не только от ревнивых коллег из МАО, но и от падкой до сенсаций местной прессы. Так, в газете «Кавказ» некий журналист сообщал, что Э. А. Реслер якобы нашел в могиле «серебряные сосуды, украшенные изумрудами». Археолог был вынужден опубликовать опровержение и, посылая обе заметки в ИАК, прокомментировал их с нескрываемой иронией: «... простой народ упорно держится того мнения, что раскопки предпринимают только с целью отыскать какой-нибудь клад». Далее он пишет: «... корреспонденты собирают у нас материал, чтобы угостить читателей своих пикантными новостями» (1896 г., д. 36, л. 34 об., 35).

Еще одним традиционным обвинением ИАК со стороны МАО было утверждение, что Открытые листы на право проведения раскопок выдаются Комиссией «кому попало», зачастую людям случайным, а то и попросту расхитителям могил. Это было связано с раскопками горного техника Давида Богомиловича-Готлибовича Шульца в Елисаветпольской, Тифлисской и Кутаисской губерниях (1899 г., д. 62), который, по иронии судьбы, был членом Кавказского отдела... Московского археологического общества. При этом Д. Г. Шульц постоянно просил принять его в постоянные сотрудники Комиссии и выслал свою фотографию, сохранившуюся в архиве (Там же, л. 31).

В 1897 г. он получил свой первый Открытый лист с правом работать в Закавказье. Но предоставленная им научная документация оказалась крайне неудовлетворительной. Все же получив новый лист в 1899 г., Д. Г. Шульц через некоторое время вновь обратился в ИАК за разрешением на раскопки и финансовой поддержкой. Почувствовав неладное, А. А. Бобринской попросил Э. А. Реслера дать оценку личности просителя: «сообщите конфиденциально... можно ли доверять Шульцу?». Э. А. Реслер добросовестно отнесся к поручению и осмотрел места «раскопок» Д. Г. Шульца возле колонии Еленендорф. По словам Э. А. Реслера, он увидел «поверхностное отношение к делу» и даже принял работы Д. Г. Шульца за «грабительские раскопки». Далее, наведя справки, он сообщил, что Д. Г. Шульц имеет семью с дюжиной детей в Тифлисе, что семья его бедствует, а сам Д. Г. Шульц временно работает в конторе братьев Нобилей в Баку.

Известно, что Д. Г. Шульц приезжал к Э. А. Реслеру домой. «После двухчасовой беседы я понял, — пишет Э. А. Реслер, — что Шульц занимается раскопками не из интереса к археологии, а преследуя свои цели. Он (Шульц) все время интересовался материальной стороной дела: находил ли я много золота; где находятся богатые золотом курганы; получают ли сотрудники Комиссии вознаграждение за свои труды» (Там же, л. 23). Д. Г. Шульц, по словам Э. А. Реслера, с детства искал клады и мечтал разбогатеть. При этом он отмечал, что тот отличается беспокойным, непостоянным характером.

Д. Г. Шульц тем временем продолжал «атаковать» Комиссию просьбами об Открытом листе, хотя бы без финансирования со стороны Петербурга (Там же, л. 27–28). Наконец А. А. Бобринской обратился к Э. А. Реслеру с просьбой взять Шульца под свою опеку и обучить его методике археологических работ (Там же, л. 31). Однако Э. А. Реслер не признал возможным взять Д. Г. Шульца даже себе в помощники:

«Поскольку слишком дорожу честью Комиссии и своим честным именем, не вижу возможности войти в какие-либо отношения с подобными темными личностями, как Шульц. ... Все, что я узнал о г. Шульце..., и, судя по ужасно безграмотным и бестолковым письмам, которыми он меня осыпал, у меня сложилось убеждение, что этот господин не что иное, как фанфарон, авантюрист и болтливый хвостун, на вид искренний, но на деле довольно хитрый человек, слова которого не следует принимать за чистую монету. К тому же он стоит на слишком низкой ступени образования, чтобы иметь хоть смутное представление о важности науки археологии, требующей столь чистого и серьезного отношения к делу и усердной работы» (Там же, л. 32–33).

Комментируя патетические высказывания Д. Г. Шульца о необходимости спасти археологическое наследие от грабителей, Э. А. Реслер писал: «Не могу признать полезными его услуги... послать Шульца остановить хищнические раскопки... — пустить козла в огород. Для меня загадка, как он „втерся“ в доверие Комиссии, что несколько лет все Закавказье было предоставлено ему в распоряжение». Действительно, Открытый лист был выдан ему сразу на три губернии. Интересно, что в связи с этим Э. А. Реслер предложил учредить должность уполномоченного от ИАК по всей территории Закавказья. Он даже выразил готовность сам оставить должность учителя для работы по систематическому изучению памятников, поскольку «ежегодно значительная часть памятников навсегда пропадает для науки» (Там же, л. 35).

ИАК, прислушавшись к мнению Э. А. Реслера, отказала Д. Г. Шульцу в выдаче Открытого листа. Однако позднее, в 1901 г., в ответ на новые обращения Д. Г. Шульца (Там же, л. 37–38), Комиссия направила его в Тифлисское отделение МАО, где он мог попросить разрешения на производство раскопок под гарантии представителей местного ученого общества. При этом А. А. Бобринской ссылаясь на то, что частные лица не могут вести раскопки в тех городах, где имеются ученые сообщества, — практику, которая восходила ко времени «археологической конференции» апреля 1889 г. (Там же, л. 39).

К сожалению, история Д. Г. Шульца, который писал в ИАК, что «готов пожертвовать собою на попрание открытия исторических тайн для всего человечества», и даже выслал копию своего членского диплома Кавказского отделения ИМАО, имела продолжение, печальное по своим последствиям для археологической науки. При этом полностью подтвердились оценки личности Д. Г. Шульца, данные дальновидным Э. А. Реслером. Остается совершенно непонятным «благодушие», проявленное по отношению к Д. Г. Шульцу членами Кавказского отделения МАО. Отношение же к Д. Г. Шульцу члена ИАК Н. И. Веселовского, доверившего тому раскопки на Кубани, что и создало драматическую ситуацию, вполне объяснимо с учетом той «кадровой неразборчивости», которую профессор проявлял и ранее, в частности в истории с И. Маленко (*по этому поводу смотри главу I*).

Несмотря на нелестную характеристику, данную Д. Г. Шульцу Э. А. Реслером, Комиссия в июле 1903 г. все же доверила первому доследовать под наблюдением Н. И. Веселовского разрушенные кладоискателями курганы у станицы Апшеронской. После завершения этих работ Д. Г. Шульц втайне от ИАК в сентябре того же года приступил к раскопкам двух больших курганов у станицы Келермесской (1903 г., д. 88, л. 22). По донесению казачьего атамана, которое поступило в Петербург и, очевидно, было составлено со слов самого Д. Г. Шульца,

курганы находились на землях помещицы Ткачевой (Там же, л. 33). Однако, как выяснилось впоследствии, эти памятники находились на казенных землях. Подобный обман нужен был Д. Г. Шульцу для получения компенсации, полагавшейся владельцам земель, на которых располагались раскапываемые памятники. Так как ему посчастливилось открыть здесь выдающиеся погребения раннескифского времени, сумма затребованной им компенсации была значительной и составляла 300 руб. В конце 1903 г. Д. Г. Шульц отправил в Петербург отчет о раскопках и 2 ящика с находками, среди которых были такие известные вещи, как золотая нашивная бляха в виде пантеры, акинак в драгоценных ножнах и парадная секира. Полученные вещи вызвали в Петербурге сенсацию, Д. Г. Шульцу была направлена телеграмма за подписью графа А. А. Бобринского: «Превосходные вещи получены, просимые триста рублей высылаются, сообщите подробности» (Там же, л. 27). Келермесские древности были представлены на Высочайшее воззрение, а находчика было решено наградить ценным памятным подарком. В удостоверении от 18 мая 1904 г. было засвидетельствовано: «Дано горному технику Шульцу в том, что ему пожалован перстень, украшенный рубинами и брильянтами из Кабинета его Императорского Величества» (Там же, л. 54). Однако перстня Д. Г. Шульц так и не получил.

Изначально успех раскопок способствовал тому, что Д. Г. Шульцу вновь был выдан Открытый лист на исследования в 1904 г. В этом году им было раскопано 5 Келермесских курганов; три из них относились к скифскому времени, два — к эпохе бронзы. Зимой из-за сильных морозов работы были временно прекращены (1904 г., д. 9, л. 4–5), чем и воспользовались местные казаки-кладоискатели, разграбившие несколько погребений. Некоторые вещи кладоискатели продали в Майкопе, откуда они попали в Ростов-на-Дону к скупщику-ювелиру, который в конечном счете и согласился продать их Комиссии (Там же, л. 62–66). Когда Д. Г. Шульц вернулся, оказалось что все курганы хищнически раскопаны местными казаками. Доследовав курганы, он нашел бронзовый котел, золотую диадему и золотую чашу.

В письмах Д. Г. Шульца в Комиссию постоянно звучит призыв остановить расхищение памятников местными крестьянами и казаками и жалобы на начальников, не проявляющих заботы о древностях. По его словам, когда атаман станицы Келермесской доставил в Майкоп 18 грабителей, пойманных с поличным, майкопский наказной атаман обозвал станичного атамана «дураком», а грабителей «приказал безнаказанно выгнать» (Там же, л. 32). Он указывал, что среди грабителей, раскопавших курганы у хутора Церковного зимой 1904 г., был и урядник Плотников, участвовавший в прежних грабежах и оставшийся безнаказанным по вине окружного атамана, так как начальство старается его «покрывать, поскольку он является общественным казначеем, а недавно был выборным депутатом при Келермесском обществе» (Там же, л. 33).

Однако вскоре дело приняло совершенно иной оборот: кубанские древности внезапно объявились в г. Ростове-на-Дону в ювелирном магазине П. А. Остера. Одновременно книготорговец Ф. С. Романович, бывший в свое время постоянным корреспондентом И. А. Суслова, сообщил в Комиссию, что лично выкупил у П. А. Остера золотые вещи, происходящие из древних курганов, которые были привезены каким-то горным инженером, который просил как можно скорее переплавить оставшиеся золотые изделия в слитки. Большая часть вещей уже была переплавлена и предложена ростовскому часовщику Канторовичу, который, не имея достаточных средств, согласился посредничать за процент от сделки и свел инженера с П. А. Остером. П. А. Остер, сплавив 4 фунта слитков, отправил золото в Москву. Ювелиру Рувинскому таинственный инженер также продал как лом 4 фунта золотых изделий.

Часовщик Канторович, получивший всего 12 руб., считал себя обделенным при сделке и хотел «увидеть кровь своих обидчиков», почему и стал еще одним источником информации о торговле древностями.

Для расследования обстоятельств этого странного дела ИАК командировала в Ростов Н. И. Веселовского. Он убедился, что вещи, купленные Ф. С. Романовичем, происходят из кубанских курганов скифского времени и представляют огромную художественную ценность. Н. И. Веселовский просил Комиссию заплатить просимую за них сумму — 5000 руб. Комиссия, «несмотря на экономию, вызванную военным временем» (шла русско-японская война), просила выделить из казны деньги на приобретение этих древностей. Одновременно Н. И. Веселовский провел расследование и выяснил, что вещи из курганов и золото в слитках продал ювелиру под чужой фамилией не кто иной, как Д. Г. Шульц! Все участники сделки признали его по фотографии. Вскоре от Н. И. Веселовского в Петербург пришла телеграмма: «Сознался, лист отобран» (Там же, л. 87). Д. Г. Шульц был полностью разоблачен. Одновременно выяснилось, что копал он на казенных, а не на частных землях. Разразился скандал, в результате которого Д. Г. Шульц, естественно, был отстранен от раскопок. По примерным подсчетам, за два года «раскопок» на Кубани он собрал около 10 фунтов золотых изделий. Из золотого лома Д. Г. Шульц заказал кольца и браслеты для некой дамы, с которой и приезжал в Ростов, и которая могла, по догадке Н. И. Веселовского, «соблазнить» его на преступление (Там же, л. 76). Так, Д. Г. Шульц нашел свой «клад», а наука и мировое искусство навсегда утратили шедевры древних мастеров.

Однако же переписка ИАК с Д. Г. Шульцем продолжалась до 1910 г. Последний постоянно обращался с прошениями о возвращении ему денег, потраченных на раскопки курганов на Кубани, где он якобы добыл и переслал в Петербург «сокровища» на 100 000 руб. Прощения посылались и в ИАК, и в различные министерства, и в канцелярию императрицы Александры Федоровны, и даже самому императору. Комиссия была вынуждена отвечать на официальные запросы и разъяснять, что Д. Г. Шульц не оправдал ее доверия, утаил часть находок и продал их ювелирам в Ростове. За эту сделку он получил больше денег, чем требует в качестве возмещения затрат на раскопки (Там же, л. 224–224 об.).

К тому же выяснилось, что Д. Г. Шульц нанимал местных жителей на работу не за определенную плату, а на условии выдачи им половины найденных вещей. Если же им ничего не удавалось найти, то он ничего им не платил. Единственная достоверно установленная выплата рабочим произведена Д. Г. Шульцем в станице Келермесской: 300 руб., тогда как он писал о своих расходах в 1000 руб. Это происходило в то время, когда семья Д. Г. Шульца, брошенная им в Тифлисе, бедствовала, и для нее через газеты делался общественный сбор. Сам Д. Г. Шульц проживал в Ростове с какой-то дамой, якобы его родственницей, для которой и заказывал из добытого золота браслеты и кольца, израсходовав те деньги, которые желал бы теперь возместить за счет Высочайшей милости. В своих ответах ИАК неизменно подчеркивала, что хотя Д. Г. Шульц постоянно утверждал, что продавал только принадлежащие ему вещи, якобы купленные им во время поездок по Кавказу, в действительности он торговал находками из кубанских курганов, раскопанных им на общественных землях, сознавая при этом преступность своих деяний, отчего часто менял в Ростове квартиры и фамилии (Там же, л. 232). Естественно, история с Д. Г. Шульцем тоже была поставлена П. С. Уваровой на вид Археологической Комиссии.

Взаимные обиды не мешали московским и петербургским археологам служить любимой науке о древностях и совместными усилиями заботиться о сохранении памятников

отечественной истории и культуры. Настоящая «бескровная» война, следы которой сохранились в архиве Комиссии, велась профессиональными исследователями, энтузиастами-археологами и просвещенными правителями кавказских земель против хищников-гробокопателей разных мастей — от любителей «интересных находок» до корыстных агентов европейских музеев и частных коллекционеров. К подобным «хищникам» относились, к примеру, не только упомянутый ранее В. Бельк, разрывший на частных землях без какой-либо научной фиксации более 300 могил по заказу профессора Р. Вирхова, но и Шарль Генрихович Лоран, «директор трамвая» во Владикавказе. Об этом в Комиссию 29 ноября 1913 г. писал преподаватель Владикавказского кадетского училища капитан К. А. Проскура, который еще ранее, в 1889 г., выражал беспокойство по поводу судьбы коллекции К. И. Ольшевского. Ш. Г. Лоран, по его словам, был гидом по местным древностям у Клода Ане, представившегося как «профессор Сорбонны» (1887 г., д., 69, л. 573–576 об.).

Как уже было отмечено, особое внимание российских археологов вообще и ИАК в частности памятники Кавказа стали привлекать с начала 1880-х гг., с момента стабилизации здесь военно-политической ситуации. В частности, Комиссия препятствовала деятельности дилетантов, устремившихся на раскопки курганов и пытавшихся заручиться официальным разрешением. Так, начиная с 1883 г. в ИАК неоднократно обращался неграмотный отставной унтер-офицер Федотов с просьбой о разрешении ему производить раскопки в поисках сокровищ, сведения о которых были переданы ему местными старожилками (1883 г., д. 6). На каждое из его прошений следовал подробный ответ с разъяснением, что кладоискательство запрещено законом и раскопки можно производить только с научной целью и только лицам, уже известным ИАК. С Федотова каждый раз бралась подписка, что ответ из Петербурга доведен до его сведения. Однако эти запреты не остановили искателя. Для подтверждения своей благонадежности Федотов выслал часть находок в Петербург, получив за них 15 руб. Все вещи относились к сарматскому времени.

Однако в 1884 г. Ставропольская городская управа самостоятельно разрешила Федотову раскопки на городских выгонных землях и даже выдала ему на эти работы 45 руб. Комиссия, которая получила находки, сделанные во время этих раскопок, была вынуждена компенсировать местным властям научные издержки. Интересно отметить, что Городская управа толковала в свою пользу некоторые положения законодательства, в частности, Строительного устава, и Комиссии пришлось направить в Министерство внутренних дел письмо о необходимости подтвердить запрет кладоискательства, что и было сделано циркуляром от 31 июня 1884 (№ 11), упомянув в нем и о Ставропольской городской управе:

«...если неграмотному унтер-офицеру позволительно прийти к мысли отыскивания предполагаемых кладов, вследствие каких-то таинственных примет, переданных ему местными старожилками, то Городской управе совершенно непозволительно относиться к делу с таким невежественным легкомыслием, тем более, что при таких неумелых раскопках легко уничтожаются курганы, городища и другие урочища, представляющие иногда весьма важный археологический интерес...» (1883 г., д. 6, л. 54–55).

Как всегда, одним из поводов для ИАК реагировать на ситуацию был проводимый ее членами «мониторинг СМИ». 24 апреля 1885 г. Комиссия обратилась в Министерство внутренних дел с отношением, в котором сообщалось, что в одном из французских археологических журналов появилась «статья Бапста о его раскопках в Дагестане (сел. Ретло в Дидойском наибстве) и в Хевсурии и сделанных там находках бронзовых украшений и статуэток, а также сообщение о большом памятнике восточного искусства в тамошней местности, части которого он собирается перевезти в Париж...». В письме ставился вопрос, каким

образом иностранный подданный получил разрешение производить раскопки на Кавказе и вывозить археологические находки из России (1885 г., д. 30, л. 1).

12 августа 1885 г. МВД сообщило, что препровождает копию с отношения Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе от 30 июня 1885 г. «по поводу археологических раскопок, произведенных в 1883 г. командированными французским правительством на Кавказ с ученой целью поручиком артиллерии Андреем Бапст и братом его, чиновником Министерства народного просвещения Германом Бапст» (Там же, л. 2).

Главному начальствующий сообщал:

«вследствие ходатайства посла нашего в Париже об оказании содействия командированным... сообщено было по моему приказанию начальникам губерний и областей Кавказского края оказать означенным иностранцам внимание и возможное содействие при предстоящем их путешествии... братья Бапст снабжены были открытым листом для благополучного и безопасного путешествия по краю.

Затем, производили ли они, в бытность свою в 1883 году на Кавказе, раскопки и найдены ли ими какие-либо древности — мне неизвестно, только из дел моей канцелярии видно, что Герман Бапст, встретив в Дагестане некоторые медные изделия местного горского населения, в том числе и котлы, выразил готовность приобрести их, что впоследствии куплен был для Бапста, по его поручению, один из котлов и доставлен по принадлежности; другой же котел, которого также ожидал Бапст, не был ему выслан, так как хозяин не согласился уступить его. Этот доставленный Бапсту котел не есть ли тот большой памятник восточного искусства, а изделия горского населения — те древности, о которых помещена статья в парижском археологическом журнале и на которую обратила внимание ИАК. Что же касается другого восточного памятника, который г. Бапст намеревался перевезти в Париж, то не следует ли под этим памятником разуметь другой котел, для покупки которого оставлены были Бапстом деньги, но который не был ему выслан вследствие нежелания хозяина продать.

В заключение долгом считаю присовокупить, что со стороны Кавказского начальства приняты все зависящие меры к охранению памятников древностей здешнего края и что о находимых древностях доставляются надлежащие сведения в ИАК с приложением и самих находок» (Там же, л. 3–4).

ИАК была вынуждена обратиться в Министерство Императорского Двора с описанием отношения кавказских властей к своим обязанностям по охране древностей. В этом рапорте было упомянуто и оставленное без ответа обращение Комиссии к кутаисскому губернатору по поводу находки остатков древнего храма и могил с надгробными надписями в окрестностях Сухума (1884 г., д. 46) и отписка Главного начальствующего на Кавказе в ответ на запрос о раскопках Бапста. Здесь же были перечислены все иллюстрации к статье в «Revue Archéologique» и подробно описаны изображенные на них вещи. Комиссия утверждала, что братья Бапсты не имели права ни производить раскопки, ни вывозить находки за пределы России, хотя в то время уже было известно, что подобные исследования на Кавказе производили Р. Вирхов и Е. Шантр. Характерно, что министр Императорского Двора, направивший на Кавказ письмо, в котором просил принять соответствующие меры для ограждения интересов ИАК, получил в ответ копию известной отписки местных властей от 30 июня 1885 г.

Новый председатель ИАК А. А. Бобринской уже на второй год пребывания в своей должности отправился на Кавказ. Его первая поездка 1888 г. сопровождалась обстоятельным рапортом министру Императорского Двора от 5 мая 1888 г. (1888 г., д. 64, л. 2–6). Здесь сообщалось, что уничтожение памятников старины на Кавказе практикуется в обширных размерах.

В качестве наиболее «неблагоприятных районов» назывались Терская область, окрестности Владикавказа и округа Грозного. Точно так же неутешительно представляется дело археологии в Грузии, где церкви и монастыри изобилуют богатствами, накопившимися за много веков. Гелатский монастырь, например, известен большим количеством превосходно сохранившихся византийских эмалей. Высокая ценность эмалей подала повод к ограблениям церковных богатств. На образе Хохульской Богоматери в Гелате многие эмалы теперь вынуты и заменены современными подделками. Как церковные древности, так и вещи из курганов и могил усердно скупаются иностранцами и посылаются во множестве за границу.

А. А. Бобринской писал, что местная администрация везде встречала его обращения сочувственно, однако личных просьб в этом деле недостаточно:

«Необходимо особое Его Императорского Величества повеление, о необходимости сохранить отечественные древности и о поддержке властями сотрудников ИАК в преследуемых ими целях. Царское слово тем более необходимо, что против стремления Археологической Комиссии несколько упорядочить дело археологических раскопок в России и спасти, что возможно, от невежественного разрушения, восстает Московское археологическое общество, которое категорически заявляет о своем нежелании подчиниться правилам урегулирования археологической деятельности частных лиц и нападает на ИАК в печати. В результате местные власти получают от ИАК требование о прекращении хищнических раскопок, а с другой стороны предписание МАО о дозволении раскопок лицам, снабженным Открытым листом Общества. Часто право на раскопки получают лица, имеющие лишь весьма слабое представление о требованиях археологии, только роняющие науку в глазах местных властей (сами скупают и продают древности). Следует подчинить все археологические учреждения империи общим правилам; обусловить выдачу Открытого листа согласием ИАК. На Южном Кавказе следует составить опись сокровищ во всех монастырях. Поручить труд ИАК или Высшему духовенству, запретить всякое вмешательство в это дело частных лиц и иностранцев. Дело археологии в России требует еще правительственной опеки и правительственной охраны. Надзор за ним должен быть сосредоточен в руках правительства» (Там же, л. 2–6).

Если возможным следствием этого рапорта можно считать Высочайшее повеление от 11 марта 1889 г., то для принятия мер к охране и описанию церковных древностей в Грузии дополнительно потребовалась памятная записка Н. П. Кондакова от 26 мая 1889 г., поданная им в Министерство императорского Двора, которая и явилась непосредственным поводом к составлению описания памятников церквей и монастырей Грузии (*подробнее смотри главу I*).

Через 20 лет, 23 марта 1910 г., А. А. Бобринской в письме начальнику Главного Управления уделов князю Виктору Сергеевичу Кочубею вновь обратился к теме сохранения национального достояния страны, раскрывая побудительные мотивы продолжающихся массовых ограблений памятников Юга России, их конкретных виновников и участников, а также ряд конкретных мер по исправлению сложившейся ситуации:

«В Крыму и на Кавказе раскопка курганов достигла необычайных размеров, отчасти вследствие слабого надзора по охране памятников на месте, отчасти же вследствие большого спроса на классические и кочевнические древности за границей. Последнее обстоятельство до такой степени подняло цены на подобные предметы, что приобретение их для русских правительственных музеев сделалось недоступным, так как мы не в состоянии конкурировать с иностранцами на этой почве. С годами дело все более ухудшается, несмотря на то что Русские Монархи постоянно обнаруживали заботу о пополнении отечественных музеев добываемыми у нас древностями и признавали их высокое научное значение для государства. В настоящее

время одним из главных виновников такого вредного для России явления оказывается... лицо, состоящее на русской службе. Это — главный винодел Удельного ведомства француз Масоно.

Хотя в России не установлено запрета для вывоза древностей за границу, едва ли можно сомневаться, что подобный вывоз наносит ущерб государству и что деятельность в этом направлении недопустима для лица, состоящего на государственной службе.

Между тем положительно известно, что г. Масоно продал за границу несколько собранных им коллекций, конечно, с выгодой для себя; он покрыл Крым и Кавказ сетью своих агентов для скупки древностей, а эти агенты отвлекают местное население от ежедневного труда и подбивают его на тайные раскопки древних могил.

ИАК... не может оставить действия г. Масоно без внимания и считает своим долгом обратиться к просвещенному содействию Вашего Сиятельства с покорнейшей просьбою... повлиять на г. Масоно и указать ему на желательность прекратить на будущее время свою деятельность по скупке и продаже древностей, находимых в пределах Империи».

Под письмом приписано от руки: «Осуществление этого ходатайства Археологической Комиссии оказало бы большую услугу правильному развитию ее научных задач в южной России» (1887 г., д. 69, л. 535–536 об.).

В промежутке между этими датами члены Комиссии принимали вполне конкретные меры по охране древностей на местах. Так, Н. Я. Марр постоянно информировал Петербург о продаже древностей за границу (1892 г., д. 33, л. 187) и о разрушении памятников, в частности, о винограднике, разбитом на территории крепости Двин (1887 г., д. 69, л. 393). Н. Я. Марр сообщал об этом не только в Комиссию, но и переписывался с Министерством государственных имуществ. Предметом для переписки стала сдача в аренду под пастбище для скота развалин города Ани — древней столицы Армении (Там же, л. 394). Он сообщал, что это было сделано непосредственно агентом министерства, который заключил соответствующий контракт с крестьянином сел. Араз. По словам Н. Я. Марра, животные паслись непосредственно на руинах и даже заходили в разрушенные храмы. Далее исследователь пишет:

«Они (армянские крестьяне. — *Ред.*) одичали и не ведают, что творят (как в какой-нибудь Турции!). В книге отзывов о подобном безобразии пишут все посетители: русские, немцы, англичане, французы, даже американцы!. И конечно армяне. Польза казне от аренды ничтожная. Вначале в аренду были сданы пахотные земли вне стен Ани. Против этого поздно возражать — постройки сравнивали с землей. Теперь прибавили пастбища внутри стен, т. е. развалили живой музей. Арендная плата составляет 442 рубля. Следует прекратить варварское отношение к развалинам. Арендатор хотя и обязан следить за сохранением развалин, но не заинтересован в этом и по невежественности не выполняет контракт защитить колыбель христианства в Армении».

Далее Н. Я. Марр сообщает: «Я собрал для постройки хранилища древностей 950 рублей. Поскольку на новое здание средств не хватает, я нашел мастера для реставрации мечети (в древнем городе Ани. — *Ред.*), чтобы получить музей и сохранить памятник архитектуры» (Там же, л. 395).

В ответе из министерства сообщалось, что участки в стенах Ани впредь не будут сдаваться в аренду, и будет осуществляться надзор за сохранением руин древнего города. Министерство вообще предлагало изъять городище Ани из состава казенных земель и передать его в собственность ИАК (Там же, л. 396). Однако, поскольку закона о передаче земли в Российской империи не было, для подобного следовало испросить Высочайшее разрешение и, уточнив у Н. Я. Марра размеры пространства для музея, обратиться к наместнику его императорского величества. Впоследствии было проведено межевание участка, и право на землю

было передано учрежденному Комиссией Анийскому музею. Государственная дума в 1914 г. одобрила проект закона о выделении средств на производство раскопок в городище Ани: с этого времени в течение трех лет должно было выделяться 5000 руб. на исследования. На охрану памятника также было предусмотрено ежегодно выделять такую же сумму. Проект подписан председателем Государственной думы М. В. Родзянко. Естественно, в этом деле стоит отметить личную харизму Н. Я. Марра, однако известно (*смотри главу I и XIV*), что подобная практика передачи памятников в собственность ИАК стала одной из форм деятельности Комиссии по охране культурного наследия.

Не менее острой была ситуация с охраной памятников на Кубани и на Северном Кавказе. С 1907 по 1912 г. А. А. Миллер производил раскопки в низовьях р. Дон, исследуя курганы и городища античного времени. В 1909 г. Миллер был вынужден послать письмо в Комиссию, а Петербург в свою очередь обратился к начальнику Донской области и наказному атаману Донского казачьего войска (1909 г., д. 40, л. 22–23). Поводом для этой переписки послужили грабительские раскопки курганов местными казаками и добыча ими строительного камня на Елизаветовском городище. В обращении Комиссии к донским властям, в частности, говорилось: «Среди местного населения неизвестен закон о производстве раскопок. Казаки прямо заявляют, что земля и все в ней находящееся принадлежит им, казакам». В результате ИАК просила наказного атамана поставить в известность станичные власти, что исключительное право выдачи разрешений на производство раскопок на землях казенных и общественных предоставлено Комиссии. ИАК также просила установить наблюдение за курганами в окрестностях станицы Елизаветовской, принимая во внимание информацию А. А. Миллера, что некоторые казаки намерены с наступлением теплых дней приступить к хищническим раскопкам (Там же, л. 23, 31).

Показателем неравнодушного и совестливого отношения местных властей к культурному наследию могут служить письма и обращения начальников Кубанского и Терского казачьих округов. Так, начальник Терской области и Терского казачьего войска генерал-лейтенант Фастьер писал А. А. Бобринскому следующее:

«Богатства исторических памятников Северного Кавказа... издавна привлекали и привлекают внимание как людей науки, так и любителей-дилетантов и хищников. Первые, интересуясь историей края, ищут ответа на спорные вопросы, а вторые зачастую удовлетворяют лишь свое обывательское любопытство и страсть к собиранию коллекций, поэтому наряду с серьезными обследованиями строго научного характера наблюдались и наблюдаются случаи любительских поисков „чего-либо интересного“, а то и просто ценных кладов» (приказ № 328 от 11 мая 1913 г.: 1887 г., д. 69, л. 539–540).

Далее генерал писал, что за разрешением производить раскопки в Петербург обычно обращаются лица, обычно малоизвестные Комиссии, и их просьбы удовлетворяются лишь в силу доверия к их служебному или общественному положению. Однако в любом случае получалось, что раскопки проводятся «любопытствующими дилетантами», которые передают в Комиссию только отдельные «наиболее ценные и не громоздкие предметы. А весь остальной инвентарь или вовсе не заносится в дневник раскопок и бросается на месте, или же попадает в руки частных любителей или скупщиков. Производство раскопок без определенной заранее поставленной цели, в любом месте области, заставляет опасаться за возможность безвозвратной гибели для науки и истории очень ценных данных, восстановить которые в будущем не представляется никакой возможности. Помимо того, ... дилетантское отношение к серьезным научным исследованиям вызывает среди местного малокультурного населения страсть к кладоискательству, что уже окончательно губительно отражается

Иван Евфимович Гладких

на сохранении в целостности памятников старины».

В своем письме Фастиер просил Комиссию перед выдачей Открытых листов «лицам, проживающим во вверенной мне области, получать нужные справки о сих лицах через подведомственные мне учреждения, а при выдаче листов сообщать район и время предполагаемых раскопок». Последнее, как известно, делалось ИАК в обязательном порядке с самого начала. Для упорядочения раскопок генерал предлагал проводить их в одном, заранее определенном месте, в отличие от практики выдачи Открытых листов по уездам, поставив в известность о времени начала работ администрацию Терского областного музея, чтобы передать в музей все находки, которые не отправляются в Комиссию: «... соблюдение такого порядка желательно ввиду того, что Областной музей ставит себе задачей точное и подробное нанесение на карту всех исторических памятников и могильников с соответствующим перечнем и описанием добытых в каж-

дом районе предметов, с указанием — куда и кем переданы последние, с фотографической фиксацией внешнего вида памятников до раскопок и во время их проведения...».

Необходимо отметить, что и генерал-лейтенант Фастиер и хранитель Областного музея А. Распопов, чьи подписи стоят под документом, оказались «на голову выше» многих дилетантов и даже специалистов-археологов своего времени. В ответном письме от 28 мая 1913 г. (1887 г., д. 69, л. 557) граф А. А. Бобринской полностью поддержал просьбу начальника Терской области получать справки о лицах, малоизвестных Комиссии, в соответствующих учреждениях.

Не менее ответственно к охране памятников подошли начальник Кубанской области, наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Михаил Павлович Бабыч и заведующий Екатеринодарским музеем войсковой старшина Иван Евфимович Гладких (1862–1930). Атаман издал серию указов по Кубанской области, посвященных охране древних памятников и борьбе с их расхищением, копии которых были переданы в Петербург (Там же).

В приказе № 246 от 11 апреля 1913 г. (Там же, л. 558–558 об.) атаман упрекает таманцев за производство «хищнических раскопок курганов и продажу за бесценок в Керчь находок, имеющих государственное значение». Он повествует о том, что местная власть пыталась сделать для предотвращения этих преступлений: «десятки людей привлекались к уголовной ответственности, совершались обходы и разъезды для осмотра местности». Но это не принесло хороших результатов «вследствие обширности территории, хитрых уверток и отговорок кладоискателей и, самое главное, из-за назначения судьями столь ничтожных наказаний, которые только ободрили кладоискателей, ... у них пропал всякий страх перед уголовным

преследованием...». Итогом такой принципиальной позиции войскового начальства стало то, что таманцы постановили производить раскопки силами общества лишь под руководством директора Керченского музея.

Следующий приказ по Кубанской области появился 31 мая 1913 г. (Там же, л. 560). В связи с разграблением курганов у станицы Ахметовской здесь говорилось:

«Объявляю строгий выговор проживающим в станице Ахметовской крестьянам: Ивану Моренцову, Григорию Нижильскому и Филиппу Сахарову и казакам той же станицы Василию Анищенко и Войска Донского Козьме Ежову за бродяжничество по ночам и хищнические раскопки курганов с целью добычи находок, которые составляют предмет науки и достояния войска и государства.

Полицейским казакам Ахтырскому и Павлюченко за поимку этих воришек я объявляю мою благодарность.

Фамилии опорочивших крестьян и казаков предписываю объявить на станичных, хуторских и сельских сходах. Станичной же администрации предписываю усилить надзор за лицами, имеющими преступную склонность к кладоискательству».

После расследования грабительских раскопок у станицы Костромской генерал М. П. Бабыч издал новый приказ (№ 210 от 31 мая 1913 г.: Там же, л. 560–561), в котором излагались причины, приведшие к его появлению:

«... по делу о производстве в станице Костромской хищнических раскопок курганов устанавливается, что крестьянами Иваном Зябиным, Николаем Дубогрызвым и другими были похищены из разрытых курганов золотая корона и иные золотые вещи значительной материальной и научной ценности, а вместе с тем выясняется, что многие казаки этой станицы также принимали участие в кладоискательстве.

Костромцы и все казаки родной мне Кубани, прошу вас, как старший, как отец, образумьте же неразумных ваших товарищей, храните незапятнанной добрую славу дедов ваших, не следуйте дурным примерам пришлого элемента, так как не на крестьян Зябина и других падает позор, а на вас казаков и детей ваших за допущение кощунственного разрытия и разграбления могил времен Рождества Христова, сознайте же позор своих действий и не допускайте в своем родном крае подобных преступных действий.

Атаману Майкопского и других отделов предлагаю, если подобные явления еще будут иметь место на Кубани, подвергать виновных самому строгому наказанию.

Приказ этот предлагаю объявить на полных сходах во всех станицах, хуторах, селениях, аульных правлениях и всем чинам полиции в Кубанской области».

Следующее обращение наказного атамана Кубанского войска к населению было вызвано донесением, полученным от заведующего Кубанским войсковым музеем войскового старшины И. Е. Гладких об ограблении курганов в станице Баракаевской Майкопского отдела. Взывая к казачьей совести, М. П. Бабыч требовал исполнительности и от собственных подчиненных, которые должны были на сей раз не только пресекать преступную деятельность воров, но и заставлять их «рекультивировать» разрушенные ими памятники:

«Неоднократно обращался я с просьбою ко всему населению Кубанской области оберегать курганы и все вообще предметы старины, так как они составляют достояние Государства и науки, но, очевидно, пагубная страсть к кладоискательству укоренилась слишком глубоко, и находятся еще лица, которые ни просьб не слушают, ни добрых слов не понимают. Поэтому предписываю... принять все зависящие меры и самое живое участие в деле искоренения кладоискательства в Кубанской области. От всех лиц полиции и администрации требую перейти от увещаний к делу: всех лиц, пойманных на месте преступления или уличенных

свидетельскими показаниями в кладоискательстве, привлекать к уголовной ответственности или, в пределах предоставленной власти, подвергать высшей мере административного взыскания; вместе с этим обязательно предъявлять таких лиц, как опорочивших себя, на суд общества, для выражения им порицания целым сбором, назначать их на самые трудные общественные работы, строго следить за всеми действиями их, не давать покоя производством у них на дому и у тех лиц, с коими они часто соприкасаются самых тщательных обысков и днем и ночью.

Заставлять виновных в кладоискательстве под караулом снова зарывать, разравнивать и утрамбовывать разрытые ими или их соучастниками курганы, чтобы и следов разрытия не было видно. Лиц иногородних, которые преимущественно занимаются кладоискательством и растлевают нравы казаков, лишать тех преимуществ, которыми они пользуются, живя среди казаков, дабы положить конец кладоискательству.

Вместе с этим предписываю периодически проверять осмотром целостность курганов в юртах (в окрестностях станиц. — *Ред.*). Все же предметы старины, ... обязываю полицию и лиц администрации доставлять при описаниях в Кубанский войсковой музей, где они и будут храниться или как дар или как отобранные от грабителей и укрывателей.

Крестьянам Северинову и Зубкову и казаку Погребенко, опорочившим себя кладоискательством, предлагаю на полном сходе объявить мой строгий выговор и порицание их преступному действию и затем вменяю станичному атаману строго следить за ними, производя периодически у них обыски как у лиц, опорочивших себя.

Тех же станичных и хуторских атаманов и старшин селений и аулов, которые будут индифферентно относиться к преследованию кладоискателей или будут утаивать о производящихся... раскопках, я буду считать не распорядительными и не способными к дальнейшей службе. О чем и буду объявлять в приказах по области» (приказ № 332 от 17/19 июля 1913 г.: Там же, л. 564–565).

Обращает на себя внимание, во-первых, неравнодушное отношение к памятникам старины со стороны войскового начальства: чего стоит один пассаж о признании служебного несоответствия и отстранении от должности местных начальников в случае небрежения охраной памятников! Кто из прежних советских первых секретарей обкомов или новых российских губернаторов мог бы похвастаться подобным отношением к древностям на вверенной их заботам территории? Во-вторых, излагается «системный» подход к охране памятников. Это и постоянное наблюдение за их состоянием, вполне современный мониторинг памятников, и обращение не только к местной администрации (атаманам, старостам, полиции, лесникам), но и к любителям древностей, к краеведам и общественности.

К расхитителям было приказано применять жесткие административные меры, но главную роль должны сыграть меры общественного воздействия: осуждение на работах, направление на тяжелые общественные работы, постоянное наблюдение за «бугровщиками» и обыски в их домах. Все это должно служить профилактикой против вовлечения новых граждан в ряды грабителей. Требование заставить грабителей засыпать ямы на курганах служило и как воспитательная «трудотерапия», и предохраняло памятники от дальнейшего разрушения, в том числе от «соблазна» новых ограблений этих же насыпей. Наконец, местное начальство было обязано в приказном порядке все древности, найденные при земляных работах, в местах обрушений берега или отобранные у грабителей или скупщиков, передавать в Кубанский музей, снабдив их соответствующим описанием.

Не была обойдена атаманом М.П. Бабычем и проблема «разрытия курганов на частновладельческих участках» (приказ по Кубанской области № 424 от 19 сентября 1913 г.),

составлявшая одну из главных забот ИАК. Дабы пресечь попытки перекупщиков древностей найти «лазейку» в Высочайшем повелении 11 марта 1889 г., которое вроде бы не распространялось на частные земельные владения, генерал направил письмо руководству Комиссии со следующим запросом: могут ли лица, не имеющие Открытого листа из Петербурга, производить разрытие курганов на частных землях с согласия их владельца?

Он, в частности, писал:

«Мне удалось немного сократить пагубное стремление порочных членов населения к кладоискательству, а от видных и опасных скупщиков в Майкопском отделе Самонина и Карапетова отобрать подписки, что они больше этим делом заниматься не будут. В настоящее время один из них заявляет заведующему Кубанским войсковым музеем о праве производить раскопки на частновладельческих участках. Ввиду этого прошу поставить меня в известность, могут ли все лица, кто пожелает, без Открытых листов Археологической Комиссии, производить с согласия владельцев разрытие курганов в их собственных владениях. Если могут, то я бы просил установить, чтобы на разрытие каждый раз испрашивалось мое разрешение для установления контроля, чтобы всему добытому в таких случаях делалось подробное описание в особых шнуровых книгах под контролем Заведующим музеем и лицами администрации. И наконец, чтобы вещи эти могли бы продаваться частным лицам только после осмотра и разрешения одного из членов Императорской Археологической Комиссии. Этим я полагаю, можно было бы... сократить стремление к кладоискательству, а равно продажу и покупку предметов старины скупщиками и хищниками» (1887 г., д. 69, л. 567).

Этот документ свидетельствует, что на Кубани, как ранее в Крыму, на Тамани и на Центральном Кавказе, к 1913 г. грабители курганов представляли собой хорошо организованную, структурированную цепочку от «бугровщиков» через скупщиков и антикваров к местным и иностранным коллекционерам, способную обойти существовавшие нормы российского законодательства. Аналогичный запрос поступил и из Терского областного музея г. Владикавказа. ИАК отвечала на них в том духе, что «раскопки курганов, городищ и других памятников старины на землях укрепленных в частную собственность» должны производиться на основании того же Указа от 11 марта 1889 г, т. е., исключительно с разрешения ИАК (Там же, л. 584).

Насколько действенны были меры, принятые войсковым начальством, а само это начальство способно остановить расхищение древностей на Кубани? В связи с мерами против «бугровщиков» в ИАК поступил рапорт из Таманской станицы от 28 декабря 1913 г. (Там же, л. 578). Здесь говорилось, что курганы раскапывались целыми группами до 30 человек и не ночью, а открыто, «среди белого дня». На месте в «раскопах» никогда не были найдены ниши для светильников, необходимые для ночных работ, да и сами «счастливцы» рассказывали, что никогда не копают по ночам, поскольку можно свободно делать это днем. Очевидно, что меры, предпринимаемые ИАК совместно с местными властями для сохранения памятников старины, были недостаточны. Здесь сказывался как дефицит специалистов и финансирования, так и ограниченные полномочия Комиссии. Б. В. Фармаковский по этому поводу писал:

«Надзор за сохранением памятников оставался в ведении МВД, где царил прежняя неорганизованность. Археологическая Комиссия фактической власти не имела и на своих постановлениях часто настоять не могла, ни в отношении прекращения хищнических раскопок, ни в отношении соблюдения правил ремонтов и реставрации монументальных памятников» (Там же, л. 631).

Вхождение Кавказа в состав России имело важное значение для формирования цивилизованного подхода местных народов к объектам культурного наследия. Представители

поколения, выросшего после кавказской войны, получившие образование в столицах Империи, начинали понимать значение памятников древности и были готовы участвовать в их сохранении и защите от разграбления своими родственниками-односельчанами. О таких случаях свидетельствует обращение графа А. А. Бобринского к атаману Баталпашинского отдела. Студент-карачаевец Хамзат Басиятович Голаев, отъезжающий из Петрограда на родину в аул Уччулан, сделал в ИАК сообщение о состоянии могильников в районе аула и выразил готовность содействовать сохранению их от расхищения местными кладоискателями. А. А. Бобринской письмом от 20 октября 1914 г. просил атамана оказать Х. Б. Голаеву содействие в деле охранения могильников (Там же, л. 603). В то же время с просьбой защитить могильники в окрестностях аулов Хурзук и Карт-Джурт от разграбления, опираясь на содействие администрации, к Х. Б. Голаеву обратился и профессор Н. И. Веселовский (Там же, л. 608).

Наше неизменное преимущество — взгляд из будущего — позволяет проследить развитие ситуации с охраной памятников истории и археологии на территории Баталпашинского отдела, а ныне Карачаево-Черкесской Республики, после завершения деятельности ИАК до наших дней. В 1994 и 2000–2002 гг. Северокавказская экспедиция ИИМК РАН производила паспортизацию археологических памятников на территории Карачаево-Черкесской Республики. Экспедиция зафиксировала более 300 археологических объектов: курганных могильников и одиночных курганов, грунтовых могильников, городищ, поселений и усадеб. Однако, когда в 2003–2008 гг. производился мониторинг состояния объектов культурного наследия, выяснилось, что большинство памятников археологии находится в аварийном состоянии. При этом была отмечена опасная тенденция ухудшения их сохранности. Прежде всего бросалась в глаза ужасная ситуация с разграблением местных курганов. После разведок 1994 г. только в Усть-Джегутинском районе было ограблено и разрушено более 15 % выявленных курганов. Причем вблизи населенных пунктов уничтожено более трети памятников. Необходимо отметить, что этот район по богатству археологического наследия один из самых перспективных в республике для организации здесь археологического туризма. Если судить по размерам шурфов, глубиной достигающих до 5 м, то можно заключить, что грабители работали здесь регулярно и не торопились скрыться. Весной 2002 г. три крупных кургана были разрушены грабителями уже с применением бульдозера явно в дневное время (Рысин, Красниенко, Субботин 2003: 174).

Мы ошибемся, если будем списывать массовые ограбления памятников культуры только на сегодняшнее «трудное время», противопоставляя его «счастливым» дням советского прошлого. Существуют документы, посвященные критической ситуации с охраной памятников в крае в предвоенном 1940 г. Л. А. Сердобольская и К. М. Петрелевич в своем отчете сообщали: «Все городища и захоронения являются предметом систематических хищнических грабительских раскопочных работ. В каждом ауле можно найти семью, другую — для которой хищнические раскопки являются занятием их века... Поскольку золотоприемные пункты археологического золота не принимают — законом запрещается — то всякая хищнически добытая археологическая золотая вещь поступает в ступку и обрабатывается песком. И величайшая историческая ценность превращается в несчастный золотник золота, который уже спокойно принимается золотоприемным пунктом» (РА, ф. 35, оп. 1, 1940 г., д. 7). Далее можно прочесть: «Население с увлечением разбирает во всех городищах и могильниках тесаный камень, который массой поступает на колхозные новостройки. И древние камни с надписями уходят в фундаменты колхозных скотных дворов. Как пример — разбор древнего Хумаринского городища...». Очевидно, что ситуация с охраной памятников

в республике за прошедшие 60 лет только усугубилась. Сегодня нам ничего не известно о ситуации с ограблениями памятников археологии в Закавказье, но для всего Северного Кавказа подобная ситуация, к сожалению, является типичной.

Однако нельзя не отметить, что за годы трудов на ниве сохранения памятников отечественной истории и археологии члены ИАК и привлекаемые ими специалисты и любители древности сумели выработать и законодательно закрепить требования по охране и исследованию памятников старины, не утратившие своей актуальности до настоящего времени. Комиссия сумела творчески обобщить и использовать в России европейское законодательство по охране памятников культуры (Известия ИАК. Вып. 45. 1912: 137–143; Известия ИАК. Вып. 60. 1916: 138–145; Известия ИАК. Вып. 63. 1917: 121–148). Современное российское законодательство и практика охраны культурного наследия, в том числе и на Северном Кавказе, опирается на фундамент, созданный благодаря подвижникам из ИАК и ученых обществ Российской империи.

В целом можно считать отечественную версию Закона о сохранении культурного наследия прогрессивной и основательно проработанной. Однако обеспечивает ли действующий Федеральный закон № 73 настоящую охрану памятников? Определенно — нет. Памятники разрушались и разрушаются как во времена деятельности ИАК, так и в советские времена, да и в современной России. Основные причины сегодняшней катастрофы и массового ограбления курганов — депрессивность кавказского региона, слабость местных органов охраны объектов культурного наследия, отсутствие реальных возможностей у муниципальных властей прекратить ограбления памятников у границ населенных пунктов. Существенным был и остается моральный фактор. ИАК и местные российские власти взывали к совести, к религиозным чувствам, просвещали людей и прививали «любовь к отеческим гробам». История России XX в. разрушила многие моральные запреты и продолжает пробуждать в гражданах пренебрежение к памяти поколений и к памятникам прошлого. Мы пожинаем сегодня плоды десятилетий прагматизма и равнодушия. Такая ситуация характерна не только для Северного Кавказа, но и для всей России в целом: памятников Древней Руси, пермских древностей, сибирских курганов... Вновь появившиеся в последние годы коллекционеры «возродили» рынок древностей, поэтому находки не «уничтожают в ступке», но продают целиком, как и во времена деятельности ИАК.

В советскую эпоху и во времена новой России любителей-краеведов на Кавказе сменили грабители, несправедливо называемые «черными археологами», пришлые и местные артели которых роют древние могилы и поселения ради «денежного интереса», хотя часто прикрывают свои коммерческие цели «любовью к истории». Удивительно, но даже благородное дело поиска и захоронения на полях сражений солдат Великой Отечественной зачастую, в силу бесконтрольности происходящего и безграмотности «поисковиков», оборачивается уничтожением памятников археологии федерального значения. Однако, в отличие от эпохи деятельности Императорской Археологической Комиссии, сегодня мы наблюдаем нечто совершенно новое и в сфере общественного мнения: героизацию деятельности грабителей могил в средствах массовой информации. Термин «черные археологи» явно приобрел романтический акцент, издаются книги-пособия по кладоискательству, работает индустрия по изготовлению и распространению металлоискателей. Общество с готовностью принимает «идею», что очень хорошо проводить свободное время в поисках «сокровищ»: это и интересно, и романтично, и может принести деньги, известность и успех! Другая «напасть» для памятников отечественной культуры — активное развитие российской экономики. Крупный бизнес, в первую очередь строительные корпорации, с помощью лоббистов в парламенте

продавливают сегодня поправки в существующий «Закон об охране объектов культурного наследия», принятый в 2002 г. Эти поправки выхолащивают саму суть закона, поскольку отменяют археологическую экспертизу на этапе проектирования новых строек. Пришло время обществу крепко задуматься о судьбе памятников культуры, пока еще не поздно, пока нам есть что сохранять и исследовать.

* * *

Подводя некоторые итоги археологического исследования Императорской Археологической Комиссией различных районов Кавказа и Предкавказья, можно прийти к ряду существенных выводов. Несмотря на значительную разницу в политической и культурной судьбе обоих регионов, деятельность ИАК развивалась здесь параллельно и может быть подразделена на несколько этапов. Первый этап может быть датирован 1859–1874 гг. Археологические работы проводились в двух регионах: на Таманском полуострове и в Области Войска Донского и только самими членами ИАК. Круг исследований ограничивался преимущественно античными и скифскими древностями.

На втором этапе, в 1875–1885 гг., археологические интересы ИАК выходят за пределы Кубани и Таманского полуострова. Раскопки проводятся и в окрестностях Анапы — древней Горгииппии и в Темрюкском районе. Одновременно активизируются исследования МАО на Кавказе, начинают выходить издаваемые Обществом «Материалы по археологии Кавказа» (с 1888 по 1916 г. вышло 14 томов МАК), возникают местные археологические общества, проходит V Археологический съезд в Тифлисе. Все это стимулирует исследовательский интерес Комиссии к местным древностям, а политическая ситуация стабилизируется, что создает благоприятные предпосылки для распространения деятельности ИАК в этом регионе.

Третий этап, охватывающий собой 1886–1914 гг. и связанный с новыми подходами к деятельности ИАК, практикуемыми А. А. Бобринским, приводит к тому, что круг археологических исследований здесь предельно расширяется, а сами исследования приобретают большую систематичность и вид осуществления цельной программы. В это время археологическими исследованиями охватывается весь Кавказ, вплоть до недавно присоединенных к Российской империи районов Армянского нагорья. Исследуются памятники огромного хронологического и культурного диапазона: от каменного века до средневековья. К работам впервые привлекаются местные исследователи. Существенно повышается качество издаваемых Комиссией «Отчетов», которые приобретают более строгую, унифицированную форму. Сведения о раскопках приводятся по областям и регионам. В приложениях даются выдержки из дневников исследователей, таблицы распределения находок и приобретений. Тексты снабжены рисунками высокого качества и схематическими чертежами раскопов.

Необходимо признать, что деятельность Императорской Археологической Комиссии на Кавказе представляла собой главным образом накопление материалов по археологии и древней истории кавказских народов и была связана с охраной памятников местной старины. Иначе обстояло дело с аналитическим осмыслением добытого раскопками материала. Слабая изученность и сложность культурно-исторической картины этой горной страны не позволяли до некоторого времени перейти к созданию периодизации археологических культур, как это было сделано для Причерноморских степей В. А. Городцовым уже в 1910 г. (Городцов 1910). В конце концов, полевые работы сотрудников ИАК привели к значительному пополнению фонда источников, что позволило уже в 1920-е гг. предложить первые схемы периодизации археологических культур Северного Кавказа (Schmidt 1929; Tallgren

1929; Миллер 1933; Иессен 1941). Примечательно, что основу периодизации А. А. Иессена эпохи бронзы Северного Кавказа составили памятники, открытые членом ИАК Н. И. Веселовским (Майкопский курган, гробницы станицы Новосвободной) и клады, выкупленные Комиссией у находчиков (Привольненский клад, Костромской клад). Для Закавказья такие схемы впервые были разработаны позднее, в 1940-е гг. (Куфтин 1941; Schaeffer 1948; Пиотровский 1949).

Обращаясь к вкладу отдельных членов ИАК в изучение древностей Кавказа и Предкавказья, отметим особую «производительность» полевых работ Н. И. Веселовского, хотя и не свободных от претензий, связанных с фиксацией раскапываемых памятников, на материалах которых на Северо-Западном Кавказе были выделены несколько археологических культур. Прежде всего, это культура Больших кубанских курганов, сегодня разделенная на майкопскую и новосвободненскую культуры или же рассматриваемая как майкопско-новосвободненская культурно-историческая общность, скифская культура, белореченская культура средневековых кочевников (XIII–XIV вв.). Е. Д. Фелицин, изучая мегалитические памятники, подготовил «почву» для выделения дольменной культуры Западного Кавказа, которое по ряду причин затянулось почти на столетие (Марковин 1978).

В различных районах Северного Кавказа и Предкавказья членами и сотрудниками ИАК — Д. Я. Самоквасовым, Н. И. Веселовским, В. М. Сысоевым, В. Р. Апухтиным, В. И. Долбежевым — были раскопаны погребения с «окрашенными костяками». Их относили к «киммерийскому» периоду, а в 1920-е гг. — к эпохе бронзы. А. А. Миллером была предложена схема периодизации северокавказских культур, построенная исключительно на материалах, полученных в результате исследований Комиссии (Миллер 1933; Марковин 1960). Поскольку фонд источников на протяжении XX в. существенно не пополнился, то и в 1960-е гг. при характеристике культур бронзового века Северного Кавказа, так называемой северокавказской культуры, В. И. Марковину (Марковин 1960) и Е. И. Крупнову (Крупнов 1958) пришлось опираться на анализ музейных коллекций, собранных сотрудниками ИАК и ученых обществ России. В обобщающих работах по памятникам эпохи бронзы Закавказья Б. А. Куфтина, К. Х. Кушнаревой, О. М. Джапаридзе, К. Н. Пицхелаури, А. А. Мартиросяна, В. Г. Алиева и других также учитывался «вклад» археологов, тесно сотрудничавших с ИАК или же бывших членами Комиссии (Куфтин 1941; Кушнарева 1993; Мартиросян 1964).

Блестящие памятники эпохи бронзы и раннего железа, выявленные у «Дарьяльских ворот» на Центральном Кавказе, быстро получили мировую известность благодаря находкам высокохудожественных «кобанских бронз». Коллекции российских и европейских музеев пополнялись находками с Кавказа, добытыми раскопками В. Б. Антоновича, В. И. Долбежева, А. С. Уварова, П. С. Уваровой, К. И. Ольшевского, В. Ф. Миллера, Г. Д. Филимонова, и приобретением вещей у «бугровщиков». Одновременно началась работа по изучению и атрибуции найденных археологических материалов. Раскопки кобанских древностей членами ИАК, или же организованные Комиссией экспедиции, сделали возможным комплексный анализ материалов кобанской и колхидской культур эпохи поздней бронзы — раннего железа, осуществленный впоследствии трудами А. А. Иессена, Е. И. Крупнова, В. К. Козенковой, Е. П. Алексева, Б. В. Техова, В. Б. Виноградова, И. М. Чеченова, К. Н. Пицхелаури и др.

Исследования членов ИАК позволили опровергнуть мнение о Кавказе как о захолустной окраине Европы. Было установлено, что Кавказ являлся в древности центром формирования оригинальных и ярких археологических культур. Обнаружение погребений в Больших кубанских курганах позднее позволило сделать вывод о том, что кавказский регион в эпоху

ранней бронзы входил в орбиту влияний цивилизаций Древнего Востока. Результаты раскопок памятников Урарту, древних городов Армении и храмов Северного Кавказа доказывали, что с эпохи железа в регионе уже существовали городские цивилизации, тесно взаимодействовавшие с передневосточными и средиземноморскими регионами.

Научный «задел», накопленный ИАК за 50 лет исследований Кавказа, оказался столь значительным, что этот потенциал 70 лет использовала археология советского периода истории России. Сегодня к нему по-прежнему обращаются археологи новой России и стран СНГ. На Кавказе и в Предкавказье трудами Комиссии были обнаружены многие десятки археологических памятников, историческое значение которых зачастую было выяснено много позднее. Можно сказать, что все ключевые разделы древней истории Кавказа были в той или иной степени затронуты деятельностью ИАК. Больше того, члены Комиссии задали направление будущих исследований в этом регионе вплоть до наших дней.

ИАК стремилась воспрепятствовать деятельности заезжих коллекционеров и расхищению древностей. При этом Комиссия старалась использовать местных специалистов, способствуя тем самым подготовке национальных научных кадров. Напомним, что эта тенденция продолжилась и в советский период истории российской археологии созданием республиканских научно-исследовательских институтов и подготовкой кадров для них в Петрограде — Ленинграде и Москве.

Трудившиеся на Кавказе члены и сотрудники ИАК были влюблены в его древнюю историю и культуру. Чтобы ознакомить российское общество с предметом своей любви и сохранить его для потомков, они основали несколько музеев, вокруг которых собирались просвещенные любители древностей (Владикавказский, Екатеринодарский, Пятигорский, Ростовский, Ставропольский, Тифлисский и другие музеи). В результате деятельности российской археологии на Кавказе в XIX–начале XX в., в которой ИАК занимала особое место, усилиями специалистов различных наук была намечена программа исследования региона. Ценность этой программы заключалась в ее комплексном, междисциплинарном характере и в широте охвата, в расчете на далекую перспективу исследований.

Сегодня, оценивая полевую деятельность ИАК на Кавказе, нельзя забывать и о том, в каких условиях работали сотрудники Комиссии. Кавказ в конце XIX в. был особой страной, только что вышедшей из полувековой кровопролитной войны. Здесь во многом сохранялись родоплеменные отношения и традиции, в том числе обычаи кровной мести и абречества. Проведение раскопок и разведок на Кавказе зачастую было сопряжено с опасностью для жизни археологов и требовало от них высокого личного мужества, находчивости и верности любимой науке. Пожалуй, все члены и сотрудники Комиссии в полной мере продемонстрировали эти качества.

Если проследить историю изучения Кавказа за 130 лет, прошедших после активизации «кавказского» направления деятельности ИАК при А. А. Бобринском, станет очевидно, что программа исследования кавказских древностей успешно реализовывалась и продолжает воплощаться в жизнь до сих пор. Можно утверждать, что деятельность ИАК напрямую определила развитие кавказоведения не только в СССР и в новой России, но и в государствах Закавказья.

ГЛАВА X

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНОСТЕЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Изучение Средней Азии в деятельности Императорской Археологической Комиссии занимает особое место. Исследования этого обширного региона, вошедшего в состав Российской империи во второй половине XIX в., были сопряжены с большими трудностями как в связи с его удаленностью, так и с полной неизвестностью этих районов в историко-культурном отношении. Непосредственные архитектурные и археологические исследования членов ИАК в Средней Азии были сравнительно немногочисленны. Однако в архивных фондах ИАК, сохранились важные археологические, архитектурные и этнографические материалы, связанные с исследованием региона и приобретающимися там многочисленными древностями. Немаловажной для развития российской науки была и оперативная публикация информации об этих материалах в «Отчетах» и «Известиях» Императорской Археологической Комиссии.

Особенности изучения Средней Азии российскими учеными и направления их исследований были напрямую связаны с этапами присоединения этих территорий к Российской империи. Военные операции России в Средней Азии начинаются в 1839 г. В течение более двадцати лет продолжались походы русских войск на Коканд, в результате чего в 1865 г. к России были присоединены значительные территории севера Средней Азии (южная часть современного Казахстана), а в 1867 г. образовано Туркестанское генерал-губернаторство. Дальнейшие военные действия 1868–1875 гг. привели к вассальному подчинению Хивы и Бухары, а территории Кокандского ханства и горных бекств (долина Зеравшана, Фергана и Тянь-Шань) были включены в состав России. В 1880–1881 гг. к России был присоединен юго-запад Средней Азии (подгорная зона Копетдага в современном Туркменистане), а в 1884–1885 гг. — Мервский оазис и северный берег Амударьи (Южный Узбекистан) и тем самым фактически завершено формирование среднеазиатских владений Российской империи.

Начало культурно-исторического изучения Центральной Азии было положено еще в XVIII в. и связано с системой подготовки русских офицеров для участия в экспедициях и различных миссиях, в рамках которой особое внимание уделялось обучению восточным языкам. В результате в специальном подразделении Военного ведомства собирались и обобщались сведения о сопредельных с Россией государствах, в первую очередь — из Азиатского региона, а военное востоковедение выделилось в самостоятельное направление востоковедения российского (Колесников 1997: 33–41). Таким образом, первые исследования региона были обусловлены государственно-политическими интересами и велись официальными представителями Российской империи — военными и гражданскими чиновниками.

Одной из характерных особенностей изучения древностей Центральной Азии было одновременное и параллельное изучение архитектурных и археологических памятников трудами одних и тех же исследователей. Другой особенностью стали передовые технологии,

П. И. Лерх (справа) у юламейки (малой кибитки).
Фото А. С. Муренко 1858 г. (ФА, Q 211/4)

применяемые при проведении экспедиций. Так, в частности, именно среднеазиатская коллекция фотографий является одной из самых ранних и представительных в России. Для большинства исследователей на основной территории России изготовление или приобретение фотографий не являлось первоочередной задачей, и требование неременной фотофиксации памятников в период деятельности ИАК еще не стало обязательным. Впрочем, необходимо отметить, что большая часть фотоматериалов этого периода — результаты изучения Средней Азии, хранящиеся ныне в Фотоархиве Научного архива ИИМК РАН, — поступила не непосредственно в ИАК, а уже в РАИМК, несмотря на то что оставившие их фотографы зачастую трудились в тесном взаимодействии с Комиссией.

Так, первыми в России снимками, на которых зафиксированы архитектурные сооружения Центральной Азии, были фотографии, выполненные подпоручиком артиллерии А. С. Муренко (ФА, Q 211; Девель 1994: 259–271; Калинин 2000: 49–54) в 1858 г., когда из Оренбурга в Хиву и Бухару была направлена дипломатическая миссия флигель-адъютанта полковника Н. П. Игнатьева. Альбом из 28 снимков, напоминающих тончайшие акварельные рисунки, был преподнесен генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу. Среди них фотографии караван-сарая в Оренбурге, глинобитных стен г. Кунграда на р. Амударье, форта № 1 на р. Сырдарье, построенного в 1853 г. и в 1867 г. переименованного

Исет Кутебаров, киргиз (казах) Чиклинского рода, батыр, известный во всей Зауральской степи.
Фото А. С. Муренко 1858 г. (ФА, Q 211/10)

в уездный г. Казалинск, загородного дворца хивинского хана на канале Полван-Ата и др.

В. В. Бартольд отмечал, что для науки значение этого посольства было невелико, хотя командированный Академией наук в состав миссии ориенталист П. И. Лерх, будущий сотрудник и делопроизводитель ИАК, приобрел некоторое число рукописей для Азиатского музея, а для Эрмитажа и Русского археологического общества — монеты (Бартольд 1977а: 441). Коллекция снимков имеет важное историко-этнографическое значение. На фотографиях запечатлены и исторические личности, такие, как известный во всей Зауральской степи батыр казах Исет Кутебаров и министр Двора хивинского хана узбек Якши-Мурат; представители разных национальностей из числа местного населения (казах-мулла, пленный персиянин, хивинский солдат, русские пленные), бытовые сцены и предметы быта, одежда середины XIX в., что в настоящее время позволяет считать вклад миссии в востоковедческую проблематику более весомым, чем предполагал В. В. Бартольд. Это были практически первые фотографии, происходящие из этого региона, и первое посольство, использовавшее фотографию для

демонстрации результатов своей миссии (Длужневская 2006: 282–291).

Спустя 15 лет по распоряжению первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана, управлявшего генерал-губернаторством в 1867–1882 гг., и под руководством ориенталиста А. Л. Куна был изготовлен знаменитый «Туркестанский альбом». Туркестанское генерал-губернаторство включало тогда пять областей: Семиреченскую,¹ Закаспийскую, Сырдарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую, где и были произведены фотосъемки, организованные в первую очередь для ознакомления публики с недавно присоединенным к России регионом. В 1871–1872 гг. для альбома, состоявшего из археологического, этнографического, промыслового и исторического разделов, фотографы Н. Н. Нехорошев, Г. Е. Кривцов и другие зафиксировали виды городов и крепостей, отдельных архитектурных памятников, быт и традиционные занятия местного населения, сделали портреты представителей разных национальностей (ФА, Q 487). Эта коллекция, хранящаяся ныне в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, оказалась впоследствии востребована ИАК в принимаемых ею исследованиях Средней Азии. В 1890-е гг. по заказу Н. И. Веселовского, готовившегося к исследованиям в Самарканде, фотографом ИАК И. Ф. Чистяковым были пересняты материалы «Туркестанского альбома» (ФА, Q 135, Q 136 и др.).

¹ В 1882 г. вместо Западносибирского губернаторства из областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской было образовано Степное генерал-губернаторство.

Первая экспедиция ИАК в Среднюю Азию относится к 1867 г., когда «в видах изучения вещественных памятников древнего Востока» (ОИАК за 1882–1888 г. 1891: LXI) Археологическая Комиссия направила в Среднюю Азию ориенталиста П. И. Лерха для обследования развалин древнего Джаникента (или Янгикенда) в устье Сырдарьи (1867 г., д. 8, л. 6). При этом ИАК, обращаясь к исследователю, считала, что «весьма желательно, чтобы Вы занялись и осмотром других развалин в долине Сырдарьи», а «на производство необходимейших раскопок и разведок в означенной местности» ИАК не только был выдан Открытый лист, но и выделена огромная по тем временам сумма — 3000 руб. (Там же, л. 8–11).

В отчете о поездке (Там же, л. 12–17) П. И. Лерх описал развалины бывшего Хивинского укрепления Джан-Кала, остатки глинобитных стен цитадели Джаникента и собственно города (Янгикенда), упоминавшегося в исторических повествованиях о завоевании царства Хорезмшахов Чингисханом и его сыновьями. Город, по мнению П. И. Лерха, был оставлен неразрушенным, но со временем глинобитные постройки развалились сами, а кирпичи из нижних частей домов местное население использовало для возведения мазаров. В больших размерах «раскопки» на Джаникенте были предприняты киргизами в 1866 г., когда здесь работали до 2000 человек, разбивая стены в поисках кирпичей. Прибывший через год П. И. Лерх не мог рассчитывать на какие-либо ценные находки и приступил к разведкам — внутри и вне крепости. За пределами крепости им были исследованы пять холмов. В наиболее сохранившемся виде было обнаружено мусульманское кладбище — умершие были похоронены на материке, в сложенных из обожженного и необожженного кирпича могилах без каких-либо надписей. Под исследованными холмами П. И. Лерх обнаружил погребальные сооружения, в украшении которых использовались изразцы с синей поливой. Под самым большим из них находился мавзолей, существовавший по крайней мере в XIV в. У северо-восточного угла его было найдено до 50 медных и две серебряные золотоордынские монеты XIV–XV вв., чеканенных в Новом Сарае. Под одним из холмов были выявлены развалины гончарной мастерской, с остатками печей и множеством фрагментов керамической посуды, раздробленной обрушившимися потолком и верхними частями стен. Наиболее ценные находки — черепа, монеты, обломки надписей и архитектурных украшений — П. И. Лерх доставил в Санкт-Петербург.

Далее П. И. Лерх отправился на поиски г. Дженда, взятого монголами приступом в 1219 г., и предположил, что он находился между фортом № 1 и укреплением Джулек рядом с кладбищем Хорхут. Кроме того, он произвел небольшие раскопки на месте бывшего г. Саурана, где обнаружил остатки двух башен, возвышавшихся у входа в медресе, и снял копии надписей с надгробных камней старого городского кладбища; обследовал небольшое укрепление Мир и затем отправился в г. Туркестан, где занялся исследованием мечети Ахмеда Ясави, возведенной в 1404 г. Под ее сводами кроме этой могилы находились могилы родственников Улугбека, туркестанских шейхов и киргизских султанов XV–XVI вв. Во время своего пятимесячного путешествия П. И. Лерх посетил также Чимкент, Ташкент, Ходжент, Ура-Тюбе, ущелье Джалан-Ута, где снял копии с надписей на персидском языке, повествующих о походе Улугбека в 1424–1425 гг. в Могулистан, а также в память победы, одержанной в 1571–1572 гг. в здешнем ущелье бухарским ханом Абдуллахом над владельцами Ташкента, Туркестана, Ферганы и Дешт-и Кипчака (ОИАК за 1867 г. 1868: XXII–XXXI; Лерх 1870). Таким образом, работы П. И. Лерха положили начало изучению средневековых древностей севера Средней Азии.

С изучением этого региона было связано и имя другого постоянного корреспондента ИАК В. В. Радлова (*подробнее смотри главу VII*). В 1868–1869 гг. он, в то время —

преподаватель Барнаульского окружного училища, по поручению и на средства ИАК (ему было выделено 400 руб.) проводил «розыскания в Семиреченской области» и в своем отчете о двух поездках описал многочисленные группы курганных насыпей в долинах рек Чу и Или, а также южнее Ташкента и в долине Зеравшана (1868 г., д. 22, л. 9–19 об.).

Однако первые систематические археологические исследования в Центральной Азии, предпринятые при непосредственном участии ИАК, связаны с именем востоковеда Николая Николаевича Пантусова. В 1871 г. генерал-губернатор К. П. Кауфман обратился на восточный факультет Петербургского университета с предложением к выпускникам выехать на работу в Туркестанский край. Среди студентов, изъявивших желание и «способных, трудолюбивых и могущих быть полезными для края», был и Н. Н. Пантусов. В 1872 г. его направили в Туркестан, где впоследствии он служил чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области. С 1884 по 1903 г. Н. Н. Пантусов осуществил ряд поездок и археологических раскопок.

Многолетнее сотрудничество Н. Н. Пантусова с ИАК началось в связи с обнаружением в 1884 г. «у г. Пишпека Токомакского уезда Семиреченской области разбросанных камней с надписями и крестами» (1885 г., д. 40, л. 4). Н. Н. Пантусову «для исследования этой местности» ИАК было выделено 300 руб. и добавочно еще 200 руб. и поручено «снятие рисунков с камней и раскопка некоторых гробниц» (1884 г., д. 40 а, л. 20). На эти средства в 1886 и 1887 гг. он провел археологические исследования древних несторианских могильников XI–XIII вв. в Пишпеке и Токмаке в Семиреченской области (1885 г., д. 40 а, л. 19 об.–20), завершившиеся только в 1892 г. (1892 г., д. 70, л. 218–220). Н. Н. Пантусов тщательно зафиксировал неизвестные ранее надгробные камни с крестами и сирийскими надписями (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: CLIX–CLX; ФА, О 693/10–28; 1885 г., д. 56–63), раскопал свыше 100 могил и составил подробные описания и планы могильников (1885 г., д. 40 б, л. 2–122). Высокий уровень фиксации и добросовестность исследователя, вероятно, произвели чрезвычайно благоприятное впечатление на Комиссию, и Н. Н. Пантусов в 1894 г. стал членом-корреспондентом ИАК.

Интересно, что с открытием несторианских кладбищ связано и первое в Средней Азии свидетельство об охране археологических памятников: в письме ИАК военному губернатору Семиреченской области прямо указано «чтобы без ведома и согласия Комиссии не было увезено ни единого памятника с означенных кладбищ, равно как и с других подобных урочищ, так как на местной администрации по закону лежит ближайшее охранение древностей» (1885 г., д. 40 а, л. 19 об.–20).

В 1889 г. на средства, полученные от ИАК в 1887 и 1888 гг. (200 и 100 руб. соответственно), Н. Н. Пантусов вместе с А. М. Фетисовым, городским садовником г. Верного, проводил обследования и раскопки средневековых памятников в долинах рек Чу и Алматинка. В Чуйской долине к северу от Пишпека ими был исследован крупный средневековый курган Актобе, под которым находилась подземная камера с боковым входом. К востоку от кургана было обнаружено городище, а на скалах — изображения козлов (1889 г., д. 12, л. 8–16). Еще три кургана были раскопаны в долине р. Алматинки к западу от г. Верного (Там же, л. 34–44), причем Н. Н. Пантусов отмечает, что «курганами средней и малой величины покрыты вся территория и все окрестности г. Верного и прилегающих Алматинской станицы и выселка» (Там же, л. 34 об.). Раскопки курганов в Семиреченской области по поручению Н. Н. Пантусова производил фактически А. М. Фетисов (1891 г., д. 76).

В 1890 г. ИАК поручает Н. Н. Пантусову обследование местности в районе г. Копала, где, по сведениям обратившегося в Петербург полковника П. С. Нечогина, в 1850 г. в киргизской

Общий вид кладбища близ Пишкека. Раскопки Н.Н. Пантусова. Фото 1886 г. (ФА, О 693/17)

Вид надгробного камня с крестом и сирийскими надписями. Раскопки Н.Н. Пантусова.
Фото 1886 г. (ФА, О 693/11)

степи им были обнаружены «индусские древности» — святилище и пещеры (1888 г., д. 5). В результате проведенных на средства ИАК работ Н. Н. Пантусов (тогда исследователю было выделено 250 руб.) произвел съемку местности к северо-востоку от г. Копала, в районе урочища Кызыл-Агач, где им были найдены группы степных курганов, две небольшие крепости-убежища, остатки строений из жженного кирпича. Раскопки пяти курганов, проведенные траншейным методом, не дали интересных находок — были обнаружены лишь захоронения мусульманского времени и кости животных, обломки горшков и куски стекла в насыпях (1890 г., д. 108, л. 52–55 об.). Кроме того, в ущельях р. Кызыл-Агач им обнаружены наскальные изображения людей, лошадей, маралов, козлов, куланов, стрелков из луков (Там же, л. 56 об.). Исследователь писал, что «много подобных изображений находится и на скалах ущелья Тамгалы-тас, направо при входе в ущелье...» (Там же, л. 57).

Изучение древностей Копальского уезда было продолжено Н. Н. Пантусовым в 1895 г. (1895 г., д. 53). Были выявлены курганы, небольшие крепости, «каменные бабы», камни с надписями, с которых сделаны прорисовки и фотографии. В 1897 г. Н. Н. Пантусов на 300 руб., выделенных ИАК, предпринимает новые поездки по Копальскому и Верненскому уездам. В Копальском уезде, где имелось «до 27 интересных в археологическом отношении пунктов», он подробно фиксирует тибетские и буддийские изображения «печатного или писаного камня» Тамгалы-тас² (Там же, л. 20, 21, 31–32 об.) и писаницы на тибетском языке в ущельях Аир-кезень и Тайгак (Там же, л. 26–28; 1896 г., д. 230). В Верненском уезде Куртинской волости в местности Капчагай по долине р. Куртинки он фиксирует изображения маралов на скалах и 4 каменные «бабы» (1895 г., д. 53, л. 34–37), а в предгорьях (на адырах) массу курганов. Постоянным спутником Н. Н. Пантусова в поездках был фотограф из г. Верного А. Лейбин.

В 1898–1899 гг. Н. Н. Пантусов побывал в Кульдже и прислал в ИАК фотографии мавзолеев Тоглук-Темир-ясына и Шир-Али-ясына (ФА, Q 439/53–56), а также подробные описания и снимки мавзолеев Чокана Валиханова близ Кунякузской станции Копальского уезда и Танека Дюсетова близ г. Копала, ряда других сооружений и наскальных изображений (1899 г., д. 56; ФА, Q 439/1–44). В г. Сергиополе Пантусов сфотографировал и описал каменных «баб» — древнетюркские изваяния, поставленные у домов станичного правителя, мещанина К. Чираджиева, у лавки на базаре и др. (1899 г., д. 10; ФА, Q 439/45–52).

Исследования продолжались и позднее. В 1900 г. Н. Н. Пантусов обследовал, снял ситуационный план и сфотографировал разрушающееся здание в китайском стиле «Могила Ак-там» близ г. Джаркента в долине р. Или и камни с тибетскими и монгольскими надписями в местности Арасан Джаркентского уезда на правом берегу р. Кегень (1901 г., д. 2, л. 33–40, 121–125). Кроме этих материалов Н. Н. Пантусовым для публикации в «Известиях» ИАК были присланы в 1901 г. рукопись, посвященная исследованию средневекового комплекса «Таш-Рабата», а также планы, разрезы и фотографии этого древнего купольного здания на Великом Шелковом пути и другие материалы — фотографии каменных «баб», наскальных изображений и развалин Кошой-Кургана, найденных в районе Нарынского укрепления Пржевальского уезда (1901 г., д. 49, л. 34–44, 65–78, 357–380).

Помимо обследований и раскопок, Н. Н. Пантусов собирал и отсылал местные древности в музеи Петербурга. Так, в коллекцию РАО от него поступили металлическое четырехугольное блюдо на 4 низких ножках и бурхан — изображение будды (ФА, Q 243/29, 30); в ИАК — происходящие из Кочкорской долины пряжки, поясные бляхи, серьги, кольца, зеркало и монета (ФА, O 693/1–7); в Азиатский музей — надгробия с сирийскими надписями,

² Этот памятник находится на северных склонах Тянь-Шаня и имеет одинаковое название со знаменитыми писаницами Тамгалы-таш эпохи бронзы и раннего железа в Фергане.

найденные у с. Мазар (развалины Алмалыка) в Верненском уезде Семиреченской области (ФА, III 9274–9278); в Императорский Эрмитаж — восточная монета и глиняный орнаментированный сосуд, найденные близ г. Верного (ФА, III 7831, О 693/9).

Обследованиями и раскопками памятников в Семиреченской области занимался также врач Пишпекского госпиталя, краевед Ф. В. Поярков. В 1889 г. он обследовал берега оз. Иссык-Куль и Токмакский уезд и прислал в ИАК статью, где описал камни с мусульманскими арабскими надписями и каменных «баб» (1889 г., д. 67, л. 3–19).

В 1897 г. Ф. В. Поярков, уже возглавлявший Семиреченский отдел ИРГО, на средства ИАК провел раскопки 4 курганов близ с. Лебединка Пишпекского уезда Семиреченской области (1897 г., д. 41). Под курганными насыпями были обнаружены захоронения в подбойных могилах, входы в которые были заложены сырцовым кирпичом. В двух курганах парные подбойные захоронения имели общую входную яму, еще в одном кургане найдено два отдельных подбойных захоронения и одно, совершенное в яме, а в четвертом кургане исследованы две могильные ямы и одна подбойная могила. Скелеты лежали на спине, головой на север. Согласно имеющемуся описанию: «Руки их расположены разными способами. ... Никаких вещей при костяках не оказалось» (ОИАК за 1897 г. 1900: 56–57). Однако в той же местности Ф. В. Пояркову удалось приобрести у местных жителей несколько средневековых находок, возможно из разграбленных погребений: сосуды, серебряные перстни, браслеты, зеркала, топор и кинжалы, переданные впоследствии на хранение в ГИМ (Там же, 71–72; ФА, II 26237–26239, 26247).

Другим исследователем среднеазиатских древностей, связанным с ИАК, был заведующий государственным имуществом в Акмолинской и Семипалатинской областях А. В. Селиванов. В 1894 г. на средства ИАК (выделено 300 руб., израсходовано 77 руб.) он произвел в Акмолинской области «исследования древних могил и курганов, во множестве разбросанных в различных местностях киргизских степей» (1894 г., д. 64, л. 1). Однако «большая часть курганов оказалась разграбленной» (Там же, л. 8). Отметим, что это единственные исследования памятников Средней Азии, где фиксация раскопок проведена с помощью типового дневника, разработанного ИАК (Там же, л. 10–35).

Более удачной оказалась поездка А. В. Селиванова на оз. Иссык-Куль в 1895 г., на которую Комиссия выделила ему 150 руб. Здесь им были осмотрены древние города Чигу и Чигучин, собраны сведения и составлена опись вещей, вынесенных на берег из озера в местности Койсары Пржевальского уезда, описаны петроглифы, могильные камни с надписями и каменные «бабы», а также составлено описание вещей и монет, найденных на Иссык-Куле в 1873–1891 гг. (1895, д. 81).

В 1884–1885 гг. от ИАК и Петербургского университета в Туркестанский край был впервые командирован Н. И. Веселовский — с целью обследования региона в археологическом, этнографическом и культурном отношении (1883 г., д. 20; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: LXI–LXXX). В декабре 1884 г. Н. И. Веселовский провел раскопки на городище Той-Тюбе Кураминского уезда Сырдарьинской области. Городище включало в себя четырехугольную цитадель, окруженную глинобитной стеной, и предместье. Постройки были возведены из обожженного кирпича, что свидетельствует о времени их сооружения не ранее IX в. На Той-Тюбе были найдены глиняный светильник, нож, фрагмент бронзового колокола, орнаментированная пластина (ФА, III 2407), а также фрагменты керамики, стеклянной посуды и медные монеты хорезмшахов XIII в. Кроме того, Н. И. Веселовский провел «пробные» (сейчас их называли бы рекогносцировочными) раскопки на средневековом поселении Чорлен-тепе близ кишлака Намданак в 40 км от Ташкента, которые, однако, не позволили ему представить

ни устройство поселения, ни длительность его существования, хотя были найдены медные монеты бухар-худатов, джагатайская и китайская.

В феврале 1885 г. Н. И. Веселовский посетил Ферганскую область и, осмотрев более сотни сооружений, называвшихся местным населением курумами (россыпями камней), мук-ханэ (дом Муков) или каратай-ханэ (дом каракитайцев), впервые определил их как древние погребения — «могилы», сложенные из камней, дал их описание, осуществил раскопки 30 курганов и выделил несколько типов конструкций наземных сооружений и могил (Лунин 1979: 45–46). Он также провел разведывательные раскопки на развалинах трех древних столиц — Ахсыкета, Касана и Узгена; а в Оше на Сулейман-горе нашел арабскую надпись 941 г. и перевел ее (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: LXI–LXXIV).

Н. И. Веселовский достаточно точно выполнял инструкцию ИАК: помимо археологических исследований в Зеравшанском округе произвести таковые и в Ферганской области, а если позволят время и средства, то «проникнуть и в Бухару для приведения в известность тамошних древностей... Кроме городищ, полезно было бы разрыть также несколько курганов» и составить краткую опись археологического отдела Ташкентского музея, ознакомиться с содержанием кладов, обнаруженных в Туркестанском крае, археологическими коллекциями частных лиц и пополнить минц-кабинет Эрмитажа разновременными монетами. В «Заметке к инструкции» было объяснено, что древнейшие культуры Туркестанского края известны, в основном, по письменным источникам, тогда как серьезных археологических изысканий там ранее не производилось (Лунин 1979: 44). Стоит вновь обратить внимание читателя, что существенное расширение проблематики занятий ИАК в «эпоху Бобринского» было подготовлено в предшествующий период (*по этому поводу смотри главы I, IX, XI и XIII*), как это показывает история изучения Средней Азии, начало которой Комиссия положила еще в 1867 г.

Помимо названных памятников Н. И. Веселовский провел раскопки на тепе Туди-Калян, Туди-Хурд, Мунчак-тепе и вскрыл «курумы» в Пунуке и кишлаке Чодак. Он отметил, что «курумы», скорее всего, семейные склепы, поскольку в них встречаются и мужские, и женские вещи. Во время поездок по Туркестану он собрал и приобрел у местных жителей для Археологической Комиссии многочисленные предметы древности, в том числе в Самарканде — перстень с датой 802 г.х./1399–1400 гг., оказавшийся перстнем-печатью третьего сына Тимура — Миран-шаха мирзы.

Минарет в Узгенте. Фото П. Надара 1895 г.
(ФА, Q 292/18)

Самаркандская область. Афрасиаб.
Раскопки Н. И. Веселовского, 1885 г. Глиняный оссуарий.
Фото И. Ф. Чистякова 1896 г. (ФА, Q 673/13)

денных» (1883 г., д. 20, л. 55). В архиве Комиссии сохранились сделанные во время этой поездки снимки глиняных статуэток, сосудов, фрагментов стенок оссуариев и крышки оссуария с ручкой в виде бюста человека (Там же, л. 38–50, 156–158; ФА, II 28094, 46367; III 10215–10218, 14708; IV 1557, 221, 223, Q 673/11–14, F 168/7–14; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: 32; ЗВОРАО, т. 2, 1887: ХСII–СIV). Термин «оссуарии» введен в отечественную науку именно Н. И. Веселовским (ЗВОРАО, т. 13, 1901: III). По его инициативе был составлен топографический план Афрасиаба, исполненный топографами военно-топографического отдела Туркестанского военного округа Васильевым и Кузьминым (1883 г., д. 20, л. 85; ФА, О 1602/21). В Бухаре Н. И. Веселовский приобрел медные сосуды с кувфическими надписями, глиняные сосуды с росписью и подвеску (ФА, IV 222).

Отмечая недостатки методики исследований Н. И. Веселовского, не следует забывать, что это были его первые археологические раскопки, что, в целом, изучение недавно включенного в состав Российской империи Западного Туркестана только начиналось, что задачи, поставленные перед ним Археологической Комиссией, были слишком обширны, а также и то, что Афрасиаб — гигантский сложнейший многослойный памятник, изучение которого ведется более 100 лет и продолжается по сей день.³

Через 10 лет, во время небольших раскопок на Афрасиабе, Н. И. Веселовским были обнаружены поливной сосуд с орнаментом и арабской надписью, глиняная головка быка, костяная дудка, обломки орнаментированных кирпичей и фрагменты глиняных сосудов,

³ Древнейшее укрепленное поселение VI (?)–IV вв. до н. э. на Афрасиабе, занимавшее огромную территорию — 219 га, предшественник античной Мараканды и средневекового города Самарканда было открыто только в 70-х гг. XX в. (Шишкина, Сулейманов, Кошеленко 1985: 274, 277).

которые затем поступили на хранение в Эрмитаж (ФА, II 26259–26260, III 7391–7393, 7480–7484, Q 673/5–7; ОИАК за 1895 г. 1897: 49). Однако основным направлением деятельности Н. И. Веселовского, к тому времени уже члена ИАК, в Туркестане с 1895 г. становится фиксация и научное описание архитектурных памятников Самарканда.

Н. И. Веселовский в 1895–1896 гг. возглавил историко-архитектурную экспедицию, организованную ИАК совместно с Императорской Академией наук и получившую с помощью С. Ю. Витте специальное финансирование сверх сметы ИАК: в 1896 г. — 4000 руб., в 1897–1898 гг. — по 3000 руб. ежегодно (1895 г., д. 69, 69 а). В задачи экспедиции входило скорейшее, наиболее полное и детальное описание памятников старины, которыми «так богат Туркестанский край» и которые находятся «в печальном положении», медленно разрушаясь от землетрясений, выветривания и выпадения изразцов. Многие постройки уже представляли собой развалины. Разработанный Н. И. Веселовским план экспедиции включал многочисленные обмеры, исполнение чертежей, рисунков, изготовление эстампажей и фотографий. Работы, в которых участвовали архитектор П. П. Покрышкин, художник С. М. Дудин, фотограф И. Ф. Чистяков, а также Н. И. Щербина-Крамаренко, А. В. Щусев и другие, были сосредоточены в мечетях Гур-Эмир и Биби-Ханым в Самарканде. Продолженные в 1898–1899 гг., эти спасательные работы абсолютно справедливо считаются началом систематического изучения историко-культурных памятников Русского Туркестана.

В начале 1899 г. Археологическая Комиссия сообщала, что «по изготовлению чертежей и рисунков самаркандских мечетей сделано следующее: вполне окончен альбом рисунков с мечети Гур-Эмир..., затем сделаны обмеры и черновые чертежи, ныне изготавливающиеся набело, с соборной мечети Биби-Ханым, и эта работа к весне будущего года будет закончена; начаты работы по изготовлению архитектурных чертежей мечети Шах-Зинда... Нынешним летом предвидится возможность окончить описание и этой мечети» (1895 г., д. 69, ч. II, л. 1). В 1905 г. вышел в свет оставшийся, к сожалению, единственным альбом, посвященный мавзолею Гур-Эмир (совр. Гури-Эмир) (Мечети Самарканда. 1905. Вып. 1), хотя аналогичные фиксационные работы были проведены также для строений Биби-Ханым, медресе Улутбека и мазара Рухабад.

Этим изданием было положено «начало важнейшей задаче — сохранению памятников для нужд науки путем монографического исследования каждого из них» (Якубовский 1940: 229). Многолетние работы историко-архитектурной экспедиции стали началом систематического изучения памятников Самарканда, а направление исследований Археологической Комиссии под руководством Н. И. Веселовского по отношению к самаркандским памятником — «на том этапе правильным» (Там же: 294–295).

Кроме того, в результате поездок в Среднюю Азию в 1897–1899 гг. Н. И. Веселовский привез из Самарканда древности, происходящие из Афрасиаба: обломок плиты с изображением лица человека, бронзовый подсвечник на 3 ножках, глиняные сосуды и фрагменты таковых, фигурку птички, фрагмент оссуария с рельефными изображениями сирены и головы человека, а также глиняные оссуарии, найденные в еврейском квартале Самарканда (ФА, Q 673/3–4, 8–10, 21, Q 710/27, II 26066, III 7235–7236, 7447–7449, 7865, 7921–7922).

В 1898 г. Н. И. Веселовский вместе с сотрудниками экспедиции побывал в Шахрисябзе с целью визуального обследования дворца Ак-Сарай. Фотографии и негативы, сделанные во время поездки И. Ф. Чистяковым, сохранились в архиве ИАК (ФА, III 2636–2638, 7033–7034, IV 564–575; отп. Q 135). На одной из них запечатлен Н. И. Веселовский, сидящий у портала Ак-Сарая.

Самарканд. Шах-и Зинда. Фото П. Надара 1895 г. (ФА, F 1/13)

Самарканд. Общий вид мавзолея Гури-Эмир. Фото И. Введенского 1890-е гг. (ФА, Q 159/24)

Самарканд. Вид мавзолея Гури-Эмир зимой. Фото И. Введенского 1890-е гг. (ФА, Q 159/23)

Самаркандская область. Шахрисябз. Дворец Ак-Сарай. Низ левой щеки главного фасада.
В центре сидит Николай Иванович Веселовский. Фото Н. П. Петровского 1895 г. (ФА, Q 135/4)

Стоит отметить и другие, исследования ИАК в этом регионе. В 1886 г. востоковед-исламовед Н. П. Остроумов, директор Ташкентской гимназии и действительный член РАО, по инициативе и на средства ИАК, которая выделила ему 100 руб., исследовал курган по дороге в кишлак Дурмен близ Ташкента. Сохранились планы сооружения (1886 г., д. 34, л. 33–40; ФА, О 2482/14–15). Он отметил, что окрестности г. Ташкента «богаты древними земляными сооружениями разных типов. Здесь встречаются древние укрепления и городки, а также изобилуют курганы, которые длинными цепями тянутся по хребтам сыртов, следуя по долинам рек» (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: СХСIII). Искусственные насыпи в районе Ташкента представляли собой сооружения двух типов — собственно курганы с коническими насыпями и укрепленные поселения (1886 г., д. 34, л. 125–137). В 1887 г. Н. П. Остроумов исследовал около 20 курганов с подбойно-катакомбными могилами. Часть захоронений оказалась потревожена, кроме скелетов людей в насыпях курганов и в могилах обнаружены кости животных, в том числе лошадей. Инвентарь захоронений включал глиняную посуду, железные ножи и металлические пластинки, изредка бусы и серьги (Там же, л. 114–117; ФА, II 40903–40906; ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: СХСIII–СХСIX). Кроме того, Н. П. Остроумов представил в ИАК описание археологических памятников на дороге из Ташкента в Чимкент (1886 г., д. 34, л. 122–124).

Продолжая изучение местных древностей в 1893 г., Н. П. Остроумов сообщает в ИАК о находке клада серебряных джагатайских монет и украшений в 25 верстах от Отрара, запрашивает 200 руб. на раскопки курганов (1893 г., д. 92, л. 1, 2) и пишет: «Я намерен возбудить вопрос о нанесении на план развалин Отрара и о нанесении на карту курганов Сырдарьинской и Ферганской области» (Там же, л. 7 об.). В результате исследования еще двух курганов около Ташкента им были выявлены раннесредневековые коллективные захоронения в сводчатых склепах из сырцового кирпича, в сопровождении глиняных сосудов (Там же, л. 56–60 об.).

В 1889 г. ИАК обратилась к Е. Ф. Калю (1863–1891), чиновнику по особым поручениям при генерал-губернаторе Ташкента, с поручением «собрать сведения о местных памятниках древности..., ознакомиться с коллекциями древностей... у случайных лиц. Противодействовать при помощи местных властей самовольным раскопкам и кладоискательствам, сопряженным с повреждением и уничтожением курганов, городищ и вообще древних урочищ» (1889 г., д. 86, л. 3). На приобретение предметов древности ему было выделено 150 р. Выполняя задачи, поставленные ИАК, Е. Ф. Каль осмотрел и снял планы 24 курганов в окрестностях Ташкента, собрал сведения о некоторых кладах, найденных в последнее время в Туркестанском крае, и произвел разведки курганов в Аулиеатинском уезде (Там же, л. 19–20).

Важное значение имела поездка Е. Ф. Каля в 1890 г. на русско-афганскую границу, на которую ИАК выделила 400 руб. Это фактически первое обследование древней Бактрианы, где им были осмотрены, описаны и составлены глазомерные планы свыше трех десятков курганов и городищ на правом берегу Амударьи от Термеза до Керков и собрана коллекция древних предметов. К сожалению, внезапная смерть помешала Е. Ф. Калю подготовить отчет об этих обследованиях. В фонде ИАК сохранился только рабочий дневник этой поездки (Там же, л. 59 об.–60, 65 об.–80 об., 140 об.–153 об.).

Среди первых исследователей древностей Средней Азии следует также назвать генерала от инфантерии А. В. Комарова, в 1883 г. назначенного начальником Закаспийской области. Крупной заслугой его как военного и политического деятеля является фактическое присоединение к России Мервского, Тедженского, Серахского и Иолатанского оазисов. В 1883–1889 гг. А. В. Комаровым была собрана большая коллекция древних предметов и монет, а в 1886 г. проведены

Меана. Развалины мечети напротив мавзолея Абу Сеида Мейхенейского. Фото В. А. Жуковского 1890 г. (ФА, О.680/19) с. 16

осознанно сохранены в архиве ИАК (1890 г., д. 47, л. 7–18) и использованы при подготовке исследований В. А. Жуковского, организованных непосредственно Комиссией.

Иранист В. А. Жуковский — основатель нового этапа в области изучения мусульманской Персии, по сути, разработал методологию историко-археологического исследования среднеазиатских городов — в 1890 и 1896 гг. на средства ИАК, которая выделила ему 2300 руб., он совершил ряд поездок в Туркестан. Комиссия поставила перед ним задачу «обратить главное внимание на тщательное изучение мервских развалин и ближайших к ним окрестностей по обоим берегам Мургаба» (Там же, л. 1). Интересно, что в число задач В. А. Жуковского входило наблюдение за строительными работами по возведению новой плотины на Мургабе — фактически это был первый в Средней Азии археологический надзор за новостроечными работами. Обследовав Мерв, ученый проехал вверх по Мургабу вплоть до иранского Хорасана, где осмотрел Мешхед и Тус (Там же, л. 35–42 об.). Во время поездки он сфотографировал виды местности в Нисе и городище Анау (ОИАК за 1890 г. 1893: 79–86, 131; ФА, О 680/1–3, 21; Q 292, Q 396; III 2953–2955), а также мавзолей Абу-Сеида Мейхенейского у сел. Меана. Древности, привезенные В. А. Жуковским, были найдены при раскопках могилы Мир-Джафар-Хана в местечке Гяур-Кабристан близ Табриза: бронзовые наконечники стрел, копья и эсовидный стержень поступили в ГИМ (ФА, III 8096).

Результатом первого путешествия стало исследование о развалинах древнего Мерва — «Древности Закаспийского края» (Жуковский 1894). Второй раз В. А. Жуковский был в Закаспийской области в 1896 г. и произвел небольшие раскопки на городище Анау, прорезав

раскопки на Северном холме Анау около Ашхабада, результаты которых доложены им на заседании Восточного отделения РАО (ЗВОРАО, т. 3. 1888: 4). К середине 1880-х гг. относятся и немногочисленные сделанные им фотографии («Караван невесты», вход в Шах-и Зинда и др.). Они наклеены на картонные паспарту охряного цвета и подписаны, вероятно им самим, черными чернилами (ФА, Q 135/1, Q 493/1).

Генерал А. В. Комаров проводил свои исследования самостоятельно, не особо считаясь с существованием ИАК в Петербурге, однако их результаты оказались востребованы Комиссией. Так, его статья «Закаспийская область в археологическом отношении», включавшая подробное описание развалин древних памятников на юго-западе Средней Азии от Прикаспия до Мургаба и раскопок в Анау, была опубликована в 1888 г. в газете «Новости». Интересно, что автор обратил внимание на отсутствие в подъемном материале Старой Нисы средневековой керамики и высказал предположение о большой древности этого памятника. Эти данные были

траншеей склон тепе (ФА, О 680/5, 8, 13, Q 292, Q 396; Бартольд 1977 б: 689–703), хотя он и не был археологом и не ставил себе целью производство полевых работ. Он полагал, что «прежде следует позаботиться о том, что уцелело еще на поверхности, — уберечь и сохранить для науки развалины городов и памятников путем снятия рисунков, фотографий, бумажных оттисков с надписями на камнях, планов, сопровождая их простым, но добросовестным описанием и пояснениями» (Жуковский 1894: 199).

В архиве ИАК сберегались материалы и любительских исследований памятников этого региона. В 1898 г. во время раскопок средневековых курганов близ с. Большое Владимирское Семипалатинской области священником Г. Васильевым (1898 г., д. 8) в ямах с деревянными накатами были обнаружены так называемые захоронения с конем, инвентарь которых включал топор, наконечники копий и стрел, сбруйные украшения, удила и бусы. Недалеко от курганов в степи был найден медный бурхан — изваяние будды (ФА, II 26018–26019).

Однако в Средней Азии трудились и профессиональные археологи, результаты исследований которых были сохранены Комиссией. В том же 1898 г. финский археолог Х.-И. Гейкель исследовал курганы у с. Дмитриевского Аулие Катинского уезда Сырдарьинской области. Находки хранятся в Гельсингфорсском (Хельсинкском) музее, фотографии зарисовок находок и больших глиняных сосудов — в фотоотделе (ФА, III 7290–7294). На следующий год он провел исследования средневековых курганов в долине р. Талас Аулие Катинского уезда (РА, 1899 г., д. 57). Находки — украшения, зеркало, орудия и оружие — также были увезены в Гельсингфорсский музей (ФА, II 26304).

В то же время продолжалась и начатая ранее фотофиксация памятников Средней Азии, результаты которой были так или иначе востребованы ИАК. В 1880–1890-е гг. в Туркестане работали профессиональные фотографы и фотографы-любители Г. А. Панкратьев, В. Ф. Козловский, И. Введенский, Н. Ордэ и др. Ими сделано множество фотографий архитектурных сооружений старых городов Туркестана, бытовых сцен, праздников и типов местного населения. Эти фотоальбомы были преподнесены их авторами или заказчиками ИАК как главному археологическому учреждению России. Г. А. Панкратьев, капитан русской армии, служил в Самарканде и на полученную от графа Н. Я. Ростовцева стипендию в 300 руб. исполнил полный и детальный альбом памятников древностей Самарканда и его окрестностей. Альбом, снабженный переводами куфических и арабских надписей на мавзолеях, был выпущен в продажу всего в нескольких десятках экземпляров (ФА, О. 681). Этот альбом является совершенно уникальным, поскольку многие зафиксированные им памятники более не существуют. Ю. Якубовский, автор статьи «Незаменимые люди» в газете «Туркестанские ведомости» в 1904 г., № 140, беспокоился о негативах, «которые портятся, в то время как памятники разрушаются». Он предлагал музеям использовать негативы Г. А. Панкратьева для издания полного альбома самаркандских памятников древности, который, по мнению автора статьи, «не любитель, а настоящий художник-фотограф».

И. Введенский наиболее активно работал в Самарканде в 1894–1897 гг. В архиве Археологической Комиссии сохранился альбом с великолепными фотографиями архитектурных памятников Самарканда и его окрестностей (ФА, Q 159). В. Ф. Козловский снимал памятники архитектуры в Коканде, Шахрисябзе и Самарканде (ФА, Q 290; О 1118, О 1120). В Коканде, в частности, он сфотографировал общие виды и интерьеры ханского дворца. В те же годы профессионал Н. Ордэ фотографировал типы народностей Центральной Азии. Эти снимки представляют большую ценность в этнографическом отношении (ФА, Q 20; Q 290; Q 354). Д. И. Ермаков, фотограф, путешественник и этнограф, в Закаспийской области зафиксировал памятники Асхабада (Ашхабада), Самарканда, Бухары, Мерва и др. (ФА, Q 507; Q 481).

Анау. Вид дворового фасада развалин мечети. Фото В. А. Жуковского 1896 г. (ФА, О 680/23)

Мечеть Анау. Фото Д. И. Ермакова 1890-е гг. (ФА, Q 292/4)

Самарканд. Мавзолеи Шах-и Зинда: Эмир-Бурундука (№ 3), Туман-Ака (жены Тамерлана) (№ 5), племянника Тамерлана (№ 4) и неизвестного лица (№ 8). Фото Г. А. Панкратьева 1890-е гг. (ФА, О 681/43)

Самарканд. Комплекс Шах-и Зинда. Интерьер мавзолея Кусамы-Ибн-Аббаса. Фото Г. А. Панкратьева 1890-е гг. (ФА, О 681/48)

Самарканд. Общий вид усыпальницы Шейбанидов. Фото Г. А. Панкратьева 1890-е гг. (ФА, О 681/18)

Арки на р. Зеравшан, построенные в XV столетии. Фото Г. А. Панкратьева 1890-е гг. (ФА, О 681/74)

Не менее интересны крупноформатные отпечатки сына известного французского фотографа П. Надара — П. Надара, сделанные им во время поездки в 1895 г. в Бухару, Самарканд и Мерв. Альбом из 28 фотографий был подарен ИАК в 1900 г. и хранился до организации фотоархива в библиотеке ИАК (ФА, F 1).

Для того чтобы объективно оценить роль ИАК в изучении Азии, необходимо рассматривать ее деятельность в контексте активности других научных учреждений России того времени и их представителей. Так, в мае 1893 г. профессор В. В. Бартольд был командирован Санкт-Петербургским университетом в Среднюю Азию для исследования памятников древности, главным образом в Чуйской и Илийской долинах. Поручение такого же рода было получено и от Академии наук, вместе с ним был направлен художник С. М. Дудин (1892 г., д. 187). Производство раскопок и вообще каких-либо работ, требующих познаний в области археологии, не предполагалось. Задача заключалась в том, чтобы, в дополнение к письменным известиям о прошлом Средней Азии, собрать «сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее, и по возможности дать краткое описание развалин городов, укреплений и т. п.» (Бартольд 1966 а: 21). Перелом ноги не позволил В. В. Бартольду в 1893 г. выполнить задание: он успел осмотреть памятники по пути от Чимкента до Аулие ата и долину Таласа. Однако С. М. Дудин сумел совершить поездку в Чуйскую долину и вокруг озера Иссык-Куль и предоставил свои материалы для отчета В. В. Бартольду.

В 1894 г. в качестве участника экспедиции В. В. Бартольд пригласил поручика Е. П. Ковалева, члена Таврической ученой архивной комиссии, для осмотра памятников древности, к которым можно было проникнуть только верхом, и снятия необходимых рисунков и фотографий. Таким образом, были осмотрены развалины по Таласу ниже Аулие-Ата, на пути от Таласа к Чу, в Чуйской долине, в бассейне Нарына, по северному берегу Иссык-Куля и на р. Или. В. В. Бартольд полагал, что все данные, включенные им в отчет, пригодятся будущим исследователям (Там же: 22). Краткий отчет был опубликован в 1894 г., а подробный — в 1897 г., однако вопрос о судьбе материалов фотофиксации этих памятников остается открытым (Там же). Помимо четких описаний памятников В. В. Бартольд приводит в отчете данные из известных ему письменных источников, местные легенды, в ряде случаев дает датировку памятников и предположительную идентификацию их с памятниками, известными по арабским и китайским письменным источникам.

В Джаркентском уезде В. В. Бартольд осмотрел великолепный памятник мусульманской культуры — построенную на средства таранчинского богача Вали-Ахуна Юлдашева мечеть в дунганском стиле. Внутренность храма мало соответствовала устройству мечетей и скорее напоминала христианские церкви: михраб, похожий на алтарь, находился против входа, с которым был соединен двумя рядами колонн; по обе стороны располагались хоры, на которые вели лестницы. Фотографии этой мечети позднее поступили в ИАК, однако, кто сделал снимки, осталось неизвестно: в архив они поступили вместе с негативами, исполненными Б. Литвиновым во время раскопок на Афрасиабе в 1904 г. (ФА, О 3519/20–22).

Самого С. М. Дудина, художника, путешественника, этнографа, археолога, музейного работника, фотографа, который в 1893 г. был в Средней Азии вместе с В. В. Бартольдом, ИАК в 1895 г. командировала в Самарканд в экспедицию Н. И. Веселовского. Им было сделано около 200 негативов размером 24 × 30 см, часть которых сохранились в архиве Комиссии.

С С. М. Дудиным была связана не только ИАК, но и Академия наук и Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА). В 1900 г. В. В. Радлов предложил ему подготовить программу и смету экспедиции в Среднюю Азию. Для этих целей были закуплены фотоаппараты, оптика, фотоматериалы; изготовлено оборудование для

Самарканд. Медресе Шир-Дор. Фото И. Введенского 1890-е гг. (ФА, Q 159/13)

Самарканд. Общий вид комплекса Биби-Ханым. Фото И. Введенского 1890-е гг. (ФА, Q 159/2)

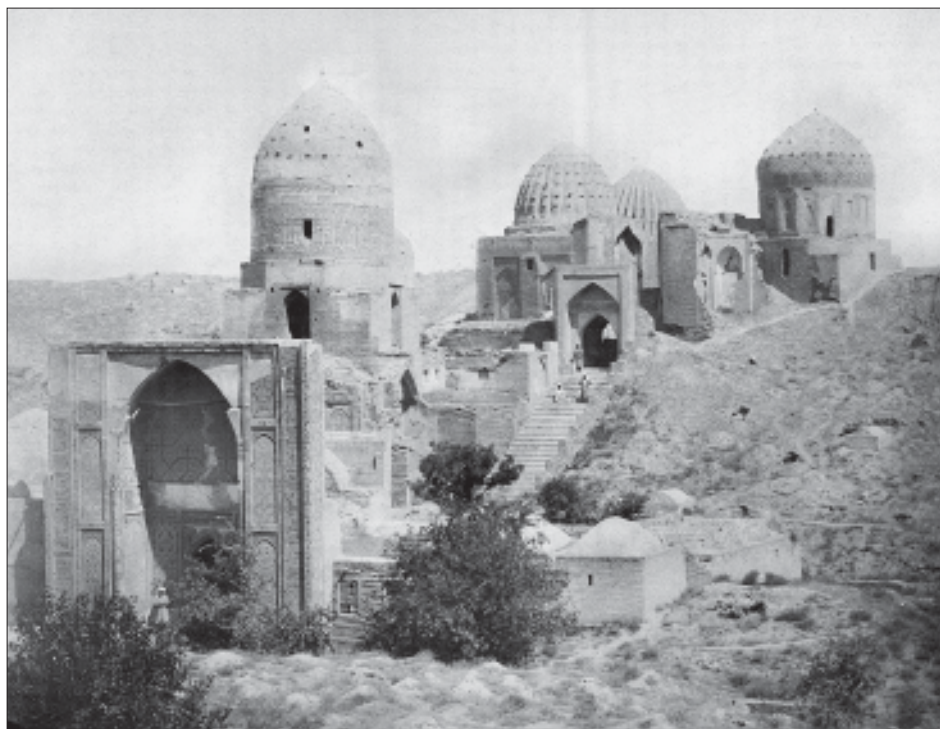
Самарканд. Общий вид на Регистан. Фото И. Введенского 1890-е гг. (ФА, Q 159/34)

Самарканд. Лестница — подъем к мавзолеям Шах-и Зинда. Фото И. Введенского 1890-е гг. (ФА, Q 159/7)

Коканд. Войско у дворца хана. Фото В. Ф. Козловского 1890-е гг. (ФА, Q 290/47)

Самарканд. Общий вид Шах-и Зинда. Фото В. Ф. Козловского 1890-е гг. (ФА, Q 290/26)

Самарканд. Комплекс Биби-Ханым. Ляух установлен перед зданием мечети. Фото В. Ф. Козловского 1890-е гг. (ФА, Q 290/9)

Бухара. Регистан: медресе Мири-Араб, минарет Калаян и мечеть Мееджид-и-Калаян. Фото П. Надара 1895 г. (ФА, F 1/15)

Василий Владимирович Бартольд. Фото 1910-х гг.
(ФА, Q 715/2)

походной лаборатории. Экспедиция началась в феврале 1900 г. и, в общей сложности, продолжалась три года. Задача ученого-фотографа заключалась в съемке населенных пунктов, характерных построек, домашней утвари, национальных костюмов; требовалось также запечатлеть повседневную жизнь обитателей края, торговлю, религиозные обряды, обычаи, разнообразные ремесла, типы людей. С. М. Дудин сделал более 2000 снимков и собрал огромную вещевую коллекцию, положившую начало среднеазиатского собрания Российского этнографического музея. В Самарканде им были приобретены древности, происходящие из Афрасиаба, — глиняные головки, фрагменты статуэток, резные и мозаичные изразцы, часть плиты с мозаичным орнаментом. Эти предметы фотограф ИАК И. Ф. Чистяков впоследствии сфотографировал для Н. И. Веселовского (ФА, III 8255–8260, Q 673/22–25).

В 1909–1910 и 1914–1915 гг. С. М. Дудин принимал участие в экспедициях в Восточный Туркестан и Западный Китай под руководством С. Ф. Ольденбурга. Собранные этнографические и археологические коллек-

ции и альбом фотографий легли в основу его научных публикаций о технике буддийского и исламского искусства Центральной Азии.

В 1905–1908 гг. по поручению РКИСВА С. М. Дудин совершил три поездки в Самарканд с целью подробной регистрации местных архитектурных памятников — фотографированию подлежали все архитектурные детали, в том числе изразцы и мозаики. Результат этих работ — собрание превосходных снимков. С. М. Дудин не только первым поставил вопрос о подробнейшей съемке, но и осуществил ее. Его фотографии по Шах-и Зинде, попавшие в архив ИАК (ФА, Q 345 a-d, O 683 a-c), были использованы реставраторами при работах на памятнике в послевоенные годы (Памяти С. М. Дудина 1930: 341–358).

Археологическая Комиссия контролировала и иностранные археологические экспедиции, работавшие в Средней Азии. В 1904 г. на основе Открытого листа, выданного ИАК В. В. Бартольду, американская экспедиция под руководством геолога Р. Пампелли произвела раскопки в Закаспийской области — на Гяур-Кала (цитадели древнего Мерва) и в Анау (Известия ИАК 1905: 29–30). Работы проводились на средства фонда Карнеги и носили комплексный характер — полученные материалы изучали как археологи, в частности Г. Шмидт, ранее проводивший раскопки Трои, так и специалисты естественных наук: зоолог И. Дюрст, антрополог Г. Серджи и др. С российской стороны научную экспертизу плана исследований и результатов осуществлял В. В. Бартольд. В результате раскопок Северного и Южного

Самарканд. Вид развалин мавзолея Ишрат-Хана. Фото С. М. Дудина 1908 г. (ФА, Q 345/48)

холмов Анау была открыта древнеземледельческая анауская культура, выделены четыре этапа ее развития (Анау I–IV) эпохи энеолита — раннего железного века, а оперативное введение в научный оборот материалов экспедиции (Pumpelly 1908) способствовало тому, что археологические памятники юга Средней Азии получила широкую международную известность. Коллекция археологических находок экспедиции была доставлена в Санкт-Петербург. Предметы античного времени из раскопок в Мерве — терракотовые статуэтки — поступили в Эрмитаж (ФА, II 27616), древности эпохи энеолита и бронзы из раскопок в Анау: кремневые и каменные орудия и утварь, пращевые камни, игрушка-тележка — в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (ФА, III 9574–9579), однако предварительно они были предоставлены для фотофиксации ИАК.

Одновременно в 1904 г. В. В. Бартольдом были проведены раскопки на Афрасиабе, являвшиеся, по существу, продолжением раскопок Н. И. Веселовского 1885 г. и имевшие целью выяснить местоположение соборной мечети. Подготовительные работы были выполнены по поручению РКИСВА местными силами еще в 1903 г. В. В. Бартольд предполагал посвятить исследованиям три месяца: первый месяц — топографическому изучению Афрасиаба, второй — пробным раскопкам на этом городище, третий — изучению остальных городищ и памятников древности в пределах длинных стен, некогда окружавших город и его пригороды. По семейным обстоятельствам программа была сокращена, и раскопки проводились с 17 июля

Самарканд. Изразцы из облицовки мавзолея
Ишрат-Хана. Фото С. М. Дудина 1908 г.
(ФА, Q 345/60)

Раскопки Р. Пампелли. Модель тележки. Фото 1904 г.
(ФА, III 9574)

по 13 августа. Во время исследований к западу от цитадели найдено множество мелких предметов, в особенности фрагментов стеклянной посуды, кусков жженого кирпича с синими и белыми изразцами. Была обнаружена и многоступенчатая постройка из жженого кирпича на гипсовом цементе, по мнению В. Л. Вяткина и А. Ю. Якубовского, являвшаяся основанием минарета саманидской мечети (Вяткин 1927: 17; Якубовский 1940). Исследования, проведенные по вопросу о снабжении города водой, подтвердили предположение, основанное на изучении письменных источников: водопроводная труба была проложена с юга. Как топографические, так и археологические изыскания были проиллюстрированы 20 фотографическими снимками, выполненными по заказу В. В. Бартольда фотографом Б. Литвиновым. Эти фотографические материалы поступили на хранение в архив ИАК (ФА, О 3519/1–22, II 17827–17829, III 2936–2952, IV 625–627; Бартольд 1966b: 130–133; 1966c: 139–140; Длужневская 1987: 111–112).

Раскопки В. В. Бартольда на Афрасиабе в 1905 г. были продолжены самаркандским археологом В. Л. Вяткиным, который вел исследования Афрасиаба по заданию РКИСВА. Им были найдены фрагменты керамических сосудов (ФА, Q 673/15; Вяткин 1908: 22–36). Открытые листы на проведение раскопок были выданы непосредственно ИАК (1904 г., д. 24; 1908 г., д. 25), однако Комиссия отмечала, что научный отчет так и не был представлен. В ходе дальнейших раскопок 1908–1909 гг. В. Л. Вяткин обнаружил остатки самаркандской обсерватории Мирзы Улугбека (Глазенап 1909: 33–35).

В 1904 г. туркестанский краевед А. А. Козырев и заведующей ирригацией Самаркандской области, краевед и фотограф-любитель Н. П. Петровский исследовали позднесредневековый курган в урочище Кара-Агач Акмолинской области (1904 г., д. 39). Здесь были обнаружены золотой венчик с привесками на дужках, стеклянный сосуд на ножке, глиняные столбики, обитые золотым листом, украшенным камнями и зернью, такая же серьга и бусы (ФА, III 9331–9332, II 27491–27493). В 1905 г. А. А. Козырев продолжил исследование кургана и обнаружил каменную статую «бабы, сидящей на корточках». Материалы раскопок поступили в ИАК (ФА, II 27864–27866; 1905 г., д. 46, л. 197).

Раскопки В. В. Бартольда на Афрасиабе. Фото Б. Литвинова 1904 г. (ФА, О.3519/6)

Наконец, в 1911–1914 гг. раскопки средневековых курганов, по большей части полностью разграбленных, проводились частично на средства ИАК Н. П. Куборским и В. Петровым — преподавателем и директором Кустанайского реального училища — в Кустанайском уезде Тургайской губернии (1911 г., д. 80); гидрогеологом Н. М. Петровским — в урочище Тибис-сох этой же области (1913 г., д. 357) и студентом Петербургского университета Н. Н. Бортвиным, которому было выделено 20 руб., в районе г. Петропавловск Акмолинской области (1915, д. 212).

Комиссия учитывала в своей деятельности и случайные находки, большая часть которых поступила в Петербург и затем, после предварительной фотофиксации сотрудниками Комиссии, была передана на хранение в столичные музеи. Так, в Семиреченской области близ Пишпека туркестанский краевед Г. Фролов в 1891 г. нашел клад золотых вещей: перстни, браслет со звериным орнаментом, обкладка пояса и др. (1891 г., д. 91; ФА, II 85455); в 1895 г. А. В. Селиванов приобрел бронзовые треножки и фрагментированный котел, происходящие из урочища Койсар (ФА, Q 644/8, II 25669–25671; ОИАК за 1895 г. 1897: 75). Фольклористом и коллекционером И. В. Аничковым в ИАК была прислана каменная «баба», сфотографированная в Петербурге И. Ф. Чистяковым (ФА, Q 464/63). В с. Дмитриевском Пишпекского уезда в 1903 г. был найден клад восточных монет и вещей (ФА, I 20800), а в 1904 г. близ этого же села, в урочище Сын-Таш — медный сосуд с арабской надписью (ФА, Q 660/5, II 27900, III 9834, 9842; ОИАК за 1904 г. 1907: 139). Наконец, в 1908 г. близ с. Лебединского Пишпекского уезда был найден клад серебряных изделий XII–XIII вв.: серьги, бусы, браслеты, серебряная чашечка (ФА, II 32258–32262).

В Сырдарьинской области на кургане «Караул-Тюбе» у с. Мамаевка Чимкентского уезда в 1893 г. обнаружен клад, включавший браслеты с несомкнутыми концами, бусы, зеркало и др. Сохранились рисунки, сделанные художником Сусловым (ФА, II 85454). В Сайрам-су Чимкентского уезда в 1900 г. клад также включал украшения из серебра — браслеты, серьги, дирхемы, фрагменты других изделий (ФА, III 7605–7610; ОИАК за 1900 г. 1902: 124–125).

Из Закаспийской области происходит чеканное медное блюдо с изображением всадника в центральном медальоне и животных и людей в арочках по краю, найденное в 1893 г. и хранившееся в коллекции фотографа Д. И. Ермакова (ФА, Q 543/17–18). В 1916 г. в пещере у оз. Батыр Мангышлакского уезда обнаружены кувшин из орехового дерева, каменные грузила, пара серег со вставками из камней, золотой флакончик, штампованная пластина, золотая кружка и кожаная коробочка (ФА, III 13250–13251).

В Самаркандской области в урочище Танге-Танды Джизакского уезда в 1897 г. был найден свинцовый слиток с отпечатками хорезмшахских монет (ФА, II 26263; ОИАК за 1897 г. 1900: 180–181). Стекланные подвески с восточными буквами происходят из Самарканда (ФА, I 22000), с Афрасиаба — костяная статуэтка всадника с палицей на коне (ФА, Q 672/12).

В Самарканде и Бухаре И. Ф. Барцевским сфотографированы мозаика, керамика и лепные украшения (ФА, O 493/32, 33, 40). В 1902 г. коллекционер С. А. Лапин привез из Бухары золотые украшения: ажурную бляху, украшенную филигранью и камнями, бляшку-розетку, розетку с привесками на спиральках, наконечник из четырех прорезных бус (ФА, II 26465, III 8134–8136). В Семипалатинской области Г. Васильевым в с. Большое Владимирское найден нефритовый бурхан, изображающий Будду (ФА, II 26218). В Тургайской области в сопке Ак-Карча у р. Тобол нашли бронзовый бурхан с изображением четырехрукого божества (ФА, II 26475–26476), а в 1901 г. у коллекционера И. С. Назарова ИАК приобрела большое медное «полулunie» (пектораль), золотой наконечник с изображением головки сайги, костяной наконечник стрелы, каменное блюдо на высоких ножках (ФА, II 26724, 26579, 26580).

После высочайшего обозрения и фотографирования в ИАК на хранение в Императорский Эрмитаж поступили приобретенные в Самарканде у коллекционера Мирзы Бухарина в 1888 г. глиняные статуэтки, сосуды, светильники, мелкие поделки, медная узорчатая сетка, бронзовые светильник и курильница (1888 г., д. 66; ФА, II 13158, III 2418, IV 247–254); три глазурованных кирпичика, случайно найденные в 1897 г. близ г. Андижана Ферганской области (ФА, III 7872). Коллекция древностей, происходящих из Кашгара (Восточный Туркестан), была приобретена Археологической Комиссией в 1898 г.: терракотовые, каменные и бронзовые изделия, а именно сосуды и фрагменты сосудов, статуэтки людей и животных, орнаментированные пластины (ФА, III 7169–7175), а также медное восточное блюдо с инкрустированными серебром изображениями парных человеческих фигур и шествия зверей (ФА, IV 1318). Еще одно приобретение составили случайно найденные в Сырдарьинской области золотые и серебряные украшения: браслеты, серьги, перстни (ФА, III 7062–7063; ОИАК за 1898 г. 1901: 78) и медное четырехугольное блюдо с изображением человеческой фигуры, сидящей с поджатыми ногами, и арабской надписью по борту блюда, найденное в Пенджикенте (ФА, III 7187–7188; ОИАК за 1898 г. 1901: 76).

Ф. В. Поярковым в Петербург был доставлен чугунный ажурный предмет колоколовидной формы, найденный в с. Токмак Семиреченской области в 1899 г. (ФА, III 7426; ОИАК за 1899 г. 1902: 139), а также бронзовый подсвечник, найденный в м. Асиль-Арык Сырдарьинской области (ФА, III 8802). Приобретенные в Самарканде медный цилиндр от подсвечника, каменный сосуд в виде ведра с ушками и половиной крышки, медный орнаментированный

кувшин восточнотуркестанского типа привез Н. И. Веселовский (ФА, Q 710/27, Q 475/71, III 7952; ОИАК за 1899 г. 1902: 138–139).

Археологическая Комиссия передавала приобретенные казной предметы и в другие музеи. В Исторический музей через ИАК поступили бронзовый сосуд на трех ножках с восточным орнаментом, найденный близ г. Верного Семиреченской области и приобретенный А. В. Селивановым в 1895 г. (ФА, Q 670/7, II 25665; ОИАК за 1895 г. 1897: 76), и золотые штампованные бляшки и колокольчик из кургана в Акмолинском уезде (ФА, Q 670/7, II 25664), а в 1900 г. — гипсовые слепки с резных камней с изображениями человеческих голов и зверей, приобретенные в Бухаре (ФА, I 20739, II 26824), и медная кирка и серп, найденные близ Себинского оз. в Семипалатинской области (ФА, II 26612).

В Русский музей были переданы случайно найденные в кургане близ с. Биш-Тала-Юкари Ферганской области серебряное сасанидское блюдо и глиняные сосуды (ФА, O 30/44–54, II 10382–10383, III 13318). В музей Русского археологического общества из Средней Азии поступили глиняные сосуды и бронзовый наконечник стрелы (1894 г., д. 241, л. 36–37; ФА, III 7047). В Азиатский музей в 1890 г. поступило мраморное блюдо с арабской надписью, присланное в дар Археологической Комиссии Н. П. Остроумовым (1890 г., д. 130; ФА, II 13145). На средства ИАК Н. И. Веселовский купил у Мирзы Бухарина древности из Афрасиаба: обломки глиняных оссуариев, фигурки животных и крышки глиняных сосудов (ФА, O 2427/69–75, IV 1617–1618), а также перстни, резные камни, индикации (оригиналы и слепки) (ФА, Q 480/63, II 31033–31034, 31120).

Находки «восточного серебра» в Средней Азии были немногочисленны. Практически все они опубликованы в известном Атласе «Восточное серебро» Я. И. Смирнова (Смирнов 1908). Стоит упомянуть серебряную фигурку оленя из кургана близ Усть-Каменогорска Семипалатинской области (Там же: № 18; ФА, Q 661/10, II 26885, 26888), серебряную чашу с точечным орнаментом, найденную в 1891 г. в Кочкорской долине (Смирнов 1908: № 236; ФА, II 26831–26832), серебряный ковш с орнаментированной ручкой (Смирнов 1908: № 233) и две чаши: одна с растительным орнаментом по борту и другая — с точечным орнаментом (Там же: № 234, 235; ФА, Q 666/19–20, Q 663/20, 12, Q 661/14, II 26828, II 26830, 26839, 26834, III 7964), найденные в Верненском уезде Семиреченской области в 1892 г., серебряную чашу с рельефным изображением мифологической сцены из Кустанайского уезда Тургайской области, найденную в 1903 г. (Смирнов 1908: № 284; ФА, Q 476/80–81, III 8934–8936, 8954–8955); чашу с кольцеобразной ручкой и гравированным изображением зверя на дне, обнаруженную в 1888 г. в Акмолинской области (ФА, Q 663/18–19, III 7965, II 26827). Для Берлинского антиквариата в 1904 г. в Бухаре приобретена серебряная чаша с изображением человеческих фигур в растительном обрамлении (Смирнов 1908: № 283; ФА, Q 664/13–15, II 27460).

Подводя итог нашему обзору, можно выделить два этапа в деятельности ИАК по изучению древностей Средней Азии. На первом этапе, во время постепенного присоединения территории региона к Российской империи во второй половине XIX в., инициатива и финансирование исследований архитектурных и археологических памятников в Русском Туркестане принадлежали ИАК, хотя занимались ими почти исключительно востоковеды и местные краеведы. Наиболее масштабные и целенаправленные работы по заданиям ИАК велись в последней четверти XIX в. Первые систематические археологические раскопки связаны с именами востоковедов Н. Н. Пантусова и Н. И. Веселовского, последний из которых продолжал археологические и архитектурные исследования с 1884 г. до начала XX в. Обследованием древних городов в 1890 и 1896 гг. занимался В. А. Жуковский. Каждый из них

являлся основоположником исследований в своем направлении. Это же можно сказать и сотрудничавшем с ИАК фотографе и этнографе С. М. Дудине.

На втором этапе, в первые десятилетия XX в., основные усилия ИАК были направлены на контроль за исследованиями, проводившимися в Средней Азии другими научными учреждениями Санкт-Петербурга (РАО, Академией наук, Санкт-Петербургским университетом, РКИСВА, ИРГО). Это предполагало выдачу Открытых листов, прием и хранение отчетов о работах и находках, описание и распределение полученных древностей по музейным собраниям. В то же время ИАК последовательно собирала и публиковала информацию как об исследованиях, так и о случайных находках на территории Средней Азии, а также о состоянии архитектурных и археологических памятников, в том числе об умышленных разрушениях и кладоискательстве, тем самым привлекая внимание общества к этой проблеме. Помимо первых исследований ключевых памятников региона и их верных культурно-хронологических интерпретаций к заслугам ИАК в деле изучения Средней Азии стоит отнести собирание и сохранение уникального фотографического материала, который сегодня выполняет роль первоисточника мировых знаний об истории и культуре этого региона.

Г. В. Длужневская, Л. Б. Кирчо

ГЛАВА XI

СЛАВЯНО-РУССКИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ДРЕВНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

В отечественной историографии давно утвердилась мысль, что главные усилия Императорской Археологической Комиссии в начальный период ее деятельности были сконцентрированы на археологических исследованиях греко-скифского мира юга России и не связывались со славяно-русскими и средневековыми древностями (Пескарева, Рябинин 1984: 303). Подобная ситуация объяснялась не только статусом ИАК в Российском государстве и «Положением» о ней, но и представлениями ее тогдашнего руководства (и общества в целом!) о функциях и компетенции археологической науки. Археология мыслилась как наука о прекрасных древностях, связанных в первую очередь с традициями античности. Даже в краткой исторической записке о деятельности ИАК, составленной для Министерства императорского Двора в 1881 г., указывалось, что на первом этапе своего существования Комиссия «обращала главное внимание на изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами», и лишь во вторую очередь наблюдала «за случайными археологическими находками», сделанными на остальной территории России (1859 г., д. 1, л. 24, 24 об.).

В литературе не раз отмечалось, что, в отличие от исследований памятников юга России, раскопки на остальной территории Империи отличались бессистемностью, обусловленной, в частности, объективными причинами — особенностями развития отечественной археологии на разных этапах. Лишь с приходом в Комиссию А. А. Спицына с его систематизаторским талантом средневековые древности заняли в деятельности Комиссии подобающее им место (Жебелев 1923: 111; 1948: 9).

С высоты сегодняшних знаний об ИАК и ее истории тезис о бессистемности в исследованиях «неантичных» памятников нуждается в уточнении. Он представляется не вполне корректным, по крайней мере для отдельных периодов деятельности Комиссии. С самого начала в ее обязанности, согласно первому параграфу «Положения» 1859 г., входило «разыскание предметов древностей, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россией». Эти обязанности и начавшийся рост интереса к отечественным древностям, связанным историческим преемством с современной нацией, естественно, побуждали ИАК обращать внимание на памятники старины, находимые на Восточно-Европейской равнине. Данная территория в I тыс. н. э. входила в зону славянского расселения, а позднее стала ядром формировавшегося Российского государства.

Первоначально информация об археологических древностях российских губерний, поступающая в ИАК, укладывалась в небольшую справку в конце публикуемого ежегодного «Отчета» о количестве доставленных в Комиссию случайных находок. Среди последних особо выделялись предметы, интересные в археологическом, художественном и историческом

Шапка Мономаха (Древности Российского Государства. Отд. II. №1)

ем серебряных монет, найденных 10-летней крестьянкой Рогалевой на берегу реки, в деревне Ряхковской Грияновского сельского общества Мардинской волости Онежского уезда (1859 г., д. 14). Археологическая Комиссия взяла на себя все заботы по оценке монет и пересылке денег. 8 фунтов найденных девичьих серебряных монет были отправлены на переплавку в Монетный двор, который выдал за них сумму, соответствующую весу серебра, — 158 руб. и 95 с половиной копеек. Означенная сумма целиком была выслана архангельскому губернатору для выплаты Рогалевой. Летом 1860 г. губернатор Новгорода прислал в Императорскую Археологическую Комиссию 278 древних серебряных монет, найденных в июне на берегу р. Волхов мещанином К. Васильевым. Оценив их научное значение, Комиссия приняла решение приобрести 38 наиболее интересных экземпляров за 8 руб. Оставшиеся 240 монет и деньги за приобретенные экземпляры были отправлены в Новгород в ноябре того же года (1860 г., д. 19).

Однако не следует забывать, что Императорская Археологическая Комиссия возникла в эпоху подъема национального самосознания в России. Империя готовилась к празднованию своего 1000-летия. Общественная ситуация не могла не задать определенного направления научным интересам ИАК. Не случайно одним из первых дел, носящих характер источниковедческой экспертизы, стало дело «О рассмотрении венца, называемого шапкой Мономаха» (1861 г., д. 5). 21 ноября 1859 г. на заседании Общества истории и древностей российских директор Оружейной палаты Александр Фомич Вельтман (1800–1870), трудившийся в 1842–1843 гг. над составлением описания собрания Палаты, выдвинул оригинальное предположение. Обратившись к тексту грамоты Вселенского Патриарха Иосифа 1561 г. о даровании Ивану IV царского титула, он предположил, что шапку Мономаха, хранящуюся в «дворцовом тереме», следует именовать «царским венцом св. благоверного и равноапостольного великого князя Владимира», что подразумевало одновременно ее древность и византийское происхождение (Вельтман 1860: 31–44).

отношении. Присылаемые древности представляли собой, в первую очередь, нумизматические находки, включая серебряные и медные монеты XVI–XVII вв. — русского, польского, шведского и германского происхождения. Большая часть их, по мнению членов Комиссии, не имела ни научного, ни антикварного интереса (ОИАК за 1875 г. 1878: XXXVI). Чаще всего их отсылали обратно «по принадлежности». Если же они представляли интерес для исследователей, то находчикам выплачивалась стоимость не только по весу металла, но и согласно их археологической ценности и редкости.

Сведения о находках, обнаруженных случайно в процессе полевых и строительных работ, поступали в Комиссию из статистических комитетов, Департамента железных дорог, от губернских властей, от крестьян, духовенства и частных лиц. Так, в июне 1859 г. от начальника Архангельской губернии в ИАК поступило отношение с приложением

В преддверии празднования 1000-летия России это сообщение привлекло высочайшее внимание. 16 февраля 1861 г. министр Двора пишет С. Г. Строганову пространное письмо, излагая существо дела, и просит того произнести суждение Комиссии по этому поводу. В ответном донесении С. Г. Строганов ссылается, не указывая точную дату, на уже имевшийся опыт обсуждения данного вопроса в Академии наук по докладу Д. Н. Блудова (1785–1864) в присутствии А. А. Куника (1814–1899), когда выяснилось, что поиск источников, могущих прояснить этот вопрос, остался безрезультатным. В итоге граф писал, что не видит каких-либо оснований для переименования «шапки Мономаха», которому она и так приписывается «по народному преданию». Характерна и ссылка на мнение на С. М. Соловьева, считавшего предположение А. Ф. Вельтмана «совершенно неосновательным». При этом С. Г. Строганов подчеркивал, что для прояснения указанного вопроса необходим искусствоведческий анализ, и предлагал продолжить изучение проблемы, назначив для этого одного из членов Комиссии и самого А. Ф. Вельтмана.

В своем письме А. Ф. Вельтману, написанном в то же время, С. Г. Строганов напоминал, что интересующий его вопрос уже поднимался в 1837 г. в связи с описанием собрания Оружейной палаты, составленным А. Ф. Малиновским (Малиновский 1807). Однако заключения, сделанные А. Ф. Малиновским, не могут быть привлечены к вопросу о происхождении шапки, поскольку касаются иных царских венцов и регалий. Сам С. Г. Строганов, в свое время стоявший во главе Комиссии по проверке описания Оружейной палаты, указал, что академик И. Х. Гаммель (1788–1862) тогда же в своей докладной записке опровергал достоверность происхождения «Мономаховой шапки». Записка в архиве не сохранилась, но сам А. Ф. Вельтман утверждал, что в ней не было сказано о венце ничего специфического, кроме того, что он вообще упоминался в описях 1642 и 1696 гг. (1861 г., д. 5, л. 1, 4, 5, 7, 8, 9).

Забегая вперед, можно отметить, что через 50 лет ИАК в лице своих сотрудников вновь оказалась вовлечена в дискуссию о происхождении «шапки Мономаха». Так, Н. П. Кондаков, в контексте изучения древнерусского прикладного искусства и кладов домонгольского времени, допустил византийское происхождение этого головного убора (Кондаков 1896: 60–75; Толстой, Кондаков 1897: 40–46). Несколько позже А. А. Спицын одним из первых предположил и обосновал возможность изготовления шапки в золотоордынских мастерских XIV в. (Спицын 1906а: 146–184). Само обращение к данной теме и особенности ее трактовки следует связывать не только с определенными научными подходами, но и с личными отношениями членов Комиссии. В конце XX в. исследователи вновь вернулись к вопросу о происхождении этой царской регалии. Согласно одному мнению, особенности ее стилистики могут быть обусловлены соединением фатимидской и лоянско-бухарской ремесленных традиций. Иной взгляд допускает, что признаки и черты восточного искусства «шапки Мономаха» вовсе не обязательно противоречат ее византийскому происхождению (Крамаровский 1982: 66–70; 2001: 169–183, 176–177; Жилина 2001: 4, 203–204). В свете современных исследований мнение А. А. Спицына представляется все же более обоснованным. Тем не менее очевидно, что участие ИАК в этой дискуссии на ее раннем этапе (1860-е гг.), равно как и «записка» И. Х. Гаммеля, оказались упущены современной историографией.

Похожая история произошла с «Корсунскими» вратами Новгородского Софийского собора. Музей в Нюрнберге через германского посла ходатайствовал перед российским императором о предоставлении ему «гипсового слепка» врат, которые, согласно письму, были выполнены в Германии в XI в. Министр Двора, после доклада, посчитал нужным выяснить в ИАК, являются ли врата «произведением германского искусства». Наименование их Корсунскими явно противоречило такой гипотезе. В ответном письме от 4 ноября 1866 г. С. Г. Строганов

Великий Новгород. Софийский собор.
«Корсунские» («Сиггунские», «Магдебургские»)
врата западного портала Софийского собора
в Новгороде; 1150-е гг., Польша (?).
Фото Н. П. Сычева 1920 г.
(ФА, О. 2354/8, II 72593)

справедливо указал, что эти врата получили свое имя «вследствие одного только предположения», которое не подтверждается никакими письменными доказательствами. По его мнению, стиль фигур и украшений, изображение магдебургского епископа и имена литейщиков «не позволяют сомневаться, что это произведение германского литейного искусства XIV века». Несмотря на 200-летнюю ошибку в датировке, истоки произведения были определены абсолютно верно, а поздняя легенда отринута (1866 г., д. 22, л. 1–2 об.) .

Помимо экспертной оценки национальных древностей ИАК должна была отвечать и на запросы частных лиц. Так, в сентябре 1869 г. священник Петр Постников из г. Белева Тульской губернии попросил Комиссию рассмотреть икону Спаса Нерукотворного, принадлежавшую купцу Ивану Тинькову. По сообщению информатора, икона была писана в 7092 г. по прошению царя Ивана Васильевича, образ был «среброзлащен от цесаря Рудольфа» и пожалован Федору Иоанновичу. В 7187 г. царь Федор Алексеевич пожертвовал ее из Кремлевской иконохранительницы диакону Андрею Виниусу, которого автор записки попытался связать с голландцем Винниусом, создателем железоплавильных заводов около Тулы. Иконе, побывавшей в Петербурге, было отказано в подлинности: она была «писана новейшею краскою академическим

письмом», а риза относилась ко времени императрицы Анны Иоанновны. Образ был отправлен обратно. Очевидно, речь могла идти о позднем списке с иконы XVI в. (1869 г., д. 25, л. 1–2 об., 5).

В поле зрения Комиссии попадали и другие христианские памятники, связанные с поздним средневековьем. 27 мая 1871 г. землемер Минского управления государственными имуществами М. Ф. Авдеев, впоследствии инженер-строитель Минской консистории, прислал в Комиссию рисунки с надгробной плиты, хранящейся в Петропавловском соборе г. Минска, и с древней «панагии», ему принадлежащей. Плита с поэтической эпитафией по легенде была связана своим происхождением с Минским Вознесенским мужским монастырем. «Панагия», квадратная костяная иконка, представляющая развитую иконографию сцены «О тебе радуется» с образом Печерской Богородицы, возводилась землемером к прп. Алипию Печерскому (1085–1088), однако С.Г. Строганов вполне справедливо отнес и то и другое к XVII в. и оценил все в 25 руб. (1871 г., д. 17, л. 2–3, 8).

Таким образом, функции Археологической Комиссии в области славно-русской археологии в 1859–1886 гг. в основном ограничивались исполнением поручений Министерства Двора по

Прорись с надгробной плиты и костяной иконки, присланных в ИАК М. Ф. Авдеевым.
XVII в., Белоруссия (1871 г., д. 17, л. 4, 5)

экспертизе национальных реликвий, оценкой и приобретением для Императорского Эрмитажа кладов и отдельных вещей, найденных в процессе строительных работ, а также экспертизой предметов, присылаемых в Комиссию частными лицами. Собственно полевые исследования предпринимались очень редко, но, сами по себе, они оказываются весьма показательными для портрета эпохи. По сути дела, до середины 1880-х гг. Императорская Археологическая Комиссия всего лишь дважды была инициатором проведения археологических «разысканий» средневековых памятников с научной целью.

Первыми такими археологическими работами стали раскопки в окрестностях Белозерска. Главной их задачей являлось ознакомление с северными курганными насыпями, а выбор Белозерска в качестве объекта исследований был обусловлен его упоминанием в летописи в связи с легендой о призвании варягов 862 г. (ОИАК за 1860 г. 1862: XII). Согласно «Повести временных лет» один из трех братьев Рюрика, именно Синеус, получил Белозерск в свое княжение. Совершенно очевидно, что интерес к исследованию местных древностей был вызван предстоящим в 1862 г. юбилеем Российского государства.

В мае 1860 г. Я. М. Лазаревский, который к этому времени уже имел опыт полевых работ, так как служил в течение 4 лет в Керченском музее и принимал участие в археологических раскопках на Таманском полуострове, в Керчи, в Феодосии и в Екатеринославской губернии при Л. А. Перовском, обратился в Комиссию с предложением провести обследование в этом районе. В том году Я.М. Лазаревский планировал произвести «составление топографического описания древних городищ, окрестностей г. Белоозера и близлежащих курганов», «собрание

Открытый лист на археологические исследования в окрестностях Белозерска, выданный Я. М. Лазаревскому в 1860 г. (1860 г., д. 15, л. 38)

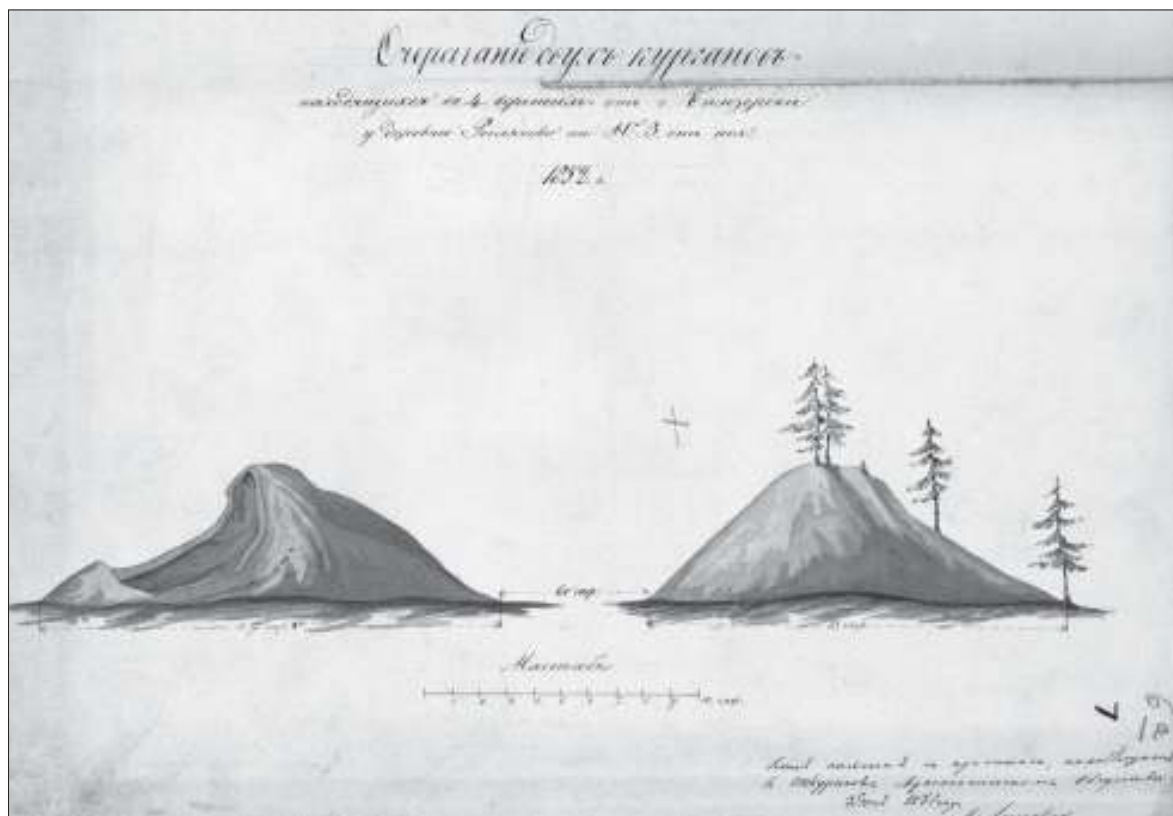
памятниках археологии в окрестностях Белозерска, она одобрила и поддержала намерения Я. М. Лазаревского провести немедленные раскопки, так как обнаруженные курганы были сильно повреждены и в ближайшее время могли быть полностью утрачены для науки (ОИАК за 1860 г. 1862: XIV).

В результате были исследованы два кургана около д. Росляково: «Меленки» и «Синеус», а также две насыпи на территории урочища Старый город. Курган «Меленки», «до ста сажень в окружности и сажени 3 высоты» (1 сажень = 213, 36 см), был наполовину разрушен местными жителями, которые использовали песок и щебень для строительных целей (1860 г., д. 15, л. 13). Исследователи прорезали сохранившуюся часть насыпи траншеей, в центре обнаружили углубление в материк, обложенное камнями; многие из них «были покрыты окисью железа и меди, но металлических вещей никаких найдено не было» (Там же, л.17 об.).

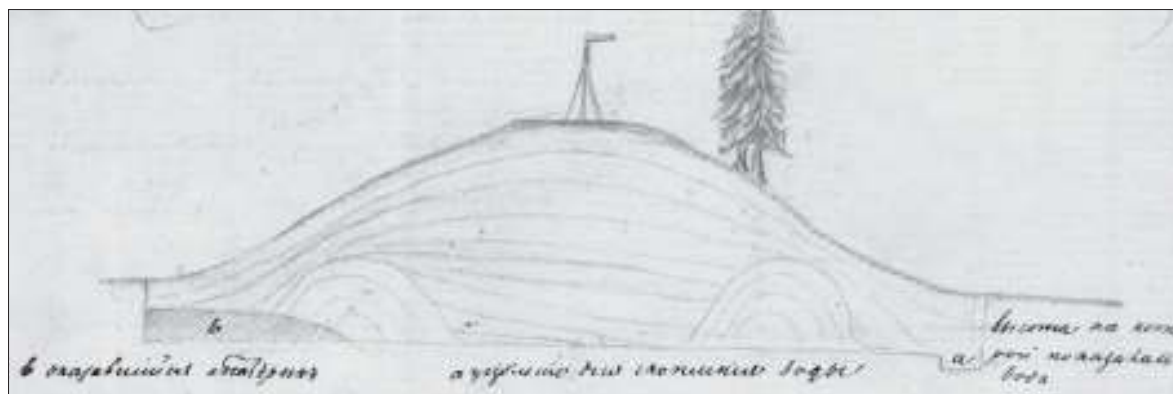
Курган «Синеус» обладал такими же значительными размерами (до 100 сажень в окружности и 4 сажени высотой). Насыпь кургана исследовалась разрезом с севера на юг длиной в 17 сажень, шириной в 4 сажени. В архивных материалах сохранился карандашный рисунок разреза. Несмотря на схематичность и условность изображения, по нему можно реконструировать строение насыпи и предположить наличие кольцевого валика в ее основании — важного конструктивного элемента. Исследователи отметили эту особенность, но интерпретировали ее, как

о них местных сведений» и пробные раскопки в случае необходимости (1860 г., д. 15, л. 1). Императорская Археологическая Комиссия поддержала его инициативу, выдала Открытый лист и денежное пособие для проведения работ, а также послала новгородскому губернатору извещение о предполагаемых исследованиях с просьбой оказывать Я. М. Лазаревскому всяческое содействие. В июне того же года Ю. Б. Иверсен, занимавшийся в Комиссии разбором и описанием монетных кладов, выразил желание присоединиться к «археологическим разысканиям в окрестностях Белого озера».

В начале июня Я. М. Лазаревский объехал Белое озеро, составил подробное описание нескольких исторических и археологических объектов в волости Киснема, в районе деревень Росляково и Бутаково, а также Крохинского посада с приложением местных преданий о них. Он представил отчет в Императорскую Археологическую Комиссию с результатами своих исследований, где указал, что собирается раскопать одну из трех насыпей близ д. Росляково, «известной у местных жителей под названием «Меленки» (Там же, л.8 об.). Хотя изначально Археологическая Комиссия предполагала ограничиться лишь сбором сведений о

Курганы у д. Росляково в окрестностях Белозерска. Общий вид (1860 г., д. 15, л. 6 а)

Разрез кургана «Синеус» (1860 г., д. 15, л. 27)

«два небольших курганчика», насыпанных до образования кургана. К сожалению, из-за появления в августе грунтовых вод и угрозы обвалов работы по изучению кургана пришлось прервать, и они так и остались незавершенными. Никаких находок обнаружено не было. Культурная принадлежность памятника остается невыясненной.

Одновременно в течение июля 1860 г. Я. М. Лазаревский и Ю. Б. Иверсен произвели раскопки еще двух курганов на территории Старого города. Отчет об этих работах в Археологическую Комиссию предоставил Ю. Б. Иверсен. Насыпи исследовались траншеями. В них было обнаружено несколько погребений, в основании одного из которых прослеживался культурный слой с кухонными остатками и камнями от печей (Макаров, Захаров, Бужилова 2001: 25).

Работы Я. М. Лазаревского и Ю. Б. Иверсена 1860 г. положили начало археологическому обследованию Белозерья и наметили основные направления полевых исследований в этом регионе, продолжающихся по сей день. Вместе с тем они стали первым примером археологического изучения памятников Северо-Западного региона России, выполненного по заданию и на средства Императорской Археологической Комиссии.

Следующим таким примером можно считать поездку для «розыскания» древностей в Олонецкую, Вологодскую и Вятскую губернии, предпринятую в 1865 г. П. И. Лерхом (ОИАК за 1865 г. 1866: XII–XIII). Несмотря на то что целью экспедиции был, прежде всего, поиск первобытных древностей, стоит принять во внимание нерасчлененность понятия «первобытная археология» в эту эпоху. К тому же в ряде случаев сделанные экспедицией наблюдения касались оценки местной исторической культуры в целом. Справедливо считая П. И. Лерха преимущественно «первобытником», все же нельзя забывать о серьезном вкладе его в славяно-русскую археологию на заре ее становления в России. Таким вкладом стали высокопрофессиональные рецензии на книги В. Макушева «Сказания иностранцев о быте и нравах славян» (Лерх 1863: 267–270) и А. А. Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян» (Лерх 1868а: 613–625), а также на публикации А. А. Гатцука и А. П. Богданова о подмосковных курганах (Лерх 1868b: 25–28; 1868с: 28–29). Кроме того, П. И. Лерху принадлежат первое определение, описание и публикация восточных монет, найденных близ Старой Ладоги (Тизенгаузен, Веселовский 1884: 57–66).

Иначе складывались отношения Комиссии с местными краеведами и авантюристами, вдохновленными поисками славянских древностей. В отдельных случаях ИАК просто отклоняла поступавшие запросы особенно, когда они сопровождались просьбами о «пособии». Это происходило, несмотря на то что некоторые из подобных «прожектов» явно увязывались их авторами с предстоящим празднованием юбилея Империи и имели чиновных покровителей. В 1861 г. в Новгород прибыл «служащий в ведомстве Святейшего Синода коллежский советник Львов» с предложением подготовить к открытию памятника «Тысячелетие России» выставку древностей, обнаруженных в процессе его «изысканий», начатых еще в 1854 г. (1862 г., д. 1, л. 2). Приняв во внимание, что новгородские древности, уже открытые советником Львовым, могут быть оценены любителями археологии и отечественной истории и быть интересны для науки, новгородский губернатор В. И. Филиппович предложил Новгородскому городскому обществу оказать тому пособие, на что было выделено 200 руб. Однако, найдя такое пожертвование недостаточным, генерал обратился в столицу за дополнительными средствами (Там же, л. 2–2 об.).

В данном случае обращают на себя внимание сведения о том, что советником Юрием Львовым уже ранее производились в Новгороде какие-то раскопки, заинтересовавшие и городскую администрацию, и местное общество, которое горячо их поддержало и выделило

солидную по тем временам сумму. Стоит отметить, что никакой докладной записки, свидетельствующей о серьезности намерений этого коллежского советника и степени его подготовленности в области отечественной истории, к делу приложено не было. Самого же чиновника Комиссии пришлось разыскивать через адресный стол.

Сохранилась копия рапорта председателя ИАК С. Г. Строганова министру императорского Двора, составленного после упомянутой встречи. В нем полностью отрицалась какая-либо научная ценность «изысканий» Ю. Львова. «Переговорив лично с г. Львовым относительно плана и системы его предприятия, — писал С. Г. Строганов, — имею честь уведомить..., что, по моему мнению, предположения его не заслуживают ни внимания, ни поддержки со стороны Правительства, так как они лишены всякого научного и археологического интереса» (Там же, л. 4 об.). Безусловно, речь тут шла не об оценке культурного слоя Новгорода как памятника археологии, а исключительно о способности искателя пособия к его археологическому изучению. Тем не менее описанная история примечательна тем, что она является одним из первых упоминаний об археологических «разысканиях» в Новгороде, сохранившихся в материалах ИАК.

Подобная история произошла и со Старорязанским городищем, в исследование которого ИАК включилась гораздо позже. 4 марта 1860 г. О. М. Бодянский, председатель Общества истории и древностей российских, предложил Археологической Комиссии организовать на городище Старая Рязань раскопки «кургана с великокняжеским дворцом». Частично это мероприятие предполагалось осуществить на средства соревнователя общества И. Ф. Диттеля. Не отрицая в целом такой возможности, граф С. Г. Строганов лишь спрашивал у О. М. Бодянского, может ли кто-нибудь из членов Общества возглавить это начинание «самым рациональным образом» (1860 г., д. 8, л. 1–3).

На заседании Общества 3 декабря 1860 г. выяснилось, что желающих нет. Однако 7 апреля 1861 г. инспектор Рязанской гимназии П. Кудряшов, узнавший из отчета ОИДР об отсутствии желающих возглавить раскопки, предложил Археологической Комиссии свою кандидатуру. Интересно, что С. Г. Строганов, изначально вроде бы сочувствовавший проекту, 21 апреля того же года отвечает П. Кудряшову, что по разным причинам Комиссия не может воспользоваться его предложением. Причины такой позиции открываются дальше. «Из прилагаемого Положения вы увидите, — пишет граф, — в чем заключается назначение [Археологической Комиссии]». Похоже, в данном случае председатель ИАК подразумевал, что организация раскопок средневековых городищ не входит в круг ее ведения.

В деле раскопок во Владимирской губернии Константина Никитича Тихонравова (1822–1879) инициатива исследования местных славяно-русских древностей вновь принадлежала частному лицу. Однако на сей раз Комиссия не только не препятствовала работам, но даже опубликовала их результаты в своем «Отчете» (ОИАК за 1863 г. 1864: XVI–XVII; 1863 г., д. 3, л. 1–4). К. Н. Тихонравов, редактор газеты «Владимирские губернские ведомости» и секретарь Губернского статистического комитета, в 1851–1852 гг. уже участвовал в раскопках А. С. Уварова и П. С. Савельева в Суздальском Ополье и даже прослыл там «Владимирским Нестором-Летописцем». Привлечение его к работам, проводимым под эгидой Комиссии, хорошо вписывается в рамки контактов ИАК с Губернскими статистическими комитетами, с которыми С. Г. Строганов с 1862 г. осуществлял политику сотрудничества.

Экспедиция была предпринята на средства, пожертвованные директором «Московской школы технического рисования» мануфактур-советником Я. А. Гарелиным, обратившимся со своей докладной запиской непосредственно к С. Г. Строганову. Предметы, добытые при раскопках, планировалось передать в распоряжение Московского промышленного музея,

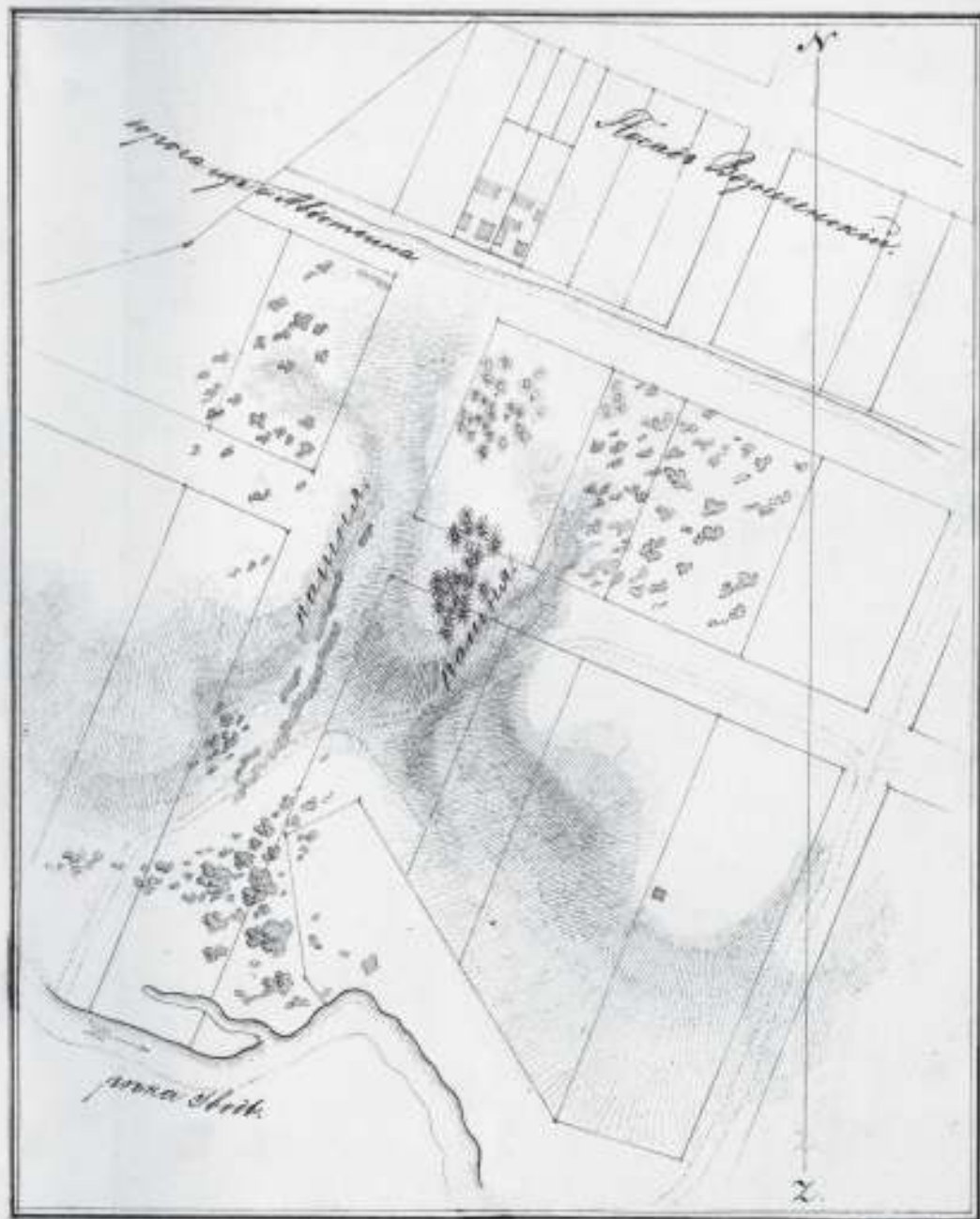
открываемого при школе. Граф ответил на обращение очень теплым письмом, из которого становится ясно, что директора он хорошо знал лично. Последнее не может удивлять: именно С. Г. Строганов в 1825 г. основал это учебное заведение (будущую «Строгановку»), вплоть до 1843 г. содержал его за собственный счет, а в дальнейшем не переставал курить свое детище. Всякий проект, направленный на дальнейшее развитие этого учреждения, был ему близок и дорог.

Достаточно скоро К. Н. Тихонравов, назначенный «наблюдающим за раскопками», получил письмо от В. Г. Тизенгаузена, сообщавшего, что «граф С. Г. Строганов вполне одобряет прекрасную мысль г. Гарелина». Затем последовали официальные обращения ИАК во Владимирскую палату государственных имуществ, Владимирскую удельную контору и к владимирскому губернскому предводителю дворянства с просьбой оказать содействие намеченным работам (1863 г., д. 3, л. 2, 7–9).

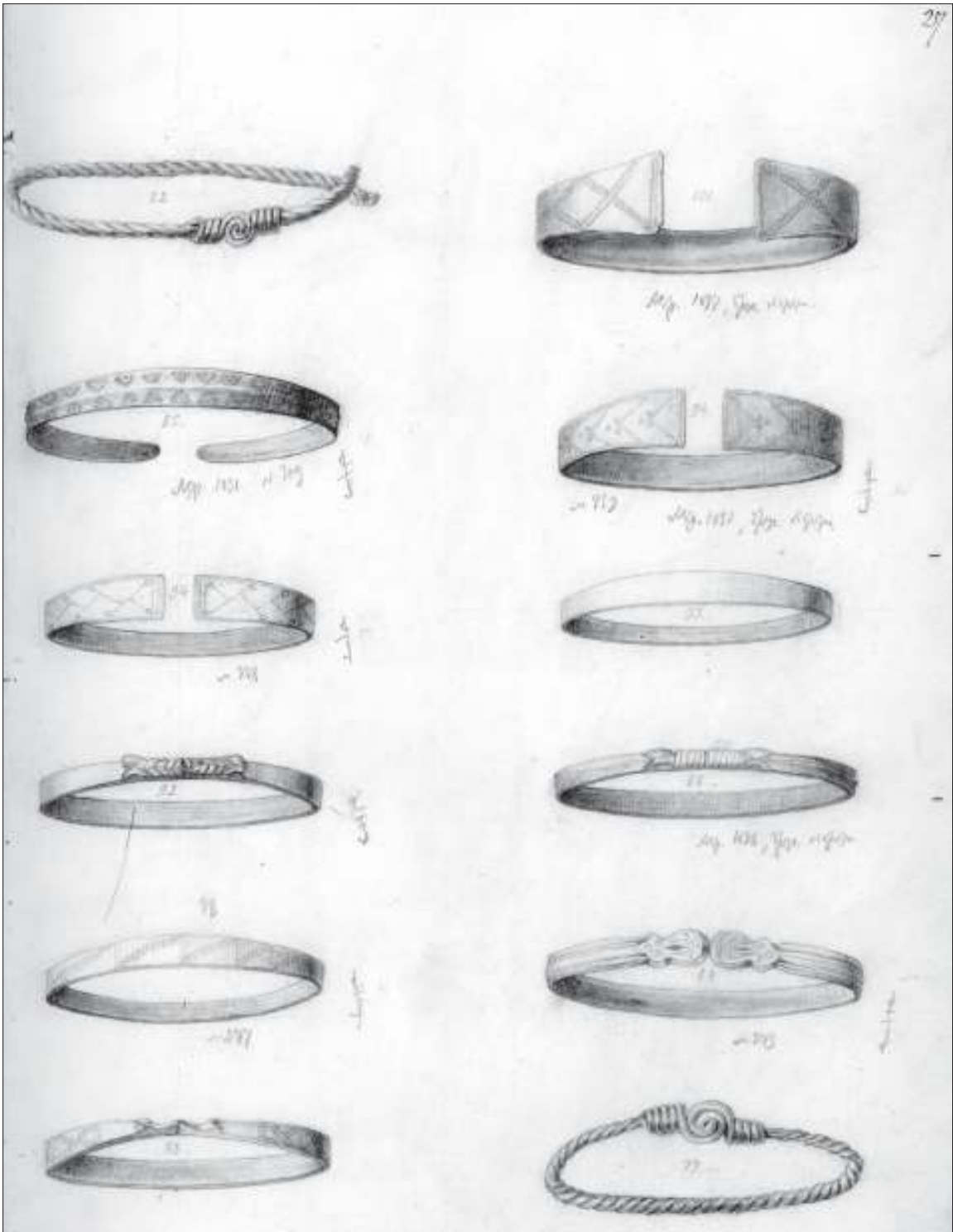
Достаточно интересный документ представляет собой инструкция К. Н. Тихонравову, написанная лично С. Г. Строгановым. Стоит привести ее текст подробно, чтобы составить представление об уровне требований к полевым отчетам по археологическому изучению средневековых древностей, который ИАК пыталась провести в жизнь в указанный период:

- «1. До начала раскопок составить план местности с обозначением расположенных на ней курганов.
2. Обо всем ходе работ вести подневный журнал с возможной подробностью. В этом журнале должно заключаться описание наружного вида и величины разрываемого кургана, свойства его насыпи, означение, в каких слоях какие попадались вещи. Наконец, при открытии в нем гробницы, устройство и размеры ее, положение в ней погребенного и расположение вещей около остова или на самом покойнике.
3. Для более наглядного объяснения... прилагать к ним [описаниям] точные планы.
4. Принять в соображение, что в могильной насыпи могут быть открыты вещи: а) древнее самого кургана, попавшие в него в то время, когда он насыпался, находясь случайно в земле, которая употреблена была для насыпи; в) вещи, засыпанные при сооружении кургана, вследствие народных обычаев, как, например, при совершении на нем жертвоприношений или при отпраздновании годовщины; с) вещи, попавшие в него впоследствии случайно, например, простые клады или позднейшие могилы.
5. Иметь также в виду, что гробница может заключаться не в насыпи кургана, а под ней, в глубине материка, и потому не оставлять последнего без расследования.
6. Каждая найденная вещь должна быть снабжена особым номером, по которому бы можно было ее отыскать в журнале.
7. Для определения племени, к которому принадлежали погребенные, сохранять их черепа точно таким же порядком, как и самые вещи. Если бы в гробнице встретились кости животных, то необходимо сберечь существенные их части, по которым бы можно было определить породу этих животных.
8. О ходе работ и открытиях сообщать мне, представляя и найденные вещи, по тщательной их упаковке, в рубленой соломе или сухих опилках.
9. Работы не оставлять без надзора, с тем, чтобы открываемые вещи не подвергались расхищению...» (Там же, л. 10, 11, 11 об.).

Данная инструкция составлена в том же духе, что и современные ей документы, сохранившие требования к исследованию скифских курганов. Очевидно, в ИАК понимали

План местности раскопок К. Н. Тихонравова во Владимирской губернии (1863 г., д. 3, л. 17)

Браслеты из раскопок К. Н. Тихонравова во Владимирской губернии (1863 г., д. 3, л. 27)

принципиальное единство памятников различных эпох как археологического источника, хотя и принимали во внимание хронологическую и территориальную специфику.

В отчете, представленном К. Н. Тихонравовым в ИАК, указано, что «за 24 июня — 30 июля скрыто 164 кургана» близ Вознесенского посада Шуйского уезда. К отчету приложены неплохой топографический план, журнал раскопок и опись на 70 предметов, в основном браслетов, височных колец, пряжек, характерных для древнерусских курганов XII–XIII вв. По сообщению К. Н. Тихонравова, «так как курганы эти находились на распаханном поле под картофель, то первоначально определить положение остовов не было никакой возможности, потому что все кости были перемешаны плугом и вещи находимы уже в беспорядке. Только впоследствии 2 остова найдены нетронуты...» (Там же, л. 24). Эти два погребения и стали единственными, для которых автор раскопок дал описание — хотя далеко не такое подробное, как следовало по инструкции. Таким образом, указания С. Г. Строганова на необходимость подробной фиксации погребений, по большей части, пропали втуне.

Разумеется, можно отнести такую ситуацию всецело на счет неопытности или недобросовестности раскопщика. Однако не все так просто. По-видимому, в пореформенное время масштабы освоения крестьянами новых площадей под пашни и, соответственно, распахивания древнерусских могильников действительно резко возросли. О темпах же разрушения позволяет судить пример, относящийся к несколько более позднему периоду — 1909 г. В том сезоне Д. Я. Самоквасовым были произведены масштабные раскопки недавно открытого Гочевского археологического комплекса в Курской губернии: «Раскопки неожиданно продлились из-за спора, завязавшегося между археологами перед намеченным было отъездом: „В какой срок должен уничтожиться распашкой курганник, даже такой исключительной величины, как Гочевский?“. Оказалось, что на месте самих раскопок еще лет пять назад рос лес, сведенный крестьянами для увеличения пашни. Приняли в расчет, что на данном участке уже не осталось ни одного не потревоженного плугом погребения. На соседних же участках, пахавшихся более 10 лет, не сохранилось даже внешних следов курганов... Тогда Д. Я. Самоквасов заявил, что он не может допустить потери для науки тех вещей, которые заключены в начатых распашкой курганах, и в таком случае должен, по возможности, все такие насыпи вскрыть» (Дневник раскопок 1915: V). Раскопки продолжались, однако целых погребений на пашне попадалось мало; «археологи подбирали остатки раздраконенных пахарями комплексов. Этим объясняется сравнительно большое число обследованных экспедицией в то лето могил...» (Щавелев 2002: 179). Позднее В. Н. Глазов, член-сотрудник РАО, при участии ИАК, продолжил археологическое исследование в районе д. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, причем эти работы также носили спасательный характер: курганы раскапывались на распахиваемой крестьянами земле. В Комиссию были представлены отчет и опись вещей, причем иллюстративный ряд зачастую заменялся отсылкой к такой-то позиции таблиц «атласа Глазова», составленного ранее А. А. Спицыным (1913 г., д. 123, л. 9–30, 31–35).

Вполне возможно, что в 1863 г. близ Вознесенского посада К. Н. Тихонравовым тоже копался именно такой, обреченный на скорое и полное уничтожение могильник. В подобной ситуации даже его несовершенные раскопки можно считать ценным вкладом в науку — тем более, что отчет сопровождался довольно профессиональными рисунками значительного количества находок. Выполнены они были, по-видимому, учащимися Московской школы технического рисования, куда и поступила коллекция после «обозрения» ее императором.

Помимо курганов в Шуйском уезде К. Н. Тихонравов раскопал Федоровский холм в с. Красное на р. Риень, близ Владимира. Исследования обнаружили каменные стены и деревянные

кельи, а также посуду бывшего здесь монастыря. Эти раскопки показательны в плане отношения общества к средневековым древностям и памятникам христианской старины. По признанию автора, основная цель исследования — поиск следов «языческой эпохи» — так и не была достигнута. Примечательно, что в 1908 г. Владимирская ученая архивная комиссия вернулась к изучению местности вокруг Федоровского монастыря (ОИАК за 1908 г. 1912: 188).

Можно привести несколько примеров любительских раскопок средневековых памятников, так или иначе поддержанных ИАК. В 1867 г. «мировой судья Кикин» обратился в МВД с просьбой о даровании ему разрешения «разрывать» курганы в Коломенском уезде Московской губернии, с тем, чтобы найденные «вещи» были переданы в Московский этнографический музей. Министерство переправило это прошение в ИАК, присовокупив, что разрытие курганов предполагается с «целью кладоискательства», хотя из письма самого судьи Кикина это никак не следовало. Последний явно предполагал исследования с «научными целями». Комиссия ответила просителю через Департамент общих дел МВД, что с ее стороны не встречается препятствий к исследованиям «за свой счет». Однако при этом были выдвинуты требования ведения «подробного журнала своим раскопкам», которые в противном случае «не будут иметь научного значения», и присылки древностей в Комиссию для последующей передачи в музей по ее усмотрению (1867 г., д. 32, л. 3).

В феврале 1869 г. помещик П. А. Шишкин прислал запрос в Археологическую Комиссию о разрешении раскопать курганные насыпи в Великолуцком уезде Псковской губернии. Последние располагались на земле государственных крестьян, ему не принадлежавшей (1869 г., д. 5). Помещик просил Комиссию выдать письменное разрешение, чтобы «беспрепятственно со стороны местной власти разрыть» курганы. В случае обнаружения древностей в ходе работ он обещал представить их на рассмотрение специалистов ИАК. Разрешение было получено, и для обеспечения правильности и тщательности работ Комиссия снабдила П. А. Шишкина инструкцией, которой он должен был придерживаться. «Свидетельство», выданное ему, выглядело следующим образом: «Дано сие г. Опочецкому помещику Петру Андреевичу Шишкину в том, что Императорская Археологическая Комиссия на основании Высочайше утвержденного 2 февраля 1859 года Устава ее разрешает ему производство под личным наблюдением и на его собственный счет раскопку курганов на казенной земле Вязовской волости Великолуцкого уезда в течение летнего времени 1869 года» (Там же, л. 2 об.).

В 1869 г. П. А. Шишкин приступил к раскопкам одной из насыпей у д. Грихново, но раскопать до конца ее не успел, в связи с чем в 1870 г. он сделал очередной запрос в Комиссию на продолжение работ. «По громадной величине кургана я не успел раскопать и до половины одного кургана, который имеет пространство в диаметре около десяти сажень и в горизонтальной поверхности шесть сажень; наружная поверхность этого кургана выложена диким камнем в два ряда, вероятно, для того, чтобы не осыпалась земля, которая состоит из мелкого кварцу и мелких камней. В раскопанной части, поверхностной, кургана ничего замечательного не найдено, но, по расспросам моим, старики местного селения говорят, что в одном из четырех курганов почти равной величины и расположенных правильным квадратом в недалеком расстоянии один против другого скрыто литовское оружие» (Там же, л. 3, 3 об.). Приведенным из письма в Комиссию отрывком и ограничивается описание раскопанного памятника и самих работ. Разрешение на продолжение раскопок в 1870 г. помещику П. А. Шишкину было дано, но более никаких сведений от него в Комиссию не поступило.

В 1888 г. Археологическая Комиссия посылала запрос исправнику Великолуцкого уезда в попытке узнать какие-либо сведения о раскопках помещика П. А. Шишкина, но ответ

исправника мало прояснил ситуацию. «Имею честь уведомить Археологическую Комиссию, что действительно лет 17 или 18 тому назад Опочецкий помещик Петр Андреев Шишкин приезжал в Вязовскую волость и, прожив дней 5 в дер. Грихнове у крестьянина Алексея Захарова, прокопал за это время вдоль один курган между деревнями Грихново и Девичьей, и, как заявили крестьяне этих двух деревень, положительно ничего не нашел. Более же раскопок он нигде не производил» (Там же, л. 6, 6 об.).

Столь же печален был и полевой опыт местного краеведа «купеческого сына Сергея Бочарникова» (Бочарников 1885), который запросил разрешение на раскопки курганов и городищ в Зарайске и окрестностях. В июне 1871 г. он получил от ИАК Открытый лист и в качестве руководства — «Записку для обозрения древностей русских» И. П. Сахарова. Однако проект так и не осуществился, а сам С. И. Бочарников вскоре скончался. В сентябре 1888 г., как и в случае с П. А. Шишкиным, ИАК отправила запрос местному исправнику и получила обратно свой Открытый лист, возвращенный наследниками (1871 г., д. 15, л. 3, 6). Оба случая весьма показательны для истории складывания практики регламентации полевых исследований, предполагающей возвращение выданного разрешения на раскопки вне зависимости, проводились сами исследования или нет.

В архиве ИАК сохранились сведения и о раскопках А. А. Гатцуком курганов у д. Потапово в Подольском уезде Московской губернии (1863 г., д. 21). Инициатор исследований представлял собой просвещенного дилетанта, к 1860-м гг. вышедшего в отставку, обосновавшегося в Москве и на досуге увлекшегося археологией. В раскопанных древнерусских курганах А. А. Гатцук обнаружил бронзовые украшения и на этом основании приписал их бронзовому веку. В дальнейшем он вошел в окружение А. С. Уварова и в 1864 г. участвовал в основании Московского археологического общества. Перу его принадлежит популярная книжка «Старина Русской земли» (1866), переиздававшаяся до революции 8 раз (Формозов 1988: 40–41).

Необходимо отметить, что с самого начала деятельности ИАК в ее архив начали поступать материалы, связанные с изучением памятников славянских территорий. В 1863 г. А. И. Дыминский отправил в Комиссию план и описание городища Мациорское Подольской губернии Улицкого уезда близ г. Вербовец и, ссылаясь на официальные издания, просил прислать инструкции по производству раскопок, на что 4 декабря получил из ИАК резонный ответ, что «книги эти рекомендуются в руководство при разрытии курганов, но о высылке их тем, которые желают производить раскопки, нигде не говорится ни слова» (1863 г., д. 16, л. 1–3, 5, 7). В 1867 г. из Департамента уделов в ИАК поступили «древние вещи и монеты», присланные из Киевской губернии еще на имя Л. А. Перовского. Эти предметы представляли собой коллекцию, полученную в результате раскопок семи древнерусских курганов и состоящую, в основном, из керамики, наконечников копий и нескольких колец. С. Г. Строганов в ответном письме указал, что ценность этих вещей тем больше, что в «делах» Л. А. Перовского есть сведения о месте и обстоятельствах их открытия. Впрочем, о дальнейшей судьбе коллекции из дела ничего не известно (1867 г., д. 19, л. 2–2 об., 3).

Информация о различных древностях Русского Севера, оседавшая в Комиссии, была преимущественно связана с проверкой газетных сообщений, своеобразного «мониторинга СМИ» XIX в. Так, в апреле 1868 г. в Кокшенгской волости Тотемского уезда были найдены «чудские древности», переданные затем в Вологодскую семинарию. ИАК попросила о присылке этих древностей епископа Палладия (Раева), который выслал не только имеющееся описание, но и выполненные на месте рисунки, а также сообщил об обстоятельствах находки, сделанной священником Спасской церкви Николаем Ржаницыным в осыпи речного берега. Древности, в число которых входили подковообразные фибулы, шейные гривны

и коньковые подвески с лапками, в 1871 г. были отправлены обратно в Вологду (1871 г., д. 12, л. 1, 3–6). В следующий раз, уже по иному поводу, запрос о находках местных древностей был направлен пинежскому уездному исправнику. Однако, согласно его сообщению, никаких «чудских древностей» в его уезде обнаружено не было (1871 г., д. 40).

ИАК проверяла сообщения и о позднесредневековых древностях. Так в Тверской статистический комитет попала информация о каменных гробах в Твери, найденных еще в 1865 г. на землях Пароходского общества «Самолет», близ устья р. Тьмаки у Федоровского монастыря. ИАК просила комитет содействовать передаче древностей в музей, а также сообщить о внешнем и внутреннем виде обнаруженных саркофагов. В Комиссию была доставлена записка Федора Глинки с планом местности, описанием и рисунками гробов. К сожалению, рисунки в деле не сохранились. Но из описания следует, что в гробах было «иссечено изголовье» (1872 г., д. 33, л. 3–13 об.).

Несмотря на определенный интерес к полевым работам в области изучения славяно-русских древностей I–II тыс. н. э., нельзя не упомянуть, что летом 1877 г. С. Г. Строганов отклонил предложение А. С. Уварова организовать совместную экспедиции в Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии (1877 г., д. 4, л. 6–6 об., 7). Представляется, что этот факт нельзя объяснить только личными неприязненными отношениями (точнее, отсутствием всяких отношений) двух «отцов-основателей» российской археологии.

«Восточное направление» в изучении древностей России было присуще деятельности ИАК изначально, чему в историографии редко уделяется должное внимание. В значительной степени оно было связано с научными интересами барона В. Г. Тизенгаузена. Стоит отметить, что еще в 1859 г. Комиссия командировала А. С. Линевича в Астраханскую область для осмотра Царевского городища и, возможно, для оценки перспектив его дальнейшего исследования как продолжения предприятия Л. А. Перовского (1859 г., д. 17; 1865 г., д. 16). В 1864 г. В. Г. Тизенгаузен получил самостоятельное задание произвести раскопки на городище Сарайчик близ Гурьева и собрать сведения о местных курганах. Отправившись в Поволжье вместе с прикомандированным сотрудником Комиссии И. П. Вольским, он посетил городища Булгары, Бабий бугор на самом берегу Волги и Увек, в окрестностях г. Саратова. Наконец, добравшись до Сарая, путешественники осмотрели результаты раскопок 1843–1852 гг., проведенных по заданию Л. А. Перовского. В. Г. Тизенгаузен пришел к выводу, что курганы в окрестностях городища не раскопаны до конца, а на самом городище надо возобновлять исследования (1864 г., д. 15, л. 7).

3 апреля 1865 г., через год после инспекционной поездки В. Г. Тизенгаузена, в ИАК обратился член Русского географического общества Афанасий Петрович Архипов с предложением заняться исследованием древностей Маджар и Сарая. Опираясь на Положение об ИАК, он предлагал свои «посильные услуги» для раскопок городищ и их топографической съемки, если на это будут выделены «достаточные средства». Сам А. П. Афанасьев рассчитывал стать членом-корреспондентом ИАК и в мае 1866 г. прислал в Санкт-Петербург свои «Очерки исследований о развалинах древнего города Маджары». В Комиссии даже рассматривался вопрос о «вознаграждении» автора (1865 г., д. 16, л. 6–22). Интересно, что, судя по всему, А. П. Архипову не были известны публикации Тетеревникова и Терещенко с топографической съемкой указанных памятников в «Журнале Министерства государственных имуществ» за 1843 г. и в «Журнале Министерства внутренних дел» за 1847 г.

Известно, что Царевское городище на левом берегу старого русла р. Ахтубы в Волгоградской области отождествляется рядом исследователей с городом Сарай-аль-Джедил или Гюлистан, существовавшим в 1340–1390-х гг. Городище стало одним из первых памятников,

исследование которых началось в 1843 г. «Управлением археологических розысканий» графа Л. А. Перовского. Работы велись под руководством титулярного советника А. В. Терещенко. Оценка их современными исследователями достаточно противоречива и затрагивает, в какой-то степени, деятельность ИАК.

Считается, что широкая эрудиция позволила А. В. Терещенко «подойти к исследованиям памятника с научных позиций. Был снят новый план царевских развалин, который и до сего времени является одним из лучших; делалось описание раскапываемых объектов, которые отмечались на местности, составлялись их чертежи; подвергался предварительной обработке и определению нумизматический материал. Но после нескольких лет работы на городище А. В. Терещенко переориентировался исключительно на добычу ценных предметов, и раскопки приняли кладоискательский характер...

Десятилетние труды царского чиновника дали богатейший научный материал... В то же время ни местные, ни центральные власти не сумели организовать должного хранения и обработку этого бесценного материала. Сдаваемые А. В. Терещенко царевской полиции предметы сваливались в огромные, смешанные в беспорядке кучи. Не лучше обстояло дело и с вещами, отправленными в МВД. Оттуда они поступили в Императорскую Археологическую комиссию, где был устроен так называемый „научный разбор“ царевских древностей. После него в Эрмитаж и в Оружейную палату поступили только наиболее ценные красивые предметы. Остальные вещи уничтожались. Впоследствии из архивов исчезли дневники, рисунки и чертежи А. В. Терещенко. В результате огромная работа во многом была обесценена для науки...» (Блохин, Яворская 2006: 76–77).

Очевидно, приведенные здесь оценки носят эмоциональный характер, что доказывается материалами архива ИАК. Следует уточнить, что после смерти графа Л. А. Перовского материалы раскопок Царевского городища и курганов Суздальского ополья были переданы в 1860 г. в ИАК не из МВД, а из Кабинета его императорского величества. Отметим особо и то, что их «разбор», предусматривавший отделение оригинальных вещей от массового материала, был совершен еще до поступления в Комиссию. При этом сам С. Г. Строганов сумел оценить значимость, по крайней мере, царевских материалов (в отличие от коллекций владимирских курганов, которые, по его мнению, не имели никакого значения)¹ (1860 г., д. 31, л. 2–5 об.). Но поскольку коллекции были признаны «излишними» для ИАК, то разбор их и прием оказался поручен хранителю Этнографического музея Академии наук Л. Ф. Радлову. Таким образом, вопреки убеждению некоторых коллег, материалы эти вовсе не «уничтожались» (Там же, л. 11 об.). Стоит отметить и то, что еще в 1863 г. Комиссия осуществляла наем помещений в Цареве для хранения части обнаруженных раскопками древностей (1864 г., д.2, л.8). Здесь уместно упомянуть, что именно на время работы В. Г. Тизенгаузена в ИАК пришлось издание первого тома его труда по истории Золотой Орды (Сборник материалов 1884).

В дальнейшем археологическое исследование ордынских памятников осуществлялось преимущественно силами провинциальных ученых сообществ — Петровского общества исследователей Астраханского края (1872 г.) и Саратовской Ученой архивной комиссии (1886 г.). Однако нельзя не отметить и роль ИАК в организации этих работ. Так, председатель

¹ Позднее А. А. Спицын оценил результаты «уваровских» раскопок излишне критически, отнес на счет их автора все многочисленные проблемы, возникшие уже в ходе музейного хранения и транспортировки коллекций (Спицын 1905а). Тем не менее он сумел превратить эти материалы в археологический источник, предприняв в целях верификации результатов раскопок А. С. Уварова самостоятельное исследование Владимирских курганов (ОИАК за 1895 г. 1897: 33–34). Современные исследования В. А. Лапшина в значительной степени реабилитировали не только информативность результатов раскопок А. С. Уварова и П. С. Савельева, но и самих исследователей (Лапшин 1987: 147–148; 1991: 7–9).

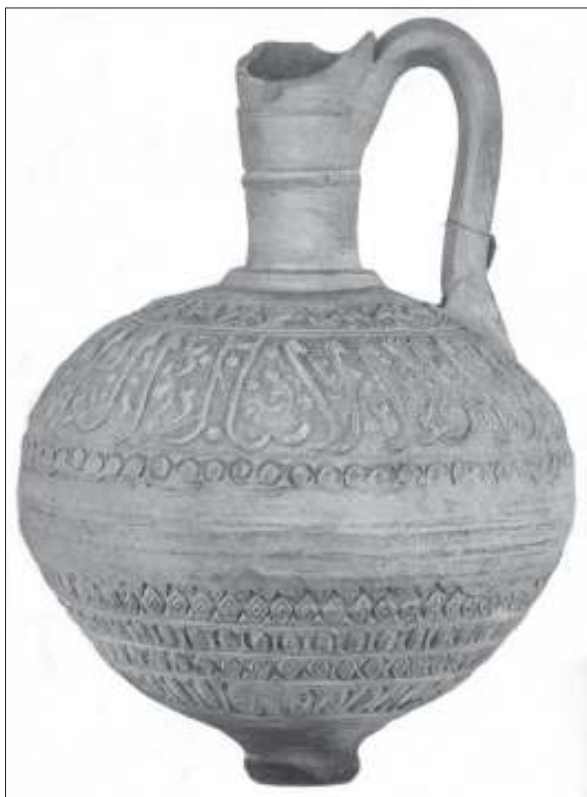
Муранский могильник. Раскопки В. Н. Поливанова 1892 г. (ФА, О. 693/33)

Симбирской губернской Ученой архивной комиссии В. Н. Поливанов в 1880–1890-е гг. исследовал курганный Муранский могильник золотоордынского времени у с. Муранки Симбирской губернии. Одна из наиболее интересных находок — женская коса, уложенная между деревянными полужелобками, обвитыми лубком. Все эти находки поступали в ИАК и после съемки передавались на хранение преимущественно в РИМ. Методика археологических исследований еще не требовала обязательной фотографической фиксации, и В. Н. Поливанов сделал снимки общих видов могильника только в 1891–1892 гг. (ОИАК за 1889 г. 1892: 89–90, 93; ОИАК за 1890 г. 1893: 114; ОИАК за 1891 г. 1893: 101–103; ОИАК за 1892 г. 1894: 51–52; ОИАК за 1893 г. 1895: 22, 25–26; ОИАК за 1898 г. 1901: 175; 1889 г., д. 83; ОИАК за 1900 г. 1902: 130; 1889 г., д. 80; 1891 г., д. 30; 1892 г., д. 51; 1893 г., д. 63; д. 71; 1900 г., д. 124). Точно так же материалы раскопок золотоордынского городища Увек в Саратовской губернии, произведенные «правителем дел» Саратовской архивной комиссии С. С. Краснодубровским, в 1891 г. поступили в ИАК. Среди материалов сохранились и видовые снимки, сделанные фотографом Д. Финогеевым (ОИАК за 1891 г. 1893: 99–100; 1891 г., д. 30; ФА, Q 400/1–3).

В некоторых случаях осмотр и изучение средневековых памятников Поволжья члены ИАК совершали самостоятельно, причем эти разведки могут быть поставлены в связь с предшествующими интересами Комиссии. В 1893 г. А. А. Спицын обследовал местность, именуемую «Жареный бугор», расположенную выше Астрахани в 5 км от с. Карантинного, издавна использовавшуюся местным населением для добычи кирпичей, среди которых встречались кости, различные металлические обломки и медные монеты. С целью выявления перспективности раскопок в этой местности он произвел здесь небольшие траншейные раскопки,

Находки из Муранского могильника. Раскопки В. Н. Поливанова 1892 г. (ФА, О. 693/37)

Глиняный орнаментированный кувшин.
Городище Сарай Берке близ Астрахани.
XIII–XIV вв. (ФА, О. 1956/45)

Бронзовый светильник. Городище Сарай Берке
близ Астрахани. XIII–XIV вв. (ФА, О. 1956/28)

давшие, по его мнению, отрицательные результаты. Однако в раскопе на правом склоне бугра были им обнаружены каменные склепы интересной конструкции — квадратное кирпичное сооружение, со сводчатыми выступами по углам и широким арочным отверстием. Как пишет А. А. Спицын, сохранившаяся часть склепа производит впечатление нижней части каменной кибитки, доведенной до высоты в пояс. В склепе оказалось 4 костяка, лежавших головой на запад, лицом слегка на юг.

Кроме того, на городище была собрана коллекция монет XIV в. и обычные для золотоордынских городов находки: обломки бронзовых зеркал, медных замочков в виде коньков, оловянные и стеклянные перстни, бусы сравнительно поздних типов, трехгранная бронзовая стрелка и др. А. А. Спицын осмотрел также и бугры, называемые «Могильным» и «Стрелецким», на последнем из которых им найдены монеты XVIII в. Им также были осмотрены остатки старого города в с. Селитренном (Старый Сарай) и Цареве. Дубовское городище — место города Бенджамена было им признано весьма перспективным для раскопок. Известно, что изучением Увека в это время занимался Ф. В. Духовников (ОИАК за 1893 г. 1895: 27–28; 1893 г., д. 107; д. 107а), поэтому А. А. Спицын ограничился внешним осмотром городища (ОИАК за 1893 г. 1895: 77–94).

ОИАК впоследствии проявляла интерес к изучению этих памятников, что нашло отражение в публикациях Комиссии, связанных, в частности, с работами на городище Увека членов Саратовской ученой архивной комиссии в 1909 г., и в 1914 г., когда при раскопках было вскрыто основание мавзолея, откуда происходили золотые и серебряные украшения с монетой 1320 г., остатки женского головного убора с жемчугом, шелковое покрывало пурпурного цвета с изображением медуз, фрагменты деревянных чашки и ложки, серебряный ковш с изображением грифонов и 6 тонких золотых круглых пластинок, положенных в рот погребенным. Кроме золотоордынских древностей на Увеке найдено множество каменных и медных предметов христианского культа XI–XIV вв. Тогда же во время разведок по правому берегу

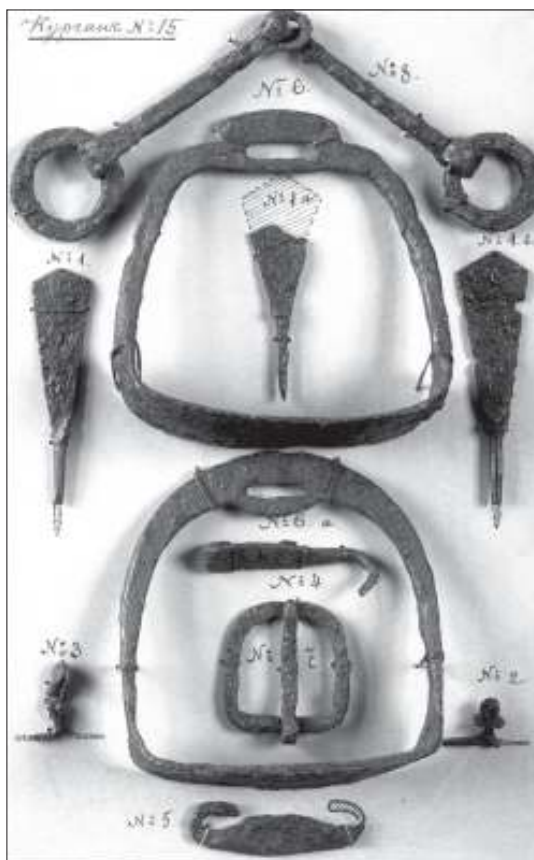
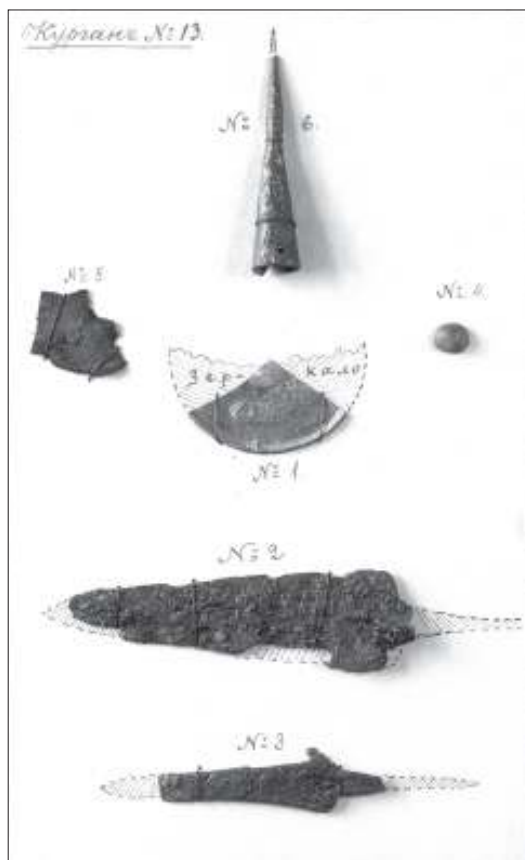
Вид северной башни после расчистки. С. Успенское (Болгары), Казанская губерния. Раскопки Н. И. Фирсова, Ф. Г. Мищенко, И. Н. Смирнова 1892 г. Фото К. Т. Софонова (ФА, О. 703/28)

Волги в 50 км от г. Царицына члены Саратовской архивной комиссии обследовали развалины древнего Бенджамена, разгромленного около 1400 г. во время нашествия Тимура. В заложенных траншеях было обнаружено множество кирпича периода Золотой Орды, цветные изразцы и фрагменты мозаики. Скорее всего, это остатки архитектурных сооружений XIII–XIV вв.

ИАК оказалась связана и с исследованиями древнего Болгара. В 1892 г. Казанское общество археологии, истории и этнографии запросило у Комиссии Открытые листы профессорам А. А. Штукенбергу, И. А. Износкову и Н. А. Фирсову для раскопок в с. Болгары (Успенское) Спасского уезда Казанской губернии. ИАК не только выдала разрешение на исследования, но и выделила для этих целей 300 руб. Раскопки каменного строения на городище проводились Н. А. Фирсовым, И. Н. Смирновым и Ф. Г. Мищенко (ОИАК за 1892 г. 1894: 67–69; 1892 г., д. 47). На следующий год И. Н. Смирнов и А. И. Александров произвели раскопки «малого городка» (1892 г., д. 47; 1893 г., д. 57). Случайные находки из Болгар поступали в ИАК и ранее: в 1891–1892 гг. Б. Н. Буличем были

Зеркало с рельефным изображением и арабской надписью из древнего Болгара. Поступило в ИАК в 1895 г. Фото И. Ф. Чистякова (ФА, II 27394)

Погребальный инвентарь из кургана 13-го могильника начала XIII в. Раскопки В. Н. Глазова близ г. Аткарска, Саратовская губерния, 1909 г. (ФА, III 11926)

доставлены бронзовые восточный сосуд, покрытый сплошным орнаментом с изображениями всадников и звериным фризом по краю, и зеркало с изображениями рыб (1891 г., д. 112; ФА, II 13109–13100, III 2399, 2405, IV 280–281, Q 480/9–16), в 1895 г. — зеркало с рельефным изображением и арабской надписью. Раскопки Болгар проводились и позднее (Крелленберг 1919: 89–95; Смолин 1919а: 113–116; 1919б: 67–73; Худяков 1919: 117–120). В 1914–1915 гг. для руководства работами в Болгарах по рекомендации ИАК был приглашен С. И. Покровский. В это время были исследованы развалины близ так называемого малого минарета и «четырехугольника», постройки с богатыми архитектурными и декоративными деталями конца XIV—XV в., возникшей после завоевания Тимура, когда в Поволжье усилилось влияние среднеазиатской культуры.

ИАК принимала участие в организации и других исследований. В 1909 г. В. Н. Глазов произвел раскопки могильника близ г. Аткарска Саратовской губернии. За три дня было вскрыто 18 мужских и женских могил. В мужских могилах слева от человека лежали остатки конских шкур. В головах и ногах уложены железные стремена, удила, пряжки, фрагменты колчанов с украшениями. В женских могилах много украшений, цветных бус и др. Могильник отнесен к началу XIII в. (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 190; 1909 г., д. 18).

Необходимо отметить, что заметный прогресс в отношении ИАК к археологическому изучению славянских и средневековых древностей на территории Восточной Европы наметился

с середины 1880-х гг. Непосредственными предпосылками этих изменений послужили, конечно, общее расширение деятельности Комиссии после прихода на пост ее председателя А. А. Бобринского, предоставление ИАК в 1889 г. исключительного права производства и разрешения археологических раскопок на территории России и увеличение ассигнований на работы Комиссии. Но настоящей причиной наметившихся сдвигов стал исключительный интерес российского общества к своему национальному прошлому.

Последнее нельзя объяснять исключительно «охранительной» политикой и консервативной стабилизацией эпохи императора Александра III, провозглашенной манифестом 29 апреля 1881 г. Истинной основой явилось становление нового типа культуры и самосознания российского общества в условиях экономического подъема и своеобразной «глобализации» XIX в. Не следует забывать: вторая половина XIX в. стала в России временем бурного культурного строительства — быть может, одним из самых плодотворных и созидательных за всю историю нашей страны. Всего за несколько десятилетий оказались созданы: национальная русская литература (русский роман как литературное явление); национальная русская симфоническая музыка; национальная русская опера; национальная русская живопись (в первую очередь пейзажная и жанровая) и т. д. Нет ничего удивительного, что в печати тех лет кипели нешуточные страсти вокруг русской национальной культуры и, в частности, вокруг *истории* этой культуры.

Становление русской национальной археологии к 1880-м гг. обернулось на практике расширением диапазона исследований, привлечением внимания к новым категориям памятников и контекстам их находок. Не случайно именно в это время получает новое дыхание и правовое обоснование участие ИАК в исследовании и реставрации памятников древнерусского зодчества и церковной архитектуры (*подробнее смотри главу XIII*).

Научный прорыв в археологию средневековья традиционно связывается и с приходом в Комиссию ряда талантливых ученых, в первую очередь А. А. Спицына. Считается, что именно благодаря ему, ставшему членом ИАК в 1892 г., исследовательские интересы Комиссии переместились в сторону изучения славяно-русской археологии. С. А. Жебелев высоко оценил вклад ученого в развитие этого направления. В статье, посвященной памяти А. А. Спицына, он писал: «...до начала работы Александра Андреевича в Археологической Комиссии русская археология там особым престижем не пользовалась, ее мало знали и мало ею интересовались. В этом легко убедиться, если пересмотреть издания Археологической Комиссии приблизительно до 1895 г. ...И первой заслугой Александра Андреевича на археологическом поприще нужно признать бесспорно то, что с его появлением в Археологической Комиссии русская археология стала занимать в ней надлежащее место...» (Жебелев 1948: 9).

Действительно, А. А. Спицын как поборник всего русского пытался показать, что «археология России — это не только звон античных монет и золото скифских курганов, но скромные по сравнению с ними древности городищ и могильников необъятных просторов Восточной Европы» (Носов, Гайдуков 2008: 30–33). Подобное направление интересов сложилось у него еще до прихода в Комиссию. Так, 23 июля 1883 г. он писал своему сокурснику по Петербургскому университету С. Ф. Платонову: «Я искренний патриот, и процветание России — вот что входит во все мои помыслы. Поэтому я никогда не буду таким ученым, каким будете Вы... Я буду заниматься не одной историей, но всем — историей, статистикой, языком, этнографией, изданиями... как начинали заниматься всем этим славянофилы...» (Тихонов 1991: 267).

Роль А. А. Спицына в становлении славяно-русской археологии в России представляется очевидной и не подлежит сомнению. Особенно ярко это прослеживается при ретроспективном анализе его наследия с точки зрения подходов, возобладавших в отечественной археологии

с 1930-х гг. Именно здесь (прежде всего, в работах Б. А. Рыбакова и А. В. Арциховского) был продолжен отработанный А. А. Спицыным подход к изучению древнерусских летописных племен на основе выделения и картирования характерного набора женских украшений XI–XIII вв. (Арциховский 1930; Рыбаков 1932; 1947; 1950). Характерно, что в полемике с П. Н. Третьяковым именно Б. А. Рыбаков защищал взгляды А. А. Спицына — «в полном противоречии с распространенными сейчас рассуждениями о коренном различии петербургской и московской археологических школ» (Носов, Гайдуков 2008: 30–33; ср.: Третьяков 1937).

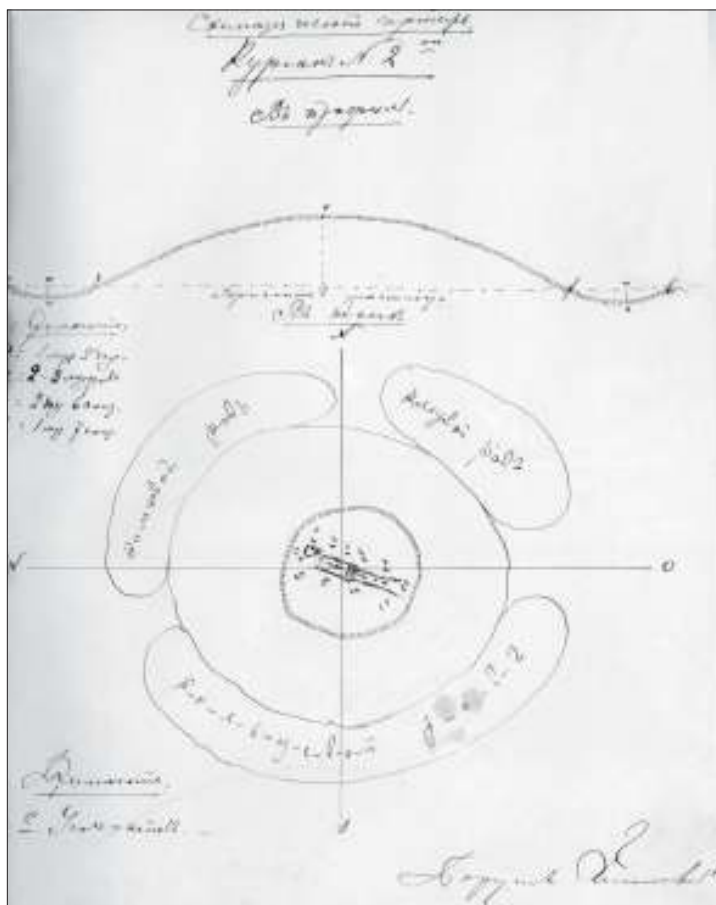
Однако было бы неверным полностью отождествлять роль А. А. Спицына в развитии средневековой археологии Восточной Европы в целом с его участием в становлении этой проблематики в деятельности ИАК. Представляется очевидным, что он как талантливый систематизатор творчески использовал опыт ИАК, сложившийся в результате попыток А. А. Бобринского организовать систематическое исследование славянских территорий силами ученых, которых можно условно причислить к «киевской школе» археологии. Не исключено, впрочем, что подобные подходы просто витали в научной атмосфере конца 1880-х–начала 1890-х гг.

1886 год стал здесь своеобразным поворотным моментом. Приход в Комиссию нового председателя, видимо, не случайно совпал с целым рядом новых перспективных инициатив, определивших дальнейшие направления ее деятельности. В июне этого года волынский генерал-губернатор сообщил в ИАК, что под г. Житомир поручик третьей батареи 32-й артиллерийской бригады «Гамченко 1-й» «без всякого разрешения» раскопал три кургана, о чем донес житомирскому полицмейстеру, доказывая важность проведенных исследований этого кладбища «древляно-полян» X–XII вв. Губернатор переслал в Комиссию записку С. Гамченко, его чертежи и ящики с найденными предметами и просил разрешить ему продолжить работы под руководством В. Б. Антоновича.

Сам профессор В. Б. Антонович, ставший немного позже (в 1892 г.) сверхштатным членом Комиссии, подчеркивал значимость местных курганов для изучения истории славянского этногенеза (1886 г., д. 66, л. 1–2, 18–21). 5 июля Комиссия ответила, что с ее стороны препятствий не встречается. Из бюджета ИАК в 1887 г. на продолжение исследований и на покрытие предыдущих издержек было выделено 110 руб. (Там же, л. 35). В результате в Комиссию поступил образцовый отчет о раскопках житомирских могильников с необходимыми планами, разрезами и краниологическими обмерами погребенных из 44 курганов (Там же, л. 38–242).

Возможно, именно эта история привела к тому, что в декабре 1886 г., во время встречи А. А. Бобринского и В. Б. Антоновича в Киеве, последний согласился произвести археологические исследования в юго-западных губерниях «от имени Императорской Археологической Комиссии». 25 февраля 1887 г. А. А. Бобринский попросил В. Б. Антоновича сообщить ему план предполагаемых раскопок, способ публикации отчета — в официальных отчетах Комиссии или как-нибудь иначе (сам профессор предполагал издавать каждую из своих исследовательских поездок-экскурсий отдельным приложением к трудам ИАК), а также предварительную смету (1887 г., д. 13, л. 1–1 об).

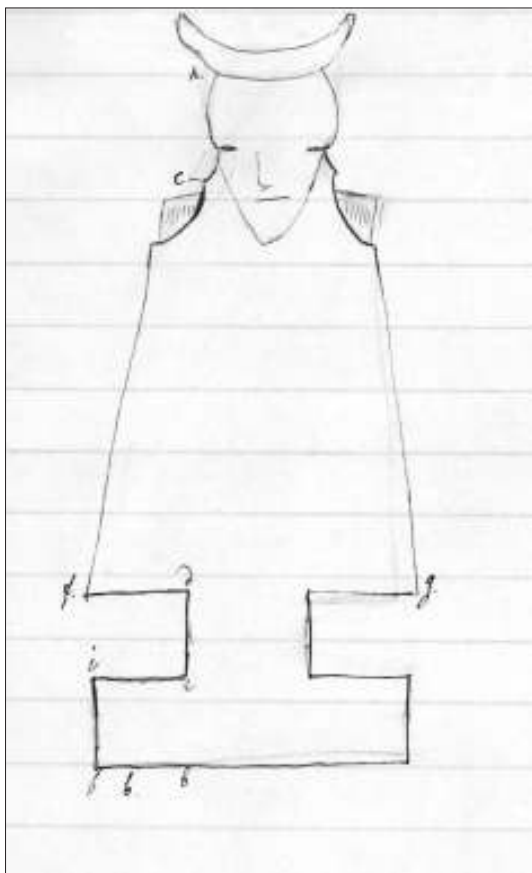
Некоторое время пришлось потратить на устранение ряда недоразумений, связанных с ожиданием В. Б. Антоновичем официального приглашения из Петербурга и с неверными представлениями о целях исследования, которые он вынес из беседы с Н. П. Кондаковым (*подробнее смотри главу VI*). В результате киевский исследователь предложил план работ на 3 года в Киевском Полесье. Конкретно предполагалось провести ряд «археологических экскурсий» в междуречье Ирпеня, Днестра, Припяти и Случи, которые соединяли бы в себе интерес как к историческим, так и к доисторическим древностям (Там же, л. 6–6 об.).

Разрез и план кургана близ г. Житомира. Раскопки С. Гамченко 1885 г. (1886 г., д.66, л.14)

В основу маршрутов экскурсий были положены историко-этнографические сведения русской летописи. В результате предполагалось «во всех точно определенных старославянских землях постараться путем археологических раскопок курганов и исследования городищ установить племенной тип похоронного обряда и возможные характеристические черты быта». Затем планировалось перейти к изучению территорий, доисторическая география которых была еще неясна или совсем неизвестна. Таким образом, В. Б. Антонович рассчитывал достичь следующих результатов: «определить этнографические типы славянских доисторических племен, определить границы их территорий, установить новые типы и указать места пребывания таких племен, о которых летопись ничего не говорит или дает лишь неясные намеки».

К земле полян он относил бассейны рек Стугны и Ирпеня; древляне, по его мнению, проживали на Ирпене, Припяти и Случи; на Волини обосновались дулебы, воляняне и бужане. Для исследования им было выделено несколько регионов: Побужье с Винницей, Подолия, разделенная на две части, включая Поднестровье с центром в Бакоте, а также еще четыре области на правом берегу Днестра. Исследователь предполагал провести свои «археологические экскурсии» по следующим направлениям: а) от местечка Владова к г. Владимиру-Волыньскому в междуречье Западного Буга и Стыри; б) в долине Стыри и в нижнем течении

Каменный истукан.
Сборы В. Б. Антоновича. С. Буки,
Сквирский уезд Киевской губернии
(1887 г., д. 13, л. 41)

Горыни, начиная от Луцка; в) по Нагорной Во-
лыни в верхнем течении Горыни в районе Шум-
ска, Кременца и Дубно.

20 апреля Комиссия одобрила в целом план
В. Б. Антоновича, но отметила огромность тер-
ритории, предназначенной для исследования
(22 500 кв. верст, более 20 000 курганов). Выде-
ляемых ИАК 1500 руб. хватило бы только на 100
курганов. Такой громоздкий план, по мнению
А. А. Бобринского, затруднял добычу «прочных
данных для точного определения погребальных
обрядов и могильной обстановки» (Там же, д. 13,
л. 23–24 об.). В результате было решено ограни-
читься исследованием курганов на р. Раствавица у
сел Буки и Ягнятин и городищ Трубск и Щигли-
евка, а также курганных групп по течению р. Уши.
Работа по организации экскурсий предполагала
составление карты, топографических планов горо-
дищ и подготовку библиографии (Там же, л. 12–16).
Сам В. Б. Антонович отмечал, что, кроме раскопок
в Овруче 1840-х гг., а также исследований Прушин-
ского и Гамченко, близких по времени к описы-
ваемым событиям, данный регион археологически не
изучался. Таким образом, исследование было явно
новаторским, особенно в плане методических под-
ходов к изучению славянского расселения.

29 апреля 1887 г. ИАК выдала В. Б. Антонови-
чу Открытый лист на раскопки в Киевском, Бер-
дичевском, Радомыльском, Сквирском уездах
Киевской губернии, Житомирском, Овручском,

Новоград-Волынском и Ровенском уездах Волынской губернии, а также Речицком, Мозыр-
ском и Пинском уездах Минской губернии. Вместе с листом в Киев была послана инструкции
по камеральной обработке найденных вещей: к каждой из них должен быть прикреплен осо-
бый ярлык с номером, соответствующим номеру в полевой описи (Там же, л. 20–20 об.).

В 1887–1888 гг. В. Б. Антоновичем были раскопаны курганные группы у поселений Буки
(33 кургана), Ягнятин (16), Блыставицы (2), Грубск (61), Виленская слобода (11), Страдив-
ка (37), Коростыево (10), Городск (12), Монино (6), Краганы (7), Котельни (5), Житомир
(33), Искоростень (5), Головки (7), а также несколько «каменных гробниц» у с. Вышевичи.
Каждые 20 дней он отправлял в Петербург краткий отчет об исследованиях. О них писа-
ла и российская пресса: так «Московские ведомости» в № 255 от 14 сентября 1888 г., в связи
с раскопками В. Б. Антоновича, сообщали о находке каменного «истукана» близ села Буки
(1887 г., д. 13, л. 38). В присланном в Комиссию дневнике раскопок 1887–1888 гг. помимо
описания раскопанных курганов приводятся «общие замечания» автора: курганы харак-
теризовались конусообразной формой, насыпью из желтого песка, близким расположени-
ем друг к другу и погребениями на горизонте. Только в одном случае было зафиксировано
погребение в подкурганной яме (Там же, л. 54–205).

Карта исследований В. Б. Антоновича в Киевской губернии (1887 г., д. 13, л. 15 об.-16)

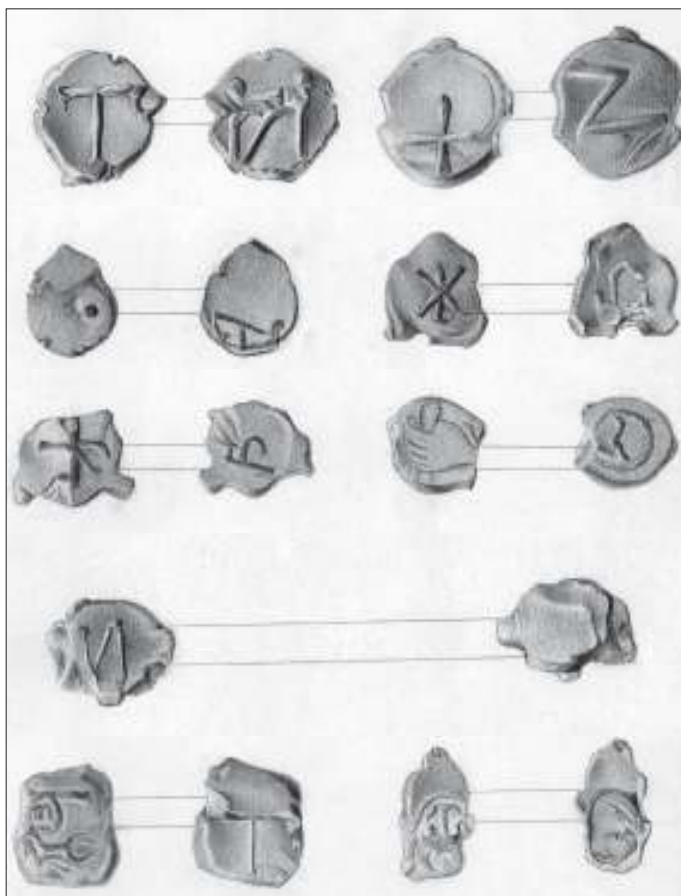
Одновременно ИАК поручила В. Б. Антоновичу провести исследования на углу Вознесенского и Кияновского спусков в Киеве, где на усадьбе Чеботаревской были обнаружены остатки фундаментов, и сама хозяйка была готова предоставить Комиссии право вести «раскопку» (Там же, л. 2). Тогда же, после сообщения киевского губернатора от 6 мая 1887 г. о провале грунта в пещерах в с. Кальник Липовецкого уезда, ИАК поручила В. Б. Антоновичу произвести осмотр провала с целью определения «археологического интереса» открывшегося памятника, который был впоследствии определен исследователем как «казацкая крепость» (1887 г., д. 2, л. 45, 47–50).

Таким образом, именно на средства и по поручению ИАК В. Б. Антонович впервые провел масштабные раскопки, позволившие очертить ареал расселения древлян. Характерной чертой погребений этих последних он считал захоронения без коня (Антонович 1893а). В 1890-х гг. он продолжил изучение славянских древностей, связанных с курганами радимичей на территории Посожья, правда, уже без видимой организационной связи с деятельностью Комиссии, хотя в декабре 1891 г. он был назначен ее сверхштатным членом (Антонович 1893а; 1893б; 1894). Но именно работы, предпринятые им в конце 1880-х гг. под эгидой ИАК, позволили ему приступить к составлению археологической карты этих территорий (Антонович 1895; 1901б) и наметить новые перспективы исследований в регионе в 1897–1898 гг. (Антонович 1901а: 134–140).

Инициатива Комиссии и исследования В. Б. Антоновича дали и иные результаты, важные для развития славянской археологии. В связи с началом (как тогда предполагалось) систематического исследования славянских древностей 1 мая 1887 г. ИАК отправила запрос в Центральный статистический комитет МВД об археологических материалах, прежде всего курганах и городищах, собранных в 1873 г. по Минской губернии. Видимо, предполагалось, что эти материалы могут понадобиться В. Б. Антоновичу в процессе его работы — не случайно в его Открытом листе значились исследования в Минской губернии. В процессе переписки выяснилось, что в свое время весь материал был передан Д. Я. Самоквасову, который и инициировал массовое применение анкетирования местного населения с целью составления карты археологических памятников. В августе–октябре 1872 г. подобный опрос был проведен в Черниговской губернии. На следующий год Центральный статистический комитет МВД размножил составленные исследователем анкеты и разослал их по губерниям. Так был начат сбор сведений об археологических памятниках таких губерний, как Тульская, Тверская Харьковская, Курская, Тамбовская, Волынская, области Войска Донского, Царства Польское и др. Полученные материалы и отправлялись в Варшаву, месту службы Д. Я. Самоквасова. Несмотря на то что в связи с отсутствием «критики источника» в материалах анкетирования, наряду с археологическими реалиями, нашли отражение и фольклоризованные представления местного населения об окружающем ландшафте, полученная информация стала основной для новых исследований, в частности, связанных с применением картографического и географического метода в археологии.

30 мая 1887 г. делопроизводитель ИАК И. А. Сулов делает на черновике письма от 1 мая 1887 г. помету, что Д. Я. Самоквасов готов передать эту информацию в распоряжение ИАК (1887 г., д.13, л. 26, 27). 20 февраля 1888 г. Д. Я. Самоквасову из ИАК передали литографированный текст сведений по волостным правлениям Волынской губернии, с целью его проверки для последующей публикации под грифом самой Комиссии (Там же, л. 42–42 об.; Самоквасов 1888; Щавелев 1992: 255–264; Археология... 2007: 83–85).

Позднее это «картографическо-статистическое» направление исследований также было продолжено А. А. Спицыным, последовательно составлявшим «обозрения некоторых

Вид Дрогоичинского городища и материалы исследований
Н. П. Авенариуса в Дрогоичине (1886 г., д. 55, л.16, 33)

губерний в археологическом отношении». Он неоднократно консультировался с Д. Я. Самоквасовым и, в частности, в своем письме к нему от 23 ноября 1895 г. приводил собранные им библиографические материалы по 15 губерниям (Археология... 2007: 340–341; Спицын 1896b: 177–186; 1899b: 289–302).

Почти одновременно с развитием сотрудничества ИАК с В. Б. Антоновичем в Комиссию обратился инспектор Варшавского института благородных девиц Н. П. Авенариус (1834–1903) — через посредство своего брата, детского писателя и беллетриста В. П. Авенариуса (1839–1919/1923) (Алексеев 1996: 139–140). 28 октября 1886 г. он представил на рассмотрение Комиссии древние предметы, найденные под Дрогичином, где он провел свой первый «полевой сезон». В ответе от 17 января 1887 г. ИАК не только поблагодарила его, но и выдала инструкции для дальнейших раскопок. 20 августа в Комиссию Н. П. Авенариусом были отправлены новые находки и отчет, в том числе и знаменитые «дрогичинские пломбы» — торговые пломбы древнерусского времени (1886 г., д. 55, л. 1–12 об., 5–6, 21–39). Похоже, с получением вещей в Комиссии произошла задержка, поскольку в своем письме к Д. Я. Самоквасову от 11 ноября 1887 г. автор раскопок сообщает, что отчет в Петербург дошел, а вещи пропали. При этом он делится любопытной подробностью своей полевой методики: исследователь «просеивал» землю при раскопках могильника (Археология... 2007: 51).

На следующий год Н. П. Авенариус обратился в ИАК уже с конкретной программой исследований, включавшей попытку интерпретации найденных материалов. Он приписывал дрогичинские древности «славяно-русским племенам», полагая, что ятвяги жили гораздо дальше на север. Тем самым автор вступал в полемику с польским хронистом Яном Длугошем и археологом К. Тышкевичем, которые считали Дрогичин столицей ятвягов (Тышкевич 1865–1867: 115–122). Для исследований 1888 г. Авенариус наметил ряд могильников по правому берегу р. Буг, на что ему было выделено 300 руб. Помимо отчета он прислал в ИАК карты осмотренных памятников и подъемный материал, собранный им на берегу реки, в том числе 21 натальный крест и образок (Авенариус 1890: табл. II). Подробного описания находок и рисунков к отчету приложено не было. Вещи из этих раскопок были переданы в 1891 г. в РИМ (1888 г., д.13, л. 3–3 об., 10–34 об., 38–38 об.; ср.: Авенариус 1892; 1893).

В 1889 г. Н. П. Авенариус на средства ИАК предпринимает раскопки в Минской губернии и совершает разведку памятников оборонного зодчества. В частности, он осматривает башню князя Владимира Васильковича в Каменце-Литовском, городище Самбор, замок Визна Ломжинского уезда и городище Буды Борисовского уезда Минской губернии (1889 г., д. 42, л. 29, 31, 72, 73). 12 апреля 1890 г. он вновь рассчитывает на поддержку Комиссией его исследований в Гродненской и Ломжинской губерниях, в надежде определить территорию расселения ятвягов (1890 г., д. 38, л.1).

Запрашивая в дальнейшем Открытые листы, Н. П. Авенариус заметно снизил интенсивность своих исследований. Он так и не прислал в Комиссию отчета за 1890 г. (1891 г., д. 38), а в 1892 г. не копал вовсе (1892 г., д. 72). Впрочем, изначально это было связано с его непосредственной работой над составлением текста первого выпуска «Древностей северо-западного края», за что он получил от Комиссии 200 руб. (1889 г., д. 20, л. 71; Авенариус 1890).

Задуманный ИАК издательский проект изначально предполагал более широкий охват материала. В 1889 г. Комиссия предложила Алексею Максимовичу Сементовскому (1823–1893), уже прославившемуся изучением и публикациями белорусской «старожитности», опубликовать изучаемые им витебские древности в подобном сборнике (ср.: Сементовский 1867). Исследователь посчитал это неудобным, ссылаясь на большой объем материала. Однако он

сообщил, что в будущем почтет за честь публиковать свои археологические труды в изданиях ИАК (1889 г., д. 20, л. 22, ср.: Алексеев 1996: 95–100).

Еще одним агентом Комиссии в северо-западных губерниях Российской империи был Эдуард Александрович Вольтер — филолог по образованию, специалист по прибалтийским языкам, приват-доцент Петербургского университета с 1886 г. Весной 1888 г. в связи с предстоящей поездкой Э. А. Вольтера (по поручению Правительства) в Минскую, Гродненскую, Ковенскую и Виленскую губернии А. А. Бобринской обратился к нему с предложением произвести сбор сведений для ИАК. Комиссию интересовали данные о памятниках местных древностей, а также о лицах, которые могли бы быть полезны ИАК в осуществлении ее научных целей.

За несколько месяцев Э. А. Вольтер проделал огромную работу, плоды которой нашли отражение в архиве Комиссии. Так, им был раскопан Олавский курган XIV в. в Троцком уезде на землях помещика Кейстута Гедемина. Совместно с В. А. Шукевичем им были проведены исследования в м. Пузеле Лидского уезда. Уже 18 июля Вольтер выслал в Комиссию ящики с найденными вещами и краниологические материалы, а также «Опись предметов литовской древности», куда входили артефакты, относящиеся ко временам от неолита до позднего средневековья. Среди собранной информации были сведения о коллекциях местных помещиков и материалы по архитектуре края с соображениями по их реставрации. Параллельно им были представлены «Список древних кладбищ Сувалкской губернии» и «Ответы» на вопросы программы МАО по собиранию местных сведений по Виленской губернии (1888 г., д. 15а, л. 3, 5 об., 12, 24–26, 27–38 об., 39, 53, 56–59, 118–122, 151). В это же время вышли и его труды по этнографии края (Вольтер 1890).

На следующий год Э. А. Вольтер сам обратился в ИАК с намерением продолжить раскопки «в Литве и Жмуди», которые он начал в 1888 г. по поручению Комиссии. Воспользовавшись

Вольтер Эдуард Александрович

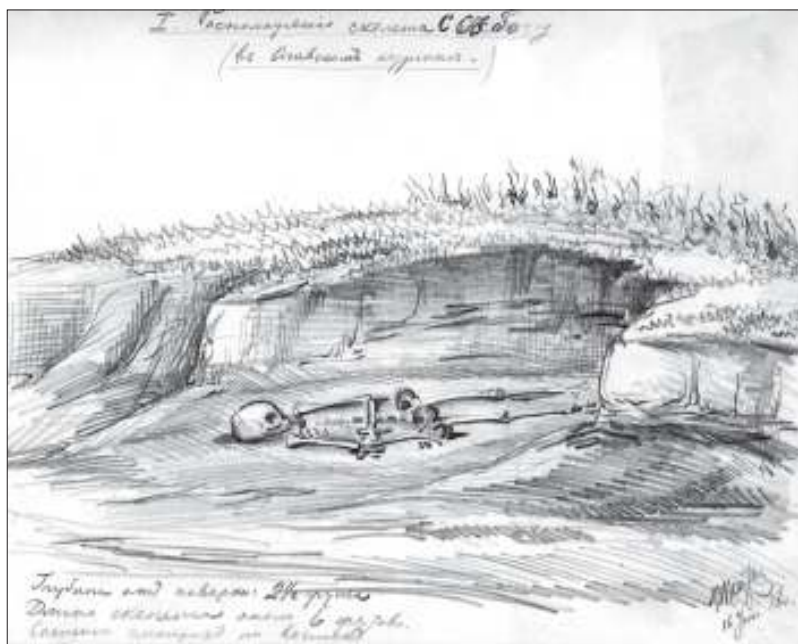
(6.03.1856–14.12.1941) — этнограф, лингвист, археолог, библиограф, приват-доцент Петербургского университета с 1886 г. Учился в Лейпцигском, Дерптском и Харьковском университетах. Получил степень магистра русской словесности за диссертацию «Разыскания по вопросу о грамматическом роде». Совершил ряд этнографических и археологических поездок в населенные латышские уезды для сбора этнографических материалов. Сотрудничал в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона. В 1888 г. по поручению ИАК собирал сведения о памятниках древности в губерниях Минской, Гродненской, Ковенской, Виленской. Вещи из его раскопок были представлены на выставке IX Археологического съезда в Вильно. В 1891 г. по поручению ИАК работал над библиографическим указателем археологической литературы.

Осн. соч.: Археологическое исследование о могильных древностях северо-западного края // Виленский вестник. 1889. Т. 7; Литовский катехизис Даукши 1595 г. с объяснениями. 1886; Материалы по этнографии латышского племени Витебской губернии. СПб., 1890. Т. 1.

Лит. о нем.: Тихонов И. Л. Исследователь Прибалтики: этнограф, лингвист, археолог Э. А. Вольтер // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти проф. И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 160–163.

Эдуард Александрович Вольтер
(СПбФА РАН, Р.Х, оп.1-В, д. 82, л. 1)

Раскопки Э. А. Вольтера. Курган, усадьба Олава,
Трокский уезд Виленской губернии (1888 г., д. 15а, л. 7 об.)

Позднесредневековые изразцы, собранные Э. А. Вольтером (1888 г., д. 15а, л. 39)

этим, 24 мая 1889 г. В. Г. Тизенгаузен сделал ему встречное предложение: ввиду предстоящего издания «Древностей Северо-Западного края» он просил Э. А. Вольтера заняться «подробным осмотром, описанием и фотографированием» древностей Витебской, Виленской, Ковенской и Гродненской губерний, хранящихся в Виленском музее. Помимо того, ИАК была заинтересована в сборе предварительных сведений о местных древностях, случайных находках, общественных и частных археологических коллекциях, имеющихся в Ковенской губернии. Одновременно Э. А. Вольтеру было выделено 300 руб. для окончания археологических исследований в Лидском и Трокском уездах. В июле 1889 г. он прислал в ИАК опись сделанным им фотографиям, а также описание раскопок «староверских могил» в Виленской губернии, к сожалению, не сопровождавшееся рисунками (1889 г., д. 43, л. 1, 3–3 об., 14–31). В то же самое время Э. А. Вольтер работал в Дрогичине совместно с Н.П. Авенариусом.

В начале 1890-х гг. исследователь несколько изменил форму своего взаимодействия с ИАК. Так, при его посредничестве 5 июля 1890 г. в Комиссию был доставлен отчет В. А. Шукевича о раскопках курганов с каменными обкладками у деревень Сырни и Вильканцы в Лидском уезде, а также карта археологических памятников по р. Уле в Виленской губернии (1890 г., д. 103, л. 2–6, 7а, 18, 37). В 1891 г. он, по просьбе ИАК, принял на себя задачу по составлению археологической библиографии (ОИАК за 1882–1888 гг. 1891: 329–331; ОИАК за 1889 г. 1892: 50–53). Впоследствии в 1910–1912 гг. Э. А. Вольтер плодотворно сотрудничал с Этнографическим отделом Русского музея в деле формирования коллекций, характеризующих быт населения Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской и Сувалкской губерний. Ему были не чужды и теоретические взгляды на развитие археологии. Он справедливо указывал, что отсутствие прогресса в изучении курганов и городищ связано не с отсутствием интереса, а с общим состоянием археологии вообще, для которой еще только подошло время собирания фактов, картирования памятников и выявления антропологических особенностей (Тихонов 2004: 160–163). Поэтому мнение М. И. Кояловича об Э. А. Вольтере как о «псевдоученом», которое приводит Н. П. Авенариус в одном из писем к Д. Я. Самоквасову, должно остаться на совести этого местного краеведа (Археология... 2007: 47). Стоит отметить, что после исследований Э. А. Вольтера и В. А. Шукевича к позднесредневековой археологии Литвынастоящему вернулся лишь Е. Светикас на рубеже XX–XXI вв. (Svetikas 2003).

На средства ИАК исследование археологических памятников в Виленской губернии проводил в 1893 г. и Ф. В. Покровский (1855–1903), один из основателей археологии Литвы и младший брат Н. В. Покровского, сверхштатного члена Комиссии. Работы велись им в преддверии IX Археологического съезда. Однако, получив аванс, на раскопки исследователь отчета так и не предоставил. Возможно, что отчет вместе с коллекциями раскопок поступил от Ф. В. Покровского в МАО, а затем в РИМ (1890 г., д. 207, л. 75–85, 115–116, 152). Эти исследования стоит рассматривать в контексте участия польских археологов XIX–XX вв. в изучении древностей на территории Российской империи и в становлении российской археологии (Blomborgowa 1986: 19–27; 1988). Впрочем, контакты поляков с МАО и их участие в Археологических съездах нужно признать более интенсивным, нежели взаимодействие этих исследователей с ИАК.

В это же время начинается плодотворное сотрудничество ИАК с доцентом Киевской Духовной академии Владимиром Зеноновичем Завитневичем. Все началось с того, что в газете «Сын Отечества» № 98 за 1887 г. появилась небольшая заметка, в которой сообщалось об археологических исследованиях В. З. Завитневича в междуречье рек Немана и Березины. 27 апреля А. А. Бобринской послал соответствующий запрос минскому губернатору о правомочности

проведения подобных исследований. Из ответа следовало, что в 1885–1886 гг. В. З. Завитневич действительно проводил раскопки в Минском и Игуменском уездах, в частности, у д. Кленники на р. Усе в имении помещицы Тарасовой (1889 г., д. 20, л. 1). Именно тогда вышла его первая работа, посвященная археологии дреговичей (Завитневич 1886).

Через два года, 22 февраля 1889 г., ИАК обратилась уже непосредственно к В. З. Завитневичу. При этом подчеркивалось намерение издать результаты его исследований среди прочих древностей Северо-Западного края. Археологу предлагалось выбрать местность для раскопок по своему усмотрению, со ссылкой на то, что Комиссия уже заручилась его согласием на производство раскопок за счет казны в сумме 150–200 руб. Как и в случае с В. Б. Антоновичем, здесь явно имели место предварительные переговоры. В результате 20 мая 1889 г. В. З. Завитневичу был выдан Открытый лист и выделено 250 руб. для раскопок в области дреговичей, в бассейнах рек Припяти и Двины. Очевидно, это было сделано вне связи с предстоящим Археологическим съездом в Вильно. Предварительный комитет съезда начал свою работу лишь 5 января 1891 г.

Еще 15 марта 1889 г., излагая план своих раскопок, В. З. Завитневич предполагал решить с их помощью вопрос о первобытной этнографии изучаемого края, а также установить границы между дреговичами и кривичами. В число исследованных областей должны были войти Речицы, Бобруйск, Логойск, Борисов, Минск и Изяславль. По итогам своих работ в декабре автор переслал в Комиссию полевые дневники не только за текущий год, но и за раскопочные сезоны 1886/1887 г. Поступившие в Комиссию материалы раскопок В. З. Завитневича в дальнейшем были переданы в РИМ (Там же, л. 1–4 об., 9–9 об., 13–48).

В 1890 г. В. З. Завитневич продолжил исследования в Речицком уезде Минской губернии и в Черниговской губернии. По сути дела, он впервые в истории отечественной археологии провел раскопки позднесредневекового городища — замка князя Семена Олельковича под Киевом, на что ИАК выделила ему 450 руб. Раскопки замка лишь слегка приоткрыли завесу над материальной культурой этой эпохи. Немногочисленные

Владимир Зенонович Завитневич
(СПбФА РАН, Р.Х, оп. 2–3, д. 60, л. 1)

Завитневич Владимир Зенонович

(1853–1927) – гражданский и церковный историк, преподаватель, археолог, богослов, философ, литератор, публицист. Профессор Киевской Духовной академии по кафедре русской гражданской истории. Член Поместного собора 1917–1918 гг. Родился в семье православного священника в белорусском с. Литвяны бывшего Минского уезда. В 1879 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, учитель Варшавского училища. Магистр богословия (1883), доцент Киевской Духовной академии (1884), экстраординарный профессор (1899), доктор церковной истории (1903), ординарный профессор (1904). Был членом многих исторических и археологических обществ.

Осн. соч.: Из археологической экскурсии в Припетское Полесье // ЧИОНЛ. 1890. Т. 4; Из воспоминаний о В. Б. Антоновиче как археологе // ЧИОНЛ. 1909. Кн. 21. С. 38–43.

Лит. о нем: Киселев В. Исследователь внимательный и трудолюбивый. О жизни и деятельности историка и богослова профессора В. З. Завитневича. М., 2007.

Находки из раскопок В. З. Завитневича (1892 г., д. 69, л. 35 а)

находки, всего 10 предметов, были также отправлены в РИМ (1890 г., д. 32, л. 7–8 об., 31–69; Завитневич 1891: 134–141).

В 1892 г. ИАК вновь обращается к Завитневичу с предложением, которое тот «с удовольствием» принимает, — продолжить начатые исследования в Бобруйском уезде Минской губернии в долине р. Березины. На раскопки ему было выделено 300 руб., которых хватило на исследование 230 курганов. Именно здесь В. З. Завитневичу удалось выделить характерные группы погребений в могильниках (1892 г., д. 69, л. 1, 2, 10–35).

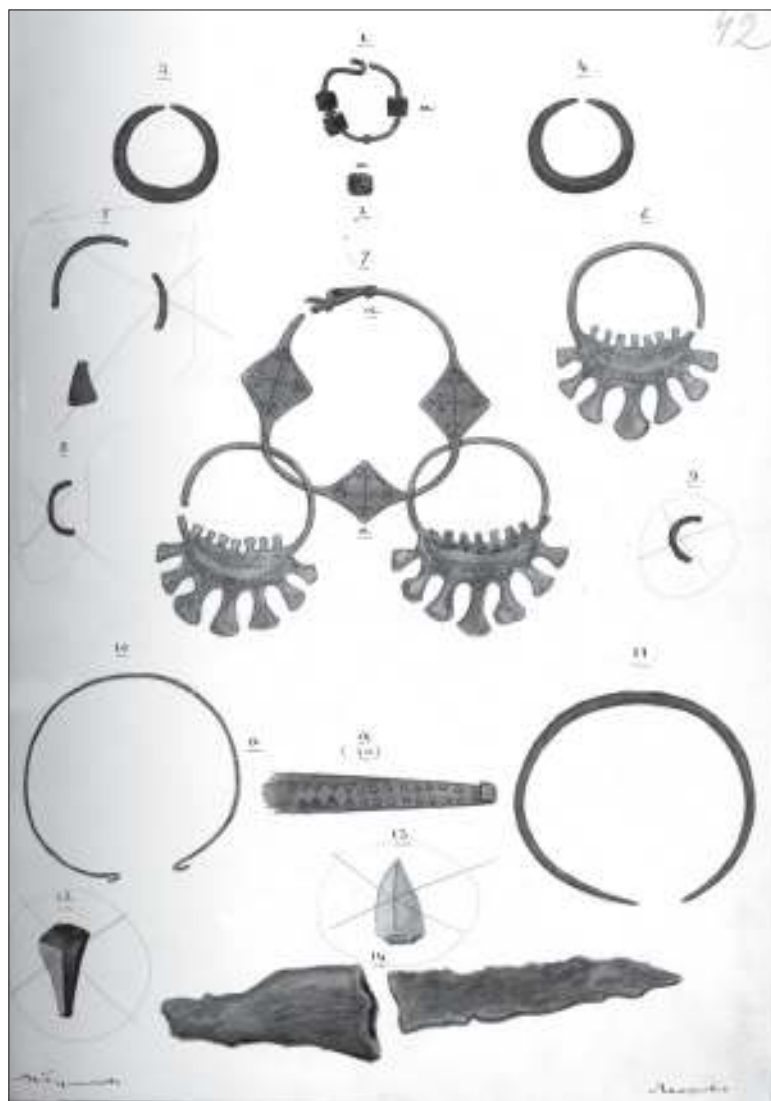
По подсчетам В. В. Седова, В. З. Завитневичем было раскопано 700 насыпей в 82 могильниках; по наблюдениям Л. В. Алексева — 647 (Седов 1982: 113, Алексеев 1996: 135; ср.: ОИАК за 1891 г. 1893: 131; ОИАК за 1892 г. 1894: 52–56, 124–153; см. также: Завитневич 1890а; 1890б; 1892а; 1892б; 1893; 1894а; 1894б). После работ 1893 г., связанных с подготовкой к IX Археологическому съезду, В. З. Завитневич более не обращался к археологии. Однако он не только был «добытчиком» археологического материала, причем весьма тщательным, но и его грамотным интерпретатором. Именно благодаря его раскопкам, впервые оказались зафиксированы остатки внутрикурганых столбов. Обряд трупосожжения он считал пришедшим с востока.

Основная проблема, интересовавшая Завитневича, была связана с определением границы расселения летописного племени дреговичей. Первоначально он считал, что они могут

План раскопок кургана Н. И. Булычева.
 Д. Леоново, Калужская губерния (1886 г., д. 23 л. 49)

быть определены на основе картирования погребального обряда. Для древлян он полагал более характерным погребения в подкурганых ямах, а для дреговичей — на горизонте. Одним из основных выводов его исследования стало то, что предполагаемый им ареал расселения дреговичей не совпадал с этнографической картой белорусской нации. В конце концов, он признал «преждевременным» и «рискованным» определять границы племенного расселения на основании погребального инвентаря (Завитневич 1895: 226). Впрочем, это не помешало А. А. Спицыну посчитать наиболее характерным для дреговичей перстнеобразные височные кольца с заходящимися концами, крупные зерненные бусы и деревянные конструкции в курганах (Спицын 1899а).

Сборы Н. И. Булычева. Д. Леоново, Калужская губерния (1886 г., д. 23 л. 42)

Еще одним ареалом славянского расселения и связанного с ним финского субстрата, исследованным при поддержке ИАК, являлась земля вятичей, где в 1899–1903 гг. произвел крупные раскопки Н. И. Булычев. Этот последний стал сверхштатным членом ИАК с 1903 г., правда, с поручением ему разборки поступающих в Комиссию монетных кладов. Еще в апреле 1886 г. он обратился в Комиссию с просьбой выдать ему Открытый лист на Калужскую и Смоленскую губернии, где он намеревался копать «курганы различных размеров на границе литовского и московского государства». Вместе с разрешением ИАК выделила ему на эти исследования 300 руб. Однако совокупный отчет Н. И. Булычев доставил лишь в 1891 г., когда добытые им древности, в том числе и древности вятичей, были представлены на высочайшее обозрение. Посредством траншей им были раскопано несколько курганных групп вдоль течения рек Полота и Реса (у деревень Шахово, Васильевское, Леоново, Шаньково,

Спас-Перекша, Дубровка), а также валообразные конструкции у д. Жуковка, которые он рассматривал как «литовские валы» или оборонительные сооружения «1812 г.». Результаты его исследований способствовали частичному выяснению культурной стратиграфии региона от неолита до XVII в. (1886 г., д. 23, л. 1–1 об., 9–10, 35–138). В отношении существовавших в истории этнографических ареалов он полагал, что западной границей Мерянской земли следует считать линию водораздела части левых притоков Оки и Десны.

В 1890–1891 гг. Н. И. Булычев исследовал «мощинский городец и курганчик», где в 1888 г. им был обнаружен «Мощинский клад». Описание условий находки отсутствует, однако в деле сохранилась краткая записка, составленная делопроизводителем Комиссии И. А. Суловым со слов самого Н. И. Булычева: «Клад бронзовых вещей с эмалью найден в Мощинском городище у подошвы самого древнего наслоения насыпи... в самой земле. Все вещи были сложены в кучу и зарыты в ямку...». 15 октября 1890 г. клад был взят Н. И. Булычевым из Комиссии «для временно пользования», как и все рисунки, «относящиеся до раскопок в 1886–1889 гг.» (1889 г., д. 59, л. 7, 8). Позднее клад вместе с результатами прочих исследований этого времени был издан находчиком с посвящением на титульном листе: «Графу Алексею Александровичу Бобринскому» (Булычев 1899: 15–22. Табл. VI–XVII). Очевидно, это было обусловлено не только личными отношениями, но и чувством признательности ИАК за поддержку его научных начинаний.

В конце 1890-х–начале 1900-х гг. Н. И. Булычев раскапывал курганы и городища по р. Болва, в Серенске, в Мещовском и Мосальском уездах Калужской губернии, по р. Жиздре и ее притокам, а также в Ельнинском и Юхновском уездах по верхним притокам Волги и Днепра (1890 г., д. 12; 1891 г., д. 24; 1892 г., д. 34; 1897 г., д. 25; 1900 г., д. 46; 1904 г., д. 93). Эти работы он вел уже исключительно за свой счет, поскольку полевые отчеты поступали от него в ИАК весьма нерегулярно. Так, в 1895 г. Комиссия напомнила ему, что в Петербурге до сих пор не получен отчет за 1892 г. и что только после предоставления этого документа ИАК готова выдать автору раскопок новый Открытый лист (1895 г., д. 61, л. 2).

Подводя итоги организационным трудам Комиссии в области славяно-русской археологии в начале «эпохи Бобринского», стоит обратить внимание на временное совпадение между приходом в Комиссию А. А. Спицына и прекращением сотрудничества ИАК с другими исследователями, занимавшимися изучением славянских древностей в конце 1880-х–начале 1890-х гг.

Инициативу А. А. Бобринского в исследовании памятников Киевской губернии и древностей Северо-Западного края не стоит связывать исключительно с «русификаторской» политикой правительства в указанный период. Известно, что генерал-губернатор М. Н. Муравьев еще в апреле 1864 г. подал на имя императора Александра II докладную записку, где Западный край рассматривался как исконно русский и составляющий древнее достояние России (Памятники архитектуры... 2002: 156). 17 мая 1864 г. РАО принимает решение об отправке сюда «археологической экспедиционной комиссии», в задачи которой входил бы «розыск русских и православных древностей» на этих территориях, представленных, в основном, архитектурой и связанными с ней движимыми памятниками (ИРАО. Т. 4, вып. 1. Отд. 2. 1866: 4; Веселовский 1900: 75). Однако уже при новом генерал-губернаторе Западного края А. Л. Потапове (1868–1874) идейная и интеллектуальная атмосфера здесь существенно изменилась. Есть все основания полагать, что и 20 лет спустя интерес А. А. Бобринского к славяно-русским древностям не был чрезмерно политизированным, но географически широким.

Об этом свидетельствует история участия ИАК в исследовании Старой Ладogi и Старо-Рязанского городища. 10 марта 1886 г. Н. Е. Бранденбург представил А. А. Бобринскому

памятную записку о целесообразности проведения археологических исследований в Старой Ладогe — в частности, в отношении кургана, именуемого «могила Олега». Целью исследования была попытка согласования данных летописи с археологическими реалиями. Н. Е. Бранденбург обратил внимание председателя ИАК на то, что выше Старой Ладоги по течению р. Волхов, у с. Михаила Архангела сохранились два больших кургана. Автор записки сопоставил это место с летописным сказанием, отметив, что, согласно логике текста, смерть настигла Олега на подходе к Старой Ладогe, южнее села. Это дало ему повод подозревать, что именно здесь, в Михаило-Архангельской сопке, должен быть погребен князь Олег (Панченко, Петров, Селин 1999: 82–91). В соседнем кургане, по мнению исследователя, должна была находиться могила жены князя, «погибшей вместе с последним, согласно языческим обрядам того времени, а курган на другом берегу может быть свидетелем кровавой тризны по Олеге».

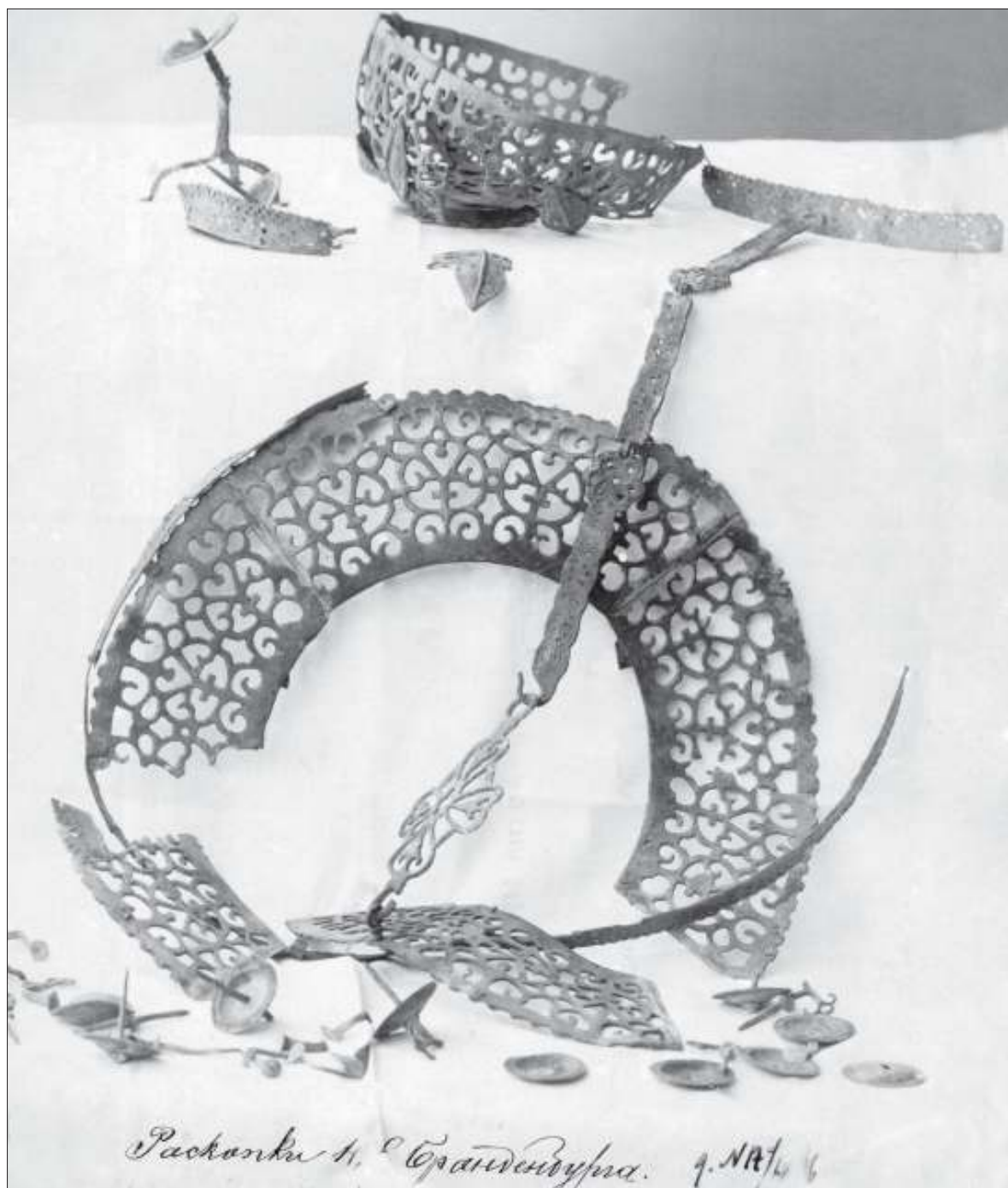
На свои работы Н. Е. Бранденбург просил отпустить «до 700 рублей». 27 марта деньги были Комиссией выделены, а санкт-петербургскому губернатору направлена просьба оказать содействие исследованиям. 3 мая 1886 г. Н. Е. Бранденбургу был выдан Открытый лист на «исследование с ученой целью старинных могильных курганов и городищ в Санкт-Петербургской губернии», с тем, чтобы все древности были предоставлены на рассмотрение ИАК. Особо оговаривалось, что производство раскопок на землях частных лиц зависит от согласия местных землевладельцев, а в случае интересных находок ими может быть получено соответствующее вознаграждение, сообразно стоимости, древности и редкости вещей.

Так, благодаря организационной и финансовой поддержке ИАК, началось изучение древностей эпохи становления Древнерусского государства. 16 декабря 1886 г. кальцинированные кости из раскопок Н. Е. Бранденбурга передаются Ю. Е. Ананову для анализа. Тогда же, в декабре, Н. Е. Бранденбург уже предполагает провести раскопки средневековых церквей в Ладогe. Собственно, идея исследования местных христианских древностей в рамках «комплексной экспедиции» появилась у ИАК еще летом 1886 г., когда в августе для осмотра ладожских фресок сюда собирался прибыть Н. В. Покровский. Однако его поездка была приостановлена в связи с тем, что Н. Е. Бранденбург уже успел завершить свои работы. В 1887 г. он получил 200 руб. и Открытый лист «на раскопки развалин древней церкви» в Старой Ладогe. В этом году им был исследован Спасский храм XII в. (1886 г., д. 17, л. 1–2 об., 3, 9, 23–24 25–32, 61, 63, 65, 70, 73–73 об., 74–83, 89–90).

Материалы раскопок Н.Е. Бранденбурга в Старой Ладогe и Приладожье были в дальнейшем изданы ИАК (Бранденбург 1895). Однако этот опыт сотрудничества Комиссии с Н. Е. Бранденбургом не получил должного развития. В 1888 г. последний выступил против «монополии» Комиссии на контроль над археологическими исследованиями в России. 2 ноября 1896 г. он обратился к П. С. Уваровой за поддержкой своего нового начинания, предложив раскапывать курганы на левом берегу Днепра и сообщив при этом, что «с Археологической Комиссией дела иметь не желательно». Впрочем, указанная «нежелательность», похоже, была связана с тем, что раскопки предполагалось вести на частной земле, а найденные в процессе исследования вещи археолог намеревался забрать себе (Археология... 2007: 127).

Подобным же образом обстояло дело с раскопками Старо-Рязанского городища, инициированными Рязанской архивной комиссией. 13 октября 1887 г. товарищ председателя комиссии архимандрит Владимир (Добролюбов), подчеркивая значимость этого городища для русской истории, обратился в ИАК с предложением произвести «обстоятельное исследование города по возможности на всей площади его». Из числа сделанных замечательных открытий он упоминал клад 1822 г., Спасский храм, открытый в 1836 г. Д. Тихомировым, новый клад, найденный 12 мая 1887 г. близ усадьбы Стерлигова, а также уникальные находки, сделанные

Вещи, найденные на усадьбе Стерлигова. Старая Рязань (1886 г., д. 45, л. 3)

случайно в разных местах. Недостаток средств на это мероприятие заставил архивную комиссию просить у ИАК пособие на производство раскопок в размере от 300 до 500 руб.

28 ноября ИАК высказала полное сочувствие этой идее и выделила 400 руб. на раскопки в 1888 г. Не считая нужным вмешиваться в план работ архивной комиссии, ИАК лишь указала, что все раскопки на городище должны быть доведены до «материковой целины» и обозначены на плане. Был дан еще ряд методических указаний: уже исследованные места следовало не забрасывать вынимаемой землей, а вывозить ее за пределы городища; необходимо вести подробный дневник и делать чертежи; к найденным вещам надлежит прилагать ярлычки с номерами, под которыми они будут значиться в общей описи находок. Было поставлено дополнительное условие, что если ИАК решит командировать на место одного из своих членов, то таковой должен быть допущен к осмотру работ с правом изменить направление раскопок. Действительно, 10 июня 1888 г. И. И. Толстому был выдан Открытый лист на осмотр рязанских раскопок, что сопровождалось личной просьбой председателя Комиссии отправиться в Старую Рязань с инспекцией. Известно, что в 1888 г. А. В. Селиванов (1851–1915) раскопал на городище Борисоглебский храм. Публикуя свой отчет о раскопках храма двумя траншеями, он подчеркивал, что «земля выбиралась до материка», что соответствовало требованиям ИАК (Селиванов 1888: 160).

В феврале 1889 г., переправляя в Комиссию вещи и дневник раскопок, А. В. Селиванов просил вернуть коллекцию в Рязанский музей и выделить 500 руб. на раскопки в новом году.

Однако после 1890 г. активных контактов между Рязанской архивной комиссией и ИАК не было. К сожалению, в архиве не сохранились и чертежи раскопок (1886 г., д. 45, л. 1–2 об., 3–4, 9, 17, 18–24 об., 27, 58). В 1899–1903 гг. работы на городище продолжили А. И. Черепнин (1841–1905) и В. Н. Крейтон, однако в связи со смертью А. И. Черепнина план его систематических исследований городища так и не был осуществлен. Необходимо отметить, что эти раскопки также финансировались и контролировались ИАК. Характерно, что до сих пор в историографии подчеркивалось исключительное участие Рязанской ученой архивной комиссии в исследовании Старой Рязани. При этом указывалось, что лишь «в советское время» «активно включилось в работу по археологическому изучению Рязанского края центральное археологическое учреждение» СССР «ГАИМК–ИИМК–ИА» (Монгайт 1955: 8–9; 1961: 18–19).

Помимо «славянского» направления в деятельности ИАК можно выделить «балтское» и «финно-угорское». В 1868 г. финский археолог Д. Европеус произвел археологические работы на Белоозере, Мологе и Шексне (1868 г., д. 29). Им исследовались, в частности, курганы близ погоста Белые Кресты Устюженского уезда Новгородской губернии. В дальнейшем материалы этих раскопок попали в Национальный музей Финляндии. Очевидно, изначально интерес к финским древностям находился в русле «восточных интересов» В. Г. Тизенгаузена, которому принадлежала идея начать систематические раскопки в Пермской и Вятской губерниях — для решения вопроса о происхождении так называемых чудских древностей и их связях с алтайскими памятниками. Он же предлагал привлечь к этим исследованиям финского археолога И. Р. Аспелина (АВ СПб ФИВ РАН, ф. 52, оп. 1, д. 17, л. 1–2).

Еще в июне 1869 г., благодаря сотрудничеству С. Г. Строганова с Министерством путей сообщения, в Комиссию поступили классические древности мордвы X–XI вв. из Лядинского могильника, впоследствии полностью исследованного в 1888–1889 гг. благодаря организующей деятельности ИАК (*подробнее смотри главу I*) (см. также: Ястребов 1893; Воронина 2007: 4–7). В 1894 г. к изучению древностей мордвы вернулся член ИАК А. А. Спицын (ОИАК за 1894 г. 1896: 45–51).

Практически одновременно Комиссия оказалась вовлечена в изучение эталонного памятника средневекового балтского населения Восточной Европы — Люцинского могильника X–XI в. (Алексеев 1996: 145–150). В начале 1890 г. Е. Р. Романов прислал в Комиссию газетную заметку о находках на Комаровой горе близ с. Люцин-Лудз и о коллекции почетного гражданина Риги Людвиг Фохта, составленной из случайных находок и материалов дилетантских раскопок (1890 г., д. 33, л. 1).

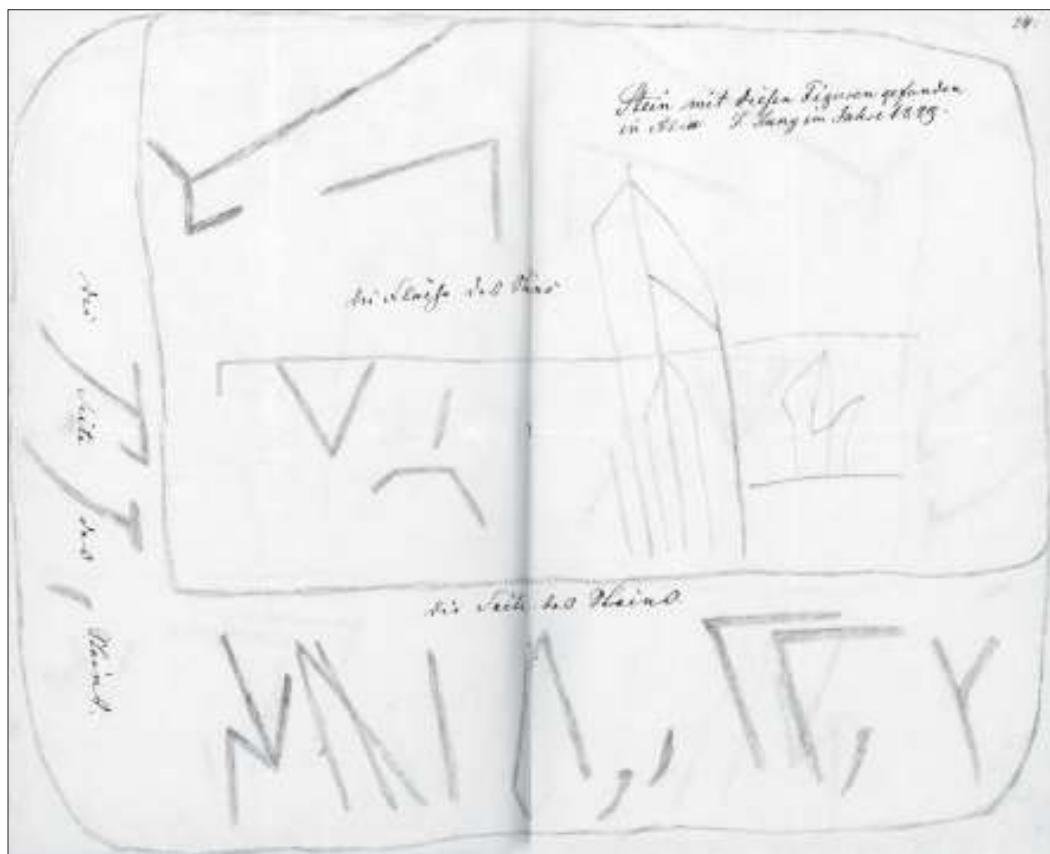
31 мая 1890 г. А. А. Бобринской отправил запрос витебскому губернатору о ситуации с раскопками и разграблением памятника, одновременно выдав Открытый лист самому Е. Р. Романову и сотруднику Исторического музея в Москве В. И. Сизову. Памятник был раскопан этими исследователями в 1890–1891 гг. и издан ИАК (Там же, л. 2–16 об.; МАР. № 14. 1893; Спицын 1894: 403–406). Еще ранее, в 1886–1887 гг., А. А. фон Крузе раскопал несколько погребений Людвиковского могильника близ оз. Стучаны Динабургского уезда Витебской губернии, и найденные здесь средневековые балтские древности были изданы в первом выпуске «Древностей Северо-Западного края». По признанию самой Комиссии, впоследствии она была «лишена возможности воспользоваться предложением Крузе заняться дальнейшей разведкой Людвиковского могильника» (1887 г., д. 42; МАР. №4. 1890: 53–58).

Помимо организации полевых работ Комиссии пришлось решать еще две проблемы, связанные с Люцинским могильником. В июле и сентябре 1890 г. ИАК провела переговоры с Л. Фохтом о приобретении его коллекции, за что тот потребовал 5000 руб. Выслать вещи в Петербург он отказался, как отказался и предоставить их опись, ссылаясь на свой

непрофессионализм, а также на то, что такая опись якобы уже есть у Е. Р. Романова. В конце концов, во время личного общения с А. А. Спицыным Л. Фохт согласился переслать в Комиссию часть вещей, наиболее интересную для издания, о чем ему вновь пришлось напоминать 25 ноября 1892 г. (1890 г., д. 33, л. 29, 36, 37).

Отдельной проблемой был владельческий статус земли, на которой располагался Люцинский могильник. 5 декабря 1890 г. выяснилось, что местные крестьяне заявили себя хозяевами этой территории. А. А. Бобринской в переписке с Министерством государственных имуществ попросил прояснить ситуацию. В результате оказалось, что ее юридический статус не был до конца ясен, но как только в губернское Управление государственных имуществ поступила информация о высочайшем повелении 1889 г., местному лесничему, поначалу препятствовавшему раскопкам, было тут же поручено оказывать им всяческое содействие (Там же, л. 29, 87–89 об.).

ИАК финансировала и другие археологические работы на территории Прибалтийских губерний. Летом 1887 г. Э. Шмидт, инспектор городского училища в Бауске (Курляндская губерния), обратился в ИАК с просьбой поддержать его исследования в окрестностях города, в частности в Альт-Радене. 28 августа ему был выдан Открытый лист, и уже 2 октября в Комиссию были доставлены найденные при раскопках вещи, в том числе надписи, интерпретированные как рунические. На эти исследования ИАК выделила ему 100 руб. (1887 г., д. 58, л. 62–63, 64, 65).

«Руны» из раскопок Э. Шмидта, Бауский уезд Курляндской губернии (1887 г., д. 58, л. 23 об., 24)

Вслед за тем летом 1892 г. в Комиссию обратился приват-доцент Петербургского университета Ф. А. Браун, будущий сотрудник самой ИАК, с предложением провести раскопки на том же Альт-Раденском могильнике, на территории усадьбы Унтинг. Ф. А. Браун полагал, что здесь были захоронены представители народности восточногерманского происхождения, вандальского или готского, мигрировавшие сюда «из Скандинавия или Дании» «в VII–X вв.». Комиссия выделила ему на эти цели 150 руб., в процессе раскопок ему удалось обнаружить несколько погребений и зафиксировать расположение могил. Уже 27 июля он представил в Комиссию отчет о работах и опись вещей, к сожалению, не сопровождавшиеся рисунками. Всего на исследования Ф.А. Браун израсходовал 98 руб. (1892 г., д. 103, л. 6–9 об.).

В 1891 г. в том же Баусском уезде у с. Цемальден при строительстве ограды лютеранского кладбища были обнаружены ряд бронзовых предметов и связанные с ними костные останки. Некоторые находки попали в собственность учителя Митавского реального училища Крюгера. Преподаватель Митавской гимназии Карл Бой также сумел выкупить несколько предметов, после чего обратился в ИАК, получил Открытый лист и в 1895 г. приступил к раскопкам, исследовав 27 погребений балтского облика V–XIII вв. и близких по культуре к Альт-Раденскому могильнику (1895 г., д. 158, л. 14–22 об.). В 1896 г. ему вновь был выдан Открытый лист, но, к сожалению, работы не производились, в том числе и потому, что поле в Цемальдене засеяли.

В 1898 г. К. Бой вновь обратился в ИАК и предложил, при условии минимальной оплаты, осуществлять археологический надзор за «новостроечными» работами, а также содействовать предупреждению незаконных раскопок, словом, осуществлять охрану памятников в Курляндии. Похоже, это предложение осталось без ответа. Известно, что вещи Цемальденского могильника, а также находки из Сессау и Анненбурга в коллекции Крюгера привлекли

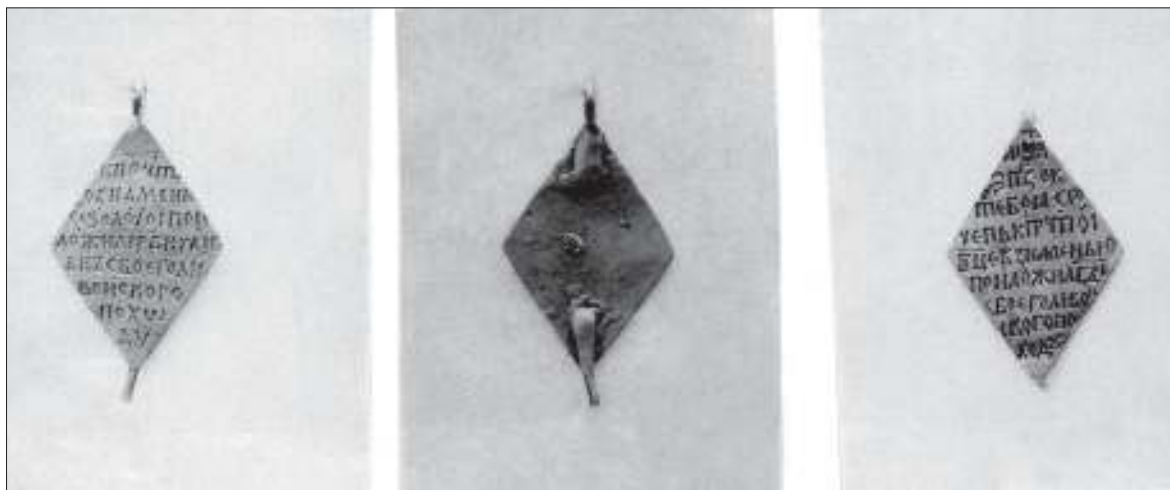
Материалы раскопок К. Боя. Цемальден, Баусский уезд Курляндской губернии
(1895 г., д. 158, л. 27, 30, 44)

«Лета 7080 [1579] октября сию чепь к Пречистой Богородице к Знаменью приложил государь своего ливонского похода» и «К Пречистой Знамению сей золотой приложил царевич Иван своего ливонского походу» (Макарий 1860: 242. Примеч. 17). 9 февраля 1885 г. А. А. Васильчиков, ознакомившись с изданием, направляет обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву письмо, где просит «прислать на рассмотрение или сделать снимок» этих «двух золотых четырехугольных продолговатых медалей с надписями», хранящихся в соборной ризнице. 21 сентября председателю вновь пришлось напомнить обер-прокурору о своей просьбе. 15 ноября К. П. Победоносцев уведомлял А. А. Васильчикова, что приклады от старорусского епископа Анастасия (Добрадина), управлявшего тогда Новгородской кафедрой, получены и хранятся в канцелярии обер-прокурора. В связи с этим он просил командировать сотрудника Комиссии для осмотра предметов и их фотографирования. В результате бланки были переданы в ИАК и возвращены в Синод в декабре того же года (1885 г., д. 12, л. 1–3). Эти приклады, ныне утраченные, сохранились лишь в фотографиях, сделанных ИАК в 1885 г.

В дальнейшем участие Комиссии в исследовании новгородских церковных древностей продолжалось. 3 мая 1890 г. Е. К. Редин обратился в ИАК с просьбой поддержать его намерение заняться изучением церковной старины и ходатайствовать о допущении его в храмы и древлехранилища Новгородской епархии. Уже 31 мая ИАК обратилась с соответствующей просьбой к епископу Старорусскому Владимиру (Богоявленскому) (1890 г., д. 70. л. 2–2 об.)

В связи с началом исследования Софийского собора в Новгороде Императорская Археологическая Комиссия поручила приват-доценту Санкт-Петербургского университета И. А. Шляпкину составить описание древних настенных надписей, сохранившихся в новгородских церквях и открытых в процессе реставрации. Это был первый шаг к комплексному изучению древнерусской эпиграфики. В своем письме И. А. Шляпкину от 17 декабря 1894 г. А. А. Бобринской обратил его внимание на важность настенных надписей и задал вопрос: не найдет ли он возможным принять на себя эпиграфическое изучение на месте и снятие копий за счет Археологической Комиссии? 22 декабря И. А. Шляпкин отвечал согласием (1894 г., д. 237, л. 1–1 об., 2–3 об.). При этом он полагал, что традиция граффити начинается в XII в., и уже на святках 1895 г. был готов поехать посмотреть не только Софию, но и храмы на Нередице и на Волотовом поле.

Приклады царя Ивана Грозного и царевича Ивана к образу Богоматери Знамение (1579 г., Знаменский собор, Новгород), описанные архимандритом Макарием (Миролюбовым) в 1860 г., не сохранились (1885 г., д. 12, л. 4)

Шляпкин Илья Александрович

(09.05.1858–29.04.1918) — филолог, палеограф, историк древнерусского искусства. Происходил из крестьянской семьи. В 1877 г. поступил в Петербургский университет. Учился у И. И. Срезневского, А. И. Веселовского и И. В. Ягича. В 1879 г. становится членом-корреспондентом ОЛДП. В 1881 г. был оставлен при кафедре русского языка и словесности у О. Ф. Миллера. В 1887–1900 гг. на правах приват-доцента читает лекции по теме «Введение в историю русской литературы». В 1900 г. экстраординарный профессор. Иконографический интерес представляет его статья, посвящённая канонизации и изображению Александра Невского. Его исследования о новгородских крестах XII–XV вв. до сих пор остаются востребованными современной наукой.

Осн. соч.: Русское поучение XI века в перенесении мощей Николая Чудотворца и его отношение к западным. СПб., 1881; Древние русские кресты. СПб., 1906; Русская палеография. СПб., 1913; Иконография благоверного великого князя Александра Невского // ЗОРСА. Пг., 1915. Т. 11; Лекции по истории русской литературы. Пг., 1915. Ч. 1, вып. 2.

Лит. о нем.: Буш В. В. Илья Александрович Шляпкин: Некролог. Пг., 1920; Славяноведение в дореволюционной России: Библиографический словарь. М., 1979.

Илья Александрович Шляпкин
(СПбФА РАН, Р.Х,
оп. 1-Ш, д. 72, л. 1)

Поездка должна была занять 8–10 дней и потребовать 120–150 руб. В плане развития темы он предлагал Комиссии обратить внимание не только на граффити, но и на вещевую эпиграфику, прежде всего поручи прп. Варлаама Хутынского, а также памятники Зверина монастыря, храмов вмч. Феодора Стратилата и свв. Бориса и Глеба и монастыря Воскресения на Мячине, что могло потребовать уже большей суммы в 300–400 рублей. В тот же день ему был выдан первый в истории Открытый лист на исследование эпиграфических памятников и отправлены соответствующие письма гражданским и духовным властям (Там же, л. 6)

Однако во время работ возник ряд проблем, которые были порождены уже начавшимся конфликтом между ИАК и академиком В. В. Суловым (*подробнее смотри главу I*). Настоятель собора протоиерей А. Конкордин 15 февраля 1895 г. в своем письме в Комиссию посчитал, что поскольку честь открытия и фиксации граффити принадлежит В. В. Сулову, то без него пересылать их в ИАК «не удобно» (Там же, л. 11). 4 марта А. А. Бобринской отправил письмо в Строительный комитет Синода с просьбой прислать ящики со штукатуркой с надписями, снятой со стен В. В. Суловым, в Комиссию. Очевидно, граф полагал, что академик поступил в Софии так же, как поступил с фресками при реставрации Преображенского собора в Переславле-Залесском, т. е. снял их со стен вместе со штукатуркой. Дело дошло до того, что 3 января 1901 г. А. А. Бобринской был вынужден писать уже обер-прокурору Синода, жалуясь на В. В. Сулова, не желающего показывать Комиссии новооткрытые надписи. К К. П. Победоносцеву была обращена «покорнейшая просьба», не признает ли он возможным оказать ИАК «начальническое содействие к предложению академику Сулову доставить снятые им снимки на временное рассмотрение Комиссии» (Там же, л. 335–336).

Впрочем, из отчета И. А. Шляпкина летом 1895 г. выяснилось, что В. В. Сулов лишь снял кальки с граффити, а сами надписи на лестнице заштукатурил. Отбить «цемент» на лестнице и на хорах И. А. Шляпкину не удалось. В результате он прислал в Комиссию 22 снимка новгородских древностей, в том числе и изображение креста архиепископа Алексия. Его отчет

Крест. Новгород. Фото И. А. Шляпкина
(1894 г., д. 237, л. 41)

для открытия надписей, как это было предложено ИАК, и вообще просил «не трогать глубоко ям», полагая, что повсюду на глубине могут находиться мощи новгородских святителей.

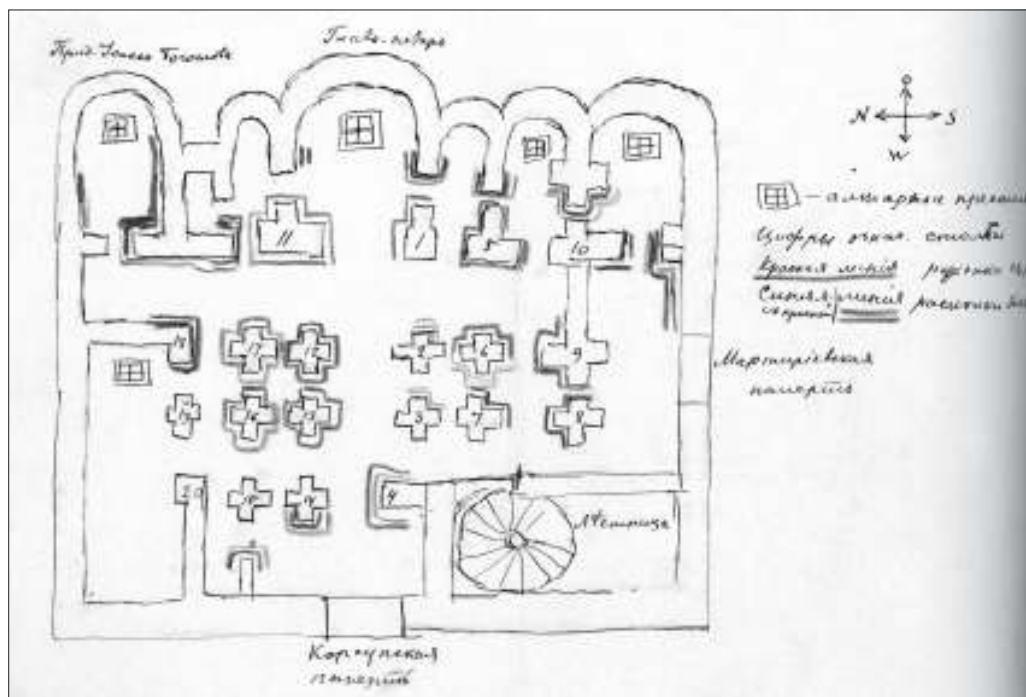
В 1897 г. дело об издании корпуса древнерусской эпиграфики продолжилось. От имени ИАК всем заинтересованным лицам был разослан соответствующий циркуляр о подготовке свода русских вещевых надписей XI–XIV вв. с предложением максимально его пополнить неизвестными Комиссии сведениями (Там же, л.127–128 об.). В результате в Комиссию поступили дополнительная информация и предложения. Е. Р. Романов предложил включить в издание надписи на Борисовых камнях на р. Двине и клейма на кирпичах Коложской церкви в Гродно, а профессор Киевской Духовной академии Н. И. Петров — учесть в корпусе памятники древнерусской нумизматики. Предложения сопровождалась фотографиями. Возникли идеи издать в будущем томе фрески церкви св. вмч. Георгия в Старой Ладоге, потир Юрия Долгорукого, змеевик с образом свв. Козмы и Дамиана, приобретенного

сопровождался предложением существенно расширить исследовательский проект. Помимо корпуса древнерусских надписей, который включил в себя не только граффити, но и вещевую палеографию и надгробия XI–XVI вв., этот проект должен был завершиться изданием эпиграфического свода (Там же, л. 4–18, 21–22).

19 июня к исследованию надписей Софийского собора присоединился А. И. Соболевский. Им удалось определить места, где располагались надписи, и к 24 июня было заложено 6 шурфов, в каждом из которых обнаружено по 5–10 граффити. В процессе работ И. А. Шляпкина сделал 188 снимков с граффити. Однако в то же время в адрес Комиссии возникли нарекания со стороны протоиерея А. Конкордина, который объявил, что духовное ведомство отказывается от идеи «делать выемки в полу»

Надгробие. Новгород.
Фото И. А. Шляпкина (1894 г., д. 237, л. 42)

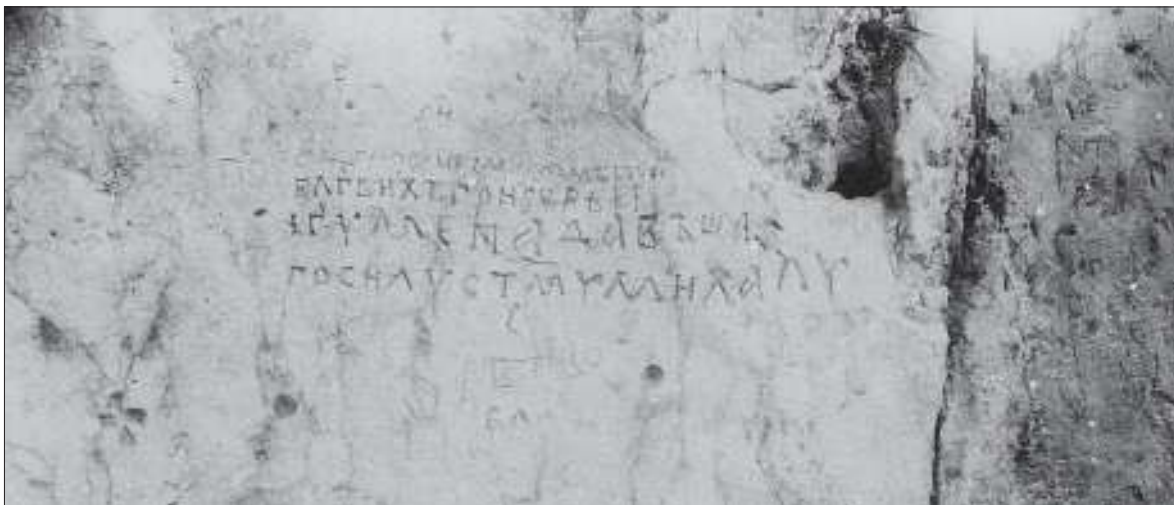
План Софийского собора с указанием мест, обследованных И. А. Шляпкиным (1894 г., д. 237, л. 76 об.)

А. И. Черепниным в Рязани в 1897 г., омофор XV в. из Владимира-Волынского, который удалось сфотографировать только после вмешательства ИАК, и др. (Там же, л. 131, 195, 266, 267). Многие из фотографий, сделанных для И. А. Шляпкина сторожем Комиссии И. Ф. Чистяковым в 1896 г. в частности в Полоцке, оказались бесценны, поскольку памятники, изображенные на них, в том числе и крест св. княгини Ефросинии Полоцкой, были позднее утрачены (Алексеев 1996: 152; 1957). В корпус должны были войти и эпиграфические памятники, открытые в процессе работ, осуществляемых самой Комиссией. Так, в 1891–1892 гг. В. Б. Антонович, при поддержке ИАК, исследовал пещерный монастырь Бакоты на Подолии на Днестре (1894 г., д. 237, л.149, 152 об.). К сожалению, издание так и не было осуществлено, и все материалы будущего свода осели в архиве ИАК. Публикация корпуса древнерусской эпиграфики осуществилась лишь в XX в. (Орлов 1952; Рыбаков 1964; Николаева 1971; Медынцева 1977; 1991).

В дальнейшем И.А. Шляпкин продолжил сотрудничество с ИАК в деле изучения археологических и эпиграфических памятников русского Северо-Запада. В 1898 г. он

Крест преподобной Ефросиньи Полоцкой. Фото И. Ф. Чистякова, 1896 г. (ФА, О. 705/22)

Надписи в Бакотских пещерах, открытые В. Б. Антоновичем (1894 г., д. 237, л. 149)

Каменные кресты с надписями из часовни в д. Воймерицы (ФА, Q 243/9)

предпринял поездку в Боровичский уезд Новгородской губернии для изучения надписи на каменном кресте в часовне д. Воймерицы и произвел частичные раскопки жальника и курганов, расположенных в окрестностях деревни (ОИАК за 1898 г. 1901: 57–58). В этом же году И. А. Шляпкин обследовал жальник в Тихвинском уезде Новгородской губернии около д. Новый Бор. Немногочисленные находки попали в Новгородский музей, антропологическая коллекция из раскопок была передана в музей Военно-Медицинской академии (1897 г., д. 223, л. 47–48).

Однако главным проектом ИАК в области древнерусского и византийского прикладного искусства стало все же издание русских кладов, предпринятое Н. П. Кондаковым (Кондаков 1896). В отечественной литературе, естественно, отмечалась роль Комиссии в этом издании. Однако сама публикация характеризовалась, как правило, достаточно критично, а в оценках чувствовалось определенное противоречие. С одной стороны, утверждалось, что в дореволюционное время изучение кладов велось ради чисто искусствоведческих задач. С другой — подчеркивалось, что единственная ценность труда Н. П. Кондакова заключалась в публикации фактического материала, причем само распределение этого материала не было обосновано. Претензии возводились на идейных основаниях: автору ставилось в вину, что тот считал древнерусское искусство лишь ухудшенным, провинциальным вариантом искусства Византии, а вопрос о древнем самобытном русском искусстве был «утоплен» им в море бесконечных перекрестных влияний (Корзухина 1954: 5–6).

Известно, что систематизация и издание собранных ИАК и доставленных ею в Императорский Эрмитаж кладов были высочайше поручены Н. П. Кондакову еще в мае 1885 г., однако в силу ряда причин проект был приостановлен в августе того же года (1885 г., д. 59, л. 64–64 об.) (подробнее смотри главу I). После «провала» авантюры А. В. Прахова, пытавшегося взять издание кладов в свои руки, работа Н. П. Кондакова продолжилась. В мае 1886 г. он просил выслать ему в Одессу уже готовые рисунки и материалы, связанные с предстоящей публикацией (Там же, л. 29–30). 17 мая А. А. Бобринской обратился к директору Императорского Эрмитажа А. А. Васильчикову с просьбой оказать Комиссии помощь в фотографировании хранящихся в музее кладов для будущего издания (Там же, л. 31–32). Процесс затянулся, и лишь в феврале 1887 г. опись кладов (Там же, л. 36–53) была выслана Н. П. Кондакову (Там же, л. 54). Но еще ранее, в конце декабря 1886 г., тот, осознавая важность исследования и необходимость поиска точных аналогий, просит у председателя Комиссии разрешения на

Фрагмент полевого дневника
И. А. Шляпкина. План сопки из
Воймерицкого могильника (1897, д. 223, л. 18)

поездку в Европу с научной целью для обозрения имеющихся там памятников. Предполагалось с 1 мая по 1 августа 1887 г. посетить Бухарест, Пешт, Вену, Берлин, Лондон, Стокгольм и Копенгаген (Там же, л. 61–62). Уже в январе 1887 г., А. А. Бобринской, понимая необходимость такого путешествия, подает рапорт министру Двора, испрашивая на эту командировку 1200 руб. 7 февраля разрешение было получено (Там же, л. 66).

К 17 февраля 1887 г. Н. П. Кондаков получил от И. А. Суслова 5 посылок с фотографиями вещей из кладов (Там же, л. 67). Тогда же он заказывает новую серию фотографий с древностей Оружейной палаты и Киевского университета (Там же, л.70–71 об.). Потом дело вновь затягивается. Но 15 марта 1893 г. император Александр III, посетив очередную выставку археологических находок, организованную Комиссией, обратил внимание на еще не изданные рисунки. Выяснив, что работы были приостановлены за недостатком денежных средств, он изъявил согласие способствовать изданию кладов (Там же, л.110).

26 мая 1893 г. А. А. Бобринской подает докладную записку министру Двора В. Б. Фредериксу, испрашивая 9196 руб. на два года на будущее издание кладов (Там же, л. 111). Одновременно он изложил стратегию новой издательской политики Комиссии, которая включала в себя фрески керченских катакомб (1890–1891), древние персидские блюда и сосуды из восточной части Империи (1887–1890) и др. Дело издания русских кладов сдвинулось только к 1896 г. В январе Н. П. Кондаков отправляет В.Г. Тизенгаузену два письма о возможности расширения будущего издания за счет включения в него шапки Мономаха и клада золотых брошей и перстней барона Неул из Вормса, которые он уже использовал в издании «Византийские эмали» (Кондаков 1892: 244, рис. 87) (1885 г., д. 59, л. 198–199) При этом особое внимание предполагалось уделить исследованию филиграней. В дальнейшем много времени отняла переписка по Рязанскому и Киевскому Михайловскому кладам. 20 декабря 1896 г. оказалось наконец получено разрешение на посвящение труда Александру III (Там же, л. 266). Издание было датировано тем же годом.

Однако уже в 1896 г. во Владимире был найден новый клад, весьма близкий по составу к кладу 1865 г. (Там же, л. 325). В сентябре 1897 г. Н. П. Кондаков предложил Комиссии издать второй том русских кладов, в который, в частности, должны были войти и ткани, найденные в Успенском соборе г. Владимира. Эти ткани он намеревался опубликовать вместе с В. Т. Георгиевским (Там же, л. 298). 4 октября 1897 г. ИАК направила письмо архиепископу Владимирскому Сергию (Спасскому), и уже в конце октября ткани были выданы В. Т. Георгиевскому для доставки их в Петербург (Там же, л. 302). 28 апреля 1899 г. последовала просьба к тому же архиерею предоставить возможность опубликовать ризы из Покровского Суздальского монастыря с эмалевыми драбницами (Там же, л. 327).

Работа над вторым томом шла медленно. В январе 1904 г. фотографии, сделанные, в частности, фирмой Альберта Мея, уже были полностью готовы, однако проект был заморожен, очевидно, в связи с политическими и экономическими потрясениями в стране. Лишь в январе 1917 г. Б. В. Фармаковский сообщил Комиссии о намерении Н. П. Кондакова вернуться к изданию (Там же, л. 380). ИАК согласилась привлечь для этой работы дополнительного сотрудника и платить ему 50 руб. в месяц. 30 января 1917 г. Н. П. Кондаков отвечал, что готов пригласить для этих целей Е. Яценко. Издание так и не было осуществлено, хотя в архиве ИАК сохранились отдельные рисунки и комплект таблиц, выполненные Т. Н. Барсуковой и Д. К. Крайневым (Васильева 2001: 43–45). Материалы второго тома древнерусских кладов, задуманного Н. П. Кондаковым, были изданы С.А. Гуциным достаточно избирательно только в 1930-х гг. без должного упоминания о проделанной Н.П. Кондаковым и ИАК работе (Гуцин 1936; Корзухина 1954: 6).

В начале 1890-х гг. Комиссия, используя потенциал, накопленный в сотрудничестве с В. Б. Антоновичем и В. З. Завитневичем, активно включилась в археологическое изучение массовых славяно-русских древностей, преимущественно на Северо-Западе России. Распоряжение 1889 г. об исключительном праве ИАК выдавать разрешения на проведение археологических исследований на казенных и общественных землях значительно изменило характер поступления археологических находок в Комиссию. В результате поменялся и формат их публикации. С этого времени отдельная глава отчетов о действиях Комиссии посвящалась подробному описанию наиболее интересных предметов из «приношений» и случайных находок, с привлечением иллюстративного материала. В приложении к отчету публиковались таблицы распределения древностей, случайно найденных в различных губерниях России и доставленных в ИАК местными учреждениями и частными лицами. Там же приводился список обнаруженных древностей, с указанием места их находки и названия организации, куда они были впоследствии переданы Комиссией.

Самым ценным поступлением 1890 г., из «безвозмездно предоставленных в собственность» Археологической Комиссии, стала коллекция средневековых древностей из раскопок Л. К. Ивановского в Вотской пятине Новгородской земли, которая послужила впоследствии основой для создания типологии и хронологии русских курганных древностей (ОИАК за 1890 г. 1893: 111). В течение 1872–1890 гг. он раскопал при поддержке Русского археологического общества 5731 курган (Спицын 1896а: 2), в результате чего оказалась составлена богатейшая коллекция археологических находок. Качественное издание столь обширных материалов требовало большого труда и денежных вложений. Русское археологическое общество, «не имея у себя достаточно средств для составления и издания надлежащим образом ученого описания» археологического собрания Л. К. Ивановского, в 1890 г. передала его коллекцию древностей в Императорскую Археологическую Комиссию для публикации и последующего распределения между собраниями Эрмитажа и Российского Исторического музея, с условием, что Комиссия впоследствии предоставит обществу 400 печатных экземпляров изданного труда (1890 г., д. 89, л. 1).

Осенью 1890 г. в ИАК поступило 4 ящика с древностями из коллекции Л. К. Ивановского. Большая часть предметов была сформирована в таблицы и прикреплена к картону (Там же, л. 2), что в дальнейшем, по свидетельству А. А. Спицына, значительно помогло в систематизации материалов. Перед тем как приступить к подготовке издания, весной 1891 г. автор исследований обратился в ИАК с ходатайством о разрешении раскопок по течению р. Луги, для дополнения собранных им и уже находящихся в Комиссии древностей, найденных в курганах Вотской пятины, а также о «сношениях с Санкт-Петербургским военно-медицинским инспектором на предмет командирования доктора Ивановского в распоряжение ИАК на июль, август, сентябрь» (1888 г., д. 71, л. 77 об.–78). Археологическая Комиссия полностью удовлетворила его просьбу и ассигновала на работы 500 руб. Летом 1891 г. Л. К. Ивановский раскопал еще 146 курганов в Ямбургском и Гдовском уездах Петербургской губернии (ОИАК за 1891 г. 1893: 94–95). Вскоре после этого он скончался и не успел подвести итог своих исследований.

Материалы его раскопок были изданы в 1896 г. благодаря трудам членов ИАК В. Г. Дружинина и А. А. Спицына. Первый из них привел коллекцию в порядок перед окончательной подготовкой к публикации (Спицын 1896а: 3), но главная заслуга, безусловно, принадлежит А. А. Спицыну, который кропотливо обработал и проанализировал все собрание древностей, что немало осложнялось отсутствием полноценной отчетной документации о раскопках. Далее коллекция была издана им в серии «Материалы по археологии России» в виде

монографии с атласом рисунков. Русское археологическое общество получило 400 обещанных томов. Отдельный экземпляр был поднесен императору (1890 г., д. 89, л. 15, 20). После публикации археологическую коллекцию Л. К. Ивановского распределили в Эрмитаж, Исторический музей и музей Русского археологического общества.

Комиссия организовывала и самостоятельные полевые исследования. Представляется закономерным, что большая часть этих работ была связана с Северо-Западом России: ИАК могла оперативно реагировать на информацию с мест, касающуюся состояния археологических памятников и угрозы их существованию. В 1892 г. в ИАК поступили сведения о том, что крестьяне с. Миронег Валдайского уезда Новгородской губернии предприняли кладоискательские раскопки одной из насыпей сопочной группы, располагавшейся рядом с селом, но были остановлены распоряжением исправника (1893 г., д. 51, л. 12). На следующий год крестьянская община послала прошение новгородскому губернатору с ходатайством продолжить раскопки на законном основании. Чтобы предотвратить дальнейшие самовольные работы крестьян, Археологическая Комиссия обратилась к князю П. А. Путятину с просьбой исследовать Миронегские сопки.

Летом 1893 г. князь произвел раскопки 5 насыпей в Валдайском уезде (ОИАК за 1893 г. 1895: 18). Он своевременно представил в ИАК отчет о своих работах с приложением описи находок и подробным дневником. Копали курганы те самые крестьяне, которые подавали прошение губернатору, — под контролем самого П. А. Путятина и местного исправника. В полевом дневнике археолог указывал: «Работало человек пятьдесят мужчин и баб с такой энергией, что приходилось зачастую сдерживать неправильное и усиленное ворошение земли лопатами» (1893 г., д. 51, л. 12 об.–13). Анализируя конструктивные особенности исследованных насыпей, П. А. Путятин отнес Миронегские сопки к типу ладожских курганов, раскопанных Н.Е. Бранденбургом (Там же, л. 14). Находки из этих раскопок Археологическая Комиссия направила в Новгородский музей.

Часть древностей в этом регионе была спасена Комиссией при сотрудничестве с Министерством путей сообщения. В июле 1899 г. Строительная контора Московско-Виндавской железной дороги уведомила ИАК, что в процессе прокладки железнодорожной ветки от ст. Дно до ст. Новосokolьники при разработке балластного карьера в Порховском уезде Псковской губернии были найдены «пещеры и черепа» (1899 г., д. 159, л. 1). Начальник участка приостановил работы до прибытия представителя Комиссии. Для осмотра места строительства ИАК направила преподавателя Археологического института художника Н. К. Рериха, снабдив его Открытым листом и денежными средствами. Порховский уездный исправник был предупрежден о намеченной поездке: ему отправили просьбу оказать Н. К. Рериху «законное содействие» (Там же, л. 9). В результате обследования выяснилось, что сделанные находки относятся к остаткам старообрядческого кладбища и не представляют археологического интереса (ОИАК за 1899 г. 1902: 102–103).

Подобным образом были организованы работы ИАК и в других местах. В 1894 г. консерватор Минералогического кабинета Санкт-Петербургского университета В. К. Агафонов сообщил в ИАК, что в процессе почвенно-геологических работ на территории имения Григоровской сельскохозяйственной школы около г. Новгорода он «наткнулся на скопления глиняных черепков и кусков различных каменных пород, обработанных отбивкой и шлифованием» (1894 г., д. 120, л. 9). Комиссия поддержала его инициативу провести там раскопки, выдала Открытый лист и выделила денежные средства. В 1894 г. в ходе археологических работ В. К. Агафонов раскопал остатки углежогных ям, нашел обломки шлифовальных камней и фрагменты позднесредневековой керамики. Находки также были сданы в Новгородский музей (ОИАК за 1894 г. 1896: 25, 154–155).

По инициативе ИАК продолжалось исследование и восточных районов Новгородской земли. Осенью 1899 г. герцог Н. Н. Лейхтенбергский сообщил великому князю Константину Константиновичу о кургане, находящемся на границе его усадьбы Горы в Новгородской губернии около ст. Окуловка, и признал необходимость его исследования. В письме содержалось описание памятника: «Весь курган покрыт был гранитными плитами, из которых многие видны были над поверхностью земли, а кругом были врыты остроконечные плиты в виде венца или ограды». Герцог Н. Н. Лейхтенбергский обещал содействовать в раскопках и предоставить рабочих, лошадей и инструменты (1899 г., д. 233, л. 1).

Исполнение работ было возложено на ИАК. Вначале Комиссия предложила провести раскопки кургана Н. Е. Бранденбургу, но тот ответил отказом, сославшись на здоровье. «Поехать на раскопки в ноябре месяце, в распутицу, грязь и холод, — писал он, — было бы в мои годы слишком смело, тем более, что я вообще крайне подвержен простудам, при этих же работах обязательно присутствовать безотлучно и, следовательно, приходится рисковать весьма скверными последствиями» (Там же, л. 5–5 об.). Он также сомневался в научной значимости предполагавшихся раскопок. «По поводу самого кургана позволю себе высказать предположение, что, по моему мнению, едва ли он оправдывает ожидаемые научные интересы. Лет 20 тому назад я, кажется, раскапывал подобный же курган (покрытый плитами) на Севере Новгородской губернии, если не ошибаюсь на р. Сяси, но ничего интересного в нем, сколько помнится, не оказалось, — едва ли даже не позднейшие лишь погребения! Думается, что таковые же результаты даст и курган, намеченный в настоящем случае» (Там же, л. 5 об.–6). В итоге Археологическая Комиссия поручила произвести исследование Н. К. Рериху, который и раскопал курган в мае 1900 г., проследив конструкцию насыпи (ОИАК за 1900 г. 1902: 85). Обнаруженные в кургане погребения Н. К. Рерих датировал несколькими периодами от X в. до начала XVI в., но затруднился точно отнести его с определенностью к какому-либо типу памятников (Рерих 1901: 64). Н.К. Рерих проводил раскопки в других местностях Северо-Запада России (Королев 1998: 46–48; Рябинин 1999: 15–34). Несмотря на то что уровень полевой фиксации и интерпретации материалов этих исследований оказался существенно иным, нежели у прочих раскопок, организованных ИАК, эти работы пополнили научные представления об археологической карте Новгородской земли.

Изучение Северо-Запада можно рассматривать и как часть общей программы взаимодействия ИАК с областными археологическими съездами. В целях содействия съезду в Твери (*подробнее смотри главу I*) ИАК в течение 1902–1903 гг. организовывала под руководством А. А. Спицына экспедиции в Новгородскую, Тверскую и Ярославскую губернии для исследования памятников археологии в малоизученном регионе — в верховьях Волги. В 1903 г. А. А. Спицын попытался «отыскать финский древний могильник в верхнем Поволжье» и с этой целью направился в Валдайский уезд Новгородской губернии. Его внимание привлек район пустоши Часовня в окрестностях о. Кафтино — место находки «проволочной плетеной пряжки с подвесками» финно-угорского типа, поступившей в Тверской музей от художника Д. Н. Чудковского, владевшего имением на берегу озера. Указанное им место находилось в частном владении — в имении «Святое» швейцарского подданного Г. Г. Фолленвейдера. По закону ИАК могла беспрепятственно заниматься археологическими изысканиями только на казенных или общественных землях. Поэтому Комиссия обратилась к владельцу с официальным прошением разрешить раскопки, обещая, что они «будут произведены без малейшей порчи земли или порослей». Тот полностью поддержал инициативу Комиссии и даже пригласил А. А. Спицына остановиться на время работ в его доме (1903 г.,

Николай Иванович Репников (справа) и П. М. Раевский. Партенит. 1907 г. (ФА, Q 455/62)

Репников Николай Иванович

(9.04.1882–25.12.1940) — археолог, специалист по иконописи, монументальной живописи и прикладному искусству Древней Руси. В 1904 г. закончил Санкт-Петербургский Археологический институт, в 1904–1908 гг. вольнослушателем учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, ученик А. А. Спицына. Провел серию археологических исследований на Северо-Западе России и в Крыму. С 1902 г. сотрудничал с ИАК и РАО. Составил сводную карту жальников с их описанием, изучал жертвенные места Новгородской земли. С 1910 г. сотрудник Этнографического отдела музея императора Александра III, хранитель археологической коллекции музея. В 1909–1913 гг. исследовал Земляное городище Старой Ладого. Участвовал в реставрации фресок храмов св. Георгия в Старой Ладого и Никольского в д. Гостинополье. В 1928–1937 гг. проводил раскопки пещерного города Эски-Кермен в Крыму. Собрал большую библиотеку по истории и древностям Крыма, поступившую после его смерти в ИИМК.

Осн. соч.: Старая Ладога // Сборник Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1915. Вып. 7. С. 1–39; Памятники иконографии упраздненного Гостинопольского монастыря // Известия Комитета изучения древнерусской живописи. Пг., 1921. Вып. 1. С. 13–20; Жальники Новгородской земли // Известия ГАИМК. Л., 1931. Т. 9. Вып. 5; Раскопки в городище Старой Ладого: Отчет о работах 1909–1913 гг. // Старая Ладога. Л., 1948. С. 11–69.

Лит. о нем: Бернштам А. Н., Бибиков С. Н. Н. И. Репников (1882–1940). [Некролог] // КСИИМК. М.; Л., 1941. Вып. 9. С. 121–123; Равдоникас В. И. Памяти Н. И. Репникова // Старая Ладога. Л., 1948. С. 6–10; Королькова Л. В. Н. И. Репников — исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-историографический сб. СПб., 2004. С. 118–125.

д. 70, л. 3–4). Летом 1903 г. А. А. Спицын произвел осмотр означенной территории, но его надежды найти «финский могильник» не оправдались. Были обнаружены жальник и остатки древнерусского селища (Спицын 1904: 65–67; РА, ф. 5, д. 210).

В 1902 г. в рамках этой программы обследование Деревской пятины на территории Демянского уезда Новгородской губернии было поручено (по ходатайству А. А. Спицына) члену Археологического института Н. И. Репникову (ОИАК за 1902 г. 1904: 113; Репников 1904: 18–20). Согласно данным отчета, представленного Н. И. Репниковым в Археологическую Комиссию, он раскопал 9 насыпей в курганной группе около д. Хозютино и остатки позднего кладбища в урочище Таборы. В районе д. Пески он произвел разведочные работы, зафиксировал и описал жальник, курганные и сопочные могильники. Н. И. Репников обратил особое внимание на древнерусское городище «Княжа Гора», приобрел у крестьян 4 медных креста и 2 складня, найденных на городище (1902 г., д. 96, л. 99 об.–101). Собранные им древности были переданы в Тверской музей. Параллельные исследования в связи с Тверским съездом проводили Н. Е. Макаренко и С. А. Гатцук — тоже по программе ИАК (Там же, д. 96).

Характерно, что сотрудничество Комиссии с Николаем Ивановичем Репниковым в области изучения средневековых древностей (Королькова 2004: 118–125) вскоре продолжилось, но уже в других широтах. 5 мая 1903 г. Репникову (тогда — слушателю Петербургского Археологического института) был выдан Открытый лист и выделено 100 руб. на раскопки в Ялтинском уезде (1903 г., д. 9, л. 2, 4). Объектом исследований должен был стать могильник крымских готтов Суук-су, которому угрожала распашка под виноградник. 9 августа Н. И. Репников отправляет в Петербург телеграмму: «Могильник огромен, грунт тяжел, нашли золотой, хищничают, запретил, одному не управиться, пришлите Макаренку». Сложность работ привела к тому, что деньги оказались «израсходованы с передержкою (121 руб. — *Ред.*), а раскопка могильника далеко не кончена» (Там же, л. 9, 10). Параллельно возникла новая проблема: местное население стало распахивать под виноградник соседний могильник — Балготу, и Н. И. Репников обратился в Комиссию за инструкциями.

21 декабря 1903 г. А. А. Бобринской написал таврическому губернатору, сообщая ему, что татары Гурзуфа распахивают под виноградник готский могильник. Председатель ИАК просил запретить здесь посадки вплоть до окончания работ. В ответ на это таврический губернатор 14 февраля 1904 г. сообщал, что «раскопка Готского могильника в Гурзуфе приостановлена и установлено наблюдение о нераспашке до особого разрешения» со стороны ИАК» (Там же, л. 44, 48, 65). На 1904 г. Н. И. Репникову было выделено 600 руб., однако уже 28 января 1904 г. он рапортует в Петербург, что исследование могильника закончено (очевидно, речь шла об определенном участке), и предлагает начать раскопки соседнего некрополя — Балготы. Впрочем, как свидетельствует докладная записка делопроизводителя Комиссии А. С. Раевского от 23 января 1905 г., разграбление могил, оставшихся неисследованными, продолжалось. В связи с этим он предлагал приступить к раскопкам участка некрополя между дорогой и морем (Там же, л. 63, 70–70 об.).

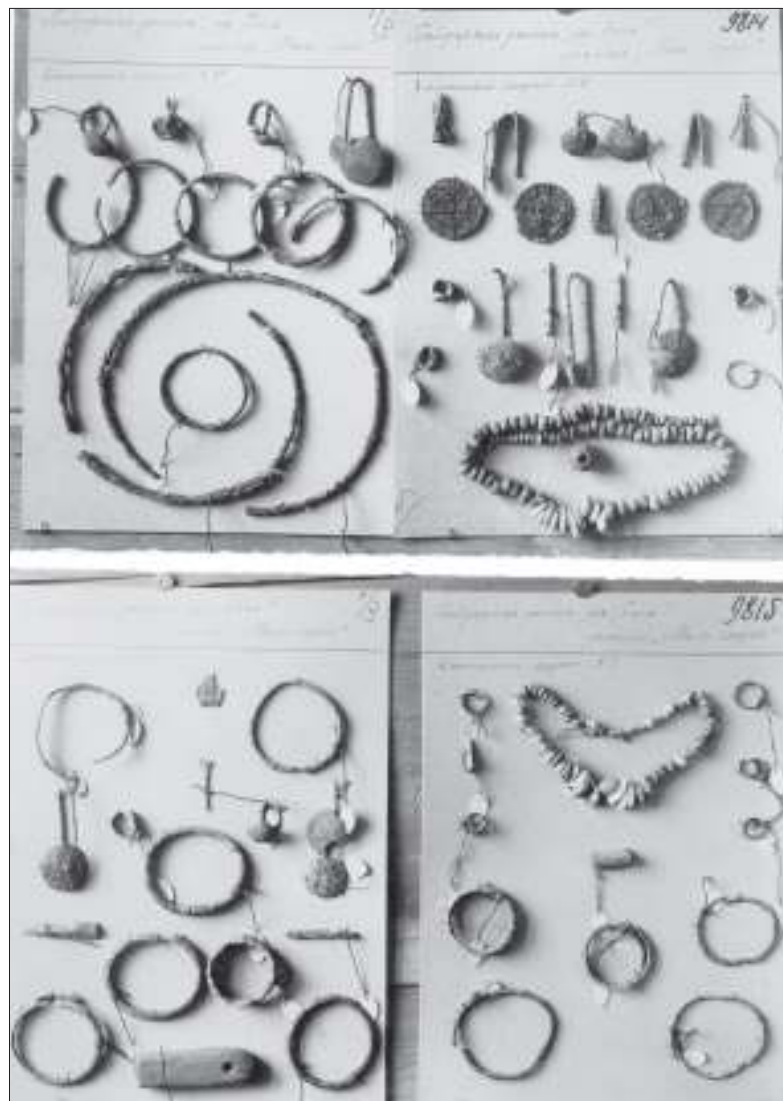
Раскопки могильника Суук-су и синхронных древностей на средства Комиссии продолжались и позднее: так, в 1905 г. на эти цели ИАК выделила до 1000 руб. (1905 г., д. 94; 1907 г., д. 44; 1908 г., д. 98; Репников 1906: 1–80). Затем после кончины К. К. Косцюшко-Валюжинича Н. И. Репникову в 1908 г. на непродолжительное время было поручено возглавить исследования Херсонеса (*подробнее смотри главу V*). К сожалению, его последующие исследования в Старой Ладогe в начале 1910-х гг., начатые по инициативе Этнографического отдела

Могильник Суук-су. Раскопки Н. И. Репникова (1905 г., д. 94, л. 39)

План грунтовой могилы № 61 из могильника Суук-су
 из отчета Н. И. Репникова (1905 г., д. 94, л. 57)

Вещи из раскопок Н. И. Репникова у д. Скала
 в Байдарской долине (1907 г., д. 44, л. 86)

Николай Емельянович Макаренко (справа), В. В. Саханев и сестры Верховские на раскопках Мордвиновского кургана. Таврическая губерния, 1914 г. (ФА, Q 600/51)

Макаренко Николай Емельянович

(4.02.1877–4.01.1938) — археолог, искусствовед, художник. Действительный член ИРАО, ИРГО, Тверской, Оренбургской, Черниговской и Полтавской ученых архивных комиссий, Общества архитекторов-художников; член-корреспондент ИМАО (1913), почетный член Псковского археологического общества. Родился в д. Москалевка Полтавской губернии (ныне Роменский район Сумской области). В 1897 г. окончил Лохвицкую гимназию, в 1902 г. – Училище технического рисования барона Штиглица со званием художника 1-го разряда. В 1903–1906 гг. обучался в Петербургском Археологическом институте. С 1902 г. по поручению ИАК занимался исследованиями и раскопками в различных губерниях страны. В 1911 г. был принят в Эрмитаж как приватно занимающийся в Отделении средних веков, с 1915 г. – кандидат на классную должность, в конце марта 1917 г. избран представителем Эрмитажа в организационную комиссию Союза деятелей искусств и был командирован на турецко-кавказский фронт в качестве члена ученой экспедиции для регистрации и изучения памятников искусства и старины. В 1919–1921 гг. был приват-доцентом по кафедре археологии Украины Киевского университета, с 1919 по 1929 г. возглавлял секцию искусств Всеукраинской Академии наук. Профессор Украинской государственной академии искусств, член Археологической комиссии, позднее – Всеукраинского археологического комитета. В 1920–1924 гг. – директор Музея западного и восточного искусства. С 1925 по 1929 г. проводил на Украине раскопки памятников трипольской культуры, в 1930 г. открыл и исследовал Мариупольский неолитический могильник и опубликовал его материалы. В 1934 г. Н. Е. Макаренко был единственным членом комиссии, не подписавшим акт об уничтожении Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. В 1934 г. арестован и на три года выслан в Казань. Второй раз арестован в 1936 г. и выслан в Томск; после третьего ареста в 1937 г. как «участник кадетско-монархической повстанческой организации» расстрелян 4 января 1938 г. в Томске. По всем делам реабилитирован в 1960, 1965 и 1989 гг.

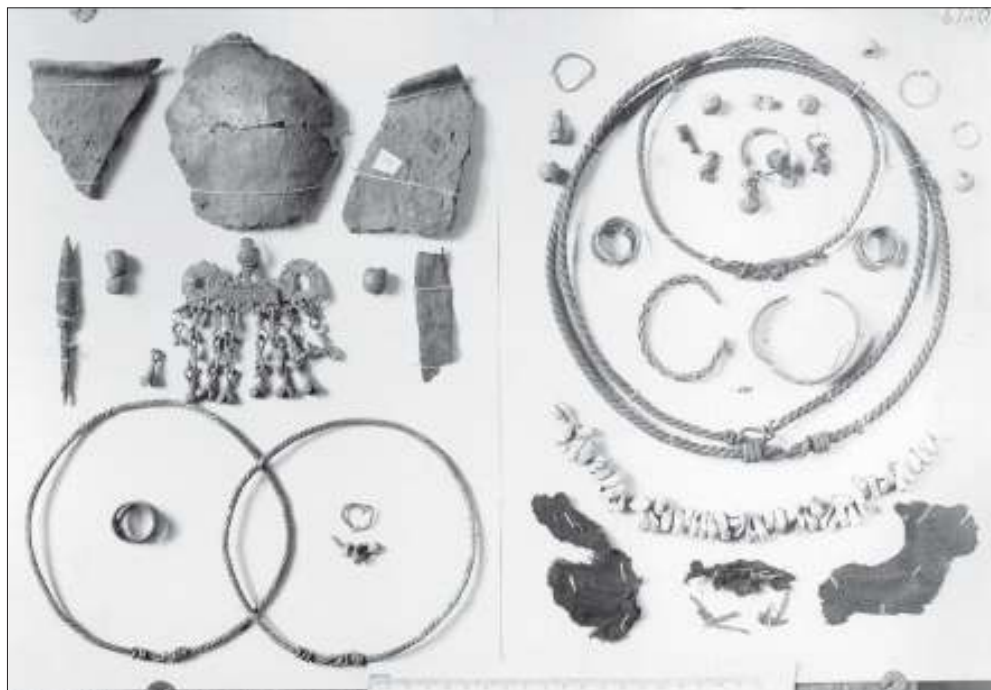
Осн. соч.: Результаты археологических экскурсий в Тверской и Ярославской губерниях. Тверь. 1905; Первый Мордвиновский курган. Пг., 1916; Мариупольский могильник. Киев, 1933.

Лит. о нем.: Сотрудники императорского Эрмитажа: Библиографический справочник. СПб., 2004. С. 102–104.

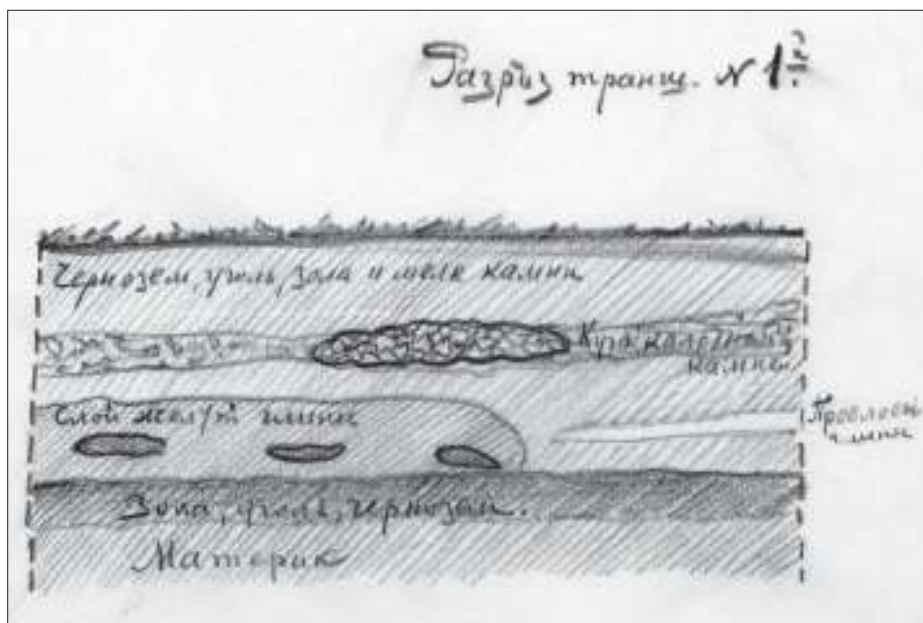
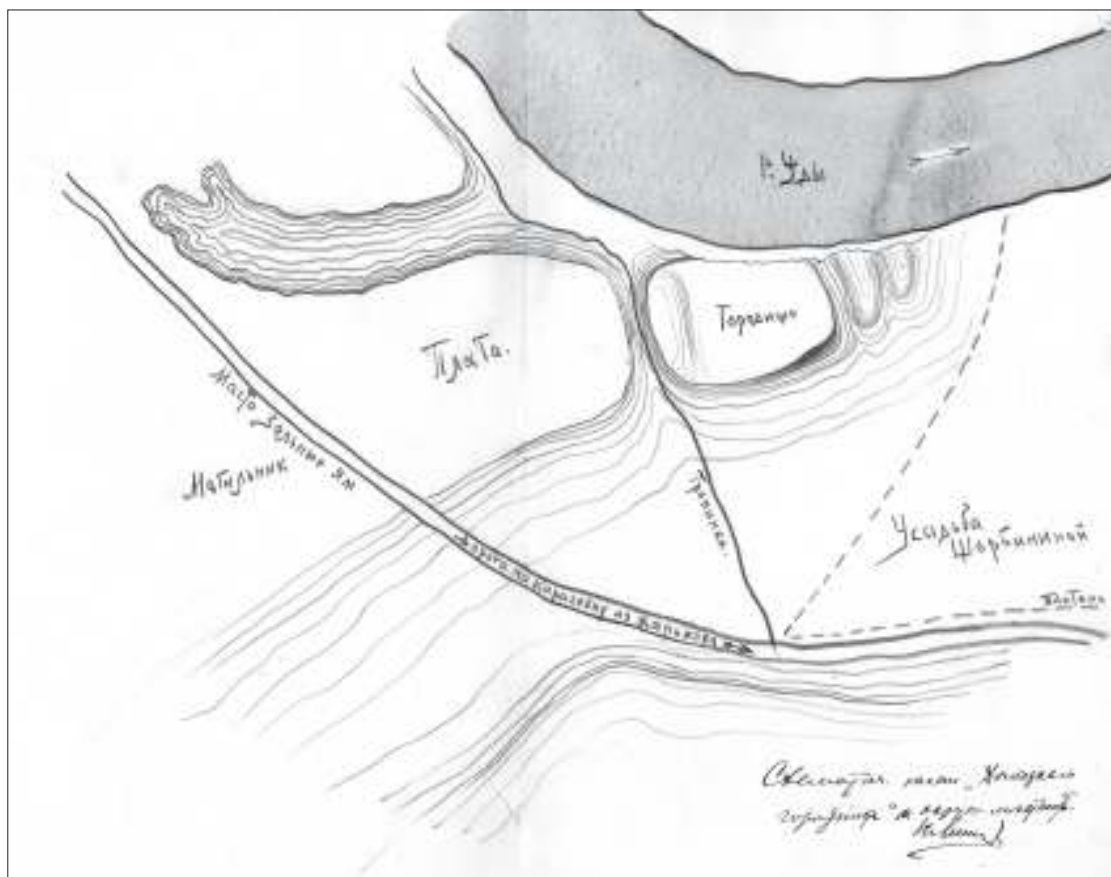
Русского музея, проходили без видимого участия ИАК, и даже материалы отчетов практически не поступали в архив Комиссии (1910 г., д.42). А ведь именно в это время трудами ИАК исследовался культурный слой и архитектурные памятники другого древнерусского города — Киева (*подробнее смотри главу XII*).

Еще одним постоянным агентом ИАК стал после предварительных работ Тверского областного археологического съезда Николай Емельянович Макаренко (Нестуля 1998: 173). По поручению ИАК он участвовал в раскопках финно-угорского могильника Заколпье (Судогодский уезд Владимирской губернии), организованных Владимирской ученой архивной комиссией (1905 г., д. 18). Тогда же Н. Е. Макаренко исследовал Донецкое городище в Воронежской губернии (1905 г., д. 70) и памятники слободы Верхние Салты Волчанского уезда Харьковской губернии. Эти работы были связаны с инспектированием раскопок памятников салтово-маяцкой культуры, которые проводил В. А. Бабенко. Они также производились по поручению ИАК. Н. Е. Макаренко активно сотрудничал с Комиссией вплоть до начала 1910-х гг., осуществляя на средства ИАК исследования и разведки на территории южных губерний России: Воронежской, Полтавской, Екатеринославской, которые сопровождались регулярной присылкой отчетов (1906 г., д. 69; 1907 г., д. 43; 1908, д. 65; 1909 г., д. 84).

На рубеже веков ИАК выступила в роли организатора археологических исследований в Смоленской губернии, в частности в Гнездове, и частично опубликовала их результаты. Это было одно из первых изданий археологических памятников периода становления Древнерусского государства X в., связанных с присутствием скандинавов в Восточной Европе и их участием в жизни древнерусского общества. Инициатива проведения этих работ, как и во многих других случаях, пришла в ИАК извне. Она принадлежала ученому секретарю Императорского Российского Исторического музея Владимиру Ильичу Сизову (1840–1904).

Вещи из раскопок Владимирской ученой архивной комиссии, Заколпье, Владимирская губерния (1905 г., д. 18, л. 7)

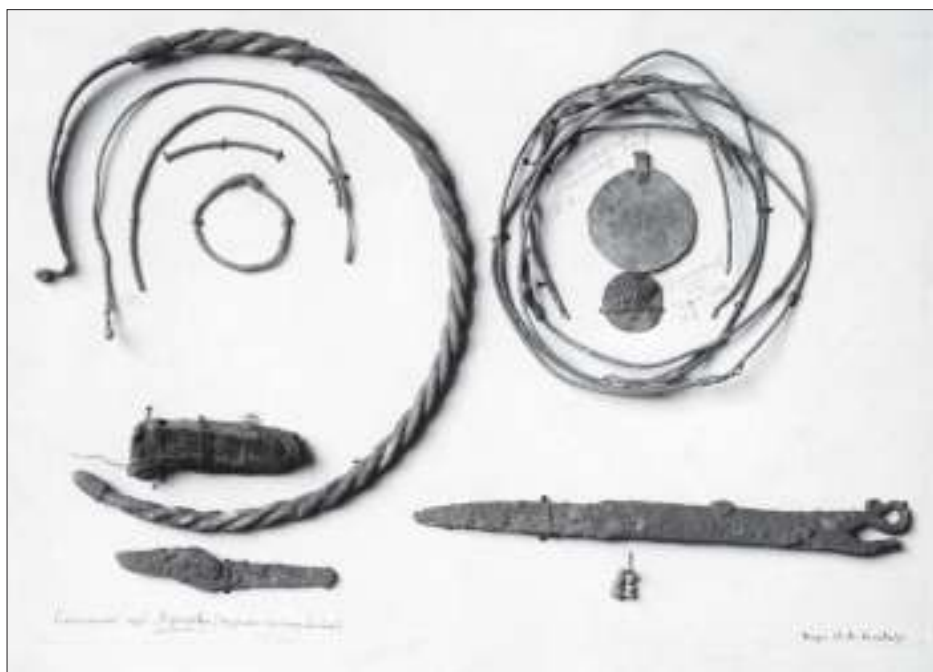
Раскопки Н. Е. Макаренко в Воронежской губернии.
 План Донецкого городища, разрез траншеи № 1 (1905 г., д. 70, л. 62 об., 63, 64)

Владимир Ильич Сизов

Изначально целью исследований было определение племенной территории кривичей, что восходило к идеям А. С. Уварова выявить тип «русско-языческих погребений» в данной местности (Сизов 1902b). Еще в 1872–1883 гг. к осуществлению этого намерения приступил М. Ф. Кусцинский (1829–1905), начавший раскопки Лепельских курганов (Алексеев 1996: 170). Первые небольшие раскопки Гнездова были проведены тем же Кусцинским в 1874 г. (Кусцинский 1881: 1–6), а в 1881–1883 гг. здесь на средства МАО уже работал В. И. Сизов.

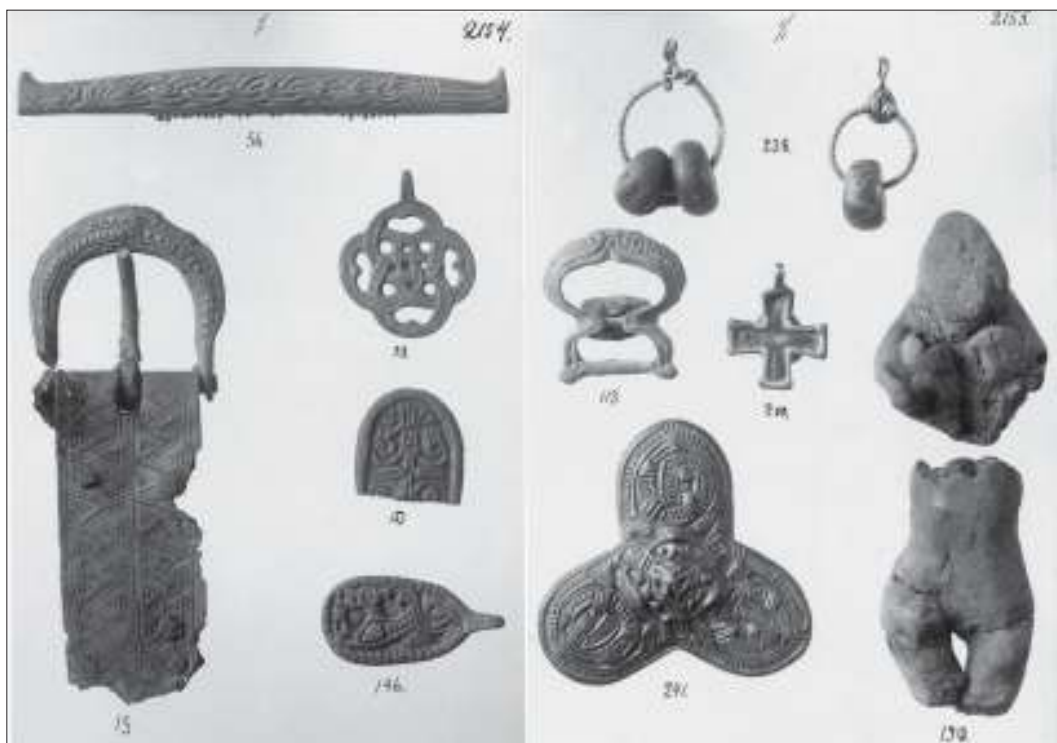
Однако еще в 1867 г. в ИАК поступил первый Гнездовский клад, а в 1870 г. еще два (Прозоровский 1872; Корзухина 1954: 88; Гнездовский могильник 1999: 12–20), что привлекло внимание научной общественности к этому памятнику. В 1895 г. В. И. Сизов запросил в ИАК Открытый лист на Смоленский и Духовщинский уезды Смоленской губернии, одновременно предложив предоставить Комиссии для публикации часть своего труда о смоленских курганах. Тем не менее в том году раскопки им не производились, а его исследование

Вещи из раскопок и сборов В. И. Сизова. Д. Ярцево, Смоленская губерния (1898 г., д. 172, л. 15)

Курганы на Днепре и раскопки балластного карьера.
Станция Гнездово Рижско-Орловской железной дороги. 1900 г. (1899 г., д. 106, л. 19, 23)

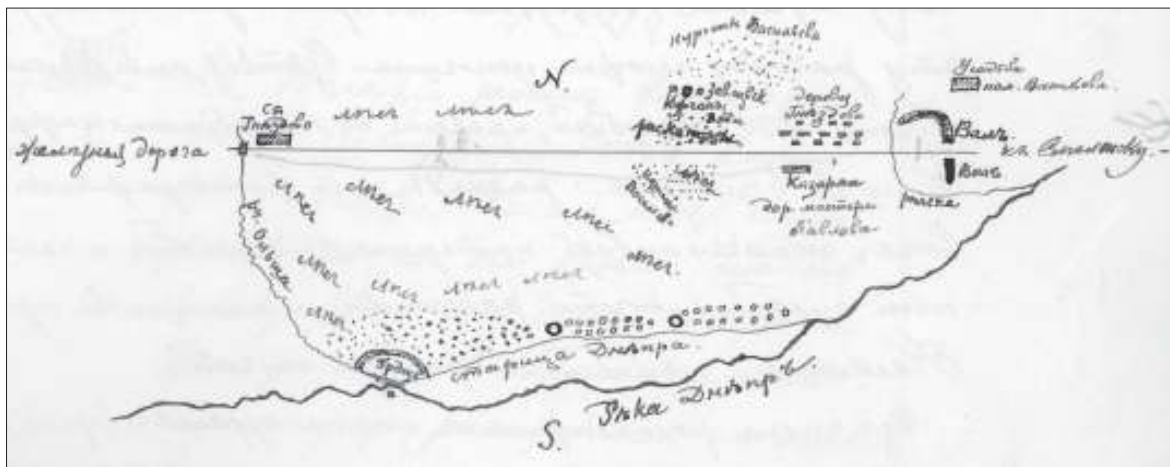

Раскопки балластного карьера и находки древнерусского времени.
Станция Гнездово Рижско-Орловской железной дороги. 1900 г. (1899 г., д. 106, л. 14, 22)

было опубликовано в Трудах XI Археологического съезда (1895 г., д. 115; Сизов 1902а; 1895). В 1896 г. В. И. Сизову было выделено 200 руб. на раскопки в Гнездово, тогда же им было раскопано 94 кургана в Лесной группе «за рекою Свинкой» (1896 г., д. 69, л. 6–14 об.). На следующий год ИАК поддержала его исследования в Мизиново и Ярцево, выплатив 65 руб. Помимо погребений по обряду кремации и ингумации В. И. Сизов, вполне в духе эпохи, «выделил» на памятнике «промежуточную форму» обряда в виде якобы «обожженных скелетов». Кроме того, в одном из «удлиненных курганов» в Ярцево им была найдена «эмаль готского стиля», а также нож с волютообразным навершием. В этом году он предоставил в ИАК часть собранных им в Гнездово скандинавской коллекции (1898 г., д. 172).

В 1899 г. ИАК вновь поддержала исследования длинных курганов, выдав В. И. Сизову 8 мая 150 руб. для раскопок курганов «удлиненной формы» и древнерусских курганов у деревень Пищино, Михейково, Миново и Благодатное (1899 г., д. 100, л. 7–10). В 1901 г. на его работы в Духовщинском, Вяземском и Смоленском уездах, а также непосредственно в Гнездово, «если останется время», была выделена сумма в 100 руб. В тот год им было раскопано 10 из 12 курганов у д. Пнева слобода на р. Вопь, а также 18 курганов в Гнездово. Отчет за этот год, к тому же весьма низкого качества, В. И. Сизов сдал лишь в 1903 г. (1901 г., д. 141, л. 8–11). Впрочем, это могло быть связано с тем, что именно в это время он по заданию ИАК готовил материалы Гнездовского могильника к публикации (Сизов 1902b). В последний раз В. И. Сизов работал на средства ИАК в 1903 г. Тогда он получил 200 руб. на исследования и представил краткий отчет о раскопках 54 курганов у деревень Ярцево, Митино, Колодня, Рудня и Мошево (1903 г., д. 76, л. 5–6 об.).

Весьма ярким, хотя и столь же непродолжительным, было сотрудничество Комиссии с ревизором движения Рижско-Орловской железной дороги С. И. Сергеевым, который уже помогал Комиссии в Пермской губернии, в деле изучения Гнездовского комплекса. Благодаря ему, в архив Археологической Комиссии попали уникальные фотографии видов памятника, ныне не существующих, а также весьма информативный археологический материал. Весной 1899 г. С. И. Сергеев, уведомил А. А. Спицына о начале нового железнодорожного строительства в районе Гнездова. 8 мая 1899 г. А. А. Спицын «ввиду важности известного Гнездовского могильника» направил на имя председателя Комиссии А. А. Бобринского рапорт, в котором задавал вопрос, не найдет ли тот желательным для ИАК «подвергнуть ту группу курганов

План Гнездова из отчета С. И. Сергеева (1900 г., д. 17, л. 1)

Находки из раскопок С. И. Сергеева. Гнездово (1900 г., д. 17, л. 58)

предварительному исследованию, которое готов взять на себя Сергеев, уже имевший такого рода поручения» от Комиссии. Получив от Комиссии аванс в 50 руб., С. И. Сергеев начал присылать в Петербург первые материалы о производимых работах и собранные им коллекции предметов из раскопанных 4 курганов (1899 г., д. 106, л. 2; 1900 г., д. 17, л. 1–3).

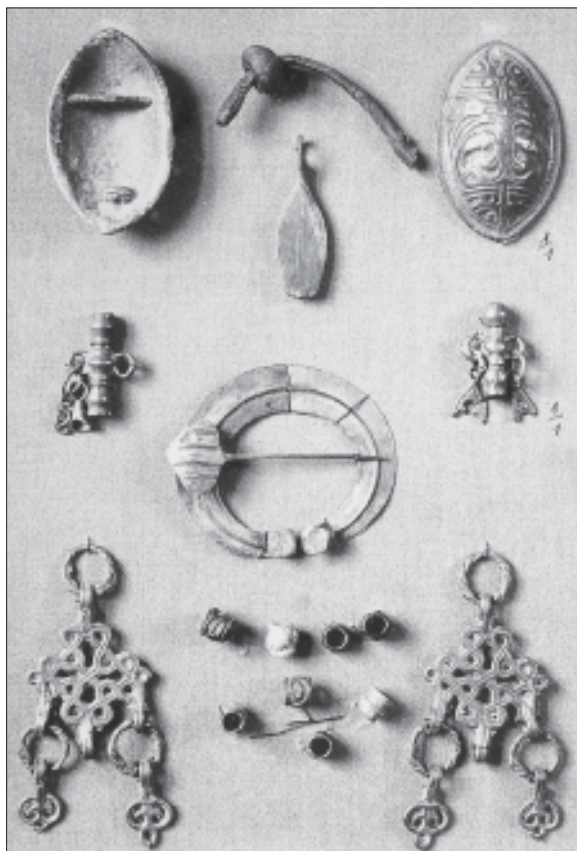
В 1900 г. для работ в Гнездово было выделено 100 руб. На эти деньги С. И. Сергеев раскопал 23 кургана в «новом балластном карьере», 5 курганов в Правобережной группе, а 6 сентября прорезал вал Гнездовского городища. По итогам исследований им был предоставлен в Комиссию подробный полевой дневник (1900 г., д. 17, л. 9, 41–52 об.). В 1901 г. на археологическое исследование Гнездова ИАК определила 150 руб. В этом году С. И. Сергеев раскопал 10 курганов и 16 марта 1902 г. представил не только дневники за истекший год, но и полевую документацию за 1899 г. (1901 г., д. 7, л. 1, 23–29).

С. И. Сергеев планировал расширить свои исследования, однако состояние здоровья не позволило этим замыслам осуществиться. В 1902 г. ему было выделено Комиссией 150 руб. на исследования в Могилевской губернии, однако 7 февраля 1903 г. он сообщил в Петербург, что по болезни раскопки не производились (1902 г., д. 90, л. 7). Археолог рассчитывал начать работы на следующий год, для чего ИАК выдала ему аванс в 200 руб. для раскопок в Рогачевском уезде. Однако 3 марта 1904 г. исследователь скончался, о чем А. А. Бобринского уведомила его вдова. Финансовая отчетность по так и не состоявшимся раскопкам С. И. Сергеева представлена не была. Это вызвало некоторые трения между ИАК и Кабинетом его императорского величества, который своим письмом от 21 июня 1904 г. потребовал от Комиссии, чтобы, при невозможности предоставления счетов в израсходовании аванса в срок, соответствующий надзорный орган уведомлялся бы заблаговременно. Однако впоследствии, в связи со смертью С. И. Сергеева, было разрешено «авансовые суммы со счетов сложить» (1903 г., д. 32, л. 10, 12 об., 13). Гнездовские материалы, добытые и собранные С. И. Сергеевым, были описаны и частично изданы В. И. Сизовым в 1902 г.

Последующие раскопки в Гнездове в 1905 г. связаны с именем члена-сотрудника Петербургского Археологического института, члена Географического общества и учителя городского училища Ивана Спиридоновича Абрамова (1874–1959). ИАК уже их не финансировала, несмотря на ходатайство 11 мая за подписью А. А. Спицына. Открытый лист И. С. Абрамову был

Фрагмент отчета В. Н. Глазова. Раскопки в Новгородской губернии в 1903 г. Описание кургана № 7 из курганно-жальничной группы близ д. Бор (1903, д. 49, л. 122 об.)

Древности, найденные при строительстве железной дороги Санкт-Петербург—Вологда в 1904 г. (1904, д. 33, л. 19)

Котел из комплекса древностей, найденных при строительстве железной дороги Санкт-Петербург—Вологда в 1904 г. (1904 г., д. 33, л. 20)

выдан 18 мая, однако предоставленный им дневник не отвечал требованиям Комиссии (1905 г., д. 54, л. 5, 7, 35). В 1907 г. он попытался вновь получить поддержку ИАК в своих начинаниях. 27 мая А. А. Спицын сообщил А.А. Бобринскому, что И. С. Абрамов предложил «произвести для Комиссии» исследование «загадочных курганов» в мызе Ворона Глуховского уезда Черниговской губернии. Ему был выдан аванс в 30 руб., однако из отчета, поступившего в Комиссию, было трудно понять культурную принадлежность раскопанных памятников (1907 г., д. 54, л. 1, 6–22). В частной переписке с Д. Я. Самоквасовым И. С. Абрамов около 1909 г. утверждал, что на эти исследования он не получал денег ни от ИАК, ни от РАО (Археология... 2007: 39).

Однако основные работы ИАК в области славяно-русской археологии в 1900–1910-х гг. по-прежнему сосредоточивались на Северо-Западе. В 1903 г. член-сотрудник РАО В. Н. Глазов по заданию ИАК совершил поездку в Крестецкий уезд Новгородской губернии для археологического обследования р. Мсты в ее среднем течении. Он обнаружил и описал значительное количество разновременных погребальных памятников — сопки, длинные и древнерусские курганы, грунтовые и жальничные могильники; произвел пробные раскопки памятников разных типов (Глазов 1904: 50–60). По окончании работ он предоставил в ИАК подробнейший отчет, сделанный на высоком профессиональном уровне (1903 г., д. 49, л. 105–126). Находки из раскопок В. Н. Глазова поступили в РИМ.

Некоторые из этих работ были связаны со спасательными раскопками. В феврале 1904 г., при строительстве железной дороги Санкт-Петербург—Вологда, в Шлиссельбургском уезде близ с. Мишкино были обнаружены древние вещи, которые Министерство путей сообщения сразу же переслало для рассмотрения в ИАК. Комиссия определила, что комплекс найденных древностей, вероятно, происходил из одного погребения и «по тождеству вещей с инвентарем Кексгольмских корельских могильников» принадлежал «родственному корелам племени ижоре, скорее всего XIII веку» (ОИАК за 1904 г. 1907: 109). Производство археологического обследования на месте находки Комиссия поручила магистру Гельсингфорсского университета Г. К. Гейкелю, снабдив его Открытым листом и денежными средствами (1904 г., д. 33, л. 5–9). К сожалению, ему не удалось обнаружить никаких следов других погребений. Найденные при строительстве железной дороги древности ИАК направила в Музей РАО (1904 г., д. 33, л. 18).

Имела место и частная инициатива. В 1909 г. крестьянин д. Средние Озерцы Лужского уезда Петербургской губернии два раза обращался в Археологическую Комиссию с просьбой «срыть курган» на усадьбе, мешавший ему пользоваться земельным участком в полном объеме (1909 г., д. 128, л. 1, 4). В первом письме он просил разрешения раскопать курган собственными силами, на что получил отказ Комиссии. В следующий раз он предложил провести работы специалисту от ИАК, чтобы быстрее «решить вопрос относительно кургана окончательно». Археологическая Комиссия поручила произвести раскопки гдовскому археологу К. Д. Трофимову, который по окончании работ предоставил подробную отчетную документацию. К. Д. Трофимов отнес курган из д. Средние Озерцы к сопкам. В процессе раскопок он обнаружил в верхней части насыпи 15 плохо сохранившихся костяков — «позднейшие христианские погребения». На поверхности насыпи и у ее подножья сохранились каменные кресты. Находки, относящиеся к изначальному погребению, были незначительны. Они поступили в Московский археологический институт (ОИАК за 1909 и 1910 гг. 1913: 164, 244).

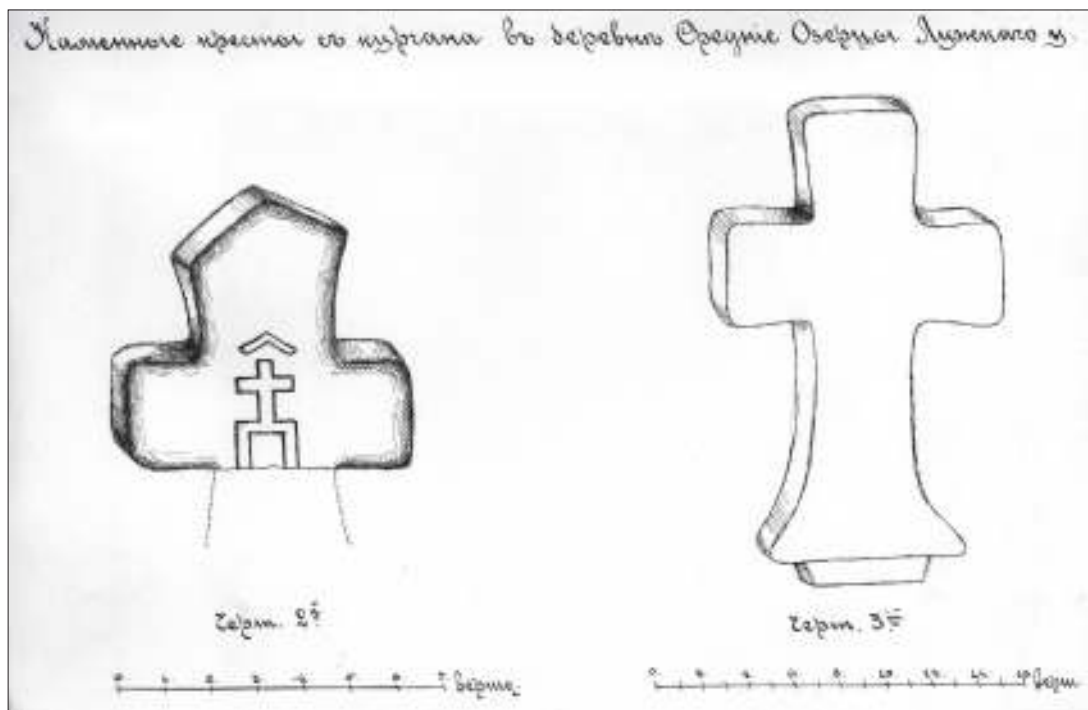
Тогда же, в августе 1909 г., в Археологическую Комиссию поступило письмо от Псковского археологического общества. В нем содержалась информация, что помещик В. Г. Петерсен в своем имении Паниковичи Псковской губернии в процессе «расчистки участка

Общий вид курганной насыпи в д. Средние Озерцы
перед раскопками К. Д. Трофимова (1909 г., д. 128, л. 69)

Процесс раскопок кургана в д. Средние Озерцы в 1909 г. (1909 г., д. 128, л. 70)

Рисунки каменных крестов с курганной насыпи в д. Средние Озерцы (1909 г., д. 128, л. 68)

под пашню от ольховых зарослей» (Там же: 167) обнаружил на принадлежащих ему землях древний могильник, состоящий из 25–30 насыпей. Землевладелец предложил их раскопать Псковскому археологическому обществу и обещал предоставить необходимое количество рабочих. Общество, не располагая средствами и опытными специалистами, способными провести квалифицированные раскопки памятника, обратилось в три столичных компетентных учреждения — ИАК, РАО, Археологический институт — с просьбой командировать кого-нибудь из своих сотрудников для производства исследований в имении Паниковичи (1910 г., д. 79, л. 36–37). ИАК направила на раскопки курганов студента Петербургского университета, ученика А. А. Спицына А. В. Тищенко. Летом 1910 г. он после работ в Валдайском уезде Новгородской губернии переехал в Псковскую губернию и раскопал 22 древнерусских кургана, 12 из которых оказались граблеными (Тищенко 1914b: 23–28). Сделанные находки дополнили коллекцию Археологического кабинета Санкт-Петербургского университета и музей Псковского археологического общества (ОИАК за 1909 и 1910 гг. 1913: 244; 1910 г., д. 79, л. 6).

Однако Комиссию, безусловно, продолжали интересовать и южнорусские средневековые памятники. Именно в это время завершились исследования Д. Я. Самоквасовым могильника древнерусского времени в Гочево. 10 октября 1909 г. он предложил ИАК (а конкретно А. А. Спицыну) издать материалы раскопок в очередном томе МАР, полагая, что такое издание потребует 700 руб. 28 октября последовал ответ Комиссии, в котором содержалось встречное предложение, поступившее от А. А. Спицына: издать «типичные вещи» для публикации отчета о раскопках. 7 ноября автор раскопок отвечал, что он не может «принять на себя выборку» вещей и «во избежание в будущем возможных недоразумений» отказывается от собственного предложения «издать на средства Комиссии могильные древности Чернигова». 21 декабря 1909 г. он адресует

в ИАК еще одно письмо, где вновь высказывается против публикации субъективной выборки «типичных вещей из могильного содержания», поскольку «издания таких вещей и выводы, на них основанные, приносят русской археологии более вреда, нежели пользы». Так и не получив ответа на свое предложение доставить в Петербург «гочевские древности», он отвозит их в Курск (1908 г., д. 162, л. 12–12 об., 15–15 об.; Археология... 2007: 74, 283, 284).

Начало 1910-х гг. ознаменовалось важным начинанием, связанным с формированием собственной полевой школы ИАК в области славяно-русских древностей. В 1910 г. Археологическая Комиссия поддержала проект А. А. Спицына по производству «опытных» раскопок для группы студентов Санкт-Петербургского университета (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 162–168; ОИАК за 1911 г. 1914: 66–69). Работы проводились в рамках осуществления научной программы А. А. Спицына по организации системного археологического изучения русских курганных древностей, поддержанной Русским археологическим обществом. К тому моменту А. А. Спицын являлся одновременно штатным членом Комиссии, преподавателем университета и одним из руководителей отделения славяно-русской археологии РАО. Это давало ему широкие возможности проводить свои исследования на базе трех научных учреждений. В 1899 г. он совместно с Н. И. Веселовским представил в Совет РАО проект «О исследовании собственно русских курганных древностей», предполагавший сплошное обследование определенных территорий для планомерного выявления и изучения различных типов погребальной обрядности и установления их хронологической взаимосвязи (Тихонов 2003а: 79).

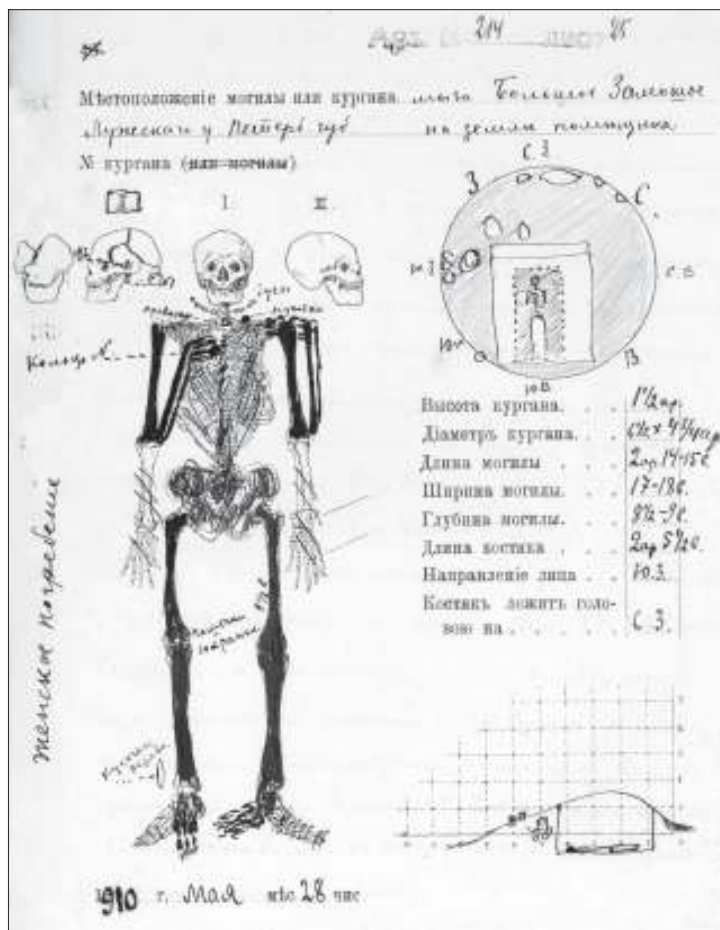
Еще 1904 г. А. А. Спицын подал в ИАК рапорт с предложением разработать программу о производстве систематических раскопок. В нем он подчеркнул, что Комиссия является одним из ведущих научных учреждений в России, и ее статус позволяет более организованно и продуманно подходить к археологическому изучению памятников, для чего потребуются целевое финансирование, предварительная научная подготовка и «внимательный подбор сотрудников». Студенческие экспедиции 1910-х гг., проводившиеся либо под руководством А. А. Спицына, либо при его ближайшем содействии, были направлены на воспитание молодой смены опытных археологов, которые обеспечили бы в дальнейшем успешное осуществление систематических раскопок в России.

В 1910 г. группа университетских слушателей под руководством А. А. Спицына произвела археологическое обследование в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии у д. Малый Удрай и д. Замошье. Сведения об обнаружении древнего могильника близ д. Замошье поступали в Комиссию еще в 1906 г., когда земский начальник 6-ого участка Псковского уезда уведомил, что местные крестьяне самовольно производили раскопки курганов и нашли «много древнего происхождения медных вещей, как то колец, цепочек, частей панцирей» (1906 г., д. 121, л. 1). Замошские курганы, намеченные А. А. Спицыным к раскопкам в 1910 г., располагались на частных землях. Археологическая Комиссия обратилась за разрешением к владельцу, инженеру-технику М. Н. Гротену. Он предоставил возможность производства археологических работ и предложил свою помощь, но попросил оставить нетронутыми два кургана, особо почитаемых в местной традиции (1910 г., д. 79, л. 3 об., 10, 12).

В результате археологической экспедиции 1910 г. в Лужский уезд под руководством А. А. Спицына при участии группы студентов были «раскопаны 24 кургана XI в., полуфинских-полурусских, весьма интересных своими обложениями из камня, которым подобные позднее были обнаружены под Ладогой»; «осмотрено и слегка тронута оригинальнейшее, единственное в своем роде четырехугольное сооружение, облицованное камнем»; найдено городище раннего железного века, «раскопан старый удлиненный курган, интересно сооруженный»; «раскопано несколько маленьких курганов особого типа, встречающихся очень редко» (Спицын 1914: 94).

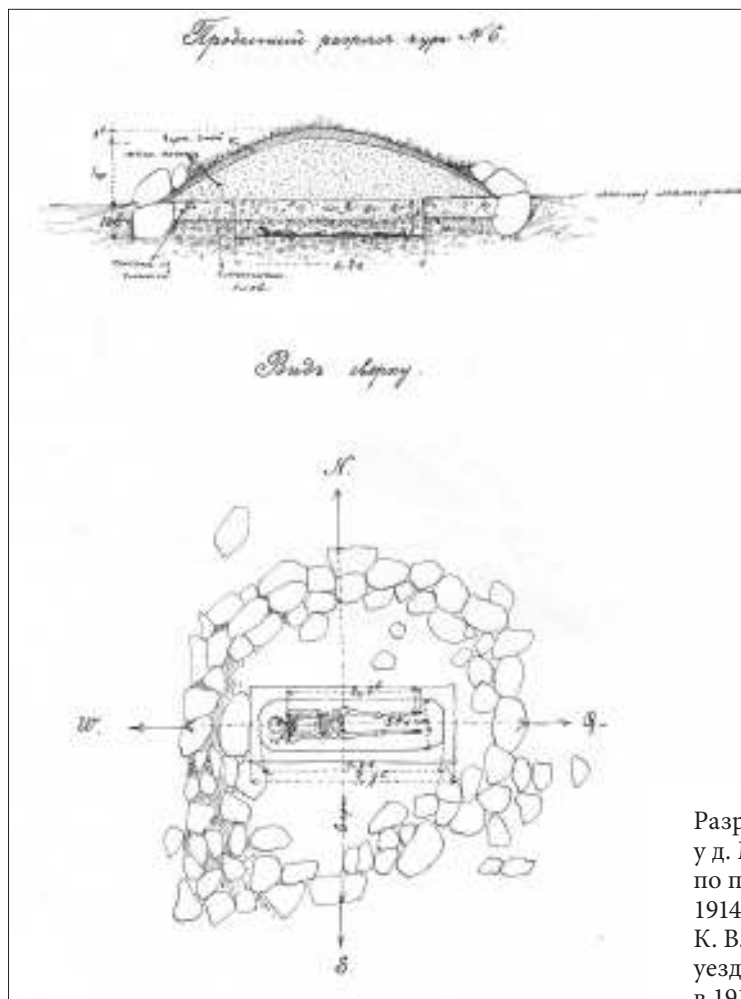
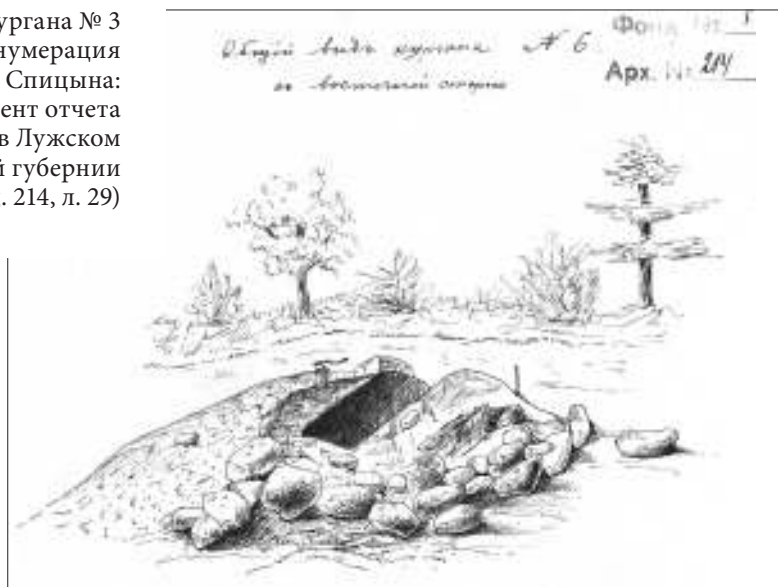
Курганы раскапывались студентами под наблюдением А. А. Спицына. Он определил каждому из них для исследования по 1–2 разнотипных кургана на обоих могильниках. Затем студенты самостоятельно производили раскопки и составляли отчетную документацию. Сохранились рукописные отчеты студенческих работ в Удрае и Замощье в мае 1910 г. (РА, ф. 5, д. 214). Они написаны в свободной форме и отличаются друг от друга по уровню исполнения и с точки зрения методики полевых исследований. Наиболее профессионально выполнены отчеты К. В. Кудряшова, С. А. Дубинского, В. А. Острогского и П. А. Садикова. А. А. Спицын собрал все студенческие отчеты, отредактировал их и дополнил, после чего опубликовал в «Известиях ИАК» (Спицын 1914), указав под описанием каждого кургана имя производившего раскопки студента. Таким образом информация о том, что каждый из них исследовал отдельный курган и самостоятельно составлял отчетную документацию, нашла отражение в публикации материалов (Тихонов 2003а: 77).

При сравнении напечатанного отчета о раскопках 1910 г. в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии и рукописных работ студентов из архивного дела выяснилось, что иногда в рукописных материалах содержится более детальная и подробная информация, заметно дополняющая наши представления о данных исследованиях. Так, например, в публикации кургана

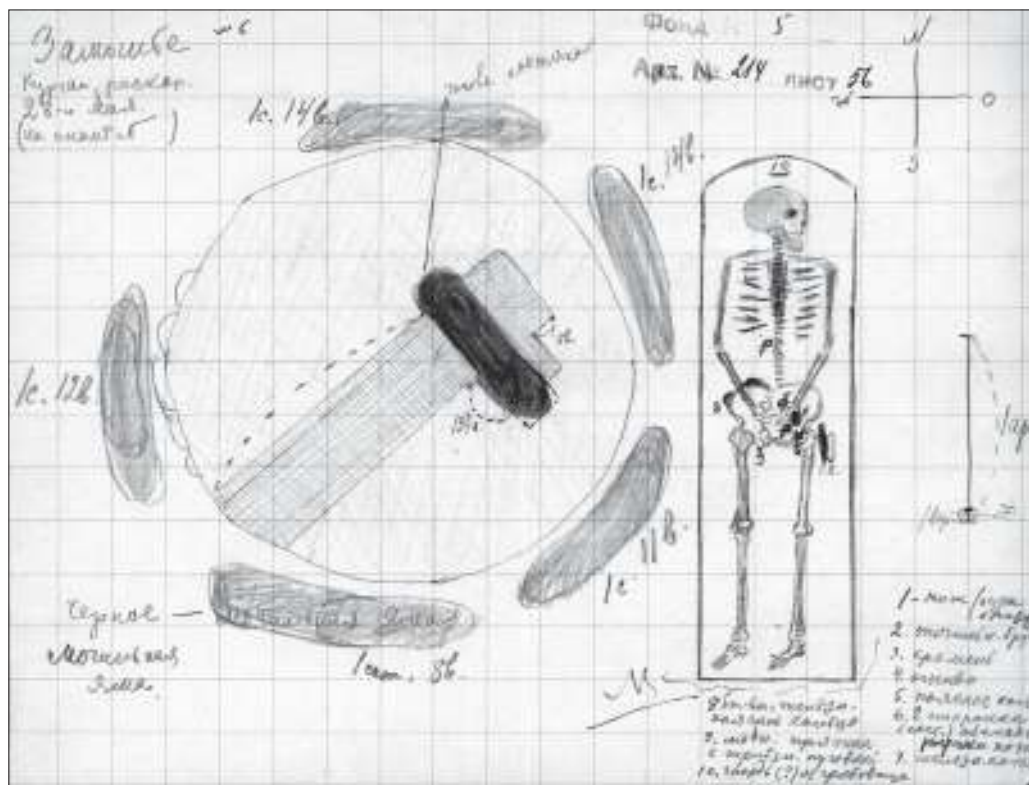

Погребение в кургане № 2 в группе у д. Замощье (нумерация кургана по публикации А. А. Спицына: Спицын 1914: 90). Фрагмент отчета С. А. Дубинского о раскопках в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии в 1910 г. (РА, ф. 5, д. 214, л. 25)

Общий вид кургана № 3
в группе у д. Малый Удрай (нумерация
кургана по публикации А. А. Спицына:
Спицын 1914: 84). Фрагмент отчета
К. В. Кудряшова о раскопках в Лужском
уезде Санкт-Петербургской губернии
в 1910 г. (РА, ф. 5, д. 214, л. 29)

Разрез и план кургана № 3 в группе
у д. Малый Удрай (нумерация кургана
по публикации А. А. Спицына: Спицын
1914: 84). Фрагмент отчета
К. В. Кудряшова о раскопках в Лужском
уезде Санкт-Петербургской губернии
в 1910 г. (РА, ф. 5, д. 214, л. 29 об.)

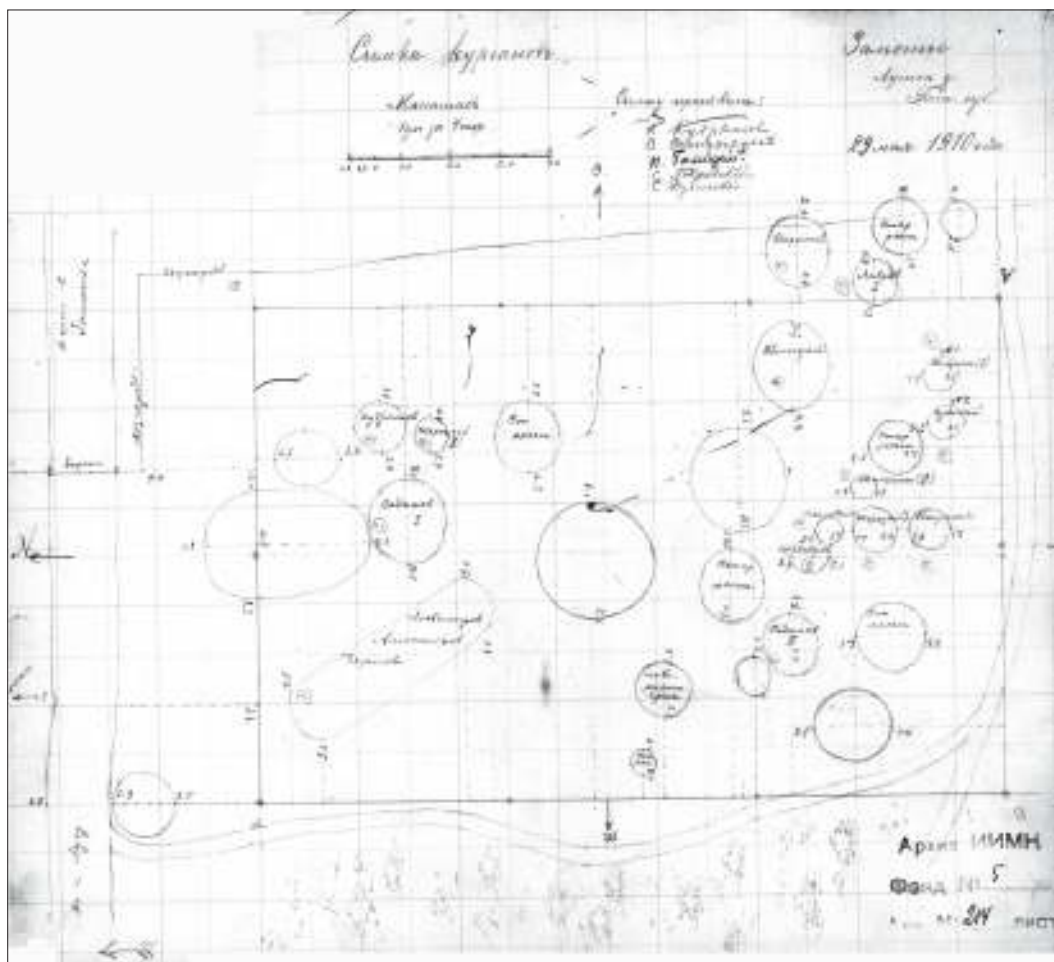
Чертежи кургана № 6 в группе у д. Замостье (нумерация кургана по публикации А. А. Спицына: Спицын 1914: 90–91). Фрагмент отчета П. А. Садикова о раскопках в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии в 1910 г. (РА, ф. 5, д. 214, л. 56)

№ 2 у д. Замостье (нумерация по изданному в «Известиях ИАК» отчету) А. А. Спицын дает следующее описание шейных украшений погребенной: «На шее 2 большие сердоликовые гранчатые бусы типов „Иван. табл. XIII, 7 и XXII, 61” (ссылки следуют на издание материалов из раскопок Л. К. Ивановского: Спицын 1896а. — *Ред.*), две стеклянные палевые и серебряная привеска из клиппы англо-саксонского шиллинга Этельда II (979–1016 г.)» (Спицын 1914: 90). Автор раскопок С. А. Дубинский приводит более полные данные: «Вокруг шеи отысканы бусы разного рода и материала. Бус всего найдено семь экземпляров; думается, что их было несколько больше, но некоторые, как слишком хрупкие и из слабо обожженной глины, рассыпались. Налицо, во всяком случае — две сердоликовые бусы, одна гранчатая суживающаяся на концах, другая цилиндрической формы; две светлых глиняных круглых, две желтых глиняных, одна металлическая, по-видимому, серебряная, покрытая выпуклым точечным орнаментом; одна шейная привеска из серебра четырехугольная с прикрепленным к ней медным ушком» (РА, ф. 5, д. 214, л. 24 об.).

Необходимо также отметить, что рукописные отчеты студентов о раскопках 1910 г. в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии содержат значительное количество графической документации (около 50 рисунков и чертежей), не опубликованной в статье А. А. Спицына, — рисунки курганов и погребений, чертежи стратиграфии и планиграфии насыпей, планы групп. Здесь же представлены черновые описи находок. Хотя на многих чертежах и рисунках отсутствует масштаб, анализ иллюстративного материала может дать дополнительную

Фрагмент отчета В. А. Острогского о раскопках кургана № 9 в группе у д. Замосье в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии в 1910 г. (нумерация кургана по публикации А. А. Спицына: Спицын 1914: 92) (РА, ф. 5, д. 214, л. 44 об., 45)

Топографический план курганной группы у д. Замощье, снятый студентами К. В. Кудряшовым, В. А. Острогским, П. А. Балицким, С. И. Покровским, С. А. Дубинским. Раскопки в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии в 1910 г. (РА, ф. 5, д. 214, л. 74)

информацию о конструктивных особенностях исследованных курганов, о методике произведенных раскопок (1909 г., д. 61, л. 1–2).

Это начинание не ограничивалось ближайшими к Петербургу губерниями. Благодаря одному из сотрудников А. А. Спицына, студенту Петербургского университета Сергею Антоновичу Дубинскому (1884–1937), ИАК продолжила археологические исследования в Гродненской губернии вообще и под Дрогичином в частности, начатые при поддержке Комиссии Н. П. Авенариусом в 1880-х гг. 24 мая 1911 г. А. А. Спицын обратился в ИАК с просьбой выдать С. А. Дубинскому Открытый лист на Бельский уезд. Для проведения исследований ему было выделено 100 руб., однако в результате он потратил 131 руб. 27 коп. С. А. Дубинский исследовал несколько курганных групп у деревень Дальние и Ближние Бацики, Клюково, Козлики и Ляхи на севере уезда. В его отчете имеются некоторые общие замечания, касающиеся исследованных курганов: так, на севере уезда курганы выше, поскольку здесь отмечен «иной элемент», связанный с ятвяжско-литовской колонизацией, тогда как в южной части вплоть до XIII в. преобладает славянство.

Раскопки могильника у д. Малый Удрай в 1910 г. А. А. Спицын со студентами Санкт-Петербургского университета и рабочими. (ФА, О. 732/14)

Вид Дрогичинского городища с указанием основного места находок пуль (1911 г., д. 89, л. 138)

Сборщик дрогичинских пуль Феликс Коханский за работой (1911 г., д. 89, л. 138)

Кроме этого, им было разведано 4 городища — «форпосты мирной славянской колонизации, продвигающейся в глубь вражеских лесов», включая Дрогичин, который он считал «важнейшим передовым форпостом киевской колонизации». Естественно, он обратил внимание и на «дрогичинские» пломбы, которых к настоящему времени, по его подсчетам, было найдено до 10 000. Сам он приобрел 450 новых экземпляров у местного их сборщика Феликса Коханского, который «снискивает себе пропитание сбором древностей» С. А. Дубинской сделал несколько наблюдений над топографией находок пломб: так, на самой Замковой горе пломбы не находят никогда, а их наибольшее количество сосредоточено на приречной террасе. По итогам своих работ он ходатайствовал о выделении суммы для планомерных исследований (1911 г., д. 89, л.13, 47, 132–132 об.). Другие исследования С. А. Дубинского в Гродненской губернии были мало результативны, а некоторые не состоялись из-за начавшейся Первой мировой войны (1912 г., д. 164; 1914 г., д. 295).

Формирование «спицынской» школы полевой археологии продолжалось. В 1910 г. в Археологическую Комиссию поступили сведения о существовании «древнего городища» в имении Н. А. Тройницкого у д. Ловницы Валдайского уезда Новгородской губернии. Комиссия по рекомендации А. А. Спицына командировала туда одного из самых талантливых его учеников А. В. Тищенко. В 1910 г. он обследовал и описал средневековое городище, раскопал один длинный и 9 круглых курганов (ОИАК за 1909–1910 гг. 1913: 166–167), в 1911 г. он продолжил археологические исследования городища и курганной группы. Результаты его работ были опубликованы в изданиях Комиссии (ОИАК за 1911 г. 1914: 69; Тищенко 1914а: 1–22).

В 1911 г. внимание А. А. Спицына привлекло побережье Чудского озера в окрестностях г. Гдова. Вместе со студентами он произвел обследование различных типов памятников, в том числе они раскопали 10 насыпей в курганной группе около д. Залахтовье: один длинный курган и 9 курганов «X–XI вв., принадлежавших местному полурусскому населению» (ОИАК за 1911 г. 1914: 67). К сожалению, сохранившиеся архивные документы содержат только финансовый отчет поездки и опись находок, что не дает четкого представления о проделанных работах (1911 г., д. 89, л. 146–147, 197–200).

Н. В. Хвоцинская, основываясь на составе вещевого материала, предположила, что А. А. Спицын в 1911 г. копал в центральной части могильника. В ходе исследований памятника под ее руководством были также зафиксированы следы его траншей на длинном кургане (Хвоцинская 2004: 15). Идентификация местоположения раскопок 1911 г. представляет сложность еще и потому, что Санкт-Петербургско-Псковское управление земледелия и государственных имуществ сразу после их окончания потребовало от Императорской Археологической Комиссии зарыть ямы, оставленные раскопками А. А. Спицына и его студента К. В. Кудряшова, который также производил в 1911 г. работы в Залахтовье по заданию РАО. ИАК удовлетворила просьбу лесничества, направленную на предохранение лесопосадок от высыхания и выветривания, и ямы на 14 курганах были засыпаны (1911 г., д. 89, л. 101–103). Пожалуй, это один из первых примеров рекультивации раскопанного археологического объекта в деятельности ИАК. Находки, обнаруженные в 1911 г. в процессе исследования археологических памятников в Гдовском уезде под руководством А. А. Спицына, поступили в Археологический кабинет Санкт-Петербургского университета.

В 1912 г. А. А. Спицын произвел «показательные» раскопки нескольких насыпей в курганной группе близ ст. Войковицы Петербургской губернии (ОИАК за 1912 г. 1916: 72–73). Он идентифицировал курганы, раскопанные последнего, исследовал 3 насыпи XIII в. с целью уточнить данные по изысканиям Л. К. Ивановского. В процессе работ подтвердились его сомнения по поводу правильности стратиграфических наблюдений Л. К. Ивановского и его выводов о положении погребенных в могиле (1912 г., д. 108, л. 14). ИАК поддерживала

Перечень вещей предметов археологии, обнаруженных

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
№ 24

вд. Спицына
№ 1011 в. Мш. 3. Залахтовое Поле, г.

из раскопок, произведенных

№ 24

Дат. 1911 г. № 24

КОЛИЧЕСТВО ПРЕДМЕТОВ	ПРИМЕЧАНИЯ
1 7 серпидит	Копейка 1/2, 1/4, 1/8, 1/16, 1/32, 1/64
2 12 серпидит	1/2, 1/4, 1/8, 1/16, 1/32, 1/64
3 13 серпидит	— WO
4 Кован	1/2, 1/4
5 2 обломка камня	1/2, 1/4, 1/8, 1/16, 1/32, 1/64
6 2 обломка кирпича	
7 Черепок	1/2, 1/4, 1/8, 1/16, 1/32, 1/64
8 Обломки кирпича	
9 Обломки кирпича	
10 Обломки кирпича и обломки кирпича	Над обломки 6 обломки
11 1 серпидит	1/2, 1/4, 1/8, 1/16, 1/32, 1/64
12 Обломки кирпича	1
13-14 Кирпич ^{из обломков} обломки кирпича	1
15 Обломки кирпича	1
16 Обломки кирпича	1
17 Обломки кирпича	1
18 Обломки кирпича	1
19 Обломки кирпича	1
20 Обломки кирпича	1
21 Обломки кирпича	1
22 Обломки кирпича	1
23 Обломки кирпича	1
24 Обломки кирпича	1
25 Обломки кирпича	1
26 Обломки кирпича	1
27 Обломки кирпича	1
28 Обломки кирпича	1
29 Обломки кирпича	1
30 Обломки кирпича	1
31 Обломки кирпича	1
32 Обломки кирпича	1
33 Обломки кирпича	1
34 Обломки кирпича	1
35 Обломки кирпича	1
36 Обломки кирпича	1
37 Обломки кирпича	1
38 Обломки кирпича	1
39 Обломки кирпича	1
40 Обломки кирпича	1
41 Обломки кирпича	1
42 Обломки кирпича	1
43 Обломки кирпича	1
44 Обломки кирпича	1
45 Обломки кирпича	1
46 Обломки кирпича	1
47 Обломки кирпича	1
48 Обломки кирпича	1
49 Обломки кирпича	1
50 Обломки кирпича	1
51 Обломки кирпича	1
52 Обломки кирпича	1
53 Обломки кирпича	1
54 Обломки кирпича	1
55 Обломки кирпича	1
56 Обломки кирпича	1
57 Обломки кирпича	1
58 Обломки кирпича	1
59 Обломки кирпича	1
60 Обломки кирпича	1
61 Обломки кирпича	1
62 Обломки кирпича	1
63 Обломки кирпича	1
64 Обломки кирпича	1
65 Обломки кирпича	1
66 Обломки кирпича	1
67 Обломки кирпича	1
68 Обломки кирпича	1
69 Обломки кирпича	1
70 Обломки кирпича	1
71 Обломки кирпича	1
72 Обломки кирпича	1
73 Обломки кирпича	1
74 Обломки кирпича	1
75 Обломки кирпича	1
76 Обломки кирпича	1
77 Обломки кирпича	1
78 Обломки кирпича	1
79 Обломки кирпича	1
80 Обломки кирпича	1
81 Обломки кирпича	1
82 Обломки кирпича	1
83 Обломки кирпича	1
84 Обломки кирпича	1
85 Обломки кирпича	1
86 Обломки кирпича	1
87 Обломки кирпича	1
88 Обломки кирпича	1
89 Обломки кирпича	1
90 Обломки кирпича	1
91 Обломки кирпича	1
92 Обломки кирпича	1
93 Обломки кирпича	1
94 Обломки кирпича	1
95 Обломки кирпича	1
96 Обломки кирпича	1
97 Обломки кирпича	1
98 Обломки кирпича	1
99 Обломки кирпича	1
100 Обломки кирпича	1

Фрагмент описи находок из раскопок А. А. Спицына в 1911 г. близ д. Залахтовые (1911 г., д. 89, л. 197)

ходатайства и Археологического института о проведении показательных раскопок для студентов в целях их ознакомления с практикой полевых археологических работ. Так, В. Н. Глазов и А. А. Спицын в 1912 г. в Войковицах в Царскосельском уезде организовали раскопки курганов XII–XIII вв. (1912 г., д. 60, л.13–15 об.).

В числе экспедиций, организованных Комиссией, были не только предприятия, связанные с изучением курганных древностей. Были проведены и первые раскопки поселений древнерусского времени. В 1913 г. Археологическая Комиссия предложила А. А. Спицыну произвести археологические изыскания с целью поиска культурного слоя древнерусского поселения близ с. Взвзд Новгородской губернии в устье р. Ловати (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 165). Судя по документам архивного дела об этой поездке, он организовал ее совместно со своим студентом Н. Ф. Лавровым. Лист на данное обследование Археологическая Комиссия выдала на имя Н. Ф. Лаврова по ходатайству А. А. Спицына (1913 г., д. 327, л. 12–14). Видимо, они поехали туда в период паводка, так как место запланированных раскопок оказалось затоплено, и проведение работ сделалось невозможным. Археологи осмотрели обрывы берегов реки и не обнаружили в напластованиях признаков наличия культурного слоя.

Тогда же Археологическая Комиссия поручила Н. Ф. Лаврову раскопать курганы около д. Углы Новоладожского уезда Петербургской губернии, откуда в 1911 г. поступили в Комиссию в виде случайных находок три железных топора и два наконечника копий (ОИАК за 1911 г. 1913: 73). Сразу после обследования в Новгородской губернии Н. Ф. Лавров направился в д. Углы. К 1913 г. из курганной группы сохранились 4 насыпи, причем только 2 из них содержали относительно целые погребения, остальные были разграблены. По результатам своего исследования Н. Ф. Лавров отнес курганы к древнерусским и датировал их XI–XII вв. (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 164).

Находки, обнаруженные в 1911 г.
около д. Углы (ФА, II 34902)

В зону исследовательских интересов ИАК входили и средневековые древности востока Новгородской земли, на материалах которого А. А. Спицын предполагал проследить эволюцию древнерусского погребального обряда. В 1911 г. Археологическая Комиссия поддержала исследования Н. Ф. Лаврова, студента А.А. Спицына, в Череповецком уезде Новгородской губернии. Он произвел пробные раскопки на нескольких предполагаемых городищах и раскопал два кургана. Научные результаты его работ оказались незначительны, он не смог ни датировать памятники, ни идентифицировать их культурную принадлежность (ОИАК за 1911 г. 1914: 68–69; 1911 г., д. 89, л. 187–196).

В том же году исследование в этих краях было продолжено благодаря спасательным

так как «была установлена наличность в Вологодской губернии русских курганов XII–XIII вв.», о существовании которых до того времени не было известно (Там же, л. 21). Древности из курганов были переданы в Вологодский музей (Отчет ИАК за 1911 г. 1914: 69–70).

Для периода 1910-х гг. можно отметить определенное преемство исследовательских интересов ИАК с предшествующей эпохой. В 1914 г. А. А. Спицын по заданию ИАК продолжил археологическое обследование памятников Новоладожского уезда. В его задачи входило исследование могильника XI–XII вв., найденного Н. Е. Бранденбургом в основании сопки у с. Михаило-Архангельского. Раскопки оказались невозможны, так как их предполагаемое место проведения уже было застроено (ОИАК за 1913–1915 гг. 1918: 164), дальнейшие работы носили разведочный характер. Напротив Новой Ладоги в д. Березье он сделал разрезы берега Волхова и описал их структуру, а также осмотрел остатки городища, по-видимому, раннего железного века в окрестностях ст. Званки (Там же: 165; 1914 г., д. 292, л. 20–21).

Параллельно с изучением средневековых археологических памятников ИАК принимала меры против кладоискательства, с целью защиты этих памятников от разграбления. В 1902 г. в Комиссию поступили сведения, что в Псковской губернии группа частных лиц обратилась к крестьянам д. Белино Великолуцкого уезда с просьбой о разрешении провести на их земле раскопки с целью поиска ценных вещей. В июне того же года от лица Комиссии был направлен запрос псковскому губернатору о проверке ситуации на месте. В письме Комиссия указывала, что раскопки могут производиться только с научной целью, а кладоискательство запрещено законом, и в данном случае призывала губернатора запретить противозаконные, несанкционированные кладоискательские работы (1887 г., д. 69, л. 450). После получения письма губернатор провел расследование и прислал отчет в Комиссию. В нем он уведомил, что деревню «посетило четверо лиц... и предложили крестьянам произвести на их земле раскопки с целью кладоискательства, принимая на себя обязательство все найденное при раскопках представить по принадлежности и полученное вознаграждение разделить поровну между собою и крестьянами, но последние на это предложение не согласились и попытка вышеупомянутых лиц склонить крестьян к кладоискательству не имела никаких последствий» (Там же, л. 451).

Показательный случай произошел в 1909 г. в Санкт-Петербургской губернии. Летом 1909 г. в Гдовском уезде близ д. Апалева шестеро местных крестьян 15–17 лет самовольно раскопали сопку, но были уличены в этом урядником 5-го Узьминского участка (1909 г., д. 128, л. 37). Во время дознания каждый из них выдвинул свою причину, по которой он принимал участие в раскопках. Павел Григорьев (15 лет) объяснил, «что он... в июле месяце с. г. раскапывал сопку, бывшую на надельной полосе его отца Григория Захарова и вредившую посеву хлеба, так как из этой сопки общество кр. дер. Апалева и кр. деревни Реки брали... песок для своих потреб, остальная часть этой сопки, при ветре, разносила песок и вредила посевам на этой полосе, ввиду этого в свободное время он... пригласил местных крестьян подростков... и развалили эту сопку канавою поперек ее, каких-либо древностей в этой сопке не было найдено» (Там же, л. 37–37 об.). Другой из них — «лужский мещанин» Николай Петров (17 лет) — показал, «что, уничтожая эту вредившую сопку, думал найти что-либо из древностей» (Там же, л. 37 об.). Урядник вместе с понятыми произвел осмотр места преступления и сообщил в ИАК, что «курган... круглового вида вышиною около 1,5 саж., шириною около 4 саж. Прокопан через канавою, раскопов, кроме этого кургана, где-либо в других местах не имеется». Для привлечения виновных к ответственности согласно 33-й статье Устава о наказаниях урядник передал дело в Узьминский волостной суд (Там же, л. 26). Суд состоялся в декабре 1909 г., обвиняемые «виновными себя не признали», свидетели — крестьяне из

соседней деревни — заявили, что они не видели, кто раскапывал курган, а знают лишь, что крестьяне деревни Апалева из сопки «возили песок» (Там же, л. 29 об.). Волостной суд решил, что обвинение не доказано, и полностью оправдал обвиняемых (Там же, л.30 об.).

Еще в 1904 г. Комиссия попросила секретаря Новгородского губернского статистического комитета В. А. Подобедова контролировать все земляные работы, производящиеся в Новгороде, и, по мере возможности, покупать найденные в их процессе предметы. Комиссия предложила выделить небольшую сумму на приобретения (1887 г., д. 69, л. 479). Секретарь откликнулся с полной готовностью осуществлять покупку древностей, находимых при производстве земляных работ в Новгороде, для Археологической Комиссии и даже за свой счет, но предупредил, что, поскольку придется приобретать весь комплекс находимых вещей, то среди них могут попасться как предметы особого исторического значения, так и рядовые, мало интересные в археологическом и историческом отношении (Там же, л. 480). Похожая просьба была адресована в 1908 г. Санкт-петербургскому губернатору. ИАК просила его проконтролировать немедленное прекращение хищнических раскопок и наказать виновных в их проведении. Поводом к этому стали сведения, поступившие в Комиссию, о том, что в Гдовском уезде производились раскопки «курганов и старых кладбищ (жальников)» с целью «добывания вещей», которые открыто продавались затем в Санкт-Петербурге и сбывались в Швецию (1887 г., д. 69, л.572).

Последние исследования славяно-русских древностей, организованные ИАК, пришлось на время Первой мировой войны. В связи с общей ситуацией в России полевая деятельность Комиссии начиная с 1915 г. резко сократилась во всех регионах. «Вызванное войной сокращение кредитов», «непомерно возрастающая дороговизна и недостаток рабочих рук» привели к тому, что стало невозможным даже продолжение традиционных многолетних археологических исследований Императорской Археологической Комиссии в Херсонесе, Ольвии и Керчи (Известия ИАК. Вып. 65. 1918: 157). Все же в 1916 г. А. А. Спицын на средства ИАК произвел археологические работы в Устюженском уезде Новгородской губернии. Он раскопал 9 насыпей древнерусского времени в курганной группе у д. Гришковой (Спицын 1918b: 153–156). Сохранились краткий отчет об этих работах, опись находок и справка о передаче антропологических материалов в Антропологический музей Академии наук. Проанализировав конструктивные особенности насыпей и состав вещевого комплекса, в полевом отчете А. А. Спицын написал: «Раскопки показали, что данный район в XI в. уже занят был русским населением и что население это было однородно с новгородским-кривичским, особенно характерны височные кольца с ромбическими расширениями» (1916 г., д. 146, л. 13 об.). После этого раскопки практически были прекращены, хотя сам А. А. Спицын в 1918–1919 гг. предпринимал попытки продолжить исследования у д. Гришковой, дабы, в частности, проследить переход от курганных погребений к жальникам.

В целом, оценивая археологическую деятельность ИАК по изучению средневековых древностей России и Восточной Европы, можно разделить ее на два этапа. До середины 1880-х гг. раскопки этих древностей составляли лишь небольшой процент полевых работ Комиссии и не являлись основным направлением ее практической деятельности. Производившиеся по поручению Комиссии работы носили случайный характер. Чаще всего они были вызваны инициативой и научным интересом отдельных исследователей, либо проводились по запросу официальных лиц и организаций. Иногда они были продиктованы необходимостью срочного исследования — в случае поступления в Комиссию сведений, что под угрозой уничтожения находится особо ценный памятник древности.

Фрагмент отчета А. А. Спицына о раскопках
в Устюженском уезде Новгородской губернии в 1916 г. (1916 г., д. 146, л. 12 об.)

Программа планомерного археологического изучения славяно-русских древностей была впервые, в общих чертах, разработана В. Б. Антоновичем по просьбе А. А. Бобринского в 1886 г. Этот факт необходимо поставить в связь с общими намерениями нового председателя реформировать работу ИАК. Вторая половина 1880-х—начало 1890-х гг. отмечены активным сотрудничеством Комиссии с исследователями славяно-русских и средневековых древностей юго-западных и западных губерний России. Одновременно в обществе все более пробуждался интерес к национальным древностям, что обусловило участие ИАК в изучении Старой Ладogi и Старой Рязани.

Тогда же активизировалось и изучение финно-угорских и балтских древностей. Первичное накопление информации о них произошло в результате поступления в Комиссию сведений об археологических памятниках, открытых при «новостроечных работах», благодаря сотрудничеству С. Г. Строганова с Ведомством путей сообщения, начатому в 1862 г. Указанное сотрудничество оказалось продолжено А. А. Бобринским в 1891 г. Именно этому направлению отечественная археология обязана и раскопками гнездовских курганов и городища в конце XIX—начале XX в. Необходимо отметить, что именно тогда в недрах Комиссии возникают и начинают реализовываться проекты по изданию русских кладов и русской эпиграфики. Благодаря трудам членов ИАК, в свет выходит одно из первых топографических исследований, посвященное кладам восточных монет — важнейшего источника по истории Древней Руси (Марков 1910).

В архиве Комиссии накапливаются материалы и по археологии позднего средневековья и нового времени, в том числе и в рамках того, что сегодня может быть названо «археология Петербурга». Так, в связи с тем, что при прокладке подземных газовых труб в здании Санкт-Петербургской портовой таможни на Стрелке Васильевского острова в подземном туннеле были найдены человеческие кости и «длинные цепи», 16 октября 1884 г. ИАК обратилась к Санкт-Петербургскому градоначальнику, указав, что, в силу 6-го пункта «Положения» о Комиссии 1859 г., ему надлежало доставить ей как цепи, так и сведения об обстоятельствах находки, которые были предоставлены приставом Васильевской части. Известно, что во времена Петра I в этой местности находилось здание секретной канцелярии, существовавшая здесь система тоннелей и кандалы неоднократно обнаруживалась и при других работах, в частности, в 1876 г. Все это позволяет представить себе конкретные методы тогдашних правоохранительных органов, а рисунок художника И. Н. Медведева уникален не только тем, что сохранил для нас редкие артефакты, но и тем, что вскоре, в связи с техническим прогрессом, ИАК вообще отказалась от должности художника, перейдя преимущественно к фотофиксации (1884 г., д. 45, л. 11, 14, 16; Соболев 1998: 280–289).

С середины 1890-х гг. исследования средневековых древностей несколько сбавили свой темп, что было связано с новым этапом осмысления и обработки накопленного материала, предпринятого А. А. Спицыным, пришедшим в ИАК в 1892 г. Благодаря трудам Археологической Комиссии были введены в научный оборот ценнейшие археологические коллекции курганных древностей из раскопок Н. Е. Бранденбурга (Бранденбург 1895), В. Н. Глазова (Спицын 1903) и Л. К. Ивановского (Спицын 1896а). Монографические издания, посвященные их работам, были напечатаны в серии «Материалов по археологии России», не утратили своей актуальности и в наши дни являются образцом публикации раскопанных материалов и остаются уникальным источником как для современных исследователей курганных памятников в их практической и научной деятельности, так и для изучения дореволюционного этапа развития отечественной археологии.

Полевые работы Комиссии активизировались в начале XX в., в основном благодаря деятельности А. А. Спицына и преимущественно на Северо-Западе России. В первые десятилетия XX в. он начал разворачивать программные археологические исследования северо-западных средневековых древностей при финансовой и организационной поддержке Комиссии. Такая активность совпадала по времени с многосторонней и многотрудной деятельностью ИАК по реставрации и охране средневековых памятников монументального зодчества и с началом

Цепи из Секретной канцелярии эпохи Петра I. Санкт-Петербург, стрелка Васильевского острова.

Рисунок И. Н. Медведева (1884 г., д. 45, л. 18)

становления городской и архитектурной археологии в Киеве и Ладоге. Если бы не начало Первой мировой войны и последующие политические события в России, возможно, изучение средневековых памятников России заняло бы качественно иное место в деятельности ИАК. Новый этап исследований обеспечили бы работы талантливых учеников А. А. Спицына, подтверждением этому служат их раскопки по программе А. А. Спицына в 1910–1914 гг., которые могли бы стать началом планомерного археологического исследования древностей этой эпохи.

Необходимо признать, что в XIX в. гораздо активнее археологическим изучением славяно-русских древностей занимались Русское археологическое общество, Археологический институт и прочие общественные организации — в первую очередь МАО. Однако в силу указа 1889 г. ИАК контролировала и их работы. Она выдавала Открытые листы, собирала и хранила научные отчеты, включая графическую документацию, следила за распределением найденных древностей между музейными собраниями. Благодаря усилиям Комиссии, в настоящее время в ее архиве сохранилось значительное количество материалов, характеризующих дореволюционные археологические исследования средневековых памятников на территории России.

Заслуга Императорской Археологической Комиссии в научном осмыслении собранного материала несомненна. Среди затронутой ее деятельностью тематики славяно-русской и финно-угорской археологии в первую очередь стоит отметить попытки построения периодизации и хронологии древностей, выделения ареалов расселения, изучение эволюции погребального обряда, в меньшей мере в это время были осмыслены вопросы этногенеза и происхождения археологических культур. Столь же важна роль ИАК в публикации археологических материалов, а также разработке методических основ археологических работ по изучению славяно-русских и средневековых древностей. Помимо создания механизма регламентации полевых археологических исследований в России и фонда уникальной историко-археологической информации Комиссия с самого начала выступила в качестве организующего центра практических исследований, которые начиная с середины 1880-х гг. стали приобретать упорядоченный и достаточно системный характер.

Г. В. Длужневская, М. В. Медведева, Н. И. Платонова, А. Е. Мусин

ГЛАВА XII

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И РАСКОПКИ В КИЕВЕ 1908–1914 гг.

Одной из первых страниц в изучении археологии древнерусского города являются раскопки начала XX в. в древнейшем городском центре, «матери градов русских» — Киеве. Эти исследования проводились Императорской Археологической Комиссией и были связаны с целым рядом таких значительных имен русской археологии, как В. В. Хвойко, П. П. Pokрышкин, Б. В. Фармаковский и Д. В. Милев. За семь лет, с 1907 по 1914 г., были исследованы огромные площади в центре Киева, обнаружены и изучены древние поселения и укрепления, языческие и христианские некрополи, памятники монументальной архитектуры, в том числе — древнейший каменный храм на Руси: Церковь Богородицы Десятинной (996 г.). Последовавшее затем тяжелое время Первой мировой войны прервало исследования. Главным руководителям раскопок не суждено было его пережить. Материалы исследований не были обработаны, опубликованы были лишь их краткие результаты. Археологические находки и документация раскопок (чертежи и записи дневникового характера, фотоматериалы) оказались по большей части депортированы и рассредоточены по музейным и архивным собраниям Киева и Санкт-Петербурга (см. Церква Богородиці 1996). Когда в конце 1930-х гг. отечественные исследователи вновь обратились к изучению древнего Киева, они считали, что эта обширная научная документация потеряна для науки, в силу чего опирались лишь на краткие опубликованные выводы и незначительные по объему архивные материалы (Корзухина 1956; Каргер 1958: 132). В связи с этим, а также в силу идеологических установок того времени весьма сложно оказалось оценить по достоинству значение раскопок Десятинной церкви, проведенных ИАК, и ее роль в развитии отечественной археологии средневекового города.

В последние годы были обнаружены уникальные материалы дореволюционных археологических исследований, ранее считавшиеся безвозвратно утерянными (Грибанова 1996; Козюба 2005; Елшин 2007; 2008). Среди них — записи дневникового характера, полевые и чистовые чертежи, а также фотоматериалы киевских раскопок 1908–1914 гг. (см., в частности: Архив Института рукопису НБУ ім. В. Вернадського, ф. 152, ф. 163). В то же время стало возможным исследовать материалы обширной официальной и личной переписки археологов, трудившихся тогда на раскопках в Киеве. Новые данные позволили воссоздать более полную картину дореволюционных археологических исследований в Киеве, оценить их научно-методическую значимость, понять роль Археологической Комиссии в становлении средневековой археологии.

I

Внимание центрального археологического учреждения Российской империи к киевским древностям в начале XX в. привлекла активная исследовательская деятельность известного

археолога В. В. Хвойко. Викентий Вячеславович Хвойко по праву считается первооткрывателем многих археологических памятников и нескольких археологических культур, его биография и научная деятельность довольно подробно освещены в целом ряде работ (Бахмат 1964; Шовкопляс 2000; Колеснікова 2005; 2007).

Летом 1907 г. В. В. Хвойко, в то время возглавлявший археологическое отделение Киевского городского музея древностей и искусств Николая II, предпринял масштабные археологические изыскания на частной земле усадьбы доктора М. М. Петровского, занимавшей большую площадь на северо-западе Старокиевской горы. Раскопки производились на средства меценатов Б. И. Ханенко и М. А. Терещенко, первый из которых был сверхштатным членом ИАК. Уже в первый год эти работы принесли неожиданные результаты и яркие находки, отмеченные вниманием современников. За несколько месяцев были обнаружены остатки двух разрушенных в древности каменных палат, некогда украшенных фресковой росписью. Раскопанные руины были отождествлены с постройками, упомянутыми в летописи — «теремом святой княгини Ольги». Среди находок была одна, привлекавшая особое внимание, — кирпич с рельефным знаком-трезубцем, так называемым «знаком Владимира» (Болсуновский 1908; Древности 1909: 190–191). Кроме древних дворцов были обнаружены многочисленные остатки жилищ и мастерских, существование которых было прервано штурмом Батгя 1240 г., а также братская могила киевлян, погибших при этом штурме (Хвойко 1913: 63–75). Г. Ф. Корзухина отмечала: «Впервые в истории археологического изучения Киева культура Киевской Руси предстала перед исследователем во всем своем многообразии и богатстве» (Корзухина 1956: 318). Уже в августе 1907 г. раскопки посетили Н. П. Кондаков, Д. В. Айналов, Я. И. Смирнов, А. В. Шусев и др. (Известия ИАК. Приб.к вып. 26, 1908: 29).

Викентий Вячеславович Хвойко

7 января 1908 г. в Императорском Московском археологическом обществе, членом-корреспондентом которого с 1899 г. являлся В. В. Хвойко, его близкий приятель профессор И. А. Линниченко сделал доклад, в котором ознакомил собравшихся с новыми открытиями в Киеве. Эффект доклада был

Хвойко Викентий Вячеславович

(21.02.1850—20.10.1914) – археолог-самоучка, коллекционер, исследователь древностей на территории Украины, родился в Чехии, происходил из старинного рода, окончил коммерческое училище, в 1864 г. переехал в Прагу, в 1876 г. в Киев, где служил учителем. В 1893 г., наблюдая за земляными работами, открыл Кирилловскую палеолитическую стоянку; первооткрыватель Трипольской культуры, исследователь скифских, зарубинецких, черняховских и раннеславянских древностей. Один из основателей Киевского Городского музея древностей и искусств (ныне — Национальный музей истории Украины), а с 1904 г. — хранитель археологического отдела музея, куда передал свои богатые коллекции. Сотрудничал с Б. И. Ханенко, начал раскопки средневековых памятников на территории Киева.

Осн. соч.: Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913; 2-е изд. Київ, 2008.

Лит. о нем: Колеснікова В. А. Його називали археологом-революціонером (біграфічний нарис) // Хвойко В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Київ, 2008. С. 153–157.

столь велик, что на обсуждении его был поднят вопрос о необходимости приобретения государством усадьбы М. М. Петровского с целью продолжения раскопок (Древности 1909: 191; 1887 г., д. 69, л. 509). Однако еще ранее, 30 декабря 1907 г., Н. П. Кондаков, которому стали известны уникальные результаты раскопок, подал на имя президента Академии наук великого князя Константина Константиновича докладную записку, в которой предлагал проект систематических археологических исследований Киева. Называя раскопки В. В. Хвойко «замечательными» и ссылаясь на опыт систематических исследований Херсонеса, Н. П. Кондаков предложил создание в Академии, при Отделении русского языка и словесности, «особой комиссии», которой был бы поручен этот долговременный (десятилетний) проект. Проект должен был включить в себя не только раскопки, но и их немедленное осмысление и публикацию находок. Смета на осуществление этих задач составляла 4 тыс. руб. в год (1908 г., д. 30, л. 1–6).

При подготовке проекта Н. П. Кондаков консультировался с В. В. Хвойко относительно наиболее важных объектов для исследования и требуемых средств, очевидно, предполагая, что он будет руководителем проекта (СПбФА РАН, ф. 115, оп. 4, д. 456, л. 3–5 об.).

Проект был обсужден Академией 20 января 1908 г. и направлен на рассмотрение Императорской Археологической Комиссии как центральной организации, в обязанности которой входило собирание сведений о находимых в России древностях и их ученая оценка. Тот факт, что бывший член ИАК Н. П. Кондаков обратился с «археологическим» предложением не в Комиссию, а в Академию, был связан с его давним конфликтом с самой ИАК и с ее председателем А. А. Бобринским, что и привело к уходу ученого из этого учреждения в 1891 г. (*подробнее смотри главу I*).

При рассмотрении проекта членами ИАК к поступившим предложениям был предъявлен ряд серьезных претензий (1908 г., д. 30, л. 7–13). В рапорте Комиссии указывалось, что, во-первых, согласно постановлению от 11 марта 1889 г., только ИАК имела исключительное право проведения раскопок на общественных и казенных землях, к которым относились киевские усадьбы Десятинной и Трехсвятительской церквей, а также Софийского собора, упомянутые в проекте Н. П. Кондакова. Появление альтернативной организации, занимающейся раскопками на этих землях, вошло бы в противоречие с постановлением 1889 г. и, «породив двоевластие, могло бы отразиться губительно на организации общего дела археологического исследования в России» (Там же, л. 8). Во-вторых, согласно проекту, предложенному Н. П. Кондаковым, все находки должны были поступать в Киевский городской музей, что также входило в противоречие с постановлением, по которому наиболее примечательные из них должны были поступать на высочайшее воззрение, после чего решалась их «музейная» судьба: чаще всего эксклюзивные вещи поступали в Императорский Эрмитаж. «Лишать Эрмитаж этого права по отношению к раскопкам, производимым на средства Государственного Казначейства, едва ли желательно», — считал А. А. Бобринский (Там же, л. 8 об.).

А. А. Бобринским был предложен альтернативный проект исследований в Киеве, во главе которых встала бы сама Императорская Археологическая Комиссия. Была сокращена и смета — половина расходов, предполагавшаяся, по проекту Н. П. Кондакова, для вознаграждения руководителя раскопок и издания отчетов, была излишней при выполнении работ Комиссией, и без того публиковавшей ежегодные отчеты. В позиции А. А. Бобринского можно усмотреть и ревнивое отношение по отношению к будущим археологическим раскопкам, обещавшим большие открытия. В то же время это было не просто желание сохранить монопольные права ИАК. Полувековой опыт систематических археологических исследований Комиссии и наличие ведущих отечественных специалистов-археологов в числе ее членов действительно давали право считать, что такие важные задачи, как исследование древнего

Б. В. Фармаковский, Ольвия (ФА, II 83361)

Б. В. Фармаковский, Киев (ФА, II 83357)

Киева, должны быть всеми возможными усилиями ограждены от дилетантов и исполнены именно Комиссией. Во многом эта позиция основывалась и на скептическом отношении членов Комиссии к некоторым полевым работам В. В. Хвойко, о чем будет сказано далее.

2 апреля 1908 г. Министерство императорского Двора уведомило ИАК о высочайшем повелении произвести раскопки в Киеве. Проект был рассчитан на 10 лет, причем ежегодно выделялась сумма в 2000 руб. Уже 8 мая были выданы Открытые листы на право проведения раскопок в пределах Киева члену ИАК Б. В. Фармаковскому и художнику-архитектору Д. В. Милееву (Там же, л. 42).

Назначение руководителем раскопок в Киеве Б. В. Фармаковского, известного к тому времени своими исследованиями античных памятников, кажется несколько странным, но оно преследовало сразу несколько целей. Естественно, что руководителем полевых работ в Киеве должен был быть непременно член ИАК. Однако еще до начала раскопок киевские газеты, отражавшие мнение местной общественности, настроенной резко против столичной бюрократии и Комиссии в частности, негативно отреагировали на это назначение. 6 июня 1908 г. в прессе был опубликован ответ самого А. А. Бобринского, объяснявшего такое решение высоким профессионализмом раскопщика: «Исследование древнего Киева, раскопки на местоположении старого города требуют совершенно специальных знаний и навыка. Более кого-либо другого в России обладает этим опытом магистр Фармаковский. Его многолетние, образцовые, последовательные раскопки в городище древней Ольвии составили ему, независимо от прочих его научных заслуг, громкое имя как среди русских ученых, так и в остальной Европе. Разбираться в обломках каменных фундаментов и кирпичных кладок, в хаосе поломанной штукатурки и отбитых фресок требует особого умения, осторожности, а главное — опыта» (Известия ИАК. Приб. к вып. 27. 1908: 48).

Таким образом, Б. В. Фармаковский был специально направлен в Киев, чтобы обеспечить высокий уровень научно-методической организации археологических исследований. Известно, что еще в самом начале своей карьеры Б. В. Фармаковский прошел великолепную школу за рубежом. После окончания Новороссийского университета Б. В. Фармаковский был в 1893–1894 гг. командирован в Грецию для изучения европейского опыта полевых работ, обучался в Афинах, наблюдал раскопки В. Дерпфельда в Олимпии. В 1896 г. Б. В. Фармаковский по поручению ИАК руководил раскопками в Ольвии и на Березани, а с 1902 г., уже в качестве члена Комиссии, он начинает свои многолетние раскопки в античном полисе Ольвии, где применил методический опыт крупномасштабных раскопок античных памятников (*подробнее смотри главу IV*).

Первоклассная полевая методика археологических исследований в Ольвии была отмечена современниками: «...строгие методы археологических исследований, производившиеся в Афинах и других местах Греции, Б. В. Фармаковский всецело и умело применил к исследуемой им Ольвии. Не погоня за находками во что бы то ни стало руководит им в его работах. Он стремится воскресить пред нами ее древний облик в его исторической последовательности, дать „монументальную историю“ Ольвии. Свою работу Б. В. Фармаковский ведет постепенно, не бросаясь из стороны в сторону. Начав где-либо на территории Ольвии раскопку, он доводит ее до возможного конца, относится внимательно к производству работ, ведет им тщательные дневники, детально регистрирует находимые предметы, отмечая при этом все детали производства работ и находений памятников, фотографирует раскапываемую местность в различные моменты раскопки, привлекает, где это оказывается нужным, на помощь себе архитектора и т. д., и т. д.», — писал С. А. Жебелев (Жебелев 1915: 2). Ученик Б. В. Фармаковского В. Д. Блаватский много лет спустя так охарактеризовал методы ученого: «В своих полевых исследованиях Б. В. Фармаковский руководствовался определенными теоретическими положениями и принципами, которые не были освещены им в каком-либо методическом труде, но тем не менее нашли отчетливое выражение в практике раскопок Ольвии <...> Система Б. В. Фармаковского отнюдь не устарела в настоящее время, ибо в ее основе лежит понимание задач полевой археологии как изучения истории раскапываемого города» (Блаватский 1967: 70).

Руководство киевскими раскопками, параллельно с ольвийскими, оказалось для Б. В. Фармаковского не таким простым делом. В письме товарищу председателя ИАК В. В. Латышеву от 7 июля 1908 г. он признается: «Конечно, я не специалист по русск<ой> археологии, и потому здесь я чувствую себя совсем не так, как в Ольвии. Я это чувствую в связи с разными интригами и с тем, что все же я, на котором лежит пред наукой ответственность за раскопки в Киеве, не буду здесь все время, как того требовала бы идеальная обстановка дела, что повергает меня часто в своего рода меланхолию. Оставлять работы в Ольвии, хотя бы и на краткие сроки, тоже будет весьма неприятно. Дело в Киеве столь важно, что надо здесь быть постоянно члену Комиссии, как и в Ольвии» (1908 г., д. 30, л. 58). Поэтому в первый год работ в Киеве Б. В. Фармаковский навещал раскопки почти каждые две недели, в остальное время требуя от своего помощника и заместителя Д. В. Милеева постоянно держать в курсе событий и находок письмами и телеграммами.

Первой задачей киевского проекта было исследование фундаментов древней Десятинной церкви, и поэтому Б. В. Фармаковский пригласил в качестве помощника художника-архитектора Д. В. Милеева, к этому времени уже несколько лет сотрудничавшего с ИАК. Д. В. Милеев впоследствии стал непосредственным руководителем киевских раскопок, которые явились делом всей жизни архитектора.

Д. В. Милеев — один из самых деятельных исследователей русского зодчества начала XX в., чье имя по праву может быть помещено в один ряд с такими величинами в науке, как

Д. В. Милеев, Киев (ФА, II 83358)

Д. В. Милеев, Е. В. Милеева и С. П. Вельмин. 1910–1911 гг. (ФА, II 32116)

П. П. Покрышкин и К. К. Романов. Менее чем за 10 лет работы в различных проектах Императорской Археологической Комиссии этот ученый успел выполнить огромную работу по исследованию, обмерам, реставрации и археологическим раскопкам десятков памятников русской архитектуры. Судьба не позволила ему обобщить и опубликовать большинство результатов своих исследований, почему он — незаслуженно — и отошел на второй план в трудах, посвященных истории изучения русской архитектуры. Не существует и подробного биографического исследования об ученом, известны лишь краткие заметки (Д. В. Милеев 1915: 193–198; Покрышкин 1915а; Грибанова 1996).

Известно, что свободное время Д. В. Милеев посвящал путешествиям по памятникам древнего зодчества. К этому времени относится и знакомство его с П. П. Покрышкиным, о чем последний вспоминал весьма трогательно: «Он, с этюдным ящиком за спиной, пешком ходил по окрестностям этого древнего города [Новгорода] и забрел ко мне на работы по ремонту Спасо-Нередицкой церкви; впоследствии я узнал случайно, что в кармане его были гроши, а существовал он впроголодь; производил он впечатление аскета» (Покрышкин 1915а: 1).

Вероятно, по рекомендации П. П. Покрышкина Д. В. Милеев уже в 1906 г. выполнял поручения ИАК по фиксации памятников деревянного зодчества Архангельской, Вологодской, Каргопольской, Костромской, Новгородской, Олонецкой и Ярославской губерний, а в 1907 г. руководил реставрацией деревянных храмов русского Севера¹ (Памятники архитектуры 2002: 417–418) (*смотри главы I и XIII*).

К 1908 г. Д. В. Милеев постоянно принимал участие в работах ИАК. Вместе с П. П. Покрышкиным в мае 1908 г. он производил обмеры церкви свт. Василия Великого в Овруче (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 2), в конце сентября–октябре 1908 г., по окончании работ в Киеве, Д. В. Милеев провел архитектурно-археологические раскопки Борисоглебской церкви на Смядыни в Смоленске (Воронин, Раппопорт 1979: 43). В Киеве же Д. В. Милеев оказался не просто «приглашенным архитектором», подобно тем, которые работали у Б. В. Фармаковского на раскопках в Ольвии (кстати, в 1904–1907 гг. в таком качестве там трудился К. К. Романов) (*смотри главу IV*). С первых дней киевских раскопок на плечи Д. В. Милеева легла вся ответственность за организацию рабочего процесса: наем рабочих, устройство ограждений и пр. (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 2–6, 15–16). Для 30-летнего архитектора это был первый опыт руководства подобными работами, но, судя по письмам самого Д. В. Милеева, это нисколько его не смущало. «Как вдумчивый художник, беззаветно преданный делу познания древнего русского искусства, он сразу оценил глубокий смысл открытия киевских великокняжеских церквей, давно разрушенных и погребенных, ни на секунду не задумавшись пред трудностью черной раскопчной работы», — писал П. П. Покрышкин (Покрышкин 1915: 2). Б. В. Фармаковский дал самую яркую характеристику работе Д. В. Милеева: «Сложность ведения дела заставила меня оставить здесь в помощь Милееву еще Данилова... И Милеев и Данилов работают с редким самоотвержением. Точность чертежей и промеров и наблюдательность Милеева выше всяких похвал! Уезжаю отсюда, не опасаясь, что что-либо будет не замечено или уничтожено» (1908 г., д. 30, л. 58). По письмам Д. В. Милеева, отправленным из Киева Б. В. Фармаковскому в Ольвию и Санкт-Петербург на протяжении сезонов 1908 и 1909 гг., хорошо видно, что Д. В. Милеев, фактический руководитель раскопок, полностью подчинялся старшему руководителю, согласовывая с ним каждое свое действие, еженедельно и подробно сообщая о ходе раскопок, заложенных «ямах» и прирезках,

¹ Материалы этих работ хранятся в НИМ РАХ и в фотоархиве ИИМК РАН (ФА, О. 322/410–424, О. 379/643–647, О. 469/157–213, О. 649–0.654, О. 622/20–48).

обнаруженных кладках, погребениях и отдельных находках. До очередного приезда в Киев Б. В. Фармаковского, А. А. Бобринского и других крупных специалистов Д. В. Милеев старался всегда оставлять раскопы незасыпанными, так, «чтобы был виден весь ход работ» (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 11–12).

О том, какую ответственность ощущал Д. В. Милеев за работы в Киеве, говорит хотя бы тот факт, что за шесть лет он так и не смог доехать в летнее время до Ольвии, куда Б. В. Фармаковский постоянно его приглашал. В 1913 г. Д. В. Милеев пишет ему: «Несмотря на то, что мне так давно хотелось попасть на работы к Вам в Ольвию, все же совместить Киев и Ольвию представляется мне трудным в этом году, боюсь оторваться в ущерб Киеву, тем более что с Киевом у меня работы еще много». (Там же, л. 38 об.).

Д. В. Милеев руководил раскопками в Киеве до самой своей смерти в 1914 г. После второго сезона раскопок в Киеве Д. В. Милеев был зачислен в штат ИАК на должность канцелярского чиновника. В своем новом качестве Д. В. Милеев был назначен уже полноправным руководителем киевских раскопок. 4 февраля 1910 г. Д. В. Милеев был избран и в действительные члены Императорского Русского археологического общества (РА, ф. 3, д. 335, л. 3, 7, 9).

Кроме археологических раскопок в Киеве на Д. В. Милеева было возложено и немало обязанностей по участию в реставрационной деятельности Императорской Археологической Комиссии. Эти работы значительно сократили время пребывания Д. В. Милеева в Киеве в эти сезоны: в 1911 г. — до двух месяцев, в 1912 г. — до полутора, а в 1913 г. загруженный текущими делами по реставрации Д. В. Милеев вообще не смог приехать в Киев, и работы в этот год не проводились.

II

Работы Императорской Археологической Комиссии на усадьбе Десятинной церкви были начаты в июне 1908 г. Их первейшей задачей было исследование остатков древнего храма Богородицы (Десятинной церкви), возведенного в конце X в. История исследований этого памятника восходит к XVII столетию, когда митрополит Киевский Петр (Могила) произвел здесь первые раскопки с целью выявления остатков церкви и поиска реликвий. Археологические раскопки на этом месте проводились и в начале XIX в.: К. А. Лохвицким в 1824 г. и Н. Е. Ефимовым в 1826 г. Тогда были полностью открыты фундаменты храма, но опубликованные планы существенно отличались (Краткое описание 1829; Описание 1872). Тем не менее из этих публикаций было известно, что новая церковь, построенная в 1828–1842 гг., была размещена на древних фундаментах, хотя часть из них все же осталась вне пятна строительства и могла быть вновь открыта и исследована.

В 1908 г. Императорская Археологическая Комиссия начала с того, что были заложены две траншеи вдоль восточной и северной стен Киево-Десятинной церкви XIX в., в некоторых местах подходившие к фундаментам. За полевой сезон, продолжавшийся с июня по сентябрь, были открыты и исследованы остатки фундаментов апсид и северной галереи древнего храма, великолепный резной шиферный саркофаг XI в., а также более ранние комплексы: ров «древнейшего городища» и погребения могильника, существовавшего на этой территории в X в. еще до строительства церкви. В следующем сезоне (май–август 1909 г.) была исследована вся доступная площадь к востоку от храма в пределах прицерковной усадьбы. Результатами этого сезона стало выявление огромного позднесредневекового кладбища, шиферных саркофагов, древней сырцово-кирпичной вымостки, комплексов X в. — погребений и нескольких кладов.

В проект исследования усадьбы Десятинной церкви очень скоро были внесены изменения, вызванные беспрецедентной строительной активностью на Старокиевской горе. В начале апреля 1909 г. Д. В. Милеев срочно отправился в Киев для проведения наблюдений и обмеров при «выемке земли» в усадьбе Софийского собора («Митрополитанской усадьбе»), на углу Стрелецкой и Георгиевской улиц, которая производилась для постройки четырехэтажного дома. Работы на Митрополитанской усадьбе были продолжены и в сентябре—октябре 1909 г. В ходе этих работ были обнаружены остатки фундаментных рвов большого храма XI в., в результате чего постройка нового здания на этом месте была свернута. В середине октября 1909 г. Д. В. Милеев провел также наблюдения внутри киевского Софийского собора, приостановив планируемую замену чугунных полов. Результатом этих наблюдений явилась заметка с подробным описанием и хронологией наслоений в интерьере Софийского собора (Милеев 1911b; ФА, О. 2426/38–57, О. 1722/25). Таким образом, киевская экспедиция ИАК уже в 1909 г. становится «спасательной». В случае необходимости она перераспределяла свои ресурсы для исследования уничтожаемых участков культурного слоя в центре Киева.

В 1910 г. работы Д. В. Милеева сосредоточились на спасательных раскопках на усадьбе Трубецкого, где предполагалась постройка нового дома. Здесь с 22 апреля по 17 июня были исследованы остатки построек и комплексов зерновых ям XVII в., а также несколько погребений X в. С 17 июня 1910 г. исследования были переброшены на усадьбу Новицкой (участок Крестьянского Поземельного банка), где производилась выемка котлована для строительства нового дома. В июле—середине октября 1910 г. продолжились работы и на Митрополитанской усадьбе, завершённые полным раскрытием обнаруженных остатков храма, а также открытием множества древнерусских погребений в склепах (Милеев 1911a). Лишь в октябре 1910 г. были проведены небольшие раскопки на усадьбе Десятинной церкви, в результате которых к югу от храма были обнаружены остатки постройки, возведенной одновременно с церковным зданием X в.

С 1911 г. тяжесть «новостроечных» работ в Киеве взял на себя ученик Д. В. Милеева Сергей Петрович Вельмин (1890—после 1917), сын настоятеля Десятинной церкви протоиерея П. Д. Вельмина. В 1908 г., когда начались раскопки церкви, Сергей Вельмин только что закончил гимназию и поступил в Киевский университет св. Владимира. В списках студентов историко-филологического факультета С. П. Вельмин значился до 1916 г. (Грибанова 1996: 26). Все университетские годы С. П. Вельмин активно участвовал в раскопках ИАК. Уже в марте 1910 г. С. П. Вельмин сделал развернутый доклад о раскопках 1908–1909 гг. на заседании Киевского Отделения Императорского Военно-Исторического общества. Доклад этот опубликован и является важным источником о ходе работ ИАК (Вельмин 1910). Весной 1911 г., когда Д. В. Милеев был занят на реставрационных работах в Костроме, ИАК поручила 21-летнему С. П. Вельмину провести раскопки в усадьбе Земледельческого банка. Раскопки же на территории усадьбы Десятинной церкви в этом году были сокращены до двух месяцев (июль—начало сентября). За это время была раскрыта большая часть постройки к югу от храма, исследованы участки у северо-западного угла и перед западным фасадом церкви XIX в. С середины июля по конец августа 1912 г. была исследована большая площадь к северу от Десятинной церкви, изучено заполнения рва городища. В 1913 г. из-за невозможности приезда Д. В. Милеева в Киев исследования взял на себя С. П. Вельмин, начавший в середине марта наблюдения в усадьбах № 31 и 33 по Владимирской улице. В ходе раскопок, длившихся два месяца, исследованы вал и ров начала XVIII в., остатки фундамента стен храма XI в., а также еще одной светской постройки этого же времени рядом с ним.

1914 год стал последним сезоном исследований на Старокиевской горе. Исследования в этом году были связаны с понижением уровня дневной поверхности по Владимирской улице и Десятинному переулку в непосредственной близости от усадьбы Десятинной церкви. Кроме этого, были исследованы значительные площади к северу от Десятинной церкви на территории рва и площадки «древнейшего городища». В разгар исследований, 19 июля 1914 г., от сыпного тифа скончался Д. В. Милеев. Ему было неполных 37 лет. С. П. Вельмин вместе с В. П. Цареградским, представлявшим Киевское общество охраны памятников старины и искусства, завершали наблюдение за работами этого года. В сентябре–октябре 1914 г. в Десятинном переулке, к юго-западу от Десятинной церкви, были открыты и исследованы остатки фундаментов еще одного сооружения конца X в.

Другим киевским объектом ИАК стала церковь Спаса на Берестове XII в., находившаяся в ведении Киево-Печерской лавры. С 1910 по 1913 г. здесь проводил реставрацию другой член ИАК П. П. Покрышкин, а в 1914 г. им же были проведены раскопки восточной части древнего храма, от которой сохранились лишь фундаменты. В сентябре 1914 г. Духовный Собор Киево-Печерской лавры прекратил финансирование и остановил археологические работы (1903 г., д. 275, л. 96; Сіткарьова 2001: 214–225; о реставрации см.: Памятники архитектуры 2002: 437–440) (*подробнее смотри главу XIII*).

За семь лет в центре Киева работами ИАК были исследованы огромные площади культурного слоя. Д. В. Милеев в письме П. П. Покрышкину указывал, что за сезон 1908–1909 гг. было исследовано в общей сложности более 1200 кв. м (РА, ф. 21, д. 207, л. 9). По подсчетам В. К. Козюбы, только на усадьбе Десятинной церкви за 1908–1912 и 1914 гг. была раскопана площадь до 1800 кв. м (Козюба 2005: 177).

III

Фрагментарно сохранившаяся полевая документация, письма и редкие отчетные документы позволяют до некоторой степени восстановить картину киевских раскопок, их научно-методическую организацию и административно-бытовые моменты.

Раскопкам предшествовала серьезная подготовка. Д. В. Милеевым были сделаны копии планов Десятинной церкви, снятых при раскопках 1820-х гг. (Вельмин 1910: 22). Так, киевские газеты в 1908 г. писали о визите на раскопки президента Академии наук великого князя Константина Константиновича: «Великий князь... интересовался старыми планами храма и вопросом о том, насколько эти планы соответствуют данным, добытым нынешним раскопками. Д. В. Милеев демонстрировал выкопировки со старых планов, причем оказалось, что все старые планы неверны» (Известия ИАК. Приб. к вып. 31. 1909: 71).

Исследователи неоднократно обращали внимание на своеобразную полевую методику, характерную для киевских работ ИАК (Каргер 1961: 52; НА ИА НАНУ, 1989/29, л. 6; Козюба 2005). С первого сезона 1908 г. при раскопках Б. В. Фармаковского и Д. В. Милеева применялся «кессонный метод», заключающийся в систематическом исследовании культурного слоя раскопами («ямами») размерами около 5 × 3 м, разделенных тонкими бровками («гребешками»). Такая сетка обеспечивала густо расположенные параллельные разрезы, проходящие вдоль и поперек раскопа. Именно на эти кессоны, располагавшиеся в восточной части усадьбы, попали раскопы Ф. Н. Молчановского 1936 г. (НА ИА НАНУ, ф. 20, д. 33, л. 9), а на другие, к западу от церкви, попал раскоп М. К. Каргера в 1948 г. (Каргер 1961: 52; Козюба 2005: 176).

Этот метод, да и само исследование городского культурного слоя было в новинку для русской археологии, поэтому методика подробно описывалась в опубликованном отчете:

Раскопки юго-западного дворца. 1911 г. Вид с востока (ФА, III 12045)

Раскопки на Митрополитанской усадьбе. 1910 г. (ФА, II 33227)

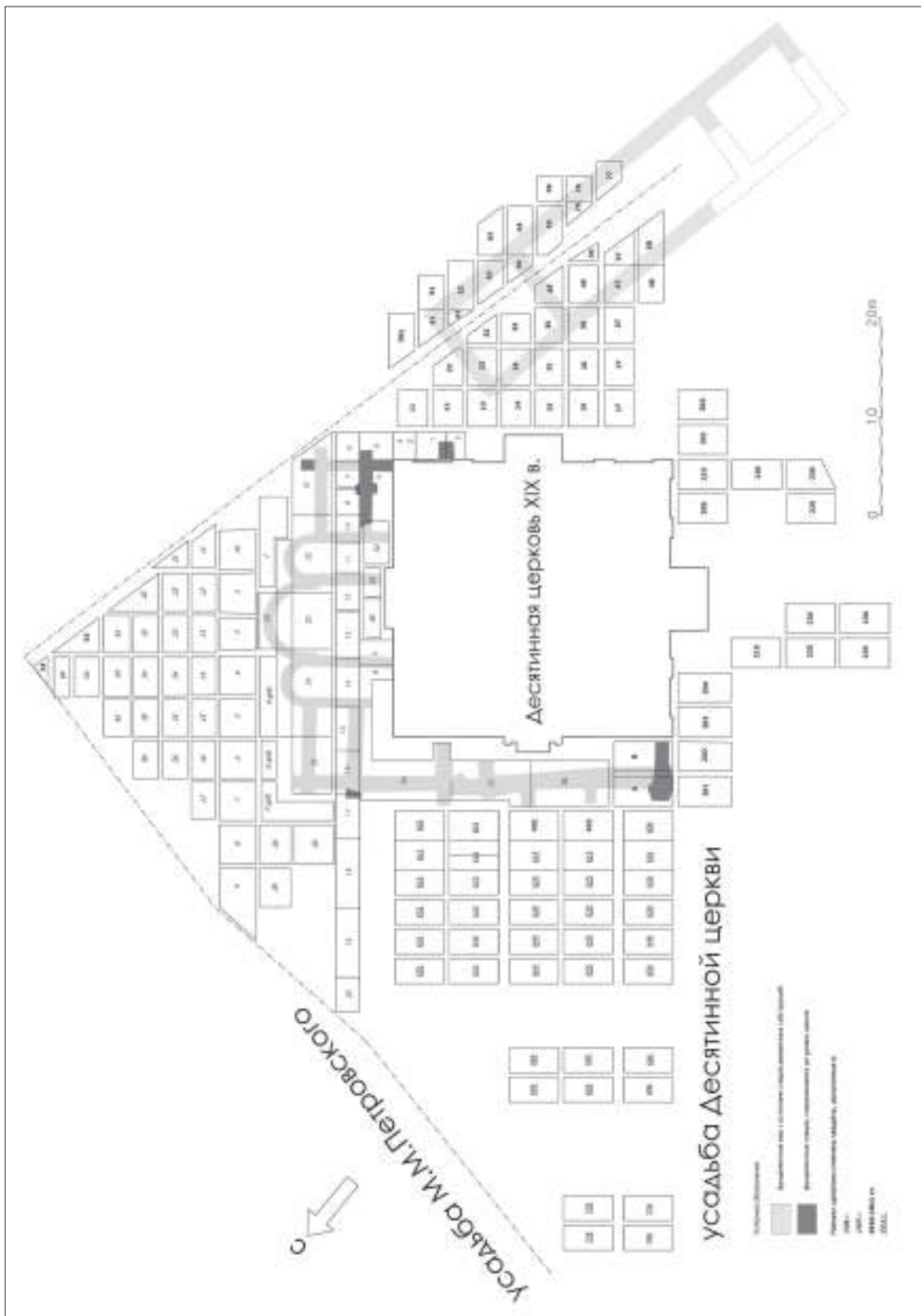
«Исследования <...> велись правильными прямоугольными ямами, между которыми оставались небольшие промежутки нетронутой земли, так называемые гребешки (толщиной 0,30 м): эти гребешки служат стенками ям (обрезы), и на них ясно вырисовываются культурные наслоения. Обрезы ям после подробного обмера и общей нивелировки дали возможность получить точные разрезы культурных наслоений как в продольном, так и в поперечном направлениях. Каждый культурный слой тщательно разбирался отдельно, и все найденные предметы отмечались соответствующим слоем каждой ямы. Обмер горизонтальных планов в ямах по мере выяснения и удаления наслоений производился самостоятельно на известной глубине; таким образом, впоследствии получился общий горизонтальный план всех выяснившихся наслоений. По мере окончания изучения каждой отдельной ямы разделяющие их гребешки также разбирались по слоям. По удалении гребешков получался общий вид исследуемого места. Все исследования доводились до материка» (Отчет ИАК за 1908 г. 1912: 134).

Методика была сразу же высоко оценена ведущими специалистами славяно-русской археологии; уже в 1910 г. А. А. Спицын включает в свое руководство к археологическим раскопкам целый ряд фотографий киевских исследований и подробное описание методики:

«Русские археологи, избалованные легкими раскопками в курганах, еще не выработали детальных приемов для разборки культурных слоев. Наиболее строгие раскопки этого типа производятся в настоящее время кругом Десятинной церкви в Киеве. Здесь работа идет емкками-кессонами. Каждый из них разрабатывается отдельно, с составлением точных чертежей всех четырех стенок кессона и всех горизонтальных обреза. Отдельные слои заносятся на чертеж с точностью архитектурных памятников и снимаются отдельно один за другим, с немедленной упаковкой вещей в пакеты, снабженные точными шифрами слоев. Здесь исполняется то, что должно быть желаемо во всех подобных раскопках: собираются решительно все находимые обломки — черепки, стекла, гвозди, камни со следами употребления, кости. Изучение материала идет уже позднее, кабинетным путем» (Спицын 1910: 78–79).

Особых трудностей выявление источника подобной методики не возникает. Именно такими квадратами-кессонами, именуемыми «отсеками», с 1902 г. раскапывал Ольвию Б. В. Фармаковский. Во время своих греческой и европейской стажировок он собрал все самое лучшее, чего достигла передовая археологическая мысль в полевой методике раскопок, и стал активно вводить новые практики в России, в частности, в киевских исследованиях, подробно проинструктировав перед этим Д. В. Милеева. С 1899 г. эта методика применялась Артуром Эвансом при раскопках Кносса. Впоследствии этот метод (grid system) широко применялся в Европе: в Польше его пропагандировал В. Голубович, а в середине XX в. он стал особенно популярен в Великобритании и известен там как метод М. Уиллера—К. Кенион (Клейн 2001: 73). Только полное и тщательное изучение культурного слоя, которое обеспечивала «кессонная методика», позволяло избавиться от порочного «монографического» метода раскопок, как в античной, так и в средневековой городской археологии, при котором внимание уделялось лишь конкретному архитектурному объекту (Блаватский 1967: 73).

Из сводного плана раскопок Д. В. Милеева видно, что последовательность работ четко планировалась и была подчинена строгой сетке раскопов. То же самое можно сказать и о раскопках в других частях Старокиевской горы. Известно, что С. П. Вельмин применял ту же методику в собственных раскопках 1913 г.: «...по фронту Ирининской улицы, между усадьбой г. Белянкина и угловым домом, где помещаются училище и типография, и на границе между

Сводный план раскопок Д. В. Милеева 1908–1914 гг. (ср.: Козюба 2005; РА, Р-1, д. 32)

Раскопки П. П. Покрышкиным церкви Спаса на Берестове. 1914 г. (ФА, П 31594)

усадьбами 31 и 34, где сохранились остатки земляного вала. Одновременно в каждом районе работ роятся 16–20 ям, каждая 5 × 2,5 м» (Известия ИАК. Приб. к вып. 50. 1913: 106). По фотофиксации П. П. Покрышкина 1914 г. можно судить, что при раскопках апсидной части церкви Спаса на Берестове применялась та же кессонная методика, что и на усадьбе Десятинной церкви и других объектах (ФА, I 84511–84520).

Сведения о стоимости работ сообщает сам Д. В. Милеев в письме П. П. Покрышкину:

«...оказывается раскопка у нас занимает в год всего площадь около 600 кв. м, на глубину от 3 м до 8 м (причем глубокой площади было немного). Среднюю глубину можно считать 4 метра, тогда выходит, что в год на 2000 рублей можно раскопать около 2400 куб. метров, в эту сумму входит содержание помощника, затем составление описи, промывка предметов и их упаковка, а также отвозка земли и снова засыпка раскопки, причем надо принять в соображение сложность раскопки, когда пришлось иметь дело с целым рядом погребений, расчистка которых занимает много времени и сил. Думаю, что можно сделать раскопку по оценке: 2 куб. метра стоит 1 рубль, или 1 куб. сажень раскопки стоит 4 рубля» (РА, ф. 21, д. 207, л. 9).

Начав раскопки в 1908 г., Д. В. Милеев ограничился лишь 4 рабочими, позже это количество было увеличено: «Ввиду необходимости вести раскопки с большей тщательностью и перебирать каждый комок земли, Б. В. Фармаковский решил больше 15 землекопов на работы не ставить, так как при большем числе рабочих было бы затруднено руководство и ближайшее наблюдение за работами» (Известия ИАК. Приб. к вып. 27. 1908: 53). О тщательности разборки культурного слоя свидетельствует множество упоминаний современников: «Раскопки велись столь осторожно и тщательно, что на фотографиях, снимаемых в разное время с одного и того же места, можно ясно видеть всю последовательность наслоений и остатков от построек различных эпох, а равно и приемы подготовки почвы для фундаментов этих построек, стен которых не сохранилось вовсе» (Протокол заседания 1913: 290).

Тщательностью и скрупулезностью отличалась и работа с находками: «Запись и разборка производятся по траншеям, затем по слоям земли, в которых древности обнаруживаются: каждой траншее и слою соответствуют особые билетки, по номерам которых древности раскладываются и затем подвергаются тщательному осмотру» (Известия ИАК. Приб. к вып. 27. 1908: 50). Для находок не делалось исключений: «Из раскопок кругом Десятинной церкви были доставлены решительно все находки, не исключая малейших черепков, обломков стекла, камешков, костей животных, куски штукатурки» (Спицын 1910: 117). Передовые методические установки на сбор и каталогизацию всех находок, авторство которых чаще всего приписывают А. Питт-Риверсу, были воплощены в Российской империи в начале XX в. в полной мере. Например, коллекция керамики, собранная в 1908–1910 гг., включала в себя даже неорнаментированные фрагменты стенок сосудов и поздние материалы XVII–XVIII вв. На раскопе велась постоянная полевая опись находок с использованием печати и синего химического чернильного карандаша (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 6). К сожалению, ни одна из описей Д. В. Милеева до сих пор не найдена.

«Особые архитектурные интересы» Д. В. Милеева и знакомство с реставрационным делом обусловили и его интерес к обнаруженным при раскопках строительным материалам. Газеты отмечали, что «в усадьбе Десятинной церкви идет разборка и сортировка по эпохам древнего кирпича, добытого в прошлые годы во время раскопок из рвов и фундаментов древней церкви. Образцы кирпичей, по эпохам, будут отосланы для изучения в Петербург, в Императорскую Археологическую Комиссию», (Известия ИАК. Приб. к вып. 44. 1912: 96). В дневниках Д. В. Милеева есть и табличка со сравнительным анализом характеристик размеров древнего кирпича. Очевидно, что Д. В. Милеев перенял опыт П. П. Покрышкина, который

при раскопках церкви свт. Василия Великого в Овруче вел записи, где фиксировались результаты исследований строительных растворов и формовки плит (Медникова 1995: 305).

В 1910 г. был построен специальный сарай для первичной камеральной обработки находок: «Опись теперь оборудована с большими удобствами и ведется интенсивно с параллельной разборкой по слоям, т. е. то, что у нас делалось потом в Петербурге» (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 31–32). После первого сезона 1908 г. в Петербург железной дорогой отправилось 20 ящиков находок, в 1909 г. — 10 тысяч предметов по описи в 14 ящиках (Там же, л. 7–8) и 5 ящиков из раскопок на Митрополитанской усадьбе. Наиболее ценные вещи были застрахованы.

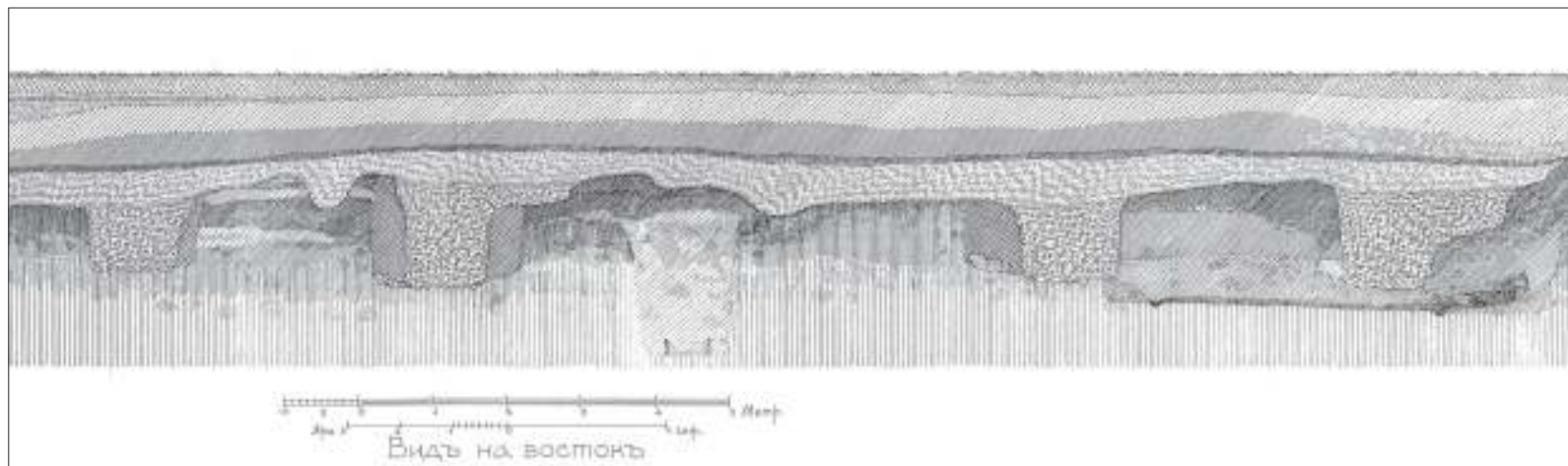
Некоторые известия свидетельствуют о том, что предпринимались попытки химических анализов находок (Известия ИАК. Приб. к вып. 56. 1914: 93). Для анализа антропологического материала приглашались, правда, эпизодически, эксперты-анатомы. К отчету за 1908 г., например, было сделано специальное приложение с подробным описанием костных останков женского погребения в шиферном саркофаге у северной стены храма (киевские газеты немедленно после открытия окрестили его «гробницей княгини Ольги») (Отчет ИАК за 1908 г. 1912: 193–195).

Одной из отличительных сторон методики киевских раскопок Д. В. Милеева является подробнейшая графическая фиксация. Газеты того времени отразили предельное внимание к обмерам раскопок (Известия ИАК. Приб. к вып. 27. 1908: 49). До последнего времени исследователи не представляли, какой огромный массив полевой графической фиксации был выполнен в ходе киевских раскопок. Каждый из четырех вертикальных обмеров (профилей «ям») и горизонтальные обмеры на определенных высотах зарисовывались в виде крок в специальные тетради, которые были не так давно обнаружены в Киеве и частично обработаны в последнее время В. К. Козюбой (Грибанова 1996; Козюба 2005). К чертежам делались многочисленные выноски с пояснениями, характеристиками напластований и находок, размерами строительных материалов. Кроки выполнялись самим Д. В. Милеевым, а в его отсутствие — помощником и учеником С. П. Вельминым.

На докладе Д. В. Милеева в РАО 28 февраля 1909 г. Б. В. Фармаковский констатировал «ту необычайную, можно сказать небывалую еще у нас, тщательность и точность, с которой докладчик вел порученные ему раскопки, зарисовывая и фотографируя малейшие детали наслоений почвы и остатков постройки; столь тщательное отношение его к мелочам, которые были бы многими оставлены без внимания, увенчались должным успехом: чертежи Д. В. Милеева, не нашедшего уже никаких остатков стен и лишь в немногих местах обнаружившего части фундаментов, исправляют тем не менее и значительно дополняют чертежи, описания и заключения прежних исследователей, пред которыми стояли еще местами стены Десятинной церкви» (Протокол заседания 1913: 293).

Д. В. Милеев прекрасно осознавал необходимость получения наиболее полной картины древних наслоений усадьбы Десятинной церкви. 22 мая 1909 г. он пишет Б. В. Фармаковскому: «Также прошу Вас, нельзя ли переслать в Киев все чертежи по раскопкам Десятинной церкви 1908 г. Мне необходимо на месте раскопок дальнейшее присоединение на тех же листах», а 25 августа 1909 г.: «Стремился непременно исследовать весь юго-восточный угол Десятинной усадьбы, чтобы получились цельные чертежи» (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 7–10).

Впоследствии в камеральных условиях кроки подвергались перерисовке тушью на ватмане, в масштабе 1:50. Отдельные профили «ям»-отсеков сводились в сплошные профили по всей длине раскопа, так же составлялись сводные планы из отдельных планов отсеков, зарисованных на определенных глубинах. На чертежи наносились линия нивелира (на

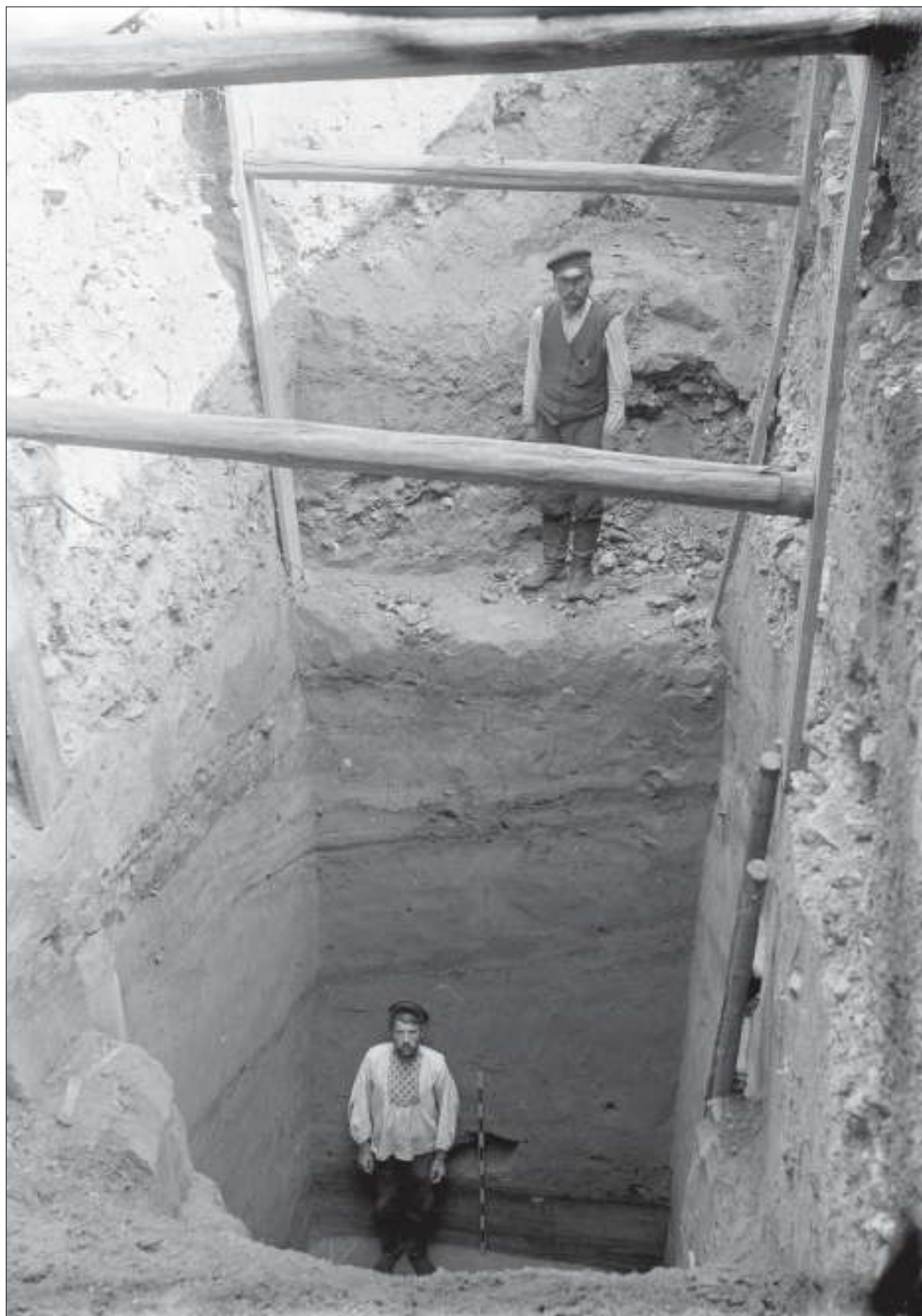
Восточный фасад восточной траншеи 1908 г. Поперечный разрез фундаментных рвов восточной части Десятинной церкви, погребения № 1 (№ 122, по М. К. Каргеру) и сруба под южной апсидой (РА, Р-1, д. 32, л. 11)

Начало раскопок Д. В. Милеева на усадьбе Десятинной церкви.
Восточная траншея. 1908 г. (ФА, II 85860)

усадьбе Десятинной церкви за нее был принят обрез цоколя храма XIX в., на плане раскопок С. П. Вельмина на усадьбе Крестьянского Поземельного банка в марте 1911 г. обозначена «точка нивелира») (РА, Р-1, д. 138, л. 893), границы квадратов, двойной линейный масштаб (в метрах и сажнях). Условные обозначения соответствовали цветовым характеристикам культурных напластований. Большую часть чертежей Д. В. Милеев и его помощники обрабатывали в зимнее время в Костроме, параллельно с реставрационной деятельностью (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 35–37 об.). Зимой 1913/14 г. Д. В. Милеев закончил, по выражению П. П. Покрышкина, «колоссальную работу по исполнению чертежей к раскопкам второй и третьей киевских археологических кампаний», и чертежи вместе с находками из раскопок были представлены императору на выставке в Эрмитаже» (1887 г., д. 9, л. 107). Часть этих неопубликованных чертежей хранится в рукописном архиве ИИМК РАН (РА, Р-1, д. 32).

Особое внимание Д. В. Милеев уделял фотофиксации полевых работ, которую производил сам. Раскопы-«ямы» сфотографированы на разных этапах раскрытия с разных сторон, крупно сфотографированы архитектурные и стратиграфические детали, в некоторых особо важных местах (при разборке субструкций апсид древнего храма) фотоснимки производились после снятия каждого очередного слоя (ФА, О. 2873–О. 2877 и др.). При расчистке шиферного резного саркофага у северной стены храма Д. В. Милеев «по мере очищения гробницы от земли производил фотографические снимки с саркофага» (Известия ИАК. Приб. к вып. 31. 1909: 73). При раскопках на Митрополитанской усадьбе в 1910 г. была применена стереофото съемка (ФА, О. 2426), которая использовалась на раскопках Б. В. Фармаковского с 1904 г. На Д. В. Милеева определенно оказал влияние старший учитель — П. П. Покрышкин, придававший огромное значение фотофиксации в деле реставрации памятников архитектуры (Медникова 1995; Медведева 2004: 383).

Раскопки рва городища. 1912 г. (ФА, II 86051)

Раскопки Десятинной церкви, проведенные ААЭ ИА НАНУ в 2005–2006 гг. и повторно раскрывшие кессоны 1908–1909 гг., обнаружили неожиданно дальновидную методику, примененную Д. В. Милеевым при консервации раскопов. По трассам фундаментов, от которых порой сохранилось лишь несколько сантиметров рыхлого слоя строительного раствора, были насыпаны валики «сигнального» слоя — ярко-желтого материкового лесса, и только потом произведена засыпка мешаным гумусированным грунтом. Идеально вертикально защищенные тонкие «гребешки» в некоторых случаях вообще оставались неразобранными, в других — разобраны не до конца. Вопреки собственному описанию методики в некоторых местах небольшие участки однородного культурного слоя не добирались до материка, а были сознательно оставлены, что позволило археологам XXI в. верифицировать стратиграфические наблюдения Д. В. Милеева.

Сохранились свидетельства того, что уже Д. В. Милеев осознавал необходимость музеефикации открытых раскопками объектов. В письме Б. В. Фармаковскому от 8 октября 1910 г. он пишет об открытых остатках храма на Митрополитанской усадьбе: «Нельзя ли поднять вопрос в Комиссии о сохранении этой церкви как памятника старины. Я полагаю бы возможным сохранившиеся части фундаментов оставить открытыми, разрушенные части нанести на современной поверхности земли в виде бетонных дорожек, которые ясно показывали бы план всей церкви» (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 31). В 1911 г. близкие меры были предприняты по отношению к исследованным фундаментам Десятинной церкви: «Представителями Археологической Комиссии приняты меры к тому, чтобы сделать возможным обозрение всех результатов раскопок за последние 4 года. Для этого весь исследованный план апсид и северо-восточного угла древней церкви нанесен на поверхность земли, в виде каменных полукружий,

«Реконструкция» апсидной части Десятинной церкви. 1911 г. (ФА, II 33359)

а место престола отмечено в вид квадрата, с красным крестом посередине. Кроме того, снова открыты найденные в прошлые годы и исследованные тогда 3 шиферные гробницы (1 орнаментированная и 2 простые), открытые у восточного придела древней церкви. Для удобства обозрения во дворе усадьбы сооружена возвышенная площадка, с которой открывается вид на все место раскопок» (Известия ИАК. Приб. к вып. 44. 1912: 98). В дальнейшем Д. В. Милеев предполагал устройство склепа над резным саркофагом и подземного хода к нему, а также заливку известью трассировок фундаментов.

Подтверждая данную А. А. Спицыным высокую оценку полевой методике и научному энтузиазму Д. В. Милеева, П. П. Покрышкин так охарактеризовал исследователя:

«...он был первым русским архитектором, установившим научно, что должно не только расчищать от засыпей остатки зданий, но следует попутно „читать землю“. Его раскопки были именно таковы, что им нельзя бросить обычного упрека в бесследном уничтожении памятников древности и всего их окружающего. В многочисленных черновых тетрадах, в чистовых чертежах и в его удивительно красивых фотографических снимках сохранена полная картина всего того, что неизбежно уничтожается, но имеет значение при научном истолковании открытых остатков древности. Стало ясно, что только художник-архитектор в состоянии справиться с задачами архитектурной раскопки; методы Д. В. могут стать нарицательными. „Милеевские раскопки“ могут стать идеалом архитектурных раскопок в России...» (Покрышкин 1915а: 2).

IV

Раскопки ИАК в Киеве в первые два сезона происходили в обстановке крайнего недружелюбия со стороны местной общественности.² Воздух был наполнен интригами. Одной из причин этого была позиция ИАК по отношению к Киевским бюрократии и краеведческому сообществу. С марта по декабрь 1908 г. шла борьба за передачу финансирования, выделяемого Государственным Казначейством киевской комиссии для разбора и печатания древних актов, состоявшей при киевском генерал-губернаторе, в ведение ИАК. Эта статья финансирования суммой в 429 руб. в год предназначалась для открытия древностей в Киеве, но к 1908 г. уже давно подвергалась нецелевому расходованию, что и послужило поводом для обширной переписки руководства ИАК и соответствующих инстанций (1908 г., д. 30, л. 16–17, 21–22, 28, 53–54, 87). В итоге ИАК удалось добиться своего — с 1909 г. эта сумма передавалась из Киевской комиссии на нужды экспедиции ИАК (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 9–10).

Другой причиной были взаимоотношения между учеными кругами. В июне–августе 1908 г., параллельно с раскопками ИАК на усадьбе Десятинной церкви, на соседней усадьбе М. М. Петровского продолжал вести раскопки В. В. Хвойко, исследовавший вал древнего городища. Скорее всего, это были неверно интерпретированные укрепления XVII в. (Козюба 2008: 249) Самым ярким открытием этого года стала каменная конструкция в виде неправильного круга с четырьмя выступами, интерпретированная им как языческое капище (Хвойко 1913: 66; Клейн 2004: 165–170).

Полевая методика раскопок В. В. Хвойко отражала уровень развития киевской археологии в то время. Даже М. К. Каргер, не будучи знакомым с дневниковыми записями и чертежами

² Исключением был, видимо, настоятель Десятинной церкви — П. Д. Вельмин. Судя по некоторым данным, он сам проявлял большой интерес к открытию древностей. Тот факт, что на протяжении работ ИАК на усадьбе церкви находки хранились в помещении храма, а непосредственное и активное участие в раскопках принимал сын настоятеля С. П. Вельмин, указывает на расположение духовенства к петербургским ученым (1908 г., д. 30, л. 24, 98).

Д. В. Милеева, отмечал, что «по сравнению с раскопками Д. В. Милеева почти одновременные работы В. В. Хвойки поражают наивным дилетантизмом» (Каргер 1958: 56). Еще по итогам первого года раскопок В. В. Латышев в ответе МАО вынес строгий вердикт раскопкам на усадьбе Петровского: «Раскопки, проведенные в 1907 г. В. В. Хвойко в усадьбе Петровского в Киеве, признаются интересными, но преждевременными... Результатом работ г. Хвойко было уничтожение навсегда самого важного из открытых им памятников — фресок» (1887 г., д. 69, л. 510).

Действительно, раскопки В. В. Хвойко 1907–1908 гг. с трудом можно назвать систематическими. Опубликованный план его шурфов и траншей (Килиевич 1982: 18) свидетельствует скорее о хаотичности исследований, хотя в некоторой степени это было обусловлено стесненными обстоятельствами раскопок в фруктовом саду. В. В. Хвойко из самых лучших побуждений стремился пополнить коллекцию своего детища — археологического отделения Киевского городского музея. Граф А. А. Бобринской по поводу раскопок В. В. Хвойки в 1908 г. писал: «В интересах науки, быть может, лучше было бы не копать вовсе, чем копать ямами, т. е. так, как наука не одобряет... ..современная наука требует от таких лиц детального знания техники производства археологических раскопок, иначе замечательные памятники часто будут (как это и случилось, к глубокому сожалению, минувшим летом в Киеве) безвозвратно гибнуть» (1908 г., д. 30, л. 9–10). Граф, неоднократно осматривавший киевские раскопки, оценивал в 1908 г. работу В. В. Хвойко более чем негативно: «Хвойка, по-прежнему, разбрасывается и сюда и туда. У него масса интересного, которое наполовину обнаружено и изгажено такими дилетантскими раскопками» (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 17, л. 12–13). Письмо В. В. Хвойко Н. П. Кондакову от 1 марта 1908 г. свидетельствует о депаспортизации некоторых находок уже на следующий год после раскопок: «Выслал... образцы своеобразных фресок, на которые было Вами обращено особенное внимание (*может быть, что они из дворца Мстислава*)» (СПбПФА РАН, ф. 115, оп. 4, д. 456 л. 6–6 об.).

В то же время В. В. Хвойко пользовался покровительством Московского археологического общества и Н. П. Кондакова, с которым поддерживал переписку. Отстранение В. В. Хвойко, представителя киевской интеллигенции, от организации государственных раскопок в Киеве воспринималось киевскими археологами с большим недружелюбием и обидой. Б. В. Фармаковский писал: «Еду в Ольвию с радостью после пребывания в Киеве, где все настроены против Комиссии. Под „все“ разумею здешних главных и второстепенных „археологов“. Линниченко письменно грозит графу начать против Комиссии кампанию в печати, потому что, по его мнению, деятельность К<омиссии> „направлена во вред для киевской археологии“. Я просил графа ответить Л-у в том смысле, что было бы важно видать его выражения напечатанными. В письме его нет ничего, кроме чувства уязвленности личного самолюбия» (1908 г., д. 30, л. 56). За лето 1908 г. в газете «Киевлянин» несколько раз появлялись большие провокационные статьи А. Савенко, очерняющие деятельность ИАК. Графу А. А. Бобринскому приходилось лично решать вопрос престижа Комиссии: «...немало изумила заметка Савенко в „Киевлянине“, где так нагло прошелся против нас. Как раз в это время в Киеве был граф. На заметку граф ответил, я написал также (граф проредактировал). Редактор „Киевлянина“, конечно, очень извинялся, говорил, что это дело Уваровой» (из письма Д. В. Милеева Б. В. Фармаковскому, 27 августа 1908 г.) (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 15–16).

Давний конкурент ИАК, графиня П. С. Уварова, пыталась использовать сложившуюся ситуацию для нагнетания конфликта, активно используя газеты и XIV Археологический съезд, проведенный Обществом в августе 1908 г. в Чернигове. А. А. Бобринской доверительно

писал Б. В. Фармаковскому: «...на съезде, как и Вы, предвижу травлю комиссии на либеральном заигрывании...»; «Как Вы скажете: не поехать ли и мне с Вами в Чернигов или опасно? <...> Напишите откровенно, если мне лучше не ехать к волкам?» (Там же, д. 17, л. 12–14). На Археологическом съезде в Чернигове был прочтен доклад «О раскопках В. В. Хвойко в Киеве, у Десятиной церкви», подводивший итог исследованиям 1907–1908 гг. Собравшиеся выразили благодарность В. В. Хвойко, и съезд постановил обратиться к его императорскому величеству с ходатайством о приобретении в казну усадьбы Петровского с целью продолжения раскопок, которое планировалось передать в заведование Хвойко, «работы которого, веденные с такой опытностью и тщательностью, дали такой блестящий результат» (Труды 1911: 68–69). Впоследствии вопрос о приобретении усадьбы М. М. Петровского дважды, в 1911 и 1913 гг., выносился на обсуждение Государственной думы, но в итоге завершился ничем. Повлияло на это и заключение ИАК. А. А. Бобринской в ответ на запрос Думы о степени необходимости приобретения усадьбы ответил, что этот вопрос «подлежит отклонению» (Корзухина 1956: 319).

Зная отношение графа к работам В. В. Хвойко, можно предполагать, что подобное заключение было вынесено не из-за незнания ситуации или непонимания ценности усадьбы и ее археологического наследия, а исключительно из тех же соображений, что «лучше было бы не копать вовсе, чем копать ямами». Это мнение разделяли в Комиссии: еще в 1908 г. в официальном ответе на запрос из Императорского Московского археологического общества о позиции ИАК по вопросу об усадьбе Петровского В. В. Латышев отмечал: «Комиссия, для которой широко и научно поставленные раскопки на площади старого Киева давно составляют предмет горячих желаний, весьма сожалеет, что она, по существующим узаконениям, лишена права запрета раскопок на землях частных владельцев, которым воспользоваться она сочла бы непременно своею обязанностью по отношению ко всем владельцам усадеб в черте старого Киева, пока не будут изысканы средства на раскопки в довольных размерах» (1887 г., д. 69, л. 510 об.).

Обида на ИАК прослеживается и в последующей оценке этого конфликта украинскими археологами (Бахмат 1964). В статье М. Ю. Брайчевского В. В. Хвойко выступает чуть ли не героем: «Лето 1908 г. было последним сезоном для Хвойки в Киеве: не видя возможности тягаться со всемогущей комиссией, с подорванным здоровьем, он оставил борьбу и перебазировался в Белгородку. ИАК избавилась от опасного соперника и конкурента» (Брайчевский 1989: 137). Приведенные выше высказывания о методике раскопок В. В. Хвойко из личной переписки специалистов ИАК скорее подтверждают мнение Г. С. Лебедева, объективно оценившего смысл этого противостояния. В столкновении 38-летнего Фармаковского и 58-летнего Хвойко предшествующая историография видела «прежде всего давление столичной аристократии и бюрократического аппарата на демократическую общественность». Однако, согласно предлагаемому Г. С. Лебедевым подходу, «вряд ли можно упрекнуть в аристократическом высокомерии Б. В. Фармаковского, сына вятских учителей; скорее уж его требовательность определялась высокой научной квалификацией, достигнутой прежде всего собственными усилиями» (Лебедев 1992: 262).

В 1909 г., так и не добившись средств на раскопки в усадьбе М. М. Петровского, В. В. Хвойко оставил намерение работать в Киеве и после длительной переписки с ИАК все-таки добился выдачи ему Открытого листа на разведки в Киевском уезде. Уже в июле–августе 1909 г. при содействии Киевского отдела Императорского Военно-исторического общества он проводит «разведочные» работы в селе Белгородке на Ирпене — древнерусском Белгороде, обнаружив целый ряд объектов, относящихся к древнерусскому времени (Известия

ИАК. Приб. к вып. 34. 1910: 179–187; Латуха 1991). Методический уровень этих работ характеризует заключение на отчет, выполненное П. П. Покрышкиным: «По личному сознанию автора, раскопки проведены тщательно. Однако отсутствие достаточного количества фотографических снимков, а главное, чертежей делает результаты раскопок несерьезными. Например, несмотря на усилия автора описать культурные слои и расположение упавших стен, представить их без чертежа невозможно. Генеральный план и другие рисунки сделаны на глаз, что, конечно, никого удовлетворить не может» (1909, д. 96, л. 10–11). Тем не менее летом 1910 г., судя по упоминаниям в письмах А. А. Бобринского, между ИАК и В. В. Хвойко наступило перемирие: «...Хвойко спокоен. Инцидент улажен. Все же я остаюсь в некоторой степени почитателем Хвойко. Видели Вы его 4 витрины с белгородскими находками? Это, несомненно, представляет огромный интерес и так скептически к нему относиться, как это делает А. А. <Спицын> — несправедливо. Да и весь музей — ведь это прелестное провинциальное творение» (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 17, л. 24). Граф также писал: «Был в Белгородке и восхищался работой Хвойко. Она очень интересная, и он выражает полное феодальное подчинение сюзеренитету АК. Накануне моего посещения были там Покрышкин и Милеев. Оба сполна удовлетворены и в этой области установлен мир. <...> Вообще в Киеве авторитет Комиссии крепнет» (Там же, л. 27). Когда в 1909 г. разразился очередной археологический скандал, и ИАК пришлось останавливать несанкционированные раскопки, которые проводились у церкви Спаса на Берестове, журналист «Киевлянина» А. Савенко выступал уже на стороне Комиссии (Ситкарьюва 2001: 216). В результате налаживания отношений Комиссия была согласна поручить В. В. Хвойко раскопки курганов близ Искоростеня, результаты которых предназначались для высочайшего обозрения в 1911 г. (*смотри главу VI*).

От раскопок В. В. Хвойко до нас дошли редкие фотографии и эскизные зарисовки. Полевые дневники В. В. Хвойко были вывезены за рубеж и пока неизвестны науке, кроме выписок, сделанных А. А. Спицыным (Корзухина 1956). Известно, что зарисовка стратиграфических разрезов им не применялась. Исследователя интересовали яркие объекты, на основе которых он строил свою «историю» поселения. По мнению Л. А. Беляева, «открытие В. В. Хвойкой монументальных сооружений в Белгородке и Киеве было последним подарком уходящего века дилетантов вновь родившейся области науки — архитектурной археологии» (Беляев 2001: 462). Действительно, в подходе В. В. Хвойко отразились искусствоведческие корни молодой археологической науки, порожденные «винкельмановским подходом». Такой подход давал смелость обнаруживать новые памятники культуры, зачастую жертвуя самими памятниками. Но этот же подход позволял получить немедленные результаты, необходимые для популяризации как отдельных памятников, так и археологической науки в целом. На этом фоне строго научные, предельно осторожные и методичные раскопки ИАК, на первый взгляд, кажутся менее результативными. В действительности же они представляли значительный шаг вперед. Даже те остатки обширной документации киевских раскопок Комиссии, которые дошли до нас, позволяют гораздо более объективно судить об исследованных памятниках.

V

Разные источники указывают на то, что материалы раскопок первых трех лет, прекрасно отраженные в полевой документации и снабженные описями, были благополучно отправлены в ИАК в Петербург. Впоследствии судьба их, однако, сложилась весьма печально. После смерти Д. В. Милеева разборка материалов так и не была произведена. Часть вещевых коллекций из его раскопок 1910 и 1912 гг. была передана в 1925 г. в Средневековый и Византийский

отделы Эрмитажа. Большая часть находок осталась в подвалах РАИМК. Несколько десятков ящиков с материалами из раскопок на территории усадьбы Десятинной церкви были обнаружены в 1939 г. На них еще сохранялся полевой шифр, но описи уже были утрачены. Некоторые вещи удалось атрибутировать по описаниям комплексов (Каргер 1958: 174). В 1950-х гг. эти коллекции были переданы в Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа. Последняя партия находок из киевских раскопок были переданы в ОИРК ГЭ лишь в 1989 г.

Материалы раскопок 1911 и 1914 гг. ожидала другая судьба. В 1914 г. находки и документацию Д. В. Милеева, оставшуюся в Киеве, разобрал С. П. Вельмин (1908 г., д. 30, л. 88). В 1917 г. на деньги, выделенные ИАК, К. В. Шероцкий в Киевском Городском музее произвел разборку коллекций, добытых раскопками Д. В. Милеева и оставшихся по разным причинам в Киеве (Там же, л. 98; РА, ф. 21, д. 344, л. 2). Эти коллекции перешли в собственность Государственного исторического музея в Киеве, ныне Национальный музей истории Украины. К сожалению, впоследствии они оказались перепутаны с находками из раскопок В. В. Хвойко 1907–1908 гг. (Архипова 1996: 55).

Огромная коллекция фрагментов фресковых росписей, собранная в ходе раскопок Д. В. Милеева, также оказалась разрознена между Киевом и Петербургом. Оставшиеся в ГАИМК части собрания фресок в разные годы (1930, 1949 гг.) были переданы в разные отделы Государственного Эрмитажа. Часть этих фрагментов в начале 1920-х гг. обрабатывалась и копировалась сотрудниками Разряда русского искусства ГАИМК под руководством А. И. Кудрявцева, но результаты исследования не были опубликованы (Пивоварова 2004а).

В результате коллекции вещевых находок, строительных материалов и фрагментов стеновой живописи из киевских раскопок В. В. Хвойко и Д. В. Милеева 1908–1914 гг. оказались депаспортизированы и рассредоточены по музейным собраниям. Некоторые из коллекций последний раз обрабатывались в 1914 г. В недавней коллективной монографии, посвященной Десятинной церкви, была опубликована только часть коллекций из раскопок В. В. Хвойко и Д. В. Милеева, хранящихся в НМИУ и ОИРК ГЭ (Церква Богородиці 1996: 111–204).

Аналогичная судьба постигла и документацию раскопок. В 1914 г. разборкой полевой документации последних лет раскопок занимался С. П. Вельмин (Грибанова 1996: 27). Среди найденных недавно в архиве ИИМК РАН материалов есть и заготовки чистовых сводных чертежей раскопа к северу от храма 1912–1914 гг. По какой-то причине работы эти были прекращены. Известно, что к 1918 г. Комиссия еще не получила отчетов за 1913–1914 гг. «вследствие отъезда С. П. Вельмина в действующую армию», откуда ему не суждено было вернуться (Отчет ИАК за 1913–1915 гг. 1918: 168). Сводные чертежи к отчету ИАК, изданному в 1918 г., были выполнены сотрудником ИАК, ее регистратором Н. В. Суходольским (РА, ф. 21, д. 344, л. 1).

Лучше сохранилась полевая графическая фиксация раскопок Д. В. Милеева, но только та, которая касалась раскопок на усадьбе Десятинной церкви. Тетради с полевыми чертежами 1908–1911 гг. остались в Киеве и ныне хранятся в личном фонде К. В. Шероцкого в Институте рукописи библиотеки им. В. Вернадского в Киеве. Они стали известны научной общественности лишь в 1995 г., а первая подробная публикация появилась десять лет спустя (Козюба 2005).

В конце 1930-х гг. М. К. Каргер специально занимался поиском и обработкой материалов раскопок Д. В. Милеева. Однако в итоговой публикации исследователь констатировал полную утерю графической документации: «В архиве Археологической Комиссии удалось найти лишь... часть не вполне законченных чертежей» (Каргер 1961: 20). Нет сомнений, что имелись в виду черновые и перебеленные чертежи раскопок 1908–1909, 1912 и 1914 гг., которые

хранятся в архиве ИИМК РАН (РА, Р-1, д. 32). Это сведенные планы и стратиграфические профили по всем раскопам, открытым в указанные годы, всего более 60 листов. Удивительно, что чертежи не подверглись обработке и совершенно не использовались М. К. Каргером при дальнейшем исследовании, за исключением одного сводного плана и двух профилей траншеи 1908 г. (Каргер 1958: рис. 8, 24). Небезынтересно отметить, что в инвентарной книге архива сводный план значится как отсутствующий с 1938 г. На другом сводном плане раскопок Старокиевской горы 1898–1939 гг., составленном Г. Ф. Корзухиной (Михайлов, Елшин 2004), также не показан большой раскоп 1912–1914 гг. к северу от Десятинной церкви, полевые планы и профили которого в полном составе представлены в вышеописанном массиве документов.

Огромный массив фотофиксации киевских раскопок — негативы на стеклянных пластинках — сохранился в фотоархиве ИИМК РАН. При подготовке к печати исследования М. К. Каргера о Десятинной церкви (Каргер 1950: 46–140) большая часть этих негативов была отпечатана и проаннотирована. Сопоставление этих отпечатков с известными ныне дневниковыми материалами и чертежами Д. В. Милеева позволяет успешно атрибутировать как первые, так и вторые. Некоторая часть негативов раскопок Д. В. Милеева осталась в Киеве и требует дальнейших поисков (Каргер 1961: 20).

К сожалению, точно неизвестно, существовали ли дневники Д. В. Милеева в собственном смысле этого слова, описывавшие ежедневный ход предпринятых им раскопок. Практика археологических исследований членов Комиссии и исключительная тщательность и подробность тех отчетных материалов Д. В. Милеева, которые были опубликованы в «Отчетах» ИАК, позволяют предполагать, что текстовые дневники все же существовали. К сожалению, никаких следов их пока не обнаружено.

Необходимо отметить, что документация раскопок Д. В. Милеева сохранилась лучше, чем добытый в процессе полевых исследований вещевой материал. Однако работа по исследованию этой документации сейчас еще только начинается. Даже ее первичная обработка в свете новых проблем, поставленных в процессе раскопок последних лет, позволила по-новому взглянуть на некоторые особенно важные вопросы средневековой истории, археологии и архитектуры Киева (Реутов 1996; Козюба 2004; 2005; Елшин 2007; 2008).

В рамках советской идеологической парадигмы ученым-археологам в своих программных трудах приходилось доказывать, что именно после октябрьского переворота и внедрения марксизма в археологию произошли коренные изменения в научной деятельности, разумеется, в лучшую сторону, особенно в изучении археологии древнерусского города. Порой это доказательство достигалось за счет сознательного принижения роли дореволюционных археологических учреждений, детищ «буржуазно-монархического» строя. Так, М. И. Артамонов писал: «В царской России некоторое движение в сторону новой методики раскопок наблюдается со значительным запозданием по сравнению с передовыми странами Запада... Многолетние исследования Б. В. Фармаковского в Ольвии сыграли крупную роль в перенесении в Россию методики, выработанной западной наукой для раскопки античных городов. И именно здесь со всей яркостью сказалось все ее несовершенство, заключающееся в подходе к архитектурным остаткам как к цели раскопочных работ. Смысл раскопок ограничивался расчисткой этих остатков для последующего изучения в качестве памятников архитектуры. Что же касается изучения их в слое, в тесной связи со всем его составом, то этого в Ольвии не было и быть не могло» (Артамонов 1935: 163). М. Ю. Брайтчевский считал, что «объектом исследований ИАК в Киеве были, в основном, памятники двух категорий: остатки каменных построек, которые несложно было расчистить от культурных наслоений, и погребения, методика

раскопок которых была разработана достаточно основательно» (Брайчевский 1989: 135). Несколькими иначе высказывал свою негативную оценку и Н. Н. Воронин: «Дореволюционная археология не была, по сути дела, исторической дисциплиной. Точно отвечая своему названию, это была наука о древностях, о древних вещах, „вещеведение”. Связанная своим положением при царском дворе, „Императорская археологическая комиссия” — центральное археологическое учреждение России — определяла и поддерживала это направление» (Воронин 1948: 25).

Пришло время пересмотреть эти утверждения. Методика дореволюционных раскопок ИАК в Киеве несомненно вбирала в себя все передовые на тот момент теоретические и практические установки специалистов-археологов, выразившиеся в принципах послойного стратиграфического изучения культурного слоя, полноте исследования и реконструкции исторического развития памятника. Процедура фиксации всего процесса археологических исследований и находок в основных своих чертах отвечала подходам и требованиям, практикуемым и сейчас.

В ходе раскопок памятников древнего Киева, предпринятых Императорской Археологической Комиссией в 1908–1914 гг., российские археологи, пожалуй, впервые провели подлинно научное исследование культурного слоя средневекового города. Отличительной чертой памятника являлась сильная поврежденность слоя многочисленными разновременными перекопами. Однако именно здесь была отработана и могла получить дальнейшее развитие скрупулезная методика изучения городских культурных напластований, основанная на принципе их полного систематического вскрытия и пристальном внимании к стратиграфии памятника.³

Системность исследований позволила специалистам Комиссии сделать такие важные открытия, как обнаружение рва древнейшего городища и могильника, относящихся ко времени до строительства Десятинной церкви. Эти открытия полностью изменили представление о топографии Старокиевской горы в период до конца X в. и до сих пор служат ключевыми моментами при создании концепций формирования древнего Киева. Исследование монументальных сооружений, сохранившихся исключительно в виде ничтожных фрагментов и следов фундаментов, впервые позволило говорить о целом ансамбле культовых и гражданских построек, возведенных по инициативе князя Владимира Святославича в конце X в. Изучение той части фундаментов Десятинной церкви, которые сохранились хуже всего, тем не менее позволило выяснить ряд важных архитектурных и строительно-технических особенностей храма, высказать гипотезы об этапах его строительства. Чрезвычайно информативным оказалось изучение памятника монументальной архитектуры в комплексе с

³ Практически одновременно с киевскими раскопками ИАК на другом краю Древней Руси, на Земляном городище в Старой Ладого, проводил раскопки член-сотрудник РАО, во многом в своей деятельности связанный с Императорской Археологической Комиссией — Н. И. Репников, уже известный до этого раскопками античных и средневековых памятников Крыма. В 1909–1910 гг. в Ладого были проведены разведочные работы, а в 1911–1913 гг. было вскрыто 780 кв. м культурного слоя мощностью до 3 м. В силу особенностей культурных напластований и сохранившихся остатков деревянной застройки кессонный метод был здесь нецелесообразен и неприменим. При раскопках городища был использован иной метод — раскопки широкой площадью (раскопы 1911–1913 гг. имели размеры 12 × 18 и 15 × 15 м), при этом принципы послойного вскрытия и точной фиксации находок по слоям были соблюдены особенно тщательно, что отмечалось как самим автором, так и современниками (Репников 1948: 36). Несмотря на сравнительно небольшую площадь раскопок Н. И. Репникова в Старой Ладого, их методическая организация позволяет считать, что именно здесь «впервые в славяно-русской археологии на широкой площади, систематично, с полным раскрытием построек, фиксацией планиграфии и стратиграфии всех видов находок был исследован культурный слой древнерусского города» (Лебедев 1992: 359). Материалы этих раскопок, к сожалению, постигла судьба, близкая киевским: часть находок была депаспортизирована еще до октябрьского переворота, чертежи не были опубликованы, полевая документация была разрознена и частично утрачена.

окружающими его археологическими объектами. Некоторые из таких объектов, не введенные в научный оборот, были вскоре забыты и заново открыты только много лет спустя.⁴

Не все из этих гипотез получили подтверждение. Так, версия о пристройке галерей храма, произведенной позднее, возникла еще в ходе раскопок 1908 г. Так, в газетном известии, перепечатанном в «Известиях Археологической Комиссии», читаем следующее: «...<возможно> точно установить, что Владимиром была построена церковь небольших размеров (на трех апсидах). Другие ее части были пристроены значительно позже, при Ярославе, который, согласно летописным сказаниям, был этой постройкой занят в течение 30 лет». Обоснования этого вывода конкретизируются самим Д. В. Милеевым на докладе по итогам первого года раскопок, сделанном 28 февраля 1909 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии РАО:⁵ «Справа и слева к трехапсидной церкви примыкали широкие, до 6–8 аршин, помещения, пристроенные, как видно по сохранившимся признакам конструкции их, позднее, чем возведенная на ростверке церковь. От этих стен местами сохранился фундамент» (Протокол заседания 1913: 219), а также С. П. Вельминым в сообщении на собрании Киевского Отделения Императорского Военно-исторического общества в марте 1910 г.: «Техника же постройки боковых прямых частей церкви... показывает, что апсиды и боковые части сооружения были не в одно время: сначала была сооружена сравнительно небольшая церковь чисто византийского типа — имевшая три апсиды, затем, и вероятно очень скоро (может быть, лет через 25–30), к этой церкви были пристроены боковые, прямые части» (Вельмин 1910: 23–24).

Результаты археологических исследований 2005–2007 гг. показали, что Д. В. Милеев действительно имел основания разделять возведение центрального объема и галерей храма на разные строительные этапы на основании различий в технологии устройства фундаментов. Однако чрезвычайно важным является то, что эта рабочая гипотеза, определявшая важнейшие хронологические этапы постройки, не была введена в официальный опубликованный текст отчета (Отчет ИАК за 1908 г. 1912: 132–158). Из писем Д. В. Милеева ясно, что окончательный текст отчета о первом сезоне раскопок был подготовлен лишь в январе 1912 г. (Архив ГЭ, ф. 30, оп. 1, д. 118, л. 37–37 об.), т. е. значительно позже упомянутых докладов. Немаловажным является и то, что в 1911 г. Д. В. Милеевым был раскопан сохранившийся северо-западный угол храма, в котором отчетливо прослеживалась идентичная структура деревянных субструкций (см.: ФА, II 33337, II 33348–33359). Очевидно, что Д. В. Милеев отказался от раннего варианта интерпретации данных раскопок и предпочел более осторожный подход. М. К. Каргеру, который воспользовался рабочей версией Д. В. Милеева без прямой ссылки на автора, были известны перечисленные публикации, но он не предпринял необходимого анализа чрезвычайно важной археологической аргументации (Каргер 1950: 74, 77; Елшин 2007: 230).

Высокий уровень качества исследований ИАК значительно превосходил не только современные им раскопки В. В. Хвойко, но и раскопки древнего Киева, проведенные в 1930–1950-х гг. экспедицией ЛОИА под руководством М. К. Каргера, не оставившего ни одного стратиграфического разреза культурных напластований открытых им памятников. На фоне

⁴ Так, С. Р. Килиевич были вновь открыты кирпичеобжигательные печи из кирпича-сырца (исследованы Д. В. Милеевым в 1914 г.) (Килиевич 1979; Козюба 2005: 212), раскопками Г. Ю. Ивакина в 2007 г. была исследована уникальная сырцовая вымостка (Ивакин, Иоаннісян 2008: 202).

⁵ В обсуждении доклада Д. В. Милеева участвовал Д. В. Айналов, связавший с пристройкой Ярославом Мудрым галерей к храму Владимира известный отрывок из «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона. Впоследствии, однако, этот же отрывок Д. В. Айналов связывал с другим храмом, строительство которого, по его мнению, было также начато Владимиром — Софией Киевской (Айналов 1917: 35–36).

документации раскопок М. К. Каргера вовсе не таким уж и тривиальным кажется призыв Н. Н. Воронина к тщательной фиксации стратиграфических профилей, прозвучавший в 1951 г.: «...обязательно точнейшее изучение состава и характера примыкания к стенам здания культурного слоя, которое дает основания для весьма детального выяснения истории постройки и последующей жизни сооружения, а также позволяет установить точные границы отдельных зон внутри самого культурного слоя» (Воронин 1951: 156). Благодаря Н. Н. Воронину, ученику сотрудника ИАК К. К. Романова, тщательная фиксация стратиграфических профилей, разработанная в процессе исследований Археологической Комиссии, снова заняла подобающее ей место в современной практике архитектурно-археологических исследований.

Д. Д. Елшин

ГЛАВА XIII

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ: РЕСТАВРАЦИЯ И ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ

В 1918 г., в связи с реформой Археологической Комиссии и утверждением смет ее деятельности на текущий год, П. П. Покрышкин составил документ, озаглавленный «Обзор деятельности отдела монументальных памятников древности Российской Государственной Археологической Комиссии с 1907 по 1917 по печатным протоколам ее „реставрационных“ заседаний и предположения о реорганизации этого отдела» (1918 г., д. 20, л. 66–73; РА, ф. 21, д. 11; Медникова 2002: 302–311; Медведева 2004: 379–386). Это было своеобразным подведением итогов деятельности Императорской Археологической Комиссии в области реставрации и охраны памятников архитектуры. В этом обзоре он выделил следующие направления в трудах Комиссии: художественно-архитектурное изучение монументальных памятников, обсуждение вопросов ремонта и реставрации, наблюдение за точным выполнением указаний реставрационных заседаний Комиссии, сбор материалов для регистрации древних сооружений, публикация материалов реставрации. К числу наиболее значимых самостоятельных реставрационно-исследовательских проектов Археологической Комиссии он отнес работы в храмах Спаса на Нередице и Спаса на Берестове, в Овруче, на Коложе, в Георгиевском соборе в Юрьеве-Польском. При активном участии ИАК происходили ремонт, исследования и реставрация Успенского собора Московского Кремля, Троицкого собора Ипатьевского монастыря в Костроме, Ферапонтова, Бахчисарайского дворца, смоленских крепостных стен, Якутского острога. В актив Комиссии можно было записать выпрямление колокольни Боровско-Успенской церкви в Архангельске, реставрацию икон ныне уничтоженного храма Спаса на Бору в Московском Кремле и освобождение их от окладов, реставрацию деревянной церкви в Таницах Белозерского уезда Новгородской губернии, иконостаса Белгородского Успенско-Николаевского собора, Старо-Черкасского войскового собора, собора в Зарайске, храма в Бронницах, Новодворской чудотворной икона из с. Новрождественка Бронницкого уезда Московской губернии, псковских крепостных стен и стен Московского Кремля, замка в Остроге, деревянной церкви в с. Федоровское-Стольпино на Пошехонье, выбор места для постройки нового собора в Изборске, ремонт шатра церкви Вознесения Господня в Коломенском, реставрацию Донской иконы Божией Матери, образа свт. Николая из Николо-Дворищенского собора в Новгороде и стенописи церкви Успения на Волотовом поле, сохранение Троицкого собора в Петрограде и Георгиевской церкви в Старой Ладоге, научную реставрацию фресок Люблинского замка... П. П. Покрышкин отмечает, что в ряде случаев ИАК приходилось повторно возвращаться к казалось бы уже решенным проблемам: принимать меры к защите фресок Нередицы во время строительства поблизости железной дороги, решать проблемы, связанные с новым штукатурным покрытием стен, и упорядочить проветривание храма, изыскивать способ спасти собор Мирожского монастыря от наводнений и шенкурские соборы от размывов берега. При спасении памятников нового времени Ко-

миссии удалось предотвратить искажение старых петербургских мостов и Румянцевского обелиска, а также спасти воеводский дом в Соликамске. К явным неудачам Комиссии, которые та не сумела предотвратить, он относил самовольную расчистку Иерусалимской иконы Божией Матери XVI в. из Борисоглебской церкви в Новгороде (1915 г., д. 27), разборку деревянной церкви св. вмц. Параскевы в Княжем поле Каменец-Подольского уезда Подольской губернии (1905 г., д. 134) и оттеску кирпичных глав храма «Белая Троица» в Твери в 1913 г. (1913 г., д. 185; Известия ИАК. Вып. 59. 1915: 73–75).

По его подсчетам, члены Комиссии совершали объезды в 75 000 верст ежегодно. Жалобы на медлительность работы ИАК при реставрации памятников архитектуры были справедливы, потому что эта медлительность была вызвана чрезмерной загруженностью членов Комиссии. В 1914 г. к рассмотрению в ИАК было принято 217 дел, связанных с ремонтом и реставрацией древних зданий, но лишь 70 памятников было осмотрено *de visu*. В 1915 г. в Комиссию поступило 122 дела, в 1916 г. — 81, в 1917 г. — 25, всего за 1907–1917 гг. — 1498 дел, причем больше всего их пришлось на период 1912–1914 гг.: каждый год в Комиссию поступало более 200 дел (*статистику за 1895–1903 гг. смотри в главе I*). Характеризуя деятельность реставрационных заседаний и подразделяя их на «малые» (летние, во время отпуска большинства приглашаемых членов), которые собирались начиная с 1910 г., и «большие», П. П. Покрышкин упоминает в числе их активных участников фамилии Е. А. Сабанеева и Н. Е. Лансере, последний из которых участвовал в работе ИАК с 1912 г. Он приводит необходимые подсчеты:

Год	Число реставрационных заседаний	Количество рассмотренных дел в больших заседаниях	Число дел, рассмотренных в малых заседаниях
1907 осень	4	50	–
1908	10	96	–
1909	8	88	–
1910	9	100	56
1911	9	106	49
1912	7	106	85
1913	11	153	132
1914	10	123	172
1915	10	116	101

Большинство рассмотренных дел было связано с памятниками христианской древности, и П. П. Покрышкин отмечает наиболее добросовестные епархии, чье руководство так или иначе стремилось согласовать все реставрационные проекты с ИАК: прежде всего, это Московская, Новгородская и Петроградская епархии, тогда как Ковенская, Курляндская, сибирские епархии в Комиссию не обращались вовсе.

В своей записке 1918 г. он предлагает ряд важных мер по реставрации и сохранению памятников церковной старины. В 1915 г. П. П. Покрышкин был назначен председателем Комиссии по изучению ущерба, нанесенного памятникам архитектуры в зоне военных действий. С группой исследователей он находился в зоне военных действий в 1916–1917 гг., обследуя архитектурные памятники Сучавы, Драгомирны, Гуморы, Радовицы, Воронца и др. (см.: Басаргина 2008а: 488–489). Опыт поездки в Галицию и Буковину подсказал П. П. Покрышкину, как бороться с самовольными переделками древних храмов со стороны причта

Карта европейской части Российской империи с указанием мест реставрационной деятельности ИАК на 1913 г. (РА, Р-1, д. 647)

П. П. Покрышкин среди сотрудников
Буковинской экспедиции, 1916–1917 гг.
(ФА, П 37193)

миссии. Он составил сводный отчет о ее архитектурной деятельности начиная с 1903 г. в качестве приложения к рапорту по поводу поступившего в Государственную Думу законопроекта об охране памятников древности. Здесь отмечалось, что реставрационные совещания ИАК «стали популярны» и создали «солидные традиции», совместно с Академией художеств они воспитали «надежные молодые силы», способные «научно справиться с возникшим обилием вопросов реставрации» и «поставить правильно регистрацию памятников старины» (1903 г., д. 50, л. 123 об.). Одновременно с законопроектом он предложил тогда обсудить возможность создания специального «архитектурного отдела» ИАК. П. П. Покрышкин подчеркивал, что количество реставрационных дел стремительно возрастает с каждым годом, что реставрационные совещания ИАК не могут справиться с таким объемом дел в существующем составе, и в доказательство также привел статистику рассмотренных ИАК вопросов, связанных с ремонтом древних зданий. Всего за десятилетие (1903–1912 гг.) в ИАК поступило 847 дел, причем 482 из них пришлось на три последних года (1903 г., д. 50, л. 135). По его мнению, это можно было связать с общим подъемом научно-исследовательской деятельности Комиссии в это время и расширением ее штата. П. П. Покрышкин скрупулезно подсчитал, что в течение 1903–1913 гг. он находился в командировочных разъездах три года и два с половиной месяца, проделал путь

и прихожан: это будет возможно лишь в том случае, если средства на реставрацию будут сосредоточены в руках государства. Он приводит пример «Буковинской Православной церкви», содержащейся на особый «религиозный фонд», который тратится государством исключительно на церковные нужды. Это позволяло соблюдать требования «Центральной Императорско-Королевской комиссии Австро-Венгрии для изучения и сохранения исторических памятников», без разрешения которой в храме нельзя даже было произвести перестановки внутреннего убранства. Археологический порядок происходил из финансового. К тому же П. П. Покрышкин отметил, что местное буковинское духовенство «в массе образованнее нашего, ... среди священников там нет не окончивших гимназии, большинство же окончили Богословский факультет; в каждом из них твердо укоренено сознание, что древность священна и неприкосновенна». Это сознание позволяло органам охраны памятников Австро-Венгерской империи возлагать на священников обязанности консерваторов — хранителей древности.

За пять лет до этого отчета, в 1913 г., П. П. Покрышкин также подводил определенный итог работам Археологической Комиссии.

в 166 318 верст и издержал на личные расходы и путевые 6700 руб., или по 4 коп. на каждую версту. За это время он посетил 34 российские губернии. Как писал Н. П. Сычев в некрологе П. П. Покрышкина, «нет места в России где, кажется, не был, не руководил работами и сам не работал бы П. П.» (РА, ф. 21, д. 1616, л. 4). Одновременно его помощник и сотрудник Комиссии Д. В. Милеев объехал Архангельскую, Вологодскую, Олонецкую, Костромскую, Ярославскую и Киевскую губернии, тогда как другой архитектор, сотрудничавший с Комиссией, К. К. Романов — Ярославскую, Виленскую, Московскую, Псковскую, Петербургскую, Новгородскую, Владимирскую губернии и Сухумский округ. П. П. Покрышкин отметил, что за период 1903–1912 гг. в ИАК по вопросам реставрации ни разу не обращались представители Ковенской, Курляндской, Оренбургской, Уфимской и Сувальской губерний, а также все кавказские губернии, сибирские, за исключением Иркутской и Тобольской губерний, все степные и среднеазиатские области, за исключением Самарканда. В этот список почему-то попали и финляндские губернии, хотя известно, что с 1884 г. там существовала своя Археологическая комиссия, о чем П. П. Покрышкин не мог не знать. За это время в архиве ИАК скопилось 13 512 фотоснимков архитектурных и церковных древностей, и библиографическая картотека по ним составила 85 000 единиц (1903 г., д. 50, л. 131–133 об).

В силу ряда причин, среди которых стоит отметить особенную активность Комиссии в деле реставрации монументальных памятников, репрезентативность и общественную значимость осуществленных ею проектов, а также самостоятельное осмысление членами ИАК накопленного опыта и его востребованность в современных условиях, именно реставрационная сторона деятельности ИАК оказалась более полно представлена в современных исследованиях (Памятники архитектуры 2002; Jokilehto 2002). При этом деятельность Комиссии традиционно воспринималась как связанная преимущественно с кабинетным рассмотрением актов о состоянии древних зданий и выдачей формальных разрешений на ремонты, научно-эстетической оценкой памятников архитектуры, анализом технического решения сохранения памятника и его конкретных последствий для судьбы здания. В результате в научной литературе оказались осмыслены, прежде всего, теория, идеология и собственно методология реставрации, тогда как ее методика и специфика конкретных технологических решений, применяемых в каждом случае, оказались описаны суммарно.

Однако при всей важности этой стороны работы Комиссии ее деятельность не просто сводилась к охране древних зданий, а служила к сохранению древности как таковой, исторической памяти во всех ее проявлениях. К характерным особенностям служения ИАК стоит отнести принципиальный протест против разделения памятников истории и археологии на значимые и незначительные, «второстепенные». И если в целом ряде случаев членам Комиссии приходилось уделять больше внимания именно этим «имиджевым» памятникам Империи, то это было связано скорее с государственным заказом и общественной потребностью, чем с рожденным в недрах Комиссии и пропагандируемым ею отношением к старине.

Необходимо проследить, как именно слагалось архитектурное направление ее деятельности в XIX–начале XX в. и в чем заключалась его особенность, в том числе в связи с изучением и сохранением того «массового архитектурного материала», который, в отличие от архитектурных шедевров, зачастую выпадает из поля зрения историков архитектуры. При этом важной представляется не только профессиональная сторона реставрации и охраны, но и сопровождавшие ее общественные и культурные отношения того времени с присущей им сложной системой ценностей и столкновением интересов.

К моменту создания ИАК в 1859 г. в России не существовало специального научно-учреждения для руководства реставрационными мероприятиями, отсутствовали единая законодательная система и планирование в деле охраны памятников архитектуры, еще не осознавались в полной мере значение и необходимость научного подхода к сохранению национального архитектурного наследия. Контроль за ремонтными и восстановительными работами архитектурных памятников в зависимости от статуса здания принадлежал Министерству внутренних дел, Министерству императорского Двора и Святейшему Синоду, что в целом все же создавало «целостную структуру, охватывающую все памятники Российской империи». Однако отсутствие законодательной базы, критериев признания памятника «древностью» и самой процедуры такого признания делали контроль в этой области «весьма относительным» (Памятники архитектуры 2002: 175–176). Однако именно в это время возникает интерес к национальным древностям и происходит его общественная структуризация. Как известно, с середины XIX в. научная общественность в России начинает объединяться в историко-археологические общества, которые включали в сферу своих интересов изучение памятников зодчества и их охрану.

Изначально стоит отметить приоритетное внимание к оборонным памятникам русского зодчества: ставится вопрос о ремонте Зарайского кремля (1801) и ремонтируется Новгородский кремль (Там же: 50–51, 77). В дальнейшем местом приложения археологических и архитектурных сил становятся Крым, Юго-Западный край и древние русские столицы, что подчеркивает всегда существовавшую связь между политикой, идеологией и реставрацией. В Москве ремонтируются храмы Новоспасского и Андроникова монастырей, церковь свв. мчч. Адриана и Натальи, в Полоцке — Софийский собор и Спасский собор Евфросиньевского монастыря, в Вильно — церковь св. вмч. Параскевы Пятницы (1851), а также Новгородская (1830) и Киевская Софии (1844–1853) и Дмитриевский собор во Владимире (1830). В поле зрения МВД, отвечавшего за сохранность древних зданий, попадают памятники оборонного зодчества: реставрация совершается в кремлях Астрахани (1830–1857), Нижнего Новгорода (1834–1857), Казани (1832–1833), Серпухова (1833–1850), Коломны (1837–1854), Пскова (1843–1882), Китай-города (1830–1848), Архангельска (1845–1847), Новгорода (1843–1852), Смоленска (1847), Ивангорода и Нарвы (1846–1849) (Там же: 78, 110, 115–118, 119, 130–131).

Именно в это время складываются новые категории реставрационного мышления в связи с историзмом, эстетикой романтизма и апологией средневековья, идеализацией облика прошлого и разрыв с античностью и академизмом. Иногда предпринималась консервация руинированных памятников, имеющих особое значение, первые шаги делала практика фиксации памятника перед разборкой и сохранения или перенесения подлинных элементов. Впрочем, к реставрации памятника иногда приравнивались простой ремонт или подновление, работы чаще всего проводились техниками, гражданскими инженерами, только в особых случаях — столичными архитекторами, специальность реставратора отдельно не выделялась (Подъяпольский и др. 2000: 33). Это предполагало сохранение существующего вида памятника «против прежнего» при совершенствовании его функциональных свойств. Попыты восстановления памятника «в древнем виде», его обновление/поновление или придание ему предположительных форм, зачастую именуемое «восстановлением памятника», приводило к появлению совершенно нового архитектурного сооружения на «основе широкого использования весьма отдаленных аналогов» (Памятники архитектуры 2002: 98, 134, 146, 153).

На этом фоне созданная в 1859 г. ИАК рассматривается современными исследователями как «первое правительственное научное учреждение, которое должно было по замыслу его учредителей централизовать деятельность по открытию и описанию «предметов

древности» (Там же: 177). Общеизвестно, что круг занятий Археологической Комиссии изначально мало затрагивал вопросы реставрации и охраны памятников, однако уже в начале 1860-х гг. в положении Комиссии как единственного правительственного археологического органа можно найти предпосылки будущего изменения всей организации реставрационного дела.

Решение вопроса о роли ИАК в изменении всей организации реставрационного дела России невозможно без преодоления странного противоречия, сохраняющегося в историографии, посвященной Археологической Комиссии. Общим местом стало утверждение о том, что к числу предметов, входящих в ведение ИАК, с конца 1859 г. относится и «отыскание и возобновление древней стенной иконной живописи в старинных православных храмах в России» (см., например: Вздорнов 1986). В этом случае остается непонятным, почему подобную функцию нужно было сообщать Комиссии вторично в 1889 г., уже в виде категоричного распоряжения, что «реставрация монументальных памятников древности производится по предварительному соглашению с ИАК и по сношению ее с Императорской Академией художеств», и почему в 30-летний период истории ее деятельности исполнение этой важной миссии практически не осуществлялось, по крайней мере в части реставрации древних фресок?

Прежде всего, речь должна идти о различном правовом статусе делегированных Комиссии полномочий. Предоставление Комиссии функции согласования проектов реставрации памятников культуры от 11 марта 1889 г. было оформлено «Высочайшим повелением» и в силу этого приобретало статус государственного закона. Положение об ИАК было внесено в Свод законов Российской империи, а повеление 1889 г. было доложено Правительствующему Сенату министром юстиции и включено в Собрание узаконений и распоряжений Правительства за № 359. Это и придало Комиссии необходимые авторитет и полномочия.

В то же время «особое Высочайшее повеление» о фиксации памятников монументальной живописи и ее реставрации от 20 декабря 1859 г. было сформулировано императором Александром II достаточно расплывчато и сообщено председателю Комиссии министром Двора письмом за № 5823 в форме «пожелания» (1859 г., д. 29, л. 1–1 об.). В нем говорилось, чтобы пресловутое «отыскание и возобновление» «продолжаемо было *по-прежнему* (выделено нами. — *Ред.*), но с тем, чтобы занятия эти были отнесены к обязанностям Археологической Комиссии». Это высочайшее пожелание так никогда и не было внесено в Положение об ИАК и в силу этого не стало приоритетом в ее деятельности, как не обеспеченное необходимым правовым статусом.

Известно, что этому «пожеланию» предшествовали следующие события. Летом 1859 г. по высочайшему повелению академик Ф.Г. Солнцев осматривал состояние архитектуры и стенописи во Владимире. Его отчет датирован ноябрем 1859 г., государю результаты поездки были представлены 4 декабря 1859 г. Совершенно очевидно, что распоряжение об отнесении к обязанностям ИАК пресловутого «отыскания и возобновления» фресковой живописи было отдано именно под впечатлением от этих документов и, возможно, личной беседы царя с Ф.Г. Солнцевым (1860 г., д. 9, л. 3–12). Таким образом, функция Комиссии по фиксации и реставрации храмовой живописи, приданная ей 20 декабря 1859 г., являлась следствием индивидуальной интриги Ф.Г. Солнцева и не была согласована с С.Г. Строгановым (ср.: Памятники архитектуры 2002: 157–158, где инициатива в реставрации Успенского собора во Владимире приписывается именно С.Г. Строганову).

К тому же новая для ИАК миссия предполагала сохранение предшествующей практики, где подобные мероприятия были прерогативой Министерства внутренних дел,

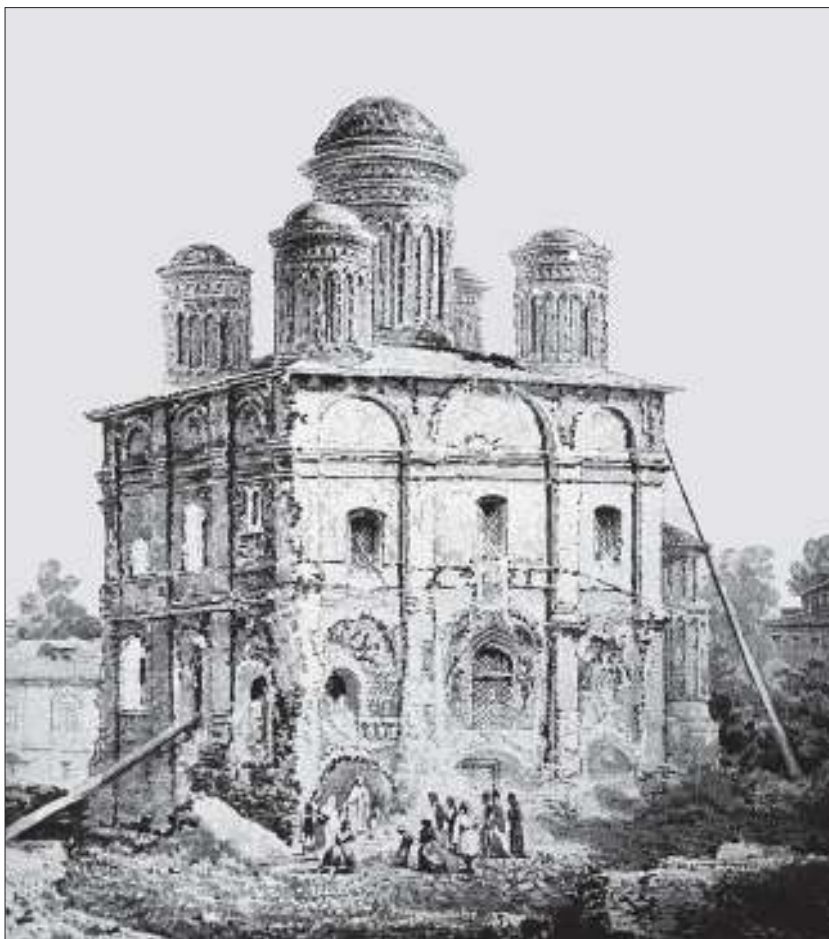
Министерства императорского Двора и Синода. Уже 2 января 1860 г. граф С. Г. Строганов обращается к министру с письмом, где указывает на незнание «прежнего порядка» вещей в отношении реставрации (1859 г., д. 29, л. 3). Из ответа министра, датированного 11 января 1860 г., становится ясно, что до сих пор подобного рода дела находились в совместной компетенции Министерства императорского Двора и Святейшего Синода. За дополнительными сведениями председателю Комиссии было рекомендовано обратиться к обер-прокурору Синода. В архиве ИАК отсутствуют какие-либо документы, указывающие на то, что впоследствии С. Г. Строганов действительно адресовался в Синод и получал оттуда какие-либо материалы.

Стоит вспомнить, что «прежний порядок вещей» был определен указом Синода от 31 декабря 1842 г., состоявшемся по случаю императорского повеления «строго подтвердить впредь во всех памятниках ни к каким обновлениям не приступать без высочайшего разрешения», что, как известно, было вызвано реставрацией стенописи в Успенской церкви Киево-Печерской лавры. Эти вопросы должны были предварительно рассматриваться Синодом, куда надлежало представить соответствующую документацию (Охрана памятников 1978: 53, № 28). Кроме того, епархиальным архиереям было поручено наблюдать, дабы нигде, ни под каким предлогом в древних церквях не дозволялось ни малейшего исправления, возобновления и изменения живописи и других предметов древнего времени, а всегда испрашивалось на то разрешение от Святейшего Синода (определение от 20 апреля 1843 г., № 16770). Такая норма была зафиксирована и в Строительном уставе, где писалось: «Воспрещается приступать без Высочайшего разрешения к каким-либо обновлениям в древних церквях и во всех подобных памятниках. Вообще древний как наружный, так и внутренний вид церквей должен быть сохраняем тщательно, и никакие произвольные поправки и перемены без ведома высшей духовной власти не дозволяются». Таким образом, граф был поставлен в достаточно сложные условия. С одной стороны, реставрация памятников церковной старины целиком находилась в ведении Синода, что имело законодательную базу, с другой стороны, он имел высочайшее повеление о частичном отнесении этой сферы деятельности «к обязанностям Комиссии», но без должного правового обоснования.

Ни «особое Высочайшее повеление», ни соответствующее прикомандирование к ИАК академиков живописи Ф. Г. Солнцева и И. П. Вольского (*смотри главу I*) не способствовали активности Комиссии в деле «отыскания и возобновления древней стеной иконной живописи». Очевидно, что помимо отсутствия достаточной для выполнения этой миссии правовой базы в деятельности Археологической Комиссии попросту отсутствовали приоритеты в изучении русских древностей, как отсутствовали четкие объективные критерии для научной оценки и экспертизы этих памятников. В этом смысле характерной является история с Богоявленским Костромским монастырем (1860 г., д. 5, л. 1–21 об.). Это был первый случай, когда ИАК было предложено заняться вопросом, связанным с древнерусской церковной культурой. 26 февраля 1860 г. президент Академии художеств князь Г. Г. Гагарин со ссылкой на редактора «Архитектурного вестника» А. Жуковского сообщил председателю Комиссии о бедственном состоянии памятника архитектуры XVI в., в котором сохранились росписи XVII столетия, — Богоявленского собора в соименном монастыре Костромы.

Характерно, что князь Гагарин, обращая внимание С. Г. Строганова на бедственное положение храма, пишет, что не знает, насколько это может касаться действий ИАК. С. Г. Строганов пишет ответ в том духе, что собор по архитектуре относится к XVII в. («время Михаила Федоровича и особенно Алексея Михайловича»), а плохо сохранившиеся остатки древней живописи

от переделок утратили всякое значение. В силу этого собор не может быть признан лучшим памятником древнего искусства, который бы заслуживал специального изучения и издания. Налицо не только 100-летняя ошибка в датировке собора, заниженная оценка культурной значимости его росписей, но и явное нежелание связывать себя заботой об этом памятнике. Очевидно, председатель ИАК стремится максимально ограничиться возложенными на него поручениями, проистекающими из Положения о Комиссии и соответствующими его собственным представлениям о задачах и функциях археологической науки. Характерно, что в 1912 г. Комиссии вновь пришлось заниматься собором. В 1863 г. храм был

Богоявленский собор. Кострома. Вторая половина XIX в.
Фото А. Шмидта (1860, д. 5, л. 28)

передан в ведение Кресто-воздвиженского Анастасийского женского монастыря, здесь был произведен ремонт, а живопись в 1865–1868 гг. возобновлена артелью известного «богомаза» Н. Софонова, бывшего, по мнению Н. П. Кондакова, «археологическим извергом или Геростратом» (Кондаков 2004: 86). В преддверии 300-летия дома Романовых 24 апреля 1912 г. игуменья Сусанна запрашивает разрешение ИАК на реставрацию собора. Комиссия прибегает к экспертному заключению от 25 июня того же года, подписанному М. П. Дикаревым и М. Г. Чириковым, и после окончательной экспертизы, проведенной Д. В. Милеевым, 22 августа надзор поручается именно ему.

История с Богоявленским монастырем носила не случайный характер. Такой же подход мы видим и в деле реставрации Успенского собора во Владимире и других памятников владимирского зодчества. 14 марта 1860 г. датировано письмо министра Двора В. Ф. Адлерберга, где С. Г. Строганову поручалось составить соображения о возможных сроках произведения ремонтно-восстановительных работ и будущих затратах. Отсутствие в штате архитектора заставляет графа, бывшего еще и членом Комиссии по строительству храма Христа Спасителя в Москве, отправить в конце мая во Владимир архитектора И. С. Каминского, состоявшего при той же Комиссии, а вместе с ним делопроизводителя А. С. Линевича, Ф. Г. Солнцева

Открытый лист

Предметные сего Высочайшему дню Импера-
торской Археологической Комиссии Литевичу,
командированному для осмотра древних церквей
в г. Владимир, выданные по повелению
Всесоветного присутствия с возведением на
Благочестивейшего Императора оказавшие
законное с их стороны согласие на безпрепят-
ственное и уполномоченное совершение
наго на него поручения.

Дан сей лист за подписаниями моими и
присовокупившим гербу моего печатю. Сметербург
Мая 27го дня 1860 года.

Его Императорского Величества
Величественнейшего Государя
и моего Генерала Адмирала, Гене-
рала от Кавказии, Попечителя
Его Императорского Высочества
Государя Наследника Цесаревича,
Князя Государственного Совета,
Сенатора, Председателя Импера-
торской Археологической Комиссии,
регент Российская и ино-
странных Орденов Кавказии

[Handwritten signature]

Первый в истории отечественной археологии Открытый лист, выданный И. С. Каминскому на архитектурно-археологические исследования (1860 г., д. 9, л. 29)

и художника. Именно Каминскому впервые в истории отечественной археологии был выдан Открытый лист на архитектурно-археологические раскопки с «приложением герба моего (С. Г. Строганова. — *Ред.*) печати» (1860 г., д. 9, л. 29). Впрочем, известно, что исследования Ф. Г. Солнцева и И. П. Вольского во Владимире в рамках их работ в Комиссии коснулись лишь фресковых росписей Успенского собора (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 74–75; Памятники архитектуры 2002: 177).

На основании результатов этой поездки С. Г. Строганов пишет рапорт в министерство. Здесь сообщается, что Покровская церковь на Нерли реставрируется местными средствами, а плохо и мало сохранившаяся живопись не имеет особого значения для истории русской иконописи. Успенская церковь в монастыре Рождественском не требует капиталовложений для реставрации. Речь может идти лишь об Успенском соборе. Однако в случае проведения в нем ремонтно-реставрационных работ С. Г. Строганов просит возложить на Комиссию лишь художественную сторону, так как чисто хозяйственная отвлекла бы ее от ее непосредственной деятельности. В результате дело передается в Строительную контору Министерства Двора. Одновременно создается Комитет по реставрации собора (25 мая 1861 г.), и его председателем был назначен безмерно тяготившийся этим сам С. Г. Строганов. Осенью появляется записка полковника Красовского, представителя Строительной конторы в Комитете, где он не соглашается с Ф. Г. Солнцевым в том, что собор разрушается. Именно на этом и базируется новое отношение С. Г. Строганова министру от 16 декабря 1861 г., где утверждается, что собор безо всякого вреда можно оставить без восстановления. И уже 30 декабря 1861 г. следует высочайшее решение об отмене ремонта собора и о роспуске Комитета, чего, собственно, и добивался С. Г. Строганов.

Есть все основания полагать, что граф С. Г. Строганов допустил стратегическую ошибку в вопросах реставрации церковных памятников. Известно знаменитое определение Святейшего Синода № 2236 от 20 декабря 1878 г. /9 января 1879 г. Оно основывалось на ст. 207 Строительного устава и соответствующем высочайшем повелении, воплощенном в известном указе Синода № 16401 от 31 декабря 1842 г. о недопустимости самовольных переделок в древних храмах без высочайшего разрешения, без тщательного сохранения внешнего и внутреннего вида и без доклада Святейшему Синоду. Новое определение предписывало епископату в случае необходимости ремонта и реставрации памятников старины обращаться за консультациями и научным обеспечением к существующим археологическим обществам: Церковно-археологическому обществу при Киевской Духовной академии, Русскому археологическому обществу, Московскому археологическому обществу и Одесскому обществу. Считается, что данный указ Синода привел к изменению структуры реставрации и к ее профессионализации (Памятники архитектуры 2002: 249).

Для нас в данном случае важно, что если в 1842 г. поводом для высочайшего повеления и синодального указа были неудовлетворительные реставрационные работы в Успенской церкви Киево-Печерской лавры, то в 1878 г. — произведенный годом раньше архиепископом Владимирским Антонием (Павлинским) ремонт Покровской церкви на Нерли, в результате чего остатки фресок и стены были покрашены масляной краской, а некоторые фрагменты каменной резьбы уничтожены или заменены изделиями новейшей работы. Этим и воспользовался граф А. С. Уваров, войдя в Синод с ходатайством о возобновлении распоряжения № 16401, чем, по сути дела, обошел С. Г. Строганова, который еще ранее скептически отнесся к идее контроля ИАК за деятельностью по реставрации храма и недооценил его живопись. Очевидно, что синодальное определение совершенно игнорировало высочайшее пожелание 1859 г. об участии ИАК в деле реставрации храмовой живописи: Комиссия в числе консультантов церковного ведомства не упоминалась вообще.

Впоследствии ИАК точно так же практически самоустранилась от архитектурно-археологических исследований в истории с раскопками М. Н. Полесским-Щепило собора на Протоке в Смоленске в 1867–1868 гг. С. Г. Строганов возложил всю ответственность на МВД и смоленского губернатора. Состоявшиеся раскопки обнаруженного храма были личной инициативой преподавателя Смоленской гимназии и местных властей, поскольку в своем письме в Смоленск от 22 марта 1868 г. С. Г. Строганов говорит лишь об охране остатков, но не об их исследовании (1867 г., д. 7). Если же в будущем на этом месте могут быть сделаны какие-либо находки (очевидно, лишь фрески и утварь, с точки зрения С. Г. Строганова, являются археологическим объектом, сами архитектурные формы его не интересовали), то лица, уполномоченные к этому, должны будут сообщить о находках в Комиссию. Таким равнодушием ИАК к архитектурным древностям моментально воспользовался А. С. Уваров, побывавший в Смоленске и увезший собранные фрески в Москву. Кстати, раскопки собора на Протоке — первый документально засвидетельствованный в отечественной археологии случай применения на раскопках подневольного труда: с 25 июня по 28 августа 1868 г. здесь трудились заключенные смоленского арестантского исправительного отделения, за что в канцелярию смоленского губернатора из ИАК было перечислено в 1871 г. 71 руб. 40 коп. Основанием для предоставления счета Комиссии стало то, что раскопки были произведены в ее «интересах», хотя, как мы знаем, ИАК никакого «интереса» к ним не проявила и их результатами воспользовалось МАО. Характерно, что С. Г. Строганов без разговоров оплатил счет, признавая тем самым косвенную ответственность Комиссии за производство раскопок на территории Империи.

В случае с открытием еще одного древнего храма в Смоленске — церкви в устье р. Чуриловки конца XII–начала XIII в. — ИАК вообще себя никак не проявила. Член-корреспондент МАО С. П. Писарев сообщил обществу 1 июня 1885 г. об открытии купцом Бибиковым фундаментов храма на Богословской улице, остатки которого сохранились в виде «кургана». Сообщение об этом было опубликовано в «Русских ведомостях» № 235 от 27 августа 1885 г. МАО поручило наблюдать за этими исследованиями самому С. П. Писареву и командировало туда В. И. Сизова (РА, ф. 4, д. 110, л. 201–204). Никакой реакции ИАК не последовало.

Однако Комиссия с самого начала своей деятельности, уже в 1860–1870 гг., была вовлечена в обсуждение вопросов сохранения и реставрации памятников другого рода — оборонного зодчества, отдавая тем самым дань общественно-государственным приоритетам того времени. Нельзя сказать, что здесь С. Г. Строгановым сразу было найдено верное решение: оно формировалось в процессе деятельности ИАК и взросления российского общества в отношении к собственному прошлому.

19 июля 1866 г. Министерство внутренних дел передало в Комиссию просьбу начальника Смоленской губернии о возможности сломки тех частей крепостной стены в Смоленске, которые «более невозможно поддерживать починками». В письме говорилось, что крепостная стена на значительном своем протяжении и 7 башен находятся в крайне ветхом состоянии. К письму прилагался чертеж, который в архиве Комиссии не сохранился. Министерство, хотя данный вопрос и находился полностью в его компетенции, «прежде распоряжения» решило запросить заключение ИАК. В ответном письме С. Г. Строганов писал, что «к сломке самых ветхих частей Смоленской крепостной стены и некоторых наиболее поврежденных ее башен я со своей стороны препятствий не встречаю», однако потребовал, дабы перед разборкой были сняты «точные виды» — чертежи и рисунки — разбираемых частей и был сделан подробный план с описанием. Отдельной задачей во время разборки должно было стать выявление тайных помещений и ходов (1866 г., д. 17, л. 1, 3–3 об.). Даже в отношении

Якутского острога, для спасения которого ИАК впоследствии сделала многое, С. Г. Строганов высказался в том же духе. На письме из Хозяйственного департамента МВД от 22 ноября 1878 г., в котором сообщалось, что якутский губернатор, «ввиду невозможности исправления за совершенной ветхостью находящихся в г. Якутске четырех древних башен, угрожающих общественной безопасности», запросил разрешения на их снос, он наложил свою резолюцию: «Я полагаю, что нет нужды в сохранении этих башен» (1878 г., д. 4, л. 26).

Очевидно, подобное отношение к крепостной архитектуре было до определенного времени нормой для российского общества, с которой соглашалось и руководство ИАК. Однако даже в рамках этой нормы Археологическая Комиссия выработала определенный алгоритм действий, связанный с фиксацией состояния памятников древности и сохранением исторической информации, что впоследствии позволяло вернуться к вопросу их изучения и сохранения. Это хорошо демонстрирует следующая история. 9 ноября 1866 г. Министерство внутренних дел переслало в Комиссию ходатайство тульского губернатора о ежегодном выделении из казны 400 руб. 56 коп. на поддержку Тульского кремля, поскольку стены его находятся в таком виде, что их поддержание превышало средства, выделяемые городской казной. Рассматривая такие выплаты как «вполне непроизводительный расход, министр «полагал бы более соответственным совершенно разобрать стены». В связи с этим он просил сообщить в министерство, в какой мере необходимо поддерживать крепостные стены в должном виде, прилагая при этом текст исторической записки, составленной туляками.

17 ноября С. Г. Строганов подписал ответное письмо в МВД. По его мнению, «тульские крепостные стены как памятник XVI столетия, ничем особым не отличающийся и уже дважды подвергавшийся переделкам, при недостаточности городских средств на дальнейшее поддержание их НЕ ЗАСЛУЖИВАЕТ СОХРАНЕНИЯ». Вновь, как и в случае со Смоленской крепостью, он просит при разборке стены снять их «точный вид и описание» и обратить внимание на тайники и подземные ходы (1866 г., д. 31, л. 1–1 об., 4–4 об.).

Однако, по счастью, памятник не был разрушен, очевидно, в связи с тем же недостатком денежных средств, и ИАК вновь пришлось вернуться к проблемам его спасения, как это имело место и в Смоленске. Такое возвращение не только позволяет увидеть изменяющееся отношение российского общества к своим древностям, но и становление практики охраны культурного наследия в деятельности Комиссии за 50 лет. 29 мая 1915 г. тульский губернатор А. Н. Тройницкий объявил о создании особой комиссии для реставрации местного кремля, в связи с ходатайством тульского городского общества, которое просило выделить на эти цели 25 000 руб., и предложил ИАК направить в комиссию своего представителя. Таким представителем стал П. П. Покрышкин. В официальном акте от 1 августа 1915 г. о состоянии крепостных стен отмечалось, что здесь отсутствуют покрытия, защищающие кладку от атмосферных явлений, происходит отслаивание наружной облицовки на глубину от полутора до половины ширины кирпича, при этом внутри кладки обнаружены кирпичи слабого обжига. В числе первоочередных мер предлагалось соорудить крыши над башнями без претензии на реставрацию древних покрытий, устроить городской настил с водонепроницаемым покрытием, убрать со стен столбы от электрических проводов, а вычинку стен производить из специально изготовленного кирпича. Организация работ была поручена ИАК, и 28 октября 1915 г. А. А. Бобринской обратился в МВД с предложением производить отпуск средств на реставрацию по аналогии с уже сложившейся практикой при ремонте смоленских крепостных стен и Бахчисарайского дворца (речь шла о выделении финансирования местным властям и особым комиссиям, однако расходование средств происходило по согласованию с ИАК; по поводу этих реставраций смотри ниже). Однако в связи с обсуждением

нового проекта закона об охране древностей и предполагаемым созданием центрального органа по их охране (*подробнее смотри главу I*) финансирование реставрационных работ в Империи было вообще прекращено, «кроме тех отдельных случаев, когда удостоверялось, что памятникам старины угрожает немедленная гибель», о чем Комиссия была уведомена 6 ноября 1915 г. (1866 г., д. 31, л. 5–15).

Подобная история, с точностью до формулировок и последствий, повторилась и в Гдове, чья Городская дума 6 сентября 1874 г. обратилась в вышестоящие инстанции с ходатайством о разборке местной крепости. С.Г. Строганов точно так же допустил разборку памятника с предварительной фиксацией, однако посчитал, что крепостные ворота заслуживают сохранения. В своем письме он отмечал, что крепостной стены как таковой не существует и о восстановлении ее не может быть и речи: даже если бы она и не была разрушена вследствие добычи камня местными жителями, «едва ли можно тратить большие деньги на сохранение, потому что возведение их восходит не далее XV столетия и не представляет каких-либо особенностей». Отмечалось и то, что Гдовская крепость не играла какой-либо особой роли в истории России (1874 г., д. 18, л. 3–4). При участии ИАК в то же время решался вопрос и о разборке крепостной стены в Порхове (1873 г., д. 9).

Однако позднее ИАК защищала не только сами крепостные стены Гдова, но и историко-культурную среду города. 19 ноября 1916 г. петроградский губернатор снесся с ИАК по поводу обращения Уездного отделения Петроградского епархиального училищного совета, где поднимался вопрос о постройке внутри крепости особого дома для епископа Гдовского, которым тогда был будущий митрополит Петроградский Вениамин (Казанский, †1922). При этом сам губернатор подчеркивал, что возведение построек в том месте нежелательно, поскольку существующие дома уже вносят диссонанс в общую картину, которую не стоит усугублять новыми пристройками. В частности, упоминался дом наследников Лебедева, «неизвестно как внедрившийся в сердце исторического памятника». 19 ноября Комиссия подтвердила, что сочувствует идее не застраивать древний Гдовский кремль и что для новых строений епархиального училища и архиерейского дома в городе и без того достаточно места (1874 г., д. 18, л. 5–5 об., 6) (ср.: Кирпичников 2000).

Подобная ситуация складывалась и во Пскове, где С.Г. Строганов так же изначально разрешил разборку городских стен. Определенным новшеством в этом деле было предложение ИАК создавать в таких случаях особые комиссии на местах для осуществления необходимых предварительных исследований крепостных сооружений, в том числе и с участием членов Археологической Комиссии, что, впрочем, в то время так и не состоялось, поскольку руководство ИАК каждый раз ссылалось на занятость своих членов в других работах (1871 г., д. 26; 1873 г., д. 9).

Новый этап в истории спасения крепостного зодчества Пскова связан уже с новым председателем Археологической Комиссии и ее активной позицией в деле спасения памятников архитектуры. В 1898 г. псковский губернатор по просьбе псковской Городской думы вновь направил в МВД ходатайство о сношении части городских стен для благоустройства города. После обсуждения этого ходатайства на реставрационном заседании ИАК оно было отклонено «ввиду ценного исторического значения» стен. В следующем году от псковского губернатора поступило вторичное прошение, в котором подчеркивалось, что Городская дума вовсе не покушалась разрушать исторические памятники Пскова, а всего лишь просила «о дозволении снести не имеющие особого исторического значения части стен», «почти разрушенные» и представляющие «далеко не привлекательный вид», в центре города, между Петровскими воротами и Михайловской башней для образования площади и на Запсковье от Гремячих ворот

до Кисловской башни для устройства улицы (1898 г., д. 24, л. 11–14, 19 об.). Однако одновременно с этим Псковское археологическое общество обратилось в ИАК с просьбой сохранить городские стены. В 1899 г. Н. В. Султанов произвел осмотр псковских стен для составления компетентного заключения на ходатайство Городской думы и рекомендаций «о способах поддержки их от разрушения». По результатам его поездки на реставрационных заседаниях ИАК с участием представителей Комиссии, МВД и Святейшего Синода при обсуждении присланных ходатайств разрушение исторических стен Пскова было признано «крайне нежелательным» и в разрешении сносить хоть какие-либо части стен городским властям было отказано (РА, ф. 16, д. 29, л. 30–34). Позднее, в 1902–1906 гг., Н. В. Султанов трудился по поручению ИАК во Пскове, осуществляя наблюдение и руководство ремонтом «Поганкиных палат» (Там же, л. 57, 68–73).

В 1907 г. в Археологическую Комиссию поступило письмо от ПАО с просьбой «оказать содействие к спасению древних стен и прислать архитектора для их осмотра». В письме содержалось описание их плачевного состояния: «Вследствие атмосферных влияний, они выветриваются и разрушаются, превращаясь в груды мусора и щебня; этому разрушению деятельно помогают и человеческие руки: стенные плиты растаскивает всякий, кто хочет. Одни полицейские меры в данном случае не помогут: во-первых, чины полиции не в состоянии уследить за разрушениями, так как стены тянутся на расстоянии более 7 верст; во-вторых, полицейским распоряжениям в деле охраны стен не придают серьезного значения, ибо самый вид этих одряхлевших развалин вызывает мысль о чем-то заброшенном, лишнем, никому не нужном». Здесь указывалось, что ни средств самого Общества, ни городских денег не хватает на улучшение состояния сохранности стен. «Рассчитывать на частную благотворительность» также не приходилось «за неимением во Пскове богатых людей, проникнутых беззаветной любовью к старине», а попытка обратиться за помощью к государственной казне тоже не увенчалась успехом, поскольку ходатайство губернатора о выделении ежегодной суммы на поддержание древних псковских стен, поданное еще в 1901 г., было отклонено четыре года спустя. Поэтому, после очередного осмотра стен, ПАО на своем заседании постановило вывесить в нескольких местах стен железные доски с надписями о воспрещении разрушать стены, просить псковского губернатора об издании соответствующего постановления и обратиться в ИАК с просьбой «оказать содействие к спасению древних стен и прислать архитектора для их осмотра» (1898 г., д. 24, л. 24–26 об.).

В конце августа — начале сентября 1908 г. для экспертизы состояния сохранности псковских стен по поручению ИАК выехал П. П. Покрышкин (РА, ф. 21, д. 12). К поездке в Псков П. П. Покрышкин подготовился, изучив планы Псковской крепости 1694 г., 1740 г., названия стен и башен по описанию И. Д. Годовикова. В дневнике поездки П. П. Покрышкин очень подробно дает внешнее описание каждого участка стены, отдельно описывает детали и особенности, документирует степень сохранности с рекомендациями о том, что надо сделать в каждом конкретном случае, сетует на застроенность частными постройками территорий, прилегающих непосредственно к разрушающимся стенам. В ходе поездки он произвел первоначальные обмеры, что отражено в дневнике, и фотофиксацию исследуемого объекта. В результате обследования П. П. Покрышкин вынес несколько минимальных рекомендаций по сохранению памятника: «1. Надо покрыть башни, очистив их, но ровов отнюдь не засыпать. 2. Деревья близ самой стены вредят ей (сырость, корни, сор). 3. Засыпку рва между Петровской и Михайловской башнями надо прекратить, а тот мусор, что насыпан, убрать. 4. Насыпь у стены близ Власьевского спуска восстановить. 5. Окрестить известью впадины ради наблюдения» (Там же, л. 58).

Псков. Запсковье. Вид на городские стены по р. Великой. Поездка П. П. Покрышкина 1908 г. (ФА, Q 766/43)

Псков. Крепостная стена в Запсковье. Поездка П. П. Покрышкина 1908 г. (ФА, Q 767/30)

Во время пребывания П. П. Покрышкина во Пскове случился еще один инцидент с крепостными стенами. Городское общественное управление решило расширить пристань, для чего делалась подсыпка берега. 25 августа 1908 г. секретарь ПАО Н. Ф. Окулич-Казарин направил на место пребывания П. П. Покрышкина во Пскове записку, в которой сообщалось, что «на набережной р. Великой, под Довмонтовой стеной, рабочие разрыли берег и обнаружили его профиль, состоящий из ряда слоев с остатками кострищ, черепов и проч.». Работы удалось приостановить лишь при помощи полиции. Осмотрев указанное место, П. П. Покрышкин тут же телеграфировал в Комиссию об опасности, угрожающей сохранности стены, и о необходимости обязательного технического исследования фундамента до продолжения работ. Уже 30 августа особая комиссия произвела осмотр стены на месте, дальнейшая выемка земли была признана недопустимой, так как в слоях были обнаружены остатки деревянных лежней, изразцы XVI в., каменные ядра, целые костяки, нательные кресты, а также «херсоно-византийская монета» Василия I, Константина VIII и Льва VI 870 г. Специалисты особой комиссии вынесли решение обязать Псковскую управу восстановить целостность насыпи под обязательным наблюдением представителя ПАО (1894 г., д. 12, л. 34, 40 об., 44, 57 об.).

Начиная с 1910 г. П. П. Покрышкин привлекал к архитектурным исследованиям на Северо-Западе К. К. Романова. Так, в 1910–1911 гг. К. К. Романов руководил обследованием Изборской крепости Псковской губернии. В ноябре 1910 г. на собрании разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества К. К. Романов представил альбомы обмеров, снимки и коллекцию предметов, найденных при

Изборская крепость. Вид с востока. 1910 г. (ФА, О.1678/13)

раскопках. Председатель собрания Н. И. Веселовский высоко оценил архитектурные исследования Изборской крепости, проведенные под руководством К. К. Романова, и признал их уникальность на тот момент «по обширности, законченности и точности» среди всех работ по изучению крепостной архитектуры (Известия ИАК. Приб. к вып. 39. 1911: 13–14). Изборской крепости угрожало не только время. В 1911 г. на реставрационном заседании ИАК, где рассматривалось отношение РВИО о необходимости укрепления башен Изборской крепости, К. К. Романов отмечал, что «в Изборске развелось много кладоискателей, которые немало портят и крепость» (Известия ИАК. Вып. 44. 1912: 60–61).

В 1912 г. на одном из собраний разряда К. К. Романов вновь доложил о результатах раскопок и обмеров Изборского тайника, произведенных под его руководством в 1911 г., продемонстрировал план, разрезы и фотоснимки тайника (Записки разряда... 1912: XVII). В 1913 г. он занимался изучением Гремячей башни, которая частично обрушилась годом раньше. По запросу ПАО Комиссия направила П. П. Покрышкина для обследования этого участка и для обсуждения необходимых мер для охраны псковских стен. После этого на реставрационном заседании в начале 1913 г. был принят план ремонтных работ, осуществление которых взяло на себя Псковское общество на ассигнованные МВД и Городской думой средства. План включал в себя починку упавшей части стены и превентивные меры против падения соседнего участка, укрепление Ввозских ворот и стены городского сада, а также закрепление боковых частей Баториева пролома. В качестве научного консультанта назначался П. П. Покрышкин. Непосредственным исполнителем работ стал студент Академии художеств В. С. Биркенберг,

которому по просьбе К.К. Романова был выдан лист на право обмера, изучения и фотографирования башни. После проведения первоначального обследования было установлено, что башня подвергается разрушению сверху от выветривания и снизу от весенних разливов. Затем были произведены раскопки в основании башни, открывшие подвальное помещение и ведущую в него каменную лестницу, что позволило К.К. Романову прийти к некоторым выводам о времени и этапах постройки башни, а также укрепена разрушавшаяся верхняя часть башни (Журнал ИРВИО 1913: 564–565; Известия ИАК. Приб. к вып. 57. 1915: 2). В 1916 г. К.К. Романов по заданию ИАК принимал участие в утверждении проекта и определении места постройки нового храма в г. Изборске (Известия ИАК. Вып. 64. 1917: 70).

Псков. Гремячая башня. 1913 г. (ФА, О.1753/4)

Несмотря на то что работы К.К. Романова

по архитектурному изучению крепостных сооружений Пскова и Изборска являлись частью научной программы Императорского Русского военно-исторического общества по исследованию «древних укрепленных мест», ИАК принимала активное участие в этом проекте. Архитектор разработал несколько подробных методических рекомендаций, на основе которых должны были производиться работы по программе. Он составил правила архитектурных измерений и обмеров крепостных конструкций, которые предусматривали всестороннее обследование памятников, и требования к фотофиксации древних крепостей, практически полностью соответствующие современному уровню методики полевых работ (Записки разряда... 1911: XXVI–XXVIII).

К делу сохранения псковской крепостной старины П. П. Покрышкин привлекал и компетентных местных архитекторов, в частности младшего архитектора Псковского строительного отделения Н. И. Клименко. К сожалению, подобных специалистов существовали единицы (Памятники архитектуры 2002: 353). П. П. Покрышкин отмечал, что он придает «громадное значение своевременному появлению на местах сведущих людей», относя к таким среди псковских специалистов еще и А. А. Подчекаева (РА, ф. 21, д. 11, л. 2).

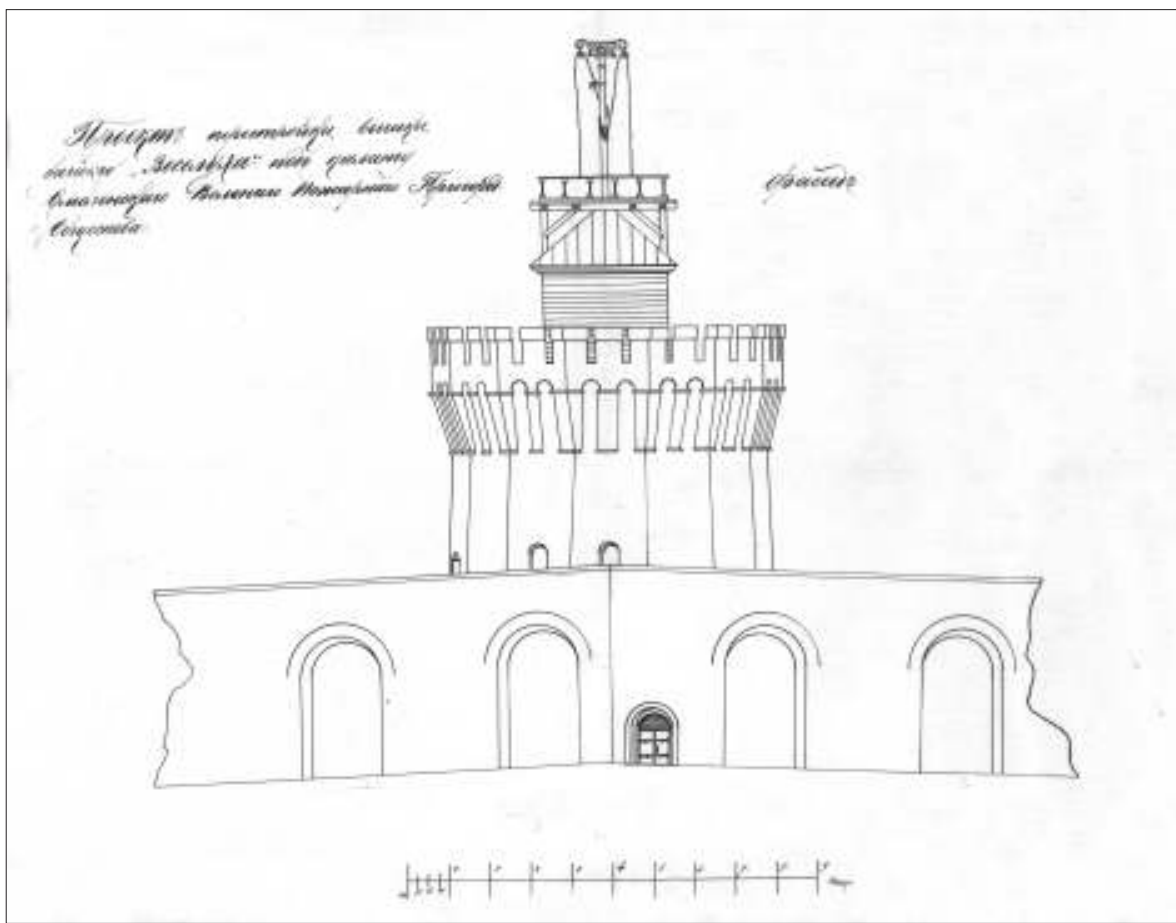
В течение 1911–1917 гг. К. К. Романов совместно с П. П. Покрышкиным по поручению ИАК продолжали наблюдение за состоянием псковской крепостной стены (Известия ИАК. Вып. 44. 1912: 80–82; Известия ИАК. Вып. 48: 1913: 31–32; Известия ИАК. Вып. 59: 1915: 5–6, 37–38; Известия ИАК. Вып. 64. 1917: 71; Известия ГРАК. Вып. 66. 1918: 124–128). Однако необходимо признать, что эти мероприятия носили экстраординарный характер и не могут рассматриваться как систематическое научное архитектурно-археологическое изучение памятника и как меры по ежегодному проведению профилактических работ для поддержания его стабильного состояния. Еще в 1912 г. в ИАК поступила резолюция участников Всероссийского съезда художников, на котором обсуждались проблемы охраны российских древностей, в том числе и сохранение крепостных стен Пскова. В ней, в частности, говорилось: «В настоящее время часть древних стен сохранилась хорошо, другая же начинает разрушаться в особенности по причине того, что горожане берут из нее камень для фундаментов, целый ряд стен угрожает падением. Не лучшая участь постигает и башни. Расположенные вблизи казарм, эти ценнейшие памятники древности приводятся в безобразное состояние солдатами. Просьба, обращенная к военному начальству, осталась тщетной» (1894 г., д. 12, л. 104 об.). Ввиду этого участники Съезда обратились в ИАК с просьбой о содействии в вопросе организации охраны крепостных сооружений Пскова. Археологическая Комиссия предложила ПАО озаботиться составлением сметы этих мероприятий для последующей передачи в Министерство внутренних дел. В 1915 г. на одном из своих реставрационных заседаний ИАК поддержала смету и проект общества.

Последний раз Археологическая Комиссия занималась судьбой псковских крепостных стен в 1917 г. В обстоятельствах военного времени в Комиссию поступило настоятельное ходатайство о том, что для нужд Псковской электрической станции необходимо устроить проезд в древней стене у Мстиславской башни. В письме подчеркивалось, что электростанция является предприятием, работающим на оборону, и отсутствие указанного проезда тормозит доставку топлива с берега р. Великой. Специалисты ИАК не могли препятствовать такому требованию, но тем не менее П. П. Покрышкин съездил во Псков, после чего высказал свои рекомендации, каким образом можно проделать отверстие с минимальным ущербом крепостным конструкциям.

Еще одним значимым и продолжительным, хотя и не во всем последовательным деянием ИАК в деле сохранения российского оборонного зодчества было ее участие в реставрации смоленских крепостных стен. После достойного сожаления разрешения С. Г. Строганова в 1866 г. разобрать часть укреплений ИАК некоторое время не возвращалась к этому вопросу. Однако в мае–июне 1888 г. в Комитете министров слушалась записка министра внутренних дел «Об изъятии смоленской крепостной стены» из ведения местного земства и передаче ее губернскому начальству. В связи с этим встал вопрос о ее печальном состоянии, и 31 июня было решено основать «Комиссию по охранению, надзору и приведению остатков древней смоленской крепостной стены в безопасное положение» под председательством смоленского губернатора. Было также решено, что работы будут проводиться при ближайшем участии ИАК, которая должна была за свой счет командировать в Смоленск одного из своих членов. Все эти положения были утверждены императором 10 июня (1888 г., д. 18, л. 9–12).

Смоленск. Крепостная стена в процессе разрушения. Памятник П. И. Энгельгардту и Малаховские (Молоковские) ворота. 1902 г.
Фото Миницинского (1888 г., д 18 д, л. 4)

Смоленск. Проект реконструкции башни Веселуха. 1908 г. (1888 г., д. 18 а, л. 229)

13 декабря 1888 г. Смоленская Городская дума решила приступить к строительству водопровода и использовать для этого одну из крепостных башен между Никольскими и Малаховскими воротами, в связи с чем ею был направлен запрос в Комиссию. ИАК в принципе не возражала (Там же, л. 13). 4 апреля 1889 г. МВД передало в ИАК инструкцию «по поддержанию стен», разработанную Техническо-Строительным комитетом, и уже 10 мая для осмотра смоленских стен был отправлен В. В. Суслов. Одновременно ему было поручено осмотреть развалины двух древних храмов и оценить, насколько эти развалины «заслуживают внимания, дальнейшего исследования и охранения». Очевидно, речь шла о соборе на Протоке и церкви в устье р. Чуриловки, исследовавшихся соответственно в 1867–1868 и 1885 гг. (смотри выше). 25 мая В. В. Суслов, будучи в Смоленске, одобрил строительство водопроводного бака на крепостной стене. Тем временем 9 июня МВД запросило у ИАК уточняющие инструкции для работ по реставрации стены, которые должна была возглавить «смоленская комиссия» (Там же, л. 18–19 об., 23–26, 27, 30, 32, 36).

В октябре 1896 г. смоленский губернатор ходатайствовал перед Комиссией о возможности превратить пешеходную калитку у Никольской башни в районе Офицерской слободки в проездные ворота. Он искренне полагал, что ущерб памятнику это не нанесет, потому что «такой же точно стены останутся рядом еще многие сотни саженей». 11 декабря 1896 г. свое заключение ИАК предложил Н. В. Султанов, которому, судя по всему, в выработке

Смоленская крепостная стена. Евстафьевская, Никольская и Четыреугольная башни. Фото В. В. Су-
слова 1902 г. (1888 г., д. 18 а, л. 231)

правильного подхода помогал местный краевед К. Я. Маевский, еще в ноябре 1887 г. подготовивший смету на ремонт стен на сумму 141 410 руб. 17 коп. (1888 г., д. 18 а, л. 1–50 об.). Комиссии предлагалось перед вынесением окончательного решения еще раз запросить и рассмотреть губернаторский проект (1888 г., д. 18, л. 69–70).

В марте 1898 г. в Смоленске возник проект срытия средневековых валов в районе Авраамиевской улицы для застройки прилегающей территории жилыми домами, тогда как полученная при срытии земля должна была пойти на засыпку рвов. Гласный Городской думы С. П. Писарев выступил против проекта и обратился в ИАК. 31 марта губернатор приостановил принятое решение, предвидя протест ИАК, который так и не последовал. Комиссия запросила лишь дополнительную информацию по этому поводу и 27 апреля отвечала, что «на снятие земляного вала и засыпку рва... со стороны Комиссии препятствий не встречается». Точно так же не встретилось препятствий и к превращению калитки у Никольской башни в широкие проездные ворота (Там же, л. 74–75, 77–78, 80, 81–83).

Это вызвало возмущенные публикации Н. Энгельгардта в местной прессе «о варварстве под видом реставрации». Вообще надо отметить, что ИАК постоянно реагировала на газетные сообщения о небрежении памятниками старины. Так, 10 ноября 1906 г. А. А. Бобринской писал смоленскому губернатору по поводу заметки в «Новом времени» о расхищении крепостной стены на строительный материал (1888 г., д. 18 в, л. 3). В декабре

Смоленск. Троицкий пролом. Начало XX в. (1888 г., Д. 18 6, л. 242-243)

1913 г. ИАК вновь пришлось обратить внимание смоленского губернатора на факты расхищений в 1911 и 1912 гг. остатков крепостной стены Смоленским городским самоуправлением, однако в этот раз речь уже шла не о кирпиче, а о белокаменных фундаментных блоках (1888 г., д. 18 б, л. 237).

В 1902 г. княгиня М. К. Тенишева предложила разместить свой музей в Никольской башне. 8 января 1903 г. для осмотра помещений в Смоленск был командирован П. П. Покрышкин, который уже 27 января писал о нежелательности такого «приспособления», поскольку в данном случае планировалось расширение башенных бойниц, тогда как Никольская башня осталась единственной в своем роде. Тогда же «Смоленская комиссия» запросила в ИАК разрешение на устройство пролома в крепостной стене в районе Александровской улицы, на что 18 февраля разрешение все-таки было получено, однако при условии, что работы не должны были затрагивать пилястров, а самому пролому должен был быть придан вид арки (1888 г., д. 18, л. 86, 92, 96–99, 100, 106–107). Очевидно, что в вопросах сохранения древности эстетический подход преобладал над стремлением к сохранению целостности исторической информации.

В конце 1900-х гг. появился целый ряд проектов по приспособлению крепостных башен для различных нужд растущего города. 24 сентября 1907 г. «Смоленская комиссия» просила разрешить пристройку к Воскресенской башне, в которой на втором этаже уже была устроена церковь свт. Тихона Задонского. 28 августа 1908 г. такое разрешение от ИАК было получено при условии сохранения древних ходов в стене (1888 г., д. 18 а, л. 52, 64). В сентябре 1908 г. Смоленское пригородное пожарное общество пыталось сделать наблюдательный пункт в башне Веселуха, что ИАК не признала возможным, поскольку проект предполагал строительство деревянной беседки над башней (Там же, л. 67, 68). 12 сентября 1909 г. местная комиссия препроводила в ИАК просьбу Смоленской Городской управы, которая, «в целях повышения давления в водопроводной сети», предполагала надстроить «водонапорную колонку» над Евстафиевской башней, что ИАК было разрешено 19 ноября (Там же, л. 70, 75). В июле 1908 г. поступило предложение приспособить Долгачевскую башню под водонапорный бак, к чему препятствий не встретилось. Впрочем, «Смоленская комиссия» дала разрешение на строительство баков только при условии, что Городская управа сделает деревянные перекрытия на остальных 6 еще не покрытых башнях (Там же, л. 132, 133, 138, 141).

Собственно, реставрационные работы на смоленской крепостной стене, которые были связаны с именем Н. В. Султанова, начались лишь в конце 1900-х гг. В это время регулярно стала собираться и местная «Комиссия по поддержанию» смоленских стен. Еще в октябре 1907 г. зашла речь о восстановлении зубцов на крепостной стене у Троицкого пролома. По проекту К. Я. Маевского для подобных целей предполагалось употреблять кирпич из разобранных участков, однако в это время «Смоленская комиссия» провозгласила «освободительное движение» от «сметы Маевского» (Там же, л. 90, 104–104 об.). Почти одновременно в результате осмотра, произведенного Н. В. Султановым в сентябре 1907 г., выяснилось, что участки крепостной стены сохраняются лучше там, где существуют бульвары, и местная комиссия в своем заседании 28 сентября просила Городскую управу устроить такие бульвары по возможности на большей протяженности стен (Там же, л. 106–108 об.). Эта же комиссия на своем заседании 8 мая 1908 г. запланировала устройство крыш над всеми башнями, а также расшивку трещин на некоторых из них, в частности на Гуркинской. 25 июня ИАК согласовала намеченные работы. Весной 1913 г. Смоленская губернская земская управа планировала приспособить под архив Долгачевскую башню, что 7 мая было согласовано с ИАК (1888 г., д. 18 б, л. 142, 144). Вообще, стоит отметить постоянную переписку «Смоленской

комиссии» с ИАК по согласованию планируемых реставрационных мероприятий (1888 г., д. 18 а, л. 165–166, 168–169).

В конце 1900-х гг. охрана и реставрация смоленской крепостной стены вступили в новую фазу. В январе 1910 г. осмотр памятника и знакомство с реставрационным архивом были поручены ИАК П. П. Покрышкину (1888 г., д. 18 б, л. 1). На заседании «Смоленской комиссии» в декабре 1909 г. на будущий год был намечен перебор кладки зубцов (Там же, л. 6, 13 об.). Работы должен был производить архитектор Ю. Коноплянский. В декабре 1910 г. по ходатайству ИАК МВД согласовало с Министерством финансов вопрос о выделении 5000 руб. для изготовления точных чертежей и фотографий стены, всего же по смете на 1911 г. было запрошено 13 344 руб. 13 коп.

Весной и летом 1911 г. заседания «Смоленской комиссии» были особенно частыми. Проведение ремонта в том году планировалось между Малаховскими воротами и «Губернаторским» проломом (Там же, л. 45, 61 об.). На заседании комиссии 16 сентября ввиду предстоящих юбилея войны 1812 г. и дома Романовых в 1913 г. было решено сделать мощную тропу вдоль всей стены шириною в 1, 5 аршина (Там же, л. 84–84 об.; 1 аршин = 0, 711 м). Впрочем, эта идея натолкнулась на проблему собственности. Реализация «прообраза охранной зоны» так и не состоялась. В мае 1913 г. «Смоленская комиссия» запрашивала ИАК, кому принадлежит стена: казне или местному самоуправлению, и в «чьем ведении должна находиться трехсаженная полоса земли вокруг крепостной стены» (Там же, л. 149).

Существовали проблемы методологического и технического характера, связанные прежде всего с системой гидроизоляции. 11 мая 1913 г. П. П. Покрышкин направил в ИАК рапорт о том, что предложенный ранее проект по строительству асфальтовых покрытий на спусках с фасадов стен не исполняется ныне, так как был остановлен Техническо-Строительным комитетом из-за его высокой стоимости. 14 октября 1913 г. «Смоленская комиссия» обратила внимание ИАК, что асфальтовое покрытие, делаемое по проекту инженера В. В. Иванова, весьма неудачно, в нем образуются трещины, а попадающая внутрь вода наносит еще больший вред, чем вода, попадающая под бетонную кору. Необходимо было поставить вопрос о водонепроницаемом покрытии на всю стену. Техническо-Строительный комитет МВД в ноябре 1913 г. предлагал дешевое и прочное покрытие из кирпича-полужелезняка на цементном растворе, причем самому покрытию нужно было придать уклон. Однако здесь вставал вопрос о качестве материалов, хотя 10 декабря ИАК все же предложила «Смоленской комиссии» «опробовать» новое покрытие в 1914 г. (Там же, л. 147, 163, 179, 186).

27 февраля 1914 г. произошел обвал наружных пластов кирпичной кладки на башне Веселуха, и 8 августа 1914 г. «Смоленская комиссия» составила смету и проект по укреплению некоторых участков крепостной стены путем устройства железобетонных карнизных плит, что, впрочем, по отзывам специалистов, несколько нарушало форму стены (Там же, л. 194, 206). В 1916 г. обсуждался проект заделки трещин в башне Донец, однако главной проблемой оставался вопрос о собственности на землю в предполагаемой охранной зоне памятника. 28 ноября 1916 г. «Смоленская комиссия» вновь писала П. П. Покрышкину и в ИАК по поводу самовольной застройки трехсаженной полосы земли рядом с крепостью, «необходимой для целей постоянного наблюдения за сохранностью стены и производства работ по укреплению фундамента и разрушающихся от времени участков». Главное управление МВД по делам местного хозяйства в ответ на запрос ИАК указывало, что согласно плану г. Смоленска, утвержденному 18 октября 1897 г., «вдоль древней крепостной стены на значительном ее протяжении, значится полоса земли различной ширины, не подлежащая застройке». Однако, судя по городовому положению 1899 г., эта территория действительно принадлежала

городу, и в данном случае давали себя знать противоречия внутри российского законодательства (Там же, л. 219–221, 229–231). Несмотря на некоторую «мозаичность» мероприятий ИАК в деле охраны и реставрации смоленской крепостной стены, необходимо отметить не только важную роль Комиссии в их позитивном исходе, но и формирование за это время механизма взаимоотношений различных органов, так или иначе связанных с эксплуатацией и реставрацией памятника. Городская управа или губернатор изначально обращались в местную комиссию, которая, после соответствующей экспертизы, переправляла это ходатайство на согласование в ИАК. Так хозяйственные и реставрационные мероприятия были заключены в рамки многоступенчатого контроля.

Иначе складывалась судьба Серпуховского кремля, роль ИАК в сохранении которого стоит признать достаточно противоречивой.

3 апреля 1889 г. в Комиссию поступили письмо из МВД и комплект документов о состоянии памятника. В письме кратко излагалась история реставрации памятника при Николае I, когда здесь была возобновлена часть кремлевских стен. В 1880-е гг. с инициативой ремонта выступили сами жители Серпухова, которые обратились в поддерживавшее их МАО. Поскольку, согласно ст. 183 Устава строительного, расходы на содержание памятника должны были покрываться за счет городов, а Государственное казначейство участвовало в таком финансировании лишь при недостатке средств, то МВД просило Комиссию рассмотреть проект, дабы использовать ее мнение при получении финансирования за счет казны, ибо МАО уже возбудило соответствующее ходатайство (1889 г., д. 31, л. 1–9 об.).

Ответ А. А. Бобринского от 17 апреля 1889 г. был выдержан еще вполне в духе взглядов С. Г. Строганова. Он указывает, что из приведенного описания «не видно, чтобы стены...

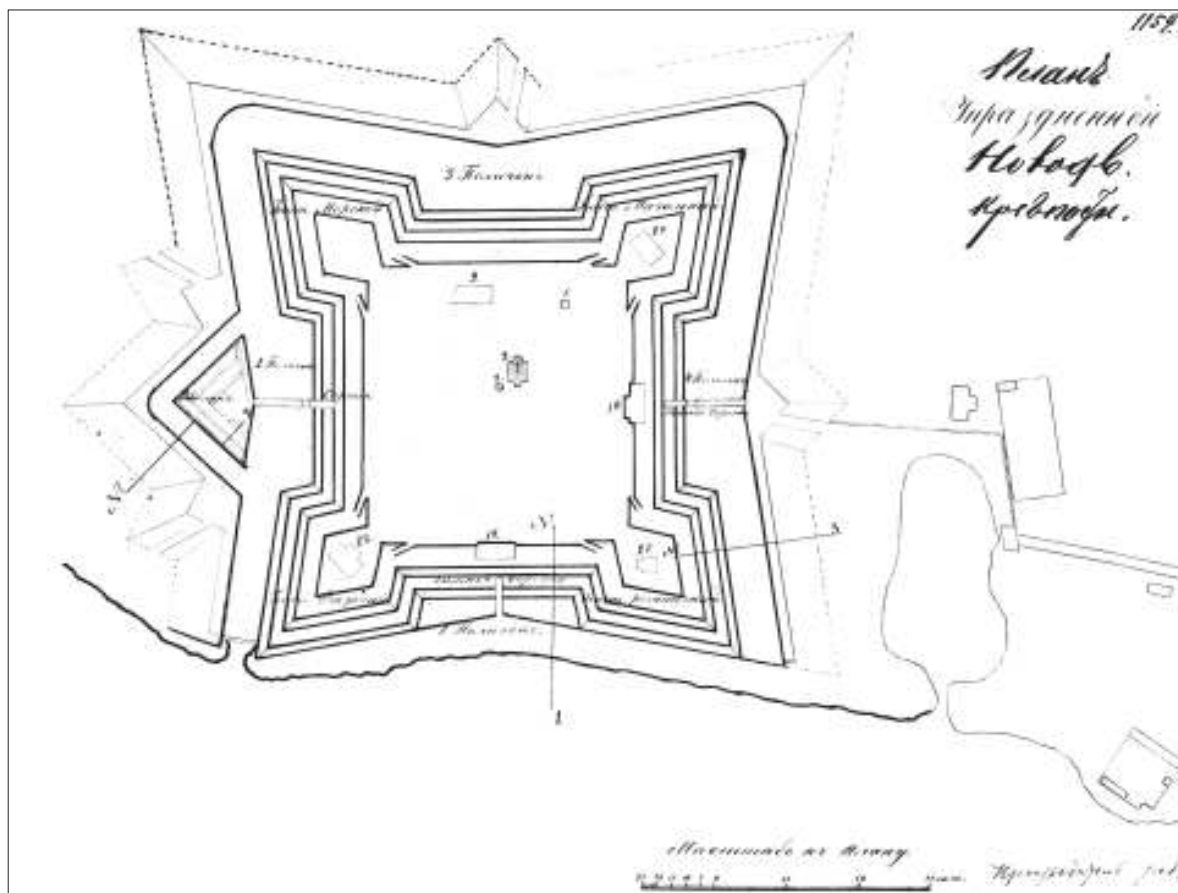
Серпухов. Вид части крепостной стены около собора. Фото П. П. Покрышкина 1915 г. (ФА, О.354/1922)

в археологическом или техническом отношении представляли такое замечательное сооружение, поддержка которого составляла существенную для науки и искусства потребность и требовала бы отпуска из казны столь значительной суммы» на восстановление незначительной сохранившейся части кремля. Однако, «ввиду поддержания в обществе любви к хранению вещественно-исторических памятников старины», ИАК признает желательным, чтобы местные власти, по возможности, изыскали средства к реставрации (Там же, л. 10–11). МВД, не удовлетворенное таким ответом, 9 ноября 1890 г. вновь запрашивает Комиссию о возможности выделения средств на реставрацию за счет казны и 23 января 1891 г. получает окончательный ответ: «виду отсутствия местных средств» ИАК «остается при своем мнении» и «находит непроизводительным ассигнование денег со стороны казны на временное восстановление незначительной части означенных стен» (Там же, л. 11–12, 14).

В то же время ИАК выступала в роли защитника памятников оборонного зодчества нового времени. 15 декабря 1897 г. архангельский губернатор обратился в ИАК с просьбой разрешить разборку части стен Новодвинской крепости, построенной в 1701 г. и упраздненной в 1863 г., для строительства Архангельско-Вологодской железной дороги. 5 февраля 1898 г. выяснилось, что о том же просил и местный епископ Иоанникий (Надеждин) через Святейший Синод, в надежде употребить камень в нужных ему целях. Одновременно выяснилось, что крепостные камни расхищались и местными жителями. В 1898 г. Археологическая Комиссия однозначно запретила разрушать памятник, состояние которого было описано в акте от 22 июня 1898 г. В 1911 г. по требованию ИАК охрана крепости была возложена на чины местной уездной полиции, а в сентябре того же года крепость осматривал П. П. Покрышкин (1897 г., д. 276, л. 1, 11, 12–14, 38–43, 60).

Помимо оборонного зодчества в середине 1880-х гг. ИАК приходилось иметь дело с памятниками гражданской архитектуры, в частности с реставрацией дворца царевича Дмитрия в Угличе (1888 г., д. 41; Памятники архитектуры 2002: 268–272). В 1887 г. всеподданнейший отчет о состоянии Ярославской губернии был внесен в Комитет министров, после чего управляющий делами Комитета отправил соответствующее письмо в Министерство императорского Двора. В отчете сообщалось, что по инициативе губернатора генерал-майора А. Я. Фриде, при участии предводителя дворянства и по благословению епископа в губернии планировалось «восстановление в прежнем виде уцелевшей до наших дней части терема или так называемого дворца царевича Дмитрия, приписанного к городской церкви царевича Дмитрия». На отчете против этого предложения последовала отметка самого Александра III «Весьма желательно», о чем 28 июня 1888 г. и было решено сообщить в министерство.

13 июля А. А. Бобринской, которому были переправлены эти документы, вкратце изложил министру историю реставрации памятников в России в XIX в. При этом, еще до появления высочайшего повеления 1889 г., он указывает на желательность того, чтобы реставрация была проведена по заранее обдуманному плану, выработанному специалистом по взаимному соглашению ИАК и Академии художеств. Почти одновременно, 28 июля, ярославский губернатор сам обращается в ИАК и спрашивает, не найдет ли Комиссия возможным, в соответствии с § 7 Положения 1859 г., командировать специалиста-архитектора для осмотра дворца с целью составления плана реставрационных работ и сметы. 3 августа ИАК обращается к Н. В. Султанову, который и выезжает в Углич, предоставляя в Комиссию свою докладную записку от 20 октября (Савельев 2003b: 185–187; Памятники архитектуры 2002: 268–272). Он отмечал печальное состояние дворца, груды мусора, трещины на его стенах, заложенные окна. Перед составлением детального плана реставрации он предлагал произвести раскопки внутри и снаружи, а также поставить

План Новодвинской крепости. Архангельская губерния (1897 г., д. 276, л. 15)

Новодвинская крепость. 1911 г. (1897 г., д. 276, л. 65)

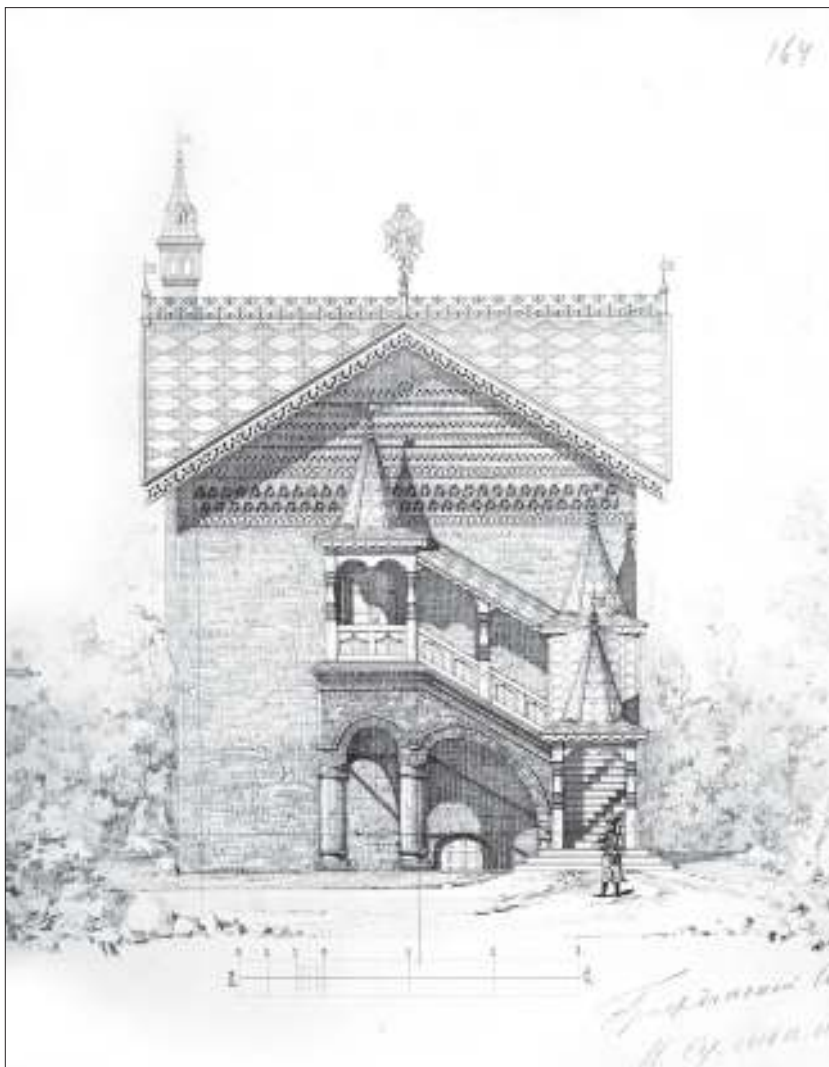
легкие леса для осмотра фасадов. Еще до проведения этих обследований он уже намечал ряд очевидных мер на будущее. Так, в число этих мер, зачастую вполне современных, входили: сломка новейшей каменной ограды, понижение уровня культурного слоя вокруг дворца, обводка нового фундамента в местах его разрушений, открытие заложённых проемов, «подделка» кирпичом на цементе отваливающейся части кладки, расшивка всех трещин, восстановление подвальных сводов, стяжка стен, создание древних слюдяных оконниц, починка крыши, восстановление лестницы в подвал, исследование древней стенописи и сломка нового уродливого крыльца и замена его другим, более подходящим по форме и стилю (1888 г., д. 41, л. 14–15 об.).

25 марта 1889 г. вся переписка по поводу предстоящей реставрации дворца была передана из МВД в ИАК. 22 июня того же года под руководством Н. В. Султанова начались раскопки. Через год проект, им разработанный (Там же, л. 120–135 об.) и представленный ярославским губернатором в Техническо-Строительный комитет МВД, был одобрен с «частными замечаниями». Здесь же и выяснилась подоплека губернской инициативы: 15 мая 1891 г. исполнялось 300 лет со дня убийства царевича, и губерния хотела успеть завершить реставрацию именно к этой дате.

Впрочем, проект с самого начала вызвал критику. Так, видевший его В. Верещагин выступал против по эстетическим соображениям; в частности, он находил предлагаемый эскиз крыльца «игрушечным» и «пряничным». Осенью 1890 г. в газете «Новое время» появилась информация о том, что во время новых раскопок во дворце было найдено много церковных древностей, и 5 ноября 1890 г. ИАК обратилась к губернатору с просьбой выслать сами вещи или их рисунки. Однако 18 декабря губернатор не только сообщил о недостоверности информации о новых раскопках и находках, но и прислал на согласование проект И. А. Шлякова взамен предложенного Н. В. Султановым. При обсуждении нового проекта вновь столкнулись позиции ИАК и МАО.

Летом 1890 г. И. А. Шляков наблюдал за археологическими зондажами, которые были сделаны только перед древними окнами. Тогда же, как становится ясно из его пояснительной записки 1890 г., выяснилось, что в расчеты Н. В. Султанова вкралась ошибка. Длина северного фасада от западного угла до дверного проема верхнего этажа составляла 5 аршин 15,5 вершков, тогда как у Н. В. Султанова значилось 4 аршина 9 вершков (1 вершок = 44, 38 мм, о соотношении аршина и метрической системы смотри выше). Тогда же была открыта и подвальная лестница, что также затруднило создание запланированной Н. В. Султановым пристройки. За образец для своего крыльца И. А. Шляков взял соответствующую конструкцию Архирейского дома Ростовского кремля. Основным отличием от проекта Н. В. Султанова здесь было повышение крыши на 12 вершков, ее медное покрытие, а также непосредственная пристройка крыльца к стене здания взамен соединения ползучими арками (Там же, л. 104 об., 106, 113 об., 117 об.).

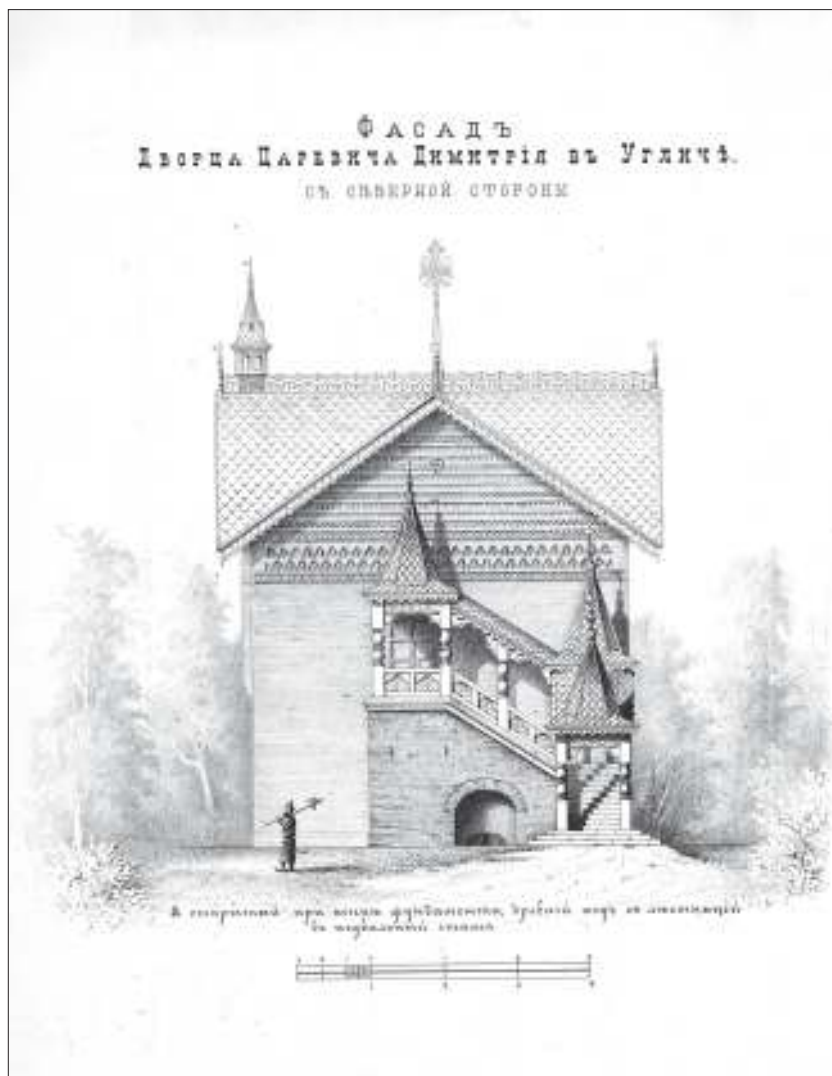
25 января 1891 г. состоялось заседание ИАК по проекту реставрации, предложенному ярославским губернатором. Одним из его новшеств было восстановление калориферного отопления. Поступило предложение о проведении новых раскопок и обследовании стен на предмет обнаружения остатков сводов, которые предполагалось восстановить. В отношении самого спорного момента — висячего крыльца — было озвучено предложение В. В. Сулова о том, чтобы сделать его деревянным (Там же, л. 40–41). Однако в целой серии писем: 14 февраля, 18 февраля и 9 марта губернатор продолжал настаивать на строительстве именно каменного крыльца, угрожая тем, что если крыльцо будет деревянным, то члены МАО, входящие в состав губернской комиссии, могут выйти из нее. Местный проект все же был доработан с учетом мнения Комиссии,

Углич. Северный фасад дворца царевича Дмитрия. Эскизный проект Н.В. Султанова (1888 г., д. 41, л. 162)

хотя итоговые чертежи так и не были присланы в Петербург. На заседании губернской комиссии по восстановлению дворца 29 февраля 1891 г. было решено указания ИАК принять к сведению и «в чем окажется возможным, к точному и неперменному исполнению» (Там же, л. 94–96 об.).

В конце марта министр внутренних дел все же предложил не форсировать реставрацию к юбилею, но лишь ограничиться некоторыми необходимыми работами, в том числе и строительством временной лестницы вместо крыльца «во избежание ошибки», о чем было сообщено ярославскому губернатору. Одновременно с реставрацией дворца ИАК участвовала и в судьбе угличского колокола, сосланного в 1593 г. в Тобольск. Еще в октябре 1888 г. в Комиссию обратился директор Петербургского Археологического института Иван Ефимович Андреевский (1831–1891) с просьбой о содействии в возвращении колокола, о необходимости которого говорилось в письме уполномоченного Угличской Городской думы Л. Ф. Соловьева.

Углич. Северный фасад дворца царевича Дмитрия. Эскизный проект И. А. Шлякова (1888 г., д. 41, л. 164)

Однако главные труды ИАК в области реставрации были сосредоточены на памятниках церковной старины. В середине 1880-х гг., еще до официального поручения ИАК вести надзор за судьбой памятников архитектуры, Комиссия оказалась вовлечена в целый ряд реставрационных проектов, связанных с христианскими древностями. В сентябре 1886 г. ИАК обратилась к обер-прокурору Святейшего Синода в связи с появившейся в прессе информацией о раскопках А. В. Прахова в Успенском Мстиславовом храме, якобы предпринятых по благословию местного епископа (*подробнее смотри главу I*). На самом деле инициатором археологических работ, предваряющих реставрацию храма, выступил волынский губернатор, озабоченный восстановлением памяти о Древней Руси в полонизированном Юго-Западном крае.

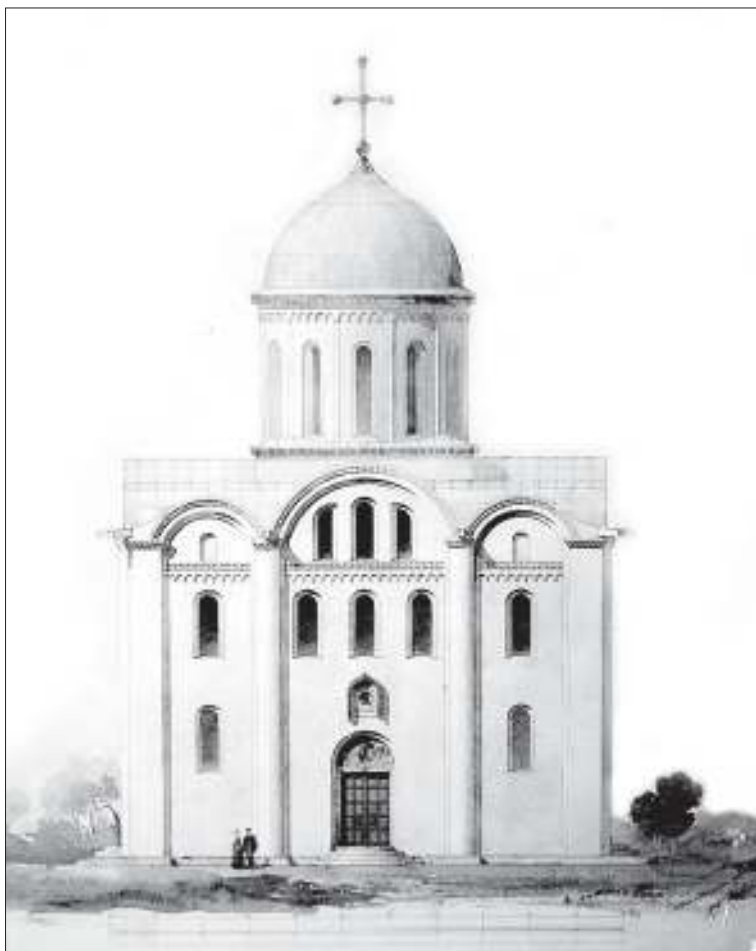
В ответ на озабоченное письмо Комиссии губернатор В. В. фон Валь 20 октября 1886 г., сообщая о древности храма и намерении провести его реставрацию, писал о создании местной

Владимир-Волынский. Успенский храм. 1880-е гг. (1886 г., д. 65 а, л. 118)

комиссии, в которую помимо А. В. Прахова входили В. Б. Антонович и член-секретарь Киевской археографической комиссии Левицкий. Извещая, что основной задачей раскопок были очистка церкви от мусора и исследование ее подземных частей, губернатор гарантировал, что автором раскопок будут предоставлены в ИАК надлежащий отчет и опись вещей. Уже 30 октября в Петербург было отправлено следующее письмо, где говорилось не только о том, что А. В. Прахов уехал за границу, а отчет должен составить мировой судья Дворницкий, но и о том, что раскопки храма предполагается продолжить на будущее лето. В связи с этим губернатор спрашивал, не сочтет ли нужным ИАК назначить своего члена для проведения исследований. Отчет поступил в Комиссию только в начале 1887 г. (1886 г., д. 65 а, л. 14–21 об.), но уже 20 января 1887 г. стало известно, что А. В. Прахов, в обход Комиссии, представил часть находок на высочайшее воззрение. Естественно, после этого предметы были переданы «по принадлежности» в ИАК, что вызвало длительную переписку о возможности их возвращения на Волынь.

После 1887 г. в деле о реставрации Успенского храма наступило затишье, и только в апреле 1890 г. А. В. Прахов наконец предоставил проектную записку (Там же, л. 35–67), обсуждение которой в Комиссии было намечено 30 мая 1890 г. В заседании должны были принять участие Д. И. Гримм, Г. И. Котов и М. Т. Преображенский, однако до осени оно так и не состоялось. Из имеющихся письменных отзывов членов ИАК, в частности И. И. Толстого и Н. П. Кондаков, становится ясно, что проект А. В. Прахова уже летом 1890 г. был оценен критически. Приложенные к тексту рисунки не представляли, по мнению членов ИАК, архитектурного

Эскизный проект реставрации Успенского храма во Владимире-Волынском, выполненный Г.И. Котовым (1886 г., д. 65 а, л. 137)

проекта и не давали материала для серьезного анализа, а по-сему Комиссия воздержалась от суждения о стиле предполагаемой реставрации и его отношении к древнему памятнику, тем более что предлагаемое восстановление «удаляется от русско-византийского стиля в архитектуре». Современные исследователи также затрудняются оценить проект 1890 г. однозначно, поскольку в реконструкцию облика вносились художественные элементы, оправданные не анализом руин самого памятника и возможных аналогов, а концепцией мемориального храма, связанного с историей православия в крае и событиями 17 октября 1888 г. — спасением царской семьи в железнодорожной катастрофе у с. Борки Харьковской губернии (Памятники архитектуры 2002: 254).

24 января 1891 г. обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев командировал для обсуждения проекта в ИАК Ф. И. Чагина и Н. В. Покровского.

Оно состоялось наконец 1 января, однако проект был фактически отклонен. 27 мая 1893 г. генерал-губернатор вновь просил командировать члена ИАК для осмотра развалин и решения вопроса о способе «дальнейшего охранения останков», а также для того, чтобы понять, какие примыкающие постройки заслуживают сохранения и какие могут быть разобраны без ущерба для интересов «церковной археологии», поскольку местная комиссия не имеет «в числе своих членов необходимого для разъяснения вышеозначенного и подобных ему вопросов лица со специальным техническим образованием» (1886 г., д. 65 а, л. 87–88). ИАК решает командировать для этих целей Н. В. Покровского и В. В. Сулова, для чего В. Г. Тизенгаузен запрашивает у министра Двора кредит в 250 руб. По итогам поездки В. В. Сулов, совместно с Г. И. Котовым, сделали 27 октября доклад в ИАК.

24 апреля 1894 г. К. П. Победоносцев, ссылаясь непосредственно на повеление 11 марта 1889 г., направляет в ИАК два проекта восстановления храма: с одним куполом (стоимостью 59 051 руб.) и пятью куполами (68 295 руб.) и спрашивает, «не встречается ли препятствий со стороны Археологической Комиссии к возобновлению храма по одному из предложенных проектов». В мае оба проекта обсуждались в Комиссии. По заключению Г. И. Котова

и В. В. Сулова оба они противоречили формам византийской архитектуры, но лишь 19 октября обер-прокурора официально извещают, что ни один из проектов не может быть утвержден. Только в апреле 1896 г. появляется новый проект реставрации, подготовленный Г. И. Котовым, который и ложится в основу работ.

Однако настоящее начало практической реставрационной деятельности Комиссии было связано с работами в рамках проекта реставрации «трех древних сооружений во Владимирской и Псковской губерниях». 20 ноября 1886 г. в Комиссию из Министерства Императорского Двора поступила инициатива, привлекающая внимание ее членов к исследованию и реставрации памятников архитектуры. Фотограф и художник И. Ф. Барщевский, сотрудничавший с Русским археологическим обществом, Академией художеств и Московским археологическим обществом, представил министру записку о состоянии трех памятников русского церковного зодчества и иконописи: часовни близ Переславля-Залесского, Георгиевского собора в Юрьеве-Польском и собора Спаса в Псковском Мирожском монастыре с соответствующими фотографиями. Министр посчитал уместным обратить «при посредстве Императорской Археологической Комиссии» внимание надлежащих властей на желательность принятия возможных мер к сохранению этих сооружений, однако предварительно счел нужным проверить эту информацию (1886 г., д. 63, л. 1–1 об.). В развитие этой инициативы Комиссия запросила у И. Ф. Барщевского коллекцию его фотографий русского зодчества. К февралю 1887 г. в Петербурге получили 610 отпечатков, за что художнику выплатили 407 руб. Дополнительно ИАК получила еще 697 фотографий древних вещей, что положило основу формирования фотоархива Комиссии.

1 декабря 1886 г. Комиссия, понимая важность предполагаемого начинания, обратилась за консультациями к Н. В. Султанову с вопросом, насколько упомянутые памятники заслуживают сохранения и поддержки и каким способом было бы удобнее всего эти мероприятия осуществить (Там же, л. 9–9 об.). Н. В. Султанов в ответном письме 18 декабря указал на ценность памятников, реставрацию которых надлежало вести очень осторожно, с тем, чтобы «невредимо и неизменно сохранить то, что нам досталось в наследие от нашей старины». В отношении собора в Юрьеве-Польском меры должны состоять только в уничтожении новых пристроек, тогда как купол и алтарь не должны быть затронуты. Он также предлагал собрать и учесть все элементы каменной резьбы собора, которые со всей очевидностью находились во вторичном использовании. По поводу Мирожского собора было отмечено, что рассматриваемый памятник «весьма любопытен» и является одним из «немногих представителей „крестового” типа наших древних церквей». В качестве необходимых реставрационных мероприятий он предлагал удалить поздние угловые пристройки с западной стороны, чтобы вернуть собору первоначальные формы, однако, по мнению архитектора, колокольня должна быть оставлена в целости, «придать луковичной главе более древний силуэт и расчистить внутри древние фрески». В часовне в Переславле-Залесском следовало расширить кирпичом все трещины и покрыть железом шатровое завершение (Там же, л. 11–11 об.; Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 78).

Именно при обсуждении этих трех предполагаемых «точечных» реставраций у А. А. Бобринского рождается идея создания особой комиссии-совещания с участием представителей Академии художеств и Святейшего Синода (1886 г., д. 63, л. 16–19 об.), что позднее воплотилось в «Правилах о порядке рассмотрения Археологической Комиссией и Академией художеств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников», утвержденных министром Двора графом И. И. Воронцовым-Дашковым 31 октября 1890 г. (*подробнее смотри главу I*). Однако на первых порах подобные совещания носили несистемный характер, а сам

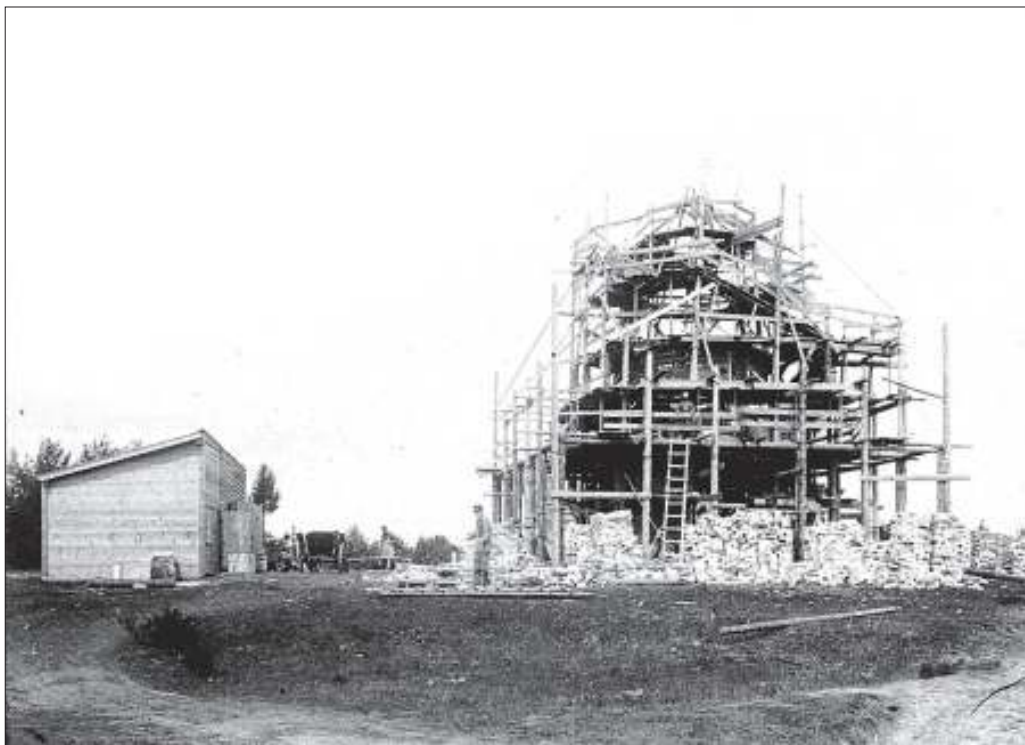
статус межведомственной комиссии оказывался чрезвычайным и не был окончательно определен, как будет ясно из дальнейшего. В развитие идеи А. А. Бобринского 14 февраля 1887 г. президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович докладывал государю о необходимости учреждении особой комиссии по реставрации указанных памятников в составе двух членов Академии художеств, двух членов ИАК и одного представителя от Святейшего Синода для решения «художественных и научно-археологических вопросов» (Там же, л. 67–68).

Весной того же года А. А. Бобринской отправил в Академию художеств соответствующее отношение, в котором приглашал ее представителей к участию в заседаниях планируемой комиссии, а также изложил соображения Н. В. Султанова. Академия 20 апреля 1887 г. ответила согласием, назначив в присутствие Д. И. Гримма. 5 марта А. А. Бобринской пригласил войти в члены комиссии В. В. Сулова как представителя ИАК. 29 апреля соответствующее приглашение было направлено обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву, который 8 мая определил в комиссию И. В. Помяловского.

Первое предварительное заседание «реставрационной комиссии» состоялось 18 мая 1887 г. в Академии художеств. Здесь непосредственным распорядителем работ был рекомендован В. В. Сулов. При этом отмечалось, что ему будет крайне сложно исполнить свою миссию без содействия местного клира, для чего было решено просить И. В. Помяловского обеспечить реставрации «особое покровительство от духовной власти». Окончательно межведомственная «Комиссия по реставрации Георгиевского собора в городе Юрьеве-Польском, Спасского собора в Мирожском монастыре в городе Пскове и двух часовен близ города Переславля-Залесского» под председательством великого князя Владимира Александровича была создана только 18 апреля 1888 г.

В основу реставрации должны были лечь эскизные рисунки В. В. Сулова, на которые было истрачено 5000 руб. Всего на работы планировалось потратить по смете 40418 руб. 31 коп. (Там же, л. 34–37). 4 февраля 1889 г. из казны выделено было 35418 руб., которые должны были поэтапно быть переданы в распоряжение президента Академии художеств (Там же, л. 65–65 об.). По сути дела, этим функции реставрации трех памятников во Пскове, Юрьеве-Польском и Переславле-Залесском буквально накануне официального опубликования высочайшего повеления 1 марта 1889 г. о полномочиях ИАК в деле сохранения монументальных древностей были переданы в Академию. В связи с этим Академия запросила Комиссию, как та видит свое участие в будущей реставрации, а также кто именно будет представлять ИАК на заседаниях реставрационной комиссии, поскольку В. В. Сулов официально становился руководителем проекта. 22 апреля А. А. Бобринской предлагает включить в состав членов новой комиссии, первое заседание которой должно было состояться 25 апреля, И. И. Толстого и Н. П. Кондакова.

Тем временем один из объектов реставрации часовня при Никитском монастыре в Переславле 21 мая 1889 г. окончательно разрушилась, превратившись, по сообщениям корреспондентов, «в кучу мусора». Поскольку архимандрит Наум, не вполне понимая разницу между МАО и ИАК, адресовал претензии московскому обществу, то П. С. Уварова 4 июня не преминула переслать их в Петербург и сообщала, что настоятель «выражает сетование и как бы претензию на то, что обещание, данное ему на восстановление часовни от лица Археологической Комиссии архитектором Суловым в истекшем 1888 г., не было приведено в исполнение». При этом подчеркивалось, что, поскольку МАО не занималось осмотром вышеуказанной часовни, а в отношении архимандрита Наума усматривается смешение понятий в именованных обществах и Комиссии, то общество считает своею обязанностью довести до сведения ИАК «о вышесказанном» (Там же, л. 71, 73–73 об.).

Часовня в Переславле-Залесском до и в процессе реставрации. Владимирская губерния
(1886 г., д. 63, л. 77-78)

Часовня в Переславле-Залесском после реставрации. Владимирская губерния
(1886 г., д. 63, л. 79)

По завершении работ сезона 1889 г. выяснилось, что произведенные расходы существенно не дотягивали до сметных размеров: В. В. Суслов израсходовал на Федоровскую часовню в Переславле и Мирожский собор лишь 7361 руб. На 1890 г. было запланировано «освоить» еще 10 000 руб., однако Министерство финансов не смогло гарантировать этих выплат. Все это создало дополнительные проблемы вокруг реставрации Спасского собора Мирожского монастыря во Пскове. Еще на своем первом заседании 18 мая 1887 г. члены особой комиссии полностью одобрили предложения Н. В. Султанова по его реставрации и поручили произвести предварительное обследование В. В. Сулову (Там же, л. 28–32). Он обмерил и сфотографировал памятник, составил подробные чертежи собора и в 1888 г. представил в особую комиссию проект его реставрации и программу дальнейших действий (Сулова, Славина 1978: 39–41). В. В. Суслов планировал вскрыть штукатурку, разобрать часть кровли, чтобы выяснить способ кладки стен и точнее отделить первоначальные формы храма от позднейших наслоений и переделок; вынуть часть пола, чтобы узнать, есть ли под собором подвалы; произвести шурфовку около стен для определения глубины фундамента и «толщины наносного слоя» (1886 г., д. 63, л. 52). Кроме суммы, выделенной на означенные реставрационные работы государством, иеромонах Мирожского монастыря Иоанн 14 сентября 1887 г. пожертвовал собственные 5000 руб. через игумена Павла на дело реставрации (Там же, л. 33). Сумма была положена в банк и должна была быть выдана доверенному лицу ИАК по его прибытии во Псков. 25 февраля А. А. Бобринской ходатайствовал о награждении иеромонаха наперсным крестом, что и произошло ко дню Пасхи (1886 г., д. 63 б, л. 1–1 об., 3, 6).

Псков. Спасский собор Мирожского монастыря. Фото И. Ф. Барщевского (ФА, О.491/13)

22 мая 1889 г. В. В. Суслов был командирован во Псков великим князем Владимиром Александровичем непосредственно от Академии художеств и приступил к исполнению намеченной программы исследований. Он поставил леса внутри собора, убрал иконостас, снял полы и начал отбивку штукатурки, которая так и не была закончена. Большого он сделать не успел, что обычно оправдывается тем, что новых сумм на производство реставрации отпущено не было (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 81). Однако собор был им оставлен в печальном состоянии: отбитая местами штукатурка, стоящие по стенам леса, разобранные иконостас, престол и каменные полы, незасыпанные шурфы.

Известно, что после окончания работа по калькированию фресок Мирожского собора в конце 1893 г. В. В. Суслов в своем докладе в ИАК констатировал ухудшение сохранности памятника. В частности он писал: «При постановке лесов в храме самые нижние части стен были защищены мною досками и мусор около них не отгребался, так как в основании стен штукатурка отваливалась, между тем на ней замечались признаки фресковой раскраски. Этими остатками я имел в виду руководиться при реставрации храма. В настоящее время многое уже утрачено, так как мое участие в судьбе собора исключилось с 1889 года, интереса же к этому у других лиц не последовало. Вообще собор за последние четыре года, оставаясь без всякого присмотра и рдения к его охранению, обветшал еще более, чем я нашел его в 1888–1889 гг.» (Там же: 83) Дальнейшие работы по восстановлению собора оценивались им как обычный ремонт, не соответствующий изначальным требованиям научной реставрации (ср.: Сусллова, Славина 1978: 42). Очевидно, роль самого В. В. Сусллова в происшедшем возможно оценить более объективно.

В связи со вступлением в силу высочайшего повеления 1889 г., 5 мая 1890 г. ИАК обратилась в Академию художеств с просьбой передать ей дело о реставрации Мирожского монастыря. Но скандал, связанный с работами В. В. Суслова во Пскове, уже начал набирать обороты (1886 г., д. 63 б, л. 14–29 об.). Прождав целый год, 18 ноября 1891 г. епископ Псковский Гермоген (Добронравин) просит Академию художеств закончить работы в храме, однако 22 февраля 1892 г. получает оттуда отписку о том, что созданная в 1888 г. межведомственная комиссия имела лишь компетенцию обсуждения художественных и археологических вопросов, которые могут возникнуть при реставрации, но не была обязана производить сами работы. Одновременно великий князь Владимир Александрович направил государю новый доклад, в котором просил возратить возглавляемой им комиссии ее первоначальное назначение, связанное с обсуждением исключительно теоретических моментов реставрации, а «ближайшее распоряжение» работами и суммами предоставить духовному начальству. Он просил перевести 10 000 руб. из Академии непосредственно монастырю, что отчасти и было сделано в начале февраля 1892 г.: на заделку трещин в стенах собора было выделено 1000 руб., тогда как общая сумма на реставрацию составляла 6466 руб. Очевидно, что замысел августейшего президента Академии полностью противоречил высочайшему положению 11 марта 1889 г. о полномочиях ИАК в деле реставрации монументальных памятников.

30 марта 1892 г. епархиальное начальство поручило игумену Павлу привести собор в порядок, однако буквально вслед за этим в обители последовала смена настоятеля. 19 апреля 1892 г. новый игумен Порфирий писал в Псковскую духовную консисторию с тем, чтобы разобраться в ситуации и выяснить, кто же в конце концов отвечает за реставрацию храма: игумен, Археологическая Комиссия, Академия художеств или же сам Суслов. Сопоставив все факты вместе и «вникнув в сущность», он пришел к выводам, что В. В. Суслов был командирован Академией художеств исключительно в научных целях без должного «согласования с епархиальным начальством» вопросов ремонта и реставрации. При этом Академия практически самоустранилась от работ в соборе, которые не проводились уже 2 года, и «благолепие храма превратила в безобразный вид». В связи с этим он просил консисторию ходатайствовать «перед кем следует», чтобы Академия художеств, с которой ассоциировалась межведомственная комиссия, если она отказывается от реставрации собора, то постаралась бы в возможно непродолжительное время возратить монастырю этот собор в том виде и состоянии, в которых получила его до реставрации (Там же, л. 20).

13 мая 1892 г. епископ Гермоген сам ищет подрядчика для работ в соборе и создает епархиальную комиссию по реставрации, которую возглавил протоиерей Павел Кустов. 6 июня комиссия, при участии псковского городского архитектора Федора Павловича Неструха составила акт о состоянии собора. Такое развитие событий не ускользнуло от внимания ИАК, которая, по сути дела, в 1889–1891 гг. была устранена Академией художеств от работ во Пскове. 24 марта 1893 г. А. А. Бобринской просил псковского епископа выслать в Петербург дело о реставрации из архива консистории и приостановить работы, что и было сделано 5 апреля (Там же, л. 13).

Наибольшую озабоченность тогда вызывало состояние фресок, в связи с чем ИАК выдала тому же В. В. Суслову 17 марта Открытый лист для осмотра древней живописи в связи с ее возможным изданием. 18 мая от Академии художеств в Псков было направлено несколько специалистов, в том числе Т. П. Шинкаренко. 1 июня 1893 г. епископ Гермоген, со ссылкой на отсутствие средств на реставрацию, просил у ИАК разрешения оставить на некоторое время собор в настоящем виде, а нижнюю часть стен закрыть щитами, при условии, однако, снятия лесов и приведения в порядок алтаря. Очевидно, леса продолжали стоять еще

какое-то время, пока Ф. М. Фомин под руководством В. В. Сулова снимал копии фресок с 3 июля по 26 октября.

Только в апреле 1894 г. вновь был возбужден вопрос о реставрации собора (Там же, л. 67). Однако Академия художеств снова пожелала передать его в собственную комиссию по реставрации древних памятников, созданную общим собранием 19 декабря 1894 г. Дело затянулось, и только через год, 7 декабря 1895 г., Г. И. Котов, М. Т. Преображенский и В. В. Сулов произвели осмотр собора и сделали в Академии соответствующий доклад. В результате в протоколе было отмечено, что в качестве первоочередных мер необходимо укрепить фундамент путем переборки с двух сторон и обезопасить его от действия воды. При этом комиссия рекомендовала сделать бетонную облицовку фундамента и использовать жидкий раствор цемента, вливаемого в фундаментную кладку. Обсуждался вопрос об уровне пола и реставрации интерьеров. Снаружи предполагалось оставить храм в существующем виде при условии изменения оконных проемов, а также подвести кружала на подпорках под все подпружные арки (1886 г., д. 63 в, л. 1–1 об., 3).

Лишь 25 ноября 1896 г. в переписке между Академией художеств и ИАК возникает тема о следовании правилам реставрации 31 октября 1890 г., с чем Академия наконец согласилась (1886 г., д. 63 б, л. 68). Этому предшествовал достаточно долгий процесс налаживания взаимного сотрудничества, отягощенный личными взаимоотношениями А. А. Бобринского и И. И. Толстого (*подробнее смотри главу I*). Еще в 1890 г. Академия передала в ИАК метрики с описанием православных храмов. Известно, что 17 февраля 1886 г. Т. В. Кибальчич обратился к президенту Академии великому князю Владимиру Александровичу, указав на отсутствие в России цельной программы для учета и изучения русского церковного зодчества (1886 г., д. 180). Он с печалью писал об «искажении и разрушении старины под видом усугубления благолепия храмов Божьих». Его предложение заключалось в проведении своеобразной переписи памятников как основы для будущего свода русского искусства. Для этой переписи он предложил свой образец опросного листа — «Метрики для получения верных сведений о древнеправославных храмах Божьих, зданиях и художественных предметах». По сути, впервые в стране была сделана попытка создания «единого государственного реестра» памятников культуры.

Запросы епархиальным преосвященным за подписью августейшего президента были разосланы уже 14 октября 1886 г. В письме содержалась просьба содействовать Академии в получении сведений о храмах и священных предметах до начала XVIII в. и предоставить их не позднее марта 1887 г. Самое интересное в письме — критерий предполагаемого отбора. Описанию подлежали те предметы, которые епископ «соизволит признать заслуживающими внимания как по оригинальности, так и по художественному качеству и историческим воспоминаниям». Вплоть до начала января 1887 г. архиереи, которые не могли отказать члену императорского Дома в его «прихоти», присылали в Академию запросы с указанием потребного для епархии количества метрик в соответствии с количеством памятников, заслуживающих преосвященного внимания. Последними метрики запросили Олонецкая епархия — 40 штук, Тверская епархия — 1000, Рязанская — 250, Москва — 1300, Курская епархия — 1070, Архангельская — 300, а «бедный» историческими памятниками смоленский архиерей запросил лишь 20 экземпляров. Всего было разослано 9832 вопросника, а получено в два раза меньше — 4563. В этой истории удивляет не только отсутствие в России конца XIX в. четких критериев для выявления памятников культуры, но и субъективность в подходе к православной старине.

16 марта 1890 г. ИАК, в видах сосредоточения в одном месте сведений о древностях, в связи с поручением Комиссии задачи реставрации монументальных памятников, обратилась

X 100
109

*Копія з книги
Церкви Спасителя
в Києві*

МЕТРИКА

для полученія вѣрныхъ свѣденій о древне - православныхъ храмовъ
Божіихъ, зданій и художественныхъ предметовъ.

К. Київ.

Вопросы:

Отвѣты:

I. Исторія церквей, монастырей и ихъ мѣстоположеніе.

1) Во имя какого святого монастырь или церковь
называется?

*— Во имя Святого Преображенія,
Присланимъ убогого.*

2) Если называется монастырь, то сколько въ немъ
церквей и другихъ зданій? (Каменные построены по
1760-мѣ, а деревянные до 1764-мѣ 1833, святого от-
дѣла.)

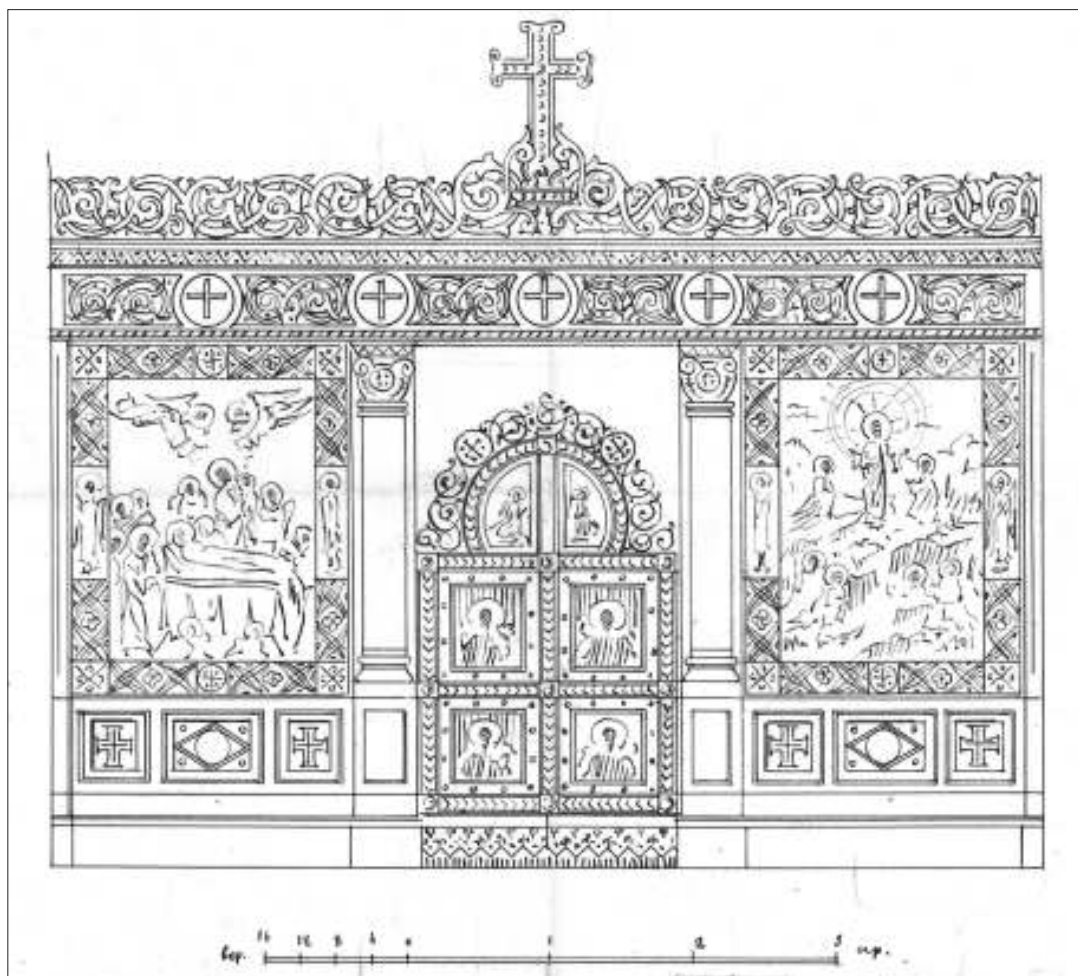
«Метрика для получения верных сведений о древнеправославных храмах Божьих, зданіях и художественных предметах». Церковь Спаса на Берестове. XI в. Киев (1903 г., д. 275, л. 109)

к президенту Академии с просьбой передать в ее архив существующие метрики, а также сведения губернских комитетов о памятниках древнерусского искусства и местные издания по древностям и храмам. Так в архиве Комиссии оказались сведения по 52 епархиям. Среди отсутствующих епархий значились Бессарабская и Виленская. 21 июня 1891 г. дополнительные сведения были присланы из Калужской епархии (1890 г., д. 25). Метрики оказались востребованы исследователями, краеведами и местным духовенством и используются до сих пор научным сообществом. В частности, ими интересовались МАО, Киевское общество истории Нестора летописца, они использовались в связи с подготовкой Археологических съездов в Вильно, Харькове и Чернигове.

На фоне налаживания взаимодействия с Академией в деле псковской реставрации у ИАК возникли проблемы во взаимоотношениях со Святейшим Синодом, который воспользовался ситуацией и практически вывел вопрос о Мирожском соборе из ведения Комиссии, мотивируя это отчасти ее бездеятельностью в реставрации храма. А. А. Бобринскому 14 декабря 1896 г. пришлось излагать К. П. Победоносцеву историю этой реставрации. Так, в частности, в его письме указывалось, что вследствие предложения Министерства Двора 1886 г. Археологическая Комиссия должна была лишь привлечь внимание властей, в том числе и церковных, к состоянию памятника. Упомянув об отошедшей в прошлое практике межведомственных комиссий, председатель ИАК указал, что в нынешних условиях Академия художеств должна быть совершенно освобождена от хозяйственно-распорядительных моментов реставрации, тогда как обязанность самой Археологической Комиссии по делам реставрационным заключается в обсуждении, совместно с Академией, археологической и художественной стороны будущего проекта для составления руководства Духовному ведомству (1886 г., д. 636, л. 76–78).

В дальнейшем дискуссия о собственных полномочиях между ИАК и Синодом продолжалась. 16 октября 1897 г. А. А. Бобринской просил обер-прокурора «поставить его в известность о тех правительственных распоряжениях», которые освобождают Археологическую Комиссию от ответственности надзора за ремонтом Софийского собора в Новгороде и Мирожского собора во Пскове, а также сообщить о сделанных Духовным ведомством распоряжениях по этому поводу. К. П. Победоносцев отвечал А. А. Бобринскому 24 октября 1897 г. Здесь он сформулировал антитезу «археологической реставрации» и «сохранения памятника». По его мнению, она проистекала из сложности и временной растянутости процедуры согласования проектов реставрации в Комиссии. В качестве примера обер-прокурор приводил состояние Софийского собора, которое грозило храму немедленным разрушением, тогда как для полной археологической реставрации потребовались бы десятки лет. К. П. Победоносцев признал справедливость претензий ИАК к первоначальным эскизам фресковой росписи, что привело к появлению нового проекта, «но когда бы дело проходило через Археологическую Комиссию, надлежало бы ожидать целые годы», прежде чем приступить к работе. Поэтому обер-прокурор «признал единственно возможным прибегнуть к помощи Боткина», которому и был поручен Синодом текущий ремонт. В своем письме К. П. Победоносцев оценивал попытку реставрации Мирожского собора В. В. Сусловом в ведении Академии художеств как «гибельную». Это привело, по его мнению, к правильному решению: «археологическую реставрацию отложить, а сохранить памятник» (Там же, л. 80, 81–81 об.).

Тем временем 19 августа 1897 г. государь по синодальному докладу разрешил образовать «Строительный Комитет для руководства и наблюдения за исправлением и ремонтными работами в Спасо-Преображенском соборе» под председательством епископа Псковского Антонина (Державина), куда вошли настоятель Мирожского монастыря архимандрит Мефодий,

Проект иконостаса Спасского собора Мирожского монастыря выполненный М. Т. Преображенским. 1901 г. (1886 г., д. 63 е, л. 2)

настоятель Печерского монастыря архимандрит Николай, М. П. Боткин, М. Т. Преображенский и городской архитектор Ф. П. Неструх, который заменил архитектора епархиального. 5 сентября 1897 г. состоялось первое заседание высочайше утвержденного Комитета (1886 г., д. 63 в, л. 8–8 об.).

В мае 1898 г. наконец начался ремонт Спасского собора, который продлился до 1902 г.; затрачено на него было 19891 руб. 13 коп. (Там же, л. 28; Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 86). Проект иконостаса был выполнен под руководством М. Т. Преображенского, мрамор для которого доставили из Флоренции (1886 г., д. 63 е, л. 2). В августе 1902 г. Псковская духовная консистория просила командировать члена Комиссии для осмотра собора по завершении работ по ремонту и росписи, однако товарищ председателя ИАК В. В. Латышев отвечал, что не видит в этом надобности, поскольку Комиссия не принимала участия в обсуждении проекта (1886 г., д. 63 б, л. 86, 87). Утверждение было справедливо лишь отчасти: необходимые материалы в ИАК все же были доставлены самими авторами росписи и иконостаса.

Однако ИАК пришлось еще не раз возвращаться к судьбе Мирожского собора. 19 июля 1904 г. появился новый акт о состоянии собора, подписанный благочинным и настоятелями

двух монастырей, где говорилось, что участники комиссии не берутся судить о качестве проведенной реставрации, но видели на полу лужи и чувствовали постоянную сырость. При этом было засвидетельствовано, что фрески покрыты плесенью, а штукатурка отслаивалась (1886 г., д. 63 в, л. 29–31). Однако только 29 апреля 1908 г. консистория вновь обращается в Комиссию: так как собор и фрески «находятся в ведении ИАК, то посему без разрешения оной не могут быть на месте приняты меры для предохранения фресок от порчи» (1886 г., д. 63 б, л. 102). По поводу печального состояния фресок Н. К. Рерих писал в газете «Слово» от 26 августа, что побывавший во Пскове П. П. Покрышкин «конечно поторопится сделать для храма что-нибудь полезное и в художественном отношении и обойдется с этим памятников лучше, нежели с Нередицким Спасом». Уже 30 августа обер-проркуор Синода П. И. Извольский выражал в связи с этим свою озабоченность местному епископу (1886 г., д. 63 г, л. 74, 75). 22 июля местная комиссия при участии П. П. Покрышкина произвела осмотр храма и предложила сделать дренаж со стоком воды (Там же, л. 78). Позднее появилось и встречное предложение: сделать не дренаж, а цементный замок с южной стороны собора, дабы не трогать существующего рядом с храмом кладбища. Тем временем П. П. Покрышкин установил, что сырость появляется по весне и к июлю исчезает, и в 1915 г. предложил особый режим проветривания здания и создание отмосток (1886 г., д. 63 б, л. 127, 131). Реставрация храма совершилась только в 1946–1947 гг. под руководством Ю. П. Спегальского (Памятники архитектуры 2002: 251, 262, 277).

Совершенно иначе складывалась судьба третьего объекта реставрационного начинания 1886 г. — Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. 1 июня 1888 г. ИАК обратилась в Академию художеств с просьбой ходатайствовать перед августейшим президентом об изыскании средств на это мероприятие. 11 ноября Комиссия также попыталась получить из Академии чертежи для реставрации храма, однако официальный ответ гласил, что эта документация хранится в архитектурных класса Высшего художественного училища и принадлежит Академии на полном праве, так как реставрация, которая велась на средства, испрошенные из казны самим президентом Академии, была поручена именно ей (1886 г., д. 63 а, л. 2–3, 4, 6).

Лишь в конце 1900-х гг. Комиссии удалось вернуться к изучению и ремонту этого собора. 19 декабря 1908 г. настоятель собора направил в ИАК отношение о возможной реставрации храма в связи с предстоящим 300-летием дома Романовых и попросил провести исследования специалистами памятника и «почвы» — культурного слоя вокруг собора, а также помочь изыскать необходимые денежные средства (Там же, л. 12–13 об.). 23 марта 1909 г. ИАК обратилась в Синод с просьбой выделить 450 руб. для исследований, прежде всего обмеров храма, которые предполагалось поручить К. К. Романову, на что 30 апреля было получено согласие (Там же, л. 16, 18). 7 сентября архитектор произвел осмотр собора, который показал, что древних резных частей *in situ* сохранилось немного, преимущественно в северо-западном углу и при входах (Там же, л. 30–31). 13 ноября, в связи с ходатайством причта, возник вопрос о перенесении гробниц владимирских князей Святослава и Дмитрия в новый собор. Владимирская Духовная консистория в данном случае не возражала, если со стороны ИАК также не встретится препятствий. 21 марта 1911 г. ИАК сообщила в Духовное ведомство об отсутствии препятствий к перенесению гробниц, которое, однако, состоялось только в 1915 г.

В процессе исследований К. К. Романову удалось выявить композицию Преображения Господня, и уже в середине декабря 1909 г. им был поставлен вопрос о необходимости археологических раскопок. 20 февраля 1910 г. А. А. Бобринской просил министра императорского

Юрьев-Польской Владимирской губернии. Георгиевский собор. Вид с юго-запада.
Фото К. К. Романова 1912 г. (ФА, О.1692/43)

Двора ходатайствовать перед министром финансов о выделении 10 000 руб. на реставрацию собора. 12 марта государь повелел выделить деньги на научное исследование (Там же, л. 47–48, 49, 55). Уже 29 апреля К. К. Романову был выдан Открытый лист на раскопки в ограде собора, одной из целей которых была «добыча» рельефов (Там же, л. 63). Параллельно Комиссия распорядилась изготовить с некоторых из них эстампажи и гипсовые слепки, которые 24 сентября 1911 г. были переданы в Русский музей (Там же, л. 91, 93, 116). В том же году К. К. Романов, по представлению Я. И. Смирнова, получил серебряную медаль РАО за публикацию «Георгиевский Собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке)» (Романов 1910: 70–93; РА, ф. 2, оп. 3, д. 569, л. 30).

В 1911 г. был поднят вопрос о разборке позднейших пристроек, в связи с чем ИАК выразила свою озабоченность причту и епископу: за ними могли сохраняться древние рельефы (Там же, л. 151, 153–153 об.). Процесс приостановился, и только 2 сентября 1917 г. приходское собрание в ультимативной форме потребовало приезда представителя ИАК за свой счет для контроля над разборкой Троице-Крестовоздвиженского храма 1809–1817 гг., которую предполагалось в любом случае начать 10 сентября. 12 сентября К. К. Романов писал в Археологическую Комиссию, что разборка потребует особой тщательности и много времени, дабы не утратить ценный археологический материал. В своей телеграмме ИАК решительно

Теплый Троице-Крестовоздвиженский храм 1809–1817 гг., пристроенный к Георгиевскому собору в Юрьеве-Польском Владимирской губернии (1886 г., д. 63 а, л. 382)

потребовала не допустить разборки, хотя настоятель собора уже 14 сентября известил Петроград, что к ней уже «приступлено». 18 сентября Комиссия обратилась в Министерство исповеданий, информируя А. В. Карташева, что совершенно не видит причин спешить с разборкой храма XIX в., в стенах которого насчитывается до 30 рельефов древнерусского времени, а сам он может закрывать собой столь же древние фрагменты. Все это предполагало натурные обмеры и острожную работу.

20 сентября министр попросил архиепископа Владимирского Сергия (Страгородского) остановить работы и командировать туда В. Т. Георгиевского. Очевидно, в своих дальнейших отношениях с Комиссией министерство руководствовалось информацией, полученной от местного причта. 14 октября министр напомнил ИАК, что решение разобрать поздний храм было принято именно ею, однако многочисленные просьбы приходского совета о присылке наблюдателей так и не были удовлетворены. При этом сообщалось, что к разборке собора приход все-таки не приступил, однако Комиссии рекомендовалось не откладывать отправку наблюдателя в Юрьев-Польский. Одновременно была «проведена работа» и с настоятелем. 24 ноября он уже пишет в Археологическую Комиссию в гораздо более мягком тоне, сообщая, что предыдущая телеграмма имела в виду лишь три голландские печи внутри храма, и просит указать срок приезда наблюдателя (Там же, л. 160, 163–164, 166–167). Дальнейшие события не позволили Комиссии участвовать в этом процессе.

Эпоха экстраординарных реставраций памятников церковного зодчества конца 1880-х — начала 1890-х гг. должна была смениться систематическим охранением архитектурных древностей после высочайшего повеления 1889 г. об обязательности предварительного согласования реставрационных проектов монументальных памятников древности с ИАК и Академией художеств. Это позволило Комиссии осуществлять ведущую роль в решении подобных вопросов среди всех научных учреждений России вплоть до революции 1917 г.

Одним из переломных событий в процессе становления процедуры реставрации церковных памятников и формирования системных отношений ИАК с православным духовенством может считаться история ремонта Ильинской церкви при Архиерейском доме в Чернигове. 30 июня 1889 г. епископ Черниговский Вениамин (Быковский), задумавший

произвести ремонт своего домового храма «без изменения фасада», извещал Комиссию о следующем. Согласно Синодальному постановлению 1879 г. он предварительно снесся с Киевским церковно-археологическим обществом при Киевской Духовной академии. Однако Общество указало, что согласно высочайшему повелению 1 марта 1889 г. епископу следует обратиться в Петербург. В связи с этим он написал в Комиссию: «Имею честь покорнейше просить оную почтить меня своим распоряжением по производству ремонтной работы объясненного древнего памятника». ИАК отвечала, что с ее стороны препятствий для этого не встречается, но чертежи и планы будущей реставрации должны быть предварительно предоставлены на ее рассмотрение.

Эта переписка послужила толчком к тому, чтобы В. Г. Тизенгаузен 12 августа обратился в канцелярию Святейшего Синода с просьбой временно предоставить в Комиссию материалы, связанные с появлением Синодального определения от 20 декабря/9 января 1878–1879 гг. Это позволило ИАК оценить допущенные С. Г. Строгановым в 1860–1870-х гг. «промахи» при реставрации памятников владимиристо-суздальского зодчества. После рассмотрения черниговских чертежей, которые, к сожалению, были возвращены авторам проекта, а копии так и не сняты, 19 июня 1890 г. ИАК дала «добро» на ремонтные работы при следующих условиях: архитектурный план церкви и вся «строительная часть», как-то — своды, стены, столпы должны оставаться неизменными на своих местах, при ремонте не должны пробиваться новые двери и окна, а если на стенах откроется древняя роспись, то епархия должна будет немедленно уведомить Комиссию (1889 г., д. 73, л. 1–2 об., 3–3 об., 4–4 об., 5–17, 19–19 об., 20).

В то же время начались работы ИАК, связанные с реставрацией собора в Переславле-Залесском, которые были инициированы соборным причтом в соответствии с новым законодательством по охране монументальных памятников (1889 г., д. 68). Правда, обращению в Петербург предшествовал конфликт местного духовенства с МАО. Еще в 1886 г. протоиереем Василием Добронравовым перед Московским обществом был поставлен вопрос о возможности замены старого иконостаса, разборки заложённых окон и даже производства раскопок для обнаружения фундаментов старых построек, однако положительного ответа он так и не получил. Протоиерей обращался в ИАК дважды: 25 июня и 21 июля. Контакты соборного причта с Петербургом не ускользнули от внимания П. С. Уваровой. 21 июля датировано ее письмо А. А. Бобринскому о том, что местный причт демонстрирует «непонимание ценности святыни» и важности работы, которая «не предполагает той поспешности,

Переславль-Залесский. Собор Спаса Преображения. Вид с северо-востока. Фото В. В. Сулова 1880–1890-е гг. (ФА, II 14040)

Надгробия в Спасском соборе Переславля-Залесского
Владимирской губернии. Работы В. В. Сулова
(1889 г., д. 68, л. 130)

чен Академией художеств для обсуждения будущей реставрации, тогда как представитель от Синода — архитектор-академик Сергей Васильевич Садовников был командирован для этих целей только 12 января 1891 г. 31 января 1891 г. состоялось первое заседание реставрационной комиссии, на котором был заслушан доклад В. В. Сулова (1889 г., д. 68, л. 25–32 об.). Он предлагал в процессе реставрации понизить уровень земли — «наносной слой», заново облицевать цоколь, заменить камни кладки, восстановить первоначальный вид окон, сломать позднейшие пристройки с западной стороны храма, разобрать ветхий пятирусный иконостас и заменить его невысоким каменным или мраморным по образцу «древних преград», восстановить фрески под хорами, выбрать на хорах поздние закладки в арках, сделать новое паникадило, соответствующее стилю памятника, а также произвести раскопки с целью выявить возможное существование ранних пристроек и исследовать две могилы в храме. Им же была предложена историко-архитектурная типология памятников древнерусского зодчества: к единой группе, вместе с Переславским собором, были отнесены храмы Спаса на Нередице, церковь вмч. Георгия в Старой Ладогe и Дмитриевский собор во Владимире.

11 апреля 1891 г. К. П. Победоносцев уведомил Комиссию, что со стороны епископа Владимирского Феоноста (Лебедева), который должен был представить ИАК окончательный проект реставрации, и причта не встречается препятствий к вскрытию и исследованию могил, о желательности которого упоминал В. В. Сулов (Там же, л. 39–40). Из письма следовало, что обер-прокурор предполагал, что деятельность Комиссии носит рекомендательный характер, и оставлял за собой право окончательного решения. 6 марта 1892 г. В. В. Сулов понизил пол на 10 вершков, исследовав гробницы, сооруженные прямо «на глине» (материке?), которые он определил как «поздние» и отнес их к XIII–XVII вв. При этом отмечалось, что гробница в южной апсиде, по легенде принадлежавшая князю Дмитрию Александровичу,

которая желательна» ИАК. Однако 5 августа Комиссия подтвердила, что она готова принять дело реставрации собора в свое ведение, но так как, по ее собственному признанию, среди членов Комиссии не было соответствующего специалиста, то ИАК сама предложила причту «сочинить» проект реставрации с тем, чтобы потом обсудить его совместно с Академией художеств.

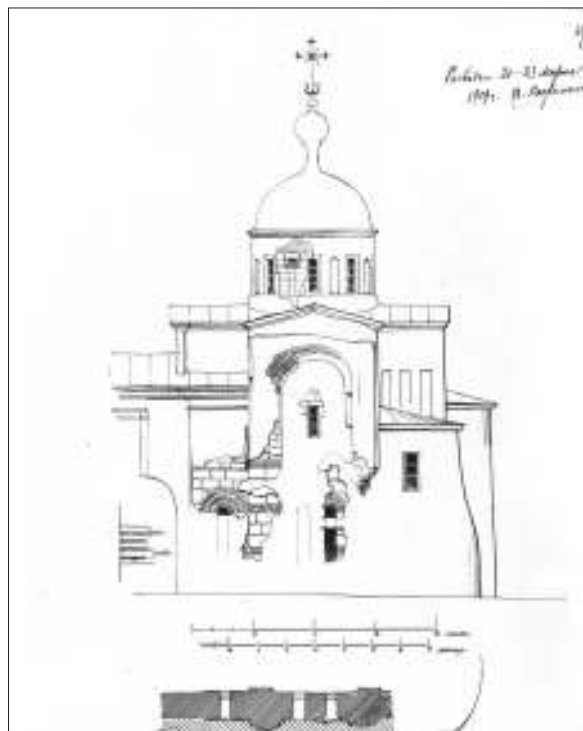
Деньги на проведение ремонтных работ были найдены только весной–летом 1890 г. Проект, по поручению причта, был составлен В. В. Суловым при участии М. Т. Преображенского и Н. П. Кондакова. Сам М. Т. Преображенский 28 ноября 1890 г. была назна-

развалилась сама собой еще 28 мая 1891 г. в процессе реставрации. В. В. Суслов решил сломку кирпичных надгробий, что было подтверждено как местным епископом, так и К. П. Победоносцевым (Там же, л. 43, 48, 53). Он же высказал мнение, что фрески собора ничего собой не представляют в научном отношении, поскольку есть «похожие в других церквях». В. В. Суслов предлагал сделать копии фресок и расписать храм заново, а также построить новые гробницы, «согласные с видом древних», что от имени Комиссии было согласовано В. Г. Тизенгаузеном (Там же, л. 54 об., 55).

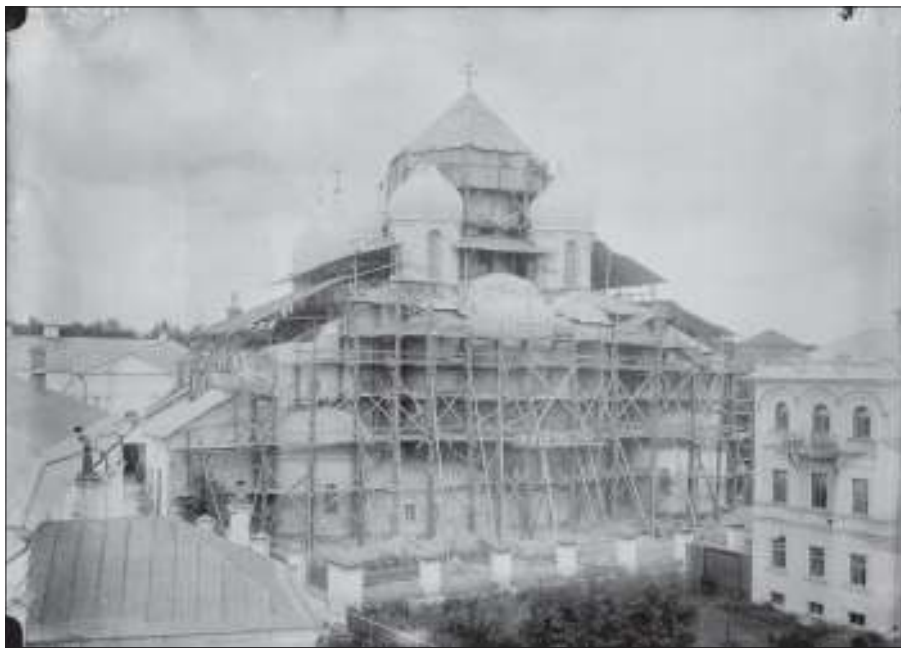
Однако 17 апреля 1892 г. поступило и альтернативное предложение Г. И. Котова — снять штукатурку с фресками и передать их для хранения в один из российских музеев. К 30 ноября 1892 г. фрески были сняты (Там же, л. 57), и А. А. Бобринской просил Синод выделить средства для их сохранения. 8 января 1895 г. в Комиссию было сообщено, что для этого нет никакой возможности (Там же, л. 71–71 об., 72). Однако к этому времени в Переславле произошел конфликт между В. В. Сусловым и соборным причтом. Еще 7 июня 1893 г. В. В. Суслов сложил с себя всякую ответственность за наблюдение над правильностью реставрации, несмотря на то что причт утверждал, что все произведенные работы сделаны по непосредственному распоряжению и указанию академика (Там же, л. 78–83 об.).

Для реставрации собора Комиссией был командирован Г. И. Котов. 15 октября 1894 г. ИАК свидетельствовала епископу Феогносту, что работы закончены удовлетворительно, и дополнительно попросила залить известкой снятые вместе со штукатуркой части фресок, после чего препроводить их в «хранилище» (Там же, л. 93). Но 17 ноября 1894 г. соборный староста отказался нести расходы по сохранению фресок. При этом он указывал, что В. В. Суслов не сделал соответствующих распоряжений, Г. И. Котов констатировал их утрату, а причт не знает, как с ними должно поступить далее, не имея к тому же понятия о технических приемах сохранения фресок и не желая нести за них ответственность (Там же, л. 99–100).

9 декабря 1894 г. с согласия архиепископа Владимирского Сергия (Страгородского) было решено препроводить фрески в древлехранилище церковного братства св. кн. Александра Невского во Владимире, на что было выделено 50 руб., однако причт и староста отказались и от содействия братству. К тому же 25 февраля 1895 г., после осмотра фресок В. Т. Георгиевским, было выяснено, что древлехранилище не может их принять, в том числе и потому, что фрески стали «непригодны» для хранения. Несмотря на то что 21 марта ИАК признала фрески «незаслуживающими» дальнейшего сохранения, нельзя сказать, что Комиссия не предпринимала никаких мер для их спасения, поскольку, наряду с прочими ведомствами, она так и не нашла для этих целей «мизерной суммы» и «небольшого помещения» (Вздорнов 1986: 159).

Керчь. Церковь св. Иоанна Предтечи. Северный фасад с расчищенными древними кладками. Чертеж П. П. Покрышкина 1909 г. (ФА, II 85437)

Новгород. Софийский собор. Общий вид во время реставрации. Работы В.В. Суслова. 1896 г. (ФА, II 3708)

Новгород. Софийский собор. Внутренний вид во время реставрации. Работы В.В. Суслова. 1896 г. (ФА, II 3702)

Новгород. Софийский собор. Царское и святительское место в период реставрации. Работы В.В. Суслова. 1896 г. (ФА, II 14133)

Еще одной, неколлегиальной формой первоначального участия ИАК в реставрации древних памятников был непосредственный выезд специалиста на место, как это происходило при реставрации Иоанно-Предтеченской церкви в Керчи. 9 мая 1889 г. Н. П. Кондаков был уведомлен о предстоящем ремонте, о чем и сообщил в Комиссию. 22 мая В. Г. Тизенгаузен отправляет причту письмо, где информирует его о только что состоявшемся высочайшем повелении 11 марта. В результате переписки Н. П. Кондакову было поручено осмотреть храм и производимые работы. Результатом его деятельности явился предоставленный в Комиссию отчет, а в процессе реставрации была найдена надпись об освящении церкви в 752 г. (1889 г., д. 45, л. 5, 6–8 об.).

В начале 1890-х гг., в период, когда отношения с Духовным ведомством еще только формировались, ИАК участвовала в реставрации Софийского кафедрального собора в Новгороде, что надолго связало научные и практические интересы Комиссии с этим городом. Работы в Софийском соборе, впоследствии изъятые из ведения Комиссии, продолжались с 1893 г. по 1900 г. Они начались в связи с ходатайством Новгородского архиерейского дома об утверждении проекта отопления и вентиляции собора (1893, д. 54, л. 12). Проект был рассмотрен на реставрационном заседании ИАК в апреле 1893 г. при участии М. Т. Преображенского и Г. И. Котова от Академии художеств, И. С. Китнера от Техническо-Строительного комитета Министерства внутренних дел, гражданского инженера Морозова от Святейшего Синода и академика В. В. Сулова. Члены заседания одобрили проект при условии проведения предварительного подробного археологического исследования памятника. Представителем ИАК для разрешения всех «сомнительных вопросов» и наблюдения за работами был назначен В. В. Сулов (1888 г., д. 71, л. 145).

Именно ему в 1893 г. епархиальное начальство поручило реставрацию фресковой живописи внутри храма, которая впоследствии переросла в масштабное исследование и общую реставрацию Софийского собора. Под его руководством было сделано до полутора метра шурфов внутри и снаружи собора, собраны образцы строительного материала, обработаны письменные и изобразительные источники (Сулова, Славина 1978: 46, 47), исследование сопровождалось обмерами, графической фиксацией, фотографированием, копированием фресок в натуральную величину. После этого В. В. Сулов составил проект реставрации собора, в процессе осуществления которого стремился к восстановлению древнейших архитектурных форм храма (Сулова 1959: 198, 201).

Реставрация Софийского собора вызвала широкий отклик общественности, ее результаты рассматривались на археологических съездах. Наиболее активная дискуссия развернулась по поводу проекта стеной фресковой росписи, составленного В. В. Суловым, который так и не был утвержден (Сулова, Славина 1978: 56–60). Обсуждение данного проекта освещалось в отдельном выпуске «Материалов по археологии России» (Обсуждение проекта стеной росписи Новгородского Софийского собора, 1897), что свидетельствует об особой значимости этих работ, так как за все время издания «Материалов», публикуемых ИАК, из 37 выпусков только в 2 из них поднимались проблемы реставрации памятников монументального зодчества. В силу известных обстоятельств (*смотри выше*) В. В. Сулов не смог завершить запланированные работы, однако примененные им методы исследования архитектурного памятника послужили формированию научного подхода в изучении и реставрации монументального зодчества в России (Подъяпольский и др. 2000: 36).

Работы ИАК по реставрации и исследованию другого новгородского храма — церкви Спаса на Нередице стали самым значительным новгородским проектом Комиссии. Еще в 1892 г. в Археологическую Комиссию поступило ходатайство от Новгородской Ду-

Церковь Спаса на Нередице под Новгородом до реставрации. Вид с юго-востока (ФА, О.623/2)

Церковь Спаса на Нередице под Новгородом после реставрации. Вид с юго-востока (ФА, О.627/51)

Церковь Спаса на Нередице под Новгородом в процессе реставрационных работ под руководством П. П. Покрышкина в 1903–1904 гг. (ФА, О.627/1)

ховной консистории о необходимости проведения здесь ремонтных работ. В 1898–1900 гг. В. В. Суслов по поручению ИАК произвел первоначальное обследование технического состояния памятника и подготовил проект реставрации храма, комиссию по реставрации которой в 1900 г. возглавил Н. В. Султанов (Савельев 2003b: 234). Этим работам, которые были отложены по финансовым соображениям и завершены П. П. Покрышкиным только в 1903–1904 гг., также был посвящен отдельный выпуск «Материалов по археологии России» (Покрышкин 1906). В. В. Суслов в свое время заложил более 40 шурфов для осмотра фундаментов и нижних частей кладки и обнаружения первоначального уровня пола, сделал множество зондажей для выявления древних конструктивных элементов здания и отделения их от позднейших наслоений (Ядрышников 2000: 73). Он подробно документировал все свои работы и представил в Комиссию отчет, приложив к нему кроки обмеров, чертежи и смету проекта реставрации. Проект предполагал нивелировку культурного слоя вокруг церкви, понижение уровня пола до первоначального, ремонт фундаментов, сводов, стен, перемычек, барабанов, восстановление посводного покрытия, раскрытие древних проемов и заделку позднейших.

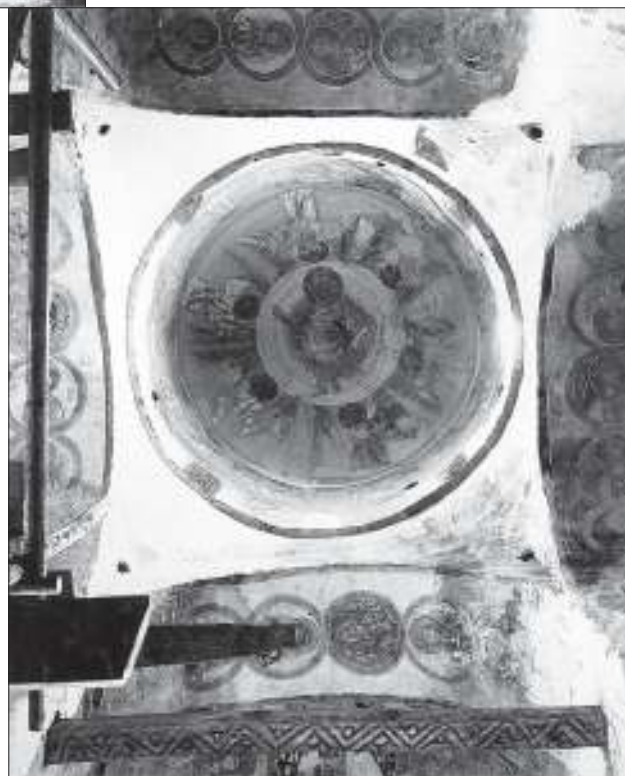
В связи с непосредственным началом работ в мае 1903 г. для наблюдения и руководства П. П. Покрышкин приехал в Новгород прямо из Владимира, где обследовал Дмитриевский собор, на юго-западной стороне которого лопнул обруч на основании подкупольного барабана (1903 г., д. 243, л. 3; Медникова 1995: 304). В июне он послал рапорт в ИАК с просьбой выслать ему чертежи В. В. Суслова. Вместе с этим он просил Комиссию немедленно прислать в Новгород И. Ф. Чистякова для производства снимков с фресок Спасо-Нередицкой церкви. В тот момент в церкви были устроены подмости и разобран иконостас, что значительно облегчало процесс фотофиксации. «Чистяков должен взять с собой, — писал П. П. Покрышкин, — все принадлежности для проявления, большой „самаркандский” фотоаппарат, растворы, ванны, фонарь, пластинки. Для большого аппарата потребуется дюжин 5 и столько же размером 18 × 24 см. Все пластины должны быть высшей чувствительности и половина из них противуреальная. Требуется также прибор для снятия при свете магния» (1896 г., д. 34, л. 142). Название «самаркандский» возникло не случайно. Когда П. П. Покрышкин работал в Самарканде в составе экспедиции Н. И. Веселовского по обследованию памятников древней архитектуры Самарканда, фотофиксацией занимался И. Ф. Чистяков, используя именно этот фотоаппарат. Подобный аппарат, в отличие от других, позволял производить качественные крупноформатные снимки, но при этом для съемки на нем требовались стеклянные пластины размером 24 × 30 см, хрупкие и тяжелые, что делало процесс фотографирования весьма трудоемким.

Таким образом, при производстве ремонтных работ летом 1903 г. в церкви Спаса на Нередице под наблюдением члена ИАК П. П. Покрышкина появилась возможность, благодаря возведенным внутри лесам, сделать фотографии со всех без исключения фресковых изображений. Из них было отобрано 164 снимка, из которых был составлен альбом для подношения императору. 9 апреля 1904 г. император и императрица посетили ежегодную выставку древностей, добытых ИАК, где И. Ф. Чистяков собственноручно преподнес альбом фотографических снимков его работы с фресок Спасо-Нередицкой церкви (Известия ИАК. Приб. к вып. 10. 1904: 2–3).

Масштабная реставрация храма 1903–1904 гг., проведенная на высоком для того времени технологическом и научном уровне, стала ярким событием в культурной жизни России и, конечно же, вызвала споры и разногласия среди представителей ученой общественности. Оппоненты П. П. Покрышкина вменяли ему в вину ликвидацию поздней

Церковь Спаса на Нередице. Фрески на южной стене под хорами. Князь Ярослав подносит Спасителю модель церкви. Фото И. Ф. Чистякова 1903 г. (ФА, Q 730/26)

Церковь Спаса на Нередице под Новгородом. Вид на подпружные арки, паруса и купол. Фото И. Ф. Чистякова 1903 г. (ФА, Q 730/35)

пристройки, некоторые спроектированные им элементы декора позакомарного покрытия и употребление цементной штукатурки (Памятники архитектуры 2002: 409–410). Тем не менее, несмотря на критику современников, «по тщательности исследования памятника, его фиксации, выполнения строительных работ эта реставрация не имела прецедентов» (Подъяпольский и др. 2000: 36). По мнению Е. В. Михайловского, «широкая дискуссия специалистов и общественности», развернувшаяся вокруг реставрации церкви Спаса на Нередице, способствовала «победоносному развитию в дальнейшем аналитического метода реставрации на русской почве» (Михайловский 1971: 132). Принято считать, что реставрация Нередицы была переломным моментом в истории архитектурной науки, поскольку при осуществлении этих работ впервые от иконографического подхода, предполагавшего значимость лишь общего облика здания, исследователи стали переходить к пониманию ценностей нюанса исторического решения. Другой особенностью стала обязательность ведения натуральных археологических обмеров (Памятники архитектуры 2002: 406, 410).

В период Первой мировой войны Комиссии вновь пришлось обратиться к защите Нередицкой церкви. В 1916 г. началось строительство стратегически важной железнодорожной магистрали Петроград–Царское Село–Новгород–Орел. Участок дороги должен был проходить рядом со Спасо-Нередицким храмом. К сожалению, ученой общественности не удалось добиться переноса магистрали к северу от Новгорода. Исторически сложившийся ландшафт между Новгородом и Юрьевым монастырем, водная система были нарушены, состояние фресок в церкви Спаса на Нередице ухудшилось в связи с увеличением влажности (Маркина 2000: 331–362). В 1916–1917 гг. П. П. Покрышкин по заданию ИАК осуществлял археологический надзор за работами по проведению железной дороги вблизи церкви и сделал уникальные фотографии, представляющие панораму этой местности во время строительства, а также фиксирующие состояние фресок. Фотографии округи, еще не обезображенной так никогда и не завершенной железнодорожной насыпью, ставшей своеобразным памятником отечественной бесхозяйственности, были сделаны еще ранее в процессе реставрации 1903–1904 гг.

ИАК была связана с изучением и фиксацией средневековой фресковой живописи и в других храмах Новгорода. В сентябре 1894 г. В. В. Суслов обратил внимание ИАК на состояние фресковой живописи в церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. Он писал: «Посещая Новгород по делам реставрации Софийского собора, я каждый раз сталкиваюсь с вопросами, подлежащими ведению археологических ученых обществ. В настоящее время я обращаю просвещенное внимание Комиссии на весьма интересный памятник по отношению к древней живописи. В церкви Успения в селе Волотово, построенной в 1352 г., сохранилась на всех внутренних стенах храма древняя фресковая живопись. Последняя была запылена, запачкана и частью покрыта плесенью» (1894 г., д. 152, л. 1). Известно, что В. В. Суслов произвел очистку и промывку фресок (Вздорнов 1989: 25) и в своем докладе в ИАК ходатайствовал о необходимости сделать кальки с росписей храма. Комиссия поддержала его инициативу и ассигновала 500 руб. для проведения работ. В течение 5 месяцев в 1894–1895 гг. художник Ф. М. Фомин снимал с фресковой живописи в церкви Успения на Волотовом поле под наблюдением В. В. Суслова кальки на прозрачный коленкор и бумагу в натуральную величину, а также выполнил ряд фотографий (1894 г., д. 152, л. 15–15 об.).

ИАК реставрировала памятники и на территории Новгородской губернии. В течение 1904–1905 гг. П. П. Покрышкин проводил обследование в Ферапонтовом монастыре при участии студентов, среди которых был К. К. Романов — в будущем еще один архитектор ИАК. Монастырь был упразднен в 1798 г. Поводом к изучению его архитектурных построек

Вид от церкви Спаса на Нередице на Юрьев монастырь и Городище. Фото И. Ф. Чистякова 1903 г.
(ФА, О.626/27)

Новгород. Строительство железной дороги у Спаса-Нередицы. Фото П. П. Покрышкина, июль 1917 г.
(ФА, II 34035)

Церковь Успения на Волотове под Новгородом.
Общий вид. Работы В. В. Сулова 1894–1895 гг.
(ФА, II 14184)

послужило его возобновление и необходимость ремонта монастырских зданий. В отчете П. П. Покрышкин с сожалением писал: «...местные бытовые обстоятельства (каковы, напр., непонимание важности сохранения древних зданий, или же неправильное понимание идеи сохранения, а также спешность, с которой пришлось заселить монастырь и пр.) сделали то, что прежде чем Императорская Археологическая Комиссия узнала о восстановлении монастыря, уже было произведено расширение семи окон в нижнем этаже Благовещенской церкви. Более серьезные искажения были застигнуты вовремя и многое спасено от гибели» (Покрышкин, Романов 1908: 107).

Благодаря стараниям архитектора было сохранено единственное оставшееся в монастыре к началу XX в. служебное здание — «сушило» XVI в. Все остальные служебные постройки были разобраны на кирпич для строительных нужд. Если бы не вмешательство ИАК, то и данное здание было бы снесено, так как изначально Новгородская Духовная консистория и обратилась в Комиссию в 1904 г. с просьбой разрешить «подвергнуть разборке ветхий и уже совершенно

обрушивающийся корпус» и кирпич «употребить в дело постройки нового каменного дома на сем месте» (1904 г., д. 76, л. 3). Однако по заключению П. П. Покрышкина после его поездки в монастырь в августе 1904 г. Археологическая Комиссия оценила корпус, о котором шла речь в прошении, как «редкий памятник древнерусского гражданского зодчества» и запретила его уничтожение (Там же, л. 5 об.). В 1904–1905 гг. под руководством П. П. Покрышкина были обмерены все постройки Ферапонтова монастыря, составлено их подробное описание и предложены проекты реставрации (Там же, л. 24–34; Покрышкин, Романов 1908).

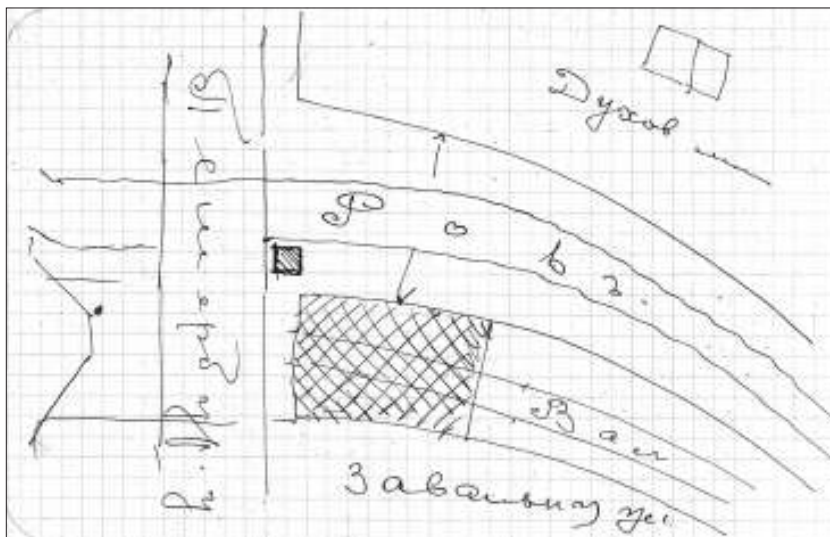
Реставрация Ферапонтова монастыря завершилась гораздо позже в 1912–1915 гг. по инициативе Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. В 1911 г. Обществом была создана специальная реставрационная комиссия под председательством А. В. Оболенского. В ее состав вошли П. И. Нерадовский, Д. С. Стеллецкий, Н. К. Рерих, В. Т. Георгиевский, А. В. Щусев, П. П. Покрышкин, К. К. Романов (РА, ф. 68, д. 53, л. 2 об.; 1904 г., д. 76, л. 80). Больше всего Комиссию беспокоила судьба Рождественского собора монастыря, где «обветшали и выветрились цоколи, стены местами обсыпались и дали трещины, доходившие до купола». На реставрацию храма Комиссии удалось собрать 4000 руб. частных пожертвований, затем с разрешения Святейшего Синода 27 мая 1912 г. был проведен всероссийский кружечный сбор, который дополнил сумму. Быстрый приток необходимых средств позволил уже весной того же 1912 г. приступить к укреплению стен собора, которым грозила наибольшая опасность (РА, ф. 68, д. 1, л. 34 об.). В 1912 и 1913 гг. выполнялись инженерные

Ферапонтов монастырь. Общий вид. Работы П. П. Покрышкина 1905 г. (ФА, II 27820)

Ферапонтов монастырь. Работы П. П. Покрышкина 1905 г. «Святые» ворота и «Сушило» (ФА, II 27814)

План размещения офицерского собрания на месте городского вала Новгорода (1910 г., д. 145, л. 4 об.)

работы, с 1914 г. начались архитектурные (Памятники архитектуры 2002: 426). Реставрация зданий Ферапонтова монастыря производилась по проекту А. Г. Вальтера, который несколько раз обсуждался на реставрационных заседаниях ИАК и был утвержден в 1915 г. (Известия ИАК. Вып. 50. 1913: 44; Известия ИАК. Вып. 55. 1914: 85–86; Известия ИАК. Вып. 57: 8; Известия ИАК. Вып. 59. 1915: 60–62, 72–73).

Вообще, Новгород и его памятники по целому ряду причин занимали в деятельности ИАК особое место. Именно здесь оттачивалась система взаимоотношений между ученым сообществом в лице Комиссии и Российской православной церковью. 4 мая 1910 г. в ИАК обратилась настоятельница Свято-Духовского монастыря в Новгороде игуменья Нина с просьбой вмешаться в предполагаемые срытие вала и засыпку рва в Новгороде для постройки здания офицерского собрания. Городская дума по просьбе Военного ведомства решила отвести этот участок земли для будущего строительства. Игуменья просила оградить древний памятник от уничтожения. Относя его к XI в., она полагала, что вал составлял «оплот горсточки славян-колонистов среди враждебных им туземных финских племен». Впрочем, из прилагаемого плана выяснилось, что мать-игуменью заботила не столько сохранность исторической памяти, сколько то, что будущее офицерское собрание должно было расположиться как раз напротив монастырских келий.

10 мая ИАК обратилась к новгородскому губернатору. В письме говорилось, что если информация верна, то Археологическая Комиссия считает своим долгом «категорически протестовать против такого распоряжения памятниками древности, подлежащими охране, а не уничтожению». Новгородское общество любителей древности на своем собрании 16 мая также постановило защищать средневековый вал. И уже 21 мая губернатор П. П. Башилов уведомил Комиссию, что 20 мая постановление Городской думы о строительстве отменено Губернским присутствием по земским и городским делам (1910 г., д. 145, л. 1, 5, 7, 10). Здание офицерского собрания было построено в другом месте, а вал в этой северной части древнего города сохраняется и поныне.

28 марта 1912 г. Правление Новгородского духовного училища сообщило в ИАК, что еще 24 августа 1911 г. Святейший Синод распорядился организовать баню при этом учебном

Новгород. Каменные кресты, найденные у здания Новгородской консистории во время строительства Епархиального дома. 1911 г. (1911 г., д. 83, л. 26)

Здание Духовной консистории в Новгородском кремле, снесенное в 1911 г. (1911 г., д. 83, л. 29)

заведении, которое располагалось в Новгородском кремле. Съезд депутатов духовенства решил обратиться в Комиссию за разрешением построить здание бани на 60–70 студентов рядом с кремлевской стеной к северу от училища. Комиссия определенно заявила, что «в кремле постройка бани не может быть разрешена», однако 23 декабря 1913 г. училищное Правление вновь обратилось в ИАК уже за разрешением пристройки к зданию училища в связи с его переводом из четырехклассного в шестиклассное. Новый корпус планировалось построить с северо-востока уже существовавшего здания вдоль крепостной стены. Ответ 13 января 1914 г. Комиссии носил принципиальный характер: в реставрационном заседании было «не признано возможным согласиться на предполагаемое расширение здания», поскольку новая постройка вредно отзовется на сохранности близлежащей кремлевской стены и заслонит собою вид на это редкостный памятник русской древней крепостной архитектуры (1912 г., д. 358).

22 апреля 1911 г. Новгородская духовная консистория известила ИАК о предстоящей постройке епархиального дома и консисторского здания в Новгородском кремле. При этом должна была быть разобрана предшествующая постройка 1826 г. Церковные власти, несмотря на то что постройка, по их мнению, не представляла интереса, посчитали своим долгом сообщить о начале строительства. 3 мая Комиссия обратилась в Новгородское Общество любителей древности с просьбой установить наблюдение за строительными работами, на что было получено согласие, однако впоследствии выяснилось, что подрядчики чинили археологам препятствия, а в июле 1911 г. местный архиерей распорядился забрать все находки, в основном каменные кресты XIV–XV вв., в архив консистории.

28 июля Комиссия была вынуждена направить архиепископу Новгородскому Арсению (Стадническому) письмо, напоминая, что согласно высочайшему повелению 11 марта 1889 г. раскопки на церковных землях могут проводиться лишь с разрешения ИАК, а сделанные здесь находки должны предоставляться на высочайшее воззрение. В связи с этим ИАК просила архиепископа «не отказать сделать распоряжение о том, чтобы лицам, командируемым... обществом, было оказываемо возможное содействие», а о всех найденных древностях предоставлялся соответствующий отчет. 27 августа архиепископ отвечал, что соответствующие распоряжения были сделаны, найденные вещи помещены на выставке Археологического съезда, а впоследствии их предполагалось поместить в местный церковно-археологический музей (1911 г., д. 83). Строительство епархиального дома в 1911 г. интересно еще и тем, что после сноса здания начала XIX в. были обнаружены следы разобранный в 1745 г. Воскресенской башни, где некогда находилась соименная надвратная церковь, основанная в 1298 г. Проездная арка на месте башни появилась лишь в 1820 г. (Кузьмина, Филиппова 1987: 28–29. Рис. 64 а).

История церковной реставрации в Новгородской епархии представляется достаточно противоречивым явлением, хотя и П. П. Покрышкин и Н. П. Кондаков единодушно ставили ее священноначалие в пример остальной России. К числу удачных моментов возможно отнести ремонт Николо-Дворищенского собора и реставрацию храмовой иконы свт. Николая (XII в.). 27 декабря 1910 г. П. П. Покрышкин произвел осмотр собора, намечая археологические аспекты предстоящего ремонта. В результате он предписал при переустройстве фундамента тщательно отслеживать возможные находки погребений. 23 сентября 1913 г. был осмотрен образ свт. Николая (Гордиенко 2008: 82–97). Комиссия в лице протоиерея А. Конкордина и А. И. Анисимова зафиксировала обкрошившийся до холста левкас на шее и правой руке святителя. На остальном пространстве иконы вскипела и начала шелушиться олифа, отпадая скорлупками и обрушивая левкас. На лице, носе и глазах святого образовались

выпадины. Было отмечено, что лик и руки свт. Николая были покрыты кусочками слюды, прикрепленными воском. В мае 1914 г. ИАК поручила Ф. А. Каликину закрепить левкас и краски на иконе (1910 г., д. 295, л. 5, 36–36 об.).

Столь же успешно проходила и реставрация церкви вмч. Феодора Стратилата на Ручью, где «розыскание» фресковой росписи было поручено Комиссией В. К. Мясоедову. Работы по открытию росписи были закончены 12 октября 1912 г., и новый иконостас работы Г. И. Чирикова было решено установить на тяблах XVII в. (1909 г., д. 183, л. 30–30 об.; Царевская 2007). Впрочем, Комиссия еще ранее обратилась к новгородскому архиепископу с просьбой оставить строительные леса в храме до XV Археологического съезда.

В августе 1911 г. члены XV Археологического съезда в Новгороде увидели не только фрески церкви вмч. Феодора Стратилата. Осматривая Лихудов корпус конца XVII в., некоторые из них были поражены «вандализмом» по отношению к памятникам старины. Чуть раньше, 30 июля 1911 г., об этом писал «Волховский листок», обвиняя епархиального эконома в желании «невинность соблудности и капитал приобрести» при ремонте этого корпуса в Новгородском кремле, а делегат съезда В. М. Турчанинов-Орловский предложил выработать общероссийские правила реставрации церковных памятников. 31 августа Комиссия запросила архиепископа Арсения по поводу справедливости прозвучавшей критики, и уже 10 сентября Лихудовский корпус, «приспосабливаемый» для епархиальной школы псаломщиков, осматривал П. П. Покрышкин. Он констатировал, что внутри здания были разобраны древние перегородки на втором этаже, уничтожены сводчатые переходы в одном из коридоров, увеличены оконные проемы и пробиты двери. 6 октября архиепископ Арсений, частично соглашаясь со справедливостью выдвигаемых обвинений, признавал себя ответственным лишь за то, что своевременно не обратился за разрешением в ИАК. 18 октября Комиссия официально выразила Новгородской епархии свое «глубокое сожаление сделанными переделками», однако уже в 1912 г. Арсений вновь разрушил несколько надворных построек во владычном дворе (1911 г., д. 214, л. 3, 5–6 об., 9, 10).

Впоследствии Комиссия зафиксировала в Новгороде случаи недолжного обращения с иконами. В феврале 1915 г. П. П. Покрышкин констатировал «ужасающе небрежную расчистку» Иерусалимской иконы Божией Матери XIV–XV вв. Когда он наблюдал этот образ весной 1914 г., такого еще не было. П. П. Покрышкин отметил, что «расчисткою стравлены наиболее существенные части иконы... части ликов Божией Матери и Спасителя, фон же остался нерасчищенным» и что «икона поражает в сохранившихся частях ликов своею красочностью и ярким румянцем». 25 февраля Археологическая Комиссия направила архиепископу Арсению соответствующий запрос по этому поводу, который, впрочем, так и остался без ответа (1915 г., д. 27, л. 1–4 об.).

Для молчания могли иметься весомые причины. 20 июля 1915 г. был издан новый синодальный указ о порядке разрешения споров между консисториями и Археологической Комиссией (РГИА, ф. 797, оп. 86, д. 98, л. 7). В основу указа лег доклад Комиссии по вопросу «об устранении затруднений при перестройках и ремонтах церквей, имеющих археологическое значение», созданной Определением Синода от 28–29 января 1915 г. за № 702 и возглавляемой как раз архиепископом Арсением. Доклад был датирован 6 марта 1915 г. В нем отмечалось, что ИАК вступает в пререкания с Духовным ведомством при разрешении вопросов «удовлетворения духовных потребностей православных прихожан», под которыми имелись в виду поновления и перестройки древних храмов. Согласно докладу «археология» настаивала на сохранении памятника в неприкосновенном виде, тогда как «духовные потребности» — на приспособлении храма для удобств паствы. Таким образом, ИАК лишала

Новгород. Иерусалимская икона Божией Матери XIV–XV вв. после «поновления». Церковь свв. кнн. Бориса и Глеба (1915 г., д. 27, л. 23)

Граф А. А. Бобринской узнал о новом указе даже не из столичных, а из волынских газет. Председатель ИАК дважды, 30 сентября 1915 г. и 28 января 1916 г., писал в канцелярию Синода, прося подтвердить факт такого указа и прислать его полный текст. Очевидно, чувствуя юридические проблемы своего решения, Синод всячески затягивал с ответом. Лишь 12 февраля 1916 г. циркулярный указ № 20, разосланный во исполнение Определения Синода 24 апреля — 19 июня 1915 г., был препровожден в ИАК (1903 г., д. 50, л. 346–346 об., 351, 352, 353). В ответ на это председатель Комиссии написал в Синод в марте 1916 г., возражая против принятого решения и ссылаясь на Закон 11 марта 1889 г. Ответом на это явилось письмо из синодальной канцелярии от 16 августа 1916 г. (Там же, л. 354–356 об.; РГИА, ф. 797, оп. 86, отд. 1, д. 98, л. 14–18).

Письмо отличалось запутанным стилем и логикой бюрократической отписки. Оно начинается с упоминания о том, что уже в 1909 г. в Синоде рассматривался вопрос об отмене статей 78 и 95 Строительного устава и статьи 50 Устава консисторий. Статья 78 предписывала производить реставрацию монументальных памятников древности по предварительному соглашению с ИАК и Академией художеств, статья 91, дублирующая статью 47 Устава Духовных консисторий, определяла, что постройка, перестройка и распространение храмов могут производиться с разрешения епархиального начальства, тогда как для столичных и древних церквей требуется разрешение Синода или высочайшее соизволение, а статья 95

архипастырей возможности исполнять свой пастырский долг. В тексте доклада содержались прямой шантаж и передергивание фактов: церкви остаются без ремонта из-за запретов ИАК. Определение предполагало, что Синод должен иметь большее значение в подобных вопросах, чем ИАК, а «археологические потребности», в отличие от духовных, могут быть удовлетворены через фотографирование останков старины. В результате было определено, что епархиальные преосвященные в спорных случаях должны представлять дело в Синод, где председатель Строительного комитета сам решает этот вопрос со своим археологом, назначенным обер-прокурором.

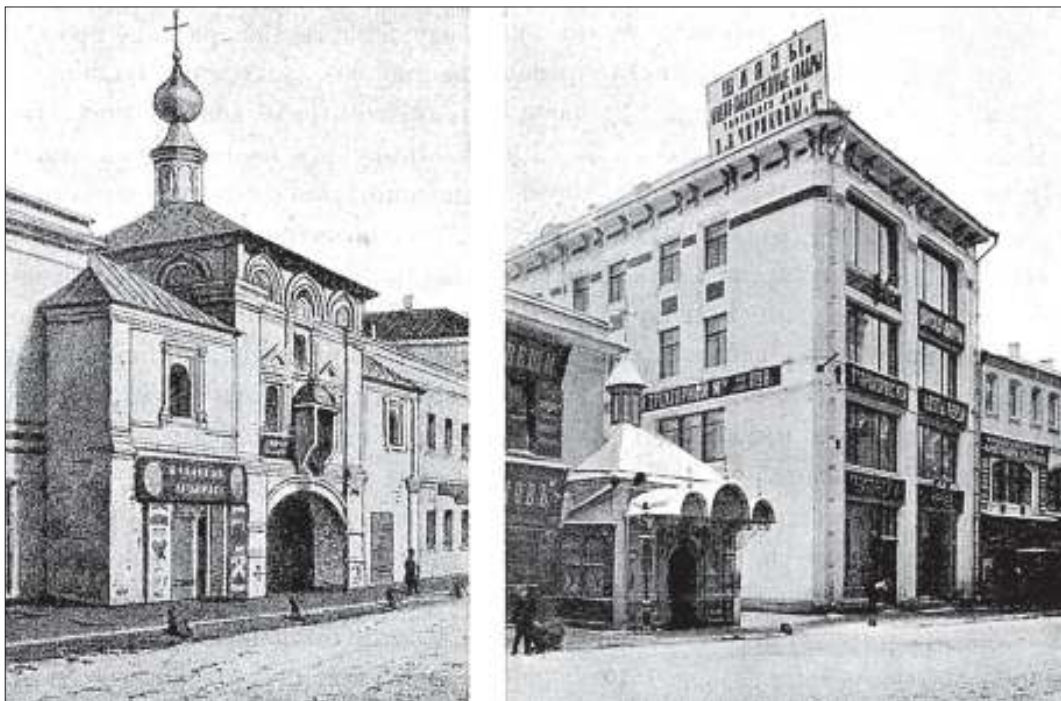
Такая практика, по мнению Синода, соответствовала статье 91 Строительного устава 1900 г. и статье 47 Устава Духовных консисторий 1883 г. Эта была явная натяжка, поскольку в случае с древними памятниками, имеющими археологическое значение, должна была действовать статья 50 Консисторского устава, упоминающая археологические общества, и статья 95 Устава строительного. Синод пытался использовать лазейки в законодательстве, его несовершенство и несогласованность.

Строительного устава, аналогичная статье 50 Устава консисторий, напоминала, что обновления в древних церквях без высочайшего соизволения запрещены. Согласно двум последним статьям, на исправление, возобновление и изменение живописи и других предметов древнего времени требовалось разрешение Синода после предварительного сношения с археологическими обществами.

Далее перечислялся целый ряд синодальных указов и определений (1894; 1908; 1909 гг.), где Духовному ведомству предписывалось обязательное сношение с ИАК при осуществлении ремонта и реставрации. В письме рассказывалось о деятельности Комиссии 1915 г., передавалось содержание Указа от 20 июля 1915 г. и вновь подтверждалось, что все спорные дела должны поступать в Синод для решения их в последней инстанции, что якобы как раз и соответствует статьям 91 и 47. Однако, по сравнению с текстом Указа 1915 г., письмо содержит дополнительную информацию о работе Комиссии. К числу ее рекомендаций относилось пожелание, чтобы в состав ИАК входил один из епископов по назначению Синода. Однако, поскольку вхождение архиерея в Комиссию затруднено из-за штатного расписания, это было признано невозможным.

Существующее противоречие Синод полагал разрешить на более высоком уровне. Министр императорского Двора должен был дать ИАК особое разрешение на непосредственный контакт с обер-прокурором с целью окончательного решения спорных дел. Одновременно Синод подтверждал, что Указ 1909 г., предписывающий Духовному ведомству входить в сношение с ИАК, остается в силе и что новый циркуляр не предполагает ослабить закон, но лишь устанавливает контроль за деятельностью епархиального начальства со стороны Синода в случае споров между консисторией и Комиссией. Поскольку в этом случае соглашение достигается между центральными учреждениями — Синодом и ИАК, нет никакой нужды в особом циркуляре с соответствующими разъяснениями. В письме дело подается так, будто бы Синод берет на себя роль посредника в спорных делах и будет сам улаживать вопрос с археологами, тогда как по смыслу Определения 1915 г. ясно, что вопрос будет решаться без участия ИАК в Техническо-Строительном комитете Синода. Нельзя сказать, что в 1915–1916 гг. Российская церковь вышла из-под общей системы государственного надзора за охраной памятников. Однако синодальная бюрократия воспользовалась тяготами страны и ослаблением государственной власти в условиях военного времени для создания себе привилегированного положения.

В условиях всероссийского общественно-политического кризиса Поместный собор 1917–1918 гг. закрепил сложившуюся к этому времени тенденцию в деле охраны памятников церковной старины. Определение о епархиальном управлении (14, 20 и 22 февраля 1918 г.) 13-м пунктом в обязательном порядке постановляло, что «в каждой епархии действуют на основании особых уставов епархиальные церковно-археологические, церковно-исторические... общества и существуют епархиальные древлехранилища» (Собрание определений и постановлений 1994: 18, пагинация I). Ремонт древних храмов и поновление икон и иконостасов, ценных в археологическом отношении, должны были производиться только с разрешения епархиального архиерея. Порядок получения такого разрешения не был указан, как не была упомянута необходимость согласования этих проектов с Археологической Комиссией или археологическими обществами, хотя в данном случае подразумевалось участие церковно-археологических епархиальных обществ в деле реставрации местных памятников. Воспользовавшись системным кризисом российской государственности, Собор, как и Синод в 1915–1916 гг., поспешил избавиться от «внешней» опеки, целиком положившись на «ведомственные» общества и комитеты.

Москва. Святые ворота и церковь св. Иоанна Предтечи в Богоявленском монастыре.
Рисунок Мартынова. Монастырский доходный дом, для постройки которого были сломаны ворота
и церковь в Богоявленском монастыре (Древности. 1907: 92, 93. Рис. 23, 24)

Попытки создания синодальной комиссии, которая бы подменяла собой ИАК в деле охраны и реставрации церковных памятников, предпринимались и до кризиса Первой мировой и Гражданской войн, однако, по счастью, ни одна из них не увенчалась успехом. В 1908–1909 гг. в Синоде обсуждался проект преобразования комиссии по разбору и описанию синодального архива в Архивно-археологическую комиссию (*подробнее смотри главу I*), где предполагалось, что комиссия и епархиальные церковно-археологические общества будут самостоятельно, без участия ИАК, решать вопросы охраны и реставрации церковных памятников. Несмотря на то что проект так и не осуществился, соборное определение 1918 г. ориентировалось на принципы, возникшие в синодальной канцелярии за 10 лет до этого.

Попытка создания «церковно-археологической» синодальной комиссии была связана с инцидентом 1907–1908 гг., в результате Синод был вынужден 28 сентября — 2 ноября 1909 г. вновь подтвердить права и полномочия Археологической Комиссией, запрещая перестраивать и реставрировать древние церкви без согласования с ней (1903 г., д. 50, л. 347–347 об.). Поводом для синодального указа послужил запрос «одного из епархиальных архиереев» о предоставлении ему права самостоятельно решать вопросы перестройки и ремонта без сношений с Синодом. Речь шла о конфликте вокруг некоего храма 1670 г., когда ИАК поставила архиерею в вину его самовольное переустройство и разрушение.

Этот конфликт связан с именем митрополита Московского и Коломенского Владимира (Богоявленского) и Богоявленским монастырем в Москве. В свое время монастырская братия во главе с епископом Дмитровским Трифоном (Туркестановым) начала сносить древний надвратный храм в честь свт. Николая ради постройки четырехэтажного доходного

Москва. Кремль. Икона Преображения Господня до и после удаления грязи. Церковь Спас на Бору.
Кремль. Москва. Фото монаха Антония. 1911, 1913 гг. (1908 г., д. 198 а, л. 31, 32)

дома. Работы были остановлены МАО, и 17 августа 1907 г. монастырское руководство сняло с себя всякую ответственность за сохранность полуразобранной церкви на Никольской улице, которую так и не удалось сохранить. История 1907 г. закончилась тем, что МАО обратилось к митрополиту с запросом, не сочтет ли тот возможным предотвратить повторение подобного (Древности 1907: 40). Однако уже на будущий год епископ Трифон задумал устроить Никольский придел в галерее Богоявленского собора, используя для этого престол только что разрушенного храма. Поскольку это предусматривало серьезное переустройство галереи, МАО, а затем и ИАК ответили отказом. Митрополит обратился в Синод, что и вызвало новое постановление об обязательности согласования вопросов ремонта и реставрации храмов в ИАК.

Это постановление было тут же опротестовано МАО как якобы не соответствующее закону. Графиня П. С. Уварова, используя расплывчатость юридических формулировок, выдвинула свое толкование статьи 78 Строительного устава, которая предписывала согласовывать с ИАК лишь реставрацию монументальных памятников, тогда как статьи 91 и 95, охватывающие, по ее мнению, все остальные случаи реставрационных работ, предписывают контакты с МАО (Древности 1912: 154–160). Она и не подозревала, что через 5 лет именно такое толкование позволит Синоду фактически избавиться от контроля общества и государства над реставрацией памятников церковной культуры.

ИАК участвовала в ремонте и реставрации и других церковных памятников Москвы. В 1910–1913 гг. происходила реставрация икон в храме Спаса на Бору в Московском Кремле (1908 г., д. 198 а; РА, ф. 21, оп. 1, д. 26 (1910–1913), л. 84 об. —85, 98–99 об., 125–128). 2 марта 1913 г. на реставрационной комиссии возник спор о восстановлении первоначальных золотых надписей над клеймами чудес при образе нерукотворного Спаса. П. П. Покрышкин, ссылаясь на нормы музейной реставрации, призывал пощадить и не записывать сохранившиеся подлинные фрагменты. Он, в частности, говорил о том, что нужно избегать реставрации там, где в этом нет крайней необходимости. Однако он встретил сопротивление с самой неожиданной стороны. С. Милорадович, академик живописи и представитель МАО, настаивал на том, что надписание есть совершенно необходимый элемент иконы, раскрывающий ее догматическую сущность. Эта традиция должна быть священна, и «археологический взгляд» должен быть принесен ей в жертву. Его поддержал архитектор Московского Дворцового управления А. Иванов, жестко заявивший, что нельзя превращать церковь в музей. Свое «особое мнение» о реставрации письменно изложил протоиерей И. Извеков. Согласно его записке, в задачи реставрации входит восстановление чистоты картины на время ее написания, снятие наростов последнего времени и «обнажение примитива», который вышел из-под руки первоначального художника. С точки зрения протоиерея, «музейная реставрация» может закрыть или ослабить содержащийся в иконе источник святого воодушевления, благочестивые мысли и святые чувства верующих: «Какое впечатление могут произвести на богомольцев иконы, на которых реставраторы, в угоду археологии, будут оставлять без исправления повреждения и разные пятна?». Все это вызвало удивление П. П. Покрышкина: религиозное чувство ничуть не оскорбляется при виде фрагментов подлинных надписей на иконах. К тому же подобный прецедент уже существовал, когда без поновления были оставлены надписи на фресках Троицкого собора Ипатьевского монастыря. Подобные споры возникали и позднее в отношении реставрации стенописи Успенского собора в Кремле в 1910–1918 гг. В 1915 г. П. П. Покрышкин отметил, что попытка золочения на фресках 1643 г. оказались неудовлетворительной (Известия ИАК. Вып. 59. 1915: 1–5). Характерно, что во время дискуссии высказывались мнения о допустимости различных подходов к восполнению

утрат фресок, расположенных в разных частях храма. Участники реставрации полагали, что если росписи наоса должны быть «приспособлены» к особенностям восприятия «богомольцев-простецов», то иконопись в алтарных пространствах вполне может быть оставлена без тонировок, поскольку созерцается лишь людьми богословски образованными, с развитым религиозно-эстетическим чувством (Качалова 1998: 36–44).

Сложности взаимоотношения ИАК и церковной администрации хорошо раскрываются на примере конфликта, который произошел у П. П. Покрышкина с профессором Киевской Духовной академии и заведующим ее Церковно-археологическим музеем Николаем Ивановичем Петровым (1840–1921). В своих воспоминаниях Н. И. Петров выделил две тенденции в области охраны памятников церковной старины, сложившиеся в начале XX в.: централистическую, идущую от ИАК и стремящуюся сохранить в неприкосновенности всякий остаток церковной древности, «поставив его под стеклянный колпак», и местную, связанную с епархиальными архиереями, приходскими и монастырскими настоятелями (Петров 1997: 108–112). Девизом первого направления, по его мнению, могло бы стать изречение: «percat mundus, fiat archeologia». Н. И. Петров полагал, что по смыслу закона археологической охране подлежали только памятники досинодальной эпохи, но «гг. Покрышкины стараются охранять и более поздние памятники». Он приводит в своих воспоминаниях эпизод, связанный с попыткой строительства в Михайловском Златоверхом монастыре в Киеве новой трапезной церкви вместо прежней, созданной в 1760-е гг. и к началу XX в. обветшавшей. В этот поздний храм оказался встроены портал боковой двери, оставшийся от древнего храма. Несмотря на заверения монастырской комиссии, что дверь может быть сохранена и при строительстве, П. П. Покрышкин, произнеся свой вердикт о нежелательности каких-либо перестроек, абсолютно утратил интерес к работе комиссии. На недоуменные вопросы собственников, что же им делать после запрещения вести переделки древних церковных зданий, П. П. Покрышкин, по свидетельству Н. И. Петрова, якобы отвечал: «Это не мое дело, я имею в виду только археологические интересы». Сам Н. И. Петров был сторонником того, чтобы сочетать задачу охраны церковной старины с повседневными литургическими и хозяйственными нуждами, хотя, по его собственному признанию, эти «нужды» зачастую диктовались вкусами или прихотями архиерея или настоятеля. По его наблюдению, в церковной практике в обиход вошло создание «домашних» экспертных церковных комиссий, принимавших выгодные епископу-заказчику решения или же просто констатировавших факт перестроек.

Разница отношения к церковной старине со стороны членов ИАК и некоторых представителей духовенства нашла свое наиболее полное выражение в 1910 г. в связи с предполагаемым ремонтом Никольского храма в Московском Новоспасском ставропигиальном монастыре (1652 г.) (Известия ИАК. Вып. 41. 1911: 24–28). Для целей «церковно-просветительской деятельности» монастыря было решено приспособить Никольский храм. Московская синодальная контора решила, что храм не имеет археологического интереса, и ремонт превратился в расширение церкви. Все это вызвало вполне предсказуемую реакцию МАО в письмах от 12 и 17 июня 1910 г. в синодальную контору, где требовалось «принять меры против варварского своеволия монахов».

В ответ настоятель монастыря архимандрит Макарий сформулировал особую идеологию отношения к древности. По его мнению, несвоевременное удовлетворение духовных нужд приходов ведет к губельным последствиям. Между тем среди археологов — «решительных специалистов», не имеющих никаких других занятий, ревность к «археологическим подробностям» нередко доходит до идолопоклонства перед каждым древним кирпичом. У церкви нет денег и места, чтобы строить новые храмы. Остается лишь одно — оставить храм

Подмыв Варнавинской горы. Костромская губерния. 10 мая 1912 г. (1912 г., д. 132, л. 7)

разрушаться и пренебречь современными пастырскими обязанностями. Такие случаи ясно говорят, что вопрос о взаимных отношениях между археологией и насущными нуждами современности должен подвергнуться всестороннему обсуждению и должны быть положены пределы «запрещениям», исходящим от археологии в деле первостепенной важности для Церкви. Границы допустимого должны быть обусловлены не одним только мертвым служением старине, но и высшими побуждениями религиозно-нравственной жизни, постоянно развивающейся. Церковная власть должна понять, что любовь к старине у «варваров монахов» более целесообразна и глубока, чем у археологов. На заседании ИАК 23 февраля 1911 г. эта теория вызвала законное недоумение. Сохранение древних храмов в чистоте их исторических форм есть одна из важных форм православного служения, как и хранение канонов и традиций вообще. Для дела веры лучше отнюдь не то, что удобнее, просторнее, практичнее и блестит новизною, поскольку религиозное настроение не достигается золотом. В частности, А. А. Спицын отметил, что Комиссия впервые столкнулась со столь решительной отповедью со стороны духовенства в адрес охраны памятников старины.

При изучении истории архитектурной реставрации и охраны памятников в России научное и общественное внимание традиционно было приковано к деятельности ИАК в области изучения, охраны и реставрации высококлассных памятников русского средневекового зодчества. Но едва ли не более, чем эти яркие страницы ее истории, время, усилия и внимание Комиссии занимали мало чем знаменитые сельские храмы, раскиданные по всей России, и складывавшийся вокруг них сакральный ландшафт.

Церковь св. вмч. Параскевы в с. Княжее поле. Подольский уезд Подольской губерний (1905 г., д. 134, л. 12)

Так, 8 ноября 1913 г. А. А. Бобринской должен был вступить за сосновую рощу на Святой горе близ с. Едимонова Корчевского уезда Тверской губернии и обратиться к министру финансов, поскольку эта земля принадлежала Крестьянскому поземельному банку, с просьбой не допустить ее вырубку. Накануне этого обращения 28 октября Тверская Духовная консистория переслала в ИАК прошение причта и прихожан с. Едимонова о защите вековой рощи вокруг часовни в честь св. кн. Михаила Тверского, куда на праздник Вознесения Господня отправлялся крестный ход. По преданию, отсюда родом была мать князя Ксения, дочь местного пономаря Афанасия, и здесь Михаил прощался с ней перед своей последней поездкой в Орду (1913 г., д. 280, л. 1–1 об., 2).

5 апреля 1911 г., узнав из газет о подмывах берега р. Ветлуги под Никольской церковью в г. Варнавине, где находились мощи прп. Варнавы Ветлужского, ИАК обратилась в Костромскую Духовную консисторию с просьбой проверить появившуюся информацию. Консистория отвечала, что еще в 1905 г. берег был укреплен инженерами Министерства путей сообщений системой свайного заграждения. Однако в мае 1912 г. произошел новый подмыв, и консистория уже сама извещала Комиссию о происшедшей беде. На месте был составлен акт, и совершение богослужений было временно приостановлено (1912 г., д. 132). Комиссия принимала участие и в обсуждении вопроса об укреплении берега р. Ваги и перенесении Шенкурских соборов в 1909 г. (1902 г., д. 117).

Не все начинания ИАК в этой области были одинаково удачны. 11 августа 1905 г. благочинный священник Угринович обратился в «Санкт-Петербургское историко-археологическое общество» в связи с вопросом о возможности разборки церкви во имя св. вмц. Параскевы в с. Княжееполе Подольской губернии, построенной в 1602 г. Попав в РАО, письмо было переправлено по назначению в ИАК, которая 26 апреля 1906 г. командировала для осмотра храма В.Д. Караулова. Из его докладной записки выяснилось, что из храма, представлявшего несомненный интерес в архитектурном отношении, были уже вынесены все иконы и утварь, и сам он находился в полуразобранном состоянии (1905 г., д. 134, л. 3, 7).

Обращения провинциального духовенства не всегда получали отклик из Петербурга, особенно если за ними стояли не столько необходимость защиты памятника принятием административных или реставрационных мер, сколько просьбы о материальном вспомоществовании. 10 марта 1897 г. в Императорскую Археологическую Комиссию обратился настоятель Александро-Афонского монастыря в Зеленчукском ущелье игумен Серафим об оказании ему содействия в сохранении местных памятников (Древние христианские храмы... 1897). Обитель, состоящая из нескольких храмов VIII–X вв., была восстановлена 18 октября 1889 г. синодальным указом. Игумен, проявив немалый организационный талант, уже отреставрировал несколько храмов, однако, поскольку средств явно не хватало, он просил Комиссию прийти ему на помощь «выбранным способом». Ответа не последовало, хотя для ИАК было бы целесообразно проверить методическую грамотность и эстетическую ценность произведенного восстановления. К тому же игумен оказался искренним краеведом. Он обратил внимание Комиссии на то, что рядом с монастырем находится древнее кладбище, где «гроба такие же, как в римских катакомбах», и прислал тряпичные прориси плит с погребальными надписями. Несмотря на то что ИАК никак не прореагировала на его первое обращение, 8 марта 1900 г. игумен вновь писал в Комиссию, сообщая, что им найдена плита с греческой надписью на каменном кресте, и попросил сделать перевод. Перевод надписи, которая была определена как «поздняя», был выполнен 31 марта В.В. Латышевым: «I(ису)сь X(ристо)сь / Святой Фома / Господи помози / рабу твоему Мине / Святой Николай / Святой Георгий» (1897 г., д. 42, л. 3, 10).

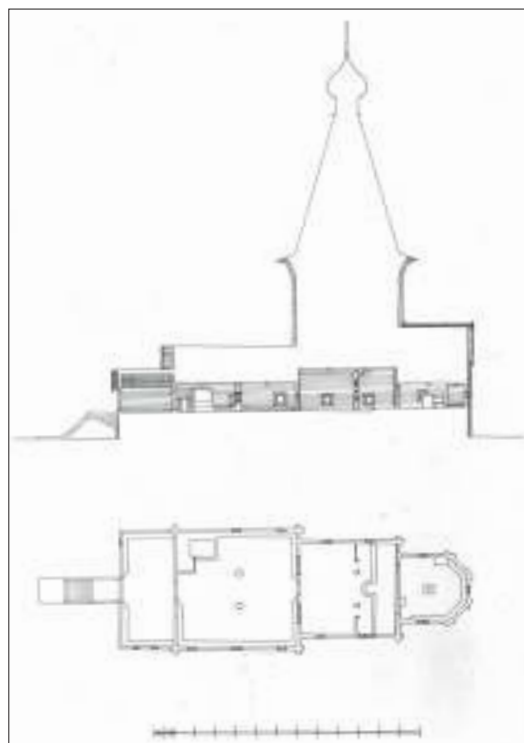
Впрочем, основным полем деятельности Комиссии в области непосредственного участия в реставрации церковного зодчества по-прежнему оставался Северо-Запад, тогда как «реставрационная комиссия МАО» в основном сосредоточивала свою деятельность в Москве и Московской губернии, Закавказье и губерниях Северо-Западного края (Памятники

Храм в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта, возобновленный настоятелем св. Александро-Афонской Зеленчукской пустыни игуменом Серафимом. 1897 г. Фото А. Старжевского (1897 г., д. 42, л. 8)

Храм в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта до реставрации. Акварель Д. М. Струкова (1897 г., д. 42, л. 6)

Петропавловская церковь в с. Пучуга Вологодской губернии. Чертежи Д. В. Милеева (ФА, III 9934)

Георгиевская церковь. Олонецкая губерния. Общий вид. Поездка Д. В. Милеева 1913 г. (ФА, II 34464)

архитектуры 2002: 343). Многие исследовательско-реставрационные проекты на Русском Севере были связаны с личностью Д. В. Милеева. В 1905–1906 гг. он контролировал в Вологодской губернии в с. Пучуга перенос деревянной Петропавловской церкви XVIII в., производившийся местными крестьянами и причтом. Он произвел фотофиксацию церкви и составил чертежи, которые послужили руководством к работам по переустройству церкви. Согласно отчету Д. В. Милеева на реставрационном заседании ИАК в 1907 г., разборка конструкции, перенос и ее сборка на новом месте полностью соответствовали его документации. Он также отметил, что исполнители работ проявили «глубокий интерес к сохранению всего в прежнем виде и умелое понимание чертежей». Заслушав заключение архитектора, участники реставрационного заседания постановили передать через консисторию благодарность причту и старосте «за достойную всяких похвал добросовестность при переустройстве церкви» (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 47–48).

В 1911 г. Д. В. Милеев также выполнил обмеры Троицкой деревянной церкви Каргопольского уезда Олонецкой губернии (Известия ИАК. Вып. 44. 1912: 73–74). В 1912 г. Д. В. Милеев составил обмеры и наблюдал за ремонтом Челмужской деревянной церкви XVII в. Олонецкой губернии (Известия ИАК. Вып. 46. 1912: 5–7). В 1913 г. он произвел осмотр и составил подробное описание деревянной Георгиевской церкви XVI в. Шеменского прихода Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии. Духовная консистория ходатайствовала о разборке храма и воссоздании его в прежнем виде из «нового леса». После доклада Д. В. Милеева по результатам поездки было признано историческое и художественное значение этой церкви и разрешен лишь ремонт (Известия ИАК. Вып. 52 1914: 68–73). В этом же году Д. В. Милеев командировался Комиссией для осмотра

Архангельск.
Успенская Боровская церковь.
Апрель 1909 г.
(ФА, Q775/44)

Архангельск.
Колокольня Успенской Боровской церкви
после выпрямления. Фото П. П. Покрышкина 1914 г.
(ФА, II 35558)

и утверждения проекта работ по укреплению фундамента колокольни Воскресенской церкви Передольского погоста Санкт-Петербургской губернии и совершил поездку в Архангельскую губернию для составления рекомендаций по сохранению и ремонту деревянной церкви в Малонемножском приходе (Там же: 49–50, 74–77, 85).

Одной из самых уникальных реставрационных работ ИАК, которая была осуществлена П. П. Покрышкиным и Д. В. Милеевым, стало выпрямление церковной колокольни в Архангельске (1744 г.). В 1907 г. в ИАК поступил запрос от Архангельской Духовной консистории о разрешении снять два верхних яруса с колокольни Боровской Успенской церкви для разгрузки конструкции здания, так как колокольня начала наклоняться и «грозила обрушением». Из приложенного к запросу акта технического осмотра, произведенного местными техниками, следовало, что причина наклона колокольни кроется в «загнивании» фундамента из-за «неравномерного стояния грунтовых вод» и «движения пластов грунта», они связывали эти процессы с расположением Успенской церкви на берегу р. Северной Двины и оседанием его склона (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 54–56).

Комиссия на реставрационном заседании признала колокольню заслуживающей сохранения, несмотря на то что укрепление фундамента требовало больших денег и чрезвычайно трудоемких работ. Дело о выпрямлении колокольни Успенской Боровской церкви в Архангельске многократно обсуждалось на заседаниях (Известия ИАК. Вып. 32. 1909: 37–38; Известия ИАК. Вып. 36. 1910: 34–35; Известия ИАК. Вып. 39. 1911: 109–110; Известия ИАК. Вып. 41. 1911: 28–30; Известия ИАК. Вып. 44. 1912: 77; Известия ИАК. Вып. 46. 1912: 56–57). В 1911 г. Д. В. Милеев, осуществляя осмотр колокольни, установил причины наклона здания на 2 градуса, выяснив слабость фундаментных конструкций и тот факт, что восточная стена опирается на фундамент церкви, задерживающий ее осадку по отношению к береговой части (1907 г., д. 144, л. 47–57; Известия ИАК. Вып. 44. 1912: 77; Памятники архитектуры 2002: 462–466). Проект ремонта был утвержден Техническо-Строительным комитетом при МВД, и в 1912 г. П. П. Покрышкин приступил к выполнению основных работ, которые представляли большую сложность в техническом и методическом плане — требовалось «заклестить колокольню в остов весьма сложной и прочной конструкции, чтобы удержать ее от падения во время работ по устройству фундамента и починке стен» (Известия ИАК. Вып. 46. 1912: 57). Он успешно с этим справился: произвел укрепление фундамента, после чего добился выпрямления колокольни, сохранив ее устойчивость (Покрышкин 1913: 43–54).

После этих работ председателю ИАК А. А. Бобринскому поступил благодарственный отзыв от архангельского епископа: «Ныне к радости и утешению печалившихся о судьбе Успенской колокольни тревога та миновала; грозившая падением колокольня... не только выпрямлена совершенно, но и укреплена фундаментально. Ремонт названной колокольни был произведен под личным и неусыпным наблюдением, но без всякого вознаграждения, командированным Санкт-Петербургской Археологической Комиссией членом оной, академиком архитектуры, Петром Петровичем Покрышкиным, применившим для выпрямления колокольни, по отзыву успенского причта и церковного старосты, весьма удачный способ» (1903 г., д. 44, л. 109).

Одним из последних дел Комиссии, связанных с охраной памятников церковной старины, был вопрос о предполагаемой разборке старого храма в с. Воронцовка-Куцеволовка Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии. 1 сентября 1917 г. Екатеринославская консистория обратилась по этому поводу в ИАК. В письме отмечалось, что прихожане вообще отказываются поддерживать ветхие храмы и в данном случае намерены использовать материал для постройки церковно-приходской школы. Консисторские чиновники спрашивали

Церковь в с. Воронцовка-Куцеволовка Верхнеднепровского уезда Екатеринославской губернии
(1917 г., д. 58, л. 3, 4)

Комиссию, как им следует поступать в подобных ситуациях впредь, «во избежание совершенного и естественного разрушения древних храмов». ИАК в своем реставрационном заседании в октябре нашла, что церковь представляет собой «весьма любопытный памятник южнорусского деревянного зодчества», вследствие чего она не может дать согласия на разборку храма, и предложила сделать школу непосредственно в древнем здании (1917 г., д. 58, л. 2, 3).

Примеры ответственного подхода церковных властей к сбережению памятников старины были не единичны. Тогда же, осенью 1917 г., П. П. Покрышкин посетил Соликамск, где осматривал памятники XVII в. В результате поездки он отметил, что в ряде церквей, в частности в Вознесенской и Воскресенской, самостоятельно проведены безграмотные ремонты и поновление икон. 5 октября Археологическая Комиссия отправила соответствующее письмо в Пермскую епархию, и уже 31 октября в Петроград пришел ответ из Духовной консистории. Церковное начальство уведомляло Комиссию, что по итогам проверки викарией Пермской епархии епископ Соликамский Феофан (Ильминский) предписал всем благочинным Соликамского и Чердынского уездов «незамедлительно сделать распоряжение всем приходским советам во главе духовенства и церковных старост... о том, чтобы в древних храмах, имеющих археологической ценности памятники старины и искусства, отнюдь

Кострома. Ипатьевский монастырь. Общий вид. Фото В. Машукова 1900 г. (ФА, О.600/35)

не допускалось неумелого по неведению, самовольного обновления иконостасов, икон и других памятников церковной старины, без разрешения Археологической Комиссии на ремонт их». Далее отмечалось: «Причтам и советам, допустившим такое, поставить на вид незаконность их действий с обязательством не допускать таковых действий впредь» (1917 г., д. 65, л. 4–5).

Деятельность ИАК в деле реставрации и охраны памятников старины не ограничивалась исключительно ее взаимоотношениями с Духовным ведомством, хотя именно они составляли не только самый сложный, но и самый колоритный момент в ее истории. Так, Комиссия и ранее принимала участие в сохранении соликамской старины. 25 июня 1911 г. член Пермской архивной комиссии В. В. Голубцов сообщил о планируемой Соликамским земством перестройке Воеводских палат XVII в. Лишь после вмешательства общественности работы по требованию губернатора были прекращены, однако потребовался и авторитет Комиссии, дабы грядущее «приспособление» было выполнено с уважением к исторической памяти. В ИАК поступило описание Воеводского дома, и впоследствии Комиссия принимала участие в обсуждении проекта его реставрации (1911 г., д. 212, л. 1, 2, 6–7 об.).

Иногда инициатива реставрации церковных памятников исходила от государственных властей. 6 января 1911 г. на Комитет по устройству празднования 300-летия Дома Романовых была возложена задача «приведения в должный порядок Троицкого кафедрального собора» в Костромском Ипатьевском монастыре. Основные архитектурно-реставрационные работы были осуществлены Д. В. Милеевым под наблюдением строительного комитета, в который входили А. Н. Померанцев, В. В. Суслов, П. П. Покрышкин и др. Укрепление стен Троицкого собора было

Кострома. Дом XVIII в. на Русиной улице. Фото Д. В. Милеева (1912 г., д. 40, л. 22)

осуществлено с помощью стяжек. Реставрация фресок была поручена М. О. Чирикову, однако надписи были оставлены «без поновления» (Известия ИАК. Вып. 39. 1911: 77–87). Еще ранее члены ИАК, в частности костромич Н. В. Покровский, обращались к изучению христианских памятников Костромы и росписи Троицкого собора (Покровский 1909b). Тогда же было издано описание церквей Костромской епархии (Церкви Костромской епархии 1909).

После завершения работ в декабре 1913 г. Д. В. Милеев обратился в Комитет с предложением опубликовать труды по реставрации «Ипатия» отдельным изданием. Стоимость публикации была оценена в 10000 руб., однако в связи с ликвидацией самого Комитета дело было передано в ИАК. 28 января 1914 г. Комиссия согласилась принять на себя обязанности по изданию. 20 сентября 1914 г. П. П. Покрышкин просил передать ему чертежи к отчету Д. В. Милеева, полагая, что все находится у Л. И. Кириллова, однако в ноябре выясняется, что часть все же осталась у вдовы Милеева, в частности, чертежи звонницы и снимки с фресок. 8 января 1915 г. Ф. И. Чистяков просил у Е. В. Милеевой передать их Комиссии, однако та отказалась, даже угрожая их уничтожить. 24 ноября 1915 г. А. А. Бобринскому пришлось обратиться в МВД, формальному владельцу материалов реставрационных работ, с просьбой повлиять на ситуацию (1914 г., д. 22, л. 2, 8, 15, 20–21 об.). Впрочем, издание так и не состоялось, свет увидела лишь небольшая статья в издании Императорского Общества архитекторов-художников (Милеев 1914).

Одновременно с работами в Ипатьевском монастыре ИАК попыталась осуществить ряд мер по сохранению построек гражданского зодчества в Костроме, в частности, выступила против сломки дома, занятого гостиницей «Старый Двор» на Русиной улице, что привело к серьезному конфликту ИАК с городскими властями. 15 февраля 1912 г. Д. В. Милеев сообщил П. П. Покрышкину о попытке перестройки этого здания в стиле

Петербург. Процесс разборки Гостиного двора на Васильевском острове.
Фото И. Ф. Чистякова 1912–1913 гг. (ФА, О.445/718)

модерн как о «вопиющем вандализме». 22 февраля он подал официальный рапорт в ИАК, где указывал на ценность художественной обработки фасадов этого дома XVIII в., составляющего единый ансамбль со зданиями Гостиного двора и Присутственных мест. Комиссия заявила свой протест, направленный в губернское правление, в котором происходящее было названо актом возмутительного варварства. Протест ИАК был опубликован и в российской прессе: «Санкт-Петербургском листке» и «Костромской жизни».

Уже 9 марта костромской губернатор сообщил в Петербург, что добился изменения проекта «реставрации», однако благоприятного разрешения дела ему удалось достигнуть после серьезных затруднений и противодействия большей части гласных Городской думы, которые посчитали оскорбительным для себя упоминание «варварства» в соответствующем обращении Комиссии. «Из-за этого выражения я рисковал не добиться положительных результатов», — писал губернатор. Комиссии было предложено составить рекомендации по реставрации, что было выполнено П. П. Покрышкиным.

21 марта в «Поволжских ведомостях» был опубликован отчет о заседании Городской думы, которая намеревалась обжаловать «незаконное» требование ИАК, подрывавшее, по мнению гласных, городское положение. Дума потребовала оплатить ей перерасход в 10 753 руб., вызванный запрещением возводить новое здание. Одновременно в протоколе говорилось: «Городская дума выражает свое глубокое негодование по поводу

Петербург. Троице-Петровский собор на Петербургской стороне. Реставрация после пожара 1913 г. (ФА, О.3602/14)

физиономии города». Активно производимые в начале XX в. разборка фасадов домов и переустройство интерьеров были охарактеризовано им как вандализм. В частности, в связи с переустройством Сенатом «дома Полякова» на Английской набережной он просил ИАК осмотреть памятник, куда были отправлены П. П. Покрышкин и К. К. Романов (1912 г., д. 74).

2 октября 1912 г. А. С. Раевский от имени возглавляемой им комиссии сообщал в ИАК о предстоящей постройке библиотеки Академии наук на месте старого Гостиного двора. Государственный Совет не возражал против такого строительства, а сама Академия, совместно с Министерством торговли и промышленности, уже разработала проект строительства не только здания библиотеки, но и квартир для служащих. Одновременно была создана «Высочайше утвержденная комиссия по постройке библиотеки и служительского дома». Соответствующие записки ИАК в Академию и в министерство сообщали о нарушении правил рассмотрения подобных проектов и соответствующих прав Комиссии.

Очевидно, в ИАК осознавали невозможность сохранения Гостиного двора и настаивали лишь на фотофиксации разрушаемого памятника. В этой связи интересны отзывы министерства (15 октября) и Академии наук (17 октября), из которых явствовало, что, собственно, являлось памятником в глазах чиновников обоих ведомств. В первом говорилось, что министерство не видит препятствий, чтобы ИАК, «буде она признает сие необходимым, установила при производстве работ по разборке здания надзор со своей стороны на случай нахождения предметов, имеющих археологическое значение». Второе письмо также не признавало возможность сохранения здания Гостиного двора, однако его авторы посчитали

крайне некорректной формы выражений обращения» ИАК. Несмотря на то что Комиссия еще раз определенно высказалась против замены здания XVIII в. постройкой в стиле модерн и запретила его сломку, работы по реконструкции дома продолжались (1912 г., д. 40, л. 1, 3, 4–4 об., 11–11 об.).

Комиссия ощущала ответственность и за сбережение и реставрацию памятников нового времени в столицах Империи. Особое участие ИАК в сохранении петербургской старины было связано с именем А. С. Раевского, делопроизводителя и библиотекаря Комиссии, который в то же время был гласным Городской думы. В конце 1911 г. Городским общественным управлением Санкт-Петербурга была учреждена «Комиссия для подробного ознакомления с предметами старины, оставшимися от различных городских сооружений и памятников», председателем которой и стал А. С. Раевский. 23 февраля 1912 г. он отправил в ИАК официальное извещение о создании городского органа охраны памятников, кратко характеризуя его предполагаемую деятельность как заботу о «сохранении монументальной

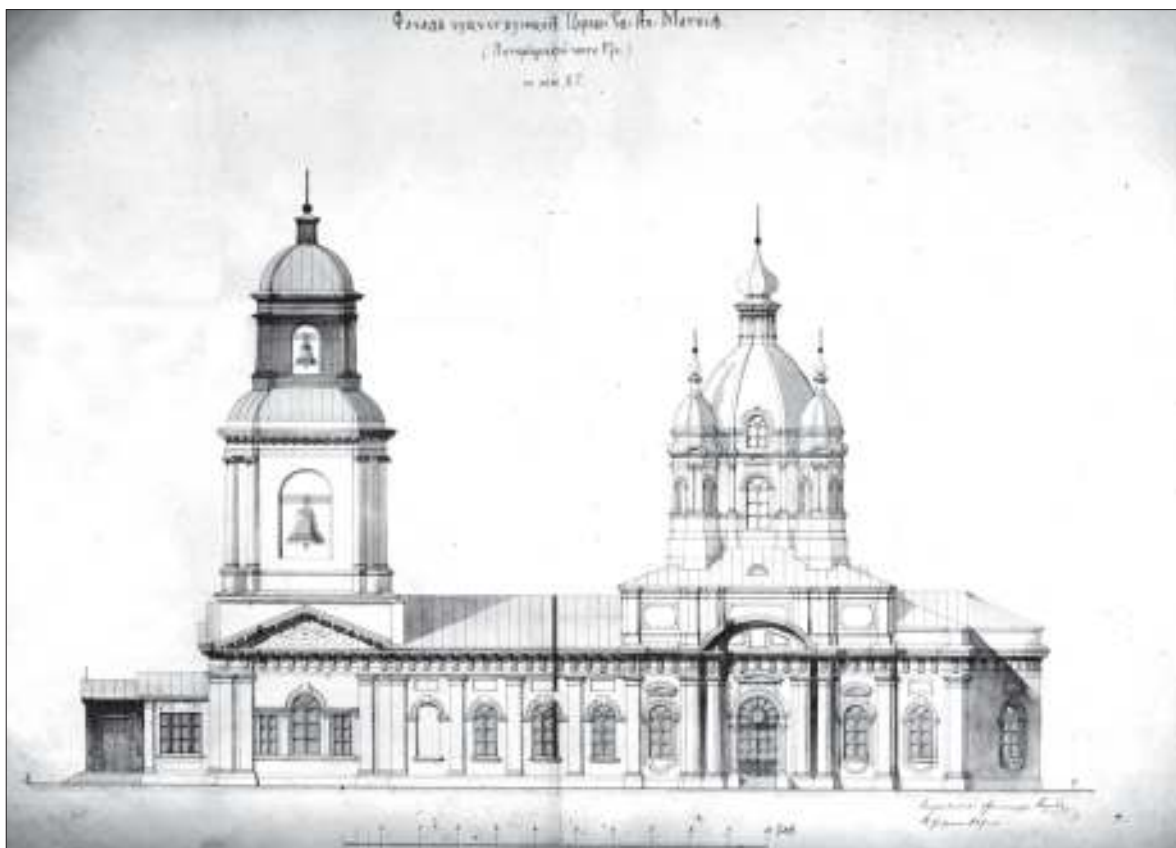
своим долгом присовокупить, «что все части здания, которые, по мнению командированного лица представляют собой художественную и исторический интерес, будут переданы комиссией в музей Старого Петербурга» (1912 г., д. 293, л. 1–2 об., 7, 8).

Необходимо отметить роль ИАК в судьбе древнейшего собора Петербурга — Троицкого, освященного в 1711 г. В 1907 г. Комиссия, вследствие отношения инженера Н. Ф. Романченко, обсуждала вопрос устройства придела в соборе, которое было разрешено, несмотря на незначительное искажение форм старого иконостаса (Известия ИАК. Вып. 26. 1908: 11–12, 57), а в 1911 г. дала свое согласие на устройство здесь электрического освещения (Известия ИАК. Вып. 41. 1911: 68). В ночь на 7 февраля 1913 г. собор сильно пострадал от пожара. Через некоторое время рядом с ним епархиальный архитектор А. П. Аплаксин (1879–1931) построил временный храм, копирующий своими формами постройку XVIII в.

Судьба деревянного сруба пострадавшего собора и его восстановление не раз становились предметом обсуждения на реставрационных заседаниях Комиссии. Однако эти обсуждения выявили неоднозначность подходов членов ИАК к сохранению историко-архитектурного наследия. Так, 13 октября 1913 г. было единодушно признано необходимым сохранить собор как часть петербургского культурного ландшафта, однако А. А. Спицын уточнил, что причиной такого сохранения являются не архитектурные достоинства храма, а его историческое значение (Известия ИАК. Вып. 52. 1914: 34–35).

Комиссия высказалась за разборку и сохранение обгоревшего сруба, несмотря на то что Н. И. Веселовский резонно утверждал, что никаких доказательств в пользу того, что дерево относится к петровскому времени, не существует. Одновременно ИАК настаивала на восстановлении храма на старом месте и выразила протест против неоднократных попыток продажи остатков сруба Петроградской Духовной консисторией (30 июня и 24 ноября 1914 г.) (Известия ИАК. Вып. 57. 1915: 46, 72–73). При этом подчеркивалось, что и Синод, и Консистория игнорируют полномочия и мнение ИАК в этом вопросе (Известия ИАК. Вып. 55. 1914: 40). 15 апреля 1916 г. с инициативой продать останки исторического сруба выступил уже сам причт Троицкого собора, предложивший построить храм в другом месте. ИАК подтвердила свою прежнюю позицию и 6 мая даже провела осмотр обгорелого здания, выяснив при этом, что собор стоит без покрытия со дня пожара и внутри здания наблюдается полная запущенность (Известия ИАК. Вып. 64. 1917: 73–74). В то время в обществе обсуждалась возможность сооружения «Романовского» собора на месте древнего храма. Попытки строительства нового церковного здания предпринимались и ранее. Так, в связи с празднованием 200-летия Петербурга ИАК принимала участие в дискуссии о возможности такого строительства, однозначно выступив за сохранение петровского собора. Новый храм в честь Федоровской иконы Божией Матери был построен в конце концов неподалеку от Николаевского вокзала.

В 1916 г. Консистория вновь выступила с предложением отдать обгоревшие бревна для строительства церкви на подворье Казанского Амвросиевского Шамординского монастыря на мызе Стрельна. Это предложение вновь обсуждалось Комиссией. А. А. Бобринской указал, что если собор будет восстановлен на прежнем месте, то такая передача крайне нежелательна. Одновременно М. Т. Преображенский выказал свое удивление прочностью леса, из которого был построен сруб. Также было отмечено, что перенесение храма на новое место не может быть совершено без искажения его внешнего облика, а одно из самых значимых исторических мест Петербурга не может быть оголено. ИАК отметила, что Троицкий собор является государственным имуществом, а не синодальным, однако его судьбой пытаются распоряжаться люди, не имеющие на то права. Комиссия решила обратиться к императору с просьбой принять судьбу собора под свое покровительство. Уже в новых политических

Петербург. Матфеевская церковь. Южный фасад. Чертеж архитектора Л. И. Карпова, выполненный 12 февраля 1889 г. Фото из фонда ИАК (ФА, О.3623/4)

условиях 13 апреля 1917 г. в ИАК было принято решение создать специальную комиссию по вопросам восстановления храма в составе П. П. Покрышкина, М. Т. Преображенского и К. К. Романова (Известия ГРАК. Вып. 66. 1918: 18–20, 114). Восстановление Троицкого собора в Петрограде началось только в 1923–1924 гг. Освященный в 1926 г. храм был закрыт в августе 1933 г. и через два месяца снесен. В 1998 г. экспедиция ИИМК РАН провела археологические исследования на месте уничтоженного собора (Сорокин 2003: 25–74).

19 января 1911 г. Комиссия обсуждала состояние Матфеевской церкви на Петроградской стороне, построенной в 1790 г. и перестроенной в 1889–1890 гг. (архитекторы В. И. Миллер, Л. И. Карпов) (1910 г., д. 257). На заседании отмечалось, что со своих мест были убраны иконы и картины религиозного содержания, выполненные маслом, в частности образ Венчания Божией Матери. Члены реставрационного совещания постановили вернуть прежние священные изображения на свои места и посчитали созданные в 1892 г. киоты слишком громоздкими, искажающими внутреннее убранство храма и посему подлежащими замене. Интересна полемика, возникшая во время этого заседания, связанная с решением вопроса, имеет ли такое государственное учреждение, как Императорская Комиссия, право добиваться удаления из церквей икон, искажающих древний памятник. Так, М. П. Боткин и В. В. Суслов выражали сомнения, полномочна ли ИАК вмешиваться в храмовый интерьер. Однако большинство согласилось с тем, что Комиссия должна по возможности осуществлять дарованное ей императором право контроля за сохранением памятников христианской

Петербург. Чернышов мост. Фото Н. Г. Матвеева 1900-е гг. (ФА, О.3574/72)

Петербург. Египетский мост. Фото 1905 г. (ФА, О.1523/4)

ства Чернышева моста на Фонтанке, ИАК затребовала всю существующую документацию на рассмотрение, о чем 15 сентября 1907 г. был сделан соответствующий запрос петербургскому градоначальнику. Комиссия также просила предупредить Думу о том, что поскольку речь идет о памятнике художественной старины, то проект должен быть препровожден ей на утверждение. Судя по всему, ИАК удалось получить на сохранение моста императорское разрешение: 8 мая 1909 г. В. В. Латышев сообщал городским властям, что по «особому Высочайшему повелению» мост «подлежит сохранению в неизменном виде» (1907 г., д. 122).

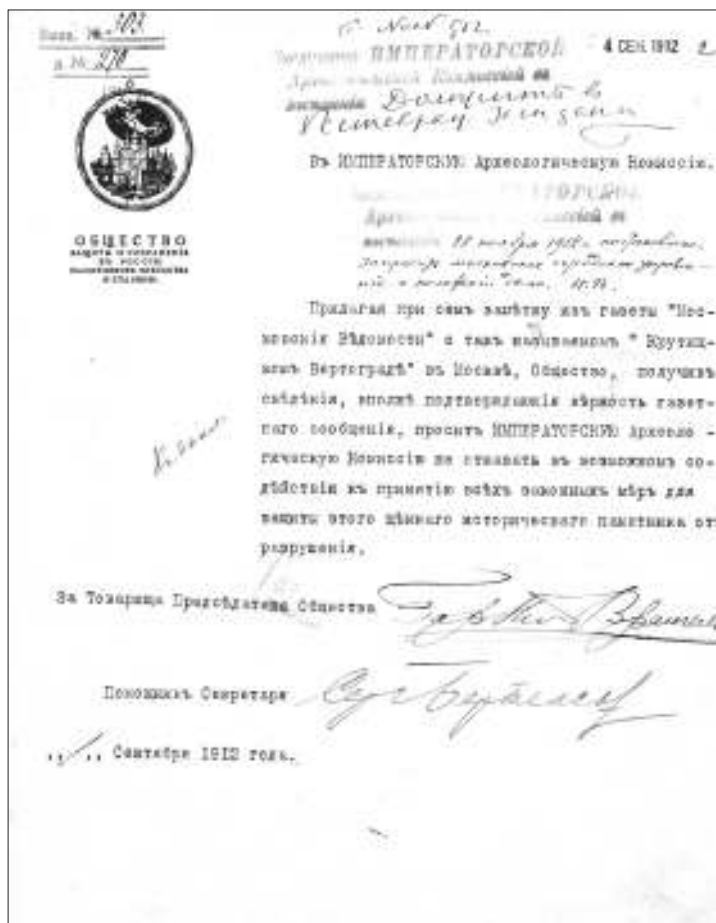
В связи с постройкой нового Египетского моста в Петербурге 21 мая 1908 г. Н. В. Султанов обратился в ИАК с просьбой способствовать приостановке разборки старого моста, который, несомненно, является «монументальным сооружением», подлежащим ведению Комиссии, а также изменению его положения для непосредственного проезда со стороны Могилевской улицы. В результате обращения ИАК части разобранного Египетского моста были сохранены и, в конце концов, сложены на Гагаринском буяне (1908 г., д. 75, л. 1, 6, 13).

Осенью 1915 г. Комиссия принимала участие в переустройстве треугольного Малоконюшенного Театрального моста через Мойку и Екатерининский канал, построенного в 1810-е гг. Эти работы были вызваны постройкой трамвайной линии, именовавшейся тогда «железной дорогой». О предполагаемом строительстве ИАК была извещена А. С. Раевским. Комиссия поручила произвести осмотр моста И. С. Китнеру, Н. Е. Лансере, П. П. Покрышкину, Е. А. Сабанееву и самому А. С. Раевскому. Организаторам строительства было предложено найти иной путь для трамвайной линии, чтобы сохранить старый мост (1915 г., д. 201). С именем А. С. Раевского связана и реставрация обелиска в Румянцевском сквере (1799 г.). В январе 1913 г. Городская управа создала комиссию по его реставрации. Первоначальный осмотр памятника был произведен П. П. Покрышкиным и К. К. Романовым. Впоследствии ИАК вновь возвращалась к этому вопросу. Так, 11 ноября 1915 г. на ее реставрационном заседании обсуждалась проблема отклонения обелиска от вертикали, и в Управу был послан соответствующий запрос (1913 г., д. 12).

ИАК сотрудничала и с другими городскими структурами, выказывавшими заботу о старине. 29 января 1915 г. Комиссия по народному образованию Петроградского городского общественного управления обратилась в ИАК с просьбой содействовать ей в охране могил литераторов, ученых, художников и артистов на кладбищах Петербурга и помочь ей составить список таких могил. Комиссия предполагала выделить по 50 руб. на благоустройство каждой могилы. Археологическая Комиссия предложила принять на охрану могилу профессора Петербургского университета, историка русской литературы и фольклориста Ореста Федоровича Миллера (1833–1899) (1915 г., д. 35, л. 1).

Очевидно, что ИАК не всегда удавалось добиться от чиновников отмены или существенного изменения проекта, угрожающего памятникам старины, однако постоянное вмешательство ее членов в производимые работы и олицетворяемый ею общественный контроль заставляли власть и предпринимателей постоянно корректировать свои намерения с учетом требований науки и общественных интересов.

Комиссия принимала участие и в судьбе московских памятников, что не всегда находило понимание московских властей. О предполагаемых изменениях в фасаде Английского клуба в Москве в Петербурге узнали от А. В. Щусева. Старшина клуба генерал-майор Тишенинов предполагал разобрать чугунную решетку, построить лавки вдоль фасада и перенести въездные ворота. Попытка ИАК вмешаться вызвала недовольство членов клуба и московского градоначальника, который запросил Петербург, «на основании каких законоположений может быть предъявлено владельцу здания Английского

Бланк Общества защиты памятников старины (1912 г., д. 270, л. 2)

клуба требование о неприкосновенности фасада, а также почему фасад является историческим». В своем отзыве, демонстрируя специфические правовые представления, члены клуба полагали, что клуб не может быть причислен к памятникам, чья реставрация должна быть согласована с ИАК, так как, по их мнению, это должны быть здания, сооружаемые на правительственный и общественный счет. Частные учреждения под определения высочайшего повеления 11 марта 1889 г. не подпадают, о чем, по мнению авторов письма, свидетельствовал раздел 6 главы 3 Строительного устава о частных зданиях в городах. Вообще, члены клуба видели в деятельности ИАК попытку ограничения прав собственника на его имущество. 5 мая 1912 г. московский градоначальник А. А. Адрианов писал в ИАК, что не видит оснований для остановки постройки нового дома во владении клуба, так как полностью согласен со старшиной, который уверяет, что фасад здания не будет загроможден (1912 г., д. 66).

В сентябре 1912 г. Общество защиты и сохранения в России памятников старины и искусства просило ИАК принять меры к охранению Крутицкого вертограда в Москве, в связи с чем Комиссия обращалась в Московскую Городскую управу. Все осложнялось тем, что газета «Дело», явно перепутав ИАК и МАО, утверждала, что Комиссия осматривала Крутицкое подворье, но так ничего и не предприняла для его сохранения (1912 г., д. 270).

Бронницы Московской губернии. Новорождественская церковь после реставрации. 1915 г.
(1914 г., д. 215, л. 22)

ИАК приняла деятельное участие в реставрации Новорождественской церкви в Бронницах Московской губернии в 1914 г. Стены церкви, по требованию Комиссии, должны были быть покрыты не цементом, так как это могло вызвать разрушение старой кладки, а известью, и их облицовку стоило производить с точным сохранением размеров древнего кирпича. Несколько позднее, в 1916 г., по поручению ИАК А. А. Алексеев осуществил реставрацию Новодворской иконы Божией Матери из этого храма в помещении Московской конторы Синода (1914 г., д. 215, л. 6, 10, 13).

Помимо уже упоминавшегося участия ИАК в реставрации Успенского собора и храма Спаса на Бору в Московском Кремле Комиссия имела отношение и к восстановлению самих кремлевских стен и башен (1888 г., д. 18; 1911 г., д. 53). В 1914 г. на реставрационных заседаниях ИАК обсуждался вопрос о размере и цвете новых черепиц на башнях Кремля, при этом было высказано пожелание о сохранении, по возможности, старого черепичного покрытия. Одновременно В. В. Суслов выступил против употребления в реставрации Кремля цемента, так как он не соединялся с обмазкой. В случае неизбежности он считал возможным добавлять в него «кирпичный порошок», но вообще советовал применять известь (Известия ИАК. Вып. 52. 1914: 30–31). В 1915 г. Комиссия обсуждала вопрос о ремонте Сенатской башни. А. В. Щусев обратил внимание ИАК на тот факт, что покрытие башен железом делается прямо по кирпичу. Старое покрытие было сорвано и заменено металлическим, предполагалось применение оцинкованных листов и употребление желтой краски. Производимую в Кремле «реставрацию» он назвал «вопиющим сознательным вандализмом», что было

Гродно. «Коложский монастырь» — Борисоглебская церковь. 1868 г. (1888 г., д. 13 а, л. 42)

зафиксировано в протоколах реставрационного заседания. На заседании ИАК говорилось, что башни надо чинить с таким же вниманием, как опытные реставраторы чинят, но не подновляют старые образа. При этом было высказано сожаление об отсутствии особой комиссии по реставрации Кремля (Известия ИАК. Вып. 59. 1915: 59–60). Заключительный момент этой истории пришелся на 10 ноября 1917 г., когда ИАК принимала участие в осмотре московских памятников искусства и старины, пострадавших при обстреле Московского Кремля 2 ноября (Известия ИАК. Вып. 64. 1917: 227–229).

Несмотря на то что основные самостоятельные работы ИАК по изучению и восстановлению памятников архитектуры были сконцентрированы в северных губерниях России, Комиссия немало сделала и для изучения и сбережения культурного наследия независимых государств Европы и Азии, возникших после распада Российской и Советской империй (смотри также главу IX). Одновременно с самыми первыми реставрациями памятников древнерусского зодчества, организованными ИАК, А. А. Бобринской, воспользовавшись в 1888 г. поездкой приват-доцента Петербургского университета Э. А. Вольтера в Западные губернии Империи (подробнее смотри главу XI), поручил ему сбор сведений о памятниках древности этих мест. В результате Э. А. Вольтер не только доставил в ИАК уникальные снимки 1868 г. «Коложского монастыря» — Борисоглебской церкви в Гродно (XII в.) и фотографии «Трокского замка», но и подробный отчет, в котором содержались предложения о мерах по сохранению последнего. Так, он предлагал отбить местами выветрившуюся кладку и установить стропила на башнях и даже разработал смету для реализации этого проекта (2979 руб. 73 коп.), так, впрочем, и не осуществленного (1888 г.,

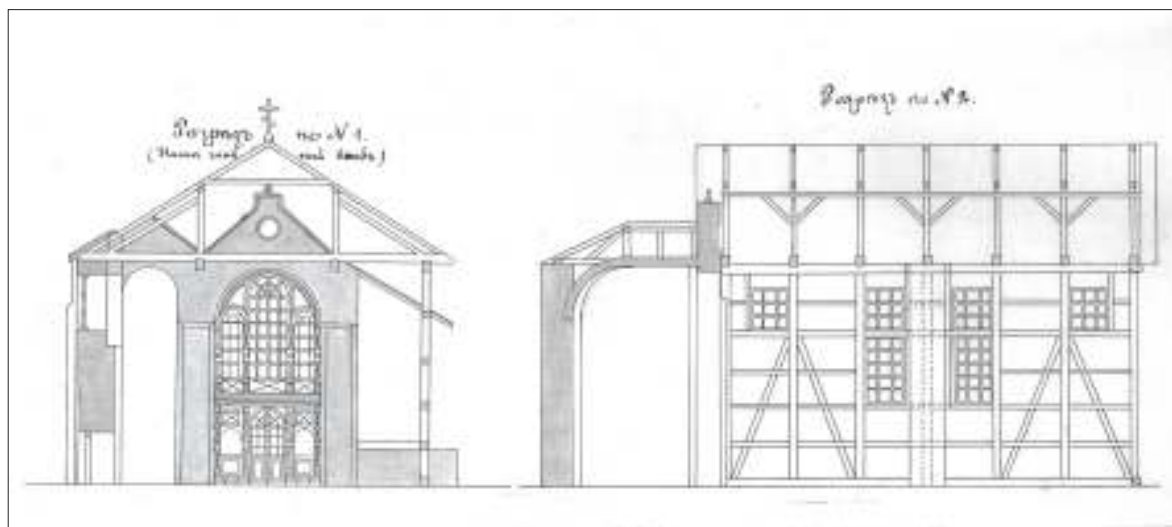

Виленская губерния. Трокский замок (1888 г., д. 13 а, л. 144)

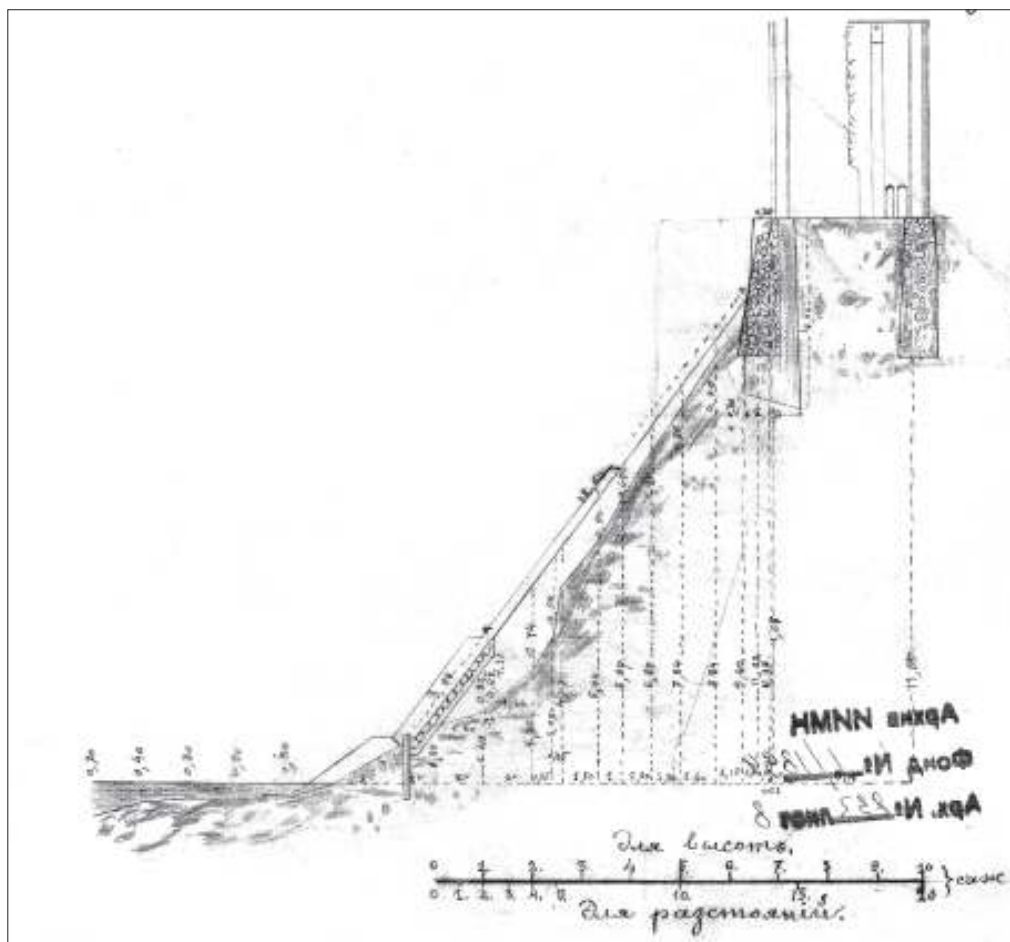
д. 15 а, л. 42–43, 132–135 об., 137–140, 143, 144). Тогда же, во второй половине 1880-х гг., инспектор Бауского городского училища Э. Шмидт, производя раскопки могильника в Альт-Радене, обследовал также Бауский замок в Курляндской губернии и сделал ряд уникальных фотографий, которые, к сожалению, очень плохо сохранились (1887 г., д. 58).

Впоследствии Комиссия была непосредственно связана с реставрацией Коложской церкви в Гродно. 6 декабря 1894 г. епископ Брестский Иосиф (Соколов), викарий Литовской епархии, обратился в ИАК, сообщая о «злосчастном положении» храма: в 1845 г. на северной стене образовалась глубокая трещина, а 1853 г. южная и половина западной стены вместе с берегом обрушились в Неман (1894 г., д. 233, л. 1–2). Позднее, в рамках возникшей переписки, в Комиссию поступил проект сохранения памятника с помощью легкой деревянной кровли и деревянной стенки с южной и западной сторон, выполненный гродненским губернским архитектором Н. В. Романовым. Пол древнего храма при этом не разрушался, так как брусья сберегающей конструкции укреплялись вертикально. 17 декабря ИАК выразила признательность епископу за бережное отношение к старине и предложила подумать над укреплением берега в связи с предполагаемыми на р. Неман работами Министерства путей сообщения по строительству пристани.

В ответном письме епископ писал о сложностях изменения уже утвержденной сметы строительства. Дело затянулось. ИАК пришлось самой непосредственно обратиться в министерство, откуда 14 декабря 1896 г. пришел ответ, что речь может идти не об укреплении берега вообще, а лишь об устройстве площадки в непосредственной близости от храма

Гродно. Проект деревянного покрытия и стен Коложской церкви (1894 г., д. 233, л. 14)

Гродно. Схема устройства укрепляющей площадки под Коложской церковью (1894 г., д. 233, л. 10 об.)

(Там же, л. 32). Только 18 сентября 1898 г. виленский, ковенский и гродненский генерал-губернатор вновь возбудил вопрос о восстановлении храма, предполагая потратить на эти работы 19554 руб. 9 коп., о чем МВД сообщило в Комиссию.

16 ноября ИАК дала свое согласие на реставрацию, однако тут же выяснилось, что в МВД был представлен не законченный проект, а лишь чертеж и предложения составителя сметы — губернского инженера Небольсина. 24 ноября 1899 г. рассмотрение проекта было поручено Н. В. Султанову (Там же, л. 42, 46, 49), но работы так и не состоялись. В 1900-е гг. Комиссии пришлось неоднократно обращаться к вопросам состояния церкви, в частности, в связи с появившейся информацией о закладке внутривходовых ниш (Там же, л. 63–64). В 1909 г. церковь была обследована П. П. Покрышкиным. Однако еще в 1904 г. обер-прокурором Синода по высочайшему повелению была образована Особая комиссия о сосредоточении всего дела реставрации Коложской церкви в Духовном ведомстве (Там же, л. 77–79 об.).

2 июня 1912 г. Хозяйственное управление Синода вновь решило «освидетельствовать» церковь и обратилось к П. П. Покрышкину с просьбой войти в комиссию. Известно, что архитектор предложил восстановить храм как трехглавый, а не как однокупольный, в связи с чем 18 июля 1914 г. Хозяйственное управление направило в ИАК запрос о том, какие именно данные были получены при исследованиях для обоснования подобного варианта реставрации. Несмотря на начало Первой мировой войны, 30 октября 1914 г. запрос был рассмотрен в ИАК. Трехкупольный вариант был признан целесообразным по художественно-архитектурным соображениям и «требованиям архитектурного силуэта», несмотря на то что в процессе исследований не было обнаружено каких-либо остатков сводов и куполов. Были даны ссылки и на исторические прецеденты, связанные с существованием трехглавых церквей XII в., и на отсутствие одноглавых церквей при четырех закомарах боковых фасадов (Там же, л. 67, 69, 70–71 об.). Несмотря на то что позднее П. П. Покрышкина упрекали за прямолинейность использования греческих аналогов при реставрации Коложской церкви и недооценку специфики ранних русских построек (Памятники архитектуры 2002: 488), предложенный ИАК проект и сегодня выглядит достаточно обоснованным.

В 1897 г. по высочайшему повелению Николая II началась реставрация древней башни в Каменце-Литовском — «Белой вежи». Во время посещения государем этой местности ему был представлен краевед священник Лев Паевский (1852–1919), посетовавший на ее бедственное состояние. Император высказал желание «не дать погибнуть этим памятникам древности». 9 сентября министр императорского Двора В. Б. Фредерикс сообщил об этом А. А. Бобринскому. Уже 8 октября председатель ИАК предложил гродненскому генерал-губернатору составить смету и чертежи будущего проекта, что было непосредственно поручено отцу Паевскому. 10 ноября 1897 г. он представил смету на 4667 руб. 88 коп. Согласно его проекту, предполагалась закладка образовавшихся в башне проемов с помощью кирпича на цементе, а также устройство смотровой площадки. Он же был автором одного из первых эскизов реставрации, присланного в ИАК 5 сентября 1898 г. Впоследствии был предоставлен еще один проект, принадлежавший И. К. Плотникову (1897 г., д. 211, л. 8, 30, 31, 40, 49).

8 ноября 1898 г. ИАК препроводила дело о реставрации «Белой вежи» В. В. Суслову и просила его высказать свои соображения. Комиссия выделила ему 175 руб. на раскопки, обмеры и разведки, которые он и произвел в январе 1899 г. Однако здесь возник целый ряд неожиданных препятствий. 20 мая 1899 г. из письма Кабинета его императорского величества выяснилось, что государь имел в виду «упорядочить состояние» башни «в настоящем виде», а существующие проекты предлагают «полное ее возобновление» (Там же, л. 71–72). Одновременно Л. Паевский в своих письмах в ИАК и непосредственно государю

Белая вежа в Каменце-Литовском. На переднем плане священник Л. Паевский. Брестский уезд Гродненской губернии. Фото В. В. Сулова (1897 г., д. 211, л. 372)

постоянно торопил Петербург с реставрацией памятника (Там же, л. 89). В 1902 г. реставрационные мероприятия опять не состоялись из-за плохой погоды, и лишь 14 июля 1903 г. губернская комиссия осмотрела башню и составила акт о ее состоянии. В декабре того же года к делу подключился П. П. Покрышкин. Для реализации проекта И. К. Плотникова была составлена смета в 24 500 рублей (Там же, л. 158–158 об.; Памятники архитектуры 2002: 384 и след.; Известия ИАК. Вып. 31. 1909: 40). Подрядчиком выступил Иван Арцишевский, который впоследствии постоянно жаловался в ИАК на невыплату ему денег производителем работ. Наконец в 1906 г. была создана специальная «Комиссия по охранению остатков башни Белая вежа».

Белая вежа. Каменец-Литовский. Брестский уезд Гродненской губернии (1897 г., д. 211, л. 39)

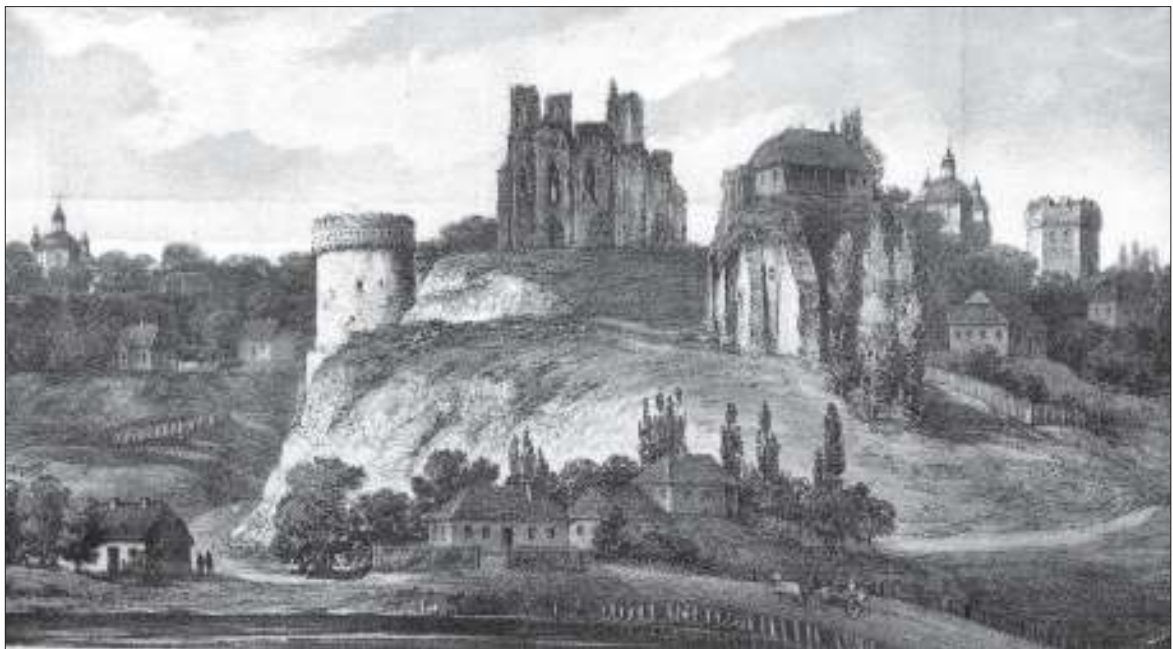
Эскизы реставрации Белой вежи, выполненные священником Л. Паевским и И. К. Плотниковым. Каменец-Литовский. Брестский уезд Гродненской губернии (1897 г., д. 211, л. 30, 40)

Каменец-Подольский. Крепость. Рисунок Г.К. Лукомского (1873 г., д. 7, л. 29)

Деятельность ИАК была связана и с другим Каменцом. 13 февраля 1873 г. МВД обратилось в Комиссию в связи с запросом генерал-губернатора Юго-Западных губерний о разрешении «сломки древних, местами растрескавшихся, проездных врат», которые угрожают обывателям Каменца-Подольского своей ветхостью. 21 февраля С.Г. Строганов, как это было и в других случаях с памятниками крепостного зодчества на территории России, отвечал, что сооружения XVII–XVIII вв. не подлежат сохранению и могут быть сломаны при обязательной фиксации и поиске «тайных помещений». Однако в августе 1912 г. Комиссия была вынуждена вернуться к судьбе местного замка, но уже на новом уровне — с точки зрения сохранения не его физического существования, а исторического облика. В связи с намерением Тюремного управления, «ввиду крайнего переполнения арестантами исправительного арестантского отделения», построить здесь новое здание, в ИАК обратился хранитель музея Подольского историко-археологического общества Александр Николаевич Прусевич, обратив внимание Комиссии на возможное искажение замкового ансамбля в результате нового строительства. Позднее в Комиссию поступило письмо архитектора Г.К. Лукомского, который просил ограничить высоту здания двумя этажами и окрасить его в серый цвет, дабы не разрушать общий вид и колорит памятника. 20 декабря 1912 г. ИАК переслала подобную просьбу в Главное Тюремное управление, которое, кажется, ничего не имело против серого цвета, но 7 марта 1913 г. сообщало в ответном письме, что планируемая постройка «не может быть меньше трех этажей» (1873 г., д. 7, л. 4, 5–6, 9, 14–21, 31).

Комиссия принимала участие в реставрации и охране замка и Богоявленского храма в Остроге, основание которых относилось к XV в. и было связано с именем князя Василия

Острог. Волынская губерния. Острожский замок и Богоявленская церковь до и после восстановления (1885 г., д. 39, л. 153, 154)

Федоровича Острожского. Еще в 1865 г. работы здесь были осуществлены МВД (1891 г., д. 109, л. 7–16), а в 1879 г. Острожское имение вместе с замком и башнями — Татарской, Красной и Садовой были приобретены в императорский удел. В начале XX в. статус замка опять изменился: 21 октября 1912 г., согласно высочайшему соизволению, он был передан в «хозяйственное заведование Братства имени князей Острожских под покровом преподобного князя Феодора» (Там же, л. 226).

Изначально, в 1885–1886 гг., существовал проект сноса части замковых построек, инициатива которого исходила от местного генерал-губернатора. По собственному признанию, он не придавал «особого археологического значения развалинам» и относился «безразлично к этому делу» (1885 г., д. 39, л. 16, 36). В духе предшествующей практики ИАК В.Г. Тизенгаузен, который составлял ответ от имени Комиссии, считал возможным такой исход дела, естественно, после графической фиксации.

Следующий этап сохранения памятника начался в конце 1900-х гг. с письма секретаря Киевского отдела Императорского Русского военно-исторического общества Д.В. Милееву, где говорилось о разрушении дворца Острожских церковными старостами и причтом Богоявленского собора. В результате переписки с местными властями губернатор предложил ИАК воспользоваться уже сложившейся практикой и принять замок в свое ведение для охраны и реставрации. 3 мая 1911 г. Комиссия поручила осмотр замка местному епархиальному инженеру Владимиру Григорьевичу Леонтовичу, который составил акт о состоянии памятника, а также предложил ряд конкретных мер по его ремонту и реставрации, в число которых входило укрепление нижнего этажа и восстановление внутренней лестницы, поскольку речь шла о возможном «приспособлении» замка для библиотеки и музея Братства (Там же, л. 164, 186–186 об.).

В 1913 г. Острог посещал П.П. Покрышкин и инспектировал разборку завалов и исследования, проводимые под руководством В.Г. Леонтовича, который 2 сентября 1913 г. направил в ИАК подробный журнал о раскопках и исследованиях, а также ряд находок из нижних этажей здания, среди которых были фрагменты оконной слюды и изразцы (Там же, л. 205, 226–227 об.). Однако в декабре 1912 г. из доклада П.П. Покрышкина выяснилось, что при реставрации были допущены отступления от проекта, в частности, произведена замена кирпичной кладки арки на каменную, понижен пол в среднем этаже, поставлена филенчатая дверь вместо гладкой, а взамен кованых ручек установлены «фали фабричного производства» (Там же, л. 233, 234–234 об.). 10 декабря 1913 г. ИАК ходатайствует перед Министерством императорского Двора об отпуске суммы в 9053 руб. 29 коп. для завершения работ, и 31 декабря в Остроге составляется акт о выполненных работах, в котором содержится требование выполнить пожелания Комиссии, связанные с исправлением отступлений от первоначального проекта (Там же, л. 235, 239).

Ряд реставрационных дел Комиссии был связан со сложной конфессиональной ситуацией, которая сложилась в Юго-Западном крае. 29 мая 1896 г. в РАО обратился настоятель костела из Каменца-Подольского ксендз М. Дзендзич. Дело в том, что к храму XV в. был пристроен минарет эпохи владычества турок. Из-за постоянного движения экипажей, вызывавшего вибрацию, башня минарета несколько накренилась и в ней появились трещины. Ксендз просил Общество принять минарет под свою защиту и закрыть прилегающую территорию для проезда. Дело было передано в ИАК. Интересно отметить, что 27 июня В.Г. Тизенгаузен писал настоятелю, что по закону охрана древних памятников состоит в ведении МВД (sic!), но ИАК все же обратилась за разъяснениями к подольскому губернатору. Тот 7 августа отвечал, что его инженеры лишь предположительно связывают разрушение памятника с вибрацией, вызванной

городским движением, а ксендз руководствуется в этом деле совершенно посторонними мотивами, а не желанием сохранить от разрушений исторический минарет. Посему губернское начальство решило отложить вопрос о закрытии проезда на год. Однако уже 23 февраля 1897 г. М. Дзендзич вновь обращается в ИАК с просьбой прислать «комиссию» для объективной оценки ситуации на месте. Чем закончилось это противостояние священника и губернатора, неизвестно (1896 г., д. 101, л. 2–2 об., 5–5 об., 6–7).

В другом случае Комиссии пришлось согласиться на осуществление проекта архитектора Подольской епархии В. Н. Максимова, связанного с перестройкой Михаило-Архангельской церкви в м. Новый Вишневец Кременецкого уезда (1673 г.). Еще в 1910 г. здесь обсуждался вопрос о сносе окружавших храм зданий бывшего кармелитского монастыря. Председатель комиссии по ремонту храма камергер П. А. Демидов требовал осмотра всего комплекса со стороны представителя ИАК. Члены Комиссии высказались за сохранение барочных форм храмовой архитектуры, в частности шпилей, однако, по мнению епархиального начальства, это придавало церкви «католический вид». В августе–октябре 1913 г. в результате переписки с Синодом мнение «ревнителеев» возобладавало (1910 г., д. 93, л. 1, 14–15 об; Известия ИАК. Вып. 52. 1914: 47; Памятники архитектуры 2002: 323).

ИАК участвовала в сохранении и реставрации памятников Киево-Печерской лавры. 19 февраля 1894 г. митрополит Киевский Иоанникий (Руднев) прислал в «Санкт-Петербургскую Императорскую Археологическую Комиссию» проект общей росписи стен Успенского собора Лавры, составленный В. П. Верещагиным и С. Н. Лазаревым-Станишевым, осуществление которого было разрешено Синодом лаврскому Духовному собору еще 27 февраля 1889 г. В соответствии с существующим положением ИАК обратилась в Академию художеств с просьбой назначить своего представителя для обсуждения полученного проекта. Эти события как раз пришлись на время противостояния А. А. Бобринского и И. И. Толстого, что дополнительно сопровождалось попыткой собрания Академии художеств самостоятельно обсуждать реставрационные проекты и избирать представителей для их обсуждения общим голосованием. В связи с этим И. И. Толстой в ответном письме спрашивал, «не сочтет ли Комиссия полезным, по миновании надобности, препроводить проект на заключение Академии или же отложить его обсуждение на некоторое время». В конце концов, 11 марта от Академии художеств

Каменец-Подольский. Подольская губерния.
Кафедральный костел с пристроенным
минаретом (1896 г., д. 101, л. 1 а)

Киев. Церковь Спаса на Берестове (1903 г., д. 275, л. 121 об.)

в реставрационное заседание все же были избраны М. П. Боткин, Г. И. Котов и П. П. Чистяков, а 16 марта от Синода сюда же были назначены Н. В. Покровский и М. Т. Преображенский. Во время обсуждения были высказаны серьезные претензии к стилю росписи, вызванные ее «отступлением от требований византийской церковной археологии». В частности, отмечалось, что запланированное в куполе изображение новозаветной Троицы появляется в европейской иконографии не ранее XV в., то же было замечено по поводу эсхатологических сюжетов и облаков, обильно рассеянных по всей росписи, трактовка которых была дана чересчур реально (1894 г., д. 23, л. 1, 5–5 об., 7, 19–19 об.).

Кроме Успенского собора ИАК была связана и с другими лаврскими памятниками. 29 ноября 1903 г. А. В. Щусев сообщил в Комиссию о печальном состоянии церкви Спаса на Берестове в Киеве. 13 января 1904 г. А. А. Бобринской обратился в Хозяйственное управление Синода и просил принять энергичные меры к сохранению храма. Какие меры были приняты, неизвестно, но в дальнейшем церковь, ранее принадлежавшая единоверческой общине, перешла в ведение Лавры (1903 г., д. 275, л. 1, 3).

2 августа 1908 г. ИАК направила митрополиту Киевскому Флавиану (Городецкому) письмо о том, что, по имеющейся информации, Лаврой был подготовлен проект реставрации церкви, который, согласно существующему законодательству, следовало представить в Комиссию. 29 октября Духовной собор дипломатично отвечал, что проект действительно существует, однако его реализация начнется не ранее, чем храм будет осмотрен специалистами ИАК. В частности, проект предполагал промывку росписи и ее «исправление», где «окажется возможным», заделку трещин на стенах, оштукатуривание внутри храма мест, не занятых росписью, расчистку и починку иконостаса и замену оконных рам и дверных проемов.

1 июля 1909 г. для осмотра церкви был направлен П. П. Покрышкин, который в своем заключении от 15 сентября обозначил необходимость проведения архитектурно-археологических исследований прежде начала ремонтных работ. В этой связи 19 октября ИАК обратилась к Лавре с вопросом, чем именно монастырь мог бы помочь при проведении раскопок. В частности, речь могла идти о предоставлении помещения, выплате содержания исследователям и найме рабочих.

Однако 13 ноября лаврское начальство отвечало в том духе, что оно обязалось реставрировать храм и сохранять его в подобающем виде, но не проводить научные исследования и археологические раскопки. 28 декабря ИАК сообщила о ситуации в Синод и, ссылаясь на отказ Лавры, попросила выделить 1000 руб. на архитектурно-археологические работы, указывая на то, что монастырское начальство само войдет в сношения со специалистами по промывке фресок, осмотр которых был поручен М. Чирикову. В результате переговоров Лавра согласилась предоставить стол для рабочих и служебные помещения (Там же, л. 8, 9, 14, 12–12 об., 19–20 об., 24).

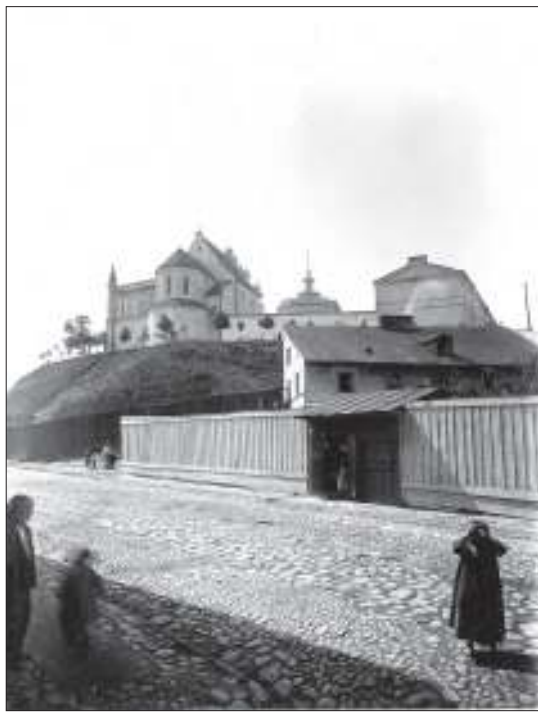
В связи с началом работ 14 октября 1910 г. ИАК обратилась в Военное министерство с предложением удалить часть крепостного вала, который находился в его ведении и закрыл развалины купольных столбов и алтарных полукружий древнего храма. 4 марта 1911 г. был предложен проект выемки земли вала, однако 8 августа Лавра отказалась от продолжения раскопок по финансовым соображениям. Из-за аварийной ситуации вокруг Спаса киевский генерал-губернатор 11 августа воспретил доступ к храму, а 29 августа 1911 г. реставрационно-археологические работы посетил император.

В дальнейшем дело реставрации было осложнено препирательствами с Военным ведомством по поводу установки ограждений и вывозки земли и позицией Лавры, которая 26 января 1912 г. опять отказывается от оплаты археологических работ под крепостным валом. ИАК вновь была вынуждена обратиться в Синод с просьбой выделить 3000 руб. на продолжение исследований, однако 21 июня получила отрицательный ответ со ссылкой на то, что раскопки являются делом «не церковным», а научным и общественным.

Только 4 апреля 1913 г. Лавра согласилась выделить требуемую на исследования сумму при условии перевода 2 десятин земли в районе вала из Военного ведомства в собственность монастыря. Лавра была согласна обменять эту землю на свои 11 десятин в Бусловском урочище да еще заплатить за военные строения 180 000 руб. Такое предложение вызвало озабоченность ИАК, которая посчитала, что заинтересованность Лавры в этих площадях связана с тем, что здесь будут строить «доходные безобразные небоскребы».

Киев. Проект выемки земли крепостного вала у церкви Спаса на Берестове (1903 г., д. 275, л. 28 об.)

Люблин. Задний фасад костела Святой Троицы, XV в., при Люблинской тюрьме. Вид с востока.
Фото В. Сарацинской 1903 г. (ФА, Q 364/20)

Люблин. Фрески на стене входа на хоры в костеле при Люблинской тюрьме.
Фото В. Сарацинской 1903 г. (ФА, Q 364/24)

Еще одной проблемой стала попытка выложить пол в храме метлахской плиткой, тогда как П. П. Покрышкин настаивал на имитации цементной плитки или даже использовании мраморной. Процесс исследования и реставрации застопорился. В 1915 г. стала очевидна необходимость засыпки открытых раскопками фундаментов. Наблюдение за земляными работами проучено П. Вельмину (Там же, л. 30, 35, 55, 60, 68, 81, 82–82 об.).

Тогда же ИАК пришлось вступить за Дальние пещеры Лавры. 26 июня 1914 г. П. П. Покрышкин отмечал, что после недавнего ремонта «все пещеры окрашены с вопиющим безвкусием в светло-сиреневый... цвет масляной лоснящейся краской, а существующие изображения святых XVIII–XIX вв. также проолифлены и неприятно лоснятся». Одновременно монастырское руководство предполагало выстлать пол в пещерах металлическими плиткам, чего, по мнению ИАК, «только и недоставало для полного уподобления святых пещер обыкновенным коридорам общественных уборных». 15 июля ИАК обратилась в Духовный собор Лавры с просьбой тонировать еще не окрашенные стены под цвет земли с помощью известковой краски. Похоже, что только Первая мировая война сохранила внутренний вид лаврских пещер (1894 г., д. 23, л. 25, 26, 29).

Необходимо отметить деятельность Комиссии на территории современной Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, которая особенно активизировалась в 1900–1910-х гг. Наиболее известны работы П. П. Покрышкина в Польше. В 1903 г. он провел расчистку стенописи костела в Люблине. 19 июня 1903 г. люблинский губернатор обратился в ИАК с просьбой произвести экспертизу живописи в часовне Тюремного замка, которую в 1902 г. осматривал А. И. Стржелецкий. В 1903 г. часть росписи была освобождена от штукатурки, и в июле фрески были сфотографированы. Справедливо сомневаясь в «польско-католическом» происхождении живописи, губернатор вновь обратился в Комиссию, испрашивая разрешение на научную реставрацию, опасаясь, дабы «по случайности не изгладились следы древности». Именно тогда и была расчищена «выходная» надпись 1415 г., что подтверждало принадлежность росписи кисти русских мастеров. Сама роспись была отнесена к «византийскому пошибу». В 1913 г. М. Чириков должен был осуществить реставрацию фресок, на которую министр юстиции И. Г. Щегловитов выделил 2500 руб., хотя вся смета составила 10 000 руб. (1903 г., д. 154, л. 2–3 об., 20 об., 38). В 1907–1909 гг. П. П. Покрышкин осуществил реставрационные работы в Благовещенской церкви Супрасльского монастыря и в Черском замке, а в 1909 г. обследовал старинные башни в окрестностях Холма. В 1910 г. и 1912 г. на соборной горе в Холме на средства местного Богородицкого братства он провел археологические исследования с целью поиска летописного «Данилова града» — замка князя Даниила Галицкого (ОИАК за 1909–1910 г. 1913: 175).

Однако ИАК принимала участие и в судьбе гораздо менее выдающихся памятников, к сожалению, не всегда с положительным исходом. 9 марта 1912 г. Варшавское общество сохранения древностей обратилось в Комиссию с беспокойством за судьбу замка Концепольских в м. Русец Лаского уезда Петраковской губернии. Новый владелец замка И. Знамеровский-Сухер намеревался разрушить одну из пристроек к зданию, тогда как бывшая владелица была готова ее выкупить. ИАК обратилась к петраковскому губернатору, который уже 11 марта приостановил работы и даже выслал снимки памятника. Однако это создавало правовую коллизию, поскольку речь шла о частной собственности. 10 июня П. П. Покрышкин и А. А. Спицын предложили снять наложенное губернатором запрещение во избежание подачи гражданского иска. Несколько позднее, когда 20 августа 1913 г. Комиссия обратилась с запросом в Варшавское общество, какие меры то считает необходимым предпринять для

Замок Концепольских в м. Русец Лаского уезда Петраковской губернии (1912 г., д. 58, л. 13)

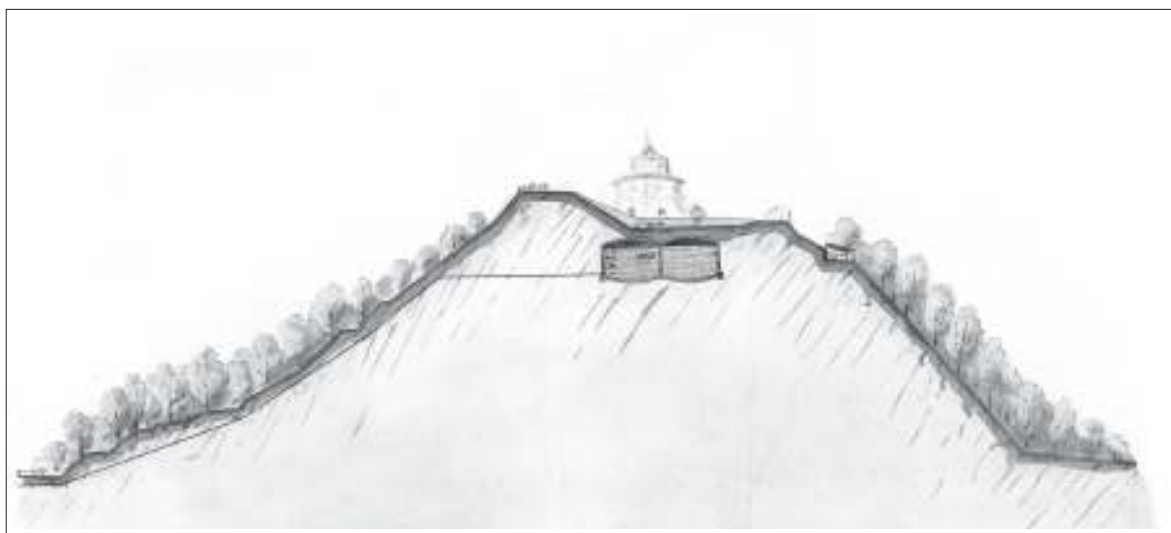
сохранения замка, его председатель Эдуард Красинский отвечал, что наиболее интересные части уже, к сожалению, разрушены (1912 г., д. 58).

В октябре 1911 г. в ИАК из «Комиссии для опеки над историческими зданиями» г. Вильно поступило известие, что полуденный выстрел с Гедиминова замка разрушительно влияет на древние здания. За письмом стояла инициатива местного краеведа В. А. Шукевича. 13 октября В. В. Латышев отправил виленскому губернатору запрос по поводу технической экспертизы возможного влияния пушечного выстрела на замок. Губернатор, адресовавший ответ «председателю ИАК А. Б. Преженцеву», сообщил на это, что еще в сентябре входил в сношение с военным начальством, которое его заверило, что выстрелы «совершенно не могут оказывать на остатки замка разрушающего влияния». 20 февраля 1912 г. ИАК отправила соответствующий запрос в Техническо-Строительный комитет МВД, но оттуда также пришла отписка со ссылкой на того же губернатора и то же «военное начальство» (1912 г., д. 24, л. 1–2, 3, 4, 5).

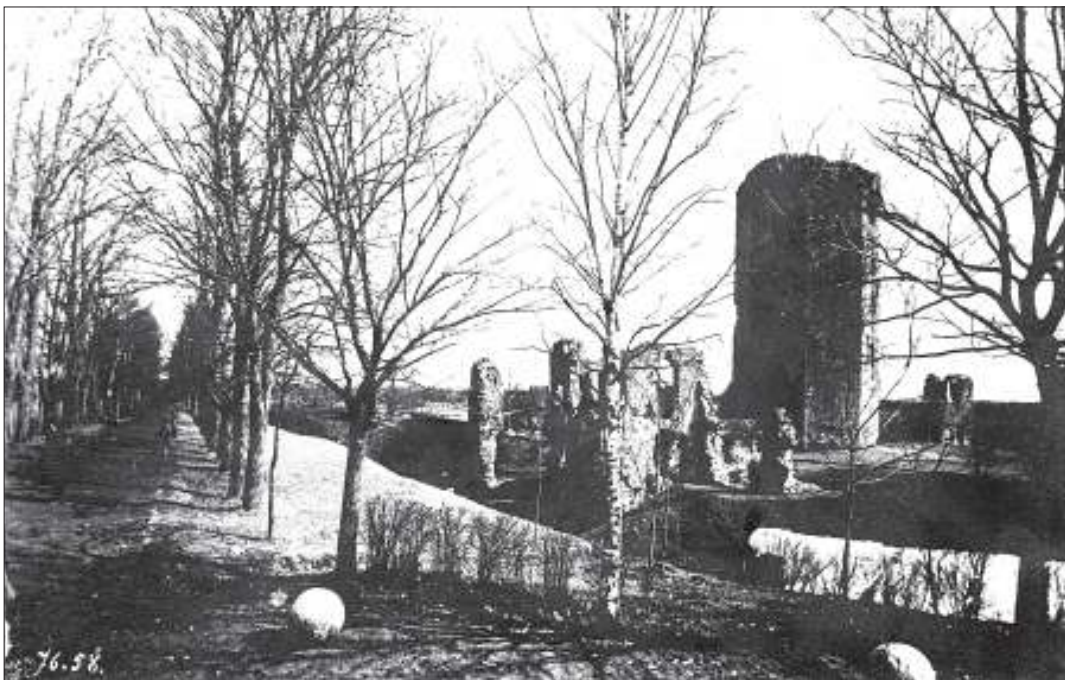
Однако в феврале 1912 г. пошли слухи о строительстве водопроводного бака в одной из башен Виленского замка. Об этом было сообщено в ИАК все тем же В. А. Шукевичем, а также Обществом любителей наук в г. Вильно, которое еще 1 декабря 1911 г. на своем собрании приняло решение противодействовать этому намерению и теперь просило ИАК о помощи. 28 января в Комиссию обратилось ИРАО с просьбой изъять замок из собственности Виленского городского правления. Одновременно и местный губернатор поставил перед Комиссией вопрос о согласовании проекта, прислав в Петербург планы и эскиз будущего бака, но без подробных чертежей.

Вильно. Гедиминова башня (1912 г., д. 24, л. 86)

Вильно. Эскиз резервуара в Замковой горе (1912 г., д. 24, л. 76)

Замок Вейсенштейн. Эстляндская губерния (1912 г., д. 185, л. 14)

В связи с этим 7 февраля 1912 г. уже упоминавшийся В. А. Шукевич запросил у ИАК Открытый лист на исследования Виленского замка. Однако этому воспротивилось Литовское научное общество, называя заявителя «автодидактом в археологии», не обладающим достаточной компетенцией, да к тому же еще сдававшим найденные при раскопках вещи в Краков или во Львов. Впрочем, Общество тоже было не склонно предоставлять археологические находки на Замковой горе в Петербург на «Высочайшее воззрение», настаивая, что они обязательно должны остаться в собственности города.

7 марта 1913 г. ИАК обратилась в Главное управление по делам местного хозяйства МВД и высказала свои соображения о невозможности строительства водного коллектора на Замковой горе в Вильно. Очевидно, подготовительные работы в башне выявили ее неудовлетворительное состояние. В связи с этим Виленская городская управа и губернатор обратились в Комиссию с просьбой разрешить С. О. Гоувальту ремонт цоколя башни, на что ИАК 14 июня дала добро, однако потребовала, чтобы кладка была сделана на известковом растворе, а не на цементе. Дополнительными условиями были минимум перелицовки фасадных частей здания и сохранение внутри башни древнейшей штукатурки. Для наблюдения за работами Комиссия направила К. К. Романова (Там же, л. 11, 12, 19, 23, 26, 27–33 об., 46, 47).

Комиссия занималась охраной памятников в Лифляндской и Эстляндской губерниях. В 1912 г. ИАК высказывала озабоченность судьбой каменного дома 1646 г. по Малой замковой улице в Риге, на который ее внимание обратил тайный советник С. Мутусов, поскольку здесь было решено построить новый дом в стиле модерн. Однако 30 апреля 1912 г. в ответ на запрос А. А. Бобринского лифляндский губернатор сообщил, что дом не предполагается к ломке (1912 г., д. 44). 7 января 1888 г. эстляндский губернатор С. В. Шаховской (1852–1894), предполагая, на основании заявления старожилов, что во дворе Вышгородского замка в Ревеле могут быть обнаружены древности, имеющие важное значение для истории, обратился

в Археологическую Комиссию. Поскольку казенных средств у него на раскопки и восстановление замка не было, он полагал, что ИАК сможет взять эти расходы на свой счет (1888 г., д. 6, л. 1–3 об.)

В 1912 г. другой эстляндский губернатор обратился в МВД с запросом о ремонте стен замка Вейсенштейн, построенного 1266 г. Впрочем, этот памятник рассматривался им не столько как рыцарский замок, сколько как свидетельство славы русского оружия в Северной войне. Проект предполагал облицовку стен местным плитняком и устройство водостоков. Всего на ремонт замка планировалось потратить 800 руб., и МВД переслало отношение на экспертизу в ИАК. Очевидно, в связи с начавшимися ремонтными работами в 1913 г. Общество для сохранения древностей Вейсенштейнского уезда ходатайствовало о выдаче Открытого листа для раскопок с целью определения рва, фобурга и других конструктивных элементов оборонительной архитектуры. Раскопки должен был производить библиотекарь лифляндского дворянства К. фон Левис-оф-Менара из Риги, однако отчет об этих работах в Комиссию так и не был представлен (1912 г., д. 185).

Интересен эпизод с попыткой сохранения бывшей Никольской церкви в Нарве. В 1912 г. МВД переслало в ИАК проект перестройки здания в г. Нарве на углу Вышгородской и Раздельной улиц, принадлежащего М. Ушару, под жилой дом. Однако уже к тому времени выяснилось, что речь идет об остова православной церкви времен Ивана Грозного, которая была построена в честь взятия Нарвы и просуществовала с 1558 по 1581 г., после чего храм перешел в частные руки и ныне был занят «пивной и винной торговлей». МВД считало, что здание непременно должно быть приобретено Духовным ведомством. Нарвское духовенство, в лице протоиерея Василия Альбова, справедливо полагая, что назначение, которое владелец намеревается придать этому зданию, не соответствует его прошлому, возбудило в Санкт-Петербургской Духовной консистории ходатайство об отпуске средств на покупку этого здания с целью устроить здесь музей церковных древностей. Были сделаны попытки предложить эскизный проект переустройства здания в этих целях, принадлежавший местному художнику Н. Семенову. Однако 8 апреля 1913 г. консистория отказалась от этой идеи, посчитав, что покупка выгодна одному лишь Ушару, запросившему за дом 10 000 руб. К тому же церковные власти посчитали, что музей — не практиковавшееся и не испытанное средство в миссионерских целях против лютеран. Впоследствии ИАК дважды, 22 августа 1912 г. и 15 марта 1913 г., рекомендовала духовным властям приобрести дом и запрашивала соответствующие инстанции о состоянии дел (1912 г., д. 252).

В южных регионах Империи Археологическая Комиссия также вела большую работу, связанную с охраной памятников старины. Кроме археологического исследования памятников Кавказа (*подробнее смотри главу IX*) ИАК содействовала спасению его архитектурных сокровищ. Буквально накануне Первой мировой войны, 14 марта 1914 г., начальствующий Грузино-Имеретинской Армяно-Григорианской епархии епископ Месроп обратился в ИАК. Еще 5 июля 1913 г. он вступил в Тифлисе в контакт с Кавказским обществом поощрения изящных искусств и попросил, дабы архитектурно-художественная группа общества приняла на себя надзор за комплексами средневековых монастырей Ахпат (конец X–середина XIII вв.) и Санаин (конец X–XIII вв.) на севере Армении близ г. Алаверди. На основании осмотра был составлен протокол, предлагающий ряд мер по поддержанию местных храмов. Теперь эти меры должны были получить одобрение ИАК. Выяснилось, что в Ахпате повреждены каменные перекрытия зданий, а в Санаине зафиксирована плесень и выпадение камней из стен, которые приобрели критический наклон. 27 марта ИАК рассмотрела эти предложения на своем реставрационном заседании и затребовала дополнительную

Нарва. Бывший Никольский храм — дом
Мойши Ушара в Нарве на углу Вышгородской
и Раздельной улиц, Эстляндская губерния
(1912 г., д. 252, л. 30)

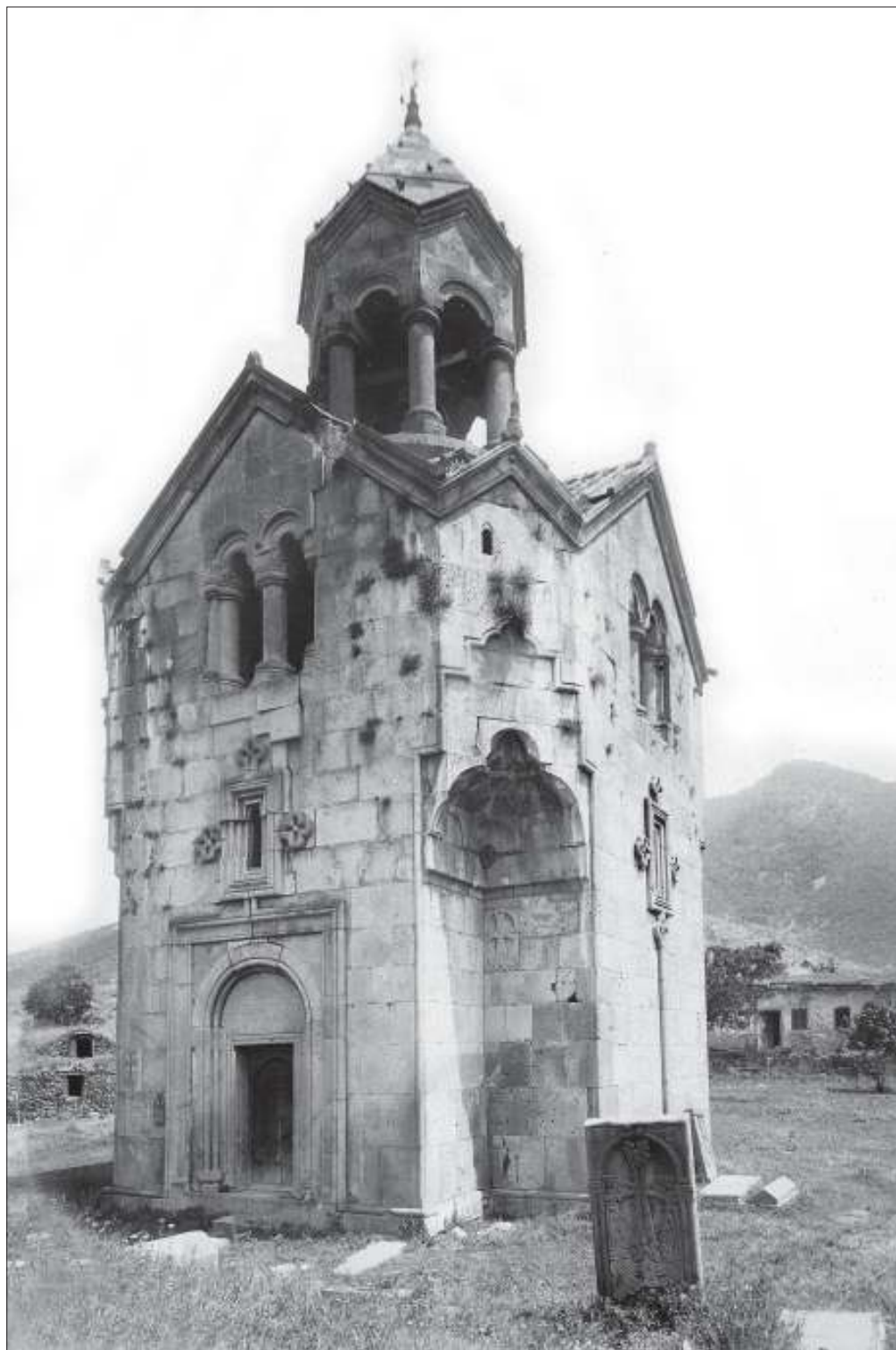
Нарва. Проект восстановления
Никольского храма. Эстляндская губерния.
Рисунки Н. Семенова (1912 г., д. 252, л. 12 об.)

Монастырский храм Санаин. Эриванская губерния (1914 г., д. 214, л. 13)

информацию, в частности чертежи и фотографические снимки. 10 мая члены Комиссии вернулись к рассмотрению проекта. Выразив «живейшее сочувствие благому начинанию», ИАК дала согласие на реставрационные мероприятия, но при условии не трогать сдвинувшиеся с места камни кладки и примириться с происшедшими деформациями. При этом были высказаны возражения против использования цемента для укрепления крыши, который в силу своей гигроскопичности может спровоцировать новые трещины. Для облицовки и заполнения трещин был рекомендован строительный раствор, однородный с древним (1914 г., д. 214, л. 3–5, 8). Сегодня оба монастырских комплекса хорошо сохранились и с 1996 г. включены в Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Забота ИАК распространялась и на памятники оборонного зодчества Грузии. Так, 23 июня 1890 г. А. А. Бобринской выразил начальнику работ по устройству порта в Батуми свою озабоченность по поводу возможной разборки Цихидзирской крепости для этих нужд. К судьбе этого памятника ИАК возвращалась и позднее: 22 мая 1912 г. председатель ИАК писал военному губернатору Батуми по запросу со стороны Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, обеспокоенного планами строительства в крепости храма-памятника русским воинам, павшим при завоевании Батумского края. Впрочем, до осуществления этих планов было еще далеко: инициативная группа пока обратилась к властям лишь с просьбой о предоставлении для этих целей участка земли. Около этого времени А. А. Миллер, по просьбе А. А. Спицына, осмотрел крепость и доставил в ИАК подробный отчет о поездке с новым планом крепостных сооружений (1890 г., д. 109, л. 3, 5, 9–11).

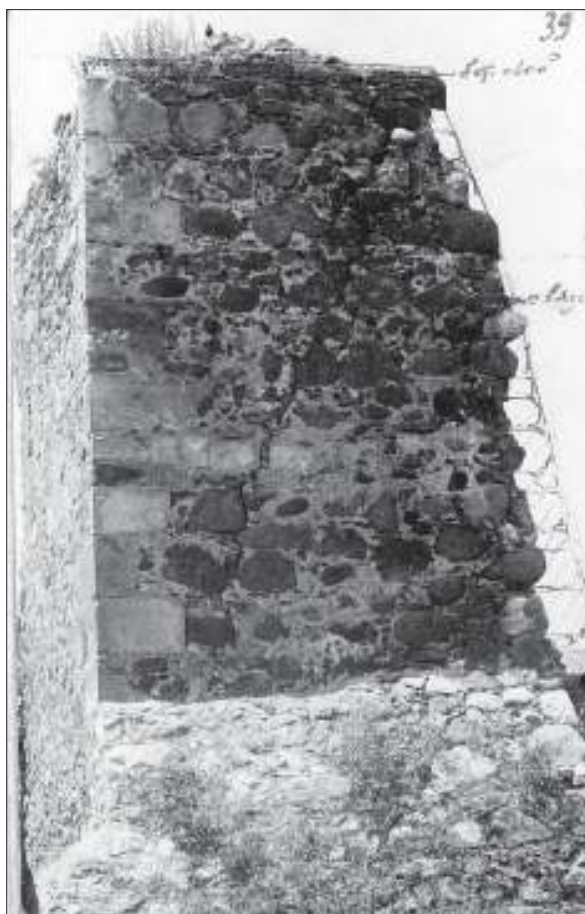
Монастырский храм Ахпат. Эриванская губерния (1914 г., д. 214, л. 14)

Аккерман–Белгород–Днестровский. Вид на крепость с пристани, со стороны лимана, с севера. Восточная и северная стены с башнями № 1, 3 и 4. Фото П. Геровича 1890-е гг. (ФА, Q 380/39)

первого председателя ИАК, разрешил Русскому обществу пароходства и торговли брать камни из контрэскарпа на устройство пристани. Впрочем, министерство утверждало, что в настоящее время крепость находится в неприкосновенном состоянии. Однако в том же письме было выражено сомнение, является ли крепость «тем достопримечательным памятником старины, которые согласно Строительному уставу подлежат обязательному сохранению и поддержанию». Последовавший 28 февраля 1890 г. ответ ИАК в Департамент общих дел МВД настаивал на обязательном сбережении местных крепостных стен.

Позднее МВД предложило бессарабскому губернатору передать крепость «на баланс» города, на что Городская дума в принципе изъявила свое согласие. Поскольку земля под крепостью также передавалась новому собственнику, то министерство должно было войти с соответствующим отношением в Государственный Совет. Однако и в 1895 г. вопрос так еще и не был решен. Позднее обсуждалась возможность передачи крепости в ведение ООИД. Вопрос об этом был возбужден непосредственно ИАК — в 1904 г. крепость осматривал Б. В. Фармаковский. Однако в своем письме от 30 июля 1911 г. МВД утверждало, что официальная передача крепости Обществу «состоялась» еще в 1896 г. Очевидно, имелась в виду не передача в собственность, а надзор за состоянием памятника. Поскольку в течение 15 лет

Развалины крепости Алустан. Таврическая губерния. Фотография с элементами реставрационного задания (1897 г., д. 231, л. 39, 40)

Общество якобы не приняло никаких мер к поддержанию крепости, то Городская дума вновь возбудила вопрос о передаче памятника в муниципальное ведение. В письме говорилось, что Дума готова поставить охрану и ворота, устроить фонари для освещения крепости и заделать стены цитадели. Естественно, Общество на своем заседании 9 сентября не согласилось с такой оценкой собственной деятельности, а городские обещания назвало неопределенными и сбивчивыми. Сама передача памятника в городскую собственность была признана не соответствующей задачам охраны древности (1889 г., д. 22, л. 6, 11, 12, 16, 17–20, 21, 22, 23 об., 25, 29, 67, 69–71 об.). Дальнейшее обсуждение судьбы Аккерманской крепости было прервано Первой мировой войной.

ИАК не только проводила раскопки на территории Крыма, но и организовывала здесь архитектурную реставрацию памятников и осуществляла надзор. 19 октября 1897 г. Таврическая ученая архивная комиссия обратилась в ИАК с предложениями по охране древней крепости Алустан в связи с тем, что землевладелец москвич Н. Д. Стахеев готов принять на себя расходы на реставрацию этого алуштинского памятника. 10 ноября А. А. Бобринской непосредственно обращается к Н. Д. Стахееву, спрашивая его, что именно он готов предпринять. Несмотря на то что корреспондент изъявил всяческое согласие на сотрудничество с ИАК, в этом деле на 2 года наступило затишье. Однако впоследствии из отношения

Угловая башня Феодосийской цитадели.
Таврическая губерния (1901 г., д. 102, л. 226)

таврического губернатора от 27 ноября 1899 г. выяснилось, что какие-то переговоры в это время велись, поскольку речь уже шла не о простом ремонте, а о полной реставрации. Для этого был необходим проект, который был заказан ООИД. 26 декабря Одесское общество соглашается подготовить проект, а 5 февраля 1890 А. Л. Бертье-Делагард принимает на себя общее руководство и намеревается подготовить «историко-архивную справку».

Тем временем выяснилось, что 800 руб., отпущенные МВД на реставрацию крепости в Алуште, губернатор потратил на другие памятники, в частности на мечеть на Арабате. К маю 1901 г. ничего не было сделано, губернатор запросил новые 800 руб., а Н. Д. Стахеев перевел в губернскую казну еще 800 руб. Непонятно, были ли предприняты какие-либо шаги по реставрации памятника на протяжении 1900-х гг., но 13 мая 1909 г., через 8 лет, губернатор сам пишет в ИАК об опасности разрушения крепостной башни. Одновременно местные жители Аджа Рамазан и Гафар Умеров ходатайствовали о снятии верхних рядов камней и об укреплении нижней кладки стены. 24 июня ИАК опять входит в сношение с А. Л. Бертье-Дела-

гардом, но в сентябре губернатор просит ускорить реставрационные работы. А. Л. Бертье-Делагард откликнулся только 19 декабря, написав, что может, не ездив на место, сообщить свое мнение. Он полагал, что в данном случае «нужна сметка простого каменщика». 12 января 1910 г. таврическому губернатору было сообщено, что ремонт башни можно произвести без разборки кладок, а проломы могут быть заделаны простым камнем на цементе. Несмотря на это, губернатор попросил предоставить ему проект и смету, что было доставлено только к 1 декабря. Смета была рассчитана на 947 руб. 14 коп., а проект предполагал связки и бетонную заливку верхних и боковых частей стены. Только после этого были осуществлены работы по укреплению крепостной кладки (1897 г., д. 231).

ИАК принимала меры против сломки Генуэзской крепости в Феодосии. В сентябре 1873 г. новороссийский генерал-губернатор ходатайствовал о разборке башни в форте св. Константина, однако отвечавший ему И. Е. Забелин указал, что башня должна быть сохранена и работа об этом должна лежать на городском правлении (1901 г., д. 102, л. 1–1 об., 5–6). В 1898 г. в Комиссию обратился таврический губернатор в связи с тем, что Городская дума рассматривала вопрос о выделении 200 руб. на ремонт одной из башен Феодосийской крепости. Губернатор счел эту сумму недостаточной и просил Комиссию ходатайствовать о дополнительном выделении для этих целей 2692 руб. ИАК поручила рассмотреть вопрос о возможном ремонте башни Г. И. Котову и М. Т. Преображенскому. В 1901 г. история получила свое

продолжение, поскольку одна из аварийных башен близ Карантинной пристани не вошла в планируемую смету. 4 мая 1901 г. А. А. Бобринской указывал губернскому начальству, что башня является памятником, сохранение которого весьма желательно. Наконец, в 1902–1903 гг. в крепости был произведен ремонт на сумму 3392 руб. (Там же, л. 7, 9, 16–17, 30, 31).

В 1908 г. главный врач Феодосийской морской врачебно-наблюдательной станции Арутюнов вновь поднял вопрос о ремонте стены и выделении средств для этих целей. 7 марта 1908 г. таврическим губернским инженером А. Монтагом был составлен акт состояния памятника. По его мнению, стена, стоявшая на краю неукрепленного почти вертикального откоса, угрожала падением, и ее требовалось разобрать. В апреле Комиссия направила в Феодосию В. В. Шкорпила. К 8 мая 1908 г. были сняты планы крепости и сделаны ее фотографии, а также составлен новый акт, в котором подчеркивалась необходимость разобрать лишь $\frac{1}{7}$ часть всей протяженности стены, что никак не могло повредить всему памятнику. Однако 15 июня 1908 г. свое мнение по поводу происходящего высказал А. Л. Бертъе-Делагард, который считал, что падение стене совершенно не угрожает. При этом он обратил внимание Комиссии на находящуюся в крепости византийскую церковь св. Иоанна Богослова, превращенную в склад дров, где, однако, сохранились остатки фресок.

Несмотря на мнение А. Л. Бертъе-Делагарда, комиссия МВД 24 ноября постановила снести часть стены и устроить проезд к врачебной станции. В январе 1909 г. встал вопрос о производстве работ, которые местный губернатор намеревался поручить ИАК. Поскольку стену защитить не удалось, П. П. Покрышкин сосредоточил свои усилия на реставрации храма. В акте от 19 декабря 1909 г. П. П. Покрышкин предполагал исправить наклон его западной стены, переделать крышу и расшить все трещины. Губернский инженер Ларионов предлагал произвести более серьезные работы. Он считал, что северная стена угрожает падением, и, поскольку предлагаемые ИАК меры, по его мнению, не достигают цели, предлагал переложить северную стену заново, сделав новые связи северной и южной стен и новые дверные и оконные проемы (Там же, л. 43, 60, 72, 83–83 об., 89–91, 108–109, 112, 135, 154, 179–181).

Труды ИАК по сохранению Бахчисарайского ханского дворца начались задолго до того, как Комиссии была официально поручена его реставрация. 24 сентября 1874 г. МВД сопроводило в Комиссию запрос таврического губернатора, который просил разрешения отвести для офицеров вновь формируемого Крымского эскадрона помещения дворца. На это С. Г. Строганов отвечал, что поскольку после Крымской войны 1854–1856 гг. на реставрацию

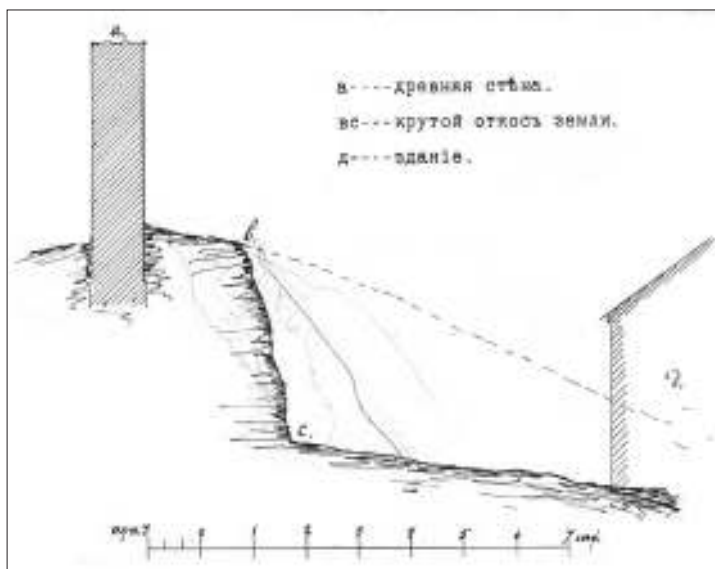

Схема местоположения крепостной стены Феодосии.
Рисунок А. Л. Бертъе-Делагарда (1901 г., д. 102, л. 89 об.)

Феодосия. Церковь св. Иоанна Богослова. Таврическая губерния (1901 г., д. 102, л. 199)

Крым. Бахчисарайский дворец. Открытка начала XX в. (ФА, О.469/90)

дворца были выделены некоторые суммы из казны, то его отдачей под жилье «была бы устранена цель этих жертв со стороны казны: именно сохранение памятника старины в наилучшем виде». Когда же 23 ноября 1876 г. губернатор вновь обратился в Петербург с просьбой разрешить устроить здесь лазарет, то ИАК была готова на это «лишь в случае крайней нужды» (1874 г., д. 19).

В начале 1890-х гг. перед обществом и государством вновь возникла проблема реставрации дворца. 5 февраля 1894 г. таврический губернатор получил для этих целей 39 130 руб. (1894 г., д. 19, л. 1–1 об.), после чего обратился в ИАК с просьбой снабдить губернский строительный комитет чертежами, с помощью которых можно было бы восстановить реставрируемые части в первоначальном виде. Со своей стороны, поскольку в недрах Комиссии к этому времени уже выработалась определенная практика подготовки процесса архитектурной реставрации, ИАК обратилась в Крым с просьбой прислать чертежи реализуемого проекта. 6 апреля губернатор известил Комиссию, что в министерстве никаких чертежей не оказалось, а для фотофиксации дворца у губернии нет средств. К тому же фотографирование потребует времени, а дело ремонта нужно было начинать как можно скорее. Поэтому он предлагал произвести реставрацию не по чертежам, а по цифрам: «согласно одобренной смете». 23 апреля 1894 г. А. А. Бобринской написал в МВД, что без проекта и чертежей реставрация не может быть произведена, подчеркивая при этом уникальность единственного в своем роде дворца (Там же, л. 3, 6, 7–8 об.).

Одновременно ИАК самостоятельно, трудами своего члена-корреспондента В. В. Стасова, собрала сведения по истории памятника и произведенным здесь ремонтам. Поскольку Комиссии так и оставалось неизвестно, в чем заключается разрешенный ныне капитальный ремонт Бахчисарайского дворца, то дело согласно утвержденным министром Двора «Правилам о порядке рассмотрения... ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников» было вынесено на совместное обсуждение с Академией художеств и МВД. Совещание было запланировано на 3 мая 1894 г. Определенную заминку вызвала позиция И. И. Толстого, который, как известно, настаивал, чтобы все проекты рассматривались на общем собрании Академии, а не назначенными ее представителями. Поскольку таких заседаний в ближайшее время не предвиделось, он просил, по рассмотрении чертежей в Комиссии, переслать их в Академию художеств с соответствующими замечаниями (Там же, л. 13–13 об.). От МВД обсуждать вопрос о реставрации дворца было предложено И. С. Китнеру.

Крым. Бахчисарай. Ханский дворец.
Вид со стороны сада. Фото Гертника 1903 г.
(ФА, О.34/81)

Такая медлительность столицы вызвала недовольство местной общественности: «Крымский вестник» 24 мая 1894 г. писал, что ИАК никак себя не проявила по отношению к реставрации дворца. Однако только 2 мая таврический губернатор переправил в Петербург все связанные с реставрацией материалы. В результате Комиссия поручила надзор за проводимыми работами Г. И. Котову, который был командирован в Бахчисарай по личному распоряжению императора. Г. И. Котову были переданы собранные ИАК планы и описания, прежде всего издание W. Hastie «Планы и фасады бывшего Ханского дворца в Бахчисарае» 1798 г.

Получив отчет Г. И. Котова об обследовании дворца в 1894 г., ИАК 26 мая 1895 г. сообщила в МВД, что в первую очередь в ремонте нуждаются крыша здания и гарем. До этого совместное реставрационное заседание 24 мая обратилось к министру внутренних дел с просьбой изготовить чертежи и рисунки всех частей дворца, необходимые для реставрации. 4 июля Техническо-Строительный комитет МВД поручает это Г. И. Котову, тогда как ИАК было предложено подготовить смету (Там же, л. 76, 100–111). Однако вплоть до января 1897 г. Г. И. Котов к изготовлению чертежей и эскизов так и не приступил. 19 мая 1897 г. МВД в своем письме в ИАК указало на то, что для чертежей нужно было провести предварительные изыскания, связанные с отмыванием позднейших наслоений краски и отбивкой штукатурки для поиска орнаментов и декоративных элементов. Для этих целей требовалось 150 000 руб., однако уже 8 мая президент Академии художеств великий князь Владимир Александрович, курировавший проект, после общения с МВД посчитал, что полная реставрация дворца «оказывается излишнею» (Там же, л. 124–129). Было признано нецелесообразным делать чертежи и снимки всего дворца, поскольку реставрацию предполагалось произвести «в скромных размерах», активно использовать побелку и сохранить те части дворца, которые «нельзя сломать», «простым ремонтом». При этом отмечалось, что для восстановления некоторых частей дворца вообще «не нужно особых изысканий», а лишь «вполне компетентное археологическое руководство реставрационными работами». В целом в реставрации памятника сказалось стремление придать наружному фасаду цельность и законченность, тогда как в остальных местах допускались фрагментарная роспись и частичное вмешательство (Памятники архитектуры 2002: 433–437).

Одновременно возникло еще одно неожиданное препятствие, связанное с позицией Таврической контрольной палаты, отраженной в письме от 22 мая 1898 г. государственному контролеру. Здесь отмечалось, что на ремонт дворца в год выделяется средств больше, чем на содержание и ремонт городских присутственных мест в Симферополе (2778 руб. и 2740 руб. соответственно). Упомянув печальную судьбу дворца, построенного в 1519 г., и постигшие его пожары и ремонты (1736, 1776 гг.), радетели казенных денег писали: «Печальная история Бахчисарайского дворца, едва ли известная ИАК, приводит контрольную палату к заключению, что это сооружение есть не столько памятник азиатского зодчества в Крыму, сколько произведение зодческих способностей секунд-майора Де Рибаса, испорченное последующими неумелыми и некомпетентными ремонтами на щедро отпускавшиеся казною в течение ста лет деньги». Контролеры полагали, что «настало время освободить казну от дальнейших затрат на поддержание этого сомнительного в археологическом отношении памятника татарского владычества в Крыму» и что «ИАК должна активно, а не пассивно участвовать в реставрации, ограничив участие в этом деле некомпетентной в вопросах археологии местной губернской администрации лишь содействием командированных лиц». Письмо было подписано управляющим Таврической контрольной палатой А. Шалубеевым (1894 г., д. 19, л. 142–147). В результате 30 сентября 1898 г. таврический

губернатор предложил МВД «в интересах наибольшей сохранности дворца» «передать таковой вместе с принадлежащими дворцу садами, с ассигнуемыми на содержание и ремонт его кредитами в ведение Археологической Комиссии», с тем, чтобы работы по ремонту и реставрации производились непосредственно «названным учреждением».

Это предложение так и не получило развития. 25 ноября 1898 г. МВД образовало Особую комиссию для реставрации дворца под председательством губернатора, пригласив в нее Н. П. Кондакова и председателя Таврической архивной комиссии А. И. Маркевича. Главой художественной комиссии был назначен великий князь Петр Николаевич, непосредственными работами должен был руководить местный архитектор Николай Петрович Краснов. Одно из первых заседаний комиссии по делу о ремонте и реставрации Бахчисарайского ханского дворца состоялось 30 мая 1899 г. С этого времени ИАК выполняла здесь только свои надзорные функции (Там же, л. 183–184). Активное участие в деле реставрации стала играть губернская архивная комиссия. В 1903 г. ею, по Открытому листу ИАК, были предприняты раскопки ворот, сада и некоторых других участков во дворце. 17 октября ИАК произвела «инспекционный осмотр» проведенных исследований. В результате был не только открыт подземный ход, но и выявлены исторические мостовые и уровень древних полов дворца.

9 января 1910 г. император закрыл комиссию по реставрации, и все ее материалы были переданы в ИАК. Впрочем, такому решению предшествовала четкая позиция самой Комиссии. Еще в конце 1909 г. великий князь Петр Николаевич познакомил ИАК с итогами произведенных работ, и Археологическая Комиссия посчитала, что реставрация дворца возможна лишь после полного исследования, а в настоящее время она может производиться лишь по частям по мере завершения исследования отдельных участков дворца, о чем и было сообщено в МВД 9 декабря 1909 г. (Там же, л. 229, 230).

После этого ИАК решила предпринять полный технический осмотр дворца для составления плана и сметы ремонта и реставрации, для чего было предположено привлечь Н. П. Краснова, уже участвовавшего в этих работах. 20 января 1910 г. для осмотра памятника в Крым отправляется П. П. Покрышкин. Уже 8–10 марта в Бахчисарае вновь собирается реставрационная комиссия, образованная таврическим губернатором. На этом этапе реставрации было предпринято устройство новых стропильных ферм, поскольку из-за неправильной конструкции старых стропил в черепичной крыше образовались протечки. Одновременно речь шла о восстановлении некоторых элементов дизайна, как, например, деревянной беседки в «купальне для ханских жен» (Там же, л. 232, 237–239 об.).

В последний раз Археологическая Комиссия встала на защиту дворца во время событий 1917 г. 25 сентября Временный Крымско-мусульманский Исполнительный комитет сообщил в Комиссию о своем решении: дворец был объявлен историческим достоянием татарского народа. В письме давалась собственная трактовка исторических событий, отчасти справедливая. С падением Крымского ханства памятник был «захвачен агентами воинствующего российского империализма» и находился в ведении местных органов МВД, совершенно не компетентных в вопросах искусства и археологии. В результате недопустимых случайных и необдуманных починок и «реставраций» 1783–1786 гг., 1801 г., 1845 г. и 1857 г. облик дворца был существенно искажен. С 1892 г. памятник был взят под покровительство Археологической Комиссией, и с этих пор вопрос его охраны и реставрации встал на правильный путь, однако в то же время это выявило несоответствие грубых починок «прекрасным архитектурным массам» и тончайшим орнаментальным деталям. Принимая во внимание все вышеизложенное, Комитет решил взять дворец в свое ведение

и в контакте со свободными российскими учеными обществами обеспечить ему должную неприкосновенность. Письмо в Комиссию было подписано временно управляющим дворца художником Усеином Боданинским.

Решимость новых властей вызвала озабоченность в Петрограде. Уже 2 октября А. А. Спицын предлагает первый вариант ответа, где говорилось, что Археологическая Комиссия не может согласиться на передачу дворца в ведение Комитета, так как местное население никогда не проявляло усердия к этому памятнику татарского зодчества, а также из-за опасения за сохранность дворца при его приспособлении Комитетом для своих нужд. О происшедшем Комиссия доложила и комиссару Временного правительства над бывшим Министерством Двора. Однако поскольку из Петрограда никак нельзя было повлиять на ситуацию в Крыму, А. А. Спицын в конце концов избрал более обтекаемую форму ответа. Здесь говорилось, что «приняв дворец в свое ведение, Комитет тем самым обязывается сохранять его в полной неприкосновенности, дабы никакие работы в нем без ведома Археологической Комиссии не производились» (Там же, л. 241–241 об., 242 об., 243, 245). В жизни людей и памятников наступала новая эпоха...

Предпринятое обращение к опыту в деятельности Императорской Археологической Комиссии в области сохранения памятников культуры демонстрирует историчность формирования культуuroохранных концепций, что было связано не только со становлением профессионализма сотрудников Комиссии, развитием теории и практики реставрации и эстетических воззрений, но и с формированием гражданской ответственности российского общества за историческую память. Комиссия прошла путь от согласования сломки и переделок памятников оборонного зодчества в 1860–1870-х гг. без предварительного обсуждения, но с обязательной графической фиксацией, до защиты историко-культурного ландшафта архитектурных комплексов и сохранения памятников нового времени в начале 1910-х гг. Столь же постепенно в общество приходило сознание ценности даже поздних архитектурных памятников XVII–XVIII вв. Не только в непосредственной реставрационной практике ИАК, но даже в нереализованных проектах Комиссии современное общество способно увидеть профессиональный подход и весь набор научных методов высококвалифицированной реставрации, соединенный с пониманием значимости своего труда в деле противостояния энтропии человеческой истории.

Однако деятельность ИАК не только пассивно отражала становление гражданского общества в России, но и активно влияла на его формирование. В 1890-е гг. в России именно в результате деятельности ИАК окончательно складывается научное представление об отечественном средневековом зодчестве, быстрыми темпами развиваются историко-архитектурная наука и реставрационное дело; проблемы охраны памятников, в первую очередь архитектурных, обсуждаются на общегосударственном уровне. Начинается массовое изучение архитектурных объектов, их систематизация и анализ.

Как уже отмечалось в исследованиях, в деятельности Комиссии нашел отражение весь арсенал современных инженерных решений в реставрации: использование старых кладок, установка маяков, расшивка, подводка фундаментов, переборка памятников деревянного зодчества, замена конструктивных элементов, укрепление поверхностного слоя штукатурки и кладки, гидроизоляция, укрепление твердых пород камня, использование аутентичных материалов, создание специальных режимов проветривания; применение, в зависимости от ситуации, достаточно отличающихся друг от друга подходов — от фрагментарного раскрытия до целостного восстановления, что отражало теоретические

представления о реставрации того времени. Одним из особых достоинств реставрационной деятельности ИАК было восстановление памятников с учетом их функционального использования (Памятники архитектуры 2002: 461–474, 476).

Вместе с тем в аналитических исследованиях высказывались упреки по адресу Комиссии в том, что ее сотрудники в вопросах реставрации проявили себя скорее как археологи, чем архитекторы. Однако, по нашему мнению, это должно быть отнесено к несомненным достоинствам опыта ИАК. Характерен следующий пример. Священник Троицкого женского монастыря в Смоленске Павел Троицкий 3 апреля 1908 г. обратился в ИАК с предложением произвести раскопки Борисоглебского храма на Смядыни и устроить над ними храм-реликварий, который бы перекрыл развалины. В сентябре 1908 г. Д. В. Милеев произвел археологические исследования развалин Смядынской церкви, впоследствии к этим работам была привлечена Смоленская ученая архивная комиссия, и в частности Е. Н. Клетнева, которая проводила здесь исследования в сентябре 1909 г. В результате, по здравом размышлении, 1 сентября 1911 г. ИАК сообщила в Смоленскую Духовную консисторию, что лучший способ законсервировать руины храма — вновь покрыть их землей, т. е. принять самое «археологичное» из возможных решений. Стоит отметить, что в данном случае позиция Комиссии полностью совпадала с мнением МАО и в целом может считаться соответствующей мировой практике (1888 г., д. 18 в, л. 8–9, 21, 52–62 об., 69).

Следует отметить, что в Европе XIX в. именно археологи сыграли главную роль в формировании научного подхода к изучению и реставрации памятников архитектуры, в осознании необходимости тщательного предварительного исследования перед началом восстановительных работ, результаты которых единственно и могли подсказать, что и как необходимо восстанавливать. Архитектурный памятник начал «постепенно трактоваться как исторический источник, как научный документ, как надземная археологическая «находка». Такой метод был справедливо назван аналитическим, поскольку основной целью реставрации становилось исследование памятника и «прочтение» его как исторического документа, что давало основание для проведения ремонтно-консервационных работ, основанных на принципе минимального вмешательства и строгого различения разновременных элементов при соблюдении их стилистического единства (Михайловский 1971: 102, 107–108). Неудивительно, что в этот период ведущая роль в области реставрации архитектурных памятников принадлежала именно ИАК, благодаря которой в России тоже утверждается археологический подход к реставрации (Подъяпольский и др. 2000: 34; Сулова, Славина 1978: 30). При этом необходимость археологических исследований при реставрации памятников монументальной архитектуры признается Комиссией на первых же шагах ее реставрационной деятельности и осуществляется уже в конце 1880-х гг., в частности, во время работ в Угличе и Владимире-Волынском (ср.: Памятники архитектуры 2002: 451).

В результате развития археологического подхода к памятнику архитектуры, воплотившегося в деятельности ИАК, раскопки, предшествующие реставрации, обрели не только практический смысл, призванный определить состояние памятника, но позволяли в целом уяснить его контекст: ландшафтный, исторический и археологический. В этой связи вся территория исторической зоны старых городов, непосредственно окружающая памятники архитектуры, а priori оказывалась археологически ценной зоной с уникальной исторической информацией. Храм традиционно окружало кладбище, и это заставляло реставратора разбираться в последовательности погребений. К тому же на нижних частях стен храма и в культурном слое могли сохраниться неповрежденные остатки фресок

и архитектурные детали. Весь этот материал нуждался в самостоятельной интерпретации (Беляев 1977: 58–62; 1991). Археологические исследования при реставрации превратились в своеобразный «ретроспективный метод», позволяющий увидеть архитектурные наслоения и «расслоения» памятника в необходимой последовательности.

Как и в области полевых археологических исследований, где деятельность ИАК создала систему регламентации и методические рекомендации, просуществовавшие с некоторыми изменениями вплоть до настоящего времени, так и в сфере реставрации и охраны памятников можно говорить о возникновении подобных явлений в результате политики Комиссии. Становление основных принципов современной практики согласования ремонтов и реставрации объектов культурного наследия органами охраны памятников и получение от них соответствующих рекомендаций заказчиками и производителями работ восходит именно к практике ИАК.

Естественно, что такой практике можно предъявить достаточно претензий, связанных зачастую с формальным характером таких согласований и отсутствием деятельного контроля за исполнением выданных предписаний. Несмотря на то что эти претензии справедливы как в отношении современных государственных органов, так и в отношении ИАК, необходимо отметить и принципиальное различие двух эпох.

Известно, что в 1890-е гг. в деятельности ИАК произошел решительный отказ от созыва межведомственных комиссий, не способных нести коллективную ответственность и правильно поставить дело реставрации конкретного памятника. ИАК полностью перешла на реализацию принципа единоначалия в деле реставрации памятников и неразделенной ответственности, что предполагало сосредоточение всех текущих дел в едином центре, выполнявшем одновременно как административные, так и научно-исследовательские функции. Существование такого центра не исключало, а, наоборот, предполагало его активное сотрудничество с научными и гражданскими силами на местах, как об этом свидетельствует, пусть и небезконфликтная, история взаимоотношений ИАК с МАО, РАО, НОЛД, ИРВИО, ООИД и другими, которые Комиссия активно привлекала к охране памятников, охотно делегируя им свои полномочия. Представляется, что такая практика была не «вынужденными уступками», которые привели к «неофициальной передаче множества неотложных дел» на места (ср.: Вздорнов 1986: 157), а сознательной деятельностью Комиссии по налаживанию взаимодействия с учеными силами России. Подобная практика в отношении регламентации археологических исследований была закреплена решениями «археологической конференции» 1889 г., согласно которым ИАК делегировала обществам коллективное право выдачи Открытых листов от своего имени.

Преимущества сложившейся системы были очевидны. Подчиненная, пусть и опосредованно, верховной власти в стране, ИАК в своей деятельности не находилась в сервильной зависимости от губернских и федеральных властей, чем отрицательно характеризуется деятельность органов охраны памятников в современной России. ИАК самостоятельно и непосредственно решала вопросы охраны и реставрации ВСЕХ памятников на территории страны, находящихся в общественной или государственной собственности, независимо от конкретных форм этой собственности. Такое отсутствие разделения объектов культурного наследия на категории стоит отнести к несомненным заслугам ИАК.

То, что Комиссия не была встроена во властную пирамиду, не имея своих представительств в губерниях, позволяло ей осуществлять независимую экспертизу как общероссийских, так и местных комиссий, образованных для реставрации конкретных объектов. Несмотря на не всегда последовательные реставрационные мероприятия,

в процессе деятельности ИАК складывался механизм взаимоотношения различных органов власти и общественных организаций и соответствующая система многоступенчатого контроля со взаимной оценкой принимаемых решений, которая широко и публично обсуждалась в обществе и прессе. В результате сложившегося положения дел ИАК могла направлять своих представителей в любой уголок России для осуществления контроля над исполнением своих предписаний или непосредственного выполнения работ, чем она, в отличие от современных охранных структур, активно пользовалась, несмотря на свой незначительный штат. Этим обуславливалась возможность ее оперативного вмешательства в процесс реставрации любого памятника.

Не менее важными моментами в деятельности ИАК, к сожалению, не получившими воплощения в современной российской практике охраны культурного наследия, являлись коллегиальность обсуждения реставрационных проектов и судьбы отдельных памятников и неотделимость принятия административных решений от научного исследования и экспертизы. «Реставрационные заседания» ИАК выполняли роль современного Федерального научно-методического совета при Министерстве культуры, однако, в отличие от сегодняшней ситуации, они обладали отнюдь не «рекомендательными» функциями. Решения ИАК, принятые на основе коллегиального научного и профессионального обсуждения вопроса, были единственным приоритетом, на основе которого и принималось соответствующее административное решение. Такие решения были обязательны для исполнения, и отказ от следования им рассматривался как нарушение установленного порядка, если не как попрание существующего законодательства. Последовательное сочетание исследовательских и административных функций в области охраны памятников культуры в рамках единого учреждения являлось важнейшим принципом такой деятельности в России, обеспечившим успех многих начинаний ИАК в сохранении культурного наследия.

Высокий авторитет Комиссии был обеспечен не только ее формальным статусом как «Императорской», но и возможностью непосредственно доклада министру императорского Двора и через это — самому императору. В целом необходимо признать, что, несмотря на традиционное равнодушие российского общества к памятникам своей истории и культуры, имперское чиновничество обладало более высокой исполнительной дисциплиной, чем современная бюрократия, что в конечном счете и обеспечивало сохранность многих памятников культуры в Российской империи. Отчасти именно этим и стоит объяснить относительный успех в отношениях Комиссии с Синодом, епархиальными архиереями и духовными консисториями. Дилемма «сохранения старины» и «удовлетворения духовных нужд» прихожан, «археологической реставрации» и «сохранения памятника» зачастую решалась не столько за счет налаживания контактов с местным церковным начальством и воспитанием ответственной церковной интеллигенции из числа духовенства и членов церковно-археологических обществ, сколько за счет непосредственных контактов председателя ИАК с обер-прокурором Синода. Распоряжения последнего становились обязательными для епархиального начальства и приходского духовенства. Парадоксально, но именно существование синодально-консисторской бюрократии оказалось в дореволюционной России фактором, отчасти способствующим сохранению памятников церковной старины. К тому же стоит отметить и достаточно высокий культурный уровень дореволюционного клира, который позволял ИАК надеяться на сотрудничество и взаимопонимание в деле сохранения христианской древности. Десятилетия подобной практики создали более или менее надежный механизм взаимодействия между ИАК и провинциальным духовенством и епископатом. Этот механизм оказался разрушен в 1916–1918 гг. даже не столько

изменением общественной ситуации в стране, сколько амбициями столичной церковной элиты, тяготившейся своей зависимостью от канцелярии обер-прокурора и необходимостью согласовывать свои действия со специалистами из числа мирян.

Помимо этого, ИАК за годы своей реставрационной и культуроохранной деятельности, которые неотделимы друг от друга, создала уникальный фонд фотографий, описаний, эскизов, рисунков и чертежей монументальных и художественных памятников, который, ввиду последующей их утраты и искажения, становится для нас бесценным источником информации о прошлом. Императорская Археологическая Комиссия в полной мере осознавала, что будущее принадлежит тому, кому принадлежит прошлое.

М. В. Медведева, А. Е. Мусин

ГЛАВА XIV

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ И ЕЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ В 1917–1919 гг.

Несмотря на территориальную и ведомственную близость к Зимнему дворцу, бурные события 1917 г. мало затронули деятельность Археологической Комиссии, и без того ограниченную военным временем. Неизбежное сворачивание полевой деятельности Комиссии определило приоритетное внимание к охране памятников и культурной среды России, иногда весьма рутинного свойства. 19 января 1917 г. «керамист Егоров» посылает в Комиссию и в Академию художеств телеграмму о том, что липы на шоссе Петроград—Пулково рубят на дрова, призывая спасти красоту исторической дороги, воспетой А. С. Пушкиным. На следующий день из ИАК в Дорожный отдел Губернской земской управы делается запрос, в ответ на который 4 февраля сообщается, что факт уничтожения 208 лип был впервые замечен еще в ноябре–декабре 1916 г., а еще несколько лип было спилено нижними чинами Донского казачьего полка. Комиссия поручает П. П. Покрышкину осмотреть вырубку, а 23 февраля В. В. Латышев отправляет в Управу письмо с требованием обеспечить сохранность ландшафта (1917 г., д. 13, л. 1, 3).

За день до этого император Николай II покинул Петроград и отправился в Ставку, находившуюся в Могилеве, а непосредственно в день отправки письма в столице начались первые демонстрации и столкновения с полицией. Через четыре дня после отречения императора от престола Комиссия на своем заседании приняла решение подчиниться ходу исторических событий. В Совет министров была отправлена телеграмма:

«6 марта 1917 г. Господину Председателю Совета Министров. Археологическая Комиссия, находившаяся в ведомстве Министерства Двора и имеющая своею задачею заведывание археологическими исследованиями на всем пространстве нашего Великого Отечества, а также охраною, реставрациею и ремонтом памятников старины и искусства народов, живших на территории России, занимающими видное место среди факторов, способствующих достойному самосознанию и развитию просвещения, — в экстренном заседании 6 сего марта единогласно постановила всецело руководствоваться в своей дальнейшей деятельности распоряжениями Временного Правительства». Документ подписали В. В. Латышев, Н. И. Веселовский, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский, П. П. Покрышкин, И. С. Сутулло, А. С. Раевский и Н. В. Суходольский (1917 г., д. 22, л. 5). Настроения большинства членов Комиссии в целом можно охарактеризовать как «немонархические», хотя скоропостижная кончина Н. В. Покровского 8 марта, согласно семейной легенде, была вызвана именно новостью об отречении императора. Впрочем, известно, что начиная с 1915 г. сам Покровский тяжело болел.

Произошло и преобразование ведомства, к которому принадлежала Археологическая Комиссия. Через два дня, 8 марта 1917 г., Феодор Александрович Головин (1867–1937), председатель Государственной думы 1907 г., был назначен комиссаром Временного правительства над бывшим Министерством императорского Двора и Уделов. Его помощником стал

Феодор Александрович Головин

П. М. Макаров. Конкретная деятельность нового руководства состояла в управлении структурными подразделениями бывшего министерства, которое как таковое было упразднено (см., напр.: Китлова 2005). 13 марта под руководством Ф. А. Головина было создано Особое совещание по делам искусств (Художественное совещание). Совещание одновременно выполняло роль Комиссии по вопросам искусства при исполнительном комитете Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Ее председателем был А. М. Горький, вице-председателями — А. Н. Бенуа и Н. К. Рерих, а секретарем — М. В. Добужинский. Деятельность Совещания и «Комиссии Горького» была связана с попытками охраны дворцов и памятников в условиях революционной анархии (Галай 2006: 370–376). Какие-либо сведения об участии ИАК в деятельности как Совещания, так и Комиссии в настоящее время не обнаружены.

Именно тогда, после февраля 1917 г., в среде научной интеллигенции резко активизировалось так называемое «корпоративное учредительство». Выдвигались проекты новых союзов, обществ, институтов и даже министерств. Яркими фигурами в этом движении в предоктябрьский период стали будущие деятельные участники преобразования РГАК — Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург (министр народного просвещения во Временном правительстве), М. И. Ростовцев, А. Н. Бенуа и др. (Знаменский 1988: 177–179, 185–191, 277, 322–324). Несомненно, уже тогда члены Комиссии могли задумываться о грядущей реформе своего учреждения.

ИАК, как она сложилась на основе Положения 1859 г. и высочайшего повеления 1889 г., официально являлась «органом и ученого, и административного характера». Однако в области охраны памятников она чаще всего не располагала необходимыми полномочиями, достаточными для принятия эффективных мер (Фармаковский 1921а: 1–6). Расширению же ученой деятельности мешала малочисленность штатных членов, частично восполнявшаяся лишь поразительной их работоспособностью. Ограниченность собственных штатных возможностей постоянно побуждала ИАК налаживать тесные связи с другими организациями — Русским археологическим обществом, Санкт-Петербургским археологическим институтом, Академией художеств, Санкт-Петербургским университетом и т. д. Особенно хорошей школой научного сотрудничества стали долговременные взаимоотношения ИАК и РАО (РА, ф. 2, оп. 2, д. 453, л. 42).

Представление об оптимальной структуре научных учреждений как крупном научно-исследовательском центре с примыкающей широкой ассоциацией ученых обществ, комиссий и музеев (которое, собственно, и воплотилось в будущем проекте РАИМК) закономерно вытекало именно из опыта сотрудничества с РАО. Знаменитый тезис о необходимости работать на началах коллективизма выдвигался на ученых собраниях в 1918 г. с прямой ссылкой на «давнее обсуждение этого вопроса в стенах РАО» специалистами-востоковедами совместно с «классиками» (1918 г., д. 20, л. 77). Таким образом, вопрос о реорганизации археологической службы в стране считался в то время давно назревшим.

Тем не менее весной–осенью 1917 г. никаких активных шагов в этом направлении принято не было, хотя был выдвинут целый ряд проектов и предложений. Отчасти это могло быть связано не только с нестабильной общественной ситуацией, но и с отсутствием в Петрограде председателя Комиссии графа А. А. Бобринского. В конце февраля–начале марта его не было в Петрограде, хотя, судя по всему, не это могло явиться причиной отсутствия его подписи под телеграммой 6 марта. По совету А. Ф. Керенского, с которым он был знаком по Государственной думе, А. А. Бобринской не возвращается в Петроград, а направляется на Кавказ. 17 апреля ему был выдан Открытый лист на право раскопок в Терской области. В конце апреля–начале мая 1917 г. граф, живя в Кисловодске, проводил раскопки кургана возле Кисловодской товарной станции (1917 г., д. 35; Бобринский 2003: 522–523). В письме от 20 августа 1917 г. член РГАК Б. В. Фармаковский писал своему сотруднику по ольвийской экспедиции Г. П. Крысину: «...дела в комиссии не изменились и пока есть надежды на будущее. Граф все время (с февраля) в отсутствии. Управляет В. В. Латышев, а теперь лето, и заменяю его я. <...> Через Головина возбуждаем ходатайство о приобретении Ольвии государством. Будем там организовывать музей и т. д.» (цит. по: Фармаковская 1988: 174).

Правовое положение Комиссии и ее административная деятельность теперь во многом определялись бурным течением российской жизни. 6 июня 1917 г. Археологическая Комиссия обратилась к комиссару Временного правительства, выразив озабоченность в связи с деятельностью Особой комиссии по приемке имуществ Московского Дворцового управления в ведение городского управления, которая избегала приглашать в свою среду представителей ученых сообществ (1917 г., д. 29, л. 4). Определенные сложности вызвало продолжение финансирования деятельности Комиссии новым правительством. 20 июля комиссар предложил составить смету на 1918 г. и подать ее до 1 августа. Если на 1917 г. было запланировано 84 532 руб.50 коп., то на 1918 г. — 77 309 руб. (1918 г., д. 2, л. 1, 3–4, 13 об.).

Тогда же, 23 мая, было составлено, хотя и официально не утверждено, новое Положение о Российской Археологической Комиссии, в основу которого лег документ 1859 г. с правовыми изменениями и распоряжениями, состоявшимися к 1917 г. Первый параграф Положения был дополнен новыми пунктами. Так, к целям учреждения были отнесены оценка и приобретение поступающих в Комиссию кладов и случайных находок предметов древности, производство и разрешение, с археологической целью, раскопок в государстве, на землях казенных, принадлежащих различным установлениям и общественных и на отрубных участках, согласно высочайшему повелению 11 марта 1889 г., а также реставрация монументальных памятников древности по сношению с Академией художеств. Из Положения была исключена уже давно не существующая Римская комиссия, зато наряду с Керченским музеем появился и Херсонесский «склад древностей». Естественным образом выпал § 11 о предоставлении памятников древности на «Высочайшее воззрение», зато появился пункт 15, гласящий: «Все учреждения и лица, предполагающие производить раскопки с археологической целью, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которых состоят упомянутые земли, входить в предварительное соглашение с Археологической Комиссией». При этом пункте существовало два примечания: «Найденные при разрешенных Археологической Комиссией раскопках вещи доставляются ей, вместе с журналом раскопок, не позже конца года, для регистрации, после чего они передаются, по указанию лица, производившего раскопку или давшего на нее средства, в один из правительственных или общественных музеев; отдельные предметы из доставленных коллекций, имеющие выдающееся научное значение, по усмотрению Археологической Комиссии, могут быть выделены для помещения в Археологической

П О Л О Ж Е Н И Е

о Российской Археологической Комиссии
1859 года съ изменениями и дополнительными
распоряжениями по 1917 году.

Положения общія.

§ 1. Российская Археологическая Комиссия /состоитъ отдѣльнымъ учрежденіемъ ~~имѣющимъ~~ ~~дѣло~~ и / имѣетъ цѣлю: 1/ розысканіе предметовъ древности, преимущественно относящихся къ отечественной исторіи и жизни народовъ, обитавшихъ некогда на пространствахъ, занимаемыхъ нынѣ Россією; 2/ собраніе свѣдѣній о находящихся въ Государствѣ какъ народныхъ, такъ и другихъ памятникахъ древности; 3/ ученую оцѣнку открываемыхъ древностей; 4/ ~~ихъ оцѣнку~~ оцѣнку и приобращеніе поступающихъ въ Комиссію кладовъ и случайныхъ находокъ предметовъ древности /согласно Св.Зак.губ.учр. § 792 и настоящему Положенію § 10/; 5/ производство и разрѣшеніе, съ археологическою цѣлю, раскопокъ въ Государствѣ, на земляхъ казенныхъ, принадлежащихъ разнымъ установленіямъ и общественныхъ и на отрубныхъ участкахъ, согласно Высочайшему повелѣнію 11 марта 1889 г./Собр.Указ. и Расп.Правит. 7 мая 1889 г. № 43/ и закону 14 іюня 1910 г. /П.С.З. № 5841/; 6/ реставрація монументальныхъ памятниковъ древности, по сношенію съ Академією Художествъ /согласно тому-же повелѣнію 1889 г./.

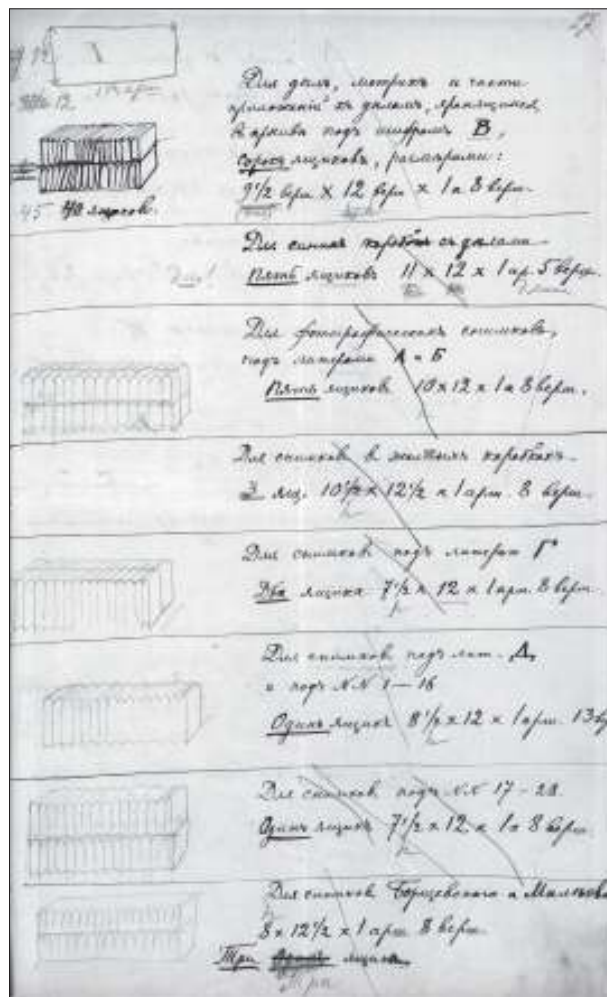
§ 2. Составъ Комиссии опредѣляется прилагаемымъ у сего штатомъ.

§ 3. Въ завѣдываніи Археологической Комиссии состоятъ Керченскій Музей древностей, Херсонесскій и другіе Музеи и склады древностей, а также пере-

Комиссии или Российский Исторический музей», а также: «Отчет о раскопках сохраняется в архиве Археологической Комиссии. Право издания его в течение 5 лет остается за лицом, произведшим раскопки, после чего отчет поступает в распоряжение Комиссии для общего пользования». Таким образом, коллегиальным договоренностям «археологической конференции» 1889 г. придавался правовой статус. Изменился и параграф, касающийся реставрационных вопросов: предполагалось, что они будут решаться в соответствии со сложившейся практикой: в особых заседания Археологической Комиссии с участием представителей Академии художеств, Православной церкви и Техничко-Строительного комитета МВД. В эти заседания могут быть приглашаемы представители ученых обществ и сведущие лица, что соответствовало распоряжению министра Двора от 31 октября 1890 г. (1917 г., д. 71, л. 103).

Впрочем, осуществлялись и проекты научного характера. В 1917 г. по поручению Комиссии и на ее средства проводились раскопки и наблюдения в Киевской, Кубанской, Подольской, Новгородской, Херсонской и Таврической губерниях (1910 г., д. 321; 1916 г., д. 133), в частности членами Комиссии А. А. Бобринским, Н. И. Веселовским, А. А. Спицыным, В. В. Шкорпиллом, Б. В. Фармаковским и Л. А. Моисеевым (1917 г., д. 35; 1917 г., д. 27; 1917 г., д. 3; 1917 г., д. 4; 1916 г., 75). 27 июня по предложению Н. Я. Марра в Комиссии обсуждался вопрос об учреждении Кавказского историко-археологического института. Институт должен был находиться в подчинении Министерства народного просвещения, но работать под руководством Академии наук. Пункты положения об этом учреждении в полной мере учитывали как опыт работы Н. Я. Марра на Кавказе, так и статус самой Археологической Комиссии. В ведении института должен был находиться Анийский музей; местности, признанные институтом выдающимися в археологическом отношении, должны были находиться в его непосредственном ведении по соглашению с местными властями, а раскопки на казенных, общественных, церковных и принадлежащим разным установлениям землях в пределах Кавказского наместничества институт намеревался производить по соглашению с Археологической Комиссией (1917 г., д. 56, л. 2–2 об.).

С осени жизнь Комиссии перестала быть не только стабильной, но и спокойной. 1 сентября 1917 г. был издан приказ Временного правительства № 54

Чертежи способов упаковки архива Археологической Комиссии для эвакуации из Петрограда, сентябрь 1917 г. (1917 г., д. 60, л. 27)

о предстоящем под началом князя С. В. Гагарина вывозе из Петрограда ценностей, находящихся в дворцах Эрмитажа и других хранилищах бывшего Министерства Двора. 2 сентября было решено включить в список эвакуируемых коллекций и собрание Археологической Комиссии, поскольку здесь для последующей передачи в Эрмитаж хранились драгоценные предметы из археологических раскопок. Также предполагалось вывезти ее архив. К 5 сентября было подготовлено 2 ящика с золотыми предметами в количестве 195 штук. Поезд должен был отправиться в ночь с 15 на 16 сентября, однако, в силу неизвестных причин, эвакуация Комиссии так не коснулась (1917 г., д. 60, л. 2, 8–11, 22, 23). Возможно, именно эти события подтолкнули Комиссию к тому, чтобы 2 октября передать материалы из раскопок в Керчи (1909, 1910 и 1914 гг.) и Херсонеса (1908 г.) в Музей древностей Пермского университета через профессора Б. Л. Богаевского.

Конец 1917 г. ознаменовался не только попыткой выдворения Комиссии из Петрограда, но и выселением ее из Зимнего дворца. 8 декабря «народный комиссар по просвещению и ведомству дворцов и музеев» Республики Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) прислал в Комиссию телеграмму следующего содержания: «Ввиду предстоящего объявления Зимнего дворца, а равно Малого и Старого Эрмитажа в целом — Музеем Республики, я, народный комиссар по просвещения, предлагаю Археологической Комиссии снести с Археологическим институтом и Союзом членов этого института относительно совместного использования здания быв<шего> дворцового ведомства (Иезуитской коллегии) по Екатерининскому каналу № 8 и занять таковое по мере освобождения в нем квартир». 13 декабря Н. И. Веселовскому было поручено установить связь с руководством Археологического института, а П. П. Покрышкину — осмотреть здание. Однако уже 21 декабря обоим учреждениям было предложено переселиться на Фонтанку, 22, по соседству со зданием бывшего

Здание на набережной Фонтанки, 22 —
временная резиденция Археологической Комиссии в марте–октябре 1918 г.

Министерства Двора, где некогда находилось управление Воздушным Флотом, о чем окончательное решение было принято наркомаами А. В. Луначарским и В. А. Карелиным только 16 марта 1918 г.

Переезд состоялся в конце того же месяца, и 26 марта на заседании хозяйственного комитета Комиссии обсуждался вопрос о распределении квартир первого этажа между ее служащими. На Фонтанку же в апреле 1918 г. были перевезены и вещи с Галерной улицы из коллекции графа Бобринского, находившейся в его дворце. Первоначально отношения между Институтом и Комиссией складывались дружески, и 22 мая, на Николин день, когда должно было состояться освящение домового храма, Институт пригласил на этот праздник и членов Комиссии. Однако уже 5 августа Совет Института предполагает изгнать Археологическую Комиссию из здания в связи с возобновлением занятий (1917 г., д. 68, л. 2, 4–4 об., 19, 24).

Комиссии вновь пришлось готовиться к переезду на набережную Невы. К 3 сентября П. П. Покрышкин осмотрел помещения в Зимнем дворце и Эрмитаже, где могла бы расположиться Комиссия. Самым удобным представлялся третий этаж Эрмитажа по набережной Невы от Зимней канавки до Ламотовского павильона или комнаты на том же этаже Зимнего дворца, выходящие на Дворцовую площадь. Правда, во втором случае отсутствовала удобная лестница, хотя площадь помещений здесь оказалась больше (1918 г., д. 53, л. 1). 5 октября Комиссару Зимнего дворца Г. С. Ятманову было поручено организовать переезд Комиссии обратно в Эрмитаж (1918 г., д. 19, л. 1). Переезд состоялся, хотя тут же возникли проблемы с мебелью.

Председатель Археологической Комиссии достаточно неожиданно вернулся в Петроград уже после захвата власти большевиками — 7 ноября 1917 г. По словам его сына Алексея Алек-

Дворец графов Бобринских на Галерной улице, 58–60, в Петрограде (ФА, О. 1190/29)

сеевича, «отец думал, что ему удастся спасти кое-что из своего имущества в петербургском доме, тогда как, сидя в полном бездействии в Кисловодске, он только терял время и подвергал себя опасности со стороны местных коммунистов. Неудобства путешествия его не пугали...» (Бобринский 2003: 525–526, 532). Несмотря на уговоры со стороны родственников, 65-летний граф решается на это весьма рискованное для него путешествие. В день своего возвращения он официально уведомляет об этом комиссара по делам бывшего Министерства императорского Двора (1886 г., д. 8, л. 166).

В первые месяцы после переворота научно-организационная деятельность Комиссии замерла. Разумеется, ей пришлось, так же как и несколько месяцев назад, выразить свою лояльность новой власти. Однако дело, возможно, упрощалось тем, что Б. В. Фармаковский был другом детства и юности В. И. Ленина. В письме от 8 апреля 1917 г. мать даже спрашивала его в письме, не встречался ли он «со своим старым приятелем Володей Ульяновым?» (цит. по: Фармаковская 1988: 174). Видимо, именно эти личные связи способствовали сравнительно безболезненной «легализации» РАК, которая к июню 1918 г. была включена в систему Народного Комиссариата по просвещению. Они же стали причиной того, что, хотя среди членов Комиссии и было несколько «статских генералов», никто из них не был репрессирован в 1918–1919 гг. Впрочем, достаточно спокойная жизнь Комиссии обеспечивалась и постоянным соперничеством курирующих ее народных комиссаров.

Уже отмечалось, что при Временном правительстве Комиссия оказалась административно связанной с комиссаром Временного правительства по делам упраздненного министерства. Ф. А. Головин отказался подчиниться организаторам Октябрьского переворота и передавать дела представителям Совнаркома. Уже после его изгнания, 9 декабря, на основе бывшего министерства возник Народный Комиссариат имуществ Республики, которому и стала подчиняться Комиссия. Первоначально при нем существовала Коллегия по охране памятников, ведавшая императорскими и великокняжескими дворцами, — наследница Особого совещания, образованного Ф. А. Головиным. Однако уже 16 декабря А. В. Луначарский в надежде получить контроль над уникальными ценностями, издает постановление об объединении деятельности Народных Комиссариатов по просвещению и имуществ, что вызывает законное недовольство другого наркома Владимира Александровича Карелина (1891–1938).

В. А. Карелин был наркомом до 18 марта 1918 г., что и понятно: будучи одним из лидеров левых эсеров и членом российской делегации на переговорах в Бресте, он протестовал против заключения мирного соглашения с Германией и ее союзниками, которое было ратифицировано 15 марта. Его сменил Павел Петрович Малиновский (1869–1943), председатель комиссии Московского Совета по охране памятников искусства и старины, который управлял Комиссариатом до 11 июля. Уже 12 апреля они совместно с А. В. Луначарским принимают решение об объединении деятельности Комиссариатов. Однако только в августе происходит фактическое объединение Народного Комиссариата по просвещению и Народного Комиссариата художественно-исторических имуществ Республики. Луначарский победил. Впрочем, Комиссия формально подчинялась Комиссариату имуществ вплоть до его окончательной ликвидации и даже тогда, когда он вошел в Наркомпрос в виде самостоятельного отдела: еще зимой–весной 1919 г. Н. Я. Марр адресовал официальную корреспонденцию Комиссии в «Коллегию по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Отдела Имуществ Республики при Комиссариате Просвещения» (1918 г., д. 20, л. 119).

Интересно, что изначально бывшая Императорская Археологическая Комиссия мало интересовала А. В. Луначарского. В постановлении от 12 апреля он вовсе ее не упоминает. Его

видение системы охраны памятников в России предполагало ее децентрализацию. Он намеревался сотрудничать с археологическими институтами ради создания археологических комиссий на местах в целях изучения памятников старины и искусства, создания курсов для подготовки кадров музееведов, инструкторов и гидов. В Коллегию Наркомпроса в апреле 1918 г. представители Археологической Комиссии не входили.

На долю Наркомата имуществ в этот период пришлось заведование кредитами и хозяйственной деятельностью, связанной с бывшим дворцовым ведомством. Однако попытки П. П. Малиновского активно включиться в процесс охраны памятников не прекращались. Так, в мае 1918 г. он рассылает письмо о координации такой охраны со стороны Наркомата имуществ, предполагая привлекать к этому и общественные организации (Охрана памятников...1973: 6; Из истории строительства... 1964: 56–58, 75–76).

Сложности с финансированием деятельности Комиссии продолжались и при новой власти. В январе 1918 г. смета ее деятельности так и не была утверждена. Одновременно хозяин дома, в котором располагался Керченский музей, потребовал увеличения платы до 1600 руб. В результате переговоров нарком В. А. Карелин предложил Комиссии составить новую смету для продолжения деятельности с 1 июля 1918 г. на личный состав и научные труды на 155 450 руб. Для периода январь–июнь был предложен облегченный порядок составления сметы, предусматривавший всего 10 982 руб. (1918 г., д. 2, л. 21, 38, 53).

Переезд большевистского правительства в Москву со временем обусловил появление там параллельного органа, начавшего исполнять функции головного учреждения, ведающего делами археологии и охраны памятников в стране. Им стала Всероссийская Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Главмузей), которая первоначально находилась в двойном подчинении Наркомпроса и Комиссариата имуществ. Руководила ею супруга Л. Б. Троцкого Н. И. Седова. Во главе отделения Коллегии в Петрограде — бывшей Коллегии Петроградского Совета, пытавшегося руководить деятельностью Комиссии, встал правительственный комиссар Г. С. Ятманов (1918 г., д. 20, л. 65).

В целом, структура и состав Комиссии вплоть до осени 1918 г. оставались неизменными. 3 апреля П. П. Покрышкину удалось добиться от Главмузея частичного усиления штата Реставрационного отдела, который оказался в двойном подчинении. Были учреждены должности 2 помощников архитектора Комиссии с окладом в 6000 руб., а также предусмотрено увеличение командировочных расходов, о чем сам Покрышкин ходатайствовал еще 20 июля 1917 г. (1918 г., д. 43, л. 1–3). В действительности же Главмузей лишь 18 мая ассигновал в распоряжение Комиссии 3000 руб. на приглашение трех помощников по архитектурной части, среди которых были художник-архитектор А. П. Удаленков, Л. И. Кириллов, помогавший Покрышкину с ведением «реставрационного архива», и В. Г. Самойлов. Так частично реализовался «проект Бобринского» 1914 г. по увеличению штатов Комиссии (1918 г., д. 2, л. 66).

Первое заседание (общее собрание) Археологической Комиссии в новых условиях 1918 г. состоялось только 8 мая. Протокол этого заседания свидетельствует о том, что уже весной этого года активно велась подготовительная работа для утверждения РАК в качестве головного археологического органа, что предполагалось закрепить новым Уставом (1918 г., д. 1, л. 1–1 об.). Таким образом, первая половина 1918 г. знаменует собой начало нового этапа преобразования Комиссии, когда утверждался ее расширенный состав, вырабатывались новый устав и структура. Упомянутое выше собрание стало последним, на котором присутствовал многолетний председатель ИАК граф А. А. Бобринской. Кроме него туда явились В. В. Латышев, П. П. Покрышкин, К. К. Романов, А. И. Малеин, Б. В. Фармаковский, М. В. Фармаковский, М. И. Ростовцев, А. А. Спицын и И. С. Китнер. Собрание было созвано в связи со

смертью старшего члена РГАК Н. И. Веселовского и необходимостью выборов нового члена Комиссии.

М. И. Ростовцев высказал мнение, что открывшуюся вакансию следует заместить специалистом-востоковедом. Вероятно, кандидатуры уже были согласованы раньше, но озвучил их в собрании председатель Комиссии А. А. Бобринской: на место старшего члена, вместо скончавшегося Н. И. Веселовского, предстояло избрать А. А. Спицына, на место нового члена-востоковеда — Н. Я. Марра. Последний был избран заочно, закрытой баллотировкой, единогласно. Утверждение А. А. Спицына старшим членом тоже возражений не вызвало.

Именно на этом собрании впервые официально было высказано суждение о скорейшем составлении проекта расширения деятельности Археологической Комиссии. П. П. Покрышкин заявил, что проект предварительного расширения в Комиссии реставрационного дела им уже составлен и внесен в Коллегию Наркомпроса, а Б. В. Фармаковский и А. А. Спицын довели до сведения собрания, что ими дорабатывается проект нового устава, в связи с общим «Положением» об охране памятников древности в государстве. М. И. Ростовцев указал, что Археологическая Комиссия в настоящее время является едва ли не единственным археологическим учреждением, продолжающим работу издания археологических трудов, и нуждается в усилении средств на это дело.¹ Появилось предложение организовать при Комиссии постоянный технический персонал рисовальщиков и чертежников. К. К. Романов сообщил, что Коллегия уже осведомлена о предположении Археологической Комиссии по части расширения деятельности, сочувствует этому предположению и ждет соответственного проекта...

Действительно, в июне 1918 г. в Комиссию поступило отношение из Коллегии Наркомпроса: «Признавая необходимым ближайшим образом ознакомиться с прошлой и предстоящей деятельностью Археологической Комиссии и имеющимися предположениями о необходимых для нее реформах, Коллегия... сочла желательным посетить для этой цели Археологическую Комиссию и заслушать соответственно с ее стороны доклад по настоящему предмету...» (1918 г., д. 20, л. 65). Инициатива в деле намеченной реорганизации явно исходила от самих ученых, а отнюдь не от советских чиновников.

Однако это совпало с их намерениями. Летом 1918 г. А. В. Луначарский всерьез заинтересовался Комиссией. Одним из поводов для этого была Памятная записка Евгения Владимировича Орановского (1880–1951), заведующего Отделом фактического контроля по делам искусств и художественных ценностей Наркомата госконтроля РСФСР (не позднее 8 августа 1918 г.; РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, д. 73), где шла речь о целесообразности создания при Наркомпросе Отдела искусств и художественно-исторических ценностей — будущего Главмузея. Здесь он обратил внимание наркома на значительные государственные средства, выделяемые на Археологическую Комиссию. Все это способствовало дальнейшему реформированию Комиссии параллельно с созданием Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата просвещения на основе соответствующих Коллегий бывшего Наркомата имуществ, Моссовета и Петросовета (Из истории строительства... 1964: 91–94)

¹ Действительно, в первой половине 1918 г. некоторые члены Комиссии не прекращали работать над книгами и даже выпускать их в свет. Именно тогда в издательстве «Огни» вышла монография Б. В. Фармаковского «Художественный идеал демократических Афин», написанная в 1917 г. В том же году уже в Москве была издана другая книга, написанная совместно Б. А. Тураевым, Б. В. Фармаковским и И. Н. Бороздиным, «Древний мир на юге России» — первая хрестоматия по античной культуре Северного Причерноморья, предназначенная для широкого читателя (Фармаковская 1988: 174).

Карта деления России на археологические области, согласно записке о реорганизации деятельности РГАК (июнь 1918 г.) (1918 г., д. 49, л. 20 об.)

Тогда же имели место и первые практические попытки осмысления опыта деятельности Археологической Комиссии и предложения по ее реорганизации, как об этом свидетельствует «Объяснительная записка к расписанию расходов РГАК на период с 1 июля 1918 по 1 января 1919 г.». Записка предлагала смотреть на Археологическую Комиссию как на археологическую академию активного (рабочего) типа, которая организует изучение и охранение древностей в России, привлекая для этого ученых-специалистов. Ее авторы выражали надежду, что территориальные исследования не будут связаны с политическими границами, ибо члены Комиссии и ассистенты подобно заграничным членам РАН смогут производить самостоятельные исследования. Здесь же предлагалось деление Археологической Комиссии на отделы и секции, а территории России — на 7 археологических областей (1918 г., д. 49, л. 10, 11, 19–21). В связи с появлением этой записки П. П. Покрышкин составил «Обзор деятельности отдела монументальных памятников древности Российской Государственной Археологической Комиссии с 1907 по 1917 гг.» (*подробнее смотри главу XIII*). Здесь же он намечает приоритеты будущей деятельности реставрационного отдела, полагая в частности, что ему нужен специалист по классической и византийской архитектуре для раскопок, а также список сведущих лиц в российских городах, на которых Комиссия могла бы опереться на местах. Здесь же он выдвигает и конкретное предложение по реставрации памятников церковной культуры: во избежание самовольных переделок и сознательных искажений все средства на их реставрацию должны быть сосредоточены в руках государства (1918 г., д. 20, л. 67 об., 121–121 об.).

Тогда же, в июне, очевидно, опасаясь неминуемых репрессий, А. А. Бобринской, навсегда покидает Комиссию и Петроград. Археологическая Комиссия 16 июля выписала своему председателю последний Открытый лист №348, где сообщалось: «Предъявитель сего Председатель Российской Государственной Археологической Комиссии Алексей Александрович Бобринской командирован Комиссией в гор. Керчь для ознакомления с настоящим положением подведомственного ей Керченского музея и в Киев, Севастополь, село Парутино (Ольвия) Херсонской губернии для осмотра тамошних городищ, на которых Комиссия производит раскопки, и складов древностей при них, а потому Археологическая Комиссия обращается ко всем учреждениям и лицам, к которым А. А. Бобринскому представится надобность обратиться с соответственными просьбами, не отказывать ему в содействии». Отношение было подписано А. А. Спицыным, а делопроизводитель Комиссии И. Сутулло в черновом машинописном варианте после слов «в содействии» добавил от руки «как при проезде туда и пребывании там, так и при обратном возвращении в Петербург» (1886 г., д. 8, л. 164). Похоже, что приписка была адресована представителям новой власти, дабы успокоить их в отношении будущего возвращения графа к месту службы. Именно этой власти, конкретно — в Административный отдел Народного Комиссариата имуществ Республики, А. А. Бобринской 20 июля направляет свой последний документ, подписанный им в качестве председателя Комиссии. Здесь он объявляет о своем отъезде и о передаче на время своего отсутствия «заведование делами» Комиссии А.А. Спицыну.

В конце концов, Алексей Александрович оказался в числе тех беженцев, которые сумели пробраться через Киев в Одессу до занятия ее красными. На французских кораблях, стоявших на рейде, тоже было беспокойно, звучали угрозы «поднять красный флаг», если их не отправят на родину. В этой ситуации французское правительство отдало приказ увести свой флот из Черного моря. Ввиду описанных настроений матросов французы весьма неохотно брали на борт русских эмигрантов (Бобринский 2003: 528; ср.: Платонова 2003: 593–594). Граф А. А. Бобринской был одним из немногих, кому повезло попасть на французский военный корабль. В дальнейшем он сумел перебраться из Константинополя во Францию и скончался в Ницце 2 сентября 1927 г. (Бобринский 2003: 528–529).

Алексей Александрович Бобринской спустя много лет, пусть и заочно, но все же появился на заседании Совета, правда, не самой Комиссии, а ее преемницы, 3 октября 1927 г. Как свидетельствует протокол заседания Совета ГАИМК под председательством товарища председателя Академии В. В. Бартольда, тот сообщил о кончине 2 сентября председателя бывшей Археологической Комиссии А. А. Бобринского и сделал краткое сообщение о его деятельности на этом посту. Совет постановил: «Почтить память вставанием» (РА, ф. 2, оп. 1, 1927 г., д. 6, л. 13 об.).

С августа 1918 г. заседания Комиссии становятся более регулярными, они следуют одно за другим — 13 августа, 20 августа, 27 августа, 3 сентября, 17 сентября. Намечаются новые археологические проекты. Так, на заседании РГАК 13 августа поступает предложение о раскопках Археополиса в Абхазии под руководством Н. Я. Марра и А. П. Удаленкова (1918 г., д. 1, л. 3). Среди членов РГАК сама собой выделилась «рабочая группа» лидеров и реформаторов, не собиравшихся эмигрировать и упорно бившихся в советских официальных инстанциях за сохранение Археологической Комиссии и придание ей нового статуса академического учреждения. В эту группу вошли товарищ председателя РГАК академик В. В. Латышев, штатные члены Б. В. Фармаковский, П. П. Покрышкин, Н. Я. Марр и, на первых порах, исполняющий обязанности штатного члена архитектор А. П. Удаленков.

Исполняющим обязанности председателя вскоре стал энергичный Б. В. Фармаковский. К нему же обратились с просьбой быть представителем Комиссии в новом профсоюзе ученых

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

---090---

Народный Комисариатъ
Имущества Республики

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

О Т К Р Ы Т Ы Й Л И С Т Ъ

.. *16* .. Июля 1918 года.
к. *248*
г. Петербургъ.
Дворцовая набер. 34.

Предъявитель сего Предсѣдатель Россійской
Государственной Археологической Комиссiи Алексѣй
Александровичъ Б о б р и н с к о й командиро-
ванъ Комиссiей въ гор. Керчь для ознакомленiя съ
настоящимъ положенiемъ подвѣдомственнаго ей
Керченскаго Музея Древностей и въ Кiевъ, Севасто-
поль и село Марутино /Ольвiя/, Херсонской губернiи,
для осмотра тамошнихъ городищъ на которыхъ Ком-
миссiя производитъ раскопки и склады древностей
при нихъ, а потому Археологическая Комиссiя
обращается ко всѣмъ учрежденiямъ и лицамъ, къ ко-
торымъ А.А.Бобринскому представится надобность
обратиться съ соответственными просьбами, не от-
казавъ ему въ содѣйствiи.

*и при этомъ
предоставить
и при этомъ
Бобринскому въ Петербургъ.*

*Подписалъ:
Секретарь Имущества Республики А.А.Бобринский
Секретарь и Внѣшн. Связей
Государственной Археологической Комиссiи М.А.Бобринский*

Последний открытый лист № 348 от 16 июля 1918 г.,
выданный Археологической Комиссией А. А. Бобринскому. Копия (1886 г., д. 8, л. 165)

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
Советская Республика.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТЪ
Имущества Республики.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ.

20 июля 1918 г.

№ 354

г. Петербургъ.

Зданіе Зимняго Дворца.

г. 4/1886.

164

Въ Административный Отдѣлъ Народ-
наго Комиссаріата Имущества Республики

предметно
Отъѣзжая сего числа по распоряженію
Археологической Комиссіи въ г. Керчь, для
ознакомленія съ настоящимъ положеніемъ
подвѣдомственнаго Комиссіи Керченскаго
Музея Древностей и въ Кіевъ, Севастополь
и село Парутино /Ольвія/, Херсонской гу-
берніи, для осмотра ^{данныхъ} ~~тамъ~~ городищъ,
на которыхъ Комиссія производитъ раскоп-
ки, и ~~складовъ древностей при нихъ~~, я,
на время отсутствія своего изъ Петербур-
га, передалъ завѣдываніе дѣлами Комиссіи
Старшему члену Комиссіи А.А. Спицыну, о
чемъ ^{лично} ~~увѣдомляю~~ Административный Отдѣлъ
Комиссаріата.

Предсѣдатель Комиссіи *А. А. Бобринский*
Дѣлопроизводитель *А. А. Спицын*
В. В. В.

учреждений и вузов — «Совете ученых установлений и высших учебных заведений Петрограда». Тогда же активно обсуждался проект декрета об учреждении Совета по охране памятников старины и художественных сокровищ — Положение о Комиссии по охране и регистрации памятников искусства и старины и Декрет о регистрации, приемке на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений. Его последнее чтение в охранной группе Наркомпроса состоялось 2 августа 1918 г. (1918 г., д. 48). Необходимо отметить, что в это время началось обследование памятников архитектуры Олонецкой губернии, которое проводил А. П. Удаленков, в частности, в Каргопольском уезде (1918 г., д. 1, л. 2 об.-3). Инициатива здесь принадлежала преподавателю женского Политехнического института инженеру Р. М. Габе, который летом 1918 г. подал в Центральный комитет военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций «Осведомительную записку о предполагаемых исследованиях художественных ценностей Олонецкой губернии». Через Академию наук записка, снабженная красочными рисунками, поступила в РГАК. Р. М. Габе испрашивал на поездку для фотографирования памятников 6100 руб. (1918 г., д. 45, л. 2, 12 об.).

Следующее заседание прошло 20 августа. Здесь обсуждалось состояние памятников Карелии, а также вопрос о реформе Эрмитажа, в которой члены Комиссии собирались участвовать (1918 г., д. 1, л. 4 об.-5). На заседании 27 августа не только обсуждались практические меры по исследованию Археополиса, в частности, утверждение сметы, но и способы избрания членов Совета Комиссии, а также ее ассистентов, что должно было проходить в пленарных заседаниях (Там же, л. 6 об., 7).

3 сентября П. П. Покрышкину было поручено начать ремонт храма Спаса на Нередице, а также принять меры по ремонту и реставрации храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости» на Шпалерной улице в Петрограде и по наблюдению за состоянием храма свв. апп. Петра и Павла в Кожевниках в Новгороде, что поручалось, как и ранее, протоиерею А. Успенскому. А 17 сентября Комиссии пришлось принимать решение об экспертизе монет, конфискованных Нарвским Советом рабочих и красноармейских депутатов при обысках, что было поручено В. В. Латышеву (1918 г., д. 1, л. 10 об.; 1918 г., д. 16).

Весьма символично, что Сведения о деятельности РГАК, поданные в Комиссариат 1 октября 1918 г., охватывали период с 25 октября 1917 г., «начала новой эры» (1918 г., д. 9, л. 9–11). Здесь, в частности, сообщалось, что председатель Комиссии А. А. Бобринской находится в командировке. Среди достижений РГАК за отчетный период указывались исследования памятников русского зодчества, проведенные П. П. Покрышкиным, труды А. А. Спицына по составлению курса русской археологии, подготовка к печати Б. В. Фармаковским результатов его 15-летних раскопок в Ольвии и древностей Келермеса, а также непосредственная издательская деятельность Комиссии.

На общее собрание 24 сентября 1918 г. явились помимо перечисленной выше группы «реформаторов» сверхштатные члены РГАК Ф. А. Браун и И. С. Китнер, а также члены-корреспонденты С. А. Жебелев, А. К. Марков, К. К. Романов и М. В. Фармаковский. Был оглашен проект преобразования РГАК. Ее основу должен был составить Совет, куда по избрании должны были войти все прежние члены ИАК, будь они действительными членами, сверхштатными или членами-корреспондентами. Уже на этом заседании предполагалось ввести в Комиссии деление на отделы и должности членов-корреспондентов Комиссии на местах. В результате из числа присутствующих были переизбраны заново и вошли в Совет Ф. А. Браун, С. А. Жебелев, М. В. Фармаковский, Г. И. Котов, А. К. Марков и К. К. Романов. И. С. Китнер снял свою кандидатуру заранее. Заочно были переизбраны и также вошли

в Совет: М. И. Ростовцев, успевший к тому времени уехать за границу, А. А. Бертъе-Делагард, Ю. А. Кулаковский, А. С. Лаппо-Данилевский, В. К. Мальмберг, А. И. Малеин, А. А. Ширинский-Шихматов и Э. Р. фон Штерн. Единственным неизбранным с перевесом в один голос оказался Н. И. Булычев (1918 г., д. 1, л. 13).

Для окончательной выработки устава РГАК была определена комиссия в составе Н. Я. Марра, П. П. Покрышкина и Б. В. Фармаковского. В первой половине октября 1918 г. проект нового устава был разработан и подписан наркомом А. В. Луначарским 17 октября (1918 г., д. 3, л. 5). Комиссии поручалось ведение дела исследования древности, искусства и старины, организация разведок и раскопок и научного охранения памятников. Также в ее обязанности входили теоретическая разработка вопросов археологии и истории искусства, художественно-историческая оценка памятников и установление задач археологических исследований на ближайшее время (1918 г., д. 1-г, л. 1).

В новом уставе предусматривалось значительное расширение состава РГАК, создание высшего руководящего органа в виде Совета, уже фактически существовавшего, и формирование новых тематических отделов и секций. 24 сентября шла речь о трех отделах — «восточных древностей» (руководитель Н. Я. Марр), «античных древностей», ставшем потом «отделом древностей античных и христианских» (руководитель Б. В. Фармаковский) и «монументальных древностей» (руководитель П. П. Покрышкин). В окончательном варианте устава помимо этих трех присутствуют отделы русских древностей (руководитель А. А. Спицын) и доисторических древностей (руководитель А. А. Миллер).

Все вакансии, намеченные на этом совещании, должны были замещаться путем закрытой баллотировки. Так, сотрудниками Восточного отдела в Петрограде должны были стать С. Ф. Ольденбург, Я. И. Смирнов и В. К. Шилейко, членом-сотрудником в Ташкенте — Н. П. Остроумов, ассистентом в Петрограде по секции Дальнего Востока был намечен С. Г. Елисеев. В Отделе античных древностей были организованы секции искусства в древнегреческих городах и эпохи переселения и Византии, куда впоследствии был избран А. А. Васильев. В Отдел монументальных памятников, где была открыта секция вещевых памятников, прошли Е. И. Катонин и А. П. Удаленков — по секции архитектуры, московским сотрудником был избран Н. Б. Бакланов (1918 г., д. 1, л. 13, 14). Выборы прошли 1 октября, еще до официального утверждения устава. Тогда же в состав Совета РГАК помимо всех ее штатных членов были введены В. В. Бартольд, А. А. Васильев, А. А. Ильин, А. А. Миллер, С. Ф. Ольденбург, С. Ф. Платонов, Н. П. Сычев, Б. А. Тураев и М. В. Фармаковский. Заместителем (товарищем) председателя Комиссии остался В. В. Латышев.

Председателем РГАК должен был быть избран Н. Я. Марр, однако тем самым он оказался бы в сложном положении, поскольку официально А. А. Бобринской об отставке не просил. 22 октября на заседании Совета РГАК состоялась дискуссия о том, что если А. А. Бобринской не может прибыть в присутствие, он должен сам предпринять шаги, чтобы вывести Археологическую Комиссию из затруднительного положения (1918 г., д. 1а, л. 8 об.). Однако находящийся за линией фронта А. А. Бобринской, естественно, не смог ничего предпринять, и в заседании 13 ноября 1918 г. единогласно новым председателем Комиссии был избран Н. Я. Марр, а ученым секретарем вскоре после этого — Б. В. Фармаковский, которые энергично взяли дело реорганизации в свои руки (Пескарева 1980; Платонова 1989). Последним в Совет 5 декабря был избран И. А. Орбели.

В области охраны памятников новое положение Комиссии привело к размежеванию функций с лишь создаваемым в это время Археологическим отделом Главмузея. Последний, по мысли авторов устава, должен был располагать всеми административно-исполнительными

*Устав утвержден
Нар. Комиссаром
А. В. Луначарским*

17/X

У С Т А В

РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ.

А. Положения общия.

I. Российская Государственная Археологическая Комиссия ведет в России делом исследования памятников древности, искусства и старины, организации археологических исследований /разведки и раскопок/ и научного охранения памятников древности. Вместе с тем на Комиссию возлагается теоретическая разработка вопросов археологии и истории искусства и художественно-историческая оценка как вновь открытыя памятников древности, так и изучение всех вообще памятников, особенно найденных в России.

II. Целью деятельности Российской Государственной Археологической Комиссии является: 1/ установление задач археологических исследований на ближайшее время, 2/ составление общего плана исследований в различных местностях, 3/ проведение археологических раскопок, приравненных особенно важным и научном отношении, 4/ снаряжение научных экспедиций и назначение командировок в различные местности /внутри России и за-границу/, visando для археологии России и для поддержания общения с ученым миром других стран, 5/ организация ознакомления

Первая страница Устава РГАК, утвержденного наркомом А. В. Луначарским 17 октября 1918 г. (1918 г., д. 1-г, л. 1)

2

С П И С О К

лиц, избранных Российской Государственной Археологической Комиссией в члены Совета Комиссии.

№ по порядку.	Имя, отчество, фамилия, когда избран.	Специальность.
1	Василий Владимирович БАРТОЛД, с 1-го Октября 1918 г.	История мусульманского Востока.
2	Александр Львович ВЕРТЬЕ-ДЕШАГАРД, с 24-го Сентября 1918 г.	Античная нумизматика.
3	Федор Александрович БРАУН, с 24-го Сентября 1918 г.	Древности готские и западно-европейские.
4	Сергей Александрович ЗЕВЗЕВ, с 24-го Сентября 1918 г.	Античная археология.
5	Алексей Алексеевич ЮШИН, с 1-го Октября 1918 г.	Русская нумизматика.
6	Григорий Иванович КОТОВ, с 24-го Сентября 1918 г.	Русская архитектура.
7	Влаик Андреевич КУЛАНОВСКИЙ, с 24-го Сентября 1918 г.	Античная и христианская археология.
8	Александр Сергеевич ДАЛНО-ДАВЛЕВСКИЙ, с 24-го Сентября 1918 г.	Русская история.
9	Владимир Константинович КАЛИШЕРГ, с 24-го Сентября 1918 г.	История античного искусства.

Архив ИИИИИ
 в ... 1/1918
 Арх. ... 51 лист 2

10	Алексей Константинович МАРНОВ, с 24-го Сентября 1918 г.	Античная нумизматика.
11	Александр Кузьмич МАЛЕШИН, с 24-го Сентября 1918 г.	Античная филология.
12	Сергей Федорович ПЛАТОНОВ, с 1-го Октября 1918 г.	Русская история.
13	Михаил Иванович РОСТОВЦЕВ, с 24-го Сентября 1918 г.	Древности Ига. России.
14	Николай Петрович СИНЕВ, с 1-го Октября 1918 г.	История русского искусства.
15	Ворис Александрович ТУРАКОВ, с 1-го Октября 1918 г.	История древнего Востока и египтологии.
16	Эрнест Романович фон ШТЕРН, с 24-го Сентября 1918 г.	Античная археология.
17	Истислав Владимирович ФАРМАНОВСКИЙ, с 24-го Сентября 1918 г.	История античного и христ. искус., рус. бытов. древнос.
18	Иосиф Абгарович ОРБЕКИ, с 5-го Декабря 1918 г.	Древности христианских времен Кавказа.

Председатель Комиссии

И.д. Правителя Канцелярии

функциями, в то время как Комиссия брала на себя роль научно руководящего органа. В результате реорганизации Коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, некогда состоявшей при Комиссариате имуществ, 14 октября 1918 г. возник Археологический отдел такой же Коллегии, но в ведении Народного Комиссариата по просвещению. Он включал в себя четыре подотдела: археологический, музейный, охраны памятников и издательский (1918 г., д. 2, л. 139). О проекте создания такого отдела на заседании РГАК 1 октября докладывал Н. Я. Марр. Похоже, он приветствовал такое преобразование, подчеркивая, что в этом случае Комиссии остается лишь область практических работ по производству археологических раскопок. Освобождение от «полицейских функций» и выдачи Открытых листов открывало, по его мнению, путь к преобразованию Комиссии в Академию археологии с чисто научными функциями (1918 г., 1а, л. 1 об.-2). Таким образом, идея создания Академии археологических знаний начинает оформляться в конкретный проект именно к осени 1918 г.

Упомянутое размежевание функций РГАК и Археологического отдела на деле не достигло своей цели. Радужные надежды Н. Я. Марра на избавление Комиссии от «полицейских функций» и исключительную возможность занятий «чистой наукой» не оправдались. 16 января на заседании Совета РГАК Н. Я. Марр выказал общую обеспокоенность возможным ограничением прав Комиссии в новом органе (1919 г., д. 3, л. 5). Через некоторое время К. К. Романовым вновь констатировалось, что «Археологический отдел расширяет свою деятельность в ущерб Археологической Комиссии. Но это исходит не от Коллегии и Наркомата просвещения, а от руководства археологического отдела...». Совет постановил «просить К. К. Романова и А. А. Миллера, как лиц, входящих в состав Коллегии, еще раз выяснить взаимоотношения» и указать, что «научное руководство и научное изучение памятников должно остаться за Комиссией, в силу прав, предоставленных ей Уставом» (Там же). В дальнейшем, в 1920-х гг., эта проблема будет подниматься вновь и вновь.

Василий Алексеевич Городцов
(ФА, II 67585)

Однако дело было не только в необходимости отвоевать в инстанциях более или менее твердые позиции для дальнейших шагов в преобразовании РГАК. В происходящем нельзя не усмотреть продолжения в новых условиях главного археологического противостояния России — Императорской Археологической Комиссии и Московского археологического общества. Во главе Археологического отдела Коллегии встал именно активный член МАО — Василий Алексеевич Городцов (1860–1945), который трудился здесь до 1926 г. Это назначение вывело старинное научное соперничество на государственный уровень, придав ему политический оттенок и законсервировав его в советский период российской истории в виде непродуктивного противостояния академических и правительственных учреждений.

Забегая вперед, следует сказать, что в 1920-х гг. между ГАИМК и Археологическим отделом не раз возникали споры о месте предоставления отчетов о полевых исследованиях. Руководство отдела

раздражало само существование ГАИМК. В 1923 г. В. А. Городцовым был выдвинут проект переустройства всей археологической службы в стране и выстраивание ее структуры в виде правильной пирамиды археологических обществ различного уровня, открытых во всех городах Союза. Вершину пирамиды должно было представлять так называемое Центральное археологическое бюро при Отделе по делам музеев и охране памятников (СПбФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 4328, Г-274, ч. 2, 1921–1924, л. 41–43). С открытием указанного бюро «все другие учреждения, прикосновенные к охране и научному исследованию археологических памятников» должны были автоматически закрыться и быть распущены.

В 1926 г. проект был поставлен на обсуждение. Резко отрицательный отзыв, написанный Б. В. Фармаковским, поступил из ГАИМК. «Три штатных члена Бюро, — писал рецензент, — являются судьями по всем многочисленным специальностям, которые должны обнимать археологические исследования такой колоссальной и разнообразной по культурам территории, какой является СССР. ...Создается... пост своего рода археологического монарха, в его распоряжении состоит Центральное бюро с большой агентурой, основная задача которой — не пускать работать никого без ведома главы бюро и отбирать все добытые научные материалы в его распоряжение...» (СПбФА РАН, ф. 800, оп. 4, д. 4330, Г-276, ч. 4, 1926–1929, л. 6–7).

На первый взгляд, в проекте замены государственных и академических структур «пирамидой» археологических обществ отразилось духовное наследие четы Уваровых, всегда противопоставлявших разночинские обычаи МАО традициям университетско-академической корпорации. Однако в эпоху Российской империи всемерная поддержка общественной самодеятельности на местах объективно являлась полезной для развития отечественной археологии, и даже противостояние различных археологических структур было, в какой-то степени, оправданным. В новых же условиях оно могло привести только к поражению интеллигенции перед лицом советской бюрократии.

Нечего и говорить: в условиях СССР 1920-х гг. не могло идти и речи о какой-то государственной поддержке общественной самодеятельности на местах. Проект В. А. Городцова был осуществим лишь в одной своей части — в том, что касалось слома уже существующей системы учреждений, «прикосновенных к охране и научному исследованию археологических памятников». Приходится признать: в этой истории выдающийся русский археолог оказался не столько продолжателем традиций МАО, сколько тараном, с помощью которого новая власть уничтожала старую интеллигенцию. Позднее, на рубеже 1920–1930-х гг., партийная номенклатура, уже «приватизировавшая» ГАИМК и поделившая академическое и общественное пространство России, перестала нуждаться в В. А. Городцове.

Однако в 1918 г. до этого было еще далеко. В конце этого года, помимо преобразования самой Комиссии, была проведена серьезная работа по обустройству ее библиотеки и архива. К ноябрю было разработано Положение о библиотеке РГАК, где была прописана систематичность ее пополнения. Пользование библиотекой для сотрудников было полностью доступно, однако на дом нельзя было брать более 10 изданий. Не связанные с работой в Комиссии читатели могли пользоваться библиотекой по особым рекомендациям. Новый штат предполагал наличие библиотекаря, его помощника, каталогизатора и служителей. Для руководства библиотекой был образован Библиотечный комитет, куда входили заведующий, сотрудники, представители отделов, члены археологических обществ и представители их библиотек. 5 декабря председателем Библиотечного комитета был избран А. А. Васильев. Заведующим архивом продолжал оставаться А. С. Раевский, с инициативой которого, как и в начале 1910-х гг.,

была связана реформа библиотечного дела в Комиссии. Помощником библиотекаря по фототрафической части стала А. П. Лебединская (1918 г., д. 50). К 20 марта 1919 г. библиотека насчитывала 7 отделов, а одним из наиболее ценных приобретений стало поступление в ее фонд библиотеки Я. И. Смирнова (ср.: Винберг 1965: 217–232; Заднепровская 1996: 62–65; Тиханова 1980: 34–36; Левина 1980: 80–87; 1995: 322–324; 1996: 66–68). В начале 1919 г. произошло объединение библиотек РГАК и РАО (1919 г., д. 3, л. 1 об.).

При всей важности достигнутых в 1918 г. результатов члены РГАК отнюдь не считали дело преобразования структуры археологической службы в России завершенным. Н. Я. Марр писал: «Общие условия жизни русского государства побуждают нас не только ставить, но и не медлить решением вопросов о новых путях деятельности Российской Археологической Комиссии...». Неизбежное углубление археологической специализации требовало, по его мнению, перестроить работу организационно и вести ее далее уже на коллективной основе (1918 г., д. 20, л. 72 об.). По свидетельству Б. В. Фармаковского, «вновь созданное учреждение никоим образом не представляло удовлетворительного разрешения давно обсуждавшегося вопроса. С самого начала предполагалось, что реорганизованная Археологическая Комиссия займется разработкой вопроса о нормальной и отвечающей всем нуждам постановке дела археологического исследования в Республике и составит проект соответственных учреждений...» (Фармаковский 1921а: 7–8). Действительно, вопрос о дальнейшем преобразовании Комиссии в академию ставился Н. Я. Марром перед А. В. Луначарским еще в начале октября 1918 г. (1919 г., д. 3, л. 5).

Обстановка, окружавшая РГАК в конце 1918–начале 1919 г., была очень динамичной, а порою и угрожающей. Возникали не только многочисленные, не согласованные между собой проекты новых ученых объединений, но — что важнее — попадали под угрозу объединения старые. Жизнь РАО совсем замерла, и оно казалось близким к полному распаду. Пособие от казны, поступавшее обществу прежде, теперь прекратилось. Его небольшие капиталы были аннулированы. Из здания на Литейном проспекте, 17, прежде занятого РАО, его выселил Наркомат юстиции. Такая ситуация была не редкой (РА, ф. 2, оп. 2, д. 453, л. 109). Не случайно осенью и зимой 1918/19 г. интенсивно стали разрабатываться проекты создания ассоциаций ученых комиссий и обществ при едином академическом центре. Всем этим организациям надо было срочно обрести свое место в непривычных, меняющихся условиях.

В то же время руководители отделов РГАК с особенным вниманием останавливались в этот период на таких вопросах, как изучение рядовых археологических объектов, перспектива их сплошного обследования и издание карт. П. П. Покрышкин заявлял: «Следует с величайшей осторожностью относиться к известной идее классификации памятников на первостепенные, второстепенные и т. д. Такое деление может повлечь за собой... гибель памятников, кажущихся второстепенными...». Касаясь вопроса о выработке законопроекта по охране древностей, он заявлял: «Давно пора на чем-нибудь остановиться и действовать. Ведь закон вообще никогда... ничего не довел до совершенства, и не законом жизнь создается, но... всякий закон является венцом тех требований, которые предъявляет сама жизнь...» (1918 г., д. 20, л. 72 об.).

Эти документы достаточно красноречиво показывают, что ставшие расхожими в советское время обвинения Археологической Комиссии в пренебрежении к массовому материалу, поgone исключительно за красивыми находками и, как следствие этого, в избирательном подходе к памятникам (Равдоникас 1930: 109–110) являются мифом, по крайней мере, для последнего, предреволюционного периода. Необходимость расширения состава и изменения структуры Комиссии была осознана учеными именно потому, что на повестку дня встали вопросы

Издательская деятельность предполагала подготовку к публикации русских средневековых надписей А. А. Шляпкина, а также фотографий самаркандских мечетей, первый выпуск которых вышел в 1905 г. (Мечети Самарканда 1905) (1918 г., д. 46, л. 32, 42 45–45 об., 88). Были высказаны идеи об издании описания исторических памятников Польского края, пострадавших во время войны. С подобным предложением в Комиссию 26 ноября 1918 г. обратились представитель Варшавского общества попечения о памятниках старины в Петрограде живописец и скульптор Могилевской митрополии Александр Боравский и его супруга Анна. После получения разрешения от Наркомата иностранных дел 14 декабря им было выдано удостоверение на проезд в пограничную зону и выделено 2000 руб., однако материалы о дальнейшей судьбе этого предприятия в архиве Комиссии не выявлены (1918 г., д. 29, л. 1–1 об., 3, 4, 6, 8). На 1919 г. было намечено издание второго выпуска «Русских кладов», начатого некогда Н. П. Кондаковым (*подробнее смотри главу XI*) (1918 г., д. 39, л. 3) (ср.: Корзухина 1954: 6; Гущин 1936).

Помимо материальных трудностей издательская деятельность Комиссии сталкивалась и с введением новой орфографии. 25 ноября 1918 г. РГАК обратилась в Наркомпрос с просьбой позволить ей закончить печатание трудов М. И. Ростовцева об Оренбургских курганах (МАР № 37) и его исследование о Скифии и Боспоре по старой орфографии. 6 декабря последовал ответ: «Разрешается РГАК докончить печатание начатых ею трудов, как выпусков серий, так и отдельных сочинений, старой орфографией и пользоваться ею вообще в транскрипциях собственных имен и терминов, требующих очного выражения в письме ввиду связи их с научными о них суждениями. А. Луначарский» (1918 г., д. 30, л. 1, 9).

Кроме планов в начале 1919 г. осуществлялась и конкретная деятельность Комиссии, которая в силу свертывания проектов по полевой археологии касалась, прежде всего, сохранения культурного наследия России, в частности, в Новгороде. 9 февраля П. П. Покрышкин, Л. А. Мациулевич и К. К. Романов по поручению Особой комиссии, созданной Археологическим отделом Областного отдела по делам музеев и с согласия епископа Алексия (Симанского), будущего патриарха, осмотрели Знаменскую икону в Новгороде. Специалисты отметили многочисленные поднятия левкаса и самих красок, которые начали осыпаться. Было решено срочно приступить к укреплению образа (РА, ф. 2, 1919 г., д. 39, л. 1). 8 августа П. П. Покрышкин указывал на необходимость регулярного проветривания Софийского собора (Там же, л. 7).

В то время это были не единственные проблемы новгородских древностей. Народным Комиссариатом по просвещению был составлен список из 30 предметов художественного значения, в том числе вся Софийская ризница, подлежащих эвакуации в Москву (Там же, л. 19–20 об.). В этих условиях П. П. Покрышкин был вынужден 14 августа, в самый разгар реорганизации Комиссии, обратиться к Н. Я. Марру, доказывая, что эвакуация памятников искусства и древностей из Новгорода в Москву недопустима. Опыт войны показал, по его мнению, что эвакуация не достигает своей главной цели: безопасного хранения. Об этом свидетельствовали драма патриаршей ризницы, опасность, которой подверглись вещи, перевезенные в Москву из Эрмитажа при расстреле Московского Кремля, знамена из Артиллерийского музея, которые подверглись бомбардировке в Ярославле. П. П. Покрышкин писал, что увоз памятников древности с места недопустим и с точки зрения музейного строительства, и с точки зрения народного просвещения и справедливо называется «обескровлением» провинции. Он приводил исторические параллели, напоминая, что как во времена Ивана Грозного Новгород был ограблен почти вконец и обезличен для возвеличения центра, так и ныне Москва пытается довершить это преступное дело. Он призывал не забывать, что при перемещении в значительной мере обезличиваются сами памятники, ибо если теперь к

ним совершается паломничество, то после переселения многие из них будут забыты. К тому же он указывал, что большинство икон, намеченных к эвакуации, в таком состоянии, что перевозить их невозможно без весьма длительных работ по укреплению. С его точки зрения, вывоз Знамени был опасен и в смысле возможности народного возмущения (Там же, 4–4 об.). Возможно, именно благодаря вмешательству П. П. Покрышкина эти святыни остались целы.

В это время П. П. Покрышкин был председателем «Новгородской комиссии» Археологического отдела Народного Комиссариата по просвещению, которая выполняла роль его «иконописно-реставрационной секции», и его личный опыт показывал, насколько опасными для памятников старины в условиях общественной нестабильности оказываются ведомственные споры. 23 августа 1919 г. им был подан рапорт о деятельности «комиссии Грабаря» в Новгороде. В конце декабря 1918 г. И. Э. Грабарь прибыл сюда в сопровождении 4 членов Московского отдела по делам музеев и 6 иконописцев, при этом непосредственный надзор за их деятельностью должен был осуществляться Петроградским археологическим отделом.

Инструкция по реставрации была разработана К. К. Романовым, и в январе Археологический отдел признал работы И. Э. Грабаря опасными для икон, так как имели место отступления от инструкции: иконы с отставанием левкаса, доставленные в мастерскую, не закреплялись, происходило уничтожение слоев поздних записей безо всякой фиксации и т. д. Попытки как-то изменить положение наткнулись на сопротивление, прежде всего со стороны А. И. Анисимова. При попытке передать работы в Петроградский отдел Главмузея московские мастера отказались работать с Петроградом.

П. П. Покрышкин был поражен количеством икон, которые находились в результате действий московской комиссии в угрожаемом состоянии. В связи с этим требуется некоторое пояснение. В рассматриваемом случае имели место не одни ведомственные склоки, а столкновение разных концепций, принципиально различных подходов к памятникам. И. Э. Грабарь (1871–1960) и А. И. Анисимов (1877–1932) представляли собой искусствоведов нового поколения, стремившихся извлечь древнерусскую живопись из-под позднейших записей. Но, как бывает всегда на первых порах, открытие не обошлось без крупных потерь и издержек. «Традиционалисты», к числу которых принадлежали П. П. Покрышкин и К. К. Романов, предостерегали от слишком поспешного смывания поздних слоев живописи, в погоне за древнейшими, и часто бывали правы.

П. П. Покрышкин спешил передать «Новгородскую комиссию» под покровительство организуемой Академии, которая должна была объединить специалистов Петрограда и Москвы и тем самым прекратить ведомственный раздор (РА, ф. 2, 1919 г., д. 39, л. 8–9). На 1920 г. П. П. Покрышкин планировал организацию в Новгороде экспедиции в составе 20 человек «для исследования в области строительных материалов, техники древних фресок и живописи и для производства анализов» (Там же, л. 26–27). В то время отдел монументальных памятников, возглавляемый П. П. Покрышкиным, состоял из секции Северной области (К. К. Романов) и секции новой архитектуры (А. П. Удаленков). В него входили постоянные (Г. В. Стебницкий, О. М. Равицкая, Н. П. Удаленков) и временные научные сотрудники (А. М. Белавин, В. Г. Самойлов, П. С. Нагорный).

В 1919 г. административный орган РГАК — ее Правление — собирался более регулярно, однако реставрационные заседания отошли в Археологический подотдел «Главмузея» — Отдела по делам музеев Наркомпроса. 3 января 1919 г. по просьбе Отдела музеев Наркомпроса было решено обратиться к центральной духовной власти в целях развития сотрудничества в области охраны памятников церковной старины. Текст обращения был составлен П. П. Покрышкин: будучи заведующим Археологическим подотделом Совета Коллегии по делам

ЭПАРХИАЛЬНОЕ ДРЕВТЕХРАНИЛИЩЕ.

18. Иконостас Юрьева Монастыря.
19. Икона Четырехчасная.
20. Икона Бориса и Глеба.
21. Икона Сосветил в ад.
22. Икона гробовы с минувшими.
23. Семь Вселенских Соборов.

НИЖНЯЯ МАСТЕТСКАЯ ОТ ОУДА.

24. Спаситель ц. Феодора Стр.
25. Никола с житием - ц. С. Г.
26. Страсти " " - ц. С. Г.
27. Житие Иоанна Предтечи - ц. С. Г.
28. В. М. Вечерокант - ц. С. Г.

АНТОНОВ МОНАСТЫРЬ.

29. Липовские янгли.
30. Плиты из разных церквей и предметов с согласия и указания Комиссии на месте эвакуации.

Заведывающий Отделом, Н. ТРОЦКАЯ.

Управляющая Делами, ДЕТИНОВ.

Секретарь, ПОНОВ

С подлинным верно:

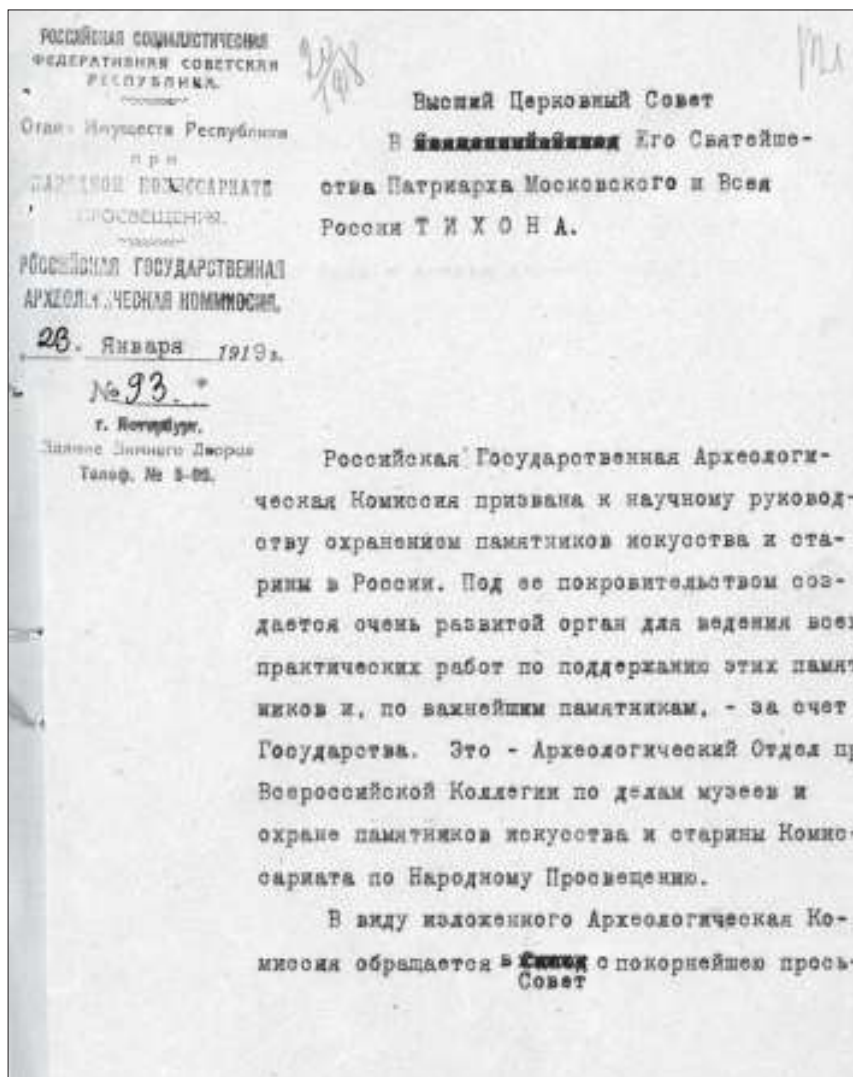
Ис. об. Заведывающего Новгородского Под'отделом,
Вик. ЛОРЕНДОВ.

С копией верно:

Заведывающий Канцелярией

/ П. КОДОМЦЕВ

Видно *директор-производитель* *А. Кодемцев*

Обращение РГАК к Патриарху Тихону 23 января 1919 г. с просьбой о содействии духовенства Археологическому отделу Всероссийской Коллегии по делам музеев (1918 г., д. 20., л. 121)

музеев, который должен был работать под непосредственным руководством V отдела РГАК (отдел монументальных памятников), он 26 декабря 1918 г. обратился в Комиссию с просьбой оказать всяческое содействие в деле облегчения сношения с духовенством, путем личного авторитета Комиссии и личным обращением к Всероссийскому Патриарху (1918 г., д. 20, л. 124).

23 января появился следующий документ № 93 за подписью Н. Я. Марра: «Высший Церковный Совет Его Святейшества патриарха Московского и всея России Тихона. Российская Государственная Археологическая Комиссия призвана к научному руководству охранением памятников искусства и старины в России. Под ее покровительством создается очень развитый орган для ведения всех практических работ по поддержанию этих памятников, и по важнейшим памятникам, за счет государства. Это Археологический отдел при Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Комиссариата по народному

бою издать послание, благословляющее Русское Духовенство оказывать Отделу сочувствие и содействие в деле изучения и охраны вверенных означенному Духовенству древних зданий и вообще произведений искусства и старины. О последующем^{ше} Комиссия просит ее уведомить.-

Подписал:

Председатель Комиссии Н. М а р р.

Скрепил :

В а р н о:

Правитель Канцелярии

Обращение РГАК к Патриарху Тихону 23 января 1919 г.
с просьбой о содействии духовенства Археологическому отделу
Всероссийской Коллегии по делам музеев. Продолжение. (1918 г., д. 20., л. 121 об.)

просвещению. Ввиду изложенного Археологическая Комиссия обращается в Совет с покорнейшею просьбою издать послание, благословляющее русское духовенство оказывать отделу сочувствие и содействие в деле изучения и охраны вверенных означенному духовенству древних зданий и вообще произведений искусства и старины. О последующем Комиссия просит уведомить» (Там же, л. 121–121 об.). Подобный опыт уже существовал. В конце июля—начале августа 1918 г. члены Комиссии по раскрытию памятников древнерусской живописи в лице И. Э. Грабаря, В. Т. Георгиевского и А. И. Анисимова получили благословенную грамоту Патриарха Тихона (Белавина) на свою деятельность как полезную для Святой Церкви (ОР ГТГ, ф. 68, д. 257).

Заседания Совета РГАК продолжались, и состав самой Комиссии продолжал пополняться. 16 января Н. Е. Макаренко был утвержден членом Совета Комиссии — экспертом по

отделу русских древностей. В этот же отдел были избраны А. И. Кудрявцев, В. Н. Крейтон, В. Е. Лавровский, А. Ф. Малов и иеромонах Иннокентий (Тихонов) (1918 г., д. 20, л. 126; 1919 г., д. 3а, л. 2–2 об., 3). Избрание последнего было приметой времени. Иеромонаха Иннокентия (в миру — Борис Дмитриевич Тихонов, 1889–1937) в делопроизводстве предпочитали именовать «Иннокентием» Дмитриевичем. Принадлежа к братии Александро-Невской лавры, он в 1916 г. окончил СПбДА и был оставлен в Академии для подготовки к званию профессорского стипендиата по кафедре церковной археологии и христианского искусства, т. е. должен был стать преемником Н. В. Покровского и Н. В. Малицкого. Его кандидатская работа была посвящена богослужебным облачениям Русской церкви и должна была стать частью большого труда о литургических атрибутах православного Востока. Им был подготовлен путеводитель по Лавре под названием «Обзор святынь, церковно-археологических памятников и художественных сокровищ и исторических достопримечательностей Александро-Невской лавры». Согласно служебной записке А. А. Спицына от 9 октября 1919 г., Иннокентий планировал подготовить руководство по русской церковной археологии на иных основания, чем известный курс Н. В. Покровского (ср.: Покровский 1916; Протасов 1916: 591–596). Также темами его занятий в РГАК был народный календарь в связи с церковным, экономическим и поведенческим бытом. Здесь он заведовал одной из секций Русского отдела (РА, ф. 2, оп. 3, д. 654, л. 1–3 об.).

Еще ранее 24 октября 1918 г. бывший пресвитер собора Зимнего дворца протоиерей Алексей Михайлович Белавин обратился в РГАК с заявлением: «Прошу РАК дать мне работу в канцелярии ее», ссылаясь на то, что имеет опыт подобной работы. Протоиерей сообщал, что в связи с упразднением придворного духовенства с марта 1918 г. он лишен какого-либо заработка и сильно бедствует (1918 г., д. 2а, л. 188). А. М. Белавин (1866–?) в 1891 г. закончил СПбДА и впоследствии был слушателем Археологического института. В РГАК он был принят научным регистратором и заведующим картотекой, однако впоследствии работал как временный сотрудник отдела монументальных памятников над историко-археологическим описанием Большого Успенского собора в Кремле и собирал материалы по Софийскому собору в Новгороде (РА, ф. 2, д. 345, л. 4).

Характерно, что Комиссия не только шла навстречу просьбам духовенства, но и активно привлекала профессоров Петроградской Духовной академии, используя потенциал богословского образования в изучении средневековых древностей. Впоследствии в РАИМК трудились Н. В. Малицкий и И. А. Карабинов, специалисты по восточнохристианской археологии и литургии (Пивоварова 2004b: 426–437; РА, ф. 2, оп. 3, д. 267, л. 6). В связи с созданием Постоянной комиссии по изучению миниатюры под руководством Н. П. Лихачева 13 декабря 1919 г. Н. В. Малицкий принимается в Академию как научный сотрудник (1919 г., д. 39, л. 16). И. А. Карабинов с 27 марта 1920 г. начинает работать в РАИМК в качестве сотрудника I разряда. Идея его привлечения в заведение, изучающее историю материальной культуры, принадлежит Н. В. Малицкому, тоже некогда доценту Академии по кафедре церковной археологии, одному из первых руководителей фотоархива ГАИМК (Длужневская 2003a: 349–360).

Новые веяния не обходили стороной и организационную жизнь Комиссии. 6 марта 1919 г. состоялось общее собрание служащих РГАК, которые коллективно вступили в культурно-просветительский союз (1919 г., д. 9, л. 1), а 2 апреля 1919 г. был создан комитет младших служащих РГАК для отстаивания их интересов, председателем которого был избран Д. Т. Павлов (1919 г., д. 16, л. 1).

Гражданская война продолжалась, и на сотрудников Археологической Комиссии в полной мере обрушились все ее тяготы и лишения. Мужчины, родившиеся в 1899 г., тогда

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

Делегатская Ведомость для приема

Работников Культурно-просветительных и Учебно-воспитательных учреждений гор. Петрограда и его окрестностей.

Фамилия, имя и отчество.	Должность или профессия	В каком Семье и К или и.	Весь ме- сячный зарабо- ток.	Где имеет работу, кроме первой осно- вной служб.
МАРР, Николай Львовле- вич.....	Председат Комиссии.	Семья	2040	
ЛАТЫШЕВ, Василий Ва- сильевич.....	Товарищ Председат	Семья	1800	
САРИАНОВИЧ, Борис Владимирович.....	Ученый Секретарь	Семья	1500	
МИЛЧЕР, Александр Александрович.....	Заведыв. Отделам.	Семья	1440	
СПИДИН, Александр Андреевич.....	Тоже	Не состоит	2240	Археолог. Инст. / 500 р. Университ. / 240 р. /
ПОКРЫШКИН, Петр Пет- рович.....	Тоже	Семья	1440	
УДАЛЕНКОВ, Александр Петрович.....	Член Ком. в Петро- граде.	Семья	1320	
ОЛДЕНБУРГ, Сергей Федорович.....	Тоже	---	1320	
ВАСИЛЬЕВ, Александр Александрович.....	Тоже	---	1320	
РОМАНОВ, Константин Константинович.....	Тоже	---	1320	
ШИЛЕЕКО, Владимир Константинович.....	Тоже	---	1320	
СЫЧЕВ, Николай Пет- рович.....	Тоже	---	1320	
БУДНОВА, Стефанида Дмитриевна.....	Ассистент	Состоит в Семье № 20251	1060	
ЗИМАН, Наталья Александровна.....	Тоже	Состоит в Семье № 20258	1000	
ВЛАСОВ, Сергей Гри- горьевич.....	Тоже	Семья состоит	1060	
ДУДЕНОВ, Сергей Сергеевич.....	Тоже	Семья	1060	
КУРЬЯНОВ, Александр Иванович.....	Тоже	---	1060	
ПРУШВИСКАЯ, Евгения Оттевна.....	Научный сотрудник	в Семье	1060	
ТРЕВЕР, Камилла Виль- гельмовна.....	Тоже	---	1060	
ОТВЕЖЕНКО, Георгий Викторович.....	Тоже	---	1060	

Делегатская ведомость — список служащих Комиссии на 11 марта 1919 г. (1919 г., д. 9, л. 8-9)

21	ДИТОВСКИЙ, Александр Григорьевич.....	Исучен. Не сотрудник сестрот	1000	Не знает	
22	СИНКИНА, Наталья Константиновна.....	Тоже.	---	1000	..
23	ШЕРБАТСКАЯ, Екатерина Николаевна.....	Тоже	---	1000	..
24	КУЗЬМИН, Иван Платонович.....	Тоже	<u>Сестрот</u>	1000	..
25	КРЕЙТОН, Владимир Николаевич.....	Тоже	<u>Сестрот</u>	1000	..
26	ДАВРОВСКИЙ, Владимир Евгеньевич.....	Тоже	---	1000	..
27	МАЛОВ, Алексей Федорович.....	Тоже	---	1000	..
28	ТИХОНОВ, Инокентий Дмитриевич.....	Тоже	Ис. Сестрот	1000	..
29	УДАЛЬЦОВ, Николай Петрович.....	Тоже	<u>Сестрот</u>	1000	..
30	КАРМОН, Иван Иванович	Тоже	<u>Ис. Сестрот</u>	1000	..
31	РАВИЦКАЯ, Ольга Михайловна.....	Тоже	---	1000	..
32	БЕЛОВ, Алексей Михайлович.....	Завед. Об. ссыльных библиотек.	---	1000	..
33	РАВВИЦКИЙ, Александр Сергеевич.....	Пом. Завед.	---	1000	..
34	МАНЬЕР, Гвидон Робертович.....	Тоже	---	1000	..
35	ЧЕРМЕНСКИЙ, Петр Николаевич.....	Нач. легитиматор.	---	900	Исучен. Не знает
36	БЕЛКОВ, Евгений Христович.....	Тоже	---	900	..
37	ДВЕДЯНСКИЙ, Александр Петрович.....	Тоже	---	900	..
38	СТОЛЦА, Елизавета Петровна.....	Нач. ректор.	---	840	..
39	ПЕГЛОВА, Нина Васильевна.....	Тоже.	---	840	..
40	ЧИСТЯКОВ, Иван Федорович.....	Помощник Сестрот Фотография № 250	---	600	..
41	ЛАТУШИН, Петр Васильевич.....	Зав. складом Не изданий. сестрот	---	840	..
42	ЧИСТЯКОВ, Арсений Иванович.....	Регистрат. Не ссыльных. сестрот	---	600	..
43	МИЛНЕР, Борис Всеволодович.....	Правитель канцелярии	---	1000	В комиссии Исучен. Не знает сестрот России при Академ. наукам.
44	СУТЯЛО, Ольга Чеченович.....	Делегированная Имтель.	---	900	В Русском Археологическом Обществе.
45	МЕСЯНИНОВ, Иван Иванович.....	Тоже	<u>Сестрот</u>	900	В Археологическом Институте

Делегатская ведомость — список служащих Комиссии на 11 марта 1919 г.
Продолжение (1919 г., д. 9, л. 8–9)

46	ТУЛАС, Владимир Алек- сандрович.....	Бухгалтер	не состант.	830	Не имеет
47	СУХОДОЛЬСКИЕ, Николае Викторович.....	Счетовод	---	810	..
48	ФИЛИПОВ, Леонид Алек- сандрович.....	Контроль	---	780	..
49	ИТЯНОВ, Сергей Алек- сандрович.....	Тоже.	---	780	..
50	ПОНАЧЕВА, Людмила Петровна.....	Канцелярия I разряда.	---	680	..
51	ГЕВЕРДИ, Алексей Гевар- дианович.....	Тоже	---	690	..
52	ГОДОРОВСКАЯ, ОЛГА Павловна.....	Канцелярия I разряда.	---	620	..
53	КОСЯНОВ, Василий Ильич.....	Служитель	Состант N 6201	500	..
54	МУЛЕВ, Михаил Борисе- вич.....	Тоже	Состант N 6207	500	..
55	КОСЛАВОВ, Евгений Пав- лович.....	Тоже	не состант	500	..
56	ДЕНИСОВ, Филипп Петро- вич.....	Тоже	---	500	..
57	КОТЛАНОВ, Константин Павлович.....	Тоже	---	500	..
58	ЛОГАНОВ, Николае Алек- сандрович.....	Тоже	---	500	..
59	ПАВЛОВ, Дмитрий Тихо- нович.....	Тоже	Состант N 14202	500	..
60	РЯНОВ, Григорий Мат- веевич.....	Тоже	не состант	500	--

Правитель Канцелярии

Б. Минин

11.. марта 1919 г.

призывались на всеобщее военное обучение, для чего должны были явиться по адресу ул. Халтурина (ныне Миллионная), д. 33, в казарму быв. Преображенского полка (1919 г., д. 19, л. 1). Н. Я. Марр в связи с этим обращался в Особую столичную комиссию по отсрочкам при Комиссариате по военным делам, пытаясь добиться освобождения от военной службы для своих сотрудников (Там же, л. 9 сл.). Население Петрограда активно привлекалось к трудовой повинности, связанной с заготовками дров и т. п. В связи с этим Н. Я. Марр опять же неоднократно просил соответствующие советские органы об освобождении сотрудников Археологической Комиссии от таких работ, что отнюдь не всегда имело положительный результат (1919 г., д. 18, л. 13–16). Тяжелая продовольственная ситуация заставляла искать пути к спасению, которые раньше могли показаться абсолютно фантастическими. В 1919 г. был составлен список служащих РГАК, «желающих присоединиться к организации, посылаемой за продуктами в Тамбовскую губернию» (1919 г., д. 14, л. 1). Во главе списка, состоящего из 43 фамилий, стояли Н. Я. Марр, В. В. Латышев, Б. В. Фармаковский, А. А. Миллер, А. А. Васильев.

Между тем жизнь становилась день ото дня тяжелее. По воспоминаниям младшей дочери А. А. Спицына Надежды Александровны, зимой 1918/19 г. и ее отец, и вся семья едва не умерли с голоду: «...папа был совсем не добытчик... Ученики помогали. Как-то достали рюкзак свеклы — ели без соли... Брат был в Красной армии... Я воровала дрова. Ходили ломать пустые дома. Папа специализировался по полам — ломом... Мы бы умерли, но пришло спасение — академический паек...».

В «Удостоверении», выданном 5 апреля 1919 г. «профессору, члену Государственной Археологической Комиссии А. А. Спицыну» и сохранившемся в семейном архиве, значилось, что он «состоит в списке 12-ти лиц, которым, по ходатайству Отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины и по распоряжению заведующего распределительной частью т. Молвина присвоена дополнительная выдача по месячной норме для академиков». Удостоверение было подписано ученым секретарем отдела И. А. Орбели. Первым пайком, по свидетельству Н. А. Спицыной, оказался «хвост какой-то рыбы». Потом стали выдавать хлеб, муку, крупу, яблоки (записано Н. И. Платоновой 22 января 1988 г.).

Стоит обратить внимание на дату удостоверения — всего за полторы недели до подписания декрета об организации РАИМК. Таким образом, подготовка нового проекта и устава велась в стенах Комиссии именно тогда, когда по меньшей мере часть ее членов была на грани голодной смерти. От холода и голода в ту зиму скончался член совета РГАК, выдающийся специалист по методологии истории и источниковедения академик А. С. Лаппо-Данилевский. Тяжело заболел и товарищ председателя комиссии В. В. Латышев (его место временно занял А. А. Миллер). Однако работа РГАК не прекращалась.

27 февраля Совет, почтив память А. С. Лаппо-Данилевского, по предложению Н. Я. Марра обсудил возможность организации «Академии Археологии» на основе РГАК и слияние библиотек Комиссии и Эрмитажа в единую археологическую библиотеку. В связи с возможной реорганизации Комиссии, что обсуждалось с осени 1918 г, было создано «особое совещание» под председательством самого Н. Я. Марра, в которое вошли С. А. Жебелев, председатель РАО, С. Ф. Платонов, директор Археологического института, С. Ф. Ольденбург, секретарь Академии наук, А. А. Миллер, директор Русского музея, и Б. В. Фармаковский (1919 г., д. 3, л. 7 об.–8).

17 марта в РГАК происходило обсуждение положения о Российской Государственной Академии археологических знаний как своеобразной конфедерации всех археологических

учреждений России (Там же, л. 9). На нем выступил Н. Я. Марр и «указал на крайнюю желательность спешного разрешения давно назревшего вопроса об объединении всех учреждений и ассоциаций, имеющих отношение к археологии, в Российскую Государственную академию археологических знаний». Положение об учреждении РГААЗ в составе объединения преобразуемой в ней РГАК и сродных по научным задачам учреждений и ассоциаций (Там же, л. 12–13 об.) предусматривало несколько пунктов. Академия создавалась «для научного исследования и научной охраны вещественных, как обиходных так и монументальных, памятников» в составе РГАК, археологических музеев исследовательских и научно-учебных институтов. Она была обязана следить за планомерностью и научностью ведения археологических раскопок и разведок, право на производство которых выдалось бы Археологическим отделом Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основе заключения Академии. Академия археологических знаний должна была поддерживать связь с национальными археологическими учреждениями, а в ее состав должны были входить Археологические институты, Институт для изучения русской религиозной живописи, РАО, Палестинское общество, РИМ, МАО, Кавказский институт и Кавказский музей, Кружок любителей археологии в Ташкенте, Общество любителей истории, антропологии и этнографии в Казани, ООИИД и, по предложению Ф. И. Успенского, — РАИК. Предполагалось создание главного института экспериментальной археологии. Проект Положения и декрет о РГААЗ к тому времени уже были разработаны полностью (1919 г., д. 3, л. 1–13 об.). 27 марта 1919 г. Н. Я. Марр с этими проектами спешно выехал в Москву. Однако при рассмотрении вопроса об Академии в Главмузее в проект был внесен ряд коррективов, что и привело прежде всего к переименованию РГААЗ в РАИМК и появлению нового проекта декрета.

Источники недвусмысленно свидетельствуют, что ни один из членов Совета Комиссии не имел даже в мыслях противопоставить «старой» археологии «новую» историю материальной культуры. Такое название было придумано, как можно думать, А. В. Луначарским и М. Н. Покровским, скорее всего, в противовес так называемой «Вольной Академии духовной культуры», основанной Н. А. Бердяевым (Бердяев 1990: 220–222; Зуев 1997: 71). Впрочем, достоверных сведений о причине переименования Академии и непосредственных авторах нового варианта декрета до сих пор не обнаружено (ср.: Пескарева 1980: 28). Однако новое имя было воспринято специалистами как неожиданная и счастливая находка, ибо снимало целый ряд противоречий, успевших накопиться в русской науке в связи с широким толкованием понятия «археология» и сосуществования с ним параллельного термина «палеоэтнология».

Новое название снимало все возможные недоразумения, связанные с объединением в рамках Академии традиционно археологической тематики (восточная, классическая, скифо-сарматская, средневековая археология) с искусствоведческой и этнологической. Для всего этого как бы изыскивалась единая платформа. Как сформулировал в дальнейшем А. А. Миллер, ставший одним из основателей РАИМК, «по первоначальному проекту Академии положено было за основание: всестороннее изучение материальной культуры в вещественных памятниках, как древности, так и в живом быту...». Определено было также и три главнейших направления работы, могущие быть охвачены, в конечном счете, единым методом. Эти три направления обусловили наличие в Академии трех отделений — этнологического, археологического и художественно-исторического.

В проект нового декрета Н. Я. Марр внес правку, которая отчасти была учтена (Пескарева 1980: 28). Так, пункт 5 о том, что на Академию возлагается «общее наблюдение за научностью

№ 234 н. 2

Д Е К Р Е Т

СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ С РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
История МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

1. Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так бытовых памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, учреждается в Петрограде Академия Материальной Культуры.

2. Государственная Российская Археологическая Комиссия в Петрограде ликвидируется, а ее личный состав полностью входит в учреждаемую Академию Материальной Культуры, в распоряжение которой передается все имущество и учреждения ликвидируемой Комиссии, а также ассигнованные ей по смете Наркомпроса на I-ую половину 1919 года суммы.

3. При Академии состоят исследовательские и научно-учебные институты, различные научные учреждения и общества, преследующие задачи упомянутые в п. I настоящего декрета или способствующие их исполнению.

4. Российская Академия Материальной Культуры ведает в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики научной стороной всех археологических раскопок и разведок, право на проведение которых выдается Археологическим Отделом Всероссийской Народной комиссии по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основании заключений Академии.

5. Российская Академия Материальной Культуры, сохраняя тесную организационную связь с Комитетом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению, находится в ведении его Научного Отдела.

6. Академия Материальной Культуры существует на основании утвержденного Народным Комиссариатом по Просвещению положения.

7. Российская Академия Материальной Культуры временно, впредь до утверждения особого положения о ней, продолжает действовать ликвидированная Археологическая Комиссия на основании ее устава, утвержденного 17-го октября 1918 г. Народным Комиссаром по Просвещению.

8. Все важные предложения Академии Материальной Культуры предварительно рассматриваются Всероссийской Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата.

по Просвещению и прокладке по § 1 и остальным пунктам, находящимся
о в распоряжении Научного-Отдела Наркомпроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА

НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ:

В. В. Кривичев

Управляющий Делами Совета

Народных Комиссаров:

Секретарь:

А. Ф. Яковлев

Москва, Кремль

18-го апреля 1919 года.

ИСТИННО ЛИШЬ
СЕРДЦА СЯ

деятельности все культурно-исторических музеев республики», Н. Я. Марр перенес в самый конец декрета. Однако в окончательную редакцию это положение так и не попало. Им же был написан дополнительный пункт о том, что вплоть до утверждения особого положения о РАИМК Академия продолжает деятельность «ликвидированной» Археологической Комиссии, руководствуясь уставом 17 октября 1918 г.

18 апреля 1919 г. председатель Совнаркома В. И. Ульянов подписывает декрет и вносит редакционную правку в заголовок и в 1-й пункт: вместо слов «о Российской Академии материальной культуры» он пишет «о Российской Академии по истории материальной культуры» (Ленинские декреты 1974: 193; Декреты Советской власти 1971: 448–449; Ленин 1963: 451; В. И. Ленин. Биографическая хроника 1976: 78). Несмотря на кажущуюся странность такого грамматического управления, оно в целом было характерно для эпохи: Наркомпрос именовался Народным Комиссариатом «по просвещению». Оглашая текст декрета членам РГАК, Н. Я. Марр официально объявляет о создании даже не «Академии истории материальной культуры», а именно «Академии материальной культуры» (1919 г., д. 3, л.18), однако в результате переписки, очевидно, где-то между 27 мая и 4 июня (день утверждения инструкции Наркомпросом по выборам в РАИМК) предлог «по» выпал, по крайней мере из делопроизводства самой Комиссии. Это нашло отражение в окончательном названии Академии, хотя из Москвы продолжали приходить документы с изначальным наименованием (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 1, 4, 6). Было ли с этим связано какое-либо обсуждение и дискуссия, нам остается неизвестным. Характерно, что заведующий информационным отделением Наркомпроса 28 июля 1919 г. просит РАИМК прислать ему текст декрета от 18 апреля, так как тот еще не был опубликован (Там же, л.76). Официальное опубликование декрета состоялось позднее.

Подписание декрета предполагало некоторый «ликвидационный период». Заседания Совета РГАК продолжались. Еще 29 апреля Н. Я. Марр добился для себя серьезных полномочий, так как было постановлено: «Уполномочить Председателя Комиссии и Ученого секретаря во всех случаях, не терпящих отлагательства, принимать немедленно решения и приводить их в исполнение по всем делам Совета, Правления, Отделов, Комитетов и Канцелярии, при условии принятия Председателем и Ученым секретарем на себя ответственности за эти решения» (1919 г., д. 3., л.15). Это было продиктовано тем, что принятие безотлагательных решений было затруднено коллегиальным характером обсуждения любых действий Комиссии Советом РГАК. В качестве примера он приводил как раз обсуждение нового проекта декрета об Академии в Москве. Наделение председателя Комиссии дополнительными полномочиями поддержали тогда С. Ф. Ольденбург, Б. В. Фармаковский, А. А. Васильев, А. А. Миллер и С. А. Жебелев.

27 мая Совет РГАК почтил память убитого в Керчи В. В. Шкорпила. Наконец-то был оглашен текст декрета (Там же, л. 18 об.). Информировав об этом совет РГАК, Н. Я. Марр указал, что в уставе была сделана поправка, согласно которой «направления научной и научно-практической деятельности Академии ставится в связь с вопросами, выдвигаемыми современным строем страны», хотя он, Н. Я. Марр, протестовал против такой редакции, так как научная работа не стоит в связи с политическим устройством государства (Там же). В этот день Совет Комиссии обсуждал вопросы организации структуры новой Академии, которая должна была включать в себя образуемые «на местах» «археологические ячейки». Именно они должны были войти в состав будущего объединения, образовав из своих представителей избирательную Конференцию, которая должна произвести выборы в Академию. Было отмечено,

ДЕКРЕТ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ О РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

1. Для археологического и художественно-исторического научного исследования вещественных, как монументальных, так и бытовых, памятников, предметов искусства и старины и всех вообще материальных культурных ценностей, а также научной охраны всех таких ценностей, находящихся в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, учреждается в Петрограде Академия Истории Материальной Культуры.

2. Государственная Российская Археологическая Комиссия в Петрограде ликвидируется, а ее личный состав полностью входит в учреждаемую Академию Истории Материальной Культуры, в распоряжение которой передается все имущество и учреждения ликвидируемой Комиссии, а также ассигнованные ей по смете Наркомпроса на 1-ю половину 1919 г. суммы.

3. При Академии состоят исследовательские и научно-учебные институты, различные научные учреждения и общества, преследующие задачи, упомянутые в п. 1 настоящего декрета, или способствующие их выполнению.

4. Российская Академия Истории Материальной Культуры ведает в пределах Российской Социалистической Федеративной Советской Республики научной стороной всех археологических раскопок и разведок, право на производство которых выдается Археологическим Отделом Всероссийской Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основании заключений Академии.

5. Российская Академия Истории Материальной Культуры, сохраняя тесную организационную связь с Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению, находится в ведении его Научного Отдела.

6. Академия Истории Материальной Культуры существует на основании утвержденного Народным Комиссариатом по Просвещению положения.

7. Российская Академия Истории Материальной Культуры, временно, впредь до утверждения особого положения о ней, продолжает деятельность ликвидируемой Археологической Комиссии, на основании ее устава, утвержденного 17-го октября 1918 г. Народным Комиссариатом по Просвещению.

8. Все сметные предположения Академии Истории Материальной Культуры предварительно рассматриваются Всероссийской Коллегией по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по Просвещению и проходят по §§ и статьям сметы, находящимся в распоряжении Научного Отдела Наркомпроса.

Председатель Сов. Нар. Ком. *Н. Ленин*.

Управляющий делами Сов. Нар. Ком. *В. Ефим Ефимов*.

Секретарь *М. Фомин*.

что число секций будущей Академии не может быть точно установлено в настоящее время. В результате было предложено создать специальную Комиссию, которая должна выработать порядок избрания до 31 мая, однако ряд членов Совета РГАК, в частности С. А. Жебелев, выступил против спешки и формализации в этом деле (Там же, л. 18–20). В результате «особая Комиссия» все-таки была создана, и в нее вошли Н. Я. Марр, А. А. Миллер и Б. В. Фармаковский.

Если С. Ф. Ольденбург предполагал переизбрать тут же весь состав РГАК в число членов Академии, прежде всего входящих в Совет членов-экспертов, связанных с ИАК, то Н. Я. Марр возражал против этого. Не исключено, что действия председателя, связанные с переименованием Академии и утверждением инструкции по выборам в нее, осуществлявшиеся без обсуждения с членами Комиссии, могли вызвать протест некоторых из них. Этим могло объясняться поданное 27 июня 1919 г. Н. Я. Марром прошение об отставке, впрочем, оставшееся без удовлетворения. Характерно, что уже после создания РАИМК в конце августа Н. Я. Марр вновь пытался уйти в отставку в связи с нестроениями в Академии, вызванными, возможно, стилем его руководства. В этой связи Н. Седова (Троцкая) была вынуждена послать 21 августа депешу в Петербург: «Коллегия по делам музеев и московские члены Академии протестуют против отставки Марра. Требуем от меньшинства подчинения воле избирательного собрания. В случае надобности москвичи выедут в Петроград» (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 74).

Грядущая реорганизация Археологической Комиссии поставила вопрос о новом помещении для Академии. 13 июня 1919 г. Н. Я. Марр обращается в Наркомпрос по поводу нового здания (Там же, л. 7). 15 июля член Коллегии Наркомпроса Л. Р. Менжинская сообщает, что еще 31 мая Коллегия Комиссариата постановила передать для нужд Академии Мраморный дворец и выделить 3200 погонных саженей дров для его отопления (1919 г., д. 20, л. 1, 7, 8 об.). Однако переехать туда Академии удалось только в 1920 г.

Фигура Н. Я. Марра является одной из самых парадоксальных в русской науке первой трети XX в. Современные представления о нем нередко являются отражением старых мифов, творившихся вокруг этого человека (а отчасти и им самим!) — вначале для прославления его, позднее — для ниспровержения его хрестоматийного образа.

Легенда, созданная еще при жизни Марра в начале 1930-х гг., представляла его великим ученым, совершившим переворот во многих областях знания и, практически, в одиночку разработавшим проект новой Академии археологии (РАИМК/ГАИМК), якобы так и не оцененный по достоинству его окружением. Таким образом, сводились на нет заслуги таких соратников Марра, как В. В. Латышев, Б. В. Фармаковский, П. П. Покрышкин, С. Ф. Ольденбург, С. А. Жебелев, А. А. Миллер и других, сыгравших огромную роль в деле преобразования РГАК в Академию и создания инфраструктуры отечественной археологии в целом (Целевая установка... 1931: 1; Худяков 1933: 150–161).

Выдвижение Н. Я. Марра на пост председателя Археологической Комиссии в 1918 г., как правило, объясняется причинами, далекими от науки. Считается, что сразу после Октября этот человек якобы «сразу пошел на сотрудничество с большевиками и, следовательно, мог отстоять Комиссию от любых неприятностей» (Клейн 1993: 17; Формозов 1995b: 33–34). Поведение Марра, действительно сотрудничавшего с Главмузеем, ничем не отличалось от поведения многих интеллигентов, всерьез озабоченных судьбой культурного наследия в России и прилагавших все усилия к его спасению в период Гражданской войны и разрухи.

Что же выдвинуло Николая Яковлевича на первый план в переломном 1918 г. и поставило его «у руля» российской археологии? Ответ до смешного прост: блестящие организаторские способности. Эта сторона его таланта, прекрасно известная в свое время его коллегам

по Археологической комиссии, оказалась прочно забытой сейчас. Скандальная слава Марра — автора «нового учения о языке» стерла память о его научно-организационной деятельности в археологии в 1900–1920-х гг. Между тем она была напряженной и результативной на удивление.

Накануне революции Марр был признанным авторитетом в области восточной археологии, награжденным Большой Золотой медалью имени графа А. С. Уварова за раскопки в Ани. Анализ сохранившейся полевой документации и прочих материалов, связанных с его раскопочной деятельностью, не подтверждает хлестких обвинений в безграмотном ведении работ, выдвинутых позднее его недоброжелателями. Его способности и энергия организатора помогли ему в 1910-х гг. превратить пустынное городище Ани, затерянное в глухой армянской провинции, в мощный археологический центр, которому не хватало лишь официального постановления правительства, чтобы стать Кавказским археологическим институтом (Платонова 1998: 374–376).

С самого начала Н. Я. Марр сумел заинтересовать перспективой своих исследований широкие круги армянской интеллигенции, что вызвало щедрый поток пожертвований. Его стараниями на городище оборудуются археологический музей и библиотека, налаживается экскурсионное дело. Земли, на которых располагалось городище, передаются в собственность Археологической Комиссии — случай беспрецедентный для царской России. Для того чтобы провести это решение в жизнь, потребовалась многолетняя «бумажная война», так как, по существу, подобный акт был невозможен. В российском законодательстве не было параграфа, который позволял бы узаконить такую передачу казенных земель. Однако Марр добился по этому случаю «Высочайшего повеления». Более того, ИАК получила дополнительный участок земли для сдачи его в аренду крестьянам и обеспечения Анийского музея доходами (1904 г., д. 79, л. 109, 132).

Можно с полной уверенностью утверждать, что ни один археолог в царской России не мог похвалиться такой блестящей победой над всемогущей бюрократией, как Николай Яковлевич. А когда в 1914 г., благодаря своим связям с министром народного просвещения Л. А. Кассо, он сумел провести в Государственной думе закон о ежегодном отпуске из Государственного казначейства 5000 руб. на свои раскопки (сумма огромная по тем временам!) (Там же, л. 142–143), вряд ли это кого-то всерьез удивило. Способность к преодолению препятствий и отсутствие страха перед чиновниками были неотъемлемыми качествами Н. Я. Марра. Впрочем, к этим чертам его хрестоматийного образа следует добавить тонкое чутье конъюнктуры и незаурядные дипломатические способности, помогавшие Марру оставаться в почете во все времена, без ущерба для своего «имиджа» независимого и несдержанного на язык ученого.

Роль Н. Я. Марра в проведении в жизнь проекта об Археологической академии в 1918–1919 гг. была огромной, если не сказать — решающей. Не случайно, когда в июне 1919 г. с Марром от переутомления произошел нервный срыв и он подал заявление об уходе с поста председателя РГАК, коллеги почти единодушно решили, что принять эту отставку нельзя. Показательно в данном случае прозвучала речь С. А. Жебелева, заявившего на Совете РГАК, что он «вполне понимает то тяжелое состояние, в котором оказался Н. Я. Марр, переобремененный <...> крайне нервной работой административного характера, но <...> с другой стороны, Н. Я. Марр положил столько труда и сил на проведение в жизнь намеченной реформы и так тесно связал себя с нею, что теперь остается или отказаться вообще от <...> реформы и тем самым погубить и организуемую Академию, и ликвидируемую Комиссию, или же убедительно просить Н. Я. Марра взять свое прошение обратно...» (1919 г., д. 3, л. 22–22 об.).

21 июня на Чрезвычайном Совете РГАК были предприняты конкретные шаги по реорганизации РГАК. Еще 4 июня на Коллегии Наркомпроса была утверждена инструкция по выбору членов Академии (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 23–23 об.; д. 3, л. 21–21 об.). Но Петроградская Коллегия по делам музеев в лице Г. С. Ятманова выступила против некоторых положений инструкции, связанных с расширенным представительством московских чиновников. Это могло повлечь за собой отсрочку выборов в новую Академию. Однако в результате переговоров на 15 июля было намечено заседание Совета РГАК, и 7 июля началась рассылка приглашений (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 18, 21). Инструкция предполагала, что члены Археологической Комиссии переименовываються в членов Академии истории материальной культуры, их кандидатуры рассматриваются Правлением РГАК и утверждаются ее Советом в качестве руководителей секций. Члены бывшей Археологической Комиссии, не утвержденные ее Советом в качестве руководителей секций, не входят в состав Академии. До определения личного состава бюро РАИМК председатель и члены правления РГАК руководят ее работой. Избирательное собрание включает в себя членов РАИМК, членов Совета уже «бывшей» РГАК, членов «Московской» Коллегии по делам музеев, т. е. Отдела Наркомпроса, а также ряда делегатов: от РАН и Петроградского университета — по два, Московского университета — 2, от РАО и МАО — по 4, от Петроградского Археологического института, Музея антропологии и этнографии и Комитета для изучения Средней и Восточной Азии — по 1, а также по 2 лица от музейных деятелей Петрограда и Москвы, персонально приглашенных соответствующими Коллегиями по делам музеев. Предложение от 27 мая предоставить избирательные голоса РАИМК, Палестинскому обществу, Этнографическому отделу Географического общества, Румянцевскому музею, Музею изящных искусств, Московскому Обществу любителей естествознания и этнографии, Антропологическому музею при Московском университете, Музею искусства и быта («Строгановке»), Третьяковской галерее, Оружейной Палате и Московскому Археологическому институту Наркомпросом поддержано не было (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 23–23 об.; д. 3, л. 19 об.). Известно, что еще 1 июня МАО, согласно предложению Отдела по делам музеев и охране памятников старины и искусства, высказало готовность вступить в новое научное объединение при сохранении автономии (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 36–36 об.).

1 июля на заседании Совета рассматривалось заявление Н. Я. Марра о «сложении с себя обязанностей председателя б. Археологической Комиссии и временно исполнения обязанностей председателя Академии истории материальной культуры ввиду чувствуемого им упадка сил вследствие отвлечения от чисто научных занятий и непрерывных... работ организационного характера». В процессе обсуждения С. А. Жебелев, С. Ф. Ольденбург и И. А. Орбели обещали ему «полное содействие в дальнейшей работе», а некоторые члены Совета предложили наделить своего председателя «самыми широкими полномочиями по осуществлению реформ» и даровать «неограниченные полномочия с правом давать отдельные поручения членам Комиссии по его усмотрению». Совет просил С. А. Жебелева, В. В. Латышева, С. Ф. Ольденбурга и Б. В. Фармаковского принять на себя переговоры с Н. Я. Марром. Н. Я. Марр остался в Академии (1919 г., д. 3, л. 22–23 об.).

Тогда же на основании устава «б. РГАК» избрала в свой Совет Д. Н. Анучина, И. Э. Грабаря, П. П. Муратова и Н. И. Романова, которые были предложены Н. Я. Марру «московскими деятелями», очевидно, из Коллегии Наркомпроса, а также А. Н. Бенуа, В. В. Богданова, Д. Н. Егорова и М. Н. Покровского, заместителя наркома. Последняя «четверка» была предложена лично Н. Я. Марром и утверждена Правлением РГАК, поскольку в окончательный список избранных 1 июля должны были войти еще три лица «по указанию Москвы», однако такого указания «не последовало». Способ «выдвижения кандидатур» новых членов вызвал

на заседании дискуссию, а С. С. Лукьянов при голосовании воздержался, «не считая выставленные кандидатуры для себя вполне выясненными» (1919 г., д. 3, л. 23 об.–24; РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 39). Все эти действия были предприняты для формирования «правильного состава» избирательного собрания.

На заседании Совета 15 июля, уже под Н. Я. Марра, прошли первые выборы в Академию и переизбрание членов бывшей Комиссии, хотя формального утверждения Положения об Академии так и не произошло. Ряд членов Совета бывшей Комиссии, прежде всего москвичи, уведомили о невозможности прибыть на заседание. Так, И. Э. Грабарь прислал телеграмму, где сообщалось, что поездку в Петроград ему запрещают врачи (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 46). Было утверждено основное деление будущей Академии на Отделения, тогда как отделы, секции и постоянные комиссии могли иметь лишь временный характер. При голосовании по Отделениям в члены Академии были избраны 12 человек: А. А. Миллер, А. А. Спицын, В. В. Латышев, С. С. Лукьянов, В. К. Шилейко, Н. Я. Марр, Б. В. Фармаковский, С. Ф. Ольденбург, Н. П. Сычев, А. П. Удаленков, П. П. Покрышкин, К. К. Романов. Следующие члены Академии должны были быть избраны 5 августа.

Реформа Комиссии совершалась постепенно, как и медленно определялась структура будущей Академии. В составе Отделений намечались разряды, комиссии и подкомиссии. Так, в Академии предполагалось образовать 3 Отделения — Этнологическое, Археологическое и Художественно-историческое (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 97) По ходу этого процесса вспыхивали споры, из которых некоторые представляют для историка немалый интерес. Таков был, к примеру, спор между заведующим I Отделением А. А. Миллером и ученым секретарем РАИМК И. А. Орбели о пределах компетенции Отделения этнологии.

Точка зрения А. А. Миллера заключалась в том, что этнология не должна трактоваться «в замкнутых формах науки о расах и их отличиях физических и культурных». Сам он видел необходимость распространить метод исследования, выработанный палеоэтнологами на материалах эпохи камня, далеко за пределы этой области. Специфика изучения более поздних эпох — появление этнической терминологии и абсолютных дат — по его словам, нисколько не могла «послужить основанием утверждению, что эти древности должны быть исследуемы совершенно иным методом». Их изучение, независимо от датировки, следовало бы производить как изучение «вещественных памятников этнологии, то есть во всей совокупности культурно-исторических фактов, принимая во внимание данные сравнительной этнографии, антропологии и т. д. Лишь в такой постановке можно обеспечить для этой категории древностей правильный подход, и этим дело подвинуть далее той формы изучения, которую можно назвать лишь описательной» (РА, ф. 2, 1919 г., д. 4, л. 35–37). Введение именно в Отделение этнологии разрядов «древностей» (с последующим подразделением их по географическому признаку) А. А. Миллер считал «крайне желательным и диктуемым назревшей потребностью изменить весь метод их исследования».

Заведующему I Отделением возражал И. А. Орбели, традиционно относивший к понятию «этнология» этническую антропологию, сравнительную этнографию и первобытную археологию. Разряды «древностей», по его мнению, должны были числиться в составе Отделения археологического. Несогласованность позиций в данном вопросе привела к тому, что упомянутые разряды несколько раз меняли свое место в структуре РАИМК.

Стремление поставить изучение археологических памятников на твердый фундамент выверенных, точных методов проявилось в создании в составе Академии Института археологической технологии (первоначальное название — Институт экспериментальной археологии), о котором речь шла на заседании Совета 15 июля (1919 г., д. 3, л. 26). В нем должны

СПИСОК

130

ЧЛЕНОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ /§ 7 ИНСТРУКЦИИ/.

I/ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ:

МИЛЛЕР, Александр Александрович	8/ ФАРМАКОВСКИИ, Борис Владимирович
СПИРИДОВ, Александр Андреевич	9/ ОЛЬДЕНБУРГЪ, Сергей Федорович
ЛАТЫШЕВ, Василий Васильевич	10/ СЕЧЕВ, Николай Петрович
ДУБЯНИН, Сергей Сергеевич	11/ УДАЛЕННОВ, Александр Петрович
ВАСИЛЬЕВ, Александр Александрович	12/ ПОКРЫШКИН, Петр Петрович
ШИЛЕВКО, Вольдемар Казимирович	13/ РОМАНОВ, Константин Константинович
Март, Николай Яковлевич	

II/ ЧЛЕНЫ СОВЕТА 6. РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

A/академики

B/инородники:

1/ БРАУН, Федор Александрович	1/ МАКАРЕНКО, Николай Емельянович
2/ ШЕБЕЛЕВ, Сергей Александрович	2/ МАЛЬМБЕРГ, Владимир Константинович
3/ МАРКОВ, Алексей Константинович	3/ АНУЧИН, Дмитрий Николаевич
4/ ФАРМАКОВСКИИ, Мстислав Владимирович	4/ БОГДАНОВ, Владимир Владимирович
5/ ПЛАТОНОВ, Сергей Федорович	5/ ГРАБАРЬ, Игорь Эммануилович
6/ БАРТОЛЬД, Василий Владимирович	6/ ЕГОРОВ, Дмитрий Николаевич
7/ ТУРАЕВ, Борис Александрович	7/ МУРАТОВ, Павел Иванович
8/ КЛИН, Алексей Алексеевич	8/ ПОКРОВСКИИ, Михаил Николаевич
9/ МАЛЕИН, Александр Кустинович	9/ РОМАНОВ, Николай Ильич
10/ ОРБЕК, Иосиф Абрамович	
11/ ТРОНИЦКИИ, Сергей Николаевич	
12/ УСПЕНСКИИ, Федор Иванович	
13/ БЕНУА, Александр Николаевич	

III. ЧЛЕНЫ СОВЕТА МОСКОВСКОГО ОТДЕЛА ПО ДЕЛАМ МУЗЕЕВ:

1/ ГРАБАРЬ, Игорь Эммануилович	8/ ГРИЦЕНКО, Алексей Васильевич
2/ МУРАТОВ, Павел Иванович	9/ БАРТРАМ, Николай Дмитриевич
3/ ТРАПЕЗНИКОВ, Трифон Георгиевич	10/ ВИШНЕВ, Борис Робертович
4/ МАШКОВИЧ, Николай Игоревич	11/ ХУСИИ, Михаил Михайлович
5/ ВОИЛАРИНКО, Илья Ефремович	12/ ВИКЕНТЬЕВ, Владимир Михайлович
6/ ГОРОДИЛОВ, Василий Алексеевич	13/ СЕРГЕЕВ, Михаил Сергеевич
7/ БАГДАНОВ, Николай Борисович	14/ СЕКТОВ, Николай Михайлович

IV. ДЕЛЕГАТЫ:

а/ Российской Академии Наук:

- 1/ ШАХМАТОВ, Алексей Александрович
- 2/ КОКОВЦЕВ, Павел Константинович

б/ Первого Петроградского Университета:

- 3/ АЛЕКСЕЕВ, Василий Михайлович
- 4/ КАРСАВИН, Лев Платонович
- 5/ В/Третьяго Петроградского Университета
- 5/ ГРЕБОВ, Иван Михайлович

г/ Московского Университета

- 6/ ГОТЪЕ, Юрий Владимирович
- 7/ ЯКОВЛЕВ, Александр Иванович

д/ Русского Археологического Общества:

- 8/ КРАЧКОВСКИЙ, Игнатий Иванович
- 9/ ПОЛИМЕНКОВ, Михаил Александрович
- 10/ СИРЕРС, Александр Александрович
- 11/ ТОЛСТОЙ, Иван Иванович

е/ Московского Археологического Общества:

- 12/
- 13/
- 14/
- 15/

ж/ Петроградского Археологического Института:

- 16/ ПРИБИЛИНОВ, Александр Евгеньевич

з/ Общества антропологии, этнографии и естествознания:

- 17/ НИКОЛЬСКИЙ, Николай Константинович
- 18/ ШОКОЛЬСКИЙ, Владимир Михайлович

и/ Комитет для изучения Средне-Восточной Азии:

- 19/ КОТВИЧ, Владислав Львович

V. МУЗЕЙНЫЕ ДЕЛЕТЕЛИ ПЕТРОГРАДА И МОСКВЫ

- 1/ ЗОЛОТАРЕВ, Давид Алексеевич
- 2/ ЯРЕМИЧ, Степан Петрович
- 3/
- 4/

были изучаться «с естественнонаучной точки зрения все вопросы, возникающие в недрах Академии, но не разрешимые при условии применения одних лишь филологических, археологических и историко-художественных методов» (РА, ф. 2, 1919 г., д. 4, л. 39). В ИАТ были основаны отделения — химико-технологическое и художественно-реставрационное. Шла организация групп по исследованию технологии керамики, стекла, фаянсов, эмалей, строительных материалов, ювелирного дела и т. д.

Оценивая проект Академии, воплощенный в жизнь в 1919 г., и целый ряд сопутствующих ему замыслов, нельзя не вспомнить слова А. С. Лаппо-Данилевского: «Всякая деятельность измеряется не только результатом, но и задачами». Однако и значение результатов, достигнутых учеными уже на рубеже 1919–1920 гг., было налицо. В России был создан крупный научный центр, стремившийся объединить на базе общего методологического подхода все важнейшие направления археологического и историко-культурного исследования. Наряду с традиционной археологической тематикой важное место стало занимать технологическое изучение древних материалов, которое в свою очередь ввело в оборот понятие эксперимента в археологии. Заметную роль в жизни Академии с самого начала стали играть палеоэтнологи — в первую очередь ученики и последователи Ф. К. Волкова. Таким образом, на практике удалось преодолеть традиционную оторванность первобытной археологии от исследования более поздних эпох. Палеоэтнологи привнесли с собой в Академию общую установку на обязательное изучение живой культуры при отработке методологии изучения древних памятников. Значение этой установки для археологической науки 1920-х гг. в СССР трудно переоценить.

Преобразование Археологической Комиссии в Академию истории материальной культуры приближалось к своему финалу. Избирательное собрание, куда упомянутые в инструкции ученые учреждения отправили своих делегатов, приступило к работе 5 августа. Впрочем, понадобилась активная переписка с Н. Седовой (Троцкой), дабы московские избиратели приехали на заседание. Н. Я. Марр писал, что он уверен, что ею «сделано все, чтобы московские члены избирательной сессии своевременно прибыли» (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 60, 71). В итоге собрание избрало не 14, как предполагалось, а 16 членов новой Академии: Д. В. Айналов, Д. Н. Анучин, Н. Б. Бакланов, В. В. Бартольд, А. Н. Бенуа, В. В. Богданов, А. А. Васильев, И. Э. Грабарь, С. Г. Елисеев, С. А. Жебелев, Н. П. Кондаков, В. К. Мальмберг, П. И. Муратов, И. А. Орбели, Б. А. Тураев и Ф. И. Шмит. Еще 16 июля Н. Я. Марр писал Г. С. Ятманову, что общее количество членов Академии «определяется в 27», по отделениям уже избрано 13 (на самом деле 12) и свободных вакансий имеется 14 (Там же, л. 45)

9 августа Н. Я. Марр отправил заместителю наркома просвещения Союза коммун Северной области З. Г. Гринбергу (1889—1946) письмо, где сообщал о прекращении существования Археологической Комиссии и начале деятельности Академии истории материальной культуры. Избирательное собрание для выборов членов Академии, созванное 5 августа, закончило 7 августа все свои труды, и с этого числа «Академия истории материальной культуры должна считаться окончательно сконструированною и фактически начавшей свою деятельность, Российская же Государственная Археологическая комиссия с того же числа прекратила свои работы, перейдя в состояние ликвидации» (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 63–63 об.). Такие же письма были отправлены в Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Москве и в Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Петрограде.

В результате в состав Академии вошли 13 членов бывшей Археологической Комиссии, тогда как еще 15 были избраны вновь. Этот исторический момент завершения работы Избирательного

СПИСОК

членов Академии Истории Материальной Культуры.

	Отделения, Отдела, Секции			Примечания:
1. <u>Айналов, Дмитрий Власьевич</u>	Ш	1	2	вне города
2. <u>Анучин, Дмитрий Николаевич</u>	І	1	2	в Москве
3. <u>Бакланов, Николай Борисович</u>	Ш	1	2	в Москве
4. <u>Бартольд, Василий Владимирович</u>	І	3	3	
5. <u>Бенуа, Александр Николаевич</u>	Ш	1	4	
6. <u>Богданов, Владимир Владимирович</u>	І	1	2	в Москве
7. <u>Васильев, Александр Александрович</u>	П	1	4	
8. <u>Грабарь, Игорь Эммануилович</u>	Ш	2	3	в Москве
9. <u>Елисеев, Сергей Григорьевич</u>	Ш	1	6	
10. <u>Небелен, Сергей Александрович</u>	П	1	2	
11. <u>Кондаков, Никодим Павлович</u>	Ш	1	5	вне города
12. <u>Латышев, Василий Васильевич</u>	П	1	2	
13. <u>Лукьянов, Сергей Сергеевич</u>	П	1	3	
14. <u>Мальберг, Василий Константинович</u>	Ш	3	1	в Москве
15. <u>Марр, Николай Яковлевич</u>	П	2	2	
16. <u>Миллер, Александр Александрович</u>	І	1	1	
17. <u>Нуратов, Павел Павлович</u>	Ш	1	4	в Москве
18. <u>Ольденбург, Сергей Федорович</u>	П	3	2	
19. <u>Орбели, Мосиф Абгарович</u>	П	2	4	
20. <u>Покровский, Петр Петрович</u>	Ш	3	3	
21. <u>Романов, Константин Константинович</u>	Ш	3	4	
22. <u>Спицын, Александр Андреевич</u>	І	2	2	
23. <u>Сичев, Николай Петрович</u>	Ш	2	1	
24. <u>Турчев, Борис Александрович</u>	П	1	1	
25. <u>Удаленков, Александр Петрович</u>	Ш	3	2	вне города
26. <u>Фармаковский, Борис Владимирович</u>	Ш	1	1	
27. <u>Шидловский, Вольдемар Владимирович</u>	П	2	1	
28. <u>Шмит, Федор Иванович</u>	Ш	3	2	вне города.

Список избранных членов РАИМК, 7 августа 1919 г. (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 156)

62

63

б:Р.Г.А.К.

Уполномоченному Комиссару Народного
Комиссариата по Просвещению товарищу
ГРИНБЕРГУ.

Акад. И. М. К.

9 августа 1919 г.
№ 1443

Гринберг

Во исполнение декрета Совета Народных Комиссаров о преобразовании Российской Государственной Археологической Комиссии в Академию Истории Материальной Культуры, на пятое августа сего года было созвано избирательное собрание для выбора членов Академии. Означенное избирательное собрание закончило свои работы с пятого августа и с этого числа Академия Истории Материальной Культуры должна считаться окончательно сконструированною и фактически начавшею свою деятельность. Российская же Государственная Археологическая Комиссия с того же числа прекратила свои работы, перейдя в состояние ликвидации.

Согласно утвержденной Коллегиею На
р

Письмо Н. Я. Марра заместителю наркома просвещения Союза коммун Северной области З. Г. Гринбергу о ликвидации РГАК и начале деятельности РАИМК, 9 августа 1919 г. (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 63-63 об.)

родного Комиссариата по Просвещению инструкции, в состав членов Академии вошли тринадцать членов б. Археологической Комиссии, в дополнение к воим избирательное собрание доизбрало еще пятнадцать новых членов. Председателем Академии избран Н. Я. МАРР.

Об изложенном Академия доводит до Вашего сведения.

Список членов Академии при сем прилагается.

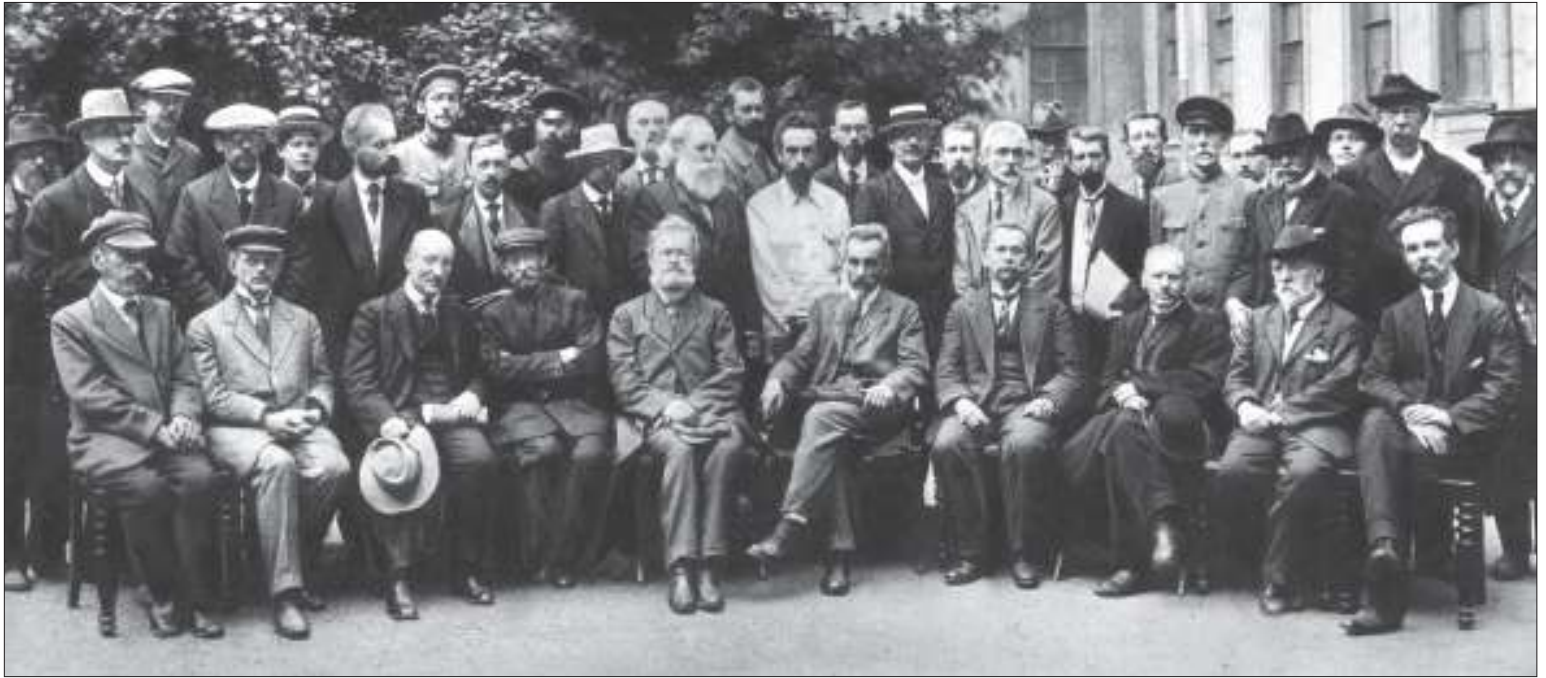
Председатель Академии (подп.) Н. Марр

Вручил: Ученый Секретарь (подп.) А. Богданович

Сер. ч. Мар.: Вр. ис. об. Правителя Канцелярии Н. Мухоморов

Письмо Н. Я. Марра заместителю наркома просвещения Союза коммун Северной области З. Г. Гринбергу о ликвидации РГАК и начале деятельности РАИМК, 9 августа 1919 г. Продолжение (РА, ф. 2, 1919 г., д. 1, л. 63–63 об.)

собрания и существования Археологической Комиссии 7 августа оказался увековечен. Фотограф И. Ф. Чистяков, понимая исключительную значимость события, запечатлел группу участников собрания во дворе Зимнего дворца, так как и Императорская Археологическая Комиссия, и наследовавшая ей Российская Археологическая Комиссия до 1920 г. размещались в Старом Эрмитаже. И. Ф. Чистяков сделал стеклянный диапозитив размером 24 × 30 см, видимо, используя для съемки выдавший виды аппарат, с которым он не расставался со времени экспедиции Н. И. Веселовского в Самарканд в 1895 г. Изначально снимок не был «расшифрован». Много позже, в 1960-е гг., научную атрибуцию фотографии сделал Михаил Петрович Грязнов. На фотографии нет некоторых выборщиков: П. К. Коковцева (Российская Академия наук), Л. П. Карсавина (Первый Петроградский университет), И. М. Гревса (Третий Петроградский университет), Ю. В. Готье, А. А. Яковлева (оба — Московский университет), А. Е. Преснякова (Петроградский Археологический институт), М. А. Полиевктова, А. А. Сиверса (оба Русское археологическое общество). Очевидно, они не смогли прибыть на заседание. Некоторые приглашенные к избранию

Общая фотография членов РАИМК и участников Избирательного совещания в саду Старого Эрмитажа, 7 августа 1919 г. (ФА, II 99124)

Сидят (слева направо): В. В. Бартольд (РАИМК, Первый Петроградский университет), Б. В. Фармаковский (РАИМК), И. Э. Грабарь (РАИМК, Совет Московского отдела по делам музеев), С. Ф. Ольденбург (РАИМК), В. В. Латышев (РАИМК), Н. Я. Марр (РАИМК), А. А. Васильев (РАИМК), А. А. Шахматов (Российская Академия наук), В. К. Мальмберг (РАИМК), Н. П. Сычев (РАИМК).

Стоят (слева направо): П. К. Симони, М. В. Фармаковский (член Совета РГАК), А. С. Раевский (заведующий библиотекой РГАК), А. А. Миллер (РАИМК), С. С. Лукьянов (РАИМК), К. К. Романов (РАИМК), В. К. Шилейко (РАИМК), И. И. Толстой (Русское Археологическое общество), П. П. Покрышкин (РАИМК), Д. А. Золотарев (Российский Этнографический музей), Б. А. Тураев (РАИМК, Первый Петроградский университет), Н. П. Лихачев, Н. Б. Бакланов (РАИМК), И. А. Орбели (РАИМК), А. М. Эфрос, Ю. М. Шокальский (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящее при Московском университете), И. Ю. Крачковский (Русское Археологическое общество), В. В. Богданов (РАИМК), С. П. Яремич (Эрмитаж), Б. Ф. Адлер (Общество любителей истории, антропологии и этнографии при Казанском университете), С. Н. Тройницкий (член Совета РГАК), В. А. Щавинский, И. И. Мещанинов, А. А. Ильин (член Совета РГАК), С. Г. Елисеев (РАИМК), А. К. Марков (Эрмитаж), В. К. Никольский (Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящее при Московском университете)

организации так и не откликнулись на приглашение — например, Московское археологическое общество.

Нет на фотографии 9 членов только избранной Академии — Д. В. Айналова, Д. Н. Анучина, А. Н. Бенуа, С. А. Жебелева, Н. П. Кондакова, П. П. Муратова, А. А. Спицына, А. П. Удаленкова и Ф. И. Шмита, которые по разным причинам не принимали участия в работе Избирательного собрания. Остальные 19 членов новой Академии истории материальной культуры и 18 членов Избирательного собрания этой Академии остались на диапозитиве фотографа Императорской Археологической Комиссии (Длужневская 2003b: 236–244).

С этого момента, запечатленного на фотографии, закончилась история Археологической Комиссии, сначала Императорской, а затем Государственной, и началась история ее академических преемников: РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ — ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ — ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР — ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ АН СССР и ныне двух самостоятельных институтов — ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ и ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН.

Н. И. Платонова, А. Е. Мусин

ЛЕТОПИСЬ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

1859

- 2 февраля.** Высочайшее утверждение Положения об ИАК
9 февраля. Назначение С. Г. Строганова председателем ИАК
26 февраля. Назначение П. С. Савельева старшим членом ИАК
26 февраля. Назначение А. С. Линевича производителем дел ИАК
26 февраля. Перевод в ИАК директора Керченского музея А. Е. Люценко
26 февраля. Перевод в ИАК помощника директора Керченского музея К. Р. Бегичева
3 апреля. Определение И. Н. Медведева художником ИАК
19 мая. Кончина старшего члена ИАК П. С. Савельева
9 июня. Назначение И. Е. Забелина младшим членом ИАК
Июль–сентябрь. Раскопки курганов «Близницы» в Екатеринославской губернии И. Е. Забелиным
1 ноября. Попытка получить для ИАК новое помещение вне Строгановского дворца
4 декабря. Доклад академика Ф. Г. Солнцева императору о состоянии средневековой стенописи и архитектуры во Владимире
20 декабря. Особое Высочайшее повеление об отнесении к обязанностям ИАК отыскания и возобновления древней стеной иконной живописи в старинных православных храмах; причисление к ИАК Ф. Г. Солнцева и П. И. Вольского

1860

- 2 марта.** Избрание Л. Э. Стефани членом-корреспондентом ИАК
Июнь. Исследование курганов на Белом озере в Новгородской губернии Я. М. Лазаревским и Ю. Б. Иверсеном

1861

- 1 апреля.** Определение Н. Иванова канцелярским служащим ИАК
4 апреля. Назначение С. А. Геденова заведующим Римской археологической комиссией
23 ноября. Кончина делопроизводителя ИАК А. С. Линевича
21 декабря. Определение В. Г. Тизенгаузена делопроизводителем ИАК

1862

- 1 февраля.** Именной указ «О продолжении существования Императорской Археологической Комиссии и Керченского музея древностей» «на прежнем основании»
7 марта. Кончина помощника директора Керченского музея К. Р. Бегичева
1 сентября. Назначение Ф. И. Гросса помощником директора Керченского музея
19 ноября. Письмо С. Г. Строганова в Главное управление путей сообщений и публичных зданий и в Инженерный департамент о доставлении в ИАК сведений о направлении проводимых дорог, производстве работ и сделанных находках
29 ноября. Письмо С. Г. Строганова в Центральный статистический комитет МВД с предложением о сотрудничестве в деле изучения и сохранения памятников старины

1863

- 27 апреля.** Циркуляр МВД по губернским статистическим комитетам «О доставлении сведений о памятниках древностей российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся», рассылка «Программы археологических исследований, по которым ожидается содействие Статистических комитетов», составленной ИАК
- 9 июня.** Назначение И. Е. Забелина старшим членом ИАК
Назначение С. А. Гедеонова директором Императорского Эрмитажа
- Июль-август.** Открытие И. Е. Забелиным скифского царского погребения в кургане Чертомлык

1864

- 31 марта.** Назначение В. Г. Тизенгаузена младшим членом ИАК
- 14 сентября.** Кончина сторожа ИАК А. Афанасьева
- 8 сентября.** Записка В. Г. Тизенгаузена о сохранении Царского кургана в Керчи
- 31 декабря.** Увольнение канцелярского служащего ИАК Н. Иванова
Начало раскопок В. Г. Тизенгаузена на Нижнем Дону

1865

- 29 января.** Отношение ИАК в Департамент железных дорог с просьбой уведомлять Комиссию о производстве работ в местах расположения курганов и городищ и о сдаче в Комиссию археологических находок
Экспедиция П. И. Лерха в Олонецкую, Вологодскую и Вятскую губернии для разыскания первобытных древностей
Раскопки В. В. Радловым Большого Катандинского кургана

1866

- 1 января.** Назначение И. А. Сулова журналистом ИАК
- Апрель.** «Приватное принятие» в ИАК Ф. Ланга для составления археологической библиографии
- 4 ноября.** Циркуляр МВД о воспрещении кладоискательства и о доставлении по просьбе ИАК сведений о древних зданиях и находимых древностях вообще в Департамент общих дел
Издание первого выпуска «Материалов по археологии России»

1867

Определение У. Михайлова сторожем ИАК
Первый Гнездовский клад

1868

- 9 сентября.** Кончина П. И. Вольского
- 29 ноября.** Определение М. П. Клодта фон Юргенбурга на место П. И. Вольского

1869

- Январь.** «Приватное принятие» в ИАК Э. Боннеля для составления библиографии
- 11 ноября.** Циркуляр МВД губернаторам о доставлении в Техническо-строительный комитет подробного описания и чертежей памятников, крепостей и других зданий древности с объяснением прочности и мер, предпринимаемых местным начальством к сохранению и исправному содержанию этих зданий с напоминанием, что по действующему Уставу строительному т. XII Свода законов (по продолжению 1868 г.), ст. 181, 182 эти остатки строжайше воспрещено разрушать

1870

- 17 апреля.** Назначение А. В. Адлерберга министром императорского Двора и Уделов

1873

- 12 марта.** Определение П. И. Лерха делопроизводителем ИАК
1 мая. Увольнение М. П. Клодта фон Юргенбурга
Начало раскопок И. Е. Забелина и В. Г. Тизенгаузена в Ольвии

1874

- 14 февраля.** Заключение великого князя Владимира Александровича по проекту наиболее действительных мер для охранения отечественных памятников

1875

- Июль-август.** Начало раскопок В. Г. Тизенгаузенем Семибратних курганов

1876

- 26 мая.** Создание «Комиссии для обсуждения мер к охранению памятников древности» под председателем А. Б. Лобанова-Ростовского
3 июня. Увольнение И. Е. Забелина
17 июня. Назначение Н. П. Кондакова младшим членом ИАК
26 июля. Назначение В. Г. Тизенгаузена старшим членом ИАК

1877

- 3 февраля.** Назначение И. А. Сулова исполняющим обязанности делопроизводителя ИАК

1878

- 1 января.** Назначение И. Д. Деля младшим членом ИАК
1 января. Увольнение П. И. Лерха от должности делопроизводителя ИАК, определение И. А. Сулова делопроизводителем ИАК
1 апреля. Увольнение А. Е. Люценко от должности директора Керченского музея
1 апреля. Назначение С. И. Верebrюсова директором Керченского музея
15 сентября. Кончина С. А. Гедеонова

1879

- 24 октября.** Кончина И. Д. Деля

1881

- 17 августа.** Назначение И. И. Воронцова-Дашкова министром императорского Двора и Уделов
Первый Киевский клад

1882

- 17 января.** Реформа Министерства императорского Двора и Уделов
7 марта. Увольнение С. Г. Строганова от должности председателя ИАК, назначение председателем ИАК А. А. Васильчикова
28 марта. Кончина С. Г. Строганова
20 октября. Представление А. А. Васильчиковым министру императорского Двора проектов «Об изменении устава и штата ИАК» и положения об ИАК с поручением ей охраны исторических памятников в России

1883

- 18 января.** Ходатайство А. А. Васильчикова о дозволении Г. Шлиману археологических исследований на Кавказе
11 февраля. Определение И. С. Сутулло на канцелярскую службу в ИАК по вольному найму

19 февраля. Высочайшее постановление об охране и сбережении памятников древности в Финляндии Черниговский клад

1884

6 марта. Кончина директора Керченского музея С. И. Верebrюсова

8 марта. Назначение Ф. И. Гросса директором Керченского музея

19 июня. Учреждение Археологической комиссии для заведования памятниками древности в Финляндии

5 июля/26 июля. Предписание Святейшего Синода епархиальным архиереям об обязательности сношений с ИАК в вопросе реставрации монументальных памятников церковной старины

4 сентября. Кончина П. И. Лерха

Начало раскопок Н. Н. Пантусовым несторианских средневековых кладбищ в Семире-ченской области

1885

Март- июль. Раскопки Н. И. Веселовского на Афрасиабе

3 мая. Начало работы Н. П. Кондакова над русско-византийскими кладами Второй Киевский клад

1886

12 января. Высочайшее повеление ИАК об издании русско-византийских кладов

1 февраля. Увольнение А. А. Васильчикова от должности председателя ИАК, назначение председа-телем ИАК А. А. Бобринского

11 марта. Кончина художника ИАК И. Н. Медведева

3 мая. Начало исследования Н. Е. Бранденбургом памятников Старой Ладоги при поддержке ИАК

7 мая. Памятная записка В. Г. Тизенгаузена о деятельности и заслугах ИАК в 1859–1886 гг.

16 мая. Докладная записка В. Г. Тизенгаузена о кандидатурах для избрания в почетные члены и члены-корреспонденты ИАК

31 мая. Утверждение избрания Л. Э. Стефани и И. Е. Забелина почетными членами ИАК

8 июня. Записка И. И. Толстого об утилизации монетных кладов, поступающих в ИАК

22 августа. Утверждение избрания В. В. Стасова, В. В. Радлова, Ю. Б. Иверсена, Д. Я. Самоквасова членами-корреспондентами ИАК

1 сентября. Назначение И. И. Толстого младшим членом ИАК

26 сентября. Циркуляр ИАК епископату Греко-Российской Православной церкви о содействии духовных властей в противодействии кладоискательству на церковных землях и в сохранении отечественных древностей от уничтожения

20 ноября. Поручение Министерства императорского Двора ИАК принять меры к сохранению Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Спасского собора в Мирожском мона-стыре в Пскове и двух часовен близ Переславля-Залеского, перечисленных в записке И. Ф. Барщевского

26 ноября. Циркуляр МВД гражданским губернаторам о «воспрещении кому бы то ни было пред-принимать какие-либо археологические раскопки на казенных, церковных или общест-венных землях» без специального разрешения на то ИАК

28 ноября. Утверждение избрания Н. И. Веселовского членом-корреспондентом ИАК

1 декабря. Циркуляр ИАК епископату Римско-Католической церкви о содействии духовных вла-стей в противодействии кладоискательству на церковных землях и в сохранении отече-ственных древностей от уничтожения

1887

11 января. Циркуляр Археологического института Губернским ученым археологическим комис-сиям о необходимости присылки случайных археологических находок в ИАК

- 21 января.** Докладная записка председателя и членов ИАК в Императорскую Академию художеств и Министерство императорского Двора и Уделов о необходимости юридического уточнения полномочий ИАК
- 4 марта.** Мнение А. А. Бобринского по поводу предложения Археологического института о контроле со стороны Губернских ученых археологических комиссий за продажей на публичных торгах древностей, принадлежащих частным лицам
- 8 марта.** Докладная записка министра народного просвещения И. Д. Делянова в Комитет министров «По вопросу о мерах к охранению памятников старины от истребления, порчи и самовольных переделок»
- Апрель.** Начало осуществления программы систематического археологического исследования Киевского Полесья В. Б. Антоновичем
- 23 мая.** Докладная записка Н. М. Ядринцева о состоянии археологических исследований и музейного дела в Сибири
- 12 июня.** Высочайшее повеление об археологических исследованиях Херсонеса под руководством ИАК
- 13 июня.** Рапорт А. А. Бобринского министру императорского Двора о выделении 600–700 руб. для составления полного библиографического указателя археологической литературы
- 5 июля.** Циркуляр МВД губернаторам о составлении описей древностей при продаже с торгов имущества частных лиц и о доставлении их в Губернские ученые архивные комиссии
- 27 ноября.** Письмо А. А. Бобринского министру народного просвещения с просьбой подтвердить подведомственным ему организациям, ученым учреждениям и частным ученым обществам необходимость соблюдения узаконений, касающихся полномочий ИАК в области контроля над раскопками на землях казенных и общественных
- 28 ноября.** Начало исследования Старо-Рязанского городища при участии ИАК
Начало исследования Дрогичина Надбужского Н. П. Авенариусом

1888

- 15 февраля.** Утверждение И. А. Лопатина членом-корреспондентом ИАК
- 22 февраля.** Письмо А. А. Бобринского к министру народного просвещения об установлении общероссийского порядка в деле собирания и охранения древностей
- 18 апреля.** Создание Комиссии по реставрации Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, Спасского собора в Мирожском монастыре в Пскове и двух часовен близ Переславля-Залеского при участии ИАК
- 24 апреля.** Утверждение новых штатов ИАК
- 1 мая.** Определение И. С. Сутулло регистратором ИАК
- Май.** Начало систематических раскопок Херсонеса Таврического под общим руководством ИАК
- 8 декабря.** Назначение М. П. Боткина сверхштатным членом ИАК
Открытие «Мощинского клада» в Калужской губернии Н. И. Булычевым

1889

- 11 марта.** Высочайшее повеление об исключительном праве ИАК на производство и разрешение с археологической целью раскопок в Империи на землях казенных, принадлежащих разным установлениям и общественных и о производстве реставрации монументальных памятников древности по предварительному соглашению с ИАК и по сношению ее с Императорской Академией художеств
- 17–24 апреля.** Археологическая конференция в Санкт-Петербурге, посвященная выработке соглашения ИАК с учеными обществами в области осуществления Высочайшего повеления 11 марта
- 28 июня.** Высочайшее поручение члену ИАК Н. П. Кондакову составить описи древности в монастырях и церквях на Кавказе и произвести их оценку
- 16 июня.** Назначение В. Г. Дружинина членом ИАК без содержания для исполнения обязанностей ученого секретаря
- 10 декабря.** Назначение А. А. Бобринского вице-президентом Академии художеств

15 декабря. Совещание о соглашении ИАК с Эрмитажем и Историческим музеем по вопросу передачи древностей

1890

16 марта. Передача храмовых метрик из Императорской Академии художеств в ИАК
27 апреля. Завершение переезда ИАК в новые помещения в Зимнем дворце
11 мая. Кончина А. А. Васильчикова
Экспедиция В. А. Жуковского в Мерв
1 сентября. Определение И. Ф. Чистякова сторожем ИАК
31 октября. Утверждение «Правил о порядке рассмотрения Археологической Комиссией и Академией художеств ходатайств о восстановлении древних монументальных памятников» министром императорского Двора
20 декабря. Отставка А. А. Бобринского с поста вице-президента Академии художеств
Исследование Люцинского могильника Е. Р. Романовым

1891

5 января. Увольнение И. И. Толстого от должности члена ИАК
15 января. Назначение В. Г. Дружинина членом ИАК
21 января. Увольнение Н. П. Кондакова от должности члена ИАК
11 февраля. Перевод Д. Я. Самоквасова из члена-корреспондента ИАК в ее сверхштатного члена
31 марта. Увольнение Ф. И. Гросса от должности директора Керченского музея, назначение К. Е. Думберга
4 мая. Циркуляр МВД губернаторам о точном и неуклонном соблюдении Высочайшего повеления 11 марта 1889 г. в связи с тем, что «некоторые сельские общества составляют приговоры о дозволении частным лицам производить по своему усмотрению раскопки на общественных землях, чем наносится вред исследованию и сохранению древностей»
18 мая. Приказ по Ведомству путей сообщения о содействии ИАК в деле разыскания и охранения памятников отечественной старины, о сообщении сведений о направлениях проводимых дорог и о включении в контракты на подряды по земляным работам положения о сохранении и доставлении в Археологическую комиссию всех остатков древности
1 июля. Принятие дел Керченского музея К. Е. Думбергом

1892

8 января. Определение М. Викторова сторожем ИАК
1 февраля. Назначение В. Б. Антоновича и Н. И. Веселовского сверхштатными членами ИАК
3 марта. Кончина Ф. Г. Солнцева
23 марта. Назначение А. А. Спицына членом ИАК
26 мая. Введение нагрудного знака «Надсмотрщик Керченского музея» и приказ по Кабинету его императорского величества об обязательном составлении акта полицейскими чинами о производстве незаконных раскопок в присутствии служащих Комиссии
28 июля. Утверждение избрания В. В. Латышева членом-корреспондентом ИАК
Начало раскопок Н. Я. Марра в Ани
12 ноября. Предложение А. А. Бобринского МВД проводить земляные работы в Керчи в присутствии представителя Керченского музея и об усилении полицейского надзора и уголовной и гражданской ответственности за кладоискательство
11 декабря. Назначение Н. В. Покровского сверхштатным членом ИАК

1893

11 апреля. Вторичное подтверждение Высочайшей воли о полномочиях ИАК в области реставрации монументальных памятников зодчества
Апрель. Принятие Н. И. Суслова на канцелярскую службу в ИАК по вольному найму
10 мая. Высочайшее посещение раскопок в Херсонесе императором Александром III

- 26 мая.** Избрание А. Л. Бертье-Делагарда и А. С. Лаппо-Данилевского членами-корреспондентами ИАК
- 15 октября.** Включение Высочайшего повеления 11 марта 1889 г. во временный устав Императорской Академии художеств
Начало реставрации Софийского собора в Новгороде

1894

- 23 мая.** Избрание Ю. А. Кулаковского и Н. Н. Пантусова членами-корреспондентами ИАК
- 25 августа.** Предписание Кабинета его императорского величества частным ученым обществам о дозволении проведения раскопок на «Высочайше дарованные средства» только при разрешении ИАК
- 16 ноября.** Определение Святейшего Синода о точном исполнении Высочайшего повеления 11 марта 1889 г. касательно реставрации монументальных памятников древности
- 10 ноября.** Циркулярное подтверждение МВД по губерниям о доставлении всех случайных археологических и нумизматических находок в ИАК
- 22 декабря.** Поручение ИАК А. И. Шляпкину исследований граффити Софийского собора и памятников новгородской эпиграфики
- 29 декабря.** Назначение В. Г. Тизенгаузена товарищем председателя ИАК
Начало реставрации Бахчисарайского дворца в Крыму

1895

- 1 января.** Назначение Н. И. Веселовского старшим членом ИАК
- 6 января.** Избрание В. А. Жуковского, И. С. Китнера и Г. И. Котова членами-корреспондентами ИАК
- 20 февраля.** Избрание В. К. Мальмберга членом-корреспондентом ИАК
- 20 ноября.** Учреждение нагрудного знака «Надсмотрщик ИАК», надеваемого при отправлении служебных обязанностей

1896

- 20 февраля.** Письмо А. А. Бобринского епископату Греко-Российской Православной церкви с просьбой о доставлении в ИАК изданных описаний церкви и монастырей
- 10 апреля.** Предложение А. А. Бобринского в МВД о введении в инструкции урядникам статьи о наблюдении за раскопками и доставлении в ИАК найденных древностей
- 27 ноября.** Утверждение А. А. Бобринским «Положения о распределении обязанностей служащих ИАК»
- 22 ноября.** Увольнение В. Г. Дружинина от должности члена ИАК
- 1 декабря.** Назначение Ф. А. Брауна членом ИАК
Открытие склепа Деметры в Керчи.
Раскопки Н. Н. Новокрещеных Гляденовского костыща в Пермской губернии

1897

- 20 марта.** Назначение Н. В. Султанова сверхштатным членом ИАК
- 6 мая.** Назначение В. Б. Фредерикса министром императорского Двора и Уделов
- 12 ноября.** Кончина Ф. И. Гросса
Раскопки Н. И. Веселовским Майкопского кургана
Начало проекта по изданию памятников древнерусской эпиграфики

1898

- 4 марта.** Предложение А. А. Бобринского о создании при Губернских статистических комитетах отделений по учету памятников древности
- 7 марта.** Избрание К. К. Косцюшко-Валюжинича членом-корреспондентом ИАК
- 26 апреля.** Определение Н. И. Сулова канцелярским служителем ИАК

- 20 июля.** Определение Н. В. Суходольского на канцелярскую службу в ИАК по вольному найму
27 марта. Утверждение избрания А. Е. Камаровского сверхштатным членом ИАК
22 августа. Посещение раскопок Херсонеса Таврического императором Николаем II

1899

- 14 августа.** Кончина А. Е. Камаровского
 Осмотр Н. В. Султановым Псковских крепостных стен

1900

- 26 февраля.** Определение А. С. Раевского на службу ИАК
13 апреля. Кончина Ю. Б. Иверсена
14 апреля. Увольнение Ф. А. Брауна от должности члена ИАК
27 мая. Увольнение В. Г. Тизенгаузена от должности товарища председателя ИАК
27 мая. Высочайшее повеление о возложении на ИАК систематических раскопок в Ольвии
29 июня. Назначение В. В. Латышева товарищем председателя ИАК
16 декабря. Назначение Ф. А. Брауна сверхштатным членом ИАК
 Издание новой редакции Строительного устава, учитывающей Высочайшее повеление 11 марта 1889 г. о реставрации монументальных памятников
 Начало работ С. И. Сергеева в Гнездово

1901

- 1 января.** Определение Д. Павлова сторожем ИАК
1 марта. Назначение Б. В. Фармаковского членом ИАК
2 июля. Начало систематических раскопок Б. В. Фармаковского в Ольвии
15 июля. Увольнение К. Е. Думберга из Керченского музея
16 июля. Принятие дел Керченского музея В. В. Шкорпилем
6 сентября. Циркуляр МВД губернаторам, градоначальникам и обер-полицмейстерам о представлении в министерство списков памятников старины
 Начало издания «Известий Императорской Археологической Комиссии»

1902

- 5 января.** Назначение В. В. Шкорпила директором Керченского музея
12 января. Определение А. С. Раевского делопроизводителем ИАК
18 января. Избрание С. А. Жебелева членом-корреспондентом ИАК
2 февраля. Кончина В. Г. Тизенгаузена
Сентябрь. Посещение императором Николаем II раскопок Херсонеса
2 ноября. Увольнение И. А. Сулова
6 декабря. Введение новых штатов ИАК
6 декабря. Определение Н. В. Суходольского чиновником XII класса — канцелярским служащим ИАК
16 декабря. Назначение П. П. Покрышкина членом ИАК

1903

- 1 января.** Определение Н. И. Сулова чиновником XII класса — канцелярским служащим ИАК
18 февраля. Избрание Э. А. Реслера членом-корреспондентом ИАК
22 марта. Назначение Н. И. Булычева сверхштатным членом ИАК
23 ноября. Замечания председателя ИАК А. А. Бобринского по поводу предполагаемой реформы архивного дела в России, направленные им в Канцелярию Министерства императорского Двора и Уделов
 Реставрация фресок в церкви Люблинского замка

1904

- 9 апреля.** Посещение императором Николаем II Археологической Комиссии

- 30 апреля.** Предложение МВД духовным установлениям иностранных исповеданий о соблюдении повеления 1889 г. в части реставрации культовых зданий
- Апрель–май.** Командировка В. В. Шкорпила в Грецию
- Июнь–сентябрь.** Раскопки Н. И. Веселовским Келермесских курганов
- Декабрь.** Образование Особой комиссии МВД по пересмотру действующих постановлений об охране древних памятников и зданий
Раскопка могильника Суук-Су в Крыму

1905

- 10 июня.** Назначение Б. И. Ханенко сверхштатным членом ИАК
Открытие А. А. Спицыным палеолитической стоянки у с. Боршево
Публикация первого выпуска «Мечетей Самарканда»

1906

- 20–26 июня.** Областной историко-археологический съезд во Владимире
- 10 октября.** Кончина В. В. Стасова

1907

- 12 апреля.** Избрание А. К. Маркова и Н. Я. Марра членами-корреспондентами ИАК
- 16 декабря.** Кончина заведующего раскопками в Херсонесе К. К. Косцюшко-Валюжинича

1908

- 1 апреля.** Назначение Р. Х. Лепера членом ИАК и заведующим раскопками в Херсонесе
- 2 апреля.** Высочайшее повеление ИАК об археологических исследованиях в Киеве
- 2 сентября.** Кончина Н. В. Султанова

1909

- 4 февраля.** Предложение А. А. Бобринского Государственной Думе о распространении положений Высочайшего повеления 11 марта 1889 г. на памятники археологии, находящиеся на крестьянских усадебных наделах
- 5 февраля.** Празднование 50-летнего юбилея ИАК
- 20 апреля.** Назначение Э. Р. фон Штерна сверхштатным членом ИАК
- 1 октября.** Увольнение Н. И. Сулова и определение Д. В. Милеева чиновником XII класса — канцелярским служащим ИАК
- 15 ноября.** Кончина И. А. Лопатина

1910

- 1 января.** Определение А. С. Раевского на должность библиотекаря ИАК, И. С. Сутулло — делопроизводителем ИАК и Н. В. Суходольского — регистратором ИАК
- 18 мая.** Определение Л. А. Филиппова чиновником XII класса — канцелярским служащим ИАК
- 14 июня.** Принятие Государственной Думой закона «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском владении» о проведении раскопок археологических памятников, находящихся на укрепленных в личную собственность крестьян участках с соблюдением правил, установленных Высочайшим повелением 11 марта 1889 г.
- 19 декабря.** Избрание К. К. Романова членом-корреспондентом ИАК
Начало деятельности «полевой археологической школы» А. А. Спицына в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии
Осмотр П. П. Покрышкиным смоленских крепостных стен
Начало реставрации Успенского собора Московского Кремля

1911

- 1 февраля.** Празднование 25-летнего юбилея служения А. А. Бобринского председателем ИАК
1 марта. Увольнение Э. Р. Штерна из сверхштатных членов ИАК
7 марта. Назначение Ю. А. Кулаковского сверхштатным членом ИАК
12 июня. Начало исследования места находки «Перещепинского клада»
6 августа. Кончина Д. Я. Самоквасова
29 октября. Внесение в Государственную Думу «Положения об охране древностей», выработанного Межведомственной комиссией
Начало реставрации Ипатьевского монастыря в Костроме

1912

- Август.** Командировка А. А. Спицына в Стокгольм на Международный археологический конгресс
7 октября. Назначение А. А. Ширинского-Шихматова и М. И. Ростовцева сверхштатными членами ИАК
Укрепление колокольни Успенской церкви в Архангельске

1913

- Март.** Поездка А. А. Бобринского, Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева и Э. Р. Штерна в Лондон на Международный конгресс историков
Июль. Посещение императором Николаем II раскопок Херсонеса
1 августа. Высочайшее соизволение на учреждение под председательством великого князя Георгия Михайловича Особого совещания для выработки главных оснований законопроекта о всероссийском национальном в память 300-летия царствования дома Романовых музее
Июль–август. Открытие Н. И. Веселовским царского захоронения в кургане Солоха
1 октября. Определение Е. Н. Щербаковой в ИАК для канцелярских занятий
25 ноября. Избрание М. В. Фармаковского членом-корреспондентом ИАК
21 декабря. Завершение работы Комиссии по приему коллекции Ф. М. Плюшкина при участии ИАК

1914

- 22 января.** Кончина М. П. Боткина
19 июля. Кончина Д. В. Милеева
1 октября. Увольнение Р. Х. Лепера от должности члена ИАК
1 ноября. Определение К. И. Высотина чиновником XII класса — канцелярским служащим ИАК

1915

- 29 января.** Создание Комиссии Святейшего Синода по вопросу «устранения затруднений при перестройках и ремонтах церквей, имеющих археологическое значение» под председательством архиепископа Новгородского и Старорусского Арсения (Стадницкого)
20 июля. Указ Святейшего Синода о порядке разрешения споров между ИАК и духовными консисториями путем передачи дела в Синод
1 сентября. Назначение Л. А. Моисеева членом ИАК и заведующим раскопками в Херсонесе
1 декабря. Рассылка статьи П. П. Покрышкина «Краткие сведения по вопросам ремонта памятников старины и искусства» в духовные консистории

1916

- 11 февраля.** Увольнение Е. Н. Щербаковой
10 апреля. Присвоение А. А. Спицыну по ходатайству А. А. Бобринского «в виде исключения» чина действительного статского советника
20 мая. Кончина И. И. Толстого

- 16 августа.** Письмо Канцелярии Святейшего Синода А. А. Бобринскому с разъяснением позиции Синода по поводу указа от 20 июля 1915 г. и с подтверждением его действительности

1917

- 8 февраля.** Избрание А. И. Малеина членом-корреспондентом ИАК
6 марта. Постановление Археологической Комиссии на своем экстренном заседании «всецело руководствоваться в своей дальнейшей деятельности распоряжениями Временного Правительства»
8 марта. Кончина Н. В. Покровского
8 марта. Назначение Ф. А. Головина комиссаром над бывшим Министерством императорского Двора и Уделов
12 марта. Учреждение Союза деятелей искусств при участии ИАК
23 мая. Принятие положения о Российской Археологической Комиссии ее пленарным собранием
26 мая. Кончина Б. И. Ханенко
20 июня. Включение представителей РАК в Комиссию по приему и охране дворцовых имуществ Москвы при Городской Думе
27 июня. Учреждение Кавказского историко-археологического института в Тифлисе
1 сентября. Приказ о вывозе из Петрограда ценностей, находящихся в дворцах Эрмитажа и других хранилищах бывшего Министерства Двора
8 декабря. Приказ народного комиссара по просвещению и ведомству дворцов и музеев республики А. В. Луначарского о переезде РАК совместно с Археологическим институтом в бывшее здание Управления воздушным флотом

1918

- 4 января.** Кончина В. А. Жуковского
22 февраля. Утверждение Поместным собором Православной Российской церкви «Определения о епархиальном управлении», исключавшего РАК из порядка рассмотрения дел о реставрации памятников церковной старины и передававшего эти вопросы в ведение епархиальных архиереев
26 марта. Образование Хозяйственного комитета РАК
12 апреля. Кончина Н. И. Веселовского
12 мая. Кончина В. В. Радлова
Кончина В. А. Жуковского
9 мая. Утверждение избрания А. А. Спицына старшим членом РАК
15 мая. Избрание А. П. Удаленкова исполняющими обязанности члена РАК, С. Н. Наседкина — временным сотрудником и В. Г. Самойлова — каталогизатором РАК
16 мая. Назначение Н. Я. Марра штатным членом РАК
1 июня. Увольнение К. И. Высотина
Июнь. Преобразование РАК в РГАК в ведении Народного Комиссариата просвещения
1 июля. Избрание А. Д. Руднева и Н. А. Энман ассистентами РГАК, Е. О. Прушевской и К. В. Тревер — регистраторами научных коллекций РГАК
21 июля. Подписание А. А. Бобринским последних документов от имени РАК в Петрограде и его отъезд на юг России
1 август. Избрание Н. П. Удаленкова техником-чертежником РГАК
13 августа. Избрание Е. П. Столицы корректором РГАК
15 августа. Избрание Г. В. Стебницкого регистратором научных коллекций РГАК
1 сентября. Избрание С. Ф. Ольденбурга членом РГАК
3 сентября. Возвращение РГАК в Зимний дворец
24 сентября. Обсуждение проекта нового устройства Комиссии и избрание А. Л. Бертье-Делагарда, Ф. А. Брауна, С. А. Жебелева, Г. И. Котова, Ю. А. Кулаковского, А. С. Лаппо-Данилевского, В. К. Мальмберга, А. К. Маркова, А. И. Малеина, М. И. Ростовцева, Э. Р. фон Штерна и М. В. Фармаковского членами Совета РГАК

- 1 октября.** Принятие устава РГАК, избрание В.В. Бартольда, А.А. Ильина, С.Ф. Платонова, Н.П. Сычева и Б.А. Тураева членами Совета РГАК
- 4 октября.** Кончина Р.Х. Лопера
- 17 октября.** Утверждение устава РГАК А.В. Луначарским, избрание А.А. Васильева, В.К. Шилейко и Н.П. Остроумова членами РГАК и С.Г. Елисеева — ассистентом РГАК
- 22 октября.** Избрание А.А. Миллера и К.К. Романова членами РГАК
- 13 ноября.** Избрание Н.Я. Марра председателем РГАК
- 28 ноября.** Первое заседание Библиотечного комитета РГАК
- 5 декабря.** Избрание И.А. Орбели членом Совета РГАК и С.С. Лукьянова — ассистентом РГАК
- 26 декабря.** Избрание Н.П. Сычева членом РГАК и А.А. Семенова — ассистентом РГАК
- 27 декабря.** Убийство В.В. Шкорпила

1919

- 3 января.** Избрание В.Н. Крейтона, В.Е. Лавровского, А.Н. Малова и иеромонаха Иннокентия (Тихонова) научными сотрудниками РГАК
- 16 января.** Избрание Н.Е. Макаренко членом Совета РГАК и А.И. Кудрявцева — ассистентом РГАК
- 23 января.** Обращение председателя РГАК Н.Я. Марра к патриарху Тихону (Белавину) с призывом к сотрудничеству духовенства с Археологическим отделом при Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата просвещения
- 7 февраля.** Кончина А.С. Лаппо-Данилевского
- 6 марта.** Вступление коллектива служащих РГАК в Союз работников культурно-просветительских и учебно-воспитательных учреждений города Петрограда и его окрестностей
- 17 марта.** Обсуждение на Совете РГАК проекта Положения о Российской Государственной академии археологических знаний
- 20 марта.** Утверждение инструкций Библиотечного комитета для руководства объединенной библиотекой РГАК
- 2 апреля.** Создание комитета младших служащих РГАК
- 19 апреля.** Декрет о создании в Петрограде Российской Академии истории материальной культуры в системе Народного Комиссариата просвещения на основе РГАК
- 27 мая.** Оглашение Декрета о РАИМК на совете РГАК
- 31 мая.** Решение Коллегии Народного Комиссариата просвещения о предоставлении Мраморного дворца в распоряжение РАИМК
- 4 июня.** Утверждение Коллегией Народного Комиссариата просвещения инструкции по выбору членов РАИМК
- 21 июня.** Чрезвычайное заседание Совета РГАК, начало реорганизации Комиссии
- 15 июля.** Первые выборы членов РАИМК на заседании Совета РГАК
- 5 августа.** Избирательное собрание РАИМК
- 7 августа.** Прекращение работы РГАК — начало деятельности РАИМК

1926

- 12 января.** Утверждение Государственным Ученым советом Устава Государственной Академии истории материальной культуры

1937

- 30 июня.** Приказ народного комиссара просвещения о передаче ГАИМК и ее Московского отделения в ведение АН СССР
- 5 августа.** Преобразование Государственной Академии истории материальной культуры в Институт истории материальной культуры в системе Академии наук СССР, создание Московского отделения Института истории материальной культуры
- 5 октября.** Постановление Президиума АН СССР об определении задач и утверждении структуры ИИМК

1943

15–16 октября. Постановление Президиума АН СССР о руководстве ИИМК АН СССР, освобождение М. И. Артамонова от обязанностей директора и назначение академика Б. Д. Грекова и. о. директора Института; перевод дирекции Института истории материальной культуры из Ленинграда в Москву

1945

9 февраля. Решение Президиума АН СССР о преобразовании Московского отделения ИИМК в основной Институт и о создании Ленинградского отделения ИИМК

1959

4 сентября. Постановление Президиума АН СССР о переименование Института истории материальной культуры в Институт археологии

1984

Публикация в журнале «Советская археология» статьи К. М. Пескаревой и Е. А. Рябина, посвященной 125-летию ИАК

1991

25 июня. Постановление Президиума АН СССР о преобразовании Ленинградского отделения Института археологии в Институт истории материальной культуры

БИБЛИОГРАФИЯ ИЗДАНИЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Материалы по археологии России, издаваемые Императорской Археологической комиссией. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1866–1918. № 1–37

- № 1. Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. 1866. Вып. 1. Текст [6]. 28, XVI с.: ил.
Атлас. 23 л. ил.
- № 2. То же. 1872. Вып. 2. Текст. С. 29–118, XVII–СХХVII: ил.
Атлас. 23 л. ил.
- № 3. *Радлов В. В.* Сибирские древности. 1888. Т. 1, вып. 1. IV. 40. 20 с.: ил.; 6 л. ил., 1 л. карт.
- № 4. Древности Северо-Западного края. Т. 1, вып. 1.
Авенариус Н. П. Дрогочин Надбужский и его древности. Описание некоторых древностей найденных в Витебской губ./Сост. по материалам Имп. Археологической комиссии. 1890. 60 с.: ил.; 7 л. ил., 1 л. карт.
- № 5. *Радлов В. В.* Сибирские древности. 1891. Т. 1, вып. 2. С. 41–80; 52 с.: ил.; 8 л. ил.
- № 6. Древности Южной России. Т. 1.
Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491 г. 1891. 30 с.: ил.; 4 л. ил.
- № 7. Древности Южной России. Т. 2.
Мальмберг В. К. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг.; *Орешников А. В.* Обзорение монет, найденных при херсонесских раскопках в 1888 и 1889 гг. 1892. 46 с.: ил.; 4 л. ил.
- № 8. Древности Южной России. Т. 3.
Стржиговский И., Покровский Н. В. Византийский памятник, найденный в Керчи в 1891 г. 1892. 37 с.: ил.; 5 л. ил.
- № 9. Древности Южной России. Т. 4.
Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 гг. 1892. 4, 64 с.: ил.; 1 л. ил.
- № 10. *Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. 1893. 63, 31 с.: ил.; 15 л. ил.
- № 11. Древности Юго-Западного края.
Антонович В. Б. Раскопки в стране древлян. 1893. 78 с.: ил.; 7 л. ил.
- № 12. Древности Южной России. Т. 5.
Бертье-Делагард А. А. Раскопки Херсонеса. 1893. 64 с.: ил.
- № 13. Древности Южной России. Т. 6.
Лаппо-Данилевский А. С., Мальмберг В. К. Курган Карагодеуашх. 1894. 192 с.: ил.; 9 л. ил.
- № 14. Древности Северо-Западного края. 1893. Т. 1, вып. 2. Люцинский могильник. 49, 36 с.: ил.; 15 л. ил.
- № 15. *Радлов В. В.* Сибирские древности. 1894. Т. 1, вып. 3. 146 с., XIX: ил.; 8 л. ил.
- № 16. Древности Закаспийского края.
Жуковский В. А. Развалины старого Мерва. 1894. [4], 217 с.: ил.; 8 л. ил.
- № 17. Древности Южной России. Т. 7.
Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 гг. 1895. 4, 86 с.: ил.; 1 л. ил.
- № 18. *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья. 1895. XVI, 156 с.: ил.; 14 л. ил.
- № 19. Древности Южной России. Т. 8.
Кулаковский Ю. А. Две керченские катакомбы с фресками + прил. Христианская катакомба, открытая в 1895 г. 1896. 72. с.: ил.; 14 л. ил.

- № 20. Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского/Обработал для издания А. А. Спицын. 1896. 124 с.: ил.; 19 л. ил., 1 л. карт.
- № 21. Обсуждение проекта стеной росписи Новгородского Софийского собора. 1897. 46 с.: ил.
- № 22. Хвольсон Д. А., Покровский Н. В., Смирнов Я. И. Серебряное сирийское блюдо, найденное в Пермском крае. 1899. [4], 44 с.: ил.; 1 л. ил.
- № 23. Древности Южной России. Т. 9.
Латышев В. В. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 гг. 1899. 74 с.: ил.
- № 24. Древности Южной России. Т. 10.
Жебелев С. А. Пантикапейские Ниобиды. 1901. 54 с.: ил.; 3 л. ил.
- № 25. *Спицын А. А.* Древности бассейнов рек Оки и Камы. 1901. Вып. 1. 119 с.: ил.; 30 л. ил.
- № 26. Древности камской чуди по коллекции Теплоухова: Атлас рисунков с предисл. А. А. Спицына. 1902. 70 с.: ил.; 39 л. ил.
- № 27. *Радлов В. В.* Сибирские древности. 1902. Т. 2, вып. 1. 36 с.: ил.; 6 л. ил.
- № 28. *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска. 1902. 136 с.: ил.; 14 л. ил.
- № 29. Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова/Обработал А. А. Спицын. 1903. 124 с.: ил.; 7 л. ил.
- № 30. *Покрышкин П. П.* Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 годах. 1908. 36 с.: ил.; 27 л. ил.
- № 31. *Придик Е. М.* Мельгуновский клад 1763 года. 1911. 24 с.: ил.; 5 л. ил.
- № 32. *Жебелев С. А., Мальмберг В. К.* Три архаических бронзы из Херсонской губернии. 1907. 57 с.: ил.; 4 л. ил.
- № 33. *Веселовский Н. И.* Гератский бронзовый котелок 559 года хиджры (1163 г. по Р.Х.): Из собрания графа А. А. Бобринского. 1910. 24 с.: ил.; 10 л. ил.
- № 34. Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А. А. Бобринском, Е. М. Придиком, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон-Штерном. 1914. 120 с.: ил.; 59 л. ил.
- № 35. *Лукьянов С. С., Гриневич Ю. П.* Керченская кальпида 1906 года и поздняя краснофигурная живопись. 1915. 144 с.; 11 л. ил.
- № 36. *Тревер К. В.* Ольвийская полихромная амфора 1901 года. 1918. 68 с.: ил.; 10 л. ил.
- № 37. *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма: С приложениями академика П. К. Коковцева и С. И. Руденка. 1918. 102 с.: ил.; 10 л. ил., 1 л. карт.
- № 36 издан Археологической Комиссией.
- № 37 издан Государственной Археологической Комиссией.

Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1901–1918. Вып. 1–66 + Прибавления.

Вып. 1. 1901

Вып. 2. 1902 + Прибавление к вып. 2. [Хроника и библиография. Вып. 1]

Вып. 3. 1902 + Прибавление к вып. 3. [Хроника и библиография. Вып. 2]

Вып. 4. 1902

Вып. 5. 1903 + Прибавление к вып. 5. [Хроника и библиография. Вып. 3]

Вып. 6. 1904 + Прибавление к вып. 6. [Хроника и библиография. Вып. 4]

Вып. 7. 1903

Вып. 8. *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. 1903.

Вып. 9. 1904 + Прибавление к вып. 9. [Хроника и библиография. Вып. 5]

Вып. 10. 1904 + Прибавление к вып. 10. [Хроника и библиография. Вып. 6]

Вып. 11. 1904

Вып. 12. 1904

Вып. 13. *Фармаковский Б. В.* Раскопки в Ольвии в 1902–1903 гг. 1906

Вып. 14. 1905 + Прибавление к вып. 14. [Хроника и библиография. Вып. 7]

Вып. 15. 1905

Вып. 16. 1905 + Прибавление к вып. 16. [Хроника и библиография. Вып. 8]

Вып. 17. 1905

Вып. 18. 1906 + Прибавление к вып. 18. [Хроника и библиография. Вып. 9]

- Вып. 19. 1906 + Прибавление к вып. 19. [Хроника и библиография. Вып. 10]
 Вып. 20. 1906
 Вып. 21. *Бертве-Делагард А. Л.* О Херсонесе. 1907 + Прибавление к вып. 21. [Хроника и библиография. Вып. 11]
 Вып. 22. 1907 + Прибавление к вып. 22. [Хроника и библиография. Вып. 12]
 Вып. 23. 1907
 Вып. 24. *Султанов Н. В.* Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири. 1907
 Вып. 25. 1907
 Вып. 26. Вопросы реставрации. Вып. 1. 1908 + Прибавление к вып. 26. [Хроника и библиография. Вып. 13]
 Вып. 27. 1908 + Прибавление к вып. 27. [Хроника и библиография. Вып. 14]
 Вып. 28. Вопросы реставрации. Вып. 2. 1908
 Вып. 29. 1909
 Вып. 30. 1909
 Вып. 31. Вопросы реставрации. Вып. 3. 1909 + Прибавление к вып. 31. [Хроника и библиография. Вып. 15]
 Вып. 32. Вопросы реставрации. Вып. 4. 1909
 Вып. 33. 1909
 Вып. 34. Вопросы реставрации. Вып. 5. 1910 + Прибавление к вып. 34. [Хроника и библиография. Вып. 17]
 Вып. 35. 1910
 Вып. 36. Вопросы реставрации. Вып. 6. 1910
 Вып. 37. 1910 + Прибавление к вып. 37. [Хроника и библиография. Вып. 18]
 Вып. 38. *Гейкель Г. К.* Из финляндской археологической литературы. 1911
 Вып. 39. Вопросы реставрации. Вып. 7. 1911 + Прибавление к вып. 39. [Хроника и библиография. Вып. 19]
 Вып. 40. 1911
 Вып. 41. Вопросы реставрации. Вып. 8. 1911
 Вып. 42. + Прибавление к вып. 42. [Хроника и библиография. Вып. 20]. 1911
 Вып. 43. *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования 1907–1909 гг. 1911
 Вып. 44. Вопросы реставрации. Вып. 9. 1912 + Прибавление к вып. 44. [Хроника и библиография. Вып. 21]
 Вып. 45. 1912
 Вып. 46. Вопросы реставрации. Вып. 10. 1912 + Прибавление к вып. 46. [Хроника и библиография. Вып. 22]
 Вып. 47. 1913
 Вып. 48. Вопросы реставрации. Вып. 11. 1913 + Прибавление к вып. 48. [Хроника и библиография. Вып. 23]
 Вып. 49. 1913
 Вып. 50. Вопросы реставрации. Вып. 12. 1913 + Прибавление к вып. 50. [Хроника и библиография. Вып. 24]
 Вып. 51. 1914
 Вып. 52. Вопросы реставрации. Вып. 13. 1914 + Прибавление к вып. 52. [Хроника и библиография.]
 Вып. 25
 Вып. 53. 1914
 Вып. 54. 1914 + Прибавление к вып. 54. [*Хогарт Д. Г.* Иония и Восток: Шесть лекций проч. в Лондонском университете/Пер. с англ. В. В. Латышева; Под ред. и с предисл. Б. В. Фармаковского]
 Вып. 55. Вопросы реставрации. Вып. 14. 1914
 Вып. 56. 1914 + Прибавление к вып. 56 [Хроника и библиография. Вып. 26]
 Вып. 57. Вопросы реставрации. Вып. 15. 1915 + Прибавление к вып. 57 [Хроника и библиография. Вып. 27]
 Вып. 58. 1915 + Прибавление к вып. 58. [Хроника и библиография. Вып. 28]
 Вып. 59. Вопросы реставрации. Вып. 16. 1915 + Прибавление к вып. 59 [Хроника и библиография. Вып. 29. 1916]
 Вып. 60. 1916
 Вып. 61. Вопросы реставрации. Вып. 17. 1916
 Вып. 62. *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая. 1916

Вып. 63. 1917 + Прибавление к вып. 63. [Хроника и библиография. Вып. 30. 1916]
Вып. 64. Вопросы реставрации. Вып. 18. 1917 + Прибавление к вып. 64. [Хроника и библиография. Вып. 31.]
Вып. 65. 1918
Вып. 66. Вопросы реставрации. Вып. 19. 1918 + Прибавление к вып. 66 [Хроника и библиографи. Вып. 32]

Указатели

Указатель статей, помещенных в выпусках 1–20//ИАК. 1906. Вып. 20. С. 151–162
Указатель статей, помещенных в выпусках 21–40//ИАК. 1911. Вып. 40. С. 165–174
Указатель статей, помещенных в выпусках 41–60//ИАК. 1916. Вып. 60. С. 117–128

Отчеты Императорской Археологической Комиссии. 1859–1915 гг. СПб.; Пг., 1862–1918

1859 (1862) + Атлас; 1860 (1862) + Атлас; 1861 (1863) + Атлас; 1862 (1863) + Атлас; 1863 (1864) + Атлас;
1865 (1866) + Атлас; 1866 (1868) + Атлас; 1867 (1868) + Атлас; 1868 (1869) + Атлас; 1869 (1870) + Атлас;
1870/1871 (1874) + Атлас; 1872 (1875) + Атлас; 1873 (1876) + Атлас; 1874 (1877) + Атлас; 1875 (1878) +
Атлас; 1876 (1879) + Атлас; 1877 (1880) + Атлас; 1878/1879 (1881) + Атлас; 1880 (1882) + Атлас;
1881 (1883) + Атлас; 1882/1888 (1891) + Атлас; 1889 (1892); 1890 (1893); 1891 (1893); 1892 (1894);
1893 (1895); 1894 (1896); 1895 (1897); 1896 (1898); 1897 (1900); 1898 (1901); 1899 (1902); 1900
(1902); 1901 (1903); 1902 (1904); 1903 (1906); 1904 (1907); 1905 (1908); 1906 (1909); 1907 (1910);
1908 (1912); 1909/1910 (1913); 1911 (1914); 1912 (1916); 1913/1915 (1918)

Compte-rendu de la Commission Impériale Archéologique pour les années 1859–1903. St.-Pétersbourg, 1860–1906.

1859 (1860) + Atlas; 1860 (1861) + Atlas; 1861 (1862) + Atlas; 1862 (1863) + Atlas; 1863 (1864) + Atlas;
1864 (1865) + Atlas; 1865 (1866) + Atlas; 1866 (1867) + Atlas; 1867 (1868) + Atlas; 1868 (1869) + Atlas;
1869 (1870) + Atlas; 1870/1871 (1874) + Atlas; 1872 (1875) + Atlas; 1873 (1876) + Atlas; 1874 (1877) + Atlas;
1875 (1878) + Atlas; 1876 (1879) + Atlas; 1877 (1880) + Atlas; 1877 (1880) + Atlas; 1878/1879
(1881) + Atlas; 1880 (1882) + Atlas; 1881 (1883) + Atlas; 1882/1883 (1893); 1896/1903 (1898/1906)

+ Приложения: Альбом рисунков, помещенных в Отчетах Императорской Археологической Комиссии за 1882–1898 гг. /Сост. В. В. Латышев СПб., 1906. 376 с.

Указатели к Отчетам за 1882–1898. СПб., 1906

Доклады Императорской Археологической Комиссии за 1882–1888 годы. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1891. СССXXIV, 44, [1] с.

Бобринской А. А. Выставка древностей, добытых Императорской Археологической Комиссией в 1888–1890 гг. на воззрение Государя Императора. СПб.: Тип. Товарищества Общественная польза, 1891. 44 с.

Выставка древностей, представляемых Императорской Археологической Комиссией на воззрение Государя Императора: [1893 г.]/Предисл. А. А. Спицына. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1894. 32 с.

Выставка древностей, представляемых Императорской Археологической Комиссией на воззрение Государя Императора: [1894 г.]/Предисл. А. А. Спицына. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 32 с.

Выставка древностей, представляемых Императорской Археологической Комиссией на воззрение Государя Императора: [1895 г.]/Предисл. А. А. Спицына. — СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1896. 36 с.

Выставка [древностей, добытых Императорской Археологической Комиссией в 1895 и 1896 гг.]. СПб., 1897. 14 с. (Из Правительственного вестника № 70)

Выставка [древностей, добытых Императорской Археологической Комиссией в 1897 г.]. СПб., 1898. 14 с. (Из Правительственного вестника № 71)

Отдельные издания Императорской Археологической Комиссии

Восточное серебро: Атлас древней и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи/Издание Императорской Археологической Комиссии ко дню пятидесятилетия ее деятельности; Предисловие Я. И. Смирнова. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 2 февраля 1909 г. 18 с.; 130 отд. л. ил.

Кондаков Н. П. Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода, Т. 1/Издание Императорской Археологической Комиссии. Тип. Главного Управления уделов, 1896. 214 с.: ил.; 20 л. ил.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды: Краткий исторический очерк/Императорская Археологическая Комиссия. 2-е изд., пересмотр. Киев: Типолитограф. С. В. Кульженко, 1914. IV. 156 с.: ил.; 7 л. ил., 3 л. карт. 1-е изд. Киев, 1906.

Латышев В. В. Понтика: Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря/Издание Императорской Археологической Комиссии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1909. XIV. [2]. 430 с.: 4 л. ил.

Лерх П. И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году/Издание Императорской Археологической Комиссии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1870. X. 40 с.

Мечети Самарканда. Вып. 1. Гур-Эмир/Издание Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1905. IX с.: ил.; 18 отд. л. ил. Рус., фр.

Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на Юге России. Т. 1– [2]/Императорская Археологическая Комиссия. СПб.: Тип. товарищества Голике и Вильборг, 1913–1914. + Прил.:

Шкорпил В. В. Катакомбы на северном склоне Митридатовой Горы: (Объяснение к табл. I–II). С. 508–509.

Т. 1. Текст: Описание и исследование памятников. 1914. XVII. 537 с.: ил.

[Т.] 2. Атлас. 1913. [4], 12 с.; 112 отд. л. ил.

Самоквасов Д. Я. Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России: Волынская губерния/Издание Императорской Археологической Комиссии. СПб., 1888. 99 с. (литогр. изд.)

Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской Археологической Комиссии: 1886–1911. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1911. [6], 276 с.: ил.; 34 л. ил., портр.

Спицын А. А. Археологические разведки/Императорская Археологическая Комиссия. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1908. 96 с. ил.

Спицын А. А. Археологические раскопки/Императорская Археологическая Комиссия. СПб.: Тип. товарищества Голике и Вильборг, 1910. 129 с.: ил.

Спицын А. А. Производство археологических раскопок/Императорская Археологическая Комиссия. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1895. 71 с.: ил.

Церкви Костромской епархии: По данным архива Императорской Археологической Комиссии. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1909. 242 с.: ил.

Протоколы Императорской Археологической Комиссии с учеными Обществами по вопросам об открытии и сохранении памятников древности, на основании Высочайшего повеления, объявленного г. министром Императорского двора в предложении от 11 марта 1889 года, за № 733. [СПб. 27 апреля 1889]. 26 с.

[Экземпляр находится в Отделе БАН при ИИМК РАН]

Каталог Библиотеки Императорской Археологической Комиссии. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1904. 448 с.

Каталог Библиотеки Императорской Археологической Комиссии: Дополнение за 1904 год. СПб.: Тип. Глав. Управления уделов, 1905. 124 с.

Каталог Библиотеки Императорской Археологической Комиссии: Дополнение за 1905–1906 годы. СПб.: Тип. Глав. Управления уделов, 1907. 80 с.

Каталог Библиотеки Императорской Археологической Комиссии: Дополнение за 1907–1909 годы. СПб.: Тип. Глав. Управления уделов, 1910. 60 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

- А. Л. 1869 — *А. Л.* Раскопки в курганах, находящихся на предполагаемой местности древней Нимфеи // Древности. Труды ИМАО. 1896. Т. 2, вып. 1.
- Абрамишвили 1957 — *Абрамишвили Р. М.* К датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике // ВГМГ. Тбилиси, 1957. Вып. 21. А–В.
- Абрамишвили 1978 — *Абрамишвили Р. М.* Основные итоги археологической экспедиции Большого Тбилиси // Тбилиси. Археологические памятники. Тбилиси, 1978.
- Абрамова 1974 — *Абрамова М. П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. М., 1974. № 2.
- Авенариус 1890 — *Авенариус Н. П.* Дрогочин Надбужский и его древности. Описание некоторых древностей, найденных в Витебской губернии // Древности Северо-Западного края. Т. 1, вып. 1 / МАР. СПб., 1890. № 4.
- Авенариус 1892 — *Авенариус Н. П.* Несколько слов о дрогичинских пломбах // Записки ИРАО. Новая серия. 1892. Т. 6.
- Авенариус 1893 — *Авенариус Н. П.* Заметка о раскопках в Минской губернии в 1889 и 1890 гг. // Труды Виленского отделения Московского предварительного комитета по устройству в Вильне IX Археологического съезда. Вильно, 1893.
- Адрианов 1888 — *Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное летом 1883 по поручению Императорского Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А. В. Адриановым // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. Омск, 1888. Кн. 8, вып. 2.
- Адрианов 1912 — *Адрианов А. В.* Томская старина // Город Томск. Томск, 1912.
- Адрианов 1916 — *Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая (Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия ИАК. Пг., 1916. Вып. 62.
- Адрианов 2008 — *Адрианов А. В.* Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува). Томск, 2008.
- Айбабин, Ачкинази, Голофаст 2003 — *Айбабин А. И., Ачкинази И. В., Голофаст Л. А.* Раскопки зольника римского времени у подножья горы Митридат в Керчи // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Период дестабилизаций и катастроф. Боспорские чтения. VI. / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2005.
- Айналов 1905 — *Айналов Д. В.* Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1.
- Айналов 1917 — *Айналов Д. В.* К вопросу о строительной деятельности св. Владимира // Сборник в память святого равноапостольного кн. Владимира. Пг., 1917.
- Акопян 1985 — *Акопян Т. Х.* Ани — столица средневековой Армении: История и судьбы городища. Ереван, 1985.
- Алексеев 1957 — *Алексеев Л. В.* Лазарь Богша — мастер ювелир XII в. // СА. М., 1957. № 3.
- Алексеев 1981 — *Алексеев А. Ю.* К вопросу о дате сооружения Чертомлыцкого кургана (по керамическим материалам) // АСГЭ. Л., 1981. Вып. 22.
- Алексеев 1982 — *Алексеев А. Ю.* Курган Цимбалка и его датировка // СГЭ. Л., 1982. Вып. 47.
- Алексеев 1985 — *Алексеев А. Ю.* Курган Чмырева Могила и дата его сооружения // СГЭ. Л., 1985. Вып. 50.
- Алексеев 1987 — *Алексеев А. Ю.* О датах скифских курганов Бабы и Раскопана могила // СГЭ. Л., 1987. Вып. 52.

- Алексеев 1992 — *Алексеев А. Ю.* Скифская хроника. СПб., 1992.
- Алексеев 1996 — *Алексеев Л. В.* Археология и краеведение Беларуси. XVI в.–30-е годы XX в. Минск, 1996.
- Алексеев 2003 — *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.
- Алексеев 2004 — *Алексеев А. Ю.* К портрету И. Е. Забелина на фоне археологии // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб., 2004.
- Алексеев, Мурзин, Ролле 1991 — *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Скифский царский курган. Киев, 1991.
- Алексеева 1949 — *Алексеева Е. П.* Позднекобанская культура Центрального Кавказа // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук: 18. Л., 1949. № 85.
- Алексеева 1971 — *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.
- Алексеевская 1915 — *Алексеевская Л. М.* Лира из Керчи // Известия ИАК. Пг., 1915. Вып. 58.
- Алиев 1974 — *Алиев К.* Кавказская Албания (I в. до н. э.–I в. н. э.). Баку, 1974.
- Алпатов 1991 — *Алпатов В. М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
- Ананьич 2007 — *Ананьич Б. В. И. И.* Толстой и петербургское общество накануне революции. СПб., 2007.
- Анохин 1986 — *Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
- Антонова, Филлипенко 1997 — *Антонова И. А., Филлипенко А. Ф.* Монастыри Крыма: история и легенды // Боги Тавриды. История религий народов Крыма. Севастополь, 1997.
- Антонович 1893 а — *Антонович В. Б.* Раскопки в стране древлян // Древности Юго-Западного края / МАР. СПб., 1893. № 11.
- Антонович 1893 б — *Антонович В. Б.* Погребальный тип могил радимичей // АИЗ. М., 1893. Вып. 3.
- Антонович 1894 — *Антонович В. Б.* О раскопках в бывшей земле радимичей // ЧИОНЛ. Киев, 1894. Т. 8.
- Антонович 1895 — *Антонович В. Б.* Археологическая карта Киевской губернии. М., 1895.
- Антонович 1901 а — *Антонович В. Б.* Раскопки курганов в западной Волыни // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1901. Т. 1.
- Антонович 1901 б — *Антонович В. Б.* Археологическая карта Волынской губернии // Там же.
- Антонович 1901 с — *Антонович В. Б.* О каменном веке в западной Волыни // Там же.
- Анучин 1884 — *Анучин Д. Н.* Доисторическая археология Кавказа // ЖМНП. СПб., 1884. Т. 231.
- Анучин 1899 — *Анучин Д. Н.* Россия в археологическом отношении // Энциклопедический словарь. Т. 28. Россия и С–Саваран. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1899.
- Анфим 1877 — *Анфим (Казимиров), игумен.* Историческая записка о Херсонисском Св. Владимира монастыре // Записки ИООИД. Одесса, 1877. Т. 10.
- Анфимов 1958 — *Анфимов Н. В.* Племена Прикубанья в сарматское время // СА. М.; Л., 1958. Т. 18.
- Анфимов 1987 — *Анфимов Н. В.* Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987.
- Апакидзе 1968 — *Апакидзе А. М.* Города древней Грузии. Тбилиси, 1968.
- Аракелян 1975 — *Аракелян Б. Н.* Древний Арташат. Ереван, 1975.
- Аркас, Брун 1872 — *Аркас Н., Брун Ф.* Археологическая разведка некоторой части Ольвии // Записки ИООИД. Одесса, 1872. Т. 8.
- Артамонов 1935 — *Артамонов М. И.* Из истории методики археологических раскопок // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1935. № 1–2.
- Артамонов 1961 — *Артамонов М. И.* Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Л., 1961. Вып. 2.
- Артамонов 1962 — *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
- Артамонов 1966 — *Артамонов А. А.* Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л., 1966.
- Артамонов 1974 — *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974.
- Артамонов 1998 — *Артамонов М. И.* Немировское городище: анализ полевой документации из раскопок 1909–1910 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Т. 6.
- Артюх 2003 — *Артюх Е. А.* Деятельность В. В. Радлова на Алтае (1858–1871) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всероссийской (с междунар. участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. Томск, 1–3 апреля 2003 г. Томск, 2003.

Археология... 2007 — Археология, история и архивное дело России в переписке профессора Д. Я. Самоквасова (1843–1911) / Сост. вступ. статья и коммент. С. П. Щавелева; ред. А. А. Формозов. Курск, 2007.

Архипова 1996 — *Архипова Е. И.* Будівельні матеріали Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві: До 1000-ліття освячення / Ред. П. П. Толочко. Київ, 1996.

Арциховский 1930 — *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.

Арциховский 1948 — *Арциховский А. В.* Забелин-археолог // Историко-археологический сборник. М., 1948.

Арциховский 1953 — *Арциховский А. В.* Пути преодоления влияния Н. Я. Марра в археологии // Против вульгаризации марксизма в археологии. М., 1953.

Атаев 1963 — *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963.

Ахундов 2001 — *Ахундов Т. И.* Северо-Западный Азербайджан в эпоху энеолита и бронзы. Баку, 2001.

Ашик 1848–1849 — *Ашик А. Б.* Боспорское царство. Одесса, 1848–1849. Т. 1–3.

Бадер 1950 — *Бадер О. Н.* Археологические памятники Прикамья. Пермь, 1950.

Бартольд 1966 а — *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1966. Т. 4.

Бартольд 1966 б — *Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года командированного Русским Комитетом проф. В. В. Бартольда // Там же.

Бартольд 1966 с — *Бартольд В. В.* Поездка в Самарканд с археологической целью // Там же.

Бартольд 1977 а — *Бартольд В. В.* История изучения Востока в Европе и России // *Бартольд В. В.* Сочинения. М., 1977. Т. 9.

Бартольд 1977 б — *Бартольд В. В.* Памяти В. А. Жуковского // Там же.

Басаргина 1996 — *Басаргина Е. Ю.* Слово С. А. Жебелева, посвященное памяти Р. Х. Лепера / Подгот. к изд. Е. Ю. Басаргиной // Деятели русской науки: Исторические очерки. СПб., 1996. Вып. 3.

Басаргина 1999 — *Басаргина Е. Ю.* Русский археологический институт в Константинополе: Очерки истории. СПб., 1999.

Басаргина 2008 а — *Басаргина Е. Ю.* Императорская Академия наук на рубеже XIX–XX веков (Очерки истории) / Отв. ред. И. П. Медведев, Б. И. Козлов. М., 2008.

Басаргина 2008 б — *Басаргина Е. Ю.* К биографии Р. Х. Лепера // История и практика археологических исследований: Материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына. Санкт-Петербург. 26–30 ноября 2008 г. / Ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб., 2008.

Батчаев 1985 — *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985.

Баукова 2006 — *Баукова А.* Вплив Імператорської археологічної комісії на дослідження античних пам'яток Керченського півострова // Археологічні дослідження Львівського університету. Львів, 2006. Вип. 9.

Бахмат 1964 — *Бахмат К. П.* Вікентій Вячеславович Хвойка (до 50-річчя з дня смерті) // Археологія. Київ, 1964. Т. 17.

Беленицкий, Зеймаль 1985 — *Беленицкий А. М., Зеймаль Е. В.* Рукописное наследие Я. И. Смирнова // Художественные памятники и проблемы культуры Востока / Науч. ред. В. Г. Луконин. Л., 1985.

Белецкий, Виноградов 2004 — *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Фресковые и эпиграфические находки в Сентинском храме // РА. М., 2004. № 3.

Белецкий, Виноградов 2005 — *Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю.* Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в. // РА. М., 2005. № 1.

Белов 1927 — *Белов Г. Д.* Римские приставные склепы № 1013 и 1014 в Херсонесе // ХСб. Севастополь, 1927. Вып. 2.

Белов 1948 — *Белов Г. Д.* Херсонес Таврический. Л., 1948.

Беляев 1977 — *Беляев Л. А.* Раскопки (археологический комплекс) // Методика реставрации памятников архитектуры / Ред. Е. В. Михайловский. М., 1977.

Беляев 1991 — *Беляев Л. А.* Проведение археологических исследований при реставрации памятников истории и культуры. 2-е изд. М., 1991.

- Беляев 1998 — *Беляев Л. А.* Христианские древности. Введение в сравнительное изучение. М., 1998.
- Беляев 2001 — *Беляев Л. А.* Христианские древности: Введение в сравнительное изучение. 2-е изд. М., 2001.
- Беньковский 1904 — *Беньковский П.* О терракотовых повозках из Пантикапея // Известия ИАК. СПб., 1904. Вып. 9.
- Бердинских 2003 — *Бердинских В. А.* Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003.
- Бердинских 2005 — *Бердинских В. А.* История кладоискательства в России. М., 2005.
- Бердяев 1990 — *Бердяев Н. А.* Самопознание. М., 1990.
- Березовская 1992 — *Березовская Л. Ю.* Фотографии древностей Минусинского и Красноярского музеев в собрании фотоархива ЛОИА АН СССР // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края: Сб. науч. трудов. Красноярск, 1992. Т. 1.
- Берже 1876 — *Берже А. П.* Записки об археологии Кавказа // Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге. 1872. СПб., 1876. Т. 1.
- Бертъе-Делагард 1893 — *Бертъе-Делагард А. Л.* Раскопки Херсонеса // Древности Южной России. Т. 5 / МАР. СПб., 1893. № 12.
- Бертъе-Делагард 1907 — *Бертъе-Делагард А. Л.* О Херсонесе // Известия ИАК. СПб., 1907. Вып. 21.
- Берх 1821 — *Берх В. Н.* Путешествие в Чердынь и Соликамск. СПб., 1821.
- Бессонова 1966 — *Бессонова С. С.* Глиняні жертвовники лісостепового Подніпров'я ранньоскіфського часу // Археологія. Київ, 1966. № 4.
- Бессонова 1983 — *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
- Бессонова, Скорый 2001 — *Бессонова С. С., Скорый С. А.* Мотронинское городище скифской эпохи. Киев, 2001.
- Бетровов, Нагоев 1984 — *Бетровов Р. Ж., Нагоев А. Х.* Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1.
- Бич 1948 — *Бич О. И.* Архив А. А. Спицына // СА. М.; Л., 1948. Т. 10.
- Бич 1958 — *Бич О. И.* Архивные данные о статуях, найденных в Керчи в 1850 г. // СА. М., 1958. Т. 28.
- Блаватский 1951 — *Блаватский В. Д.* Материалы по истории Пантикапея. План города // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. I / Ред. В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков / МИА. 1951. № 19.
- Блаватский 1953 — *Блаватский В. Д.* История античной расписной керамики. М., 1953.
- Блаватский 1964 — *Блаватский В. Д.* Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М., 1964.
- Блаватский 1967 — *Блаватский В. Д.* Античная полевая археология. М., 1967.
- Блохин, Яворская 2006 — *Блохин В. Г., Яворская Л. В.* Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград, 2006.
- Бобринской 1887 — *Бобринской А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб. 1887. Т. 1.
- Бобринской 1890 — *Бобринской А. А.* Доклад о действиях Археологической комиссии за 1888 г. // Отчет ИАК за 1882–1888 гг. СПб., 1890.
- Бобринской 1893 — *Бобринской А. А.* Описание могил, открытых в 1891 г. в дер. Капканы близ Еникале // Отчет ИАК за 1891 г. СПб., 1893.
- Бобринской 1894 — *Бобринской А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб. 1894. Т. 2.
- Бобринской 1897 — *Бобринской А. А.* Сведения о различных курганах и земляных сооружениях, находящихся в Зеньковском у. Полтавской губ. в окрестностях с. Глиница и на границе Полтавской и Харьковской губерний // Отчет ИАК за 1895 г. СПб., 1897.
- Бобринской 1901 — *Бобринской А. А.* Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. СПб., 1901. Т. 3.
- Бобринской 1902 — *Бобринской А. А.* Отчет о раскопках в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1901 году // Известия ИАК. СПб., 1902. Вып. 2.
- Бобринской 1905 а — *Бобринской А. А.* Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 14.

- Бобринской 1905 б — *Бобринской А. А.* Отчет о раскопках близ сел Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губернии) // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 17.
- Бобринской 1905 с — *Бобринской А. А.* Херсонес Таврический: исторический очерк. СПб., 1905.
- Бобринской 1906 — *Бобринской А. А.* Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1905 году // Известия ИАК. СПб., 1906. Вып. 20.
- Бобринской 1907 — *Бобринской А. А.* Киевская губерния (раскопки А. А. Бобринского) // Отчет ИАК за 1904 г. СПб., 1907.
- Бобринской 1910 а — *Бобринской А. А.* Исследования в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1907 году // Известия ИАК. СПб., 1910. Вып. 35.
- Бобринской 1910 б — *Бобринской А. А.* Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1907 году // Там же.
- Бобринской 1911 — *Бобринской А. А.* Отчет об исследованиях в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 году // Известия ИАК. СПб., 1911. Вып. 40.
- Бобринской 1912 — *Бобринской А. А.* Киевская губерния (раскопки графа А. А. Бобринского) // Отчет ИАК за 1908 г. СПб., 1912.
- Бобринской 1913 — *Бобринской А. А.* Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1911 году // Известия ИАК. СПб., 1913. Вып. 49.
- Бобринской 1914 — *Бобринской А. А.* Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1912 году // Известия ИАК. СПб., 1914. Вып. 54.
- Бобринской 1916 — *Бобринской А. А.* Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году // Известия ИАК. СПб., 1916. Вып. 60.
- Бобринской 2003 — *Бобринской А. А.* Граф Алексей Александрович Бобринской. 1852–1927. Сын об отце / Подгот. к публикации, предисл. и примеч. И. Л. Тихонова // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2003. Вып. 4.
- Болсуновский 1908 — *Болсуновский К. В.* Родовой знак Рюриковичей, великих князей киевских. Киев, 1908.
- Болтрик 1982 — *Болтрик Ю. В.* Исследование кургана Огуз // АО за 1981 г. М., 1982.
- Болтрик, Фиалко 2009 — *Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е.* Оружие из скифского кургана Огуз // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. X / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2009.
- Бонгард-Левин 1997 — *Бонгард-Левин Г. М.* Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии // Скифский роман / Ред. Г. М. Бонгард-Левин. М., 1997.
- Бонитенко 2000 — *Бонитенко А. К.* «Я беззаветно служил искусству всю свою жизнь». Из воспоминаний академика архитектуры В. В. Сулова // Люди и судьбы на рубеже веков. Воспоминания. Дневники. Письма. 1895–1925 / Ред. А. К. Бонитенко. СПб., 2000.
- Боровкова 1999 — *Боровкова В. Н.* Коллекционеры и торговцы керченскими древностями // Древности Керчи. Керчь, 1999. Вып. 4.
- Бороздин 1912 — *Бороздин И.* Русская археология в 1911 г. // Известия ИАК. СПб., 1912. Вып. 21. Прибавления к вып. 44. Хроника и библиография.
- Бочарников 1885 — *Бочарников С.* О памятниках древности в г. Зарайске и его окрестностях // Древности. Труды ИМАО. М., 1885. Т. 10.
- Бочкарев и др. 1983 — *Бочкарев В. С., Шарафутдинова Э. С., Резепкин А. Д., Трифонов В. А., Бестужев Г. Н.* Работы Кубанской экспедиции в 1978–1980 гг. // Древние культуры евразийских степей. Л., 1983.
- Брайчевський 1989 — *Брайчевський М. Ю.* В. В. Хвойка та Імператорська археологічна комісія // Археологія. Київ, 1989. № 3.
- Бранденбург 1895 — *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // МАР. СПб., 1895. № 18.
- Бранденбург 1896 — *Бранденбург Н. Е.* Старая Ладога / Рисунки и техническое описание ак. В. В. Сулова. СПб., 1896.
- Браун 1906 — *Браун Ф. А.* Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // Известия ИАК. СПб., 1906. Вып. 19.
- Брашинский 1976 — *Брашинский И. Б.* Аттическая расписная и чернолаковая керамика V в. до н. э. из Елизаветовского могильника // ТГЭ. Л., 1976. Вып. 17.

- Брашинский 1984 — *Брашинский И. Б.* Методы исследования античной торговли. Л., 1984.
- Брун 1863 — *Брун Ф.* Донесение о поездке к устьям Буга и Днепра // Записки ИООИД. Одесса, 1863. Т. 5.
- Брунов 1940 — *Брунов Н.* Памяти Д. В. Айналова // Архитектура СССР. М., 1940. № 4.
- Бузескул 1924 — *Бузескул В. П.* Открытия XIX и начала XX в. в области истории древнего мира. Ч. 2: Греческий мир. Пг., 1924.
- Бузескул 1927 — *Бузескул В. П.* Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения греческой и мировой истории. Киев, 1927.
- Булычев 1899 а — *Булычев Н. И.* Журнал раскопок 1899 г. по берегам Оки. М., 1899.
- Булычев 1899 б — *Булычев Н. И.* Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.
- Буниятов 1933 — *Буниятов Н. Г.* Языческий храм при дворце Трдата в крепости Гарни. Ереван, 1933.
- Бутягин 1996 — *Бутягин А. М.* Хронология Семибратних курганов и история Синдики // Курганы: историко-культурные исследования и реконструкции: ТД тематической науч. конф. СПб., 1996.
- Бутягин 2003 — *Бутягин А. М.* Средневековый некрополь Мирмекия // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2003.
- Бутягин 2005 — *Бутягин А. М.* К интерпретации зольников Мирмекия (свидетельства Павсания и боспорская культовая практика) // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников / ММНК. Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2005.
- Бутягин, Виноградов 2006 — *Бутягин А. М., Виноградов Ю. А.* Мирмекий в свете новых археологических открытий. СПб., 2006.
- Бутягин, Чистов 2007 — *Бутягин А. М., Чистов Д. Е.* Святилища Мирмекия VI–IV вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Боспорские чтения. VIII / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2007.
- Бухерт 2000 — *Бухерт В. Г. С. Ф.* Платонов и кружок русских историков // АЕ за 1999 г. М., 2000.
- Бэр 1863 — *Бэр К. М.* О древнейших обитателях Европы // Записки ИРГО. СПб., 1863. Кн. 1.
- Бэр 1864 — *Бэр К. М.* О первоначальном состоянии человека в Европе // Месяцеслов за 1864 (високосный) г. Приложение. СПб., 1864.
- Бэр, Шифнер 1862 — *Бэр К. М., Шифнер А. А.* О собирании доисторических древностей в России для этнографического музея // Записки ИАН. СПб., 1862. Т. 1, кн. 1.
- В. И. Ленин. Биографическая хроника 1976 — *В. И. Ленин.* Биографическая хроника. Т. 7. Март — ноябрь 1919 г. М., 1976.
- Вадецкая 1973 — *Вадецкая Э. Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия Лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. 6.
- Вадецкая 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах. Новосибирск, 1981.
- Вайнштейн 1972 — *Вайнштейн С. И., Кляшторный С. Г.* В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник 1971. М., 1972.
- Варнеке 2002 — *Варнеке Б. В.* Материалы для биографии Н. П. Кондакова / Публ. И. В. Тункиной // Диаспора. IV. Новые материалы. Париж; СПб., 2002.
- Васильев 2001 / 2002 — *Васильев С. А.* Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // Stratum Plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2001 / 2002. № 1.
- Васильев 2008 — *Васильев С. А.* Древнейшее прошлое человечества: Поиск российских ученых. СПб., 2008.
- Васильева 2000 — *Васильева Р. В.* Главное археологическое учреждение царской России: Императорская археологическая комиссия. 1859–1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства. Прошлое и современность. Ученые и политики об историческом и культурном достоянии. СПб., 2000. Вып. 2.
- Васильева 2001 — *Васильева Р. В.* Документы Н. П. Кондакова в рукописном архиве Института истории материальной культуры РАН (Краткий обзор) // Никодим Павлович Кондаков. 1844–1925. Личность, научное наследие, архив: К 150-летию со дня рождения. СПб., 2001.
- Вахтина 1991 — *Вахтина М. Ю.* «Скифский путь» в Прикубанье и некоторые древности Крыма в эпоху архаики // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж; Белгород, 1991.

Вахтина 1993 — *Вахтина М. Ю.* Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор (Материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993.

Вахтина 1999 — *Вахтина М. Ю.* О некоторых греческих элементах женского погребения в кургане Карагодеуашх // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. ММНК. Декабрь 1999 / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 1999.

Вахтина 2002 — *Вахтина М. Ю.* Еще раз о погребении в кургане Темир-Гора и некоторых вопросах греческой колонизации Киммерийского Боспора // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. [Боспорские чтения. III] / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2002.

Вахтина 2004 — *Вахтина М. Ю.* Об иконографии женских божеств на зеркале и ритоне из Келермеса // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. 7.

Вейнер 2008 — *Вейнер П. П.* Библиографические листки. «Старые годы», их история и критика en connaissance de cause (комментарии) / Вступ. статья, сост., коммент. И. А. Золотинкиной. СПб., 2008.

Векилова 1953 — *Векилова Е. А.* Палеолитическая стоянка Боршево 1 // Палеолит и неолит СССР. Ред. А. П. Окладников / МИА. 1953. № 39.

Вельмин 1910 — *Вельмин С. П.* Археологические изыскания ИАК в 1908 и 1909 гг. на территории Древнего Киева // Военно-исторический вестник. Киев, 1910. № 7–8.

Вельтман 1860 — *Вельтман А. Ф.* Царский золотой венец и царские утвари, присланные греческим императором Василием и Константином первовенчанному великому князю Владимиру Киевскому // ЧОИДР. М., 1860. Кн. 1.

Верхоланцев 1913 — *Верхоланцев В. С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1913.

Веселовский 1887 — *Веселовский Н. И.* Отзыв о научной деятельности барона В. Г. Тизенгаузена // Записки ИРАО. Новая серия. СПб., 1887. Т. 2.

Веселовский 1888 — *Веселовский Н. И.* Сообщение Н. И. Веселовского о курганах в Бердянском уезде, читанное в Общем собрании ИРАО 20 октября 1887 г. // Записки ИРАО. СПб., 1888. Т. 3.

Веселовский 1900 — *Веселовский Н. И.* История императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования 1846–1896. СПб., 1900.

Веселовский 1910 — *Веселовский Н. И.* Алебастровые и глиняные статуэтки домикенской культуры в курганах южной России и на Кавказе // Известия ИАК. СПб., 1910. Вып. 35.

Веселовский 1913 — *Веселовский Н. И.* О раскопках в Кубанской губ. // Отчет ИАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913.

Веселовский 1918 — *Веселовский Н. И.* Бронзовый панцирный нагрудник с изображением головы Медузы // Известия ИАК. Пг., 1918. Вып. 65.

Вздорнов 1986 — *Вздорнов Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи: XIX в. М., 1986.

Вздорнов 1989 — *Вздорнов Г. И.* Волотово. Фрески церкви Успения на Волотовом поле близ Новгорода. М., 1989.

Вздорнов 2006 — *Вздорнов Г. И.* Реставрация и наука: очерки по истории открытия и изучения древнерусской живописи. М., 2006.

Винберг 1965 — *Винберг Н. А.* Некоторые вопросы советской отраслевой библиографии по археологии (из опыта работы библиотеки Ленинградского отделения Института археологии АН СССР) // 250 лет Библиотеке Академии наук СССР. М.; Л., 1965.

Виноградов 1972 — *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV вв. до н. э.). Грозный, 1972.

Виноградов 1989 — *Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н. э. М., 1989.

Виноградов 1992 — *Виноградов Ю. А.* Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Виноградов 1993 а — *Виноградов Ю. А.* Курган Ак-Бурун (1875 г.) // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М. И. Ростовцева). Новочеркасск, 1993.

Виноградов 1993 б — *Виноградов Ю. А.* О ритонах из кургана Карагодеуашх // ПАВ. СПб., 1993. № 6.

Виноградов 1998 — *Виноградов Ю. А.* О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны // Таманская старина. СПб., 1998. Вып. 1.

Виноградов 2000 — *Виноградов Ю. А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // Stratum Plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 3.

- Виноградов 2001 — *Виноградов Ю. А.* Из истории археологических раскопок на мысе Ак-Бурун под Керчью // АВ. СПб., 2001. № 8.
- Виноградов 2004 а — *Виноградов Ю. А.* «Там закололся Митридат...». Военная история Боспора Киммерийского в доримскую эпоху. СПб., 2004.
- Виноградов 2004 б — *Виноградов Ю. А.* Курган Малая Близница (история изучения и датировка) // БИ. Симферополь; Керчь, 2004. Вып. 7.
- Виноградов 2005 а — *Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 2005.
- Виноградов 2005 б — *Виноградов Ю. А.* Бронзовый панцирь из Елизаветинского кургана // Боспорский феномен: Проблема письменных и археологических источников. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2005.
- Виноградов 2006 — *Виноградов Ю. А.* Счастливый город в войне. Военная история Ольвии Понтийской (VI в. до н. э.–IV в. н. э.). СПб., 2006.
- Виноградов 2007 а — *Виноградов Ю. А.* Золотой курган (Алтын-Оба) // БИ. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. 17.
- Виноградов 2007 б — *Виноградов Ю. А.* Большой лекиф Ксенофанта. СПб., 2007.
- Виноградов, Дешпуева 1987 — *Виноградов В. Б., Дешпуева Д. Е.* Монетные находки и клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII века) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.
- Виноградов, Никоноров 2007 — *Виноградов Ю. А., Никоноров В. П.* Деревянная основа седла из керченского кургана второй половины IV в. до н. э. // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна. Матеріали Міжнародної наукової конференції. Київ; Чигирин, 2007.
- Виноградов, Шауб 2007 — *Виноградов Ю. А., Шауб И. Ю.* Погребения с фигурными сосудами из некрополя Фанагории // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2007. Ч. 1.
- Вишневский 1961 — *Вишневский Б. Н.* Географ-краевед И. Я. Кривошеков. Пермь, 1961.
- Власов 2003 — *Власов В. П.* Лепная керамика первых веков н. э. из зольника Пантикапея // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2003.
- Власова 2004 — *Власова Е. В.* Курган Васюринская гора на Таманском полуострове // Эллинистические штудии в Эрмитаже. СПб., 2004.
- Власова 2005 — *Власова Е. В.* Семибратние курганы. Синды // Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. СПб., 2005.
- Волков 1913 — *Волков Ф. К.* Новейшие направления в антропологических науках и ближайшие задачи антропологии в России // Ежегодник Русского антропологического общества при Санкт-Петербургском университете. СПб., 1913. Т. 4.
- Волков 1915 — *Волков Ф. К.* Антропология и ее университетское преподавание // Там же. СПб., 1915. Т. 5.
- Вольтер 1890 — *Вольтер Э. А.* Материалы для этнографии латышских племен Витебской губернии. Часть 1. Праздники и семейные песни латышей // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1890. Т. 15, вып. 1.
- Воронин 1948 — *Воронин Н. Н.* Развитие славяно-русской археологии в СССР // Славяне. М., 1948. № 7.
- Воронин 1951 — *Воронин Н. Н.* Некоторые вопросы методики раскопок древнерусского города // КСИИМК. М., 1951. Вып. 38.
- Воронин, Раппопорт 1979 — *Воронин Н. Н., Раппопорт П. А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979.
- Воронина 2007 — *Воронина Р. Ф.* Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX–начало XI века. По материалам Цинской археологической экспедиции 1983–1985 гг. М., 2007.
- Воронов 1969 — *Воронов Ю. Н.* Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969.
- Воронов 1975 — *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.
- Воронов 1979 — *Воронов Ю. Н.* Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979.
- Воронов 1980 — *Воронов Ю. Н.* Диоскуриада–Сébastополіс–Цхум. М., 1980.
- Высочайшее посещение 1904 — Высочайшее посещение Императорской Археологической Комиссии // Известия ИАК. СПб., 1904. Прибавление к вып. 9. Хроника и библиография. Вып. 5.

- Высочайшие посещения 1914 — Высочайшие посещения Императорской Археологической Комиссии и музеев // Известия ИАК. СПб., 1914. Прибавление к вып. 56. Хроника и библиография. Вып. 26.
- Выставка древностей 1891 — Выставка древностей, доставленных в Археологическую комиссию в 1888–1890 гг. СПб., 1891.
- Вяткин 1927 — *Вяткин В.* Афрасиаб — городище бывшего Самарканда: Археологический очерк. Ташкент, 1927.
- Гаврилов 2007 — *Гаврилов А. К.* Петербург в судьбе Генриха Шлимана. СПб., 2007.
- Гаджиев 1991 — *Гаджиев М. Г.* Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1991.
- Гадло 1974 — *Гадло А. В.* Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
- Гайдукевич 1934 — *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора // Из истории Боспора / ИГАИМК. Л., 1934. Вып. 104.
- Гайдукевич 1941 а — *Гайдукевич В. Ф.* Археологическое изучение Мирмекия // Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Ред. С. А. Жебелев, В. Ф. Гайдукевич / МИА. М.; Л., 1941. № 4.
- Гайдукевич 1941 б — *Гайдукевич В. Ф.* Укрепленная villa rustica на Темир-горе // СА. М.; Л., 1941. Т. 7.
- Гайдукевич 1949 — *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. Л.; М., 1949.
- Гайдукевич 1955 — *Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья (краткий очерк) // АГСП. М.; Л. 1955. Вып. 1.
- Гайдукевич 1958 а — *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948–1953 гг. // Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946–1953 гг. / Ред. В. Ф. Гайдукевич, Т. Н. Книпович / МИА. М.; Л., 1958. № 85.
- Гайдукевич 1958 б — *Гайдукевич В. Ф.* Виноделие на Боспоре // Там же.
- Гайдукевич 1959 — *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекий. Советские раскопки в 1956 г. Варшава, 1959.
- Гайдукевич 1965 — *Гайдукевич В. Ф.* Мирмекийские зольники-эсхары // КСИА. М., 1965. Вып. 103.
- Гайдукевич 1987 — *Гайдукевич В. Ф.* Античные города Боспора: Мирмекий. Л., 1987.
- Гайдуков 2008 а — *Гайдуков П. Г.* Иван Иванович Толстой как коллекционер // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. III.
- Гайдуков 2008 б — *Гайдуков П. Г.* К 150-летию со дня рождения Ивана Ивановича Толстого // РА. М., 2008. № 4.
- Галай 2004 — *Галай Ю. Г.* Отечественное законодательство XVIII–XX вв. по охране памятников археологии // Нижегородские исследования по краеведению и археологии: Сб. науч. и метод. статей. Нижний Новгород, 2004.
- Галай 2006 — *Галай Ю. Г.* «Комиссия Горького» и проблема сбережения памятников истории и культуры при Временном правительстве // Человек и мир в творчестве М. Горького. Горьковские чтения 2006 г. Материалы Международной конференции. Нижний Новгород, 2006.
- Галанина 1962 — *Галанина Л. К.* Панафинейская амфора — награда атлету в Афинах. Л., 1962.
- Галанина 1977 — *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга) // САИ. М., 1977. Вып. Д1–33.
- Галанина 1980 — *Галанина Л. К.* Курджипский курган. Л., 1980.
- Галанина 1997 — *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. М., 1997. Т. I.
- Гамкрелидзе 1977 — *Гамкрелидзе Т. А.* Материалы к истории археологии в Грузии во второй половине XIX века // Исторический сборник АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1977. Вып. 7.
- Ганзенко и др. 1996 — *Ганзенко Л. Г., Кореньюк Ю. О., Медникова О.* Нові дослідження археологічних колекцій стінопису Десятинної церкви та прилеглих споруд // Церква Богородиці Десятинна в Києві: До 1000-ліття освячення / Ред. П. П. Толочко. Київ, 1996.
- Герц 1870 — *Герц К. К.* Археологическая топография Таманского полуострова. М., 1870.
- Глаголев 1839, 1841 — *Глаголев А. А.* Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые при Статистическом отделении Совета Министерства внутренних дел. СПб., 1839, 1841. Т. 1–2.
- Гладкий 1916 — *Гладкий И. Е.* Хищнические раскопки близ станицы Таманской, Кубанской области, в 1916 г. Екатеринодар, 1916.

Глазенап 1909 — Глазенап С. Раскопки обсерватории Улуг-бека в Самарканде // Известия ИАК. СПб., 1909. Прибавление к вып. 31. Хроника и библиография. Вып. 15.

Глазов 1904 — Глазов В. Н. Отчет о поездке 1903 г. в Крестецкий уезд Новгородской губернии // Известия ИАК. СПб., 1904. Вып. 6.

Гнездовский могильник 1999 — Гнездовский могильник. Исследования и публикации. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ) / Ред. В. Л. Егоров. М., 1909.

Гобеджишвили 1971 — Гобеджишвили Г. Ф. Эпоха поздней бронзы и раннего железа в Грузии // Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1971. Т. 1.

Гобеджишвили 1980 — Гобеджишвили Г. Ф. Бедени — культура курганных погребений. Тбилиси, 1980.

Голдина 1985 — Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

Горбунова 1971 — Горбунова К. С. Серебряные килики с гравированными изображениями из Семибратних курганов // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.

Горбунова, Передольская 1961 — Горбунова К. С., Передольская А. А. Мастера греческих расписных ваз. Л., 1961.

Гордиенко 2008 — Гордиенко Э. А. Новгородские иконы святителя Николы на круглой доске // Новгородский исторический сборник. СПб., 2008. Вып. 11 (21).

Городцов 1897 а — Городцов В. А. Жилища неолитической эпохи в долине р. Оки в связи с открытиями в окрестностях с. Дубровичи Рязанского уезда // Труды VIII Археологического съезда в Москве. 1890. М. 1897. Т. 3.

Городцов 1897 б — Городцов В. А. Следы неолитических стоянок в окрестностях Нижнего Новгорода // АИЗ. М., 1897. Т. 5.

Городцов 1905 — Городцов В. А. Материалы для археологической карты долины и берегов р. Оки // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. М., 1905. Т. 1.

Городцов 1907 — Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 1905. М., 1907. Т. 1.

Городцов 1909 — Городцов В. А. Остатки неолитических стоянок в с. Сормове // ИДУАК. Т. 7. Сб. в память В. И. Срезневского. Нижний Новгород, 1909.

Городцов 1910 — Городцов В. А. Бытовая археология (курс лекций). М., 1910.

Городцов 1911 — Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. 1908. М., 1911. Т. 3.

Горончаровский 2003 — Горончаровский В. А. Между империей и варварами: Военное дело Боспора римского времени. СПб., 2003.

Горький 1938 — Горький М. Херсонес Таврический // Исторический журнал. М., 1938. № 3.

Грач 1955 — Грач А. Д. Археологические исследования в Западной Туве // КСИЭ. М., 1955. Вып. 23.

Грач 1984 — Грач Н. Л. Круглодонные серебряные сосуды из кургана Куль-Оба (к вопросу о мастерских) // ТГЭ. Л., 1984. Вып. 24.

Грехова, Попова, Раушенбах, Цветкова 1970 — Грехова Л. В., Попова Т. Б., Раушенбах В. М., Цветкова И. К. Карта памятников палеолита, мезолита и неолита в Окском бассейне // Грехова Л. В., Полякова Г. Ф., Попова Т. Б., Раушенбах В. М., Цветкова И. К. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Ред. В. М. Раушенбах / Труды ГИМ. М., 1970. Вып. 44.

Грибанова 1996 — Грибанова Н. «Втрачене» джерело про археологічні дослідження 1908–1914 рр. // Церква Богородиці Десятинна в Києві: До 1000-ліття освячення / Ред. П. П. Толочко. Київ, 1996.

Григорьев 1861 — Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева. СПб., 1861.

Гриневич 1926 — Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического I. Подстенный склеп и ворота Херсонеса, открытые в 1899 г. // ХСб. Севастополь, 1926. Вып. 1.

Гриневич 1927 — Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827–1927 гг.). Севастополь, 1927.

Гриневич 1930 — Гриневич К. Э. Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р. Х. Лепера // ХСб. Севастополь, 1930. Вып. 3.

Гриневич 1946 — Гриневич К. Э. Оборона Боспора Киммерийского // ВДИ. М., 1946. № 2.

Гриневич 1952 — Гриневич К. Э. Юз-Оба (Боспорский могильник IV в. до н. э.) // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. Т. 1.

Гуммель 1940 — Гуммель Я. И. Археологические очерки. Баку, 1940.

- Гурулева 2005 — *Гурулева В. В.* С. Г. Строганов — первый президент Императорской Археологической комиссии // Хранитель. Исследователь. Учитель. К 85-летию В. М. Потина: Сб. науч. статей. СПб., 2005.
- Гущин 1936 — *Гущин А. С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л., 1936.
- Д. В. Милеев 1915 — Д. В. Милеев // Архитектурно-художественный еженедельник. СПб., 1915. № 17.
- Давудов 1974 — *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.
- Данилевич 1913 — *Данилевич В. Е.* Остатки неолитической культуры на территории Херсонеса // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 19. Памяти профессора Е. К. Редина (†27 апреля 1908 г.). Харьков, 1913.
- Данилов 1886 — *Данилов И.* Правительственные распоряжения относительно древностей с императора Петра I, особенно в царствование императора Александра II // ВИА. СПб., 1886. Вып. 6.
- 200-летие Кабинета 1911–200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704–1904: Историческое исследование. СПб., 1911.
- Девель 1994 — *Девель Т. М.* Альбом фотографий миссии полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару 1858 г. // Страны и народы Востока (география, этнография, история, культура). СПб., 1994. Вып. 28.
- Деген 1941 — *Деген Б. Е.* Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Ред. М. И. Артамонов / МИА. М.; Л., 1941. № 3.
- Дедабришвили 1979 — *Дедабришвили Ш. Ш.* Курганы Алазанской долины. Тбилиси, 1979.
- Декреты Советской власти 1971 — Декреты Советской власти: 1 апреля–31 июля 1919 г. М., 1971. Т. 5.
- Деопик, Крупнов 1961 — *Деопик Д. В., Крупнов Е. И.* Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
- Джавахишвили 1973 — *Джавахишвили А. И.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V–III тыс. до н. э. Тбилиси, 1973.
- Джавахишвили, Глonti 1962 — *Джавахишвили А. И., Глonti Л. И.* Археологические раскопки, проведенные в 1954–1961 гг. на селище Квацхелеби. Тбилиси, 1962.
- Джапаридзе 1998 — *Джапаридзе О. М.* К этнокультурной истории грузинских племен в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1998.
- Джапаридзе 2003 — *Джапаридзе О. М.* У истоков истории Грузии. Тбилиси, 2003.
- Дирин 1896 — *Дирин А. А.* Мыс «Зюк» и сделанные на нем археологические находки // Записки ИООИД. Одесса, 1896. Т. 19.
- Длужневская 1987 — *Длужневская Г. В.* Неопубликованные материалы археологического наследия В. В. Баргольда // Баргольдовские чтения. 1987. М., 1987. Ч. 8.
- Длужневская 2003 а — *Длужневская Г. В.* Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН // АВ. СПб., 2003. № 10.
- Длужневская 2003 б — *Длужневская Г. В.* Из истории одной фотографии // Культурное наследие Российского Государства. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии. СПб., 2003. Вып. 4.
- Длужневская 2005 — *Длужневская Г. В.* Фонд «Библиотека Мраморного Дворца» в научном архиве ИИМК РАН // АВ. СПб., 2005. № 12.
- Длужневская 2006 а — *Длужневская Г. В.* Императорская Археологическая комиссия — главное археологическое учреждение Российской империи (1859–1917 гг.) // Записки ИИМК РАН. СПб., 2006. № 1.
- Длужневская 2006 б — *Длужневская Г. В.* Императорская Археологическая комиссия на службе российской истории и культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. СПб., 2006. Вып. 4.
- Длужневская 2006 с — *Длужневская Г. В.* Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2006.
- Длужневская 2007 а — *Длужневская Г. В.* Фотографы Императорской Археологической комиссии // АВ. М., 2007. № 14.
- Длужневская 2007 б — *Длужневская Г. В.* Уральский регион в исследованиях Императорской Археологической комиссии // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2007. № 49.
- Длужневская 2008 — *Длужневская Г. В.* Историко-археологическое наследие Азиатской России в фото документах второй половины XIX–первой половины XX в. (по фондам научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук): Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008.

Дневник раскопок 1915 — Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 г. М., 1915.

Доклады 1914 — Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А. А. Бобринском, Е. М. Придилом, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон-Штерном // МАР. СПб., 1914. № 34.

Долбежев 1888 — *Долбежев В. И.* Об орнаментах и формах бронз, находимых в доисторическом кладбище близ селения Уолла-Кобан (Терской области) // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 6. Приложение. Тифлис, 1888.

Древнейшие государства... 1985 — Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Древние христианские храмы 1897 — Древние христианские храмы, принадлежащие св. Александру-Афонскому монастырю в Зеленчукском ущелье Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского уезда. Одесса, 1897.

Древний город Нимфей 1999 — Древний город Нимфей: Каталог выставки. СПб., 1999.

Древности 1904 — Древности. Труды ИМАО. 1904. Т. 2, вып. 1.

Древности 1907 — Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников ИМАО. М., 1907. Т. 1.

Древности 1909 — Древности. Труды ИМАО. Протоколы. М., 1909. Т. 22, вып. 1.

Древности 1912 — Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников ИМАО. М., 1912. Т. 4.

Древности камской чуди 1902 — Древности камской чуди по коллекции Теплоухова: Атлас рисунков с предисл. А. А. Спицына // МАР. СПб., 1902. № 26.

Древности Камы 1933 — Древности Камы по раскопкам А. А. Спицына // Материалы ГАИМК. Л., 1933. Вып. 2.

Древности Северо-Западного края 1893 — Древности Северо-Западного края. Т. 1, вып. 2. Люцинский могильник / МАР. СПб., 1893. № 14.

Древности... 1866 — Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. Вып. 1 / МАР. СПб., 1866. № 1.

Древности... 1873 — Древности Геродотовой Скифии: Сборник описаний археологических раскопок и находок в черноморских степях. Вып. 2 / МАР. СПб., 1873. № 2.

Думберг 1901 — *Думберг К. Е.* Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1899 г. // Известия ИАК. СПб., 1901. Вып. 1.

Думберг 1902 — *Думберг К. Е.* Извлечение из отчета о раскопках гробниц в 1900 г. // Известия ИАК. СПб., 1902. Вып. 2.

Дьяконов 1968 — *Дьяконов И. М.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968.

Дэвлет 1963 — *Дэвлет М. А.* Д. А. Клеменц как археолог // СА. М., 1963. № 4.

Дэвлет 1996 — *Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея. М., 1996.

Дэвлет 2004 — *Дэвлет М. А.* Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово, 2004.

Елшин 2006 — *Елшин Д. Д.* К вопросу о реконструкции первоначального ядра Десятинной церкви в Киеве // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. ТД конференции. СПб., 2006.

Елшин 2007 — *Елшин Д. Д.* Раскопки Императорской Археологической комиссии в Киеве 1908–1914 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. СПб., 2007. Вып. 4.

Елшин 2008 — *Елшин Д. Д.* Комплекс монументальных сооружений конца X в. на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2008.

Еремеев, Дзюба, Лисицына 2007 — *Еремеев И. И., Дзюба О. Ф., Лисицына О. В.* Древнее расселение и земледелие на восточном берегу оз. Ильмень по данным археологии и палеогеографии // Записки ИИМК РАН. СПб., 2007. № 2.

Ернштедт 1955 — *Ернштедт Е. В.* Монументальная живопись Северного Причерноморья (общий обзор памятников живописи) // АГСП. М.; Л., 1955. Вып. 1.

Есаян 1966 — *Есаян С. А.* Оружие и военное дело древней Армении. Ереван, 1966.

Есаян 1976 — *Есаян С. А.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении. Ереван, 1976.

Есаян 1977 — *Есаян С. А.* Армения и русские археологи // Научно-информационный бюллетень АН Армянской ССР. Сер. 4. Научно-аналитический обзор. Ереван, 1977.

- Ефименко 1916 — *Ефименко П. П.* Некоторые находки каменных орудий в Тверской и Новгородской губерниях и их место в системе европейской палеоэтнологии // Русский антропологический журнал. М., 1916. № 1 / 2.
- Ешевский 1859 — *Ешевский С. В.* Заметка о пермских древностях // Пермский сборник. М., 1859. Вып. 1.
- Жебелев 1901 — *Жебелев С. А.* Пантикапейские Ниобиды // Древности Южной России. Т. 10 / МАР. 1901. № 24.
- Жебелев 1915 — *Жебелев С. А.* Ученые заслуги Б. В. Фармаковского. Пг., 1915.
- Жебелев 1923 — *Жебелев С. А.* Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Пг., 1923.
- Жебелев 1929 — *Жебелев С. А.* Памяти Бориса Владимировича Фармаковского // СГАИМК. Л., 1929. Вып. 2.
- Жебелев 1940 — *Жебелев С. А.* Памяти Д. В. Айналова // Известия ОРЯС. Л., 1940. Т. 1.
- Жебелев 1948 — *Жебелев С. А.* Археолог-энтузиаст (памяти А. А. Спицына) // СА. М.; Л., 1948. Т. 10.
- Жервэ 1994 — *Жервэ Н. Н.* Археологическая деятельность и коллекции В. С. Передольского в оценке А. А. Иностранцева // Вопросы геологии и археологии: ТД международного симпозиума, посвященного 150-летию со дня рождения А. А. Иностранцева. СПб., 1994.
- Жилина 2001 — *Жилина Н. В.* Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001.
- Жиль 1861 — *Жиль Ф. А.* Музей Императорского Эрмитажа: Описание различных собраний, составляющих музей, с историческим введением об Эрмитаже императрицы Екатерины II и об образовании музея Нового Эрмитажа. СПб., 1861.
- Жуковский 1894 — *Жуковский В. А.* Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва // МАР. СПб., 1894. № 16.
- Журнал ИРВИО 1913 — Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1913. Вып. 12.
- Журналы заседаний 2001 — Журналы заседаний Совета Эрмитажа. Часть 1. 1917–1919 гг. СПб., 2001.
- Забелин 1878 — *Забелин И. Е.* В чем заключаются основные задачи археологии как самостоятельной науки? // Труды III Археологического съезда в Киеве. 1874. Киев, 1878.
- Забелин 1893 — *Забелин И. Е.* Речь // Речи, говоренные на заседании Императорского ОИДР 4 мая 1882 г., посвященном незабвенной памяти бывшего председателя графа С. Г. Строганова. М., 1893.
- Забелин 2001 — *Забелин И. Е.* Дневники. Записные книжки. М., 2001.
- Завитневич 1886 — *Завитневич В. З.* Область дреговичей как предмет археологического исследования // Труды КДА. Киев, 1886. Т. 8.
- Завитневич 1890 а — *Завитневич В. З.* Из археологической экскурсии в Припетское Полесье // ЧИОНЛ. Киев, 1890. Т. 4.
- Завитневич 1890 б — *Завитневич В. З.* О курганах Минской губернии // Календарь Северо-Западного края за 1890 г. М., 1890.
- Завитневич 1891 — *Завитневич В. З.* Замок князя Семена Оленьковича и летописный Городец под Киевом (Результат пробной археологической раскопки) // ЧИОНЛ. Киев, 1891. Т. 5. Отд. 2.
- Завитневич 1892 а — *Завитневич В. З.* К вопросу об имени «Русь» // ЧИОНЛ. Киев, 1892. Т. 6.
- Завитневич 1892 б — *Завитневич В. З.* Вторая археологическая экскурсия в Припетское Полесье. Там же.
- Завитневич 1893 — *Завитневич В. З.* Курганы-майданы // ЧИОНЛ. Киев, 1893. Т. 7.
- Завитневич 1894 а — *Завитневич В. З.* Археологические изыскания в бассейне р. Березины, произведенные летом 1893 г. // ЧИОНЛ. Киев, 1894. Т. 8.
- Завитневич 1894 б — *Завитневич В. З.* Археологическая поездка по Черниговской и Минской губерниям // Древности. Труды ИМАО. М., 1894. Т. 15, вып. 2.
- Завитневич 1895 — *Завитневич В. З.* Формы погребального обряда в могильных курганах Минской губернии // Труды IX Археологического съезда в Вильне. 1893. М., 1895. Т. 1.
- Заднепровская 1996 — *Заднепровская Т. Н.* К истории библиографии отечественной археологии // Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара ИИМК РАН / Археологические изыскания. СПб., 1996. Вып. 33.
- Залеская и др. 1997 — *Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоянкова Н. А.* Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. СПб., 1997.

Замятнин 1946 а — *Замятнин С. Н.* Исследования по первобытной археологии в СССР за 25 лет // КСИИМК. М., 1946. Вып. 13.

Замятнин 1946 б — *Замятнин С. Н.* Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. М.; Л., 1946. Т. 8.

Записки КОГО 1871 — Записки Кавказского отделения Императорского Русского Географического Общества. Тифлис, 1871. Т. 1. № 2; 4.

Записки разряда... 1911 — Записки разряда военной археологии и археографии Императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1911. Т. 1.

Записки разряда... 1912 — То же. СПб., 1912. Т. 2.

Заседание Совета 1902 — Заседание Совета XI Археологического съезда // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. 2.

[Заседание...] 1903 — [Заседание Киевского исторического общества Нестора Летописца, посвященное анализу ряда сообщений участников XII АС] // Известия ИАК. СПб., 1903. Прибавление к вып. 5. Хроника и библиография. Вып. 3.

Засецкая 1979 — *Засецкая И. П.* Боспорские склепы гуннской эпохи как хронологический эталон для датировки памятников восточноевропейских степей // КСИА. М., 1979. Вып. 158.

Засецкая 1990 — *Засецкая И. П.* Относительная хронология склепов позднеантичного и ранне-средневекового боспорского некрополя (конец IV–начало VII в.) // АСГЭ. Материалы и исследования по археологии СССР. Л., 1990. Вып. 30.

Зинько 1994 — *Зинько Е. А.* Склеп Деметры. Симферополь, 1994.

Знаменский 1988 — *Знаменский О. Н.* Интеллигенция накануне Великого Октября. Л., 1988.

Золотарев др. 2003 — *Золотарев М. И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Пилингер Р., Пюльц А.* Раскопки т. н. «базилики Крузе» в Херсонесе (украино-австрийский проект) // ХСб. Севастополь, 2003. Вып. 12.

Золотарев, Ушаков 1997 — *Золотарев М. И., Ушаков С. В.* Один средневековый жилой квартал северо-восточного района Херсонеса // ХСб. Севастополь, 1997. Вып. 7.

Зубар 1978 — *Зубар В. М.* Історія розкопок і топографія античного некрополя Херсонесу // Археологія. Київ, 1978. № 25.

Зуев 1997 — *Зуев В. Ю.* М. И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / Ред. Г. М. Бонгард-Левин. М., 1997.

Зуев 2007 — *Зуев В. Ю.* К юбилею Александра Ефимовича Люценко // Боспорский феномен: Сакральный смысл региона, памятников, находок. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2007. Ч. 1.

Івакін і др. 2007 — *Івакін Г. Ю., Козюба В. К., Комар О. В., Манігда О. В., Лукомський Ю. В., Єлишин Д. Д.* Розкопки Десятинної церкви 2006 р. // Археологічні дослідження в Україні 2005–2007 рр. Київ; Запоріжжя, 2007.

Івакін, Іоаннісян 2008 — *Івакін Г. Ю., Іоаннісян О. М.* Перші підсумки вивчення Десятинної церкви у 2005–2007 рр. // Дньєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. Київ, 2008.

Иванов 1902 — *Иванов А.* Золотой набор китайского форменного пояса // Известия ИАК. СПб., 1902. Вып. 3.

Иванов 1912 — *Иванов Е. Э.* Херсонес Таврический // ИТУАК. Симферополь, 1912. № 46.

Иванова 1953 — *Иванова А. П.* Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л., 1953.

Ивановский 1895–1896 — *Ивановский В.* Государственное право. Известия и ученые записки Казанского университета. Казань, 1895–1896. № 5–11.

Ивановский 1911 — *Ивановский А. А.* По Закавказью // МАК. М., 1911. Т. 6.

Иерусалимская 1972 — *Иерусалимская А. А.* «Великий шелковый путь» и Северный Кавказ. Л., 1972.

Иессен 1935 — *Иессен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. М.; Л., 1935. Вып. 120.

Иессен 1941 — *Иессен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / Ред. М. И. Артамонов / МИА. М.; Л., 1941. № 3.

Иессен 1947 — *Иессен А. А.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.

Иессен 1950 — *Иессен А. А.* К хронологии «больших кубанских курганов» // КСИИМК. М.; Л., 1950. Вып. 12.

Иессен 1951 — *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Ред. Е. И. Крупнов / МИА. М.; Л., 1951. № 23.

- Иессен 1965 — *Иессен А. А.* Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // Труды Азербайджанской экспедиции. Т. 2. 1956–1960 гг. / Ред. А. А. Иессен, К. Х. Кушнарева / МИА. М.; Л., 1965. № 125.
- Иессен, Пиотровский 1940 — *Иессен А. А., Пиотровский Б. Б.* Моздокский могильник. Л., 1940.
- Из истории строительства... 1964 — Из истории строительства советской культуры. 1917–1918: Документы и воспоминания / Ред. В. Н. Кучин. М., 1964.
- Извлечение... 1855 — Извлечение из Всеподданнейшего отчета об археологических изысканиях в 1853 г. СПб., 1855.
- Ильинская 1968 — *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968.
- Ильинская 1975 — *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна реки Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев, 1975.
- Ильинская, Тереножкин 1983 — *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.
- Императорское Московское археологическое общество 1915 — Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914). М., 1915. Т. 1–2.
- Иностранцев 1882 — *Иностранцев А. А.* Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера. СПб., 1882.
- Иоаннисян 2007 — *Иоаннисян О. М.* К вопросу о происхождении мастеров Дмитриевского собора во Владимире // Труды по русской истории: Сб. статей в память о 60-летию И. В. Дубова. М., 2007.
- Исаков 1959 — *Исаков М. М.* Археологические памятники Дагестана // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1.
- Исследования А. А. Спицына... 1908 — Исследования А. А. Спицына в Воронежской губернии // Отчет ИАК за 1905 г. СПб., 1908.
- Историография 1974 — *Историография общественных наук в Узбекистане: Биобиблиографические очерки* / Сост. Б. В. Лунин. Ташкент, 1974.
- История и практика археологических исследований 2008 — История и практика археологических исследований. Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. / Ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб., 2008.
- История отечественного востоковедения 1997 — История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. / Ред. П. М. Шаститко, А. А. Вигасин и др. М., 1997.
- Кавтарадзе 1983 — *Кавтарадзе Г. Л.* К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983.
- Казакевич 2003 — *Казакевич Н. И.* Западноевропейский фарфор в Эрмитаже. История собрания. СПб., 2003.
- Калинин 2000 — *Калинин А. И.* О некоторых аспектах среднеазиатской политики России в 40–80-х гг. XIX в. // Восточный архив. М., 2000. № 4–5.
- Каменецкий 1998 — *Каменецкий И. С.* Начало археологического изучения Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. М., 1998. Вып. 2.
- Каменский 1887 — *Каменский И.* Обращение осетин в христианство в XVIII веке // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887.
- Канторович 2007 — *Канторович А. Р.* Конские налобники / наносники с петлей и крючком и их связь с некоторыми мотивами скифо-сибирского звериного стиля // Ранній залізний вік Євразії. До 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна. Київ; Чигирин, 2007.
- Карасев 1948 — *Карасев А. Н.* Борис Владимирович Фармаковский // КСИИМК. М., 1948. Вып. 227.
- Карасев 1956 а — *Карасев А. Н.* Б. В. Фармаковский и Ольвия // Художественная культура и археология античного мира. М., 1976.
- Карасев 1956 б — *Карасев А. Н.* Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / Ред. В. Ф. Гайдукевич / МИА. М.; Л., 1956. № 50.
- Каргер 1950 — *Каргер М. К.* Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг.). Киев, 1950.
- Каргер 1958 — *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.
- Каргер 1961 — *Каргер М. К.* Древний Киев. Л., 1961. Т. 2.
- Карейша 1846 — *Карейша Д.* Археологические изыскания близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса // ЖМНП. СПб., 1846. Ч. 16.
- Каррутерс 1914 — *Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Т. 1. Урянхайский край. Пг., 1914.
- Кац 1988 — *Кац В. И.* Записка графини П. С. Уваровой о Херсонесе // ПИАСХ. Севастополь, 1988.

Кац 2007 — *Кац В. И.* Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. Симферополь; Керчь, 2007. Вып. 18.

Качалова 1998 — *Качалова И. Я.* Проблема завершения реставрации стенописи Успенского собора в 1910–1918 гг. // Материальная база сферы культуры. Отечественный и зарубежный опыт решения управленческих и научно-технических проблем: Информационный сборник. М., 1998. Вып. 4.

Кашаев, Кашовская 2004 — *Кашаев С. В., Кашовская Н. В.* Иудаизм на Боспоре — археологический контекст // Материалы одиннадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2004.

Кашаев, Кашовская 2006 а — *Кашаев С. В., Кашовская Н. В.* О еврейской надгробной надписи из архива ИИМК // Материалы тринадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2006.

Кашаев, Кашовская 2006 б — *Кашаев С. В., Кашовская Н. В.* Камни и надписи Боспора // Альманах РГБ. Восточная Коллекция. М., 2006. № 2.

Кашаев, Кашовская 2009 — *Кашаев С. В., Кашовская Н. В.* Иудейская диаспора на Боспоре по данным археологии // *Archeologia Abrahamica*. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама / Ред.-сост. Л. А. Беляев. М., 2009.

Кибальчич 1876 — *Кибальчич Т. В.* Древности (Указатель к археологическим находкам, 1875–76 гг.). Киев, 1876.

Кілієвич 1979 — *Кілієвич С. Р.* До питання про будівельну справу в Києві в X ст. // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ, 1979.

Кирилович 1982 — *Кирилович С. Р.* Детинец Киева IX–первой половины XIII веков. Киев, 1982.

Кинжалов 1961 — *Кинжалов Р. В.* Ашнакский могильник. Публикация материалов могильника II в. н.э., открытого в 1909 г. в Армении // ТГЭ. Л., 1961. Т. 5.

Кирпичников 2000 — *Кирпичников А. Н.* Крепость древнего Гдова. СПб., 2000.

Кисель 1993 — *Кисель В. А.* Стилистическая и технологическая атрибуция серебряного зеркала из Келермеса // ВДИ. М., 1993. № 1.

Кисель 1998 — *Кисель В. А.* Келермесская пантера и костромской олень // Боспорское царство как историко-культурный феномен: Материалы конференции. СПб., 1998.

Кисель 2003 — *Кисель В. А.* Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.

Китлова 2005 — *Китлова Е. А.* История Общего архива Министерства Императорского Двора: 1869–1918 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

Клейн 1993 — *Клейн Л. С.* Феномен советской археологии. СПб., 1993.

Клейн 1998 — *Клейн Л. С.* Генрих Шлиман в Петербурге // Шлиман. Петербург. Троя. [Каталог выставки] / Ред. М. Б. Пиотровский. СПб., 1998.

Клейн 2001 — *Клейн Л. С.* Принципы археологии. СПб., 2001.

Клейн 2004 — *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004.

Клеменц 1886 — *Клеменц Д. А.* Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Минусинск, 1886.

Книпович 1934 — *Книпович Т. Н.* К вопросу о времени первого сношения греков с областью р. Танаиса в VII–V вв. до н.э. // ИГАИМК. Л., 1934. Вып. 104.

Книпович 1949 — *Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л., 1949.

Ко дню семидесятилетия В. В. Радлова 1907 — Ко дню семидесятилетия Василия Васильевича Радлова. СПб., 1907.

Кобылина 1956 — *Кобылина М. М.* Фанагория // Фанагория / Ред. А. П. Смирнов / МИА. М., Л., 1956. № 57.

Кобылина 1984 — *Кобылина М. М.* Скульптура // Античные государства Северного Причерноморья. Отв. ред. Г. А. Кошеленко и др. Археология СССР. М., 1984.

Ковалевская 1981 — *Ковалевская В. Б.* Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья / Ред. С. А. Плетнева / Археология СССР. М., 1981.

Ковалевская 1984 — *Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. М., 1984.

Ковпаненко 1981 — *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев, 1981.

Ковпаненко, Бессонова, Скорый 1989 — *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного правобережья (Киево-Черкасский регион). Киев, 1989.

- Козенкова 1977 — *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Восточный вариант // САИ. М., 1977. Вып. В 2–5.
- Козенкова 1981 — *Козенкова В. И.* Некоторые археологические критерии в этногенетических исследованиях (на материалах кобанской культуры Кавказа) // Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981.
- Козенкова 1982 — *Козенкова В. И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант // САИ. М., 1982. Вып. В 2–5 (а).
- Козуб 1974 — *Козуб Ю. І.* Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. Київ, 1974.
- Козюба 2004 — *Козюба В. К.* Городище на Старокиївській горі // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. Київ, 2004.
- Козюба 2005 — *Козюба В. К.* Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908–1914 рр. (за матеріалами щоденників Д. В. Мілеєва) // Ruthenica. Київ, 2005. Т. 4.
- Козюба 2008 — *Козюба В. К.* Місто Володимира у Києві: історична реальність чи історіографічний міф? // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Коростень, 2008. Т. 1.
- Колесников 1997 — *Колесников А. А.* Русские военные исследователи Азии (XIX–начало XX века). Душанбе, 1997.
- Колесникова 1996 — *Колесникова М. В.* Особенности археологических исследований на Северном Кавказе в конце XVIII–нач. XIX вв. // Из истории земли Ставропольской. Ставрополь, 1996. Вып. 3.
- Колеснікова 2005 — *Колеснікова В. А.* До історії досліджень В. В. Хвойки у садибі М. Петровського в Києві // Наукові записки з української історії. Вип. 16. Збірник наукових статей, присвячений пам'яті В. В. Седова. Переяслав-Хмельницький, 2005.
- Колеснікова 2007 — *Колеснікова В. А.* Вікентій (Чеслав) Хвойка. Сторінки наукової біографії. Київ, 2007.
- Комаров 1888 — *Комаров А. В.* Закаспийская область в археологическом отношении // Новости. 1888. № 62, 65.
- Комарова 2007 — *Комарова И. И.* Справочник научных обществ России // www.snog.ru (2007)
- Кондаков 1882 — *Кондаков Н. П.* Из путевых впечатлений. Древности Синайского монастыря. Одесса, 1882.
- Кондаков 1887 — *Кондаков Н. П.* Византийские церкви и памятники Константинополя. Одесса, 1887.
- Кондаков 1890 — *Кондаков Н. П.* Описание памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии. СПб., 1890.
- Кондаков 1892 — *Кондаков Н. П.* История и памятники византийской эмали. Византийские эмали собрания А. В. Звенигородского. СПб., 1892.
- Кондаков 1896 — *Кондаков Н. П.* Русские клады: Исследование древностей великокняжеского периода. СПб., 1896. Т. 1.
- Кондаков 2004 — *Кондаков Н. П.* Воспоминания и думы // Мир Кондакова. Публикации. Статьи: Каталог выставки / [Ред.-сост. И. Л. Кызласова]. М., 2004.
- Концецкий 1982 — *Концецкий В. Я.* Хронология и этапы формирования Федовского могильника (к вопросу о сложении средневековых погребальных памятников в центральных районах Новгородской земли // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
- Коннолли 2000 — *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М., 2000.
- Кононов 1972 — *Кононов А. Н.* В. В. Радлов и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.
- Копейкина 1972 — *Копейкина Л. В.* Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. М., 1972. № 1.
- Корневский 1984 — *Корневский С. Н.* Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1.
- Корневский 1990 — *Корневский С. Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.
- Корневский 2004 — *Корневский С. Н.* Древнейшие скотоводы и земледельцы Предкавказья: Майкопско-Новосвободненская общность. М., 2004.
- Корзухина 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л. 1954.
- Корзухина 1956 — *Корзухина Г. Ф.* Новые данные о раскопках В. В. Хвойко на усадьбе Петровского в Киеве // СА. М.; Л., 1956. Т. 25.

- Коридзе 1965 — *Коридзе Д. П.* К истории колхидской культуры. Тбилиси, 1965.
- Коровина 1957 — *Коровина А. К.* К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. М., 1957. № 2.
- Королев 1998 — *Королев А. Е.* Псковский край в археологических исследованиях Н. К. Рериха // Археология Петербурга. СПб., 1998. № 2.
- Королькова 2003 — *Королькова Л. В.* Н. И. Репников — исследователь Северо-Запада России // Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб., 2003.
- Корпус 1965 — *Корпус Боспорских надписей.* М., 1965.
- Котович 1959 — *Котович В. Г.* Новые археологические памятники южного Дагестана // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1.
- Котович 1982 — *Котович В. Г.* Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М., 1982.
- Крамаровский 1982 — *Крамаровский М. Г.* Шапка Мономаха: Византия или Восток? // СГЭ. Л., 1982. Вып. 47.
- Крамаровский 2001 — *Крамаровский М. Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
- Крапивина 1993 — *Крапивина В. В.* Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н. э. Киев, 1993.
- Краткое описание 1829 — Краткое историческое описание первопрестольной соборной Десятиной церкви в Киеве. СПб., 1829.
- Крелленберг 1919 — *Крелленберг Б. Е.* Раскопки Четырехугольника в Болгарах в 1915 г. // ИОАИЭКУ. 1919. Т. 30, вып. 1.
- Круглов 1958 — *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н. э. // Древние племена и народности Кавказа // Ред. Б. Б. Пиотровский / МИА. М.; Л., 1958. № 68.
- Крупнов 1951 — *Крупнов Е. И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Ред. Е. И. Крупнов / МИА. М.; Л., 1951. № 23.
- Крупнов 1957 — *Крупнов Е. И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.
- Крупнов 1960 — *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
- Крупнов, Деопик 1961 — *Крупнов Е. И., Деопик Д. В.* Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
- Крупнов, Мерперт 1963 — *Крупнов Е. И., Мерперт Н. Я.* Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.
- Крыжицкий 1985 — *Крыжицкий С. Д.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985.
- Крыжицкий 1993 — *Крыжицкий С. Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крыжицкий, Лейпунская 1997 — *Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А.* Ольвия. Раскопки, история, культура. Николаев, 1997.
- Крыжицкий и др. 1999 — *Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А., Русяева А. С., Скржинская М. В., Крапивина В. В., Анохин В. А.* Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. Киев, 1999.
- Крылов 2003 — *Крылов А. Н.* Мои воспоминания. СПб., 2003.
- Кузнецов 1962 — *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. М., 1962. № 106.
- Кузнецов 1973 — *Кузнецов В. А.* Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V–XIII вв. // СА. М., 1973. № 2.
- Кузнецов 2004 — *Кузнецов В. Д.* Фанагорийский склеп с уступчатым перекрытием // ПИФК. М.; Магнитогорск, 2004. Т. 14.
- Кузнецов 2007 — *Кузнецов В. Д.* Фанагория: история исследования и новые находки // РА. М., 2007. № 2.
- Кузнецов-Красноярский 1889 — *Кузнецов-Красноярский И. П.* Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889.
- Кузнецова 2006 — *Кузнецова Т. М.* О хронологии группы могильника кургана «Солоха» // Древности скифской эпохи. М., 2006.
- Кузнецова 2007 — *Кузнецова Т. М.* Загадки Темир-Горы // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2002. Ч. 2.

- Кузьмина, Филиппова 1987 — *Кузьмина Н. Н., Филиппова Л. А.* Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1987.
- Кулаковский 1891 — *Кулаковский Ю. А.* Керченская христианская катакомба // Древности Южной России. Т. 1 / МАР. СПб., 1891. № 6.
- Кулаковский 1896 — *Кулаковский Ю. А.* Две керченские катакомбы с фресками // Древности Южной России. Т. 8 / МАР. СПб., 1896. № 19.
- Кулаковский 1902 — *Кулаковский Ю. А.* О керченских катакомбах с фресками // Труды IX Археологического съезда в Вильне. 1893. М., 1902. Т. II.
- Кулаковский 1906 — *Кулаковский Ю. А.* Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. Киев, 1906.
- Кусцинский 1881 — *Кусцинский М. Ф.* Отчет о раскопках в Смоленской губернии в 1874 году // Древности. Труды ИМАО. М., 1881. Т. 9, вып. 1.
- Куфтин 1940 — *Куфтин Б. А.* Колумбарий ванской эпохи в районе Арарата и подстилающий его культурный слой зольных холмов Закавказья. Предварительные данные о раскопках П. Ф. Петрова в 1913 г. в с. Малаклю // Bulletin du Musée de Géorgie. Tbilisi, 1940. Т. 10.
- Куфтин 1941 — *Куфтин Б. А.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
- Куфтин 1943 — *Куфтин Б. А.* Урартский колумбарий у Игдыра и куро-аракский энеолит // ВГМГ. Тбилиси, 1943. Т. 13.
- Куфтин 1950 — *Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1950.
- Кушнарера 1960 — *Кушнарера К. Х.* Тазакендский могильник в Армении // СА. М., 1960. № 1.
- Кушнарера 1993 — *Кушнарера К. Х.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н. э. СПб., 1993.
- Кушнарера, Рысин 2000 — *Кушнарера К. Х., Рысин М. Б.* Вооружение и военное дело населения Кавказа в доурартское время // ΣΥΣΤΙΓΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева / Ред. В. Ю. Зуев. СПб., 2000.
- Кушнарера, Чубинишвили 1970 — *Кушнарера К. Х., Чубинишвили Т. Н.* Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970.
- Кызласов 1969 — *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Лазарев 1925 — *Лазарев В. Н.* Никодим Павлович Кондаков. М., 1925.
- Лазаревский 1861 — *Лазаревский Я. М.* Курганы Таманского полуострова // Известия ИРАО. СПб., 1861. Т. 2.
- Лазенкова 2001 а — *Лазенкова Л. М.* Керченский музей древностей. Исследователи. «Почтенный» археолог А. Е. Люценко // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2001. Ч. 2.
- Лазенкова 2001 б — *Лазенкова Л. М.* Керченский музей древностей. Исследователи. «Археологическая» судьба К. Е. Думберга // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений / Ред. — сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2001.
- Лазенкова 2002 а — *Лазенкова Л. М.* Карл Думберг и его идея строительства Керченского музея древностей // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2002. Ч. 2.
- Лазенкова 2002 б — *Лазенкова Л. М.* Керченский музей древностей. Исследователи. В. В. Шкорпил // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. [Боспорские чтения. III] / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2002.
- Лазенкова 2003 — *Лазенкова Л. М.* Керченский музей древностей. Основатели. Исследователи. Керчь, 2003.
- Лалаян 1905 — *Лалаян Е. А.* Археологические раскопки в Эриванской губернии // Известия ИАК. СПб., 1905. Прибавление к вып. 14. Хроника и библиография. Вып. 7.
- Лаппо-Данилевский 1923 — *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. Пг., 1923. Вып. 1.
- Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894 — *Лаппо-Данилевский А. А., Мальмберг В. К.* Древности кургана Карагодеуашч как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV–III вв. до Р. Х. // Древности Южной России. Т. 6 / МАР. СПб., 1894. № 13.
- Лапшин 1987 — *Лапшин В. А.* Начальный этап освоения Суздальского ополья древнерусским населением // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. ТД Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.). М., 1987.
- Лапшин 1991 — *Лапшин В. А.* О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения-I. Муром, 1990. ТД. Муром, 1991.

Лапшин 2002 — *Лапшин В. А.* Борьба за охрану памятников археологии в России во второй половине XIX–XX в. // Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты, деятели Церкви об историческом и культурном достоянии / Ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 2002. Вып. 3.

Латуха 1991 — *Латуха Т. И.* Археологические исследования В. В. Хвойки летописного Белгорода // Проблемы вивчення та охорони пам'яток археології Київщини: Тези доповідей першої науково-практичної конференції. Білогородка; Київ, 1991.

Латышев 1887 — *Латышев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвия. СПб., 1887.

Лебедев 1992 — *Лебедев Г. С.* История отечественной археологии. 1700–1917 гг. СПб., 1992.

Леві 1958 — *Леві О. І.* Ольвійські виноробні // АП. Київ, 1958. Т. 7.

Леві 1985 — *Леві Е. И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. Л., 1985.

Левина 1980 — *Левина Р. Ш.* Из истории библиотеки ЛОИА // КСИА. М., 1980. Вып. 163.

Левина 1995 — *Левина Р. Ш.* Библиотека ИИМК // АВ. СПб., 1995. № 4.

Левина 1996 — *Левина Р. Ш.* Формирование в Петербурге–Ленинграде основной археологической библиотеки России // Традиции российской археологии: Материалы методологического семинара ИИМК РАН / Археологические изыскания. СПб., 1996. Вып. 33.

Левицький 1950 — *Левицький І. Ф.* Про вік стоянки, відкритої В. В. Хвойкою в Іскорості // Археологія. Київ, 1950. № 4.

Ленин 1963 — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1963. Т. 38. Март — июнь 1919 г.

Ленинские декреты 1974 — Ленинские декреты. 1917–1922: Библиография. М., 1974.

Лепер 1911 — *Лепер Р. Х.* Из раскопок в Херсонесе в 1906–1909 гг. // Известия ИАК. СПб., 1911. Вып. 42.

Лепер 1912 — *Лепер Р. Х.* Херсонесские надписи // Известия ИАК. СПб., 1912. Вып. 45.

Лепер 1913 — *Лепер Р. Х.* Археологические исследования на Мангупе в 1912 г. (Предварительное сообщение) // Известия ИАК. СПб., 1913. Вып. 47.

Лепер 1927 — *Лепер Р. Х.* Дневники раскопок херсонесского некрополя // ХСб. Севастополь, 1927. Вып. 2.

Лерх 1863 — *Лерх П. И.* Библиография: В. Макушева: Сказания иностранцев о быте и нравах славян. СПб., 1861 // Известия ИРАО. СПб., 1863. Т. 4.

Лерх 1863–1865 — *Лерх П. И.* Орудия каменного и бронзового веков в Европе // Известия ИРАО. I: 1863. Т. 4, вып. 2; II: 1863. Т. 4, вып. 4; III: 1865. Т. 5, вып. 4.

Лерх 1865 а — [*Лерх П. И.*] Археологическое путешествие П. И. Лерха в северные губернии // Известия ИРГО. 1865. Т. 1. № 10.

Лерх 1865 б — *Лерх П. И.* Каталог древностей, собранных во Франции, Швейцарии, Германии и принесенных в дар Московскому публичному музею А. М. Р... ою. СПб., 1865.

Лерх 1866 — *Лерх П. И.* Некролог Л. Ф. Радлова // Известия ИРГО. СПб., 1866. Т. 1. № 11 / 12.

Лерх 1868 а — *Лерх П. И.* Библиография: А. Котляревского: О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868 // ЖМНП. СПб., 1868. Ч. 140.

Лерх 1868 б — *Лерх П. И.* Библиография: А. Гатцука: Исследование курганов Московской губернии в 1863 и 1864 гг. // Известия ИРАО. СПб., 1868. Т. 6. Отд. 2. Вып. 1.

Лерх 1868 с — *Лерх П. И.* Библиография: А. Богданова: Курганное племя Московской губернии. Предварительная заметка // Московские Университетские известия. 1865 г. № 3 / Там же.

Лерх 1868 d — *Лерх П. И.* Открытие следов древних копей в Южной России // Там же.

Лерх 1868 e — *Лерх П. И.* Применение химии в археологии // Там же.

Лерх 1870 — *Лерх П. И.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870.

Лерх 1881 — *Лерх П. И.* Какие замечаются черты сходства и различия в материале и форме, а поэтому и в цели назначения каменных орудий, которые находятся в Финляндии, Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерниях и Прибалтийском и Северо-Западном краях // Труды II Археологического съезда в Санкт-Петербурге. 1872. СПб., 1881. Т. 2.

Либеров 1965 — *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. М., 1965. Вып. Д1–31.

Лисовский 1971 — *Лисовский В. Г.* Академик архитектуры Владимир Васильевич Суслов: Каталог выставки. Л., 1971.

Литовиченко 1991 — *Литовиченко Л. А.* И. Е. Забелин — историк и археолог [1820–1908] // *Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Киев, 1991.

- Ломтатидзе 1974 — *Ломтатидзе Г. А.* Бронзовые кинжалы и мечи из древнейших погребений Самтаврского могильника. Тбилиси, 1974.
- Лордкипанидзе 1978 — *Лордкипанидзе О. Д.* Колхида в VI–II вв. до н. э. Тбилиси, 1978.
- Лордкипанидзе 1979 — *Лордкипанидзе О. Д.* Древняя Колхида. Тбилиси, 1979.
- Лордкипанидзе 1989 — *Лордкипанидзе О. Д.* Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989.
- Лосский 1993 — *Лосский Б. Н.* Наша семья в пору лихолетия 1914–1922 // *Минувшее: Исторический альманах.* М.; СПб., 1993. № 12.
- Лукиянов, Гриневич 1915 — *Лукиянов С. С., Гриневич Ю. П.* Керченская кальпида 1906 г. и поздняя краснофигурная живопись // *МАР.* СПб., 1915. № 35.
- Лунин 1979 — *Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения. Ташкент, 1979.
- Люценко 1876 — *Люценко А. Е.* Древние еврейские надгробные памятники, открытые в насыпях Фанагорийского городища // *Труды III Международного съезда ориенталистов.* СПб., 1876. Т. 1.
- Мавлеев 1993 — *Мавлеев Е. В.* Удивительные приключения Венеры в России // *Санкт-Петербург и античность.* СПб., 1993.
- Магомедов 1968 — *Магомедов Р. М.* История Дагестана. Махачкала, 1968.
- Макаренко 1911 — *Макаренко Н. Е.* Археологические исследования в 1907–1909 гг. // *Известия ИАК.* СПб., 1911. Вып. 43.
- Макаренко 1916 — *Макаренко Н. Е.* Художественные сокровища Императорского Эрмитажа: Краткий путеводитель. Пг., 1916.
- Макарий 1860 — *Макарий (Миролюбов),* архимандрит. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1; репринт: СПб., 2003.
- Макаров, Захаров, Бужилова 2001 — *Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.* Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001.
- Маковская 2001 — *Маковская Л. К.* Николай Ефимович Бранденбург (очерк биографии) // *Артиллерийский музей. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.* СПб., 2001.
- Максимова 1954 — *Максимова М. И.* Серебряное зеркало из Келермеса // *СА.* М.; Л., 1954. Т. 21.
- Максимова 1961 — *Максимова М. И.* Панафинейская амфора из Зеленского кургана // *КСИА.* М., 1961. Вып. 83.
- Максимова 1962 — *Максимова М. И.* Львиные псевдоскарабеи // *ТГЭ.* Л., 1962. Вып. 7.
- Максимова 1969 — *Максимова М. И.* Заметка об Ахтанизовском кладе // *КСИА.* М., 1969. Вып. 116.
- Максимова 1979 — *Максимова М. И.* Артюховский курган. Л., 1979.
- Максимова, Наливкина 1955 — *Максимова М. И., Наливкина М. А.* Скульптура // *АГСП.* М.; Л., 1955. Вып. 1.
- Малеин 1912 — *Малеин А. И.* Карл Карлович Герц (1820–1883): Биографический очерк. СПб., 1912.
- Малиновский 1807 — *Малиновский А. Ф.* Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты, в Москве обретающегося. М., 1807. Ч. 1.
- Мальмберг 1892 — *Мальмберг В. К.* Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888 и 1889 гг. // *Древности Южной России* Т. 2. / *МАР.* СПб., 1892. № 7.
- Манцевич 1964 — *Манцевич А. П.* О пластине из кургана Карагодеуаш (к толкованию сюжета) // *АСГЭ.* Л., 1964. Вып. 6.
- Манцевич 1969 — *Манцевич А. П.* Парадный меч из кургана Солоха // *Древние фракийцы в Северном Причерноморье.* М., 1969.
- Манцевич 1973 — *Манцевич А. П.* Мастюгинские курганы по материалам Государственного Эрмитажа // *АСГЭ.* Л., 1973. Вып. 15.
- Манцевич 1987 — *Манцевич А. П.* Курганы Солоха. Публикация одной коллекции. Л., 1987.
- Маркевич 1910 — *Маркевич А. И.* Стихотворения археологов Е. Е. Люценко и барона В. Г. Тизенгаузена // *ИТУАК.* Симферополь, 1910. № 44.
- Маркина 2000 — *Маркина Г. К.* Строительство железнодорожной магистрали Петроград — Царское Село — Новгород и борьба за сохранение новгородских памятников старины // *Новгородский исторический сборник.* СПб., 2000. Вып. 8 (18).
- Марков 1910 — *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет. СПб., 1910.

- Марковин 1960 — *Марковин В. И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) // МИА. М., 1960. № 93.
- Марковин 1968 — *Марковин В. И.* Дагестан и горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура // МИА. М., 1968. № 122.
- Марковин 1978 — *Марковин В. И.* Дольмены Северо-Западного Кавказа. М., 1978.
- Марковин 1994 а — *Марковин В. И.* Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии / Ранняя и средняя бронза Кавказа. / Ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин / Археология. М., 1994.
- Марковин 1994 б — *Марковин В. И.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Там же.
- Марковин 1997 — *Марковин В. И.* Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997.
- Марр 1929 — *Марр Н. Я.* Фармаковский // СГАИМК. Л., 1929. Т. 2. С. I–IV.
- Марр 1934 — *Марр Н. Я.* Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.; М., 1934.
- Марр, Орбели 1922 — *Марр Н. Я., Орбели И. А.* Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Раскопки двух ниш на Ванской скале и надписи Сардура Второго из раскопок западной ниши // Доклады. Русское Археологическое общество. Пг., 1922.
- Марти 1919 — *Марти Ю.* Памяти В. В. Шкорпила // ИТУАК. Симферополь, 1919. № 56.
- Марти 1926 — *Марти Ю.* Сто лет Керченского музея (исторический очерк). Керчь, 1926.
- Мартirosян 1961 — *Мартirosян А. А.* Город Тейшебаини. Ереван, 1961.
- Мартirosян 1964 — *Мартirosян А. А.* Армения в эпоху бронзы и железа. Ереван, 1964.
- Мартirosян 1974 — *Мартirosян А. А.* Аргиштихинили. Ереван, 1974.
- Мартынович 1912 — *Мартынович А.* Воронежская ваза 1911 г. из раскопок на уроч. «Частые курганы» // Журнал ИРВИО. СПб., 1912. Кн. 8–9.
- Марченко, Житников, Копылов 2000 — *Марченко К. К., Житников В. Г., Копылов В. П.* Елизаветовское городище на Дону // Pontus Septentrionalis. II. М., 2000.
- Масленников 1981 — *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI–II вв. до н. э. М., 1981.
- Масленников 1992 — *Масленников А. А.* Зенонов Херсонес — городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Масленников 2003 — *Масленников А. А.* Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.
- Массон 1997 — *Массон В. М.* Кавказский путь к цивилизации: вопросы социокультурной интерпретации // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла. СПб., 1997.
- Массон 2000 — *Массон В. М.* Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб., 2000.
- Материалы по вопросу о сохранении древних памятников 1911 — Материалы по вопросу о сохранении древних памятников, собранные Московским археологическим обществом. М., 1911.
- Матющенко 2001 — *Матющенко В. И.* 300 лет истории сибирской археологии. Омск, 2001. Т. 1.
- Мачинский 1978 — *Мачинский Д. А.* Пектораль из Толстой Могилы и Великие женские божества Скифии // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
- Мачинский 1998 а — *Мачинский Д. А.* О семантике келермесского зеркала // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского: ТД. СПб., 1998.
- Мачинский 1998 б — *Мачинский Д. А.* Страна аримаспов, простор ариев и «скифские» зеркала с бортиком // Проблемы археологии. СПб., 1998. Вып. 4.
- Медведева 2004 — *Медведева М. В.* Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. СПб., 2004. № 11.
- Медведева 2005 — *Медведева М. В.* Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН // АВ. СПб., 2005. № 12.
- Медведева 2006 — *Медведева М. В.* Археологическое изучение средневековых памятников на Северо-Западе России в исследованиях Императорской Археологической комиссии // Вестник молодых ученых. Сер. «Исторические науки». СПб., 2006. № 1.

Медведева 2007 а — *Медведева М. В.* Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической Комиссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

Медведева 2007 б — *Медведева М. В.* Императорская Археологическая Комиссия и изучение средневековых древностей Северо-Запада России (по материалам Научного архива ИИМК РАН) // РА. М., 2007. № 3.

Медведева 2007 с — *Медведева М. В.* Изучение и охрана памятников археологии и архитектуры эпохи средневековья Северо-Запада России в деятельности Императорской Археологической Комиссии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.

Медведева 2007 d — *Медведева М. В.* Из истории Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины // АВ. М., № 14.

Медведь 2002 — *Медведь А. Н.* Высочайшее повеление 1889 г. и взаимоотношения научных обществ во второй половине XIX в. // Восточноевропейский археологический журнал. 2002. № 2 (15), март–апрель (<http://archaeology.kiev.ua/journal/020302/medved.htm>).

Медникова 1995 — *Медникова Е. Ю.* Деятельность академика архитектуры П. П. Покрышкина в Императорской Археологической Комиссии (по материалам рукописного архива ИИМК РАН) // АВ. СПб., 1995. № 4.

Медынцева 1977 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора. М., 1977.

Медынцева 1991 — *Медынцева А. А.* Подписные шедевры древнерусского ремесла. М., 1991.

Мезолит СССР 1989 — Мезолит СССР / Ред. Л. В. Кольцов // Археология СССР. М., 1989.

Меликишвили 1954 — *Меликишвили Г. А.* Наири-Урарту. Тбилиси, 1954.

Меликишвили 1959 — *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Мельников 1841 — *Мельников П. И.* Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь // Отечественные записки. СПб., 1841. № 9.

Мелюкова 1981 — *Мелюкова А. И.* Краснокутский курган. М., 1981.

Мережковский 1880 — *Мережковский К. С.* Отчет о предварительных исследованиях каменного века в Крыму // Известия ИРГО. СПб., 1880. Т. 17, вып. 2.

Мечети Самарканда 1905 — Мечети Самарканда: Альбом архитектурных рисунков и чертежей. Вып. 1. Мечеть Гур-Эмир. СПб., 1905.

Мещанинов 1926 — *Мещанинов И. И.* Ассирийская бусина из Азербайджана // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1926. № 2.

Микеладзе 1978 — *Микеладзе Т. К.* Археологические исследования в низовьях р. Риони. Тбилиси, 1978.

Милеев 1911 а — *Милеев Д. В.* Вновь открытая церковь XI в. в Киеве // Труды IV съезда русских зодчих. СПб., 1911.

Милеев 1911 б — *Милеев Д. В.* Древние полы в Киевском соборе Св. Софии // Сборник в честь графа А. А. Бобринского. СПб., 1911.

Милеев 1914 — *Милеев Д.* Реставрация стенописи Троицкого собора в Ипатьевском монастыре // Архитектурно-художественный еженедельник. СПб., 1914. № 3.

Миллер 1764 — *Миллер Г. Ф.* Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. СПб., 1764. Декабрь.

Миллер 1881–1887 — *Миллер В. Ф.* Осетинские этюды. М., 1881–1887. Вып. 1–3.

Миллер 1888 — *Миллер В. Ф.* Терская область. Археологические экскурсии // МАК. СПб., 1988. Вып. 1.

Миллер 1910 — *Миллер А. А.* Раскопки в районе древнего Танаиса // Известия ИАК. 1910. Вып. 35.

Миллер 1914 — *Миллер А. А.* Раскопки у станицы Елисаветовской в 1911 году // Известия ИАК. Пг., 1914. Вып. 56.

Миллер 1933 — *Миллер А. А.* Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933. № 1–2.

Минаева 1971 — *Минаева Т. М.* К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

Миронов 1900 — *Миронов А.* Первые годы деятельности Императорской Археологической Комиссии. 1859–1860 гг. // Вестник всемирной истории. СПб. 1900. № 2, 4, 8.

Михайлов, Елшин 2004 — *Михайлов К. А., Елшин Д. Д.* Новые архивные материалы по археологическому изучению древнего Киева // АВ. СПб., 2004. № 11.

- Михайловский 1971 — *Михайловский Е. В.* Реставрация памятников архитектуры. М., 1971.
- Могиланский 1916 — *Могиланский Н.* Несколько слов по поводу статьи А. А. Спицына // ЖМНП. Новая серия. СПб., 1916. Т. 62.
- Молева 1995 — *Молева Н. В.* Китейское святилище // Ритуал и ритуальный предмет: Сб. науч. трудов / Ред. А. В. Коновалов. СПб., 1995.
- Молева 2002 — *Молева Н. В.* Очерки сакральной жизни Боспора. Нижний Новгород, 2002.
- Монахов 1999 — *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов, 1999.
- Монгайт 1955 — *Монгайт А. Л.* Старая Рязань // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 4 / Ред. Н. Н. Воронин / МИА. М., 1955. № 49.
- Монгайт 1961 — *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961.
- Мунчаев 1961 — *Мунчаев Р. М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. М., 1961. № 100.
- Мунчаев 1975 — *Мунчаев Р. М.* Кавказ на заре ранней бронзы. М., 1975.
- Мунчаев 1994 — *Мунчаев Р. М.* Майкопская культура // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии / Ранняя и средняя бронза Кавказа / Ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин / Археология. М., 1994.
- Муравьев 1848 — *Муравьев А. Н.* Грузия и Армения. СПб., 1848.
- Муральт 1850 — *Муральт Э. Г.* Хронологическое обозрение древних могил, находящихся по обе стороны Боспора Киммерийского // Записки С.-Петербургского археологическо-нумизматического общества. СПб., 1850. Т. 2.
- Мурзакевич 1863 — *Мурзакевич Н. Н.* Херсонесская церковь Св. Василия (Владимира) // Записки ИООИД. Одесса, 1863. Т. 5.
- Мурзин 1984 — *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.
- Мусин 1993 — *Мусин А. Е.* К вопросу о перспективах изучения русской церковной культуры в российской археологии // АВ. СПб., 1993. № 2.
- Мусин 1999 — *Мусин А. Е.* 150 лет со дня рождения Н. В. Покровского // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17).
- Мусин 2004 — *Мусин А. Е.* Литографированные курсы лекций Н. В. Покровского в библиотеке С.-Петербургских Духовных академии и семинарии. Приложение III / *Пивоварова Н. В.* Н. В. Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. СПб., 2004.
- Мусин 2006 — *Мусин А. Е.* Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006.
- Мусин 2007 а — *Мусин А. Е.* О роли личности в археологии. Императорская Археологическая Комиссия на первом этапе своего существования (1859–1882) // Записки ИИМК РАН. СПб., 2007. № 2.
- Мусин 2007 б — *Мусин А. Е.* Связь времен // Там же.
- Мусин 2007 с — *Мусин А. Е.* II Тверской областной археологический съезд и его место в развитии церковной археологии в России // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Материалы III Тверской археологической конференции и 8-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Т. 2 / Ред. И. Н. Черных. Тверь, 2007.
- Неверов 1990 — *Неверов О. Я.* История собирательства // Эрмитаж. История и современность. М., 1990.
- Неверов 1999 — *Неверов О. Я.* Коллекция А. В. Новикова // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы. ММНК. СПб., 1999.
- Неолит... 1996 — Неолит Северной Евразии / Ред. С. В. Ошибкина // Археология. Ред. Б. А. Рыбаков. М., 1996.
- Непомнящий 2003 — *Непомнящий А. А.* Подвижник изучения боспорских древностей: Ю. А. Кулаковский // БИ. Симферополь; Керчь, 2003. № 3.
- Нестуля 1998 — *Нестуля А. А.* Меморіальна дошка археологу і мистецтвознавцю М. О. Макаренку // АЛЛУ. Полтава, 1998. № 1–2.
- Нечитайло 1978 — *Нечитайло А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- Низовский 2001 — *Низовский А. Ю.* Зачарованные клады России. М., 2001.
- Никодим Павлович Кондаков 2001 — *Никодим Павлович Кондаков (1844–1925).* Личность, научное наследие, архив. СПб., 2001.

Николаева 1971 — *Николаева Т. В.* Произведения русского прикладного искусства с надписями XV–первой четверти XVI вв. М., 1971.

Николаева 2008 — *Николаева Н. С.* Формирование государственной системы охраны памятников во второй четверти XIX века (сравнительный анализ: Франция и Россия) // *Известия Российского гос. пед. ун-та имени А. И. Герцена. Аспирантские тетради.* СПб., 2008. № 37 (80).

Николаева, Сафронов 1980 — *Николаева Н. А., Сафронов В. А.* Курганный могильник эпохи бронзы у сел. Дзаурикау // *Проблемы археологии Северной Осетии.* Орджоникидзе, 1980.

Николаева, Чернецов 1991 — *Николаева Т. В., Чернецов А. В.* Древнерусские змеевики-амулеты. М., 1991.

Новокрещенных 1901 — *Новокрещенных Н. Н.* Археологические исследования в западной части Пермской губернии // *Труды ПУАК.* Пермь, 1901. Т. 4.

Новокрещенных 1914 — *Новокрещенных Н. Н.* Гляденовское костыще // *Труды ПУАК.* Пермь, 1914. Т. 11.

Носов 1982 — *Носов Е. Н.* Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // *Новгородский исторический сборник.* Л., 1982. Вып. 1 (11).

Носов 2003 — *Носов Е. Н.* Древние достопамятности Отечества и народов, его населявших, в лекциях Института истории материальной культуры РАН // *Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга.* СПб., 2003.

Носов, Гайдуков 2008 — *Носов Е. Н., Гайдуков П. Г.* Академик Борис Александрович Рыбаков и его вклад в становление и развитие славяно-русской археологии // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров.* М., 2008. Т. 1.

Носоновский 2002 — *Носоновский М. И.* Еврейские эпиграфические памятники Восточной Европы. Бостон, 2002.

Обзор деятельности 1901 — Обзор деятельности Министерства Императорского Двора и Уделов за время царствования в Бозе почившего Государя императора Александра III. 1881–1894. СПб., 1901. Ч. 1, кн. 2.

Обсуждение проекта стеной росписи Новгородского Софийского собора 1897 — Обсуждение проекта стеной росписи Новгородского Софийского собора // *МАР.* СПб., 1897. № 21.

Оганесян 1968 — *Оганесян К. Л.* Эребуни. Ереван, 1968.

Олейников 2004 — *Олейников Д. И.* Большая кавказская война // *Северный Кавказ в истории России.* XIX век. М., 2004.

Ольденбург 1918 — *Ольденбург С. Ф.* Василий Васильевич Радлов. 5 января 1837–1918 29 апреля / 12 мая. Некролог // *Азиатский сборник.* Из «Известий Российской Академии Наук». Новая сер. Пг., 1918.

Онайко 1966 а — *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // *САИ.* М., 1966. Вып. Д1–27.

Онайко 1966 б — *Онайко Н. А.* О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей // *Культура античного мира.* М., 1966.

Онайко 1976 — *Онайко Н. А.* Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // *Художественная культура и археология античного мира.* М., 1976.

Онайко, Дмитриев 1981 — *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска // *КСИА.* М., 1981. Вып. 168.

Онайко, Дмитриев 1982 — *Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // *ВДИ.* М., 1982. № 2.

Описание 1872 — Описание Десятиной церкви в Киеве. Киев, 1872.

Описание памятников русской архитектуры 1911 а — Описание памятников русской архитектуры по губерниям. I. Архангельская губерния // *Известия ИАК.* СПб., 1911. Вып. 39. Вопросы реставрации. Вып. 7.

Описание памятников русской архитектуры 1911 б — Описание памятников русской архитектуры по губерниям. I. Архангельская губерния // *Известия ИАК.* СПб., 1911. Вып. 41. Вопросы реставрации. Вып. 8.

Описание памятников русской архитектуры 1912 — Описание памятников русской архитектуры по губерниям. II. Вятская губерния (уезды Вятский и Глазовский) // *Известия ИАК.* СПб., 1912. Вып. 44. Вопросы реставрации. Вып. 9.

Орбели 1963 — *Орбели И. А.* Избранные труды. Ереван, 1963.

- Орлов 1952 — Орлов А. С. Библиографии русских надписей X–XV вв. М.; Л., 1952.
- Оттиск писцовых Чердынских книг 1878 — Оттиск писцовых Чердынских книг И. И. Яхонтова из «Пермских губернских ведомостей». Пермь, 1878.
- Оттиск Соликамских писцовых книг 1872 — Оттиск Соликамских писцовых книг М. Кайсарова из «Пермских губернских ведомостей» за 1872 г. Пермь, 1872.
- Отчет гг. Нарышкиных 1876 — Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ с археологической целью в 1867 году // Известия ИРАО. СПб., 1876. Т. 8, вып. 4.
- Отчет ИРИМ 1916 — Отчет ИРИМ за XXV лет. М., 1916.
- Охрана памятников 1973 — Охрана памятников истории и культуры: Сб. документов / Сост. Г. Г. Анисимов. М., 1973.
- Охрана памятников 1978 — Охрана памятников истории и культуры в России XVIII–начало XX вв.: Сб. документов / Сост. Р. Е. Альтшулер, К. М. Пескарева, Н. С. Трусова и др. М., 1978.
- Очерки археологии Пермского Предуралья 2002 — Очерки археологии Пермского Предуралья: Учеб. пособие для студентов и аспирантов / Под ред. А. М. Белавина. Пермь, 2002.
- Палеолит 1984 — Палеолит СССР / Ред. П. И. Борисковский / Археология СССР / Ред. Б. А. Рыбаков. М., 1984.
- Памяти Н. В. Султанова 1909 — Памяти Н. В. Султанова // Известия ИАК. СПб., 1909. Вып. 31. Вопросы реставрации. Вып. 3.
- Памяти С. М. Дудина 1930 — Памяти С. М. Дудина // СМАЭ. Л., 1930. Т. 9.
- Памятники архитектуры 2002 — Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации / Ред. А. С. Щенков. М., 2002.
- Памятники архитектуры 2004 — Памятники архитектуры в Советском Союзе: Очерки истории архитектурной реставрации / Ред. А. С. Щенков. М., 2004.
- Пантусов 1887 — *Пантусов Н. Н.* Описание при-Пишпекского христианско-несторианского кладбища [Токмакского уезда Семиреченской области]. Верный, 1887.
- Панченко, Петров, Селин 1999 — *Панченко А. А., Петров Н. И., Селин А. А.* «Дружина пирует у берега...»: На границе научного и мифологического мировоззрения // Русский фольклор. СПб., 1999. Т. 30.
- Папанова 1993 — *Папанова В. А.* Некрополь Ольвии (история исследования, итоги раскопок). Бердянск, 1993.
- Папанова 2006 — *Папанова В.* Урочище Сто могил (Некрополь Ольвии Понтийской). Київ, 2006.
- Парович-Пешикан 1974 — *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974.
- Паромов 2001 — *Паромов Я. М.* Укрепленные дома азиатского Боспора // Боспорский феномен: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2001. Ч. 1.
- Паромов 2002 а — *Паромов Я. М.* Курганный некрополь Гермонассы // ДБ. М., 2002. Т. 5.
- Паромов 2002 б — *Паромов Я. М.* Курганный некрополь Кеп // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2002. Ч. 1.
- Паромов 2004 а — *Паромов Я. М.* Курганный некрополь Фанагории (общая характеристика) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2004. Ч. 1.
- Паромов 2004 б — *Паромов Я. М.* Фанагорийские курганы с фигурными полихромными сосудами // ДБ. М., 2004. Т. 7.
- Пахомов 1949 — *Пахомов Е. К.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1949. Вып. 4.
- Пахомов 1957 — *Пахомов Е. К.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Баку, 1957. Вып. 7.
- Переводчикова 1987 — *Переводчикова Е. В.* Локальные черты скифского звериного стиля Прикубанья // СА. М., 1987. №. 4.
- Переводчикова 1992 — *Переводчикова Е. В.* Скифский звериный стиль и греческие мастера // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1992.
- Переводчикова 1994 — *Переводчикова Е. В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.

- Переводчикова, Фирсов 2004 — *Переводчикова Е. В., Фирсов К. Б.* Орнаментированный предмет из кургана Козел: пережиточный гальштатский стиль в скифских царских курганах? // АВ. СПб., 2004. № 11.
- Передольская 1936 — *Передольская А. А.* Фанагорийские фигурные вазы. Л., 1936.
- Передольская 1945 — *Передольская А. А.* Вазы Ксенофанта // ТОАМ. Л., 1945. Т. 1.
- Передольская 1962 — *Передольская А. А.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // ТГЭ. Л., 1962. Вып. 7.
- Передольская 1971 — *Передольская А. А.* Кто же расписал пелику из Баксы? // Культура и искусство античного мира. Л., 1971.
- Передольский 1893 — *Передольский В. С.* Бытовые остатки насельников ильменско-волховского побережья и земель Велико-Новгородского державства каменного века. Объяснение Археологической выставки в Николаевском дворце в С.-Петербурге. СПб., 1893.
- Передольский 1898 — *Передольский В. С.* Новгородские древности. Записка для местных изысканий. Новгород, 1898.
- Перечень 1903 — Перечень важнейших газетных и журнальных статей о XII Археологическом съезде в Харькове // Известия ИАК. СПб., 1903. Прибавление к вып. 5. Хроника и библиография. Вып. 3.
- Пескарева 1980 — *Пескарева К. М.* К истории создания РАИМК // КСИА. М., 1980. Вып. 163.
- Пескарева, Рябинин 1984 — *Пескарева К. М., Рябинин Е. А.* Первое государственное учреждение отечественной археологии (К 125-летию создания Археологической комиссии) // СА. М., 1984. № 2.
- Петри 1914 — *Петри Б. Э.* Вторая поездка в Предбайкалье // Известия РКИСВА. Сер. 2. СПб., 1914. № 3.
- Петров 1997 — *Петров М. І.* Воспоминания старого археолога // Просемінарій. Медієвістика. Історія церкви, науки і культури. Київ, 1997. Вип. 1.
- Петрова 2000 — *Петрова Э. Б.* Античная Феодосия. История и культура. Симферополь, 2000.
- Печенкин 1908 — *Печенкин Н.* Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. СПб., 1908.
- Печенкин 1911 — *Печенкин Н. М.* Археологические разведки в местности Страбоновского старого Херсонеса // Известия ИАК. СПб., 1911. Вып. 42.
- Печенкин 1914 — *Печенкин Н. М.* Шверинский курган // ИТУАК. Симферополь, 1914. № 51.
- Пивоварова 2004 а — *Пивоварова Н. В.* Коллекция копий фресок и фрагментов росписей древнерусских храмов в собрании Государственного Русского музея // Софійські читання. Київ, 2004. Вип. 2.
- Пивоварова 2004 б — *Пивоварова Н. В.* Забытые имена в русской церковной археологии: И. А. Карабинов и Н. В. Малицкий // Искусство христианского мира. М., 2004. Вып. 8.
- Пиотровский 1949 — *Пиотровский Б. Б.* Археология Закавказья. Л., 1949.
- Пиотровский 1950 — *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур I. Ереван, 1950.
- Пиотровский 1952 — *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур II. Ереван, 1952.
- Пиотровский 1955 — *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур III. Ереван, 1955.
- Пиотровский 1959 — *Пиотровский Б. Б.* Ванское царство. М., 1959.
- Пиотровский 1962 — *Пиотровский Б. Б.* Искусство Урарту. Л., 1962.
- Пиотровский 1970 — *Пиотровский Б. Б.* Кармир-Блур. Л., 1970.
- Пиотровский 2000 — *Пиотровский Б. Б.* История Эрмитажа. Краткий очерк. Материалы и документы. М., 2000.
- Пицхелаури 1973 — *Пицхелаури К. Н.* Основные проблемы истории племен восточной Грузии в XV–VII вв. до н. э. (по археологическим материалам). Тбилиси, 1973.
- Пицхелаури 1979 — *Пицхелаури К. Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979.
- Платонова 1989 — *Платонова Н. И.* Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления // СА. М., 1989. № 4.
- Платонова 1998 — *Платонова Н. И.* Николай Яковлевич Марр — археолог и организатор археологической науки // АВ. СПб., 1998. № 5.
- Платонова 2003 — *Платонова Н. И.* Записки белого офицера // Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты об историческом и культурном достоянии / Ред. А. Н. Кирпичников. СПб., 2003. Вып. 4.
- Платонова 2008 — *Платонова Н. И.* История археологической мысли в России (последняя треть XIX–первая треть XX вв.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2008.
- Плетнева 1967 — *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М., 1967.
- Плетнева 1982 — *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. М., 1982.

- Погребова 1977 — *Погребова М. Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
- Погребова 1981 — *Погребова М. Н.* Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
- Подьяпольский и др. 2000 — *Подьяпольский С. С., Бессонов Г. Б., Беляев Л. А., Коркин В. Д., Постникова Т. М., Табуничиков Ю. А.* Реставрация памятников архитектуры. М., 2000.
- Покровская 1962 — *Покровская Э. В.* Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин // КСИА АН УССР. Київ, 1962. Вип. 12.
- Покровский 1908 — *Покровский Н. В.* Губернские ученые архивные комиссии. СПб., 1908.
- Покровский 1909 а — *Покровский Н. В.* Губернские ученые архивные комиссии // ВИА. СПб., 1909. Вып. 18.
- Покровский 1909 б — *Покровский Н. В.* Памятники церковной старины в Костроме. СПб., 1909.
- Покровский 1916 — *Покровский Н. В.* Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916.
- Покрышкин 1905 — *Покрышкин П. П.* Краткие советы для производства точных обмеров в древних зданиях // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 16.
- Покрышкин 1906 — *Покрышкин П. П.* Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903–1904 гг. // МАР. СПб., 1906. № 30.
- Покрышкин 1910 — *Покрышкин П. П.* Проветривание зданий, особенно холодных // Известия ИАК. СПб., 1910. Вып. 34. Вопросы реставрации. Вып. 5.
- Покрышкин 1913 — *Покрышкин П. П.* Ремонт и выпрямление колокольни при Боровско-Успенской церкви в г. Архангельске // Известия ИАК. СПб., 1913. Вып. 48. Вопросы реставрации. Вып. 11.
- Покрышкин 1915 а — *Покрышкин П. П.* Памяти Д. В. Милеева // ИАК. Пг., 1915. Вып. 57.
- Покрышкин 1915 б — *Покрышкин П. П.* Краткие советы по вопросам ремонта памятников старины и искусства // Известия ИАК. Вып. 57. Вопросы реставрации. Вып. 15. Пг., 1915.
- Покрышкин, Романов 1908 — *Покрышкин П. П., Романов К. К.* Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии // Известия ИАК. СПб., 1908. Вып. 28.
- Полин 1992 — *Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.
- Половцов 1904 — *Половцов А. В.* Крупная утрата. Гангольф Егорович Кизерицкий. М., 1904.
- Половцова 1914 — *Половцова С. А.* Курган Солоха // Гермес. СПб., 1914.
- Поляков 1882 — *Поляков И. С.* Исследования по каменному веку в Олонецкой губернии, в долине Оки и на верховьях Волги // Записки ИРГО. СПб., 1882. Т. 9.
- Пономарев 2003 — *Пономарев Д. Ю.* Новый могильник с искусственно деформированными черепами на Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Боспорские чтения. VI / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь, 2003.
- Придик 1911 — *Придик Е. М.* Мельгуновский клад 1763 г. // МАР. СПб., 1911. № 31.
- Придик 1914 — *Придик Е. М.* Новые кавказские клады // Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А. А. Бобринским, Е. М. Придиком, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон-Штерном / МАР. СПб., 1914. № 34.
- Прозоровский 1872 — *Прозоровский Д. И.* Смоленский клад // Известия ИРАО. СПб., 1872. Т. 9.
- Прозрителев 1906 — *Прозрителев Г. Н.* Маджары. Ставрополь, 1906.
- Прокопенко 1996 — *Прокопенко Ю. А.* О находках на Северном Кавказе монет XV–XVII веков чеканов русских княжеств, России и государств Западной Европы // Из истории земли Ставропольской. Ставрополь, 1996. Вып. 3.
- Протасов 1916 — *Протасов Н. Д.* Рец. на: Покровский Н. В. Церковная археология в связи с историей христианского искусства. Пг., 1916 // Богословский вестник. М., 1916. Т. 1. № 3 / 4.
- Протокол заседания 1913 — Протокол заседания Отделения русской и славянской археологии ИРАО 28 февраля 1909 г. // ЗОРСА. СПб., 1913. Т. 9.
- Протоколы 1879 — Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1879.
- Протоколы 1882 — Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе // Приложение / Древности. Труды ИМАО. М., 1882. Т. 8.
- Протоколы 1897 — Протоколы // Труды IX Археологического съезда в Вильне. 1893. М., 1897. Т. 2.

Протоколы 1902 — Протоколы заседаний XI Археологического съезда // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. 2.

Протоколы соглашения 1889 — Протоколы соглашения Императорской Археологической Комиссии с учеными Обществами по вопросам об открытии и сохранении памятников древности, на основании Высочайшего повеления, объявленного г. Министром Императорского Двора в предложении от 11 марта 1889 года, за № 733. СПб., 1889.

Прошлое Урала 1993 — Прошлое Урала в фотографиях. Екатеринбург, 1993.

Пругло 1974 — Пругло В. И. К вопросу о дате кургана Большая Близница // СА. М., 1974. № 3.

Прушевская 1917 — Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // Известия ИАК. Пг., 1917. Вып. 63.

Путятин 1884 а — Путятин П. А. О гончарном производстве в каменном веке // Известия ИРГО. СПб., 1884. Т. 20, вып. 3.

Путятин 1884 б — Путятин П. А. Сообщения о раскопках близ Бологого // Записки ИРАО. Новая сер. 1884. Вып. 4.

Путятин 1886 — Путятин П. А. Орнаментация древнего гончарства // Труды VI Археологического съезда в Одессе. 1884. Одесса, 1886. Т. 1.

Пучков 2004 — Пучков А. А. Юлиан Кулаковский и его время: из истории антиковедения и византистики в России // Византийская библиотека. Исследования. СПб., 2004.

Пятышева 1949 — Пятышева Н. В. Таманский саркофаг. М., 1949.

Равдоникас 1930 — Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // ИГАИМК. Л., 1930. Вып. 3–4.

Радлов 1888 — Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1, вып. 1 // МАР. СПб., 1888. № 3.

Радлов 1891 — Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1, вып. 2 // МАР. СПб., 1891. № 5.

Радлов 1894 — Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 1, вып. 3 // МАР. СПб., 1894. № 15.

Радлов 1899 — Радлов В. В. Атлас древностей Монголии, изд. В. В. Радловым. Вып. 1–4 // Труды Орхонской экспедиции СПб., 1892–1899.

Радлов 1902 — Радлов В. В. Сибирские древности. Т. 2, вып. 1 // МАР. СПб., 1902. № 27.

Радлов 1911 — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1888–1911. Т. 1–4.

Радлов 1912 — Радлов Н. Э. Две панафинейские амфоры, найденные в южной России в 1911 г. // Известия ИАК. СПб., 1912. Вып. 45.

Радлов 1989 — Радлов В. В. Из Сибири. М., 1989.

Райков 1950 — Райков Б. Е. Введение в автобиографию К. М. Бэра // Бэр К. М. Автобиография. М.; Л., 1950.

Раушенбах 1956 — Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху камня и бронзы / Под ред. А. Я. Брюсова. М., 1956.

РБС — Русский биографический словарь. М., 1999 (репринтное воспроизведение изд. 1909 г.).

Резепкин 1988 — Резепкин А. Д. Типология мегалитических гробниц Западного Кавказа // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.

Резепкин 1991 — Резепкин А. Д. Курган 31 могильника Клады: Проблемы генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.

Репников 1904 — Репников Н. И. Отчет о раскопках в Бежецком, Весьегонском и Демянском уездах в 1902 г. // Известия ИАК. СПб., 1904. Вып. 6.

Репников 1906 — Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов // Известия ИАК. СПб., 1906. Вып. 19.

Репников 1927 — Репников Н. И. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. // ХСб. Севастополь, 1927. Вып. 2.

Репников 1948 — Репников Н. И. Раскопки в городище Старой Ладоги // Старая Ладога. Л., 1948.

Рерих 1901 — Рерих Н. К. К древностям валдайским и водским // Известия ИАК. СПб., 1901. Вып. 1.

Рерих 1903 — Рерих Н. К. Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой // ЗОРСА. СПб., 1903. Т. 5, вып. 1.

Рерих 1905 — Рерих Н. К. Каменный век на озере Пирос // ЗОРСА. 1905. Т. 7, вып. 1.

Реслер 1905 — Реслер Э. А. Археологические раскопки в Елизаветпольской губернии в 1901 г. // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 16.

- Реутов 1996 — *Реутов А. А.* До проблеми реконструкції Десятинної церкви // Церква Богородиці Десятинна в Києві: До 1000-ліття освячення / Ред. П. П. Толочко. Київ, 1996.
- Риттер 1859 — *Риттер К.* О древнейших поселениях сваястроителей по разным швейцарским озерам // Вестник ИРГО. СПб., 1859. Т. 28. № 8.
- Родевич 1912 — *Родевич Вс.* Урянхайский край и его обитатели // Известия ИРГО. СПб., 1912. Т. 48, вып. 1.
- Розен 1906 — *Розен В. Р.* Памяти барона Владимира Густавовича Тизенгаузена. 1825–1902 // ЗВО-РАО. СПб., 1906. Т. 16.
- Романов 1910 — *Романов К. К.* Георгиевский Собор в г. Юрьеве-Польском (краткий отчет о разведке) // Известия ИАК. СПб., 1910. Вып. 36. Вопросы реставрации. Вып. 6.
- Романчук 1991 — *Романчук А. И.* Возрождение античного города (научно-популярный очерк истории изучения Херсонеса). Свердловск, 1991.
- Романчук 2000 — *Романчук А. И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
- Ростовцев 1904 — *Ростовцев М. И.* Древние костяные шашки с юга России // Известия ИАК. СПб., 1904. Вып. 10.
- Ростовцев 1912 — *Ростовцев М. И.* Боспорское царство и южнорусские курганы. М., 1912.
- Ростовцев 1913 — *Ростовцев М. И.* Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре // Известия ИАК. СПб., 1913. Вып. 49.
- Ростовцев 1914 а — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914.
- Ростовцев 1914 б — *Ростовцев М. И.* Стекланные расписные вазы позднеэллинистического времени и история декоративной живописи // Известия ИАК. СПб., 1914. Вып. 54.
- Ростовцев 1914 с — *Ростовцев М. И.* Воронежский серебряный сосуд // Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А. А. Бобринским, Е. М. Придином, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон-Штерном // МАР. СПб., 1914. № 34.
- Ростовцев 1916 — *Ростовцев М. И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Труды ИМАО. М., 1916. Т. 25.
- Ростовцев 1918 а — *Ростовцев М. И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // МАР. СПб., 1918. № 37.
- Ростовцев 1918 б — *Ростовцев М. И.* Эллинизма и иранство на юге России. Пг., 1918.
- Ростовцев 1925 — *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор: Критическое обозрение памятников литературных и археологических. [Л.], 1925.
- Ростунов 1986 — *Ростунов В. Л.* Вопросы бытования куро-аракских племен на Центральном Кавказе и их роли в этнокультурном процессе второй половины III–начала II тыс. до н.э. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.
- Руднева 1912 — *Руднева С. Д.* Амфора милетского стиля из окрестностей станицы Таманской // Известия ИАК. СПб., 1912. Вып. 45.
- Рукопись — Императорская Археологическая Комиссия. Циркуляр Мин-ва внутренних дел, статьи из газет, письма. Рукопись [б. м., б. г.].
- Русов 1882 — *Русов А. А.* Отчет о летних и осенних археологических работах (1880) в Южном Дагестане // Протоколы Подготовительного комитета V Археологического съезда в Тифлисе // Приложение / Древности. Труды ИМАО. М., 1882. Т. 8.
- Рыбаков 1932 — *Рыбаков Б. А.* Радзімічы // Працы сэкцыі археалогіі Беларускай АН. Менск, 1932. Т. 3.
- Рыбаков 1947 — *Рыбаков Б. А.* Поляне и северяне // СЭ. М., 1947. Т. 6–7.
- Рыбаков 1950 — *Рыбаков Б. А.* Уличи (историко-географические заметки) // КСИИМК. М., 1950. Вып. 35.
- Рыбаков 1964 — *Рыбаков Б. А.* Русские датированные надписи XI–XV веков. М., 1964.
- Рысин, Красниенко, Субботин 2003 — *Рысин М. Б., Красниенко С. В., Субботин А. В.* Об ограблениях памятников археологии в Карачаево-Черкесской Республике // РА. М., 2003. № 3.
- Рычков 1772 — *Рычков Н. П.* Продолжение журнала или дневных записей путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства. СПб., 1772.
- Рябинин 1999 — *Рябинин Е. А.* Н. К. Рерих и Императорская Археологическая комиссия // Петербургский Рериховский сборник. СПб., 1999. Вып. 2–3.

- Рябцева 1996 — *Рябцева С.* Знахідки з розкопок Десятинної церкви у колекції Державного Ермітажу (каталог) // Церква Богородиці Десятинна в Києві: До 1000-ліття освячення / Ред. П. П. Толочко. Київ, 1996.
- Сабатье 1851 — *Сабатье П. П.* Керчь и Воспор. Замечания о керченских древностях и опыт хронологии царства Воспорского. СПб., 1851.
- Савельев 1859 — *Савельев П. С.* Известия о курганах и городищах // Известия ИРАО. СПб., 1859. Т. 1.
- Савельев 2003 а — *Савельев Ю. Р.* Н. В. Султанов (1850–1908). Заказчики и зодчий // Архитектурное наследство. М., 2003. Вып. 45.
- Савельев 2003 б — *Савельев Ю. Р.* Николай Султанов (Архитекторы Санкт-Петербурга). СПб., 2003.
- Савенков 1886 — *Савенков И. Т.* К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // ИВСОРО. Иркутск, 1886. Т. 17, вып. 3–4.
- Савенков 1910 — *Савенков И. Т.* О древнейших памятниках изобразительного искусства Енисея. М., 1910.
- Савостина 1995 — *Савостина Е. А.* Тема надгробной стелы из Трехбратнего кургана в контексте античного мифа // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1995. Вып. 1.
- Самоквасов 1881 — *Самоквасов Д. Я.* Раскопки Самоквасова в Пятигорске и Кисловодске в 1881–1882 гг. // Древности. Труды МАО. М., 1881. Т. 9, вып. 2.
- Самоквасов 1887 а — *Самоквасов Д.* О заслугах Е. Д. Фелицына (в деле изучения Кубанских дреностей) // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887.
- Самоквасов 1887 б — *Самоквасов Д. Я.* Могильные древности Пятигорского округа // Там же.
- Самоквасов 1888 — *Самоквасов Д. Я.* Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России: Волынская губерния. СПб., 1888.
- Самоквасов 1892 — *Самоквасов Д. Я.* Основание хронологической классификации, описание и каталог коллекции древностей. Варшава, 1892.
- Самоквасов 1908 — *Самоквасов Д.* Могилы русской земли. М., 1908.
- Сапрыкин 1996 — *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
- Сафронов 1974 — *Сафронов В. А.* Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М., 1974. Вып. 7.
- Сахаров 1851 — [*Сахаров И. П.*] Записка для обозрения русских древностей. СПб., 1851.
- Сборник 1866 — Сборник материалов для истории Императорской С.-Петербургской Академии Художеств за сто лет ее существования. СПб., 1866. Ч. 3.
- Сборник 1911 — Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Императорской археологической комиссии. 1886–1 / II — 1911. СПб., 1911.
- Сборник материалов 1884 — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Свинин 1992 — *Свинин В. В.* Археологические памятники Байкала и их исследователи // Древности Байкала: Сб. науч. трудов. Иркутск, 1992.
- Седов 1982 — *Седов В. В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР / Ред. Б. А. Рыбаков. М., 1982.
- Селиванов 1888 — *Селиванов А. В.* Отчет о раскопках в Старой Рязани // Труды РУАК. Рязань, 1888. Т. 3.
- Сементовский 1867 — *Сементовский А. М.* Памятники старины Витебской губернии. СПб., 1867.
- Сергеев 1896 — *Сергеев С. И.* Памятники древности близ сел Искора, Губдора и Верхне-Воровского Чердынского уезда // Труды ПУАК. Пермь, 1896. Вып. 3.
- Серых 2005 — *Серых Д. В.* Всероссийские Археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX–начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2005.
- Сизов 1889 — *Сизов В. И.* Восточное побережье Черного моря. Отчет // МАК. М., 1889. Т. 2.
- Сизов 1895 — *Сизов В. И.* О происхождении и характере курганных височных колец преимущественно так называемого московского типа // АИЗ. М., 1895. Т. 6.
- Сизов 1902 а — *Сизов В. И.* Длинные курганы Смоленской губернии // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. 2.

Сизов 1902 б — *Сизов В. И.* Курганы Смоленской губернии: Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. СПб., 1902. № 28.

Силантьева 1959 — *Силантьева Л. Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов / Ред. В. Ф. Гайдукевич / МИА. М.; Л., 1959. № 69.

Силантьева 1967 — *Силантьева Л. Ф.* Семибратние курганы и их значение для изучения культуры синдов // ТД научной сессии Государственного Эрмитажа. Л., 1967.

Симоненко 1982 — *Симоненко А. В.* О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии. Киев, 1982.

Синай. Византия. Русь 2000 — Синай. Византия. Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века. Каталог выставки. СПб., 2000.

Сіткарьова 2001 — *Сіткарьова О. В.* Архітектура Києво-Печерської лаври кінця XVIII–XX століття. Київ, 2001.

Скуднова 1988 — *Скуднова В. М.* Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.

Славин 1960 — *Славин Л. М.* Основные этапы изучения Ольвии // ЗОАО. Одесса, 1960. Т. 1 (34).

Смирнов 1903 — *Смирнов И. Н.* Чудские древности // Энциклопедический словарь. Т. 39. Чугуев-Шен / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1903.

Смирнов 1908 — *Смирнов Я. И.* Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб., 1908.

Смирнов 1934 — *Смирнов Я. И.* Ахалгорийский клад. Тифлис, 1934.

Смирнов 2004 — *Смирнов Н. Ю.* «Плетеный узел» раннескифской культуры: (Орнаментальный мотив в контексте культурогенеза) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции: Материалы тематической науч. конф. СПб., 2004.

Смирнов 2006 — *Смирнов А. С.* Представления об охране древностей в обществе и государственных институтах Российской империи // Археология восточноевропейской лесостепи. Эпоха металла Восточной Европы (историография, публикации). Воронеж, 2006. Вып. 20.

Смирнова 1998 — *Смирнова Г. И.* Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Т. 6.

Смолин 1912 — *Смолин В.* Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России. Казань, 1912.

Смолин 1917 — *Смолин В. Ф.* Краткий очерк истории законодательных мер по охране памятников старины в России // Известия ИАК. Пг., 1917. Вып. 63.

Смолин 1919 а — *Смолин В. Ф.* Краткий отчет о раскопках в Болгарах летом 1916 г. // ИОАИ-ЭКУ. Казань, 1919. Т. 30, вып. 1.

Смолин 1919 б — *Смолин В. Ф.* Отчет об археологических раскопках в Болгарах в июне 1915 г. // Там же.

Снегирев 1849–1853 — *Снегирев И. М.* Древности Российского государства. М., 1849–1853. Отд. 1. Святые иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовных лиц. 1849; Отд. 2. Древний чин царский, царские утвари и одежды. 1851; Отд. 3. Броня, оружие, кареты и конская сбруя. 1853; Отд. 4. Древние княжеские царские и боярские нарядные одежды, изображения и портреты. 1851; Отд. 5. Древняя столовая и домашняя утварь. 1853; Отд. 6. Памятники древнерусского зодчества. 1853.

Соболев 1998 — *Соболев В. Ю.* Клады и случайные находки на территории Большого Петербурга // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения А. Д. Грача. СПб., 1998.

Собрание определений и постановлений 1994 — Собрание определений и постановлений Священного Собора Православной Российской церкви 1917–1918 гг. М., 1994.

Соколов 1919 а — *Соколов В.* Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской // ИТУАК. Симферополь, 1919. № 56.

Соколов 1919 б — *Соколов В.* Курганы Лысой горы близ Тамани и находки в них // Там же.

Соколов 1973 — *Соколов Г. И.* Античное Причерноморье. Л., 1973.

Сокольский 1957 — *Сокольский Н. И.* Валы в системе обороны Боспора // СА. М., 1957. Т. 27.

Сокольский 1969 — *Сокольский Н. И.* Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья // САИ. М., 1969. Вып. Г1–17.

Сокольский 1971 — *Сокольский Н. И.* Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971.

- Сорокин 2003 — *Сорокин П. Е.* Археологическое изучение Троице-Петровского собора // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб., 2003. Вып. 1.
- Сорокина 1957 — *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь // Труды Государственного исторического музея «Памятники культуры». М., 1957. Т. 26.
- Сорокина 2008 — *Сорокина И. А.* Полевые археологические исследования в России в 1946–2000 гг. (по архивным материалам и публикациям). Тула, 2008.
- Сорочан, Зубарь, Марченко 2000 — *Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
- Сотрудники Императорского Эрмитажа 2004 — *Сотрудники Императорского Эрмитажа.* 1852–1917: Биобиблиографический справочник. СПб., 2004.
- Спасский 1846 — *Спасский Г.* Босфор Киммерийский с его древностями и достопамятностями. М., 1846.
- Спасский 1970 — *Спасский И. Г.* Нумизматика в Эрмитаже. Очерк истории Минцкабинета — Отдела нумизматики // Нумизматика и эпиграфика. М., 1970. Т. 8.
- Список 1948 — *Список ученых трудов А. А. Спицына* // С. А. М.; Л., 1948. Т. 10.
- Спицын 1894 — *Спицын А. А.* Определение времени Люцинского и Лядинского могильников // АИЗ. М., 1894. Т. 2.
- Спицын 1895 — *Спицын А. А.* Производство археологических раскопок. СПб., 1895.
- Спицын 1896 а — *Спицын А. А.* Курганы Санкт-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского // МАР. СПб., 1896. № 20.
- Спицын 1896 б — *Спицын А. А.* Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Записки ИРАО. СПб., 1896. Т. 8, вып. 1–2.
- Спицын 1899 — *Спицын А. А.* О степени достоверности записки Ибн-Фадлана // Записки ИРАО. СПб., 1899. Т. 11, вып. 1–2.
- Спицын 1899 а — *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // ЖМНП. СПб., 1899. Т. 8.
- Спицын 1899 б — *Спицын А. А.* Обзорение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении // Записки ИРАО. СПб., 1899. Т. 9. Вып. 1–2.
- Спицын 1899 с — *Спицын А. А.* Курганы с окрашенными костяками // Записки ИРАО. СПб., 1899. Т. 11, вып. 1–2.
- Спицын 1901 а — *Спицын А. А.* Раскопки, произведенные в 1897 г. близ д. Башмачки Екатеринославского уезда // Известия ИАК. 1901. Вып. 1.
- Спицын 1901 б — *Спицын А. А.* Гляденовское костыще // Записки ИРАО. СПб., 1901. Вып. 1–2.
- Спицын 1902 — *Спицын А. А.* Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. СПб., 1902. № 26.
- Спицын 1903 — *Спицын А. А.* Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова // МАР. СПб., 1903. № 29.
- Спицын 1904 — *Спицын А. А.* Поездка 1903 г. на оз. Кафтино и Бологое и раскопки близ Рыбинска // Известия ИАК. СПб., 1904. Вып. 6.
- Спицын 1905 а — *Спицын А. А.* Владимирские курганы // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.
- Спицын 1905 б — *Спицын А. А.* Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. // Известия ИАК. 1905. Вып. 17.
- Спицын 1905 с — *Спицын А. А.* Старейшие русские могильники в Новгородской области // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 15.
- Спицын 1906 а — *Спицын А. А.* К вопросу о Мономаховой шапке // ЗОРСА. СПб., 1906. Т. 8, вып. 1.
- Спицын 1906 б — *Спицын А. А.* Серогозские курганы // Известия ИАК. СПб., 1906. Вып. 19.
- Спицын 1906 с — *Спицын А. А.* Шаманские изображения // ЗОРСА. СПб., 1902. Т. 8, вып. 1.
- Спицын 1907 — *Спицын А. А.* Могильник V века в Черноморье // Известия ИАК. СПб., 1907. Вып. 23.
- Спицын 1908 — *Спицын А. А.* Археологические разведки. СПб., 1908.
- Спицын 1909 а — *Спицын А. А.* Фалары южной России // Известия ИАК. СПб., 1909. Вып. 29.
- Спицын 1909 б — *Спицын А. А.* Некоторые Закавказские могильники // Там же.
- Спицын 1910 — *Спицын А. А.* Археологические раскопки. СПб., 1910.
- Спицын 1911 — *Спицын А. А.* Скифы и галыштат // Сборник археологических статей, поднесенных графу А. А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Археологической Комиссии. СПб., 1911.

- Спицын 1914 — *Спицын А. А.* Раскопки 1910 г. в Лужском уезде Петроградской губернии // Известия ИАК. СПб., 1914. Вып. 53.
- Спицын 1915 — *Спицын А. А.* Русский палеолит // ЗОРСА. Пг., 1915. Т. 11.
- Спицын 1918 а — *Спицын А. А.* Курганы скифов-пахарей // Известия ИАК. Пг., 1918. Вып. 65.
- Спицын 1918 б — *Спицын А. А.* Раскопки курганной группы у д. Гришкиной, Устюженского уезда Новгородской губернии // Там же.
- Спицын 1928 — *Спицын А. А.* Мои научные работы // Seminarium Kondakovianum. Прага, 1928. Т. 2.
- Спицын, Каменский 1905 — *Спицын А. А., Каменский В. И.* Стоянка каменного века близ г. Балахны // ЗОРСА. СПб., 1905. Т. 7, вып. 1.
- Стародубцев 2004 — *Стародубцев В. М.* Новые возможности археологического исследования на мысе Ак-Бурун // Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2004. Ч. 1.
- Стародубцев 2005 — *Стародубцев В. М.* Ак-Бурунский некрополь в документах инженерного департамента // Боспорский феномен: Проблема соотношения письменных и археологических источников. ММНК / Ред. М. Ю. Вахтина и др. СПб., 2005.
- Стеганцева 2008 — *Стеганцева В. Я.* Императорская Археологическая комиссия и ее роль в исследовании бронзового века Северного Кавказа // VII исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 2008.
- Степи Евразии... 1981 — Степи Евразии в эпоху средневековья / Ред. С. А. Плетнева / Археология СССР. М., 1981.
- Степи европейской... 1989 — Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Ред. А. И. Мелюкова. М., 1989.
- Стефани 1879 — *Стефани Л.* Объяснение некоторых художественных произведений, открытых в Южной России в 1875 г. // Отчет ИАК за 1876 г. СПб., 1879.
- Стефани 1880 — *Стефани Л.* Объяснение некоторых художественных произведений, открытых в Южной России в 1876 г. // Отчет ИАК за 1877 г. СПб., 1880.
- Стихотворения 1910 — Стихотворения археологов Е. Е. Люценка и барона В. Г. Тизенгаузена. Симферополь, 1910.
- Стоянов 2000 — *Стоянов Р. В.* Некрополь Херсонеса Таврического классического и эллинистического периодов: история изучения, проблематика // Stratum Plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2000. № 3.
- Стоянов 2003 — *Стоянов Р. В.* Некоторые аспекты хронологии и районирования Херсонесского некрополя классического и эллинистического периодов // ХСб. Севастополь, 2003. Вып. 12.
- Стоянов 2005 — *Стоянов Р. В.* Мемориальный погребальный комплекс IV в. до н.э. возле южных городских ворот Херсонеса Таврического // Stratum Plus. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2005. № 3.
- Стржелецкий 1961 — *Стржелецкий С. Ф.* Клery Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // ХСб. Севастополь, 1961. Вып. 6.
- Строганов 1849 — *Строганов С. Г.* Дмитриевский собор во Владимире на Клязьме, строен от 1194 до 1197 г. М., 1849.
- Струве 1867 — *Струве Ф. А.* Археологические разыскания в Южной России, по отчетам Императорской Археологической комиссии // Записки ИООИД. Одесса, 1867. Т. 6.
- Суслова 1959 — *Суслова А. В.* Некоторые данные к характеристике деятельности академика архитектуры В. В. Суслова в области реставрации и охраны новгородских памятников // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9.
- Суслова 1993 — *Суслова А. В.* Исследование и подготовка к реставрации Спасо-Нередицкой церкви академиком архитектуры В. В. Сусловым в 1896–1898 гг. // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1993. Вып. 4 (14).
- Суслова, Славина 1978 — *Суслова А. В., Славина Т. А.* Владимир Суслов. Л., 1978.
- Сысоев 1904 а — *Сысоев В. М.* Археологическая экскурсия по Закубанью // МАК. М., 1904. Т. 9.
- Сысоев 1904 б — *Сысоев В. М.* Евгений Дмитриевич Фелицын // Там же.
- Сысоев 1916 — *Сысоев В. М.* Армянские церкви и монастыри восточной части Эриванской губернии // МАК. М., 1916. Т. 13.
- Такайшвили 1913 — *Такайшвили Е.* Археологические экскурсии, разыскания и заметки. Борчалинский уезд, Триалетское приставство // Известия Кавказского отделения Московского Археологического общества. Тифлис, 1913. Вып. 3.

- Талицкий 1951 — *Талицкий М. В.* Верхнее Прикамье в X–XIV вв. // *Материалы и исследования по истории Урала и Приуралья*. III / Ред. В. Н. Чернецов / МИА. М.; Л., 1951. № 22.
- Талько-Гринцевич 1928 — *Талько-Гринцевич Ю. Д.* Население могил и кладбищ забайкальских // *Бурятияведение*. Верхнеудинск, 1928. № 1–3.
- Талько-Гринцевич 1999 — *Талько-Гринцевич Ю. Д.* *Материалы к палеоэтнологии Забайкалья*. СПб., 1999.
- Техов 1977 — *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М., 1977.
- Техов 1980 — *Техов Б. В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М., 1980.
- Тизенгаузен 1869 — *Тизенгаузен В. Г.* Новейшие археологические раскопки на Таманском полуострове (Письмо К. К. Герцу) // *Древности*. Труды ИМАО. М., 1869. Т. 2, 1.
- Тизенгаузен 1900 — *Тизенгаузен В. Г.* В защиту ибн-Фадлана // *ЗВОРАО*. СПб., 1900. Т. 13.
- Тизенгаузен, Веселовский 1884 — *Тизенгаузен В. Г., Веселовский Н. И.* Петр Иванович Лерх: (некролог) // *ЖМНП*. СПб., 1884. № 11. Отд. 4.
- Тиханова 1980 — *Тиханова М. А.* Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК — ГАИМК) // *КСИА*. М., 1980. Вып. 163.
- Тихомиров 1889 — *Тихомиров П. И.*, протоиерей. Историческое описание Новгородского Знаменского собора [С приложением изображения чудотворной иконы Знамения Божией Матери и вида Знаменского собора]. Новгород, 1889.
- Тихонов 1991 — *Тихонов И. Л.* Из эпистолярного наследия А. А. Спицына: (Письма к С. Ф. Платонову) // *СА*. М., 1991. № 2.
- Тихонов 2002 — *Тихонов И. Л.* Предводитель дворянства, сенатор, депутат, министр, археолог: Граф А. А. Бобринской // *Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. СПб., 2002. Т. 1.
- Тихонов 2003 а — *Тихонов И. Л.* Археология в Санкт-Петербургском университете. Историографические очерки. СПб., 2003.
- Тихонов 2003 б — *Тихонов И. Л.* Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А. А. Бобринской // *Невский археолого-историографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова*. СПб., 2003.
- Тихонов 2003 с — *Тихонов И. Л.* «Интерес к археологии появился у меня в университете»: А. А. Спицын // *Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. СПб., 2003. Т. 2.
- Тихонов 2004 — *Тихонов И. Л.* Исследователь Прибалтики: этнограф, лингвист, археолог Э. А. Вольтер // *Археология, история, нумизматика, энография Восточной Европы: Сб. статей памяти профессора И. В. Дубова* / Ред. А. Н. Кирпичников, В. Н. Седых. СПб., 2004.
- Тихонов 2006 — *Тихонов И. Л.* «Как поссорились Сергей Григорьевич и Алексей Сергеевич...» (К вопросу об истоках конфликта между Археологической комиссией и Московским Археологическим обществом) // *IN SITU: К 85-летию профессора А. Д. Столяра*. СПб., 2006.
- Тихонов 2007 а — *Тихонов И. Л.* Рецензия: Хартанович М. Ф. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Сер. 8. история. 2007. Вып. 1.
- Тихонов 2007 б — *Тихонов И. Л.* Русский востоковед, нумизмат, археолог В. Г. Тизенгаузен // *EVXARISTHPION: Антиковедческо-историографический сборник памяти Ярослава Витальевича Доманского (1928–2004)* / Отв. ред. И. В. Тункина. СПб., 2007.
- Тихонов 2007 с — *Тихонов И. Л.* Г. Ф. Миллер как археолог // *Г. Ф. Миллер и русская культура* / Отв. ред. Д. Дальманн, Г. И. Смагина. СПб., 2007.
- Тихонов 2008 а — *Тихонов И. Л.* Императорская Археологическая комиссия (1859–1918 гг.): К 150-летию создания // *Из истории отечественной археологии: Сб. науч. трудов* / Отв. ред. А. Д. Прякин. Воронеж, 2008. Вып. 1.
- Тихонов 2008 б — *Тихонов И. Л.* Императорская археологическая комиссия — «придворная контора по добыванию древностей» или общероссийский центр археологии? // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале* / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М., 2008. Т. 3.
- Тихонов 2008 с — *Тихонов И. Л.* Триада деятельности А. А. Спицына в Петербурге: Археологическая комиссия, Русское Археологическое общество, Университет // *История и практика археологических исследований: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына*. Санкт-Петербург, 26–30 ноября 2008 г. / Отв. ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб., 2008.

Тишкина 2005 — *Тишкина Т. В.* Архивные материалы о сотрудничестве Н. С. Гуляева и Д. А. Клеменца // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия: Сб. докладов междунар. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Российской Академии наук Сергея Владимировича Киселева. Минусинск. 20–26 июня 2005 года. Красноярск, 2005.

Тищенко 1914 а — *Тищенко А. В.* Отчет о раскопках 1910 и 1911 гг. в Новгородской губернии // Известия ИАК. СПб., 1914. Вып. 53.

Тищенко 1914 б — *Тищенко А. В.* Раскопки близ им. Паниковичей Псковского уезда // Там же.

Толстиков 1984 — *Толстиков В. П.* К проблеме образования Боспорского государства: (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI–первой половине V вв. до н. э.) // ВДИ. М., 1984. № 3.

Толстиков 1992 — *Толстиков В. П.* Пантикапей — столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.

Толстой 1883 — *Толстой И. И.* О русских амулетах, называемых «змеевиками» // Записки ИРАО. СПб., 1888. Т. 3. № 13.

Толстой 1997 — *Толстой И. И.* Дневник 1906–1916 / Публикация Л. И. Толстой. СПб., 1997.

Толстой, Кондаков 1889 а — *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. Классические древности Южной России. СПб., 1889.

Толстой, Кондаков 1889 б — *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2. Древности скифо-сарматские. СПб., 1889.

Толстой, Кондаков 1889–1899 — *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1889–1899. Вып. 1–6.

Толстой, Кондаков 1897 — *Толстой И. И., Кондаков Н. П.* Русские древности в памятниках искусства. Вып. 5. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897.

Трапш 1971 — *Трапш М. М.* Культура цебельдинских некрополей // *Трапш М. М.* Труды. Тбилиси, 1971. Т. 3.

Тревер 1955 — *Тревер К. В.* Очерки по истории культуры древней Армении. М.; Л., 1955.

Тревер 1959 — *Тревер К. В.* Очерки по истории культуры Кавказской Албании. М.; Л., 1959.

Трейстер 2009 — *Трейстер М. Ю.* Серебряные сосуды из тайника Чмыревой могилы // ДБ. 2009. № 13.

Третьяков 1937 — *Третьяков П. Н.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. Л., 1937. Т. 4.

Трифонов 1991 — *Трифонов В. А.* Степное Прикубанье в эпоху энеолита–средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л., 1991.

Труды 1887 — Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887.

Труды 1911 — Труды XIV Археологического съезда в Чернигове. 1908. М., 1911. Т. 3. Протоколы.

Тункина 1993 — *Тункина И. В.* Неизданная работа М. И. Ростовцева «Классические и скифские древности северного побережья Черного моря» // ПАВ. СПб., 1993. № 5.

Тункина 1997 — *Тункина И. В. М. И.* Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Ред. Г. М. Бонгард-Левин. М., 1997.

Тункина 2000 — *Тункина И. В.* Иван Алексеевич Стемпковский: Материалы к биографии // ΣΥΣΣΙΤΙΑ. Памяти Ю. В. Андреева / Ред. В. Ю. Зуев. СПб., 2000.

Тункина 2002 — *Тункина И. В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII–середина XIX вв.). СПб., 2002.

Тышкевич 1865–1867 — *Тышкевич К.* Свинцовые оттиски, найденные в реке Буг у Дрогичина // Древности. Труды ИМАО. М., 1865–1867. Т. 1.

Тютрюмов 1911 — *Тютрюмов И. М.* Общее положение о крестьянах. СПб., 1911.

Уваров 1855 — *Уваров А. С.* Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических раскопках в 1853 г. СПб., 1855.

Уваров 1871 — *Уваров А. С.* Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I Археологического съезда в Москве. 1869. М., 1871. Т. 1.

Уваров 1876 — *Уваров А. С.* Мегалитические памятники в России // Древности. Труды ИМАО. М., 1876. Т. 4, вып. 3.

Уваров 1881 — *Уваров А. С.* Археология России. Т. 1. Каменный век. М., 1881.

- Уваров 1887 — *Уваров А. С.* К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. 1881. М., 1887.
- Уварова 1900 — *Уварова П. С.* Могильники Северного Кавказа // МАК. М., 1900. Т. 8.
- Уварова 1902 а — *Уварова П. С.* Коллекция Кавказского музея. Археология // Museum Caucasicum. Тифлис, 1902. Т. 5.
- Уварова 1902 б — *Уварова П. С.* Отчет председателя предварительного комитета // Труды XI Археологического съезда в Киеве. 1899. М., 1902. Т. 2.
- Уварова 1904 — *Уварова П. С.* Некоторые дополнительные сведения о дольменах Кавказа // МАК. М., 1904. Т. 9.
- Уварова 2005 — *Уварова П. С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005.
- Уильямс, Огден 1995 — *Уильямс Д., Огден Д.* Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи V–IV вв. до н. э. СПб., 1995.
- Указатель 1897 — Указатель к коллекции древностей из раскопок и случайных приобретений Е. А. Зноско-Боровского. Канев, 1897.
- Успенский 1902 — *Успенский А. И.* Церковно-археологическое хранилище при Московском дворце в XVII в. М., 1902.
- Уткин, Костылева 1994 — *Уткин А. В., Костылева Е. Л.* К вопросу о культурной принадлежности «неолитических» погребений на стоянке Черная Гора // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: Охранное изучение и музеефикация: (Материалы научной конференции). Рязань, 1994.
- Фармаковская 1988 — *Фармаковская Т. И.* Борис Владимирович Фармаковский. Киев, 1988.
- Фармаковский 1902 — *Фармаковский Б. В.* Склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии // Известия ИАК. СПб., 1902. Вып. 3.
- Фармаковский 1903 — *Фармаковский Б. В.* Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 году // Известия ИАК. СПб., 1903. Вып. 8.
- Фармаковский 1904 — *Фармаковский Б. В.* Заметка о времени сосуда, найденного в одной могиле с костяными тессерами // Известия ИАК. СПб., 1904. Вып. 10.
- Фармаковский 1906 — *Фармаковский Б. В.* Раскопки Ольвии в 1902–1903 гг. // Известия ИАК. СПб., 1906. Вып. 13.
- Фармаковский 1914 — *Фармаковский Б. В.* Архаический период в России // Доклады, читанные на Лондонском Международном конгрессе историков в марте 1913 г. графом А. А. Бобринским, Е. М. Придиком, М. И. Ростовцевым, Б. В. Фармаковским и Э. Р. фон-Штерном / МАР. СПб., 1914. № 34.
- Фармаковский 1915 — *Фармаковский Б. В.* Ольвия. М., 1915.
- Фармаковский 1921 а — *Фармаковский Б. В.* К истории учреждения Российской Академии истории материальной культуры. Пг., 1921.
- Фармаковский 1921 б — *Фармаковский Б. В.* Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории // Записки РАИМК. Пг., 1921. Вып. 1.
- Фармаковский 1926 — *Фармаковский Б. В.* Отчет о раскопках в Ольвии в 1924 г. // Сообщения [Сб. ГАИМК]. Л., 1926.
- Федоров Я., Федоров Г. 1970 — *Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние булгары на Северном Кавказе // Из истории Карачаево-Черкесии / Труды КЧНИИ. Черкесск, 1970. Вып. 6.
- Фелицын 1904 — *Фелицын Е. Д.* Западнокавказские дольмены // МАК. М., 1904. Т. 9.
- Фиалко 1981 — *Фиалко Е. Е.* Об античном саркофаге из кургана Огуз // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. Киев, 1981.
- Фиалко, Болтрик 1986 — *Фиалко Е. Е., Болтрик Ю. В.* Ларец из кургана Огуз // СА. М., 1986. № 2.
- Фиркович 1857 — *Фиркович А.* Археологические разведки на Кавказе // Записки ИРАО. СПб., 1857. Т. 9, вып. 2.
- Формозов 1961 — *Формозов А. А.* Очерки по истории русской археологии. М., 1961.
- Формозов 1965 — *Формозов А. А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.
- Формозов 1974 — *Формозов А. А.* Археология в Академии наук // СА. М., 1974. № 2.
- Формозов 1983 а — *Формозов А. А.* Молодой Забелин // Куранты: Историко-краеведческий альманах. М., 1983.
- Формозов 1983 б — *Формозов А. А.* Начало изучения каменного века в России. М., 1983.

- Формозов 1984 — *Формозов А. А.* Историк Москвы И. Е. Забелин: очерк жизни и творчества. М., 1984.
- Формозов 1986 — *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Формозов 1988 — *Формозов А. А.* Следопыты земли Московской. М., 1988.
- Формозов 1990 — *Формозов А. А.* Русское общество и охрана памятников культуры. М., 1990.
- Формозов 1993 а — *Формозов А. А.* Эпизоды из жизни историка Забелина // Московский журнал. М., 1993. № 11.
- Формозов 1993 б — *Формозов А. А.* А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // РА. М., 1993. № 1.
- Формозов 1995 а — *Формозов А. А.* Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» // Санкт-Петербург и отечественная археология. Историографические очерки: Труды семинара «Проблемы истории и историографии археологической науки». СПб., 1995. Вып. 1.
- Формозов 1995 б — *Формозов А. А.* Русские археологи до и после революции. М., 1995.
- Формозов 2001 — *Формозов А. А.* Иван Егорович Забелин: Очерк жизни и творчества // Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVIII столетиях. М., 2001. Т. 2.
- Формозов 2006 — *Формозов А. А.* Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. М., 2006.
- Халилов 1959 — *Халилов Дж. А.* Археологические памятники Западного Азербайджана в эпоху бронзы и начала железного века. Баку, 1959.
- Халилов, Бабаев 1974 — *Халилов Дж. А., Бабаев И. А.* О городах Кавказской Албании // СА. М., 1974. № 4.
- Ханенко Б. И. и В. Н. 1899 — *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности Приднепровья. Вып. 2. Эпоха, предшествующая Великому переселению народов. Ч. 1. Киев, 1899.
- Ханенко Б. И. и В. Н. 1900 — *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности Приднепровья. Вып. 3. Эпоха, предшествующая Великому переселению народов. Ч. 2. Киев, 1900.
- Ханенко Б. И. и В. Н. 1902 — *Ханенко Б. И., Ханенко В. Н.* Древности Приднепровья. Вып. 6. Древности Поднепровья и побережий Черного моря. Киев, 1902.
- Ханзадян 1973 — *Ханзадян Э. В.* Мецамор. Ереван, 1973.
- Хартанович 2004 — *Хартанович М. Ф.* Императорская Археологическая комиссия. XIX век // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. М., 2004.
- Хартанович 2006 — *Хартанович М. Ф.* Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века. СПб., 2006.
- Харьковская губерния 1902 — Харьковская губерния: [О предстоящем с 15–27 авг. 1901 г. XII АС] // Известия ИАК. СПб., 1902. Прибавление к вып. 3. Хроника и библиография. Вып. 2.
- Хачутайшвили 1970 — *Хачутайшвили Д. А.* Уплисцихе (Результаты археологических изысканий). Тбилиси, 1970. Т. 2.
- Хачатрян 1975 — *Хачатрян Т. С.* Древняя культура Ширака. Ереван, 1975.
- Хачатрян 1976 — *Хачатрян Т. С.* Гарни. Ереван, 1976. Т. 5.
- Хвойко 1900 — *Хвойко В. В.* Раскопки в окрестностях м. Райгород и с. Пруссы Черкасского у. и с. Яровое Черниговского уезда Киевской губернии // АЛЮР. Киев, 1900. № 2.
- Хвойко 1904 — *Хвойко В. В.* Раскопки курганов при с. Оситняжке, Чигиринского у. Киевской губ. // АЛЮР. Киев, 1904. № 4–5.
- Хвойко 1905 — *Хвойко В. В.* Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. М. 1905. Т. 1.
- Хвойко 1913 — *Хвойко В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 1913.
- Хвойко 2008 — *Хвойко В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев, 2008.
- Хвольсон 1884 — *Хвольсон Д. А.* Сборник еврейских надписей, содержащий надгробные надписи из Крыма. СПб., 1884.
- Хвоцинская 2004 — *Хвоцинская Н. В.* Финны на западе Новгородской земли. СПб., 2004.
- Херсонес. Взгляд из прошлого 1996 — Херсонес. Взгляд из прошлого / Сост. А. Н. Шершевский, В. В. Медведева. Севастополь, 1996.

- Худяк 1962 — Худяк М. М. Из истории Нимфея. Л., 1962.
- Худяков 1919 — Худяков М. Г. Китайский фарфор из раскопок 1914 г. в Болгарах // ИОАИЭКУ. Казань, 1919. Т. 30, вып. 1.
- Худяков 1933 — Худяков М. Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л., 1933.
- Царевская 2007 — Царевская Т. Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М., 2007.
- Цветева 1951 — Цветева Г. А. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав // Материалы по истории Северного Причерноморья в античную эпоху. I / Ред. В. Д. Блаватский, Б. Н. Граков / МИА. М.; Л., 1951. № 19.
- Цветкова 1959 — Цветкова И. К. Стоянка Черная Гора // КСИИМК. М., 1959. Вып. 75.
- Цветкова 1969 — Цветкова И. К. Погребения поздняковской культуры на Черной Горе // Древности Восточной Европы / МИА. М., 1969. № 169.
- Цветкова 1970 — Цветкова И. К. Племена Рязанской культуры // Грехова Л. В., Полякова Г. Ф., Попова Т. Б., Раушенбах В. М., Цветкова И. К. Окский бассейн в эпоху камня и бронзы / Ред. В. М. Раушенбах // Труды ГИМ. М., 1970. Вып. 44.
- Цветкова 1985 — Цветкова И. К. Черногорский неолитический могильник // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы / Труды ГИМ. М., 1985. Вып. 60.
- Целевая установка... 1931 — Целевая установка и новые задачи // СГАИМК. Л., 1931. № 2.
- Церква Богородиці 1996 — Церква Богородиці Десятинна в Києві: До 1000-ліття освячення / Ред. П. П. Толочко. Київ, 1996.
- Церкви Костромской епархии 1909 — Церкви Костромской епархии: По данным архива Императорской Археологической комиссии. СПб., 1909.
- Цитланидзе 1976 — Цитланидзе Л. Г. Археологические памятники Хеви (Казбекский клад). Тбилиси, 1976.
- Цуциев 2006 — Цуциев А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.
- Черненко 1970 — Черненко Е. В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.
- Черненко 1973 — Черненко Е. В. Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности. Киев, 1973.
- Черных 1978 — Черных Е. Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. М., 1978. № 4.
- Чеченов 1969 — Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии: (Материалы к археологической карте). Нальчик, 1969.
- Чилашвили 1964 — Чилашвили Л. А. Городище Урбниси. Тбилиси, 1964.
- Чистов 2006 — Чистов Д. Е. Некоторые проблемы изучения Мирмекия второй половины V–начала III вв. до н. э. // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н. э. ММНК. Тамань 2000 / Ред. С. Л. Соловьев. СПб., 2006.
- Шаманаев 2004 — Шаманаев А. В. Документы по истории археологических исследований Херсонеса в государственном архиве города Севастополя // ДАИС. Екатеринбург, 2004. Вып. 4.
- Шаманаев 2005 — Шаманаев А. В. Документы Одесского общества истории и древностей об организации археологических раскопок в Херсонесе в 1870–1880-х гг. // ДАИС. Екатеринбург, 2005. Вып. 5.
- Шаманаев 2007 — Шаманаев А. В. Вывоз из Херсонеса российских культурных ценностей за рубеж в XIX в. // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 49.
- Шаманаев, Мусин 2009 — Шаманаев А. В., Мусин А. Е. Исследования Херсонеса и Императорская Археологическая комиссия в 1860 г. // АВ. М., 2009. Вып. 16 (в печати).
- Шамба 1980 — Шамба Г. К. Эшерское городище: (основные результаты археологических раскопок 1968, 1970–1977 гг.). Тбилиси, 1980.
- Шауб 1987 — Шауб И. Ю. Погребения кургана Большая Близница как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства // КСИА. М., 1987. Вып. 191.
- Шауб 2007 — Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2007.
- Шелов 1956 — Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н. э. М., 1956.

- Шелов-Коведяев 1985 — *Шелов-Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI–V вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования / Ред. А. П. Новосильцев. М., 1985.
- Шепелев 1999 — *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России. XVIII–начало XX в. СПб., 1999.
- Шепелев 2005 — *Шепелев Л. Е.* Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.; СПб., 2005.
- Шереметев 2001 — *Шереметев С. Д.* Мемуары // Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма. СПб., 2001.
- Шильц 2003 — *Шильц В.* О находке золотого гребня из кургана Солоха // АСГЭ. Материалы и исследования по археологии Евразии. Памяти Анастасии Петровны Манцевич посвящается. СПб., 2003. Вып. 36.
- Ширинский-Шихматов 1906 — *Ширинский-Шихматов А. А.* Федовский могильник // Труды II областного Тверского Археологического съезда. Тверь, 1906.
- Шишкина, Сулейманов, Кошеленко 1985 — *Шишкина Г. В., Сулейманов Р. Х., Кошеленко Г. А.* Согд // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Археология СССР / Ред. Г. А. Кошеленко. М., 1985.
- Шкорпил 1902 — *Шкорпил В. В.* Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридат в г. Керчи в ноябре и декабре 1901 г. // Известия ИАК. СПб., 1902. Вып. 3.
- Шкорпил 1903 — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках гробниц в г. Керчи и его окрестностях в 1901 г. // Известия ИАК. СПб., 1903. Вып. 7.
- Шкорпил 1904 — *Шкорпил В. В.* Отчет об археологических раскопках в окрестностях г. Керчи в 1902 г. // Известия ИАК. СПб., 1904. Вып. 9.
- Шкорпил 1905 — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г. // Известия ИАК. СПб., 1905. Вып. 17.
- Шкорпил 1907 — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г. // Известия ИАК. СПб., 1907. Вып. 25.
- Шкорпил 1909 а — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 году // Известия ИАК. СПб., 1909. Вып. 30.
- Шкорпил 1909 б — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках, произведенных в 1906 году в г. Керчи и его окрестностях // Там же.
- Шкорпил 1910 — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. // Известия ИАК. СПб., 1910. Вып. 35.
- Шкорпил 1911 а — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г. // Известия ИАК. СПб., 1911. Вып. 40.
- Шкорпил 1911 б — *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в Керчи в 1910 году // Там же.
- Шкорпил 1913 а — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г. // Известия ИАК. СПб., 1913. Вып. 47.
- Шкорпил 1913 б — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и в ст. Таманской в 1910 г. // Там же.
- Шкорпил 1914 а — *Шкорпил В. В.* Датированные керамические надписи из Зеленского кургана // Известия ИАК. СПб., 1914. Вып. 51.
- Шкорпил 1914 б — *Шкорпил В. В.* Названия гончарных мастеров в керамических надписях // Там же.
- Шкорпил 1914 с — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г. // Известия ИАК. СПб., 1914. Вып. 56.
- Шкорпил 1916 — *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. // Известия ИАК. СПб., 1916. Вып. 60.
- Шкорпил 1918 — *Шкорпил В. В.* Из архива Керченского музея древностей. VII. Павловский курган // ИТУАК. Симферополь, 1918. № 55.
- Шлейхер 1865 — *Шлейхер А.* Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индо-германских языков // Приложение к Запискам ИАН. СПб., 1865. Т. 8.
- Шмидт 1925 — *Шмидт А. В.* Туйский всадник: (К вопросу о раннеисторических связях между Уралом и Средней Азией) // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Л., 1925. Т. 1.
- Шмидт 1941 — *Шмидт Р. В.* К исследованию боспорских оборонительных валов // СА. Л., 1941. Т. 7.
- Шовкопляс 2000 — *Шовкопляс Г. М.* Вікентій В'ячеславович Хвойка — видатний український археолог // Вікентій В'ячеславович Хвойка та його внесок у вітчизняну археологію. Київ, 2000.
- Шрамко 1985 — *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1985.

- Штерн 1900 — *Штерн Э. Р.* Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории Черноморской колонизации // Записки ИООИД. Одесса, 1900. Т. 23.
- Шульц 1968 — *Шульц П. Н.* Раскопки кургана Кара-Оба в 1968 г. // Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев, 1968. Вып. 3.
- Шульц 1971 — *Шульц П. Н.* Курганы Кара-Оба близ Керчи (раскопки 1967–1969 гг.) // КСИА. М., 1971. Вып. 128.
- Щавелев 1992 — *Щавелев С. П.* Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоквасова 1872–1873 гг. и ее результаты) // СА. М., 1992. № 1.
- Щавелев 2002 — *Щавелев С. П.* Первооткрыватели курских древностей. Очерки истории археологического изучения южнорусского края. Вып. 3. Советское краеведение в провинции: взлет и разгром (1920–1950-е гг.). Курск, 2002.
- Щеглов 1994 — *Щеглов А. Н.* «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова // Проблемы истории и археологии Крыма / Ред. Ю. М. Могаричев. Симферополь, 1994.
- Щеглов 1997 — *Щеглов А. Н.* Неизвестный план Херсонесского городища // ПСКОВ. СПб.; Псков, 1997. Т. 2.
- Щербак 1972 — *Щербак А. М. В. В.* Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. 1971. М., 1972.
- Щербина 1913 — *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 3.
- Щитников 1913 — *Щитников Ф. Е.* Отчет о раскопках 37 курганов в Лужском уезде // Труды ПАО. Псков, 1913. Вып. 9.
- Эварницкий 1900 — *Эварницкий Д. И.* Извлечение из отчета о раскопках близ села Михайлово-Апостола Херсонской губ. и уезда // Отчет ИАК за 1897. СПб., 1900.
- Элерт 1990 — *Элерт А. Х.* Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1990.
- Энман 1912 — *Энман Н. А.* Ионийская амфора с Таманского полуострова // Известия ИАК. СПб., 1912. Вып. 45.
- Энциклопедический словарь 1989 — Энциклопедический словарь Россия. СПб., 1898. (репринтное издание: Россия: Энциклопедический словарь. Л.: Лениздат, 1991).
- Эпоха бронзы Кавказа... 1994 — Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии / Археология России. М., 1994.
- Ядрышников 2000 — *Ядрышников В. А.* Спасо-Нередицкий монастырь: история строительства и реставрации // Новгородский исторический сборник. СПб, 2000. Вып. 8 (18).
- Якобсон 1950 — *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес, XII–XIV вв. / МИА. 1950. № 17.
- Яковенко 1966 — *Яковенко Е. В.* Нове про розкопки В. В. Хвойки біля с. Пастирського // Археологія. Київ, 1966. Т. 20.
- Яковенко 1970 — *Яковенко Э. В.* Уздечный набор V в. до н.э. из Восточного Крыма // КСИА. М., 1970. Вып. 124.
- Яковенко 1972 — *Яковенко Э. В.* Курганы на Темир-Горе // СА. М., 1972. № 3.
- Яковенко 1974 — *Яковенко Е. В.* Скифы Східного Криму в V–III ст. до н.э. Київ, 1974.
- Яковенко 1977 — *Яковенко Э. В.* Погребение богатой скифянки в кургане на Темир-Горе // Скифы и сарматы. Киев, 1977.
- Яковлев 1888 — *Яковлев П. С.* Императорская Археологическая Комиссия // ВИА. 1888. Вып. 7. Отд. 3.
- Якубовский 1904 — *Якубовский Ю.* «Незаменимые люди» // Туркестанские ведомости. 1904. № 140.
- Якубовский 1940 — *Якубовский А. Ю.* Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВЭ. Л., 1940. Т. 2.
- Ястребов 1893 — *Ястребов В. Н.* Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии / МАР. СПб., 1893. № 63.
- Archéologie et droit de l'urbanisme 1995 — Archéologie et droit de l'urbanisme en Europe: dir. Y. Jégouzo, P. L. Frier. Paris, 1995.
- Audac 2003 — *Audac A.* Le service des monuments historiques sous la III-ème République // Pour une histoire du patrimoine. Dir. P. Poirrier. Paris, 2003.
- Bayern 1885 — *Bayern Fr.* Untersuchungen über die ältesten Gräber und Schatzfunde in Kaukasien. Berlin, 1885.

Bentz 1998 — *Bentz M.* Panathenäische Preisamphoren. Eine athenische Vasengattung und ihre Funktion vom 6.–4. Jahrhundert v. Chr. Basel, 1998.

Bercé 2000 — *Bercé F.* Des monuments historiques au patrimoine, du XVIIIe à nos jours, ou «Les égarements du cœur et de l'esprit». Paris, 2000.

Bercé 2004 — *Bercé Y. M.* À la découverte des trésors cachés — du XVIe siècle à nos jours. Paris, 2004.

Billod 1987 — *Billod C.* Les encensoirs syro-palestiniennes de Bale // *Antike Kunst*. Basel, 1987. Bd. 30.

Blombergowa 1986 — *Blombergowa M. M.* Участие поляков в русских археологических съездах (1869–1914) // *Fasciculi Archeologiae Historicae*. 1986. 1.

Blombergowa 1988 — *Blombergowa M. M.* Polscy członkowie rosyjskich towarzystw archeologicznych 1839–1914 // *Acta archeologica Lodziensia*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988. 35.

Blombergowa 1993 — *Blombergowa M. M.* Badania archeologiczne Polaków na terytorium Imperium Rosyjskiego w XIX i początku XX wieku. Łódź, 1993.

Charmes 1886 — *Charmes X.* Le Comité des travaux historiques et scientifiques: Histoire et documents. Paris, 1886. Vol. 1–3.

Chetraru, Răileanu 2001 — *Chetraru N., Răileanu N.* Jon Casian Surucian în archeologia și muzeologia basarabeană. Chișinău, 2001.

Chochorowski, Skoryj 1994 — *Chochorowski J., Skoryj S.* Ryżanovka, Raj. Zvenigorodka, Obl. Ćerkassy (Ukraine). Ein skythisches Hügelgräberfeld — Großer Ryżanovka-Kurgan // *Recherches archéologiques de 1993–1998*. Kraków, 2004.

Cook, Dupont 1998 — *Cook R. M., Dupont P.* East Greek Pottery. London; New-York, 1998.

Fless, Lorenz 2005 — *Fless F., Lorenz A.* Die Nekropolen Pantikapaions im 4. Jh. v. Chr. // *Bilder und Objekte als Identität und interkultureller Kommunikation im Schwarzenmeergebiet*. Rahden, 2005.

Gajdukevič 1971 — *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. Berlin, 1971.

Gardner 1884 — *Gardner E. A.* Ornaments and armour from Kertch in the New Museum in Oxford // *JHS*. London, 1884. 91.

Gold der Skythen 1991 — *Gold der Skythen*. Schätze aus der Eremitage, St. Petersburg: Katalog zur Ausstellung in Hamburg und München. 1991.

Gran-Aymerich 1998 — *Gran-Aymerich E.* Naissance de l'archéologie moderne. 1798–1945. Paris, 1998.

Gran-Aymerich 2003 — *Gran-Aymerich E.* Les politiques française de l'archéologie sous la III-ème République // *Pour une histoire du patrimoine*. Dir. P. Poirrier. Paris, 2003 /

Guerquin 1974 — *Guerquin B.* Zamki w Polsce. Warszawa, 1974.

Jacobson 1995 — *Jacobson E.* The Art of the Scythians. Leiden; New-York; Köln, 1995.

Jokilehto 2002 — *Jokilehto J.* A History of Architectural Conservation. Oxford, 2002.

Journal Officiel 1914 — *Journal Officiel de la République Française*. Lois et règlement. 4 janvier 1914.

Le Antichità 1755–1792 — *Le Antichità di Ercolano Esposte*. Naples, 1755–1792. Vols. 1–9.

Le nouveau droit 2004 — *Le nouveau droit de l'archéologie préventive*: dir. P. L. Frier. Paris, 2004.

Lehmann-Haupt 1910 — *Lehmann-Haupt C. F.* Armenien einst und jetzt. Berlin, 1910. Bd 1.

Léon 1935 — *Léon P.* Les principes de la conservation des monuments historiques. Evolution des doctrines // *Centenaire du Service des monuments historiques et de la Société française d'archéologie / Congrès Archéologique de France*. XCVII session tenue à Paris en 1934. Paris, 1935. T. 1.

Léon 1951 — *Léon P.* La Vie des monuments français: destruction, restauration. Paris, 1951.

Les Sociétés savantes 1985 — *Les Sociétés savantes de Normandie et le recherches archéologiques (XIX-ème-XX-ème siècles) / Études Normandes*. Caen, 1985. 3.

Markle 1977 — *Markle M. M.* The Makedonian sarissa, spear and related armour // *AJA*. Princeton, 1977. Vol. 83. 3.

Mordvinceva 2001 — *Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren // *Archäologie in Eurasien*. 2001. Bd. 11.

Morgan 1889 — *Morgan, de J.* Mission scientifique au Caucase. Paris, 1889. T. 1.

Ossowski 1888 — *Ossowski G.* Wielki Kurgan Ryżanowski według badań dokonanych w latach 1884 i 1887. Kraków, 1888.

Pfrommer 1987 — *Pfrommer M.* Studien zu alexandrinischer und grossgriechischer Toreutik frühhellenistischer Zeit // *Archäologische Forschungen*. Berlin, 1987. Bd 16.

Pfrommer 1990 — *Pfrommer M.* Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks. Tübingen, 1990.

- Pfrommer 1993 — *Pfrommer M.* Metalwork from the Hellenized East. Catalogue of the Collection. Malibu, 1993.
- Pharmakowsky 1909 — *Pharmakowsky B.* Olbia 1901–1908. Fouilles et trouvailles // Известия ИАК. СПб., 1909. Вып. 33.
- Picchelaury 1997 — *Picchelaury K.* Waffen der Bronzezeit aus Ost-Georgien // Archäologie in Eurasien. Espelkamp, 1997. Bd 4.
- Piotrovsky, Galanina, Grach 1986 — *Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. Leningrad, 1986.
- Platonova 2008 — *Platonova N.* Archival Studies in the History of Russian Archaeology — Methods and Results // Archives, Ancestors, Practices. Archeology in the Light of its History. Ed. N. Schlanger, J. Nordbladh. New York; Oxford, 2008.
- Pumpelly 1908 — *Pumpelly R.* Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Washington, 1908. Vol. 1–2.
- Radloff 1884 — *Radloff W.* Aus Sibirien. Leipzig, 1884. Bd 1–2.
- Reboul 2006 — *Reboul J.-P.* Les lois Carcopino et l'archéologie sous Vichy // Les nouvelles de l'archéologie. Paris, 2006. No 106.
- Recambert 1996 — *Recambert C.* Le droit de l'archéologie française. Paris, 1996.
- Rezepkin 2000 — *Rezepkin A. D.* Das Frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur in Nordwestkaskasien // Archäologie in Eurasien. Rahden; Leidorf, 2000. Bd 10.
- Rostowzew 1931 — *Rostowzew M.* Scythien und der Bosphorus. Berlin, 1931.
- Saujot 2007 — *Saujot C.* Le droit français de l'archéologie. Paris, 2007.
- Schaeffer 1948 — *Schaeffer Cl. F.* Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale. London, 1948.
- Schmidt 1929 — *Schmidt A. V.* Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja // ESA. Helsinki, 1929. Vol. 4.
- Schwarzmaier 1990 — *Schwarzmaier A.* Die Gräber in der Blisniza und ihre Datierung // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1990. Bd. 111.
- Shefton 1982 — *Shefton B.* The krater from Baksy // The Eye of Greece. Studies in the Art of Athens. Cambridge, 1982.
- Strahlenbergs 1730 — *Strahlenbergs P. J.* Das Nord und östlich Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730.
- Svedin 2007 — *Svedin M.* Archaeology in the shadow of Political Changes — Archaeological relations between Sweden and Eastern Europe 1846–2006 // Cultural interaction between East and West. Archaeology, artifacts and human contacts in northern Europe. Eds. U. Fransson, M. Svedin, S. Bergerbrant, F. Androshchuk. Stockholm, 2007.
- Svetikas 2003 — *Svetikas E.* Alytaus kapinynas; christianizacijos šaltiniai. Vilnius, 2003.
- Tallgren 1929 — *Tallgren A. M.* Études sur le Caucase du nord // ESA. Helsinki, 1929. Vol. 4.
- Tallgren 1930 — *Tallgren A. M.* The Kazbek treasure // ESA. Helsinki, 1930. Vol. 5.
- Tallgren 1931 — *Tallgren A. M.* Zu der nordkaukasischen frühen Bronzezeit // ESA. Helsinki, 1931. Vol. 6.
- Trujillo — *Trujillo M. A. L.* French influences on the first administrative inventory of Spanish Cultural Heritage (1844). (<http://www.lopeztrujillo.com/docs/frenchinfluenceslopeztrujillo.pdf>).
- Vadelorge 2003 — *Vadelorge L.* La commission départementale des Antiquités de la Seine — Inférieur: modèle ou alternative à la politique des monuments historique (1818–1848) // Pour une histoire du patrimoine. Dir. P. Poirrier. Paris, 2003.
- Verdier 1935 — *Verdier P.* Le service des monuments historiques. Son histoire. Organisation. Administration // Centenaire du Service des monuments historiques et de la Société française d'archéologie / Congrès Archéologique de France. XCVII session tenue à Paris en 1934. Paris, 1935. T. 1.
- Vickers 1979 — *Vickers M.* Scythian treasures in Oxford. Oxford, 1979.
- Vickers 2002 — *Vickers M.* Scythian and Thracian antiquities in Oxford. Oxford, 2002.
- Vinogradov 1993 — *Vinogradov Ju. G.* Die bosphoranischen Herrscher // *Rostowzew M.* Scythien und der Bosphorus. Bd. 2. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Stuttgart, 1993.
- Virchow 1883 — *Virchow R.* Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Kaukasus. Berlin, 1883.
- Virchow 1896 — *Virchow R.* Über die Kulturgeschichtliche Stellung des Kaukasus. Berlin, 1896.
- Wąsowicz 1975 — *Wąsowicz A.* Olbia Pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. Paris, 1975.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ ИА НАНУ** — Архитектурно-археологическая экспедиция Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
- АВ** — Археологические вести. СПб.; М.
- АВ СПбФВ РАН** — Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук. Санкт-Петербург.
- АГСП** — Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955.
- АЕ** — Археографический ежегодник. М.
- АИЗ** — Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М.
- АК** — Императорская Археологическая Комиссия. Санкт-Петербург.
- АЛЛУ** — Археологічний літопис Лівобережної України. Полтава.
- АЛЮР** — Археологическая летопись юга России. Киев.
- АН** — Академия наук.
- АН УССР** — Академия наук Украинской Советской Социалистической Республики. Киев.
- АО** — Археологические открытия. М.
- АП** — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ.
- Арх. НЗХТ** — Архив Национального заповедника «Херсонес Таврический». Севастополь.
- АС** — Археологический съезд.
- АСГЭ** — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
- БАН** — Библиотека Академии наук. Санкт-Петербург.
- БИ** — Боспорские исследования. Симферополь; Керчь.
- ВАИ** — Вестник археологии и истории, издаваемый Петербургским Археологическим институтом. СПб., Пг.
- ВГМГ** — Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси.
- ВДИ** — Вестник древней истории. М.
- Вестник РГО** — Вестник Императорского Русского географического общества. СПб.
- ВСОИРГО** — Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества. Иркутск.
- ГАПО** — Государственный архив Пермской области. Пермь.
- ГИМ** — Государственный исторический музей. Москва.
- ГРАК** — см. РГАК
- ГЭ** — Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.
- ДАИС** — Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Екатеринбург.
- ДБ** — Древности Боспора. М.
- ДБК** — Древности Боспора Киммерийского. СПб., 1854.
- ЖМНП** — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- Журнал ИРВИО** — Журнал Императорского Русского военно-исторического общества. СПб.
- Записки ИАН** — Записки Императорской Академии наук. СПб.
- Записки ИИМК РАН** — Записки Института истории материальной культуры Российской Академии наук. СПб.
- Записки ИООИД** — Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- Записки ИРАО** — Записки Императорского Русского археологического общества. СПб.
- Записки ИРГО** — Записки Императорского Русского географического общества. СПб.
- ЗВОРАО** — Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб.

ЗКОГО — Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического Общества. Тифлис.

ЗОАО — Записки Одесского археологического общества. Одесса.

ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. СПб.

ИА РАН — Институт археологии Российской Академии наук. Москва.

ИАК — Императорская Археологическая Комиссия. Санкт-Петербург.

ИАН — Императорская Академия наук. Санкт-Петербург.

ИВСОРГО — Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск.

ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.

Известия ИАК — Известия Императорской Археологической Комиссии. СПб.; Пг.

Известия ИРГО — Известия Императорского Русского географического общества. СПб.

Известия ОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук (Академии наук СССР). СПб.; Л.; М.

ИИЕТ РАН — Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской Академии наук. Москва.

ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской Академии наук. Санкт-Петербург.

ИМАО — Императорское Московское археологическое общество. Москва.

ИНУАК — Известия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород.

ИОАИЭКУ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.

ИООИД — Императорское Одесское общество истории и древностей. Одесса.

ИПБ — Императорская Публичная библиотека. Санкт-Петербург.

ИПУАК — Известия Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь.

ИРАО — Императорское Русское археологическое общество. Санкт-Петербург.

ИРВИО — Императорское Русское военно-историческое общество. Санкт-Петербург.

ИРГО — Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург.

ИРИМ — Императорский Российский исторический музей. Москва.

ИТУАК — Известия Таврической губернской ученой архивной комиссии. Симферополь.

КБН — Корпус боспорских надписей. М.-Л., 1965.

КДА — Киевская Духовная Академия. Киев.

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза.

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.

КСИА АН УССР — Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской Советской Социалистической республики.

КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Л.; М.

КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР.

ЛГУ — Ленинградский Государственный университет. Ленинград.

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР. Ленинград, Санкт-Петербург.

МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.

МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.

МАК — Материалы по археологии Кавказа, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. М.

МАО — см. ИМАО.

МАР — Материалы по археологии России. СПб.

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук. Санкт-Петербург.

МВД — Министерство внутренних дел.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

МИД — Министерство иностранных дел.

ММНК — Материалы Международной научной конференции.
МНП — Министерство Народного просвещения.
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины. Киев.
НА ИИМК РАН, РА — Научный Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук, Рукописный архив.
НА ИИМК РАН, ФА — Научный Архив Института истории материальной культуры Российской Академии наук, Фотоархив.
НБУ — Национальная библиотека Украины. Киев.
НИМ РАХ — Научно-исследовательский музей Российской Академии художеств. Санкт-Петербург.
НУАК — Нижегородская губернская ученая архивная комиссия. Нижний Новгород.
ОИРК ГЭ — Отдел истории русской культуры Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности. Санкт-Петербург.
ООИД — см. ИООИД.
ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Москва.
Отчет ИАК — Отчет Императорской Археологической Комиссии. СПб.
ПАВ — Петербургский Археологический вестник. СПб.
ПИАСХ — Проблемы археологии античного и средневекового Херсонеса 1888–1988. Тезисы докладов. Севастополь.
ПИФК — Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск.
ПСКОВ — Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии: Сб. науч. трудов памяти В. Д. Белецкого. СПб.; Псков.
ПУАК — Пермская губернская ученая архивная комиссия. Пермь.
РА — Российская археология. М.
РАИК — Русский археологический институт в Константинополе. Стамбул.
РАИМК — Российская Академия истории материальной культуры. Петроград, Ленинград.
РАН — Российская Академия наук.
РАО — см. ИРАО.
РГААЗ — Российская Государственная Академия археологических знаний.
РГАК — Российская Государственная Археологическая Комиссия. Петроград.
РГАЛИ — Российский Государственный архив литературы и искусства. Москва.
РГАСПИ — Российский Государственный архив социально-политической истории. Москва.
РГБ — Российская государственная библиотека. Москва.
РГИА — Российский Государственный исторический архив. Санкт-Петербург.
РГО — Императорское Русское географическое общество. Санкт-Петербург.
РКИСВА — Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. Санкт-Петербург.
РНБ — Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.
РУАК — Рязанская губернская ученая архивная комиссия. Рязань.
РФСР — Российская Федеративная Советская Республика
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
СГЭ — Сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской Академии наук. СПб.
СПбДА — Санкт-Петербургская духовная академия
СПбФА РАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук.
СПбФив РАН — Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения Российской Академии наук.
СССР — Союз Советских Социалистических Республик.
СЭ — Советская этнография. М.

- ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
 ТД — Тезисы докладов.
 ТОАМ — Труды Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
 ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
 Труды КЧНИИ — Труды Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института сельского хозяйства. Черкесск.
 Труды ПАО — Труды Псковского археологического общества. Псков.
 Труды ПУАК — Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь.
 Труды РУАК — Труды Рязанской губернской ученой архивной комиссии. Рязань.
 ТУАК — Таврическая губернская ученая архивная комиссия. Симферополь.
 УОЛЕ — Уральское общество любителей естествознания
 ФЗК — Фондово-закупочная комиссия.
 ХСб — Херсонесский сборник. Севастополь.
 ЦХАФ АК — Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Барнаул.
 ЧИОНЛ — Чтения в историческом обществе преподобного Нестора летописца. Киев.
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- AJA — American Journal of Archaeology. Princeton.
 ESA — Eurasia Septentrionalis antiqua. Bulletin et mémoires consacrés à l'archéologie et l'ethnographie de l'Europe Orientale et de l'Asie du Nord. Helsinki.
 IPE — *Latyshev B.* (Ed.). *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae.* Petropoli.
 JHS — Journal of Hellenic Studies. London.

THE IMPERIAL ARCHAEOLOGICAL COMMISSION (1859–1917) AND ITS ROLE IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ARCHAEOLOGY AND PRESERVATION OF THE CULTURAL HERITAGE

In the mid-19th century, Emperor Alexander II was carrying out large-scale liberal reforms. In the course of these reforms, a problem was put forward about public preservation of antiquities as a national cultural inheritance. A step to this direction was undertaken in 1859 when the Imperial Archaeological Commission (IAC) was organized in St.-Petersburg. Over the second half of the 19th and beginning of the 20th century, the Commission remained the single State body concerned with archaeology and protection of archaeological sites in Russia. In its activities, this institution combined scientific-research, organizational and controlling functions. In the present monograph created by the collective of the Institute for the History of Material Science, RAS, the history of the oldest archaeological institution in Russia is first systematically presented and analysis of its activities proposed.

The organization of IAC was preceded by a long process of formation of the interest of the Russian society to relics of archaeology. The immediate precursor of IAC was the “Office of Archaeological Researches” founded in 1841 by the Minister for Home Affairs Lev Perovskiy (1796–1856). The activities of the Office were concerned with investigations of antiquities of Kerch and Bosporos, Chersonesos, kurgans in the surroundings of Vladimir and Suzdal and cities of the Golden Horde on the Volga River. During that period, the main principles which afterwards lay in the foundation of IAC were established.

After the death of Lev Perovskiy, the investigations were entrusted to Count Sergey Stroganov. The result of this appointment was that the assistant of Perovskiy and his nephew Count Alexey Uvarov, who planned to stand himself at the head of Russian archaeology, left the capital and moved to Moscow where in 1864 he founded the Moscow Archaeological Society in opposition to the Imperial Archaeological Commission. That confrontation however became actually a stimulus for the progressive advancement of the science and protection of monuments of antiquity.

In 1857, Sergey Stroganov proposed to organize the “Main Archaeological Commission”. That project became the basis of IAC, the statute of which was approved on February 2, 1859, by Emperor Alexander II. That statute secured for the Commission the right to conduct independent “earthen excavations”, monitoring of the discoveries of “objects of antiquity” in Russia and supervision over construction works at archaeological sites. The principles underlying the foundation of IAC were partly oriented to France and its “Commission des Monuments Historique” (1837). The experience of the activities of IAC was used in organizing archaeological institutions in some European countries (Austria, Italy).

The works of IAC may be subdivided through three periods connected with the names of its chairmen: 1859–1882 when Sergey Stroganov (1794–1882) was the chairmen of IAC, 1882–1886 when it was headed by the Director of the Imperial Hermitage Alexander Vasil’chikov (1832–1890), and 1886–1918 when the Commission was directed by Count Alexey Bobrinskoy (1852–1927). Originally, the staff of the Commission consisted of eight persons. In the works of the Commission, such famous historians and archaeologists took part as Ivan Zabelin (1859–1876), Vladimir Tiesenhausen (1825–1902) and Nikodim Kondakov (1876–1891). Initially, the Commission was housed in the personal palace of Stroganov in Nevsky Prospect in St.-Petersburg.

The activities of the Commission have established the system of regulation of archaeological researches in Russia, which with inconsiderable alterations had existed until the beginning of the 21st century. This system was based on the “Open Lists” as individual authorizations for researchers to conduct excavations with the indispensable submission of a report to the archives of the Commission. This practice has initiated the creation of the unique corpus of sources for the national archaeology and architecture.

The main works of the Commission in 1859–1886 included excavations of sites of the Scythian Epoch and Classical Greek antiquities on the Taman Peninsula, in the Crimea (Kerch, Bosporos) and in some other

territories of what is now Ukraine. Nevertheless, the widespread opinion that the Commission studied exclusively the enumerated antiquities is incorrect: already then the first investigations in Siberia, Central Asia were conducted as well as studies of sites of the Bronze and Stone ages in Northern Russia. The finds came predominantly to the collections of the Imperial Hermitage in St.-Petersburg.

Another important responsibility of the Commission was acquisition of monetary hoards and hidden sets of objects found in Russia. The first investigator of hoards was a curator of the Hermitage collections Julian Iversen (1859–1900). Simultaneously, the Commission consulted the restoration activities of the Ministry of Home Affairs, primarily for the monuments of the defensive architecture and church buildings. For that purpose, the staff of the Commission included a representative of the Academy of Arts Feodor Solntsev (1859–1892). Protection of the monuments of archaeology also was an important task of the Commission. In 1866, Sergey Stroganov obtained the prohibition of treasure-hunting in Russia. The Commission, as the central state institution, actively collaborated with provincial Statistic Committees and Archive Commissions in the cause of studies and protection of sites.

During the chairmanship of Alexander Vasil'chikov, the soil for reformation of the Commission's activities was prepared. These reforms took place already under Count Alexey Bobrinskoy. In 1886–1887, an interdisciplinary programme was developed for studies of Slavic-Russian antiquities, the eastern Black-Sea region, Siberia etc. During that period, the Commission was moved to an office in the Imperial Hermitage. On March 11, 1889, Emperor Alexander III approved by his decree the exclusive right of the Commission to conduct archaeological excavations and to license with "Open Lists" their execution in state and public lands. Simultaneously, the Commission, together with the Academy of Arts, was charged with supervision over restoration and protection of objects of art and architecture.

In 1890, the "Regulations for the Archaeological Commission and Academy of Arts on the order of consideration of petitions about restoration of ancient monuments" were approved. Beginning with 1894, special sittings of IAC began to consider projects of restorations. The main specialists of IAC in the branch of restoration were Peotr Pokryshkin (1870–1922), Konstantin Romanov (1882–1942) and Dmitriy Mileev (1878–1914). The Commission got also Vladimir Suslov (1857–1921), Nikolay Sultanov (1850–1908), Ieronim Kitner (1839–1929) and Georgiy Kotov (1859–1942) to take part in the architectural restorations. These activities resulted in establishment of standards of contemporary scientific restoration, using primarily the archaeological approach, which are efficacious even in the 21st century. Among the most successful restoration projects of IAC, noteworthy are the Church Transfiguration of the Saviour on the Nereditsa (Novgorod), Church of the Transfiguration of the Saviour at Berestovo (Kiev), the church at Kolozha in Grodno, Cathedral of St George in Yuryev-Polskoy, Cathedral of the Dormition in the Moscow Kremlin, Ipatyevsky Monastery, Ferapontov Monastery, Bakhchisarai Palace, Smolensk and Pskov city walls etc.

Among the most important problems of IAC in the restoration issues were its relations with the clergy of the Russian Church. As early as 1893, the Ober-Procurator of the Holy Synod Konstantin Pobedonostsev confirmed that restoration of churches must be conducted with a permission of the Commission, however in practice many churches were disfigured by illiterately made repairs. Part of the difficulties proceeded from contradictions in Russian legal regulations. Notwithstanding the fact that the Commission had succeeded in developing an algorithm of its relations with the clergy, during the World War I, under the conditions of the general crisis of the Russian State and society, the Synod attempted to withdraw sites of the ecclesiastical antiquities from the public control.

The new objectives and expansion of the geography of the researches of IAC demanded approval of a new staff list of the Commission. That approval was received in 1888 and 1902. The membership of the Commission included Alexander Spitsyn (1858–1931), Nikolay Veselovskiy (1895), Vasilii Latyshev (1855–1921), Boris Farmakovskiy (1870–1928) and others.

Alexey Bobrinskoy actively used his right of appointment of corresponding and honorary members of the Commission. Among the corresponding members appointed in 1886–1917 were Vladimir Stasov, Vasilii Radlov, Dmitriy Samokvasov, Innokentiy Lopatin, Alexander Bertier-Delagard, Alexander Lappo-Danilevskiy, Yulian Kulakovskiy, Nikolay Pantusov, Valentin Zhukovskiy, Vladimir Malmberg, Sergey Zhebelev, Emil Resler, Aleksey Markov, Nikolay Marr, Mstislav Farmakovskiy, Alexander Malein and others. There was yet another category of assistants of the Commission — supernumerary members. They included Nikolay Pokrovskiy — an expert on Christian antiquities, Vladimir Antonovich, Boris Khanenko, Ernest von Stern, Mikhail Rostovtsev, Alexey Shirinskiy-Shikhmatov, Feodor Braun, Nikolay Bulychev et al.

In 1909, the 50th anniversary of the Commission and 25th anniversary of the activities of its chairman Alexey Bobrinskoy became something like summing up of the results of the works of IAC. The special role of the Commission is noteworthy regarding the studies of Scythian and Greek and Roman antiquities. The commission excavated about fifty 'Royal' kurgans containing rich Scythian burials from which the artistic gold objects are housed now in the Special Treasury of the Hermitage. Studies of Bosporan sites were continued: the Commission was in charge of the Kerch Museum of Antiquities which directed the archaeological excavations in this region. The museum was headed by Alexander Lyutsenko, Stepan Verebryusov, Karl Dumberg and Vladislav Shkorpil. Funerary catacombs, important Classical, Jewish and Christian antiquities were here discovered.

Since 1888, according to an order of Emperor Alexander III, IAC was entrusted with the direction of researches in the area of the Tauric Chersonesos and its surroundings. Karol Kósciuszko-Waluszyński (1847–1907) was appointed the first head of the excavations in Chersonesos. During the later years, the excavations were directed by Robert Loeper (1908–1914) and Leonid Moiseev (1882–1946). Under the direction of the Archaeological Commission, living blocks, buildings and necropoleis dated to the Classical, Hellenistic, Roman and Byzantine periods had been discovered and investigated, as well as several dozens of Christian temples and basilicas. In 1902, the systematic excavations of Olbia began under the direction of Boris Farmakovskiy. An expansive project came to be that of excavations in 1908–1914 of one of the most ancient Russian temples — the Church of the Tithe in Kiev conducted under Dmitriy Mileev. During the period of 1890–1914, the Commission was financing altogether up to twenty expeditions annually throughout more than fifteen provinces and regions of Russia. It must be noted however that the level of understanding of archaeological evidence gained remained behind its accumulation.

In the field of the archaeology of the Stone Age, the studies of the Commission revealed the standard Neolithic sites of Eastern Europe. In 1905, Alexander Spitsyn discovered a Palaeolithic site at Borshevo. The same researcher also wrote in 1915 a synthetic and generalizing work on the Russian Palaeolithic where he had summarized the results of the entire pre-revolutionary archaeology of the Palaeolithic Age in Russia and comprehensively characterized the sites of the European part of the country, Caucasus and Siberia. Nevertheless, it must be noted here that the major researches on the Stone Age were carried out dehors the sphere of activities of the Commission.

During investigations of antiquities of Siberia separated by thousands kilometres from the scientific centres of European Russia, the Commission maintained close contacts with local students of regional lore directing their efforts and licensing their excavations. At the funds and on the instructions of the Commission, the archaeological sites of Siberia were studied since the 1860 s by Vasilii Radlov, Dmitriy Klements, Aleksandr Adrianov and other scholars.

Members of the Commission participated personally in investigations of antiquities of the Caucasus and Cis-Caucasian region. In 1887, Dmitriy Bakradze proposed a programme of archaeological exploration of the area of Sukhumi, and in 1889 IAC carried out description and photographing of Christian antiquities from sacristies of temples and cloisters in Georgia. Since 1892, Nikolay Marr (1864–1934) conducted long-standing investigations of the ancient Armenian capital Ani, medieval towns, fortresses and churches (Dvin, Akhtamar, Mikheta). Simultaneously, the explorations of sites of the Bronze and Middle Ages (dolmens, the Maikop kurgan and the Koban culture) were carried out through the efforts of Evgeniy Felitsyn, Nikolay Veselovskiy and Emil Resler.

The initiative of studies of architectural and archaeological monuments in Central Asia also belongs to IAC, however these investigations were conducted almost exclusively by orientalists and students of local lore. In 1900 s–1915, IAC just kept under control the works in this region, gathered and distributed local collections and single finds through museums. Photographing of architectural and historico-cultural monuments and ethnographic subjects was conducted. The first archaeological excavations are connected with the names of Nikolay Pantusov who investigated in 1860 s–1890 s a Christian Nestorian cemetery near the Syr-Darya River and Nikolay Veselovskiy who continued archaeological and architectural studies since 1884 until the beginning of the 20th century. In 1890 and 1896, Valentin Zhukovskiy was occupied with surveying of ancient cities.

In the 1880 s, Alexey Bobrinskoy and Vladimir Antonovich developed a programme of interdisciplinary research of Slavic and Russian antiquities of the Kievan Rus period. Excavations of kurgans were started in the Dnieper River region, Belorussia and Novgorod Land. At Gnezdovo near Smolensk, the Commission

organized in 1890 s-1900 s excavations of kurgans and the settlement which initiated studies of the period of establishing of the Russian State and solution of the so-called 'Norman problem'. The main merit of the systematization of mediaeval Slavic antiquities belongs to Alexander Spitsyn. Of note is the IAC's contribution to studies of mediaeval antiquities of Eastern Europe. These included the Pereshchepino hoard found in 1912 — the funerary complex of Khan Kubrat, excavations of the settlement-site of Mayatskoye conducted by Nikolay Makarenko in 1908–1909, sites of Ugro-Finnish and Baltic tribes — Lyadinsky and Lyutsinsky cemeteries investigated in 1889–1891 by Evgeniy Romanov, Vladimir Sizov, Vladimir Yastrebov et al. Antiquities of the town of Perm of the 8th-9th centuries and sites of the Vyatka region also were included in the sphere of interests of IAC, inter alia due to the fact that a very rich collection of local archaeological finds belonged to no other but to Sergey G. Stroganov. Alexander Spitsyn proposed the first archaeological periodization of the Kama region and distinguished a number of local archaeological cultures.

By 1917, the Commission was a serious academic institution both in the branch of architectural and archaeological researches. It became the organizing centre of Russian science of antiquities absorbing into its body isolated public structures and planning new directions of research. It is exactly inside the scientific community rather than at the communistic authority that the idea sprang up to transform the Commission into the Academy of Archaeological Knowledge in order to focus the efforts of its members exclusively onto the scientific sphere.

In October of 1918, Anatoliy Lunacharskiy approves the new regulations of the Russian State Archaeological Commission. Nikolay Marr became its chairman whereas Alexey Bobrinskoy had to emigrate. On April 19, 1919, the decree on the foundation of the Russian Academy of the History of Material Culture was signed by the Chairman of the Government Vladimir Ulyanov. In the early August, elections to the new Academy took place. The Academy was housed in the rooms of the Marble Palace in Petrograd. We should regard August 7, 1919, as the first day of the Academy of the History of Material Culture and the last day of the history of the Archaeological Commission.

On the basis of the Imperial Archaeological Commission and Academy of the History of Material Culture the modern archaeological institutions of Russia have emerged. The practices established by the Commission are laid into the foundation of the present-day regulation of archaeological researches and the system of protection of archaeological sites. The experience of the Commission undoubtedly indicates that the protection of the cultural heritage may be effective only in the case where it is carried out within an academic system and not by the hands of the state bureaucracy. The protection and restoration of monuments must be subdued to scientific goals and architectural studies. The role of IAC is manifest in the establishing national archaeological and site protection systems of the European and Asiatic countries which once constituted the Russian Empire. The editorial activities of IAC have been reflected in 65 titles of periodicals and non-periodicals: the Reports of IAC, Proceedings of IAC, and Materials on the Archaeology of Russia etc. Nikodim Kondakov's publication "Russian Hoards" (1896) and Yakov Smirnov's "Oriental Silver" (1909) came to be a special contribution to science. The information provided in them is a unique archaeological source important even now. The materials of IAC kept in the Manuscript and Photographic Scientific archives of the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, (9,030 files and over 100,000 photographic imprints and negatives) conceal unique possibilities for potential future scientific discoveries and constitute an invaluable contribution of the Commission to studies and preservation of archaeological and cultural inheritance of the whole World.

Translated by Alexey V. Gilevich

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА I. Очерк истории деятельности Императорской Археологической Комиссии в 1859–1917 гг.	
ГЛАВА II. Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей боспора киммерийского	
ГЛАВА III. Императорская Археологическая Комиссия и изучение скифских древностей юга Российской империи	
ГЛАВА IV. Императорская Археологическая Комиссия и исследование древней Ольвии	
ГЛАВА V. Императорская Археологическая Комиссия и изучение Херсонеса Таврического	
ГЛАВА VI. Императорская Археологическая Комиссия и первобытные древности	
ГЛАВА VII. Археологические памятники Сибири в исследованиях Императорской Археологической Комиссии	
ГЛАВА VIII. Императорская Археологическая Комиссия и археология Пермской губернии	
ГЛАВА IX. Императорская Археологическая Комиссия и исследование памятников Кавказа и Предкавказья.	
ГЛАВА X. Императорская Археологическая Комиссия и изучение древностей Средней Азии	
ГЛАВА XI. Славяно-русские и средневековые древности в исследованиях Императорской Археологической Комиссии	
ГЛАВА XII. Императорская Археологическая Комиссия и раскопки в Киеве 1908–1914 гг.	
ГЛАВА XIII. Императорская Археологическая Комиссия: реставрация и охрана памятников культуры	
ГЛАВА XIV. Императорская Археологическая Комиссия и ее преобразование в 1917–1919 гг.	
Летопись Императорской Археологической Комиссии	
Библиография изданий Императорской Археологической Комиссии	
Библиография	
Список сокращений	
Summary	

CONTENTS

FOREWORD	
CHAPTER I. Essay on the history of activities of the Imperial Archaeological Commission in 1859–1917 . . .	
CHAPTER II. The Imperial Archaeological Commission and studies of antiquities of the Cimmerian Bosphoros	
CHAPTER III. The Imperial Archaeological Commission and studies of Scythian antiquities in the South of the Russian empire.	
CHAPTER IV. The Imperial Archaeological Commission and studies of the ancient city of Olbia.	
CHAPTER V. The Imperial Archaeological Commission and studies of the Tauric Chersonesos	
CHAPTER VI. The Imperial Archaeological Commission and prehistoric antiquities	
CHAPTER VII. Archaeological sites of Siberia in the studies by the Imperial Archaeological Commission . .	
CHAPTER VIII. The Imperial Archaeological Commission and the archaeology of the Perm province	
CHAPTER IX. The Imperial Archaeological Commission and the studies of sites of the Caucasus and Ciscaucasia	
CHAPTER X. The Imperial Archaeological Commission and the studies of antiquities of Central Asia	
CHAPTER XI. Slavic and Russian mediaeval antiquities in studies by the imperial archaeological commission	
CHAPTER XII. The Imperial Archaeological Commission and excavations in Kiev in 1908–1914	
CHAPTER XIII. The Imperial Archaeological Commission: restoration and preservation of cultural monuments	
CHAPTER XIV. The Imperial Archaeological Commission and its transformation in 1917–1919	
Chronicles of the Imperial Archaeological Commission	
Bibliography of the publications of the Imperial Archaeological Commission	
Bibliography	
Abbreviations.	
Summary	

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» предлагает услуги по комплектованию библиотек всех уровней по России в системе «библиотечный коллектор» на основе государственного заказа путем оформления котировочных заявок и участия в проводимых аукционах.

Наши специалисты могут грамотно и быстро оформить все необходимые документы. В нашем ассортиментном кабинете более 8 тысяч наименований книг петербургских, московских и региональных издательств. Мы работаем с поставщиками только по прямым договорам поставок.

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» имеет статус субъекта малого предпринимательства и зарегистрированную Карту поставщика в Реестре системы государственного заказа г. Санкт-Петербурга. Мы также выполняем совсем небольшие заказы наших покупателей.

сайт: <http://www.dbulanin.ru>;

эл. почта: postbook@dbulanin.ru

тел.: (812) 703-05-13, факс: (812) 230-97-87;

ОФОРМЛЕНИЕ ЗАКАЗА НА ДОСТАВКУ КНИГ ПОЧТОЙ

Доставка книг почтой осуществляется только по территории России. При оформлении заказа необходимо указать следующие данные:

- автор, название книги, количество экземпляров;
- полный почтовый адрес заказчика (с почтовым индексом);
- фамилию, имя, отчество человека, который будет получать заказ в почтовом отделении.

Ваш заказ будет отправлен наложенным платежом. Это означает, что оплату заказа Вы произведете в Вашем почтовом отделении при получении посылки/бандероли.

В сумму наложенного платежа входит стоимость заказанных книг, оплата почтовых расходов по доставке их до вашего почтового отделения и почтовый сбор за наложенный платеж.

Для регионов России, куда почта доставляется только авиатранспортом, к стоимости заказа добавляется авиатариф.

При заказе на сумму менее 100 рублей к его стоимости прибавляется 50 рублей.

Вы можете заказать книги предварительной оплатой по счету, выставленному издательством и включающего в стоимость книг и почтовые расходы (счет действителен в течение месяца с момента его отправки). В этом случае при заказе книг на сумму свыше 1500 рублей действует скидка — 10% от суммы заказа.

ЗАКАЗЫ НА «КНИГИ-ПОЧТОЙ» ОТПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ:

197110, г. Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., дом № 9, литер А, пом.1 Н, ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», «Книги-почтой»

Можно также сделать заказ:

на сайте издательства <http://www.dbulanin.ru>

по электронной почте: postbook@dbulanin.ru

по телефону: (812) 703-05-13 и факсу: (812) 230-97-87

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси.

СПб., 2010, 400 с., ил., пер., 500 экз., ISBN 978-5-86007-629-7

Монография двух британских историков, предлагаемая вниманию русского читателя, представляет собой первую книгу в многотомной «Истории России» Лонгмана. Авторы задаются вопросом, который волновал историков России, начиная с составителей «Повести временных лет»: «Откуда есть пошла Русская земля». Отвечая на этот вопрос, ученые, опираясь на новейшие открытия и исследования, пересматривают многие ключевые моменты в начальной истории Руси. Они заново оценивают роль норманнов в возникновении политического объединения на территории Восточно-Европейской равнины, критикуют киевоцентристскую концепцию русской истории, обосновывают новое понимание так называемого удельного периода, ошибочно, по их мнению, считающегося периодом политического и экономического упадка Древней Руси.

Франклин Саймон. Письменность, общество и культура в Древней Руси (около 950–1300 гг.).

СПб., 2010, 560 с., ил., пер., 1000 экз., ISBN 978-5-86007-622-8

В книге Саймона Франклина, профессора Кембриджского университета, содержится подробный обзор письменной культуры Древней Руси и формулируется оригинальная концепция, касающаяся зарождения и функций этой культуры. Сравнительно-исторический подход автора к материалу позволяет рассматривать книгу как образец конкретного исследования, который может быть полезен и тем, кто интересуется применением письменности в средневековую эпоху в более широком аспекте, и тем, кто специализируется на социальной и культурной истории в распространении информационных технологий. Кроме того, производящая большое впечатление начитанность автора и острота его интеллекта дают основание рекомендовать эту книгу студентам и специалистам по русской истории и культуре.

Полотовская И. Л. Смерть и самоубийство: Россия и мир. (Историко-культурологическое развитие проблематики с древнейших времен до наших дней).

СПб., 2010, 328 с., ил., 1000 экз., ISBN 978-5-86007-625-9

Книга И. Л. Полотовской впервые предлагает читателю многоаспектное рассмотрение явления самоубийства в России: от петровских времен до настоящего времени. На фоне своеобразного восприятия самоубийства русским человеком (включая и Русское зарубежье) в книге фокусируется внимание на отечественной литературе — от А. Н. Радищева, Ф. М. Достоевского (самого «самоубийственного» писателя) до современных авторов, творчество которых в той или иной мере затрагивает проблему. Книга знакомит читателя с комплексным рассмотрением суицидологии, с мировой концепцией суицида (Запад — Восток), включая мифологические представления, их трансформацию в последующее время и отношение к суициду в различных религиях. В книге отражены проблемы права человека на самоубийство и эвтаназию.

Шевцова Вера. Православие в России накануне 1917 г.

СПб., 2010, 460 с., ил., пер., 1000 экз., ISBN 978-5-86007-633-4

Книга знакомит читателя с представлениями о церкви, общине и мирянах, которые были распространены среди приверженцев православия в России в конце XIX — начале XX в. В эту эпоху русская православная церковь переживала глубокий внутренний кризис — ни раньше,

ни позже споры о принципах организации и управления церковной жизнью не достигали такого накала и такого размаха. Люди понимали, что от правильного решения наболевших вопросов зависит будущее церкви и церковной общины. События, последовавшие за 1917 г., не сняли описываемые конфликты с повестки дня, многие из них и сейчас ждут своего решения.

Записки Института истории материальной культуры РАН. № 4.

СПб., 2010, 272 с., ил., 500 экз., ISBN 978-5-86007-631-0

Этот научный сборник посвящен археологическим исследованиям на территории России и стран ближнего зарубежья. В книге приводятся первые данные трансологического исследования материалов Оленеостровской мезолитической стоянки, материалы исследований Кольской археологической экспедиции ИИМК РАН в Мурманской области, рассматриваются проблемы датирования памятников западнорусской архитектуры второй половины XIII–первой трети XIV в. и другие вопросы археологии. В разделе «Хроника» публикуются воспоминания о замечательном археологе и писателе И. Б. Брашинском.

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / Научный редактор-составитель А. Е. Мусин.

СПб., 2009, 1324 с., ил., 800 экз., ISBN 978-5-86007-606-8

Книга посвящена истории Императорской Археологической Комиссии, первого государственного археологического учреждения в России. Комиссия сыграла главную роль в становлении российской археологии как науки, в сложении теории и практики реставрации объектов культурного наследия и формирования мер по охране памятников культуры в России XIX–начала XX в. В книге впервые систематически изложена и охарактеризована разносторонняя деятельность ИАК, даны биографии членов и сотрудников Комиссии, опубликован справочный материал по ее исследованиям. В богато иллюстрированном издании использованы уникальные фотографии из архива ИИМК РАН. Книга предназначена специалистам в области отечественной археологии, историкам искусства и реставраторам, общественным и политическим деятелям, сотрудникам органов охраны памятников, студентам исторических специальностей, всем интересующимся судьбой памятников культуры.

Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний северо-западной Руси XV–XVII вв.

СПб., 2010, 672 с., 1000 экз., ISBN 978-5-86007-635-8

Словарь включает древнейший пласт имен собственных — некалендарных личных имен и прозвищ, а также фамильных прозваний, образованных на их основе, зафиксированных в памятниках письменности северо-западной Руси. Этимология имени собственного, представленная в словаре, подтверждена большим количеством существующих в настоящее время исторических, диалектных, этимологических словарей, работами ономастов, фольклористов, этнографов и др. Словарь является справочным пособием для специалистов в области ономастики, диалектной и исторической лексикологии и лексикографии, а также для исследователей, составляющих генеалогии родов, историков, краеведов. Предназначен словарь и для более широкого круга читателей, интересующихся происхождением фамилий, историей русского языка.

Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900–первая половина 1941 г.

СПб., 2009, 800 стр., ил., пер., 800 экз. ISBN 978-5-86007-609-9

В монографии впервые на большом фактическом материале освещается развитие русской фольклористики с 1900 г. до начала Великой Отечественной войны. Первые три раздела исследования охватывают три периода (1900–1916 гг., 1917–1928 гг. и 1929–1941 гг.) в истории науки.

В четвертом разделе рассматривается русская зарубежная фольклористическая мысль 1920-х–1930-х гг. Каждый раздел состоит из глав, посвященных той или иной константной составляющей науки: становлению и истории научных учреждений, в стенах которых развивалась фольклористика; собирательно-экспедиционной работе; фольклористическим архивам; основным школам и методам, существовавшим на разных этапах развития науки («историческая школа», историко-литературное направление, «финская школа», этнологическое направление, «формальная школа», функционально-структуральный метод и др.); месту фольклора в культурной жизни страны. Развитие научной мысли в книге анализируется в связи с теми социальными и идеологическими переменами, которые происходили в России на протяжении первых четырех десятилетий XX в.

Носов С. Н. Антирационализм в художественно-философском творчестве И. В. Киреевского.

СПб., 2009, 328 стр., обл., 500 экз. ISBN 978-5-86007-601-3

В монографии восстановлена живая картина художественно-философского мировоззрения неординарного русского писателя-мыслителя Киреевского, эволюция его идей и взглядов. Автор считает, что в основных сочинениях Киреевского властвовало утонченное художественное и неразрывно связанное с ним внерациональное начало, он как бы «переплавил» философию в поэзию, слив ее с антирациональным восприятием мира.

Ступаков В. В. Покидая литературу...

СПб., 2009, 672 стр., обл., 700 экз. ISBN 978-5-86007-610-5

Книга по-своему уникальна, она содержит в себе сотни книг и в то же время не похожа ни на одну из них. Под одной обложкой автор объединил 115 известнейших и неординарных писателей. Однако это не очередное собрание метафор. Жанр произведения лишь условно можно определить как «антологию художественного слова». Каждый из этих 115 авторов оставляет нам свой рассказ, — некий спич высочайшей концентрации созданного им слова. Книга для литературного гурмана, настоящего ценителя художественности — по гамбургскому счету.

Быстров В. Н. Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Петербургская биография.

СПб., 2009, 344 стр., пер., 1000 экз. ISBN 978-5-86007-602-0

Книга посвящена выдающимся представителям отечественной культуры конца XIX–первой половины XX в., незаурядным художникам слова Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус, оказавшим многообразное влияние на искусство и самосознание значительной части русской творческой интеллигенции. Их жизнь до самой эмиграции в начале 1920 года была тесно связана с Петербургом–Петроградом. Основные этапы и события этой жизни подробно прослежены в книге, которая являет собой первую попытку воссоздания в доступной полноте «петербургской биографии» Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. Значительное внимание уделено общественно-религиозной деятельности Мережковских, их личным и творческим взаимоотношениям с петербургскими писателями и поэтами (С. Я. Надсоном, А. Н. Плещеевым, Я. П. Полонским, К. К. Случевским, П. И. Вейнбергом, Н. М. Минским, А. Л. Волынским, Ф. К. Сологубом, В. В. Розановым, А. А. Блоком, Вяч. И. Ивановым и др.). Большое место отводится теме, образам и мотивам Петербурга, которые были одними из ключевых в творчестве Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус.

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917):

К 150-летию со дня основания.

У истоков отечественной археологии и охраны
культурного наследия / Науч. ред.-сост. А. Е. Мусин.

Под общей ред. Е. Н. Носова

Научное издание

Корректор Е. А. Гольдич
Верстка В. В. Матвеев
Художник А. П. Бакланова

Издательство «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93; 95 3001 — книги; 95 3150 — литература по
истории и историческим наукам

Подписано к печати 10.11.09. Формат 84×108 ¹/₁₆

Гарнитура Миньон. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 74,5. Уч.-изд. л. 89,3

Тираж 800 экз. Заказ № 3210

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие „Искусство России”»
198099, Санкт-Петербург, Промышленная ул., д. 38, корп. 2

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»

197110, С.-Петербург, Петрозаводская ул., д. 9, лит. А, пом. 1 Н

Телефон/факс: (812) 230-97-87/703-05-13

sales@dbulanin.ru (отдел реализации)

postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)

redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)

<http://www.dbulanin.ru>